Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 07919778 0

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.

1860

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX
TILDEN FOUNDATION

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 12-го іюля 1860 года.

Цензоръ *И. Раскочщенко*

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМАГО ТОМА.

ІЮЛЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

	Стр.
Пріобрѣтеніе собственности и поземельныя книги. I—V. *К. П. Побѣдоносцева*	5
Фальшивый аккордъ. Повѣсть. I—XII. *Иды Бергенъ* . .	40
Гонъ-Конгъ. I—III. *А. В. Вышеславцева*	105
Уголовное право во Франціи. (Изъ *Law Magazine and Law Review*)	161
Освобожденіе царицы Евдокіи Ѳедоровны. *Г. В. Есипова.*	182

ІЮЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Пріобрѣтеніе собственности и поземельныя книги. VI—XI (Окончаніе.) *К. П. Побѣдоносцева*	193
Современное состояніе коннозаводства въ Россіи. *Л. Иванова*	231
О женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. I—II. *Г. Ф. Головачова*	267
Въ ожиданіи лучшаго. Романъ. Часть первая. I—III. *В. Крестовскаго.*	286
Очерки животной жизни. Статья Г. Г. Льюиса. I. . . .	348

АВГУСТЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Разказы изъ русской исторіи. I—III. *С. М. Соловьева* . .	369
Въ ожиданіи лучшаго. Романъ. Часть первая. IV—VI. (Продолженіе.) *В. Крестовскаго*	403

Digitized by Google

О женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. III—IV. (Окончаніе.) *Г. Ф. Головачова* 457
Англійскіе суды. Изъ путевыхъ замѣтокъ. I. *М. И. Зарудная* 481
Очерки животной жизни. Статья Г. Г. Льюиса. II. . . . 503

АВГУСТЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря. *Н. Карлюфа* 517
Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи. IX. Департаменты Марны, Верхней-Марны и Обы. (Прежняя провинція Шампань.) *Евгенія Бокмера* 551
Одинъ изъ магиковъ XVIII вѣка. *М. Н. Лонгинова.* . . 579
Англійскіе суды. Изъ путевыхъ замѣтокъ. II—III. *М. И. Зарудная.* 604
Въ ожиданіи лучшаго. Романъ. Часть вторая. I — IV. (Продолженіе.) *В. Крестовскаго* 632
Очерки животной жизни. Статья Г. Г. Льюиса. III. . . . 709

Стихотворенія:

Въ № 13. Комета. *Н. Н. Страхова.* 191
Въ № 14. «Жарко сохнущей землѣ». *Вс. В. Крестовскаго.* 368
Въ № 15. «Въ тиши моей жизни ничтожной». *Н. Н. Страхова* 516
Штиль. (Изъ Гёте.) *Ѳ. Э. Ромера* 516

Въ приложеніи:

Любовь мистера Гильфиля. Повѣсть Джорджа Эліота.

Digitized by Google

ПРІОБРѢТЕНІЕ СОБСТВЕННОСТИ

II

ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ КНИГИ

I.

Предметомъ права гражданскаго вообще можетъ быть все то, что можетъ подлежать власти лица, служить ему средствомъ для достиженія юридической цѣли. Субъектъ права, *лицо*, въ самомъ себѣ заключаетъ цѣль свою, самъ служитъ себѣ цѣлію; напротивъ, то, что можетъ быть предметомъ права, не имѣетъ личной самостоятельности, не служитъ само себѣ цѣлію, но служитъ для удовлетворенія потребностей лица. Совокупность всѣхъ предметовъ, служащихъ для удовлетворенія юридическихъ потребностей одного лица, составляетъ его имущество.

Это имущество состоитъ, вопервыхъ, изъ предметовъ матеріяльной, внѣшней природы, находящихся во власти лица; вовторыхъ, изъ принадлежащихъ этому лицу правъ на дѣйствія другихъ лицъ. Отсюда главное раздѣленіе всѣхъ предметовъ права по имуществу на *вещи* и *требованія*, обязательства. Тѣ и другія не составляютъ однакоже замкнутыхъ отдѣловъ, но состоятъ въ необходимой взаимной связи. Власть человѣка надъ *вещію* содержитъ въ себѣ *право*, основывается на *правѣ*:

Digitized by Google

требованіе лица къ лицу проистекаетъ также изъ *права* и на правѣ основано; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, интересъ права заключается въ вещи, ибо и требованія гражданскаго права большею частію (то-есть за исключеніемъ требованій семейственнаго права) возникаютъ по поводу *вещи* или имѣютъ цѣлію пріобрѣтеніе *вещи*. Но отношеніе лица къ вещи въ томъ и другомъ случаѣ не одинаковое. Хозяинъ вещи имѣетъ прямую и непосредственную власть надъ нею; отношеніе его къ вещи прямое и непосредственное. «Домъ *мой*, земля *моя*, книга *моя*,»—слова эти имѣютъ дѣйствительное, истинное, прямое значеніе; но кто имѣетъ требованіе къ извѣстному лицу по поводу вещи, тотъ состоитъ къ ней въ *посредственномъ*, въ непрямомъ отношеніи, касается ея лишь *посредствомъ* того лица, съ которымъ состоитъ въ обязательствѣ, а *непосредственно* относится лишь къ этому лицу, а не къ вещи. У меня есть деньги. Покуда они въ моей собственности, я могу сказать не ошибаясь: «*мои* деньги, *моя* тысяча рублей»; но какъ скоро я далъ ихъ взаймы, я не могу уже сказать: «*мои* деньги», въ строгомъ смыслѣ слова. *Мое* теперь *требованіе*, мое заемное письмо; деньги перешли во власть моего должника, сдѣлались его вещію; вмѣсто того между нимъ и мной образовалось *непосредственное* обязательное отношеніе, а между мной и бывшими моими деньгами отношеніе *посредствомъ* моего должника. Я ожидаю съ большею или меньшею увѣренностію, что онѣ снова возвратятся ко мнѣ, въ число моихъ вещей; но это возвращеніе зависитъ уже не отъ непосредственной власти моей надъ капиталомъ, которой я уже лишился, но отъ власти моей надъ дѣйствіемъ моего должника и отъ этого дѣйствія. Мнѣ принадлежитъ земля въ Саратовской губерніи: хотя бы я жилъ въ Москвѣ, я имѣю право называть эту землю *своею землей;* но когда владѣлецъ земли обязался въ извѣстный срокъ совершить на мое имя купчую на эту землю, я не могу еще назвать эту землю своею, хотя бы жилъ на ней, а своимъ могу назвать только право на пріобрѣтеніе этой земли, по обязательству ея владѣльца. Имѣя власть надъ *вещію*, я обладаю вещію *пріобрѣтенною*, я *пріобрѣлъ* самую вещь; имѣя требованіе по поводу вещи, я обладаю только *правомъ* на ея пріобрѣтеніе. Первое есть осуществленное право на вещь, второе—осуществимое право на вещь; но и это послѣднее право, хотя существуетъ еще въ видѣ требованія, входитъ тоже въ составъ имущества того лица, кому принадлежитъ.

Digitized by Google

По этимъ признакамъ всякое право по имуществу признается или вещнымъ или личнымъ правомъ. И тому и другому праву непремѣнно соотвѣтствуетъ обязанность. Вещное право возбуждаетъ всеобщую, безусловную, отрицательную обязанность—относительно къ хозяину вещи не дѣлать ничего, что̀ могло бы нарушить его право. Эта обязанность одинаково лежитъ на всякомъ, кто не хозяинъ вещи. Личное право возбуждаетъ не общую и безусловную, но индивидуальную и относительную обязанность, возлагаемую не на всѣхъ безразлично, а только на опредѣленныя лица, состоящія въ опредѣленномъ личномъ отношеніи къ субъекту этого права. Первое право можно противопоставить всѣмъ и каждому; послѣднее, относительно вещи, по поводу которой оно возникло, можно противопоставить только извѣстному лицу.

Различіе это весьма важно, не только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ смыслѣ.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ цѣлію права служитъ вещь, отношеніе касается имущества. Но въ первомъ случаѣ право неразрывно связано съ вещію, не отстаетъ отъ нея, переходитъ вмѣстѣ съ нею, въ чьихъ бы рукахъ, въ какомъ бы положеніи вещь ни находилось; оно прикрѣплено къ ней до тѣхъ поръ, пока или вещь не уничтожится, или хозяинъ самъ не захочетъ разорвать свой союзъ съ ней, отказаться отъ нея, уступить ее другому, обмѣнять ее, превратить ее въ другую цѣнность. Въ чьей бы власти ни находилась она, хозяинъ ея все-таки въ правѣ говорить объ ней: «*моя* вещь». Мнѣ принадлежитъ право собственности на домъ. Безъ моего вѣдома и согласія посторонній присвоилъ его себѣ и продалъ третьему лицу; этотъ перепродалъ четвертому, и т. д. Сколько бы ни было перепродажъ и переходовъ, я все-таки называю домъ *своимъ*. Послѣдній владѣлецъ противъ моего требованія не въ правѣ сослаться на то, что онъ купилъ домъ по формальному акту, заплатилъ за него деньги; не въ правѣ требовать, чтобъ я принялъ отъ него эти деньги вмѣсто самаго дома. Домъ *мой*; я требую его какъ свой, и кто бы ни владѣлъ имъ, несмотря ни накакія обязательныя отношенія къ другимъ лицамъ, обязанъ возвратить мнѣ домъ—мою собственность.

Въ послѣднемъ случаѣ, когда мнѣ принадлежитъ одно *личное* право, по обязательству или договору, право мое связано съ *лицомъ* моего должника или контрагента: лицо обязывается въ отношеніи ко мнѣ. Правда, вѣря напримѣръ лицу должника,

Digitized by Google

его личной состоятельности, я большею частію вѣрю въ то же время и состоятельности его имущества, разчитываю на его имѣніе. Но *право* имѣю я только на дѣйствіе должника, а не на имущество его, такъ что если ему вздумается продать все свое имущество, я не въ правѣ въ томъ ему воспрепятствовать, если не могу доказать злаго умысла съ его стороны. Такое право, связанное съ личностію, вмѣстѣ съ нею и переходитъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ вообще допускается преемство въ правахъ личныхъ.

Далѣе: съ вещнымъ правомъ связано особенное свойство исключительности, преимущества, предпочтенія. Это значитъ, что когда я имѣю право на вещь, никому не можетъ въ то же самое время принадлежать то же самое право на ту же самую вещь, и если бы по какому-нибудь случаю такое же право, мимо моей воли, предоставлено было другому лицу, оно само по себѣ ничтожно, недѣйствительно. Сосѣдъ продалъ мнѣ домъ. Я пріобрѣлъ на этотъ домъ право собственности. Вслѣдъ за тѣмъ, тотъ же продавецъ совершилъ на тотъ же самый домъ купчую другому лицу. Хотя бы этотъ домъ и не находился въ дѣйствительномъ моемъ владѣніи, я въ правѣ почитать его своимъ, и вторая купчая должна считаться недѣйствительною. Мнѣ заложена земля: въ силу залога съ этою землею стало нераздѣльно связано право мое на удовлетвореніе. Затѣмъ, сколько бы на владѣльцѣ этой земли ни было долговъ, при удовлетвореніи ихъ я иду впереди всѣхъ кредиторовъ, хотя бы у должника моего не было ровно никакого имущества кромѣ заложенной мнѣ земли. Напротивъ, въ послѣднемъ случаѣ, когда обязаннымъ въ отношеніи ко мнѣ состоитъ только лицо моего должника, онъ можетъ выдавать еще сколько угодно обязательствъ. хотя бы всѣ они были выданы позже моего по времени, мое не имѣетъ никакого предъ ними преимущества, и, при удовлетвореніи, я долженъ буду войдти въ состязаніе со всѣми прочими кредиторами.

Таковы главныя, отличительныя черты вещнаго и личнаго права. Это различіе коренится въ сущности понятія о вещи и о личномъ дѣйствіи; слѣдовательно ни одно положительное право не можетъ обойдтись безъ этого различія понятій. Но не во всякомъ законодательствѣ эти свойства правъ одинаково распредѣляются, и различіе ихъ не вездѣ положено въ основаніе системы гражданскаго права. Такъ въ нашей системѣ изъ различія этихъ началъ не создано особой категоріи правъ, но

Digitized by Google

тѣмъ не менѣе начала эти и у насъ, такъ же какъ вездѣ, заключаютъ, въ примѣненіи закона, великое свое значеніе. Что именно должно причислить къ обязательствамъ, и что къ вещнымъ правамъ, вопросъ этотъ въ разныхъ законодательствахъ разрѣшается не одинаково, такъ какъ многія важныя обязательства имѣютъ цѣлію установить право на вещь. По этому въ иныхъ законодательствахъ и право, возникающее по обязательству, причисляется иногда къ вещнымъ правамъ, когда съ нимъ соединено исключительное владѣніе вещью, хотя бы она состояла и въ чужой собственности.

II.

Всякое пріобрѣтеніе есть прежде всего—актъ воли пріобрѣтающей. Необходимо взять, принять, для того чтобы пріобрѣсть, усвоить себѣ. Чего я не хочу взять *какъ право гражданское*, того нельзя дать силой, навязать мнѣ.

Далѣе: пріобрѣтается *нѣчто*, вещь, переходящая въ имущество пріобрѣтателя. Что пріобрѣтается, то должно быть, *существовать въ дѣйствительности*. Иначе пріобрѣтеніе вещнаго права немыслимо. Стало-быть, для того чтобы возникло вещное право, должна существовать *вещь, способная къ пріобрѣтенію*,—вещь, способная къ тому, чтобы всею своею природой, или однимъ изъ вещественныхъ качествъ этой природы, перейдти въ частное обладаніе. Если такой вещи нѣтъ на лицо, но кто-нибудь обязуется доставить ее мнѣ, внесть ее въ составъ моего имущества, тогда я пріобрѣтаю только право на это дѣйствіе другаго лица, но еще не пріобрѣтаю ни самой вещи, ни вещнаго права въ ней.

Эта вещь могла существовать прежде чѣмъ я пріобрѣлъ ее (что, обыкновенно, часто случается). Но можетъ случиться, что бытіе вещи возникаетъ въ самую минуту пріобрѣтенія. Могъ я самъ дать ей бытіе, обработавъ сырой матеріялъ своимъ трудомъ или искусствомъ; и съ этой минуты вещь, одолженная мнѣ бытіемъ своимъ, стала моею вещью. Изъ нѣдръ вещи, бывшей моею собственностью, въ необходимой связи съ нею, могла возникнуть новая вещь, дѣйствіемъ природы, труда моего, или силой экономическихъ законовъ общества: возникнувъ,

Digitized by Google

она становится моею. Таковы плоды, доходы, проценты съ капитала,—приращенія.

Вещь могла быть собственностью, имуществомъ, предметомъ гражданскаго права прежде той минуты, когда я пріобрѣлъ ее. Въ такомъ случаѣ мѣняется только субъектъ права, лицо, а предметъ права остается тотъ же, и вещь, переходя къ пріобрѣтателю, сохраняетъ то же качество имущества, которое имѣла при переходѣ. Но можетъ случиться, что вещь пріобрѣтаемая, хотя и существовала въ дѣйствительности, въ матеріяльномъ мірѣ внѣшней природы, однако не была еще, или перестала быть предметомъ гражданскаго права. Я въ первый разъ дѣлаю ее такимъ предметомъ, налагая на нее свою волю, покрывая ее своею личностью, внося ее въ сферу гражданскаго обладанія. Послѣдній признакъ относится къ такъ-называемымъ первоначальнымъ способамъ пріобрѣтенія, первый къ производнымъ. Въ случаяхъ перваго рода (весьма рѣдко встрѣчающихся при настоящемъ состояніи общества), нѣтъ и быть не можетъ никакого преемства; въ случаяхъ втораго рода непремѣнно есть смѣна лицъ, обладающихъ правомъ, есть слѣдовательно *преемство*.

Но это преемство, тамъ гдѣ оно есть, бываетъ неодинаковое. Всякое преемство происходитъ изъ соединенія двухъ воль, изъ которыхъ одна намѣренно отступаетъ отъ вещи, другая намѣренно вступаетъ въ обладаніе тою же самою вещью. Соединеніе этихъ воль не всегда одинаково; не одинакова и степень ихъ участія въ переходѣ права на вещь.

Преемство можетъ происходить отъ равномѣрнаго соединенія двухъ воль, находящихся въ равновѣсіи между собою и выражающихся въ одно время. Такова *сдѣлка*, вслѣдствіе коей одна сторона, по предварительному соглашенію съ другою стороной, передаетъ ей имущество. Здѣсь обѣ воли относятся одна къ другой *дѣятельно;* та и другая воля дѣйствуетъ; ни одна не ограничивается пассивнымъ отношеніемъ *воспринимающей* воли. Сюда относятся: купля, продажа, мѣна, и всѣ вообще договоры и обязательства, въ коихъ господствуетъ условіе (conditio).

Преемство происходитъ и отъ неравномѣрнаго соединенія двухъ воль, изъ коихъ одна свободно, самостоятельно, безъ предварительнаго соглашенія передаетъ другой сторонѣ право на имущество, или безусловно, или установляя образъ и мѣру обладанія (modus); а другая воля относится къ первой пас-

Digitized by Google

сивно, воспринимая первую, изъявляя согласіе на принятіе права или вещи: здѣсь, въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ сдѣлки; здѣсь есть только согласіе, или покрайней мѣрѣ нѣтъ отказа; положительной дѣятельности съ одной стороны не требуется, а возможна дѣятельность отрицательная. Сюда относятся такъ-называемые дарственные способы пріобрѣтенія между живыми. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ способѣ, обѣ воли стоятъ въ наличности одна противъ другой; могутъ соединиться, встрѣтиться и разойдтись одновременно, имѣютъ возможность взаимно опредѣлиться. Но бываютъ случаи, когда воля дѣйствующая, воля дающаго не имѣетъ возможности одновременно соединиться съ волею другоїй стороны. Выразившись однажды самостоятельно, она не имѣетъ возможности войдти въ сдѣлку или соглашеніе съ другою волей, и сама получаетъ силу только тогда, когда отдѣляется отъ личности, отъ которой получила свое бытіе. Въ ту минуту, когда дѣлается необходимымъ, для пріобрѣтенія, пассивное участіе воспринимающей воли, воля дающая стоитъ передъ нею какъ нѣчто безвозвратное, уже не имѣющее возможности измѣнить, вновь опредѣлить себя. Сюда относится преемство *завѣщательное*.

Отдѣльное бытіе лица прекращается смертію, уничтоженіемъ гражданской личности: предметъ права лишается своего субъекта. Но какъ всякій предметъ права, находящіїся въ обращеніи, въ сферѣ гражданскоїй жизни и еще существующій въ наличности, непремѣнно требуетъ себѣ субъекта, а умершій не выразилъ своеї воли, потому что не хотѣлъ или не могъ ее выразить, то является *преемство необходимое*. Оно опредѣляется общимъ сознаніемъ, общественною волей, къ которой воля принимающаго относится пассивно. Передающаго лица здѣсь нѣтъ, воля передающаго не выразилась положительно, развѣ только предполагается, такъ что мимо положительнаго ея выраженія, предметъ права не передается, а *самъ собою переходитъ*, вслѣдствіе необходимости общественной и юридической. Это преемство наслѣдственное, наслѣдство по закону.

Таково преемство полное, въ которомъ выражается или равномѣрное дѣйствіе каждой воли или дѣйствіе воли передающей при содѣйствіи воли принимающей. Но иногда право на имущество образуется, помимо всякаго участія передающей воли, безъ всякой передачи, при участіи одной только личной воли—не принимающаго, ибо принять не откого, но воли берущаго, посредствомъ

Digitized by Google

случайнаго или намѣреннаго, либо даже насильственнаго, односторонняго *овладѣнія*. Право возникаетъ здѣсь, *или* вслѣдствіе того, что по необходимости пріурочить каждую вещь къ лицу, законъ утверждаетъ вещь за тѣмъ, кто является безспорнымъ ея хозяиномъ; *или* вслѣдствіе такого временнаго и случайнаго состоянія общественнаго, въ которомъ грубая сила при извѣстныхъ условіяхъ освящается закономъ, и нормальныя понятія о *моемъ* и *твоемъ* пріостанавливаются въ дѣйствіи; *или* наконецъ вслѣдствіе законнаго предположенія о томъ, что прежній хозяинъ вещи оставилъ ее и стало-быть необходимо положить предѣлъ неопредѣленному состоянію права. (Находка, добыча, давность; къ недвижимымъ имуществамъ примѣняется только послѣдняя.) Здѣсь искусственно превращается въ право то, что по началу было только фактомъ, односторонимъ дѣйствіемъ силы и личной воли.

III.

Вопросъ о томъ, съ какого времени и при какихъ условіяхъ можно признать вещное право окончательно-установившимся, рѣшительно пріобрѣтеннымъ, принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ практическихъ вопросовъ юридическаго быта. Съ перваго взгляда, казалось бы, достаточно полнаго, окончательнаго соглашенія сторонъ, для того чтобы право могло считаться пріобрѣтеннымъ. Но въ матеріяльной природѣ вещей есть такія требованія, которыхъ не можетъ обойдти никакая теорія. Какъ бы рѣшительно ни была изъявлена личная воля, одного выраженія этой воли недостаточно для пріобрѣтенія вещнаго права, если воля эта не осуществилась еще въ самой вещи, и личность пріобрѣтающаго не соединилась съ вещью въ той мѣрѣ, какая нужна для пріобрѣтенія.

Поэтому, во всѣхъ тѣхъ способахъ пріобрѣтенія права на вещь, въ которыхъ есть преемство, замѣна одного лица другимъ въ существующемъ предметѣ права, необходимо различать два отдѣльные момента, два существенныя условія для пріобрѣтенія. Это, вопервыхъ, минута, когда соглашеніе двухъ воль производитъ съ одной стороны право, съ другой стороны—обязанность: такъ образуется *основаніе* права, но право это не выходитъ еще изъ предѣловъ личнаго отношенія; взаимная связь требованія съ обязанностію относится еще къ

Digitized by Google

извѣстнымъ лицамъ, вступившимъ между собою въ соглашеніе. Вовторыхъ, это та минута, въ которую образовавшееся личное право становится правомъ *вещнымъ*, совершается дѣйствительный переходъ вещи изъ власти одного лица во власть другаго, такъ что пріобрѣтающій можетъ назвать вещь *своею*.

Это различіе весьма важно: необходимо обратить на него особенное вниманіе. Нѣтъ ни одного законодательства, въ которомъ оно не выразилось бы, потому что различіе это коренится въ самой сущности процесса образованія правъ вотчинныхъ или вещныхъ. Совершается соглашеніе, возникаетъ основаніе права. Съ этой минуты возникаетъ право требовать вещь, но это не значитъ еще, что совершился переходъ вещи, что образовалось новое право собственности Сторона дающая или обѣщающая становится только въ положеніе лица обязаннаго; принимающая — получаетъ право требовать, но еще не становится собственникомъ вещи; связь лица съ вещью еще посредственная. Я не могу еще назвать вещь своею. Стало-быть, если тотъ, кто предоставилъ ее мнѣ, прежде чѣмъ вещь дѣйствительно перешла въ мою собственность, успѣлъ предоставить ее другому, съ полною передачей права собственности, то я не могу непремѣнно требовать самой вещи, ибо не могу еще назвать ее своею, а имѣю право только требовать себѣ вознагражденія за то, что вещь, предоставленная прежде мнѣ, отдана потомъ другому. Для того чтобъ установилась непосредственная связь человѣка съ вещью, надобно еще, чтобы принимающее лицо сдѣлалось дѣйствительнымъ собственникомъ, чтобъ оно овладѣло вещью, держало ее за собою, положило на нее свою личность. Только съ этой минуты, съ перехода *самой вещи* изъ одной въ другую сферу частнаго обладанія, возникаетъ дѣйствительное вотчинное или вещное право. Опредѣлить минуту этого перехода весьма важно, особенно въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ, и преимущественно въ отношеніи къ поземельной собственности, потому что здѣсь затруднительно распознать по естественному признаку, что кончилось матеріяльное обладаніе одного лица и началось матеріяльное обладаніе другаго лица: оттого у всѣхъ образованныхъ народовъ признано было необходимымъ установить искусственные признаки для удостовѣренія перехода недвижимой собственности. Съ этой цѣлію пріобрѣтеніе ея совершалось *публично*.

Такъ было и у Римлянъ, къ которымъ, волей или неволей,

Digitized by Google

должны мы обращаться всякій разъ, когда хотимъ уяснить себѣ понятія объ общихъ началахъ права. Простое изъявленіе воли не считалось у нихъ достаточнымъ для перехода собственности, для пріобрѣтенія вещнаго права. Надлежало еще утвердить его за собою совершеніемъ дѣйствія, соотвѣтствовавшаго физическому овладѣнію вещью. Для этого употреблялись въ древнемъ періодѣ римскаго права формы судебной передачи, in jure cessio, и передачи при свидѣтеляхъ, mancipatio. Но значеніе этихъ формъ ослабилось мало-по-малу съ распространеніемъ области римскаго государства; строгая форма квиритскаго права уступила вліянію права общенароднаго: къ землевладѣнію въ провинціяхъ форма эта не примѣнялась, а между тѣмъ это землевладѣніе, съ расширеніемъ провинцій, получало болѣе и болѣе важное значеніе. Такъ, съ теченіемъ времени, въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ установилась новая, болѣе свободная, форма пріобрѣтенія: принято было за правило, что переходъ поземельной собственности такъ же какъ переходъ собственности въ движимыхъ вещахъ совершается посредствомъ простой передачи владѣнія, или традиціи. Въ этой передачѣ личная воля осуществлялась посредствомъ перехода *владѣнія*. Пріобрѣтатель, для того чтобы сдѣлаться собственникомъ, долженъ сдѣлаться владѣльцемъ, такъ что вмѣстѣ съ владѣніемъ, основаннымъ на свободномъ выраженіи способной воли, переходитъ къ нему и право собственности. Форма эта въ Юстиніанову эпоху сдѣлалась господствующею, и понятіе о традиціи перешло вмѣстѣ съ римскимъ правомъ въ сознаніе новыхъ европейскихъ народовъ.

Но и независимо отъ римскихъ понятій въ древнемъ германскомъ правѣ образовалась своеобычная система пріобрѣтенія вещныхъ правъ: понятіе о пріобрѣтеніи получило особенную важность относительно поземельной собственности, такъ какъ земля почиталась важнѣйшимъ предметомъ частнаго обладанія, и на поземельномъ владѣніи основана была система общественнаго управленія и общественныхъ правъ и обязанностей. Изъ памятниковъ средневѣковаго германскаго законодательства видно, что одного соглашенія частныхъ лицъ, и даже передачи владѣнія вслѣдствіе договора, не было еще достаточно для перехода собственности. Для этого считалось необходимымъ торжественное объявленіе передачи публично, съ совершеніемъ символическихъ дѣйствій передъ народнымъ судомъ, или въ крайнихъ случаяхъ, передъ свидѣтелями, слу-

Digitized by Google

жившими замѣной суда. Дѣйствію этому присвоивалось техническое названіе Sala, Salung, въ послѣдствіи Gerichtliche Auflassung, но его не слѣдуетъ смѣшивать со вводомъ въ дѣйствительное владѣніе имуществомъ (investitura, Gewere); въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для полнаго утвержденія собственности требовалось совершеніе и этого послѣдняго обряда, требовалось, чтобы новый хозяинъ, непрерывнымъ дѣйствительнымъ владѣніемъ въ теченіе трехъ сутокъ, явственно выразилъ начало матеріяльной власти своей надъ имуществомъ, на первое дѣйствіе, то-есть публичное объявленіе передачи, во всякомъ случаѣ считалось самымъ важнымъ и безусловно необходимымъ, а послѣдствіи самый вводъ во владѣніе утратилъ значеніе особаго обряда, слившись съ обрядомъ судебнаго объявленія. Феодальное право придало этому обряду свои особенныя свойства и формы, такъ что для перехода собственности, входившей въ сферу верховнаго частнаго права, требовалось содѣйствіе верховнаго собственника: ленное имущество передавалось съ согласія верховнаго владѣльца, или уполномоченнаго имъ управителя въ ленномъ судѣ; крестьянское имущество—передъ землевладѣльцемъ или вотчиннымъ начальникомъ; аллодіальное имущество—передъ земскимъ судомъ или земскимъ правителемъ, въ присутствіи сторонніхъ владѣльцевъ. Переходъ имущества въ городахъ совершался передъ городскимъ судомъ или совѣтомъ съ запиской въ книгу о городскихъ имуществахъ. Подобный же порядокъ существовалъ, какъ доказано новѣйшими изслѣдованіями, въ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи (1) и въ бельгійскихъ провинціяхъ. Формы эти имѣли важное практическое значеніе и для публичнаго, и для частнаго права: съ соблюденіемъ ихъ связано было обезпеченіе правъ и повинностей феодальныхъ, общинныхъ и государственныхъ. Не ранѣе какъ съ совершеніемъ установленнаго обряда переходило къ новому пріобрѣтателю вещное право: то-есть, къ аллодіальному владѣльцу—собственность, къ ленному—зависимое его владѣніе и пользованіе, къ городскому владѣльцу—право на землю подъ строеніемъ. Право становилось съ этой минуты вещественнымъ, и оттого совершеніе перехода получило техническое назва-

(1) Это были такъ-называемые pays de nantissement. Новѣйшими изслѣдованіями доказано, что французскія формы и обряды перехода собственности были тоже германскаго происхожденія.

Digitized by Google

ніе *реализаціи*. Она соотвѣтствовала римской передачѣ, съ тою разницей, что формальная реализація не требовала безусловно передачи дѣйствительнаго владѣнія. Пріобрѣтатель получалъ право самъ собою вступить во владѣніе пріобрѣтеннымъ имуществомъ, если не встрѣчалъ сопротивленія; въ противномъ случаѣ могъ требовать отъ судебной власти ввода во владѣніе; но полное, совершенное право на защиту своего владѣнія отъ всѣхъ и каждаго, а не отъ одного только своего контрагента (Gewere), новый владѣлецъ получалъ лишь въ такомъ случаѣ, когда владѣніе его, вмѣстѣ съ владѣніемъ того, въ чье право вступилъ онъ по передачѣ, продолжалось не менѣе года со днемъ. Только на этомъ основаніи утверждалась за нимъ безспорная защита владѣнія противъ всякаго притязанія, противорѣчащаго основанію его собственности, праву его или того лица, отъ котораго по договору перешло къ нему владѣніе. Эта германская давность, которою окончательно утверждалось за владѣльцемъ право собственности на пріобрѣтенное имущество, отличалась отъ римской давности тѣмъ, что для дѣйствія ея необходимо было предварительное *совершеніе обряда реализаціи:* одно владѣніе, хотя и безспорное, и добросовѣстное, и основанное на законномъ актѣ частной воли, само по себѣ не могло вести къ признанію за пріобрѣтателемъ безспорнаго и безусловнаго права. Правильное совершеніе реализаціи было для этого необходимо, но съ другой стороны и правильно совершенная реализація, и спокойное вслѣдствіе ея владѣніе не утверждали за владѣльцемъ безусловнаго права, если самый договоръ, на которомъ основана была реализація, оказывался въ послѣдствіи недѣйствительнымъ. Если на одно и то же имущество предъявлялось право со стороны двухъ лицъ по законнымъ актамъ преобрѣтенія, то вотчинное право утверждалось за тѣмъ, кто имѣлъ на своей сторонѣ законную реализацію или успѣлъ исполнить обрядъ ея по своему акту прежде другаго. Такимъ образомъ обрядъ реализаціи получилъ существенное значеніе и сдѣлался такъ сказать ключевымъ сводомъ германской системы пріобрѣтенія и укрѣпленія вотчинныхъ правъ; а со введеніемъ письменнаго производства вошло въ обычай объявленіе перехода совершать передъ судомъ письменно; позднѣе, во многихъ мѣстахъ, особенно по городамъ, заведены даже особыя поземельныя книги, въ которыя вписывались по каждому округу переходы недвижимой собственности.

Digitized by Google

Но не внесеніе въ книгу само по себѣ служило признакомъ совершившагося перехода, а *публичное объявленіе* передачи передъ судомъ, соотвѣтствовавшее римской традиціи. Этого не слѣдуетъ терять изъ виду, когда идетъ рѣчь о старинной германской системѣ. Вотъ въ чемъ состоялъ существенный обрядъ ея. Стороны лично являлись передъ судомъ (или въ городахъ передъ городовымъ совѣтомъ, ратушею) и объявляли: отчуждающій о своемъ желаніи предоставить имѣніе, пріобрѣтающій о желаніи принять его; при этомъ продавецъ объявлялъ, что цѣна продажи получена, или покупатель соглашался обезпечить на имѣніи платежъ капитала или ежегодныя уплаты его. Объ этомъ составлялся актъ и записывался въ протоколъ городовымъ писцомъ или секретаремъ; собраніе такихъ протоколовъ называлось поземельною книгой; но сверхъ того, съ XVI столѣтія, вошло въ обычай составлять къ этимъ книгамъ указатели въ систематическомъ порядкѣ, въ видѣ реэстровъ имѣніямъ съ отмѣтками о переходахъ, повинностяхъ и закладныхъ правахъ. Передъ записки въ протоколъ, судъ обыкновенно приступалъ къ повѣркѣ правъ, не только передающаго, но и пріобрѣтающаго; право перваго удостовѣрялось тѣмъ самымъ протоколомъ, который былъ составленъ при переходѣ къ нему имущества, а при недостаткѣ такого протокола, или показаніемъ свидѣтелей старожиловъ, или другимъ несомнительнымъ доказательствомъ о правѣ распорядиться имуществомъ. Относительно пріобрѣтателя надлежало удостовѣриться, имѣетъ ли онъ право владѣть имѣніемъ въ предѣлахъ той общины, въ которой находится пріобрѣтаемое имѣніе. При такомъ производствѣ личное участіе сторонъ необходимо было для совершенія акта о пріобрѣтеніи (1).

Таково было національное германское понятіе о пріобрѣтеніи вещнаго права; но прежде чѣмъ оно достигло полнаго своего развитія и утвердилось въ новѣйшихъ законодательствахъ западной Европы, ему пришлось выдержать борьбу съ началами и преданіями римскаго права. Подъ исключительнымъ вліяніемъ этихъ началъ и преданій, ученые германскіе юристы XVI и XVII столѣтій начали распространять и въ су-

(1) Lührsen *Ueber Hypothekengesetzgebung.* (Kritisch. Vierteljahrsschrift für Gesetzgebung etc. 1859.)—Mittermaier *Grundsätze des gem. deutsch. Privatrechts.* Bluntschli *Das deutsche Privatrecht.* Laboulaye *Histoire du droit de propriété foncière en occident.*

Digitized by Google

дахъ, и въ законахъ другую, римскую теорію пріобрѣтенія и отказывались признавать даже требованія дѣйствительной жизни, если эти требованія не согласовались съ тѣмъ закономъ, который они признавали въ цѣломъ и въ частностяхъ безусловно обязательнымъ. Вопреки стародавнему обычаю, вопреки признанной на практикѣ потребности общественнаго и частнаго права, ученые и судьи стали признавать, на основаніи Юстиніанова права, что и безъ вотчинной записки переходъ вотчиннаго права совершается посредствомъ одной передачи, основанной на законномъ выраженіи воли. Отсюда произошло смѣшеніе римскаго начала съ германскимъ и, вслѣдствіе того, началась вредная и для государственнаго, и для частнаго кредита неопредѣленность вотчинныхъ правъ и вотчиннаго владѣнія. Несмотря на то, во многихъ мѣстностяхъ удержалось на практикѣ обычное германское право; и записка въ книги считалась необходимымъ дѣйствіемъ, хотя символическія дѣйствія давно уже уступили мѣсто письменной формѣ совершенія актовъ (1). Практическій смыслъ взялъ наконецъ верхъ надъ ученымъ преданіемъ и одностороннею теоріей, и XIX столѣтію суждено было снова поднять полузабытое начало вотчинной записки, и основать на немъ цѣлую систему пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ вотчинныхъ. Еще во второй половинѣ XVIII столѣтія обнаружилось стремленіе законодательствъ придать извѣстность и твердость поземельному владѣнію; въ этомъ стремленіи видны были, конечно, не однѣ цѣли гражданскаго права, а прежде всего цѣли финансовыя и цѣли общественной экономіи. Съ 1760 года (то-есть съ перваго кадастра въ Миланѣ) начинаются рѣшительныя попытки правительствъ привесть въ извѣстность поземельную собственность государственнаго и частнаго владѣнія, для равномѣрнаго и правильнаго распредѣленія податей; для этого требовалось прежде всего опредѣлить границы владѣній, и произвесть повѣрку основаній каждаго. Оказавшаяся при этомъ неопредѣленность правъ возбудила мысль объ устройствѣ бо-

(1) Во многихъ нѣмецкихъ и италіянскихъ городахъ система вотчинной записки держалась постоянно и развилась въ особенной полнотѣ и опредѣлительности: такова была напримѣръ гамбургская система, отличавшаяся этими качествами еще въ XIII столѣтіи. Около того же времени существовали уже подробныя правила записки въ Венеціи, во многихъ городахъ Далмаціи и пр.

Digitized by Google

лѣе правильной системы пріобрѣтенія правъ на поземельную собственность. Мысль эта получила дальнѣйшее развитіе въ утрежденіяхъ для общественнаго и поземельнаго кредита, получившихъ начало въ концѣ XVIII столѣтія. Въ сферѣ общественнаго права возродилось изъ государственныхъ и общественныхъ потребностей здравое германское понятіе о пріобрѣтеніи собственности: перейдя въ сферу гражданскаго права, начало это здѣсь окончательно разработалось въ цѣлую систему такъ-называемой транскрипціи вотчинныхъ правъ въ поземельныхъ и ипотечныхъ книгахъ. Изъ числа новыхъ законодательствъ, первый образецъ этой системы явился въ прусскомъ законѣ 1783 года объ ипотекахъ; примѣру Пруссіи послѣдовали вскорѣ и другія германскія законодательства. Правда, что главною цѣлію прусскаго закона было обезпеченіе и расширеніе закладнаго права, но по естественной связи этого права съ вотчиннымъ, постановленія новаго закона получили важное значеніе и для права собственности, такъ что, по силѣ его, переходъ собственности поставленъ въ зависимость отъ внесенія въ поземельныя ипотечныя книги.

Въ настоящее время не только въ германскихъ законодательствахъ, гдѣ система вотчинной записки достигла полнѣйшаго развитія, но и въ законодательствахъ почти всѣхъ европейскихъ народовъ, выражается рѣшительное стремленіе утвердить на прочныхъ основаніяхъ права частной поземельной собственности и привесть ихъ въ полную извѣстность посредствомъ постояннаго контроля общественной власти. Записка въ поземельныя книги всякаго перехода недвижимой собственности и вещныхъ правъ сдѣлалась новѣйшею формой, въ которой совершается пріобрѣтеніе этихъ правъ.

IV.

Вотъ въ чемъ состоятъ главныя черты новой германской системы.

Основное правило ея слѣдующее: поземельная собственность, по передачѣ при жизни, пріобрѣтается не иначе какъ запиской въ поземельную книгу. Книги эти ведутся или при судахъ или въ центральныхъ мѣстахъ общественнаго управленія, или у особыхъ лицъ, имѣющихъ нотаріальный характеръ.

Digitized by Google

Въ швейцарскихъ кантонахъ поземельныя книги ведутся большею частію въ каждой общинѣ или въ каждомъ приходѣ. При устройствѣ органовъ записки, главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что не всегда возможно найдти достаточное количество опытныхъ и аккуратныхъ людей для этого дѣла; оттого по необходимости приходится довольствоваться крупными центрами записки и составлять ихъ при судебныхъ мѣстахъ, особливо когда нотаріальная часть не получила еще въ государствѣ достаточнаго развитія. Учредить для этого дѣла новый полкъ чиновниковъ, или поручить его выборнымъ городскаго и сельскаго общества — двѣ крайности одинаково неудобныя. Дѣло хранителя ипотечныхъ и вотчинныхъ книгъ—не просто механическое: для него еще недостаточно тѣхъ качествъ, которыя требуются отъ простаго регистратора или писца. Отъ него, кромѣ самой добросовѣстной аккуратности, требуются юридическія и экономическія свѣдѣнія вмѣстѣ съ практическою опытностью: ему приходится разсматривать множество разнообразныхъ документовъ и обсуждать довольно сложные юридическіе вопросы. Дѣло это принадлежитъ къ числу такихъ дѣлъ, въ которыхъ малѣйшая ошибка или неточность производитъ много путаницы, а такія ошибки и неточности будутъ встрѣчаться безпрестанно, если дѣло поручатъ людямъ несвѣдущимъ, неопытнымъ или не аккуратнымъ. Можно сказать, что весь успѣхъ этого учрежденія зависитъ отъ величайшей правильности, точности и быстроты въ его примѣненіи: оттого-то, какъ замѣчено на практикѣ, можетъ быть гораздо болѣе нежели отъ частныхъ недостатковъ той или другой законной системы, учрежденіе это нигдѣ не достигаетъ еще цѣли своей вполнѣ: повсюду ощущается недостатокъ въ способныхъ для дѣла спеціялистахъ, а судебныя мѣста не могутъ выполнять его какъ слѣдуетъ, потому что обременены множествомъ другихъ занятій. Повсюду слышатся жалобы на безпорядокъ въ веденіи книгъ, на ошибки въ описаніяхъ имуществъ, въ означеніи основаній пріобрѣтенія, на медленность и равнодушіе чиновниковъ, которые иногда подолгу держатъ у себя акты, не приступая къ записке, тогда какъ въ теченіи этого времени въ самомъ имуществѣ, или въ лежащихъ на немъ требованіяхъ и повинностяхъ, могутъ произойдти перемѣны, невыгодныя для заинтересованныхъ лицъ,—а иногда спѣшатъ кое-какъ записывать акты, не вникнувъ хорошенько въ ихъ значеніе. Этому несовершенству въ людяхъ законодательства ста-

Digitized by Google

раются пособить упрощеніемъ и усовершенствованіемъ самаго механизма записки (1). Всюду считаются необходимыми двѣ книги: одна главная (Hauptbuch), или реестръ, въ которомъ отмѣтки и записки дѣлаются особыми статьями, и другая общая, или журналъ (Tagebuch), въ которомъ отмѣчаются сряду всѣ требованія о запискѣ, по мѣрѣ ихъ вступленія. Реестры эти и выписки изъ нихъ считаются публично-совершенными актами и имѣютъ полную доказательную силу; доступъ къ книгамъ свободенъ для всѣхъ, и всякій, кому есть дѣло до имѣнія, имѣетъ право требовать, чтобъ ему показали книгу, въ которой оно значится записаннымъ.

Всякая поземельная собственность должна быть записана въ поземельной книгѣ того округа, въ которомъ находится. Но для вѣрности кредита и для удобства справокъ очень важно, въ какомъ порядкѣ производится записка, и дѣлаются отмѣтки въ книгѣ. Одинъ хронологическій порядокъ расположенія статей въ главномъ реестрѣ вовсе не удовлетворяетъ цѣли, потому что не основанъ ни на какомъ систематическомъ началѣ, слѣдовательно не облегчаетъ, а затрудняетъ пріисканіе статей и отмѣтокъ; вообще принято производить записку по отдѣльнымъ статьямъ, но единица, которой должна соотвѣтствовать каждая

---

(1) Въ иныхъ законодательствахъ господствуетъ система *инскрипціи*, то-есть внесеніе акта выборкой существенныхъ его предметовъ; другіе, менѣе довѣряя опытности чиновниковъ, требуютъ во всѣхъ случаяхъ полной *транскрипціи*, то-есть буквальнаго внесенія актовъ отъ слова до слова. Лучшею инструкціей для веденія книгъ и записки актовъ почитается австрійская, изданная въ 1852 году (она напечатана въ *Oesterreich. Gerichtszeitung*. 1852. № 12—48). Она отличается полнотой и множествомъ извлеченныхъ изъ практики примѣчаній для руководства исполнителямъ. Въ Австріи не дозволяется вписывать акты цѣликомъ, а предписывается извлекать изъ нихъ все то, что относится къ пріобрѣтенію, измѣненію или погашенію правъ. Надобно, сказано въ этой инструкціи, чтобы каждый, посмотрѣвъ въ книгу, могъ тотчасъ же получить полное свѣдѣніе о всѣхъ правахъ *утверждаемыхъ запиской въ книгу*; если же писать въ нее всѣ акты цѣликомъ, то часто очень трудно будетъ разобрать, какое изъ опредѣляемыхъ актомъ правъ принадлежитъ къ вещнымъ, такъ-называемымъ книжнымъ (bücherliche) правамъ, какое—просто личное, независящее отъ записки въ книгу. Любопытныя свѣдѣнія и замѣчанія о формѣ книгъ и порядкѣ веденія ихъ можно найдти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Bemerkungen aus der Praxis über Grund und Hypothekenbücher*. Jena, 1846. *Die Grund-und Hypothekenbücher*, v. Richter. Leipzig. 1849; и статья Свободы въ *Haimer's Magazin fur Rechts und Staatswissenschaft*. Prag. 1850. I. 13.

Digitized by Google

статья, не вездѣ одинаковая. Гдѣ статьи располагаются по именамъ владѣльцевъ, тамъ вотчинная записка не вполнѣ достигаетъ цѣли, потому что личность владѣльца измѣняется съ переходомъ имѣнія, а цѣль записки — опредѣлить право лица въ той мѣрѣ, въ какой оно относится къ имуществу, слѣдовательно само это имущество, неизмѣнно остающееся въ одномъ и томъ же мѣстѣ, должно служить предметомъ изслѣдованія и записки, а не преходящая личность владѣльца (1). Но необходимо опредѣлить и единицы имущества, по которымъ должны быть располагаемы отдѣльныя статьи. Гдѣ принимается за такую единицу участокъ земли, имѣющій только матеріяльную или географическую цѣльность (напримѣръ, поле, лугъ, лѣсную дачу и пр.), и для каждаго изъ такихъ участковъ назначается особая статья въ книгѣ, тамъ происходитъ отъ того излишняя дробность статей, умножается переписка и справки становятся затруднительны. Поэтому за единицу принимается обыкновенно владѣніе одного лица, имѣющее экономическую цѣльность, то-есть совокупность участковъ, принадлежащихъ къ одному имѣнію; для каждаго изъ такихъ имѣній назначается въ книгѣ особый листъ, на которомъ означаются въ хронологическомъ порядкѣ всѣ сдѣлки, относящіяся къ этому имѣнію. Если у одного владѣльца нѣсколько подобныхъ имѣній, то для каждаго изъ нихъ отводится отдѣльная статья. Въ случаѣ хозяйственнаго раздѣла въ такомъ имѣніи, прежняя цѣльная исторія его заключается, и открывается въ отдѣльныхъ статьяхъ отдѣльная исторія для каждой вновь-образовавшейся части. Такимъ образомъ, при обозрѣніи книги, относящейся къ округу,

(1) Расположеніе статей по имуществамъ, а не по именамъ владѣльцевъ, значительно затрудняется тамъ, гдѣ законъ благопріятствуетъ не сосредоточенію собственности въ большихъ имѣніяхъ, а напротивъ раздробленію ея на мелкіе участки между многими владѣльцами, какъ напримѣръ во Франціи и въ Бельгіи. При раздробленіи владѣній и при частомъ переходѣ участковъ изъ рукъ въ руки цѣликомъ и частями, записка по имуществамъ сопряжена со множествомъ ошибокъ и неточностей. На этомъ основаніи французскій и бельгійскій законы удержали расположеніе поземельныхъ книгъ по лицамъ владѣльцевъ. Съ этой же точки зрѣнія многіе доказываютъ, что вовсе невозможно примѣнить во всей точности систему вотчинной и ипотечной записки къ тѣмъ государствамъ, въ которыхъ раздроблена поземельная собственность. Однакоже примѣръ многихъ германскихъ государствъ (напримѣръ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ) показываетъ, что примѣненіе это возможно и при такихъ условіяхъ.

Digitized by Google

можно тотчасъ составить себѣ ясное понятіе о юридическихъ отношеніяхъ и повинностяхъ, лежащихъ на поземельной собственности цѣлаго округа и на каждомъ имѣніи въ особенности. Актъ объ имѣніи можетъ быть совершенъ вдали отъ того мѣста, гдѣ оно находится, но во всякомъ случаѣ долженъ быть записанъ въ книгу по мѣсту имущества. Внесеніе въ книгу по большей части предоставляется на волю интересованныхъ лицъ, отчуждающаго, либо пріобрѣтающаго; но нѣкоторыя законодательства признаютъ внесеніе въ книгу безусловно необходимымъ. Такъ, напримѣръ, въ Баваріи и въ Солотурнскомъ кантонѣ, всякое должностное лицо, у котораго актъ совершенъ, или до котораго дошло свѣдѣніе о совершенномъ актѣ, обязано сообщить о томъ подлежащему чиновнику того округа, гдѣ лежитъ имущество, для отмѣтки въ книгѣ. Разумѣется, это различіе въ законѣ зависитъ отъ того, съ какой точки зрѣнія онъ смотритъ преимущественно на систему вотчинной записки, и на сколько она связана съ общею государственною системой податей и повинностей. Гдѣ главною цѣлію записки считается твердость гражданскаго права, тамъ законъ предоставляетъ на волю частныхъ лицъ—требовать или не требовать записки.

Запискѣ въ поземельную книгу подлежатъ обыкновенно всѣ сдѣлки между живыми, которыми передается, установляется или уступается вещное право въ недвижимомъ имуществѣ, какъ-то: право собственности, повинность, лежащая на имѣніи, непрерывная рента, закладное право, эмфитевтическое, суперфиціарное и т. под. Транскрипціи подвергаются даже передачи вещныхъ исковъ, раздѣлы наслѣдственныхъ имуществъ, вошедшіе въ законную силу приговоры судебныхъ мѣстъ о вещномъ правѣ и даже договоры о наймѣ недвижимыхъ имуществъ на продолжительные сроки или съ полученіемъ наемной платы за нѣсколько лѣтъ впередъ. Права, возникающія по наслѣдству или по завѣщанію, въ иныхъ законодательствахъ (бельгійское, французское) освобождаются отъ записки, потому что права эти, по началу новаго наслѣдственнаго права, переходятъ необходимо въ минуту смерти бывшаго вотчинника, безъ юридическаго промежутка; въ другихъ законодательствахъ и переходящія по наслѣдству вещныя права не освобождаются отъ записки. Это послѣднее правило вполнѣ согласуется съ кореннымъ началомъ вотчинной записки и съ правиломъ

Digitized by Google

признавать истиннымъ вотчинникомъ только то лицо, которое внесено въ книгу.

Въ такомъ случаѣ запискѣ въ книгу подлежитъ постановленіе судебнаго мѣста объ утвержденіи наслѣдственнаго права по закону или по завѣщанію, когда истечетъ срокъ, назначаемый для спора противъ завѣщанія или для предъявленія правъ всѣми возможными наслѣдниками.

Для того чтобы придать запискѣ всевозможную вѣрность, почти вездѣ постановлено правиломъ принимать къ запискѣ только акты, удостовѣренные въ подлинности или засвидѣтельствованные присутственнымъ мѣстомъ либо нотаріусомъ, но никакъ не домашніе акты: правило это необходимо для предупрежденія недоумѣній и споровъ, потому что домашніе акты пишутся безъ всякаго контроля, могутъ содержать въ себѣ условія и распоряженія неясныя и противозаконныя, и самая подлинность подписи подъ домашними актами можетъ быть въ послѣдствіи оспорена. Французское законодательство, въ числѣ немногихъ, отступаетъ отъ этого правила, дозволяя принимать къ запискѣ и безгласные, домашніе акты. Это тѣмъ болѣе странно, что то же французское законодательство требуетъ непремѣнно нотаріальнаго акта для установленія ипотечнаго права (1).

Всякое право при запискѣ въ поземельную книгу подлежитъ особой повѣркѣ со стороны учрежденія или лица, завѣдывающаго запиской, и на этой-то повѣркѣ основывается твердость всякаго записаннаго права. Этою повѣркой должно быть приведено въ извѣстность: вопервыхъ, дѣйствительно ли лицо, которое отчуждаетъ имущество или установляетъ въ немъ вещное право, можетъ считаться собственникомъ имущества; вовторыхъ, способно ли это лицо къ отчужденію собственности или къ совершенію юридическаго дѣйствія по имуществу. Не должно думать однакоже, чтобъ эта повѣрка имѣла видъ ревизіи вотчинныхъ правъ; въ такомъ случаѣ она была бы стѣснительна

(1) Во время обсужденія закона въ законодательномъ сословіи, довольно много и жарко спорили именно объ этомъ вопросѣ; но случилось, что ораторъ, который всего горячѣе отстаивалъ необходимость требовать нотаріальнаго удостовѣренія, самъ принадлежалъ къ числу нотаріусовъ. Излишнее увлеченіе его показалось подозрительнымъ, какъ будто онъ отстаиваетъ свои интересы, и это подозрѣніе не мало подѣйствовало на рѣшеніе большинства въ законодательномъ сословіи.

Digitized by Google

для свободы гражданскихъ сдѣлокъ и замедляла бы передвиженіе собственности между гражданами. Въ этой повѣркѣ основаній права не окажется ничего стѣснительнаго, если вспомнимъ, что готовый матеріялъ для нея находится въ той же поземельной книгѣ: если лицо, отъ имени коего совершается передача собственности, или установляется вещное право, записано уже въ книгѣ собственникомъ имущества, то ни въ какой дальнѣйшей повѣркѣ нѣтъ и нужды: здѣсь собственность, представляемая статьей въ книгѣ, сама говоритъ за себя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ становится не возможнымъ установленіе вещнаго права отъ лица мнимаго, или сомнительнаго собственника, если онъ не записанъ въ книгѣ собственникомъ имѣнія. Въ случаѣ отчужденія собственности, отчуждающій, если находится въ живыхъ, долженъ участвовать лично, или чрезъ уполномоченнаго, въ запискѣ, которая дѣлается отъ его имени: какъ бы положительно ни была изъявлена въ актѣ воля его на отчужденіе имущества, какъ бы рѣшительно ни было выражено принятое имъ на себя обязательство, одного этого акта, безъ личнаго содѣйствія, еще недостаточно для записки имѣнія за другимъ лицомъ вслѣдствіе договора. Таково общее правило; но строгое примѣненіе его, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повело бы къ несправедливости, потому что давало бы контрагенту возможность отказать въ исполненіи договора, вполнѣ совершившагося. Такъ продавецъ могъ бы изъ сожалѣнія, что взялъ дешево и изъ желанія продать имущество дороже другому, отказать въ передачѣ имѣнія покупщику: на подобный случай необходимо опредѣлить положительно, когда пріобрѣтатель въ правѣ принудить отчуждающее лицо къ передачѣ имущества по договору, и въ какихъ случаяхъ судебная власть можетъ, несмотря на недостатокъ личнаго содѣйствія отчуждающаго лица, признать и записать передачу имущества. Можетъ еще случиться, что для утвержденія передачи необходимо подтвержденіе акта со стороны лицъ, имѣющихъ право спора, напримѣръ со стороны наслѣдниковъ умершаго вотчинника, когда онъ не успѣлъ при жизни записать имѣніе за пріобрѣтателемъ. Въ такихъ случаяхъ судъ, по просьбѣ пріобрѣтателя, обыкновенно приглашаетъ интересованныя лица къ подачѣ отзыва въ теченіе назначеннаго срока, или вызываетъ ихъ публично, и если въ срокъ не сдѣлано будетъ возраженія, предписываетъ записать имѣніе за пріобрѣтателемъ.

Digitized by Google

Внесенный въ книгу новый владѣлецъ признается законнымъ собственникомъ имущества. Это не значитъ однакоже, что право его получаетъ значеніе безусловнаго, рѣшительно-безспорнаго права. Это значитъ, что всѣ лица, входящія съ нимъ въ сдѣлки по имуществу, коего собственникомъ онъ значится, могутъ спокойно признавать его собственникомъ. Но право собственности его, и послѣ внесенія въ книгу, можетъ подвергнуться спору; актъ, составляющій для него основаніе пріобрѣтенія, можетъ быть опровергнутъ, противъ его права или противъ правъ того лица, отъ котораго передано ему имѣніе, можетъ быть выставлено другое, лучшее, сильнѣйшее право; однакожь, и несмотря на споръ, онъ продолжаетъ значиться собственникомъ, пока противное тому не будетъ признано судебнымъ рѣшеніемъ. Стало-быть и право собственника, записанное въ книгу, только тогда получаетъ значеніе безусловнаго права, когда предъявленіе спора, за истеченіемъ давности, сдѣлается невозможно для третьяго лица. Но послѣ записки въ книгу пріобрѣтеннаго права нѣсколько измѣняются условія владѣнія, подлежащаго давности: владѣніе по необходимости должно быть и добросовѣстное, и основаннное на правѣ; но сверхъ того, этому юридическому основанію владѣнія придаетъ особенную твердость самая записка, совершенная подъ наблюденіемъ правительства и съ публичностью, которая всякому имѣющему право спорить облегчаетъ возможность предъявить споръ. По этому многія законодательства, съ установленіемъ системы вотчинной транскрипціи, установляютъ и новые сокращенные сроки давности, придающей праву безусловный характеръ: разумѣется это сокращеніе тѣмъ необходимѣе, чѣмъ живѣе совершается въ государствѣ движеніе общественной жизни, чѣмъ болѣе развита въ немъ гласность публичныхъ дѣйствій, упрощены и облегчены сообщенія, наконецъ, чѣмъ ограниченнѣе самая территорія государства. Такое сокращеніе сроковъ необходимо для того, чтобы не ослабить силы достовѣрнаго доказательства, которая, по цѣли закона, присвоивается запискѣ имѣнія за пріобрѣтателемъ. Изъ новѣйшихъ законодательствъ —въ австрійскомъ и гессенскомъ всего яснѣе выразилось это требованіе, состоящее въ связи со стариннымъ германскимъ понятіемъ о пріобрѣтеніи собственности, съ безусловнымъ правомъ Gewere по истеченіи года со днемъ (Австрійскій законъ назначаетъ для этого трехлѣтній, гессен.

Digitized by Google

скій—пятилѣтній срокъ). Нѣкоторые думаютъ, что слѣдовало бы до послѣдней возможности сократить сроки для пріобрѣтенія записаннымъ владѣльцемъ безусловнаго права, и предлагаютъ возстановить древне-германское правило, по которому въ теченіе года со днемъ пріобрѣталось для собственника полное право, Gewere (1). Съ другой стороны, и владѣлецъ имѣнія, не записанный въ книгу и не имѣющій правильнаго основанія своему владѣнію, если только онъ владѣлъ добросовѣстно, пріобрѣтаетъ, съ истеченіемъ общаго срока давности, право требовать, чтобъ его записали въ поземельную книгу собственникомъ имущества: въ такомъ случаѣ истеченіе давности служитъ для него основаніемъ права.

Такимъ образомъ, транскрипція сама по себѣ нисколько не покрываетъ недостатковъ акта, на которомъ основано пріобрѣтеніе, оставляетъ мѣсто спору противъ права. Въ такомъ положеніи лица, вступающія въ сдѣлку по имуществу съ пріобрѣтателемъ, не могли бы имѣть достаточнаго обезпеченія въ томъ, что право его достовѣрно, и что кредитъ имущества надеженъ вполнѣ. Для устраненія, или по крайней мѣрѣ для уменьшенія этого неудобства, законъ старается опредѣлить: при какихъ условіяхъ допускается предъявленіе спора противъ правъ записаннаго въ книгу собственника? Въ лучшихъ законодательствахъ принято за правило, что всякій истецъ, желающій предъявить въ судъ споръ противъ вещнаго права, записаннаго въ книгу, обязанъ прежде отмѣтить свое притязаніе въ поземельной книгѣ противъ той статьи, въ которой это право записано: такъ что безъ удостовѣренія о такой отмѣткѣ никакое судебное мѣсто не въ правѣ принять отъ него жалобу. Точно такъ же и рѣшеніе, постановленное судомъ по такой жалобѣ, должно быть отмѣчено въ книгѣ немедленно, и непремѣнно прежде чѣмъ приговоръ облеченъ будетъ въ окончательную форму акта. Такимъ образомъ лицо, имѣющее дѣло съ владѣльцемъ имущества, по одной отмѣткѣ съ боку статьи, можетъ удостовѣриться, въ какой степени твердо и надежно вотчинное право; если же жалоба отвергнута судомъ, то право пріобрѣтаетъ отъ того еще болѣе твердости.

Итакъ, во всякомъ случаѣ сохраняетъ свою силу основное правило транскрипціи: собственникомъ недвижимаго имуще-

(1) Миттермайеръ. *Archiv für civilist. Praxis*. Т. 35.

Digitized by Google

ства, истиннымъ субъектомъ вещнаго права, почитается только то лицо, которое въ этомъ качествѣ внесено въ поземельную книгу, — и именно въ главную книгу, а не въ общій журналъ требованій. Случается, что требованіе, заранѣе внесенное въ общую книгу, въ теченіе нѣкотораго времени остается еще не исполненнымъ, потому что не исполнены еще всѣ условія, необходимыя для окончательной записки; въ такомъ случаѣ актъ можетъ быть отмѣченъ въ главной книгѣ тѣмъ членомъ, которымъ отмѣчено требованіе въ общемъ журналѣ. Но до тѣхъ поръ пока не сдѣлана надлежащая отмѣтка въ главной книгѣ, переходъ права не признается еще совершившимся; продавецъ, напримѣръ, продолжаетъ считаться собственникомъ имущества, хотя бы актъ продажи совершенъ былъ окончательно, хотя бы получены были сполна деньги отъ покупателя, хотя бы даже покупатель вступилъ во владѣніе купленнымъ имуществомъ.

Это правило, вытекающее изъ основнаго понятія о пріобрѣтеніи, кажется просто и ясно: однакожь на немъ еще не останавливается вопросъ о правахъ пріобрѣтателя, владѣльца, не внесеннаго въ книгу. Напротивъ, положеніе такого пріобрѣтателя возбуждаетъ множество важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ, которые не всѣми законодательствами разрѣшаются одинаково. Наиболѣе развитыя законодательства опредѣляютъ положеніе такого пріобрѣтателя слѣдующимъ образомъ: новый владѣлецъ имущества, покуда не записанъ въ книгу, не считаясь собственникомъ, не въ правѣ и передать собственность кому бы то ни было. Право его еще не совершилось окончательно, но получило особый характеръ, и въ этомъ видѣ пользуется даже нѣкоторою защитой закона. Онъ пріобрѣтаетъ владѣніе, и притомъ такое владѣніе, которое само по себѣ можетъ обратиться въ собственность силой общей давности. Въ качествѣ владѣльца онъ имѣетъ право защищать свое владѣніе передъ закономъ отъ вмѣшательства сторонніхъ лицъ, но этимъ правомъ пользуется онъ только противъ того лица, отъ котораго получилъ имѣніе на основаніи законной сдѣлки, и противъ такихъ только третьихъ лицъ, которыя не имѣютъ полнаго, записаннаго въ книгу, вещнаго права на то же самое имущество: въ противномъ случаѣ, право другаго лица, записанное въ книгу, получаетъ преимущество передъ его правомъ, хотя бы актъ, на которомъ оно основано, состоялся гораздо позже чѣмъ его актъ. Такъ, если напримѣръ продавецъ, продавъ имѣ-

Digitized by Google

ие одному лицу, продалъ его потомъ другому, и вторичный актъ продажи записанъ въ книгу прежде чѣмъ могъ быть записанъ актъ перваго покупателя, то одно право втораго покупателя признается вещнымъ правомъ, и первый покупатель не можетъ возражать ему, хотя бы ранѣе вступилъ во владѣніе купленнымъ имѣніемъ, такъ что второй покупатель въ правѣ вытѣснить его изъ владѣнія (1). Первый покупатель, не успѣвъ пріобрѣсть вещнаго права, не можетъ удержаться во владѣніи имуществомъ: ему предоставляется только требовать себѣ вознагражденія отъ продавца, въ теченіе общей давности или особо установленнаго срока (нѣкоторыя законодательства значительно сокращаютъ этотъ срокъ, напримѣръ нассаусское—до трехъ мѣсяцевъ). Такова строгость права вотчинной записки. Иныя законодательства простираютъ ее до того, что безусловно предоставляютъ право собственности записанному владѣльцу даже въ томъ случаѣ, когда записка совершена неправильно отъ имени лица, которому имѣніе не принадлежало или которое не могло распоряжаться имъ: но такая крайность воззрѣнія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдана, потому что противорѣчитъ коренному началу справедливости.

Установляя различіе между правомъ, записаннымъ въ книгу, и правомъ, осуществившимся на дѣлѣ, но въ книгу не записан-

---

(1) Многія законодательства (напримѣръ саксонское, прусское, французское, бельгійское) изъ опасенія нарушить справедливость отдаютъ преимущество записанному акту передъ не записаннымъ только въ такомъ случаѣ, когда первый записанъ былъ добросовѣстно, когда, напримѣръ, вторичный покупатель при запискѣ своего права не зналъ, что имѣніе прежде уже продано другому. Но другія законодательства, напримѣръ австрійское, рѣшительно отвергаютъ такое ограниченіе; практика оправдываетъ, кажется, послѣднее мнѣніе: оно согласнѣе съ практическими цѣлями вотчинной записки. Правило французскаго закона возбуждаетъ множество процессовъ, и притомъ такихъ процессовъ, въ которыхъ трудно постановить правильное рѣшеніе, по недостатку внѣшнихъ признаковъ *добросовѣстности*. Притомъ, едва ли можно безусловно признать недобросовѣстнымъ втораго покупателя за то, что онъ, зная о прежней продажѣ, позаботился какъ можно скорѣе записать за собой имѣніе, предупредивъ перваго покупателя, менѣе дѣятельнаго: едва ли можно обвинить его въ обманѣ, когда самъ законъ объявляетъ, что переходъ собственности совершается посредствомъ записки, и что до записки вещнаго права по договору, нельзя еще признать это право вполнѣ установленнымъ

Digitized by Google

нымъ, нѣкоторыя, впрочемъ весьма не многія законодательства, доходятъ до рѣзкихъ крайностей. Такъ напримѣръ, саксонскій законъ, увлекаясь историческими воззрѣніями римскаго законодательства, установляетъ для того и другаго права особыя категоріи, присвоивая одному, записанному, особое свойство и названіе *гражданской* собственности, а другому, незаписанному, хотя и осуществляющемуся во владѣніи, особое свойство и названіе *натуральной* собственности (bürgerliches und natürliches Eigenthum). Такое раздѣленіе, отвергаемое почти всѣми прочими законодательствами, противорѣчитъ коренному началу вотчинной записки и практическимъ цѣлямъ ея. Такой законъ, стараясь съ одной стороны утвердить вѣрность и прочность вотчиннаго права, съ другой стороны полагаетъ начало неизвѣстности и сомнѣніямъ, потому что установляетъ двоякое право собственности, тогда какъ право это, по существу своему, должно быть единое. Что-нибудь изъ двухъ: или законъ признаетъ истиннымъ собственникомъ одно только лицо, записанное въ книгу: въ такомъ случаѣ съ этимъ признакомъ должны быть соединены, безъ раздробленія, всѣ права и повинности собственника, и гражданскія, и государственныя (напримѣръ право участвовать въ выборахъ, право на нѣкоторыя должности, платежъ податей и т. п.); или условіе записки не есть существенное условіе для пріобрѣтенія права. Отъ единства и послѣдовательности въ принятомъ однажды началѣ зависитъ достиженіе предполагаемыхъ цѣлей: вѣрности и порядка въ юридическихъ отношеніяхъ, твердости общественнаго и частнаго кредита, предупрежденія недоумѣній и споровъ и т. под. (1).

V.

Мы имѣли случай выше упомянуть о томъ, что во Франціи издревле существовала двоякая система пріобрѣтенія вещныхъ

(1) Подробныя указанія на литературу этого предмета и разборъ всѣхъ новѣйшихъ законодательныхъ уставовъ вотчинной транскрипціи можно найдти въ статьяхъ Миттермайера, помѣщенныхъ въ изданіи его: *Archiv für die civilistische Praxis*. T. XVIII, XIX, XXVIII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, а также въ статьяхъ Варнкенига, въ *Zeitschrift für deutsches Recht*. 1859.

Digitized by Google

правъ: въ однѣхъ провинціяхъ укоренился германскій обычай публичнаго сознанія передачи; въ другихъ, подъ вліяніемъ началъ римскаго права, для пріобрѣтенія требовалась простая передача, и переходъ совершался договорнымъ согласіемъ сторонъ. Въ концѣ XVIII столѣтія обнаружилось, какъ извѣстно, съ особенною силой, стремленіе привесть къ единству началъ и обрядовъ разнообразіе мѣстнаго права во всей Франціи. Послѣдствіемъ революціи 1789 года было преобразованіе всего общественнаго порядка на основаніи новыхъ началъ, противоположныхъ началамъ феодальнаго права: этотъ переворотъ не могъ не отразиться и на правѣ собственности. 4 августа 1789 года, вмѣстѣ со всею системой феодальныхъ правъ, разрушены были и патримоніальные суды, передъ которыми совершались главнѣйшіе обряды перехода собственности (oeuvres de loi), и установленія закладнаго права: эти суды замѣнены вскорѣ судами окружными; вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и прежній обрядъ укрѣпленія правъ въ провинціяхъ, державшихся этого обряда (pays de nantissement); мѣсто его заняла записка (transcription и inscription) договоровъ въ реестры протоколистовъ при окружныхъ судахъ. За тѣмъ, при изданіи въ третьемъ году республики новаго закона объ ипотекахъ, постановлено было вносить въ ипотечныя книги всѣ переходы поземельной собственности; чрезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ VII году республики, законъ объ ипотекахъ подвергся новымъ важнымъ измѣненіямъ, и при этомъ постановлено слѣдующее правило, впервые высказанное во Франціи: акты и переходъ имуществъ и правъ, подлежащихъ залогу, должны быть записаны въ ипотечные реестры того округа, въ которомъ находится имущество. Акты, не записанные этимъ порядкомъ, не должны имѣть силу противъ третьихъ лицъ, которыя, войдя въ договоръ съ продавцомъ, исполнятъ настоящее предписаніе закона. Вслѣдствіе транскрипціи къ пріобрѣтателю переходитъ то же самое право собственности на имущество, какое было у продавца, и со всѣми долгами и ипотеками, какія лежали на томъ имуществѣ. На основаніи этого правила пріобрѣтатель имущества, напримѣръ покупщикъ, по силѣ самаго договора, становился собственникомъ и въ отношеніи къ продавцу, отъ котораго могъ требовать отдачи имущества во владѣніе, и въ отношеніи къ государству,—ибо могъ со дня совершенія договора требовать, чтобъ его признавали собственникомъ, — и въ отношеніи ко всѣмъ третьимъ лицамъ, которыя не могли основывать права свои на

Digitized by Google

передачѣ отъ того же продавца. Не не считался онъ собственникомъ въ отношеніи къ тому, кто могъ пріобрѣсть отъ продавца то же самое имущество прежде чѣмъ онъ внесъ свое правое въ книгу. Покуда договоръ покупщика не получилъ для всѣхъ сторонних лицъ гласности посредствомъ транскрипціи, въ отношеніи къ нимъ продавецъ продолжаетъ считаться собственникомъ, такъ что новыя дѣлаемыя имъ отчужденія того же самаго имущества или части его на имя сторонних лицъ, получаютъ силу противъ перваго пріобрѣтателя. Изъ двухъ покупщиковъ одного имущества, тотъ почитается истиннымъ собственникомъ, кто успѣлъ прежде записать свое право.

Такая теорія пріобрѣтенія оставалась въ силѣ до изданія Наполеонова кодекса. Новый кодексъ изданъ былъ, какъ извѣстно, не въ цѣломъ своемъ составѣ, а по частямъ, и по частямъ же обсуждался въ государственномъ совѣтѣ въ законодательномъ сословіи. При обсужденіи третьей книги, о способахъ пріобрѣтенія собственности, положено было оставить въ силѣ правило транскрипціи въ отношеніи къ даренію недвижимыхъ имуществъ: вопросъ о несостоятельности этого правила не былъ еще поднятъ. Но потомъ, при обсужденіи четвертой книги объ обязательствахъ и договорахъ, начались жаркія пренія именно по этому вопросу. Защитники транскрипціи указывали на невыгоды и затрудненія отъ безгласности въ переходахъ собственности, доказывали, что обществу необходимо знать каждое отчужденіе, знать, кто въ какую минуту долженъ считаться собственникомъ. Противники транскрипціи находили ее стѣснительною для частныхъ лицъ, доказывали, что несправедливо ставить пріобрѣтателю въ вину, что онъ по невѣдѣнію или по ошибкѣ не успѣлъ записать за собой имѣнія, оспаривали самую необходимость обряда транскрипціи. Но всѣ эти пренія не привели къ положительному результату, и для того чтобы выпутаться изъ разногласія, положили въ 1140 статьѣ кодекса, что послѣдствія обязательства о недвижимомъ имуществѣ будутъ опредѣлены въ главѣ о продажѣ и объ ипотекахъ. Но когда дошли до главы о продажѣ, прежнія пренія возобновились съ новою силой, и не привели къ ясному рѣшенію: прямой вопросъ снова оставленъ былъ въ сторонѣ. Но такъ какъ всѣ соглашались въ томъ, что одной силы договора достаточно для того, чтобы признать переходъ собственности совершившимся между лицами,

Digitized by Google

ствующими въ договорѣ, то и постановлено въ 1583 статьѣ кодекса, что продажа сама по себѣ даетъ покупателю право собственности *относительно продавца*. А вопросъ о томъ, какія должны быть послѣдствія продажи относительно третьихъ лицъ,—все-таки остался неразрѣшеннымъ: о немъ не было помину и при разсужденіи о запискѣ правъ ипотечныхъ.

Между тѣмъ, выше приведенное правило транскрипціи, установленное закономъ II брюмера VII года, не было формально отмѣнено, такъ что вслѣдъ за распубликованіемъ новаго кодекса въ судахъ возникли сомнѣнія о томъ, оставленъ ли въ силѣ или уничтоженъ обрядъ вотчинной транскрипціи для перехода недвижимыхъ имуществъ. Кассаціонный судъ рѣшилъ, и всѣ согласились, что формальность эта уже не существуетъ: въ послѣдствіи противъ такого толкованія послышались сильные голоса со стороны многихъ юристовъ, изслѣдовавшихъ историческую сторону вопроса, но тѣмъ не менѣе транскрипція вотчинныхъ правъ офиціяльно признана уничтоженною. Такимъ образомъ, съ изданія Наполеонова кодекса до послѣдняго времени, во французскомъ законодательствѣ существовало странное правило, составлявшее рѣзкую его особенность, правило, несогласное съ началами, ни римской, ни германской системы пріобрѣтенія. Для такого перехода собственности не требовалось ни римской традиціи, ни германской транскрипціи, не требовалось ровно никакого внѣшняго очевиднаго признака: переходъ не только между контрагентами, но и въ отношеніи ко всѣмъ стороннимъ лицамъ, совершался силой простаго соглашенія. Это правило французскаго закона справедливо осуждалось какъ наукой, такъ и практикой. При дѣйствіи его право собственности не могло имѣть надлежащей твердости, потому что не имѣло извѣстности и опредѣленности: переходъ его совершался безгласно, такъ что никто, входя въ сдѣлку съ владѣльцемъ имущества, не могъ быть увѣренъ, дѣйствительно ли право его твердо и есть истинное право собственности. Недостатки ипотечной системы во Франціи вошли въ пословицу, но и къ исправленію ея нельзя было приступить при такой неопредѣленности переходовъ вотчиннаго права. Какъ бы ни была совершенна ипотечная система, она не можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ, если законъ не установилъ опредѣленныхъ признаковъ, по которымъ всякій могъ бы съ достовѣрностію распознать переходъ права собственности и судить о положеніи

Digitized by Google

имущества, предлагаемаго ему въ обезпеченіе. Отъ этой неизвѣстности частныя лица въ сдѣлкахъ гражданскихъ подвергались такъ часто обманамъ и разореніямъ, что частная собственность во Франціи вовсе не могла считаться обезпеченною, и знаменитый Дюпенъ имѣлъ полное основаніе сказать въ одной изъ рѣчей своихъ передъ кассаціоннымъ судомъ: «у насъ кто покупаетъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что у него не отнимутъ купленнаго; кто платитъ, не увѣренъ, что не придется ему заплатить въ другой разъ; кто даетъ деньги взаймы, не увѣренъ, что получитъ ихъ обратно.»

Съ 1825 года стали громче и громче раздаваться во Франціи жалобы на печальное состояніе поземельнаго кредита, но въ то время главною причиной бѣдствія полагали несовершенство французской ипотечной системы и требовали прежде всего преобразованій въ ней, не обращая вниманія на то, что самая совершенная ипотечная система не можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ, если положеніе собственности таково, что кредитъ не можетъ на ней опереться, если заимодавецъ не въ состояніи разчитать съ увѣренностію дѣйствительную стоимость имущества, которое предлагается ему въ обезпеченіе, не можетъ даже знать навѣрное, принадлежитъ ли это имущество тому, кто выставляетъ его своею собственностію. Эти требованія и жалобы не остались безъ послѣдствій, и въ 1841 году правительство начало собирать мнѣнія ученыхъ экономистовъ, юристовъ и практиковъ по важному вопросу объ улучшеніи частнаго поземельнаго кредита. Спеціяльная коммиссія, учрежденная для этой же цѣли, тщательно обсудила этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ, и собрала множество свѣдѣній и матеріяловъ; но работы ея прерваны были Февральскою революціей. Новая коммиссія о преобразованіи ипотечнаго кредита учреждена была уже національнымъ собраніемъ; обработанный ею проектъ разсматривался въ національномъ собраніи въ 1850 году; но пренія остались безъ результата. Между тѣмъ г. Воловскій возбудилъ въ національномъ собраніи мысль, которую высказывалъ еще въ 1826 году Казиміръ Перье, мысль о необходимости учрежденія обществъ поземельнаго кредита, и вопросъ объ ипотекахъ получилъ новое направленіе, сталъ вопросомъ второстепеннымъ во Франціи. Оказалось, что усовершенствованіе закона объ ипотекахъ не будетъ имѣть успѣха, если вмѣстѣ съ тѣмъ не будутъ созданы такія учрежденія, которыя служили бы посредниками въ кредитѣ между капиталистомъ и землевла-

Digitized by Google

дѣльцемъ. Національное собраніе не успѣло дожить до обсужденія составленнаго въ немъ проекта положенія о поземельномъ кредитѣ; но этотъ предметъ казался такъ важенъ для народнаго состоянія и былъ такъ тѣсно связанъ съ политическими вопросами, стоявшими тогда на очереди, что новый владыка Франціи, вскорѣ по вступленіи на престолъ, въ февралѣ 1852 года, издалъ извѣстный декретъ объ обществахъ поземельнаго кредита. Послѣдствія этого декрета не соотвѣтствовали, какъ извѣстно, ни пышнымъ обѣщаніямъ правительства, ни общимъ ожиданіямъ (1): новый законъ о кредитныхъ обществахъ самъ по себѣ не могъ преобразовать и поднять кредитъ, когда въ прочихъ частяхъ законодательства не доставало постановленій, необходимыхъ для кредита: надлежало еще частную собственность въ цѣломъ государствѣ привесть въ точную извѣстность посредствомъ кадастровыхъ описаній и поземельныхъ книгъ, облегчить непомѣрныя тягости и повинности, лежащія

(1) Вообще, французскія учрежденія поземельнаго кредита немного способствовали утвержденію его во Франціи, несмотря на то, что Французы отличались всегда практическимъ смысломъ въ примѣненіи къ дѣлу началъ юридическихъ. Многіе объясняютъ несовершенство французскихъ учрежденій и законовъ относительно поземельнаго кредита причинами политическими. Говорятъ, что правительство старой и новой имперіи, вѣрное стремленію сосредоточить въ себѣ всѣ нити управленія, притянуть къ себѣ всѣ силы общественнаго организма, по самому принципу своему не можетъ стремиться къ сильному развитію и утвержденію поземельнаго кредита. Съ его точки зрѣнія несравненно важнѣе кредитъ государственный, такъ что для правительства невыгодно вызвать сильную свободную конкурренцію этому кредиту въ кредитѣ поземельномъ. Дѣйствительно, владѣлецъ государственныхъ бумагъ всегда будетъ тѣсно связанъ личнымъ интересомъ своимъ съ интересами существующаго правительства, и всегда будетъ всѣми силами поддерживать его: стало-быть, для правительства выгодно, если для частнаго лица всего удобнѣе ввѣрить даже маленькій капиталъ свой правительству, употребивъ его на покупку рентныхъ билетовъ. То же должно сказать о большихъ капиталистахъ и банкирахъ: для нихъ всего важнѣе кредитъ государственный, а не поземельный; къ послѣднему они по меньшей мѣрѣ равнодушны. Новое французское правительство всячески желаетъ оградить себя отъ новыхъ политическихъ переворотовъ, и потому естественно, что оно по крайней мѣрѣ не искренно желаетъ развитія и утвержденія поземельнаго кредита: этимъ соображеніемъ и, кромѣ того, стародавнею привычкой Французовъ къ правительственной централизаціи можетъ объясниться многое въ новой исторіи французскаго законодательства о поземельной собственности, о поземельномъ кредитѣ.

Digitized by Google

на поземельной собственности, установить правильную систему вотчинной транскрипціи, упростить и усовершенствовать законы о закладномъ правѣ и, въ особенности, сложныя формы и медленное производство публичной продажи имущества для удовлетворенія взысканій. Всего настоятельнѣе требовалось улучшеніе закона о переходѣ вотчинныхъ и установленіи закладныхъ правъ, и на этотъ предметъ прежде всего обратилось вниманіе законодателя. Вслѣдствіе того, въ государственномъ совѣтѣ составленъ былъ проектъ правилъ о возстановленіи транскрипціи недвижимыхъ имуществъ и вещныхъ правъ, получившій силу закона 23 марта 1855 года.

Этимъ закономъ исправленъ одинъ изъ существенныхъ недостатковъ гражданскаго кодекса, выше нами указанный. Всѣ вотчинныя и вещныя права, за исключеніемъ наслѣдственныхъ, всѣ акты и договоры объ этихъ правахъ между частными лицами, признаны подлежащими записке въ реестры у хранителей ипотеки (registres des conservateurs d'hypothèque). Право пріобрѣтателя въ отношеніи къ тому лицу, отъ котораго пріобрѣтено, попрежнему не зависитъ отъ этой записки, но для пріобрѣтенія права относительно всѣхъ третьихъ лицъ транскрипція объявлена безусловно-необходимою, слѣдовательно-новый законъ признаетъ положительно, что полное право собственности пріобрѣтается не иначе какъ посредствомъ записки.

Нельзя не видѣть въ этомъ правилѣ существеннаго улучшенія, и съ этой стороны законъ 1855 года составляетъ эпоху во французскомъ законодательствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что новый законъ удовлетворяетъ только отчасти потребностямъ кредита. Исторія происхожденія его показываетъ, что, предлагая этотъ законъ, правительство не имѣло въ виду общей цѣли и не держалось общихъ началъ кредита, а желало только удовлетворить потребность настоящей минуты, именно устранить препятствіе къ успѣху любимаго своего созданія—*центральнаго общества* поземельнаго кредита. Всѣ постановленія закона направлены къ этой односторонней цѣли; естественно, поэтому, что они сами неполны и односторонни. Новый законъ оставляетъ неприкосновеннымъ прежнее правило, по которому собственность пріобрѣтается силой простаго договора, относительно того лица, отъ котораго пріобрѣтена, и его представителей. Но собственность и вообще всякое вещ-

Digitized by Google

ное право, по сущности своей, не допускаютъ такой двойственности и требуютъ безусловнаго признанія относительно всѣхъ и каждаго; поэтому признаніе права въ одно и то же время совершеннымъ относительно одного лица, и несовершеннымъ относительно прочихъ лицъ, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, несообразное съ понятіемъ о твердости и единствѣ права. Законъ былъ бы послѣдователенъ, когда бы рѣшился признать, что вслѣдствіе договора возникаетъ только право требовать передачи отъ прежняго хозяина, право, еще не имѣющее вещнаго характера. Одинъ изъ существенныхъ недостатковъ французской транскрипціи состоитъ въ томъ, что ей подлежатъ далеко не всѣ права, имѣющія вотчинное свойство, и что записка хотя совершается по мѣсту нахожденія имущества, но относится не къ этому имуществу, а къ лицу владѣльца, такъ что имѣющему надобность войдти съ нимъ въ сдѣлку, становится очень затруднительно собрать точныя свѣдѣнія о состояніи имущества и о лежащихъ на немъ долгахъ и повинностяхъ. При обсужденіи закона предлагаемо было расположить транскрипцію не по лицамъ владѣльцевъ, а по имуществамъ, и даже, для большей вѣрности, привесть поземельныя книги въ соглашеніе съ системой кадастровыхъ описаній; но предложеніе это отвергнуто. Правда, что чрезвычайное раздробленіе поземельной собственности во Франціи, и частые переходы мелкихъ участковъ изъ рукъ въ руки затрудняютъ примѣненіе чисто-вотчиннаго начала къ запискѣ, и что кадастровая система не доведена еще во Франціи до такой полноты и точности, чтобы можно было съ увѣренностію положиться на свѣдѣнія, собранныя посредствомъ кадастровой повѣрки; но во всякомъ случаѣ затрудненія эти едвали можно назвать непреодолимыми, расположеніе же записныхъ книгъ по именамъ владѣльцевъ, а не по имуществамъ, лишаетъ вотчинную транскрипцію существеннаго качества, необходимаго для успѣшнаго достиженія той цѣли, для которой она установлена.

Одна изъ самыхъ важныхъ задачъ настоящаго времени, задача, которой разрѣшеніе, безъ сомнѣнія, составитъ важнѣйшую эпоху въ исторіи общественнаго развитія, есть полное примѣненіе кадастра къ поземельной собственности. До сихъ поръ почти вездѣ болѣе высказано желаній и предположеній по этому предмету, чѣмъ сдѣлано въ дѣйствительности, хотя

Digitized by Google

вопросъ о кадастрѣ далеко не новый, и кадастровая система еще въ XV столѣтіи извѣстна была во многихъ италіянскихъ государствахъ, особенно въ Ломбардіи и Тосканѣ. Довольно удачныя попытки къ примѣненію ея сдѣланы были въ послѣднее время въ Женевѣ, въ Сардинскомъ королевствѣ, въ Баваріи и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствахъ, но до сихъ поръ это примѣненіе было одностороннее, съ цѣлію утвердить на прочныхъ основаніяхъ систему податей и повинностей. Вопросъ о примѣненіи кадастра становится теперь несравненно обширнѣе, по крайней мѣрѣ въ литературѣ политической, откуда рано или поздно онъ долженъ будетъ, разработавшись, перейдти въ сферу законодательной дѣятельности. Съ помощію кадастра предполагается устроить полное описаніе поземельной собственности цѣлаго края, съ точнымъ означеніемъ по каждому участку пространства, вида, границъ, всѣхъ физическихъ и экономическихъ принадлежностей, свойствъ и особенностей, всѣхъ повинностей и требованій, лежащихъ на имѣніи, всѣхъ правъ, которыя принадлежатъ къ нему или имъ обезпечиваются. Такимъ образомъ, кадастръ, вотчинная записка и установленіе закладнаго права должны слиться въ одно учрежденіе, на столько совершенное, чтобы по каждому имѣнію можно было тотчасъ же съ достовѣрностію опредѣлить матеріяльный образъ его, экономическую цѣнность и мѣру кредита, съ нимъ соединеннаго. Каждое замѣтное событіе, измѣняющее матеріяльный или юридическій видъ имѣнія, напримѣръ раздѣлъ, постройка, отчужденіе, отдача въ долгосрочную аренду, отдача въ залогъ и т. п. отмѣчалось бы въ одномъ изъ отдѣловъ описательнаго листа, и экземпляръ этого листа просоединялся бы къ каждому акту или сдѣлкѣ объ имѣніи: такимъ образомъ значительно упростилось бы, облегчилось и удостовѣрилось самое совершеніе актовъ. Не трудно себѣ представить, на сколько выигралъ бы отъ этого поземельный кредитъ между частными лицами, и не одинъ только поземельный. Вся бытовая сторона собственности получила бы отъ такого учрежденія характеръ достовѣрности, вся система доказательствъ перемѣнила бы свой видъ, и уменьшилась бы значительно та фактическая неопредѣленность, которая составляетъ теперь главную причину размноженія и запутанности процессовъ. Бо́льшая часть ихъ относится къ вопросамъ о собственности и владѣніи, требующимъ продолжительныхъ и

Digitized by Google

цѣнныхъ изслѣдованій на мѣстѣ, осмотровъ, свидѣтельскихъ показаній, повѣрки документовъ и т. п., но по свойству признаковъ событія, возстановленіе истины весьма часто и послѣ изслѣдованія или повѣрки оказывается невозможнымъ, такъ что суду приходится жертвовать матеріяльною истиной истинѣ формальной. Такія описанія, о которыхъ мы говоримъ, если пріобрѣтутъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, характеръ достовѣрности, послужатъ къ устраненію множества подобныхъ неудобствъ и къ предупрежденію множества тяжебъ между сосѣдями, и пререканій о правѣ собственности.

К. Побѣдоносцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Digitized by Google

ФАЛЬШИВЫЙ АККОРДЪ

ПОВѢСТЬ

I.

Марья Николаевна только что отобѣдала и вышла на балконъ, выдающійся на большой тѣнистый садъ. Она усѣлась въ мягкія кресла и принялась кушать кофе. Марьѣ Николаевнѣ было лѣтъ за сорокъ, но она хорошо сохранилась, и на ея лицѣ были еще замѣтны слѣды красоты. Легкій, фуляровый пеньюаръ обхватывалъ ея еще довольно стройный станъ, а чепчикъ изъ валансіенъ покрывалъ только часть ея густыхъ черныхъ волосъ. Правильныя, хотя и немного рѣзкія черты, могли бы показаться привлекательными, если бы общее выраженіе лица не носило харктера нѣсколько жесткаго и недовольнаго. Отъ утомленія ли, или отъ скуки она раза два зѣвнула, потомъ посмотрѣла вокругъ себя на роскошно раскинувшіяся деревья на красивыя, заманчивыя дорожки, тщательно вычищенныя и усыпанныя краснымъ пескомъ, на клумбы, испещренныя цвѣтами, на лучи солнца, прорывавшіеся сквозь густую зелень деревьевъ, на лежащую вдали дорогу, по которой отъ времени до времени тащилась крестьянская телѣга, подымая за собой легкое облако пыли. Но эта картина, повидимому, не была

Digitized by Google

для нея привлекательна, давно уже надоѣла ей, и все та же скука выражалась въ ея взглядѣ. Взявъ со столика, стоявшаго передъ нею, какой-то французскій журналъ, она стала перелистывать его, разрѣзывать разсѣянно листы и, наконецъ, принялась читать, не то что внимательно, но какъ-то машинально, не останавливаясь.

Да какъ было не скучать Марьѣ Николаевнѣ? Она всегда жила или въ Петербургѣ, или за границей, а теперь проводила лѣто въ своемъ имѣніи совершенно одна. Занятій у нея вовсе не было, потому что Марья Николаевна хотя и пріѣхала на житье въ деревню, чтобы хозяйничать, но о сельскомъ хозяйствѣ не имѣла ни малѣйшаго понятія, а попрежнему предоставляла все своему управляющему. Она любила цвѣты, но зачѣмъ же самой рыться въ землѣ, пачкать руки, когда садовникъ знаетъ хорошо свое дѣло? Ей оставалось только приказать, чтобы тутъ или тамъ посадили такія-то растенія, здѣсь остригли вѣтки, въ другомъ мѣстѣ проложили новую дорожку, и потомъ любоваться тѣмъ, что̀ сдѣлано. Съ сосѣдями Марья Николаевна не зналась и умѣла избѣжать всякаго знакомства съ этими rustres, какъ она ихъ называла. Это была самая богатая помѣщица губерніи К***, и потому внушала всѣмъ сосѣднимъ помѣщикамъ какое-то священное уваженіе. Познакомиться съ нею, похвастать этимъ знакомствомъ было pium desiderium каждаго, но къ величайшему ихъ прискорбію, никому это не удавалось. Вслѣдствіе того, конечно, Марья Николаевна Совицкая прослыла гордою, надменною и чуть ли не сумашедшею.

Итакъ, она проводила время однообразно и конечно скучно. Однакожь если бы кто-нибудь спросилъ у нея, скучаетъ ли она, — Марья Николаевна въ этомъ никогда бы не созналась. Люди мыслящіе не скучаютъ, была ея любимая аксіома, и если не всегда повторялась Марьей Николаевной, то все-таки безпрестанно носилась передъ нею, выражалась во всякомъ ея словѣ. Сознаться, что скучаешь, не значитъ ли сознаться въ томъ, что ничѣмъ сильно не интересуешься, а Марья Николаевна морочила себя мыслію, что принимаетъ самое живое участіе и въ политикѣ, и въ литературѣ, и въ искусствахъ, и чуть ли не въ наукѣ, наконецъ во всемъ, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Она выписывала всевозможные журналы, читала по привычкѣ отъ доски до доски, зѣвая подъ часъ самымъ жалкимъ образомъ, и была твердо убѣжде-

Digitized by Google

на, что хотя живетъ въ настоящую минуту далеко отъ городскаго шума, но слѣдитъ за современнымъ движеніемъ человѣческаго ума.

Непостижимо, какъ эта постоянная комедія съ самой собою даже тогда, когда не было зрителей, не надоѣдала ей; но комедія эта до того превратилась въ привычку, до того вошла въ ея кровь и плоть, что вѣроятно никакіе перевороты земнаго шара не могли бы излѣчить Марью Николаевну.

Въ молодости Совицкая вышла замужъ безъ любви, за человѣка, женившагося на ней по разчету. Она никогда не воображала, что любила мужа или что любима имъ; но прожила съ нимъ десять лѣтъ очень счастливо, какъ говорила общая молва. Когда мужъ умеръ, она конечно поплакала, на сколько было нужно, а потомъ стала жить опять-таки счастливо, посвящая всю жизнь, какъ выражалась, единственному сыну. Марья Николаевна была въ молодости красавицей и внушила не одну страсть. Она знала это, но ея сердце никогда не билось сильнѣе обыкновеннаго, воображеніе никогда не разгоралось; она стояла, опять-таки по ея мнѣнію, выше всѣхъ этихъ мелочей, и никогда никто не могъ бы упрекнуть ее даже въ малѣйшемъ движеніи кокетства. Она принимала весь городъ, читала, говорила, по своему и интересовалась всѣмъ современнымъ (хотя почти во всемъ была совершенная невѣжда), и въ этомъ проходила ея жизнь. Безпрестанно проповѣдывала она о пагубныхъ послѣдствіяхъ суетности, о томъ, что должно имѣть серіозное направленіе, серіозный взглядъ на вещи, серіозную цѣль; что каждый обязанъ заботиться о благодѣтельномъ вліяніи на общество, что надобно образовать его, помогать бѣднымъ людямъ, страдающимъ отъ общественныхъ недуговъ; но что эта помощь не должна заключаться только въ томъ, чтобы бросать горсти золота направо и налѣво,—кто этого не можетъ? стоитъ только быть богатымъ,—нѣтъ, гораздо выше, гораздо похвальнѣе развить, напримѣръ, раждающійся талантъ, поощрить его одобреніемъ, помочь ласковымъ словомъ, дать ему почувствовать, что онъ въ состояніи проложить себѣ путь даже въ лучшее общество, что само общество нуждается въ немъ. Что можетъ быть лучше, благороднѣе, какъ имѣть нравственное вліяніе на людей, окружающихъ насъ, посвятить себя воспитанію новаго поколѣнія и этимъ принести существенную пользу всей Россіи? Такого рода благодѣянія труднѣе, они доступны только избраннымъ. Но странно, несмотря на эти вы-

Digitized by Google

сокія цѣли и благородныя стремленія, Марьѣ Николаевнѣ не удалось ни развить ни одного таланта, ни ободрить никого, ни проложить никому дороги. Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, выслушавъ много пышныхъ изреченій, всѣ ея protégés исчезали, не показывали глазъ и прославляли ее самою скучною женщиной. Марья Николаевна называла это une déception жаловалась на судьбу, на то, что ей ничто не удается, что силы ея гибнутъ напрасно, но, при концѣ грустной рѣчи, бодро приподнимала голову и говорила: «что жь, если и было у меня много неудачь, если я часто ошибалась, не будемъ отчаиваться въ будущемъ.»

Правду сказать, для многихъ Марья Николаевна была рѣшительно чумой. Tête-à-tête съ ней считался пыткой, но весь городъ стремился на ея вечера, гдѣ собиралось самое избранное общество, и, хотя подшучивали надъ нею тайкомъ, она пользовалась самою выгодною репутаціей.

Марья Николаевна все еще была погружена въ свое чтеніе, какъ вдругъ по большой дорогѣ послышался стукъ. Она подняла глаза и увидѣла окруженный густымъ облакомъ пыли какой-то громадный, неуклюжій экипажъ. Тройка деревенскихъ лошаденокъ довольно быстро тащила его, и скоро очутился онъ вблизи отъ дома. Экипажъ этотъ былъ старая, длинная, взгромоздившаяся на высокихъ ресорахъ коляска. На козлахъ сидѣлъ кучеръ въ истертомъ, облиняломъ армякѣ, а возлѣ кучера, на мѣсто лакея, усѣлась горничная съ платкомъ на головѣ и въ ситцевой кацавѣйкѣ, кой-гдѣ разорванной, съ клочками грязной ваты, торчавшей изъ дыръ. Кожаный фартукъ коляски совершенно скрывалъ сѣдоковъ экипажа. Перекачиваясь съ боку на бокъ и дрожа вся какъ въ лихорадкѣ, коляска въѣхала на дворъ и остановалась у главнаго подъѣзда. «Боже мой! что это такое,» подумала Марья Николаевна, и не на шутку ужаснулась. Почти въ то же время у дверей, выходящихъ на балконъ, явился человѣкъ съ докладомъ: «сосѣдка, помѣщица Арина Ивановна Горшкова пріѣхала, прикажете принять?»

— Дома нѣтъ, скажи, что меня дома нѣтъ, проговорила скороговоркой Марья Николаевна.—Сколько разъ было сказано вамъ: не принимать сосѣдей.

— Да я докладывалъ, что Марья Николавна не у себя-съ, а эта барыня говоритъ: «Что ты батюшка, Марья Николавна сидитъ на балконѣ, вѣдь я сама видѣла.» Я и пришелъ доложить.

Digitized by Google

Марья Николаевна невольно улыбнулась.

— Они говорятъ, что по дѣлу пріѣхали, прибавилъ человѣкъ.

— Что тутъ станешь дѣлать, вздохнула Марья Николаевна: —ну, проси.

II.

Скоро въ сосѣдней комнатѣ послышался сухой, старческій кашель, и на балконъ вошла старушка маленькая, худенькая, вся сгорбленная; за руку она держала дѣвочку лѣтъ десяти, съ блестящими черными глазами, съ веселымъ, хотя нѣсколько дикимъ и испуганнымъ выраженіемъ въ лицѣ и съ черными кудрями, выбивавшимися изъ-подъ бѣлой коленкоровой шляпки. Старушка была одѣта бѣдно. На ней было черное люстриновое платье, какая-то старая порыжѣлая отъ времени черная же шаль и шляпка огромнаго размѣра изъ темно-зеленаго гроденапля. Сморщенное ея лицо какъ-то добродушно и умильно улыбнулось, когда она подошла къ Марьѣ Николаевнѣ, которая, при появленіи старушки, поднялась съ креселъ.

— Ахъ матушка, Марья Николавна, извините, что я старуха осмѣлилась побезпокоить васъ, сказала она, низко кланяясь,— много наслышалась я о вашей добротѣ и милости, а потому и рѣшилась пріѣхать. Да что же ты, Вѣрочка, стоишь какъ вкопаная, прибавила она, обратившись къ дѣвочкѣ,—что жь не поклонишься Марьѣ Николаевнѣ?

Вѣрочка присѣла довольно не ловко.

— Помилуйте я очень рада, сказала наконецъ Марья Николаевна. — Сядьте пожалуста, мы съ вами сосѣди, кажется?

— Сосѣди, какъ же сосѣди, матушка, моя деревенька всего двадцать верстъ отсюда.

— Двадцать верстъ! ахъ, да вы вѣрно очень устали. Какъ это вы собрались?

— Устали! ужь намъ ли уставать, матушка Марья Николаевна, мы не такого поля ягода... У меня, вѣдь, не такія хоромы, всего десять душъ имѣю: такъ сами посудите, можно ли тутъ думать о своемъ спокойствіи.

Марья Николаевна взглянула на Вѣрочку.

— Сядьте, душенька, сказала она ей довольно ласково.

Дѣвочка подумала, что нужно послушаться, и тотъ часъ же

Digitized by Google

сѣла на кресло, стоявшее возлѣ нея. Гибкія пружины неожиданно для нея уступили легкой тяжести ребенка, и она какъ будто утонула въ креслахъ. Удивленная и немного испуганная, дѣвочка вся покраснѣла.

— Что, сказала смѣясь бабушка,—не сиживала еще на такихъ мягкихъ креслахъ? привыкла на моемъ жесткомъ диванѣ.— Дѣвочка еще больше покраснѣла и совсѣмъ потерялась.

— А для того, чтобы вамъ было извѣстно, Марья Николаевна, начала опять говорливая старушка,—почему я осмѣлилась побезпокоить васъ, скажу вамъ прямо, что у меня покорнѣйшая просьба до вашей милости. Не оставьте старуху,—она прослезилась,—заставьте вѣкъ Богу за себя молить!

— Что могу я для васъ сдѣлать, Ирина Ивановна, я считаю святою обязанностію помогать всѣмъ, когда только могу.

— Святая обязанность, точно, что святая обязанность, матушка моя, да не всѣ-то такъ думаютъ. Вотъ разкажу я вамъ мое горе, а потомъ и разсудите сами, что мнѣ несчастной дѣлать. Маялась-то я маялась на своемъ вѣку, да на старости лѣтъ радости не нажила. Мужъ былъ и дѣти были, всѣхъ похоронила. Ну, что ужь и жаловаться! на то видно воля Божія. Былъ у меня сынъ, матушка моя, въ военной службѣ служилъ, такой ужь былъ, что матери не грѣхъ похвастать. Дослужился до капитанскаго чина, женился, вотъ Вѣрочка его дочь. Жена была у него хорошая, жили они счастливо, ужь какъ счастливо! Радовалась я на нихъ, да долго радоваться не пришлось, обоихъ схоронила, матушка моя.—Старуха вынула платокъ изъ ридикюля и отерла глаза.—Сами знаете, что такое материнское сердце, у самихъ сынокъ есть. Вотъ и осталась у меня сирота одинокая. Родни больше ни одной души нѣтъ. А посудите сами много ли я старуха наживу, да если и жива-то буду, что могу я сдѣлать для бѣдняжки? Десять душъ не велико состояніе, только и хватаетъ, что на одежу, да на обувь. Бьешься, бьешься, а все толку нѣтъ. А вѣдь дѣвочка-то благородная, по отцу капитанскій чинъ имѣетъ, такъ и образованіе должна получить поблагороднѣе. Вотъ я ужь думала, думала, что мнѣ съ нею дѣлать—ума не приложу, и по ночамъ не сплю, и днемъ-то плачу, ну, да что отъ слезъ проку! И придумала я наконецъ: поѣду, думаю я, къ помѣщицѣ самой богатой во всей губерніи, разкажу я ей мое горе, успокоитъ она можетъ-статься старуху, сжалится надъ дѣвочкой. Матушка Марья Николаевна, не откажите ради самого Бога, похлопочите о Вѣрочкѣ, дайте

Digitized by Google

ей хоть какое ни на есть воспитаніе, или пристройте куда-нибудь въ казенное заведеніе, полюбите сердечную, а современемъ, Богъ знаетъ,—она у меня такая смазливая,—можетъ и жениха какого найдетъ. А то умри я, вѣдь по міру пойдетъ, не иначе какъ по міру. Будьте благодѣтельницей, Богъ васъ за это не оставитъ.

Марья Николаевна взглянула на Вѣрочку: у бѣдной дѣвочки навернулись слезы на глазахъ, ее пугала мысль о разлукѣ съ бабушкой, но Марья Николаевна иначе поняла эти слезы.

— Не плачь, моя милая, сказала она,—я устрою твою судьбу. Зачѣмъ отдавать ее въ институтъ, Ирина Ивановна, я лучше возьму ее теперь къ себѣ, займусь ею сама, а осенью, когда переѣду въ Москву, помѣщу въ лучшій пансіонъ. Вы хорошо сдѣлали, что обратились ко мнѣ: я рада сдѣлать доброе дѣло.

Ирина Ивановна чуть не бросилась въ ноги къ Марьѣ Николаевнѣ. Та остановила ее.—Ахъ! ради Бога, да за что же вы благодарите меня, я только исполняю свою обязанность. Скажите, училась ваша внучка уже чему-нибудь?

— На мѣдныя деньги, матушка Марья Николаевна, но она такая смышленая, читаетъ вѣдь какъ бойко.

— Ну, это хорошо. Успокойтесь же, успокойтесь, это дѣло рѣшеное. Надѣюсь, что ваша внучка будетъ счастлива у меня.

Ирина Ивановна словно вдругъ помолодѣла. Слезы радости заблистали у нея на глазахъ. Она перекрестилась и стала шептать что-то. «Ахъ, матушка-благодѣтельница,» выговорила она, и отъ волненія не могла сказать ничего болѣе. Вѣрочка все плакала, но старушка не замѣчала слезъ внучки. Передъ ея воображеніемъ рисовалась Вѣрочка уже взрослая, хорошенькая собой, говорящая по-французски, настоящая барышня. И вотъ она видѣла ее замужемъ, чуть ли не за генераломъ, важною барыней, принимающею много гостей, разъѣзжающею въ каретѣ. Но вдругъ ей представилась маленькая ея деревня. Снѣгъ хлопьями ударяетъ въ окна, на дворѣ стужа, а она сама больная лежитъ на постели подъ образами, лампадка теплится, бросая слабый свѣтъ на бѣдную комнату, котъ сидитъ на лежанкѣ и мурлычитъ, никто не приходитъ спросить: «какъ вамъ бабушка, не нужно ли вамъ чего?» Нѣтъ никого вокругъ нея, кромѣ растрепанной горничной Акульки, да и ту не докличешься. Слезы хлынули вдругъ изъ глазъ старухи, но она поспѣшно отерла ихъ. «Грѣхъ заботиться только о своихъ прихотяхъ,» по

Digitized by Google

думала она, «прожила свой вѣкъ, такъ не мѣшай жить молодымъ, благо Богъ счастіе посылаетъ.»

— Ахъ, матушка моя благодѣтельница, прошептала она снова.—Такъ какъ же прибавила она, помолчавъ,—скоро ли прикажете прислать вамъ Вѣрочку?

— Да зачѣмъ же вамъ везти ее домой? отвѣчала Марья Николаевна:—оставьте ее теперь у меня.

— Ну, какъ вамъ угодно, какъ вамъ угодно, — и старушка опять задумалась, опять замечталась.

Сцена эта начинала надоѣдать Марьѣ Николаевнѣ. Отчего не сдѣлать добраго дѣла? Это обязанность всякаго просвѣщеннаго человѣка, но долго разговаривать съ старухой, какъ Ирина Ивановна, скучно. Совицкая раза два зѣвнула украдкой. Ирина Ивановна замѣтила это; ужь не обезпокоиваетъ ли она свою благодѣтельницу своимъ присутствіемъ? пора бы уѣхать домой, надо бы встать да уйдти, а силъ нѣтъ. Легко ли проститься съ Вѣрочкой, хоть немножко поглядѣть еще на нее, и Ирина Ивановна заводила какой-нибудь разговоръ, чтобы только можно было остаться.

— А что вашъ сынокъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, начала она, не зная, что сказать,—здоровъ ли? Въ Петербургѣ должно быть остались?

— Нѣтъ! мой сынъ, окончивъ нынѣшнею весной курсъ въ университетѣ, отправился за границу.

— А... а который годъ Владиміру Ѳедоровичу?

— Двадцать лѣтъ.

— Такъ стало-быть ученье они совсѣмъ кончили?

— Кончилъ, отвѣчала Марья Николаевна, слегка улыбаясь.

— Ну, слава Богу.

Наконецъ, Ирина Ивановна приподнялась съ своего мѣста и глубоко вздохнула. Оставаться болѣе было невозможно.

— А мнѣ такъ ужь пора, сказала она,—лошадей должно быть покормили, пора во свояси. И она снова принялась благодарить Марью Николаевну. Условились, что Вѣрочка останется у нея, а передъ отъѣздомъ въ Москву она обѣщала, что пришлетъ внучку повидаться съ бабушкой. Старуха простилась съ Вѣрочкой, что конечно не обошлось безъ слезъ, и, наказавъ ей строго-на-строго слушаться своей благодѣтельницы и молиться за нея Богу утромъ и вечеромъ, усѣлась въ неуклюжую коляску и пустилась въ обратный путь. Вѣрочка посмо-

Digitized by Google

трѣла ей во слѣдъ. Грусть защемила ея дѣтское сердце. И когда она взглянула на окружавшія ее чужія лица, двѣ крупныя слезы скатились по ея щекамъ.

III.

Прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Ирина Ивановна привезла маленькую Вѣрочку къ богатой сосѣдкѣ. Хорошо сдѣлала старуха, что заранѣе позаботилась о судьбѣ внучки, потому что годъ спустя умерла, и Вѣрочка осталась круглою сиротой. Переѣхавъ въ Москву, Марья Николаевна сдержала свое обѣщаніе и помѣстила ее въ лучшій изъ московскихъ пансіоновъ. Вѣрочка стала служить ей неистощимымъ предметомъ для фразъ. Только и было у нея разговора о томъ, какъ она развиваетъ, какъ она просвѣщаетъ свою воспитанницу, какъ надѣется сдѣлать изъ нея une femme essentielle. Между тѣмъ она видѣла Вѣрочку только по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ, а лѣтомъ брала ее въ деревню. Въ деревнѣ они всегда жили съ глазу на глазъ, потому что Владиміръ Ѳедоровичъ, возвратившійся изъ-за границы, не очень долюбливалъ деревню и посѣщалъ мать только на короткое время. Жизнь Вѣрочки въ деревнѣ своей благодѣтельницы была не изъ завидныхъ. Въ пансіонѣ ей было веселѣе, тамъ были подруги, дѣвочки ея возраста, и, хотя должно было учиться прилежно, дышалось тамъ какъ-то свободнѣе чѣмъ дома.

Вѣрочка еще дитятей принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые умѣютъ найдтись во всякомъ положеніи и никогда не стоятъ ниже его. Въ самое короткое время она пріучилась жить въ богатствѣ, не удивляться всякой бездѣлицѣ, не смотрѣла дикаркой и тотчасъ переняла пріемы окружавшихъ ее Но съ малолѣтства пріученная къ полной свободѣ, къ естественности, къ искренней, беззатѣйливой нѣжности своей бабушки. она безсознательно страдала отъ искусственной атмосферы, окружавшей Марью Николаевну, хотя не могла еще дать себѣ въ этомъ отчета. Ей скоро сдѣлалось понятно, что, сравнительно съ другими, она совершенная невѣжда. Ея дѣтское самолюбіе сильно страдало, врожденная любознательность и воспріимчивость сдѣлали бы ее очень прилежною, еслибъ она хоть сколько-нибудь была предоставлена самой себѣ. Но когда Марья

Digitized by Google

Николаевна, по цѣлымъ часамъ, начинала излагать очень краснорѣчиво, что Вѣрочка до тѣхъ поръ, пока не переѣхала къ ней, жила совсѣмъ по крестьянски, что она и понять не можетъ всѣ преимущества образованія, что только тотъ человѣкъ и хорошъ, на которомъ лежитъ печать цивилизаціи. Вѣрочка вспоминала свою бабушку, ей становилось нестерпимо грустно, у нея опускались руки, она начинала отчаиваться въ своихъ силахъ, и въ ней исчезала даже всякая охота къ занятію. Впрочемъ, она боролась съ этимъ упадкомъ воли и часто давала себѣ обѣщаніе быть прилежною, несмотря на то, что̀ говоритъ Марья Николаевна, но никогда ни одно одобрительное слово не помогало ей въ такихъ случаяхъ. Марья Николаевна или не любила захваливать, или дѣлала попреки своей воспитанницѣ такъ, скуки ради; къ тому же она сама часто мѣшала Вѣрочкѣ.

Лѣтомъ въ деревнѣ, напившись чаю поутру съ Марьею Николаевной, Вѣрочка отправлялась въ свою комнату, чтобы заниматься. Вдругъ Марья Николаевна посылала за ней.

— Что̀ ты дѣлаешь, Вѣрочка? спрашивала она.

— Я сѣла переводить, maman.

— А... да теперь хорошая погода, пойдемъ лучше гулять.

Вѣрочкѣ хотѣлось переводить, но она поспѣшно брала зонтикъ и была готова идти съ Марьей Николаевной. Марья Николаевна выходила на балконъ.

— А вотъ тучка, говорила она вдругъ,—пожалуй дождь пойдетъ. Какъ ты думаешь, Вѣрочка, не лучше ли намъ остаться дома?

— Какъ вамъ угодно.

— Какъ вамъ угодно. Vous parlez comme une femme de chambre, ma chère. Я вѣдь тебя спрашиваю, какъ ты думаешь, идти намъ или нѣтъ?

— Пойдемте, отвѣчала проворно Вѣрочка, чтобы только отвѣтить что-нибудь.

— Да вѣдь ты видишь, что туча идетъ, насъ дождь застанетъ.

— Такъ останемтесь, говорила Вѣрочка въ недоумѣніи.

— Я это и сама понимаю, что должно или идти или оставаться. Ахъ, продолжала она съ явнымъ неудовольствіемъ,—какъ ты равнодушна, Вѣрочка. Другая на твоемъ мѣстѣ сейчасъ бы подумала, вотъ пойдетъ дождь, вы намокнете, пожалуй простудитесь, а тебѣ до этого дѣла нѣтъ. Отъ тебя только и дождешься: да или нѣтъ. Можно подумать, что тебѣ не позво-

Digitized by Google

ляютъ высказывать своего мнѣнія. Нѣтъ ничего хуже пассивныхъ, флегматическихъ натуръ. Если онѣ зла не дѣлаютъ, то и на хорошее неспособны. А ты, Вѣрочка, рѣшительно во всемъ такая; ничего ты не дѣлаешь съ любовію. Зачѣмъ хотѣла я идти гулять? думаешь ли ты, что это доставляетъ мнѣ большое удовольствіе? Я хотѣла, чтобы ты подышала чистымъ воздухомъ; въ твои лѣта это необходимо.

Марья Николаевна садилась въ кресло, вопросъ о прогулкѣ оставался не рѣшенымъ, и Вѣрочка должна была слушать длинную, предлинную рѣчь о томъ, какія страшныя послѣдствія можетъ имѣть равнодушіе. Марья Николаевна не довольствовалась разсужденіями и приводила историческіе факты, чтобъ изложить свою мысль самымъ популярнымъ образомъ. Она представляла Вѣрочкѣ, что напримѣръ Лудовику XVI можетъ-быть и не отрубили бы головы, еслибъ онъ не былъ такъ равнодушенъ и флегматиченъ, еслибы не занимался слесарскимъ искусствомъ и не игралъ цѣлый день въ шахматы, когда вся Франція была въ броженіи. Такимъ образомъ Марья Николаевна не только заботилась о нравственности своей воспитанницы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщала ей историческія свѣдѣнія, Богъ знаетъ до какой степени основательныя. Вѣрочка слушала, молча. Она была добрая дѣвочка, и питала безграничное уваженіе къ своей благодѣтельницѣ. Марья Николаевна говорила такъ умно, складно, послѣдовательно! Что значила она, бѣдная сирота, передъ этою всѣми уважаемою, умною женщиной? Ужь конечно Вѣрочка виновата во всемъ. Она бывала тронута до глубины души пышною рѣчью, и слезы одна за другою быстро бѣжали по ея щекамъ. Наконецъ, когда весь запасъ свѣдѣній Марьи Николаевны истощался, Вѣрочка съ трепетомъ осмѣливалась подойдти къ ней, поцѣловать ея руку и, всхлипывая, просить прощенія.

Она чувствовала, говорила она, что у ней такъ много недостатковъ, просила Марью Николаевну не отчаиваться въ ней, что можетъ-быть со временемъ она исправится, что, по крайней мѣрѣ, будетъ стараться на сколько есть силъ.

— Ну, хорошо хорошо, отвѣчала Марья Николаевна,—я надѣюсь, что ты разовьешься. Ступай же переводить, если гулять нельзя.

И Вѣрочка, въ надеждѣ на развитіе, уходила въ свою комнату, садилась къ своему маленькому письменному столу, брала

Digitized by Google

перо и хотѣла опять заниматься, но дѣло не шло на ладъ, слезы все катились изъ глазъ, мысли не вязались.

А между тѣмъ тучка, испугавшая Марью Николаевну, росла и приближалась все болѣе и болѣе. Вотъ она повисла сплошною, густою массой надъ садомъ, заслонивъ свѣтлое небо. Вдругъ какъ будто смерклось. Повѣялъ вѣтеръ, наклоняя съ силой стройную тополь, задрожавшую, какъ отъ испуга, каждымъ листкомъ. Ласточки такъ и ныряли въ воздухѣ, то касаясь почти самой земли, то подымаясь высоко надъ деревьями. А вотъ вдали загудѣлъ громъ, и крупныя капли дождя стали стучать въ окна. Вѣрочка уже не плакала, она смотрѣла въ окно, задумавшись и опустивъ голову на руку, но задумавшись не о своемъ переводѣ. Ей представилась старая деревушка, добрая ея бабушка, которая разбранила ее за то, что она, несмотря на дождь и на грозу, выбѣжала однажды на дворъ и вся промокла; какъ старушка слегка потрепала ее за ухо, назвала проказницей и шалуньей, и какъ она, Вѣрочка, расхохоталась и принялась цѣловать бабушку.

Но не долго могла Вѣрочка предаваться мечтамъ, и горькимъ, и сладостнымъ, въ то же время, что-нибудь да непремѣнно помѣшаетъ ей въ этомъ: или Марья Николаевна снова пришлетъ за ней, чтобы заставить прочесть что-нибудь вслухъ, или сама придетъ. Замечтавшаяся Вѣрочка не услышитъ, какъ подойдетъ къ ней Марья Николаевна, и вздрогнетъ отъ невольнаго страха, когда та заговоритъ. Мгновенно исчезнетъ весь міръ ея фантазіи, дѣйствительность со всѣми безотчетными страданіями, со всѣми мелкими борьбами вдругъ уничтожитъ его. Вѣрочка взглянетъ на Марью Николаевну тупо, какъ будто проснувшись послѣ глубокаго сна.

— Что ты опять задумалась, спроситъ Марья Николаевна,— о чемъ это ты замечталась? Въ твои лѣта это очень вредно, къ тому же это вѣрный признакъ лѣни. Люди дѣятельные никогда не мечтаютъ, а дѣйствуютъ.

— Я задумалась надъ переводомъ, одна фраза мнѣ не дается, хочетъ сказать Вѣрочка, но останавливается: она никогда не лгала, а привыкать къ лжи такъ трудно.

Вотъ наступило время обѣда. За обѣдомъ обыкновенно завязывается разговоръ. Вѣрочка любознательна и дѣлаетъ какой-нибудь вопросъ. Марья Николаевна любитъ вопросы и начинаетъ разказывать чаще всего о своихъ путешествіяхъ. Вѣрочка слушаетъ съ жадностію, для нея все ново, ново то, что

Digitized by Google

всѣмъ извѣстно; что въ Римѣ Ватиканъ, что въ Италіи ужасно жарко, что Парижъ красивый изящный городъ, и что берега Рейна такъ живописны, что ихъ сравнить ни съ чѣмъ невозможно. У Вѣрочки блестятъ глаза, она совершенно въ восторгѣ, начинаетъ болтать непринужденно, забываетъ даже о томъ, что она глупенькая дѣвочка, которая ничего не понимаетъ.

— Ахъ! восклицаетъ она:—поѣдемте, пожалуста, за границу, maman. Боже мой, какъ тамъ должно быть хорошо! Ахъ, какъ бы я была счастлива!

Марья Николаевна вдругъ хмурится.

Я знаю, что тебѣ только и хочется веселиться.—Какая ты неблагодарная, ничѣмъ недовольна. Вспомни, какъ ты жила у бабушки, а теперь тебѣ и у меня въ имѣніи не нравится. Можно подумать, что ты Богъ знаетъ къ какимъ причудамъ привыкла. И всему этому причиной моя же доброта. Еслибъ я не обращалась съ тобой какъ съ своею дочерью, тебѣ и въ голову бы не пришло говорить такія вещи. Но это уже старая исторія. Меня этимъ не удивишь, я всегда только и встрѣчала одну неблагодарность. Боже мой, Боже мой, сколько у меня было неудачъ въ жизни! Сколько растратила я сердечной теплоты, благородныхъ порывовъ, и сколько встрѣтила холодности! Но что мнѣ жаловаться?—не мнѣ одной палъ этотъ жребій, не я одна жертва хорошихъ побужденій. Исторія полна примѣрами.

За этимъ слѣдуетъ длинная тирада о неблагодарности, достается даже немного Владиміру Ѳедоровичу за то, что онъ забываетъ мать.

Вѣрочкѣ досадно и на себя и на Владиміра Ѳедоровича. Иногда ей смутно приходитъ мысль, что Марья Николаевна можетъ-быть несправедлива къ ней, но она сама пугается этой мысли, прогоняетъ ее, считаетъ себя извергомъ. Можетъ ли Марья Николаевна, которой она столькимъ обязана, быть виновата?

Такъ проходили дни и годы. Вмѣсто того чтобы привыкнуть, Вѣрочка все болѣе и болѣе удалялась отъ Марьи Николаевны. Ей становилось страшно выговорить слово, она призадумывалась всякій разъ, когда хотѣла сдѣлать малѣйшій вопросъ, или высказать какое бы то ни было мнѣніе. Все повело бы къ длиннымъ разсужденіямъ, которыя имѣли цѣлью указать ей на ея ничтожество и на всѣ ея недостатки. Вѣрочка не роптала на Марью Николаевну, она всегда считала ее пра-

Digitized by Google

вою, и именно потому становилась грустна и чувствовала тяжесть жизни. Полное недовѣріе къ себѣ овладѣло ею, и изъ веселой, живой дѣвочки она сдѣлалась вялою, грустною, и постоянно задумчивою. Сперва самолюбіе сильно страдало, вызывая слезы, но наконецъ эти страданія превратились въ хроническую болѣзнь, они уже не приводили ея въ отчаяніе, но точили какъ червь. Такъ прошло шесть лѣтъ. Вѣрочка вышла изъ пансіона и уѣхала съ Марьей Николаевной въ деревню. Въ этотъ годъ Владиміръ Ѳедоровичъ, соскучившись городскою жизнію, пріѣхалъ на два мѣсяца въ имѣніе матери.

IV.

Про Владиміра Ѳедоровича всѣ въ одинъ голосъ твердили, что онъ очень милый молодой человѣкъ. Онъ былъ и остроуменъ, и талантливъ, и благороденъ. Но изнѣженное, безтолковое воспитаніе, основанное на громкихъ фразахъ, которымъ наградила его мать, укоренило въ немъ много недостатковъ. Онъ такъ привыкъ къ метафорамъ и глубокомысленнымъ изреченіямъ матери, что сталъ считать фразами и то, что̀ заслуживало полнаго уваженія, и пріобрѣлъ способность смотрѣть на все поверхностно и легко. Но недаромъ наслушался онъ разглагольствованій матери, хотя и считалъ ихъ пустяками: при удобномъ случаѣ, когда оказывалась въ этомъ надобность, онъ впадалъ въ материнскую слабость, умѣлъ кстати пустить пыль въ глаза и доказывать то, что̀ доказать невозможно. Добродушный отъ природы, онъ часто могъ казаться совершеннымъ эгоистомъ. Онъ не былъ способенъ на сильныя страсти, у него не было недостатковъ, происходящихъ отъ нихъ, но не было также и тѣхъ достоинствъ, которыя иногда заставляютъ прощать человѣку даже преступленія. Онъ избѣгалъ пріятелей, когда у тѣхъ было какое-нибудь горе, смѣялся надъ ними и говорилъ: «Что это С. напустилъ на себя такую дурь? Онъ мраченъ и скученъ такъ, что съ нимъ житья нѣтъ. Можетъ ли человѣкъ лишиться такъ всякой бодрости?» Владиміръ Ѳедоровичъ не понималъ, что его веселость нисколько не бодрость. Онъ не зналъ, что̀ такое упадокъ силъ, но ему также было не извѣстно сильное напряженіе воли. Необходимости трудиться для него не было. Его состояніе было обезпечено, положеніе

Digitized by Google

въ обществѣ пріобрѣтено уже съ колыбели, а такъ какъ любви къ труду у него никогда не было, онъ сталъ вести жизнь свѣтскаго человѣка, то-есть съ утра до вечера выѣзжалъ. Хотя онъ имѣлъ случай видѣть людей, въ немъ никогда не развилась способность узнавать ихъ. Въ разговорѣ ему нисколько не были любопытны мнѣнія другаго, только бы можно было высказать свои. Что за дѣло интересуетъ ли разговоръ собесѣдника, былъ бы онъ занимателенъ для него самого. Такимъ образомъ Владиміръ Ѳедоровичъ прожилъ до двадцати шести лѣтъ, нисколько не скучая отъ пустоты своей жизни, тратя много денегъ, и оставаясь всегда какъ нельзя болѣе доволенъ самимъ собою. Его отношенія къ матери были всегда хороши. Несмотря на то, что, по его мнѣнію, онъ имѣлъ независимый характеръ (и хвасталъ этимъ не мало), она сумѣла сохранить нѣкоторое вліяніе на него тѣмъ, что льстила всѣмъ его слабостямъ.

Было прелестное іюньское утро. Мать, сынъ и Вѣрочка собрались вокругъ чайнаго стола. Владиміръ Ѳедоровичъ лишь нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ въ деревню, и Марья Николаевна еще находилась подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ.

— Что это вы, маменька, не знаетесь ни съ кѣмъ изъ вашихъ сосѣдей, заговорилъ Владиміръ Ѳедоровичъ, закуривая сигарку.—Я не понимаю, какъ вамъ не скучно жить въ такой глуши. Познакомьтесь хоть съ кѣмъ-нибудь.

— Да съ кѣмъ же мнѣ знакомиться, Володя? деревенскіе сосѣди настоящая чума. Я, къ счастію, имѣла случай видѣть только одну изъ моихъ сосѣдокъ, а именно, бабушку Вѣрочки, и знакомство съ ней, Вѣрочка сама въ этомъ сознается, не могло доставить мнѣ большаго удовольствія.

Вѣрочка ничего не отвѣчала, только покраснѣла до ушей и опустила глаза. Владиміръ Ѳедоровичъ этого не замѣтилъ, онъ и не взглянулъ на бѣдную дѣвушку.

— Да есть же у васъ сосѣди, принадлежащіе къ вашему кругу, напримѣръ княгиня Вельскина. Ея имѣніе въ семи верстахъ отсюда. Я зналъ ее въ Петербургѣ. Вы вѣрно слышали объ ней. Годъ тому назадъ, она была за границей, и въ Неаполѣ ея мужъ умеръ скоропостижно воспаленіемъ въ мозгу. Премилая она женщина. Какая веселая, живая! Я обѣщалъ, прощаясь съ ней въ Петербургѣ, побывать у нея въ имѣніи и на дняхъ какъ-нибудь отправлюсь туда верхомъ.

— Я слышала объ ней. Говорятъ, что она очень хороша

Digitized by Google

собой, и кое-что еще о княгинѣ дошло до моихъ ушей, но этого при Вѣрочкѣ сказать нельзя.

Владиміръ Ѳедоровичъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Какая осторожность! Впрочемъ, я убѣжденъ, что Вѣрочка уже догадалась, что̀ это можетъ быть за тайна,—и онъ взглянулъ на Вѣрочку такъ, что ей стало какъ-то больно.—Полноте, маменька, продолжалъ Владиміръ Ѳедоровичъ, обратившись снова къ матери,—охота вамъ вѣрить этимъ сплетнямъ. Антонина Александровна свѣтская женщина, за неи многіе ухаживаютъ, и не удивительно, что про нее говорятъ разный вздоръ.

— Если ты желаешь, Володя, я готова познакомиться съ нею. Устрой это. Когда будешь у нея, то скажи, что я собираюсь къ ней.

Марья Николаевна была способна изъ угожденія сыну преодолѣть свои предразсудки, только бы Владиміру Ѳедоровичу не было скучно.

— Непремѣнно устрою. Налейте мнѣ еще чашку чаю, Вѣрочка, прибавилъ онъ,—да что это вы такія скучныя, не стыдно ли въ ваши лѣта?

Вѣрочка снова покраснѣла и робко взглянула на Марью Николаевну. Ей всегда было страшно, когда въ присутствіи Марьи Николаевны кто-нибудь обращалъ на нее вниманіе, или заводилъ о ней рѣчь: того и гляди не обойдется безъ нраво ученій. Такъ и случилось.

— Не правда ли, Володя, что это стыдно, подхватила Марья Николаевна.—Какъ я рада, что ты раздѣляешь мое мнѣніе. У Вѣрочки всегда такой видъ, какъ будто она забита, а кажется ужь ей ли не хорошо жить: съ дочерью я не могла бы обращаться лучше. Какъ я всегда откровенна съ неи, хотя я къ этому ужь рѣшительно не обязана, а она никогда не скажетъ ни о чемъ своего мнѣнія, не подѣлится впечатлѣніемъ, не раз веселитъ меня. Сидитъ всегда молча, какъ будто критикуетъ все, что̀ окружаетъ ее. Про нее ужь можно точно сказать, что она себѣ на умѣ.

Владиміръ Ѳедоровичъ опять расхохотался, а Вѣрочка дрожащими руками стала наливать чай и подала ему чашку.

— Mercі, mademoiselle, сказалъ Владиміръ Ѳедоровичъ, поклонившись ей съ насмѣшливою улыбкой, — позвольте выразить вамъ всю мою благодарность.

— Да, продолжала Марья Николаевна,—въ Вѣрочкѣ я очень ошиблась. Il n'y a pas de vie en elle. Я надѣялась...

Digitized by Google

Къ счастію, осталось неизвѣстнымъ, на что надѣялась Марья Николаевна, потому что Владиміръ Ѳедоровичъ перебилъ ее своимъ обыкновеннымъ шутливымъ тономъ.

— Ну и будетъ, маменька. Ужь не пересоздадимъ же мы ее, такъ что же говорить все объ одномъ. Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку. Если ей всегда скучно и грустно, то ей же хуже. Что же намъ? Натуру человѣка не передѣлаешь.

И онъ началъ декламировать комически театральнымъ голосомъ:

И скучно, и грустно, и не кому руку подать.

— Вотъ какія ты вздумалъ проповѣдывать теоріи, начала вновь раскипятившаяся Марья Николаевна.—Натуру человѣка не передѣлаешь. Такъ стало-быть по твоему и воли у человѣка нѣтъ, стало-быть человѣкъ машина, такъ ты думаешь?

— Я думаю все, все, что вы хотите, чтобъ я думалъ, только оставимте этотъ разговоръ, и Владиміръ Ѳедоровичъ, смѣясь, бросился обнимать мать.

— Какой ты еще шалунъ, сказала смягчившаяся Марья Николаевна.

Владиміръ Ѳедоровичъ, желая поддержать хорошее расположеніе матери, сталъ болтать безъ умолку, хвастать своими свѣтскими успѣхами и былъ какъ всегда, когда рѣчь шла о немъ, in high spirits. Наконецъ, Марья Николаевна отправилась къ себѣ, чтобъ одѣваться, а Вѣрочка вышла на балконъ. Владиміръ Ѳедоровичъ пошелъ за нею и сѣлъ возлѣ нея на скамейку. Она подняла глаза и съ упрекомъ взглянула на него.

— Вы, кажется, на меня сердитесь? сказалъ онъ улыбаясь.

— Я не сержусь на васъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, но у меня есть просьба до васъ. Оставляйте меня какъ можно болѣе въ покоѣ; что вамъ за дѣло до моей грусти? Вѣдь я не мѣшаю же вамъ быть веселымъ.

У Вѣрочки задрожали губы, багровыя пятна выступили на лицѣ. Владиміръ Ѳедоровичъ замѣтилъ, что она всѣми силами старается удержаться отъ слезъ.

— Да, да, я понимаю, сказалъ онъ ласково, взглянувъ на нее,—вамъ часто достается отъ маменьки. Но что же дѣлать, у всякаго есть свои слабости. Надобно быть снисходительнымъ. Я знаю, маменька немного капризна.

— Ахъ, перестаньте, Владиміръ Ѳедоровичъ, мнѣ и въ голову не приходило это думать. Я столькимъ обязана maman, я

Digitized by Google

такъ люблю ее. Но мое несчастіе, что я сказать этого не умѣю. Да, главное то ужасно, что я такая дурная. Maman бранитъ меня, желая мнѣ добра, видно я заслуживаю ея попреки... видно я очень дурная... Ахъ! . Вѣрочка не вытерпѣла и зарыдала, но скоро оправившись, продолжала:—Ахъ! maman права, всегда права: я такая вялая, сонная, у меня нѣтъ ни ума, ни сердца. Кого я люблю? Рѣшительно никого, а ужь себя какъ я ненавижу!.. И снова потокъ слезъ.

Владиміръ Ѳедоровичъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Да знаете ли, Вѣрочка, что вы преоригинальное существо, премилое созданіе. Да я рѣшительно никогда не встрѣчалъ дѣвушки, какъ вы. Какъ вы горько плачете о томъ, что вы дурныя! онъ опять засмѣялся, но добродушно, не насмѣшливо.—Да вы ужасно какъ милы! И онъ отшатнулся немного назадъ, и взглянулъ на нее, какъ смотрятъ на хорошенькую картину. Вѣрочка сидѣла, наклонивъ голову и опустивъ глаза, а пальчиками вертѣла конецъ носоваго платка, мокраго отъ слезъ.

— Полноте, Владиміръ Ѳедоровичъ, вы говорите со мной какъ съ ребенкомъ.

Совицкій придвинулся къ ней.

— Знаете, что я вамъ скажу, Вѣрочка? Несмотря на вашу скромность, вы ужасно самолюбивы.

Вѣрочка вдругъ подняла голову и пристально взглянула на него.

— Вы отгадали, Владиміръ Ѳедоровичъ, я ужасно самолюбива, я и сама это чувствую. Мнѣ хотѣлось бы быть маленькимъ совершенствомъ, и она разсмѣялась сквозь слезы своимъ собственнымъ словамъ,—а этого-то и нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! Да вы рѣшительно маленькое совершенство, какъ вы говорите. Повѣрьте мнѣ, Вѣрочка, не стану же я вамъ льстить. Вы чрезвычайно милы, я объ этомъ и понятія не имѣлъ. Взгляните же на меня еще разъ, дайте мнѣ вашу ручку и простите мнѣ. Обѣщаю вамъ, что никогда никто не станетъ бранить васъ по моей милости. Дайте же мнѣ вашу ручку, будемте друзья, не такъ ли?

Вѣрочка подала ему свою руку и улыбнулась, хотя слезы все еще бѣжали по ея щекамъ.

— Да не плачьте о томъ, что у васъ нѣтъ сердца, что вы никого не любите. У васъ есть сердце и очень горячее.

Digitized by Google

И Владиміръ Ѳедоровичъ пожалъ нѣжно, очень нѣжно ручку Вѣрочки.

— Такъ мы друзья, спросилъ онъ еще разъ.

— Друзья.

И Вѣрочка, вскочивъ съ своего мѣста, убѣжала въ свою комнату.

V.

Нѣсколько дней спустя, Марья Николаевна хвастала передъ сыномъ своимъ умѣніемъ воспитывать.

— Вотъ посмотри на Вѣрочку, говорила она.—На дняхъ я пристыдила ее въ твоемъ присутствіи за ея вялость и молчаливость, и она стала гораздо лучше. Замѣтилъ ли ты, какъ она вчера вечеромъ разболталась?

— Конечно, конечно, вы отлично ее воспитываете, отвѣчалъ Владиміръ Ѳедоровичъ, улыбаясь и, взглянувъ самодовольно въ зеркало, висѣвшее противъ него, онъ запустилъ руку въ свои густые, бѣлокурые волосы.

Марья Николаевна была права. Вѣрочка точно измѣнилась. Она казалась веселѣе, она ободрилась, какъ будто какая-то тяжесть свалилась съ ея груди. Владиміръ Ѳедоровичъ сдѣлался къ ней болѣе внимателенъ. Онъ часто предлагалъ ей прогулки вдвоемъ, и такъ какъ общество Вѣрочки видимо доставляло ему удовольствіе, Марья Николаевна нисколько не препятствовала этимъ tête-à-tête. Напротивъ, она часто посылала Вѣрочку къ сыну и говорила, что очень рада, если только Володѣ съ ней весело.

Въ первый разъ въ жизни Вѣрочка стала говорить съ своимъ новымъ другомъ что̀ взбредетъ на умъ, и такъ какъ она уже долго все замыкала въ себѣ, то запасъ для разговора не скоро могъ истощиться. А Владиміръ Ѳедоровичъ забылъ даже о своемъ намѣреніи посѣтить княгиню Вельскину: ему было весело и безъ нея.

— Я въ васъ просто нашелъ кладъ, Вѣрочка, сказалъ онъ ей однажды во время прогулки.—Что̀ бы сталъ я дѣлать безъ васъ въ деревнѣ? Я бы умеръ со скуки.

— Такъ я васъ забавляю, Владиміръ Ѳедоровичъ?

— Нѣтъ, но вы наполняете здѣсь мою жизнь. Страшно подумать, что̀ было бы безъ васъ.

Digitized by Google

— Вы стали бы ѣздить къ сосѣдямъ, замѣтила Вѣрочка съ лукавою улыбкой.

— Вы хотите сказать къ Антонинѣ Александровнѣ. Ахъ, помилуйте, еслибы вы знали, какъ мнѣ надоѣли свѣтскія женщины? Онѣ всѣ похожи одна на другую.

— Пора бы домой, сказала Вѣрочка. — Маменька все одна и соскучится. Пойдемте, Владиміръ Ѳедоровичъ, мы и то уже долго гуляемъ.

— Пойдемте, отвѣчалъ Владиміръ Ѳедоровичъ, вздохнувъ,— но мнѣ съ вами въ тысячу разъ пріятнѣе, чѣмъ съ маменькой.

— Перестаньте, пожалуста, и пойдемте поскорѣй, прибавила она съ явнымъ безпокойствомъ.

Вѣрочка не ошиблась. Марья Николаевна соскучилась. Хотя при началѣ она была очень рада дружескимъ отношеніямъ своего сына и воспитанницы, въ скоромъ времени ей показ лось это не совсѣмъ по душѣ. Она не боялась, что дружеское чувство могло принять характеръ болѣе нѣжный, нѣтъ, эта мысль не помѣстилась бы въ ея головѣ. Марья Николаевна сейчасъ бы подумала: «какъ смѣетъ Вѣрочка? И что за охота Володѣ?» Ее стало мучить просто материнское, уязвленное самолюбіе, материнская ревность. Какъ могъ ея сынъ предпочитать ея обществу общество глупенькой, неразвитой дѣвочки? «Почему же ему весело съ ней?» говорила она самой себѣ. «Только потому что она молода, что у нея свѣжій цвѣтъ лица и стройная талія. Ахъ, Боже мой, какая суетность, какая поверхностность! Грустно видѣть такіе недостатки въ своемъ собственномъ сынѣ». И Богъ знаетъ, что не передумала по этому поводу Марья Николаевна; результатъ размышленій былъ тотъ, что когда Владиміръ Ѳедоровичъ и Вѣрочка возвратились домой, они нашли Марью Николаевну въ очень дурномъ настроеніи духа. Она прохаживалась по комнатѣ и внутренно волновалась.

«Что-нибудь да мучитъ и безпокоитъ maman, подумала Вѣрочка, надо ее развлечь.» И, подойдя къ столу, она взяла только что полученный журналъ и предложила что-нибудь прочесть вслухъ.

— Ахъ, оставь пожалуста, сказала съ нетерпѣніемъ Марья Николаевна.—Я еще не довольно стара, чтобы нужно было забавлять меня. Если Владиміру и тебѣ скучно со мною, то ступайте опять гулять, васъ никто не стѣсняетъ, и ничего отъ васъ не требуютъ.

Digitized by Google

— Да мы ужь нагулялись, перебилъ Владиміръ Ѳедоровичъ, покойно усаживаясь въ кресла,—отчего бы Вѣрочкѣ не почитать что-нибудь вслухъ? Что дѣлается новаго въ политикѣ? Мнѣ это очень любопытно.

— Нисколько тебѣ это не любопытно, но тебѣ хочется, чтобы читали вслухъ, только потому что я не расположена слушать, потому что я разстроена, а когда я разстроена, ты всегда стараешься замять разговоръ.

Воцарилось молчаніе, никто не осмѣливался спросить, что именно разстроивало Марью Николаевну, но она сама скоро вывела всѣхъ изъ недоумѣнія и разказала все, что у нея было на душѣ.

— А разстроена я потому, начала она,—что въ самыхъ близкихъ людяхъ не замѣчаю къ себѣ ни малѣйшей привязанности. Никто не думаетъ, никто не заботится обо мнѣ. Каково мнѣ это, мнѣ, которая всю жизнь свою посвятила на то, чтобы приносить пользу другимъ? Про Вѣрочку я ужь не говорю, въ ней не въ первый разъ я замѣчаю неблагодарность, да ее очень винить нельзя, она рѣшительно не способна ни на какое сильное чувство, она слишкомъ флегматична. Но отъ тебя, Владиміръ, я ожидала другаго. Вспомни, чѣмъ я была для тебя. Когда ты родился, я была еще молодая женщина и красавица, всѣ это могутъ тебѣ подтвердить; но жить для себя мнѣ уже не хотѣлось, я только и думала о тебѣ. Помнишь ли ты, какъ я ухаживала за тобой, когда ты бывалъ боленъ, какъ заботилась о твоемъ воспитаніи? Къ чему повели мои страданія, мое самопожертвованіе? Что вышло изъ тебя? Ты только живешь для того, чтобы веселиться, чтобы тратить деньги. А мое состояніе уже не такъ велико, чтобъ я могла удовлетворять всѣ твои прихоти. Я могла бы поѣхать за границу, проводить время пріятно, и ты видишь, я сижу въ глуши, чтобъ экономничать, и если не скучаю, то обязана этимъ своей дѣятельной натурѣ.

— Ахъ, маменька, ужь перестаньте, пожалуста, перебилъ было Владиміръ Ѳедоровичъ, но мать продолжала не обращая вниманія на его слова.

— Да что ужь объ этомъ говорить? Я готова сдѣлать всевозможныя пожертвованія, только былъ бы ты хорошъ до меня, но отъ тебя никогда не дождешься ни ласки, ни малѣйшаго вниманія. При каждомъ словѣ Марья Николаевна все болѣе и болѣе волновалась и доходила до какой-то болѣзненной экзаль-

Digitized by Google

тиціи. — Ахъ, я чувствую, что ты убьешь меня. И она чуть не зарыдала.—Ты и то безпрестанно вонзаешь ножъ въ мое сердце. Задумайся объ этомъ хоть разъ въ жизни. Когда увидишь меня мертвою у твоихъ ногъ, можетъ-быть сердце повернется въ твоей груди, можетъ-быть оно обольется кровью, но будетъ уже поздно. Впрочемъ, я виновата во всемъ сама, напрасны мои жалобы. Всегда мнѣ приходится раскаиваться въ лучшихъ, въ самыхъ безкорыстныхъ моихъ поступкахъ. Когда центуріонъ, посланный Нерономъ, явился передъ Агриппиной, чтобъ убить ее, она сказала: «feri ventrem». Да, и я повторяю за ней, Владиміръ: «feri ventrem». Что ты, Вѣрочка, съ такимъ удивленіемъ уставилась на меня? я это не выдумала. Я не виновата, что ты не читала Тацита, а то бы и ты это знала.

Вѣрочкѣ въ эту минуту нисколько не хотѣлось повѣрять слова Марьи Николаевны и приняться читать *Тацита*. Она была способна возненавидѣть знаменитаго историка, внушившаго такія жесткія рѣчи Марьи Николаевнѣ.

— Это ужь изъ рукъ вонъ, маменька! воскликнулъ съ нетерпѣніемъ Владиміръ Ѳедоровичъ и позвонилъ.

— Велите осѣдлать мнѣ лошадь, сказалъ онъ человѣку, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Скоро у подъѣзда послышался топотъ лошади, и Вѣрочка подъ какимъ-то предлогомъ выбѣжала на крыльцо. Владиміръ Ѳедоровичъ, въ фуражкѣ, съ хлыстикомъ въ рукахъ, стоялъ на верхней ступенькѣ. Вѣрочка слегка, однимъ пальчикомъ, прикоснулась до его рукава. Онъ повернулся къ ней. Она была блѣдна и какъ-то вся дрожала.

— Куда вы ѣдете? спросила она шепотомъ.

— Къ княгинѣ Вельскиной, отвѣчалъ Владиміръ Ѳедоровичъ, едва взглянувъ на нее. Брови у него были сдвинуты, лицо какъ-то сурово.

— Вы долго останетесь тамъ? спросила Вѣрочка нерѣшительно.

— Не знаю,—и онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

Слезы заблистали въ ея глазахъ.

— Пріѣзжайте поскорѣй, продолжала она,—не тревожьтесь, я успокою вашу мать въ вашемъ отсутствіи. Она была несправедлива, это правда, въ первый разъ я замѣтила, что она можетъ быть несправедлива. Простите ей. Это все скоро пройдетъ. Пріѣзжайте только... но скорѣе.

Digitized by Google

Владиміръ Ѳедоровичъ взялъ руку Вѣрочки и пристально посмотрѣлъ на нее.

— Вамъ будетъ весело, сказала она едва внятнымъ голосомъ и вся покраснѣла,—не забудьте меня, пожалуйста.

Самодовольная улыбка вдругъ пробѣжала по лицу Владиміра Ѳедоровича. Вѣрно какая-то веселая мысль промелькнула въ его умѣ. Онъ крѣпко и какъ-то быстро поцѣловалъ руку у Вѣрочки и, вскочивъ на лошадь, сказалъ, ласково поклонившись ей:

— Я скоро буду.

VI.

Дурное расположеніе духа Марьи Николаевны послѣ сильнаго взрыва всегда скоро проходило, и потому сцена между нею и ея сыномъ осталась безъ всякихъ послѣдствій. Всѣ зажили по старому, не измѣняя привычекъ, и прогулки Владиміра Ѳедоровича съ Вѣрочкой не прекратились

Однажды шли они вдвоемъ по большой дорогѣ, окаймленной, съ одной стороны, опушкой березовой рощи, съ другой обширными, пожелтѣлыми полями. Вѣрочка рвала васильки, плела себѣ вѣнокъ и робко отвѣчала на вопросы Владиміра Ѳедоровича. Онъ заговорилъ о любви.

— Не правда ли, Вѣрочка, сказалъ онъ: — вы мнѣ признаетесь, когда полюбите въ первый разъ?

— Хорошо, хорошо сказала она,—это будетъ еще не скоро.

— За то будетъ сильно, не такъ ли? Я завидую счастливцу, который внушитъ вамъ первую любовь.

— Развѣ бываетъ и вторая?

— Какъ вы наивны, Вѣрочка, бываетъ и вторая, и третья, и десятая.—И Владиміръ Ѳедоровичъ очень искренно разсмѣялся.

Вѣрочка нахмурила брови. Вдругъ вдали поднялось облако пыли, и появились два всадника. Въ скоромъ времени, въ одномъ изъ нихъ Владиміръ Ѳедоровичъ и Вѣрочка узнали женщину по длинной ея амазонкѣ, которая живописно развѣвалась по вѣтру.

— Знаете ли вы, кто это такой? сказалъ Владиміръ Ѳедоровичъ:—Это княгиня Вельскина. Я тотчасъ узналъ ее, она мастерски ѣздитъ верхомъ. Я сказалъ ей въ послѣдній разъ, когда ее видѣлъ, что моя мать намѣревается пріѣхать къ ней, и она

Digitized by Google

вѣрно захотѣла предупредить ее, какъ женщина не любящая лишнихъ церемоній.

Владиміръ Ѳедоровичъ едва успѣлъ договорить, какъ княгиня Вельскина, въ сопровожденіи берейтора, поравнялась съ ними. Узнавъ Владиміра Ѳедоровича, она вдругъ осадила лошадь и приложивъ два пальца къ краю шляпы, весело крикнула ему.

— Bonjour, monsieur Sovitsky! А я къ вашей матери.

Владиміръ Ѳедоровичъ подошелъ къ ней, а Вѣрочка осталась въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Далеко до вашего дома? спросила княгиня Вельскина. — Не далеко, такъ дойдемте пѣшкомъ.

Бросивъ поводья берейтору и упершись рукой на плечо Совицкаго, она выдернула ногу изъ стремени и спрыгнула съ лошади.

— Кто это молодая дѣвушка? спросила она Владиміра Ѳедоровича вполголоса, но такъ, что Вѣрочка разслышала каждое слово.

— Воспитанница моей матери. Это Вѣрочка: я говорилъ вамъ о ней.

Вельскина, приказавъ берейтору слѣдовать за ними, подошла къ Вѣрочкѣ, протянула ей свою маленькую руку, обтянутую замшевою перчаткой, и, улыбнувшись, сказала ей:

— Я очень рада познакомиться съ вами, и тотчасъ же отвернулась такъ, что еслибы Вѣрочка вздумала отвѣтить что-нибудь, Антонина Александровна ни слова бы не услыхала.

— Какъ у васъ хорошо, Владиміръ Ѳедоровичъ, какъ живописно! воскликнула она, и они втроемъ пошли по дорогѣ, ведущей къ дому.—И какъ умно вы сдѣлали, что побывали у меня. Я просто умираю, сохну отъ скуки. Рѣшительно не знаю, какъ время убить. Только и есть одна отрада, что верховая лошадь, и ее кажется скоро загоняю, такъ что придется купить другую. Неужели вамъ не скучно?

Антонина Александровна, говоря, обращалась только къ Владиміру Ѳедоровичу, и Вѣрочкѣ можно было вдоволь разглядѣть ее: она была высокаго роста, и въ ея поступи проявлялось что-то и граціозное и величественное вмѣстѣ. Черная суконная амазонка, которую Антонина Александровна приподняла спереди, падала назади длиннымъ шлейфомъ, образуя широкія мягкія складки. Изъ-подъ сѣрой, пуховой шляпы, украшенной страусовымъ перомъ такого же цвѣта, выбивались шелковистые, каштановые волосы, противорѣчившіе холодному тону бѣлаго

Digitized by Google

матоваго лица. Черты не были неправильны, но большіе зеленоватые глаза рѣшительно хороши. Все ея лицо отличалось необыкновенною подвижностію; особенно концы рта и бровей были въ постоянномъ движеніи.

— Offrez moi donc votre bras, M. Sovitsky, сказала она смѣясь,—вы видите, что мнѣ не легко идти, таща за собою этотъ хвостъ. И опустивъ свою руку на руку Владиміра Ѳедоровича, она наконецъ обратилась къ Вѣрочкѣ.

— Много вы ходите гулять? спросила она.

— Да, всегда, когда только возможно.

— И вамъ весело въ деревнѣ?

— Я привыкла.

— У васъ нѣтъ родителей?

— Нѣтъ.

— И сестеръ, и братьевъ тоже нѣтъ?

— У меня нѣтъ никого.

— Какъ вамъ должно быть грустно! И Антонина Александровна очень милостиво улыбнулась. Вѣрочкѣ точно стало грустно и больно, но она ни за что не согласилась бы сознаться въ этой грусти.

— Нѣтъ, ничего. Для меня это не ново, отвѣчала она холодно.

«Боже мой, какъ эта дѣвочка глупа, подумала Антонина Александровна, отъ нея ничего не добьешься.»

Они скоро дошли до дому, и встрѣтили Марью Николаевну въ ея кабинетѣ. Марья Николаевна, хотя и привѣтливо, но довольно холодно приняла Антонину Александровну. Ея аналитическій умъ, при видѣ новаго лица, искалъ уже предлога для проповѣдей. Ей хотѣлось подмѣтить въ своей новой знакомой какую-нибудь черту, которая могла бы повести ее къ глубокомысленнымъ умозаключеніямъ, къ выводамъ высокой нравственности; но скоро, не замѣтно для нея самой, разговоръ оживился, потому что предметомъ ему служилъ Владиміръ Ѳедоровичъ. Антонина Александровна стала превозносить его до небесъ, называть самымъ блестящимъ молодымъ человѣкомъ всего Петербуга, и не удивительно, что произвела на Марью Николаевну самое выгодное впечатлѣніе. Повидимому, Владиміру Ѳедоровичу этотъ разговоръ нравился: подсѣвъ къ княгинѣ Вельскиной, онъ сдѣлался болѣе разговорчивъ, болѣе любезенъ, чѣмъ когда-либо. Антонина Александровна могла сильно понравиться. Она была весела, остроумна, оригинальна въ своихъ выраженіяхъ и постоянно производила на всѣхъ электри-

Digitized by Google

зующее дѣйствіе. Когда она говорила, ея лицо оживлялось, глаза разгарались; но вдругъ словно грустная мысль мелькала въ ея умѣ, и ея лицо принимало печальное выраженіе, широкія вѣки лѣниво опускались, какъ будто вслѣдствіе сильнаго утомленія, голосъ звучалъ какъ-то уныло, потомъ опять весело глядѣла она, снова продолжала разговоръ попрежнему и смѣялась дѣтскимъ звучнымъ смѣхомъ. Вѣрочка сидѣла у окна за шитьемъ, но работа не мѣшала ей слѣдить за всѣми движеніями Антонины Александровны. Что-то отталкивало ее отъ этой женщины, ей было неловко въ ея присутствіи, а между тѣмъ не возможно было не сознаться, что она невыразимо мила, что невольно приковываетъ къ себѣ взгляды. Прошло не болѣе часу, и Марья Николаевна находилась уже вполнѣ подъ обаяніемъ пріятнаго общества Антонины Александровны. Веселая болтовня обворожила умную проповѣдницу, и на время заставила ее забыть о привычкѣ клеймить суетность. Антонина Александровна, по свойственной ей подвижности, не умѣла долго сидѣть на одномъ мѣстѣ: то подходила къ окну, любовалась цвѣтами, то разглядывала работу Вѣрочки, то внимательно всматривалась въ какую-нибудь картину, и по поводу всякой бездѣлицы умѣла придумать что-нибудь милое, остроумное, забавное.

— Какой у васъ отличный Виртъ! сказала она, подойдя къ роялю и взявъ нѣсколько аккордовъ.

— Не спѣть ли вамъ что-нибудь? прибавила она, взглянувъ на Марью Николаевну и улыбнувшись добродушною дѣтскою улыбкой.

Предложеніе, конечно, принято было съ восторгомъ. Антонина Александровна спѣла какой-то романсъ, но такъ милосъ такимъ вкусомъ, что всѣ стали просить ее спѣть еще что-нибудь.

— Ужь поздно, пора мнѣ домой, а то нападутъ на меня разбойники, сказала она смѣясь.

— Позвольте моему сыну проводить васъ, перебила Марья Николаевна.—Мы васъ однихъ не отпустимъ.

— Если позволитъ княгиня, я буду очень счастливъ.

— Позволю, сказала Антонина Александровна, и, взглянувъ на Владиміра Ѳедоровича своимъ самымъ очаровательнымъ взглядомъ, она легко кивнула ему головой. Въ этомъ движеніи было столько насмѣшливаго и ласковаго, столько гордости и вмѣстѣ наивной покорности, что Владиміру Ѳедоровичу не

Digitized by Google

захотѣлось отвести глазъ отъ этого милаго созданья, и что Вѣрочкѣ сдѣлалось жутко.

— Въ такомъ случаѣ я останусь еще полчаса, сказала Антонина Александровна, и начала прелюдировать.—Я спою вамъ романсъ, любимый романсъ моего покойнаго мужа. Она на минуту замолчала, руки у нея какъ будто замерли на аккордѣ, взятомъ ею; грустно гудѣлъ звукъ рояля, глаза ея остановились неподвижно на клавишахъ, и въ раздумьи продолжала она тихимъ голосомъ.—Нѣсколько дней до его болѣзни, въ Неаполѣ, въ одну дивную лунную ночь, я пѣла ему этотъ романсъ. И она опять замолчала, потомъ, встряхнувъ головой какъ бы для того, чтобъ избавиться отъ горькихъ воспоминаній, запѣла веселый мотивъ романса, и въ голосѣ ея уже не было и помину о грусти.

Для Вѣрочки это стало какъ-то противно, но Марья Николаевна вздохнула и подумала: «какая у ней энергическая натура, какъ она страдаетъ и какъ умѣетъ хорошо побѣждать свои страданія!»

Наконецъ наступило время разставаться. Антонина Александровна съ дѣтскою нѣжностію обняла Марью Николаевну, обѣщала бывать у нея часто, надоѣдать ей, и просила ради-Бога не дѣлать ей визита, если это можетъ утомить Марью Николаевну. Съ Вѣрочкой она обошлась также очень мило и снисходительно, и даже сказала про нее Владиміру Ѳедоровичу, когда Вѣрочка вышла изъ комнаты: «Quelle jolie personne!»

Уже смеркалось. Антонина Александровна сѣла на лошадь и въ сопровожденіи Владиміра Ѳедоровича отправилась домой. Марья Николаевна и Вѣрочка проводили ихъ до самаго подъѣзда, и Вѣрочка грустно посмотрѣла имъ въ слѣдъ.

Только что княгиня Вельскина скрылась за облакомъ пыли, Марья Николаевна принялась превозносить ее до небесъ. Марья Николаевна всегда такъ хвалила за глаза, что оскорбляла того, кто долженъ былъ выслушивать эти похвалы. Превознося другаго, она постоянно намекала на недостатки Вѣрочки, и конечно дѣлала это для ея блага. Вообще нѣтъ лучшаго способа говорить колкости, какъ расхваливать въ людяхъ именно то, чего въ насъ нѣтъ, или подразумѣвается, что нѣтъ, а въ комъ же есть все? Вѣрочкѣ было какъ-то не по-себѣ. Ее бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Ей и безъ того не понравилась Антонина Александровна, а слѣдствіемъ этого разговора было то, что Вѣрочка совершенно возненавидѣла ее.

Digitized by Google

Послѣ долгой бесѣды, Марья Николаевна пошла въ свою спальню, но Вѣрочка чувствовала себя неспособною уснуть, и хотя было уже поздно, а мѣсяцъ высоко поднялся на небѣ, она, какъ только удалилась Марья Николаевна, сбѣжала по лѣстницѣ въ садъ и углубилась въ густыя аллеи.

VII.

Утомленная волненіями, въ которыхъ не умѣла отдать себѣ отчета, и, избавившись, наконецъ, отъ постороннихъ наблюденій, Вѣрочка съ радостью осталась, хоть на короткое время, наединѣ съ собою, и силилась, на сколько было возможно, привести въ порядокъ рой мятежныхъ мыслей и чувствъ. Грудь ея стала дышать свободнѣе, прохладная атмосфера освѣжила ее. Она шла скоро, чуть не бѣжала по аллеямъ. Вокругъ все было тихо, небо облачно и мѣсяцъ только отъ времени до времени нырялъ изъ-за тучекъ, серебристымъ отблескомъ отражался въ прудѣ, озарялъ на минуту и садъ, и домъ, и отдаленную колокольню, и потомъ утопалъ въ небесной глуби. Легкій ветерокъ вдругъ подуетъ, поиграетъ мелкими складками кисейнаго платья Вѣрочки, пошумитъ между деревьевъ, зашевелитъ травой и вновь притаится. Вотъ, вдали защелкалъ соловей, и грустно замерли послѣднія ноты его пѣнія, послышался пронзительный и плачевный крикъ совы, распустившей крылья и съ трудомъ поднявшейся для того, чтобы перелетѣть съ одного дерева на другое, пріютиться въ самомъ темномъ уголкѣ и уставить въ даль свой тупой, безсмысленный взглядъ. И все опять смолкло. Сторожъ ударилъ нѣсколько разъ въ чугунную доску, и тоже отправился на покой.

Вѣрочка шла все дальше и дальше, невольно ускоряя шаги, какъ будто гнались за нею какіе-то страшные призраки. То дрожь пробѣгала по ея тѣлу, то кровь какъ-то сильнѣе приливала къ ея груди. Воспоминанія тѣснились въ ея умѣ. Она думала о Совицкомъ, о прогулкахъ съ нимъ; ея горячая рука чувствовала еще нѣжное пожатіе другой руки, ей грезилась чья-то улыбка, чей-то ободряющій взоръ, чей-то взлядъ, отъ котораго дѣлалось и радостно, и какъ-то неловко. Она дрожала, задыхалась отъ счастія, но вдругъ нападала на нее грусть, какое-то неизвѣстное, тягостное чувство щемило сердце, и ей

Digitized by Google

дѣлалось такъ невыносимо тяжело, что хотѣлось убѣжать куда-нибудь подальше. «Вѣрочка, Вѣрочка, дурное пробудилось въ тебѣ чувство!» Она грустно покачала головой, и крупная слеза повисла на ея темныхъ рѣсницахъ. «Все это зависть, не что иное какъ зависть.» И она вновь призадумалась. «Кто полюбитъ меня,» прошептала она, «меня, бѣдную сироту, и за что меня полюбить?» Но вдругъ, какъ будто опомнившись, она приподняла голову и сказала себѣ: «Да что это со мной? не съ ума ли я сошла? вѣдь не влюбилась же я въ Владиміра? мнѣ только досадно, я боюсь, что ему будетъ пріятнѣе, веселѣе съ княгиней Вельскиной чѣмъ со мной.» И Вѣрочка стала какъ будто спокойнѣе, потомъ, вздохнувъ глубоко и прижавъ руки къ груди, прибавила: «Ахъ какое мучительное чувство—зависть!»

Въ то время, какъ Вѣрочка бродила по аллеямъ, задавая себѣ вопросы и боясь отвѣчать на нихъ вполнѣ добросовѣстно, Совицкій приближался съ княгиней Вельскиной къ ея дому. Утомившись отъ скорой ѣзды, она наконецъ пустила лошадь шагомъ. Они находились на красивой лужайкѣ, издали темнѣлъ лѣсъ, а по сторонамъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, группы деревьевъ и кустарниковъ, въ самыхъ разнообразныхъ, странныхъ формахъ, будто призраки выступали изъ земли. Легкій, бѣлый туманъ лежалъ пеленой на дальнихъ планахъ, мѣсяцъ ясно сіялъ на небѣ и, освѣщая всадниковъ, бросалъ ихъ длинныя тѣни на темный, бархатный газонъ. Воздухъ былъ тепелъ, вѣтерокъ доносилъ сладкій запахъ кашки, тмина и ночныхъ фіялокъ. Вдругъ такъ и пахнетъ изъ земли влажною теплотой, пройдешь нѣсколько шаговъ, и дѣлается прохладнѣе, дышится свободнѣе.

— Сегодняшняя прогулка, Владиміръ Ѳедоровичъ, напоминаетъ мнѣ наши прогулки въ Петергофѣ. Помните ли вы?

— Еще бы! Какое это было пріятное время! Я помню особенно хорошо одну прогулку; я что-то сказалъ вамъ, что заслужило вашъ гнѣвъ, и вы такъ хлестнули свою лошадь, что она стала на дыбы.

— Да, и вы пресеріозно воображали, что спасли мнѣ жизнь тѣмъ, что схватили ее подъ устцы, точно я сама не сумѣла бы съ ней справиться.

— Вы рѣшительно, княгиня, никогда не хотите признать во мнѣ ни малѣйшей заслуги.

Антонина Александровна засмѣялась.

— Признаться мнѣ вамъ въ одномъ? сказала она.

Digitized by Google

— Пожалуста.

— Мнѣ казалось тогда, что вы были въ меня влюблены.

— По-уши, княгиня, по-уши.

Она снова засмѣялась, потомъ слегка вздохнула и сказала: tempi passati.

— Я не виноватъ, что это теперь tempi passati, княгиня: il ne tiendrait qu' à vous...

— Вы благовоспитанный человѣкъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, перебила Антонина Александровна съ комическою серіозностію,—вы всегда отвѣчаете, какъ должно. Однакожь становится свѣжо, надо поскорѣе добраться до дому. И они снова пустились въ галопъ.

Издали показался домъ Вельскиной. Кое-гдѣ изъ оконъ мелькали огни. Въѣхавъ въ длинную аллею, Совицкій и Антонина Александровна черезъ нѣсколько минутъ очутились у самаго подъѣзда. Нѣсколько лакеевъ въ ливреяхъ бросились встрѣчать ихъ, и Вельскина, соскочивъ съ лошади, вошла на крыльцо. Совицкій послѣдовалъ за нею.

— Позвольте съ вами проститься, княгиня, сказалъ онъ.

— Прощайте, благодарю васъ, и, сдернувъ перчатку, она протянула ему руку:—я не хочу васъ задерживать, уже поздно. Не забывайте же меня въ моемъ уединеніи.

Совицкій поцѣловалъ протянутую ему руку, не сверху, а въ ладонь. Антонина Александровна улыбнулась.

— Зачѣмъ цѣлуете вы мою ладонь? сказала она.—Знаете ли вы, у кого цѣлуютъ такъ руку?

Владиміръ Ѳедоровичъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— У женщины, въ которую влюблены, прибавила она, лукаво взглянувъ на него.—Вы видите, что не имѣете права цѣловать такъ мою руку.

Владиміръ Ѳедоровичъ хотѣлъ возразить, но вдругъ остановился. Передъ его воображеніемъ промелькнулъ граціозный образъ Вѣрочки, образъ, забытый во время прогулки. Ему показалось, что она смотритъ на него своими черными, блестящими глазами, простодушно улыбается ему. Владиміру Ѳедоровичу стало какъ-то совѣстно солгать, и нѣкоторое смущеніе выразилось на его лицѣ. Вельскина это замѣтила.

— Не смущайтесь и не пугайтесь, Владиміръ Ѳедоровичъ, cela ne vous oblige à rien, сказала она смѣясь, и, протянувъ ему еще разъ руку, она исчезла за стеклянною дверью. Совицкій сѣлъ на лошадь и пустился въ обратный путь. Возвратив-

Digitized by Google

шись домой, онъ хотѣлъ пойдти къ матери, но ему сказали, что Марья Николаевна почиваетъ, а что Вѣрочка гуляетъ еще въ саду.

«Уже свѣжо, что̀ это ей вздумалось по саду бѣгать?» подумалъ онъ и пошелъ ее искать. Онъ зналъ ея любимыя мѣста въ саду и отправился въ ту аллею, по которой всего чаще гуляла Вѣрочка. Владиміръ Ѳедоровичъ не ошибся, скоро онъ увидѣлъ ее, сидѣвшую на скамьѣ съ поникшею головой, неподвижно, погруженную въ раздумье. Онъ тихими шагами подошелъ къ ней. Вѣрочка подняла голову и взглянула на него тупо, безъ удивленія, безъ радости. Она какъ будто забыла, что его не было, и что только теперь онъ подошелъ къ ней. Ея лицо было такъ грустно, такъ грустно, что, взглянувъ на него, становилось ея жаль. Глаза потухли, и черные кудри въ безпорядкѣ, падая на плечи, обрисовывали ея блѣдныя, какъ будто похудѣлыя щеки.

— Вы не удивляетесь, что видите меня, спросилъ Владиміръ Ѳедоровичъ, не понимая холодности Вѣрочки.

— Очень... да... какъ же я очень удивлена, прошептала она, сама не понимая, что̀ говоритъ, и почему-то вдругъ закрыла лицо руками.

Владиміръ Ѳедоровичъ сѣлъ на скамью, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, молча, смотрѣлъ на нее. Ему точно стало жаль ея.

— Вѣрочка, началъ онъ наконецъ тихо и ласково. Она не посмотрѣла на него и только сильнѣе заплакала. — Вѣрно опять маменька, сказалъ онъ.—Не огорчайтесь, ради Бога; все это скоро пройдетъ.

Вѣрочка взглянула на него съ недоумѣніемъ; потомъ, обрадовавшись, что онъ такъ объясняетъ ея слезы, она поспѣшно сказала:

— Да, маменька меня бранила весь вечеръ, я отъ того и плачу.

— Полноте же! Пора вамъ привыкнуть къ ея характеру. Не мучьте себя: вы молоды, вы созданы для счастія.

Вѣрочку такъ и обдало жаромъ.

— Ахъ! сказала она скороговоркой и съ нѣкоторою досадой:—вы виноваты, что я такъ огорчена. Вы меня все стараетесь увѣрить, что я создана для счастія, что меня можно любить, что у меня есть нѣкоторыя хорошія свойства. Прежде маменька меня тоже бранила не меньше чѣмъ теперь, но я

Digitized by Google

все переносила терпѣливо; я думала, что она права; мнѣ было грустно, но я все-таки не была такъ несчастна. Теперь же все кажется, что она несправедлива. Ахъ, я очень страдаю; какъ мнѣ и разказать все, что̀ меня мучитъ! Словомъ, во мнѣ пробудился ропотъ. Знаете ли вы, что̀ такое ропотъ? прибавила она и взглянула на него вопросительно.

— Какъ не знать? Я самъ то и дѣлаю, что ропщу. Да кто же и не ропщетъ на бѣломъ свѣтѣ!

— Значитъ, вы не понимаете, что̀ я хочу сказать. Она помолчала.—Ахъ, еслибы вы знали, какъ я устала, какъ ужасно устала! Мнѣ хотѣлось бы отдохнуть... хотѣлось бы... Она пріостановилась.

— Не умирать ли вамъ хочется?

Она грустно кивнула головой.

— Какъ вамъ не стыдно говорить это, Вѣрочка? Желаніе смерти происходитъ всегда отъ слабости характера.

— Владиміръ Ѳедоровичъ, уйдите лучше отъ меня, и не читайте мнѣ этой сухой, скучной, безсмысленной морали. Я не расположена васъ слушать. Уйдите, пожалуста. У меня сердце рвется на клочки, а вы еще говорите вашимъ равнодушнымъ тономъ: «Полноте, Вѣрочка; какъ вамъ не стыдно, Вѣрочка: вы созданы для счастія, Вѣрочка.» Ахъ, оставьте Вѣрочку въ покоѣ, тѣмъ болѣе что ей совсѣмъ не стыдно. Она поднялась съ своего мѣста и хотѣла уйдти, но вдругъ остановилась въ недоумѣніи: ей стало совѣстно, что она такъ раскипятилась.

Владиміръ Ѳедоровичъ тихо взялъ ея руку и нѣжно взглянулъ на нее.

— Сядьте, сказалъ онъ.

И въ его голосѣ было столько мягкости, столько доброты, что Вѣрочка въ эту минуту была бы способна простить ему всѣ возможныя преступленія. Она покорно сѣла возлѣ него и опустила глаза на землю. Они оба молчали, молчало и все, что̀ окружало ихъ. Листокъ не шелохнется, не затрещитъ стрекоза, все какъ будто померло, или притаилось на минуту, чтобы подслушать слово, вздохъ, или какой-то несвязный лепетъ, который долженъ же вырваться изъ ихъ груди. А мѣсяцъ поднялся высоко, какъ нарочно выплылъ изъ-за облака, уставился на молодую чету, посмотрѣлъ на нихъ такъ спокойно, такъ благосклонно, подождалъ немного, потомъ, какъ бы не считая

Digitized by Google

ихъ достойными своего вниманія, поплылъ дальше и закутался снова въ густое, набѣжавшее на него облако.

Вѣрочка вдругъ задрожала. Она почувствовала вокругъ своей таліи руку Владиміра Ѳедоровича. Ея головка опустилась еще больше, румянецъ выступилъ на ея щеки, надо бы встать, но она не въ силахъ была сдѣлать ни одного движенія, и осталась на своемъ мѣстѣ, какъ окаменѣлая.

— Вѣрочка, прошепталъ Владиміръ Ѳедоровичъ, и еще ближе придвинулся къ ней, — Вѣрочка, вы не будете больше плакать, не такъ ли, не все—горе на свѣтѣ, есть и счастіе, есть блаженство, неиспытанное вами, но которое можетъ-быть вы предчувствуете въ эту минуту. Предчувствуете ли вы это счастіе? спросилъ онъ, понизивъ еще голосъ и прижавъ еще крѣпче Вѣрочку къ своей груди. Ея голова машинально опустилась на его плечо, и она почувствовала горячій поцѣлуй на своей щекѣ. Онъ шепталъ ей что-то на ухо, и она не перебивала его.

— Ахъ, Владиміръ, промолвила она наконецъ:—неужели это правда, неужели ты любишь меня?

— Скажи же мнѣ теперь, о чемъ ты плакала, когда я подошелъ къ тебѣ?

— Мнѣ совѣстно признаться, я завидовала Антонинѣ Александровнѣ.

Онъ повелъ рукой по ея шелковистымъ кудрямъ и, улыбнувшись, спросилъ ее:

— Какъ ты думаешь, кого я больше люблю, тебя или ее? Разрѣши-ка мнѣ эту задачу.

— Ужь конечно меня, сказала она, и разсмѣялась такимъ счастливымъ смѣхомъ, что Владиміръ Ѳедоровичъ страстно прижалъ ея руки къ своимъ губамъ.

VIII.

Владиміру Ѳедоровичу уже не въ первый разъ приходилось влюбиться; но, несмотря на то, страстная и свѣжая любовь Вѣрочки, проявившаяся такъ внезапно, произвела на него сильное впечатлѣніе и зашевелила въ немъ хорошія, почти никогда еще не затронутыя струны сердца. Какъ была она хороша собой, какъ молода, какъ простодушна! Возвратившись домой, Владиміръ Ѳедоровичъ былъ какъ въ чаду. Онъ бросился на

Digitized by Google

постель, но скоро принужденъ былъ встать отъ сильнаго волненія. Скорыми шагами сталъ онъ ходить по комнатѣ, и вдругъ остановился передъ портретомъ матери, написаннымъ масляными красками и висѣвшимъ на стѣнѣ. Легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу, когда онъ взглянулъ на эти знакомыя, строгія черты. Онъ повелъ рукой по лбу, какъ бы желая опомниться, проснуться отъ глубокаго сна. «Боже мой,» прошепталъ онъ, «что это мы надѣлали, мать моя никогда не согласится на то, чтобъ я женился на Вѣрочкѣ. Бѣдная, бѣдная, что я сдѣлалъ? Вѣдь не соблазнить же хочу я ее!» Онъ вздрогнулъ, его природа возмущалась при этой мысли. «Какъ это возможно,» прибавилъ онъ болѣе покойнымъ тономъ, «сдѣлать ее несчастною, и потомъ начнутся попреки. Ужь это всегда такъ бываетъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не извергъ. Я благородный человѣкъ,» прибавилъ онъ, и, сѣвъ покойно въ кресло, опустилъ голову на руку. Отъ усталости глаза его начали смыкаться, и онъ погрузился въ сладкую дрему. Передъ возбужденнымъ его воображеніемъ выступилъ снова образъ Вѣрочки; она глядѣла ему прямо въ глаза, и отъ этого влажнаго взгляда замирало сердце въ его груди. Ему казалось, что, какъ легкій призракъ, она все болѣе и болѣе приближается къ нему, вотъ рука ея обвилась вокругъ его шеи, свѣжее дыханіе пахнуло ему въ лицо, и вотъ ихъ губы слились въ длинный поцѣлуй. Владиміръ Ѳедоровичъ опять поднялъ голову. Онъ чувствовалъ, что никогда еще не былъ такъ влюбленъ, такъ взволнованъ. «Да что разсуждать о томъ, что будетъ?» подумалъ онъ съ своею обыкновенною легкостію и бодро вскочилъ съ своего мѣста. «Что за дѣло до того, что будетъ завтра, если сегодня такъ хорошо. Влюбленные не размышляютъ. Для чего мучить себя? Любишь потому, что не любить не можешь. Что за предусмотрительность! Развѣ любовь не заключаетъ въ себѣ своей собственной цѣли?» И, очень довольный этимъ умозаключеніемъ, онъ легъ въ постель и крѣпко уснулъ.

Хотя Вѣрочка легла поздно и почти не спала, но на другое утро вскочила съ постели, не чувствуя ни малѣйшей усталости. Яркій румянецъ игралъ на ея щекахъ, и что-то мечтательное выражалось въ ея взглядѣ. Она поспѣшно стала одѣваться, какъ будто торопилась куда-то: ей было жаль потерять минуту дорогаго времени, котораго цѣну она постигла теперь только въ первый разъ. Подбѣжавъ къ окну, она проворно отодвинула задвижку, распахнула его настежь и стала впи-

Digitized by Google

вать утренній воздухъ. Солнце ярко сіяло. Боже мой, какъ все было весело, какъ счастливо! Какъ высоко подымались птички въ воздухѣ, чирикая и откликаясь другъ-другу! какъ задумчиво шептали старыя липы, когда вѣтерокъ пробѣгалъ по ихъ листьямъ, а вдали какъ привольно разстилались поля, соединяясь съ самымъ горизонтомъ, и какъ, казалось, эта даль отдалена, недостижима, какія сладкія мечты раждала она, какъ гармонировала съ этимъ необъятнымъ чувствомъ счастія, которое наполняло всю душу Вѣрочки! Но Вѣрочка не долго мечтала. Она взглянула, насладилась утромъ и отбѣжала отъ окна, чтобъ окончить поскорѣе свой туалетъ. Подойдя къ зеркалу, она стала расчесывать свои густые, глянцовитые волосы. Взглядъ ея остановился съ удовольствіемъ на хорошенькомъ отраженіи ея образа. Она улыбнулась самодовольно; нельзя было не признаться себѣ въ своей собственной красотѣ. Какъ до сихъ поръ не замѣтила она этого! Едва кончила она одѣваться, какъ пришла дѣвушка сказать, что данъ самоваръ, и что Марья Николаевна дожидается. Вѣрочка побѣжала въ столовую и подошла къ Марьѣ Николаевнѣ, чтобы поцѣловать у нея руку, какъ обыкновенно, и спросить, хорошо ли она провела ночь. Каждый день она это дѣлала по привычкѣ, по рутинѣ, и вдругъ сегодня это ничтожное обстоятельство произвело на нее какое-то странное впечатлѣніе; исполненіе этой простой формы учтивости сжало болѣзненно ея сердце; она почувствовала себя виноватою, и еслибы послѣдовала своему первому движенію, то бросилась бы на шею Марьѣ Николаевнѣ и разсказала бы ей все, все, что было на душѣ.

— Дѣлай же поскорѣе чай, сказала Марья Николаевна. Вѣрочка встрѣтила ея холодный, строгій взглядъ и оробѣла. Какъ было тутъ говорить о любви? Она, молча, поцѣловала протянутую ей руку, извинилась, что заставила ждать, и принялась дѣлать чай.

— Что это Володя нейдетъ? сказала Марья Николаевна.

У Вѣрочки задрожали руки. Что будетъ съ ней, когда она его увидитъ? Она испугалась при этой мысли, и почти обрадовалась, когда человѣкъ пришелъ доложить, что Владиміръ Ѳедоровичъ еще почиваетъ.

— Что это съ Володей? ужь не захворалъ ли онъ, сказала Марья Николаевна.

— Вѣрно онъ усталъ отъ вчерашней прогулки, возразила Вѣрочка, покраснѣвъ невольно до ушей:—къ княгинѣ не близко.

Digitized by Google

— Какъ понравилась мнѣ Антонина Александровна, начала опять Марья Николаевна.—Хотя она, кажется, немного кокетлива, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней есть что-то дѣтское, наивное, столько прямоты, откровенности; съ ней не соскучишься и нельзя ея не полюбить. Вотъ какъ трудно судить о людяхъ понаслышкѣ! Мнѣ говорили, что она суетная и пустая женщина. Оказалось, совсѣмъ неправда. У нея, положимъ, нѣтъ глубины въ умѣ, она судитъ обо всемъ немного легко, да надо же быть *иногда* снисходительною.

Марья Николаевна точно любила быть *иногда* снисходительною, особенно съ людьми, которые умѣли польстить ея самолюбію. Она въ этихъ поэтическихъ порывахъ была очень великодушна.

— Богъ знаетъ, какое Антонина Александровна получила воспитаніе, продолжала Марья Николаевна;—очень естественно, если она любитъ увеселенія, любитъ даже пококетничать, и не знаетъ никакихъ наслажденій выше этого. Все зависитъ отъ воспитанія. Она еще такъ молода, что многое въ ней можетъ измѣниться. Мнѣ надо почаще съ ней видѣться и постараться развить ее. И въ какомъ она восхищеніи отъ Володи, прибавила она съ особеннымъ удовольствіемъ.

Послѣ чаю Марья Николаевна предложила прогулку. Вѣрочка была этому рада; ей не сидѣлось на мѣстѣ, а потому, взявъ зонтикъ, она выбѣжала въ садъ вслѣдъ за Марьею Николаевной. Только что успѣли онѣ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ услышали за собою голосъ Владиміра Ѳедоровича.

— Подождите меня, я пойду съ вами.

Вѣрочка оглянулась и встрѣтила взглядъ Совицкаго. Онъ пожалъ ей руку, просто, какъ всякое утро,—но она такъ много прочла въ этомъ пожатіи руки! Въ смущеніи она не могла выговорить ни слова и шла молча, боясь поднять глаза. Совицкій не раздѣлялъ этого смущенія; онъ былъ развязенъ, веселъ и разговорчивъ.

— Довольны ли вы своимъ новымъ знакомствомъ? спросилъ онъ мать.

— Очень. Антонина Александровна чрезвычайно мила.

— А вы, Вѣрочка, скажите мнѣ ваше искреннее мнѣніе о Вельскиной, сказалъ онъ, улыбнувшись и обратясь къ Вѣрочкѣ,—только будьте откровенны.

— Охота тебѣ требовать откровенности отъ Вѣрочки; когда же она говоритъ откровенно?

Digitized by Google

Во всякое другое время Вѣрочка бы смолчала, но тутъ она съ жаромъ обратилась къ Марьѣ Николаевнѣ.

— Ахъ, maman, сказала она, и глаза ея заблистали,—не думайте этого, пожалуста не думайте. Вы не знаете какую я имѣю сильную потребность быть откровенною, высказать все, что̀ у меня на душѣ, подѣлиться всѣмъ, что̀ я чувствую.

Она не вытерпѣла, и, взявъ руку Марьи Николаевны, крѣпко прижала ее къ губамъ. Марья Николаевна съ изумленіемъ взглянула на нее; но на лицѣ Владиміра Ѳедоровича выразилось что-то въ родѣ испуга; онъ прикусилъ губы, прошелъ нѣсколько шаговъ молча, потомъ, какъ будто боясь, что Вѣрочка проговорится, сказалъ:

— Не защищайтесь слишкомъ, Вѣрочка; я не вижу, чтобъ откровенность была такая великая добродѣтель. Быть скрытнымъ, сосредоточеннымъ не значитъ быть лицемѣромъ. Ахъ ужь эта хваленая откровенность, мало въ ней толку!

— Что̀ это за парадоксъ, Володя?

— Совсѣмъ не парадоксъ, маменька; это мое искреннее убѣжденіе, и я стою за него. Вопервыхъ, потребность выболтать все, что̀ на душѣ, всегда признакъ пустоты. Высказывать затаенную мысль, задушевное чувство, выставлять на показъ внутренній міръ возможно лишь въ весьма-рѣдкихъ случаяхъ, если только возможно когда-нибудь. По слабости человѣческой, мы подчасъ поддаемся желанію подѣлиться всѣмъ, что̀ у насъ на сердцѣ, но какъ часто также,—вы довольно опытны, маменька, и вѣроятно въ этомъ сознаетесь,—какъ часто, говорю я, приходится намъ въ этомъ раскаиваться, какъ рѣдко насъ понимаютъ А есть ли что-нибудь мучительнѣе того чувства, когда мы видимъ, что все, представлявшееся намъ святыней, перетолковано и вкривь, и вкось, не оцѣнено, изуродовано.

— Можетъ-быть я не способна вполнѣ понять васъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, перебила его Вѣрочка,—но мнѣ кажется, что есть чувства естественныя, простыя, доступныя всѣмъ, испытанныя каждымъ. Такъ отчего же не признаться въ нихъ, особенно людямъ, съ которыми мы обязаны быть откровенными,—напримѣръ, когда дѣло идетъ о любви? прибавила она покраснѣвъ.

— Вотъ тутъ-то вы и ошибаетесь, Вѣрочка. То, что̀ кажется понятно одному, китайская грамота для другаго; а въ особенности, когда дѣло идетъ о любви. Вы этого не испытывали, и потому говорите такъ. Знаете ли вы, что главная принад-

Digitized by Google

лежность любви—тайна. Любовь только потому и свѣжа, потому и восхитительна, что о ней никто не знаетъ, что она составляетъ исключительное достояніе двухъ людей. Третье лицо все портитъ. Въ минуту откровенности, или лучше сказать, слабости, разкажешь все, и потомъ вдругъ почувствуешь, что лишился чего-то неуловимаго, чему нельзя придумать названія, чего опредѣлить невозможно; увидишь, что оскорбилъ святость чувства своего. Это не всѣ понимаютъ, и потому такъ рѣдко встрѣчаешь людей, умѣющихъ сохранить идеальность въ любви. Чтобы любить, надо много энергіи, много тонкости въ чувствѣ.

Владиміръ Ѳедоровичъ говорилъ съ жаромъ, какъ будто по вдохновенію, такъ что Марья Николаевна тотчасъ же поддалась ему, какъ поддавалась всякой фразѣ, и сказала:

— Въ этомъ ты правъ. Недостатокъ откровенности можетъ быть извиняемъ, когда дѣло идетъ о любви.

Вѣрочка призадумалась. Какъ было понять все это? Что было дѣлать? Явно, что Владиміръ Ѳедоровичъ не желалъ еще говорить съ матерью о ихъ взаимной привязанности. Объяснить причину этой таинственности Вѣрочка не умѣла; но Совицкій зналъ же, чего хотѣлъ: онъ желалъ ихъ счастія. Какъ же не подчиниться волѣ любимаго человѣка? Его убѣжденія и понятія не должны ли сдѣлаться ея собственными понятіями и убѣжденіями? Онъ безъ сомнѣнія правъ; но почему же сжимается такъ ея сердце? Неужели счастіе всегда такъ не продолжительно, неужели всегда какое-нибудь горькое впечатлѣніе должно примѣшаться къ нему? «Но можетъ-быть, подумала она, тайна точно придаетъ поэзію любви!» Ей показалось это немного дико, странно, но у нея еще такъ мало опытности; какое имѣетъ она понятіе о жизни, не лучше ли послушаться другихъ? Рѣшишься на какой-нибудь опрометчивый поступокъ и, пожалуй, утратишь это восторженное счастіе, за которое она ухватилась всею силою страстно-любящаго сердца. При этой мысли ей дѣлалось страшно: все, все лучше, только бы не лишиться блаженства, свѣжести своей любви. Къ тому же Марья Николаевна сама соглашалась съ сыномъ; стало-быть она не будетъ въ послѣдствіи, когда узнаетъ обо всемъ, обвинять Вѣрочку въ скрытности.

Погруженная въ эти мысли, она не слышала, что говорили вокругъ нея, и опомнилась только тогда, когда воротилась домой. Марья Николаевна вошла къ себѣ; но Вѣрочка въ на-

Digitized by Google

деждѣ, что Владиміръ Ѳедоровичъ подойдетъ къ ней, осталась въ саду, и нагнувшись къ какому-то цвѣтку, стала внимательно разглядывать его. Она не ошиблась въ своемъ ожиданіи. Владиміръ Ѳедоровичъ подошелъ; она взглянула на него, онъ нѣжно улыбнулся ей.

— Владиміръ, сказала она едва слышно, — ты не хочешь, чтобы твоя мать знала о нашей любви; зачѣмъ это?

Она боялась, что онъ услышитъ попрекъ въ ея словахъ и потому проговорила ихъ почти-умоляющимъ голосомъ.

— Сядемъ сюда, на эту скамейку, въ тѣни, перебилъ онъ. —Какъ тутъ хорошо, какъ я счастливъ съ тобою! что сдѣлала ты со мною, Вѣрочка?

Вѣрочка сѣла на скамейку и начала кончикомъ своего зонтика чертить на пескѣ какія-то фантастическія фигуры. Съ минуту они оба молчали.

— Отвѣчай же мнѣ, началъ онъ снова.—Скажи мнѣ вопервыхъ, вѣришь ли ты мнѣ?

— Ахъ, Владиміръ, что за вопросъ!

— А если вѣришь, то о чемъ же ты безпокоишься? Впрочемъ, прибавилъ онъ,—я не хочу дѣйствовать только на твое доброе, любящее сердце; я буду всегда обращаться и къ твоему разсудку, потому что уважаю тебя, и знаю, что ты поймешь меня. Мнѣ не хотѣлось говорить тебѣ, почему именно я еще не рѣшаюсь говорить съ моею матерью. Я боялся тебя огорчить. Ты должна понять, милая моя Вѣрочка, что, къ несчастію, мы не стоимъ съ тобой на одной ступени общества. Я принадлежу къ высшему кругу, у меня хорошее состояніе, я, однимъ словомъ, очень выгодный женихъ. Ты же, мой другъ, воспитанница моей матери и больше ничего. Онъ остановился и взглянулъ на нее.

— Ахъ, Владиміръ, я полюбила тебя не размышляя, мнѣ и въ голову не приходило, что между нами есть бездна.

Она закрыла лицо руками и заплакала.

— Вотъ, Вѣрочка, чего я боялся, перебилъ ее Совицкій съ жаромъ:—я боялся твоихъ слезъ, я не могу видѣть тебя плачущею.—И онъ схватилъ ея руку, чтобы покрыть ее поцѣлуями. Вѣрочка слегка оттолкнула его и, утеревъ глаза, взглянула на него съ такою рѣшимостію, что ему сдѣлалось неловко.

— Послушай, Владиміръ, сказала она наконецъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ.—Не смотри на меня, какъ на игрушку, я еще очень молода, но уже не ребенокъ. Если ты не мо-

Digitized by Google

жешь жениться на мнѣ, не заслуживъ нареканій твоей матери и общества, если моя любовь только можетъ сдѣлать твое несчастіе, то... Она остановилась, какъ будто было ей трудно перевести духъ.—Вчера мы признались другъ другу въ любви, пусть будетъ это въ первый и въ послѣдній разъ.—Она хотѣла встать и уйдти. Щеки ея пылали, глаза горѣли какимъ-то страшнымъ огнемъ, ей было очень тяжко.

Владиміръ Ѳедоровичъ остановилъ ее.

— Ахъ, Вѣрочка, Вѣрочка, выслушай же меня. Ты и не знаешь, что я хотѣлъ сказать тебѣ. Я только началъ, и ты не дала договорить мнѣ. Сядь, умоляю тебя, и слушай меня до конца. Я не хотѣлъ говорить съ моею матерью о нашей любви, потому что предвидѣлъ препятствія. Она объ этомъ и слышать не захочетъ, насъ, пожалуй, еще разлучатъ, и подумай, какъ буду я несчастливъ. Между тѣмъ я твердо увѣренъ, что наша любовь восторжествуетъ надъ всѣмъ. Мы такъ сильно любимъ другъ друга, мы такъ вѣримъ въ нашу будущность! Какъ же не случиться чему-нибудь, какъ не совершиться чуду, чтобы соединить насъ на вѣкъ? Эта вѣра во мнѣ сильна, неужели въ тебѣ ея нѣтъ? Подождемъ, и все устроится. Нѣкоторыя вещи взять приступомъ нельзя, воля человѣка въ такихъ случаяхъ безполезна, но дѣятельность самой жизни устраиваетъ все къ лучшему, была бы наша любовь сильна, непоколебима. Можетъ-быть я слишкомъ идеально смотрю на жизнь, можетъ-быть ты не раздѣляешь моихъ надеждъ, но повѣрь мнѣ, я опытнѣе тебя: то, что сегодня кажется невозможнымъ, часто бываетъ доступно завтра. Ввѣрься мнѣ, Вѣрочка, пожелаю ли я твоего несчастія, захочу ли употребить во зло твое дѣтское довѣріе, не видишь ли ты, что я считаю тебя святыней? Чего же ты боишься, въ чемъ сомнѣваешься? Не тревожься ни о чемъ, и ты увидишь, что мы будемъ счастливы.

Онъ говорилъ такъ убѣдительно, крѣпко сжимая ея руку; его глаза блистали отъ оживленія, онъ казался такъ счастливъ и между тѣмъ такъ огорченъ слезами Вѣрочки, что она ласково улыбнулась ему, въ надеждѣ утѣшить его, и проговорила тихимъ голосомъ:

— Ты любишь меня, Владиміръ. Такъ будь же все по твоему, ты знаешь все лучше меня.

— Ахъ, Вѣрочка, какъ ты мила! Вотъ говори всегда такъ: такъ только говорятъ женщины, которыя сильно любятъ. Будемъ счастливы, будемъ любить другъ друга безъ цѣли, безъ

Digitized by Google

ожиданій. Эти поэтическія минуты въ жизни не возвращаются, воспользуемся же ими.

Вѣрочка молчала. Что могла отвѣчать она? Она смотрѣла на Владиміра Ѳедоровича, смотрѣла во всѣ глаза, и было ей какъ-то грустно, а между тѣмъ и отрадно; боялась она чего-то, а все-таки восхитительное спокойствіе наполняло всю ея душу. Была она такъ счастлива, но не весело было это счастіе. Казалось, дай только она себѣ волю, то разлилась бы слезами, и слезы эти все-таки не промѣняла бы ни на какое блаженство.

IX.

Говоря такимъ образомъ съ Вѣрочкой, Владиміръ Ѳедоровичъ убѣдился самъ въ истинѣ своихъ словъ. Ему только не хотѣлось обманывать бѣдную, довѣрчивую дѣвушку, и видя, что она успокоилась, или по крайней мѣрѣ казалась такою, онъ сталъ жить, не муча себя тѣмъ, что будетъ впереди, и предался вполнѣ счастію безпрестанно видѣть любимую женщину. Вѣрочка была, можетъ-быть, менѣе покойна, особенно когда оставалась наединѣ сама съ собой. Ей часто приходило въ голову положить всему конецъ, объясниться еще разъ съ Владиміромъ Ѳедоровичемъ, но достаточно было его появленія, чтобы лишить ея силъ; внутренняя борьба прекращалась, она упивалась его взглядомъ, малѣйшимъ словомъ, она была какъ въ чаду, потомъ бранила себя за свою слабость, снова впадала въ нее, и наконецъ стала примиряться съ мыслію, что воля Владиміра Ѳедоровича для нея святыня, что она должна подчиняться ей. Между тѣмъ Антонина Александровна часто посѣщала Марью Николаевну, и все болѣе и болѣе брала верхъ надъ ней. Общество Вельскиной, ея тонкая лесть, вкрадчивая преданность, восторженное удивленіе, которое какъ будто внушала ей Марья Николаевна, все это до того обольстило Совицкую, что даже расположеніе духа ея очень измѣнилось; она была веселѣе, только и говорила о своей пріятельницѣ, на которую имѣла, судя по ея словамъ, самое благодѣтельное вліяніе, и нисколько не обращала вниманія на сына и на воспитанницу. Владиміръ Ѳедоровичъ и Вѣрочка, занятые только своею любовью, внутренно благодарили Антонину Александровну за то, что она избавила ихъ отъ многихъ мученій.

Digitized by Google

Когда Антонина Александровна посѣщала Марью Николаевну, они часто оставались наединѣ. Марья Николаевна тогда давала волю своему краснорѣчію, а Антонина Александровна слушала съ такимъ вниманіемъ и, иногда только, вставляла милое словцо, полное наивности, сопровождая его восхитительнымъ взглядомъ, или нѣжнымъ пожатіемъ руки. Она часто въ свою очередь разказывала Марьѣ Николаевнѣ какіе-нибудь эпизоды изъ своей жизни, и, если ея рѣчь не лилась такою же быстрою, кипучею струей, какъ рѣчь Марьи Николаевны; если въ ней не было ни столько метафоръ, ни столько поэтическихъ сравненій; если не испещрялась она удачными цитатами изъ всевозможныхъ писателей древнихъ, среднихъ и новѣйшихъ, то можно сказать смѣло, что разказы ея отличались талантливостію, какимъ-то необыкновеннымъ искусствомъ изложенія. Въ нихъ не выставлялось на показъ главное дѣйствующее лицо, неизбѣжное *я* никогда не стояло на первомъ мѣстѣ, оно какъ будто стушовывалось съ дальними планами, а между тѣмъ, благодаря нѣкоторымъ удачнымъ мазкамъ художественной кисти, этотъ поэтическій образъ рѣзко выступалъ изъ темнаго фона, вытѣснялъ всѣ другія лица картины, облекался въ невыразимую прелесть.

Послѣ такого рода бесѣдъ, Марья Николаевна часто говорила сыну и Вѣрочкѣ, что многаго ожидаетъ отъ Вельскиной, que c'est une nature d'élite, что она сохранила въ себѣ le feu sacré, что ей не доставало внѣшняго толчка, чтобы сдѣлаться замѣчательною женщиной, но что теперь, когда она, по особенной милости судьбы, напала на Марью Николаевну, всѣ чудныя свойства ея непосредственной природы разовьются.

— Что съ вами сегодня? спросила однажды Марья Николаевна Вельскину. — Вы разсѣянно отвѣчаете, вы какъ будто утомлены, здоровы ли вы, мой другъ?

Антонина Александровна точно казалась грустнѣе обыкновеннаго. Она въ небрежной и граціозной позѣ улеглась въ креслахъ возлѣ открытаго окна, голова ея прислонилась къ мягкой спинкѣ, а взглядъ блуждалъ вдали, то, останавливаясь на легкихъ облачкахъ, слѣдилъ за разнообразнымъ измѣненіемъ ихъ формъ, то проникалъ въ гущу темныхъ, липовыхъ аллей

— Я здорова, благодарю васъ, сказала она улыбаясь. — Не всегда же можетъ быть весело, приходятъ иногда на умъ грустныя мысли, тревожится иногда сердце надеждами, смутными желаніями. Да о объ этомъ говорить?—Она замолчала и по-

Digitized by Google

смотрѣла опять изъ окна.—Какая хорошенькая ваша воспитанница! сказала она:—посмотрите вотъ она идетъ по аллеѣ съ Владиміромъ Ѳедоровичемъ. Они кажется большіе друзья.

— Да, Володѣ очень весело съ Вѣрочкой, не понимаю, о чемъ онъ можетъ съ нею говорить. Хоть я и сдѣлала все, что могла для ея образованія, но къ сожалѣнію она очень тупа, и, что касается до меня, то мнѣ съ нею всегда очень скучно.

— Вѣрочка хороша и молода, перебила ее Антонина Александровна:—вотъ почему съ нею и весело молодому человѣку.

Марья Николаевна презрительно улыбнулась, потомъ вздохнула, какъ бы жалѣя о сынѣ. Несмотря на заботливость Марьи Николаевны, Антонина Александровна не повеселѣла, а напротивъ, какъ будто еще больше задумалась.

— Да, продолжала она въ раздумьи,—въ эти лѣта всѣ нравятся. Хорошая вещь—первая молодость, но есть въ ней также много дурнаго, много легкомыслія, много самообольщенія. Вѣришь первому, кто ни заговоритъ съ нами о любви, и воображаешь, что любишь, только потому, что потребность любить еще сильна. Что такое любовь шестнадцатилѣтней дѣвушки? Это какая-то нравственная гимнастика, чувство безъ всякаго сознанія. Вотъ и я, когда была моложе, думала, что любила мужа, а теперь вдругъ глаза у меня открылись, я убѣдилась, что это была не любовь, нѣтъ, нѣтъ, въ моей привязанности не было ничего похожаго на любовь.

Голова ея опустилась на грудь и слеза блеснула на рѣсницахъ.

— Боже мой, что съ вами, мой другъ? сказала Марья Николаевна: — вы что-то скрываете отъ меня, у васъ есть какое-то горе... Какъ вамъ не стыдно, Antoinette! отчего не быть со мною откровенною? Вы знаете, что я люблю васъ, какъ мою дочь.

Антонина Александровна вздохнула при этомъ словѣ и прижала руку къ глазамъ.

Марья Николаевна не вытерпѣла. Ея нѣжное сердце не могло видѣть чужихъ страданій, а что Вельскина страдала,—было очевидно. Она бросилась къ ней, обняла ее, поцѣловала ея мокрыя отъ слезъ глаза, потомъ, придвинувъ свое кресло поближе къ Антонинѣ Александровнѣ и взявъ ея руки въ свои, стала упрашивать ее высказать тайну.

Антонина Александровна долго боролась, говорила, что у нея слабые нервы, что она плачетъ безъ причины, что

Digitized by Google

капризничаетъ, просила не обращать на нее вниманія; но между тѣмъ не переставала вздыхать и плакать.

— Я вижу, что вы меня не любите, Antoinette, сказала наконецъ Марья Николаевна.— Неужели я не заслужила вашего довѣрія? Но не говорите, если не хотите, я сама догадываюсь, о чемъ вы плачете, вы любите кого-нибудь, не такъ ли?

Антонина Александровна взглянула на Марью Николаевну, но не отвѣчала.

— Я отгадала, но зачѣмъ эти слезы? Если вы любите, то вѣрно это любовь взаимная, развѣ можно васъ не любить? Ma pauvre enfant, утѣшьтесь, вы будете счастливы. Назовите его, кто онъ такой, достоинъ ли вашей любви?

— Я не могу, прошептала та, но встрѣтивъ строгій взглядъ Марьи Николаевны, она какъ будто испугалась и, обнявъ ее проговорила скороговоркой.

— Ахъ, не сердитесь ради Бога на меня! Я все, все скажу вамъ, но мнѣ такъ трудно, такъ трудно въ этомъ сознаться: я люблю вашего сына.

Марья Николаевна судорожно прижала къ груди свою молодую пріятельницу, и Богъ знаетъ сколько времени они остались въ этой нѣмой, трогательной позѣ. Обѣ были повидимому такъ взволнованы, что ни одно слово не слетѣло съ ихъ языка, только отъ времени до времени вырывались изъ ихъ груди какіе-то звуки, то похожіе на вздохи, то напоминающіе тотъ безсвязный лепетъ, который употребляется матерями для того, чтобъ унять плачь ребенка, и которому одна лишь интонація придаетъ какой-нибудь смыслъ.

Съ этого дня мысль женить сына на Вельскиной упорно поселилась въ головѣ Марьи Николаевны. Ея воображеніе рисовало этотъ бракъ самыми живыми и яркими красками. Антонина Александровна будетъ, конечно, подчиняться ей во всемъ, и такимъ образомъ она сохранитъ прежнюю власть надъ сыномъ. Впрочемъ, не одни чувства играли главную роль въ мечтахъ Марьи Николаевны. Нельзя же жить долго на свѣтѣ и не сознавать необходимости нѣкотораго разчета въ самыхъ важныхъ поступкахъ жизни. Вельскина, если и не была такъ богата, какъ Марья Николаевна, то все-таки имѣла хорошее состояніе; она принадлежала къ хорошей фамиліи и могла во всѣхъ отношеніяхъ считаться блистательною партіей. Но, какъ ни превозносила Марья Николаевна всѣ совершенства Антонины Алек-

Digitized by Google

сандровны, Владиміръ Ѳедоровичъ, казалось, не замѣчалъ намековъ, и, хотя по прежнему былъ очень любезенъ съ Вельскиной, но нисколько не ухаживалъ за нею, и, какъ на зло, въ нее не влюблялся.

X.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ жара и ясной погоды вдругъ завернуло ненастье, хотя осень была еще въ самомъ началѣ. Небо покрылось сѣрою, однообразною пеленой, и мелкій дождь грустно моросилъ съ утра до вечера. Длинны и унылы сдѣлались дни; скука какъ-то ощущалась даже въ атмосферѣ, завыванья вѣтра нагоняли сильную тоску. Дурная погода задерживала Вельскину дома, и Марья Николаевна, избалованная ея обществомъ, страдала одиночествомъ. Скука, какъ всякая другая болѣзнь, проявляется различнымъ образомъ, смотря по человѣку, который ею страдаетъ. Иные переносятъ ее тихо, безъ ропота; у иныхъ она обыкновенно превращается въ грусть, въ мизантропію, въ ипохондрію; у другихъ она дѣйствуетъ благотворно на пищеварительную систему, увеличиваетъ аппетитъ, клонитъ ко сну и лучше всякаго наркотическаго средства вылѣчиваетъ отъ безсонницъ; третьихъ она волнуетъ, раздражаетъ имъ нервы, наводитъ безпокойство, дѣятельно возбуждаетъ къ проявленію накопившихся въ душѣ тяжкихъ впечатлѣній, хотя бы за тѣмъ, чтобы наговорить какихъ-нибудь непріятностей ближнему. Когда скучаешь этою послѣднею скукой, — уже не скучно, а просто досадно. Начинаютъ появляться разныя прихоти, такъ бы и хотѣлось, напримѣръ, стѣну прошибить лбомъ, и, кажется, нѣтъ такихъ жестокихъ стремленій, которыя бы были въ это время непонятны. Одна дама, скучавшая въ деревнѣ, разказывала, что ища разнообразія и какихъ ощущеній, она положила себѣ на руку злѣйшую шпанскую муху. Какая добрая женщина! Другая бы пощадила свою кожу, за то бы оборвала сердце на окружающихъ. Такою-то скукой страдалаМарья Николаевна.

Съ дурною погодой настали снова мучительные дни для Вѣрочки. Хорошо еще, что она носила въ себѣ огромный запасъ счастія, и потому длинныя, краснорѣчивыя проповѣди

Digitized by Google

Марьи Николаевны уже не наводили на нее прежняго унынія и тоски. «Вѣрочка, слышалось безпрестанно, какая ты недогадливая, какъ мало ты заботишься о другихъ, у тебя нѣтъ понятія о томъ, что̀ такое внимательность; вотъ, напримѣръ, принесли новый нумеръ *Revue des Deux Mondes*, что̀ бы тебѣ догадаться разрѣзать листы, ты знаешь, что я люблю этотъ журналъ, что читаю его съ удовольствіемъ. Мнѣ не трудно это сдѣлать самой, но еслибъ я хоть разъ замѣтила въ тебѣ желаніе быть мнѣ въ чемъ-нибудь полезною, какъ бы порадовало это меня! Да гдѣ тебѣ это понять! Отъ тебя ничего не дождешься. А кажется трудно ли разрѣзать нѣсколько листовъ книги?» прибавляла Марья Николаевна съ укоризной во взглядѣ, и затѣмъ слѣдовала сцена. Вѣрочка слушала молча и придумывала, что̀ бы такое сдѣлать, чтобы показаться внимательною. Но предвидѣть, за что̀ разсердится Марья Николаевна, было рѣшительно не возможно: не къ тому, такъ къ другому непремѣнно да придерется.

Однажды Вѣрочка сидѣла въ своей комнатѣ за работой, когда вошелъ къ ней Владиміръ Ѳедоровичъ. Его лицо было краснѣе обыкновеннаго, и онъ былъ встревоженъ. Онъ подошелъ скорыми шагами къ Вѣрочкѣ, схватилъ стулъ, сѣлъ на него и облокотился на столъ.

— Что̀ это такое? сказалъ онъ съ раздраженіемъ: — просто житья нѣтъ! У маменьки каждый день новая фантазія.

— Ахъ перестань, Владиміръ, перебила его Вѣрочка, — не говори мнѣ никогда такихъ вещей, самъ ты ропщешь и меня научилъ тому же. Лучше не видѣть и не замѣчать многаго.

— Да, лучше по твоему жмуриться весь вѣкъ. Я не умѣю быть такъ равнодушнымъ; меня нѣкоторыя вещи возмущаютъ, приводятъ въ негодованіе. Знаешь, что̀ маменька выдумала сегодня отъ скуки? не заступишься ли ты за нее? Она хочетъ, чтобъ я такъ, для того чтобы сдѣлать ей удовольствіе, женился на Антонинѣ Александровнѣ.

Владиміръ Ѳедоровичъ засмѣялся, но не веселъ былъ этотъ смѣхъ; въ немъ слышалось вовсе недоброе чувство. Вѣрочка быстро взглянула на него, потомъ тотчасъ же опустила глаза и поблѣднѣла какъ полотно.

— Ты никакъ испугалась, прибавилъ онъ, замѣтя ея блѣдность, — конечно вѣдь я такой ребенокъ, вѣдь у меня нѣтъ ни малѣйшей самостоятельности; что̀ прикажетъ мамаша, то и сдѣлаю.

Digitized by Google

— Ты меня пугаешь, начала Вѣрочка послѣ короткаго молчанія.—Чѣмъ же ты такъ встревожился, на что ты сердишься? Ты на Вельскиной не женишься, ты ее не любишь, ты это вѣроятно объяснилъ maman... въ первую минуту ей будетъ досадно, потомъ все пройдетъ. Я не вижу, почему тебѣ такъ разстроиваться?

— Да я развѣ разстроенъ? сказалъ Владиміръ Ѳедоровичъ,— громче чѣмъ это бы слѣдовало, въ разговорѣ съ женщиной, и съ нетерпѣніемъ вскочилъ съ своего мѣста.—Ты, пожалуй, еще скажешь, что я испугался, этого не доставало. Но сцены, безпрестанныя сцены, въ которыхъ материнская привязанность играетъ главную роль, выводятъ меня изъ себя.—Онъ топнулъ ногой и скорыми шагами сталъ прохаживаться по комнатѣ.—Маменька такъ разсердила меня, прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія,—что я сдѣлалъ глупость, вспылилъ и сказалъ ей, что не намѣренъ жениться на Вельскиной, потому что я честный человѣкъ, что люблю другую женщину, и что эта женщина ты. Сказалъ это и ушелъ.

Работа выпала изъ рукъ Вѣрочки, и пристально стала она смотрѣть на Владиміра Ѳедоровича.

— Пусть она теперь подумаетъ объ этомъ, продолжалъ онъ,—пусть убѣдится, что я не мальчишка, что мною распоряжаться нельзя. Можетъ-быть я сдѣлалъ глупость, сказавъ ей правду, не приготовивъ ее. Но нѣтъ, вѣдь надо же было объясниться съ нею когда-нибудь. Я радъ, что дѣло сдѣлано.

— Ты разсердился и сказалъ, что ты меня любишь, прошептала Вѣрочка,—почему же не прежде... почему же теперь... я ничего не понимаю.

Она сидѣла неподвижно и только слѣдила взглядомъ за всѣми движеніями Владиміра Ѳедоровича, который все еще прохаживался по комнатѣ. Языкъ ея онѣмѣлъ, грудь сильно колыхалась, что-то неясное бродило въ ея головѣ. Она точно ничего не понимала, не могла опомниться и придти въ себя. Не мысль о Марьѣ Николаевнѣ, не о согласіи ея, не о Владимірѣ Ѳедоровичѣ, не о томъ, любитъ ли онъ ее или нѣтъ, тревожила ее; ей только казалось, что совершится съ нею что-то необыкновенное. Физическій страхъ заставилъ ее вздрогнуть всѣмъ тѣломъ, точно отъ предчувствія неиспытанной болѣзни, страшной, предсмертной агоніи. Ей было не грустно, не больно, а просто странно, жутко.

Digitized by Google

— Ну, Вѣрочка, сказалъ наконецъ Владиміръ Ѳедоровичъ,— теперь надо будетъ дѣйствовать, и дѣйствовать энергически.

Онъ подошелъ къ ней, и въ порывѣ нѣжности хотѣлъ поцѣловать ея руку. Она отшатнулась отъ него, но не сказала ни слова. Въ эту минуту вошла горничная, чтобы позвать Вѣрочку къ Маріѣ Николаевнѣ.

XI.

Послѣ страшнаго удара, нанесеннаго ей сыномъ, Марья Николаевна пришла въ такое благородное негодованіе, что довела себя до истерики, и весь гнѣвъ ея обрушился на Вѣрочкѣ, которая вошла къ ней съ замирающимъ сердцемъ. Бѣдной дѣвушкѣ точно было страшно въ первую минуту, но она скоро оправилась и, вооружившись мужествомъ, рѣшилась выслушать спокойно, что̀ бы ей ни сказали, и молчать до тѣхъ поръ, пока утомится Марья Николаевна. Только отъ времени до времени она взглядывала на дверь въ надеждѣ увидѣть Владиміра Ѳедоровича. Ей все казалось, что онъ войдетъ, что заступится за нее, но Владиміръ Ѳедоровичъ не являлся.

Вѣрочка дѣлала все, что̀ было въ ея силахъ, чтобъ успокоить Марью Николаевну. Ей было жаль ея. Что̀ доискиваться думала она, до причинъ страданій, какъ скоро причины эти уже существуютъ? не могутъ же они не внушать участія. Она знала, хотя и не раскаивалась ни въ чемъ, что она виновница этого гнѣва, и потому, какъ ни жестока была до нея Марья Николаевна, она отвѣчала съ кротостію. Правда, мысль, что все это обойдется, что сто́итъ переждать пароксизмъ, и что тогда все будетъ хорошо, поддерживала ее, но все-таки надо было не только много терпѣнія, но и много самоотверженія, чтобъ однимъ неосторожнымъ словомъ не довести Марью Николаевну до совершеннаго бѣшенства. Наконецъ усталость взяла свое, изступленіе стало переходить въ слезы, а слезы напоминали Маріѣ Николаевнѣ ея утраченную молодость, пылъ безкорыстныхъ, благородныхъ порывовъ, жизнь, полную самопожертвованій, людскую неблагодарность, клевету, свое собственное превосходство и располагали ее къ великодушному прощенію врагамъ. Она не любила скрывать своихъ мыслей и потому стала припоминать вслухъ все, что̀ мелькало передъ

Digitized by Google

ея воображеніемъ. Она стала разказывать, какъ тотъ-то обманулъ ея надежды, какъ этотъ чуть не уморилъ ее, и какъ она, не падая духомъ, бодро перенесла все. Она призналась, что сотворена d'une autre pâte, нежели всѣ прочіе смертные, и довершила необыкновенно удачно цитатами изъ Библіи. Послѣ этого послѣдовало короткое молчаніе.

— Вѣрочка, начала она болѣе спокойнымъ голосомъ,—кончимъ эту сцену, ты знаешь, что я сценъ не люблю, поговоримъ спокойно. Выслушай меня внимательно, пойми и оцѣни меня, если можешь. Другая бы на моемъ мѣстѣ стала бы дѣлать тебѣ упреки, разсердилась бы на тебя, я на это не способна. Я хочу поговорить съ тобою разсудительно, и дай Богъ, чтобы мои слова пошли тебѣ въ прокъ. До сихъ поръ я не замѣтила въ тебѣ ни одной доброй черты, но все-таки мое вѣрующее, любящее сердце хочетъ предположить, что и въ тебѣ есть хорошіе задатки. Бываютъ такіе перевороты въ жизни, что и дурные люди не только исправляются, но достигаютъ до великихъ совершенствъ. Я допускаю, что и ты на это способна, хотя это невѣроятно, трудно, но для меня ничто не трудно, мнѣ все по плечу; я умѣю прощать.

—Марья Николаевна пожала руку Вѣрочки, и такъ утвердительно кивнула головой, что нельзя было усомниться въ ея великодушіи.

Вѣрочка ободрилась, вскочила съ своего мѣста и хотѣла обнять Марью Николаевну, но та остановила ее, и великодушнымъ жестомъ указала на кресло.

— Выслушай меня прежде, сказала она.—Я буду говорить съ тобой, какъ съ женщиной, стоящею на той же ступени нравственнаго развитія, какъ и я. Я или молчу, или со всѣми говорю, какъ съ равными. Ты полюбила моего сына. Я не виню тебя за это: любовь не всегда подчиняется разсудку, особенно у людей слабохарактерныхъ. Ты ни слова не сказала мнѣ о твоей любви, но я и это прощаю тебѣ; что же дѣлать, если нѣтъ у тебя довѣрія ко мнѣ? Я не эгоистка, и на многое смотрю иначе чѣмъ другія. Но не могла же ты серіозно предположить, что ты можешь выйдти замужъ за моего сына. Излагать тебѣ всѣ причины, почему это невозможно, было бы совершенно излишне; подумай въ продолженіи пяти минутъ, и ты сама въ этомъ сознаешься. Стало-быть это дѣло рѣшеное и говорить объ этомъ нечего. Но это не главное.

— Это не главное, сказала съ недоумѣніемъ Вѣрочка: — что же послѣ того важно? Если вы не допускаете мысли, что

Digitized by Google

я могу быть женой Владиміра, если вы считаете это дѣло рѣшеннымъ, такъ о чемъ же мы будемъ говорить?

— Ну, я такъ и думала, что ты не поймешь меня. Ахъ, Вѣрочка, Вѣрочка, что мнѣ дѣлать съ тобою, какъ внушить тебѣ болѣе серіозный взглядъ на жизнь? Ты очень простодушно думаешь, что счастіе, наслажденіе, единственная наша цѣль. Нѣтъ, не къ этому должны мы стремиться. По моему мнѣнію, счастливъ тотъ, на чью долю выпадаетъ много борьбы, много страданій; они возвышаютъ человѣка, развиваютъ его. Я не только не сержусь на тебя за твою любовь къ Владиміру (Марья Николаевна уже забыла, что нѣсколько минутъ тому назадъ она сердилась и очень сильно), я напротивъ радуюсь ей. Я вижу теперь, что и ты способна на человѣческое чувство, а это очень много, я этого никакъ не ожидала. Но эта любовь должна быть только періодомъ твоего развитія, убѣдись въ этомъ. Теперь насталъ въ твоей жизни рѣшительный моментъ, постарайся стать на всю высоту твоего положенія. Ничто такъ не полезно въ молодости, какъ несчастная любовь; сумѣй извлечь изъ нея пользу. Если у тебя натура пассивная, какъ я всегда предполагала, то ты падешь подъ бременемъ, ты ничего изъ себя не выработаешь, ты состарѣешься, опошлѣешь и только и будешь дѣлать, что плакать надъ погибшею любовью, и никогда не отдѣлаешься отъ нея. Въ такомъ случаѣ, признаюсь, ты не заслужишь ни малѣйшаго сочувствія. Если же ты принадлежишь къ числу активныхъ натуръ, ты успокоишься тотчасъ, и если будешь бороться, то эта борьба будетъ заключать въ себѣ много наслажденій. У тебя прибавится много мыслей, которыя безъ этого не пришли бы тебѣ никогда въ голову, и все кончится тѣмъ, что ты благословишь судьбу за то, что послала она тебѣ это горе. Работай же надъ собой, и тогда ты сдѣлаешься женщиной, полезною не только въ тѣсномъ семейномъ кругу, но и въ обществѣ, въ которомъ ты будешь вращаться.

Вѣрочка вдругъ зарыдала, въ ней не было силъ удержаться.

— Неужели все погибло? воскликнула она, и въ ея голосѣ звучало такое горькое отчаяніе:—Боже мой! Ахъ, не раздирайте моего сердца, вѣдь я все-таки ничего не понимаю: скажите, неужели все погибло?

— Ничего не погибло, продолжала Марья Николаевна: — женой Владиміра ты конечно не будешь, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы все погибло. Ты плачешь, Вѣрочка, но если бы ты

Digitized by Google

бость великій недостатокъ, начала она снова,—но отъ него можно исправиться, когда любишь. Я должна ему сказать, что это не хорошо, что онъ не долженъ отказываться отъ меня, я ему скажу, что онъ долженъ жениться на мнѣ.» Она встала, остановилась, и щеки ея покрылись румянцемъ. «Какъ же это можно? шептала она:—онъ меня любитъ, онъ будетъ счастливъ, но все-таки какъ же это можно? Бѣдныя мы женщины!» Слезы брызнули изъ ея глазъ, она судорожно прижала руки къ груди. «Такъ все и терпѣть, терпѣть весь вѣкъ, погубить свою жизнь, потому что неприлично выговорить слова. И что̀ тутъ дурнаго? Еслибъ онъ меня не любилъ, да, тогда, это другое; но я ему вѣрю, ахъ, какъ вѣрю! Пойду я къ нему.» Вѣрочка уже подошла къ двери, но до ея слуха долетѣли звуки голоса Маріи Николаевны. «Она съ нимъ говоритъ теперь, нѣтъ я не пойду. А, какая тоска, какая тоска!» вырвалось раздирающимъ звукомъ изъ ея груди, и она крѣпко прижала руки къ вискамъ. «Я напишу ему.» Рѣшила она вдругъ, и, подбѣжала къ письменному столу, схватила перо и бумагу, и быстро стала писать. Щеки ея горѣли, рука слегка дрожала.

«Выслушай меня, Владиміръ, писала она: ради Бога, выслушай. Дочитай это письмо, но прочти его не только глазами, а всею душой, прочти его съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ я пишу его. Я пишу потому, что тебѣ вѣрю, вѣрю въ твою любовь, и эта мысль дѣлаетъ меня счастливою. Будемъ же откровенны другъ съ другомъ. Пусть ни одно недоразумѣніе, ни одна скрытная мысль не помрачитъ нашего счастія. Я разгадала тебя, въ тебѣ происходитъ борьба, ты любишь меня, а между тѣмъ ты боишься идти на перекоръ волѣ матери. Ахъ, въ какомъ я ужасномъ положеніи! Пойми, каково мнѣ обвинять тебя за это. Не знаю, откуда берется у меня храбрость писать эти строки, но какое-то непреодолимое чувство твердитъ мнѣ, что я права. Пишу я, потому что—Богъ мнѣ въ этомъ судья—не объ одномъ моемъ счастіи хлопочу я, Владиміръ; твое счастіе для меня дороже жизни. Скажи мнѣ, что ты меня не любишь, брось меня, и ни одного слова ропота не вырвется у меня. Я выплачу всѣ свои слезы и буду надѣяться, что ты найдешь женщину, болѣе способную составить твое счастіе. Но нѣтъ, ты этого не скажешь, ты любишь меня, а если ты и былъ сегодня ко мнѣ какъ-то страненъ, то я приписываю это чужому вліянію и недостатку энергіи въ тебѣ. Не огорчайся этими словами, я не ропщу на тебя, и если обвиняю въ слабости, то

Digitized by Google

все-таки прощаю. Умоляю тебя, обдумай что я говорю: если тебѣ трудно жить безъ меня, то для чего же губить себя и меня добровольно?

«Только сильное убѣжденіе въ томъ, что ты заблуждаешься на свой счетъ, могло заставить меня высказать, что я думаю. Еслибъ я не желала твоего блага, къ чему бы мнѣ говорить такъ? Вѣдь не состояніе же твое, не положеніе твое въ обществѣ плѣнили меня. Зачѣмъ я не могу доказать тебѣ всю силу моей любви! Будь же откровененъ со мною, прошу тебя, рѣшись на что-нибудь, пожертвуй мною или твоею матерью. А главное считай себя совершенно свободнымъ и не бойся за меня; въ томъ и другомъ случаѣ ты сохранишь во мнѣ вѣрнаго друга.»

Запечатавъ письмо, Вѣрочка побѣжала въ комнату Владиміра Ѳедоровича, положила его на письменный столъ, и, задыхаясь отъ страха, какъ бы кто-нибудь не увидалъ ея, возвратилась къ себѣ. Было уже поздно, она почувствовала усталость и легла спать. Мечты счастія опять стали мелькать въ ея воображеніи; молодость взяла свое, и она сладко уснула.

XIII.

На другое утро Вѣрочка вошла къ Маріѣ Николаевнѣ. Марья Николаевна встрѣтила ее съ веселою, торжествующею улыбкой и поцѣловала ее ласково въ лобъ.

— Я не злопамятна, Вѣрочка, пусть будетъ все забыто, сказала она. — Пойдемъ пить чай, Владиміръ ожидаетъ насъ въ столовой.

Владиміръ Ѳедоровичъ обошелся съ Вѣрочкой какъ обыкновенно, однакожь ему видимо было неловко, и онъ какъ-то избѣгалъ взгляда Вѣрочки. Послѣ чаю всѣ принялись за какое-нибудь занятіе. Владиміръ Ѳедоровичъ ушелъ къ себѣ, а Вѣрочка стала читать вслухъ Маріѣ Николаевнѣ какую-то статью о финансовомъ кризисѣ. Уныло звучалъ ея голосъ; порой жгучія слезы брызгали изъ ея глазъ; но Марья Николаевна какъ будто этого не замѣчала и говорила даже съ очень любезною улыбкой.

— Какъ хорошо ты читаешь сегодня, Вѣрочка! И нѣсколько

Digitized by Google

разъ какъ-то вскользь и очень некстати выразила оригинальную мысль, что жизнь есть борьба.

Настала пора обѣда, всѣ опять собрались, и все-таки никто не намекнулъ о вчерашнемъ днѣ, какъ будто канулъ онъ въ вѣчность со всѣми своими сладкими надеждами, со всѣми горестными воспоминаніями. Марья Николаевна была необыкновенно оживлена, говорила безъ умолку, и съ большимъ искусствомъ поддерживала разговоръ во время всего обѣда.

День былъ сѣренькій, небо тускло, сырая атмосфера тепла, какъ оранжерейный воздухъ; то́поль послѣ продолжительнаго дождя распространялъ пріятный ароматическій запахъ. Вѣрочкѣ было нестерпимо въ четырехъ стѣнахъ, и она вышла въ садъ, удалилась въ свой любимый уголокъ, и на сердцѣ у нея стало легче. «Хоть бы не видѣть ничего, подумала она, убѣжать бына край свѣта, куда-нибудь въ глушь, не видѣть, не слышать, а главное не чувствовать ничего. Были же такіе люди, которые жили въ пустынѣ, питались кореньями, проводили жизнь въ молитвѣ; какъ было имъ хорошо и ужь какъ покойно! Ахъ! зачѣмъ не могу я жить, какъ они! — А счастіе?» шептало что-то. Она пріостановилась и слегка прищурясь какъ-то пристально посмотрѣла вдаль. Граціозно вилась тамъ рѣчка, далеко тянулись пожелтѣлыя поля, красиво группировалось нѣсколько деревьевъ на холмѣ, а тамъ, дальше, болѣе ничего, одинъ однообразный грустный горизонтъ. «Счастіе, повторила она, ахъ, не надо думать о немъ!.. Гдѣ оно?»

Скрипъ сапоговъ по песку заставилъ ее обернуться. Къ ней подошелъ Владиміръ Ѳедоровичъ. Оба смутились и съ минуту молчали.

— Походимте, сказала она, и они пошли по аллеѣ. Чѣмъ долѣе продолжалось молчаніе, тѣмъ тягостнѣе становилось оно для Владиміра Ѳедоровича.

— Ты грустна, Вѣрочка́, сказалъ онъ наконецъ тихо и нерѣшительно.

— Ничего, сказала она спокойно, и вновь настало молчаніе.

— Вы прочли мое письмо? начала Вѣрочка, не поднимая глазъ, и сердце въ ней забилось сильнѣе.

— Прочелъ, Вѣрочка, да, да, намъ должно объясниться. Я самъ мученикъ. Ахъ, еслибы ты знала, какъ я страдаю (онъ говорилъ съ жаромъ); добрая, благородная моя Вѣрочка, я знаю, какъ ты меня любишь, знаю, что ты готова для меня всѣмъ пожертвовать. Но и ты напала на благороднаго человѣка.

Digitized by Google

храни меня Богъ употребить во зло твое довѣріе, ты всегда будешь для меня святыней.—Они остановились, и онъ взялъ ея руки въ свои.—Добрая, добрая Вѣрочка, пойми меня, что̀ мнѣ дѣлать? Вѣдь маменьку не уломаешь. (Вѣрочка тихо освободила свою руку и потупилась въ землю.) И знаешь что̀, Вѣрочка... ахъ, Боже мой! да не сердись только на меня, она отчасти права... Мнѣ нельзя будетъ сдѣлать тебя счастливою. Свѣтскія отношенія... потомъ она этого не желаетъ... наконецъ ты вѣдь понимаешь все, что̀ можно тутъ сказать... однимъ словомъ, это не возможно, не возможно. Я заблуждался, я увлекался самъ, но я не обманывалъ тебя; не такъ ли, ты не думаешь, что я тебя обманывалъ?

— Нѣтъ, не думаю, сказала едва внятно Вѣрочка; ноги ея подкашивались, она прислонилась къ дереву и продолжала слушать.

— Да, да, ты понимаешь, я вижу, что ты понимаешь, сказалъ онъ скороговоркой.—Вѣдь это правда, что не живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Есть обязанности, нельзя же этого отвергать. Есть борьба, и когда человѣкъ выходитъ изъ нея торжествующимъ, онъ дѣлается лучше, не такъ ли, Вѣрочка, душа моя, да что̀ ты такая грустная, ради самого Бога ободрись, ты лишаешь меня всякой силы. Пойми, какъ я страдаю, я знаю, что счастіе возможно, но я не могу пользоваться твоею слабостію, потому что такъ люблю тебя.

Вѣрочка не вытерпѣла:

— Ну и довольно, Владиміръ, сказала она,—не будемъ больше говорить объ этомъ.

— Да какъ же не говорить? Ахъ, еслибы ты страдала какъ я, ты не сказала бы мнѣ, чтобъ я молчалъ, какъ тутъ молчать? (Владиміръ Ѳедоровичъ былъ точно очень взволнованъ) но я не паду духомъ, продолжалъ онъ,—ты увидишь, Вѣрочка, что я буду достоинъ тебя, я буду работать, я сдѣлаюсь полезнымъ человѣкомъ, это будетъ тебѣ утѣшеніе, не такъ ли? Ахъ, счастіе не легко достается! надо брать его съ бою. А что̀ я? я никогда ни съ чѣмъ не боролся: достоинъ ли я его, сумѣю ли имъ воспользоваться? Да, да, надо бороться; способенъ же и я на жизненный подвигъ. Вѣрочка, Вѣрочка, что̀ съ тобой? отвѣчай же мнѣ.

Она стояла неподвижно, прижавъ руки къ лицу.

— Ахъ, ты должна бы меня поддерживать, началъ онъ, и вдругъ замолчалъ, встрѣтивъ ея раздирающій взглядъ; что-то

Digitized by Google

защемило его сердце.—Вѣрочка, сказалъ онъ тихо и съ невыразимою нѣжностію,—прости, прости, ахъ, какъ жаль мнѣ тебя!

Услышавъ этотъ знакомый звукъ голоса, Вѣрочка не въ силахъ была удержаться и зарыдала какъ ребенокъ.

— Владиміръ, Богъ тебя проститъ, произнесла она,—ты не виноватъ: каждый мѣряетъ на свой аршинъ.

Владиміръ Ѳедоровичъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Такъ я не правъ? спросилъ онъ.

— Правъ.

— Ты ропщешь на меня... ахъ, да, и есть за что! я такъ виноватъ передъ тобой, прости меня!

Новое рыданіе вырвалось у нея изъ груди.

— Хоть бы ты прощенія не просилъ, Владиміръ, прошептала она раздирающимъ голосомъ. Потомъ оправившись и утеревъ глаза, она протянула ему руку.—Я все-таки твой другъ, Владиміръ.

Онъ хотѣлъ заговорить.—Нѣтъ, нѣтъ, прервала она его съ какимъ-то страхомъ въ голосѣ.—Не будемъ больше говорить. Пойдемъ домой.—И она скорыми шагами пошла впередъ.

Нѣсколько дней спустя, Владиміръ Ѳедоровичъ уѣхалъ въ Москву.

Прошло шесть лѣтъ. Легко, весело промчались они для нѣкоторыхъ, грустно и медленно протянулись для другихъ, положивъ свою тяжелую печать на иной умъ, вселивъ горькое чувство въ иное сердце, разрушивъ много священныхъ вѣрованій, но и замѣнивъ ихъ можетъ-быть не менѣе святыми, не менѣе серіозными требованіями и надеждами.

Было лѣто. Марья Николаевна жила въ деревнѣ. Все также, какъ лѣтъ шесть тому назадъ, цвѣты украшали красивые партеры сада, все также пышная зелень услаждала взглядъ, все также было хорошо и прохладно въ темныхъ тѣнистыхъ аллеяхъ, и старыя деревья, раскинувъ свои могучія вѣтви, только дружнѣе сплетали ихъ какъ бы въ знакъ вѣчнаго союза.

Въ концѣ одной изъ этихъ тѣнистыхъ аллей, въ бесѣдкѣ изъ вьющихся растеній, сидѣла Марья Николаевна. Она состарѣлась. Время и на ея лицѣ наложило свой отпечатокъ: къ прежней строгости ея взгляда прибавилось еще что-то горькое; и она узнала страданія, но не тѣ, которыя возвышаютъ человѣка, а напротивъ, тѣ, которыя ожесточаютъ его противъ всѣхъ и каждаго и отнимаютъ всѣ хорошія, душевныя свойства.

Digitized by Google

У ногъ ея маленькая четырехлѣтняя дѣвочка сидѣла на табуретѣ. Множество игрушекъ валялось передъ нею на пескѣ; но повидимому ни одна не была достойна ея вниманія, потому что, прижавъ кулачки къ глазамъ, она хныкала и повторяла безпрерывно: «скучно, мнѣ скучно!» Марья Николаевна волновалась, старалась забавить ребенка, но ничто не дѣйствовало. «Мнѣ скучно», твердила дѣвочка и ничего знать не хотѣла. Наконецъ Марья Николаевна вышла изъ терпѣнія.

— Да перестанешь ли, Нина? сказала она: — какъ тебѣ не стыдно меня такъ безпокоить! Ахъ, какое мученье съ этими дѣтьми! продолжала она про себя.

Богъ знаетъ, сколько времени продолжалась бы эта сцена, еслибы счастливое обстоятельство не превратило скуки Нины въ радость. На противоположномъ концѣ аллеи показалась стройная фигура дѣвушки. Она приближалась къ бесѣдкѣ. Какъ скоро Ниночка увидѣла ее, то вскочила съ своего мѣста, и вскрикнувъ:—А, это тетя Вѣра!—пустилась опрометью бѣжать къ ней навстрѣчу.

Вѣрочкѣ было только двадцать два года, но въ ней трудно было бы узнать прежнюю шестнадцатилѣтнюю дѣвушку. Ея станъ, и тогда стройный, сдѣлался еще тоньше и гибче, румянецъ исчезъ и замѣнился блѣдною матовою бѣлизной, рѣзко отдѣлявшеюся отъ черныхъ глянцовитыхъ волосъ, причесанныхъ гладко на ухо. Строгое спокойствіе выражалось во всѣхъ ея чертахъ и смягчалось только кроткою добродушною улыбкой, которая часто появлялась на ея устахъ. Задумчиво глядѣли ея большіе черные глаза, но иногда какое-то мимолетное безпокойство, какая-то душевная тревога, вдругъ появится въ нихъ, нарушитъ гармонію лица, и тотчасъ же исчезнетъ, подобно молніи, какъ бы боясь пытливаго взора. Она шла уже не тою дѣтскою неровною поступкой, какъ ходятъ очень молодыя дѣвушки, но плавно, медленно, какъ умѣютъ ходить только очень граціозныя женщины.

Нина подбѣжала къ ней и повисла на ея платьѣ. Вѣрочка, улыбаясь, нагнулась и поцѣловала ее, но не тѣмъ восторженнымъ, безпокойнымъ поцѣлуемъ, которымъ такъ-называемыя охотницы до дѣтей часто награждаютъ своихъ маленькихъ любимцевъ, не обращая вниманія, доставляетъ ли это дѣтямъ великое наслажденіе, а спокойнымъ, нѣжнымъ поцѣлуемъ.

— Будемъ играть со мной? спросила Нина.

Digitized by Google

— Прежде пойдемъ къ бабушкѣ, возразила та,—мнѣ надо ей отдать письмо.

И взявъ ребенка за руку, она подошла къ Марьѣ Николаевнѣ.

— Вотъ письмо къ вамъ, maman, сказала она подавая его.

— Отъ Владиміра? съ волненіемъ спросила Марья Николаевна.

— Да, кажется его почеркъ.

Марья Николаевна разорвала конвертъ и быстро стала читать.

— Владиміръ на дняхъ будетъ здѣсь, воскликнула она съ непритворною радостью.

— А! произнесла Вѣрочка, и потомъ прибавила тихо, обращаясь къ ребенку:—папаша скоро пріѣдетъ.

— Пойдемъ же играть, умоляющимъ голосомъ твердила Нина, дергая ее за платье.

Вѣрочка только спокойно взглянула на нее, и Нина притихла.

— Ну, я очень рада, начала Марья Николаевна,—очень, очень рада. Да что же ты, Вѣрочка, не скажешь ни слова, кажется и ты могла бы изъявить нѣкоторую радость, а если сама не радуешься, такъ могла бы порадоваться за меня. Впрочемъ, можно ли требовать сочувствія отъ такихъ апатичныхъ созданій, какъ ты!

Сказавъ это, Марья Николаевна поднялась съ своего кресла и направилась къ дому.

Нина вдругъ просіяла.

— Ну, тетя Вѣра, сказала она,—теперь мы однѣ, давай дѣлать пироги изъ песку. Какъ это весело! Вѣдь ты это любишь?

— Давай дѣлать пороги, весело сказала Вѣрочка, и сѣвъ на землю, стала усердно всыпать песокъ въ маленькія деревянныя формы; Нина захлопала въ ладоши отъ радости.

Владиміръ Ѳедоровичъ, сознавъ всю святость долга и вступивъ въ борьбу съ страстями, бросилъ молодую, любящую дѣвушку и отправился въ Москву, и гдѣ женился на Антонинѣ Александровнѣ Вельской. Женская хитрость и материнское вліяніе взяли свое. Первое время все шло превосходно. Марья Николаевна была въ восторгѣ отъ всего, что дѣлала ея невѣстка. Но скоро Антонинѣ Александровнѣ надоѣла эта комедія; разыгрывать роль было уже не нужно. Она не пускалась

Digitized by Google

болѣе въ длинныя бесѣды съ Марьей Николаевной, даже рѣдко посѣщала ее, совершенно предалась свѣтскимъ удовольствіямъ, стала кокетничать, забавляться, мечтать и разстроила какъ свое, такъ и мужнино состояніе. Мужа она держала въ рукахъ и даже такъ убѣдила его въ своихъ добродѣтеляхъ, что когда и доходили до него невыгодные слухи о женѣ, онъ никогда ничему не вѣрилъ. Марья Николаевна плакала, раздражалась, дѣлала упреки, но Антонина Александровна сумѣла положить этому конецъ, а именно тѣмъ, что перестала ѣздить къ матери мужа. Что касается до Владиміра Ѳедоровича, то когда онъ и бывалъ у Марьи Николаевны, то всегда сидѣлъ какъ на иголкахъ. Часто происходили сильныя стычки, послѣ которыхъ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они не видѣлись, и дошло наконецъ до того, что съ обѣихъ сторонъ возникло желаніе вовсе прекратить всякія сношенія. Но такъ какъ передъ свѣтомъ должно было маскировать эти семейныя тайны и скрыть на сколько возможно полный разрывъ, то всегда, когда молодые Совицкіе жили въ Петербургѣ, Марья Николаевна была въ Москвѣ, а какъ скоро являлись они въ Москву, тотчасъ же Марья Николаевна отправлялась въ Петербургъ или въ деревню. Въ послѣдніе два года, состояніе ихъ такъ разстроилось, что Марья Николаевна принуждена была жить безвыѣздно въ деревнѣ, что̀ не помѣшало ея сыну отправиться съ женой за границу. У нихъ была только одна дочь Нина. Путешествовать съ дѣтьми скучно, и, сообразивъ ато, Антонина Александровна написала очень ласковое письмо Марьѣ Николаевнѣ, въ которомъ просила ее взять къ себѣ на время внучку. Она увѣряла, что только тогда и будетъ она спокойна, когда ребенокъ будетъ у бабушки, что она Марьѣ Николаевнѣ вѣритъ больше чѣмъ самой себѣ и пр. Марья Николаевна не отвѣчала ни слова, но тотчасъ же послала за Ниной. Это обстоятельство имѣло сильное вліяніе на Марью Николаевну: она стала было впадать въ хандру, но тутъ ободрилась, приподняла голову, ей можно было опять играть роль великодушія и самоотверженія.

Но что̀ дѣлала Вѣрочка въ то время, какъ одни веселились, другіе сердились и огорчались? Она, какъ всегда, должна была страдать за всѣхъ, на ней срывали сердце, ей пересказывали всѣ непріятности, дѣлали ее безгласнымъ судьей чужихъ провинностей. Ей бы и хотѣлось не вмѣшиваться ни во что, не знать ничего, но было ли это возможно? Только и дѣло, что при-

Digitized by Google

ходилось выслушивать жалобы, не отъ того, такъ отъ другаго; а если и можно было зажать ротъ инымъ, то все-таки же не Марьѣ Николаевнѣ. Надо было слушать, и не только слушать, а сочувствовать. Промучившись весь день, наслушавшись этихъ разговоровъ, она вечеромъ уединялась въ свою комнату,—а что ожидало ея тамъ? не та ли самая пытка, не тѣ же ли страданія? Много выплакала она слезъ, много передумала, и сколько разъ доходя до отчаянія, восклицала она: «Боже мой! что мнѣ дѣлать, какъ жить, когда жизнь не въ моготу? Ахъ, еслибы можно было состарѣться поскорѣй, еслибы можно было улечься въ могилу и забыть все, все, что было!» А на другое утро послѣ безсонной ночи она просыпалась съ свѣжимъ румянцемъ на щекахъ, здоровье ея нисколько не страдало, надежды на смерть не было ни малѣйшей. «Надо разлюбить его, повторяла она себѣ съ утра до вечера, какъ онъ разлюбилъ меня. Неужели не могу я полюбить кого-нибудь другаго?» Всѣ молодые люди, которыхъ встрѣчала она, были чрезмѣрно пусты, а если и выдавались изъ нихъ болѣе замѣчательныя личности, то не случилось ей сблизиться ни съ однимъ такимъ; неизвѣстно были ли тому виной обстоятельства, или необыкновенная сдержанность Вѣрочки. Часто, отправляясь на вечеръ съ Марьей Николаевной, она твердила себѣ: «Вотъ сегодня я поговорю побольше съ К. или съ С. Онъ мнѣ вѣрно понравится, я его полюблю и тогда позабуду Владиміра. Ахъ, какое это было бы счастіе!» Но послѣ нѣсколькихъ словъ съ однимъ изъ этихъ избранныхъ ей становилось невольно тяжко, она чувствовала отвращеніе, пріѣзжала домой не въ духѣ, на нее находила тоска пуще прежней, и досада на себя увеличивала еще болѣе эту тоску. Послѣ нѣсколькихъ такого рода попытокъ, ей стало какъ-то совѣстно передъ самою собой; она поняла, что забыть свою первую любовь никогда не сумѣетъ, что объ этомъ и стараться не должно, и стала опять думать, крѣпко думать, что бы сдѣлать съ своею жизнію, въ чемъ найдти себѣ точку опоры, какъ предостеречь себя отъ ожесточенія, какъ быть полезной хоть одному существу въ мірѣ. «Прежде всего надо сладить съ собой, говорила она себѣ, пусть же мои страданія будутъ единственнымъ счастіемъ моей жизни, постараюсь изъ нихъ черпать новыя силы.» И Вѣрочка принялась воспитывать себя не на шутку. Она поняла, что лучшее средство отъ тоски—постоянныя занятія. Она старалась по мѣрѣ силъ ни одну минуту не оставаться праздною, но такъ какъ ежедневное

Digitized by Google

мытарство по милости Марьи Николаевны часто лишало ее времени, то она до глубокой ночи сиживала въ своей комнатѣ, читала, прежде машинально, но потомъ съ возрастающимъ интересомъ и стала заниматься ученьемъ съ любовію. Познакомилась съ литературами нѣсколькихъ языковъ, съ исторіей. Конечно, это не излѣчило ея вполнѣ, грустно бывало часто и плакать приходилось не рѣдко, но все-таки стало полегче.

Вслѣдствіе ли грусти, усиленнаго ли труда, или просто эпидеміи, она заболѣла. У нея сдѣлался тифъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней она была при смерти. Даже Марья Николаевна струсила. Ей стало жаль Вѣрочки; можетъ-быть и ея совѣсть не совсѣмъ заглохла. Она просидѣла нѣсколько ночей у постели больной, и слезы не разъ показывались на ея глазахъ, когда Вѣрочка въ бреду, то съ отчаяніемъ, то съ невыразимою грустью, произносила имя ея сына, а когда наконецъ больная пришла въ себя, открыла глаза и спокойно посмотрѣла на Марью Николаевну, она вскочила съ своего мѣста, бросилась ее обнимать и сказала ей сквозь слезы: «Прости мнѣ, Вѣрочка, но тотчасъ же прибавила: видно ужь судьба твоя такая горькая.» Въ эту минуту Вѣрочка была такъ слаба, что не могла понять смыслъ этихъ словъ, но въ послѣдствіи она часто припоминала ихъ съ теплою благодарностію. Для нея было достаточно ихъ, чтобы простить Марью Николаевну; хотя, какъ скоро Вѣрочка выздоровѣла, Марья Николаевна стала обращаться съ нею постарому.

Но судьба и для Вѣрочки приготовила неожиданное утѣшеніе. Это была Нина. Съ перваго же дня, когда малютку привезли къ бабушкѣ, она страстно привязалась къ Вѣрочкѣ. Онѣ сдѣлались неразлучны, спали въ одной комнатѣ и цѣлый день проводили вмѣстѣ. «Я буду воспитывать этого милаго ребенка, говорила себѣ Вѣрочка: вотъ и знанія, которыя я пріобрѣла въ послѣднее время, пойдутъ въ прокъ: ахъ, какъ хорошо, что я не умерла, когда у меня былъ тифъ!»

Между тѣмъ Владиміръ Ѳедоровичъ и жена его были за границей. Онъ писалъ довольно часто, и Вѣрочка отвѣчала ему, пускаясь въ безконечныя подробности: всегда дѣло шло о Нинѣ. Его письма дѣлались все грустнѣе и грустнѣе, и хотя онъ не говорилъ этого прямо, видно было, что не легка и его доля. Наконецъ пришло одно письмо, которое поразило и Марью Николаевну и Вѣрочку. Владиміръ Ѳедоровичъ писалъ, что его жена, овладѣвъ его шкатулкой, отправилась путешествовать куда-

Digitized by Google

то въ Швейцарію или Италію съ однимъ очень преданнымъ ей другомъ, какимъ-то очень красивымъ графомъ, а что онъ остался въ Парижѣ безъ копѣйки. Онъ просилъ выслать ему денегъ какъ можно скорѣе, чтобы вернуться въ Россію и пріѣхать къ матери. Жену онъ отыскивать былъ не намѣренъ и говорилъ о ней съ величайшимъ равнодушіемъ. Послѣ первой минуты негодованія Марья Николаевна обрадовалась. Вѣрочку же поступокъ Антонины Александровны не удивилъ. Она этого ожидала. «Теперь-то Нина ужь совсѣмъ моя,» подумала она и, подойдя къ ребенку, крѣпко обняла ее.

— Такъ вы пожалѣли обо мнѣ, Вѣра Павловна? спросилъ Владиміръ Ѳедоровичъ Вѣрочку.

— Какой вопросъ! Можетъ ли тутъ быть сомнѣніе? тихо отвѣчала она.

Они сидѣли на балконѣ. Владиміръ Ѳедоровичъ лишь нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ въ деревню. Былъ чудный вечеръ. Солнце только что закатилось, оставивъ за собой пурпурный слѣдъ. Все было тихо вокругъ.

— Благодарю васъ за это, продолжалъ онъ,—много я перестрадалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись.

Вдали раздалось пѣніе; нѣсколько мужскихъ голосовъ затянули унылую пѣсню; грустно и стройно звучала она, и только порой пискливый сопрано женщинъ, какъ диссонансъ, вредилъ общему впечатлѣнію и непріятно поражалъ ухо. На селѣ водили хороводы.

— Какъ люблю я это пѣніе, начала Вѣрочка:—помните, какъ часто мы съ вами прислушивались къ нему.

— Да, помню. Такъ вы любите еще хоть что-нибудь изъ того, что любили прежде. Вы такъ измѣнились съ тѣхъ поръ.

— Это правда, я очень измѣнилась.

— И я измѣнился, Вѣра Павловна, я сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Судя по наружности, Владиміръ Ѳедоровичъ точно былъ уже не тотъ. Живое выраженіе его лица вовсе исчезло, гибкость стана пострадала, онъ не много горбился и начиналъ уже толстѣть. Что-то вялое, утомленное, выражалось въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи. Онъ бывалъ и грустенъ, и веселъ, но все выражалось у него какъ-то лѣниво.

— На то и живемъ, чтобъ измѣняться, весело перебила его Вѣрочка.

Digitized by Google

Онъ, казалось, хотѣлъ сказать что-то, но слова какъ-то не давались ему.

— А хорошо было прежде, проговорилъ онъ помолчавъ.— Хорошо бы, еслибы можно иногда возвратить прошедшее. И неужели это невозможно, Вѣра Павловна?

— Я не понимаю васъ вполнѣ, Владиміръ Ѳедоровичъ.

— Вы когда-то любили меня, продолжалъ онъ въ раздумьи.— Вы любили меня такъ, что пожертвовали бы мнѣ всѣмъ, я это знаю.

Она вздрогнула, хотѣла что-то сказать, но онъ ей не далъ выговорить ни слова.

— Скажите, что это правда, скажите, что вы любили меня такъ.

— Да, это правда, отвѣчала она тихимъ, дрожащимъ голосомъ, и стала смотрѣть въ другую сторону.

— А я тогда не умѣлъ оцѣнить васъ... Вы единственная женщина, которую я могъ бы полюбить, которая сдѣлала бы изъ меня человѣка. Когда вы любили меня, я былъ мальчишка, я дорожилъ тогда и свѣтомъ, и мнѣніемъ моей матери, и всякими глупостями; теперь я созналъ, что это не главное въ жизни, теперь я дорожилъ бы совсѣмъ другимъ. Однимъ умомъ трудно дойдти до какого-нибудь убѣжденія, а жизнь какъ разъ разовьетъ. Я во многихъ отношеніяхъ развился.

— Это хорошо, сказала Вѣрочка покойно,—но не вамъ однимъ это удалось, я тоже развилась,—и она улыбнулась.

— Поймите же меня, полюбите меня теперь, если можете... Я лучше теперь чѣмъ тогда. Поймите, что мой поступокъ съ вами, хотя и можетъ показаться съ перваго взгляда безчестнымъ, былъ не что иное, какъ послѣдствіе одного изъ періодовъ развитія, черезъ который всякій долженъ пройдти.

— Ахъ, ради Бога, перебила его Вѣрочка,—наслушалась я довольно о періодахъ развитія, избавьте же меня отъ этого.— Она улыбнулась, но горькое чувство слышалось въ ея голосѣ.—Есть слова, которыя мнѣ такъ надоѣли, продолжала она,— что безъ раздраженія ихъ слышать не могу, такъ какъ-то къ нимъ языкъ приболтался. А вѣдь все слова хорошія, напримѣръ: развитіе, прогрессъ, принципъ,—и Вѣрочка разсмѣялась.

Владиміръ Ѳедоровичъ задумался.

— Ну, начала она опять тѣмъ же веселымъ тономъ,—поговорите же о чемъ-нибудь. О развитіи наговорились, кажется, и

Digitized by Google

будетъ. Не потолковать ли намъ теперь о гласности, сказала она вдругъ съ комическою улыбкой;—благо она въ моду вошла.

Владиміра Ѳедоровича передернуло.

— Вы издѣваетесь надо мной, грѣхъ вамъ, произнесъ онъ,— вѣдь вы видите, что я несчастливъ.

Вѣрочка покраснѣла, потупила глаза и просидѣла нѣкоторое время молча. Она была недовольна собою и точно боролась противъ чего-то. Наконецъ она приподняла голову, и лицо ея приняло опять свое обычное спокойствіе.

— Помните, Владиміръ Ѳедоровичъ, нашъ первый, искренній разговоръ, сказала она.—Мы сидѣли здѣсь на балконѣ, на этой же скамьѣ. Вы спросили меня: вѣдь мы друзья теперь? и я отвѣчала вамъ утвердительно. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, оба мы пострадали, мы разошлись во многомъ, но я и теперь готова повторить вамъ тѣ же слова. Да, Владиміръ Ѳедоровичъ, мы друзья.

Она протянула ему руку, и ея ласковый, добрый взглядъ остановился на немъ.

— Вѣра Павловна, самоваръ поданъ, доложилъ человѣкъ, показавшійся въ эту минуту у двери.

Вѣрочка быстро встала съ своего мѣста.

— Пойдемте пить чай; на балконѣ становится уже свѣжо, сказала она, и пошла впередъ.

Ида Бергенъ.

Digitized by Google

ГОНЪ-КОНГЪ[1]

I.

23 іюля 1858 года мы снялись съ Сингапурскаго рейда, и тихо шумя парами, оставляли за собою красивые клиперы и вмѣстительныя, крутобокія суда купцовъ. Послѣднее судно было американское: *Lobelia*: рангоутомъ своимъ упиралось оно чуть не въ облака; мы долго любовались имъ. Скоро скрылся изъ виду Сингапуръ, но вдали все еще тянулись острова; наконецъ, выйдя на верхъ еще разъ, я уже ничего не видалъ, кромѣ неба и моря. Въ первые три дня сопровождали насъ безпрестанные шквалы, сильные, продолжительные съ ослѣпляющею молніей и громомъ. Ими угощалъ насъ Сіамскій заливъ; но когда мы прошли его, вѣтеръ подулъ ровный, зюдъ и зюдъ-остъ муссонъ. Мы шли среднимъ ходомъ; днемъ парило, къ вечеру небо разрисовывалось чудными узорами, яркими волшебными красками, которыми пышетъ закатъ здѣшняго солнца. Синева небосклона сіяла изумруднымъ блескомъ; далеко и слабо мерцалъ уже покидавшій насъ Южный Крестъ; увидѣли и новую луну; она какъ будто полулежала. «Ну, слава Богу, говорили нѣкоторые, дойдемъ счастливо: луна стоитъ, матросъ лежитъ.» «Гдѣ же она стоитъ?» возражали другіе. «Конечно больше стоитъ чѣмъ лежитъ». И вотъ возгарается объ этомъ споръ, потому что все уже успѣли переговорить другъ съ другомъ

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 6, статью *Малайское море*.

Digitized by Google

обо всемъ, и подобный спорный пунктъ служитъ для всѣхъ единственнымъ развлеченіемъ.

Разъ какъ-то солнце, всегда великолѣпное, захотѣло, кажется, пощеголять передъ нами, и разлило по всему небу и облакамъ такой ослѣпительный огненный свѣтъ, что мы смотрѣли на этотъ волшебный закатъ какъ на какое-нибудь особенное явленіе. Долго солнце какъ будто купалось въ пламени и блескѣ. Каждое отдѣленное облачко принимало участіе въ этой великолѣпной игрѣ, краснѣя и пылая каждымъ, чуть замѣтнымъ изгибомъ своимъ, каждымъ очертаніемъ. Небесная лазурь пробивалась сквозь пурпуръ изумрудными полосами; ближайшія къ солнцу облака убирались огненною бахрамой. Не передъ ураганомъ ли? У Горстбурга сказано, что часто урагану предшествуетъ какое-нибудь особенное явленіе, странный цвѣтъ неба или воды, или что-нибудь подобное.

Передъ ураганомъ бываетъ всегда такая духота и тоска, что не знаешь куда дѣваться; звѣрь и птица прячутся; а теперь, вопервыхъ, не душно, вовторыхъ я далекъ отъ всякой тоски, когда чѣмъ-нибудь восхищаюсь, и, втретьихъ, *макаки* наши и не думаютъ прятаться и забиваться въ норы.

Не прошло и получаса, какъ одинъ ипохондрическій товарищъ уже спрашивалъ меня: не чувствую ли я особенной тоски?

Изъ Тонкинскаго залива ждали мы, по Горстбургу же (а Горстбургъ для моряка тоже, что Коранъ для мусульманина), норд-веста; но и на этотъ разъ Горстбургъ былъ не правъ; попутный вѣтеръ не оставлялъ насъ. На Макельсфильдовой банкѣ мы ложились въ дрейфъ и бросали лотъ; лотъ показалъ глубину въ 45 саженей (какъ и значилось по картѣ); концомъ своимъ вырвалъ онъ кусокъ корала со дна морскаго и вынесъ его на свѣтъ Божій. Подходя къ берегу, мы убавили ходъ до двухъ узловъ, чтобы ночью не проходить между островами. Берегъ показался, какъ всегда, неясными группами, частію теряющимися въ туманѣ и облакахъ. Нѣсколько острововъ поднимались холмами, едва виднѣясь. Миль за тридцать до берега встрѣтила насъ китайская джонка съ рогожнымъ парусомъ, и высадила къ намъ лоцмана, курносаго Китайца въ нанковой куртѣ, съ отвислыми губами, съ косою, обвивавшею два раза его обритую голову. Тихо пробирались мы между островами; берега были голы, холмисты; едва зеленѣвшая трава покрывала ихъ неровности. Ущелья развѣтвлялись овражками и ручейками.

Digitized by Google

У самой воды виднѣлись пещеры, врачныя, глубокія; таинственный мракъ ихъ отражался въ плескавшемся подъ ихъ сводомъ прибоѣ, и эхо разносило эти звуки глухимъ, мѣрно прерывавшимся шумомъ. На этихъ холмахъ печать какой-то неоконченности; тѣни и свѣтъ ложатся на нихъ ровными массами, образуя строгій рисунокъ твердой руки, но рисунокъ безъ оконченныхъ подробностей, безъ отчетливо-выработанныхъ мелочей. Вотъ солнце освѣтило островъ. Съ одной стороны ложится тѣнь, съ другой—ровно, гладко, не то что на какихъ-нибудь изъ Зондскихъ острововъ, гдѣ безчисленныя неровности, долины, деревья, заливы и бухты не дадутъ простора для тѣни. Тамъ столько оттѣнковъ, переливовъ, случайностей; тамъ тоже рисунокъ, но рисунокъ миніатюриста на фарфорѣ или слоновой кости; тамъ каждая вѣтка, каждая травка, рельефно выступаетъ своими рѣзко-очерченными контурами; ни одинъ камень не выйдетъ наружу въ своей наготѣ, но кокетливо уберется зеленью, и надъ нимъ выростетъ роскошное вѣтвистое дерево, и нѣжитъ его подъ своею тѣнью. А здѣсь, если берегъ оборвался, то и желтѣетъ обрывъ такъ какъ онъ есть, не думая прикрыться; выступилъ камень, и лежитъ онъ себѣ, грѣясь на солнцѣ и отражаясь въ водѣ тѣмъ же голымъ, сѣроватымъ кускомъ. Мѣстами домики, съ немногими деревьями, смотрѣли веселыми оазисами среди этой пустыни. Мы вошли въ проходъ, шириной небольше двухсотъ саженей, между островомъ Гонъ-Конгомъ и нѣсколькими другими островами. По берегамъ желтые обрывы виднѣлись чаще, мѣстами они были краснѣе, мѣстами темнѣе; надъ ними былъ все тотъ же коверъ тусклой зелени, поднимавшійся на холмы и неровности. Эти желтые обрывы—каменоломни; во многихъ видны слѣды отдѣленнаго пластами камня (гранита). Построенные вблизи домики и снующія джонки съ своими рогожными парусами иногда бываютъ живописны, а иногда очень безцвѣтны, смотря по тому, какой мѣстности служатъ украшеніемъ. Тростниковая хижина, прикрытая пизангомъ и пальмой, очень хороша; но поставьте ее у желтой каменоломни, и она исчезнетъ. Въ одной бухтѣ столпилось больше ста джонокъ. Бамбуковые шесты, мачты, паруса, одни въ лохмотьяхъ, другіе съ лучеобразными древками, раздѣляющими ихъ на четыре части; хижины на берегу, песокъ, камень, полуголые Китайцы: — все это рябило, двигалось и отражалось въ тихо-плескавшемся заливѣ.

Digitized by Google

Обогнувъ одинъ изъ мысковъ, мы увидали городъ Викторію и лѣсъ мачтъ отъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Городъ расположился амфитеатромъ по склону горы, болѣе возвышенной нежели другія; справа горы, прямо опять горы, сзади то же. Рейдъ смотритъ широкимъ неподвижнымъ озеромъ; туда не залетитъ ни вихрь, ни муссонъ, чтобъ освѣжить эти каменныя дикія стѣны. Городъ начинается большими зданіями, точно дворцами. Дворцы же съ портиками и колоннадами возвышаются на выдающихся мѣстахъ, дворцы смотрятся у пристани въ неподвижную гладь рейда, кишащаго тысячью лодокъ и судовъ, всевозможныхъ величинъ и видовъ. Спѣшу сказать: шестнадцать лѣтъ тому назадъ нога Европейца въ первый разъ ступила на этотъ дикій, необитаемый островъ, и вотъ, точно ударомъ волшебнаго жезла, выросли изъ его камней дворцы, готическія башни, сады, обхватившіе роскошною, благоухающею зеленью выступающія террассы, спускаясь густыми массами въ ущелья и расплетаясь зелеными лентами по веселымъ бульварамъ и скверамъ. Выросли магазины, факторіи; флаги всевозможныхъ націй развѣваются на высокихъ мачтахъ; каменные водопроводы освѣжаютъ и очищаютъ улицы. На рейдѣ есть уже нѣсколько ветерановъ-блокшивовъ, инвалидныхъ военныхъ кораблей; подъ деревянными навѣсами, они оканчиваютъ свой вѣкъ, между тѣмъ какъ новое поколѣніе, фрегаты и клиперы, суетятся около нихъ, стучатъ своими винтами, наполняютъ воздухъ черными струями дыма, свистятъ и дѣйствуютъ. Поминутно пристаютъ легкія канонерки; рѣчные пароходы, съ цѣлыми домами на палубѣ, приходятъ и уходятъ; китайскія джонки везутъ грузъ на купеческія суда; между ними мелькаютъ граціозныя гички, *tanka*, *sampan*, или, какъ мы ихъ называемъ, *шампанки*, точно плавучіе, рогожные возки. Каждый такой возокъ — цѣлый домъ. Китаецъ родится въ немъ; младенчество свое проводитъ онъ, привязанный къ спинѣ матери, гребущей кормовымъ весломъ, плачетъ и надоѣдаетъ всѣмъ своимъ крикомъ, потомъ помогаетъ матери, и наконецъ навыкаетъ грести самъ и управлять своею ладьей. Въ этихъ *шампанкахъ* все хозяйство Китаїца; онѣ сдѣланы очень отчетливо и часто изъ очень-хорошаго дерева; палуба, чистая и выполированная будто мебель, мѣстами прикрыта красивою цыновкой. Двѣ-три кибитки, сплетенныя изъ тростника и покрытыя рогожками, составляютъ постоянный навѣсъ; средняя кибитка выше

Digitized by Google

крайнихъ; въ отверстіе постоянно проходитъ воздухъ, и въ это же отверстіе часто выглядываетъ голова хозяйки, съ самою затѣйливою куафюрой, съ узкими, лукавыми глазами,—а иногда на длинномъ бамбуковомъ шестѣ выставляется вымытое бѣлье для просушки. Вькормовой части горитъ огонекъ и варится рисъ; тамъ же скамеечка, шкафчикъ съ домашними божками, передъ которыми курится *sam-chou* (особенное благоуханіе). Тутъ-то, усѣвшись вокругъ двухъ-трехъ фарфоровыхъ чашечекъ съ варенымъ рисомъ, тыквой, мелкою рыбой или *шримпсами* (креветки), и дѣйствуя двумя палочками, медленно совершаетъ китайская семья свою мирную трапезу. Поѣстъ немного и подождетъ, точь-въ-точь наши извощики, усѣвшіеся около братскаго котла: захватитъ ложкою щей, наберетъ въ ротъ хлѣба и положитъ ложку на столъ.

На этихъ лодкахъ распоряжаются большею частію женщины. Мущины работаютъ на берегу, а жены очень ловко управляются весломъ и рулемъ, и исправно ведутъ свои пловучія дѣла. Иногда на такой лодкѣ цѣлая лавка фруктами и всевозможными вещами китайскаго издѣлія, игрушками, вѣерами и пр. На этихъ же лодкахъ пріѣзжаютъ прачки, которыя всѣ не слишкомъ нравственнаго поведенія, и всѣ очень смѣлы, не прошеныя являются онѣ въ каюту и не прочь отъ самыхъ выразительныхъ жестовъ. Первыя Китаянки, которыхъ мы видѣли, были прачки, и дальнѣйшія наблюденія подтвердили первое впечатлѣніе. Китаянки вообще небольшаго роста, съ головами удлиненными назадъ странною прической, не лишенною впрочемъ своего рода *шика*, въ кофтахъ, съ короткими, но широкими отдувшимися рукавчиками, въ широкихъ панталонахъ и съ маленькими ножками. Въ общемъ онѣ представляютъ смѣшную, коротенькую фигуру съ огромною головой и съ нетвердою, переваливающеюся поступью. Это также своего рода шикъ: китайская женщина не должна умѣть ходить (можетъ-быть для того, чтобы не бѣгать отъ мужа); хотя здѣсь, въ южныхъ провинціяхъ, кажется, не въ употребленіи обычай ломанія ногъ, по крайней мѣрѣ между простымъ народомъ, но все-таки противъ моды не въ силахъ устоять самая либеральная женская партія. Здѣсь женщины смотрятъ совершенно эманципированными; нѣтъ и слѣда стыдливости и женственности. Онѣ корыстолюбивы, большія хозяйки и чистоплотны, ни у одной не увидите не вымытыхъ рукъ или ногъ. Дѣвушки носятъ сзади косы, иногда распущенныя, иногда заплетенныя; спереди прядь

Digitized by Google

волосъ зачесывается на лобъ и обрѣзывается ровно надъ глазами; перпендикулярный къ нашему проборъ отдѣляетъ эту прядь волосъ отъ косы. Часто дѣвушка сидитъ на носу своей лодки и гребетъ легкимъ весломъ. Поджавъ одну ногу подъ себя, а другою опираясь въ деревянную уключину, обнаживъ круглыя руки, не лишенныя мягкости и благородства въ своихъ формахъ, и закинувъ назадъ свою молодую головку съ распущенною косой, дѣвушка заставитъ художника невольно засмотрѣться на нее. Сдѣлавшись женщиной, она уничтожаетъ передній вихоръ, дѣлаетъ проборъ по серединѣ и мажетъ косу какимъ-то густымъ составомъ, такъ что волосъ можетъ стоять, какъ деревянный: широкимъ кольцомъ сгибаетъ она сзади всю массу волосъ, укрѣпивъ ее кольцами, длинною спицей съ бусами и разными другими украшеніями. Все это затѣйливо, неловко, неудобно и некрасиво, но оригинально; къ нѣкоторымъ лицамъ, пожалуй, и идетъ эта прическа. Но что къ хорошенькому личику не пойдетъ? Красота Китаянокъ также оригинальна. Вообразить себѣ красавицу съ выдающимися скулами и узкими глазенками, которыя двумя линіями расходятся въ разныя стороны кверху, съ маленькимъ приплюснутымъ носомъ и съ широкимъ, большимъ ртомъ, при коричнево-маслянистомъ цвѣтѣ лица. Все это, напротивъ, больше чѣмъ некрасиво; но иногда вы встрѣчаете глаза, которые щурятся съ такимъ сладострастнымъ лукавствомъ, большой ротъ смѣется такъ открыто и граціозно, щеки пышатъ свѣжестію, въ движеніяхъ природное изящество, и вы засматриваетесь на некрасивую Китаянку! Впрочемъ сердце человѣческое какъ струнный инструментъ: отъ моря портится, и струны часто издаютъ звуки фальшивые.

Мы бросили якорь; корветъ отсалютовалъ своими двадцатью однимъ выстрѣломъ англійскому флагу и девятью коммандорскому; насъ окружили шлюпки; черезъ бортъ полѣзли, какъ тараканы, Китайцы и Китаянки; у многихъ были свидѣтельства отъ бывшихъ прежде здѣсь русскихъ судовъ; пранки явились даже и въ каютъ-компаніяхъ, и одна изъ нихъ, маленькая, узкоглазая, съ плутовскимъ взглядомъ, очень бойко распоряжалась у насъ: дергала за руки, усаживалась на диванъ, двусмысленно улыбалась, и такъ успѣла всѣхъ очаровать, что мы ей тутъ же, именно ей, отдали свое бѣлье; другая, высокая, въ синей кофтѣ, сердито смотрѣла на первую и, казалось, была готова, если не растерзать, то по крайней мѣрѣ прибить

Digitized by Google

ее. Вмѣстѣ съ Китайцами явился какой-то господинъ въ поношенномъ пальто и съ физіономіей, украшенною угрями и прыщами. Онъ отрекомендовался какъ Русскій, хотя говорилъ несовсѣмъ правильнымъ русскимъ языкомъ. «Какъ вы попали сюда?» спрашивали мы его. «Это длинная исторія,» уклончиво отвѣчалъ онъ, смотря куда-то въ пространство, какъ будто боясь смотрѣть въ глаза прямо. Въ его взглядѣ было то, что Французы называютъ *louche*. «Я родомъ изъ Тулы, сказалъ онъ, ѣхалъ съ чужими деньгами въ Лебедянь, и у меня эти деньги украли. Заплатить было нечѣмъ, показаться совѣстно, и я бѣжалъ изъ Россіи. Слыхалъ я, что въ Австраліи много золота, что оно тамъ на улицахъ валяется; я отправился туда на англійскомъ суднѣ. Но и тамъ золото не достается даромъ. Теперь я живу здѣсь и занимаюсь часовымъ мастерствомъ.» Вотъ въ короткихъ словахъ его разказъ. Онъ просился, чтобы мы его взяли на Амуръ. Командиръ корвета обѣщалъ; но когда у него спросили, какой онъ покажетъ видъ, если у него спросятъ въ Николаевскѣ, то онъ куда-то скрылся и больше не являлся.

День клонился къ вечеру; было жарко; спертый со всѣхъ сторонъ горами, воздухъ полонъ былъ электричествомъ. По берегу, у города, тянулись цѣлыя вереницы джонокъ; часто раздавался оттуда не гармоническій звукъ гонга, точно палкой колотили по желѣзному листу. Мы съ клипера любовались китайскою флотиліей; иногда мимо кормы проходила тяжелая джонка, народъ толпился на ея палубѣ; на трехъ мачтахъ, смотрящихъ въ разныя стороны и украшенныхъ или флагами, или тоненькими жердями, висѣли вѣеровидные рогожные паруса. Отъ каждаго рейка, пришитаго на парусѣ, шли веревки (брасы), и ихъ всѣ вмѣстѣ держалъ въ рукахъ, какъ опытный кучеръ держитъ вожжи четверни, какой-нибудь полуголый Китаецъ. А на палубѣ крыша на крышѣ, рогожа на рогожѣ, и множество шалашей. Вся эта тяжелая масса однако ловко лавировала, парусъ послушно поворачивался вокругъ мачты, длинное весло, вмѣсто руля, твердою рукой приводилось въ движеніе съ высокой, поднятой къ верху кормы. Обыкновенно за такою джонкой слѣдовало нѣсколько маленькихъ лодокъ и лодочекъ. Паруса иногда были новы, иногда же дыра на дырѣ, заплата на заплатѣ, такъ что мы невольно удивлялись и спрашивали: во что же вѣтеръ дуетъ?

Смеркалось, городъ заблисталъ тысячью огнями; очертанія

Digitized by Google

зданій исчезли въ общей массѣ горы. Изъ мрака вырывались только яркія звѣздочки и ихъ продолговатыя отраженія въ тихой, спокойной водѣ. По шлюпкамъ можно было замѣтить какіе-то летающіе огни и непродолжительный рѣзкій звукъ, точно бѣглый огонь ружейной пальбы; это Китайцы дѣлали *чинъ-чинъ*. Но объ этомъ послѣ.

Въ воздухѣ было такъ душно, что надо было ждать грозы; и дѣйствительно, съ наступленіемъ вечера заблистала яркая зарница на горизонтѣ; черныя тучи сходились, сплывались, и грохотали глухимъ громомъ. Около полуночи разразилась настоящая гроза. Но мы были уже коротко знакомы съ здѣшними грозами и не смущались ослѣпительною молніей и страшнымъ громомъ. Одинъ только разъ, когда молнія ударила около нашего клипера, мы на нѣсколько секундъ ослѣпли, точно тысяча орудій залпомъ грянули у самаго уха. А мы какъ нарочно расположились спать на верху; дождь промочилъ насъ до костей.

29 августа 1842 года, по Нанкинскому трактату, Китайцы уступили Англичанамъ островъ Гонъ-Конгъ, или *Heang-Keang* (островъ сладкихъ потоковъ). На островѣ, кромѣ небольшой деревеньки, не было ничего. Онъ одинъизъ большихъ острововъ, находящихся при устьѣ Чу-Кіанга, и имѣетъ въ длину восемь миль, въ ширину въ иныхъ мѣстахъ три, а въ иныхъ шесть миль. Берега его изрѣзаны бухтами и мысами. Островъ гористъ и обрывистъ у береговъ, и изборожденъ безчисленными оврагами, которые наполнены громадными обломками; обломки эти или смыты дождевою водой, или упали въ до-историческую эпоху съ вершинъ горъ. Овраги богаты водой, и этому обязанъ островъ своимъ благозвучнымъ именемъ. Во время дождей, потоки, сдерживаемые гранитами, собираются въ озера; озера выступаютъ изъ береговъ, и съ невыразимою быстротой, падаютъ съ горъ и скалъ. Въ 1845 году, одинъ изъ такихъ потоковъ чуть не смылъ города Викторіи, произведя страшныя опустошенія. Самая большая долина на островѣ—*Ванъ-не-Чонъ*, что значитъ Счастливая Долина. Она въ двухъ миляхъ отъ города; въ ней однако небольше десяти десятинъ. Сперва Китайцы воздѣлывали на ней рисъ, но почва, разрыхляясь отъ постоянной ирригаціи, грозила превратиться въ гнѣздо заразительныхъ міазмовъ. Воздѣлываніе риса запрещено на цѣломъ островѣ, всѣ подозрительныя мѣста высушены, чтобы предупредить злокачественную лихорадку, сразившую въ первые годы занятія острова

Digitized by Google

много Европейцевъ. Теперь на Счастливой Долинѣ англійскіе спортсмены, при видѣ своихъ скакуновъ, забываютъ о распространившемся кладбищѣ, выросшемъ въ недавнее время. Тамъ два памятника невольно останавливаютъ вниманіе; на одномъ вырѣзано имя *маіоръ Поттингера* (major Pottinger), на другомъ имя *Морриссона,* сына знаменитаго доктора, котораго пилюли пользуются такимъ почетомъ у нашихъ барынь.

Климатъ Гонъ-Конга не можетъ назваться пріятнымъ. Онъ равно нездоровъ, какъ для Европейца, такъ и для Китайца. Въ іюлѣ и августѣ (самые жаркіе мѣсяцы) maximum температуры +94° по Фаренгейту, и minimum+80. Разница денной и ночной температуры 10°. Воздухъ такъ сухъ, что едва можно дышать, и вовсе нѣтъ тѣни, которая бы умѣряла силу падающихъ перпендикулярно солнечныхъ лучей. Всѣ путешественники согласны, что даже и подъ экваторомъ лучъ солнца не имѣетъ той силы и проницательности, какъ здѣсь. Недостатокъ растеній, умѣряющихъ рефлексію солнечнаго сіянія, голыя скалы и горы, закрывающія заливъ отъ всѣхъ муссоновъ, вотъ главныя причины нездороваго климата. Ни съ чѣмъ не приходилось Англичанамъ такъ упорно бороться, при занятіи этого острова, какъ съ дурными гигіеническими условіями. Въ 1843 году часть войскъ была переведена въ мѣстечко *Вестъ-Пойнтъ* (West-Point), казавшееся болѣе благопріятнымъ для здоровья; но и оно сдѣлалось могилой для большей части войскъ. Лордъ Сальтонъ (Saltoun), тогдашній губернаторъ, принужденъ былъ перенести казармы въ другое мѣсто, а медики совѣтовали совсѣмъ оставить островъ. Самая убыль гранита, шедшаго на постройку города, усиливала массу неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Совпаденіе эпидемическихъ лихорадокъ съ убылью гранита часто бывало замѣчено. Наконецъ возложили надежды на южную сторону острова, какъ болѣе открытую юго-западнымъ муссонамъ, однако и это оказалось невѣрнымъ: войска, стоявшія въ Абердинѣ, еще болѣе пострадали нежели тѣ, которыя были въ Викторіи.

Но Англичане не останавливались. Порохъ рвалъ гранитныя скалы; обломки ихъ, обточенные и сглаженные, складывались въ капитальныя зданія. Скоро вытянулась улица у самаго моря, и китайскіе домики, какъ мухи, облѣпили ее съ восточной стороны. Двѣ купеческія фамиліи, напоминающія богатствомъ и вліяніемъ своимъ прежнихъ венеціянскихъ и генуэзскихъ аристократовъ, Джардинъ и Матесонъ (Jardine and Matheson), стро-

Digitized by Google

или городъ съ западнаго конца, прозваннаго по имени своихъ основателей, между тѣмъ какъ весь городъ названъ именемъ королевы. Городъ началъ взбираться на гору, и столько было вѣры въ блестящую будущность Гонъ-Конга, что страшная цѣна набивалась конкуренціей на эти песчаные и каменистые клочки земли. Это объясняется удобнымъ положеніемъ острова. Находясь въ семидесяти миляхъ отъ Кантона, Гонъ-Конгъ владѣетъ устьемъ Чу-Кіанга. Правительство не могло избрать лучшаго стратегическаго пункта. Вмѣстѣ съ тѣмъ думали, что англійскіе капиталы привлекутъ сюда и всю торговлю Китая съ Европой; въ этомъ однако ошиблись. Ни одинъ изъ китайскихъ капиталистовъ не хотѣлъ переселиться въ Гонъ-Конгъ; ихъ не соблазняла безграничная свобода торговли; она и теперь шла бы черезъ Кантонъ, еслибы не военное время.

Противъ непріятныхъ гигіеническихъ условій были приняты всѣ мѣры, требуемыя и филантропіей, и чистымъ разчетомъ, и результаты оказались удовлетворительными. Я уже упоминалъ о высушкѣ низменныхъ мѣстъ, о запрещеніи на всемъ островѣ воздѣлывать рисъ. Около казармъ и домовъ негоціянтовъ разведены обширные сады, которые съ каждымъ годомъ разрастаются. При горныхъ потокахъ устроены сдерживающія ихъ плотины, а водопроводы уносятъ воду въ море. Наблюденія показали, что болѣзненность была болѣе развита между солдатами нежели между торговымъ народомъ; но генералъ Джервойсъ (Jervois) понялъ, какъ много значитъ занятіе дѣломъ, мало интересующимъ человѣка. Онъ сдѣлалъ много своимъ гуманнымъ обращеніемъ; далъ солдатамъ больше свободы, смягчилъ, на сколько можно было, дисциплину, улучшилъ пищу, и помѣстилъ ихъ просторнѣе; во время скуки и бездѣйствія, онъ старался, чѣмъ и какъ могъ, занимать ихъ и доставлялъ имъ различныя развлеченія. Вообще теперь, можно сказать, Гонъ-Конгъ съ каждымъ годомъ теряетъ свою репутацію нездороваго мѣста, и становится въ общій уровень съ другими мѣстами, находящимися у тропиковъ.

Въ Гонъ-Конгѣ много дико-растущихъ цвѣтовъ. *Ixora coccinea* и лиловый цвѣтокъ *Chirita chinensis* часто украшаютъ дикіе обрывы; разноцвѣтныя *Lagerströmia* пестрятъ берега и долины. Замѣчательно, что красивѣйшія растенія въ Гонъ-Конгѣ растутъ на горахъ, на высотѣ 2.000 фут. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Китая, равно и въ Чусанѣ, тѣ же растенія, по замѣчанію нѣкоторыхъ ботаниковъ, находятся

Digitized by Google

гораздо ниже. Многіе виды азалеи покрываютъ обрывы скалъ въ 1.500 ф. вышиной, также какъ и красивѣйшее изъ здѣшнихъ растеній *Euryanthus reticulatus*, такъ любимое Китайцами. Оно цвѣтетъ въ февралѣ и мартѣ, около китайскаго новаго года. Китайцы вѣтвями его украшаютъ свои дома. Сорванные бутоны распускаются въ водѣ и сохраняютъ до двухъ недѣль всю свѣжесть и красоту. Изъ этихъ горныхъ цвѣтовъ дѣти составляютъ красивые букеты и продаютъ ихъ за грошовую цѣну. Впрочемъ съ насъ брали по шиллингу. Изъ деревьевъ самое обыкновенное китайская сосна (Pinus sinensis), сальное дерево (плодовъ его ни на что не употребляютъ), различные виды *ficus*, наконецъ всевозможные виды бамбука, легкая зелень котораго составляетъ красоту китайскаго ландшафта. Фруктовыя деревья: манго, leechee, *longan*, *wangpee*, апельсины, лимоны, гранаты и бананы. Ихъ плодами завалены тѣсные китайскіе рынки. Но покамѣсть довольно. Послѣ скажу нѣсколько словъ о торговлѣ и другихъ болѣе серіозныхъ сторонахъ этой англійской колоніи, а теперь буду описывать свои впечатлѣнія.

На другой день, когда жаръ нѣсколько спалъ, мы съѣхали на берегъ, я и К. У каменной пристани толпилось нѣсколько шлюпокъ, такъ что надо было проталкиваться. Китаянки съ лукавою улыбкой смотрѣли на насъ изъ своихъ ловучихъ кибитокъ. У самаго берега шла широкая улица, вся застроенная громадными купеческими домами. Прямо противъ пристани еще желтѣлъ обдѣлываемый обрывъ, и крутые подъемы вели на холмы и террасы. Часто, вмѣсто поперечныхъ улицъ, шли крутыя каменныя лѣстницы съ безконечнымъ числомъ ступенекъ.

Первая улица была, очевидно, капитальною улицей города: вотъ мы и пошли по ней. Европейскіе дома, необыкновенно высокіе, обнесены со всѣхъ сторонъ каменными верандами: часто тянулись огромныя зданія съ высокими оградами, съ портиками, колоннадами. Около одного изъ такихъ зданій разрастался красивыми деревьями молодой садъ: это казармы, которыхъ здѣсь много; онѣ-то смотрятъ издали великолѣпными дворцами. Вообще, дома здѣсь не прячутся въ зелени, какъ въ Сингапурѣ, а гордо высятся своими сѣрыми, массивными стѣнами на террасахъ и уступахъ. Такъ какъ городъ выстроенъ амфитеатромъ по склону горы, то домъ, кажется, стоитъ надъ домомъ, и виденъ весь съ своимъ фундаментомъ и палисадомъ. Много домовъ еще строится. До закладки фундамента

Digitized by Google

выводятъ легкое строеніе изъ бамбуковыхъ жердей, какъ будто клѣтку для какой-нибудь баснословной птицы; надъ клѣткой дѣлаютъ высокую тростниковую крышу, дающую постоянную тѣнь рабочимъ, и подъ этимъ импровизированнымъ павильономъ начинаютъ уже правильную стройку. Эти клѣтки служатъ также основаніемъ для лѣсовъ, и приводятъ въ недоумѣніе видящаго ихъ въ первый разъ. Скоро по нашей дорогѣ европейскіе дома прекратились, и потянулся рядъ низкихъ китайскихъ домиковъ съ лавками, мастерскими, цирюльнями, кумирнями, вывѣсками, старухами, Китайцами, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что̀ мы видѣли въ китайскомъ кварталѣ Сингапура. Одна была разница: въ Сингапурѣ не видно женщинъ, а здѣсь ихъ столько, что ими по русской пословицѣ, хоть заборъ подпирай, или прудъ пруди. Вотъ идетъ ихъ цѣлая толпа; впереди коротконогая фигурка, съ рукавами на отлетѣ, съ косой, изогнувшеюся сзади громаднымъ колесомъ, блистающимъ кольцами и бусами. Она семенитъ своими крохотными ножками, на которыхъ болтаются широкія складки коротких панталонъ. Передняя что-то скрипитъ на своемъ мудреномъ нарѣчіи, и, какъ видно, она колонноважатый всей толпы. Почти на всѣхъ ярко-синія кофты. А вотъ другая группа, которая тоже не встрѣчалась въ Сингапурѣ. Шесть Китайцевъ, съ связанными вмѣстѣ въ одинъ узелъ косами, и при нихъ одинъ полицейскій. Видно не даромъ. Если они что-нибудь украли, то надѣнутъ имъ страшно-тяжелыя цѣпи на руки и на ноги и выгонятъ на тропическое солнце ломать камни, копать землю, и не скоро освободятся они отъ этого безпокойнаго убора. А если сдѣлали что-нибудь похуже,—придушили, напримѣръ, какого-нибудь беззащитнаго негоціянта,—то и съ ними не задумаются сдѣлать то же самое.

Въ Гонъ-Конгѣ всякая вина Китайца виновата, да иначе городу Викторіи нельзя было бы и существовать. Все китайское народонаселеніе состоитъ изъ нищихъ, бродягъ и мелкихъ прожектеровъ: они лавочники, слуги, носильщики; поэтому нигдѣ нѣтъ болѣе строгой и бдительной полиціи. Какъ только начинаетъ смеркаться, на каждомъ углу зажигается фонарь, и безчисленные полисмены, съ заряженными карабинами и пистолетами, являются на улицахъ. Ни одинъ Европеецъ не пойдетъ за городъ безъ оружія. Еще до настоящей войны, какъ Гонъ-Конгъ, такъ и Макао и европейскій кварталъ въ Кантонѣ, не были совершенно безопасны. Либеральные мандарины

Digitized by Google

южныхъ провинцій Небесной Имперіи не хотятъ знать трактатовъ имперіялистовъ съ Европейцами: въ душѣ ихъ только ненависть и преслѣдованіе. Говорятъ, будто въ эту ненависть они не включаютъ Русскихъ; но этому трудно вѣрить: достаточно быть Европейцемъ, чтобы въ Китаѣ быть отравленнымъ или зарѣзаннымъ, особенно если кто не силенъ и безоруженъ.

Нѣсколько разъ пытались они открытою силой свергнуть власть пришельцевъ: но возстанія ихъ (какъ напримѣръ въ Макао) не удавались. Многіе кровавые эпизоды ясно изобличили враждебное чувство; стóитъ только вспомнить убійство Амараля. Бомбардированіе Кантона и занятіе его европейскими войсками еще болѣе возбудили фанатизмъ патріотовъ; скоро 25.000 Китайцевъ (изъ 80.000) удалились изъ Гонъ-Конга. Слуга бросалъ своего господина, а если оставался, то конфисковалось его имѣніе, и всѣ его родственники (хотя бы въ десятомъ колѣнѣ), находившіеся внѣ Гонъ-Конга, отвѣчали за него тѣломъ и деньгами. Головы Европейцевъ были оцѣнены; толпы бродили по деревнямъ и старались напасть на беззащитнаго Европейца, чтобы за голову его взять значащуюся по таксѣ цѣну. Въ одинъ день всѣ Европейцы Гонъ-Конга съ своими китайскими слугами были отравлены; но отравленіе не удалось, хотя оставило за собою страшный слѣдъ въ болѣзняхъ. Контрибуцію въ четыре милліона рублей мандарины начисто отказались выплатить. Англичане знаютъ мѣста, гдѣ бываютъ сходки патріотовъ, знаютъ жилища мандариновъ, словомъ и деньгами поддерживающихъ эту страшную народную войну; по временамъ нападаютъ на нихъ и разоряютъ ихъ дома и деревни. Дней за пять до нашего прихода разорена была деревня, въ которой рѣшено было отравленіе Европейцевъ. Недѣли двѣ тому назадъ, Китайцы пытались выгнать Европейцевъ изъ Кантона; они пошли даже на приступъ, но, какъ совершенные дѣти, точь-въ-точь повторили маневры Англичанъ, употребленные ими при штурмѣ. Конечно, эта попытка кончилась ничѣмъ.

Но частныя убійства продолжаются. Недавно зарѣзали двухъ англійскихъ офицеровъ и одного французскаго капитана; другой французскій капитанъ съѣхалъ съ вооруженною командой на берегъ, отмѣрилъ отъ мѣста убійства на всѣ четыре стороны по сту шаговъ, и на этомъ пространствѣ вырѣзалъ все и всѣхъ, не щадя ни возраста, ни пола. Чѣмъ-то все это кончится? Придетъ ли то время, когда Китаецъ скажетъ Европейцу:

Que celui à qui on a fait tort, te salue!

Digitized by Google

Какъ французскіе, такъ и англійскіе офицеры сочли за нужное предостеречь насъ, чтобы мы не спускали на берегъ команды и сами не ѣздили безъ револьверовъ; по русской безпечности, мы долго не рѣшались на такое воинственное украшеніе и продолжали прогуливаться съ бамбуковыми тросточками въ рукѣ, вмѣсто всякаго оружія.

Восточный конецъ главной улицы сначала занятъ магазинами, а тамъ опять идетъ китайщина; частые переулки лѣстницами поднимаются въ гору и полутемными коридорами сходятъ къ рейду; они часто такъ узки, что, кажется, можно подать другъ другу руку изъ противоположныхъ оконъ; поперекъ этихъ коридоровъ протянуты бамбуковыя жерди съ растопырившимися на нихъ рубашками и синими кофтами. Идетъ по улицѣ китайскій фигаро, цирюльникъ съ коромысломъ на плечѣ; а на коромыслѣ, съ одной стороны, выкрашенный шкапикъ, съ туалетными принадлежностями (на этотъ шкапикъ и сѣсть можно); съ другой, родъ кадушки съ водою. Хотите, остановите его, и онъ вамъ тутъ же обрѣетъ бороду, голову, вычиститъ уши и будетъ бить васъ въ продолженіе часа по спинѣ, чѣмъ доставитъ, по-китайски, неизъяснимое удовольствіе. Этого удовольствія я не испыталъ, а часто видалъ Китайцевъ, подвергавшихся этой операціи. По щурившимся глазамъ и по выраженію какого-то сладостнаго упоенія въ мягкихъ, круглыхъ чертахъ сонливой физіономіи, можно было заключать, что претерпѣвавшему эту операцію очень пріятно. Встрѣтите еще толпу людей въ длинныхъ халатахъ, въ клеенчатыхъ, высокихъ колпакахъ, формой усѣченнаго конуса; лица ихъ полны, кожа точно пергаменъ; большіе черные глаза на выкатѣ, усы растутъ впередъ, и бакенбарды узкою, черною полосой идутъ отъ рта къ ушамъ. Всѣ они смотрятъ откормленными индюками: это Парси или Фарси, то-есть Персіяне, купцы, торгующіе большею частію опіемъ.

Едва-едва плетется старушонка, опираясь на высокую палку; но не отъ старости слаба ея походка: взгляните на ноги, — точно коровье копыто... Вотъ онѣ настоящія *small feet*, маленькія ножки — первое условіе красоты Китаянки! Старушка была когда-то большая модница, а теперь глубокія морщины избороздили прежде свѣжее и, можетъ-быть, красивое лицо. Ее окружаютъ мальчишки, шаловливые и шумливые, какъ и вездѣ, и можетъ-быть теперь насмѣхающіеся надъ ея изуродованными ногами. На улицѣ не видно экипажей; кто не хочетъ идти пѣшкомъ, беретъ паланкинъ, и два *кулія*, какъ двѣ

Digitized by Google

неутомимыя лошади, носятъ его (за полъ-доллара) съ утра до вечера, съ горы на гору, очень рѣдко останавливаясь для отдыха. Эти паланкины встрѣчаются на каждомъ шагу; иногда они закрыты со всѣхъ сторонъ, и черезъ сквозящія жалузи можно разсмотрѣть сидящую тамъ женщину. Другіе совершенно открыты: тамъ сидитъ какой-нибудь длинноногій Англичанинъ, поднявъ ноги выше головы. Въ этихъ паланкинахъ очень покойно; упругія, бамбуковыя жерди, на которыхъ ихъ носятъ, имѣютъ пріятную эластичность и слегка покачиваютъ сѣдока. Куліи идутъ мѣрнымъ шагомъ, не дѣлая неровныхъ движеній. Въ Гонъ-Конгѣ попадаются и Индусы; что они здѣсь дѣлаютъ, не знаю, но своими костюмами и бронзовыми фигурами они живописно пестрятъ улицу, и съ удовольствіемъ останавливается на нихъ взоръ, утомленный однообразіемъ китайскихъ фигуръ.

Мы долго гуляли, заглядывали въ лавки и въ мастерскія, часто останавливались при видѣ куріозныхъ вещей китайской работы изъ слоновой кости, пахучаго дерева и серебра. Видѣли рисунки на рисовой бумагѣ; ихъ продаютъ цѣлыми альбомами; въ одномъ все птицы, нарисованныя со всевозможною отчетливостію, въ другомъ—цвѣты, въ третьемъ—костюмы; исторія какого-нибудь китайскаго мандарина, начиная съ рожденія его до самой смерти. Есть и такіе альбомы, которыхъ въ присутствіи дамы раскрыть невозможно; здѣсь фантазія Китайцевъ разыгрывается до nec plus ultra. Всѣ эти рисунки имѣютъ мало художественнаго достоинства; но въ нихъ нельзя не увидѣляться яркости и живости красокъ.

Переулками взобрались мы наверхъ; тутъ уже не было лавокъ, дома смотрѣли пріютами частной жизни; потянулись сады, перебрасывающіе густую зелень вѣтвей черезъ ограды. Мѣстность, расположенная амфитеатромъ, очень способствовала образованію террасъ и площадокъ, которыми пользовались, чтобы насадить деревьевъ и построить домъ. Красивыя виллы столпились у довольно обширнаго оврага, въ которомъ было столько зелени, что ни въ одномъ мѣстѣ не проглядывало изъ-за ней каменистое дно; изъ этого моря густой растительности, какъ острова, выглядывали крыши домовъ своими угловатыми формами. Одно широко-разросшееся, вьющееся растеніе, съ широкими листьями и большими бѣлыми цвѣтами, покрывало своею сѣткой цѣлыя деревья, гирляндами перекидывалось съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на кустарникъ, покрывало каменную ограду, охвативъ ее въ

Digitized by Google

разныхъ мѣстахъ богатою, зеленою массой. Въ одномъ мѣстѣ красовался китайскій домикъ съ оригинальною крышей, со вздернутыми кверху углами; домикъ смотрѣлъ игрушкой, окруженною со всѣхъ сторонъ цвѣтами и зеленью. По дну оврага шелъ каменный водопроводъ. Проходя обдѣланною дорогой по окраинѣ оврага, мы видѣли большой каменный резервуаръ, около котораго рабочіе еще постукивали кирками и молотками. Мы были почти на самой возвышенной точкѣ города; надъ нами стояли горы, съ кусками разбросаннаго гранита и рѣдкою зеленью; кое-гдѣ виднѣлся домикъ, съ окружавшимъ его садомъ; у ногъ нашихъ, лѣстницей, спускались къ водѣ дома, террасы и сады; на рейдѣ, между стоящихъ большихъ судовъ, двигались сотни лодокъ; за судами тянулись горы, сначала низкія, желто-красныя, точно брустверы укрѣпленій; далѣе горы поднимались выше и выше; рѣзкія ихъ очертанія сглаживались и скруглялись; онѣ обхватывали рейдъ со всѣхъ сторонъ, то раздвигаясь, то стѣсняясь; проливъ смотрѣлъ озеромъ, онъ былъ тихъ и невозмутимъ, и въ гладкой его поверхности отражались и столпившіяся около него со всѣхъ сторонъ горы, и качавшіяся на немъ суда, и тысячи лодокъ, и небо, освѣщенное теплымъ лучемъ заходящаго солнца.

Обогнувъ небольшой зеленый холмъ, мы увидѣли губернаторскій домъ, стоящій на горѣ, покрытой прекраснымъ англійскимъ садомъ. Громадный домъ смотрѣлъ дворцомъ; на всѣ его стороны выходили фронтоны, поддерживаемые десятью или двѣнадцатью іоническими колоннами; плоская крыша, большія окна, высокая, каменная ограда, съ массивными воротами, подъ аркой которыхъ ходило нѣсколько солдатъ въ красныхъ мундирахъ, съ ружьями. На дворѣ зеленѣлъ обширный скверъ, съ широковѣтвистымъ деревомъ по серединѣ, съ цвѣтами и клумбами, разбросанными въ живописныхъ группахъ; наконецъ обширная терраса, смотрящая на рейдъ и спускающаяся широкими каменными ступенями, съ тяжелыми балюстрадами, въ густую зелень красиво-разросшагося сада. Не вдалекѣ, на небольшой площадкѣ, рѣзвились дѣти, Англичане, съ своими китайскими нянюшками; нѣкоторыхъ возили въ маленькой колясочкѣ; одна бѣленькая дѣвочка, съ большими голубыми глазами, каталась на ослѣ, и няня ея, небольшаго роста Китаянка, въ опрятной голубой кофтѣ, шла около нея. Между этихъ красиво-разряженныхъ малютокъ, какъ-то замѣшался ребенокъ-Китаецъ; на затылкѣ его болталась миніатюрная коса, и

Digitized by Google

бѣлая блуза, съ широкими шароварами, дѣлала изъ него пресмѣшную фигурку. Но смѣхъ его также былъ звонокъ, та же невинная прелесть сіяла въ его ясныхъ, хотя немного узкихъ глазахъ. Долго любовались мы дѣтьми, игравшими, прыгавшими и оглашавшими воздухъ своими звонкими голосами, которые такъ живительно дѣйствуютъ на того, кто ихъ долго не слышалъ.

Но пора было идти дальше. Дорога, обогнувъ дворъ губернаторскаго дома, спускалась зигзагами по горѣ. Уступомъ ниже красовалась хорошенькая башня готической церкви, еще не конченной; шпицы ея и стрѣлчатыя окна ярко обозначались на однобразномъ фонѣ европейскихъ зданій. Еще уступомъ ниже, и мы были на обширномъ скверѣ, продолжающемся до самаго рейда; аллеи молодыхъ деревьевъ протянулись на немъ въ различныхъ направленіяхъ. Здѣсь на скверѣ бываютъ гулянья, играетъ полковая музыка, и англійскіе офицеры, въ безукоризненно-чистомъ бѣльѣ и бѣлыхъ панталонахъ, въ красныхъ легкихъ блузахъ и въ шляпахъ съ вентиляторами, чинно двигаются взадъ и впередъ, рисуясь на зеленомъ коврѣ газона.

На другой день я обѣдалъ у губернатора, сэръ-Джона Бауринга. Мы (нашъ капитанъ и я) отправились въ половинѣ седьмаго въ паланкинахъ, по дорожкамъ, обвивающимъ спиралью высокій холмъ, на которомъ возвышается красивый губернаторскій домъ. Внутреннее его расположеніе и убранство вполнѣ соотвѣтствуютъ его внѣшнему виду. Рѣдко случалось мнѣ видѣть большее великолѣпіе, соединенное съ комфортабельностью и вкусомъ. Обыкновенно, великолѣпіе не прельщаетъ: смотришь на пестроту раззолоченныхъ стѣнъ, на анфиладу мраморныхъ залъ, всему удивляешься, но чувствуешь себя какъ бы на улицѣ. А здѣсь ощутишь присутствіе жилья, увидишь слѣды личнаго вліянія; увидишь, что эти потолки изъ краснаго дерева съ золочеными арабесками сдѣланы съ цѣлію: они развлекаютъ взглядъ хозяина, утомленный вѣчнымъ видомъ моря и пустыннаго острова; огромныя залы, съ наружными верандами, даютъ постоянную прохладу, массивныя двери, ворота пропускаютъ вольную струю воздуха, и великолѣпный дворецъ становится гораздо пріютнѣе; чувствуешь, что пришелъ къ человѣку, для котораго эта роскошь и великолѣпіе необходимы. У Бауринга одна изъ тѣхъ физіономій, типъ которыхъ теперь довольно рѣдокъ. Тонкія черты его худощаваго, старческаго

Digitized by Google

лица выражаютъ то самодовольство, которое развивается вслѣдствіе не даромъ прожитой жизни, вслѣдствіе богатства, высокаго положенія въ обществѣ, и такъ далѣе. Въ молодости своей онъ былъ въ Петербургѣ, занимался русскимъ языкомъ и перевелъ отрывки изъ нашихъ поэтовъ на англійскій языкъ, за что получилъ отъ императора Александра I-го перстень. Послѣ онъ, кажется, былъ представителемъ въ нижней палатѣ мѣстечка Больтонъ, гдѣ поднялись первые вопросы о свободѣ хлѣбной торговли. Гизо говоритъ о немъ: «Бауингъ—остроумный экономистъ, человѣкъ дѣятельный, говорливый, неутомимый, всегда старавшійся представлять на разсужденіе палаты факты и заключенія, клонящіяся въ пользу свободы торговли, которую онъ ревностно защищалъ. Филантропическій жаръ его находилъ обыкновенно сильную поддержку въ томъ энергическомъ шумѣ, съ какимъ онъ дѣлалъ добро.» Мнѣніе здѣшняго общества почти сходится съ этимъ опредѣленіемъ. Онъ постоянно занятъ науками и древностями, и на дѣла англо-китайскія, съ пріѣздомъ лорда Эльджина, мало имѣетъ вліянія. Между тѣмъ, заключенный имъ трактатъ съ Сіамомъ утвердилъ за нимъ репутацію искуснаго дипломата. Къ обѣду пришли его дочери, три блѣдныя миссъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ признаками пошатнувшагося здоровья на исхудалыхъ лицахъ; мнѣ досталось вести одну изъ нихъ къ столу и занимать ее во время обѣда; широкія двери растворились à deux battants, и мы вошли въ обширную столовую, съ портретомъ во весь ростъ Георга IV. На столѣ блестѣли серебро и хрусталь. Надъ каждою свѣчой устроенъ былъ хрустальный колпакъ, чтобы не задувало ее качавшимся надъ столомъ вѣеромъ. Вина были въ хрустальныхъ кувшинахъ, завернутыхъ въ мокрыя салфетки. Въ водѣ былъ ледъ, который привозятъ въ Гонъ-Конгъ изъ Америки. Цвѣты и плоды довершили убранство стола. Въ залѣ было почти прохладно. О кушаньяхъ говорить нечего, все au naturel, и все превосходно. Скоро завязался общій разговоръ. Хозяинъ заговорилъ о Россіи. Воспоминанія его перенесли меня ко временамъ *Аргамаскаго общества*. Онъ разказывалъ *о друзьяхъ* своемъ, Карамзинѣ, и говорилъ съ восторгомъ о Державинѣ. О новой русской литературѣ, начиная съ Пушкина, онъ не имѣлъ понятія. Для насъ это былъ человѣкъ минувшаго, пришедшій послѣ сорокалѣтняго сна разказывать о томъ, что онъ еще видѣлъ засыпая,—хотя онъ на эти сорокъ лѣтъ засыпалъ только для русской литературы. Сидѣвшая около меня миссъ пояснила мнѣ причину

Digitized by Google

бѣдности своего лица: они всѣ, съ домочадцами (несмотря на то, что эти домочадцы были Китайцы), въ одинъ прекрасный день встали отравленными... Не доложилъ ли отравитель яду, или какимъ-нибудь другимъ образомъ испортилъ дѣло, только, къ счастію, отравленіе не удалось. Жена Бауринга, съ окончательно разстроеннымъ здоровьемъ, уѣхала въ Англію, дочери выходились. Прабавлю еще по секрету, что злые люди сомнѣваются въ справедливости этой исторіи, будто бы выдуманной богатою фантазіей доктора. Впрочемъ, ничего нѣтъ мудренаго; въ Гонъ-Конгѣ все можетъ случиться. Послѣ обѣда собрались въ салонъ, барышни являли свое искусство: одна пѣла, другая играла на клавикордахъ. Часу въ одиннадцатомъ мы возвратились домой. Кули (носильщики) пошли прямою дорогой, по узкой тропинкѣ, ползущей между бамбуками и кустарниками; сходить было довольно круто; задній кули напиралъ на передняго, который, какъ сильная лошадь, сдерживалъ на плечахъ своихъ тяжесть паланкина. Въ травѣ и зелени тысячи стрекозъ и кузнечиковъ трещали и звенѣли, а тамъ, на верху, на безконечномъ небосклонѣ, сіяли міріады звѣздъ разнообразнымъ блескомъ; за горами сверкала зарница, и городъ спалъ въ тишинѣ и спокойствіи; попадались одни полисмены съ заряженными ружьями. Хорошо однако спокойствіе!

Между тѣмъ введеніе въ докъ нашего клиппера было окончательно рѣшено; онъ потекъ еще въ Южномъ Океанѣ. Время и мѣсто благопріятствовали, надо было пользоваться. Въ мѣстечкѣ Вампу, или Вампуа, есть нѣсколько доковъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, а до Вампу 60 миль. Намъ рекомендовали доки Купера, и вотъ самъ Куперъ явился на клиперъ и торопилъ скорѣе выходить изъ Гонъ-Конга.

Куперъ, маленькій человѣкъ, съ краснымъ носомъ, рыжеватыми бакенбардами, и глухой отъ солнечнаго удара, принадлежитъ къ разряду людей, составляющихъ себѣ трудомъ, предпріимчивостью и энергіей большія состоянія. Эти люди становятся выше случайности, и неудачи только подстрекаютъ ихъ къ большей предпріимчивости. Еще отецъ его выстроилъ въ Вампу доки, изъ которыхъ два были каменные; но въ прошломъ году оба дока съ чинившимися въ нихъ двумя фрегатами, были сожжены Китайцами. Банкротство готово было разразиться надъ Куперами, но они не унывали. Немедленно заложенъ былъ новый докъ. Всѣ лучшіе мастеровые оставили ихъ,

Digitized by Google

потому что мандарины грозили имъ разореніемъ семействъ и казнями въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ, если они останутся у Купера. Наконецъ, лодка съ двѣнадцатью гребцами подъѣзжаетъ къ блокшиву, на которомъ жилъ Куперъ; спрашиваютъ старика хозяина, говорятъ, что имъ нужно видѣть его самого, чтобы передать въ собственныя его руки очень важное письмо. Обманутый старикъ выходитъ, его хватаютъ, связываютъ, и лодка быстро уходитъ, сопровождаемая отчаяннымъ крикомъ оставшагося семейства. Съ тѣхъ поръ никакой вѣсти не приходило о старикѣ; убитъ ли онъ, изнываетъ ли въ заключеніи, неизвѣстно. Жена его, не смѣя убѣдиться въ чемъ-нибудь рѣшительномъ, мучится неизвѣстностію и тайною обманчивою надеждой. Но сынъ его не унывалъ. Несмотря на то, что голову его оцѣнили въ 4000 піастровъ, онъ кончилъ каменный докъ и вводитъ въ него (ровъ какъ и въ пять земляныхъ доковъ) судно за судномъ; дня не проходитъ праздно. Китайскіе рабочіе, за грошовыя цѣны, копошатся и хлопочутъ съ утра до вечера, таская мачты, работая у шпилей, вбивая деревяннымъ молотомъ въ разошедшіеся пазы конопатку и съ изумительною быстротой мѣняютъ мѣдную обшивку судна. Маленькій Куперъ смотритъ между ними главнокомандующимъ. Какъ боятся его клерки, съ какимъ почтеніемъ подходитъ къ нему какой-нибудь старшина плотниковъ, Китаецъ съ заячьею губой!... Куперъ серіозенъ и не краснорѣчивъ; его боятся, слушаются, а между тѣмъ каждый изъ этихъ Китайцевъ знаетъ, что можетъ взять за его рыжую голову 4000 піастровъ. При такомъ настойчивомъ преслѣдованіи цѣли, дѣла Купера поправляются. Сгорѣвшіе доки и фрегаты, за которые ему пришлось платить, отдалили его возвратъ на родину на нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ онъ долженъ погасить долгъ. Онъ недавно женился; но и тутъ ему неудача: жена его не доносила перваго ребенка, выкинула и вскорѣ умерла.

Этотъ-то Куперъ, въ бѣлой курткѣ, съ заряженными пистолетами въ карманахъ (безъ нихъ онъ никуда не ѣздитъ) явился къ намъ на клиппперъ, торопя идти, чтобы воспользоваться высокою водой на барѣ и попутнымъ теченіемъ во время прилива. Нашъ компрадоръ (поставщикъ провизіи) Атонъ привезъ своего брата Уошъ, который долженъ былъ идти съ нами въ Вампу и доставлять все, что̀ намъ нужно. Атонъ, при про-

Digitized by Google

щины, сказалъ, что Вампу—«notgood», и пальцемъ провелъ поперекъ горла. Лоцманомъ былъ тоже Китаецъ.

II.

Августа 6-го, часу въ третьемъ по полудни, пары были готовы, и мы снялись съ якоря. Не успѣли отойдти нѣсколько саженей, смотримъ догоняетъ насъ *шампанка*; это были наши прачки, не успѣвшія привезти намъ нашего бѣлья. Вмѣстѣ съ бѣльемъ очутилась и вертлявая прачка на клипперѣ, и объявила рѣшительное намѣреніе идти съ нами. Такимъ образомъ Китайцевъ расположилось на палубѣ нашего клиппера довольно. Каждый изъ нихъ везъ свои вещи и свою пищу. Въ узелкѣ прачки, который мы развязали, былъ цѣлый новый костюмъ, панталоны, блуза, пара маленькихъ башмаковъ на толстой подошвѣ и довольно большая связка чоховъ (чохи или коши, мѣдныя деньги, единственная китайская ходячая монета). «Баба на суднѣ не къ добру», вѣроятно подумалъ не одинъ матросъ.

«Ваше благородіе, сказалъ мнѣ таинственно М., вѣдь у всѣхъ этихъ Китайцевъ подъ рубашкой пистолеты.»—Ты почемъ знаешь?—«А я нечаянно увидалъ, вотъ у этого, что косу обмоталъ вокругъ своей бритой башки; а у другаго мы тихонько приподняли сзади рубашку, и тоже пистолетъ виситъ.» Что же это за воинственная сторона Вампу, думалъ я, если и Китайцы вооружаются? Мы шли проливами, между островами.

Никогда еще машина наша такъ хорошо не дѣйствовала; она какъ будто интересничала съ Куперомъ, желая показаться во всей своей красотѣ. Китаецъ-лоцманъ рукой дѣлалъ знаки рулевому, вахтенный офицеръ спѣшилъ переводить эту мимику на команду: «право, одерживай», и пр. Китаянка-прачка, въ невинности сердечной, не подозрѣвая всей важности шканецъ, усѣлась подъ баркасъ и принялась кушать свои патентованные пироги, и послѣ этого скрылась за рубкой. Всегда строгаго, военнаго вида, клиперъ какъ будто разсмѣялся на этотъ разъ. Справа и слѣва тѣснили проливъ горы, голыя, однообразныя, холмовидныя, то расходясь, то сближаясь. Изрѣдка виднѣлось жилье, какая-нибудь лачужка съ деревомъ, на водѣ качающаяся джонка съ подобранными рогожными парусами и съ краснымъ флагомъ о нѣсколькихъ концахъ. Наконецъ слѣва море расчистилось, съ другой стороны холмистыя громады образовали живописную пер-

Digitized by Google

спективу, и заходящее солнце не замедлило разлить на все свое теплое, волшебное освѣщеніе. Вдали засинѣло; фіолетовые кряжи горъ подергивались матовою пеленой; и отражавшійся въ тихоіі глади водъ свѣтъ солнца началъ нестерпимо рѣзать глаза. Еще мгновеніе,—и все облилось ровнымъ мягкимъ свѣтомъ; въ воздухѣ сдѣлалось свѣжѣе; отдаленныя горы стали исчезать; на другихъ неровности сглаживались въ ровныя массы; только небо долго еще переливалось безконечными оттѣнками волшебныхъ, не имѣющихъ названія цвѣтовъ. Цѣлые ряды бамбуковыхъ мачтъ отъ китайскихъ лодокъ, выѣхавшихъ на рыбную ловлю, въ стройномъ порядкѣ виднѣлись справа и слѣва. Скоро вошли въ Чу-Кіангъ. Луна ложно выказывала очертанія береговъ. Но вотъ у насъ передъ глазами выросла скала, по сторонамъ приблизились къ ней возвысившіеся, крутые берега; по нимъ, какъ бѣлою лентой, обвивались стѣны укрѣпленій. Это знаменитая Тигровая Пасть (Bocca tigris), страшное китайское укрѣпленіе, бойницы котораго впрочемъ нѣсколько разъ были разрушены Англичанами. Никакой флотъ не могъ бы пройдти здѣсь, еслибы кто другой, а не Китайцы защищали этотъ проходъ. Въ 1847 году одинъ бригъ и три парохода, съ 900 человѣкъ команды, разрушили всѣ укрѣпленія и заклепали на нихъ 879 пушекъ! По близости должна быть бухта, въ которой прежде останавливались суда, нагруженныя опіемъ, и гдѣ скрывалась эта китайская контрабанда. Я спрашиваю лоцмана, гдѣ эта бухта, и онъ пальцемъ указываетъ мнѣ направо, гдѣ въ темнотѣ я, конечно, ничего не вижу.

За Тигровою Пастью берега рѣки опять раздвинулись и исчезли во мракѣ. Идемъ, смотримъ, впереди огонекъ. «Рыбакъ!» говорятъ всѣ: «Рыбакъ», подтвердилъ Куперъ и лоцманъ. Идемъ ближе; оказывается идущая навстрѣчу канонирская лодка... «Право на бортъ!» но уже поздно. «Всѣ люди прочь съ праваго борта!» и вслѣдъ за этимъ трескъ столкновенія. Канонерка не имѣла фонаря на марсѣ, чѣмъ и ввела насъ въ заблужденіе. Съ каконерки послышались выразительныя *водземъ*, дали задній ходъ и разошлись благополучно. «Не даромъ баба на суднѣ!» почли долгомъ замѣтить нѣкоторые.

Часу въ 1-мъ пополуночи бросили наконецъ якорь близь Вампу. Вскорѣ на клипперѣ все успокоилось; затушили машину; пропѣли свою извѣстную пѣсню выкачивающія изъ трюма воду паровыя *донки*; подвахтенные захрапѣли на кубрикѣ, и тишина, изрѣдка прерываемая боемъ склянокъ, да ко-

Digitized by Google

ротными замѣчаніями вахтеннаго офицера, распространилась по всему клиппперу.

На другой день утромъ мы ясно разсмотрѣли мѣстность. Мы стояли въ рѣкѣ, катившей свои желтыя волны между холмистымъ берегомъ съ одной стороны и отлогимъ съ другой; сама рѣка дѣлилась на нѣсколько рукавовъ, такъ что трудно было опредѣлить ея главное ложе. Отлогій берегъ, находившійся у насъ справа, составлялъ довольно большой островъ; широкое водяное пространство отдѣляло его отъ идущихъ въ даль луговъ, озеръ, холмовъ, увѣнчанныхъ рѣдко-растущими лѣсами, наконецъ отъ горъ, исчезающихъ въ прозрачной воздушной перспективѣ. Въ одномъ мѣстѣ виднѣлась островерхая башня, возвышающаяся между зеленыхъ густыхъ деревьевъ, гдѣ можно было разглядѣть довольно большое поселеніе. У подножія отдаленной возвышенности долженъ былъ находиться Кантонъ.

Отлогій берегъ начинался длиннымъ рядомъ сѣрыхъ домиковъ, построенныхъ на сваяхъ, подъ которыя Чу-Кіангъ заплескивалъ свои волны во время прилива. Домики стояли плотно другъ подлѣ друга; не было малѣйшаго пространства, намекавшаго на улицу или переулокъ. Въ тѣни навѣсовъ, между сваями, стояли сотни лодокъ, привязанныхъ къ бамбуковымъ шестамъ; можно было сказать навѣрное, что половина народонаселенія жила на водѣ; всѣ эти лодки имѣли до трехъ и четырехъ крышъ, устроенныхъ такъ, что среднія стояли выше крайнихъ: внутри лодокъ цѣлый домъ, съ божками и цѣлымъ хозяйствомъ, съ дѣтьми, привязанными, какъ обезьяны, на веревочкахъ, чтобы не падали въ воду. Всѣ домики были похожи одинъ на другой; отъ каждаго висячая лѣстница, сходящая прямо на воду. Взойдя по лѣстницѣ, вступишь на живой мостикъ изъ нѣсколькихъ дощечекъ, а потомъ опять лѣстница. Во время отлива, кругомъ этихъ лодокъ увидите разную дрянь, выброшенную вонъ, и собакъ, промышляющихъ себѣ пропитаніе; увидите оставшіяся на мели лодки, а иногда Китаянокъ, стоящихъ немного поодаль въ водѣ по грудь, и выжимающихъ изъ своихъ черныхъ косъ прохлаждающую влагу. Между домиками на берегу отличался одинъ своими бѣлыми стѣнами и зеленымъ деревомъ, разросшимся около него. Я вспомнилъ наши длинныя, однообразныя села, и домъ сельской расправы съ вѣчнымъ зеленымъ деревомъ по близости, и это воспоминаніе повлекло за собою вереницу подробностей; припомнился и домикъ подъ вывѣской двуглаваго орла, и какой-нибудь дядя

Digitized by Google

Акимъ, перебранивающійся черезъ улицу съ теткой Акулиной, и плачущая Матрена, съ перетянутымъ подъ мышками передникомъ, вѣчно жалующаяся на судьбу свою, наконецъ кучеръ, сельскій Донъ-Жуанъ, отмахивающій на балалайкѣ комаринскую... Но эти воспоминанія скоро исчезаютъ: посмотришь направо,— тутъ остроносый клипперъ съ высочайшимъ рангоутомъ; тамъ толпа бритыхъ Китайцевъ, съ крикомъ, о чемъ-то хлопочутъ на длинной, страннаго вида лодкѣ,—и вспомнишь, что находишься въ иномъ мірѣ, далеко, далеко отъ нашихъ сельскихъ картинъ. Вмѣсто запаха свѣжаго чернаго хлѣба, слышишь кунжутное масло, ароматъ, преслѣдующій путешественника въ Китаѣ. Деревня на Чу-Кіангѣ называется New-Town (Новый Городъ),—какъ видите, названіе чисто англійское. Самый Вампу тянется параллельно Нью-Тауну, только по сѣверной сторонѣ острова; отсюда видна зелень его садовъ и высокая башня нѣкогда знаменитой пагоды; далѣе еще пагода какого-то еще болѣе отдаленнаго мѣстечка, и высокая гора близь Кантона. Впереди насъ было нѣсколько холмообразныхъ острововъ, уходящихъ въ даль своими мысками, съ рѣдкою растительностью. Налѣво отлогія мѣста между холмами и зелеными, рисовыми плантаціями, орошаемыми высокою водой Чу-Кіанга и кромѣ того обширною системой ирригаціи, въ которой Китайцы очень искусны. Никакое поле, никакой лугъ не блеститъ такою изумрудною зеленью, какъ рисовый посѣвъ.

Мѣстность поднималась, восходя искусственно сдѣланными полукруглыми террассами, на которыхъ неутомимый Китаецъ воздѣлывалъ хлѣбъ и зелень. Мѣстами группы деревьевъ бросали густую тѣнь на гряды; проведенные каналы впускали воду, стекающую съ террассы на террассу, и орошающую гряды и борозды и рисовое поле, находящееся на самомъ низу. Эти низменныя пространства, раздѣляемыя холмами, очень удобны для доковъ, и этимъ-то воспользовались предпріимчивые люди, взявъ въ разчетъ постоянные приливы и отливы рѣки. Здѣсь, въ этой мирной, буколической странѣ, часто видишь военный корабль, возвышающійся изъ-за холмовъ своими мачтами; это судно, разлученное съ своею родною стихіей, обнаженное до самыхъ сокровенныхъ частей, и оставленное для починки. Хладнокровный строитель обдираетъ его мѣдь, стучитъ молотомъ около самаго киля, ломаетъ ахтеръштевень, точно какъ опытный хирургъ вводитъ исцѣляющій ножъ въ части человѣческаго тѣла. Около такого судна бѣлѣ-

Digitized by Google

ются домики, и разрастается цѣлое мѣстечко; видны высокіе навѣсы, крытые листомъ латаніи; подъ ними копошатся трудъ и нужда, а изъ высокой трубы клубится черный дымъ, паровая машина быстро выкачиваетъ изъ бассейна воду, на отведеніе которой въ старину нужно было столько рукъ и усилій. На самой рѣкѣ цѣлая флотилія, конца которой и не видно. Всѣ эти суда пришли сюда послѣ бурь и океановъ, искать обновленія. Нѣсколько военныхъ судовъ стоятъ здѣсь постоянно на станціи; въ числѣ ихъ были англійскіе фрегаты *Тисбе* и *Эссистенсъ* (Assistance, госпитальный пароходъ). Всѣ, имѣющіе здѣсь доки, и служащіе при нихъ, живутъ не на берегу, а на блокшивахъ, что и прохладнѣе, и безопаснѣе. Мѣста же, гдѣ находятся доки и прилежащія къ нимъ строенія, отдѣлены высокими бамбуковыми изгородями, и постоянные часовые (изъ Китайцевъ), вооруженные пиками и ружьями, наблюдаютъ за общею безопасностію и тишиною.

Въ первый же день сгрузили съ клиппера орудія и всю тяжесть; слѣдующее утро онъ стоялъ съ обнаженною подводною частію, подпертый съ боковъ и съ низу. Не стану описывать подробностей вводки въ докъ; это дѣло спеціялистовъ.

Мы стали устраиваться на берегу; сначала рѣшили разбить палатку на горѣ, внѣ бамбуковой изгороди; но всѣ мѣстные жители, даже Китайцы, отсовѣтовали. Дѣйствительно, это было бы неблагоразумно: въ одну прекрасную ночь, мы могли бы быть всѣ перерѣзаны. А между тѣмъ на этой горѣ такъ хорошо продувало, и какой видъ былъ оттуда! На всѣ четыре стороны разливы рѣки, которая широкою лентой обвивала пологіе и холмистые острова, съ ихъ лѣсами, рисовыми плантаціями, красиво-обдѣланными полями съ пизангами и бамбуками вокругъ; разливы и заливы,—*заголулины*, какъ говорятъ матросы,—широкой рѣки виднѣлись далеко; то блеснетъ яркая полоса воды, свѣтлымъ озеромъ надъ поверхностію лѣса, то серебряною полосой врѣжется въ долины, зеленѣющія кустарникомъ. Вдали виднѣется клубящійся дымъ: пароходъ спѣшитъ въ Кантонъ. Тамъ возвышаются высокія пагоды, и зелень сгустилась около нихъ развѣсистыми деревьями, рисовыя поля облегли ихъ правильными изумрудными квадратами. А у ногъ нашихъ первый планъ картины: южный склонъ зеленѣющагося холма, на которомъ видны кресты и памятники европейскаго кладбища. Сколько разъ, во время нашего пребыванія, приносили на этотъ холмъ гробъ, прикрытый флагомъ, и толпа товарищей-

Digitized by Google

матросовъ сопровождала сюда своего брата, на его послѣднее жилище! Залпы ружей нарушали тишину, и съ этимъ залпомъ кончалось все земное для отошедшаго въ лучшій міръ! Кладбище растетъ быстро, климатъ въ Вампу очень нездоровъ; англійскія суда, стоящія здѣсь на станціи, много теряютъ команды отъ лихорадокъ и диссентерій.

Отъ этого грустнаго холма направо, въ ложбинѣ, каменный докъ, изъ котораго теперь видны три наклонныя мачты нашего клиппера. Налѣво, влажное рисовое поле врѣзывается въ рѣку, и часто по его жидкимъ бороздамъ бредетъ буйволъ, глубоко завязая своими мясистыми ногами въ топкомъ грунтѣ, или Китаецъ въ конусообразной шляпѣ, какимъ-то инструментомъ, въ родѣ мотыки, разрыхляетъ и безъ того рыхлую землю. Прямо подъ нами разбросанныя группы деревъ, и въ ихъ тѣни полукруглыя терассы, на которыхъ воздѣлывается всякая зелень. Мѣстами бѣлѣютъ китайскія гробницы. Извѣстно, какое почтеніе питаютъ Китайцы къ своимъ мертвымъ. Богатые воздвигаютъ по своимъ усопшимъ высокія пагоды; нѣсколько такихъ пагодъ теперь передъ нами. Бѣдные выстилаютъ камнемъ круглую площадку, обнося ее невысокою стѣной; немного отступя, дѣлается другая ниже, съ небольшими арабесками; обѣ стѣнки упираются въ землю, которая нарочно для этого и обкапывается; на гробницахъ надписи. Каллери свидѣтельствуетъ, что пишется только имя умершаго, династія, при которой онъ жилъ, и годъ смерти. На сѣверѣ Китая, гробницы болѣе разнообразны. Подобныя гробницы здѣсь на каждомъ шагу; онѣ не вмѣстѣ, но разбросаны, и преимущественно по склону холмовъ. Окиньте разомъ весь этотъ пейзажъ, не забывъ отдаленной цѣпи горъ; представьте себѣ, что мы могли бы любоваться имъ и въ ясное утро, и при великолѣпномъ вечернемъ освѣщеніи,—и вы легко поймете, отчего намъ такъ хотѣлось поставить палатки на холмѣ. Но нечего было дѣлать,—расположились близь дока, у канавъ, въ которыхъ сотни лягушекъ каждый вечеръ составляли концертъ. Въ ложбинѣ, стѣсненной съ трехъ сторонъ холмами, свободнаго воздуха было мало; камни дока накалялись, какъ печка, и жаръ былъ нестерпимый. Никогда не страдали мы такъ отъ жара какъ здѣсь; свободно дышать можно было только утромъ, да вечеромъ, когда садилось солнце, и то еслибы притомъ не было мускитосовъ, которые въ первые же дни надѣ-

Digitized by Google

или насъ волдырями, разнообразно украсившими все наше тѣло.

Я нѣсколько разъ упомянулъ о рисовыхъ плантаціяхъ, которыхъ очень много по берегамъ и островамъ Чу-Кіанга; скажу теперь нѣсколько подробнѣе объ этомъ полезномъ растеніи, такъ богато вознаграждающемъ упорный трудъ жителя тропическихъ странъ. Тотчасъ же за нашею изгородью тянулось рисовое поле, и часто, среди нестерпимаго зноя, неутомимый пахарь, по колѣно влачась по грязи, съ своимъ товарищемъ, буйволомъ, наводилъ насъ на безконечный рядъ мыслей, дѣлавшихъ нестерпимый зной еще нестерпимѣе.

Земледѣліе въ Китаѣ пользуется съ незапамятныхъ временъ особеннымъ уваженіемъ. Императоръ, какъ сынъ неба, или посредникъ между божествомъ и своими подданными, посвящаетъ три дня на принесеніе жертвъ и молитву; потомъ идетъ на поле, проводитъ первую борозду, и собственною рукой бросаетъ нѣсколько сѣменъ рису, чтобы показать, какое значеніе имѣютъ для государства трудъ и обрабатываніе земли.

Много говорили о совершенствѣ китайскаго хозяйства, но много преувеличили, въ чемъ виноваты миссіонеры, которые не имѣли правильнаго понятія о хозяйствѣ. Имъ вѣрили, какъ единственнымъ людямъ, имѣвшимъ случай проникнуть внутрь страны. Китайцы конечно обогнали Индусовъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ, но смѣшно сравнивать ихъ рутинную систему съ раціональнымъ европейскимъ хозяйствомъ. Можетъ ли назваться хозяйствомъ то положеніе дѣлъ, въ основаніи котораго лежитъ не свобода труда, а рабство и страшная, неисходная бѣдность рабочаго? Китайскій работникъ хуже невольника южныхъ Американскихъ штатовъ; того по крайней мѣрѣ порядочно кормятъ, чтобы поддерживать его физическую силу; Китайцу же даютъ горсть проса, которое тяжелымъ камнемъ ложится на желудокъ, и только обманываетъ разыгравшійся апетитъ въ ожиданіи слѣдующей порціи.

Почва въ южныхъ провинціяхъ гориста и самаго дурнаго качества. Вездѣ видишь разбросанные граниты между тощею растительностію, и все богатство земли состоитъ изъ выжженной солнцемъ красной глины, перемѣшанной съ раздробленными кусками того же гранита. Горы пустынны и дики. Пользуются уступами, терассовидными площадками, долинами, чтобы разводить рисъ и другія необходимыя растенія. Эти затрудненія породили сложную систему ирригаціи. Хорошо,

Digitized by Google

если на горѣ находили озеро. Тогда легко было провести изъ него воду на поля, терассами расположенныя. Но озера не вездѣ; часто надобно было поднимать воду, и вода поднималась гидравлическимъ колесомъ, распространеннымъ въ Китаѣ. Эти колеса приводятся въ движеніе либо рукою рабочаго, либо ногою, либо съ помощію буйвола.

Поле для риса готовится съ весны. Буйволъ тащитъ легкій плугъ, какое-то неотесанное, неуклюжее орудіе, но вѣроятно достигающее своей цѣли вѣрнѣе нежели англійскіе плуги, которые старались ввести здѣсь въ употребленіе. Пашня должна имѣть твердое глинистое дно; на этомъ основаніи, частымъ орошеніемъ и шестикратнымъ мѣшаніемъ (не говорю паханіемъ), производятъ слой грязи, глубиною не мѣнѣе восьми дюймовъ. Плугъ не забираетъ глубже глинянаго дна, и пахарь съ его скотиною находятъ для ногъ своихъ твердую опору. Буйволъ, употребляемый на югѣ, очень хорошъ для этой работы, любя наслаждаться въ грязи, а рабочій, убѣжденный, что «никакая скотина больше Китайца не вынесетъ», плетется, равнодушный ко всему, за своимъ плугомъ. Послѣ запашки боронятъ поле. Борона дѣлается безъ длинныхъ, раздробляющихъ комки, зубцовъ; рабочій просто становится на нее и давитъ ее своею тяжестью, между тѣмъ какъ буйволъ тащитъ ее по грязи поля. Цѣль плуга и бороны — перемѣшать все вмѣстѣ и когда образуется сплошная жидкая грязь, равномѣрно распространить ее по твердому дну. Столько трудовъ употребляется для того, чтобы приготовить грунтъ для молодыхъ рисовыхъ отпрысковъ, которые заблаговременно выростаютъ на грядахъ разсадою. Ее осторожно переносятъ на поле и садятъ около двѣнадцати побѣговъ на грядкѣ, отстоящей отъ другой на двѣнадцать дюймовъ. Пересадка совершается съ поразительною быстротою. Первая жатва въ концѣ мая или началѣ іюня; вторая въ ноябрѣ. Пока рисъ растетъ, онъ долженъ быть постоянно въ водѣ: понятно, почему у Китайцевъ такъ развилась система орошенія полей. Поспѣвшій рисъ не нуждается въ орошеніи; за то необходимо лѣтомъ нѣсколько разъ выполоть его. Поспѣвшій рисъ срѣзываютъ ножами, похожими на серпъ: обыкновенно тутъ же его и молотятъ.

Кромѣ риса, близь Вампу воздѣлывается сахарный тростникъ, но немного. Китайцы выдѣлываютъ изъ него леденецъ и темный песокъ. Рафинировки они не знаютъ. Въ садахъ и

Digitized by Google

по всему берегу много фруктовыхъ деревьевъ: гуавы, манго, mangpee (Cookia punctata), leechee, longan, апельсины. Изъ деревъ, украшавшихъ обширный нашъ ландшафтъ, назову кипарисы, баньяны и другіе виды *ficus*; также особенный видъ сосны, которую Китайцы называютъ водяною (*Thuja*), бамбукъ и родъ нашей плакучей ивы, которую Китайцы очень поэтически называютъ «вздыхающею ивой». По берегу рѣки много водяныхъ лилій и лотосовъ; они разводятся какъ для красоты, такъ и для пользы: корни ихъ употребляются въ пищу. Лѣтомъ и осенью эти поля лотосовъ, во время цвѣтенія, дѣйствительно очень красивы.

Потянулся однообразно день за днемъ. Жизнь въ палаткѣ была во всякомъ случаѣ отдыхомъ послѣ жизни на клипперѣ: свободнѣе и просторнѣе. Лежишь себѣ полдня, лѣниво перевертывая страницы туго понимаемой книги; встаешь, чтобы пить, и пьешь, чтобъ утолить ничѣмъ неутолимую жажду; силы возвращаются мало-по-малу, когда солнце начнетъ гаснуть, скрываясь за холмомъ и рощей. Тогда пойдешь бродить по ограниченному пространству владѣній, принадлежащихъ доку. Зайдешь въ сарай, гдѣ работаютъ двѣ паровыя машины, и по неволѣ подумаешь, смотря на эти несложныя работы, какъ все просто, если захочешь дѣлать дѣло. Станутъ строить у насъ, въ Европѣ, доки, и начнутъ съ великолѣпныхъ дворцовъ, которые лѣтъ десять прождутъ машинъ и работы; а здѣсь точно конный приводъ какой-нибудь круподерки: сгороженъ изъ бамбука, обмазанъ глиной, стóитъ грошъ, а сдѣлаетъ много. Къ выкачивающимъ машинамъ придѣланъ приводъ для точильнаго станка, далѣе кузница, гдѣ выливаютъ мѣдныя вещи, однимъ словомъ сарай удовлетворяетъ почти всѣмъ требованіямъ для починки судна. Зайдешь потомъ и подъ высокій бамбуковый навѣсъ, гдѣ Китайцы-плотники пилятъ, сверлятъ, строгаютъ, и, когда солнце совсѣмъ уже скроется, укладываютъ въ мѣшки свои плотничьи и всякіе инструменты, и усаживаются около стола ужинать, на скамеечкахъ; передъ каждымъ круглая чашка и двѣ палочки; по серединѣ стола, въ широкой мискѣ, вареный рисъ. Около нихъ собаки и дѣти, ожидающіе скудной подачки. Ужинъ идетъ тихо, безъ шума; поднесетъ Китаецъ свою чашечку къ самому рту и сваливаетъ въ него палочкой надлежащую порцію.

Пойдешь на пристань, гдѣ наша команда купается: плаваютъ, перегоняя другъ друга, матросы, довольные и окончен-

Digitized by Google

ными работами, и свѣжестью воды, и кратковременною свободой; тутъ же, вблизи, человѣкъ сто Китайцевъ, воловыхъ рабочихъ, тянутъ на берегъ съ разгружающагося французскаго фрегата, *Audacieuse*, мачту. Движенія ихъ тихи, не видать въ ихъ лимфатическихъ мускулахъ усилія и игры, плохо двигается мачта изъ воды на берегъ, точно не хочетъ покинуть свою родную стихію. Да и любо ли ей, привыкшей къ героической пѣснѣ бури и урагана, слушаться заунывной китайской пѣсни, которою бодрятъ себя китайскіе рабочіе? Французскій боцманъ, толстая съ черными бакенбардами фигура, почтенная и уважительная, подозрительно покрикиваетъ: «mais faites donc jouer la pièce, faites donc jouer la pièce!» «Ай-я-у, а-ау, и лу-а-у», отвѣчаютъ дребежащими голосами Китайцы, пересмѣиваясь съ нашими матросами... А мачта все не подается! Да и откуда взяться силѣ? посмотрите, что за народъ! Какой-нибудь Лапша показался бы между ними богатыремъ. Пятерымъ въ день платятъ долларъ, и въ этотъ день каждый изъ нихъ долженъ исполнять всякую работу, лошадиную и воловью. Но еслибъ его запрягли въ плугъ, безропотно пошелъ бы онъ пахать, будь только сила. Въ работахъ Китайцы апатичны, не видно никакого участія къ дѣлу, или желанія хоть поскорѣе окончить работу. Годились бы они всѣ въ натурщики къ Гаварни: головы бриты, кто весь голый, кто въ курткѣ; заплата на заплатѣ, даже дыра на дырѣ. Дряблая кожа безсмысленнаго лица виситъ въ безконечныхъ складкахъ; иной считаетъ, я думаю, уже восьмой десятокъ своей безцвѣтной жизни... Но почему безцвѣтной?.. Можетъ-быть, это такъ кажется намъ; можетъ-быть, и у этой беззубой фигуры были свои свѣтлые дни... Страшная масса застоявшейся и заплеснѣвшей жизни, забродитъ ли она когда-нибудь?.. Вѣроятно, Европа разбудитъ и Китай, какъ разбудила весь остальной міръ. Начало уже положено.

У берега столпились *шампанки*; на иной старуха, изогнувшись, махаетъ зажженною бумагой надъ готовымъ ужиномъ, и потомъ бросаетъ ее съ огнемъ на воду; зажигаетъ тоненькія свѣчки и ставитъ ихъ во всѣ мѣста, куда только можно поставить; это все различные обряды, которыхъ такъ много у буддистовъ. Бумага для сожиганія должна быть особенная, нарѣзанная квадратами, съ наклееннымъ посереди клочкомъ серебряной бумаги. На другихъ шампанкахъ дѣлаютъ *чинь-чинь*; это родъ фейерверка: нѣсколько картонныхъ трубочекъ, набп-

Digitized by Google

тыхъ пороховою мякотью и соединенныхъ между собою станіолемъ, который зажигается, и трубочки взрываются послѣдовательно одна за другою. Этотъ-то трескъ, подобный батальному огню, поминутно раздается со всѣхъ концовъ, и его-то мы слышали въ Гонъ-Конгѣ, не зная чему приписать его. *Чинъ-чинъ* (слово въ слово значитъ: здравствуй) дѣлается и въ честь божества, и въ честь новой луны, и въ честь полной луны; наконецъ, при всякомъ торжественномъ случаѣ. Цѣлыя лавки торгуютъ только тоненькими свѣчами, бумагой и трубочками *для чинъ-чина*. На одинъ шиллингъ можно сдѣлать такую иллюминацію, что останетесь довольны. Звукъ *чинъ-чина* заглушается часто звукомъ гонга и мѣдныхъ тарелокъ; эта музыка начинается подъ вечеръ на военныхъ джонкахъ и продолжается часа два; потомъ она возобновляется при всякомъ удобномъ случаѣ; если есть покойникъ, то бьютъ въ тарелки цѣлую ночь, какъ будто, если одинъ уснулъ вѣчнымъ сномъ, то другіе не должны спать. Хуже этой музыки трудно гдѣ-нибудь слышать; вообразите десятки мѣдныхъ тазовъ, въ которые бьютъ немилосердно палками. При описаніи китайскаго вечера можно не жалѣть никакихъ красокъ, только ужь о гармоническихъ звукахъ слѣдуетъ умалчивать. Всю прелесть зеленѣющей природы въ состояніи отравить подобный концертъ.

Настанетъ вечеръ, сидишь себѣ на пристани до глубокой ночи, смотря на звѣзды, да на летающихъ свѣтящихся насѣкомыхъ, и такъ проходятъ дни. Работы на клипперѣ идутъ успѣшно. Иногда является хозяинъ, Куперъ. Вдругъ раздается крикъ: «Лови, лови!» Нѣсколько матросовъ бросятся за убѣгающимъ Китайцемъ, вѣроятно стянувшимъ что-нибудь. «Нѣту на нихъ никакого начала; только заглядишься, ужь стащилъ что-нибудь; ишь, бритый чортъ, какъ удираетъ: люминаторъ укралъ!..» говоритъ на бѣгу матросъ, и дѣйствительно, бритый Китаецъ, какъ заяцъ, скачетъ черезъ рвы и канавы, и, юркнувъ въ небольшую калитку, сдѣланную въ бамбуковой изгороди, несется по рисовому полю и скоро скрывается изъ глазъ. Эти сцены повторялись почти каждый день; одинъ стащитъ какую-нибудь желѣзную штуку, другой наполнитъ всѣ карманы мѣдными гвоздями; терпѣнье истощилось; за каждымъ нужно было ставить надсмотрщика, увѣщевали старшинъ, частнымъ образомъ таскали за косы, ничто не помогало. Поймали наконецъ двухъ, связали имъ руки и посадили на докъ до рѣше-

Digitized by Google

нія ихъ участи. Одинъ былъ старикъ съ сморщеннымъ лицомъ, съ рѣдкою косичкой на затылкѣ, весь въ лохмотьяхъ. Что принудило его украсть какой-нибудь гвоздь, —нужда или привычка? Другой былъ моложе и съ страшно-плутовскою физіономіей, испорченною оспой. Ихъ, какъ водится, окружили; между Китайцами замѣтно было движеніе; они толпами собирались около доковъ. «Васъ разстрѣляютъ!» кто-то сказалъ пойманнымъ, и они повѣрили. «Къ Русскимъ хуже попасться, нежели къ Французамъ и Англичанамъ; тѣ побьютъ, высѣкутъ, а вы хотите убить», говорили они потухшими отъ страха и отчаянія голосами. Дождались Купера, которому ихъ и передали. Когда ихъ сводили съ клиппера, Китайцы оттѣснили одного и помогли ему бѣжать; остался старикъ. Его повели на дно дока, привязали стоя къ деревяннымъ козламъ, и линекъ, ловко управляемый рукой нашего боцмана, давно остривша-го на Китайцевъ зубы и вызвавшагося теперь охотой въ экзекуторы, загулялъ по лохмотьямъ стараго отрепья, покрывавшаго спину арестанта. Сгустившаяся толпа Китайцевъ зашумѣла, Куперъ закричалъ на нихъ, раскраснѣвшись отъ злости и волненія, и ткнулъ зонтикомъ въ лицо разсуждавшаго и размахивавшаго руками болѣе всѣхъ. Это имѣло магическое дѣйствіе; Китайцы мгновенно разошлись, а старикъ, привязанный къ козламъ, дѣлалъ различныя движенія, желая избѣжать удара; то какъ кошка прискакивалъ онъ кверху, то корчился и ежился, и ни одинъ крикъ, ни одинъ стонъ не вылетѣлъ изъ его старой груди! Сцена была непріятная. Русскій боцманъ сѣкъ Китайца, а англійскій прожектеръ считалъ удары; вотъ что можетъ иногда связать три націи!.. Это своего рода ассоціація. Надобно было разказать эту сцену, какъ имѣющую couleur locale, какъ случай, характеризующій мѣсто и обстоятельства. Мы въ Китаѣ, но не въ томъ идеальномъ Китаѣ, который знаемъ по картинкамъ на чайныхъ ящикахъ и по разказамъ лорда Макартнея,—Китаѣ, съ миніятюрными ножками, мандаринами и торжественными церемоніями, въ которыхъ блещетъ золото и пурпуръ,—мы въ Китаѣ нищихъ, бродягъ, пиратовъ, въ настоящемъ Китаѣ, нѣсколько дѣйствующемъ и шевелящемся.

Въ одно утро, въ командѣ стоявшаго близъ насъ судна, не досчитались двухъ матросовъ и нѣкоторыхъ вещей. Бѣжали; но куда, зачѣмъ, что соблазнило ихъ, неизвѣстно. Объявили Китайцамъ, чтобъ искали, и назначили награду тому, кто оты-

Digitized by Google

щетъ. Прошло недѣли двѣ; начали уже позабывать о бѣжавшихъ, какъ вдругъ является Китаецъ и говоритъ, что можетъ указать мѣсто, гдѣ скрываются матросы, если ему заплатятъ обѣщанное и дадутъ въ помощь людей. Назначили офицера съ нѣсколькими вооруженными людьми, и отправили ихъ на лодкѣ съ Китайцемъ. Они подплыли къ пустынному берегу: «вотъ тамъ», показалъ Китаецъ пальцемъ на кустарникъ, и объявилъ намѣреніе ретироваться. — Отчего же ты нейдешь съ нами? говорятъ ему. «Ступайте вы, а я боюсь! (Характеристическая черта Китайца.) Ищите въ кустахъ, они тамъ, это вѣрно...» Команда разбрелась; густо поросшій кустарникъ обносилъ плотною сѣткою берегъ; искать было трудно; къ кустарнику подступала вода; остатки сгнившихъ человѣческихъ труповъ, и наконецъ трупъ почти свѣжій, на каждомъ шагу попадались искавшимъ; страшный смрадъ наполнялъ воздухъ. Въ этомъ-то вертепѣ скрывались бѣглецы: одинъ залѣзъ по горло въ воду, и, несмотря на крики своихъ, не хотѣлъ откликнуться. Нѣсколько дней они сидѣли здѣсь безъ пищи. Блѣдныхъ худыхъ, покрытыхъ какою-то сыпью, привели ихъ; запахъ трупа такъ и въѣлся въ ихъ платье, выброшенное тутъ же за бортъ. Пока у нихъ были деньги и вещи, ихъ кормили, а тамъ прогнали, можетъ-быть грозили зарѣзать; они скрылись отъ Китайцевъ и боялись вернуться къ своимъ. На вопросы, что̀ побудило ихъ бѣжать, они не давали удовлетворительнаго отвѣта, только одинъ изъ нихъ разказывалъ, что его соблазнили Китайцы, звали служить на военную джонку, говорили, что обрѣютъ голову и привяжутъ косу. Все это случилось на нашихъ глазахъ. Мы принимали большое участіе въ бѣжавшихъ, хотя они были съ чужаго судна; разказъ о ихъ страданіяхъ возбуждалъ невольную общую симпатію. Вечеромъ шелъ разговоръ о нихъ; взволнованная деннымъ солнцемъ, кровь сильно настраивала воображеніе; мы сами стали поддаваться ложному страху и сильному преувеличенію въ ощущеніяхъ. Было уже за полночь, и всѣ спали. Часовой замѣтилъ, что двѣ тѣни крадутся по забору. Ихъ окликнули. Они скрылись, но послѣ опять показались, только ближе къ нашей палаткѣ. По нимъ закричали: «лови, лови!» Крикъ ли этотъ имѣлъ въ себѣ что-нибудь особенное и въ звукѣ своемъ уже содержалъ ноту паническаго страха, только первый проснувшійся закричалъ страшно-испуганнымъ голосомъ; этотъ второй крикъ еще сильнѣе подѣйствовалъ на остальныхъ спавшихъ, которые всѣ вскочили какъ

Digitized by Google

угорѣлые, стали кричать и произвели такой гвалтъ, что вѣроятно слышно было за версту. К. полѣзъ къ С. подъ подушку за пистолетомъ; С. принявъ его за Китайца, схватилъ его и готовъ былъ вступить въ единоборство. Вся эта сцена оставалась неразгаданною, пока не принесли фонарь; тогда все объяснилось; тѣни исчезли, хотя еще долго искали ихъ по канавамъ. Попадись въ эту минуту какой-нибудь невинный Китаецъ, его бы навѣрное подстрѣлили. Такъ расходилось воинственное расположеніе духа въ пробужденномъ отъ сна ополченіи; и долго еще мы не могли уснуть, смѣясь надъ храбростію другъ друга. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ насъ были *севастопольскіе герои*, мы разыграли сцену сорока жидовъ, испугавшихся одного цыгана.

Между тѣмъ стали показываться послѣдствія сильныхъ жаровъ и работъ въ докѣ: лихорадки и диссентеріи. Мы платили обычную дань климату, и хорошо, что расплатились дешево; ни одинъ у насъ не умеръ. Заболѣлъ и я; утомительны и тяжелы были лѣтніе дни. Меньше 25 градусовъ въ тѣни Реомюръ не показывалъ, а выйдешь на солнце, несмотря на зонтикъ, вѣеръ, и другія предохранительныя средства, точно огнемъ палитъ. Бритыя головы Китайцевъ привыкли къ этому солнцу, однако и изъ нихъ не было ни одного, который бы не имѣлъ вѣера. Вѣера дѣлаются изъ листа латаніи (latania chinensis), которому сама природа дала вѣерообразную форму. Цѣлые часы проводятъ Китайцы на воздухѣ, изрѣдка прикрывая вѣеромъ слишкомъ накалившійся лобъ; другой обвернетъ нѣсколько разъ голову косою, которую впрочемъ всегда распуститъ, если говоритъ съ человѣкомъ выше его званіемъ, какъ будто снимаетъ шапку.

Когда клипперъ вытянулся изъ дока въ рѣку, я, какъ больной, помѣстился на китайской лодкѣ, на которую сгрузили паруса и другія вещи, мѣшавшія работамъ на суднѣ. Лодка была длинная, съ круглымъ навѣсомъ; наверху родъ палубы, въ кормовой части которой стояло нѣсколько горшковъ съ зеленью и цвѣтами. Подъ этою оранжереей жили хозяева, цѣлое семейство. Лодка была очень вмѣстительна и чисто содержана: вездѣ гладко выполированное дерево, тростниковыя плетенки и бамбуковыя перекладины. Если шелъ дождь, то мгновенно закрывались всѣ окна тростниковыми покрышками; у меня была постоянная тѣнь и сквозной воздухъ. Въ извѣстные часы дня приходила хозяйка или ея сынъ въ ту часть, гдѣ

Digitized by Google

я жилъ, и гдѣ въ угольномъ шкапчикѣ помѣщались домашніе пенаты: кукла изъ сермяги, обклеенная снаружи фольгой и бумагой, бумага для *чинь-чина* и еще какія-то принадлежности; хозяйка зажигала бумагу и, потомъ, помахавъ ею въ различныхъ направленіяхъ, бросала на воду; ставила маленькія свѣчки во всѣ углы, куда только можно было ткнуть ихъ, и уходила. Все это дѣлалось безъ всякой мысли, безъ всякаго религіознаго чувства. Китайцы суевѣрны, и наклонность къ религіознымъ церемоніямъ, какъ у всѣхъ буддистовъ, развита въ нихъ сильно. Нѣтъ дома въ южныхъ провинціяхъ, въ которомъ бы не было домашней часовни, помѣщаемой обыкновенно въ концѣ столовой. Обрядъ исполненъ, и Китаецъ спокоенъ. Во время богослуженія въ храмахъ смѣются и глазѣютъ по сторонамъ. Зачѣмъ молиться? на это есть бонзы, которые дѣйствительно не развлекаются общимъ шумомъ, и съ торжественностью повторяютъ свои молитвы, держа въ скрещенныхъ на груди рукахъ четки, звоня въ колоколъ и по временамъ ударяя въ гонгъ, чтобы привлечь вниманіе Будды къ молитвѣ. На югѣ буддизмъ распространенъ болѣе ученія Конфуція и секты *Тау*, или Разума. Кромѣ того, въ Китаѣ есть мусульмане и Евреи.

Кромѣ домашнихъ суевѣрныхъ обрядовъ, въ Китаѣ въ большомъ ходу приношеніе общественныхъ жертвъ и другія торжественныя церемоніи и процессіи, которыя тянутся иногда на нѣсколько миль. Идоловъ убираютъ въ дорогія одежды, несутъ ихъ на великолѣпныхъ носилкахъ; поклонники тысячами слѣдуютъ за ними, и забѣгаютъ впередъ, разодѣтые въ праздничныя платья. Страшное количество извѣстной бумаги, съ серебряною пластинкой, сжигается подъ конецъ, какъ жертва. Не распространяюсь объ этихъ церемоніяхъ, потому что говорю о нихъ только по слухамъ; мнѣ не удалось видѣть ни одной.

Во время моей болѣзни пріѣхалъ къ намъ докторъ Рамзей съ парохода *Assistance*; онъ уже четыре года въ Китаѣ, и скоро возвращается въ Англію. Онъ молодъ, и лицо его очень располагаетъ въ его пользу. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые, кажется, не совсѣмъ высказываются и заставляютъ предполагать гораздо больше того, что̀ хотятъ высказать и выказать. Есть какія-то затаенныя достоинства, скрывающіяся въ этихъ пріятныхъ и умныхъ чертахъ; такихъ людей можно любить, и

Digitized by Google

привязываешься къ нимъ все больше, по мѣрѣ того какъ узнаешь ихъ. Довѣриться имъ всегда можно; я замѣтилъ, что чаще всего эти физіономіи встрѣчаются между Англичанами. Давидъ Копперфильдъ долженъ былъ имѣть именно такое лицо. Мистеръ Рамзей кончилъ курсъ въ Эдинбургскомъ университетѣ, слушалъ Сайма и Симсона, и изъ университета отправился въ Китай. Во время войны онъ былъ на корветѣ *Горнетъ* (Hornet), знакомомъ нашимъ де-кастрійскимъ морякамъ. По моемъ выздоровленіи, я сейчасъ же отправился на *Assistance*. Докторъ водилъ меня по пароходу, который немного меньше *Гималая*, видѣннаго нами на Мысѣ Доброй Надежды. Вся жилая палуба отдана подъ больныхъ. Какая чистота и какой просторъ! Есть даже отдѣленіе для акушерскихъ случаевъ. Въ то время, какъ мы сидѣли на пароходѣ, началъ дуть нордъ-вестъ. Опытные англійскіе офицеры обратили наше вниманіе на этотъ вѣтеръ. Это было въ концѣ августа; все время господствовалъ зюдъ-остъ-муссонъ; нордъ-вестъ обѣщалъ *тайфунъ*, который бываетъ здѣсь преимущественно во время перемѣнныхъ муссоновъ: рѣдко одинъ муссонъ уступаетъ мѣсто другому безъ борьбы; борьба эта начинается съ іюля и продолжается до декабря. Уже лѣтъ шестьдесятъ дѣлаютъ постоянныя наблюденія надъ тифонами въ здѣшнихъ моряхъ; всякое судно, попавшее въ тифонъ и вышедшее благополучно, опрашивается, и отъ него отбираютъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ бывшему случаю. Есть цѣлая система, научающая средствамъ избѣгнуть этого страшнаго врага. Судно, надѣющееся на себя и имѣющее передъ собою свободное мѣсто, должно немедленно уходить на фордевиндъ или богштогъ, опредѣливъ заранѣе направленіе урагана и свое отъ него разстояніе; а это дѣлается слѣдующимъ образомъ: ложатся въ дрейфъ,—въ сѣверномъ полушаріи на правый, а въ южномъ на лѣвый галсъ. Если стать спиной къ вѣтру и протянуть руку перпендикулярно къ линіи, означающей направленіе вѣтра, то лѣвая рука укажетъ мѣсто урагана въ сѣверномъ, а правая въ южномъ полушаріи. Свое отъ него разстояніе опредѣляютъ увеличивающеюся или уменьшающеюся силой вѣтра, быстро падающимъ барометромъ и другими признаками. Ураганъ имѣетъ два движенія: свое—вращательное около центра, и движеніе общее, поступательное. Послѣднее движеніе совершается по параболической линіи. Скорость вихря равняется отъ 80 до 90

Digitized by Google

миль въ часъ, тогда какъ скорость самаго сильнаго шторма не-превышаетъ 20 миль. Но въ ураганѣ сила вѣтра не такъ страшна, какъ ужасное волненіе, воздымаемое безпрестанно-измѣняющимся вѣтромъ, обходящимъ иногда всѣ румбы компаса. Волны отъ противоположно-направленной силы взлетаютъ другъ на друга и вырастаютъ въ колоссальныя пирамиды, при чемъ иногда образуются водовороты. Судно, заливаемое съ различныхъ сторонъ, теряетъ рангоутъ, бросаетъ орудія за бортъ и терпѣливо выжидаетъ своей участи. Вѣрнымъ признакомъ приближенія тайфуна служитъ барометръ, который постепенно падаетъ, иногда до 28,00; какъ скоро онъ начнетъ подниматься, значитъ ураганъ удаляется.

Слово тайфунъ — испорченное китайское *та-фунъ* означаетъ сильный вѣтеръ; Китайцы безъ барометра узнаютъ близость тайфуна по слѣдующимъ признакамъ. Вѣтеръ, въ ураганное время дующій отъ SW, переходитъ къ N и NO, постепенно крѣпчая и налетая частыми и сильными порывами; небо становится мрачно; море съ шумомъ катитъ свои волны на берегъ; рыбаки на всѣхъ парусахъ спѣшатъ укрыться въ одну изъ безчисленныхъ бухтъ, которыхъ, по счастію, природа произвела такое количество по всему берегу Китая, какъ бы въ защиту противъ этого всесокрушающаго врага.

Многія суда, стоящія въ Вампу, почувствовавъ зловѣщій нордъ-вестъ, спустили стеньги; у насъ былъ приготовленъ третій якорь и вооружены печи. Цѣлый день находили порывы, довольно сильные; прошла и ночь, шквалистая, но довольно покойная: урагана не было. Но англійскіе офицеры были правы: ураганъ былъ сѣвернѣе, въ широтѣ 30° и къ намъ долетали только его отдаленныя дуновенія. Нашъ фрегатъ, *Аскольдъ*, шедшій въ это время изъ Нангасаки въ Шанхай, испыталъ всю силу этого урагана. Время равноденствія также не прошло даромъ: страшный ураганъ пронесся въ сѣверныхъ широтахъ китайскаго моря. Не знаю подробностей, но когда мы пришли опять въ Гонъ-Конгъ, то тамъ разказывали, что пять судовъ погибло, и до восьмнадцати выброшено на берегъ. Немедленно два парохода снялись съ гонъ-конгскаго рейда, чтобъ отыскивать слѣды страшнаго крушенія.

Между тѣмъ какъ стихіи совершали свои обычныя волненія, люди тоже не оставались покойными. Всѣ ожидали совершеннаго окончанія войны съ заключеніемъ трактата въ Тіенцинѣ или Тянь-Тзинѣ; казалось, иначе и быть не могло, но

Digitized by Google

въ Китаѣ выходитъ все какъ-то на выворотъ. Въ Печели народъ и не воображалъ, что въ Кантонѣ шла кровопролитная война. Почему же въ Кантонѣ не воевать, когда въ Печели заключенъ миръ?.. Изъ Шанхая новости были неблагопріятны. Всѣмъ не нравилась невѣжливость императорскихъ коммиссаровъ, медлившихъ своимъ прибытіемъ, для для встрѣчи пословъ европейскихъ державъ. Видно было, что пекинскій дворъ крѣпко держитъ руку кантонскихъ инсургентовъ, поощряя ихъ кровавое и настойчивое сопротивленіе. При такихъ отношеніяхъ средины быть не можетъ: императору китайскому слѣдуетъ или продолжать войну, или отказаться отъ чувства спѣсиваго превосходства, что̀ было до сихъ поръ отличительною чертой международныхъ сношеній Китая, тѣмъ болѣе что какія бы условія ни были выговорены при мирномъ трактатѣ,—безъ войны кантонскіе инсургенты останутся въ ослѣпленіи, очень опаснымъ при будущихъ сношеніяхъ съ ними.

А въ Пекинѣ укрѣпляютъ входъ въ Пей-хо. Высшіе коммиссары, хотя ихъ ждутъ со дня на день въ Шанхай, говорятъ, до сихъ поръ еще не назначены; а младшіе уже имѣли аудіенцію у императора, какъ будто передъ отправленіемъ. Надѣются, что шанхайскія конференціи откроются въ половинѣ сентября (1). Первые кантонскіе купцы были приглашены въ Шанхай, для обсуживанія подробностей новаго тарифа, но и это распоряженіе было отложено. Все это заставляетъ думать, что Китайцы разчитываютъ на наступающую осень и на невозможность въ этомъ году новаго прибытія соединенныхъ флотовъ къ рѣкѣ Пей-хо.

Дѣла въ самомъ Кантонѣ крайне загадочны. Негоціанты ждутъ открытія торговли и находятся въ сильномъ сомнѣніи, — откроется ли она? Многіе пріѣхали изъ сосѣднихъ провинцій, къ чайному времени, и *хопро* (сборщикъ податей) приступилъ къ исправленію своей должности. Совершенное спокойствіе царствуетъ въ городѣ; миръ былъ обнародованъ полномочнымъ Хванги и губернаторомъ Пекви; городскія ворота отворены съ большою церемоніей (о чемъ извѣстилъ насъ капитанъ парахода *Assistance*; народъ сталъ возвращаться къ своимъ занятіямъ, блокада была снята, евро-

(1) Все это писано еще въ 1858 году.

Digitized by Google

нейскія власти объявили амнистію,—кажется, чего бы больше?.. Спросъ на ввозъ и вывозъ съ каждымъ днемъ увеличивается, а несмотря на это, торговля остается герметически закупоренною, и вмѣстѣ съ этимъ бродячіе слухи и разные неправдоподобные разказы мутятъ общественное расположеніе духа. Удалившимся Китайцамъ позволено возвратиться въ Гонъ-Конгъ и Макао, безъ всякихъ обязательствъ.

Здѣшніе англійскіе журналы недовольны выжидательною политикой лорда Эльджина. Остановка кантонской торговли должна была бы подвинуть «его милость» на что-нибудь болѣе рѣшительное; говорятъ, что совсѣмъ другой тонъ былъ у китайскаго правительства четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, когда адмиралъ Сеймуръ (тотъ самый, который потерялъ одинъ глазъ у Кронштадта) опирался въ своихъ требованіяхъ на войска ея величества; утверждаютъ, что еслибы продолжать военныя дѣйствія еще нѣсколько мѣсяцевъ, то скорѣе и вѣрнѣе пришли бы къ удовлетворительному результату, и что дѣйствія лорда Эльджина могутъ разрушить то, что было сдѣлано Сеймуромъ.

Послѣдняя новость, пришедшая при насъ въ Гонъ-Конгъ, та, что Французы съ Испанцами заняли Туронъ (въ Кохинхинѣ) и французскій адмиралъ Риго-де-Женульи объявилъ всѣ кохинхинскіе порты въ блокадѣ. На это всегда найдется достаточная причина, особенно если замѣшается миссіонеръ. Миссіонерство, въ подобныхъ случаяхъ, такой плодотворный источникъ, что, взявъ его за основаніе, всегда можно найдти предлогъ и для войны, и для мира. Да и Французамъ пора найдти себѣ pied à terre въ здѣшнихъ моряхъ. Около Китая и Японіи, какъ будто около больныхъ и богатыхъ родственниковъ, увиваются многіе. Англія давно уже основалась здѣсь, и дѣйствуетъ какъ дома; Америка заняла острова Лу-чу (Ликейскіе); Россія дѣйствительно у себя дома; Испанія и Португалія тоже пустили въ сосѣдствѣ глубокіе корни; оставалась одна Франція, опиравшаяся всегда на невещественныя основанія, на миссіонерство, и т. п. Теперь вѣрно ощутилась необходимость въ вещественномъ; отыскались въ архивахъ давнія притязанія на Кохинхину, и, кажется, притязанія эти хотятъ поддерживать серіозно. Говорятъ о назначеніи въ будущемъ году въ здѣшнія моря особенной эскадры, подъ командой г. Жюрьенъ-де-ла-Гравьера.

Digitized by Google

III.

Мы все стояли въ рѣкѣ; я цѣлые дни скрывался въ своей крытой лодкѣ и только къ вечеру выходилъ на клипперъ. Иногда ѣздили на берегъ; китайская шампанка съ утра до вечера была къ нашимъ услугамъ за полдоллара въ сутки (клипперскія шлюпки поправлялись и красились). На кормовомъ веслѣ сидѣла молодая хозяйка Яу-Хау, очень интересная, даже, можно сказать, хорошенькая; при ней былъ сынъ ея Атомъ, который сначала дичился насъ, а потомъ сдѣлался общимъ нашимъ пріятелемъ. Бывало, крикнешь ему съ клиппера: «Атомъ, чинъ-чинъ!» «Цинь, цинь!» послышится въ шампанкѣ и вслѣдъ затѣмъ покажется изъ отверстія дѣтская головка, кивающая съ тою безыскусственною улыбкой, которою обладаютъ только дѣти. На носу лодки сидитъ мужъ Яу-Хау, молодой Китаецъ, съ добрымъ и простоватымъ лицомъ, и братъ его, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати; иногда и Атомъ подсаживался на маленькой скамеечкѣ къ дядѣ, обхвативъ весло своими коротенькими ручонками, и слѣдовалъ серіозно за греблей, какъ будто онъ былъ тутъ главнымъ работникомъ. Сядешь, или скорѣе ляжешь, на чистыя цыновки по серединѣ шампанки, и забудешься подъ тихое качанье лодки; а сзади хорошенькая Яу-Хау, на глазки которой иногда и засмотришься. Все у нихъ такъ чисто, божки убраны пестрыми цвѣтами и фольгой; смотришь на эту своеобразную жизнь, на этотъ уголъ, и иногда даже какъ будто позавидуешь, хотя по правдѣ сказать, не завидная перспектива—всю жизнь прокачаться на водѣ. Укажешь Яу-Хау пальцемъ, чтобы везла въ Нью-Таунъ, пристань у трактира, который содержитъ какой-то космополитъ, говорящій на всѣхъ языкахъ и ни на одномъ порядочно. Иногда маленькій Атомъ вдругъ закричитъ во всю мочь, и мать, привязавъ его на веревочку, сажаетъ около себя, и онъ опять скоро успокаивается. Иногда къ нашей лодочницѣ пріѣзжали гости, какая-то старуха, вѣроятно родственница, съ маленькою дочерью съ крысинымъ хвостикомъ на затылкѣ. Атомъ счелъ долгомъ познакомить насъ съ нею; бралъ каждаго изъ насъ за руку, поочереди, и подтягивалъ къ дѣвочкѣ. Гостьи прохлаждаются чаемъ, пока мы плывемъ. Вотъ и пристань, то-есть небольшая деревянная лѣстница, висящая надъ водой,

Digitized by Google

а иногда и надъ землей, если отливъ великъ; въ послѣднемъ случаѣ нужно прыгать съ лодки и непремѣнно попасть на ступеньку, рискуя въ противномъ случаѣ завязнуть въ липкой тинѣ. Лодка привязывается къ воткнутому тутъ же бамбуковому шесту; домашняя жизнь въ ней не прерывается, а мы идемъ по зыбкимъ перекладинамъ мостика до небольшаго дворика, изъ котораго два выхода, одинъ на улицу, другой по довольно-крутой лѣстницѣ, на балконъ трактира. Чтобы попасть на улицу, нужно еще пройдти нѣсколько темныхъ комнатъ, лавочку съ бутылками различнаго вида, и всегда со спящимъ на прилавкѣ матросомъ; изъ лавочки наконецъ выходишь на улицу.

Здѣшнюю улицу нельзя воображать себѣ въ родѣ европейскихъ, или даже китайскихъ въ европейскомъ городѣ; вся она шириною много три аршина, и длиннымъ корридоромъ тянется подъ тѣнью навѣсовъ, идущихъ съ обѣихъ сторонъ домовъ. Часто изъ окна одного дома протягивается жердь до окна противоположнаго, и на этой жерди, съ распростертыми рукавами, висятъ блузы, рубашки и прочее, различныхъ цвѣтовъ и покроя. Иногда исполинскій паукъ переброситъ свою ткань съ крыши на крышу, а самъ, въ видѣ украшенія, виситъ по серединѣ. Улица вымощена каменными плитами, и на ней постоянная тѣнь; дома смотрятъ на улицу своими каменными половинами, къ рѣкѣ же они оборотились деревянными пристройками. Въ каждомъ домѣ внизу лавка или мастерская окна втораго этажа безмолвны и пусты; изрѣдка только выглянетъ оттуда бронзовая головка черноглазой Китаянки, съ уродливою колесообразною куафюрой; по улыбкѣ на ея лицѣ и по крѣпкимъ деревяннымъ рѣшоткамъ нижняго этажа можно догадаться, кто эта черноглазая красавица. При насъ много лавокъ было заперто; однако съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивалось, по мѣрѣ возвращенія удалившихся Китайцевъ. Открылось нѣсколько чайныхъ лавокъ; ароматическій *пекое*, черные и зеленые чаи въ пирамидальныхъ кучахъ стали красоваться на прилавкахъ. Нѣсколько Китайцевъ распиваютъ чай, и увидя насъ, дружески киваютъ головою, приговаривая вѣчный «чинъ-чинъ». Въ сторонѣ кумирня съ божками и фольгою, а далѣе лавка, гдѣ можете достать любаго идола ex ipso fonte; тутъ же лаковая мебель, рѣзные изъ пахучаго дерева шкафчики и разныя религіозныя принадлежности. Вдругъ чувствуется ужасный запахъ, какъ будто загнившей, залежалой рыбы, вы проходите скорѣе и натыкаетесь на чисто-сдѣлан-

Digitized by Google

ный котухъ, за рѣшоткой котораго, на гладкомъ, чистомъ полу, покоятся бѣлыя, грузныя свиньи.

Наконецъ улица прерывается площадью. Опять не надо принимать слово площадь въ нашемъ значеніи, не надо думать, что здѣсь на площади просторнѣе, воздухъ чище и открывается какой-нибудь видъ; ничуть не бывало: на площади еще меньше мѣста, чѣмъ на улицѣ; она вся застроена какими-то павильйонами съ соломенными грибообразными крышами, подъ тѣнью которыхъ копошится уличная торговля, мелкая промышленность, бѣдность и праздность. Эти крытые рынки составляютъ у Китайцевъ родъ клубовъ; здѣсь, между безчисленными торговцами, толкаются люди, желающіе узнать новости, ищущіе рабочихъ, пришедшіе совершить свой туалетъ, пообѣдать. Дѣйствительно, вы здѣсь видите всевозможныя кушанья, совсѣмъ готовыя, но не совсѣмъ аппетитно смотрящія съ своихъ лотковъ и фарфоровыхъ чашекъ. Въ сосѣдствѣ варенаго риса, этого насущнаго хлѣба Китайцевъ, лежитъ жареная курица, часть свинины, студень, пироги съ зеленью, которые тутъ же бросаютъ на сковороду и подпекаютъ на жаровнѣ, для желающихъ. Нѣкоторые расположились около столика съ низенькими ножками, вооружась палочками и чашками. Рядомъ съ ними одутловатый Китаецъ, на лицѣ котораго пристрастіе къ опію провело рѣзкіе слѣды, подставляетъ свою голую голову искусной бритвѣ бродячаго цирюльника. Очень любопытно остановиться на подобной площади и постоять минутъ пять; непремѣнно доглядишься до какой-нибудь сцены: сочинится драка, и разнохзрактерная толпа, съ различными тѣлодвиженіями, мигомъ обступитъ поссорившихся; и вотъ предстоитъ вамъ удовольствіе въ звукахъ незнакомаго языка узнавать и угадывать знакомое. угадаешь и подстрекающаго молодца, и резонера, и какого-нибудь дядю Хвоста, сказавшаго свое многозначительное слово. На этой же площади продается всевозможная зелень, плоды, живность, готовое платье, дождевые костюмы, сдѣланные изъ травы и дающіе такой оригинальный видъ носящимъ ихъ. Сюда же, на рынокъ, смотритъ фронтонъ буддійскаго храма пестрымъ и разноцвѣтнымъ портикомъ, съ исполинскими фонарями, которые раскрашены и убраны всевозможными арабесками. Много фарфоровыхъ драконовъ и другихъ фигуръ по карнизу и крышѣ. Войдя въ храмъ, въ таинственномъ полумракѣ увидишь все то же, что во всѣхъ китайскихъ храмахъ, то-есть почтенныхъ, толстопузыхъ боговъ, комфорта-

Digitized by Google

больно сидящихъ въ своихъ нишахъ; на алтаряхъ безчисленныя приношенія, вода въ чашечкахъ, тоненькія свѣчи, фольга и блескъ сусальнаго золота. На потолкѣ фонари, которые, вырѣзываясь на темномъ фонѣ своими причудливыми формами, даютъ всему довольно оригинальный видъ.

За площадью опять та же улица, узкая, пестрѣющая лавками, навѣсами, Китайцами и пауками. Здѣсь курятъ опій; вмѣстѣ съ нимъ продается китайскій табакъ, очень слабый и не вкусный, и папиросная бумага. Китайцы дѣлаютъ папиросы по-испански, то-есть свертываютъ табакъ съ бумагой сейчасъ передъ куреніемъ. Если Китаецъ немного говоритъ по-англійски, то непремѣнно скажетъ вамъ, что — «Russian good, a French, an English not good», и предложитъ на пробу папироску; въ нѣкоторомъ отношеніи онъ и правъ... На дняхъ съ купцомъ одной лавки случилось вотъ какое происшествіе. Гуляли наши матросы по Вампу; разойдтись негдѣ, держатся всѣ въ кучкѣ, и зашли къ этому купцу; взяли табаку и, заплативъ деньги, побрели домой. Человѣка два изъ нихъ напились, какъ водится, порядочно, потому что для русскаго человѣка слово *гулять* не имѣетъ другаго значенія; другіе, менѣе пьяные, прибрали товарищей на лодку и мирно возвратились на клипперъ. Въ это же время гуляло нѣсколько французскихъ матросовъ по городу; одинъ изъ нихъ зашелъ въ ту же лавку; взялъ себѣ, сколько ему нужно было, табаку, какъ-будто въ своемъ карманѣ, и, не думая заплатить, преспокойно вышелъ. Купецъ за нимъ, крича и жалуясь на такое явное мошенничество. Скоро къ Китайцу пристали товарищи, толпа стала густѣть, крики увеличиваться; казалось, дорого бы пришлось поплатиться Французу, но онъ оборотился къ толпѣ, крикнулъ свое выразительное «Sacré!» и еще выразительнѣе погрозилъ кулакомъ, и толпа храбрыхъ благоразумно отступила. Французъ, не прибавляя нисколько шагу, пошатываясь, достигъ лодки и уѣхалъ съ своими товарищами. Вотъ вамъ черта храбрости Китайцевъ. Они рѣжутъ Европейцевъ, но для этого имъ нужны особыя условія: главное изъ нихъ, чтобъ Европеецъ былъ совершенно безоруженъ; если они увидятъ пистолетъ, даже не заряженный, то не рѣшаются напасть. Сначала высмотрятъ, обойдутъ нѣсколько разъ, не подавая вида, что замышляютъ что-нибудь, и когда насчитаютъ двадцать шансовъ противъ одного, то тогда только рѣшаются на нападеніе. Стремительно бросаются они, убиваютъ, и еще

Digitized by Google

стремительнѣе убѣгаютъ. Нѣсколько подобныхъ случаевъ разсказывалъ мнѣ Рамзей, бывшій при войскѣ во время китайской войны. Старшій докторъ, на мѣсто котораго поступилъ онъ, былъ зарѣзанъ не далеко отъ Кантона. Онъ ѣхалъ верхомъ, задумавшись, и отсталъ отъ своихъ товарищей; нападеніе было такъ быстро, что ѣхавшіе впереди не успѣли оглянуться, какъ ужь онъ лежалъ съ перерѣзаннымъ горломъ, а убійцъ и слѣдъ простылъ. Вотъ какую войну ведутъ Китайцы! Орудіе ихъ: измѣна, подлость, разчетъ на числительную силу. Никакая фантазія не въ состояніи создать типъ героя на данныхъ китайскаго характера. По крайней мѣрѣ такъ было до сихъ поръ.

Продавецъ табаку былъ очень доволенъ, сказавъ комплиментъ Русскимъ. Симпатія Китайцевъ къ намъ, замѣченная мною прежде, подтверждалась нѣсколько разъ въ послѣдствіи; Китаецъ дружелюбно киваетъ нашему матросу, и мимикой показываетъ, что надуваетъ Англичанина или Француза, заставляющаго его работать. Въ каждой лавкѣ Русскаго ждетъ дружескій *чинъ-чинъ*, между тѣмъ, какъ недовѣрчиво смотритъ Китаецъ на пришедшаго къ нему Англичанина. Не знаю, поздравлять ли себя съ подобною симпатіей!.. Въ табачной лавкѣ можно разсмотрѣть весь процессъ куренія опія. На улицѣ часто встрѣчаются физіономіи, съ выраженіемъ тупоумія въ глазахъ, лишенныхъ всякаго блеска, окруженныхъ дряблыми складками кожи, потерявшей энергію; походка этихъ людей неувѣренна. Слѣды преждевременной старости и маразма видны во всѣхъ членахъ; если кого-нибудь изъ нихъ взять за плечо, то даже и намека на мускулъ не почувствуешь въ рукахъ; лица ихъ всегда можно узнать и отличить въ толпѣ. Какъ извѣстно, куреніе опія—одна изъ самыхъ разрушительныхъ страстей; ни пьянство, ни самый раздражающій развратъ, не въ силахъ такъ разшатать организма. Къ тому же куреніе опія очень дорого, и промотавшійся готовъ на все, чтобы достать себѣ этого запрещеннаго плода, потому что страсть къ нему, разъ возбужденную, человѣкъ ничѣмъ не въ силахъ остановить. Къ намъ на клипперъ пріѣзжаетъ каждый день маляръ, курящій опій. Сколько разъ съ сокрушеніемъ говорилъ онъ, что поступаетъ не хорошо; что прежде у него было двѣ жены, бывшія имъ совершенно довольны, а теперь онъ и съ одною не знаетъ что̀ дѣлать; но что не можетъ заснуть, не затянувшись опіемъ. «А какъ затянешься, пріятно?» спросили мы, и онъ въ отвѣтъ зажмурилъ глаза, какъ Маниловъ, и явилъ на

Digitized by Google

своемъ дряблomъ лицѣ выраженіе такого наслажденія, что, кажется, будь подъ рукой опій, самъ бы накурился!

Бóльшая часть привознаго опія приготовляется въ Индіи. Англійскіе и американскіе купцы имѣютъ отличныя суда для его перевозки, и, кромѣ того, держатъ во многихъ бухтахъ и гаваняхъ такъ-называемыя *receiving sheeps*, на которыя складываютъ свой товаръ. Послѣднія извѣщаются быстрыми пароходами о количествѣ везомаго груза. Китайскіе контрабандисты приходятъ изъ ближайшихъ мѣстъ на маленькихъ лодкахъ, хорошо вооруженные и готовые на все, для защиты своего товара, такъ дорого стóящаго. За опіумъ платятъ чистымъ серебромъ (испанскими и американскими талерами); иногда находятъ выгоднымъ мѣнять его на шелкъ сырецъ и чай.

Торговлю опіемъ ведутъ люди, обладающіе большими капиталами и извѣстные за первыхъ негоціантовъ въ свѣтѣ. Торговля эта по наружности даже очень мало похожа на настоящую контрабанду. Правда, что ввозъ опіума и употребленіе его запрещены въ Небесной Имперіи, но запрещеніе это пустой призракъ и на дѣлѣ не имѣетъ никакого значенія. Бóльшая часть мандариновъ употребляютъ опіумъ, лавочки съ опіумомъ гнѣздятся въ самомъ императорскомъ дворцѣ, а можетъ-быть и самъ его небесное величество принадлежитъ къ числу потребителей опіума. Китайское правительство само не хочетъ предпринять дѣйствительныхъ мѣръ противъ этой контрабанды, а для формы издаетъ иногда циркуляры, печатаемые въ пекинской газетѣ; но этихъ циркуляровъ какъ-будто и не замѣчаютъ вѣрноподданные.

Бенгальскій опіумъ, котораго два сорта, *Patna* и *Benares*, всегда хорошъ и чистъ; бомбайскій, такъ-называемый *Malwa*, почти всегда смѣшанъ съ другими ингредіентами. Китайцы его не покупаютъ безъ предварительнаго испытанія; берутъ мѣдною ложечкой небольшой кусокъ и подогрѣваютъ на углѣ. Растаявшій кусокъ пропускаютъ черезъ бумажный фильтръ, и если онъ не проходитъ, то его называютъ *Man ling*, имя, означающее самый дурной опіумъ. Этотъ идетъ по самой низкой цѣнѣ. Если же фильтръ пропускаетъ, тогда смотрятъ внимательно, остается ли что-нибудь на бумагѣ, и если окажется песокъ или грязь, то и это понижаетъ цѣну. Процѣженную жидкость собираютъ осторожно въ мѣдную чашечку и подогрѣваютъ на медленномъ угольномъ жару, до тѣхъ поръ, пока не испарится сырость; тогда уже получается чистый опіумъ. Его собираютъ въ фарфоровыя банки, и судятъ о его относительномъ

Digitized by Google

достоинствѣ по цвѣту. Контрабандистъ, размѣшивая и разсматривая его нѣсколько разъ противъ свѣта, называетъ его:

Tung-kow, если онъ густъ и похожъ на желе;

Pak-chat, когда онъ имѣетъ бѣловатый цвѣтъ;

Hong-chat, когда онъ красенъ, и

Kong-see-pak, если онъ перваго сорта и совершенно походитъ на Benares или Patna.

Для куренія, опіумъ очищаютъ почти такимъ же образомъ. Куритель прислоняетъ свою голову къ подушкѣ, поставивъ передъ собою лампу; довольно длинною иголкой кладетъ онъ не много опіума на огонь и, зажегши его, прикладываетъ къ отверстію трубки. Во все время куренія, трубка держится на огнѣ.

Такъ какъ въ одной трубкѣ не больше двухъ затяжекъ, то привыкшіе къ куренію выкуриваютъ нѣсколько трубокъ.

Едва куритель втянетъ въ себя нѣсколько опійнаго дыма, глаза его оживляются, дыханіе становится спокойнѣе, вялость и боли въ членахъ проходятъ, онъ наслаждается! Вмѣсто вялости чувствуется свѣжесть, вмѣсто отвращенія отъ пищи — аппетитъ; является разговорчивость и откровенность. Но скоро улыбка опять пропадаетъ съ лица, трубка вываливается изъ рукъ, глаза снова пріобрѣтаютъ свой стеклянный видъ, верхнее вѣко опадаетъ, и куритель засыпаетъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ. При разрушившемся здоровьи, у курителя развивается равнодушіе ко всему и тупость умственныхъ способностей; онъ становится забывчивъ, и пренебрегаетъ всѣми обязанностями, и наконецъ слабоуміе овладѣваетъ имъ все больше и больше.

Нѣкоторые говорятъ (Smith), что укороченіе жизни, вслѣдствіе куренія опія, преимущественно замѣтно между бѣдными; на богатыхъ вліяніе это не такъ замѣтно. Это очень можетъ быть, вслѣдствіе многихъ различій въ образѣ жизни тѣхъ и другихъ. При общемъ равнодушіи къ ѣдѣ, курители опія ѣдятъ со вкусомъ только сахаръ и лакомства.

Упреки англійскимъ и американскимъ негоціантамъ за безнравственность этой торговли, конечно, справедливы; но они стали уже общимъ мѣстомъ. Я замѣчу только, что если современемъ Китай будетъ образованнымъ государствомъ, будущій историкъ его укажетъ на торговлю опіемъ, какъ на одинъ изъ главныхъ путей, на которомъ Китай столкнулся съ Европой. Только на этомъ пути они поняли другъ друга, и Китаецъ, долго противившійся всякому сближенію съ образованнымъ міромъ, не устоялъ противъ приманки торговли. Чего

Digitized by Google

не сдѣлали ни миссіонеры, ни дипломатія, ни посольства, то сдѣлалъ опіумъ; имъ завязались торговыя сношенія Китая, а за торговлей идетъ спутникъ ея, образованіе, вмѣстѣ съ силою и смысломъ. Нерѣдко дурными путями достигаются хорошіе результаты. Утѣшительнѣе было бы, еслибы цивилизація вошла въ Китай подъ знаменемъ болѣе гуманнымъ, еслибы напримѣръ многочисленное его населеніе, уразумѣвъ истину проповѣди миссіонеровъ, двинулось впередъ съ этимъ животворнымъ началомъ, но, кажется, пора отказаться отъ этой надежды.

Исторія миссіонеровъ въ Китаѣ есть одна изъ самыхъ интересныхъ страницъ исторіи церкви. Съ одной стороны, она представляетъ безграничное самопожертвованіе, настойчивыя, неимовѣрныя усилія, непрерывные труды, несмотря ни на какія препятствія; съ другой, полное равнодушіе къ новому ученію, совершенную неспособность отрѣшиться отъ мірскихъ дѣлъ для духовнаго созерцанія,—непониманіе и нежеланіе понимать того, что̀ не составляетъ матеріяльной потребности и матеріяльнаго интереса.

Первыя усилія распространить христіянство въ центральной и восточной Азіи относятся къ первымъ вѣкамъ христіянства. Въ V и VI столѣтіи встрѣчаются уже слѣды первыхъ миссіонеровъ, приходившихъ сухимъ путемъ изъ Византіи въ Китай. Эти апостолы шли съ посохомъ въ рукахъ, чрезъ горы и рѣки, чрезъ лѣса и пустыни, терпя нужду и голодъ, и несли святое слово неизвѣстнымъ народамъ. Изъ надписи, найденной въ *Синганфу* (Sin-gan-fu), видно, что еще въ 635 году христіянство уже внесено было въ Китай. Сохранилось преданіе о знаменитомъ *Куо-Тзе-у* (упоминаемомъ и въ этой надписи), героѣ народныхъ сказокъ и театральныхъ представленій. Онъ былъ «ноготь и зубъ государства, ухо и глазъ арміи; онъ поддерживалъ христіянскія церкви, возвышалъ крышу и двери, и украшалъ ихъ, такъ что они уподоблялись фазанамъ, распускающимъ для полета свои крылья. Каждый годъ собиралъ онъ отцевъ и христіянъ четырехъ церквей и угощалъ ихъ скромною пищей. Стекались голодные, и онъ ѣлъ съ ними, приходили замерзающіе, и онъ одѣвалъ ихъ; онъ погребалъ мертвыхъ, успокоивая ихъ въ послѣднемъ жилищѣ...» и такъ далѣе.

Итакъ христіянство процвѣтало въ VII вѣкѣ въ Китаѣ, имѣя въ лонѣ своемъ людей, подобныхъ *Куо-Тзе-у*. Въ это время съ юга началъ распространяться буддизмъ, не требуя умерщвленія плоти во имя духовнаго начала, опре-

Digitized by Google

дѣляя границу загробнымъ мученіямъ для грѣшныхъ, но не обѣщая вѣчнаго блаженства праведнымъ... По буддійскому ученію, со смертію не кончалось все земное, была увѣренность въ переселеніе въ болѣе-высшее существо, была надежда еще разъ насладиться земными благами; а идея самоисчезанія въ безконечномъ была понятнѣе азіятскимъ племенамъ нежели идея безсмертія души. Гдѣ ни сталкивался буддизмъ съ христіянствомъ въ Азіи, онъ всегда оставался побѣдителемъ. Около этого же времени, несторіянцы размножились по всему азіятскому нагорью: въ началѣ IX вѣка, Тимоѳей, патріархъ несторіянцевъ, посылалъ монаховъ на Каспійское море для проповѣди. Во время Чингисъ-Хана, миссіонеры ходили въ Татарію и Китай; они брали съ собою церковную утварь, совершали религіозныя процессіи передъ татарскими князьями, которые принимали ихъ въ своихъ палаткахъ, и позволяли устраивать церкви даже на дворахъ своихъ дворцовъ. Объ этомъ, какъ извѣстно, говорятъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ Плано-Карпини и Рубруквисъ. Плано-Карпини, посланный въ 1246 году Иннокентіемъ IV, перешелъ Донъ и Волгу, и сѣвернымъ берегомъ Каспійскаго моря проникъ въ Монголію. Почти тѣмъ же путемъ, монахъ Рубруквисъ, посланный Лудовикомъ Святымъ, проникъ въ Татарію. Въ Кара-Харумѣ, столицѣ Монголовъ, не далеко отъ дворца, увидѣлъ онъ строеніе съ крестомъ. «Я былъ, говоритъ онъ, внѣ себя отъ восхищенія, и, сначала нѣсколько сомнѣваясь, христіяне ли тутъ, вошелъ съ боязнію, и нашелъ великолѣпноубранный алтарь. На золотой парчѣ видны были изображенія Спасителя, Св. Дѣвы, Іоанна Крестителя и двухъ ангеловъ; платья ихъ изукрашены были брилліянтами. Въ церкви сидѣлъ армянскій монахъ, съ лицомъ, загорѣлымъ отъ солнца, худой, въ грубомъ вретищѣ.» Рубруквисъ нашелъ тутъ много несторіянъ и православныхъ, отправлявшихъ богослуженіе совершенно свободно. Князья и ханы крестились и защищали проповѣдниковъ вѣры. Въ началѣ XIV столѣтія, папа Климентъ V основалъ въ Пекинѣ архіепископство, въ главѣ котораго стоялъ Іоаннъ Монкорвинъ (de Moncorvin), французскій миссіонеръ, проповѣдывавшій тамъ сорокъ два года и оставившій послѣ себя цвѣтущую общину. Время до XV вѣка можно считать первымъ періодомъ исторіи христіянства въ Китаѣ; христіяне находятъ опору въ правительствѣ; имъ не только не мѣшаютъ, а даже способствуютъ.

Digitized by Google

Въ XV вѣкѣ всѣ сношенія съ Китаемъ прекратились. Вниманіе всѣхъ было обращено на вновь-открытый на западѣ міръ; Китай и Зипангри исчезли изъ виду, пока не обнародовались открытія благороднаго Венеціянца, Марко Поло.

Нужно было открывать Китай снова, и честь эта принадлежитъ Португальцамъ. Предпріимчивые мореплаватели ихъ обогнули мысъ Бурь и направились въ Индію, по пути еще неизвѣстному.

Въ 1517 году, Фернандъ д'Андрада, въ качествѣ посла, явился въ Кантонъ, снискалъ дружбу намѣстника, заключилъ съ нимъ выгодный трактатъ и такимъ образомъ возобновилъ сношенія Китая съ Европою.

Португальцы, истребивъ какого-то страшнаго пирата, опустошавшаго берега Небесной Имперіи, оказали тѣмъ Китаю большую услугу. Въ благодарность за это, императоръ уступилъ имъ одинъ полуостровъ, состоявшій однако лишь изъ нѣсколькихъ дикихъ скалъ. На этихъ скалахъ возникъ Макао, который долгое время былъ единственнымъ торговымъ пунктомъ въ сношеніяхъ съ Небесною Имперіей. Гонъ-Конгъ, возникшій также на дикихъ камняхъ, убилъ Макао, который живетъ теперь только воспоминаніями прежней славы; въ немъ осталось нѣсколько старинныхъ хорошихъ домовъ, которые стоятъ пустыми, и скоро, можетъ-быть, опять европейскія суда, проходя мимо Макао, увидятъ однѣ голыя скалы и рыбака, просушивающаго на нихъ свои сѣти. Но миссіонеръ охотно посѣтитъ эти развалины. Здѣсь былъ краеугольный камень созидаемой церкви, отсюда шли новые апостолы на проповѣдь въ Китай, Японію, Кохинхину, Корею, Татарію и Тонкинъ.

Въ концѣ XVI столѣтія, знаменитѣйшій изъ учениковъ Франциска Ксаверія, возымѣвшаго мысль проповѣди въ Азіи, Матвей Ричи пришелъ въ Китай въ концѣ XVI столѣтія, но миссіонеры не нашли тамъ и слѣдовъ христіянства; посѣянныя сѣмена были развѣяны, и даже въ преданіяхъ народа не сохранилось ни малѣйшаго воспоминанія о миссіонерахъ!..

Дѣло надо было начинать снова. Отецъ Ричи заключалъ въ себѣ все для этого труднаго предпріятія. «Тотъ долженъ имѣть смѣлое, неутомимое, но мудрое, терпѣливое, медленное и притомъ дѣйствительное рвеніе, кого назначилъ Богъ быть апостоломъ въ странѣ раздражительной и подозрительной. Нужно было имѣть, дѣйствительно, возвышенное сердце, чтобы начать дѣло, совершенно разрушенное и успѣть воспользоваться таки-

Digitized by Google

ми малыми пособіями. Нужно было имѣть возвышенный духъ, глубокое и рѣдкое знаніе, чтобы пріобрѣсть уваженіе людей, которые привыкли уважать только себя.» Эти слова одного миссіонера даютъ понятіе о подвигѣ Ричи и бросаютъ яркій свѣтъ на самую страну и на тѣ затрудненія, которыя происходили отъ характера ея жителей. Послѣ двадцати лѣтъ терпѣнія и труда, Ричи видѣлъ только преслѣдованія и одно безплодное вниманіе немногихъ слушателей. Наконецъ онъ былъ принятъ при дворѣ; обращенія къ христіянству стали чаще, и во многихъ мѣстахъ начали воздвигаться церкви; умирая, онъ имѣлъ утѣшеніе оставить хорошо-устроенную общину и ревностныхъ миссіонеровъ, взявшихъ подъ защиту науку и искусства, ради успѣха проповѣди.

Въ 1687 году прибыли въ Нинъ-По французскіе миссіонеры, іезуиты, отцы de Fontancy, Tachard, Gerbillon, Le Comte, de Visdelou и Bouvet. Они отправились въ Пекинъ, гдѣ скоро пріобрѣли уваженіе и удивленіе народа и высшихъ сословій за добродѣтель и знанія. Императоръ подарилъ имъ домъ въ Желтомъ городѣ, не вдалекѣ отъ своего дворца, чтобы чаще видѣться съ ними. Черезъ нѣсколько времени далъ имъ еще земли для постройки большой церкви, и, въ доказательство своего расположенія, самъ сочинилъ надпись для фронтисписа, въ честь Вѣчнаго Бога.

Императоръ Канъ-Хи объявилъ себя офиціяльно защитникомъ христіянской религіи; его примѣру слѣдовали князья и мандарины; число обращавшихся умножалось быстро по всей имперіи; во многихъ мѣстахъ строили церкви и часовни, и народъ, не боясь преслѣдованій, крестился и свободно исповѣдывалъ новую вѣру.

Но іезуиты не умѣли удержаться на своемъ мѣстѣ, и такое положеніе дѣлъ было не продолжительно. Безпрестанныя ссоры ихъ съ послѣдователями Конфуція, интриги при дворѣ, жалобы, наконецъ исканіе духовнымъ путемъ чисто житейскихъ цѣлей, все это было причиной охлажденія къ нимъ императора. Наслѣдникъ же Канъ-Хи, Юнгъ-Тчинъ, началъ настоящія гоненія. Онъ излилъ на христіянъ всю злобу, накопившуюся въ душѣ его во время послѣдняго царствованія. Церкви снова были разрушены, общины христіянскія разсѣяны, миссіонеры изгнаны.

Черезъ два года де-Малья писалъ во Францію: «Что долженъ я писать къ вамъ въ томъ униженномъ положеніи, въ которомъ нахожусь теперь? Какъ описать вамъ грустныя сцены,

Digitized by Google

разыгрывающіяся въ глазахъ нашихъ? Чего мы нѣсколько лѣтъ опасались, что̀ часто предсказывали, то наконецъ исполнилось. Наша религія въ Китаѣ преслѣдуется; всѣ миссіонеры, кромѣ двухъ въ Пекинѣ (они были математики и удержаны тамъ какъ ученые), изгнаны изъ государства; церкви разрушены и употребляются для грязныхъ службъ; издаютъ эдикты, въ которыхъ грозятъ строгимъ наказаніемъ Китайцамъ за принятіе крещенія. Вотъ положеніе, достойное жалости, въ которомъ находится миссія, послѣ двухсотлѣтнихъ усилій и столькихъ трудовъ!»

Китайцы, твердые въ своихъ старыхъ преданіяхъ, мало выказали энергіи въ дѣлѣ вѣры; христіянство не пустило корней въ этой безплодной почвѣ.

Долгое царствованіе Кіенъ-Лона (Kien-long) напомнило было времена Канъ-Хи; миссіонеры снова получили значеніе, распространеніе Евангелія продолжалось, иногда только терпимое, иногда защищаемое. Но политическія дѣла Европы снова помѣшали развитію миссіи, и едва совсѣмъ не потухъ свѣтъ вѣры на крайнемъ Востокѣ. Во время революціи о немъ забыли. Миссіонеры умирали и некому было наслѣдовать имъ, а Китайцы-христіяне, предоставляемые самимъ себѣ, выказали много слабости при гоненіяхъ, возникшихъ вновь со вступленіемъ на престолъ Кіа-Кинга.

Несмотря на такія неудачи и несбывшіяся надежды, католическая миссія не теряла мужества. Едва обстоятельства улучшились, поборники Евангелія снова переплыли моря, разсѣялись по всей странѣ, ревностно отыскивая остатки вѣры, старались возродить въ бывшихъ христіянахъ упадшій духъ и энергію, и продолжали на своемъ апостольскомъ странствованіи новый посѣвъ. Первою ихъ заботой было собрать разрозненныхъ христіянъ, и укрѣпить ихъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Тридцать лѣтъ прошло, и, въ тишинѣ, образовались новыя общины. Изъ восьмнадцати провинцій Китая, въ это время каждая имѣла викаріатство, при которомъ основывалось нѣсколько школъ для воспитанія дѣвочекъ и мальчиковъ, семинарія для образованія молодыхъ духовныхъ, и общества для крещенія умирающихъ дѣтей и для пріюта оставленныхъ.

Миссіонеры тайно, со всею предосторожностію, проникаютъ внутрь государства; не возбуждая подозрѣнія, ходятъ они отъ общины къ общинѣ, обучая новоизбранныхъ, совершая таинства и всячески поддерживая рвеніе учителей и учениковъ Каждая община имѣетъ своего главу, который

Digitized by Google

выбирается изъ болѣе-достойныхъ; онъ имѣетъ непосредственное вліяніе на вѣрующихъ, знакомитъ ихъ съ истинами религіи, и побуждаетъ отказываться отъ суевѣрія буддизма.

Этой системѣ слѣдуютъ католическіе миссіонеры; результаты есть, но очень слабые, число христіянъ увеличивается медленно. А какъ тверды эти христіяне въ своей вѣрѣ, мы это видѣли; небольшое дуновеніе вѣтра, и все зданіе, на которое употреблено столько усилій, разваливалось, и слѣда отъ него не оставалось. По свидѣтельству миссіонеровъ, въ Китаѣ *800.000* христіянъ,—цифра очень незначительная въ отношеніи къ народонаселенію (300.000.000 жителей), и то, по всему вѣроятію, цифра эта преувеличена.

Протестантскіе миссіонеры ограничивали свою дѣятельность городами Макао и Кантономъ, но послѣ Нанкинскаго трактата они распространили ее нѣсколько далѣе. Миссіонеры-врачи дѣйствуютъ вмѣстѣ съ ними и приносятъ большую пользу, излѣчивая господствующія въ странѣ болѣзни и поучая въ то же время слову Божію. Протестанты распространяютъ въ безчисленныхъ экземплярахъ переведенную на китайскій языкъ Библію, чему особенно содѣйствовалъ Медгерстъ (Medhurst), извѣстный знатокъ китайскаго языка; онъ привезъ въ Шанхай типографію, и самъ печатаетъ проповѣди и Священное Писаніе. Въ Шанхаѣ же славился госпиталь доктора Локкарта (Lockhart, отъ Лондонскаго миссіонерскаго общества), постоянно полный Китайцами, которыхъ лѣчили безденежно и со всевозможнымъ стараніемъ.

Но, несмотря на все это, большинство равнодушно ко всякой религіи.

Естественно возникаетъ вопросъ, отчего такая безплодность проповѣди? Конечно, неблаговоленіе правительства имѣетъ въ этомъ случаѣ большое вліяніе; боязливые и малодушные Китайцы не смѣютъ нарушить запрещенія; но, кажется, можно было бы убѣдить *Сына Неба* дозволить свободу вѣроисповѣданія, потому что въ сущности онъ равнодушенъ ко всякому вѣрованію; ограничиваясь внѣшними обрядами, онъ, вмѣстѣ съ дворомъ и со всѣмъ народомъ, ни во что̀ не вѣритъ. Императоръ Тао-Куангъ, при восшествіи на престолъ, объявилъ, что допускаетъ всѣ вѣроисповѣданія, включая и христіянство, прибавивъ, что всѣ религіозныя убѣжденія чистый вздоръ, и что самое лучшее ни во что̀ не вѣрить.

Китаецъ можетъ быть про себя послѣдователемъ Будды,

Digitized by Google

Конфуція, Лао-дзы, или Магомета; запрещаются только секты, имѣющія политическую цѣль. Къ несчастію, христіянство причисляется къ послѣднимъ, и трудно дать точное и вѣрное понятіе о немъ правительству. На миссіонеровъ смотрѣли какъ на основателей тайныхъ обществъ, и чѣмъ болѣе обнаруживали они рвенія и симпатіи, тѣмъ боязливѣе, недоброжелательнѣе и подозрительнѣе становилось правительство, смотрѣвшее на это съ своей точки зрѣнія, и само не ставившее ни во что религіозные интересы. Въ его глазахъ, смѣшно было предпринимать далекое путешествіе и претерпѣвать столько лишеній для того, чтобы безденежно учить молитвамъ и средству спасти свою душу. Оно видѣло, что Европейцы, проповѣдывающіе христіянство, вездѣ владычествуютъ, гдѣ бы ни поселились. Оно видѣло Испанцевъ на Филиппинскихъ островахъ, Голландцевъ на Явѣ и Суматрѣ, Португальцевъ по близости, и Англичанъ вездѣ.

Въ 1724 году, еще императоръ Юнгъ-Тчинъ говорилъ патеру де-Малья (de Mailla) между прочимъ: «Вы говорите, что ваше ученіе истинно; я вѣрю вамъ; еслибъ я его считалъ за ложное, кто бы мнѣ помѣшалъ разрушить ваши церкви и прогнать васъ? Лживое ученіе то, которое подъ маской добродѣтели дышитъ духомъ возстаній и бунта, какъ ученіе *Пелѣнъ-кіао* (секта бѣлыхъ ненюфаровъ). Но что скажете вы, если я къ вамъ, въ вашу страну пришлю своихъ бонзъ и ламъ проповѣдывать? Какъ вы ихъ примете? Вы хотите, чтобы всѣ Китайцы сдѣлались христіянами? Я знаю, ваше ученіе этого требуетъ; но что изъ этого выйдетъ? Они сдѣлаются подданными вашихъ королей. Люди, которые васъ слушаютъ, знаютъ однихъ только васъ. Во время возстанія они будутъ слушать только вашъ голосъ. Я знаю, что теперь нечего бояться; но когда корабли начнутъ приходить изъ-за тысячи миль, тогда безпорядки будутъ большіе...»

Безпрестанныя преслѣдованія конечно были достаточными препятствіями для обращенія Китайцевъ, но это не главное; было время, когда преслѣдованій не было. Канъ-Хи самъ писалъ въ пользу христіянства; строилъ церкви, и проповѣдники могли, снабженные императорскими письмами, разъѣзжать по цѣлой странѣ, и даже сами могли оказывать покровительство. Но, несмотря на это, кромѣ холодности и равнодушія, они ничего не нашли въ народѣ.

Въ пяти портахъ, открытыхъ Европейцамъ, существуетъ со-

Digitized by Google

вершенная свобода вѣроисповѣданій; она поддерживается европейскими консулами и постояннымъ присутствіемъ военныхъ судовъ, и при всемъ томъ число христіанъ не увеличивается больше, нежели во внутреннихъ провинціяхъ. Въ Манильѣ, Сингапурѣ, Батавіи, Пуло-Пенангѣ, гдѣ большинство народонаселенія состоитъ изъ Китайцевъ, конечно, не боятся преслѣдованій, но и здѣсь число прозелитовъ не прибываетъ. Въ Манильѣ, правда, Китаецъ крестится, чтобы жениться на Тагалкѣ, безъ этого вѣнчать не станутъ; но онъ, при этомъ условіи, такъ же охотно сдѣлался бы магометаниномъ. Если ему приходится возвращаться въ Китай, то онъ оставляетъ жену, дѣтей и религію, и приходитъ домой такъ, какъ ушелъ оттуда, то-есть безъ вѣры и безъ мысли о душѣ и безсмертіи. Матеріялизмъ въ природѣ Китайца, и это, конечно, главная и единственно важная причина медленнаго распространенія христіанства въ Китаѣ. Китаецъ погруженъ въ ежедневные свои интересы; выгода и барышъ—его единственная цѣль, къ которой устремлены всѣ его желанія. Духовному онъ не вѣритъ, не занимается и не хочетъ имъ заниматься. Если онъ и читаетъ религіозную книгу, то читаетъ изъ любопытства, для развлеченія, чтобъ убить время; она служитъ для него такимъ же занятіемъ, какъ куреніе табаку, или питье чаю. Въ своемъ равнодушіи ко всему нематеріяльному, Китайцы зашли такъ далеко, что они даже не заботятся, истинно ли ученіе вѣры или нѣтъ, хорошо или дурно; религія у нихъ — мода, которой можно слѣдовать и не слѣдовать. И миссіонеры, послѣ столькихъ усилій и труда, имѣютъ одно утѣшеніе сказать, что гласъ ихъ раздается въ пустынѣ.

А между тѣмъ дѣла съ опіемъ пошли очень быстро!.. Впрочемъ, этотъ предметъ такъ обширенъ, что можетъ повести слишкомъ далеко; а мы еще не дошли до конца узкой улицы, на которой можетъ-быть натолкнемся на что-нибудь другое.

Вотъ еще лавчонка; слышенъ звукъ серебра, не мѣняло ли? Войдемъ. Въ лавкѣ видно торгуютъ столярными произведеніями. Доски, ящики, весла, запахъ крѣпко-душистаго дерева. Два Китайца, сидя на корточкахъ, близь горящихъ углей, кладутъ клейма на американскіе и испанскіе доллары; одинъ приложитъ клеймо, другой хватитъ молотомъ, и долларъ летитъ со звономъ въ сторону, гдѣ набросана ихъ уже порядочная куча. Хозяинъ лавки, вѣроятно, банкиръ. Въ Китаѣ, изъ иностранныхъ монетъ ходятъ только серебряныя, преимущественно

Digitized by Google

американскіе доллары и испанскіе талеры, и только тѣ, которые имѣютъ штемпель какого-нибудь китайскаго банкира, пользующагося кредитомъ. Между ходячею монетой очень много фальшивой, и расплачиваться съ Китайцемъ совершенная мука: всякую монету онъ непремѣнно взвѣситъ на рукѣ, и какъ скоро она покажется ему сомнительною, звякнетъ ею по полу, разсмотритъ, подумаетъ, конца нѣтъ!

Улица упирается въ стѣну, некуда идти, нѣтъ исхода изъ этого корридора, нѣтъ простора, гдѣ бы можно было хоть вздохнуть порядочно. Пройдемте черезъ узенькій проходъ, который мы и не замѣтили бы, но намъ указалъ его шедшій сзади насъ лодочникъ. Прошли, но и тамъ, сейчасъ за домами, тянется каналъ, весь покрытый тѣсно-столпившимися лодками и *шампанками*; на каждой своя семья, домъ, своя посуда, свое грязное бѣлье, и разная нечистота, несмотря на домовитыя усилія хозяекъ, моющихъ и вытирающихъ всѣ углы своего качающагося жилища. Въ этотъ каналъ, дома, смотрящіе на улицу каменными фасадами, упираются деревянными клѣтушками и надстройками на высокихъ сваяхъ. Не заглядывайте въ тѣнь этихъ свай, въ затишье этихъ зеленыхъ водъ... Но по крайней мѣрѣ за каналомъ блеститъ изумрудная зелень рисоваго поля, а за полемъ группы деревьевъ, изъ-за которыхъ поднимаетъ свою остроконечную верхушку высокая пагода. Дальше разливы и изгибы широкой рѣки, блещущей какъ сталь, или какъ отливъ черныхъ волосъ; еще дальше воздушныя громады рисующихся горъ, съ ихъ легкими контурами, съ переливами и игрой красокъ и тѣней; на нихъ игралъ послѣдній лучъ заходившаго солнца, все это было поразительно хорошо и отрадно, по выходѣ изъ смрадной, тѣсной и грязной улицы.

На клипперъ возвращаться было еще рано, мы зашли посидѣть на балконѣ космополита-трактирщика. У него есть и жена, единственная женщина въ европейскомъ костюмѣ во всемъ Нью-Таунѣ (семейство Купера живетъ на блокшивѣ); но эта единственная представительница европейскаго нѣжнаго пола не можетъ похвалиться ни красотой, ни граціей.

Съ балкона прекрасный видъ; видны почти всѣ суда, стоящія по рѣкѣ, противоположный берегъ съ доками и холмами, а вдали лѣса и горы. На рѣкѣ движеніе; нѣсколько китайскихъ джонокъ идутъ по теченію, одна за другой, нагруженныя до послѣдней возможности; на ставшихъ на якорѣ джонкахъ началась вечерняя музыка; иногда послы-

Digitized by Google

шится послѣдовательное лопанье чинъ-чина, носовой крикъ разнощика, что-то продающаго на своей небольшой лодочкѣ и появляющагося только по вечерамъ, а иногда и ночью. «Каато!» вдругъ раздается среди ночной тишины у самаго клиппера, и кто-нибудь, еще не заснувъ, узнаетъ по носовому и дребезжащему звуку знакомаго, но загадочнаго разнощика; во все время нашей стоянки никто не могъ догадаться, чѣмъ торговалъ онъ.

Гдѣ-нибудь на лѣсенкѣ, спустивъ свои ноги въ воду, задумался меланхолическій Китаецъ. Тихо напѣваетъ онъ грустную пѣсню... «Самъ, самъ, амъ, амъ...» напѣваетъ онъ, и можетъ-быть это самыя чувствительныя слова; въ нихъ выражаетъ онъ свои воспоминанія о родинѣ, о далекомъ дѣтствѣ, о первой любви. Точно такъ же непонятенъ и недоступенъ Китайцу самый выразительный мотивъ Россини! Внезапною ли грустью вдругъ охватилось его сердце, накипаютъ ли горячія слезы на взволнованной душѣ его? Или тихою грустью откликнулось прошедшее, уничтоженное счастіе? Однообразно идутъ дни его, бѣдность давитъ, потребность механической работы сводитъ человѣка на степень животнаго: гдѣ же исходъ, гдѣ утѣшительный свѣтъ вдали, гдѣ спасительное слово? Грустно, если у нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ людей не гнѣздится въ душѣ никакихъ вопросовъ жизни, и если нѣтъ возможности отвѣчать на нихъ хотя сколько-нибудь.

На нашей лодкѣ, привязанной у пристани, идутъ разговоры; хозяйка все еще угощаетъ гостью свою чаемъ; мальчикъ помахалъ зажженною бумагой надъ водой, и потомъ, бросивъ ее въ тихоплещущія волны, свернулся калачикомъ и смирно заснулъ. Атомъ и его маленькая гостья давно уже спятъ. Съ противоположнаго берега долетаютъ звуки трубы, играющей вечернюю зорю; съ судовъ свистки, дающіе знать о какомъ-нибудь движеніи; иногда прошумитъ канонерка, спѣшащая за чѣмъ-то въ Кантонъ, и черная полоса дыма далеко стелется за нею. Скоро все успокоивается, кромѣ тазовъ и тарелокъ воинственныхъ джонокъ; онѣ еще не скоро угомонятся, потому что теперь новолуніе, и ему хотятъ воздать подобающую честь.

Такъ проходили дни за днями.

21-го сентября мы оставили наконецъ гонъ-конгскій рейдъ, и снова начались штормы, качки, и вся та благодать, которая называется «впечатлѣніями морской жизни».

А. Вышеславцевъ.

Digitized by Google

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ВО ФРАНЦІИ

Histoire du Droit Criminel des peuples modernes, considérée dans ses rapports avec les progrès de la civilisation, par Albert du Boys. Paris. Auguste Durand.

Всѣмъ извѣстно, что во французской историко-политической литературѣ замѣчается, въ послѣднее время, стремленіе изслѣдовать источники того начала излишняго администрированія и чрезмѣрной централизаціи, которое, въ послѣднія два столѣтія и особенно со временъ кардинала Ришлье, отравляло политическую жизнь Франціи; но мы не знаемъ, чтобы подобное стремленіе высказывалось, или подобный вопросъ развивался кѣмъ-либо изъ французскихъ юристовъ; между тѣмъ, именно въ судебной сферѣ, болѣе чѣмъ во всякой другой, интересно было бы прослѣдить постепенное возрастаніе централизаціи, которая мало-по-малу парализировала всякое проявленіе индивидуальной дѣятельности въ народѣ. Вообще трудно отдѣлить политическое устройство страны отъ юридическаго. Характеръ правленія всегда отражается болѣе или менѣе на законахъ. Главное зло — и это зло особенно замѣтно и особенно сильно у Французовъ—заключается здѣсь въ томъ, что законъ не проистекаетъ изъ народной жизни, а постановляется извнѣ. Это зло у Французовъ до того укоренилось, что ничего другаго они такъ не боятся и ничего такъ не стараются избѣ-

Digitized by Google

гать, какъ чистаго дѣйствія закона. Этого не отрицаетъ ни одинъ изъ мыслителей ихъ, ни одинъ изъ ихъ писателей. Можно поэтому признать за неоспоримый фактъ слѣдующую характеристическую черту, отличающую франкское племя отъ племени англо-саксонскаго: въ то время, какъ Англичанинъ уважаетъ свои законы, свято чтитъ ихъ и повинуется имъ, съ чувствомъ удовольствія, Французъ, напротивъ того, какъ будто полагаетъ, что совершаетъ великую заслугу передъ человѣчествомъ, когда сопротивляется законамъ. Франція принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ странъ на свѣтѣ, гдѣ законъ считается чѣмъ-то несовмѣстнымъ съ широкимъ развитіемъ свободы. Замѣчательно, что такой взглядъ составляетъ совершѣнную противоположность съ англійскою системой: по англійскимъ понятіямъ, законъ есть выраженіе права, тогда какъ по мнѣнію Французовъ законъ не что иное какъ тираннія. Это не наше личное мнѣніе; это простое изложеніе факта, противъ котораго, сколько намъ кажется, никто не станетъ спорить. Французъ не любитъ закона и всякими средствами старается обходить его, сопротивляться ему и даже уничтожать его. Таковъ фактъ французской жизни. Такъ поступали Французы при всякомъ правительствѣ: какъ во время неограниченнаго самодержавія Лудовика XIV, такъ и во время императорскаго деспотизма Наполеона, такъ и въ обѣ революціи, въ ужасную революцію 1789 года и въ сентиментальную и беззаботную революцію 1848 года, такъ наконецъ и во время реставраціи, или во время парламентаризма, при Лудовикѣ-Филиппѣ. Несмотря на различныя политическія формы правительства, Французы всегда показывали одно и то же отвращеніе къ своимъ законамъ, одно и то же желаніе—не повиноваться имъ. Когда Англичане считаютъ себя обязанными стать въ сильную и упорную оппозицію противъ какой-либо мѣры исполнительной власти, то прочнѣйшимъ основаніемъ такой оппозиціи служитъ имъ *законъ; права* Англичанъ заключаются въ законѣ. Когда же Французы увлечены революціей, то они возстаютъ прежде всего на законъ и прежде всего стремятся ниспровергнуть законъ. Такое положеніе вещей въ великой странѣ, которая живетъ въ нелюбви къ законамъ, нападая на нихъ, отрицая и отмѣняя ихъ всякій разъ, какъ только представляется ей къ тому случай, безспорно заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Мы желали бы также привлечь вниманіе читателей и на дру-

Digitized by Google

гой пунктъ. Законъ, уважаемый во Франціи менѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, нигдѣ не отличается такимъ единообразіемъ, какъ въ той же Франціи. Взглянувъ на Англію, найдемъ, напротивъ, что законъ, уважаемый въ Англіи, быть-можетъ, болѣе чѣмъ въ какой бы то ни было странѣ цивилизованнаго міра, именно характеризуется здѣсь чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Если политическія учрежденія, чтобы быть прочными, должны быть ничѣмъ болѣе, какъ только постепеннымъ и полнымъ развитіемъ народныхъ потребностей и обычаевъ, то и законы, чтобы народъ повиновался имъ и глядѣлъ на нихъ какъ на дѣйствительную свою охрану, должны быть прежде всего освященіемъ обычаевъ, мѣстныхъ и общенародныхъ. Когда законъ освящаетъ собою давно-существующій обычай, онъ имѣетъ право на существованіе преимущественно передъ всѣми законами «ученѣйшихъ докторовъ»; онъ, въ подобныхъ случаяхъ, до такой степени является *дѣломъ самого народа*, что всякій его нарушитель остается одинокимъ и даже возстановляетъ противъ себя все общество. Но гдѣ законы происходятъ изъ разныхъ комбинацій и рѣшеній теоретиковъ, тамъ всякій нарушитель закона можетъ смѣло разчитывать на общественное сочувствіе, и (какъ это постоянно бываетъ во Франціи) законъ страдаетъ въ своемъ достоинствѣ и въ своей способности совершать добро.

Имѣя дѣло съ какимъ-либо пунктомъ англійскаго права, французскій *юрисконсультъ* выразитъ прежде всего безграничное удивленіе при видѣ страны, которая терпитъ массу постановленій, такъ безнадежно перемѣшанныхъ и перепутанныхъ. «У васъ нѣтъ *кодекса*, какъ у насъ; у васъ нѣтъ единаго и единообразнаго *кодекса*, равно примѣнимаго ко всѣмъ лицамъ и ко всѣмъ проступкамъ!»—вотъ что будетъ у него первымъ крикомъ отчаянія; и онъ сочтетъ знакомъ очевидной отсталости, что съ живыми человѣческими существами не поступаютъ такъ, какъ съ математическими величинами. Онъ не вдругъ даже повѣритъ существованію, напримѣръ, какого-нибудь стариннаго закона Шотландіи: такъ чудовищенъ и дикъ онъ ему покажется; потомъ, когда фактъ этого существованія, продолжающагося и въ нашъ «просвѣщенный вѣкъ», будетъ ему доказанъ, онъ не будетъ знать, что ему подумать объ этой несчастной странѣ; онъ будетъ серіозно удивляться, какъ это можетъ какое бы то ни было общество существовать при такомъ управленіи. А между тѣмъ ни одинъ мыслитель по другую сто-

Digitized by Google

рону Канала не задумается сказать, какая система практически дѣйствуетъ лучше, и жители Великобританіи находятъ для себя очень пріятнымъ нести на себѣ всю эту массу запутанныхъ, *нелѣпичныхъ*, даже нелѣпыхъ законовъ, какими могутъ они казаться ихъ сосѣдямъ, и которые между тѣмъ разрослись такъ сильно и самобытно, что добровольное подчиненіе имъ вызываетъ общее одобреніе, а попытка обойдти ихъ дѣйствіе неизбѣжно становится *непопулярною*.

Во Франціи юридическія учрежденія, точно такъ же какъ и политическія, не возникаютъ изнутри народной жизни, а навязываются народу извнѣ. Законъ дѣйствуетъ тамъ на общество и противъ него, никогда не дѣйствуетъ вмѣстѣ съ нимъ; во Франціи слишкомъ законодательствуютъ, такъ же точно какъ слишкомъ управляютъ; во Франціи всему покровительствуютъ и всего менѣе покровительствуютъ свободѣ Французовъ. Отъ колыбели до могилы, Французы съ великимъ трудомъ пролагаютъ себѣ путь въ какомъ бы то ни было актѣ своей жизни. При рожденіи своемъ, при бракосочетаніи, при смерти, при всякой случайности въ жизни, хотя бы самой ничтожной, Французъ прежде всего имѣетъ дѣло съ *кодексомъ;* онъ можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности передъ судомъ за совершеніе или несовершеніе формальностей, равно незначительныхъ и въ томъ случаѣ, когда онѣ выполняются, и въ томъ, когда онѣ не соблюдаются. *La légalité nous tue!* (1) очень справедливо замѣтилъ одинъ изъ депутатовъ въ правленіе Лудовика-Филиппа. И дѣйствительно, Французы безъ нужды опутаны кругомъ безчисленными нитями обширной законодательной ткани: удивительно ли послѣ того, что они ее ненавидятъ? Но откуда же это черезмѣрное законодательствованіе, проистекающее не изъ обычаевъ народныхъ и нисколько имъ не сочувственное? «Нельзя отрицать, что въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ, говоритъ г. Дюбуа, появилась въ европейскомъ обществѣ реакція въ пользу язычества, и вліяніе его болѣе всего сказалось въ образованіи нашихъ общественныхъ учрежденій; въ это время германское начало ослаблялось, день за день, вслѣдъ за прогрессомъ цивилизаціи! Отъ стариннаго хода дѣлъ осталось намъ теперь одно лишь воспоминаніе о нѣкоторыхъ льготахъ и мѣстныхъ преданіяхъ.» Любопытно прослѣдить, какъ обая-

(1) Законность губитъ насъ!

Digitized by Google

тельно дѣйствовало на Французовъ римское начало единообразія и излишней централизаціи, начиная съ семнадцатаго столѣтія; это начало тайно овладѣвало всякимъ, кто только стремился во Франціи сдѣлаться законодателемъ или государственнымъ человѣкомъ. Генрихъ IV, послѣдній король Франціи, понимавшій, что народъ, чтобъ удержать за собою мѣсто въ средѣ другихъ народовъ, долженъ жить самостоятельною жизнію, Генрихъ IV поддерживалъ существованіе всѣхъ истинно-народныхъ преданій, всѣхъ мѣстныхъ обычаевъ; и еслибъ ему и его министру Сюлли подражали въ теченіе слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ другіе государи и государственные люди, то они оставили бы Франціи основы законодательнаго зданія, которымъ не доставало бы, безъ сомнѣнія, совершеннаго единства нынѣшняго кодекса, но которыя уважались бы народомъ и дѣлали бы нарушителей закона непопулярными.

Положительныя законодательства современнаго намъ образованнаго міра имѣютъ два главные источника: преданіе и римское право. Преданіе вдохновляетъ собою законодателей пропорціонально той степени, въ какой страна созрѣла для независимости и самоуправленія; римское право преобладаетъ тамъ, гдѣ государственное начало исключаетъ собою начало народное. Это именно и было прогрессивнымъ явленіемъ во французской исторіи. При династіи Валуа, между Лудовикомъ XII и Генрихомъ III, мы видимъ, что народъ дѣятеленъ и вполнѣ готовъ самъ взяться за свое дѣло, мы видимъ, что роль «правительства» была лишь второстепенною ролью. Нѣтъ сомнѣнія, что Генрихъ IV оставилъ послѣ своей смерти независимую страну, цѣльный организмъ, состоявшій изъ живыхъ, могучихъ и взаимно уравновѣшивавшихся силъ, которыя, вмѣстѣ взятыя, образовали національное тѣло, народъ. До смерти Генриха IV французская *нація* занята была своимъ развитіемъ. Съ кардиналомъ Ришелье мы вдругъ приходимъ къ идеѣ *государства*. Нисколько не желая уменьшать политическое величіе кардинала Ришелье (которое неоспоримо), мы должны, однако, замѣтить, что онъ болѣе, быть-можетъ, чѣмъ кто-либо изъ его преемниковъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что государство будто бы можетъ быть создано, образовано, моделировано, одушевлено личною волей одного какого-либо рѣшительнаго человѣка или небольшаго числа рѣшительныхъ людей, что эта личная воля можетъ заставить его жить и дѣйствовать независимо отъ природныхъ

Digitized by Google

наклонностей и обычаевъ народонаселенія. Со временъ Ришелье началась эта манія (другаго имени она не заслуживаетъ), до настоящей минуты владѣющая всѣми французскими законодателями и политиками, — та манія, которая во всякой живой народной силѣ видитъ нѣчто отвлеченное, и съ живыми человѣческими существами обращается какъ съ простыми математическими величинами. Лудовикъ XIV объявляетъ, что *государство* олицетворяется въ немъ, и повелительно провозглашаетъ принципъ, что король есть государство. Въ то же время онъ обращается къ Риму, какъ къ источнику всякаго законодательства; при содѣйствіи узкихъ и догматизирующихъ теоретиковъ, въ родѣ Кольбера, Лувуа и немногихъ другихъ, день и ночь сидитъ онъ (этотъ фактъ еще не всѣмъ извѣстенъ) за составленіемъ компактнаго и единообразнаго кодекса, *le Code Louis*, въ которомъ одно только было совершенно забыто — потребности, вкусы, привычки, обычаи и преданія тѣхъ самыхъ людей, которые подлежали управленію и законодательству. Конвентъ продолжаетъ эту самую систему, въ которую вошли всѣ теоретическія понятія *великаго короля* (le grand roi); онъ даже еще болѣе пристрастенъ къ идеѣ *государства* (слово, иногда замѣняемое другимъ словомъ — *отечество*, la patrie); онъ дѣйствуетъ еще отвлеченнѣе; онъ еще рѣзче примѣняетъ къ людямъ понятіе о математическихъ величинахъ, и обращается къ Риму уже съ такимъ благоговѣніемъ и поклоненіемъ, что, при особенно-торжественныхъ случаяхъ, облекаетъ своихъ самодѣльныхъ *народныхъ трибуновъ* въ одежды римскаго гражданина. Конвентъ боготворитъ классическія преданія; мѣрами, въ которыхъ, по его мнѣнію, осуществлялось либеральное движеніе, онъ водворяетъ господство самаго отвлеченнаго деспотизма, котораго тираническій характеръ не былъ замѣченъ единственно благодаря его безличности. Что̀ касается до консульства и имперіи, то здѣсь уже чистѣйшій Римъ. Въ Наполеонѣ воплощается *государство* столько же, какъ и въ Лудовикѣ XIV; сухіе теоретики, руководимые полномочнымъ архи-теоретикомъ, стоящимъ во главѣ ихъ, болѣе чѣмъ когда-либо задавливаютъ, запугиваютъ, угнетаютъ Францію и лишаютъ ее буквально всякой жизни, избыткомъ управленія и законодательства. Республиканцы, революціонеры, солдаты, имперіялисты, роялисты реставраціи, конституціоналисты іюльской монархіи, соціялисты 1848 года, декабристы нынѣшняго правительства, всѣ принимаютъ административную и юридическую централизацію за необхо-

Digitized by Google

дность, за такую вещь, которою Франція можетъ по справедливости гордиться; всѣ составляютъ свои теоріи по одному и тому же догматическому рецепту; всѣ равно стремятся сжать всю страну путами единаго кодекса, къ которому сама страна, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражаетъ полное свое отвращеніе.

Главною цѣлію г. Дюбуа, въ его двухъ томахъ, было показать антагонизмъ между народными юридическими преданіями Франціи и духомъ ея нынѣшняго положительнаго законодательства. Г. Дюбуа ясно видитъ и положительно утверждаетъ, что юридическія *преданія* Франціи были германскаго происхожденія, такъ же какъ и англійскія; но такъ какъ децентрализація и сильная *мѣстная* жизнь были въ числѣ неизбѣжныхъ послѣдствій германскаго юридическаго духа, то французскіе правители и государственные люди, принимая систему крайней централизаціи, должны были вытѣснить этотъ духъ и очистить отъ его плевелъ изящное, «совершенно-единообразное», зданіе французскаго права.

Первымъ великимъ законодателемъ Франціи былъ Карлъ Великій, и мы искренно благодарны г. Дюбуа за то, что онъ очень успѣшно и смѣло разсѣялъ недоразумѣнія, окружавшія личность одного изъ основателей французской народности, недоразумѣнія, поддерживаемыя теоретическими увлеченіями людей школы. Поклонники античнаго взгляда на государство ищутъ опоры себѣ въ Карлѣ Великомъ: ничто не можетъ быть такъ далеко отъ истины. Карлъ Великій былъ, напротивъ, такъ глубоко убѣжденъ, что законъ долженъ быть освященіемъ обычая, онъ такъ усердно и бережно хранилъ преданіе, что по мѣрѣ успѣховъ централизаціи, всѣ слѣды его законодательства были тщательно искореняемы. Между тѣмъ какъ въ Англіи есть законы, существующіе еще со временъ Альфреда, во всей гладкой ткани французскаго законодательства нельзя найдти, мы полагаемъ, ни малѣйшаго слѣда мыслей одного изъ самыхъ гуманныхъ, одного изъ самыхъ опытныхъ законодателей и организаторовъ христіянской эры.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова г. Дюбуа о томъ отвращеніи, съ которымъ Карлъ Великій согласился, по требованію папы (1), возстановить внѣшнее подобіе того, что было нѣкогда *имперіей*: «Во *франкскомъ королѣ*, говоритъ авторъ (и продолжительныя, трудолюбивыя историческія изслѣ-

(1) Льва III.

Digitized by Google

дованія даютъ его словамъ значительный авторитетъ), во франкскомъ королѣ, въ *либеральномъ* побѣдителѣ Саксовъ и Ломбардовъ, было какое-то сильное и таинственное предубѣжденіе противъ возобновленія отжившихъ воспоминаній и противъ принятія внѣшнихъ знаковъ того достоинства, которое носили люди, столь мало на него похожіе. Тѣ, которые считаютъ лицемѣрнымъ такое отвращеніе Карла Великаго, доказываютъ тѣмъ или слабость собственныхъ убѣжденій, или свою неспособность понять такой великій и возвышенный политическій характеръ, какимъ былъ Карлъ. Этотъ великій правитель могъ имѣть, сообразно съ духомъ его времени, нѣкоторую склонность къ романизму; какъ христіянинъ, какъ сынъ церкви, онъ былъ папистомъ, да и вѣкъ его не позволилъ бы ему быть чѣмъ бы то ни было другимъ; но какъ человѣкъ, какъ государь, а особенно какъ законодатель, онъ былъ всегда, сверхъ всего и прежде всего, *Франкомъ и Германцемъ*. Германскій элементъ сказывался у него во всемъ, въ его вкусахъ, привычкахъ, въ его стремленіяхъ, въ духѣ его убѣжденій: онъ никогда, между прочимъ, не устраивалъ себѣ резиденціи въ южныхъ поясахъ своей обширной имперіи, а жилъ большею частію на берегахъ Рейна, гдѣ и до сихъ поръ повсемѣстно хранится о немъ память. Въ то время, какъ Франція Капетингской династіи все болѣе и болѣе удаляется отъ юридическихъ началъ великаго основателя ея могущества, въ то время, какъ Филиппъ-Августъ и Св. Лудовикъ, Бомануаръ и Петръ де-Фонтенъ вовсе и не ссылаются даже на *капитуляріи*, все право Германіи, образованное ея Отонами, Генрихами и Сигизмундами, наполнено принципами, правилами и практическими указаніями одного изъ величайшихъ законодателей новаго времени. Непостижимая ошибка современной Франціи заключается въ изображеніи Карла Великаго нововводителемъ, стремившимся будто бы, опередивъ свой вѣкъ, воскресить цивилизацію классическаго языческаго Рима въ средѣ полуварварскихъ племенъ, которыхъ каждая мысль, каждое чувство и каждый обычай были совершенно противоположны духу этой цивилизаціи.»

Слова, которыми Тацитъ описываетъ законодательство у Германцевъ его времени: «de minoribus rebus principes consultant, de majoribus—omnes» (1), совершенно примѣняются къ началамъ

(1) О менѣе-важныхъ дѣлахъ совѣщаются князья, о болѣе-важныхъ—всѣ.

Digitized by Google

представительства, находящимся въ основаніи всѣхъ юридическихъ учрежденій Карла Великаго. Его *missi dominici, или агенты короля*, были только центрами, вокругъ которыхъ вся масса юстиціи скоплялась въ рукахъ народныхъ представителей, имѣвшихъ обязанность заботиться о храненіи и защитѣ правосудія. Съ одной стороны, *missi dominici* были представителями государя; съ другой, всякій дворянинъ, всякое духовное лицо въ его владѣніяхъ, всѣ тѣ *знатные* люди, которые подходятъ подъ Тацитово названіе *князей* (principes), обязывались по крайней мѣрѣ два раза въ годъ собираться и сообщать государю о потребностяхъ народа. А признавъ начало представительства, надобно признать и представляемую силу: сила эта — народъ, *вся нація*, тѣ, кому Тацитъ приписываетъ право судить о *важныхъ дѣлахъ*. Представительство, само по себѣ, не болѣе какъ форма; но съ нимъ всегда неразрывно связано признаніе авторитета избирателей. «Судебное устройство Карла Великаго, справедливо замѣчаетъ г. Дюбуа, поддерживало въ народномъ организмѣ постоянное и здоровое кровообращеніе. Какъ законодатель, Карлъ Великій не имѣетъ ничего общаго съ такъ-называемыми нововводителями. Онъ не составлялъ ни плановъ, ни системъ: онъ только пересматривалъ, исправлялъ, расширялъ, или видоизмѣнялъ юридическіе обычаи, которые онъ нашелъ уже существующими; для улучшенія ихъ онъ пользовался статутами и распоряженіями, уже установившимися по преданію; онъ *компилировалъ*, но очень заботился о томъ, чтобы не *создавать* ничего новаго. Иногда, наблюдая за ходомъ событій и за обстоятельствами, часто повторявшимися, онъ приходилъ къ заключенію, что требуется новое постановленіе; но онъ и тогда поступалъ очень осторожно, и новое свое постановленіе основывалъ главнымъ образомъ на какомъ-либо давно-существовавшемъ обычаѣ, если только находилъ возможнымъ примѣнить его къ данному случаю. *Онъ никогда не старался и не мечталъ даже о томъ, чтобы построить и создать общій и единый для всѣхъ кодексъ*, онъ оставилъ каждому племени его національное законодательство, основанное на преданіи и обычаѣ, далъ, по выраженію его историка Эгингарда, *всякому человѣку его собственный законъ* (à chaque homme sa loi).»

Здѣсь есть одно обстоятельство, чрезвычайно для насъ важное. Народное законодательство есть законодательство

Digitized by Google

развивающееся *изнутри;* по народной германской системѣ само общество должно быть самымъ лучшимъсвоимъ защитникомъ и судьей; особенно а́нгло-саксонскія племена очевидно стремятся къ самородному развитію права изъ юридической жизни самого народа, какъ въ политическомъ отношеніи они стремятся къ самоуправленію. Доказательство тому можно отыскать во множествѣ подробностей; но достаточно указать только на англійскихъ безвозмездныхъ судей и на англійскій институтъ великоприсяжныхъ, чтобы подтвердить это положеніе (1). Институтъ великоприсяжныхъ есть не что̀ иное, только въ иной формѣ, какъ то же участіе *народа,* черезъ своихъ уполномоченныхъ, въ отправленіи общественнаго правосудія. Мы видимъ въ этомъ институтѣ поразительное проявленіе того начала, что общество держитъ свои дѣла въ собственныхъ рукахъ своихъ и непосредственно наблюдаетъ за отправленіемъ правосудія. То же самое слѣдуетъ сказать о безвозмездныхъ судьяхъ, которые, въ сущности, служатъ представителями общества, вынуждающаго уваженіе къ законамъ своей страны, необходимое для того, чтобы правосудіе могло быть отправляемо, и *сами заботятся о томъ, чтобы правосудіе было отправляемо.* Вся эта система, основанная на томъ, что каждый человѣкъ въ

(1) Авторъ разумѣетъ мировыхъ судей Англіи и англійскую *grand-jury*, то-есть тѣхъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ вопросъ объ отдачѣ подъ уголовный судъ. Сужденія этой *большой джюри*, или *великоприсяжныхъ*, происходятъ тайно, изъ деликатности къ лицамъ обвиняемымъ. Если они не находятъ достаточными доказательства противъ лица, подозрѣваемаго въ преступленіи, то подозрѣваемое лицо тотчасъ же освобождается. Публичному суду, то-есть публичному разбирательству передъ судьей и *малою джюри* (малыми присяжными), подлежитъ только тотъ, кого великоприсяжные найдутъ подлежащимъ суду. Такимъ образомъ, въ Англіи не только судъ, но и отдача подъ судъ ввѣрены самому обществу. Для поясненія того, что̀ говорится въ текстѣ, слѣдуетъ еще замѣтить, что въ Англіи нѣтъ и казенныхъ обвинителей; всякій Англичанинъ имѣетъ право, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обязанъ явиться въ судѣ обвинителемъ; полицейскіе агенты въ этомъ отношеніи стоятъ на равной ногѣ со всѣми гражданами, съ тѣмъ только различіемъ, что число случаевъ, когда полицейскій агентъ *обязанъ* быть обвинителемъ, гораздо значительнѣе. Издержки по преслѣдованію преступленія возвращаются обвинителю изъ казны, на основаніи приговора суда, и при этомъ не дѣлается никакого различія, полицейскій ли агентъ сдѣлалъ эти издержки или частный обвинитель. *Ред.*

Digitized by Google

странѣ, по крайней мѣрѣ каждый, кто только владѣетъ въ ней какимъ-либо клочкомъ земли, тѣсно связанъ съ дѣломъ законодательства и съ отправленіемъ правосудія, должна непремѣнно развивать въ большинствѣ глубокое уваженіе къ закону и способствовать тѣмъ самымъ его прочности и могуществу.

Римское законодательство въ той его формѣ, которая имѣла вліяніе на ново-европейское законодательство, составляетъ совершенную противоположность съ этими началами. Съ точки зрѣнія этого законодательства, все человѣчество раздѣляется на двѣ, рѣзко разграниченныя части, на преступниковъ и ихъ судей. Централизація есть главный образъ дѣйствій этого законодательства, которое, чтобы дать ему его настоящее нынѣшнее имя, назовемъ мы галло-римскимъ законодательствомъ. По этой системѣ, правосудіе отправляется корпусомъ лицъ, которымъ платятъ за то, что они его отправляютъ, и которые, вслѣдствіе множества очевиднѣйшихъ причинъ, утрачиваютъ всякую связь съ своими согражданами. Они уже не *граждане*: они *обвинители*, и весь остальной міръ обращается для нихъ въ *обвиняемыхъ*, или въ людей, которые рано или поздно могутъ стать *обвиняемыми*. Идея *преслѣдованія* неизбѣжно и постоянно живетъ въ сердцахъ этихъ людей; человѣческія существа, бо́льшую или меньшую степень виновности которыхъ подлежитъ имъ открыть и подвергнуть своему рѣшенію, обращаются для нихъ въ *добычу*, и въ охотѣ за этою добычей ищутъ они и заслуги, и *удовольствія*. При современномъ состояніи французскаго законодательства, никакія двѣ силы не могутъ быть въ большей борьбѣ между собою, какъ *общество*, съ одной стороны, и тѣ люди, съ другой, которые номинально предназначены охранять это общество отъ всякаго покушенія на его права. Это главнымъ образомъ происходитъ, думаемъ мы, отъ того недосягаемаго предпочтенія, которымъ пользуется, у французскихъ правителей и государственныхъ людей, централизующее начало законодательства, падающаго на общество извнѣ, передъ народнымъ началомъ, возникающимъ изнутри и вводящимъ все общество въ дѣло его собственной охраны и защиты.

Двѣ вещи особенно замѣчательны для всякаго, кто только посвятилъ себя сравнительному изученію французскихъ и англійскихъ учрежденій, политическихъ и юридическихъ: широкое развитіе *общественнаго духа* (public spiritedness) у Англе-

Digitized by Google

саксовъ и замѣчательный недостатокъ въ чемъ-либо подобномъ у галльской расы. Саксонскій *танъ* рисковалъ конфискаціей всего своего имущества, если въ продолженіе трехъ послѣдовательныхъ сроковъ не являлся на періодическія собранія нотаблей округа; есть документы, доказывающіе, что между племенами, гдѣ преобладалъ германскій элементъ, законодательная власть вся слагалась изъ членовъ самого общества, бывшаго собственнымъ хранителемъ и судьей, и что были населенія, гдѣ «по одному судьѣ приходилось на тысячу, на пятьсотъ, на сто человѣкъ, и даже менѣе» (1). Въ этомъ устройствѣ суда очевидно стремленіе къ самородному развитію права и крѣпость *общественной жизни* народа. Что же мы находимъ у галло-франкскихъ племенъ? Мы видимъ, что народное германское законодательство не могло развиться у нихъ, что общество легко подчинилось централизующему духу Рима, и что между Галлами и Франками совершенно отсутствовалъ тотъ духъ общественности, то желаніе помогать обществу въ самоохраненіи, на которыя мы только что указали.

Когда разсуждаютъ о сравнительно-низкомъ уровнѣ политической и частной нравственности во Франціи, то обыкновенно сваливаютъ вину на ея учрежденія, на ея правительство и на ея законы. Легко придти къ такому заключенію, въ которомъ, безъ сомнѣнія, есть часть правды; но есть правда и въ знаменитомъ словѣ де-Местра: «народъ всегда имѣетъ такое правительство, какого онъ заслуживаетъ»; и еще вопросъ, поэтому, не слѣдуетъ ли недостатки политическихъ и юридическихъ учрежденій Франціи приписать прежде всего ничтожному развитію общественнаго духа въ тѣхъ лицахъ, призваніемъ которыхъ было привести въ дѣйствіе эти учрежденія? Мы сказали, что *германизмъ* былъ на высшей точкѣ своего развитія въ юридическихъ учрежденіяхъ Франціи при Карлѣ Великомъ. По его смерти, народный элементъ сталъ постепенно падать, хотя и не было еще явнаго обращенія къ централизующему началу. Что же было причиной этого паденія въ такую раннюю эпоху? Узкій эгоизмъ тѣхъ людей, которымъ ввѣрено было отправленіе правосудія въ странѣ, полное отсутствіе въ нихъ того, что мы назвали бы *духомъ общественности*, недостатокъ заботливости объ общественномъ благосостояніи, равнодушіе ко всякому общественному дѣлу.

---

(1) А. Дюбуа, т. I, стр. 353.

Digitized by Google

«Послѣ того, говоритъ г. Дюбуа, какъ императоръ Карлъ Лысый даровалъ разныя привилегіи своимъ графамъ и дворянамъ, эти лица тотчасъ же стали жаждать еще бо́льшаго расширенія ихъ личнаго авторитета и власти. Прежде всего они наложили руку на пошлины и другіе источники государственныхъ доходовъ, которые имѣли они право сбирать только *во имя короля;* а кончили они тѣмъ, что себѣ самимъ присвоили и неограниченный юридическій авторитетъ надъ людьми, находившимися въ зависимости отъ нихъ, авторитетъ, которымъ, однако, они имѣли право пользоваться только какъ представители короны. Въ началѣ они не отрицали, что власть ихъ, по принципу, есть власть производная, и что они сами подсудны верховному судилищу—коронѣ; но на дѣлѣ они не колебались ни въ чемъ, что̀ только могло утвердить ихъ личное преобладаніе: хитрость, вѣроломство, насиліе — ко всему прибѣгали эти *знатные люди*; и такъ какъ ихъ дѣйствія были обращены непосредственно на народъ, а дѣйствія короны были отдаленны, то понятно, почему мѣстныя юрисдикціи бароновъ скоро стали для народа гораздо чувствительнѣе чѣмъ сила центральнаго правительства. Такой порядокъ вещей легко объясняетъ великую феодальную революцію въ концѣ десятаго столѣтія при Гуго-Капетѣ и введеніе феодальной системы, которая нигдѣ не достигала такого черезмѣрнаго развитія, какъ во Франціи.»

Мы видимъ здѣсь, что первоначально корона поручила отправленіе правосудія сколь возможно значительной части народа; мы замѣчаемъ со стороны короны желаніе наиболѣе широкаго участія страны въ правосудіи; и въ то же время видимъ совершенную негодность сословія, призваннаго къ тому короной; видимъ духъ узкаго эгоизма со стороны тѣхъ, кому была довѣрена защита общества, тотъ узкій эгоистическій духъ, по винѣ котораго попытка Франціи достигнуть самоуправленія не имѣла успѣха.

Такъ какъ въ рукахъ знатныхъ было гораздо болѣе власти, чѣмъ въ рукахъ самого государя, то мы приходимъ къ учрежденію феодальной системы, какъ естественному послѣдствію неудачи въ установленіи самоуправленія. Но что̀ это былъ за феодализмъ? Мы отсылаемъ читателя ко второму тому сочиненія г. Дюбуа, чтобы ближе ознакомиться съ системой отправленія *такъ-называемаго* правосудія въ средневѣковой Франціи. «Система, воздвигнутая феодализмомъ во Франціи, говоритъ авторъ, никогда, даже въ самыя отдаленныя времена, не

Digitized by Google

существовала и не могла существовать въ Англіи. Ни прежде, ни послѣ завоеванія ея Норманами, англійскій народъ и понятія даже не имѣлъ о томъ, что̀ повело, въ странахъ континентальныхъ, къ черезмѣрной іерархической субординаціи. Сообразно съ духомъ англійской конституціи, начиная даже съ англо-саксонскаго періода, государь всегда имѣлъ только характеръ лица, избраннаго и уполномоченнаго народомъ для защиты общественныхъ интересовъ.»

Если внимательно изучить избытокъ феодализма во Франціи, если принять въ разчетъ результаты, произведенные узкимъ эгоизмомъ и полнымъ отсутствіемъ всякаго общественнаго чувства со стороны французскихъ бароновъ, то не трудно будетъ понять ту благосклонность, съ какою было тамъ принято ультра-централизующее начало. Централизація явилась тамъ облегченіемъ, реакціей противъ вышеизложенныхъ и прочихъ видовъ несправедливости. Она сдѣлалась потомъ худшею и еще болѣе жестокою тиранніей чѣмъ тираннія, ей предшествовавшая: но народъ почувствовалъ это не вдругъ, потому что тираннія феодальная, изгоняемая централизаціей, уносила вмѣстѣ съ собою то, что̀ было всѣми ненавидимо. Однако централизація, замѣняя своимъ отвлеченнымъ, безличнымъ деспотизмомъ несправедливость и произволъ, воплощенные въ лицѣ феодальныхъ господъ и *grand-passant*, не потерпѣла рядомъ съ собою силы, на дѣлѣ тоже весьма жестокой, но въ принципѣ необходимой для поддержанія постояннаго равновѣсія, изъ котораго могли бы когда-нибудь развиться конституціонныя формы правленія (а съ ними, какъ ихъ естественное послѣдствіе, и самобытное отправленіе правосудія). Французскіе бароны показали себя недостойными той роли, которая была повѣрена имъ въ дѣлахъ націи; но не было надежды, чтобъ эти дѣла пошли къ лучшему, когда бароны вовсе ужь не стояли между деспотическими поползновеніями короны и страстями народа. Это, повторяемъ, было глубоко почувствовано Генрихомъ IV и Сюлли, людьми, къ чести ихъ сказать, наименѣе *теоретическими* въ мірѣ. Оба, и Генрихъ IV, и Сюлли, какъ въ послѣдствіи Ришелье, сознавали негодность бароновъ; но ни Генрихъ, ни Сюлли, не помышляли объ уничтоженіи или хоть *уничиженіи* всего дворянства страны, дабы прочистить дорогу учрежденію какой-нибудь диктатуры. Генрихъ IV, подобно Карлу Великому, тоже «пересмотрѣлъ бы, измѣнилъ, расширилъ или передѣлалъ бы существующіе уже обы-

Digitized by Google

чаи, преданія и законы», но рѣшительно удержался бы отъ безумной попытки «создать единый кодексъ», въ которомъ очень немного или же и ровно ничего не могло бы быть примѣнено ко вкусамъ, обычаямъ и преданіямъ различныхъ элементовъ народонаселенія.

Съ появленіемъ Ришелье, впервые появляется поклоненіе абстракту, появляется идея *государства* и упорное желаніе поступать съ людьми какъ съ математическими величинами. Феодализмъ *дворянства* былъ въ высшей степени ненавистенъ всѣмъ добрымъ чувствамъ министра - кардинала; все, что въ немъ было лучшаго и возвышеннѣйшаго, благороднѣйшаго и справедливѣйшаго, было оскорблено скандальною и развратною жизнью высшихъ слоевъ французскаго общества. Но почтенный кардиналъ не видѣлъ, что *никакая сила не должна быть истребляема*, что въ чемъ корень зла, въ томъ же можетъ быть и корень добра; онъ ничего этого не видѣлъ; онъ былъ теоретикъ, и въ умѣ своемъ онъ рѣшилъ истребленіе французской *noblesse*. Вѣрнымъ опредѣленіемъ того, что было послѣдствіемъ такого истребленія, служитъ слѣдующее замѣчаніе лодочника у *Pont-Neuf* (обращенное къ одному изъ перовъ Франціи): «Ну, положимъ, кардиналъ отдѣлался отъ *васъ;* за то теперь ничто не стоитъ ужь болѣе между королемъ и *нами!*» И такъ было на самомъ дѣлѣ. Политическая и юридическая власть *сеньйоровъ*, употреблявшихъ ее во зло, была уничтожена. Дворянство Франціи дурно дѣйствовало тамъ, гдѣ ему предоставлено было дѣйствовать, и вотъ пришлось ему вовсе не дѣйствовать. Лудовикъ XIV повелъ дѣло еще далѣе, и закончилъ его уничиженіемъ дворянства. Сыновья людей, обезглавленныхъ кардиналомъ Ришелье за ихъ крайній феодализмъ, образовали версальское *придворное дворянство*, а потомки ихъ были тѣ самые люди, которые оказали такое слабое сопротивленіе крайнимъ централизующимъ стремленіямъ конвента и первой имперіи.

Повторяемъ, со смертью Генриха IV исчезла всякая возможность ввести во Францію систему самороднаго права; централизація становится спасеніемъ для невѣжественныхъ населеній, и единообразное римское право покоряетъ себѣ народное начало, основанное на преданіи и на освященіи обычая.

Разсмотримъ теперь, въ немногихъ словахъ, дѣйствіе, произведенное юридическою централизаціей на духъ французскаго

Digitized by Google

народа, и приведшее къ тому замѣчательному факту, исключительно свойственному Франціи, что въ ней законъ непопуляренъ, а популяренъ всякій его нарушитель, что въ ней законъ повидимому несовмѣстимъ со свободою.

Мы уже сказали, что во Франціи законъ не коренится въ обычаѣ или преданіи, что онъ является силой, дѣйствующею на общество извнѣ, и что его представители не имѣютъ никакой симпатіи съ гражданами, надъ которыми призваны они производить свой судъ. Мы сказали, что, по нашему мнѣнію, этотъ порядокъ вещей имѣетъ общій источникъ со всѣмъ остальнымъ, что̀ есть недостаточнаго во Франціи, и что этотъ источникъ есть преобладаніе централизующаго начала и введеніе законодательства, основаннаго не на жизни, а на теоріи.

Какія же послѣдствія всего того, что̀ мы такъ часто повторяли? Однимъ изъ главнѣйшихъ послѣдствій служитъ особый способъ отправлять правосудіе, особый способъ примѣнять наказаніе къ преступленію, способъ, который не можетъ не удивлять и не поражать безпристрастнаго чувства. Легко понять, однако, что, при такомъ порядкѣ вещей, иначе и быть не можетъ. Законъ, для того чтобы приложеніе его было безпристрастно и благотворно, долженъ быть независимъ и долженъ опираться на собственныя свои достоинства. Во Франціи законъ не имѣетъ ни того, ни другаго характера. Французское право выросло вчужѣ, и самые его представители тоже во всѣхъ отношеніяхъ чужды народу, къ которому, по обязанности своей, прилагаютъ они эти законы. Сравните, въ этомъ отношеніи, мировыхъ судей Англіи съ французскимъ, напримѣръ, судебнымъ слѣдователемъ (juge d'instruction), которому предоставлено рѣшать разные запутанные случаи, гдѣ онъ ничего не знаетъ ни о заинтересованныхъ сторонахъ, ни о мѣстныхъ обычаяхъ, и посмотрите, кто изъ этихъ двухъ представителей закона пользуется бо́льшимъ довѣріемъ со стороны народа, въ комъ признаетъ народъ больше способности къ дѣлу и больше прямоты? Всякій судья во Франціи болѣе или менѣе чуждъ тому обществу, въ средѣ котораго долженъ онъ жить по офиціяльному своему назначенію. Уже *a priori* самъ онъ сознаетъ, что онъ не любимъ, и это сознаніе приводитъ его къ двумъ діаметрально противоположнымъ дѣйствіямъ: или представитель закона старается заслужить популярность, или онъ платитъ ненавистью за ненависть и, переставая быть *судьею*, становится врагомъ. Не бываетъ почти ни одного про-

Digitized by Google

цесса во Франціи, гдѣ судья не поставилъ бы себя въ одно изъ этихъ двухъ положеній. Большею частью судьи ухаживаютъ за народною любовью и пытаются личнымъ своимъ обращеніемъ ослабить отвращеніе народа къ закону. Согласно тому, какъ высказывается мѣстное общественное мнѣніе,—въ пользу ли *обвиняемаго*, или противъ него, опредѣляетъ свою роль и *обвинитель*, и вы можете уже заранѣе предвидѣть рѣшеніе суда. Но согласно ли это съ достоинствомъ закона и съ пользою, которой можетъ ожидать отъ него общество? Ничуть: и вотъ, французское право, лишенное достоинства, стоитъ на пути къ тому, чтобъ утратить и свою полезность. Приведемъ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ то, что̀ мы сказали.

Читатели не забыли еще быть-можетъ процесса, извѣстнаго подъ именемъ процесса госпожи Жефосъ, *l'affaire Jeufosse* Дама, жившая въ своемъ нормандскомъ помѣстьи, негодовала. на вниманіе, которое сосѣдъ ея, человѣкъ женатый, оказывалъ ея дочери. До сихъ поръ она была въ своемъ правѣ, и была бы права совершенно, еслибы только отправилась къ *императорскому прокурору* и просила его принять мѣры для предупрежденія дальнѣйшихъ нарушеній ея домашняго покоя; это значило бы дѣйствовать совершенно въ духѣ такъ *хорошо управляемаго* французскаго общества. Правда, госпожа Жефосъ имѣла двухъ взрослыхъ сыновей, и намъ кажется, что было, значитъ, для охраненія чести дочери, средство посильнѣе обращенія къ покровительству законовъ; но мы все-таки не имѣемъ ничего противъ этого: госпожа Жефосъ—Француженка, и ей естественно было бы обратиться къ *начальству*. Вмѣсто этого, она просто приказываетъ своему сторожу застрѣлить того, кто ей казался опаснымъ для ея мирнаго домашняго крова! Но госпожа Жефосъ была въ околоткѣ гораздо болѣе значительнымъ лицомъ, чѣмъ тотъ, кто палъ жертвой ея гнѣва: и вотъ общественное мнѣніе, не заходя такъ далеко, чтобъ оправдать ея поступокъ, не требуетъ и того, что̀ мы назвали бы правосудіемъ. Правосудія и точно не было: судъ искалъ популярности. Достоинство закона едва ли поднято было процессомъ Жефосъ.

А какъ высоко стояло оно въ дѣлѣ дѣвицы Леоніи Шеро̀, укравшей ребенка у господъ Гюа? Здѣсь общественное мнѣніе ударилось въ сантиментальность и рѣшилось закрыть глаза на преступленіе, дѣйствительно совершенное, и на сознаніе самой подсудимой: всѣмъ вообразилось, что Леонія Шеро̀

Digitized by Google

была предметомъ недостойнаго обращенія съ нею другой особы, достоинство и недостоинство которой не имѣли ничего общаго съ самымъ преступленіемъ. Точно ли Леонія Шерò украла ребенка г. Гюа? Да, она его украла. Заслуживала ли Леонія Шерò въ какомъ-либо отношеніи участія публики? Нѣтъ, она его не заслуживала ни въ какомъ отношеніи. Она сама не отрицала, что была женщиной легкаго поведенія еще съ ранняго возраста, и самопроизвольно, а не потому, чтобъ она была кѣмъ-нибудь соблазнена; тѣмъ не менѣе изъ подробностей процесса оказывается, что особа, заслужившая благосклонность Леоніи Шерò, была еще хуже, чѣмъ она сама. Леонія Шерò, украла ребенка г. Гюа, надѣясь, что того, съ кѣмъ имѣла она кратковременную связь, она заставитъ жениться на себѣ на томъ основаніи, что онъ покинулъ ее будто бы матерью. Извиненіе, во всякомъ случаѣ, очень слабое, и сама подсудимая не рѣшается сначала разыграть изъ себя жертву. Адвокатъ ея, рекомендуя ее снисхожденію суда, основывается на ея слабомъ здоровьи: истерическое состояніе было здѣсь главнымъ средствомъ защиты. Вся публика сразу возмущается противъ Жоржа Пріера, бывшаго косвенною причиной преступленія Леоніи. (Но ужь больше чѣмъ косвенною причиной онъ не могъ быть ни въ какомъ случаѣ: онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что замышляла дѣвица, и на самомъ дѣлѣ не имѣлъ въ это время никакого съ нею сообщенія.) Искра была брошена, за дверями суда чувство негодованія быстро разгорѣлось въ пламя. Украденный ребенокъ, страданія его родителей, все было забыто. Леонія Шерò не возбуждала противъ себя негодованія, потому что хотя она и могла быть дурнаго поведенія, однако былъ нѣкто и хуже ея, но только въ сантиментальномъ, замѣтьте, отношеніи, а существеннаго ничего не доказали пренія. Какъ же поступили представители закона? Они покорились внѣшнему вліянію и постановили *популярное рѣшеніе*. Итакъ, *правосудія не было* въ процессѣ Леоніи Шерò: все дѣло со стороны судей заключалось во внесеніи въ протоколъ общаго мнѣнія, сложившагося за дверями суда. Законная очевидность и юридическое рѣшеніе замѣнены были возбужденіемъ потока народной сантиментальности посредствомъ эффектныхъ воззваній къ страстямъ, къ предразсудкамъ, къ романтическимъ идеямъ, къ мелодраматическимъ завязкамъ и т. п.

Возьмемъ еще другой примѣръ—недавній процессъ Анжели-

Digitized by Google

ны Лемуанъ. Что̀ тутъ происходитъ? Департаментъ Эндры и Луары обыкновенно называется во Франціи *дурно мыслящимъ* департаментомъ (mal pensant); онъ наполненъ демагогами и соціялистами, а потому кучеръ Жакъ Фетисъ долженъ тамъ встрѣтить снисхожденіе. И точно, въ продолженіи всего процесса, мы замѣчаемъ чрезвычайное послабленіе къ человѣку, который (мы указываемъ еще на меньшее изъ его дурныхъ дѣлъ) спекулировалъ безчестіемъ пятнадцатилѣтней дѣвушки. Преступленіе Анжелины Лемуанъ и ея матери, хотя бы и доказанное, не оправдываетъ Фетиса и не дѣлаетъ его менѣе заслуживающимъ осужденія. Но Фетисъ представляетъ въ лицѣ своемъ партію демагоговъ, и потому казалось неблагоразумнымъ осуждать его. Общественное мнѣніе обрекло наказанію госпожу Лемуанъ. Это было такъ явно, что она сама, передъ началомъ процесса, совершенно убѣдилась, что ей не избѣжать приговора; а послѣ суда, аппеллируя въ высшую инстанцію, она выразила надежду, что, «отстранивъ вліяніе *мѣстныхъ* предубѣжденій, ей даруютъ правосудіе». Нужно замѣтить (какъ единогласно утверждаетъ и вся англійская печать), что не было и не могло быть ни одного доказательства противъ госпожи Лемуанъ: единственнымъ противъ нея свидѣтельствомъ было свидѣтельство ея дочери, которая, даже по мнѣнію публичнаго обвинителя, не можетъ быть свидѣтельницей. Есть вѣроятіе, что показаніе госпожи Лемуанъ, по которому ребенокъ ея дочери родился мертвымъ, было правдиво: вопервыхъ, такъ-называемые *эксперты*, призванные изслѣдовать лобовую кость черепа младенца, не могли согласиться между собою въ томъ, былъ онъ или нѣтъ рожденъ преждевременно; а вовторыхъ, отчаянная гимнастика, которою упражнялась Анжелина въ періодъ времени передъ родами, могла привести къ тому результату, котораго желала ея мать. Единственный пунктъ, на которомъ основывается мнѣніе, что госпожа Лемуанъ не только уничтожила остатки мертваго ребенка, чтобы спасти дочь отъ позора, но и сама убила его, опирается лишь на *общественную оцѣнку* ея характера. Одинъ изъ свидѣтелей утверждаетъ, что онъ еще прежде совѣтовалъ г-ну Лемуану *наблюдать за женою*, такъ какъ она, по его мнѣнію (то-есть, по мнѣнію свидѣтеля), «на *кое-что* способна». Это быстро разошлось по сосѣднему населенію, и признаніе за фактъ того, что «госпожа Лемуанъ на *кое-что̀* способна», уничтожило возможность спокойно и безпристрастно рѣшить,

Digitized by Google

точно ли она совершила взводимое на нее преступленіе. Мы вовсе не хотимъ защищать госпожу Лемуанъ. Она во всякомъ случаѣ (если и признать правдивымъ ея показаніе) виновата въ поступкѣ беззаконномъ, въ самоуправствѣ. Она поступила точно такъ же, какъ и госпожа Жефосъ, и точно такъ же поставила себя выше законовъ страны, что̀ ни въ какомъ случаѣ не должно быть терпимо. Но ни ея, ни госпожи Жефосъ за это не преслѣдовали. Обѣихъ судили пристрастно, а не по точному смыслу законовъ. Госпожа Жефосъ менѣе антипатична мѣстному общественному мнѣнію, нежели жертва ея *беззаконнаго* насилія, и ее судятъ, поэтому, снисходительнѣе. Госпожа Лемуанъ осуждена тѣми, кто живетъ близь нея, при чемъ судьи чуть не задыхаются отъ общихъ увѣреній, что она «на кое-что способна», а слѣдовательно способна и на то, въ чемъ ее обвиняютъ, — и она *должна* быть, поэтому, принесена въ жертву. Но гдѣ же во всемъ этомъ правосудіе? гдѣ величіе закона, самобытнаго, независимаго, стоящаго выше всякихъ внѣшнихъ вліяній и признаваемаго такимъ со стороны всего населенія страны, и ближайшаго, и отдаленнѣйшаго? Правосудія тутъ и не ночевало. Во Франціи ни одинъ судья, если только онъ искрененъ, не рѣшится сказать, что правосудіе можетъ быть отправляемо тамъ съ тѣмъ безпристрастіемъ, съ тою строгою и совершенною чистотой, которая одна отождествляетъ примѣненіе уголовныхъ законовъ съ истиннымъ правосудіемъ и освобождаетъ законъ отъ характера мести. Когда французскіе судьи, къ ихъ досадѣ, поставлены бываютъ въ необходимость сознаться въ этомъ, тогда они всю вину сваливаютъ на присяжныхъ. Ничто не можетъ превзойдти мѣру той нелюбви и того презрѣнія, съ какимъ во Франціи члены магистратуры и адвокатуры постоянно отзываются объ учрежденіи, которое въ Англіи дѣйствуетъ такъ хорошо и приноситъ такія гарантіи безпристрастному дѣйствію закона. Наисеріознѣйшаго вниманія заслуживаютъ во Франціи отношенія присяжныхъ къ магистратурѣ и ея вліяніе на нихъ. Нигдѣ такъ не замѣтенъ антагонизмъ между массой отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ *народъ*, и *чиновниками*, поставленными въ сторонѣ отъ народа и получающими содержаніе за отправленіе того, что̀ государству угодно называть *правосудіемъ*. Мы видѣли, изъ какихъ противоположныхъ источниковъ произошли объ эти силы; во Франціи, какъ гражданинъ во всемъ уступаетъ

Digitized by Google

чиновнику, такъ и судья господствуетъ надъ присяжными, а достоинство и *полезность* права обращаются въ ничто.

Еслибы предѣлы этой статьи допускали подробный разборъ книги, лежащей теперь передъ нами, то мы указали бы на добросовѣстное изслѣдованіе сравнительнаго законодательства почти всѣхъ странъ свѣта. Разнообразныя юридическія учрежденія и обычаи Европейцевъ и Азіятцевъ, саксонскихъ, славянскихъ, галльскихъ, мусульманскихъ расъ, съ самымъ точнымъ изслѣдованіемъ отдаленнѣйшихъ эпохъ, разказъ о разнообразномъ дѣйствіи этихъ учрежденій на подлежавшее имъ общество, все это вы найдете въ трактатѣ г. Дюбуа о законодательствѣ новыхъ временъ. Но особенную и непосредственную пользу, думаемъ мы, принесетъ читателю ближайшее знакомство съ тѣмъ, что̀ касается, въ этой книгѣ, французскаго законодательства и причинъ его очевиднаго несовершенства.

Нелюбовь народа къ его законамъ показалась намъ оригинальнымъ фактомъ (а что она дѣйствительно *фактъ*, въ этомъ съ нами никто, вѣроятно, спорить не станетъ), и мы сочли не лишнимъ взглянуть на причины этого факта. Онѣ кроются глубже, мы увѣрены, чѣмъ видно поверхностнымъ наблюдателямъ; рядъ ошибокъ, сдѣланныхъ Французами, можетъ послужить спасительнымъ урокомъ для другихъ. Между законодательствомъ Франціи и Англіи весь вопросъ состоитъ въ централизаціи и децентрализаціи (то есть мѣстной свободѣ). Англія представляетъ собою этотъ послѣдній принципъ въ его обширнѣйшемъ развитіи; Французы представляютъ собою принципъ централизаціи въ его основномъ смыслѣ. Обѣ эти системы производили и теперь ежедневно производятъ послѣдствія, между коими не трудно отличить тѣ, которыя ведутъ къ общественному благу. Но мы не встрѣчали ни одного спеціяльнаго труда, въ которомъ такъ безпристрастно указаны были бы первобытныя причины несовершенства французскаго законодательства, какъ въ книгѣ г. Дюбуа: ***Исторія уголовнаго права у новѣйшихъ народовъ.***

(Изъ *Law Magazine and Law Review*. February, 1860).

Digitized by Google

ОСВОБОЖДЕНІЕ ЦАРИЦЫ

ЕВДОКІИ ѲЕДОРОВНЫ

(1727[1].)

Разстрига Демидъ съ розыску показалъ: года съ четыре назадъ Аврамъ Лопухинъ спрашивалъ его: будетъ ли бывшая царица по прежнему царицею съ сыномъ? А буде государь ее не возьметъ, то когда онъ умретъ, будетъ ли царицею и съ сыномъ?» Демидъ сказалъ: «будетъ!»

(Суздальскій розыскъ. *Исторія Петра Великаго* Устр. т. III. стр. 218.).

Судьба царицы Евдокіи Ѳедоровны замѣчательна неожиданными, крутыми переворотами. Избранная въ супруги Петру, противъ его желанія, царицею Натальею Кириловною, при пылкомъ, своенравномъ, ревнивомъ характерѣ своемъ, приверженная къ старинѣ, Евдокія не могла ожидать счастія, и это подтвердилось на самомъ дѣлѣ. Уже около 1697 г. Петръ влюбился въ дѣвицу Монсъ, и искалъ случая разлучиться съ Евдо-

(1) Для соблюденія связи въ разказѣ, мы повторимъ вкратцѣ событія, предшествовавшія освобожденію царицы, подробно извѣстныя читателямъ изъ *Исторіи царствованія Петра В.* г. Устрялова, статьи г. Семевскаго и другихъ монографій.

Digitized by Google

нею. Вспыхнулъ стрѣлецкій бунтъ, подозрѣніе пало на царицу, и Петръ, утомленный ея ревностію, безъ всякаго церковнаго суда и приговора сослалъ жену свою въ Суздальскій Покровскій монастырь и велѣлъ постричь въ монахини. Въ горѣ и нищетѣ жила царица въ монастырѣ Суздальскомъ; Петръ забылъ о ней совершенно, даже не назначилъ ей никакого денежнаго содержанія; родные ея, Лопухины, помогали ей, кто платьемъ, кто съѣстными припасами; царевна Марья Алексѣевна, царица Прасковья Ѳедоровна, изрѣдка вспоминали несчастную своими подарками, и заочнымъ привѣтомъ черезъ приближенныхъ своихъ, а иногда черезъ нищихъ или юродивыхъ. Евдокія, глубоко оскорбленная несправедливостію Петра, не признала его осужденія и, черезъ нѣсколько недѣль послѣ постриженія, скинула монашеское платье и надѣла мірское. Молодое сердце кипѣло еще страстями, и вотъ явился Степанъ Глѣбовъ, сострадаетъ ея бѣдствіямъ, ухаживаетъ, льститъ, даритъ ее парчами и соболями, а хитрый духовникъ царицы и корыстолюбивая келейница помогаютъ Глѣбову... преступная связь царицы не была тайной для всѣхъ монастырскихъ жителей... Скоро ревность царицы надоѣла и Глѣбову; онъ бросилъ ее, и сосланной царицѣ осталось въ утѣшеніе разъѣзжать молиться по монастырямъ и селамъ, гдѣ отдавали ей почести царскія. Странно и замѣчательно, что, въ эту эпоху изобилія донощиковъ и охотниковъ до подметныхъ писемъ, никто не донесъ Петру о похожденіяхъ Евдокіи,— все обнаружилось только съ пріѣздомъ царевича Алексѣя Петровича въ Москву, въ февралѣ 1718 года. Кто сдѣлалъ доносъ Петру, отъ кого онъ узналъ обо всемъ, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Привезенная Скорняковымъ-Писаревымъ въ Москву, Евдокія доведена была до послѣдней степени униженія какъ царица, какъ женщина. На генеральномъ дворѣ ей дана очная ставка съ бывшимъ ея любовникомъ Глѣбовымъ; она должна была при всѣхъ сознаться въ связи съ нимъ, и подтвердить это сознаніе письменно, собственноручно! Въ манифестѣ 5-го марта, это передано во всеобщее извѣстіе. Петръ не щадилъ ея. Покровскій монастырь оказался неблагонадежнымъ мѣстомъ ссылки, рѣшили сослать ее подальше, и 20-го марта 1718 года повезли въ Ладожскій Успенскій монастырь; «въ дорогѣ велѣно хранить ее за крѣпкимъ присмотромъ, никого къ ней не допускать, чтобы тайно никто съ нею не разговаривалъ, а говорили бы съ нею вслухъ; ежели будутъ къ ней

Digitized by Google

присланы отъ кого-нибудь деньги, то не отдавать, а отбирать.» Съ царицею была отправлена изъ прислуги одна только ея карлица. Судьба этой несчастной была неразлучна съ царицыною; она была сослана съ нею и въ Суздальскій монастырь.

19-го апрѣля 1718 г., подпоручикъ Новокщеновъ привезъ Евдокію въ Ладожскій монастырь, и помѣстилъ ее въ кельяхъ игуменьи. Монастырь былъ въ жалкомъ положеніи: ни ограды, ни забора; черезъ монастырь даже проходила проѣзжая дорога. Новокщеновъ не зналъ, какія мѣры принять, чтобы сторожить царицу, и испрашивалъ разрѣшенія; ему приказано дожидаться другаго офицера, который пришлется на смѣну. Дѣйствительно, 20-го мая 1718 г., посланъ былъ капитанъ Семенъ Масловъ принять отъ Новокщенова царицу; ему дана была слѣдующая инструкція (1):

«Господину капитану Маслову, будучи въ Старой Ладогѣ, чинить по сему:

1.

«Пріѣхавъ въ Ладогу, пребывающую въ состоящемъ дѣвичьемъ монастырѣ, бывшую царицу у присланнаго при ней изъ Москвы, отъ гвардіи офицера, принять и во всемъ ея содержаніи поступать не оплошно.

2.

«Ради караулу при ней, и около всего монастыря, употреблять данныхъ шлютельбургскаго гарнизона капрала, и преображенскихъ солдатъ, которые оттуда дадутся, а именно двѣнадцать человѣкъ.

3.

«Потребные ей припасы, безъ которыхъ пробыть невозможно, безъ излишества, брать отъ ладожскаго ландрата Подчерткова, о чемъ къ нему указъ посланъ.

4.

«Въ монастырь не токмо мужеска, ни женска пола, никакого состоянія и чина людей, такожь изъ монастыря, какъ ее бывшую царицу, такъ и прочихъ пребывающихъ въ томъ монастырѣ

(1) Весь послѣдующій разказъ основанъ на документахъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Digitized by Google

монахинь, и опредѣленныхъ для отправленія Божіей службы священниковъ, отнюдь не впускать.

5.

«Имѣть доброе око, чтобы какимъ потаеннымъ образомъ ей царицѣ и сущимъ въ монастырѣ монахинямъ, также и она къ монахинямъ никакихъ, ни къ кому, ни о чемъ писемъ отнюдь не имѣли, чего опасаясь подъ потеряніемъ живота, смотрѣть неусыпно и для лучшей въ томъ осторожности велѣть днемъ и ночью вкругъ всего монастыря солдатамъ, сколькимъ человѣкамъ возможно, ходить непрестанно, и того, чтобы кто тайно не учинилъ, смотрѣть накрѣпко.

«Во всемъ вышеизложенномъ ея бывшей царицы содержанія поступать не оплошно, и дабы отъ несмотрѣнія чего непотребнаго не учинилось. Данъ въ С.-Петербургѣ мая 20, 1718 года.» Подписалъ Александръ Меншиковъ.

Инструкція замѣчательная! Ничего положительнаго о содержаніи матеріяльномъ, а только боялись переписки царицы и монахинь, и для этого солдаты должны были безпрестанно днемъ и ночью бѣгать около монастыря, который не имѣлъ ни ограды, ни забора!

При отправленіи Маслова, изъ санктъ-петербургской походной канцеляріи, которою управлялъ Меншиковъ, забыли объ одномъ: сообщить ладожскому ландрату, что Маслову велѣно требовать отъ него всѣ припасы, нужные для царицы и монастыря. Черновую бумагу написали, но она осталась при дѣлахъ не подписанною. Въ проектѣ предписанія ландрату велѣно было для покупки всякихъ съѣстныхъ припасовъ опредѣлить нарочнаго добраго и того дѣла достойнаго дворянина, а на покупку оныхъ припасовъ деньги давать изъ наличныхъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ. Монаху, священникамъ, дьяконамъ, дьячкамъ, пономарямъ, монастырской наставницѣ и монахинямъ денежное жалованье и прочіе всякіе съѣстные припасы въ годъ велѣно давать по особому росписанію.

Масловъ, прибывши въ монастырь, не получая ничего изъ Ладоги, расходовалъ свои деньги, но наконецъ, въ іюлѣ 1718 года, принужденъ былъ обратиться съ офиціяльнымъ требованіемъ къ ландрату и просилъ его прислать: «для совершенія Божіей службы свѣчъ, ладону, вина церковнаго, на просфиры муки пшеничной; для нужды и записокъ бумаги да для ея

Digitized by Google

особы крупъ гречневыхъ, уксусу, соли, икры зернистой или паюсной, луку, стола простаго на поварню, бочекъ, квасныхъ кадокъ, ушатовъ, ведръ, чашъ хлѣбныхъ, блюдъ деревянныхъ, ставцовъ, сидовъ деревянныхъ, горшковъ большихъ и малыхъ и иныхъ хлѣбныхъ и всякихъ столовыхъ припасовъ, а для зимняго времени дровъ» и пр.

Ландратъ Подчертковъ, не имѣя указнаго предписанія, не могъ исполнить требованія Маслова, и 27 іюля послалъ рапортъ на высочайшее имя въ Санктъ-Петербургъ, испрашивая «указу».

Въ санктъ-петербургской походной канцеляріи навели справку и нашли дѣйствительно, что ландрату предписанія не было послано. Прошелъ іюль, половина августа—канцелярія не заботилась отвѣчать Подчерткову: такъ личность Евдокіи была тогда ничтожна въ глазахъ даже подъячихъ; каково же было положеніе всего монастыря, лишеннаго даже средствъ совершать богослуженіе! 25 августа ландратъ повторилъ свое представленіе. Опять принялись за канцелярскія справки и наконецъ отыскали въ дѣлахъ бывшаго подъячаго Ѳедора Зеленаго заготовленный къ подписанію князя Меншикова указъ ландрату.

Изъ имѣющихся у насъ документовъ не видно, чѣмъ кончилось это обстоятельство; вѣроятно былъ посланъ указъ ландрату, и монастырь, и Масловъ вздохнули наконецъ отъ голода и холода. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣется никакихъ свѣдѣній, какъ жила царица въ Ладожскомъ монастырѣ, какъ сторожилъ ее Масловъ съ полнымъ причтомъ и монахинями. Изъ Старой Ладоги она была переведена въ Шлюссельбургъ, гдѣ ее видѣлъ издали камергеръ Берхгольцъ во время посѣщенія крѣпости герцогомъ голштинскимъ; но когда и почему она переведена въ крѣпость, до сихъ поръ неизвѣстно (1).

Шли годы, и царица томилась въ своемъ заточеніи. Ссылка ея въ Ладожскій монастырь была извѣстна только не многимъ, и въ народѣ не знали гдѣ она; даже были распространены слухи, что она сожжена въ Петербургѣ, во время пожара на Конюшенномъ дворѣ въ 1721 году (2). Въ царствованіе Екате-

(1) Г. Устряловъ говоритъ напротивъ, что царица содержалась въ Ладожскомъ монастырѣ до воцаренія своего внука и жила тамъ до 1728 года. (*Ист. царств. Петра В.* Т. VI, стр. 223). *М. Л.*

(2) Изъ слѣдственныхъ дѣлъ тайной канцеляріи того времени, хранящихся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Digitized by Google

рины I, участь Евдокіи не измѣнилась; наконецъ 6 мая 1727 года на престолъ вступилъ Петръ II, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича; пророчество Досиѳея, пострадавшаго за Евдокію въ 1718 году, могло сбыться: «ты будешь царицею, говорилъ онъ ей, или при жизни или послѣ смерти Петра». Съ какимъ трепетомъ должна была ожидать Евдокія вѣсточки отъ своего внука. Но время летѣло, и никто не вспоминалъ о ней! Нетерпѣніе вырваться изъ двадцати-семилѣтней неволи заставило царицу обратиться къ врагу сына своего, къ своему личному врагу князю Меншикову. 19 іюля 1727 года она писала къ нему:

«Генералиссимусъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ!

«Нынѣ содержусь я въ Шлютельбургѣ, а имѣю желаніе, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; того ради прошу предложить въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, дабы меня повелѣно было въ оной монастырь опредѣлить и опредѣлено бы было мнѣ нескудное содержаніе въ пищѣ и въ прочемъ, и снабдить бы меня надлежащимъ числомъ служителей, и какъ мнѣ, такъ и опредѣленнымъ ко мнѣ служителямъ опредѣлено бы было жалованье, и чтобъ оный монастырь ради меня не запертъ былъ, и желающимъ бы ко мнѣ свойственникамъ моимъ и свойственницамъ входъ былъ не возбраненный.

«Вашей высококняжей свѣтлости богомолица
«монахиня Елена.»

«Іюля 19 дня 1727 года.»

Письмо царицы застало Меншикова больнымъ. Звѣзда его уже меркла. Остерманъ и Долгорукіе дружно вооружали противъ него молодаго императора. Въ 1718 году Меншиковъ не заботился о ежедневномъ пропитаніи царицы и, уѣзжая изъ Петербурга, забывалъ подписать указъ ландрату Подчерткову Теперь обстоятельства перемѣнились, онъ самъ былъ подъ обвиненіемъ въ преслѣдованіи и смерти царевича Алексѣя Петровича; теперь онъ не дожидался канцелярской справки, и спѣшилъ отвѣчать царицѣ:

«Государыня моя святая монахиня!

«Получилъ я отъ вашей милости изъ Шлютельбурга письмо, по которому за болѣзнію своею не могъ въ верховный совѣтъ придтить, и для того просилъ господъ министровъ, чтобы по-

Digitized by Google

жаловали ко мнѣ, и потому они изволили всѣ пожаловать ко мнѣ (1); тогда предложилъ я имъ присланное ко мнѣ отъ вашей милости письмо и просилъ всѣхъ, чтобы вашу милость по желанію вашему опредѣлить къ Москвѣ въ Новодѣвичій монастырь, на что изволили всѣ склониться, что отправить въ Новодѣвичій монастырь и тамо опредѣлить вамъ въ удовольствіе денегъ по 4.500 руб., и людей вамъ по желанію, какъ хлѣбниковъ и поваровъ, такъ и прочихъ служительницъ; для пребыванія вашего кельи дать, кои вамъ понравятся, и приказали васъ проводить до Москвы бригадиру и коменданту Буженинову; чего ради приказали ему быть сюда для пріему указу въ Москву къ генералъ-губернатору и о дачѣ подводъ и подорожной и на проѣздъ денегъ 1000 р., о семъ объявя вашу милость поздравляю, и отъ всего моего сердца желаю дабы вамъ съ помощію Божіею въ добромъ здравіи прибыть въ Москву и тамъ бы ваше монашество видѣть и свой должный отдать вамъ поклонъ.

«P. S. Жена моя и дѣти и обрученная государыня невѣста и свояченица наша Варвара Михайловна (2) вашей милости кланяются.»

Письмо отправлено было 25 іюля съ ординарцемъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка бомбардиромъ Владиміромъ Грушецкимъ, а 31 іюля данъ указъ изъ верховнаго тайнаго совѣта камеръ-коллегіи отпустить «на нѣкоторую дачу» Шлюссель бургскому коменданту Буженинову 1000 руб. Того жь числа, за подписаніемъ Меншикова, Апраксина, Головкина, князя Голицына и Остермана, посланъ указъ московскому губернатору о переѣздѣ царицы въ Новодѣвичій монастырь. При этомъ приказано: отвести ей приличныя кельи, опредѣлить къ ней въ услуженіе четырехъ персонъ мужеска пола, а именно двухъ поваровъ, двухъ хлѣбниковъ, и четырехъ женскаго пола; на иждивеніе выдавать ей «монахинѣ» по полпяти тысячъ рублей въ годъ, а изъ Новодѣвичьяго монастыря довольствовать съѣстными припасами и служителями безъ всякой нужды; при монастырѣ быть караулу по распоряженію губернатора и впускать въ монастырь всякаго званія людей невозбранно, также,

(1) Это было 21 іюля, записано въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта. *М. Л.*

(2) Арсеньева, сестра княгини Меншиковой.

Digitized by Google

по желанію ея, бывшей царицы, свойственниковъ впускать къ ней невозбранно. 1 августа Меншиковъ вручилъ лично подписанную имъ слѣдующую инструкцію коменданту Буженинову:

1.

«Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ опредѣлили: бывшую царицу Евдокію Ѳедоровну, которая нынѣ въ монахиняхъ Елена, по требованію и желанію ея отправить въ Москву и быть ей тамо въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и послать для препровожденія ея васъ бригадира.

2.

«И господину бригадиру Буженинову, по посланному указу, въ камеръ-коллегіи взять тысячу рублей на уборъ и дорожной проѣздъ, и убрався колясками и телѣгами, ѣхать съ нею, бывшею царицею, въ Москву.

3.

«А въ Москву прибывъ, данные ему указы къ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Мусину-Пушкину и къ дѣйствительному тайному совѣтнику князю Ромодановскому отдавъ,—въ которыхъ съ нимъ о содержаніи ея письмо,—возвратиться паки въ С.-Петербургъ, по пріѣздѣ своемъ въ Москву репортоваться.»

Тотъ же Меншиковъ подписалъ инструкцію Маслову въ 1718 году. Тяжело было для него это воспоминаніе.

2 сентября 1727 года царица пріѣхала въ Москву и остановилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ палатахъ, гдѣ жила царевна Екатерина Алексѣевна, близь святыхъ воротъ, надъ которыми церковь Спаса Преображенія.

5 сентября Буженіновъ, сопровождавшій царицу, доносилъ князю Меншикову о прибытіи ея въ Москву. Это извѣстіе не дошло до него. 8 сентября Меншиковъ уже былъ арестованъ, лишенъ чиновъ, орденовъ и княжескаго достоинства.

9 февраля 1728 года въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта въ Москвѣ записано:

«Его величество на мѣстѣ своемъ садиться не изволилъ, а изволилъ стоять и объявилъ, что его величество, по имѣющейся своей любви и почтенію къ ея величеству государынѣ

Digitized by Google

бабушкѣ своей, желаетъ, чтобъ ея величество по своему великому достоинству во всякомъ удовольствіи содержана была, того бы ради учинили о томъ опредѣленіе и его величеству донесли. И, объявя сіе, изволилъ выдтить, а вице-канцлеръ, баронъ Остерманъ, оставаясь, объявилъ, что его величество желаетъ, чтобы то опредѣленіе нынѣ же сдѣлано было.

«И по общему согласію опредѣленіе о томъ учинено.

«И съ тѣмъ опредѣленіемъ къ его величеству ходилъ вице-канцлеръ, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, и, пришедъ, объявилъ, что его величество все то опробовать соизволилъ и повелѣлъ съ точнымъ объявленіемъ къ ея величеству отъ верховнаго тайнаго совѣта ѣхать двумъ персонамъ, а именно: князю Василью Лукичу Долгорукову и князю Дмитрію Михайловичу Голицыну сего же дня, притомъ его величеству донесть, что ежели еще и сверхъ того изволитъ чего требовать, то его величество со особливой своей любви и почтенія учинить изволитъ.»

Такъ сбылось пророчество Досиѳея!

Г. Есиповъ.

Digitized by Google

КОМЕТА

Какими яркими лучами
Ночнаго неба сводъ блеститъ!
Межъ помраченными звѣздами,
Ихъ застилая волосами,
Звѣзда косматая горитъ.

Какъ будто, въ бѣшеномъ движеньи
Хвостъ разметавши за собой,
Она, полна недоумѣнья,
Остановилась на мгновенье
Надъ потемнѣвшею землей.

Невольно думаю: Комета!
Увы! Въ былыя времена
Ты, какъ зловѣщая примѣта,
Была бы ужасомъ полсвѣта,
Для мудреца и для поэта
Томящей тайною полна.

И я, средь черныхъ размышленій,
Тебя бы спрашивалъ съ тоской:
«Что ты? Какой грозящій геній,
Властитель дольнихъ поколѣній,
Изъ тьмы небесъ летитъ съ тобой?

Digitized by Google

«Или, какъ на стѣнахъ чертога
Незримый нѣкогда писалъ,
Такъ и тебя—не перстъ ли Бога,
Какъ букву заповѣди строгой,
Огнемъ на небѣ начерталъ?»

Но слава Вышнему! познали
Мы Духъ, которымъ міръ хранимъ;
Вѣка проклятья миновали,
И думы страха и печали
Прошли—и не вернуться имъ!

Передъ сіяньемъ мысли зрѣлой
Распался древній неба сводъ,
И безъ конца, и безъ предѣла
Пространство мрака просвѣтлѣло
И міровданья тайный ходъ.

И нынѣ—съ радостью, комета,
Гляжу я, какъ блистаешь ты!
Ты не грозящая примѣта,
Для взора вѣщаго поэта
Ты искра будущаго свѣта
Среди царящей темноты.

Настанутъ дни—міръ обновится;
И человѣкъ, согбенный въ прахъ,
Надъ міромъ смѣло воцарится
И ничего не устрашится
Ни на землѣ, ни въ небесахъ.

Н. Страховъ.

Digitized by Google

ПРІОБРѢТЕНІЕ СОБСТВЕННОСТИ

И

ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ КНИГИ[1]

VI.

Понятіе о передачѣ имущества, какъ необходимомъ условіи пріобрѣтенія, не есть какое-либо искусственное понятіе, соединенное съ тою или другою формой пріобрѣтенія, свойственное тому или другому мѣстному племенному воззрѣнію. Оно коренится въ самой сущности понятія о правѣ собственности, соединенномъ съ владѣніемъ. Право собственности, какъ полнѣйшее и простѣйшее изъ правъ гражданскихъ, для того чтобъ удержать свойство *единства*, необходимое для права, должно имѣть непремѣнно не только твердое основаніе, но и твердыя границы относительно самой вещи, на которую простирается власть собственника. Въ правѣ собственности на *землю* эта потребность выражается съ наибольшею очевидностію. Полнота господства предполагаетъ не просто-фактическое отношеніе человѣка къ вещи, не одну случайную при-

(1) Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* № 13.

Digitized by Google

надлежность вещи человѣку, не одно употребленіе вещи какъ орудія для житейской цѣли, хотя бы это орудіе было исключительно подвластно человѣку. Оно предполагаетъ болѣе—предполагаетъ живую, неразрывную связь человѣка съ вещью, такую связь, вслѣдствіе которой вещь не только механически соединена съ личностью, но вся сливается съ нею и проникается личностью человѣка; не всѣ предметы въ одинаковой степени способны къ такой связи съ личностью. Понятіе о правѣ собственности достигаетъ полнаго своего проявленія только въ недвижимыхъ вещахъ, и особенно въ *землѣ:* изъ всѣхъ предметовъ матеріальнаго міра земля есть самый прочный предметъ гражданскаго обладанія, въ землѣ заключается такъ-сказать матеріяльная подкладка права. Ни на чемъ такъ не утверждается человѣкъ какъ на землѣ, ни съ чѣмъ такъ не связываетъ свою личность какъ съ землею. Слѣдя за историческимъ развитіемъ личности, мы замѣчаемъ, что на ряду съ этимъ развитіемъ послѣдовательно развивается и право человѣка на полное и исключительное обладаніе землею. Чѣмъ независимѣе это обладаніе, тѣмъ свободнѣе и независимѣе выступаетъ гражданская личность, и наоборотъ. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ исторія развитія понятій о поземельной собственности идетъ въ параллели съ исторіей развитія публичнаго права. Какая перемѣна въ отношеніяхъ владѣльца къ землѣ вызывала перемѣну въ общественныхъ отношеніяхъ, и на оборотъ. Личность владѣльца сообщала владѣемой имъ землѣ свойство полнаго или неполнаго владѣнія, и на оборотъ, съ расширеніемъ права на землю, личность владѣльца пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе самостоятельное значеніе. Сословное право вездѣ сливается съ землевладѣніемъ, повсюду съ правомъ на землю пріобрѣтается свобода личности и всякая гражданская свобода.

Поземельная собственность на Западѣ сложилась подъ вліяніемъ понятій о феодальной зависимости. Полная собственность (аллодъ) могла принадлежать только свободному, и защищалась въ народномъ судѣ. Въ противоположность аллоду поземельные участки, предоставленные вассаламъ, находились въ зависимомъ, подчиненномъ, хотя и твердомъ, юридическомъ обладаніи ихъ, подъ названіемъ феода, лена. Крестьянская земля подпала подъ совершенную зависимость владѣльца имѣнія, и обложена въ пользу его тяжкими повинностями. Новѣйшая эпоха

Digitized by Google

европейской исторіи привела съ собой разрушеніе феодальныхъ связей. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабилась и та непосредственная связь, которая существовала издревле между правомъ на поземельную собственность и общественнымъ правомъ, и собственность, освобождаясь отъ политическихъ оковъ своихъ, явилась болѣе или менѣе частнымъ предметомъ гражданскаго права.

И въ нашей исторіи чистое гражданское понятіе о правѣ собственности на землю образовалось не вдругъ и не само по себѣ, а приходило въ сознаніе постепенно, и въ связи съ сознаніемъ личности гражданской. Первоначальное образованіе и распредѣленіе собственности не зависѣло у насъ, какъ на Западѣ, отъ завоеванія; однако и у насъ въ исторіи собственности можно отыскать черты сходства съ исторіей ея на Западѣ.

Первый періодъ юридическаго быта Россіи представляется періодомъ безсознательнаго владѣнія землею. Мысль о правѣ собственности таится еще въ зародышѣ среди этого владѣнія и не выказывается, доколѣ не приходитъ въ соприкосновеніе съ выяснившимся юридическимъ началомъ. Земли было много, Славяне жили родами: съ такимъ состояніемъ согласуется понятіе о томъ, что кто что̀ воздѣлываетъ, тотъ тѣмъ и владѣетъ, что земля общая. Былъ ли въ этомъ состояніи, и какой именно, зародышъ вотчиннаго *права*,—мы не можемъ заключить съ достовѣрностью. По всей вѣроятности владѣніе принадлежало роду, каждый родъ разселялся по удобству: и владѣніе «по старинѣ» или по первому занятію служило единственнымъ началомъ для разрѣшенія столкновеній.

Съ прибытіемъ князей и дружины должна была произойдти перемѣна. Дружина—сословіе военное, а не осѣдлое, земледѣльческое, и цѣли землевладѣнія конечно были у него не прямо земледѣльческія. Нѣтъ основанія предположить, чтобы съ прибытіемъ князей провозглашено было и водворилось правило о томъ, что вся земля на Руси принадлежитъ князю. Такое правило никогда не было провозглашаемо на Руси. Нѣтъ повода думать, что княжеская власть водворилась у насъ посредствомъ завоеванія. Нѣтъ и слѣдовъ дѣленія земли побѣжденныхъ между побѣдителями. На Западѣ германскіе завоеватели, овладѣвъ землею, уже заселенною ихъ племенемъ, находили почти вездѣ утвердившуюся систему римскихъ понятій о землевладѣніи, находили владѣльцевъ, опиравшихся на юри-

Digitized by Google

дическое понятіе о правѣ и, поставивъ свое племя въ положеніе племени и сословія господствующаго, ввели вмѣсто прежней системы новую. У насъ ничего подобнаго не было. Князья, прежде всего, не были завоевателями земли русской въ томъ смыслѣ, въ какомъ завоеваніе совершилось на Западѣ. На Руси они не нашли юридической системы землевладѣнія и, какъ по всему видно, не принесли съ собою своей собственной. Но они были все-таки князья *земли* русской (а въ народномъ понятіи народъ сливается съ землею), *правили землею* русскою. Какое именно представленіе соединялось тогда съ этимъ словомъ *править*, мы не можемъ теперь вполнѣ уяснить себѣ; но знаемъ, что въ то время не могло быть въ представленіи того рѣзкаго отличія государственнаго права отъ гражданскаго, какое опредѣлилось въ наше время. Границы частной собственности тоже еще не обозначились; слѣдовательно, если частный человѣкъ не затруднялся въ выборѣ земли для себя, называлъ своею ту, на которой сидѣлъ и которую обрабатывалъ, и могъ свободно переходить съ одной земли на другую, свободную, захватывая столько, на сколько стало бы его экономической силы,—то тѣмъ болѣе князь, правя землею, не возбранно могъ брать сообразно съ своимъ требованіемъ, земли, какія вздумаетъ и на какія не простиралось еще частное владѣніе. Естественно, что требованіе частнаго владѣльца на землю было и неопредѣленно и не обширно, ибо соотвѣтствовало неопредѣленной и незначительной экономической силѣ и экономической потребности, а требованіе князя могло быть очень обширно въ соотвѣтствіе обширной его силѣ и обширной потребности. Главная потребность могла обнаружиться въ надѣленіи дружины землями. Дружина составляла пришлый элементъ, не принадлежавшій къ составу земли, слѣдовательно члены дружины, пришельцы, не могли на одинаковомъ основаніи съ земскими людьми сѣсть на землѣ, гдѣ и какъ попало, непосредственно: у нихъ не было непосредственной связи съ землею. За землею имъ приходилось обращаться къ князю, который правилъ землею, и князь указываетъ, раздаетъ имъ земли.

Съ водвореніемъ князя и дружиннаго элемента начинаются завоеванія, покореніе сосѣднихъ племенъ, обложеніе ихъ данью. Дань платится не на лицо земли, а на лицо князя. Дань указываетъ на подчиненное, зависимое отношеніе покореннаго племени,—не только личное, но и со всею землей этого пле-

Digitized by Google

мени, отчего и владѣніе землей получаетъ, хотя косвенно, видъ зависящаго владѣнія. Въ землѣ покореннаго племени князь имѣетъ еще болѣе свободы раздавать земли своимъ дружинникамъ. Онъ разсылаетъ дружину по городамъ, отдаетъ дружинникамъ въ управленіе города и волости. Притомъ и не на одни покоренныя племена налагается дань: подати и пошлины установляются и для господствующаго племени,—и уже поэтому поземельное владѣніе его получаетъ видъ нѣкоторой зависимости. Князь фактически, даже и безъ нарушенія частныхъ владѣній, входитъ въ распоряженіе землею, по свойству всякой власти. Это распоряженіе болѣе и болѣе расширяется, изъ безсознательной силы развивается въ сознательное или полусознательное право. Замѣтимъ еще, что дружина все болѣе и болѣе сливается съ землею, пріобрѣтаетъ осѣдлость и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается, пополняется изъ той же земли. Въ составъ ея вступаютъ туземцы, потому что съ положеніемъ дружинника связана особая честь и выгода. Самое поземельное владѣніе дружинника сравнительно съ владѣніемъ земскихъ людей должно было получить характеръ болѣе опредѣленный, и уже поэтому могло казаться привлекательнѣе. Прежнее различіе племенъ, состоявшихъ подъ властью князя, равно какъ отличіе земли отъ дружины, мало-по-малу сглаживается, но вмѣсто того возникаетъ, и все явственнѣе становится, различіе по роду занятій, по службѣ, по чести: это различіе должно было отразиться, и дѣйствительно отразилось на землевладѣніи.

Такъ, подъ вліяніемъ дружиннаго начала, *во-первыхъ*, образуется личное владѣніе, усиливаясь все болѣе и болѣе, приходя въ большее и большее сознаніе. По мѣрѣ того, въ тѣхъ слояхъ общества, куда проникло дружинное начало, слабѣетъ и теряетъ значеніе прежняя форма владѣнія землею всѣмъ родомъ. Однако, въ періодъ Русской Правды, личное владѣніе видно не достигло еще до сознанія о личномъ правѣ собственности на землю, потому что Русская Правда не касается еще вопроса о наслѣдствѣ въ землѣ.

Во-вторыхъ, возлѣ непосредственнаго свободнаго, безсознательнаго владѣнія землею на свое имя, организуется владѣніе съ опредѣленнымъ характеромъ *права*, болѣе или менѣе зависимаго, производнаго отъ власти и инвеституры княжеской. Право есть органическое произведеніе опредѣлившагося общественнаго союза, и потому естественно, что понятіе о пра-

Digitized by Google

вѣ поземельнаго владѣнія и собственности развилось у насъ въ связи съ сознаніемъ о власти княжеской. Съ такимъ именно характеромъ, болѣе или менѣе опредѣленнымъ, является владѣніе дружинниковъ, въ послѣдствіи служилаго класса. Этому-то политическому, государственному происхожденію *права* на землю и должно приписать то явленіе, что у насъ вотчинная власть получаетъ свойство власти государственной, и обратно, государственная власть проникается вотчиннымъ началомъ. Изъ сліянія того и другаго образовался старинный типъ нашего землевладѣнія: это типъ безспорно государственаго, а не гражданскаго происхожденія (конечно, въ томъ смыслѣ, въ которомъ теперь понимаются эти выраженія, ибо въ средневѣковую эпоху различіе началъ государственнаго и гражданскаго не было еще сознано).

Не удивительно, что когда явилась эта опредѣленная форма съ характеромъ *права*, хотя и зависимаго, но твердаго, тогда, при первомъ столкновеніи съ нею, другая, первобытная форма свободнаго, но неопредѣленнаго землевладѣнія, не могла устоять и стала распадаться. Она распалась не переродившись, потому что не въ силахъ была изъ себя же самой создать другую свободную гражданскую форму собственности, какую произвелъ когда-то римскій міръ. Свободному землевладѣнію не оставалось уже мѣста, когда сложился и выяснился возлѣ него типъ *права* производнаго, соединеннаго съ исключительною властью. Низшіе разряды населенія, оставаясь внѣ *движенія къ праву* на землю, внѣ круга служебныхъ правъ и обязанностей, не въ силахъ были удержаться при свободномъ землевладѣніи: они остались при одномъ фактическомъ пользованіи землею, на которой жили, но не могли выставить никакого *права* на землю, ибо не откуда было имъ получить его. Земля, на которой они жили, стала чужою, явилась землею князя или людей служилыхъ; а эти послѣдніе или получили ее отъ князя, или хотя пріобрѣли прямо захватомъ, передачею, покупкой, но владѣли ею по праву, связанному съ государственнымъ служебнымъ ихъ положеніемъ. Эти служилые люди были люди свободные и переходили на службу вольно отъ одного князя къ другому, но, переходя, не оставляли за собою вотчинъ своихъ въ земляхъ оставленнаго князя: ясный признакъ того, что право ихъ на землю тѣсно связано было со службой. Это право перехода мѣшало укрѣпиться связи ихъ съ землею, мѣшало имъ вполнѣ укрѣпить ее за собой; а когда право перехода кончи-

Digitized by Google

лось, то служилый классъ остался на земляхъ, обложенныхъ служебною повинностью. Право на землю все болѣе и болѣе примыкало къ лицу князя, слѣдовательно яснѣе выказывался болѣе или менѣе зависимый его характеръ (1).

Въ періодъ утвержденія центральной власти московскихъ государей явилось нѣсколько видовъ частнаго землевладѣнія, но ни въ одномъ изъ нихъ не выразился чистый типъ права собственности. Крестьяне въ имѣніяхъ служилыхъ людей сидѣли на пашенныхъ жеребьяхъ, на землѣ, которая не имъ принадлежала, а помѣщику, на чьей землѣ они сидѣли. Они и не имѣли, по всей вѣроятности, сознанія о какомъ-либо правѣ на опредѣленный участокъ земли какъ собственность, ибо покидали безпрестанно однѣ земли и переходили на другія. Правительство обязывало ихъ быть послушными владѣльцу земли; въ пользу его они обязаны были отправлять натуральныя повинности или платить оброкъ по договору. Они не теряли связи съ землей, по образу жизни своей, не теряли въ общемъ, неопредѣленномъ смыслѣ, потому что привыкли сидѣть на *какой-нибудь* землѣ. Но связи прочной, постоянной, съ опредѣленною мѣстностью, съ извѣстнымъ участкомъ, у нихъ не могло быть,—а право собственности возможно лишь въ отношеніи къ опредѣленному, обособленному предмету. Въ этомъ пользованіи землей не видно ничего твердаго, само собою существующаго, и потому нельзя даже назвать его правомъ на владѣніе: оно продолжалось въ теченіе того срока, пока крестьянинъ сидѣлъ на землѣ по условію. При обиліи земель пользованіе это могло быть довольно обширное, но въ немъ не было ничего похожаго на самостоятельное право. А когда прекратилось право перехода крестьянъ, отъ этого нисколько не опредѣлилось право ихъ на владѣніе, а опредѣлилась весьма рѣзко безусловная зависимость этого владѣнія. Въ подобномъ же отношеніи къ землѣ были крестьяне, сидѣвшіе на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, равно черносошные, сидѣв-

(1) Этому, по мнѣнію Неволина, не мало способствовало и монгольское владычество. «По началамъ монгольскаго государственнаго права, вся земля, находившаяся въ предѣлахъ владычества хана, была его собственностью: подданные хана могли быть только владѣльцами земли. Такъ смотрѣли ханы и на русскія земли, а князья были посредниками между своимъ народомъ и ханами, получали отъ хана инвеституру и вмѣстѣ съ тѣмъ становились обладателями въ своей землѣ тѣхъ правъ, которыя ханъ считалъ своею принадлежностью.»

Digitized by Google

шіе на земляхъ великаго князя. Относительно послѣднихъ, самое слово *черный* указываетъ на зависимость владѣнія отъ повинности; только здѣсь повинность является не служебно-государственною, а вотчинною повинностью передъ вотчинникомъ земли, великимъ княземъ. Прикрѣпленіе къ землѣ коснулось и этого разряда людей, и точно также отразилось на ихъ землевладѣніи. Владѣніе городскихъ обывателей тяглыми участками было тоже несвободное, но подъ условіемъ тягла и оброка, и тяглые участки ихъ не подлежали свободному распоряженію владѣльца. Ни въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ разрядовъ не видимъ самостоятельнаго права собственности на землю. Вотчинное право на нее предоставлялось имъ въ рѣдкихъ случаяхъ по особой милости государя, и въ такомъ случаѣ прежняя черная или тяглая земля ихъ превращалась въ бѣлую. Исключеніе изъ этого порядка встрѣчается только на сѣверѣ Россіи, въ древнихъ новгородскихъ областяхъ; тамъ вотчинное владѣніе землей, какъ право самостоятельное, издавна существовало и для низшихъ разрядовъ свободнаго населенія: такое владѣніе удержали они за собой и до послѣдняго времени. Это былъ едва ли не самый свободный видъ частнаго землевладѣнія въ Россіи (1).

Право служилыхъ классовъ на земли, образовавшееся подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ княжеской службы и власти княжеской, обозначилось еще явственнѣе въ періодъ жалованныхъ грамотъ (XIV, XV стол.), коими отъ имени князя прямо утверждаются и опредѣляются вотчинныя права владѣльца. Инвеститура, связанная съ этими грамотами, имѣетъ несравненно болѣе государственный чѣмъ гражданскій характеръ; но такой инвеституры конечно домогался каждый вотчинникъ, ибо она давала ему многочисленныя льготы и преимущества, слѣдовательно для него самого выгодно было поставить вотчинное свое владѣніе еще въ бо́льшую зависимость отъ великаго князя. Съ одной стороны вотчинникъ, среди своего владѣнія, является намъ самовластнымъ хозяиномъ, какъ бы политическимъ

(1) Явленіе это Неволинъ объясняетъ древнимъ устройствомъ новгородскаго правленія, системой новгородскихъ служебныхъ повинностей, слабостью монгольскаго ига въ Новгородѣ, долговременнымъ уклоненіемъ Новгорода отъ московской централизаціи, наконецъ раннимъ развитіемъ торговой промышленности въ Новгородѣ и ближайшимъ сообщеніемъ его съ иноземными элементами.

Digitized by Google

владыкою, — и съ этой стороны право его твердо; но у этого права нѣтъ самостоятельности: оно принадлежитъ вотчиннику на столько, на сколько онъ служилый человѣкъ и подручникъ княжескій. Такой взглядъ на поземельную собственность служилыхъ людей болѣе и болѣе становился законнымъ, юридическимъ взглядомъ, по мѣрѣ того какъ усиливалась центральная власть московскихъ государей. Наконецъ, удѣльные князья и потомки ихъ сошли въ одинъ разрядъ съ людьми служилыми. Право отъѣзда кончилось. Повсюду стало «одно его великаго государя государство». На всѣхъ служилыхъ людей распространилась служебная повинность, и вотчинное право на землю поставлено въ тѣсную связь съ исполненіемъ этой повинности, со службой. Развилась помѣстная система: она не была выдумкой Ивана III или кого-нибудь изъ его предковъ. Начало ея существовало издревле; новостью была только правильная, систематическая организація раздачъ. Помѣстное право отличается отъ вотчиннаго и относительно права распоряженія, наслѣдства и т. п., но и въ вотчинномъ правѣ было то же начало—начало служебной зависимости. И съ обладаніемъ вотчинами соединяется обязанность служить государеву службу; за неисполненіе ея и вотчина отбирается на томъ же основаніи какъ помѣстье, или вотчинникъ, нисходя въ разрядъ тяглыхъ людей, если и удерживаетъ при себѣ имѣніе, то уже не въ качествѣ вотчины, а въ качествѣ другаго, не служебнаго, но еще болѣе зависимаго, тяглаго и оброчнаго имущества (1).

---

(1) Наряду съ этимъ вотчиннымъ правомъ служилаго класса образуется и постепенно возрастаетъ другое, самостоятельное право и обильное землевладѣніе. Это право церквей и монастырей на огромныя ихъ вотчины, право, которое, по происхожденію, по преданію и наконецъ по юридической основѣ, взятой изъ области самостоятельнаго церковнаго канона, могло считать себя независимымъ отъ государства, но пользовалось отъ него всевозможною защитой и льготами. Въ этомъ краткомъ очеркѣ происхожденія русской поземельной собственности, мы не упоминаемъ о правѣ церкви, потому что имѣемъ въ виду только право частныхъ лицъ. Право церкви было однакоже столь самостоятельно, что могло независимо отъ государственной власти выдѣлять изъ себя права подчиненныя. Архіереи и монастыри, имѣя своихъ служилыхъ людей, раздавали имъ помѣстья на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ государь раздавалъ ихъ своимъ служилымъ людямъ, то-есть, подъ условіемъ служебной повинности. Раздача этого рода продолжалась еще и тогда, когда давно уже прекратилось дѣйствіе помѣстной системы въ общемъ государственномъ управленіи. Она прекращена окончательно лишь въ 1754 году.

Digitized by Google

Такъ образовалось у насъ своеобычное, вотчинное право на землю, такое право, котораго нельзя подвесть ни подъ одну изъ римскихъ категорій, но которое можно поставить въ аналогію съ подобнымъ же правомъ верховной и подчиненной собственности, образовавшимся въ западной Европѣ подъ вліяніемъ феодальной системы (Obereigenthum и Nutzeigenthum). Въ бенефиціяльномъ правѣ нѣтъ ничего похожаго на собственность. Когда вассалъ получалъ только право пользованія землею, оканчивавшееся съ его смертію или со смертію господина, когда крестьянинъ получалъ участокъ земли въ пользованіе, вполнѣ зависѣвшее отъ воли владѣльца,—здѣсь видимъ только зависимое владѣніе и пользованіе, и ничего болѣе. Иное дѣло ленное владѣніе: здѣсь видно не одно только право въ чужой вещи; здѣсь нѣчто выше зависимаго владѣнія, видны признаки собственности, хотя и зависимой и не самостоятельной. Но въ то же самое время, въ той же самой землѣ существуетъ для другаго лица верховная собственность, съ качествомъ самостоятельности. Съ этою собственностію связаны: сознаніе своей самостоятельности, право требовать отъ подчиненнаго собственника сознанія его подчиненности, знаковъ почтенія и зависимости; право возвращать къ себѣ владѣніе, когда оно сдѣлается выморочнымъ, право передавать верховную собственность другому лицу и возвращать къ себѣ имущество когда оно выйдетъ изъ власти подчиненнаго владѣльца. Верховному владѣльцу принадлежитъ *идеальная* сторона собственности; а *реальная*, дѣйствительная сторона принадлежитъ владѣльцу подчиненному: сознавая зависимость своего права передъ верховнымъ собственникомъ, онъ владѣетъ и пользуется имуществомъ вполнѣ, передаетъ его по наслѣдству, хотя ограниченъ болѣе или менѣе въ правѣ отчужденія; и въ случаѣ выморочности верховной собственности, можетъ зависимое свое право превратить въ независимое (1). Такимъ образомъ собственность въ одной и той же землѣ раздвоялась; въ ней не было полнаго единства, а такъ какъ всякое право стремится къ единству, то и это право всячески клонилось туда же. По естественному закону, реальная сторона права рано или поздно должна была взять верхъ надъ идеальною: расширяясь и укрѣпляясь мало-по-малу, она освободилась наконецъ отъ зависимости, и изъ

(1) Bluntschli, *deutsches Privatrecht*. Laboulaye, *Histoire du droit de propriété foncière*.

Digitized by Google

подчиненной собственности образовалась собственность полная. Право стало единымъ и возобновленіе прежняго раздвоенія сдѣлалось невозможно.

И у насъ, какъ показано выше, образовалось вотчинное владѣніе служилыхъ классовъ съ характеромъ зависимости; и у насъ оно не было просто пользованіемъ или правомъ въ чужой вещи, но простиралось на цѣлое имущество и вмѣщало въ себѣ реальныя свойства собственности. Только у насъ верховная собственность была не частнымъ правомъ какъ на Западѣ, а собственностію государственной: не дробилась и не подлежала уступкѣ и передачѣ, но отъ начала до конца сосредоточивалась въ единствѣ государственной власти. И у насъ въ постепенномъ развитіи своемъ она стремилась также къ единству, къ полному гражданскому освобожденію. Освобожденіе это совершилось исключительно подъ вліяніемъ того же государственнаго начала, дѣйствіемъ той же власти государственной. Съ одной стороны вотчинное право стремилось къ полной свободѣ распоряженія; съ другой, помѣстное право къ сближенію съ вотчиннымъ: извѣстно, что сліяніе того и другаго почти уже совершилось къ концу XVII столѣтія. Съ измѣненіемъ системы служебной повинности стало уже не нужно формальное отличіе того и другаго права, и указомъ 1714 года помѣстья сравнены съ вотчинами въ общемъ названіи недвижимыхъ имуществъ. Дворы и лавки вошли въ ту же категорію. Различіе между тяглыми и бѣлыми имуществами уничтожилось: подушная подать легла уже на лицо, а не на имущество. Право владѣть землями въ уѣздѣ считалось еще привилегіей служилаго сословія; но владѣніе дворянина все еще не могло считаться полною его собственностію въ смыслѣ гражданскаго права: оно состояло въ необходимой связи съ государственною обязанностію дворянина служить службу государеву. Стало-быть право собственности было не полное, не пріобрѣло еще характера гражданскаго права, ибо зависѣло отъ исполненія владѣльцемъ государственной повинности дворянскаго сословія. Потому-то, несмотря на сліяніе помѣстій съ вотчинами, вотчинное право проникнуто было сознаніемъ государственнаго происхожденія, государственной зависимости, и страшное слово: отписать вотчины на государя, нисколько не утратило еще того дѣйствительнаго значенія, которое оно имѣло въ XVII столѣтіи. Извѣстно, что въ теченіе первыхъ трехъ четвертей XVIII столѣтія конфискація частнаго

Digitized by Google

имущества была самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и совершалась подъ всякими предлогами. Понятіе о полномъ правѣ собственности на землю явилось и выразилось только тогда, когда служебная повинность снята съ дворянства жалованною грамотой Петра III и Екатерины II, а вслѣдъ за тѣмъ (въ 1785 году) явилось то опредѣленіе полной собственности, которое мы встрѣчаемъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ (420 ст. Гражд. Зак.) Съ этой эпохи, можно сказать, только что начинается гражданская исторія русскаго права собственности.

VII.

Но это одна только сторона въ исторіи развитія понятія о правѣ собственности, относящаяся къ началу *личности*. Есть въ этой исторіи и другая сторона, относящаяся къ началу *экономическому*. Съ одной стороны опредѣлилось отношеніе права къ лицу; съ другой, отношеніе права къ предмету; одно касается внутренняго содержанія, внутреннихъ предѣловъ права; другое, внѣшнихъ границъ его; только при полномъ, совмѣстномъ развитіи того и другаго начала можетъ установиться полная опредѣленность права собственности, полное согласіе внутренняго содержанія его съ внѣшнимъ проявленіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, право собственности не достигло еще полной своей опредѣленности, покуда остаются въ неизвѣстности матеріяльныя его границы, покуда не ясна еще внѣшняя черта, за которою оканчивается *мое* и начинается *твое*, неизвѣстно еще въ точности, до какого пространства земли, до какого объема вещи простирается мое владѣніе, и откуда начинается владѣніе моего сосѣда. Въ такомъ положеніи легко можетъ случиться, что и я, и сосѣдъ мой, оба будемъ простирать свое право на одинъ и тотъ же предметъ, на одно и то же пространство. Таково именно свойство вотчиннаго владѣнія въ первоначальномъ, не развитомъ экономическомъ быту, когда сознаніе о собственности еще не твердо, трудъ дешевъ или имѣетъ только личное, субъективное значеніе, экономическія силы частнаго лица и цѣлаго общества не развиты, не опредѣлены, и употребленіе ихъ просто. Здѣсь большею частію случается, что даже при опредѣлительности основанія, на ко-

Digitized by Google

торомъ утверждено исключительное право,—владѣніе, соединенное съ этимъ правомъ, остается въ неопредѣленности, случается что ни самъ собственникъ, ни прочіе владѣльцы смежные съ нимъ, ни само общество не имѣютъ яснаго сознанія о томъ, чѣмъ онѣ владѣютъ. Первоначально общество уживается съ такою неопредѣлительностію владѣнія, но приходитъ время, когда съ увеличеніемъ экономическаго значенія земли, возникаетъ для общественной власти потребность установить общую единицу измѣренія, для частнаго права потребность опредѣлить въ возможной точности пространство владѣнія, соотвѣтствующее праву.

Такъ было и у насъ. Первоначальная единица для измѣренія владѣнія была весьма неопредѣлительна, ибо взята была не изъ качествъ земли, а изъ личнаго свойства владѣльца: это былъ *личный трудъ*; предметъ собственности опредѣлялся указаніемъ на неподвижный центръ владѣнія, напримѣръ на село, деревню, дворъ, названіе дачи и т. п., и въ этомъ отношеніи сомнѣніе устранялось. Но самое владѣніе около этого центра распространялось уже безъ всякой опредѣлительности: «куда плугъ и соха, и топоръ, и коса ходятъ». Такимъ образомъ собственникъ большею частію имѣлъ сознаніе лишь о починномъ пунктѣ своего владѣнія, и отъ этой точки владѣніе его простиралось въ неопредѣленную даль, доколѣ простиралось дѣйствіе труда его, обработка земли, не сталкиваясь съ чужимъ трудомъ и чужимъ владѣніемъ, которое въ свою очередь распространялось по мѣрѣ личнаго труда. Потребность въ болѣе твердыхъ границахъ обнаружилась тамъ, гдѣ вслѣдствіе столкновеній между владѣльцами, появились зачатки идеальнаго понятія о собственности; здѣсь встрѣчаются первыя межи владѣнія, то-есть живыя урочища, останавливающія дѣйствіе труда, и знаки естественные либо искусственные, деревья, ямы, невоздѣланныя полосы, отмѣтки и т. п. При переходѣ владѣнія вмѣстѣ съ правомъ отъ одного лица къ другому, естественно оказывалась потребность опредѣлить, въ какомъ пространствѣ переходитъ владѣніе, обособить предметъ его при самомъ установленіи владѣнія въ лицѣ пріобрѣтателя. Отсюда произошла и у насъ простѣйшая форма *передачи* поземельной собственности отъ одного лица къ другому. Олицетвореніемъ такой передачи служило сначала символическое дѣйствіе (слѣды котораго, хотя и довольно слабые, замѣтны въ нашей исторіи), потомъ *отводъ* межи, совершаемый прежнимъ владѣльцемъ лично или черезъ довѣренное лицо, новому пріобрѣтателю, въ присутствіи свидѣтелей. При

Digitized by Google

этомъ случаѣ былъ составляемъ особый актъ отвода, или объ отводѣ межи упоминалось въ самомъ актѣ, который служилъ основаніемъ пріобрѣтенія. Такова была у насъ первая историческая форма передачи поземельной собственности (1).

Но эта первоначальная форма имѣла цѣлію опредѣлить только окружность владѣнія, обособить дачу: объ измѣреніи внутренняго ея пространства не было еще помину. Правда, и внутри дачи тотъ же личный трудъ указывалъ столь же грубую единицу для опредѣленія владѣній: пашню и угодье, соху, косу и топоръ. Но по времени явилась необходимость опредѣлить яснѣе владѣніе и пашней, и угодьями. Владѣніе внутри дачи стало дробиться; если даже границы дачи были извѣстны, то внутри ея могло образоваться нѣсколько собственниковъ, изъ коихъ каждый, не имѣя яснаго сознанія о своемъ владѣніи, желалъ владѣть чѣмъ ему вздумается. Съ усложненіемъ быта, съ раздробленіемъ владѣнія должно было усилиться экономическое значеніе какъ пашни, такъ и угодьевъ, сѣнокосовъ, водъ, пастьбищъ и лѣсовъ. Владѣлецъ, истощивъ однѣ полосы, могъ приниматься за разчистку и обработку другихъ, которыя могли для той же цѣли понадобиться другому владѣльцу. Но не столько потребности частныхъ лицъ указывали на необходимость привесть въ извѣстность и опредѣлить границы и внутреннее содержаніе владѣній, сколько потребности московскаго правительства, которое, съ XV вѣка, собравъ подъ собою землю, стремилось притянуть къ себѣ отвсюду нити управленія. Въ концѣ XV столѣтія начала организоваться помѣстная система. Правительство, раздавая незанятыя и незаселенныя земли въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже были владѣльцы, должно было указать каждому мѣсто его владѣнія, отвесть ему дачу. Установилась система взиманія подати съ поселенныхъ людей по *сохамъ*, то-есть по единицамъ не поземельнаго только владѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ труда хозяйственнаго. Для той и другой цѣли правительство стало дѣлать хозяйственныя описанія земель и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйственныя измѣренія земель. При такихъ измѣреніяхъ означалось и количество земель; для этого вошли въ употребленіе (со времени Ивана IV) новыя единицы, все-таки еще хозяйственныя и ничтожныя для пашни—четверть, для лу-

(1) Неволина, *Истор. Гражд. Зак.* т. II § 285. Морошкинъ, *О владѣніи*. Энгельманъ, *О пріобрѣтеніи поземельной собственности*. *Акты Юридическіе* XIV и XV в., № 71, VI—XX, 110, I, 139.

Digitized by Google

говъ—копна, для лѣсовъ—версты и четверти. Такимъ образомъ общественная власть на Руси уже въ средневѣковую эпоху изобрѣла средство для удовлетворенія той существенной потребности, которая въ наше время съ особенною силой повсюду заявляетъ себя, потребности опредѣлить для всего государства со всевозможною точностію внѣшнее пространство и внутреннее хозяйственное значеніе каждаго частнаго владѣнія. Механизмъ писцовой и межевой повѣрки былъ первобытный и грубый, цѣль ея была исключительно финансовая и служебная; но нельзя не признать въ этой системѣ тѣхъ же началъ, которыя лежатъ въ новѣйшемъ устройствѣ генеральнаго межеванія и кадастра. Система этой повѣрки простиралась на все Московское государство для той или другой цѣли. Почти все поземельное владѣніе московскаго служилаго сословія—происхожденія служебнаго, и право на землю первоначально происходило отъ государственной власти. И теперь, въ средней Россіи, почти каждое вотчинное право на землю, по началу и происхожденію своему, примыкаетъ къ жалованью, къ *отводу* отъ правительства.

Въ связи съ этою новою финансовою и служебною системой, съ этимъ стремленіемъ правительства опредѣлить по каждому владѣнію пространство его, равно какъ лицо и повинности владѣльца, установилась мало-по-малу и *новая форма пріобрѣтенія* недвижимой собственности.

VIII.

Съ XVI столѣтія замѣтно, что акты пріобрѣтенія между частными лицами записываются у дьяковъ и по приказамъ въ книги. Къ этой запискѣ присоединяется и собираніе пошлинъ, и повѣрка основаній права того лица, отъ котораго имущество уступается или передается. Эта записка пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія, и наконецъ въ XVII столѣтіи, въ періодъ Уложенія, занимаетъ уже главное мѣсто въ системѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ собственности. Она получаетъ характеръ необходимости, обязательности безусловной до того, что съ этою запискою, хотя и не вполнѣ сознательно, соединяется понятіе о переходѣ вещнаго права.

Центральнымъ мѣстомъ этой вотчинной записки былъ *по-*

Digitized by Google

мѣстный приказъ, вѣдомству коего подлежали главнымъ образомъ всѣ дѣла о записке недвижимыхъ имѣній, преимущественно земель (1). Акты на дворы записывались въ книги земскаго приказа, а по городамъ у воеводъ.

Первымъ необходимымъ дѣйствіемъ, по совершеніи акта о переходѣ недвижимой собственности, была явка его въ приказъ для записки въ книгу. Пріобрѣтатель просилъ справить за нимъ имѣніе и записать въ книгу. Такимъ образомъ предъявлялись и купчія, и данныя, и просроченныя закладныя и т. п. акты: вообще всѣ земли какъ помѣстныя, такъ и вотчинныя, переходившія по наслѣдству, по духовнымъ мѣнамъ, сдачамъ и сдѣлочнымъ актамъ, пріобрѣтатель долженъ былъ *справить* за собою. Безъ такой справки пріобрѣтеніе считалось неполнымъ, неправильнымъ. Въ приказѣ дѣлалась *справка* объ имѣніи по дачамъ писцовымъ, по переписнымъ и записнымъ книгамъ разнаго наименованія: изъ этой справки можно было видѣть, состоитъ ли имѣніе въ наличности тамъ, гдѣ по акту значится, какъ велико, сколько въ немъ дачъ, четвертей, дворовъ и пр. въ чьемъ владѣніи состояло прежде и значится ли подлинно за тѣмъ владѣльцемъ, отъ имени коего совершенъ предъявляемый актъ (2). Въ важнѣйшихъ случаяхъ, напримѣръ по поводу продажи и мѣны, производился еще *допросъ* лицу, отчуждавшему имѣніе, покупщику и мѣновщику, закладчику, дарителю: стало-быть, требовалось личное содѣйствіе ихъ; въ другихъ случаяхъ допускались заручныя ихъ челобитныя, вмѣсто допроса. Затѣмъ актъ записывался въ записную вотчинную книгу, а взятыя пошлины въ приходную: это значило, что имѣніе

(1) Въ 1676 году записка о переходѣ имѣній въ Новгородѣ и Псковѣ предоставлена тамошнимъ намѣстникамъ и воеводамъ, но и оттуда велѣно всякій годъ высылать въ Москву книги помѣстнымъ и вотчиннымъ дачамъ.

(2) Не достаточно было для записки, чтобы пріобрѣтатель предъявилъ въ приказѣ актъ своего пріобрѣтенія и удостовѣрилъ свободное согласіе лица, отъ коего пріобрѣталось имѣніе: требовалось еще, чтобъ это послѣднее лицо, лицо отчуждавшее, значилось тоже законнымъ собственникомъ въ книгахъ помѣстнаго приказа. Если его право не было въ нихъ записано, возникали затрудненія, и въ такомъ случаѣ требовалось, чтобы новый пріобрѣтатель предъявилъ крѣпостные акты своего передатчика (auctor) въ доказательство того, что право его распорядиться имѣніемъ несомнѣнно. См. статьи о вотчинахъ 1680 года (*Полное Собраніе Законовъ* № 814, п. 3).

Digitized by Google

справлено за пріобрѣтателемъ. Такимъ образомъ центральное мѣсто, завѣдывавшее дѣлами этого рода, дѣлалось хранилищемъ документовъ и свѣдѣній о владѣніи недвижимою собственностію.

Несправедливо было бы видѣть одну только финансовую цѣль въ установленіи этого порядка. Безъ сомнѣнія, обрядъ справки и записки имѣлъ важное значеніе для казны государевой; но въ этомъ обрядѣ выражается, и помимо финансовой цѣли, разумное начало порядка и достовѣрности землевладѣнія, выражается желаніе московскаго правительства имѣть всегда въ рукахъ своихъ точныя свѣдѣнія о переходахъ недвижимой собственности и предупредить неизвѣстность о правахъ частныхъ владѣльцевъ. Посредствомъ справки и допроса тотчасъ могло быть приведено въ извѣстность, правильно ли совершился переходъ имѣнія, утверждалось частное право владѣльца, установлялось окончательно отношеніе его къ правительству въ качествѣ собственника, владѣльца извѣстной дачи, наконецъ, что̀ весьма важно, предупреждалась возможность двойной продажи одного и того же имѣнія въ разныя руки.

Правила о справкѣ и запискѣ разсѣяны въ памятникахъ стариннаго нашего законодательства безъ систематическаго порядка. О ней упоминается въ разныхъ мѣстахъ, по поводу отдѣльныхъ вопросовъ о послѣдствіяхъ той или другой сдѣлки или акта; но соображая эти отрывочныя данныя съ тѣмъ понятіемъ о пріобрѣтеніи права собственности, которое вытекаетъ изъ сущности этого права, — мы имѣемъ полное основаніе заключить, что въ эпоху Уложенія съ справкой и записью имѣнія соединялось именно понятіе о переходѣ вотчиннаго права. Въ Уложеніи прямо постановлено (XVII. 34), что въ случаѣ продажи одной и той же вотчины въ двои руки, дѣйствительною считается не та купчая, которая прежде совершена или выдана, а та, по которой *прежде* записано за покупщикомъ имѣніе въ книги помѣстнаго приказа (1): другой по-

1) Мы говоримъ: *прежде*, хотя этого слова нѣтъ въ 34 статьѣ XVII главы Уложенія. Здѣсь предполагается, что въ помѣстномъ приказѣ можетъ быть только одна записка за однимъ лицомъ: «тою вотчиною владѣти тому, за кѣмъ она въ приказѣ въ книги записана, а первому купцу тою вотчиною владѣти не велѣти для того, что онъ ту вотчину, купя въ помѣстномъ приказѣ, за собою въ книги не записалъ.» Но еслибъ

Digitized by Google

купщикъ, въ этомъ случаѣ лишался имѣнія, хотя бы его купчая была совершена или выдана ранѣе. Онъ получалъ только право искать вознагражденія отъ продавца. Напротивъ, когда обѣ купчія оказывались незаписанными, то преимущество давалось прежде выданной купчей.

Нельзя не замѣтить нѣкоторой исторической аналогіи между этимъ обрядомъ и тѣмъ порядкомъ записки, который мы видѣли въ исторіи западныхъ европейскихъ народовъ. Только тамъ порядокъ этотъ развивался въ связи съ сознаніемъ римской идеи о переходѣ вещнаго права. У насъ для такого сознанія не наступила еще въ то время пора, да и не было историческихъ данныхъ; однако, намъ кажется, что нашъ обрядъ безсознательно клонился къ той же цѣли и таилъ въ себѣ ту же идею. При историческомъ изслѣдованіи учрежденій не слѣдуетъ забывать, что общество, такъ же какъ и отдѣльный человѣкъ, въ развитіи своемъ поступаетъ отъ безсознательнаго къ сознательному, и что въ первоначальномъ проявленіи и употребленіи той или другой формы не слѣдуетъ отыскивать разумнаго сознанія тѣхъ началъ, которымъ суждено въ ней выясниться въ послѣдствіи: довольно, если форма въ самомъ первомъ проявленіи своемъ оказывается разумною относительно дѣйствительности, посреди которой возникла, представляется не чуждою, извнѣ принесенною, произвольно установленною

могло случиться, что обѣ продажи записаны были въ приказѣ, то разумѣется, при одинаковомъ формальномъ достоинствѣ обоихъ актовъ, только первая записка могла считаться дѣйствительною, а вторая необходимо представлялась бы ошибкой или злоупотребленіемъ. Вотъ еще нѣсколько случаевъ, въ которыхъ законъ упоминаетъ о практическомъ значеніи записки: когда измѣнникъ, — бѣглецъ въ чужую землю изъ Московскаго государства,—до отъѣзда продастъ кому вотчину или заложитъ или просрочитъ, но успѣетъ записать ту купчую или кабалу въ книги на имя новаго пріобрѣтателя, въ такомъ случаѣ переходъ велѣно признавать законнымъ, совершившимся. «А буде, кто учнетъ владѣти измѣнничьей вотчиной» по купчей или закладной, не записанной въ книгу, у того велѣно брать вотчину на государя, «для того что онъ ту вотчину, купя или взявъ въ закладъ, на срокъ и послѣ сроку за собою въ книги не записалъ». Уложеніе XVII. 38, 39. Помѣстья, сданныя по однимъ сдаточнымъ записямъ безъ челобитья государю, велѣно отнимать и обращать въ раздачу, если они не справлены за пріобрѣтателемъ въ помѣстномъ приказѣ (XVI, 12). Подобное же правило—о помѣстьяхъ прожиточныхъ, взятыхъ въ приданое за женой, о прописныхъ помѣстьяхъ, о помѣстьяхъ, самовольно записанныхъ въ вотчину (XVI. 20, 27, 28, 51).

Digitized by Google

формой, а состоитъ въ связи съ потребностями своего времени и удовлетворяетъ имъ въ практическомъ примѣненіи. Иная форма, въ началѣ, повидимому грубая,—форма, которая сама по себѣ, отдѣльно отъ исторической и мѣстной обстановки показалось бы пустою обрядностію, развиваясь послѣдовательно по мѣрѣ развитія общественныхъ отношеній, лишь черезъ долгое время достигаетъ того вида, въ которомъ можно указать ея мѣсто въ системѣ права, обнаружить вполнѣ разумное ея значеніе и, прослѣдивъ исторически всѣ ея видоизмѣненія, раскрыть жизненное начало, издавна таившееся въ ней, историческое зерно, изъ котораго суждено было ей вырости до полноты сознательнаго совершенства. Нѣтъ сомнѣнія, что и наша вотчинная записка была неполною и несовершенною формой, что она совершалась въ безпорядкѣ и неправильно, и можетъ-быть, въ примѣненіи къ дѣлу слишкомъ часто обращалась въ пустую финансовую обрядность. При всемъ томъ едва ли кто станетъ спорить, что въ сущности этого обряда была практическая мысль, что въ немъ заключалось плодотворное начало, изъ котораго могла бы по времени развиться стройная и правильная система своего рода, еслибы начало это было правильно понято и примѣнено къ новымъ условіямъ преобразованнаго русскаго общества.

Къ сожалѣнію, начало это, кажется, не было понято посреди той ломки старинныхъ формъ и учрежденій, которая началась у насъ при Петрѣ. Многое въ то время заимствовали мы отъ Запада, но при этомъ заимствованіи, казавшемся необходимымъ въ тогдашнемъ политическомъ положеніи Россіи, довольствовались по большей части только наружною формой, увлекаясь ею какъ увлекаются всѣ живые, но еще несозрѣвшіе умы, и при быстротѣ заимствованія, конечно, не въ состояніи были вмѣстѣ съ формой усвоить себѣ, перенесть на свою почву, и то живое историческое начало, изъ котораго развилась и выросла на западной почвѣ та или другая, прельстившая насъ форма. Такъ иногда, изъ-за перенятой чужой формы, пренебрегая своею собственной, правда грубою на взглядъ, но еще не сознанною нами,—мы вмѣстѣ съ оставленною формой теряли изъ виду и то историческое зерно сознанія, которое непримѣтно для насъ самихъ могло таиться въ этой старообычной формѣ.

Петръ I обратилъ вниманіе на существовавшій безпорядокъ въ изложеніи и совершеніи актовъ и сдѣлокъ. Желая уничтожить неопредѣленность и произволъ въ этомъ дѣлѣ, онъ уста-

Digitized by Google

новилъ новыя строгія формы совершенія актовъ крѣпостнымъ порядкомъ, и формы эти сдѣлались безусловно необходимыми для совершенія всякой сдѣлки между частными лицами. Цѣлію новаго обряда было — строгимъ надзоромъ обезпечить законность совершенія актовъ и исправное взысканіе пошлинъ въ пользу казны; но при этомъ вовсе упущено было изъ виду внутреннее значеніе вотчинной записки пріобрѣтенія въ поземельную книгу: связанное съ этою запискою начало повѣрки *правъ передатчика*, начало опредѣленное, замѣнилось неопредѣленнымъ началомъ — повѣрки *акта въ его законности*, и эта повѣрка совпала съ минутой *совершенія акта*. За совершеніемъ акта, правда, должна была слѣдовать явка его въ приказѣ, но это была уже не прежняя явка для *сознанія* права, для повѣрки его и утвержденія запиской, а новая явка въ подлежащій приказъ — *ко владѣнію* и *ко взысканію пошлинъ*, въ установленный срокъ: понятно, что этотъ послѣдній обрядъ долженъ былъ утратить значеніе *существеннаго* обряда, соединеннаго съ повѣркой правъ, и понятіе объ *укрѣпленіи* имущества за пріобрѣтателемъ перенесено было на моментъ совершенія самой сдѣлки, тогда какъ въ прежнемъ порядкѣ то и другое различалось. Такимъ образомъ прежній порядокъ пріобрѣтенія не только усложнился двойными и обременительными формальностями, но, и это главное, онъ запутался едва ли не болѣе прежняго. Законъ не выразилъ новаго понятія о началѣ пріобрѣтенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отрѣшившись отъ стараго начала, утратилъ возможность связать съ нимъ новыя формы или усовершенствовать въ связи съ нимъ прежнія формы. Отъ того со времени Петра является разладъ въ общественномъ понятіи и въ законодательствѣ объ этомъ предметѣ. Вмѣсто одного порядка являются два, и становятся рядомъ двѣ системы пріобрѣтенія правъ собственности: посредствомъ совершенія акта и посредствомъ явки, справки и записки. Обѣ системы долго боролись между собою, но наконецъ первая, какъ система новаго законодательства, получила перевѣсъ. Справка въ теченіе первыхъ трехъ четвертей XVIII столѣтія почиталась еще необходимою формальностью. Съ 1720 года дѣла о справкѣ и отказѣ недвижимыхъ имуществъ перешли въ вѣдомство вотчинной конторы, потомъ вотчинной коллегіи, существовавшей до 1786 года. Правительство старалось поддержать силу этого обряда, угрожая прещеніями и штрафами неисполнителямъ; но въ этомъ стремленіи выража-

Digitized by Google

лась уже почти исключительно финансовая цѣль, а не цѣль практическая; это было уже произвольное предписаніе, а не практически разумное правило. А какъ на самомъ дѣлѣ возможно было владѣть имуществомъ, безъ соблюденія сложныхъ формальностей и безъ платежа пошлинъ, то на практикѣ справка имуществъ почти вышла изъ употребленія.

Въ старинной системѣ вотчиннаго укрѣпленія, справка была главнымъ и существеннымъ дѣломъ, вотчинною запиской. Но за этою запиской слѣдовала еще вотчинная *инвеституpa*, слѣдовалъ такъ-называемый *отказъ*. Система отказа, довольно сложная, направлена была къ тому, чтобъ огласить пріобрѣтеніе собственности на мѣстѣ, а отчасти и къ тому, чтобы пошлины государевы сколько можно болѣе прибывали. Пріобрѣтатель имѣнія послѣ справки обращался въ приказъ съ новою челобитной: вотчина-де записана въ книги, но не дано на нее отказной грамоты. По этому челобитью вновь дѣлалась въ приказѣ справка о прежнемъ производствѣ и посылалась къ мѣстному воеводѣ отказная грамата съ предписаніемъ: «послать на мѣсто кого пригоже, и, велѣвъ ему взять съ собою тутошнихъ и сторонних людей, старостъ и цѣловальниковъ, и крестьянъ, велѣть переписать въ той вотчинѣ дворы и въ дворахъ людей по именамъ, и мѣста дворовыя, и пашню, и лѣсъ, и всякія угодья, и все то написавъ въ книги, прислать въ приказъ, а списокъ оставить въ приказной избѣ впредь для вѣдома и спору.» За присылкой отъ воеводы отказныхъ книгъ слѣдовало иногда новое челобитье пріобрѣтателя, о посылкѣ на мѣсто вводной послушной грамоты крестьянамъ, чтобъ они его слушали, и помѣстный приказъ, сдѣлавъ вновь справку по книгамъ, посылалъ послушную грамоту. Впрочемъ, предписаніе крестьянамъ о послушаніи, какъ можно судить по дошедшимъ до насъ актамъ, соединялось весьма часто и съ отказомъ. Необходимою принадлежностью всѣхъ этихъ дѣйствій было взиманіе въ помѣстномъ приказѣ пошлины по числу четвертей земли и особо съ крѣпости. Порядокъ этотъ хотя и не былъ отмѣненъ законами Петра и его преемниковъ, однако выходилъ уже изъ употребленія вмѣстѣ съ вотчинною запиской, въ теченіе XVIII столѣтія.

Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года положено начало новому порядку. Мѣсто прежней справки и прежняго отказа, заняли *вводъ во владѣніе и отказъ* особаго свойства,—формы, тоже оказавшіяся въ послѣдствіи не практическими. Вмѣсто прежняго госу-

Digitized by Google

дарственнаго центра для всѣхъ дѣлъ о поземельной собственности, установлены по всей Россіи мѣстные центры, куда пріобрѣтатели недвижимыхъ имѣній должны были предъявлять свои акты для ввода во владѣніе, долженствовавшаго служить замѣной справки, вводной, послушной и отказной грамотъ. Для ввода надлежитъ предъявить актъ пріобрѣтенія въ надлежащее присутственное мѣсто, въ вѣдомствѣ коего находится имѣніе. Съ этимъ дѣйствіемъ должны соединяться: 1) Повѣрка представляемаго акта и удостовѣреніе дѣйствительности его въ судѣ. 2) Предписаніе полиціи ввесть пріобрѣтателя во владѣніе. 3) Оглашеніе этого предписанія, для того чтобы дать возможность оспаривать актъ тѣмъ лицамъ, коихъ права могли быть совершеніемъ его нарушены. Оно состоитъ въ прибитіи къ дверямъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, участвовавшихъ въ процессѣ ввода, объявленій о переходѣ имущества. Сверхъ того, сначала положено было дѣлать особую публикацію о вводѣ черезъ вѣдомости, но потомъ оставлена одна публикація о совершеніи акта. 4) Приведеніе подвластныхъ людей въ послушаніе новому владѣльцу, посредствомъ временнаго отдѣленія земскаго суда, при сторонніхъ людяхъ. 5) Составленіе акта о вводѣ или вводнаго листа и выдача копіи съ него новому владѣльцу. За тѣмъ отказъ въ новомъ своемъ видѣ, по учрежденію о губерніяхъ, представлялся такою формальностью, которой не было въ старинномъ обрядѣ: цѣлію ея было окончательное и безусловное укрѣпленіе имущества за лицомъ, которое безспорно владѣло имъ въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ формальнаго объявленія о вводѣ (1).

(1) Этотъ двухгодичный срокъ исчисляется со времени публикаціи объ окончательномъ совершеніи акта, потому что особой публикаціи о вводѣ теперь уже не дѣлается. Очевидно, что, назначая этотъ срокъ, законъ имѣлъ въ виду установить особенную, кратчайшую давность для утвержденія вотчиннаго права за пріобрѣтателемъ имущества, но рѣшительное признаніе этого права все-таки заключалось въ отказѣ. Съ уничтоженіемъ отказа, правило о двухлѣтнемъ срокѣ вовсе исключено изъ раздѣла III, о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія «правъ вообще», и изъ общей главы «о вводѣ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ по укрѣпленіямъ», слѣдовательно потеряло силу общаго правила. Оно удержано только для купчихъ крѣпостей (1524 ст. Гражд. Зак.) и для духовныхъ завѣщаній (1098 ст.). Выраженіе закона о дѣйствіи этого срока безусловно («послѣ сего никакого уже спора недопускается», «впредь всякій споръ о купчей не долженъ имѣть мѣста»); но наряду съ этимъ безусловнымъ правиломъ суще-

Digitized by Google

Это было публичное удостовѣреніе о дѣйствительномъ и безспорномъ владѣніи имѣніемъ въ теченіи такого срока, послѣ

ствуетъ столь же безусловный срокъ общей земской десятилѣтней давности, исчисляемый со времени, когда началось безспорное владѣніе имуществомъ или открылось право на искъ. Отношеніе между этимъ общимъ срокомъ давности и спеціяльнымъ срокомъ для спора противъ актовъ укрѣпленія вовсе не опредѣлялось и не опредѣляется закономъ: опредѣлить его тѣмъ труднѣе, что начало счисленія того и другаго срока не одинаково (публикація о совершеніи акта въ одномъ случаѣ, въ другомъ — начало безспорнаго владѣнія и открытіе права на искъ). Разграничить дѣйствіе того и другаго срока, опредѣлить какіе или чьи права и притязанія погашаются десятилѣтнимъ и какія двухлѣтнимъ— нѣтъ возможности, потому что законъ не содержитъ въ себѣ никакого начала для подобнаго разграниченія; съ другой стороны, законъ прямо не объявляетъ и того, что десятилѣтняя давность вовсе не примѣняется къ правамъ, зависящимъ отъ крѣпостнаго акта. Поэтому на практикѣ постоянно возникали недоумѣнія о примѣненіи двухлѣтняго срока. Судебная практика рѣдко рѣшалась примѣнять его тамъ, гдѣ онъ приходилъ въ столкновеніе съ общею давностью. И дѣйствительно, безусловное примѣненіе этого срока, при настоящемъ положеніи нашего законодательства о пріобрѣтеніи, было бы несправедливо, несогласно съ практическимъ смысломъ. Сокращеніе срока давности оправдывается, какъ замѣчено выше (IV), публичностью, съ которою совершается переходъ собственности въ недвижимомъ имуществѣ, посредствомъ транскрипціи въ томъ самомъ округѣ, гдѣ состоитъ имущество. Но у насъ публичность совершенія акта не дѣйствительная, а предполагаемая, обманчивая, потому что публикація въ *Сенатскихъ Вѣдомостяхъ* на самомъ дѣлѣ не ведетъ къ цѣли оглашенія права. Актъ можетъ быть совершенъ въ Москвѣ на имѣніе въ Самарской губерніи; и публикація объ немъ сама по себѣ не придаетъ ни особенной твердости, ни особенной гласности пріобрѣтаемому праву. Представимъ себѣ, что продано имѣніе, находящееся въ дѣйствительномъ владѣніи третьяго лица, продано такимъ лицомъ, котораго вотчинное право на это имѣніе весьма сомнительно. Имѣніе—положимъ, въ Саратовской губерніи, а купчая совершена въ Москвѣ. О совершеніи ея своевременно сдѣлана публикація, покупщикъ съ намѣреніемъ не требуетъ ввода во владѣніе по купчей и ждетъ истеченія двухлѣтняго срока, а по истеченіи его объявляетъ свое право по купчей безусловнымъ. Во все это время дѣйствительный владѣлецъ могъ вовсе не знать о совершившемся переходѣ: никто его не вытѣснялъ изъ владѣнія, никто не оспаривалъ его правъ. Конечно, несправедливо было бы обвинить его, отнять у него право спора и возраженія, только на томъ основаніи, что за два года помѣщена была въ *Сенатскихъ Вѣдомостяхъ* публикація о продажѣ того самаго имѣнія, которымъ онъ владѣлъ безспорно. Очевидно, въ этомъ случаѣ двухлѣтняя давность для спора противъ акта сталкивается съ общею давностью безспорнаго владѣнія; а подобныхъ столкновеній встрѣчается не мало въ практикѣ.

Digitized by Google

коего никакой споръ не могъ уже быть допущенъ. Соблюденіе какъ той, такъ и другой формальности, законъ признавалъ необходимымъ для полноты вотчинныхъ правъ; обрядъ ввода во владѣніе удержался до нашего времени, но отказъ уже не существуетъ. Съ отказомъ соединены были новыя формы и взысканіе четвёртной пошлины; а между тѣмъ возможно было владѣть имѣніемъ и безъ отказа; поэтому многіе владѣльцы обходились безъ него. Правительство приглашало всѣхъ къ соблюденію этого обряда, но приглашенія не имѣли успѣха. Манифестомъ 1780 года предоставлено было каждому владѣльцу справить и отказать за собою имѣніе въ теченіе пяти лѣтъ безъ платежа пошлины; но это не помогло, и въ 1793 году назначенный срокъ былъ продолженъ до 1800 года. Въ 1801 году отмѣнена и четвертная пошлина; правительство объявило, что съ уничтоженіемъ ея, «вѣроятно, каждый изъ помѣщиковъ, потщится имѣніе свое законнымъ порядкомъ за себя справить и отказать.» Несмотря на то, отказъ все болѣе и болѣе выходилъ изъ употребленія, становился мертвою формальностью, о соблюденіи которой помышляли весьма немногіе, тѣмъ болѣе что съ отказомъ, который по указу 1821 года слѣдовало непремѣнно писать на крѣпостной бумагѣ, по цѣнѣ имѣнія, сопряжены были и расходы немаловажные. Онъ утрачивалъ мало-по-малу и законное свое значеніе на самомъ дѣлѣ: соединенная съ отказомъ двухлѣтняя давность не получила на практикѣ самостоятельнаго значенія и большею частію уступала мѣсто общей земской давности для погашенія исковъ и споровъ, такъ что въ судебныхъ мѣстахъ нерѣдко и послѣ отказа принимаемы были споры противъ владѣнія, къ которому онъ относился. Наконецъ, въ 1857 году, отказъ отмѣненъ окончательно.

Новый порядокъ, введенный Учрежденіемъ о губерніяхъ, представлялъ то удобство для частныхъ лицъ, что всякій могъ, не обращаясь въ столицу, въ ближайшемъ мѣстномъ центрѣ исполнить требуемую формальность. Невыгода новаго порядка состояла въ томъ, вопервыхъ, что въ обрядѣ ввода во владѣніе не было практическаго начала; съ нимъ не были связаны важныя практическія послѣдствія: пріобрѣтеніе и утвержденіе права вовсе не было поставлено въ прямую отъ него зависимость. Можно было вступить во владѣніе безъ формальнаго ввода, и это владѣніе считалось столь же дѣйствительнымъ, какъ и владѣніе, начавшееся вводомъ. Вводный листъ служилъ только

Digitized by Google

доказательствомъ того, что владѣніе началось, и что при этомъ спора объявлено не было, но не исключительнымъ, единственно-законнымъ доказательствомъ, а однимъ изъ числа многихъ доказательствъ владѣнія. Со вводомъ соединялась повѣрка представляемаго акта; но эта повѣрка вовсе не касалась правъ передатчика, слѣдовательно не имѣла въ виду означить переходъ, утвердить пріобрѣтеніе имущества: это была повѣрка чисто-внѣшняя; актъ слѣдовало признать дѣйствительнымъ, какъ скоро «не оказывалось спора о самомъ актѣ и запрещенія на переходъ имущества къ другому владѣльцу», запрещенія, при существованіи коего самое совершеніе акта, по закону, было невозможно. Отъ этого и вводъ во владѣніе скоро принялъ видъ такой формальности, которая соблюдается не всегда, и притомъ большею частію только на бумагѣ, а не на самомъ дѣлѣ. Вовторыхъ, такъ какъ со вводомъ не соединялась повѣрка правъ передатчика, и вводъ ни въ какомъ случаѣ не могъ служить удостовѣреніемъ правъ пріобрѣтателя, то не было и надобности мѣстнымъ центрамъ, по случаю ввода, собирать и хранить у себя точныя свѣдѣнія о поземельномъ владѣніи и о законныхъ переходахъ каждаго имущества, тогда какъ при прежней централизаціи вотчинной записки, помѣстный приказъ былъ общимъ центральнымъ мѣстомъ, которое обязано было имѣть у себя всѣ свѣдѣнія о поземельномъ владѣніи, и безъ этихъ свѣдѣній не могло даже приступить къ записке новопріобрѣтеннаго права по каждому имѣнію. Правительство сознавало этотъ недостатокъ и старалось восполнить его. По намѣренію правительства, гражданскія палаты долженствовали сдѣлаться центральными хранилищами всѣхъ вотчинныхъ документовъ и свѣдѣній для цѣлой губерніи: сюда, по указу 1780 года, межевыя конторы должны были, по окончаніи межеванья, отсылать копіи съ писцовыхъ книгъ, плановъ и другихъ актовъ, собранныя для руководства при межеваніи и при разрѣшеніи межевыхъ споровъ; сюда же и уѣздные суды, по исполненіи вотчиннаго обряда, должны были доставлять полныя свѣдѣнія о переходахъ недвижимыхъ имуществъ. На гражданскія палаты была возложена установленная въ 1765 году для вотчинной коллегіи обязанность вести алфавитныя росписи владѣльцамъ, селеніямъ и землямъ. Но это предписаніе правительства осталось безъ послѣдствій; не удивительно, что оно не имѣло успѣха, потому что оно было правиломъ безъ практической связи съ существенною обязанностію, лежавшею на

Digitized by Google

присутственныхъ мѣстахъ по поводу ввода во владѣніе. Это было не болѣе какъ предписаніе собирать офиціяльно статистическія свѣдѣнія и подверглось участи всѣхъ подобныхъ предписаній, когда они исполняются людьми, не заинтересованными въ дѣлѣ. Естественно, что гражданскія палаты и уѣздные суды, при множествѣ другихъ существенныхъ занятій, оставались равнодушны къ собиранію такихъ свѣдѣній, въ которыхъ не видѣли связи съ практическимъ употребленіемъ и которыхъ сами не могли признать за свѣдѣнія безспорныя: поэтому дѣло дѣлалось сначала для виду и для очистки, а потомъ и вовсе перестало дѣлаться. Положено было завесть въ гражданскихъ палатахъ особыя книги на пергаменѣ для записки вотчинныхъ документовъ и свѣдѣній, и для заготовленія книгъ установленъ особый сборъ съ владѣльцевъ при справкѣ и отказѣ имѣній, по деньгѣ съ четверти. Сборъ этотъ существовалъ до 1821 года, и собираемыя деньги обращались въ гражданскія палаты на покупку пергамена и веденіе книгъ. Пергаменъ былъ заготовленъ въ нѣкоторыхъ палатахъ, но самыя росписи не велись, или кое-гдѣ были только что начаты, такъ что правительство вынуждено было въ 1821 году отмѣнить сборъ, а въ 1829 году отмѣнено и самое веденіе книгъ. Наличный капиталъ, около 40.000 руб., образовавшійся изъ сборныхъ денегъ, былъ переданъ въ комитетъ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, а пергаменные листы, въ недавнее уже время, обращены въ продажу. Подобное же распоряженіе недавно вновь сдѣлано правительствомъ по поводу уничтоженія отказовъ. Временныя отдѣленія земскихъ судовъ, по совершеніи ввода, передаютъ вводные листы въ тѣ мѣста, откуда послѣдовало предписаніе о вводѣ, а этимъ мѣстамъ вмѣняется въ обязанность *сшивать* эти вводные листы, переплетать ихъ ежегодно, и сверхъ того, вести алфавитные реестры о всѣхъ вводахъ по названію имѣній, со ссылкою на самые вводные листы. Трудно представить себѣ, чтобы подобные сборники, если и будутъ ихъ составлять исправнѣе и добросовѣстнѣе чѣмъ составляются напримѣръ реестры, вѣдомости и алфавиты дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ, могли удовлетворить цѣли, которую предполагаетъ законъ. Дѣло, порученное судамъ, будетъ дѣло чисто-механическое, подобное собиранію статистическихъ свѣдѣній и составленію вѣдомостей для представленія начальству, трудъ, въ которомъ работ-

Digitized by Google

нихъ не видитъ прямой, жизненной связи съ существеннымъ своимъ занятіемъ. Иное было бы дѣло, когда бы записка и отмѣтка, порученная спеціяльнымъ людямъ, основана была на повѣркѣ правъ по документамъ и когда бы съ этою запиской или отмѣткой соединено было признаніе права и утвержденіе пріобрѣтенія.

Такимъ образомъ, начавшаяся съ XVIII столѣтіемъ борьба между прежнимъ порядкомъ справки и вотчинной записки, и новымъ порядкомъ крѣпостнаго совершенія актовъ и вотчинной инвеституры, окончилась къ XIX столѣтію въ пользу послѣдняго порядка, который и получилъ исключительное господство. Крѣпостной актъ получилъ значеніе совершеннаго, рѣшительнаго титула, на которомъ утверждается и основаніе, и пріобрѣтеніе права собственности. Дальнѣйшаго удостовѣренія о пріобрѣтеніи уже не требовалось. Вотъ причина, почему графъ Сперанскій, съ свойственною ему проницательностію, помѣстилъ нашу купчую не въ системѣ договоровъ, къ которымъ она причисляется во всѣхъ западныхъ законодательствахъ, а въ системѣ укрѣпленія правъ по имуществу. Купчая, по словамъ графа Сперанскаго, есть не обязательство, а *traditio symbolica*, и процессъ по ней принадлежитъ не къ исковымъ, но къ вотчиннымъ или крѣпостнымъ. Это мнѣніе совершенно согласно съ общимъ взглядомъ нашего законодательства на пріобрѣтеніе вотчиннаго права. Столь же послѣдовательно законъ нашъ считаетъ запродажную запись договоромъ, имѣющимъ личное, а не вещное свойство, ограничиваетъ дѣйствіе его краткимъ срокомъ и не дозволяетъ вводить на основаніи его во владѣніе запроданнымъ имуществомъ. Соображая постановленія нашего законодательства по этому предмету, въ цѣломъ и въ частяхъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что *укрѣпленіе* считается у насъ началомъ и основаніемъ права собственности. По офиціяльному понятію, минута этого укрѣпленія совпадаетъ съ минутой окончательнаго совершенія акта, такъ что, когда въ 1836 году возникъ законодательнымъ порядкомъ вопросъ, разрѣшенный уже, какъ мы видѣли, въ Уложеніи,—вопросъ о томъ, котораго изъ покупщиковъ имущества считать законнымъ собственникомъ, если имущество продано по двумъ купчимъ въ двои руки, вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ совершенно противоположно Уложенію. Велѣно было считать дѣйствительною ту купчую, которая *совершена*

Digitized by Google

прежде (1). Нельзя было иначе и разрѣшить этотъ вопросъ, потому что понятіе о необходимой связи пріобрѣтенія со справкой и запиской, существовавшее въ эпоху Уложенія, теперь исчезло безъ всякаго слѣда.

IX.

Таково настоящее положеніе въ нашемъ законодательствѣ важнаго вопроса о пріобрѣтеніи вотчиннаго права. Очевидно, что его нельзя признать удовлетворительнымъ. Законъ нашъ вовсе не опредѣляетъ, когда именно совершается пріобрѣтеніе, съ какимъ именно дѣйствіемъ оно связано. Выдача акта отъ крѣпостныхъ дѣлъ, передача акта дающею стороною сторонѣ принимающей—все это дѣйствія частныя, негласныя, не опредѣленныя во времени, а важно именно то, чтобы минута перехода была опредѣлена точно и ясно. Совершеніе акта крѣпостнымъ порядкомъ еще не даетъ ручательства въ томъ, что вотчинное право дѣйствительно принадлежало передатчику (или закладчику). Съ совершеніемъ акта не соединяется вовсе повѣрка основаній его права: само присутственное мѣсто не имѣетъ въ своемъ распоряженіи точныхъ и вѣрныхъ данныхъ для такой повѣрки, а требовать отъ передатчика, чтобъ онъ предъявилъ доказательства о вотчинномъ его правѣ, было бы стѣснительно для свободы гражданскихъ сдѣлокъ; этого не дозволяетъ и законъ, потому что такая повѣрка была бы не *справкою*, а *ревизіей* вотчинныхъ документовъ. Актъ записывается въ книгу, но это слѣдъ только единичнаго соглашенія сторонъ, а не слѣдъ, оставляемый предшествующею исторіей имущества. Купчая можетъ быть совершена въ какой угодно палатѣ, вовсе и не въ той, въ вѣдомствѣ которой находится имущество; центральнаго мѣста для явки совершенныхъ актовъ тоже нѣтъ, а на самомъ имуществѣ не остается слѣдовъ перехода. Оттого происходитъ у насъ безгласность переходовъ, весьма вредная и въ юридическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Нельзя сказать, что законъ оставилъ вовсе безъ вниманія невыгоды, происходящія отъ такой безгласности: для

(1) 1416, 1509 ст. Зак. Гражд.

Digitized by Google

отвращенія этихъ невыгодъ у насъ установленъ особый обрядъ. Но этотъ обрядъ, въ примѣненіи къ дѣйствительности, не имѣетъ и не можетъ имѣть практическаго значенія и превратился въ формальность, мало кого ограждающую. Обрядъ этотъ—публикація въ сенатскихъ объявленіяхъ о совершеніи каждаго акта, по коему переходитъ недвижимое имущество, и сообщеніе копіи съ сего объявленія въ губернію и уѣздъ, гдѣ находится имущество. Объявленій этихъ никто не читаетъ, да и печатаются они поздно, не своевременно (1). Копіи эти пріобщаются къ дѣлу.

Вслѣдствіе этихъ причинъ, у насъ еще въ большей степени чѣмъ было прежде во Франціи, право собственности находится въ неопредѣленности и подвержено случайностямъ и обманамъ, такъ что мы еще съ большею увѣренностію можемъ повторить о себѣ слова, сказанныя Дюпеномъ о Франціи: «У насъ кто покупаетъ имѣніе—хотя бы даже купилъ съ аукціоннаго торга,—не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что у него не отнимутъ купленнаго; кто платитъ за имѣніе, не увѣ-

---

(1) Чтобъ это выраженіе не показалось бездоказательнымъ, беремъ наудачу два нумера с.-петербургскихъ и московскихъ сенатскихъ объявленій. Въ № 46 *С.-Петербургскихъ Сенатскихъ объявленій* за 1860 годъ, вышедшемъ 9 іюня, помѣщены публикаціи о крѣпостныхъ актахъ, совершенныхъ въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1859 года, то-есть болѣе чѣмъ за годъ прежде публикацій. Въ № 47 *Московскихъ объявленій*, 11-го іюня 1860 года помѣщены публикаціи объ актахъ, совершенныхъ лѣтомъ и осенью *1855* года, то-есть за *пять* лѣтъ до публикаціи. Спрашивается, къ чему же послѣ этого можетъ служить публикація? Съ 1855 года то же самое имѣніе могло быть продано пять разъ, переходя изъ рукъ въ руки, можетъ теперь состоять за пятымъ пріобрѣтателемъ, считая съ 1855 года, а по офиціяльной публикаціи 1860 года оно только что объявлено за первымъ пріобрѣтателемъ.

Но предположимъ, что публикація сдѣлана своевременно, черезъ нѣсколько дней по совершеніи акта. Какую связь имѣетъ она со вводомъ во владѣніе? Публикація отсылается мѣстомъ, совершающимъ крѣпостной актъ, немедленно по совершеніи акта. Особой публикаціи о вводѣ во владѣніе не дѣлается, хотя XXIII разрядъ сенатскихъ объявленій носитъ заглавіе: о совершенныхъ крѣпостныхъ актахъ и *о явкѣ сихъ актовъ для ввода во владѣніе имѣніемъ*. Если же допускается предположеніе, что публикація о совершеніи акта есть въ то же время и публикація о вводѣ, то это предположеніе будетъ фальшивое, потому что актъ совершенный можетъ быть вовсе не представленъ для ввода, можетъ быть прежде ввода оспоренъ и признанъ недѣйствительнымъ, такъ что самый вводъ не состоится.

Digitized by Google

ренъ, что ему не придется платить въ другой разъ; кто отдаетъ деньги въ займы, даже подъ залогъ имѣнія, не можетъ считать себя вполнѣ обезпеченнымъ въ томъ, что получитъ ихъ обратно.» Прекращеніе этой неопредѣленности было бы истиннымъ благодѣяніемъ для общественнаго и для частнаго кредита; намъ кажется даже, что покуда она существуетъ, нельзя намъ и надѣяться на утвержденіе и развитіе у насъ поземельнаго кредита, къ чему, какъ видно, начало стремиться въ послѣднее время правительство; нельзя надѣяться и на успѣшное примѣненіе къ этому кредиту предполагаемыхъ новыхъ формъ закладнаго права.

Не должно думать однакоже, что исправленіе этого существеннаго недостатка въ нашемъ юридическомъ бытѣ—дѣло простое и легкое; что стóитъ только перенесть въ наше законодательство готовую, хотя бы и совершеннѣйшую форму, организовать учрежденіе, установить правило, для того чтобы изъ неизвѣстности и безпорядка произвесть порядокъ и опредѣленность. Неразумно было бы взять прямо сколокъ съ западныхъ учрежденій и по образцу его вводить у себя формы, отрѣшенныя отъ своей исторической почвы и чуждыя нашей. Этого нельзя сдѣлать такъ же, какъ нельзя представить себѣ настоящую минуту безъ прошедшаго, изъ котораго она вышла и въ которое готова обратиться: безчисленныя ошибки прежнихъ преобразователей должны убѣдить насъ въ томъ, какъ непрочны, какъ опасны подобныя преобразованія. Невозможно намъ исключительно остановиться и на своемъ прошедшемъ и въ немъ съ слѣпою вѣрою искать себѣ готоваго идеала, готоваго образца для подражанія. Эпоха Уложенія далеко ушла отъ насъ: что̀ было годно для людей того вѣка, то уже негодно для насъ; наша эпоха предъявляетъ иныя требованія; наша дѣйствительность предлагаетъ иныя, болѣе сложныя условія; экономическій бытъ нашъ рѣзко отличается отъ тогдашняго всѣмъ, что̀ внесла въ нашу жизнь исторія двухъ столѣтій, всѣмъ, что̀ ежеминутно втекало въ нее путемъ общенія, подражанія, привычки, вкуса и знанія. Тѣ условія собственности и владѣнія, при которыхъ тогдашній владѣлецъ могъ считать свое положеніе удобнымъ, давно уже не соотвѣтствуютъ нашему понятію о юридическомъ и экономическомъ значеніи собственности. Наконецъ, нашему времени принадлежитъ развитіе вовсе незнакомой тому вѣку идеи о *кредитѣ*, какъ великой

Digitized by Google

силѣ общественной, великомъ двигателѣ общественнаго и частнаго преуспѣянія.

Личныя права несравненно способнѣе поддаваться опредѣленіямъ, лишь бы эти опредѣленія истекали изъ сущности того юридическаго отношенія, котораго касаются. Но вещныя права, и въ особенности поземельная собственность, далеко не такъ податливы, потому что предметъ ихъ—*вещь*, имѣющая матеріяльную природу, которая не зависитъ отъ опредѣленій и принимаетъ ихъ только тогда, когда сама вызываетъ ихъ и на нихъ указываетъ. Вещь имѣетъ матеріяльный видъ, матеріяльныя границы, и отъ опредѣленности этихъ границъ зависитъ и опредѣленность самой вещи, слѣдовательно и опредѣленность права, соединеннаго съ обладаніемъ ею. Свойство это въ особенности принадлежитъ землѣ, потому что земля сама по себѣ не имѣетъ особности и получаетъ ее лишь вслѣдствіе искусственнаго обособленія, ограниченія чертой, опредѣляющею пространство, на которое простирается и дѣйствуетъ право лица владѣющаго; слѣдовательно покуда эта черта не опредѣлена съ несомнительною точностію, до тѣхъ поръ земля не получила еще вполнѣ свойства особности и цѣльности, дозволяющей опредѣлить право извѣстнаго лица на извѣстное пространство и ясно отличить его отъ права другихъ извѣстныхъ лицъ на другія извѣстныя пространства. Выше мы имѣли случай упомянуть о двухъ главныхъ дѣятеляхъ въ развитіи понятія о собственности, то-есть о началѣ личномъ и началѣ экономическомъ. Первымъ опредѣляется внутреннее содержаніе права—пространство власти, принадлежащей собственнику надъ вещью, особенность и самостоятельность личности и принадлежащаго ей права; вторымъ, опредѣляется особенность вещи, составляющей предметъ права. Только при совокупномъ дѣйствіи того и другаго начала, право частной собственности достигаетъ полной своей опредѣленности: въ противномъ случаѣ, какъ бы ни были рѣшительны опредѣленія закона о власти собственника, какъ бы ни было твердо основаніе его права, право это не будетъ еще вполнѣ точное и опредѣленное, если владѣніе его не имѣетъ опредѣленныхъ границъ въ самой вещи, на которую простирается.

Итакъ, для того чтобы какая бы то ни была система вотчинной записки могла быть съ успѣхомъ примѣнена къ поземельной собственности и служить дѣйствительнымъ средствомъ для удостовѣренія и утвержденія вотчинныхъ правъ, необходимо,

Digitized by Google

чтобы каждое отдѣльное имѣніе, къ которому относится записка, представляло само по себѣ *цѣльную* и *извѣстную единицу*, вмѣщало въ себѣ *извѣстное* пространство, могло быть опредѣлено съ точностію какъ въ цѣломъ матеріяльномъ составѣ своемъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ и принадлежностяхъ, изъ которыхъ составляется цѣлое. Для достиженія совершенства въ приложеніи этой системы, нужно, кромѣ того, чтобы каждое имѣніе имѣло *вполнѣ извѣстную*, въ возможной точности и на одинаковыхъ началахъ опредѣленную *экономическую цѣнность;* но до такого состоянія нигдѣ еще не достигла поземельная собственность, такъ какъ нигдѣ еще не сдѣлано полной и всесторонней кадастровой оцѣнки, и потому это послѣднее требованіе покуда представляется еще идеаломъ, достиженіе коего будетъ дѣломъ позднѣйшихъ поколѣній. Для насъ покуда рѣчь идетъ не о совершенствѣ системы, а только о возможности практическаго приложенія къ нашей поземельной собственности тѣхъ началъ, на которыхъ эта система основана. Такое приложеніе, если должно быть дѣйствительнымъ приложеніемъ начала практически-плодотворнаго, а не одной только голой и безплодной формы,—едва ли возможно тамъ, гдѣ нѣтъ возможности удовлетворить первое существенное требованіе, выше нами указанное. Если существуетъ неизвѣстность относительно матеріяльнаго пространства и матеріяльнаго состава каждаго отдѣльнаго имѣнія, то, какъ бы опредѣлительно ни означались переходы этого имущества и лежащихъ на немъ вещныхъ повинностей и обязательствъ,—право, связанное съ обладаніемъ такимъ имуществомъ, все-таки будетъ опредѣлено только на подовину: въ немъ все-таки останется еще значительная доля неизвѣстности *матеріяльной*: опредѣлительность права будетъ только *формальная*, слѣдовательно односторонняя и не полная. Между тѣмъ извѣстно, что именно въ матеріяльной, фактической неизвѣстности заключается главная причина недоумѣній и споровъ, что она большею частію распложаетъ процессы и затрудняетъ скорое ихъ разрѣшеніе, запутывая такіе узлы, которые часто невозможно разрѣшить при помощи самой лучшей системы доказательствъ. Для поясненія вышесказаннаго припомнимъ, что далеко не всѣ дачи у насъ обмежеваны генерально, что во многихъ дачахъ существуетъ еще черезполосное владѣніе разнопомѣстныхъ владѣльцевъ, что виды вотчинныхъ правъ и вотчиннаго владѣнія, исторически образовавшагося, до сихъ поръ чрезвы-

Digitized by Google

чайно разнообразны, и до сихъ поръ еще судебныя мѣста принуждены разрѣшать множество споровъ между казной и частными лицами о томъ, слѣдуетъ ли землю признать личною собственностью по актамъ, или по давности, или землей казенною, общественною. Въ судахъ лежитъ еще безъ рѣшенія цѣлая масса дѣлъ, имѣющихъ величайшую важность для частной поземельной собственности, въ огромной средней и степной полосѣ Россіи,—дѣлъ объ отдѣленіи земель однодворческихъ отъ помѣщичьихъ, дѣлъ, производящихся съ 1799 года. Въ дачахъ, генерально обмежеванныхъ, открываются ошибки прежняго межеванія. Въ дачахъ, размежеванныхъ спеціяльно, участки единственнаго владѣнія безпрерывно дробятся по наслѣдству и продажамъ; а между тѣмъ при раздѣлахъ и продажахъ весьма рѣдко случается, что участки, вновь образовавшіеся, немедленно отдѣляются особою межою и переводятся на особый планъ. Покуда владѣніе цѣлою дачей или участками, состоящими въ разныхъ дачахъ генеральнаго межеванія, сосредоточено въ однѣхъ рукахъ, подчинено одному хозяйственному распоряженію и волѣ одного вотчинника, до тѣхъ поръ владѣніе остается спокойнымъ, и внутри его пользованіе тѣмъ или другимъ участкомъ, тою или другою принадлежностью дачи, тѣмъ или другимъ угодьемъ, совершается по старинѣ или по волѣ одного помѣщика; но какъ скоро раздробится это цѣльное владѣніе на разныя части, и мѣсто одного вотчинника занимаютъ многіе, возникаютъ недоумѣнія и споры о принадлежностяхъ той или другой дачи, поднимаются продолжительныя разысканія о томъ, къ какой дачѣ изстари тянула такая-то пустошь, какіе крестьяне пользовались такимъ-то лугомъ и т. п. Эти недоумѣнія усложняются еще весьма обыкновенною у насъ неточностію въ означеніи принадлежностей и составныхъ частей отчуждаемаго имѣнія по купчимъ и крѣпостнымъ актамъ, смѣшеніемъ именъ, безпорядкомъ хозяйственнаго управленія въ имѣніяхъ. Подобныхъ споровъ возникаетъ множество, какъ извѣстно всякому, кто знакомъ съ практикой нашихъ судовъ. Извѣстно также какъ часты случаи недостатка земли по документамъ, оказывающагося уже послѣ пріобрѣтенія и ввода во владѣніе. Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ у насъ способовъ пріобрѣтенія, есть покупка имѣнія съ публичнаго торга. Здѣсь главнымъ основаніемъ торга и главнымъ указаніемъ для покупщика служитъ опись имѣнія и свидѣльство, по коему оно было заложено въ кредитномъ уста-

Digitized by Google

новленіи. Въ тѣхъ и въ другихъ показывается количество наличнаго владѣнія на основаніи дознанія полиціи; тѣ и другія, къ сожалѣнію, не рѣдко разнорѣчатъ и съ вотчинными актами, и съ дѣйствительнымъ владѣніемъ, такъ что покупщикъ, воображавшій себя владѣльцемъ извѣстнаго и вѣрнаго количества, оказывается владѣльцемъ неизвѣстнаго и невѣрнаго, участковъ, состоящихъ въ чужомъ владѣніи, пустошей, которыя отыскиваются въ чужой дачѣ, или вовсе не отыскиваются; либо, вступивъ во владѣніе, открываетъ значительный недостатокъ земли въ купленномъ имѣніи. Случаи, подобные вышеприведеннымъ, въ нашемъ юридическомъ бытѣ составляютъ обыкновенныя явленія: они указываютъ намъ на существенный недостатокъ этого быта, на неопредѣленность матеріяльную, фактическую. Отрицать этотъ недостатокъ, устранить отъ себя работу объ исправленіи его, или предоставить улучшеніе дѣйствію времени и обстоятельствъ, и, несмотря ни на что, увѣровать безусловно въ дѣйствительность новаго законнаго опредѣленія, новой законной формы, новой извѣстной мѣры, которою придется мѣрить величину неизвѣстную,—вотъ одинъ, можетъ-быть самый легкій, но за то и наименѣе надежный путь къ исправленію. Другой путь несравненно труднѣе, гораздо медленнѣе, но за то и надежнѣе. Для того чтобъ истребить зло, необходимо проникнуть до источника его, привесть въ извѣстность основныя, и существенныя, а не однѣ только формальныя его причины и бороться съ неизвѣстностью тамъ именно, гдѣ она зарождается. Мы заботимся о приведеніи въ извѣстность и объ утвержденіи правъ поземельной собственности, и на первыхъ шагахъ къ этой цѣли встрѣчаемся съ неизвѣстностью юридическою, формальною,—съ отсутствіемъ или неполнотой юридическаго сознанія и опредѣленія: не забудемъ, что корень этой юридической неизвѣстности слѣдуетъ искать въ неизвѣстности матеріяльной, фактической, и что только прекращеніе послѣдней укажетъ намъ на истинное средство къ исправленію первой. Много остается еще намъ сдѣлать въ этомъ отношеніи: придется пересмотрѣть и повѣрить не одну только часть гражданскаго права, но всѣ опредѣленія и формы, имѣющія связь съ установленіемъ, обезпеченіемъ и пріобрѣтеніемъ права собственности, а главное—необходимо будетъ привесть въ извѣстность главнѣйшія основанія права собственности въ Россіи и главные виды землевладѣнія во всѣхъ частяхъ ея. Въ этомъ отношеніи, должно признаться, у насъ еще почти ни-

Digitized by Google

чего не сдѣлано. Государственная область Россіи сложилась въ разное время изъ самыхъ разнородныхъ частей путемъ собиранія, присоединенія и завоеванія: каждая изъ этихъ частей имѣетъ свою исторію и свои мѣстныя особенности вотчиннаго права. Изслѣдованіе этихъ особенностей не просто любопытно для насъ: оно необходимо для практическихъ цѣлей. Не зная ихъ вполнѣ, невозможно привесть въ извѣстность поземельныя права частныхъ владѣльцевъ во всѣхъ областяхъ русской имперіи, потому что при разборѣ этихъ правъ всегда придется восходить къ главнымъ историческимъ ихъ основаніямъ, а эти основанія не вездѣ одинаковы. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ средней и низовой полосѣ Россіи бо́льшая часть поземельныхъ правъ основаны на писцовыхъ книгахъ, на помѣстныхъ и вотчинныхъ дачахъ отъ правительства; въ слободскомъ краю встрѣчаемъ заимочное право; въ западномъ краю разнообразные виды зависимаго владѣнія, устроившагося по началамъ римскаго и феодальнаго права, виды пользованія королевскими и казенными землями, наконецъ владѣніе урядовое и эмфитевтическое; писцовыхъ книгъ здѣсь нѣтъ, а главнымъ правиломъ къ рѣшенію споровъ о землѣ издавна принята была давность Литовскаго статута; въ Бѣломорскомъ краю—виды самостоятельнаго владѣнія податныхъ сословій; въ Крыму—старинное владѣніе ханскими и мурзинскими землями, владѣніе безоброчное и оброчное, утверждаемое и документами, и свидѣтелями и присягой: въ Новороссійскомъ краю—владѣніе по новѣйшему пожалованію и раздачѣ подъ поселеніе; въ Малороссіи козачьи земли, и смѣшеніе вотчинныхъ правъ въ пестрыхъ поселеніяхъ людей разнаго чина и званія. Землевладѣніе въ Сибири имѣетъ свой особенный характеръ, тоже мало изслѣдованный. Кавказъ и Закавказье, Бессарабія имѣютъ свою исторію землевладѣнія, свои коренныя историческія основанія вотчиннаго права. Повсюду политическая исторія края, въ эпоху его автономіи, оставила свои глубокіе слѣды въ вотчинномъ правѣ. Изслѣдователя всѣхъ этихъ видовъ землевладѣнія съ перваго раза поражаетъ множество ихъ и разнообразіе: но повсюду замѣчается одно и то же явленіе—постоянное и упорное стремленіе владѣнія слиться съ личностью владѣльца и превратиться для него въ твердое и самостоятельное право личной собственности. Въ переходную и преобразовательную эпоху нашего вотчиннаго права (XVIII столѣтіе), при смѣшеніи старыхъ элементовъ его съ новыми началами и новыми

Digitized by Google

опредѣленіями и формами закона,—всего сильнѣе выказалось это стремленіе, всего дѣятельнѣе совершалась эта глухая борьба личнаго побужденія съ новымъ, еще не вполнѣ установившимся правиломъ закона. Къ этой эпохѣ относятся безчисленныя заимки, поселенія, овладѣнія, расчистки, совершавшіяся частными людьми въ пустыхъ дачахъ казеннаго и неизвѣстнаго владѣнія, самовольныя превращенія зависимаго владѣнія въ самостоятельное, и распродажи однодворцами помѣстныхъ земель своихъ въ руки сторонннхъ людей. Одною изъ главныхъ цѣлей генеральнаго межеванія было—совершить ликвидацію частной поземельной собственности по всей Россіи; это великое дѣло должно было увѣнчаться спеціальнымъ межеваніемъ и понудительнымъ размежеваніемъ разнопомѣстныхъ дачъ. Ликвидація эта, какъ извѣстно, далеко еще не кончена, и едва ли суждено ей совершиться въ скоромъ времени. Ожидать ея окончанія до тѣхъ поръ, пока можно будетъ приступить къ установленію новыхъ формъ передачи вотчинныхъ и вещныхъ правъ едва ли возможно: намъ предстоитъ удовлетворить насущную потребность, прекратить, на сколько возможно въ настоящемъ положеніи, существующую неопредѣленность и невѣрность вотчиннаго права. По нашему мнѣнію, возможно приступить къ этому немедленно; но прежде введенія новыхъ формъ необходимо построить для нихъ по возможности твердое матеріальное основаніе, то-есть собрать вѣрныя свѣдѣнія о каждой дачѣ частнаго владѣнія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ предполагается ввести новый порядокъ, отдѣливъ дачи окончательно ликвидированныя отъ тѣхъ дачъ, въ которыхъ окончательная ликвидація вотчинныхъ правъ пока еще не возможна. Генеральнымъ межеваніемъ, судебными производствами о дачахъ общаго владѣнія и о спорахъ вотчинныхъ, собрано огромное количество актовъ, могущихъ служить вѣрными данными для разрѣшенія почти по каждой дачѣ вопроса о вѣрности или невѣрности вотчиннаго права въ данную минуту. Въ большей части дачъ можетъ-быть, хотя и съ приблизительною вѣрностію, разрѣшенъ вопросъ и о количествѣ чистаго, не подлежащаго спору владѣнія, соединеннаго съ извѣстнымъ правомъ извѣстнаго владѣльца. Вся масса этихъ документовъ и свѣдѣній находилась до сихъ поръ въ распоряженіи офиціяльныхъ дѣлопроизводителей, которые, къ сожалѣнію, не всегда (чтобы не сказать, въ рѣдкихъ случаяхъ) способны были извлечь изъ нея ясный

Digitized by Google

образъ вотчиннаго права по каждому имѣнію: къ этимъ документамъ и свѣдѣніямъ они, по необходимости, должны были относиться лишь съ формальной точки зрѣнія и въ мѣрѣ того спеціяльнаго вопроса, для разрѣшенія коего надлежало разсмотрѣть ихъ. Но если бы люди опытные и юридически образованные взялись за пересмотръ этой массы съ общею цѣлію извлечь изъ нея существенныя свѣдѣнія для опредѣленія матеріяльнаго состава и вотчиннаго права въ дачахъ частнаго владѣнія, то задача оказалась бы разрѣшимою. Съ перваго взгляда кажется, что для этого потребовался бы огромный трудъ, и что встрѣтились бы непреодолимыя препятствія; но припомнимъ, что при такомъ изслѣдованіи вовсе нѣтъ нужды ни въ какой ревизіи вотчинныхъ документовъ, а достаточно только имѣть въ виду новѣйшій, послѣдній актъ, которымъ опредѣляется право владѣльца, какъ-то: окончательное рѣшеніе, безспорную купчую, раздѣльный актъ и т. п.,—собственно для того, чтобы можно было сказать: какое право, какое владѣніе въ данную минуту представляется опредѣленнымъ или безспорнымъ и какое должно быть причислено къ спорнымъ или неизвѣстнымъ. Надобно будетъ только указать на фактъ, а не повѣрять и опредѣлять право: точно тоже слѣдуетъ сказать и объ опредѣленіи границъ или количества владѣнія и составныхъ частей дачи по планамъ и актамъ безспорнымъ. Здѣсь не должно еще быть рѣчи о хозяйственныхъ описаніяхъ или оцѣнкахъ: это задача послѣдующаго времени. На первый разъ собранными свѣдѣніями обозначится юридическій титулъ каждаго имѣнія и степень ето безспорности, равно матеріяльное пространство вотчиннаго владѣнія и степень его безспорности. Въ этомъ видѣ слѣдуетъ извлеченныя свѣдѣнія сдѣлать извѣстными владѣльцамъ и всѣмъ стороннимъ лицамъ чрезъ предъявленіе и публикацію, для того чтобы всѣ, до кого дѣло касается, могли сообщить свои замѣчанія и возраженія, указать на новые документы, споры, требованія и т. п., не для сужденія о правѣ, но для того, чтобы собранныя свѣдѣнія могли имѣть надлежащую полноту. Затѣмъ уже по истеченіи опредѣленнаго срока, свѣдѣнія эти должны послужить основаніемъ описательныхъ статей или листовъ для каждаго отдѣльнаго имѣнія. На первый разъ то уже будетъ важно, что безспорное и ясное отдѣлится отъ спорнаго или неяснаго. Потомъ, послѣ нѣкотораго срока, необходимо будетъ произвесть одновременную повѣрку всѣхъ листовъ, и наконецъ уже присту-

Digitized by Google

пить къ приведенію въ дѣйствіе транскрипціонной систе
Не предполагая говорить о томъ, на какихъ началахъ и въ
кой формѣ она должна быть устроена, мы желали только у
зать на предварительную подготовку ко введенію ея, котор
по нашему мнѣнію, необходима.

К. Побѣдоносцевъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ КОННОЗАВОДСТВА

ВЪ РОССІИ

.... Случаясь близь корней
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй.
«Орелъ и Кротъ».
(Крыловъ.)

I.

Россія богаче всѣхъ странъ свѣта лошадьми и разными породами лошадей. Въ этомъ легко удостовѣриться по статистическимъ таблицамъ европейскихъ государствъ, показывающимъ, что отношеніе лошадей къ числу жителей въ Европѣ много слабѣе, нежели у насъ. И дѣйствительно, по сухопутнымъ нашимъ границамъ, начиная съ Хивы, Персіи, Турціи и до границъ Пруссіи, отъ насъ выводится ежегодно множество лошадей.

Въ степяхъ Сибири, въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ, на Дону и на Кавказѣ, «пасутся вольны, не хранимы», табуны, владѣльцы которыхъ часто не знаютъ числа своихъ лошадей; многіе изъ этихъ владѣльцевъ имѣютъ ихъ до тысячи и больше головъ, и содержаніе этого огромнаго числа имъ ничего не стóитъ.

При этомъ богатствѣ въ числѣ лошадей мы богаче всѣхъ и разными ихъ породами. У насъ есть нѣсколько породъ, замѣт-

Digitized by Google

но различающихся одна отъ другой. Мы исчислимъ здѣсь главнѣйшія.

Сибирскія лошади, очень малаго роста, и почти исключительно каурой шерсти, заведены въ Сибири, по мнѣнію нѣкоторыхъ, казаками Ермака. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что въ сибирскихъ лошадяхъ нѣтъ ничего общаго съ сосѣдними имъ лошадьми, калмыцкими, киргизскими и татарскими (1). Лошади въ Сибири находятся, можно сказать, въ дикомъ состояніи; пасутся однѣ, сами по себѣ, на всегдашнемъ подножномъ корму, и употребляются только для почтовой гоньбы, безъ всякой пріѣздки. Приводимыя въ Россію, сибирскія лошади оказывались всѣ очень сносными; о способности же ихъ переносить всѣ непогоды и безкормицу, нечего и говорить; въ Сибири ихъ погибаетъ ежегодно огромное число отъ суровыхъ зимъ и недостатка корма (также и отъ хищныхъ звѣрей), но лошадь, которая до четырехъ лѣтъ вынесла все это, становится, конечно, несокрушимою. То же можно сказать и о всѣхъ нашихъ табунныхъ лошадяхъ, но всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій больше достается на долю сибирской лошади. Онѣ не дурны собою; по крайней мѣрѣ рѣзкихъ и дурныхъ чертъ въ нихъ нѣтъ, какъ въ калмыцкихъ или казачьихъ лошадяхъ; но порода ихъ не сильна: въ другомъ климатѣ и при другихъ условіяхъ, лошади эти скоро перераждаются и не передаютъ своихъ качествъ потомству; донская или англійская порода въ этомъ отношеніи гораздо сильнѣе.

Обвинскія лошади, замѣчательно малаго роста, въ полтора аршина или немного больше; несмотря на это, онѣ могутъ выносить самую скорую ѣзду вмѣстѣ съ нашими большими лошадьми.

Лошади *вятской* породы отличаются круглыми формами, полнымъ и длиннымъ корпусомъ на короткихъ и сухихъ ногахъ, и сильнымъ и рѣзвымъ бѣгомъ, сравнительно съ нашими простыми лошадьми. Обвинскія и вятскія лошади составлены, какъ извѣстно, Петромъ Великимъ, который послалъ въ Казань и въ Вятку шведскихъ лошадей и нѣсколько производителей восточной породы. Отъ этой-то смѣси вышли прекрасныя вятскія лошади. Къ сожалѣнію, въ настоящее время чистая порода ихъ почти совершенно исчезла и находится только у весьма

(1) У сибирскихъ лошадей нѣтъ ни зоба на шеѣ, ни такого угловатаго склада.

Digitized by Google

немногихъ помѣщиковъ. Татарскія лошади восточной Россіи разнятся отъ вятскихъ нѣкоторыми рѣзкими самобытными чертами; онѣ костистѣе вятскихъ; не такъ круглы, съ большими головами, и много хуже характеромъ.

Одинъ изъ видовъ этой породы находится въ Крыму у тамошнихъ Татаръ. Здѣсь онѣ, отъ многихъ климатическихъ условій горной мѣстности, стали меньше ростомъ, но живѣе, быстрѣе и красивѣе, что можно также отнести и къ примѣси лошадей турецкихъ, которыхъ прежніе Крымцы часто выписывали.

Калмыцкія и *киргизскія* лошади близки между собою по породѣ, однако имѣютъ нѣкоторыя, довольно рѣзкія различія. Калмыцкія, какъ извѣстно, замѣтны своею горбоносою бараньею головой, онѣ крупнѣе киргизскихъ и не имѣютъ такой густой и длинной гривы. И тѣ и другія приближаются складомъ больше другихъ породъ лошадей къ складу дикой козы, или оленя: шея у нихъ съ небольшимъ зобомъ, низко поставленная, съ высокою холкой; задъ высокій, свислый, но сильно развитый, спина замѣтно наклоняется къ переднимъ лопаткамъ; конструкція эта дѣлаетъ лошадь особенно способною къ сильной и продолжительной скачкѣ. Ту же конструкцію находимъ мы и въ арабскихъ и англійскихъ лошадяхъ, только въ лучшемъ видѣ.

Типъ лошадей калмыцкихъ и киргизскихъ господствуетъ, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, во всей средней Азіи, гдѣ вѣроятно онъ существовалъ съ начала вѣковъ, потому что по мѣрѣ приближенія къ югу, къ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда владычествовали Арабы, типъ этотъ слабѣетъ, исчезаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшается отъ примѣси арабской лошади. Извѣстныя туркменскія лошади красивѣе, круглѣе и больше ростомъ киргизскихъ и калмыцкихъ, но еще сохраняютъ многія ихъ черты. Бухарскія и персидскія еще ближе къ арабской породѣ, и наконецъ турецкія уже очень близки къ ней во многихъ отношеніяхъ; между тѣмъ всѣ эти лошади еще сохраняютъ свои родовыя черты—козью шею и высокій задъ. Порода лошадей средней Азіи очень сильна и передаетъ свои отличительныя свойства далекому потомству, что можетъ служить доказательствомъ ея чистоты: сильна только чистая порода. По всему этому типъ лошадей средней Азіи должно считать однимъ изъ первобытныхъ, и имѣть въ виду для образованія лошадей сильныхъ и крѣпкихъ.

Digitized by Google

Донскія казачьи лошади очень близки, по наружному виду и по всѣмъ свойствамъ, къ калмыцкимъ и киргизскимъ и вообще къ лошади средней Азіи; но онѣ крупнѣе и шире ея, что̀ зависитъ, вѣроятно, отъ сочныхъ травъ донской земли. Происходя, безъ сомнѣнія, отъ среднеазіятской лошади, донская здѣсь улучшилась, какъ отъ болѣе благопріятнаго климата, такъ и отъ примѣси хорошихъ лошадей разныхъ степныхъ породъ, которыхъ казаки имѣли возможность доставать въ дальнихъ странахъ; но форма шеи сохранилась въ донской лошади даже больше нежели у лошадей средней Азіи: изогнутая шея и зобъ отличаютъ кровнаго донца съ перваго взгляда.

Породу донскихъ лошадей должно считать выше всѣхъ другихъ породъ извѣстныхъ намъ табунныхъ степныхъ лошадей; на основаніи многихъ бывшихъ опытовъ, можно, кажется, утвердительно сказать, что послѣ англійской кровной и полукровной лошади, чистая донская рѣзвѣе и сильнѣе въ скачкѣ всѣхъ другихъ лошадей Европы, а можетъ-быть, и Азіи. Извѣстна скачка донской лошади *Леонида* съ англійскимъ кровнымъ скакуномъ, *Шарперомъ*, которые проскакали отъ Петербурга до Гатчины и обратно (1) 71 версту въ 2 ч. 48 м. 40 сек. и нимало отъ этого не пострадали. *Шарперъ* выигралъ; но, конечно, ни одна лошадь другой породы, кромѣ донской, не могла бы вынести подобнаго состязанія съ *Шарперомъ* и придти такъ близко: въ Лебедяни, на 30-верстныхъ скачкахъ, лучшія лошади всѣхъ другихъ степныхъ породъ останавливались на двадцатой верстѣ, въ скачкѣ съ англійскими кровными. Въ Тифлисѣ, на скачкахъ, пять-шесть донскихъ лошадей, худыхъ и измученныхъ службой, часто приходили всѣ вмѣстѣ первыми, оставляя за собою, на четырехъ или пяти верстахъ, толпу карабагскихъ, черкесскихъ и другихъ кавказскихъ лошадей. Непогоды, безкормицу и самую тяжелую ѣзду донская лошадь способна вынести больше всѣхъ другихъ, что̀ извѣстно всѣмъ, кто былъ въ кампаніяхъ; командиры полковъ легкой кавалеріи знаютъ, что, можетъ-быть, треть нѣкоторыхъ полковъ состоитъ изъ полудонскихъ и чистыхъ донскихъ лошадей, и что онѣ-то именно и были годны на всѣ тяжелыя службы во время войны. Донской конь родится и вос-

(2) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1825 г. 20 августа. Скачка была 15-го авг.

Digitized by Google

питывается въ степи, на вѣчномъ подножномъ кормѣ, гдѣ долженъ выносить и морозы, и метели, и доставать себѣ кормъ подъ глубокимъ снѣгомъ, разрывая его копытомъ. Около половины жеребятъ падаютъ зимою и на Дону, хотя здѣсь климатъ далеко не такъ суровъ, какъ въ Сибири; но тѣ, которые останутся живы, становятся крѣпки, какъ бронза.

Но чистая, старинная порода донскихъ лошадей, точно такъ же какъ и вятскихъ, исчезаетъ, и осталась теперь только въ небольшихъ табунахъ отдаленныхъ станицъ. Казаки, сосѣди Воронежской и Тамбовской губерній, начали пускать въ свои заводы русскихъ и даже рысистыхъ лошадей, потому что лошади, происходящія отъ этой смѣси, крупнѣе, круглѣе складомъ и хладнокровнѣе; вслѣдствіе чего расходятся скорѣе и цѣнятся дороже. Можно ожидать, что современемъ донская порода, одна изъ лучшихъ въ мірѣ, совершенно исчезнетъ. Въ настоящее время она еще сильна и держится, проявляясь многими своими отличительными чертами.

Въ табунахъ гг. Серинова, Иловайскаго, Платова, Конькова и другихъ, родится много лошадей, поступающихъ въ легкую кавалерію; ихъ коннозаводство называется *улучшеннымъ*; но лошади ихъ мѣшаются не съ кровными (1), а съ такими, которыя придаютъ имъ только ростъ и округленныя формы, отнимая драгоцѣнныя качества донской породы—силу и быстроту скачки и сносность.

Бо́льшая часть донскихъ кровныхъ лошадей имѣютъ, по общему мнѣнію, дурной характеръ; онѣ горячи и бойки до старости, такъ что многіе рѣшаются покупать только выѣзженыхъ, уже усмиренныхъ (укрючныхъ) лошадей; но эти черты характера могутъ быть уничтожены благоразумною, толковою примѣсью своихъ же заводскихъ производителей, отличающихся добрымъ характеромъ; а неблагоразумная примѣсь русскихъ заводскихъ лошадей уничтожитъ породу невозвратно, между тѣмъ какъ одна эта порода уже составляетъ богатство Россіи лошадьми. Введеніе англійской кровной лошади быстро возвысило бы донскіе заводы, и потому для русскаго коннозаводства было бы чрезвычайно важно увѣрить въ этомъ жителей Дона. Для легкой кавалеріи, и вообще для сильной ѣзды, ка-

(1) Только у немногихъ помѣщиковъ на Дону есть въ заводахъ кровныя лошади; въ ихъ достоинства еще немногіе вѣрятъ на Дону.

Digitized by Google

жется, нельзя придумать лучшей смѣси, если только она будетъ составлена съ знаніемъ дѣла.

Горскія или *черкесскія* лошади тоже табунныя, степныя, и пасутся тоже на всегдашнемъ подножномъ корму; но такъ какъ климатъ многихъ мѣстъ Кавказа умѣреннѣе нежели на Дону и въ средней Азіи, то и черкесская лошадь не можетъ вынести такихъ суровыхъ зимъ и столькихъ лишеній, какъ напримѣръ донская или калмыцкая, хотя и уступаетъ въ этомъ только имъ. Кавказская линія, и особенно Кабарда, богата табунами лошедей; въ степи, простирающейся на тысячу верстъ, отъ Чернаго до Каспійскаго моря, лошадь также необходима, какъ въ степяхъ Аравіи и сѣверной Африки, и Черкесъ привязанъ и пристрастенъ къ своему коню точно такъ же, какъ и Арабъ. Преданіе Горцевъ о происхожденіи ихъ лошадей отъ арабскихъ очень вѣроятно, какъ по близости тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда владѣли Арабы, къ Дагестану и Закавказью, такъ и по тому особенно, что черкесская лошадь не имѣетъ тѣхъ угловатыхъ формъ, которыми отличаются всѣ сосѣднія лошади: донскія, калмыцкія, каранагайскія и проч. Черкесская лошадь, говоря вообще, ростомъ нѣсколько меньше донской, но много красивѣе: голова и шея у нея хорошія, часто даже изящныя, складъ круглѣе и не напоминаетъ дикой козы, или верблюда. По замѣчанію нѣкоторыхъ извѣстныхъ нашихъ коннозаводчиковъ, особенно хороши собою черкесскія кобылы, которыя замѣтно красивѣе жеребцовъ. Но и тѣ, и другія отличаются самымъ лучшимъ характеромъ; всѣ они почти, безъ исключенія, смирны и послушны въ три и четыре года, какъ будто старыя, давно служащія, и вмѣстѣ съ тѣмъ живы, рѣзвы и полны огня. Эти нравственныя качества можно также считать признакомъ родства ихъ съ арабскою породой. Какъ всѣ табунныя лошади, они одарены большимъ шагомъ, рѣзвы и сильны въ скачкѣ и необыкновенно умны и памятливы. Были примѣры, что черкесскія и донскія лошади приходили домой, бывъ уведены за 400 и 500 верстъ.

Большее число лошадей и лучшіе табуны находятся на правомъ флангѣ кавказской линіи, у Кабардинцевъ, Абазинцевъ и нѣкоторыхъ нагайскихъ узденей и князей. Славились заводы Трама, Лова, Шелоха, Атажукина и другихъ; многіе изъ нихъ извѣстны и теперь. Лѣвый флангъ, гдѣ такъ долго была война, сравнительно бѣденъ лошадьми, хотя порода здѣсь все та же. Всѣ черкесскія лошади отличаются необыкновенно прочными

Digitized by Google

копытами и вѣрными ногами, что̀, конечно, происходитъ отъ каменистаго грунта земли Кавказской линіи; горецъ никогда, и ни въ какое время года, не куетъ своей верховой лошади, и даже не имѣетъ понятія о ковкѣ.

По красивымъ формамъ и по доброму характеру, черкесская лошадь можетъ-быть еще лучше донской для образованія лошадей легкой кавалеріи; но и Черкесы, точно такъ же, какъ жители Дона, желая сбыта своимъ лошадямъ, начали мѣшать ихъ съ русскими заводскими, и точно такъ же портятъ породу. А эта порода не такъ сильна какъ донская. Пока еще есть время, надобно торопиться ввести на Донъ и Кавказскую линію хорошихъ кровныхъ лошадей, чтобъ ими, а не рысистыми, улучшить заводы.

Лошади у *линейныхъ казаковъ*, ближайшихъ сосѣдей черкесскихъ племенъ, происходятъ отъ смѣси черкесскихъ съ простыми крестьянскими, которыя были приведены поселенцами со всѣхъ концевъ Россіи; потому онѣ много уступаютъ черкесскимъ, и по красотѣ формъ, и по силѣ и сносности. Улучшеніе этихъ лошадей было бы очень важно, тѣмъ болѣе что линейный казакъ служитъ исключительно верхомъ. Онъ, такъ же какъ и Черкесъ, можетъ содержать большой косякъ лошадей; средства у него есть; но чтобъ улучшить его лошадь, необходимы лошади кровныя, которыя, по силѣ своей породы, измѣнятъ лошадей быстро, съ слѣдующаго же поколѣнія, тогда какъ улучшеніе казачьихъ линейныхъ лошадей черкесскими пойдетъ медленно.

На линіи, и даже въ Россіи, извѣстны *черноморскія* лошади, выведенныя, по увѣренію Черноморцевъ, изъ ихъ первой родины—изъ-за Днѣпра. Лошади эти крѣпки и сильны въ ѣздѣ; ростомъ меньше черкесскихъ, но шире ихъ, костистѣе и грубѣе складомъ; въ наружномъ видѣ ихъ нѣтъ рѣзкихъ чертъ, какъ напримѣръ въ казачьихъ, карабагскихъ и другихъ, однако они имѣютъ свой особый типъ, весьма замѣтный для глаза знатоковъ. Сами Черноморцы ѣздятъ только верхомъ; но на линіи и въ горахъ, на станціяхъ, ихъ выѣзжаютъ въ упряжкѣ, для чего онѣ очень способны по своей силѣ и по складу. Въ кавказской артиллеріи тоже очень много черноморокъ; но къ сожалѣнію, онѣ всѣ, почти безъ исключенія, дурнаго характера: злы, норовисты и всегда горячи, такъ что выѣздка и усмиреніе ихъ требуютъ большихъ хлопотъ. Табуны Черноморцевъ не велики, несмотря на богатство луговъ и степей

Digitized by Google

Черноморіи; сами жители считаютъ у себя не болѣе пятидесяти или шестидесяти тысячъ лошадей.

За Кавказомъ находится нѣсколько извѣстныхъ, различныхъ одна отъ другой, породъ лошадей. Туземцы, Татары, Грузины, Армяне и проч., не столько нуждающіеся въ сильныхъ и сносныхъ лошадяхъ, какъ Черкесы, больше всѣхъ любятъ лошадей *карабагскихъ*, красивыхъ и нарядныхъ. Эти лошади происходятъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ арабскихъ; ихъ можно даже считать испорченными и переродившимися арабскими, съ которыми онѣ имѣютъ довольно близкое сходство, особенно если смотрѣть на нихъ въ профиль. У хорошей карабагской лошади прямыя и короткія уши, широкій лобъ, большіе на выкатѣ глаза, открытыя ноздри и прямой профиль головы; шея красивая, гибкая, хотя, большею частію, съ небольшимъ зобомъ; станъ круглый, короткая и блестящая шерсть, необыкновенно тонкая кожа и красивый отдѣлъ хвоста; все это (за исключеніемъ шеи съ зобомъ) находимъ мы и у арабской лошади; но здѣсь и кончается сходство; остальное, самое важное, уже не то: у карабагской лошади, по большей части, почки небогаты, паха велики, крестецъ слабъ, ноги часто не правильны, длинны и не прочны, грудь и задъ необыкновенно узки. Такая лошадь, конечно, не въ состояніи вынести ни сильной и продолжительной ѣзды, ни дурнаго содержанія; огненная съ виду, съ быстрыми и красивыми движеніями, она годится только для азіятскихъ наѣздниквъ, желающихъ погарцовать и покрасоваться на конѣ; быстро принимаетъ она съ мѣста и несется вихремъ; но на полуверстѣ кончается быстрота ея скока. Конечно, попадаются и карабагскія лошади съ прочными статями; въ заводахъ нѣкоторыхъ хановъ можно найдти хорошихъ лошадей, и сильныхъ и сносныхъ, не уступающихъ персидскимъ; но такихъ очень немного, потому именно, что закавказскіе жители цѣнятъ въ лошади больше красоту, нежели силу. Для походовъ, и вообще для тяжелой службы, они стараются покупать лошадей курдинскихъ, черкесскихъ или туркменскихъ.

Карабагскія лошади разводятся въ юговосточной части закавказскаго края, въ Карабагѣ, тамошними беками, ханами и огаралами; пасутся также большею частію въ табунахъ, на всегдашнемъ подножномъ корму, но жаркій климатъ Карабага балуетъ лошадь и лишаетъ ее способности переносить разныя непогоды. Короткая и блестящая шерсть карабагской лошади не есть однако слѣдствіе жаркаго климата, какъ думаютъ

Digitized by Google

многіе, но прямое наслѣдіе арабской крови, потому что курдинскія лошади, живущія въ такомъ же климатѣ, даже еще южнѣе, вовсе не имѣютъ ни такой нарядной шерсти, ни тонкой кожи. То же должно сказать и о большей части персидскихъ лошадей. У Персіянъ лошади не такъ красивы какъ карабагскія, но гораздо прочнѣе и дѣльнѣе ихъ, что̀ происходитъ не отъ благоразумнаго сортированія жеребцовъ и матокъ, но отъ случайной, счастливой примѣси другихъ породъ. Какъ Персіяне, такъ и наши закавказскіе коннозаводчики, не имѣютъ никакого понятія о сортированіи.

Нѣкоторые изъ русскихъ заводчиковъ допускали въ свои заводы карабагскихъ и персидскихъ производителей и выводили лошадей хорошихъ; но, какъ лошадь переродившейся, испорченной, а не первообразной и самостоятельной породы, карабагская можетъ быть допускаема въ заводъ съ большою осторожностію, и то развѣ по тому, что у насъ еще много охотниковъ до азіятскихъ лошадей.

За Кавказомъ есть *курдинскія* лошади, но ихъ нельзя назвать принадлежащими Россіи, потому чго Курды кочуютъ за нашими границами, въ Персіи и Турціи, и только въ небольшомъ числѣ, изрѣдка, приходятъ на наши земли. Въ Грузіи, Имеретіи и вообще въ окрестностяхъ горъ, находится еще порода небольшихъ лошадокъ, приспособленныхъ природой къ гористой странѣ; онѣ малы ростомъ, узки, съ длинными тонкими шеями и на тонкихъ ножкахъ; съ виду кажутся очень слабы и ничтожны; но онѣ сухи, крѣпки, сносны и одарены самыми вѣрными ногами, для перехода по горамъ и скаламъ. Туземцы употребляютъ ихъ для верховой ѣзды и для вьюковъ.

Въ Имеретіи есть порода иноходцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ *бачà*; лошади эти тоже малы ростомъ, но круглы и широки складомъ, довольно красивы, крѣпки и сносны: иноходью бѣгутъ дѣйствительно очень быстро. Для верховой ѣзды онѣ очень способны,—смирны, послушны и, какъ иноходцы, необыкновенно покойны; поэтому *бачà* очень цѣнятся за Кавказомъ и могли бы быть съ выгодой продаваемы и у насъ. Откуда явилась въ Имеретіи эта порода, совершенно отличная отъ всѣхъ сосѣднихъ породъ,—за Кавказомъ узнать трудно; въ Имеретіи столько остатковъ Европы среднихъ вѣковъ, что можетъ-быть и иноходцы ея также завезены сюда Европейцами (1).

(1) Въ среднихъ вѣкахъ дамы были охотницы ѣздить на иноходцахъ.

Digitized by Google

На югѣ Россіи есть такъ-называемая порода *малороссійскихъ* лошадей, рослыхъ, сухихъ и видныхъ. Лошади эти ведутся у многихъ помѣщиковъ Кіевской, Черниговской и Полтавской губерній и не составляютъ особой породы, но произошли отъ лошадей извѣстныхъ бывшихъ заводовъ графа Разумовскаго, Заводовскаго, Гудовича и другихъ. Матки этой породы, при благоразумномъ смѣшеніи ихъ съ кровными лошадьми, могли бы произвести прекрасныхъ каретныхъ, шорныхъ и кирассирскихъ лошадей; потому что въ заводы Разумовскаго, Гудовича и Заводскаго входили лошади не *рысистыя*, не орловскія, но кровныя англійскія, арабскія и датскія. Жаль, что лошадей этихъ нѣтъ, или почти нѣтъ, въ главныхъ русскихъ заводахъ, гдѣ рысистая порода распространяется все больше и больше.

На сѣверѣ Россіи, въ Финляндіи, Эстляндіи и частію въ Петербургской губерніи, извѣстна прекрасная порода финскихъ, или такъ-называемыхъ *шведскихъ* лошадей; онѣ ростомъ не велики, но широки, длинны, съ круглымъ складомъ, на коротскихъ ногахъ, съ довольно хорошею головой и шеей. Почти всякая шведская лошадь отлично бѣжитъ рысью на маломъ и не самомъ большомъ разстояніи; нерѣдко случалось, что *шведка* у бѣднаго извощика, въ Петербургѣ, обгоняла рысью, на верстѣ и на двухъ, такъ-называемыхъ рысаковъ, въ 4 и 5 вершковъ росту. Порода эта—драгоцѣнность для нашего коннозаводства, тѣмъ больше что она очень сильна; и примѣсь къ ней другой хорошей породы улучшаетъ ее.

Въ западной Россіи нѣтъ осо-бой породы лошадей, такъ же какъ и въ Польшѣ, гдѣ хороши лошади только заводскія. (1)

Вотъ главныя замѣчательныя породы лошадей въ Россіи, богатство, какъ видимъ необыкновенное, не встрѣчаемое, сколько извѣстно, нигдѣ, и котораго мы, какъ истинные богачи, цѣнить не умѣемъ. Табунной лошади нѣтъ въ Европѣ, за малыми исключеніями; а она, какъ первоначальное произведеніе природы, представляетъ драгоцѣнный матеріялъ, изъ котораго человѣкъ можетъ произвести многое сообразно своимъ потребностямъ. Табунныя лошади, вслѣдствіе своего воспитанія, перешедшаго уже въ природу, способны выносить всякую непогоду, дурное содержаніе и самую тяжелую службу; онѣ умнѣе заводскихъ воспитанныхъ и выращенныхъ человѣкомъ, и чувства ихъ тоньше; табунная степная лошадь находитъ дорогу въ метель, въ туманъ, и ночью, когда въ пяти шагахъ

(1) Преимущественно арабскаго и турецкаго происхожденія.

Digitized by Google

ничего уже не видно; приходитъ домой за 400 и 500 верстъ и защищается смѣло отъ нападенія волковъ и медвѣдей.

Въ настоящее время всѣ наши степныя табунныя лошади составляютъ только патріархальное богатство владѣтелей. Черкесъ, Башкиръ и Калмыкъ употребляютъ своихъ лошадей единственно для верховой ѣзды и не догадываются, что эти же лошади, улучшенныя примѣсью другихъ породъ, могутъ замѣнить и верблюда и вола, могутъ возить вьюки, телѣги и *кареты*, могутъ быть проданы за хорошія деньги въ Россіи и даже въ Европѣ. Табунныя лошади не улучшаются и не удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ человѣка, и потому владѣльцы ихъ не могутъ продать ихъ нигдѣ, кромѣ ближайшей русской ярмарки, куда лошадей пригоняется всегда большое число, и гдѣ онѣ продаются всегда за безцѣнокъ. Только не многіе изъ черкесскихъ князей поняли возможность сбыта своего патріархальнаго богатства и начали измѣнять свою лошадь сообразно требованіямъ покупателей, Русскихъ; но Черкесы не имѣютъ ни настоящаго понятія объ улучшеніи лошади, ни средствъ для этого; въ чистую породу своихъ лошадей, какъ я сказалъ выше, они часто пускаютъ испорченныхъ; разслабленныхъ и порочныхъ. И на Кавказѣ, и на Дону введеніе кровной англійской лошади принесло бы великую, можно сказать даже неисчислимую пользу: улучшенныя черкесскія и казачьи лошади расходились бы во множествѣ въ Россіи и, можетъ-быть, даже въ Европѣ. Донъ и Кавказъ, по трудности сбыта другихъ естественныхъ произведеній, могли бы получать большіе доходы отъ лошадей и при своихъ богатыхъ средствахъ доставлять половину ихъ Россіи, гдѣ коннозаводство уменьшается, вытѣсняемое другими отраслями хозяйства. Но Черкесъ, Калмыкъ и казакъ не скоро повѣрятъ достоинству англійской лошади для завода и убѣдить ихъ могутъ только многіе и счевидные примѣры и доказательства. Для этого *образцовые заводы* на Кавказѣ и на Дону, конечно, были бы полезнѣе всякой другой мѣры.

При такомъ богатствѣ конскихъ породъ въ Россіи, можно сказать, что у насъ *породы русской нѣтъ*; по крайней мѣрѣ мы никакъ не можемъ найдти ее въ чистотѣ и первообразѣ. Крестьянскихъ лошадей, въ строгомъ смыслѣ, нельзя назвать русскими, потому что между лошадьми южной, сѣверной, восточной Россіи нѣтъ ничего общаго; ни въ тѣхъ ни въ другихъ нѣтъ рѣзкихъ отличительныхъ чертъ и своего особеннаго типа;

Digitized by Google

на Востокѣ онѣ перемѣшаны съ татарскими, калмыцкими, на югѣ съ донскими, на сѣверѣ съ финскими, и вездѣ съ лошадьми, происшедшими отъ разныхъ заводскихъ.

II.

Всѣхъ русскихъ нетабунныхъ лошадей можно раздѣлить на *заводскихъ, крестьянскихъ* и *смѣшанныхъ*, то-есть не имѣющихъ никакой опредѣленной породы. Но въ строгомъ смыслѣ, бо́льшая часть лошадей, и заводскихъ, и крестьянскихъ, не отличается чистотою породы (1), какъ увидимъ ниже. Если мы спросимъ себя, для какого употребленія нужны въ Россіи лошади, то окажется само собой, что намъ нужны: 1) крестьянскія, 2) гонныя, 3) возовыя, 4) ремонтныя, и 5) городскія упряжныя.

Крестьянскія лошади, конечно, и теперь исполняютъ свое назначеніе, — пашутъ, возятъ, ходятъ въ обозахъ; но нельзя не пожелать, чтобъ онѣ были лучше и исполняли свое назначеніе съ большею выгодой для крестьянина. Онѣ очень малы ростомъ и потому малосильны, какъ для перевоза тяжестей, такъ и для гоньбы; у нихъ нѣтъ ни рыси, ни шага, ни скака. Больше $2^1/_2$ четверти хлѣба, то-есть 20 и 25 пудъ, за 200 или 150 верстъ, крестьянская лошадь везти не можетъ, тогда какъ всякая другая средняго роста везетъ вдвое, съѣдая то же самое количество корму; лошадь средняго роста не будетъ измучена и не спадетъ съ тѣла, пропахавъ весной въ сохѣ, или возвратясь съ обозомъ, потому что трудъ этотъ для нея не великъ. Еслибъ у нашихъ крестьянъ были, напримѣръ, лошади черкесскія или финскія (побольше ростомъ), то онѣ прекрасно бы бѣжали на почтѣ и во всякомъ экипажѣ, пахали бы больше и съ меньшимъ усиліемъ, возили бы на продажу хлѣба по 40 и 50 пудовъ, стоя мужику въ дорогѣ то же самое, или немного больше, и не требуя другаго содержанія дома. Попадаются и между крестьянскими лошадьми довольно крѣпкія, сильныя и сносныя въ ѣздѣ; но ихъ очень мало, и почти всѣ онѣ происходятъ отъ смѣси съ татарскими, вятскими, донскими, или отъ лошадей заводскихъ. Между тѣмъ и эти

(1) Я не разумѣю здѣсь заводы кровныхъ лошадей, которые у насъ всѣ на перечетъ.

Digitized by Google

лошади далеко не удовлетворительны, онѣ только лучше простыхъ, доморощенныхъ; онѣ сильны, и сносны только сравнительно съ плохими. Лошади покрупнѣе, встрѣчаемыя у крестьянъ и происшедшія отъ ихъ же лошадей, такъ-называемые *выкормки*, еще хуже простыхъ, потому что ростъ ихъ увеличенъ хорошимъ кормомъ въ одномъ, а не въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, и потому потомство ихъ бываетъ часто хуже потомства простыхъ; по недостатку движенія, приплодъ этихъ заводскихъ лошадей бываетъ сыръ и вялъ въ ѣздѣ. Въ окрестностяхъ извѣстныхъ заводовъ и у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, крестьянскія лошади много лучше; по рѣкѣ Битюгу, вблизи бывшаго завода графа Орлова, славятся крестьянскія лошади *битюгскія;* но это капля въ морѣ, хотя и кажется, будто ихъ много; подъ именемъ битюгскихъ въ Москвѣ и другихъ городахъ продаютъ очень часто всякихъ крестьянскихъ выкормковъ, у которыхъ потолще шея, станъ подлиннѣе, и погрубѣе ноги и весь складъ.

Все огромное большинство нашихъ крестьянскихъ лошадей плохо вдвойнѣ, какъ въ сравненіи съ крестьянскими лошадьми въ Европѣ, такъ и сравнительно съ нашими средствами имѣть превосходныхъ лошадей.

Крестьянская лошадь должна пахать, боронить, возить тяжести и хорошо бѣжать во всякомъ экипажѣ, чтобы крестьянинъ могъ лишнюю лошадь продать и въ возъ, и въ гоньбу, и въ соху. Достигнуть этого, повидимому, не трудно: стоитъ только нѣсколько увеличить ростъ лошади примѣсью лучшей породы. Но на дѣлѣ выходитъ не то: крестьянскую лошадь, въ настоящее время, улучшить не легко. У крестьянъ лошади всѣхъ лѣтъ и обоихъ половъ пасутся вмѣстѣ, и потому жеребята происходятъ часто отъ трехлѣтнихъ матокъ и жеребцовъ, или отъ самой близкой родни, и потому, натурально, лошади выходятъ малорослы и слабы. Устранить это зло трудно, потому что теперь у крестьянина нѣтъ времени, и главное, нѣтъ охоты заниматься правильнымъ коноводствомъ; онъ не видитъ большой разницы въ лошадяхъ своей породы, какъ бы аккуратно она ни была ведена; онъ понимаетъ однако важность примѣси другой хорошей породы, и такихъ лошадей онъ бережетъ, и въ поле безъ толку не пуститъ; для нихъ онъ нашелъ бы и время и охоту. У казаковъ и Черкесовъ больше порядка и вниманія; тамъ лошади разбиваются на косяки, къ косяку приго-
нается одинъ жеребецъ, и если иногда жеребята родятся отъ

Digitized by Google

слишкомъ молодыхъ матокъ и отъ близкой родни, то лошади степныхъ табуновъ исправляютъ сами себя своею многочисленностію, при которой родству труднѣе встрѣтиться.

Намъ нужна также *возовая* лошадь, могущая перевозить кладь въ 50 и 60 пудъ на большое разстояніе, на 500 и 1000 верстъ. Такая лошадь, при достаточномъ ростѣ и достаточной силѣ, должна быть суха, съ крѣпкими ногами и способна переносить всякія непогоды; возовыя же *призовыя* лошади, при всей своей гладіаторской силѣ, не въ состояніи вынести ни дальняго перехода, ни непогодъ. Огромное пространство Россіи, ея первобытные пути сообщенія и вообще вся наша внутренняя торговля и всѣ роды нашей промышленности, производящей преимущественно грубые и громоздкіе матеріялы, — все это требуетъ множества сильныхъ и вмѣстѣ сухихъ возовыхъ лошадей. Точно также нужны намъ лошади, способныя скоро и долго бѣжать подъ почтой и вообще въ русской ѣздѣ, то-есть *тонныя*, большаго или средняго роста.

Эти три сорта лошадей должны быть выводимы крестьянами, какъ для ихъ собственной выгоды, такъ и для выгоды общей, потому что онѣ должны быть дешевы, крѣпки, сносны, и воспитаны на воркѣ, а не въ конюшнѣ.

Въ *ремонтѣ для кавалеріи* должны поступать лошади легкія, живыя, быстрыя и способныя выносить сильную и продолжительную ѣзду, всякую непогоду и безкормицу; всѣ эти условія необходимы для настоящей ремонтной лошади; при этомъ она, конечно, должна быть способна къ выѣздкѣ и довольно росла. Отъ солдатской лошади, *больше нежели отъ другой*, требуется сносности и способности переносить все, точно также какъ и отъ самого солдата. Между тѣмъ, до сихъ поръ у насъ не было обращаемо вниманія на эти главныя условія. Ремонтеръ, при покупкѣ лошадей, не справляется о ихъ породѣ, о чемъ онъ и не имѣетъ понятія; не видитъ, способна ли она къ перенесенію всѣхъ трудностей похода и службы во время войны; онъ смотритъ только на условныя ея формы и скорѣе на то, способна ли она держать тѣло, и будетъ ли у нея *зарѣзъ*, каковы у нея ганаши, ходъ на заду и проч. Вслѣдствіе этого заводчикъ тоже только и хлопочетъ о томъ, чтобы вывести лошадей условныхъ формъ; а такъ какъ рысистыя лошади имѣютъ и зарѣзъ, и приличную шею съ мягкими ганашами, и кромѣ того, очень способны отъѣдаться, то онѣ и вошли во множествѣ въ кавалерію. Поэтому, въ послѣднихъ

Digitized by Google

кампаніяхъ значительное число кавалеристовъ оставались пѣшими, и если полки не комплектовались резервами, то въ нихъ вмѣсто 1000 или 800 человѣкъ, оказывалось 300, 400, но не отъ ядеръ и картечи, а отъ безкормицы, отъ сильныхъ переходовъ и непогодъ. Казачьи же лошади (1) оставались цѣлыми, и смѣтливые кавалерійскіе офицеры покупали себѣ на походъ, если могли, лошадей донскихъ. Въ крымскую кампанію англійскія кровныя лошади, бывшія у нѣкоторыхъ нашихъ офицеровъ, перенесли всѣ лишенія и труды похода и войны наравнѣ съ донскими. Это и должно быть, потому что организація ихъ совершеннѣе и силъ у нихъ больше на все; но для насъ это фактъ замѣчательный.

Лошади для артиллеріи, при всѣхъ тѣхъ же условіяхъ, должны имѣть силу для возки тяжести. Что же касается до лошадей тяжелой кавалеріи, то въ настоящее время, съ изобрѣтеніемъ нарѣзныхъ пушекъ и ружей, тяжелая кавалерія — анахронизмъ. При столкновеніи кавалерійскаго полка съ непріятельскимъ выигрываетъ не тяжелый солдатъ и его неповоротливая лошадь, но единственно мужество его, энергія и хорошее обученіе; для нынѣшней же пѣхоты и артиллеріи совершенно одно и то же — бить кирассиръ или уланъ. Когда солдатскія ружья были плохи, кавалерія могла иногда захватить пѣхоту врасплохъ; но теперь пѣхота начинаетъ стрѣльбу за 1200 саженъ и кавалерія должна съ быстротой молніи пролетѣть это пространство, чтобы попытать врубиться въ ея ряды; что же могутъ сдѣлать здѣсь кирассиры на теперешнихъ своихъ лошадяхъ?

Городская упряжная лошадь, самый дорогой товаръ коннозаводчиковъ, должна быть красива, росла, смирна и снабжена прочными ногами, для перенесенія всегдашней ѣзды по мостовой. Эти лошади, также какъ и ремонтныя, причисляются у насъ къ заводскимъ.

Въ Россіи конныхъ заводовъ удивительное множество; а охотниковъ заводить ихъ еще больше. Но при всемъ этомъ, коннозаводство наше еще не хозяйство, а большею частію одна охота; лошадей разводятъ во множествѣ даже и тамъ, гдѣ онѣ не окупаютъ своего содержанія: въ Московской, Тверской, Ярославской губерніяхъ находится множество конныхъ заводовъ, которые разоряютъ владѣльцевъ. Многіе изъ этихъ вла-

(1) Которыхъ всегда много въ полкахъ легкой кавалеріи.

Digitized by Google

дѣльцевъ воображаютъ, отъ чистаго сердца, что дѣлаютъ дѣло, хозяйничаютъ, разводя лошадей; другіе стараются оправдать свою разорительную охоту будто бы разчетомъ, утверждая, что продаютъ овесъ, сѣно и солому въ лошади, и что безъ завода они не могли бы продать ни сѣна, ни соломы. Имъ вѣрятъ на слово; мы не охотники считать и своихъ приходовъ и расходовъ, станемъ ли мы повѣрять чужіе?

Въ Московской или Тверской губерніи лошадь обходится ежегодно въ 70, 80, а иногда и въ 100 р. серебр., и стало-быть до четырехъ лѣтъ обойдется въ 280, 300 и 400 р. с. (1), но заводчикъ, продавъ ее въ Москвѣ за 500, 600 р. с., воображаетъ, что каждая проданная лошадь принесла ему дохода по 50 или по 60 р. с. въ годъ. Онъ считаетъ притомъ, что, заплативъ за матку 150, 200 р., а за жеребца 500 или 600 р., онъ съ капитала въ 700, 800 р. с. получилъ процентовъ восемь или больше, кромѣ того, что лошади дали ему удобреніе. Другіе и этого не считаютъ, и не считаютъ ничего, а держатъ заводъ изъ удовольствія имѣть въ ѣздѣ своихъ лошадей и, продавъ изъ нихъ двухъ-трехъ, очень рады получить вдругъ 400, 500 руб. Такъ было у насъ издавна, но и теперь еще немногіе изъ старыхъ хозяевъ смотрятъ на коннозаводство какъ на хозяйство, и не многіе ведутъ его сообразно съ этимъ взглядомъ.

Есть, конечно, коннозаводчики, которые умѣютъ разчитать свои выгоды и получаютъ дѣйствительный доходъ; но ихъ не много, и доходъ ихъ ничтоженъ, при разчетѣ всѣхъ расходовъ. По отзыву самыхъ пристрастныхъ заводчиковъ, жителей хлѣбородныхъ губерній, коннозаводство не приноситъ имъ больше 4 % въ десятилѣтней сложности. Кромѣ того, доходы ихъ часто зависятъ отъ случая, удачи, умѣнья продать лошадь, а не отъ положительныхъ достоинствъ ихъ лошадей. У насъ есть достоинства условныя, принятыя, которыя цѣнятся выше положительныхъ, у насъ даже не нужно имѣть никакого понятія о лошади, чтобы вести заводъ,—на такомъ ложномъ основаніи держится наше коннозаводство! Мы всѣ знаемъ, что такъ-называемыя рысистыя лошади цѣнятся дороже всѣхъ и покупаются въ городахъ и даже въ деревняхъ, и всякій заводчикъ старается достать матокъ и жеребцовъ съ аттестатами рысистыхъ; если у лошади есть этотъ паспортъ, то

(1) Не считая содержанія людей, жалованья имъ, а считая только одинъ кормъ лошадей.

Digitized by Google

больше ничего и не нужно для удостовѣренія личности лошади. Что за дѣло до вѣрности этого паспорта, до статей лошади, ея свойствъ и достоинствъ? «Товаръ идетъ съ рукъ ловко!» Рысистую лошадь, съ паспортомъ и родословною, доводящими ее разными невѣдомыми путями до извѣстнаго *Смѣлаго*, покупаетъ и баринъ, и купецъ, и даже мѣщанинъ. Зачѣмъ же здѣсь знаніе лошади, коннаго дѣла, умѣнье сортировать заводскихъ производителей и вообще всякое знаніе?

Но земля наша велика и обильна. Несмотря на первобытныя понятія нашихъ коннозаводчиковъ, на ихъ малое знакомство съ образованнымъ, европейскимъ коннозаводствомъ, по отзывамъ знающихъ людей, видѣвшихъ заводы Германіи, Франціи, и Англіи, нигдѣ, кромѣ Англіи, нельзя найдти столько хорошихъ лошадей, какъ у насъ, и даже столько хорошихъ заводовъ; причина этого—страшное множество и тѣхъ и другихъ.

Чаще всего хорошія лошади попадаются у насъ не вслѣдствіе разумнаго, систематическаго веденія заводовъ, а только вслѣдствіе счастливой случайности. Доказать это легко. Очень часто бываетъ, что заводчики, выведя разъ довольно хорошихъ лошадей отъ такихъ-то кобылъ и жеребцовъ, и потомъ перемѣнивъ тѣхъ или другихъ, выводятъ въ слѣдующіе года самыхъ дурныхъ лошадей, или безобразныхъ, или ни на что не способныхъ. Какъ первыя, хорошія, такъ и вторыя, составлены были безъ всякаго знанія, безъ разбора, не раціонально, а случайно или только по атестатамъ (1), что конечно есть тоже случайность. Исключеній не много; людей, знающихъ, *что дѣлать* въ коннозаводствѣ, у насъ наперечетъ. Не говоря о рысистыхъ лошадяхъ, распространяющихся съ каждымъ годомъ, иные покупаютъ и хорошихъ, нерысистыхъ, матокъ и жеребцовъ; но лошади выходятъ у нихъ плохія, потому что и матки и жеребцы подобраны не къ стати, имѣютъ одни и тѣ же недостатки, которые укореняются въ потомствѣ. Иные не знаютъ даже, какую лошадь хотятъ произвести и чего имъ ждать отъ своего завода, упряжныхъ ли лошадей, или ремонтныхъ.

При этихъ условіяхъ, для большей части заводчиковъ, какъ я сказалъ, конные заводы не выгодны; четыре процента не доказываютъ выгоднаго помѣщенія капитала; а многіе далеко не получаютъ и четырехъ. Если сосчитать *весь* расходъ на заводъ, то надобно положить въ счетъ сѣно, овесъ, солому, содержа-

(1) Я говорю о нашихъ рысистыхъ аттестатахъ.

Digitized by Google

ніе людей, ихъ семей, жалованье имъ, поддержаніе строеній, расходъ на ковку, сбрую, лѣченіе; при такомъ счетѣ всякій увидитъ во что̀ обошлась ему лошадь до 4-хъ лѣтняго возраста. Въ Воронежской губерніи, одной изъ самыхъ дешевыхъ, содержаніе лошади *до 4-хъ лѣтъ*, считая содержаніе ея производителей и всего при заводѣ, обойдется ни какъ не меньше, какъ въ 90, во 100 руб. серебромъ *ежегодно*, а въ 4 года, около 400 р. с. По чемъ же продаютъ въ Воронежской губерніи лошадь, которая до четырехлѣтняго возраста стоила себѣ до 400 р. сер.? Хорошо, если по 150 р. сер., потому что кругомъ по 200 р. сер. продаютъ въ этихъ мѣстахъ очень немногіе. Въ Тверской или Московской губерніи такую лошадь можно продать по 300, по 350 р. сер., но за то здѣсь, по такому же разчету, лошадь обойдется самому уже не въ 390 р., а въ 500 или въ 600 р. сер.

Многіе возразятъ, что счетъ этотъ не вѣренъ, что не слѣдуетъ считать сѣна и соломы, которыхъ въ степныхъ мѣстахъ сбыть не куда; но знающіе и безпристрастные люди съ этимъ не согласятся: продать у насъ все можно, особенно по той цѣнѣ, которую мы беремъ въ разчетъ (сѣно мы полагали всего 5 коп.); а если не выгодно продать, напримѣръ, сѣно, то можетъ-быть выгодно вовсе не производить его, отдавъ свои луга или степь внаймы, или разводить на нихъ овецъ, допустить прогонъ скота и пр. Соломѣ порядочный хозяинъ тоже найдетъ мѣсто: въ иные года она продается очень дорого въ самыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ.

У насъ говорили, а старые хозяева говорятъ и теперь, что не знаютъ куда дѣвать людей, и, желая употребить ихъ въ дѣло, выдумывали имъ работы: заводили ковровыя и разныя фабрики, ткацкіе станки, даже кружева и вышиванья; но все это прошло, и говорить объ этомъ нечего; теперь всякій пойметъ, что шесть-семь человѣкъ при заводѣ чего-нибудь стóятъ. Если скажутъ, что иному заводъ, съ кобылами, жеребцами и всемъ строеніемъ достался даромъ, по наслѣдству, то это наслѣдство должно считать капиталомъ, который долженъ давать проценты; и строеніе, и лошадей можно продать, и черезъ пять лѣтъ деньги эти возрастутъ. Но этого до сихъ поръ никто не считалъ въ нашемъ патріархальномъ коннозаводствѣ.

Такимъ образомъ счетъ нашъ, кажется, вѣренъ, и коннозаводство наше не хозяйство, а охота. Выгодно оно не многимъ заводчикамъ и въ немногихъ мѣстахъ; выгодно тѣмъ, которые, при дешевомъ содержаніи лошадей, продаютъ ихъ не по 150 р.

Digitized by Google

сер., но продаютъ ежегодно хотя одну, двѣ лошади по 800 и по 1000 руб.

Когда коннозаводство наше будетъ настоящимъ, разчетливымъ хозяйствомъ и будетъ производиться, какъ въ Англіи, на коммерческой ногѣ, то оно будетъ и выгодно, и лошади у насъ будутъ лучше. Тогда не станутъ выводить лошадей кое-какихъ; заводчики познакомятся съ англійскимъ коннозаводствомъ; тогда будутъ и у насъ, какъ въ Англіи, лошади для всякаго назначенія, и рысистыя призовыя, и каретныя, и ремонтныя, и шорныя, и будутъ не случайно, а по волѣ заводчика.

Въ настоящее время мы дошли до того, что намъ не достаетъ хорошихъ лошадей ни для какого употребленія. Ремонтеры жалуются на недостатокъ лошадей для кавалеріи и артиллеріи, и вслѣдствіе ихъ жалобъ, въ прошломъ 1859 г., разрѣшено ремонтированіе на Дону, у казаковъ (1). Щегольскія и вмѣстѣ прочныя, шорныя, лошади выписываются любителями изъ-за границы, потому что если такія лошади и есть у насъ, то ихъ надобно собирать по всей Россіи. Тяжалыя упряжныя состоятъ изъ бракованыхъ рысистыхъ, то-есть самыхъ сырыхъ и не надежныхъ лошадей. Гонныя, лучшія, приводятся съ Дона, съ Кавказа и изъ другихъ степныхъ табуновъ. Крестьянскія слабы, по причинѣ ихъ малаго роста, безкровности и безпорядочнаго ихъ разведенія. Рысистыя городскія, при условныхъ принятыхъ формахъ красоты, хуже всѣхъ остальныхъ по ихъ слабости и непрочности, а формами своими напоминаютъ безобразныхъ коней дѣтскихъ игрушекъ. Хорошія, нерысистыя, лошади продаются у насъ дешево, дурныя дорого; во всемъ хаосъ, неестественный ходъ, ходъ назадъ.

Ходъ назадъ, потому что прежде Россія славилась своими лошадьми, а безъ достаточной причины славиться трудно, и на этотъ разъ старики, хваля все старое и старинныхъ лошадей, совершенно правы: и у крестьянина, и у помѣщиковъ прежде лошади были лучше. Назадъ тому тридцать лѣтъ богатые мужики-охотники пользовались жеребцами помѣщиковъ; но тогда жеребцы эти были не рысистой породы, а сухія и прочныя лошади; отъ этихъ крестьянъ имѣли лошадей другіе, и лошади выходили хорошія, хотя не было ни рысистыхъ, ни возовыхъ и никакихъ призовъ. Теперь точно также, охотники-крестьяне выводятъ лошадей отъ помѣщичьихъ, но въ этихъ

(1) Въ видѣ опыта, сначала для одной дивизіи.

Digitized by Google

лошадяхъ, во всѣхъ почти безъ исключенія, рысистая кровь. У тѣхъ, которые могли вывести лошадь прямо отъ рысистой или полурысистой, она, конечно, крупна, кругла и видна, и по крайней мѣрѣ способна возить тяжелую кладь; но лошади, происшедшія отъ этой смѣси, теряютъ и ростъ и силу, и становятся безобразны.

Что касается до помѣщичьихъ заводовъ, то увеличивающаяся въ нихъ примѣсь рысистой крови перепортила всѣхъ лошадей; такъ что теперь хорошія лошади находятся только въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, куда еще не успѣли проникнуть рысаки. Еще живы люди, которые помнятъ наши заводы до введенія въ нихъ рысистой породы, и всѣ знающіе и безпристрастные люди хвалятъ прежнихъ лошадей и покупаютъ ихъ, гдѣ только могутъ.

Не говорю о старинныхъ аргамакахъ и разныхъ трухменскихъ и персидскихъ лошадяхъ, которыми хвалились наши бояре. Но и со временъ Петра Великаго коннозаводство наше шло настоящею дорогой и шло успѣшно до настоящаго времени. Петръ выписывалъ заводскихъ жеребцовъ и матокъ и дарилъ ихъ охотникамъ, на которыхъ надѣялся, напримѣръ графу Шереметеву; въ заводѣ гг. Шереметевыхъ до нашего времени велись отличныя лошади. Послѣ Петра Великаго Биронъ, страстный охотникъ и знатокъ, имѣлъ лошадей лучшихъ тогдашнихъ породъ, которыя потомъ разошлись по заводамъ и принесли имъ много пользы. Были и другіе извѣстные охотники, имѣвшіе больше или меньше вліянія на наше коннозаводство, какъ напримѣръ извѣстный Волынскій, г. Муравьевъ, графъ Разумовскій, Гудовичъ, Заводскій и наконецъ знаменитый графъ Орловъ.

Всѣ эти заводчики вводили къ намъ хорошія породы, выписывали Англичанъ и учились сами раціональному европейскому коннозаводству. Графъ Орловъ имѣлъ возможность достать арабскихъ лошадей, настоящихъ, хорошей крови; получилъ позволеніе выбирать изъ конюшенъ Бирона, и выписывалъ на огромныя суммы кровныхъ скакуновъ изъ Англіи; въ заводѣ его было трое дѣтей знаменитаго *Эклипса* (1). Около этого времени, съ восьмидесятыхъ годовъ, мода на англійскихъ лошадей начала укореняться въ Петербургѣ; многіе богатые

(1) *О значеніи кровной англійской лошади въ русскомъ коннозаводствѣ.* Соч. Н. С. 1850 г.

Digitized by Google

люди стали выписывать ихъ для ѣзды и для породы, и лошади замѣтно улучшались въ окрестностяхъ ихъ заводовъ. Но графъ Орловъ, который принесъ столько пользы нашему коннозаводству пріобрѣтеніемъ множества отличныхъ лошадей, былъ и косвенною причиной упадка. Можетъ-быть знаменитый заводчикъ не былъ знатокомъ, можетъ-быть не хотѣлъ слѣдовать методѣ англійскаго коннозаводства и желалъ самъ составить породу лошадей; но только въ заводѣ его, судя по оставшимся спискамъ породъ и ихъ смѣшеній, нельзя не видѣть или множества ошибокъ, если не незнанія, или, наконецъ, совершеннаго безпорядка; нельзя не видѣть множества неудачныхъ опытовъ, отсутствія всякой системы, положительнаго убѣжденія и опредѣленной цѣли. Какихъ лошадей желалъ онъ произвести? Кровныхъ скаковыхъ, рысистыхъ, верховыхъ или упряжныхъ? Ничего этого не видно, ни по заводскимъ его книгамъ, ни по смѣшенію, составившемуся въ его заводѣ. Что произвела кровь знаменитаго *Эклипса*? отъ смѣси его дѣтей съ полукровными и безкровными матками произошли скакуны, которые проигрывали на скачкахъ дюжиннымъ лошадямъ другихъ неизвѣстныхъ охотниковъ; тогда какъ извѣстно, что въ кровной лошади французская старинная поговорка «bon sang ne peut mentir», оправдывается больше, нежели гдѣ-нибудь, гораздо больше нежели въ людяхъ. Графу Орлову стоило выписать опытнаго трѣнера и мѣшать дѣтей *Эклипса* съ чистокровными матками, чтобъ обскакивать всѣхъ внуками знаменитой лошади (1). Дѣти *Эклипса*, конечно принесли свою долю пользы, кровь ихъ не исчезла, она улучшила многихъ лошадей; но что же это за польза въ сравненіи съ тою, какую могли бы принести они, еслибъ ихъ держали въ заводѣ съ толкомъ, мѣшали систематически, на основаніи науки и вѣковаго опыта, а не вслѣдствіе фантазіи, ради пробы, или изъ упрямства? И дѣти *Эклипса*, и арабскаго *Смѣтанки* и другія были смѣшиваемы съ лошадьми всякихъ породъ, съ датскими, голландскими, мекленбургскими, черкесскими, и пр., и произведенія этой смѣси шли опять въ смѣсь съ арабскими, англійскими... Что могло выйдти изъ этой микстуры? Вышли многія лошади прекрасныя и много лошадей совершенно безпородныхъ. По мнѣнію многихъ, знавшихъ заводъ графа Орлова, онъ вовсе не составлялъ рысистую породу,

(1) Съ этимъ согласятся, вѣроятно, всѣ заводчики кровныхъ лошадей.

Digitized by Google

но изъ множества лошадей отбиралъ тѣхъ, которыя лучше бѣжали; тутъ были и полукровныя англійскія, и полуарабскія, и смѣшанныя съ датскими; отъ этихъ-то безкровныхъ лошадей заводчики наши стали разводить рысистыхъ.

Порода верховыхъ лошадей графа Орлова исчезла, но упряжная, рысистая, пришлась по вкусу извѣстной публики. Тѣ рысаки, которыхъ графа Орловъ *выбиралъ изъ сотней*, такъ-сказать лично, были дѣйствительно прекрасныя лошади; въ нихъ было много англійской и арабской (1) крови; онѣ были и красивы, и крѣпки, и сносны, и могли пробѣгать большія пространства; даже по смерти графа Орлова въ заводахъ его, до 30-хъ годовъ, постоянно примѣшивали кровныхъ лошадей къ породѣ рысаковъ, которые только до этого времени и были знамениты и брали призы.

Графъ Орловъ любилъ щеголять своими рысаками и жилъ въ Москвѣ, гдѣ такъ много богатыхъ купцовъ. Когда, по смерти его, лошади его стали доступнѣе для покупателей, то купцы первые начали наперерывъ покупать рысаковъ съ аттестатами завода графа Орлова. Это и было началомъ порчи нашихъ заводовъ. За купцами и дворяне, люди съ особымъ вкусомъ, начали ѣздить на лошадяхъ этой породы; спросъ на нее усиливался быстро, и заводчики стали разводить рысаковъ. Примѣръ тѣхъ изъ нихъ, которые успѣли воспользоваться требованіемъ моды, соблазнялъ всѣхъ; покупали въ заводы рысаковъ, часто безъ знанія, безъ разбора, по однимъ аттестатамъ, и потому вводили въ породу не только не лучшихъ, испытанныхъ лошадей, но часто порочныхъ и болѣзненныхъ, и, вмѣсто того чтобы слѣдовать графу Орлову, то-есть обновлять кровь своихъ рысаковъ примѣсью англійской лошади, покупали голландскихъ, еще болѣе сырыхъ и вялыхъ. Купцы покупали всякую лошадь,—была бы она велика ростомъ, жирна, толстонога, съ большими щетками, и имѣла бы должный паспортъ, то-есть происходила бы отъ какого-нибудь *Лютаго* или *Звѣрскаго*. Во всѣ заводы входили рысистыя лошади; а верховыя, сухія, кровныя, переводились, и теперь, можно сказать, перевелись совсѣмъ; порода сырыхъ, малосильныхъ и безобразныхъ коней заглушила всѣ остальныя и перепортила всѣ заводы.

Многіе заводчики сознавали, сознаютъ и теперь, всѣ не-

(1) Три четверти завода гр. Орлова состояли изъ англійскихъ кровныхъ лошадей. См. *О значеніи англійской кровной лошади*, Н. С.

Digitized by Google

достатки рысистыхъ нашихъ лошадей; но товаръ идетъ съ рукъ, и они размножаютъ свой товаръ. Это понятно; но удивительно то, что многіе дѣйствительно предпочитаютъ формы этихъ нелѣпыхъ коней формамъ всѣхъ другихъ лошадей и хотя, слѣдуя общему мнѣнію, признаютъ арабскую лошадь за идеалъ, но воображаютъ видѣть въ какомъ-нибудь *Лютомъ* всѣ арабскія стати!... Это невѣроятно, однако справедливо.

Таковъ косвенный вредъ, принесенный графомъ Орловымъ русскому коннозаводству; онъ не только испортилъ лошадей большей половины Россіи; но испортилъ даже вкусъ нашъ, въ чемъ, конечно, знаменитый заводчикъ ни мало не виноватъ, потому что *зло* можетъ выйдти и изъ добраго дѣла. Наша русская *рысистая лошадь есть зло,* которое слѣдуетъ искоренить, или слѣдуетъ по крайней мѣрѣ принять мѣры противъ ея распространенія, предоставивъ ее закоренѣлымъ любителямъ. Это дѣло трудное, но возможное.

Инымъ покажется страннымъ и непонятнымъ то, какимъ образомъ рысистыя лошади, которыя происходятъ отъ *Эклипса* и *Смѣтанки*, перепортили наши заводы? Но если кровь хотя бы *Эклипса*, или самой *Эль-бораки*, кобылицы Магомета, смѣшать съ крестьянскою лошадью, къ этой смѣси прибавить голландскую, потомъ черкесскую и датскую, то въ четвертомъ и пятомъ поколѣніи ни крови *Эклипса* и никакой породы нельзя бы было замѣтить. Такая смѣсь разныхъ несоотвѣтствующихъ породъ, съ прибавленіемъ слабыхъ и порочныхъ лошадей, заключается въ нашихъ рысистыхъ; и потому, кажется, ясно какимъ образомъ потомки *Эклипса* и *Смѣтанки* испортили наши заводы.

Какая порода преобладаетъ въ этихъ лошадяхъ? *Породы не существуетъ*, ее не было даже и при графѣ Орловѣ; но существуетъ теперь только сортъ большихъ мясистыхъ, рыхлыхъ, слабыхъ и некрасивыхъ лошадей, которыхъ всѣ стараются покупать въ заводы для произведенія подобныхъ же и мечтаютъ вывести *породу* рысаковъ, какъ Англичане вывели породу скакуновъ. И теперь, какъ и при графѣ Орловѣ, изъ безчисленнаго множества лошадей этого сорта выходятъ рысаки; но породы рысистой нѣтъ!

Порода передаетъ свои отличительныя свойства и вѣрна себѣ въ отдаленномъ потомствѣ. Арабская порода существуетъ, потому-что лошади Аравіи, со всѣми своими отличительными качествами находятся тамъ, можетъ-быть, двадцать вѣковъ. Ан-

Digitized by Google

глійская порода кровныхъ лошадей существуетъ, потому что отъ первокласнаго кровнаго жеребца и такой же матки выходятъ лошади съ тѣми же достоинствами, отъ *Генріада* или *Женераль-Шассе* родится отличный скакунъ; и это такъ вѣрно, что его записываютъ въ скачку еще до его рожденія. Но отъ *Лютаго, Бычка*, или *Кролика* очень часто родятся не рысаки! Изъ пятидесяти дѣтей этого *Лютаго* бѣжитъ хорошо только *одинъ*; изъ тысячи лошадей рысистой *породы* бѣгутъ на призы — десять-двѣнадцать. Половина этихъ лошадей бѣгутъ не лучше всѣхъ остальныхъ, нерысистыхъ, а нѣкоторыя даже хуже, по крайней мѣрѣ на большія дистанціи. Дѣти же *Генріада или Женераль-Шассе* скачутъ, *непремѣнно всѣ*, рѣзвѣе всѣхъ лошадей другой породы.

Англійская чисто-кровная лошадь, въ смѣси хотя бы съ самою простою породой, улучшаетъ ее, проявляется въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи и проявляется своими достоинствами. Рысистая лошадь портитъ другую породу, и способность ея рѣзво бѣжать (если она въ ней есть) совершенно исчезаетъ во второмъ поколѣніи, и если рысакъ проявляетъ въ потомствѣ свои признаки, то большею частію одними недостатками своей породы,—сыростію, вялостію, болѣзнями ногъ и проч.

Заводчики знаютъ довольно лошадей замѣчательно-сносныхъ и энергическихъ (изъ старыхъ заводовъ); у этихъ лошадей только прадѣдъ или прабабка были кровныя англійскія; и напротивъ, можно часто встрѣтить большую, узкую и малосильную лошадь, дѣдъ или отецъ которой происходятъ отъ рысистыхъ.

Произвести породу, дать ей силу, самостоятельность и жизнь,—очень можно, хотябъ и рысистую, чему примѣромъ служатъ англійскія лошади, собаки разныхъ породъ, и другія животныя. Но должно сознаться, что мы на это не большіе мастера; напротивъ, мы умѣемъ перемѣшать, испортить и наконецъ уничтожить всякую породу. Притомъ, странно составлять породу изъ лошадей, годныхъ только для купеческой ѣзды, то-есть для проѣздки по рысистому бѣгу, или до гостиннаго двора. Рысистая лошадь, за малыми исключеніями, не способна ни къ сильной ѣздѣ, ни къ перенесенію тяжелой службы, и подвержена частымъ болѣзнямъ, наростамъ, шишкамъ, шпатамъ и проч. А именно эта лошадь и вошла во всѣ заводы и распространяется въ Россіи, съ каждымъ годомъ все дальше и дальше.

За рысистыхъ лошадей, разумѣется, возстанутъ всѣ завод-

Digitized by Google

чики и покупатели рысаковъ, и доказать, что эти лошади перепортили всѣ наши заводы, можетъ только время; но рано или поздно, вѣроятно, истина возьметъ свое. Ужь и теперь къ породѣ тяжелыхъ рысаковъ смѣтливые заводчики, для выигранія призовъ, начали примѣшивать болѣе легкихъ и сильныхъ, или даже происходящихъ отъ англійскихъ кровныхъ, хотя это послѣднее происхожденіе и скрывается. Извѣстно, что призы на большія дистанціи въ послѣднее время брали, большею частію, рысаки, въ которыхъ было больше или меньше англійской крови. Если уже у насъ есть страсть къ рысакамъ, то не лучше ли развести ихъ отъ англійскихъ или американскихъ, которые, не уступая красотой нашимъ *Кроликамъ* и *Лютымъ*, пробѣгаютъ не 4 и не 12 верстъ съ однимъ сѣдокомъ, въ бѣговыхъ дрожкахъ, но пробѣгаютъ *тридцать верстъ въ часъ*, бѣгутъ на призы въ *шестьдесятъ* и *семьдесятъ* верстъ? Пока мы успѣемъ составить сами подобныхъ рысаковъ,— у насъ вѣроятно не останется ни одной не рысистой лошади, то-есть всѣ лошади въ Россіи будутъ заражены рысистою кровью.

Распространеніе рысистыхъ лошадей больше всего доказываетъ *незнаніе истинно хорошей лошади* и *отсутствіе изящнаго вкуса*. Можно разводить дурныхъ и безобразныхъ лошадей, если, къ сожалѣнію, на нихъ есть требованіе, но должно смотрѣть на нихъ какъ на товаръ, который хорошо идетъ съ рукъ, а не восхищаться ими, не утверждать, что рысистыя лошади должны быть разсадникомъ нашего коннозаводства, не видѣть въ нихъ арабскихъ статей, и не придавать имъ небывалыхъ достоинствъ.

Рысистыя лошади помѣшали распространенію у насъ кровной англійской лошади, тогда какъ Европа и Америка признаютъ ее гланымъ средствомъ къ улучшенію конныхъ породъ. До распространенія моды на рысаковъ, число кровныхъ лошадей быстро увеличивалось въ заводахъ, и онѣ все больше и больше пріобрѣтали цѣны въ глазахъ любителей; около двадцатыхъ годовъ, вмѣстѣ съ малыми заводами, образовались большіе; Ѳ. С. Мосолову принадлежитъ честь основанія въ Россіи настоящаго *англійскаго коннозаводства*. Онъ первый началъ заводить лошадей не на продажу и не на барыши единственно, но для образованія своихъ заводскихъ производителей, и отъ его завода начинаются *русскія кровныя лошади*. По его же ходатайству основаны первыя англійскія скачки въ

Digitized by Google

Лебедяни, въ 1825 году; за нимъ завели заводы кровныхъ лошадей гг. Воейковы, Петровскій и другіе. Они были у насъ передовыми людьми по этой части; учились у Англичанъ, этихъ, можно сказать, профессоровъ коннозаводства, много читали англійскихъ стутбуковъ, скаковыхъ календарей, составили сами дѣльныя книги и пріобрѣли знанія, которыхъ у насъ до нихъ не было. Но въ это время распространялась мода на рысаковъ, и англійская лошадь скоро потеряла цѣну. Заводчики англійскихъ лошадей должны были переводить заводы, и теперь, черезъ тридцать лѣтъ, кровныя лошади остались только у четырехъ-пяти человѣкъ охотниковъ и въ казенныхъ заводахъ; теперь ихъ родятся только десятки на всю Россію, и, несмотря на это, они продаются за безцѣнокъ; дѣтей *Бермингама*, *Генріада* и другихъ знаменитыхъ производителей покупаютъ за 100, за 80 р. с.; на кровныхъ лошадяхъ ѣздятъ въ Петербургѣ и Москвѣ самые бѣдные извощики, а въ недавнее время ихъ даже начали покупать у насъ Англичане: видно не къ рукамъ добро!

Убѣжденія и вкусы перемѣнились вмѣстѣ съ модой на рысистыхъ лошадей; между тѣмъ какъ гласъ заводчиковъ кровныхъ лошадей раздается въ пустынѣ; рысистые дошли до того, что почти увѣрили всю Россію, будто англійская кровная лошадь не способна ни на что, кромѣ скачки на призъ. Назадъ тому тридцать лѣтъ у насъ думали не такъ,—ясно, что мы поѣхали на рысакахъ назадъ! Но это не все, еще то важно, что гг. заводчики рысистыхъ лошадей не имѣютъ нужды, и не считаютъ нужнымъ, учиться европейскому образованному коннозаводству; Англичане не знаютъ ничего о нашей рысистой породѣ и не хотятъ ея знать; не умѣютъ ни разводить, ни набѣгать рысаковъ; присутствіе ихъ при рысистыхъ заводахъ не нужно, англійскія книги тоже ничего не говорятъ о нашихъ рысистыхъ бѣгахъ, и рысистые коннозаводчики остаются съ прежними понятіями, съ прежними взглядами и убѣжденіями; ихъ учители и руководители—барышники, кучера и наѣздники, что часто отражается даже въ манерахъ, разговорахъ и образѣ жизни нѣкоторыхъ молодыхъ охотниковъ, исключительно преданныхъ рысакамъ и ихъ набѣганію.

Здѣсь не мѣсто доказывать, фактами и умозрѣніями, преимущества англійской кровной лошади передъ всякою другою (тѣмъ болѣе рысистою), также какъ и несомнѣнную пользу ея для коннозаводства. Считаю однако нужнымъ сказать нѣ-

Digitized by Google

сколько словъ на замѣчанія гг. рысистыхъ заводчиковъ, изъ которыхъ многіе утверждаютъ, что ихъ рысистая лошадь будто бы должна войдти во всѣ заводы, для ихъ улучшенія,— какъ происходящая отъ арабской (!) и приноровленная къ климату и потребностямъ Россіи, и пр.

Почему же, по мнѣнію Европы, не только не рысистая, но вовсе не арабская лошадь должна быть вводима въ заводы для ихъ улучшенія, а только англійская? Вопервыхъ потому, что Англичане считаютъ свою кровную лошадь гораздо выше арабской, и ни въ одномъ англійскомъ заводѣ нѣтъ теперь другой породы кромѣ ихъ, англійской, въ разныхъ степеняхъ ея чистоты. Если скажутъ, что Англичане ошибаются, что наконецъ и мы можемъ составить породу, то, къ сожалѣнію, намъ никто не повѣритъ, потому что до сихъ поръ мы ничего не умѣли развести сами, а умѣли только переводить, портить и уничтожать; тогда какъ у Англичанъ лучшія въ Европѣ лошади, лучшія породы собакъ, свиней, коровъ, овецъ, куръ и пр. Наконецъ, еслибъ они увлекались своими лошадьми, какъ извѣстные квасные патріоты, то Европѣ увлекаться ими нечего, а теперь вся Европа выписываетъ ихъ съ каждымъ годомъ все больше и больше для своихъ заводовъ и платитъ по 20.000 и по 30.000 р. сер. за лошадь. Во Франціи думали недавно улучшить заводы лошадьми арабскими, имѣли случай достать лошадей прекрасныхъ; но на всѣхъ испытаніяхъ приплодъ чистой и смѣшанной арабской крови оказался далеко ниже англійскаго. У насъ, въ Россіи, съ заводомъ графа Ростопчина было то же самое.

Неужели вся Европа ошибается, и правы одни наши заводчики рысистыхъ лошадей, — сильные вовсе не опытомъ, знаніемъ и наукой, а развѣ вдохновеніемъ богатой русской натуры?.. Я не сомнѣваюсь въ богатствѣ нашей натуры; но вѣдь наши заводчики англійскихъ кровныхъ лошадей тоже Русскіе, и сверхъ вдохновенія, на которое имѣютъ стало-быть такое же право, снабжены еще знаніемъ и изученіемъ опытовъ европейскаго коннозаводства. Наконецъ *самъ* графъ Орловъ имѣлъ въ своихъ заводахъ больше всего англійскихъ кровныхъ лошадей.

Другихъ доказательствъ преимущества кровной лошади для завода приводить здѣсь не мѣсто; кажется, достаточно и этихъ.

Digitized by Google

III.

Я старался показать съ настоящей точки наше русское коннозаводство, его достоинства и недостатки, силу и слабости. Постараюсь теперь взглянуть на средства къ его улучшенію. Это дѣло очень трудное и на бумагѣ, не только въ исполненіи лѣчить болѣзнь нелегко, хотя бы мы понимали ее и знали противъ нея средства. Но трудность не есть невозможность; трудность не должна никого останавливать, и хотя одно мнѣніе значитъ мало, но изъ единицъ состоитъ самое большое число и всякому можно «смѣть свое сужденіе имѣть».

Правительство, которое у насъ привыкло во всемъ быть ментóромъ и руководителемъ, употребляетъ и теперь огромныя средства и большія старанія для улучшенія нашего коннозаводства, выписываетъ изъ Англіи извѣстныхъ жеребцовъ и матокъ и платитъ за нихъ по 15.000 и по 20.000 р. сер. Оно содержитъ въ своихъ заводахъ сотни лошадей, стóящихъ дорого; заводитъ по разнымъ губерніямъ земскія (заводскія) конюшни; имѣетъ большой штатъ чиновниковъ по управленію коннозаводства; издаетъ журналъ, составило комитетъ по коннозаводству, совѣтъ коннозаводства. Но несмотря на все это, до сихъ поръ не видно плодовъ этихъ стараній и расходовъ: лошади и въ кавалеріи и вездѣ, какъ мы уже сказали, становятся все хуже, доказывая не цвѣтущее состояніе частныхъ заводовъ; журнала никто не читаетъ, а дѣти *Берминама* и *Генріада* продаются на казенныхъ аукціонахъ по 80 и по 100 руб. сер. Ихъ ежегодно продается много, но они, если и поступаютъ въ заводы, то большею частію безъ толку, безъ знанія; къ маткамъ изъ выродившихся рысистыхъ и къ ихъ приплоду примѣшивается снова рысистая кровь, а кровь *Берминамовъ* и *Генріадовъ* исчезаетъ, какъ рюмка дорогаго вина въ ведрѣ воды.

Между тѣмъ, отъ соперничества этихъ, казенныхъ, лошадей происходящихъ отъ знаменитыхъ производителей, много теряютъ заводчики англійскихъ кровныхъ лошадей: они принуждены сбывать своихъ за безцѣнокъ, и уже бóльшая часть ихъ перевели свои заводы, и здѣсь опять теряетъ кровная лошадь

Digitized by Google

Еслибъ они не имѣли сильнаго соперничества, то получали бы больше выгодъ и имѣли бы больше средствъ улучшать и увеличивать заводы; а слѣдствіемъ этого, конечно, была бы общая польза.

Вмѣстѣ съ другими распоряженіями для пользы коннозаводства, правительство выдаетъ ежегодно большія деньги на призы англійскимъ кровнымъ и русскимъ рысистымъ лошадямъ, поощряя такимъ образомъ разведеніе тѣхъ и другихъ; но тогда какъ потомки *Эклипса* и *Годольфина* продаются у насъ часто по 80 рублей, рысакъ, выигравшій императорскій призъ, цѣнится въ 5, 8 и 10 тысячъ р. с., цѣна за лошадь, до сихъ поръ небывалая въ Россіи! Цѣна эта неестественная, она возвышена модой и тщеславіемъ. Если въ Англіи лошадь, выигравшая извѣстные призы, цѣнится въ 20 и 30 тысячъ р. с., то тамъ цѣна эта есть слѣдствіе прямаго и вѣрнаго разчета: владѣлецъ такой лошади знаетъ, что какъ она сама, такъ и приплодъ ея принесутъ ему большіе проценты. Но у насъ купецъ пріобрѣтаетъ «призоваго» рысака единственно изъ тщеславія, потому что въ настоящее время нельзя не быть убѣжденну, что отъ знаменитаго рысака дѣти родятся часто вовсе не знаменитые; дохода за приплодъ отъ него онъ не получаетъ, и стало-быть рысакъ этотъ окупиться никакъ и ничѣмъ не можетъ. *Прекращеніе казенныхъ призовъ для рысистыхъ лошадей* и обращеніе этихъ денегъ на призы для кровныхъ было бы первою полезною мѣрой и хотя сколько-нибудь содѣйствовало бы разведенію лошадей кровныхъ.

Но рысистая лошадь, замѣняющая у насъ въ настоящее время каретную, шорную и вообще нарядную городскую, есть самый дорогой товаръ, и разведеніе ея всего выгоднѣе для коннозаводчиковъ; и такъ какъ страсть къ рысакамъ господствуетъ у насъ издавна, то *нынѣшняя рысистая лошадь должна быть замѣнена лучшею, кровною.* Въ Англіи, въ Америкѣ и во Франціи (1) есть рысаки, уступающіе нашимъ въ быстротѣ только на двухъ и на трехъ верстахъ, а можетъ-быть и вовсе не уступающіе; но эти рысаки (кромѣ першероновъ) происходятъ отъ кровныхъ лошадей, составлены систематически, разумно, съ знаніемъ дѣла, а не ощупью въ потемкахъ, и при-

(1) *Першероны*; порода легкихъ першероновъ употребляется въ дилижансахъ; лошади эти парой, въ тяжеломъ экипажѣ, пробѣгаютъ *20 верстъ въ часъ*, и притомъ очень красивы собою.

Digitized by Google

мѣсь ихъ къ другой породѣ, для извѣстнаго назначенія, не
не можетъ принести вреда; лошадь эта суха, такъ же широ
велика ростомъ, какъ и наши рысаки, и обладаетъ дѣйствите
изящными формами, а не условною красотой во вкусѣ куп
скомъ. Если въ Европѣ и въ Америкѣ рысаки не существу
какъ порода, но выбираются изъ многихъ лошадей, то Ан
признаетъ возможнымъ произвести породу рысаковъ, пу
въ заводъ лошадей, постоянно отличавшихся рѣзвымъ бѣг
Выписка рысаковъ изъ Англіи и Америки (также изъ Фра
першероновъ) для состязанія съ нашими на разныхъ дистанц
могла бы также принести пользу. Эти рысаки, поступивъ по
бѣговъ въ заводы, дали бы современемъ, можетъ-быть, такое
рысистое поколѣніе, привлекли бы покупателей, и мода на с
ихъ рысаковъ скоро осталась бы только между купцами и мѣ
нами, и то, вѣроятно, не долго. Этимъ европейскимъ рысак
могли бы быть назначены и призы, которые доставляли
дѣйствительную выгоду заводчикамъ, а не удовлетворяли
одиому тщеславію. Но такъ какъ казенные заводы, какъ бы
ни были велики, не могутъ поставлять рысистыхъ ло
дей на всю Россію, то для распространенія новой породы
частныхъ заводахъ могла бы быть назначена аукціонная п
дажа потомства европейскихъ рысаковъ. Въ первые года п
дажа должна быть послѣ испытанія лошадей на бѣгу, что
покупатели знали, что̀ именно они пріобрѣтаютъ; только у
ренность въ породѣ заставитъ покупать. Затѣмъ уже може
быть назначена продажа годовиковъ, двухлѣтковъ и трехлѣтков

Далѣе, имѣя въ виду собрать для кавалеріи *прочныхъ, сносны
легкихъ* лошадей, правительство можетъ назначить, съ такого
года, покупать для ремонтовъ *исключительно полукровны
лошадей,* то-есть такихъ, отецъ или мать которыхъ были
чисто кровныя англійскія, въ чемъ легко удостовѣрятъ ремо
тера и аттестатъ, и самыя формы лошади; типъ полукровн
лошади бросается въ глаза; обмануться тутъ нельзя. Лошади д
легкой кавалеріи, которая въ настоящее время одна полезна
время войны, для артиллеріи и щегольскія для гвардіи, о
нимъ словомъ, весь казенный ремонтъ можетъ быть составле
изъ полукровныхъ и у насъ, точно такъ же, какъ у Англичан
При дешевизнѣ кровныхъ лошадей въ Россіи, заводчикамъ лег
будетъ пріобрѣсти ихъ (жеребцовъ или кобылъ), и черезъ пя
лѣтъ вмѣсто полурысистыхъ и безпородныхъ лошадей, выв
сти хорошихъ полукровныхъ. Замѣчу здѣсь, что съ какомъ

Digitized by Google

лошадью ни была смѣшана кровная, она производитъ лошадь крѣпкую, сносную, сильную и быструю, то-есть такую, какая необходима для настоящей кавалеріи. А у насъ есть изъ чего выводить такихъ лошадей: примѣсь англійской крови къ породѣ лошадей черкесскихъ, донскихъ, финскихъ (шведокъ), татарскихъ и проч., производитъ лошадей превосходныхъ для легкой кавалеріи. Значительное уменьшеніе казенныхъ заводовъ, облегчивъ заводчикамъ покупку кровныхъ производителей, подниметъ вмѣстѣ и старые заводы кровныхъ лошадей, что̀ также довольно важно для успѣховъ нашего коннозаводства, потому что въ этихъ заводахъ должно искать знанія, опыта и вмѣстѣ разсадниковъ кровной лошади.

Чтобы можно было производить полукровныхъ лошадей, требуемыхъ, для ремонта необходимо назначить за нихъ цѣну, которая бы значительно превышала настоящую ремонтную: такъ напримѣръ, не 100, а 150 и 200 р., для гвардіи же и 300 рублей. Расходъ этотъ, вѣроятно, покрылся бы уменьшеніемъ казенныхъ заводовъ. Избытокъ полукровныхъ лошадей, оставшійся отъ продажи въ ремонтъ, разойдется такъ же легко, какъ расходится и теперь рысистый и полурысистый безпородный остатокъ, и покупатели, теперь вовсе не знакомые съ полукровною лошадью, останутся весьма довольны, потому что, какъ извѣстно, въ Англіи лошадь эта находится во всякомъ употребленіи, начиная съ экипажей королевы и лордовъ до тачекъ пивоваровъ и охотниковъ за лисицами и зайцами. Придетъ время, когда и мы выучимся производить ее для всякаго назначенія.

При назначеніи за ремонтную лошадь высшей цѣны, заводчики будутъ производить требуемыхъ лошадей охотно, потому что многіе изъ нихъ, смотря по средствамъ и разнымъ обстоятельствамъ, довольствуются и теперь произведеніемъ лошадей, исключительно ремонтныхъ, не гоняясь за разведеніемъ рысаковъ; тѣмъ болѣе должна поощрить ихъ прибавка ремонтныхъ денегъ. Для большаго ихъ поощренія можно назначить тѣмъ изъ заводчиковъ, у которыхъ куплены будутъ лучшія полукровныя лошади, преміи *медалями, вещами, деньгами*.

Значительное уменьшеніе казенныхъ заводовъ выгодно и войнѣ, какъ по сокращенію большихъ расходовъ, такъ и по той пользѣ, которую оно принесетъ заводчикамъ кровныхъ и полукровныхъ лошадей; оно установитъ и нормальную цѣну кровной лошади, по ея достоинству.

Digitized by Google

Исторія разныхъ отраслей нашей промышленности можетъ, кажется, убѣдить всякаго, что правительство наше, при всемъ желаніи и стараніи развить какую-либо промышленность, сельскую или фабричную, взявъ на себя занятіе ею, не достигало никогда предположенной цѣли: тратило большія деньги, но промышленность не развивалась до тѣхъ поръ, пока не поступала въ руки частныхъ лицъ. Правительство старалось объ общей пользѣ, но поручало дѣло людямъ, не участвовавшимъ въ этой пользѣ; а частное лицо думаетъ о своей выгодѣ. Кромѣ того, какая возможность, при обширности Россіи, разлить въ ней что-нибудь непосредственно изъ одного источника, какъ бы обиленъ онъ ни былъ? Такъ напримѣръ, къ шелковымъ заводамъ приписываемы были у насъ цѣлыя села и волости, крестьяне обязаны были выдѣлывать извѣстное количество шелку, посадить столько-то тутовыхъ деревъ, и, несмотря на это, шелководства въ Россіи нѣтъ, и въ теченіи ста лѣтъ его не могли привить къ нашей почвѣ. Но какъ скоро нѣсколько частныхъ лицъ нашли выгоднымъ заняться шелководствомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа и Южной Россіи, оно пошло весьма успѣшно, и выдѣлываемый ими шелкъ не уступаетъ хорошимъ сортамъ италіянскаго и французскаго.

Точно то же видимъ мы и въ исторіи многихъ другихъ отраслей промышленности. Великій русскій хозяинъ, Петръ I, пожелавъ завести что-нибудь новое, поручалъ это часто не чиновникамъ, не коллегіямъ и комитетамъ, а выбиралъ способныхъ и благонамѣренныхъ частныхъ людей, давалъ имъ деньги и ввѣрялъ дѣло, и дѣло шло успѣшно. На основаніи этого авторитета, можно желать, чтобы казенные конные заводы были распроданы и обогатили хорошими лошадьми охотниковъ. О пользѣ этой мѣры я говорилъ выше; здѣсь прибавлю, что совершенное уничтоженіе казенныхъ заводовъ было бы тяжело для коннозаводчиковъ, потому что только правительство въ состояніи заплатить 15, 20 т. руб. сер. за заводскихъ производителей въ Англіи, а эти лошади необходимы для поддержанія высокой породы. По мнѣнію многихъ спеціялистовъ, для казеннаго завода достаточно пяти-шести жеребцовъ и 15-ти или 20-ти матокъ первокласной породы. Казенный заводъ, состоя изъ немногихъ лучшихъ производителей, будетъ тѣмъ источникомъ, изъ котораго *главные* заводчики будутъ, по мѣрѣ надобности, покупать потомковъ первокласныхъ лошадей для поддержанія своихъ породъ, а самое конно-

Digitized by Google

заводство будетъ находиться въ *частныхъ* рукахъ. Тогда кровь англійскихъ лошадей не изчезнетъ какъ капля дорогаго вина въ ведрѣ воды, какъ исчезаетъ она теперь въ заводахъ людей незнающихъ.

Можно прибавить здѣсь, что смотрѣніе за казеннымъ заводомъ можетъ быть поручено Англичанамъ, или кому бы ни было, но сортированіе жеребцовъ и матокъ и назначеніе ихъ въ продажу должны быть возложены на особый *комитетъ, составленный изъ заводчиковъ кровныхъ лошадей.* Смотритель можетъ знать исторію и породу каждой лошади и всѣ ея качества; но въ составленіи лошадей есть много предметовъ, требующихъ другихъ знаній и соображеній.

Земскія конюшни такъ же могли бы быть уничтожены, какъ не приносящія пользы, сравнительно съ расходами, на нихъ употребляемыми.

Когда частные мелкіе заводы будутъ состоять изъ лошадей лучшей породы, не рысистой, то и крестьянская лошадь улучшится; тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ распространеніемъ лучшихъ европейскихъ понятій о коннозаводствѣ, понятія эти должны будутъ частію перейдти и къ крестьянамъ-заводчикамъ.

Вмѣсто многихъ казенныхъ обширныхъ заводовъ полезнымъ дѣломъ было бы основаніе небольшихъ *образцовыхъ заводовъ*, наряду съ главнымъ казеннымъ заводомъ, о которомъ я говорилъ сей часъ. О цѣли и устройствѣ этихъ образцовыхъ заводовъ теперь скажу нѣсколько словъ, представляя здѣсь только канву для этого учрежденія. Подробности не нужны для читателя и потребовались бы только при исполненіи.

По потребностямъ Россіи, въ образцовомъ заводѣ могли бы находиться слѣдующіе производители:

1. Для произведенія дорогихъ упряжныхъ лошадей: жеребцовъ 2, матокъ 6.

2. Для производства лошадей втораго сорта: жеребцовъ 1, матокъ 3.

3. Ремонтныхъ: жеребцовъ 1, матокъ 3.

4. Для крестьянскихъ, почтовыхъ и другихъ простыхъ лошадей: жеребцовъ 1, матокъ 5.

Всѣхъ лошадей въ заводѣ двадцать двѣ (1), а съ разгонными двадцать пять или даже тридцать. Если всѣхъ образцовыхъ заводовъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи основать *пять*, то въ нихъ

(1) Большое число жеребцовъ въ сравненіи съ матками полагается въ виду частнаго употребленія за плату.

Digitized by Google

будетъ только полтораста лошадей заводскихъ и соотвѣтствующій этому числу приплодъ.

Заводы эти пойдутъ успѣшнѣе, если покупка лошадей, содержаніе ихъ и все производство дѣла поручено будетъ, по примѣру великаго хозяина, охотникамъ и благонадежнымъ людямъ, которые притомъ будутъ на виду у всѣхъ. Положимъ даже, что кто-нибудь изъ нихъ и обманулъ бы довѣріе, истратилъ бы деньги, ничего не сдѣлавъ хорошаго; но и тогда убытокъ, имъ принесенный, далеко не такъ великъ, какъ тѣ потери, которыя выноситъ правительство отъ содержанія своего обширнаго коннозаводства, земскихъ конюшенъ и многочисленнаго штата при заводахъ.

Какая же наконецъ цѣль этихъ образцовыхъ заводовъ, и гдѣ ихъ польза?

Въ заводѣ, какъ видимъ, находились бы разныхъ сортовъ жеребцы и матки. Для произведенія *дорогихъ* лошадей, которыя должны замѣнить нынѣшнихъ рысистыхъ, въ заводѣ находились бы два жеребца англійскихъ или американскихъ и нѣсколько матокъ, выборъ которыхъ долженъ быть возложенъ на начальника завода, такъ какъ удача или неудача произведенія лошадей будетъ относиться къ нему. Для произведенія *ремонтныхъ* лошадей въ заводъ было бы пріобрѣтено нѣсколько донскихъ, черкесскихъ или финскихъ матокъ и кровный жеребецъ; для *крестьянскихъ* взяты хорошія крестьянскія кобылы и пр. Коннозаводчикъ, основавъ заводъ, долженъ подробно описать его составъ и цѣль, и присылать подробныя вѣдомости о воспитаніи, свойствахъ и достоинствахъ новаго разнообразнаго поколѣнія; потомъ водить молодыхъ лошадей на публичныя испытанія, въ Москву, Тулу, Тамбовъ и пр., то-есть туда, гдѣ происходятъ скачки или бѣги. Вмѣстѣ съ заводами долженъ быть основанъ *журналъ*, въ которомъ помѣщались бы вѣдомости, опыты и наблюденія, какъ по образцовымъ заводамъ, такъ и вообще по коннозаводству.

Черезъ пять лѣтъ, по основаніи завода, въ журналѣ можно будетъ найдти примѣрно слѣдующій отчетъ (1):

1) Отъ пяти шведскихъ кобылъ и англійскаго кровнаго жеребца (такого-то происхожденія и пр.) произведены четыре лошади, для легкой кавалеріи и упряжной ѣзды. Онѣ довольно

(1) Я представляю здѣсь *истинные факты*; лошади именно этой смѣси существуютъ или существовали дѣйствительно, и извѣстны многимъ коннозаводчикамъ.

Digitized by Google

длинны, широки, съ прямыми хорошими шеями; ноги коротки, толсты, но сухи: ростъ ихъ отъ 2 до 2 1/2 вершковъ. Всѣ четыре лошади довольно красивы, съ большими глазами и широкими ноздрями; характеромъ живы, горячи (трехлѣтки), но совершенно послушны, шерстью двѣ рыжихъ и двѣ гнѣдыхъ. Выѣзжены верхомъ и въ упряжкѣ; на испытаніи оказались замѣчательно сильными и быстрыми; на скачкѣ (тамъ-то) всѣ четыре лошади постоянно оставляли за собою казачьихъ и черкесскихъ лошадей, на разныхъ дистанціяхъ, начиная съ двухъ, четырехъ и до десяти верстъ, уступая только кровнымъ англійскимъ. Можно сказать, что для сильной ѣзды во всякомъ экипажѣ и для легкой кавалеріи лучшихъ лошадей нечего желать.

2) Отъ англійскаго кровнаго жеребца (N N) и пяти матокъ, большихъ, сухихъ и широкихъ, купленныхъ въ Малороссіи, въ заводахъ гг. N N вышло три лошади, слишкомъ въ четыре вершка ростомъ, красивыя собой и прочныя, съ сильнымъ бѣгомъ на большихъ дистанціяхъ; онѣ бѣжали нѣсколько разъ весьма легко по пятнадцати верстъ въ часъ, по тяжелой, грязной дорогѣ, въ большомъ экипажѣ. Лошади эти настоящихъ призовъ, назначаемыхъ для рысистыхъ лошадей, выиграть, вѣроятно, не могутъ, но если пустить ихъ, даже съ хорошими рысаками на двадцать или на тридцать верстъ, то, можетъ-быть, побѣда останется на ихъ сторонѣ.

3) Замѣчательны лошади, происшедшія отъ пяти крестьянскихъ кобылъ и кровнаго жеребца N (небольшаго роста). Лошади (числомъ пять) вышли ростомъ нѣсколько выше обыкновенныхъ крестьянскихъ, воспитаны такъ же на воркахъ и на всемъ крестьянскомъ содержаніи и отличаются сносностію во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ: онѣ переносятъ всѣ непогоды, сильную ѣзду и даже безкормицу; доказательства этого можно видѣть на другихъ лошадяхъ этой же смѣси, находящихся у крестьянъ N N. На нихъ пашутъ, исправляютъ всѣ полевыя работы, ѣздятъ зимою съ хлѣбомъ, накладывая на возъ по *три* четверти. Всѣ онѣ живы, рѣзвы, отличны для бѣга на почтовыхъ станціяхъ, и хорошаго характера. Къ этому должно прибавить, что всѣ почти онѣ красивы собой; англійскій типъ замѣтенъ въ нихъ даже зимой, когда онѣ обрастаютъ густою и длинною шерстью; есть какая-то грація въ шеѣ, большіе глаза длинныя уши и совершенно правильныя крѣпкія ноги.

Этихъ примѣровъ было бы достаточно. Такіе опыты и по-

Digitized by Google

дробное описаніе ихъ были бы свѣтомъ для многихъ заводчиковъ и для публики, и потому принесли бы пользу коннозаводству всей Россіи. Запасъ самобытныхъ и сильныхъ породъ лошадей табунныхъ, черкесскихъ, донскихъ и проч. у насъ великъ, надобно только улучшить ихъ и примѣнить къ разнымъ нашимъ потребностямъ.

Произведенія приведенныхъ мною трехъ сортовъ лошадей нельзя назвать даже опытомъ, это опытъ только передъ публикой; Англичане и нѣкоторые изъ нашихъ коннозаводчиковъ совершенно увѣрены въ возможности произвести такимъ образомъ требуемую лошадь для всякаго назначенія.

Эти заводы должно было бы основать преимущественно въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Пятигорскѣ, какъ въ центрѣ Кабарды; на Дону, въ одной изъ среднихъ станицъ Донской земли; въ Тамбовской, Орловской или Тульской губерніяхъ; въ Казани или Симбирскѣ и въ одной изъ южныхъ губерній Россіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ быть назначена распродажа (1) и этихъ образцовыхъ заводовъ; потому что многіе, на основаніи приведенныхъ опытовъ, вѣроятно, будутъ производить такихъ же лошадей. Для заводчиковъ всего важнѣе было бы замѣнить нынѣшнихъ рысистыхъ лошадей, на мѣсто которыхъ надобно стараться произвести красивыхъ и прочныхъ, безъ наливовъ, шпатовъ, наколѣнниковъ и пр. Если удастся вывести нѣсколько десятковъ такихъ рысаковъ, то нынѣшніе будутъ покупаемы, какъ бывало прежде, одними купцами, богатыми мѣщанами и людьми, у которыхъ свой неизмѣнный вкусъ.

Все дѣло, представляемое здѣсь, какъ проектъ, кажется, возможно и полезно. Если не одно, такъ другое или третье, можетъ быть приведено въ исполненіе. Всякое начинаніе должно быть своевременно. Теперь молодые хозяева наши поймутъ и оцѣнятъ всякую полезную для хозяйства мысль и примутся за ея исполненіе съ жаромъ, если она дѣйствительно полезна; вмѣстѣ съ тѣмъ они и не бросятся слѣпо за другими. Они готовы и хотятъ учиться; поняли бы и выгоды настоящаго, европейскаго коннозаводства; но у насъ учиться негдѣ и не у кого.

Поэтому, въ наше время можно надѣяться, что высказанное мнѣніе, если въ немъ есть своя доля правды, не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Л. Ивановъ.

---

(1) Чтобы промышленность была въ частныхъ рукахъ.

Digitized by Google

О ЖЕНСКИХЪ

УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

I.

«Все воспитаніе женщины должно клониться къ тому, чтобъ указать ей призваніе ея—быть доброю женой и хорошею матерью.» Такъ или почти такъ говорится во всѣхъ статьяхъ офиціальныхъ педагоговъ, во всѣхъ велемудрыхъ программахъ казеннаго женскаго воспитанія. Близорукіе педагоги, требующіе отъ женщины исключительныхъ качествъ доброй жены и хорошей матери, приходятъ въ ужасъ, если дѣвица въ учебномъ заведеніи услышитъ какія-нибудь самыя невинныя подробности о будущемъ своемъ назначеніи, и тщательно избѣгаютъ даже слова *любовь*, если дѣло идетъ о чувствѣ мущины къ женщинѣ и наоборотъ; этотъ ужасъ простирается до такой степени, что невозможно безъ смѣха смотрѣть на всѣ предосторожности, которыя принимаются *quasi*-педагогами, чтобъ обойдти щекотливый вопросъ. Такъ напримѣръ въ извѣстной хрестоматіи, составленной извѣстнымъ педагогомъ, въ стихотвореніи: *Торжество побѣдителей*, пропущена строфа:

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены:

Digitized by Google

Жены алчутъ новизны,
Постоянный миръ имъ страшенъ (1).

Педагогъ-хрестоматъ не дерзнулъ представить на глаза дѣвицъ такую скандалезную строфу; и какъ это, въ самомъ дѣлѣ, вдругъ узнаетъ дѣвица, что «жены алчутъ новизны», что имъ «страшенъ постоянный миръ»? Наши мыслители никакъ не могутъ сообразить, что если дѣвицъ занимаютъ такъ-называемыми *нравственными* книгами, гдѣ восхваляютъ вѣрность жены, нѣжность матери и пр. и пр., то каждая дѣвица, не идіотка, слушая нравственное чтеніе, сама легко дойдетъ до простаго заключенія, что коль скоро есть вѣрныя постоянныя жены, достойныя похвалы, то слѣдовательно, есть и невѣрныя, непостоянныя, заслуживающія порицанія; спросить она не посмѣетъ, потому что получитъ или уклончивый отвѣтъ (и это еще самое лучшее) или какой-нибудь возгласъ, уничтожающій всякую возможность продолжать разговоръ, а дѣвочки вообще застѣнчивы, особенно въ казенныхъ заведеніяхъ, гдѣ до сихъ поръ тяготѣетъ на бѣдныхъ дѣтяхъ странная дисциплина, препятствующая всякому развитію, и безсильная только относительно *обожанія*... И не сдѣлаетъ вопроса бѣдная дѣвушка, и начнетъ ломать свою молоденькую головку надъ вещами, которыя объясняются такъ просто, если взяться за дѣло съ умѣньемъ; но вотъ пройдетъ нѣсколько времени, и разрѣшеніе найдется въ какой-нибудь сентиментальной книгѣ, которая контрабандой зайдетъ въ институтъ... Надо имѣть необыкновенно свѣтлую голову, чтобы всю эту путаницу привести въ порядокъ и наконецъ дойдти до объясненія простаго понятія. Можно привести множество уморительныхъ подробностей о томъ, что̀ почитается приличнымъ и неприличнымъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вотъ два примѣра, за вѣрность которыхъ ручаемся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во всѣ институты присланы были коллекціи фигуръ животныхъ для нагляднаго изученія зоологіи; воспитатели не осмѣлились представить этихъ животныхъ дѣвицамъ въ томъ неприличномъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ рукъ природы, но допустили ихъ съ нѣкоторыми измѣненіями и улучшеніями! Второй примѣръ еще лучше. Въ одномъ институтѣ начальница не позволила воспи-

(1) Строфа эта пропущена во всѣхъ изданіяхъ хрестоматіи, слѣдовательно не случайно.

Digitized by Google

танницѣ прочесть на экзаменѣ извѣстный монологъ Бориса Годунова (въ трагедіи Пушкина): «Достигъ я высшей власти», на томъ основаніи, что въ концѣ его говорится: «мальчики кровавые въ глазахъ», а дѣвицѣ должно какъ можно рѣже упоминать о мальчикахъ.

Какой смыслъ можетъ заключаться въ «воспитываніи женъ и матерей?» Женщину воспитывать надо точно такъ же какъ и мущину. Образуйте ея умъ, сердце, дайте ей воспитаніе, сообразное съ ея наклонностями, истинно нравственное, въ настоящемъ значеніи этого слова (1), однимъ словомъ, сдѣлайте ее *человѣкомъ*, и она будетъ безъ всякаго приготовленія и доброю женой и хорошею матерью; это дѣло не хитрое, не мудреное, если только она получила настоящее образованіе. Назначеніе женщины вовсе не такъ односторонно, какъ вы думаете: при другихъ условіяхъ общества, женщина получаетъ обширный кругъ дѣятельности, и она безспорно можетъ быть такимъ же полезнымъ членомъ общества, какъ и мущина. Конечно, смѣшно и странно было бы заставлять женщину приниматься за дѣло, къ которому она не можетъ быть способна по своимъ физическимъ силамъ, но превосходство физической силы ни въ какомъ случаѣ не составляетъ преимущества, развѣ только посреди дикарей. Мы всѣ признаемъ, что женщина можетъ превосходно царствовать, то-есть занимать съ пользой самый высокій постъ въ обществѣ, и не признать этого нельзя, потому что это историческій фактъ, а между тѣмъ сомнѣваемся, чтобы женщина могла имѣть иное занятіе, кромѣ домашняго хозяйства; на обширномъ поприщѣ человѣческой дѣятельности мы отмежевываемъ ей самую узкую полосу, доходимъ до того, что, при улучшеніи заведеній, обращаемъ вниманіе прежде всего на кухню и торжественно возглашаемъ (какъ случилось выразиться одному значительному лицу, при посѣщеніи одного учебнаго заведенія), что по выходѣ изъ заведенія съ дѣвицъ не спросятъ, кто «царствовалъ» (sic!) въ Аѳинахъ, а спросятъ, умѣютъ ли онѣ сшить рубашку мужу или сварить ему кашу. Никто не споритъ, что рубашка и каша необходимы, но если весь бытъ человѣка сосредоточится около этихъ предметовъ, то существованіе его ничѣмъ не будетъ отличаться отъ существованія австралійскаго Папуаза. А гдѣ же религіозное чувство у воспитателей, попо-

(1) Подъ нравственнымъ воспитаніемъ наши воспитательницы разумѣютъ только безусловное повиновеніе начальству заведенія, не болѣе.

Digitized by Google

вѣдующихъ подобныя правила и между тѣмъ считающихъ себя людьми высоко-религіозными? Такая религія напоминаетъ намъ превосходное обличительное слово, произнесенное при празднованіи годовщины основанія Казанской духовной академіи 8-го ноября 1858 г. (1).

«Не о хлѣбѣ единомъ живы будемъ», говоритъ Св. Писаніе, и мы повторимъ: воспитайте въ женщинѣ человѣка, и она, безъ всякихъ усилій съ вашей стороны, будетъ доброю женой, нѣжною матерью, сошьетъ мужу рубашку и сваритъ ему кашу.

Образцовая кухня, вотъ единственный новый элементъ, введенный въ составъ женскихъ учебныхъ заведеній; но даже и онъ, какъ все прочее, остается наружною формой, вывѣской, и нисколько не приноситъ пользы. Кухня чиста, опрятна, снабжена всѣмъ нужнымъ, на ней готовится кушанье для начальницы, иногда туда является на полчаса дежурная дѣвица или много двѣ, посмотрятъ съ любопытствомъ, какъ смотрятъ дѣти на все новое, и уйдутъ, узнавши столько же о домашнемъ хозяйствѣ, сколько знали и прежде, то-есть рóвно ничего. Да и зачѣмъ это? Вѣдь почетные посѣтители, для представленія которымъ существуютъ заведенія, не обратятъ вниманія, за чѣмъ устроена кухня; было бы чисто и прилично! Часто, при посѣщеніи важнаго лица, разставляются дѣти по ширингамъ: напередъ становятъ здоровыхъ и по возможности румяныхъ (которыхъ вообще мало въ институтахъ), а позади блѣдныхъ и болѣзненныхъ; при тѣхъ же случаяхъ надѣвается чистое бѣлье, новые башмаки и пр. Кого же тутъ обманываютъ? Посѣтители большею частію это знаютъ и молчатъ по привычкѣ, точно такъ, какъ молчатъ посѣтители на публичныхъ экзаменахъ, гдѣ дѣвица отвѣчаетъ всегда на назначенный ей заранѣе вопросъ, вытверженный и сто разъ пересказанный учителю на многочисленныхъ репетиціяхъ. Все это лицемѣріе, никому даже ненужное,—слѣдствіе жалкой и достойной презрѣнія рутины,—обрушивается на бѣдныхъ дѣтей; юныя, воспріимчивыя существа сами начинаютъ лицемѣрить и обманывать; цѣлуютъ ручки у несравненной *maman*, въ душѣ проклиная ее; лгутъ передъ класною дамой, какъ та, по необходимости, лжетъ передъ начальницей... Грустно, тяжело становится на сердцѣ при этомъ печальномъ зрѣлищѣ нравственнаго разврата; а

(1) *Православный Собесѣдникъ*. 1858. Часть 3, стр. 67.

Digitized by Google

между тѣмъ въ немъ нѣтъ нисколько преувеличенія; что̀ ни толкуютъ о материнскихъ заботахъ воспитательницъ, между ними и ввѣренными имъ воспитанницами цѣлая пропасть; соединены онѣ волей начальства и необходимостью — и только! Воспитательницамъ дѣти надоѣдаютъ; въ дѣтяхъ начальницы возбуждаютъ чувство близкое къ ненависти! Чего же ожидать отъ ихъ сближенія?

Все воспитаніе дѣвицъ, все нравственное образованіе, и слѣдовательно вся ихъ будущность, то-есть будущность цѣлаго поколѣнія, зависитъ отъ людей, которые находятся постоянно при нихъ и исключительно завѣдываютъ ихъ занятіями, то-есть отъ классныхъ дамъ и учителей. Разсмотримъ положеніе тѣхъ и другихъ, соотвѣтствуетъ ли оно ихъ важному назначенію.

Классныя дамы назначаются исключительно начальницей учебнаго заведенія, частію изъ воспитанницъ тѣхъ же заведеній, что̀ очень полезно, хотя, впрочемъ, и не признается за необходимое условіе къ занятію мѣста классной дамы; частію, и очень часто, просто по рекомендаціи сильныхъ міра сего, къ числу которыхъ причисляются и начальницы заведеній. Бѣглая рѣчь на французскомъ языкѣ составляетъ достаточный аттестатъ для поступленія въ должность воспитательницы, а о прочемъ не спрашиваютъ; но даже и это не всегда принимается въ соображеніе, а назначаются классныя дамы просто по протекціи. При такомъ порядкѣ назначенія возможна ли гарантія въ способностяхъ воспитательницы? а между тѣмъ ей ввѣряются десятки молодыхъ существъ, требующихъ материнскихъ попеченій, постоянныхъ заботъ и трудовъ. Обыкновенно въ классѣ бываютъ двѣ дамы, которыя дежурятъ черезъ день и сверхъ того имѣютъ постоянно на своей отвѣтственности половину класа, отъ 15 до 20 дѣвицъ, обязаны слѣдить за ними и повѣрять ихъ занятія; классная дама отвѣчаетъ за каждую изъ своихъ воспитанницъ, если она не приготовила сочиненія, перевода, не переписала тетрадки, не выучила урока, не держится прямо, плохо произноситъ по-французски или запачкала перелинку и фартукъ... Все вниманіе воспитательницы обращено на вышесказанные предметы, и у нея одна цѣль въ жизни—избѣжать выговора и удовлетворить требованію начальства. Натурально, должность классныхъ дамъ берутъ на себя особы, которыя лишены всѣхъ средствъ къ существованію, иначе ни одна не рѣшится выдерживать ту нрав-

Digitized by Google

ственную и физическую пытку, которой классная дама подвергается ежедневно, когда при томъ надъ ней постоянно виситъ Дамоклесовъ мечъ — произволъ начальницы, которая, какъ бы свято ни исполняла свою обязанность классная дама, имѣетъ право отрѣшить ее отъ должности. Чего же ожидать, если въ начальницы учебныхъ заведеній опредѣляются лица *исключительно* по протекціи? И дѣйствительно многія изъ этихъ рукодительницъ воспитанія часто не имѣютъ никакого понятія о дѣтяхъ, не говорю уже о нравственномъ развитіи ихъ, но даже о физическомъ воспитаніи; однѣ, одаренныя воинственнымъ характеромъ, хотятъ изъ института сдѣлать нѣчто въ родѣ батальйона и всѣ усилія употребляютъ на выправку дѣвицъ; другія считаютъ институтъ деревнею, и углубляются въ хозяйство, съ цѣлію увеличить доходы. Проведя всю жизнь въ удовольствіяхъ и пустыхъ занятіяхъ, случайная дама, не умѣвшая устроить свою семейную жизнь, дурно воспитавшая собственныхъ дѣтей, диктаторски предписываетъ правила воспитанія и нравственности; не умѣетъ правильно писать порусски и производитъ экзамены изъ всѣхъ предметовъ преподаванія...

Прибавимъ къ этому, что вознагражденіе классной дамы далеко не соотвѣтствуетъ ея трудамъ: при поступленіи въ заведеніе она получаетъ 200 руб. содержанія, съ прибавкою пятой части по прошествіи пяти лѣтъ, и съ правомъ на пожизненную пенсію въ 400 руб. по истеченіи 25 лѣтъ; изъ этого скуднаго жалованья она должна быть всегда прилично одѣта (въ торжественныхъ случаяхъ, въ шелковомъ платьѣ, непремѣнно), меблировать комнату, платить жалованье горничной. Что же останется ей на прихоти, при нынѣшнихъ цѣнахъ на всѣ предметы потребленія, если прихотью можно назвать чашку чаю или кофе, лишнее блюдо въ прибавку къ казенному, чисто-спартанскому обѣду, и выѣздъ къ роднымъ и друзьямъ? Виноватъ, этимъ не ограничивается содержаніе классной дамы: каждыя шесть лѣтъ она можетъ надѣяться, если благоугодно будетъ начальницѣ, получить 100 руб. награжденія! Понятно, что при такихъ условіяхъ, мѣста классныхъ дамъ занимаютъ лица, не имѣющія насущнаго хлѣба; нѣтъ сомнѣнія, что между ними встрѣчаются благородныя, достойныя женщины, но едвали хотя одна изъ нихъ, выдерживающая разрушительную, убійственную обязанность свою въ продолженіи 25 лѣтъ, не потеряетъ всей душевной энергіи, всего стремленія къ испол-

Digitized by Google

нію долга, когда ей ежедневно замѣчаютъ съ горечью и угрозами, что такая-то изъ порученныхъ ей воспитанницъ не присѣла, какъ должно, инспектрисѣ или директрисѣ, что другая сдѣлала чернильное пятно на бѣлой тетради, третья разорвала платье. Кто имѣлъ случай часто и пристально взглядываться въ лица мученицъ-класныхъ дамъ, тотъ знаетъ, сколько страданій нравственныхъ и физическихъ, сколько униженія должны вынести онѣ, чтобы пронести посланный имъ крестъ въ продолженіи 25 лѣтъ, и достигнуть желанной пенсіи въ 400 руб. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ трудно найдти хорошую воспитательницу, и что на бѣдныхъ дѣтей должны обрушиться всѣ недостатки и лишенія ихъ воспитательницъ? Между тѣмъ начальствующія лица никакъ не подозрѣваютъ, что они существуютъ для дѣтей; они дѣйствуютъ на основаніи убѣжденія, что дѣти существуютъ для нихъ, хотя разумѣется никто изъ нихъ и не давалъ себѣ въ этомъ яснаго и сознательнаго отчета; а по ихъ примѣру, то же самое думаютъ (и гораздо съ бо́льшимъ правомъ) класныя дамы. Истины словъ нашихъ не опровергнетъ никто, сколько-нибудь знакомый съ дѣломъ. Мы, разумѣется, не говоримъ о тѣхъ, которые считаютъ положеніе класныхъ дамъ блистательнымъ, чѣмъ-то въ родѣ синекуры, на томъ основаніи, что класная дама дежуритъ черезъ день и слѣдовательно служитъ только полгода! Это говорится не шутя, съ возмутительнымъ убѣжденіемъ, людьми, которые имѣютъ всѣ средства облегчить участь воспитательницъ и улучшить положеніе воспитанницъ! Чѣмъ же могутъ заняться съ дѣтьми класныя дамы, поставленныя въ такое положеніе, о которомъ мы сказали выше? Онѣ читаютъ, когда есть время, съ воспитанницами французскія книги, спрашиваютъ ихъ уроки, сшиваютъ тетради, пересматриваютъ одежду и обувь: чего вамъ больше, если вся задача воспитанія состоитъ въ соблюденіи внѣшней дисциплины, наружнаго порядка и въ бойкихъ отвѣтахъ на экзаменахъ?

Гдѣ же корень зла? какія средства отвратить его? Вотъ вопросы, которые, конечно, задавали себѣ благомыслящіе люди, жаждавшіе перемѣнъ разумныхъ, а не такихъ, какъ напримѣръ, чтобы продолжать класы отъ $8\frac{1}{2}$ до $11\frac{1}{2}$ часовъ, вмѣсто 9—12 и отъ 1 до 4 вмѣсто 2 — 5, чтобы дѣти завтракали въ 12 часовъ, а обѣдали въ 4 и т. д.

Вотъ нѣкоторыя соображенія, которыя могутъ, по нашему

Digitized by Google

мнѣнію, съ пользою быть примѣнены къ избранію воспитательницъ:

1) Назначеніе въ класныя дамы должно происходить по избранію начальницы и ея помощницъ (инспектрисъ), изъ воспитанницъ, окончившихъ съ отличіемъ ученіе въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній, преимущественно въ томъ заведеніи, въ которое опредѣляется, или изъ воспитанницъ Николаевскихъ сиротскихъ институтовъ, спеціяльно назначенныхъ для приготовленія воспитательницъ и учительницъ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ окончили свое шестилѣтнее пребываніе въ частныхъ домахъ и могли представить одобрительные аттестаты отъ лицъ, которыя довѣряли имъ воспитаніе своихъ дѣтей.

2) До назначенія въ класныя дамы, каждая воспитательница должна пробыть не менѣе трехъ лѣтъ помощницею класной дамы, и доказавъ свои педагогическія способности, поступить на мѣсто класной дамы.

3) Каждая дама должна имѣть въ своемъ завѣдываніи отъ пятнадцати до двадцати дѣвицъ (какъ это и принято во всѣхъ заведеніяхъ) съ тѣмъ, чтобы черезъ день она постоянно дежурила въ класѣ; но такъ какъ постоянное, безотлучное пребываніе въ класѣ въ продолженіи 24 часовъ и добросовѣстный надзоръ надъ 30—40 дѣтьми требуетъ неимовѣрныхъ усилій, которыхъ не выдержитъ никакое здоровье, то каждая класная дама должна имѣть помощницу, которая подъ ея надзоромъ повторяетъ съ дѣтьми уроки, помогаетъ имъ въ приготовленіи ихъ класныхъ занятій и остается съ дѣтьми все время, назначенное класной дамѣ для отдохновенія.

4) Ни одна классная дама не можетъ получить мѣста, не пробывъ три года помощницею.

5) Изъ класныхъ дамъ должны избираться инспектрисы и начальницы.

6) Въ званіе инспектрисы должна поступать класная дама, занимавшая мѣсто свое не менѣе десяти лѣтъ; изъ инспектрисъ избираются начальницы.

7) Назначеніе въ инспектрисы и начальницы должно производиться самими класными дамами по общему согласію или по большинству голосовъ; главное начальство института должно утвердить выборъ или представить основательныя причины неутвержденія, и тогда производится новое избраніе.

8) Содержаніе класной дамы должно быть удвоено; суммы на это найдти не трудно съ упраздненіемъ нѣкоторыхъ долж-

Digitized by Google

ностей и расходовъ. Содержаніе помощницъ класныхъ дамъ должно быть то же, которое получаютъ теперь класныя дамы. Съ назначеніемъ помощницъ натурально уничтожаются пепиньерки, которыя совершенно безполезны для заведенія; суммы же, отпускаемыя на ихъ содержаніе, могутъ идти на жалованье класнымъ дамамъ и ихъ помощницамъ, равно какъ и суммы, употребляемыя на содержаніе такъ-называемыхъ спеціяльныхъ классовъ при Александровскихъ училищахъ; эти спеціяльные классы совершенно безполезны по самой ихъ организаціи. Въ число воспитанницъ спеціяльныхъ классовъ поступаютъ только желающія, по окончаніи общаго институтскаго курса, и всегда оказывается, что даровитыя воспитанницы не желаютъ оставаться въ нихъ (а онѣ-то и могли бы съ успѣхомъ ими пользоваться), и спеціяльные классы наполняются самыми жалкими посредственностями, за исключеніемъ можетъ-быть двухъ-трехъ, которыя или слишкомъ молоды для поступленія въ гувернантки, или желаютъ усовершенствоваться въ музыкѣ.

Намъ скажутъ, что въ пепиньерки назначаются обыкновенно бѣдныя дѣвушки, которыя до полученія мѣста въ частныхъ домахъ, привыкаютъ къ надзору за дѣтьми и пользуются нѣкоторыми уроками для усовершенствованія себя въ наукахъ; мы на *это возразимъ*, что пепиньерки нисколько не достигаютъ этого назначенія и, выходя изъ института, ровно столько же способны къ званію воспитательницъ, какъ и до пребыванія своего въ пепиньеркахъ; въ этомъ согласится со мной всякій, знающій дѣло.

Вотъ, по мнѣнію нашему, тѣ перемѣны, которыя на первый разъ необходимы для того, чтобы воспитаніе дѣтей пошло успѣшнѣе, чтобы воспитательницы, обезпеченныя въ своемъ матеріяльномъ существованіи и не обремененныя заботами не по силамъ, могли посвятить себя исключительно образованію дѣтей и слѣдить за развитіемъ ихъ съ материнскою заботливостью. Конечно, все зависитъ отъ личнаго характера воспитательницъ, но мудрое устройство заведенія заключается преимущественно въ гарантіяхъ, которыми обезпечены и воспитанницы и воспитательницы отъ личнаго произвола. При такихъ гарантіяхъ, какія мы предполагаемъ, конечно, выраженіе *класная дама по призванію* не возбудитъ громкаго смѣха, какъ намъ случалось слышать, а примется съ сочувствіемъ. Почему бы также не учредить совѣтовъ, въ которыхъ

Digitized by Google

класныя дамы и инспектрисы излагали бы свои мнѣнія о ходѣ воспитанія и сообщали свои наблюденія надъ характеромъ и наклонностями воспитанницъ. Эти мнѣнія и наблюденія, принимаемыя и разсматриваемыя общими силами, конечно, принесли бы несравненно болѣе пользы, чѣмъ фантазія начальницы, замѣняющая совѣтъ. Инспектрисы и начальницы, сами прошедшія тягостный путь класной дамы, понимали бы, чего можно и должно требовать отъ воспитательницъ, и не стали бы обременять подчиненныхъ требованіями, вынесенными Богъ знаетъ изъ какой сферы.

Переходя къ положенію воспитанницъ, мы не можемъ не коснуться ихъ физическаго состоянія, матеріяльнаго быта учебныхъ заведеній. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи видно много наружнаго блеска и мало истиннаго желанія добра. Случается, что сильная смертность въ нѣкоторыхъ институтахъ обращаетъ на себя вниманіе начальствующихъ лицъ, которыя громогласно провозглашаютъ, что необходимо изслѣдовать ея причину; тогда составляются комитеты, призываются въ нихъ опытные, то-есть убѣленные жизнью медики, назначаются глубокомысленныя совѣщанія, и что же открываютъ они и рѣшаютъ? Что обѣдать надо въ четыре часа, завтракать въ двѣнадцать, пить чай въ восемь и не ужинать, и это называется результатомъ изслѣдованій о состояніи здоровья воспитанницъ и объ изысканіи средствъ къ улучшенію ихъ матеріяльнаго быта. Неужели всякое доброе предначертаніе должно оставаться у насъ на Руси пустою формальностію? Неужели правило Фамусова: «Подписано и съ рукъ долой», будетъ примѣняться и къ такимъ мѣрамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и здоровьи многихъ тысячъ людей? Болѣе вниманія и болѣе любви къ дѣлу, и ларчикъ откроется просто. Вздорныя, безсмысленныя перемѣны не поведутъ ни къ чему, а лучше принять настоящія мѣры: чтобы въ холодное время комнаты были достаточно теплы, чтобы кушанье было свѣжее и питательное, чтобы люди, которымъ порученъ надзоръ за хозяйственною частію, не наживались на счетъ жизни и здоровья дѣтей и не получали за это орденовъ, денежныхъ наградъ и благодарностей... По нашему мнѣнію, нѣтъ на свѣтѣ преступниковъ гнуснѣе этихъ постоянныхъ систематическихъ отравителей. Начальнику они подадутъ пробу кушанья, заранѣе приготовленную, или и вовсе ничего не подадутъ, а наговорятъ лестныхъ вещей, въ то время какъ бѣдныя дѣти ѣдятъ тухлую говядин

Digitized by Google

и прогорклое масло. Иногда бываетъ, что въ трескучіе морозы не топятъ по трое сутокъ, потому что распорядитель заведенія закупаетъ лѣса на корню, и рабочіе не успѣютъ вывезти достаточнаго количества дровъ; дѣти мерзнутъ, согрѣваютъ комнаты теплотой собственнаго тѣла, и потомъ толпами отправляются въ лазаретъ. Случается также, что для освѣженія воздуха въ комнатахъ (что, конечно, необходимо, если дѣлается вовремя) ревностныя, но неопытныя начальницы приказываютъ зимою или осенью открывать настежь всѣ окна и форточки въ то время, когда дѣти сидятъ въ классахъ или проходятъ по корридорамъ въ однихъ платьяхъ, и тогда начинаются кашли, боли въ горлѣ, воспаленія. Потрудитесь спросить дѣтей въ любомъ заведеніи (можетъ-быть найдутся исключенія, и дай Богъ!), что онѣ ѣдятъ, и вы услышите: жидкій супъ, вываренную въ супѣ говядину, пироги съ дурнымъ масломъ и т. п. За то правители хозяйственной части, или экономы, заводятъ кареты, отличныхъ лошадей, покупаютъ дома и деревни, а члены по хозяйственной части, по безпечности, конечно, не обращаютъ вниманія на это, хотя мы и не слыхали, чтобъ они тоже дѣлились съ экономами. Хотите, чтобы дѣти были здоровы? Назначайте честныхъ экономовъ, дѣятельныхъ членовъ по хозяйственной части и умныхъ начальниковъ; теплый, здоровый воздухъ, питательная, свѣжая пища, движеніе—и повѣрьте, не нужно будетъ ни совѣщаній, ни комитетовъ, ни медицинскихъ изслѣдованій. Для движенія заведите гимнастическія упражненія въ дурную погоду (1), прогулки въ хорошую, и матеріяльное благосостояніе дѣтей будетъ упрочено.

---

(1) Гимнастическія упражненія должны производиться непремѣнно подъ руководствомъ медика, а не гимнастами-промышленниками, которые, нисколько не думая о цѣли этихъ упражненій, безсмысленными прыжками, гигантскими шагами и тому подобными штуками не рѣдко уничтожаютъ здоровье слабыхъ дѣтей и уродуютъ ихъ члены. Къ тому же гимнастика въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ заведена въ видѣ какого-то учебнаго предмета по два раза въ недѣлю, и не достаетъ только, чтобы за успѣхи въ гимнастическихъ упражненіяхъ ставили баллы, которые бы имѣли вліяніе на переводъ въ высшіе классы и на самое мѣсто въ классѣ. «У нея большія способности», или «она дѣлаетъ большіе успѣхи», говоритъ о воспитанницѣ гимнастъ-преподаватель съ важностію, и эти похвалы не возбуждаютъ общаго смѣха, — вѣдь гимнастика учебный предметъ! Такъ приказало начальство!

Digitized by Google

II.

Взглянемъ теперь на учебную часть. Въ нѣкоторыхъ институтахъ ученіе идетъ посредственно, въ другихъ очень дурно и ни въ одномъ не достигаетъ вполнѣ своей цѣли. Вообще воспитанницы, даже лучшія, выносятъ изъ заведенія не стройное образованіе, а большею частію массу свѣдѣній, которыя удерживаются нѣкоторое время въ памяти, но не сживаются съ ними, не входятъ въ плоть и кровь. Главная причина недостаточныхъ успѣховъ по учебной части заключается въ организаціи женскихъ училищъ, а невозможность улучшеній зависитъ отъ того же произвола, который такъ гибельно дѣйствуетъ на нравственное и физическое воспитаніе дѣтей. Если кому-нибудь изъ людей, завѣдывающихъ учебною частію, и придетъ въ голову сдѣлать перемѣны и улучшенія, то привести ихъ въ дѣйствіе, стóитъ неимовѣрныхъ усилій; начинается безконечная переписка, собираются члены совѣта, инспекторы для совѣщаній; проходятъ цѣлые годы, и если наконецъ желающій перемѣнъ энергическимъ постоянствомъ достигнетъ своей цѣли, то предположенія его осуществятся только въ томъ заведеніи, къ которому принадлежитъ онъ самъ, и никакъ не пойдутъ далѣе. Все то, что̀ мы сказали выше о произволѣ одного лица въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія, относится и къ учебной части, съ которою она находится въ самой тѣсной связи. Едва ли какой-нибудь благомыслящій человѣкъ возьметъ на себя отвѣтственность дѣйствовать въ дѣлѣ воспитанія по одному личному произволу; онъ пойметъ, что въ этомъ случаѣ каждая ошибка его, повидимому ничтожная, можетъ имѣть самыя вредныя слѣдствія. «Умъ хорошо, а два лучше,» говоритъ русская пословица, а мы прибавимъ, что въ дѣлѣ образованія одинъ умъ, какъ бы онъ свѣтелъ ни былъ, никогда ни достигнетъ цѣли.

Прежде всего разсмотримъ раздѣленіе училищъ по разрядамъ, и раздѣленіе каждаго училища на класы.

Всѣ женскія учебныя заведенія раздѣлены на четыре разряда въ слѣдующемъ порядкѣ. Къ первому разряду принадле-

Digitized by Google

ватъ. a) Воспитательное общество для благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь), для котораго существуетъ особое отдѣленіе 1-е, а всѣ прочіе институты 1-го разряда принадлежатъ ко 2-му отдѣленію. b) Екатерининскій институтъ въ Петербургѣ. c) Екатерининскій институтъ въ Москвѣ. d) Патріотическій институтъ. e) Харьковскій институтъ, f) Одесскій, g) Казанскій, h) Кіевскій, i) Бѣлостокскій, j) Закавказскій, k) Могилевскій, l) Полтавскій, m) Тамбовскій и n) Александринскій въ Пулавахъ (1).

Ко второму разряду принадлежатъ: a) Павловскій институтъ, b) Александровскій институтъ въ Москвѣ, c) Александровскій институтъ въ Петербургѣ, d) Елисаветинскій институтъ въ Москвѣ, e) въ Петербургѣ, f) въ Симбирскѣ, g) Астраханскій и h) Сибирскій.

Къ четвертому разряду принадлежатъ спеціяльные для образованія воспитательницъ Николаевскіе сиротскіе институты въ Москвѣ и Петербургѣ; къ третьему всѣ прочія заведенія.

Цѣль, назначеніе устройство заведеній, 1-го и 2-го разряда совершенно одинаковы; различіе ихъ состоитъ въ томъ только, что въ 1-й разрядъ поступаютъ дочери чиновниковъ, начиная съ 6-го класса по статской службѣ и 8-го по военной, на казенный счетъ, и дочери потомственныхъ дворянъ пансіонерками, а во 2-й разрядъ дочери чиновниковъ низшихъ классовъ и даже священнослужителей на казенный счетъ и пансіонерками (2); раздѣленіе, какъ видите, аристократическое, а

---

(1) Для чего Смольный монастырь составляетъ особое отдѣленіе, рѣшить трудно; во всѣ заведенія 1-го разряда принимаются дѣти одного и того же сословія, или потомственныя дворянки пансіонерками, или дѣти чиновниковъ, начиная съ 6-го класса по статской и съ 8-го по военной службѣ. Но разъ придуманы отдѣленія, надо придумать и различіе въ программахъ ученія; въ чемъ же состоитъ это различіе? Таблица программъ обоихъ отдѣленій совершенно одинакова; только для 1-го отдѣленія прибавлено къ преподаванію россійской словесности: 1-е о способностяхъ души, объ языкѣ, правила прозы, понятія объ изящномъ, понятія о стихотвореніи. 2-е, при изученіи французской словесности для 1-го отдѣленія предписано преподавать: взглядъ на литературу древнихъ и среднихъ временъ и исторію французской литературы, а для 2-го краткую исторію французской литературы. 3-е, нѣмецкая словесность для 1-го отдѣленія: общія понятія о словесности и исторіи нѣмецкой литературы, а для 2-го отдѣленія: указанія на нѣкоторыхъ великихъ писателей и ихъ важнѣйшія творенія.

(2) По послѣднимъ постановленіямъ въ Александровскія училища мо-

Digitized by Google

какъ же аристократкамъ не знать болѣе ихъ сверстницъ, принадлежащихъ къ низшему слою общества или къ низшему разряду чиновничьей іерархіи? и за чѣмъ дочери прапорщика или титулярнаго совѣтника знать подробно исторію литературы, исторію, географію или имѣть нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, что̀ такъ прилично дочери майора и коллежскаго совѣтника? А въ этомъ и состоитъ разница въ преподаваніи въ заведеніяхъ 1-го и 2-го разряда. Вотъ таблица программы:

1-й разрядъ.	2-й разрядъ.
1. Законъ Божій одно и то же для обоихъ разрядовъ.	
2. Русская Словесность. a) Грамматика, b) общія понятія о словесности, c) замѣчанія о литературѣ древнихъ и среднихъ временъ, исторія русской литературы.	2. Русская словесность. a) Грамматика, b) общія понятія о словесности, c) исторія русской литературы.
3. Французская словесность. a) Грамматика, b) общія понятія о словесности, c) краткая исторія французской литературы	3. Французская словесность. a) Грамматика, b) указаніе на нѣкоторыхъ великихъ писателей и ихъ важнѣйшія творенія.
4. Нѣмецкая словесность одно и то же для обоихъ разрядовъ.	
5. Ариѳметика.	тоже.
6. Нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики.	6. Совсѣмъ не полагается этихъ свѣдѣній.
7. Географія всеобщая сокращенно съ изъятіемъ (?) для нѣкоторыхъ государствъ.	7. Географія всеобщая сокращенно.
8. Географія Россіи для обоихъ разрядовъ одинаково.	
9. Исторія всеобщая сокращенно, нѣсколько подробно (?) о первенствующихъ въ Европѣ государствахъ.	9. Исторія важнѣйшихъ событій по хронологическимъ таблицамъ.
10. Исторія Россіи, сокращенно древняя и достаточно (?!) подробно съ Іоанна III.	10. Исторія Россіи.

гутъ поступать дочери чиновниковъ не ниже 9-го класса и не выше 6-го по статской службѣ; слѣдовательно является (конечно въ видахъ улучшеній) новая средняя іерархическая степень ученицъ; дочери чиновниковъ ниже 9-го класса могутъ поступать въ другія заведенія; при этомъ впрочемъ программа не измѣнена и дочерямъ коллежскихъ регистраторовъ дозволено имѣть тѣ же свѣдѣнія, какъ и дочерямъ титулярныхъ совѣтниковъ.

Digitized by Google

Изящныя искусства.

Для 1-го разряда.	Для 2-го разряда.
Рисованіе.	Рисованіе.
Чистописаніе.	Чистописаніе.
Пѣніе церковное.	Пѣніе церковное.
Пѣніе итальянское.	Танцованіе.
Музыка.	Изящныя рукодѣлія.
Танцованіе.	Хозяйственныя рукодѣлія въ обширномъ смыслѣ.
Изящныя рукодѣлія.	
Хозяйственныя рукодѣлія.	

Вотъ все различіе въ преподаваніи наукъ по обоимъ разрядамъ! По всему видно, что при составленіи программъ принята была въ соображеніе аристократическая идея, но проявилась она въ формахъ, довольно странныхъ. Пусть бы дѣвицы-аристократки занимались итальянскимъ пѣніемъ и музыкой (которая допускается въ заведеніяхъ 1 разряда) и хозяйственными рукодѣліями въ тѣсномъ смыслѣ, а дѣвицы не аристократки не занимались бы итальянскимъ пѣніемъ и музыкой, а посвятили бы себя хозяйственнымъ рукодѣліямъ въ *обширномъ смыслѣ* (1), это бы еще можно какъ-нибудь объяснить, но отъ чего дѣвицамъ аристократкамъ нужно знать исторію и географію подробнѣе, чѣмъ дѣвицамъ не аристократкамъ, и первымъ имѣть нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, а вторымъ вовсе ихъ не имѣть? Если первыя, что̀ предполагается само собою, имѣютъ болѣе достаточное состояніе, чѣмъ вторыя, то имъ гораздо менѣе нужны эти подробности и свѣдѣнія, потому что для нихъ они будутъ роскошью (если роскошью можно назвать образованіе), тогда какъ вторымъ они доставятъ насущный кусокъ хлѣба. Впрочемъ, какое дѣло до этого составителямъ программъ? Очевидно, имъ приказано было, чтобы были программы по разрядамъ; они не стали составлять ихъ, а для отличія одной отъ другой придумали сократить программы 2-го разряда! Противъ этого возразить трудно; очевидность предположенія нашего вытекаетъ изъ самыхъ фактовъ.

Въ заведеніяхъ 3-го разряда программа назначаетъ преподаваніе Закона Божія, русскаго языка, 4-хъ правилъ ариѳметики,

(1) Отчего хозяйственныя рукодѣлія отнесены къ изящнымъ искусствамъ, это также объяснить довольно трудно; вѣроятно за невозможностію отнести ихъ къ наукамъ.

Digitized by Google

географіи и исторіи Россіи, рисованія узоровъ, чистописанія, церковнаго пѣнія и рукодѣлій. Программа не обширная и самая лучшая, если принять въ соображеніе, что въ эти заведенія принимаются дочери бѣдныхъ людей, не получившія никакихъ предварительныхъ свѣдѣній; для этихъ дѣтей необходимо образованіе такого рода, чтобъ оно не удаляло ихъ отъ семейства и дало возможность дѣвицѣ быть помощницею матери, женѣ отставнаго солдата или ремесленника, и потомъ въ свою очередь стать во главѣ такого же семейства. Тутъ нѣтъ уже идей аристократическихъ, которыя проводятъ заповѣдную черту между дочерями надворныхъ и коллежскихъ совѣтниковъ: заведенія 3-го разряда необходимы для общаго блага; умножить ихъ, то-есть дать разумное воспитаніе бѣднымъ дѣвушкамъ низшаго класса, соображаясь съ ихъ состояніемъ,— вотъ о чемъ бы стоило подумать нашимъ составителямъ программъ! Намъ кажется, что единственное сообразное съ цѣлію раздѣленіе на разряды женскихъ училищъ должно быть слѣдующее:

I РАЗРЯДЪ:

Заведенія спеціяльныя, съ цѣлію приготовить воспитательницъ, и учительницъ въ заведенія и частные дома. Сюда относятся нынѣшніе сиротскіе институты.

II РАЗРЯДЪ:

Заведенія, замѣняющія домашнее воспитаніе дѣвицъ высшаго класса; сюда относятся всѣ заведенія 1 и 2 разряда.

III РАЗРЯДЪ.

Заведенія для дочерей ремесленниковъ, отставныхъ солдатъ и т. п.

Если программы необходимы для того, чтобы дать занятія училищному комитету, или чтобы вводить въ училища общую форму, какъ въ полкахъ, то о нихъ говорить не стóитъ; не лучше ли предоставить инспектору и учителямъ заведенія проходить предметы преподаванія съ общаго согласія педагогическаго совѣта, и соображаясь съ средствами и способностями дѣтей? Обязательныя программы то же самое, что слова команды при экзерциціяхъ войска: какъ же преподаваніе, то-есть ум-

Digitized by Google

ственную дѣятельность человѣка подчинить, желанію составителя программы?

Единственная разумная программа должна представлять исчисленіе предметовъ преподаванія. Все остальное необходимо предоставить педагогическому совѣту. Эта мысль тѣмъ вѣрнѣе, что и при существующихъ правилахъ и постановленіяхъ она оправдывается опытомъ; благоразумный инспекторъ всегда предоставляетъ свободу преподавателю, и если дѣло идетъ хорошо, то инспектору и въ голову не придетъ спросить учителя, соображается ли онъ съ программою. Почему бы, кажется, не уничтожить, хотя по учебнымъ заведеніямъ, одно изъ тѣхъ безчисленныхъ постановленій, которыя существуютъ въ нашей администраціи для того только, чтобы стѣснять бѣдное человѣчество, и которыя соблюдать нѣтъ никакой возможности?

Переходимъ къ раздѣленію училищъ на класы.

Въ большей части институтовъ (сколько намъ извѣстно, за исключеніемъ Николаевскихъ сиротскихъ и Елисаветинскихъ) воспитанницы распредѣляются по возрастамъ, старшему и младшему, и по отдѣленіямъ; въ каждомъ возрастѣ существуетъ (смотря по числу воспитанницъ) два, три и четыре отдѣленія; тамъ размѣщаютъ дѣтей по степени ихъ знаній на лучшихъ, посредственныхъ и дурныхъ, такъ что воспитанницы младшаго возраста, по окончаніи трехлѣтняго курса, переходятъ въ соотвѣтствующія отдѣленія старшаго; самое низшее наполняется обыкновенно неполучившими предварительнаго домашняго воспитанія, или лѣнивыми; эти несчастныя отдѣленія отдаются обыкновенно худшимъ класнымъ дамамъ (если только начальница, лично-справедливая, не назначаетъ дамъ поочередно) и худшимъ учителямъ. Намъ случалось слышать, какъ сами воспитательницы называютъ такія отдѣленія *le rébut de l'institut*, и съ какимъ презрѣніемъ отзываются воспитанницы высшихъ отдѣленій о сверстницахъ своихъ, попавшихъ въ отдѣленія низшія! Можетъ ли быть что-нибудь безнравственнѣе подобнаго распредѣленія? Дѣвочка десяти-одиннадцати лѣтъ, не приготовленная дома, болѣзненная, попадаетъ въ этотъ *rébut de l'institut*, и въ продолженіи шести лѣтъ служитъ предметомъ равнодушія и презрѣнія для начальницъ и соученицъ. При другихъ условіяхъ она могла бы сравняться съ хорошими, догнать сверстницъ, исправиться отъ лѣни, но при такихъ условіяхъ весьма рѣдкія, особенно даровитыя или

Digitized by Google

по чему-нибудь покровительствуемыя начальницей, успѣваютъ перебраться изъ дурнаго низшаго отдѣленія въ хорошее высшее. Мы слышали (и дай Богъ, чтобъ этотъ слухъ оправдался), что скоро уничтожено будетъ подобное раздѣленіе на возрасты и отдѣленія; что во всѣхъ институтахъ устроены будутъ класы, числомъ шесть, въ которые ежегодно будутъ переходить воспитанницы, оказавшія достаточные успѣхи. Такое раздѣленіе на шесть класовъ можетъ быть введено во всѣхъ заведеніяхъ: къ этимъ шести класамъ должно присоединить еще пріуготовительный, гдѣ въ теченіе года должны получать элементарныя свѣдѣнія дѣти, нисколько не приготовленныя дома, несмотря на то, что имъ будетъ 9, 10, 11 или 12 лѣтъ; да и что за дѣло до лѣтъ въ этомъ возрастѣ? Неужели не случается, что двое дѣтей, одинаково одаренныхъ отъ природы, вслѣдствіе разныхъ причинъ развиваются различно, что одно въ 9 лѣтъ развито болѣе, чѣмъ другое въ 12? Вѣдь вся бѣда въ томъ только, что одна дѣвица кончитъ ученіе 16-ти лѣтъ, другая 20-ти, а при настоящей организаціи класовъ, плохо приготовленная, плохо развитая пробудетъ шесть лѣтъ въ дурномъ отдѣленіи и выйдетъ изъ института, не только не кончивъ своего воспитанія, но даже и не начавъ его. Развѣ это лучше?

Если раздѣленіе на шесть класовъ съ присоединеніемъ элементарнаго, покажется недостаточнымъ по значительному числу воспитательницъ, то почему не раздѣлить многочисленный класъ на параллельныя отдѣленія съ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, чтобы не было и рѣчи о раздѣленіи воспитанницъ на хорошихъ и дурныхъ, и чтобы въ преподаваніи не было никакого различія?

Въ спеціяльныхъ заведеніяхъ, то-есть въ Николаевскихъ сиротскихъ институтахъ, которые должны быть разсадниками воспитательницъ, ученіе имѣетъ (что весьма основательно) болѣе обширные размѣры и распредѣлено разумно: это едва ли не единственныя заведенія, гдѣ распредѣленіе класовъ имѣетъ настоящее основаніе. Мы бы желали только, чтобы воспитанницы высшихъ классовъ, то-есть кандидатки, имѣли болѣе собственной дѣятельности; почему бы не заниматься имъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, а не нѣсколькихъ мѣсяцевъ воспитаніемъ младшихъ класовъ, подъ надзоромъ учителей и классныхъ дамъ?

Намъ возразятъ, можетъ-быть, что воспитанницы Никола-

Digitized by Google

евскихъ сиротскихъ институтовъ также распредѣлены по отдѣленіямъ, которыя мы осуждаемъ въ другихъ заведеніяхъ; да, но здѣсь распредѣленіе ихъ имѣетъ цѣль; здѣсь въ первомъ и второмъ отдѣленіи идутъ рядъ класовъ, изъ которыхъ ежегодно переходятъ воспитанницы сообразно съ ихъ успѣхами; изъ перваго отдѣленія выходятъ кандидатки, которыя могутъ окончить домашнее воспитаніе; изъ 2-го отдѣленія учительницы, которыя могутъ дать дѣтямъ воспитаніе элементарное; въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ есть сверхъ того 3-е отдѣленіе, куда помѣщаются совершенно бездарныя, которыя могутъ, по пріобрѣтеніи простыхъ понятій о воспитаніи, имъ доступныхъ, опредѣляться къ малолѣтнымъ дѣтямъ въ надзирательницы; такое отдѣленіе (одинъ класъ только) не дурно бы устроить и въ другихъ институтахъ; совершенно бездарныя, теряющія свои послѣднія способности надъ заучиваніемъ уроковъ, которыхъ онѣ все-таки не понимаютъ, могли бы съ успѣхомъ заниматься работами, сообразными съ ихъ способностями, и если онѣ научатся хорошо шить, вышивать въ пяльцахъ и т. п., то пріобрѣтутъ средства честно заработать кусокъ хлѣба, тогда какъ при другихъ условіяхъ, бѣдная дѣвушка, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, по выходѣ изъ заведенія, гдѣ она получала, хотя далеко не роскошное, но готовое содержаніе, останется одна посреди чужихъ людей и легко сдѣлается жертвой разврата... Право стóитъ подумать именно объ этихъ бѣдныхъ существахъ, которыхъ и въ институтѣ презираютъ, которыхъ и по выходѣ изъ института ждетъ самая горькая участь. Нерѣдко начальствующія лица, слыша предложеніе объ устройствѣ рукодѣльныхъ класовъ, ссылаются на требованія родителей, но въ такомъ сдучаѣ, если требованія эти безразсудны, то на нихъ не стóитъ обращать вниманія; наши понятія о воспитаніи вообще такъ странны, что напримѣръ при устройствѣ женской гимназіи въ одномъ губернскомъ городѣ (гдѣ плата за ученье положена по 25 рублей въ годъ) родители приходили къ начальницѣ съ настоятельною просьбой, чтобы дѣти ихъ обучались музыкѣ, танцованію и французскому діалекту! Развѣ возможно удовлетворять подобнымъ требованіямъ?

Г. Головачовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Digitized by Google

ВЪ ОЖИДАНИИ ЛУЧШАГО

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Въ одномъ изъ узенькихъ извилистыхъ переулковъ, дѣлающихъ изъ Москвы нѣчто въ родѣ лабиринта, стоитъ большой старинный домъ и, что̀ рѣдкость для старинныхъ домовъ, имѣетъ подъѣздъ на улицу. Въ прекрасное утро, въ половинѣ апрѣля 1857 года, двѣ дамы звонили у этого подъѣзда. Дверь не отворялась; на дворѣ было жарко, нетерпѣніе посѣтительницъ было велико. Прохожіе, которымъ онѣ заграждали дорогу на избитомъ и изрытомъ кирпичномъ тротуарѣ, уже не разъ задѣвали ихъ и, смѣясь, на нихъ оглядывались. Изъ оконъ ближнихъ домовъ смотрѣли сосѣди, привлеченные звономъ колокольчика; разнощикъ съ рыбой и саячникъ даже положительно остановились среди улицы и ждали чѣмъ это кончится.

Старшая дама выходила изъ себя; ея старенькая черная мантилья поднималась парусомъ, соломенная шляпка спустилась на затылокъ; вѣтерь путалъ ея волосы, черные съ просѣдью, и безъ того дурно причесанные. Она принялась звонить, не отрываясь.

Digitized by Google

— Маменька, можетъ-быть, дома нѣтъ, замѣтила ея спутница, бѣлокурая недурная дѣвушка лѣтъ восьмнадцати.

— Кого дома нѣтъ? возразила мать.

— Никого, ни княгини, ни Аделаиды Григорьевны.

— Что же такое, что нѣтъ? Что такое Аделаида эта? Развѣ я къ ней хожу? А княгини нѣтъ,—люди должны же отворить, доложить, что дома нѣтъ; и безъ княгини можно, все равно, къ ней въ домъ придти... Точно тебѣ въ первый разъ; вразумить надо...

Въ эту минуту, на новый отчаянный звонокъ, дверь подъѣзда отворилась такъ стремительно,—а она отворялась наружу,—что дамы отскочили. Ихъ впустила маленькая, растрепанная и грязная дѣвочка, одно изъ тѣхъ созданій, которыхъ барыни привозятъ изъ деревень «пріучаться быть въ горницѣ» и которыя, заколоченныя всею дворней, пріучаются прежде всего обманывать и грубить и узнаютъ именно то, чего не нужно знать.

— Съ ногъ сбила! вскричала пожилая дама, поднимаясь на лѣстницу:—гдѣ же всѣ люди, Лушка, что ты отворяешь? развѣ это твое дѣло?

— Для тебя десять дѣловъ справишь... проворчала дѣвочка, исчезая гдѣ-то подъ лѣстницей въ маленькую дверь.

Дама вошла въ переднюю въ сильномъ гнѣвѣ.

— Точно у васъ ушей нѣтъ, обратилась она къ лакеямъ, изъ которыхъ сидѣвшіе не встали при ея входѣ: — хорошо, что лѣто нынче; зимой такъ заставить ждать, можно человѣка заморозить. Что, ужь укладываетесь, ѣдете?

— Укладываемся.

— Обозъ ужь отправили? Кто съ обозомъ поѣхалъ?

— Поваръ, извѣстно,—его обязанность.

— Кушанье теперь у кухмистера только на двѣ персоны берутъ, отозвался другой лакей, столько же развязный, сколько первый отвѣчавшій былъ сумраченъ.

Дама не обратила вниманія на это замѣчаніе, сказанное видимо съ какою-то цѣлью, и направилась въ гостиную.

— Ея сіятельства дома нѣтъ, изволили къ обѣднѣ поѣхать, а Аделаида Григорьевна еще не вставали.

— Боже мой, какъ важничаетъ! до одиннадцатаго часа!.. Я подожду княгиню. Подайте чаю сюда.

— Когда ея сіятельство воротится, такъ подадутъ самоваръ.

Дама вошла въ гостиную, подошла къ зеркалу, сняла шляпку, поправила волосы, поправила мантилью, подошла къ этажеркѣ

Digitized by Google

и взяла книгу. Садясь съ ногами на диванъ, она обратила вниманіе на дочь. Дѣвушка не снимала шляпки и не садилась.

— Что же ты? сказала съ нетерпѣніемъ мать:—садись. Слава Богу, версты четыре прошли; я думаю, ногъ не слышишь. Посмотрись на себя, какая ты блѣдная.

Дѣвушка подошла къ зеркалу; она была блѣдна въ самомъ дѣлѣ, но столько же отъ досады, сколько отъ усталости. Свою шляпку, красивую и изящную, она сняла небрежно и бросила на столикъ, какъ особа, привыкшая не дорожить дорогими вещами, за то очень тщательно принялась приглаживать свои волосы, взбитые кверху. Ей мѣшали перчатки; снимая, она изорвала одну изъ нихъ.

— Что, ужь конецъ? сказала мать, оглядываясь изъ-за книги, которую читала будто сидя не въ гостяхъ, а дома.

— Дешевыя перчатки никогда долго не носятся, возразила дочь хладнокровно.

— А! дорогихъ захотѣлось! проговорила мать и обратилась къ книгѣ.

Дѣвушка стала разсматривать рѣзьбу маленькаго столика, у котораго сѣла; отъ столика ея вниманіе обратилось на другія богатыя вещи, украшавшія комнату. Она встала и пошла разсматривать бюсты и вазы на тумбахъ, картины по стѣнамъ, дагерротипы, миніатюрные и акварельные портреты, разставленные на всѣхъ столахъ и свидѣтельствовавшіе о многочисленности родныхъ и друзей хозяйки. Между ними въ особенности выдавалась пестро-раскрашенная фотографія молодаго человѣка въ гусарскомъ мундирѣ, очевидно очень довольнаго собою. Дѣвушка взяла ее со стола и разсматривала пристальнѣе, даже улыбнулась, разсматривая, и потомъ, вдругъ съ небольшою гримаской, поставила ее на мѣсто и принялась за статуэтки, флаконы, фарфоровыя куклы, рѣдкости, которыхъ было довольно на столикахъ и этажеркахъ.

Мать смотрѣла на нее съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ.

— Поосторожнѣе, не сломай чего-нибудь, сказала она рѣзко и отрывисто, когда дѣвушка зацѣпила кружевомъ своего широкаго рукава за одну изъ куколъ и опрокинула ее.

— Какая счастливица эта княгиня! сказала дѣвушка:—я обожаю vieux-saxe.

— Какъ ты много его видѣла! возразила мать:—ты не от-

Digitized by Google

личишь его отъ корниловской фабрики. Еще когда-нибудь при постороннихъ это скажешь, чтобы надъ тобой смѣялись.

— Я столько же видѣла vieux-saxe, сколько и вы.

— Гдѣ же это?

— У кого же его нѣтъ? У княженъ Ручневыхъ цѣлая горка, у мадамъ Мороновой.

— Тамъ, я думаю, ты не очень смѣешь все брать въ руки, вертѣть. Перестань, сдѣлай милость; еще все переколотишь.

— Точно я ребенокъ, возразила дѣвушка.

— Что̀ за манеры, на все бросаться, всему удивляться...

Дѣвушка оставила и сѣла съ недовольнымъ видомъ.

— Бываешь въ порядочныхъ домахъ, такъ надо и держаться порядочно...

— Что̀ же я сдѣлала непорядочнаго? возразила дочь: — я только въ постороннихъ домахъ и вижу что-нибудь. Дома вѣдь мнѣ разсматривать нечего.

— Господи, да гдѣ же мнѣ взять! вскричала мать съ отчаяніемъ.—Ну, вотъ, ну, возьми мою душу! Тебѣ vieux-saxe понравился, а дома есть ли горшокъ щи сварить, да и сварить нечего...

— Не я же виновата, возразила дѣвушка.

— Не ты, Боже мой, знаю что не ты! Ты меня-то не обвиняй, не говори, что я тебя послѣдняго лишаю, не позволяю и полюбоваться. Ты кажется этихъ проклятыхъ большихъ барынь знаешь: изъ дряни, изъ куклы какой-нибудь, — сами же онѣ ее сломаютъ, готовы исторію сдѣлать, ругательствъ наговорить. Развѣ ты человѣкъ, чтобъ онѣ тебя щадить стали? Ты это понимаешь, я думаю, а что ты еще до сихъ поръ не попадалась, не сталкивалась съ ними... Скажутъ, вопервыхъ, распоряжаешься...

Дѣвушка отвернулась и, вставъ на колѣни на кресло, разсматривала ландшафтъ, висѣвшій на стѣнѣ.

— У тебя оборка на баскѣ отпоролась, замѣтила мать.

— Знаю; я такъ и надѣла. Что же вы не зашили?

— Когда же мнѣ было? Вели Аделаидиной дѣвкѣ пришить; княгининымъ не говори: неловки изъ-рукъ-вонъ, ничего не сумѣютъ сдѣлать; чешутъ, того и жди голову оторвутъ. Такой глупый народъ набранъ; хуже не знаю.

Дверь изъ внутренней комнаты растворилась съ шумомъ, портьера заволновалась, и въ гостиной явилась высокая дама въ бѣломъ вышитомъ и необъятно-широкомъ пеньюарѣ. Ея при-

Digitized by Google

ческа, уже совершенно оконченная, могла бы назваться чу
зодчества: толстая коса вѣнкомъ охватывала голову и укр
лась съ боку небольшимъ кокетливымъ бантикомъ изъ тѣне
пунцоваго съ чернымъ бархата; бандо спускалось къ ще
волнами въ четыре совершенно симметрическіе правил
извива; изъ-подъ нихъ блестѣли огромныя золотыя се
гладкія и круглыя какъ пуговицы. Цвѣтъ лица этой дамы
восхитителенъ, нѣсколько блѣденъ и небольшая синев
выпуклостяхъ лба и оконечностяхъ носа и бороды обл
употребленіе чего-то менѣе невиннаго нежели рисовая п
брови были слегка подклеены, губы алы и масляно-и
вообще эта дама была превосходно расписана. Несмотр
высоту своего роста, она выказывала довольно сильнымъ
комъ, что ея вышитыя золотомъ туфли были снабжены к
ками. Этотъ стукъ и мѣрность походки придавали ея особ
кое-то грозное величіе.

Это была дѣвица Аделаида Григорьевна Мѣстнова, ком
онка старой княгини Десятовой, уже много лѣтъ живш
ея домѣ.

Она прошла, не кивнувъ головой на поклонъ молодой
вушки и только бѣглымъ недовольнымъ взглядомъ выра
вниманіе къ присутствію матери, впрочемъ, не поднявшей
мѣста. Послѣ этого взгляда, Аделаида Григорьевна так
спѣшно и рѣшительно направилась изъ гостиной въ залу,
будто намѣревалась гнѣваться на прислугу, какъ допустил
кой безпорядокъ, впустили этихъ особъ въ гостиную кня

— А, прахъ тебя возьми! ты не кланяешься и тебѣ не
нутъ кланяться! сказала вслѣдъ пожилая дама, стукнув
столу книгой:—приживалка проклятая, изъ всякой юпки г
у княгини ноги лизать! Наушничаетъ, на всю дворню спле
чаетъ, тѣмъ и умна...

Аделаида Григорьевна въ самомъ дѣлѣ гнѣвалась; къ сча
ея слова не долетали до посѣтительницъ, но онѣ легко м
догадываться въ чемъ дѣло.

— Не могли вы имъ отказать?

— Мы полагали, что такъ какъ ихъ всегда принимаютъ.

— На то догадка есть; всякій день таскаются, надоѣли.
онѣ тамъ и шляпки поснимали... Можно понять, что и
гинѣ, наконецъ, въ тягость. Нечего сказать, занимател
гостьи.

Digitized by Google

— Да, онѣ, сударыня, не женируются, сами себя занимаютъ Анна Ѳедоровна ужь вотъ книжку читаетъ...

Аделаида Григорьевна разсмѣялась, и за тѣмъ послышался смѣхъ лакеевъ.

— Право-съ; и барышня тоже, въ зеркало посматривается...

— Давайте же самоваръ, сказала Аделаида Григорьевна, найдя, вѣроятно, что посмѣялась довольно:—княгиня, я думаю, сейчасъ пріѣдетъ.

Она подошла къ открытому окну, дѣлая италіянскую руладу.

Анна Ѳедоровна, казалось, прилежно занималась своимъ чтеніемъ, потому что не выпускала книги изъ рукъ, но страницы не перевертывались; по временамъ она оглядывалась безпокойно, съ нетерпѣніемъ и злобой, со страхомъ, котораго боялась, чтобы не замѣтили.

— Полина! сказала она наконецъ довольно рѣзко дѣвушкѣ, которая опять начала пересматривать портреты. — Да полно ходить изъ угла въ уголъ, матушка. Точно ты преступленіе какое сдѣлала и не знаешь куда спрятаться. Чего ты все переконфужена?

— Нисколько, Боже мой! Съ чего вы взяли? возражала съ досадой дѣвушка.

— Сядь, займись чѣмъ-нибудь. Работа, вѣдь, съ тобой?

— Со мной.

— Ну, и садись къ окошку, шей.

Полина достала изъ кармана крошечный свертокъ батиста, нашитый на клеенку и принялась за англійскій швъ.

Стукъ кареты у подъѣзда и затѣмъ торопливое движеніе въ прихожей прервали эти занятія. Аделаида Григорьевна побѣжала встрѣчать княгиню.

Княгиня была старуха еще бодрая, хотя уже согнутая, несмотря на корсетъ, постоянно поддерживавшій стройность ея таліи; она была когда-то хороша собою, о чемъ въ настоящее время догадывались только особы, желавшія сказать ей комплиментъ; тѣ же, которые не испытывали этого желанія или этой необходимости, находили, что остатки прошлой красоты, орлиный носъ, пристальный взглядъ слегка прищуренныхъ глазъ, гордо и таинственно сжатыя губы, придавали физіономіи княгини что-то нестерпимо кислое, съ перваго взгляда располагающее не отыскивать болѣе никакихъ красотъ княгини, ни физическихъ, ни нравственныхъ. Руки у нея были маленькія, богато украшенныя кольцами, заставлявшими обращать на нихъ

Digitized by Google

вниманіе; гордясь ихъ миловидностію смолоду, княгиня не думала о дѣйствіи сокрушающаго времени, а всего менѣе о томъ, что нѣтъ ничего противнѣе высохшихъ пальцевъ, на которыхъ морщится и желтѣетъ кожа, что это безобразіе нельзя ничѣмъ ни скрыть, ни исправить, что всякое украшеніе, кружевныя манжеты или дорогія кольца только дѣлаютъ ихъ болѣе похожими на что-то мертвое и чисто прибранное. Княгиня не носила яркихъ цвѣтовъ, но еще не отказалась отъ цвѣтныхъ лентъ; она не скрывала своихъ лѣтъ, но не любила говорить о нихъ, замѣчая, что, пожалуй, есть и молодыя женщины охотницы записываться въ старухи, но что это лѣнивицы, неряхи, и въ подтвержденіе этому, княгиня добавляла всегда, что эти женщины несчастны въ семейной жизни и мужья скоро ихъ разлюбили. Была ли счастлива въ своей семейной жизни княгиня, этого никто не помнилъ. Она овдовѣла давно, вырастила семью, отдала замужъ двухъ дочерей, женила сына и похоронила всѣхъ. Вдова сына жила съ нею недолго; это была женщина слишкомъ незамѣчательная и совершенно исчезавшая передъ своею свекровью; съ ней мало кто говорилъ, встрѣчая ее, и то довольно рѣдко, въ гостиной княгини; когда она, вскорѣ послѣ мужа, переселилась за нимъ въ вѣчность; о ней не говорилъ никто, тѣмъ болѣе потому, что сама княгиня ясно выражала, что эти воспоминанія не приносятъ ей удовольствія, а въ утѣшеніяхъ она не нуждается. Характеръ княгини былъ силенъ и непоколебимъ никакими утратами; ея знакомые, благовѣя, ставили его въ примѣръ всѣмъ страждущимъ и огорченнымъ. «Перенесть ничего, говорили они, но не потеряться, не потеряться!» Княгиня никогда не терялась. Впрочемъ, по смерти сына и его жены, у нея осталось утѣшеніе, шестилѣтній внукъ, князь Иванъ Петровичъ, послѣдняя и единственная отрасль князей Десятовыхъ, и еще восьмнадцатилѣтняя дочь, княжна Агриппина, которую княгиня тѣмъ же годомъ выдала замужъ. Отъ двухъ старшихъ дочерей не оставалось потомства, одинъ изъ зятей скоро утѣшился и опять женился, другой почему-то никогда не посѣщалъ княгини. Материнское чувство княгини было вполнѣ удовлетворено блистательнымъ супружествомъ княжны Агриппины; правда, графъ Теженецкій былъ немножко старъ, немножко разоренъ, но послѣднее есть несчастье, встрѣчающееся такъ часто, что пора перестать считать его несчастіемъ, а огорченіе имѣть мужа втрое старше себя есть только надежда скораго освобожденія и независимаго

Digitized by Google

положенія въ свѣтѣ. Эта надежда, впрочемъ, не вполнѣ сбылась для графини; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества, судьба наградила графа Теженецкаго наслѣдникомъ, Васей. Въ настоящее время, графиня Агриппина уже другой годъ лѣчилась на какихъ-то водахъ за границей; мужъ ея нашелъ необходимымъ посѣтить свое имѣніе, и мальчикъ остался на попеченіе бабушки. Онъ былъ помѣщенъ въ Москвѣ въ блестящемъ пансіонѣ, гдѣ приготовляли его къ поступленію въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ слѣдовало представителю аристократическаго имени. Всѣ знакомые и родные, называвшіе Васю «Веніаминомъ семейства», увѣряли себя и княгиню, что она страстно любитъ этого Веніамина, хотя вся долгая жизнь княгини служила вѣрнѣйшимъ доказательствомъ того, что она никогда и никого страстно не любила. Она даже не считала за нужное пользоваться этою репутаціей любящаго сердца, которую хотѣли ей составить, и очень добросовѣстно не высказывала никакой чувствительности. Она осталась вѣрна этому правилу даже въ отношеніи къ князю Ивану Десятову, внуку, носившему ея имя, гвардейскому гусару, о красотѣ котораго твердилъ ей кто только могъ, полагая доставить ей удовольствіе. Считала ли она красоту и блескъ какъ нѣчто должное, «въ порядкѣ вещей» въ своей фамиліи, желала ли она чего-нибудь большаго, хотя бы, казалось, княгиня Катерина Петровна была не способна создавать себѣ идеалы, но и съ княземъ Иваномъ она была постоянно сосредоточенно-холодна и необщительна. Со всѣмъ тѣмъ, она баловала его и теперь, и въ дѣтствѣ, такъ же какъ Васю, самымъ отвратительнымъ баловствомъ, основаннымъ на приличіи, на «такъ должно». Ни тотъ, ни другой не знали не только лишеній, но ни въ чемъ отказа; ихъ долги платились, ихъ шалости скрывались, объ ихъ дурныхъ свойствахъ не смѣлъ никто заикнуться, словомъ, они были ограждены отъ общественнаго мнѣнія. Княгиня знала все, что они дѣлали дурнаго; она была умная женщина, и понимала, что ея внуки поступаютъ дурно; она даже не оправдывала ихъ, но все, совершаемое въ ея семействѣ и во всей огромной семьѣ аристократіи, къ которой принадлежала она и ея близкіе, княгиня считала за непреложное, неизбѣжное, такое, чего простые смертные, дерзающіе возводить взоры на такую высоту, не должны были смѣть помыслить даже анализировать, не только осуждать. Это была не гордость, чувство слишкомъ опошленное, не сознаніе своего

Digitized by Google

достоинства, другое чувство, для котораго нужна работа разбора, трудъ слишкомъ утомительный для аристократической головы, это было что-то перешедшее изъ нравственнаго въ физическое ощущеніе: княгиня чувствовала себя княгиней такъ же просто какъ люди чувствуютъ, что у нихъ есть руки и ноги. Конечно, она не одна изъ всей своей породы такъ ощущала свое превосходство; но у другихъ оно еще не достигало такого совершеннаго развитія. Другіе были обходительны, признавая учтивость добродѣтелью; сострадательны, потому что въ дѣтствѣ читали у Беркеня о жалости къ животнымъ; способны расчувствоваться хотя нервически. Княгиня вѣрила въ существованіе нервовъ (конечно, только у людей ея породы), но ея постоянно цвѣтущее здоровье оградило ее отъ слабостей этой ложной чувствительности; животныхъ она никакихъ не любила, а потому не имѣла надобности думать объ ихъ страданіяхъ; что же касается до обходительности, княгиня очень справедливо сочла бы ее не нужнымъ лицемѣріемъ, еслибы потрудилась даже подумать о ней. Она не считала, что остальные люди подобны ей, но только поставлены ниже: для нея они, просто, составляли отдѣльный міръ, Богъ его знаетъ какъ устроенный, но съ которымъ ни она, ни существа ея породы не имѣли ничего общаго. Она видѣла и вполнѣ знала, что *тѣ*, другіе смертные, живутъ, трудятся, терпятъ нужды; но вникать въ эту жизнь, обращать вниманіе на этотъ трудъ, прислушиваться къ голосу этой нужды, она сочла бы (еслибы даже потрудилась объ этомъ подумать) совершенно безполезнымъ безпокойствомъ. Какъ женщина, получившая воспитаніе, хотя читающая только французскіе романы, она знала, что есть ученые, посвятившіе себя изысканіямъ по разнымъ отраслямъ естествознанія, и хотя не знала ни строки ихъ трудовъ, но отзывалась о нихъ съ уваженіемъ; напротивъ, и романы, и политико-экономическія статьи, гдѣ дѣло шло о мелкой породѣ человѣчества, вызывали ея глубокое пренебреженіе; какъ сказки, она еще выносила произведенія иностранной литературы, но свое, отечественное, приводило ее въ негодованіе. Послѣднее случилось, впрочемъ, всего раза два во всю жизнь княгини, когда кто-то изъ ея московскихъ знакомыхъ навязалъ ей прочесть русскую книгу. Негодованіе княгини было справедливо вызвано и грубостію выраженій, и грубостію изображеній, выставленныхъ, какъ находила она, не только нецеремонно, но навязчиво. Она не удивилась имъ: какъ женщина умная,

Digitized by Google

опытная и не лицемѣрная, она не скрыла, что знаетъ существованіе всѣхъ этихъ золъ и этой грязи, но произнесла какъ олимпійское божество, возмущенное въ своемъ величіи: «Чего же они отъ насъ хотятъ со всѣмъ этимъ?»

Отъ княгини никто не хотѣлъ ничего, то-есть хотѣли очень многаго и многіе, но всѣ сознавали тщету всякихъ надеждъ и требованій. Въ нихъ упорствовала только одна особа: Анна Ѳедоровна Абарова, жена мелкаго, спившагося съ кругу чиновника, но особа, получившая воспитаніе насчетъ какихъ-то благодѣтелей въ одномъ изъ высшихъ заведеній. Это было, конечно, давно; Анна Ѳедоровна была бѣдная дѣвушка, благодѣтели поспѣшили выдать ее замужъ; хорошо, что плодомъ этого брака была одна только дочь Полина. Безпорядочная жизнь мужа, неумѣнье жены взяться за что-нибудь въ хозяйствѣ сдѣлали нищету неизбѣжной; разница воспитанія, грубый характеръ одного и обидное важничанье другой, сдѣлали семейную жизнь ужасною. Чтобъ отдохнуть, Анна Ѳедоровна стала уходить изъ дома и уводить съ собой свою дѣвочку. Ея знакомства всѣ были самыя аристократическія, то бывшіе благодѣтели, то друзья ихъ, то институтскія подруги. Въ этихъ домахъ она находила пріютъ и комфортъ, котораго лишена была дома, слышала свѣтскій разговоръ, толки о пустякахъ, которые давали хотя на время забыть домашнія непріятности. Эти непріятности и нужда казались вдвое тяжелѣе послѣ дня, проведеннаго въ постороннемъ домѣ. Анна Ѳедоровна перестала жить дома; она стала уходить съ утра и возвращаться только къ ночи, не заботясь, что дѣлалъ ея мужъ въ это время. Но возвращеніе въ этотъ грязный, чаще всего нетопленный уголъ, было такъ непріятно, что Анна Ѳедоровна стала запаздывать въ гостяхъ и тѣмъ добиваться приглашеній ночевать. Добрые люди, которымъ она разказывала свое положеніе, платили за ея квартиру, дарили ей деньги и платье. Ей совѣтывали брать къ себѣ учениць, но присылать дѣтей въ домъ Абаровыхъ было невозможно, а самой ходить давать уроки, Анна Ѳедоровна отказывалась, говоря, что разстроена и не въ состояніи заниматься даже своею дѣвочкой. Когда Полинѣ минуло девять лѣтъ, Анна Ѳедоровна нашла благодѣтелей, которые помѣстили ее въ пансіонъ. Пока дочь воспитывалась, мать вела свою кочующую жизнь; послѣ выпуска, она взяла дочь къ себѣ и уже болѣе года онѣ вдвоемъ странствовали по аристократическимъ

Digitized by Google

домамъ, гдѣ Полина находила сверстницъ и совоспитанницъ, какъ прежде ея мать.

Въ это утро, онѣ начинали свой день у княгини Десятовой, еще не зная, гдѣ его кончатъ. Полина не думала объ этомъ положительно, но въ голову Анны Ѳедоровны запали разныя соображенія, вмѣстѣ съ другими тревогами, мѣшавшія ей читать спокойно. Шумъ въ залѣ, возбужденный пріѣздомъ княгини, снова перенесъ ея вниманіе на дочь.

— Не прыгай, сдѣлай милость, не вылетай на встрѣчу; тамъ есть кому подслуживаться, сиди и шей.

— Устали? спросила входившую княгиню Аделаида Григорьевна, рисуясь среди залы въ своихъ бѣлыхъ драпировкахъ.

— Немного, отвѣчала княгиня, входя и развязывая ленты шляпки, которую Аделаида Григорьевна поспѣшила взять и передала прибѣжавшей горничной. — Да я еще вздумала заѣхать въ пансіонъ за Васенькой, привезла тебѣ гостя.

— Какъ, Базиля отпустили? вскричала Аделаида Григорьевна съ восторгомъ.

— Отпустили, отпустили, ура! закричалъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, внукъ княгини, бѣленькій, худенькій, въ неуклюжей форменной курткѣ, выбѣгая изъ прихожей.

Онъ съ громомъ бросилъ на полъ связку книгъ и кинулся на шею Аделаидѣ Григорьевнѣ.

— Адель, душка, ваканція, ваканція! кричалъ онъ, цѣлуя ее и кружа по залѣ:—ваканція, мы съ вами уѣдемъ, гулять будемъ, vive la vacance!

— Вася, да не шуми! сказала княгиня:— Адель, уйми своего баловня. Какъ онъ тебя любитъ, въ самомъ дѣлѣ!

— О, у него золотое сердце! сказала Аделаида Григорьевна.

— Ступай, переодѣнься и приходи завтракать, продолжала княгиня,—Адель, спроси же...

Но ея приказаніе было предупреждено; длиннѣйшій лакей подалъ нѣсколько просвиръ и молитвенникъ въ бархатномъ переплетѣ.

— Ты еще ничего не кушала? спросила княгиня, садясь къ чайному столу.

— Ахъ, какъ можно, я васъ ожидала.

— Вася, ступай же, мой милый, переодѣнься.

— Вы для меня такъ нарядились сегодня? спросилъ Вася Аделаиду Григорьевну: — я могу спросить у вашей субретки что мнѣ нужно, гребни, щетки, бѣлье?

Digitized by Google

— Кто же объ этомъ говоритъ, ахъ, Вася! прервала съ негодованіемъ княгиня:—что у тебя за манеры, мой милый!

— Можете, все можете, сказала Аделаида Григорьевна съ очаровательною улыбкой.

— Чему ихъ учатъ! замѣтила княгиня, когда убѣжалъ Вася.

— О, да вѣдь онъ дитя!

— Дитя, конечно... что касается до понятій, то это конечно, такая невинность...

— Здравствуйте, княгиня, сказала Анна Ѳедоровна входя.

Полина слѣдовала за нею.

— А, вы уже здѣсь... здравствуйте, отвѣчала княгиня, наливая сливки въ свою чашку.

Аделаида Григорьевна, набожно проглотивъ кусочекъ просвиры, налила себѣ чаю и начала дѣлать тартинку. Здѣсь, во всей красотѣ выказывались ея руки, открытыя до локтя въ рукавахъ пеньюара, украшенныя четками и браслетами и слегка синеватой бѣлизны. Къ величавости своихъ движеній, за хозяйственнымъ занятіемъ, она старалась присоединить и милую, граціозную неловкость, понимая, что за хозяйственнымъ занятіемъ вполнѣ ловки только экономки. Она не могла приняться за завтракъ, безпокоясь о Васѣ, и вышла узнать, все ли, что нужно, дали этому милому мальчику.

Она застала Васю у дверей своей комнаты, гдѣ онъ наступательно приставалъ къ ея горничной.

— Подай, говорю тебѣ, подай мнѣ бѣлила, которыми мажется твоя барышня! она сама велѣла.

— Такъ я пойду, сама у ней спрошу... Василій Васильевичъ! Ваше сіятельство, пустите!

— Что ты раскричалась? что вы спрашиваете, Basile? сказала, появясь, Аделаида Григорьевна.

— Какъ же, Адель, я требую, чтобъ она отворила мнѣ вашу комнату. Я хочу быть въ вашей комнатѣ! я не хочу другаго зеркала какъ ваше, Адель! А она не пускаетъ!..

— Что же вамъ въ моей комнатѣ? спросила Аделаида Григорьевна, безъ гнѣва, съ тонкою улыбкой.

— Ахъ, ничего, но это ваша комната, мнѣ тамъ хорошо...

Аделаида Григорьевна взглянула на горничную.

— Тамъ убрано, отвѣчала она, улыбаясь тоже.

— Ну, идите, шалунъ, сказала Аделаида Григорьевна.

Войдя вслѣдъ за мальчикомъ, она слѣдила за нимъ, какъ онъ бросился перебирать вещи на ея туалетномъ столѣ.

Digitized by Google

— Чего вы ищете? спросила она.

— Слѣдовъ вашей руки.

Аделаидой Григорьевной овладѣло глубокое чувство; она обняла своего баловня и на глазахъ ея показались слезы... Въ залѣ раздался звонокъ.

— Княгиня васъ проситъ, проговорилъ сумрачный голосъ лакея за дверью.

Аделаида Григорьевна вышла, вздыхая.

— Милая моя, сказала княгиня, ожидавшая за чайнымъ столомъ:—я хочу чаю.

Она передала ей свою пустую чашку. Аделаида Григорьевна принялась угощать княгиню, выражая на лицѣ нѣчто въ родѣ восторга, который доставляли эти заботы. Княгиня кушала съ аппетитомъ, возбужденнымъ усталостью и раннею утреннею прогулкой.

— Намъ хорошо будетъ ѣхать, если все будетъ такая погода, сказала она Аделаидѣ Григорьевнѣ.

— Вы когда сбираетесь выѣхать, княгиня? спросила Анна Ѳедоровна.

Аделаида Григорьевна быстро взглянула на нее, удивленная смѣлостію подобнаго вопроса. Княгиня помедлила отвѣтомъ.

— Дня чрезъ три, черезъ четыре. Mercі, ma chère, сказала она Полинѣ, угадавшей ея желаніе и передавшей ей тартинки.

Анна Ѳедоровна взглянула на дочь. Онѣ не ужинали наканунѣ, а теперь въ ихъ глазахъ завтракали, не предлагая имъ.

— Дай и мнѣ пирожокъ, Полина, сказала она: — да съѣшь что-нибудь сама; ты голодна, я думаю.

Полина вспыхнула.

— Возьми же, настаивала мать.

— Я не хочу, прошептала она.

— Развѣ вы не пили чаю? спросила княгиня.

— Нѣтъ! отвѣчала Анна Ѳедоровна рѣзко, и также вспыхнувъ.

— Вы бы сказали; вамъ нальютъ, продолжала княгиня равнодушно:—дай имъ чаю, Адель.

Аделаида Григорьевна встала чтобы велѣть подать чашки. Вставая, съ преувеличенною поспѣшностью, съ нетерпѣніемъ, она заставила совершиться нѣсколько несчастій: окунула рукавъ пеньюара въ полоскательную чашку, уронила нѣсколько ложечекъ, что произвело громъ, съ шумомъ откатила свое кресло и зацѣпилась за него юбкой, наконецъ, устремляясь

Digitized by Google

къ двери, наткнулась на книги Васи, лежавшія на полу. Все это случилось будто ненарочно, но было какъ нельзя болѣе кстати, чтобы дать понятіе о хлопотахъ и затрудненіяхъ, съ которыми было сопряжено обстоятельство, повидимому, простое налить двѣ чашки чая. Тѣ, для кого назначался этотъ чай, должны были понять все, чему онѣ были причиною.

— Ты могла бы позвонить, сказала княгиня, равнодушная къ бѣдамъ и чувствамъ компаніонки и гостей:—прикажи, прикажи прибрать это.

Она показала на книги.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, grand'maman, вскричалъ прибѣгая Вася:—этого безъ меня не сдѣлаютъ. Ничего, grand'maman, если онѣ тутъ одну минуту...

— Среди комнаты?

— Такъ я отнесу къ себѣ, сейчасъ отнесу... Посмотрите какъ тяжело, вы не поднимете, grand'maman, а я поднимаю. Bonjour, Анна Ѳедоровна... Анна Ѳедоровна, попробуйте, поднимите. Да попробуйте, приставалъ онъ, бросивъ связку опять на полъ и прикатывая ее къ ногамъ Анны Ѳедоровны,— нагнитесь: вѣдь вамъ ничего нагнуться, вѣдь вы безъ корсета, Анна Ѳедоровна...

— Базиль! прервала княгиня.

— Ахъ, grand'maman, я знаю, что я въ своемъ семействѣ, и вы извините; я думаю, что въ моемъ семействѣ я могу что хочу дѣлать, что придетъ въ голову. Вы замѣняете мнѣ мою мать, grand' maman. У васъ нѣтъ скамейки подъ ногами, grand' maman.

И вихремъ промчавшись въ гостинную и назадъ, онъ принесъ скамейку и поставилъ ее подъ ноги княгини.

— Теперь я могу пить чай спокойно.

— Имѣйте терпѣніе, сказала ему тихо Аделаида Григорьевна, выразительно передавая лакею чашки и указывая взглядомъ на Анну Ѳедоровну и Полину.

— Анна Ѳедоровна, вы уже давно здѣсь? спросилъ Вася.

— Давно, отвѣчала она, закусивъ губы.

— Вы пришли обѣдать, Анна Ѳедоровна? Ахъ, grand'maman, я о васъ думалъ вчера. Жена нашего инспектора возвратилась изъ-за границы. Сколько прелестныхъ вещей она навезла, кружева, полотно, des petit riens! Надѣюсь, что маменька тоже много привезетъ, когда возвратится.

Digitized by Google

— А вы знаете, чего стóитъ провозъ? сказала Анна Ѳедоровна.

— Ничего не стóитъ, немножко контрабанды, немножко половчѣе быть въ таможнѣ,—но это совсѣмъ вздоръ. Надо не имѣть ловкости на волосъ, чтобы не умѣть этого сдѣлать.

— А честности надо вовсе не имѣть, возразила Анна Ѳедоровна:—неужели ужь богатые люди, которые имѣютъ возможностъ накупать заграницеи разную дрянь, совсѣмъ разорятся, если заплатятъ за нее по закону? Постыдились бы, право!

— Да если законъ нелѣпый...

— Вася, я тебя прошу этого не говорить, прервала княгиня, очевидно недовольная споромъ, но не внукомъ:—будь осторожнѣе.

— Grand'maman, да что же, это ничего. Если я дамъ что-нибудь какому-нибудь чиновнику, онъ этому будетъ радъ и провезу что угодно; надо же давать жить маленькимъ людямъ, дать имъ что-нибудь—доброе дѣло; они всѣ воры, вѣдь они чѣмъ же живутъ какъ не этимъ?

— Надо же какъ-нибудь жить, возразила Анна Ѳедоровна, раздраженная: — не догадаются люди помочь, такъ самъ возьмешь, пожалуй, и украдешь.

— Ахъ, Анна Ѳедоровна, такъ вы способны украсть? спросилъ мальчикъ.

Аделаида Григорьевна разсмѣялась. Княгиня слушала невозмутимо и завтракала.

— Украсть не украду, не знаю, отвѣчала Анна Ѳедоровна,— а потеряй кто-нибудь изъ богачей бумажникъ, и случись мнѣ найдти, не отдамъ.

— Ура! вскричалъ Вася, хлопая въ ладоши:—но это все равно, кража.

— Все равно, кто потерялъ, такъ потерялъ, продолжала Анна Ѳедоровна:—богатому вздоръ, потерять; такъ только, отъ нечего дѣлать плачутся. А мнѣ что же,—найди я, въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ* еще пропечатывать что я нашла? У меня нѣтъ денегъ для типографіи. А тамъ идти, получать три цѣлковыхъ награжденія.

— А кстати о вѣдомостяхъ, прервала княгиня:—*ты* читала вчера, Адель, о дешевыхъ товарахъ?

— Да, я.

— Гдѣ же это, я не помню?

Digitized by Google

Аделаида Григорьевна сказала адресъ лавки, въ одномъ изъ самыхъ темныхъ закоулковъ *города*.

— Это бы надо было посмотрѣть... Жаль, я велѣла отложить карету.

— Ахъ, княгиня, вамъ самимъ!

— Нѣтъ, ты бы могла.

Аделаида Григорьевна опустила глаза.

— Впрочемъ, продолжала княгиня:—Анна Ѳедоровна, сходите въ *городъ*; тамъ, вотъ вамъ скажутъ... Мнѣ въ прошломъ году, Адель...

— Нѣтъ, я не покупала, княгиня...

— Такъ это значитъ, еще въ запрошломъ году, мнѣ M-lle Georgette брала тафту, мелкими клѣтками. Не знаю въ какой лавкѣ. Мнѣ не достаетъ нѣсколько аршинъ, и я потому и не дѣлала платье. Найдите и прикупите.

— Еще нужно разныхъ мелочей для деревни, замѣтила Аделаида Григорьевна.

— Ахъ, да, pour les femmes de chambre, на платье имъ и подарки. Ты, кажется, записала, Адель?

— Да; я тоже записала, что̀ нужно изъ мелочи.

— Ты меня съ ума свела всѣми этими спицами, тесемками... Сходите, Анна Ѳедоровна, вамъ Адель дастъ реэстръ.

Княгиня встала и вышла.

— Анна Ѳедоровна лучше поторгуется, найдетъ дешевле, сказала Аделаида Григорьевна, запирая сахарницу.

— А вы сами, развѣ не можете поторговаться? возразила Анна Ѳедоровна.

— Но если это ужь вашъ талантъ, ваша профессія? вмѣшался Вася.—Для меня, я не знаю, это отвратительно, эти купцы, лавки темныя; васъ тащутъ, кричатъ... Тамъ просто воруютъ изъ кармана, грабятъ... Вы слышали, Анна Ѳедоровна, на дняхъ, тоже на дешевомъ товарѣ, одну барыню задавили до смерти; вы слышали?

— Шалунъ! сказала Аделаида Григорьевна, проходя и щекотя его пальцемъ за шею.

Вася завизжалъ; Аделаида Григорьевна схватила его обѣими руками за голову и принялась цѣловать; она прервала это занятіе, когда послышался голосъ княгини въ гостиной.

— Анна Ѳедоровна!

Digitized by Google

Княгиня приближалась, держа въ рукахъ нѣсколько развернутыхъ ассигнацій.

— Вотъ деньги. Гдѣ же реэстръ, Адель?

— Я возьму извощика, княгиня, сказала Анна Ѳедоровна; —это такая даль.

— Утромъ полезно ходить, замѣтилъ Вася.

— И не донесешь всего, тутъ столько покупокъ.

— Васъ можетъ человѣкъ проводить, замѣтила княгиня.

— Люди заняты, укладываются, возразила Аделаида Григорьевна.

— Да я и не люблю ходить куда-нибудь съ вашими людьми, княгиня, сказала Анна Ѳедоровна:—они такъ у васъ грубы, что отъ нихъ ничего кромѣ непріятностей.

— Не сдѣлаютъ же они вамъ непріятностей дорогой, возразила княгиня невозмутимо:—впрочемъ, какъ хотите.

— Но вѣдь съ вами будетъ Полина? вскричала Аделаида Григорьевна, будто обрадовавшись внезапной мысли.

— Довольно, что мнѣ бока натолкаютъ, возразила Анна Ѳедоровна:—моя дочь не хуже кого-нибудь, чтобъ я стала ее водить по толкучкамъ.

— Возьмите извощика оттуда, прервала княгиня и ушла въ свою комнату.

Анна Ѳедоровна надѣвала шляпку.

— Ты останься здѣсь, сказала она дочери:—чтобы мнѣ знать гдѣ тебя найдти... сегодня, вотъ еще неожиданная прогулка. Не уходи никуда.

— Развѣ M-lle Pauline тоже ходитъ по своимъ знакомымъ? спросилъ Вася.

— Я за тобой зайду, продолжала Анна Ѳедоровна дочери:— мнѣ еще одна мысль пришла въ голову.

— Вы деньги, что останутся, мнѣ принесите, сказала ей Аделаида Григорьевна.

— Ахъ Боже мой, конечно, не себѣ возьму! Полина, дай мнѣ твой зонтикъ; въ двѣнадцать часовъ прогуливаться, всю голову пропечетъ...

— Оттого, что вы носите шляпку на затылокъ, en jeune personne, Анна Ѳедоровна, замѣтилъ Вася.

— Гдѣ же зонтикъ?

— Не знаю... проговорила Полина, ища по угламъ.

— Ахъ, развѣ это вашъ былъ, безъ ручки? сказалъ Вася:—

Digitized by Google

я не зналъ, я отдалъ тамъ, дѣвушкѣ... Но это ужасъ, зонтикъ безъ ручки!

Анна Ѳедоровна вышла въ волненіи.

— Анна Ѳедоровна, закричалъ ей вслѣдъ Вася: — берегитесь, тамъ, я сейчасъ выглянулъ, туча ужасная, гроза будетъ, всю, всю измочитъ, Анна Ѳедоровна! Я говорю изъ участія къ вамъ, воротитесь, вы такъ боитесь грозы! На васъ не останется нитки сухой, Анна Ѳедоровна, adieu la toilette!

Онъ перевѣсился въ окно и кричалъ на улицу.

— Гдѣ вы видите тучу? гдѣ вы видите тучу? сказала Аделаида Григорьевна, смѣясь и схвативъ его за плечи.

Вася взвизгнулъ, перевернулся и очутился въ объятіяхъ компаніонки. Она остановила его, отбѣжала игриво и остановилась, видя что ея не преслѣдуютъ.

— Куда вы уходите, Адель?

— Одѣваться, сказала она;—вы видите, что я не одѣта; кто же до зари одѣвается?

Хотя никто не спрашивалъ послѣдняго поясненія, но Аделаида Григорьевна сочла нужнымъ прибавить его, взглянувъ на Полину, и вышла.

Вася какъ-то сконфузился, оставшись одинъ съ Полиной. Полина была смущена не менѣе, но смущеніемъ совсѣмъ другаго рода: ей было неловко отъ всего, что̀ было передъ ея глазами, она чувствовала себя униженною, она была сердита на мать. Все это сильно чувствуется во всякомъ возрастѣ, а Полина была еще въ возрастѣ преувеличенія всякаго чувства. Къ тому же, она думала то, что мать ея, хотя къ ея величайшей досадѣ, выговорила вслухъ: «что она не хуже кого другаго». Ея маленькое сердце закипѣло. Ему давно и часто случалось такъ кипѣть всякій разъ, когда мать, или бѣдность, или чужое невниманіе ставили ее въ положеніе подобное положенію этого утра, но Полина была еще слишкомъ молода, чтобы ненавидѣть весь этотъ свѣтъ, гдѣ, иногда, изъ состраданія или изъ прихоти, и ей позволяли брать маленькую долю удовольствія, гдѣ, случалось, ей говорили, что она не дурна: она не тратила своего сердца на мелочь, на зависть, безсильную, одуряющую и безполезную; она съ увѣренностію спрашивала себя, почему же и ей не быть тѣмъ же что другіе, не имѣть тѣхъ же средствъ, той же роскоши, этихъ правъ презирать всякаго, кто одѣтъ бѣдно; почему же и ей не блестѣть, когда у ней есть и воспитаніе, и свѣтскія манеры?

Digitized by Google

Мать много мѣшала ей своими рѣзкостями и жалобами, но онѣ еще лучше учили Полину притворяться и скрывать всякое волненіе; послѣ выходокъ матери передъ посторонними, она смотрѣла такъ спокойно, такъ непроницаемо, иногда такъ насмѣшливо, какъ будто сама вмѣстѣ съ посторонними осуждала эту вѣчно чѣмъ-то недовольную женщину; если она и дозволяла иногда своему лицу выразить утомленіе или страданіе, то ровно на столько, чтобы посторонніе свидѣтели могли назвать ее жертвой неделикатной матери.

Оставшись съ Васей одна, Полина взяла свою работу и сѣла у окна, не обращая вниманія на мальчика, какъ дѣлаютъ всегда молодыя, но взрослыя дѣвушки, которыя не терпятъ «подростковъ». «Подростокъ» — это утѣшеніе бабушекъ, забава старыхъ дѣвъ, восхищеніе приживалокъ. Полина занялась своимъ англійскимъ швомъ съ истиннымъ величіемъ.

Вася присмирѣлъ; въ немъ оставалось еще на столько ребячества, чтобы робѣть предъ тѣми, кто оказывалъ ему совершенное разнодушіе. Онъ еще не умѣлъ понимать тѣхъ, кто не говорилъ съ нимъ и не давалъ ему правъ надъ собою, снисходя къ его шуткамъ или сердясь за нихъ. Какъ маленькій богачъ, онъ высоко цѣнилъ нарядъ и въ особенности умѣніе носить его. На Полинѣ было старенькое платье, но шелковое и перешитое очень ловко, по модѣ; кружева воротничка и рукавовъ, хотя ткаными, были безукоризненно свѣжи; она былъ къ лицу причесана, о чемъ всегда сильно заботилась, и выказывала кончикъ ножки, маленькой и красиво обутой. Вася разсмотрѣлъ все это, и, какъ человѣкъ, знающій всему цѣну, нашелъ недостойнымъ вниманія; но Полина смотрѣла такъ серіозно, чтобы не сказать презрительно, что онъ почувствовалъ себя не въ духѣ. Привыкнувъ шалить и дурачиться, когда былъ на свободѣ, онъ не умѣлъ никакъ держаться, когда надо было держаться порядочно, и только притихалъ и становился будто связанный. Въ настоящую минуту, онъ выражалъ свое смущеніе тѣмъ, что пересаживался съ одного стула на другой.

Полина, работая, равнодушно подняла на него глаза.

— Вамъ угодно что-нибудь? спросилъ онъ, вдругъ вскочивъ.

— Ничего, благодарю васъ... Но если вы уже встали, то дайте мнѣ ножницы; я ихъ забыла въ гостиной.

Вася пошелъ и принесъ ихъ очень тихо. Полина поблагодарила, молча. Онъ сѣлъ противъ нея и молчалъ.

Digitized by Google

— Какая прелестная работа! сказалъ онъ наконецъ, осмѣлившись.

— Значитъ, вы незнатокъ въ работѣ, возразила она.

— Я хотѣлъ сказать другое, но не смѣлъ. Я хотѣлъ сказать: какія прелестныя ручки.

Полина была совершенно равнодушна, и не сказала ни слова.

— Вамъ много дано уроковъ на вакацію? спросила она черезъ минуту.

— Очень много, отвѣчалъ Вася, краснѣя.

— Значитъ, вамъ некогда будетъ и бѣгать.

— Я постараюсь найдти время... Я буду много ѣздить верхомъ. Мой cousin Жанъ будетъ меня учить. Вы знаете, Жанъ въ годовомъ отпуску; grand'maman надѣется, что онъ пріѣдетъ къ ней въ деревню.

Полина продолжала шить.

— Жанъ отлично ѣздитъ, продолжалъ Вася,—вы его знаете?

— Какъ же не знать! Видала сто разъ.

— Ахъ, что же я спрашиваю! На нынѣшнихъ святкахъ, помните, у Mlle Мороновой былъ вечеръ, и вы тамъ были, и Жанъ еще танцовалъ съ вами. Вы, конечно, помните.

— Этого не помню. Столько было вечеровъ съ тѣхъ поръ, и я столько разъ танцовала!

— Жана нельзя не помнить, сказалъ Вася.

— Почему?

— Онъ такъ хорошъ, et puis, si distingué,

— Ему достанется все состояніе вашей бабушки? спросила равнодушно Полина.

Вася покраснѣлъ.

— Какъ же она можетъ отдать ему одному все родовое имѣніе, когда есть еще наслѣдница, моя маменька? сказалъ онъ.

— О, но вѣдь часть вашей маменьки бездѣлица какая-нибудь.

— А благопріобрѣтенное, а деньги, а вещи? И родовое — развѣ grand'maman не можетъ дать маменькѣ векселей? Надѣюсь, grand'maman этого себѣ на душу не возьметъ, чтобъ оставить насъ нищими. У насъ тоже аристократическое имя, которое мы должны поддержать. Это будетъ такая несправедливость со стороны grand'maman, которой я ей никогда не прощу. Мнѣ нельзя будетъ жениться порядочно... Конечно, если grand'maman станетъ тратить на разныя прихоти да благодѣянія, такъ

Digitized by Google

у нея немного что̀ останется; впрочемъ, она ужь стара, grand'-maman...

— У васъ много сосѣдей въ деревнѣ? спросила Полина.

— Нѣтъ... не знаю, Grand'maman незнакома. Рядомъ деревня Алексинскихъ.

— Катерины Александровны Алексинской, крестницы княгини?

— Да. Она тамъ никогда не живетъ.

— Знаю, у нихъ подмосковная.

Въ гостиной послышался шумъ; княгиня, кончивъ туалетъ, вышла изъ своей комнаты и усаживалась въ мягкія кресла, передъ столикомъ, на который горничная поставила большой сафьянный сундучокъ съ бронзовыми гвоздиками. Княгиня вынула изъ него длинную полосу канвы и клубокъ шерстей, и принялась за работу, прислушиваясь съ минуту къ тому, что̀ говорилось въ залѣ.

— C'est une charmante personne, Mme Алексинская, продолжалъ Вася.

— Да, et si distinguée avec cela, сказала Полина.

— Вася! кликнула княгиня.

Онъ прибѣжалъ.

— Что̀ вы тамъ дѣлаете, mon cher, одни? Подите сюда. Полина можетъ и здѣсь работать.

Княгиня не соскучилась тѣмъ, что была одна; одиночество никогда не бывало ей тяжело, потому что никогда, никто и ничто изъ окружавшаго ее не было ей дорого и не обращало на себя ея вниманіе. Люди ей были нужны для услуги, для перерыва тишины въ комнатѣ, если тишина длилась слишкомъ долго; теперь, ей не были нужны ни Вася, ни Полина, но они должны были сидѣть здѣсь, въ ея гостиной, потому что она сидѣла въ своей гостиной.

Оба явились. Полина погрузилась въ мягкое кресло и шила лѣниво, поглядывая на лучи свѣта, игравшіе на стѣнахъ. Ничто другое не удостоивалось ея взгляда, совершенно равнодушнаго.

— Покажите мнѣ, что̀ вы дѣлаете, вдругъ сказала ей княгиня, нѣсколько минутъ смотрѣвшая на нее съ совершеннымъ отсутствіемъ мысли.

— О, это бездѣлица, княгиня! сказала Полина вставая и граціозно выпрямляясь:—c'est pour une robe de dessous, прибавила она, понизивъ голосъ.

Digitized by Google

— Юпка? c'est très-joli, cela, узоръ; но вы прескверно шьете. Это на продажу?

— Нѣтъ, для себя, отвѣчала Полина серіозно.

— Для себя?.. повторила княгиня, взглянувъ на нее съ недоумѣніемъ: — ваша мать тоже что-то шьетъ, но она прекрасно шьетъ. Она на продажу?

— Нѣтъ, для меня, подтвердила Полина немного нетерпѣливо.

— Для васъ?.. Куда же вамъ шитыя юпки, ma chère? Еще, положимъ, эта путаница,—ее никто не купитъ; а ваша мать могла бы свою работу въ магазинъ отдать.

— Мнѣ хочется имѣть хорошее шитье, сказала Полина вдругъ дѣтски игриво засмѣявшись, будто нечаянно бросивъ лукавый взглядъ на Васю и опять помѣщаясь въ кресло.

Княгиня опять съ недоумѣніемъ посмотрѣла на эту особу, желающую имѣть хорошенькое шитье, и занялась своею канвой.

— Ручневы вчера уѣхали въ Петербургъ, сказала Полина.

— Кто? спросила княгиня, будто не разслышавъ.

— Княгиня Ручнева съ дочерьми. Вѣдь онѣ ѣдутъ за границу

— Невозможно, чтобъ онѣ уѣхали, возразила княгиня:—онѣ еще не были съ прощальнымъ визитомъ.

— Нѣтъ, уѣхали, увѣряю васъ. Мы провожали ихъ вчера въ дебаркадерѣ. Но онѣ торопились; у нихъ уже мѣста взяты на пироскафѣ. И притомъ, онѣ ѣдутъ не надолго, на четыре мѣсяца. Нынче вѣдь это такъ скоро, удобно. Онѣ непремѣнно увидятъ графиню Агриппину, княгиня.

— Я не думаю, возразила княгиня, тономъ чѣмъ-то оскорбленнаго достоинства: — дочь моя намѣрена сдѣлать нѣсколько переѣздовъ по Германіи, а потомъ ѣхать въ Парижъ.

— Ахъ! онѣ тоже будутъ на Рейнѣ, въ Парижѣ.

— Лѣтомъ, въ Парижѣ пыль да вонь, сказала княгиня.

— Конечно... вы такъ хорошо знаете Парижъ, княгиня, продолжала Полина:—mais, toujours, une sorte de petite excussion artistique, это имѣетъ свою занимательность, — les musées, les promenades... Княжны обѣщали мнѣ много, много писать, цѣлыми тетрадями...

— Вы ихъ попросите, чтобъ онѣ афраншировали свои письма, замѣтилъ Вася очень серіозно.

— Oui, autrement cela vous coûtera les yeux de la tête ваша дружеская переписка! сказала княгиня разсмѣявшись.

Полина закусила губы; ея зеленые глазки сверкнули.

Digitized by Google

— Я имъ когда-нибудь отплачу тѣмъ же, возразила она смѣясь тоже, и такъ непринужденно, будто отвѣчала на шутку.

— Вы сбираетесь тоже за границу? спросилъ Вася, которому присутствіе бабушки возвратило смѣлость.

— Почему же нѣтъ, отвѣчала Полина съ кроткимъ и скромнымъ достоинствомъ: — развѣ изъ особъ, которыя такъ добры, что не скучаютъ моимъ обществомъ, не можетъ кто-нибудь взять меня съ собою, чтобы и я могла видѣть то же, что другіе?

— Почему вы не поѣхали съ Ручневыми? спросилъ серіозно Вася.

— Ихъ поѣхало такъ много, отвѣчала Полина краснѣя, — что я была бы лишняя.

— Ахъ, чѣмъ больше компанія, тѣмъ лучше, тѣмъ дешевле! вскричалъ Ваня:—où il y a pous trois, il y a pour quatre, извѣстная поговорка. Неправда ли, grand'maman? И я нахожу, что со стороны княженъ это такой эгоизмъ, такая неделикатность не пригласить Mlle Pauline съ собою... Это доказываетъ, что у нихъ нѣтъ истинной дружбы. Истинная дружба—это отгадывать всѣ наши тайныя, малѣйшія желанія. Онѣ, вѣроятно, видѣли, что вамъ хочется ѣхать—ну, что бы стоило? Дорогой, вы бы могли даже быть имъ полезною... Это бы ихъ нисколько не стѣснило. И еслибъ это были люди, которые значатъ что-нибудь, которые могутъ принимать, жить открыто, на которыхъ указываютъ однимъ словомъ, à la princesse Ручневъ, раззорившаяся, бывшая не-знаю-кто; ее не можетъ компрометировать кого бы ни встрѣтили у нея. Эта княгиня преспокойно могла бы представлять васъ какъ свою племянницу...

— Вася! прервала княгиня нетерпѣливо, но ласково, такимъ тономъ, какимъ останавливаютъ ребенка, который ужь слишкомъ развозился.

— Что же, grand'maman, зашумѣлъ Вася:—я нахожу, что я совершенно правъ, а тутъ совсѣмъ другое: это, просто, зависть. Mlle Pauline est une charmante personne, гораздо лучше княженъ, Mlle Pauline любезна, умна...

— Вася, развѣ говорятъ въ глаза такія вещи, прервала княгиня, смѣясь.

— Ахъ, grand'maman, я такъ друженъ съ Mme Pauline, что она, надѣюсь, мнѣ извинитъ, M e Pauline прелестна, но у нея нѣтъ состоянія, и потому эта дрянь, эти полуаристо-

Digitized by Google

краты позволяютъ себѣ оскорблять... Это ужь признакъ, отмѣтка этихъ выскочекъ.

— Vous voila dans une qelle fureur! Venez m'embrasser, заключила княгиня, опуская свою длинную полосу канвы.

Вася не преминулъ запутаться въ ней ногами, цѣлуя ручку бабушки, затѣмъ покатились на полъ клубки и произошла суматоха. Среди суматохи раздался звонокъ и докладъ лакея:

— Катерина Александровна Алексинская.

Ваня бросился вонъ со всѣхъ ногъ.

— Ахъ, Боже мой!.. Принимать! сказала княгиня:—да подберите все это ma chère, прибавила она съ злымъ нетерпѣніемъ, обратясь къ Полинѣ.

Полина исполнила приказаніе медленно, величаво и хладнокровно; она даже съ небольшимъ пренебреженіемъ бросила на столикъ всю спутанную работу княгини и опять, уютно сжавшись въ креслѣ, принялась за свою.

II.

— Bonjour, mon chou, сказала княгиня, привставъ навстрѣчу своей гостьѣ.

— Bonjour, chère maman, отвѣчала гостья, наклоняясь принять отъ княгини поцѣлуй въ лобъ, и протянула руку Полинѣ:— bonjour, chère Mlle Pauline.

Гостья была крестница княгини, очень молодая женщина и замѣчательно хорошенькая. Она была слишкомъ миловидна для того, чтобы назваться красавицей; черты ея лица, хотя правильныя, были какъ-то особенно нѣжны, мягки; большіе каріе глаза прятались въ густыхъ рѣсницахъ, но эти рѣсницы не были ни ярко черны, ни длинны, и во взглядѣ не было энергіи; маленькій ротъ, полныя губы, круглый подбородокъ были совсѣмъ дѣтскіе. Ростъ не много ниже средняго, привычка наклонять талію впередъ, какъ у дѣвочекъ, которыхъ еще учатъ держаться, имѣли свою особенную грацію и какъ нельзя лучше шли къ чертамъ лица; но въ этой граціи не было уже нисколько того «величія пріемовъ и осанки», cette dignité de maintien, о которомъ такъ сильно хлопочутъ въ воспитаніи дѣвицъ, часто забывая, что при многихъ физическихъ условіяхъ, это «величіе» выходитъ забавно. Какъ-то инстинктивно понявъ, что

Digitized by Google

была бы забавна, молодая женщина, вопреки гувернанткамъ осталась вѣрна своимъ врожденнымъ привычкамъ. Особу другаго круга осудили бы; о Катеринѣ Александровнѣ говорили что у нея «прелестныя манеры котенка», de charmantes manières de petite chatte. Это было не вѣрно, какъ многія свѣтскія опредѣленія. Въ молодой женщинѣ не было ничего игриваго вызывающаго; напротивъ, все, движеніе, голосъ, походка, были тихи, не смѣлы, ровны,—дѣтскіе. Это было такъ оригинально среди ея общества, что̀ заставляло находить ее необыкновенно милою, даже привязываться къ ней, даже искать у нея болѣе чувства и размышленія, нежели сколько принято имѣть ихъ въ обществѣ...

Въ это утро, маленькая женщина казалась взволнована.

— Что̀ такъ рано, mon enfant? спросила ее княгиня, когда Катерина Александровна сѣла подлѣ нея.

— Я поспѣшила, боялась васъ не застать, отвѣчала она:— вы сбираетесь въ деревню; такъ, вѣроятно, выѣзжаете часто

— Прощаться? о, нѣтъ, моя милая! я нынѣшній годъ избавляю себя отъ этого труда. Не сто́итъ. Богъ знаетъ, что *за об*щество. Другіе уѣзжаютъ же, не прощаясь со мной.

— Кто это, maman?

— О, многіе. Ручневы уѣхали, ты слышала? у меня не были.

— Mais c'est une indignité!

— Надо быть выше всего этого. Вѣдь я не теряю тутъ конечно.

— Конечно.

— Что̀ ты дѣлаешь?.. Посмотри мое шитье.

— Ахъ, maman, это удивительно! право, только вы можете такъ... у васъ столько вкуса... Это для ковра на столъ?

— Да, кайма къ сукну. Я еще не рѣшила какого цвѣта сукно marron, или vert-président.

— То и другое будетъ равно хорошо.

— Это для Жана; ему въ кабинетъ.

— Vert président будетъ лучше, maman; это оживитъ комнату.

— Ты думаешь?.. спросила княгиня, глубокомысленно глядя на красные кактусы, которые изображала.

— Я пріѣхала съ вами посовѣтоваться, maman, сказала Катерина Александровна, садясь опять на свое мѣсто.

— Ты хочешь начать работу для лѣта?

— Нѣтъ... О моемъ положеніи.

Digitized by Google

Княгиня не отвѣчала, считая узоръ.

— Это невыносимо! Одинъ Богъ знаетъ какъ я несчастна

— Что же такое? спросила съ усиліемъ княгиня.

— Ахъ, maman, вы знаете... Но я скажу все; это будетъ моя исповѣдь.

Княгиня взглянула на Полину; Полина сбиралась встать, съ большимъ достоинствомъ, хотя, видимо, безъ малѣйшей охоты Катерина Александровна не обратила на это вниманія.

— О, эта исторія извѣстна всему свѣту! сказала она.

Полина сочла эти слова за позволеніе слушать и осталась.

— Вы знаете, maman, продолжала Катерина Александровна, —что, когда, четыре года назадъ, я вышла за Nicolas, я не любила его de cet amour immense, этою безмѣрною любовію, которою мы бы должны любить того, кому отдаемъ всю жизнь. J'étais orpheline, on m'a mal conseillé. Niolas молодъ, хорошъ собою, конечно; я ничего не могла сказать противъ этого; можетъ-быть, было и увлеченіе съ моей стороны. Но у него были свои привычки, у меня мои... Помните, maman, всѣ, и вы говорили, что тутъ между нами была бездна?

— Я это всегда говорила, отвѣчала княгиня:—конечно, твой мужъ и хорошъ собой, и съ прекраснымъ состояніемъ, и не глупъ, но вы съ нимъ разнаго круга, а сколько тамъ ихъ ни воспитывай... что онъ? артиллерійскій офицеръ былъ, армейскій; что же онъ видѣлъ? Вышелъ въ отставку, заставили его; только ты ввела его куда-нибудь.

— Да, maman, и вы знаете, что это стоило труда. Я должна была выносить это. Вы знаете, какъ трудно сдѣлать что-нибудь такъ, въ семействѣ, между мужемъ и женой, чтобъ одна сторона не замѣчала вліянія другой. Мой мужъ сталъ недоволенъ, что я брала на себя этотъ трудъ...

— Le sot! прервала княгиня:—что же, лучше то общество, въ которомъ онъ таскался, se traînait là, въ провинціи?

— Не знаю, отвѣчала, покраснѣвъ, молодая женщина,—но онъ былъ недоволенъ, онъ даже выражалъ, что это ему непріятно... Я понимаю... я не эгоистка, я понимаю, что его самолюбіе было затронуто; но и онъ долженъ былъ понять, что это необходимо... Вы не повѣрите, maman, я выдерживала сцены!.. Онъ страстно любилъ меня, я это знаю, онъ это доказывалъ, но какое упрямство! Онъ сталъ умолять меня избавить его отъ этой, «школы приличія»... Вотъ, я даже заучила его фразу! Потомъ! онъ сталъ умолять меня отдалиться отъ моего общества; то

Digitized by Google

говорилъ, что оно слишкомъ часто насъ разлучаетъ, то оно ему въ тягость, наконецъ, что оно пусто...

Княгиня покачала головой, улыбаясь.

— Что же мнѣ оставалось дѣлать? я сказала ему, въ минуту раздраженія, dans un moment d'irritation, что не могу же я для него бросить кругъ, гдѣ для меня все родное. Я стала выѣзжать одна. До этого времени, я все думала, все вѣрила, что онъ меня любитъ. Онъ ничего не выговаривалъ мнѣ, ни въ чемъ не противорѣчилъ, но сдѣлался такъ несносно скученъ, что, право раздражалъ мнѣ нервы. Молчитъ, читаетъ. Я стала просто убѣгать изъ дома. Онъ отыскалъ какихъ-то старыхъ друзей; они начали появляться у него. Это были не оргіи, о, нѣтъ! но сберутся, разговариваютъ, курятъ, все это иногда за полночь. Случалось, я возвращаюсь съ бала и нахожу это общество уже не въ его кабинетѣ, но въ залѣ; на одномъ столѣ ужинъ, на другомъ шахматы, мой рояль открытъ. Его пріятель какой-то пѣвалъ романсы. Онъ вздумалъ представить мнѣ этого пѣвца: страшный, съ длиннѣйшими усами; вы можете вообразить, какъ мало интересовалъ меня его теноръ!.. Я думаю, эти физіономіи сдѣлали тогда на меня такое впечатлѣніе, что... Тогда я была въ такомъ положеніи... Я должна отдать Nicolas эту справедливость: онъ, казалось, былъ самъ готовъ упасть въ обморокъ, если видѣлъ, что я блѣднѣла. Но что же за манера беречь мое здоровье, удерживая меня дома? Я продолжала выѣзжать, coûte que coûte. Тогда родилась моя Лили... Мнѣ говорили, что мужъ мой сходилъ съ ума отъ радости, а потомъ отъ горя, когда я едва не умерла. Онъ, говорили мнѣ, десять дней не пилъ, не ѣлъ, не спалъ, не отходя отъ моей постели. Я не могла этому вѣрить: это слишкомъ много деликатности отъ такого человѣка. Притомъ, я была такъ слаба, такъ нервна. Не знаю... у опасно больныхъ и у выздоравливающихъ бываетъ манія: я не могла его видѣть равнодушно, онъ меня волновалъ. Я не могла видѣть, когда онъ бралъ на руки Лили; не знаю, чего я всегда боялась, ея нѣжное личико и его лицо вмѣстѣ cela me faisait un effet terrible. Онъ не далъ мнѣ привязаться къ этому ребенку... впрочемъ, слава Богу, что не далъ: я потеряла Лили такъ скоро, еще не оправясь сама! Тутъ его слезы... Не эгоизмъ ли былъ съ его стороны мучить меня слезами, жалобами? развѣ я не должна быть для него дороже ребенка, котораго и онъ, и я равно лишились? Тутъ я поняла, какъ, въ два года, мы стали далеки другъ отъ друга. Между

Digitized by Google

нами все было кончено, въ глубинѣ сердца. Я это чувствовала... Мы поѣхали въ деревню. Онъ оставлялъ меня одну по цѣлымъ днямъ, хозяйничалъ. У меня было только чтеніе, работа. Онъ предлагалъ прогулки... но вѣдь это нестерпимо, когда люди уже не понимаютъ другъ друга! Я имѣла мужество и, право могу сказать это не хвалясь, я имѣла достоинство не обманывать его, не притворяться, не скрывать чувства холода, скуки, которое онъ мнѣ внушалъ...

— Давно пора было дѣлать это, замѣтила княгиня, прилежно работавшая:—надо было начать съ этого. Эти господа способны какъ разъ возгордиться при малѣйшемъ вниманіи женъ. Что же, онъ дѣлалъ тебѣ сцены?

— О, нѣтъ, никогда. Онъ молчалъ.

— Какъ человѣкъ ничтожный.

— Но онъ отмстилъ мнѣ, maman!

— Отмстилъ? какъ? развѣ онъ способенъ?

— Hélas oui, maman! Едва мы воротились сюда, онъ возобновилъ свои старыя знакомства, надѣлалъ новыхъ по своему вкусу, сталъ уѣзжать изъ дома такъ же часто, какъ прежде я уѣзжала отъ него, сталъ играть... это продолжается два года... En un mot, maman, il me néglige!

Катерина Александровна прослезилась.

— Что же такое, ma chère? возразила княгиня:—развѣ это измѣняетъ сколько-нибудь твое положеніе въ обществѣ? Nullement. Тѣмъ хуже для *него;* этотъ выскочка, котораго впустили изъ милости, изъ того, что онъ твой мужъ... Развѣ ты теряешь отъ того, что онъ неглижируетъ прелестною женщиной порядочнаго круга, связывается Богъ знаетъ съ кѣмъ, въ какой компаніи? Ты всегда будешь уважаема, какъ ты того стоишь...

Катерина Александровна не отвѣчала. Княгиня позвонила.

— Гдѣ графъ Василій Васильевичъ? попросить его.

— Я хочу уѣхать, maman, сказала Катерина Александровна, когда вышелъ лакей:—я вчера объявила это Nicolas. Онъ не хотѣлъ... это была еще сцена, но, по крайней мѣрѣ, я настояла на своемъ. Теперь, еслибъ я и передумала, остаться невозможно; я должна выдержать характеръ. Я уѣду рѣшительно.

— Куда же?

— Я уѣду хотя на лѣто въ деревню.

— Это въ твою? въ моемъ сосѣдствѣ?

— Да, maman.

Digitized by Google

— Это тебѣ будетъ развлеченіе. Твой мужъ, кажется, что-то устроилъ тамъ по своему?

— Да, онъ завелъ тамъ суконную фабрику.

— На чьи деньги? на свои или на твои?

— Мы не раздѣляемъ денежныхъ счетовъ, поспѣшно возразила молодая женщина.

— Совсѣмъ напрасно; это бы первое слѣдовало раздѣлить, продолжала хладнокровно княгиня.—Поѣзжай, что же! Ты не понимаешь дѣла, но воздухъ, все... У тебя тамъ управляющій?

— Да, Monsieur Неряцкій, знакомый мужа; мужъ пригласилъ его заняться.

— А, знакомый, вѣрно, какъ ни въ чемъ не бывало, крадетъ. Ты будешь иногда бывать у меня, а то я одна. Адель, j'en ai pardessus la tête... Вася, mon cher, venez donc saluer madame. Я беру его къ себѣ на ваканцію.

— Какъ я рада, сказала Катерина Александровна, мило протягивая Васѣ крошечную и пухлую ручку изъ-подъ широкой мантильи и широкихъ кружевъ.—Такъ мы будемъ видѣться, Вася? А что пишетъ твоя maman, какъ ея здоровье?

— Mercі, отвѣчалъ Вася, переконфузясь, и сѣлъ на кончикъ стула.

— Бѣдная Агриппина все страдаетъ, отвѣчала княгиня:— это, кажется, неизлѣчимо. Вотъ взгляни, тамъ ея портретъ... Достаньте, Mlle Pauline.

Полина встала въ одно время съ Катериной Александровной; обѣ сошлись у стола. Полина, спѣша услужить, ошиблась, и, схвативъ вмѣсто портрета графини Агриппины портретъ гусара, подала его молодой женщинѣ.

— Ахъ, какъ я разсѣяна! вскричала она, засмѣявшись:— pardon, madame!

И такъ же скоро и проворно, она всунула ей въ руки Агриппину. Катерина Александровна смутилась отъ такой поспѣшности.

— Не обращай вниманія, что она такъ полна, объясняла княгиня, неподвижная въ своемъ креслѣ, между тѣмъ какъ молодая женщина смотрѣла на портретъ такимъ туманнымъ взглядомъ, что можно было сомнѣваться, видитъ ли она его:—это полнота не натуральная. Нынче это дознано въ медицинѣ: есть фальшивый аппетитъ, фальшивый сонъ; человѣкъ считаетъ себя здоровымъ, а между тѣмъ боленъ. Elle ne s'est pas assez

Digitized by Google

soignée, Агриппина; впрочемъ, она пользуется чѣмъ можетъ въ своемъ положеніи; не знаю, каковъ ей будетъ парижскій воздухъ. Графъ въ своемъ помѣстьѣ, а этого баловня я беру. Жанъ тоже обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ въ деревню.

— Хотите сѣсть здѣсь у окна? я открою его, сказала Полина Катеринѣ Алеасандровнѣ.

— Мегсі, отвѣчала она, тихо, голосомъ, который звучалъ какъ-то особенно мило и нѣжно:—а вы, Mlle Pauline, тоже на лѣто въ деревню?

Полина глядѣла ей прямо въ глаза съ улыбкой и будто съ недоумѣніемъ.

— У меня нѣтъ деревни, Катерина Александровна.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Такъ къ знакомымъ, продолжала молодая женщина, торопясь и теряясь.

— Хорошо, если короткіе знакомые, а то деревня будетъ стѣснительнѣе города, возразила Полина задумчиво и рисуясь: —но я не такъ избалована судьбой; у меня нѣтъ друзей, договорила она со вздохомъ.

— У кого же есть они? сказала Катерина Александровна, поднося къ лицу портретъ Агриппины, будто желая разсмотрѣть его пристальнѣе.

— Есть счастливцы! отвѣчала Полина:—счастіе бѣжитъ за ними вслѣдъ, предупреждаетъ ихъ желанія... Но какъ вы блѣдны, Катерина Александровна!

— Что же, какъ ты находишь портретъ? спросила княгиня.

— Поразительно похожъ, отвѣчала Катерина Александровна, ставя его на мѣсто.

Полина предупредительно помогла ей.

— Обратила ли ты вниманіе на ея кружево? продолжала княгиня:—тамъ это стоитъ восемьсотъ франковъ, здѣсь почти вдвое дороже. Заграницей эти вещи можно имѣть, просто за ничто. Ты должна была бы подумать о себѣ: у тебя нѣтъ цѣнныхъ вещей. Я давно хотѣла тебѣ это сказать.

— Вы очень добры, maman, отвѣчала молодая женщина, сѣвъ и сжавъ свои маленькія ручки; на глазахъ ея набѣжали слезы.

— Право, что о тебѣ могутъ сказать? Извини меня. У тебя есть состояніе, а ты носишь прошлогоднія платья.

— Ахъ, maman, у меня не то въ головѣ!

— Положимъ, мнѣ, старухѣ, можно дѣлать экономію, продолжала княгиня:—я не могу себѣ многое позволить. Ян очень

Digitized by Google

много издержала въ этотъ годъ. Праздники были, коронація. Жанъ переходилъ въ другой полкъ, въ кавалерію; это дорого, ты знаешь. Потомъ, съ сентября, онъ взялъ отпускъ, чтобъ отдохнуть отъ службы, разсѣяться; все это военное время...

— Но, grand'maman, вмѣшался Вася:—князь Иванъ нигдѣ не былъ въ сраженіи, онъ не выѣзжалъ изъ Петербурга.

— Его полкъ берега защищалъ, mon cher, развѣ это ничего не значитъ? Никто не зналъ, что могло случиться. Ты думаешь, это такъ легко, быть наготовѣ.

— Жанъ ничего не готовился, продолжалъ Вася,—онъ жилъ въ Петербургѣ.

Княгиня отвернулась отъ него.

— Жанъ ожидалъ, что будетъ произведенъ, какъ это всегда дѣлается, говорила она Катеринѣ Александровнѣ:—но это такъ осталось. Другихъ произвели... Онъ предпочелъ перейдти изъ полка. Лѣтомъ въ Петербургѣ непріятно, онъ сдѣлаетъ мнѣ удовольствіе, пріѣдетъ ко мнѣ.

— Онъ въ деревнѣ соскучится, замѣтилъ Вася.—Если онъ и пріѣдетъ, grand'maman, то только чтобы вамъ сдѣлать угодное, чтобы вы на него не разсердились. Жанъ очень хитеръ.

— Въ деревнѣ, въ самомъ дѣлѣ, для него нѣтъ занятія, сказала тихо Катерина Александровна.

— Конечно, grand'maman, продолжалъ Вася: — онъ будетъ скрывать, что ему скучно, потому что вы его звали, но въ глубинѣ души онъ не будетъ знать какъ скорѣе уѣхать. Вѣдь это не то, что я, grand'maman, прибавилъ мальчикъ, замѣтя, что княгиня смотрѣла на него выразительнѣе нежели дѣлала это обыкновенно:—молодой человѣкъ... это не то, что мы, дѣти... я, вѣдь, вотъ что хотѣлъ сказать, grand'maman! Мнѣ наслажденіе бывать съ вами, и потомъ, цвѣты, луга, я это страстно люблю... Ахъ, Катерина Александровна, хотите видѣть? я составлю коллекцію рѣчныхъ раковинъ, я вамъ покажу; я уже собралъ нѣсколько, а въ деревнѣ это у меня дополнится.

— Ты нанесешь мнѣ лягушекъ въ домъ, прервала княгиня съ нетерпѣніемъ, но съ видимымъ удовольствіемъ перемѣняя разговоръ:—нѣтъ мой милый, я не позволю.

— Ахъ, grand'maman! но это для науки. Впрочемъ, какъ вамъ угодно, grand'maman; если вамъ угодно, я готовъ оставить мои занятія.

— Ты у меня помѣстишь свою коллекцію, сказала Катерина Александровна.

Digitized by Google

— Ah, madame, vous êtes bien bonne!

— Видишь, какъ тебя балуютъ, сказала княгиня, улыбаясь.

Вася бросился цѣловать ея руки.

— Ахъ, grand'maman! Но все-таки... хотите пари—Жанъ вовсе не пріѣдетъ! хотите пари?

— Я хочу; кто держитъ пари? сказалъ, входя, молодой гусарскій офицеръ:—bonjour, grand'maman.

Онъ подошелъ поцѣловать ея руку.

— Ты такъ шумишь, Вася, что не слышно, когда кто входитъ, замѣтила княгиня.—Здравствуй, Жанъ. Ты не былъ у меня вчера; здоровъ ли?

— Mercі, я всегда здоровъ. О чемъ здѣсь шло пари? Я вчера проигралъ одно пари; нельзя ли сегодня отыграться?

— Пари о тебѣ, пріѣдешь ли ты ко мнѣ въ деревню.

— Почему же нѣтъ? сказалъ князь, садясь.

— Я была въ этомъ увѣрена. А нынѣшній годъ у меня будетъ сосѣдка, Катерина Александровна.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ князь, равнодушно оглядываясь на молодую женщину.

Входя, онъ не обратилъ вниманія ни на нее, ни на Полину, и сдѣлалъ имъ общій поклонъ, будто не замѣчая кому кланяется. Полина взглянула на него изъ-за работы, холодно, какъ дѣвица хорошо воспитанная, и улыбнулась довольно игриво, чтобы показать признакъ жизни, и довольно сосредоточенно, чтобъ остаться непроницаемою. Катерина Александровна не смотрѣла на князя; ее занималъ узоръ, который вышивала княгиня, бронзовые гвоздики рабочаго сундучка, рѣзьба столика. Она какъ-то сжалась въ креслахъ, въ своемъ пышномъ платьѣ и пышной мантильѣ; темная шляпка рѣзко оттѣняла ея маленькое круглое личико, совсѣмъ побѣднѣвшее.

Княгиня нѣсколько минутъ хранила молчаніе. Князь, который, какъ почтительный внукъ, явился утромъ узнать о здоровьѣ бабушки и убѣдился, что и въ это утро надежда скорѣйшаго полученія наслѣдства остается такъ же далека, какъ была вчера,—молчалъ, не имѣя что сказать. Вообще никому было говорить нечего. Для занятія, князь звенѣлъ шпорой о свою саблю.

— Какіе длинные эти палаши у васъ, замѣтила княгиня.

— Да, вчера, одинъ ловкій баринъ задѣлъ у Mme Мороновой корзинку съ цвѣтами; горшки посыпались, земля, сказалъ князь, вставъ и волоча свою саблю:—а впрочемъ, это красиво, «traînant son sabre de bataille...»

Digitized by Google

Онъ запѣлъ послѣднее.

— Ты видѣлъ портретъ тетки? спросила княгиня.

— А, la tante Agrippine! Все лѣчится?

Онъ прошелся по комнатѣ.

— Ну, что, Васька, тебя отпустили? сказалъ онъ, вдругъ обратясь къ мальчику.

— Да.

— Какъ же это, раньше вакаціи? Вакація у васъ еще когда?

— Я просила директора, произнесла княгиня:—я ѣду въ деревню, ужь кстати. Пасха только что кончилась, все равно. Ребенку надо отдохнуть.

— Аделаида Григорьевна чѣмъ же отпразднуетъ такую радость? А гдѣ Аделаида Григорьевна? Вы ее берете съ собой, grand'maman?

— Всегда и вездѣ; необходимое зло, сказала княгиня.

Князь расхототался. Аделаида Григорьевна вошла въ эту минуту. Она была уже въ полномъ блескѣ самаго изысканнаго туалета.

— Князь! сказала она съ привѣтственною улыбкой.

Князь подалъ ей руку.

— Вотъ какъ мы проведемъ лѣто, сказала княгиня:—все наше общество.

Полина обвела глазами это общество.

— И первое, что я себѣ обѣщаю, сказалъ князь:—это прокатить Аделаиду Григорьевну на тройкѣ, въ телѣжкѣ.

— Если вы собираетесь проказничить, князь, возразила компаніонка очень любезно, — то не разчитывайте на меня, нѣтъ, я отказываюсь!

— Полноте, Аделаида Григорьевна, не серіозничайте, это къ вамъ не зйдетъ; здоровьемъ вы не можете отговориться.

— Здоровьемъ, князь? Но вы забыли...

— Но вѣдь вы еще не старуха!

— Ахъ! Но я слабаго здоровья, князь, увѣряю васъ. Я мало берегусь, это правда, рискую, потому что я сумашедшая, я забываю все, если мнѣ пріятно.

— И прекрасно! Стало-быть, вы не прочь, если васъ заставятъ подурачиться, воспользоваться жизнію, qu'on vous fasse une douce violence.

— Ахъ, князь!

— Что же, не откажетесь?

Digitized by Google

— Нѣтъ, я понимаю, что можетъ быть чрезвычайно пріятно, возразила Аделаида Григорьевна:—вѣроятно, вотъ, съ Катериной Александровной вы будете устраивать кавалькады. Неправда ли, Катерина Александровна?

— Я не ѣзжу верхомъ, отвѣчала Катерина Александровна.

— Почему? спросилъ князь.

— Я боюсь.

— Какъ это скучно! сказалъ онъ:—я этого не люблю.

Аделаида Григорьевна засмѣялась; княгиня взглянула на нее вопросительно.

— Какъ же, сказала она, отвѣчая на этотъ взглядъ:—слышите, что говорятъ они, княгиня? Вы выражаетесь деспотически, князь! вы «не любите!» такъ вы возьметесь насъ перевоспитывать, отучать отъ страха.

— Пріучать къ повиновенію, договорилъ онъ.

— Ахъ, ахъ! слышите, Катерина Александровна, что насъ ожидаетъ?

— Вы, кажется, отказываетесь отъ моихъ уроковъ, Аделаида Григорьевна, сказалъ князь:—впрочемъ, я не навязываюсь съ ними. Послушайте только, grand'maman, у васъ въ деревнѣ будетъ рояль?

— Ты не замѣтилъ, что его нѣтъ въ залѣ: онъ уже отправленъ, сказала княгиня.

—Жаль. Въ такомъ случаѣ, я попрошу Аделаиду Григорьевну не брать своихъ италіянскихъ романсовъ: я не могу ихъ слышать.

— Я буду пѣть русскія пѣсни, отвѣчала Аделаида Григорьевна:—я ихъ пою наизусть.

— Такъ нельзя ли голосъ оставить здѣсь, въ Москвѣ?

— Ахъ, Боже, какъ вы милы! вскричала она, хохоча, но вспыхнувъ сколько позволяла ея блѣдность: — вы, въ самомъ дѣлѣ, деспотъ. Катерина Александровна, мы будемъ защищаться, не правда ли?

Катерина Александровна была такъ молчалива и неподвижна, что сама почувствовала свою неловкость; не отвѣчая компаніонкѣ, она обратилась къ княгинѣ.

— Maman, если прикажете, если вамъ нужны покупки или книги въ деревню, поручите мнѣ, я исполню.

— Merci, ma bonne, отвѣчала княгиня:—я посмотрю. Я просила Анну Ѳедоровну... Адель, продолжала она громче, прерывая смѣхъ и оживленный разговоръ въ полголоса, который Аде-

Digitized by Google

лаида Григорьевна уже успѣла завести съ княземъ: — поди узнать, не возвратилась ли Анна Ѳедоровна?

— Но если она возвратилась, доложатъ... возразила Аделаида Григорьевна.

Княгиня взглянула на нее. Аделаида Григорьевна повиновалась и вышла, обмѣнявшись съ княземъ улыбкой и выразивъ покорность пожатіемъ плечъ. Съ ея уходомъ на минуту воцарилось приличное молчаніе. Княгиня пожаловалась на головную боль.

— Вы рано выѣхали сегодня, maman, замѣтила Катерина Александровна.

— Можетъ-быть. Ты не страдаешь этимъ?

— Нѣтъ.

Князь, чтобы чѣмъ-нибудь заняться, тормошилъ Васю.

— Взгляни на мою работу, это для тебя, сказала княгиня.

— Неужели? вскричалъ онъ:—ахъ, grand'maman, я этого не стою!

Онъ поцѣловалъ ея руку.

— Я думаю, что не стоишь, сказала она, пріятно улыбнувшись:—я вѣдь вовсе не люблю тебя, шалунъ.

Онъ никогда не сомнѣвался въ этомъ, но еще разъ поцѣловалъ ея ручки и разсматривалъ кактусы, будто рѣдкость.

— Это за то, что ты ко мнѣ пріѣдешь, сказала княгиня.

— Grand'maman, вскричалъ Вася: — держу пари, что Жану это вовсе не нравится! онъ вамъ льститъ, grand'maman...

— Вася, vous me laisserez tranquille, прервала княгиня. — Знаешь, обратилась она къ Катеринѣ Александровнѣ, — мы съ тобой займемся этимъ ковромъ вмѣстѣ; у тебя въ деревнѣ будетъ много лишняго времени. Тебѣ надо развлекаться. Воздухъ деревенскій, конечно, но нечего сидѣть дома одной; будешь бывать у меня...

— Васъ зовутъ, княгиня, пожалуйте, сказала Аделаида Григорьевна, приподнявъ портьеру.

— Что такое? какъ будто безъ меня не могутъ...

— Нѣтъ, это изъ деревни...

Княгиня поднялась и вышла.

Вася убѣжалъ. Князь прохаживался по комнатѣ, напѣвая сквозь зубы. Катерина Александровна то взглядывала на него, то опять потупляла глаза. Полина работала, также равнодушно какъ прежде, хотя минутами ея быстрые взгляды выказывали, что она удвоила вниманіе.

Digitized by Google

— Послушайте... сказала нерѣшительно Катерина Александровна, когда князь проходилъ мимо нея.

— Что? небрежно спросилъ онъ, не оборачиваясь и разсматривая картину на стѣнѣ.

— Послушайте, мнѣ надо вамъ сказать...

— Что же?

Она встала, подошла къ нему; онъ, продолжая прогулку, прошелъ въ залу. Дверь залы была какъ-разъ напротивъ Полины.

— Ну, что? спросилъ князь.

— Жанъ, ради Бога, не пріѣзжай въ деревню!

Онъ засмѣялся.

— Когда просятъ такія вещи, то уже не говорятъ *ты*, сказалъ онъ:—вамъ, стало-быть, угодно разстаться со мною? Вы отъ меня бѣжите? Прошу не говорить послѣ этого, что я васъ бросилъ!

Катерина Александровна заплакала.

— Я тебѣ тысячу разъ говорилъ, что терпѣть не могу слезъ, продолжалъ онъ со злостью и въ полголоса: — изъ-за чего ты вздумала бѣжать? Огласки испугалась, репутаціи жаль? А теперь, кто дѣлаетъ сцены? Вотъ та дѣвчонка все видитъ... перестань же, какъ ты глупа!

— Но если ты пріѣдешь туда, что скажутъ? проговорила Катерина Александровна:—скажутъ, что это для меня...

— Вовсе не то скажутъ, прервалъ онъ, смѣясь:—весь свѣтъ знаетъ, что мнѣ необходимо заискивать расположеніе бабушки, и что я обязанъ исполнять ея капризы: она велитъ пріѣхать,— я долженъ къ ней пріѣхать. Скажутъ, что ты для меня бросила мужа и отправилась вслѣдъ за мной.

— Господи!.. Но тѣмъ хуже!

— Кому?

— Ты безжалостный!

— Кричи еще громче, чтобы слышали, а то только глядятъ на тебя.

— Жанъ, но послушай, не уходи... Я буду говорить спокойно; я думала...

— Съ чего ты собралась уѣхать? Вѣдь мужъ ничего не знаетъ? въ обществѣ ничего не говорятъ?

— Нѣтъ, еще ничего...

— Такъ что же за фантазія?

Digitized by Google

— Я думала вотъ что̀... Жанъ, вѣдь ты меня больше не любишь? Я вѣдь больше не дорога тебѣ, Жанъ?..

— Ну, опять!.. прервалъ онъ, махнувъ рукой, и, оставивъ ее, воротился въ гостиную.

Полина была тамъ одна. Князь взялъ свою фуражку и намѣревался уйдти, не прощаясь съ бабушкой и не сказавшись, что уходитъ. Полина заставила его обернуться, когда онъ былъ уже въ дверяхъ.

— Ваши перчатки, князь.

Онъ не замѣтилъ, что выронилъ ихъ и, возвращаясь поднять, былъ уже принужденъ поклониться Полинѣ. Упорный и насмѣшливый взглядъ, съ которымъ она молча отвѣчала на поклонъ, заставилъ князя улыбнуться.

«Смѣшная дѣвчонка!» подумалъ онъ и остановился подлѣ нея, будто за тѣмъ, чтобы надѣть перчатки. — Какъ вы прилежны! сказалъ онъ громко:—примѣръ для насъ, лѣнивцевъ.

— Кто же мѣшаетъ слѣдовать хорошему примѣру? отвѣчала она очень развязно и очень равнодушно.

— Примѣра мало, надо учить; дайте мнѣ лоскутокъ кисеи, я буду вышивать.

— Вотъ идея! сказала Полина, удостоивъ засмѣяться.

— Право. Это должно быть очень весело — шить и только объ этомъ и думать.

— Напротивъ, возразила она:—это именно такое дѣло, которое можно дѣлать, а думать о другомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? О чемъ же вы думаете?

— А, какъ вы скоры!..

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Скажите.

— О тысячѣ вещей. Обо всемъ, что̀ попадется на глаза.

— Слѣдовательно, и обо мнѣ?

— Да, между прочимъ, отвѣчала она небрежно и кокетливо.

— «Между прочимъ!» это мало!

— Вы находите, что мало!

— Конечно: я самолюбивъ.

— Дурной порокъ.

— Но все-таки, я лучше васъ: я откровененъ.

— Какъ это?

— Я признаюсь въ моихъ порокахъ, а вы не хотите признаться въ вашихъ мысляхъ.

— Почему знать, можетъ-быть это труднѣе.

— Почему труднѣе?

Digitized by Google

— Вы любопытны!

— Но я и настойчивъ: я добьюсь, я узнаю. Теперь я спѣшу, grand'maman можетъ задержать меня, но помните, при первой встрѣчѣ я узнаю о чемъ вы думаете! Au revoir, mademoiselle Pauline.

Онъ подалъ ей руку и пожалъ ея руку довольно крѣпко, засмѣявшись, когда она сморщила брови отъ боли настоящей или притворной. Проходя залу, князь не оглянулся на Катерину Александровну. Она ждала этой минуты, ждала, что онъ подойдетъ къ ней проститься. Остановить его не было возможности. Полина слѣдила за ними изъ гостиной, а въ дверяхъ прихожей Вася шумно распоряжался съ людьми, убиравшими вещи. Изъ отвореннаго окна, Катерина Александровна услышала только, какъ князь сказалъ: «подавай», и какъ загремѣлъ его экипажъ. Она хотѣла бы собраться съ мыслями, но не могла; ей было некогда, за нею слѣдили, она была въ чужомъ домѣ. Привычка жить скрываясь и торопясь сдѣлала то, что молодая женщина оправилась скоро. Ея слезы были не замѣтны. Только особы дурно воспитанныя умѣютъ наплакать глаза докрасна и разрушить порядокъ своей прически. Катерина Александровна воротилась въ гостиную почти спокойная, граціозно кутаясь въ свои кружева. Ей только хотѣлось скорѣе уѣхать, но, не простясь съ княгиней, это было невозможно.

Полина встрѣтила ее взглядомъ брошеннымъ вскользь, но этотъ взглядъ смутилъ Катерину Александровну. Она испугалась; ей показалось, что нужно заговорить съ этою дѣвочкой, что почему-то надо быть обходительнѣе съ нею. Катерина Александровна слышала, что князь говорилъ и смѣялся съ Полиной.

«Смѣялся, въ ту минуту какъ я плакала!.. Эта дѣвочка страшная кокетка, подумала молодая женщина, а онъ... Боже мой, неужели ему все равно,—я, или другая?.»

Она была готова зарыдать. Но это горе, эта жалость къ самой себѣ, этотъ гнѣвъ на того, кто оскорбилъ, вдругъ заставили ее пожалѣть и объ этой *другой*.

«Она молода, продолжала думать Катерина Александровна, ея жизнь не весела!.. Если она и замѣтила что-нибудь, она не поняла... Молодое существо, она не можетъ быть строга, безжалостна какъ другія!.»

Она подошла къ Полинѣ.

— Вы должны очень скучать.

Digitized by Google

Полина взглянула на нее, улыбаясь по своему. Она тоже размыслила. Она видѣла какъ побѣднѣла эта нервически сострадательная аристократка, вдругъ, теперь, ни съ чего вздумавшая вспомнить, что и бѣдной дѣвушкѣ можетъ быть скучно; она слышала какъ дрожалъ ея голосъ, она была убѣждена, что аристократка боится ея, заискиваетъ въ ней. Она знала и не ошибалась, что послѣ двухъ словъ состраданія, другихъ не найдется больше у особы, рѣдко и слабо думающей о комъ-нибудь кромѣ себя.

— Нѣтъ, я не скучаю, возразила Полина:—я занята.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, вы счастливы, у васъ столько талантовъ, продолжала Катерина Александровна: — я слышала, вы прелестно рисуете. Для чего вы оставили живопись? такая художница...

— Вы мнѣ льстите, прервала Полина, съ улыбкой, которая ясно говорила: «я знаю для чего вы это дѣлаете.»

— Нѣтъ... Но я слышала, вы оставили, продолжала Катерина Александровна, испуганная, теряясь и схватываясь еще за одну надежду умилостивить ту, которая, *можетъ-быть, все видѣла и слышала*, и отвергала ее почти презрительно. — Бѣдное дитя! скажите мнѣ откровенно: у васъ нѣтъ средствъ заниматься?

— Я никогда не жалуюсь на недостатокъ средствъ, отвѣчала Полина очень гордо.

— Mais, ma bonne amie, таланты... ими не надо неглижировать, это средство къ жизни.

— Ah, madame, прервала Полина, засмѣявшись громко: — не такими талантами нынче живутъ на свѣтѣ!

Катерина Александровна не отвѣчала; намекъ этихъ словъ поразилъ ее столько же, сколько сконфузилъ, какъ особу хорошаго тона, при которой сказали рѣзкую неприличность.

— Вы, вѣрно, дожидаетесь княгини? спросила Полина послѣ минутнаго молчанія.

— Да, мнѣ надо ѣхать.

— Я узнаю, нельзя ли вызвать ее, сказала Полина и вышла.

Въ нѣсколько минутъ, которыя Катерина Александровна провела одна, въ ея душѣ столкнулось столько мыслей, чувствъ, мученій, что она не могла ничего разобрать и объяснить себѣ; ей вдругъ вошло въ голову, что даже эта Полина презираетъ ее, торопится избавиться отъ ея общества. Одного сколько-нибудь опредѣленнаго ощущенія было довольно, чтобы заста-

Digitized by Google

вить ее расплакаться. Она плакала горько, когда вошла княгиня одна.

— Мнѣ сказали, что ты хочешь проститься со мною.

— Ah, maman, chère maman! вскричала Катерина Александровна, бросаясь ей на шею:—вы знаете только половину моего несчастія, послушайте...

— Ты очень нервична, ma chère, отвѣчала княгиня величественно и какъ будто брезгливо цѣлуя ее въ лобъ своими сухими и холодными губами: — посовѣтуйся съ кѣмъ-нибудь, это будетъ всего лучше. Ты нервична. Спроси О., онъ лѣчилъ и Агриппину; на свѣтѣ нѣтъ ему подобнаго отъ нервовъ; онъ дастъ тебѣ что-нибудь въ деревню. Здоровье прежде всего. Холодныя ванны, можетъ-быть...

Говоря это, княгиня выпроваживала молодую женщину въ залу, и едва та переступила порогъ, княгиня сказала ей:

— Au revoir, и воротилась въ глубину гостиной.

Аделаида Григорьевна была уже тамъ, будто выросла изъ земли.

— Эта Анна Ѳедоровна, вѣрно торгуется тамъ какъ жидовка, и ничѣмъ не кончитъ, сказала княгиня.

— Я вамъ говорила... сказала Аделаида Григорьевна.

Вошла Полина. Княгиня сѣла за свою работу.

— Какъ ужь поздно, сказала она:—а мы ничего не дѣлаемъ.

— Угодно, чтобъ я читала? спросила Аделаида Григорьевна, принявъ на себя этотъ упрекъ.

— Читай.

Аделаида Григорьевна взяла тощій томикъ.

— Скажите, ma chère, графу, чтобы тамъ не шумѣли, обратилась княгиня къ Полинѣ.

Полина исполнила приказаніе.

Аделаида Григорьевна, выждавъ еще нѣсколько минутъ пока въ воздухѣ воцарилась тишина, начала чтеніе. Это былъ французскій романъ изъ русскихъ нравовъ. Она читала описаніе придворнаго бала въ Петербургѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда еще, по увѣренію автора, французскій языкъ былъ не извѣстенъ въ Россіи, и въ бальныхъ залахъ слышалось смѣшеніе языковъ татарскаго, сибирскаго и прочихъ, также какъ представлялось смѣшеніе одеждъ разныхъ племенъ, населяющихъ Россію. Княгиня, хотя сама бывала въ то время на придворныхъ балахъ, слушала непоколебимо и ничего не возразила, когда Аделаида Григорьевна замѣтила:

Digitized by Google

— Ахъ, какъ это было забавно!

Память ли измѣнила княгинѣ, заставило ли ее молчать уваженіе къ печатному слову, потому что книга была написана знатнымъ человѣкомъ, иностранцемъ, и въ ней шла рѣчь все о свѣтлыхъ и сильныхъ міра сего (извѣстно, что къ печатному слову, трактующему о чемъ-либо другомъ, княгиня питала полнѣйшее пренебреженіе), но княгиня не прерывала, не возражала. Вѣрнѣе всего, она ничего не думала; она работала, ей «дѣлали чтеніе», она проводила свое время.

Полина слушала и не слушала, думала и не думала. Она перебирала въ своей головѣ все, что̀ видѣла и слышала этимъ утромъ; въ ея глазахъ вертѣлся князь; ее брала злость на Катерину Александровну; ей очень бы хотѣлось быть на мѣстѣ этой богатой, свободной женщины... Свободной, конечно; потому что, что̀ такое мужъ, когда есть куда отъ него уѣхать?.. Такъ вотъ куда зашло у нихъ съ княземъ! Кто бы могъ подумать—такая смиренница! И мужъ ничего не знаетъ, и въ обществѣ ничего не слышно... Счастливица! ей все прощено, она все можетъ скрыть, потому что богата!.. Что̀, еслибы вдругъ какъ-нибудь сдѣлаться тоже героиней приключенія, быть любимой... хоть не долго; кто нынче долго любитъ и что̀ такое это сентиментальное вздыханіе? Но, быть любимою...

Тутъ воображеніе Полины быстро переносилось далѣе, не останавливаясь на обстоятельствахъ, которыя, какъ ни рѣшительно смотрѣла она на вещи, все еще затрудняли ее.—Имѣть хорошенькій-хорошенькій домикъ, un réduit, все имѣть... Кружева, платье à disposition, орѣховаго цвѣта, съ чернымъ узоромъ, черная fanchon на головѣ и букетъ живыхъ фіалокъ... это зимой. *Онъ* пріѣдетъ, каминъ топится... Восхищеніе!.. У него духи violett de Parme, непремѣнно. Говоримъ разный вздоръ, смѣемся. Обѣдъ вдвоемъ... это въ Петербургѣ. Потомъ опера. У меня абонированный бенуаръ. Меня причешетъ Альберъ. Платье bleu-du-soir... А потомъ ужинъ и гости... И вдругъ, говорятъ:—Вообразите, князь Жанъ Десятовъ женился! «На комъ?» —Но не знаютъ, въ провинціи.—Мы обвѣнчаемся гдѣ-нибудь въ провинціи. А тамъ, свой домъ, я принимаю... «Ah, madame Alexinsky, je suis enchantée de vous voir.» Этой старой ужь давно нѣтъ... «Надѣюсь, Катерина Александровна, вы сдѣлаете моему мужу и мнѣ удовольствіе, будете посѣщать насъ въ деревнѣ?.»

Digitized by Google

Полина была готова разсмѣяться одна, когда ея мечтанія были прерваны, также какъ и чтеніе.

Вася вбѣжалъ, волоча по полу пучки шнурковъ и тесёмокъ и таща огромную связку, изъ которой сыпались свертки булавокъ, шпилекъ, коробочки съ пуговицами, клубки вязальной бумаги, спицы, мотки цвѣтныхъ шерстей, гребенки, жестянки съ помадой; все это терялъ онъ еще съ половины залы, пока шумно не уронилъ остальнаго среди гостиной.

— Что̀ это, Вася? произнесла княгиня.

— Ахъ, grand' maman, это Анна Ѳедоровна... Я не виноватъ; это тяжело, я не могъ удержать, grand' maman... Я хотѣлъ помочь Аннѣ Ѳедоровнѣ, grand' maman. Она такъ устала, Анна Ѳедоровна...

Анна Ѳедоровна, дѣйствительно, красная какъ ракъ и съ волосами, спутанными до послѣдней невозможности, явилась вслѣдъ за Васей. Она несла узелъ, стянутый веревкой, въ которомъ казалось около пуда вѣса.

— Что̀ вы дѣлаете, графъ, что̀ вы дѣлаете! кричала она Васѣ.

— Ахъ, какъ это скучно! сказала княгиня:—Вася, подбери все это.

Вася долженъ былъ наклониться, помочь Аннѣ Ѳедоровнѣ, которая, положивъ узелъ на кресло, принялась подбирать мелочи. Полина не принимала участія въ этомъ трудѣ, находя, что довольно, когда трудится ея мать. Аделаида Григорьевна, совершенно ко всему равнодушная, взялась за узелъ.

— Это покупки? все искупили? спросила она.

— А мое платье? сказала княгиня.

— А, ваше платье, княгиня! отвѣчала Анна Ѳедоровна, разстилаясь по полу, потому что Вася, помогая ей, разсыпалъ опять то, что̀ она сбирала: — съ вашимъ платьемъ цѣлая исторія!

— Что̀ такое?

— Охъ!.. вскричалъ Вася.

— Что̀ съ тобой?

— Мнѣ, такъ, бокъ больно, grand'maman... я не могу наклониться, grand'maman, у меня сейчасъ бокъ...

— Бѣдное дитя, видно, что онъ страдаетъ, поблѣднѣлъ, сказала Аделаида Григорьевна: — это можетъ быть опасно, княгиня; лучше посовѣтоваться...

— Когда заѣдетъ докторъ. Что̀ же мое платье, Анна Ѳедоровна?

Digitized by Google

Аделаида Григорьевна, пользуясь тѣмъ, что приложила руку къ головѣ Васи, чтобъ узнать нѣтъ ли у него жара, тихонько поцѣловала его и прижала къ своей груди.

— Я не нашла тафты какъ ваша, княгиня, отвѣчала ей Анна Ѳедоровна:—я ее перемѣнила, и посмотрите, на какую: настоящая французская, клеймо таможни, и коймы къ ней особенно, и пять аршинъ три четверти больше чѣмъ вашей, и шире вашей, и шелкъ какой, посмотрите...

Она въ эту минуту кончила подбирать мелочи и хотѣла взять узелъ, но Вася уже развязалъ его, разметавъ веревки, обертки и покупки, и, вообще, постаравшись занять какъ можно больше мѣста и надѣлать какъ можно больше сора въ комнатѣ.

— Гдѣ же... да, вотъ! сказала Анна Ѳедоровна, вытаскивая за тафту.

— Ah, comme c'est joli! сказала княгиня:—прелесть! Взгляни, Адель, и какъ порядочно, очень порядочно... А что вы придали за нее, Анна Ѳедоровна?

— Отгадайте! отвѣчала она, торжествуя.

— Нѣтъ, скажите.

— Два рубля.

— Ah, mais c'est pour rien! это, просто, чудо! И какъ вамъ удалось обмѣнить?

— Ничего, отвѣчала въ восторгѣ Анна Ѳедоровна: —потолкали немножко.

— Васъ вытолкали? вскричалъ Вася.

— Вася! сказала княгиня.

— Grand'maman, но я не дослышалъ; я думалъ, что непріятность вышла тамъ у Анны Ѳедоровны... Можетъ-быть съ полицейскими, grand'maman. Вѣдь тамъ полицейскіе на каждомъ шагу, если что замѣтятъ...

— Что ты дѣлаешь? прервала княгиня.

Вася драпировалъ кресла и стулья кисеей, ситцами и платками, покупками Анны Ѳедоровны.

— Это ничего, grand'maman, такъ лучше, ваша гостиная теперь совсѣмъ лавка, grand'maman...

— Ah, vous me cassez la tête! сказала княгиня, поднимаясь и подходя къ этимъ ситцамъ:—это для дѣвокъ, Адель?

— Да, отвѣчала компаніонка, перебирая покупки:—вотъ это, Матрешѣ, я думаю, получше.

Digitized by Google

— За что же ей лучше? возразила княгиня, впрочемъ, ничего не думая.

— Ахъ, княгиня, славная дѣвка!.. другимъ обѣимъ сестрамъ лучше равное дать, а то будутъ завидовать, перебранятся...

Онѣ хозяйственно осмотрѣли каждую вещь.

— Охъ, присѣсть! сказала Анна Ѳедоровна, садясь.

— А деньги остались у васъ? спросила Аделаида Григорьевна.

Анна Ѳедоровна подала ихъ княгинѣ; княгиня пересчитала, взглядывая въ реестръ покупокъ.

— Прелесть тафта! повторяла она, сбирая ее въ складки.

— Ахъ, я забыла, сказала Анна Ѳедоровна, поспѣшно, шаря у себя въ карманѣ: — я ужь рѣшилась, княгиня, купила вамъ ленть для отдѣлки, подъ цвѣтъ коемокъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, право, я рада, не знаю какъ я рада этому платью. Мегсі, Анна Ѳедоровна. Адель, убери все и пошли за портнихой; я сейчасъ же велю сшить.

— Вамъ не сошьютъ къ отъѣзду, возразила компаніонка, почему-то желая омрачить удовольствіе княгини.

— У тебя страсть противорѣчить. Пошли. Да раздай, что слѣдуетъ, дѣвкамъ.

Аделаида Григорьевна сбирала покупки; ей не помогалъ никто. Анна Ѳедоровна считала свое дѣло оконченнымъ и, притомъ, торжествовала; она болѣе не находила нужнымъ безпокоиться и испытывала нѣчто въ родѣ наслажденія, глядя, съ какимъ усиліемъ Аделаида Григорьевна, крѣпко стянутая въ корсетѣ, поднимала и прибирала вещи, валившіяся у нея изъ рукъ. Вася сидѣлъ на ручкѣ кресла, какъ обезьяна, и посмѣивался. Вдругъ Анна Ѳедоровна довольно строго сказала дочери:

— Ты, кажется, не видишь, что кругомъ дѣлается. Помоги.

Полина съ удивленіемъ взглянула на мать, но догадавшись, что приказаніе отдается не даромъ, очень любезно поспѣшила его исполнить. Она сдѣлала болѣе: спасла изящную прическу Аделаиды Григорьевны, когда та, забирая на руки гремучія, жестоко-накрахмаленыя полосы ситца задѣла ими за свои волосы. Забравъ все, онѣ вышли вмѣстѣ.

— Вы вчера провожали Ручневыхъ въ Петербургъ? спросила княгиня Анну Ѳедоровну.

Вася усталъ шалить и, видя, что бабушка заговорила слишкомъ благосклонно, такъ, что шутить было неудобно, вышелъ тоже. Анна Ѳедоровна проводила его глазами.

Digitized by Google

— Да, онѣ уѣхали, отвѣчала она княгинѣ: — счастіе богатымъ; кто за границу на лѣто, кто въ деревню.

Княгиня ничего не сказала.

— А тутъ, въ Москвѣ, жаръ, духота, ужасъ; умереть можно.

Княгиня не опровергала и этого предположенія.

Анна Ѳедоровна замолчала. Она смотрѣла передъ собой на богатую комнату, на богатую старуху, на ея бездѣльную, дорого-стóящую, безобразную и никому не нужную работу; на два мѣдные пятака, лежавшіе на столѣ, единственную мѣдь, которую Анна Ѳедоровна принесла изъ лавокъ, постаравшись собрать всю сдачу мелкимъ серебромъ, чтобы не затруднять княгиню. Почему казалось ей необходимымъ *не затруднять* княгиню тяжелою и грубою монетой, — Анна Ѳедоровна сама не знала...

«Руки ли у нея нѣжнѣе моихъ, подумала она, взглянувъ на нихъ: Господи Боже!»

Потомъ она сосчитала, что тѣхъ денегъ, которыя сейчасъ она истратила на нисколько не нужное и прихотное, стало бы ей на цѣлый мѣсяцъ жизни, она вспомнила, зная всѣ мелочи въ домѣ княгини, что у ея горничныхъ полны шкапы платьевъ всякихъ, даже шелковыхъ; она вспомнила, что когда-то прежде, когда княгиня носилась изъ угла въ уголъ съ тѣмъ кускомъ тафты, что̀ Анна Ѳедоровна ей сейчасъ промѣняла, и жаловалась, что ей мало его на платье, Анна Ѳедоровна подумала, что тутъ какъ разъ довольно на платье Полинѣ, и что княгинѣ ничего бы не значило подарить его ей.

«Все-то имъ самимъ нужно!» прибавила она мысленно въ заключеніе. «И неужели не видитъ она, что у насъ ничего нѣтъ? начала снова думать Анна Ѳедоровна: кажется, всѣ мы на лицо, средства наши знаетъ. Все надо просить у нихъ, а каково всегда просить? Они, пожалуй, думаютъ, что это очень легко, что передъ тѣмъ какъ просить ихъ, сердце разъ десять со злости не перевернется. Кланяться нужно, да выбирать минуту. Они, право, думаютъ, что если смолчишь имъ когда, то смолчишь отъ совѣсти или отъ того, что они правы. Не подозрѣваютъ, что, вотъ, за горло душитъ. Такъ хотѣлось бы имъ все высказать, чего они стоятъ, да нельзя. Если молчишь передъ ними, то потому что они нужны, чтобы хотя какой-нибудь клочокъ унесть у нихъ для своей нищеты. Совѣститься передъ ними!.. да изъ чего, прости, Господи? Они передо мной не

Digitized by Google

совѣстятся, бархаты свои да алансоны разстилаютъ, зная, что у меня нѣтъ рубашки, а я буду совѣститься?.. Душа-то есть ли въ нихъ?»

— Знаете, я хотѣла попросить васъ, княгиня, сказала она громко и довольно рѣшительно.

Княгиня подняла голову и посмотрѣла на нее, безъ ожиданія, спокойно, не ободряя и не отвергая просьбы.

— У меня, вотъ какой планъ, княгиня, продолжала Анна Ѳедоровна, начиная затрудняться въ выраженіяхъ: — я имѣю случай на лѣто сдать свою квартиру; у насъ апрѣль, такъ до сентября... Мнѣ бы это было выгодно; мужъ это время пожилъ бы у знакомыхъ, а мнѣ бы съ Полиной хотѣлось куда-нибудь уѣхать.

— Что жь, прекрасно.

— Мнѣ даютъ по десяти рублей въ мѣсяцъ.

— Прекрасно.

— Только, вотъ, куда мнѣ уѣхать?

— Что же вамъ уѣзжать; вы и безъ того дома не живете, возразила спокойно княгиня.

— Не живемъ почти, отвѣчала Анна Ѳедоровна, закусивъ губы,—но все-таки иной разъ ночуемъ, обѣдаемъ дома.

— Вѣдь у васъ деньги будутъ; пятьдесятъ, это сто семьдесятъ пять рублей на ассигнаціи; нынче всѣмъ стали деньги казаться дешевы, прибавила княгиня, улыбаясь безумной людской расточительности.

— Конечно, сказала Анна Ѳедоровна, сама не зная съ чѣмъ соглашаясь, — но мнѣ бы хотѣлось эти деньги приберечь къ зимѣ немножко.

— Полинѣ на туалетъ? спросила княгиня равнодушно.

— На дрова, отвѣчала Анна Ѳедоровна.

— Куда же вамъ столько на дрова? Вѣдь вамъ нанимаетъ квартиру графъ Александръ Дмитріевичъ?

— Нанимать онъ нанимаетъ, а топить нечѣмъ, и ѣсть варить тоже надо.

— Ну, ужь это такая бездѣлица; васъ такъ немного: вы, вашъ мужъ, Полина.

— Да, но все намъ холодно, княгиня.

— Конечно, это вашъ разчетъ.

— Такъ я и хотѣла просить васъ, сказала Анна Ѳедоровна, не давая продолжаться молчанію и рѣшаясь вдругъ: —позвольте намъ провести лѣто у васъ въ деревнѣ.

— У меня?

Digitized by Google

— Да.

— Какъ же это? Вы хотите пріѣхать?

— Нѣтъ, княгиня, ужь если вы будете такъ добры, то довезите насъ какъ-нибудь. Вы знаете, мы не прихотливы, княгиня. Мы вамъ столько обязаны. Доставьте намъ возможность сдѣлать въ нашей бѣдной жизни какую-нибудь экономію, если наше общество не совсѣмъ для васъ непріятно... Вы не имѣете понятія о нашемъ положеніи, княгиня, и не дай вамъ Богъ... Если васъ не затруднитъ какъ-нибудь насъ довезти... Я готова всячески заслужить вамъ.

Княгиня подумала о тафтѣ.

— Пожалуй, сказала она черезъ минуту, которая показалась очень долга Аннѣ Ѳедоровнѣ:—вы можете пріѣхать. Вотъ я скажу Адели. Послѣ, какъ я пріѣду въ деревню, я пришлю оттуда крестьянскихъ лошадей; здѣсь остается бричка, ее наложатъ тѣмъ, что здѣсь останется. Вы можете въ ней пріѣхать. Человѣка съ вами не будетъ; это для меня же лучше, что вы поѣдете: вы приглядите, чтобы все было въ цѣлости перевезено. Недѣли черезъ полторы это будетъ; вы до тѣхъ поръ сберетесь.

— Не знаю, какъ васъ благодарить, княгиня... Это на долгихъ, стало-быть?

— Да, да, конечно. Крестьянскія лошади, мой крестьянинъ. Они будутъ останавливаться и кормить.

— Вы такъ добры, княгиня... Я и моя дочь постараемся...

Въ эту минуту вошла горничная, поклонилась, поцѣловала руку княгини, вооруженную наперсткомъ и иголкой, и произнесла:

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство.

Благодарность объяснялась сверткомъ кисеи, которую дѣвушка держала въ рукахъ. Исполнивъ этотъ долгъ, она вышла.

Анна Ѳедоровна, намѣревалась возобновить разговоръ прерванный такъ неожиданно, но едва повторила: «Полина и я постараемся», какъ вошли еще двѣ горничныя, тоже съ полученными подарками, также выразили свою благодарность и поцѣловали пойманную на лету ручку княгини. Княгиня была неподвижна, не обращая нималѣйшаго вниманія ни на появленіе этихъ особъ, ни на ихъ поцѣлуи; ее затруднялъ кончикъ иголки, который она не могла вдѣть въ иголку.

— Это скучно, сказала она наконецъ.

— Позвольте мнѣ, княгиня, сказала Анна Ѳедоровна, и осо-

Digitized by Google

бенно ловко закрутивъ кончитъ, вдѣла его разомъ. Это былъ день ея удачъ.

— Покажите мнѣ, какъ вы это дѣлаете, произнесла милостиво княгиня.

Торжествующая Анна Ѳедоровна готовилась учить ее, когда на порогѣ появились трое лакеевъ, проговоривъ, тоже съ поклонами:

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство.

Княгиня взглянула на нихъ.

— Вамъ выдали холстъ и нитки? сказала она.

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Сполна?

— Сполна, ваше сіятельство.

Они удалились.

— Вамъ непріятно, княгиня, самой входить во всѣ подробности хозяйства, замѣтила Анна Ѳедоровна.

— Что же дѣлать? отвѣчала княгиня: — иначе, какого же ждать порядка? Адель, это мокрая курица. Удивляюсь своему терпѣнію..

— У васъ должно неимовѣрно много выходить всего, княгиня, продолжала Анна Ѳедоровна:—я знаю, изъ вашей ярославской деревни привозится столько холста, неужели онъ весь выходитъ въ годъ?

— Я ужь и понять не могу! сказала княгиня сумрачно.

— Знаете, княгиня, это много зависитъ и отъ кройки; если съ толкомъ кроить, то всегда... Это все то же, что поручать бѣлье прачкамъ и не надзирать за ними: оно огнемъ горитъ. Положимъ, оно въ городѣ затруднительно, а въ деревнѣ можно присмотрѣть. А шитье какъ онѣ дерутъ! Между тѣмъ какъ это такъ легко! Вотъ, взгляните, княгиня, на мнѣ рукавчики: имъ три года, сто разъ чищены. Въ моемъ положеніи, конечно, я сама занимаюсь, чищу. Мнѣ открыла секретъ Mme Флави.

— Вотъ, вы поучите моихъ, сказала княгиня.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Въ деревнѣ вамъ нечего дѣлать, продолжала княгиня:— я купила полотно; скройте при мнѣ, чтобы безъ обрѣзковъ: оно дорогое. Вы мнѣ сшейте бѣлье; вы хорошо шьете, съ строчкой, какъ должно. Полина ваша умѣетъ шить?

— Нѣтъ, княгиня, ихъ не учили этому въ пансіонѣ; я сама, въ послѣдствіи, ужь по необходимости...

— Ей бы не мѣшало поучиться, она и вышиваетъ пре-

Digitized by Google

скверно, ничего не умѣетъ дѣлать. Я дамъ ей фонъ зашить, вотъ, въ этой койкѣ. Это-то она сумѣетъ, не испортитъ?

— Какъ можно, княгиня! Она постарается.

— Я думаю; надо же и ей найдти дѣло. Что же вамъ, все лѣто...

— Мы будемъ очень рады, чѣмъ можемъ, княгиня.

Аделаида Григорьевна вошла въ сопровожденіи Полины. Она этимъ временемъ занималась укладкой своихъ нарядовъ и доставляла себѣ удовольствіе показывать ихъ молодой дѣвушкѣ, не имѣющей возможности имѣть такіе же. Потому Аделаида Григорьевна была очень весела, а Полина надута.

— Ахъ! княгиня, заговорила компаніонка:—вы всѣхъ одѣлили, но забыли одного: казачка Митрошку; ему ничего не досталось. Но Базиль, ахъ! это, просто, ангелъ, Базиль! У него было въ его туалетѣ кое-что... Ахъ, княгиня, это такъ смѣшно! Базиль ему ихъ отдалъ, и надо видѣть, надо видѣть какъ этотъ мальчикъ теперь счастливъ!

— Сегодня, кажется, всѣ счастливы, сказала княгиня съ величавымъ довольствомъ:—вотъ и Анна Ѳедоровна тоже счастлива: онѣ пріѣдутъ ко мнѣ въ деревню.

— Какъ? вы? спросила Аделаида Григорьевна.

— Да, отвѣчала Анна Ѳедоровна, тоже довольно величественно.

Аделаида Григорьевна выразила совершеннѣйшее равнодушіе, зная, что для Анны Ѳедоровны оно будетъ всего чувствительнѣе.

— Прикажете давать кущать? спросила она княгиню.

— Да, отвѣчала та,—я не держу своего стола, Анна Ѳедоровна, извините.

— Я знаю, княгиня, сказала Анна Ѳедоровна:—я и не разчитывала остаться у васъ.

Она сдѣлала знакъ Полинѣ взять шляпку. Она не знала, гдѣ найдутъ онѣ обѣдъ, но дѣлать было нечего: чтобы не прогнѣвить покровительницу, милостиво согласившуюся пріютить и кормить ихъ четыре мѣсяца, надо было скрыть и затрудненіе, и обиду.

— Я еще буду имѣть удовольствіе видѣть васъ передъ отъѣздомъ, княгиня, сказала она, — мнѣ надо еще посмотрѣть, какъ намъ можно будетъ уложиться, узнать, кому вы поручите.

— Хорошо, хорошо, прервала княгиня, вдругъ почему-то утомясь:—изъ чего столько толку?

Digitized by Google

— Благодари княгиню, сказала Анна Ѳедоровна Полинѣ.

— Вы такъ добры... прошептала Полина.

— Которая это мнѣ благодарность сегодня? сказала княгиня, вставая, потому что въ эту минуту доложили объ обѣдѣ.

Анна Ѳедоровна и Полина раскланялись и ушли.

III.

— Куда же мы пойдемъ, маменька? спросила Полина, когда дверь подъѣзда затворилась за ними.

Анна Ѳедоровна съ минуту остановилась въ нерѣшимости.

— Дѣлать нечего, сказала она: — пойдемъ домой. Поѣсть возьмемъ чего-нибудь въ лавочкѣ. Батюшка твой вѣрно давно поѣлъ и его теперь съ собаками не сыщешь. Тамъ отдохнемъ, да пойдемъ къ Мороновымъ или къ Гусицкой чай пить; можно у нихъ и ночевать, мы давно тамъ не были.

— Покорно благодарю, я не хочу ночевать у Гусицкой, возразила Полина:—я у нея на диванѣ вѣчно проваливаюсь.

— Видишь, какія нѣжности! Дома тюфякъ соломенный развѣ лучше?

— Я устала ходить сегодня, отвѣчала Полина.

— Ну, пожалуй, мнѣ-то что же? Оставайся дома безъ чая, съ отцемъ.

— И вамъ не мѣшало бы остаться дома хоть одинъ день, вы двѣ ночи дома не ночевали, сказала Полина:—вы назвались въ деревню ѣхать; надо осмотрѣть, есть ли у насъ съ чѣмъ ѣхать. Хорошо одну ночь, двѣ ночи въ чужомъ домѣ, а на нѣсколько мѣсяцевъ надо подумать о бѣльѣ, обо всемъ. Отправьте меня сейчасъ къ Мороновой, отсюда близко, а сами идите домой да собирайтесь.

— Что ты со мной вѣчно бранишься на улицѣ? почти вскричала Анна Ѳедоровна:—что я тебѣ, горничная, сбирать твои тряпки? Сама сбирай! Еще не завтра ѣхать. Еще надо квартиру сдать, отца твоего куда-нибудь сунуть. Все я, да я, а ты сама что?

— Прогоните меня, если я вамъ въ тягость, прошептала Полина очень равнодушно.

— Что?.. Да ты куда пойдешь?

Digitized by Google

— Куда-нибудь пойду, найду мѣсто. Для меня не новость бродить изъ дома въ домъ, вы же выучили. Вотъ ходили, ждали обѣдать, не дождались, потомъ пойдемъ чаю искать, не отыщемъ.

— Ну, помни ты это... проговорила Анна Ѳедоровна задыхаясь.

До переулка, гдѣ они жили, имъ надо было пройдти едва ли не полъ-Москвы. Въ какомъ-то монастырѣ благовѣстили ко всенощной, когда мать и дочь увидѣли наконецъ длинный, некрашенный заборъ и въ концѣ его сѣрый домъ съ мезониномъ въ три окна—ихъ жилище. Полина удвоила шагу.

— Постой, не бѣги, хуже устанешь, сказала Анна Ѳедоровна: — еще надо ѣсть купить. Я возьму чаю; чего хочешь еще, колбасы или сыру? Зайдемъ, выбери сама.

И она направилась въ другой переулокъ, гдѣ издали пестрѣла вывѣска мелочной лавочки. Но именно этимъ предложеніемъ, хотя сдѣланнымъ съ заботой и лаской, Анна Ѳедоровна менѣе всего могла удерживать дочь свою. Полина умчалась какъ вихрь, оставя ее одну на перекрестѣ.

— Обвѣшается калачами да колбасами и хочетъ, чтобъ я съ нею по улицѣ шла! проговорила съ негодованіемъ дѣвушка.

Въ глухомъ переулкѣ съ ней не могъ встрѣтиться никто, передъ кѣмъ можно было бы сконфузиться этой ноши: прохожихъ не было ни одного, выбѣжала одна маленькая дворняшка, и то хозяйская, которая примчалась къ Полинѣ, неизвѣстно чему обрадовавшись, и неизвѣстно почему получившая за свою радость порядочный ударъ зонтикомъ по головѣ.

Полина вбѣжала по лѣстницѣ на верхъ въ свою квартиру; дверь была заперта. Молодая дѣвушка принялась стучать въ нее изо всей силы, такъ что изорвала въ концѣ свои перчатки.

— Спитъ, что ли? проговорила она въ нетерпѣніи:—отворите! Эй, папенька, да отворите же! Что это такое! отворите!

— Это вы, барышня? сказала появляясь внизу лѣстницы хозяйка, мѣщанка, женщина лѣтъ тридцати, немного худая, съ блѣднымъ и кроткимъ лицомъ.—Вы бы ко мнѣ зашли, сударыня, ключъ у меня; вѣдь папеньки вашего нѣтъ, извольте знать.

— Дай же ключъ! закричала Полина.

Хозяйка вышла и воротилась съ ключомъ.

— Извините, милая барышня, если у васъ такъ не все

Digitized by Google

рано, я одна дома, работницу отпустила на праздникъ, мужъ сидитъ въ лавкѣ, а я сегодня все хвораю.

Полина, не дослушавъ, вошла къ себѣ.

Ихъ квартира состояла изъ прихожей и трехъ комнатъ, маленькихъ, но теплыхъ и удобныхъ; онѣ бы могли казаться даже красивыми, еслибъ ихъ жилицы заботились объ этомъ, содержали ихъ въ порядкѣ: еслибы въ нихъ былъ признакъ жилья и занятія. Но мебель была сдвинута кое-какъ, стекла оконъ потускнѣли отъ пыли и табачной копоти; на полкѣ прихожей валялись корки хлѣба вмѣстѣ съ салными огарками; чашки и тарелки стояли неубранныя на буфетномъ шкапѣ, въ которомъ должны были помѣщаться; въ самой маленькой комнатѣ, помѣщеніи г. Абарова, не было ничего кромѣ низкой, деревянной койки, съ тюфякомъ и подушкой; въ другой комнатѣ, побольше, служившей спальнею дамъ, постели были не убраны, по стульямъ разбросано старое платье и бѣлье, которое, казалось, ничего бы не значило запереть въ прочный комодъ и шкапъ, поставленные не уютно, не на мѣстѣ.

Полина вбѣжала въ эту комнату, сбросила шляпку и сама упала на постель.

— Боже мой, что за гадость! сказала она, оглядываясь на окружавшіе ее предметы.

Вдругъ ее что-то поразило. Глазами, помутившимися отъ усталости, смотрѣла она гвозди, вбитые въ стѣну, въ углѣ. На этихъ гвоздяхъ, сколько помнила она, уходя изъ дома три дня назадъ, висѣли шубы и платье; теперь ихъ не было. Полина вскочила и бросилась къ шкапу, онъ былъ пустъ; она почти машинально, хотя стремительно, отодвинула одинъ за другимъ всѣ три ящика комода: тамъ не было бѣлья, оставались однѣ старыя тряпки, старыя перчатки, сжатыя въ клубокъ, и цѣлое облако лентъ да смятыхъ, и выглаженныхъ тюлевыхъ рукавовъ и воротничковъ, которые Полина въ смятеніи выкинула на полъ.

— Хозяйка! Авдотья! закричала она стуча ногами и заметавшись по комнатѣ: — хозяйка! повторила она, выбѣжавъ на лѣстницу.

Хозяйка всходила по ней.

— Что такое, смотри, смотри, воры были! воры были! кричала Полина, втолкивая ее въ комнату: — ничего нѣтъ! Кто унесъ?—шубы, платье, серьги мои, вотъ, тутъ, изъ ящика? куда все пропало? Да знаешь ли ты, что за пропажу у тебя

Digitized by Google

въ домѣ... знаешь ли, что тебѣ будетъ и мужу твоему? гдѣ онъ? кому все продали?

— Барышня, милая, Господь съ вами! прервала хозяйка, менѣе обиженная нежели удивленная:—за что вы на насъ такъ? Вы сами знаете, что вашъ папенька все изволилъ взять, что же вы спрашиваете?

— Какъ папенька, когда?

— Да еще четвертаго дня, что у насъ сегодня? суббота... Ну, вотъ-съ, въ среду, какъ вы съ маменькой изволили уйдти, вашъ папенька въ должность свою ходилъ, отставку получать...

— Полюбуйтесь, порадуйтесь! вскричала Полина, увидя Анну Ѳедоровну, входящую съ калачами и покупками:—вотъ, бѣгайте еще изъ дома по цѣлымъ днямъ, насъ обокрали!

Полина убѣжала въ свою комнату, бросилась на постель и принялась рыдать.

— Что такое случилось? спросила Анна Ѳедоровна оторопѣвъ.

— Какъ же матушка, отвѣчала хозяйка:—барышня гнѣвается, пожитковъ своихъ хватилась, что нѣтъ ничего. А вашъ супругъ, въ среду, безъ васъ домой воротились, сказали намъ, что совсѣмъ отставку изъ своей должности получили, бумагу мнѣ съ мужемъ показывали, видъ свой, потомъ приказали позвать оцѣнщика и квартальнаго, взяли тутъ, дай Богъ память, что они взяли... да, взяли двѣ ваши шубки, да три платья шелковыя, четвертое муслиновое, сережки, это я помню... шаль еще вашу, сударыня, да сколько-то бѣлья, да еще...

— Ну что же онъ сдѣлалъ съ этимъ, что сдѣлалъ-то? вскричала Анна Ѳедоровна.

— Да вы неизвольте на насъ гнѣваться, сударыня. Мы что же тутъ, люди посторонніе. Супругъ вашъ сказывалъ, что это все съ вашей воли, что вы сами приказывали продать. Они это все оцѣнили, приказали въ узлы связать, мой мужъ самъ къ Сухаревой башнѣ свезъ, все тамъ и продалъ, а деньги вашему супругу вручилъ. Вашъ супругъ говорилъ, это вамъ больше не нужно. Я, говоритъ, съѣзжаю; за квартиру вамъ (намъ то-есть) уплачено. Оно и точно, сударыня, какъ вамъ извѣстно, до новаго года впередъ за квартиру мы отъ графа Александра Дмитріевича получили, мы довольны.

— Да мужъ-то мой куда дѣвался? вскричала Анна Ѳедоровна.

— Вы вѣдь знаете, сударыня, они уѣхали.

— Куда уѣхали?

Digitized by Google

— Они говорили вы знаете, сударыня.

— Ничего я не знаю! Воръ, мошенникъ, онъ меня ограбилъ да бѣжалъ! Куда онъ бѣжалъ?

— Какъ это мнѣ васъ жаль, сударыня, послѣ этого.

— Что тебѣ жалѣть! вскричала съ неистовствомъ Анна Ѳедоровна:—сами вы съ мужемъ твоимъ ему помогли, небось, руки погрѣли. Да я жаловаться буду! Я сейчасъ къ генералъ-губернатору пойду! Мошенники, мерзавцы! безъ рубашки оставили!.. Куда онъ бѣжалъ?

— Говорилъ, я слышала, въ деревню или въ губернію; за нимъ заѣзжалъ въ тарантасѣ баринъ, съ усами длинными. Онъ тутъ безъ васъ къ супругу вашему хаживалъ.

— Пьянствовали вмѣстѣ? Я къ генералъ-губернатору сейчасъ пойду! Вы, голубушка, съ мужемъ вашимъ намъ поплатитесь! Въ вашемъ домѣ воруютъ, грабятъ, пьянствуютъ! У васъ благородную даму до нитки обобрали... Хорошо, матушка! я къ оберъ-полицеймейстеру пойду, я такъ не оставлю! Вы у меня въ Сибири сгніете!

Анна Ѳедоровна готовилась спуститься съ лѣстницы; по ней въ эту минуту поднимался хозяинъ.

— Дунюшка, сказалъ онъ женѣ:—ты здѣсь? А, вы, сударыня, изволили воротиться. Сожитель вашъ, сударыня, съѣхали.

— Ступай сюда! закричала Анна Ѳедоровна:—какъ ты смѣлъ мои вещи продавать? Какъ ты смѣлъ, мошенникъ, воръ? Ты у себя притонъ резбойничій держишь? а? Какъ ты смѣлъ благородную даму... Вотъ, жена твоя, такая же мерзавка.

Хозяйка давно плакала.

— Что вы, сударыня, изволите кричать? возразилъ хозяинъ: —я вамъ ее обижать не позволю. Что вы вашу храбрость показываете? Я самъ человѣкъ свободный, управу найду. Извольте къ генералъ-губернатору идти, я къ нему прежде васъ пойду. Здѣсь оцѣнщикъ былъ, здѣсь господинъ квартальный-надзиратель былъ; при немъ вашъ супругъ говорилъ, что вы сами велѣли, а то бы я не взялся. У меня расписка отъ торговца есть, что онъ ваши вещи купилъ; у меня отъ вашего супруга росписка есть, что я ему сполна всю сумму предоставилъ. Мы отъ вашего тряпья не пользовались.

— Тряпье? Какъ ты смѣешь говорить: тряпье? Да знаешь ли ты?

— Я ничего и знать не хочу, возразилъ мѣщанинъ, съ холоднымъ и полнымъ достоинства гнѣвомъ, какой бываетъ у

Digitized by Google

честныхъ простыхъ людей.—Пойдемъ отсюда, Дунюшка. Вы, сударыня, ругательница; я сейчасъ, вотъ, пойду къ его сіятельству, графу Александру Дмитричу, возвращу ему деньги за квартиру и попрошу, чтобы приказали вамъ съѣхать. Мы такихъ необразованныхъ, какъ вы, держать не намѣрены, сударыня. Намъ дороги не деньги, дорогъ постоялецъ, а такихъ, какъ вы, я еще родясь не видалъ. И повѣрить нельзя послѣ этого, чтобы въ знатныхъ домахъ знакомства имѣли; такъ, Богъ васъ знаетъ, гдѣ и скаетесь.

Анна Ѳедоровна задохнулась и не могла выговорить слова. Хозяинъ тяжелымъ шагомъ спускался съ лѣстницы.

— Ступай со мной, Дунюшка, нечего тебѣ въ этой компаніи дѣлать!

— Ахъ, матушка! сказала хозяйка—простите великодушно, письмо къ вамъ отъ его сіятельства, Александра Дмитрича; я ужъ испугалась, чуть не забыла; вчера сами изволили утромъ зайдзжать, вамъ отдать приказывали.

— А ты утащить хотѣла, ты утащить хотѣла! закричала Анна Ѳедоровна, вырывая у нея изъ рукъ письмо:—мужичье племя! Вонъ съ моихъ глазъ! вонъ, покуда я тебя...

— А что ты ей смѣешь сдѣлать? отозвался хозяинъ, съ лѣстницы:—поди сюда, Дунюшка! Ну-ка, попробуй, тронь... Эхъ, еще называется барыня!... Идя, что ли, Авдотья!

Хозяйка ушла. Анна Ѳедоровна осталась одна, среди разрушенія и запустѣнія. Изъ другой комнаты слышались вскрикиванія Полины, съ которой было что-то въ родѣ истерическаго припадка.

— Матушка, уймись сдѣлай милость, хоть ты-то! сказала ей мать, въ которой, въ эту минуту, гнѣвъ и затруднительность положенія заглушили всякое другое чувство

Невозможно и не должно полагать, чтобы нервическое раздраженіе Полины было вызвано, кромѣ потери нарядовъ, чѣмъ-нибудь другимъ,—внезапною разлукой съ отцомъ, неизвѣстностью о его участи, или грубыми словами хозяина. Какъ дѣвушка, воспитанная нѣжно, и проводящая большую часть жизни въ высшемъ обществѣ, Полина презирала невѣжественный, необразованный классъ. Своя собственная бѣдность казалась ей несправедливостью судьбы, состояніемъ переходнымъ, бѣдность этого класса — уродствомъ, къ которому невозможно имѣть другаго чувства, кромѣ отвращенія. Хозяинъ и хозяйка

Digitized by Google

были ей такъ же противны какъ ихъ дворняшка; ихъ слова имѣли для нея значеніе лая этой дворняшки. Полина слышала, какъ хозяинъ пригрозилъ, что заставитъ ихъ съѣхать съ квартиры, но это дѣло маменьки, а не ея; и хотя бы и съѣхать, Полина такъ привыкла къ кочующей жизни, что это ея не тревожило. Она бы сейчасъ ушла къ Mme Мороновой, къ Mme Гусицкой, къ Mme Алексинской, чтобы доказать этой дряни-мѣщанамъ, что не нуждается въ нихъ. Она не понимала, какъ мать ея, въ отвѣтъ на дерзости, сейчасъ не надѣла шляпки, чтобъ уйдти. Она была сердита, что мать ея, по крайней мѣрѣ, не разбранила хозяина за его дерзости. Объ отцѣ она тревожилась еще менѣе: она о немъ вовсе не думала. Господинъ Абаровъ считался женой и дочерью не болѣе какъ грязнымъ животнымъ, живущимъ съ ними подъ одною кровлей; онѣ никогда не дѣлили съ нимъ ни трапезы, ни бесѣды, и не найдти его въ углу, гдѣ онъ обыкновенно сидѣлъ и курилъ молча,— была почти радость. Полинѣ первое пришло въ голову, что теперь не нужно больше провѣтривать мантильи и платья отъ ѣдкаго табачнаго запаха, который даже замѣтили княжны Ручневы, но вспомнивъ о своей исчезнувшей мантильѣ изъ чернаго пу-де-суа съ бахрамой, она залилась новыми горькими слезами.

Анна Ѳедоровна машинально собирала съ пола воротнички, а со стульевъ старыя платья и бранилась.

— Вотъ, не ждали! что же это будетъ? Извергъ, воръ, мошенникъ! Жену, дочь родную по міру пустилъ!

Ихъ раздраженіе происходило отчасти отъ голода, потому что онѣ не ѣли съ утра, съ тартинокъ и чая княгини Десятовой, и имъ пришлось бы еще голодать, если бы хозяинъ не любилъ своей хозяйки. Снисходя къ ея просьбамъ, онъ велѣлъ воротившейся работницѣ согрѣть самоваръ и отнести его на верхъ, къ постояльцамъ. Стукъ башмаковъ работницы и шипѣніе самовара въ прихожей какъ-то пріятно послышались среди плача и брани. Анна Ѳедоровна оживилась, и хотя злоба ея продолжала кипѣть, но пробужденіе аппетита и возможность сейчасъ удовлетворить его сдѣлали ее какъ будто человѣчнѣе.

— Вставай, Поля, съѣшь что-нибудь, сказала она безъ ласки, но уже безъ злости, являясь передъ Полиной съ ручкой калача, которую отломила, заваривая чай:—мягкій, да никакъ еще теплый. Колбаса славная.

Digitized by Google

Полина встала, молча, и, по привычкѣ благовоспитанной дѣвицы, отправилась къ зеркалу, поправить свои волосы. Ея щетки, гребенки, скляночка бандолины и рисовая пудра съ лебяжею подушечкой остались неприкосновенными въ ящикѣ маленькаго туалета. Мать ѣла, переходя изъ комнаты въ комнату, въ ожиданіи, когда дочь окончитъ свое занятіе.

Полина, наконецъ, вышла изъ своей комнаты и помѣстилась у стола, на которомъ, безъ скатерти и подноса, стояли двѣ чашки и самоваръ и лежали съѣстные припасы, въ оберточной бумагѣ, какъ были принесены изъ лавки.

— Что̀ за гадость, сказала Полина:—да вы хоть-бы салфетку подостлали.

— Видно тебѣ ѣсть не хочется, возразила мать:—поди принеси.

— Почемъ же я знаю, гдѣ онѣ лежатъ! Развѣ это мое дѣло? Да тамъ, можетъ-быть, ужь и нѣтъ ихъ.

Послѣднее замѣчаніе заставило Анну Ѳедоровну стремительно броситься къ комоду. Салфетки были тамъ, но онѣ были или измяты, или изорваны, или грязны, и почтенная дама долго выбирала, не рѣшаясь, которую взять. Считать ихъ она не думала, потому что никогда не знала имъ счета.

— Дайте же чаю! закричала ей Полина.

— Налей сама, матушка; вѣдь онъ передъ тобой стоитъ, отвѣчала Анна Ѳедоровна, соображая предъ открытымъ комодомъ, не должно ли было лежать тамъ еще что-нибудь, о чемъ она не помнила, и что̀ также могло быть похищено.

— Ахъ, какая тоска! да идите же, сказала Полина:—что̀ я тутъ буду дѣлать? самоваръ брызжетъ, я всѣ руки сожгу.

Анна Ѳедоровна поспѣшила ее успокоить. Молодая дѣвушка пила и ѣла съ внутреннимъ удовольствіемъ и видимымъ отвращеніемъ. Прекрасный чай, котораго нѣсколько щепотокъ Анна Ѳедоровна купила нарочно дорого, чтобы вознаградить свою Полину за голодъ цѣлаго дня, Полина назвала аптечною травой, а за второю чашкой увѣряла положительно, что это иванъ-чай, который преслѣдуется полиціей.

— На тебя не угодишь. Дурно, такъ не пей, сказала Анна Ѳедоровна съ нетерпѣніемъ.

— Боже мой, Господи! за что̀ я такая несчастная? вскричала Полина:—отецъ унесъ послѣднюю юпку, мать...

— Мать что̀? прервала Анна Ѳедоровна: — неблагодарная!

Digitized by Google

развѣ я за тебя душу свою не отдаю? Для кого я по чужимъ домамъ побираюсь?

— Для своего удовольствія, сказала Полина.

— Для удовольствія? Ахъ ты злое созданіе! Весело мнѣ, пріятно мнѣ всякому кланяться, чтобы тебя считали за что-нибудь? угождать? Я у *нихъ* на посылкахъ, а ты—барышня! Я горничнымъ, лакеямъ кланяюсь, чтобы тебѣ какую-нибудь тряпку твою выгладили, за обѣдомъ тебя блюдами не обносили... Я за тобой сама, какъ дѣвка, не ухаживаю? Для своего удовольствія я это дѣлаю, видите ли! Господи! да если бы для себя, я бы давно бросила все на свѣтѣ, въ келью бы какую-нибудь заперлась.

Полина засмѣялась.

— Да, въ какую-нибудь, только не въ монастырскую, прервала она, отрѣзавъ кусочекъ колбасы и очищая его своими длинными ногтями:—что за гадость! да дайте же салфетку, или у васъ нѣтъ ее? Куда вамъ въ келью; вамъ и ералашъ надобно, и Поль-де-Кока надобно; а на дешевомъ товарѣ кто же безъ васъ будетъ княгинѣ Катеринѣ Петровнѣ лоскуты пріискивать?

— Послушай, Павла Егоровна, вскричала мать внѣ себя:—ступай куда хочешь!

— Ну, что же? возразила дѣвушка, вспыхнувъ и сверкая своими зелеными глазами:—неужели вы думаете, что я безъ васъ пропаду? У меня есть знакомства, есть друзья; такія хорошенькія, какъ я, не пропадаютъ!

— Господи! Да понимаешь ли ты что говоришь? вскричала Анна Ѳедоровна.

— Понимаю, отвѣчала Полина. Что же мнѣ спину гнуть за пяльцами? Вотъ, у Фосса пять рублей мнѣ дали за коврикъ, а я полгода за нимъ сидѣла! Что же, мои сверстницы, потому что онѣ графини, да княжны, безобразныя, глупѣе меня, ловкія потому только, что на нихъ корсеты Жосслень съ подушками,—онѣ будутъ нарядны, будутъ нѣжиться, веселиться, выѣзжать, а я развѣ этого не стою? Развѣ я этого не хочу? Развѣ я живу? Я должна трудиться день и ночь, чтобъ у меня былъ едва хлѣбъ насущный! Да меня не выучили трудиться! Да я не хочу трудиться! Меня никто не смѣетъ заставить трудиться! Довольно мнѣ того, что я хороша!

— Господи Боже мой! повторила Анна Ѳедоровна:—сума-

Digitized by Google

шедшая, гдѣ ты набралась такихъ понятій, гдѣ ты слышала...

Полина засмѣялась.

— Въ благородныхъ, великосвѣтскихъ, благочестивыхъ мѣстахъ, тамъ, куда вы водили меня, милая маменька, отвѣчала она.—Развѣ я ребенокъ? развѣ я даромъ знаю исторію цѣлой Москвы? Съ вами-то что, что вы сегодня такъ усѣлись на добродѣтель? Хороша добродѣтель! Что, по вашему, тоже добродѣтель, Катерина Александровна Алексинская? А развѣ я хуже Катерины Александровны Алексинской, какъ вы думаете?

— Сумашедшая ты, вотъ что я думаю, отвѣчала мать:— ты меня въ гробъ положишь.

Полина чуть замѣтно улыбнулась по-своему и замолчала. Анна Ѳедоровна замолчала тоже, усѣвшись у окна: она плакала. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Что же, вы не будете убирать это? спросила Полина, указывая на чашки и прочее.

Анна Ѳедоровна встала молча и стала сбирать со стола. Подъ свертками ей попалось письмо графа Александра Дмитріевича Сѣницкаго, забытое среди всѣхъ сценъ и суматохъ. Она распечатала его.

— Поленька, деньги! вскричала она вдругъ, съ неизобразимою радостію.

— Деньги? сколько? вскричала дѣвушка, подбѣгая.

— Постой... двадцать пять рублей... Старый шутъ, чтобы ужь стоило прислать пятьдесятъ!

Дочь не сказала этого, но схватила ассигнацію. Можно почти навѣрное опредѣлить свойства людей по движеніямъ, съ которыми они берутся за деньги.

Графъ Александръ Дмитріевичъ Сѣницкій былъ превосходный человѣкъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ когда-то очень богатъ, но отдѣливъ состояніе своимъ двумъ сыновьямъ, оставилъ себѣ только третью часть и всю проживалъ ее на добро другимъ. Не было ни одного истинно-полезнаго благотворительнаго предпріятія, въ которомъ бы онъ не участвовалъ; своими совѣтами, заступничествомъ, помощью, онъ дѣлалъ столько добра, что, наконецъ, стало невозможно скрывать его: шестидесятилѣтняго, уже болѣзненнаго старика, встрѣчали на лѣстницахъ чердаковъ, куда онъ взбирался навѣщать бѣдныхъ. Его внимательность доходила до мелочей: въ больницы онъ возилъ книги и часто самъ читалъ выздоравливающимъ. Читать вслухъ была его маленькая страсть, достав-

Digitized by Google

лаешая, впрочемъ, другимъ большое удовольствіе: въ молодости графъ, изящный красавецъ, славился декламаціей, которой учился. Онъ былъ европейски образованъ, и отъ старинnаго склада воспитанія сохранилъ ту особенную мягкость, которая непріятна въ людяхъ отсталыхъ, но придаетъ какую-то граціозность и доброту понятіямъ людей, слѣдующихъ за современнымъ движеніемъ. Графъ, читая много и безпрестанно, безъ привязанности къ старымъ или успокоивающимъ авторитетамъ, знакомый и съ лицевою стороной и съ изнанкой общества, конечно не могъ быть человѣкомъ отсталымъ. Лицевая сторона общества, его «кругъ», находила его человѣкомъ «нѣсколько страннымъ», и объясняла его «филантропическія фантазіи» прихотью старости, или «стараніемъ заслужить свои грѣхи». Этотъ кругъ, однако, почему-то его боялся, хотя отъ графа никто не слыхалъ желчнаго или рѣзкаго слова. Сыновья были имъ положительно недовольны, говоря, что онъ сдѣлалъ ихъ нищими.

Въ своемъ письмѣ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, писанномъ по-французски, гладкимъ слогомъ и немного кудрявымъ, но красивымъ, еще твердымъ почеркомъ (этотъ слогъ и почеркъ былъ до такой степени привычками графа, что онъ считалъ ихъ обязанностію), графъ увѣдомлялъ ее, что нашелъ случай устроить Полину: ей предлагали мѣсто гувернантки, двухъ дѣвочекъ лѣтъ семи и восьми, съ тремя-стами рублей жалованья — «Я знаю даму, которая желаетъ имѣть нашу милую Полину, писалъ графъ, и увѣренъ, что Полина найдетъ въ ней друга. Къ Полинѣ расположены заранѣе: ея обязанности не будутъ затруднительны и еще менѣе не пріятны; у нея будетъ много свободнаго времени и чтенія, и она можетъ дополнить свое собственное образованіе. Эта дама живетъ въ Кіевской губерніи; наша малютка разцвѣтетъ и похорошѣетъ въ прекрасномъ климатѣ. Я знаю, милая Анна Ѳедоровна, какъ вамъ тяжело разстаться съ нею, но принесите эту жертву для нея самой: и притомъ разлука будетъ недолгая: зимой, онѣ пріѣдутъ въ Москву непремѣнно. Дайте мнѣ отвѣтъ не позднѣе двухъ дней...»

— Э, старый дуралей! вскричала Анна Ѳедоровна, бросая письмо.

Полина ничего не сказала; онѣ разошлись, каждая къ своему окну, и нѣсколько времени не говорили ни слова. Ни та, ни другая, однако, не размышляли; обѣ были взволнованы

Digitized by Google

и считали себя обиженными, сами не понимая, чѣмъ именно. Для того чтобъ объяснить самимъ себѣ свои чуветва, имъ было необходимо заговорить между собою, и, въ разговорѣ, отыскать предлогъ своей досадѣ. Печаль о пропажѣ, устройство Полины, злость на нее, и вдругъ явившаяся возможность разлуки, которой дочь такъ сильно желала, эта возможность разлуки, вдругъ разбудившая въ матери порывистое чувство нѣжности, странно, отчаянно смѣшанное съ злобой,—все это мучило мать... А Полина такъ рада уйдти, такъ рада бросить мать... Что̀ съ ней тамъ будетъ?..

— Что̀ же, сказала Анна Ѳедоровна, вдругъ прерывая молчаніе, и говоря именно не то, что̀ думала, противорѣча себѣ, потому что мучилась.—Ты хотѣла изъ дома бѣжать: вотъ тебѣ случай. И деньги есть; кое-что сошьешь себѣ необходимое на первый разъ. Съ Богомъ.

— Очень вамъ благодарна, отвѣчала сквозь зубы Полина, глядя въ окно.

— Что̀?

— То, что̀ я съ ума не сошла и сойдти не желаю, и въ гувернантки не пойду... Боже мой, и теперь ни одной минуты удовольствія, отдыха, свободы, а тамъ мученье съ этими проклятыми дѣтьми, съ маменькой, которая будетъ меня третировать какъ горничную... горничныя будутъ меня звать мамзелью... Итакъ, я лучшіе годы, — пятнадцать, шестнадцать, семьнадцать лѣтъ, просидѣла за книгами... довольно! Разъ пойдти въ гувернантки, это значитъ на всю жизнь, не развяжешься... Легко говорить тѣмъ, кто обезпеченъ: «une position honorable...» Honorable! Ни уснуть, ни встать покойно... ни смѣха, ни забавы... цѣпь надѣть...

Полина зарыдала, почти разорвала свое платье, разстегивая его на груди, выбѣжала въ свою комнату и бросилась на постель.

— Ты сумашедшая, сказала мать, слѣдуя за нею: — кто жь тебя посылаетъ? Опомнись, Поля, Богъ съ тобой, Поля! полно, милая, ради самаго Бога, полно... Господи, да развѣ я тоже не мать, какъ эти важныя проклятыя дуры! развѣ мнѣ мой ребенокъ не дорогъ, что я отдамъ его имъ на мученье?.. Поля, перестань плакать, ты меня уморишь!

Полина встала, шатаясь. Мать раздѣла ее, приготовила постель, и уложила; все это сопровождалось ласками и поцѣлуями, на которые дѣвушка не отвѣчала. Анна Ѳедоровна убрала

Digitized by Google

комнату, на сколько это было необходимо, чтобы можно было пройдти въ ней, зажгла огонь, потому что было уже темно, и спросила Полину, не нужно ли ей чего-нибудь.

— Ничего, проговорила та первое слово въ теченіе цѣлаго часа, и отвернулась отъ свѣчки.

— Хочешь, я тебѣ почитаю что-нибудь?.. Не плачь, не пущу въ гувернантки.

— Я и сама не пойду; я сказала.

— Красота моя!

— Я знаю, что я хороша.

— Не плачь... Ну, что̀, вздоръ: три платьица пропали; лучше будутъ.

— Знаю. И тридцать ихъ будетъ... Примите свѣчку.

— Что̀ жь, почитать тебѣ? Спать еще рано.

— Читайте, если хотите.

Анна Ѳедоровна собрала всѣ огарки, валявшіеся въ прихожей, и усѣлась читать дочери французскій романъ, нельзя сказать, чтобы нравственный. Дурное расположеніе духа Полины разсѣялось, и она посмѣивалась вмѣстѣ съ матерью, любуясь своими бѣлыми ручками, и ихъ граціозною тѣнью на стѣнѣ.

Анна Ѳедоровна глядѣла на эту тѣнь и на эти ручки, и вдругъ задумалась. На ея лицѣ выразился сначала ужасъ, что-то похожее на негодованіе, потомъ какое-то тупое недоумѣніе, безконечное горе... Она оглянулась на всю эту бѣдную, раззоренную комнату, и опять устремила глаза на дочь. Теперь въ ея взглядѣ была рѣшительность, радость похожая на отчаяніе, — и все это постепенно, тихо, среди раздумья, замѣнилосьулыбкой, лукавою, почти веселою, но странною, какъ-будто стыдящеюся самой себя...

— Пора спать, Поля, сказала вдругъ Анна Ѳедоровна загашая свѣчку, и легла.

Но, несмотря на утомленіе, она не спала долго, и часто принималась плакать. Полина ничего не слышала.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Крестовскій.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ

Статья Г. Г. Льюиса (1)

I.

Пойдемте со мною, и съ любовію всмотримся въ природу, дышащую, трепещущую, дѣйствующую вокругъ насъ въ міріадахъ органическихъ формъ, не замѣчаемыхъ, не подозрѣваемыхъ, не удостаиваемыхъ вниманія большинствомъ людей. Пойдемъ ли мы черезъ лѣса и луга, черезъ сады и поля, черезъ высокіе холмы и широкія равнины, вдоль тихихъ рѣчекъ, вьющихся въ кустарникахъ, или по опаснымъ рифамъ вдоль бурнаго моря, въ глубокія влажныя пещеры или на скользкія вершины, все равно: вездѣ, и въ воздухѣ надъ нами, и на землѣ у нашихъ ногъ, и въ водахъ подъ землею, мы будемъ окружены жизнію. Отведите на время ваши взоры отъ міра нашей человѣческой жизни, съ его безконечною тревогой, съ его мучительною, но высокою тоской, съ его сознательнымъ несовер-

(1) Г. Льюисъ, авторъ превосходнаго труда о жизни и сочиненіяхъ Гете, равно оцѣненнаго въ Англіи и Германіи, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ натуралистовъ и писателей нынѣшней Англіи. Съ глубокими свѣдѣніями по естественнымъ наукамъ онъ соединяетъ обширное образованіе и блестящій даръ изложенія. Предлагаемая статья, только что появившаяся въ подлинникѣ, составляетъ особое небольшое цѣлое и будетъ распредѣлена нами на нѣсколько книжекъ нашего журнала. *Ред.*

Digitized by Google

ществомъ, стремящимся къ высшимъ предѣламъ, и вглядитесь въ спокойную дѣятельность этого другаго міра, такъ тѣсно, такъ таинственно связаннаго съ нами.

«Человѣкъ есть достойнѣйшій предметъ изученія для человѣчества!» воскликните вы, и я не стану увѣрять васъ, какъ то готовы сдѣлать нѣкоторые фанатики-натуралисты, что «достойнѣйшій предметъ изученія для человѣчества есть клѣточка»; но, соглашаясь съ вами, что высшая задача для человѣка есть знаніе человѣка, я хотѣлъ бы убѣдить васъ, что рядомъ съ нею есть и другія задачи, и что ихъ разрѣшеніемъ не слѣдуетъ пренебрегать. Самъ человѣкъ недостаточно извѣданъ потому, что недостаточно извѣданы общіе законы жизни. Его органическая жизнь составляетъ лишь высшую задачу біологіи, науки о жизни, точно такъ же какъ онъ самъ составляетъ лишь вѣнецъ животнаго царства.

Итакъ, мы теперь займемся жизнію вообще, и въ особенности тѣми темными, мелкими проявленіями ея, которыя рѣдко привлекаютъ вниманіе непосвященнаго. Въ воздухѣ, которымъ мы дышимъ, въ водѣ, которую пьемъ, въ землѣ, по которой ступаемъ,—вездѣ скрывается жизнь. Природа живетъ. Жизнь бьетъ ключомъ изъ всѣхъ ея поръ, каждая смерть—рожденіе, каждая могила—колыбель. И обо всемъ этомъ мы знаемъ такъ мало, такъ безконечно мало! Вокругъ насъ, надъ нами, подъ нами разыгрывается великая, таинственная драма творенія, и мы даже не потрудимся быть ея зрителями! Какъ только животное не приноситъ намъ ни очевидной пользы, ни яснаго вреда, мы и не смотримъ на него. А между тѣмъ каждое изъ нихъ намъ не чуждо, каждое сродни намъ. Жизнь, кипящая въ насъ, кипитъ и въ нихъ. И мы, и они лишь части всеобъемлющаго цѣлаго. При этой мысли, завѣса падаетъ съ нашихъ глазъ: словно намъ дается новое чувство; мы научаемся смотрѣть на природу болѣе глубокимъ, болѣе сочувственнымъ взглядомъ.

Жизнь вездѣ! Воздухъ наполненъ птицами, легкими, нѣжными, чуткими птицами, которыхъ жизнь проходитъ въ тревожномъ трепетѣ, трепетѣ любви. Онъ кишитъ насѣкомыми, этими мелкими чудесами созданія. Воды населены безчисленными организмами, начиная отъ инфузоріи, до того малыхъ, что сто пятьдесятъ милліоновъ ихъ не вѣсили бы грана, и кончая китомъ, до того великимъ, что онъ кажется островомъ, когда спитъ на волнахъ. Дно морей кишитъ полипами,

Digitized by Google

раками, морскими звѣздами, безчисленными, какъ песчинки, раковинками. Шероховатая поверхность утесовъ изрыта медленно подтачивающими ихъ мягкотѣлыми животными; она темнѣетъ отъ безчисленныхъ улитокъ и раковинъ.

Жизнь вездѣ! И на землѣ и подъ землею, роятся, ползаютъ, бѣгаютъ, плетутся и копаются живыя существа. Заманитъ ли насъ свѣжая тишина лѣса въ его подвижную тѣнь, насъ встрѣтитъ звенящее жужжанье насѣкомыхъ, чириканье птицъ, быстрый шорохъ отъ побѣга невидимыхъ звѣрковъ, и скажетъ намъ, какъ населено это уединеніе. Остановимся ли мы передъ деревомъ, кустомъ или травкой, нашему бѣглому, разсѣянному взгляду представится цѣлая колонія разнообразныхъ существъ. Сорвемъ ли мы цвѣтокъ, въ его нѣжной серединкѣ мы увидимъ красивое насѣкомое, занятое своею урочною работою. Поднимемъ ли мы упавшій листокъ, мы почти всегда найдемъ въ немъ личинку какого-нибудь насѣкомаго, ожидающую, подъ покровомъ его тканей, своего полнаго развитія. Капля росы, дрожащая на этомъ листѣ, вѣроятно также содержитъ животныхъ, которыхъ мы увидимъ подъ микроскопомъ. Тотъ же микроскопъ покажетъ намъ, что такъ-называемый *кровавый дождь*, иногда внезапно появляющійся на хлѣбѣ, и возбуждающій суевѣрный страхъ, не что иное, какъ накопленіе мельчайшихъ животныхъ (Monas prodigiosa), и что широкія полосы снѣга, иногда въ одну ночь дѣлающіяся багровыми, обязаны своимъ цвѣтомъ мелкому растеньицу (Protococcus nivalis). Самая плесень, покрывающая нашъ хлѣбъ, нашъ сыръ, наши чернила, или испещряющая сырыя стѣны, не что иное, какъ накопленіе растеньицъ. Разноцвѣтное пламя, брызжущее изъ волнъ южнаго моря, когда ихъ разсѣкаетъ корабль, или капающее съ веселъ алмазными нитками, происходитъ отъ милліоновъ живыхъ инфузорій.

И тѣмъ не ограничивается роль жизни. Самая почва, на которой мы стоимъ, произведеніе жизни. Погибшія животныя и растенія участвовали въ постройкѣ этой твердой коры нашей планеты (1). Копая глубоко, на тысячи футовъ подъ земною поверхностью, мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ кости странныхъ неуклюжихъ животныхъ, бродившихъ по болотамъ и лѣ-

(1) См. Ehrenberg. *Microgeologie: das Erden und Felsen schaffende Wirken des unsichtbar kleinen selbstständigen Lebens auf der Erde.* 1854.

Digitized by Google

сан, прежде чѣмъ появился на землѣ человѣкъ. Наше удивленіе усиливается, когда мы узнаемъ, что самый известнякъ главнымъ образомъ состоитъ изъ скелетовъ микроскопическихъ животныхъ; что булыжникъ, скрипящій подъ нашими колесами, есть сростокъ безчисленныхъ скелетовъ. Апеннины и Кордильеры, и меловые утесы, такъ дорогіе взору англійскаго моряка, возвращающагося на родину,—суть мавзолеи погибшихъ невидимыхъ поколѣній. Милліоны лѣтъ тому назадъ, эти нѣжные зодчіе слагали тонкія скорлупки, служившія имъ жилищемъ; и изъ остатковъ этихъ жилищъ мы строимъ свои Парѳеноны, свои базилики, свои Лувры. Такъ движется широкій круговоротъ жизни. Поколѣніе смѣняется поколѣніемъ; настоящее дѣлается матеріяломъ будущаго, какъ прошедшее служило матеріяломъ настоящему. Жизнь каждой эпохи — зачатокъ жизни высшей.

Обозрѣвъ такимъ образомъ воздухъ, землю и воду, и нашедши вездѣ избытокъ жизненныхъ формъ, видимыхъ и невидимыхъ, мы могли бы подумать, что обзоръ нашъ полонъ. Но не тутъ-то было. И въ самой жизни гнѣздится жизнь. Тѣла животныхъ суть маленькіе міры, населенные своими собственными животными и растеніями. Одинъ ученый Французъ издалъ толстый томъ in octavo, посвященный описанію и классификаціи растеній, развивающихся на человѣкѣ и на животныхъ (1), и многіе германскіе изслѣдователи занимались описаніемъ безконечно-разнообразныхъ животныхъ, живущихъ на поверхности человѣческаго и животнаго организма и внутри его: такъ что наука обогатилась цѣлою чужеядною фауной и флорой. Въ жидкостяхъ и въ тканяхъ, въ глазу, въ печени, въ желудкѣ, въ мозгу, въ мышцахъ встрѣчаются паразиты. И эти паразиты нерѣдко питаютъ собою другихъ паразитовъ!

Такимъ образомъ мы оглянули à vol d'oiseau область, въ которой мы будемъ вращаться. Она по истинѣ неисчерпаема. Откуда мы бы ни начали, мы никогда не дойдемъ до конца; никогда наше любопытство не будетъ обмануто. Кто когда-нибудь

> Къ такимъ трудамъ почувствовалъ влеченье
> Въ томъ не остынетъ жаръ, пока онъ живъ,
> Въ томъ вѣчна жажда, вѣчно наслажденье...

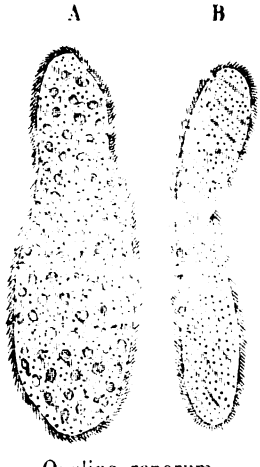
(1) Charles Robin. *Histoire naturelle des végétaux parasites qui croissent sur l'homme et sur les animaux vivants.* 1853.

Digitized by Google

Прежде всего, достаньте микроскопъ. Если вы не можете занять его, смѣло купите. Врядъ ли какая-нибудь покупка принесетъ вамъ болѣе наслажденія; и если ужь вы рѣшились на нее, покупайте хорошій микроскопъ. Издержите какъ можно менѣе денегъ на придаточные аппараты и на дорогія вещицы, продающіяся при инструментѣ, но позаботьтесь о томъ, чтобы стекла были хороши, чтобы стативъ былъ удобенъ. Пріобрѣтши инструментъ, не забывайте двухъ важныхъ мелочей: работайте при дневномъ свѣтѣ, никогда или рѣдко при лампѣ и, глядя однимъ глазомъ въ микроскопъ, не закрывайте другаго. При этихъ условіяхъ, вы можете работать ежедневно по нѣсколько часовъ, не утомляя вашего зрѣнія.

Съ чего же мы начнемъ? Съ чего бы то ни было. Эта мертвая лягушка, напримѣръ, которая уже служила къ физіологическимъ опытамъ, можетъ послужить намъ поводомъ къ интереснымъ поученіямъ. Мы вырѣзаемъ частицу ея пищевода. Она пуста и повидимому обѣщаетъ немного; но вотъ изъ нея вытекаетъ капелька жидкости, которую мы помѣщаемъ на стеклянную пластинку и прикрываемъ другимъ тонкимъ стекляшкомъ. Посмотрите. Тутъ много предметовъ, которые могли бы привлечь ваше вниманіе. Но не глядите на нихъ теперь, а затмитесь этимъ маленькимъ животнымъ, которое плаваетъ между ними. Что это такое? Это одна изъ самыхъ крупныхъ инфузорій, такъ называемая опалина. Называя ее инфузоріей, я говорю языкомъ учебниковъ. Но зоологи повидимому все болѣе и болѣе склоняются къ мнѣнію, что опалина не инфузорія, а какой-нибудь глистъ (Distoma?) въ зародышномъ состояніи. Однако, она не разовьется въ глиста, пока она живетъ въ лягушкѣ. Она ждетъ, чтобы какая-нибудь щука или цапля съѣла лягушку. И тогда, въ желудкѣ своего новаго кормильца, она разовьется въ свою совершеннѣйшую форму. Тогда, и не прежде. Это васъ удивляетъ? И есть чему удивляться. По этому поводу можно бы разказать цѣлую исторію; но это еще впереди; покуда все наше вниманіе принадлежитъ опалинѣ.

Фиг. 1.

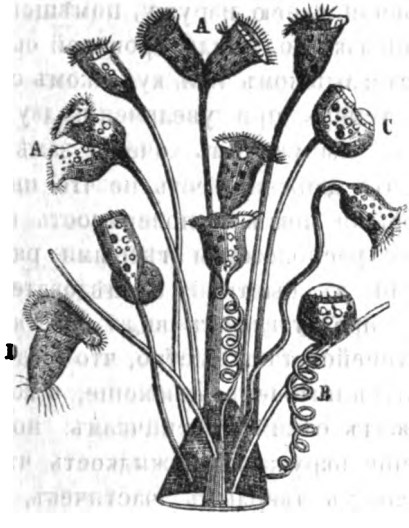


Opalina ranarum, увеличенная.
A. Спереди
B. Сбоку

Digitized by Google

Смотрите, какъ она прозрачна, съ какими ловкими, граціозными извивами она плаваетъ по водѣ; а между тѣмъ у этого зверя нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, ни хвоста, ни костей, которыя могли бы служить точкой опоры для мышецъ; да и самыхъ мышецъ у него нѣтъ. Это существо все состоитъ изъ отрицаній: оно безъ глазъ, безъ зубовъ, безо всего; нѣтъ, не безо всего, потому что, вглядываясь внимательно, мы замѣчаемъ какія-то теченія въ окружающей его жидкости, и, вглядываясь еще внимательнѣе, мы видимъ, чѣмъ производятся эти теченія. По всей поверхности опалины расположены нѣжные волоски, безпрестанно качающіеся; это такъ-называемыя рѣснички,

Фиг. 2.



Группа сувоекъ (Vorticella nebulifera), на вѣткѣ воднаго растенія, увеличенная.

A. Произвольное дѣленіе особи.
B. Особь, свернувшая свою ножку въ спираль.
C. Особь, втянувшая свои рѣснички.
D. Почки, отдѣлившіяся и свободно плавающая въ водѣ.

или мерцательные волоски (cilia). Онѣ бьютъ по водѣ, и животное подвигается ими, какъ галера своими сотнями веселъ. Вы тутъ въ первый разъ видите это качаніе мерцательныхъ волосковъ, о которомъ вы такъ часто читали и которое вы впредь будете встрѣчать почти въ каждомъ животномъ, какъ важное, необходимое отправленіе. Иногда рѣснички служатъ орудіемъ движенія, иногда орудіемъ дыханія, постоянно возобновляя воду около животнаго; иногда средствомъ для при-

Digitized by Google

тягиванія пищи, причемъ онѣ окружаютъ ротъ и своимъ безпрестаннымъ качаніемъ производятъ маленькій водоворотъ, втягивающій въ него пищу. Примѣромъ тому можетъ служить сувойка (фиг. 2).

Изучивши дѣйствіе этихъ рѣсничекъ у микроскопическихъ животныхъ, вы можете отдать себѣ отчетъ въ ихъ роли внутри собственнаго вашего организма. Перепонка, выстилающая ваши воздушные проходы, вся покрыта рѣсничками, въ чемъ можно убѣдиться, слѣдуя указаніямъ профессора Шарпи, которому наука обязана очень обстоятельнымъ описаніемъ этихъ органовъ. «Чтобы видѣть ихъ въ движеніи, слѣдуетъ взять кусочекъ мерцательной слизистой оболочки отъ только что убитаго звѣря. Этотъ кусочекъ долженъ быть сложенъ свободною, рѣсничною стороной своею наружу, помѣщенъ на стеклянную пластинку въ капельку воды или кровяной сыворотки, и прикрытъ тонкимъ стеклышкомъ или кусочкомъ слюды. Если разсматривать его теперь при увеличеніи двухсотъ или болѣе разъ въ діаметрѣ, мы увидимъ очень замѣтное движеніе у края складки, и это движеніе есть не что иное, какъ качаніе рѣсничекъ, которыми покрыта поверхность перепонки. Такъ какъ эти волоски расположены тѣсными рядами и качаются одновременно или въ быстрой послѣдовательности, то они въ совокупности представляютъ видъ блестящей, прозрачной бахромы, волнующейся такъ быстро, что глазъ не можетъ уловить ея отдѣльныхъ ниточекъ. Движеніе, о которомъ мы говоримъ, принадлежитъ самимъ рѣсничкамъ; но ими приводится также въ движеніе окружающая жидкость, что̀ ясно видно изъ перемѣщенія мелкихъ твердыхъ частичекъ, случайно попавшихъ въ нее. Чтобъ убѣдиться въ томъ, что жидкости и другія вещества пропихиваются вдоль рѣсничатой поверхности, и притомъ въ опредѣленномъ направленіи, мы также можемъ посыпать погруженный въ воду препаратъ мелкимъ порошкомъ, напримѣръ порошкомъ древеснаго угля, и тогда увидимъ, что онъ медленно, но неизмѣнно будетъ подвигаться вдоль перепонки по постоянному направленію» (1).

Замѣчательно то обстоятельство, что между тѣмъ какъ направленіе, по которому рѣснички проводятъ жидкости и твердыя частицы, обыкновенно идетъ внутрь органа, иногда дѣло

(1) *Quains Anatomy*. By Shatpey and Ellis. Sixth edition. I, p. LXXXIII. См. также статью *Cilia* въ *Cyclopaedia of Anatomy and Physiology*.

Digitized by Google

происходитъ наоборотъ; и вмѣсто того чтобы втягивать въ организмъ твердыя частицы, рѣснички энергически отражаютъ ихъ, когда онѣ пытаются проникнуть въ него. Отсутствіе этого механизма повлекло бы за собою роковыя послѣдствія. Наши воздушные проходы не могли бы защитить нашихъ легкихъ отъ песчинокъ, сажи, опилокъ, носящихся въ атмосферѣ. Напротивъ того, качающіеся волоски, покрывающіе эти проходы, захватывали бы всякую твердую частицу и влекли бы ее въ легкія. Къ счастію, рѣснички качаются въ обратномъ направленіи, и онѣ дѣйствуютъ какъ бдительные стражи, строго возбраняющіе твердымъ частицамъ проскользнуть подъ какимъ бы то ни было предлогомъ въ легкія. Напрасно вѣтеръ гонитъ намъ въ лицо кружащееся облако пыли; напрасно въ наши ноздри врывается воздухъ, пропитанный сажею. Воздухъ впускается, но сажа неумолимо отражается. Не то, какъ бы могли рудокопы, мельники, пильщики и всѣ современные Тувалы существовать въ отягченной атмосферѣ, окружающей ихъ? Въ нѣсколько дней, ихъ легкія были бы засорены.

Можетъ-быть, вы возразите мнѣ, что такъ оно и выходитъ, что люди, работающіе надъ желѣзомъ и сталью, очень подвержены чахоткѣ; что вскрытія часто обнаруживаютъ у углекоповъ особенную блѣдность легкихъ.

Хотя я не медикъ, и не намѣренъ надоѣдать вамъ медицинскими разсужденіями, я однако позволю себѣ обратить ваше вниманіе на три обстоятельства, доказывающія, какъ безосновательно такое мнѣніе. Вопервыхъ, какъ бы ни была обыкновенна чахотка между шеффильдскими работниками, это вполнѣ объясняется тою неподвижностію и тѣмъ нездоровымъ помѣщеніемъ, на которое они обречены своими занятіями. Рудокопы и угольщики не страдаютъ отъ чахотки; къ тому же, еслибы чахотка происходила отъ опилокъ, ей были бы подвержены всѣ работники, такъ какъ всѣ дышатъ одною атмосферою. Вовторыхъ, хотя дѣйствительно у рудокоповъ была замѣчена блѣдность легкихъ, она была замѣчена далеко не у всѣхъ, даже лишь у немногихъ; между тѣмъ какъ она часто встрѣчается и у людей, не работавшихъ въ рудникахъ, не подвергавшихся вдыханію значительнаго количества угольной пыли. Втретьихъ, и это всего важнѣе, опытъ показалъ, что угольная пыль *не можетъ* проникать въ лёгкія. Клодъ Бернаръ, блестящій экспериментаторъ, привязывалъ пузырь, насыпанный мелкимъ угольнымъ порошкомъ, къ мордѣ кролика. Каждый

Digitized by Google

разъ, какъ животное вдыхало, порошокъ взвивался внутр
пузыря. Пузырь снимался только во время кормленія, такъ чт
кроликъ дышалъ почти исключительно этимъ пыльнымъ воз
духомъ. Еслибы порошокъ *могъ* обойдти бдительность рѣсни
чекъ и проникнуть въ легкія, на то не могло бы представиться
болѣе удобнаго случая. Но когда, по прошествіи нѣсколькихъ
дней, животное убили и вскрыли, въ легкихъ и въ дыхатель
номъ горлѣ не было найдено и слѣдовъ угля; нѣкоторыя щ
поточки его оказались въ ноздряхъ и около зѣва. Но рѣсничк
сдѣлали свое дѣло, и не допустили его до воздушныхъ
путей.

Плавательный аппаратъ опалины отвлекъ насъ далеко от
этого маленькаго животнаго, а пока мы разсуждали, оно пит
лось. При мысли о питаніи, вы невольно ищете пищи, кото
рую оно поглащаетъ, рта и желудка, куда попадаетъ эта пищ
Но я уже намекнулъ о томъ, что это эѳирное существо н
имѣетъ желудка: это было бы слишкомъ грубо; и оно дов
дитъ утонченность до того, что не имѣетъ рта. Въ сущност
оно не имѣетъ никакихъ органовъ, кромѣ занимавшихъ у
насъ рѣсничекъ. То же самое мы можемъ сказать о множеств
инфузорій; натуралисты уже не признаютъ за ними того слож
наго строенія, которое Эренбергъ приписывалъ этимъ микр
скопическимъ существамъ. Если вамъ жаль разстаться съ п
кантнымъ представленіемъ микроскопической былинки, ст
же сложной, какъ слонъ, то васъ вполнѣ вознаградитъ зам
няющее его представленіе о восходящемъ рядѣ организмов
начинающемся съ безформенной *Amoeba* и доходящемъ до слож
наго строенія млекопитающихъ. Въ послѣдствіи мы увидим
что какъ бы ни была велика заслуга Эренберга, какъ наблю
теля, его толкованія видѣнныхъ имъ явленій одно за други
были замѣнены толкованіями, болѣе точными. Созданный им
громадный классъ инфузорій со дня на день уменьшался,
продолжаетъ уменьшаться. Многіе изъ его членовъ оказали
растеніями; многіе—зародышами червей; многіе изъ нихъ пр
надлежатъ къ одному классу съ устрицами, или съ мокрице
то-есть суть моллюски или раки. Эти послѣдніе, конечн
имѣютъ очень сложное строеніе; но инфузоріи, въ современ
номъ смыслѣ этого слова, имѣютъ строеніе чрезвычайно пр
стое. Никто болѣе не считаетъ свѣтлыхъ пространствъ внутр
ихъ тѣла за желудки, какъ то дѣлалъ Эренбергъ; и понятіе
многожелудочныхъ инфузоріяхъ (infusoria polygastrica) совер

Digitized by Google

шено оставлено. Никто не вѣритъ болѣе тому, чтобъ окра-
шенныя пятнышки на этихъ животныхъ были глаза, потому
что, не говоря уже о трудности представить себѣ глазъ тамъ,
гдѣ нѣтъ нервной системы, точно такія же пятна были найдены
на спорахъ нѣкоторыхъ растеній. А тутъ они уже конечно не
глаза. И если мы исключимъ высокосложныхъ ротиферовъ, или
коловратокъ, которыя суть настоящіе раки, то мы можемъ
сказать, что всѣ инфузоріи, со включеніемъ молодыхъ червей,
представляютъ намъ самую простую организацію.

Все это ведетъ насъ къ тому, чтобы разсмотрѣть; что біо-
логи разумѣютъ подъ *органомъ?* Это часть тѣла, обособленная
для совершенія опредѣленнаго отправленія. Весь процессъ
организаціи есть не что иное, какъ такое обособленіе частей
для спеціяльныхъ цѣлей. Исходная точка жизни есть отдѣль-
ная клѣтока, то-есть микроскопическій мѣшочекъ, наполненный
жидкостью и твердыми крупинками, и содержащій внутри себя
еще болѣе мелкій мѣшочекъ—ядро клѣточки. Пали гдѣ-то го-
воритъ, что на ранней ступени развитія нѣтъ замѣтной раз-
ницы между философомъ и лягушкой. Это совершенно спра-
ведливо; справедливѣе чѣмъ онъ самъ думалъ. На самой ран-
ней ступени развитія и лягушка, и философъ не что иное, какъ
простыя клѣточки, хотя изъ одной клѣточки и суждено раз-
виться Аристотелю или Ньютону, а изъ другой холодному,
мокрому, квакающему животному, которое мальчишки будутъ
мучить, анатомы рѣзать, Французы жарить и ѣсть. Вотъ какимъ
путемъ идетъ жизнь отъ исходной точки, отъ первичной клѣ-
точки. Клѣточка дѣлится на двѣ, изъ этихъ двухъ клѣточекъ
происходятъ четыре, изъ четырехъ восемь, и такъ далѣе,
пока не образуется скопленіе клѣточекъ, формой своею по-
ходящее на малиновую ягоду. Эта ягода превращается въ мѣ-
шокъ съ двойною оболочкой. Внутренняя пластинка этой обо-
лочки, обращенная къ желтку, къ пищѣ, дѣлается *уподобляю-*
щею поверхностью цѣлаго; внѣшняя оболочка, обращенная къ
окружающей средѣ, дѣлается тою поверхностью, посредствомъ
которой и философъ, и лягушка вступятъ въ связь и въ сно-
шеніе съ окружающимъ міромъ, съ non ego, какъ выразится
во времененъ философъ. Тутъ мы встрѣчаемъ первый важный
процессъ обособленія. Зародышъ снабдился уподобляющею
поверхностію, которой дѣла нѣтъ до внѣшняго міра, и чув-
ствительною, подвижною внѣшностью, которой дѣла нѣтъ до
переработки и распредѣленія пищи. Зародышъ пересталъ быть

Digitized by Google

скопленіемъ однородныхъ клѣточекъ; онъ сдѣлался разнороднымъ, онъ распался на внутреннюю и внѣшнюю пластинку. Но каждая изъ этихъ пластинокъ покуда однородна; частицы каждой изъ нихъ не отличаются между собою. Прослѣдимъ далѣе исторію развитія, и мы увидимъ, что внутренняя пластинка постепенно развивается различно въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, и что рядомъ обособленій изъ нея вырабатываются разнообразныя группы сложныхъ органовъ, служащихъ пищеваренію, отдѣленію, выдѣленію. Внутренняя пластинка такимъ образомъ изъ простой уподобляющей поверхности дѣлается сложнымъ аппаратомъ, исполняющимъ всѣ отправленія растительной жизни.

Взгляните теперь на внѣшнюю пластинку; изъ нея также постепенно выработались разнообразные органы. Она развилась въ мышцы, нервы, кости, органы чувствъ и мозгъ. Все возникло изъ простой, однородной перепонки.

Послѣ этого бѣглаго взгляда на общій ходъ развитія у животныхъ, вы оцѣните вѣрность великаго закона, который въ первый разъ провозгласили Гете и фонъ-Бэръ, какъ законъ животной жизни. Этотъ законъ заключается въ томъ, что развитіе всегда ведетъ отъ общаго къ частному, отъ простаго къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному; и это происходитъ черезъ постепенный рядъ *обособленій*, или, выражаясь словами нашего глубокодумнаго Теннисона —

Ширѣетъ бытіе. Чѣмъ дальше, тѣмъ сложнѣй
Становится оно, простое, отживая;
Чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ чаще, мудренѣй,
Тѣмъ разнороднѣй ткань его живая.

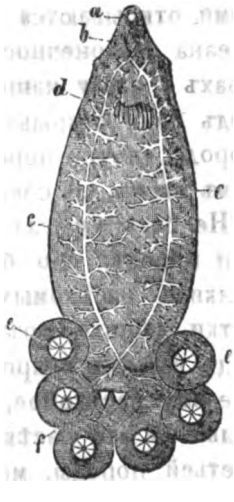
Вы теперь освоились съ словами «обособленіе» и «развитіе», такъ часто встрѣчающимися у современныхъ писателей; вы составили себѣ опредѣленное понятіе о томъ, что̀ такое органъ: такъ что, слыша о животномъ безъ органовъ, вы тотчасъ поймете, что въ такомъ животномъ не происходило обособленія отдѣльныхъ частей тѣла для опредѣленныхъ цѣлей, что въ немъ всѣ части безразлично служатъ всѣмъ отправленіямъ. Вотъ вамъ для примѣра наша опалина, у которой нѣтъ ни рта, ни желудка, ни какого-либо другаго органа. Во всѣхъ своихъ частяхъ она представляетъ намъ уподобляющую поверхность, во всѣхъ поверхность дышащую, чувствительную. Питаясь жидкою пищей, она не нуждается ни во ртѣ для ея поглощенія, ни въ желудкѣ для ея переваріванія. Жидкости и газы проходятъ сквозь нѣжную кожу опалины посредствомъ

Digitized by Google

процесса, который мы называемъ *эндосмозомъ*. Проникши внутрь тѣла, они служатъ пищей животному, и все отслужившее выдѣляется посредствомъ такого же процесса, который называютъ *экзосмозомъ*. Этимъ способомъ питаются многія животныя и всѣ растенія. Клѣточки на кончикѣ корней, которыми растенія пробуравливаютъ землю, не имѣютъ ни рта для поглощенія жидкостей, ни сквозныхъ отверстій, пропускающихъ ихъ; тѣмъ не менѣе жидкость проникаетъ въ клѣточку, сквозь ея нѣжную оболочку, и проникаетъ изъ одной клѣточки въ другую, и отъ корневой мочки до послѣдней почки. Точно также питается и опалина: она вся—ротъ, и не имѣетъ рта; вся—желудокъ, и желудка у нея нѣтъ. Каждая часть ея тѣла исполняетъ отправленія, которымъ въ болѣе сложныхъ животныхъ служатъ особые органы. Она питается безъ рта, дышетъ безъ легкихъ, движется безъ мышецъ.

Я сказалъ вамъ, что опалина—паразитъ. Ее находятъ въ разныхъ животныхъ, а въ лягушкѣ—почти всегда. Вы, можетъ-быть, спросите меня, отчего ее считаютъ паразитомъ; почему бы не предположить, что лягушка проглотила ее вмѣстѣ съ водой? Конечно, это очень легко могло бы случиться. Но чтобы разсѣять ваши сомнѣнія, я вскрываю черепъ лягушки и осторожно вынимаю изъ него капельку жидкости, въ которой мы, съ помощію микроскопа, по всей вѣроятности найдемъ кой-какихъ инфузорій, преимущественно изъ тѣхъ, которыхъ называютъ *монадами*. Эти монады уже, конечно, не были проглочены. Онѣ живутъ въ мозговой влагѣ, точно такъ же какъ опалина въ пищеводѣ. И если мы распространимъ еще далѣе наши поиски, мы найдемъ, что въ разныхъ органахъ живутъ различные паразиты.

Фиг. 8.



Polystomum integerrimum, увеличенное.

Вотъ, напримѣръ, паразитный глистъ изъ мочеваго пузыря лягушки. Помѣстите его подъ микроскопъ съ сильнымъ увеличеніемъ, и посмотрите! Его зовутъ Polystomum, потому что у него много ртовъ или правильнѣе много сосательныхъ аппаратовъ. Взгляните на нижній кончикъ животнаго, и вы увидите шесть широкихъ сосательныхъ аппаратовъ съ звѣздовид-

Digitized by Google

ными клапанами (*e*), и роговый органъ (*f*), которымъ животное пробуравливаетъ себѣ дорогу. При *a* находится еще одинъ сосательный аппаратъ, который служитъ также ртомъ; при *b* вы видите зачатокъ пищепріемника и при *d* органы размноженія. Обратите особенное вниманіе на красивыя развѣтвленія пищевода (*c*), пронизывающія все тѣло подобно кровянымъ жиламъ.

Пищеводъ, развитый такимъ образомъ, находится у многихъ животныхъ, и его часто принимали за кровеносную систему. Въ одномъ смыслѣ этотъ взглядъ справедливъ, потому что эти развѣтвленныя трубочки проводятъ питательную жидкость, и суть единственные органы сокообращенія въ этихъ животныхъ. Но эта питательная жидкость есть кашица (chymus), а не кровь: эти простыя животныя еще не доросли до того, чтобъ имѣть кровь, которая есть высшая степень метаморфоза пищи, свойственная высшимъ организмамъ.

Итакъ наша лягушка, кромѣ чудесъ собственной своей организаціи, представляетъ намъ цѣлый міръ мелкихъ чудесъ, цѣлую колонію живыхъ существъ. Природа и бережлива, и расточительна на пространство. Она раскидываетъ по безпредѣльности небесъ солнца и міры, и въ мелкихъ былинкахъ, движущихся по поверхности земнаго шара, скучиваетъ миріады безконечно-малыхъ жильцовъ. Какъ далеко мы ни проникаемъ въ небеса съ помощію нашихъ телескоповъ, передъ нами открываются звѣздныя кучи, словно пески на берегу океана безконечности; какъ глубоко мы ни проникаемъ въ прахъ и влагу нашей планеты посредствомъ микроскопа, передъ нами открываются живыя формы внутри живыхъ формъ, породы внутри породъ, словно безпредѣльность міровъ слишкомъ тѣсна для совмѣщенія всѣхъ проявленій жизни!

Не безъ умысла употребили мы выраженіе: породы внутри породъ; оно буквально точно. Возьмите одно изъ этихъ мелкихъ насѣкомыхъ (Aphis), густою толпой покрывающихъ вѣтки вашихъ розановъ; вскройте его, въ растворѣ сахара, подъ вашимъ микроскопомъ, и вы внутри его найдете подобное ему насѣкомое, почти вполнѣ развитое. Вскройте тщательно и это насѣкомое, и вы найдете и въ немъ зачатокъ третьей породы, менѣе развитый, но легко различимый для опытнаго глаза; и кромѣ этого зародыша, вы увидите нѣсколько яицъ, которыя въ свое время также развились бы въ животныхъ!

Digitized by Google

Вы возьмите эту лѣнивую болотную улитку (Paludina vivipara), въ первый разъ научно описанную великимъ Свамердамомъ, этимъ воплощеніемъ терпѣнія и точности, и вы въ ней найдете сорокъ или пятьдесятъ молодыхъ улитокъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Рядомъ съ ними вы также найдете, какъ и онъ нашелъ, нѣсколько тонкихъ глистовъ, и если вы взрѣжете ихъ, изъ нихъ выскользнетъ по три или по четыре инфузоріи (1). Гдѣ же конецъ, спросите вы?

Это наблюденіе, сообщенное Свамердаммомъ, пришло въ забвеніе, какъ и многія другія наблюденія благороднаго труженика. Но новѣйшимъ изслѣдователямъ оно послужило исходною точкой для работъ, въ высшей степени интересныхъ. Глистамъ, которыхъ онъ нашелъ въ улиткѣ, теперь даютъ названіе Cercariasäcke (мѣшки съ церкаріями), потому что они содержатъ церкарій, нѣкогда причислявшихся къ инфузоріямъ, но признанныхъ теперь за низшія ступени развитія паразитовъ, глистовъ, живущихъ въ пищеводѣ и въ другихъ полостяхъ тѣла высшихъ животныхъ. Эти церкаріи снабжены сильными хвостами, посредствомъ которыхъ они плаваютъ по водѣ, какъ головастики, и, какъ головастики, они теряютъ хвосты въ позднѣйшій періодъ своей жизни. Но какимъ образомъ, думаете вы, эти мѣшки съ церкаріями попали въ улитокъ? «Посредствомъ произвольнаго зарожденія», отвѣчали прежде защитники этой гипотезы, и тѣ, которые были противъ гипотезы произвольнаго зарожденія, должны были сознаваться, что не могутъ дать объясненія болѣе удовлетворительнаго. Это была тайна, и они рѣшались скорѣе оставить ее неразгаданною, чѣмъ прибѣгать къ гипотезѣ произвольнаго, или первичнаго зарожденія (то-есть зарожденія, происходящаго само собой, безъ яйца). И въ этомъ они были правы. Тайна наконецъ разъяснилась (2). Я постараюсь собрать передъ вами разбросанныя по разнымъ книгамъ подробности этой интересной исторіи.

Подъ вѣками гусей и утокъ постоянно находится глистъ (изъ порядка Trematoda), котораго натуралисты окрестили именемъ *Monostomum mutabile*. Этотъ глистъ производитъ живыхъ дѣтенышей, имѣющихъ видъ подвижныхъ инфузорій, которыя плаваютъ по водѣ посредствомъ рѣсничекъ, покрыва-

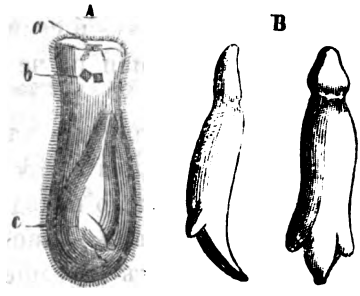
(1) Swammerdamm *Bibel der Natur*, стр. 75—77.

(2) Стараніями фонъ-Зибольда. См. его интересное сочиненіе: *Ueber die Band und Blasenwürmer.*

Digitized by Google

ющихъ ихъ тѣло, точно также, какъ опалина. Вотъ портретъ одного изъ нихъ (фиг. 4).

Фиг. 4.



A. Зародышь Monostomum mutabile.
B. Мѣшокъ съ церкаріями, только что высвободившійся.

a. Ротъ. b. Окрашенныя точки. c. Мѣшокъ (увеличено).

Каждое изъ этихъ маленькихъ животныхъ развиваетъ внутри себя мѣшокъ. Этотъ мѣшокъ вы можете видѣть на рисункѣ. Какъ только инфузоріи удалось проникнуть въ тѣло улитки, ея роль покончена. Она умираетъ, и тѣмъ самымъ освобождаетъ образовавшійся внутри ея мѣшокъ, который преудобно помѣщается въ улиткѣ и питается ея соками. Если вы разсмотрите поподробнѣе этотъ мѣшокъ, вы замѣтите, что онъ имѣетъ ротъ и пищеводъ (фиг. 5); что онъ стало-быть представляетъ далеко не простое вмѣстилище, какъ можно было бы заключить изъ его названія. Онъ самостоятельное животное, и живетъ самостоятельною жизнію. Онъ жадно питается соками улитки и накопляетъ обильный запасъ для слѣдующаго поколѣнія. Онъ зародился внутри животнаго; отчего ему въ свою очередь не народить дѣтей? Основать поколѣніе, разсыпать по землѣ многочисленное отродье — благородное дѣло. Таинственный процессъ размноженія возникаетъ въ мѣшковидномъ животномъ; и вскорѣ внутри его заводится подвижная семья церкарій. Мѣшокъ развязывается, и молодое племя выходитъ изъ него. Но что̀ это такое? Этихъ дѣтей никоимъ образомъ нельзя назвать «живымъ портретомъ» родителя. Они ужь не мѣшки, даже ни мало не похожи на мѣшки, какъ вы видите ихъ въ фиг. 6.

Фиг. 5.

Мѣшокъ съ церкаріями (увеличено).

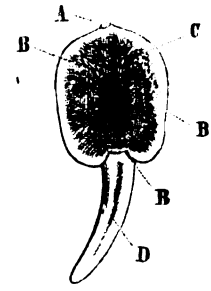
A. Ротъ.
B. Пищеводъ.
C. Только что доразвившаяся церкарія. Четыре другія находятся на разныхъ степеняхъ развитія.

У нихъ есть и хвосты, и сосательные органы, и острыя орудія для пробуравливанія тканей и другіе органы, которыхъ не было у ихъ родителя. Глядя на нихъ, вы также мало повѣрили бы, что они происходятъ отъ мѣшковъ, какъ если бы

Digitized by Google

какъ сказали, что ракъ отродье устрицы. И что еще порадоксальнѣе, не только церкаріи не походятъ на своихъ родителей, но эти послѣднія также мало похожи на зародышъ моностома, которому они обязаны своимъ существованіемъ. Но если мы станемъ преслѣдовать эту фамильную крошку, мы найдемъ, что генеалогія наконецъ сыкается, и что церкарія развивается въ тѣлѣ какой-нибудь водной птицы въ Monostomum mutabile, подобный ея прадуру. Такимъ образомъ глистъ производитъ инфузорію, въ которой развивается кѣшокъ, производящій церкарію, дѣлающуюся глистомъ точь-въ-точь похожимъ на своего прадѣда.

Фиг. 6.



Развитая церкарія.

A. Ротъ. BBB. Органъ выдѣленія. C. Окрашенныя точки. D. Хвостъ.

Одна изъ особенностей этой исторіи заключается въ томъ, что между тѣмъ, какъ моностомъ производитъ дѣтеныша обыновеннымъ путемъ, два промежуточныхъ поколѣнія возникаютъ способомъ, соотвѣтствующимъ образованію почекъ у растеній. Растенія, какъ вы знаете, размножаются двоякимъ образомъ, посредствомъ сѣменъ, и посредствомъ почекъ. Размноженію посредствомъ сѣменъ служатъ особые органы; для почечнаго размноженія не нужно такого обособленія. Это простое выростаніе. То же самое можно сказать о многихъ животныхъ. Они вѣтвятся, какъ растенія, и какъ растенія производятъ сѣмена. Я доказывалъ въ другомъ мѣстѣ (1), что оба процесса въ сущности тождественны, и что оба суть лишь отдѣльныя формы роста. Не пускаясь тутъ въ разборъ этого темнаго вопроса, замѣтимъ только, что моностомъ, въ которомъ развивается церкарія, производитъ яйца, изъ которыхъ развиваются дѣтеныши; второе поколѣніе развивается не изъ яицъ, но изъ внутреннихъ почекъ; третье также; но это послѣднее, достигши зрѣлаго возраста, производитъ яйца. Для того, чтобы церкарія достигла этой зрѣлости, необходимо, чтобъ ее проглотила какая-нибудь птица, или какой-нибудь звѣрь. Лишь въ ихъ пищеварительномъ аппаратѣ, она пріобрѣтаетъ способность производить яйца. Но какъ попадаетъ она туда? Различными способами. Разсмотримъ одинъ изъ нихъ.

(1) *Seaside Studies* p. 308. sp. (Недавно вышедшее сочиненіе г. Льюиза. *Ред.*)

Digitized by Google

Въ этомъ часовомъ стеклышкѣ плаваютъ нѣсколько церкарій. Присоединимъ къ нимъ два или три изъ этихъ суетливыхъ, толкущихся насѣкомыхъ, которыхъ вы видали въ каждой лужѣ, и которыя суть не что иное, какъ личинки, или недоразвитыя формы эфемеры. Церкаріи перестаютъ бить воду своимъ вертлявымъ хвостомъ, и пристально всматриваются въ пришлецовъ. Когда Одри, въ уморительномъ фарсѣ: *Les Saltimbanques*, вдругъ видитъ чемоданъ, онъ восклицаетъ: «une malle, ce doit être à moi!» (1) Этою же теоріею собственности очевидно руководствуются церкаріи. Насѣкомое! должно быть мое! Согласно съ этимъ, каждая изъ церкарій всползаетъ на тѣло какой-нибудь эфемеры, вопросительно постукивая своимъ хоботкомъ, чтобы проткнуть имъ первое мягкое мѣсто, которое попадется. Между члениками насѣкомаго нашлось такое мягкое, прободаемое мѣсто. Валяй! Разбойники принимаются долбить тѣло эфемеры, не останавливаются, пока не выдолбятъ себѣ прохода, черезъ который они могутъ проскользнуть, вытянувши свое тѣло. Разъ проникнувъ въ чужое тѣло, онѣ отбрасываютъ хвостъ, который сталъ для нихъ лишнимъ придаткомъ, и съ ними начинается процессъ, который называютъ *энцистаціею*, то-есть онѣ свертываются въ клубокъ, на поверхности котораго выдѣляется слизь, отвердѣвающая въ плотную скорлупку. Въ этомъ видѣ они остаются цѣпко пристроенными въ тѣлѣ насѣкомаго, которое въ свое время развивается въ мушку, въ этой новой формѣ летаетъ надъ болотомъ, и наконецъ поѣдается какою-нибудь птицею. Мушка переваривается въ желудкѣ птицы, и освобожденная церкарія очутилась въ удобномъ помѣщеніи, гдѣ она разрываетъ свою скорлупку, и быстро достигаетъ полнаго развитія.

Вы съ интересомъ прочтете также описаніе другой формы переселенія, сообщенное Зибольдомъ. «Долгое время, говоритъ онъ, происхожденіе волосатика, такъ-называемой Filaria insectorum, живущаго въ полости тѣла личинокъ и у зрѣлыхъ насѣкомыхъ, не могло быть объяснено. Заключенные въ брюшной полости гусеницъ, кузнечиковъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ, эти паразиты считались продуктами произвольнаго зарожденія, обусловленнаго сырою погодой или гнилою пищею. Гельминтологи (ученые, занимающіеся глистами) должны были довольствоваться этимъ объясненіемъ, такъ какъ не

(1) Чемоданъ! должно быть онъ мой!

Digitized by Google

могли найдти лучшаго. Тѣ, которые изслѣдовали строеніе этихъ волосатиковъ, не могли, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, найдти въ нихъ малѣйшаго слѣда половыхъ органовъ, что̀ также придавало вѣроятіе гипотезѣ произвольнаго зарожденія. Но, принявшись за изученіе этихъ глистовъ, я убѣдился, что они вовсе не принадлежатъ къ роду Filaria, но должны быть отнесены къ тому особенному семейству волосатиковъ, которое обнимаетъ роды Gordius и Mermis. Далѣе, я убѣдился, что эти паразиты, развившись вполнѣ, выходятъ изъ тѣла питающаго ихъ животнаго, пробуравивъ себѣ дорогу сквозь его мягкія части. Паразиты выползаютъ изъ гусеницы не потому, чтобы она была больна, или чтобы имъ въ ней было непріятно. Нѣтъ, они перемѣщаются вслѣдствіе той же внутренней необходимости, которая заставляетъ лошадинаго слѣпня, Oestrus equinus, оставлять желудокъ лошади, въ которомъ она выросла, заставляетъ овода пробивать себѣ дорогу сквозь кожу скота. Личинки обоихъ этихъ насѣкомыхъ выползаютъ изъ своихъ убѣжищъ, чтобы превратиться сперва въ куколки, а потомъ достигнуть полнаго своего развитія. Я показалъ, что взрослые, но безполые волосатики выползаютъ изъ насѣкомыхъ для того, чтобы вступить въ новый періодъ своего существованія, оканчивающійся развитіемъ половыхъ органовъ. Оставивъ тѣло насѣкомаго, они падаютъ на земь, и уползаютъ въ болѣе глубокіе, влажные слои почвы. Мнѣ часто приносили волосатиковъ, найденныхъ въ сырой землѣ, при копаніи грядокъ и канавъ, и ничѣмъ на видъ не отличавшихся отъ волосатиковъ, находимыхъ въ насѣкомыхъ. Это навело меня на предположеніе, что волосатики, выползающіе изъ насѣкомыхъ, инстинктивно зарываются въ землю, и чтобы разъяснить дѣло, я произвелъ рядъ опытовъ, при которыхъ я помѣщалъ только что вылѣзшихъ глистовъ на горшки, наполненные влажною землею. Я имѣлъ удовольствіе видѣть, что они дѣйствительно стали погружать голову въ землю, и постепенно вползали въ нее. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ содержалъ я глистовъ въ умѣренно-влажной землѣ, и, разсматривая ихъ отъ времени до времени, нашелъ, что они постепенно достигали полнаго полового развитія и клали сотни яицъ. Къ концу зимы, мнѣ удалось подсмотрѣть въ этихъ яйцахъ начинающееся развитіе зародыша. Къ концу весны многіе изъ нихъ оставили скорлупку яйца, и стали ползать по поверхности земли. Я предположилъ, что инстинктъ молодыхъ глистовъ заставитъ ихъ

Digitized by Google

сдѣлаться паразитами и искать животнаго, въ которомъ они могли бы поселиться и достичь полнаго роста; и мнѣ казалось вѣроятнымъ, что эти дѣтеныши, какъ и ихъ родители, лучше всего разовьются въ гусеницахъ. Съ этою мыслію, я досталъ нѣсколько очень малыхъ гусеницъ, только что зародившихся подъ вліяніемъ весенняго солнца. Чтобы произвести опытъ, я наполнилъ часовое стеклышко землей изъ горшковъ, въ которыхъ зимовали волосатики, и помѣстилъ на нее нѣсколько молодыхъ гусеницъ.» (1) Результатъ оправдалъ ожиданія Зибольда. Глисты скоро проникли въ гусеницъ, которыя доставили имъ и пищу, и жилище.

Лягушки и паразиты, глисты и инфузоріи—достойны ли они вниманія серіознаго человѣка? Нѣтъ спору: они на видъ менѣе граціозны, чѣмъ планеты и астероиды; но они ближе къ намъ, по этому мы можемъ точнѣе изучить ихъ, и по этой доступности они важнѣе для насъ. Жизнь, бьющаяся въ насъ, та же жизнь, которою живутъ и они. По этой-то причинѣ, какъ я уже сказалъ въ началѣ, хотя достойнѣйшій предметъ изученія есть человѣкъ, мы не должны считать недостойною эту другую сферу знанія, должны углубляться въ нее, хотя бы только для того, чтобы расширить наши знанія о человѣкѣ. Многіе люди, и не изъ невѣждъ, всегда готовые глумиться надъ тѣмъ, чего они не понимаютъ, презираютъ всякій трудъ, не приносящій прямой или косвенной пользы нравственнымъ или политическимъ интересамъ. Другіе, ослѣпленные широтой задачъ астрономіи и геологіи, или прельщенные непосредственными приложеніями химіи и физики, считаютъ микроскопическія изслѣдованія дѣломъ празднаго дилеттантизма. Но я не могу представить себѣ, чтобы какое-нибудь серіозное изслѣдованіе осталось безъ пользы для человѣчества; и я знаю, что великая тайна жизни не будетъ разгадана, пока мы незнакомы съ ея простѣйшими формами. Ничто не можетъ быть безразсуднѣе, какъ ограничивать кругъ ученыхъ изслѣдованій, прилагая къ нимъ мѣрку непосредственной пользы. Всѣ истины связаны между собою; и какъ бы далекою отъ ежедневныхъ нашихъ потребностей ни казалась какая-нибудь частная истина, время придетъ, когда она окажется цѣнною. Большей части Англичанъ, во время ихъ великой революціи, когда образъ дѣйствія короля Якова сосредоточивалъ на себѣ

(1) Von Siebold. *Ueber Bandund Blasenwürmer.*

Digitized by Google

всеобщее вниманіе, показалось бы невыразимо-смѣшнымъ положеніе, что только-что изобрѣтенное дифференціальное исчисленіе несравненно важнѣе для Англіи и для всей Европы, чѣмъ судьбы всѣхъ династій, вмѣстѣ взятыхъ; и ничто не казалось неприложимѣе къ полезнымъ цѣлямъ, чѣмъ этотъ новый продуктъ математическаго генія. Но теперь всякому очевидно, до какой степени дѣятельность Якова была маловажна въ сравненіи съ этимъ открытіемъ. Я не хочу сказать этимъ, чтобы тѣ люди, которые тѣломъ и душой предались дѣлу революціи, были безразсудны; я говорю только, что безразсудно было бы съ ихъ стороны презирать старанія математиковъ.

Пусть всякій, кто чувствуетъ стремленіе къ изученію природы, съ какой бы то ни было изъ ея безчисленныхъ сторонъ, предается своимъ трудамъ, несмотря на насмѣшки и придирки людей, которыхъ вкусы и способности имѣютъ другой складъ. Изъ разъясненія множества частностей трудами множества умовъ должна же наконецъ возникнуть истина. Человѣкъ, по прекрасному выраженію Бекона, служитель и толкователь природы; да остерегается же онъ, чтобы служеніе его не перешло въ суевѣріе, чтобъ его толкованія не превратились въ догматы. Во всѣ времена, косность и невѣжественные предразсудки побуждали запирать двери храма передъ желающими проникнуть въ него. Будемъ же бдительно преслѣдовать такія побужденія, чтобы двери храма остались вѣчно открытыми.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Digitized by Google

* * *

Жарко сохнущей землѣ:
Землю тяжко давитъ зной.
Красный мѣсяцъ, въ парной мглѣ,
Ходитъ низко надъ землей...

Молитъ Господа земля:
«Не казни родную дочь!
Спрысни росами поля,
Вышли свѣжую мнѣ ночь!»

—Я люблю родную дочь,
Дочь мнѣ не за что казнить,
Я пошлю ей бурю въ ночь,
Освѣжить и утолить.

«Нѣтъ, не шли мнѣ съ небеси
Ты ни бури, ни грозы,
Лучше тихо принеси
Двѣ жемчужныя слезы,—

«Дай мнѣ тихую росу:
Та, лаская, подойдетъ,
А гроза мою красу
Буйнымъ вѣтромъ изомнетъ!»

Всеволодъ Крестовскій.

Digitized by Google

РАЗКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

XVIII ВѢКА

I.

СТО СВАДЕБЪ ВЪ АСТРАХАНИ.

Была страшная для Москвы осень 1698 года: на Красной площади, на зубцахъ городской стѣны, гнили трупы казненныхъ стрѣльцовъ; слышались жалобныя причитанія женщинъ передъ изуродованными тѣлами мужьевъ, отцовъ и братьевъ. Одна изъ этихъ несчастныхъ, поплакавши надъ трупами мужа и деверя, заходила вмѣстѣ съ сыномъ въ домъ Ѳедора Лопухина, къ человѣку его Терентію Андронову. Тамъ, въ разговорахъ съ женой Терентія, она отводила душу въ жалобахъ, которымъ встрѣчала сильное сочувствіе: домъ Ѳедора Лопухина былъ опальный; царь Петръ недавно развелся съ Лопухиной, отослалъ ее въ монастырь. «Жаль стрѣльцовъ, говорила жена Андронова стрѣльчихѣ: разослали ихъ съ Москвы, а теперь пристала служба и новая вѣра, велятъ носить нѣмецкое платье.» Сынъ стрѣльчихи, Степанъ, внимательно прислушивался къ жалобамъ женщинъ; у него была одна крѣпкая дума: отомстить за отца и дядю; но какъ отомстить? Въ ушахъ у него раздавались слова Андроновой: «Новая вѣра, нѣмецкое платье».

Digitized by Google

Въ Москвѣ нечего было дѣлать Степану: здѣсь нельзя было поднять стрѣлецкаго дѣла. Степанъ рѣшился идти въ Астрахань, тамъ раздуть мятежъ, поднять Поволжье за старую вѣру и старое платье, идти къ Москвѣ, разорять и побивать правителей государственныхъ и офицеровъ, особенно иноземцевъ, мстя за то, что стрѣльцы казнены, и бить челомъ государю, чтобы велѣлъ быть старой вѣрѣ, чтобы нѣмецкаго платья не носить и бородъ не брить. У Степана былъ въ живыхъ еще дядя, который жилъ въ Коломнѣ; къ этому-то дядѣ зашелъ онъ на перепутьи и встрѣтилъ полное сочувствіе своему замыслу; старикъ былъ грамотный, ловкій на разнаго рода дѣла; онъ написалъ племяннику двѣ грамотки: одна была—проѣзжее воровское письмо, въ которомъ говорилось, что Степанъ отпущенъ изъ Коломны въ Астрахань для свиданія съ братомъ; другая—подметное, возмутительное письмо: въ немъ говорилось, что государя на Москвѣ нѣтъ, пошелъ съ полками противъ Шведовъ, и хотятъ россійское государство раздѣлить на четыре части.

Пришедши въ Астрахань, Степанъ сталъ сближаться съ людьми, которые были склоннѣе къ старинѣ, которые имѣли причины не любить новаго, сталъ ходить къ раскольникамъ, къ стрѣльцамъ и толковать съ ними о новой вѣрѣ, о нѣмецкомъ платьѣ, о владычествѣ Нѣмцевъ надъ Россіей. Иные притакивали ему: «Правда, правда! все это сбудется!» Другіе сомнѣвались, противорѣчили Степану, но тотъ говорилъ все громче и громче, а громкое слово — страшная сила въ обществѣ, подобномъ астраханскому въ началѣ XVIII вѣка, и вотъ около Степана начали собираться люди, вполнѣ ему вѣрившіе. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; Степанъ увидалъ, что дѣло подготовлено, и въ іюнѣ 1705 года пронеслась площадная молва, что государя не стало, и потому воевода Тимоѳей Ржевскій и начальные люди вѣру христіянскую покинули, начали бороды брить и въ нѣмецкомъ платьѣ ходить. Распустивъ этотъ слухъ, Степанъ ушелъ на задній планъ; впередъ выступили другіе люди, болѣе способные сдѣлать изъ слова дѣло. Четверо посадскихъ: Быковъ, Шелудякъ, Колосъ и Носовъ стали сходиться у церкви Николы, въ Шипиловѣ слободѣ, и разсуждать, какъ бы вступиться за христіянскую вѣру; заводчикомъ у нихъ былъ Носовъ. Однажды, когда они толковали о своемъ дѣлѣ, вышелъ къ нимъ пономарь никольской церкви, Василій Бесѣдинъ съ книгой въ рукахъ: «Православные! началъ ученый

Digitized by Google

нукъ: послушайте, что̀ написано въ книгѣ о брадобритіи!» и сталъ читать, какой грѣхъ брить бороду. «Пригоже, говорилъ Бесѣдинъ, за это и постоять, хотя бы и умереть пришлось; вотъ объ этомъ и въ книгѣ написано.» Въ книгѣ написано! дѣло кончено: чего же больше думать? Какая была это книга, никому не пришло въ голову спросить у Бесѣдина.

Съ Ильина дня уже всѣмъ народомъ говорили о брадобритіи и что надобно постоять за христіянскую вѣру. Слухи расли, расли, и однажды на торгу кто-то объявилъ, что будетъ запрещено свадьбы играть семь лѣтъ, а въ это время всѣ будутъ принуждены выдавать дочерей и сестеръ за Нѣмцевъ. «Гдѣ же Нѣмцы?»—«Идутъ изъ Казани». Когда говорилось только о брадобритіи, то можно было еще толковать и ждать; но теперь ждать стало нельзя; у кого дочь была и въ несовершенныхъ лѣтахъ, и ту сговорили за перваго попавшагося; не отдавать же за иноземца! И вотъ, въ воскресенье 29 числа, церкви были отперты, вѣнчали свадьбы, въ одинъ день повѣнчали сто паръ. Но въ то самое время, когда одни приготовлялись идти подъ вѣнецъ, Носовъ исповѣдовался у соборнаго попа, Василья Колмогора, и сказалъ ему, что хочетъ съ товарищами постоять за бороду; духовникъ ему этого не похулилъ.

Свадьбы, хотя сыгранныя второпяхъ, при печальныхъ обстоятельствахъ, не могли однако обойдтись безъ пирушекъ; къ ночи гости охмелѣли. Надѣясь на этотъ хмѣль и на подготовку толпы, заговорщики въ четвертомъ часу ночи собрались у Никольской церкви въ числѣ трехсотъ человѣкъ и вломились въ Бѣлый городъ чрезъ Пречистенскія ворота; у воротъ этихъ стоялъ московскаго полка русскій офицеръ: Носовъ схватилъ его и закололъ копьемъ; трое матросовъ иноземцевъ и караульный капитанъ, родомъ Грекъ, имѣли ту же участь. Загудѣлъ набатъ, въ городъ сбѣжались стрѣльцы и толпы разнаго рода людей. Первымъ дѣломъ заговорщиковъ, увидавшихъ успѣхъ замысла, было отыскать воеводу Ржевскаго; но тотъ успѣлъ скрыться: искали его на воеводскомъ дворѣ — не нашли, бросились на архіерейскій — не нашли и тамъ; схватили на архіерейскомъ дворѣ полковника Никиту Пожарскаго и нѣсколько оберъ-офицеровъ, и всѣхъ перекололи.

Утромъ, въ понедѣльникъ, 30 іюля, шумѣлъ кругъ, выбирали старшину; выбрали въ атаманы Якова Носова; сыскали Ржевскаго, поставили въ кругъ и убили. На третій день присяга: присягали всѣми полками за старую вѣру и другъ за друга

Digitized by Google

стоять до смерти; уговаривали стрѣльцовъ, обѣщали дать имъ денегъ по десяти рублей на человѣка; посылали подговаривать бурлаковъ, давали имъ деньги изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ; пожитки побитыхъ дѣлили по себѣ; разослали письма на Донъ, Терекъ, Яикъ и Гребени, писали, что воевода и начальные люди наложили въ Астрахани новые поборы, велѣли брить бороды, носить нѣмецкое платье и кланяться болванамъ; для доказательства послали на Терекъ и въ Гребени рѣзной болванъ съ личинкой, съ накладными волосами.

Царь Петръ находился въ Митавѣ, когда получилъ вѣсть изъ Москвы объ астраханскихъ событіяхъ съ дополненіями: Красноярскіе и Черноярскіе стрѣльцы также взбунтовались, къ Царицыну приступили, но были отбиты; встали Терскіе стрѣльцы и Гребенскіе козаки, на Терекѣ полковника Некрасова убили; воевода успѣлъ уйдти изъ города съ вѣрными людьми, собралъ къ себѣ Татаръ и Черкесъ и усмирилъ бунтовщиковъ, нѣкоторыхъ казнилъ, заводчиковъ послалъ въ Москву. Озабоченный трудною войной шведскою, царь отправилъ въ Астрахань грамоту, писалъ, чтобъ отъ бунта отстали и заводчиковъ прислали въ Москву, не опасаясь гнѣва его величества. Посланный съ этою грамотой, Астраханецъ Кисельниковъ пріѣхалъ въ Астрахань 3 января 1706 года; собрался кругъ, грамоту приняли въ кругу и послали за митрополитомъ Самсономъ. Когда пришелъ митрополитъ, стали читать грамоту и, выслушавъ, пошли въ церковь молебствовать за здоровье государево, стрѣляли изъ пушекъ. Самсонъ началъ увѣщевать Астраханцевъ, чтобы принесли повинную государю; митрополитъ былъ старикъ дряхлый, но у него былъ хорошій помощникъ, Георгій Дашковъ, строитель Троицкаго монастыря, присланный туда изъ большаго Троицкаго Сергіева монастыря, отъ котораго астраханскій зависѣлъ. Дашковъ «знатную службу показалъ въ увѣщаніи бунтовщиковъ», и 13 января митрополитъ привелъ всѣхъ къ присягѣ, при чемъ Астраханцы положили: если отъ этого числа кто-нибудь покажетъ какую-нибудь невѣрность, то съ нимъ поступить по указу, чего будетъ достоинъ; выбрали восемь человѣкъ и послали съ Кисельниковымъ къ государю съ повинною.

Между тѣмъ Петръ, не зная, какой оборотъ приметъ дѣло въ Астрахани, отправилъ туда фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева съ войскомъ. 9 марта, когда Шереметевъ стоялъ въ урочищѣ Кичибурскій Яръ, явился къ нему архиман-

Digitized by Google

дритъ Астраханскаго Спасскаго монастыря Антоній и подалъ письмо отъ митрополита Самсона и отъ Георгія Дашкова, который давно уже находился въ перепискѣ съ фельдмаршаломъ; теперь Дашковъ писалъ, что въ Астрахани опять смута и несогласіе: одни остаются вѣрны, другіе снова склоняются къ возмущенію, и отъ того между ними идетъ распря; Дашковъ просилъ, чтобы Шереметевъ поскорѣе шелъ въ Астрахань.

Шереметевъ сперва попробовалъ уговорить Астраханцевъ и послалъ къ нимъ для этого Сызранца, посадскаго челокѣка Данила Бородулина. Посланца ввели въ кругъ, гдѣ сидѣлъ за столомъ атаманъ Носовъ, который сказалъ Бородулину: «Здѣсь стали за правду и за христіянскую вѣру, когда-нибудь намъ всѣмъ надобно же будетъ умереть, только бы не совсѣмъ и не такъ бы, какъ теперь нареченный царь; называется онъ царемъ, а христіянскую вѣру порудилъ; онъ уже умеръ душой и тѣломъ, не всякому бы такъ умереть.» Въ это же время читали въ кругу письмо, присланное изъ Чернаго Яра: Черноярцы просили прислать силы на помощь, потому что на нихъ идетъ съ войскомъ князь Петръ Хованскій. Когда грамоту прочли, Носовъ, опершись локтемъ на коробью, и, наклонясь къ Бородулину, сказалъ ему: «Вѣдь мы не просто зачали; это дѣло великое; есть у насъ въ Астрахани со многихъ городовъ люди, и не одно черноярское письмо, что̀ тамъ въ кругу прочитали, есть у насъ письма изъ Московскаго государства, отъ столпа, отъ сущихъ христіянъ, которые стоятъ за вѣру же христіянскую.» Кто и о чемъ именно писалъ, того Носовъ не сказалъ, а Бородулинъ не спросилъ, боялся, чтобъ его не убили, потому что обступили его кругомъ и разспрашивали съ великимъ крикомъ. Потомъ Носовъ съ товарищами, съ старшинами, человѣкъ съ сорокъ, принесли въ кругъ хлѣба, вина, пива, и Носовъ поднесъ Бородулину ковшъ вина; тотъ, взявши ковшъ, сказалъ: «Дай Боже благочестивому государю многолѣтно и благополучно здравствовать!» На это отозвался одинъ изъ старшинъ, Иванъ Луковниковъ, московскій стрѣлецъ: «Какой онъ государь благочестивый, онъ неочесливый, полатынилъ всю нашу христіянскую вѣру.» Бородулинъ замѣтилъ Носову: «Для чего этотъ старшина такія нечестивыя слова говоритъ?» Атаманъ разсмѣялся и отвѣчалъ: «Не все перенять, что по Волгѣ плыветъ; мужикъ онъ простой, что̀ видитъ, то и бредитъ.» Но Луковниковъ былъ только запѣвалой; ему начали подтягивать со всѣхъ сторонъ, кричали: «Не сила Божія ему

Digitized by Google

помогаетъ, ересями онъ силенъ, христіянскую вѣру обругалъ и полатынилъ, обмѣнный онъ царь (1). Идти ли намъ, нѣтъ ли, до самой столицы, до родни его, до Нѣмецкой слободы, и корень его весь вывести; всѣ тѣ ереси отъ еретика Александра Меншикова.» На третій или на четвертый день пришли къ Бородулину на постоялый дворъ Носовъ съ старшинами и подчивали его виномъ; Бородулинъ, взявши ковшъ, опять говорилъ: «Дай, Господи, великому государю на много лѣтъ здравствовать!» и, выпивши, сталъ подносить Носову; но тотъ сказалъ: «Я про его государево здоровье пить не стану; пора вамъ образумиться, вѣдь и вы всѣ пропали, обольстили васъ начальные люди милостію, пропали вы душой и тѣломъ.» Отпуская Бородулина назадъ къ Шереметеву, Носовъ говорилъ ему: «Богъ тебѣ помочь, поѣзжай; вотъ тебѣ подводы, управляйтесь съ князьями и боярами, а въ городахъ съ воеводами, а на весну и мы къ вамъ будемъ.»

Между тѣмъ фельдмаршалъ приближался къ Астрахани. На Волгѣ противъ урочища Коровьи-Луки, за 30 верстъ отъ города, увидалъ онъ пеструю толпу, идущую къ нему на встрѣчу; впереди шли Воскресенскаго монастыря архимандритъ Рувимъ и Георгій Дашковъ, за ними стрѣлецкіе пятидесятники и десятники, потомъ Армяне, Индѣйцы, Бухарцы, юртовскіе Татары, человѣкъ съ сорокъ. Шереметевъ объявилъ имъ, что государь ихъ простилъ, но чтобъ они вины свои заслужили. На 11-е марта фельдмаршалъ пришелъ ночевать на Долгій островъ, въ десяти верстахъ отъ Астрахани; сюда ночью пріѣхали къ нему бурмистры и донесли, что они ушли изъ Астрахани, гдѣ стрѣльцы волнуются и не хотятъ пускать его въ городъ. Шереметевъ придвинулся еще ближе, сталъ на Балдинскомъ островѣ, въ двухъ верстахъ отъ Астрахани, и послалъ къ ея жителямъ послѣднее увѣщательное письмо. Отвѣта не было, а пришли дворяне съ вѣстію, что Астраханцы зажгли слободы, перебрались въ городъ, разставили и зарядили пушки, собрали гуляющихъ людей, роздали имъ ружья и порохъ и написали между собою письмо, чтобы стоять всѣмъ вмѣстѣ. Шереметевъ немедленно отправилъ полкъ въ Ивановскій монастырь,

(1) Въ это время уже распущенъ былъ слухъ, что тотъ, кто царствовалъ подъ именемъ Петра, не сынъ царя Алексѣя, а подставной иностранецъ. См. мою статью: *Монахъ Самуилъ*, въ *Православномъ Обозрѣніи*, за іюль.

Digitized by Google

чтобы спасти отъ пожара его и магазины съ провіантомъ, бывшіе подлѣ монастыря; а 12-го марта пріѣхалъ самъ въ монастырь; Астраханцы осадили его здѣсь, кинули три бомбы, но были отбиты. Между тѣмъ подошли остальные полки и начали строиться. Астраханцы сдѣлали вылазку за рѣку Кутумову, но отъ перваго залпа побѣжали, покинувъ пушки и знамена, засѣли въ земляномъ городѣ и начали стрѣлять съ вала. Солдаты взяли валъ приступомъ и гнались за Астраханцами до Каменнаго города къ самымъ Вознесенскимъ воротамъ. Но Астраханцы сильно отстрѣливались изъ Кремля. Шереметевъ, чтобы не тратить людей, велѣлъ полкамъ отступить отъ Кремля, поставилъ ихъ въ земляномъ городѣ по улицамъ, послалъ увѣщаніе къ Астраханцамъ и, для подкрѣпленія его, велѣлъ метать бомбы изъ мортиръ въ Кремль. Увѣщаніе подѣйствовало: вечеромъ же 12-го числа явились пятидесятники и десятники съ повинною, а 13 марта вышли начальники, Яковъ Носовъ, атаманъ изъ Донскихъ козаковъ Елисей Зиновьевъ, и въ винахъ своихъ просили прощенія. Шереметевъ велѣлъ имъ положить оружіе, а печать и ключи городскіе отдать митрополиту. Они все это исполнили и вынесли къ Вознесенскимъ воротамъ топоръ и плаху. 13-го же марта Шереметевъ пошелъ строемъ въ городъ; по обѣимъ сторонамъ улицы, по которой шло войско, Астраханцы лежали на землѣ, покорно ожидая казни или милости. У Пречистенскихъ воротъ Каменнаго города фельдмаршалъ былъ встрѣченъ митрополитомъ Самсономъ и пошелъ въ церковь къ молебну. Носовъ съ товарищами, 273 человѣка, были посажены за крѣпкій караулъ и потомъ отправлены въ Москву. Усмиреніе бунта стоило Шереметеву 20 человѣкъ убитыми и 53 ранеными.

II.

БУЛАВИНЪ.

Въ Астрахани смута была задавлена, ибо ее завелъ только одинъ городъ, вставши за старину и приглашая встать за нее и другихъ, приглашая козаковъ безъ указанія на другія, болѣе побудительныя причины. Приглашеніе Астраханцевъ за-

Digitized by Google

стало всѣхъ врасплохъ, не были готовы, а главное, не было предводителя: обыкновенно смута на украйнахъ разгоралась сильно, когда начиналась у козаковъ, когда извѣстный предводитель, подъ своимъ или вымышленнымъ именемъ, поднималъ знамя за козацкіе интересы. Таково было и Булавинское возстаніе на Дону.

Изъ далекихъ временъ нашей исторіи слышатся намъ отголоски борьбы за право, за возможность ухода. Со стороны людей знатныхъ много было неудовольствій и жалобъ, когда само собой прекращалось право: «Боярамъ и слугамъ вольнымъ воля». Прекращалось это право само собою, потому что не къ кому стало переходить боярамъ и слугамъ вольнымъ: одинъ сталъ государь на всемъ государствѣ. Въ другихъ сферахъ, въ городахъ и селахъ, государство должно было бороться съ тѣмъ же стремленіемъ уходить, переходить, и этимъ уходомъ и переходомъ отбывать отъ исполненія обязанностей, налагаемыхъ государствомъ. Громадность государственной области и бѣдность народонаселенія, бѣдность промышленнаго развитія, бѣдность, ничтожность города и преобладаніе села были причиною этой постоянной борьбы. Потребности государственныя расли все болѣе и болѣе, тяжелыя войны истощали казну, доходовъ не доставало; государство стремилось поэтому взять какъ можно больше податей съ промышленнаго городскаго жителя, но посадскимъ, при бѣдности ихъ промысловъ, платить было тяжело, и они бѣжали изъ своихъ городовъ или закладывались за сильныхъ людей, чтобъ отбывать податей, которыя съ большею тяжестію, разумѣется, ложились на остававшихся, не говоря уже о томъ, какъ эта тяжесть увеличивалась еще московскою волокитой и злоупотребленіями воеводъ и приказныхъ людей; а тутъ еще тѣ, которые бѣжали изъ государства въ степи и стали вольными козаками, возвратились въ началѣ XVII вѣка съ самозванцами и Литвой, но явились для жителей Московскаго государства, для людей, жившихъ честнымъ трудомъ, «грубнѣе Литвы и Нѣмцевъ, разоряя все, и муча людей такими муками, о какихъ и въ древнія времена было не слышно.» Государство оправлялось съ трудомъ: оно требовало средствъ, чтобы поправиться, но разоренные городскіе жители разбѣгались или закладывались, чтобъ отбыть отъ податей; нужно было вести продолжительныя и тяжелыя войны, а ратные люди жаловались, что имъ жить и служить нечѣмъ, крестьяне бѣгутъ изъ ихъ помѣстій къ зем-

Digitized by Google

владѣльцамъ, могущимъ дать бо́льшія льготы, чѣмъ они. И вотъ, противъ этого стремленія уйдти, разбрестись розно по тогдашнему выраженію, государство принимаетъ свои мѣры, оно ставитъ заставы, ловитъ бѣглецовъ, выводитъ ихъ изъ закладничества, усаживаетъ на однихъ мѣстахъ, прикрѣпляетъ.

Но понятно, что такими средствами нельзя было уничтожить зла, уничтожить побѣговъ; надобно было другое средство; оно состояло въ томъ, чтобы поднять трудъ, обогатить трудящагося человѣка и дать ему черезъ это возможность удовлетворять требованіямъ государства. Но какъ было это сдѣлать? какъ было поднять матеріяльное благосостояніе народа, нераздѣльное съ благосостояніемъ нравственнымъ? Передъ глазами были на западѣ Европы государства богатыя, государства поморскія; разбогатѣли они отъ торговли, отъ промышленности, отъ моря, отъ городовъ, которые у нихъ такъ сильно развились, въ противоположность государствамъ восточной Европы, государствамъ сельскимъ по преимуществу. Въ настоящее время нѣкоторые писатели западной Европы жалуются на это усиленное развитіе города въ ущербъ селу у нихъ, находятъ здѣсь односторонность, вредную крайность. Мы не будемъ защищать никакой односторонности, никакой крайности, которая всегда вредна; но мы замѣтимъ одно, что если въ западной Европѣ было черезмѣрное развитіе города, то въ Европѣ восточной была крайность противоположная, слабое развитіе города и господство села, что̀ крайне вредило народному развитію вообще, производило эту отсталость восточной Европы передъ западною, бѣдность, застой жизни народной. Понятно, что народъ русскій, какъ народъ историческій, способный къ развитію, долженъ былъ чувствовать эту страшно-вредную односторонность въ своей жизни и, чтобы дать ей бо́льшую правильность, стремиться къ уравновѣшенію началъ. Это стремленіе высказалось уже давно въ лучшихъ людяхъ, высказалось какъ главное стремленіе правительства. Пріобрѣсти морской путь и усилить промышленность, торговлю, пріобрѣсти то, чего было такъ много на западѣ Европы и не доставало на Востокѣ, уничтожить вредную односторонность, отнять у Россіи характеръ чисто-сельскаго государства и дать надлежащее развитіе городовому началу—стало задушевною мыслію историческихъ дѣятелей, задушевною мыслію величайшаго изъ нихъ, котораго по преимуществу называютъ преобразователемъ: въ страстномъ стремленіи Петра къ морю высказалось

Digitized by Google

стремленіе историческаго народа къ тому, чего именно недоставало ему для продолженія исторической жизни, и что̀ условило такое блестящее развитіе западно-европейскихъ народовъ. Пріобрѣсть море, усилить городъ, промышленность, торговлю, сдѣлать свой народъ богатымъ и черезъ то доставить государству средства къ безпрепятственному достиженію своихъ цѣлей, дать народу средства, умѣнье сдѣлаться богатымъ, то умѣнье, которымъ въ этомъ отношеніи отличались западные Европейцы, заставить, выучить народъ работать, промышлять, торговать такъ, какъ это дѣлали иностранцы—вотъ программа дѣятельности Петра Великаго. Но выполненіе этой программы требовало новыхъ тяжкихъ пожертвованій со стороны бѣднаго народа, котораго хотѣли сдѣлать богатымъ или выучить какъ сдѣлаться богатымъ. Чтобы пріобрѣсть море, прежде всего нужно было вести тяжелую, продолжигельную войну. «Денегъ какъ можно болѣе доставать, ибо деньги суть артеріею войны», предписывалъ Петръ новоучрежденному своему сенату. Это доставаніе денегъ для войны и доставаніе людей для трудной военной службы тяжело падало на народъ, и вотъ начинается усиленное бѣгство въ степи, къ козакамъ для отбыванія отъ тяжелой службы и податей! Но преобразователь менѣе всякаго другаго былъ способенъ хладнокровно смотрѣть на это отбываніе отъ службы и податей, смотрѣть, какъ у него вырываются изъ рукъ средства для выполненія его программы. Въ концѣ 1707 года онъ отправилъ полковника князя Юрія Владиміровича Долгорукаго съ командою на Донъ отыскивать бѣглецовъ и высылать на прежнія жилища. Долгорукій отыскалъ уже 3000 бѣглыхъ; но въ это время между козаками начала ходить грамота съ увѣщаніемъ не допускать Долгорукова до исполненія его наказа и бить сыщиковъ. Начались волненія, и бахмутскій старшина Кондратій Булавинъ нечаянно ночью напалъ на отрядъ Долгорукаго и истребилъ его вмѣстѣ съ предводителемъ. Въ послѣдствіи братъ убитаго, князь Василій Владиміровичь Долгорукій, спрошенный о причинахъ мятежа, прямо отвѣчалъ обвиненіемъ старшины Войска Донскаго, атамана Лукьяна Максимова съ товарищами: «Атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ товарищи, отправивъ брата моего и давъ ему четырехъ человѣкъ изъ старшинъ для будто изволенія Его Величества указу, послали помянутые воры указъ на Бахмутъ къ атаману тамошнему Булавину, чтобъ онъ брата убилъ, а ихъ воровской умыселъ для того былъ закрывая свое воров-

Digitized by Google

ство, что многія тысячи людей бѣглыхъ приняли и умыселъ ихъ воровской былъ такой: когда брата убьютъ, то тѣмъ воровство ихъ закрыто будетъ и видя въ то время его величество въ войнѣ великой со Шведомъ, разсудили, что за помянутою войною оставлено ихъ воровство будетъ.»

Но еслибы даже и Петръ, за войной, хотѣлъ оставить это дѣло, то не хотѣлъ оставить его Булавинъ. Чтобы выгородить себя, старшины хотѣли заковать его и отослать для розыска; но Булавинъ, по привычной для козака дорогѣ, бѣжалъ съ Дона въ Запорожье. Дѣло, казалось, этимъ кончилось; но 8-го февраля 1708 года, кіевскій воевода, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ получаетъ отъ ахтырскаго полковника Ѳедора Осипова донесеніе, что Булавинъ, вышедши изъ Сѣчи, съ большою силой стоитъ на рѣкѣ Вороной, ниже Кодака. Гетманъ войска запорожскаго, Иванъ Степановичъ Мазепа, немедленно отправилъ въ Сѣчь запросъ, что̀ это тамъ такое дѣлается? и получилъ успокоительный отвѣтъ, что изъ Коша съ Булавинымъ никто не пошелъ, что его самого въ Сѣчи нѣтъ, и когда приходилъ, то съ безчестіемъ былъ отпущенъ, и если опять придетъ, то его немедленно пришлютъ къ гетману. Но Булавину уже не нужно было опять приходить въ Сѣчь. Знамя было уже поднято, предводитель явился, и по всей Украйнѣ пошли «прелестныя» письма новаго Разина: «отъ Кондратья Булавина и всего съѣзднаго войска, походнаго донскаго, въ русскіе города начальнымъ добрымъ людямъ, также въ села и деревни посадскимъ и всякимъ чернымъ людямъ челобитье: вѣдомо имъ чинятъ, что они всѣмъ войскомъ единодушно вкупѣ въ томъ, что стоять имъ со всякимъ радѣньемъ за домъ Пресвятыя Богородицы и за истинную вѣру христіянскую, и за благочестиваго царя, и за свои души и головы, сынъ за отца, братъ за брата, другъ за друга и умирать за одно; а имъ, всякимъ начальнымъ добрымъ людямъ и всякимъ чернымъ людямъ всѣмъ также съ ними стоять вкупѣ за одно, и отъ нихъ они обиды никакой ни въ чемъ не опасались бы, а которымъ худымъ людемъ, и княземъ, и бояромъ и прибыльщикомъ и Нѣмцомъ за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіянской отвратили своими знаменьми и чудесы прелестными; а между собою добрымъ начальнымъ, посадскимъ и торговымъ и всякимъ чернымъ людемъ отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить,

Digitized by Google

не грабить и не разорять, и буде кто станетъ кого напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь; а по которымъ городамъ по тюрьмамъ есть заключенные люди, и тѣхъ заключенныхъ изъ тюремъ выпустить тотчасъ безъ задержанія; да еще имъ вѣдомо чинятъ, что съ ними козаками запорожскіе козаки и Бѣлогородская Орда и иные многіе орды имъ козакамъ за душами руки задавали въ томъ, что они рады съ ними стать заедино. А съ того ихъ письма списывать списки, а подлиннаго письма отнюдь бы не потерять и не затаивать, а будетъ кто то письмо истеряетъ или потаитъ, и они того человѣка найдутъ и учинятъ смертную казнь. У того письма походнаго войсковаго атамана Булавина печать.»

Булавинъ разсылалъ свои грамоты съ Хопра изъ Ѳедосѣевской станицы. 18 марта явился въ Тамбовѣ, Тамбовскаго уѣзда, села Княжова, церковный дьячокъ и разказывалъ: «Былъ я въ Пристановскомъ городкѣ; воры говорятъ, чтобъ имъ достать козловскаго воеводу князя Григорія Волконскаго; Булавинъ идетъ къ намъ, Тамбовцамъ, съ силою; при немъ съ 17,000 войска; а съ другой стороны ждутъ они Каракалпаковъ; намѣреніе воровское—собравшись всѣмъ, идти въ Черкаскъ; воры говорятъ: дѣло намъ до бояръ, да до прибыльщиковъ, да до подъячихъ, чтобы перевесть ихъ всѣхъ.» Запорожцы и Калмыки уже начали разорять деревни въ Тамбовскомъ уѣздѣ, грозились идти къ Тамбову и къ Тулѣ, а у тамбовскаго воеводы Данилова не было и ста человѣкъ войска; онъ послалъ повѣстки, чтобы шли всѣ въ городъ для осаднаго сидѣнья; но никто не пошелъ; между Тамбовцами слышались рѣчи: «Что намъ въ городѣ дѣлать? не наше это дѣло!» Воевода велѣлъ бить въ набатъ, палить изъ пушекъ; по набату пришло въ городъ городскихъ людей съ 300 человѣкъ; воевода обрадовался, роздалъ имъ порохъ и свинецъ; пошли всѣ въ церковь къ молебну; но еще не кончили молебенъ, какъ въ городѣ не было уже ни одного человѣка изъ получившихъ свинецъ и порохъ.

Около Булавина на Хопрѣ сталпливалось все болѣе и болѣе народу: много приставало къ нему по охотѣ, иныхъ брали неволей; изъ Ѳедосѣевской станицы пристали къ нему человѣкъ съ 30, да товарищъ его Лучка Хохлачъ прибралъ къ себѣ на Бузулукѣ человѣкъ съ 300; начались уже и казни подозрительнымъ и непокорнымъ; въ верхнихъ городахъ Булавинъ троимъ велѣлъ отсѣчь головы. Пристановскій городокъ на Хопрѣ

Digitized by Google

съ 500 козаковъ взялъ сторону вора, который велѣлъ силою забрать въ свою шайку рабочихъ, готовившихъ на Хопрѣ лѣсъ въ отпускъ къ Азову; начальные люди ихъ были побиты. Въ Пристановскомъ городкѣ былъ у козаковъ кругъ: пришелъ Булавинъ, вынулъ саблю и говорилъ: «Если своего намѣренія не исполню, то этою саблей отсѣките мнѣ голову.» Въ хоперскіе городки разослалъ онъ грамоты, чтобы никто не пахалъ и хлѣба не сѣялъ и никуда не отлучался, чтобы всѣ были въ собраніи и къ службѣ готовы, а пришлыхъ съ Руси людей принимали безовзяточно. Мятежъ ширился; степная половина Тамбовской области пустѣла: волостные люди съ своими пожитками убирались въ лѣса за Цну рѣку. Какъ обыкновенно бывало въ подобныхъ случаяхъ, лучшіе люди стояли за правительство, объявляли, что они къ бунту не склоняются, требовали, чтобы воеводы шли съ полками немедленно къ Пристановскому городку, дабы поддержать тѣхъ казаковъ, которые пристали къ Булавину поневолѣ. Но гдѣ было взять полковъ воеводамъ царскимъ, тогда какъ полки и союзники Булавина увеличивались часъ отъ часу? Жители деревень Тамбовскаго уѣзда, Корочина, Грибановки, склонились къ воровству, выбрали между собою атамановъ и есауловъ расправу чинить по казачьей *обыкности*. Воры разорили новонаселенныя деревни въ Тамбовскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Воронѣ, людей, которые имъ противились, побили, другіе пристали къ нимъ волей и неволей. 30 марта 200 человѣкъ воровъ прошло на Битюгъ, засѣли острогъ, воеводу, попа, подъячихъ и лучшихъ людей разграбили, воеводу держали въ оковахъ и сбирались повѣсить. Зашатался Козловскій уѣздъ: воры многихъ здѣсь склонили въ свое согласіе, привели къ присягѣ, выбрали атамана и есауловъ.

Наконецъ обнаружилось движеніе и со стороны правительства. Воевода Степанъ Бахметевъ съ одною старинною дворянскою конницей переправился за рѣку Битюгъ, и 28 апрѣля, на рѣчкѣ Курлакѣ, встрѣтился съ ворами, которыхъ было 1500 человѣкъ изъ хоперскихъ, медвѣдицкихъ и бузулуцкихъ городковъ; атаманомъ у нихъ былъ товарищъ Булавина Лукьянъ Хохлачъ. Воры толковали: «если побьемъ полки, то пойдемъ на Воронежъ, тюремныхъ сидѣльцевъ распустимъ, а судей, дьяковъ, подъячихъ и иноземцевъ побьемъ.» Послѣ упорнаго боя, войска правительства разбили воровъ и гнали ихъ на 20 верстахъ, взяли въ плѣнъ 143 человѣка, три знамени. Но даль-

Digitized by Google

нѣйшихъ успѣховъ ожидать было нельзя: у Бахметева не было ни драгунъ, ни солдатъ, не было ни пушекъ и никакихъ полковыхъ запасовъ, не было лѣкаря, и раненые гибли безъ помощи. Бахметевъ получилъ «прелестное» письмо, въ которомъ уговаривали его быть заодно съ булавинцами, стоять за вѣру христіянскую, а имъ, булавинцамъ, нѣтъ дѣла ни до бояръ, ни до торговыхъ людей, ни до черни, ни до солдатъ, только имъ нужны Нѣмцы прибыльщики.

Въ то время какъ Бахметевъ, по печальному состоянію своего отряда, не могъ воспользоваться побѣдой надъ Хохлачомъ, Булавинъ торжествовалъ надъ войсками правительства. Азовскій губернаторъ Толстой выслалъ противъ него полковника Николая Васильева, который, соединившись съ донскимъ атаманомъ Лукьяномъ Максимовымъ, 8 апрѣля встрѣтилъ Булавина выше Паншина, на рѣчкѣ Лисковаткѣ, у Красной Дубровы. Полковникъ и атаманъ хотѣли немедленно вступить въ бой; но козаки верховыхъ городовъ стали говорить, что надобно переслаться съ козаками Булавина, надобно разузнать дѣло, доискаться, кто же виноватъ? Атаманъ Лукьянъ Максимовъ говоритъ, что Булавинъ самъ собою затѣялъ бунтъ, а Булавинъ клянется, что атаманъ прислалъ ему грамоту, въ которой приказывалось убить князя Долгорукаго; если окажется, что Булавинъ въ самомъ дѣлѣ виноватъ, то пусть козаки его выдадутъ, если же виноватъ Лукьянъ Максимовъ, то обоихъ сковать и отослать къ великому государю. На другой день, 9 апрѣля пришелъ отъ Булавина козакъ и говорилъ, чтобы кровопролитія не начинать, а сыскать виноватыхъ между собою, да чтобъ атаманъ Максимовъ отправилъ къ Булавину на разговоръ старшину Ефрема Петрова. Петровъ отправился и, возвратившись назадъ, созвалъ козаковъ въ кругъ, чтобъ отдать отчетъ въ своемъ посольствѣ; но въ то время какъ козаки толковали въ кругу, а царскій полковникъ стоялъ спокойно, надѣясь, что дѣло кончится безъ битвы, Булавинъ напалъ на войска правительства жестокимъ боемъ, верховые козаки немедленно измѣнили, соединились съ ворами и вмѣстѣ съ ними обратили свои ружья на царскіе полки, которые потерпѣли пораженіе, оставили въ рукахъ Булавина четыре пушки, порохъ, свинецъ и 8000 рублей денегъ. Лукьянъ Максимовъ ушелъ къ Черкаску, полковникъ Васильевъ къ Азову. Побѣдители дуванили добычу: досталось по два съ гривной на человѣка.

Digitized by Google

Но важнѣе добычи было впечатлѣніе, произведенное въ казацкихъ городкахъ вѣстью о побѣдѣ при Лисковаткѣ: весь Хоперъ, Бузулукъ и Медвѣдица отложились и начали собираться около Булавина: по Хопру было 26 городковъ, въ нихъ 3670 человѣкъ козаковъ; по Бузулуку 16 городковъ, въ нихъ 1490 человѣкъ; по Медвѣдицѣ 14 городковъ, въ нихъ 1480 человѣкъ; пристали къ Булавину 10 городковъ отъ Донецкаго городка (на Сѣверномъ Донцѣ) до Голубинскаго, въ нихъ 6900 козаковъ; пристали 33 городка отъ Голубинскаго до Черкаска, въ нихъ 6470 человѣкъ; за Максимова стоялъ главный городъ Черкаскъ съ 5000 жителей, да по Дону 5 городковъ съ 1780 человѣкъ. Сѣверный Донецъ съ 12 городками и 1680 человѣками жителей весь отложился и началъ собираться около булавинскаго полковника Семена Дранаго.

Послѣ сраженія при Лисковаткѣ, Булавинъ отправился внизъ по Дону къ Черкаску, и походъ его былъ торжественнымъ шествіемъ: сопротивленія нигдѣ не было; охотники приставали къ нему толпами, и число булавинскаго войска дошло до 15.000 человѣкъ; козаки изъ станицъ вывозили съ каждаго двора по хлѣбу да по чашѣ пшена, а иной привозилъ всякій запасъ и живность. 28 апрѣля Булавинъ осадилъ Черкаскъ; сутокъ съ двое Максимовъ съ своими приверженцами отстрѣливался отъ осаждающихъ, но безуспѣшно: Рыковская, Тютерева и Скородумовскія станицы сдались Булавину, сдались и на Черкасскомъ острову станицы Дурная и Прибылая, мосты по прежнему сдѣлали, а между тѣмъ изъ Черкаска пріѣзжали въ воровскіе полки для разговоровъ двое братьевъ, Василій Большой да Василій Меньшой Поздѣевы. Разговоры эти кончились тѣмъ, что въ Черкаскѣ положили выдать Булавину атамана Лукьяна Максимова и старшинъ Ефрема Петрова, Абросима Савельева, Никиту Соломату, Ивана Машлыкина. 1-го мая отправился въ Черкаскъ Игнатій Некрасовъ, взялъ Лукьяна Максимова съ товарищами, отвелъ въ Рыковскую станицу и развелъ по избамъ за крѣпкими караулами. Булавинъ стоялъ за Рыковскою станицею на Буграхъ; самъ онъ не двигался съ мѣста, а для всякихъ дѣлъ въ Черкаскъ, Рыково и Скородумову станицу разсылалъ безпрестанно Некрасова и Дранаго; близъ Скородумовой станицы шумѣли круги, толковали объ участи Максимова съ товарищами и наконецъ рѣшили и приговорили: атамана и старшинъ побить до смерти. Но прежде еще исполненія приговора привели Максимова и Ефрема Пе-

Digitized by Google

трова въ кругъ, пріѣхалъ Булавинъ и велѣлъ ихъ бить плетьми, допрашиваясь денегъ и пожитковъ. 6 мая собрались для казни: атаманъ Максимовъ молча положилъ голову на плаху; но Ефремъ Петровъ сказалъ: «Хотя я отъ васъ и умру, но слава моя не умретъ; вы этотъ островъ такому вору отдали, а великому государю островъ знатенъ, рѣку великій государь всю очиститъ и васъ, воровъ, выведетъ.» Булавина не было при казни.

На мѣсто Максимова атаманомъ былъ выбранъ Булавинъ. Новый атаманъ писалъ государю, что собрались козаки по Дону, Донцу, Хопру и Медвѣдицѣ для перемѣны и выбора новыхъ старшинъ, пришли въ Черкаскъ и убили до смерти атамана Лукьяна Максимова и старшину Ефрема Петрова съ товарищи за ихъ неправды, за то что они не давали въ *дуванъ* царскаго годоваго жалованья, не дали 20.000, присланныхъ за астраханскую службу, и 10.000, присланныхъ въ нынѣшнемъ году. Тутъ же Булавинъ билъ челомъ, чтобы жену его и сына изъ Валуекъ отпустили къ нему въ Черкаскъ. Козаки послали отъ себя грамоту, въ которой также прописывали вины Максимова съ товарищи: «Царскаго жалованья въ дуванъ не давали; множество новопришлыхъ съ Руси людей принимали и о заимкѣ юртовъ безъ нашего войсковаго вѣдома письма давали и за тѣ письма многія взятки себѣ брали; по твоему государеву указу не однихъ пришлыхъ съ Руси людей, но множество и старожилыхъ козаковъ, которые пришли лѣтъ двадцать тому назадъ и больше, всѣхъ неволею въ Русь высылали, ради бездѣльныхъ своихъ взятокъ въ воду сажали, по деревьямъ за ноги вѣшали, женщинъ и младенцевъ между колодъ давили и всякое ругательство чинили, городки многіе огнемъ выжгли. Князя Юрія Долгорукаго убилъ не одинъ Кондратій Булавинъ, убили его съ общаго вѣдома, потому что у розыска поступалъ не по твоему государеву указу; отъ тебя, великаго государя, мы никуда не откладываемся, твоихъ украинскихъ городовъ не разоряли и отнюдь разорять не будемъ; желаемъ тебѣ служить по прежнему всѣмъ войскомъ донскимъ и всѣми рѣками всеусердно. И чтобы твои полководцы къ городкамъ нашимъ не ходили, а буде они насильно поступятъ и какое разоренье учинятъ, въ томъ воля твоя: мы рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками тебѣ уступимъ и на иную рѣку пойдемъ.»

Понятно, что ни угроза оставить Донъ, ни увѣреніе въ готовности служить послѣ «прелестныхъ» писемъ Булавина и движеній въ степныхъ областяхъ государства не могли произве-

Digitized by Google

стн выгоднаго для козаковъ впечатлѣнія на правительство. Въ тотъ самый день, какъ Булавинъ осадилъ Черкаскъ, Петръ назначилъ брата убитаго мятежниками Долгорукаго, князя Василія Владиміровича, главнымъ начальникомъ войскъ, отправленныхъ противъ Булавина; предписалъ, чтобы всѣ украинскіе воеводы были ему послушны. Но судьба Булавина рѣшилась еще прежде прибытія Долгорукаго. Какъ всегда, такъ и теперь, козачье общество дѣлилось на двѣ стороны: козаковъ старыхъ, домовитыхъ, которые хотѣли сохранять крѣпкую связь съ государствомъ, и козаковъ молодыхъ, новыхъ или *голутвенныхъ* (голи, голытбы), этого сброда со всѣхъ сторонъ, ненасытныхъ искателей зипуновъ, которыхъ самые дѣятельные товарищи Булавина *Голый*, *Драный* были полными представителями по имени и на дѣлѣ. Старые козаки уступили на время толпамъ Булавина, но они были твердо увѣрены, что предсмертное пророчество Ефрема Петрова исполнится. Уже въ первыхъ числахъ мая, козаки начали совѣтоваться, какъ бы схватить Булавина и переслать въ Азовъ. У самого Булавина и его приверженцевъ вовсе не было крѣпкой надежды сладить съ войсками правительства; мы видѣли, что въ грамотѣ къ царю они грозили не сопротивленіемъ, а бѣгствомъ, и дѣйствительно 19 мая получены были вѣсти съ Дона, что Булавинъ хочетъ бѣжать на Кубань, куда отправилъ письмо къ Гуссейнъ-пашѣ, что если государь ихъ не пожалуетъ противъ прежняго, то они отъ него отложатся и станутъ служить султану; а султанъ бы государю не вѣрилъ, что съ нимъ въ мирѣ: государь и во время мира многія земли разорилъ, также и на султана корабли и всякій воинскій снарядъ готовитъ. Между тѣмъ движенія непріязненныхъ Булавину козаковъ продолжались; къ несчастію, они не успѣли еще хорошенько сговориться и сосредоточиться около одного вождя, а между тѣмъ, полагаясь на свою многочисленность и силу, начали давать волю языку. Однажды, въ концѣ мая, собрался большой кругъ изо всѣхъ станицъ; Булавинъ пріѣхалъ и началъ говорить многія непристойныя слова; тутъ раздались голоса между козаками верховыхъ городковъ: «Ты много говоришь, а съ повинною къ великому государю не посылаешь; не всѣхъ перекуешь! теперь насъ въ согласіи много, можемъ тебя и въ кругу поймать.» Булавинъ велѣлъ взять за караулъ крикуновъ и сталъ осторожнѣе, завелъ при себѣ караулъ человѣкъ изъ восьми.

Но не караулъ, а только одинъ успѣхъ противъ войскъ цар-

Digitized by Google

скихъ могъ поддержать Булавина. Узнавъ о приближеніи этихъ войскъ подъ начальствомъ бригадира Шидловскаго и полковника Кропотова, Булавинъ выслалъ противъ нихъ Семена Дранаго съ 5.000 донскихъ и 15.000 запорожскихъ козаковъ. 1-го іюля, въ урочищѣ Кривая Лука, Драный встрѣтился съ войсками правительства, бой продолжался три часа дня и два часа ночи; козаки потерпѣли совершенное пораженіе и потеряли Дранаго. Вслѣдъ за извѣстіемъ о пораженіи и гибели Дранаго пришла къ Булавину другая печальная вѣсть. Онъ отправилъ подъ Азовъ 5.000 человѣкъ подъ начальствомъ Лунки Хохлача, Карпунки Козанкина, Ивашки Ганкина; противъ нихъ вышелъ уже извѣстный намъ полковникъ Николай Васильичъ, но не имѣлъ успѣха; воры наступали *съ великою наглостію* и пришли къ Матросской слободѣ; тутъ на помощь къ Васильеву явились четыре солдатскихъ роты и поправили дѣло: воры, тѣснимые съ одной стороны войсками Васильева, съ другой обсыпаемые ядрами съ Азовской крѣпости и съ кораблей, обратились въ бѣгство и были преслѣдуемы до рѣки Коланчи. Эти двѣ неудачи рѣшили участь Булавина. Старые козаки взяли верхъ; 7-го іюля къ куреню, гдѣ жилъ Булавинъ, явились они подъ начальствомъ Ильи Зершикова. Булавинъ заперся и началъ отстрѣливаться, убилъ двухъ человѣкъ у осаждающихъ, наконецъ, видя невозможность отсидѣться, застрѣлилъ себя изъ пистолета. Хохлачъ, прибѣжавшій изъ-подъ Азова въ Черкаскъ, былъ убитъ; Зершиковъ провозглашенъ атаманомъ. 26-го іюля къ рѣкѣ Аксаю подошелъ главный начальникъ войскъ правительства князь Долгорукій и поставилъ полки свои во фронтъ. Пріѣхалъ Илья Зершиковъ съ старшиной и лучшими козаками: всѣ сошли съ лошадей, приклонили знамена и пали на землю, прося милосердія. На другой день царскіе ратные люди вступили въ Черкаскъ; козаки привели въ обозъ къ Долгорукову сына Булавина, Никиту, брата Ивана да Михайлу, сына Семена Дранаго, всего двадцать шесть человѣкъ близкихъ къ Булавину людей; а на другой день, 28-го іюля, всѣ козаки присягнули впередъ не бунтовать.

Но смертію Булавина и покорностію Черкаска дѣло не кончилось. Мы видѣли, что волненіе начало распространяться въ разныхъ мѣстахъ степныхъ украинскихъ областей Московскаго государства. Еще весною, при жизни Булавина и Хохлача, когда мятежъ былъ силенъ на Дону, возмутились жители Камышина, убили воеводу и десять начальныхъ людей, и приняли къ себѣ

Digitized by Google

Хохлача; шайки воровскихъ козаковъ и Калмыковъ продолжали разорять села и деревни, разорили Мокшанскъ, убили подъячаго, которому былъ приказанъ городъ. Никита Голый разсылалъ прелестныя письма: «Намъ до черни дѣла нѣтъ, намъ дѣло до бояръ и до тѣхъ, которые неправду дѣлаютъ; а вы *голудьба* вся идите со всѣхъ городовъ, конные и пѣшіе, нагіе и босые, идите, не опасайтесь, будутъ вамъ кони, ружье, платье и денежное жалованье; а мы стали за старую вѣру, за домъ Пресвятой Богородицы, за васъ и за всю чернь, чтобъ намъ не впасть въ еллинскую вѣру. А вы, стольники и воеводы и всякіе приказные люди! не держите черни, по городамъ не хватайте и пропускайте всѣхъ къ намъ въ донскіе городки; а кто будетъ держать чернь и не отпускать, тѣмъ людямъ смертная казнь.» Воры овладѣли было и Царицынымъ, гдѣ казнили воеводу Аѳанасья Турчанина, но держали городъ только три дня: явились государевы ратные люди, присланные Апраксинымъ изъ Астрахани, и отняли Царицынъ у воровъ. Хохлачъ попытался овладѣть Саратовымъ, но неудачно; отступивъ отъ города, онъ сталъ дожидаться Некрасова; но въ тотъ самый день, какъ Некрасовъ соединился съ Хохлачемъ, явились подъ Саратовъ бузовые Калмыки и начали проситься у Саратовцевъ, чтобы впустили ихъ въ городъ; Саратовцы отказали, тогда Калмыки опрокинулись на козаковъ Хохлача и Некрасова и убили у нихъ человѣкъ съ сотню; козаки бросились бѣжать. Между тѣмъ по Волгѣ пошла вѣсть, что идутъ царскія войска подъ начальствомъ боярина князя Петра Ивановича Хованскаго. Козаки стали покидать Камышинъ и бѣжать на Донъ, имъ послѣдовали многіе камышинскіе жители; тогда остальные Камышинцы и бурлаки стали говорить козакамъ: «Для чего забунтовали, а теперь бѣжите на Донъ!» Они схватили атамана Кондратья Носова въ кругъ, допросили, гдѣ дѣвалъ порохъ и свинецъ, вынули у него бочку пороха и принесли въ кругъ. Тутъ атаманъ, Иванъ Земинъ, увидавъ, что козакамъ приходится плохо, сталъ сулить бурлакамъ бочку вина и по полтинѣ денегъ; бурлаки не выдержали искушенія, и отправились вмѣстѣ съ козаками, побравши пушки и порохъ; которые Камышинцы не хотѣли съ ними идти, тѣхъ били и грабили.

Пора была бѣжать козакамъ. Хованскій занялъ Саратовъ и отправилъ Саратовцевъ и Калмыковъ къ перекопскому козачьему городку: городокъ былъ взятъ, козаки побиты, домы ихъ выж-

Digitized by Google

жены и разорены безъ остатка. Услыхавъ объ этомъ, козаки всѣ выбрались изъ Паншина городка съ женами и дѣтьми, но слѣдомъ за ними шелъ товарищъ Хованскаго, Дмитріевъ-Мамоновъ, и Калмыки. 23-го августа онъ нагналъ бѣглецовъ ниже Паншина, верстахъ въ пяти у Дону: у воровъ было 4.000 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей, обозу у нихъ было 1.000 телѣгъ; послѣ *великой баталіи* воры потерпѣли совершенное пораженіе, очень мало ушло ихъ въ двухъ полкахъ, жены, дѣти ихъ и пожитки достались царскимъ ратнымъ людямъ и Калмыкамъ. Послѣ этой побѣды, по распоряженію Хованскаго, запылало восемь городовъ козачьихъ, тридцать девять городковъ добили челомъ и присягнули.

Въ томъ же августѣ поднимались шестнадцать станицъ, козаки укладывали имѣніе на телѣги, женщины и дѣти собирались въ дорогу, и скоро 3.000 козаковъ съ семействами столпились въ Есауловѣ городкѣ; пришли они сюда по письмамъ Некрасова, который обѣщалъ быть къ нимъ въ Есауловъ съ Ивашкою Павловымъ, Сережкою Безпалымъ, Лоскутомъ и другими предводителями голутвенныхъ. Чтобы не допустить Некрасова къ Есаулову, Долгорукій, бросивъ пѣхоту и обозъ, съ одною конницей пустился къ Есаулову, куда пришелъ 22-го августа; воры сѣли въ осадѣ, поджидая Некрасова; монахъ раскольникъ Кириллъ пѣлъ молебенъ о побѣдѣ козаковъ надъ государевыми людьми: этотъ Кириллъ, не будучи попомъ, исправлялъ въ Есауловѣ всѣ священническія требы, исповѣдовалъ, причащалъ, крестилъ. 23-го числа Долгорукій повелъ приступъ, но приступъ не удался. Несмотря на то, осажденные потеряли надежду отсидѣться и дождаться выручки отъ Некрасова; они прислали повинную къ Долгорукову и присягнули не бунтовать. Началась расправа; атаманъ Васька Тельной и монахъ Кириллъ съ товарищемъ своимъ, другимъ монахомъ-раскольникомъ, были четвертованы; другихъ, съ десятка по человѣку, перевѣшали кругомъ городка; иныхъ, поставя висѣлицы на плотахъ, пустили внизъ по Дону. Такимъ образомъ казнено было больше двухъ сотъ человѣкъ. Тогда, отчаявшись въ своемъ дѣлѣ, Некрасовъ, съ 2.000 козаковъ, побѣжалъ на Кубань и поддался султану.

Но не отчаивался Голый. По письму донецкаго атамана Колычова, 18-го сентября онъ пришелъ въ Донецкую станицу; войска съ нимъ было тысячи съ четыре; и здѣсь, какъ въ Есауловѣ, козаки были съ женами, дѣтьми и скотиной. Недѣли

Digitized by Google

съ полторы послѣ прихода Голаго въ Донецкую станицу, показались на Дону будары: то шелъ провіянтъ въ Азовъ, провожалъ его полковникъ Илья Бильсъ съ солдатскимъ полкомъ. Когда будары пристали къ станицѣ, Голый и Колычовъ явились съ хлѣбомъ и солью на поклонъ къ Бильсу; Нѣмецъ, не подозрѣвая, что за люди передъ нимъ, отплатилъ честью за честь, подчивалъ ихъ и какъ добрымъ подданнымъ царскимъ, позволилъ ходить по бударамъ и осмотрѣть пушки, свинецъ, казну. Давши Бильсу провожатыхъ, воровскіе атаманы отпустили его Дономъ внизъ, а сами пошли за бударами слѣдомъ по берегу, чтобы воспользоваться первымъ случаемъ и захватить лакомую добычу. Случай не заставилъ себя долго ждать: въ урочищѣ за бурунами поднялась погода, будары разнесло, многія сѣли на мель; Голый и Колычовъ были тутъ: Голый закричалъ съ берегу, чтобъ Бильсъ приставалъ съ своею бударой слушать государевъ указъ; полковникъ послушался, пристадъ, воры бросились на будару, схватили Бильса, офицеровъ перевязали и посадили въ воду, солдатъ забрали къ себѣ въ таборы, государеву казну и солдатскія пожитки *раздуваниди* между собою.

Воры ликовали, тѣмъ болѣе что пришла вѣсть, что Долгорукій, считая дѣло конченнымъ въ Черкаскѣ и Есауловѣ, распустилъ войско и стоитъ въ малолюдствѣ. Козаки рѣшили: женъ и дѣтей развести по городкамъ, а самимъ идти подъ украйные города. «Если Долгорукаго разобьемъ, говорили они, то въ городахъ чернь къ намъ пристанетъ, пойдемъ прямо къ Москвѣ, побьемъ бояръ, Нѣмцевъ и прибыльщиковъ.» Но не долго они радовались: Долгорукій зналъ уже обо всемъ, что случилось съ Бильсомъ, и двинулся изъ Острогожска въ Коротоякъ, куда пришелъ 15-го октября, и 26-го стоялъ подъ Донецкою станицей. Голый и Колычовъ выбѣжали на устье Хопра еще до прихода Долгорукаго; но 1.000 человѣкъ козаковъ и бурлаковъ рѣшились остаться и отстрѣливались безъ умолку часа съ полтора, но не спасли городка: скоро на его мѣстѣ чернѣлись однѣ обгорѣлыя развалины и возвышалось сто пятьдесятъ висѣлицъ. Голый и тутъ еще не хотѣлъ уступить: около него собрались послѣднія силы мятежа, 7.500 козаковъ, съ которыми онъ засѣлъ въ Рѣшотовой станицѣ. 4-го ноября Долгорукій явился и сюда; воры вышли на бой, но не выдержали натиска царскихъ войскъ и обратились назадъ въ городокъ; побѣдители ворвались и туда по пятамъ, выбили козаковъ изъ городка, гнали до Дона, рубя безъ милосердія: 3.000

Digitized by Google

человѣкъ пало трупомъ, много потонуло, иныхъ на плаву пристрѣливали, а которымъ и удалось переплыть, то померзли. Голый ушелъ самъ-третей; Рѣшотова станица запылала, но это былъ уже послѣдній пожаръ. Донъ стихнулъ.

III.

МАЗЕПА.

Въ то время какъ на Дону Булавинъ и товарищи его открыто схватились съ государствомъ въ интересахъ *голутьбы*, поднявши раскольничье знамя,—въ козачествѣ малороссійскомъ гетманъ и старшины, безъ спросу съ большинствомъ народонаселенія, тайкомъ задумали отложиться отъ Московскаго государства, чтобъ уйдти отъ непріятныхъ для нихъ преобразованій, замышляемыхъ Петромъ. Несмотря на видимое сходство цѣлей въ томъ и другомъ предпріятіи, различіе въ интересахъ, взглядахъ и пріемахъ главныхъ дѣятелей огромное. На Дону чисто козацкіе интересы, взгляды и пріемы, прямое обращеніе къ голутьбѣ, открытое дѣйствіе въ шумныхъ кругахъ, открытое употребленіе силы; начальники предпріятія —отчаянные бойцы, полные представители голутвенныхъ людей, для которыхъ, по народному выраженію, жизнь копѣйка. Въ Малороссіи, наоборотъ, дѣло дѣлается въ глубочайшей тайнѣ, въ темнотѣ, ночью; долго тянутся совѣщанія, пересылки; начальникъ предпріятія—колеблющійся старикъ, который ждетъ успѣха только отъ хитрости, тайны, соображенія обстоятельствъ, который хвалится не храбростію своею, не отвагой впереди полковъ, но тѣмъ, что онъ «искусная, *кошенная* птица».

Ни одинъ гетманъ малороссійскій не пользовался такою довѣренностію московскаго правительства, какъ умный, образованный, любезный старикъ, Иванъ Степановичъ Мазепа. Царь Петръ вполнѣ полагался на его приверженность къ себѣ, не вѣрилъ доносамъ на него, и дѣйствительно, по свидѣтельству самыхъ близкихъ къ гетману людей, онъ былъ вѣренъ царю. Въ 1705 году Мазепа стоялъ обозомъ подъ Замостьемъ; сюда тайкомъ пробирается къ нему изъ Варшавы Францишекъ Вольскій съ секретными *прелестными* предложеніями отъ поль-

Digitized by Google

ского короля Станислава Лещинскаго. Мазепа спокойно выслушиваетъ Вольскаго, но, выслушавъ, немедленно сдаетъ его подъ караулъ царскому чиновнику Анненкову, велитъ подвергнуть пыткѣ, потомъ въ оковахъ отправляетъ въ Кіевъ, тамошнему воеводѣ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, а письма пересылаетъ къ царю. Но вотъ вѣрность гетмана подвергается искушенію: въ Дубнѣ, гдѣ онъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ, получаетъ онъ длинное письмо отъ наказнаго гетмана, прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, стоявшаго съ своимъ и Кіевскимъ полками подъ Гродно на службѣ царской; гетманъ кличетъ писаря Орлика и велитъ читать ему письмо; Орликъ читаетъ горькія жалобы: подробно описывалъ Горленко обиды, поношенія, уничиженія, досады, коней разграбленіе и смертные побои козакамъ отъ великороссійскихъ начальныхъ и подначальныхъ людей: «меня, наказнаго гетмана, пишетъ Горленко, съ коня спихнули, изъ-подъ меня и изъ-подъ прочихъ начальныхъ людей кони на подводы забраны!» Тотъ же курьеръ, который привезъ письмо отъ Горленка, подалъ другое отъ полковника Ивана Черныша, также находившагося въ Гроднѣ; Орликъ распечаталъ и нашелъ копію съ царскаго указа, которымъ будто бы приказывалось Кіевскому и Прилуцкому полкамъ идти въ Пруссію для наученія и устроенія ихъ въ драгунскіе регулярные полки. Выслушавъ письма, Мазепа сказалъ: «Какого же намъ добра впередъ надѣяться за наши вѣрныя службы, и кто жь былъ бы такой дуракъ, какъ я, чтобы до сихъ поръ не приклонился къ противной сторонѣ на такія предложенія, какія прислалъ ко мнѣ Станиславъ Лещинскій?» Скоро послѣ этого пріѣзжаетъ самъ Горленко въ Дубну къ Мазепѣ и объявляетъ, что притворился больнымъ изъ страха, чтобъ его не послали съ полками въ Пруссію и не устроили въ драгуны: «Я бы вѣдь этимъ возбудилъ противъ себя ненависть цѣлаго войска, говорилъ Горленко, всѣ бы стали говорить, что отъ меня пошло начало регулярнаго строя у насъ; вотъ я и притворился больнымъ и отпросился у генерала Рена въ отпускъ будто домой, подарилъ ему за это коней добрыхъ на 300 ефимковъ.»

Въ то время какъ гетманъ смущенъ былъ разказами и жалобами Горленка, краковскій воевода, князь Вишневецкій, прислалъ звать его къ себѣ въ Бѣлую Криницу, просилъ быть крестнымъ отцомъ у его дочери; крестною матерью была мать князя, княгиня Дольская. Нѣсколько дней пировалъ Мазепа на

Digitized by Google

крестинахъ, и, возвратившись въ Дубну, велѣлъ Орлику написать благодарственное письмо княгинѣ Дольской и послать къ ней ключъ цифирный для будущей переписки. Отвѣтъ не замедлилъ: черезъ нѣсколько дней приносятъ отъ княгини маленькое письмецо, написанное цифрами: «я уже послала куда слѣдуетъ съ извѣстіемъ о истинной пріязни вашей милости», писала княгиня. Въ 1706 году, будучи въ Минскѣ, Мазепа получилъ отъ Дольской другое маленькое письмо цифирью съ извѣстіемъ, что какой-то король посылаетъ къ нему письмо. Когда Орликъ разобралъ письмо, то Мазепа засмѣялся и сказалъ: «Глупая баба! хочетъ черезъ меня царское величество обмануть, чтобъ его величество, отступя отъ короля Августа, принялъ въ свою протекцію Станислава, и помогъ ему утвердиться на польскомъ престолѣ, а онъ обѣщаетъ помочь государю въ войнѣ шведской; я объ этомъ ея дурачествѣ уже говорилъ государю, и его величество посмѣялся.» Но долго притворяться было нельзя передъ Орликомъ; въ Кіевъ пришло третье письмо отъ Дольской: княгиня писала прямо, чтобы Мазепа начиналъ преднамѣренное дѣло и былъ бы надеженъ на скорую помощь отъ цѣлаго шведскаго войска; былъ бы также увѣренъ, что всѣ желанія его исполнятся, на что̀ присланы будутъ къ нему ручательства королей шведскаго и польскаго. Когда Орликъ разобралъ письмо, Мазепа вскочилъ съ постели въ страшномъ гнѣвѣ и началъ кричать: «Проклятая баба обезумѣла! прежде меня просила, чтобы царское величество принялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь другое пишетъ, бѣснуется баба, хочетъ меня, искусную и ношенную птицу, обмануть; погубила бы меня баба, еслибъ я далъ ей прельстить себя; возможное ли дѣло, оставивши живое, искать мертваго и, отплывая отъ одного берега, другаго не достигнуть. Станиславъ и самъ не надѣется царствовать въ Польшѣ, республика польская раздвоена; какой же можетъ быть фундаментъ безумныхъ прельщеній этой бабы? Состарѣлся я, служа вѣрно царскому величеству, и нынѣшнему, и отцу его, и брату; не прельстили меня ни король польскій Янъ, ни ханъ крымскій, ни донскіе козаки; а теперь, при концѣ вѣка моего, баба хочетъ меня обмануть.» Мазепа сжегъ письмо Дольской и велѣлъ Орлику написать отвѣтъ: «Прошу вашу княжескую милость оставить эту корреспонденцію, которая меня можетъ погубить въ житіи, гонорѣ и субстанціи; не надѣйся, не помышляй о томъ, чтобъ я, при старости моей, вѣрность мою царскому ве-

Digitized by Google

личеству повредилъ.» Дольская дѣйствительно пріостановила переписку на цѣлый годъ.

Но въ 1706 году случилось много событій, которыя возобновили переписку между кумомъ и кумою. Пріѣхалъ царь Петръ въ Кіевъ. Гетманъ задалъ въ честь его большой пиръ; вино развязало языкъ царскому любимцу, Меншикову, который послѣ стола взялъ гетмана за руку, посадилъ подлѣ себя на лавку и, наклонясь къ нему, сказалъ на ухо, но такъ громко, что стоявшая подлѣ старшина могла все слышать: «Гетманъ Иванъ Степанычъ! пора теперь приниматься за этихъ враговъ.» Старшина и полковники, видя, что любимецъ царскій хочетъ вести тайный разговоръ съ гетманомъ, хотѣли было отойдти прочь, но Мазепа далъ имъ знакъ рукой, чтобъ остались, и отвѣчалъ Меншикову также на ухо, но громко, чтобы всѣ могли слышать: «Не пора!» Меншиковъ сказалъ на это: «Не можетъ быть лучшей поры, когда здѣсь самъ царское величество съ главною своею арміей». — «Опасно будетъ, отвѣчалъ Мазепа, не кончивъ одной войны съ непріятелемъ, начинать другую внутреннюю». «Ихъ ли враговъ опасаться и щадить, продолжалъ шумный Меншиковъ: какая въ нихъ польза царскому величеству? Ты прямо вѣренъ государю, но надобно тебѣ знаменіе этой вѣрности явить и память по себѣ въ вѣчные роды оставить, чтобъ и будущіе государи знали и имя твое ублажали, что одинъ такой былъ вѣрный гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, который такую пользу государству Россійскому учинилъ.» Въ это время государь поднялся съ своего мѣста и пресѣкъ разговоръ. Проводивши царя, Мазепа отвелъ старшину и полковниковъ во внутреннюю комнату и спросилъ: «Слышали все? вотъ всегда мнѣ эту пѣсню поютъ, и на Москвѣ, и на всякомъ мѣстѣ; не допусти имъ только, Боже, исполнить то, что думаютъ.» Между полковниками начался сильный ропотъ.

До сихъ поръ самъ гетманъ лично еще не былъ задѣтъ; но вотъ опять является та же искусительница, княгиня Дольская; приходитъ письмо изъ Львова цифирью; княгиня описываетъ, какъ она была у кого-то воспріемницей вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, за столомъ сидѣла между нимъ и генераломъ Реномъ, и въ разговорѣ съ послѣднимъ случайно упомянула имя Мазепы съ похвалою. Ренъ на ея слова отозвался такъ же хорошо о гетманѣ и прибавилъ: «Сжалься, Боже, надъ этимъ добрымъ и разумнымъ господиномъ! Онъ бѣдный не знаетъ, что князь Александръ Да-

Digitized by Google

ниловичъ Меншиковъ яму подъ нимъ роетъ и хочетъ, отставя его, самъ быть гетманомъ въ Украйнѣ.» Шереметевъ будто бы подтвердилъ слова Рена; Дольская спросила: «Для чего же никто изъ добрыхъ пріятелей не предупредитъ гетмана?» «Нельзя, отвѣчалъ Шереметевъ: мы и сами много терпимъ, да, дѣлать нечего, молчимъ.» Когда Орликъ кончилъ разборъ этой цифири, Мазепа сказалъ: «Знаю я и самъ очень хорошо, что̀ они о васъ и обо мнѣ думаютъ: хотятъ меня уконтентовать княженіемъ Римскаго государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города подъ свою область отобрать и воеводъ или губернаторовъ въ нихъ поставить, а когда бы воспротивились, за Волгу перегнать и своими людьми Украйну населить. Сами вы слышали, какъ Меншиковъ мнѣ на ухо говорилъ: пора теперь за этихъ враговъ приняться! Слышали вы и то, какъ тотъ же Александръ Даниловичъ публично просилъ себѣ Черниговскаго княжества, а чрезъ это стелетъ онъ путь къ гетманству.» Соединивъ такимъ образомъ свое дѣло съ общимъ, перекинувши свой страхъ на всю старшину, Мазепа распространился о собственныхъ обидахъ: «Вотъ, говорилъ онъ: царь послалъ Меншикова съ кавалеріей на Волынь, а мнѣ приказалъ идти за нимъ слѣдомъ и что̀ его свѣтлость повелитъ—исполнять. Не обидно бы еще мнѣ было, еслибы меня отдали подъ команду Шереметеву или другому какому-нибудь великоименитому и отъ предковъ заслуженному человѣку, а то Меншикову! Тотъ же Александръ Даниловичъ уговорился выдать за племянника моего Войнаровскаго сестру свою; я нѣсколько лѣтъ дожидался, не сватался невѣсты племяннику, а когда наконецъ напомнилъ Меншикову объ уговорѣ, то онъ отвѣчалъ: теперь уже нельзя, потому что царское величество самъ хочетъ жениться на моей сестрѣ.» Во сколько все это было справедливо? во сколько самъ царь входилъ въ планы своего честолюбиваго любимца и во сколько былъ способенъ подчиняться его желаніямъ? Этихъ вопросовъ не задалъ ни Мазепа, ни Орликъ; никто изъ нихъ не предложилъ вопроса: «Что же, развѣ Меншиковъ получилъ Черниговское княжество? развѣ царь женился на его сестрѣ?» «Свободи меня, Господи, отъ ихъ господства», покончилъ Мазепа свои жалобы и велѣлъ Орлику написать Дольской отвѣтъ съ благодарностію за пріязнь и предостереженіе.

А между тѣмъ для Малороссіи наступила тяжелая пора: страшный врагъ былъ близко; началось сильное движеніе,

Digitized by Google

шли партіи рекрутъ, мчались начальные люди, тянулись длинные обозы, въ Кіевѣ спѣшили укрѣпленіями. Полковники безпрестанно приходили къ гетману съ жалобами: приставы у крѣпостнаго строенія козаковъ палками по головамъ бьютъ, ушп шпагами обсѣкаютъ; козаки, оставивши домы свои, сѣнокосы и жнитво, терпятъ на службѣ царской зной и всякаго рода лишенія, а тамъ великороссійскіе люди домы ихъ грабятъ, разбираютъ и палятъ, женъ и дочерей насилуютъ, коней и скотину и всякіе пожитки забираютъ, старшину бьютъ смертными побоями. Сильнѣе всѣхъ раздавались голоса полковниковъ миргородскаго Апостола и прилуцкаго Горленка: «Очи всѣхъ на тя уповаютъ, говорилъ миргородскій Мазепѣ: не дай, Боже, надъ тобою смерти! тогда мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ.» Прилуцкій говорилъ еще сильнѣе: «Какъ мы за душу Хмельницкаго всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украйну отъ ига лядскаго освободилъ: такъ, напротивъ, и мы и дѣти наши въ вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ по смерти своей въ такой неволѣ оставишь.»

Въ 1707 году царь созвалъ въ Жолквѣ военный совѣтъ; гетманъ войска запорожскаго былъ на совѣтѣ и возвратился мрачнѣе тучи: къ царю на обѣдъ не поѣхалъ, дома цѣлый день не ѣлъ; что̀ такое тамъ было на совѣтѣ, никто не зналъ; Мазепа никому ничего не разказывалъ, сказалъ только: «Еслибъ я Богу такъ вѣрно и радѣтельно служилъ, то получилъ бы наибольшее мздовоздаяніе, а здѣсь хотя бы въ ангела премѣнился, не могъ бы за службу и вѣрность мою никакой получить благодарности.» На другой или на третій день приносятъ къ Мазепѣ бумагу: то былъ приказъ отъ Меншикова къ полковнику компанейскому Танскому, чтобы тотъ шелъ къ нему съ полкомъ. Мазепа въ бѣшенствѣ вскочилъ съ мѣста и закричалъ: «Можетъ ли быть большее поруганіе, посмѣяніе и уничиженіе моей особѣ: всякій день князь Меншиковъ со мною видится, всякій часъ со мною разговариваетъ, и, не сказавши мнѣ объ этомъ ни одного слова, безъ моего вѣдома и согласія, посылаетъ приказанія людямъ, мнѣ подчиненнымъ! И кто же тамъ Танскому, безъ моего указа, выдастъ мѣсячныя деньги и провіянтъ? и какъ онъ можетъ безъ моей воли идти куда-нибудь съ полкомъ своимъ, которому я плачу жалованье? А еслибы пошелъ, то я бы его велѣлъ какъ пса разстрѣлять. Боже мой! Ты видишь мою обиду и уничиженіе!» Въ это

Digitized by Google

время, какъ нарочно, является іезуитъ Заленскій съ предложеніями перейдти на сторону непобѣдимаго короля шведскаго; Мазепа начинаетъ съ нимъ тайныя совѣщанія; искусная, ношенная птица, гетманъ недоволенъ Москвой, но боится Петра, боится въ то же время и Карла, не надѣется, чтобы Петръ сладилъ съ нимъ, и хочетъ пробраться между двухъ огней, не обжегшись.

А между тѣмъ ропотъ полковниковъ усиливался все больше и больше. Возвратившись въ Кіевъ, Мазепа получилъ царскій указъ объ устройствѣ козаковъ въ пятаки, на подобіе слободскихъ полковъ; между полковниками только и было разговору, что выборъ пятаковъ—ступень къ преобразованію козаковъ въ драгуны и солдаты; начался сильный ропотъ; недовольные собирались у обознаго Ломиковскаго, особенно же у полковника миргородскаго, и совѣтовались, какъ бы предупредить бѣду, защитить свои вольности. Мазепа не принималъ никакаго участія въ этихъ совѣщаніяхъ. 16 сентября 1707 года, поздно вечеромъ, къ нему принесли письмо отъ Дольской и вмѣстѣ письмо отъ польскаго короля Станислава Лещинскаго. Прочтя это письмо, Мазепа отъ страха выронилъ его изъ рукъ и закричалъ: «Проклятая баба! погубитъ меня!» Долго сидѣлъ онъ послѣ того молча, въ глубокомъ раздумьи; наконецъ началъ говорить Орлику: «Съ умомъ борюся, посылать ли это письмо къ царю, или нѣтъ? завтра объ этомъ посовѣтуемся, а теперь ступай въ свою квартиру и молись Богу, да яко же хощетъ устроитъ вещь; можетъ, твоя молитва пріятнѣе Богу, чѣмъ моя, потому что ты по-христіянски живешь. Богъ знаетъ, что я не для себя дѣлаю, а для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ.» Мазепа и Орликъ жили въ Печерскомъ монастырѣ. Орликъ, возвратившись на свою квартиру, взялъ два рубля денегъ и вышелъ, чтобы раздать старцамъ и старицамъ, нищимъ и калѣкамъ, которые лежали въ кущахъ на улицѣ и жили въ богадѣльняхъ печерскихъ: писарь надѣялся этимъ добрымъ дѣломъ умилостивить Бога, чтобъ Онъ спасъ его отъ страшной бѣды и отвратилъ сердце Мазепы отъ лукаваго предпріятія. Старцы и старицы сначала поднимали брань, когда онъ толкался въ ихъ кущи: они вовсе не надѣялись получить милостыни въ такое позднее время, а скорѣе боялись воровства; но потомъ успокаивались, слыша ласковыя, не воровскія слова, отворяли двери и принимали милостыню. На другой день рано поутру Орликъ пришелъ къ Мазепѣ и засталъ его сидящимъ въ концѣ

Digitized by Google

стола, и передъ нимъ крестъ съ животворящимъ древомъ; увидавши Орлика, гетманъ сталъ говорить: «Такъ какъ вчера дѣло мое черезъ присылку письма отъ Лещинскаго открылось передъ тобою, то передъ всевѣдущимъ Богомъ протестуюся и присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, не для бо́льшаго обогащенія и не для иныхъ какихъ-нибудь прихотей, но для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны, бѣдной Украйны, всего войска запорожскаго и народа малороссійскаго, для повышенія и разширенія правъ и вольностей войсковыхъ, хочу, при помощи Божіей, такъ сдѣлать, чтобы вы ни отъ московской, ни отъ шведской стороны не погибли. А еслибъ я для какихъ-нибудь приватныхъ моихъ прихотей дерзнулъ это сдѣлать, то побей меня, Боже, и невинная страсть Христова на душѣ и на тѣлѣ.» Сказавши это, Мазепа поцѣловалъ крестъ, и потомъ опять обратился къ Орлику: «Крѣпко я надѣюсь, что ни совѣсть твоя, ни добродѣтель, ни природная кровь шляхетская не допустятъ тебя измѣнить мнѣ, пану своему и благодѣтелю. однако, для лучшей конфиденціи, присягни.» Орликъ присягнулъ, но не могъ удержаться, чтобы не сказать: «Если викторія будетъ при Шведахъ, то вельможность ваша и мы всѣ будемъ счастливы; если же при царѣ, то и мы пропадемъ, и народъ погубимъ.»—«Яица курицу не учатъ, отвѣчалъ Мазепа: или я дуракъ, что прежде времени отступлю безъ крайней нужды? тогда передамся Шведамъ, когда увижу, что царское войско не будетъ въ состояніи оборонять не только Украйны, но и своего государства отъ шведской потенціи. Я говорилъ въ Жолквѣ царю: если король шведскій и Станиславъ съ войсками своими раздѣлятся, и первый пойдетъ въ государство Московское, а другой въ Украйну, то мы не можемъ обороняться нашимъ войскомъ слабымъ, истощеннымъ частыми походами; я просилъ царя, чтобъ оставилъ намъ на помощь хоть 10.000 своего регулярнаго войска; что жь мнѣ онъ отвѣчалъ? не только десяти тысячъ, и десяти человѣкъ не могу дать, обороняйтесь сами какъ можете! Это меня и заставило послать ксенза тринитара, капелляна княгини Дольской, въ Саксонію, чтобы тамъ, видя какую ни есть мою къ себѣ инклинацію, по-непріятельски съ нами не поступали. Однако же вѣрность мою къ царскому величеству буду продолжать до тѣхъ поръ, пока не увижу, съ какою потенціею Станиславъ къ границамъ украинскимъ придетъ, и какіе будутъ прогрессы швед-

Digitized by Google

скихъ войскъ въ государствѣ Московскомъ, и если не въ силахъ будемъ защищать Украйны и себя, то зачѣмъ же сами въ погибель полѣземъ и отчизну погубимъ?»

Согласно съ этимъ планомъ дѣйствій, Мазепа отвѣчалъ королю Станиславу 18-го сентября, что указа его не можетъ исполнить и никакихъ дѣлъ не можетъ начинать по слѣдующимъ причинамъ: 1) Кіевъ и другіе крѣпости въ Украйнѣ осажены великими гарнизонами, подъ которыми козаки, какъ перепела подъ ястребами, не могутъ головъ поднять. 2) Всѣ силы уже сосредоточены въ Польшѣ, не далеко отъ Украйны. 3) Въ Украйнѣ начальные и подначальные, духовные и мірскіе, какъ разныя колеса, не въ единомышленномъ находятся согласіи: однимъ хорошо въ протекціи московской, другіе склонны къ протекціи турецкой, третьи любятъ побратимство татарское, по природной къ Полякамъ антипатіи. 4) Самусь съ прочими полковниками, по недавнихъ бунтахъ, опасаясь отъ войскъ польскихъ мести, наврядъ склонятся къ Рѣчи Посполитой, и потому надобно сперва стараться войско и цѣлый народъ къ единомыслію приклонить по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. 5) Онъ, Мазепа, имѣетъ постоянно подлѣ себя нѣсколько тысячъ регулярнаго великороссійскаго войска, которое бодрымъ окомъ смотритъ на всѣ его поступки. 6) Республика польская раздвоена еще. Мазепа обѣщалъ только не вредить ни въ чемъ интересамъ короля Станислава и войскамъ шведскимъ.

Мысль, что сношенія его съ непріятелемъ, по неосторожности Станислава, извѣстны хотя одному человѣку на Украйнѣ, Орлику, тревожила Мазепу; на присягу послѣдняго онъ не вполнѣ полагался, и потому хотѣлъ еще дѣйствовать угрозами: «Смотри, Орликъ, говорилъ онъ генеральному писарю: додержи мнѣ вѣрность; знаешь ты, въ какой я милости у царя, не промѣняютъ тамъ меня на тебя; я богатъ, а ты бѣденъ, а Москва гроши любитъ; мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь.» Угроза дѣйствовала на Орлика; съ другой стороны связывала данная Мазепѣ клятва; постоянно приходилъ также на мысль повойный Мокріевичъ, который, будучи, подобно Орлику, генеральнымъ писаремъ, обвинилъ гетмана Демьяна Многогрѣшнаго въ измѣнѣ, и какую потомъ за это получилъ честь? Гетманъ Самойловичъ лишилъ его писарской должности, его вытѣснили изъ Украйны, и вездѣ, во все продолженіе жизни, былъ онъ укоряемъ и поносимъ отъ мірскихъ и духовныхъ лицъ, особенно отъ архіепископа черниговскаго, Лазаря Бара-

Digitized by Google

новича, который гдѣ бы ни встрѣтилъ Мокріевича, въ церкви или въ гостяхъ, прямо въ лицо ему и всѣмъ вслухъ называлъ Іудою, предателемъ пана своего, ехиднинымъ порожденіемъ, а когда антидоръ ему давалъ, то обыкновенно говорилъ: «и Христосъ Іудѣ хлѣбъ далъ и по хлѣбѣ вниде въ онь сатана». Наконецъ Орлику приходило въ голову и то, что, по великороссійскому уложенію, доносщику первый кнутъ. Въ то время, какъ онъ колебался такимъ образомъ, рѣшилось дѣло Кочубея, и Мазепа получилъ сначала въ царскомъ письмѣ къ нему, а потомъ въ публичныхъ грамотахъ, милостивое обнадеживаніе, что не будетъ дано вѣры никакимъ клеветамъ на непорочную вѣрность гетмана, и всякій клеветникъ воспріиметъ достойную казнь. Это царское обнадеживаніе окончательно отвратило Орлика отъ мысли о доносѣ.

Мазепа полагалъ свое спасеніе въ хитрости, тайнѣ, выжиданіи; но старшина не давала ему покою, торопя къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Въ Бѣлой Церкви пришли къ нему обозный ломиковскій, полковники миргородскій, прилуцкій и лубенскій, и объявили, чтобъ онъ промышлялъ о своей и общей безопасности, обѣщая стоять до крови за него и за свои права и вольности, въ чемъ и клятву дали; Мазепа, съ своей стороны, присягнулъ имъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ присягнулъ Орлику въ Печерскомъ монастырѣ. Вотъ почему, когда царь требовалъ нѣсколько разъ, чтобы гетманъ арестовалъ давно уже подозрительнаго ему полковника миргородскаго, Мазепа не исполнялъ этого требованія, всячески защищая полковника. Мазепа все еще надѣялся, что туча пройдетъ мимо, Украйна останется внѣ военныхъ дѣйствій, и ему не нужно будетъ рѣшиться на страшный шагъ прежде чѣмъ успѣхъ ясно обозначится на той или другой сторонѣ; но вотъ приходитъ вѣсть, что Карлъ XII отъ Смоленска повернулъ къ Украйнѣ: «Дьяволъ его сюда несетъ! сказалъ при этомъ Мазепа: всѣ мои интересы перевернетъ, войска великороссійскія за собою внутрь Украйны впровадитъ на послѣднюю ея руину и на погибель нашу». Ожиданія сбылись: приходитъ царскій указъ, чтобы гетманъ шелъ съ войскомъ для соединенія съ генераломъ Инфлянтомъ, посланнымъ для пожженія въ Стародубскомъ полку некрѣпкихъ городковъ, селъ, гуменъ и мельницъ. Но Мазепа, и безъ того подозрительный, а теперь знавшій за собою страшное дѣло, понялъ указъ иначе: онъ подумалъ, что его хотятъ приманить къ Инфлянту и прибрать къ

Digitized by Google

рукамъ. Онъ велѣлъ полковникамъ миргородскому, прилуцкому и лубенскому собраться къ обозному ломиковскому, и послалъ къ нимъ Орлика съ вопросомъ: какъ думаютъ, идти ли ему на соединеніе съ Инфлянтомъ? Всѣ отвѣчали единогласно, что не йдти; напротивъ, пусть немедленно же посылаетъ къ шведскому королю съ прошеніемъ о протекціи и старается соединиться съ нимъ на границахъ, чтобы не допустить войскъ великороссійскихъ въ Украйну; притомъ они просили гетмана объявить имъ, чего имъ надѣяться отъ шведской протекціи, и на какомъ фундаментѣ заложилъ онъ всю эту махину? Мазепа осердился за эту просьбу, и при первомъ свиданіи сказалъ имъ: «Зачѣмъ вамъ объ этомъ прежде времени знать? положитесь на мою совѣсть и на мой подлый разумишко, не бойтесь, онъ васъ не сведетъ съ хорошей дороги; у меня одного, по милости Божіей, больше разума, чѣмъ у васъ всѣхъ; у тебя, ломиковскій, разумъ уже устарѣлъ, а у тебя, Орликъ, онъ еще молодъ; а къ королю шведскому самъ знаю когда посылать». Потомъ вынулъ изъ шкатулки универсалъ короля Станислава, принесенный Заленскимъ, и велѣлъ Орлику читать; всѣ были довольны обѣщаніями королевскими.

Между тѣмъ положеніе гетмана, вслѣдствіе его выжиданій, затруднялось все больше и больше. Изъ Глухова, гдѣ находился дворъ, приходило къ нему письмо за письмомъ, чтобы, сдавъ команду надъ войскомъ какому-нибудь вѣрному человѣку, самъ пріѣзжалъ въ Глуховъ; но эти призывы Мазепа считалъ западней, тѣмъ болѣе что изъ Польши дали ему знать, что тамъ всѣмъ извѣстно о его сношеніяхъ съ королемъ Станиславомъ. Чтобы не ѣхать въ Глуховъ, онъ притворился больнымъ. Однажды вечеромъ, осенью 1708 года, онъ послалъ Орлика къ ломиковскому, у котораго собрались полковники, спросить, посылать ли къ шведскому королю или не посылать? Ломиковскій, отъ имени всѣхъ, отвѣчалъ жалобами на медленность и нерадѣніе гетмана: «Несмотря на наши частыя предложенія и просьбы, говорилъ обозный, онъ не снесся съ королемъ на границахъ и этою своею медленностію впровадилъ всѣ силы россійскія въ Украйну на разореніе и всенародное кровопролитіе; а теперь, когда уже Шведы подъ носомъ, невѣдомо для чего медлитъ». Самолюбивый Мазепа, считавшій себя умнѣе всѣхъ, сильно разсердился на эти нареканія: «Знаю я, что все это переговариваетъ лысый чортъ ломиковскій», сказалъ онъ возвратившемуся Орлику: «позови ихъ ко мнѣ!» Старшины

Digitized by Google

пришли: «Вы не совѣтуете, встрѣтилъ ихъ Мазепа, а только обо мнѣ переговариваете; чортъ васъ побери! Я, взявши Орлика, поѣду ко двору царскаго величества, а вы хоть пропадайте.» Старшины молчали; Мазепа поуспокоился и спросилъ: «Посылать къ королю или нѣтъ?»—«Какъ же не посылать! отвѣчали всѣ:—нечего откладывать!» Мазепа тутъ же велѣлъ позвать Быстрицкаго, заставилъ его при всѣхъ присягнуть на секретъ, Орлику велѣлъ написать ему инструкцію къ графу Пиперу на латинскомъ языкѣ, аптекарь гетманскій перевелъ ее на нѣмецкій языкъ, и съ этимъ переводомъ, безъ подписи, безъ печати, Быстрицкій отправился на другой день въ шведскій лагерь. Въ инструкціи Мазепа изъявлялъ великую радость о прибытіи королевскаго величества въ Украйну, просилъ протекціи себѣ, войску Запорожскому и всему народу освобожденія отъ тяжкаго ига московскаго, объяснялъ стѣсненное свое положеніе и просилъ скорой присылки войска на помощь, для переправы котораго обѣщалъ приготовить поромы на Деснѣ, у пристани Макошинской. Быстрицкій возвратился съ устнымъ отвѣтомъ, что самъ король обѣщалъ поспѣшить къ этой пристани въ будущую пятницу, то-есть 22 октября. Мазепа, въ тревожномъ ожиданіи, стоялъ въ Борзнѣ, откуда послалъ въ Глуховъ войсковаго канцеляриста Болбота какъ будто съ письмами, а въ самомъ дѣлѣ навѣдаться, какъ о немъ тамъ разумѣютъ? Когда Болботъ возвратился, то Мазепа объявилъ всей старшинѣ, что одинъ изъ министровъ царскихъ, а другой изъ канцеляріи, истинные его пріятели, предостерегли его, чтобы не ѣздилъ ко двору, а старался бы о безопасности собственной и всего народа малороссійскаго, ибо царь, видя шаткость на Украйнѣ, задумалъ о гетманѣ и о всемъ народѣ что-то недоброе. Но это была ложь: послѣ, въ Бухарестѣ, Болботъ, готовясь постричься въ монахи, объявилъ Орлику, что онъ въ Глуховѣ ничего подобнаго не слыхалъ, напротивъ, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій велѣлъ сказать Мазепѣ, чтобы ничего не опасался, и какъ можно скорѣе пріѣзжалъ въ Глуховъ, предлагая и душу, и совѣсть свою въ закладъ, что царь никакого сомнѣнія въ его вѣрности не имѣетъ и не слушаетъ никого, кто на него наноситъ.

Прошло 22 октября: о королѣ шведскомъ не было слуха. 23-го пріѣзжаетъ въ Борзну Войнаровскій и объявляетъ, что ушелъ тайкомъ отъ Меншикова, который завтра будетъ въ Борзнѣ къ обѣду, и что какой-то нѣмецкій офицеръ говорилъ

Digitized by Google

другому въ квартирѣ его, Войнаровскаго: «Сжалься Боже на этими людьми: завтра они будутъ въ кандалахъ.» Мазепа «по вался какъ вихрь»; въ тотъ же день поздно вечеромъ былъ у въ Батуринѣ; на другой день рано переправился черезъ Сей вечеромъ прибылъ въ Коропъ, гдѣ переночевалъ, и на друг день, 24 числа, раннимъ утромъ переправился черезъ Деся а ночью, за Орловкой, достигъ перваго шведскаго полка, стоя шаго въ деревнѣ на квартирахъ. Отсюда отправилъ къ корол Ломиковскаго и Орлика, а за ними отправился и самъ.

Мы видѣли, какъ не охотно рѣшился Мазепа объявить се въ пользу Шведовъ прежде рѣшительнаго перевѣса на и сторонѣ. Когда онъ узналъ о взятіи и сожженіи Батури Меншиковымъ, то сказалъ: «Злые и несчастливые наши п чатки! Знаю, что Богъ не благословитъ моего намѣренія; т перь всѣ дѣла инако пойдутъ, и Украйна, устрашенная Ба ринымъ, будетъ бояться стать съ нами за одно.»

Предвидѣнія «искусной, ношенной птицы» сбылись: Укра на, устрашенная не Батуринымъ, но мыслію о союзѣ съ П ляками и Шведами, не стала за одно съ Мазепою, и при По тавѣ Карлъ XII проигралъ первенствующее значеніе Швец на сѣверѣ, а Мазепа гетманство малороссійское.

С. Соловьевъ.

Digitized by Google

ВЪ ОЖИДАНІИ ЛУЧШАГО

РОМАНЪ (1)

IV.

Полина проспала поздно на слѣдующій день; напротивъ, Анна Ѳедоровна встала очень рано. Она заботливо осмотрѣла и оправила вчерашнее платье дочери, подняла войну съ работницей за утюги, которыхъ та не умѣла нагрѣть въ пору, отчего, при своей поспѣшности и еще большемъ неумѣньи, Анна Ѳедоровна спалила два воротничка съ приличнымъ количествомъ рукавовъ. Хвалясь передъ княгиней своимъ искусствомъ чистить и гладить, Анна Ѳедоровна, просто, хвасталась, потому что всѣ услуги подобнаго рода оказывались ей и ея дочери горничными домовъ, по которымъ онѣ странствовали. Неудачи и неловкость работницы, получившей не разъ названіе «необразованной бабы», прогнѣвали Анну Ѳедоровну, но не лишили ея бодрости духа и даже нѣкоторой веселости, хотя и трудно предположить, чтобы можно было проснуться бодрою и веселою послѣ всего, что случилось съ нею наканунѣ. Но у Анны

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 14.

Digitized by Google

Ѳедоровны были деньги, почему она и считала позволительнымъ себѣ предаваться гордости людей обезпеченныхъ. Намѣреваясь послать за булками, она потребовала, чтобы хозяинъ размѣнялъ ей ея единственную двадцати-пяти-рублевую бумажку, и когда хозяинъ сказалъ, что у него нѣтъ столько денегъ, а нѣтъ ли у нея помельче, она вскричала, почти съ убѣжденіемъ, что говоритъ правду, что у нея, пожалуй, есть еще крупнѣе, и нашумѣвъ вдоволь, что «эта дрянь торгаши-мѣщане всѣ нищіе», отправилась сама мѣнять свой капиталъ. Она слетала на Кузнецкій мостъ за перчатками и ботинками для Полины. Походъ былъ невѣроятный, но Анна Ѳедоровна успѣла воротиться къ тому времени, какъ Полина, накинувъ вышитый пеньюаръ, укрѣпляла сверхъ своей косы черный бархатный бантъ съ длиннѣйшими концами. Куски рисовой пудры еще лежали на лбу молодой дѣвицы; на ея разутыхъ ножкахъ были туфли съ розовыми лентами.

— Ну, вотъ вы, наконецъ! вскричала Полина: — скажите, пожалуста, что̀ вы это дѣлаете съ утра? Нитки, иголки ваши тутъ; я думала, вы мнѣ зашьете хоть одну пару тонкихъ чулокъ: надѣть нечего.

— Я не знала, не посмотрѣла, отвѣчала Анна Ѳедоровна, запыхавшись:—я тебѣ платье оправила.

— Какое?

— Вчерашнее.

— Я видѣла, что вы этотъ вздоръ сдѣлали. Развѣ я надѣну эту дрянь столько дней сряду? Будемъ у Мороновой сегодня: что же, я опять, какъ была третьяго дня, будто не раздѣвалась?

— Какъ же быть? вѣдь нѣтъ, возразила Анна Ѳедоровна.

— Чего нѣтъ? Вы бы оглянулись: вотъ бѣлое кисейное. Дайте сейчасъ работницѣ на извощика, пусть свезетъ къ прачкѣ и дожидается тамъ, пока выгладятъ. Сейчасъ. Я другаго не хочу, не надѣну. Вотъ картонка.

Полина стащила большую картонку, опрокинула ее, какъ чашку, на постель, вытряхнула изъ нея чепцы своей матери, положила въ нее платье и всунула все въ руки Анны Ѳедоровны. Та, еще растерявшись отъ только-что совершеннаго путешествія, отправилась вести переговоры съ работницей и вела ихъ довольно бурно: у работницы и безъ этого дѣла было много; наконецъ, она согласилась.

— А чахлы? закричала съ лѣстницы Полина: — право, маменька, вы ничего не помните!

Digitized by Google

И двѣ накрахмаленныя юпки полетѣли черезъ перила на голову работницѣ.

— Заверни ихъ въ скатерть, продолжала Полина:—не изомни ничего, сохрани тебя Богъ!

Возвратясь въ свои комнаты, Анна Ѳедоровна нашла дочь нѣсколько успокоенную.

— Помѣряй ботинки, сказала она:—я принесла твой номеръ.

— Вы на Кузнецкомъ были? вскричала Полина, схвативъ это миловидное и дорогое произведеніе:—ну, что же вы не сказали? Хоть бы взглянули, право: у меня ни poudre dentifrice нѣтъ, ни духовъ нѣтъ. Вчера, третьяго дня, мы всю Москву выходили; я, какъ цыганка, загорѣла; могли бы вы догадаться взять чего-нибудь въ косметическомъ магазинѣ. Куда я такъ покажусь, вѣдь это ужасъ!

Анна Ѳедоровна успокоила ее, подавъ какую-то эссенцію съ десятью пломбами «для избѣжанія контрафакціи». Материнское сердце все предвидѣло. Эссенція, въ объявленіи называемая «возсоздательницею красоты», вмѣстѣ съ перчатками и ботинками стоила половины капитала, которымъ такъ гордилась Анна Ѳедоровна. Тревожная мысль объ этомъ побудила Анну Ѳедоровну аккуратнѣе пересчитать остатки этого капитала, пока Полина мазалась эссенціей, по всѣмъ правиламъ, изложеннымъ въ инструкціи, которою былъ обернутъ драгоцѣнный флаконъ.

По мѣрѣ того какъ Анна Ѳедоровна считала и раздумывалась, въ душѣ ея, вмѣстѣ съ заботой, поднималась злость. Сжавъ въ кулакъ мелкія ассигнаціи, она смотрѣла передъ собою на оборванную мебель, на крошки и остатки вчерашняго полдника, на дочь, вертѣвшуюся передъ зеркаломъ. Маленькій хвостикъ колбасы, невинно лежавшій на смятой бумагѣ, привелъ Анну Ѳедоровну въ неистовство. Она схватила его и выкинула за окно; она бы выбросила туда и очень многое, еслибы все это не было необходимо. Принужденіе сдерживать себя, ради бѣдности и необходимости, раздражаетъ человѣка болѣе всего можетъ-быть. Но чего нельзя исполнить на дѣлѣ, то можно выразить словами. Анна Ѳедоровна принялась убирать, то-есть приводить въ еще большій безпорядокъ комнату, передвигая столы и стулья и произнося отрывочные монологи, въ которыхъ посылала далѣе нежели за окно предметы неодушевленные и одушевленные и, вопервыхъ, своего мужа.

Digitized by Google

Повозившись, она вздумала тоже заняться своимъ туалетомъ; ей вдругъ показалось, что надо поспѣшить, что она куда-то опоздаетъ, что у нея много дѣла.

— Кончила ты? спросила она, когда Полина, выйдя изъ спальни въ гостиную, усаживалась въ углу, въ полутѣни, «далеко отъ вліянія свѣжаго воздуха», какъ было сказано въ инструкціи, для того чтобы дѣйствіе эссенціи было несомнѣнно.

— Не трогайте моихъ щетокъ! вскричала Полина, услыша, что мать, которая ушла въ спальню, стукнула ящикомъ туалета.

Анна Ѳедоровна перенесла порывы гнѣва на самое себя и не причесывала, но немилосердно драла свои и безъ того не густые волосы. Физическая боль укротила ея нравственное волненіе; ея мысли стали складываться отчетливѣе. Она почувствовала необходимость заговорить съ дочерью.

— Какой сегодня праздникъ? сказала она, услыша ударъ большаго колокола въ Кремлѣ.

Полина не отвѣчала, погружаясь въ полудремоту и полулежа въ креслѣ.

— Ты надѣнешь голубой кушакъ? спросила черезъ минуту Анна Ѳедоровна, безошибочно предполагая, что этотъ вопросъ вызоветъ болѣе вниманія.

— Блондинка, въ бѣломъ платьѣ и des rubans bleus flottants! сказала Полина:—какъ это интересно! Вотъ ужь совершенно гувернантка въ воскресный день! Какъ много у васъ вкуса, а главное такта! Если я такъ покажусь, меня всѣ сейчасъ поздравятъ съ мѣстомъ.

— Почему же ты это думаешь?

— Потому что вашъ графъ, вѣрно, лучше этого большаго колокола разблаговѣстилъ, что «устраиваетъ» меня. Я знаю, что я ужь компрометирована.

— Чѣмъ же ты компрометирована?

— Вы не понимаете, что гувернантка и горничная—одно и то же? Поздравляю васъ.

— Знаешь, что я думаю, Поленька? сказала черезъ минуту Анна Ѳедоровна:—намъ бы сейчасъ съ тобой надо сходить къ Гусицкой. Пораньше лучше, пока у нея нѣтъ никого.

— Зачѣмъ?

— Сказать ей, что съ нами случилось... Вѣдь намъ надѣть нечего.

— Что же, ступайте однѣ, сказала равнодушно Полина:—

Digitized by Google

я не хочу мять своего платья съ утра, да его еще не принесли.

— Надѣнь вчерашнее, воротишься, переодѣнешься.

— Двадцать разъ одѣваться, и съ утра, съ десяти часовъ въ корсетъ? Я Богъ знаетъ чего не возьму. Ступайте однѣ. Можете и не къ одной Гусицкой зайдти, а тамъ, придите за мной, возьмемъ дрожки и поѣдемъ обѣдать къ Мороновой.

— Да лучше какъ ты со мной, Поленька.

— Нѣтъ, пожалуста, ужь вы однѣ разказывайте сколько у насъ юпокъ украли; вы это лучше умѣете.

— Знаешь, Поленька, продолжала Анна Ѳедоровна, одѣваясь: —эти дамы лѣтомъ всегда мѣняютъ свой гардеробъ; на прошлой недѣлѣ, Гусицкая показывала мнѣ три прелестныя платья, говорила, что хочетъ ихъ сбыть; она привезла ихъ изъ Петербурга и не надѣвала здѣсь; ихъ никто здѣсь и не знаетъ.

Полина ничего не возразила, хотя слушала въ видомъ величайшаго пренебреженія.

— Эхъ, Господи! продолжала Анна Ѳедоровна, разглядѣвъ на свѣтъ свою мантилью и начавъ, скрѣпя сердце, на скорую руку зашивать на ней кружево:—чего имъ стóитъ, богачкамъ! Тысячи у нихъ летятъ на вѣтеръ, только глаза сорятъ бѣднымъ людямъ! Право, попросить у нихъ, взять у нихъ, не стыдно. Право, этимъ хоть насильно заставляешь ихъ сдѣлать доброе дѣло: сами, вѣдь, не догадаются!.. Зимою нынѣшней, шубу цѣлую княгиня Ельникова на муфту промѣняла, и еще обманули ее: муфта вышла не соболья. Какъ я смѣялась!.. А графу я скажу о шубахъ. Это, онъ какъ себѣ хочетъ, намъ въ одномъ платьѣ не ходить.

— Было бы вамъ извѣстно, что я бѣличьей не надѣну, сказана Полина, не измѣняя, впрочемъ, своей презрительной улыбки.

Анна Ѳедоровна продолжала свой туалетъ, молча и часто вздыхая. Наконецъ, совсѣмъ одѣтая, она вышла въ гостиную.

— Какая у васъ жалкая мина! сказала Полина, взглянувъ на нее и разсмѣявшись.—Скажите, пожалуста, какъ вы умѣете стряпать себѣ такую физіономію?

— Ты съ ума сошла, возразила мать съ досадой.

— Нѣтъ, я съ ума не сошла, а это ни на что не похоже, продолжала дѣвушка:—это, значитъ, недостатокъ такта. Какъ вы не понимаете, что компрометируете меня этими ужимками? Точно вы, въ самомъ дѣлѣ, идете побираться. Будто вы не

Digitized by Google

знаете, что кислыхъ минъ никто терпѣть не можетъ и за нихъ никто гроша не дастъ.

— Правда твоя... проговорила Анна Ѳедоровна въ раздумьи: —прощай же, моя красавица.

— Не трогайте меня, не цѣлуйте, пожалуста; лицо горитъ. Оставьте мнѣ денегъ.

— На что?

— Какъ на что? Вы забыли, что я ничего не ѣла, а у Мороновыхъ обѣдъ въ четыре часа.

Анна Ѳедоровна дала ей денегъ и ушла.

Полинѣ стало особенно весело, когда она ушла; это было какое-то дѣтское чувство, хотя въ основаніи его не было ничего дѣтскаго. Убѣдившись, при взглядѣ въ зеркало, что эссенція сдѣлала чудеса, что прическа къ лицу, что улыбка и взглядъ изъ-подъ пушистыхъ рѣсницъ умѣютъ принимать безконечные оттѣнки выраженія, Полина сказала себѣ, что красота Катерины Александровны Алексинской очень не замѣчательная, чтобы не сказать — пошлая красота. Полина смѣялась, думая о Катеринѣ Александровнѣ и о вчерашнемъ днѣ. Эта мысль не оставляла ея со вчерашняго дня, но она не подѣлилась ею съ матерью...

«Такъ Катерина Александровна влюблена въ князя не на шутку? Вотъ открытіе! Это не просто такъ, ухаживанье, какъ всякій день бываетъ, это серіозная страсть!... «Жанъ, *ты* меня больше не любишь!...» *Ты*... стало-быть, онъ много любилъ прежде?... Ну, можетъ-быть, еще и теперь любитъ немножко... а интересно было бы взять у нея ея князя! Интересно было бы разказать кому-нибудь эту сцену. Разказать-то надо непремѣнно. Дамы большаго свѣта называютъ ее «примѣрною женщиной, несчастною женщиной, осужденною влачить свои дни съ мужемъ, который ея не понимаетъ...» Примѣрная женщина, право, недурно утѣшается, и какъ хитро, какъ скрытно! Въ обществѣ ничего не говорили; онъ, кажется, бывалъ у нея не особенно часто, не показывалъ ей особеннаго вниманія; напротивъ, онъ бывалъ меньше любезенъ съ нею, чѣмъ съ другими... Скорѣе можно было подумать, что она влюблена въ него, и что это невзаимно... Видно, когда взаимно, то это такъ и скрывается, будто холодностью, а между тѣмъ... Какъ она должна быть зла, если, въ самомъ дѣлѣ, онъ ее бросилъ! Да, вотъ, бросилъ же, однако, сказала почти громко Полина, съ какою-то злостью:—а не бросилъ еще, такъ броситъ.»

Digitized by Google

На что это казалось ей такъ необходимо, Полина не разчитывала; или вѣрнѣе, она была слишкомъ молода, и сама не понимала, что разчитываетъ: разчетъ былъ въ ней безсознательно, онъ былъ въ ея натурѣ. Она еще ничего не испытала въ жизни, но, казалось, была рождена опытною. У этой молодой дѣвушки, почти ребенка, не было дѣтства: оно прошло въ скитальчествѣ по чужимъ домамъ, гдѣ многіе, и даже сама ея мать, нерѣдко употребляли ее на подслушиванье у дверей; въ роскошныхъ классахъ, гдѣ потомъ она училась, ей была необходима наблюдательность для того, чтобы заслуживать милости своихъ класныхъ дамъ и пріобрѣсти нѣкоторый вѣсъ и значеніе между богатыми подругами. Полина развила въ себѣ эту наблюдательность до степени таланта. Талантъ этотъ пригодился ей позднѣе въ послѣдніе полтора года, когда ей пришлось узнать и свѣтскую, и домашнюю жизнь многихъ знатныхъ семействъ. Съ такими мелкими людьми, какъ Анна Ѳедоровна и дочь ея, не церемонятся, но за то передъ ними и не стѣсняются... Полина выросла безъ мечтаній, безъ очарованій, безъ заблужденій; по необходимости и по влеченію, она изучала всѣ непривлекательныя стороны людскихъ характеровъ; изъ любопытства и оттого, что при ней не стѣснялись, она узнала всѣ двусмысленныя исторіи, которыхъ много вездѣ, и особенно много въ высшемъ обществѣ. Усвоивъ себѣ въ совершенствѣ внѣшнія манеры этого общества, Полина усвоила и его привычку не разбирать много, не привязываться ни къ кому, не дорожить ничѣмъ, кромѣ собственныхъ интересовъ. Было бы забавно даже предположить, чтобъ она могла когда-нибудь влюбиться. Правда, въ глазахъ ея, свѣтскія дѣвушки любили, случалось, даже искренно, но эти-же самыя дѣвушки, если и не хладнокровно, за то и не отчаянно «жертвовали» своею любовью выгодному замужству. Полина также слишкомъ хорошо знала и молодыхъ людей, зная, какъ нерѣдко одинъ и тотъ же молодой человѣкъ увѣрялъ въ любви своей двухъ-трехъ дѣвушекъ разомъ, а эти дѣвушки, свѣтскія пріятельницы Полины, довѣряли ей это, каждая порознь. Это не огорчало Полину и не приводило въ негодованіе; напротивъ, ей было смѣшно и даже весело: какъ будто судьба отплачивала за нее этимъ свѣтскимъ счастливицамъ, за нее, которую онѣ удостоивали роли наперстницы, не заботясь никогда—весела ли она, счастлива ли она...

Digitized by Google

«Что, еслибы теперь, когда представляется случай провести нѣсколько мѣсяцевъ съ княземъ Десятовымъ, въ деревнѣ, въ глуши, гдѣ такъ свободно, что, еслибъ отбить его у «непонятой, примѣрной женщины», и доказать всему свѣту, что бѣдная дѣвушка, у которой нѣтъ своего платья...

«Онъ, вѣрно, дѣлалъ ей сотни подарковъ, вдругъ прервала себя Полина:—безъ этого невозможно...

«Что, еслибы доказать всему свѣту... продолжала она раздумывать: но что? Выйдти за него замужъ? Не женится!.. А такъ, не дать ему ни на комъ жениться!...»

Полина не разбирала себя, но съ вчерашняго дня она очень перемѣнилась. Неожиданное открытіе того, что было для всѣхъ тайной натолкнуло ее на мысль, что не все же узнается въ свѣтѣ: такъ почему же и ей не имѣть тайны? Вчера, какъ-то особенно сталъ ей противенъ этотъ «свѣтъ» за его гордость и унизительную ласку. Молодая аристократка, которая стала льстить и выказывать непрошеное участіе бѣдной, презираемой дѣвушкѣ, потому что во власти этой дѣвушки была ея тайна, ея доброе имя, эта женщина внушала не состраданіе, а насмѣшку. А эта женщина—еще лучшая изъ своего кружка...

Полина, впрочемъ, такъ долго и сильно не думала. Она со вчерашняго дня почувствовала только сильнѣйшее желаніе жить и веселиться, а за одно съ этимъ и отплатить цѣлому свѣту...

«Запрятать меня въ гувернантки! сказала она: какъ же!...»

Она прохаживалась по комнатамъ, напѣвала и посматривалась въ зеркало. «Жить, такъ не надо терять времени. Князь былъ очень милъ вчера. Сегодня вечеромъ, онъ, навѣрное, будетъ у Мороновой. Сестра мужа Mme Мороновой, Додо, недурна, но давно не молода и страшно хочетъ выйдти замужъ. Князь ухаживаетъ и за Додо, и за Мороновой; belles-soeurs влюблены въ него обѣ и ужь не разъ за него ссорились. Что, еслибы вдругъ, подъ носомъ у обѣихъ, онъ занялся мною сегодня? Что бы такое сдѣлать, чтобы заинтересовать его? И нельзя ли заранѣе?... Написать ему?»

Полина почти испугалась своей выдумки, хотя очень ей обрадовалась.

«Написать. Что написать?... Отнести самой записку на городскую почту. Онъ будетъ придумывать—отъ кого? Но къ нему, вѣрно, тысячи этихъ записокъ летали по городской почтѣ: не удивишь. Надо такъ написать, чтобъ обратить его вниманіе... Э, онъ такъ глупъ! ему все годится, всякая новость

Digitized by Google

интересна... А если онъ догадается отъ кого? Но такъ и нужно, чтобы догадался.»

Размышляя и смѣясь, Полина достала флаконъ съ чернилами, изящную бумагу, тонкую какъ кисея, конвертъ и прелестную облатку въ видѣ камея; все это было парижское, подарокъ одной великосвѣтской подруги. Полина еще въ классахъ славилась своимъ красивымъ почеркомъ, хотя потомъ ей не часто случалось выказывать этотъ талантъ. Нѣсколько минутъ она просидѣла въ задумчивости, соображая письмо, чтобы написать его прямо набѣло, хотя бы и съ небольшими помарками, но такъ, чтобы можно было видѣть, что оно не переписано. Повторяя себѣ, что князь глупъ, Полина, однако, много заботилась какъ показаться ему умнѣе. Наконецъ, она написала, конечно, по-французски:

«Вы такъ охотно признаетесь въ вашихъ порокахъ, что другимъ невольно приходитъ охота отыскивать ихъ, въ свободныя минуты, *когда думать больше не о чемъ*. Знайте, что ихъ найденоу же довольно, и особу, которая этимъ занимается, затрудняетъ только одинъ: постоянство... Постоянны вы, или нѣтъ?... Если постоянны, то какая жалость! Тогда, несмотря на всѣ остальные пороки, вы становитесь стары и — увы! скучны какъ неподвижность...»

«Довольно съ него, сказала себѣ Полина, подчеркивая слова: *когда думать больше не о чемъ*. Онъ долженъ помнить о чемъ вчера говорилъ со мной и все что̀ было вчера...»

Отнести записку надо было самой. Полина одѣлась, закуталась въ длинную черную мантилью, покрыла шляпку чернымъ вуалемъ и вообще придала себѣ самый интересно-таинственный видъ. Она интересничала сама передъ собой: отнести безыменное письмо на городскую почту—приключеніе, которое было необходимо изящнѣе обставить. У Полины даже немножко дрожало сердце: это было ея первое приключеніе въ этомъ родѣ. До сихъ поръ она держалась и поступала какъ благовоспитанная дѣвица высшаго круга; этою записочкой она начинала новое поприще отношеній и поступковъ. Біеніе сердца, небольшой страхъ и какое-то особенное, еще никогда не испытанное веселье, заставляли находить этотъ новый родъ забавъ гораздо пріятнѣе прежняго.

Какъ безпрестанно случается въ Москвѣ, безлюдный переулокъ, гдѣ жили Абаровы, былъ недалеко отъ самыхъ населенныхъ улицъ. Полина примѣтила на Арбатѣ, гдѣ отдавались

Digitized by Google

письма. Она еще никогда не отдавала писемъ, и процессъ этого дѣйствія показался ей очень непріятнымъ. Она была принуждена войдти въ темную лавочку, гдѣ пахло капустой, разговаривать съ сидѣльцемъ въ красной рубашкѣ; онъ очень долго не давалъ сдачи съ мелкой монеты, которую она подала ему, и, наконецъ, наградилъ ее множествомъ мѣди. Личико Полины еще носило слѣдъ изящнаго неудовольствія, когда она выходила изъ лавочки. На тротуарѣ стоялъ молодой человѣкъ, одѣтый франтомъ, съ прекрасной тростью и съ лорнетомъ въ глазу. Онъ взглянулъ на Полину. Отъ этого взгляда, мѣдь, тяготившая ея ручки, показалась ей какъ-то еще тяжелѣе, и Полина поспѣшно высыпала ее въ колѣни нищаго, сидѣвшаго у тумбы. Молодой человѣкъ взглянулъ еще пристальнѣе и улыбнулся. Полина взглянула тоже, улыбнулась, поправила вуаль съ замѣтною поспѣшностью и сдѣлала нѣсколько шаговъ довольно скоро, но потомъ пошла очень тихо и еще оглянулась. Для чего она сдѣлала все это, что̀ было у нея въ головѣ, она не могла бы объяснить: ей было весело. Она чего-то ждала, чего-то боялась; она наслаждалась своимъ волненіемъ.

«Ахъ, еслибъ онъ пошелъ за мной!» подумала она.

Но за ней ужь слышались шаги, а чрезъ минуту, рядомъ съ нею, незнакомый голосъ произнесъ:

— Еслибы та записочка, что̀ сейчасъ отдана на почту, назначалась мнѣ...

Полина испугалась, почти не хотѣла оглядываться, но, однако, оглянулась: то былъ хорошенькій франтъ. Она почти не хотѣла говорить, но сказала:

— Что̀ вамъ угодно?

— Ничего, извините. Я размышляю вслухъ, отвѣчалъ франтъ, идя рядомъ и продолжая улыбаться.

— А!... сказала Полина и улыбнулась тоже.

— Размышлять не запрещается? спросилъ франтъ.

— Этого нельзя запретить.

— А идти подлѣ васъ, позволяется?

Полина еще робѣла, но удовольствіе было такъ велико, что она не произнесла грозныхъ словъ, предписываемыхъ приличіемъ, а, напротивъ, засмѣялась.

— Молчаніе—знакъ согласія, продолжалъ франтъ. — Какая досада, что такой грубый вуаль скрываетъ такое нѣжное личико!

— Какъ вы смѣете... прервала Полина.

— Я размышляю вслухъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Digitized by Google

— Потрудитесь перейдти на тотъ тротуаръ, сказала она.

— Тамъ солнце, возразилъ онъ, смѣясь.

— Вы меня очень обяжете, продолжала Полина, смѣясь тоже. Смѣхъ спутника, видимо, дѣйствовалъ на нее заразительно.

— Подите же, повторила она.

— Можетъ ли жестокое сердце скрываться подъ такою прелестною наружностью! возразилъ франтъ, смѣясь громко.

— Вы не знаете моей наружности, возразила Полина, стараясь выразить досаду и желая выразить ее неудачно.

— Нѣтъ, знаю довольно.

— Вы меня не видали.

— Я догадываюсь.

— Догадка ничего не значитъ.

— Что жь дѣлать, если надо этимъ довольствоваться? Поднимите вуаль, я буду судить вѣрнѣе.

— Ни за что!

— Будто бы и ни за что?...

— Нѣтъ!

— Я и такъ вижу. У васъ прелестныя ручки, прелестныя ножки, а вотъ тутъ, изъ-подъ шляпки, видна такая очаровательная шейка...

Полина испугалась не шутя, потому что спутникъ взялъ конецъ ея вуаля, и еще болѣе потому, что въ нѣсколькихъ шагахъ увидѣла господина стараго и безобразнаго, но аристократически великолѣпнаго, выходящаго изъ кондитерской. Этотъ господинъ былъ знакомъ Полинѣ и, конечно, узналъ ее, потому что обладалъ способностью видѣть все, а въ особенности молодыхъ женщинъ на улицѣ.

— Ахъ, monsieur Пехлецовъ, заговорила по-французски Полина, поспѣшно оставивъ своего спутника и приближаясь къ старичку,—избавьте меня отъ этого навязчиваго незнакомца...

— Qui donc? qui donc? повторялъ г. Пехлецовъ, оглядываясь, повертываясь и особенно любезно предлагая свой локоть молодой дѣвушкѣ.

Но молодой франтъ перешелъ уже на другую сторону улицы, откуда спокойно, смѣясь, наблюдалъ за этою сценой.

— Васъ должно удивить, что я одна, продолжала Полина, не находя нужнымъ поощрять г-на Пехлецова на преслѣдованіе «навязчиваго незнакомца»,—но я была принуждена выйдти одна... есть тысячи заботъ, моя мать не всегда можетъ...

Она говорила это съ восхитительною робостью и достоин-

Digitized by Google

ствомъ существа высшаго, поставленнаго несправедливою су
бой въ необходимость одиноко подвергаться уличнымъ н
пріятностямъ. Пехлецовъ съ свойственною ему любезност
не далъ ей кончить.

— Позвольте предложить вамъ мои услуги, сказалъ онъ,
вотъ мой экипажъ.

— Я въ двухъ шагахъ отъ моего дома, но боюсь...

— Конечно, конечно, повторялъ Пехлецовъ, топчась
одномъ мѣстѣ, — я совершенно счастливъ, что могу... Во
моя карета... Молодая особа какъ вы, une personne aussi cha
mante... Oserai-je vous offrir des bonbons, mademoiselle?

Онъ предлагалъ ей бонбоньерку. Полина взяла ее и пода
руку старичку.

— Но, чтобъ это осталось между нами, сказала она.

— На жизнь и смерть! отвѣчалъ Пехлецовъ, пожимая
ручку съ трепетомъ.

— Потому что моя мать... она будетъ такъ встревожен
сказала Полина, стараясь поправить свою просьбу, котор
могла бы показаться и неловкою.

— О, конечно, madame votre mère... подтвердилъ Пехл
цовъ, усаживая ее въ свою карету.

— Au revoir! сказала ему Полина, почему-то почувствова
себя будто въ своей собственной каретѣ, когда затворили
дверцы.

Въ самомъ дѣлѣ, мягкія подушки изъ дорогой шелковой м
теріи располагали къ нѣгѣ и къ мечтамъ. Старый аристокра
такъ умильно расшаркивался на тротуарѣ... Одно непріятно; на
выйдти у воротъ мѣщанскаго домишка, отослать эту карету

— Да неужели у меня никогда не будетъ кареты? сказа
громко Полина.

Не доѣзжая до своего переулка, она велѣла остановиться
какого-то большаго каменнаго дома и, отославъ экипажъ, д
шла пѣшкомъ до своего жилища. По крайней мѣрѣ, люди Пех
лецова не видѣли, въ какой берлогѣ живетъ она...

V.

Анна Ѳедоровна печально шла по улицамъ, прячась, гд
было возможно, подъ тѣнь палисадниковъ и бульваровъ, и л

Digitized by Google

стигла безъ приключеній дома г-жи Гусицкой. Было еще рано; свѣтская дама еще не кончила своего перваго туалета, но горничной было приказано допустить Анну Ѳедоровну въ спальню.

— Pardon, chère Анна Ѳедоровна, сказала г-жа Гусицкая, занятая въ эту минуту передъ рукомойникомъ. — Да затворите же дверь, Богъ мой! обратилась она къ горничной:—развѣ ты не чувствуешь какъ здѣсь сквозитъ?.. Pardon, что я васъ такъ принимаю. Я вчера не ложилась до двухъ часовъ и вся изломана; спинная кость болитъ нестерпимо. Nous avons fait une partie de ералашъ, мсьё Пехлецовъ, старая княжна Шабельская, я и маленькій Собакинъ. C'était à périr d'ennui, какъ вы можете вообразить, и я еще поплатилась.

— Гдѣ же вы играли? спросила Анна Ѳедоровна.

— У мачихи моего мужа. Но снимите же вашу шляпку. Мой мужъ уѣзжаетъ завтра въ деревню; вы знаете?

— Нѣтъ, не знала. А вы?

— Я не поѣду совсѣмъ. Ахъ, въ какое время мы живемъ! En un mot... Да скажи, сдѣлай милость, что̀ съ тобою? продолжала г-жа Гусицкая своей субреткѣ: — ты, видишь, мнѣ полотенце надо... Pardon, Анна Ѳедоровна... Гдѣ мои кольца? Ну, теперь не найдешь ихъ, ну!.. Здѣсь, матушка, у меня подъ рукой! Ты ничего не видишь... Ces gens, vraiment... Сюда дайте мнѣ чаю. Сядемте здѣсь, къ столику, Анна Ѳедоровна. Я сегодня не расположена хозяйничать; у меня все изъ рукъ падаетъ; можно сказать, что я нервна.

Г-жа Гусицкая засмѣялась съ нетерпѣніемъ.

— А можетъ-быть и нервны, въ самомъ дѣлѣ, замѣтила Анна Ѳедоровна.

— Не время нервовъ, ma chère amie, возразила г-жа Гусицкая: — наши матери могли страдать нервами, elles avaient du loisir pour cela. Право, онѣ были очень счастливы, ни о чемъ не заботились, только намъ предоставили заботы... Вы знаете, я беру моего Поля изъ школы.

— Берете?

— Конечно. Mais c'est une infamie! Исторія у нихъ тамъ вышла. Какъ будто мой сынъ одинъ виноватъ, и, вдругъ, говорятъ, чтобъ я взяла его. Я бы и безъ того взяла его; хотя я и не заражена предразсудками о правахъ, о сословіяхъ, не знаю о чемъ... вы, кажется, можете засвидѣтельствовать, Анна Ѳедоровна, что я нисколько не горда!

Digitized by Google

Но, что же это? мой сынъ, и рядомъ съ нимъ всякій и одни права! Я давно говорила мужу: это онъ настаивалъ держать тамъ Поля. Но теперь, все это такъ некстати... Такія непріятности въ деревнѣ; мужъ, нечего дѣлать, принужденъ туда поѣхать... Денегъ нѣтъ... Однимъ словомъ, не знаю что со мной, вы не повѣрите.

— Ахъ, очень вѣрю!

— Кушайте масло, Анна Ѳедоровна, это еще деревенское масло... понимаете? Буду ли я угощать васъ имъ будущее лѣто, это еще неизвѣстно. Богъ одинъ знаетъ что будетъ... Вчера, Пехлецовъ говоритъ... Ахъ, презабавникъ этотъ Пехлецовъ! Предлагаетъ мнѣ, en vrai chevalier, въ случаѣ чего-нибудь... свою защиту и покровительство. Я ему говорю, будто понимаю другое, что для защиты у меня есть мужъ... А впрочемъ онъ очень милъ, Пехлецовъ, — знаете?

— Хорошій человѣкъ, сказала Анна Ѳедоровна.

— Хорошій ли человѣкъ, какое намъ дѣло? продолжала, засмѣявшись, г-жа Гусицкая: — между нами, онъ очень боится, знаете... по случаю всѣхъ этихъ нынѣшнихъ толковъ?.. Хочетъ тоже ѣхать къ себѣ въ деревню, въ Н—скую губернію, conjurer l'orage. Это тамъ, онъ вчера говорилъ, въ сосѣдствѣ княгини Десятовой. Вчера, молодой князь Иванъ явился къ моей belle-mère вечеромъ, неожиданно, какъ бомба. Что за фатъ, этотъ князь! Бабушка везетъ его съ собой въ деревню, вѣрно для того, чтобы поумнѣлъ.

— Въ компаніи бабушки? это сомнительно! сказала Анна Ѳедоровна, смѣясь.

— Ah, ma chère! vous êtes impayable! сказала г-жа Гусицкая, смѣясь тоже: — только вы умѣете меня оживить, когда я такъ... Намъ нужно было бы вѣчно не разставаться.

— А знаете, сказала Анна Ѳедоровна: — я тоже ѣду на все лѣто къ княгинѣ, она меня пригласила.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это ей пришло въ голову? И Полина ѣдетъ?

— Да, и Полина.

— Это значитъ, что княгиня заранѣе въ отчаяніи отъ скуки; вѣдь тамъ глушь!

— Катерина Александровна Алексинская ѣдетъ туда же, то-есть въ свою деревню, въ сосѣдствѣ княгини, отвѣчала Анна Ѳедоровна, знавшая эту новость отъ дочери.

Эта новость, казалось, поразила г-жу Гусицкую.

Digitized by Google

— Какъ, что? почти вскричала она: — Алексинская? Неужели? И вы знаете навѣрное?

— Вчера слышала у княгини.

— А не знаете, не княгиня ли дала ей совѣтъ туда ѣхать? спросила очень странно г-жа Гусицкая.

— Княгинѣ что же? спросила Анна Ѳедоровна, досадуя на свое незнаніе, или на свою недогадливость.

— Какъ «что»? Но вѣдь княгиня извѣстная интригантка... но, пожалуста, чтобъ это было между нами. Ce n'est qu'une supposition... впрочемъ, очень основательное предположеніе, продолжала г-жа Гусицкая по-французски, оглядываясь на свою горничную и, вѣроятно, забывая, что эта горничная, ея крѣпостная дѣвушка, жила нѣсколько лѣтъ у одной иностранки и знала французскій языкъ лучше госпожи своей, почему именно, можетъ-быть, запрещалось и ей говорить и читать на этомъ языкѣ: — Алексинская — глупенькая; князь ухаживалъ за ней нынѣшней зимою; не думаю, чтобъ у нихъ пошло далеко, но старая княгиня, конечно, замѣчала, что онъ занимается ею. Она такая интригантка! Теперь, она везетъ внука къ себѣ, и, повѣрьте, хочетъ сдѣлать изъ Алексинской (она ей крестница) приманку, чтобъ удержать внука въ повиновеніи. Повѣрьте, это княгиня велѣла ей туда ѣхать! Она черезъ Алексинскую хочетъ имѣть больше вліянія на князя. Она сама ихъ сблизитъ и все скроетъ, безъ скандала; мужъ ничего не узнаетъ, il est sot; въ обществѣ, когда нѣтъ явнаго предлога, tout doit rester sacré. Повѣрьте, княгиня это замышляетъ. И притомъ, вѣдь это страшная скряга, княгиня! Она знаетъ кого выбрать. Еслибъ ея внукъ увлекся другою, или дѣвушкой безъ состоянія, на которой было бы непростительно жениться, или женщиной изъ такихъ, которыя дорого стоятъ, княгиня бы не допустила, elle aurait jetté feu et flamme. Но Алексинская очень богата, робка, княгиня надѣется, что она не разоритъ ея внука, посовѣстится... ну, она и надѣется, что, вотъ, будетъ ей помощница... Но она обочлась, старая княгиня! Она *не слѣдитъ за событіями*, какъ нынче говорятъ...

— А, что? спросила Анна Ѳедоровна, трепеща отъ какого-та восторга.

— Ахъ, ma chère, вы невинны какъ новорожденный ребенокъ! То, что князю, конечно, ужь надоѣло ухаживать за Mme Алексинской; вѣдь въ этихъ вещахъ пріятно разнообразіе. Она особа довольно-скучная, а вдругъ, бабушка броситъ ему ее на

Digitized by Google

голову, среди всей остальной деревенской скуки: это не средство сблизить. Да князь соскучился даже и любезничать съ Алексинской, а эти вещи, одинъ разъ расклеившись, не склеиваются!..

— Ахъ, Боже мой, что вы мнѣ сказали, что вы сказали! повторяла Анна Ѳедоровна, чувствуя себя пріятно, какъ должно быть рыбѣ въ водѣ, въ своей родной стихіи, среди свѣтской *исторіи*, да еще такой отвратительной.

— Да, поздравляю васъ, сказала г-жа Гусицкая: — вы прекрасныя вещи увидите въ деревнѣ у нихъ. Mais, de grâce, que cela reste entre nous! это предположеніе, и я такъ не хочу, чтобы меня запутали!

— Ah, madame, возразила Анна Ѳедоровна: — неужели вы во мнѣ не увѣрены...

Г-жа Гусицкая встала, поднимая руки и охая отъ боли въ спинной кости; лицо ея выражало, впрочемъ, не боль, а улыбку.

— Если что и случится, сказала она зѣвая: — то Алексинская въ мѣсяцъ такъ надоѣстъ князю, что онъ будетъ готовъ заняться, не знаю кѣмъ, первою встрѣчной, лишь бы кончить. Будь у меня дочь, я бы его женила на ней: такъ это будетъ легко. За такую тайну, меня поблагодарили бы многія маменьки... Но, можетъ-быть, старая княгиня разочла и это, и тогда подвернетъ ему невѣсту, какую захочетъ... Quelle intrigante!.. Ну, что же? вдругъ обратилась она къ горничной: — ты видишь, я встала; что же одѣваться?.. Pardon, Анна Ѳедоровна.

Г-жа Гусицкая перемѣнила нѣсколько паръ туфель и ботинокъ, изорвала двѣ манишки и бросила о полъ три платья, покуда, наконецъ, надѣла четвертое. Все это дѣлалось, конечно, безъ шума.

— C'est une infamie! повторила она передъ зеркаломъ: — не знаю, что на мнѣ надѣто!.. Взгляни, матушка, что это виситъ? мои волосы... кажется ты ихъ чесала!

— Вы сейчасъ лежали на диванѣ, хладнокровно замѣтила горничная, подкалывая шпильки.

— Я лежала?.. Ну, да! но вѣдь я встала, что же это виситъ?.. Что за дрянь это платье! У меня, право, надѣть нечего, Анна Ѳедоровна, вы не повѣрите. Право, я скоро буду, какъ Чеканьева, красить или выворачивать мои платья. Сколько ихъ ни дѣлай, такой безпорядокъ... Ахъ, покажу вамъ! я себѣ подарила... принеси... une belle soirie, mais de toute beau-

Digitized by Google

té. И не стану шить до зимы, какъ уѣду въ Петербургъ. Посмотрите, какъ цвѣтъ хорошъ, отливы крупною волной.

— Удивительно, отвѣчала Анна Ѳедоровна, съ трудомъ поддерживая тяжелый кусокъ шелковой матеріи, который г-жа Гусицкая тянула за конецъ и развертывала:—а дорого?

— Н... нѣтъ. Знаете, въ самомъ дѣлѣ не дорого: такой шелкъ и на мой ростъ! я не мала. Это стóитъ сто двадцать восемь рублей... два рубля уступили.

— Ассигнаціями?

— Eh, ma chère, будто можно? вы знаете цѣну вещей... Да смотри же, сложи какъ должно въ картонку! сказала она горничной, которая уже дѣлала это хладнокровно и ловко, какъ сидѣлецъ магазина: — Ну, вынеси это, спрячь и не приходи больше. Вели карету мнѣ заложить.

Горничная вышла.

— Вы ѣдете? спросила Анна Ѳедоровна, которая, увидя какъ много прошло времени, живѣе вспомнила причину и цѣль своего посѣщенія, впрочемъ и безъ того памятныя и не разъ хватавшія ее за сердце.

— Да... Я не унываю, ma chère Анна Ѳедоровна, какъ видите!.. Ah, mon Dieu, mon Dieu! какъ гадко все въ жизни!.. Вы меня хорошо понимаете. Платье это, все это... Mon Dieu, еслибъ я могла оторваться отъ всего, жить немногимъ, но успокоиться...

— Ахъ, какъ это мудрено! замѣтила со вздохомъ Анна Ѳедоровна.

— Что? успокоиться?

— Нѣтъ, жить немногимъ... Напримѣръ, знаете ли въ какомъ я теперь положеніи?

— О, я очень хорошо знаю ваше положеніе, chère Анна Ѳедоровна! Но я васъ увѣряю, вамъ не такъ тяжело, какъ кажется. Вы не имѣете понятія о томъ стѣсненіи, которое приходится испытывать, когда... toute cette présentation... Я должна имѣть экипажъ, содержать людей, знаете, чего это стóитъ? Нынче все такъ дорого, le pain seul est à deux sous la livre. Тутъ, какъ хотите, экономничайте. Я отказываю себѣ рѣшительно во всемъ, но когда ужь люди такъ поставлены въ свѣтѣ, что имъ нельзя прятаться, жить какъ-нибудь,—я должна же принимать. Я не могу пренебрегать приличіями, ѣздить въ наемной каретѣ, которая можетъ подо мною разсыпаться, въ театръ ходить куда-нибудь подъ небеса, носить вывороченныя

Digitized by Google

платья. Вы поймите, что это для меня невозможно: я рождена не такъ... Вамъ гораздо легче, я вамъ завидую. Вы спокойны, вамъ ничего не надо, вашъ столъ вамъ ничего не стóитъ, для васъ куда-нибудь придти пѣшкомъ не унизительно.

— А вы какъ думаете, неутомительно? прервала Анна Ѳедовна, потерявъ терпѣніе.

— Ah, ma chère! также нетерпѣливо возразила г-жа Гусицкая:—но это вамъ ничего не стóитъ!

— А какъ, напримѣръ, обокрадутъ?... проговорила Анна Ѳедоровна, задохнувшись.

— Обокрадутъ? Но... что же могутъ украсть? спросила г-жа Гусицкая съ совершенно-наивнымъ недоумѣніемъ.

— Конечно, казалось бы нечего, но меня кругомъ обокрали.

— Ахъ, ma chère, такъ надо было присматривать хорошенько за вашими людьми! возразила г-жа Гусицкая: — зачѣмъ же вы держали воровъ?

Анна Ѳедоровна разсмѣялась такимъ смѣхомъ, который непріятно взволновалъ нервы свѣтской дамы и привелъ ее въ нетерпѣніе.

— Я собаки не держу, не только людей, отвѣчала она рѣзко:—меня обокралъ мой мужъ; безъ меня унесъ все, бѣлье, платье мое и дочери, продалъ, навѣрное пропилъ и уѣхалъ... прахъ его знаетъ куда!

— Ah, quelle infamie! вскричала г-жа Гусицкая:—но, знаете, это для васъ большое счастіе, что онъ уѣхалъ. Вамъ бы давно надо было съ нимъ разстаться...

— Да, еслибъ я была богата, сказала Анна Ѳедоровна: — а бѣдные люди, что тамъ ни дѣлайся между ними, живи вмѣстѣ!

— Ma chère, законъ для всѣхъ, сухо возразила Гусицкая: — и теперь, вы можете сдѣлать ему процессъ, чтобъ онъ возвратилъ вамъ деньги, если не самыя вещи.

Анна Ѳедоровна разсмѣялась опять.

— Представить въ полицію реестръ моихъ юпокъ? сказала она:—а покуда надѣть нечего.

Гусицкая оглянула ее съ головы до ногъ: Анна Ѳедоровна была одѣта.

— Только это и осталось, договорила Анна Ѳедоровна, злясь на себя за то, что слезы подступали ей къ горлу.

— Это большое несчастіе, chère amie, сказала съ чувствомъ г-жа Гусицкая: — но какая миленькая эта матерія на васъ; un rien du tout, mais c'est charmant. Откуда у васъ это?

Digitized by Google

— Это, въ прошломъ году, подарила мнѣ княгиня Ручнева, отвѣчала Анна Ѳедоровна, у которой туманило въ глазахъ: — а теперь... помогите вы... дайте мнѣ что-нибудь.

И слезы, которыхъ больше удержать она не могла, закапали ей на руки.

— Ah, chère amie, отъ всего сердца! отвѣчала г-жа Гусицкая: — я обыщу мои сундуки, и не дальше какъ сейчасъ... Ольга!

Она позвонила, вошла горничная.

— Принеси... что̀ мы на прошлой недѣлѣ разбирали... я велѣла тебѣ отложить... платья... Но успокойтесь, ma chère, обратилась она къ Аннѣ Ѳедоровнѣ:—если только за этимъ дѣло. Я на этомъ не остановлюсь: я буду сегодня у моей belle-mère; на нее, впрочемъ, надежда плоха, она такъ скупа... Figurez-vous: мнѣ было нужно послать Полю, я была въ самомъ критическомъ положеніи, она и тутъ мнѣ отказала. Сколько разъ мой мужъ предлагалъ ей жить съ нами вмѣстѣ! Это было бы, конечно, мученіе для меня, но я покорялась, потому что это поправило бы наши финансы: все же, старуха должна была бы взять на себя половину расходовъ; такъ вы представьте себѣ, что—нѣтъ!.. Семейныя исторіи, — вы объ этомъ не имѣете понятія, voici encore un de vos privilèges! сколько тутъ тонкихъ, да и грубыхъ неделикатностей... en un mot...

Горничная принесла нѣсколько платьевъ; это были именно тѣ, о которыхъ Анна Ѳедоровна говорила Полинѣ, питая надежды. У нея разбѣжались и заблестѣли глаза, особенно, когда Гусицкая, протягивая руку, произнесла:

— Voici, ma chère... Да что̀ же это ты? крикнула она горничной:—развѣ это то? Богъ мой, какъ ты глупа! Пойдемъ со мною... Pardon, Анна Ѳедоровна.

Гусицкая удалилась, въ сопровожденіи горничной, въ уборную, рядомъ съ спальней. Анна Ѳедоровна слышала, какъ горничная сказала, входя туда:

— Я думала, то уже никуда не годится.

Анна Ѳедоровна сжала руки на колѣняхъ и смотрѣла, безсознательно считая цвѣточки на обояхъ. Въ такомъ занятіи провела она нѣсколько минутъ, пока Гусицкая воротилась, въ шляпкѣ и бурнусѣ. Горничная несла ея подарки.

— Возьмите, душа моя, я дѣлаю начало доброму дѣлу, кладу первый камень. Это вамъ пригодится для дома, un négligé (она указывала на что-то пестрое, довольно запачканное

Digitized by Google

и даже заштопанное), а это... смотрите, это можетъ быть прелестное платье для Полины.

Горничная, по приказанію госпожи, развернула полосы газа, вышитыя золотомъ, весьма почернѣлыя.

— Не могу увѣрить васъ, что это настоящее золото, продолжала Гусицкая: — по крайней мѣрѣ, всѣ принимали его за настоящее; если не выйдетъ платье, вы можете продать. Заверни, Ольга; вотъ, свяжи въ платокъ. Батистовый, Анна Ѳедоровна; вы его немного поправите, онъ годится Полинѣ. А я сейчасъ ѣду. У старой княжны Шабельской я возьму для васъ штурмомъ цѣлыя сокровища, et puis, des fleurs, je fouillerai ses cartons... Карета готова; adieu, Анна Ѳедоровна, ne me remerciez pas, chère...

Анна Ѳедоровна съ своимъ узелкомъ вышла вслѣдъ за свѣтскою дамой, и хотя путь Гусицкой былъ тотъ же, который предстоялъ Аннѣ Ѳедоровнѣ, но она не предложила подвезти къ дому свою гостью.

VI.

Вечеромъ этого дня, у г-жи Мороновой собралось общество. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ ея вечеровъ передъ отъѣздомъ на дачу, и потому слѣдовало бы ожидать, что знакомые поспѣшатъ воспользоваться временемъ, которое еще могутъ провести вмѣстѣ, и гостиная г-жи Мороновой будетъ полна, но вышло иначе. Изъ тѣхъ, которые еще не разъѣхались на дачи, явились весьма не многіе; другіе предпочли слушать оркестръ публичнаго гулянья и любоваться на незатѣйливый фейерверкъ, громадными буквами возвѣщенный въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*; что касается до дамъ, онѣ давно рѣшили, что «всѣ эти вечера смертельная скука.» Онѣ усаживались за карты, сдѣлавъ себѣ изъ этого занятія нѣчто въ родѣ возбудительнаго средства, чтобы не зѣвать, и успокоительнаго, чтобы не злословить.

Въ гостиной Мороновой играли въ карты: старуха, свекровь хозяйки, съ ней еще другая старуха, впрочемъ съ большими претензіями на туалетъ, на любезность, на хорошій тонъ и придирчивая въ игрѣ; она безпрестанно спорила. Другіе партнеры были какой-то худой господинъ, довольно желч-

Digitized by Google

ный, тоже нерѣдко споривший, и Анна Ѳедоровна. Зато другой столъ играющихъ былъ совершенною противоположностью первому: тамъ занимались сама г-жа Моронова, хорошенькая молодая блондинка, нарядная какъ бабочка; другая дама, тоже недурная собою и молодая, и господинъ Собакинъ, юноша лѣтъ восьмнадцати, но для компаніи своего возраста слишкомъ серіозный и положительный, котораго не называли иначе, какъ прибавляя къ его имени «маленькій», для отличія его отъ милліона его братьевъ, дядей, кузеновъ и прочихъ родственниковъ. Послѣдній партнеръ былъ господинъ Пехлецовъ, который своею мягкою и кокетливою любезностью одушевлялъ это общество. Довольно странно назвать одушевленіемъ легкія улыбки, пробѣгавшія на лицахъ молодыхъ дамъ, ихъ восклицанія «mon Dieu!» ихъ жалобы съ дѣтскими ужимками: «Но это ужасъ, я запла́чу: у меня однѣ двойки!» и т. п., ихъ разговоръ съ примѣсью тѣхъ французскихъ фразъ, которыя называются «непереводимыми», вѣроятно потому, что еслибы перевести ихъ (что̀ очень возможно и даже выраженіями равносильными)—отъ нихъ бы отказались утонченно-нѣжныя дамы. Въ этомъ состояло все ихъ одушевленіе. Господинъ Пехлецовъ старался его поддерживать; не видя себѣ соперника въ юномъ Собакинѣ, онъ былъ счастливъ, наслаждаясь два часа тѣмъ, что смотрѣлъ на хорошенькія лица и могъ говорить разныя пріятности, шутки, даже каламбуры, очень устарѣлые, но льстящіе молодости и красотѣ,—устарѣлые,—но что̀ же дѣлать, когда скучное новое время ничего не придумало и не создало въ этомъ родѣ, когда приходится повторяться? Господинъ Пехлецовъ, натурально, тысячу разъ повторялся, но въ увлеченіи самъ не замѣчалъ этого; присутствіе молодости и красоты, взиравшихъ на него благосклонно, повергало его въ сладостный трепетъ и самозабвеніе; тогда онъ говорилъ себѣ, что нынѣшней молодежи не перещеголять его. Но выходя изъ этого блаженнаго состоянія, замѣчая какими быстрыми шагами опережали его грубые, но молодые люди, онъ съеживался, погружался въ себя и, чтобы поддержать свой кредитъ у женщинъ, пускался въ «маленькія услуги». Онъ хлопоталъ для молодыхъ дамъ какъ приживалка: исполнялъ ихъ коммиссіи, доставалъ имъ билеты въ спектакли, на выставки и тому подобное; случалось, для этихъ услугъ, онъ жертвовалъ полами шубы или пальто, которое ему обрывали въ толпѣ; отыскивалъ квартиры для тѣхъ, которые хотѣли перемѣнить домъ,

Digitized by Google

справлялся обо всѣхъ удобствахъ этихъ квартиръ, торговался, тормошилъ хозяевъ, хлопоталъ о перевозкахъ, чуть ли не самъ нанималъ подводы, но, конечно, самъ и не одинъ разъ являлся въ домъ во время перевозки. Его люди были несчастные, служившіе не одному своему господину, но всѣмъ молодымъ дамамъ, которымъ прислуживалъ Пехлецовъ. Услужливость была его добродѣтель, и ее, какъ всякую добродѣтель, эксплуатировали. У Гусицкой, напримѣръ, не доставало денегъ, она посылала за Пехлецовымъ. «Ахъ, мсьё Пехлецовъ, вы обяжете меня выше всякой идеи» и проч. Мсьё Пехлецовъ обязывалъ, поручаясь и занимая, гдѣ могъ. У другой не было собачки,—говорили Пехлецову; нуженъ былъ провожатый въ маскарадъ,—брали Пехлецова, и онъ мерзъ на подъѣздѣ торопя карету, между тѣмъ какъ неблагодарное домино, просившее покровительства его, продолжало разговоръ съ тѣми, кто былъ занимательнѣе его. Въ квартирѣ, выбранной Пехлецовымъ, дымили печи,—посылали не за печникомъ, а за Пехлецовымъ, и такъ далѣе. Пехлецовъ былъ богатъ, не женатъ и не проживался, имѣлъ важный чинъ, не служилъ больше и считался человѣкомъ очень порядочнымъ. За него тотчасъ бы отдали дѣвушку, которой бы онъ вздумалъ предложить руку и сердце, и можетъ-быть именно потому, что могъ надѣяться только на бракъ по разчету, Пехлецовъ никому не дѣлалъ предложенія. Конечно, онъ не могъ разчитывать на взаимность, но и увѣренность, что пойдутъ за его деньги, была ужь какъ-то не слишкомъ весела. Къ тому же, у него ужь были свои маленькія привычки, маленькій старческій эгоизмъ. Разсыпаясь и волнуясь охотно для «маленькихъ услугъ», Пехлецовъ не могъ безъ нѣкотораго страха думать, что, женясь, у него могутъ быть и серіозныя огорченія, серіозныя заботы. Онъ возилъ конфеты «прелестнымъ» чужимъ малюткамъ, если у этихъ малютокъ были хорошенькія маменьки, но мысль, что его собственныя малютки будутъ шумѣть по комнатамъ, лазить по столамъ и стульямъ, наводила на него нисколько не пріятное смятеніе. Онъ отыскивалъ и переманивалъ гувернантокъ, но теперь это былъ случай любезничать, а тогда была бы забота самая затруднительная. Къ тому же, несмотря на свои почтенныя лѣта, а можетъ-быть, даже именно вслѣдствіе этихъ лѣтъ и долговременной практики, Пехлецовъ усвоилъ себѣ свойство бабочки—беззаботность и непостоянство: онъ не могъ рѣшиться въ выборѣ, съ тѣмъ чтобы надѣть навѣчно оковы од-

Digitized by Google

ной женщины. Какъ человѣкъ богатый, онъ не нуждался въ хозяйкѣ; почти не живя дома, не желалъ имѣть своей «гостиной»; о старости и необходимыхъ ей попеченіяхъ онъ не думалъ, давно привыкнувъ къ попеченіямъ своего камердинера и къ какой-то pommade-philocome, сообщавшей его сѣдымъ волосамъ желто-каштановый, нѣсколько спаленный цвѣтъ. Впрочемъ, Пехлецовъ былъ такъ остороженъ, что берегъ про себя свои противосупружескія идеи: обнаруживъ ихъ, онъ лишился бы милостей многихъ матушекъ и привѣтливости многихъ дѣвицъ; это было бы скучно: лишась общества женщинъ, пришлось бы обратиться къ обществу мущинъ, а Пехлецовъ не привыкъ къ нему. Онъ не любилъ ни политики, ни серіозныхъ толковъ, ни сильной игры,—игры потому, что былъ скупъ; онъ не былъ образованъ, чтобъ имѣть значеніе между людьми учеными, а люди, образованные еще менѣе его, довольно неучтиво скучали имъ. Пехлецовъ понялъ свое назначеніе: онъ годился только для дамъ.

Къ сожалѣнію, онъ былъ правъ. Женщины не только довольствуются обществомъ подобныхъ людей, но находятъ въ немъ удовольствіе. Сильное мнѣніе напоминаетъ о существованіи жизни менѣе пустой, заставляетъ искать чего-то и быть чѣмъ-то недовольнымъ, выдвигаетъ на свѣтъ поступки, и заставляетъ убѣдиться, что они предосудительны, тогда какъ въ тѣни, нетронутые, неразобранные, они казались почти мелочами, которыхъ и трогать не стоило. Это сильное мнѣніе тревожитъ, заставляя оглядываться и размышлять. Образованность, ученость... но женщинамъ такъ крѣпко натолковали съ дѣтства, что ученость рѣдко обходится безъ педантства; дѣльные учители, если они бывали у нихъ, казались въ самомъ дѣлѣ такими скучными педантами, требовали прилежанія и знанія; учители-угодники, не желавшіе обременять «эти прелестныя головки» «сушью науки» (par une science aride), толковавшіе обо всемъ слегка, такъ хорошо убѣдили, что наука страшный звѣрь и женщинамъ ея не надо, что бо́льшая часть женщинъ навѣчно осталась при этихъ убѣжденіяхъ. Онѣ доказываютъ это воспитаніемъ своихъ дочерей; ихъ сыновьямъ, будь они даже не болѣе какъ гимназисты, сто́итъ только пересчитать предметы своего курса, чтобы привести маменекъ въ благоговѣйный ужасъ. On exige tant aujourd'hui, повторяютъ маменьки. Образованные люди не запугиваютъ, конечно, но они также (и весьма справедливо) разборчивы, и не могутъ находить насла-

Digitized by Google

жденія въ обществѣ этихъ дамъ; а для этихъ дамъ покойнѣе и пріятнѣе люди менѣе требовательные, съ свѣдѣніями общеизвѣстными, выражаемыми большею частію шутливо, съ наукой такою же какъ добродѣтель этихъ людей: нѣжною, любезною, смѣющеюся. Эти дамы, въ жизни какъ и въ исторіи, останавливаютъ свое вниманіе только на предметахъ нѣжныхъ, любезныхъ и смѣющихся, не заботясь, конечно, о неудобствахъ, принесенныхъ и приносимыхъ на свѣтъ подобною добродѣтелью. Едва ли когда-нибудь какая-нибудь изъ свѣтскихъ женщинъ подумала о несчастіяхъ, которымъ можетъ быть причиной безцвѣтная посредственность; вѣрнѣе — не многія изъ этихъ женщинъ повѣрили бы, еслибы сказать имъ, что отъ посредственности могутъ быть несчастія. Увѣрить ихъ, доказать имъ, значило бы разрушить очарованіе, въ которомъ онѣ родились, выросли и показать имъ жизнь въ иномъ свѣтѣ и въ этой жизни такія вещи, которыхъ онѣ никогда не трудились подозрѣвать. Потому имъ и легко и пріятно съ «пріятными» людьми; имъ бываетъ, можетъ-быть, скучно до одурѣнія, но эти бѣдныя женщины принимаютъ скуку за наслѣдственную болѣзнь, переходящую въ ихъ кружкѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе: онѣ покоряются ей. Исходъ, излѣченіе, можетъ-быть, были бы и отрадны, но это стоило бы труда, уклоненія отъ приличій, можетъ-быть боли сердца и, во всякомъ случаѣ перемѣны привычекъ, забвенія свѣтской рутины, въ которой одно поколѣніе за другимъ такъ безмятежно погрязаетъ и засыпаетъ. Въ этой рутинѣ погрязаютъ не однѣ женщины. Случается, что живой человѣкъ является и въ ихъ кружкѣ; развитый умъ, сильный страстный характеръ; такой человѣкъ привлекаетъ невольно, къ нему привязываются, его даже полюбятъ, но не надолго: онъ утомляетъ, онъ мучитъ, а свѣтская женщина привыкла чувствовать лишь сколько дозволено, она любитъ больше всего свой покой и боится мученій. Она скоро возненавидитъ свою истинную привязанность, и недостойно, мелочно, своекорыстно измѣнитъ ей, найдетъ себѣ оправданіе, обвиняя въ неделикатности и требовательности того, кому измѣнила. Она предпочтетъ все, что̀ встрѣтится мелкаго, лишь бы не волноваться; она выслушаетъ сто разъ однѣ и тѣ же бальныя пошлости, лишь бы не трудить своей головы, потому что истинная любовь любитъ, думая; она скомпрометируется сто разъ по мелочи, но чинно и прилично, и будетъ хвалиться твердостію, что устояла противъ того, что̀, говоритъ она, «составило бы ея несчастіе».

Digitized by Google

Пехлецовъ, въ самомъ дѣлѣ, годился для этого кружка. Въ этотъ вечеръ онъ посвящалъ свои чувства г-жѣ Мороновой, дѣлая этимъ удачное уклоненіе отъ оковъ супружества, которыя начинали грозить ему: въ этомъ семействѣ была дѣвица, Додо, или Авдотья Николаевна, сестра мужа г-жи Мороновой. Г-нъ Мороновъ былъ человѣкъ тихій, скромный, умѣренно любезный и неумѣренно игравшій въ карты; остальная жизнь его шла весьма обыкновенно, какъ жизнь бо́льшаго числа смертныхъ, о которыхъ трудно сказать что-нибудь, если въ теченіи ихъ существованія не случится какое-нибудь особенное обстоятельство, которое заставитъ ихъ какъ-нибудь особенно выказаться. Такъ какъ большею частію обстоятельства посылаются самыя обыкновенныя, общія всѣмъ, то большею частію эти люди и умираютъ не выказавшись. Мороновъ имѣлъ пріятную наружность, что̀ доставило ему возможность жениться очень выгодно; онъ былъ добрый сынъ, потому что умѣлъ устроить, что его мать и жена жили въ согласіи. Этому причиной могло быть и то, что старуха чтила богатую невѣстку и старалась почти исчезать передъ нею. Старуха была почти всегда въ какомъ-то ненастномъ расположеніи духа; не плакалась, не была ничѣмъ недовольна, но умѣла настроить не только свое лицо на постоянно-плачевную ужимку, а даже свой голосъ на постоянно-дребезжащія ноты. Съ непривычки, постороннему, встрѣчавшему Моронову-мать, казалось, что съ нею сейчасъ была «сцена» или «исторія». Но къ этому привыкли скоро; посторонніе мало ею занимались. Старуха проводила бо́льшую часть времени невидимо, въ своей комнатѣ, и являлась вечеромъ только тогда, когда могла составиться для нея партія по маленькой. Ея постоянная озабоченность была, впрочемъ, не совсѣмъ напрасна: у нея на рукахъ оставалась еще Додо, вступившая въ свою тридцатую весну,— Додо, пристроить которую никто не думалъ, какъ выражалась мать, забывая, что безъ состоянія это довольно трудное дѣло всегда, а въ нынѣшнее время въ особенности.

Додо была «красавица». Замѣчательно, что этого никогда не говорили о ней люди съ эстетическимъ понятіемъ. Она была очень высока ростомъ, полна, стройна, ея черты были крупны и правильны, глаза синіе, волосы черны до синевы, цвѣтъ лица свѣжъ и румянецъ ярокъ. Тѣ, кто находилъ ее красавицей, говорили, что сознаніе красоты положило на нее «нѣкоторую печать величія» (un certain cachet de grandeur), но

Digitized by Google

именно эта «печать» и отняла у всего послѣдній смыслъ. Додо рано начала появляться въ свѣтѣ. У нея было нѣсколько бабушекъ, тетушекъ, кузинъ, бравшихъ ее подъ свое покровительство. Въ то время въ Москвѣ ни одинъ балъ не обходился безъ живыхъ картинъ, шарадъ въ дѣйствіи и тому подобнаго; эти выставки обходились дорого, но за то доставляли жениховъ, и многія маменьки еще до сихъ поръ грустятъ объ этомъ невозвратномъ прошедшемъ. Были, конечно, конкурренціи, непріятности, ссоры, но что̀ прошло, то мило, если не воспоминаніемъ торжества, то воспоминаніемъ шумно проведеннаго времени. Додо было тогда лѣтъ пятнадцать; она была слишкомъ молода и не богата, ее не считали соперницей, и потому ее допустили исполнить въ одной живой картинѣ роль сѣнной дѣвушки какой-то княжны Милолики, которую князь Звенславъ избираетъ своею супругой. Картина удалась въ совершенствѣ; князь Звенславъ былъ такъ доволенъ собою, что, какъ былъ въ шлемѣ и кольчугѣ, такъ и снялъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ свой дагерротипный портретъ, и даже оставилъ одинъ экземпляръ на выставкѣ, въ мастерской художника. Но сѣнная дѣвушка Додо совершенно затмила худую и желтобледную княжну Милолику, никогда потомъ не простившую ей этого торжества. Додо съ этого дня сознала свое назначеніе. Она стала являться во всѣхъ картинахъ; бездѣтныя бабушки и незамужнія тетушки доставляли ей средства; прежде нежели ее офиціяльно привезли на первый балъ, она уже исполнила невѣроятное число Цереръ, боярынь, гербовъ разныхъ губерній и уѣздовъ, роскошныхъ временъ года, патріотическихъ кадрилей, сценъ изъ отечественной исторіи и прочаго. Ея комоды были полны лоскутовъ глазета, вышитыхъ покрывалъ, кокошниковъ, золотыхъ вѣнцовъ, татарскихъ туфель, картонныхъ вооруженій; она проводила дни изучая позы, ночи— танцуя; зимой, она кружилась въ Москвѣ, у какой-нибудь бабушки или тетушки; на лѣто поступала на дачу къ другой, подъ покровительствомъ которой кружилась слѣдующую зиму, и такъ далѣе, тринадцать зимъ и тринадцать лѣтъ, пока не вымерли бабушки, тетушки непереселились кто въ какую-нибудь пустынь, кто для спокойствія духа и поправленія обстоятельствъ въ такой переулокъ, что̀ дальше пустыни, пока не переѣхали изъ губерніи въ Москву ея мать, постоянно жившая съ братомъ, и самъ братъ, только что женившійся на богатой и хорошенькой провинціялкѣ. Тогда Додо перенесла въ его домъ остатки сво-

Digitized by Google

его величія и величія своей красоты, вмѣстѣ съ баночками притираній, сдѣлавшимися необходимыми послѣ столькихъ торжествъ. Торжества миновали; Додо еще явилась однажды, залитая брилліантами своей насмѣшницы-невѣстки въ роли супруги Трувора, принимающей вмѣстѣ съ нимъ покорность Чуди или Кривичей, но это была уже послѣдняя пѣснь лебедя, и не совсѣмъ удавшаяся, хотя для нея потрудились отыскать тему древнѣйшую и вмѣстѣ казавшуюся почему-то ближайшею намъ по духу; учености положили много, исполнителей сбирали полгода, едва нашли Трувора, и то весьма невзрачнаго; сама Москва уже не умѣла и не хотѣла наряжаться...

Въ богатомъ и открытомъ домѣ, семейная жизнь не стѣснительна; одна старуха Моронова, по провинціяльной привычкѣ и вслѣдствіе разныхъ благочестивыхъ понятій, еще считала обязанностію заботиться о мирѣ, тишинѣ въ домѣ, о любви супружеской, о согласіи всѣхъ. Хотя для нея было ясно, что весь день идетъ для всѣхъ въ розницу, но она все еще вѣрила въ «тѣсный кружокъ», въ «родственныя совѣщанія», и тому подобное. Она, напримѣръ, все еще не переставала удивляться каждый день, что Марья Платоновна, проснувшись въ полдень, выходитъ въ гостиную только къ двумъ часамъ, когда Евграфа Николаевича уже нѣтъ дома, а выходитъ почти всегда въ шляпкѣ, готовая тоже уѣхать, или, если не уѣзжаетъ, то къ ней наѣзжаютъ столько гостей, что непонятно, какъ силъ достаетъ каждый день видѣть столько народа. Старуха удивлялась, почему Додо находила, что пусто и скучно, хотя, казалось, тормошилась столько же, сколько и всѣ, и мать видѣла ее не больше, если даже не меньше, чѣмъ невѣстку. Додо была недовольна: невѣстка сосредоточивала на себѣ угожденія и ухаживанье; дорого стоило соперничать съ ней и по крайней мѣрѣ не совсѣмъ уступать ей въ свѣжести нарядовъ, въ этомъ предметѣ булавочнаго раздора, доходящаго до истинной вражды. Додо рѣшила, что Магіе—провинціялка до конца пальцевъ, и только эта мысль дала ей силу и мужество. Вслѣдствіе этой мысли, Додо усвоила себѣ равнодушно-гордый взглядъ на всѣ наряды невѣстки и ужимку состраданія при всѣхъ ея словахъ и поступкахъ. Моронова отлично понимала чувства Додо и, зная какъ они безвредны, принимала ихъ съ легкою насмѣшкой. Онѣ, конечно, никогда не доходили до разъясненія своихъ чувствъ одна къ другой, съ вида держались между собою прекрасно и постоянно говорили другъ другу «chère amie».

Digitized by Google

Моронова, воспитанная въ провинціи, гдѣ «свѣтъ» еще требуетъ отъ женщины талантовъ, мило пѣла, была немножко музыкантша, читала кое-что. Замѣтивъ, что все это, послѣднее въ особенности, не считается необходимымъ тамъ, гдѣ хотятъ только веселья, гдѣ нужно только блескъ и ловкость и какъ можно меньше думы, она съ совершенно-свѣтскимъ тактомъ отложила въ сторону всякую думу и заботилась только о томъ, чтобы казаться какъ можно болѣе пустою. Артистическіе и патріотическіе маскарады, въ которыхъ когда-то участвовала Додо, конечно, не требовали учености, но въ тѣ времена дамы много о ней толковали, для того чтобы вѣрнѣе составить свой костюмъ, выбрать роль по характеру и «жанру» красоты, и вникнуть въ роль; нѣкоторыя даже щеголяли ученостію и любили окружать себя «людьми мыслящими». Юноши временъ Додо всѣ болѣе или менѣе «мыслили»; сдѣлать себѣ спеціяльность изъ игры въ ералашъ, какъ сдѣлалъ это маленькій Собакинъ, рѣдко кому тогда приходило въ голову. Додо собрала въ своей головѣ остатки и обрывки этихъ воспоминаній и воображала себя женщиной «развитою». Этимъ она составила себѣ положеніе среди ни о чемъ не говорящаго общества, которое окружало ее теперь. Догадавшись, что не можетъ больше ни первенствовать, ни блистать, она рѣшилась отличаться нѣкоторою особенностью. Она устраивала себѣ прически въ подражаніе древнимъ камеямъ и говорила о стѣснительныхъ приличіяхъи условіяхъ, если удавалось поймать на разговоръ какого-нибудь очень юнаго студента изъ говорящихъ объ этихъ вещахъ; въ подруги она избирала себѣ самыхъ молоденькихъ дѣвушекъ; взрослыя, занятыя своими собственными интересами, не сближались съ нею; съ молоденькими она говорила о любви тономъ особы опытной и искушенной, затрогивая любопытство и волнуя невинныя души. Взрослыя разказывали о Додо разные анекдоты, дали ей нѣсколько прозваній, придумали, что она сочиняетъ стихи. Додо доставляла имъ занятіе. Она сама была вѣчно занята; у нея были постоянно какія-нибудь тревоги съ модистками и планы на завоеваніе чьего-нибудь сердца. Въ настоящее время она признавала необходимость плѣнить г-на Пехлецова, но ея собственное сердце не могло безъ нѣкотораго трепета выносить присутствія князя Ивана Десятова, тѣмъ болѣе потому, что блестящая невѣстка, казалось, безъ малѣйшей заботы привлекала того и другаго...

Въ этотъ вечеръ, князя не было, Пехлецовъ любезничалъ

Digitized by Google

за ералашемъ. Додо уже разъ десять прошлась мимо карточныхъ столовъ, влача свои необъятныя оборки и концы пестрой шали, распущенной въ родѣ классической или цыганской драпировки, въ которую она куталась подъ предлогомъ вечерняго холода. Она величаво занимала очень много мѣста въ комнатѣ; тревога на челѣ ея, украшенномъ короной изъ волосъ, придавала ей видъ разгнѣванной царицы. Полина, въ свѣжемъ бѣломъ платьѣ, перетянутая, «воздушная», подошла вслѣдъ за красавицей къ играющимъ, оперлась на спинку кресла Мороновой и тоже смотрѣла, vis-à-vis, на Пехлецова.

— Можетъ-быть, наконецъ счастіе улыбнется мнѣ, сказалъ Пехлецовъ, возводя взоры на дѣвицъ.

Додо поспѣшила улыбнуться, что̀, при ея пухлыхъ щекахъ и неподвижномъ взглядѣ выпуклыхъ глазъ, всегда выходило очень странно. Полина улыбнулась тоже, но не прежде какъ взглянувъ на Додо, и потомъ принялась смотрѣть на Пехлецова, упорно и очень серіозно. Молчаливая сцена была разыграна прекрасно. Взоры Полины спрашивали какъ нельзя яснѣе: «Неужели вы, свободный старикъ, не шутя любезничаете съ этою глупою куклой? Подумайте, что она не молода, бѣдна, и васъ какъ разъ могутъ поймать!»

Понялъ ли это Пехлецовъ, но онъ сконфузился, и Додо, еще нѣсколько минутъ напрасно подождавъ новой любезности, рѣшилась отойдти съ очень понятною досадой.

Полина послѣдовала за ней, и обѣ усѣлись на маленькомъ диванчикѣ у окна. Кромѣ играющихъ не было другихъ гостей, дѣвицамъ оставалось заниматься между собою; скука была, въ самомъ дѣлѣ, одуряющая; нужна вся привычка свѣтскихъ особъ, чтобы выносить частое повтореніе этихъ «пріятныхъ» вечеровъ.

— Такъ вы на лѣто въ деревню? въ двадцатый разъ спросила Додо Полину.

— Да... и мнѣ такъ не хочется, повторила Полина.

— Отчего же нѣтъ, ma chère? Все равно вездѣ.

— Ахъ, нѣтъ; тоска, глушь. Когда княгиня предложила маменькѣ, она долго отказывалась; но Mme Алексинская просто умолила. Вы не повѣрите, Mme Алексинская такъ стоитъ за то, чтобъ я ѣхала. Не понимаю, что ей вдругъ такъ понравилось мое общество.

— Отчего же нѣтъ, ma chère?

— Но, нѣтъ, я полагаю, тутъ другія причины, продолжала

Digitized by Google

Полина, убѣждаясь, что затронуть любопытство Додо не такъ легко, какъ ей казалось.

— Mais, comme de raison. Она одна.

— Вотъ этого я и боюсь... Ah, chère, еслибъ я могла столько разчитывать на вашу дружбу, продолжала Полина,—чтобъ я могла спросить васъ... посовѣтуйте мнѣ, вы знаете свѣтъ. Вчера утромъ... чтобы только насъ не услышалъ кто-нибудь... j'ai appris une chose... Князь Жанъ влюбленъ въ Mme Алексинскую.

— Что вы мнѣ говорите! почти вскрикнула Додо.

Новость была такъ чувствительна для ея сердца, что при ней не устояла даже ея царственная неподвижность.

— Hélas, oui! я убѣдилась сама... нечаянно, я была свидѣтельницей такой сцены... Это ужасъ. Эта несчастная женщина.. Я не знаю какъ мнѣ быть. Она ѣдетъ въ деревню потому, что онъ тамъ будетъ. Посудите, что обо мнѣ скажутъ...

— Это ужасъ! повторила Додо, понимая, что съ той минуты какъ князь «занятъ» другою, на него уже нечего разчитывать какъ на жениха.

— Это ужасный человѣкъ, сказала Полина:—вы не повѣрите, j'étais toute saisie. Первое, что я подумала, это... мущины... ахъ, правду говорятъ намъ, молодымъ дѣвушкамъ, что они страшны! Какое коварство!.. И еслибъ я сама не видѣла... Онъ ей говоритъ *ты*, figurez-vous!

— Какая гадкая женщина! сказала Додо:—что онъ нашелъ въ ней? Marie! кликнула она свою невѣстку, вставшую на минуту изъ-за картъ.—Подите, послушайте!

Моронова подошла, и великое извѣстіе было ей сообщено. Она расхохоталась; она была находчивѣе Додо и сейчасъ нашла какъ скрыть досаду, что сама лишается поклонника.

— Merci, сказала она Полинѣ:—я вамъ очень благодарна за это извѣстіе. Видите, Додо, я была права. Представьте, Mlle Pauline, вы должны знать это, когда вы были такъ добры, что предупредили насъ. Въ нашемъ семействѣ всѣ, исключая меня, полагали, что князь можетъ быть партіею для Додо; представьте же, какъ это показалось бы смѣшно постороннимъ. А что касается до Mme Алексинской... я, признаюсь, давно думала, что тутъ есть что-нибудь... Она совсѣмъ оставляетъ своего мужа?

Digitized by Google

— Не знаю... отвѣчала Полина, затрудняясь такимъ рѣшительнымъ вопросомъ.

— Вѣроятно. Ахъ, моя бѣдная Додо! прибавила Mme Моронова опять расхохотавшись.—Извините, mesdames, это очень занимательно, но мое отсутствіе приводитъ въ ажитацію monsieur Пелецова... Мы его кругомъ обыграли! договорила она, тихо смѣясь, и ушла.

— Ахъ, chère, заговорила Полина, оставшись опять съ соннымъ-отуманеною красавицей:—я тоже думала, я была почти увѣрена... Бывали минуты, когда я была готова поздравить васъ! Ужасный человѣкъ! онъ не пропускаетъ вашихъ journées fixes, всегда танцовалъ съ вами, и вдругъ... Я понимаю негодованіе вашей belle-soeur...

— Моя belle soeur сама отъ него съ ума сходила, прервала Додо сквозь зубы.

— Ахъ, я такъ жалѣю Mme Алексинскую! замѣтила Полина черезъ минуту, послѣ краснорѣчиваго молчанія.

— Что вы нашли жалѣть о ней, ma chère? возразила Додо: —право, вы очень добры. Эти дамы не довольствуются, что ужь вышли замужъ, онѣ берутъ у насъ молодыхъ людей.

— Правда, сказала Полина:—никто не женится; столько старыхъ дѣвушекъ!

Этого было ужь слишкомъ довольно, чтобы привести красавицу въ окончательное разстройство. Она опять встала и начала прохаживаться, развѣвая пестрыя ленты, укрѣпленныя на затылкѣ и влача свои драпировки. Полина пошла взглянуть въ карты, къ столу, гдѣ играла мать ея. Старая Моронова горестно подняла на нее глаза, а другая нарядная старуха, игравшая vis-à-vis съ пожилымъ господиномъ, прижала къ своей груди карты, которыя держала распущенныя вѣеромъ.

— Пассъ, сказала она съ сдержаннымъ негодованіемъ.

Анна Ѳедоровна объявила большую игру.

— Вы принесли счастіе вашей маменькѣ, замѣтилъ господинъ, злобно сжавъ въ кулакъ свои карты и выбрасывая двойку, такъ что она завертѣлась, упавъ на столъ.

Полина поняла, что она лишняя.

«Охота маменькѣ играть...» подумала она отходя.

Ей не было времени раздуматься дальше; къ тому же ей самой показалась непріятна мать ея, играющая на свой послѣдній грошъ въ угоду богачкамъ, Богъ знаетъ изъ какого удо-

Digitized by Google

вольствія, какъ-то мелко, жалко, чего-то надѣясь, не то выигрыша, не то милости, чуть не молясь, чтобы выиграть...

«Что я буду съ нею дѣлать...» подумала почему-то Полина, чему-то улыбнувшись.

Молодыя дамы кончили свою партію и встали. Маленькій Собакинъ перешелъ отъ одного стола къ другому, сѣлъ подлѣ старухи Мороновой и наблюдалъ за ея игрой въ спокойномъ молчаніи. Пехлецовъ расплачивался, уже затрудняясь въ любезностяхъ, потому что въ этотъ вечеръ онѣ стоили дорого; красавицы только забавлялись его затрудненіями. Г-жа Шарова, гостья, мило напомнила ему, что онъ проигралъ ей пари, конфеты. Г-жа Моронова увела ее въ залу. Полина, улыбаясь, глядѣла на старичка. Старичокъ уже усталъ отъ улыбокъ и смотрѣлъ на столъ, на которомъ дамы, всегда плохо знающія ариѳметику, невинно обсчитали его, чему онъ, отъ учтивости, покорился. Взглянувъ на Полину, онъ припомнилъ, что утромъ поднесъ и ей бонбоньерку; это его почему-то озлило. Съ Mlle Полиной можно не церемониться, и Пехлецовъ, не сказавъ ни слова, сѣлъ у стола, выражая желаніе отдохнуть.

Полина граціозно опустилась на другое кресло у того же стола.

— Вы устали? мило спросила она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— Такъ вамъ скучно, шепнула она, глядя пристально.

— Отчего же? нисколько, отвѣчалъ Пехлецовъ, слегка сконфузясь, и взглянувъ какъ она опиралась своими бѣлыми ручками въ темное сукно стола.

— Эти дамы ушли... сказала она, оглядываясь кругомъ, какъ бы желая яснѣе доказать Пехлецову, что его оставили одного:— игра кончена; какъ будто ужь и все кончено... Я по себѣ сужу... Je suis folle! я бы хотѣла больше благодарности, еслибы доставила кому-нибудь удовольствіе.

— Это удовольствіе было такъ не велико... сказалъ Пехлецовъ съ легкою задумчивостію.

— Я этого не понимаю, проговорила тихо Полина:—можетъ-быть потому, что я такъ молода, на меня все дѣлаетъ впечатлѣніе... Эти дамы говорятъ, что я экзальтирована...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ... Tenez, M. Пехлецовъ, я вамъ признаюсь, я сегодня не могу смотрѣть на васъ безъ нѣкоторой... не знаю, какъ это назвать... Эти дамы такъ равнодушно про-

Digitized by Google

водятъ свои вечера съ вами, а я... я чувствую, что я вамъ обязана, и это чувство мнѣ такъ пріятно, такъ священно... Вы будете смѣяться!

— Отчего же? возразилъ очень любезно Пехлецовъ:—но чѣмъ же я могъ заслужить?

— Ахъ! а приключеніе нынѣшняго утра, этотъ незнакомый молодой человѣкъ? заговорила Полина скоро и шопотомъ:— вы не повѣрите, j'étais toute saisie; я сказала себѣ, что не знаю чѣмъ выразить, чѣмъ доказать мою благодарность; я желала бы, чтобы представилось самоотверженіе, пожертвованіе...

— Mais, mon Dieu, сказалъ, растаявъ, Пехлецовъ.

Ручка Полины очутилась въ его рукѣ; онъ пожалъ ее.

— Эта дерзкая молодежь! продолжала она въ волненіи.

— Что же онъ могъ сказать вамъ? спросилъ Пехлецовъ встревоженный.

— Ah, mon Dieu, voyez, il m'a dit que je suis belle! Но онъ не могъ меня видѣть: я была закутана. Онъ сказалъ, будто это угадывается въ движеніяхъ, въ походкѣ, будто мой голосъ... Ахъ, это ужасъ!

— Calmez-vous, прошепталъ Пехлецовъ.

Онъ любовался какъ отъ негодованія вспыхнули ея щечки и засверкали ея зеленые глазки. Она скромно опустила ихъ, замѣтя его взглядъ, и вдругъ засмѣялась.

— Какой я ребенокъ! сказала она:—вы надо мной смѣетесь.

— О, прошу васъ вѣрить...

— Да я вамъ вѣрю! прервала она съ игривымъ, дѣтскимъ увлеченіемъ:—вы ужь сами не можете сдѣлать, чтобъ я вамъ не вѣрила; кончено! это впечатлѣніе глубоко, вѣчно; оно останется во мнѣ, что бы ни случилось, гдѣ бы я ни была!.. Вотъ, я, можетъ-быть, уѣду далеко... вспомните, когда-нибудь, среди этихъ прекрасныхъ дамъ, что умѣли внушить однимъ вашимъ поступкомъ...

— Для чего же вамъ уѣзжать? прервалъ Пехлецовъ.

— Для чего? грустно повторила она:—въ гувернантки... о, не заставляйте меня высказываться! Такъ нужно! Бѣдная дѣвушка... Надо забыть, что есть у насъ сердце, что обязанность женщины составить чье-нибудь счастье, украсить жизнь... Ah, mon Dieu!

Полина покачала головой и на минуту зажала пальчиками свои глазки.

Digitized by Google

— Право, я совсѣмъ дитя! такъ хотѣлось бы заботиться о комъ-нибудь, смѣяться, чтобъ это кого-нибудь веселило! Я не принадлежу къ этому обществу, не требую въ немъ никакихъ правъ, такъ бы охотно не знала его! Жить въ неизвѣстности, только бы у жизни была цѣль... Эти прекрасныя дамы... Je vous dirai tout! меня такъ пугаетъ ихъ насмѣшливость, ихъ холодное, разчитанное кокетство... Онѣ ничѣмъ не дорожатъ, не правда ли? Скажите, вы ихъ знаете?

— Это такой вопросъ... сказалъ Пехлецовъ, никогда не занимавшійся философіей, но задѣтый за живое.

— Право, я ихъ боюсь, продолжала Полина:—онѣ безпощадны; дружбы у нихъ нѣтъ, и даже это... les affections—ничего искренняго. Отойдите только—онѣ ужь смѣются.

Пехлецовъ поморщился и невольно обернулся въ сторону залы, куда ушли молодыя дамы. Въ драпированную дверь было видно, какъ стояли онѣ у рояля, занятыя, казалось, совѣщаніемъ, и время отъ времени смѣялись. Додо была съ ними, но не принимала участія въ смѣхѣ, напротивъ, казалась отчаянною до безсмыслія.

Полина догадывалась, о чемъ шло у нихъ дѣло.

— Бранятъ кого-нибудь, шепнула она довѣрчиво.—Ахъ, что̀ еще и смѣшитъ меня и приводитъ въ негодованіе, такъ это занятіе этихъ дамъ: ловля жениховъ...

Она разсмѣялась самымъ милымъ, звонкимъ и прилично сдержаннымъ смѣхомъ.

— Ахъ, право, я не могу не смѣяться, потому что мнѣ такъ искренно весело, хорошо съ вами!

— Право, я не смѣю вѣрить, сказалъ Пехлецовъ.

— Не вѣрьте! сказала она кокетливо.—Впрочемъ, можетъ-быть, моя откровенность... можетъ-быть, то, что̀ говорятъ здѣсь, правда, и mademoiselle Dodo...

— О, нѣтъ, я васъ увѣряю, неправда! воскликнулъ, испугавшись, Пехлецовъ:—между mademoiselle Мороновой и мною одни отношенія глубокаго уваженія.

— Ah, quelle inadvertance! воскликнула Полина, разсыпавъ, будто бы нечаянно свои корольковые четки, которые нѣсколько минутъ назадъ разорвала не замѣтно и нарочно.

Пехлецовъ бросился-было сбирать ихъ, она встала.

— Non, c'est fini, оставьте, оставьте, они всѣ разсыпались. Я не хочу сбирать ихъ; такъ и быть.

Digitized by Google

— Почему же такъ и быть? спросилъ Пехлецовъ, слѣдуя за нею.

— Не хочу. Это будетъ память нынѣшняго вечера.

Полина отошла и присоединилась къ молодымъ дамамъ. Г-жа Моронова и Mme Шарова были пріятельницы, откровенны между собою, и потому, какъ догадывалась Полина, бранили г-жа Алексинскую.

— Въ какое положеніе она насъ ставитъ, скажите? говорила Mme Шарова:—не принимать ея—нельзя; принимать... Что намъ дѣлать?

— О, только не терпѣть подобныхъ вещей! возразила г-жа Моронова, еще сохранившая въ своихъ убѣжденіяхъ строгость провинціи:—наше общество, благодаря Бога, еще до этого не доросло; мы по горло въ разныхъ эманципаціяхъ; но пройдетъ еще много времени, пока мы дойдемъ до этой... Женщина, которая уважаетъ себя...

— Но ея мужъ—такая скука! замѣтила пріятельница.

— Chère amie, я вовсе не prude. Я ни слова не говорю: Алексинская не понята въ своемъ супружествѣ, но должна была бы помнить, что это можетъ лишить ее мѣста въ обществѣ. Скажите, ради Бога, неужели вы одинаково примете меня, другую и ее? La morale est quelque chose, après tout.

Прекрасная хозяйка была разгнѣвана, гостья смѣялась.

— Это такъ часто случается! сказала она.

— Ахъ, тѣмъ хуже! вскричала г-жа Моронова:—мы должны взять наши мѣры, чтобы насъ не смѣшивали... при первомъ скандалѣ, я обязана, для чести имени моего мужа, отдалиться отъ этой женщины, разорвать съ нею всѣ сношенія...

— Неужели вы рѣшились? прервала г-жа Шарова.

— Я запру для нея мою дверь! отвѣчала г-жа Моронова, гордо и съ очень граціознымъ энергическимъ жестомъ.

— А князь? спросила г-жа Шарова.

— Князь?.. Но что же я могу имѣть противъ него? какое мнѣ дѣло? онъ хорошъ съ моимъ мужемъ. Я могу разрывать мои знакомства, но не смѣю касаться знакомствъ моего мужа.

— Votre mari doit vous adorer, сказала гостья съ улыбкой.

Г-жа Моронова улыбнулась тоже.

— Et puis, продолжала она:—вѣдь въ этой исторіи все кончается для Mme Алексинской, а не для князя. Изъ него можетъ выдти и добрый мужъ, заключила она съ новою улыбкой.

Полина въ эту минуту взяла подъ руку неподвижную и безмолвную Додо и повела ее пройдтись по залѣ.

Digitized by Google

— Вотъ, напримѣръ, продолжала г-жа Моронова тихо, давъ имъ отойдти подальше:—mademoiselle Eudoxie имѣетъ великую страсть къ князю Десятову, такъ какъ же я могу не принимать его? Моя свекровь и она скажутъ, что я хочу разстроить партію этой дѣвицы для какихъ-нибудь моихъ цѣлей...

Ихъ прервали. Вошли еще гости, дамы, мущины; появился и хозяинъ, Мороновъ, возвратившійся съ фейерверка. Въ ожиданіи картъ, дамы говорили о веснѣ; мущины, кромѣ Пехлецова, не подходили къ нимъ и были сумрачны. Одинъ изъ нихъ, пріѣзжій, разказывалъ разные слухи и предположенія, озаботившія всѣхъ. Не менѣе непріятное впечатлѣніе произвелъ разказъ г-на Гусицкаго о причинахъ, заставлявшихъ его завтра же ѣхать въ деревню. Между дамами послышались тоже вопросы о планахъ на лѣто: бо́льшая часть нанимали дачи около Москвы.

— Это вѣрнѣе, сказала одна изъ нихъ.

— Я рѣшаюсь экономничать, говорила другая:—беру съ собой только необходимое.

— Но лучшая экономія, это—за границу... On la des robes à dix francs que l'on porte:

— Да, и столько ѣдутъ, столько ѣдутъ!

— Эмиграція, сказалъ Пехлецовъ.

— Что́ же? въ самомъ дѣлѣ эмиграція, серіозно подтвердила гостья.

— Дойдемъ и до этого! продолжалъ Пехлецовъ, будто шутя для удовольствія дамъ.

— О, у васъ самого сердце непокойно, monsieur Пехлецовъ! возразила другая гостья, тоже будто въ шутку.

— Можетъ-быть, только не отъ того, что́ вы предполагаете, отвѣчалъ Пехлецовъ, начиная любезничать.

— Ah, mon Dieu, мы другому не вѣримъ! прервала дама.

— А *тому*, я, признаюсь, не вѣрю, продолжалъ Пехлецовъ, слегка понижая голосъ:—Une aussi etrange mesure... вѣдь это химера! только надоѣдаютъ намъ толками.

— А вы, однако, ѣдете въ деревню?

— Да... Я увѣренъ, что еще десятокъ лѣтъ буду туда ѣздить.

— Не ручайтесь!

— Chère Mme Moronof, повѣрьте мнѣ, сказала другая дама:— продайте скорѣе ваше имѣніе; это такое бремя...

— О, я ничего въ этомъ не понимаю! возразила г-жа Моронова.

Digitized by Google

— Ахъ, какъ же, неужели вы не знаете?.. Но, напримѣръ, чего ближе, исторія съ Гусицкимъ?

— Hélas, oui! сказалъ Пехлецовъ.

— И вы увидите, если только, какъ говорятъ, это вздумаютъ сдѣлать, il ne restera pas pierre sur pierre dans nos campagnes.

— Надо брать предосторожности заранѣе, продолжала другая дама:—нужно продавать или закладывать. Деньги—это важнѣйшее.

— Конечно, а то... cela c'est donc vu! мы будемъ доведены сами доставать себѣ хлѣбъ, работать...

— Обязанность насъ, мущинъ, прервалъ Пехлецовъ съ любезнѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ поклономъ:—не допустить до труда такія прекрасныя руки.

— А, вы сами, messieurs, берегѣте ваши головы.

— Полноте, вы меня пугаете, прервала Mme Моронова:—неугодно ли лучше?

Она предлагала карты.

Партія составилась. Старуха Моронова, которую невѣстка убѣдила участвовать въ большой игрѣ, сѣла опять за столъ съ видомъ совсѣмъ закланной жертвы. Анна Ѳедоровна была изгнана изъ игры безъ большихъ церемоній: ей и не предложили больше играть. Впрочемъ, она и безъ того была сильно взволнована: она совсѣмъ проигралась.

— Пора домой, шепнула она дочери, вертѣвшейся между дамами, которыя тѣснили ее и не замѣчали.

Полина отрицательно покачала головой. Мать слегка оттащила ее за рукавъ и отвела.

— Что вамъ, Богъ мой!

— Пора домой, повторила Анна Ѳедоровна:—извощика не найдешь теперь, идти однимъ темно. Возьмемъ чей-нибудь экипажъ; я гривенникъ дамъ кучеру.

Полина вспыхнула.

— Нѣтъ! сказала она громко.

— Въ чемъ вы не соглашаетесь съ вашею маменькой? спросилъ, подходя, Пехлецовъ.

— Меня увезти хотятъ! отвѣчала Полина, надувъ губки:—мнѣ нынче все несчастіе: четки потеряла, домой уводятъ...

— Для чего же спѣшить? возразилъ Пехлецовъ:—когда вамъ будетъ угодно, моя карета...

— Два раза въ одинъ день? шепнула ему Полина:—не слишкомъ ли часто?

Digitized by Google

— Нѣтъ, право нѣтъ! прошепталъ старичокъ.

— Видите, maman, заговорила дѣтски-нѣжнымъ голоскомъ Полина, будто нечаянно, за спиной матери, бросивъ свою ручку Пехлецову:—право, monsieur Пехлецовъ добрѣе васъ, онъ больше васъ заботится, чтобы мнѣ было весело... Ah, pardon, maman!

Она поцѣловала ее въ щеку, чему Анна Ѳедоровна была очень удивлена, и на что Пехлецовъ посмотрѣлъ съ большимъ чувствомъ. Полина очень ловко втолкнула Анну Ѳедоровну въ кружокъ гостей и, оставшись одна подлѣ Пехлецова, сама не зная почему, немного оробѣла. Робость была непритворна, но въ ту же минуту Полина сообразила, что это можетъ служить ея успѣху. Она потупила глаза, потомъ медленно оглянулась кругомъ, будто ища къ кому пріютиться.

— Вы очень любите вашу маменьку, сказалъ ей Пехлецовъ, смотрѣвшій на нее все это время, тоже не зная съ чего начать.

— Да... прошептала Полина.

— Любить, это признакъ превосходнаго сердца.

— Мегсі, что хорошо обо мнѣ думаете, тихо отвѣчала Полина.

— Счастливъ тотъ, кто будетъ владѣть этимъ сердцемъ нераздѣльно, продолжалъ Пехлецовъ.

Полина покраснѣла отъ удовольствія и обратила къ старичку такой взоръ и такую улыбку, какимъ еще цѣны не знала. Она совершенствовалась инстинктивно и потому еще не соблюдала послѣдовательности, давала много однимъ разомъ. Выраженіе лица Пехлецова привело ее въ смущеніе, котораго она еще не испытывала.

— Бѣдные мои четки! сказала она, увидя на столѣ нѣсколько разбросанныхъ зеренъ.

— Вы жалѣете? спросилъ Пехлецовъ.

— Нѣтъ... Когда я счастлива, я ни о чемъ не жалѣю, проговорила она и поспѣшила отойдти, тѣмъ болѣе потому, что ея сердце упало еще разъ отъ какого-то испуга, ожиданія чего-то новаго: въ залѣ, гдѣ уже играли мущины, послышался звонъ шпоръ и голосъ князя Ивана Десятова.

Полина прицѣпилась къ Додо.

— Это онъ! шепнула она ей, дрожа сама не зная отчего.

— J'en fais fi! отвѣчала величественно красавица.

Она даже слегка отвернулась, когда князь кланялся ей.

Digitized by Google

— Какой гнѣвъ! сказалъ онъ:—что̀ съ вами, Авдотья Николаевна?

— Ничего, отвѣчала Додо.

Князь очень равнодушно прошелъ мимо, къ хозяйкѣ.

— Что такъ поздно? привѣтливо спросила его г-жа Моронова.

— Я только недавно воротился; обѣдалъ у знакомыхъ на дачѣ. Послѣ обѣда посадили за карты, проигрался; возвращаясь, сломалась коляска, едва доѣхалъ.

— Стало-быть, день не удаченъ?

— Какіе дни бываютъ удачны?

— Seriez-vous blasé? вмѣшалась г-жа Шарова.

— Все одно и то же, сказалъ князь.—Вы поселитесь на лѣто въ Паркѣ?

— Да. Говорятъ, и вы въ деревню?

— Да, къ бабушкѣ. Я погребаюсь.

— На долго.

— Сколько вынесу.

— И вдругъ вамъ понравится, сказала г-жа Шарова:—и вы не воротитесь до глубокой осени.

— Счастье въ привычкѣ, прибавила г-жа Моронова.

— Нѣтъ, я не человѣкъ привычки, возразилъ князь:—мнѣ и счастіе надоѣстъ, если оно долго одно и то же.

Поднявъ глаза на пестрый бантъ, поразившій его въ прическѣ Додо, князь встрѣтилъ взглядъ Полины. Она покраснѣла; князь посмотрѣлъ на нее пристальнѣе.

— Вамъ надоѣстъ счастіе, какъ бы хорошо оно ни было? продолжала г-жа Шарова.

— Да, и даже чѣмъ оно лучше, тѣмъ скорѣе надоѣстъ.

— Ахъ, вотъ оригинальность! сказали обѣ дамы.

— Такая оригинальность, что можно попросить объяснить ее, прибавила г-жа Шарова.

— Извольте, отвѣчалъ князь:—но прежде надо объясниться въ словахъ. Когда говорятъ *счастіе*, то понимаютъ *любовь*, такъ ли?

— Не совсѣмъ, возразила г-жа Шарова.

— Положимъ такъ, сказала г-жа Моронова.

— Чѣмъ любовь лучше, то-есть, чѣмъ она полнѣе, чѣмъ больше она даетъ, тѣмъ больше сама дѣлается взыскательна, слѣдовательно наскучаетъ...

— А, это неблагодарность!

Digitized by Google

— Нѣтъ, отвѣчалъ князь: — самосохраненіе. Взыскательность—это горькая капля на днѣ чаши...

— О, вы становитесь поэтомъ!

— И я бѣгу скуки, какъ только чувствую, что... становится горько, договорилъ онъ.

— Это не комплиментъ женщинамъ, сказала г-жа Моронова.

— Нѣтъ, это просто, amende honorable, признаніе въ нетерпѣливости своего собственнаго характера, сказала, смѣясь, г-жа Шарова:—оправданіе своего непостоянства.

— Непостоянства? будто у князя есть этотъ недостатокъ? спросила г-жа Моронова.

— Почему же не быть? спросилъ онъ, вдругъ обратясь къ ней.

Князь вспомнилъ записку, полученную утромъ. Та, которая написала ее, должна была быть тутъ; она выкажется, когда услышитъ свои выраженія.

— За что, продолжалъ князь, обращаясь къ г-жѣ Моронової:—вы воображаете меня старцемъ, Нѣмцемъ, привыкшимъ къ мѣсту? Я громко признаюсь: я непостояненъ. Во мнѣ, можетъ-быть, только и есть хорошаго, что это. Постоянство, это неподвижность, скука, старость...

Дамы смѣялись, восклицая: «mon Dieu!» Додо отвернулась съ благороднымъ негодованіемъ. Князь встрѣтилъ разрумянившееся личико и глазки Полины, сверкавшіе радостнымъ огнемъ. Она торжествовала.

«Такъ эта дѣвчонка?..» подумалъ князь и прибавилъ громко:—мнѣ, кажется, не вѣрятъ?

Онъ взглянулъ прямо на Полину, получилъ въ отвѣтъ улыбку, на которую тоже улыбнулся. Полина сама не знала, чего испугалась.

— Пойдемте ходить, chère, шепнула она Додо.

Додо едва влачила ноги отъ ходьбы, но пошла; больше дѣлать было нечего. Отойдя, Полина почувствовала себя легче, смѣлѣе, и оглянулась на князя. Ихъ взгляды опять встрѣтились.

«Кокетничаетъ тоже!» подумалъ онъ, оглянувъ ея платье и кончикъ прелестной ботинки, которую, въ этотъ великій опытами день, Полина, сама не зная какъ, выучилась показывать.

Это развлекло князя. Ему ужь становилось скучно съ дамами; это было, по крайней мѣрѣ, что-нибудь новое. Онъ

Digitized by Google

вскорѣ всталъ и прошелъ въ залу. Дамы, не находя больше что дѣлать, вздумали играть, позвавъ Пехлецова.

— Bonne chance! сказала ему Полина, проходя съ Додо и княземъ.

— Кому это такое доброе желаніе? спросилъ князь.

Г-жа Моронова, г-жа Шарова и третья ея пріятельница усаживалась за столъ. Пехлецовъ ужь топтался предъ столомъ съ умильною миной. Въ гостиную вошла Катерина Александровна Алексинская. Она подошла къ хозяйкѣ, которая нѣсколько сконфузилась.

— Вы меня извините, я играю, сказала она послѣ первыхъ словъ.

Всѣ играли, кромѣ Собакина, замиравшаго подлѣ картъ и Анны Ѳедоровны, не смѣвшей подходить къ столамъ, потому что играющіе, не церемонясь, прятали отъ нея свои карты. Катерина Александровна смутилась, увидя, что осталась одна, и, слегка теряясь, подошла къ старухѣ Мороновой. Та была до того озабочена большою игрой, что ей было не до гостьи: она едва подняла на молодую женщину свой постоянно страдальческій, а теперь окончательно отупѣлый взоръ. Другая нарядная старуха спросила Катерину Александровну объ ея отъѣздѣ въ деревню и, особенно выразительно сжавъ губы, переспросила два раза, одна ли она ѣдетъ.

Катеринѣ Александровнѣ показалось, что она мѣшаетъ общему занятію. Она отошла, смутясь еще больше: ей показалось, что ее нарочно оставили одну. Испугавшись, она старалась разувѣрить себя, что это только ей показалось, и подошла къ молодой хозяйкѣ, весело смѣявшейся съ Пехлецовымъ и своими двумя пріятельницами. Но одна изъ пріятельницъ, г-жа Шарова, была уже посвящена въ тайну, а другая, хотя не знала въ чемъ дѣло, но соображалась съ обращеніемъ своихъ друзей, увѣренная, что оно непогрѣшительно. Она только не могла удержаться отъ любопытнаго взгляда на Катерину Александровну, когда пріятельницы слегка отвернулись при ея приближеніи.

Катерина Александровна стояла мило, сложа свои крошечныя ручки въ пышныхъ рукавахъ и бантахъ. Бантовъ было вообще много въ ея нарядѣ; они завѣшивали ея плеча и талію, придавая ей какую-то особенную, дѣтскую грацію, какую-то мягкость. Маленькая женщина казалась вся сверткомъ лентъ и кружева, изъ котораго выглядывала ея кругленькая головка

Digitized by Google

съ нѣжно-блѣднымъ личикомъ и туманными глазками. Это было что-то восхитительное, наивное, какъ-то жалкое и непремѣнно вызывающее ласку. Это было что-то покорное и беззащитное, что̀ не могло не вызвать энергическаго протеста свѣтской добродѣтели.

— Какъ давно мы не видались, chère Mme Charof, сказала она:—et votre santé?

— Mercі, madame, отвѣчала та, не поднимая глазъ.

— Я посылала къ вамъ вчера, продолжала Катерина Александровна:—я думала, что вы доставите удовольствіе поѣхать со мною въ театръ. Предъ закрытіемъ даютъ хорошенькія вещи. Какъ жаль: васъ не нашли дома.

Ей не отвѣчали: ея любезность затрудняла г-жу Шарову. Г-жа Шарова переглянулась съ г-жой Мороновой, предоставляя ей, какъ хозяйкѣ и провинціялкѣ, честь бросить первый камень. Г-жа Моронова считала, что уже сдѣлала это, не предложивъ партіи г-жѣ Алексинской, а потому слегка улыбнулась на нерѣшительность или ненаходчивость пріятельницы.

Катеринѣ Александровнѣ стало какъ-то холодно, у нея упало сердце, но она еще выдерживала и продолжала:

— Садовскій былъ удивителенъ; этотъ спектакль повторятъ завтра. Надѣюсь, chère Mme Charof, chère Mme Moronof, вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, проведете со мной вечеръ; я оставила за собою ложу...

— Mercі, madame, прервала г-жа Моронова очень твердо, вступаясь, потому что коснулись ее:—Monsieur Пехлецовъ, достаньте мнѣ на завтра ложу, я давно хотѣла просить этихъ дамъ. Мы поѣдемъ трое, нашимъ обществомъ; не такъ ли, mesdames?

Она обратилась къ своимъ пріятельницамъ.

— Съ удовольствіемъ, вскричала та, которая ничего не знала и именно потому, боясь отстать въ чемъ-нибудь, выказывала больше увлеченія.

Г-жа Шарова смутилась и смотрѣла на тѣнь канделабра по столу, чтобы не смотрѣть на Катерину Александровну.

— Ah, madame! вскричалъ Пехлецовъ, спохватясь, что давно пора подать кресла Катеринѣ Александровнѣ: — я всю жизнь буду оплакивать мою неловкость!

Онъ бросился за кресломъ.

— Mercі, не трудитесь, проговорила Катерина Александровна, отворачиваясь, отходя машинально и ничего не видя.

Digitized by Google

— Vous en êtes pour vos frais, напрасно растратили любезность, сказала пріятельница, смѣясь, Пехлецову.

Г-жа Моронова смѣялась тоже.

— Я желалъ услужить... отвѣчалъ Пехлецовъ, засмѣявшись изъ угожденія, самъ не зная чему, и самъ не зная почему стараясь смѣяться ѣдко и насмѣшливо.

— Чтобы была завтра ложа, смотрите! сказала г-жа Моронова.

Mme Шарова была задумчива и прислушивалась, пока продолжали играть.

— Mme Алексинская уѣхала? сказала она черезъ минуту.

— Она разговариваетъ въ залѣ, отвѣчала хозяйка спокойно, безъ улыбки.

Въ залѣ, между тѣмъ, Полина, совершенно завладѣвшая Додо, не покидала ея руки и не спрашивая больше, утомилась ли она, водила ее изъ конца въ конецъ. Для Полины это было самое удобное положеніе, потому что на ходу ловче можно прерывать разговоръ или давать ему другое направленіе, и самая удобная подруга: хозяйка и безсмысленная. Князь ходилъ съ ними.

— У Хмѣлевскихъ будетъ спектакль на дачѣ, лѣтомъ, сказалъ онъ:—вотъ вамъ занятіе, Авдотья Николаевна.

— Водевиль какой-нибудь, сказала она, не выдержавъ характера и заговоривъ, хотя рѣшилась молчать, но предметъ былъ ужь слишкомъ близокъ ея сердцу.

— Водевиль. Такъ что же?

— Водевиль!.. И конечно французскій?

— Вѣроятно.

Додо пожала плечами.

— Не понимаю! сказала она.

— Чего не понимаете? по-французски?

— Не понимаю этого вкуса, возразила она съ достоинствомъ.

— А васъ хотѣли просить участвовать. Я даже навелъ Mme Хмѣлевскую на эту мысль.

— Mme Хмѣлевскую? Это она распоряжается?

— Она.

— Спектакль будетъ прекрасный, поздравляю васъ. Она ничего не устроитъ.

— Ну, какъ-нибудь

— А, какъ-нибудь!.. Я этого не понимаю. Вопервыхъ, я откажусь.

Digitized by Google

— Ахъ, для чего же, chère amie? вмѣшалась Полина: — это должно быть такъ весело! Вы должны быть такъ хороши на сценѣ.

— Я никогда не играла комедіи, отвѣчала Додо: — живыя картины, праздники въ честь кого-нибудь, это другое дѣло. Но такъ, французскіе фарсы...

— Ахъ, это должно быть весело! повторила игриво Полина:—я была бы такъ счастлива...

— Вы бы хотѣли играть? спросилъ ее князь:— вы прежде когда-нибудь играли комедіи?

— Гдѣ же? никогда! отвѣчала за нее съ величіемъ Додо.

— Всякій день, сказала Полина, у которой это величіе вызвало кошачью ужимку и лукавый взглядъ на князя.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ, разсмѣявшись:—съ кѣмъ же это?

— Съ кѣмъ случится, отвѣчала Полина, смѣясь въ волненіи.

— И удачно? продолжалъ князь, глядя на нее.

— Какъ случится, отвѣчала она кокетливо, хотя оробѣла и потупила глаза, но чувствуя, что это кстати, въ ту же минуту подняла ихъ прямо на князя.

— Такъ у васъ талантъ? сказалъ онъ, уже не смѣясь, а только глядя на нее пристально.

— Большой!

— И давно? спросилъ онъ съ разстановкой.

— Нѣтъ, недавно, отвѣчала она рѣзко и спокойно.

Князь глядѣлъ на нее, едва замѣтно улыбаясь изъ-подъ своихъ красивыхъ усовъ. Она выдержала взглядъ холодно и будто ожидая.

— Какже вы такъ легко признаетесь въ такомъ талантѣ? спросилъ онъ насмѣшливо.

— Въ томъ, что умѣю играть комедію? возразила рѣзко Полина:—но для чего же мнѣ скрывать это? кого нынче можно обмануть? Никто ничему не вѣритъ; я, по крайней мѣрѣ, говорю заранѣе: не вѣрьте мнѣ. Это оригинальнѣе, договорила она и захохотала.

Додо посмотрѣла на нее вопросительно и, удовлетворившись этимъ, отвернулась.

— Славно! сказалъ протяжно князь, и прибавилъ, вдругъ взглянувъ на Полину:—а для чего вы это дѣлаете?

— Для чего всѣ это дѣлаютъ? возразила она.

— Для чего? Для чего-нибудь!

— Для того чтобъ было весело? продолжала Полина:—ну,

Digitized by Google

и мнѣ весело, и другимъ со мною не скучно; а станетъ скучно мнѣ или другимъ—и довольно.

Князь глядѣлъ на нее задумавшись. Она задумалась тоже.

— Вы пріѣдете въ деревню къ бабушкѣ? спросилъ онъ вдругъ.

— Пріѣду, отвѣчала она, чего-то испугавшись, отчего вздрогнулъ ея голосъ.

Князь засмѣялся.

— Я нынче утромъ получилъ письмецо, сказалъ онъ.

— Отъ бабушки? спросила Полина, засмѣявшись нервически.

— Но бабушка князя живетъ здѣсь же, въ Москвѣ, возразила Додо, удивленная, что забывали такую великую истину.

— Отъ бабушки, отвѣчалъ равнодушно князь.

— Что вамъ пишетъ бабушка? спросила Полина, смѣясь и дрожа.

— Что она пишетъ?.. сказалъ князь протяжно.

— Вы что-нибудь выдумаете, прервала серіозно Додо.

— Это не мудрено и отгадать, продолжала Полина: — бабушка выговариваетъ вамъ за ваши шалости.

— Не совсѣмъ такъ, возразилъ князь.

— Такъ за ваши добродѣтели! вскричала Полина, смѣясь громко.

— Vous êtes inconséquente, ma chère, сказала ей Додо.

— Я отгадала? продолжала Полина.

— Отгадали, отвѣчалъ князь.

— Что же вы ей на это скажете?

— А что я могу сказать, по вашему?

— Что вы не виноваты, если добродѣтель сама васъ преслѣдуетъ, когда вы отъ нея бѣжите!

Князь засмѣялся, она тоже.

Еслибы кто-нибудь наблюдалъ за нею, тотъ замѣтилъ бы какъ постепенно измѣнялась эта дѣвушка съ мягкими свѣтскими манерами, лицемѣрно скромная, улыбавшаяся рѣдко и граціозно, возвышавшая голосъ только младенчески звонко, какъ милый, веселый ребенокъ. Въ ея движеніяхъ явилась тревога; ея голова закидывалась назадъ съ жестомъ не то повелительнымъ, не то вызывающимъ; она чувствовала, что портитъ свою прическу и не заботилась объ этомъ; ей почему-то нравилось, что ея прическа портилась; ей нравилось, что концы чернаго бархата, падая безпорядочно, шелестили у ней по

Digitized by Google

плечамъ, которымъ становилось холодно подъ бѣлою кисеей; ей нравилось, что, волнуясь, обминалось ея платье. У ней какъ-то вдругъ измѣнился голосъ: онъ сдѣлался тверже, гуще, но минутами обрывался и вздрагивалъ; ея смѣхъ былъ рѣзокъ, у нея захватывало дыханіе. При послѣднихъ словахъ ей стало легче: въ ней кончилась какая-то, ей самой непонятная борьба. Эти послѣднія слова были намекъ: выговоривъ его, видя, что онъ понятъ, она почувствовала себя сильнѣе и смѣлѣе: она сдѣлала рѣшительный шагъ, послѣ котораго идти было уже легче. Ей стало совсѣмъ весело, хотя все еще какъ-то непривычно, хотя все еще пристальные взгляды князя придавали ея веселью что-то похожее на отчаянность...

— А вѣдь прескучная вещь — добродѣтель! сказала она, хохоча.

Додо такъ вытаращила глаза, что можно было опасаться, что они такъ и останутся.

Всѣ трое въ эту минуту подходили къ гостиной, изъ которой, навстрѣчу имъ, выходила Катерина Александровна. Это было для «красавицы» новою причиной смятенія: Додо не знала что̀ дѣлать съ собою при приближеніи этой женщины, «похитившей ея счастіе». Полина нашлась тотчасъ.

— Мы думали, что у васъ тамъ партія, сказала она по-французски, изысканно-учтиво давая дорогу молодой женщинѣ:— какое счастіе для нашей маленькой компаніи, что вы не заняты! Не угодно ли къ намъ? Князь моритъ насъ со смѣху.

— Чѣмъ же? спросила Катерина Александровна, измученная тѣмъ, что̀ вынесла въ гостиной, и ловя взглядъ князя, который отвернулся.

— Такъ, бездѣлицами, отвѣчала Полина: — есть люди, которые имѣютъ даръ говорить эти веселыя бездѣлицы; нужно только хорошее расположеніе духа.

— А князь въ такомъ расположеніи духа? сказала Катерина Александровна.

— Да; сейчасъ былъ, по крайней мѣрѣ.

— О чемъ же шло дѣло? обратилась Катерина Александровна къ Додо.

— Je n'etais pas de la conversation, madame, отвѣчала красавица, съ гордостью разгнѣванной Медеи.

— О тысячѣ вещахъ! сказала Полина и, смѣясь, обратилась къ князю:—что̀ же вы будете дѣлать въ деревнѣ?

Digitized by Google

Она спросила это, особенно выразительно и особенно смѣло взглянувъ ему въ глаза.

— Не знаю. Помогите не умереть со скуки, отвѣчалъ съ досадой князь.

Онъ оглянулся вскользь на Катерину Александровну; его невниманіе и этотъ холодный взглядъ ясно доказывали ей, что она лишняя, что ея не нужно, что она мѣшаетъ. Смущенная, оторопѣлая, она ничего не понимала. Предчувствіе чего-то, или страхъ, это постоянное мученіе существа слабаго, страхъ всѣхъ, страхъ за все, при сознаніи, что есть чего бояться и отъ чего смущаться,—все вмѣстѣ заставило ее потеряться совершенно. Она не могла связать двухъ мыслей. Она даже неловко держалась: какъ-то робко, точно пансіонерка, съ какими-то странными осторожными движеніями, будто въ первый разъ видѣла людей, или изъ милости была принята въ кругъ выше ея. Казалось, она забыла даже простую привычку общества. Она замѣтила это за собою, увидя себя въ зеркалѣ и думая отрывками.

«Она въ тысячу разъ ловче меня,» подумала она, взглянувъ на Полину, и досада сдѣлала то, что Катерина Александровна не знала какъ сложить свои руки.

Ей смутно показалось (не говоря себѣ этой мысли, потому что тогда, она не знала, что бы сдѣлалось съ нею), ей смутно показалось: «не за князя ли все это?..» И она дѣтски-необдуманно, глупо, пошла къ князю; ей показалось необходимо быть подлѣ него, потому что «онъ, онъ одинъ для нея на свѣтѣ...»

Въ эту минуту, тѣснясь, чтобъ идти рядомъ съ Полиной, Катерина Александровна молила Бога только о томъ, чтобы не заплакать.

Князь, говоря съ Полиной, забывшись, нецеремонно отстранилъ Катерину Александровну, даже наступилъ на ея длинное платье и не извинился.

Она вынесла это, стараясь только, чтобы не замѣтили другіе. Но Полина все замѣтила, хотя въ эту минуту смотрѣла въ полъ, потупивъ голову, и говорила князю:

— Я бы очень рада выучиться ѣздить верхомъ.

— Для этого нужно сдѣлать амазонку, сказала Додо.

— Это бездѣлица, возразила равнодушно Полина: — а шляпу... я напишу къ Надинѣ Горянской, въ Петербургъ, она вышлетъ... Какую, черную или сѣрую? спросила она князя.

Digitized by Google

— Конечно, сѣрую mousquetaire, съ сѣрымъ перомъ, отвѣчалъ князь: — къ вамъ пойдетъ mousquetaire, у васъ ротъ хорошенькій.

— Развѣ это необходимо? спросила съ негодованіемъ Додо.

— Первое условіе, отвѣчалъ спокойно князь.

— Ah, mon Dieu! сказала Катерина Александровна и разсмѣялась, какъ будто это было очень забавно.

— О сѣдлѣ не безпокойтесь; сѣдло будетъ, продолжалъ князь, обращаясь къ Полинѣ.

— Вы хотите баловать меня?

— И баловать, и учить; почему же нѣтъ?

— А вы будете добрый учитель?

— Если вы будете послушная ученица.

— Mais, chère mademoiselle Pauline, вмѣшалась Катерина Александровна:—я слышала сегодня отъ графа Сѣницкаго, что вамъ предлагаютъ мѣсто наставницы...

Додо въ изумленіи посмотрѣла на нихъ обѣихъ, стараясь сообразить, что же говорила Полина, будто сама г-жа Алексинская убѣждала ее пріѣхать въ деревню княгини? Усилія понять это были безплодны, и потому Додо оставила такой тягостный умственный трудъ и покорилась своему положенію, еще разъ показавъ обществу свои широко-раскрытые синіе глаза. Эти глаза были, въ самомъ дѣлѣ, великолѣпны. Впрочемъ, и они могли бы позавидовать яркости взгляда, который бросили на Катерину Александровну маленькіе глазки Полины.

— Ah, madame, вскричала она:—идея сдѣлать меня наставницей могла придти только графу Сѣницкому!

— Почему же? спросила Катерина Александровна.

— Графъ—энтузіастъ, онъ не знаетъ людей, возразила Полина:—у него всѣ ангелы. Въ своей добротѣ, онъ забываетъ, что отнимаетъ меня у моей матери, и предлагаетъ отправиться... не знаю къ кому!

— Онъ знаетъ эту даму, сказала осторожно Катерина Александровна.

— Тѣмъ лучше для него! прервала Полина: — такъ онъ долженъ знать, что я не ангелъ.

— Будто бы? спросилъ, засмѣявшись, князь: — что же вы такое?

— Что хотите, отвѣчала она тихо, смѣясь тоже.

— Вы не годитесь учить дѣтей?

Digitized by Google

— Я ихъ научу добру!

— Вы премило откровенны.

— Скажите, для чего лицемѣрить? Изъ чего я стану представлять себя прилежною, смиренницей, когда занятіе для меня наказаніе, а веселье я люблю? Я могла бы, конечно, еще притвориться, сказать, что мнѣ тяжело разстаться съ моею маленькой... знаете, напутать на себя печаль дòлга, какъ другіе ее на себя напутываютъ, вы видали?

— Печаль дòлга? повторилъ князь, смѣясь, и занятый Полиной, повернулся спиной къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Да, печаль дòлга, все то же лицемѣріе,— будто вы его не видали! Эти: «ахъ, я не должна! ахъ, я обязана!» Чего ахать, когда въ душѣ мы уже не ахаемъ? Кого мы обманемъ этимъ?.. Лицемѣріе я ненавижу; а вы?

— Я тоже, отвѣчалъ князь.

— Знаете, ужимки, слезы? Вѣдь это тоска!

— Смертельная! отвѣчалъ онъ.

Она разсмѣялась громко.

— У васъ прелестный характеръ, сказалъ ей князь.

— Берите каковъ онъ есть, отвѣчала она: — я сама боюсь скуки, и потому не хочу никому наскучить.

— Да вы никогда не наскучите.

— Будто бы? спросила она кокетливо.

— Вы въ этомъ сами увѣрены, отвѣчалъ онъ.

Катерина Александровна задыхалась. У нея въ глазахъ вертѣлись стѣны, свѣчи, люди, она не знала куда дѣваться. Она сдѣлала шагъ, чтобъ отойдти.

— Вы хотите ѣхать? спросила ее Додо.

— Не знаю, проговорила она.

— Это будетъ лучше всего, шепнулъ ей князь.

Катерина Александровна отошла и направилась къ гостиной, — зачѣмъ, она не понимала. Хозяйка оглянулась на нее черезъ плечо, когда она входила. Ей хотѣлось сѣсть отдохнуть, и она сѣла на маленькій диванчикъ, подлѣ всѣми оставленной Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна смѣрила ее глазами и отодвинула свое платье. Это платье, уцѣлѣвшее отъ вчерашней покражи, потому что оставалось у швеи, было подарено ей Катериной Александровной, не въ обноскѣ, а свѣжей штучкой изъ магазина. Подарокъ былъ сдѣланъ деликатно: принять его просили какъ одолженія... Катерина Александровна, конечно, и не помнила этого: она едва видѣла кто подлѣ нея.

Digitized by Google

Но Анна Ѳедоровна видѣла, что отъ этой женщины всѣ старонятся, и послѣ новаго презрительнаго взгляда, нетерпѣливо встала и отошла къ столу молодой хозяйки.

Катерина Александровна взглянула ей вслѣдъ; ей дѣлалось дурно. Сбирая послѣднія силы, она заставила себя встать и выйдти.

«Сейчасъ уѣду, сейчасъ уѣду,» повторяла она сама себѣ, уходя въ залу.

Тамъ Додо и Полина сидѣли у рояля, князь стоялъ передъ ними; группа была красива и оживлена. Они спорили.

— Подержимъ пари, говорилъ князь.

— Не хочу, потому что знаю, что выиграю, возражала Полина.

— Я проиграю вамъ хлыстикъ, хотите?

— Я вамъ сказала, что нѣтъ.

— Съ коралловой ручкой?

— Не хочу. Это значитъ взять даромъ.

— Но если вамъ хотятъ дать, вмѣшалась Додо:—тѣмъ лучше для васъ.

— Если я хочу вамъ проиграть? сказалъ князь.

— Но я не хочу выиграть, понимаете ли? возразила Полина съ досадой: — я терпѣть не могу подарковъ!

Князь смотрѣлъ на нее улыбаясь; она постаралась придать своему лицу выраженіе сильнаго гнѣва и успѣла въ этомъ.

— Помиримся, сказалъ онъ.

— Allez reconduire madame, холодно отвѣчала она, указывая на проходящую Катерину Александровну, и встала ей навстрѣчу.

Додо сдѣлала тоже.

— Вы нездоровы? сказала Полина съ нѣжнымъ участіемъ Катеринѣ Александровнѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчала Катерина Александровна, тронутая первымъ привѣтливымъ словомъ, которое услышала.

— Dieu veuille qu'il n'en soit rien, madame; n'allez pas nous désoler, договорила Полина серіозно и трогательно-ласково.

Полина была развязна какъ хозяйка дома; безцеремонно опередивъ Додо, она проводила молодую женщину до дверей залы, и отсторонилась такъ ловко, что князь, безъ явной неучтивости, не могъ не пройдти въ переднюю, вслѣдъ за Катериной Александровной.

— Что такое дѣлается съ вами? сказалъ онъ ей по-фран-

Digitized by Google

пузски, между тѣмъ какъ лакей накинулъ на нее бурнусъ и уходилъ звать карету.

— Жанъ, мнѣ показалось, мнѣ показалось...

— Что̀ такое?

— Что *они* узнали...

— Вздоръ!

— По крайней мѣрѣ, скажи мнѣ хоть слово! какъ, въ цѣлый вечеръ...

— Ты глупа, отвѣчалъ онъ:—ступай же, чего стоять? не обниматься же тутъ, при лакеяхъ. Ступай, сдѣлай милость!

Она уѣхала, онъ воротился въ залу, но тамъ уже не было Полины. Полина поняла, что на первый разъ довольно, и этотъ первый разъ слишкомъ взволновалъ ее. Она была въ гостиной, подлѣ матери.

— Ѣдемте сейчасъ, шепнула она ей:—сейчасъ. Ступайте, собирайтесь, берите вашу шляпку; моей не нужно, велите мнѣ вынести бурнусъ въ переднюю. Ступайте же, Богъ мой!

Анна Ѳедоровна глядѣла на нее въ изумленіи.

— Да что̀ съ тобой?

— Дѣлайте, что̀ вамъ велятъ. Еще узнаете. Это не ваше дѣло.

Анна Ѳедоровна прошла во внутреннія комнаты, гдѣ знала всѣ закоулки, отыскивать сначала дремлющую горничную, потомъ, при проклятіяхъ этой горничной, огарокъ свѣчки. При свѣтѣ этого огарка, одна, потому что горничная улеглась и опять заснула, Анна Ѳедоровна нашла, гдѣ-то въ темномъ углу, презрѣнно заброшенные свои бурнусы и шляпки, на которыхъ тоже, должно-быть, кто-нибудь выспался.

— Хамово племя проклятое! ворчала Анна Ѳедоровна:—не все ли равно имъ поберечь свое господское, или чужое господское? Не все равно передъ ними господа, что̀ я, что̀ ихъ вертячая барыня? Не все равно дороги—ея барынѣ ея тысячныя тряпки, или мнѣ мои?.. да еще не подороже ли?... Отродье! сами съ мякиной хлѣбъ ѣдятъ, а кто бѣденъ, тотъ для нихъ ужь не баринъ...

Она между тѣмъ обшарила въ своемъ карманѣ унылый гривенникъ, оставшійся отъ проигрыша, и навьюченная бурнусами, прошла окольнымъ путемъ въ переднюю. Она разчитывала: кому отдать этотъ гривенникъ, лакею Мороновыхъ, чтобы кликнулъ карету, или кучеру Пехлецова?.. Лакею, а то кареты не дозовешься, а кучеръ и такъ довезетъ: баринъ велѣлъ.

Digitized by Google

— Петра Гаврилыча Пехлецова экипажъ, мой любезный, шепнула она, вкладывая свой гривенникъ въ бѣлую перчатку лакея.

Пока мать занималась этими прозаическими заботами, Полина искала проститься съ Пехлецовымъ. Пехлецовъ игралъ.

— Chère amie, сказала она Додо:—надо было бы извѣстить вашу belle-soeur, что Mme Алексинская уѣхала.

Додо не знала, для чего это надо. Полина, хотя и совѣтовала, но не видѣла никакой необходимости. Она разчитывала только, что имя Алексинской, произнесенное между дамами, отвлечетъ на минуту ихъ вниманіе отъ Пехлецова.

Такъ и случилось.

— Mme Алексинская уѣхала, сказала Додо, подходя къ столу.

— А, тѣмъ лучше! отвѣчала г-жа Моронова довольно громко и довольно грозно.

Г-жа Шарова подумала, что для такой смѣлости въ произнесеніи приговоровъ нужно быть провинціялкой, какъ г-жа Моронова, но, однако, позавидовала этой смѣлости.

— Sans indiscrétion, обратилась къ хозяйкѣ другая дама:—что такое между вами и Mme Алексинской?

— Рѣшительно ничего, отвѣчала г-жа Моронова:—то-есть между нами нѣтъ ничего общаго!

— А, но это цѣлая исторія!

— Въ двухъ словахъ.

— Вы можете мнѣ сказать?

— Могу... Мсьё Пехлецовъ, зажмите уши.

Мсьё Пехлецовъ только-что было намѣревался навострить ихъ. Старичокъ жилъ женскими сплетнями, а тутъ такая интересная размолвка между двумя хорошенькими женщинами, даже не размолвка, а война, начатая такъ открыто и рѣшительно! И ему не велѣли слушать! Изъ учтивости, онъ нѣсколько отодвинулъ свое кресло, а на бѣду еще онъ былъ глухъ, что скрывалъ тщательно... Но онъ былъ вознагражденъ. Пока пересказывалась эта исторія, состоявшая въ самомъ дѣлѣ въ двухъ словахъ, Полина бросила ему тоже два слова:

— Я уѣзжаю... Прощайте.

И ея ручка, вытянутая, чтобы придержать пышное платье, какъ-то вскользь коснулась его руки, свѣшенной съ кресла и полной картъ. Въ одну и ту же минуту и г-жа Моронова кончала свой разказъ, и Полина исчезла въ дверяхъ залы...

Digitized by Google

Пехлецовъ, обыгранный безъ милосердія и забываемый любезными дамами, подумалъ, что эта молоденькая дѣвушка гораздо лучше ихъ сердцемъ и привлекательнѣе.

— А гдѣ же mademoiselle Pauline? спросилъ князь, встрѣчая одинокую Додо.

— Ушла, отвѣчала величественно Додо.

— А, ушла!..

Князь ушелъ играть въ карты.

И вечеръ г-жа Мороновой тянулся еще часа два заведеннымъ порядкомъ всѣхъ вечеровъ.

Полина ѣхала въ каретѣ Пехлецова, закрывая глазки, нѣжась на подушкахъ и находя какое-то наслажденіе въ томъ, что эти подушки ей уже знакомы. Было поздно, и потому она допустила довести себя до воротъ своего дома. Анна Ѳедоровна дремала.

— Дайте же ему вашъ гривенникъ, сказала ей Полина, выходя изъ кареты.

— Да нѣтъ, Поленька...

— Какъ, нѣтъ?

— Нѣтъ, не осталось...

— Ахъ, Создатель мой, вскричала дѣвушка:—кланяйся, обратилась она къ кучеру:—и скажи, что я приказала благодарить Петра Гавриловича, *я*, слышишь ли? Такъ и скажи: *барышня*. Я узнаю, спрошу его при свиданіи.

Она взбѣжала на свою лѣстницу. Мать спросила ключъ у хозяйки и вошла тоже.

— Огня! вскричала Полина изъ своей комнаты.

Анна Ѳедоровна принесла свѣчку и стала раздѣвать дочь. Это дѣлалось скоро и не говоря ни слова.

— Возьмите прочь свѣчку, сказала Полина, ложась въ постель:—холодно, покройте мнѣ ноги шалью.

Анна Ѳедоровна повиновалась. Она не противорѣчила отъ усталости и отъ заботы: у нея не было ни гроша на завтрашній день. Оставя дочь въ постели, она пошла въ свою гостиную, прибиралась, молилась Богу, стояла въ раздумьи передъ окнами...

— Послушайте, сказала Полина, когда мать, наконецъ, пришла ложиться:—если вы будете всякій день проигрывать по двадцати пяти цѣлковыхъ, на васъ денегъ не напасешься.

— Какіе же двадцать пять? Тебѣ куплены перчатки, ботинки, духи, притиранье...

Digitized by Google

— Румяны, бѣлила, сурмила,—еще что?.. Ложитесь лучше.

На другой день, поздно, хотя Полина еще не вставала, работница подала Аннѣ Ѳедоровнѣ запечатанный ящичекъ, на имя дочери. Анна Ѳедоровна хотѣла открыть, но оробѣла, когда Полина, услышала шумъ и, проснувшись, окликнула:

— Кто тамъ?

— Это тебѣ, отъ Пехлецова, Поленька. Человѣкъ дожидается.

Полина открыла ящичекъ: въ немъ былъ золотой браслетъ, съ жемчугомъ и гранатами, можетъ-быть поддѣльными, не очень дорогой, но красивый. При немъ лежала записка:

«Въ замѣнъ вашихъ четокъ, если позволите.»

Она съ дѣтскою радостію схватила браслетъ и надѣла. Прикосновеніе холоднаго золота къ влажной рукѣ заставило ее вздрогнуть. Полина смотрѣла на подарокъ въ какомъ-то раздумьи и недоумѣніи. Ей стало какъ-то непривычно, странно, мучительно, тяжело; хотѣлось плакать, хотѣлось призвать Бога; казалось, что-то ушло или уходило, но жалкое, невозвратное... Она сбросила браслетъ на подушку и отвернулась.

Анна Ѳедоровна вертѣлась кругомъ, веселая, хотя оторопѣлая, и ждала позволенія и очереди посмотрѣть.

— О-о, хорошенькій! сказала она, взявъ браслетъ въ руки: —у стараго вкусъ еще есть... Что же ему приказать, Поленька? прибавила она дрожащимъ голосомъ.

— Кланяться, ничего больше... Возьмите, заложите это, да пошлите за чаемъ...

В. Крестовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Digitized by Google

О ЖЕНСКИХЪ

УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ[1]

III.

Классныя занятія въ институтахъ продолжаются шесть часовъ, кромѣ уроковъ музыки и танцевъ. Прежде во всѣхъ заведеніяхъ утренніе классы начинались въ 9 часовъ и оканчивались въ 12, а послѣобѣденные начинались въ два и оканчивались въ 5, что̀ сохранилось до сихъ поръ въ московскихъ институтахъ, за исключеніемъ Елизаветинскаго; начальства московскихъ институтовъ, какъ видно, нашли неудобнымъ новое распредѣленіе учебныхъ часовъ, принятое въ институтахъ петербургскихъ, гдѣ въ видахъ облегченія дѣтей и сохраненія ихъ здоровья, уроки назначены отъ $8\frac{1}{2}$ до 10, и отъ 10 до $11\frac{1}{2}$ утромъ, и потомъ, послѣ завтрака, отъ часу до $2\frac{1}{2}$ часовъ и отъ $2\frac{1}{2}$ до 4-хъ; затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ и послѣ обѣда музыка и танцы. Распоряженія начальства московскихъ институтовъ подтверждаютъ наше мнѣніе, что въ подобной перемѣнѣ нѣтъ ничего

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 14.

Digitized by Google

рѣшительно-необходимаго; и въ самомъ дѣлѣ, полдень—естественный часъ обѣда для дѣтей, которыя встаютъ въ 6 или 6½ часовъ утра, и переносить его на четыре часа нѣтъ никакой надобности, тѣмъ болѣе что экономіи во времени не оказывается никакой, а въ гигіеническомъ отношеніи едва ли кто-нибудь изъ опытныхъ и дѣльныхъ врачей одобритъ подобную перемѣну. Мы полагаемъ, что для облегченія дѣтей, особенно малолѣтныхъ, давно бы пора сократить время учебныхъ занятій; въ этомъ отношеніи не худо бы взять въ примѣръ заведенія министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ полуторачасовые уроки замѣнены уроками въ часъ съ четвертью. По нашему мнѣнію, часоваго урока совершенно достаточно для дѣвицъ всѣхъ возрастовъ: въ продолженіе часа дѣти внимательны, и преподаваніе приноситъ имъ существенную пользу; потомъ вниманіе утомляется, дѣти начинаютъ скучать, особенно если за однимъ полуторачасовымъ урокомъ тотчасъ же слѣдуетъ такой же другой, а по прошествіи полутора или двухъ часовъ, третій и вслѣдъ за нимъ четвертый; послѣдній урокъ, особенно въ маленькихъ классахъ, тяжелъ до крайности, и дѣти оставляютъ его, утомленныя до такой степени, что невозможно смотрѣть на нихъ безъ сожалѣнія. Но тѣмъ дѣло не кончается, — слѣдуютъ музыка, танцы: когда же, скажите, ради Бога, готовить уроки бѣднымъ дѣвочкамъ, и что̀ удивительнаго, если всѣ онѣ большею частію блѣдны и худы? Не лучше ли распредѣлить учебные часы такъ, чтобы не было никогда болѣе трехъ уроковъ въ день, особенно въ маленькихъ классахъ? 1-й урокъ могъ бы продолжаться отъ 9-ти часовъ до 10-ти, затѣмъ ½ часа времени на отдыхъ; 2-й урокъ—отъ 10⅓ до 11½, за тѣмъ на обѣдъ и отдыхъ два часа съ половиной; 3-й урокъ—отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ, за тѣмъ полчаса на отдыхъ и наконецъ 4-й урокъ, назначенный преимущественно для приготовленій къ слѣдующему дню,—отъ 3½ до 4½. Посмотримъ, достаточно ли положенныхъ нами часовъ для всѣхъ уроковъ. По нашему предположенію, въ каждомъ заведеніи должно быть шесть классовъ; эти шесть классовъ необходимо распредѣлить на два возраста: старшій и младшій, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ младшемъ возрастѣ занятія были какъ можно менѣе обременительны; въ младшемъ возрастѣ въ трехъ первыхъ классахъ число уроковъ въ недѣлю могло бы быть слѣдующее:

Digitized by Google

Законъ Божій.	1 урокъ.
Русскій языкъ.	2 —
Французскій языкъ.	2 —
Нѣмецкій языкъ.	2 —
Ариѳметика.	1 —
Географія.	1 —
Исторія (кромѣ перваго класса). .	1 —
Чистописаніе.	3 —
Всего 13 уроковъ. (1)	

Слѣдовательно, изъ назначенныхъ нами 18-ти уроковъ въ недѣлю остаются свободными еще 5 для 2-го и 3-го класса, и 6 для перваго; эти пять-шесть уроковъ можно употребить на рисованье, музыку и танцы; во всякомъ случаѣ дѣтямъ останется достаточно времени для приготовленія и для прогулокъ. Въ старшемъ возрастѣ занятій больше; но и тамъ, какъ намъ кажется, будетъ достаточно назначенныхъ нами часовъ, если распредѣлить ихъ такъ:

Законъ Божій. - - - - - - - -	1 урокъ.
Русскій языкъ. - - - - - - - -	3 —
Французскій языкъ. - - - - - -	3 —
Нѣмецкій — - - - - - - -	3 —
Географія. - - - - - - - - -	1 —
Исторія. - - - - - - - - - -	2 —
Ариѳметика. - - - - - - - - -	1 —
Естественная исторія. - - - - -	1 —
Физика. - - - - - - - - - - -	1 —
16 уроковъ.	

Такимъ образомъ, изъ числа назначенныхъ нами уроковъ, два остаются для рисованья. Рисованье и музыка, конечно, ни въ какомъ случаѣ не должны быть обязательны для всѣхъ дѣвицъ, но занятіе ими должно опредѣлять сообразно съ способностію каждой; къ сожалѣнію, правило это не всегда соблюдается, что̀ ведетъ къ безполезной тратѣ времени. Спрашиваемъ всѣхъ, серіозно занимавшихся женскимъ воспитаніемъ, не совершенно ли достаточно будетъ назначенныхъ нами уроковъ? Можетъ-быть въ заведеніяхъ спеціяльныхъ, каковы Николаевскіе институты, потребуется усилить нѣкоторые предметы преподаванія; впрочемъ мы думаемъ, что такое усиленіе

(1) Для занятій иностранными языками учителямъ необходимо должны помогать классныя дамы и ихъ помощницы, которыя должны занимать дѣтей разговорами, заучиваніемъ вокабулъ и т. п. Безъ этого, конечно, не только двухъ, но даже трехъ и четырехъ уроковъ въ недѣлю будетъ недостаточно.

Digitized by Google

вообще должно быть незначительно, и что то же распредѣленіе часовъ при шести-лѣтнемъ курсѣ будетъ и тамъ вполнѣ удовлетворительно; тѣмъ болѣе, что дѣвицы, окончившія ученіе въ общихъ классахъ, поступаютъ въ классы кандидатокъ, гдѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ занимаются всѣмъ, что необходимо для будущаго назначенія ихъ—быть наставницами и воспитательницами дѣтей; что же касается до приготовительныхъ классовъ, о необходимости которыхъ мы упомянули выше, то потребность въ нихъ болѣе ощутительна въ Николаевскихъ институтахъ, чѣмъ гдѣ-либо, потому что туда поступаютъ исключительно бѣдныя дѣти, которыя не рѣдко не имѣли случая научиться дома ни читать, ни писать; такіе приготовительные классы существуютъ давно и приносятъ свою пользу, но намъ кажется, что преподаваніе въ нихъ слѣдуетъ нѣсколько ограничить: чтеніе, письмо (и то не на трехъ языкахъ вдругъ), священная исторія въ разказахъ и четыре правила ариѳметики, вотъ все, чѣмъ должно занимать дѣтей въ приготовительныхъ классахъ, которыхъ можно устроить два съ подраздѣленіями, какія окажутся необходимыми по усмотрѣнію инспектора. Насъ спросятъ, можетъ-быть, не пострадаетъ ли объемъ преподаванія при такомъ сокращеніи часовъ? Смѣло отвѣчаемъ—нисколько. Число уроковъ остается почти то же, которое существуетъ и теперь. При этомъ, конечно, необходимо, чтобы преподаватели добросовѣстно исполняли свою обязанность, чтобъ они, вполнѣ обезпеченные въ своемъ содержаніи, не проводили класнаго времени въ пустыхъ разговорахъ, или въ диктованіи билетовъ къ экзамену (что часто дѣлается теперь), чтобъ они думали о своемъ дѣлѣ, а не о желанномъ звонкѣ, который дастъ имъ возможность бѣжать безъ оглядки изъ класса, чтобы не опоздать на другой урокъ гдѣ-нибудь на противоположномъ концѣ города, чтобъ они не занимали бѣдныхъ дѣтей безконечнымъ переписываніемъ тетрадокъ. Считаемъ своею обязанностію обратить особенное вниманіе на это переписываніе тетрадокъ, которое черезвычайно какъ любятъ многіе учителя, особенно иностранцы, преподаватели языковъ французскаго и нѣмецкаго. Каждый изъ нихъ, проживши въ Россіи нѣсколько времени, считаетъ своею обязанностію напечатать книжку собственнаго издѣлія, граматику, руководство къ правописанію, синтаксису, сравнительную методу, хрестоматію и проч. и проч.; до тѣхъ поръ они довольствуются тетрадками, выписанными изъ разныхъ учебниковъ и потомъ уже, при удоб-

Digitized by Google

номъ случаѣ, обращаютъ свои тетрадки въ книжку (1). Мы далеки отъ того, чтобы стѣснять преподавателя обязательными учебниками, но долгомъ считаемъ заявить наше мнѣніе, что въ высшей степени безчеловѣчно занимать дѣтей перепиской тетрадей, особенно такихъ дѣтей, для которыхъ, по ихъ возрасту, переписыванье составляетъ величайшій трудъ и дѣйствуетъ разрушительно на здоровье; объ этомъ не мѣшало бы серіозно подумать тѣмъ наставникамъ и наставницамъ, которые такъ много говорятъ о любви своей къ дѣтямъ. Представляемъ для образца выписки изъ тетрадей, которыя намъ случалось видѣть. Все это обязаны переписывать дѣти 10 и 11 лѣтъ.

1) По предмету географіи:

Большія массы суши называются *материками* или *материю землей*, а малыя суши *островами*. Материковъ три: Старый Свѣтъ: *Европа, Азія* и *Африка;* Новый Свѣтъ—*Америка*, и новѣйшій — *Австралія*.

Большія массы воды, раздѣляющія материки, называются *океаномъ*, но для лучшаго обзора надо раздѣлить его на четыре части: *Сѣверный, Южный, Восточный* и *Западный*.

Вся масса воздуха на поверхности земли называется *атмосферою*.

Моремъ называется часть океана, болѣе и менѣе окруженная островами или берегами. Въ сѣверномъ океанѣ моря: *Карское* на сѣверѣ Азіи, *Бѣлое* на сѣверѣ Европы, *Баффиново* и *Берингово* на сѣверѣ Америки. Въ южномъ океанѣ нѣтъ морей, потому что острововъ очень мало, и они не населены. Въ восточномъ океанѣ особенной важности шесть морей: *Панамское, Берингово, Охотское, Желтое, Китайское* и *Индѣйское*. Въ западномъ океанѣ шесть морей: *Гвинейское, Средиземное, Черное, Нѣмецкое, Балтійское* и *Колумбское*.

Острова Сѣвернаго океана:

Новая Сибирь, на сѣверѣ Азіи.
Новая Земля, на сѣверѣ отъ Карскаго моря.
Шпицбергенъ на сѣверѣ отъ Бѣлаго моря.
Гренландія, на западѣ отъ Гренландскаго моря.
Баффинова земля, на западѣ отъ Баффинова моря.

Острова Западнаго океана:

Островъ Св. Елены и Вознесенія на юго-западъ отъ Гвинейскаго моря.
Зеленаго мыса, на западъ отъ Африки.
Азорскіе и *Канарскіе*, на сѣверозападъ отъ Африки.
Терръ-Невъ, на востокъ отъ Сѣверной Америки.

---

(1) Подобныхъ книгъ и книжекъ безчисленное множество, и всѣ онѣ мало отличаются одна отъ другой.

Digitized by Google

Большіе Антилы, на сѣверъ отъ средней Америки.
Сицилія, въ срединѣ Средиземнаго моря.
Сардинія и *Корсика* на западѣ.
Критъ и *Кипръ* на востокѣ.
Великобританія и *Ирландія,* на востокъ отъ Атлантическаго океана.
Шетландскіе, на сѣверовостокъ отъ Атлантическаго океана.

2) По предмету французскаго языка.

Qu'est ce que *l'adjectif?*

L'adjectif est la partie du discours, qui sert à marquer la qualité du substantif: un bon homme, un gros livre, une grosse pomme.

L'adjectif peut comme l'article et à la place de l'article faire prendre le substantif dans un sens déterminé: Un cheval, mon cheval, ce cheval.

Comment se divise l'adjectif?

Il y a deux sortes d'adjectifs.

1. L'adjectif qualificatif, qui ajoute au substantif une qualité qui lui convients une femmé *prudente.*

2. L'adjectif déterminatif, qui ajoute au substantif une détermination particulière et fait que le substantif n'a pas besoin d'article. Une classe, ton livre, cette croisée.

Вотъ нѣчто изъ правописанія:

№ 1. Quelle est l'orthographe des substantifs terminés par *eur?* Dites les exceptions.

Les substantifs terminés par *eur* ne prennent jamais d'*e* muet à la fin: la fleur, la peur etc. excepté: heure, beurre, demeure.

№ 2. Quelle est l'orthographe des substantifs terminés par *our?* Dites les exceptions.

Les substantifs terminés par *our* ne prennent pas d'*e* muet: le jour, la cour, la tour, excepté bourre et bravoure.

И такъ далѣе все въ томъ же родѣ.

3) По предмету нѣмецкаго языка дѣти переписываютъ слѣдующіе разговоры:

Was lernen Sie jetzt? Что вы теперь учите?
Womit sind Sie jetzt beschäftigt? Чѣмъ вы теперь занимаетесь?
Worin nehmen sie Unterricht? Какой у васъ урокъ?
Wir nehmen jetzt in der deutschen Sprache Unterricht. Мы теперь беремъ урокъ нѣмецкаго языка.

Вотъ по предмету того же языка отрывки изъ грамматики, переписываемой дѣвицами старшихъ классовъ:

Der Satz ist ein ausgesprochener oder niedergeschriebener Gedanke; er ist also die sprachliche Form der Mittheilung. Die Syntax oder Satzlehre ist die Darstellung der Gesetze (der grammatischen Regeln), nach

Digitized by Google

welchen die Formen der Sprache zum Behufe der Mittheilung angewendet werden. Der Gedanke kann ausgedrückt sein, entweder in Form eines *Urtheils* (Reichthum vergeht, Kunst besteht), *oder einer Frage* (Welcher Mensch ist fehler-frei?), *oder eines Wunsches* (Wäre ich doch fleissig gewesen!), *oder eines Befehls* (Komm und sieh!)

4) По предмету французской литературы, преподаваемой въ старшихъ классахъ:

Le XVI siècle est une époque de transition: c'est le passage entre la période confuse du moyen age et le XVII siècle.

Le nom de *Renaissance* que l'on donne aussi à ce temps, indique bien la transformation qui s'opère dans les arts et les lettres. François I est en France le centre du mouvement littéraire. Si les guerres d'Italie furent ruineuses pour la France, elles contribuèrent à la polir et à la civiliser.

Или:

Molière. La comédie où Molière se montre vraiment original est celle des *Précieuses ridicules,* petite comédie des mœurs, où il sût persiffler avec autant de bonheur que d'esprit l'exagération de langage et les manières affectées de l'Hôtel de Rambouillet.

La verve comique de Molière aimait à s'épancher dans les farces parfois un peu grossières. Au dessus de ces pièces il faut placer les comédies des mœurs où Molière se montra vraiment philosophe et créateur: *L'École des Maris*, *l'École des femmes*, *Le bourgeois gentilhomme*, *Don Juan* et *les Femmes savantes* sont de ce genre. *Le Misanthrope*, *l'Avare* et le *Tartufe* sont des types immortels qui n'ont jamais été surpassés dans aucune langue. Ces pièces appartiennent à ce qu'on appelle la haute comédie ou comédie de caractère.

5) По предмету ариѳметики:

Что называется дробью?

Дробью называется одна или нѣсколько равныхъ долей единицы.

Сколькими числами должна быть изображена дробь и почему?

Дробь должна быть изображена двумя числами, потому что одно изъ нихъ должно показывать, на сколько равныхъ долей раздѣлена единица, а другое—сколько разъ одна такая доля должна быть повторена.

Въ какихъ же учебникахъ не найдется всего этого? Чѣмъ эти выписанные нами образцы лучше и понятнѣе того, что̀ мы читаемъ во всевозможныхъ руководствахъ? и какая цѣль занимать дѣтей пустымъ переписываньемъ? Всѣ толкуютъ о томъ, что время дорого, и не по мѣрѣ тратятъ его по пустому. Доказательствомъ тому служитъ болѣе всего приготовленіе къ экзаменамъ вообще и къ публичнымъ въ особенности. Мы не отрицаемъ пользы экзаменовъ, но полагаемъ, что начинать ихъ

Digitized by Google

надо не съ маленькихъ классовъ, и не надо придавать имъ того грознаго значенія, которое они имѣютъ у насъ. Намъ случалось бывать на экзаменахъ частныхъ, домашнихъ, гдѣ, кромѣ инспектора, присутствовали членъ по учебной части, начальница и инспектриса. Чрезвычайно-важныя, озабоченныя лица и праздничная одежда начальствующихъ приготовляли уже воспитанницъ къ чему-то необыкновенному; для вящаго же внушенія имъ страха и благоговѣнія, на столъ, завѣшанный краснымъ сукномъ, ставились двѣ урны, изъ которыхъ, какъ роковые жребіи, вынимались билетики съ именами воспитанницъ и съ вопросами. На дѣтяхъ отъ одной обстановки уже лица не было; блѣднѣя и краснѣя, подходили они къ роковымъ урнамъ, и не рѣдко отличныя путались, говорили вздоръ; нѣкоторыя горько плакали отъ своей неудачи, другія, съ видомъ совершеннаго отчаянія, возвращались на свое мѣсто. Къ чему же служитъ вся эта пытка? Неужели экзамены нельзя производить просто, не прибѣгая ни къ какой особенной обстановкѣ? Мы не отрицаемъ, что экзамены полезны до нѣкоторой степени: приготовляясь къ нимъ, дѣти повторяютъ все ими пройденное, но для этого нисколько не нужно, чтобъ эти испытанія имѣли форму допроса, за которымъ слѣдуютъ выговоры, замѣчанія (1)... Намъ кажется, что экзамены должно начинать не ранѣе третьяго года, при переходѣ въ старшій возрастъ, а до тѣхъ поръ инспекторъ и его помощникъ, посѣщая классы, могутъ слѣдить за успѣхомъ дѣтей и переводить ихъ въ слѣдующій классъ, разумѣется, съ общаго согласія учителей; къ сожалѣнію, при экзаменахъ, мнѣніе учителя часто не ставится ни во что, хотя по всей справедливости, оно бы должно имѣть преимущество передъ всѣми прочими мнѣніями. Намъ возразятъ, можетъ-быть, что если учитель обнаруживаетъ пристрастіе и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ какихъ-нибудь посторонннихъ побужденій, то контроль необходимъ; мы скажемъ на это, что пристрастіе и вліяніе посторонннихъ побужденій менѣе всего бываютъ замѣтны въ дѣйствіяхъ учителя, который уже по своему положенію находится внѣ сферы соблазновъ и

(1) По мнѣнію нѣкоторыхъ, подобные пріемы на экзаменахъ составляютъ необходимую принадлежность институтской дисциплины, а она въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ доходитъ до того, что воспитанницамъ запрещаютъ разговаривать съ учителями; мудрено ли послѣ этого, что институтки сохраняютъ во всю жизнь особый отпечатокъ?

Digitized by Google

можетъ поддаться развѣ только личному увлеченію. Конечно, есть заведенія (и мы сами знаемъ ихъ), гдѣ инспекторъ, понимающій дѣло, полный хозяинъ экзамена: тамъ отмѣтка учителя почитается неприкосновенною: оттого и ученіе идетъ лучше чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ, а несправедливостей бываетъ гораздо меньше. По уставу, инспекторъ, его помощникъ и учитель должны быть единственными экзаминаторами и судьями успѣховъ, оказанныхъ воспитанницами; такъ и должно быть, но на дѣлѣ оказывается часто совершенно иное.

Когда, при окончаніи курса ученія, воспитанницы пройдутъ всѣ частные экзамены, то ихъ начинаютъ *приготовлять* къ публичному экзамену. Мѣсяца за два, за три, а иногда и болѣе до публичнаго экзамена, каждой воспитанницѣ раздаются вопросы, назначенные заранѣе; самихъ воспитанницъ ставятъ по ранжиру, распредѣляютъ по вызовамъ; воспитанницы, назначенныя къ отвѣчанію заученаго, разсаживаются въ большой залѣ, и въ присутствіи властей проговариваютъ свои *кусочки*, какъ онѣ называютъ заданные имъ вопросы. Наконецъ наступаетъ день публичнаго экзамена; собираются почетные посѣтители, и начинается повтореніе тѣхъ же *кусочковъ* для назиданія посѣтителей, а тѣ преспокойно предаются разговорамъ, почти никогда не слушая отвѣтовъ... Какъ-то странно и дико слышать похвалы, разсыпаемыя инспектору и преподавателямъ за успѣшный экзаменъ, когда нѣтъ никакой возможности, чтобъ онъ не былъ успѣшенъ. Какая безплодная трата времени! А подумаешь, какъ начальствующія лица дорожатъ временемъ; опоздаетъ учитель, — замѣчаніе и грозный циркуляръ; придетъ праздникъ, хотя и законный, но покажется кому-нибудь сомнительнымъ,— начинаются толки, учиться ли дѣтямъ или нѣтъ. А тѣ же самыя лица нисколько не стѣсняются нарушать спокойствіе учащихъ и учащихся, приходятъ въ классы, иногда въ сопровожденіи постороннихъ посѣтителей, ведутъ одушевленную бесѣду между собою, изъ-за стеклянныхъ дверей дѣлаютъ угрожающіе жесты воспитанницамъ, выводятъ ихъ изъ классовъ для перемѣны фартуковъ и прочихъ принадлежностей туалета; а если воспитанница провинится, то выгоняютъ ее изъ класса или отправляютъ совершенно здоровую въ больницу, иногда на нѣсколько дней (1). Никто изъ нихъ не хочетъ понять,

(1) Вообще не мѣшало бы измѣнить систему наказаній, которыя иногда

Digitized by Google

что не въ праздникѣ дѣло, не въ опаздываніи учителя, а въ томъ, что должна быть соблюдаема святыня ученія, что оно не форма только, а живительная струя, которая благотворнымъ сѣменемъ проникаетъ въ молодыя души и приноситъ плоды въ продолженіи всей жизни.

На учебныя пособія, какъ то на руководства, книги для чтенія, коллекціи предметовъ естественной исторіи, физическіе инструменты и класныя принадлежности, то-есть бумагу, перья, карандаши и пр., отпускается ежегодно положенная сумма; слѣдуя вышепоказанному раздѣленію заведеній на разряды, сумма, отпускаемая на учебныя пособія, гораздо значительнѣе въ заведеніяхъ перваго разряда чѣмъ въ заведеніяхъ втораго, гдѣ она иногда недостаточна до крайности. Посмотримъ же въ какомъ положеніи находятся учебныя пособія. Разумѣется, прежде всего покупаются необходимыя класныя принадлежности, потомъ значительная часть отпускаемой на учебныя пособія суммы употребляется на покупку и починку фортепіянъ, на рисунки и пр., а затѣмъ на пополненіе библіотеки остается денегъ весьма немного. Сверхъ того, по всѣмъ заведеніямъ разсылаются, въ большомъ числѣ экземпляровъ, разныя книги, которыя ни на что не употребляются и по годамъ лежатъ не распечатанными въ тюкахъ или занимаютъ только мѣсто въ библіотекахъ; намъ случалось видѣть по нѣскольку экземпляровъ романа *Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій*, безчисленное количество экземпляровъ журнала *Лучи и Звѣздочка*. На эти книги, высылаемыя въ институты безъ всякаго желанія съ ихъ стороны, выходятъ значительныя суммы, что̀ ослабляетъ и безъ того скудныя средства заведеній. За чѣмъ бы кажется ослаблять ихъ такимъ образомъ? Библіотеки въ институтахъ составлены безъ всякаго порядка; тамъ случайно вы найдете и классическія сочиненія, и современные журналы, но нерѣдко не отыщете ни Пушкина, ни Гоголя, ни Лермонтова, ни даже *Исторіи Карамзина* (1), такъ

совершенно безсмысленны: такъ, напримѣръ, въ одномъ заведеніи въ видѣ наказанія прикалываютъ булавками одинъ къ другому фартуки двухъ воспитанницъ, и онѣ въ продолженіе положеннаго времени представляютъ нѣчто въ родѣ сіамскихъ близнецовъ.

(1) Недавно намъ случилось слышать жалобу одного лица, завѣдывающаго учебною частію въ одномъ изъ институтовъ, что библіотека заведенія состоитъ изъ нѣсколькихъ разрозненныхъ книгъ французскихъ и одной нѣмецкой!

Digitized by Google

что учитель русской словесности, если ему нужно прочесть или дать прочесть воспитанницамъ что-нибудь изъ сочиненій русскихъ писателей, долженъ приносить свои книги. Учителя же иностранныхъ языковъ почти никогда не заботятся о томъ, чтобы воспитанницы знали что-нибудь, кромѣ именъ важнѣйшихъ писателей. Иногда книги пожалуй и найдутся, но какъ дать ихъ дѣтямъ? Вѣдь дѣти ихъ испортятъ или изорвутъ, а библіотека стóитъ денегъ и должна содержаться въ порядкѣ. Въ исполненіе такого правила, во многихъ заведеніяхъ библіотека совершенно недоступна для дѣтей, въ другихъ книги выдаются имъ весьма рѣдко и то съ разными предосторожностями; что же удивительнаго, если дѣвицы во время вакацій или въ другое свободное время, тайно отъ начальства, абонируются въ книжной лавкѣ или инымъ путемъ добываютъ себѣ разнаго рода книги, выборъ которыхъ зависитъ отъ случая? Форма убиваетъ самое лучшее, самое полезное учрежденіе; многія начальствующія лица воображаютъ, что библіотека существуетъ въ институтахъ только для порядка, и книги въ ней лежатъ тоже для порядка, а вовсе не для чтенія; завѣдываетъ библіотекой кто попало, и помощникъ инспектора, и инспектриса, и даже иногда пепиньерка; всѣ обязаны наблюдать, чтобы книги были цѣлы. Почему бы, кажется, не отворить этого святилища воспитанницамъ и не выдавать имъ книгъ, приличныхъ ихъ возрасту? Почему бы не устроить въ каждомъ классѣ особой класной библіотеки и не поручить ея помощницѣ класной дамы или старшей воспитанницѣ? Денегъ, которыя отпускаются ежегодно на учебныя пособія, достаточно было бы на пополненіе этихъ библіотекъ, еслибы не было обязательныхъ покупокъ, о которыхъ мы упомянули выше; а тамъ, гдѣ въ деньгахъ чувствуется недостатокъ, можно бы и усилить средства заведенія, принимая на видъ, что чтеніе вовсе не роскошь, а существенная необходимость для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Библіотека должна пополняться книгами и журналами, съ одобренія общаго совѣта учителей, и тогда въ ней появятся классическія сочиненія писателей русскихъ и иностранныхъ; теперь же спросите въ любомъ заведеніи воспитанницъ, хотя старшаго класса, читали ли онѣ Пушкина, и вы услышите отрицательный отвѣтъ, потому что книгъ у нихъ нѣтъ, и если учитель не сжалится и не принесетъ имъ прочесть что-нибудь, то онѣ окончатъ ученіе, составивъ себѣ понятіе о писателяхъ по класнымъ те-

Digitized by Google

традкамъ, по хрестоматіямъ или по тѣмъ отрывкамъ, которые заучивались ими къ экзамену. Вообще на чтеніе дѣвицъ менѣе всего обращаютъ вниманія.

То же можно сказать и о прочихъ учебныхъ пособіяхъ, о коллекціяхъ натуральной исторіи и физическихъ инструментовъ; гдѣ они есть (то-есть въ заведеніяхъ 1-го разряда и спеціяльныхъ), тамъ для нихъ устроены красивые шкапы со стеклами, и воспитанницамъ позволяется любоваться ими издали, но отнюдь не разсматривать близко и особенно не брать ничего въ руки; а такъ какъ для иныхъ коллекцій отведены комнаты довольно далеко отъ класовъ, то случается, что дѣти въ нихъ и не заглядываютъ; а то дай только имъ въ руки что-нибудь, какъ разъ изломаютъ или испортятъ. При недостаточности суммъ, отпускаемыхъ на учебныя пособія (на что такъ часто жалуются въ институтахъ), должна соблюдаться строгая и разумная экономія, а она едва ли возможна тамъ, гдѣ все зависитъ отъ произвола двухъ-трехъ лицъ; вздумалось какой-нибудь начальницѣ истратить сто-двѣсти рублей на рукодѣлья изъ класныхъ суммъ,—она истрачиваетъ ихъ; вздумается кому-нибудь изъ начальствующихъ лицъ купить великолѣпный глобусъ, цѣною въ 350—400 рублей серебромъ, и поставить его подъ стекляннымъ колпакомъ, гдѣ-нибудь въ залѣ, вдали отъ воспитанницъ,—онъ прикажетъ купить и поставить; а потомъ понадобятся учебныя книги, ихъ не раздаютъ, а если и раздаютъ, то по экземпляру на двухъ, трехъ и болѣе воспитанницъ.

Обязательные учебники стали выходить изъ употребленія, и слава Богу! а то, бывало, предпишутъ принять въ руководство такую-то книгу и, какъ бы она плоха ни была, ее принимаютъ; при этомъ намъ всегда приходитъ въ голову возгласъ строгаго начальника: «Не разсуждать, а дѣлать, какъ приказываютъ!» Теперь мы смѣемся надъ такимъ требованіемъ, а если и случается, что учитель по неволѣ принимаетъ какое-нибудь руководство, которое кому-нибудь показалось очень полезнымъ, то все-таки преподавателю предоставляютъ свободу дополнять и измѣнять его по своему усмотрѣнію.

По всѣмъ предметамъ высланы отъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній программы, которыми обязаны руководствоваться преподаватели. Мы нисколько не противъ программъ, почему и не быть имъ, почему не подчинить общей

Digitized by Google

нормѣ преподаваніе въ заведеніяхъ однородныхъ? Но для составленія этихъ программъ необходимо согласіе спеціялистовъ; программу должны составить всѣ преподаватели какого-нибудь предмета, по общему соглашенію, иначе она будетъ тѣмъ же обязательнымъ учебникомъ и стѣснитъ преподавателей, не принося ни малѣйшей пользы воспитанницамъ. Вышедшія до сихъ поръ и присланныя въ руководство программы не имѣютъ дѣйствительнаго значенія на практикѣ; объ нихъ толковали десятки лѣтъ, для составленія ихъ вызывались въ Петербургъ инспекторы, ихъ наконецъ напечатали, и что же вышло? Напечатанныя, онѣ лежатъ въ числѣ ненужныхъ книгъ въ кабинетахъ членовъ по учебной части и инспекторовъ; случайно ихъ видѣлъ какой-нибудь учитель; можетъ-быть, по личному желанію какого-нибудь инспектора, написалъ о нихъ свое мнѣніе,—и только. Программа же, составленная спеціялистами и одобренная совѣтомъ инспекторовъ, могла бы служить общимъ руководствомъ, которое, конечно, было бы полезно.

IV.

Переходимъ въ заключеніе къ вопросу о назначеніи инспектора и учителей.

Учебная часть въ полномъ ея составѣ находится въ распоряженіи инспектора классовъ: онъ завѣдываетъ распредѣленіемъ занятій, назначеніемъ учителей наукъ и искусствъ, и слѣдитъ за дѣятельностію учащихъ и учащихся. Слѣдовательно, онъ долженъ быть педагогомъ въ обширномъ значеніи слова и человѣкомъ многосторонне-образованнымъ; чѣмъ же гарантируется избраніе такого человѣка, отъ котораго зависитъ образованіе многихъ сотенъ дѣтей, и который, вслѣдствіе этого, имѣетъ прямое вліяніе на значительную часть молодаго поколѣнія? Постановленіе гласитъ, что членъ совѣта учебнаго заведенія по учебной части избираетъ инспектора классовъ изъ лицъ, извѣстныхъ своимъ образованіемъ и педагогическими способностями. Но сенаторы и почетные опекуны, которые, по существующимъ правиламъ и обычаямъ, избираются въ члены совѣта по учебной части, какъ бы ни была почтенна и полезна ихъ дѣятельность, не могутъ быть настоящими судьями въ дѣлѣ, совершенно для нихъ чуждомъ и незнакомомъ.

Digitized by Google

Какъ бы они умны и способны ни были, они не всегда въ сферѣ прежней случайной ихъ дѣятельности, имѣли возможность пріобрѣсти вѣрный взглядъ на воспитаніе, необходимый для избранія инспектора классовъ и наблюденія за его дѣятельностію, взглядъ, пріобрѣтаемый постоянными спеціяльными занятіями въ продолженіи цѣлой жизни. Они не имѣютъ его, да и требовать этого отъ нихъ невозможно. Поэтому нѣкоторые изъ членовъ по учебной части предоставляютъ всѣ распоряженія начальницѣ института и инспектору, а сами играютъ роль чисто пассивную. Но другіе считаютъ своею обязанностію, въ качествѣ начальниковъ, вмѣшиваться во все, обозначать свое присутствіе распоряженіями собственнаго изобрѣтенія, замѣчаніями и выговорами; они стѣсняютъ преподавателей своими невозможными требованіями, смущаютъ дѣтей своими неумѣстными замѣчаніями, а инспектору классовъ, если онъ человѣкъ благородный и добросовѣстный, приходится составлять безпрерывную оппозицію своему прямому и единственному начальнику—члену по учебной части. Согласитесь, что надо много энергіи, много любви къ своему дѣлу, чтобы выдерживать такую борьбу. Ясно и понятно, что такой членъ по учебной части постарается выбрать въ инспекторы человѣка, который будетъ безпрекословно исполнять его требованія, какъ бы странны они ни были, и что пострадаетъ отъ того заведеніе. Членъ по учебной части, ни во что не вмѣшивающійся, при назначеніи инспектора обратится, конечно, къ попечителю университета съ просьбой указать ему кого-нибудь изъ профессоровъ, кто бы способенъ былъ занять мѣсто инспектора; по взгляду своему на вещи, онъ никакъ не рѣшится назначить въ инспекторы одного изъ подчиненныхъ ему учителей; они представляются ему какими-то наемниками, которые за извѣстную плату даютъ уроки и у него въ домѣ и въ домахъ его знакомыхъ. То ли дѣло профессоръ! И мы скажемъ, что членъ по учебной части будетъ правъ до нѣкоторой степени, потому что профессоръ университета, принявъ на себя должность инспектора, будетъ во всякомъ случаѣ гораздо болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ какой-нибудь полуграмотный иностранецъ, который умѣетъ только бѣгло говорить по-французски и низко кланяться, и который добивается мѣста, чтобы получать значительное инспекторское жалованье и захватить побольше уроковъ (разумѣется за особую плату) въ томъ же заведеніи, не подвергаясь ни контролю, ни отвѣтственности; а такого ино-

Digitized by Google

странца очень легко можетъ назначить въ инспекторы членъ по учебной части, во все вмѣшивающійся. Какимъ же образомъ назначать инспектора классовъ, какимъ образомъ гарантировать его состоятельность и обезпечить учебную часть?

Мы полагаемъ, что лучше всего предоставить избраніе инспектора классовъ самимъ преподавателямъ, какъ избирали прежде профессора университетовъ ректора и какъ они до сихъ поръ избираютъ себѣ декановъ. Всѣ преподаватели институтовъ окончили курсъ въ университетѣ или выдержали тамъ же экзаменъ на званіе старшаго учителя (кромѣ учителей иностранныхъ языковъ); почему же не предоставить имъ права избирать начальника изъ своей среды? То же правило избранія можно примѣнить и къ должности помощника инспектора. Опытъ доказалъ, что такое управленіе въ ученомъ мірѣ есть единственно возможное и естественное. Ученыхъ начальниковъ должно избирать цѣлое общество, и тогда оно будетъ отвѣчать за нихъ; конечно, оно можетъ ошибиться иногда, но уже, конечно, не такъ скоро, какъ человѣкъ, не имѣющій ни ученаго, ни педагогическаго образованія; послѣдній можетъ не ошибиться только случайно. Власть инспектора классовъ должна быть ограничена; при заведеніи необходимъ хотя разъ въ недѣлю педагогическій совѣтъ, въ которомъ должны участвовать всѣ преподаватели, подъ предсѣдательствомъ инспектора; на этомъ совѣтѣ рѣшаются всѣ перемѣны въ распредѣленіи учебнаго времени, въ допущеніи учебниковъ и прочихъ пособій; на этомъ совѣтѣ утверждаются программы экзаменовъ, награды воспитанницамъ (1); причемъ необходимо принимается въ соображеніе аттестація начальницы о поведеніи каждой изъ нихъ; такъ напримѣръ совершенно равныя по своимъ успѣхамъ воспитанницы получаютъ высшія или низшія награды, соображаясь съ аттестаціею начальницы. Начальница же ни въ какомъ случаѣ не должна вмѣшиваться въ учебную часть, а если сочтетъ необходимымъ сдѣлать замѣчаніе учителю въ какомъ бы то ни было отношеніи, то обязана сообщить о томъ

(1) Какъ и за что раздаются награды воспитанницамъ институтовъ, это составляетъ совершенную загадку для преподавателей и большею частію зависитъ отъ одной начальницы, иногда при участіи инспектора классовъ. Если учителю попадается случайно аттестатъ которой-нибудь изъ его ученицъ, то онъ съ изумленіемъ видитъ въ немъ совсѣмъ не свою аттестацію.

Digitized by Google

инспектору, который замѣчаніе это, смотря по важности его, или передаетъ прямо учителю или представляетъ въ педагогическій совѣтъ. При такомъ устройствѣ учебнаго управленія, должность члена по учебной части становится излишнею. А если, даже при правильномъ опредѣленіи обязанностей начальницы и инспектора, все-таки покажется не удобнымъ не имѣть еще высшаго начальства, то желательно бы было, чтобы назначенъ былъ попечитель на правахъ попечителя учебнаго округа, который болѣе всего долженъ будетъ обращать вниманіе на хозяйственную часть (причемъ, конечно, должна быть упразднена и должность члена совѣта по хозяйственной части), чтобъ и въ этомъ отношеніи исправить недостатки, о которыхъ мы упомянули выше, то-есть чтобы содержаніе и пища дѣтей соотвѣтствовали ихъ возрасту и здоровью; тотъ же самый попечитель можетъ утверждать избраніе и рѣшеніе педагогическаго совѣта, если это рѣшеніе потребуетъ еще дальнѣйшаго утвержденія. Во всякомъ случаѣ вліяніе попечителя на утвержденіе въ должности инспектора мы допускаемъ какъ мѣру переходную. Когда педагогическій совѣтъ пойметъ свое высокое назначеніе, когда преподаватели убѣдятся, что они не чиновники и не писцы, когда преподаваніе пріобрѣтетъ надлежащую стройность, то рѣшенія педагогическаго совѣта могутъ имѣть окончательную силу. Вмѣшательство начальницы и члена по учебной части въ дѣло преподаванія, не всегда приноситъ желаемую пользу, а иногда даже парализируетъ опытную дѣятельность инспектора и учителей; изъ слѣдующихъ разказовъ лучше всего можно заключить о справедливости нашихъ словъ.

Говорятъ, что въ одномъ институтѣ, членъ по учебной части считалъ своею обязанностію держать себя по-начальнически, то есть дѣлать замѣчанія и выговоры учителямъ, классными дамамъ и воспитанницамъ, чѣмъ разумѣется заслужилъ всеобщее нерасположеніе, тѣмъ болѣе что эти замѣчанія и выговоры возникали вдругъ, вслѣдствіе минутной его фантазіи. Разъ, въ классѣ русскаго языка, членъ по учебной части засталъ учителя, который что-то диктовалъ воспитанницамъ; въ отрывкѣ, продиктованномъ учителемъ, два раза встрѣтилось слово *генералъ*, въ одномъ мѣстѣ воспитанница поставила въ началѣ прописную букву, *Г*, въ другомъ строчную *г*. Его превосходительство спросилъ воспитанницу весьма сурово, почему она поступила такъ. Вопрошаемая отвѣчала, что въ хрестоматіи г. Галахова въ иныхъ мѣстахъ въ словѣ

Digitized by Google

генералъ встрѣчается большая буква, въ другихъ маленькая, а почему это, она не знаетъ, тѣмъ болѣе, что слово *генералъ* имя нарицательное, а не собственное. На это учитель сказалъ, что прежде писали слово «генералъ» большою буквой, а теперь пишутъ строчною. «Позвольте», строгимъ голосомъ возразилъ членъ по учебной части, которому слово *генералъ* было такъ близко къ сердцу. «Это требуетъ вниманія. Отчего, продолжалъ онъ, обратясь къ воспитанницѣ, прежде въ словѣ *генералъ* писалась большая буква, а теперь не пишется?» Сконфуженная грознымъ голосомъ генерала, воспитанница молчала; онъ обратился къ другой, къ третьей, четвертой,—отвѣта не было. Тогда разгнѣванный членъ всталъ, и выходя изъ класса и никому не кланяясь, произнесъ взволнованнымъ голосомъ: «А это оттого, что въ наше время исчезаетъ уваженіе къ старшимъ, почтеніе къ начальникамъ!» Въ другой разъ тотъ же начальникъ посѣтилъ классъ исторіи: воспитанница отвѣчала изъ французской исторіи и упомянула о томъ, что парламентъ потерялъ свое значеніе, когда было созвано національное собраніе. Членъ по учебной части, ежедневно читавшій газету *Le Nord*, и слѣдовательно имѣвшій понятіе о современныхъ парламентахъ, замѣтилъ, по обыкновенію, сурово и грозно, что воспитанница дѣлаетъ различіе тамъ, гдѣ его дѣлать не слѣдуетъ, и что національное собраніе и парламентъ одно и то же. Изумленная воспитанница смотрѣла то на учителя, то на генерала въ какомъ-то странномъ недоумѣніи; самъ учитель сконфузился: поправить его превосходительство неловко, оставить воспитанницу въ непріятномъ положеніи недобросовѣстно; наконецъ онъ рѣшился принять сторону послѣдней и объяснилъ, обращаясь, разумѣется, къ воспитанницѣ, значеніе парламента во Франціи до 1789 года и значеніе національнаго собранія. Воспитанницы невольно переглянулись съ улыбкой, а членъ, бросивъ юпитеровскій взглядъ на сконфуженнаго учителя, долженъ былъ выйдти изъ класса.

Въ другомъ институтѣ, членъ по учебной части приписалъ оду *Богъ* Ломоносову и сдѣлалъ строгое замѣчаніе воспитанницамъ за то, что онѣ этого не знаютъ. Отъ учителя ариѳметики онъ требовалъ «не высшихъ взглядовъ, но *утилитарной пользы*»; въ классѣ физики, гдѣ рѣчь шла о явленіяхъ *газообразныхъ*, онъ не разслушалъ послѣдняго слова и сталъ грозно допрашивать воспитанницу, «что такое явленіе *безобразное*», и гнѣвался, что ему не отвѣчаютъ, до тѣхъ поръ, пока учитель

Digitized by Google

не объяснилъ ему въ чемъ дѣло. Что же мудренаго, что инспекторы, избранные такими членами по учебной части, въ свою очередь спрашиваютъ воспитанницъ на экзаменѣ, при какомъ римскомъ императорѣ жилъ Лукуллъ, или торжественно провозглашаютъ Гоголя писателемъ безнравственнымъ?

Положеніе инспектора должно быть самостоятельное; онъ приводитъ въ исполненіе всѣ распоряженія педагогическаго совѣта и служитъ представителемъ учителей передъ начальствомъ. Личнаго произвола и фантазіи предположить въ немъ нельзя; вышедшій изъ сословія учителей, съ перспективой возвратиться снова въ прежнее званіе, онъ будетъ дѣйствовать умѣренно и благоразумно, подъ контролемъ своихъ товарищей. Назначеніе новыхъ учителей принадлежитъ ему, съ разрѣшенія педагогическаго совѣта; предварительное испытаніе необходимо для каждаго, и мы думаемъ, что вообще предложенія г. Гаярина (1) относительно учителей гимназіи могутъ быть приняты съ успѣхомъ и въ институтахъ. До сихъ поръ учителя въ институтахъ получаютъ плату за каждый урокъ, такъ что одному учителю случается получать до 1500 руб., другому по 100 руб., и все это зависитъ отъ произвола начальниковъ; угодно члену по учебной части, начальницѣ, инспектору, отнять, по какимъ-нибудь соображеніямъ, нѣсколько часовъ у одного учителя и отдать ихъ другому, они это дѣлаютъ безостановочно: какъ, почему?—это остается тайной и для воспитанницъ и для самихъ учителей.

Положеніе учителя далеко не обезпечено въ матеріяльномъ отношеніи, и что же удивительнаго, что учитель, обремененный семействомъ, цѣлый день ѣздитъ по урокамъ, и едва раздается звонокъ, опрометью бѣжитъ изъ института? Возможно ли существовать иначе учителю при нынѣшней страшной дороговизнѣ на жизненныя потребности? Ужь не послушаться ли ему одного великаго педагога и не обречь ли себя на безбрачіе (2)? Не гораздо ли лучше и проще обезпечить учителя, не заставляя его работать черезъ силу? Повѣрьте, что бо́льшая часть учителей, получая достаточное обезпеченіе и не обременяя себя трудомъ сверхъ силъ, совершенно посвятятъ себя заведенію, особенно если у нихъ будетъ въ виду поря-

(1) *Русскій Вѣстникъ*. 1858 года № 22.

(2) *Атеней*, 1858 г., часть 5. стр. 470 и 471. Полагаемъ, что таковъ смыслъ укора, заключающійся въ намекѣ г. Некрасова.

Digitized by Google

дочная пенсія, то-есть кусокъ хлѣба подъ старость. Право, расходы на это не такъ велики, и положеніе преподавателей стóитъ того, чтобы подумать о немъ серіозно. Отъ числа уроковъ зависитъ пенсія, то-есть предметъ всѣхъ желаній учителя, мимо котораго мелькаютъ, не касаясь его, повышенія, награды, которыя падаютъ на долю болѣе счастливыхъ (учитель можетъ получить награду по прошествіи трехъ лѣтъ отъ 80 до 150 руб. сер.), и эта пенсія не опредѣлена и зависитъ также отъ произвола (1). При томъ увольненіе стараго учителя и опредѣленіе новаго считается дѣломъ до такой степени ничтожнымъ, что на это почти никто не обращаетъ вниманія. Жалованье учителей, какъ мы сказали выше, зависитъ отъ числа уроковъ; уроки продолжаются $1^1/_2$ часа и ихъ бываетъ по 4 въ день; слѣдовательно *maximum* уроковъ 24; цѣнятся они, смотря по классамъ, отъ 50 до 80 руб. сер. въ годъ; послѣдняя плата рѣдкая, такъ что общею нормой можно принять 60 руб.; по этому учитель, занимающій 24 урока въ недѣлю или шесть часовъ въ день, можетъ получать 1440 руб. въ годъ, и это жалованье, по прошествіи 25 лѣтъ, обращается въ пенсію. Чего же хотѣть больше? скажутъ многіе; но я попрошу принять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства: 1) 24 урока въ недѣлю едва ли возможны для преподавателя добросовѣстнаго; они занимаютъ у него лучшее время дня, отъ 9 до 12 часовъ и отъ 2 до 5 по старому положенію, или отъ $8^1/_2$ до $11^1/_2$ утра и отъ 1 часа до 4 по новому, такъ что ему не останется времени для серіознаго занятія дома; каждый преподаватель знаетъ, къ чему человѣкъ становится способенъ послѣ четырехъ уроковъ въ день. 2) 24 уроковъ въ недѣлю постоянно въ продолженіи 25 лѣтъ въ одномъ заведеніи до сихъ поръ не получалъ еще никто, сколько намъ извѣстно, если же какой-нибудь избранникъ и достигъ этой обѣтованной цифры, то, конечно не ранѣе половины своей учительской карьеры, а такъ какъ пенсія дается по разчету за всѣ года, то и получить онъ можетъ отъ 600 до 1000, и то только избранникъ! Большинство же учителей имѣетъ по 10 уроковъ, по 6, по 4, и даже по 2 въ разныхъ заведеніяхъ; какова же должна быть ихъ пен-

---

(1) Пенсія учителю назначалась прежде по числу уроковъ, которые онъ занималъ въ послѣднія пять лѣтъ; теперь она назначается по среднему выводу изъ общей сложности этихъ уроковъ, въ продолженіи всей его службы.

Digitized by Google

сія? Мнѣ кажется, если требовать отъ учителя добросовѣстнаго исполненія, свидѣтельствъ о болѣзни при манкировкѣ, вычитать за эту манкировку безъ свидѣтельства пеню изъ его скуднаго жалованья, то не худо было бы и позаботиться о его будущности. Положимъ, что два учителя занимаются однимъ и тѣмъ же предметомъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ по 10 уроковъ; выбываетъ одинъ, почему бы не предложить вакантныхъ уроковъ остающемуся, который считается достойнымъ? Нѣтъ надобности будетъ назначать новаго, этотъ остающійся учитель нисколько не обремененъ этимъ; извѣстно, что у остающагося учителя въ другихъ заведеніяхъ есть уроки, и новаго приглашаютъ также изъ другаго заведенія (1). Отъ этого никогда учитель не бываетъ привязанъ къ заведенію, и старается занять мѣста въ двухъ-трехъ институтахъ и вѣдомствахъ: откажутъ въ одномъ, останется другое.

Повторимъ еще, единственное средство возвысить званіе учителей и слѣдовательно учебную часть состоитъ въ томъ, чтобъ ограничить вліяніе членовъ по учебной части и начальницъ. Въ главѣ учебной части должны стоять педагогическій совѣтъ и инспекторъ, избираемый учителями; учители должны пользоваться всѣми преимуществами служащихъ по заведеніямъ, получать штатное жалованье, имѣть право на пятилѣтія, однимъ словомъ не представлять собою какихъ-то наемниковъ, которые сегодня получаютъ 100 руб., завтра 1000, послѣзавтра опять 100 (2). Мы предполагаемъ полезнымъ слѣдующее распредѣленіе дѣятельности, правъ и обязанностей преподавателей въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ:

1) Учителя назначаются преимущественно изъ окончившихъ

---

(1) Обыкновенно, въ оправданіе подобныхъ распоряженій, начальствующія лица опираются на то, что въ случаѣ болѣзни учителя (если онъ одинъ), всѣ классы будутъ пусты въ часы, назначенные для его уроковъ; эта нелѣпая причина не требуетъ опроверженія: какъ будто классы будутъ идти успѣшнѣе, если изъ двухъ учителей одинъ занеможетъ сегодня, а другой завтра!

(2) Мы далеки отъ того, чтобы видѣть что-нибудь предосудительное въ платѣ за уроки; каждый добросовѣстный трудъ заслуживаетъ сочувствія и уваженія, тѣмъ болѣе трудъ педагогическій, но долго еще у насъ не установится это мнѣніе, принятое во всѣхъ образованныхъ странахъ. Предполагаемое нами измѣненіе учительскаго содержанія оградитъ учителей отъ произвола и подниметъ ихъ въ глазахъ тѣхъ, которые до сихъ поръ говорятъ: «нанять учителя», «прогнать учителя».

Digitized by Google

курсъ воспитанниковъ университета, съ тѣмъ однако же, чтобъ они представили въ педагогическій совѣтъ института сочиненія, статьи, разсужденія (писанныя или печатныя) о предметѣ своего преподаванія.

2) Учителя раздѣляются на старшихъ и младшихъ; при поступленіи преподавателемъ въ заведеніе, учитель получаетъ званіе младшаго, въ которомъ остается не менѣе пяти лѣтъ; если, по прошествіи этого срока, совѣтъ найдетъ его достойнымъ повышенія, то онъ получаетъ званіе старшаго, посредствомъ баллотировки, если есть вакансія (число младшихъ и старшихъ учителей должно быть опредѣлено).

3) Каждый учитель долженъ занимать не болѣе двѣнадцати уроковъ въ недѣлю и служить исключительно въ одномъ заведеніи; содержаніе младшему учителю необходимо положить 700 руб., старшему 1000 руб. Но принимая въ соображеніе увеличеніе пенсіи черезъ каждое пятилѣтіе, не все это содержаніе должно считать жалованьемъ, по которому идутъ пятилѣтія и пенсіи, а одну часть этого содержанія (напримѣръ 200 р. для младшаго и 250 для старшаго учителя) слѣдуетъ назвать квартирными деньгами, съ которыми не сопряжены пенсіи. Сверхъ того, старшій учитель, удостоенный избранія въ инспекторы, получаетъ добавочнаго содержанія 500 руб.; половина этой суммы присоединяется навсегда къ его жалованью, по окончаніи имъ инспекторскаго служенія, и обращается ему въ пенсію; прослужившій два выбора получаетъ полный прибавокъ къ жалованью. Старшій учитель, избранный въ помощники инспектора, получаетъ добавочныхъ 300 р. съ тѣми же правами. Если потребуетъ необходимость, чтобы число уроковъ котораго-нибудь учителя было временно увеличено, то онъ долженъ получать добавочную плату по разчету, и эта добавочная плата ни въ какомъ случаѣ не должна обращаться въ пенсію.

Обезпеченіе учителей въ ихъ содержаніи доставитъ имъ возможность посвящать себя исключительно одному заведенію. Каждый учитель долженъ, по порученію совѣта, исполнять все, что необходимо по его части; заниматься составленіемъ руководствъ, учебныхъ пособій, и слѣдить по возможности за развитіемъ своей науки. Библіотека заведенія, поручаемая поочередно каждому изъ учителей, должна обогащаться книгами и журналами, существенно полезными для заведенія; никто изъ постороннихъ не долженъ вмѣшиваться въ распоряженіе совѣта;

Digitized by Google

каждый изъ учителей обязанъ, съ одобренія совѣта, выбирать книги для чтенія воспитанницамъ, сообразныя съ ихъ возрастомъ и степенью развитія.

Такое устройство учебной части, какъ видите, очень просто и нисколько не сложно. При самостоятельности педагогическаго совѣта, исчезнутъ притязанія членовъ по учебной части, инспекторовъ и начальницъ, которые всѣ вмѣстѣ стѣсняютъ преподавателей и поселяютъ въ нихъ охлажденіе къ своему дѣлу. Ничто не дѣйствуетъ такъ раздражительно на нервы, какъ присутствіе въ классѣ такихъ лицъ, которыя, ничего не понимая, ловятъ слова учителя и воспитанницы, для того, чтобы потомъ показать свое могущество выговорами или одобреніемъ. Сколько умныхъ и даровитыхъ преподавателей оставляютъ институты именно вслѣдствіе этого безполезнаго контроля! Намъ часто случалось слышать жалобы, что трудно найдти хорошихъ преподавателей,—да, дѣйствительно трудно, по вышесказаннымъ причинамъ; молодой человѣкъ, окончившій университетскій курсъ, поступаетъ въ званіе учителя, какъ въ состояніе переходное, и, при первомъ удобномъ случаѣ, оставляетъ его для университетской каѳедры или для поступленія въ гражданскую службу; остаются только тѣ, которые или неспособны ни къ чему, или въ ранней молодости завелись семействомъ и должны давать уроки съ утра до ночи, для того чтобы жена и дѣти не умерли съ голоду; какъ же тутъ требовать энергіи, любви къ дѣлу, добросовѣстности занятій?

При настоящихъ условіяхъ не только трудно, но даже не возможно найдти хорошихъ преподавателей, и если учители, окончившіе курсъ въ университетахъ, не удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, то еще менѣе удовлетворяютъ имъ иностранцы,—учители языковъ нѣмецкаго и французскаго. Мы не понимаемъ, съ какою цѣлію избираютъ преподавателями иностранныхъ языковъ непремѣнно иностранцевъ, тогда какъ опытъ доказываетъ, что они-то самые плохіе преподаватели. Это дѣлается для того, конечно, чтобы воспитанницы пріобрѣтали хорошій выговоръ,—это главное, а остальное все считаютъ второстепеннымъ (1). Замѣтимъ при томъ, что учителями Французами дорожатъ гораздо больше чѣмъ учителями Нѣмцами. (Послѣднихъ много у

(1) Замѣтимъ, что даже и эта цѣль не достигается: если дѣвица не успѣла пріобрѣсти хорошаго выговора дома, то въ институтѣ никогда не пріобрѣтаетъ его.

Digitized by Google

насъ въ Остзейскихъ губерніяхъ!) Далеко отъ насъ то время, когда Фонъ-Визинъ выставлялъ въ своемъ *Недорослѣ* иностранца, попавшаго изъ кучеровъ въ учителя, и предавалъ осмѣянію невѣжество своихъ современниковъ, поручавшихъ дѣтей такимъ наставникамъ; такъ говоримъ мы очень часто, а между тѣмъ поручаемъ классы нашихъ заведеній Французамъ, которые можетъ-быть и не были кучерами, но изумляютъ насъ своимъ невѣжествомъ (1); мало этого, имъ даже поручаютъ должности инспекторовъ.

Можетъ-быть намъ скажутъ, что нѣтъ суммъ, на которыя бы можно было увеличить жалованье учителямъ; мы скажемъ, что, сокративъ излишніе расходы, не трудно найдти небольшую сумму, которая потребуется для добавочнаго жалованья. Вѣдь нашлась же сумма несравненно бо́льшая для прибавки жалованья по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія? Желательно было бы найдти такую же и для женскихъ учебныхъ заведеній. Жалованье инспектора и его помощника можетъ быть распредѣлено на учителей; жалованье учителей искусствъ можетъ быть значительно сокращено; званіе наблюдателей или инспекторовъ музыки совершенно упразднено. Есть институты, въ которыхъ танцмейстеръ получаетъ 140 и 150 руб. за годовый урокъ, тогда какъ въ томъ же заведеніи всѣ учителя получаютъ за такой же урокъ 50, 60 и никакъ не болѣе 70 рублей! Неужели же танцы составляютъ самый важный предметъ въ дѣлѣ воспитанія? А расходы на публичные экзамены,— это повтореніе затверженныхъ отвѣтовъ передъ лицомъ посѣтителей, а экстренные обѣды, а большія суммы, выдаваемыя членамъ по учебной части, инспекторамъ и даже старшимъ врачамъ, командируемымъ для осмотра заведеній и поѣздокъ за границу?

Всѣ эти деньги, конечно, могли бы покрыть издержки на прибавочное жалованье учителямъ.

Вотъ предположенія, которыя мы сочли долгомъ своимъ высказать на первый разъ; не выдаемъ ихъ за непогрѣшительныя, но полагаемъ, что они будутъ не безполезны, если на нихъ

---

(1) Эти учителя иностранцы замѣчательны своею алчностью къ пріобрѣтенію; нѣкоторые изъ нихъ безъ всякой необходимости даютъ уроки съ восьми часовъ утра до десяти вечера; на вопросъ, сдѣланный одному изъ нихъ, «когда же онъ обѣдаетъ?» иностранецъ учитель отвѣчалъ: *Parbleu! je mange chemin faisant un saïka, et je dine à 10 heures du soir!*

Digitized by Google

остановитъ вниманіе кто-нибудь, принимающій близко къ сердцу состояніе женскихъ учебныхъ заведеній и имѣющій возможность содѣйствовать улучшенію быта дѣтей, которыя получаютъ въ нихъ свое образованіе. Можетъ-быть статья наша вызоветъ возраженія и замѣчанія, — дай Богъ! Пусть каждый выскажетъ свое мнѣніе; польза будетъ несомнѣнная, уже потому одному, что

Du choc des opinions jaillit la vérité.

Г. Головачовъ.

Digitized by Google

АНГЛІЙСКІЕ СУДЫ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Выѣхавъ изъ Петербурга въ половинѣ мая настоящаго года, я старался проѣхать какъ можно скорѣе черезъ Германію, чтобы не опоздать къ лондонскому лѣтнему сезону. Вопреки обычаю русскихъ путешественниковъ, отправляющихся въ первый разъ за границу, я рѣшился даже не заѣзжать въ Парижъ и избралъ прямой путь въ Англію черезъ Бельгію. Въ Брюсселѣ я познакомился съ Англичаниномъ, который посовѣтовалъ мнѣ ѣхать на одномъ изъ пароходовъ вновь устроенной частной компаніи, отправляющихся изъ Антверпена прямо въ Лондонъ. Благодаря этому совѣту, я совершилъ самое пріятное и самое удобное морское путешествіе, какого только можно пожелать.

Удобство состоитъ въ томъ, что пароходъ приходитъ прямо въ Лондонъ, и такимъ образомъ путешественникъ избавляется отъ непріятной необходимости переходить изъ корабля въ вагонъ и подвергать свои вещи таможенному осмотру въ Дуврѣ. Притомъ путешествіе на пароходѣ изъ Антверпена стóитъ всего 40 франковъ, почти вдвое дешевле всякаго другаго переѣзда. Хотя переѣздъ изъ Антверпена въ Лондонъ требуетъ 18 часовъ времени, но морское путешествіе

Digitized by Google

продолжается только 9 часовъ, такъ какъ остальные 9 часовъ проходятъ въ чрезвычайно-пріятной прогулкѣ въ началѣ по Шельдѣ, а въ концѣ по Темзѣ. Пароходы частной компаніи очень-велики и чрезвычайно-удобны. Этому удобству я вѣроятно обязанъ тѣмъ, что, будучи въ первый разъ въ морѣ, я нисколько не страдалъ морскою болѣзнію, которая, какъ извѣстно, сильно свирѣпствуетъ въ бурномъ Ла-Маншѣ. Проснувшись въ 5 часовъ утра, я поспѣшилъ на палубу, надѣясь полюбоваться берегами Темзы и видомъ Лондона. Но къ сожалѣнію, я не могъ видѣть ничего, кромѣ густаго тумана. Лондонъ представлялся въ видѣ огромнаго чернаго пятна; мелкій дождь и холодный вѣтеръ увеличивали непріятное ощущеніе, производимое туманомъ. Будучи напуганъ въ Бельгіи дороговизною лондонскихъ гостиницъ, я остановился въ квартирѣ со столомъ (boarding house), въ одной изъ лучшихъ улицъ города. Эти boarding houses отличаются своею дешевизной и необыкновенною чистотой. Хотя они и напоминаютъ нѣсколько времени дѣтства и пансіонской жизни, но за то они даютъ возможность короче узнать нравы и обычаи Англичанъ.

Я былъ пораженъ необыкновеннымъ движеніемъ въ западной части Лондона, гдѣ я остановился. Кареты, коляски, омнибусы, телѣги съ тяжестями, экипажи всевозможнаго вида, все это смѣняется одно другимъ съ необыкновенною быстротой и шумомъ, производящимъ совершенно новое и довольно тяжелое впечатлѣніе. Но это движеніе почти ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, которое продолжается съ утра до ночи въ Сити (City), торговой части Лондона. Такое движеніе возможно только въ Лондонѣ, гдѣ, какъ извѣстно, числится въ настоящее время болѣе $2^1/_2$ милліоновъ жителей (то-есть народонаселеніе, чуть ли не превосходящее число жителей Парижа, Петербурга, Берлина и Вѣны, взятыхъ вмѣстѣ), тринадцать тысячъ улицъ и до трехъ сотъ тысячъ домовъ.

Иностранецъ, пріѣзжающій сюда на короткое время, какъ обыкновенно случается съ большею частію русскихъ путешественниковъ, не можетъ вынести вѣрнаго понятія о Лондонѣ, и такимъ образомъ лишаетъ себя большаго наслажденія, доставляемаго лондонскою жизнію, когда съ нею свыкнешься. Описать Лондонъ во всѣхъ его подробностяхъ нѣтъ никакой возможности. Хотя въ нашихъ журналахъ нерѣдко печатались письма изъ Лондона, но письма эти, конечно, не могутъ дать полнаго и вѣрнаго понятія объ оригинальной столицѣ Англіи.

Digitized by Google

Каждый путешественникъ описываетъ Лондонъ съ своей точки зрѣнія и останавливается преимущественно на тѣхъ частяхъ, которыя болѣе занимаютъ его.

Лондонъ прежде всего поражаетъ необыкновенною солидностію и серіозностію, если можно такъ выразится, своихъ громадныхъ зданій. Въ этихъ зданіяхъ выражается, какъ мнѣ кажется, общій характеръ народа, презирающаго внѣшность и форму и заботящагося только о сущности. Въ наружной отдѣлкѣ домовъ не замѣтно ни малѣйшей изысканности; все просто, естественно, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественно. Съ перваго взгляда кажется, что зданіе мрачно и некрасиво, но чѣмъ болѣе всматриваешься въ него, тѣмъ болѣе находишь прелести въ этой гордой безыскусственности и простотѣ. Самое красивое зданіе въ Лондонѣ и, вѣроятно, одно изъ самыхъ красивыхъ въ мірѣ есть, конечно, парламентъ, возобновленный, какъ извѣстно, послѣ пожара въ 1836 году. Но самое величественное зданіе, по моему мнѣнію, Вестминстерское аббатство. Въ числѣ благодѣтельныхъ особенностей Лондона нельзя не обратить вниманіе на обиліе парковъ и окруженныхъ рѣшетками садиковъ, находящихся на многочисленныхъ площадяхъ города (square), которыхъ здѣсь считается болѣе ста. Такимъ образомъ очищается воздухъ во всемъ вообще городѣ, и бѣдные жители, не имѣющіе средствъ ѣхать за городъ, имѣютъ возможность дышать свѣжимъ воздухомъ, пользуясь свободнымъ входомъ во всѣ парки. Въ Гайдъ-Паркѣ гуляетъ большею частію высшее общество въ великолѣпныхъ экипажахъ и разъѣзжаютъ кавалькады дамъ и мущинъ. Тамъ въ хорошую погоду можете встрѣтить до тысячи амазонокъ, изъ которыхъ почти половина красавицы. Вообще красота составляетъ отличительное свойство Англичанокъ всѣхъ классовъ общества. Въ паркахъ, въ театрахъ, на улицахъ, вездѣ безпрерывно встрѣчаешь женщинъ чрезвычайно красивыхъ, что̀ при лондонскомъ уличномъ движеніи сопряжено съ большою опасностію. Случаи давки людей на улицахъ бываютъ здѣсь довольно часто, и потому надо стараться не засматриваться на хорошенькихъ леди. Я самъ былъ свидѣтелемъ какъ въ Гайдъ-Паркѣ двѣ дамы, ѣхавшія въ коляскѣ и сами правившія лошадьми, задавили женщину съ грудным ребенкомъ въ то время, какъ она переходила аллею. Передъ тѣмъ, какъ это случилось, около того мѣста не было видно никого изъ полицейскихъ; но какъ только женщина упала и

Digitized by Google

выронила ребенка, полисменъ какъ будто выросъ мгновенно изъ земли и остановилъ лошадей. Записавъ фамилію и мѣстожительство неосторожныхъ леди, онъ попросилъ ихъ выѣхать изъ круга, а ребенка отнесъ въ ближайшую больницу. При этомъ случаѣ не могу не упомянуть о лондонской полиціи. Отличительное свойство ея состоитъ въ томъ, что она не притѣсняетъ и не пугаетъ жителей, а дѣйствительно охраняетъ ихъ. Полисменъ является всюду какъ защитникъ притѣсняемаго или помощникъ нуждающемуся, и только въ случаѣ дѣйствительной необходимости. Дѣятельность полисменовъ доходитъ до баснословныхъ размѣровъ; мнѣ кажется, что трудно придумать вознагражденія за такую неутомимую службу, но безъ сомнѣнія, главнымъ двигателемъ въ дѣятельности полисменовъ является не жалованье, довольно скромное, которое они получаютъ, но сознаніе долга и доброе имя, которое они стараются пріобрѣсть. Послѣ Гайдъ-Парка замѣчательнѣе другихъ Сентъ-Джемскій паркъ и Реджентсъ-Паркъ. Тутъ во множествѣ встрѣтите рабочихъ и бѣдныхъ людей съ женами и дѣтьми; публика пользуется полною свободой гулять по всѣмъ лугамъ парка, которые очень велики и роскошны. Стада овецъ, разсыпанныя по полямъ парка, придаютъ ему еще болѣе прелести. Тотчасъ за Реджентсъ-Паркомъ находится зоологическій садъ со всевозможными звѣрями, рыбами и птицами. Садъ этотъ, какъ извѣстно, по устройству и богатству содержанія лучше всѣхъ другихъ европейскихъ садовъ этого рода. Загородныхъ увеселительныхъ мѣстъ, подобныхъ нашимъ Monde Brillant, Излеру и пр., здѣсь относительно количества жителей очень мало. Чаще всего бываетъ музыка и гулянье въ знаменитомъ Кристальномъ Дворцѣ, который, какъ извѣстно, былъ выстроенъ въ Гайдъ-Паркѣ для всемірной выставки, но потомъ перенесенъ за двадцать верстъ отъ города. Кромѣ Кристальнаго Дворца, гулянья бываютъ въ ботаническомъ саду (Kew garden) и въ Виндзорѣ (Windsor), гдѣ находится знаменитый древній замокъ, мѣстопребываніе королевы въ извѣстное время года. Люди недостаточные, рабочіе, торговцы и служащіе собираются большею частію въ Кремориомъ саду (Cremorn garden), единственномъ увеселительномъ мѣстѣ, въ Лондонѣ, которое напоминаетъ петербургскія загородныя гулянья. Здѣсь бываютъ каждый вечеръ, кромѣ, конечно, воскресенія (1), увеселитель-

(1) Въ воскресеніе всякаго рода общественныя увеселенія строго запрещены. Въ церквахъ богослуженіе бываетъ три раза въ день.

Digitized by Google

ные вечера съ музыкою, танцами и фейерверкомъ. За входъ платится шиллингъ, то-есть 30 коп. сер., освѣщеніе великолѣпное, оркестръ очень порядочный, фейерверкъ превосходный. Публики собирается очень много. Дамы большею частію легкаго поведенія, то же что наши камеліи высшаго разряда. Отъ такого общества, казалось бы, можно было бы ожидать различныхъ неприличныхъ выходокъ и непріятныхъ исторій. Но Англичане всегда и вездѣ приличны и вѣжливы. Дамы такъ хорошо держатъ себя, что вновь пріѣзжающій иностранецъ, конечно, ни какъ бы не могъ догадаться, къ какому разряду общества онѣ принадлежатъ. Въ Кремлорнскомъ саду нельзя увидѣть даже такіе танцы, какіе допускаются у насъ на Михайловскомъ театрѣ; Англичане сочли бы это слишкомъ *shocking* и несообразнымъ съ достоинствомъ женщины. Легкіе танцы допускаются только въ такихъ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ зрителями бываютъ одни мущины. Такихъ мѣстъ здѣсь довольно много; они большею частію находятся на Лестерскомъ скверѣ (Leicester square), населяемомъ преимущественно иностранцами. Въ огромной залѣ устроена сцена и мѣсто для зрителей; оркестръ всегда бываетъ очень порядочный; въ иныхъ мѣстахъ только фортепьяно. Представленія большею частію состоятъ изъ легкихъ танцевъ, комическихъ пѣсенъ, живыхъ картинъ и фокусовъ. Замѣчательнѣе другихъ London Eldorado, Музыкальная зала и Савильская зала, (Saville Hall). Входъ вездѣ безплатный, но нужно спросить пива или вообще доставить какую бы то ни было прибыль содержателю кофейни, чѣмъ выручаются всѣ расходы по содержанію увеселительнаго заведенія. Дамы бываютъ только на хорахъ за занавѣсью, и потому увеселеніе принимаетъ такой характеръ, какъ будто бы ихъ вовсе не было въ залѣ. Впрочемъ, и въ этихъ мѣстахъ Англичане соблюдаютъ полное приличіе. Глубокое уваженіе къ личности другаго выражается здѣсь такъ же какъ и въ великолѣпныхъ залахъ Ковентгарденскаго и Королевскаго театровъ. Въ Савильской залѣ я видѣлъ господина, который въ прежнее время располагалъ милліонами. Онъ промотался, и теперь съ удивительнымъ искусствомъ подражаетъ пѣнію птицъ.

Говоря о лондонскихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, нельзя не упомянуть о тавернахъ, которыя лучше всего знакомятъ иностранца съ низшими общественными разрядами. Такихъ таверенъ очень много. Увеселенія приспособлены къ наклонно-

Digitized by Google

стямъ обычной публики. Въ иныхъ тавернахъ, какъ напримѣръ Коль-Голь (Coal въ Hole-Tavern), знаменитый буфъ Никольсонъ играетъ роль президента суда, а различные любители принимаютъ на себя роль присяжныхъ и адвокатовъ. Вымышленные процессы бываютъ почти всегда самаго скандалезнаго содержанія: невѣрность жены, несостоятельность мужа—обыкновенный предметъ уголовнаго дѣла (1). Въ другихъ тавернахъ бываютъ разныя серіозныя пренія. Изъ такихъ тавернъ лучшія: Discussion Hall и Jerusalem-Tavern. Здѣсь образуются молодые ораторы, которые иногда играютъ въ послѣдствіи важную роль на дѣйствительныхъ митингахъ.

Для лицъ высшаго общества существуетъ множество другихъ, болѣе роскошныхъ увеселительныхъ заведеній. На первомъ планѣ стоятъ, конечно, театры и музыкальныя залы, которыхъ здѣсь очень много. Главныхъ театровъ двѣнадцать, а изъ залъ больше всѣхъ Сентъ-Джемская (St. James Hall). Опера бываетъ только во время лѣтняго сезона и состоитъ изъ артистовъ, заслужившихъ всемірную извѣстность. Англичане не отличаются, какъ извѣстно, особеннымъ музыкальнымъ слухомъ, и потому не имѣютъ довѣрія къ молодымъ талантамъ. Этимъ и объясняется причина постояннаго присутствія Маріо на лондонской сценѣ, хотя онъ давно уже потерялъ голосъ, въ чемъ я недавно убѣдился, слышавши его въ *Гугенотахъ*. Въ знаменитомъ септуорѣ втораго акта, Маріо не перешелъ Рубикона партіи Рауля и издалъ такую непріятную ноту, что даже Англичане, забывъ уваженіе къ музыкальному авторитету, ошикали своего любимца. Гризи до сихъ поръ хороша, хотя также значительно утратила голосъ; ее здѣсь очень любятъ; въ тотъ вечеръ, о которомъ я говорю, дилеттанты Ковентгарденскаго театра поднесли ей множество букетовъ. Изъ другихъ артистовъ Ковентгарденскаго театра не могу не упомянуть о Форѣ (я никогда не слышалъ такого звучнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ такого мягкаго, пріятнаго голоса), и о Міоланъ-Корвало, отлично исполнившей партію королевы.

Въ Сентъ-Джемской залѣ бываютъ концерты италіянскихъ и англійскихъ артистовъ; послѣдніе поютъ обыкновенно довольно

---

(1) Я былъ при этомъ пораженъ тѣмъ, что на шуточныхъ представленіяхъ свидѣтели *присягаютъ*, что кажется мнѣ несообразнымъ съ тою строгостію, которая здѣсь соблюдается относительно внѣшнихъ правилъ религіи.

Digitized by Google

плохо, но публика всегда очень многочисленна, потому что Англичане считаютъ долгомъ покровительствовать таланту своихъ соотечественниковъ. На одномъ изъ такихъ посредственныхъ концертовъ, гдѣ присутствовали многія лица высшаго общества, мнѣ невольно пришла въ голову мысль, почему у насъ высшее общество не снисходитъ до покровительства нашимъ молодымъ артистамъ. Наше высшее общество, какъ извѣстно, почти никогда не удостоиваетъ своего посѣщенія даже оперы русской, мало интересуется безсмертною музыкою Глинки и нашими артистами, которые, конечно, не хуже англійскихъ. Спрашивается, каковъ былъ бы въ Петербургѣ успѣхъ концерта, составленнаго изъ малоизвѣстныхъ русскихъ талантовъ? Можно смѣло отвѣчать, что зала такого концерта была бы почти совершенно пуста. Отчего происходитъ такое равнодушіе къ національнымъ талантамъ, къ національной музыкѣ, при полныхъ средствахъ и возможности содѣйствовать ихъ развитію?

Я ѣхалъ въ Англію въ полной увѣренности встрѣтить тамъ эгоизмъ, холодность и чуть не грубость въ обращеніи съ иностранцами. Но вскорѣ по прибытіи, я совершенно разубѣдился въ этомъ. Англичане кажутся эгоистами и холодными только потому, что они не сообщительны и избѣгаютъ излишнихъ разговоровъ. Они не тратятъ времени попустому. Всякій ѣдетъ или идетъ по городу съ извѣстною цѣлію и съ заранѣе-составленнымъ планомъ на цѣлый день. Вслѣдствіе того, у нихъ, конечно, нѣтъ охоты пускаться въ безплодные разговоры о погодѣ и увеселеніяхъ. Потому иностранцы сами должны избѣгать всякихъ излишнихъ вопросовъ. Но всякій разъ, когда случалось мнѣ обращаться съ разспросами на улицѣ, я всегда получалъ удовлетворительные и обязательные отвѣты. Конечно, на дебаркадерахъ желѣзныхъ дорогъ, нужно ограничиваться просьбой дать билетъ, и, заплативши деньги, поспѣшно удаляться отъ кассы. Кассиру нѣтъ возможности объяснять каждому, что̀ стоитъ билетъ, сколько разъ въ день идетъ поѣздъ, и т. д. Еслибъ онъ отвѣчалъ на всѣ эти вопросы, то половина пассажировъ опоздала бы къ поѣзду. Смотря на быстроту, съ которою англійскій кассиръ раздаетъ билеты, я невольно вспомнилъ разговоры, которые мнѣ случалось слышать на Царскосельской желѣзной дорогѣ между кассиромъ и пассажирами. Помню, какъ одна дама, съ тремя мѣшками и двумя дѣтьми, спрашивала у кассира, въ которомъ часу идетъ поѣздъ прямо въ Павловскъ? «Сію минуту,» отвѣчаетъ кассиръ.—«Я

Digitized by Google

не могу ѣхать сію минуту, продолжаетъ дама:—я должна прежде получить свои остальныя вещи. Когда идетъ слѣдующій поѣздъ?»—«Въ половинѣ девятаго,» отвѣчаетъ кассиръ.—«А раньше не идетъ?» съ упорствомъ продолжаетъ дама. Спрашивается, какое земное существо, обреченное на должность кассира, не выйдетъ изъ себя отъ подобныхъ вопросовъ? Что же было бы, еслибы дама, о которой я говорю, ѣхала изъ Лондона, хотя напримѣръ, въ Кристальный дворецъ въ числѣ тридцати тысячъ пассажировъ, и обратилась бы къ кассиру съ подобными вопросами? Вообще, въ Англіи надо какъ можно скорѣе отучиться отъ подобныхъ привычекъ, вывозимыхъ изъ Россіи и происходящихъ отъ постоянной опеки, которую мы надъ собою чувствуемъ во всѣхъ отношеніяхъ общественной жизни. На Московской желѣзной дорогѣ, напримѣръ, кондукторы говорятъ пассажирамъ, когда надо сѣсть, обѣдать, пить чай; съ отеческою заботливостію объясняютъ, сколько времени поѣздъ простоитъ на такой-то станціи, послѣ какого звонка надо непремѣнно садиться и т. д. Въ Англіи такой опеки нѣтъ, и быть не можетъ. Здѣсь масса пассажировъ слишкомъ велика; нѣтъ никакой возможности учить каждаго, что, гдѣ, какъ и когда надо дѣлать, чего не дѣлать.

Вообще можно утвердительно сказать, что Англичане всегда обязательны въ случаѣ дѣйствительной нужды въ нихъ, и напротивъ не любезны, когда ихъ тревожатъ попустому. Въ подтвержденіе этого, я могу привести визитъ, сдѣланный мною одному лондонскому адвокату. Сперва онъ принялъ меня довольно холодно, несмотря на то, что я былъ рекомендованъ ему короткимъ его знакомымъ. Онъ очевидно думалъ, что я ищу во всемъ преимущественно удовольствія и желаю побывать въ судахъ, какъ на какомъ-нибудь театральномъ представленіи. Но когда я объяснилъ ему, что самъ служу по судебной части въ Россіи, и что часть эта меня болѣе всего интересуетъ, то онъ принялъ во мнѣ большое участіе, указалъ на всѣ лучшія сочиненія объ англійскихъ судебныхъ учрежденіяхъ и поручилъ одному изъ своихъ клерковъ показать мнѣ всѣ лондонскіе суды. Эта любезность со стороны адвоката принесла мнѣ большую пользу и значительно облегчила мнѣ дальнѣйшія изслѣдованія по судебной части въ Англіи.

Digitized by Google

I.

Изученіе системы англійскаго судопроизводства сопряжено съ большими затрудненіями и требуетъ много времени. Посѣщая постоянно въ теченіи трехъ недѣль лондонскіе суды и просматривая ежедневно нѣкоторыя книги, относящіяся къ этому предмету, я теперь только, кажется, начинаю понимать механизмъ устройства и внутренній смыслъ англійскихъ судовъ. Но основательное изученіе англійскихъ судебныхъ учрежденій не возможно безъ предварительнаго изученія всей вообще конституціи Англіи. Англійская конституція есть сердце англійскихъ учрежденій, дающее каждому изъ нихъ жизнь и смыслъ; безъ изученія этого сердца, конечно, нельзя вполнѣ понять и свойства остальныхъ составовъ Англіи. Мнѣ неоднократно случалось прежде слышать отзывы объ англійскомъ судѣ, какъ о самомъ сложномъ и даже нелѣпомъ изъ всѣхъ судовъ, существующихъ въ Европѣ. Отзывы эти, безъ сомнѣнія, основываются на сочиненіяхъ иностранныхъ писателей, не изучившихъ конституціи Англіи, и разсматривавшихъ ея судебныя учрежденія съ своей односторонней точки зрѣнія. Достаточно прочесть сочиненіе французскаго юриста Рея объ англійскихъ судебныхъ учрежденіяхъ (Rey, *Institutions judiciaires de l'Angleterre*), чтобы видѣть, въ какой степени иностранцы преувеличиваютъ все, что̀ кажется имъ дурною стороною и искажаютъ хорошую сторону англійскаго суда. Пользуясь полною гласностію англійскихъ журналовъ, изобличающихъ во всей подробности малѣйшіе недостатки всѣхъ вообще учрежденій Англіи, иностранные писатели спѣшатъ распространять подобныя свѣдѣнія съ прибавленіемъ, конечно, своихъ собственныхъ соображеній. Такимъ-то образомъ и составляется совершенно несправедливое понятіе объ англійскихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Digitized by Google

Англійскія судебныя учрежденія, дѣйствительно, сложны; но эта сложность объясняется сильнымъ развитіемъ жизни, торговли и промышленности. При ежедневномъ столкновеніи интересовъ между милліонами лицъ, занимающихся торговлей и разными промыслами въ Англіи, не можетъ быть такого простаго суда, который существовалъ въ блаженной Аркадіи, подъ сѣнію дуба. Конечно, и въ англійскихъ учрежденіяхъ, по несовершенству человѣческой природы, не можетъ не быть недостатковъ. Эти недостатки сознаются и самими Англичанами; но будучи по преимуществу народомъ практическимъ, они не рѣшаются дѣлать измѣненія путемъ теоріи, тѣмъ болѣе что всякая насильственная перемѣна въ какой бы то ни было отрасли учрежденій могла бы поколебать цѣлое устройство. Изъ этого, конечно, нельзя заключить, чтобы въ учрежденіяхъ Англіи не совершалось съ теченіемъ времени никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Такая неподвижность была бы не сообразна съ движеніемъ цивилизаціи. Представители народа имѣютъ законодательную власть и слѣдовательно полную возможность дѣлать измѣненія въ законахъ сообразно съ нуждами народа; но они пользуются этою властію только въ необходимыхъ случаяхъ, подчиняясь требованію общественнаго мнѣнія. Въ Англіи нѣтъ, какъ извѣстно, свода законовъ или кодекса; но законодательство этой страны идетъ постоянно впередъ, въ чемъ можно убѣдиться при одномъ обозрѣніи журналовъ. Поэтому знаменитыя комментаріи англійскаго юриста Блакстона, бывшіе прежде единственнымъ источникомъ для изученія законовъ, употребляются въ настоящее время въ университетахъ не иначе какъ съ дополнительными комментаріями новѣйшихъ англійскихъ юристовъ. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что новое постановленіе парламента обыкновенно служитъ только дальнѣйшимъ развитіемъ прежняго постановленія по тому же предмету, разъясненіемъ его смысла или дополненіемъ, сообразнымъ съ новымъ порядкомъ вещей.

Отсюда проистекаетъ та необыкновенная трудность изученія англійскаго законодательства, которая неизвѣстна юристамъ другихъ странъ Европы. Англійскій юристъ, стремящійся къ достиженію званія судьи, долженъ изучить безчисленныя постановленія парламента съ самыхъ древнихъ временъ, и потому приходитъ къ своей цѣли только послѣ многихъ лѣтъ, посвящен-

Digitized by Google

ныхъ тяжелому труду. Этимъ, конечно только отчасти, объясняется ограниченность числа судей въ Англіи и то огромное содержаніе, которое они получаютъ отъ правительства. Кромѣ того, они пользуются всеобщимъ уваженіемъ и неограниченнымъ правомъ рѣшать по своему усмотрѣнію, какое изъ безчисленныхъ парламентскихъ постановленій должно быть примѣнено къ данному случаю. Такой порядокъ вещей возможенъ, конечно, только въ Англіи, гдѣ сознаніе долга всасывается вмѣстѣ съ молокомъ матери, и гдѣ цѣлая страна слѣдитъ за всѣми дѣйствіями какъ правительства, такъ и суда. Во всякомъ другомъ государствѣ отсутствіе правильной рамки, ограждающей власть судьи, повлекло бы за собою большія злоупотребленія. Поэтому не удивительно, что иностранные писатели, мысленно примѣняя англійскія учрежденія къ своимъ странамъ, находятъ ихъ нелѣпыми.

Въ настоящее время я ограничусь только самымъ краткимъ указаніемъ на основный характеръ и оригинальную сторону англійскихъ судебныхъ учрежденій.

Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ Англіи судъ раздѣляется на два главные вида: вопервыхъ, судъ по *общему закону* (*common law*), и 2) судъ по *справедливости* (*equity*). Причина такого оригинальнаго раздѣленія суда и время его учрежденія скрываются въ туманѣ эпохи Норманновъ и Саксовъ. На практикѣ подсудность дѣлъ суду общаго закона и суду справедливости подвергалась въ теченіи вѣковъ различнымъ и весьма частымъ измѣненіямъ. Самое понятіе объ *equity* было объясняемо въ разныя времена совершенно различно. Собственно говоря, *equity* въ юридическомъ смыслѣ означаетъ *дополненіе* закона общимъ правиломъ справедливости, такъ какъ законъ положительный не можетъ разрѣшить всѣхъ случаевъ, возникающихъ на практикѣ (rectification or correction of justice). Бекономъ замѣтилъ, что нѣтъ такого закона подъ небомъ, который бы не нуждался въ дополненіи его справедливостію (equity). «Если примешь все, присовокупилъ Бекономъ, что дадутъ тебѣ всѣ буквы закона, то и тутъ иногда поступишь противъ закона.» Въ настоящее время *equity* принимается въ болѣе частномъ смыслѣ и означаетъ тѣ правила и бывшіе примѣры, которыми должны руководствоваться *суды справедливости* (courts of equity). Различіе между этими судами и судами *общаго закона* (courts of common law) можно въ общихъ чертахъ опредѣ-

Digitized by Google

лить такъ, что суду *закона* подлежатъ всѣ дѣла, по которымъ имѣются какія-либо формальныя доказательства къ отысканію или огражденію извѣстнаго права, а суду *справедливости* тѣ дѣла, по которымъ формальныхъ доказательствъ не существуетъ. При этомъ есть еще то особенное различіе, что въ судахъ *общаго закона* вопросъ о фактѣ разрѣшается присяжными, а въ судахъ *справедливости* всегда однимъ судьей безъ присяжныхъ. Участіе присяжныхъ не только въ уголовныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ составляетъ отличительное свойство англійскаго законодательства, постоянно отдѣляющаго *вопросъ факта* отъ *вопроса права* (Law and Fact). Правило это существуетъ съ древнихъ временъ и подтверждено статутами 1836, 1852—1856 г.

Другое, не менѣе оригинальное, раздѣленіе судовъ въ Англіи заключается въ различіи суда съ *записью* (of record) отъ суда безъ *записи* (not of record). Въ первыхъ рѣшеніе суда вносится въ акты для вѣчной памяти и примѣра, во вторыхъ актовъ этихъ не существуетъ. Впрочемъ, не надо думать, чтобы съ этимъ было сопряжено различіе въ степени власти суда. Нѣкоторые суды *безъ записи* пользуются большею властію чѣмъ суды съ *записью*, и обратно.

Далѣе, всѣ вообще суды раздѣляются на *высшіе* и *низшіе*. Подъ *высшими судами общаго закона* (Superior Courts of Common Law) разумѣется три суда, находящіеся въ Вестминстерѣ: Королевина Скамья, или Королевина Лава, судъ Тяжебъ, судъ Казначейства (Queen's Bench, Common Pleas и Exchequer Court), и потому называемые обыкновенно общимъ именемъ *вестминстерскихъ судовъ*.

Трудно опредѣлить различіе между этими тремя высшими судами относительно предмета вѣдомства каждаго изъ нихъ. Со времени незапамятнаго учрежденія судовъ въ Вестминстерѣ, въ отправленіи общаго закона произошли безчисленныя перемѣны сообразно съ требованіемъ времени и съ увеличеніемъ торговыхъ и другихъ отношеній между частными лицами. Въ настоящемъ столѣтіи возникли такого рода дѣла, которыя не могли быть предусмотрѣны при учрежденіи вестминстерскихъ судовъ. Такъ напримѣръ дѣла о претензіяхъ частныхъ лицъ къ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и пр. Для точнаго опредѣленія предмета вѣдомства каждаго изъ трехъ высшихъ судовъ необходимо не только

Digitized by Google

знаніе теоріи англійскаго законодательства, но и ближайшее знакомство съ практическою стороною судебныхъ учрежденій Англіи. Иначе говоря, точное и вѣрное опредѣленіе предметовъ вѣдомства каждаго изъ трехъ высшихъ судовъ можетъ быть сдѣлано только англійскимъ юристомъ или судьею. А между тѣмъ иностранные писатели, съ особенною настойчивостію, останавливаются на этомъ темномъ пути англійскаго судоустроѣйства, и основываясь на допотопныхъ сочиненіяхъ своихъ соотечественниковъ или другихъ, чуждыхъ Англіи писателей, силятся опредѣлить въ точности предметъ вѣдомства каждаго изъ судовъ Англіи. Достаточно пробѣжать статью, помѣщенную въ одномъ изъ нашихъ спеціяльныхъ юридическихъ журналовъ и имѣющую цѣлію изобразить очеркъ судоустройства въ Англіи, чтобы видѣть, до какой странной и безполезной подробности доходятъ иностранные писатели, говоря о теоретическомъ устройствѣ въ высшей степени практическаго суда Англіи. Посѣщая постоянно въ теченіи мѣсяца здѣшніе суды и читая спеціяльныя сочиненія по этой части, я до сихъ поръ не беру на себя опредѣлить предметъ вѣдомства каждаго изъ нихъ. Скажу болѣе: клерки и адвокаты, къ авторитету которыхъ я обращался, не могли удовлетворить въ точности моему любопытству по этому предмету. При мнѣ неоднократно разрѣшались въ двухъ высшихъ судахъ дѣла совершенно однородныя. Такъ, напримѣръ, въ Common Pleas и Exchequer Court рѣшались дѣла о претензіяхъ къ компаніи желѣзныхъ дорогъ и пр. При такомъ отсутствіи положительныхъ данныхъ для точнаго опредѣленія предмета вѣдомства каждаго изъ трехъ высшихъ судовъ, я думаю, можно безъ ущерба остановиться на самомъ общемъ опредѣленіи. Я считаю совершенно достаточнымъ, и во всякомъ случаѣ болѣе вѣрнымъ, опредѣлить предметъ вѣдомства высшихъ судовъ такъ, что судамъ этимъ подлежатъ всѣ вообще тяжебныя гражданскія дѣла по претензіямъ частныхъ лицъ между собою, а также между ними и обществами или компаніями и казною. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что судъ Королевской Скамьи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и высшій уголовный судъ въ Англіи, и этимъ существенно отличается отъ двухъ другихъ судовъ.

На рѣшенія каждаго изъ трехъ высшихъ судовъ допускается въ извѣстныхъ случаяхъ аппелляція (appeal, или writ in error)

Digitized by Google

въ *Exchequer Chamber* (составляемую изъ судей двухъ остальныхъ судовъ) и въ высшій судъ палаты лордовъ (Judicial Court of the House of Lords). Каждый изъ трехъ высшихъ судовъ состоитъ изъ одного предсѣдателя (Chief Justice или Chief Baron) и четырехъ судей (puisne judges), то-есть всего выходитъ пятнадцать судей.

Засѣданіе суда въ полномъ составѣ (in banco) бываетъ весьма рѣдко. На практикѣ дѣла разрѣшаются обыкновенно въ судахъ *Низи-Пріусъ* (Nisi-Prius), которые составляются изъ одного судьи и присяжныхъ. Присяжные бываютъ или *спеціяльные* (special jury) или *обыкновенные* (common jury), смотря по роду дѣла и желанію тяжущихся сторонъ. Засѣданія судовъ Низи-пріусъ бываютъ или въ Вестминстерѣ или въ Сити, въ зданіи, называемомъ Гилдгалъ (Guildhall). Время перехода судей изъ Вестминистера въ Сити опредѣляется каждый годъ различно. Кромѣ того судьи, какъ извѣстно, объѣзжаютъ два раза въ годъ всю Англію, которая раздѣляется въ этомъ отношеніи на восемь округовъ. Эти объѣзды называются *circuits*, а судьи, совершающіе объѣздъ *судьями ассизовъ* (judges of assize) или *Nisi-Prius*. Въ то время, когда четырнадцать судей совершаютъ объѣзды (1), одинъ судья остается въ Лондонѣ для разрѣшенія текущихъ дѣлъ. Судьи ассизовъ наблюдаютъ за опростаніемъ тюремъ (delivery of the gaols), и разсматриваютъ какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, и притомъ какъ по аппелляціи на низшіе суды (county courts, которыхъ всего шестьдесятъ въ Англіи), такъ и въ качествѣ суда первой степени (at Nisi-Prius). Хотя съ распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ потребность въ объѣздныхъ судахъ сдѣлалась менѣе ощутительною, но это учрежденіе, признанное Блакстономъ за одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ народа, остается до настоящаго времени въ полной силѣ. Въ настоящемъ году лѣтній объѣздъ начнется 28 іюня (10 іюля). Я намѣренъ отправиться въ ближайшій округъ, въ городъ Гертфордъ, гдѣ будетъ извѣстнѣйшій изъ здѣшнихъ судей, президентъ Королевиной Лавы, лордъ Кок-

(1) Надо замѣтить, что всѣ округи объѣзжаются судомъ *nisi-prius* одновременно, а не постепенно. Обыкновенно въ каждый округъ отправляются по два судьи, за исключеніемъ двухъ округовъ графства Валлійскаго, куда отправляется по одному судьѣ.

Digitized by Google

борнъ. По этому я отлагаю болѣе подробное описаніе этихъ интересныхъ и оригинальныхъ судовъ до слѣдующаго письма.

Суды справедливости также раздѣляются, какъ я выше сказалъ, на высшій (high court of chancery) и семь низшихъ (courts of chancery), въ числѣ которыхъ суды Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ. Предсѣдатель высшаго суда справедливости есть лордъ канцлеръ, верховный судья и администраторъ юстиціи во всей странѣ. Такъ какъ онъ по званію своему министръ, то служба его прекращается вмѣстѣ съ перемѣной министерства. Отъ него между прочимъ зависитъ назначеніе мировыхъ судей по всей странѣ.

Кромѣ поименованныхъ, въ Англіи существуютъ еще многіе другіе спеціяльные суды, какъ напримѣръ *court of probate*, учрежденный въ 1858 году и разсматривающій исключительно дѣла о духовныхъ завѣщаніяхъ; *court of divorce*, разсматривающій дѣла о разводѣ брака; *court of bankruptcy*—дѣла о банкрутствѣ; *court of insolvency*—несостоятельности; *court of admiralty*, суда адмиралтейства,—дѣла, явствующія изъ названія.

Уголовныя дѣла подлежатъ разсмотрѣнію *суда ассизовъ* и *центральнаго уголовнаго суда*, учрежденнаго въ Сити Лондона (Central Criminal Court). Аппелляціи на эти суды допускается въ извѣстныхъ случаяхъ, тѣкъ же какъ и *writ of error* въ судъ Королевской Скамьи, или въ *уголовный аппелляціонный судъ* (Court of Criminal Appeal), составляемый изъ судей трехъ высшихъ судовъ. Верховный уголовный аппелляціонный судъ принадлежитъ *палатѣ лордовъ*.

Скажу теперь нѣсколько словъ о внѣшней обстановкѣ трехъ высшихъ судовъ. Я упомянулъ выше, что засѣданія этихъ судовъ бываютъ или въ Вестминстерѣ, или въ Гилдгалѣ.

Въ Вестминстерѣ суды помѣщаются въ отдѣльныхъ камерахъ, смежно съ знаменитою Вестминстерскою залой. Въ этой залѣ Карлъ I былъ приговоренъ къ смертной казни, а Кромвель украшенъ пурпуровою мантіей, и возведенъ въ званіе лорда-протектора Англіи. Вестминстерская зала, по своей древности и величинѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Построенная въ XI столѣтіи, она была возобновлена въ царствованіе Ричарда II, то-есть въ началѣ XIV столѣтія, и имѣетъ теперь 290 футовъ длины, 68 ширины и 110 высоты,— величина тѣмъ болѣе замѣчательная, что зала вовсе не поддерживается колоннами.

Digitized by Google

Самыя комнаты судовъ, по своему внѣшнему виду, не представляютъ ничего замѣчательнаго.

Въ Гилдгалѣ суды помѣщены въ комнатахъ, окружающихъ великолѣпную залу, въ которой бываетъ 9 ноября ежегодно обѣдъ въ честь лорда мера, стоящій Городу (City) обыкновенно не менѣе 2200 фунтовъ (то-есть около 16.000 т. р. сер.) Комнаты для судовъ въ Гилдгалѣ обширнѣе и оригинальнѣе чѣмъ въ Вестминстерѣ. Каѳедра для судьи устроена на возвышеніи, подъ огромнымъ балдахиномъ краснаго сукна, съ гербомъ Англіи. Входъ допускается во всѣ суды безъ изъятія всѣмъ лицамъ обоего пола, и количество публики ограничивается только возможностію помѣщенія.

Впрочемъ въ гражданскихъ судахъ, за исключеніемъ суда по завѣщаніямъ, *Court of Probate*, публики бываетъ очень мало. Напротивъ, въ уголовныхъ судахъ публики бываетъ такъ много, что надо приходить часа за два до начала засѣданія, чтобъ имѣть удобное мѣсто.

Въ гражданскихъ судахъ присутствуютъ большею частію только тѣ лица, которыя имѣютъ какое-нибудь участіе въ разсматриваемомъ дѣлѣ, и лица, изучающія судопроизводство, какъ напримѣръ клерки и студенты. При этомъ случаѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что въ англійскихъ университетахъ нѣтъ особенной каѳедры судопроизводства; этотъ предметъ изучается здѣсь исключительно на практикѣ. Засѣданія судовъ имѣютъ весьма оригинальный и торжественный видъ. Судьи и адвокаты сохранили одежду древнихъ временъ, которая такъ поражаетъ иностранцевъ. Въ Англіи сохранилось преданіе о посѣщеніи вестминстерскихъ судовъ Петромъ Великимъ. Войдя въ одинъ изъ судовъ, онъ освѣдомился о томъ, кто были эти занятые люди въ напудренныхъ парикахъ и черныхъ мантіяхъ. Ему отвѣчали, что это законовѣдцы. «Законовѣдцы! воскликнулъ удивленный императоръ. Зачѣмъ же ихъ такъ много? Я имѣю только двухъ законовѣдцевъ во всемъ моемъ обширномъ царствѣ, и то я думаю повѣсить одного изъ нихъ по возвращеніи домой.» Парики и мантіи, поразившіе Петра Великаго, сохранились до настоящаго времени. Присяжные носятъ обыкновенную одежду, и засѣдаютъ въ особо-устроенной для нихъ ложѣ между судьей и адвокатами. Несмотря на торжественный видъ, засѣданіе производится, если можно такъ выразиться, домашнимъ порядкомъ. У две-

Digitized by Google

рей суда не замѣтно никакихъ административныхъ властей (въ Пруссіи и даже Бельгіи власти эти очень замѣтны). Всякій входитъ и уходитъ когда вздумается. Такъ какъ любопытные большею частію приходятъ только для того, чтобы полюбоваться обстановкою суда, и поспѣшно исчезаютъ, то двери безпрестанно отворяются и затворяются, но это нисколько не мѣшаетъ засѣданію, потому что дверь отворяется безъ всякаго шума и на обѣ стороны.

Я упомянулъ прежде, что я осматривалъ въ первый разъ суды вмѣстѣ съ клеркомъ знакомаго адвоката. Послѣ того я отправился въ вестминстерскіе суды одинъ. Потерявшись въ безчисленныхъ корридорахъ Вестминстера, я наконецъ увидѣлъ передъ собою маленькую затворенную дверь. Не видя другаго исхода, я рѣшился отворить эту дверь, и очутился внезапно у самой каѳедры судьи и противъ ложи присяжныхъ. Не видя никого возлѣ себя, и пріученный съ дѣтства къ соблюденію всѣхъ административныхъ правилъ, я почувствовалъ такой страхъ, что едва не лишился чувствъ. Закрывъ глаза, я съ ужасомъ ожидалъ, что какая-нибудь мощная рука схватитъ и отведетъ меня въ мрачную темницу, гдѣ томятся разнаго рода ослушники. Но, къ величайшему удивленію, ко мнѣ никто не подошелъ, и никто меня изъ суда не вывелъ. Ободряемый этимъ невниманіемъ администраціи къ моей особѣ, я забылся даже до того, что простоявъ часа полтора и почувствовавъ усталость, рѣшился присѣсть на находившійся возлѣ меня маленькій столикъ и оставался въ этой выгодной позиціи до конца засѣданія. Я упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ для того, чтобы показать, до какой степени допускается въ Англіи свобода дѣйствій каждаго до тѣхъ поръ, пока дѣйствія эти безвредны. Та же свобода ощущается и при осмотрѣ церквей, парламента, музея, галлерей, дворцовъ и другихъ учрежденій. Но при этомъ не надо забывать, что зоркій глазъ полисмена постоянно наблюдаетъ за порядкомъ, и въ случаѣ надобности десять полисменовъ явятся внезапно и неизвѣстно откуда и какимъ образомъ.

Описавъ такимъ образомъ внѣшнюю обстановку судовъ, скажу теперь нѣсколько словъ о засѣданіяхъ, на которыхъ мнѣ случалось присутствовать, и о порядкѣ дѣлопроизводства въ судахъ Англіи.

Digitized by Google

Засѣданіе начинается клятвой присяжныхъ постановить приговоръ по совѣсти и справедливости. Затѣмъ, послѣ изложенія адвокатомъ истца (plaintiff) сущности иска, а адвокатомъ отвѣтчика (defendant) сущности возраженія, начинается допросъ свидѣтелей, а иногда и самихъ тяжущихся. Каждый свидѣтель присягаетъ въ томъ, что будетъ говорить полную правду. Допросъ производится сперва адвокатомъ истца (examination), а потомъ адвокатомъ отвѣтчика (cross-examination). Это повтореніе допроса, или переспросъ свидѣтелей, имѣетъ то значеніе, что каждый адвокатъ старается дѣлать вопросы сообразно съ данными, которыя представляются въ пользу его довѣрителя. Адвокатъ отвѣтчика старается, обыкновенно, сбивать свидѣтеля, то-есть заставляетъ его дѣлать такія показанія, которыя находятся въ прямомъ противорѣчіи съ его прежнимъ показаніемъ. Если прежнее показаніе свидѣтеля неправильно, то ему трудно бороться съ опытнымъ адвокатомъ, который, по своимъ даннымъ, непремѣнно доведетъ свидѣтеля до показанія истины. Такъ, напримѣръ, на одномъ изъ процессовъ, при которыхъ я присутсвовалъ, свидѣтель, говорившій въ пользу истца, показалъ между прочимъ, что онъ самъ не имѣлъ съ истцомъ никакихъ денежныхъ сдѣлокъ. На передопросѣ адвокатъ отвѣтчика заставилъ свидѣтеля сознаться въ противномъ. Сперва этотъ свидѣтель долго колебался; адвокатъ нѣсколько разъ просилъ его *подумать* хорошенько о томъ, имѣлъ ли онъ съ истцомъ денежныя сдѣлки. Наконецъ свидѣтель *припомнилъ*, что онъ дѣйствительно имѣлъ сдѣлку съ истцомъ. Тогда адвокатъ показалъ ему собственноручную его записку, которая обнаруживала истину (1). Въ умѣньи предлагать вопросы состоитъ едва ли не самая трудная обязанность адвоката. Я неоднократно замѣчалъ, какъ не полны и не тверды вопросы, предлагаемые свидѣтелямъ молодыми адвокатами. Они затрудняются иногда въ пріисканіи вопроса и допускаютъ паузы, могущія привести судью и присяжныхъ въ нетерпѣніе. Напротивъ, опытные бойцы съ удивительнымъ искусствомъ и быстротой закидываютъ свидѣтеля допросами и почти всегда достигаютъ своей цѣли, то-есть доводятъ его до сознанія истины.

Такъ напримѣръ одинъ изъ лучшихъ здѣшнихъ адвокатовъ

(1) Изъ этого видно какъ остороженъ долженъ быть свидѣтель при своихъ показаніяхъ, тѣмъ болѣе что наказаніе за клятвопреступленіе чрезвычайно строго.

Digitized by Google

Гокинсъ поражалъ меня своимъ искусствомъ дѣлать вопросы и умѣньемъ говорить въ высшей степени кратко, быстро и ясно. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гокинсъ обнаруживаетъ очень часто тотъ пріятный и остроумный юморъ, который свойственъ только Англичанамъ. Это не французская блестка и не нѣмецкая гиря. Въ англійскомъ юморѣ почти всегда скрывается какая-нибудь серіозная мысль, выраженная въ игривой формѣ. Иностранецъ, не привыкшій ко всѣмъ тонкостямъ англійскаго языка и характеру Англичанъ, не всегда можетъ понять смыслъ англійской остроты. Я самъ очень часто оставался въ недоумѣніи при веселіи, возбуждаемомъ въ публикѣ какимъ-нибудь замѣчаніемъ англійскаго адвоката. Я слышалъ Гокинса въ трехъ случаяхъ, и по всѣмъ изъ нихъ онъ выигралъ дѣло своего довѣрителя. Впрочемъ, изъ этого нельзя заключить, чтобъ искусство адвоката имѣло большое вліяніе на приговоръ присяжныхъ и постановленіе суда. По одному изъ упомянутыхъ мною трехъ случаевъ, противникомъ Гокинса былъ не менѣе его искусный и болѣе его знаменитый адвокатъ Эдвинъ Джемсъ (1), въ особенности прославившійся, какъ извѣстно, защитой Бернара. Вообще, какъ это можно видѣть изъ *Times*, очень часто бываетъ, что мало извѣстный адвокатъ побѣждаетъ своего знаменитаго противника.

Итакъ, послѣ допроса и переспроса свидѣтелей, адвокатъ истца излагаетъ въ подробности обстоятельства дѣла и показанія свидѣтелей и вообще представляетъ различные доводы въ подкрѣпленіе иска. Адвокатъ отвѣтчика возражаетъ ему, описываетъ обстоятельства дѣла и объясняетъ показанія свидѣтелей съ своей точки зрѣнія, въ огражденіе правъ своего довѣрителя. Затѣмъ судья дѣлаетъ краткій выводъ изъ всего дѣла *(the juge sums up)* и объясняетъ присяжнымъ въ чемъ именно заключается и какъ долженъ быть, по его мнѣнію, поставленъ вопросъ о фактѣ, Послѣ того присяжные объявляютъ приговоръ *(verdict)*, и дѣло окончательно разрѣшается *заключеніемъ суда*, то-есть примѣненіемъ закона къ факту *(judgment)*.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ заключается сущность системы

(1) Говоря о Джемсѣ, не могу не упомянуть, что недавно французскіе орфеонисты, сдѣлавшіе, по выраженію *Times*, высадку въ Англію, осматривали между прочими достопримѣчательностями Лондона зданіе Гилдгала. Увидѣвъ тамъ Джемса, они выразили восторгъ и сочувствіе, которымъ онъ былъ очень тронутъ.

Digitized by Google

дѣлопроизводства въ высшихъ судахъ общаго закона *(common law courts)*.

Предметъ большей части дѣлъ, при разрѣшеніи которыхъ я присутствовалъ до сихъ поръ, заключался въ претензіяхъ частныхъ лицъ къ различнымъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ. Такъ одинъ старикъ изъ торговаго класса, фамилію котораго я забылъ, предъявилъ искъ къ одной изъ компаній желѣзныхъ дорогъ, на томъ основаніи, что онъ подвергся ушибу *(injury)* вслѣдствіе неосторожности машиниста, внезапно остановившаго поѣздъ. Представляя, что онъ издержалъ деньги на лѣченіе и потерпѣлъ убытки отъ пріостановки занятій по торговлѣ, истецъ требовалъ отъ компаніи вознагражденіе на сумму 800 фунтовъ. Адвокатъ отвѣтчика доказывалъ, что компанія не можетъ отвѣчать за подобные случаи, которые, при множествѣ поѣздовъ, могутъ встрѣчаться очень часто, и что ушибъ былъ не важенъ. Тѣмъ не менѣе присяжные объявили приговоръ въ пользу истца, и судъ присудилъ компанію желѣзныхъ дорогъ къ уплатѣ ему 400 фунтовъ вознагражденія. Дѣло это разсматривалось судомъ съ 10 часовъ утра до 6 вечера. При этомъ я былъ пораженъ показаніемъ доктора, лѣчившаго истца. Онъ объявилъ, что истецъ долженъ былъ заплатить ему за все время болѣзни, продолжавшейся двѣ недѣли, около 200 фунтовъ, то-есть около 1.300 р. с. Показаніе доктора было совершенно неправдоподобно. Адвокатъ отвѣтчика употреблялъ все усиліе, чтобы заставить доктора сбавить цѣну, но онъ остался при своемъ показаніи, съ тѣмъ впрочемъ важнымъ присовокупленіемъ, что онъ денегъ отъ истца не получилъ.

Самыя интересныя гражданскія дѣла, привлекающія всегда большую публику, производятся, какъ я прежде сказалъ, въ судѣ по дѣламъ о завѣщаніяхъ (Court of Probate) и въ судѣ по дѣламъ о разводѣ (Court of Divorce). Въ первомъ разсматривалось $^{25}/_{28}$ іюля очень интересное дѣло о двухъ духовныхъ завѣщаніяхъ, оставшихся послѣ смерти г-жи Миллеръ. Истцы основывали права свои на духовномъ завѣщаніи, совершенномъ умершею въ іюлѣ 1858 года, а отвѣтчикъ ограждалъ права свои послѣдующимъ духовнымъ завѣщаніемъ, совершеннымъ въ сентябрѣ того же года. Подлежавшій разрѣшенію присяжныхъ вопросъ заключался главнымъ образомъ въ томъ, находилась ли завѣщательница при совершеніи втораго духовнаго завѣщанія въ здравомъ умѣ и твердой памяти. По выслушаніи адвокатовъ обѣихъ сторонъ и вывода, сдѣланнаго

Digitized by Google

судьей, присяжные удалились для совѣщанія около 4-хъ часовъ пополудни. Въ пять часовъ я ушелъ домой, не дождавшись ихъ возвращенія. На другой день я прочелъ въ *Times*, что присяжные возвратились только въ 10 часовъ вечера, то-есть послѣ шестичасоваго совѣщанія, и не пришли къ единогласному заключенію. Вслѣдствіе этого, судья распустилъ присяжныхъ (the judge *discharged* the jury) и объявилъ, что дѣло будетъ разсмотрѣно при посредствѣ новыхъ присяжныхъ. Мнѣ было очень любопытно узнать, какимъ образомъ разрѣшатъ это дѣло новые присяжные. Но, къ сожалѣнію, при всемъ моемъ стараніи, я никакъ не могъ узнать, когда оно будетъ разсматриваться вторично. Проглядывая ежедневно *Times*, я до сихъ поръ этого дѣла не замѣтилъ. Можетъ-быть я пропустилъ его, что при обиліи процессовъ, помѣщаемыхъ въ *Times*, не удивительно, а можетъ-быть оно еще не было разсмотрѣно.

Говоря о судахъ Англіи, не могу не упомянуть о главномъ полицейскомъ судѣ Города (City Police Court). Судъ этотъ находится въ центрѣ Сити, въ зданіи, называемомъ *Mansion House*, и состоитъ подъ предсѣдательствомъ лорда-мера. Суду лорда-мера подлежатъ всѣ полицейскіе проступки, совершенные въ чертѣ Сити. Онъ разрѣшаетъ этого рода дѣла собственною властію, безаппеляціонно, и пользуется необыкновеннымъ уваженіемъ и почетомъ. Судъ его сохранилъ всю оригинальность старинныхъ эпохъ, и отличается своею назидательностію; лордъ-меръ не только опредѣляетъ наказаніе, но и дѣлаетъ виновному наставленія, внушаетъ понятія о добрѣ и злѣ. Я былъ въ Маншонъ-Гаусѣ скоро послѣ смотра, дѣланнаго королевой волонтерамъ въ Гайдъ-Паркѣ. Поэтому предметъ большей части дѣлъ заключался въ этотъ день въ кражѣ, совершенной во время смотра (1). Впрочемъ были и нѣкоторыя другія дѣла объ обидахъ, неуваженіи къ женщинѣ, пьянствѣ и т. п. Процедура въ этомъ судѣ самая простая, и потому я о ней распространяться не буду. Скажу только, что наказаніе, опредѣляемое лордомъ-меромъ въ самыхъ важныхъ случаяхъ, состоитъ обыкновенно въ трехмѣсячномъ тюремномъ заключеніи, при тяжелой работѣ (*hard labour*), и что публика въ этомъ судѣ бываетъ огромная.

---

(1) Полицейскіе суды были всѣ заняты въ послѣднее время дѣлами о кражахъ, совершенныхъ во время смотра.

Digitized by Google

Послѣ первоначальнаго осмотра судовъ и парламента, я отправился осматривать знаменитѣйшія лондонскія тюрьмы: Пентонвильскую и Ньюгетскую.

Объ устройствѣ тюремъ и системѣ обращенія съ преступниками я буду говорить въ послѣдствіи. Теперь скажу только, что Англія обязана настоящимъ, христіянскимъ и благодѣтельнымъ устройствомъ тюремъ великимъ преобразователямъ тюремной системы, Блакстону и Говарду. Въ давнее время здѣшнія тюрьмы представляли возмутительныя сцены разврата и физическихъ страданій. Актъ парламента 1779 года положилъ этому предѣлъ введеніемъ пенетенціарной системы и учрежденіемъ новыхъ тюремъ.

Въ настоящее время англійскія тюрьмы производятъ самое отрадное впечатлѣніе. Нельзя не удивляться величію цивилизаціи, проявляющей торжество духа надъ матеріяльною стороною человѣческой жизни. Въ устройствѣ лондонскихъ тюремъ ясно выражается та мысль, что сущность тюремнаго заключенія, какъ наказанія, состоитъ не въ матеріяльныхъ страданіяхъ, причиняемыхъ преступнику голодомъ, холодомъ, сыростію и грязью. Такое наказаніе можетъ быть примѣнимо только къ неразумнымъ тварямъ, но не сообразно съ достоинствомъ человѣка, для котораго ограниченіе его высшаго блага, его самой драгоцѣнной, жизненной потребности—свободы, составляетъ само по себѣ самое жестокое и самое чувствительное страданіе. Увеличеніе этого страданія посредствомъ лишенія преступника ежедневныхъ потребностей, можетъ только раздражить его, вселить въ немъ ненависть къ людямъ и жажду мщенія, и такимъ образомъ отклонить другую великую цѣль наказанія, исправленіе преступника. Эта цѣль, вполнѣ соотвѣтствующая духу христіянской религіи и общимъ понятіямъ о вѣчной правдѣ, составляетъ отличительный характеръ настоящей системы устройства лондонскихъ тюремъ.

Лондонъ, 5-го іюля 1860 года.

М. Зарудный.

(До слѣд. №)

Digitized by Google

ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ[1]

II.

Блещетъ ясное осеннее солнце. Небо расчистило свѣжимъ осеннимъ вѣтромъ, и отъ его живительнаго дуновенія быстрѣе обращается кровь, возбуждая нашу мысль къ усиленной дѣятельности. Вимбледонскіе луга не вдалекѣ; пять тысячъ акровъ волнующагося папортника и вереска соблазняютъ насъ пуститься по нимъ, и мы съ каждымъ шагомъ вдыхаемъ здоровье вмѣстѣ съ свѣжимъ осеннимъ воздухомъ. Насъ подмываетъ также взять съ собою сѣтку и широкую склянку, чтобы добыть изъ многочисленныхъ лужъ ихъ видимыя и невидимыя чудеса.

Лужи, конечно, не такъ богаты и привлекательны, какъ морскіе заливы; равнины, покрытыя верескомъ, не такъ заманчивы, какъ береговые утесы, омываемые таинственнымъ моремъ, съ ихъ наносными песками, съ ихъ рифами, съ ихъ влажными пещерами; но вѣдь берегъ моря далекъ, а луга — тутъ, подъ рукой. Еслибъ не это обстоятельство, мы, конечно, предпочли бы морской берегъ. Бо́льшая часть нашихъ ближнихъ грѣшитъ тѣмъ, что пренебрегаетъ тѣми прекрасными вещами, которыя находятъ близко, потому только, что гдѣ-то, въ дали, можно найдти нѣчто еще лучшее. Это признакъ особенной мелочности ума. Мы не тамъ, а здѣсь; мы должны

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 14.

Digitized by Google

извлечь все, что̀ можно, изъ того, что̀ намъ доступно. Нашъ вѣкъ не вѣкъ Елисаветы. Должны ли мы поэтому отказывать въ своемъ уваженіи нашимъ великимъ людямъ, и сберегать его для Шекспира, Бекона, Ралея, и за ихъ славой забывать заслуги нашихъ современниковъ? Конечно, нѣтъ. Каждому вѣку его слава. Будемъ благодарны за все великое, современное и прошлое, почтимъ всякое благородное дѣло, всякое честное начинаніе, нужды нѣтъ, равно ли оно или неравно, по нашему мнѣнію, другимъ дѣламъ, другимъ начинаніямъ. Итакъ, пожалуста, оставимъ сравненія. Если бы я сказалъ, что лужи лучше морскихъ заливовъ, вы могли бы возражать; но я только говорю, что лужи вещь хорошая,—давайте же копаться въ нихъ; лужи богаты чудесами,—давайте же наслаждаться ими.

Прежде всего, запасемся необходимымъ вооруженіемъ. Оно чрезвычайно просто. Кисейная сѣтка на палочкѣ, широкая банка, хоть въ футъ вышиной, и шириной въ шесть дюймовъ, съ бичевкой, обвязанной вокругъ горлышка, и петлей изъ той же бичевки, посредствомъ которой мы можемъ качать ее на рукѣ, не раплескивая воды; кисточка изъ верблюжьей шерсти, какая-нибудь широкогорлая склянка для червей и другихъ нѣжныхъ животныхъ, которыхъ вы захотите уберечь отъ толкотни и опасностей большой банки; если вы къ этому прибавите карманную лупу, намъ больше ничего не нужно.

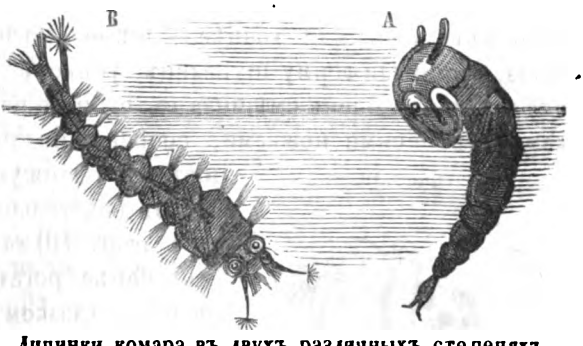
Вотъ мы вышли въ луга, и шагаемъ по упругому вереску. Какой славный вѣтеръ дуетъ намъ въ глаза и румянитъ намъ щеки! Какая широкая даль передъ нами! Богатая пестрота осени, ея прощальное великолѣпіе, придаютъ простому виду задумчивую прелесть. Папортники гармонически сливаютъ свое бурое золото съ темною зеленью вереска, уже лишеннаго яркихъ лѣтнихъ тинтовъ, но все еще красиваго. Высокая мельница на пригоркѣ раскидываетъ на синемъ небѣ свои неподвижныя крылья. Она служитъ маякомъ пѣшеходу; на ней останавливается его блуждающій взоръ; на ней останавливаются и наши блуждающія мысли, переходя невольно къ сладкимъ воспоминаніямъ о томъ раннемъ, темномъ времени дѣтства, когда мы со страхомъ смотрѣли на нее, и прислушивались къ шороху ея крыльевъ. Да, съ упорною грустью останавливается нашъ умъ на этомъ времени, какъ бы желая убѣдиться, что не совсѣмъ исчезло это невозвратное прошлое изъ нашей жизни, слишкомъ быстро, какъ напоминаетъ намъ осеннее

Digitized by Google

увданіе, несущейся мимо, не исполнивъ нашихъ лучшихъ надеждъ, не давъ высказаться нашимъ лучшимъ чувствамъ. Летучія видѣнія прошлой жизни будятъ въ насъ думы, слишкомъ глубокія для слезъ; и эта мельница вызвала такія видѣнія по таинственному закону сочетаній. Такъ подойдемъ же къ ней, пріютимся еще разъ въ ея тѣни. Вотъ умный, куцый песъ съ грознымъ лаемъ выскочилъ намъ на встрѣчу; но онъ тотчасъ смекнулъ, что мы не бродяги и не воры, онъ умолкъ и принялся обмѣниваться собачьими любезностями съ нашимъ Погомъ, который съ своей стороны непрочь отъ дружескаго разговора. Пока псы изливаютъ другъ другу душу, сядемъ на эту лавку на солнышкѣ, и взглянемъ вдоль потемнѣвшей равнины, окаймленной гипсовыми скалами, на краснѣющіеся холмы Соррея, на пестрѣющія деревья Комбвуда и Ричмондъ-парка. Такихъ видовъ подъ Лондономъ мало. Но, несмотря на солнце, намъ здѣсь засиживаться нечего. Вѣтеръ становится назойливъ; да къ тому же, мы вышли охотиться.

Вотъ лужа, затянутая много-обѣщающею зеленью. Погрузите въ нее банку. Подержите ее теперь на свѣтъ, и вы увидите, что въ ней плаваетъ огромное количество мелкихъ животныхъ. Иныя такъ крупны, что можно разсмотрѣть ихъ невооруженнымъ глазомъ, другія требуютъ лупы, если привычка не научила васъ угадывать формы, не совершенно ясно видимыя. Вотъ (фиг. 7) двѣ ларвы, или личинки, обыкновеннаго комара. Головастый молодецъ (А), такъ смѣшно изворачивающійся въ водѣ, очень близокъ къ послѣднему своему превращенію: завтра, или послѣ завтра, онъ сброситъ съ себя личину (ларва значитъ личина) и явится крылатымъ насѣкомымъ. Другой (В) еще далекъ отъ этого стадія развитія, и ведетъ жизнь дѣятельнаго хищника, шмыгая подъ водой, и прикрѣпляясь къ травамъ и къ стѣнкамъ сосуда посредствомъ крючковъ, на концѣ хвоста. Волосистый

Фиг. 7.



Личинки комара въ двухъ различныхъ степеняхъ развитія (увеличено).

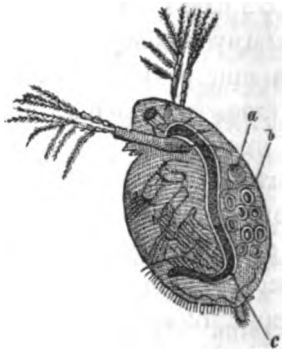
Digitized by Google

придатокъ около хвоста не есть другой хвостъ, но дыхательный аппаратъ.

Фиг. 8.

Cyclops. a. Большія щупальцы; b. малыя; c. мѣшки съ яйцами (увеличено).

Фиг. 9.



Daphnia. a. Бьющійся мѣшокъ, или сердце; b. яица; c. пищеводъ (увеличено).

Обратите также вниманіе на этихъ причудливыхъ *энтомостраковъ* (1), или водяныхъ блохъ, какъ называютъ ихъ въ народѣ, хотя, какъ вы видите, они мало похожи на этихъ слишкомъ знакомыхъ намъ насѣкомыхъ. Это (фиг. 8) *циклопъ*, съ однимъ только глазомъ посереди лба, таскающій съ собою два мѣшка, наполненные яицами. Вы замѣчаете, что у него нѣтъ ногъ, или точнѣе,—всѣ его ноги скучены около головы, и приняли форму щупалецъ, усиковъ. А вотъ это (фиг. 9) *дафнія*, также очень смѣшная съ своими растопыренными лапками, съ своими ножками, собранными подъ панцыремъ, и постоянно движущимися тамъ въ качествѣ дыхательныхъ органовъ. Далѣе, вотъ (фиг. 10) *евриперкусъ* (Eurycercus), менѣе рогатой формы и съ крошечнымъ глазкомъ. Кстати о глазахъ: у одного изъ этихъ энтомостраковъ, Polyphemus, вся голова въ глазахъ; у другаго, Caligus, вовсе нѣтъ головы. И мало ли еще чудныхъ и парадоксальныхъ явленій представляютъ эти животныя! Но всѣ они ничтожны въ сравненіи съ парадоксальнымъ свойствомъ *апуса*—этой амазонки между раками, обходящейся безъ самцовъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ ея породѣ!

Фиг. 10.

Eurycercus. a. Сердце; b. яица; c. пищеводъ (увеличено.)

(1) Энтомостраки (отъ entomos—насѣкомое и ostracon—ракъ) не насѣкомыя, а принадлежатъ къ классу раковъ.

Digitized by Google

Я очень хорошо помню тотъ прекрасный вечеръ, когда я въ первый разъ познакомился съ этою удивительною амазонкой. Это было въ Мюнхенѣ, въ домѣ знаменитаго профессора; въ его саду собралось пріятное общество писателей, ученыхъ и ихъ женъ, и весело болтало, то разсыпаясь мелкими кучками, то собираясь въ тѣсный кружокъ. Мы пили кофе подъ свѣжимъ навѣсомъ вѣтвей и въ ожиданіи ранняго ужина бродили по дорожкамъ. Нашъ хозяинъ только что вернулся съ экскурсіи. Онъ ѣздилъ миль за пятьдесятъ осматривать болото, извѣстное тѣмъ, что въ немъ водятся апусы. Онъ не побоялся этого длиннаго путешествія, потому что эта порода, хотя очень плодовитая, рѣдка, и ее не вездѣ найдешь. Три года съ ряду посѣщалъ онъ это самое болото, отыскивая самцовъ; но онъ не нашелъ ни одного между тысячами самокъ, изъ которыхъ нѣсколько онъ привезъ съ собою, и тутъ же показалъ намъ. Насъ не мало забавляли ихъ быстрыя, порывистыя движенія, ихъ плаваніе на спинѣ, и постоянное качаніе ихъ дыхательныхъ ножекъ; дамы въ особенности были въ восторгѣ отъ этого животнаго, обходящагося безъ мужескаго пола, этого очевидно лишняго звена въ организмѣ природы.

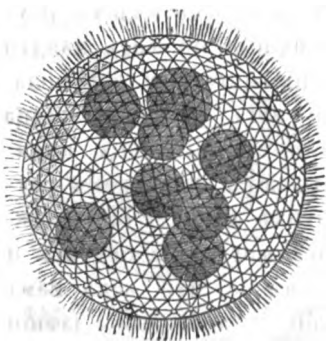
Не одинъ *апусъ* представляетъ намъ интересный фактъ отсутствія самцовъ. Знаменитый энтомологъ Леонъ Дюфуръ говоритъ, что онъ никогда не встрѣчалъ самца насѣкомаго Diplolepis gallae tinctoriae, хотя онъ и разсматривалъ тысячи недѣлимыхъ. Всѣ они были самки. Въ двухъ другихъ видахъ (Cynips divisa и Cynips folii), Гартигъ никогда не могъ найдти самца; а онъ разсматривалъ до тринадцати тысячъ экземпляровъ этихъ насѣкомыхъ. Броньяръ не могъ отыскать самца энтомострака Limnadia gigas, Жюринъ — самца нашего *полифема*. Эти отрицательныя данныя доказываютъ, во всякомъ случаѣ, что если и существуютъ самцы этихъ видовъ, они должны быть чрезвычайно рѣдки, и что самки могутъ обойдтись и безъ нихъ—заключеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что, какъ намъ извѣстно, самки пчелъ, моли, и нашей знакомки дафніи кладутъ яицы, которыя, будучи защищены отъ всякихъ постороннихъ вліяній, развиваются въ самокъ, и эти послѣднія въ свою очередь кладутъ яица, развивающіяся въ новыхъ самокъ, и такъ далѣе, черезъ длинный рядъ поколѣній, хотя бы каждое животное содержалось совершенно отдѣльно.

Коснувшись этого предмета, не могу не сдѣлать слѣдую-

Digitized by Google

щаго замѣчанія. Надо признаться, что нашъ полъ играетъ лишь жалкую роль во многихъ семействахъ животнаго царства. Если въ нѣкоторыхъ классахъ самецъ крупнѣе, сильнѣе, красивѣе, вообще болѣе развитъ чѣмъ самки, то это случайное превосходство болѣе чѣмъ взвѣшивается несравненно значительнѣйшимъ превосходствомъ самокъ въ другихъ группахъ животныхъ. Самецъ часто лишь жалкій приживалецъ, малый ростомъ, слабый силами, лишенный даже полнаго комплекта органовъ. Если павлинъ и фазанъ затмеваютъ своихъ самокъ блескомъ своихъ перьевъ, что за жалкое существо, напротивъ того, соколъ-самецъ! Охотникъ и посмотрѣть на него не захочетъ. И что̀ такое трутень въ сравненіи съ маткой или даже съ пчелами-работницами? Какъ пауку сравниться съ своею крупною и сердитою самкой, нерѣдко поѣдающею его? Что̀ и говорить о самцахъ коловратки, анатифы, лерней, джентльменахъ, не могущихъ похвастаться даже полнымъ пищеварительнымъ аппаратомъ, подчасъ и вовсе лишенныхъ органовъ пищеваренія? И не въ одномъ пищеварительномъ аппаратѣ выражается это несовершенство самцовъ. Есть случаи (напримѣръ у нѣкоторыхъ коловратокъ), что у нихъ исчезаютъ также органы чувствъ и движенія (1), и у одной чужеядной лерней, физическое униженіе идетъ объ руку съ униженіемъ нравственнымъ. Самка живетъ въ жабрахъ рыбы, питаясь ея соками, а ея недостойный супругъ живетъ на ней паразитомъ.

Фиг. 11.



Volvox globator, содержащій восемь молодыхъ вольвоксовъ (увеличено).

Но это отступленіе становится обиднымъ для насъ, а наши руки между тѣмъ коченѣютъ отъ холода. Несмотря на это, я поднимаю банку на свѣтъ, и держу руку за нею, чтобы вы могли на этомъ фонѣ разсмотрѣть еще нѣкоторыхъ прозрачныхъ животныхъ. Взгляните на эти прозрачные, свѣтло-зеленые шарики, медленно плывущіе и въ то же время обращающіеся въ пространствѣ, только по болѣе эксцентрическимъ орбитамъ. Каждый изъ этихъ шариковъ есть Volvox globator.

(1) См. Gegenbaur: *Grundzüge der vergleichenden Anatomie* 1859, pp. 229, 269; и Leydig, *Ueber Hydaina senta (Müllers Archiv.* 1857. p. 411.)

Digitized by Google

Подъ микроскопомъ они являются хрустальными шарами и усыпаны ярко-зелеными пятнышками, и на каждомъ пятнышкѣ сидятъ двѣ рѣснички, служащія животному веслами при его движеніяхъ по водѣ. Пятнышки соединены между собою сѣтью нѣжныхъ линій, впрочемъ, не всегда видимыхъ. Внутри шара находится жидкость, въ которой нѣсколько мелкихъ, темно-зеленыхъ шариковъ обращаются точно такъ же, какъ шаръ-мать обращается въ водѣ. Осторожно сожмите *вольвокса* между двумя стеклянными пластинками, и вы, при усиленномъ увеличеніи, увидите, что внутренніе шарики имѣютъ точно такое же строеніе какъ шаръ, содержавшій ихъ, и что внутри ихъ уже можно различить третье поколѣніе шариковъ. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ жизни внутри жизни, о которой была рѣчь въ прошлой главѣ.

И это не все. Ярко-зеленыя пятна, покрывающія поверхность *вольвокса*, если разсмотрѣть ихъ при усиленномъ увеличеніи, окажутся не пятнами, а животными, и даже, по мнѣнію Эренберга (мнѣнію, впрочемъ, раздѣляемому лишь немногими), высокоразвитыми животными, обладающими ртомъ, многими желудками и глазомъ. Спѣшимъ прибавить, что не только многіе микроскописты не соглашаются съ Эренбергомъ касательно строенія этихъ зеленыхъ пятенъ, но бо́льшая часть изъ нихъ и самаго *вольвокса* не признаютъ за животное. Фонъ-Зибольдъ въ Германіи и профессоры Джорджъ Боскъ и Уильямсонъ въ Англіи, такъ сильно оспаривали животную природу *вольвокса*, причисляя его къ растеніямъ, что въ большей части новѣйшихъ сочиненій принято это мнѣніе. Но одинъ изъ первыхъ современныхъ авторитетовъ по части инфузорій, въ только что вышедшемъ своемъ великолѣпномъ сочиненіи, возвращается къ прежнему взгляду, по которому *вольвоксъ* считается за животное, хотя и очень простое (1).

Это разногласіе можетъ-быть удивитъ васъ. Васъ приводитъ въ недоумѣніе мысль, что растеніе (если это растеніе) движется, плаваетъ съ ловкостію животнаго, и посредствомъ такихъ же органовъ, какъ и животное, посредствомъ рѣсничекъ. Но все затрудненіе произошло по собственной нашей винѣ. Мы сперва употребили слово «растеніе», чтобъ обозначить обширную группу организмовъ, лишенныхъ самодвиженія, а потомъ самодовольно восклицаемъ: развѣ растеніе можетъ

(1) Stein: *Der Organismus der Infusionsthiere* 1859, pp. 36—38.

Digitized by Google

двигаться? Но стóитъ только осмотрѣться въ растительномъ царствѣ, чтобъ убѣдиться, что способность самодвиженія вовсе не чужда ему; что многія изъ простѣйшихъ растеній, а именно нитянки, и вообще водоросли, могутъ двигаться, и движутся въ ранніе стадіи своего развитія; они отдѣляются отъ своихъ родителей въ видѣ свободныхъ скитальцевъ, и лишь современемъ осѣдаютъ для степенной, неподвижной жизни. Во время ихъ странствованій, ихъ называютъ, довольно не точно, *зооспорами* (1), и когда-то было высказано мнѣніе, что они дѣйствительно въ молодости суть животныя, и лишь въ послѣдствіи нисходятъ на степень растенія. Но самодвиженіе не есть необходимый признакъ животнаго, точно такъ же, какъ прикрѣпленіе къ опредѣленному мѣсту не есть исключительный признакъ растеній. Многія животныя (полипы, моллюски, губки), послѣ бродячей юности, осѣдаютъ разъ навсегда и остаются прикрѣпленными къ одному мѣсту такъ же, какъ и растенія. Да не замѣчаемъ ли мы подобныхъ превращеній и у людей? Сколько изъ нихъ искупаютъ безумную непосидчивость ранней молодости дѣловою и сидячею жизнію въ томъ возрастѣ, когда почтенная лысина и солидная тучность обнаруживаютъ происшедшія въ нихъ физическія измѣненія!

Можно еще поспорить о томъ, слѣдуетъ ли считать за регрессъ такой переходъ растенія или животнаго къ сидячей жизни, но встрѣчаются интересные примѣры дѣйствительно нисходящаго превращенія у нѣкоторыхъ животныхъ. Такъ великолѣпный морской червь Terebella, выдѣляющій изъ своего тѣла трубочку, въ которой онъ и живетъ, прикрѣпленный къ скалѣ, или къ устричной раковинѣ, въ молодости имѣетъ явственную голову, глаза и щупальцы, но достигая зрѣлаго возраста, онъ утрачиваетъ всякіе слѣды головы, глазъ, и даже щупалецъ, развѣ можно считать за подобіе послѣднихъ органовъ великолѣпный султанъ изъ волнистыхъ колосковъ, который онъ распускаетъ въ водѣ. Точно также и *анатифы* въ ранній періодъ своего развитія снабжены тремя парами ногъ, однимъ очень простымъ глазомъ и ртомъ съ хоботкомъ; во второмъ періодѣ своего развитія, они имѣютъ шесть паръ ногъ, два сложные глаза, двое щупалецъ, но не имѣютъ рта; въ третьей и окончательной стадіи ихъ жизни, ноги у нихъ превращены въ органы хватанія, у нихъ снова появился ротъ, но за то исчезли

(1) Отъ греческаго zoon—животное, и sporos—сѣмя.

Digitized by Google

щупальцы, и сложные глаза замѣнены одною простою глазною точкой.

Но прервемъ эти отступленія и закинемъ въ воду нашу сѣтку. Мы водимъ ею по поверхности лужи, и вытаскиваемъ большое количество зеленыхъ грязокъ, гнилыхъ листьевъ и вѣточекъ, и запутанные комки тонкихъ ниточекъ, которыя ботаники называютъ нитянками. Вода стекаетъ, и мы роемся въ этой густой массѣ. Вотъ красивый *водный жукъ*, Dytiscus, и личинка того же жука, прозванная *водянымъ тигромъ* за свою хищность (фиг. 12). Вы бы никакъ не подумали, что стройный, голова-

Фиг. 12.

Водный жукъ и его личинка.

стый, длиннохвостый водный тигръ превратится въ коренастаго мелкоголоваго, безхвостаго жука; вы еще менѣе ожидаете, что онъ простираетъ причудливость до того, что дышитъ хвостомъ. Но вы можете убѣдиться и въ томъ и въ другомъ, если станете наблюдать за нимъ въ своемъ акваріи.

Фиг. 13.

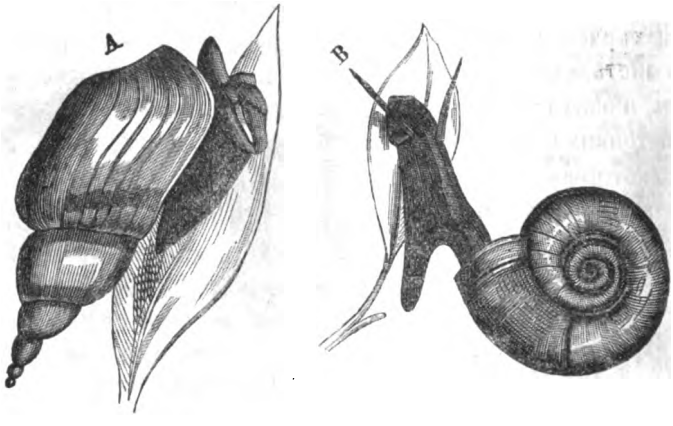
Личинки стрекозы. А. Въ обыкновенномъ видѣ. В. Съ вытянутою челюстью.

Продолжая наши поиски, мы попадаемъ на жирную, неуклюжую, лѣнивую личинку блестящей и стройной стрекозы, этого сокола между насѣкомыми. Она пригодится намъ для вскрытій—такъ въ банку же ее. Между гнилыми листьями вы видите нѣсколько мелкихъ піявокъ и плоскихъ, овальныхъ *планарій*, коричневыхъ и бѣлыхъ: вотъ также блѣдножелтая студенистая масса, въ которой мы узнаемъ кучу яицъ, положенныхъ какою-нибудь улиткой, и такъ какъ развивающееся яйцо принадлежитъ къ самымъ интереснымъ предме-

Digitized by Google

тамъ, мы беремъ съ собою этотъ студень. Вотъ (фиг. 14) два моллюска, Limnaeus и Planorbis, изъ которыхъ одинъ вѣроятно по-

Фиг. 14.



A. Limnaeus stagnalis B. Planorbis

ложилъ эти яйца. А вотъ моллюскъ, который не кладетъ яицъ, а производитъ живыхъ дѣтенышей. Эта Paludina vivipara, о которой мы уже имѣли случай говорить. На поверхности сѣтки и гнилыхъ листьевъ разсѣяны маленькія кучки грязновато-бураго студня, а нѣкоторыя изъ нихъ не бураго, а кровянаго цвѣта. Опытъ научаетъ меня, что эти бурыя кучки непремѣнно состоятъ изъ полиповъ, изъ Hydra fusca систематиковъ. Я не могу объяснить вамъ, почему я узнаю ихъ, и почему вы можете ихъ узнать. Способность распознаванія пріобрѣтается лишь близкимъ знакомствомъ. Потому именно, что нельзя начать съ *близкаго* знакомства, а безъ него нельзя признать полипа: такъ мало есть людей, которые бы его видѣли. Но близкаго знакомства можно достигнуть очень простымъ способомъ. Возьмите себѣ за правило опускать всякій неизвѣстный вамъ предметъ въ вашу склянку съ водой. Въ водѣ онъ, вѣроятно, тотчасъ обнаружитъ свою природу; если это полипъ, онъ немедленно распуститъ свои щупальцы; если нѣтъ, вы можете на досугѣ разсмотрѣть его дома, и узнать, какое это суще-

Фиг. 15.

Paludina vivipara.

Digitized by Google

ство, съ помощію описаній и рисунковъ. Взгляните, вотъ я погрузилъ въ воду одну изъ этихъ студенистыхъ частицъ, и она тотчасъ приняла знакомую намъ форму полипа. А теперь посмотримъ, что такое эти красныя кучки. Несмотря на ихъ цвѣтъ, я не могу удержаться отъ подозрѣнія, что это также полипы. Дайте мнѣ кисточку. Вотъ мы потихоньку подобрали ею красную кучку и опустили ее въ воду. Транблей (1) свидѣтель! Это полипъ! Неужели это открытіе не тронетъ васъ, даже если я скажу вамъ, что это видъ, еще нигдѣ неописанный? Не будьте же такъ обидно равнодушны! Хоть слегка придите въ восторгъ, порадуйтесь открытію новаго вида, докажите, что и въ вашихъ жилахъ играетъ кровь натуралиста! Вы не знали, что это видъ еще неописанный? Это объясняетъ ваше равнодушіе. Знайте же, что до сихъ поръ были извѣстны только три вида прѣсноводныхъ полиновъ: Hydra fusca, Hydra viridis и Hydra grisea. Мы можемъ прибавить четвертый видъ къ этому списку; мы окрестимъ его Hydra rubra, и постараемся не слишкомъ возгордиться. Если кто-нибудь спроситъ насъ, неужели мы въ самомъ дѣлѣ придаемъ важность такимъ пустякамъ, каковы видовыя различія, основанныя только на величинѣ и на цвѣтѣ, мы, какъ вы знаете, можемъ принять глубокомысленный видъ и отнѣкиваться. Но это дѣлается только офиціяльно, для приличія. Въ сущности мы, презирая видовыя различія, установленныя другими, питаемъ нѣкоторое пристрастіе къ собственнымъ нашимъ подвигамъ въ этомъ родѣ (2).

Я однажды показалъ склянку съ полипами одному философу, который посмотрѣлъ на нихъ очень равнодушно. Они показались ему на столько же неинтересными, какъ еслибъ это были обыкновенныя ряски; чтобы вы не остались такъ безучастными, какъ онъ, я тутъ же скажу вамъ, что эти малень-

(1) Трамблей (Trembley) въ своемъ великолѣпномъ сочиненіи: *Mémoires pour servir à l'histoire d'un genre de Polypes d'eau douce*, *1744*, обогатилъ науку самымъ полнымъ и точнымъ описаніемъ прѣсноводнаго полипа; но не ему принадлежитъ честь перваго открытія этого животнаго, а старику Левенгуку.

(2) Издатели *Annals of Natural History*, въ замѣткѣ къ посланному мною описанію этого новаго полипа, сообщаютъ, что мистеръ Грей нашелъ тотъ же самый видъ, и вѣроятно въ той же мѣстности, тридцать лѣтъ тому назадъ. Но послѣднее классическое руководство (Van der Hoeven *Handbuch der Zoologie*) исчисляетъ только три вида.

Digitized by Google

кія существа принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ жителей нашихъ болотъ. Стóитъ только посвятить нѣсколько вниманія на ихъ изученіе, и вы увидите, что если ихъ разрѣзать на куски, изъ каждаго куска выростетъ новый полипъ, что если ихъ раздражать или уколоть, изъ раздраженной точки выростетъ молодой полипъ, какъ почка изъ вѣтви растенія; что ихъ можно выворачивать наизнанку, и что при этомъ ихъ кожа сдѣлается желудкомъ, а желудокъ кожею. Они очень чувствительны къ свѣту, къ которому они постоянно движутся, и къ малѣйшему прикосновенію; а въ нихъ нельзя найдти ни малѣйшаго слѣда нервной ткани. Они могутъ двигаться и передвигаться, но ихъ мышцы представляютъ намъ лишь сотканіе крупныхъ сокращающихся клѣточекъ. Если вода, въ которой ихъ держатъ, не совершенно чиста, на нихъ заведется множество паразитовъ; и еще недавно, я замѣтилъ чужеядное растеніе (или животное, право, не знаю), образовавшее красивую бахрому на щупальцахъ полипа: пучки коническихъ сосочковъ, такъ прозрачныхъ, что въ нихъ нельзя было разсмотрѣть какое-нибудь строеніе, постоянно движущихся какъ листья на вѣткѣ.

Еще разъ и еще разъ мы погружаемъ сѣтку въ воду и вытаскиваемъ грязь, камни, вѣточки, а съ ними рыбку, червей, моллюсковъ, тритоновъ. Рыбку стóитъ сохранить для акварія, это колюшка замѣчательная тѣмъ, что строитъ себѣ гнѣзда. Васъ удивляетъ обстоятельство, что рыба вьетъ гнѣздо и заботится о своихъ дѣтенышахъ, не хуже любой птицы (и есть еще другія рыбы, одаренныя тѣмъ же инстинктомъ)? Но почему бы рыбѣ не быть такою же заботливою, какъ птица! Есть рыба (catfish), которая плаваетъ, окруженная своими дѣтенышами, какъ утка съ своими утятами; другая (sunfish, Orthagoriscus mola) цѣлыми мѣсяцами суетится около своихъ яицъ, предохраняя ихъ отъ всякой опасности.

Вѣтеръ такъ пронзителенъ, и мои пальцы такъ застыли, что я едва держу кисточку. Спина разболѣлась отъ постояннаго нагибанія надъ водой; давно бы, кажется, пора перестать намъ закидывать сѣтку. Но все какъ-то не оторвешься. То ничего не вытащишь, и хочется попробовать еще, то закинешь такъ удачно, что опять разохотишься и снова закидываешь. Все это совершенно непонятно прохожимъ, которые окидываютъ насъ презрительнымъ взглядомъ, замѣтивъ, что мы не рыбу ловимъ, а собираемъ въ банку какую-то едва видимую дрянь. Однажды

Digitized by Google

ирландскій пахарь остановился подлѣ меня и спросилъ, рыбу что ли я ловлю. Я спокойно отвѣчалъ ему: да. Онъ подошелъ ближе. Я продолжалъ перебирать илъ и травы, отъ времени до времени перекладывая въ банку какую-нибудь невидимую мелочь. Наконецъ, мнѣ попался большой желтобрюхій тритонъ. Онъ захотѣлъ разсмотрѣть его, и замѣтивши тутъ, какъ вода кишитъ мелкими животными, былъ пораженъ этимъ зрѣлищемъ и сталъ разспрашивать. Я продолжалъ свою ловлю. Его любопытство возрастало. Посыпались новые вопросы: онъ предложилъ мнѣ свою помощь и остался со мною, пока я не собрался домой, и тогда онъ сказалъ серіозно: «что̀ и говорить, хорошее дѣло знать имена всѣхъ Божьихъ твореній». Презрѣніе замѣнилось благоговѣніемъ; то же было бы и со многими другими, еслибъ они сумѣли побороть въ себѣ наклонность къ глумленію надъ вещами, которыхъ они не понимаютъ, и захотѣли терпѣливо вглядѣться въ тѣ чудеса, которыми природа населила каждую канаву около дороги.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Digitized by Google

* * *

Въ тиши моей жизни ничтожной,
Въ досадѣ пустыхъ огорченій
И въ шумѣ пустаго веселья
Дремлю я душою тревожной.

Но полный тяжелой дремоты,
Я чувствую, сердце тоскуетъ;
И снится, и грезится вѣчно
Ему—непонятное что-то.

Какіе-то дни золотые,
Какія-то дивныя рѣчи,
Какія-то крѣпкія силы,
И мысли, и чувства святыя.

И мѣсяцъ, и звѣзды, и розы...
Какая-то грусть безъ предѣла,
И ласки, безумныя ласки...
И слезы, горячія слезы....

Н. Страховъ.

Ш Т И Л Ь

(Изъ Гёте.)

Тишь глубокая на водахъ;
Недвижимо море спитъ;
На морскую гладь уныло
Мореплаватель глядитъ.

Ни откуда не повѣетъ!
Мертвый штиль! и ни одна
Въ безконечномъ океанѣ
Не вздымается волна.

Ѳ. Ромеръ.

Digitized by Google

№ 60

О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ УСТРОЙСТВѢ

ЧЕРКЕССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ,

НАСЕЛЯЮЩИХЪ

СѢВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Кавказъ представляетъ много любопытныхъ образцовъ устройства человѣческихъ обществъ. Тщательное изученіе этихъ живыхъ образцовъ можетъ пояснить темныя и загадочныя стороны въ исторіи первыхъ временъ образованія государствъ. Робертсонъ, напримѣръ, для подтвержденія историческихъ выводовъ своихъ о древнихъ терманскихъ племенахъ, сравнивалъ политическое ихъ состояніе съ тѣмъ, въ которомъ находятся нынѣшніе дикари Сѣверной Америки, и находилъ, что разительное между ними сходство подтверждаетъ вѣрность его выводовъ даже болѣе, чѣмъ свидѣтельства Цезаря и Тацита. Но еслибы, вмѣсто этого бѣднаго матеріяла, извѣстны были Робертсону и другимъ знаменитымъ историческимъ изслѣдователямъ кавказскія племена, которыхъ политическое устройство не составляетъ исключительной особенности ихъ, а принадлежитъ всѣмъ младенчествующимъ народамъ, то они нашли бы у этихъ племенъ много данныхъ для новыхъ выводовъ и даже для переработки первоначальной исторіи новѣйшихъ европейскихъ государствъ.

Digitized by Google

Предметомъ нашей статьи будетъ политическое устройств черкесскихъ племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берег Чернаго моря. Главныя основанія этого первобытнаго устройств сохранились и во всѣхъ другихъ обществахъ кавказских племенъ, съ тою только разницей, что нѣкоторыя изъ них представляютъ его на дальнѣйшихъ степеняхъ его развитія.

Въ статьѣ этой мы слегка коснемся общественнаго устрой ства и другихъ сосѣдственныхъ Черкесамъ племенъ, сколь это будетъ необходимо для объясненія предмета нашей статьи и изложимъ происходившія въ послѣднія пятнадцать лѣтъ в черкесскомъ обществѣ неудачныя попытки къ переворотамъ. Для полноты и ясности описанія, необходимо начать его съ то-пографическаго и этнографическаго обозрѣнія края.

I.

Пространство земли, населяемое черкесскими племенами на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, ограничивается съ сѣвера рѣкой Кубанью, отъ устья ея до впаденія въ нее *Лабы*, и нижнею частію теченія послѣдней; съ востока Лабой, при-токами ея Ходзь и Губсъ, и хребтомъ, отдѣляющимъ рѣку Ходзь отъ рѣки Бѣлой; съ юго-запада Чернымъ моремъ.

Пространство это пересѣкается по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, кото-рый, начинаясь въ углу между устьемъ Кубани и Чернымъ моремъ, прилегаетъ къ самому морскому берегу до укрѣпле-нія Гагры; далѣе, сохраняя то же направленіе, хребетъ входитъ внутрь Кавказскаго перешейка, а морской берегъ, описывая дугу къ югу, постепенно отходитъ и наконецъ совсѣмъ уда-ляется отъ горъ.

При началѣ своемъ, въ углу между низовьемъ Кубани и мо-ремъ, Кавказскій хребетъ имѣетъ еще незначительную *высоту*, но обнаженные каменные и остроконечные гребни его и рѣз-кія очертанія боковъ, изломанныхъ угловатыми ребрами, пред-ставляютъ уже общій характеръ этой первозданной цѣпи горъ. Далѣе онъ постепенно увеличивается въ ширину и высоту, и, не доходя еще до укрѣпленія Гагры, превышаетъ мѣстами черту вѣчныхъ снѣговъ.

Опускаясь отъ гребня въ обѣ стороны террасами и потомъ

Digitized by Google

отбрасывая вѣтви къ Кубани и къ морю, Кавказскій хребетъ имѣетъ, кромѣ главнаго, параллельные ему, пониженные гребни, между которыми находятся высокія населенныя долины. Сѣверная покатость хребта понижается къ Кубани довольно полого, и наконецъ сливается съ обширными прикубанскими равнинами. Напротивъ того, южная покатость падаетъ къ морю утесистыми обрывами, а короткія, высокія и массивныя вѣтви, упираясь въ морской берегъ, оканчиваются при немъ отвѣсными крутизнами.

Со стороны моря Кавказскій хребетъ имѣетъ видъ дикой и почти необитаемой мѣстности. Вѣковые лѣса покрываютъ его крутые скаты, и мало гдѣ видна воздѣланная земля. На сѣверной сторонѣ хребта лѣсная полоса оканчивается у подошвы послѣднихъ его уступовъ; равнины же, разстилающіяся отъ подножія горъ до Кубани, представляютъ большею частію мѣстность открытую съ небольшими кое-гдѣ перелѣсками.

Изъ рѣкъ значительныя протекаютъ только на сѣверной сторонѣ главнаго хребта, а именно: Кубань и лѣвые притоки ея: Урупъ, Большая и Малая Лаба, Бѣлая, Пшишь, Псекупсъ, Супсъ, Адогумъ и многія другія, изъ которыхъ только одна Кубань судоходна. По южную же сторону хребта отъ Анапы до предѣловъ Абхазіи, рѣки, сбѣгающія съ короткой и крутой покатости по каменистому ложу, имѣютъ характеръ стремительныхъ горныхъ потоковъ, непроходимыхъ послѣ дождей и во время весенняго и осенняго полноводій, и вездѣ представляющихъ удобные броды въ обыкновенное время; однако нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ при устьѣ достаточную глубину, такъ что по нимъ могутъ подниматься плоскодонныя турецкія кочермы на 3 или на 4 версты отъ берега. Таковы: Пшада, Джуба, Шапсуго, Туапсе, Мокупсе, Псезуапе, Субаши, Шахе, Вордане (или Сюхпсе), Сочи (или Саше), Мздымта и нѣкоторыя другія. При устьяхъ этихъ рѣкъ, кромѣ Джубы, Мокупсе и Вордане, построены были русскія укрѣпленія, которыя разрушены нами во время минувшей войны и по окончаніи ея не возобновлены.

Колесныя сообщенія черезъ главный Кавказскій хребетъ, съ сѣверо-восточнаго берега моря на равнины Кубани, существуютъ только на сѣверной его оконечности до бывшаго укрѣпленія Геленджика; къ югу же отъ послѣдняго пункта есть только горныя тропы, едва проходимыя для конныхъ.

Черное море, омывая Кавказскій перешеекъ у самой подо-

Digitized by Google

швы главнаго Кавказскаго хребта на протяженіи отъ Гагръ почти до Геленджика, отмыло оконечности упирающихся въ него горныхъ вѣтвей, но нигдѣ не могло вторгнуться внутрь материка. На этомъ протяженіи берегъ имѣетъ очертаніе почти прямое и только въ немногихъ мѣстахъ выдается въ море короткими и тупыми мысами, или, уступивъ дѣйствію моря, изгибается внутрь пологими дугами. Между утесами отмытыхъ моремъ оконечностей горныхъ вѣтвей и морскимъ бассейномъ, находится узкая полоса изъ песку, щебня и камня, набросанная морскимъ прибоемъ, шириной отъ 5 до 10 саженъ, которая, при тихой погодѣ въ морѣ, составляетъ единственный удобный путь для сообщенія жителей прибрежныхъ долинъ, раздѣленныхъ между собою отбрасываемыми отъ главнаго хребта къ морю высокими и малодоступными горными вѣтвями; во время же морскихъ прибоевъ, волны, ударяясь въ самое подножіе береговыхъ скалъ, прекращаютъ прибрежное сообщеніе. Къ сѣверу отъ устья рѣки Пшады, море вдается въ берегъ двумя бухтами: Геленджикскою и Суджукскою, удобными для якорной стоянки во время восьми мѣсяцевъ въ году, но весьма опасными, особенно первая, для судовъ въ зимніе четыре мѣсяца, по причинѣ береговаго вѣтра, извѣстнаго подъ названіемъ *боры*, который срывается съ горнаго хребта съ силой урагана. Внѣ предѣловъ описываемаго нами пространства, гдѣ Кавказскій хребетъ уже расходится съ морскимъ берегомъ, море образуетъ еще одну хорошую бухту, Сухумскую; хотя она и открыта со стороны моря на полкруга, но обступающія ее со всѣхъ сторонъ высокія горы останавливаютъ теченіе воздуха, и потому ни одинъ морской вѣтеръ не доходитъ въ бухту. То же явленіе замѣчается при укрѣпленіи Гагры: высокій хребетъ поднимается стѣной у самаго берега.

Кромѣ трехъ описанныхъ бухтъ и рейда при Пицундѣ, прикрытаго отъ сѣверныхъ вѣтровъ выдающимся въ море самымъ значительнымъ изъ мысовъ этого берега, нигдѣ открытые рейды не представляютъ никакого убѣжища судамъ.

Черное море отъ устья Кубани до устья Кодора имѣетъ берегъ приглубый, безъ отмелей и рифовъ, дозволяющій судамъ близко подходить къ берегу; къ югу же, отъ впаденія Кодора, то-есть внѣ предѣловъ описываемаго нами пространства, плоская и болотистая мѣстность, нечувствительно понижаясь въ море, образуетъ на значительное разстояніе отъ берега мель, которая увеличивается еще наносами рѣкъ.

Digitized by Google

Такова мѣстность; что касается до обитателей, то народъ Адиге, который населяетъ бо́льшую часть этого пространства, болѣе извѣстенъ подъ названіемъ Черкесовъ и раздѣляется на большое число племенъ, имѣющихъ разныя наименованія. Вотъ сильнѣйшія изъ этихъ племенъ:

1) Натухайцы (Нодкуаджъ) населяютъ уголъ между Чернымъ моремъ и низовьемъ Кубани, на сѣверной покатости Кавказскаго хребта до рѣки Адогума и на южной, нѣсколько далѣе рѣки Пшады (1).

2) Шапсуги, сосѣдственные Натухайцамъ, живутъ по обѣимъ сторонамъ Кавказскаго хребта, занимая на сѣверной его сторонѣ пространство отъ Адогума до рѣки Супсы (2) и на южной сторонѣ отъ Пшады до рѣки Шахе. Къ востоку племя это распространяется не вездѣ до самой Кубани.

3) Бжедухи примыкаютъ къ Шапсугамъ съ востока и занимаютъ на лѣвомъ берегу Кубани земли отъ рѣки Пшишь до Супсы.

4) Абадзехи населяютъ земли только по сѣверную сторону Кавказскаго хребта сопредѣльно съ Шапсугами и Бжедухами до рѣки Бѣлой, включительно.

5) Кабардинцы (Кабертай) населяютъ край внѣ предѣловъ описываемаго нами пространства близь военно-грузинской дороги, между рѣками Малкою и Терекомъ и землями Осетинскихъ племенъ. Они составляютъ особый отдѣлъ народа Адиге и не входятъ въ наше описаніе, по различію общественнаго ихъ устройства отъ черкесскихъ племенъ, населяющихъ земли между Кубанью и Чернымъ моремъ.

Къ востоку отъ Бжедуховъ и Абадзеховъ, примыкаютъ къ

---

(1) Г. Люлье, жившій у Черкесовъ 8 лѣтъ (съ 1820 по 1828 годъ) въ качествѣ коммиссара русскаго правительства, въ миссіи г. Скасси, и извѣстный изданіемъ черкесскаго словаря и грамматики того же языка, а также и нѣкоторыми статьями о Черкесахъ, въ статьѣ своей, напечатанной въ IV книжкѣ *Кавказскаго отдѣла географическаго общества* (1857 г.), подъ названіемъ: «Общій взглядъ на страны, занимаемыя горскими народами и пр.», причисляетъ къ Натухайскому племени всѣхъ жителей южной покатости Кавказскаго хребта отъ Анапы до рѣки Шахе и нѣсколько далѣе къ югу. Не отвергая справедливости его предположенія, мы придерживаемся здѣсь общепринятаго раздѣленія племенъ.

(2) Рѣка Супса не показана на дорожной картѣ Кавказа, изданной въ 1858 году и поступившей во всеобщую продажу; рѣка эта впадаетъ въ Кубань между Афипсомъ и Псекупсомъ.

Digitized by Google

нимъ небольшія черкесскія племена: Хатукай и Темиргой, живущія въ углу между Лабой и Бѣлой; Махошъ и Бесленей, населяющіе пространство южнѣе предыдущихъ двухъ племенъ также между Лабой и Бѣлою.

Кромѣ того, мы причисляемъ еще къ нашему описанію племя Убыховъ, которые хотя, по происхожденію и языку, вовсе не принадлежатъ къ народу Адиге, но по нравамъ, обычаямъ, общественному устройству и по всеобщему употребленію у нихъ черкесскаго языка наравнѣ съ природнымъ ихъ языкомъ, могутъ быть причислены къ группѣ черкесскихъ племенъ. Они живутъ на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта между рѣками Шахе и Хамышъ (1).

Къ черкесскимъ племенамъ примыкаетъ Абхазское племя, отличающееся отъ нихъ и отъ Убыховъ происхожденіемъ, языкомъ и общественнымъ устроѣствомъ. На южной покатости хребта живутъ подлѣ Убыховъ на берегу моря Джигеты и, выше, въ горахъ Медовѣевцы (Медозюэ), а на сѣверной покатости Багъ, Баракай, Шагирей, и далѣе къ востоку Тамъ, Кизильбекъ, Башилбай и Басхогъ, распространяясь до самаго Карачая, населеннаго Ногайскимъ племенемъ. Къ Джигетамъ и Медовѣевцамъ примыкаютъ на южной покатости хребта владѣніе Абхазское и Цебельда, также обитаемыя Абхазскимъ племенемъ.

Всѣ исчисленныя нами племена черкесскія и абхазскія, кромѣ Шапсуговъ, Убыховъ и Джигетовъ, покорны русскому правительству; но управляются по ихъ народнымъ обычаямъ.

Трудно опредѣлить даже приблизительно народонаселеніе описываемаго нами края, но, кажется, мы не много ошибемся, сказавъ, что число жителей обоего пола въ черкесскихъ племенахъ на восточномъ берегу Чернаго моря не превышаетъ 300 тысячъ душъ мужескаго пола.

Черкесское общество основано на слѣдующихъ началахъ:

1) Семейство.

2) Право собственности.

3) Право употребленія оружія для всякаго свободнаго человѣка,

и 4) Родовые союзы со взаимною обязанностію всѣхъ и каждаго защищать другъ друга, мстить за смерть, оскорбленіе

---

(1) Хамышъ также не показана на означенной картѣ; она впадаетъ въ Черное море между Сочей и Мздымтою.

Digitized by Google

и нарушеніе правъ собственности всѣмъ за каждаго, и отвѣтствовать передъ чужими родовыми союзами за всѣхъ своихъ.

Эти коренныя начала, которыя мы разсмотримъ ниже, составляли искони основаніе общественнаго устройства у Черкесовъ; но самое общество не оставалось неподвижнымъ, а постепенно измѣнялось, не нарушая этихъ началъ, и достигло нынѣшняго своего состоянія послѣ переворота въ значеніи и правахъ общественныхъ сословій.

Черкесское общество раздѣляется на слѣдующія сословія: 1) пши (князь), 2) воркъ (дворянинъ), 3) тхвохотль (среднее сословіе свободныхъ людей), 4) объ (кліенты, состоящіе въ зависимости отъ покровителей), 5) пшитль (подвластный хлѣбопашецъ, обрабатывающій землю своего господина) и 6) ясырь (рабъ, дворовый человѣкъ).

Князья и дворяне пользовались въ прежнія времена нѣкоторою властію надъ народомъ въ дѣлахъ общественныхъ и въ мѣрахъ общей безопасности, а также нѣкоторыми личными преимуществами передъ другими сословіями; но около половины прошедшаго столѣтія произошелъ у Черкесовъ общественный переворотъ, въ которомъ оба означенныя сословія лишились всѣхъ своихъ преимуществъ и уравнялись въ правахъ съ тхвохотліями, сдѣлавшимися послѣ того, по своей многочисленности, первенствующимъ классомъ въ народѣ. Однако князья и дворяне помнятъ свое происхожденіе, ведутъ свой родъ и, сохраняя многія понятія своихъ сословій, избѣгаютъ мѣшаться браками съ людьми другихъ сословій.

Такимъ образомъ у Черкесовъ существуютъ теперь три свободныя, равныя между собою, и три подвластныя сословія. Три низшія сословія состоятъ въ зависимости отъ своихъ владѣльцевъ на различныхъ правахъ. Сословіе *объ* можно считать почти свободнымъ, потому что оно пользуется правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, хотя для собственной безопасности своей, какъ мы увидимъ ниже, люди этого сословія не могутъ жить въ краѣ въ совершенной независимости. Сословіе *пшитль* вполнѣ подчинено владѣльцамъ, которые имѣютъ право продавать принадлежащихъ къ нему людей, но не иначе, какъ за преступленіе и притомъ цѣлыми семействами; *ясыри* же, къ которымъ принадлежатъ плѣнные и потомки ихъ, не имѣютъ никакихъ человѣческихъ правъ; господинъ можетъ продавать ихъ по одиночкѣ, подвергать жестокимъ наказаніямъ и даже убивать, не отвѣтствуя ни передъ

Digitized by Google

кѣмъ. Кромѣ того, *обы* и *пшитли* пользуются правами собственности, но обязаны своимъ владѣльцамъ разными натуральными повинностями, какъ работой, такъ и взносомъ опредѣленной части земныхъ произведеній и приплода отъ скота въ положенные сроки. Ясыри, напротивъ, не имѣютъ никакой собственности, и весь трудъ ихъ принадлежитъ владѣльцамъ.

Переходя за тѣмъ къ началамъ, на которыхъ устроено черкесское общество, разсмотримъ прежде всего черкесское семейство. Отецъ семейства есть полновластный господинъ надъ своими женами и несовершеннолѣтними дѣтьми; онъ можетъ поступать съ ними совершенно по своему произволу; жизнь и свобода ихъ въ его власти; но если онъ безъ вины убьетъ или продастъ свою жену, то подвергается мщенію со стороны ея родственниковъ. По магометанскому закону, каждый можетъ имѣть четырехъ женъ, но однако не многіе изъ Черкесовъ пользуются этимъ правомъ; по коренному народному обычаю принято имѣть только по одной женѣ. У Черкесовъ, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ, женихъ долженъ платить за женщину, которую беретъ въ замужество, родственникамъ ея условную плату, которая называется *калымъ*. Разводы дозволительны и обыкновенно исполняются простою отсылкой жены къ ея родственникамъ; но если она ни въ чемъ не виновата, то мужъ не имѣетъ права требовать возврата *калыма*, и сверхъ того можетъ еще подвергнуться мщенію со стороны ея родственниковъ. Если женщина овдовѣетъ, то на ней обязанъ жениться одинъ изъ братьевъ покойнаго ея мужа, но, по согласію обѣихъ сторонъ, бракъ можетъ и не состояться. Черкесы вообще очень обходительны съ женщинами, и хотя на долю женщинъ падаютъ всѣ тяжелыя домашнія работы, но это принадлежитъ къ народнымъ обычаямъ, а не происходитъ отъ жестокости нравовъ. Случаи суроваго обращенія съ женщинами бываютъ весьма рѣдки, и гдѣ они встрѣчаются, тамъ всегда виной тому бываютъ женщины. Незамужнія женщины пользуются свободой и могутъ показываться постороннимъ людямъ; замужнія же по восточному обычаю закрываютъ свои лица и ведутъ жизнь затворническую. У горцевъ, по суровымъ воинственнымъ нравамъ ихъ, считается неприличнымъ мужу показываться вмѣстѣ съ женой внѣ своего дома и отцу ласкать своихъ дѣтей въ присутствіи постороннихъ. Достаточные люди отдаютъ своихъ дѣтей на воспитаніе въ чужія семейства до совершеннолѣтія, и этотъ взаимный обмѣнъ

Digitized by Google

дѣтей составляетъ одно изъ средствъ къ поддержанію между разными семействами связей и дружбы, столько необходимыхъ въ народѣ, не имѣющемъ надъ собою никакихъ властей. Дѣти, воспитанныя въ чужихъ семействахъ, имѣютъ такія же обязанности къ своимъ воспитателямъ, называемымъ *аталыками*, какъ и къ родителямъ; они часто привязываются къ *аталыку* даже болѣе, чѣмъ къ своему отцу, который, побѣждая въ себѣ чувство природы, избѣгаетъ видѣть своихъ дѣтей до ихъ совершеннолѣтія, потому что родительская нѣжность признается слабостію, недостойною мущины и воина. Продажа отцами собственныхъ малолѣтныхъ дѣтей обоего пола въ Турцію составляетъ у Черкесовъ явленіе весьма обыкновенное. Хотя ихъ побуждаетъ къ тому нужда и корыстолюбіе, но въ извиненіе имъ можно сказать, что они надѣются на счастливую будущность своихъ дѣтей, зная много примѣровъ, что проданные въ Турцію мальчики, по врожденной ихъ смѣтливости и ловкости, рѣзко отличающей ихъ отъ природныхъ Турокъ, выслуживались тамъ до высокихъ степеней государственной службы, а дѣвочки попадали въ гаремы султана и пашей.

Права собственности у Черкесовъ распространяются на имущество движимое, изъ котораго главное богатство составляетъ скотъ, а также и на такое недвижимое имущество, которое находится *въ дѣйствительномъ и непосредственномъ* обладаніи частныхъ лицъ и требовало отъ нихъ собственнаго труда, какъ то на дома и другія постройки, и на поля, постоянно обрабатываемыя; земля же, лежащая впустѣ, пастьбищныя и луговыя мѣста, равно какъ и лѣса, не составляютъ частной собственности.

Земли состоятъ въ нераздѣльномъ владѣніи обществъ и фамилій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои земли, переходившія изъ рода въ родъ, но правильнаго раздѣла и яснаго обозначенія границъ никогда между ними не было. Частныя лица пользуются землей своихъ фамилій или обществъ по мѣрѣ дѣйствительной надобности. Продажа земель не существуетъ въ народныхъ обычаяхъ; отдача въ наемъ тоже; но за пастьбу скота на чужой землѣ платится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ условный процентъ приплода.

Естественное право человѣка защищать себя, свое семейство и свое имущество и даже предупреждать противниковъ нападеніемъ, если отъ этой мѣры зависитъ его спасеніе, замѣняется въ благоустроенныхъ народахъ попеченіемъ прави-

Digitized by Google

тельства объ охраненіи народа извнѣ и о поддержаніи у него общей безопасности и спокойствія внутри, посредствомъ вооруженной силы и власти закона, приводимаго въ дѣйствіе административными и судебными властями и учрежденіями. Но разсматриваемое нами общество не развилось еще до степени учрежденія правительства, а потому политическое право употребленія оружія нигдѣ не сосредоточилось, не могло уступить въ народѣ мѣста праву гражданскому, и остается во власти каждаго семейства первыхъ трехъ свободныхъ сословій. Что же касается до трехъ низшихъ сословій, то они раздѣлены между семействами высшихъ и вмѣстѣ съ ними должны основывать свою безопасность на употребленіи оружія. Такимъ образомъ, первый элементъ общества составляетъ *свободное семейство съ его подвластными и рабами*, въ которомъ всѣ люди различнаго происхожденія, связанные между собою общимъ интересомъ безопасности, обязаны взаимною защитою.

Въ обществѣ, раздробленномъ на такія мелкія самостоятельныя части, по естественному порядку вещей, должны были образоваться союзы, и они составились на родовомъ началѣ.

Семейства одного родоваго происхожденія или одной фамиліи, освобожденныя ими семейства низшихъ сословій и посторонніе люди, отдавшіеся подъ покровительство фамиліи, съ потомствами ихъ, составляютъ родовой союзъ на подобіе прежнихъ шотландскихъ клановъ. Всѣ люди, принадлежащіе къ одному союзу, имѣютъ обязанности взаимныя между собою и къ цѣлому обществу, также какъ и общество имѣетъ обязанности къ каждому человѣку порознь.

Взаимныя обязанности людей, принадлежащихъ къ одному родовому союзу, заключаются въ защитѣ другъ друга противъ набѣговъ и насилій людей постороннихъ. Люди, принадлежащіе къ одному семейству, подвластные и рабы ихъ, обязаны не только одинъ другаго защищать, но и мстить чужимъ семействамъ, хотя бы и принадлежащимъ къ той же фамиліи, за нарушеніе личной неприкосновенности и правъ собственности каждаго изъ своихъ.

Личная обязанность каждаго человѣка къ своей общинѣ состоитъ въ томъ, что онъ долженъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ своего родоваго союза, по внутреннимъ интересамъ и по столкновеніямъ ихъ съ посторонними союзами, и являться по общему требованію или на тревогу съ оружіемъ.

Digitized by Google

Цѣлое общество родоваго союза покровительствуетъ каждому изъ принадлежащихъ къ нему людей, защищаетъ своихъ и мститъ за каждаго постороннимъ обществамъ.

Многочисленныя фамиліи раздѣляются по происхожденію на отрасли, изъ которыхъ каждая составляетъ свой родовой союзъ, имѣющій то же значеніе относительно другихъ отраслей, какое имѣетъ цѣлый союзъ къ постороннимъ.

Хотя по кореннымъ условіямъ родовыхъ союзовъ злоупотребленіе свободы оружія ограничивается съ одной стороны отвѣтственностію, а съ другой местію, но, опираясь на одно только оружіе, общество не могло бы продолжительно существовать. Для избѣжанія безпрерывной и истребительной войны, которая не разлучна съ полною свободой употребленія оружія, должны были возникнуть и другія начала, ограничивающія право оружія общепринятыми, условными понятіями и постановленіями. Эти начала у Черкесовъ состоятъ: 1) во всеобщей отвѣтственности каждаго союза передъ другими за дѣйствія и поведеніе всѣхъ принадлежащихъ къ нему людей, 2) въ уплатѣ виновною стороной пеней и 3) въ судѣ посредниковъ.

По народнымъ понятіямъ, уплата пеней удовлетворяетъ честь обиженной фамиліи или семейства и обязываетъ къ прекращенію дальнѣйшей вражды. Пеню уплачиваютъ людьми, скотомъ, оружіемъ, товарами и другимъ имуществомъ. Пеня обыкновенно бываетъ такъ значительна, особенно за кровь, что одинъ виновный не въ состояніи уплатить ее, и потому она разлагается на цѣлую фамилію. Это установленіе, касаясь до матеріяльныхъ интересовъ цѣлаго общества, поставляетъ его въ необходимость наблюдать за дѣйствіями каждаго и удерживать безпокойныхъ людей. Виновный не подвергается другому взысканію, кромѣ уплаты части пени по своему состоянію, но если кто-нибудь часто вводитъ свою фамилію въ отвѣтственность передъ другими фамиліями, то противъ такихъ нарушителей общественнаго спокойствія существуетъ народный обычай: исключать ихъ изъ фамиліи. Въ народѣ, въ которомъ личная безопасность и неприкосновенность имущества основаны на покровительствѣ общинъ, исключеніе изъ фамиліи имѣетъ одинаковое значеніе съ объявленіемъ въ Европѣ преступниковъ внѣ покровительства законовъ. Человѣка, исключеннаго изъ фамиліи, всякій можетъ оскорбить, ограбить, убить, или взять въ рабство, не навлекая на себя ни чьей мести, если виновный

Digitized by Google

не найдетъ покровительства въ какой-либо другой фамиліи. Покровительство, оказываемое фамиліями людямъ посторонним, прибѣгающимъ подъ ихъ защиту, принадлежитъ къ обычаямъ гостепріимства, которое всегда составляло отличительную черту народовъ первобытныхъ, и происходитъ отъ общей потребности людей оказывать другъ другу услуги въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ общественной безопасности; отъ услугъ же, требующихъ взаимности, раждаются обязанности. Къ числу обычаевъ гостепріимства принадлежитъ и право убѣжища, которое избавляетъ людей, исключенныхъ изъ фамиліи, отъ тяжкой участи ихъ положенія. Прибѣгнувшій подъ покровительство фамиліи дѣлается ея гостемъ, и пока находится на ея землѣ, до тѣхъ поръ вся фамилія обязана, по долгу гостепріимства, охранять его. По народнымъ понятіямъ, обязанность эта такъ священна, что хозяинъ дома готовъ пожертвовать своею жизнію за безопасность гостя, и даже личный врагъ его пользуется у него безопасностію, если былъ принятъ кѣмъ-нибудь изъ его семейства.

Всякая кровавая вражда оканчивается примиреніемъ враждующихъ сторонъ судомъ посредниковъ. Старики, пользующіеся уваженіемъ народа, вмѣшиваются въ распри и уговариваютъ обѣ стороны рѣшить дѣло посредниками. Каждая сторона избираетъ своихъ посредниковъ, но нужно согласіе противной стороны для утвержденія выбора. Въ назначенномъ мѣстѣ сходятся обѣ стороны съ своими свидѣтелями. Судъ происходитъ подъ открытымъ небомъ гласно и публично; чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ болѣе собирается любопытныхъ. Враждующія стороны садятся въ разныхъ мѣстахъ въ отдаленіи одна отъ другой, чтобъ избѣгнуть столкновеній, къ которымъ обязываетъ ихъ понятіе о чести, до тѣхъ поръ пока виновная сторона не удовлетворитъ другую. Судьи садятся въ срединѣ и по очереди выслушиваютъ показаніе избраннаго съ каждой стороны депутата и свидѣтелей, а потомъ, по совѣщаніи между собою, объявляютъ рѣшеніе, которое обѣ стороны обязаны выполнить безпрекословно.

Въ коренныхъ народныхъ установленіяхъ Черкесовъ нѣтъ другаго суда, кромѣ суда посредниковъ: общество не развилось до степени учрежденія постоянныхъ судей. Мусульманская вѣра внесла къ нимъ еще духовной судъ, *шаріатъ*, но къ нему прибѣгаютъ Черкесы только въ маловажныхъ дѣлахъ. Предпочитая народныя постановленія *шаріату*, по привязанно-

Digitized by Google

сти къ своимъ обычаямъ, съ которыми *шаріатъ* во многомъ не сходенъ, а также и потому, что мусульманскій судъ допускаетъ произвольное толкованіе муллами Корана, который мало извѣстенъ Черкесамъ, они во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ разбираются по народнымъ обычаямъ; въ мелкихъ же дѣлахъ враждующія стороны обращаются къ мулламъ, для избѣжанія медленности и затрудненій въ пріисканіи посредниковъ, по обоюдному согласію, тѣмъ болѣе что не всякій охотно принимаетъ на себя эту обязанность, могущую навлечь вражду со стороны, недовольной рѣшеніемъ дѣла.

Судъ посредниковъ опредѣляетъ пени не произвольно, а по установленнымъ правиламъ, въ которыхъ на каждый случай опредѣлена особая пеня. Собраніе всѣхъ народныхъ постановленій, передаваемыхъ отъ одного поколѣнія другому изустно, по неимѣнію письменности на черкесскомъ языкѣ, называется *адатомъ*.

Адатъ не остается неподвижнымъ. По естественному ходу вещей, съ постепеннымъ, хотя и медленнымъ, развитіемъ народа являются у него новыя потребности и новые интересы, которыми усложняются взаимныя отношенія между людьми. Судъ посредниковъ, не находя въ *адатѣ* установленій на новые случаи, долженъ произносить рѣшенія еще не бывалыя, хотя и примѣняющіяся къ общему духу *адата*. Для рѣшеній подобнаго рода обыкновенно приглашаются люди, свѣдущіе въ народныхъ обычаяхъ, и старики, которые могли сохранить въ своей памяти какіе-нибудь случаи, похожіе на разбираемый. Постановленное такимъ образомъ рѣшеніе называется *маслагатомъ*. *Маслагатъ*, повторенный потомъ въ другихъ подобныхъ же случаяхъ, присоединяется къ общей массѣ народныхъ обычаевъ и окончательно обращается въ *адатъ*.

Взаимныя отношенія родовыхъ союзовъ показываютъ, что они основаны на началахъ политическихъ, а не гражданскихъ. Право употребленія оружія и мести есть право войны, предоставленное у Черкесовъ каждому свободному человѣку; судъ посредниковъ не есть въ собственномъ смыслѣ тотъ судъ, котораго рѣшенія въ обществахъ, имѣющихъ гражданское благоустройство, опираются на власть исполнительную и бываютъ обязательны, а есть только мировое соглашеніе, поддерживаемое страхомъ оружія. Въ дѣлахъ мести не ищутъ непремѣнно убійцу или нарушителя чести, спокойствія или правъ собственности, а обращаютъ оружіе на того, кто первый попа-

Digitized by Google

дется подъ руку изъ родственниковъ, однофамильцевъ или даже рабовъ начинщика; въ мировыхъ соглашеніяхъ не домогаются наказанія послѣдняго, а только требуютъ, чтобы семейство или тотъ родовой союзъ, къ которому онъ принадлежитъ, удовлетворили честь обиженной стороны уплатой пени. Въ коренныхъ народныхъ понятіяхъ Черкесовъ не только нѣтъ того раздѣленія преступленій, которое извѣстно у насъ подъ названіемъ уголовныхъ и гражданскихъ, но даже и бо́льшая часть тѣхъ дѣйствій, которыя называемъ мы преступленіями, принадлежитъ къ праву войны. Подъ названіемъ преступленій мы понимаемъ совершеніе воспрещенныхъ закономъ дѣяній, за которыя виновный подвергается отвѣтственности передъ общественными властями или по крайней мѣрѣ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Разсматривая въ этомъ смыслѣ дѣйствія, которыя, по понятіямъ Черкесовъ, называются преступленіями и проступками, мы находимъ, что къ нимъ принадлежатъ:

1. Измѣна народу.
2. Отцеубійство.
3. Кровосмѣшеніе.
4. Нарушеніе супружеской вѣрности женщинами.
5. Поступки трусости.
6. Нарушеніе гостепріимства.
7. Воровство у своей семьи и у ближнихъ сосѣдей (1). и
8. Возстаніе раба противъ своего господина, неповиновеніе и бѣгство его.

Всѣ прочія дѣйствія, относящіяся до нарушенія чести, личной неприкосновенности, безопасности и свободы каждаго, до нарушенія правъ собственности и общественнаго спокойствія, не подходятъ у нихъ подъ понятіе о преступленіяхъ, а принадлежатъ къ праву сильнаго и встрѣчаютъ препятствіе только въ силѣ оружія противника. Человѣкъ, причинившій другому какой-либо вредъ, можетъ подвергнуться возмездію или долженъ примириться, но у него нѣтъ судьи, передъ которымъ онъ былъ бы обязанъ стать въ положеніе отвѣтчика, и онъ

(1) По нашимъ законамъ воровство раздѣляется на два разряда: воровство-кража и воровство-мошенничество; у кавказскихъ же горцевъ есть еще третій видъ этого дѣйствія: воровство-удальство, предпринимаемое съ опасностію жизни, съ отвагой и ловкостію; оно, по ихъ понятіямъ, не составляетъ преступленія, а принадлежитъ къ военнымъ подвигамъ.

Digitized by Google

въ правѣ, не подвергаясь обвиненію въ незаконности, поддерживать свое насиліе оружіемъ. Власть охранительная и власть правосудія замѣняется у нихъ страхомъ оружія, возмездіемъ и мирнымъ соглашеніемъ, а *адатъ* ближе подходитъ къ разряду международныхъ правъ, чѣмъ гражданскихъ законовъ.

Въ дѣлахъ общественныхъ, относящихся до нѣсколькихъ фамилій или до цѣлыхъ племенъ, созываются *народныя собранія*. Если бы каждая фамилія жила нераздѣльно на особомъ участкѣ земли, то безъ сомнѣнія народныя собранія составлялись бы изъ депутатовъ отъ фамилій; но всѣ фамиліи живутъ такъ разбросанно по разнымъ мѣстамъ, частію значительно удаленнымъ одно отъ другаго, что удобнѣе и скорѣе собирать депутатовъ и передавать рѣшенія народныхъ собраній по мѣстному раздѣленію края. Въ этой горной странѣ народонаселеніе расположено по долинамъ, раздѣленнымъ между собою отраслями Кавказскаго хребта. Ни одна фамилія не живетъ вмѣстѣ въ одной долинѣ, также какъ въ каждой долинѣ живутъ семейства разныхъ фамилій или родовыхъ союзовъ. Жители одной долины, разбираясь въ своихъ *внутреннихъ* дѣлахъ по условіямъ родовыхъ союзовъ, имѣютъ общій мѣстный интересъ по *внѣшнимъ* дѣламъ: такъ, напримѣръ, они должны принимать общія мѣры предосторожности противъ воровства на пастьбищахъ скота, противъ набѣговъ хищническихъ партій другихъ племенъ, противъ нашихъ наступательныхъ дѣйствій и т. п. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ опасность угрожаетъ жителямъ всей долины, а не той или другой фамиліи, и занятіе какихъ-нибудь мѣстъ постоянными кзраулами, укрѣпленіе какой-нибудь тѣснины завалами, и другія мѣстныя предосторожности одинаково приносятъ пользу всѣмъ жителямъ. Народныя собранія созываются преимущественно для общественныхъ дѣлъ, въ которыхъ мѣстные интересы имѣютъ преимущество передъ фамильными, а потому и депутаты посылаются отъ долинъ, а не отъ фамилій.

Народныя собранія имѣютъ характеръ сходбищъ совѣщательныхъ и не облечены никакою властію; но если мѣры, предложенныя въ совѣщаніяхъ, соотвѣтствуютъ желанію значительнаго большинства народа или по крайней мѣрѣ сильной, дѣятельной и безпокойной партіи, преимущественно религіозной, то могутъ сдѣлаться обязательными и для всего народа. Иногда народныя собранія судятъ измѣнниковъ и нарушителей общественнаго спокойствія. Сходбища эти не имѣютъ ни

Digitized by Google

постояннаго мѣста, ни опредѣленнаго времени; для созванія ихъ нѣтъ никакихъ общественныхъ властей; они собираются по общему голосу народа, который, по большому практическому навыку въ полититѣ своего края, самъ чувствуетъ, въ какое время настаетъ надобность въ общихъ совѣщаніяхъ. Для выбора депутатовъ не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ и формальностей; обыкновенно посылаются въ собранія старики изъ каждой долины, давно извѣстные народу и внушившіе къ себѣ полное его довѣріе.

На изложенныхъ выше началахъ общество существуетъ безъ всякихъ общественныхъ властей. Въ цѣпи союзовъ, составляющихъ общій родовой союзъ, который въ свою очередь развѣтвляется до отдѣльныхъ свободныхъ семействъ, нѣтъ другихъ признанныхъ властей, кромѣ отца и мужа въ семействѣ и власти господина надъ рабомъ. Люди, которыхъ мы привыкли называть старшинами, пользуются только уваженіемъ народа по прежнимъ заслугамъ, по благоразумнымъ совѣтамъ и по дознанной на опытѣ вѣрности ихъ, но имъ не присвоено никакой власти. Возможность продолжительнаго существованія такого общества объясняется тѣмъ, что простота образа жизни народа, ограниченность нуждъ его, малосложность взаимныхъ отношеній жителей и большой просторъ въ земляхъ, которыхъ соразмѣрность съ народонаселеніемъ искони поддерживалась торговлей людьми, отвращаютъ столкновеніе частныхъ интересовъ. Единство происхожденія, языка, вѣры, нравовъ и обычаевъ, связываютъ этотъ народъ въ одно цѣлое, а общая опасность извнѣ, отъ нашего оружія, установившееся временемъ равновѣсіе родовыхъ союзовъ, взаимный страхъ оружія, опасеніе подвергнуться платежу большихъ пеней и наконецъ привычка къ этому порядку вещей, отвращаютъ внутреннія раздоры. Уваженіе къ старикамъ, передъ которыми молодые люди не садятся, и съ которыми безъ ихъ вопроса не начинаютъ разговора, обычаи гостепріимства и условныя формы вѣжливости, смягчая ихъ нравы, много способствуютъ къ сохраненію у нихъ общественнаго спокойствія.

Однако, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе началъ готовиться у Черкесовъ коренной переворотъ въ общественномъ устройствѣ, который не состоялся только вслѣдствіе важныхъ событій, окончившихся покореніемъ русской державѣ всего восточнаго Кавказа и большей части независимыхъ племенъ въ западной его части. Но прежде чѣмъ приступимъ къ описанію

Digitized by Google

внутреннихъ потрясеній въ черкесскомъ обществѣ, считаемъ не лишнимъ дать краткое понятіе о религіи, промышленности, торговлѣ и образованности горцевъ, чтобы можно было судить, на какой высотѣ нравственнаго и матеріяльнаго развитія стоитъ черкесское общество, а также разсмотримъ абхазское общество, которое объяснитъ намъ политическое состояніе черкесскихъ племенъ до переворота, лишившаго князей и дворянъ прежнихъ правъ ихъ.

II.

Черкесы и Убыхи считаются мусульманами, но настоящіе мусульмане составляютъ незначительную часть народонаселенія; это преимущественно люди, находящіеся въ сношеніяхъ съ Турками по торговымъ дѣламъ и семейнымъ связямъ; въ большей же части народа, особенно въ низшихъ сословіяхъ, религіозныя вѣрованія состоятъ изъ смѣси остатковъ христіянства и язычества съ малымъ прибавленіемъ исламизма. Отъ христіянства осталось у нихъ поклоненіе крестамъ, чествованіе нѣкоторыхъ праздниковъ, совпадающихъ съ христіянскими по времени и напоминающихъ ихъ по способу празднованія, и наконецъ, обряды, совершенно сходные съ обрядами св. причастія, въ которыхъ деревянная чаша, имѣющая одинаковую форму съ потиромъ церковной утвари, наполненная бузой (крѣпкій напитокъ) вмѣсто вина, съ кусками гоміи (родъ пшена, который въ видѣ каши употребляется горцами вмѣсто хлѣба), обходитъ всѣхъ присутствующихъ у подножія креста, и всѣ изъ ней вкушаютъ. Отъ язычества осталось у Черкесовъ поклоненіе священнымъ рощамъ, жертвоприношенія и разныя языческія празднества. Мы не будемъ ихъ описывать, предоставляя читателямъ ознакомиться съ этимъ любопытнымъ предметомъ изъ приготовляемаго къ печати труда г. Люлье, и обратимся къ торговлѣ.

Жители сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря вели съ доисторическихъ временъ обширную торговлю людьми. Греческія колоніи, покрывавшія этотъ берегъ, обязаны были этой торговлѣ цвѣтущимъ своимъ состояніемъ. Купленныхъ тамъ невольниковъ они отправляли въ большіе города и крѣпости, гдѣ частію употребляли на публичныя работы и частію продавали для домашней прислуги. Послѣ паденія Греческой имперіи и

Digitized by Google

утвержденія на берегахъ Чернаго моря владычества мусульманъ, а особенно когда Турки овладѣли Гуріей, Мингреліей и Абхазіей и потомъ основали на сѣверной оконечности сѣверо-восточнаго берега крѣпости Анапу и Сухумъ, торговля значительно усилилась; гаремы наполнялись Черкешенками, преувеличенная слава о красотѣ ихъ далеко разносилась на востокъ и поддерживала сбытъ живаго товара. Вывозъ женщинъ въ Турцію производился въ такомъ большомъ числѣ, что Черкешенкамъ приписываютъ улучшеніе турецкой породы.

При такой давней и обширной торговлѣ людьми, не только не могла развиться въ народѣ никакая промышленность, но даже самое общество не могло выйдти изъ первобытнаго полудикаго состоянія. Легко удовлетворяя нуждамъ человѣка, торговля эта не требуетъ никакого труда; порождаетъ праздность, тунеядство и духъ хищничества; нарушаетъ внутреннее спокойствіе общества, поощряя къ междуусобіямъ и набѣгамъ для пріобрѣтенія плѣнныхъ; ослабляетъ священное родительское чувство, пріучая смотрѣть на дѣтей, какъ на товаръ, и наконецъ оскорбляетъ человѣческое достоинство. При такомъ положеніи общества не можетъ быть въ немъ никакихъ успѣховъ въ гражданскомъ бытѣ народа; мущины должны быть вѣчно вооружены и насторожѣ, а на долю женщинъ падаетъ тяжелый трудъ.

Послѣ присоединенія Анапы къ Россійской имперіи, правительство тотчасъ же приняло, посредствомъ крейсерства, мѣры къ прекращенію торговли невольниками; но такъ какъ эти мѣры оказались недостаточными, то постепенно занятъ былъ весь берегъ рядомъ укрѣпленій, между которыми открылась вторая линія крейсерства, ближайшая къ берегу, изъ гребной флотиліи азовскихъ казачьихъ баркасовъ. Мало-по-малу торговля невольниками была прекращена, и жители по необходимости должны были обратиться къ труду и промышленности; но невоздѣланный край, котораго богатства еще не раскрыты, представлялъ мало къ тому способовъ. Гарнизоны укрѣпленій покупали у мѣстныхъ жителей скотъ, домашнюю птицу, масло, яйца и молоко, а вольно-промышленники—кожи, медъ, воскъ, піявки, дерево буксъ, похожее въ выдѣлкѣ на пальму, въ небольшомъ количествѣ гомію (родъ пшена) и кукурузу. По малому количеству луговъ, прибрежные жители не имѣютъ обширнаго скотоводства; скотъ ихъ мелокъ и не отличается хорошими качествами; на сѣверной же покатости обширныя равнины достав-

Digitized by Google

ляютъ жителямъ возможность держать большіе табуны лошадей и значительное количество рогатаго скота и овецъ. Лошади горскихъ породъ, употребляемыя только для верховой ѣзды, замѣчательны по крѣпости и способности переносить большіе труды въ горахъ, но не отличаются красотою. Главное богатство края составляетъ строевой лѣсъ, растущій въ горныхъ мѣстахъ, но горцы никогда не занимались лѣсною промышленностію въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ обилію матеріяла. Ближайшіе къ нашимъ поселеніямъ жители привозятъ къ намъ на продажу дровяной лѣсъ и въ небольшомъ количествѣ строевой; но послѣдній, добываемый не въ горной полосѣ, а въ тѣхъ лѣсныхъ участкахъ, изъ которыхъ вывозъ не требуетъ большаго труда, принадлежитъ не къ лучшимъ породамъ, мелокъ и кривъ. По непривычкѣ къ труду, горцы не пользуются хорошимъ строевымъ лѣсомъ даже и для собственныхъ надобностей, предпочитая прочимъ деревяннымъ постройкамъ, требующимъ затруднительнаго вывоза лѣса изъ горъ, легкую постройку плетеныхъ изъ хвороста и обмазанныхъ глиной сакель, состоящихъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ, мужской и женской половины.

Изъ внутренней промышленности горцевъ, для собственнаго ихъ потребленія, замѣчательнѣйшіе предметы: оружіе, съ обдѣлкой его серебряною оправой съ чернедью, женской работы серебряные позументы для поясовъ и для обшивки праздничной одежды мущинъ и пр. Женщины также ткутъ грубыя сукна для мужской одежды и шерстяныя матеріи для себя. Кромѣ оружейниковъ, горцы не имѣютъ у себя другихъ ремесленниковъ.

До занятія сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря русскими укрѣпленіями, жители не имѣли никакого понятія о монетахъ и вели только мѣновую торговлю. Во внутреннихъ торговыхъ сдѣлкахъ цѣнность вещей опредѣлялась у нихъ людьми различныхъ возрастовъ, скотомъ и числомъ штукъ матеріи. Предметы эти замѣняли у нихъ монету, означая различныя цѣнности; такъ, напримѣръ, человѣкъ равнялся, смотря по возрасту, извѣстному числу рогатаго скота, лошадей и овецъ; рогатый скотъ приравнивался къ извѣстному числу штукъ матеріи, не разбирая какой именно; штука скота представляла собою какъ бы основную мысленную монету, подобно фунту стерлингъ въ Англіи. Въ этой грубой монетной системѣ курсъ никогда не мѣнялся; сравнительная цѣнность предметовъ, замѣнявшихъ монету, оставалась постоянно одинаковою. Въ послѣдствіи тор-

Digitized by Google

говля съ русскими промышленниками въ укрѣпленіяхъ ввела у горцевъ въ обращеніе нашу монету, и серебряный рубль, извѣстный у горцевъ подъ названіемъ: «монетъ», сдѣлался основною единицей для опредѣленія цѣнности предметовъ.

Изъ привозныхъ предметовъ горцы болѣе всего нуждаются въ соли и въ мануфактурныхъ произведеніяхъ для одежды. Соль они добываютъ у себя только посредствомъ выварки изъ морской воды, но не умѣя очищать ее отъ постороннихъ составныхъ частей морскаго раствора, получаютъ всегда горькую. Что же касается до предметовъ одежды, то хотя женщины и удовлетворяютъ этой потребности своими работами, но въ недостаточномъ количествѣ и дурнаго качества. Изъ привозныхъ мануфактурныхъ товаровъ наибольшій сбытъ имѣютъ: американъ, зонъ, кисея, сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи для архалуковъ и частію для женскихъ платьевъ, одѣяла, ковры и кованые сундуки.

Торговое сословіе въ горахъ состоитъ изъ живущихъ тамъ Армянъ, которые не причисляются къ народу, а считаются гостями, хотя бо́льшая часть изъ нихъ составляетъ потомство людей, поселившихся въ горахъ за много поколѣній назадъ. Въ понятіяхъ народа занятіе торговлей считается презрительнымъ.

По степени развитія общественнаго ихъ быта, Черкесы не могли еще попасть на путь умственнаго образованія. Языкъ ихъ, не обработанный и не имѣющей письменности, стоитъ на ряду варварскихъ; всѣ сношенія и сдѣлки между жителями производятся изустно, и никакихъ письменныхъ актовъ у нихъ не существуетъ. Для внѣшнихъ письменныхъ сношеній они употребляютъ языкъ турецкій, на которомъ говорятъ многіе изъ прибрежныхъ жителей, ведущихъ съ Турками торговыя сношенія. Муллы, кромѣ того, знаютъ еще арабскій языкъ, но онъ рѣдко употребляется для письменныхъ сношеній. Изученіе турецкаго языка и догматовъ магометанской вѣры составляетъ исключительный предметъ образованія того класса людей, который сколько-нибудь заботится о воспитаніи дѣтей.

Впрочемъ Черкесы довольно развиты въ умственномъ отношеніи, къ чему способствуетъ политическое ихъ устройство. Въ народѣ, не имѣющемъ надъ собою никакихъ властей, каждый долженъ заботиться о себѣ и объ общественной пользѣ, заводить связи и употреблять силу слова для огражденія

Digitized by Google

своихъ интересовъ. Это общественное положеніе производитъ въ народѣ навыкъ къ политикѣ своего края, изощряетъ умственныя способности, развиваетъ предусмотрительность и пріучаетъ къ ораторскому искусству, особенно необходимому въ народныхъ собраніяхъ. И дѣйствительно, между Черкесами есть много людей, говорящихъ съ необыкновеннымъ искусствомъ длинныя рѣчи, замѣчательныя по составу, логическому порядку выводовъ и силѣ убѣжденій.

Теперешнее раздѣленіе черкесскихъ племенъ, живущихъ на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, на сословія, показываетъ, что нынѣшнее общественное ихъ устройство произошло вслѣдствіе развитія демократическихъ началъ, взявшихъ верхъ надъ аристократическимъ элементомъ, нѣкогда господствовавшимъ въ краѣ. По неимѣнію у Черкесовъ никакихъ письменныхъ памятниковъ и по запутанности и сбивчивости изустныхъ преданій, трудно съ какою-либо достовѣрностію опредѣлить время этого общественнаго переворота, но по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ можно полагать, что онъ произошелъ, какъ выше сказано, около половины прошлаго столѣтія. Какимъ образомъ были устроены черкесскія племена до этой революціи, можно судить по общественному устройству абхазскихъ племенъ, которыя, сохранивъ въ полной силѣ аристократическій элементъ, составляютъ общества, устроенныя во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ совершенно на тѣхъ же началахъ, какъ и черкесскія.

Въ абхазскомъ племени есть двѣ различныя системы политическаго устройства: 1) Абхазское владѣніе составляетъ смѣсь феодальной системы съ удѣльною; 2) прочія общества абхазскаго племени, независимыя отъ владѣтеля Абхазіи, составляютъ средину между устройствомъ владѣнія Абхазскаго и черкесскихъ обществъ. Обратимся сначала къ послѣднимъ.

Въ абхазскихъ племенахъ, независимыхъ отъ владѣтеля Абхазіи, существуютъ тѣ же родовые союзы и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ черкесскихъ племенахъ, но съ тою значительною разницей, что союзы эти состоятъ только изъ двухъ свободныхъ сословій: князей и самостоятельныхъ дворянъ; средняго сословія, многочисленнаго и сильнаго, подобнаго черкесскимъ тхвохотлямъ, у нихъ нѣтъ; прочія же сословія, и въ томъ числѣ несамостоятельные дворяне, зависимые отъ князей, не пользуются политическими правами. *Адатъ* даетъ князьямъ такое высокое значеніе, что не только при-

Digitized by Google

знаетъ ихъ неприкосновенными для людей низшихъ сословій, но даже не опредѣляетъ и пени за ихъ кровь, какъ бы не допуская и мысли о возможности посягательства на ихъ жизнь. Въ случаѣ убійства князя человѣкомъ низшаго сословія, хотя бы онъ былъ убитъ и нечаянно отъ неосторожнаго случая или при сопротивленіи князю совершить какое-либо преступленіе, *адатъ* осуждаетъ на истребленіе весь родъ убійцы. Конечно, это жестокое установленіе теперь уже не исполняется, но оно существуетъ какъ право князей, котораго у нихъ никто не оспариваетъ. Подвластные обязаны защищать своего князя, выходить, по его требованію, съ оружіемъ, наносить вредъ его врагамъ и мстить за него. Въ свою очередь князь обязанъ имъ покровительствовать, защищать ихъ отъ обидъ, насилій и отъ нарушенія правъ ихъ собственности, за которыя требуетъ удовлетворенія отъ другихъ фамилій или родовыхъ союзовъ, но и самъ обязанъ отвѣтствовать передъ послѣдними за проступки своихъ подвластныхъ и уплачивать за нихъ пени. Въ раздорахъ и тяжбахъ между своими подвластными онъ есть натуральный посредникъ, разбираетъ дѣло вмѣстѣ съ другими посредниками, избранными отъ тяжущихся сторонъ и получаетъ въ свою пользу особую пеню, независимо отъ пени, присуждаемой обиженной сторонѣ. Подвластные обязаны ему разнаго рода повинностями. Несамостоятельные дворяне имѣютъ право, хотя и оспариваемое въ нѣкоторыхъ племенахъ, свободнаго перехода отъ одного князя къ другому, но они непремѣнно должны состоять подъ властію какого-либо князя, чего требуетъ и собственная ихъ безопасность. Самостоятельные дворяне, уступая князьямъ въ нѣкоторыхъ личныхъ преимуществахъ, пользуются политическими правами наравнѣ съ ними.

Во владѣніи Абхазскомъ, кромѣ того же порядка, который существуетъ и въ другихъ абхазскихъ племенахъ, аристократія имѣетъ главу въ лицѣ наслѣдственнаго владѣтеля изъ фамиліи князей Шервашидзе. Права владѣтеля сходны съ тѣми, которыя имѣли въ Европѣ въ средніе вѣка феодальные властители. Отношенія его къ князьямъ суть только личныя, безъ права вмѣшательства во внутренее ихъ управленіе. На обязанности владѣтеля лежитъ попеченіе о безопасности всего края отъ внѣшняго непріятеля, о внутреннемъ его спокойствіи и принятіи необходимыхъ къ тому мѣръ. Во внутреннихъ раздорахъ онъ есть натуральный посредникъ; по требованію его,

Digitized by Google

враждующія стороны должны прекратить раздоръ, избрать своихъ посредниковъ и идти къ нему съ ними на разбирательство. Князья обязаны выставлять, по требованію владѣтеля, въ опредѣленномъ числѣ и на назначенномъ мѣстѣ, милиціи съ обезпеченнымъ продовольствіемъ; во время поѣздокъ его по краю продовольствовать его со свитою и съ тѣлохранителями его, составляющими особое сословіе въ народѣ; не щадя своей жизни и своего достоянія, защищать владѣтеля, мстить за него и выручать его изъ плѣна, еслибъ онъ впалъ во власть непріятеля. Владѣтельскій домъ имѣетъ свои родовыя владѣнія, которыми управляетъ наравнѣ съ прочими князьями. До сихъ поръ права и обязанности владѣтеля ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыми пользовались феодальные властители среднихъ вѣковъ въ Европѣ, но вотъ и особенность: владѣтельный домъ, со всѣми побочными линіями своей фамиліи, составляетъ общій родовой союзъ, имѣющій тѣ же права и обязанности относительно другихъ княжескихъ фамилій, какія они имѣютъ между собою. Къ этому общему очерку политическаго устройства Абхазіи остается еще прибавить, что двѣ боковыя линіи владѣтельной фамиліи передаютъ наслѣдственно въ видѣ удѣловъ управляемые ими округи Абхазскій и Абживскій.

Мы не можемъ положительно сказать, которая изъ двухъ формъ политическаго устройства абхазскихъ племенъ составляетъ первоначальную, то-есть мелкія ли абхазскія племена отторглись отъ зависимости владѣтелей, нѣкогда можетъ-быть общей во всемъ абхазскомъ народѣ, или устройство владѣнія Абхазскаго есть развитіе абхазскаго общества; образовалось ли оно въ послѣднемъ случаѣ самобытно или произошло отъ присвоенія наслѣдственной власти однимъ изъ правителей народа, поставленнымъ грузинскими царями. Самое древнее сказаніе о князьяхъ Шервашидзе относится къ исходу XII столѣтія, въ которомъ, между именами эриставовъ (старшинъ или правителей народа) царицы Тамары, встрѣчается имя Дотаго Шервашидзе. Сами князья Шервашидзе считаютъ свою фамилію вышедшею изъ Ширвана. Однако нельзя, основываясь даже на этомъ свидѣтельствѣ, утверждать, чтобы въ абхазскомъ народѣ не было и прежде того же феодальнаго устройства подъ управленіемъ владѣтелей изъ другой фамиліи.

Мы выше видѣли, что развитіе черкесскаго общества пошло въ противоположную сторону въ сравненіи съ абхазскимъ. Малочисленность княжескихъ и дворянскихъ фамилій, особенно

Digitized by Google

первыхъ, и могущество сословія тхвохотлей было тому причиною. Революція, произведенная послѣдними, уравняла ихъ съ князьями и дворянами, дала имъ политическія права и поставила въ народѣ, вмѣсто двухъ сословій, три, какъ господствующія. Но въ этомъ еще не заключается вся равница между нынѣшними черкесскими и мелкими абхазскими обществами. Послѣ освобожденія отъ власти князей и дворянъ, тхвохотли, продолжая болѣе и болѣе уравнивать свои права съ княжескими и дворянскими, не присваивали себѣ прежнихъ ихъ преимуществъ, а напротивъ уравнивали оба сословія съ собою. Такъ они уничтожили различіе въ уплатѣ пени за кровь, положивъ ту же плату за княжескую и дворянскую кровь, какая полагается *адатомъ* за кровь тхвохотлей, и хотя понятіе о личной неприкосновенности князей еще живетъ въ народѣ, однако *адатъ* уже не признаетъ его.

III.

Въ продолженіи нынѣшняго столѣтія три элемента въ черкесскомъ обществѣ, населяющемъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря, аристократія, среднее сословіе и духовенство, усиливались произвести въ немъ переворотъ.

Партія аристократическая, слабая и отжившая у Черкесовъ (исключая Кабардинцевъ, у которыхъ она еще въ полной силѣ) свое значеніе, не оставляетъ своего желанія и надежды возстановить утраченныя свои права. Нѣсколько разъ она обращалась къ намъ съ просьбой помочь ей, обѣщая признать надъ собою власть русскаго правительства, но двухсмысленное ея поведеніе, шаткость ея правилъ и трудность самаго дѣла не дозволяли намъ принять участіе въ ея замыслахъ. Уличенная среднимъ сословіемъ въ тайныхъ переговорахъ съ нами, партія эта одинъ разъ была призвана на судъ народнаго собранія и обложена большими пенями, и послѣ того уже не отваживалась составлять общіе заговоры.

Среднее сословіе, продолжая уничтожать остатки правъ князей и дворянъ, и видя опасность, угрожающую народной независимости отъ успѣховъ нашего оружія, замышляло соединить всѣ племена въ одно благоустроенное политическое тѣло.

Digitized by Google

Мюридизмъ, проникнувъ къ Черкесамъ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря, стремился, до самаго паденія своего, къ утвержденію у нихъ владычества *шаріата* и къ устройству общества на подобіе того, которое устроилъ Шамиль въ Дагестанѣ. Но, по несходству своему съ *адатомъ*, *шаріатъ* не могъ одновременно съ нимъ существовать въ полной своей силѣ; Черкесы же, какъ выше сказано, прибѣгали къ шаріатскому суду только въ маловажныхъ случаяхъ, предпочитая ему свои народныя установленія, то-есть *адатъ*.

Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія черкескія племена, устрашенныя перенесеніемъ нашей военной передовой линіи съ Кубани на Лабу и устройствомъ другой военной линіи по кавказскому берегу Чернаго моря, заключили между собою тѣсный союзъ, въ условіяхъ котораго было постановлено: прекратить всѣ междуусобныя распри, не входить съ нами ни въ какія сношенія, ни въ торговыя, ни въ какія-либо другія, и не вести ни одному обществу отдѣльныхъ съ нами переговоровъ безъ согласія всѣхъ племенъ. Однако союзъ этотъ, опиравшійся только на общественное мнѣніе и не имѣвшій никакихъ твердыхъ основаній въ народныхъ учрежденіяхъ, не долго оставался ненарушимымъ. Ближайшіе къ нашимъ укрѣпленіямъ и станицамъ жители вошли съ нами въ сношенія и мало-по-малу начали вести въ занятыхъ нами мѣстахъ торговлю, которая скоро ихъ обогатила. Примѣръ этотъ невольно увлекъ другихъ, и наконецъ въ народѣ образовалась партія, желавшая сближенія съ нами. Всѣ подтвержденія народныхъ собраній о соблюденіи въ точности условій общаго союза племенъ оставались недѣйствительными, несмотря на то, что значительное большинство народа было противъ насъ.

Народныя собранія, какъ сходбища совѣщательныя, не располагали никакими средствами для понужденія многочисленныхъ приверженцевъ торговыхъ сношеній съ нами къ выполненію своихъ постановленій. Какъ скоро собранія эти расходились, то, по неимѣнію въ народѣ никакой исполнительной власти, ни на комъ не лежала обязанность и никто не былъ въ правѣ наблюдать за исполненіемъ мнѣнія, одобреннаго большинствомъ народнаго собранія. Въ подобныхъ случаяхъ только употребленіе силы съ единодушіемъ и настойчивостію со стороны той партіи, которой мнѣніе было господствующимъ въ народномъ собраніи, могло бы заставить уважать требованіе большинства. Однако враждебная намъ партія, разсѣянная по всему

Digitized by Google

краю, не могла принудить партію нашихъ приверженцевъ, хотя и значительно слабѣйшую, но соединенную вмѣстѣ на пространствѣ ближайшемъ къ нашимъ поселеніямъ, къ выполненію своего требованія; для того надобно было бы постоянно содержать у нихъ вооруженную силу, достаточную для удержанія ихъ въ повиновеніи. Въ народѣ, не организованномъ въ одно цѣлое, такое постоянное напряженіе силъ, требующее устройства и порядка, было невозможно. Высылая иногда вооруженныя партіи въ окрестности нашихъ поселеній, противники наши временно успѣвали прекращать торговлю съ нами ближайшихъ къ намъ жителей, но, истощивъ свое продовольствіе и соскучась, партіи расходились, и тогда все опять входило въ прежній порядокъ.

Это безсиліе большинства показывало, что одного политическаго союза племенъ было недостаточно для единодушнаго дѣйствія всего народа, и что необходимо было для достиженія этой цѣли дать народу другое устройство, которое связало бы раздробленное общество въ одно цѣлое. Кромѣ того, въ народномъ устройствѣ Черкесовъ есть еще одинъ коренной недостатокъ: это—двойственность раздѣленія его на родовые союзы и на мѣстныя общины. Хотя отъ этихъ двухъ различныхъ организацій народа, ничѣмъ между собою не связанныхъ, не происходило еще никакихъ невыгодъ, но позднѣйшее образованіе мѣстныхъ общинъ показывало уже устарѣлость формы прежняго общественнаго устройства, основаннаго на родовыхъ союзахъ, и необходимость введенія новаго порядка, сообразнаго съ обстоятельствами времени. Рѣшеніе этой задачи было потребностію времени, и прежде всего предложилъ свои услуги народу нѣкто Бесней-Абатъ, родомъ Шапсугъ, имѣвшій случай расширить кругъ своихъ понятій въ поѣздкахъ своихъ въ Турцію и Египетъ. Мысль Беснея-Абата, которую мы изложимъ ниже, не была принята, и скоро самъ онъ подвергся преслѣдованію народа, вышелъ къ намъ и умеръ въ одной изъ казачьихъ станицъ. Послѣ него явились съ новою системой организаціи народа проповѣдники мюридизма.

Религіозная сторона ученія мюридизма состояла въ обновленіи мусульманства, посредствомъ строгаго слѣдованія уставамъ его, и въ возстановленіи дѣятельной войны противъ невѣрныхъ; но возбуждая фанатизмъ, проповѣдники этого ученія употребляли его только какъ орудіе для властолюбивыхъ своихъ видовъ. Въ мюридизмѣ заключалась цѣлая политическая

Digitized by Google

система, которая выдавалась за средство къ очищенію и утвержденію религіи, а на самомъ дѣлѣ составляла настоящую цѣль преобразователей. Основанія этой системы состояли въ томъ, чтобы ввѣрить неограниченную власть надъ народомъ духовному лицу; ввести въ народъ правильную администрацію раздѣленіемъ края на округи и учрежденіемъ въ каждомъ округѣ управленія изъ кадіевъ и муллъ; опереть всѣ власти на вѣрную, избранную стражу изъ такихъ людей, которые, не имѣя ни достатка, ни правилъ, находили бы для себя полезнымъ быть соучастниками тайныхъ замысловъ преобразователей; установить *шаріатъ* единственнымъ закономъ, стараться всѣми мѣрами искоренить *адатъ* и всѣ его учрежденія, на которыхъ основано общество; уравнять права всѣхъ народныхъ сословій; уничтожить значеніе каждаго частнаго лица, заимствованное отъ настоящаго порядка вещей; разъединить такимъ образомъ народъ и составивъ изъ него толпу безъ связи, руководителей, силы и общественнаго духа, довести его до того, чтобъ у него осталась только одна возможная и необходимая власть, духовная. Средства къ достиженію этой цѣли состояли, кромѣ избранной стражи, носившей у Черкесовъ названіе *мутазаговъ*, возбужденіе религіознаго фанатизма и основаніе духовныхъ училищъ для воспитанія будущаго поколѣнія въ правилахъ вѣры и новаго порядка вещей. Такимъ образомъ, политическая система мюридизма состояла собственно въ деспотизмѣ духовнаго правителя и въ развитіи демократическихъ началъ въ народѣ до уравненія правъ всѣхъ сословій.

Первый появившійся у Черкесовъ, въ 1842 году, проповѣдникъ мюридиама, Хаджи-Магометъ, имѣлъ большой успѣхъ, но когда онъ коснулся вопроса объ освобожденіи подвластныхъ и рабовъ, то встрѣтилъ сильное сопротивленіе не только въ князьяхъ и дворянахъ, но и въ тхвохотляхъ, также владѣющихъ крестьянами. Въ концѣ 1844 года Хаджи-Магометъ умеръ, и тогда Шамиль прислалъ вмѣсто него Солеймана-эффенди. Этотъ ученый мулла принятъ былъ Черкесами уже не съ такою довѣренностію, какъ его предшественникъ. Проживъ два года въ ихъ краѣ и не успѣвъ подчинить себѣ народъ, Солейманъ-эффенди возвратился къ Шамилю, и въ скоромъ времени, поссорившись съ своимъ повелителемъ, вышелъ къ намъ и началъ писать воззванія противъ его власти, ученія и системы управленія.

Послѣ двухъ опытовъ примѣненія политической системы

Digitized by Google

мюридизма къ преобразованію народныхъ установленій, Черкесы, вообще не имѣющіе религіознаго фанатизма, охладѣли къ этому ученію. Не оставляя, однако, намѣренія ввести у себя твердое и связное общественное устройство, они обратились къ мысли Беснея-Абота, уже достаточно созрѣвшей въ народѣ. Въ 1847 году, по его предположеніямъ, черкесскія племена, живущія на сѣверной сторонѣ Кавказскаго хребта, согласились между собою предоставить народному собранію власть надъ народомъ и ввести у себя то, чего у нихъ не достаетъ для установленія единства и порядка, а именно: учредить администрацію и земскую полицію. Для выполненія этого намѣренія, они положили принять слѣдующія мѣры:

1) Признать постановленія народнаго собранія обязательными для всѣхъ обществъ и принуждать силой къ повиновенію тѣ изъ нихъ, которыя будутъ уклоняться отъ исполненія его повелѣній.

2) Для доставленія народному собранію матеріяльныхъ средствъ къ тому, чтобы постановленія его уважались, образовать и отдать въ его распоряженіе постоянное ополченіе, на содержаніи народа.

3) Раздѣлить народъ на общины, каждую по 100 дворовъ, и поручить управленіе общинами избраннымъ ими старшинамъ, которыхъ обязать присягой исполнять распоряженія народнаго собранія и представлять ослушниковъ и преступниковъ на его судъ. Для поддержанія власти старшинъ назначить въ распоряженіе ихъ нѣкоторое число *мутазатовъ*.

Честь этихъ разумныхъ постановленій принадлежитъ тхвохотлямъ. Въ 1848 году они начали уже приводиться въ исполненіе. Постоянное ополченіе набиралось и располагалось отрядами на избранныхъ мѣстахъ. Жителей, ближайшихъ къ нашимъ укрѣпленіямъ, Анапѣ и Новороссійску, и жителей прибрежной полосы, которые не согласились ввести у себя новый порядокъ, принудили къ тому силою.

Между тѣмъ въ народномъ собраніи происходили горячіе споры о важномъ вопросѣ: въ какое положеніе долженъ поставить себя народъ въ отношеніи къ намъ. Первая мысль собранія, какъ и первоначальная цѣль преобразованій, были относительно насъ враждебны. Противники наши предложили употребить всѣ усилія, чтобы вытѣснить насъ съ берега моря и изо всего Закубанскаго края. Однако люди умѣренные взяли въ

Digitized by Google

этихъ спорахъ верхъ. Они убѣждали собраніе не начинать безполезнаго кровопролитія и предлагали ограничиться охраненіемъ народной независимости, не предпринимая на наши укрѣпленія и станицы нападеній, не обѣщающихъ никакого успѣха. Они говорили, что мы по необходимости дѣйствовали противъ нихъ враждебно, чтобъ унять ихъ хищничества и набѣги, но что мы оставимъ ихъ въ покоѣ и не будемъ домогаться покоренія ихъ, если они введутъ у себя строгій порядокъ. Въ этихъ видахъ они предлагали заключить съ нами мирныя условія; опредѣлить взаимную границу, отдѣливъ для укрѣпленій и станицъ, находящихся въ ихъ краѣ, достаточное количество пахатныхъ полей, луговъ и лѣсовъ; разрѣшить народу свободную торговлю и сношенія съ нами, и строго воспретить самовольный наборъ партій хищниковъ (1) для набѣ-

(1) Партіи хищниковъ собирались у Черкесовъ изъ охотниковъ по вызову людей, получившихъ военную славу прежними подвигами удальства и вѣрными военными соображеніями. Вызывающій приводилъ къ присягѣ являвшихся къ нему охотниковъ въ томъ, что они будутъ ему повиноваться, и принималъ на себя предводительство партіей. Эти набѣги были не что иное, какъ частныя предпріятія для добычи, не воспрещаемыя народными постановленіями, однако и не служившія выраженіемъ политическаго дѣйствія всего народа; каждый человѣкъ, имѣющій право употребленія оружія внутри края по своему произволу, тѣмъ болѣе имѣлъ право обратить его противъ непріятеля. Только большія народныя предпріятія, рѣшаемыя въ народныхъ собраніяхъ, какъ напримѣръ, нападенія на наши укрѣпленія и станицы, составляли въ собственномъ смыслѣ проявленія общей народной воли и дѣйствія политическаго права войны. Въ нападеніяхъ древнихъ германскихъ народовъ на провинціи Западной Римской Имперіи можно также отличить произвольныя дѣйствія партій охотниковъ отъ большихъ народныхъ предпріятій. Когда варвары, почувствовавъ свою силу, начали, вмѣсто набѣговъ мелкими партіями для добычи, предпринимать большія вторженія многочисленными массами для завоеваній, то они должны были для успѣха улучшить свою военную организацію учрежденіемъ іерархіи властей и предоставить предводителямъ болѣе обширныя права, которыя, обратясь въ наслѣдственныя, дали начало феодальному государственному устройству. Прежнее феодальное устройство черкесскихъ племенъ и нынѣшнее абхазское устройство служатъ признакомъ завоевательнаго утвержденія ихъ въ занимаемомъ ими краѣ. Историческія событія потомъ поставили эти племена въ такое положеніе, что у одной части абхазскаго народа феодальныя учрежденія развились вполнѣ, у другой части не дозрѣли или пришли въ упадокъ, а у черкесскихъ племенъ совершенно рушились.

Digitized by Google

говъ въ наши предѣлы. Они желали, чтобы право употребленія противъ насъ оружія было предоставлено только народному собранію, какъ правительству, при объявленіи намъ войны, и чтобы за каждый самовольный выстрѣлъ налагались на виновныхъ тяжкія пени, исключая тѣхъ случаевъ, когда мы сами вынудимъ жителей взяться за оружіе для собственной ихъ обороны. Наблюденіе за исполненіемъ этого постановленія и отвѣтственность они полагали возложить на старшинъ.

Предположеніямъ этимъ, однако, не суждено было осуществиться. Народъ, привыкшій къ необузданной свободѣ и къ хищничеству, не стерпѣлъ, съ самаго начала, повелительнаго тона *мутазаговъ*, которые присылались съ приказаніями отъ народнаго собранія; скоро произошли между ими и народомъ драки, оканчивавшіяся по большей части не въ пользу *мутазаговъ*, и, послѣ нѣсколькихъ такого рода столкновеній, всѣ нововведенія окончательно рушились.

Около того же времени прибылъ къ Абадзехамъ отъ Шамиля Магометъ-Аминъ. Медленно и съ величайшимъ терпѣніемъ распространялъ онъ свою власть въ народѣ, не падая духомъ ни отъ какихъ неудачъ. Когда онъ наконецъ утвердился въ землѣ Абадзеховъ и ввелъ у нихъ управленіе, основанное на политической системѣ мюридизма, онъ началъ подчинять себѣ другія племена отчасти убѣжденіемъ и отчасти силою. Подробное описаніе дѣйствій Магометъ-Амина не относится къ предмету этой статьи, которая имѣетъ цѣлію только разсмотрѣть основанія народнаго устройства Черкесовъ и элементы, приготовлявшіе въ немъ внутренній переворотъ. Довольно сказать, что съ 1848 года до начала восточной войны, то-есть въ продолженіи пяти лѣтъ, Магометъ-Аминъ два раза съ быстротой подчинялъ себѣ всѣ черкесскія племена, населяющія сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря, и столь же скоро терялъ свою власть. Когда же началась восточная война, то Магометъ-Аминъ встрѣтилъ на своемъ поприщѣ сильнаго противника въ лицѣ Сефер-бея.

Сефер-бей происходитъ отъ княжеской фамиліи Занъ, которая прежде властвовала надъ цѣлымъ племенемъ черкесскаго происхожденія, Хеаки, жившимъ въ окрестностяхъ Анапы. Племя это нынѣ разсѣялось, и слабые остатки его находятся въ разныхъ мѣстахъ земли Натухайцевъ и Шапсуговъ. Фамилія Занъ потеряла свою власть при общемъ политическомъ

Digitized by Google

переворотѣ, совершившимся у Черкесовъ около половины прошлаго столѣтія, но она еще пользуется большимъ уваженіемъ въ народѣ. При взятіи нами Анапы, въ 1807 году, Сеферъ-бей, въ то время еще несовершеннолѣтній, былъ отданъ намъ окрестными жителями въ видѣ заложника и отправленъ въ Одессу для воспитанія въ Ришельевскомъ лицеѣ, но оставался тамъ не долго и мало чему выучился. Послѣ того онъ опредѣленъ былъ юнкеромъ въ полкъ, находившійся въ Анапѣ, гдѣ жилъ въ домѣ полковаго командира Рудзевича, въ послѣдствіи бывшаго корпуснымъ командиромъ. Не задолго передъ возвращеніемъ этой крѣпости Турціи, Сеферъ-бей бѣжалъ въ горы и потомъ поступилъ въ турецкую службу. Въ 1828 году, во время осады княземъ Меншиковымъ Анапы, Сеферъ-бей былъ уже въ чинѣ полковника и состоялъ при анапскомъ пашѣ въ качествѣ его помощника; по взятіи же этой крѣпости, былъ отправленъ военно-плѣннымъ въ Одессу, гдѣ оставался до заключенія мира, а потомъ дозволено было ему возвратиться на родину. Поселясь между Натухайцами, онъ сталъ въ головѣ черкесскаго возстанія противъ насъ и въ 1830 году отправился на контрабандномъ суднѣ въ Константинополь съ депутаціей отъ народа просить султана о присылкѣ къ нимъ войскъ для овладѣнія Анапой и освобожденія ихъ края отъ нашего владычества. Открыто отвергнутый, но тайно обласканный Портой, онъ остался въ Турціи; нѣсколько времени жилъ въ Анатоліи; посылалъ оттуда къ Черкесамъ порохъ и оружіе и волновалъ народъ обѣщаніями скорой помощи отъ Турціи. Наконецъ, по настоянію нашей миссіи въ Константинополѣ, Сеферъ-бей былъ отправленъ въ Адріанополь съ воспрещеніемъ выѣзда и жилъ тамъ до послѣдней войны подъ надзоромъ Порты, получая отъ ней достаточное содержаніе и не переставая время отъ времени посылать къ своимъ единоплеменникамъ письма, которыми въ продолженіи 22-хъ лѣтъ поддерживалъ въ нихъ духъ вражды противъ Россіи и надежду на помощь Турціи. Въ послѣднюю войну онъ прибылъ сначала въ Сухумъ, съ званіемъ паши, но безъ всякой власти надъ небольшимъ десантнымъ отрядомъ, который былъ тамъ высаженъ; а потомъ, спустя годъ, когда мы уже оставили Новороссійскъ и Анапу, переѣхалъ къ Натухайцамъ. Порта поручила ему набрать изъ горцевъ ополченіе для усиленія Батумскаго корпуса, но, несмотря на всѣ

Digitized by Google

свои старанія, онъ не успѣлъ склонить къ тому горцевъ. Привыкнувъ въ своей землѣ къ непродолжительнымъ военнымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ предоставляется произволу каждаго оставаться въ полѣ столько времени, сколько пожелаетъ, и возвращаться домой, когда вздумается, горцы устрашались мысли оставить родину, отправиться въ отдаленный край и попасть въ полную зависимость отъ турецкихъ начальниковъ, которые могли продержать ихъ у себя долгое время и даже записать ихъ въ регулярныя войска. Эта неудача подала первый поводъ къ столкновенію между Сеферъ-беемъ и Магометомъ Аминомъ, хотя и безъ того, представляя собою два противоположныя начала,—одинъ аристократію, другой религіозно-демократическое ученіе,—они не могли ужиться между собою въ мирѣ. Увѣривъ Порту, что все черкесское народонаселеніе поднимется поголовно по одному его слову и послѣдуетъ за нимъ всюду, Сеферъ-бей чувствовалъ себя униженнымъ, что обѣщанія его не оправдались на дѣлѣ, и старался отнести всю вину къ Магометъ-Амину, обвиняя его въ томъ, что онъ ввелъ въ заблужденіе Порту ложными донесеніями о введеніи у Черкесовъ порядка и повиновенія. Вынужденный оправдываться, Магометъ-Аминъ ѣздилъ въ Константинополь и былъ тамъ обласканъ Портой, но, воротясь безъ всякаго полномочія, удалился на нѣсколько времени отъ всякихъ дѣлъ; когда же Сеферъ-бей, пользуясь умышленнымъ его бездѣйствіемъ, старался распространить свое вліяніе на всѣ закубанскія племена, то Магометъ-Аминъ, снова призванный на политическое поприще, вступилъ съ нимъ въ открытую борьбу. Съ того времени Черкесы раздѣлились на два враждебныхъ стана: Натухайцы стали на сторонѣ Сеферъ-бея, Абадзехи поддерживали Магометъ-Амина, Шапсуги по большей части оставались нейтральными, принимая по временамъ сторону то одного, то другаго. Нѣсколько разъ дѣла между обоими противниками доходили до схватокъ съ оружіемъ въ рукахъ, но по нерѣшительности ихъ дѣйствій оставались безъ всякихъ послѣдствій.

Сеферъ-бею не была предоставлена народомъ никакая власть; онъ пользовался только вліяніемъ, основаннымъ на закоренѣлой враждѣ его къ Россіи и на убѣжденіи народа, что онъ имѣлъ большую силу у правительствъ турецкаго и западныхъ европейскихъ державъ. Однако, одного личнаго значенія, относящагося преимущественно къ дѣламъ внѣшней политики,

Digitized by Google

было для Сеферъ-бея недостаточно, для того чтобъ обезопасить себя отъ такого могучаго противника, какимъ былъ Магометъ-Аминъ. Во внутреннихъ дѣлахъ ему необходимо было найдти себѣ опору въ народныхъ партіяхъ, противныхъ мюридизму. Представитель аристократическаго сословія, онъ не могъ однако же опереться на одну эту слабую партію. Главныя причины медленнаго успѣха мюридизма въ Закубанскомъ краѣ заключались въ неукротимомъ характерѣ жителей свободныхъ сословій, не терпящихъ надъ собою никакихъ властей, и въ твердомъ намѣреніи ихъ сохранить свою власть надъ низшими сословіями, а особливо надъ рабами. Общіе интересы эти соединили среднее сословіе съ аристократическимъ, но у нихъ не доставало предводителя, которымъ и явился Сеферъ-бей.

Въ противоположность этой безсвязной партіи съ случайнымъ предводителемъ, не облеченнымъ никакою властію, послѣдователи мюридизма составляли общество правильно-организованное и управляемое іерархіей властей, во главѣ которыхъ стоялъ общій начальникъ, съ званіемъ наиба, дѣйствовавшій полновластно во имя религіи.

Борьба Сеферъ-бея съ Магометъ-Аминомъ была не что иное, какъ борьба *адата* съ *шаріатомъ*, изъ которыхъ первый, оставаясь въ прежнихъ формахъ, не могъ соединить общество въ связное и сильное политическое тѣло, а послѣдній, организованный мюридизмомъ, предлагалъ обществу такія начала, которыя могли придать ему единство, порядокъ и твердость. Всѣ выгоды были на сторонѣ мюридизма, и хотя, по всей вѣроятности, долго еще усилія религіозной секты оставались бы безуспѣшными при столкновеніяхъ съ духомъ личной независимости жителей и съ родовыми ихъ союзами; но наконецъ исходъ борьбы долженъ былъ обратиться на сторону единства и порядка, то-есть мюридизма, еслибы партія *адата* въ свою очередь не устроилась. Это было весьма сомнительно. Но знаменитый въ лѣтописяхъ Кавказа 1859 годъ разомъ окончилъ эту борьбу неожиданною развязкой: мюридизмъ палъ, Магометъ-Аминъ съ Абадзехами покорился Россіи, Натухайцы послѣдовали ихъ примѣру; Бжедухи и всѣ мелкія племена, живущія между Бѣлой и Лабой покорились еще прежде, Сеферъ-бей умеръ, и въ покорившихся племенахъ окончательно вос-

Digitized by Google

торжествовалъ *адатъ*, на основаніяхъ котораго и на избирательныхъ началахъ частію ввелось и частію вводится русское управленіе. Остаются еще въ неопредѣленномъ положеніи только Шапсуги и Убыхи, которые продолжаютъ отстаивать свою независимость, но у нихъ политическія партіи смолкли, и въ народѣ, не имѣющемъ предводителей, появилась страшная неурядица.

Николай Карлгофъ.

Digitized by Google

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВО ФРАНЦІИ (1)

IX.

Департаменты Марны, Верхней-Марны и Обы.

Прежняя провинція Шампань.

Нѣтъ путешественника, который бы не услышалъ, проѣзжая по Шампани, старинной поговорки, «*Quatre vingts dix neuf moutons et un Champenois font cent bêtes*». (Девяносто девять барановъ да одинъ Шампанецъ и того сотня скотовъ.)

Я прибавлю къ этому, что изъ всѣхъ пословицъ и поговорокъ, нѣтъ ни одной менѣе справедливой: возможно ли упрекнуть въ недостаткѣ ума благородную Шампань, производящую тѣ превосходныя вина, за которыми присылаетъ къ намъ Европа и цѣлый міръ, которыя одушевляютъ на мгновеніе самые тяжелые умы, развязываютъ самые неповоротливые языки и согрѣваютъ самыя холодныя головы? И не Шампань ли дала намъ одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей,

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 9 и 12.

Digitized by Google

Дидрò, которому Екатерина II оказывала такое уваженіе и почетъ, тогда какъ отечество награждало его только преслѣдованіями и тюрьмою?

Впрочемъ, происхожденіе этой поговорки столько же говоритъ въ пользу смышлености шампанскаго крестьянина, сколько свидѣтельствуетъ о грубости и недобросовѣстности того, кто пустилъ ее въ ходъ.

Возникла она въ средніе вѣка, когда рабство тяготѣло надъ рабочимъ людомъ, когда каждый сеньйоръ, полновластный распорядитель въ своихъ земляхъ, предписывалъ законы по своему произволу и приводилъ ихъ въ исполненіе по своей прихоти. Одинъ изъ этихъ сеньйоровъ обложилъ тяжелыми поборами стада овецъ, пригоняемыя въ столицу его владѣній; желая однакоже поразить только самыхъ богатыхъ овцеводовъ и пощадить недостаточныхъ, онъ постановилъ, чтобы налогъ падалъ исключительно на стада, состоявшія изо ста головъ и болѣе. Съ этого времени ни въ одномъ стадѣ не оказывалось болѣе девяноста девяти головъ. Раздраженный неуспѣхомъ придуманнаго имъ побора, сеньйоръ сдѣлался самъ сборщикомъ податей, выжидалъ стада на дорогѣ, и не находя иного средства удовлетворить своей алчности и въ то же время оказать уваженіе къ установленному имъ закону, онъ прибѣгъ къ грубой и злой шуткѣ; указывая своимъ вооруженнымъ спутникамъ на пастуха, онъ присчитывалъ и его къ числу головъ скота и говорилъ: «Сбирайте налогъ; девяносто девять барановъ да одинъ Шампанецъ и того сто скотовъ».

Феодализмъ отжилъ свой вѣкъ, рабство уступило мѣсто свободѣ, но поговорка проживетъ еще долго.

Помнится, я говорилъ уже о томъ, что еще до 1789 года освобожденіе крѣпостныхъ было часто возвѣщаемо у насъ королевскими указами; но эти указы были безсильны противъ своеволія коронныхъ чиновниковъ и сеньйоровъ, которые обязаны были приводить ихъ въ исполненіе на своихъ земляхъ; послѣдніе злились на королей, и громко вопіяли, что ихъ хотятъ раззорить въ конецъ и отнять у нихъ ихъ законную собственность. Въ этомъ-то и заключалось недоразумѣніе: эманципація лишала ихъ только права владѣнія людьми, но земля оставалась по прежнему ихъ собственностью, и они продавали или отдавали ее внаймы этимъ отпущенникамъ, возвышая цѣну ея по мѣрѣ возвышенія ихъ благосостоянія, а так-

Digitized by Google

же и приглашали ихъ обрабатывать ее въ свою пользу за установленную плату. А такъ какъ чувство собственности придаетъ необыкновенную энергію человѣческой дѣятельности, и свободный трудъ безконечно прозводительнѣе труда крѣпостнаго, то помѣщики вскорѣ разбогатѣли вслѣдствіе той же самой мѣры, которую проклинали, которую останавливали и задерживали всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами. Сверхъ того, злоба ихъ противъ королей была несправедлива въ томъ смыслѣ, что рабство уничтожается собственно не королевскими указами, а прогрессомъ, усовершенствованіемъ работы, разумною организаціей средствъ, которая, при меньшихъ издержкахъ, даетъ въ результатѣ бо́льшую сумму полезныхъ предметовъ. Указъ государя только свидѣтельствуетъ, что наступило время обратить въ фактъ то улучшеніе, котораго желаютъ всѣ честные и благоразумные люди.

Во всѣ времена Шампань оказывала большія услуги Франціи. Она никогда не колебалась, если ей нужно было стать на защиту общаго отечества; и если опустошенныя равнины ея остались безплодными, то уже конечно не отъ того, чтобъ онѣ не были удобрены человѣческою кровью. Нѣтъ возможности исчислить всѣ великія битвы, на нихъ происходившія. Здѣсь Галлія въ послѣдній разъ сразилась съ Римлянами, и должна была имъ уступить. Вителлій и Веспасіанъ спорили здѣсь объ обладаніи міромъ. Въ Шампани же, въ V вѣкѣ, страшный Аттила, бичъ Божій, нашелъ предѣлъ своему могуществу: передъ воротами Шалона на Марнѣ, онъ похоронилъ сто шестьдесятъ тысячъ своихъ воиновъ. Тамъ же, въ 1792 г., вторженіе Прусаковъ остановлено было мечами Дюмурье и Келлермана. Тамъ же наконецъ, въ 1814 г., Франція, истощенная кровавыми капризами Наполеона, отбивалась со всею энергіей отчаянія отъ союзныхъ войскъ. Фуражъ, провіантъ, повозки, скотъ—все, чѣмъ могли располагать поселяне, предоставлено было въ полное распоряженіе защитникамъ отечества. Крови своей они не щадили и прежде наступленія этого послѣдняго часа: люди, годные къ военной службѣ, давно уже бились въ рядахъ арміи; а теперь женщины и раненые, дѣти и старики вступали въ борьбу, обращая каждую деревню въ укрѣпленіе, каждый кустарникъ въ ретраншаментъ. Но увы! не возвратились славные дни 1792 года. Въ 1814 году все дѣло касалось одного Наполеона, а Франція утомлена была Наполеономъ.

Digitized by Google

Итакъ Шампань издавна служила щитомъ Франціи и устроилась такимъ образомъ, чтобы соотвѣтствовать своему назначенію. Вы не встрѣтите тамъ сельскихъ жилищъ, разсѣянныхъ посреди полей и окруженныхъ землями, составляющими ферму, какъ напримѣръ въ Вандеѣ. Въ Шампани хорошо знаютъ, что одинъ человѣкъ ничего не значитъ, между тѣмъ какъ, по словамъ Св. Писанія, братъ, получающій помощь отъ брата, составляетъ «градъ силенъ», и потому всѣ стараются жить поближе другъ къ другу, чтобы въ случаѣ нужды подавать другъ другу помощь, и оттого вездѣ встрѣчаются болѣе или менѣе значительныя деревни. Въ сельскихъ постройкахъ ежедневно совершаются многочисленныя и важныя улучшенія. Тамъ поняли, наконецъ, что вовсе недостаточно покрывать строеніями обширныя пространства; необходимо, чтобы каждая постройка была на своемъ мѣстѣ, чтобы приняты были во вниманіе потребности всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностей, чтобы животныя имѣли не только достаточное количество воздуха, необходимое для ихъ существованія, но чтобъ они и размѣщены были въ лучшемъ порядкѣ и получали кормъ, сообразно съ требованіями раціональнаго хозяйства и благоразумной экономіи, наконецъ, чтобы навозъ сберегался въ ямахъ, не теряя нисколько своихъ качествъ.

О жилищахъ богатыхъ землевладѣльцевъ, которые сами занимаются обработкой и улучшеніемъ своихъ владѣній, гдѣ они проводятъ часть своей жизни, замѣтимъ, что не рѣдко замокъ, окруженный парадньмъ дворомъ и обширными садами, расположенными въ видѣ амфитеатра, имѣетъ только одну кухню, общую для господъ и тѣхъ служителей, которыхъ они обязаны кормить, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка тянутся конюшни, хлѣва, овчарни, амбары, голубятни, сараи, курятники и пр.; обыкновенно все это расположено по тремъ сторонамъ прямоугольнаго двора, и отдѣлено отъ господскаго двора только однимъ заборомъ, такъ что хозяинъ можетъ видѣть все, что тамъ дѣлается, и изъ самыхъ оконъ своего кабинета наблюдать за всѣми подробностями своего хозяйства. Господскій домъ строится изъ камня и покрывается аспидными плитами. Что же касается до сельскихъ построекъ, то по недостатку въ строевомъ камнѣ, онѣ большею частію возводятся изъ деревянныхъ досокъ, наполненныхъ въ промежуткахъ земляными кирпичами, высушенными на воздухѣ; укрѣп-

Digitized by Google

ляютъ ихъ на бутѣ изъ щебня, который достаточно возвышаютъ надъ уровнемъ почвы, чтобы предохранить строеніе отъ дѣйствія сырости и морозовъ. Зданія эти обыкновенно покрываются соломой или камышомъ, а потому не рѣдко подвергаются страшнымъ пожарамъ. Наводненія не менѣе опасны для этихъ непрочныхъ жилищъ, вода часто разрушаетъ ихъ до основанія и далеко разноситъ ихъ обломки.

Въ сельскихъ жилищахъ, при среднемъ хозяйствѣ, владѣлецъ имѣетъ очень тѣсное помѣщеніе, между улицей и дворомъ, гдѣ складывается удобреніе, и гдѣ расположены всѣ необходимыя хозяйственныя постройки. Поселянинъ, впрочемъ, не слишкомъ страдаетъ отъ міазмовъ, распространяемыхъ въ воздухѣ навозомъ, помѣстить который на далекомъ разстояніи онъ не умѣетъ; постоянное движеніе и чистый воздухъ полей, гдѣ онъ проводитъ бо́льшую часть своего времени, уничтожаютъ вредное вліяніе того воздуха, которымъ онъ дышитъ у себя дома.

Что же касается до мелкаго земледѣльца, то-есть до такого, который владѣетъ одною или двумя лошадьми, такимъ же числомъ коровъ и десятками двумя овецъ, то, конечно, въ жилищѣ его встрѣчаются вмѣстѣ всѣ неудобства, замѣтныя по одиночкѣ у поселянъ болѣе достаточныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ старается соблюдать всевозможную чистоту; грязный дворъ свой онъ поднимаетъ и моститъ туземнымъ мѣломъ, который, будучи вытесанъ и плотно убитъ, пріобрѣтаетъ твердость камня. По срединѣ устроены ямы для стока тучной воды, содѣйствующей улучшенію навоза, а чтобъ излишекъ влаги не затопилъ двора въ дождливое время года, устраивается жолобъ, по которому эти плодотворныя воды стекаютъ въ ровъ, вырытый гдѣ-нибудь въ углу сада или огорода, закрытый кустарникомъ и наполненный соломой или жесткою травой, скоро обращающимися въ массу, пригодную для удобренія полей. На этотъ дворъ почти всегда ведутъ крытыя ворота, подъ которыми находятъ убѣжище возы съ хлѣбомъ и сѣномъ, когда вечеромъ во время грозы нужно гдѣ нибудь пріютить ихъ наскоро.

Крестьяне этого послѣдняго класса живутъ преимущественно своею работой, или нанимаясь поденно, или принимая на себя исполненіе какого-нибудь сельскаго труда за плату,— способъ, вообще предпочитаемый хорошими работниками,

Digitized by Google

которые могутъ тогда пріобрѣсти значительныя выгоды. Поденщикъ коситъ сѣно и овесъ, молотитъ хлѣбъ въ сараѣ, вывозитъ удобреніе, а когда земледѣльческихъ работъ нѣтъ, то онъ починиваетъ дороги, выдѣлываетъ кирпичи изъ мѣловой земли, употребляемой на постройку за недостаткомъ камня. Нѣкоторыя старинныя льготы даютъ ему еще одно средство прокормить свою семью. Такъ, напримѣръ, молотильщику на гумнѣ дозволяется брать себѣ связки обмолоченныхъ сноповъ. Собираніе колосьевъ дозволено вездѣ; семья поселянина пользуется этимъ правомъ и набираетъ ежегодно по нѣскольку мѣръ зернового хлѣба. Она собираетъ также траву, растущую на придорожныхъ рвахъ и прокармливаетъ ею корову или по крайней мѣрѣ кроликовъ, которыхъ множество разводится по всей провинціи.

Пища поселянъ умѣренная, но сытная. Она состоитъ изъ хлѣба (одна треть пшеницы и двѣ трети ржи), изъ небольшаго куска соленой свинины, плохой баранины, картофеля, капусты, бобовъ и чечевицы. Они пьютъ мало вина, но болѣе всего употребляютъ воду съ уксусомъ и еще охотнѣе воду съ водкой. Впрочемъ, потребленіе водки принимаетъ въ настоящее время ужасающіе размѣры. Даже женщины привыкаютъ къ ней; нанимаясь на день, онѣ выговариваютъ себѣ *рюмочку*, а прачки, по старинному обычаю, давно уже пріобрѣли на нее право.

Природа очень мало сдѣлала для Шампани, и несмотря на всѣ разумныя и дѣятельныя усилія туземныхъ агрономовъ, Шампань осталась бы въ нищетѣ, еслибы виноградники не обратили самыя дурныя ея земли, самые обнаженные холмы, въ золотые рудники, которые гораздо вѣрнѣе и неистощимѣе рудниковъ Калифорніи. Страна эта служитъ превосходнымъ примѣромъ того, что̀ въ состояніи совершить геній человѣка для возбужденія плодородія въ почвѣ. Не такъ далека еще отъ нашего времени та эпоха, когда равнины Шампани, по справедливости, славились своею скудостію и представляли печальное зрѣлище безотрадной пустыни. Путешественникъ, проѣзжавшій по нимъ, встрѣчалъ только однѣ мѣловыя вершины, усѣянныя рѣдкими пучками тощей травы или низкорослаго можжевельника. Почва, разстилаясь длинными волнистыми полосами, повсюду представляется бѣдною и безплодною. На вершинахъ холмовъ и по склонамъ ихъ она исключительно состоитъ изъ мѣла; въ долинахъ, мѣлъ перемѣшанъ съ извест-

Digitized by Google

мымъ хрящомъ, который часто покрываетъ его совершенно. Земля повсюду легкая, вбирающая въ себя много воды, которой всегда недостаточно, чтобы напитать ее. Мѣстами тамъ встрѣчались бѣдныя деревушки, влачившія бѣдственное существованіе. Небольшое количество хлѣбныхъ растеній, составлявшихъ обычную пищу жителей, родилось на этой сухой и тощей почвѣ, да и то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отдыха. Случалось, что грозовыя тучи извергали цѣлый потопъ, но воды неслись громадными массами, нисколько не наполняя обнаженной почвы, а только смывая жатву и обработывая поля; злополучный земледѣлецъ никогда не былъ увѣренъ: что соберетъ хлѣбъ, выроставшій у него на глазахъ. Въ другой годъ лишенныя растительности равнины выгорали отъ солнечныхъ лучей, и хлѣбныя колосья высыхали на корню, не достигая своего полнаго роста. Въ это-то время, еще не очень отдаленное отъ насъ, поселянинъ топилъ печь соломой своей жатвы; однимъ словомъ, все соединялось, чтобъ обратить эту провинцію въ пустыню. Она и была почти необитаема, а жители сосѣднихъ областей дали ей совершенно заслуженное прозвище: *Champagne pouilleuse* (вшивая Шампань). Старинная поговорка гласитъ, что десятина земли, когда на ней встрѣчался заяцъ, стоила тамъ два франка; то-есть ровно столько, сколько стóитъ заяцъ. Но даже зайцы попадались тамъ рѣдко: имъ негдѣ было пріютить свою семью, нечѣмъ прокормить ее.

Пусть тотъ, кто проѣзжалъ по этой несчастной странѣ лѣтъ 25 или 30 назадъ, проѣдетъ по ней теперь,—его поразитъ блистательное превращеніе, совершенно ее измѣнившее, благодаря наступленію эпохи мира и безопасности, которая, какъ казалось, водворилась окончательно во Франціи послѣ паденія первой имперіи. Тамъ, гдѣ едва пробивалась тощая трава, коверъ сочной люцерны покрываетъ богатую и плодоносную почву; кольза растетъ рядомъ съ пшеницею въ той самой странѣ, гдѣ не такъ давно еще ославили бы безумцемъ всякаго, кто вздумалъ бы приняться за посѣвъ этихъ растеній, и единогласно приговорили бы его къ заключенію въ домъ умалишенныхъ. Главнымъ источникомъ этихъ чудесъ было заведеніе сосновыхъ плантацій на самыхъ скудныхъ земляхъ и обрывистыхъ склонахъ. Разведеніе лѣсовъ измѣнило вообще климатъ страны. Сосны доставили жителямъ дрова, оградили поля отъ наводненій, предохранили жатвы отъ ярости вѣтра,

Digitized by Google

который прежде разгуливалъ на свободѣ. Ежегодное паденіе хвои постепенно покрывало почву слоемъ чернозема, котораго ей не доставало, и спасительная свѣжесть стала вѣять изъ этихъ лѣсовъ во время лѣтняго зноя. Солома, жалкое топливо прошедшаго времени, теперь, при размноженіи сосноваго лѣса, возвращается въ землю удобреніемъ, и обогащаетъ ее новыми составными частицами, оплодотворяющими почву.

Прежде и слуха не было о правильномъ сѣвооборотѣ; онъ былъ рѣшительно невозможенъ тамъ, гдѣ едва существовало земледѣліе. Но теперь, тѣ же самыя земли, которыя въ шесть лѣтъ одинъ разъ давали скудную жатву ржи или овса, доведены до того, что въ семь лѣтъ даютъ жатву шесть разъ. Самый употребительный сѣвооборотъ есть слѣдующій:

1-й годъ. Пшеница съ удобреніемъ.

2-й годъ. Ячмень или рожь пополамъ съ искусственными лугами, клеверомъ и дятлиной.

3-й годъ. Искусственные луга.

4-й годъ. Искусственные луга.

5-й годъ. Пшеница на поднятомъ искусственномъ лугу, съ полуодобреніемъ.

6-й годъ. Овесъ.

7-й годъ. Паръ.

Такъ какъ почва Шампани вообще не плодоносна, то удобреніе въ ней болѣе чѣмъ гдѣ-либо составляетъ существенный элементъ земледѣльческаго благосостоянія, и обитатели самыхъ промышленныхъ общинъ, въ полной надеждѣ на непосредственное и прочное улучшеніе своего хозяйства, не рѣдко отправляются добывать удобреніе за 25 вашихъ верстъ. Эта скудная и безплодная почва имѣетъ два неоцѣненныя качества: она долго сохраняетъ свою свѣжесть и сберегаетъ навозъ. Сверхъ того, ее до такой степени легко обрабатывать, что одна лошадь можетъ справиться съ плугомъ, и женщины охотно принимаются за пашню. Да и всѣ отрасли земледѣлія возможны на этой мѣловой почвѣ: кольза, пшеница, люцерна, дятлина, свекловица и картофель, даже конопля, родятся одинаково хорошо, преимущественно вблизи селеній. Къ сожалѣнію, жители этихъ селеній, слишкомъ малочисленные сравнительно съ пространствомъ принадлежащихъ имъ земель, часто терпятъ недостатокъ въ капиталахъ, отчего и посвящаютъ всѣ труды свои полямъ, лежащимъ

Digitized by Google

около ихъ жилищъ, получая съ прочихъ участковъ только скромную жатву овса, по прежнему послѣ пятилѣтняго отдыха земли подъ паромъ, жатву, исключительно зависящую отъ атмосферическихъ перемѣнъ, удовлетворительную въ дождливые годы и почти ничтожную во время засухи. Поля, въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ мертваго пара, служатъ пастьбищами; они покрываются медленною и скудною растительностію обыкновенныхъ травъ, между которыми неприхотливая овца отыскиваетъ себѣ кормъ.

Но великое дѣло этой страны, любимая отрасль земледѣлія, прославившая Шампань по всему міру, есть разведеніе виноградниковъ. Поговоримъ же объ этихъ знаменитыхъ винахъ Шампани, объ этомъ продуктѣ, національномъ до такой степени, что въ немъ частію отражается французскій характеръ, подобно ему—веселый, буйный, игривый и легкій, и подобно ему не уживающійся съ затворничествомъ и безпрерывно угрожающій взрывомъ; поговоримъ о виноградникахъ, занимающихъ 55 тысячъ дсятинъ земли въ четырехъ департаментахъ Марны, Верхней Марны, Обы и Ардены, и возвысившихъ цѣнность нѣкоторыхъ земель до громадной цифры 20 тысячъ франковъ за гектаръ (1)!

Надо сказать правду, что шампанское можно назвать скорѣе промышленнымъ чѣмъ естественнымъ произведеніемъ. Существуютъ шампанскія бѣлыя, красныя, розовыя, и между первыми есть игристыя и неигристыя. Игристыя вина получаются оттого, что выдавленный виноградный сокъ не допускается до броженія въ кубѣ, а переливается въ засмоленныя бочки, гдѣ онъ начинаетъ свое броженіе, но не оканчиваетъ его, и потому сохраняетъ въ себѣ значительную часть угольной кислоты. Въ мартѣ мѣсяцѣ вино разливаютъ въ бутылки, очистивъ его еще въ декабрѣ отъ гущи, и придавъ ему прозрачность посредствомъ рыбьяго клея. Бутылки закупориваютъ крѣпко-на-крѣпко, потомъ постепенно наклоняютъ ихъ и оставляютъ на нѣкоторое время горлышкомъ внизъ, для отдѣленія вина отъ слизей. По прошествіи нѣкотораго времени, каждую бутылку тщательно откупориваютъ и отнимаютъ слизистый осадокъ, держа ее попрежнему горлышкомъ внизъ. Когда производится это очищеніе, въ вино

(1) Около 5,500 р. за десятину русской казенной мѣры.

Digitized by Google

подбавляютъ такъ-называемый ликеръ, состоящій изъ леденца, распущеннаго въ коньякѣ. Потомъ бутылки окончательно закупориваютъ, пробки прикрѣпляютъ желѣзною проволокой и прикладываютъ къ нимъ печати, или (какъ то вошло въ употребленіе въ послѣднее время по большему удобству) обертываютъ ихъ листовою жестью; послѣ чего всѣ бутылки раскладываются горизонтально на деревянные подмостки, подъ которыми разставлены каменные жолоба, куда должно стекать вино въ томъ случаѣ, если лопнетъ которая-нибудь изъ этихъ бутылокъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ пѣнятся вина, несовершенно окончившія свое броженіе. Въ ту минуту, когда откупориваютъ бутылку, внѣшній воздухъ врывается въ нее; броженіе, задержанное до той минуты, начинается снова, и углекислый газъ, со всею свойственною ему энергіей, выталкиваетъ жидкость изъ пріемника.

Торговля шампанскимъ обнимаетъ весь міръ, и департаментъ Марны высылаетъ ежегодно отъ семи до восьми милліоновъ бутылокъ. Около трети этого количества потребляется во Франціи. Но несмотря на то, что въ послѣднее время производство шампанскаго удвоилось, оно не въ состояніи было удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Удовлетворить имъ могли только многочисленныя поддѣлки. Искусственное шампанское изготовляютъ изъ смѣси сахара, грушовки, смороднаго соку и березовки съ легкими винами другаго происхожденія. Можно смѣло сказать, что двѣ двѣ трети того, что̀ выпивается подъ именемъ шампанскаго, какъ во Франціи, такъ и въ чужихъ краяхъ, состоитъ изъ химическихъ смѣсей, безъ сомнѣнія отлично составленныхъ, въ которыя искусство вводитъ углекислый газъ, придающій имъ при своемъ освобожденіи игристый видъ шампанскаго, но въ производство которыхъ не входитъ ни одной капли виноградnаго сока шампанскихъ лозъ.

Впрочемъ, въ настоящее время *шампанизируютъ (on champagnise)*,—слово это вошло въ употребленіе и самое производство допущено—бо́льшую часть винъ, добываемыхъ въ Бургундіи, на берегахъ Роны и Луары. Но такъ какъ вина эти добываются посредствомъ того же процесса, который употребляется въ Шампани, и отличаются всѣми свойствами вина, названіе котораго они принимаютъ, то нѣтъ никакой причины упрекать въ чемъ-либо эту промышленность.

Въ окрестностяхъ Реймса и Эперне преимущественно встрѣ-

Digitized by Google

чаются тѣ знаменитые холмы, продуктами которыхъ такъ дорожатъ повсюду. Эперне расположенъ въ самомъ центрѣ лучшихъ виноградниковъ, и на почвѣ, самой благопріятной для устройства хорошихъ погребовъ; прорытые въ туфовыхъ утесахъ, они обширны, очень удобны для сбереженія и улучшенія винъ, и такъ прочны, какъ будто бы ихъ поддерживали каменные своды. Они особенно замѣчательны своею обширностію и образуютъ родъ лабиринтовъ, въ которыхъ трудно найдти дорогу безъ помощи проводника. Стѣны на два метра въ вышину уставлены бутылками, артистически расположенными и разсортированными по времени сбора. Рѣдкій путешественникъ, проѣзжая Эперне, не осмотритъ ихъ. Эти посѣщенія не всегда безопасны, особенно въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда начинаетъ наливать виноградъ. Въ это время владѣльцы испытываютъ наибольшую потерю отъ разрыва бутылокъ. Тогда не благоразумно было бы идти по погребу, не запасшись проволочною маской, и не рѣдко случалось, что работники, забывавшіе эту предосторожность, получали тяжелыя раны отъ осколковъ стекла.

Изо всѣхъ Шампанцевъ, занятыхъ обработкой земли, винодѣлы, постоянно согбенные почти до земли при окапываніи, разсаживаніи, выпалываніи виноградныхъ лозъ, при подвязкѣ, очисткѣ гроздій и при сборѣ винограда, рѣдко пользуются довольствомъ и ѣдятъ хуже всѣхъ другихъ работниковъ, хотя и пьютъ вино. Оттого они вообще малорослы, дурно сложены, истомлены работой и рано старѣются. Постоянная неувѣренность въ успѣхѣ сбора, всегда причудливый и ненадежный ростъ виноградной лозы, безпрерывно угрожающій имъ цѣлыми годами бѣдности и страданій, отнимаютъ у нихъ возможность дать дѣтямъ своимъ какое-нибудь воспитаніе; въ школу они посылаютъ ихъ рѣдко и съ ранней поры употребляютъ ихъ на тяжкія работы, которыя хотя и нравятся дѣтямъ больше ученья, но становятся для нихъ гибельны по слабости ихъ возраста.

Еслибы жена винодѣла могла заниматься только хозяйственными заботами, и безъ того очень тягостными, все бы шло хорошо, но она безпрерывно раздѣляетъ всѣ труды своего мужа и гораздо менѣе его имѣетъ времени для отдыха.

Перемѣны, произведенныя въ сѣвооборотѣ, въ разведеніи животныхъ, и особенно овецъ, удобство путей сообщенія,

Digitized by Google

умноженіе искусственныхъ луговъ, распространившійся между землевладѣльцами обычай жить въ помѣстьяхъ, большее число земледѣльцевъ, сдѣлавшихся собственниками и потому интересующихся улучшеніями, все это вмѣстѣ содѣйствовало развитію крупнаго хозяйства. Оно было бы еще ощутительнѣе, еслибы не были такъ кратки условія найма, и еслибы земледѣльцы имѣли болѣе средствъ устроить всѣ принадлежности своего хозяйства. По обыкновенію, на значительной фермѣ находится отъ трехъ до шести плуговъ. Что же касается до участковъ ниже 25—30 гектаровъ, то ихъ не почитаютъ фермами въ настоящемъ значеніи слова, и хотя онѣ встрѣчаются довольно часто, но состоятъ обыкновенно изъ земель, обрабатываемыхъ самими собственниками. Есть также много извощиковъ, мельниковъ, и пр., которые хотя и не принадлежатъ къ числу земледѣльцевъ, но обрабатываютъ за условленную плату большее или меньшее количество чужой земли лошадьми, которыхъ держатъ для своихъ постоянныхъ промысловъ.

Земли отдаются внаймы или цѣлыми фермами съ хозяйственными принадлежностями и постройками, или участками безъ построекъ. Наемные сроки измѣняются, смотря по мѣстностямъ, отъ трехъ, шести и девяти лѣтъ до восьмнадцати, а иногда и до двадцати семи. Условія найма менѣе стѣснительны и болѣе разумны чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; они предоставляютъ земледѣльцу свободу дѣйствій, и даютъ ему возможность перемѣнять посѣвы въ теченіи наемнаго времени, обязывая его только возстановить сѣвооборотъ, при окончаніи сроковъ, въ прежнемъ порядкѣ. Наймы на долгіе сроки заключаются почти всегда вслѣдствіе особыхъ соображеній. Вопервыхъ, ферма, занимающая большое пространство, и вслѣдствіе этого требующая употребленія значительнаго капитала, не охотно нанимается на шесть и даже на девять лѣтъ, потому что фермеръ опасается, что ему откажутъ по окончаніи наемнаго срока, и онъ принужденъ будетъ искать себѣ другую ферму или продавать по низкой цѣнѣ свои хозяйственныя орудія. Вовторыхъ, собственникъ можетъ обязать фермера разводить виноградныя лозы, а равно и другія растенія, или удабривать землю мергелемъ, дѣйствіе котораго ощутительно по прошествіи нѣкотораго времени. Втретьихъ, когда земли были въ залежи или дурно воздѣланы, новый фермеръ по необходимости долженъ обрабатывать ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ

Digitized by Google

лѣтъ, не получая обыкновеннаго вознагражденія, и капиталъ свой можетъ выручить только въ послѣдніе годы. Наконецъ, продолжительный наемный срокъ даетъ фермеру бо́льшую возможность заводить и поддерживать искусственные луга.

Въ нѣкоторыхъ кантонахъ, къ обыкновеннымъ условіямъ найма, о которыхъ я уже сообщалъ, присоединяютъ еще статью, обязывающую фермера размежевать всѣ обрабатываемыя имъ земли и составить имъ планъ, что̀ весьма полезно для собственника, на случай споровъ съ наемщикомъ. Наемщикъ, обязанный по окончаніи наемнаго срока уплатить за всѣ неоказавшіеся на лицо участки, долженъ въ собственныхъ интересахъ защищать ихъ отъ притязаній сосѣдей, и не принимаетъ фермы, не провѣривъ послѣдняго плана и не сдѣлавъ на немъ необходимыхъ исправленій.

Три департамента, о которыхъ идетъ рѣчь, раздроблены до безконечности, потому что участки земли имѣютъ среднимъ числомъ не болѣе десяти аръ (1). Это неудобное распредѣленіе земель причиняетъ большую трату времени и ведетъ за собою неизбѣжные взаимные сервитуты (разныя права въ чужой вещи), весьма вредные для земледѣлія. Еслибы правительство захотѣло отступиться отъ своихъ фискальныхъ притязаній и отказаться отъ взимаемыхъ имъ пошлинъ, въ случаѣ обмѣна или продажи, то оно облегчило бы обмѣнъ смежныхъ участковъ между собственниками, и каждый изъ нихъ могъ бы собрать въ одно цѣлое разныя мелкія полоски, составляющія его владѣнія и разбросанныя по всѣмъ четыремъ угламъ общины, или даже лежащія въ сосѣднихъ общинахъ. На хорошей землѣ пшеница даетъ отъ десяти до двѣнадцати гектолитровъ съ гектара. Рожью засѣваются всѣ участки низшаго качества, такъ часто встрѣчаемые въ Шампани. Впрочемъ, съ упадкомъ цѣны на зерновой хлѣбъ, начинаютъ сѣять много кользы, и съ большею выгодой. Несмотря на сильное раздробленіе земель, до сихъ поръ встрѣчаются обширныя и превосходныя помѣстья, преимущественно тамъ, гдѣ много лѣсовъ и необработанныхъ полей.

Расчистка лѣса подъ пашню есть старинный обычай, распространенный во всей странѣ, хотя многіе и возстаютъ

(1) Одной десятой доли гектара; въ гектарѣ 100 аръ, въ арѣ безъ малаго 22 квадратныхъ сажени.

Digitized by Google

противъ него. Когда вырубаютъ лѣсъ или срѣзываютъ кустарникъ, то зажигаютъ листья, мелкія вѣтки и траву, покрывающую землю. Потомъ распахиваютъ очищенный такимъ образомъ участокъ, не обращая вниманія на остающіеся корни, и получаютъ двѣ-три жатвы ржи, овса и гречи. Нѣкоторые увѣряютъ, что кустарникъ выростаетъ еще лучше на землѣ, приподнятой такимъ образомъ: другіе же напротивъ, утверждаютъ, что такая расчистка повела къ уничтоженію множества прекрасныхъ лѣсовъ и кустарниковъ. *Sub judice lis est.*

Обширныя равнины Шампани весьма благопріятствуютъ разведенію овецъ, племени умѣреннаго, которое безропотно живетъ тамъ, гдѣ быкъ и корова мерли бы съ голода, и пьетъ только тогда, когда представляется случай. Разведеніе мериносовъ составляетъ одну изъ главныхъ отраслей промышленности Шампани и поддерживаетъ тамъ существованіе множества фабрикъ сукна, казимира, одѣялъ и другихъ шерстяныхъ тканей, обозначаемыхъ общимъ именемъ *реймскихъ товаровъ*. Но въ вознагражденіе за свою умѣренность и за свою драгоцѣнную способность находить пищу на поляхъ почти обнаженныхъ, овца требуетъ полной свободы и протестуетъ противъ заключенія въ хлѣвахъ. Она хочетъ жить на свободѣ, на чистомъ воздухѣ, и не обращаетъ большаго вниманія на перемѣну погоды. Впрочемъ, стойка значительно уменьшила бы качество руна, а тонкіе и средніе сорты шерсти перевелись бы во Франціи, еслибы кому-нибудь пришло въ голову стѣснять привычки этого мирнаго животнаго. Эта потребность движенія, необходимая для овецъ породила такъ-называемое право «пустаго пастьбища», *vaine pâture*, составляющее важное ограниченіе собственности, несмотря на то, что полнотою права собственности такъ ревниво дорожатъ у насъ во всѣхъ случаяхъ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что въ Шампани, какъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ занимаются овцеводствомъ въ большихъ размѣрахъ, существуетъ два рода стадъ: стада, принадлежащія порознь богатымъ собственникамъ, и стада сборныя или общинныя, составляющіяся изъ соединенія животныхъ, принадлежащихъ нѣсколькимъ мелкимъ собственникамъ, которые довѣряютъ ихъ надзору одного пастуха, носящаго названіе общиннаго пастуха (*berger communal*). Такъ какъ овцы рѣдко пасутся на тучныхъ пастьбищахъ, предоставленныхъ быкамъ и коровамъ, но умѣютъ отыскивать себѣ на ходу скудную пищу, разсѣянную

Digitized by Google

на большомъ пространствѣ, то понятно, что одни только богатые собственники въ состояніи разводить овецъ на своихъ обширныхъ земляхъ. Впрочемъ, почва раздроблена до такой степени, что даже и богатые помѣщики не всегда могутъ удовлетворять потребностямъ овцеводства. Чтобы дать вамъ понятіе объ этой черезполосности владѣній, доведенной до крайности, я укажу вамъ на одно изъ самыхъ обширныхъ помѣстій въ департаментѣ Марны, которое занимаетъ около двухсотъ гектаровъ (1). Это помѣстье заключаетъ въ себѣ самое большое количество значительныхъ участковъ земли, и при всемъ томъ онъ состоитъ изъ 140 частицъ, разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ. Возможно ли допустить, чтобы при такомъ порядкѣ вещей, собственникъ, земли котораго разсѣяны во всѣхъ направленіяхъ, перемѣшаны съ другими, и только отчасти примыкаютъ къ дорогамъ, достаточно широкимъ для прогона скота, былъ въ состояніи выгонять стада на свои собственныя земли, не касаясь по необходимости чужихъ владѣній, которыя окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ? И однакожь въ этомъ департаментѣ круглымъ числомъ считается 980 общинныхъ стадъ, по 400 головъ въ каждомъ, и 400 отдѣльныхъ стадъ по 150 головъ.

Для устраненія этихъ неудобствъ, и для соблюденія обоюдныхъ интересовъ богачей и бѣдняковъ, законъ предоставилъ всѣмъ жителямъ одной и той же общины право выгонять скотъ свой на пастьбище во всѣ поля, кому бы они ни принадлежали, если только убрана жатва и на нихъ нѣтъ ни сѣменъ, ни плодовъ. Это и называется правомъ *пустаго пастьбища;* пользу и выгоды этого права многіе оспариваютъ: одни, поставляя на видъ уваженіе къ собственности, говорятъ что ее должно бы избавить отъ такого вреднаго принужденія; другіе, защищая дѣло общаго интереса, утверждаютъ, что съ уничтоженіемъ *пустаго пастьбища,* по всѣмъ вѣроятностямъ переведутся всѣ сборныя стада и по крайней мѣрѣ двѣ трети отдѣльныхъ. Такъ и не рѣшили этого вопроса, неразрѣшимаго при существующей у насъ черезполосности угодій.

Между овцеводами существуетъ рѣзкое разногласіе относительно той породы, которой слѣдуетъ давать преимуще-

(1) Гектаръ равняется 0,915 казенной десятины.

Digitized by Google

ство. Одни, поставляя выше всего производство шерсти, предпочитаютъ породу мериносовъ и добываютъ себѣ животныхъ, которыя одарены цилиндрическимъ туловищемъ, полною грудью, круглыми плечами, горизонтальною спиной, короткими оконечностями, и которыя даютъ шерсть тонкую, мягкую, шелковистую, прочную и упругую; другіе, желая добыть болѣе мяса, прибѣгаютъ къ англійскимъ породамъ, къ дишлеямъ и нью-кентамъ, или ихъ помѣсямъ, и заботятся преимущественно о томъ, чтобъ овца имѣла туловище круглое, плотное, толстое, шею короткую, хребетъ горизонтальный и широкій, плечи сильныя, грудь полную, брюхо круглое, тазъ сильноразвитый, утробу короткую, ноги короткія, тонкія и сухія, и шерсть тонкую, гладкую и очень длинную. Третьи наконецъ избирая средній путь, стараются пріобрѣсти животныхъ здоровыхъ, сильныхъ, хорошо сложенныхъ, которыя бы въ одно и то же время доставляли и много мяса на бойню, и руно тонкое и длинное, хотя бы мясо и не было отличнаго качества.

Какъ бы то ни было, благодаря овцѣ, животному до чрезвычайности умѣренному, и виноградной лозѣ, любящей обрывистые холмы и даже обнаженные утесы, Шампань, повидимому столь обиженная природой, сдѣлалась одною изъ самыхъ богатыхъ провинцій. Вся заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ нѣсколькимъ умнымъ и преданнымъ своему дѣлу людямъ, которые при ученыхъ обществахъ главныхъ городовъ трехъ департаментовъ, описываемыхъ нами, устроили земледѣльческія собранія, называемыя *комиціями* (comices), и, несмотря на недостаточность средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, сдѣлали все, что человѣчески возможно было сдѣлать для устройства конкурсовъ, земледѣльческихъ состязаній, для поощренія всякаго опыта, всякаго начинанія, всякаго прогресса, для вознагражденія многочисленнаго и необходимаго класса сельскихъ работниковъ, употребляемыхъ собственниками и земледѣльцами. Эти земледѣльческіе работники чрезвычайно многочисленны въ Шампани; во главѣ ихъ стоятъ пастухи, которымъ преимущественно порученъ надзоръ за овцами. Для участія въ наградахъ, ежегодно назначаемыхъ комиціями, необходимо, чтобы работникъ прослужилъ много лѣтъ въ одномъ помѣстьѣ, а если онъ пастухъ, то въ одной общинѣ, чтобъ онъ былъ человѣкъ безукоризненной нравственности и честности, чтобъ онъ никогда не подвергался никакому наказанію.

Digitized by Google

Что же касается до воздѣлыванія виноградниковъ, то они требуютъ тщательнаго ухода; не возможно оставить виноградникъ въ пренебреженіи ни на одну минуту, не подвергаясь значительнымъ убыткамъ. Есть впрочемъ обычай отдавать съ торга нѣкоторое количество виноградниковъ подрядчикамъ, то-есть людямъ, которые подряжаются на обработку, подрѣзку, разведеніе отводковъ, охраненіе и пр. извѣстнаго количества виноградныхъ лозъ.

Поденщики приносятъ также большую пользу при всякомъ сколько-нибудь значительномъ хозяйствѣ, потому что безъ ихъ содѣйствія большое помѣстье не могло бы быть обработано съ выгодой собственникомъ и даже фермеромъ. Ихъ бродячій и непривычный къ повиновенію характеръ, ихъ кочевыя привычки, пагубная легкость, съ которою они нарушаютъ свои условія, не рѣдко приводятъ въ отчаяніе хозяевъ. Поговариваютъ о подчиненіи ихъ, подобно городскимъ служителямъ, формальности *книжекъ*, въ которыя вписывается время пребыванія ихъ въ услуженіи у различныхъ фермеровъ. Но подобная мѣра сопряжена съ большими затрудненіями. Въ деревнѣ, на фермѣ, служитель, по рожденію своему, воспитанію, привычкамъ, равенъ тому, кто его нанимаетъ. Оба исправляютъ однѣ и тѣ же работы, оба садятся за одинъ и тотъ же столъ и живутъ совершенно одинаковою жизнію; они гораздо болѣе похожи на товарищей чѣмъ на господина и слугу, и хотя одинъ приказываетъ, а другой повинуется, но все-таки разстояніе между ними очень слабое. Не рѣдко даже въ самомъ достаткѣ ихъ нѣтъ никакой разницы, потому что сынъ фермера, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, поступаетъ иногда въ услуженіе къ другому фермеру, хотя на время, пока возрастъ не дозволитъ ему самому нанять ферму. Въ городѣ, услуженіе, почти исключительно личное, принимаетъ характеръ подданства. Разстояніе между господиномъ и слугой въ городѣ усиливается и тѣмъ различіемъ, которое полагаетъ между людьми образованіе, и такое неравенство ни сколько не зависитъ отъ предразсудковъ. Въ деревнѣ совсѣмъ другое дѣло. Впрочемъ, мнѣ кажется, что жалобы фермеровъ и землевладѣльцевъ часто неосновательны, и они нѣсколько поздно вздумали жаловаться на зло, которое вовсе не такъ ново, какъ они представляютъ его себѣ: если оно было неизвѣстно во время потопа, то по крайней мѣрѣ современно царю

Digitized by Google

Давиду, ибо при немъ уже говорили: *Днесь умножени суть раби отходяще кійждо отъ лица господина своего* (1).

Простые работники, помогающіе фермерамъ, каковы косцы, молотильщики, винодѣлы и различные поденщики не забыты при распредѣленіи наградъ на земледѣльческихъ комиціяхъ, и особенно тѣ имѣютъ на нихъ право, которые долго служили у одного хозяина. Такимъ же образомъ и за тѣ же отличія награждаются и служанки на фермахъ. Эта мѣра мнѣ кажется дѣйствительнѣе такъ-называемыхъ *книжекъ*.

Нѣсколько времени тому назадъ, земледѣльческое собраніе въ Шампани присудило золотую медаль управителю, который, въ продолженіи тридцати лѣтъ, тщательно исполнялъ свою обязанность и значительно улучшилъ обширное помѣстье въ 1424 гектара, ввѣренное его попеченіямъ. Такія отличія даются не рѣдко, и всегда по заслугамъ. Образцовыя постройки, хорошее расположеніе хлѣвовъ, изобильное производство кормовыхъ травъ, введеніе новыхъ отраслей земледѣлія или новыхъ удобреній, машинъ, усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, осушеніе земли, дренажъ, орошеніе, хорошій уходъ за домашними животными, начиная отъ рогатаго скота до куръ, голубей и пчелъ, однимъ словомъ, все, что содѣйствуетъ улучшенію сельскаго хозяйства, принимается въ соображеніе при распредѣленіи земледѣльческихъ наградъ.

Заботливость земледѣльческихъ съѣздовъ, или комицій о награжденіяхъ простирается даже на полевыхъ сторожей, этихъ правительственныхъ агентовъ, которымъ поручено охраненіе сельской собственности. Мнѣ слѣдуетъ здѣсь кстати упомянуть объ этихъ полезныхъ служителяхъ, самое названіе которыхъ ясно обозначаетъ возложенную на нихъ обязанность. Законъ облекаетъ ихъ властью чиновниковъ судебной полиціи; на этомъ основаніи онъ вмѣняетъ имъ въ обязанность приводить въ извѣстность, въ мѣстахъ ввѣренныхъ ихъ попеченію, проступки и провинности, наносящіе ущербъ собственности, и составлять о нихъ актъ. Они слѣдятъ за похищенными предметами, налагаютъ на нихъ секвестръ, не имѣя впрочемъ права входить въ дома и другія затворенныя мѣста иначе, какъ въ присутствіи кантоннаго мироваго судьи или его помощника, мѣстнаго мерани или его товарища, или полицейскаго коммиссара, которые подписы-

(1) Книга *Царствъ* XXV, 10.

Digitized by Google

ваютъ актъ, procès verbaux, составленные этими сторожами. Они задерживаютъ и отводятъ къ мировому судьѣ или меру тѣхъ людей, которые захвачены на мѣстѣ преступленія или оглашены общественною молвой въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе заслуживаетъ тюремнаго заключенія или еще сильнѣйшаго наказанія. Для этой цѣли они могутъ требовать помощи отъ мера или его помощника, и тѣ не въ правѣ отказать имъ. Они сообщаютъ мерамъ, а равно и жандармскимъ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ, обо всякомъ доходящемъ до свѣдѣнія ихъ нарушеніи порядка и общественнаго спокойствія; они увѣдомляютъ ихъ о преступленіяхъ, совершенныхъ на землѣ, ввѣренной ихъ надзору, и предупреждаютъ ихъ, когда поселяются въ общинѣ неизвѣстные люди. Сверхъ того, въ силу декрета 1852 года, военное начальство можетъ призывать ихъ на подкрѣпленіе войску, если того потребуетъ необходимость.

Въ каждой общинѣ есть по крайней мѣрѣ одинъ полевой сторожъ, назначаемый обыкновенно изъ отставныхъ солдатъ. Избираются они мерами съ одобренія муниципальныхъ совѣтовъ; въ должности ихъ утверждаетъ подъ-префектъ округа, который одинъ имѣетъ право смѣщать ихъ, по требованію мера и муниципальнаго совѣта и съ разрѣшенія префекта. Такъ какъ они состоятъ подъ непосредственнымъ надзоромъ императорскихъ прокуроровъ, жандармскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, то ихъ procès verbaux, рапорты и объявленія служатъ основаніемъ судопроизводства по всѣмъ сельскихъ преступленіямъ, если только они не опровергнуты ясными доказательствами.

Обязанности полеваго сторожа трудны и щекотливы. Никакое соображеніе не должно останавливать его, когда дѣло идетъ о засвидѣтельствованіи какого-нибудь проступка или нарушенія закона, никакое посредничество, вознагражденіе, никакое объявленіе обиженныхъ, что они не хотятъ преслѣдовать обидчиковъ, не могутъ удержать его отъ составленія акта, procès verbal. Онъ не можетъ также не объявить о преступленіи, на томъ основаніи, что виновники ему неизвѣстны. Въ силу закона 6-го октября 1791 года, онъ отвѣчаетъ за всѣ потравы въ поляхъ, если только не донесетъ о нихъ въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ. Потерпѣвшіе убытокъ могутъ въ такомъ случаѣ начать противъ него тяжбу, и полевой сторожъ обязанъ будетъ вознаградить ихъ, если не сумѣетъ взыскать съ виновныхъ за протори и убытки.

Digitized by Google

Въ теоріи, устройство полевыхъ стражей можетъ-быть и превосходно, но на практикѣ оно никуда не годится, что̀ уже давно и признано всѣми. Полевый сторожъ избирается обыкновенно изъ уроженцевъ общины, съ которою онъ связанъ всѣми своими отношеніями, всѣми интересами, въ которой почти всѣ жители— его родственники или свойственники. Такія тѣсныя связи дружбы и интересовъ препятствуютъ ему добросовѣстно и строго выполнять свои многочисленныя и трудныя обязанности. Даже и въ такомъ случаѣ, если нарушители закона, проступки которыхъ онъ долженъ обнаруживать, не связаны съ нимъ узами крови или дружбы, они бываютъ или родственники, или друзья меран муниципальныхъ совѣтниковъ, отъ которыхъ зависитъ и мѣсто его, и жалованье. Оттого онъ не что иное, какъ коммиссіонеръ муниципальнаго управленія, и долженъ смотрѣть сквозь пальцы своихъ повелителей; а такъ какъ не ловко преслѣдовать только нѣкоторыхъ беззащитныхъ со всею строгостію закона, то онъ не заботится объ охраненіи имущества, и жатвы предоставляетъ на жертву потравамъ. Прибавимъ къ этому, что содержаніе полеваго сторожа лежитъ на общинѣ, и общинный совѣтъ назначаетъ всегда въ эту должность того, кто соглашается исполнять ее за самое ничтожное жалованье. Въ общинѣ, гдѣ я живу, сторожу слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; онъ совершенно глухъ, кривъ и страдаетъ грыжей, которая мѣшаетъ ему ходить. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ, кого онъ задерживаетъ, повинуются ему не иначе, какъ по доброй волѣ.

При подобномъ устройствѣ сельской полиціи, всѣ богатые собственники считаютъ необходимымъ держать особыхъ сторожей, которые исполняютъ почти ту же должность, но только исключительно на землѣ своихъ владѣльцевъ, что̀ впрочемъ не избавляетъ послѣднихъ отъ участія въ сборѣ на содержаніе полевыхъ сторожей. Есть проектъ, чтобъ изъ этихъ сторожей составлены были отряды, или комманды въ родѣ жандармскихъ; но тогда возникла бы еще новая сѣть чиновниковъ, которая опутала бы нашу бѣдную Францію, и безъ того изнемогающую подъ этимъ бременемъ; тогда бы новое орудіе появилось бы въ рукахъ центральной власти, между тѣмъ какъ не мѣшало бы предоставить намъ самимъ нѣсколько свободы при устройствѣ нашихъ собственныхъ дѣлъ. Не комманды сторожей, а частные сторожа лучше всего могутъ охранять наши поля отъ потравъ; теперь уже развелось много частныхъ сторожей, и ихъ было бы еще больше, еслибъ были уничтожены офиціяльные полевые сторожа,

Digitized by Google

а частные сторожа получили право являться передъ судомъ обвинителями.

Для полученія желанныхъ результатовъ, необходимо, чтобъ усилія правительства соотвѣтствовали усиліямъ департаментскихъ комицій, а этого у насъ никогда не бываетъ. У насъ не скупятся на прекрасныя рѣчи и прекрасныя слова, которыя ничего не стоятъ и ничего не приносятъ, но когда нужно дѣйствовать, то въ итогѣ оказывается рядъ нулей. Надо сказать правду, верховная власть, относительно сельскаго управленія имѣетъ въ виду только одно: возложить на поземельную собственность какъ можно болѣе налоговъ, вмѣсто того, чтобы распредѣлить ихъ въ соразмѣрности на города, на капиталы, на промышленныя богатства и на государственные фонды, и забирать ежегодно въ солдаты самыхъ лучшихъ молодыхъ людей, чтобы безпрерывно увеличивать цифру арміи и держать всю Европу въ постоянной тревогѣ....

Несмотря на всѣ усилія этихъ комицій и этихъ ученыхъ обществъ, земледѣльческая Франція теряетъ свое населеніе, и 30-го іюля 1856 года префектъ департамента Марны писалъ въ земледѣльческую комицію города Шалона на Марнѣ, предлагая слѣдующіе четыре вопроса:

«1) Правда ли, что земледѣльческое населеніе департамента Марны недостаточно для обрабатыванія всего пространства его земель, и что въ эту минуту не достаетъ рукъ для полевыхъ работъ?

«2) Если такъ, то какимъ причинамъ слѣдуетъ приписать подобное положеніе дѣла? Причины эти постоянныя или просто случайныя и временныя?

3) Какія самыя дѣйствительныя средства для исправленія подобнаго положенія и для извлеченія изъ почвы департамента наибольшаго количества продуктовъ?

«4) Могутъ ли землевладѣльцы собственными средствами дать прогрессивное и болѣе значительное расширеніе своему настоящему хозяйству или необходима для достиженія этой цѣли помощь правительства? Какимъ путемъ и въ какихъ размѣрахъ это содѣйствіе правительства можетъ быть полезно?»

Слишкомъ сильная власть, подобная той, которая въ настоящее время правитъ Франціей, не имѣя противодѣйствія въ нѣкоторой свободѣ печати и трибуны, обречена на обманы и на невѣдѣніе истины, которую знать ей необходимо. Исчис-

Digitized by Google

ливъ множеество второстепенныхъ причинъ бѣдствія, комиція благоразумно умолчала о настоящей.

«... Возможно ли исправить подобное положеніе дѣлъ, отвѣчала она, мы не смѣемъ отвѣчать утвердительно. До сихъ поръ употребленіе военныхъ на земледѣльческія работы далеко не вполнѣ оправдало надежды земледѣльцевъ...

«... Мы почитаемъ за счастіе, что можемъ засвидѣтельствовать, что миръ, недавно заключенный, положилъ конецъ чрезвычайнымъ рекрутскимъ наборамъ, которые лишали земледѣліе самыхъ сильныхъ рукъ.»

Но если фермерамъ даютъ въ работники солдатъ, то это значитъ, что въ солдатахъ не нуждаются, и что ихъ слишкомъ много: въ такомъ случаѣ гораздо благоразумнѣе и экономнѣе вовсе не отрывать ихъ отъ земледѣлія, для того чтобы только частію возвратить ихъ къ нему снова. Что же касается до другаго соображенія, до надежды на миръ, которую питала комиція въ концѣ 1856 г., то надежда эта потеряла всякое значеніе по прошествіи двухъ лѣтъ.

Но предметъ этотъ такъ серіозенъ, что нельзя говорить о немъ поверхностно. Я откладываю его до слѣдующаго письма, въ которомъ изложу вамъ, какимъ образомъ производится рекрутскій наборъ, какова организація французской арміи, до какой степени гибельна система постояннаго войска, введенная во Франціи, и какъ чрезмѣрное развитіе этой системы съ каждымъ годомъ истощаетъ наши селенія, ослабляетъ государство и разстраиваетъ наши финансы.

Несмотря на огромные успѣхи свои въ дѣлѣ развитія, Шампань, еще не совсѣмъ оправившаяся отъ бѣдствій, которыми поразило ее воинственное безуміе Наполеона I, благосостояніемъ своимъ обязана гораздо болѣе мануфактурной промышленности чѣмъ земледѣлію, и Реймсъ, Ретель, Седанъ, Сенъ-Дизье, по справедливости, поставляются въ числѣ великихъ промышленныхъ центровъ страны. Мы находимся въ мѣстности, гдѣ болѣе всего процвѣтаетъ овцеводство, и пототу очень натурально, что мѣстная промышленность занимается шерстянымъ производствомъ, что почти всѣ жители красятъ и прядутъ шерсть, ткутъ и изготовляютъ разныя шерстяныя матеріи. Одинъ Реймсъ занимаетъ около шестидесяти тысячъ работниковъ, изъ которыхъ три четверти разсѣяны по окрестнымъ деревнямъ. Бо́льшая часть ихъ работаетъ на фабрику только въ продолженіи полугода, а остальное время посвящаетъ зем-

Digitized by Google

дѣлію. Къ этому надо прибавить, что крестьяне, мущины и женщины, расчесываютъ, прядутъ и ткутъ шерсть только въ часы, свободные отъ полевыхъ работъ. О нихъ собственно слѣдовало бы говорить мнѣ; но такъ какъ это двойственное занятіе, промышленное и земледѣльческое, не вноситъ никакой ощутительной перемѣны въ ихъ положеніе, то я предпочитаю сказать нѣсколько словъ о работникахъ Реймса: между промышленными городами Шампани онъ самый богатый, но работники тамъ находятся въ самомъ не блестящемъ положеніи.

Жилище большей части работниковъ состоитъ изъ двухъ комнатъ, или изъ комнаты и чулана, или изъ комнаты и чердака. Постель и ткацкіе станы, или постель и маленькая печь для нагрѣванія гребней, употребляемыхъ при расческѣ шерсти, помѣщаются очень часто въ одной и той же комнатѣ. Впрочемъ, хотя квартиры работниковъ и расположены въ нижнемъ этажѣ, но не ниже уровня почвы, а такъ какъ улицы вообще очень широки, дома не высоки и за ними, въ частяхъ города, наиболѣе обитаемыхъ работниками, тянутся сады, то въ жилищахъ этихъ нѣтъ недостатка въ воздухѣ и свѣтѣ; за то они слишкомъ дороги и не соотвѣтствуютъ невысокой заработной платѣ, получаемой ихъ обитателями.

Жилища эти чисты и удобны; но, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о домахъ, удаленныхъ отъ центра города и служащихъ пріютомъ для самыхъ бѣдныхъ работниковъ; это какія-то полуразрушенныя хижины, съ комнатами грязными и сырыми, хотя всегда хорошо освѣщенными, а комната съ печью, гдѣ только и можно жить, обыкновенно мала до такой степени, что въ ней съ трудомъ можно уставить ткацкій станъ и кровать. Что же касается до чердака, то несчастные обитатели нижняго этажа отдаютъ его внаймы тѣмъ, кто еще бѣднѣе. Эти жалкія убѣжища, окруженныя немощеными и покрытыми всякою нечистотой дворами, отдаются внаймы отъ 60 до 90 фр. въ годъ. Ветхій матрацъ, покрытый грязною и дырявою простыней, а часто и ничѣмъ не покрытый, служитъ постелью для семьи; рядомъ съ нимъ разостлана солома, на которой спятъ дѣти. Наконецъ, въ этихъ жилищахъ очень рѣдко можно встрѣтить ткацкіе станы или даже жаровни для нагрѣванія гребней; постояльцы такъ бѣдны, что не въ состояніи завестись ими, и большею частію берутъ ихъ напрокатъ.

Digitized by Google

Департаментъ Обы, наименѣе промышленный изъ всѣхъ департаментовъ Шампани, хотя городъ Труа и составляетъ центръ значительной торговли вязальныхъ издѣлій, шерстяныхъ тканей и суконъ. Но за то близость Парижа доставляетъ ему большія средства для сбыта своихъ продуктовъ. Земледѣлецъ здѣсь часто собственникъ, и нѣкоторые изъ поселянъ имѣютъ въ своемъ владѣніи до 150 и 200 гектаровъ земли, скупленныхъ ими понемногу, благодаря тѣмъ чудесамъ экономіи и труда, которыя одно только чувство собственности развиваетъ въ человѣческомъ сердцѣ. Со всѣмъ тѣмъ цѣнность земель учетверилась, и онѣ продаются иногда изъ разчета на одинъ процентъ дохода, то-есть крестьянинъ покупаетъ и уплачиваетъ, не задумываясь, сто франковъ за частичку земли, отдаваемую владѣльцемъ въ наѣмъ за одинъ франкъ.

Все населеніе Шампани можно обозначить тремя отличительными отдѣлами: населеніе равнинъ и полей, населеніе виноградныхъ округовъ, и наконецъ, промышленное городское населеніе. Послѣдне—неподвижное, затерянное въ чуждыхъ элементахъ, почти совершенно лишено своеобразнаго шампанскаго типа. Житель равнины, отчужденный отъ прочаго міра, посреди своихъ полей, обнаженныхъ, безплодныхъ, обширныхъ, какъ море, лицомъ къ лицу съ однообразнымъ горизонтомъ, въ постоянной борьбѣ съ неблагодарною природой, сохранилъ гораздо болѣе той мечтательной, грустной физіономіи, той наклонности къ простодушному суевѣрію, къ быстрой восторженности, которыя составляли основаніе первобытнаго характера. Въ виноградарѣ замѣтно соединеніе обоихъ типовъ; въ немъ вы не видите еще ни городскаго работника, проникнутаго скептицизмомъ и собственными идеями, ни веселаго собесѣдника Бургундіи, ни остроумнаго и хитраго разкащика Жиронды, но вы не найдете уже въ немъ простодушнаго и довѣрчиваго уроженца старой Шампани. Почти совершенный индифферентизмъ въ дѣлѣ религіи характеризуетъ бо́льшую часть шампанскихъ селеній, въ которыхъ часто нѣтъ вовсе священника. Богослуженіе отправляется тамъ изрѣдка, да и то жители не обнаруживаютъ къ нему большаго усердія. Впрочемъ всѣ подчиняются внѣшнимъ обрядамъ, составляющимъ обязанность христіянина. Но дѣтей заставляютъ приступать къ исповѣди въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, что о нихъ можно повторить слова Іисуса Христа: «Отче! отпусти имъ, не вѣдятъ бо что̀ творятъ!» На приготовленіе къ

Digitized by Google

этому великому дѣлу жизни, родители смотрятъ какъ на тяжкую повинность, и если священникъ приходитъ въ недоумѣніе передъ совершеннымъ невѣжествомъ дѣтей и намекаетъ на то, что не худо бы подождать, пока дѣти хорошенько выучатся и приготовятся, то они угрожаютъ взять дѣтей своихъ назадъ, если онъ тотчасъ же не освободитъ ихъ отъ этой церемоніи. Прибавимъ къ этому, что школы посѣщаются гораздо усерднѣе чѣмъ церкви, и что учебныя заведенія встрѣчаются и тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ священниковъ.

Въ настоящее время, нравы сельскихъ жителей не имѣютъ въ себѣ ничего особенно оригинальнаго. Мы встрѣтили бы съ вами совершенно иное, еслибы вздумали углубиться въ прошедшее этой провинціи. Мнѣ бы стоило только выбрать что-нибудь изъ тѣхъ сатурналій прежняго времени, которыя, умирающее язычество завѣщало христіянству, когда христіянство, при водвореніи своемъ, не чувствовало въ себѣ еще довольно силы, чтобъ отвергнуть это нечистое наслѣдіе, и къ которымъ самое духовенство наконецъ привыкло, предоставивъ себѣ только право присутствовать безплатно при народныхъ праздникахъ. Нигдѣ, впрочемъ, они не имѣли такой торжественности, какъ въ Шампани. Здѣсь, напримѣръ, торжествовали праздникъ дураковъ (la Fête des Fous), въ которомъ королевское достоинство предоставлялось тому, кто умѣлъ состроить самую отвратительную гримасу, или кто былъ удрученъ отъ природы самымъ ужаснымъ физическимъ недостаткомъ. Вы знаете, какъ искусно умѣлъ воспользоваться имъ Викторъ Гюго, нашъ изгнанный Дантъ, въ своемъ превосходномъ романѣ *Notre Dame de Paris*. Также торжественно возили на ослахъ, посадивъ лицомъ къ хвосту, добряковъ-мужей, которыхъ водили за носъ и даже били ихъ жены. Въ другомъ мѣстѣ отправлялась ослиная обѣдня *(la messe de l'âne)*... Неуклюжее животное, замѣнявшее нѣкогда коня Санчо-Пансѣ, приближалось къ подножію алтаря, облеченное въ священническія ризы. Въ честь его запѣвался слѣдующій антифонъ:

Orientis partibus
Adventavit asinus
Pulcher et fortissimus,
Sarcinis aptissimus,
Hé! sire ane! hé!...

Digitized by Google

И всѣ присутствующіе повторяли, подражая реву осла:

Hihan, hihan, hihan!

Далѣе совершалось празднество въ честь Св. Кириаса (*Saint Quirias*), происходившее въ день Рождества Богородицы. Безсмѣнный викарій избиралъ одну изъ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ въ своемъ приходѣ; одѣтая вся въ бѣломъ, она занимала почетное мѣсто въ церкви. Викарій привѣтствовалъ ее пѣніемъ антифона «Ave Regina!» По окончаніи антифона, онъ бралъ ее за руку, и, облеченный въ церковную мантію, выводилъ ее передъ церковныя двери, и тамъ начиналъ танцовать съ нею. Это было сигналомъ, котораго всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ: церковные своды оглашались новыми пѣснями; многочисленный хоръ потрясалъ стѣны, и сильно звучали стекла отъ дикихъ и неистовыхъ кликовъ толпы. Посторонитесь, и пусть каждый займетъ свое мѣсто между колоннами! Начинается пляска, пляска неистовая, въ которой принимаютъ участіе всѣ возрасты, всѣ полы, всѣ сословія, страшный хаосъ, живой образъ той пляски мертвыхъ, о которой и не снилось Гольбейну.

Появилась революція и смела послѣдніе слѣды этихъ грубыхъ средневѣковыхъ праздниковъ, и ужь конечно нельзя порицать ее за это. Жалко только, что она не замѣнила ихъ другими удовольствіями, болѣе чистыми и не менѣе живыми: въ настоящее время въ деревняхъ все однообразно, скучно, печально, и городъ остается единственнымъ мѣстомъ народныхъ увеселеній. Въ Шампани, какъ и вездѣ почти, три великія эпохи жизни—рожденіе, бракъ и смерть—остались единственными предлогами къ многочисленнымъ собраніямъ, и даже единственными семейными праздниками.

Къ счастію своему, крестьянинъ не предается философическимъ умствованіямъ: ему даютъ только эти три дня, и онъ пользуется ими, какъ можетъ. Какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, ни одно крещенье не обходится безъ раздачи лакомствъ. Потомъ, молодые люди, алчные до удовольствій всякаго рода, отправляются въ шинокъ прославлять щедрость кумы и кума. Ружейные и пистолетные выстрѣлы смѣшиваются съ шумомъ откупориваемыхъ бутылокъ и звономъ стакановъ. Свадьбы служатъ также предлогомъ къ шумнымъ изъявленіямъ веселья. За недѣлю до назначеннаго дня, женихъ посылаетъ всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ своей деревни по метру шелковыхъ или газовыхъ лентъ, вѣжливость, на которую онѣ отвѣчаютъ присылкой невѣстѣ

Digitized by Google

или дюжины яицъ, или цыпленка, или масла, запасовъ, которые пойдутъ на свадебное угощеніе. При наступленіи великаго дня, съ двухъ или трехъ часовъ утра, онѣ приносятъ цвѣточныя гирлянды и ленты, которыми молодые люди убираютъ брачную дверь, что̀ сопровождается громкими ударами молота и оглушительными криками, и никто въ домѣ не жалуется на этотъ шумъ и трескъ, почитая ихъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Въ 10 часовъ, всѣ родственники и друзья отправляются въ стройномъ порядкѣ, предшествуемые музыкантами, къ дому общины, гдѣ меръ долженъ совершить гражданскій обрядъ супружества, за чѣмъ тотчасъ же слѣдуетъ и благословеніе священника въ церкви, при грохотѣ ружейныхъ залповъ, раздающихся прежде, послѣ и во время церемоніи, и колокольный звонъ возвѣщаетъ на далекое пространство, что на свѣтѣ прибавилась новая чета супруговъ.

По совершеніи вѣнчанія, супруги выходятъ изъ церкви и останавливаются на кладбищѣ, которое почти всегда окружаетъ сельскій храмъ. Туда имъ приносятъ большую чашу съ похлебкой. Они первые начинаютъ кушать; гости слѣдуютъ ихъ примѣру, и шествіе къ дому, гдѣ приготовлено брачное пиршество, открывается снова тогда только, когда вся похлебка уничтожена. Обряду этому, угощенію молодыхъ похлебкою на кладбищѣ, приписываютъ большую важность; что касается до меня, то я не знаю, имѣетъ ли какой-нибудь смыслъ подобная тризна на могилахъ предковъ. Кортежъ возвращается домой въ томъ же порядкѣ, и тамъ подвязка новобрачной разрѣзывается на мелкія части, которыми украшаются всѣ молодые люди. Во многихъ общинахъ, невѣста въ день свадьбы одѣвается въ черное платье; но по большей части, она надѣваетъ этотъ костюмъ только на другой день и тогда же присутствуетъ при заупокойной обѣднѣ. Все это не очень весело, но что̀ же дѣлать? Шампанскій крестьянинъ не за тѣмъ появился на свѣтъ, чтобы веселиться.

Новобрачные только подчуютъ гостей, хотя имъ самимъ необходимо было бы принять участіе въ общей трапезѣ, потому что они, слѣдуя старинному обычаю, вѣнчаются натощакъ, а мы уже видѣли, что ихъ будятъ до зари. Послѣ брачнаго пира, молодымъ людямъ, присутствовавшимъ на свадьбѣ, дарятъ обыкновенно пару перчатокъ, въ которыя кладутъ болѣе или менѣе значительную сумму денегъ, и деньги эти поступаютъ въ награду самому искусному всаднику или лучшему скоро-

Digitized by Google

ходу. А такъ какъ побѣдитель обязанъ угощать товарищей, то не рѣдко выигравшій остается въ проигрышѣ. Иногда къ длинному шесту прицѣпляютъ пирогъ и другія лакомства, и самые ловкіе прыгаютъ или карабкаются, чтобы добыть ихъ. Все это поѣдается въ шинкѣ, и побѣдители орошаютъ виномъ свою побѣду.

Свадебное торжество продолжается и на слѣдующій день; всѣ стараются тогда какъ можно болѣе веселиться или по крайней мѣрѣ шумѣть какъ можно болѣе. Молодыхъ сажаютъ въ повозку, которую везутъ молодыя дѣвушки-невѣсты. Это принесетъ имъ счастье, и онѣ добудутъ себѣ жениховъ въ теченіи года.

Если свадьба ставитъ на ноги цѣлую деревню, то и похороны возбуждаютъ общее сочувствіе; въ деревняхъ, гдѣ развлеченія рѣдки, каждое новое событіе становится желаннымъ зрѣлищемъ. Оттого ручной медвѣдь, ученая обезьяна, прохожій шарлатанъ, все встрѣчается съ радостію и служитъ предметомъ толковъ и разговоровъ. Случается, что на свадьбу или похороны собирается до полутораста и до двухъ сотъ гостей, и при этомъ случаѣ издерживаются такія суммы, которыя бы очень могли пригодиться новобрачнымъ или ихъ дѣтямъ, но нѣтъ ничего сильнѣе стариннаго обычая: это самый деспотическій законъ.

Евгеній Бонмеръ.

Digitized by Google

ОДИНЪ ИЗЪ МАГИКОВЪ

XVIII ВѢКА

Обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, не есть новый, но едва не беретъ ли онъ по временамъ на себя виды только разные; сіе отдаю я вамъ на размышленіе.

Комедія Обманщикъ, дѣйствіе V, явленіе 7.

Въ статьяхъ нашихъ о Новиковѣ и друзьяхъ его мартинистахъ мы сообщили свѣдѣнія о той пользѣ, которую они принесли въ свое время дѣлу воспитанія юношества, распространенія просвѣщенія, помощи страждущимъ и благотворной реакціи противъ сильнаго тогда ученія энциклопедистовъ. Читателямъ извѣстны подозрѣнія и преслѣдованія, которымъ подверглись московскіе мартинисты, и открыты отчасти причины, возбудившія эти гоненія. Въ числѣ ихъ, безъ сомнѣнія, одною изъ важнѣйшихъ должно считать таинственность, облекавшую ихъ ученіе, при которой не легко могли разъясниться его истинныя основанія и цѣли. Благонамѣренность Новикова и его товарищей, доказанная очевидностію, не могла защитить ихъ отъ обвиненій въ преступныхъ замыслахъ, потому что эта таинственность мѣшала отличенію ихъ общества отъ разнаго рода братствъ, существовавшихъ тогда въ Европѣ съ цѣлями противозаконными, химерическими, корыстными. Мы считаемъ неизлишнимъ познакомить публику съ однимъ эпизодомъ изъ

Digitized by Google

исторіи подобнаго рода союзовъ, относящимся до извѣстной степени и къ Россіи. Намъ достался любопытный документъ, повѣствующій о похожденіяхъ человѣка, въ началѣ поддавшагося обману, и вскорѣ доведеннаго обстоятельствами и связями съ плутами до той печальной роли, которую онъ игралъ уже до конца своей жизни.

Въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, жилъ въ Польшѣ графъ Ѳаддей Грабіенка, староста литовскій. Онъ происходилъ отъ извѣстной фамиліи, имѣлъ хорошее состояніе, былъ уже не очень молодымъ человѣкомъ и былъ женатъ. Грабіенка былъ человѣкъ умный, довольно образованный, но совершенно невѣжественный въ дѣлѣ религіи, такъ что ему не были извѣстны нѣкоторые изъ самыхъ основныхъ догматовъ христіянской вѣры.

Однажды Грабіенка пріѣхалъ по дѣламъ въ Варшаву и встрѣтился тамъ между прочимъ съ однимъ старинным знакомымъ, который прежде былъ извѣстенъ своимъ распутнымъ поведеніемъ. Къ удивленію своему, онъ нашелъ, что этотъ знакомецъ исправился совершенно отъ своихъ пороковъ. Грабіенка сталъ разспрашивать его, какимъ образомъ онъ успѣлъ побѣдить въ себѣ дурныя наклонности? Пріятель его, искренно или лицемѣрно перемѣнившій образъ своей жизни, открылъ ему, что исправленіемъ своимъ онъ обязанъ тому, что имѣлъ счастіе быть посвященнымъ въ таинственныя науки (sciences occultes).

Грабіенка былъ пораженъ такимъ открытіемъ, и знакомецъ его повидимому пріобрѣлъ на него большое вліяніе, при чемъ познакомилъ его съ разными адептами тайнаго ученія. Связи эти такъ подѣйствовали на Грабіенку, чуждаго до того времени всякимъ религіознымъ понятіямъ и духовнымъ интересамъ, что онъ совершенно предался новымъ для него откровеніямъ и рѣшился посвятить себя изученію той премудрости, которой познаніе сулили ему новые друзья, уже успѣвшіе воспользоваться его деньгами. Грабіенка предпринялъ путешествіе, чтобы найдти мудреца, одареннаго вдохновеніемъ свыше, который могъ бы открыть ему великія тайны.

Грабіенка началъ свои странствія съ посѣщенія Берлина,

Digitized by Google

гдѣ тогда жили многіе упражнявшіеся въ изученіи тайныхъ наукъ. Онъ сошелся тамъ съ библіотекаремъ Фридриха II аббатомъ Пернетти, алхимикомъ и авторомъ книги *Les fables égyptiennes et grecques*. Грабіенка, не зараженный корыстолюбіемъ, не искалъ въ то время тайны дѣлать золото, а жаждалъ высшей мудрости, и, не найдя у Пернетти ни совѣтовъ, ни указаній какимъ образомъ найдти истиннаго мудреца, рѣшился, послѣ тщетныхъ попытокъ, уѣхать изъ Берлина. Пернетти пожалѣлъ выпустить изъ рукъ человѣка, котораго, ради его богатства, не худо было привязать къ себѣ. Поэтому онъ явился къ Грабіенкѣ, назначившему уже день своего отъѣзда, и открылъ ему, что нашелъ наконецъ мудреца, какого онъ ищетъ, «имѣющаго голосъ» посредствомъ науки чиселъ, или каббалы. Мудрецъ этотъ назывался Брюмеромъ. Грабіенка съ восторгомъ полетѣлъ къ нему.

Брюмеръ принялъ Грабіенку съ торжественностію и объявилъ ему, что уже два года, повинуясь высшему велѣнію, ожидаетъ въ Берлинѣ странника, котораго Небо хочетъ возвеличить, и что этотъ избранникъ—именно онъ, Грабіенка. Легковѣрный графъ остался въ Берлинѣ и предался съ Брюмеромъ изученію каббалы. По выкладкамъ оказалось, что Грабіенкѣ предстоитъ семь лѣтъ уразумѣть, семь лѣтъ повелѣвать и дважды семь лѣтъ царствовать. Подъ послѣднимъ разумѣлось обладаніе польскимъ престоломъ, достигнуть котораго дѣйствительно могъ надѣяться всякій знатный Полякъ при тогдашнихъ законахъ Польши и царствовавшей тамъ неурядицѣ.

Грабіенка былъ окончательно ослѣпленъ познаніями Брюмера, а честолюбіе его возгорѣлось донельзя сдѣланными ему предсказаніями. При такомъ расположеніи его ума, не требовалось уже слишкомъ большихъ усилій со стороны его учителя, чтобъ окончательно вскружить ему голову и заставить его повѣрить высокому избранію, которое должно было сдѣлаться его удѣломъ. Графа увѣрили, что само Небо повелѣваетъ ему и его товарищамъ посвятить себя Богу, и что ему исключительно дана власть посвящать и другихъ въ новое братство.

Однако алхимическія работы были главною цѣлью, къ которой обманщики старались привлечь графа. Извѣстно, что нѣтъ лучшаго средства, чтобъ обирать избранную жертву, а около Грабіенки тогда еще было чѣмъ попользоваться. Удовлетворивъ его по возможности открытіемъ тайнъ науки чиселъ и

Digitized by Google

распаливши его воображеніе перспективой великаго будущаго, Брюмеръ и Пернетти приступили къ обольщенію графа алхимическими трудами, вѣроятно побѣдивши его равнодушіе къ дѣланію золота увѣреніями въ необходимости располагать обширными денежными средствами для достиженія высокой цѣли, которая ему предназначена. Съ этимъ намѣреніемъ свели они Грабіенку съ какимъ-то алхимикомъ, котораго имя утрачено. Алхимика этого посвятили въ братство, и онъ принесъ свою лепту общему дѣлу, открывъ графу тайну «философскаго дѣла» и увѣривъ его въ несомнѣнности своихъ рецептовъ. Послѣ этого обманщики успѣли выманить у графа значительную сумму денегъ для производства алхимическихъ работъ и перестали препятствовать временному возвращенію его въ Польшу, позаботившись впрочемъ снабдить его особыми наставленіями.

Наставленія эти заключались въ слѣдующемъ: Грабіенка долженъ былъ прилежно читать Библію, и изучая ее, ожидать пониманія высшей магіи, которое обѣщано ему было каббалистическими выкладками. Съ этимъ вмѣстѣ ему было предсказано, что онъ узнаетъ эти магическія тайны не въ томъ мѣстѣ и не отъ того лица, гдѣ и отъ кого онъ ожидаетъ.

Возвратившись въ Польшу, Грабіенка сталъ исполнять данныя ему наставленія и вмѣстѣ съ тѣмъ работать надъ отысканіемъ философскаго камня, что, конечно, быстро разстраивало его состояніе. Тѣмъ же занялись жена Грабіенки и пріятель его, графъ Роникеръ. Берлинскіе адепты посѣщали своихъ польскихъ товарищей, и самъ Брюмеръ пріѣзжалъ къ нимъ. Алхимическіе опыты, произведенные ими вмѣстѣ, разумѣется, были неудачны. Послѣ нихъ остались одни огарки, которые Брюмеръ приказалъ бережно хранить.

Между тѣмъ дѣла Грабіенки пришли въ страшное разстройство; но онъ все-таки упорствовалъ въ продолженіи своихъ раззорительныхъ занятій. Жена его, вовлеченная одно время въ обманъ, образумилась, увидѣвши съ ужасомъ огромные долги, которые грозили погубить будущее достояніе ея дѣтей. Она отдѣлила свое состояніе отъ мужняго и оставила прежнія алхимическія химеры. Грабіенка, котораго имѣніе уже не могло покрыть сдѣланныхъ имъ долговъ, пришелъ въ гнѣвъ и негодованіе. Онъ навсегда разстался съ женой и уѣхалъ съ Брюмеромъ и Роникеромъ въ Варшаву, чтобъ отыскать новыя

Digitized by Google

средства для довершенія «святаго дѣла», какъ называлъ онъ отыскиваніе философскаго камня.

Въ Варшавѣ Грабіенка получилъ нѣсколько денегъ отъ сестры своей, госпожи Тарновской, и отправился путешествовать. Но средства его были такъ ограниченны, что уже въ Эльбингѣ камердинеръ его Лейманъ заплатилъ за него въ трактирѣ 80 червонцевъ. Однако онъ продолжалъ свои странствія. Въ Лондонѣ онъ видѣлся неоднократно съ фанатическимъ послѣдователемъ Сведенборга, Бестомъ, выдававшимъ себя за пророка. Бестъ предсказалъ ему великое счастіе, но говорилъ, что Грабіенка достигнетъ его не иначе, какъ путемъ тяжкихъ испытаній и коловратностей судьбы. Онъ же ввелъ несчастнаго графа въ новую область тайныхъ наукъ, познакомивъ его съ магіей и открывъ ему средства сношенія земли съ невидимымъ міромъ, посредствомъ видѣнія духовъ.

Грабіенка жилъ продажей разныхъ остававшихся у него вещей, подарками знакомыхъ и деньгами, получавшимися имъ отъ сестры. Изъ Англіи онъ проѣхалъ черезъ Голландію во Францію, и въ Парижѣ получилъ тысячу франковъ отъ князя Любомірскаго. Жена прислала ему свои свадебные подарки; онъ заложилъ ихъ и запасся въ долгъ платьемъ у стараго знакомаго, портнаго Мейснера, который кромѣ того одолжилъ ему двое часовъ. Послѣ этого онъ отправился на югъ, въ Авиньйонъ, куда уже давно порывался. Это было въ 1786 году.

Въ Авиньйонѣ, принадлежавшемъ тогда папскому престолу, Грабіенку уже давно поджидали Пернетти и Брюмеръ. Первый отправился туда изъ Берлина, а второй изъ Польши, еще во время послѣдней поѣздки Грабіенки въ Варшаву. Изъ Авиньйона Брюмеръ ѣздилъ въ Римъ и былъ въ отсутствіи, когда пріѣхалъ Грабіенка, для котораго вмѣстѣ съ товарищами былъ нанятъ особый домикъ. Грабіенка нашелъ въ Авиньйонѣ нѣсколько ново-посвященныхъ его сообщниками адептовъ. Въ числѣ ихъ были докторъ де-ла-Ришардьеръ, Деломъ, Ферьеръ, инженеръ Ларозьеръ и др.

Въ Авиньйонѣ окончательно устроилось таинственное братство. Грабіенка повѣдалъ, что началомъ своего обращенія обязанъ какому-то чудесному сну, обѣщавшему ему благодать и видѣнному имъ еще до первой поѣздки въ Варшаву, гдѣ онъ встрѣтилъ исправившагося развратника, который первый вовлекъ его въ обманъ. Къ этому онъ присовокуплялъ, что въ послѣдствіи ему снились еще болѣе чудесные сны. Въ Авиньйо-

Digitized by Google

онѣ новое братство стало именоваться уже «Народомъ Божіимъ» и «Новымъ Израилемъ», а Грабіенка царемъ его.

Грабіенка, пріѣхавши въ Авиньйонъ, получилъ опять нѣкоторую сумму денегъ отъ г-жи Тарновской, и общество этимъ поддержалось. Начались прорицанія, о которыхъ вѣсти распространялись въ городѣ и возбуждали общее любопытство и участіе. Оракулы братства относились къ предметамъ разнаго рода, судя по вопросамъ, которые ему предлагались. Они толковали сны, давали объясненія по разнымъ житейскимъ обстоятельствамъ, иногда даже очень неблагопристойнымъ, и т. д.

Но главнѣйшія прорицанія относились къ дѣламъ политическимъ и религіознымъ. Они предвѣщали, что царь Новаго Израиля, Грабіенка, сдѣлается королемъ польскимъ; что междуусобія погубятъ Россію и Екатерину II, и тогда онъ завладѣетъ Турецкою имперіей, истребивъ всѣхъ Турокъ; что онъ покоритъ Азію и часть Африки и перенесетъ столицу свою въ Іерусалимъ, куда придутъ къ нему на поклоненіе цари земные и будутъ учиться у него премудрости, какъ у новаго Соломона, а главные его послѣдователи сдѣлаются владыками самихъ царей и будутъ осыпаны всѣми благами міра. Новые сектаторы хотѣли фанатическою проповѣдью распалить умы и воображеніе людей и увлечь ихъ, чтобы самимъ достигнуть власти. Что же касается до исповѣданія, обрядовъ и морали ихъ ученія, все это повидимому было только средствомъ и личиной для достиженія цѣли ихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Управленіе дѣлами авиньйонскаго братства находилось въ рукахъ царя Новаго Израиля, Грабіенки, и совѣта изъ семи лицъ, которыя образовали первоначально секту. Они дѣлали заклинанія, вызывали сатану, и пр. Всѣмъ этимъ занятіямъ велись реестры или журналы.

Вначалѣ дѣйствія братства были довольно темны и мало извѣстны. Но въ 1788 году оно вошло въ моду; въ него поступили между прочимъ Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ (ум. 1802 года) и какой-то Деравинъ. Также приняты были въ братство многіе богатые жители Авиньйона разныхъ классовъ и принцъ Фердинандъ Виртембергскій съ своею супругой. Нѣкоторые Англичане и Шведы даже перемѣняли вѣру, чтобы быть посвященными въ общество.

Все это не могло не обратить на него вниманія. 8 марта 1788 года инквизиція посѣтила обиталище главныхъ лицъ; бумаги ихъ были забраны. Но черезъ десять дней не только была

Digitized by Google

признана невинность членовъ, но передъ ними извинялись въ напрасно-причиненномъ безпокойствѣ. Полагаютъ, что они откупились деньгами, которыхъ у нихъ тогда было много, благодаря усердію новообращенныхъ. Какъ бы то ни было, происшествіе съ инквизиціей, кончившееся такъ счастливо, придало братству новый блескъ и вѣсъ. Вообще оно процвѣтало и издерживало много денегъ, которыя получались отъ богатыхъ простаковъ, завлеченныхъ въ него и раззорившихся въ конецъ на его содержаніе.

Приближеніе французской революціи и начало ея, отзывавшееся такъ сильно въ Авиньйонѣ, придавали Грабіенкѣ и его товарищамъ болѣе и болѣе смѣлости. Оракулы ихъ стали ясно предсказывать политическіе перевороты, паденіе династій и другія событія, благопріятныя для химерической цѣли преобладанія на землѣ Новаго Израиля и его царя. Братство могло бы играть значительную роль въ дѣлахъ революціи, еслибъ имѣло опредѣленную и сбыточную цѣль и еслибы между членами его сохранилось доброе согласіе.

Но раздоръ не замедлилъ поселиться между главными дѣятелями авиньйонскаго общества.

Брюмеръ, во время пребыванія своего въ Римѣ, посвятилъ въ члены нѣкоего Октавіо Капелли, который выдавалъ себя за потомка знатной фамиліи, но былъ, какъ говорятъ, какой-то бродяга, жившій долго въ Луккѣ. Войдя посредствомъ общества въ сношеніе съ нѣкоторыми вліятельными людьми, Капелли черезъ принца Виртембергскаго досталъ патенты на офицерскіе чины французской арміи себѣ, сыну своему Чербони и Ферьеру. С. И. Плещеевъ помогъ ему выхлопотать и въ Россіи патентъ на званіе русскаго офицера. Но все это, какъ увидимъ, не спасло его отъ бѣды.

Октавіо Капелли сдѣлался въ скоромъ времени пророкомъ въ братствѣ, и съ нимъ вмѣстѣ нѣкто Бужъ. До того времени элементъ религіозный не имѣлъ почти никакого значенія въ обществѣ, гдѣ главное лицо—Грабіенка былъ такъ невѣжественъ въ знаніи догматовъ христіянской религіи, что, странствуя по Европѣ, удивлялся при извѣстіи, что христіяне знаютъ о будущемъ, второмъ пришествіи на землю Сына Божія, которое онъ считалъ тайной, извѣстною немногимъ избраннымъ въ родѣ его самого. Другіе были не ученѣе его, а нѣкоторые, какъ напримѣръ Пернетти, были просто атеисты. Капелли сталъ увѣщевать своихъ собратьевъ и убѣждалъ ихъ признать

Digitized by Google

правило евангельское и апостольское о повиновеніи предержащимъ властямъ. Въ 1791 году постановленіе о признаніи этого закона было многими изъ общества принято. Разумѣется, оно встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны Грабіенки, котораго власть, какъ царя Новаго Израиля, тѣмъ унижалась. Онъ объявилъ Капелли ложнымъ пророкомъ, а Капелли провозгласилъ его лже-царемъ, сталъ уличать его въ порокахъ, проповѣдывать истину католическаго вѣроисповѣданія и подчиненіе папѣ. Грабіенка отвѣчалъ съ своей стороны порицаніями, направленными противъ Капелли.

Послѣдователи авиньйонской секты раздѣлились на двѣ партіи. Пернетти и Бужъ остались вѣрными Грабіенкѣ, а Ла-Ришардьеръ, Деломъ, Ферьеръ и Ларозьеръ присоединились къ Капелли. Однако Капелли почему-то былъ заподозрѣнъ и арестованъ инквизиціей. Его отвезли въ Римъ, гдѣ онъ и былъ посаженъ въ тюрьму. Грозящая опасность не остановила его въ дѣлѣ обличенія Грабіенки и его честолюбія; Капелли въ цѣпяхъ, изъ тюрьмы, находилъ средства громить противника своими обличеніями. Наконецъ, черезъ нѣсколько уже лѣтъ, судъ обвинилъ Капелли, и онъ былъ повѣшенъ въ Римѣ. Такъ какъ онъ числился офицеромъ русской службы, то русское правительство вступилось въ это дѣло, слѣдствіемъ чего была высылка изъ Петербурга папскаго нунція, аккредитованнаго при русскомъ дворѣ. Сынъ Капелли, Чербони, продолжалъ служить во французской арміи, въ которой былъ потомъ генераломъ.

Подобные раздоры не могли не повредить репутаціи Грабіенки и его общества. Этому не мало способствовали и разсказы одной госпожи, именемъ Флюмель, бывшей съ нимъ въ сношеніяхъ. Госпожа Флюмель имѣла состояніе, которое она нажила, торгуя своими прелестями и потомъ помогая любовнымъ интригамъ богатыхъ людей. Вѣроятно, въ надеждѣ увеличить свой капиталъ, госпожа Флюмель передавала авиньйонскимъ алхимикамъ много денегъ на ихъ опыты, но, увидя ихъ безуспѣшность и узнавши разныя неблаговидныя тайны, раскаялась въ своей опрометчивости и стала мстить Грабіенкѣ и его сообщникамъ, разказывая насмѣшливо и остро объ ихъ похожденіяхъ. Она говорила, что въ ихъ обществѣ мущины и женщины живутъ всѣ безразлично одни съ другими, на что она никогда не соглашалась; что члены его водятъ за носъ идіотовъ и обираютъ ихъ; что ей извѣстны всѣ секреты адептовъ, и пр.

Digitized by Google

Эти колкія насмѣшки удержали многихъ отъ вступленія въ общество, а нѣкоторыхъ заставили даже оставить его. Въ числѣ послѣднихъ былъ и С. И. Плещеевъ, который отослалъ изъ Россіи въ Авиньйонъ прежнія письма къ нему членовъ и прекратилъ съ ними всякія сношенія.

Распри членовъ общества принимали все болѣе и болѣе обширные размѣры. Ла-Ришардьеръ торжественно отрекся отъ него. Желая удержать отъ такого же отреченія тѣхъ братьевъ, которые еще оставались вѣрными, Грабіенка сталъ принимать на себя личину набожности и занимать своихъ товарищей чтеніемъ Сведенборга и другихъ мистиковъ. Онъ обратилъ особое вниманіе на сношенія съ духовнымъ міромъ, предпочитая магію алхиміи, въ которой не могъ упражняться такъ успѣшно, потому что не имѣлъ свѣдѣній въ химіи и другихъ наукахъ, необходимыхъ въ извѣстной степени для занятій по этой части. Притомъ, безъ надежды получать откровенія свыше, члены не остались бы въ обществѣ, и Грабіенка лишился бы возможности быть главой секты.

Въ знакъ гнѣва своего на раздоры, происшедшіе въ братствѣ, Грабіенка изрекъ повелѣніе, внушенное ему свыше, закрыть храмъ, называемый «горняя» (les hauts lieux). Посвященія дѣлались дѣйствительно на высотахъ, при чемъ исполнялись магическіе обряды: проводились на землѣ черты и фигуры, разводились огни, производились куренія, дѣлались заклинанія, и т. п. Отпадшіе члены общества стали уличать его въ идолопоклонствѣ, приводя въ доказательство мѣста изъ Библіи, гдѣ говорится о гнѣвѣ Господнемъ на Израиля за жертвы, приносимыя Ваалу на высокихъ мѣстахъ, и кажденіе ему въ дубравахъ. Грабіенка оправдывался, объясняя, что подъ словомъ «горняя» разумѣлъ иносказательно понятіе святыни; но ему возражали, указывая на самые обряды посвященія, придававшіе этому слову другой, прямой смыслъ. Несмотря на то, Грабіенка успѣлъ привлечь въ общество свое еще другихъ легковѣрныхъ, изъ числа которыхъ извѣстны: баронъ Лефортъ, г. Пармантье и марсельскій купецъ Блассьеръ. Всѣ они разссорились въ-конецъ, поддерживая существованіе Грабіенки и его братства, которое продолжало находиться въ довольно-цвѣтущемъ состояніи.

Между тѣмъ политическій горизонтъ Франціи омрачался болѣе и болѣе. Авиньйонъ, издавна тянувшій къ Франціи, былъ присоединенъ къ ней декретомъ учредительнаго собра-

Digitized by Google

нія, 14 сентября 1791 года. Въ немъ образовались двѣ враждовавшія на смерть партіи: патріотовъ, бывшихъ сторонниками революціоннаго движенія, и приверженцевъ прежняго папскаго правительства. Извѣстны страшныя сцены убійствъ и междуусобій, не разъ ознаменовавшихъ эту борьбу. Анархія торжествовала во Франціи. 10 августа 1792 года, Лудовикъ XVI былъ свергнутъ съ престола, а 21 сентября власть перешла въ руки кровавой памяти національнаго конвента и анархической коммюны Парижа. Въ январѣ 1793 года начался судъ надъ бывшимъ королемъ.

Января 23, Грабіенка изрекъ въ Авиньйонѣ оракулъ, предвѣщавшій освобожденіе короля при покровительствѣ Неба и будущее его торжество. Между тѣмъ несчастный Лудовикъ XVI былъ уже казненъ въ Парижѣ 21 числа. Вѣсть о томъ пришла въ Авиньйонъ 26 числа, и доказала нелѣпость прорицаній Грабіенки. Вслѣдствіе этого, многіе члены втихомолку удалились отъ общества.

Но Грабіенка не унывалъ и, надѣясь, что, будучи иностранцемъ, можетъ разчитывать на нѣкоторую безопасность со стороны правительства французской республики, сталъ заниматься политическими интригами. Одно время онъ надѣялся привлечь къ себѣ жителей графства Авиньйонскаго и возбудить въ нихъ стремленіе къ возстановленію его старинной автономіи. Во время террора Грабіенка успѣлъ скрыть и спасти многихъ Авиньйонцевъ, бывшихъ приверженцами стараго порядка вещей, также монаховъ и другихъ духовныхъ. У него производилось богослуженіе, за что Пернетти былъ арестованъ; но самъ Грабіенка успѣлъ избавиться отъ ареста. Желая пріобрѣсти въ странѣ совершенную популярность, онъ прокормилъ множество семей, пострадавшихъ отъ наводненія во время разлитія Роны. Это заставило Грабіенку войдти въ долги, которыхъ сумма простиралась до пятисотъ тысячъ ливровъ. Оракулы его предсказывали успѣхъ его предпріятію, но враги, собственный недостатокъ энергіи и опредѣлительности плана дѣйствій, помѣшали ему въ достиженіи цѣли, исполненія которой онъ при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ могъ бы до нѣкоторой степени надѣяться. Дурная слава братства не была забыта, несмотря на дѣйствія Грабіенки въ пользу угнетенныхъ и страждущихъ, и сообщники оставляли его мало-по-малу. Самъ Пернетти сталъ почему-то менѣе ревностно заниматься дѣлами общества. Грабіенка не имѣлъ уже въ немъ

Digitized by Google

опасныхъ соперниковъ. Онъ занялся сочиненіемъ трактата объ ангелахъ и далъ окончательное образованіе своей сектѣ, которое и сохранялось въ ней потомъ постоянно. Въ этой новой системѣ уже почти не имѣли мѣста алхимическія работы и даже каббала, а главнымъ основаніемъ служила ей магія, или сношенія съ невидимымъ міромъ.

Секта лишилась въ 1795 году своего великаго пророка, Бужа, который оставилъ ее. Надобно было найдти ему преемника, преданнаго Грабіенкѣ, и онъ отыскалъ для этой роли Альера, сына трактирщика, который былъ немедленно посвященъ и наименованъ великимъ пророкомъ. Черезъ годъ умеръ Пернетти, бывшій первосвященникомъ; тогда Альеръ заступилъ его мѣсто.

Между тѣмъ прошла эпоха террора, и, при относительномъ возстановленіи благоустройства и безопасности, мечты о возрожденіи Авиньйонскаго графства дѣлались болѣе и болѣе несбыточными. Прежніе адепты или раззорились, или оставили общество, въ которомъ находились уже только люди незначительные и небогатые. Еще съ 1794 года дѣла его становились все хуже и хуже, и наконецъ средства его совсѣмъ истощились.

Однако оракулы, несмотря на оскудѣніе средствъ общества, продолжали предвѣщать, что претерпѣваемыя имъ неудачи скоро вознаградятся сторицей, что всѣ блага посыплются на вѣрныхъ ему, и что недалеко славное владычество царя, премудраго какъ Соломонъ, сильнаго какъ Давидъ, то-есть Грабіенки, который самъ внушалъ Альеру эти пророчества. Альеръ дошелъ до самыхъ нелѣпыхъ крайностей и наконецъ самъ сталъ вѣрить въ свой необыкновенный даръ прорицанія. Онъ не только разказывалъ про свои чудесные сны и про вдохновенія, посѣщавшія его свыше, но и про видѣнія, которыя бывали у него наяву, напримѣръ, о превращеніи человѣка въ звѣря, а звѣря въ чертогъ. Иногда онъ говорилъ, что облака превращались въ человѣческія фигуры, разговаривавшія съ нимъ; въ другой разъ онъ бесѣдовалъ съ дьяволомъ или слушалъ голоса невидимыхъ существъ. Словомъ, Альеръ нерѣдко показывалъ знаки совершеннаго помѣшательства.

Представляемъ теперь основанія, на которыхъ была создана секта Грабіенки; онъ самъ, такъ-сказать, диктовалъ ихъ, а потому и придалъ званію царя Новаго Израиля, которое

Digitized by Google

носилъ, огромную власть и силу. Учрежденіе общества и догматы его дополнялись разными оракулами до 1800 года.

Царь Новаго Израиля—особа духовная и выше всякаго лица въ народѣ; только первосвященникъ въ храмѣ равенъ ему. Царь есть глава пророковъ общества, и предвѣщанія ихъ не имѣютъ силы безъ его подтвержденія, потому что у него одного даръ отличать истинные оракулы отъ ложныхъ, и только тотъ изъ нихъ непреложенъ, который заключаетъ въ себѣ что-либо полезное или наставительное для царя. Оракулу, какъ глаголу Неба, обязанъ былъ всякій покоряться безусловно и не разсуждая; но никто безъ позволенія царя не смѣлъ требовать отвѣтовъ оракула. Всѣ прихоти царя должны были приниматься братствомъ какъ законъ, и членамъ строго запрещалось не только явно, но и тайно осуждать его пороки или думать о немъ неблагопріятно. Онъ выше закона, какъ божество; онъ не можетъ сдѣлать зла, и власть его ничѣмъ не можетъ ограничиться. Многія постановленія прямо называютъ его богомъ, и невозможно найдти болѣе фанатическаго ученія въ пользу главы какой-либо секты. Грабіенка признавался царемъ въ истинномъ смыслѣ словъ «roi» и «monarque», какъ его величали адепты, которые подписывались его вѣрноподданными, «fidèles sujets». Духовное царство впрочемъ не слишкомъ плѣняло его, и онъ преимущественно добивался дѣйствительнаго царства, польской короны, которой искалъ еще въ началѣ своего поприща. Онъ не имѣлъ никакой вѣры, а хлопоталъ о достиженіи земныхъ благъ посредствомъ собственнаго лицемѣрія и фанатизированія своихъ сообщниковъ. Для этого-то и предписывались имъ правила безпрекословнаго повиновенія и поклоненія, по которымъ передъ нимъ, при совершеніи обрядовъ, кланялись въ землю, служили ему на колѣняхъ, принимали его благословеніе и т. п. Нелѣпость этого обожанія доходила до того, что его признавали непогрѣшимымъ во всѣхъ отношеніяхъ, называли возлюбленнымъ первенцемъ Бога и Маріи, сыномъ ученицы Вышняго, отцомъ премудрости, въ которомъ живетъ гласъ Божій, наконецъ приписывали ему даръ чудотворенія.

Первосвященникъ всегда выбирался изъ пророковъ и былъ начальникомъ всего относившагося до духовныхъ дѣлъ братства; онъ учреждалъ чинъ богослуженія, наказывалъ тѣхъ, которые преступали законы, данные оракулами, отлучая ихъ отъ храма и очищая ихъ покаяніемъ.

Digitized by Google

Великій пророкъ преимущественно изрекалъ оракулы.

Канцлеръ занимался гражданскими дѣлами братства и считался великимъ судьей народа.

Повелѣніе, изреченное оракуломъ, строго предписывало, чтобы никто, кромѣ лицъ священнаго чина, не смѣлъ принимать на себя исполненіе какихъ бы то ни было должностей гражданскихъ или дипломатическихъ по дѣламъ братства.

Кромѣ того, въ сектѣ было первенствующее лицо женскаго пола—великая матерь, представлявшая Богородицу, такъ какъ царь представлялъ божеское лицо. Она была равна первосвященнику и сама считалась первосвященницей, отправляя богослуженіе въ извѣстное время. Годъ, по календарю секты, раздѣлялся на тринадцать лунныхъ мѣсяцевъ, и въ послѣдній изъ нихъ она служила вмѣсто первосвященника. Ея надзору поручены были всѣ дѣла, касающіяся женщинъ, и воспитаніе дѣвицъ.

Первосвященникъ, великая матерь, великій пророкъ, канцлеръ, толкователь сновъ и еще двое нарочно избранныхъ братьевъ составляли верховный совѣтъ семи. Въ послѣднее время личный составъ этого совѣта былъ слѣдующій: первосвященникъ—Альеръ; великая матерь—г-жа Доттиньи; великій пророкъ—Деравинъ; толкователь сновъ—Симоненъ; канцлеръ—баронъ Лефортъ; члены совѣта—Пармантье и Муратори.

Грабіенка, какъ царь Новаго Израиля, считался выше совѣта. Онъ засѣдалъ въ немъ только сначала, а потомъ вакансію его заняла великая матерь, которой должность была тогда учреждена. Въ послѣдствіи, при царѣ учрежденъ былъ тайный совѣтъ, «conseil des intimes»; но онъ почти не собирался, будучи основанъ уже при концѣ существованія секты въ Авиньйонѣ.

Члены братства были раздѣлены на четыре класса или ордена, изъ которыхъ первый былъ низшимъ; они слѣдовали въ такомъ порядкѣ:

1. Орденъ Св. Духа; онъ имѣлъ ленту цвѣта зари, на которой висѣлъ голубь. Начальникомъ его былъ великій пророкъ.

2. Орденъ Троицы, или святаго пріятія, «adoption sainte»; онъ находился подъ начальствомъ первосвященника.

3. Орденъ Слова воплощеннаго; онъ имѣлъ ленту красную.

4. Орденъ святаго дома Божія; лента его была зеленая, обозначая надежду совершенства. Онъ состоялъ подъ начальствомъ великой матери, и считался подъ особеннымъ покрови-

Digitized by Google

тельствомъ Дѣвы Маріи. Въ него поступали только избранные, которые признавались близкими къ совершенству.

Члены совѣта, при посвященіи ихъ къ должности и миропомазаніи, которое при этомъ совершалось, принимали четыре особыя присяги: общую, царю, первосвященнику и братству.

Храмъ окончательно образовавшейся секты былъ открытъ въ 1798 году. Богослуженіе въ немъ началось по новому календарю, расчисленному на основаніи тринадцати лунныхъ мѣсяцевъ, въ которыхъ и были расположены особеннымъ образомъ праздники. Храмъ былъ устроенъ на подобіе Соломонова, и въ святилищѣ, куда входили только главныя лица, находился престолъ, на которомъ было четыре креста: три для Св. Троицы и четвертый для Богородицы. Тамъ же стоялъ свѣтильникъ съ семью свѣчами. Въ храмѣ приносили жертву: хлѣбъ и вино, при чемъ служили католическую обѣдню и причащались. Водосвятіе производилось погруженіемъ креста и обмакиваніемъ пальца въ сосудъ съ виномъ, изображавшимъ кровь Христову. Кропленіе и кажденіе производились обыкновеннымъ порядкомъ.

Особенною торжественностію отличался обрядъ царской вечери. Въ день, когда она совершалась, служили особаго рода обѣдню, за которою отпускались всѣ грѣхи. Вечеромъ въ храмѣ садились за столъ. Грабіенка изображалъ собою Христа, всѣ были въ стихаряхъ и клобукахъ, а первосвященникъ въ нарамникѣ, подобномъ Ааронову. Грабіенкѣ прислуживали на колѣняхъ, ходили кругомъ стола, прогоняли сатану, жгли ѳиміамъ по обрядамъ іудейскимъ, стоя съ жезлами въ рукахъ и подпоясавшись. Наконецъ тутъ ѣли пасху, то-есть жаренаго ягненка, не оставляя отъ него ничего, послѣ чего кости его сожигали.

Нелѣпое смѣшеніе самыхъ разнородныхъ обрядовъ въ этой сектѣ можетъ дать понятіе о чудовищности самой вѣры, которую она исповѣдывала. Послѣдователи ея перемѣшали божественные христіянскіе догматы съ еретическими бреднями и языческими вѣрованіями. Изъ Св. Троицы они создали четверицу, причисливъ къ тремъ ея лицамъ Пресвятую Дѣву Марію, которой вмѣстѣ съ тѣмъ приписали качества языческихъ богинь. Она называлась великою матерью боговъ, ночью породившею свѣтъ и современною хаосу, царицей неба и ада съ полумѣсяцемъ, отворявшимъ врата востока святому народу;

Digitized by Google

ею заклинали адскихъ духовъ, и въ ней соединялись: Діана, Геката и Сибилла сирская. Полагаютъ, что эта нелѣпая смѣсь понятій могла быть почерпнута изъ языческаго вѣрованія о великой матери, сопричтенной на Олимпѣ къ лику трехъ первыхъ боговъ: Юпитера, Нептуна и Плутона. Но вѣроятнѣе всего, что невѣжественное шарлатанство было главною причиной изобрѣтенія подобныхъ догматовъ.

Правила секты предписывали черезъ оракулы послѣдователямъ ея наружно исполнять обряды католической церкви, къ которой они и причисляли себя лицемѣрно. Въ сущности же они признавали ее отпадшею, приносящею жертву сатанѣ, источающею кровь, порокъ и беззаконіе, и презирали ея служителей.

Ученіе секты относительно гражданскихъ обязанностей запрещало членамъ службу какому-либо правительству. Бужъ, преступившій это правило, долженъ былъ оставить полученное имъ мѣсто, несмотря на то, что, по особымъ обстоятельствамъ, рисковалъ жизнію, повинуясь въ этомъ случаѣ Грабіенкѣ. Вѣроятно, государственная служба запрещалась сектаторамъ оттого, что они должны были совершенно подчиняться одному царю Новаго Израиля, и даже не смѣть помышлять безъ его вѣдома и велѣнія, подъ опасеніемъ вѣчныхъ мученій. Грабіенка былъ настоящій деспотъ въ этомъ случаѣ. Такъ напримѣръ, онъ три года не пускалъ на глаза любимаго своего камердинера Леймана за то, что онъ женился безъ его согласія.

Таковы были основанія авиньйонскаго братства, которому оракулы его сулили всевозможныя блага, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ всѣ прошенія его Небу о дарованіи помощи и неизбѣжныя жалобы обманутыхъ, разумѣется, оставались тщетными.

Однако Грабіенка не могъ не слѣдить и за перемѣнами политическихъ обстоятельствъ Франціи. Они продолжали быть ему не совсѣмъ неблагопріятны до самаго 1799 года. Даже во время бурнаго конвента, среди анархіи общественной и религіозной, существовали во мракѣ разныя секты, и каковы бы ни были ихъ химерическія начала, они все-таки свидѣтельствовали о потребности нѣкоторыхъ составить себѣ какую-либо систему вѣрованій въ странѣ, провозгласившей атеизмъ. Извѣстно, что герой этой ужасной эпохи, Робеспьеръ, боролся съ нимъ; онъ погубилъ партіи Дантона и Гебера, *безнравственныхъ и безбожныхъ*, а «богиню разума» замѣнилъ «высшимъ суще-

Digitized by Google

ствомъ», въ честь котораго учредилъ торжество. Въ послѣдствіи онъ оказался въ сношеніяхъ съ сектой Катерины Теосъ, прозванной матерью бога. Старый атеистъ Вадье не побоялся набросить тѣнь смѣшнаго на страшнаго деспота, когда въ конвентѣ шла рѣчь объ этой сектѣ, что̀ и было какъ бы прелюдіей, пробой силъ для сверженія Робеспьера, которое и осуществилось вскорѣ. При директоріи, во время общаго броженія общественныхъ стихій, искавшихъ правильнаго уравновѣшенія послѣ недавнихъ бурь, въ эпоху, когда люди, разорванные со всякими преданіями прошедшаго, старались связывать убѣжденія и вѣрованія съ нѣкоторыми забытыми принципами гражданскаго порядка, Франція видѣла рядомъ съ чудовищами разврата и разныя, хотя по большей части безплодныя, исканія людей создать себѣ религіозныя убѣжденія. Одинъ изъ членовъ директоріи, Ларевельеръ-Лепо, сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ, а потомъ главой секты теофилантроповъ. Какъ ни смѣялись надъ подобными братствами, однако они продолжали существовать, благодаря равнодушію большинства и отсутствію прочнаго религіознаго центра въ обществѣ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ авиньйонская секта не должна была опасаться преслѣдованій, и могла спокойно предаваться оракуламъ и прочимъ своимъ нелѣпостямъ.

Но въ 1799 году внутренняя неурядица и слабость правительства Франціи дошли уже до крайнихъ предѣловъ. Не возможно было вѣрить въ продолженіе существованія такого растлѣннаго политическаго тѣла. Бонапартъ изъ Египта слѣдилъ за его разложеніемъ, и видя, что рѣшительная минута для осуществленія честолюбивыхъ замысловъ наступила, бросилъ начальство надъ арміей и явился во Франціи. Извѣстно, что, не имѣя еще никакихъ признанныхъ правъ, онъ сталъ немедленно распоряжаться государственными дѣлами, какъ господинъ. Всѣ узнали въ немъ владыку, которому предстоитъ въ скоромъ времени овладѣть кормиломъ правленія и, водворяя новые порядки, унять броженіе общественныхъ элементовъ желѣзною рукой, и освѣтить темныя стороны быта, въ которыхъ зародились и жили разные антисоціальные инстинкты.

Возвращеніе Бонапарта изъ Египта и роль, которую онъ сталъ играть въ правительствѣ, отозвались въ авиньйонской сектѣ. Грабіенка былъ довольно проницателенъ, чтобъ увидѣть, что Бонапартъ скоро будетъ хозяиномъ страны, гдѣ уже

Digitized by Google

не легко будетъ ловить рыбу въ мутной водѣ, а напротивъ не трудно будетъ попасться въ большія непріятности, и даже подвергнуться опасностямъ. Поэтому царь Новаго Израиля почелъ необходимымъ принять мѣры осторожности и скрыть по возможности улики, которыя могли его компрометировать. Онъ изрекъ оракулъ, повелѣвавшій закрыть храмъ. Многіе члены братства, уже убѣдившіеся въ обманѣ, но не оставлявшіе его, совѣстясь открыто признаться въ своемъ легковѣріи, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ удалиться изъ общества. Оставшіеся вѣрными были созваны въ храмъ на 28 октября 1799 года. Ихъ ввелъ туда первосвященникъ, и тамъ Грабіенка объявилъ своему народу, что всѣ его члены за грѣхи свои отдаляются отъ храма на годъ, и немедленно должны выйдти, потому что въ храмъ явится Господь во всей своей славѣ и можетъ поразить ихъ. Всѣ присутствовавшіе сложили у ногъ его знаки своего достоинства и, принявши его благословеніе, удалились. Грабіенка остался одинъ, и черезъ нѣсколько времени тоже вышелъ, не достигнувъ исполненія своего предсказанія. Онъ успѣлъ вовремя закрыть свой храмъ. Черезъ двѣнадцать дней, 9 ноября (18 брюмера), Бонапартъ произвелъ извѣстный переворотъ и овладѣлъ властью. Послѣ этого, авиньйонскій храмъ никогда уже не отворялся.

Въ 1800 году братство дошло до нищеты, несмотря на оракулы, продолжавшіе обѣщать ему процвѣтаніе. Если не ошибаемся, въ этомъ году кончился процессъ Октавіо Капелли, тянувшійся нѣсколько лѣтъ, и въ Римѣ былъ повѣшенъ этотъ непримиримый врагъ Грабіенки, съ которымъ онъ долго велъ споры изъ самыхъ тюремъ инквизиціи. Грабіенка былъ радъ, что избавился наконецъ отъ такого безпокойнаго противника; но другаго рода заботы тревожили его. Средства къ жизни у него истощились, а кредиторы неотступно требовали уплаты долговъ. Для успокоенія ихъ, хотя на время, выдуманъ былъ оракулъ, повелѣвавшій Альеру и Лейману ѣхать за деньгами въ Польшу. Совѣтъ утвердилъ это рѣшеніе, и далъ притомъ Альеру тайное порученіе, состоявшее въ томъ, чтобъ изыскать по дорогѣ новые пути для распространенія авиньйонскаго ученія. Однако кредиторы не иначе соглашались на отсрочку и посылку Альера и Леймана, какъ подъ условіемъ, чтобы съ ними поѣхалъ общій повѣренный всѣхъ заимодавцевъ Грабіенки. Это затрудняло его планы, потому что онъ очень хорошо

Digitized by Google

зналъ, что изъ Польши ему нечего получать. Отъ этого выданъ былъ новый оракулъ, по которому нужно было открыть съ Польшей письменныя сношенія, а уже по полученіи отвѣта отправить туда того, кто для этого будетъ назначенъ. Адвокатъ Вержье согласилъ заимодавцевъ ждать этого отвѣта, и Грабіенка при немъ написалъ письмо въ Польшу, въ которомъ возвѣщалъ скорое свое торжество и вступленіе на польскій престолъ. Впрочемъ кредиторы желали имѣть болѣе положительныя свѣдѣнія о своемъ должникѣ. По ихъ просьбѣ, французское правительство вошло въ сношеніе съ прусскимъ и получило самый неутѣшительный для кредиторовъ отвѣтъ. Изъ него узнали они, что Грабіенка не имѣетъ кредита ни на десять червонцевъ, что у него нѣтъ никакого состоянія, что у родныхъ его имѣніе не велико и платить они за него не могутъ и не захотятъ; наконецъ, что въ Варшавѣ онъ не пользуется хорошею репутаціей, и вообще его должно опасаться.

Это извѣстіе окончательно погубило Грабіенку въ общемъ мнѣніи. Онъ нѣсколько лѣтъ продолжалъ вести въ Авиньйонѣ самую несчастную жизнь, скрываясь отъ кредиторовъ, кочуя гдѣ день, гдѣ ночь, находя кое-гдѣ убѣжище и кусокъ хлѣба изъ состраданія. Дурная слава его распространилась, и самые духовные, которыхъ онъ когда-то спасалъ, возстали на него, какъ на расколоучителя. Госпожа Доттиньи также перебивалась кое-какъ. Баронъ Лефортъ попалъ за долги въ тюрьму, изъ которой впрочемъ вскорѣ выкупили его родственники.

Наконецъ, въ 1804 году, Грабіенка успѣлъ выпросить у своихъ кредиторовъ позволеніе отправиться въ Польшу. Онъ получилъ какимъ-то образомъ векселей на сумму 7900 ливровъ, наскоро собрался, и потихоньку уѣхалъ въ Парижъ. Тамъ прожилъ онъ полгода, и получилъ еще денегъ отъ стараго собрата своего Пармантье, который для этого заложилъ свой домъ въ ондонѣ, бывшій послѣднимъ его имуществомъ. Съ такими средствами возвратился наконецъ Грабіенка въ отечество послѣ отсутствія, продолжавшагося почти двадцать лѣтъ.

Грабіенка имѣлъ не одну причину надѣяться, что дѣла его, съ возвращеніемъ въ Польшу и приближеніемъ къ Россіи, могутъ принять нѣсколько благопріятный оборотъ. Еще въ Авиньйонѣ получилъ онъ письмо отъ Лефорта, который увѣдомлялъ его, что собирается ѣхать на сѣверъ, вооружась рекомендаціями отъ члена ихъ общества, принца Виртембергскаго. Перво-

Digitized by Google

священница секты, госпожа Доттиньи, жила еще прежде въ Россіи, и увѣряла своихъ товарищей, что пребываніе ихъ тамъ можетъ быть для нихъ чрезвычайно выгодно. Она опять отправилась туда, выписанная въ гувернантки или компаньйонки Натальею Ѳедотовною Плещеевою, вдовой бывшаго члена авиньйонскаго братства Сергѣя Ивановича, отставшаго отъ него уже давно, и умершаго въ 1802 году. Госпожа Плещеева, вѣроятно, не знала подробностей авиньйонскихъ происшествій, и пригласила Доттиньи по старымъ отношеніямъ покойнаго мужа. Впрочемъ Доттиньи не долго оставалась въ ея домѣ и перешла къ Нарышкину (если не ошибаемся, къ Александру Львовичу). Лефортъ же, пріѣхавши въ Петербургъ, успѣлъ сблизиться съ г-жой Плещеевой и поселиться у нея. Не доставало въ Петербургѣ только Грабіенки.

Тѣмъ временемъ онъ хлопоталъ въ Польшѣ объ устройствѣ своихъ дѣлъ. Онъ поѣхалъ къ извѣстному богачу, генералу русской службы, графу Станиславу Францовичу Потоцкому, и успѣлъ убѣдить его помочь ему въ выкупѣ имѣнія; но эта сдѣлка не состоялась, по случаю скорой кончины Потоцкаго, умершаго 14-го марта 1805 года. Но Грабіенка все-таки успѣлъ извлечь пользу изъ посѣщеній Потоцкаго. У него онъ сошелся съ сенаторомъ, графомъ Августомъ Ивановичемъ Ильинскимъ (родился 1760, умеръ 1844), который въ то время имѣлъ сильную наклонность къ мистицизму, духовидѣнію и т. п. Грабіенка успѣлъ совершенно очаровать Ильинскаго, который называлъ его другомъ своего сердца, и, чтобы помочь его стѣсненнымъ обстоятельствамъ, назначилъ ему 300 червонцевъ ежегоднаго пособія. Что̀ касается семейныхъ обстоятельствъ Грабіенки, то извѣстно только, что онъ хотѣлъ сойдтись съ женой, но она на это не согласилась и стала хлопотать о разводной. Грабіенка былъ въ Кіевѣ, совершилъ разныя поѣздки и находился въ постоянной переписке съ Лефортомъ, бывшимъ уже въ Петербургѣ. Наконецъ онъ и самъ туда отправился подъ предлогомъ хлопотъ по дѣлу съ своею женой, которая, впрочемъ, скоро умерла.

Пріѣхавши въ Петербургъ, Грабіенка прежде всего хотѣлъ сблизиться съ г-жой Плещеевой, надѣясь подѣлаться къ ней по старинным связямъ съ ея покойнымъ мужемъ. Но онъ нашелъ ее очень предубѣжденною противъ него. Ему удалось однако черезъ Лефорта сойдтись съ довѣреннымъ лицомъ г-жи Плещеевой, г. Александромъ Лѣнивцевымъ, и коротко

Digitized by Google

съ нимъ сблизиться. Лѣнивцевъ былъ въ связи съ старыми масонами. Онъ успѣлъ привлечь многихъ изъ нихъ въ секту Грабіенки, очаровавшаго ихъ своими разказами о сношеніяхъ своихъ съ небомъ, бесѣдахъ съ ангелами и пр. Все это стоило ему большихъ трудовъ, но мало-по-малу онъ обольстилъ многихъ этими откровеніями и предсказаніями о скорой кончинѣ міра и второмъ пришествіи. Онъ увѣрялъ, что антихристу уже четырнадцать лѣтъ отъ роду, и что конецъ міра будетъ въ 1835 году. Опредѣленіе этого срока было сдѣлано въ подражаніе предсказаніямъ, которыя выводили изъ Апокалипсиса пасторъ Бенгель и Штиллингъ. Лефортъ и Доттиньи не мало способствовали распространенію въ Петербургѣ ученія Грабіенки, имѣя сношенія со многими знатными домами. Они помогали ему поддерживать въ обманутыхъ ими людяхъ вѣру въ будущее величіе Грабіенки, первымъ ознаменованіемъ котораго будетъ полученіе имъ польскаго престола, предсказанное оракулами.

Грабіенка дѣлалъ все это довольно осторожно; онъ открывалъ свое ученіе мало-по-малу, и только отуманеннымъ уже умамъ сообщалъ о догматѣ божественной четверицы и прочихъ важныхъ тайнахъ. Русскіе члены раскола не были *посвящены* въ братство вполнѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что храмъ запертъ и должно ожидать благопріятнаго времени; ихъ только *присоединяли*. Впрочемъ актъ присоединенія заключалъ въ себѣ настоящую присягу, подтвержденную призываніемъ имени Божія и чтеніемъ его въ присутствіи трехъ членовъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ пунктовъ; присоединенный обязывался пріобщаться всѣмъ молитвамъ и обрядамъ братства, признавать его установленіемъ Божескимъ, покоряться его законамъ и оракуламъ и т. п. Такимъ образомъ это былъ обѣтъ, имѣвшій въ сущности значеніе отреченія отъ церкви и правительства въ пользу таинственнаго учрежденія, основаннаго на произвольныхъ законахъ, духовныхъ и свѣтскихъ.

Каждый изъ присоединенныхъ дѣлалъ въ пользу братства денежный взносъ, который поступалъ въ полное и безотчетное распоряженіе главныхъ лицъ общества. Этими средствами Грабіенка могъ жить прилично и посылать во Францію суммы, которыя шли на уплату долговъ, сдѣланныхъ имъ во время пребыванія въ Авиньйонѣ.

Кредитъ начальниковъ авиньйонской секты въ Петербургѣ долженъ былъ отчасти поддерживаться разказами ихъ о сноше-

Digitized by Google

ніяхъ съ русскими масонами, которые давно уже прервали эти сношенія и умерли, слѣдовательно можно было скрывать отъ новообращаемыхъ истину, неблагопріятную для братства. Мы видѣли уже, что С. И. Плещеевъ, умершій въ 1802 году, удалился отъ него совершенно года черезъ два послѣ своего вступленія. То же самое сдѣлалъ знаменитый фельдмаршалъ, князь Николай Васильевичъ Репнинъ, умершій еще годомъ раньше Плещеева.

По домогательствамъ Грабіенки получить польскую корону, онъ долженъ былъ привлечь въ свое общество много своихъ соотечественниковъ. Но подробности объ ихъ умыслахъ и сношеніяхъ утрачены. Отъ Русскихъ же, какъ кажется, по возможности скрывали политическіе замыслы этого рода.

Въ дѣлахъ однако сохранилась такъ-называемая «прокламація», которая заключала въ себѣ основныя правила братства, и была сообщаема новообращаемымъ. Вотъ ея содержаніе.

«1) Общество носитъ имя народа Божія, или Новаго Израиля. Оно учредилось въ 1778 году, сперва въ Берлинѣ, а потомъ утвердилось въ Авиньйонѣ.

«2) Цѣль его возвѣстить, по повелѣнію Божію, второе и близкое пришествіе Господа Іисуса Христа и славнаго царствія Его на землѣ.

«3) Наименованіе свое приняло оно отъ самаго учрежденія своего, ибо оно учреждено не человѣками, а самимъ Богомъ, благоволившимъ открыть изволенія и планы свои о нынѣшнихъ послѣднихъ временахъ людямъ, наименѣе ожидавшимъ тѣхъ милостей и даровъ, коими безпредѣльное милосердіе Его облагодѣтельствовало ихъ. Такимъ образомъ, бывъ учреждены самимъ Небомъ, они не могутъ иначе почитать себя, какъ его народомъ, Новымъ Израилемъ, и само Небо ихъ такъ называетъ.

«4) Подъ словомъ «небо» разумѣютъ они все царство небесное, всѣ посредствующія существа между человѣкомъ и Богомъ: ангеловъ, архангеловъ и святыхъ (кромѣ стихійныхъ и астральныхъ духовъ, которые сюда не входятъ), которые находятся въ сношеніяхъ съ ними и сообщаютъ имъ опредѣленія небесныя.

«5) Сіе сношеніе или сообщеніе называютъ они корреспонденціей съ небомъ, которая состоитъ въ словѣ или голосѣ, ясномъ и внятномъ, какъ внутреннемъ, такъ и наружномъ, въ видѣніяхъ и откровеніяхъ пророческихъ. При семъ не только

Digitized by Google

ангелы и святые и отъ міра отшедшія блаженныя души, но и самъ Господь иногда является и говоритъ съ ними, въ чемъ объявляющій сіе увѣряетъ честію, вѣрой и совѣстью своею, яко самъ то испытавшій.

«6) Сія корреспонденція посредствомъ правилъ и наставленій, данныхъ о томъ самимъ небомъ, такъ для нихъ удобна, что они могутъ дѣлать вопросы и получать отвѣты о самыхъ даже маловажнѣйшихъ повидимому вопросахъ, имѣя къ тому такъ-называемыя малыя и большія средства и ключи высшей науки.

«7) Общество сіе, будучи не человѣческое изобрѣтеніе, управляется не человѣками, а оною корреспонденціей. Ни одинъ членъ ни вступить въ оное, ни остаться въ немъ не можетъ безъ явнаго на то соизволенія небесъ. Но безконечная благость Господа, хотящаго всѣмъ спастися и учредившаго сей новый свой народъ для блага всего человѣческаго рода, не отказываетъ въ сей милости никому, приходящему съ чистымъ и прямымъ желаніемъ истины и твердою рѣшимостью служить Богу и ближнему. Придетъ время, что и всѣ добрыя сообщества и добрые люди присоединятся къ сему новому Израилю, когда именно надобно будетъ рѣшиться изъ двухъ на одно: или стать подъ знамена Іисусовы, или пристать къ сторонѣ его противника.

«8) Но какъ всякій человѣкъ безъ высшей помощи подверженъ заблужденіямъ и обману, можетъ иногда ангела лжи принять за ангела истины, то милосердіе Божіе попеклось и о семъ и, дабы соблюсти ихъ отъ ошибокъ, оградило ихъ особенными способами къ испытанію духовъ и всякаго слова, видѣнія и откровенія, такъ что имъ вовсе невозможно погрѣшить въ семъ случаѣ, если не нарушены будутъ правила, данныя имъ на то самимъ небомъ, за строгимъ наблюденіемъ которыхъ, составляющимъ главнѣйшее преимущество общества, начальники общества бдятъ неусыпно.

«9) На сей конецъ учреждено у нихъ особое отдѣленіе или департаментъ, называемый «Соборъ пророковъ», состоящій изъ людей, избранныхъ и утвержденныхъ самимъ небомъ, черезъ который непремѣнно должно пройдти всякое слово, видѣніе и откровеніе и быть строго испытано и очищено отъ всякаго чуждаго примѣненія темперамента, или частнаго свойства, объявляющаго оное члена. Сверхъ сего, рѣшеніе самаго собора представляется еще на утвержденіе небу, и по утвержденіи уже

Digitized by Google

онаго небомъ, видѣніе, откровеніе или слово объявляется въ народѣ Божіемъ за справедливое и вѣрное.

«10) При сихъ предохранительныхъ средствахъ и при томъ вѣрномъ руководствѣ, общество сіе безъ всякой хвастливости или надменности можетъ сказать о себѣ, что оно обладаетъ вѣрнымъ путемъ къ достиженію истины, какъ въ отношеніи духовномъ и нравственномъ, такъ и физическомъ. Всѣ знанія наивеличайшія, всѣ таинства наисокровеннѣйшія оному открыты и легко открыты быть могутъ. Оно есть дѣйствительнѣйшее орудіе въ рукахъ Провидѣнія къ уготовленію смиренныхъ и вѣрныхъ душъ для приближающагося наконецъ царствія Божія.

«11) Члены сего общества нынѣ разсѣяны по разнымъ землямъ, по повелѣнію Небесъ, для положенія основанія народу Божію вездѣ, гдѣ найдутся души, возбужденныя благодатію. Объявляющій сіе получилъ повелѣніе ѣхать для сего въ Россію и именно въ Петербургъ.

«12) Сіи свѣдѣнія даются вамъ (новообращаемому), яко любителю истины, ищущему ея съ чистымъ намѣреніемъ. Дальнѣйшія подробности принадлежатъ уже членамъ народа Божія, Новаго Израиля, и тѣмъ, которые прямо и надлежащимъ образомъ присоединены къ оному будутъ, въ чемъ не должно сомнѣваться о всякомъ истинномъ почитателѣ Богочеловѣка Іисуса, которые всѣ рано или поздно непремѣнно соединятся съ симъ народомъ, дабы составить одно стадо подъ однимъ пастыремъ.»

Предоставляемъ читателямъ произнести сужденіе объ этомъ любопытномъ документѣ, который еще ярче характеризуется, когда вспомнишь похожденія учредителей общества. Замѣтимъ только, что главныя религіозныя и политическія химеры секты вовсе не упоминаются въ этой прокламаціи, изъ которой новообращаемый ничего не узналъ о четверицѣ, о видахъ Грабіенки на польскую корону и прочихъ главныхъ цѣляхъ и догматахъ братства.

Намъ неизвѣстно, сколько именно времени продолжали Грабіенка и его товарищи распространять въ Петербургѣ свою секту. Если не ошибаемся, она была открыта около 1808 или 1809 года. Дѣйствія Грабіенки не могли остаться тайной, и его уже нѣсколько времени подозрѣвали и слѣдили. Можетъ-быть, какой-нибудь неудачно выбранный адептъ выдалъ тайну съ умысломъ или по легкомыслію. Говорятъ, что Грабіенка

Digitized by Google

догадывался, что за нимъ присматриваютъ, и успѣлъ обратить въ свою секту агента, которому порученъ былъ надзоръ за нимъ. Этому онъ былъ обязанъ тѣмъ, что успѣлъ истребить многія неблагопріятныя для него бумаги, когда велѣно было его арестовать. Нѣкоторые другіе документы были сожжены имъ еще въ Авиньйонѣ, будто бы по повелѣнію оракула.

При изслѣдованіи, Грабіенка ссылался преимущественно на свою прокламацію, отрицалъ то, чтобы слово «царь» имѣло прямое значеніе, и запирался въ исканіи польскаго престола; онъ также не признавался въ изреченіи враждебныхъ для Россіи оракуловъ и называлъ себя ревностнымъ католикомъ. Все это было несправедливо, что̀ доказывалось оставшимися у него бумагами.

Грабіенка умеръ подъ стражей. Дѣло о его сообщникахъ, кажется, потушили, и для большей части ихъ оно не имѣло послѣдствій.

Мы видѣли, что тѣ изъ мартинистовъ школы Новикова, которые случайно вошли въ сношенія съ авиньйонскимъ братствомъ, немедленно отстали отъ него, видя нелѣпости, которыми постепенно обогащалось его ученіе. Это обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ насъ въ мысли, что общество Новикова было чуждо тѣхъ беззаконныхъ стремленій, которыя господствовали въ нѣкоторыхъ европейскихъ братствахъ того времени, извратившихъ масонское ученіе въ самыя безобразныя системы. Сто́итъ впрочемъ только сравнить дѣйствія московскаго «дружескаго ученаго общества» и «типографической компаніи» съ исторіей «Новаго Израиля», чтобы увидѣть эту разницу. Въ первомъ—глубокая религіозность, чистая нравственность, любовь къ человѣчеству и истинному просвѣщенію, и все это обращено въ дѣло. Во второмъ—корыстолюбіе, безнравственность, невѣжество, отсутствіе религіозныхъ понятій, и одни слова и пустые обряды для привлеченія простяковъ, которыхъ обираютъ для личныхъ выгодъ.

Ничего не можетъ быть опаснѣе страсти проникнуть въ тѣ тайны, которыя не доступны пытливому уму человѣка. Кто увлекается ею, тотъ уже подготовленъ къ подчиненію себя первому авторитету, который встрѣчается ему на этомъ пути,

Digitized by Google

и, разумѣется, почти всегда попадаетъ на ловкаго шарлатана и безсовѣстнаго обманщика. Легковѣрный втягивается въ дѣло, вѣря его успѣху; онъ очнется только тогда, когда зашелъ уже слишкомъ далеко. Понятія его объ истинѣ и лжи спутываются, отстать отъ начатаго не имѣетъ онъ силы, а иногда даже и возможности, и самъ становится такимъ, что прежде его устрашила бы одна мысль о такой метаморфозѣ своей личности.

Дѣла, въ родѣ дѣла Грабіенки, обыкновенно бываютъ тайной для современниковъ; многіе и не подозрѣваютъ о союзахъ подобнаго рода, которые существуютъ однако, такъ-сказать, бокъ-о-бокъ съ обществомъ, въ которомъ они живутъ. Слова Екатерины II, выставленныя эпиграфомъ къ нашей статьѣ, совершенно вѣрны. Мы будемъ счастливы, если чтеніе нашего разказа остановитъ хоть одинъ молодой, неопытный умъ отъ опасныхъ обольщеній и напомнитъ ему ту границу, которая поставлена разуму человѣка самимъ Провидѣніемъ, и которую преступить не дано никому, не взирая на вѣковыя усилія многихъ людей.

Михаилъ Лонгиновъ.

Москва.
17 мая, 1860 года.

Digitized by Google

АНГЛІЙСКІЕ СУДЫ [1]

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

II.

The knowledge of the criminal law is indisputably one of the most important subjects which can employ the human understanding; for no rank or elevation in life, no uprightness of heart, no prudence or circumspection of conduct, should tempt a man to conclude that he may not, at some time or other, be deeply interested in these researches (2).

(Sir Michael Foster.)

Upon the wise formation and structure, the enlightened interpretation, and the upright execution of the criminal laws — depend the liberty of the nation, as well as the safety and happiness of each individual (3).

(M. Justice Day).

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ изъ Лондона, я представилъ краткій очеркъ судоустройства въ Англіи вообще и устрой-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 14.

(2) Изученіе уголовныхъ законовъ есть конечно одинъ изъ главныхъ предметовъ, который долженъ занимать собою человѣческое разумѣніе; потому что никакое положеніе или званіе, никакая чистота сердца, никакая осторожность или предусмотрительность въ поведеніи,— не должны обольщать человѣка увѣренностію, что рано или поздно онъ не будетъ глубоко заинтересованъ въ этихъ изслѣдованіяхъ.

(3) Отъ мудраго устройства, просвѣщеннаго истолкованія и правильнаго исполненія уголовныхъ законовъ, зависитъ свобода націи и благополучіе каждаго отдѣльнаго лица.

Digitized by Google

ства *высшихъ судовъ общаго закона* въ особенности. Такъ какъ суды эти разсматриваютъ преимущественно судебныя гражданскія дѣла, то я ограничился описаніемъ преній лишь по дѣламъ этого рода.

Въ настоящемъ письмѣ я постараюсь представить очеркъ *странствующихъ судовъ* (circuits) и *низшихъ судовъ* (inferior courts of common law) Англіи и укажу на способъ производства *уголовныхъ* дѣлъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я имѣлъ случай замѣтить, что низшихъ судовъ въ Англіи считается шестьдесятъ (county courts). Вѣдомству этихъ судовъ подлежатъ исключительно судебныя гражданскія дѣла, въ коихъ предметъ иска не свыше 50 фунтовъ стерлинговъ (320 р. с.). Если предметъ иска не превышаетъ 20 фунтовъ, то рѣшеніе суда бываетъ *окончательное*. Въ противномъ случаѣ недовольная сторона имѣетъ право обжаловать рѣшеніе суда одному изъ трехъ высшихъ судовъ общаго закона, или суду *низи-пріусъ* (Nisi Prius), временно засѣдающему въ округахъ Англіи. Судьи низшихъ судовъ назначаются лордомъ-канцлеромъ, и могутъ быть отставляемы отъ должности по неспособности и другимъ причинамъ.

Уголовныя дѣла, возникающія въ округахъ Англіи и имѣющія предметомъ проступокъ, или маловажное преступленіе (misdemeanor) подлежатъ разсмотрѣнію суда *генеральныхъ четвертныхъ засѣданій*, составляемаго изъ мировыхъ судей и собирающагося въ каждомъ округѣ четыре раза въ годъ.

Мировой судья округа назначается королевой по представленію лорда-канцлера (writ under the great seal) и можетъ быть смѣненъ или оставить свою должность не иначе какъ по конфирмаціи королевы. Мировой судья долженъ имѣть не менѣе 100 фунтовъ годоваго дохода съ чистой поземельной собственности, и не можетъ исправлять притомъ никакихъ другихъ общественныхъ обязанностей. Обязанности мироваго судьи весьма разнообразны, но главная изъ нихъ опредѣляется его названіемъ и состоитъ въ наблюденіи за спокойствіемъ или миромъ въ округѣ (conservator of the peace in the county).

Рѣшеніе суда четвертныхъ засѣданій приводится въ исполненіе или немедленно, или можетъ быть отложено, *по усмотрѣнію суда*, въ сомнительныхъ случаяхъ, или по другимъ причинамъ *(as the Court think fit)*.

Digitized by Google

Уголовныя дѣла, возникающія въ округѣ и имѣющія предметомъ *преступленіе* большей важности (felony, crime, treason), подлежатъ разсмотрѣнію суда ассизовъ, объѣзжающаго всѣ округи Англіи два или три раза въ годъ.

Въ Лондонѣ дѣла этого рода разсматриваются, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, въ *центральномъ уголовномъ судѣ*.

На приговоры всѣхъ вышеозначенныхъ судовъ допускается въ извѣстныхъ случаяхъ аппелляція, или *writ of error, аппелляціонному уголовному суду*, учрежденному въ 1848 (Court of Criminal Appeal), или одному изъ трехъ высшихъ судовъ общаго закона *(Королевской Скамьѣ)*, или наконецъ верховному суду, то-есть палатѣ лордовъ (1).

Способъ разсмотрѣнія или производства уголовныхъ дѣлъ во всѣхъ судахъ Англіи совершенно одинаковъ, и имѣетъ очень много общаго со способомъ разсмотрѣнія дѣлъ гражданскихъ.

Въ центральномъ уголовномъ судѣ Лондона и въ странствующемъ, или ассизномъ судѣ, уголовное дѣло разсматривается всегда *однимъ* судьей и *присяжными*.

При открытіи ежемѣсячныхъ засѣданій центральнаго суда присутствуютъ лордъ-меръ, шерифъ и алдермены, но они выслушиваютъ только отчетъ о ходѣ уголовныхъ дѣлъ въ Лондонѣ и не принимаютъ участія въ разрѣшеніи существа дѣлъ.

Я находился при открытіи этого суда, 9 іюля настоящаго года.

Лордъ-меръ и алдермены въ красныхъ мантіяхъ съ бобровыми обшлагами, и шерифъ въ парадной формѣ, придавали засѣданію чрезвычайно торжественный видъ; но процессъ о воровствѣ, которымъ началось засѣданіе, не представлялъ ни

---

(1) *Writ of error, или аппелляцію* по уголовнымъ дѣламъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ *аппелляціей*, допускаемою въ гражданскихъ дѣлахъ. Аппелляція приносится на рѣшеніе гражданскаго суда и касается большею частію существа рѣшенія; тогда какъ *writ of error* приносится исключительно на нарушеніе формъ или обрядовъ судопроизводства, или въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый имѣетъ доказательства тому, что факты, принятые судомъ, не соотвѣтствуютъ истинѣ; такъ напримѣръ, если обвиненный въ преступленіи (felony) представитъ доказательство, что онъ совершилъ только проступокъ (misdemeanor), то-есть еслибы напримѣръ обвиненный въ убійствѣ представилъ доказательство, что онъ совершилъ воровство.

Digitized by Google

малѣйшаго интереса. Притомъ, черезъ два часа послѣ начала процесса, обнаружилась ошибка въ названіи одного изъ присяжныхъ, почему судья объявилъ, что все дѣло должно быть пересмотрѣно вновь. Я не имѣлъ достаточно терпѣнія, чтобы выслушать вторично показанія спрошенныхъ уже свидѣтелей, и потому вышелъ изъ суда, не дождавшись другихъ процессовъ.

На другой день я уѣхалъ изъ Лондона въ Гертфордъ, и такимъ образомъ пропустилъ остальныя засѣданія центральнаго суда.

Впрочемъ, въ іюльскихъ засѣданіяхъ этого суда не было, какъ видно изъ *Times*, ни одного интереснаго дѣла и напротивъ того самыя важныя уголовныя дѣла какъ будто нарочно приготовлены были, во всѣхъ округахъ Англіи, для странствующихъ судовъ.

Я упомянулъ еще въ предыдущемъ письмѣ, что въ Англіи восемь главныхъ судебныхъ округовъ, которые называются *Circuits (Home, Norfolk, Midland, Northern, N. Wales, S. Wales, Western* и *Oxford)*: Я былъ только въ двухъ округахъ, именно: въ *Home Circuit*, въ городѣ Гертфордѣ, и въ *Оксфордскомъ* округѣ, въ городѣ Оксфордѣ, и имѣлъ случай присутствовать при разрѣшеніи нѣсколькихъ замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ.

Но прежде описанія этихъ процессовъ и устройства странствующихъ судовъ, считаю необходимымъ представить самый краткій очеркъ судебной процедуры въ Англіи по уголовнымъ дѣламъ.

Я выше замѣтилъ, что уголовныя дѣла разсматриваются во всѣхъ судахъ почти въ томъ же порядкѣ, какъ и гражданскія, но дѣйствія, предшествующія *сужденію* уголовнаго процесса, имѣютъ свой особенный, оригинальный характеръ.

Уголовный процессъ въ Англіи раздѣляется на пять главныхъ частей:

I. *Арестъ* лица, подозрѣваемаго въ преступленіи (Arrest of the person of the delinquent). Арестъ производится въ округахъ Англіи по предписанію (warrant) мироваго судьи. Приказаніе арестовать, исходящее отъ главнаго судьи (Lord Chief Justice), или другаго судьи высшаго суда, Королевской Скамьи, распространяется на всю Англію.

Но приказаніе мироваго судьи одного округа арестовать лицо, находящееся въ другомъ округѣ, не можетъ быть

Digitized by Google

дѣйствительно, если актъ объ арестѣ не подписанъ мировымъ судьей этого послѣдняго округа.

Впрочемъ *шерифъ* (sheriff), *коронеръ* (coroner) (1), и даже частныя лица имѣютъ не только право, но и обязаны подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности арестовать преступника, уличеннаго на мѣстѣ преступленія, не дожидаясь особаго приказанія или разрѣшенія.

Немедленно послѣ ареста, мировой судья или шерифъ обязаны допросить обвиняемаго и разсмотрѣть сущность обвиненія. Если обвиненіе покажется имъ неосновательнымъ, *groundless*, то обвиняемый долженъ быть немедленно освобожденъ отъ ареста. Въ противномъ случаѣ, обвиняемый долженъ быть заключенъ въ тюрьму, *committed*, или обязанъ представить поручительство, *give bail*, въ томъ, что явится къ первому засѣданію уголовнаго суда. Обвиняемый подвергается тюремному заключенію или отдается на поруку, смотря по роду обвиненія и большей или меньшей достовѣрности въ совершеніи преступленія. Отвѣтственность въ случаѣ несправедливаго ареста, или неправильнаго освобожденія виновнаго, лежитъ исключительно на лицѣ, по приказанію котораго арестъ совершенъ или обвиняемый освобожденъ.

II. Вторую часть уголовнаго процесса въ Англіи составляетъ *письменное обвиненіе* противъ подозрѣваемаго лица, представляемое большому джюри, *indictment or written accusation*

(1) Въ послѣдствіи я надѣюсь поговорить подробнѣе о муниципальномъ учрежденіи Англіи. Теперь же я ограничусь только замѣчаніемъ, что *шерифъ* есть учрежденіе глубокой древности, и выбирался прежде народомъ. Но злоупотребленія, совершенныя шерифами, принудили правительство къ назначенію этихъ лицъ собственною властію. Шерифъ есть высшее административное учрежденіе въ округѣ. Онъ исправляетъ свою должность только одинъ годъ, и можетъ опять занять ее не прежде какъ черезъ два года послѣ перваго срока. На шерифѣ лежитъ обязанность собирать большой присяжный судъ (*grand jury*) и приводить въ исполненіе судебные приговоры. Въ Лондонѣ, по особой привилегіи, шерифы избираются городомъ (въ Сити два и въ Миддльсексѣ—одинъ). Въ помощь шерифу назначается *under-sheriff*.

Коронеръ (*coroner*) избирается мѣстными жителями и отправляетъ должность *пожизненно* (*for life*), но можетъ быть отставляемъ правительствомъ по неспособности и другимъ причинамъ. Число коронеровъ въ каждомъ округѣ неопредѣленно; въ нѣкоторыхъ округахъ бываетъ шесть коронеровъ, а въ другихъ только три. Обязанности коронера состоятъ почти исключительно въ осмотрѣ мертвыхъ тѣлъ и производствѣ слѣдствія по всѣмъ случаямъ скоропостижной смерти.

Digitized by Google

againt the acoused to the grand jury. Большое джюри сбирается въ каждомъ округѣ шерифомъ и состоитъ не менѣе какъ изъ 12 и не болѣе 23 почтенныхъ гражданъ (good and lawful men). Если большое джюри находитъ обвиненіе неосновательнымъ, то дѣлаетъ на актѣ обвиненія надпись: «*несправедливый актъ*» (not a true bill или not found). Въ противномъ случаѣ дѣлается надпись: «*справедливый актъ*» (a true bill), но для этого надо согласіе не менѣе двѣнадцати присяжныхъ. Такимъ образомъ въ Англіи никто не можетъ быть обвиненъ въ капитальномъ преступленіи, *capital charge*, безъ приговора 24 его согражданъ, то-есть большинства большаго джюри, признающаго обвиненіе основательнымъ и единственнымъ заключеніемъ малаго джюри (12 человѣкъ), признающимъ обвиняемаго виновнымъ, или невиновнымъ (1).

III. Третья часть уголовнаго процесса заключается *въ допросѣ обвиняемаго въ судѣ* (arraignement of the prisoner, or calling him to the bar of the court).

IV) Четвертая часть процесса состоитъ въ *приговорѣ суда* (judgment).

Эти двѣ части уголовнаго процесса почти совершенно совпадаютъ со способомъ разсмотрѣнія гражданскаго процесса, о чемъ я говорилъ въ предыдущемъ письмѣ. Въ этомъ отношеніи существенное различіе между гражданскимъ и уголовнымъ процессомъ состоитъ въ томъ, что мѣсто истца (plaintiff) въ уголовномъ дѣлѣ занимаетъ *адвокатъ, преслѣдующій преступленіе и защищающій интересы общества* (counsel for the prosecution) *или генеральный атторней* (attorney general).

Обвиняемаго приводятъ въ судъ безъ оковъ и цѣпей, и засѣданіе открывается чтеніемъ обвинительнаго акта. Послѣ того клеркъ спрашиваетъ обвиняемаго, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, или нѣтъ. Если обвиняемый признаетъ себя виновнымъ, то суду не остается болѣе ничего дѣлать, какъ примѣнить законъ къ факту. Но на практикѣ этого никогда не бываетъ, и вопросъ, предлагаемый подсудимому, составляетъ только остатокъ древней формальности, которою начинаются пренія.

---

(1) Въ послѣднее время были, какъ извѣстно, предпринимаемы попытки къ уничтоженію большаго джюри, какъ излишней формальности. Но попытки эти, признанныя посягательствомъ на одно изъ освященныхъ конституціей правъ народа, были отвергнуты общественнымъ мнѣніемъ и парламентомъ.

Digitized by Google

Послѣ объявленія подсудимаго о своей невиновности, его спрашиваютъ, имѣетъ ли онъ причины къ отводу кого-нибудь изъ присяжныхъ. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, клеркъ приводитъ каждаго изъ присяжныхъ поочереди къ присягѣ. Онъ обращается къ каждому изъ присяжныхъ, и къ каждому свидѣтелю съ вопросомъ, который я такъ часто слышалъ, что помню его наизусть: «*Will you swear*, спрашиваетъ клеркъ присяжнаго, *truly to try and true delivery make, between our Sovereign Lady the Queen and the prisoner at the bar, and a true verdict to give, according to the evidence?*» (Клянетесь ли вы вѣрно разобрать и вѣрно порѣшить между нашею государынею королевою и арестантомъ и дать вѣрный приговоръ, согласно съ доказательствами?) Обращаясь къ свидѣтелю, клеркъ говоритъ: *Will you swear between our Sovereign Lady the Queen and the prisoner at the bar to tell the truth, the whole truth, and nothing but truth and so help you God?* (Клянетесь ли вы въ дѣлѣ между нашею государынею королевою и арестантомъ, сказать истину, всю истину, и только истину, и такъ да поможетъ вамъ Богъ?) Затѣмъ присяжный или свидѣтель молча цѣлуетъ Евангеліе, и этимъ заключается обрядъ присяги.

Система *допроса* (examination) и *передопроса свидѣтелей* (cross examination) совершенно одинакова, какъ въ уголовномъ, такъ и въ гражданскомъ процессѣ.

Адвокатъ, преслѣдующій преступленіе, предлагаетъ вопросы сообразно съ данными, которыя онъ имѣетъ для обвиненія, а, напротивъ, адвокатъ подсудимаго дѣйствуетъ конечно въ видахъ его оправданія.

Послѣ допроса, адвокатъ подсудимаго говоритъ защитительную рѣчь, а адвокатъ, преслѣдующій преступленіе, въ иныхъ случаяхъ возражаетъ ему. Но послѣднее слово принадлежитъ всегда подсудимому, то-есть его адвокату, который приводитъ доказательства хорошаго поведенія, доброй нравственности, или вообще какія-нибудь смягчающія вину подсудимаго обстоятельства.

Затѣмъ судья дѣлаетъ *выводъ* изъ всего предыдущаго, *the judge sums up*, какъ и въ гражданскомъ процессѣ, объясняетъ присяжнымъ въ чемъ состоитъ, по его мнѣнію, вопросъ факта, и какой законъ долженъ быть къ нему примѣненъ.

По выслушаніи судьи, присяжные удаляются для совѣщанія, и возвращаются послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени съ приговоромъ о *виновности* (guilty) или *невинов-*

Digitized by Google

ности (not guilty) подсудимаго. Приговоръ присяжныхъ долженъ быть непремѣнно *единогласный*, иначе, то-есть въ случаѣ разныхъ мнѣній, присяжные распускаются (the jury is discharged), и дѣло разсматривается вновь, съ другими присяжными.

Если присяжные признаютъ обвиняемаго невиновнымъ, то онъ немедленно освобождается отъ заключенія. Въ противномъ случаѣ обвиняемый признается *преступникомъ* (convicted), и судья примѣняетъ, по своему усмотрѣнію, законъ къ факту (judgment). Хотя присяжные, признавая подсудимаго виновнымъ, и объявляютъ иногда притомъ смягчающія вину его обстоятельства, или просятъ оказать ему милосердіе (recommend to mercy), но судья этимъ нисколько не стѣсняется и можетъ примѣнить наказаніе исключительно по своему усмотрѣнію. Въ этомъ заключается, между прочимъ, одно изъ существенныхъ различій между французскимъ и англійскимъ судомъ присяжныхъ.

V. Наконецъ послѣднюю ступень въ уголовномъ процессѣ Англіи составляетъ *исполненіе* приговора суда (execution), которое совершается, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, шерифомъ или его помощникомъ.

Право помилованія принадлежитъ исключительно королевской власти и объявляется или по собственному усмотрѣнію королевы или ея совѣтниковъ (pardon), или по особому ходатайству судьи (reprieve).

Изъ этого краткаго очерка уголовнаго процесса Англіи легко можно вывести заключеніе, до какой степени обезпечены въ этой странѣ права каждаго члена общества на личное спокойствіе и независимость, и какія существенныя гарантіи принимаются для того, чтобы по какому-нибудь несчастному случаю не обвинить въ преступленіи лицо невинное.

Поэтому въ Англіи едва ли возможенъ случай приговора къ наказанію лица невиннаго вмѣсто дѣйствительнаго виновника преступленія, какъ это было недавно въ одномъ изъ городовъ Франціи (1).

Послѣ первоначальнаго изслѣдованія мироваго судьи и шерифа, послѣ признанія большимъ джюри обвиненія основательнымъ,

(1) Случай этотъ подробно описанъ въ *Журналѣ Министерства Юстиціи* за май 1860 года.

Digitized by Google

и наконецъ послѣ единогласнаго приговора двѣнадцати присяжныхъ малаго джюри, кажется, что послѣ всего этого, при всемъ несовершенствѣ человѣческой природы, едва ли возможна грубая и страшная ошибка въ приговорѣ.

Во всякомъ случаѣ можно смѣло сказать, что въ Англіи слѣдуютъ тому гуманному правилу, которое выражено было нашею великою законодательницей: лучше десять виновныхъ освободить чѣмъ одного невиннаго приговорить къ наказанію.

Притомъ въ Англіи во все время процесса, до самаго приговора, на подсудимаго смотрятъ болѣе какъ на человѣка невиннаго, и этимъ объясняется необыкновенная снисходительность въ обращеніи судьи и полицейскихъ властей съ подсудимымъ. Подсудимый, утрачивая временно драгоцѣнное право свободы, не теряетъ однако вмѣстѣ съ тѣмъ правъ на уваженіе его человѣческаго достоинства. Права эти пресѣкаются только съ приговоромъ, отдѣляющимъ преступника отъ общества и лишающимъ его не только чести и свободы, но въ иныхъ случаяхъ и самой жизни.

Въ прежнее время мнѣ очень часто случалось слышать и читать отзывы иностранцевъ о необычайномъ вліяніи, которое имѣетъ въ Англіи судья на присяжныхъ. Я едва не усвоилъ себѣ понятія, что англійскій судья нѣчто въ родѣ турецкаго султана, а присяжные—покорные его рабы. Но къ счастію я еще вовремя пріѣхалъ въ Англію и имѣлъ случай лично убѣдиться въ томъ, до какой степени мнѣніе это несправедливо.

Судья въ Англіи дѣйствительно пользуется, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить въ предыдущемъ письмѣ, огромною властію, но власть эта выражается исключительно въ примѣненіи закона къ факту и, конечно, не распространяется на присяжныхъ. Онъ дѣлаетъ только выводъ изъ обстоятельствъ дѣла, и выражая косвеннымъ образомъ мнѣніе свое по вопросу факта, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ бо́льшую или меньшую степень вѣроятія въ совершеніи подсудимымъ преступленія.

Но въ какой степени присяжные стѣсняются мнѣніемъ судьи, можно будетъ видѣть изъ того замѣчательнаго процесса, на которомъ я присутствовалъ въ Гертфордѣ, и который будетъ описанъ мною въ послѣдствіи. Можно положительно сказать, что англійскіе присяжные дѣйствуютъ безусловно по собственному убѣжденію, не стѣсняясь ни мнѣніемъ судьи, ни рѣчами адвокатовъ.

Самая цѣль дѣлаемаго судьею вывода состоитъ вовсе не въ

Digitized by Google

томъ, чтобъ убѣдить присяжныхъ въ извѣстномъ мнѣніи, но единственно въ томъ, чтобы разъяснить имъ темную сторону дѣла и показать, какой законъ долженъ быть примѣненъ къ преступленію, въ случаѣ если они признаютъ его дѣйствительность.

Между присяжными, выбираемыми по жребію, могутъ встрѣтиться люди или вовсе не знакомые или по крайней мѣрѣ мало знакомые съ законами страны своей. За нѣкоторыя, повидимому весьма незначительныя преступленія, законъ опредѣляетъ иногда весьма строгое наказаніе, почему судья обязанъ разъяснить присяжнымъ, какой результатъ долженъ или можетъ произойдти вслѣдствіе признанія или отрицанія ими дѣйствительности извѣстнаго факта.

Въ подтвержденіе выраженнаго мною мнѣнія о сущности дѣлаемаго судьею вывода, сошлюсь на авторитетъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ адвокатовъ Англіи. Будучи защитникомъ двухъ подсудимыхъ по одному весьма важному процессу, Эрскинъ (1), въ заключеніе защитительной рѣчи, обратился къ присяжнымъ съ слѣдующими замѣчательными словами: «Присяжные, сказалъ онъ, должны всегда со вниманіемъ и уваженіемъ выслушивать мнѣніе судьи, но они обязаны разсмотрѣть это мнѣніе такъ же строго, какъ и мнѣніе адвоката. Присяжные не могутъ и не должны забывать, что судья такой же человѣкъ, какъ и они сами, и потому, конечно, не изъятъ отъ несовершенствъ человѣческой природы. Я говорю это не для того, заключилъ Эрскинъ, чтобы внушить вамъ недовѣріе къ тому объясненію, которое будетъ дано вамъ благороднымъ и ученымъ судьей, отличающимся своимъ безпристрастіемъ (2), но для того, чтобы предохранить васъ отъ всякаго увлеченія.»

Независимо отъ всего, что̀ я сказалъ о характерѣ англійскаго уголовнаго суда, нельзя не замѣтить, что въ Англіи нѣтъ той постоянной и упорной борьбы, которая существуетъ въ другихъ странахъ Европы между обвинителемъ и защитникомъ подсудимаго. Я былъ свидѣтелемъ подобной борьбы въ Пруссіи и Бельгіи, и знаю по журналамъ о ея существованіи во Франціи.

---

(1) Erskine's defence of Perry and Lambert.
(2) Лордъ Кеніонъ (Lord Kenyon).

Digitized by Google

Въ этихъ государствахъ, прокуроръ и защитникъ подсудимаго большею частію находятся въ отношеніяхъ личной непріязни. Причина этой непріязни весьма понятна. Прокуроръ обязанъ по закону непремѣнно доказывать виновность подсудимаго, хотя онъ иногда и не имѣетъ такого убѣжденія.

Въ случаѣ оправданія подсудимаго, прокуроръ *проигрываетъ дѣло*, и если это случается часто, то самолюбіе его страдаетъ, и кромѣ того онъ можетъ утратить довѣріе къ нему правительства.

Между тѣмъ въ Англіи представитель государства, то-есть *attorney, general* или адвокатъ, преслѣдующій преступленіе, *counsel for the prosecution*, обнаруживаютъ только тѣ обстоятельства, которыя, по ихъ мнѣнію, служатъ бо́льшимъ или меньшимъ доказательствомъ совершенія преступленія, и настаиваютъ на обвиненіи только въ томъ случаѣ, если они имѣютъ убѣжденіе въ виновности подсудимаго.

Затѣмъ судья дѣлаетъ выводъ всѣмъ вообще обстоятельствамъ дѣла, и такимъ образомъ присяжные имѣютъ передъ собою возможно-полную истину.

Въ Англіи судья пользуется всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, и потому общество считаетъ совершенно излишнимъ учреждать особаго опекуна, извѣстнаго въ другихъ странахъ Европы подъ названіемъ *прокурора*.

Наконецъ въ англійскомъ уголовномъ процессѣ нѣтъ той возмутительной инквизиціи, которая производится во Франціи судьею надъ обвиняемымъ. Допросъ подсудимаго не допускается въ Англіи. Только въ случаѣ крайней необходимости судья обращается съ вопросомъ къ самому подсудимому, но большею частію онъ не только не заставляетъ его говорить, а даже приглашаетъ хранить молчаніе, если подсудимый собственнымъ показаніемъ некстати содѣйствуетъ обвиненію.

Законъ предоставляетъ всю тяжесть доказательствъ обвинителямъ и не допускаетъ подсудимаго безсознательно налагать на себя руку.

Эта система предотвращаетъ возможность вызвать подсудимаго на разнорѣчивыя показанія, которыя могутъ погубить его, несмотря на его невинность.

Digitized by Google

IV.

> To the ambulatory administration of justice we have owed the uniformity of our common law, which would otherwise have been split into a multitude of local customs; and we still owe to it the assurance, which is felt by the poorest and mort remote inhabitant of England that his right is weighed by the same incorrupt and acute understanding, upon which the decision of the highest questions is reposed (1). (*Hallam.*)

Я выше замѣтилъ, что въ судебномъ отношеніи Англія раздѣлена на 8 главныхъ округовъ. Объѣзды совершаются предсѣдателями (Lords Chief Justices, Chief Baron) и судьями (Judges) 3-хъ высшихъ судовъ общаго закона, за исключеніемъ одного судьи, остающагося въ Лондонѣ для разрѣшенія дѣлъ текущихъ, то-есть всего четырнадцатью судьями.

Въ каждый округъ отправляются двое судей за исключеніемъ двухъ округовъ герцогства Валлійскаго, для которыхъ одинъ судья считается достаточнымъ.

Въ остальныхъ шести округахъ оба судьи засѣдаютъ одновременно: одинъ въ уголовномъ судѣ (Court of Assizes) и другой въ гражданскомъ судѣ (Court at Nisi Prius).

Судья, предсѣдательствовавшій въ уголовномъ судѣ одного города округа, засѣдаетъ въ слѣдующемъ городѣ въ гражданскомъ судѣ, и обратно.

---

(1) Учрежденію странствующаго суда мы обязаны единствомъ нашихъ законовъ, которые въ противномъ случаѣ раздробились бы на множество мѣстныхъ правилъ; этому учрежденію мы также обязаны тѣмъ, что самый бѣдный и самый отдаленный житель Англіи ободренъ увѣренностію, что его права взвѣшиваются на тѣхъ же точныхъ и неподкупныхъ вѣсахъ, на которыхъ зиждется разрѣшеніе самыхъ важныхъ судебныхъ вопросовъ. *Hallam*, авторъ сочиненія: *History constitution of England 2 Middle Ages*, p. 463 (5-th edit.).

Digitized by Google

Судья, предсѣдательствующій въ уголовномъ судѣ, облачается въ пурпуровую мантію, но въ гражданскомъ трибуналѣ судья сохраняетъ свою обыкновенную одежду.

Обыкновенно объѣзды продолжаются не болѣе одного мѣсяца. Въ настоящемъ году они начались 4 іюля и должны кончиться 11 августа.

Я выше замѣтилъ, что я былъ только въ двухъ судебныхъ округахъ, именно сперва въ ближайшемъ къ Лондону округѣ (*Home Circuit*), въ городѣ Гертфордѣ, и потомъ въ Оксфордскомъ округѣ, въ городѣ Оксфордѣ.

Въ печатномъ листкѣ о времени и мѣстахъ объѣзда было означено, что судъ ассизовъ будетъ открытъ въ Гертфордѣ 10 іюля. Поэтому я выѣхалъ изъ Лондона 10-го іюля съ первымъ поѣздомъ желѣзной дороги и пріѣхалъ въ Гертфордъ въ 11 часовъ утра.

Гертфордъ маленькій, но хорошенькій городокъ, отличается необыкновенною чистотой и имѣетъ не болѣе четырехъ или пяти улицъ. Въ этотъ день городъ имѣлъ совершенно праздничный видъ. Толпы народа бродили по улицамъ; мущины въ черныхъ костюмахъ и дамы въ нарядныхъ платьяхъ. Близъ дома шерифа огромная толпа мальчишекъ ожидала повидимому съ большимъ нетерпѣніемъ чего-то необычайнаго. Я долго не могъ придумать, что̀ изъ всего этого выйдетъ, потому что не имѣлъ понятія о встрѣчѣ судьи въ маленькихъ городахъ Англіи. Наконецъ недоразумѣніе мое разъяснилось.

Въ 1½ по-полудни къ дому шерифа подъѣхала великолѣпная четырехмѣстная карета, украшенная гербами города и запряженная четверкою превосходныхъ сѣрыхъ лошадей. Темныя гривы лошадей были убраны бѣлыми и алыми атласными лентами. Кучеръ и два лакея на запяткахъ одѣты были въ торжественные средневѣковые костюмы.

Черезъ четверть часа шерифъ и начальникъ городской тюрьмы (Governor of the prison) въ парадной формѣ сѣли въ карету и отправились встрѣчать судью на станціи желѣзной дороги. Впереди кареты шли два трубача, съ обѣихъ сторонъ ея по пятнадцати полисменовъ въ полной формѣ.

Въ другой, менѣе парадной каретѣ ѣхали помощникъ шерифа и прочія власти города.

Я думалъ, что оба судьи, назначенные въ ближайшій округъ, пріѣдутъ въ Гертфордъ вмѣстѣ. Но оказалось, что въ этотъ день пріѣхалъ только судья Блакборнъ (Blackburn), назначен-

Digitized by Google

ный для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, а предсѣдатель суда Королевиной Скамьи, лордъ Кокборнъ, разсматривавшій гражданскіе процессы, пріѣхалъ только на другой день.

Блакборнъ былъ облаченъ въ пурпуровую мантію и имѣлъ на головѣ огромный напудренный парикъ.

При встрѣчѣ его, шерифъ, всѣ власти города и народъ, въ числѣ котораго находился и я, всѣ сняли шляпы, то-есть оказали ему честь, которая отдается въ Англіи только королевѣ.

Блакборнъ сѣлъ въ карету съ шерифомъ и начальникомъ тюрьмы, и торжественная процессія продолжалась въ томъ же порядкѣ до городскаго суда. Въ судѣ Блакборнъ пробылъ не долго. Клеркъ прочелъ только списокъ подсудимыхъ и свидѣтелей, и объявилъ, что засѣданіе начнется завтра въ 9 часовъ утра. Затѣмъ судья уѣхалъ въ назначенную для него въ домѣ шерифа квартиру; толпы народа скоро разошлись, и городъ принялъ свой обычный, тихій и спокойный видъ.

При встрѣчѣ судьи въ Гертфордѣ, я былъ пораженъ страннымъ сочетаніемъ древней торжественности съ простотой нашего времени.

Внѣшняя торжественность въ судебныхъ процессахъ выражаетъ только уваженіе къ древнимъ обычаямъ и прошедшему времени, съ которымъ такъ тѣсно связаны всѣ учрежденія современной Англіи.

Несмотря на великолѣпіе экипажа и костюмовъ, несмотря на конвой полисменовъ, окружавшихъ карету, и величественный видъ судьи, въ торжественной встрѣчѣ Блакборна ясно обнаруживался тотъ *домашній* порядокъ, о которомъ я упоминалъ, описывая засѣданіе одного изъ высшихъ судовъ. Толпы мальчишекъ окружали карету, и, пробираясь между полисменами, ласкали лошадей, поправляли безъ всякой надобности упряжь, и вообще наслаждались отъ души праздникомъ, который доставался на ихъ долю въ день въѣзда ассизнаго суда.

Гертфордская процессія окончилась мирно, тихо и спокойно.

Это, повидимому, ничтожное обстоятельство тѣмъ не менѣе произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе. Но впечатлѣніе это было скоро изглажено невольнымъ воспоминаніемъ о торжественныхъ процессіяхъ, которыя мнѣ случалось видѣть въ другихъ мѣстахъ. Въ воображеніи моемъ воскресли возмутительныя сцены брани и побоевъ, наносимыхъ полицейскими въ подобныхъ случаяхъ тѣмъ отверженцамъ, кото-

Digitized by Google

рые слывутъ въ кругу извѣстной свѣтской молодежи подъ французскимъ именемъ de la canaille. Впрочемъ я не долго находился подъ вліяніемъ этихъ философскихъ идей. Физическое чувство голода заставило меня обратиться изъ темной области философіи къ ясной дѣйствительности, и чрезъ нѣсколько времени я совершенно успокоился, остановившись на той положительной мысли, что все дѣлается такъ какъ слѣдуетъ, сообразно съ нравами и понятіями жителей.

На другой день послѣ въѣзда судьи зала гертфордскаго уголовнаго суда была наполнена зрителями и адвокатами, собравшимися въ 9 часовъ утра. Множество клерковъ и свидѣтелей помѣщены были предъ каѳедрой судьи, въ центрѣ залы. Галлереи были до такой степени наполнены публикою, что, опоздавши четверть часа, я никакъ не могъ найдти себѣ тамъ мѣста. Я начиналъ тревожиться мыслію, что поѣздка моя въ Гертфордъ ограничится зрѣлищемъ въѣзда судьи въ городъ. Наконецъ я придумалъ весьма простое средство, которое доставило мнѣ возможность пробраться въ судъ. Я показалъ полисмену свою визитную карточку, обозначавшую мою профессію. Полисменъ отправился съ этою карточкой къ помощнику шерифа, и черезъ нѣсколько минутъ я получилъ отличное мѣсто между адвокатами и свидѣтелями.

Въ первый день засѣданія рѣшены были четыре дѣла, не отличавшіяся особеннымъ интересомъ. Четверо подсудимыхъ обвинены были въ различнаго рода кражѣ. Такъ одинъ былъ обвиненъ въ похищеніи мѣшка съ шерстью, а другой въ кражѣ двухъ ножей и вилки. По всѣмъ этимъ дѣламъ присяжные признали подсудимыхъ виновными (guilty), и судья объявилъ приговоры, поразившіе меня своею строгостію. Сколько я помню, самое легкое наказаніе заключалось въ годичномъ тюремномъ заключеніи съ тяжелою работой (hard labour). Впрочемъ я не имѣлъ терпѣнія вынести жара и давки и пробылъ въ судѣ не болѣе двухъ часовъ, почему и не имѣю полнаго понятія объ упомянутыхъ процессахъ. Весьма можетъ быть, что при подробномъ разсмотрѣніи дѣла обнаружились такія обстоятельства, которыя значительно увеличивали вину преступниковъ.

Выйдя изъ суда, я отправился обозрѣвать городъ, который успѣлъ уже впрочемъ осмотрѣть наканунѣ. Когда я проходилъ мимо городской тюрьмы, мнѣ внезапно пришла въ голову мысль осмотрѣть ее, чтобъ имѣть понятіе о тюрьмахъ въ маленькихъ

Digitized by Google

городахъ Англіи. Но вспомнивъ, съ какою трудностію я досталъ позволеніе осмотрѣть лондонскія тюрьмы, я имѣлъ весьма слабую надежду на успѣхъ своего предпріятія. Тѣмъ не менѣе, ободряемый простодушіемъ англійскихъ нравовъ, съ которыми успѣлъ отчасти свыкнуться, и обольщаемый видомъ ручки колокольчика у воротъ тюрьмы, я рѣшился позвонить. Тюремный сторожъ, отворившій дверь, объявилъ мнѣ, что безъ дозволенія начальника осмотрѣть тюрьму невозможно. Начальникъ тюрьмы, котораго я отыскалъ въ судѣ, принялъ меня очень любезно, извинился, что по случаю засѣданія суда ассизовъ не можетъ самъ показать мнѣ тюрьму, и далъ мнѣ немедленно разрѣшеніе осмотрѣть ее во всѣхъ подробностяхъ.

Тюрьму я осматривалъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и былъ пораженъ необыкновенною чистотой, удобствомъ и порядкомъ, которыми она отличается. Такъ какъ тюрьма эта устроена по всѣмъ правиламъ пенитенціарной системы, то я поговорю о ней въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ описаніемъ устройства Пентонвильской и Ньюгетской тюремъ въ Лондонѣ.

На слѣдующій день, то-есть 12-го іюля, зала гертфордскаго суда была еще болѣе наполнена публикой, чѣмъ наканунѣ. Въ этотъ день судились три земледѣльца, по обвиненію въ недозволенной охотѣ ночью въ чужомъ лѣсу, въ убійствѣ лѣснаго сторожа Сибрука и нанесеніи ранъ его помощнику Куку.

Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же процессѣ соединены были два преступленія, совершенныя тѣми же самыми лицами.

Но при этомъ конечно разумѣлось, что, въ случаѣ признанія подсудимыхъ виновными въ главномъ преступленіи, второе обвиненіе должно было уничтожиться само собою, такъ какъ главное преступленіе влекло за собою смертную казнь.

Подробное изложеніе этого интереснаго и сложнаго процесса потребовало бы слишкомъ много времени и не соотвѣтствовало бы цѣли моихъ замѣтокъ. Я ограничусь только указаніемъ на сущность дѣла и на способъ его разрѣшенія, который служитъ довольно сильнымъ подтвержденіемъ мнѣнія моего о характерѣ суда присяжныхъ въ Англіи.

Въ этомъ дѣлѣ обстоятельство о совершеніи убійства не подлежало никакому сомнѣнію. Въ лѣсу найдено было тѣло убитаго сторожа *(corpus delicti)*, и ружье, изъ котораго послѣдовалъ выстрѣлъ, палка и платокъ, принадлежавшіе подсудимымъ.

Digitized by Google

Но такъ какъ убійцы не были пойманы на мѣстѣ преступленія, то слѣдовало прежде всего убѣдиться въ тождествѣ подсудимыхъ съ виновниками преступленія, и потомъ разъяснить, кто былъ главный виновникъ, и находились ли всѣ трое подсудимыхъ въ сообществѣ для совершенія преступленія.

Адвокатъ, преслѣдовавшій обвиняемыхъ, доказывалъ, что убійство Сибрука было умышленное, а не случайное; что нѣкоторыя вещи, какъ напримѣръ ружье и палка, найденныя на мѣстѣ преступленія, оказались принадлежащими двумъ изъ обвиняемыхъ; по показанію окольныхъ жителей, обвиняемые находились въ день совершенія преступленія въ лѣсу, куда они отправились съ ружьями; и наконецъ, по обстоятельствамъ дѣла вообще можно заключить, что земледѣлецъ Кенъ (Cain) былъ главнымъ виновникомъ, а два другіе сообщниками въ совершеніи убійства Сибрука. Послѣ обычнаго допроса (examination) и передопроса (cross examination) свидѣтелей, адвокатъ подсудимыхъ, г. Вуллетъ (1), обратился къ присяжнымъ съ защитительною рѣчью, произнесенною съ замѣчательнымъ чувствомъ и краснорѣчіемъ. Онъ прежде всего замѣтилъ, что обвиняемые можетъ-быть дѣйствительно виновны въ ночной недозволенной охотѣ въ чужомъ лѣсу и должны подлежать за это взысканію; но были ли они виновны въ умышленномъ совершеніи убійства—это другой вопросъ, разрѣшеніе котораго лежитъ на совѣсти присяжныхъ. По мнѣнію г. Вуллета, въ дѣлѣ не было никакихъ положительныхъ доказательствъ умышленнаго совершенія убійства. Напротивъ можно съ большею достовѣрностію заключить, что одинъ изъ обвиняемыхъ выстрѣлилъ для того, чтобы защититься отъ выпущенныхъ на нихъ лѣснымъ сторожемъ собакъ, но выстрѣлъ, по случаю темноты ночи, вмѣсто собакъ поразилъ смертельнымъ ударомъ Сибрука и ранилъ другаго сторожа. Затѣмъ г. Вуллетъ, представляя присяжнымъ отсутствіе всякихъ доказательствъ въ сообщничествѣ подсудимыхъ для совершенія убійства, умолялъ ихъ произнести приговоръ не иначе какъ послѣ строжайшаго обсужденія всей темной стороны дѣла. Онъ напомнилъ имъ, что приговоръ о виновности повлечетъ за собою смертную казнь трехъ не-

(1) Адвокатовъ было трое, то-есть по одному для каждаго подсудимаго; я упоминаю только о лучшемъ изъ нихъ.

Digitized by Google

счастныхъ подсудимыхъ, находящихся еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. «Я молю Бога, заключилъ г. Вуллетъ, направить васъ къ милостивому и справедливому приговору.»

Послѣ этой рѣчи адвоката, судья по обыкновенію сдѣлалъ выводъ изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла (sumed up) и выразилъ притомъ довольно ясно мнѣніе свое по вопросу факта. Онъ замѣтилъ присяжнымъ, что имъ предстоитъ тяжелая обязанность, отъ исполненія которой не должны удерживать ихъ никакія мягкія чувства. Если, по ихъ убѣжденію, всѣ трое подсудимые или одинъ изъ нихъ совершилъ убійство, то они обязаны предъ своею страной прямо и положительно объявить приговоръ о виновности, не заботясь о послѣдствіяхъ такого приговора. Отвѣтственность за послѣдствія приговора будетъ лежать не на совѣсти присяжныхъ, но на законахъ страны. Представляя присяжнымъ всю важность настоящаго процесса, судья Блакборнъ убѣждалъ ихъ не избѣгать непріятной обязанности, которая на нихъ лежала. «Единственная забота ваша, заключилъ онъ, должна состоять въ томъ, чтобы придти къ дѣйствительному и правильному убѣжденію.»

Затѣмъ, послѣ вывода судьи, присяжнымъ вручили ружье и палку, найденныя на мѣстѣ преступленія, и они удалились для совѣщанія.

Во все время процесса, всѣ трое подсудимые обнаруживали необыкновенное спокойствіе, но послѣ вывода судьи двое изъ нихъ видимо измѣнились въ лицѣ и потеряли присутствіе духа. Только одинъ изъ подсудимыхъ, который предполагался главнымъ виновникомъ и былъ гораздо моложе другихъ, сохранилъ до самаго конца засѣданія замѣчательное хладнокровіе.

По выходѣ присяжныхъ, въ судѣ воцарилось то роковое молчаніе, которое обыкновенно наступаетъ въ эту торжественную минуту. Кажется, что каждый посторонній зритель невольно переноситъ себя въ то время на мѣсто самого подсудимаго и раздѣляетъ отчасти томительное мученіе, раздирающее душу обвиняемаго при неизвѣстности о будущей судьбѣ его.

Въ настоящемъ случаѣ всеобщее безпокойство было еще болѣе возбуждено, потому что, послѣ заключенія судьи, всѣ были заранѣе убѣждены въ приговорѣ о виновности всѣхъ или по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ одного изъ подсудимыхъ. Многіе, вѣроятно, думали уже о томъ, какъ бы не упустить минуты, когда судья надѣнетъ черную шапку и объявитъ страшный приговоръ.

Наконецъ чрезъ полчаса присяжные возвратились и объявили приговоръ *о невиновности* всѣхъ трехъ подсудимыхъ (not guilty).

Ропотъ удивленія раздался во всѣхъ концахъ залы суда при этомъ неожиданномъ объявленіи.

Затѣмъ судья объявилъ, что хотя подсудимые и признаны невиновными въ убійствѣ Сибрука, но они должны быть еще судимы по обвиненію въ ночномъ разбоѣ.

На это первый изъ присяжныхъ (Foreman of the jury) возразилъ, что присяжные пришли уже къ убѣжденію и по этому послѣднему обвиненію.

Но судья замѣтилъ, что можетъ-быть подсудимые изъявятъ желаніе быть судимы по обвиненію въ разбоѣ другими присяжными.

Подсудимые дѣйствительно изъявили это желаніе, и дѣло было отложено до слѣдующаго дня.

Перемѣна присяжныхъ не послужила однако въ пользу подсудимыхъ, и на другой день новые присяжные послѣ самаго краткаго совѣщанія признали ихъ виновными (guilty).

Тогда г. Блакборнъ обратился къ обвиненнымъ съ рѣчью, въ которой обнаружилась огромная власть, предоставленная въ Англіи судьѣ въ примѣненіи закона къ факту.

«Подсудимые, сказалъ г. Блакборнъ, вчера вы были судимы здѣсь по обвиненію въ убійствѣ лѣснаго сторожа Сибрука. Присяжные признали справедливымъ оправдать васъ, и я не имѣю права судить о томъ, имѣли ли они основаніе для такого приговора. Скажу только, что я не раздѣляю ихъ убѣжденія. Напротивъ, я убѣжденъ въ томъ, что одинъ изъ васъ убилъ Сибрука, а другой ранилъ Кука, съ заранѣе-обдуманнымъ намѣреніемъ, и что кровь перваго изъ нихъ лежитъ на душахъ вашихъ. Еслибы вы были признаны виновными, то я не задумываясь ни на одну минуту приговорилъ бы васъ къ смертной казни. Одинъ только изъ васъ троихъ не имѣлъ, по моему убѣжденію, непосредственнаго участія въ совершенномъ вами злодѣяніи. Теперь вы всѣ трое обвинены въ нарушеніи законовъ объ охотѣ и въ ночномъ разбоѣ, но я, конечно, не подвергну всѣхъ васъ равному наказанію. Въ такомъ серіозномъ дѣлѣ, я считаю священ-

Digitized by Google

нымъ долгомъ приговорить двухъ изъ васъ къ строгому наказанію, къ строжайшему изъ всѣхъ, какія только допускаются закономъ за подобнаго рода преступленія, а третьяго къ легчайшему.»

Затѣмъ судья объявилъ приговоръ, по которому Кенъ и Блисъ присуждаются въ каторжную работу (penal servitude) на четырнадцать лѣтъ, а Корвудъ подвергается тюремному заключенію на одинъ годъ.

Этимъ процессомъ заключилось засѣданіе суда ассизовъ въ Гертфордѣ.

Возвратившись изъ Гертфорда 12 іюля вечеромъ, я на другой день утромъ отправился съ первымъ поѣздомъ желѣзной дороги въ Оксфордъ.

Въ этотъ день судьба мнѣ особенно благопріятствовала. Въ судѣ ассизовъ, который былъ открытъ наканунѣ моего пріѣзда, я засталъ чрезвычайно интересный процессъ о покушеніи на дѣтоубійство. По окончаніи процесса, я успѣлъ осмотрѣть всѣ знаменитыя оксфордскія коллегіи, и по возвращеніи съ послѣднимъ поѣздомъ въ 11 часовъ вечера въ Лондонъ, нашелъ дома присланный мнѣ билетъ для входа въ нижнюю палату парламента. Я, конечно, воспользовался этимъ случаемъ и до двухъ часовъ ночи просидѣлъ въ парламентѣ, гдѣ въ тотъ вечеръ разсматривался вопросъ объ отношеніяхъ къ Китаю, и говорили всѣ знаменитые ораторы (1).

Процессъ, на которомъ я присутствовалъ въ Оксфордѣ, по своему содержанію и обстановкѣ удивительно походилъ на процессъ, описанный знаменитымъ авторомъ *Адама Бида*. Мнѣ казалось, что предъ судомъ стоитъ несчастная Гетти Соррель, и что въ числѣ зрителей находится нравственно убитый ея любовникъ.

Для тѣхъ, кто читалъ *Адама Бида*, слѣдовательно для большинства нашихъ читателей, процессъ этотъ представляетъ мало новаго. Потому я ограничусь только указаніемъ на характеристическую сторону оксфордскаго процесса.

Подсудимая, молодая служанка двадцати лѣтъ, *Анна Баркерсъ*, была обвинена въ покушеніи на убійство своего незаконнорож-

(1) Оксфордъ находится, какъ извѣстно, въ полутораста верстахъ отъ Лондона, и потому я успѣлъ сдѣлать все сказанное только благодаря экспрессамъ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Digitized by Google

деннаго ребенка, котораго она бросила въ колодезь. Колодезь былъ 134 фута глубины, но высохшій, и ребенокъ, пробывшій въ немъ около 38 часовъ, спасенъ былъ по какому-то особому чуду.

Обстоятельства, побудившія несчастную женщину къ такому ужасному злодѣянію, и способъ совершенія преступленія почти однородны съ обстоятельствами, описанными Эліотомъ.

Баркерсъ сказала своей теткѣ, что она идетъ въ другую деревню съ тѣмъ, чтобъ отдать ребенка кормилицѣ и поискать себѣ другаго мѣста.

Проходя чрезъ Берринскій лѣсъ (Berrin's wood), она увидѣла упомянутый колодезь, устроенный, какъ полагаютъ, еще во времена Римлянъ и отличающійся своею глубиной. 18-го истекшаго апрѣля вечеромъ подсудимая бросила въ него ребенка, и, возвратясь на другой день къ своей теткѣ, объявила ей, что ребенокъ отданъ ею кормилицѣ. Затѣмъ она отправилась опять, подъ предлогомъ искать себѣ мѣста, въ другую сосѣднюю деревню и тамъ говорила нѣкоторымъ знакомымъ, что ребенокъ ея нѣсколько дней тому назадъ умеръ. Такимъ образомъ о ребенкѣ ничего не было слышно въ теченіи почти двухъ сутокъ, когда 20 апрѣля, передъ вечеромъ, онъ былъ найденъ въ колодезѣ, по слѣдующему счастливому стеченію обстоятельствъ. Какой-то путешественникъ, незнакомый съ мѣстностію, проходя чрезъ Берринскій лѣсъ, встрѣтилъ тамъ одного изъ окольныхъ жителей, и вступивъ съ нимъ въ разговоръ, узналъ, что въ лѣсу этомъ есть знаменитый по своей древности колодезь. Путешественникъ изъявилъ желаніе осмотрѣть его, и они отправились туда вмѣстѣ.

Придя къ колодезю, они стали бросать въ него камушки, чтобъ измѣрить глубину его. Сперва они не слышали ничего кромѣ шума, происходившаго отъ паденія камушковъ. Но чрезъ нѣсколько времени они вдругъ услышали слабый крикъ, напоминавшій голосъ младенца.

Ни мало не медля, они возвратились въ деревню, и, взявши съ собою фонарь и веревку, въ скоромъ времени успѣли вытащить изъ колодезя несчастнаго ребенка Баркерсъ. Ребенокъ пролежалъ тамъ, какъ я уже сказалъ, около 38 часовъ и оказывалъ весьма слабые признаки жизни. Но благодаря заботамъ своихъ спасителей, онъ скоро ожилъ и сталъ понемногу пить молоко. На другой день онъ обнаружилъ необыкновенный голодъ

Digitized by Google

и жажду, которые едва могли быть удовлетворены, и въ скоромъ времени совершенно оправился.

Необыкновенный случай спасенія ребенка произвелъ на мѣстныхъ жителей потрясающее впечатлѣніе.

Ребенокъ Баркерсъ на рукахъ кормилицы присутствовалъ въ судѣ ассизовъ и былъ безсознательнымъ свидѣтелемъ ужаснаго позора своей матери. При чтеніи обвинительнаго акта, несчастная женщина упала въ обморокъ. Черезъ четверть часа она пришла въ себя, и засѣданіе продолжалось въ обычномъ порядкѣ. Всѣ спрошенные свидѣтели показали во всемъ согласно съ обвинительнымъ актомъ. Адвокатъ подсудимой, г. Гилъ, въ оправданіе ея приводилъ, что она въ потемкахъ наткнулась на колодезь и нечаянно уронила въ него ребенка. Затѣмъ судья Байльзъ сдѣлалъ выводъ обстоятельствамъ дѣла.

Онъ говорилъ такъ тихо и такимъ слабымъ голосомъ, что едва можно было разслышать. Онъ очевидно находился въ борьбѣ между состраданіемъ къ подсудимой и сознаніемъ долга.

Присяжные, послѣ самаго краткаго совѣщанія (минутъ пять), признали подсудимую *виновною*.

Тогда судья объявилъ ей, что, не желая увеличивать ея страданій, онъ скажетъ ей теперь же, что капитальное наказаніе не будетъ примѣнено къ ея преступленію; преступница не будетъ лишена жизни; но о томъ, какому наказанію она должна быть подвергнута, судья подумаетъ, и объявитъ приговоръ въ послѣдствіи времени.

Этимъ послѣднимъ процессомъ заключились мои судебныя наблюденія.

Различныя неудобства, сопряженныя съ путешествіемъ по округамъ Англіи, и желаніе познакомиться съ другими учрежденіями этой оригинальной страны, заставляютъ меня прекратить занятіе судебною частію.

Притомъ, черезъ десять дней объѣзды кончатся въ Англіи, наступятъ самыя длинныя судебныя вакаціи, продолжающіяся до ноября мѣсяца.

Настоящее письмо мое вышло гораздо длиннѣе чѣмъ я предполагалъ, и потому я рѣшаюсь отложить описаніе Пентонвильской, Ньюгетской и гертфордской тюремъ до будущаго времени.

Независимо отъ того, я надѣюсь въ послѣдствіи представить статистическія свѣдѣнія о ходѣ уголовныхъ дѣлъ и очеркъ муниципальнаго устройства Англіи.

Digitized by Google

Теперь я позволю себѣ, въ заключеніе настоящаго письма, сдѣлать общій выводъ о характерѣ англійскаго суда, какъ я его понимаю, и какъ понимаетъ его, вѣроятно, бо́льшая часть лицъ, имѣвшихъ случай познакомиться на практикѣ съ судебными учрежденіями Англіи.

При первоначальномъ обозрѣніи англійскаго законодательства, иностранецъ невольно поражается необыкновенною его сложностію и запутанностію, выражающимися во множествѣ муниципальныхъ и судебныхъ учрежденій, въ безчисленномъ количествѣ парламентскихъ и судебныхъ постановленій.

Приступая къ изученію какой бы то ни было отрасли англійскаго законодательства, иностранецъ входитъ, повидимому, въ темный лѣсъ, выросшій изъ земли безъ всякой системы и порядка. Основательное изученіе и правильное пониманіе англійскаго законодательства бываетъ плодомъ цѣлой жизни, посвященной неусыпнымъ трудамъ и занятіямъ. А потому смѣшонъ тотъ иностранецъ, который льститъ себя надеждой изучить безъ долговременнаго труда, во всѣхъ подробностяхъ, всѣ разнообразныя особенности англійскихъ учрежденій. Еще болѣе смѣшонъ долженъ казаться тотъ, кто, не проникшись духомъ основныхъ законовъ Англіи, имѣетъ достаточно самоувѣренности, чтобы порицать законодательство этой страны, основываясь на его сложности и запутанности.

Иностранецъ, приступающій къ изученію англійскаго законодательства, долженъ стараться какъ можно менѣе останавливаться на его сбивчивыхъ подробностяхъ. Трудъ его долженъ стремиться исключительно къ тому, чтобы скорѣе выбраться изъ этого тумана и найдти ту исходную точку, которая непремѣнно находится въ основаніи всякой отрасли учрежденій Англіи, и распространяетъ свѣтъ на всѣ остальныя вѣтви этого учрежденія.

При всей внѣшней неурядицѣ и запутанности, въ основаніи всякаго учрежденія Англіи лежитъ глубокая мысль, поражающая своимъ величіемъ и своею безукоризненною логичностью. Этимъ объясняется древность и постоянство всѣхъ учрежденій Англіи. Странность формы совершенно вознаграждается достоинствомъ содержанія. Внѣшняя оболочка не останавливаетъ вѣчнаго движенія мысли, и современное поколѣніе Англіи, управляемое вѣковыми учрежденіями своихъ предковъ, справедливо гордится тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ, ко-

Digitized by Google

торое оно занимаетъ въ ряду остальныхъ націй образованнаго міра. Отсюда ясно, что націи, развивавшіяся подъ иными условіями и подъ вліяніемъ непреложныхъ законовъ исторіи отставшія отъ передовой страны міра, не могутъ и не должны заимствовать внѣшнія и часто безобразныя формы безчисленныхъ учрежденій Англіи, не имѣя основъ, дающихъ смыслъ этимъ формамъ.

Всѣ приведенныя мною соображенія преимущественно относятся къ устройству и характеру англійскаго суда.

При описаніи судебныхъ учрежденій Англіи, необходимо прежде всего отрѣшиться отъ чиновнической привычки отыскивать раздѣленія суда на инстанціи, департаменты, отдѣленія и канцеляріи. Такія подробности только запутываютъ и безъ того уже слишкомъ сложное устройство англійскаго суда и не приводятъ ни къ какому результату. При такихъ подробностяхъ англійскій судъ кажется, какъ я уже замѣтилъ, темнымъ и громаднымъ лабиринтомъ. А между тѣмъ въ сущности онъ отличается необыкновенными *простотою* и *единствомъ*.

Для того чтобъ убѣдиться въ *простотѣ* англійскаго суда, надо прежде всего усвоить себѣ мысль, что въ Англіи, собственно говоря, нѣтъ присутственныхъ судебныхъ мѣстъ, какъ мы ихъ понимаемъ, но есть только *судья* и *присяжные*.

Эти два учрежденія, тѣсно связанныя между собою, составляютъ коренной и единственный судъ Англіи.

Этотъ судъ рѣшаетъ всѣ вопросы о правахъ *собственности, свободы* и *жизни* всякаго гражданина.

Этотъ судъ, основанія котораго теряются въ отдаленной древности, представляетъ собою величественное учрежденіе, обязанное своимъ существованіемъ не снисхожденію просвѣщеннаго правителя и не завоеванію кровавой революціи, но исключительно творческой силѣ исторіи.

Всѣ остальныя подраздѣленія суда представляютъ только внѣшнюю форму и не имѣютъ существеннаго значенія.

Хотя въ Англіи и существуетъ раздѣленіе суда на высшій и низшій, на судъ закона и справедливости, но въ сущности обязанности и значеніе судьи совершенно одинаковы.

Въ Англіи всѣ судьи безъ исключенія имѣютъ значеніе *блюстителей мира, justices of the peace*. Лордъ-канцлеръ, трое высшихъ судей, и всѣ вообще судьи представляются *мировыми* судьями въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Далѣе, чтобъ убѣдиться въ *единствѣ* англійскаго суда, стóитъ

Digitized by Google

только обратить вниманіе на устройство и характеръ объѣзднаго, или странствующаго суда.

Вся Англія подлежитъ суду однихъ и тѣхъ же судей, связанныхъ между собою возможно-одинаковыми понятіями, наукою и взаимнымъ довѣріемъ. Въ Англіи нѣтъ и не можетъ быть никакихъ мѣстныхъ законовъ. Законъ одинъ и тотъ же, для всѣхъ равный, безъ различія мѣста жительства, званія и состоянія. Судьи, совершающіе объѣзды, въ затруднительныхъ случаяхъ совѣщаются между собою, и, будучи членами высшихъ судебныхъ мѣстъ, могутъ, въ качествѣ апелляціоннаго суда, взаимно разсматривать обжалованное рѣшеніе одного изъ нихъ.

Кромѣ простоты и единства, англійскій судъ отличается своею *относительною справедливостію.*

Англійскій юристъ, удостоившійся званія судьи, отличается, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ предыдущемъ письмѣ, высокимъ юридическимъ образованіемъ и безкорыстіемъ. Глубокое знаніе законовъ предохраняетъ его по возможности отъ ошибки, которая впрочемъ, по несовершенству человѣческой природы, можетъ случиться вездѣ и всегда. Глубокое сознаніе долга и полная гласность, выражающаяся въ присутствіи публики при сужденіи дѣла и въ полной свободѣ печати, не дозволяютъ судьѣ злоупотребленія властію. Огромное содержаніе, получаемое отъ казны, обезпечиваетъ независимость судьи, а постоянная подвижность не допускаетъ его до связей съ мѣстными жителями. Англійскій судья, получающій до пятидесяти тысячъ рублей серебромъ годичнаго жалованья и переѣзжающій изъ одной части громадной столицы въ другую (изъ Вестминстера въ Гильдголъ) и потомъ путешествующій по всей Англіи, не доступенъ для подкупа и не имѣетъ тѣхъ связей, которыя обыкновенно образуются въ случаѣ постояннаго пребыванія судьи въ какомъ-нибудь небольшомъ округѣ или городѣ.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, англійскій судъ отличается своею *независимостію.*

Судъ составляетъ совершенно самостоятельное, независимое учрежденіе и пользуется въ своей области тѣми же правами, какъ власть законодательная или власть исполнительная.

Такимъ образомъ судья, отличаясь спеціяльнымъ образованіемъ и строгою честностію, и пользуясь матеріяльнымъ благосостояніемъ и полною независимостію, имѣетъ всѣ данныя для осуществленія *возможно-справедливаго суда.*

Digitized by Google

Наконецъ глубокое, всеобщее уваженіе, какимъ пользуется англійскій судья, даетъ ему ту нравственную силу, которая составляетъ основную гарантію для правильнаго и безкорыстнаго исполненія священныхъ его обязанностей.

Въ заключеніе, я приведу замѣчаніе знаменитѣйшаго изъ англійскихъ юристовъ, о которомъ я такъ часто имѣлъ случай упоминать. Англійское законодательство, говоритъ Блакстонъ, прежде всего отличается своимъ христіянскимъ характеромъ.

Я не берусь доказывать вѣрность этихъ словъ. Блакстону лучше кого другаго былъ извѣстенъ характеръ англійскаго законодательства; притомъ высокое юридическое образованіе давало ему возможность судить о законахъ своей страны сравнительно съ другими и съ возможнымъ безпристрастіемъ. Англичане вообще не страдаютъ тѣмъ болѣзненнымъ патріотизмомъ, который выражается въ безсознательномъ восхваленіи всего своего потому только, что оно свое. Тѣмъ менѣе подвержены этой болѣзни передовые люди Англіи, къ числу которыхъ принадлежалъ безъ сомнѣнія и Блакстонъ. Отдавая справедливость хорошей сторонѣ учрежденій страны своей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ безпощадною подробностію обличаетъ и дурную ихъ сторону. Онъ писалъ свои комментаріи не для прельщенія иностранцевъ, но для просвѣщенія собственной страны своей. Всякое излишнее восхваленіе, всякое сокрытіе малѣйшаго недостатка въ учрежденіяхъ Англіи, были бы не сообразны съ этою цѣлію.

Но, кто не имѣетъ довѣрія къ авторитету Блакстона и кто презрительно улыбнется при бѣгломъ чтеніи моихъ слабыхъ соображеній, тотъ можетъ по крайней мѣрѣ повѣрить положительнымъ фактамъ, извлеченнымъ мною изъ англійской судебной практики.

Я приводилъ довольно много фактовъ безъ всякихъ замѣчаній, находя ихъ совершеннымъ плеоназмомъ. Никто не станетъ доказывать, что бѣлый цвѣтъ дѣйствительно бѣлый, и что дерево дѣйствительно дерево. Фактъ говоритъ самъ за себя, и истина не можетъ быть отвергнута.

Я убѣжденъ въ томъ, что большинство читателей не назоветъ меня англоманомъ и пойметъ мысль мою относительно характера англійскихъ судебныхъ учрежденій. Я, конечно, не отвергаю, что и въ англійскомъ законодательствѣ, въ особенности въ гражданскихъ законахъ, есть свои, и даже

Digitized by Google

очень важные недостатки. Всѣмъ извѣстно, что, по несовершенству человѣческой природы, полная справедливость не осуществима на землѣ. Самый ярый англоманъ не станетъ, конечно, отвергать ту горькую истину, что въ Англіи, какъ и вездѣ, есть сильные и слабые, богатые и бѣдные, добрые и злые. Я не скрываю и того, что, говоря о судебныхъ учрежденіяхъ Англіи, я останавливался преимущественно на хорошихъ сторонахъ. Я принялъ эту систему, какъ потому, что, по моему мнѣнію, знакомство съ хорошею стороной какого бы то ни было учрежденія всегда полезнѣе знакомства съ дурною стороной его, такъ и въ особенности потому, что статья моя имѣетъ преимущественно характеръ возраженія противъ того неправильнаго и уродливаго понятія объ англійскомъ судѣ, которое распространяется иными иностранными писателями подъ вліяніемъ зависти или непониманія основныхъ законовъ Англіи.

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ было такъ много замѣчательныхъ статей объ Англіи и ея учрежденіяхъ, что большинство русскихъ читателей, конечно, хорошо знакомо съ основнымъ характеромъ учрежденій этой оригинальной страны. Въ англійскихъ учрежденіяхъ есть огромныя достоинства, передъ которыми ничтожно все, что̀ можетъ-быть найдется въ нихъ дурнаго, и которыя возбуждаютъ справедливое удивленіе большинства образованныхъ людей всего міра.

Жалки тѣ умы, которые, во тьмѣ своего невѣжества или въ туманѣ своихъ разнообразныхъ предразсудковъ, рѣшаются порицать величественное законодательство Англіи, и не умѣютъ отличить въ немъ тѣхъ безсмертныхъ признаковъ, которые составляютъ славу и могущество современнаго христіянскаго общества!

М. Зарудный.

Лондонъ,
$^{11}/_{23}$ іюля 1860 года.

Digitized by Google

ВЪ ОЖИДАНИИ ЛУЧШАГО

РОМАНЪ (1).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Черезъ нѣсколько недѣль, въ половинѣ мая, Катерина Александровна Алексинская въѣзжала въ свое помѣстье, въ двухъ стахъ верстахъ отъ Москвы, село Вознесенское, довольно живописно расположенное на берегу большаго пруда, почти озера, въ полугорѣ, и окруженное рощей, какъ слѣдуетъ, чтобы скрадывать какъ-нибудь некрасивость избъ вообще и избъ среднихъ губерній въ особенности. Катерина Александровна, впрочемъ, и не смотрѣла на свое помѣстье, подъѣзжая къ нему; она спала въ глубинѣ кареты, подставляя свое нѣжное личико въ батистовомъ чепчикѣ подъ струи теплаго и влажнаго ночнаго вѣтра. Туманная окрестность, поля, голубѣвшія въ полусвѣтѣ, странныя формы, которыя сумракъ придалъ всякому кусту, шалашу, дереву, сѣрая неясная тѣнь, скользящая между колесами кареты и краемъ дороги, за которой тихо шелестили посѣвы и въ нихъ вскрикивали птицы,—

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 14 и 15.

Digitized by Google

все это привлекало вниманіе горничной Насти, петербургской уроженки, видѣвшей деревню въ первый разъ въ жизни. Но это также скоро ей надоѣло и очень не понравилось. Она съ большою радостью увидѣла вдали мелькавшіе огоньки и узнала, что это Вознесенское. Оно не понравилось ей тоже, кромѣ большаго двухъ-этажнаго строенія, суконной фабрики,— именно самаго безобразнаго, какъ вообще всѣ строенія фабрикъ. Въ этомъ темномъ домѣ, съ длинными трубами и частыми окнами, столичная жительница нашла что-то родное.

Катерина Александровна не нашла и не искала ничего роднаго. Она проснулась только у крыльца, когда остановилась карета, вошла ничего не видя отъ огня, и сказала только, что ее закачало. Комнаты были убраны и освѣщены; ея спальня готова, потому что ее ждали. Настя проворно достала что было нужно изъ дорожныхъ мѣшковъ, и уложила въ постель госпожу свою.

Катерина Александровна не замѣтила, что ее высадилъ, почти вынулъ изъ кареты очень презентабельный господинъ, что онъ взвелъ ея на крыльцо и проводилъ въ комнаты, что она пожаловалась ему на свою усталость. Она не замѣтила ни его, ни своей разсѣянности, сколько отъ дорожной дремоты, столько и отъ невнимательности, общей почти всѣмъ свѣтскимъ женщинамъ, которыя внѣ своего кружка уже не считаютъ обязанностью на что-нибудь обращать вниманіе и съ кѣмъ-нибудь церемониться. Этотъ господинъ былъ Неяцкій, ея управляющій. Онъ воспитывался, служилъ прежде и былъ друженъ съ мужемъ Катерины Александровны, — но все-таки онъ былъ не болѣе какъ управляющій. Встрѣтивъ помѣщицу, онъ расплатился съ ямщиками, приказалъ убрать экипажъ, спросилъ объ ужинѣ для Насти и лакея, распорядился, чтобы вездѣ былъ вовремя погашенъ огонь, и ушелъ спать къ себѣ во флигель.

На другой день, Катерина Александровна встала очень поздно. Это произошло и отъ того, что, проснувшись, она спросила себя, что же будетъ она дѣлать весь день? Тишина и что-то нежилое кругомъ, несмотря на то, что все было красиво, даже роскошно, навели на нее тоску. Она рѣшила не вставать какъ можно долѣе, чтобы сократить день; но, спрятавъ голову въ подушку, она вспомнила, что такъ придется прожить много дней, и заплакала.

На деревнѣ мужики давно отобѣдали, когда Катерина Але-

Digitized by Google

ксандровна, окончивъ первый туалетъ, вышла въ маленькую гостиную, рядомъ съ уборной. Туда, чѣмъ свѣтъ, нанесли изъ оранжерей цвѣтовъ и деревьевъ и разставили ихъ съ такимъ вкусомъ, что хоть бы для столичной дачи. Дверь съ балкона въ садъ была отворена; въ воздухѣ пахло померанцевыми цвѣтами, бабочки кружились надъ кистями этихъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Какое-то вьющееся растеніе, дикій виноградъ или хмѣль, поднялось ужь довольно высоко отъ земли и заплело до половины рѣшотку балконной лѣстницы. Катерина Александровна вспомнила, что два года назадъ, когда она съ мужемъ провела здѣсь лѣто, ей понравилась эта комната, но тогда она не была убрана, потому что заняться ею было некогда. Съ горькою улыбкой припомнила она это «некогда» и другую отговорку, что «время военное, ополченіе, денегъ нѣтъ,»—все, что имѣлъ духу выговорить ей Николай Васильевичъ, сопровождая, впрочемъ, отговорки извиненіемъ и ласками. Теперь, гостиная была премило отдѣлана бѣлымъ деревомъ и драпирована суровою и розовою матеріей; въ ней даже былъ прелестный маленькій рояль, треугольникъ, хотя музыкальныя познанія Катерины Александровны никакъ не шли далѣе транскрипцій Бейера и Гюнтена...

«Онъ убралъ мнѣ келью... на вѣкъ!» подумала она, садясь, съ намѣреніемъ наплакаться, на покойнѣйшій изъ диванчиковъ, когда-либо сотворенныхъ руками обойщика.

Ей помѣшалъ плакать завтракъ и чай, и Настя, безпрестанно входившая съ вопросами о помѣщеніи всѣхъ навезенныхъ изъ Москвы нарядовъ, принадлежностей предполагаемыхъ работъ, связки книгъ, которыя предполагалось прочитать въ деревнѣ. Катерина Александровна приказала положить все «покуда здѣсь, на глазахъ,» обѣщая все это разсмотрѣть и всѣмъ этимъ заняться.

— Да еще, сказала Настя, заваливъ рояль кружевами и лентами, и не зная куда дѣвать оставшуюся въ рукахъ картонку:— Михаилъ Никаноровичъ спрашиваетъ, угодно ли вамъ его принять.

— Кто это?.. Поставь, просто, на полъ, разберемъ послѣ... Кто это спрашиваетъ?

— Михаилъ Никаноровичъ. Мнѣ такъ сказали... Управляющій должно-быть.

— Ахъ, да! управляющій, Неряцкій. Что ему нужно?

— Я не знаю.

Digitized by Google

— Вели узнать. Гдѣ онъ?

— Не знаю; въ залѣ должно-быть дожидается.

— Вели спросить, что̀ ему нужно.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда Катерина Александровна, уступая деревенскому воздуху и забывъ слезы, разбивала яйцо въ смятку, Настя явилась съ отвѣтомъ, что управляющему ничего не нужно, а что онъ, просто, желалъ бы видѣть Катерину Александровну.

— Чѣмъ свѣтъ! сказала она, оглядываясь на часы, которые, не заведенные, давно стали: — это онъ поздравить съ пріѣздомъ... Я не одѣта... впрочемъ, все равно. Скажи, что можетъ придти.

Пока выходила Настя, Катерина Александровна накинула что-то широкое, бѣлое, кашемировое сверхъ своего бѣлаго пеньюара и продолжала кушать. Отворилась дверь изъ другихъ комнатъ, и вошелъ Неряцкій.

Неряцкій былъ одѣтъ безукоризненно, высокъ ростомъ, держался прямо по военной привычкѣ и казался старѣе своихъ тридцати шести лѣтъ, отъ просѣди, которая проглядывала въ его густыхъ черныхъ волосахъ, и загара, отъ котораго уцѣлѣлъ только его лобъ. Катеринѣ Александровнѣ почему-то показалось, что эта большая фигура затѣснила комнату.

— Monsieur Неряцкій, je suis charmée, сказала она, приподнявшись и садясь опять.

— Извините, я васъ обезпокоилъ, сказалъ онъ, взявъ стулъ и садясь безъ приглашенія.—Вы устали съ дороги? какъ ваше здоровье?

— Я всегда здорова, mercі.

— Нѣтъ, два года назадъ, когда вы жили здѣсь, вамъ надо было хорошенько поправиться. Я и теперь удивился, когда Николай написалъ, что вы намѣрены пріѣхать сюда на лѣто, я думалъ, вы за границу. Нынче всѣ разъѣздились.

— Ахъ, да! Mais, c'est qu'il y a tant de personnes souffrantes, всѣ спѣшатъ хотя немного воспользоваться, поправить здоровье.

— Кромѣ здоровья, есть еще много что̀ поправлять, возразилъ вскользь Неряцкій: — зачѣмъ Николай къ намъ не пріѣхалъ? Я ему писалъ, и еще два раза. Странный человѣкъ вашъ мужъ. Что̀ такое его служба? Какой-такой его московскій департаментъ, что ужь нельзя ему взять отпуска, сюда заглянуть? Гдѣ онъ будетъ прохлаждаться лѣтомъ?

Digitized by Google

— Въ подмосковной, я думаю, отвѣчала Катерина Александровна.

— Ну, вотъ, извольте: что̀ за заботы о подмосковной? Тамъ довольно и старосты.

— Но здѣсь онъ ужь совершенно покоенъ, потому что здѣсь—вы, сказала Катерина Александровна.

— Положимъ, я исправный староста, возразилъ Неряцкій:— но теперь время подумать о вещахъ какъ-нибудь посеріознѣе. Онъ завѣтреничалъ, Николай. Попалъ въ эту аристократію, которая въ деревнѣ видитъ только доходъ и ничего дальше, и самъ, кажется, набрался такихъ понятій. Онъ, можетъ-быть, и не пріѣхалъ потому, что я обѣщался все это отпѣть ему при свиданіи.

Катерина Александровна смутилась немного.

— Не знаю, сказала она: — онъ ничего не говорилъ объ этомъ. Я придумала поѣздку и... даже не звала его съ собою... Mais ne désirez-vous pas manger un morceaux, Mr. Неряцкій? faites-moi compagnie.

Неряцкій улыбнулся.

— Да мнѣ скоро пора обѣдать, отвѣчалъ онъ, взглянувъ на свои часы: — половина втораго.

— Неужели!

— Что неужели? Вамъ показалось поздно или слишкомъ рано?

— Но когда же начинается у васъ день?

— Со свѣтомъ. Вы напомнили мнѣ, что я въ самомъ дѣлѣ голоденъ.

Онъ подвинулъ къ себѣ блюдо котлетъ. Катерина Александровна, какъ хозяйка, поспѣшила съ маленькими услугами, хлопотливо протягивая свои кругленькія ручки, бѣленькія и точно подрисованныя карминомъ. Она невольно взглянула, когда Неряцкій снялъ перчатки, на его сильныя, загорѣлыя, рабочія руки. Онъ ѣлъ какъ человѣкъ порядочный, но еще болѣе какъ здоровый рабочій. Ея аппетитъ не пропалъ, но ей показалось какъ-то неловко завтракать въ такомъ обществѣ.

— Какъ это вы придумали сюда пріѣхать? спросилъ Неряцкій:—что̀ же, будете хозяйничать?

— Я не умѣю.

— Я знаю. А жаль; я бы предложилъ вамъ много перемѣнъ. Деревня—ваша; вы бы прекрасно могли распорядиться и безъ Николая.

Digitized by Google

— Oh, non, je ne me mêle de rien, de rien, de rien, absolument! вскричала Катерина Александровна:—puisqu'une fois j'ai tout remis entre les mains de mon mari, convenez que c'est une chose si délicate...

— Извините, я никогда не говорю по-французски, прервалъ Неряцкій, улыбнувшись, какъ улыбался на всѣ ея французскія фразы.—Но, еслибы вы и вмѣшались во что-нибудь,—не хорошо вмѣшаться и помѣшать, а вмѣшаться и помочь—очень хорошо.

— Нѣтъ, я хочу отдохнуть. Въ Москвѣ такъ скучно!

— Пусто, всѣ разъѣзжаются, сказалъ очень серіозно Неряцкій.

— Да, можетъ-быть, и отъ этого.

— Конечно. Отъ чего же больше? танцовать негдѣ—и скучно. До тѣхъ поръ всѣ были довольны.

— Нѣтъ, и зима была не оживлена.

— Николай писалъ мнѣ, что вы безпрестанно выѣзжали.

Катерина Александровна покраснѣла.

— Ah! vous êtes donc au courant... начала она.

— Да, я на-слуху всѣхъ московскихъ новостей, отвѣчалъ Неряцкій:—потому-то, зная, какъ вы веселились, я и не могу придумать, чѣмъ вы замѣните это лѣтомъ.

— Нѣтъ, я рада пожить тихо. Но вотъ, княгиня Катерина Петровна въ моемъ сосѣдствѣ; она такая добрая... Она ужь давно пріѣхала.

Неряцкій разсмѣялся безъ церемоніи.

— Давно-съ, отвѣчалъ онъ:—три недѣли слишкомъ, какъ все княжее семейство, съ юродивыми и приживалками, поселилось въ селѣ Бубновѣ, и я даже имѣлъ счастіе всѣхъ видѣть. Межеванье у нихъ, такъ княгиня вызвала меня на совѣтъ. Ея сіятельство возсѣдаетъ цѣлый день на этаблисманѣ и вышиваетъ; приживалки, сколько я успѣлъ замѣтить, ужь перегрызлись; юродивый внучекъ, юный графъ, набираетъ себѣ юныхъ дворовыхъ опричниковъ, пробуетъ боярскую удаль. Скоро, какъ я слышалъ, для дополненія коллекціи, ждутъ сюда еще внучка, кавалериста и идіота, послѣдняго въ родѣ князей Десятовыхъ:

Катерина Александровна поблѣднѣла. Неряцкій не замѣтилъ и продолжалъ:

— Не поздравляю васъ съ этимъ обществомъ. Они, впрочемъ, кажется, разчитываютъ на ваше снисхожденіе. Вчера,

Digitized by Google

графъ Васька присылалъ сюда подводу за деревьями и цвѣтами изъ оранжерей. Своихъ нѣтъ, а онъ хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ бабушкѣ, уставить ея этаблисманъ, чтобы скорѣе задохлась: онъ ждетъ отъ нея наслѣдства. Сегодня рожденіе этой бабушки.

— Ея рожденіе! вскричала Катерина Александровна:—надо послать поздравить ее! Что же, какъ же вы сдѣлали съ цвѣтами?

— Конечно, не далъ. Если князья и графы хотятъ имѣть цвѣты, пусть сами ихъ заводятъ.

— Но княгиня мнѣ крестная мать! прервала Катерина Александровна.

— Я не зналъ этого, извините, возразилъ спокойно Неряцкій:—я не смѣю распоряжаться вашими оранжереями.

— Такъ распорядитесь теперь, пошлите сейчасъ лучшее; я напишу записку, а вечеромъ поѣду сама... Велите, чтобы карета была готова.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Неряцкій, и прибавилъ улыбаясь: —мнѣ очень жаль вашихъ цвѣтовъ. Позвольте просить васъ: не обирайте сами себя съ перваго дня; сіятельныя особы очень любятъ чужое, рады взять. Для васъ заготовлены у садовника прелести, но только для васъ. Право, за цвѣты обидно, что ихъ будутъ нюхать безобразные носы... Сжальтесь!

— Но это значитъ манкировать княгинѣ, возразила Катерина Александровна, недовольная шутками управляющаго.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Неряцкій.—Въ такомъ случаѣ, потрудитесь написать вашу записку, а я пойду, распоряжусь, чтобъ ея сіятельство получила подводу съ букетомъ раньше своего обѣда.

Онъ поклонился и ушелъ.

Катеринѣ Александровнѣ стало досадно; она была убѣждена, что ее обидѣли. Она вспомнила, что очень мало знаетъ Неряцкаго, хотя два года назадъ прожила здѣсь все лѣто, и ея мужъ не разставался съ Неряцкимъ. Правда, тогда она уже мало видѣла и мужа: они были уже «чужіе другъ-другу». А Неряцкій—человѣкъ совершенно въ томъ же родѣ, de la même trempe, только грубѣе, рѣзче; у Николая Васильевича по крайней мѣрѣ порядочныя манеры. Она припомнила что сейчасъ говорилъ Неряцкій о сіятельномъ семействѣ, и ее будто что укололо въ сердце.

Digitized by Google

— Неряцкій дерзокъ, проговорила она, даже покраснѣвъ:— какая скука, однако!

И она заплакала, сама не зная о чемъ. Причиной были воспоминанія то прошлой зимы, то недавняго вечера Mme Мороновой, то послѣднихъ трехъ недѣль въ Москвѣ.

Вечеръ Mme Мороновой, обѣщавшій, казалось, грозу, не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Свѣтскія дамы были смѣлы только на одинъ разъ, а потомъ каждая изъ нихъ рѣшила, что разрывать знакомство съ Mme Алексинской, значитъ выставляться на показъ, что это слишкомъ отважно, что это ни къ чему не поведетъ, что Mme Моронова взяла на себя лишнее, не въ мѣру, какъ провинціялка. Къ тому же, князь этотъ временемъ уѣзжалъ въ Петербургъ, Mme Алексинская вездѣ и безпрестанно показывалась съ мужемъ, il n'y avait aucune apparence... Mme Шарова выразила мысль, что неловко дѣлать заключенія изъ словъ «d'une Анна Ѳедоровна» (смѣшивая въ своемъ презрѣніи мать съ дочерью), и что послѣ этого никто не безопасенъ отъ осужденій, ни на чемъ не основанныхъ.

— Скажутъ, chère amie, говорила она Mme Мороновой:— что вы сами распускаете эту клевету, потому что ревнуете князя къ Mme Алексинской.

Mme Моронова была побѣждена этимъ доводомъ и, боясь провинціяльно отстать въ терпимости, изъ первыхъ поѣхала къ Катеринѣ Александровнѣ. Ей всѣ отдали прощальные визиты, и даже еще разъ, нечаянно для нея, собрались у нея предъ отъѣздомъ, чтобъ еще разъ проститься...

Катерина Александровна отдѣлалась страхомъ; она узнала что̀ такое судъ ея общества. Было чего испугаться, но она уже успокоилась, а успокоившись, почти сочла себя правою.

— Что̀ я имъ сдѣлала, въ чемъ я виновата? говорила она сама себѣ:—я удалилась отъ нихъ, я имъ не мѣшаю; qu'on me laisse jouir ici... Его ждутъ сюда; онъ пріѣдетъ...

Она упала на подушки дивана и спрятала въ нихъ свое лицо, она ужь больше не плакала.

— Господи, Господи!.. повторила она черезъ минуту, приподнявшись, сжимая свои крошечныя ручки и обращая къ голубому небу, свѣтившему въ балконъ сквозь померанцевыя вѣтки, прелестнѣйшіе кроткіе глаза, полные мольбы, радостные...

Digitized by Google

Она звала Бога, сама не зная зачѣмъ, молила о какомъ-то спасеніи и вмѣстѣ благодарила за что-то. Она говорила себѣ, что сдѣлала все,—убѣжала, и вотъ, гибель ее преслѣдуетъ, она назвала себя преступницей, поблѣднѣла,—и вдругъ какъ-то странно ей бросилась въ глаза, ее заняла эта уютная, уединенная комната, ея свѣжія драпировки, ея маленькая дверь въ садъ, въ глухую сторону сада.

Катерина Александровна выбѣжала на балконъ; она стояла смотрѣла... ей казалось, что она ждетъ...

— Извините, сказалъ Неряцкій, вдругъ появляясь внизу, на дорожкѣ:—ваша записка?

Катерина Александровна вздрогнула отъ испуга.

— Если готова, потрудитесь мнѣ ее бросить, продолжалъ Неряцкій.

— Нѣтъ еще, я пришлю, отвѣчала она, бросаясь въ комнату.—Этотъ человѣкъ мой тюремщикъ! проговорила она, прислушиваясь, какъ его шаги скрипѣли на пескѣ и удалялись.

Записка почему-то затрудняла ее; она искала выраженій и изорвала множество листовъ бумаги съ своимъ вензелемъ. Наконецъ, поздравивъ свою крестную маменьку и отправивъ посланіе къ Неряцкому, Катерина Александровна успокоилась отъ заботъ. Она такъ устала, что на вопросы Насти, какъ убрать вещи, сказала, что ей все надоѣло, что Настя можетъ убирать все какъ хочетъ, гдѣ хочетъ, одѣлась наскоро, взяла первый попавшійся романъ изъ связки, легла на диванъ и читала до еще-большей скуки. Она бродила по комнатамъ, пустота и длинный день сводили ее съ ума. Обѣдать одной было еще скучнѣе. Она вышла въ садъ, закрываясь зонтикомъ и подумавъ, по-французски, что въ деревнѣ позволительно загорѣть. Садъ былъ въ отличномъ порядкѣ; цвѣтовъ еще не много, но куртины были густо разсажены и расположены съ большимъ вкусомъ. Катерина Александровна встрѣтила садовника, который что-то убиралъ и подвязывалъ.

— Ты, вѣрно, самъ большой охотникъ до цвѣтовъ, сказала она, затрудняясь какъ говорить съ нимъ, думая, что ему жарко оставаться передъ нею безъ картуза на солнцѣ, и не находя возможнымъ сказать ему, чтобъ онъ накрылся.

— Какже-съ! отвѣчалъ садовникъ: — А больше Михаилъ Никаноровичъ охотникъ, это его первая забота: сѣмена, луковицы выписываетъ. Нынѣшній годъ, какъ узнали, что вы изволите сюда быть, вновь по ихъ плану клумбы разбивали.

Digitized by Google

Въ англійскомъ саду, извольте посмотрѣть, около озера, одно мѣсто совсѣмъ вновь отлично убрано.

Катерина Александровна почему-то подумала, что не пойдетъ туда; ей вдругъ все перестало нравиться. Она пошла самыми незанимательными аллеями, тѣми, которыя окружали садъ со стороны двора. Ей послышался голосъ Неряцкаго; онъ что-то приказывалъ громко, кажется, даже бранился. Все это показалось Катеринѣ Александровнѣ очень непріятно и какъ-то ее запугало. Она поспѣшила воротиться въ комнаты, какъ птица въ гнѣздо, и сѣла въ уголкѣ у окна, не зная что дѣлать, не имѣя желанія дѣлать что-нибудь отъ страннаго страха и ожиданія, что вотъ сейчасъ случится съ нею что-нибудь не хорошее. Неряцкій прислалъ узнать, въ которомъ часу угодно ей ѣхать къ княгинѣ и не прикажетъ ли она запрягать карету. Катеринѣ Александровнѣ ничего уже было не нужно, ни общества, ни занятія; она отерпѣлась въ своей скукѣ и хотѣла сказать, что никуда не поѣдетъ, но Настя, вмѣстѣ съ вопросомъ отъ Неряцкаго, принесла два чепчика, два маленькія кружевныя облачка, и спрашивала который надѣнетъ Катерина Александровна.

— Вотъ этотъ, отвѣчала она, грустно обращая на него глазки:—скажите, чтобы закладывали.

Когда она выходила садиться въ карету, пышная и нарядная, на крыльцѣ встрѣтилъ ее Неряцкій, также перемѣнившій свой утренній, изящный костюмъ на парусинное пальто, съ сигарой въ зубахъ и безъ перчатокъ. На его волосахъ были замѣтны слѣды недавняго купанья.

— Желаю вамъ удовольствія, сказалъ онъ Катеринѣ Александровнѣ:—а не хотите ли лучше съ нами? Мы отправляемся на рѣку, версты за двѣ, ловить рыбу. Поѣдемте; право, это дѣло вѣрнѣе.

На дворѣ стояла запряженная телѣга. Люди, о которыхъ Неряцкій говорилъ «мы», дворовые и два крестьянскіе парня, складывали въ нее бредень, ушаты, принадлежности рыбной ловли.

— Mercі, сказала Катерина Александровна, улыбнувшись:—желаю вамъ тоже удовольствія.

— Покорно благодарю, отвѣчалъ Неряцкій, и она увидѣла, опуская стекло кареты, какъ онъ вскочилъ на облучокъ телѣги, на которую уже насѣла вся его компанія.

Домъ въ селѣ Бубновѣ былъ настоящій замокъ, трехъ-этаж

Digitized by Google

ный, съ крутыми лѣстницами, коррядорами, темными закоулками и цѣлымъ рядомъ парадныхъ комнатъ, нежилыхъ и смотрѣвшихъ мрачно. Такъ какъ княгиня и въ деревнѣ не оставила привычки бодрствовать неизвѣстно зачѣмъ до двухъ часовъ ночи, то эти комнаты уныло освѣщались лампочками, привѣшенными на стѣнахъ. Лампочки были дешеваго вида, скудно снабжались масломъ и плохо управлялись деревенскою непривычною прислугой, такъ что княгиня разъ двадцать въ вечеръ произносила съ ужасомъ: «Quelle puanteur!» а Аделаида Григорьевна еще съ бо́льшимъ ужасомъ летѣла наводить ужасъ на лакейскія.

Майскіе дни длинны, солнце еще только склонялось къ западу, когда Катерина Александровна всходила на парадную лѣстницу бубновскаго дома, настоящую барскую лѣстницу, съ почернѣлыми статуями, зимними рамами, прислоненными къ стѣнамъ и грудками сора въ углахъ ступенекъ. По срединѣ лѣстницы, однако, вился тощій шерстяной половикъ домашняго крашенья и производства, съ яркими кактусами, по всей вѣроятности, любимыми цвѣтами княгини, если только княгиня удостоивала избрать себѣ въ природѣ что-нибудь любимое.

Графъ Василій Васильевичъ Теженецкій, въ красной шелковой рубашкѣ и бархатныхъ штанахъ, заткнутыхъ въ личные сапоги, сбирался скатить кого-то съ верху этой лѣстницы, когда въ низу показалась Катерина Александровна. Дѣвочка, которой предстояло удовольствіе лѣтней масляницы, спаслась бѣгствомъ, тоже намѣревался было сдѣлать и юный графъ, но Катерина Александровна сказала ему:

— Bonjour, Вася, comme vous voilà beau!

— Ah, madame, закричалъ онъ, сбѣгая къ ней:—а не правда ли, это мило? Нашъ національный костюмъ; я упросилъ grand' maman. Вѣдь мы Русскіе, Катерина Александровна, не правда ли? Я побѣгу, скажу grand' maman, что вы пріѣхали. Comme je suis content, Катерина Александровна, что вы пріѣхали!

Катерина Александровна взошла одна и проходила залу, столовую, гостиныя, пустыя комнаты, гдѣ солнце еще горѣло маленькими блестками на карнизахъ и рамахъ темныхъ картинъ. Очень немногія окна были открыты, отчего воздухъ былъ душный, точно больничный.

Во второй гостиной, княгиня сидѣла за карточнымъ столомъ; ея партію составляли Аделаида Григорьевна, Анна Ѳедоровна и Пехлецовъ. Въ глубинѣ, у окна было устроено возвыше-

Digitized by Google

ніе; на немъ стояло кресло съ подушкой—то и другая мягкія до того, что лѣтнимъ вечеромъ одинъ видъ ихъ бросалъ въ жаръ; на маленькомъ столикѣ былъ рабочій сундучокъ, огромный свертокъ канвы, а подъ столомъ плетеная корзинка съ клубками шерстей. Все это показывало, что это было вседневное жилище княгини, знаменитый этаблисманъ, съ котораго она низошла сегодня, потому что сегодня день ея рожденія и работать нельзя. Для этого дня, Пехлецовъ, столько же вѣрный деревенскій сосѣдъ, сколько безотвѣтно-услужливый городской знакомый, пріѣхалъ сдѣлать ей партію.

Спиной къ окну, ничего не дѣлая, ни къ кому не подходя и не обращая рѣчи, ни на кого не глядя, сидѣлъ молодой человѣкъ въ сюртукѣ, застегнутомъ, безъ признаковъ бѣлья. Онъ казался въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, впрочемъ совершенно напрасно, потому что никто не только не замѣчалъ его, но и не помнилъ о его существованіи. Отъ страха, столько же сколько отъ жара стеколъ, къ которымъ онъ сидѣлъ затылкомъ, горѣли его уши, торчавшіе изъ-подъ торчавшихъ, слегка рыжеватыхъ волосъ. Этотъ молодой человѣкъ назывался Гусевъ, получилъ воспитаніе въ уѣздномъ училищѣ и былъ мелкій чиновникъ ближняго уѣзднаго города, допущенный въ домъ княгини для переписки бумагъ по межеванію, сильно ее заботившему. Въ теченіе трехъ часовъ, съ тѣхъ поръ какъ были окончены его занятія, онъ не всталъ съ своего мѣста. Онъ позволялъ себѣ только посматривать на графа Василія Васильевича, когда тотъ мелькалъ мимо его; можетъ-быть, быстрая походка графа и заставляла Гусева крѣпче подвертывать ноги подъ стулъ, чтобы какъ-нибудь не зацѣпился за нихъ графъ, но и это совершалось безсознательно.

Полина сидѣла не въ комнатѣ, а на балконѣ, на ступенькахъ, гдѣ было брошено нѣсколько вышитыхъ гарусомъ подушекъ, полинялыхъ приношеній крестницъ и родственницъ, желавшихъ пробудить о себѣ память княгини. Бѣдныя труженицы, слѣпившія глаза за этимъ point gothique и point gobelin, не хотѣли понимать, что несли свои жертвы всепринимающему, всепоглощающему, вѣчно-жаждущему приношеній, вѣчно недовольному, глухому, слѣпому и сейчасъ забывающему идолу. Еслибы Полина была охотница философствовать вообще, и въ особенности о нищетѣ всего въ мірѣ, ей доставили бы богатый предметъ для размышленій эти поблекшія, зеленоголубыя шерстяныя небеса, черные полукруги и черныя точки, остатки

Digitized by Google

бровей и глазъ на лицахъ Турчанокъ и пастушекъ, заржавѣлая сталь и окислѣвшая бронза бисеровъ. Но Полина не размышляла, въ особенности на такую скучную тему, какъ скоротечность всего земнаго и несбывчивость надеждъ: она не питала никакихъ надеждъ на княгиню, хотя сама занималась, по ея приказанію, зашиваньемъ фона въ ея каймѣ. Полинѣ была дана эта работа съ самаго пріѣзда; ей было до смерти скучно цѣлые божьи дни, и теперь, въ пышной пестрой юпкѣ и бѣленькомъ канзу, рисуясь на подушкахъ, дѣлая видъ, что вышиваетъ и засматривается на природу, она кляла все на свѣтѣ, и, для развлеченія, читала грязный романъ, который, маленькій, изящнаго изданія, очень ловко и незамѣтно прятался у нея на колѣняхъ.

Этотъ романъ Анна Ѳедоровна достала на послѣднихъ дняхъ въ Москвѣ и привезла для Аделаиды Григорьевны, чтобы снискать ея милостивое расположеніе, но это не удалось.

Въ настоящую минуту, Анна Ѳедоровна проигралась какъ всегда и, какъ всегда, не могла оставаться равнодушною къ своему несчастію. Пехлецовъ, считавшій обязанностію быть игривымъ для праздника и оживлять общество, острилъ надъ несчастіемъ Анны Ѳедоровны и дѣлалъ противъ нея, вмѣстѣ съ Аделаидою Григорьевной, маленькія игорныя мерзости, которымъ княгиня снисходительно улыбалась.

— Вы не осторожны, Анна Ѳедоровна, говорилъ Пехлецовъ: —неосторожность надо оставить юности. Du calme, du calme!

— Вамъ воды не подать ли? спросила Аделаида Григорьевна.

— Ахъ, ты, Господи! вскричала Анна Ѳедоровна: — это играть нельзя!

— Никто не принуждаетъ васъ, замѣтила княгиня.

— Вѣдь это нарочно, сговорясь, такъ играютъ! продолжала Анна Ѳедоровна, не обращаясь собственно ни къ кому, но бросивъ въ сторону компаньйонки мѣлъ, съ такою силой, что онъ переломился; обломки скатились на колѣни Аделаиды Григорьевны и запачкали ея шелковое платье.

— Вы хоть рукамъ воли не давайте, возразила Аделаида Григорьевна, покраснѣвъ сколько было возможно изъ-подъ бѣлилъ, вскочивъ и обтирая свои оборки.

— Да, да, будемъ сражаться позволеннымъ оружіемъ, словомъ: нынче кстати оно свободно, сказалъ Пехлецовъ, любезно смѣясь.

— Все, вотъ, такъ-то свободно, возразила Анна Ѳедоровна:

Digitized by Google

—довольно вамъ трясти ваши оборки, чисто, ничего имъ не сдѣлалось.

— Не угодно ли вамъ видѣть? вскричала Аделаида Григорьевна, подставляя ей подъ носъ свое платье.

— Давно ли вы мѣлу боитесь?

— Что такое-съ?

— Ничего-съ?

— Вамъ ничего! вскричала Аделаида Григорьевна, стараясь удержаться въ границахъ достоинства:—васъ хоть съ головы до ногъ мѣломъ засыпь; черное бѣлымъ не сдѣлаешь.

— Княгиня, какъ вы позволяете въ вашемъ домѣ... начала Анна Ѳедоровна.

— Ah, ah, la guerre des femmes, la guerre des déesses, сказалъ, посмѣиваясь, Пехлецовъ.

— Онѣ нестерпимы, эти деэссы, сказала княгиня, о которую и не такія волненія могли разбиваться, какъ о незыблемый утесъ.—Адель, играемъ мы, или нѣтъ?

— Grand'maman, вскричалъ, вбѣгая, Вася:—Катерина Александровна пріѣхала, ура!

— Какъ ты кричишь, мой милый, сказала княгиня:—что же такое? Я знала, что она пріѣдетъ. Eh bien?

— Eh bien, grand'maman, я очень радъ, отвѣчалъ Вася, мгновенно присмирѣвъ:—я закричалъ отъ радости, grand'maman... Я не зналъ, что моя радость будетъ вамъ непріятна.

— Bonjour, ma belle, сказала княгиня, приподнявшись, входящей Катеринѣ Александровнѣ.

Пюка она привѣтствовала ее своимъ мертвымъ поцѣлуемъ въ лобъ, Аделаида Григорьевна обняла и поцѣловала Васю, съ нѣжнымъ выраженіемъ любви и горести.

— Несчастный ребенокъ! прошептала она Пехлецову, между тѣмъ какъ мальчикъ тихо и скромно отошелъ и заботливо поправилъ мантилью бабушки, упавшую на кресло.—Старики деспоты, продолжала Аделаида Григорьевна попрежнему тихо и по прежнему адресу.

— Не всѣ, произнесъ Пехлецовъ, осклабляясь.

Анна Ѳедоровна, слышавшая это, стукнула таліей картъ по столу и тоже встала.

— Такъ ты вчера пріѣхала, моя милая? спросила княгиня Катерину Александровну.

— Да, maman, и, простите, утромъ еще такъ устала, что была не въ состояніи пріѣхать васъ поздравить.

Digitized by Google

— Я не претендую, моя милая, у меня никто не обѣдалъ; вотъ, и Петръ Григорьевичъ пріѣхалъ вечеромъ. Мы играемъ, извини.

Княгиня усѣлась опять за столъ, что̀ сдѣлали и другіе.

— Ты мнѣ прислала цвѣты; они тамъ. Я велѣла на балконъ вынести, пахнутъ сильно.

— Это не мой букетъ, maman. Это Вася хотѣлъ еще вчера, но не успѣли.

— Вася? Такъ за тобой будетъ другое... Что же, мы будемъ играть?.. за тобой другое. У тебя есть въ оранжереѣ земляника, пришли мнѣ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, maman, все, что̀ прикажете, если поспѣло.

— Должно поспѣть. У тебя прекрасный управляющій, очень старательный... Мнѣ сдавать, однако?.. Онъ былъ здѣсь по моему дѣлу и очень хорошо понялъ. Скажи ему, чтобъ онъ бывалъ у меня; онъ мнѣ еще нуженъ.

— Это изъ рукъ вонъ! вскричала Анна Ѳедоровна, швырнувъ карты.

— Qu'y-a-t-il donc? спросила княгиня.

Она не играла этой игры и, разговаривая съ Катериной Александровной, не замѣтила, что Аделаида Григорьевна показала свои карты Пехлецову, который, вслѣдствіе этого, оставилъ Анну Ѳедоровну безъ трехъ.

— Это изъ рукъ вонъ! я ремиза не ставлю! продолжала Анна Ѳедоровна:—мы не въ щепки играемъ!

— Анна Ѳедоровна, adieu des économies! сказалъ Вася, за кресломъ бабушки.

— Это не знаю что̀, безсовѣстно!

— Какъ вы смѣете это говорить? вступилась Аделаида Григорьевна.

— Что̀ съ вами церемониться, когда вы мошенничаете!

— Calmez-vous, calmez-vous, шепталъ ей Пехлецовъ:—это была шутка. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, эти дамы! обратился онъ съ сладкою улыбкой къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Elles sont folles, сказала величественно княгиня: — это скучно, однако.

— Grand'maman, но Анна Ѳедоровна совсѣмъ проигралась, зашумѣлъ Вася:—elle n'a donc plus rien, Анна Ѳедоровна; войдите въ ея положеніе, grand'maman!

Digitized by Google

— Не хочешь ли ты, спросила княгиня Катерину Александровну:—замѣни намъ Анну Ѳедоровну.

— Хотите? спросила ее Катерина Александровна.

— Мнѣ-то что же? отвѣчала Анна Ѳедоровна: — со мной играть не хотятъ, такъ и безъ того выйдешь.

Она встала.

— Прежде расплатитесь, сказала ей Аделаида Григорьевна.

— Нечѣмъ, нечѣмъ, нечѣмъ, пропѣлъ тихонько Вася.

— Позвольте, я приму на себя вашъ проигрышъ, сочтемся послѣ, сказала ей Катерина Александровна.

— Пожалуй, отвѣчала Анна Ѳедоровна, и ушла на балконъ.

— Освѣжитесь, chère Анна Ѳедоровна, закричалъ ей вслѣдъ Вася.

На балконѣ Анна Ѳедоровна увидѣла свою дочь.

— Что ты не выйдешь туда? спросила она.

— Зачѣмъ?

— Какъ, зачѣмъ? Алексинская пріѣхала; поздороваться.

— Еще успѣю на нее насмотрѣться. На что она мнѣ?

— На что тебѣ всѣ! сказала съ раздраженіемъ мать:—тебѣ никого не нужно, только мать за тебя кланяйся.

— Что вамъ за меня кланяться? Мной не брезгаютъ. Меня еще изъ-за картъ не выгоняли.

Полина равнодушно опустила глаза на романъ.

— Вонъ, вашъ Пехлецовъ, продолжала черезъ минуту Анна Ѳедоровна:—связался съ Адельки и знать васъ не хочетъ.

— Ну, и пусть его. Съ Адельной, съ Фиделькой, мнѣ все равно.

— Право, подумаешь, ты принцесса! А вотъ, онъ женится на Адельки, ты и посмотришь.

Полина захохотала.

— Онъ отъ тебя съ однимъ браслетомъ отъѣхалъ, да ужъ и не подходитъ.

— Когда же и подойдти, Богъ мой! вскричала Полина:—развѣ есть у меня одна минута? Шью эту дрянь цѣлый день, всѣ тутъ вертятся, все подъ носомъ у старухи, козыряютъ цѣлый день, гдѣ же тутъ слово сказать? Я отъ тоски одурѣла! Вѣдь двѣ недѣли слишкомъ. Срамъ одинъ, везли насъ сюда, какъ гусей въ кашолкѣ, въ бричкѣ съ тюфяками! Вы выдумали экономію сводить, лѣто прожить даромъ, а того не разочли, что здѣсь умереть можно.

Digitized by Google

— А въ Москвѣ, ты бы съ голоду не умерла? спросила Анна Ѳедоровна.

— Не умерла бы. Вы здѣсь всѣ деньги, что̀ за квартиру взяли, проиграете. Много ихъ осталось?

— Амазонку кому сшили, мнѣ что ли? спросила мать.

— Еще бы этого-то не сдѣлали! Вѣдь браслетъ мой такъ и не выкупленъ, чего-нибудь онъ сто́итъ, а я въ тряпкахъ хожу.

— Мало я тебѣ набрала!

— Старой дряни, обносковъ? Благодарю покорно! Опять срамъ одинъ перешивать ихъ, дѣвки хохочутъ. Вы бы, чѣмъ тутъ козырять, пошли на верхъ да шили. Скучно, видно. А вы прислуживаетесь княгинѣ, бѣлье ей строчите; лучше бы своимъ занялись.

— Поленька, знаешь что̀? Алексинской дѣвка мастерица, можно ее попросить; она что̀ хочешь сошьетъ, услужливая.

— Ну, поклонитесь ей.

— А ты сама поговори съ Катериной Александровной; она добрая.

— А вы хорошо съ ней обошлись на вечерѣ у Мороновой? нечего сказать, умно. Гдѣ совѣсть у васъ подходить къ ней послѣ этого?

— Да вѣдь всѣ тогда такъ обошлись, теперь опять всѣ помирились.

— Помирились!.. Всѣ!.. эти «всѣ» не вы, возразила Полина.

— Что̀ же мнѣ было тогда дѣлать?

— Что̀ я дѣлала? Я сумѣла же держаться. А я лучше всѣхъ знала въ чемъ дѣло: сама видѣла и слышала.

— Да вѣдь ты, Поленька, дѣвушка, ты хоть бы и видѣла и слышала, тебѣ вступаться нечего въ эти вещи. Конечно, мы знаемъ, что̀ она такое, а она все-таки права осталась. Пожалуй, вотъ и теперь, она сюда прилетѣла, а князь явится за нею слѣдомъ, тебѣ что̀ до этого!

Полина улыбнулась.

А вамъ еще меньше до чего-нибудь дѣла, возразила она:— сидите себѣ на верху да шейте.

Анна Ѳедоровна задумалась; впрочемъ, не слова дочери навели на нее раздумье. Мимоходомъ она заглянула въ книгу, лежавшую на колѣняхъ Полины.

— Что̀ ты все мерзости читаешь! сказала она.

— Зачѣмъ вы ихъ привезли? возразила Полина, перевертывая страницу.

Digitized by Google

— Я, вотъ, такъ и жду, сказала Анна Ѳедоровна, послѣ минутнаго молчанія:—что эта чертовка женитъ на себѣ Пехлецова.

— Вы помѣшаетесь, отвѣчала Полина, продолжая читать.

— Помѣшаешься, матушка! Она, смотри, какія штуки выдѣлываетъ; то косой своею накладною къ нему повернется, то ножку свою ему покажетъ.

— У нея не ноги, а слоновыя копыта, замѣтила равнодушно Полина.

— Да онъ, дуракъ, въ первый разъ видитъ, что ему стараются понравиться, и, смотри, попадется; Аделькѣ во всемъ счастье. Что бы ему на тебѣ жениться?

— На мнѣ? сказала Полина, вдругъ поднявъ голову.

— Ну, на тебѣ. Чѣмъ ты хуже кого? Молоденькая, красавица....

— На мнѣ? повторила Полина:—этому старикашкѣ?

— Ахъ, матушка, да и получше тебя ему обрадуются!

Полина тихо покачала головой и наклонилась къ книгѣ.

— Богатъ, чиновенъ, умретъ скоро. Жила бы барыней. А то что̀ такъ-то. Или изъ дома въ домъ слоняться, покуда состарѣешь, да къ какой-нибудь, въ родѣ княгини, попадешь въ компаньйонки, какъ эта Аделаида? И то еще слава Богу.

— Ну, тогда и можно помышлять о Пехлецовыхъ, время не уйдетъ, слава Богу! возразила, смѣясь, Полина.

— Не уйдетъ! А до тѣхъ поръ?

— А до тѣхъ поръ... повторила Полина:—не мѣшайте мнѣ читать, сдѣлайте милость. Право, подите лучше, дошейте мнѣ юпку къ завтраму. Гораздо больше бѣда, что у меня шляпы нѣтъ; князь пріѣдетъ, не въ чемъ ѣздить верхомъ. Несносная эта Горянская не присылаетъ, не пишетъ.

— Картузикъ можно, маленькій, соломенный.

— Да, на базарѣ купить, въ уѣздномъ городѣ! Вотъ, поручите коммиссіонеру вашему, этому рыжему болванчику, что̀ тамъ сидитъ!

Она поспѣшно спрятала книгу въ карманъ, на балконъ входили Вася и Катерина Александровна. Игра была прервана, княгиня вышла въ свою комнату; Аделаида Григорьевна, уходя въ столовую дѣлать чай, увела съ собой и Пехлецова. Анна Ѳедоровна, предвидя это, поспѣшила тоже въ столовую.

— Какое здѣсь прелестное мѣсто, сказала, входя, Катерина

Digitized by Google

Александровна, по-французски, своимъ пѣвучимъ голосомъ.—Bonjour, chère Mlle Pauline.

— Bonjour, chère madame, отвѣчала Полина, почти бросаясь ей навстрѣчу, съ такою радостію и привѣтомъ, что молодая женщина была нѣсколько удивлена и, по добротѣ сердца, обрадована.—Наконецъ и вы здѣсь, какое счастіе! Я не знала какъ дождаться вашего пріѣзда!

— Merci de toute votre affection, chère Mlle Pauline; право, меня встрѣчаютъ здѣсь всѣ съ такою добротой. Я этого не заслуживаю.

— Ахъ, какъ это можно!

— Что вы дѣлаете, chère Mlle Pauline, чѣмъ занимаетесь?

— Ахъ, очень скучными вещами! отвѣчала Полина, серіозно и съ искренностію особы, понимающей свое положеніе, и прибавила шепотомъ:—я все работаю. Вотъ только вечеръ мой, пройдтись немного, и то недалеко, въ саду. Здѣсь никто не гуляетъ. Княгинѣ не позволяетъ здоровье (Полина выговорила это съ благоговѣніемъ передъ здоровьемъ той, которой считала себя обязанною), Аделаида Григорьевна занята, моя maman лѣнива.

— А этотъ шалунъ? спросила Катерина Александровна, показывая на Васю.

— Мы съ нимъ не ладимъ, отвѣчала кокетливо Полина.

— За что же?

— Или, вѣрнѣе, графу не нравится мое общество.

— Знаете, это всегда, сказала Катерина Александровна, серіозно какъ старуха:—мальчики его лѣтъ—дикари.

Катеринѣ Александровнѣ показалось, что вокругъ нея очень оживлено, что ей очень весело. Люди подчасъ бываютъ неприхотливы, или ужь въ самомъ дѣлѣ жизнь ихъ идетъ хотя нарядно, но до того однообразно и тошно, что имъ можетъ показаться весельемъ всякая малость и ангеломъ всякій, кто немножко менѣе чопорно протянетъ имъ руку. Послѣ своего скучнаго дня, Катерина Александровна вообразила, что отдыхаетъ; она прошлась по цвѣтнику съ Полиной, слушая разказы какъ она проводитъ время. Разказывать собственно было нечего, но Полина выказывалась милою, рѣзвою дѣвочкой, готовою всему смѣяться, объясняя и оправдывая этимъ свой, слишкомъ памятный для Катерины Александровны смѣхъ на вечерѣ Mme Мороновой.

Digitized by Google

«Доброе дитя, счастливый характеръ», подумала Катерина Александровна.

— Знаете, князь Иванъ Петровичъ скоро пріѣдетъ, сказала ей въ эту минуту Полина.

— Да, знаю, выговорила Катерина Александровна.

— Я ужасно рада. Вы будете бывать часто, не правда ли? Между нами... здѣсь довольно скучно; весь день карты, или толки о хозяйствѣ, о дѣлахъ, вотъ съ этимъ, ce petit bonhomme, que vous voyez là. Не правда ли, какъ онъ забавенъ?... Вы будете часто пріѣзжать, для меня это такое счастіе. Будемъ гулять... Знаете, князь хотѣлъ поучить меня верховой ѣздѣ?

— Да, знаю, повторила Катерина Александровна.

— Для меня это праздникъ! Я такъ люблю лошадокъ, точно мальчикъ. Если это только какъ-нибудь устроится, я обѣщаю себѣ удовольствіе уѣзжать далеко, одна, непремѣнно одна, на своей волѣ. Маменька будетъ сердиться, а вы спасите меня, позвольте прискакать къ вамъ.

— Mais avec plaisir, отвѣчала Катерина Александровна, чѣмъ-то довольная.

— Savez-vous, madame, que je suis folle? Я такъ люблю шалить, я бы на деревья взлѣзла, не хуже Васи, сказала, хохоча, Полина.

— Вы счастливица, отвѣчала со вздохомъ Катерина Александровна:—вы такъ молоды.

— А вы не молоды? спросила Полина нѣжно и весело.

— Мнѣ ужь двадцать два года...

— А знаете ли, какъ вы хороши? прервала Полина настойчиво, съ тою рѣзвостью, которая, ловко скрывая лесть, даетъ ей вдругъ безцеремонныя права дружбы:—знаете ли, какъ вамъ завидуютъ? знаете ли, какъ васъ не любятъ именно за то, что вы хороши, потому что не находятъ другаго порока? Подурнѣйте, вы увидите, сколько у васъ прибавится пріятельницъ.

— Ah, chère amie! проговорила Катерина Александровна, слабо и грустно разсмѣявшись.

— Я знаю, что это такъ, продолжала Полина:—я вижу общество, слышу разговоры. И съ такою красотой считать свои года, воображать себя старухой...

— Ah, ma belle enfant, возразила Катерина Александровна:—въ моемъ положеніи ужь не бываютъ молоды!

— Въ вашемъ положеніи... Mais, pardon, madame! je puis être indiscrète...

Digitized by Google

— Нѣтъ, нисколько, отвѣчала Катерина Александровна, вспомнивъ, что при ней разказала княгинѣ свои отношенія къ нему, и встревожась мыслію, не замѣтила ли тогда эта дѣвочка еще чего-нибудь другаго.

— Monsieur Алексинскій не правъ передъ вами, продолжала Полина нѣсколько восторженно, какъ чистый духъ, утѣшающій печальнаго смертнаго:—но, повѣрьте, онъ не можетъ быть долго неправъ; въ разлукѣ съ вами онъ оцѣнитъ какъ много вы его любите. Потому что вы его любите! Вамъ кажется, будто вы его разлюбили, а вы только сердиты на него... какъ онъ заслуживаетъ!

— Ah, chère enfant! прервала Катерина Александровна, увлеченная ея ласковою наивностью.

— Посмотрите, онъ покажется, и... parions, madame! раньше половины лѣта онъ сюда прискачетъ, прямо къ вашимъ ногамъ!

Полина позволила себѣ, въ совершенно-дѣтскомъ восторгѣ, обнять Катерину Александровну. Та была успокоена и отвѣчала нѣжнымъ поцѣлуемъ.

Чай былъ выпитъ офиціяльно, въ столовой, въ кругу за самоваромъ, подъ предсѣдательствомъ Аделаиды Григорьевны, среди идиллическихъ восхваленій, расточаемыхъ Пехлецовымъ довольно-жиденькимъ сливкамъ. Послѣ сливокъ восхвалялась природа, на которую, впрочемъ, никто изъ присутствующихъ въ теченіи дня не обратилъ вниманія,—а послѣ природы деревня. При этомъ имени, кстати, раздавались и вздохи.

— Tout est-il tranquille chez vous? спросила княгиня Пехлецова, прервавъ свое долгое молчаніе.

Пехлецовъ, находя, что и французскій языкъ еще недовольно таинственъ для окружавшей прислуги, отвѣчалъ только наклоненіемъ головы съ потупленіемъ глазъ.

— У Петра Гавриловича не можетъ быть безпорядковъ: онъ настоящій бояринъ старыхъ временъ! воскликнулъ Вася

Княгиня устремила взоръ въ даль, въ конецъ стола, въ упоръ на лицо маленькаго чиновника, и изрекла внуку:

— Soyez discret.

Чиновникъ не разслышалъ, но, подумавъ, что его подчуютъ еще чашкой неопредѣленной жидкости, какую обыкновенно наливала Аделаида Григорьевна существамъ низшаго разряда, придвинулъ ближе къ себѣ свою пустую чашку и сказалъ громко:

Digitized by Google

— Доволенъ.

— Что такое? вскричалъ Вася.

— Не хочу больше, доволенъ, повторилъ чиновникъ, не конфузясь, почти съ достоинствомъ, какъ существа низшаго разряда, которыя не стѣсняются въ удовлетвореніи своихъ жизненныхъ потребностей.

Вася фыркнулъ и расхохотался, или, вѣрнѣе, дѣлалъ видъ, что хохочетъ и не можетъ удержаться, несмотря на равнодушный взоръ бабушки. Аделаида Григорьевна, нисколько не желая смѣяться, но желая выказать, что сочувствуетъ Васѣ, смѣялась, граціозно кивая носомъ надъ чашками. Пехлецовъ осклабился снисходительно и самодовольно покачивался. Катерина Александровна, ничего не понимая, подняла глазки. Полина оглянулась презрительно на все общество, не исключая княгини и кончая своею матерью, которая сначала вспыхнула, обиженная въ лицѣ обиженнаго бѣдняка, а потомъ бросила на него взглядъ обиднѣе всего аристократическаго смѣха.

Это небольшое обстоятельство нѣсколько разбудило общество. Общество если и дремало, то скрывало это, потому что еще не насталъ приличный часъ, но оно видимо коченѣло отъ однообразія, отъ картъ, отъ солнца, отъ періодической ѣды, всего, что наполняло безконечный день. Княгиня почувствовала себя дурно, выходя изъ-за чайнаго стола, и сказала, что играть больше не желаетъ. Надѣвъ предварительно бурнусъ, она удостоила балконъ своего минутнаго присутствія, даже взглянула на сирени, темнѣвшія въ цвѣтникѣ, и пожелала имѣть вѣтку цвѣтовъ.

— Сейчасъ, grand'maman, отвѣчалъ Вася, готовясь сбѣжать.

— Ахъ, роса! сыро! холодно! вскрикнула Аделаида Григорьевна, уцѣпясь за его красные рукава.

— Для чего бѣгать? замѣтила княгиня, возвращаясь въ комнату:—прикажи человѣку.

— Я позвоню, сказалъ Пехлецовъ.

Княгиня поблагодарила. Лакей явился.

— Вѣтку сирени для ея сіятельства, объяснилъ ему Пехлецовъ.

— Я полагаю, пора закрывать окна, замѣтила княгиня.

Лампочки уже мерцали въ залахъ, а на оставленномъ карточномъ столѣ горѣли свѣчи. Лакей, посланный за сиренью, воротился отъ балкона.

— Какой прикажете, ваше сіятельство,—синей или бѣлой?

Digitized by Google

Княгиня помедлила отвѣтомъ.

— Бѣлой, я думаю, сказала она наконецъ.

Рослые служители запирали на задвижки послѣднія отверстія, пропускавшія свѣжій воздухъ, и спускали сторы. Въ комнатѣ стало жарко, какъ въ печкѣ. Княгинѣ принесли букетъ безъ зелени, вѣникъ, наломанный безъ вкуса и безъ жалости. Упругія кисти цвѣтовъ были полны росы; роса осталась на столѣ, гдѣ ихъ положили.

— Какъ я ихъ люблю! сказала Катерина Александровна.

— Сырость, произнесла княгиня, отодвигая ихъ отъ себя:— Адель возьми ихъ. У меня голова кружится; отъ этого запаха еще хуже.

— Въ самомъ дѣлѣ, подтвердила Аделаида Григорьевна:— слишкомъ сильный запахъ. Надо приказать выбросить, чтобъ и въ домѣ не было.

Лакей, явившійся по новому звонку, исполнилъ это.

— Вамъ лучше успокоиться, сказалъ Пехлецовъ, замѣчая, что лицо княгини, отъ жара, пошло въ пятнахъ.

— Ахъ, grand'maman, какъ вы вдругъ измѣнились! вскричалъ Вася:—что̀ съ вами, grand'maman? вамъ дурно, grand'maman? Что̀ будетъ со мной!

— Mais qu'avez-vous donc? произнесла величественно княгиня: — ты съ ума сошелъ, мой милый. Ничего со мною. Я спать хочу, только. Adieu, mon enfant, обратилась она къ Катеринѣ Александровнѣ:—прощайте, Петръ Гавриловичъ, до свиданія.—Ты говорила, Адель, что желала бы ѣхать съ Катериной Александровной, ночевать у нея; можешь ѣхать; ты мнѣ не нужна, я здорова, но завтра утромъ, пожалуста, чтобы къ завтраку ты здѣсь была.

— Bénissez-moi, grand'maman, сказалъ нѣжно Вася.

Княгиня дала ему руку, но отказала въ поцѣлуѣ и благословеніи, и торжественно вышла. Вася очень плачевно остался одинъ среди комнаты, гдѣ, по уходѣ бабушки, его приняли объятія Аделаиды Григорьевны.

— Это ничего, пройдетъ, grand'maman здорова, сказалъ ему Пехлецовъ.

Вася понемногу сталъ хныкать и заставилъ себя заплакать.

— Ахъ, Петръ Гавриловичъ, ахъ... я не могу подумать! если ни маменька, ни папа, не будутъ при кончинѣ бабушки? что̀ же это будетъ? nous n'aurons donc rien; que deviendrons-nous?

Digitized by Google

— Конечно, Базиль ребенокъ, но въ наше время надо и дѣтямъ думать о своей будущности, сказала выразительно Аделаида Григорьевна.

Анна Ѳедоровна во все время спокойно сидѣла у карточнаго стола, глядя на окружающихъ; свѣчи свѣтили прямо на ея злые глаза и вспутанные волосы. Полина тихо говорила съ Катериной Александровной, которой не оставляла.

— Вы пригласили къ себѣ Аделаиду Григорьевну? спросила она.

— Нѣтъ, она вызвалась сама. C'est une si bonne personne!

— Oui, admirable, excellente! отвѣчала Полина.

Аделаида Григорьевна вышла, чтобы собраться ѣхать, Вася убѣжалъ. Полина взглянула на Пехлецова, уже взявшаго шляпу. Пехлецовъ обрадовался ея вниманію и подошелъ.

— Деревенскій воздухъ благодѣтеленъ, сказалъ онъ:—вы похорошѣли.

— Это болѣе нежели благодѣяніе, это чудо, отвѣчала серіозно Полина.

— Чудо, потому что, казалось бы, невозможно...

— Невозможно, чтобъ я когда-нибудь могла похорошѣть?

— Ah, quelle idée! Невозможно, казалось бы, что-нибудь прибавить къ вашей красотѣ!

— Я когда-то просила васъ, возразила она скромно и серіозно до строгости:—не говорить мнѣ этихъ милыхъ неправдъ.

— Это не неправда, а справедливая оцѣнка.

— Красоту цѣнятъ послѣ, прежде цѣнятъ чувство, сказала Полина и отвернулась.

Пехлецова будто уколодо булавкой. Аделаида Григорьевна вошла, закутанная въ бурнусъ, съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ; она сбиралась на одну ночь въ гости, будто въ дальній путь. Пехлецову какъ-то пришло въ голову, что въ этомъ мѣшкѣ должны быть притиранья, филокомы и прочее, что было такъ хорошо знакомо ему, передъ которымъ уже не церемонились. Онъ взглянулъ на миленькое молодое личико Катерины Александровны, спрятавшееся въ красный капюшонъ, на яркіе глазки Полины,—и ему стало скучно. Съ стѣсненнымъ вздохомъ проводилъ онъ дамъ въ карету, принялъ рукопожатіе Аделаиды Григорьевны, сѣлъ въ фаэтонъ и покатилъ въ свою усадьбу.

Digitized by Google

II.

Катерина Александровна очень устала, но ея гостья была до такой степени любезна и говорлива, что было бы неучтиво жаловаться на усталость. Аделаида Григорьевна начала ахать съ крыльца, восхищаясь всѣмъ что̀ видѣла.

— Какъ у васъ хорошо, повторяла она:—скажите! вѣдь не меньше состояніе у другихъ, у княгини, а не то. Что̀ значитъ порядокъ; за это, просто, надо Бога благодарить.

— Или моего мужа, сказала Катерина Александровна.

— Нѣтъ! гдѣ вашему Николаю Васильичу! нѣтъ, это не то.

Катерина Александровна могла бы замѣтить, что, войдя подъ ея кровлю, Аделаида Григорьевна будто просвѣтлѣла душой, перемѣнилась въ обращеніи, оставила свое величіе, даже нѣсколько тормошилась. Грозная повелительница дѣвичьихъ поцѣловалась, здороваясь съ Настей, назвала пріѣхавшаго изъ Москвы лакея: «милый Семенъ», освѣдомилась, радъ ли онъ повидаться съ женой и дѣтьми, которыя оставались въ Вознесенскомъ. Катеринѣ Александровнѣ она, просто, прислуживала, вынесла ея бурнусъ, подобрала ея перчатки, подала ей туфли.

— Ради Бога, не безпокойтесь, повторяла, конфузясь, молодая женщина.

— Полноте, что̀ за безпокойство, я человѣкъ привычный, а у васъ еще отдохнешь, ей-Богу! ни шуму, ни крику въ домѣ. Вы знаете мою жизнь: только съ виду я госпожа, а въ самомъ дѣлѣ хуже всякой дѣвки,—все на мнѣ спрашивается. Конечно, я еще молода, но вѣдь и молодой человѣкъ устанетъ, какъ на немъ станутъ все взыскивать. У княгини характеръ вовсе не ангельскій, а мнѣ и двадцати лѣтъ не было, какъ я къ ней попала.

Катеринѣ Александровнѣ показалось, что это было едва ли не до ея рожденія, что она еще младенцемъ встрѣчалась съ Аделаидой Григорьевной у своей крестной матери, но ей такъ хотѣлось почивать, что она не стала вспоминать дальше.

— Вы такъ благородны, Катерина Александровна, продол-

Digitized by Google

жала компаньйонка, усаживаясь подлѣ молодой женщины, которой съ этой минуты показалось невозможнымъ прервать разговоръ предложеніемъ идти ложиться:—съ вами я могу быть откровенна. Подчасъ силъ не достаетъ. Скупость, вы знаете, естественная; я отвѣчаю за всякую посуду, которую дѣвчонка разобьетъ. Я, конечно, получаю жалованье, да велико ли? вѣдь надо одѣться, пріѣздъ большой, какъ-нибудь нельзя; *она* же попрекаетъ да конфузитъ. Ну, подарки... дрянь какую-нибудь... Еще еслибы дарила съ толкомъ. Репсу, напримѣръ, мнѣ на Святой на платье подарила. Скажите на милость, куда я этотъ репсъ надѣну? Да лѣтомъ еще, добро бы къ зимѣ! А это потому, что матерія тяжелая, въ лавкахъ стала дешева къ лѣту, вотъ *она* покупаетъ и даритъ,—а что репса зимой, можетъ, никто и носить не станетъ,—это ей нужды нѣтъ. Все такъ-то. И за все я должна въ глаза глядѣть. Ужасно это тяжело, Катерина Александровна, благородной дѣвушкѣ обязываться изъ-за какой-нибудь тряпки, когда бы я могла свой кусокъ имѣть...

— Это очень тяжело, повторила Катерина Александровна, слегка затрудняясь слезами, которыя набѣжали въ глазахъ гостьи.

— Конечно, я сирота, родители не могли мнѣ дать такого образованія... да что жь эти образованныя, развѣ лучше? Вотъ, Абаровы, Анна Ѳедоровна съ дочерью, по домамъ таскаются, выпрашиваютъ да переносятъ. А я этого никогда не дѣлала и не сдѣлаю. Я простая дѣвушка, но я уже въ обществѣ была, видѣла и сумѣю себя поддержать не хуже кого другаго. Матеры у меня,—вы знаете, я имѣю; могла бы, кажется... А все-то деньги!

— Да... тихо проговорила Катерина Александровна.

— А чего я натерпѣлась, вы возьмите, отъ княгини, отъ ея дочерей покойныхъ, отъ графини Агриппины Ивановны!.. А отъ покойницы молодой княгини, матери князя Ивана Петровича!... Господи, что это была за женщина! А еще всѣ о ней говорятъ, что была смиренница... ужь эти смиренницы! Просто, адскій характеръ! Не знаю, видно самъ Господь сжалился, что князь Иванъ Петровичъ не въ нее,—должно-быть въ отца или въ дѣдушку. Такой ангелъ, веселый, привѣтливый; только съ нимъ душой и отдыхаешь, когда онъ бываетъ. Красавецъ! Я его, просто, жду сюда, не дождусь. Шутки его милыя... такъ бы, кажется, взялъ его да разцѣловалъ...

Digitized by Google

Катерина Александровна не замѣчала, что собесѣдница наблюдала какъ ея головка отдѣлилась отъ подушки, къ которой прислонялась; пушистыя рѣсницы, тяжелыя отъ сна, на секунду совсѣмъ закрыли глазки, но когда поднялись, сна въ глазкахъ уже совсѣмъ не было.

— Милый, милый, повторяла Аделаида Григорьевна:—просто, ангелъ, душка, красавецъ, благородное существо... Вотъ, ужь, не дай Богъ, если онъ женится...

— Женится? повторила Катерина Александровна.

— Помилуйте, бабушка его драгоцѣнная затѣваетъ; развѣ мало она толкуетъ? Все «потомства нѣтъ», да, главное, остепенить его хочетъ. Нынѣшнею зимой всѣ уши ему прожужжала. И Хмѣлевскую сватала, и Торковскую, и не знаю кого. Онъ, бѣдный, придетъ ко мнѣ въ отчаяніи: «Адель, что мнѣ дѣлать? вы знаете, я жениться не могу.»—Что дѣлать? я говорю:—вѣдь вамъ и такъ хорошо? «Ахъ, говоритъ,—Адель, очень хорошо, я совсѣмъ счастливъ!»—Ну, говорю:—что же вамъ мѣнять вѣрное на невѣрное? Счастливы, и благодарите Бога, не женитесь и оставайтесь при томъ. Вотъ, не женился и не женится. Покуда онъ меня еще слушаетъ, я не допущу, чтобъ онъ связалъ себя навѣкъ.

— Милая Аделаида Григорьевна! сказала Катерина Александровна.

— Право, Катерина Александровна... я ему такъ желаю добра, по благородству его души... Пожалуй, на меня говорятъ, что я передъ старухой все стараюсь за Васю, чтобъ она для него больше сдѣлала. Это совсѣмъ неправда, Катерина Александровна. Если я и ласкаю Васю, то я вѣдь знаю, что это пропащій мальчишка, изъ котораго пути не будетъ; отецъ его промотался до послѣдней нитки, мишурный графъ этотъ, Богъ его знаетъ откуда; Агриппина Ивановна—гордячка, не приведи Богъ, я отъ нея всякія униженія выносила... Что мнѣ за нихъ стараться? я, просто, изъ жалости его ласкаю, да чтобъ еще не наплелъ онъ чего,—себя берегу. Еслибъ я могла независимо себя устроить какъ-нибудь,—а! тогда другое дѣло! а теперь, что я?

— Да, ужасное положеніе, сказала Катерина Александровна.

— Вотъ, право, рѣзко сказала компаньйонка:—еслибъ я сумѣла, какъ другія, тысячи наложить себѣ въ карманъ, я была бы покойна. Поклонилась бы княгинѣ, жила бы какъ цѣлый.

Digitized by Google

свѣтъ живетъ; знала бы изъ всѣхъ изъ нихъ одного князя Ивана Петровича... А теперь!... Замужъ развѣ пойдти?

— А что же? сказала, мило улыбнувшись, Катерина Александровна:—знаете, это было бы очень хорошо.

— Ахъ, вы точно князь Иванъ Петровичъ! Онъ мнѣ все твердитъ: «Идите, Адель, замужъ; у васъ будетъ домъ пріятный.» Я бы пошла...

— Ну, что же? повторила Катерина Александровна.

— Да и женихъ есть! вскричала Аделаида Григорьевна, вдругъ разсмѣявшись.

— Право? Хорошій?

— Хорошій! Дурной на что?

— Кто же это? Pardon, chère Аделаида Григорьевна.

— Что вамъ извиняться, помилуйте; я съ вами готова быть совершенно откровенна; я даже васъ попрошу... Пехлецовъ.

— Неужели? вскричала молодая женщина, не разсмѣявшись, что сдѣлала бы другая на ея мѣстѣ, вообразивъ эту чету.

— Онъ! Влюбился въ меня, старый.

— И дѣлаетъ предложеніе?

— Предложеніе... Нѣтъ, не то чтобы предложеніе жениться... а я ему говорю: женись!

— Это прекрасная партія, замѣтила Катерина Александровна.

— То-то я и говорю: женись! А то, что же мнѣ биться изъ ничего? Помилуйте, и скажутъ... ну, да положимъ, это все равно,—а скука, опять тоже, вѣкъ пробудешь въ экономкахъ: боленъ онъ—ходи за нимъ, сиди съ нимъ, вотъ все утѣшеніе. Вѣдь онъ тогда ужь не станетъ любезничать, какъ съ посторонними. Одна надежда, авось умретъ скоро...

— Ахъ! сказала Катерина Александровна.

— Да, право, продолжала, увлекаясь, Аделаида Григорьевна:—умретъ—не Богъ знаетъ что: деньги развѣ какія... такъ ихъ, неравно, вовремя не успѣешь спрятать; билеты у него все именные. Да хоть бы и женился, не велика благодать—седьмая часть: душъ семьдесятъ достанется, — есть изъ чего хлопотать! Потому я и сказала: «запиши мнѣ заранѣе сто душъ, да перепиши билетъ въ сорокъ тысячъ на мое имя»,—у него есть такой билетъ. Такъ нѣтъ, отговаривается, шутъ, противный!

— Но какъ же заранѣе? проговорила Катерина Александровна.

— Какъ? Да мнѣ-то какъ же быть, Катерина Александро-

Digitized by Google

вна? при чемъ же я останусь? Ходить за нимъ, капризы его сносить, терпѣть нареканія—и ничего за это? Нѣтъ, я такъ не хочу! Госпожа я, такъ госпожа,—не деревню мнѣ запишетъ, такъ пусть домъ на мое имя купитъ, да билетъ въ сорокъ тысячъ,—заранѣе, заранѣе! А женится—такъ еще я статская-совѣтница. Было бы изъ чего, въ самомъ дѣлѣ, переворачивать его, когда издыхать станетъ.

Катерина Александровна смотрѣла на нее со страхомъ; Аделаида Григорьевна замѣтила это, и перемѣнивъ тонъ, продолжала рѣзко, будто съ отчаяніемъ.

— А все вздоръ это! что затѣвать!... Я часто думаю: лучше уговорю князя Ивана Петровича, пусть женится поскорѣе, возьметъ меня къ себѣ въ домъ. Успокоилъ бы меня; я бы свой вѣкъ дожила съ его женой, дѣтей бы его няньчила.

— Нѣтъ, ужь лучше жить въ своемъ домѣ, возразила Катерина Александровна, у которой поблѣднѣли губы:—лучше, въ самомъ дѣлѣ, устройтесь съ Пехлецовымъ.

— А вы помогите!

— Я?... Mais que puis-je faire?

— Просто, скажите ему, что «вотъ, чего вамъ лучше Адели? она васъ любитъ, будетъ васъ покоить (отъ кого онъ этого, старый шутъ, дождется?), но положеніе Адели такое, что ваши родственники могутъ, въ послѣдствіи, надѣлать ей непріятностей, обидѣть ее. Это не потому говорится, чтобы вы были близки къ смерти (чѣмъ ближе-то, тѣмъ лучше, чортъ его возьми!),—а для того, чтобы въ свѣтѣ не могли сказать, что вы взяли бѣдную жену, да не позаботились о ней. Покажите ваше великодушіе.» Ну, тамъ, наговорите ему побольше. Ему что скажетъ хорошенькая женщина, то свято, а на васъ онъ заглядывается... Знаете... смѣхъ какой, право!... знаете, мнѣ нѣсколько разъ говорилъ князь Иванъ Петровичъ:—«Видѣть не могу, говоритъ, какъ этотъ Пехлецовъ глазъ не сводитъ съ Catherine Алексинской; такъ бы и побилъ его.»

Катерина Александровна смѣялась.

— Полюбезничайте съ нимъ; онъ по вашему приказу тотчасъ женится... И какъ ново это: молоденькая сваха за старую дѣвку... А старая дѣвка, право, рада за васъ жизнь отдать! заключила Аделаида Григорьевна, наклоняясь цѣловать плечики Катерины Александровны.

— Пойдемте спать, la nuit porte conseil, сказала Катерина Александровна, поднимаясь съ диванчика.

Digitized by Google

— Какая прелесть здѣсь все у васъ! продолжала Аделаида Григорьевна, снимая свою подвязную косу передъ зеркаломъ подъ розовою драпировкой:—насилу догадался Николай Васильичъ мебель купить; у васъ въ Москвѣ, право, какъ не хорошо. Настойте вы, чтобы къ зимѣ было все новое. Цвѣтовъ у васъ много; это его же охота?

— Нѣтъ, управляющаго, отвѣчала Катерина Александровна изъ спальни.

— Николай Васильичъ недогадливъ, не заведетъ, говорила компаньйонка въ видѣ à parte: — а управляющій, честный у васъ?

— Очень хорошій человѣкъ.

— Да и житье ему не дурное, продолжала Аделаида Григорьевна, заглянувъ въ спальню, видя, что Катерина Александровна начала молиться, и потому обращаясь къ Настѣ:—вѣдь онъ живетъ на всемъ готовомъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Настя: — люди говорятъ, онъ ничего не беретъ изъ хозяйства; курицу къ столу, и ту покупаетъ у нашихъ же мужиковъ.

— О, правда ли? сказала недовѣрчиво Аделаида Григорьевна: — у него, говорятъ, сколько затѣй во флигелѣ; это, ты думаешь, онъ все на свое жалованье?

— Конечно. Онъ Николаю Васильичу представляетъ счеты.

— Счеты? Милая, счеты бываютъ всякія. Еще отъ сотворенія міра не было управляющаго безъ грѣха.

— Ахъ, вотъ, я во время вспомнила! прервала Настя. — Простите, Катерина Александровна, Михаилъ Никаноровичъ приказалъ передать вамъ журналы и письмо съ почты, а я забыла. Вотъ они.

— Письмо? сказала Катерина Александровна, и ея ручки слегка вздрогнули, взявшись за конвертъ: она узнала почеркъ мужа.

Письмо было въ пять строкъ, писано вслѣдъ за нею, на другой день ея отъѣзда,— ничего больше, какъ извѣстіе, что двадцать четыре часа безъ нея были очень долги. Катерина Александровна смотрѣла на эти пять строкъ, и онѣ начали какъ-то ребѣть и мелькать въ ея глазахъ; Аделаида Григорьевна тоже вошла въ спальню и разсматривала книги русскихъ журналовъ, разпечатанныя, но не разрѣзанныя.

— Это вы получаете? спросила она.

— Нѣтъ, управляющій, отвѣчала Настя.

Digitized by Google

— И ты думаешь, это тоже на свои деньги? Глупенькая... Это онъ хочетъ угодить барынѣ, прислалъ; прислуживается ей ея же добромъ.

Катерина Александровна тихонько положила письмо на столикъ у своей постели, потомъ раздумала, велѣла отнесть его «туда, въ ту комнату»,—и улеглась. Она, однако, напрасно разчитывала успокоиться: Аделаида Григорьевна еще два часа сообщала ей свои планы и наставленія, какъ дѣйствовать на Пехлецова. Было почти свѣтло, когда онѣ заснули.

Аделаиду Григорьевну подняли рано, по ея приказанію: ей надо было успѣть сдѣлать свой туалетъ передъ тѣмъ какъ ѣхать домой; это заняло много времени. Катерина Александровна встала тоже, усталая,—на что̀ были причины,—и скучная,—чему она сама не находила причинъ. Предоставивъ свой туалетный столъ Аделаидѣ Григорьевнѣ, кутаясь въ бѣлый кашемиръ, она пріютилась на диванчикѣ, грустно глядя передъ собою. Это была уже не одна скука отъ ожиданія пустаго и скучнаго дня; тутъ было что-то въ родѣ раскаянія, потомъ тяжелое до слезъ сожалѣніе о себѣ,—des larmes sur une existence brisée, и среди его какъ будто жалость къ другому человѣку, къ тому, чье письмо такъ и бросалось въ глаза своею яркою печатью... а кажется, и Настѣ было приказано убрать его, и сама Катерина Александровна, съ тѣхъ поръ какъ встала, уже два раза перебросила его съ одного мѣста на другое... Она сидѣла задумавшись и ничего не думая.

— Подушиться, немножко... сказала Аделаида Григорьевна, наконецъ, вставая, Настѣ, которой насмѣшливые глаза начинали безпокоить ее, отражаясь изъ-за ея плечъ въ зеркалѣ.

Настя подала флаконъ.

— А, вотъ онъ! вскричала Аделаида Григорьевна: — откуда это у васъ?

— Что̀?

— Флакончикъ этотъ?

— Купленъ, я думаю, отвѣчала Настя.

— Катерина Александровна, откуда у васъ этотъ флакончикъ? спросила Аделаида Григорьевна, не удовлетворяясь этимъ отвѣтомъ.

— Купленъ... сказала Катерина Александровна, машинально повторяя отвѣтъ горничной, и сама чувствуя, что краснѣетъ.

Digitized by Google

— Гдѣ? когда?

— Право, не помню. Въ magazin des nouveautés, кажется.

— Странно, право, до чего похожъ!.. продолжала Аделаида Григорьевна, разсматривая хорошенькую бездѣлку передъ молодою женщиной, на которую тоже успѣвала смотрѣть. — Настя, матушка, тамъ мой чахолъ, принеси; да осмотри его, пожалуста... Вѣдь до чего похожъ! обратилась она опять къ Катеринѣ Александровнѣ, выславъ горничную: — я вамъ скажу, это исторія. Наканунѣ самаго Новаго года, пріѣзжаетъ къ намъ князь Иванъ Петровичъ, тащитъ меня:—«Адель, поѣдемте, мнѣ нужно покупку сдѣлать; чтобы никто не зналъ.» — Какую? — «Подарокъ, говоритъ, миленькій подарокъ.» Я надъ нимъ смѣюсь. Завозилъ онъ меня по *городу*, по магазинамъ; выбираетъ, ничего не выберетъ: все ему не хорошо. Я пристаю: кому подарокъ? потому что надо же, чтобъ и особа стоила такихъ хлопотъ! Не говоритъ. Надоѣлъ наконецъ. Я говорю:—Ну, купите вещь дорогую, серьги, брошку.—«Нельзя, говоритъ, не возьмутъ.» Все утро мыкались, я съ голоду умирала. Наконецъ, нашли мы, ужь и не помню гдѣ, между старьемъ, флаконъ этотъ... то-есть не этотъ, все равно! но вотъ точно этотъ: старый саксъ, съ канареечкой на верху. Онъ такъ и схватился. «Это-то, говоритъ, мнѣ и нужно, *она* сама канареечка!» Заплатилъ въ-три-дорога, страхъ что̀... Кому ужь онъ это, не знаю. Я бывала потомъ въ уборныхъ, вотъ, у Мороновой, у Шаровой; гляжу бывало нарочно, нѣтъ... Такъ, вотъ, сейчасъ и подумала, что это вамъ досталось.

— Зачѣмъ же мнѣ? возразила Катерина Александровна, вся блѣдная: — для чего князю дѣлать мнѣ подарки?

— Ахъ, да что же не дѣлать? Всѣ дѣлаютъ. Другіе, знаете, какъ дарятъ. И въ магазинахъ ужь наметались: тотчасъ догадываются, что для подарка, и дерутъ вдесятеро. Старички, особенно, попадаются. А взять... да что̀ же такое? Вотъ эта, Чеканьева, на что̀ рожа, и тоже смиренничаетъ, а я, одинъ разъ, ее въ магазинѣ у башмачницы встрѣтила; ей эта мадамъ говоритъ: «Я сейчасъ полдюжины туфель monsieur Касутину отправила; comme je sais, говоритъ, que c'est pour vous, я ихъ всѣ, даже которыя и не нужно было, широкимъ кружевомъ отдѣлала...» Chantilly, представьте себѣ!..—«Это вамъ, говоритъ, на чепчики годится, а monsieur Касутинъ довольно богатъ, заплатить можетъ.» — Вотъ, и извольте!.. А вамъ, почему не взять отъ князя Ивана Петровича? Онъ богатъ... Я

Digitized by Google

такъ и думала, это отъ него, заключила компаньйонка, засмѣявшись и взглянувъ на Катерину Александровну.

— Нѣтъ, повторила та чуть слышно.

— Такъ я у него добьюсь, кому онъ отдалъ. Этакой шалунъ! Бабушка узнаетъ, не скажетъ спасибо. Она часто повторяетъ, что этихъ вещей не потерпитъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ справедливо, Катерина Александровна, согласитесь: какая будущность для молодаго человѣка, если онъ свяжетъ себя страстію, да еще сохрани Богъ, къ замужней женщинѣ? Ему-то еще ничего, но ей-то, если откроется? Исторія, мужъ, въ свѣтѣ знать не захотятъ... Я всегда думала, что это или Моронова, или Шарова. Вы не знаете?

— Не знаю, отвѣчала Катерина Александровна, едва живая.

— Ну-съ, вотъ я и готова, сказала Аделаида Григорьевна, застегивая послѣднюю брошку.—Пора мнѣ ѣхать. Настя, скажи объ экипажѣ, чтобы подавали.

— А чай? спросила Настя, выходя.

— Что ты! я еще дома за нимъ три часа высижу... Такъто, прелесть моя, обратилась она довольно нецеремонно къ Катеринѣ Александровнѣ, когда ушла Настя: — я вамъ напомню нашъ вчерашній разговоръ о Пехлецовѣ. Онъ у васъ, вѣрно, скоро будетъ, не утерпитъ. Вы его хорошенько. Такъ и скажите: «женись, а прежде все какъ слѣдуетъ устрой.» Я вамъ говорила, вы припомните. А я вамъ сама пригожусь, я это знаю. Видите, какія вы нервныя, ничего скрыть не можете: вся помертвѣла... А вы будьте увѣрены, что, какъ я съ вами, такъ и вы со мной можете быть откровенны; только не довѣряйтесь всякой дряни, — вонъ, дѣвчонкѣ этой; она къ вамъ вчера все лѣзла. На что онѣ вамъ? Держитесь такихъ людей, которые къ вамъ истинно расположены... До пріятнаго свиданія.

Настя вошла съ докладомъ о каретѣ, и Аделаида Григорьевна уѣхала. Ея послѣднія предостереженія не заставили Катерину Александровну отмѣнить приказаніе, отданное Настѣ еще съ вечера: уложить въ картонку круглую сѣрую шляпу съ широкими полями, настоящую парижскую, которую мужъ поднесъ Катеринѣ Александровнѣ наканунѣ ея отъѣзда въ деревню, и прелестную штучку синяго барежа, тоже его подарокъ, — оба почему-то ненавистные. Эти вещи было приказано передать Mlle Полинѣ и извиниться, что Катерина Александровна не успѣла притомъ написать записки. Аделаида

Digitized by Google

Григорьевна не подозрѣвала, что везетъ подарокъ «дѣвчонкѣ», и всю дорогу провела въ размышленіяхъ, отъ которыхъ ея физіономіи возвратилось величіе, а ея глазамъ — ихъ яркій блескъ и неопредѣленное смѣшеніе рѣшительности и «себѣ-на-умѣ».

Едва ушла она, Катерина Александровна отворила свой балконъ и сошла въ садъ. Ей было тяжело, страшно, совѣстно; она, казалось, не видѣла свѣта передъ собою. Ея ножки были мокры отъ росы, полурасплетенные волосы поднимались подъ вѣтромъ; ей хотѣлось все идти, бѣжать... но куда же?

Въ аллеяхъ было тепло, влажно, и пахло свѣжею листвой; тѣнь отъ стволовъ деревьевъ ложилась на дорогу, будто тѣнь отъ колоннады; между деревьями мелькали лужайки съ желтыми, голубыми, бѣлыми цвѣтами, пчелы жужжали, бѣлыя бабочки такъ и вертѣлись цѣлыми стаями. Катерина Александровна остановилась и смотрѣла. Она подумала, по-французски, что въ деревнѣ очень хорошо.

— Здравствуйте, Катерина Александровна, сказалъ Неряцкій, такъ неожиданно, что она испугалась.

Онъ проходилъ не одинъ; за нимъ дворовый мальчикъ катилъ тачку съ дерномъ, другой несъ скребки и лопаты. Катерина Александровна тутъ только замѣтила, что она уже въ «англійскомъ» саду, и дошла до того мѣста около озера, гдѣ Неряцкій затѣялъ убрать что-то вновь, куда ей, наканунѣ, казалось непріятно идти.

— Не хотите ли посмотрѣть, что здѣсь дѣлается? продолжалъ Неряцкій:—видъ отсюда прехорошенькій. Въ полу-горѣ разбили цвѣтникъ, а впрочемъ остальная природа только вычищена, а не украшена. Я васъ сведу.

— Нѣтъ, сыро, возразила Катерина Александровна.

— Въ самомъ дѣлѣ... кто жь такъ выходитъ? сказалъ онъ:— поневолѣ никуда не пройдете, а будете только кружить по цвѣтникамъ. Проводили вашу гостью?

— Да; она торопилась.

— Какая красавица! продолжалъ Неряцкій, идя съ Катериной Александровной:—глядя на нее, убѣждаешься, какъ совершенны могутъ быть дѣла рукъ человѣческихъ, когда царь-человѣкъ возьметъ природу, да подмажетъ ее хорошенько;— своя рука владыка!.. Куда же она торопилась?

— Домой. Она необходима княгинѣ, отвѣчала Катерина Але-

Digitized by Google

ксандровна съ небольшою досадой на его безцеремонный тонъ и шутки.

— Хорошо, что вы договорили кому она необходима, продолжалъ невозмутимо Неряцкій.— Княгинѣ! Это дѣло другое. А то, признаюсь, я бы никакъ не догадался. Княгинѣ, конечно. Ея сіятельство дремать хочетъ, да не дремлется; эта расписанная особа... что бъ ужь ей татуироваться? одинъ разъ на всегда, безъ хлопотъ!.. она ей разкажетъ сплетню, убаюкаетъ. Княгиня обругаетъ ея отца роднаго; она примолвитъ: «да-съ, точно такъ, покорно благодарю.» Княгиня ничего цѣлый день не дѣлаетъ, вотъ ей товарищъ... И какъ весело ничего не дѣлать! сыта, покойна. Конечно, только при такихъ особахъ, какъ ея сіятельство, могутъ процвѣтать подобныя этой особы. Потому-то я и удивился, что вы ее съ собой привезли; на что̀ она вамъ понадобилась?

— Я была еще ребенкомъ, когда ее знала, возразила Катерина Александровна.

— А теперь, неужели вамъ съ ней... по крайней мѣрѣ, не скучно?

— Почему же скучно? Какъ со всѣми. Elle a donc de l'éducation.

— Право? Вы шутите, возразилъ онъ, разсмѣявшись:—я понимаю вашу доброту, но ужь такой неприхотливости отъ роду не видывалъ! Вы шутите.

— Я не имѣю права быть прихотливою, отвѣчала Катерина Александровна, обидясь:—я получила не больше воспитанія. Я моложе, я богата, но это не даетъ мнѣ права быть невнимательною, это значило бы оскорбить.

Неряцкій опустилъ голову и шелъ молча. Катерина Александровна ободрилась, воображая, что своими, какъ ей казалось, грозными словами поставила на мѣсто этого неучтивца.

— Ничто такъ не тяжело для бѣдныхъ людей, продолжала она въ совершенной увѣренности, что говоритъ неоспоримыя истины и защищаетъ чьи-то права:—какъ пренебреженіе со стороны тѣхъ, отъ кого они зависятъ. Надо быть, я не знаю какъ, неделикатнымъ, чтобы допустить ихъ даже подозрѣвать такое пренебреженіе.

Неряцкій улыбнулся.

— Вы ангелъ доброты! сказалъ онъ, пожавъ плечами.

— Нѣтъ, право, продолжала Катерина Александровна, только услышавъ слова, но не замѣтя ни жеста, ни улыбки: — со-

Digitized by Google

гласитесь, эта дѣвушка бѣдна; maman... княгиня, какъ многія старухи, часто бываетъ... взыскательна. Не обязана ли я... Но я и по сердцу готова сблизиться съ этимъ бѣднымъ, благороднымъ существомъ!

Неряцкій безцеремонно расхохотался.

— Нѣтъ, ужь позвольте! прервалъ онъ:—вы сами сказали, ваша крестная маменька взыскательна. Похуже! Она въ величіи своемъ и загадочности уподобилась сфинксу; міры падутъ вокругъ нея и не сдвинутъ ее съ этаблисмана; сломи себѣ голову Васька, или прострѣли себѣ голову тотъ, кутила,—она не спроситъ почему это случилось, и воздохнетъ только о родѣ Десятовыхъ,— гдѣ же ей и помыслить о прочихъ смертныхъ? Она не человѣкъ, она нѣчто безплотное, «ея сіятельство», а если уступаетъ и соглашается, что и она сотворена изъ костей и тѣла, то это, по ея понятіямъ, нѣчто иное чѣмъ у другихъ, нѣчто, если еще не совсѣмъ безсмертное, то просвѣтленное; по ея понятіямъ, даже ея гадкая старость и дряблость не должны никому казаться гадкими,— вотъ ваша княгиня! а у такой особы, бѣдной приживалкѣ...

— Должно быть очень тяжело, прервала Катерина Александровна, разсерженная, но озадаченная до того, что не умѣла даже выразить своего гнѣва.

— Да, еслибъ эта приживалка была человѣкъ. Но будь она человѣкъ, она не стала бы жить при княгинѣ, а такъ какъ она хуже того, что̀ заводится въ гнили, она и живетъ, и покойна, и довольна, и независима. А вы воображаете, что она зависитъ отъ васъ? Вы отъ нея, Катерина Александровна! Вамъ не войдетъ въ голову, что̀ можетъ сдѣлать противъ васъ эта дрянь, потому что добра онѣ не дѣлаютъ, не умѣютъ, не въ ихъ натурѣ!

— Я думаю, въ натурѣ всякаго человѣка быть благодарнымъ за добро, или за вниманіе, которое ему оказываютъ, возразила молодая женщина, вспыхнувъ и въ смущеніи.

— Повторяю вамъ: эта приживалка не человѣкъ. Бѣдный человѣкъ, если въ немъ есть на волосъ достоинства, трудится, зарабатываетъ свой хлѣбъ,—пожалуй, живетъ въ чужомъ домѣ, но несетъ тамъ обязанность, ходитъ за больными, учитъ дѣтей... цыплятъ считаетъ, наконецъ! Но эта живетъ даромъ, ни для чего, а потому что привыкла къ пирожнымъ, къ туфлямъ на каблукахъ. Она готова полъ лизать вслѣдъ за ея сіятельствомъ, лишь бы ея сіятельство осчастливила, подачку дала за это.

Digitized by Google

Она не цѣнитъ, потому что не способна понять истинное добро; не надо ей вашего вниманія. Ей вдвое ненавистенъ тотъ, кто обращаетъ на нее такое вниманіе, потому что тотъ человѣкъ разбираетъ ея настоящее положеніе и, слѣдовательно, можетъ догадаться какъ она унижаетъ себя. Разкажите ей ваше горе, она продастъ его кому оно годится, а подарите ей это (Неряцкій, забывшись, схватилъ конецъ ея кашемира), выгоните ее изъ дома и плюньте ей вслѣдъ, она поблагодаритъ васъ... Извините, прибавилъ онъ, встрѣтивъ ея испуганный и разгнѣванный взглядъ.

Катерина Александровна подумала, что этотъ человѣкъ ужасно дурно воспитанъ, и въ деревнѣ, съ мужиками, потерялъ послѣднія привычки приличія. Не находя что сказать, она только пошла скорѣе, удивляясь какъ еще далеко до дома и не замѣтивъ, по незнанію мѣста, что, разговаривая, Неряцкій повернулъ въ противоположную сторону рощи и теперь приходилось дѣлать длинный обходъ. Она оглянулась; кругомъ все было тихо, только перекликались и пѣли птицы; роща казалась пустыннѣе, дорога уже не была отдѣлана и усыпана пескомъ; по ней пробивалась трава и лежали прошлогодніе листья.

— Какъ далеко, сказала она съ нетерпѣніемъ.

— Вы устали? что значитъ непривычка! Вотъ сейчасъ будетъ большое срубленное дерево; можете отдохнуть, отвѣчалъ Неряцкій.

— Куда же это я зашла? На край свѣта! продолжала Катерина Александровна, не скрывая досады.

— Только на край вашихъ владѣній, отвѣчалъ Неряцкій:— помѣщикъ Малѣевъ, сосѣдъ вашъ, затѣялъ оттягать у васъ половину этой рощи, какъ разъ до этого мѣста.

— Mais c'est une indignité! вскричала Катерина Александровна.

— Я думаю, что indignité, повторилъ, улыбаясь, Неряцкій:— но по силѣ довѣренности, которою вы почтили меня и предоставили мнѣ право, при случаѣ, защищать ваши интересы, я могу вести процессъ, а въ N. нашлось чудо: предсѣдатель гражданской палаты и его товарищъ не берущіе взятокъ. Роща останется за вами. Пока, это воображаемая граница двухъ враждующихъ державъ.

— Это очень скучно, сказала Катерина Александровна:— пожалуста, чтобъ этого не было.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Неряцкій:—садитесь и отдыхайте.

Digitized by Google

— Ахъ, ландыши! вскричала Катерина Александровна, бросаясь къ цвѣтамъ, которые бѣлѣли подъ тѣнью большаго дерева:—миленькіе, я еще ихъ не видала!

— Отдыхайте, я вамъ нарву, сказалъ Неряцкій.

— Миленькіе, повторяла она, нюхая цвѣты, которые онъ ей подалъ:—довольно, не мучьте ихъ больше. Всякій день буду сама ходить въ рощу; нарву себѣ сама полную комнату ландышей, фіялокъ, всего...

— А голова у васъ не разболится? спросилъ Неряцкій, глядя на нее серіозно.

— Oh, mais je ne suis pas nerveuse!

— Что жь это вы? сказалъ онъ, улыбнувшись:—какъ же вы живете въ свѣтѣ? это, пожалуй, годится намъ, деревенщинѣ, крѣпкіе нервы...

— Vous êtes injuste, начала она, ласково глядя на свой прелестный букетъ:—вы не справедливы... За что вы браните свѣтъ?

— Развѣ я его браню? Я только говорю, что въ немъ дѣлается.

— Нѣтъ... Но сейчасъ за что вы бранили эту бѣдную Аделаиду Григорьевну, княгиню?.. продолжала Катерина Александровна, повеселѣвъ какъ ребенокъ, котораго раздразнили и утѣшили:—право, это не хорошо.

— То-есть, онѣ не хороши, сказалъ Неряцкій, глядя какъ она пресеріозно считала четъ или нечетъ цвѣтковъ на одной былинкѣ, вѣроятно, гадая, и, кончивъ, улыбнулась и покраснѣла.

— Но вѣдь онѣ вамъ ничего не сдѣлали? Весь свѣтъ таковъ.

— Да-съ, и я, къ счастію, не имѣю съ нимъ никакого дѣла, отвѣчалъ Неряцкій:—но вотъ вы въ немъ живете; что же, хорошо вамъ?

Катерина Александровна встрепенулась.

— Что же, сказала она, испугавшись:—свѣтъ, въ отношеніи ко мнѣ...

— То-есть, онъ еще не злословилъ васъ, не клеветалъ на васъ, прервалъ Неряцкій:—онъ еще понимаетъ, что это невсегда можно дѣлать, что за это, пожалуй, и шею свернутъ, кто попадется. Но вамъ тошно отъ него не бывало?

— Какъ это? спросила она, вздохнувъ свободно.

— Такъ, просто тошно, физически тошно.

Digitized by Google

— Да!.. Вы хотите сказать, что однообразно...

— Нѣтъ, нѣтъ, помилуйте! и хорошее бываетъ однообразно; вотъ, роща очень хороша, а все дерево да дерево.

— Je ne vous comprends pas. Стало-быть, тамъ все дурно? Вы, въ самомъ дѣлѣ, несправедливы. Тамъ, гдѣ... (Катерина Александровна затруднялась говорить по-русски) тамъ, гдѣ воспитаніе, приличія, средства, образъ жизни, les traditions... en un mot, tout! все это располагаетъ, чтобы люди лучше были... и они въ самомъ дѣлѣ лучше, мягче, благороднѣе... вы хотите искать зло...

— Конечно, это все равно, что искать воды въ рѣкѣ, замѣтилъ Неряцкій, идя опустивъ голову.

— Vous plaisantez!

— ..... Общество это до конца прогнило, а все еще на себя радуется! «Education,» какже! французско-замоскворѣцкое нарѣчіе! Женщины... Которая и поумнѣе, та боится думать, насильно себя одуряетъ изъ приличія: «думать неприлично...» Да никто ничего и не думаетъ. Какъ думать? Тронешь одну—сто бѣдъ на голову валится; шевельнешь одинъ грѣхъ—за нимъ сотня ползетъ... Что тутъ думать? закрыть глаза, да доживать какъ-нибудь!.. Эта безтѣлестная княгиня, эти барыни привередницы, эта молодежь недоучка, носъ поднимаетъ, по уши въ долгахъ, за плечами скверныя исторіи, ни Бога не знаетъ, ни здраваго смысла... Ни въ комъ правды, ни въ комъ достоинства; другъ передъ другомъ до конца унизились, ненавидятъ другъ друга, какъ разбойники другъ друга ненавидятъ...

Катерина Александровна похолодѣла отъ страха; у нея мелькало въ головѣ только то, что она одна въ лѣсу съ этимъ человѣкомъ.

— И вѣдь какъ глупы!.. Сжалится кто-нибудь надъ ихъ дурью, станетъ имъ вотъ такъ говорить: «опомнитесь,» куда! прогнѣваются: «ажитаторъ, опасный человѣкъ»... Да ну ихъ!

Катерина Александровна молила Бога только о томъ, чтобы скорѣе достичь дома.

— Между ними есть и хорошіе люди, продолжалъ Неряцкій: какъ не быть исключеній. Исключенія самыя блестящія: люди образованные, съ теплымъ сердцемъ, готовые на добро, способные на дѣло. Они видятъ, что тѣ дурны, но эти дурные люди—*свои*; они не только не оставляютъ ихъ, но отстаиваютъ, грѣшатъ потворствомъ, поддерживаютъ: *свои*, видите, солидар-

Digitized by Google

ность!.. И изъ этой солидарности, изъ этого потворства, дѣльные, превосходные люди мельчаютъ, теряютъ свою энергію, портятъ самихъ себя, портятъ дѣло.

Катерина Александровна шла молча.

— Если вы не раздумывались объ этомъ, не вникали, продолжалъ Неряцкій, помолчавъ тоже и глядя на нее:—то невозможно, чтобы хотя смутно не чувствовали. Вашъ мужъ человѣкъ честный и хорошій, но онъ не изъ вашего круга, ему круто съ вашимъ антуражемъ, вы сами знаете. До сихъ поръ, онъ влюбленъ въ васъ какъ въ медовый мѣсяцъ, стало-быть, и въ мнѣніяхъ вы согласны; конечно, какъ женщина, и молодая, вы не можете чувствовать рѣзко, какъ мы, но все-таки вамъ въ *свѣтѣ* должно быть и тошно, и противно. Мнѣ жаль васъ, зачѣмъ родились вы среди этого *свѣта*. Скажу вамъ лучше всякаго доктора: этотъ свѣтъ виноватъ, что вы заскучали въ Москвѣ... Надо же въ самомъ дѣлѣ, чтобъ и здѣсь вы отъ него не избавились, чтобы нечистая сила прислала сюда нынѣшній годъ эту сіятельную сволочь! Она вамъ покоя не дастъ; вы же, на бѣду, добры. Позвольте мнѣ распорядиться, если вы сами не въ силахъ: я велю запереть ворота, и какъ явится кто: приживалка, сіятельный отрокъ, сама матушка, кавалеристъ,—безъ различія пола и возраста, всѣхъ гнать... Прикажете?

Онъ смѣялся.

— Нѣтъ, не безпокойтесь, проговорила Катерина Александровна нетерпѣливо и съ неописанною радостію, завидя свой балконъ.

— О-о, какъ вы устали! сказалъ Неряцкій, когда она прибавила шагу:—и, можетъ-быть, еще ничего не ѣли съ утра?

— Ничего.

— Прекрасно, покушаете съ удовольствіемъ. Какъ вы поздоровѣете, увидите сами. До свиданія. Я вчера прислалъ вамъ журналы.

— Да, я видѣла, mercі. Я вамъ отошлю ихъ.

— Вамъ не угодно ихъ читать?

— Нѣтъ... я думала, вамъ нужно...

— Я могу подождать.

— Пожалуста, сказала она, остановясь у своей лѣстницы:—въ оранжереяхъ есть земляника?

— Вамъ угодно ее къ завтраку, со сливочками? Какъ не быть, отвѣчалъ онъ весело.

Digitized by Google

— Нѣтъ... но, видите что̀... велите обобрать и пошлите... съ верховымъ. Я обѣщала maman.

— Ея сіятельству?

— Да, отвѣчала она, всходя.

— Слушаю-съ.

Онъ не трогался съ мѣста, пока она всходила. Она остановилась на верху, подумала, и, сконфуженная, обратилась къ нему.

— Monsieur Неряцкій!

— Что̀ прикажете?

— Вчера, княгиня Катерина Петровна говорила мнѣ, что желаетъ, что хочетъ... qu'elle aurait besoin de vous voir chez elle.

Неряцкій поклонился, не отвѣчая. Катерина Александровна ушла въ комнату.

Онъ пошелъ скоро къ своему флигелю, неровною, сильною походкой, по которой жители Вознесенскаго примѣчали, что управляющій сердитъ. Неряцкій былъ не сердитъ, но два года, съ того лѣта, которое Катерина Александровна прожила въ деревнѣ вмѣстѣ съ мужемъ,—до сумашествія влюбленъ въ Катерину Александровну. Утренняя прогулка его встревожила, взволновала... впрочемъ, и разсердила.

III.

Прошло недѣли двѣ. Деревня все хорошѣла, хотя ландыши замѣнились незабудками, поля изъ синеватозеленыхъ перешли въ бурый золотистый цвѣтъ, въ рощахъ рѣдкій прозрачный листъ сдѣлался темнѣе, и носился запахъ уже не одной ожившей земли, но и свѣжаго гриба, который поднималъ красную шапочку изъ побѣлѣвшаго моха. Становилось ужь очень жарко къ полднямъ, рябина цвѣла, и ночи бывали грозныя. Цвѣтники начинали пестрѣть; розы были великолѣпны, крупныя, яркія, нѣжныя; онѣ замѣтно веселѣли и улыбались, когда ихъ освѣжали водой изъ лейки. И въ господскихъ домахъ прибавился расходъ на ледъ и воду.

Въ княжескомъ домѣ села Бубнова, въ десять часовъ утра, отворяли по одному окну въ комнатѣ, въ избѣжаніе сквознаго вѣтра; въ одиннадцать спускали маркизъ надъ балкономъ. Изъ-

Digitized by Google

подъ маркиза, въ цвѣтникѣ, виднѣлись только желтыя лиліи-*свѣчки* и желтыя лиліи-*тигриды*, подобіе кактусовъ, изображаемыхъ на канвѣ княгиней. Другихъ цвѣтовъ не было, но и этихъ было достаточно, потому что княгиня однажды удостоила произнести, взглянувъ въ окно съ вершины своего этаблисмана:

— Ces fleurs éclairent comme une illumination, un kiaking.

Аделаида Григорьевна три дня повторяла «kiaking». Это повторялъ и Пехлецовъ, являвшійся аккуратно каждый день, когда вставали изъ-за обѣда, для партіи ералаша, за который принимались тотчасъ. Въ десять часовъ вечера гостя поили чашкой легкаго чая и сажали опять козырять до часа ночи. Если случалось княгинѣ, въ увлеченіи выигрыша, проговориться: «J'ai une faim canine,» то являлась какая-нибудь omelette, lait caillé, или остовъ вчера зажаренной птицы, всегда грустнаго вида и малаго размѣра. Какимъ бы собачьимъ голодомъ ни страдали присутствующія, онѣ были обязаны только улыбнуться княжеской фантазіи покушать, и отказаться отъ всего, что онѣ и дѣлали, компаньйонка, Анна Ѳедоровна и Полина, кромѣ Пехлецова, который, всегда съ милою шуткой надъ своимъ невоздержаніемъ, отваживался взять часть изъ этого, казалось бы, недѣлимаго.

Несмотря на предположенія частыхъ свиданій, lectures, longues promenades и прочаго, жители Бубнова почти не видались съ Катериной Александровной. Все какъ-то «не удавалось», какъ всегда бываетъ у людей, не умѣющихъ ни сближаться, ни веселиться. Конечно, веселье было бы не велико и отъ сближенія. Катерина Александровна пріѣхала одинъ разъ провести день, потомъ вечеръ. Утромъ она вышила по кисеѣ два фестона, подъ руководствомъ Анны Ѳедоровны, слушая французское чтеніе Аделаиды Григорьевны; потомъ ее посадили за карты, до ночи, въ замѣнъ Пехлецова, который не явился, что избавило ее отъ затрудненія, «une corvée», переговорить съ нимъ объ Аделаидѣ Григорьевнѣ, какъ она обѣщала.

Потомъ ей показалось неловко, бывая «такъ часто» у maman, не пригласить ее къ себѣ. И Катерина Александровна пригласила всѣхъ passer une soirée, просила передать это приглашеніе и Пехлецову и устроила свой вечеръ такъ парадно, какъ будто давала его для самыхъ церемонныхъ знакомыхъ. Она даже одѣлась къ этому вечеру, приказала Неряцкому, чтобы комнаты были освѣщены и цвѣты вынесены, потому что у maman

Digitized by Google

отъ нихъ голова кружится, и кстати, пригласила Неряцкаго. Она надѣялась, что онъ не придетъ. Неряцкій пришелъ, однако, и, къ удивленію Катерины Александровны, постоянно ожидавшей чего-то, все обошлось благополучно. Княгиня увидѣла Неряцкаго необыкновенно дружелюбно и тотчасъ заговорила съ нимъ о своемъ межеваніи. Неряцкій слушалъ внимательно и серіозно, объяснилъ что-то, что-то посовѣтовалъ. Когда она сказала, что пришлетъ къ нему юнаго Гусева, чтобъ онъ его наставилъ какъ написать какую-то бумагу, Неряцкій, хладнокровно, но очень учтиво, сказалъ: «Извольте, пришлите; я сдѣлаю, что̀ нужно.» Княгиня сдѣлалась съ нимъ изумительно любезна, даже безъ покровительственнаго тона, даже выказывая ему предпочтеніе передъ Пехлецовымъ, и сама предложила ему играть съ нею. Они засѣли: Неряцкій, княгиня, Анна Ѳедоровна и Пехлецовъ. Аделаида Григорьевна сама выразила желаніе остаться съ Катериной Александровной и, открывъ рояль въ маленькой гостиной, огласила окрестныя рощи трелями *Травіаты*. Неряцкій поднялъ голову отъ картъ и послушалъ. Пехлецовъ умильно усмѣхнулся. Полина дѣтски игриво побѣжала на звуки, напѣвая то же. Неряцкій еще разъ поднялъ голову и посмотрѣлъ ей вслѣдъ. За трелями, Аделаида Григорьевна начала издавать патетическій кашель, и княгиня объяснила Неряцкому, впрочемъ, ни взоромъ, ни движеніемъ не требовавшему объясненія:

— Cela est dans l'opéra.

— Ахъ, Травіата! вздохнулъ Пехлецовъ: — Mlle Pauline, Травіата!..

— Plait-il? спросила Полина.

— Травіата! Какъ хорошо! Вы знаете?

— Знаю, отвѣчала она и ушла.

Анна Ѳедоровна посмотрѣла на старичка своимъ ястребинымъ взглядомъ и въ волненіи спутала игру.

— Вася, mon ami, будьте какъ дома, сказала ему Катерина Александровна.

Но Вася велъ себя безукоризненно скромно; онъ не отошелъ отъ креселъ бабушки, иногда подавая свое мнѣніе насчетъ игры и выказывая рѣдкую сообразительность. Бабушка была два раза спасена его совѣтомъ. Въ промежуткахъ игры, если говорили что-нибудь, Вася слушалъ съ почтительнымъ вниманіемъ и дѣлалъ нѣкоторыя, несмѣлыя съ вида, но очень рѣшительныя замѣчанія...

Digitized by Google

Катерина Александровна съ компаньйонкой и Полиной обошли цвѣтники и оранжереи, и вообще провели время d'une manière charmante. Игра продолжалась, по обыкновенію, за полночь. Неряцкій обыгралъ всѣхъ, равнодушно счелся, положилъ деньги въ карманъ и ушелъ домой.

— Человѣкъ, привычный къ счетамъ, къ большимъ суммамъ, сказалъ ему вслѣдъ Пехлецовъ: — въ одинъ мигъ кончилъ; не то, что вы, Анна Ѳедоровна, всякую четверть копѣйки во всѣхъ углахъ записываете, пересчитываете...

— За то, я думаю, онъ и обсчитываетъ лихо, возразила Анна Ѳедоровна, какъ всегда, пунцовая отъ отчаянія.

— Нѣтъ, я не жалѣю маленькой суммы, что̀ ему проиграла, произнесла по-французски княгиня, кушая съ большимъ аппетитомъ что-то модное, дорогое и хитро приправленное, поданное въ раковинахъ за ужиномъ, сервированнымъ великолѣпно, на серебрѣ, хрусталѣ, фарфорѣ, съ канделабрами въ цвѣтахъ, съ такимъ множествомъ блюдъ, съ такимъ роскошнымъ дессертомъ, что можно было подумать, будто Катерина Александровна намѣрена откормить несчастныхъ, найденныхъ послѣ кораблекрушенія.—Я не жалѣю моей маленькой суммы, повторила княгиня:—все равно, мнѣ надо было бы дать ему что-нибудь за консультацію по моему дѣлу. Эти люди все считаютъ; вѣдь это ихъ доходъ.

Такимъ образомъ всѣ остались довольны. Пехлецовъ объѣлся, хотя скрывалъ это, и не явившись дня три козырять съ княгиней, отговорился разными дѣлами. Катерина Александровна, пріѣхавъ благодарить свою крестную maman за честь, сдѣланную ея посѣщеніемъ, нашла maman тоже слегка разстроенную и потому извинявшую отсутствіе Пехлецова. Аделаида Григорьевна потеряла голосъ, утѣшая княгиню французскими романами. Княгиня похвалилась, что онѣ *сдѣлали много чтенія*, и что это помогло ей подвинуть работу, коверъ для Жана, который на дняхъ пріѣдетъ. Катеринѣ Александровнѣ предложили посмотрѣть комнату, назначенную для Жана.

— Проводите ее, ma chère, сказала княгиня Полинѣ.

Покуда Катерина Александровна стояла среди этой комнаты, оглядывая ее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, потому что смотрѣть въ ней было нечего — комната какъ комната, — но все-таки воскликнувъ при входѣ и повторивъ потомъ «c'est charmant!» потому что нельзя же не сказать чего-нибудь; покуда,

Digitized by Google

отдавшись въ созерцаніи, она начинала находить, что тутъ, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то особенное, а въ душѣ ея какой-то голосъ началъ повторять настойчиво, тревожно, что это комната Жана, что онъ будетъ жить въ ней; покуда молодая женщина стояла неподвижная, красиво сложа ручки и немного поднявъ головку, какъ на модной картинкѣ, а взглядъ ея туманился, лицо блѣднѣло,—Полина бросилась на кушетку, закинувъ руки на подушку.

— Славная кушетка, сказала она.

Лежа, она наблюдала за Катериной Александровной, потомъ вдругъ вскочила.

— Mille pardons, madame! но вы такъ добры! *Тамъ* все такъ чинно, шитье этого ковра для князя мнѣ такъ надоѣло,— я не могла вытерпѣть не пошалить...

Вася вбѣжалъ, увидя отворенную дверь.

— А, вы смотрите комнаты, Катерина Александровна! Жанъ прекрасно помѣщенъ. Тутъ еще рядомъ une chambre de toilette и еще для камердинера. Grand' maman очень заботится. Здѣсь, посмотрите, можно принимать... Я надѣялся, когда ѣхалъ сюда, что у меня будетъ свой уголокъ, гдѣ бы я тоже могъ принять; я надѣялся, что вотъ вы, Катерина Александровна, сдѣлаете мнѣ честь, придете ко мнѣ. Mais ce n'est pas présentable, ce n'est pas habitable, les meubles sont atroces. Одно, что стараюсь нѣсколько собрать у себя, это наши старинные фамильные памятники. Вы знаете, Катерина Александровна, Десятовы,—вѣдь они прямо отъ Рюрика. У меня за постелью виситъ волчья шкура; моій прадѣдъ, князь Данило Десятовъ, самъ убилъ этого волка; on dit qu'il l'a lui-même écorché, Катерина Александровна, c'est donc un souvenir! И вдругъ, это заброшено. Я выпросилъ у grand'maman. Потомъ, у меня стопа... Vous savez ce que c'est «стопа», Катерина Александровна? этимъ бояре медъ пили. У grand' maman много этихъ кубковъ, золотые, серебряные; надѣюсь, она ихъ бережетъ не одному Жану; маменька имѣетъ такое же право... Стопа у меня хрустальная, граненая, съ мѣдною крышкой на цѣпочкѣ. Figurez-vous, c'était dans l'office, этою драгоцѣнностью кучера квасъ пили! а это древность, какой нѣтъ ни у одного археолога... Mais venez plutôt voir vous-même, madame, vous verrez aussi comme je suis logé...

Онъ повелъ Катерину Александровну этажемъ выше, въ свое жилище, на непрезентабельность котораго жаловался совѣмъ

Digitized by Google

напрасно. Напротивъ, юный графъ Теженецкій самъ загромоздилъ и засорилъ большую свѣтлую комнату, собравъ въ нее кипы старыхъ календарей, старыя географическія карты, межевые планы, записи съ печатями и безъ печатей, битую посуду, полинялыя табатерки, ржавые охотничьи ножи, позеленѣлые охотничьи рога, казацкія пики, нагайки, сѣдла, звѣриныя шкуры, облупившіеся портреты, черныя картины, стразовыя пряжки, изломанные орденскіе знаки, сабли, туфли, оловянныя блюда,—весь скарбъ и хламъ, какой нашелся на чердакахъ бубновскихъ.

Катерина Александровна ахнула.

— Mon cher, какое множество вещей! сказала она стараясь пересилить брезгливое чувство, которое поднялось у ней при видѣ этой пыльной дряни.

— Voulez-vous prendre place, madame? сказалъ Вася, предлагая ей старинное кожаное кресло.—Знаете, это кресло прабабушки княгини Степаниды Юрьевны. Она, говорятъ, жила въ этой комнатѣ. Говорятъ, она до самой смерти была увѣрена, что ея старшую внучку (мою тетку, покойную сестру маменьки) звали Степанидой, и только, когда она, умирая, стала благословлять внучатъ, ей сказали, что тетушку зовутъ Лидія. Она, говорятъ, страшно разсердилась... Mais un nom si drole, Степанида, — вѣдь это невозможно! Говорятъ, дѣдушка князь Иванъ Даниловичъ и хотѣлъ было такъ назвать дочь, но grand'maman не согласилась.

— Да, эта женщина съ большимъ характеромъ, сказала Катерина Александровна.

— Не всегда, возразилъ Вася: — бабушкой можно управлять, только надо умѣть это дѣлать. Вотъ, я, напримѣръ, знаю, что никогда не успѣю ни въ чемъ, потому что у меня открытый характеръ, а мой кузенъ, князь Иванъ Петровичъ, всѣмъ воспользуется, потому что хитеръ и не постыдится даже прислуживаться, въ родѣ Анны Ѳедоровны. Вотъ, онъ сюда ѣдетъ. Я откровенно говорилъ grand'maman, и шутя, и серьезно, что это дѣлается изъ разчета, а вовсе не изъ любви къ ней. Я своими ушами слышалъ, какъ онъ говорилъ Адели (да спросите Адель!), что ѣхать сюда ему — каторга (его собственныя слова), что онъ ѣдетъ единственно изъ того, чтобы grand' maman при жизни своей отдала ему Бубново... вообразите, — Бубново!!. когда это имѣніе, c'était toujours l'apanage des filles, изъ рода въ родъ отдавалось дочерямъ до самаго прадѣдушки,

Digitized by Google

кнзя Данилы Десятова, который завладѣлъ имъ у сестры, и его за это громомъ убило! А у дѣдушки князя Ивана Даниловича не было сестеръ. Такъ что же, grand' maman хочетъ, чтобы Жана тоже громомъ убило? Вѣдь семейными преданіями не шутятъ, Катерина Александровна! Grand' maman должна отдать Бубново моей маменькѣ, а мы прибавимъ къ нашей фамиліи *Бубновы*. Графъ Василій Теженецкій-Бубновъ... *De-Bombowo*, понимаете? какъ иностранные аристократы-владѣльцы... А если, вдругъ, она сдѣлаетъ эту глупость, запишетъ своему Жану Бубново,—да онъ не доѣдетъ до Царскаго села, гдѣ его полкъ стоитъ, какъ Бубново будетъ въ карты проиграно! Il a donc rage de jeu, Катерина Александровна, и столько исторій, которыхъ я вамъ разказать не смѣю, но которыя не дѣлаютъ чести его имени...

— А какъ жарко здѣсь у васъ, сказала Катерина Александровна.

— Я утомилъ васъ, сказалъ почтительно Вася: — простите мою откровенность; можетъ-быть, вамъ не пріятно...

— Нѣтъ, мой милый, прервала она, испугавшись его лицемѣрной скромности: — если хотите, мы будемъ продолжать разговоръ, но сойдемъ отсюда.

Вася учтиво подалъ ей руку.

— Внизу нельзя продолжать этого разговора, возразилъ онъ тихо и выразительно: — тамъ сама grand' maman и ея приживалки, и, по вашему утомленію, Катерина Александровна, я вижу, что напрасно надѣялся найдти сочувствіе даже въ васъ: оно все принадлежитъ Жану.

Катерина Александровна сконфузилась, не думая, что своимъ смущеніемъ можетъ навести хитраго мальчика на догадки, которыхъ до этой минуты у него еще не было. Еще неловче, все изъ той же неразчетливой робости, она постаралась сдѣлать удовольствіе Васѣ, выпросила для него у бабушки какую-то старую чашку. Вася притворился внѣ себя отъ восхищенія и, подмѣтивъ какъ повеселѣла Катерина Александровна отъ выраженій его благодарности, безъ труда сообразилъ, что она хочетъ его задобрить. Онъ замѣтилъ еще, что Аделаида Григорьевна была нѣсколько холодна съ Катериной Александровной. На это было много причинъ: Катерина Александровна до сихъ поръ еще ничего не сдѣлала для устройства дѣлъ Аделаиды Григорьевны, даже какъ будто была довольна, что не представлялось случая переговорить съ Пехлецовымъ, болѣе

Digitized by Google

того,—какъ будто избѣгала такого случая. Другая причина была — подарки, которыя Катерина Александровна дѣлала Полинѣ, и ея внимательность къ ней и ея матери. Анна Ѳедоровна, правда, съ нѣкоторою, вообще свойственною ей дикостью принимала эту внимательность, но тѣмъ не менѣе нецеремонно пользовалась ею. Анна Ѳедоровна была завалена дѣломъ. Княгиня, не желая, чтобы у нея жили даромъ, поручила ей сшить двѣ дюжины бѣлья, и всякій день освѣдомлялась какъ идетъ работа. Полина не сумѣла бы помочь матери, но и на ея долю досталось довольно фоновъ къ коймамъ, не дошитымъ подушкамъ, сонеткамъ и прочему. Съ своимъ дѣломъ, Аннѣ Ѳедоровнѣ было некогда справиться. Горничная Катерины Александровны, Настя, провела у нея день, перебирая разныя старыя вещи, и увезла ихъ домой, передѣлывать. День, проведенный Настею въ Бубновѣ, стоилъ Аннѣ Ѳедоровнѣ многихъ тревогъ. Она сначала скрыла отъ княгини, что позвала въ ея домъ постороннюю, но Вася вывелъ это наружу, пролетѣвъ съ громомъ объявить Mlle Полинѣ, что ея дожидается модистка. Княгиня, потревоженная за утреннимъ чтеніемъ, спросила, что̀ это значитъ. Анна Ѳедоровна не знала какъ признаться, и призналась съ великимъ страхомъ; Полина была въ бѣшенствѣ на мать. Княгиня, конечно, не обратила ни малѣйшаго вниманія на заботы этихъ особъ; ее, безъ сомнѣнія, болѣе безпокоило присутствіе лишняго комара нежели лишняго человѣка въ домѣ, если этотъ человѣкъ не стоилъ лишняго расхода. Аделаида Григорьевна подражала этому безстрастію. И вслѣдствіе этого, Настя рисковала остаться безъ обѣда, который, тайно и почти слезно, выпросила для нея Анна Ѳедоровна у дворецкаго...

Таковы были бури, разнообразившія существованіе жителей бубновскаго дома, до того вечера, когда стукъ колесъ и топотъ почтовыхъ лошадей возвѣстилъ о пріѣздѣ князя Ивана Десятова. Выйдя изъ экипажа, князь отправился прямо въ свою комнату переодѣваться, а длиннѣйшій лакей сумрачнымъ голосомъ доложилъ княгинѣ, что его сіятельство пріѣхали. Княгиня не шевельнулась на этаблисманѣ. Аделаида Григорьевна ахнула, въ легкомъ восхищеніи. Вася хотѣлъ было бѣжать къ братцу.

— Оставь же его въ покоѣ, произнесла княгиня.

— Ахъ, grand'maman, я думалъ, вамъ будетъ пріятно, что мы дружны! вѣдь мы другъ для друга единственные родствен-

Digitized by Google

ники, grand' maman... Конечно, если вамъ не угодно видѣть между нами короткость отношеній... или вы, можетъ-быть, думаете, что я еще ребенокъ, а Жанъ уже успѣлъ пожить, и примѣры...

— Ты, мой милый, съ ума сошелъ, замѣтила хладнокровно княгиня.

Такъ же недвижно, какъ она, Полина сидѣла и зашивала каемку ковра. Она почувствовала только, что у нея будто отнялись руки, что сердце нѣсколько разъ стукнуло такъ крѣпко, будто хотѣло разбить стальныя полосы корсета, и разомъ остановилось, точно сжатое этими холодными полосами. Она почувствовала, что поблѣднѣла, и не смѣла оглянуться на себя въ зеркало. Ея матери не было въ комнатѣ; Полинѣ почему-то хотѣлось видѣть ее въ эту минуту; еще страннѣе: ей почему-то хотѣлось заплакать...

— Вамъ кланяются, сказала ей рѣзко Аделаида Григорьевна.

Полина подняла голову; въ разсѣянности, она не замѣтила, что пришелъ Пехлецовъ и, расшаркиваясь поочереди, въ эту минуту шаркалъ передъ нею. Аделаида Григорьевна смѣялась со злостью. Этого было довольно, чтобы прервать у Полины и разсѣянность, и размышленія, еслибы дѣло дошло до нихъ.

— Вы не хотѣли меня замѣтить, сказалъ ей Пехлецовъ, любезничая.

— Я хотѣла, чтобы вы замѣтили мое прилежаніе; я работала, отвѣчала она.

— Я знаю, что вы прилежны, возразилъ Пехлецовъ.

— Нѣтъ, я знаю, что вы считаете меня вѣтренымъ ребенкомъ...

— За что вамъ угодно такъ думать? чѣмъ я заслужилъ?..

Она терялась, не знала что говорить, но ей удалось то, что было ей нужно: удержать его при себѣ до прихода князя. Князь засталъ старичка въ полномъ блескѣ любезностей...

Дня черезъ три, вечеромъ Неряцкій встрѣтилъ въ цвѣтникѣ Катерину Александровну.

— Я шелъ къ вамъ спросить приказанія, сказалъ онъ.—Изъ Бубнова являлась сегодня утромъ подвода съ чиновникомъ ко мнѣ. Чрезъ него передано—не знаю, какъ это назвать,—приказаніе, просьба или просто повѣстка, прислать завтра въ Бубново ваше сѣдло; вы верхомъ не ѣздите, вамъ оно не нужно,—такъ мнѣ объяснили. Прикажете послать?

Digitized by Google

— Сѣдло... проговорила Катерина Александровна.

— Да-съ. Его сіятельство, Иванъ Десятовъ, князь и лейбъ-гусаръ, изволилъ пріѣхать и желаетъ занять свои досуги манежнымъ ученьемъ. Учить есть кого. Жаль, что сѣдло всего одно, такъ, вѣроятно, это будетъ производиться поодиначкѣ. Полагаю, онъ начнетъ съ бабушки.

— Когда онъ пріѣхалъ? спросила Катерина Александровна.

— Дня три или четыре.

— Вы пошлите завтра сѣдло, сказала она и поспѣшила уйдти отъ Неряцкаго. Ей хотѣлось быть одной.

«Четыре дня! думала она:—и ужь устраиваетъ свои кавалькады...»

На другой день она долго заботилась о своемъ туалетѣ, и одѣлась особенно мило и къ лицу. День прошелъ, какъ и прежніе, въ совершенномъ уединеніи. На завтра тѣ же заботы и то же уединеніе. Вечеромъ, Катерина Александровна долго плакала, а на третьи сутки, едва проснувшись, занялась опять своимъ нарядомъ. Нарядъ и ожиданія были напрасны.

«Онъ не хочетъ меня видѣть,» подумала она.

Еслибъ у нея былъ сколько-нибудь твердый характеръ, или еслибы нашлось у нея сколько-нибудь мужества оглянуться и разобрать, кому она пожертвовала своею любовью,—она бы легче перенесла мысль, что ее не хотятъ видѣть. Она бы возненавидѣла, презрѣла бы того, кого любила, и стыдъ своей жертвы придалъ бы ей силы. Но Катерина Александровна только покорялась и плакала. Она стала искать, не виновата ли она сама въ чемъ-нибудь, не оскорбила ли чѣмъ-нибудь своего любезнаго, не слишкомъ ли наскучала она своею привязчивою страстью,—страстью безъ притворства, безъ кокетства, преступною и вмѣстѣ дѣтски-наивною, дѣтски-восторженною,—тою страстью, которая возможна только при странномъ воспитаніи, гдѣ боятся прямыхъ словъ и прячутъ дѣло за фразы, гдѣ экзальтація называется молитвой, а исполненіе обрядовъ—благочестіемъ, гдѣ долгъ обусловленъ свѣтскимъ положеніемъ, гдѣ нервическіе припадки считаются борьбой за жизнь. Только при этомъ воспитаніи, только въ этомъ кругу могла родиться и созрѣть такая любовь, какъ любовь Катерины Александровны... Въ этой любви, менѣе нежели во всякой другой, можно было искать какой-нибудь логики.

Катерина Александровна вздумала уѣхать изъ Москвы, отъ князя, потому что въ теченіе великаго поста, въ концертное

Digitized by Google

время, князь обращалъ слишкомъ много вниманія на хорошенькій голосъ Mme Мороновой. Катеринѣ Александровнѣ стало грустно.

«Къ тому же,» подумала она по-французски, послѣ того какъ нѣсколько, отчасти нервическихъ, слезъ упало изъ ея прекрасныхъ глазъ на прекрасный молитвенникъ изъ темнаго бархата съ украшеніями изъ чистаго золота: — «къ тому же, мы отдадимъ Богу отчетъ во всѣхъ нашихъ поступкахъ!».. На Святой недѣлѣ, она хотѣла «примириться» съ мужемъ — и не могла: это было свыше ея силъ, тѣмъ болѣе, что Алексинскій, обрадовавшись ея внезапной перемѣнѣ, возбуждалъ своею радостью какое-то непріятное чувство недовольства собою, и, слѣдовательно, ничѣмъ непобѣдимой досады. Отъ этого, извѣстно, одно спасеніе, предлагаемое вообще всѣми романами: уѣхать. Катерина Александровна еще разъ подумала, уже совершенно искренно, горько, что князь не пожалѣетъ объ ея отъѣздѣ, какъ можетъ-быть не пожалѣлъ бы о ея смерти...

Кто подсказалъ ей такую страшную правду? ея присутствіе, ея существованіе не были для князя ни необходимы ни дороги; ему было все равно съ той минуты, какъ характеръ, любовь, красота этой женщины вошли у него въ разрядъ привычекъ... Но какъ, предположивъ это равнодушіе, она все еще продолжала любить его — это могутъ объяснить только женщины. Катерина Александровна сказала себѣ, что будетъ любить князя, хотя бы безъ отвѣта, quand même: это самоотверженіе; что тогда любовь ея будетъ безгрѣшна, прощена ей, que ce sera une expiation... и за тѣмъ слезы. Затѣмъ она узнала, что онъ пріѣдетъ въ деревню, испугалась, потомъ обрадовалась: ей вообразилось, что онъ дѣлаетъ это изъ любви къ ней, что воля бабушки только предлогъ, что онъ отговаривается ею только *такъ*, изъ мужскаго самолюбія...

«Мущины самолюбивѣе насъ, это ихъ кокетство,» рѣшила, она, можетъ-быть придумавъ, а можетъ-быть и припомнивъ эту фразу.

Пріѣхавъ въ деревню, она стала ждать князя. Узнавъ, что онъ тутъ, въ двухъ шагахъ, она истерзалась, призывая его, исплакалась, похудѣла, занемогла. Она стала любить съ страстью, такой еще въ себѣ не знала...

«Лишь бы увидѣть его одну минуту! »

Digitized by Google

Казалось бы, что проще — поѣхать къ княгинѣ. Катеринѣ Александровнѣ это казалось невозможно.

«Я и безъ того часто бываю. (Она не была недѣлю слишкомъ.) Что̀ скажутъ? Аделаида Григорьевна такъ странно говоритъ и безъ того... Я не сумѣю держать себя, если онъ... Если онъ будетъ холоденъ, если я замѣчу, что онъ не радъ меня видѣть? договаривала она въ слезахъ.—Но онъ не будетъ радъ меня видѣть, онъ не хочетъ меня видѣть, онъ не кажетъ глазъ, онъ разсердится, если я туда пріѣду!..»

Оставалось не спать ночи, бродить по росѣ и молить смерти.

Неряцкій не былъ у нея нѣсколько дней; онъ, по обыкновенію, приходилъ только за приказаніями и не старался измѣнить этихъ церемонныхъ отношеній, потому что сама Катерина Александровна ничѣмъ не давала понять, что желала бы измѣнить ихъ. Онъ видѣлъ ее только издали, въ саду, кланялся издали и не подходилъ. Въ одно горестное утро, они встрѣтились.

— Des siècles que je ne vous ai vu, сказала она, привѣтливо отъ печали.

Онъ посмотрѣлъ въ ея туманные глазки.

— Вы очень соскучились, сказалъ онъ:—это замѣтно.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила она торопливо.

— Какже, отвѣчалъ Неряцкій, засмѣявшись: — вы замѣчаете даже, что давно не видѣли меня!

— Я васъ, въ самомъ дѣлѣ, очень рѣдко вижу, возразила Катерина Александровна: — живя въ одномъ домѣ... знаете, это не хорошо; такъ не дѣлаютъ.

Ей было такъ скучно, что хотѣлось отъ кого-нибудь услышать доброе слово, а въ ея сердцѣ было столько ласки, что хотѣлось кому-нибудь передать ее. Неряцкій не совсѣмъ равнодушно выслушалъ ея упрекъ, очень похожій на воркованье голубки, и отвѣчалъ, слегка поклонясь и, какъ почти всегда, сопровождая свои слова усмѣшкой.

— Рабочему человѣку часто некогда, Катерина Александровна, извините. Чѣмъ свѣтъ—въ полѣ, а тамъ на фабрику; вечеръ тоже дѣла, счеты. Едва есть время прочесть что-нибудь, да вотъ обойдти садъ. Вы его, кажется, хорошо узнали?

— Да.

— Чѣмъ вы занимаетесь дома? продолжалъ онъ, идя подлѣ нея.

Digitized by Google

— Третьяго дня, я начала большую работу, отвѣчала она:— для нашей церкви, пелену. У меня много des perles-bourguignons, des chefs-en-or, знаете?

— Нѣтъ, ничего не знаю, отвѣчалъ Неряцкій: — это не по моей части. Должно быть хорошо.

— Des choses charmantes. Я разобралась и теперь вышиваю. Я упрекаю себя, что не начала раньше, впрочемъ, постараюсь успѣть лѣтомъ... Придите посмотрѣть, прибавила она нерѣшительно.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ онъ: — но не сидите долго за пяльцами, не утомляйте себя.

— Все равно, отвѣчала она тихо.

— Какъ, все равно? Здоровье-то?

— Когда мы дѣлаемъ такую работу... возразила она серіозно.

— Да!.. сказалъ онъ протяжно. — Ну, что жь, вы отъ этого дѣла найдите себѣ тоже какое-нибудь полезное развлеченіе.

— Я хотѣла... Вотъ видите... Je voudrais avoir quelques pauvres, quelques malades, auxquels je puisse aller moi-même porter secours.

Говоря это, она потупляла глаза, полные слезъ отъ скрываемой и каждую минуту памятной печали. Она думала, что, вотъ, такъ, она скроется отъ свѣта, ее будутъ знать только по ея благотвореніямъ, она схоронится, схоронитъ свою любовь... Она не замѣчала, что Неряцкій смотрѣлъ на нее задумавшись и пристально.

— На что вамъ эти pauvres et malades? проговорилъ онъ съ сдержанною насмѣшкой и злостью.

— Я бы ходила къ нимъ.

— Развлеченіе!.. Этого добра вы здѣсь не найдете. Бѣдныхъ въ Вознесенскомъ положительно нѣтъ, а для больныхъ — такая больница, какую дай Богъ въ иномъ городѣ. Посмотрѣть ее вы можете, но дѣлать вамъ тамъ нечего.

Катерина Александровна не отвѣчала; ее занимала мысль, какъ бы она схоронилась отъ свѣта, отчего ея личико сдѣлалось еще печальнѣе.

— Вамъ жаль, что нѣтъ этого ничего? продолжалъ, смѣясь, Неряцкій.—Скажите, пожалуста, какое развлеченіе можно находить въ спектаклѣ болѣзни и нищеты? Я не говорю о томъ что доброе сердце радо помочь,—это другое дѣло; но всту-

Digitized by Google

питься какъ должно, возиться съ этимъ—не легко, надо умѣть... Свѣтскія женщины на этомъ помѣшаны: les pauvres, les malades. Не лучше ли, не короче ли, вмѣсто того чтобы накупать себѣ разныхъ блондъ, отдать деньги бѣдному или лѣкарю, котораго вы къ нему пошлете? Вѣдь ваша забота вся въ томъ, что вы нашумите шелковыми юпками у оборванной постели, ручкой въ перчаткѣ поправите можетъ-быть одѣяло (если еще есть оно!), а до войлока вы ужь ни за что̀ не дотронетесь. Ваши попеченія — что вы скажете: «ces petits anges!» увидя ребятъ на полатяхъ, а если у *анжа* рыльцо не чисто, вы его къ себѣ не подпустите... Вѣдь такъ? Что вамъ и браться, когда вы и не умѣете и брезгливы? Переломить себя вы не можете, такъ ужь и не беритесь. Доживайте вашъ вѣкъ какънибудь, а хотите быть полезны—давайте ваши деньги, и другимъ не мѣшайте...

— Вы несправедливы, возразила Катерина Александровна, поднявъ на него глазки.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами.

— Вы несправедливы. Я хотѣла бы отъ всего сердца...

— Очень жалко, что не могу удовлетворить васъ. Впрочемъ, не здѣсь, а подальше, найдется поприще для вашего христіянскаго милосердія: въ Бубновѣ и въ деревнѣ господина Пехлецова двѣ трети народа побираются, а отъ голода и сквернаго помѣщенія, то и дѣло гнилыя горячки; если угодно съѣздить туда...

— Est-il possible, à Boubnowo! прервала Катерина Александровна.

— Что̀ жь тутъ удивительнаго? Имѣніе княгини раззорено, это непреложно..... Положимъ, она не кутитъ, но поборы съ мужиковъ большіе, и все въ ломбардъ, да въ ломбардъ, про черный день... Я былъ у нея третьяго дня, у княгини.

— Въ Бубновѣ?... повторила Катерина Александровна съ ожиданіемъ.

— Да-съ. Дѣла ея—все межеваніе. Хлопотъ много, но, надѣюсь, все устроится, если сдѣлаютъ, какъ я совѣтовалъ.

— Вы совѣтовали?

— Я-съ. Что̀ же? Васъ удивляетъ, что я забочусь объ интересахъ княгини? Вопервыхъ, я забочусь не о ней, а о бубновскихъ мужикахъ, которымъ принадлежитъ земля: они ее двадцать лѣтъ назадъ купили на свои деньги, она должна имъ остаться. А вовторыхъ, по долгу справедливости, я отмеже-

Digitized by Google

валъ бы и чорта, не только княгиню, еслибъ онъ предъявилъ законные документы на право владѣнія.

— Вы долго пробыли тамъ? спросила Катерина Александровна.

— Меня оставили обѣдать, а послѣ обѣда предложили карточку.

— И вы остались?

— Остался, отвѣчалъ, улыбнувшись, Неряцкій: — я вѣдь умѣю вести себя прилично и, кажется, доказалъ это на вашемъ вечерѣ; *они* всѣ дрянь, «да что же стулья-то ломать!» Я ругаюсь, когда къ слову придется, а иногда даже думаю, что можно оставить этихъ полумертвыхъ умирать спокойно. Я человѣкъ кроткій.

Катерина Александровна молчала, въ раздумьи, не зная спросить ли ей то, что такъ хотѣлось знать, или благоразумнѣе удержаться. На ея счастье, передъ ней былъ человѣкъ, которому никогда въ голову не входило подозрѣвать и объяснять молчаніе, который никакъ не воображалъ, что на этомъ свѣтѣ можетъ найдтись порядочная женщина, способная любить князя Ивана Десятова. Тѣмъ дальше былъ Неряцкій отъ мысли, что до такой нелѣпости, до такого отвратительнаго увлеченія унизилась женщина, которую онъ любилъ...

Конечно, Неряцкій любилъ ее не потому, чтобы признавалъ въ ней какія-нибудь нравственныя достоинства: въ нравственномъ отношеніи, онъ считалъ ее только ребенкомъ, правда, уже достаточно испорченнымъ, но ребенкомъ, еще не безнадежнымъ. Онъ любилъ ея красоту, и любилъ ее страстно. Ежеминутно сознавая пустоту этой женщины, сердясь за ея пустыя слова, онъ чувствовалъ наслажденіе, слушая голосъ, который ихъ выговаривалъ, слѣдя за движеніями этой ничего не думающей головки... Неряцкій былъ друженъ съ Алексинскимъ, искренно любилъ и уважалъ его, и зналъ, что онъ любитъ свою жену до обожанія. Объясняя холодность Катерины Александровны къ мужу глупымъ капризомъ свѣтской женщины, Неряцкій говорилъ себѣ, что этотъ капризъ долженъ пройдти, и со всею честностью дружбы желалъ, чтобъ онъ скорѣе прошелъ. Часто, въ минуты самой сильной страсти, говоря съ молодою женщиной о посторонникъ, онъ нарочно бывалъ безпощаднѣе, грубѣе на словахъ, облегчая сердце и будто исполняя свой долгъ, доводя свое волненіе до ненависти... Правда, у него ненависть была рядомъ съ любовью

Digitized by Google

смѣшивалась иногда такъ странно, что онъ самъ не могъ разобрать гдѣ кончалось одно, гдѣ начиналось другое чувство. Ему было жаль, что эта хорошенькая женщина скучаетъ; ему было жаль ее мучить, браня ее въ лицѣ ея общества, но онъ мучилъ ее съ наслажденіемъ. Между тѣмъ какъ онъ не могъ видѣть рукъ Катерины Александровны безъ желанія пожать, если ужь не поцѣловать ихъ,—въ его умѣ вѣчно въ эти минуты мелькало слово «бѣлоручка», и въ сердцѣ закипала желчь. Онъ любовался на ея нарядъ и разказывалъ, какъ слѣпнутъ кружевницы и умираютъ въ чахоткѣ швеи... Ему было весело, что она его боится.

Въ настоящую минуту, она уколола его самолюбіе. Свѣтская женщина спросила, какъ остался онъ въ домѣ, который презираетъ, съ людьми, которыхъ знать не хочетъ? Онъ, плебей, стало-быть, обрадовался милостивому приглашенію? Стало-быть, онъ кричитъ много, а при случаѣ, и самъ способенъ поклониться?...

«Вѣдь ничего не смыслитъ, подумалъ Неряцкій, глядя на тонкій проборъ, ниточкой бѣлѣвшій въ ея нѣжныхъ волосахъ:—а обидное подумать умѣетъ... Какіе сюты ихъ воспитываютъ?..»

— Тамъ былъ monsieur Пехлецовъ? спросила Катерина Александровна.

— Пріѣхалъ играть, когда вставали изъ-за обѣда. Къ обѣду онъ никогда не является, какъ сказалъ мнѣ. Я понимаю его деликатность: онъ по себѣ судитъ. Въ деревню господа удаляются для погашенія долговъ и питаются кое-чѣмъ, оконечностями животныхъ, лишь бы только какъ-нибудь живымъ остаться. На этой діэтѣ похудѣетъ и князь Иванъ, а онъ таки слава Богу.

— Вы его видѣли?

— Какже-съ.

— Онъ, я думаю, очень скучаетъ, сказала Катерина Александровна.

— О чемъ?

— Такъ, деревня... все...

— Онъ, можетъ-быть, скучаетъ о томъ, что бабушка не даетъ ему качнуть по-боку эту деревню, пока она еще княжеская, а больше, кажется, ему скучать не о чемъ. Помилуйте, да развѣ князь Иванъ изъ такихъ людей, которымъ позволительно скучать? гдѣ его права на скуку? Онъ гвардейскій офицеръ,

Digitized by Google

проживающій пятнадцать тысячъ въ годъ, кромѣ обмундировки и долговъ. Радости, необходимыя ему, такъ извѣстны, что говорить о нихъ не считается приличнымъ; а покуда есть денежки, или еще держится кредитъ,—благодареніе Создателю, эти радости у него будутъ!.. Вотъ, что теперь онъ покушаетъ пискарей, да позабавится съ приживалочкой въ чужомъ платьѣ,—что жь бываетъ и великій постъ, не все масляница!

Онъ засмѣялся.

— Ah, mon Dieu! сказала Катерина Александровна, похолодѣвъ, собравъ всѣ силы и засмѣявшись, чтобы не зарыдать.

— Знаете, продолжалъ Неряцкій;—этому и смѣяться больно. Можно смѣяться надъ княгиней,—она скоро истлѣетъ, и всѣ ея приживалки уплывутъ за ней; не станетъ старыхъ хоромъ, не будетъ мѣста и крысамъ. Пехлецовъ ужь вовсе не смѣшонъ; онъ и теперь мало вредитъ: такая кислая, грязненькая дрянь, что никто съ него не возьметъ примѣра. Пехлецовъ вотъ что! (Неряцкій сбилъ концомъ сапога пластъ грибовъ, выросшій на корнѣ дерева.) Но князь Иванъ,—это молодое, это долго проживетъ; если не дадутъ этому тяготѣть надъ безотвѣтными, то надъ обществомъ это еще долго будетъ тяготѣть: лѣнь, деморализація, презрѣніе къ честному труду—примѣръ скверный,—и, на горе наше, красивый, блестящій.

Неряцкій могъ бы говорить долго, Катерина Александровна его не слышала; блѣдная и едва дыша, она шла, закрываясь отъ него зонтикомъ. Забываясь, она выговорила вслухъ то, что думала:

— Что же онъ дѣлаетъ здѣсь?

— Кто? спросилъ Неряцкій.

— Князь Иванъ Петровичъ.

— Кто же его знаетъ? При мнѣ пилъ, ѣлъ, игралъ въ карты. Вы давно тамъ не были; съѣздите, посмотрите, если это васъ занимаетъ.

— Нѣтъ, довольно, проговорила она.

— Какъ, въ самомъ дѣлѣ, вамъ довольно бубновскихъ удовольствій?

— Что же за удовольствія? возразила Катерина Александровна, стараясь смѣяться какъ онъ:—цѣлый день карты, Пехлецовъ?

— Ну вотъ, теперь князь Иванъ.

— Нѣтъ, довольно, повторила она и прибавила поспѣшно:—

Digitized by Google

дома лучше. Буду читать, шить свою пелену; тихо, покойно... знаете, это на монастырь похоже.

Ея голосъ зазвенѣлъ; онъ шевельнулъ въ Неряцкомъ какую-то жалость.

— Ужь и монастырь! сказалъ онъ:—положимъ уединеніе, родъ занятія—это еще такъ, похоже; но читаете вы романы, и одни мои перипатетическія лекціи о большомъ свѣтѣ ужь вовсе не монастырскія. Познакомьтесь съ кѣмъ-нибудь по сосѣдству; есть барыни не глупыя.

— Нѣтъ, не надо... Зайдите же ко мнѣ, прибавила она, приглашая его отъ страха, отъ тоски, сама не зная отъ чего.

— Хорошо; вечеромъ.

— Знаете, мнѣ кажется, я больна, продолжала Катерина Александровна, остановясь у своего крылечка.

— Въ самомъ дѣлѣ? Что вы чувствуете?

— Не знаю... Такъ.

— Капризъ?

— Не думаю...

— Здѣсь есть докторъ, но онъ вамъ не годится, сказалъ Неряцкій.

— Почему?

— Онъ умѣетъ лѣчить только больныхъ. Свѣтскихъ недуговъ не изучали на его курсѣ.

— Кто это?

— Юный человѣкъ, Елеонскій.

— Quel nom étrange. Кто онъ такой?

— Сынъ здѣшняго дьячка. Два года какъ изъ университета, былъ безъ мѣста; нынѣшней зимой, вашъ мужъ отыскалъ его въ Москвѣ и прислалъ сюда въ больницу. Онъ и живетъ у своего отца. Мы съ нимъ большіе пріятели. Непрезентабеленъ нѣсколько, да что же дѣлать.

— Нѣтъ, онъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть ничего не пойметъ.

— Я такъ и докладывалъ, что онъ вамъ не годится, отвѣчалъ очень серіозно Неряцкій.

— Такъ вы придете вечеромъ?

— Приду-съ.

Онъ откланялся, по обыкновенію, церемонно, и они разошлись.

Digitized by Google

IV.

На третьемъ этажѣ княжескаго дома была комната подъ самою крышей; она граничила съ чердакомъ и имѣла одно квадратное небольшое окно, почти до половины закрытое выступомъ другой стѣны, что, впрочемъ, было не неудобство, а скорѣе спасеніе отъ солнца, жарившаго въ другую половину стеколъ отъ полдня до заката. Занавѣски не было. Комната была оклеена остатками разныхъ обой; еслибъ ея жительницамъ приходило въ голову пошутить, онѣ могли бы сказать, что находятъ на своихъ стѣнахъ сувениры всѣхъ бубновскихъ залъ и гостиныхъ болѣе нежели за четверть вѣка. Но жилицы были Полина и Анна Ѳедоровна, которымъ, послѣдней въ особенности, было вовсе не до шутокъ.

Завѣсивъ окно своею черною шелковою мантильей, сквозь которую дневное свѣтило пропустило сотни золотыхъ нитокъ и нарисовало на стѣнахъ сотни золотыхъ круглыхъ пятенъ, безпощадно выказывая чахлость матеріи, выдержавшей много испытаній,—Анна Ѳедоровна, распустивъ блузу, засучивъ рукава, не причесанная, прилаживала гладильную доску однимъ концомъ на спинку единственнаго стула, а другимъ на крошечный коммодъ, кое-какъ лѣпившійся въ углу съ помощью двухъ кирпичей, которые замѣняли ему переднія ножки. Анна Ѳедоровна только что совершила тридцатый походъ внизъ, въ кухню, за утюгомъ. О трудѣ ея свидѣтельствовали воротнички, мокнувшіе въ чашкѣ съ крахмаломъ, другіе, разложенные парами по узенькой и короткой постели, и чудовищная крахмальная юпка, привѣшенная на булавкахъ къ стѣнѣ надъ низенькимъ диванчикомъ, когда-то украшеннымъ шитьемъ по канвѣ, нынѣ жилищемъ моли, лишеннымъ цвѣта, волоса, даже сѣна, отчего онъ былъ жостокъ какъ камень.

Анна Ѳедоровна подвизалась, въ физическомъ мученіи забывая мученія нравственныя, или вѣрнѣе, не жалуясь, потому что жалобы ея услышали бы только воробьи, чирикавшіе на крышѣ. Былъ третій часъ жаркаго іюньскаго дня; въ полѣ было сине отъ зноя.

Digitized by Google

— Хоть бы вы дверь на лѣстницу отворили; въ потьмахъ голову разобьешь! вскричала, входя, Полина: — дайте мнѣ переодѣться.

— Создатель мой, въ который разъ сегодня! вскричала Анна Ѳедоровна: — да что̀ съ тобой сотворилось? развѣ ты не одѣта?

— Одѣта, конечно, да я сейчасъ въ воланъ играла, рукавъ вырвала, отвѣчала Полина хладнокровно. — Куда тутъ пройдти у васъ? Боже, что за гадость!

Она стала раздѣваться, сбрасывая вещи какъ попало.

— Утромъ одѣлась, верхомъ ѣхать — еще одѣлась, теперь еще, говорила Анна Ѳедоровна: — да, развѣ у меня десять рукъ? Не мни, матушка, не швыряй, — ты этихъ воротниковъ всякій день по нѣскольку паръ мѣняешь, не наготовлюсь.

— Дайте мнѣ подушку съ постели! сказала Полина: — я отдохну покуда.

Анна Ѳедоровна черезъ доску и утюгъ дала ей подушку; Полина легла на диванъ

— Устала до смерти, сказала она: — это мнѣ на носъ не свалится?

Она указала на юпку.

— Не свалится, отвѣчала мать, стукнувъ утюгомъ и вскрикнула.

— Что̀ вы?

— Руку... ой! отвѣчала Анна Ѳедоровна, махая обожженною рукой.

— Сколько не возиться.... сказала Полина: — Да дѣвки-то что же?

— Дѣвки? повторила Анна Ѳедоровна, сердясь отъ боли:— ты бы сама съ ними поговорила. Я сказала Аделаидиной Матренѣ, она рожу отвернула, а теперь, слышишь, храпитъ. Покои ей тутъ отведены; насъ сбили въ чуланъ; а у Матрешки двѣ комнаты. Кабы не княгинина Лизавета, воды бы умыться не допросились, да хорошо племянникъ ея повареновъ, такъ утюговъ съ плиты не скинули.

— Не попадитесь кому-нибудь на глаза, какъ за утюгами бѣгаете, замѣтила серіозно Полина.

— Кому это «не попадитесь?»

— Кому случится.

— Княгинѣ, что ли? А пускай она, старая, видитъ, какъ у нея благородные люди живутъ! Она воображаетъ, что великое

Digitized by Google

одолженіе сдѣлала, пригласила! да я ей въ карты за все наше содержаніе проиграла, расплатилась съ ней, да что рубашекъ ей сшила! Мнѣ хоть сейчасъ назадъ въ Москву, — и дай-то Богъ!

— Что жь, уѣзжайте, сказала Полина: — я и безъ васъ здѣсь проживу; я въ карты не проигрываюсь; у меня дѣвки станутъ гладить, какъ я прикажу.

— Видишь, какая бойкая! ну, приказывай.

— При васъ что я сдѣлаю? Вы ужь до того всѣмъ кланяетесь, что всѣхъ перебаловали; меня изъ-за васъ слушать не станутъ.

— Я тебѣ помѣха... проговорила Анна Ѳедоровна, наклоняясь опять къ своей работѣ.

Полина усмѣхнулась и лежала, закрывъ глаза.

— Достаньте мнѣ, проговорила она въ полудремотѣ:—тамъ, въ верхнемъ коммодѣ, пахитоски, да спичку зажгите.

— Да съ чего это ты взяла еще пріучаться къ глупости? вскричала Анна Ѳедоровна: — курить выдумала! это еще что? цѣлый день бѣгаетъ, валяется да куритъ! къ чему ты себя готовишь?

— Въ гувернантки, отвѣчала Полина засмѣявшись: — давайте огня.

— Нѣтъ у меня спички.

— Ну, мнѣ самой, раздѣтой, не бѣжать за ними. Я вамъ говорю, я курить хочу, — а спички у васъ на окнѣ, я знаю. Поднимите занавѣску, такъ увидите... Это вы вашу мантилью деретe? прекрасно! много ихъ у васъ!

— На! закричала Анна Ѳедоровна, бросая ей пахитосы и спички.

Онѣ разсыпались. Полина подняла то, что было поближе, и дернула спичкой о стѣну.

— Вотъ, я подожгу вамъ юпку, сказала она, смѣясь.

— Что изъ тебя будетъ? сказала мать.

— Что-нибудь да будетъ, отвѣчала Полина: — знаете что? лучше не приставайте. Вѣдь еслибы вы говорили мнѣ дѣло, а вы только бранитесь...

— Какое я тебѣ дѣло скажу?

— То-то же; вы и сами не знаете. Ну, нарядите меня, сдѣлайте, чтобъ я въ обществѣ была не хуже другихъ, наживите себѣ домъ, деревню, чтобы вамъ лакеямъ не кланяться... Вѣдь вы этого ничего не можете? что, не можете?

Digitized by Google

— Не могу! отвѣчала Анна Ѳедоровна, залившись слезами.

— А нарядиться я хочу, веселья я хочу, пить-ѣсть вкусно вы хотите, ералашъ вамъ милѣе вашего супруга, а моего батюшки... Что жь тутъ и толковать! не приставайте ко мнѣ! Вы работать не умѣли, да и меня не выучили... да что въ ней, и въ работѣ-то.

Полина обратила къ потолку свой носикъ и струи душистаго дыма. Анна Ѳедоровна расправляла кружево, смачивая его слезами.

— Прелесть эти пахитоски, сказала Полина:—и не чувствуешь, какъ привыкаешь. Пехлецовъ какъ хочетъ, а выпиши мнѣ ихъ,—всѣми неправдами заставлю, на пари выиграю, при князѣ, а то еще отвертится, скряга.

— Ужь и правда, что скряга, сказала Анна Ѳедоровна.

— Еще какой! вскричала Полина, повернувшись къ ней:— помните, я третьяго дня хотѣла навести его на рѣчь о браслетѣ. Я и навела. Растаялъ и «pourquoi vous ne voulez pas porter mon souvenir?» Я говорю, что носила бы охотно, но, нужда... Хоть бы поморщился. Вѣдь обязанность его была (я даже сказала за сколько заложила) достать деньги, сказать: «вотъ, выкупите и носите.»..

— Скверный старичишка! сказала Анна Ѳедоровна.

— Дайте же мнѣ одѣться, надо успѣть къ обѣду.

— И мнѣ надо. Полежи еще покуда, Поленька, я приберусь и уберу тебя.

Полина зажгла другой пахитосъ, и задумалась; она думала что-то серіозно и не весело, между тѣмъ какъ волненіе и печаль Анны Ѳедоровны нѣсколько пріутихли. Убравъ свое дѣло и принимаясь расчесывать волосы, Анна Ѳедоровна спросила почти весело:

— Не пожалуетъ ли наконецъ сегодня сюда эта особа?

— Кто? спросила Полина, будто не своимъ голосомъ, такъ онъ былъ рѣзокъ и выраженіе его странно.

— Алексинская. Глазъ не кажетъ. Видно совѣсть замучила.

— Просто, потому сюда не ѣдетъ, что ей здѣсь дѣлать нечего, возразила равнодушно Полина.

— Какъ дѣлать нечего?

— Нечего, коротко повторила Полина.

— Да хоть бы изъ приличія! Вѣдь это всякому въ глаза бросится, всякій въ правѣ сказать, что она отъ него прячется, и въ правѣ подумать не знаю что. Вѣдь это хуже всякаго

Digitized by Google

скандала, помилуй! Онъ пріѣхалъ, а она какъ въ воду канула. Вѣдь другая недѣля!

Полина не отвѣчала.

— Развѣ онъ, можетъ-быть, къ ней ѣздитъ? продолжала Анна Ѳедоровна:—ты не знаешь?

— Не знаю. Можетъ-быть и ѣздитъ. Мнѣ-то что же?

— Аделька къ ней сбирается, навѣстить ее, я слышала. Тутъ безъ Адельки иныхъ штукъ не обойдется.

— У Аделаиды Григорьевны своя забота, возразила Полина равнодушно, и, повернувшись, стала смотрѣть на мать задумчиво и насмѣшливо.

— Вотъ, онѣ еще завербуютъ къ себѣ Пехлецова. Онъ тогда отъ Адельки не вывернется.

— Я думаю, сказала Полина также холодно и насмѣшливо.

Анна Ѳедоровна оглянулась на нее и сконфузилась.

— Вставай, я одѣну, сказала она.

Полина поднялась молча и одѣвалась также молча, принимая услуги матери равнодушно, но безъ капризовъ. Когда туалетъ былъ конченъ, мать поцѣловала ее, на что она не обратила вниманія.

— Достать черную бархатку на шею? спросила Анна Ѳедоровна.

— Зачѣмъ?

— Бѣлѣе будешь...

Полина взглянула ей прямо въ глаза, расхохоталась и вышла.

Можетъ-быть въ цѣломъ свѣтѣ не было особы больше озабоченной, какъ Аделаида Григорьевна въ эти послѣдніе дни. Желаніе сдѣлаться супругою господина Пехлецова или устроить съ нимъ выгодную сдѣлку, приняло въ ея душѣ такіе огромные размѣры, воображеніе уже нарисовало столько заманчивыхъ картинъ, что отказаться отъ своихъ плановъ, сказать себѣ, что сорокъ тысячъ въ ломбардѣ, домъ въ Москвѣ, шуба крытая ліонскимъ бархатомъ, вечера съ карточною игрой «какъ у людей», оброки, высылаемые старостами, полки дворни и прочее—только мечта, сонъ или даже бредъ сумашествія, было уже совершенно невозможно. Аделаида Григорьевна изнывала; ея дѣло начало даже расклеиваться. Пехлецовъ какъ-то усталъ отъ любезностей и больше занимался ералашемъ. Любовь его не только уже остановилась, что вообще дурной признакъ, но начинала идти назадъ. Аделаида Григорьевна пробовала пѣть для него, но старость брала верхъ надъ эстетическимъ востор-

Digitized by Google

гомъ: въ сумерки, подъ музыку, Пехлецовъ дремалъ; съ просонковъ онъ выражался одними междометіями и былъ не способенъ на толковый разговоръ. У Аделаиды Григорьевны были надежды на Катерину Александровну,—эти надежды ей измѣняли; въ негодованіи, Аделаида Григорьевна рѣшила было, что обойдется и безъ чужой помощи, но въ послѣдніе дни дѣла пошли еще хуже: Пехлецову случалось заговариваться съ Полиной. Аделаида Григорьевна рѣшилась на сильное средство.

— Что̀ за манеры у этой Полины! сказала она въ видѣ бѣглаго замѣчанія, оставшись одна съ княгиней, и глядя, какъ Полина на балконѣ обрывала маргаритки съ Пехлецовымъ.

Княгиня опустила очи долу съ своего этаблисмана и взглянула туда же.

— Что̀ это нынче дѣвушки! продолжала Аделаида Григорьевна.—Знаете, княгиня, когда я вспомню, какъ воспитывали... даже меня... на что я выросла въ бѣдности, не зная высшаго общества, покуда не поступила въ вашъ домъ... я ужасаюсь! Такая свобода! Это, просто, упадокъ общества. Въ нравахъ, замѣтьте, какая перемѣна. Всякая нынче, въ чужомъ платьѣ, все смѣетъ... Имъ ничего, въ какомъ бы онѣ домѣ ни были...

Лицо княгини выразило безпокойство. Аделаида Григорьевна продолжала съ увлеченіемъ:

— Рѣшительно всѣмъ бравируютъ, все себѣ позволяютъ, безъ малѣйшаго уваженія, воображаютъ, что всякая можетъ войдти въ порядочный кругъ, не обращая вниманія, кто выше...

— Тамъ, въ мезонинѣ, должно-быть, форточку открыли, сказала княгиня:—я чувствую; поди, прикажи закрыть.

Аделаида Григорьевна убѣдилась, что ея сильное средство не дѣйствительно. Въ самомъ дѣлѣ, съ ея стороны было просто ребячество—пугать княгиню упадкомъ общества отъ того, что въ немъ шевелятся особы въ чужихъ платьяхъ: княгиня брезгала насѣкомыми, но не боялась ихъ. Аделаида Григорьевна убѣдилась, что этимъ не избавишься отъ дѣвчонки. Она заводила нарочно ссоры съ Анной Ѳедоровной, чтобы вызвать «исторію»; ссоры дѣлались за книгу, переложенную на другое мѣсто; за горничную Матрешу, которой тайно приказывалось пожаловаться въ присутствіи Анны Ѳедоровны на недосугъ и работы, которыми озабочиваетъ ее Анна Ѳедоровна; за котенка, котораго вздумала лелѣять Аделаида Григорьевна, и который по этой причинѣ получалъ пинки отъ Анны Ѳедо-

Digitized by Google

ровны; за кусокъ сахара, который Анна Ѳедоровна желала положить въ чай, наливаемый ей постоянно безъ сахару; за пропавшую иголку со спутникомъ шелка.

— Шелкъ послѣ войны сталъ восемь копѣекъ золотникъ, говорила въ видѣ замѣчанія Аделаида Григорьевна:—покупать его не по карману, кому нужно часто тряпки чинить.

Изъ этихъ замѣчаній выходило, что благородныя особы ругались и, входя въ азартъ, забывали, что уже не губятъ одна другую, но каждая сама по себѣ рискуетъ лишиться милостей княгини. Но княгиня возсѣдала непоколебимая, невозмутимая, и произносила только въ экстренныхъ случаяхъ:

— Вы мнѣ голову прошумѣли.

Если отваживалась одна изъ спорящихъ обратиться къ ней, она говорила также спокойно, мало раскрывая ротъ, и величественно лѣниво:

— Идите къ себѣ въ комнату браниться.

Это напоминало каждой изъ приживалокъ ея собственный интересъ и заставляло умолкнуть. Такъ какъ для сраженій избиралось всегда утро, то ихъ не знали князь и Полина, по обыкновенію въ это время гулявшіе верхомъ, и Вася, подъ предлогомъ занятій ботаникой, уходившій повѣсничать на деревню. За обѣдомъ княгиня, въ видѣ любезности, для оживленія разговора, спрашивала, не относясь ни къ кому въ особенности:

— Ну, что жь, помирились?

— Est-ce qu'on s'est querellé, grand'maman? on s'est pris par les cheveux, grand'maman? восклицалъ Вася.

— У меня здѣсь Севастополь былъ, говорила княгиня съ разстановкой князю Ивану.

— Васъ побили? вы ранены; Анна Ѳедоровна? спрашивалъ Вася.

Полинѣ хотѣлось задушить всѣхъ. Она блѣднѣла и краснѣла, пряча глаза отъ князя, который всегда взглядывалъ на нее, посмѣиваясь.

— Очень не пріятно... сказалъ ей однажды Пехлецовъ, бывшій свидѣтелемъ этихъ послѣдствій битвы.

— Я несчастная! отвѣчала она, отходя стремительно:—еслибы кто видѣлъ, понялъ, какъ я страдаю! еслибы кто-нибудь вырвалъ меня изъ этого!.. Клянусь, всю мою жизнь, всю мою любовь...

Digitized by Google

Она убѣжала, завидя Аделаиду Григорьевну. Но Пехлецовъ былъ взволнованъ, разсѣянъ, не любезенъ, и Аделаида Григорьевна убѣдилась, что и гоненія не помогутъ, пожалуй еще хуже испортятъ дѣло.

«Нѣтъ, сказала она сама себѣ, видно безъ этой слезливой фигурки не обойдешься. Она его скорѣе образумитъ, посовѣтуетъ. У него и ревматизмы, и подагра, надо ему имѣть при себѣ кого-нибудь надежнаго; возьметъ молодую, она ему тюфяка, на чемъ околѣть, не оставитъ. Я все-таки по-христіански примусь. Пусть онъ это пойметъ... Да гдѣ ее взять, Катерину Александровну? глазъ не кажетъ!»

Аделаида Григорьевна тотчасъ поняла, а это было такъ не трудно, отчего Катерина Александровна глазъ некажетъ.

«Вѣдь умираетъ, я думаю, хочетъ видѣть своего Жана, размышляла она, а нельзя не поважничать: пусть онъ самъ прежде пріѣдетъ! Эхъ, чего ужь онѣ важничаютъ!.. Сослужить ей службу, послѣ этого ужь и она служи мнѣ.»

И, вслѣдствіе этого размышленія, Аделаида Григорьевна постаралась на другой же день раньше всѣхъ встрѣтить князя. Княгиня еще не выходила изъ своей комнаты. Князь возвращался изъ конюшенъ очень не въ духѣ.

— Вы хотите прельстить меня? сказала ему Аделаида Григорьевна, стоя на балконѣ, пока онъ приближался.

— Что такое?

— Такъ, пунцовая фуражка эта...

— Э, дуралей Васька! сказалъ князь, бросая фуражку на скамейку:—дали ему лошадь, онъ ее испортилъ.

— Какъ, Базиль?

— Базиль вашъ. Вчера скакалъ на мельницу, что ли, въ самый жаръ; вогналъ лошадь въ воду, да напоилъ ее. Удивляюсь, какъ позволять, какъ давать мальчишкѣ волю! Избаловался совсѣмъ, сокровище это, фаворитъ бабушкинъ!

— Будьте снисходительны, вы сами были хуже, возразила Аделаида Григорьевна.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю! Тутъ бьешься, бьешься, съ тоски умираешь, угождаешь ей, а всякій мальчишка смѣетъ брать то, что намъ принадлежитъ, и портить!

— Что такое лошадь? ублажала его Аделаида Григорьевна:— и съ какой тоски вы умираете? Вы преувеличиваете, князь. Вы хотите быть интересны.

— Въ самомъ дѣлѣ? какже, передъ вами!

Digitized by Google

— Ну, не передо мной, возразила она, смѣясь лукаво и съ ужимкой:—а я знаю передъ кѣмъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, передъ одною особой. Я ея не назову.

— Вы остроумны, какъ маска, Аделаида Григорьевна.

— Ахъ, нѣтъ, вы шутите!.. Но вы жестоки съ ней; вы не хотите удовлетворить желанію ея сердца, дать ей васъ видѣть.

— Къ кому это я такъ жестокъ? спросилъ князь, нахмуривъ брови.

— О-о!.. (Аделаида Григорьевна погрозила ему пальцемъ.) Вы меня понимаете... Послушайте, князь, я такъ давно привязана ко всему вашему дому и цѣню ваше дружеское расположеніе, я могу пользоваться вашею довѣренностію. За что вы хотите компрометировать молодую женщину, которая пріѣхала для васъ, оставила своего мужа...

— Это вы откуда провѣдали? прервалъ князь, захохотавъ:— браво, Адель! вы въ самомъ дѣлѣ должны быть ловки въ маскарадахъ. Ну, какъ же еще дальше...

— Дальше... Знаете, князь, это такъ деликатно, что въ моемъ положеніи...

— И она поручила вамъ позвать меня? Такъ? И вы приняли порученіе, драгоцѣнная моя Адель?

— Скажите ей, что я его исполнила, отвѣчала Аделаида Григорьевна, потупивъ глазки.

— Скажите ей сами, что я къ ней не поѣду, отвѣчалъ князь.

— Князь!..

— Что же, чего вы испугались? Не поѣду.

— Но, наконецъ...

— Но, наконецъ, я не хочу ввязываться въ исторію, поймите это. Довольно и зимы.

— Нѣтъ, князь, я этого не понимаю! Я не понимаю, какъ можно любить, и вдругъ, и вдругъ...

— И вдругъ забыть?... Какъ-нибудь поймете.

— Но это жестокость, это неблагодарность...

— А, такъ она намѣрена еще дѣлать мнѣ сцены, укорять въ неблагодарности? Слуга покорный! Вы неловки, Адель; это дѣлаетъ честь вашей неопытности; но впередъ помните, что такъ не уговариваютъ.

— Я не понимаю, возразила Аделаида Григорьевна:—какъ вы жалуетесь, что вамъ тоска смертная,—вамъ эта тоска еще

Digitized by Google

на цѣлый мѣсяцъ и больше,—и вдругъ развлеченіе, а вы не пользуетесь.

— Вотъ это еще похоже на что-нибудь, сказалъ князь, засмѣявшись.

Аделаида Григорьевна помолчала съ минуту и подумала.

— Знаете, князь, сказала она, рѣшаясь:—я хотѣла васъ просить, просто, по вашему дружескому расположенію ко мнѣ, съѣздить туда. Мнѣ очень нужно.

— Вамъ-то что̀? вскричалъ князь, смѣясь.

— Мнѣ нужно... У меня свои дѣла, князь. Это, можно сказать, такія обстоятельства, отъ которыхъ мое все будущее зависитъ. Вамъ это ничего не сто́итъ, вамъ будутъ рады, вы исполните долгъ простой вѣжливости.

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать, что̀ вамъ обѣщали за это, сказалъ князь.

— Вы очень знаете, что въ моихъ правилахъ... что я никогда не имѣла корыстныхъ цѣлей, возразила Аделаида Григорьевна:—кромѣ моей привязанности ко всему вашему семейству вообще, и моей, можно сказать, рабской преданности къ княгинѣ... Послѣ нея, вся моя надежда на васъ, князь, вы это знаете... А отъ этого моя участь, можетъ-быть, зависитъ.

— Это презабавно, сказалъ князь:—что̀ такое?

— Вотъ, узнаете.

— Я спрошу Катерину Александровну.

Аделаида Григорьевна расцвѣла. Ихъ прервали, но часу въ первомъ, она имѣла наслажденіе услышать, что князь сказалъ бабушкѣ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Вознесенское и велѣлъ заложить экипажъ. Дѣло въ томъ, что князь вздумалъ взглянуть на Катерину Александровну, которой имя ему напомнили.

Катерина Александровна не замѣчала (иначе не знала бы, какъ объяснить), что вовсе не скучно проводитъ утро. Она рано проснулась и сѣла за пяльцы, въ припадкѣ прилежанія, какіе иногда бываютъ у женщинъ, ничего не дѣлающихъ. Она задала себѣ урокъ, сколько вышить до такого-то часа, и разчитывала, во сколько дней будетъ готова пелена, если каждый день такъ трудиться. Всего только одинъ разъ она вышла на балконъ поправить цвѣты, и, отдыхая, постояла тамъ, глядя въ садъ. Ей показалось что-то весело, такъ что хотѣлось даже шалить, и свѣтская женщина сдѣлала великое отступленіе отъ приличій, своихъ привычекъ и характера. Увидя вдали, въ аллеѣ, управляющаго, она закричала ему:

Digitized by Google

— Bonjour, monsieur Неряцкій!

Надо было имѣть очень чуткій слухъ, чтобъ это услышать, однако Неряцкій услышалъ. Онъ, хотя немного, но прибавилъ шагу, и подошелъ къ балкону.

— Вы не гуляете? спросилъ онъ:—что̀ это значитъ? не больны?

— Нѣтъ, я работаю.

Онъ вошелъ безъ приглашенія. Въ послѣднюю недѣлю, онъ былъ въ этой гостиной два раза, по приглашенію.

— Посмотрите, сколько подвинулось, сказала Катерина Александровна, открывая пяльцы.

— Великолѣпно, отвѣчалъ Неряцкій:—но неужели вы не могли выдумать ничего другаго, кромѣ голубаго съ бусами и золотомъ?

— Что̀ же больше съ голубымъ? Ужь это всегда такъ. Вамъ не нравится?

— Какъ не нравится, если это ужь «всегда такъ». Если и не нравится, то слѣдуетъ привыкнуть.

— Vous êtes un ennemi juré de nos ouvrages de femmes.

— Человѣкъ положительный. Ни къ чему эти работы.

— Время занято.

— Это-то и жалко.

— Но что̀ же больше дѣлать, согласитесь...

— Я согласенъ; вамъ больше дѣлать нечего, то-есть вы не хотите.

— О, вы всегда противъ насъ!

— Я даже не противъ и такихъ работъ, возразилъ Неряцкій:—еслибъ въ нихъ было искусство, желаніе сдѣлать что-нибудь особенно-изящное, выбиться изъ общей колеи... Но, что̀ жь? вотъ, вы сейчасъ говорите, напримѣръ, что голубое съ золотомъ непреложно...

— Mais on n'est pas artiste pour créer...

— Знаете, Катерина Александровна, еслибы всѣ такъ думали, артистовъ-то и вовсе бы не было.

— Надо слишкомъ много взять на себя, возразила она.

— Что̀ жь, возьмите, попробуйте.

— Нѣтъ.

— А знаете, какъ далеко заходитъ ваше «нѣтъ»?

— Не дальше моихъ пялецъ, я думаю.

— Подальше. Вы ими связываете всю вашу жизнь. Ужь если вы не смѣете (Неряцкій засмѣялся на этомъ словѣ), если

Digitized by Google

вы не смѣете сами составить себѣ узоръ для какого-нибудь шитья, перемѣнить это холодное голубое съ бѣлымъ, указанное какимъ-то закономъ, что же вы еще осмѣлитесь? чему же еще вы не покоритесь? Вѣдь въ жизни есть другія рѣшенія, позатруднительнѣе, и другіе законы, тяжелѣе этого; передъ ними вы уже совсѣмъ потеряетесь и наклоните голову...

— Зачѣмъ же? возразила она:—vous aimez à faire de la philosophie. Я не потеряюсь, а поступлю какъ всѣ.

— А *всѣ* хорошо поступаютъ?

— Мы чужихъ поступковъ судить не можемъ и не должны.

Неряцкій взглянулъ на нее и улыбнулся; можетъ-быть еще никогда она не была такъ похожа на запуганнаго ребенка.

— Вы ужасно робки, Катерина Александровна, сказалъ онъ.

— Ахъ, ужасно! повторила она.

— Скажите же, продолжалъ онъ, смѣясь:—какъ вы проживете на свѣтѣ? «Какъ всѣ», но многіе злы, а вы неспособны на зло, это невозможно: вы для этого и честны, и добры. Ну, а не такъ какъ всѣ... Извините меня, впрочемъ; я ужь позволю себѣ философствовать о васъ...

— Можете, отвѣчала она, улыбнувшись тоже:—мнѣ любопытно слышать, что можно подумать обо мнѣ, о моемъ характерѣ.

— Это-то и жаль, что ничего подумать нельзя: у васъ нѣтъ никакого характера. Вы отъ природы честны и добры, но вы боитесь быть тѣмъ и другимъ. Вѣдь страшно сказать: если васъ запугать хорошенько... вы не можете поручиться, что васъ не заставятъ насильно, конечно, измучивъ васъ, конечно, поступивъ даже противъ вашихъ природныхъ наклонностей...

— Je suis donc une sotte, сказала, обидясь, Катерина Александровна.

— Ну, вотъ, вскричалъ Неряцкій, засмѣявшись громко:—видите ли! вы считаете долгомъ обидѣться, хотя и сознаете, что я говорилъ правду; но въ правилахъ вашихъ изображено, въ писаніи у васъ гдѣ-то сказано, что не должно позволять говорить себѣ правду. Но будьте безпристрастны, удостойте быть откровенны... Впрочемъ, не нужно, я увѣренъ въ этомъ и безъ вашей откровенности! Вы слишкомъ чисты душой, слишкомъ благородны, чтобы не возмущаться тѣмъ, что дѣлается и говорится *тамъ*, въ свѣтѣ вашемъ; скажите же, сдѣлайте милость, почему *тамъ* вы безотвѣтны передъ глупостію, передъ зломъ, которое дерзко бросается вамъ въ глаза, а тутъ

Digitized by Google

вамъ больно, вы оскорбляетесь первымъ искреннимъ словомъ оскорбляете того, кто вамъ скажетъ его?

— Я оскорбила васъ? спросила она, удивленная:—чѣмъ же?

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ онъ, съ улыбкой, но уже измѣнившею свое выраженіе:—вы не могли предположить, чтобы une nature aussi rude, какъ моя, могла чѣмъ-нибудь оскорбиться. Извиняюсь и беру назадъ мою жалобу; я былъ не правъ.

Катерина Александровна не въ шутку приняла его извиненіе; она была даже рада, что извиняются передъ нею. Она боялась Неряцкаго какъ чего-то грубаго, низшаго, такого, съ чѣмъ съ дѣтства ее учили быть обходительною и чѣмъ во всѣхъ нравоучительныхъ повѣстяхъ приказывалось не пренебрегать. Съ низшими, какъ извѣстно, лучшее средство—нѣсколько привѣтливыхъ словъ; найдти эти слова очень трудно, но низшіе могутъ довольствоваться чѣмъ случится, потому что, по грубости своей, конечно, не знаютъ толку въ словахъ.

— J'espère que nous resterons toujours bons amis, сказала Катерина Александровна кротко Неряцкому. Онъ поклонился молча. Ему было глупо тяжело, что̀ онъ рѣдко позволялъ себѣ. Онъ понималъ всѣ ея помышленія; у него не было ни охоты смѣяться надъ нею, ни даже охоты срывать сердце, браня другихъ. Катерина Александровна была вполнѣ убѣждена, что онъ сконфуженъ.

— Вы имѣете много знакомыхъ, здѣсь, въ сосѣдствѣ? спросила она, чтобъ ободрить его.

— Всѣ знакомы, отвѣчалъ онъ:—я здѣсь три года.

— Да?.. И вы часто ѣздите ихъ видѣть?

— Напротивъ, очень рѣдко.

— Почему же?

— Некогда.

Катерина Александровна чувствовала, что скоро не найдетъ больше предмета для разговора.

— Но между ними есть люди порядочно воспитанные... порядочнаго круга?

— Выше нѣтъ княгини Десятовой, отвѣчалъ серіозно Неряцкій.

— Да... княгиня... А который часъ, monsieur Неряцкій? мои часы стали.

— Мои тоже

— Потрудитесь взглянуть на солнечные.

Неряцкій сошелъ съ балкона къ столбу съ часами.

Digitized by Google

— Четверть втораго, отвѣчалъ онъ еще изъ цвѣтника:—а къ вамъ гости въ дворъ въѣзжаютъ,—княжеская коляска, и въ ней самъ его сіятельство, князь Иванъ.

На счастье Катерины Александровны, онъ повѣрялъ свои часы и замѣшкалъ воротиться.

— Кто? вскричала она, блѣдная, вскочивъ съ мѣста.

— Послѣдній изъ Десятовыхъ, отвѣчалъ Неряцкій, всходя на балконъ:—а мнѣ позвольте имѣть честь откланяться.

— Нѣтъ, не уходите, прошу васъ, останьтесь, сказала она поспѣшно:—я такъ не люблю этихъ визитовъ... on me dérange...

Она сама не знала что говорила. Неряцкій объяснилъ это естественнымъ неудовольствіемъ принимать такого гостя. Онъ разсмѣялся на этотъ разъ искренно, и сѣлъ опять на свое мѣсто у пялецъ Катерины Александровны.

Доложили о князѣ, и черезъ минуту онъ вошелъ.

Еслибы Неряцкій подозрѣвалъ что-нибудь, то, несмотря на свое полнѣйшее убѣжденіе въ способности женщинъ притворяться, онъ бы изумился твердости, съ которою Катерина Александровна овладѣла собою. Конечно, эту силу придалъ ей страхъ, мысль, что за нею наблюдаетъ человѣкъ, четверть часа назадъ сказавшій, что она чиста и благородна, и женское самолюбіе, которому въ первый разъ въ теченіе несчастной любви своей она дала волю: ея не хотѣли видѣть двѣ недѣли, она не покажетъ, что обрадовалась свиданію... Жалкая женщина не воображала какъ бываетъ иногда выгодно это притворство самолюбія.

— Здравствуйте, сказалъ князь, развязно подавая ей руку и кланяясь съ Неряцкимъ.

— Какъ здоровье maman? спросила Катерина Александровна.

— Она всегда здорова. Я привезъ вамъ тысячи упрековъ въ томъ, что вы забыли, разлюбили насъ всѣхъ, похоронились здѣсь, не хотите пріѣхать. Grand'maman безъ васъ все проигрывается.

— А я тоже какъ проигралась, какъ была у нея въ послѣдній разъ... Что новаго въ Москвѣ?

— Я цѣлый вѣкъ изъ Москвы, ничего не знаю.

— Все жь позднѣе меня, возразила Катерина Александровна:—что Хмѣлевскіе? Eglé ничего мнѣ не пишетъ, забывчивая!

— Но вѣдь вы сами хотите, чтобы васъ забыли,—уѣхали въ эту глушь.

— Нѣтъ, но я не хотѣла бы, чтобы друзья меня забывали.

Digitized by Google

— А, такъ дѣлаются исключенія?

— Конечно.

— Мнѣ бы хотѣлось знать для кого?

— Вотъ, для Eglé.

— И еще для кого же?

— Но... право не знаю, отвѣчала Катерина Александровна:— я чувствую себя здѣсь такъ хорошо, такъ покойно, что не знаю, желаю ли я еще чего-нибудь.

— Поздравляю васъ. Что же вы дѣлаете?

— Вотъ, работаю. Monsieur Неряцкій такъ добръ, что доставляетъ мнѣ много чтенія. Pardon, monsieur Неряцкій, я все еще держу ваши журналы...

Князь оглянулся на Неряцкаго.

— Поторопитесь, сказалъ Неряцкій:—скоро будутъ новые.

— А я такъ запоздала! у меня нѣтъ привычки читать скоро. Но мнѣ пришла идея: если у васъ будетъ свободное время, M. Неряцкій, vous m'obligerez infiniment, прочтите мнѣ сами...

— Когда вамъ будетъ угодно, отвѣчалъ Неряцкій.

— Я такъ люблю работать, когда читаютъ, прибавила она.

— Это замѣняетъ разговоръ, сказалъ Неряцкій.

— Non... mais on peut causer de ce qu'on a lu, возразила Катерина Александровна, испугавшись его сухаго отвѣта и пристальнаго взгляда князя. Она соображала, не слишкомъ ли долго и исключительно, противъ приличій, занялась однимъ гостемъ забывъ другаго, и не даетъ ли это право предполагать... она сама не знала, что; начала теряться и обратилась къ князю:

— Изъ деревни вы прямо въ Петербургъ?

— Я думаю.

— И Москва васъ больше не увидитъ?

— А, довольно мнѣ вашей Москвы! Скука. Я проигрался. Мнѣ въ Москвѣ и жизнь обходится дороже, и кромѣ того приходится подумать, какъ сократить расходы... Не правда ли?

Онъ договорилъ это Неряцкому.

— Да, слѣдуетъ подумать, сказалъ Неряцкій.

— Порядочные люди, продолжалъ князь, — будутъ не въ состояніи поддержать себя въ обществѣ, и оно все составится изъ портныхъ и сапожниковъ.

— Жалѣть нечего, сказалъ хладнокровно Неряцкій:—тѣ, которые держатся въ обществѣ только деньгами, хуже портныхъ и сапожниковъ.

Князь быстро оглянулся на него; Катерина Александровна,

Digitized by Google

испуганная, не смѣла шевельнуться. Неряцкій сидѣлъ, опираясь локтемъ на пяльцы, и глядѣлъ равнодушно, будто говорилъ о погодѣ. Была секунда совершеннаго молчанія.

— Вы занимаетесь и музыкой? спросилъ князь Катерину Александровну, показазъ на рояль.

— Oh, mais je ne joue donc rien! отвѣчала она.

— Аделаида Григорьевна поетъ каждый вечеръ.

— У нея большой голосъ.

— Вкуса нѣтъ. Взвизгиваетъ.

— Oui, des sons aigus.

— Хорошій концертъ составился на дачѣ у Мороновыхъ, вотъ послѣднее время какъ я еще оставался въ Москвѣ, продолжалъ князь.

Онъ началъ разказывать подробности концерта. Неряцкій всталъ.

— Вы уходите? спросила Катерина Александровна, потерявшись не зная отъ чего,—отъ страха, въ который бросили ее его слова, или отъ страха, что она останется одна съ княземъ.

Князь посмотрѣлъ на него какъ на человѣка, который бѣжитъ.

— Куда же вы уходите? повторила Катерина Александровна.

— Къ себѣ домой, отвѣчалъ онъ,—и дома до вечера.

Онъ поклонился ей. Князь ожидалъ его поклона, чтобъ отвернуться, но Неряцкій и не взглянулъ на него уходя.

Катерина Александровна обратилась къ своимъ пяльцамъ и смотрѣла, потупивъ голову, на узоръ. Портьера, спускавшаяся за Неряцкимъ, улеглась и перестала волноваться, шаги его давно затихли, въ воздухѣ замеръ всякій шумъ, изъ знойнаго сада не приносилось никакого звука, и понемногу все слышнѣе и слышнѣе становилось чиканье миніатюрныхъ часовъ въ углу на этажеркѣ.

— Ну-съ, Mme Alexinski? сказалъ князь.

— Что̀ вамъ угодно? спросила она, не оглядываясь.

— Для чего вамъ было угодно, чтобъ я къ вамъ пріѣхалъ?

— Мнѣ?

— Ну да, вамъ. Для чего вы меня звали?

— Я звала васъ?

— Да что̀, мы въ вопросы играемъ, что ли? сказалъ князь:— вы велѣли Адели прислать меня,—вотъ я.

— Я ничего не велѣла Адели, отвѣчала она, испугавшись.

— Какъ же она увѣряетъ? Она говоритъ, что, «пользуясь вашею довѣренностью...»

Digitized by Google

— У меня нѣтъ повѣренныхъ, возразила Катерина Александровна тихо, и еще ниже наклоняя голову.

— Съ чего же это она взяла? сказалъ князь.

— Кто?

— Адель. Какъ пристала, чтобъ я ѣхалъ! У нея планы какіе-нибудь. У этихъ особъ бываютъ исторіи, иногда презапутанныя; сплетня на сплетнѣ, и вдругъ что-нибудь изъ этого извлекутъ, воспользуются крошкой... а иногда и не крошкой; я, вотъ, двѣ недѣли наблюдаю...

Катерина Александровна подняла глаза и смотрѣла на него пристально. Она думала: если этотъ человѣкъ и не хотѣлъ ее видѣть, если его въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь сплетней прислали къ ней... Какою сплетней?—она не останавливалась на этой мысли, пугаясь ея, за другимъ мученьемъ не имѣя времени разбирать ее... Если его и прислали противъ его воли, то все же неужели въ немъ нѣтъ ни тѣни памяти прошедшаго, что онъ можетъ такъ равнодушно видѣть женщину, когда-то любимую, можетъ въ первыя минуты свиданія заниматься не ею, а вздоромъ,—интригой какой-нибудь приживалки?.. Это даже не учтиво, еслибъ они были и посторонніе! Но они не посторонніе: онъ не церемонится... Не свои, однако, не близкіе! для близкихъ есть ласка, а не ласка, такъ слово участія... А еслибъ это была любовь, она бы, конечно, не такъ встрѣтила первую свободную минуту безъ чужихъ людей!

— Что вы такъ смотрите? спросилъ князь съ разстановкой, лѣниво-насмѣшливымъ тономъ, который принялъ какъ только они остались одни.

— Ничего, отвѣчала она, и голосъ ея задрожалъ: — я рада, что вы веселы.

— О чемъ же мнѣ горевать? отвѣчалъ онъ, снимая и бросая свои перчатки:—усталъ я очень, жарко. Курятъ здѣсь у васъ? дайте огня.

Катерина Александровна позвонила.

— Вотъ какъ, съ церемоніями! Развѣ нѣтъ у васъ гдѣ-нибудь поблизости спички или лампады въ вашей комнатѣ?

Вошла Настя.

— Свѣчку князю, сказала ей Катерина Александровна.

Настя принесла и вышла. Князь усѣлся спокойно на диванчикѣ, подвинувъ себѣ подъ локоть подушку, и курилъ, посматривая то въ потолокъ, то на стѣны.

Digitized by Google

— Не дурно убрано, сказалъ онъ,—это кто выбиралъ драпировку?

— Не знаю; я какъ пріѣхала, нашла все готовое.

— Милая внимательность вашего мужа... Ну-съ, а что же monsieur Неряцкій?

— Что monsieur Неряцкій?

— Часто бываетъ? Однимъ словомъ, это пріятное общество?

— Вы его видѣли.

— Очень онъ влюбленъ въ васъ, очень нѣженъ? Мы довольно дружны съ вами, Mme Alexinski, вы можете мнѣ признаться.

Катерина Александровна не выдержала больше; она залилась слезами, рыдая и зажимая лицо платкомъ, чтобы въ ближней комнатѣ кто-нибудь не услышалъ ея рыданій.

— Что это? сказалъ князь:—э, вздоръ какой! съ вами и говорить нельзя.

Катерина Александровна встала и вышла на балконъ. Она плакала, повторяя себѣ, что «все кончено», что «должно все сейчасъ кончить.» Она спрашивала, за что Богъ такъ жестоко ее наказываетъ; она не помнила себя въ отчаяніи.

— Catherine! раздался голосъ князя.

Она не отвѣчала.

— Catherine! повторилъ онъ, не двигаясь съ диванчика, и продолжалъ по-французски:—воротитесь же. Какую вы тамъ комедію играете? Кто-нибудь пройдетъ по саду и увидитъ васъ.

Она воротилась въ комнату; покуда она, въ слезахъ, все забывала, князь, посмѣиваясь про себя, многое передумалъ. Она остановилась среди комнаты, не зная куда дѣваться: уйдти къ себѣ въ спальню было невозможно, тамъ могла быть Настя.

— Сядьте здѣсь поближе, сказалъ князь, показывая ей мѣсто подлѣ себя:—ну, что это за слезы? будто забыла, что я утѣшать и не мастеръ, и не охотникъ.

Она сѣла, но заплакала опять, закрывая свое личико.

— Еще? продолжалъ князь: — проливной дождь! скоро ли прояснитъ? Madame, vous êtes folle, и если вы намѣрены всегда такъ меня принимать, то я, пожалуй, и самъ примусь плакать. Изъ чего столько хлопотъ?

— Ты меня не любишь! проговорила она.

— Чѣмъ это доказывается? Изъ чего же я ѣхалъ сюда? Надѣюсь, не за бабкой ухаживать, она еще неизвѣстно когда отправится; меня переживетъ...

Digitized by Google

— Ужь двѣ недѣли! двѣ недѣли! повторяла Катерина Александровна.

— Двѣ недѣли я въ Бубновѣ? Что жь, такъ и скакать сюда, въ первый же день, чтобъ о васъ заговорили? Ее же берегутъ, о ней же думаютъ, а она упрекаетъ!

— Что за разговоры, что за вопросы!...

— Ахъ, и шутить нельзя! Вотъ характеръ!... Что же такого въ моемъ разговорѣ, чѣмъ я провинился? Пріѣзжаю—она сидитъ богомолкой, въ недоступностяхъ; животное это, управитель, тутъ... Я на него не обращаю вниманія, я къ нему спиной верчусь, а она съ нимъ въ разговоры, «куда вы идете, зачѣмъ вы уходите...»

— Онъ полчаса какъ ушелъ, вскричала Катерина Александровна,—а развѣ я услышала хоть одно слово?..

— А я слышалъ ли хоть слово? Я усталъ, я думалъ быть, просто, какъ дома... Право, смѣшно требовать любезностей, что ли, учтивостей... Точно вы дитя, точно мы со вчерашняго дня знакомы.

Князь отвернулся. Катерина Александровна отирала слезы. Она подумала, что, въ самомъ дѣлѣ, виновата тѣмъ, что не дорожитъ каждою минутой его присутствія и тратитъ ее на слезы и упреки.

— Жанъ, сказала она тихонько.

— Что?

— Пожалуста не сердись.

— Сердиться? Что за вздоръ!... Я не сержусь, а мнѣ скучно.

— Жанъ, ради Бога... Я буду плакать, что тебя огорчила.

— Опять плакать?...

— Я не буду, Жанъ... Скажи мнѣ хоть «здравствуй».

— Глупая! сказалъ онъ смѣясь.

— Ты меня любишь?

— Это еще глупѣе; чего тутъ спрашивать?

— Нѣтъ, скажи, ты охотно... охотно меня видишь?

— Ахъ, что за сумашедшая! Еслибы не хотѣлъ видѣть, кто бы меня притянулъ?

— Я такъ по тебѣ скучала!

— Зачѣмъ же ты не была этими днями у бабушки? Отчего ты прячешься? Въ самомъ дѣлѣ могутъ подумать не знаю что. Ѣзди по прежнему, ни часто, ни рѣдко.

— А ты?...

— А то засѣла здѣсь, и все общество—управляющій, чело-

Digitized by Google

вѣкъ, котораго стóитъ побить, ничего больше. Онъ когда-нибудь наскочитъ на исторію. Прошлый разъ у насъ, за картами, сказалъ Пехлецову, что тотъ счета не знаетъ. Пехлецовъ, дуракъ, ему смолчалъ. А ты съ нимъ держишься, не знаю, какъ съ ровней...

— Богъ съ нимъ... Ты на долго здѣсь?

— Какъ тебѣ сказать?... Ты сама должна понять, что мнѣ нѣтъ ни удовольствія, ни выгоды здѣсь киснуть.

У Катерины Александровны сжалось сердце.

— Какъ же ты сказалъ... начала она.

— Тетка Тяженецкая то и дѣло пишетъ, ласкается къ матери. Тяженецкій, мужъ ея, янтарей какихъ-то наслалъ; бабушка обвѣшалась ими какъ дикарка, и похаживаетъ: «l'odeur de l'ambre, cela me reconforte...»

— Ахъ, Жанъ, какой ты смѣшной, милый мой!

— Право? Весело? Ну, о чемъ плакала?... Тяженецкіе бабку скрутятъ, вытянутъ у нея денегъ пропасть. Я вчера узналъ, что она двѣ тысячи послала на банкира въ Парижъ, Агриппинѣ. Двѣ тысячи серебромъ, не шути! Такъ тутъ будешь поневолѣ ручки у нея цѣловать, чтобы хоть имѣніе отдала, вотъ это...

Онъ замолчалъ, брося съ досадой пахитоску.

— Да, Жанъ, тебѣ затруднительно, сказала Катерина Александровна.

— Я и сижу, и питаюсь воздухомъ и надеждами. Что жь дѣлать!... Развѣ Mme Alexinski позволитъ мнѣ почаще пріѣзжать lui rendre mes respectueux devoirs...

— Какъ я люблю тебя, жизнь моя!

— Ну-съ, а пока, прощайте. Нельзя, нельзя на первый разъ засиживаться. Пора домой...

— Жанъ, я завтра пріѣду.

— Нѣтъ, скоро очень. Вы слишкомъ торопитесь отдавать мнѣ визитъ, Mme Alexinski. Послѣ завтра вечеромъ пріѣзжай, а оттуда уѣзжай раньше, я провожу тебя домой. J'ai l'honneur, madame...

Онъ церемонно расшаркался и прибавилъ, выходя изъ гостиной и опуская портьеру:

— Какая пустота у васъ во всемъ домѣ! Au revoir.

В. Крестовскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Digitized by Google

ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ[1]

III.

Отрадно и для души и для взора глядѣть на старую садовую ограду, потемнѣвшую отъ времени, облѣпленную сырыми листьями, обросшую мхами, богатыми роскошнымъ разнообразіемъ зелени и нѣжными, причудливыми формами; на ограду, защищающую уютное жилище, далекое отъ шума большихъ городовъ; жилище, гдѣ намъ мечтается тихое счастье, незнакомое ни съ трагедіями, ни съ дрязгами жизни. Мы идемъ мимо ограды, глядимъ на перевѣсившіяся вѣтви, и воображеніе рисуетъ намъ прелестный уголокъ, скрытый за нею; или наши мысли останавливаются на самой оградѣ и на томъ, какъ часто пригрѣвало ее солнышко, какъ часто мочилъ ее дождь, и снова высушивалъ вѣтеръ; какъ измѣнилась она отъ всего этого съ тѣхъ поръ, какъ каменьщикъ сложилъ ея кирпичи. У этой старой ограды есть прошлое, есть жизнь, есть исторія. Она, какъ Вордсвортъ говоритъ о горахъ, «дружна съ забытыми годами». Не только на ней остались явные слѣды времени въ потрескавшихъ кирпичахъ и разсыпающейся извести; есть на ней и тайные, доступные лишь умственному взору, слѣды каждой дождевой капли, каждаго солнечнаго луча, каждаго вѣтерка. Ничто не пропадаетъ. Въ дивномъ строѣ превращеній,

[1]) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 14 и 15.

Digitized by Google

постоянно происходящемъ вокругъ насъ, все мѣняется, но ничто не теряется.

Чтобы вы приняли это за поэтическій оборотъ, а не за аксіому науки, позвольте мнѣ доказать вамъ примѣромъ, что всякій лучь свѣта, всякое дуновеніе вѣтра, коснувшись предмета, навсегда измѣнили его. Фотографія очевиднымъ образомъ обнаруживаетъ такое вліяніе свѣта; вы можете однако возразить, что это доказываетъ только чувствительность іода къ дѣйствію свѣта. Но въ сущности, свѣтъ точно такъ же дѣйствуетъ на каждое тѣло, на которое онъ падаетъ и измѣняетъ его въ большей или меньшей степени. И не одинъ свѣтъ. Если мы положимъ облатку на полированную металлическую поверхность, и потомъ дохнемъ на нее, то, давъ влагѣ нашего дыханія испариться, и сбросивъ облатку, мы можемъ убѣдиться, что вся полированная поверхность измѣнилась, хотя чувства наши прямо не даютъ намъ замѣтить никакого измѣненія; а именно, если мы снова дохнемъ на металлъ, вся его поверхность тотчасъ сдѣлается влажною, за исключеніемъ той части, которая прежде была защищена облаткой, и которая теперь является на ней въ видѣ тѣни. Дохнемъ опять, дохнемъ еще разъ: каждый разъ появится тѣнь облатки. Этотъ опытъ удастся намъ и по прошествіи многихъ мѣсяцевъ, если мы тщательно отложимъ металлъ въ такое мѣсто, гдѣ ничто не можетъ коснуться его поверхности. Если подвергнуть лучамъ солнца листъ бумаги, на который положенъ ключъ, и тотчасъ потомъ взглянуть на него въ темнотѣ, снявши съ него ключъ, то на немъ окажется быстро исчезающая тѣнь ключа. Положимъ на долгое время этотъ листъ бумаги въ такое мѣсто, гдѣ ничто не можетъ подѣйствовать на него, и если потомъ мы помѣстимъ его въ темнотѣ на горячую металлическую пластинку, то увидимъ, что на немъ снова явится тѣнь ключа. На тѣлахъ болѣе фосфорическихъ чѣмъ бумага, тѣни многихъ предметовъ могутъ являться въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ клали ихъ одинъ за другимъ на поверхность этихъ тѣлъ (1).

Все это точно такъ же относится и къ нашему тѣлу, и къ нашей душѣ. Мы также участвуемъ въ этомъ постоянномъ, всемірномъ метаморфозѣ. Никакая вещь не оставляетъ насъ вполнѣ такими, какими она нашла насъ. Всякій человѣкъ, ко-

(1) Draper, *Human. Physiologie*, 289.

Digitized by Google

тораго мы встрѣчаемъ, всякая книга, которую читаемъ, всякая картина, которую видимъ, всякое слово, всякій звукъ, который слышимъ, проникаетъ въ наше существо и видоизмѣняетъ его. Бывали случаи, что неученыя женщины, при умственномъ поврежденіи, произносили греческія и еврейскія фразы, когда-нибудь слышанныя, но конечно не понятыя ими. Эти звуки были давно забыты; слѣдъ, оставленный ими, былъ такъ слабъ, что при обыкновенныхъ условіяхъ онъ былъ совершенно нечувствителенъ; но слѣдъ все-таки существовалъ, и при яркомъ пламени сумашествія онъ обнаруживался точно такъ же, какъ тѣнь ключа появилась при дѣйствіи жара: такъ и со всѣми вліяніями, которымъ мы подвергаемся.

Если садовая ограда навела наши бродячія мысли на такія умозрѣнія, то она, конечно, представитъ намъ матеріялъ и для нашихъ занятій животной жизнью. Эти комочки мха должны содержать колонію живыхъ существъ. Не разсмотрѣть ли намъ ихъ? Я вырываю одинъ изъ нихъ; онъ такъ сухъ, что разсыпается въ пыль при малѣйшемъ прикосновеніи; мы завернемъ его въ бумажку, съ его пылью и грязью, и отнесемъ его домой. Приготовьте микроскопъ, и будьте внимательны.

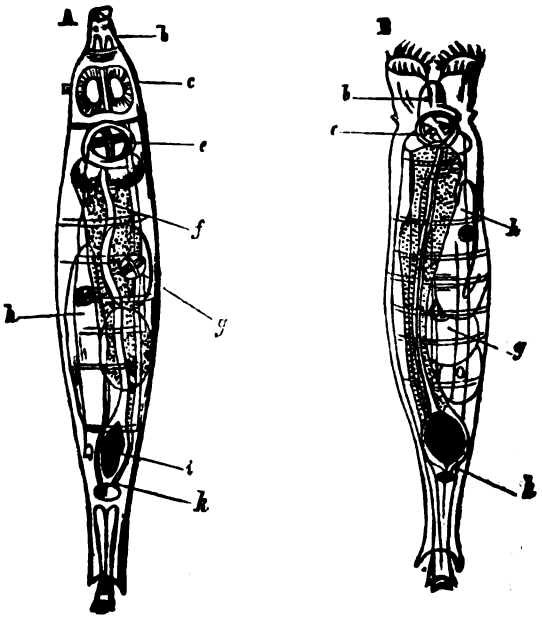
Я обмакиваю частицу этого мха въ перегнанную воду. Всякая вода точно также годилась бы для этого, но я употребляю перегнанную воду, чтобы вы не подумали, что животныя, которыхъ вы тотчасъ увидите, принадлежатъ водѣ, а не мху. Я теперь сжимаю мохъ въ моихъ пальцахъ, и капля воды, нѣсколько намутненной грязью, падаетъ на стеклышко, которое мы помѣщаемъ подъ микроскопъ. Быстрый обзоръ убѣждаетъ насъ, что тутъ нѣтъ животныхъ. Мы снова выжимаемъ мохъ, и на этотъ разъ видимъ между частицами мха и грязи маленькія желтоватыя тѣла неправильной овальной формы. Вглядитесь въ одно изъ нихъ, и вы увидите, что сперва одинъ конецъ, потомъ и другой начинаетъ медленно удлиняться. Овальное тѣло вытянулось въ нѣчто похожее на жирную гусеницу, съ тою только разницей, что одинъ изъ кончиковъ заостренъ. Вотъ показался вилообразный хвостъ; онъ прицѣпляется къ стеклу, и все тѣло качается изъ стороны въ сторону. Вотъ голова втянулась, словно животное проглотило ее, и на ея мѣстѣ внезапно распустились двѣ широкія лопасти, снабженныя каждая кружкомъ качающихся рѣсничекъ. Безжизненное овальное тѣло сдѣлалось живымъ животнымъ. Вы присутствовали при воскрешеніи, при воскрешеніи посредствомъ потопленія!

Digitized by Google

Распущенныя лопасти, съ ихъ рѣсничками, до того похожи на колеса, что этихъ животныхъ назвали *ротиферами* (Rotifera), то-есть колесоносцами.

Ротиферы (правильнѣе *ротаторіи*—Rotatoria) или *коловратки* представляютъ очень интересный предметъ для изслѣдованія. Познакомимся съ ихъ организаціею.

Фиг. 16.



Rotifer vulgaris. A, съ колесами, втянутыми внутрь (при c). B, съ колесами распущенными; b глазныя точки; e челюсти и зубы; f пищеводъ; g зародышъ; h зародышъ болѣе развитой; i система водяныхъ сосудовъ; k задній проходъ.

Существуетъ много видовъ коловратокъ, различающихся между собою величиной и формой; при чемъ, какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, самцы постоянно менѣе развиты чѣмъ самки. Вы можете видѣть ихъ либо быстро плавающими подъ водой посредствомъ кольцеобразно-расположенныхъ рѣсничекъ, которыя называются колесами, потому что при движеніи онѣ представляютъ точь-въ-точь видъ зубчатаго колеса; либо ползающими по стеклышку; при чемъ онѣ прицѣпляются головой, потомъ сгибаютъ тѣло, пока хвостъ не коснется головы, и тогда, прицѣпившись хвостомъ, протягиваютъ голову впередъ. Не рѣдко также они прикрѣпляются хвостомъ къ сте-

Digitized by Google

ку, или къ какой-нибудь травкѣ, а тѣломъ качаются туда и сюда, или же вытягиваютъ его прямо, и быстро дѣйствуютъ своими колесами. При этомъ положеніи, ихъ жвалы представляютъ поразительное зрѣлище. Левенгукъ принялъ ихъ за сердце, и дѣйствительно, ихъ безпрестанное, мѣрное движеніе напоминаетъ біеніе этого органа. Хвостъ и передняя часть тѣла въ замѣчательной степени обладаютъ способностью втягиваться и вытягиваться наподобіе подзорной трубы. Тѣло иногда защищено панцыремъ, или скорлупкой, но часто оно покрыто только гладкою, твердою кожей, которая однакожь представляетъ явныя указанія на членистое раздѣленіе.

Первый описалъ этихъ коловратокъ несравненный старикъ Левенгукъ, добывшій ихъ изъ дождеваго желоба. Съ тѣхъ поръ, ихъ тщательно изучали, и доказали, что онѣ не инфузоріи, какъ думалъ Эренбергъ, но ракообразныя животныя. Прошу васъ обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, которое больше всего придало извѣстности этимъ существамъ—именно, на ихъ способность воскресать. Левенгукъ описалъ то, что̀ вы сейчасъ видѣли, именно — медленное оживленіе коловратокъ (сухихъ какъ пыль, и переносимыхъ, подобно пыли, каждымъ вѣтеркомъ) при погруженіи ихъ въ воду. Спалланцани удивилъ ученый міръ извѣстіемъ, что этотъ процессъ сушенія и размоченія, умерщвленія и воскрешенія, можетъ быть повторенъ пятнадцать разъ сряду; такъ что коловратка, говоритъ онъ, которой нормальная жизнь продолжается около восьмнадцати дней, можетъ быть засушена и сохраняема нѣсколько лѣтъ, и оживлена потомъ по произволу. То, что̀ намъ кажется теперь пылинкой, можетъ вдругъ оживиться жизнію сложнаго организма, и снова уподобиться пыли по испареніи воды.

Все это очень чудесно; до того чудесно, что умъ, воспитанный въ привычкахъ научной осторожности, требуетъ всему этому непреложныхъ доказательствъ. Два мѣсяца тому назадъ я отвѣчалъ бы сомнѣвающимся, что непреложныя доказательства налицо, что фактъ неоспоримъ; ибо фактъ не только подтверждается свидѣтельствомъ многихъ ученыхъ,—онъ вынесъ пробу очень строгихъ опытовъ. Такъ, въ 1842 году, г. Дойеръ обнародовалъ опыты, противъ которыхъ, казалось, не могъ бы устоять никакой скептицизмъ. Онъ помѣщалъ частицы мха подъ воздушный нососъ, вмѣстѣ съ сосудами, наполненными сѣрною кислотой, которая должна была поглотить вся-

Digitized by Google

кій слѣдъ влаги. Продержавъ мохъ въ этихъ условіяхъ въ продолженіи цѣлой недѣли, онъ помѣщалъ его въ печь, въ которой температура возвышалась до 300 градусовъ по Фаренгейту. Но и эти операціи не помѣшали коловраткамъ воскреснуть, какъ только мохъ погружался въ воду.

При такомъ свидѣтельствѣ, сомнѣніе становится почти невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, собственные мои опыты ставятъ меня въ необходимость сомнѣваться. Я не присутствовалъ при опытахъ г. Доіера, и, поэтому, не могу сказать, въ чемъ состояла его ошибка, но что тутъ была ошибка, это, кажется, можетъ быть положительно доказано. Въ новомъ сочиненіи г. Пуше (1), я въ первый разъ встрѣтилъ рѣшительное отрицаніе такъ-называемаго воскрешенія коловратокъ; отрицаніе это тѣмъ болѣе поразило меня, что я самъ не разъ видѣлъ оживаніе этихъ высушенныхъ животныхъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ всякое законное сомнѣніе не можетъ быть разрѣшено иначе, какъ путемъ опыта, я прибѣгнулъ къ опыту и скоро напалъ на то обстоятельство, которое повидимому и есть источникъ всѣхъ разногласій по этому предмету. День за днемъ мои опыты повторялись, видоизмѣнялись, повѣрялись, и съ такими тождественными результатами, что всѣ мои сомнѣнія разсѣялись; и такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ опытовъ чрезвычайно просты, вы можете повторить ихъ безъ большаго затрудненія. Выжмите каплю изъ мха и постарайтесь, чтобы въ ней не было грязи, и убѣдившись, что въ ней есть живыя коловратки, или тардиграды (2), помѣстите стеклышко съ этою каплей подъ стеклянный колпакъ, чтобы защитить его отъ воздушныхъ теченій, и дайте водѣ испариться медленно, но вполнѣ, при помощи хлорной извести, или сѣрной кислоты, помѣщенной подъ колпакъ; или, что̀ еще проще, помѣстите стеклышко съ животными на тонящуюся печку. Если, на другой день, вы разсмотрите вполнѣ высохшее стеклышко, вы увидите съежившіяся тѣла коловратокъ, принявшія форму овальныхъ желтоватыхъ зернышекъ. Но попробуйте оживить ихъ каплей свѣжей воды, и вы увидите, что онѣ

(1) Pouchet, *Hétérogénie ou Traité de la Génération spontanée*, 1859 p. 453.

(2) Тардиграды принадлежатъ къ порядку паукообразныхъ (арахнидовъ); ихъ находятъ иногда во мхѣ, въ стоячей водѣ.

Digitized by Google

не оживутъ, подобно тому какъ оживаютъ, когда были высушены вмѣстѣ со мхомъ; иногда онѣ нѣсколько раздуваются и немного удлиняются, и вы подумаете, что это начало пробужденія къ жизни; но продолжайте наблюдать за ними въ теченіе двухъ или трехъ дней, и вы увидите, что дѣло не подвигается. Никогда эти овальныя зерна не превращаются въ живыхъ, ползающихъ коловратокъ, никогда они не распускаютъ колесъ, не приводятъ въ движеніе своего пищевода. Нѣтъ, разъ высушенная коловратка умерла, и умерла навсегда.

Но если, какъ осторожный экспериментаторъ, вы станете измѣнять и повѣрять ваши опыты, и около вашего стеклышка помѣстите еще другое, содержащее коловратокъ, а вмѣстѣ съ ними грязь или частицы мха, вы найдете, что, при прибавленіи воды къ содержимому втораго стеклышка, животныя иногда (но не всегда) оживутъ. То, чего не могли вы достигнуть на стеклянной пластинкѣ безъ грязи или съ малымъ количествомъ ея, легко удается вамъ въ часовомъ стеклышкѣ, содержащемъ грязь или мохъ. И при нѣкоторомъ вниманіи, вы убѣдитесь, что и во всякомъ случаѣ результатъ зависитъ отъ количества грязи. А это ведетъ къ простому разрѣшенію всей загадки; это согласуетъ противорѣчащія показанія. Причина, по которой оживаютъ коловратки, заключается въ томъ, что онѣ не были вполнѣ высушены, что онѣ не потеряли того малаго количества воды, которое составляетъ существенный элементъ ихъ тканей; этому полному высыханію препятствуетъ присутствіе грязи или мха. Никто, конечно, не предполагаетъ, чтобы коловратки въ самомъ дѣлѣ оживали послѣ окончательной смерти. Если онѣ обладаютъ способностію пребывать нѣкоторое время въ состояніи пріостановленной жизни, подобно замерзшей лягушкѣ, то только при условіи, чтобъ ихъ организмъ не былъ разрушенъ; а онъ былъ бы разрушенъ, еслибы вся вода была удалена изъ его тканей; потому что, какъ бы странно это ни казалось, вода есть не случайная, но существенная составная часть всякой живой ткани; она не можетъ быть возобновлена въ ней механически, а только посредствомъ жизненнаго процесса. Всякій, кто дѣлалъ микроскопическіе препараты, знаетъ, что какъ только ткань высохла—она тѣмъ самымъ испорчена: она отъ соприкосновенія съ водой не пріобрѣтетъ вновь своихъ прежнихъ свойствъ; потому что вода первоначально проникла въ нее не механически, какъ она проникаетъ въ губку, но черезъ молекулярный процессъ упо-

Digitized by Google

добленія, какъ бѣлковина въ мышцу. Поэтому, я утверждаю, что полное высыханіе необходимо сопряжено съ смертію, что оживающая коловратка не была высушена вполнѣ. Допустивъ это, мы невольно спрашиваемъ: что же можетъ помѣшать коловраткѣ высохнуть вполнѣ? Опытъ показываетъ, что такое дѣйствіе имѣетъ присутствіе грязи или мха. Итакъ, все чудо воскрешенія коловратокъ сводится на слѣдующее: если вода, въ которой онѣ живутъ, испарится, то жизнь пріостанавливается въ животномъ, но не прекращается вполнѣ, пока вода *самого животнаго* защищена отъ испаренія.

Я соглашаюсь, что это объясненіе трудно приложить къ опытамъ г-на Дойера, такъ какъ температура 300 градусовъ по Фаренгейту (около ста градусовъ выше точки кипѣнія воды), конечно, должна была бы совершенно высушить животныхъ, сколько бы ни было при нихъ защищающей грязи. Очень можетъ быть, что г-нъ Дойеръ принялъ упомянутое нами разбуханіе труповъ за начало оживанія. Если нѣтъ, я рѣшительно не знаю, гдѣ искать объясненія; потому что въ моихъ опытахъ сушка гораздо болѣе умѣренная, именно простое испареніе на плиткѣ камина, или подъ стекляннымъ колпакомъ, рѣшительно всегда убивала животныхъ, если грязи при нихъ не было, или было лишь очень мало.

Г. Давенъ недавно представилъ Парижской академіи свои опыты объ этомъ предметѣ (1) и изъ нихъ слѣдуетъ, что тѣ коловратки, которыя обыкновенно живутъ въ лужахъ, не оживаютъ послѣ сушки, а тѣ, которыя живутъ на мхахъ, постоянно оживаютъ. Это, мнѣ кажется, можно объяснить такъ: коловратки, живущія въ лужахъ, подвергаются сушкѣ не защищенныя грязью или мхомъ: это-то и есть причина, по которой онѣ не оживаютъ.

Выяснивъ себѣ этотъ пунктъ, я сдѣлалъ то, что очень облегчило бы мнѣ дѣло, еслибъ я подумалъ объ этомъ прежде. Я взялъ съ полки Спалланцани, и прочелъ описаніе его знаменитыхъ опытовъ. Къ немалому моему удивленію и удовольствію, я удостовѣрился, что онъ съ большою точностію передаетъ тѣ же факты, которые видѣлъ и я, но страннымъ образомъ ошибается въ ихъ объясненіи. Ничто не можетъ быть яснѣе слѣдующаго мѣста: «Воскрешеніе коловратокъ удается лишь

(1) *Annales des Sciences Naturelles*. 1853 X., p. 353.

Digitized by Google

при одномъ условіи: необходимо, чтобы при нихъ былъ песокъ; безъ этого онѣ не оживаютъ. Однажды я наблюдалъ за коловратками, плавающими въ испаряющейся каплѣ воды, въ которой было очень мало песку. Три четверти часа по испареніи воды, онѣ были сухи и неподвижны. Я помочилъ ихъ водою, чтобъ оживить ихъ; но напрасно, хотя я держалъ ихъ въ водѣ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Ихъ члены раздулись и приняли размѣры втрое чѣмъ первоначальные, но остались неподвижны. Чтобъ узнать, не зависитъ ли это обстоятельство отъ случая, я разсыпалъ щепотку песку, содержащаго коловратокъ на стеклянную пластинку, подождалъ, чтобъ онъ высохъ, и тогда снова помочилъ его. Песокъ былъ неправильно разсыпанъ по стеклу, такъ что въ иныхъ мѣстахъ накрывалъ его тонкимъ слоемъ, въ другихъ же его было очень мало: тутъ животныя не ожили; но вездѣ, гдѣ было много песку, они ожили.» Далѣе онъ говоритъ, что если густо насыпать песокъ въ одномъ мѣстѣ, рѣже въ другомъ и очень рѣдко въ третьемъ, то, при подбавкѣ воды, на первомъ мѣстѣ оживетъ всего болѣе животныхъ, на второмъ менѣе, а на третьемъ не оживетъ ни одного.

Нельзя не удивляться тому, что такія точныя наблюденія такъ долго были оставлены безъ вниманія и не привели къ правильному разрѣшенію всей загадки. Можетъ-быть прирожденная наклонность къ чудесному заставила многихъ охотно принять за доказанный фактъ воскрешеніе коловратокъ, и уклоняться отъ всякаго объясненія этого факта. Попытка самого Спалланцани объяснить дѣло, конечно, не можетъ считаться счастливою. Онъ полагаетъ, что пыль не позволяетъ воздуху раздражать и разрушать животныхъ.

Послѣ того, какъ предыдущія строки были отданы въ печать, г. Гаваре (*Annales des Sciences Naturelles*, 1859. XI., p. 315) обнародовалъ отчетъ о своихъ опытахъ надъ коловратками и тардиградами, при которыхъ онъ нашелъ, что, подвергнувъ мохъ сушкѣ такой полной, какой можно достигнуть при доступныхъ намъ средствахъ, можно оживить находящихся на немъ животныхъ, погрузивъ мохъ въ воду на сутки. Этотъ результатъ, повидимому, прямо противорѣчитъ тому, котораго достигъ я, но только повидимому; потому что въ моихъ опытахъ сушкѣ подвергались самыя животныя, а не мохъ. Тѣмъ не менѣе, признаюсь, моя увѣренность поколебалась отъ опы-

Digitized by Google

товъ, до такой степени точныхъ и произведенныхъ такимъ искуснымъ изслѣдователемъ, и я еще разъ принялся за свои опыты, въ убѣжденіи, что открытіе ошибки, на которой бы сторонѣ она ни была, стóитъ всевозможныхъ хлопотъ. Мѣсто позволяетъ мнѣ сообщить здѣсь только одни результаты этихъ повѣряющихъ опытовъ: *Каждый разъ, какъ животныя были совершенно отдѣлены отъ грязи, они погибали.* Въ двухъ случаяхъ, въ часовомъ стеклышкѣ было мало грязи, лишь незначительная мутность, и этого малаго количества было достаточно, чтобы спасти двухъ изъ восьми, и трехъ изъ десяти коловратокъ, которыя ожили на другой день; остальныя не ожили и въ третій день по погруженіи ихъ въ воду. Въ одномъ случаѣ вода была прикрыта тонкимъ стеклышкомъ, и хотя испареніе ея казалось полнымъ, этого стеклышка было достаточно, чтобы защитить одну коловратку, которая и ожила по прошествіи трехъ часовъ.

Если сравнить эти результаты съ результатами, полученными г-мъ Давеномъ, нельзя не придти къ заключенію, что коловратки оживаютъ при погруженіи въ воду лишь тогда, когда полному высыханію ихъ препятствуетъ присутствіе малаго количества мха или грязи, между частицами которой онѣ нашли защиту. И даже при строго-обдуманныхъ опытахъ гг. Дойера и Гаварре, нѣкоторыя животныя, безъ сомнѣнія, пользовались такою защитой; особеннаго вниманія при этихъ опытахъ заслуживаетъ то обстоятельство, что хотя нѣкоторыя коловратки выживали, другія постоянно погибали. Еслибъ организація коловратки, или тардиграда, была такова, что могла бы противостоять сушкѣ, если достаточно подлить воды, чтобы снова возбудить въ коловраткѣ жизненную дѣятельность,—то всѣ, или почти всѣ эти животныя, подвергнутыя опыту, должны были бы выживать: но обстоятельство, что выживаютъ лишь нѣкоторыя, заставляетъ насъ предполагать, что эти-то именно не были высушены—предположеніе, подтверждаемое опытомъ. Я думаю, что всѣ противорѣчія по этому предмету могутъ быть приведены къ слѣдующему: изслѣдователи, подвергавшіе сушкѣ мохъ, содержащій животныхъ, находили, что, при погруженіи въ воду, нѣкоторыя изъ нихъ оживаютъ; тѣ же, которые сушатъ однихъ животныхъ, найдутъ, что при этихъ условіяхъ они не оживаютъ.

Время, которое мы употребили на этихъ коловратокъ, не будетъ временемъ потеряннымъ, если оно научило насъ

Digitized by Google

той осторожности, которая необходима при всякомъ опытномъ изслѣдованіи. Хотя опытъ драгоцѣнное и необходимое средство познанія, онъ можетъ однако вводить насъ въ заблужденіе; мы можемъ ошибочно воображать, что правильно спросили природу и правильно истолковали ея отвѣтъ. И эта опасность происходитъ отъ сложности явленій, съ которыми мы имѣемъ дѣло, отъ нашей склонности проглядѣть или оставить безъ вниманія какое-нибудь, повидимому ничтожное условіе,—ничтожность, которая можетъ оказаться обстоятельствомъ первостатейной важности. Одна изъ причинъ, по которымъ изученіе естественныхъ наукъ драгоцѣнно какъ средство развитія, независимо отъ непосредственныхъ своихъ цѣлей, заключается въ томъ, что оно пріучаетъ умъ покоряться дѣйствительности, вмѣсто того чтобы замѣнять ее собственными изобрѣтеніями, стремиться къ познанію природы, какъ она есть, а не какъ она могла бы или должна бы быть. Одна изъ причинъ, по которымъ, изъ всѣхъ естественныхъ наукъ, біологія представляетъ самое лучшее средство образованія, заключается въ томъ, что, благодаря чрезвычайной сложности разбираемыхъ ею процессовъ, она пріучаетъ насъ къ необходимости принимать въ соображеніе всѣ условія, и такимъ образомъ постоянно держать умъ насторожѣ. Она развиваетъ осторожность, которая, при наклонности человѣческаго ума заходить впередъ своихъ знаній, есть неоцѣненное укрѣпительное средство для мысли. Я далекъ отъ того, чтобъ утверждать, что біологи разсуждаютъ болѣе здраво чѣмъ прочіе смертные; противъ этого говоритъ та масса грубыхъ гипотезъ, которую они принимаютъ, не смущаясь. Но какъ бы ни мало многіе пользовались выгодами біологіи, нѣтъ сомнѣнія, что она, по сложности своихъ задачъ, представляетъ болѣе средствъ для умственнаго развитія чѣмъ всякая другая отрасль естественныхъ наукъ.

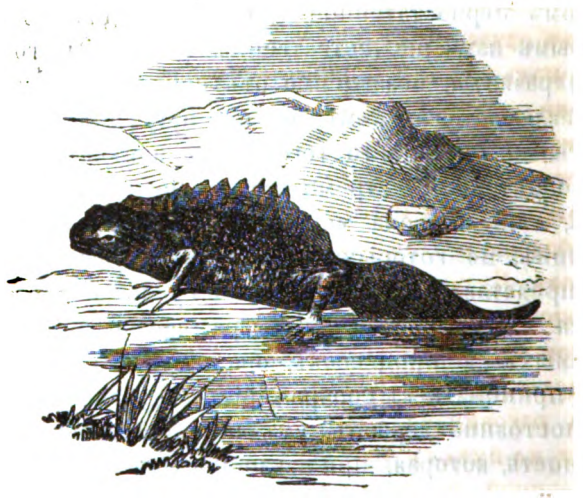
Разъ или два я употреблялъ уже выраженія: моллюски и раковидное животное, съ которыми читатель, незнакомый съ языкомъ естественныхъ наукъ, могъ соединять лишь неясныя понятія. Теперь я хочу воспользоваться случаемъ, и завершить эту главу указаніями о пяти типахъ, или классахъ организаціи, подъ одинъ изъ которыхъ можно подвести каждое животное. Не занимавшись физическими науками, вы тотчасъ можете опредѣлить какого содержанія лежащая передъ вами книга,—математическаго, физическаго, химическаго, ботаническаго, или физіологическаго. Точно также, не занимавшись

Digitized by Google

науками естественными, вы все-таки должны выучиться распознавать, принадлежитъ ли находящееся передъ вами животное къ позвоночнымъ, мягкотѣлымъ, членистымъ, лучистымъ или къ протозоямъ.

Взглядъ на содержимое нашихъ банокъ снабдитъ насъ примѣрами каждаго изъ этихъ пяти отдѣловъ животнаго царства. Начнемъ съ этого тритона. Онъ представитель отдѣла, или

Фиг. 17.



Тритонъ самецъ.

подцарства позвоночныхъ. Замѣтьте только, что онъ обладаетъ спинною костью и внутреннимъ скелетомъ, и вамъ будетъ ясенъ главный признакъ, по которому тритонъ принадлежитъ къ одному разряду существъ съ человѣкомъ, слономъ, китомъ, птицами, гадами, рыбами. Всѣ они, несмотря на всѣ ихъ различія, сходятся въ слѣдующихъ чертахъ: всѣ они имѣютъ спинную кость; всѣ имѣютъ внутренній скелетъ; всѣ построены по одному типу. Во всѣхъ позвоночныхъ животныхъ скелетъ устроенъ по одному плану. Каждая кость въ тѣлѣ тритона соотвѣтствуетъ какой-нибудь кости въ тѣлѣ человѣка или мыши; и каждая кость сохраняетъ то же отношеніе къ другимъ костямъ, какъ бы ни были не схожи между собою тѣ члены, въ которыхъ мы ее находимъ. Такъ, напримѣръ, какъ ни велико различіе между рукой человѣка и плавникомъ кита или крыломъ птицы, крыломъ летучей мыши, но-

Digitized by Google

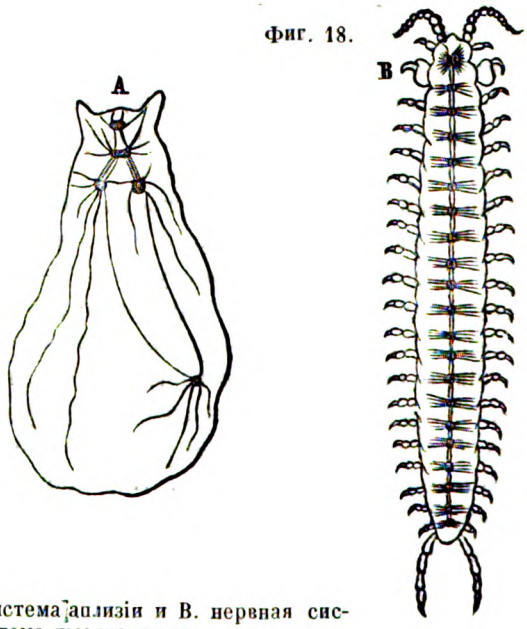
той лошади, въ каждомъ изъ этихъ органовъ мы находимъ одинаковое число костей, соединенныхъ между собой одинаковымъ образомъ. Плавникъ есть одно изъ видоизмѣненій типическаго члена; крыло—другое; рука—третіе. То, что̀ мы сказали о членахъ, можетъ быть приложено и къ прочимъ органамъ; и на этомъ-то основаніи мы говоримъ о *типѣ* позвоночныхъ. Отъ рыбы до человѣка господствуетъ одинъ планъ организаціи; и указаніемъ на это единство служитъ намъ присутствіе позвоночнаго столба.

Тритонъ отчаянно вертѣлся у насъ въ рукѣ, пока мы разсуждали надъ нимъ, и теперь, какъ мы опускаемъ его въ банку, онъ съ видимымъ удовольствіемъ ныряетъ на дно. Эта водная улитка, медленно ползущая по стѣнкѣ банки и очищающая ее отъ зеленаго налета микроскопическихъ растеній, которыми это животное питается, послужитъ намъ представителемъ втораго большаго отдѣла животныхъ—отдѣла мягкотѣлыхъ или моллюсковъ. Я не могу указать вамъ на признакъ, столь же характеристическій какъ присутствіе позвоночнаго столба, чтобы помочь вамъ соединить съ этимъ названіемъ опредѣленное представленіе о типѣ этой группы. Назвать ихъ животными съ раковинами было бы не точно, потому что многіе моллюски не имѣютъ раковинъ, а многія животныя, снабженныя раковиной, не суть моллюски. Названіе моллюсковъ первоначально дано имъ по причинѣ мягкости ихъ тѣла. Но они не мягче червей и гораздо менѣе мягки чѣмъ медузы. Вы, можетъ-быть, уже знаете, что улитки и устрицы—моллюски; но если вы хотите запомнить какой-нибудь признакъ, связанный съ типомъ ихъ организаціи, то остановите ваше вниманіе на неполныхъ симметріяхъ ихъ тѣла. Я говорю, неполная симметрія, потому что ошибочно, то мнѣніе, хотя и весьма распространенное, будто тѣло моллюсковъ не двухстороннее, будто оно не состоитъ изъ двухъ симметрическихъ половинъ. Позвоночное животное можно раздѣлить вдоль, и каждая половина будетъ близко походить на другую, причемъ позвоночный столбъ представляетъ какъ бы ось, по обѣимъ сторонамъ которой расположены всѣ органы; про моллюсковъ же говорятъ, что ихъ тѣло не представляетъ такой оси, такой симметріи. Я согласенъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ оси, но я отвергаю совершенное отсутствіе симметріи. Многіе изъ его органовъ расположены такъ же симметрично, какъ органы позвоночныхъ, напримѣръ

Digitized by Google

глаза, щупальцы, челюсти, далѣе, жабры у еолидовъ и птероподовъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны многіе органы позвоночныхъ животныхъ столько же не симметричны, какъ и органы моллюсковъ, напр., печень, селезенка, поджелудочная железа, желудокъ и кишки. Итакъ, относительно симметріи, тутъ вся разница лишь въ степени. Позвоночныя животныя не вполнѣ симметричны, моллюски не вполнѣ несимметричны. Но моллюски отличаются особеннымъ расположеніемъ нервной системы. Она не образуетъ ни оси тѣла, какъ у позвоночныхъ и членистыхъ, ни центра его, какъ у лучистыхъ, но совершенно не правильна и не симметрична. Это явствуетъ изъ приложеннаго изображенія нервной системы моллюска и насѣкомаго (фиг. 18), съ которымъ прошу васъ сравнить рисунокъ нервной системы морской звѣзды (фиг. 19). Вы тутъ увидите, какъ нервные центры и выходящіе изъ нихъ нервы расположены неправильно у моллюска, и симметрично у насѣкомаго.

Фиг. 18.



A. Нервная система аплизіи и B. нервная система тысяченожки.

Но вамъ легче будетъ узнать моллюска, когда вы выучитесь отличать его отъ представителей третьяго большаго отдѣла животнаго царства, третьяго типа, типа членистыхъ животныхъ. Наша банка представляетъ намъ множество живот-

Digitized by Google

ныхъ этого типа: жуковъ, водныхъ пауковъ, личинокъ, энтомостраковъ, червей. Они представляютъ одинъ очень явный общій признакъ: у всѣхъ тѣло составлено изъ многочисленныхъ *члениковъ*, ихъ оконечности также членисты, и они большею частію имѣютъ *внѣшній* скелетъ, къ которому прикрѣплены ихъ оконечности. Иногда членики ихъ тѣла очень многочисленны, какъ у тысяченожки, у морскаго рака, и т. д.; иногда нѣкоторые членики слиты воедино, какъ у краya; иногда, какъ у червей, ихъ присутствіе обнаруживается лишь слабыми бороздками или углубленными полосками, расположенными поперекъ тѣла на кожѣ, что̀ придаетъ ей видъ ряда колецъ, почему червей и называютъ кольчатыми животными (annulata, annelida). Въ послѣднемъ случаѣ членистый типъ обнаруживается тѣмъ, что черви, вырастая, развиваютъ членикъ за членикомъ; и тѣмъ, что у многихъ изъ нихъ всякій членикъ имѣетъ свои отдѣльные нервы, сердце, желудокъ, и т. д.

Точно такъ же, какъ мы узнаемъ позвоночное животное по присутствію позвоночнаго столба и внутренняго скелета, мы узнаемъ животное членистое по членистому тѣлу и по внѣшнему скелету. И у того и у другаго, нервная система образуетъ ось тѣла. Моллюски, напротивъ, не имѣютъ ни внѣшняго, ни внутренняго скелета (1), и ихъ нервная система не занимаетъ въ тѣлѣ мѣста оси. Вообще говоря, животныя позвоночныя и членистыя имѣютъ оконечности, хотя и есть исключенія въ классахъ змѣй, рыбъ, червей. Моллюски же не имѣютъ оконечностей. Итакъ, вотъ три главныя отличительныя черты этихъ трехъ типовъ: присутствіе позвоночнаго столба, членистое тѣло, отсутствіе членовъ.

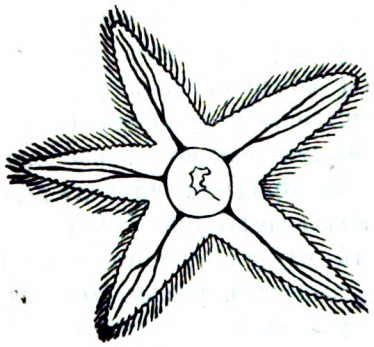
Бросимъ теперь взглядъ на четвертый отдѣлъ животнаго царства, на животныхъ *лучистыхъ*, названныхъ такъ потому, что ихъ органы расположены вокругъ центра, въ которомъ находится ротъ. Въ нашихъ банкахъ есть только одинъ представитель этого типа, гидра, или прѣсноводный полипъ, о которомъ ужь была рѣчь въ предыдущей главѣ. Не странно ли, что изъ лучистыхъ, которыя всѣ суть животныя водныя, только одинъ родъ находится въ прѣсной водѣ? Вспомните богатство морей, съ ихъ міріадами полиповъ, актиній, медузъ

(1) У сепіи есть начатокъ внутренняго скелета въ хрящевыхъ пластинкахъ, защищающихъ головной мозгъ.

Digitized by Google

морскихъ звѣздъ, голотурій, морскихъ перьевъ (Pennatula) и морскихъ лилій (Comatula), и сравните съ нимъ бѣдность нашихъ рѣкъ, озеръ и болотъ, въ которыхъ только и водится, что гидра. Расположеніе органовъ у лучистыхъ животныхъ вы поймете всего лучше, взглянувъ на приложенный рисунокъ нервной системы морской звѣзды (фиг. 19).

Фиг. 19.



Нервная система морской звѣзды.

Кювье, которому мы обязаны этимъ распредѣленіемъ животнаго царства на четыре большіе отдѣла, конечно первый сознался бы, что его четвертый отдѣлъ представляетъ хаотическое скопленіе разнородныхъ формъ, и согласился бы на отдѣленіе отъ него типа *Протозоевъ* (1), установленнаго послѣ его смерти. Этотъ пятый отдѣлъ содержитъ большую часть микроскопическихъ животныхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *инфузорій*, и получилъ свое названіе отъ того, что эти простѣйшія животныя представляютъ, такъ-сказать, начало жизни.

Но распредѣленіе, сдѣланное Кювье, даетъ поводъ къ болѣе-серіозному возраженію. Состояніе науки при его жизни извиняетъ ошибочное подведеніе инфузорій и паразитовъ подъ отдѣлъ лучистыхъ; но лишь его нефилософическимъ взглядомъ на морфологію можно объяснить то обстоятельство, что онъ помѣстилъ моллюсковъ, а не членистыхъ, тотчасъ за позвоночными. При этомъ, имъ втайнѣ руководило желаніе показать, что существуетъ четыре рѣзко разграниченные типа, или плана организаціи, и что между ними нѣтъ переходовъ, которые бы позволяли подвести ихъ подъ одинъ общій законъ развитія. Ламаркъ и Жоффруа-Сентъ-Илеръ защищали мысль о единствѣ плана во всемъ животномъ царствѣ, или, другими словами, о возникновеніи всѣхъ разнообразныхъ животныхъ формъ черезъ послѣдовательныя измѣненія, и многіе германскіе натуралисты утверждали, что позвоночныя въ зародышномъ состояніи проходятъ черезъ формы, которыя соотвѣт-

(1) *Протозои—первоживотныя*, по смыслу этого греческаго термина.

Digitized by Google

ствуютъ постояннымъ формамъ низшихъ отдѣловъ. Кювье всегда возставалъ противъ этой идеи. Онъ считалъ свои четыре отдѣла за совершенно отличные типы; и при его распредѣленіи этихъ типовъ, ихъ отличія, конечно, выказываются рѣзче чѣмъ при всякомъ другомъ распредѣленіи. Но не входя въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, укажемъ только на огромное превосходство насѣкомыхъ и пауковъ надъ моллюсками относительно инстинкта, общественности и сложности животныхъ отправленій, чтобъ оправдать сведеніе этихъ послѣднихъ со второй ступени животной лѣствицы, и помѣщеніе на нее членистыхъ. Если мы раздѣлимъ животныхъ на четыре группы, они естественно расположатся въ двѣ болѣе обширныя группы, изъ которыхъ первая, обнимающая позвоночныхъ и членистыхъ, характеризуется нервною осью и скелетомъ; вторая, обнимающая моллюсковъ и лучистыхъ, отсутствіемъ нервной оси и скелета. Очевидно, что пчела болѣе похожа на птицу, чѣмъ какой-либо моллюскъ на какое-либо позвоночное. Если есть много важныхъ различій между позвоночнымъ и членистымъ типомъ, то за то есть и много важныхъ аналогій: хотя нервная ось у позвоночныхъ находится надъ внутренностями и принадлежитъ спинной сторонѣ, у членистыхъ же расположена подъ внутренностями, на брюшной сторонѣ, она тѣмъ не менѣе въ обоихъ отдѣлахъ составляетъ ось тѣла, посылаетъ нервныя нити къ симметрическимъ оконечностямъ, и въ обоихъ служитъ однороднымъ отправленіямъ. И между тѣмъ, какъ членистыя такимъ образомъ приближаются въ своемъ строеніи къ позвоночнымъ, моллюски не только удалены многими особенностями отъ этого послѣдняго типа, но многіе изъ нихъ обнаруживаютъ такое сродство съ типомъ лучистыхъ, что лишь въ новѣйшее время весь классъ Polyzoa (или Bryozoa), былъ отдѣленъ отъ лучистыхъ, и причисленъ къ моллюскамъ.

Но вернемся къ нашимъ пяти отдѣламъ. Мы до сихъ поръ набросали лишь самыя общія черты, которыми отличаются одинъ отъ другихъ позвоночныя, членистыя, моллюски, лучистыя и протозои; но опираясь на это начало, мы можемъ перейдти къ дальнѣйшимъ подраздѣленіямъ. Каждое изъ пяти подцарствъ распадается на классы; эти классы на порядки, порядки на семейства: семейства на роды; роды на виды; и наконецъ виды на разновидности. Предположимъ напримѣръ,

Digitized by Google

что передъ нами левретка, и что мы должны исчислить всѣ ея титулы по классификаціонной іерархіи. Мы начинаемъ съ того, что называемъ это животное позвоночнымъ; далѣе, мы относимъ его къ классу млекопитающихъ; оно очевидно принадлежитъ къ порядку хищниковъ; оно изъ одного семейства съ лисицей, шакаломъ, волкомъ, и т. д., изъ семейства *канидовъ*; родъ, къ которому оно принадлежитъ, разумѣется родъ canis, собака; видъ—собака борзая; разновидность—левретка.

Такъ какъ всѣ эти опредѣленія истекаютъ изъ научныхъ изслѣдованій, а отнюдь не изъ произвола или фантазіи, то они предполагаютъ огромную сумму труда и остроумія; и когда мы вспомнимъ, что натуралисты распредѣлили такимъ образомъ болѣе полумилліона видовъ, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: «Гдѣ руководящее начало этихъ успѣшныхъ трудовъ? На какомъ основаніи возведено это обширное зданіе?» На этотъ вопросъ мы будемъ отвѣчать въ слѣдующей главѣ.

(До слѣд. №.)

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.

1860.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 15-го іюля 1860 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ*

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМАГО ТОМА.

ІЮЛЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ

Туринское правительство и Италія. Письмо изъ Турина. *М. Н. Капустина* 3
Прогулка въ Нижній-Новгородъ. І. *М. С.* 16
Штурмъ Варшавы въ 1831 году и нѣкоторыя замѣчанія о польской войнѣ. По поводу статьи генералъ-лейтенанта Ушакова. *А. И. Веригина* 24
Новая поэма Виктора Гюго. *Н. Н.* 35
Гибель парохода *Малабаръ* 45
Политическое обозрѣніе и замѣтки:
І. Положеніе дѣлъ въ Европѣ 51
ІІ. Восточный вопросъ 81
ІІІ. Неаполь и Сицилія 102
IV. Г. Маттеучи о децентрализаціи въ Италіи . . . 121
V. Гражданскія права иностранцевъ въ Россіи . . . 129

ІЮЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

О грамотности. *В. Г. Высотскаго.* 133
Новый уставъ академіи художествъ. *К. К. Герца* . . . 149
Отъ Флоренціи до Венеціи. Кн. *Д. Д—аго.* 158
Изъ Самары. *А. А. Самойлова* 181
Письмо къ редактору. *А. Р.* 183
Политическое обозрѣніе и замѣтки:
І. Положеніе европейскихъ дѣлъ и французская политика 186
ІІ. Сицилійскія дѣла 204
ІІІ. Пріемъ студентовъ въ университетъ. 214

Digitized by Google

АВГУСТЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Письмо къ редактору *Русскаго Вѣстника. Густава де-Молинари*. 227
Экономическая дѣятельность и законодательство. *С. Н. Цвѣта*. 236
Мысли объ улучшеніи паспортной системы въ Россіи. *К. А. Буха* 268
Прогулка въ Нижній-Новгородъ. II. *М. С—каго* 281
Отъ Венеціи до Карльсбада. Кн. *Д. Д—аго* 303
Московскія скачки 1860 года. *А. В—ва*. 316
Политическое обозрѣніе и замѣтки:
I. Сирійскія дѣла 328
II. Австрійскій государственный совѣтъ 345
III. Высадка въ Калабрію 361
IV. Переселеніе Татаръ и черкесскихъ Ногайцевъ . . 371
V. Замѣтка 371

АВГУСТЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

О податныхъ сословіяхъ и круговой порукѣ. По поводу вопроса о паспортахъ. *И. Сальникова* 375
Исторія русской литературы. *Лѣтописи русской литературы и древности. А. Д. Галахова* 388
Прогулка въ Нижній-Новгородъ. III. *М. Се—вскаго* . . . 406
На пути въ Италію. *Н. П. Лыжина* 433
Политическое обозрѣніе и замѣтки:
I. Послѣднія событія и общее положеніе дѣлъ . . 443
II. Венгерскій вопросъ 475
III. Итальянское движеніе 484

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ТУРИНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ИТАЛІЯ.

Письмо изъ Турина.

Туринъ, 30 іюня.

24-го іюня сѣверная Италія праздновала первую годовщину своей новой политической жизни. Это день сольферинской битвы, какъ называютъ ее Французы, или сраженія при Санъ-Мартино, какъ обыкновенно говорятъ въ Италіи. Въ этотъ день я покинулъ Венецію, миновалъ грозную Верону, видѣлъ вновь возводимыя сильныя укрѣпленія Пескіеры и около нихъ вдали развалины Сольферино, а въ Дезенцано нашелъ уже сардинскую таможню. Но стоило взглянуть на все окружающее, чтобъ и безъ этого финансово-полицейскаго указателя почувствовать, что мы переѣхали границу, что начинается новая страна, хотя слышится тотъ же языкъ, и нисколько не измѣнился народный типъ. Праздничнымъ весельемъ, довольствомъ вѣяло съ равнинъ Ломбардіи; въ глазахъ не рябили больше бѣлые австрійскіе солдаты, молчаливо, тупо бродящіе попарно, словно на поискахъ чего-то; освѣжился воздухъ послѣ душной атмосферы подозрительности, сдержанности, недовѣрія, которая виситъ теперь надъ Венеціянскою областію. Въ этотъ самый день полиція схватила нѣсколькихъ Италіянокъ, которыя пришли въ церковь въ черныхъ платьяхъ и служили панихиды въ память погибшихъ за свободу Италіи; тупыя власти изливаютъ свой гнѣвъ на женщинъ и юношей, потому что взрослые научились осторожности горькимъ опытомъ. La povera Venezia, говорятъ Италіянцы, и ждутъ-недождутся того времени, когда грозный четвероугольникъ очистится отъ австрійскихъ пушекъ. Теперь, сквозь эти крѣпостныя стѣны доносится гулъ торжества и отрадный говоръ свободы, которыми полна освобожденная часть Италіи. Этотъ говоръ и это торжество особенно сильно проявляются въ Миланѣ, который совершенно преобразился въ теченіи одного года. Я пріѣхалъ туда около трехъ часовъ дня; народъ толпами шелъ смотрѣть разводъ національной гвардіи; въ великолѣпномъ соборѣ служили благодарственный

Digitized by Google

молебенъ; на всѣхъ лицахъ было видно нѣчто праздничное; въ театрахъ давались піесы, напоминавшія о Сольферино: въ одномъ объявлено: Battaglia di Varese, въ другомъ: La partenza del volontario per la redenzione della patria, въ третьемъ: I ladroni di Germania, въ четвертомъ: Marengo. Вечеромъ гулянье въ giardino publico было одно изъ самыхъ блестящихъ; всѣ богатые Миланцы, бывшіе долго въ изгнаніи, возвратились теперь въ свое отечество, безпредѣльная радость господствовала всюду, на піемонтскій военный мундиръ всѣ смотрѣли съ уваженіемъ, солдатъ шелъ дружно подъ руку съ работникомъ. Юные Миланцы надѣваютъ этотъ мундиръ съ гордостію и съ восторгомъ становятся въ ряды арміи, которой предстоитъ борьба за независимость. Всѣ увѣрены, что черезъ годъ, 24 іюня будетъ праздноваться и за Минчіо. *Il Pungolo*, мѣстный миланскій журналъ, сравнивая прошедшее съ настоящимъ, говоритъ между прочимъ: «Италія разчитываетъ, что если одного года было достаточно, чтобы проложить дорогу отъ С.-Мартино до Палермо, то будетъ довольно одного года, чтобы пройдти отъ Палермо до Рима и до Венеціи. Il 24 giugno 1861 terrà la promessa (1).» Миланцы еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прошедшаго; не болѣе часа ѣзды отъ Милана, еще не успѣли вырости новыя деревья на маджентскомъ полѣ; на станціи еще продаются сабли и значки, найденные на мѣстѣ, la memoria della guerra; въ самой Маджентѣ на домахъ остались еще слѣды ядеръ, и буффалорскій мостъ еще не отстроенъ, такъ что желѣзная дорога переходитъ черезъ Тичино по временному деревянному мосту. Но уже нѣтъ и признаковъ австрійскаго владычества въ городѣ; не слышно ни одного нѣмецкаго слова, не видно ни одной нѣмецкой вывѣски, которыя красовались здѣсь въ былое время; кажется, будто Миланъ никогда и не былъ подъ чужимъ игомъ; стоило вывести австрійскую полицію и солдатъ,—и не осталось слѣда иноземнаго владычества. Вся эта толпа, весело наполнявшая улицы до поздней ночи 24 іюня, весело чувствовавшая свою независимость, съ довѣріемъ смотрѣла въ будущее и готовилась къ новымъ подвигамъ; наученные долгимъ страданіемъ, Миланцы чувствуютъ особенно сильно страданія остальной Италіи, и въ случаѣ надобности не остановятся передъ жертвами. «Праздниками, сказалъ графъ Кавуръ, не достигнешь единства Италіи; нужно платить и платить много,—pagare e pagar molto.» И Миланцы съ готовностію платятъ, нисколько не ропщутъ на увеличеніе податей, сверхъ того собираютъ пожертвованія на общее дѣло Италіи и безусловно вѣряются піемонтскому правительству, зная, что оно ведетъ ихъ

(1) «24-го іюня 1861 сдержитъ обѣщаніе.»

Digitized by Google

съ одной великой цѣли. О муниципальной зависти и враждѣ нѣтъ и помину; миланскіе депутаты не противились назначенію четырнадцати милліоновъ франковъ для украшенія Турина; они сознаютъ очень хорошо, что Туринъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, есть столица Италіи, и что всякое мѣстное соперничество было бы преступленіемъ. Ломбардія приняла безпрекословно піемонтскую администрацію и законы, сдѣлалась провинціей общей Италіи, которая еще въ будущемъ, но которая непремѣнно осуществится. Миланъ празднуетъ 24 іюня и становится подъ знамя Піемонта. Въ Туринѣ не было праздниковъ; болѣе спокойные и холодные Піемонтцы несутъ на себѣ отвѣтственность за всю Италію и обязаны работать, не теряя времени.

А работы предстоитъ много.

Юное королѣвство сѣверной Италіи не получило до сихъ поръ своего имени. Дипломатія сохранила прежнее названіе Сардиніи, и должна будетъ перемѣнить его на днихъ, потому что графъ Кавуръ послалъ ко всѣмъ дворамъ официяльное извѣщеніе о соединеніи герцогствъ съ Піемонтомъ. Туринскія палаты называются внутри Италіи Parlamento nazionale; въ заглавіи официяльнаго журнала, вмѣсто *Gazzetta Piemontese*, стоитъ теперь *Gazzetta del Regno*, и въ самомъ Туринѣ употребляется это нарицательное имя.

И въ самомъ дѣлѣ, это уже не Піемонтъ, но еще не Италія. «Королевство Виктора-Эммануила» находится на временной станціи; процессъ его образованія задержанъ разными обстоятельствами, но онъ неотразимъ; онъ совершится немного позже или немного раньше, вслѣдствіе «логики событій», о которой такъ удачно выразился императоръ Французовъ въ письмѣ своемъ къ папѣ. Стоитъ только взглянуть на нынѣшнюю Италію, чтобъ убѣдиться въ томъ, что вся она находится въ ожиданіи чего-то, что всѣхъ преслѣдуетъ одна мысль: скоро ли страна приметъ названіе Il Regno d'Italia? Вопросы внутренніе, большой заемъ, преобразованіе администраціи, новый гражданскій колексъ—все это отодвигается на второй планъ, обсуживается наскоро. Впереди всего стоитъ общеиталіянское дѣло, которое въ настоящую минуту сосредоточивается около Сициліи и Неаполя. За Неаполемъ должна слѣдовать Венеція, затѣмъ очередь дойдетъ до Папской области, и, только порѣшивши этотъ настоятельный вопросъ, страна успокоится и въ состояніи будетъ внимательно заняться внутренними реформами. Сосѣди чувствуютъ это: Австрія собираетъ запасы оружія и продовольствія въ своихъ крѣпостяхъ на Минчіо, воздвигаетъ новыя укрѣпленія, которыя придется отнимать у нея съ большимъ трудомъ; король неаполитанскій воздвигаетъ для своей защиты конституцію, которой

Digitized by Google

никто не вѣритъ, потому что королю не будетъ стоить никакого труда отнять ее у народа. Всѣ вѣрятъ только въ единую Италію, которая наконецъ займетъ свое мѣсто въ Европѣ для блага самой Европы.

Подобное положеніе страны представляетъ собою критическую эпоху въ ея жизни. Внезапное возрастаніе государства не чуждо многихъ опасностей; нужно въ одно и то же время на новой дорогѣ разрушать и созидать, не заходить слишкомъ далеко и не терять напрасно времени. Люди осторожные желали бы остановиться, дать возможность Піемонту претворить, сплотить недавнія пріобрѣтенія, остановиться передъ новыми, выжидать и разчитывать; люди нетерпѣливые боятся остановки, хотятъ быстро идти къ послѣдней цѣли, остерегаться политической Капуи. До сихъ поръ эти двѣ струи италіянской жизни шли дружно, умѣряя и поддерживая одна другую. Болѣе десяти лѣтъ Піемонтъ воспитывался свободой для порядка и сложился въ такую организующую силу, что ея достанетъ на нѣсколько новыхъ провинцій, нравственно распущенныхъ вслѣдствіе австрійскаго деспотизма. Графу Кавуру, въ которомъ олицетворяется этотъ организующій элементъ, стоило большаго труда сдерживать преждевременныя попытки къ разрушенію старыхъ политическихъ формъ Италіи; и теперь еще, можетъ-быть, первый министръ Виктора-Эммануила желалъ бы умѣрить ходъ событій, но онъ не можетъ противостать напору разрушающей силы, олицетворенной въ Гарибальди.

Графъ Кавуръ и Гарибальди—это два самыя популярныя имени въ Италіи; при личной ненависти обоихъ, они дополняютъ другъ друга: графъ Кавуръ—италіянскій министръ, съ піемонтскимъ оттѣнкомъ; Савойяръ родомъ, онъ хладнокровно отдалъ Савоію, готовъ отдать островъ Сардинію, чтобы при помощи Франціи выгнать Австрійцевъ изъ Италіи, образовать королевство Виктора-Эммануила изъ 25 милліоновъ жителей, съ Туриномъ, какъ столицею. Гарибальди—Италіянецъ безъ всякаго мѣстнаго оттѣнка, не хотѣлъ и слышать объ уступкѣ Ниццы, вѣритъ въ возможность единой Италіи безъ чужой помощи, не способенъ ни на какую сдѣлку. Графъ Кавуръ идетъ вѣрно къ своей цѣли и постоянно стоитъ во главѣ правительства и Италіи, Гарибальди падалъ и возвышался, и постоянно былъ только орудіемъ въ рукахъ перваго министра. Но какъ представитель извѣстнаго начала, онъ пользуется огромною силой, съ которою необходимо считаться. Въ настоящую минуту популярность Гарибальди достигла высшей степени. Въ Миланѣ, во всей сѣверной Италіи, нѣтъ того дома, гдѣ бы не красовался портретъ смѣлаго предводителя cacciatori degli Alpi (альпійскихъ стрѣлковъ); повсюду,

Digitized by Google

за исключеніемъ Турина, выставлены ящики, куда каждый Итальянецъ бросаетъ свою лепту на помощь Гарибальди: на улицахъ Милана прибито воззваніе къ Итальянцамъ отъ имени особаго комитета въ пользу Сициліи; въ Ломбардіи Гарибальди выбранъ депутатомъ почти во всѣхъ общинахъ; университеты опустѣли, потому что студенты отправились подъ его знамена; подъ тѣ же знамена спѣшатъ всѣ Неаполитанцы, нашедшіе пріютъ въ Піемонтѣ, покидая свои семейства и должности. Даже въ Туринѣ, когда одна улица названа именемъ графа Кавура, общество потребовало, чтобы лучшая улица, Doragrossa, носила имя Гарибальди; въ палатѣ произносятся ему похвальныя слова; поэты пишутъ въ честь его сонеты и оды; его имя звучитъ теперь всюду. Нужно быть на мѣстѣ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ всеобщемъ восторгѣ, который возбуждаетъ Гарибальди, или скорѣе дѣло, находящееся теперь въ его рукахъ.

Останавливать этотъ восторгъ или идти ему на перекоръ было бы верхомъ неблагоразумія, и графъ Кавуръ принужденъ уступить на время первую роль своему сопернику. Его министерство потеряло бы всякую популярность, всякое довѣріе и слѣдовательно всякую силу, еслибы показало себя слишкомъ консервативнымъ и вздумало помѣшать предпріятію Гарибальди. Трудно представить себѣ, чтобы правительство Виктора-Эммануила не знало о намѣреніяхъ генерала: Генуя недалеко отъ Турина, и приготовленія не могли дѣлаться скрытно. Есть даже основанія думать, что предпріятіе было совершено даже свѣдома и по совѣту императора Французовъ. Посланникъ, конечно не официальный, отъ графа Кавура, г. Лафарина тотчасъ же явился въ Сицилію; посланникъ отъ Гарибальди находится въ настоящее время въ Парижѣ. Это продолженіе италіянскаго вопроса, задержаннаго въ Виллафранкѣ и все-таки подходящаго къ Венеціи. Безспорно, графъ Кавуръ имѣлъ физическую возможность задержать отрядъ cacciatori въ Генуѣ, но нельзя было требовать отъ него подобнаго самоотверженія во имя порядка. Сардинское правительство обязано пользоваться теперешнимъ настроеніемъ Италіи, которая вся проникнута одною идеей. Націей овладѣлъ фанатизмъ единства. Едва только гдѣ-либо отброшена старая правительственная форма, какъ уже выступаетъ новая, совершѣнно готовая—соединеніе съ Сардиніей: въ началѣ іюня, Гарибальди сдѣлалъ высадку въ Сицилію, 18 іюля, какъ говорятъ, Сицилійцы станутъ подавать голоса о присоединеніи къ Піемонту, и можно сказать напередъ, что отрицательнаго отвѣта не послѣдуетъ. Это не революція, въ которой главные дѣятели часто добиваются власти; это движеніе, напередъ разчитанное и потому пользующееся вѣрнымъ успѣхомъ. Самъ Гарибальди не имѣетъ

Digitized by Google

характера революціонера; онъ считаетъ себя призваннымъ соединить Италію, помимо существующаго порядка. Одинъ изъ друзей генерала, профессоръ Манчини, почти наканунѣ его отъѣзда, представлялъ ему все безразсудство предпріятія: какимъ образомъ съ 1800 cacciatori бросаться въ страну, въ которой 100.000 регулярнаго войска? «Я вѣрю, отвѣчалъ Гарибальди, что король Викторъ-Эммануилъ посланъ Провидѣніемъ для единства Италіи. Изъ глубокой любви и преданности къ моему государю, я обязанъ идти въ Сицилію; я дѣлаю это безъ вѣдома короля, потому что онъ окруженъ слишкомъ благоразумными совѣтниками.» Гарибальди, какъ меня увѣрялъ г. Манчини, всегда съ благоговѣніемъ говоритъ о королѣ; это одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ его подданныхъ. Онъ выраженіе и орудіе той силы, которая существуетъ въ современномъ италіянскомъ обществѣ. Дѣло изгнанія Австріи и очищенія Италіи отъ всего австрійскаго далеко еще не кончено; до тѣхъ поръ, пока процессъ этого очищенія не совершится, ни Италія, ни Европа не будутъ спокойны, до тѣхъ поръ будутъ постоянно являться люди, подобные Гарибальди. Предводитель cacciatori явился въ Сицилію не со знаменемъ революціи, а со знаменемъ италіянскаго единства, съ именемъ Виктора-Эммануила: *Italia e Vittore Emmanuele* — стоитъ въ заглавіи всѣхъ его прокламацій. Гарибальди даже отдѣляетъ короля отъ Піемонта: «Я пришелъ сражаться не ради Піемонта, а ради Италіи», говорилъ онъ палермской депутаціи. Повидимому, диктаторъ Сициліи хотѣлъ по возможности долѣе оставаться внѣ вліянія слишкомъ благоразумныхъ совѣтниковъ короля; онъ устроилъ въ Сициліи временное министерство, обратилъ церковныя имущества въ національныя и объявилъ плаваніе у береговъ Сициліи свободнымъ для всѣхъ кораблей подъ флагомъ Виктора-Эммануила. Гарибальди покинулъ Піемонтъ въ гнѣвѣ на графа Кавура, Лафарина рѣшительно не успѣлъ въ своемъ порученіи; но дальновидный министръ знаетъ очень хорошо, что какъ скоро дѣло пойдетъ объ организаціи, необходимо обратиться къ Піемонту. Оппозиціи хотѣлось бы, чтобы Піемонтъ получилъ Италію изъ рукъ Гарибальди; въ засѣданіи палаты 27 іюня, г. Гверраци сказалъ министрамъ: «Вы вырвали изъ короны сардинской жемчужину Ниццы, вы обязаны замѣнить ее жемчужиной сицилійскою... Я увѣренъ, что Гарибальди скоро пришлетъ пословъ, чтобы предложить Сицилію Виктору-Эммануилу, котораго нужно будетъ назвать королемъ Италіи.» Блестящій ораторъ оппозиціи торопилъ министерство. «Не забывайте, сказалъ онъ, что въ политикѣ, какъ и въ геометріи, прямая линія есть самая короткая... Неаполь ждетъ насъ, Римъ и Венеція ждутъ насъ. Мы боимся, чтобы министерство не испугалось смѣлыхъ рѣшеній, которыя въ извѣстныхъ

Digitized by Google

случаяхъ суть самыя благоразумныя. Но медлительность есть нашъ величайшій врагъ: смотрите, Австрія интригуетъ въ Римѣ, знаменитый генералъ провозглашаетъ крестовый походъ во имя католицизма, король неаполитанскій ищетъ союза, папа отлучаетъ отъ церкви... Если хотите создать Италію, создавайте ее, но скоро (Volete far l'Italia, fatela, ma presto.) Отъ Капитолія до Тарпеи только одинъ шагъ.» Графъ Кавуръ понимаетъ это очень хорошо; но онъ хочетъ получить Сицилію не изъ рукъ Гарибальди, а вслѣдствіе общей подачи голосовъ; недавній опытъ Франціи доказалъ, что это орудіе, которымъ легко управлять: извѣстно, что въ Ниццѣ каждый житель получалъ за свой голосъ по таксѣ два франка и одну сигару. Сардиніи не придется дѣлать и этихъ расходовъ; но, пріобрѣтая Сицилію такимъ образомъ, графъ Кавуръ освобождаетъ себя отъ обязательствъ съ крайнею партіей, сохраняетъ свою независимость.

Неаполитанскій король употребляетъ всѣ усилія, чтобъ удержать Сицилію въ своей власти. Сначала онъ искалъ спасенія у императора Французовъ, но послѣ неудавшагося посольства де-Мартино, онъ рѣшился на крайнія для него мѣры. «Желая дать нашимъ любезнымъ подданнымъ свидѣтельство нашего монаршаго благоволенія, мы рѣшились, говоритъ королевскій актъ 25 іюня, учредить конституціонные и представительные порядки (ordini) въ королевствѣ»; объявлена всеобщая амнистія политическимъ преступникамъ; г-ну Спинелли поручено составить новое министерство; обѣщанъ союзъ съ Піемонтомъ; принято трехцвѣтное національное знамя; Сициліи предлагаются всѣ льготы и особый вице-король. Неаполь своимъ гробовымъ молчаніемъ отвѣчалъ на королевское воззваніе: è troppo tardi (1). Піемонту предстоитъ отвѣчать *да* или *нѣтъ* на предлагаемый ему союзъ.

Положеніе затруднительное. Сказать *да*—значитъ оттолкнуть отъ себя Сицилію, по крайней мѣрѣ надолго; сказать *нѣтъ*—значитъ открыто передъ всею Европой заявить политику присоединенія, открыто стать противъ существующей власти. Засѣданія палаты 27, 28 и 29 іюня показали ясно министерству, какой путь ему слѣдуетъ избрать. Эти засѣданія въ высшей степени интересны; дѣло шло о займѣ въ сто пятьдесятъ милліоновъ франковъ, но о самомъ займѣ никто не говорилъ ни слова, всѣ напередъ согласились вотировать его, и въ послѣдній день изъ 218 голосовъ только три оказались зелеными или, по нашему, черными (въ піемонтскихъ палатахъ голоса подаютъ тайно). Всѣ ораторы говорили о внѣшней политикѣ и говорили единодушно; рѣчь шла о Сициліи и о союзѣ съ Неаполемъ. «Если Неаполь, сказалъ

(1) «Ужъ слишкомъ поздно.»

Digitized by Google

г. Гверрацци, протянетъ вамъ свою руку, еще теплую отъ палермской крови, — оттолкните ее.» *(Рукоплесканія.)* Въ засѣданіи 29 іюня г. Манчини говорилъ: «Наши отношенія къ Неаполю должны быть выражены однимъ словомъ,—отчужденіе. Намъ станутъ совѣтовать другое. Но намъ уже совѣтовали отказаться отъ центральной Италіи, и у министерства достало мужества не послѣдовать этимъ совѣтамъ. Пусть на темную корону опозореннаго правительства не падетъ лучъ свѣта, который блеститъ на коронѣ Виктора-Эммануила.» *(Рукоплесканія.)* Наконецъ г. Поэріо, извѣстный своими страданіями въ Неаполѣ и до сихъ поръ вѣрившій въ возможность династіи Бурбоновъ, въ первый разъ заговорилъ другимъ языкомъ. «Въ преданіяхъ неаполитанскаго правительства лежитъ клятвопреступничество *(громъ рукоплесканій)*. Но правительство короля не протянетъ руки ему *(вѣрно)*. Неаполитанскіе Бурбоны—самые отъявленные враги Италіи. Какъ членъ этого парламента, который есть зерно будущей Италіи, я съ полнымъ довѣріемъ къ правительству подалъ мой голосъ въ пользу займа изнаю что, этотъ заемъ послужитъ для блага націи *(сильныя рукоплесканія)*.» Журналы повторяли то же самое, что говорилось въ палатѣ, и не было ни одного человѣка въ Италіи, который вѣрилъ бы неаполитанскому королю.

Всѣ ждали, что графъ Кавуръ объяснится съ палатой по вопросу о неаполитанскомъ союзѣ. Но первый министръ молчалъ и предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ, г-ну Фарини, объяснить палатѣ политику министерства. Г. Фарини сдѣлалъ очеркъ всей внѣшней дѣятельности графа Кавура. Онъ указалъ на то, что піемонтское правительство поддерживало конституціонныя начала въ эпоху всеобщей реакціи. «Вспомните, сказалъ онъ, что мы противились Австріи въ то время, когда она господствовала въ Германіи и находила поддержку въ сѣверныхъ державахъ. Наша политика не была боязлива, когда мы перенесли наше знамя въ Крымъ, для того чтобы пріобрѣсти право говорить въ пользу Италіи; мы заговорили громко на парижскомъ конгрессѣ противъ Австріи и потомъ начали войну съ нею. Послѣ непредвидѣннаго виллафранкскаго мира, наша политика не измѣнилась. Нынѣшнее правительство не отвѣчаетъ за то, что происходило въ эту эпоху; но я могу засвидѣтельствовать, что было сдѣлано все возможное въ пользу мантуанскаго народонаселенія. Правительство съ гордостію можетъ сказать, что послѣ виллафранкскаго мира оно не послѣдовало совѣтамъ, которые даны были ему относительно присоединенія. Мы просимъ палату судить о будущемъ на основаніи прошедшаго *(браво)*. Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы разчитывали на союзъ съ Франціей, а не на революцію. Если

Digitized by Google

подъ революціей вы разумѣете принципы, то кто изъ насъ не революціонеръ? Но если подъ нею вы разумѣете насиліе, то мы не можемъ и не хотимъ вступать въ союзъ съ революціей. Что же касается до національнаго чувства, то правительство сдѣлало все, чтобы поддержать его, организовать и дисциплинировать *(браво)*. Если вы олицетворяете революцію въ системахъ, партіяхъ или лицахъ, то мы не можемъ быть революціонерами. Мы отвѣчаемъ за судьбы народа, за имущество и кровь Италіи. Эта отвѣтственность даетъ намъ право останавливать тѣхъ, кто съ добрыми намѣреніями хотѣлъ бы насъ привести туда, куда мы не можемъ идти при теперешнихъ условіяхъ Европы. Мы не хотимъ подчиниться партіи, которая хочетъ поставить свои страсти и свою волю вмѣсто воли народа. Полагаютъ, что мы не способны противиться совѣтамъ союзной державы, и говорятъ, что Франція, приходя въ Италію, нуждалась гораздо болѣе въ насъ чѣмъ мы въ ней: Франція хотѣла разорвать готовившуюся коалицію и увѣриться въ союзникахъ. Можетъ-быть, въ этомъ есть своя доля правды. Но я никогда не повѣрю, чтобы Франція нуждалась въ насъ болѣе чѣмъ мы въ ней. Депутатъ Манчини можетъ быть увѣренъ, что министерство не измѣнитъ въ настоящихъ обстоятельствахъ своимъ обязанностямъ въ отношеніи къ коронѣ и странѣ. Но для блага государства опасно говорить объ этомъ больше, и я прошу не предлагать намъ другихъ запросовъ. Мы зачинатели (iniziatori) народнаго движенія. Мы стоимъ въ главѣ части народа, но отвѣчаемъ передъ всею націею. Мы не хотимъ быть завоевателями Италіи, — мы защитники народа, который ищетъ своего освобожденія. Мы соединители (unificatori), а не завоеватели. Но мы должны идти къ цѣли вѣрнымъ шагомъ, какъ представители желаній народныхъ, а не страстей той или другой партіи. Такова была наша политика въ прошедшемъ: мы увѣрены, что будущее увѣнчаетъ наше дѣло, если палата сохранитъ къ намъ свое довѣріе *(рукоплесканія)*.»

Эта рѣчь цѣлая программа правительства; графъ Кавуръ зналъ, что ее будетъ слушать не одинъ италіянскій парламентъ, но вся Европа, а потому долженъ былъ посовѣтовать г-ну Фарини крайнюю осторожность. При всемъ томъ, въ прощальной рѣчи министерства (палаты закроются на будущей недѣлѣ и не обѣщаютъ больше интересныхъ преній) затронуто два вопроса внѣшней политики, въ которой италіянскія партіи не совершенно сходятся между собою: союзъ съ Франціей и отношеніе къ остальной Италіи.

Союзъ съ Франціей остается еще необходимостію для Піемонта. Правительство того и другаго государства основывается на томъ, что въ старину называли революціоннымъ началомъ, и

Digitized by Google

что теперь приняло общественную форму народнаго начала, выражающагося во всеобщей подачѣ голосовъ цѣлыми провинціями и даже государствомъ. Графъ Кавуръ постоянно доказывалъ императору Французовъ, что онъ и король всей Италіи навсегда останутся лучшими союзниками, потому что выражаютъ одинъ и тотъ же принципъ власти. Г. Абу, въ своей послѣдней брошюрѣ: *La Prusse en 1860*, говоритъ то же самое; онъ предлагаетъ принцу Прусскому найдти опору своей власти въ томъ же началѣ, въ которомъ нашли ее Наполеонъ III и Викторъ-Эммануилъ. Оппозиціонные депутаты въ Туринѣ доказываютъ также, что король владѣетъ Ломбардіей не на основаніи передачи ея отъ Франціи, а въ силу желаній страны, выраженныхъ въ 1848 году; что вмѣстѣ съ Ломбардіей участвовала тогда Венеція, и что слѣдовательно *de jure* она уже принадлежитъ Виктору-Эммануилу. Кромѣ этой внутренней связи, между Піемонтомъ и Франціей существуетъ еще другая связь; грозныя австрійскія крѣпости на Минчіо могутъ быть разрушены только силой, а изъ четырехъ большихъ державъ одна Франція въ состояніи дать эту силу. Англія будетъ всегда ограничиваться только выраженіемъ своего сочувствія; отдѣльныя лица, какъ напримѣръ недавно англійскій капитанъ въ Палермо, могутъ дѣйствовать за Италію, но правительство не станетъ жертвовать кровью и деньгами Англіи на помощь Піемонту. Пруссія не будетъ воевать съ Австріей, которая все-таки считается германскимъ государствомъ, для освобожденія чужой народности. Наконецъ для Россіи, конечно, выгодно образованіе на югѣ сильнаго государства, которое служило бы противодѣйствіемъ Австріи и Франціи; но по своему географическому положенію и по другимъ причинамъ, Россія не можетъ подать непосредственную помощь. Остается одна Франція, которая, какъ видно, станетъ продолжать дѣло, такъ несчастно остановленное въ Виллафранкѣ. Есть мнѣніе, что императоръ Французовъ при свиданіи въ Баденѣ имѣлъ въ виду обезпечить себѣ нейтральность Германіи на случай новой войны, а въ Туринѣ всѣ съ увѣренностію говорятъ о договорѣ, подписанномъ недавно маршаломъ Вальяномъ, по которому 80.000 Французовъ готовы на помощь Италіи при первомъ столкновеніи ея съ Австріей. Когда выступаетъ наружу новая сила, то выигрываетъ тотъ, кто за нее, а не тотъ, кто противъ нея, и, конечно, Франція извлечетъ больше выгоды изъ соединенія Венеціи съ Сардиніей чѣмъ извлекла она отъ соединенія стариннаго Аллоброгскаго царства. Конечно, отъ остальныхъ государствъ зависитъ не уступать монополіи Франціи: за исключеніемъ Австріи, для всѣхъ желательно умиротвореніе полуострова и его развитіе; но развѣ могутъ имѣть какую-либо цѣну интересы Австріи въ общей суммѣ интересовъ всей

Digitized by Google

Европы? Опытъ показалъ достаточно, что всѣ, кто только поддерживаъ эту дряхлѣющую державу, поплатился за подобную ошибку дорогою цѣною.

Какъ бы то ни было, союзъ съ Франціей *до времени* есть насущная потребность Сардиніи; большинство, вмѣстѣ съ графомъ Кавуромъ, не считаетъ большою жертвой уступку Савоіи и Ниццы ради этого союза, особенно если она окупится Сициліей и Неаполемъ. Въ послѣдствіи обстоятельства могутъ перемѣниться, и говорятъ, что недавно графъ Кавуръ повторилъ извѣстное выраженіе Шварценберга: «мы въ состояніи удивить весь свѣтъ своею неблагодарностію.» Но пока нельзя не согласиться съ г-мъ Фарини, что Піемонту Франція нужнѣе чѣмъ Піемонтъ Франціи. Намѣренія императора Французовъ покрыты непроницаемою тайной; но вопросъ о Рейнѣ еще не созрѣлъ, и французской арміи трудно найдти лучшую дѣятельность, какъ на Минчіо.

Другой вопросъ: какъ будетъ дѣйствовать Піемонтъ относительно не соединенной части Италіи? Siamo unificatori, говоритъ министерство и этимъ показываетъ, что оно считаетъ себя обязаннымъ удовлетворить стремленіямъ Италіянцевъ къ единству; министерство, по выраженію г-на Фарини, управляетъ только частію Италіи, но оно отвѣтственно передъ всѣми Италіянцами, подъ чьею бы властію они ни были. Неаполитанскій король, обѣщавши конституцію, предложилъ союзъ Піемонту; графъ Кавуръ не отвергъ прямо союза, но отвѣчалъ, что сардинскому королю необходима гарантія, что Неаполь дѣйствительно усвоилъ себѣ италіянскую политику, и что первымъ доказательствомъ этого будетъ признаніе соединенія герцогствъ съ Піемонтомъ. Неизвѣстно, согласится ли на это неаполитанское правительство. Но если оно согласится, то тѣмъ самымъ признаетъ законность подачи голосовъ въ Сициліи и даже въ самомъ Неаполѣ. Графъ Кавуръ прямо разчитываетъ на отказъ, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ отдѣлаться отъ союза и выждать окончательнаго паденія Бурбоновъ; онъ можетъ представить тогда Европѣ, что господство Піемонта есть единственный исходъ изъ анархіи и революціи въ Неаполѣ; путь уже знакомый, и нѣтъ никакой опасности сбиться съ него. Но кто способствовалъ проложенію этого пути? Конечно, тупыя полуавстрійскія правительства помогли въ этомъ дѣлѣ Піемонту какъ нельзя болѣе. Человѣчества не передѣлаешь; оно всегда будетъ стремиться къ свѣту и свободѣ, а вѣчное тюремное заключеніе не назначается даже самымъ упорнымъ преступникамъ. Въ Піемонтѣ есть притягивающая сила, которой всѣ готовы подчиниться съ радостію. Еще на дняхъ, все мыслящее народонаселеніе Савоіи и Ниццы приняло сардинское подданство; просьбы объ этомъ поступали даже отъ тѣхъ, кто

Digitized by Google

агитировалъ въ пользу соединенія съ Франціей, и журналы требовали, чтобы хоть этимъ агитаторамъ дана была возможность насладиться прелестями французской системы; называютъ именно гг. Любонисъ и Чезолесъ, которые принесли актъ покаянія, 26 іюня. Оппозиція требуетъ войны, предлагаетъ назначить поголовное ополченіе (рѣчи гг. Макки и Синео, 27 іюня), идти на Венецію; всѣ ораторы соглашались на заемъ подъ условіемъ, чтобы построена была сильная крѣпость въ Брешіи, и чтобы всѣ военныя силы были сосредоточены около Минчіо. Правительство считаетъ преждевременнымъ такой рѣшительный шагъ; графъ Кавуръ предпочитаетъ оставить Венецію подъ конецъ соединенія Италіи. Около Минчіо сосредоточено до 200.000 Австрійцевъ, тогда какъ общее число піемонтско-италіянскаго войска доходитъ до 150.000. Графъ Кавуръ ждетъ, чтобы Венеція истощила послѣднія денежныя средства Австріи, и хочетъ прежде сдѣлать пріобрѣтенія, не стоящія крови. Онъ самъ назвалъ свою политику воинственною (politica militante), но не вызывающею; министерство открыто приходитъ въ страну уже тогда, когда въ ней развивается піемонтское знамя, хотя тайно оно первое посылаетъ туда это знамя. Въ этомъ состоитъ разница въ словахъ оппозиціи и министерства; на дѣлѣ они согласны между собою. Правительство, какъ правительство, обязано быть осторожнѣе; оппозиція смѣло высказываетъ свои мысли.

Собственно говоря, въ сардинскихъ палатахъ нѣтъ даже оппозиціи. Есть человѣкъ двадцать личныхъ друзей г. Ратацци, которые подаютъ голосъ иногда за министерство, иногда противъ него, иногда же воздерживаются вовсе отъ подачи голосовъ, какъ напримѣръ въ дѣлѣ о присоединеніи Савоіи и Ниццы. Страна не обращаетъ вниманія на эти личные счеты, она довѣряетъ вполнѣ графу Кавуру, какъ уже испытанному исполнителю ея желаній и требованій. Это довѣріе распространяется и на другихъ членовъ министерства; такъ напримѣръ, графъ Маміани, министръ народнаго просвѣщенія, по прежнему сохраняетъ свой портфель, несмотря на то, что нѣсколько законодательныхъ проектовъ его отвергнуто палатою. Да и въ самомъ дѣлѣ, время ли теперь дѣлать министерскимъ вопросомъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли уничтожить преподаваніе философіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, когда воспитанники толпами идутъ въ Сицилію? «Намъ нѣтъ дѣла до личной вражды графа Кавура съ Ратацци, говорилъ мнѣ г. Манчини; мы знаемъ хорошо, что будь Ратацци первымъ министромъ, онъ поступалъ бы такъ же, какъ и графъ Кавуръ; зачѣмъ же намъ перемѣнять лица?» Поэтому, всѣ вліятельныя лица изъ новыхъ депутатовъ ломбардскихъ и тосканскихъ присоединились къ министерской партіи, между ними и г. Канту.

Digitized by Google

Выборы еще не всѣ окончены, а уже теперешнее зданіе палаты оказывается тѣснымъ. Предполагается построить новое, въ которомъ помѣщались бы сенатъ и обширный общеиталіянскій парламентъ; между ними поставлена будетъ статуя Карла-Альберта. Изъ новыхъ кандидатовъ, вѣроятно, поступитъ г. Галленга, корреспондентъ *Times*, хотя многіе журналы, какъ напримѣръ *Les Nationalités*, вооружаются противъ его избранія.

Дѣло соединенія идетъ очень успѣшно, хотя еще многое предстоитъ совершить министерству. Послѣдній административный законъ г. Ратацци, вѣроятно, будетъ измѣненъ: по этому закону назначены губернаторы съ *политическою* властію не только въ Миланѣ, Пармѣ, Болоньи, но даже въ Новарѣ, что̀ не имѣетъ смысла. Г. Ратацци думалъ удержать власть въ своихъ рукахъ, раздавая своимъ друзьямъ высшія административныя мѣста; графъ Кавуръ не имѣетъ въ этомъ надобности, и потому не станетъ поддерживать политическихъ губернаторовъ. Въ новыхъ провинціяхъ народъ переноситъ безъ ропота увеличеніе податей, которыя возвышены противъ прежняго на десять процентовъ. Эта прибавка съ лихвой вознаграждается отмѣной таможенъ и свободой личнаго движенія. «Прежде, говорилъ мнѣ одинъ Италіянецъ, у насъ на каждомъ шагу была застава, вездѣ требовали паспортъ и брали за него деньги. О, Австрія съѣдала много денегъ! у нея же двѣ головы и значитъ два рта: то однимъ сожретъ, то другимъ.» Думаютъ, что рекрутскій уставъ Сардиніи возбудитъ неудовольствіе въ провинціяхъ. Въ Сардиніи существуетъ жеребьевая система, тогда какъ въ Тосканѣ брались солдаты только изъ семействъ, въ которыхъ три или четыре сына. Но при теперешнемъ расположеніи умовъ въ Италіи едва ли можно опасаться ропота: армія Гарибальди рекрутируется постоянно изъ волонтеровъ, и въ нихъ нѣтъ недостатка. Гораздо серіознѣе опасенія за дисциплину военную. Зерномъ правильноустроеннаго войска служатъ піемонтскіе солдаты; отпаденіе Савоіи лишило армію 12.000 лучшаго войска; мѣсто его заступили 60.000 солдатъ, не привыкшихъ къ порядку. Они размѣщены между Піемонтцами, но плохо свыкаются съ дисциплиною. Побѣги Ломбардцевъ и Тосканцевъ довольно часты. Правительство строго преслѣдуетъ іезуитовъ и священниковъ, подстрекающихъ къ неповиновенію; на дняхъ суды произнесли приговоры надъ многими изъ нихъ. Но можно опасаться, что причина побѣговъ не въ однихъ подстреканіяхъ, а въ деморализаціи войскъ и народа, который привыкъ смотрѣть на военную службу съ отвращеніемъ, а на полицію съ ненавистью. Это еще остатки австрійскаго владычества, слѣды котораго сгладятся лишь современемъ. По крайней мѣрѣ теперь въ Болоньѣ можно ѣздить безопасно,

Digitized by Google

благодаря піемонтской администраціи. Нѣтъ сомнѣнія, что народъ скоро воспитается для порядка въ школѣ свободы; много ужъ то, что провинціи поняли значеніе Піемонта для всей Италіи и ждутъ отъ него организующей силы. Съ такими задатками королевство Виктора-Эммануила можетъ смѣло смотрѣть въ будущее и вѣрными шагами идти къ своей цѣли, къ единой Италіи.

Понятно, что при всеобщемъ политическомъ настроеніи, въ литературѣ не появилось почти ни одного замѣчательнаго сочиненія; за то политическія брошюры выходятъ массами почти ежедневно. Импровизаторы и поэты говорятъ и поютъ только о политикѣ, объ единой Италіи, о Гарибальди. Особая комиссія составлена для изданія новаго гражданскаго кодекса; она приняла въ образецъ Code Napoléon, впрочемъ съ значительными измѣненіями. Въ концѣ прошлаго года изданъ новый уставъ для университетовъ; но о немъ слѣдуетъ говорить подробнѣе.

М. Капустинъ.

ПРОГУЛКА ВЪ НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.

«Ужь какъ внизъ было, по матушкѣ по Волгѣ рѣкѣ!»
(Пѣсня.)

I.

Тверь, 27 іюня 1860 г.

Я только что вернулся изъ загородной поѣздки, былъ въ Желтиковскомъ монастырѣ; видѣлъ темницу царевича Алексѣя, толстыя стѣны ея, надежныя рѣшотки, узкій входъ, изразцовыя старинныя печи и проч. И эта поѣздка, и этотъ осмотръ произвели на меня сильное впечатлѣніе; подъ вліяніемъ его, берусь за перо, съ цѣлію передать и видѣнное, и слышанное.

Дорога въ монастырь идетъ лугомъ, мимо фабрикъ и заводовъ, наконецъ пролегаетъ черезъ прекрасную рощу громадныхъ сосенъ. Роща эта историческая: въ ней заключенъ былъ миръ между московскими и тверскими великими князьями.

«Да вѣдь и какая была роща, замѣтилъ между прочимъ извощикъ, такая роща, что теперь и званія того нѣтъ! вишь рѣдень какая, вездѣ сквозитъ небо-то, и мудрено ль дѣло? Есть запретъ: отнюдь-молъ не рубить, да сунулъ штофъ водки, вотъ-те и вали дерево... Какъ подъ вечеръ иной ѣдешь, такъ справа, да слѣва такъ и постукиваютъ топоры...»

Digitized by Google

При выѣздѣ изъ рощи показался монастырь... Небольшія церкви его обнесены толстою и высокою стѣной, у подошвы протекаетъ рѣчка Тьмака, кругомъ зеленѣютъ луга, да чащи кустарниковъ; мѣсто живописное. Мой спутникъ Р. Н. Н—нъ, человѣкъ весьма образованный, пользующійся дружескимъ расположеніемъ настоятеля монастыря, повелъ меня въ его келью, несмотря на поздній вечеръ, и представилъ отцу Платону. Семидесятилѣтній старецъ встрѣтилъ насъ въ длинной и мрачной залѣ: по стѣнамъ висѣли большіе портреты тверскихъ архипастырей, въ углахъ образа, изъ коихъ нѣкоторые принадлежатъ кисти весьма хорошихъ художниковъ; на одномъ изъ столовъ сосѣдней комнаты, между множествомъ священныхъ книгъ, подлѣ портрета сына отца Платона, стоялъ портретъ Н. И. Новикова... Я изумился и обрадовался, неожиданно встрѣтивъ въ стѣнахъ уединенной обители такое почтеніе къ памяти великаго человѣка.

«Человѣка этого искренно и глубоко я уважаю, говорилъ отецъ Платонъ, очаровавшій меня и пріемомъ, и бесѣдою,—человѣкъ этотъ былъ истинный поборникъ христіянства, подвижникъ евангельскихъ истинъ, онъ понималъ духъ религіи, и въ самый разрушительный для нея вѣкъ, своими сочиненіями, своею неутомимою дѣятельностію, многихъ, и многихъ, спасъ отъ паденія, многихъ просвѣтилъ и наставилъ на путь истины и добра! Не могу не вспомнить слѣдующаго преданія, слышаннаго мною отъ весьма близкихъ лицъ къ Новикову. Незадолго до ареста, онъ мирно проживалъ въ своемъ Авдотьинѣ. Онъ предчувствовалъ наступающія для него бѣдствія. Однажды, слышится ему голосъ: «Готовъ ли ты, готовъ ли, рабъ Николай?» Новиковъ оглядывается на всѣ стороны, не можетъ понять, откуда слышится ему вопросъ; но вотъ вновь раздается голосъ: «Готовъ ли ты?» И послѣ третьяго вопроса Новиковъ съ теплою молитвой отвѣтилъ: «Готовъ, Господи!» Въ это время вбѣжалъ кто-то: «Николай Ивановичъ, гости, кажется, изъ Москвы ѣдутъ?»—«Я знаю, что̀ это за гости, и готовъ ихъ принять.» Дѣйствительно, гостями оказались жандармы, и Новиковъ былъ арестованъ.

«Слышалъ я, говорилъ отецъ Платонъ, и другое преданіе: къ заключенному явился въ Шлюссельбургѣ адъютантъ съ вопросомъ отъ государыни, не нужно ли ему чего: «А вы передадите то, что̀ я вамъ скажу?» спросилъ посланнаго Новиковъ. Тотъ обѣщалъ это сдѣлать. «Такъ слушайте жь: я не имѣю ни въ чемъ нужды, но спрашиваю монархиню: какъ могла та рука, которая начертала безсмертныя слова: «лучше простить десять виновныхъ нежели наказать одного невиннаго,»—по ложнымъ извѣтамъ, утвердить приговоръ неправедный, обрекшій меня на страданія?» Посланный отказался передать вопросъ.

Digitized by Google

«Мы находимся на зарѣ возникающей, на зарѣ Христова царствованія, говорилъ достопочтенный старецъ Платонъ;—это царствованіе близко: въ немъ не будетъ злыхъ, будутъ добрые люди, будутъ единственно подвижники добра, будутъ любить ближняго какъ самого себя, разсѣятся предразсудки, суевѣрія, поймется духъ ученія Божественнаго Спасителя!.. Всѣ политическія событія, всѣ перевороты, такъ или иначе, положительно или отрицательно, но способствуютъ тому, торопятъ наступленіе сего времени...»

Я съ любопытствомъ слушалъ немного мистическую бесѣду старца, достойно чтимаго за его умъ, многостороннее образованіе и безупречную жизнь. Дивился въ немъ многому такому, что крайне отрадно видѣть въ нашемъ монахѣ... Очень и очень хотѣлось бы намъ подѣлиться бесѣдой отца Платона, но мы не имѣемъ на то права, да притомъ боимся оскорбить его скромность... Скажу одно, что увлеченный разговоромъ, я забылъ про главную причину своей поѣздки. Р. Н. Н—нъ напомнилъ о ней, указавъ въ окно на разноцвѣтную старинную стѣну Алексѣевскаго терема. Дождь билъ въ окна, небо заволокло тучами, и только изрѣдка изъ-за нихъ выглядывала луна и фантастическимъ свѣтомъ обливала и обитель, и окна темницы.

Отецъ Платонъ повелъ насъ самъ, вопреки убѣдительной просьбѣ не рисковать здоровьемъ: впереди шелъ мальчикъ-служка съ фонаремъ въ рукахъ. Мы вышли на монастырскій дворъ, покрытый могильными памятниками и усаженный толстыми, коротко и красиво обстриженными елками. Этимъ деревьямъ болѣе ста лѣтъ, разказалъ настоятель; самые давніе старожилы видѣли и слышали о нихъ отъ отцовъ, что деревья эти всегда были такія, такъ какъ постригъ мѣшалъ имъ вполнѣ разрастаться. Самый монастырь основанъ Арсеніемъ, епископомъ тверскимъ, въ 1394 году, при великомъ князѣ Михаилѣ Александровичѣ. Дальнѣйшую исторію монастыря можно найдти въ особо-изданной книгѣ (1). Въ первыхъ годахъ восьмнадцатаго столѣтія, болѣзнь царевича Алексѣя побудила его отца, по обѣту, построить въ Желтиковѣ каменную церковь, во имя Алексѣя Божьяго человѣка (2). Церковь была выстроена. Тогда же ли, или

(1) Она напечатана архимандритомъ Платономъ въ 1852 году: *Историческое и статистическое описаніе Тверскаго Успенскаго Желтикова монастыря*. Тверь, 8 д., стр. 64. Въ этой обстоятельной брошюрѣ при подробномъ разказѣ о жизни основателя монастыря, описи вкладовъ и рукописей духовнаго содержанія XIV, XV и другихъ вѣковъ, сдѣлана весьма не значительная замѣтка о теремѣ Алексѣя.

(2) *Исторія Росс. Іерарх.* Москва, 1812, ч. IV, стр. 106. *Письма Алексѣя*, изданіе 1849. Примѣчаніе 1. № 4. Кромѣ вышеназваннаго сочиненія архи-

Digitized by Google

въ другое время выстроено *жилье* для Алексѣя — это неизвѣстно.

Жилье состоитъ изъ двухъ этажей. Нижній съ маленькими подвальными окнами заключалъ въ себѣ кухню и службы. Подлѣ стояла, какъ запомнятъ еще старики, гауптвахта для караула. Стѣны дома раскрашены на подобіе шахматной доски. Узкая лѣсенка, ведшая во второй этажъ, лѣтъ тридцать назадъ замѣнена широкою, свѣтлою лѣстницей; она ведетъ въ большую комнату, родъ паперти *домашней* церкви во имя Св. Алексія. Съ этой площадки, паперти, или комнаты, окна выходятъ въ наружную сторону монастыря. Изъ небольшаго коридора въ толстой стѣнѣ продѣланъ низенькій ходъ; дверь деревянная, петровскаго времени, очень прочная; на ней еще видны слѣды какихъ-то рисунковъ, которыми разукрашена была она въ свое время; сохранились желѣзныя скобки — того же времени. Первая комната, въ которую мы вошли, видимо замѣняла переднюю; она безъ оконъ, очень не велика, съ правой стороны большая печь, старинная, съ зелеными изразцами; прямо дверь съ прежними рисунками; она ведетъ въ залъ. Правая стѣна имѣла дверь—нынѣ замурованную, это былъ ходъ въ церковь; какъ кажется, въ этой же стѣнѣ сдѣлано было окно на церковную паперть; окно, разумѣется, съ рѣшотками. Подобныя два окна съ крѣпкими затѣйливо-сдѣланными рѣшотками находятся на западной стѣнѣ комнаты и выходятъ *внутрь двора* монастырскаго.

Изъ зала другой ходъ съ старинною дверью, на которой, кромѣ слѣдовъ рисунка и скобокъ, сохранился еще лоскутокъ краснаго сукна,—ведетъ въ сосѣдній, подобный первому, небольшой покой. На западной сторонѣ четыре, на боковой два окна съ рѣшотками. Наконецъ третья и послѣдняя комната, въ одно окно, была, какъ видно по всему, спальнею царевича. Здѣсь находится лежанка позднѣйшей работы, вмѣсто бывшей здѣсь современной лежанки, и отсюда же сдѣланъ выходъ въ коридоръ; но этотъ ходъ, по всѣмъ признакамъ и по словамъ отца Платона, сдѣланъ уже послѣ Петра. Стѣны во всѣхъ комнатахъ чисто выбѣлены, разумѣется, уже въ позднѣйшее время, причемъ и перебѣливались не разъ, но въ низу ихъ до оконъ въ предохраненіе отъ сырости, по тогдашнему обыкновенію, стѣны остаются обтянутыми деревянною панелью, на которой видны слѣды красокъ, можетъ

мандрита Платона, намъ извѣстно: *Собраніе словъ и бесѣдъ*, изданное имъ въ 1859 году. Тверь, 8 д., стр 390. Всѣ они написаны языкомъ простымъ, общепонятнымъ, и оставляютъ за собой громады рѣчей нашихъ духовныхъ ораторовъ. Впрочемъ, чего-нибудь *особеннаго* въ изданіи архимандрита Платона искать нечего; но стоитъ обратить вниманіе на *два* цензорскія разрѣшенія.

Digitized by Google

быть рисунковъ; полъ обыкновенный, деревянный. Жилье это не всегда оставалось пусто, какъ пусто оно теперь. Здѣсь временно жилъ настоятель, жили пѣвчіе—и такимъ образомъ старинная мебель постепенно уничтожилась и отъ времени, и отъ употребленія. Впрочемъ, мнѣ говорили, что еще сохранилось будто бы кресло да изъ вещей одна чернилица.

Когда жилъ въ этихъ покояхъ Алексѣй, жилъ ли онъ здѣсь по долгу, было ли это мѣсто его временныхъ остановокъ при проѣздахъ въ Москву: вотъ вопросы, невольно возникшіе по осмотрѣ жилья. Но на наши вопросы мы не нашли вполнѣ опредѣленныхъ и точныхъ отвѣтовъ. Въ монастырскихъ бумагахъ, по свидѣтельству отца Платона, не сохранилось никакихъ о томъ извѣстій. Р. Н. Н—нъ, какъ самъ сообщилъ намъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ слышалъ отъ одного изъ монаховъ здѣшней обители (нынѣ умершаго), что была рукопись, въ ней же разказывалось о пребываніи царевича въ монастырѣ; рукопись была интересна, да проѣзжій какой-то путешественникъ съ ученою цѣлію выпросилъ у него тетрадь и увезъ ее въ Петербургъ; что же касается до мѣстныхъ преданій, то въ нихъ именно сохранилось сказаніе, что покои эти служили *тюрьмою* для царевича; мало того, одно изъ подобныхъ устныхъ сказаній передаетъ слѣдующій эпизодъ: Петръ пріѣхалъ однажды къ сыну, заперъ за собой дверь и долго объяснялся съ заключеннымъ. Наконецъ монархъ вышелъ въ величайшемъ гнѣвѣ; вошедшіе въ покои увидѣли наслѣдника престола поверженнымъ на землю. Онъ лежалъ безъ чувствъ, изъ носа и ушей его — текла кровь.

Кто знаетъ отношенія Петра къ его первенцу-сыну, характеръ государя, его пристрастіе къ собственноручной расправѣ, наконецъ кому изъ множества историческихъ разказовъ извѣстна сила руки великаго преобразователя, тотъ ничего не найдетъ невѣроятнаго въ преданіи Желтиковской обители.

Мы не имѣемъ подъ рукой ни нашей библіотеки, ни какихъ другихъ книгъ, гдѣ бы могли навести справки: какъ часто, и поскольку времени жилъ въ этомъ монастырѣ Петръ и его сынъ. Но имѣя въ виду: а) мѣстныя преданія о приведенномъ эпизодѣ, о присутствіи *караульни* и проч. б) устройство жилья, видимо приготовленнаго по особо-задуманному плану для долгаго, постояннаго здѣсь житья; в) то обстоятельство, что Петръ, далеко не прихотливый на помѣщенія, для временныхъ остановокъ не сталъ бы отводить службы именно внизу, въ окна вдѣлывать рѣшотки, прорубать окна внутрь двора, дѣлать внутренній ходъ въ церковь и проч. и проч. г) наконецъ, очень хорошо зная, что Алексѣй *по долгу* не жилъ въ этомъ монастырѣ, мы дѣлаемъ, какъ кажется, совершенно безошибочное заключеніе такого рода:

Digitized by Google

Петръ имѣлъ въ виду сперва ограничиться строжайшимъ заточеніемъ сына, и въ ожиданіи окончательнаго повода къ тому приготовилъ вполнѣ удобную, удовлетворявшую всѣмъ строгимъ требованіямъ заточенія, темницу. Темница эта описана нами и навсегда останется предметомъ тщательнаго осмотра каждаго, занимающагося отечественною исторіей.

Въ покояхъ настоятеля виситъ, между другими портретами, портретъ Петра Великаго. Онъ рисованъ масляными красками; Петръ, въ красномъ кафтанѣ, стоитъ бокомъ, обращенный въ правую сторону; какъ кажется, работа современная государю, и въ такомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что портретъ висѣлъ въ тюрьмѣ Алексѣя. Кстати о портретахъ: между изображеніями тверскихъ архіереевъ, мы обратимъ вниманіе на портретъ Иннокентія тверскаго. Онъ былъ учителемъ реторики въ Казани, въ царствованіе Анны Ивановны. Ректоръ относился и къ ученикамъ, и къ учителямъ довольно оригинально: въ видахъ внушенія учитель былъ высѣченъ нещадно лозами. Подобное, немножко сильное, но по тогдашнему времени вполнѣ духовное поощреніе къ продолженію педагогическихъ занятій, не совсѣмъ понравилось Иннокентію. Онъ бѣжалъ въ Москву, сиживалъ и горевалъ у часовни Иверской, молился въ церкви Казанской Божіей Матери, и тутъ-то вызвалъ вниманіе и участіе двухъ учениковъ Московской духовной академіи, Григорія и Платона, въ послѣдствіи двухъ архипастырей. Иннокентій былъ опредѣленъ учителемъ же въ ихъ академію, преобрѣвъ черезъ учениковъ покровительство ректора. Императрица Елисавета обратила вниманіе на Иннокентія. Предъ нимъ открылась дорога къ повышеніямъ. Въ началѣ царствованія Екатерины онъ былъ уже въ числѣ главнѣйшихъ членовъ синода. Въ это-то время преданъ былъ суду духовенства митрополитъ ростовскій Арсеній Мацѣевичъ, смѣло и рѣзко писавшій противъ указа объ отнятіи у монастырей имѣній. Преподобные отцы, ревнуя въ изъявленіи своей преданности, присудили Арсенія къ смертной казни; казнь, какъ извѣстно, была всемилостивѣйше смягчена въ вѣчное заточеніе въ Шлюссельбургѣ (1). Послѣ произнесенія приговора, Мацѣевичъ, вдохновенный какимъ-то пророческимъ предвѣденіемъ, предсказалъ первенствующему члену синода (Дм. Сѣченову?) мучительную смерть, задохнуться собственнымъ языкомъ; второму по немъ—Амвросію Каменскому—смерть отъ мясника. «А тебѣ, сказалъ онъ, обращаясь къ Иннокентію, архіерею молодому и не

1) Въ казематѣ этой крѣпости Мацѣевичъ умеръ въ 1787 г. Портретъ его помѣщенъ Бекетовымъ въ *Пантеонѣ русскихъ авторовъ*. 1801 г. Нѣкоторыя его рукописныхъ сочиненій его находятся въ Публичной Библіотекѣ. Когда-нибудь мы дождемся біографіи и этой интересной личности.

Digitized by Google

опытному, не подавшему однако голоса за меня, предсказываю
что ты не увидишь своей епархіи.» Дѣйствительно, первенству
ющій членъ синода вскорѣ умеръ въ мукахъ, распухшій язык
задушилъ его. Каменскій погибъ въ 1771 году въ московском
мятежѣ, а Иннокентій скончался на дорогѣ въ Тверь.

Было часъ по полуночи, когда мы оставили Желтиковскую
обитель. «А что братъ, заговорилъ я, усаживаясь въ дрожки, т
бы, извощикъ, повезъ насъ кругомъ рощи, а то неравно, въ лѣсу...
—Чаго въ лѣсу? Не извольте безпокоиться, успокоительно отвѣтил
извощикъ и отправился черезъ лѣсъ.—«О шалостяхъ дѣйстви
тельно ничего не слыхать, заговорилъ спутникъ мой; благодар
распорядительности начальства ихъ нѣтъ, и я сколько могу при
помнить, знаю только одинъ случай: лѣтъ двѣнадцать тому на
задъ позднею ночью ѣхалъ мой знакомый черезъ желтиковскую
рощу. Раздается обыкновенный крикъ: стой, затѣмъ ударъ ду
биной по груди кучера; къ счастію, за пазухой его была ба
ринова банка съ вареньемъ, лошади подхватили и вынесли
благополучно и перепуганнаго барина, и кучера съ разбитою
банкой.»

При выѣздѣ изъ лѣса, намъ бросились въ глаза двѣ новыя, гро
мадныя бумагопрядильныя фабрики; окна четырехъ этажей ярко
горѣли газовымъ освѣщеніемъ.

«Вотъ, что̀ ни говори о суровости Петра и нѣкоторыхъ его не
достаткахъ, а кто не вспомнитъ его имя при взглядѣ на эти фа
брики!.. Не онъ ли положилъ основу, не онъ ли!..»

«А вѣдь какая жъ анаѳемская жисть на этихъ фабрикахъ, вмѣ
шался въ наши разсужденія извощикъ: —вѣрьте слову, хуже като
ржной работы: плата малая, народу по три и болѣе тысячъ,
работы не приведи Богъ сколько, дѣти малыя, и тѣхъ съ этихъ
лѣтъ запрягаютъ въ эту лямку, страсть да и только.»

Мы заговорили между собой объ улучшеніяхъ, которыя вѣроятно
предвидятся и для фабричнаго класса людей.

«Нѣтъ, уже сперва порѣшили бы что-нибудь, снова вмѣ
шался извощикъ, порѣшили бы о крестьянствѣ...»

Іюня 28-го.

Тверь мнѣ чрезвычайно понравилась. Широкія улицы, множе
ство хорошей каменной постройки, городской и губернаторскій
садъ, красивое зданіе дворянскаго собранія, бывшее мѣ
стомъ недавнихъ съѣздовъ, преній и совѣщаній, 38 церквей
красивая набережная, дворецъ съ садомъ, прелестный видъ н
Волгу и на противоположный берегъ,—все это вмѣстѣ составляет
чрезвычайно пріятный ensemble. Твери предстоитъ больш
будущность. Значеніе ея, ради Волги, пароходства, желѣзной до

Digitized by Google

роги, положенія между двумя столицами, быстро возрастаетъ, съ каждымъ годомъ.

Нельзя, напримѣръ, не обратить вниманія на тверскую гимназію. Зданіе это огромно, очень красиво, какъ кажется, съ большими удобствами для учащихся; не беремся судить только, въ какой степени оно прочно, хотя и знаемъ, что домъ строился шестнадцать лѣтъ и обошелся дворянству до 300 тысячъ руб. сер. Благодаря услужливости почтеннаго Р. Н. Н—на, которому мы очень обязаны при знакомствѣ нашемъ съ Тверью, мы обошли всѣ помѣщенія гимназіи; обратили вниманіе на ея библіотеку, для начала весьма порядочную, на физическій кабинетъ, на громадное собраніе минераловъ, пожертвованное гимназіи ея почетнымъ попечителемъ, извѣстнымъ писателемъ нашимъ, Ѳ. Н. Глинкою. Въ одной изъ залъ прекрасно устроена гимнастика. Какъ видно, ничто не забыто для надлежащаго развитія мальчиковъ; а что это развитіе вполнѣ правильно, чуждо всякой рутины, формалистики, *тѣлесныхъ* поощреній и прочихъ *непремѣнныхъ* условій воспитанія во многихъ нашихъ заведеніяхъ (какъ напримѣръ далеко было не чуждо оно въ тверской семинаріи), можно видѣть изъ того, что число учениковъ увеличивается каждый годъ, что наконецъ нѣкоторые прибываютъ изъ городовъ, имѣющихъ свои гимназіи; напримѣръ есть ученики изъ Курска.

Привѣтствуя открытіе и освященіе новаго дома тверской гимназіи 15 августа 1859 г., Р. Н. Н—нъ писалъ въ мѣстной газетѣ: «Дай Богъ этому дому видѣть въ стѣнахъ своихъ какъ можно болѣе юношей, жаждущихъ знанія и добра для блага и славы отечества!»

Этимъ искреннимъ желаніемъ заключимъ мы настоящую замѣтку.

М. С.

Digitized by Google

ШТУРМЪ ВАРШАВЫ ВЪ 1831 ГОДУ И НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ПОЛЬСКОЙ ВОЙНѢ.

По поводу статьи генералъ-лейтенанта Ушакова (1).

Прочитавъ статью г. Ушакова о варшавскомъ штурмѣ, я невольно берусь за перо, для разъясненія тѣхъ событій, которыхъ мнѣ пришлось быть довольно близкимъ очевидцемъ по службѣ моей въ 1831 году. Не стану входить въ разборъ полемическаго пренія, происходившаго на страницахъ *Русскаго Вѣстника* между гг. Ушаковымъ и Сушковымъ; кто правъ и виноватъ изъ нихъ, рѣшитъ будущая военная исторія, а для нея нужна *истина* которая можетъ только разъясняться разказами и словами людей, принимавшихъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ военныхъ событіяхъ.

Въ 1831 году находился я при войскахъ дѣйствующей арміи въ чинѣ штабсъ-капитана гвардейскаго генеральнаго штаба (2) съ первыхъ дней зимняго похода нашего въ Польшу. Но выпиской изъ моего формуляра я не буду утомлять вниманія читателей и ограничусь словами, что, прослуживъ всю польскую кампанію, я состоялъ во второй день штурма подъ Варшавой, съ утра и до поздней ночи, безотлучно при графѣ Толѣ, исполняя различныя порученія его, подъ огнемъ непріятеля.

Переданныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* генералъ-лейтенантомъ Ушаковымъ подробности о первомъ днѣ приступа, то-есть 25 августа, о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о переговорахъ съ польскими генералами Прондзинскимъ и Круковецкимъ, совершенно точны. Ко всему разказанному имъ, я позволю себѣ только добавить, что когда въ первый день войска наши отняли у непріятеля сильно укрѣпленную Волю и всю переднюю линію редутовъ, и когда, не позже трехъ часовъ пополудни, собранъ былъ фельдмаршаломъ военный совѣтъ въ Волѣ, графъ Толь, съ свойственною ему рѣшимостью, предлагалъ не прекращать, но продолжать штурмъ другихъ укрѣпленій, въ тотъ же день. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы доказать то важное вліяніе, которое мнѣніе графа Толя могло имѣть при штурмѣ Варшавы въ первый день сраженія,—и пускай люди, участвовавшіе въ бою,

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, № 4.

(2) Нынѣ генералъ-лейтенантъ генеральнаго штаба и начальникъ управленія иррегулярныхъ войскъ. *Ред.*

Digitized by Google

рѣшать, могла ли быть Варшава взята въ тотъ же день или нѣтъ.

Другую подробность о графѣ Толѣ, хотя меньшей важности, считаю также не излишнимъ оговорить. Она состоитъ въ томъ, что во время переговоровъ съ Круковецкимъ въ девять часовъ утра, въ корчмѣ впереди Воли, въ нихъ положительно участвовалъ графъ Толь, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

За тѣмъ разказъ г. Ушакова о томъ, что происходило во второй день штурма, 26 августа, мало касается боевыхъ подробностей; а сдѣланныя имъ нѣкоторыя замѣчанія, какъ объяснено будетъ ниже, ведутъ даже къ невыгодному заключенію о распоряженіяхъ графа Толя. Я дозволю себѣ думать, что если подобное сужденіе могло быть произнесено генералъ-лейтенантомъ Ушаковымъ, то вѣроятно потому только, что ему не вполнѣ извѣстны подробности боя, и полагаю, что, по обязанности его въ качествѣ адъютанта при фельдмаршалѣ, онъ находился въ это время въ Волѣ, куда отвезенъ былъ раненый графъ Паскевичъ въ коляскѣ съ мѣста, гдѣ загорѣлось сраженіе 26 числа. Для болѣе точнаго обсужденія дѣла, я разкажу все то, чему былъ близкимъ очевидцемъ, и начну съ той минуты, когда, послѣ прерванныхъ съ Круковецкимъ переговоровъ, загремѣли орудія съ обѣихъ сторонъ, и роковое ядро, въ первыя же минуты огня, лишило фельдмаршала возможности продолжать командованіе войсками.

Былъ часъ пополудни. Графъ Толь, принявъ командованіе надъ арміей, взошелъ, для лучшаго обозрѣнія поля сраженія, на брустверъ укрѣпленія № 54 и отправилъ адъютантовъ, чтобы немедля призвать къ себѣ всѣхъ корпусныхъ командировъ.

Но прежде чѣмъ говорить о дѣйствіяхъ втораго дня, должно вкратцѣ объяснить, что было сдѣлано нами въ первый день штурма, и что оставалось еще сдѣлать для овладѣнія городомъ. Въ теченіи дня 25 августа, мы овладѣли Волей и первою линіей редутовъ. Но Поляки имѣли другой болѣе сильный рядъ укрѣпленій, опоясывавшихъ все открытое пространство передъ Варшавой, затѣмъ сады и огороды, окружавшіе ее, и наконецъ самый городской валъ, усиленный передовыми флешами и люнетами, съ нѣсколькими укрѣпленными каменными заставами.

Предводители польскихъ войскъ съ выгодой употребили выигранное ими черезъ переговоры почти суточное время. Зная настоящій пунктъ нашей атаки, они сосредоточили главную часть войскъ своихъ между Вольскою и Іерусалимскою заставами. Число ихъ, несмотря на понесенныя потери 25 числа, простиралось до 35.000 чел., не включая 4000 собранной въ Варшавѣ національной стражи, для обороны внутренней части города.

Digitized by Google

Первымъ предпріятіемъ графа Толя было усилить дѣйствіе артиллеріи для обстрѣливанія непріятельскихъ укрѣпленій. 120 орудій сосредоточили огонь свой преимущественно противъ Чистенскихъ садовъ и укрѣпленій впереди деревни Раковецъ. Графъ Толь наблюдалъ эти дѣйствія лично, осыпаемый ядрами со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ 1-й и 2-й корпуса графа Палена и барона Крейца, назначенные по диспозиціи фельдмаршала для штурмованія укрѣпленій по правую и лѣвую стороны калишскаго шоссе, ведущаго къ Волѣ, получили въ подкрѣпленіе по одной гренадерской дивизіи. Гвардейскій же корпусъ, какъ главный резервъ, приближенъ къ мѣсту боя почти на высоту Воли.

Отрядъ генерала Муравьева на правомъ флангѣ, для бо́льшаго единства въ дѣйствіяхъ, подчиненъ непосредственному распоряженію графа Витта, съ тѣмъ чтобы при содѣйствіи кавалеріи графа Ностица и кирасиръ, рѣшительнымъ нападеніемъ между Мокотовскою и Іерусалимскою заставами привлечь на себя вниманіе непріятеля.

Всѣ эти распоряженія были подтверждены и истолкованы корпуснымъ командирамъ лично графомъ Толемъ среди продолжавшагося артиллерійскаго огня, еще до движенія штурмовыхъ колоннъ.

Въ диспозиціи, отданной фельдмаршаломъ, было сказано, что артиллерія обстрѣливаетъ укрѣпленія не менѣе двухъ часовъ, и потомъ уже пѣхота должна двинуться на приступъ.

Поляки мѣткимъ, сосредоточеннымъ огнемъ изъ редутовъ и полевой артиллеріи, отвѣчали на наши выстрѣлы изъ 112 орудій и, пользуясь удобною мѣстностію на высотѣ около укрѣпленій, окружающихъ деревню Раковецъ, успѣли устроить у себя на флангѣ сильную батарею изъ 30 полевыхъ орудій, которая продольными боковыми выстрѣлами сильно вредила нашей артиллеріи. Желая положить этому конецъ, графъ Толь далъ тотчасъ же приказаніе генералу Муравьеву начать наступательное движеніе, прикрываясь справа кавалеріей графа Ностица, а слѣва кирасирами. Такимъ образомъ, въ отмѣну отданной диспозиціи, войска Муравьева первыя вступили въ дѣло, а потомъ уже постепенно графъ Крейцъ и наконецъ графъ Паленъ.

Быстрое наступленіе генерала Муравьева и кавалеріи графа Ностица вынудило непріятельскую артиллерію отступить за укрѣпленія свои. Было три часа пополудни, когда началась атака эта. Раздѣливъ войска свои на двѣ колонны, изъ коихъ одна была подъ начальствомъ полковника Лукаша, другая же подъ начальствомъ полковника Рота, Муравьевъ устремился на непріятельскіе окопы, и въ то время, какъ Луцкіе гренадеры ворвались уже въ укрѣпленіе № 81, сильная польская колонна бросилась отбивать его. Генералъ Умінскій, командовавшій всѣмъ лѣвымъ флангомъ польской

Digitized by Google

ріи, зорко слѣдилъ за движеніемъ Муравьева и тотчасъ же направилъ сильныя подкрѣпленія изъ пѣхоты и кавалеріи; здѣсь вскорѣ завязалось жаркое кровопролитное дѣло, которое сопровождалось перемѣннымъ успѣхомъ, пока наконецъ успѣшныя кавалерійскія атаки графа Ностица и прибывшая въ подкрѣпленіе гвардейская егерская бригада генерала Полешко вынудили непріятеля къ отступленію, при чемъ онъ оставилъ въ нашихъ рукахъ, послѣ часоваго боя, деревню Раковецъ, съ окружавшими ее окопами и впереди лежавшимъ люнетомъ, въ которомъ утвердился Несвижскій карабинерный полкъ.

Къ этой части сраженія относитъ генералъ-лейтенантъ Ушаковъ свой несправедливый упрекъ, говоря: *мы были очевидцами, что приказанія, передаваемыя графомъ Толемъ, исполнялись въ первое время довольно вяло, и поэтому скоро замѣтили отсутствіе настоящаго главнокомандующаго.* На чемъ основано столь невыгодное заключеніе, трудно понять; представленный выше краткій очеркъ начала варшавскаго штурма во второй день и всѣхъ распоряженій графа Толя достаточно его опровергаетъ.

Далѣе же, обращаясь къ атакѣ Новгородскаго кирасирскаго полка, г. Ушаковъ прибавляетъ, что полкъ замедлилъ и былъ заведенъ въ такое мѣсто между редутами, гдѣ отъ перекрестнаго картечнаго огня понесъ чувствительную потерю, безъ всякой пользы.

Здѣсь хотя и есть отчасти справедливость, но это объясняется слѣдующими причинами. Кирасирская бригада была расположена въ довольно дальнемъ разстояніи отъ поля сраженія (1), чему доказательствомъ служитъ то, что первый посланный отъ графа Толя офицеръ (2) нашелъ ее всю спѣшенную, по правую сторону, и не ближе какъ въ $1^1/_2$ версты разстоянія, отъ краковскаго шоссе.

Двинувъ Новгородскій кирасирскій полкъ на полныхъ рысяхъ, надлежало перевести его чрезъ шоссе и черезъ двѣ окружавшія его канавы, по двумъ не большимъ мостикамъ, гдѣ полкъ могъ проходить только справа по три. Все это, разумѣется, замедлило движеніе, такъ что когда полкъ, переведенный черезъ шоссе, успѣлъ выстроиться къ бою, польская пѣхота, высланная противъ Луцкихъ гренадеръ нашихъ, была уже опрокинута подоспѣвшими на помощь другими войсками г. Муравьева, и удобная минута для кавалерійской атаки съ этой стороны была потеряна. Въ этомъ положеніи, Новгородскій кирасирскій полкъ, при кото-

(1) Даже въ трудъ г. Шмидта вкралась ошибка въ расположеніи и движеніи кирасиръ.

(2) Офицеръ этотъ былъ пишущій эти строки.

Digitized by Google

ромъ не было вовсе артиллеріи, слѣдовало бы, конечно, остановить; но въ это время дѣйствительно было прислано графомъ Толемъ новое приказаніе атаковать польскую артиллерійскую батарею, выдвинувшуюся будто бы слишкомъ впередъ, тогда какъ она въ дѣйствительности была подъ прикрытіемъ перекрестнаго огня непріятельскихъ укрѣпленій. Полковые командиры, Гринвальдъ и баронъ Мейендорфъ, колебались, что̀ дѣлать, и наконецъ рѣшились пустить въ атаку два дивизіона, которые были отражены картечнымъ огнемъ.

Но если даже и назовемъ мы это нѣкоторою ошибкой или лучше сказать обманомъ глаза среди пороховаго дыма и огня, то она нисколько не должна и не можетъ уменьшить достоинствъ графа Толя, смѣло и рѣшительно распоряжавшагося боемъ 26 августа.

Затѣмъ будемъ продолжать прерванный разказъ. Между тѣмъ какъ войска Муравьева, въ совокупности съ кавалеріей графа Ностица, преодолѣвали усилія польскаго генерала Уминскаго удержать наше наступленіе, а сосредоточенный огонь артиллеріи нашей, направляемой княземъ Горчаковымъ и барономъ Корфомъ, бралъ постепенный перевѣсъ, штурмовыя колонны корпусовъ барона Крейца и графа Палена, вправо и влѣво отъ Воли, стояли въ полной готовности двинуться по первому приказанію. Въ это время явился для переговоровъ выѣхавшій изъ Варшавы генералъ Пронзинскій къ графу Толю, подъѣзжавшему къ колоннамъ барона Крейца, и просилъ прекратить огонь. Толь, вмѣсто отвѣта, приказалъ усилить огонь нашей артиллеріи, а Пронзинскаго поручилъ генералу Бергу отвести къ фельдмаршалу въ Волю.

Пока велись переговоры съ Пронзинскимъ, съ коимъ отправленъ въ Варшаву и графъ Бергъ, графъ Толь, стремясь къ одной цѣли, въ пылу жаркаго боя думалъ только о побѣдѣ. Уже въ четыре часа пополудни хотѣлъ онъ начать штурмъ укрѣпленій по всей линіи, дабы овладѣть городскимъ валомъ до наступленія ночи; но присланное отъ фельдмаршала повелѣніе остановило общее движеніе еще на три четверти часа. Наконецъ наступила ожидаемая минута, и колонна корпуса барона Крейца, гдѣ лично находился и графъ Толь, двинулась впередъ по направленію къ Чистенскимъ садамъ и Іерусалимской заставѣ, а вскорѣ за тѣмъ и колонна Палена, съ главною частію гренадерскаго корпуса, въ направленіи къ Вольской заставѣ и укрѣпленіямъ, передъ нею устроеннымъ.

Я не буду слѣдить за всѣми успѣхами этихъ храбрыхъ и отлично веденныхъ войскъ, передъ которыми сдавалось одно укрѣпленіе за другимъ. Не болѣе какъ въ полчаса взяты укрѣпленія №№ 21, 22 и 23, несмотря на стойкое сопротивленіе непріятеля.

Затѣмъ войска устремлены къ достиженію городскаго вала и

Digitized by Google

заставъ, гдѣ по причинѣ садовъ, оградъ и кладбищъ, ожидала ихъ самая упорная защита. Въ это время пріѣзжали отъ фельдмаршала и великаго князя нѣсколько посланныхъ къ графу Толю, дабы передать ему свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ съ Круковецкимъ и Прондзинскимъ; но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія и, продолжая дѣйствовать безостановочно, рѣшимостью своею, въ столь важную минуту, безспорно содѣйствовалъ къ безусловной сдачѣ Варшавы. Желающіе ближе ознакомиться со всѣми дѣйствіями войскъ въ этотъ день, могутъ обратиться къ сочиненію г. Шмидта, на нѣмецкомъ языкѣ, составленному самымъ добросовѣстнымъ образомъ и основанному на достовѣрныхъ источникахъ.

Я же, какъ очевидецъ, передамъ въ заключеніе только то, что было подъ глазами моими въ послѣдніе часы штурма, и гдѣ по роду службы моей, я принималъ даже личное участіе.

Около семи часовъ вечера, всѣ передовые люнеты и редуты были уже въ нашихъ рукахъ; но валъ, со всѣми прикрывающими его наружными укрѣпленіями, и двѣ каменныя заставы, Вольская и Іерусалимская, были еще упорно защищаемы Поляками.

Графъ Толь, бдительно слѣдя за ходомъ штурма, остановился на взятомъ лишь передъ тѣмъ укрѣпленіи № 22. Ряды тѣлъ лежали передъ рвомъ укрѣпленія. Адъютантъ за адъютантомъ привозили и отвозили приказанія во всѣ стороны.

На лѣво отъ этого мѣста пылали загорѣвшіяся мельницы, горѣли и другія строенія и съ наступавшею болѣе и болѣе темнотою ночи, освѣщали грозную картину послѣднихъ часовъ штурма Варшавы. Громъ орудій, ружейная стрѣльба, шумъ барабановъ и крики войскъ, все слилось въ общій гулъ и переносило мысли и чувства въ какой-то новый міръ, страшный, но торжественный.

Въ эту минуту подскакавшій ко рву укрѣпленія адъютантъ отъ князя Горчакова, которому графъ Толь ввѣрилъ общее начальство надъ войсками, отдѣленными для овладѣнія Іерусалимскою заставой, громко доносилъ графу Толю, стоявшему на брустверѣ укрѣпленія, что Поляки крѣпко держатся за этою заставой, что два приступа уже отбиты и необходимо подкрѣпленіе. Едва успѣлъ этотъ присланный повернуть лошадь, какъ новый посланный отъ князя Горчакова, бывшій адъютантъ графа Дибича Мухановъ, привезъ извѣстіе, что самъ князь Горчаковъ раненъ, и что необходимо подкрѣпить войска, которыя дерутся у Іерусалимской заставы.

Графъ Толь повернулся къ окружающимъ и, подозвавъ меня, сказалъ: *«Скачите къ гвардейской егерской бригадѣ генерала Полешко и ведите ее; не возвращайтесь ко мнѣ прежде чѣмъ будетъ окончательно взята застава, и вы введете артиллерію въ городскую улицу. Далѣе же—ни шагу.»*

Digitized by Google

Въ минуту былъ я вновь на конѣ. Начинало уже смеркаться. Я скакалъ мимо Чистенскихъ садовъ, гдѣ передъ тѣмъ происходила жаркая перестрѣлка съ храбрыми войсками 2-го корпуса. Среди свѣжихъ слѣдовъ рукопашнаго боя и груды тѣлъ, и при наступившей уже темнотѣ ночи, достигъ я поля между краковскимъ шоссе и Чистенскими садами, гдѣ вскорѣ увидѣлъ движущуюся темную толпу и на вопросъ: «какія войска?» мнѣ отвѣчали солдаты: «Финляндскій полкъ.» Отыскавъ генерала Полешко и передавъ ему приказаніе графа Толя, я повелъ полкъ прямо къ Іерусалимской заставѣ. Храбрый генералъ Полешко ожидалъ только указанія, куда направить батальйоны.

Передъ нами кипѣла сильная ружейная пальба, и чтобы ближе осмотрѣться, я попросилъ генерала Полешко остановить Финляндскій полкъ, а самъ поскакалъ впередъ. Приблизясь къ заставѣ, я нашелъ, что отдѣльное передъ нею укрѣпленіе было уже оставлено Поляками; но немного далѣе съ городскаго вала непріятель производилъ еще сильный огонь. Егеря наши овладѣли нѣкоторою частью вала съ правой стороны, и съ ними перестрѣливался непріятель; какихъ полковъ и какія это были войска, ночью различить было невозможно.

Проѣхавъ отъ укрѣпленія влѣво, я увидѣлъ, что входъ въ заставу прикрытъ высокими палисадами, и изъ прорѣзанныхъ бойницъ сверкали выстрѣлы. Медлить было нечего.

Тотчасъ же направлены были оба батальйона Финляндскаго полка влѣво отъ укрѣпленія; съ крикомъ *ура*, бросились они на валъ и, овладѣвъ имъ, ударили во флангъ защищавшимъ самую заставу. Въ то же время, одинъ батальйонъ 3-го карабинернаго полка, подоспѣвшій на помощь и оставленный сначала за укрѣпленіемъ, былъ двинутъ генераломъ Полешко прямо на заставу и довершилъ пораженіе непріятелей, коихъ захвачено было въ плѣнъ до 100 человѣкъ. Палисады были поспѣшно вырваны; съ открытіемъ входа я тотчасъ же ввелъ два орудія, приведенныя генераломъ Фрейгангомъ, и поставилъ ихъ на шоссе, между тѣмъ какъ финляндскіе и карабинерные стрѣлки заняли близь лежащіе дома, уже въ самомъ городѣ.

Что происходило въ то время при штурмѣ другихъ пунктовъ городскаго вала, я, за темнотою, не могъ видѣть, и передаю только дѣйствія Финляндскаго полка и 3-го карабинернаго батальйона, съ которыми мнѣ довелось раздѣлять честь этого боеваго дня.

Исполнивъ такимъ образомъ въ точности порученіе графа Толя, я возвратился къ нему уже въ одиннадцатомъ часу вечера. Перестрѣлка умолкла на протяженіи почти всей линіи, и только къ сторонѣ Вольскаго предмѣстія изрѣдка раздавались еще перекаты частой ружейной стрѣльбы, — гдѣ, какъ извѣстно, на

Digitized by Google

кладбищахъ такъ молодецки дѣйствовали отважные гренадеры князя Шаховскаго и Набокова.

Передавъ въ достаточной подробности видѣнное мною во время штурма подъ Варшавой, я не могу пройдти молчаніемъ обвиненій г. Ушакова на дѣйствія графа Толя въ первую часть польской кампаніи, съ января и до половины іюля 1831 года.

Чтобы судить объ этой части войны, нужно знать всѣ ближайшія обстоятельства. Къ сожалѣнію, бо́льшая часть критиковъ безпощадно порицаютъ графа Дибича и сподвижниковъ его, графа Толя и Нейдгарта. Но далъ ли кто себѣ трудъ вникнуть въ тѣ современныя событія, которыми сопровождалось возгорѣвшееся въ 1830 году въ Польшѣ возстаніе? Едва успѣли мы окончить трудный двухъ-лѣтній походъ въ Европейской Турціи, какъ внезапно вспыхнуло въ Польшѣ возстаніе, съ начала казавшееся ничтожнымъ, а въ послѣдствіи охватившее всю западную часть Россіи. Армія, возвратившаяся изъ Турціи, была однимъ почти остовомъ. Запасы продовольственные, медицинскіе и коммиссаріатскіе были истощены, и ничего не было подготовлено. Графу Дибичу дано было нѣсколько милліоновъ въ руки, съ приказаніемъ устроить все и подавить мятежъ, поддержанный 40 тысячами отлично-образованнаго боеваго войска и такимъ же числомъ, если не болѣе, собиравшагося народнаго ополченія.

Быстрота, съ которою новая армія была собрана и двинута къ границамъ Польши, дѣлаетъ честь распорядителямъ.

Дальнѣйшія дѣйствія были не менѣе успѣшны. Не болѣе какъ въ двѣ недѣли, графъ Дибичъ былъ уже подъ стѣнами Варшавы и, разгромивъ польскія войска подъ Ваверомъ и Гроховымъ, ожидалъ сдачи города. Здѣсь-то и порицаетъ его г. Ушаковъ, говоря что *не умѣли воспользоваться кровопролитными побѣдами, что при Гроховѣ должно было завладѣть Прагой и мостомъ для бомбардированія Варшавы.* Но съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Удержаться въ самой Прагѣ подъ выстрѣлами сильно-командующаго лѣваго берега Вислы, гдѣ Поляки имѣли уже заранѣе-устроенныя батареи, было рѣшительно невозможно. Послѣ побѣды на Гроховскомъ полѣ, мы могли только на плечахъ непріятеля ворваться черезъ Прагу и мостъ въ Варшаву, и тогда, въ случаѣ успѣха, городъ конечно взлетѣлъ бы на воздухъ. Такъ понималъ и графъ Толь, который, послѣ блистательной кавалерійской атаки кирасирскаго принца Альберта полка, опрокинувшей всю польскую линію, настойчиво предлагалъ преслѣдовать непріятеля въ Прагѣ и штурмовать предмостное укрѣпленіе, въ тотъ же вечеръ. Всѣ видѣли, какъ онъ подвигалъ уже впередъ артиллерію и установлялъ батареи. Гренадерскому

Digitized by Google

корпусу, прибывшему къ концу сраженія, велѣно было снять ранцы и готовиться къ приступу. Но графъ Дибичъ полагалъ, что войска слишкомъ утомлены для новаго нападенія.

Восемь часовъ сряду продолжался неумолкаемый бой и не болѣе часа оставалось уже до наступленія ночи. На это возражалъ графъ Толь, что гренадеры, а также 1-я и 2-я пѣхотныя дивизіи не были въ жаркомъ дѣлѣ, и что должно всѣми мѣрами стараться воспользоваться нашимъ успѣхомъ и разстройствомъ польской арміи.

Къ сожалѣнію, графъ Дибичъ послѣдовалъ совѣту другихъ генераловъ. Войска получили приказаніе остановиться и провести ночь на отбитомъ у Поляковъ полѣ сраженія.

Стало-быть, если послѣдовала отмѣна въ распоряженіяхъ, то она сдѣлалась вопреки мнѣнію и желанію графа Толя, и упрекъ, дѣлаемый г. Ушаковымъ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ къ нему относиться.

Разкажу другой случай изъ той же войны, который даетъ понятіе о смѣлой рѣшимости графа Толя. Послѣ гроховскаго сраженія и безуспѣшныхъ переговоровъ съ Поляками, сдача Варшавы отклонилась. Для избѣжанія затрудненія въ продовольствіи, а также для нѣкотораго отдохновенія войскъ послѣ быстраго четырнадцати-дневнаго похода изъ Россіи, армія расположилась на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ мѣстечка Шеницы, оставивъ корпусъ барона Розена для наблюденія за польскою арміей передъ Варшавой. Здѣсь войска должны были освѣжиться и приготовиться къ новымъ дѣйствіямъ. Составлено было предположеніе двинуться къ верхней части Вислы, при впаденіи въ нее рѣчки Вепржъ и, по совершеніи въ этомъ мѣстѣ переправы, дѣйствовать уже лѣвымъ берегомъ противъ Варшавы.

Въ концѣ марта мѣсяца состояніе дорогъ позволило наконецъ начать предположенное движеніе (1). Войска, выступившія изъ тѣсныхъ кантониръ-квартиръ, сосредоточились у Тирчина. Мосты были готовы, и въ ночи съ 24 на 25 марта должна была начаться переправа черезъ Вислу, когда внезапно получена была отъ барона Розена вѣсть, что Скржинецкій выступилъ со всею польскою арміей изъ Варшавы, атаковалъ его въ превосходныхъ силахъ и вынудилъ его, съ значительною потерей, отступить, по брестскому шоссе, къ с. Седлецу.

Эта неожиданная вѣсть поразила всю главную квартиру. Фельдмаршалъ собралъ въ ту же ночь военный совѣтъ для обсужде-

(1) Дороги по Царству Польскому въ раннюю весну почти не проходимы, и извѣстны слова самого Наполеона о существованіи въ этомъ краѣ «пятой стихіи».

Digitized by Google

ія положенія арміи. Послѣ разсмотрѣнія различныхъ мнѣній, всѣ пришли къ одному убѣжденію, что не остается другаго средства, какъ сжечь мосты и отступить для соединенія съ разбитымъ корпусомъ барона Розена. Одинъ Толь не раздѣлялъ этого мнѣнія. Сначала предложилъ онъ, не уничтожая мостовъ, присоединить къ себѣ войска барона Крейца изъ Люблина и гвардейскій корпусъ, бывшій уже на пути въ Царство Польское, что составило бы 85-тысячную армію, при 360 орудіяхъ, съ которою можно было бы съ увѣренностію перейдти черезъ Вислу и идти противъ Варшавы, между тѣмъ какъ корпусъ барона Розена былъ бы подкрѣпленъ войсками 2-го пѣхотнаго корпуса, шедшаго уже изъ Бреста къ Седлецу. Но эта превосходная мысль, вполнѣ одобренная графомъ Дибичемъ, встрѣтила препятствіе въ томъ, что для исполненія ея требовалось не менѣе двухъ недѣль, а истощенное положеніе края не представляло никакихъ способовъ къ продовольствію войскъ на той мѣстности, гдѣ они находились (1). Тогда графъ Толь, убѣжденный справедливыми доводами, рѣшился подать другое и самое смѣлое мнѣніе. «Если уже такъ», сказалъ онъ съ увлеченіемъ, «то я предлагаю, съ тѣми войсками, которыя у насъ подъ рукой (2), идти прямо противъ Скржинецкаго, къ брестскому шоссе, и атаковать его во флангъ и тылъ.» Когда же генералъ-интендантъ представилъ ему, что при войскахъ не болѣе какъ на четыре дня продовольствія, что конечно было недостаточно, чтобы предпринять движеніе до шоссе, Толь отвѣчалъ: «Продовольствія достаточно, чтобы дойдти до непріятеля. Побѣдивъ, мы овладѣемъ его запасами. Впрочемъ, русскій солдатъ не думаетъ о сухаряхъ, когда сражается.»

Нѣтъ почти сомнѣнія, что предложенное графомъ Толемъ рѣшительное движеніе могло бы увѣнчаться блистательнымъ успѣхомъ. Разстроенный корпусъ барона Розена, какъ доказали и самыя послѣдствія, былъ своевременно подкрѣпленъ подоспѣвшими изъ Бреста войсками 2-го пѣхотнаго корпуса, что и остановило жаркое преслѣдованіе Скржинецкаго. Появленіе же главныхъ силъ нашей арміи на флангѣ и сообщеніяхъ польской арміи съ Варшавой поставило бы ее въ самое затруднительное положеніе и могло даже дать войнѣ совершенно другой оборотъ.

Въ послѣдующихъ военныхъ распоряженіяхъ нельзя также обвинять графа Толя. Г. Ушаковъ говоритъ, что онъ двѣ недѣли

(1) Въ это время ожидаемые изъ Литвы транспорты съ провіантомъ были захвачены и уничтожены мятежниками.

(2) Число собранныхъ у переправы войскъ простиралось до 42 тысячъ человѣкъ. У Скржинецкаго, при нападеніи на Розена, было почти то же число.

Digitized by Google

начальствовалъ надъ арміей до пріѣзда новаго главнокомандующаго, и однакоже эти двѣ недѣли прошли *въ совершенномъ бездѣйствіи*.

Могъ ли графъ Толь предпринять что-либо рѣшительное, когда не только въ день смерти, но даже еще при жизни покойнаго графа Дибича было положительно извѣстно, что государь вызвалъ уже фельдмаршала Паскевича съ Кавказа, дабы поручить ему окончаніе войны въ Польшѣ? Г. Сушковъ, въ отвѣтѣ своемъ на статью г. Ушакова (въ № 6 *Русскаго Вѣстника*), весьма логично это доказываетъ. Всѣ безпристрастные очевидцы и знающіе тогдашнее положеніе арміи отдадутъ напротивъ того полную справедливость графу Толю, имѣя въ виду, какъ дѣятельно и успѣшно сдѣланы были имъ всѣ распоряженія для движенія къ переправѣ черезъ нижнюю Вислу. Продовольствіе, въ которомъ столько представлялось препятствій, заготовлено; суда для наведенія моста на Вислѣ закуплены въ Пруссіи; пунктъ для переправы избранъ, и даже дороги, къ нему ведущія, заблаговременно осмотрѣны. Кромѣ того всѣ парки и запасы, которые съ перемѣною нашей операціонной линіи были оставлены около брестскаго шоссе и на Бугѣ, заблаговременно присоединены къ арміи, и къ довершенію всего ожидалось, по распоряженію графа Толя, подкрѣпленіе изъ 14 тысячъ человѣкъ при 70 орудіяхъ, подъ начальствомъ генерала Муравьева, съ которыми число всѣхъ войскъ около Пултуска, къ пріѣзду фельдмаршала Паскевича, простиралось до 60 тысячъ человѣкъ. Иначе могъ ли бы графъ Паскевичъ такъ скоро по пріѣздѣ своемъ начать наступательныя движенія изъ Пултуска и совершить безпрепятственно переправу черезъ такую рѣку, какъ нижняя Висла, неподалеку отъ города Торна?

Не унижая нисколько военныхъ заслугъ и славы фельдмаршала Паскевича въ войнахъ прошедшаго царствованія, я, въ заключеніе послѣ всѣхъ представленныхъ доказательствъ, скажу однакоже съ откровенностію солдата, что въ Польшѣ слава и заслуга эти неразрывно соединены съ именемъ графа Толя. Можетъ-быть и не согласится со мною г. Ушаковъ; но по строгой справедливости оно такъ. Ученикъ еще при Суворовѣ и уже правая рука Кутузова въ 1812 году, Толь соединялъ въ себѣ всѣ качества истиннаго военнаго человѣка. Твердый и спокойный въ минуты опасности, рѣшительный въ бою и военныхъ совѣтахъ, онъ зналъ и понималъ войну въ полномъ значеніи слова. Одаренный отъ природы вѣрностію взгляда, онъ умѣлъ пользоваться мѣстностію и примѣнять ее къ войскамъ, какъ немногіе изъ современныхъ ему генераловъ. Въ особенности на полѣ сраженія рѣзко выказывались его достоинства. Здѣсь не было уже ни отмѣны приказаній, ни малѣйшаго колебанія. Личное его присутствіе

Digitized by Google

невольно одушевляло войска и вселяло общее довѣріе. Во время сраженія не должно было искать графа Толя тамъ, гдѣ дѣло шло успѣшно; напротивъ того, онъ являлся всегда на тѣхъ пунктахъ, гдѣ непріятель бралъ перевѣсъ, и тамъ присутствіемъ своимъ онъ возстановлялъ успѣхъ.

Нѣмецъ по имени, графъ Толь былъ однакожъ истиннымъ Русскимъ по душѣ и сердцу. Обладая знаніемъ иностранныхъ языковъ, онъ не допускалъ въ служебныхъ дѣлахъ другаго разговора и объясненія, какъ по-русски. Не разъ были мы свидѣтелями, какъ, во время войны, получая отъ авангардныхъ генераловъ спѣшныя донесенія и записки съ поля сраженія, онъ всегда сердился, если онѣ были писаны на иностранныхъ языкахъ.

Основательныя познанія, обширная военная опытность и отличительныя свойства характера дѣлали графа Толя однимъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ генераловъ нынѣшняго столѣтія, и хотя онъ не достигъ званія фельдмаршала, но имя его займетъ неоспоримо почетнѣйшее мѣсто на страницахъ русскихъ военныхъ лѣтописей.

Вообще же нельзя не пожелать, чтобы въ нашемъ русскомъ военномъ сословіи было болѣе готовности справедливо цѣнить полководцевъ по ихъ дѣйствительнымъ заслугамъ.

А Веригинъ.

С.-Петербургъ.
Іюня 3-го 1860 года.

НОВАЯ ПОЭМА ВИКТОРА ГЮГО.

La Légende des Siècles. Première série: Histoire, les Petites Epopées. 2 vol.; 1859; Paris, Michel Lévy frères.

Что бы ни говорили, какъ бы ни нападали на Виктора Гюго наши «строгіе цѣнители и судьи», писателю этому никакъ нельзя отказать въ замѣчательномъ лирическомъ талантѣ. Онъ любитъ парадоксъ, онъ пристрастенъ къ пышной фразѣ; для какого-нибудь оборота, который ему покажется почему-либо счастливымъ, Гюго готовъ пожертвовать и смысломъ, и истинною поэзіей; грамматическая правильность, логическая точность рѣчи ему ни почемъ, лишь бы звучна вышла риѳма и эффектна фигура. Все это правда. Но рядомъ съ этими недостатками, съ нестройностью и преувеличенною пышностью внѣшней формы, съ излишнею идеализаціей и увлеченіемъ, вредящими истинѣ и поэзіи, причемъ авторъ восторгается отъ мелочей и муху обращаетъ въ слона,

Digitized by Google

рядомъ съ этими недостатками стоятъ и неоспоримыя красоты: умѣнье набросать величественную и поразительную картину, представить какой-нибудь оригинальный, сильный и отлично выдержанный характеръ; умѣнье разшевелить въ читателѣ тѣ же ощущенія, какія волновали душу самого автора, магически приковать къ своему слову вниманіе читателя. Минутами Гюго становится истиннымъ поэтомъ, истиннымъ художникомъ; но и всегда, когда Гюго и не поэтъ (въ истинномъ смыслѣ слова), а только прекрасный стихотворецъ, произведенія его все-таки читаются съ наслажденіемъ. И это оттого, что у Виктора Гюго на первомъ планѣ стоитъ идея, всегда свѣтлая, благородная, смѣлая: ею проникнуто каждое произведеніе Виктора Гюго, а теплымъ чувствомъ общественной любви оно всегда согрѣто. Поэтъ, своимъ всегда звучнымъ и очень часто могучимъ словомъ, указываетъ читателямъ на все благое и прекрасное, возжигаетъ въ нихъ благородную жажду сочувствовать страданіямъ угнетенныхъ, жить не для себя одного, ратовать и на общую пользу, жить жизнью ума и сердца. Каждое новое произведеніе В. Гюго, лирическая ли пѣснь, драма или эпопея, служитъ непремѣнно отголоскомъ общественной мысли, сохраняя въ то же время характеръ, такъ сказать, общечеловѣческій, а не мѣстный только, не обличительный. Характеръ поэзіи В. Гюго чисто лирическій, и не ищите поэтому въ его поэмахъ и драмахъ существенныхъ свойствъ этихъ двухъ видовъ поэзіи, ни олимпически спокойнаго созерцанія и разказа, отличающаго эпопею, ни живой борьбы между свободными началами, между самобытными личностями, безъ примѣси личной мысли и личнаго чувства поэта: въ драмахъ и поэмахъ Гюго все-таки преобладаетъ лиризмъ и субъективность. Каждое произведеніе Гюго есть протестъ противъ всего мрачнаго, злаго, неправаго, самопроизвольнаго, грязнаго, пошлаго; этотъ протестъ, это живое слово — хотя бъ и не облекала его подъ часъ высоко-художественная форма — есть вмѣстѣ съ тѣмъ живое дѣло автора, какъ гражданина, какъ члена общества.

Въ настоящее время Гюго задумалъ громадное дѣло, великій трудъ: представить въ живыхъ образахъ все развитіе человѣчества, съ первой минуты созданія до современной намъ минуты и даже далѣе — въ безконечность, въ грядущее. Предпріятіе дѣйствительно громадное и новое въ нашъ вѣкъ, то-есть не совершенно новое, а возобновленное, подогрѣтое, если можно такъ выразиться. «Усовершенствованіе человѣческаго рода изъ вѣка въ вѣкъ, возшествіе человѣка отъ мрака къ свѣту, къ идеалу, стремленіе земнаго ада обратиться постепенно въ рай, медленное и величественное возникновеніе свободы, право на здѣшнюю жизнь, отвѣтственность въ будущей; религіозный гимнъ въ ты-

Digitized by Google

сячу строфъ, великая драма созданія, освѣщенная ликомъ Создателя»: вотъ, по словамъ самого автора, планъ и задача его произведенія. *Легендой Вѣковъ* не заключается еще весь трудъ, въ ней найдетъ мѣсто одно человѣчество, одно только прогрессивное начало видимой природы; за нею послѣдуютъ другія громадныя части—зло или относительное начало, безконечность или начало безусловное. Такимъ образомъ вся эпопея обниметъ собою троякое проявленіе *бытія* и распадется на три части, на три пѣсни: Легенда Вѣковъ, Смерть Діавола, Богъ. Такое желаніе обнять въ своемъ поэтическомъ созданіи всю жизнь природы и такое раздѣленіе его на три пѣсни, напоминаетъ собою другую подобную же эпопею великаго италіянскаго поэта — Божественную Комедію. Задуманное Викторомъ Гюго произведеніе имѣетъ съ нею много общаго, подобно тому, какъ много общаго имѣютъ между собою и личности обоихъ поэтовъ: та же страстная любовь къ отечеству, желаніе ему свободы и благосостоянія, то же изгнаніе, тотъ же благородно-энергическій протестъ. Обѣ поэмы носятъ на себѣ характеръ лирическій, почему поэма Данта и отнесена къ числу поэмъ лирическихъ, поэмъ, которыя перевелись теперь, пора которыхъ миновала и которыя уступили мѣсто иному эпическому воспроизведенію человѣческой жизни—исторической поэмѣ и роману. Безсмертный Алигіери, несмотря на всю глубину идей своихъ, на чудную художественность всего созданія и на разнообразіе выведенныхъ имъ личностей, нѣсколько односторонень: онъ не проводитъ передъ глазами читателя всей жизни человѣка и природы, ограничиваясь только проявленіями этой жизни. Викторъ же Гюго именно задумалъ полную и всестороннюю картину природы и человѣчества въ ихъ постепенномъ и окончательномъ развитіи: замыселъ смѣлый и даже, признаемся, дерзкій. На сколько Гюго выполнитъ его, на сколько дорастетъ онъ до Данта въ силѣ творчества (хотя онъ и превзошелъ уже его въ силѣ желанія) — это вопросъ, который никакъ не можетъ быть рѣшенъ теперь даже и приблизительно, хотя и можно предполагать, что онъ, во всякомъ случаѣ, едва ли можетъ быть рѣшенъ въ пользу французскаго поэта. Изданные теперь два великолѣпные тома *Легенды Вѣковъ* служатъ только слабымъ и блѣднымъ обращикомъ всего труда: по нимъ никакъ еще нельзя судить о томъ, что̀ будетъ, то-есть о цѣломъ ходѣ и постепенномъ развитіи произведенія. Въ первыхъ двухъ томахъ нѣтъ этого развитія, нѣтъ постепенности и внутренней логической связи между отдѣльными маленькими поэмами, хотя и есть внѣшняя между ними послѣдовательность. Эти поэмы не развиваются сами собою одна изъ другой, а расположены только въ хронологическомъ порядкѣ. Итакъ, о цѣломъ мы еще пока не мо-

Digitized by Google

жемъ имѣть понятія. Отдѣльныя же части и теперь обличаютъ въ авторѣ яркій талантъ изящнаго воспроизведенія мыслей, чувствъ, событій, энергическое стремленіе къ свѣту и добру, широкій полетъ мысли и глубину ощущеній. Авторъ беретъ какъ-то безпорядочно какое-нибудь событіе изъ того или другаго вѣка и тотчасъ освѣщаетъ его своею собственною мыслію, вездѣ добираясь до «медленнаго и величественнаго возникновенія свободы», и энергически преслѣдуя сатирой или просто гнѣвнымъ словомъ поэта все гнетущее человѣка и его жизнь. Свободу понимаетъ авторъ въ самомъ ея обширномъ и возвышенномъ смыслѣ: свобода мыслить, свобода дѣйствовать (1), свобода отъ всѣхъ стѣсненій нравственныхъ и матеріяльныхъ, свобода политическая, гражданская, семейная, свобода естественная, разумѣя подъ послѣднею побѣду человѣка надъ грубыми силами природы и совершенную его независимость отъ всѣхъ внѣшнихъ космическихъ вліяній, — вотъ идеалъ В. Гюго! Такая всесторонняя свобода не иначе можетъ быть достигнута, какъ путемъ просвѣщенія и науки — и вотъ гимнъ свободѣ сливается у автора съ гимномъ истинной и разумной цивилизаціи...

При созданіи своихъ «маленькихъ поэмъ», авторъ держался легендъ, преданій, отчасти исторіи, Ветхаго Завѣта и Евангелія. О содержаніи большей части своихъ поэмъ авторъ самъ выражается, что это исторія, подслушанная у дверей легенды—«c'est de l'histoire écoutée aux portes de la légende». Первое проявленіе свободы человѣчества видитъ авторъ въ созданіи первой женщины, и этому созданію посвящаетъ первую свою пѣснь: *le Sacre de la femme* (т. I, стр. 3). Далѣе, съ необыкновенною энергіей отыскиваетъ онъ въ исторіи человѣчества все доблестное, прекрасное, свободное и ставитъ его въ вѣчную и упорную борьбу со зломъ, съ мракомъ, съ гнетомъ деспотизма. Необыкновенно сильными и даже страшными образами очертилъ, напримѣръ, поэтъ упадокъ Рима и почти невѣроятный развратъ его, и въ концѣ произведенія (*Décadence de Rome*, стр. 51), однимъ только почти стихомъ упомянулъ о томъ львѣ, который не тронулъ Андрокла: отсюда раждается сильный и поразительный эффектъ свободы мысли, свободы убѣжденій, преслѣдуемой варварскими остатками прошедшаго. Борьба свѣта съ тьмою, общихъ правъ человѣчества съ дикою самопроизвольностью отдѣльныхъ личностей, стремленія къ свободѣ, какъ естественному праву всякаго человѣка, съ деспотизмомъ, опирающимся на силу, а не

(1) Дѣйствовать, безъ сомнѣнія, разумно и гуманно, потому что свобода неразумно и не гуманно дѣйствовать почти никогда и почти нигдѣ не стѣснялась.

Digitized by Google

на право, — эта борьба особенно рельефно выражена въ поэмѣ, взятой изъ средне-вѣковыхъ рыцарскихъ романовъ и носящей имя *Эвираднуса*, могучаго богатыря, преслѣдующаго вездѣ зло и преступленія, христіянскаго Геркулеса и Самсона (т. I, стр. 160). Германскій императоръ Сигизмундъ и польскій король Владиславъ задумали раздѣлить между собою смежный съ ихъ владѣніями маркизатъ Лужицкій. Рѣшивъ для этого убить молодую маркизу Маго, оба вѣнценосца, подъ вымышленными именами, пробрались къ ея двору и вкрались къ ней въ довѣренность. Въ ту минуту, однако, когда они готовы были привести въ исполненіе свой преступный замыселъ, чудеснымъ образомъ явился предъ ними Эвираднусъ, представитель свободы, который, прежде чѣмъ убить ихъ, топчетъ ихъ ногами и держитъ къ нимъ страшную обличительную рѣчь.

Несмотря на то, что рѣчь эта отнесена къ среднимъ вѣкамъ, читатель невольно чувствуетъ въ самомъ себѣ всѣ ощущенія Эвираднуса—такъ здѣсь много силы въ мысли и въ словѣ...

Въ классической поэмѣ *Сатиръ*, взятой изъ эпохи возрожденія (т. II, стр. 73), В. Гюго съ цѣлымъ Олимпомъ могучихъ, безсмертныхъ и самовластныхъ боговъ ставитъ лицомъ къ лицу Сатира, который сначала возбуждаетъ всеобщій смѣхъ и пренебреженіе своимъ безобразнымъ видомъ и безмѣрнымъ сластолюбіемъ, а потомъ становится прекраснѣ, великъ и ужасенъ, приводитъ въ трепетъ боговъ и самого Зевеса своею могучею пѣснью о будущемъ вселенной и человѣка, предрекая этому послѣднему, что онъ силой ума, свободы и науки, низвергнетъ всякую грубую силу, чтобы начать новую жизнь, независимую и свободную. Въ слѣдующей за тѣмъ пѣснѣ, въ *Розѣ Инфанты* (стр. 113), поэтъ поразительными чертами обрисовываетъ портретъ Филиппа II, этого деспота изъ деспотовъ, и въ концѣ тонкимъ намекомъ даетъ предчувствовать страшный ударъ властолюбію и гордости тирана — пораженіе Армады. Инквизиція, въ свою очередь, становится передъ судъ поэта и получаетъ достойную кару гнѣва, причемъ Гюго, словами кратера Момотомбо (въ Америкѣ), говоритъ, что богъ инквизиціи ничѣмъ не лучше языческихъ кровожадныхъ боговъ американскихъ туземцевъ (стр. 127)...

Оставивъ прошедшее, поэтъ обращается къ настоящему. Можно было бы подивиться, что настоящему, которое такъ близко душѣ поэта и которымъ онъ и болѣетъ, и наслаждается, что настоящему посвящаетъ авторъ только три небольшія произведенія (*Maintenant*, т. II, стр. 173). Но, собственно говоря, вся книга автора дышетъ этимъ духомъ настоящаго: и картины прошлаго, и гаданія о будущемъ возникаютъ изъ тѣхъ же самыхъ чувствъ, которыми движется и современность. Осуждая какое-

Digitized by Google

либо явленіе въ прошедшемъ, поэтъ какъ бы невольно приравниваетъ его къ одному изъ явленій современной жизни; восторгаясь чѣмъ-либо въ грядущемъ, онъ тѣмъ самымъ осуждаетъ настоящее. Живое чувство дѣйствительности проникаетъ собою всѣ поэмы автора, и о чемъ бы онъ ни говорилъ въ нихъ, какое бы ни было ихъ содержаніе, идея ихъ все-таки приводится къ современности: о ней думаетъ поэтъ, рисуя намъ рыцарскій образъ Эвираднуса; ея вопросами занятъ, когда, устами Сатира, предаетъ проклятію Олимпійцевъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя все-таки не сдѣлать замѣчанія, что поэтъ выбралъ неудачные сюжеты для характеристики настоящаго времени. Да и вообще сюжеты выбраны очень не удачно. Изъ всей исторіи человѣчества авторъ остановился на самыхъ незначительныхъ явленіяхъ. Онъ ихъ, правда, освѣщаетъ всякій разъ своею идеей; но это освѣщеніе кажется слишкомъ произвольнымъ и натянутымъ; лирическое настроеніе автора неумѣренно преобладаетъ надъ его объективнымъ творчествомъ. Поэтъ какъ бы спѣшитъ высказать свою мысль, свое чувство, и ужъ не заботится о томъ, чтобы мысль эта художественно сочеталась съ достойною ея внѣшнею формой, чтобы богатый сюжетъ соотвѣтствовалъ богатой идеѣ. В. Гюго слѣдитъ за постепеннымъ возникновеніемъ свободы въ человѣчествѣ: неужели онъ не нашелъ въ его исторіи болѣе яркихъ ея проявленій, чѣмъ эти сказочные Эвираднусы, романтическіе Роланды (въ *le Petit Roi de Calice*) и миѳологическіе Сатиры? Непріятно такъ же поражаетъ отрывочность всѣхъ этихъ поэмъ, отсутствіе всякой связи между ними: такое громадное и серіозное произведеніе, какъ то, которое задумалъ авторъ, требовало бы болѣе единства и стройности. Впрочемъ, теперь, повторяемъ, и нельзя еще дѣлать никакаго заключенія о цѣломъ трудѣ автора, такъ какъ намъ теперь предлагаются только одни обращики будущихъ поэмъ. Мы можемъ только замѣтить, что въ настоящемъ своемъ видѣ, въ первыхъ своихъ двухъ томахъ, *Легенда Вѣковъ* является произведеніемъ не стройнымъ и безпорядочнымъ. А въ цѣломъ она, можетъ-статься, будетъ и стройною, и порядочною, и строго послѣдовательною. Qui vivra, verra.

Какъ бы то ни было, *настоящее* (le Maintenant) вышло очень блѣдно у автора. Начать съ того, что первое произведеніе изъ этой рубрики нисколько не характеризуетъ настоящаго времени: переданная въ ней черта великодушія, какъ отдѣльный, исключительный случай, очень легко могла бы быть отнесена и къ прошедшему. Судите сами; піеса называется: «Après la bataille»; вотъ она вся цѣликомъ:

Mon père, ce héros au sourire si doux,
Suivi d'un seul housard qu'il aimait entre tous

Digitized by Google

Pour sa grande bravoure et pour sa haute taille,
Parcourait à cheval, le soir d'une bataille,
Le champ couvert de morts sur qui tombait la nuit.
Il lui sembla dans l'ombre entendre un faible bruit.
C'était un Espagnol de l'armée en déroute
Qui se trainait sanglant sur le bord de la route,
Râlant, brisé, livide, et mort plus qu'à moitié,
Et qui disait: «A boire! à boire par pitié!»
Mon père, ému, tendit à son housard fidèle
Une gourde de rhum qui pendait à sa selle,
Et dit: «Tiens, donne à boire à ce pauvre blessé.»
Tout à coup, au moment où le housard baissé
Se penchait vers lui, l'homme, une espèce de Maure,
Saisit un pistolet qu'il etreignait encore,
Et vise au front mon père en criant: «Caramba!»
Le coup passa si près, que le chapeau tomba
Et que le cheval fit un écart en arrière.
«Donne lui tout de même à boire!» dit mon père (1).

Изъ двухъ другихъ поэмъ «Настоящаго» первая (стр. 175) названа неблагозвучнымъ именемъ *Жабы* (le Crapaud). Въ ней передана незатѣйливая повѣсть о томъ, какъ дѣти терзали жабу (кто отрывалъ лапу, кто выкалывалъ глазъ) и забавлялись ея страданіями, а оселъ, едва переступавшій съ ноги на ногу подъ градомъ ударовъ погонщика, изнеможенный, разбитый, страдающій, оселъ... но будемъ продолжать словами автора:

L'âne vit le crapaud, et, triste,—hélas! penché
Sur un plus triste,—lourd, rompu, morne, écorché,
Il semble le flairer avec sa tête basse;
Ce forçat, ce damné, ce patient—fit grâce;
Il rassembla sa force éteinte, et, roidissant
Sa chaîne et son licou sur ses muscles en sang,
Resistant à l'ânier qui lui criait: Avance!
Maîtrisant du fardeau l'affreuse connivence,
Avec sa lassitude acceptant le combat,
Tirant le chariot et soulevant le bât,

(1) Отецъ мой, герой съ кроткою улыбкой, въ сопровожденіи одного только гусара, котораго онъ любилъ болѣе другихъ за храбрость и высокій ростъ, проѣзжалъ на лошади однажды вечеромъ, послѣ сраженія, по полю покрытому трупами. Въ сумракѣ ему показался слабый шумъ: Испанецъ пораженной арміи, хрипя тащился на окраину дороги, окровавленный, разбитый, умирающій и говорилъ: «Пить, сжальтесь, дайте пить!» Отца моего это тронуло, и онъ протянулъ гусару бутылку съ ромомъ, которая висѣла у него на сѣдлѣ и сказалъ: «Возьми и дай пить этому раненому!» Но въ ту самую минуту, какъ гусаръ наклонялся, чтобъ дать пить, раненый съ крикомъ: «Карамба!» прицѣливается пистолетомъ, который онъ сжималъ въ рукѣ, въ лобъ моему отцу. Выстрѣлъ прошелъ такъ близко, что шляпа упала и лошадь отскочила назадъ. «Дай ему все-таки напиться!» сказалъ мой отецъ.

Digitized by Google

Hagard, il détourna la roue inexorable,
Laissant derrière lui vivre ce misérable. (1)

Еслибъ не такая низкая, какъ бы басенная и даже нѣсколько смѣшная сфера (кого же заинтересуютъ жаба и оселъ?), еслибъ не риторика восклицаній, по которой презрѣнный оселъ (l'âne abject) становится у поэта святѣе Сократа и выше Платона (plus saint que Socrate et plus grand que Platon), тогда это произведеніе было бы очень трогательно:

Bonté de l'idiot! diamant du charbon!
Ah! les funèbres, groupe aveugle et châtié,
Songent, et n'ayant pas la joie, ont la pitié.
O spectacle sacré! l'ombre secourant l'ombre,
L'âme obscure venant en aide à l'âme sombre,
Le stupide, attendri, sur l'affreux se penchant;
Le damné bon faisant rêver l'élu méchant!..
. . . . . O sage,
La bonté qui du monde éclaire le visage,
La bonté, ce regard du matin ingénu,
La bonté, pur rayon qui chauffe l'inconnu,
Instinct qui dans la nuit et dans la souffrance aime,
Est le trait d'union ineffable et suprême
Qui joint, dans l'ombre, hélas! si lugubre souvent,
Le grand ignorant, l'âne, à Dieu, le grand savant. (2)

Идея эта, о сочувствіи и невольной духовной связи между «труждающимися и угнетенными», еще яснѣе выражена и поэтичнѣе развита въ другой поэмѣ, *les Pauvres Gens* (стр. 183). Ночь; бѣдная хижина рыбака. Мужъ въ морѣ на своей ежедневной опасной ловлѣ, отъ которой зависитъ существованіе всего семейства, но которая грозитъ ему ежеминутно смертью. Жена,

(1) Оселъ увидѣлъ жабу, жалкій нагнулся къ болѣе жалкому, избитому, изтерзанному; каторжникъ, осужденный на вѣчное страданіе — помиловалъ; онъ собралъ свои угасающія силы и, крѣпко натягивая цѣпь и узду на свои окровавленные мускулы, не повинуясь болѣе хозяину, который ему кричалъ: «Впередъ!», дернулъ телѣгу, преодолѣвъ свою усталость и, осиливъ свое страшное бремя, онъ отвратилъ неумолимое колесо, оставляя за собою въ живыхъ этого несчастнаго.

(2) Милосердіе глупца! алмазъ, кроющійся въ углѣ! А! мрачная толпа слѣпыхъ и гонимыхъ задумывается и, не имѣя радостей, имѣетъ состраданіе! О, зрѣлище священное! тѣнь помогаетъ другой тѣни; темное существо отзывается на страданія другого, такого жь темнаго существа; глупецъ (оселъ), тронутый, склоняется надъ отвратительнымъ (надъ жабою); добрый изгнанникъ заставляетъ задуматься злаго избранника!... О, мудрецъ! доброта, освѣщающая ликъ вселенной, доброта, благодушный взглядъ разсвѣта, доброта, чистый лучъ, согрѣвающій собою невѣдомое, доброта, инстинктъ любви во мракѣ и страданіяхъ, доброта служитъ возвышеннымъ и неизреченнымъ союзомъ, связующимъ (въ тѣни, такъ еще, увы, плачевной) великаго невѣжду, осла, съ великимъ всевѣдцемъ, Богомъ.

Digitized by Google

зачинивъ старые паруса и уложивъ спать пятерыхъ дѣтей своихъ, молитъ Бога о спасеніи мужа. Онъ, среди безбрежнаго, мрачнаго и холоднаго моря, думаетъ о своей подругѣ; она съ плачемъ призываетъ его имя, «et leurs pensées se croisent dans la nuit, divins oiseaux du cœur». Наступаетъ часъ его возвращенія; жена беретъ фонарь и выходитъ. На морѣ нѣтъ еще и признака рыбачьей лодки—мужъ еще далеко. Но вотъ хижина; дверь слабо колышется отъ вѣтра; мракъ и тишина. Здѣсь живетъ больная сосѣдка, вдова, мать двухъ маленькихъ дѣтей. Жаннета стучится — нѣтъ отвѣта. Она входитъ и содрогается отъ ужаса: сосѣдка обратилась уже въ бездушный трупъ, болѣзнь ее сломила. Ничего не подозрѣвая и не понимая даже, дѣти спятъ въ колыбели, у смертнаго одра, покрытыя одеждами матери, которая, предъ смертью (чувствуя уже ея приближеніе), снала ихъ съ себя, чтобы согрѣть дѣтей. Хижина не топлена, пищи нигдѣ ни слѣда, и дѣти должны скоро послѣдовать за матерью. Жаннета, повинуясь чувству состраданія и забывъ собственную бѣдность, переноситъ малютокъ въ свою хижину. Но тутъ овладѣваетъ ею боязнь и борьба: что-то скажетъ мужъ? его силъ едва хватаетъ на прокормленіе и собственнаго семейства, а тутъ еще чужіе!.. Вотъ, наконецъ, и мужъ, холодный, мокрый, усталый:

Quel temps a-t-il fait?—Dur.—Et la pêche?—Mauvaise.
Mais, vois-tu, je t'embrasse, et me voilà bien aise.
Je n'ai rien pris du tout.....
Qu'a tu fait, toi, pendant ce temps-là? (1)

Этотъ вопросъ смущаетъ Жаннету, и она, дрожащимъ голосомъ, какъ будто мимоходомъ, передаетъ мужу, что вотъ сосѣдка умерла и двухъ сиротъ оставила, Вильгельма и Магдалину—l'un qui ne marche pas, l'autre qui parle à peine. Мужа беретъ раздумье: какъ быть? сиротокъ жаль, но и своихъ дѣтей много. Сострадание и доброта берутъ верхъ надъ всѣми другими чувствами, и онъ рѣшается принять дѣтей, смѣшать ихъ съ своими, спасти ихъ (онъ еще не зналъ, что они ужь тутъ): когда Богъ увидитъ необходимость вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми прокормить еще этихъ двухъ, онъ станетъ больше посылать имъ рыбы.

C'est dit. Va les chercher. Mais qu'as tu? Ça te fache?
D'ordinaire, tu cours plus vite que cela.
— Tiens, dit-elle en ouvrant les rideaux, les voilà! (2)

---

(1) Что, какая погода?—Суровая.—А ловля? — Дурная. Видишь, я ничего не поймалъ, но, обнимая тебя, я счастливъ. Ну, а ты что подѣлывала въ это время?

(2) Довольно. Поди, принеси ихъ сюда. Но что съ тобой? ты не довольна?

Digitized by Google

Кромѣ послѣдней, приведенной нами, очень эффектной сцены между мужемъ и женой, въ произведеніи есть нѣсколько другихъ мѣстъ, прелестныхъ по своей поэтической граціи. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ: жена тревожится о мужѣ; море такъ бурно, ночь такъ темна, а онъ одинъ!

Pas d'aide. Ses enfans sont trop petits. O mère!
Tu dis: «S'ils étaient grands! Leur père est seul.» Chimère!
Plus tard, quand'ils seront près du père, et partis,
Tu diras en pleurant: «Oh! s'ils étaient petits! (1)

Вообще автору иногда очень удаются такіе *traits*. Въ *Сатирѣ*, напримѣръ, появленіе Фавна привѣтствуется на Олимпѣ гомерическимъ хохотомъ всѣхъ безсмертныхъ, всѣхъ властелиновъ неба и земли:

L'éclat de rire fou monta jusqu'aux étoiles,
Si joyeux, qu'un géant enchaîné sous le mont
Leva la tête et dit: «Quel crime font-il donc? (2)

Но хохотъ еще усилился, когда безобразный Сатиръ, подойдя къ Венерѣ, шепнулъ ей съ сладострастною усмѣшкой: «Viens-nous-en!» Венера съ отвращеніемъ оттолкнула его; но потомъ, когда Фавнъ, потрясши весь Олимпъ чудными аккордами своей пѣсни, охватывавшей всю видимую природу, выросъ, выпрямился и взялъ у Феба его лиру, тогда —

«Il est beau!» murmura Vénus *épouvantée*. (3)

Не довольствуясь настоящимъ, В. Гюго, какъ мы и сказали, глядитъ въ даль, въ грядущее — и проводитъ величественную, хотя парадоксальную параллель между отжившимъ и рождающимся. Въ одномъ произведеніи — *Pleine Mer* (стр. 207), мы видимъ мракъ, ужасъ, безбрежный, волнующійся океанъ и чудовищные обломки послѣдняго гигантскаго созданія человѣка, когда онъ еще не освободился отъ вліяній стихій природы и всего гнетущаго и подавляющаго жизнь, — обломки парохода *Great-Eastern*. Въ другой поэмѣ—*Plein Ciel* (стр. 219), повсюду свѣтъ,

---

обыкновенно ты ходишь скорѣе. — Вотъ они! сказала она, откидывая занавѣски.

(1) Одинъ, безъ помощи. Дѣти его слишкомъ малы. О мать! ты говоришь: «Зачѣмъ они еще не велики? ихъ отецъ одинъ!» Химера! Позднѣе, когда они отправятся съ отцемъ, ты скажешь съ плачемъ: «Ахъ, зачѣмъ они не малы!»

(2) Порывъ бѣшенаго смѣха поднялся до звѣздъ такъ шумно, что великанъ, прикованный подъ горой, поднявъ голову, сказалъ: «Что за преступленіе они тамъ совершаютъ!»

(3) «Онъ прекрасенъ!» прошептала, испугавшись, Венера.

Digitized by Google

свобода, независимость; для человѣка нѣтъ пространства, нѣтъ матеріи, нѣтъ никакихъ узъ; воля его всемогуща и постоянно направлена къ свѣту и добру; онъ такъ же свѣтелъ, свободенъ и смѣлъ, какъ гигантскій аэростатъ, носящійся въ безпредѣльныхъ пространствахъ и служащій автору символомъ возрожденія человѣчества.

Гюго не останавливается даже и на этомъ 20-мъ столѣтіи: онъ идетъ еще далѣе, онъ воспаряетъ мыслью къ безконечно отдаленному времени, внѣ вѣковъ — *Hors les Temps* (стр. 249), и захватываетъ минуту трубнаго звука, минуту страшнаго суда...

Еще разъ: по изданнымъ нынѣ двумъ томамъ нельзя еще никакъ судить о цѣломъ произведеніи и его общемъ характерѣ. Но свое собственное значеніе имѣютъ и эти томы: ихъ проникаетъ идея свѣта, добра, свободы, разума, знанія и благородной борьбы со всѣмъ гнетущимъ и подавляющимъ естественное развитіе человѣчества. Новую мысль автора, его титаническое желаніе подарить насъ поэтическою картиной вселенной и ея жизни, космосомъ въ поэзіи, мы попытаемся серіознѣе прослѣдить тогда, когда она серіознѣе выскажется.

Н. Н.

ГИБЕЛЬ ПАРОХОДА *МАЛАБАРЪ*.

Извлекаемъ изъ письма *спеціальнаго* корреспондента газеты *Times*, отъ 26 мая изъ *Point-de-Galle* (1) слѣдующія подробности о крушеніи корабля *Малабаръ*, на которомъ англійскій и французскій послы, лордъ Эльджинъ и баронъ Гро, должны были отправиться въ Китай:

«Къ острову Цейлону прибыли послы (а съ ними и корреспондентъ) на *Симлъ*, и 22 мая въ два часа пополудни долженъ былъ сняться съ якоря *Малабаръ*. Нѣсколько недѣль передъ тѣмъ стояли въ Цейлонѣ безпримѣрные жары. Изобильныя травы и роскошныя растенія были всѣ выжжены. Въ воздухѣ было душно и парило. Все предвѣщало близость юго-западнаго муссона. Роковой вторникъ (22) начался темнымъ, пасмурнымъ, грознымъ утромъ. Тяжелыя массы облаковъ неслись съ юго-запада, и вскорѣ послѣ разсвѣта порывы вѣтра стали необыкновенно сильны и дождь полилъ какъ изъ ведра. Кто не былъ свидѣтелемъ перваго

(1) Городъ на южной оконечности остр. Цейлона, на Ю. В. отъ Коломбо

Digitized by Google

удара муссона, тотъ не можетъ себѣ составить ни малѣйшаго понятія объ его ужасной силѣ. Вѣтеръ несся отдѣльными порывами, цѣлыми *букетами* шквала. На минуту наступала тишина. За каждымъ такимъ интерваломъ шквалъ удвоивалъ свою силу, а дождь падалъ такими массами, что казалось небеса разверзлись въ одинъ общій, громадный шлюзъ. Гремѣлъ оглушительный громъ и сверкала ослѣпительная молнія.

Незадолго до полудня салютъ съ береговыхъ батарей возвѣстилъ отплытіе сэра Гега (Hugh) Роза, который прибылъ изъ Бомбея на *Малабарѣ* и отправлялся на *Симлѣ* въ Калькутту смѣнить лорда Клайда (Clyde) въ должности главнокомандующаго. На *Симлѣ* раздалась труба, и мы привѣтствовали троекратными восклицаніями благородное судно, сдѣлавшее съ нами столько тысячъ миль и такъ храбро выступавшее теперь изъ бухты въ самую сильную бурю. Выгадывая время, послы покинули Галльскій молъ въ началѣ перваго, и тридцать восемь пушечныхъ выстрѣловъ салютовали уполномоченнымъ Англіи и Франціи. Ясно было, однако, что раньше трехъ, четырехъ часовъ мы не будемъ въ состояніи выйдти въ море.

Галльская бухта имѣетъ три мили въ устьи. Восточная часть берега защищаетъ корабли отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ и оставляетъ ихъ безъ защиты противъ юго-западныхъ. Со всѣхъ сторонъ поднимаются каменныя глыбы, о которыя высоко надъ моремъ разбиваются буруны, да еще множество подводныхъ камней. Въ юго-западномъ углу якорной стоянки держался *Малабаръ*, желѣзный пароходъ въ 1080 тоннъ, спущенный только два года тому назадъ. Онъ раздѣленъ былъ на пять отдѣленій, по два сзади и спереди средняго, машиннаго отдѣленія. Онъ держался носомъ къ югу, на прекрасномъ носовикѣ въ 30 центнеровъ и на обыкновенномъ швартовомъ якорѣ съ 10 дюймовымъ кабельтовомъ. Корабль погружался въ воду на 15 ф. 6 д. кормовою частью и на 13 ф. 6 д. носовою.

Около половины втораго капитанъ *Малабара*, Гренджеръ (Grainger) пошелъ въ свою каюту переодѣться. Едва онъ скрылся, какъ внезапно поднялся ужасный шквалъ съ сѣверо-востока. Онъ пронесся надъ бухтой и страшно накренилъ пароходъ на лѣвый бокъ. Швартовый кабельтовъ лопнулъ, и *Малабаръ*, повернувшись на носовикѣ, совершенно перемѣнилъ свое направленіе носомъ къ вѣтру. Новый порывъ далъ кораблю сильный продольный толчекъ, отъ форштевена къ кормѣ; слѣдующій разбилъ стекла въ каютныхъ люкахъ. Еще ударъ, еще и еще! Мы пошли на рифъ, и подводные камни ударялись въ наши вантъ-путени. Капитанъ на палубѣ, машинистъ у своего мѣста; но пары не разведены, и корабль трещитъ и крехтитъ при каждомъ

Digitized by Google

новомъ порывѣ. Бросаютъ лотъ: $3\frac{1}{2}$ ф. воды въ заднемъ отдѣленіи, а пятью минутами позже 5 ф. Наше положеніе становится въ высшей степени критическимъ: ни одного судна по близости, ни одна изъ шлюпокъ не готова къ спуску. Впереди ревущая бухта, позади фортъ и море, которое, разбиваясь объ утесы, выдавшіеся въ воду, обдаетъ грозными брызгами парапеты. Вѣтеръ все дуетъ съ сѣвера; если онъ еще только пять минутъ не перемѣнитъ направленія, мы погибли. Намъ грозитъ двойная бѣда: или задохнуться отъ осѣданія паровиковъ, или погрузиться въ буруны и къ акуламъ. Но якорь держитъ крѣпко. Шквалъ вдругъ утихаетъ, и вѣтеръ измѣняется на южный. Корабль поворачивается. Но тутъ раждается новая опасность. Заднія отдѣленія быстро наполняются водой, и корабль видимо погружается кормою. Въ трюмѣ 7 ф. Не только нельзя развести пары, но черезъ нѣсколько минутъ мы должны совсѣмъ опуститься въ море, кормой впередъ. Паническій страхъ овладѣваетъ нѣкоторыми изъ пассажировъ...

Покойно сидя на ютѣ, лордъ Эльджинъ разговариваетъ съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ. Незадолго до нашего прибытія сюда, онъ замѣтилъ мнѣ, что Галль для него неблагополученъ, что здѣсь услышалъ онъ первую вѣсть объ индійскомъ возстаніи 1857. «Absit omen!» былъ мой отвѣтъ. Но теперь, при страшномъ трескѣ корабля, среди воющаго вѣтра и шипящаго моря, онъ напомнилъ мнѣ свои слова. Баронъ Гро не уступаетъ своему собрату въ неустрашимости: онъ такъ же спокоенъ, какъ еслибы гулялъ по бульвару. Ихъ примѣръ дѣйствуетъ и на другихъ. Страхъ пропадаетъ, и недавніе трусы стыдятся при видѣ неустрашимости высшихъ лицъ. Проходитъ двадцать пять минутъ. Пары разводятся. Машинистъ безпрестанно поливаетъ угли масломъ, чтобъ усилить жаръ огня. Разносится слухъ, что капитанъ хочетъ выйдти въ море. И точно, такова была его первая мысль. При кораблѣ имѣются превосходныя помпы, которыя, однако, могутъ дѣйствовать только тогда, когда дѣйствуетъ машина. Въ бухтѣ нѣтъ ни одного заливчика, куда бы можно было пойдти переднимъ ходомъ, и капитанъ надѣется, повернувъ корабль на ходу и дѣйствуя помпами, спасти его. Надежда эта разсѣевается въ виду ужасной быстроты, съ какою прибываетъ вода. Главный машинистъ бросается къ капитану:

— Ради Бога, не выходите въ море! Мы тонемъ. Держите къ берегу.

Но слухи о выходѣ въ море не прекращаются, и нѣкоторые изъ пассажировъ надоѣдаютъ лорду Эльджину пустыми просьбами:

— Не прикажетъ ли лордъ спустить шлюпки?

— Неужели вы позволите выйдти въ море?

Digitized by Google

— Уговорите капитана.

Лордъ Эльджинъ не хочетъ вступать въ переговоры съ капитаномъ во время отправленія имъ своихъ обязанностей и посылаетъ только къ нему полковника Крилока, съ слѣдующими словами:

— Лордъ Эльджинъ, свидѣтельствуя вамъ свое почтеніе, желаетъ знать, не идемъ ли мы въ море.

— Въ море? Мы идемъ ко дну!

И точно, мы тонули. Ни одного судна все еще не было видно у берега. Квартирмейстеры не покидали руля ни на минуту, даже во время самой страшной суматицы.

— Къ якорю!

— Живо, ребята, живо!

Команда работаетъ, и при первомъ движеніи машины винтъ подвигаетъ корабль впередъ. Работаютъ въ подводной части судна; но вода прибываетъ съ необыкновенною быстротой. Она поднимается къ кормовымъ портамъ. Общая зала и каюта залиты водою. Корабль быстро погружается. Можно ли будетъ провести его, поперекъ бухты, до песчанаго взморья?..

Мистеръ Локъ, домашній секретарь лорда Эльджина, служилъ прежде во флотѣ. Онъ проситъ у капитана позволенія приготовить къ спуску кормовыя шлюпки. Если мы потонемъ при переходѣ черезъ бухту, то можно будетъ, по крайней мѣрѣ, спасти женщинъ. Позволеніе дано, и мистеръ Локъ съ полковникомъ Крилокомъ и съ немногими другими быстро приготовляютъ шлюпки къ спуску. Мы трогаемся. Корма все больше затопаетъ.

— Взгляните на мачту, спокойно замѣчаетъ мнѣ одинъ старый морякъ:—мы, кажется, не перейдемъ бухты, и если потонемъ, то среди глубокой воды.

Мы достигаемъ однако песчанаго взморья. Забрасываютъ якорь. Корабль снова поворачивается. Машинѣ даютъ задній ходъ, но корабль не трогается съ мѣста: порвавшійся кабельтовъ обвился вокругъ винта. Обвейся онъ въ другую сторону, мы и прежде не могли бы тронуться съ мѣста (переднимъ ходомъ). Мы отдаемъ канатъ, и корабль въѣзжаетъ въ песчаную отмель, кормою впередъ. Давно пора. Еще немного, и вода залила бы машинное отдѣленіе. Шлюпки спущены. Волненіе такъ сильно, что онѣ едва могутъ держаться на водѣ. Двадцать кораблей въ бухтѣ, но только два корабля выслали намъ шлюпки. Одна (англійская) завязла въ бурунѣ; другая (французская) попала подъ трапъ и стала наполняться водой, но команда не дремлетъ и живо выкачиваетъ изъ нея воду.

Во все это время дамы держали себя прекрасно. Не было слышно ни одного крика, и если прорывались тихія слезы, то

Digitized by Google

все-таки не было ни большаго смущенія, ни большаго страха. Посадить ихъ на суда было дѣломъ не легкимъ; но, къ счастію, все кончилось благополучно: одна шлюпка принимала со штирборда, другая съ порта кормовой части. Мы свели ихъ, усадили, и опять на корабль. Но тутъ двое мущинъ со шкафута на штирбордѣ старались тоже попасть на шлюпки, и безъ того переполненныя. Вахтенный офицеръ тащилъ ихъ назадъ, но они не уступали, и, проскользнувъ мимо него, кинулись—одинъ на корму, съ которой успѣлъ достигнуть шлюпки, а другой—на носъ, но промахнулся и упалъ въ воду. Матросы были сострадательны и вытащили его вонъ, промокшимъ до костей и полумертвымъ отъ страха. Одинъ изъ этихъ трусовъ былъ американскій шкиперъ, другой—голландскій инженеръ. Появились наконецъ шлюпки съ берега, и между ними губернаторская баржа. Но лордъ Эльджинъ не хочетъ сойдти съ корабля, прежде чѣмъ спасутся всѣ пассажиры. Онъ слѣдитъ ихъ одного за другимъ, какъ они выходятъ на берегъ, и наконецъ садится въ баржу съ барономъ Гро, съ находящимися при обоихъ посольствахъ и съ авторомъ этого письма. Мы гребемъ къ молу, и посланники сходятъ на берегъ, безъ церемоніала, но за то являя собою рѣдкій примѣръ стойкости и мужества, посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Мы осмотрѣлись и старались привести въ ясность наши потери. Оба посланника потеряли свои кредитивныя грамоты, свои инструкціи и другія важныя бумаги. Лордъ Эльджинъ не доискивался, кромѣ того, своихъ орденовъ Волчца (1) и Бани. У барона Гро не достаетъ значительной суммы, взятой имъ съ собою въ звонкой монетѣ на издержки посольства, а также и всей его богатой серебряной посуды. Двѣ четы новобрачныхъ потеряли приданое, подарки и разные сувениры, которыми были надѣлены дамы передъ ихъ отправленіемъ въ это далекое путешествіе. Что касается лично до меня, то я былъ въ чужихъ панталонахъ и рубашкѣ, потому что успѣлъ передъ тѣмъ промокнуть до костей. Всѣ мои книги, бумаги, письма, карты, платье, бѣлье, постель—все пошло ко дну.

На Малабарѣ было 1080 ларцовъ со слитками, суммой на 300 тысячъ ф. ст.; 725 ящиковъ съ опіумомъ, на 100 тысячъ ф. ст.; изъ нихъ 216 было вытащено (изъ передней части корабля). Самъ корабль стоитъ не менѣе 60 тысятъ ф. ст. Съ пассажирскимъ багажемъ все вмѣстѣ составитъ полмилліона фунтовъ стерлинговъ. Слитки вѣроятно будутъ спасены, но извлеченіе ихъ изъ воды будетъ стоить не дешево.»

(1) Шотландскій орденъ.

Digitized by Google

Во второмъ письмѣ своемъ изъ Point de Galles, отъ 5-го іюня, корреспондентъ говоритъ о послѣдствіяхъ крушенія *Малабара* и очень строго осуждаетъ за многія упущенія компанію, которой принадлежалъ пароходъ (1). На митингѣ изъ всѣхъ пассажировъ единодушно положено было энергически протестовать противъ компаніи и ея агентовъ, такъ какъ несмотря на близость Мадраса, Бомбея, Калькутты, несмотря на то, что эти мѣста соединены между собою телеграфическимъ сообщеніемъ, компанія не могла представить ни одного корабля въ замѣну *Малабара* и продержала посланниковъ и пассажировъ съ 22 мая по 5 іюня. Лордъ Эльджинъ, баронъ Гро и графъ де-Батаръ подаютъ сверхъ того особый протестъ, и пассажиры, вѣроятно, будутъ вознаграждены за свои вынужденныя траты.

Тотчасъ по крушеніи парохода, водолазы предложили свои услуги. Но ими спасено было немногое, 100 ларцовъ со слитками да еще очень небольшая часть багажа, а именно: шкатулки съ автографнымъ письмомъ королевы Викторіи къ императору китайскому, съ кредитивными грамотами и инструкціями лорда Эльджина и съ его орденами. Письмо прочесть можно, но оно очень выцвѣло; кредитивы же прекрасно сохранились. Нашлись также и *бумаги* барона Гро; но это слово, говоритъ корреспондентъ, должно быть понято буквально, такъ какъ чернилъ нѣтъ на нихъ почти и слѣда; автографное письмо императора Французовъ обратилось въ листъ бѣлой бумаги. Скоро, однако, водолазы должны были прекратить свои работы, потому что поднялась опять непогода, и *Малабаръ* совсѣмъ уже погрузился въ море, однѣ только мачты его виднѣлись на поверхности.

Разставаясь съ Цейлономъ, корреспондентъ выставляетъ заслуги нынѣшняго губернатора, сэръ Генри Уарда, въ шесть лѣтъ удвоившаго доходы острова (въ 1854 году колонія давала 408.000 фунт. ст. ежегодно), и набрасываетъ, въ заключеніе, очеркъ роскошной природы острова Цейлона, этой прекраснѣйшей изъ англійскихъ колоній. Корреспондентъ слѣдующими словами описываетъ мѣстность между городами Пойнтъ-де-Галль и Коломбо и далѣе за Коломбо: «На пространствѣ цѣлыхъ семидесяти миль бѣжитъ дорога прямо къ морю, пролегая черезъ непрерывный рядъ рощъ кокосоваго дерева и индѣйской смоковницы, ананаснаго дерева и райской смоковницы (banyan), коричневаго лавра (cinnamon) и бамбука, съ переплетающимися и вьющимися по этимъ деревьямъ роскошными паразитами тропической растительности. Все разнообразіе, всѣ тѣни зелени найдете вы здѣсь,

(1) Общество пароходства Полуострова и Востока, Peninsular and Oriental Office.

Digitized by Google

всѣ ея оттѣнки, начиная съ нѣжно-зеленаго цвѣта индѣйской смоковницы до длиннаго темнаго стебля кокоса. За Коломбо декорація перемѣняется. Приближаясь къ Канди, дорога проходитъ черезъ ущелье Кадугенаву и на пространствѣ трехъ миль подымается на 2.000 ф. Мы въ области кофе. Холмъ возвышается за холмомъ; равнинъ почти не видно. Уютныя жилища плантаторовъ виднѣются со всѣхъ сторонъ, а на заднемъ планѣ воздымается рядъ горъ. Удобство и благосостояніе на каждомъ шагу. Здѣсь нѣтъ нищихъ; климатъ великолѣпный, и пища въ изобиліи для незатѣйливыхъ потребностей туземца. Кокосовое дерево служитъ ему и пищей, и питьемъ, и жилищемъ. Дома покрываются здѣсь листьями кокоса, плодъ его обращается на ежедневную пищу, а волокно продается въ обмѣнъ на скудную одежду, и обитатели острова живутъ себѣ въ роскошной безпечности, такъ какъ бо́льшая часть работъ по дорогамъ производится здѣсь южными Индійцами и Малабарцами.»

5-го іюня къ вечеру посланники и всѣ пассажиры *Малабара* отправились въ Китай на пароходѣ *Пекинъ* (изъ Бомбея).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

Не вчера ли италіянскій вопросъ и сицилійское возстаніе занимали всѣ умы и тревожили Европу опасеніями и надеждами? Теперь эти событія отодвинулись вдругъ на второй планъ, а на первомъ, снова со всею силой, возникъ восточный вопросъ. Вся Европа читаетъ объ ужасахъ, происходящихъ въ Сиріи; со всѣхъ сторонъ заявляется необходимость принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры для прекращенія этихъ ужасныхъ событій, для предупрежденія по-

Digitized by Google

добныхъ кровавыхъ катастрофъ, и снова всѣ спрашиваютъ, возможно ли дальнѣйшее существованіе этой вопіющей аномаліи, которая зовется Турецкою имперіей? Неужели долго еще не распутается роковой узелъ, въ которомъ заключена необходимость этого полудикаго мусульманскаго государства, властвующаго надъ столькими племенами и странами, надъ столькими христіянскими народностями и надъ мѣстами, самыми драгоцѣнными для христіянъ? Не разъ приходилось намъ замѣчать, что Турція представляетъ собою видимое выраженіе того зла, которымъ страдаетъ еще христіянскій міръ. Турція утратила свою прежнюю силу; мусульманскій фанатизмъ уже не страшенъ Европѣ; это когда-то такъ могущественное, завоевательное государство есть теперь только тѣнь, только призракъ; но этотъ призракъ существуетъ, хотя существуетъ не собственною силой, а гальванизмомъ внѣшней необходимости, и эта внѣшняя необходимость заключается въ антагонизмѣ тѣхъ самыхъ силъ, между которыми растерзанъ христіянскій міръ и даже сама христіянская церковь. Существованіемъ Турціи видимо выражается этотъ антагонизмъ, оно — продуктъ его, и въ то же время оно служитъ его обозначеніемъ и мѣриломъ. Нашъ кабинетъ еще такъ недавно заявлялъ необходимость совокупнаго участія европейскихъ державъ для устройства внутреннихъ дѣлъ Турціи. Предложеніе это не имѣло успѣха, и вотъ теперь сама собою выступаетъ эта необходимость во всей силѣ, и европейскія державы спѣшатъ согласиться для совокупнаго дѣйствія. Всѣ согласны въ признаніи этой необходимости, но никто не можетъ предвидѣть всѣхъ послѣдствій, которыя неминуемо должны произойдти на Востокѣ. Какъ уладится этотъ великій вопросъ, особенно въ нынѣшнее столь смутное время, когда всѣ основы европейскаго равновѣсія подвергаются сомнѣнію, когда все исполнено недовѣрія и опасеній, когда все ждетъ какого-нибудь потрясающаго взрыва, когда у всѣхъ на умѣ близкая возможность всеобщей войны? Италія проходитъ эпоху кризиса, когда каждый день приноситъ какую-либо новую неожиданную катастрофу; Германія съ часу на часъ ждетъ великой борьбы за свою независимость, за свою территорію, и не знаетъ, какъ уладить свои внутреннія затрудненія, какъ побѣдить неудобства своего политическаго разъединенія; Англія продолжаетъ свои громадныя вооруженія; Франція окончательно отдалась роковому движенію, которое овладѣло ею, и которое становится все неудержимѣе и безотчетнѣе. Сколько горючихъ веществъ, сколько хаотическаго броженія, сколько вопросовъ, сколько событій, сколько катастрофъ, безпрерывно возникающихъ и безпрерывно ожидаемыхъ!

Это броженіе началось съ той самой минуты, когда Европа

Digitized by Google

узнала о рѣшеніи Франціи присоединить къ себѣ части того италіянскаго государства, которому она вызвалась оказать безкорыстную помощь во имя идеи. Этимъ дѣйствіемъ Франція сразу поставила себя въ новое положеніе, которое измѣнило ея отношеніе къ другимъ державамъ и безвозвратно опредѣлило политику ея правительства. Этотъ роковой шагъ былъ совершенъ въ ту самую минуту, когда повидимому союзъ между Франціей и Англіей долженъ былъ получить новую крѣпость вслѣдствіе торговаго трактата, который выводилъ Францію на путь экономической свободы и долженъ былъ окончательно слить экономическіе интересы обѣихъ сторонъ. Несмотря на все сочувствіе, какимъ былъ встрѣченъ въ Англіи этотъ трактатъ, несмотря на всѣ выгоды, какихъ можно было ожидать отъ него, мысль объ естественныхъ границахъ, заявленная Франціею, первая офиціяльная вѣсть о присоединеніи Савоіи и Ниццы смутили общественное мнѣніе, подорвали надежды и смѣнили ихъ опасеніями. Правда, эти опасенія существовали и прежде; общественное мнѣніе было чутко и знало уже многое, знало почти все, что замышлялось и предполагалось; въ Англіи, еще въ прошломъ году, сами собою и почти незамѣтно начинали составляться дружины волонтеровъ, и еще задолго прежде принимались дѣятельныя мѣры для усиленія флота; но пока фактъ не совершился, взаимныя отношенія, по крайней мѣрѣ по наружности, оставались безъ перемѣны, а торговый трактатъ обѣщалъ даже возстановить ихъ внутреннее исчезавшее значеніе. Но съ тѣхъ поръ все измѣнилось съ неимовѣрною быстротой. Бюджетъ г. Гледстона, основанный главнымъ образомъ на новомъ трактатѣ съ Франціей и принятый съ такимъ энтузіазмомъ цѣлою страной, утратилъ теперь свое очарованіе; смѣлая мысль, которая такъ искусно проводилась въ немъ черезъ всѣ подробности, сильно пострадала и потеряла кредитъ, равно какъ и ея виновникъ вдругъ утратилъ свою популярность. Все это великолѣпное финансовое зданіе, построенное такъ изящно и по такимъ превосходнымъ началамъ, пошатнулось и обвалилось, потому что поколебалась подъ нимъ почва. Въ г. Гледстонѣ, при многихъ необыкновенныхъ достоинствахъ его ума, всегда замѣчался одинъ существенный недостатокъ, о которомъ упоминали мы кстати, говоря объ его бюджетѣ. Широтѣ и глубинѣ пониманія не всегда соотвѣтствуетъ въ немъ вѣрность и точность сужденія. Онъ превосходно понимаетъ дѣло, но не всегда удачно прилагаетъ понятіе, и при ясномъ, зрѣломъ понятіи не рѣдко выходятъ у него невѣрныя дѣйствія. Финансовый планъ г. Гледстона былъ превосходенъ; въ краснорѣчіи, съ какимъ онъ изложилъ его, не было пустой реторики, которая и не могла бы подѣйствовать въ англійскомъ парламентѣ; все въ

Digitized by Google

этомъ планѣ было основательно, все было зрѣло обдумано, все вытекало изъ ясно понятыхъ великихъ экономическихъ началъ. Но г. Гледстонъ недостаточно сообразилъ обстоятельства времени, не обсудилъ съ должною вѣрностью тѣхъ условій, на которыя былъ разчитанъ его планъ; онъ слишкомъ много основалъ его на новомъ трактатѣ съ Франціей, онъ слишкомъ крѣпко положился на этотъ трактатъ, слишкомъ прельстился тѣми благотворными послѣдствіями, которыхъ дѣйствительно можно было ожидать отъ него, но которыя въ то же время зависятъ отъ многихъ причинъ, могущихъ нарушить ихъ правильное развитіе. Г. Гледстонъ слишкомъ увлекся экономическою стороной дѣла, что и сблизило его съ людьми манчестерской школы, которая ничего другаго не видитъ, кромѣ экономическихъ интересовъ, великихъ и почтенныхъ, но существующихъ совмѣстно съ другими интересами, имѣющими не меньшую силу и безпрерывно заявляющими себя въ мірѣ. Г. Гледстонъ не довольно разчиталъ нынѣшнее положеніе европейскихъ дѣлъ, слишкомъ отвлекъ свое вниманіе отъ тѣхъ причинъ, которыя, къ несчастію, слишкомъ часто возмущаютъ правильный ходъ экономическаго развитія. Онъ слишкомъ многое въ своемъ бюджетѣ основалъ на торговомъ договорѣ съ Франціей, и какъ только эта ненадежная основа поколебалась, пошатнулся и бюджетъ. Посреди обстоятельствъ, слишкомъ смутныхъ, при дефицитѣ, слишкомъ значительномъ, при опасности еще большаго дефицита въ будущемъ финансовомъ году, наканунѣ событій, которыя можетъ-быть потребуютъ всѣхъ силъ страны, канцлеръ казначейства, какъ оказалось, слишкомъ круто и слишкомъ неблаговременно принялся за реформу финансовой системы. Но дѣло было сдѣлано; палата общинъ и вся страна раздѣляли увлеченіе канцлера казначейства; система предложенныхъ имъ мѣръ была принята палатой общинъ при рукоплесканіяхъ цѣлой страны, и эти мѣры, каковъ бы ни былъ дальнѣйшій ходъ событій, каковы бы ни были заботы настоящей минуты, окажутся плодотворными въ своихъ послѣдствіяхъ. Онѣ, разъ навсегда, покончили съ остатками покровительственной системы; онѣ облегчили потребленіе и сообщили новую силу производству. Все это принято, и все это осталось, несмотря на нѣкоторыя разочарованія и новыя серіозныя заботы, овладѣвшія общественнымъ мнѣніемъ. Всѣ эти мѣры, при другихъ обстоятельствахъ, при лучшихъ условіяхъ, могли бы дѣйствовать плодотворнѣе и обширнѣе; но они достаточно хороши сами по себѣ и, съ перемѣною обстоятельствъ, которыя не отъ нихъ зависятъ и которыя ихъ стѣсняютъ, будутъ дѣйствовать и обширно, и плодотворно.

Одною изъ этихъ мѣръ измѣнялся давній источникъ государственнаго дохода, пошлина на бумагу. Эта отмѣна была бы

Digitized by Google

сама по себѣ благодѣтельною мѣрой; она давно требовалась общественнымъ мнѣніемъ, она была уже осуждена въ самой палатѣ; но при новыхъ, безпрерывно возрастающихъ затрудненіяхъ для государственнаго казначейства, все болѣе и болѣе становилась сомнительною благовременность этой отмѣны. Слѣдовало ли отказываться отъ существующаго съ давняго времени источника дохода, посреди обстоятельствъ, которыя вынуждаютъ казначейство искать новыхъ источниковъ дохода? Не слѣдовало ли въ такой трудный финансовый годъ, повременить этою мѣрой и отложить ее до обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ? Палата общинъ, двукратно одобривъ эту мѣру, начала колебаться подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, настроеніе котораго сильно измѣнилось въ послѣдніе три-четыре мѣсяца. Но отвергнуть билль, особенно когда онъ прошелъ уже два чтенія, было бы шагомъ слишкомъ рѣшительнымъ и имѣло бы своимъ неминуемымъ послѣдствіемъ министерскій кризисъ. Палата колебалась, мнѣнія ея раздѣлились почти равносильно, и билль былъ принятъ большинствомъ только девяти голосовъ. Девять голосовъ рѣшили дѣло, которое возбудило сомнѣніе и ропотъ цѣлой страны. Но тутъ палата лордовъ очень кстати обнаружила свое существованіе. Билль долженъ былъ пройдти черезъ палату лордовъ, чтобы получить силу закона, и палата лордовъ отвергла его. Это произвело впечатлѣніе, возникъ важный конституціонный вопросъ. Палатой общинъ наряжена была коммиссія для розысканія, въ какой мѣрѣ этотъ случай оправдывается или не оправдывается примѣрами прежнихъ временъ. Наконецъ коммиссія кончила свое дѣло; лордъ Пальмерстонъ представилъ палатѣ общинъ, въ засѣданіи 5-го іюля, три резолюціи, какъ результатъ, на которомъ сошлись члены коммиссіи.

Дѣло это имѣетъ особенную важность, не столько по своему непосредственному поводу, сколько по конституціонному вопросу, который былъ въ немъ поднятъ, о взаимныхъ отношеніяхъ и правахъ двухъ великихъ вѣтвей законодательства, палаты общинъ и палаты лордовъ.

Одно изъ самыхъ главныхъ отличій, или можетъ-быть, самое главное отличіе англійскаго устройства, состоитъ въ томъ, что сила этого устройства заключается не въ буквѣ какого-нибудь уложенія, а въ исторіи. Для того чтобы рѣшить какой-нибудь вопросъ, относящійся до взаимныхъ отношеній властей въ Англіи, обращаются прямо къ исторіи. Историческими прецедентами измѣряются права, ими подтверждаются или опровергаются возникающія притязанія. Вспомнимъ, какъ создавались французскія конституціи. Созывалось учредительное собраніе, которое обсуждало по пунктамъ проектъ новой конституціи; каждое слово вызывало множество рѣчей; каждый параграфъ подвергался всякаго рода

Digitized by Google

логическимъ и грамматическимъ поправкамъ; каждая фраза, съ щегольскою опредѣленностію, устанавливалась на свое мѣсто; съ математическою точностію описывались права и обязанности; но все это происходило на бумагѣ, а дѣла шли своимъ порядкомъ, и конституціи, съ своими красивыми, отчетливыми математическими опредѣленіями, рвались и уничтожались. Въ Англіи мы видимъ совершенно противоположное явленіе. Здѣсь конституція есть фактъ, который сложился исторіей, и существуетъ потому, что существуетъ. Корона, палата лордовъ, палата общинъ, находятся между собою въ извѣстныхъ отношеніяхъ не по буквѣ хартіи, а по силѣ живыхъ вещей, и принимаютъ тотъ характеръ, какого требуетъ эта сила. Издревле, палата общинъ, состоящая изъ выборныхъ представителей націи, пользуется, какъ своею исключительною принадлежностью, назначать налоги и вообще принимать финансовыя мѣры; это ея спеціальное дѣло. Ни корона, ни палата лордовъ не имѣетъ права инціативы въ законахъ этого рода; но тѣмъ не менѣе финансовый билль, какъ и всякій другой, долженъ быть принятъ и лордами, и короной, для того чтобы пріобрѣсти силу закона. Всякій билль, финансовый или не финансовый, окончательно принятый палатой общинъ, получаетъ силу закона не прежде, какъ по принятіи его всѣми тремя великими властями конституціи. Палата лордовъ не можетъ поправлять финансовый билль, поступившій въ нее изъ палаты общинъ: это очевидно, потому что право измѣнить билль было бы равносильно праву составить свой собственный билль, праву, котораго не имѣетъ палата лордовъ относительно финансовыхъ вопросовъ. Передѣлать или какъ-нибудь измѣнить финансовый билль, значило бы со стороны палаты лордовъ внести въ другую палату новый билль и значило бы во всякомъ случаѣ трудиться понапрасну, потому что палата общинъ могла бы тотчасъ уничтожить возвратившійся къ ней передѣланный билль. Но, спрашивается, имѣетъ ли палата лордовъ право просто не согласиться на принятіе билля и такимъ образомъ пресѣчь его дальнѣйшій ходъ и не допустить его до силы закона? Билль, отвергнутый тою или другою изъ двухъ палатъ, не возвращается уже туда, откуда онъ вышелъ, и считается уничтоженнымъ, хотя ничто не мѣшаетъ ему снова возникнуть въ слѣдующую парламентскую сессію. Если финансовый билль поступаетъ въ верхнюю палату и требуетъ ея согласія, для того чтобъ обратиться въ законъ, то очевидно, что она имѣетъ право и не согласиться на принятіе билля. Если бы конституція предоставляла палатѣ общинъ исключительное законодательство въ дѣлахъ финансовыхъ, то финансовымъ биллямъ вовсе не слѣдовало бы переходить черезъ палату лор-

Digitized by Google

довъ. Но англійская конституція не предоставляетъ ни одной изъ трехъ великихъ властей исключительнаго законодательства по какимъ бы то ни было предметамъ, и каждый законъ безъ исключенія долженъ имѣть на себѣ санкцію всѣхъ трехъ властей. Тѣмъ не менѣе могъ возникнуть вопросъ объ установившемся обычаѣ, о томъ, какъ велось издавна это дѣло. Дѣйствительно, согласіе лордовъ на финансовыя мѣры, предлагаемыя палатой общинъ, представляется не болѣе какъ простою формальностію. Но нѣтъ однако причинъ, почему бы эта формальность не могла стать дѣйствительностію, еслибы того потребовали обстоятельства, почему бы скрытая сила не могла обнаружиться. Въ теченіи времени бывали случаи, когда лорды отвергали финансовые билли, и коммиссія насчитала 36 случаевъ, сходственныхъ съ тѣмъ, о которомъ возникла теперь рѣчь. Правда, при тщательномъ разсмотрѣніи этихъ случаевъ, оказывается, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такихъ финансовыхъ размѣровъ, какъ нынѣшній, и во всѣхъ заключались, въ большей или меньшей степени, кромѣ финансовыхъ, другіе элементы общаго политическаго свойства. Но на этомъ обстоятельствѣ ничего нельзя основать, и въ нынѣшнемъ случаѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы сдѣлать его исключеніемъ изъ правила. Лорды не пользовались или рѣдко пользовались тѣмъ правомъ, которое само собою вытекаетъ изъ сущности конституціи, потому что не представлялся или рѣдко представлялся къ тому случай. Еслибъ они позволили себѣ вмѣшательство въ финансовое дѣло, которое палата общинъ была бы въ полномъ правѣ отстаивать; еслибъ они задержали такой билль, котораго бы дѣйствительно требовали обстоятельства, котораго бы требовало общественное мнѣніе, то они только повредили бы самимъ себѣ: нашлась бы тысяча средствъ парализировать ихъ рѣшеніе, заставить ихъ одуматься, побудить ихъ къ согласію. Такого рода коллизіи возникали не разъ, и притомъ не по случаю финансовыхъ мѣръ, а по поводу мѣръ другаго рода, имѣвшихъ общее значеніе. Такъ побѣждено было противодѣйствіе палаты лордовъ по дѣлу парламентской реформы; такъ недавно лорды принуждены были къ сдѣлкѣ по вопросу о допущеніи евреевъ въ парламентъ. Но въ настоящемъ случаѣ лорды могли отвергнуть и чисто-финансовый билль, потому что они были сильны общественнымъ мнѣніемъ, и потому что сама палата общинъ ожидала отъ лордовъ этой услуги,

Засѣданія 5 и 6 іюля, въ которыя шли пренія о трехъ резолюціяхъ, представленныхъ лордомъ Пальмерстономъ, были очень интересны. Одинъ французскій публицистъ, присутствовавшій на этихъ преніяхъ и сообщившій свои впечатлѣнія въ

Digitized by Google

газетѣ *Ami de la religion*, разказываетъ о нихъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, и очень живо характеризуетъ ораторовъ. «Засѣданіе въ середу кончилось въ три часа утра, говоритъ корреспондентъ: уже разсвѣтало, когда я вышелъ, посреди занимавшагося дня. Громадное Вестминстерское аббатство бросало единственную тѣнь; единственный ропотъ поднимался съ Темзы, которая текла подъ грузомъ громадныхъ богатствъ, собравшихся на ея водахъ. Повѣрьте мнѣ, ни въ природѣ, ни въ исторіи нѣтъ величія, которое можно было бы сравнить съ величіемъ только что видѣнной мною сцены. Да, нѣтъ ничего величественнѣе зрѣлища страны, страстно привязанной къ своей свободѣ, страны, оживленной великимъ политическимъ духомъ, живущей публичною жизнію, ввѣряющей свое достоинство благороднѣйшей изъ всѣхъ силъ, — силѣ человѣческой мысли, свободно выражаемой человѣческимъ словомъ.»

Лордъ Пальмерстонъ сопровождалъ представленныя имъ резолюціи ловкою рѣчью, въ которой очень искусно умѣлъ согласить всѣ затронутые интересы. Резолюціи сами по себѣ не отличаются ни особенною ясностію, ни особенною отчетливостію; видно, что редакція ихъ была дѣломъ многихъ лицъ, смотрѣвшихъ на дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія; они разчитаны только для возникшаго недоразумѣнія и высказаны такъ, что не могутъ служить непреложною нормой для будущихъ временъ. Вотъ эти резолюціи:

1) Право давать субсидіи коронѣ принадлежитъ палатѣ общинъ, какъ существенная часть ея конституціи, и лишь отъ ней зависитъ опредѣленіе всѣхъ этихъ пособій, относительно предмета, способа, мѣры и времени. 2) Хотя лорды пользовались правомъ отвергать билли разнаго рода, относящіеся къ налогамъ, уничтожая ихъ вовсе, но они пользовались такимъ правомъ рѣдко, и оно всегда было предметомъ особой ревности со стороны палаты общинъ, ибо нарушало ея право давать пособія и снабжать государственную службу текущаго года необходимыми средствами. 3) Для предотвращенія на будущее время неправильнаго употребленія этой власти со стороны лордовъ, и для обезпеченія за общинами принадлежащаго имъ по праву контроля надъ налогами и субсидіями, палата общинъ имѣетъ въ своихъ рукахъ власть такъ назначать и отмѣнять налоги и составлять финансовые билли, что право общинъ, относительно назначенія предметовъ, способа мѣры, и времени финансовыхъ распоряженій, можетъ быть защищаемо отъ всякихъ нарушеній.»

Изъ послѣдней резолюціи, очень запутанной и темной, выходитъ собственно то, что право палаты общинъ можетъ быть поддерживаемо лишь въ той мѣрѣ, въ какой она будетъ составлять

Digitized by Google

удовлетворительные билли,—такъ назначать и отмѣнять налоги, такъ составлять финансовые билли, чтобы право палаты могло быть защищаемо отъ всякихъ нарушеній.

«Наша конституція, говорилъ лордъ Пальмеротонъ, состоитъ изъ властей отдѣльныхъ и независимыхъ одна отъ другой, обладающихъ каждая своими правами и силами. Такъ было съ давнихъ поръ нашей исторіи. Если мы обратимся къ самымъ отдаленнымъ ея періодамъ, мы увидимъ, что лорды, то-есть бароны, были достаточно сильны для того, чтобъ ограничить корону, и своими усиліями, своимъ мужествомъ, своею настойчивостью, своимъ духомъ, своимъ патріотизмомъ, они стяжали для насъ великую основную хартію нашихъ льготъ. Но потомъ возникла борьба между короной и баронами, и длилась эта борьба долгое время. Наконецъ корона одержала верхъ и учредила произвольную власть, которая пригнула подъ свой контроль всѣ льготы народа и наконецъ превратилась въ невыносимое бремя. Излишнее употребленіе чрезмѣрной власти вызвало сопротивленіе. Народъ возсталъ противъ короны и, ниспровергая ея произвольную власть, онъ не только ниспровергъ самую корону, но подвергъ одной съ нею гибели и всѣ другія власти государства. Однако духъ страны не могъ долго довольствоваться такимъ положеніемъ дѣлъ. Власть короны была возстановлена, но, возстановленная, она снова была употреблена во зло. Это злоупотребленіе власти снова сопрождалось своимъ естественнымъ послѣдствіемъ, и корона снова была ниспровергнута, или, лучше сказать, не корона, а тѣ, кто держалъ въ своихъ рукахъ власть короны, были низложены самимъ излишествомъ этой власти, своимъ ничѣмъ не сдержаннымъ и безотвѣтственнымъ употребленіемъ ея; наконецъ наступилъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ наша страна процвѣтаетъ доселѣ *(одобреніе)*, при которомъ нашъ народъ пользуется такою суммой гражданской, политической, общественной и религіозной свободы, какая никогда можетъ-быть не доставалась на долю другому народу въ мірѣ *(одобреніе)*. Но какимъ образомъ былъ достигнутъ этотъ результатъ? Не господствомъ одной изъ трехъ властей, — короны, лордовъ или общинъ, — надъ другими. Напротивъ, результатъ этотъ былъ достигнутъ тѣмъ, что каждая изъ нихъ получила свое особое и независимое назначеніе, и что всѣ три составляютъ тѣмъ не менѣе одно цѣлое, стараясь путемъ соглашенія избѣгать столкновеній и смутъ, которыя могутъ возникать при независимомъ дѣйствіи каждой власти въ отдѣльности или всѣхъ вмѣстѣ... Каждая изъ трехъ властей имѣетъ право зачинать законы и каждая имѣетъ силу, совокупно съ двумя остальными, отвергать законы, предложенные ей для принятія. Обыкновенно думаютъ, что

Digitized by Google

власть короны отвергать законы, прекратила свое существованіе; это капитальное заблужденіе. Власть эта живетъ и теперь, но она проявляется не такъ какъ прежде. Она не проявляется прямо въ отверженіи законовъ, представляемыхъ коронѣ на утвержденіе; она проявляется предварительнымъ образомъ въ преніяхъ и движеніяхъ, принимаемыхъ дѣломъ въ обѣихъ палатахъ парламента. Эта сила перенесена на лица, служащія отвѣтственными совѣтниками короны; и невозможно, чтобы законъ, прошедшій черезъ обѣ палаты и представленный коронѣ, былъ потомъ отвергнутъ ею. Почему это? А потому, что нельзя себѣ представить, чтобы законъ, принятый въ обѣихъ палатахъ, гдѣ засѣдаютъ отвѣтственные министры короны, былъ принятъ безъ ихъ соучастія... А еслибы законъ прошелъ въ обѣихъ палатахъ противъ воли и мнѣнія министровъ, тогда естественно они должны отказаться отъ своей должности и быть замѣщены другими, которые пользуются бо́льшимъ довѣріемъ парламента; въ противномъ случаѣ обѣ палаты весьма легко нашли бы возможность заявить коронѣ свое мнѣніе относительно ея совѣтниковъ, и она должна была бы возложить свое полномочіе на другія лица...»

Впрочемъ, нельзя такъ рѣшительно сказать, чтобы корона не могла и прямо отвергнуть законъ, прошедшій черезъ обѣ палаты. Она не пользуется этимъ правомъ; но право это существуетъ какъ дремлющая возможность, и хранится на всякій случай въ политическомъ сознаніи народа. Около трехъ лѣтъ тому назадъ, когда лордъ Пальмерстонъ покусился было провести билль о заговорщикахъ, внушенный ему императоромъ Французовъ, и тѣмъ возбудилъ противъ себя общественное мнѣніе страны, — повсюду собирались митинги, протестовавшіе противъ этого билля и изъявлявшіе опасенія, чтобы вліяніе кабинета не превозмогло оппозиціи въ обѣихъ палатахъ; тогда намѣревались подать прошеніе королевѣ, чтобъ она отвергла этотъ недостойный законъ, если онъ поступитъ на ея утвержденіе. Но общественное мнѣніе высказалось тогда такъ сильно, что дѣло не дошло до этой крайности. Кабинетъ лорда Пальмерстона потерпѣлъ, какъ извѣстно, пораженіе въ самой палатѣ общинъ.

Коснувшись особыхъ правъ, которыя принадлежатъ палатѣ общинъ по дѣламъ финансовымъ, лордъ Пальмерстонъ опредѣлилъ значеніе примѣровъ, представляемыхъ исторіей парламента въ отношеніи къ поднятому вопросу. «Еслибъ эта палата, сказалъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ рѣшила отмѣнить какой-либо налогъ и послала билль въ палату лордовъ съ этимъ намѣреніемъ, то я не думаю, чтобы палата лордовъ рѣшилась отвергнуть его. Еслибъ было доказано (*слушай-*

Digitized by Google

те! слушайте), что какой-нибудь налогъ слишкомъ тяжко гнететъ нѣкоторые интересы страны, что доходъ, получаемый отъ него, не составляетъ необходимости, или что бремя могло бы быть переложено на какіе-нибудь другіе интересы, которымъ легче выносить его, то я никакъ не думаю, чтобы лорды рѣшились поступить такъ, какъ они поступили теперь *(одобреніе со стороны оппозиціи)*. Мы знаемъ какая громадная сумма налоговъ была отмѣнена обѣими палатами парламента по окончаніи войны въ 1815 году, и ни разу, сколько мнѣ извѣстно, лорды не противорѣчили рѣшенію общинъ, имѣвшему цѣлію избавить страну отъ бремени, которое было признано ненужнымъ. Вотъ почему я никакъ не могу думать, чтобы лорды нынѣшнимъ своимъ поступкомъ хотѣли выйдти на такой путь, гдѣ мы должны были бы всѣми законными средствами воспротивиться имъ. Я никакъ не могу думать, чтобы палата лордовъ замышляла вступить въ сотоварищество съ палатой общинъ по составленію годичнаго бюджета, по назначенію мѣры, способа, времени или суммы субсидій, опредѣленіе чего составляетъ исключительную принадлежность этой палаты. Еслибы дѣйствительно таково было ихъ намѣреніе, еслибы послѣдній случай былъ только первымъ шагомъ на этомъ пути, то намъ непремѣнно слѣдовало бы принять всѣ находящіяся въ нашей власти средства, чтобы заставить ихъ отказаться отъ этого намѣренія; но пока у насъ нѣтъ рѣшительнаго доказательства, что такое намѣреніе существуетъ, я заклинаю палату довольствоваться тѣмъ объявленіемъ, которое высказано въ представленныхъ мною резолюціяхъ, и безъ явной необходимости не вступать въ формальное столкновеніе съ другою палатой парламента *(одобреніе)*. Но, сэръ, развѣ лорды не были поощрены самою палатой общинъ къ сдѣланному ими шагу? *(Одобреніе оппозиціи.)* Билль былъ внесенъ въ эту палату при обстоятельствахъ, которыя существенно и явно измѣнились къ тому времени, когда билль этотъ былъ отвергнутъ. При второмъ чтеніи онъ встрѣтилъ сильную оппозицію, хотя и былъ вынесенъ большинствомъ 53 голосовъ. Еслибъ онъ былъ отправленъ къ лордамъ, получивъ, при третьемъ чтеніи по крайней мѣрѣ такое же большинство, я увѣренъ, что они пропустили бы его. Но они видѣли, что въ продолженіи втораго и третьяго чтенія мнѣніе палаты общинъ подверглось значительному измѣненію *(одобреніе на скамьяхъ оппозиціи)*, и что большинство 53-хъ голосовъ превратилось въ большинство девяти. Не имѣли ли они право думать, что мнѣніе палаты общинъ въ пользу билля было уже не такъ сильно, какъ въ началѣ? Руководствуясь общественнымъ мнѣніемъ, они могли совершенно правильно заключать о новыхъ потребностяхъ казначейства, тѣмъ

Digitized by Google

болѣе, что эти потребности и дѣйствительно заявлены въ той смѣтѣ, которую достопочтенный другъ мой, канцлеръ казначейства, выложилъ на столъ. Случились событія, которыхъ мы не могли ожидать вначалѣ, и лорды сочли благоразумнымъ дѣломъ дать палатѣ общинъ время еще разъ сообразить обстоятельства и размыслить, не будетъ ли полезно удержать еще на годъ тотъ источникъ дохода, который казался намъ прежде ненужнымъ, и слѣдуетъ ли переносить на другія вѣтви промышленности бремя, которое до сихъ поръ несли на себѣ интересы, постигнутые пошлиной на бумагу.» *(Одобреніе на скамьяхъ оппозиціи.)*

Оппозиція изъявляла одобреніе при этихъ словахъ главы кабинета, а положеніе нѣкоторыхъ членовъ кабинета было не очень ловко. «Стоило посмотрѣть тогда, пишетъ вышеупомянутый французскій корреспонденгъ, на лицо канцлера казначейства; онъ сидѣлъ, по обыкновенію, откинувшись на спинку скамьи; его блѣдное лицо и тонкія черты, его голова, покоившаяся на спинкѣ сѣдалища, его закрытые глаза, его тонкія губы, все какъ будто говорило, что онъ, въ продолженіи часа, съ усиліемъ выносилъ пытку, какъ вдругъ эта парѳянская стрѣла его *искуснаго товарища* прямо попала ему въ сердце. Неуловимая тѣнь пролетѣла по его выразительному лицу, чуть замѣтное содроганіе пробѣжало по всему его тѣлу: видно было, что нанесена одна изъ тѣхъ ранъ, которыя не забываются...»

Въ слѣдующее засѣданіе пренія продожались, и между ними произвела особенное впечатлѣніе рѣчь г. Горсмана, заключавшая въ себѣ апологію палаты лордовъ, которая въ послѣднее время подвергалась столькимъ нападкамъ со стороны радикальныхъ реформеровъ. «Благородный виконтъ, говорилъ онъ,—переносилъ вчера наше воображеніе въ тѣ феодальныя времена, когда бароны сидѣли, окруженные своими вооруженными слугами, властвуя, суда и ряда отъ своего имени и не признавая никакихъ законовъ, кромѣ установленныхъ ими самими. Есть люди, готовые утверждать, что лорды и теперь составляютъ гордое и господствующее сословіе, противъ котораго народъ долженъ принимать мѣры, какъ противъ общественнаго врага. Но одного здраваго смысла достаточно, чтобы понять въ истинномъ свѣтѣ нынѣшній характеръ лордовъ. Мы знаемъ, что они простые люди съ тою же кровью въ жилахъ, какъ и у другихъ людей, что они платятъ тѣ же самыя подати, повинуются тѣмъ же самымъ законамъ, управляются тѣми же самыми интересами, и не имѣютъ никакой исключительной привилегіи. Каждый изъ нихъ, по своему личному положенію, есть сельскій джентльменъ; въ своихъ округахъ, они своимъ вліяніемъ и вѣсомъ обязаны тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ и другіе землевладѣльцы: не титуламъ, а собственности. Въ своемъ соби-

Digitized by Google

рательномъ значеніи, какъ одно изъ законодательныхъ сословій, они составляютъ національное учрежденіе, созданное мнѣніемъ, существующее мнѣніемъ и не представляющее собою исключительнаго интереса перства, какъ корона не представляетъ собою исключительнаго интереса королевской фамиліи; они отправляютъ государственную власть не въ свое имя, но во имя народа и по праву, отъ него данному; точно также какъ и мы, они часть этого народа, и, точно также какъ и мы, представляютъ его собою... Лорды, продолжалъ онъ, не менѣе общинъ, являются представителями національныхъ интересовъ. Перы Англіи—не то, что перы другихъ странъ, которые, держась единственно своихъ титуловъ, сметаются вихремъ первой бури; великая сила ихъ основана на томъ, что они принадлежатъ къ разряду землевладѣльцевъ, что богатства ихъ происходятъ изъ самой главной промышленности въ этой странѣ. Ихъ богатства и доходы тѣсно связаны съ благосостояніемъ той промышленности, которая даетъ занятіе и способы для жизни наибольшему числу народа и составляетъ одинъ изъ самыхъ производительныхъ интересовъ страны. Вотъ что отождествляетъ ихъ интересы съ прогрессомъ и благосостояніемъ народа. Всякій, кто будетъ сравнивать перство Англіи съ другими перствами, не можетъ не увидѣть, что у насъ перство отличается навыкомъ къ дѣламъ, знаніемъ сельскаго хозяйства, дѣятельностью въ управленіи и улучшеніи имѣній, знакомствомъ съ фермерами и пахарями, наконецъ общимъ экономическимъ интересомъ и чувствомъ. Они пользуются величайшимъ уваженіемъ въ массахъ народа, а потому было бы совершенно ошибочно утверждать, что они не будучи людьми выборными, не служатъ ни въ какомъ смыслѣ представителями народа. Они въ значительной степени представляютъ собою чувствованія и интересы народа этой страны, и вслѣдствіе того совершенно способны составлять совѣтъ изъ четырехсотъ или пятисотъ членовъ, имѣющій свое особое назначеніе и совершенно необходимый для парламентарнаго образа правленія. Никакая конституція не можетъ быть прочна безъ такого корпуса. Еслибы не было палаты перовъ, было бы необходимо создать нѣчто въ этомъ родѣ. Ихъ власть, какъ и власть короны, происходитъ отъ народа. Вамъ извѣстно, что законодательная сила перовъ въ послѣднее время ограничена до того, что они могутъ имѣть лишь самое малое вліяніе. Они уже потеряли иниціативу великихъ законодательныхъ мѣръ. Они посылаютъ намъ иногда нѣсколько биллей, по предметамъ, входящимъ въ ихъ спеціяльность; иногда, ради экономіи времени, предоставляется имъ вносить и другіе билли; но въ настоящее время, только палата общинъ руководствуетъ правительствомъ Англіи. Палата общинъ постановляетъ начала и даетъ

Digitized by Google

направленіе общей политикѣ. Корона и лорды уже болѣе не управляютъ, они только сдерживаютъ и регулируютъ государственную жизнь, но не сообщаютъ ей движенія, и это-то сдерживающее, умѣряющее вліяніе спасаетъ Англію отъ деспотизма безконтрольнаго народнаго собранія. Они уже утратили свое косвенное вліяніе на палату общинъ, а потому теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо обезпечить ихъ прямое, законное вліяніе, ибо при всѣхъ формахъ конституціоннаго правленія, во всѣ времена, отъ древнихъ Аѳинъ до новой Америки, мы видимъ, какъ вездѣ чувствуется необходимость такого вліянія, которое было бы сильно само въ себѣ и замыкалось бы въ своихъ предѣлахъ, вліяніе, которое контролировало бы власть, которое подвергало бы ревизіи законодательство, не сообщая ему движенія, которое имѣло бы силу потребовать пересмотра, могло заставить движущую силу дважды подумать объ одномъ и томъ же и аппеллировать отъ минуты увлеченія къ другой болѣе спокойной, болѣе трезвой минутѣ, которое заявляло бы постоянный, твердый, руководящій, практическій элементъ въ каждой политической организаціи; съ другой стороны требуется, чтобы вліяніе это не достигало такой силы, которая могла бы противиться прогрессу и препятствовать усовершенствованію. Это начало проникаетъ собою всю британскую конституцію, которая содержитъ въ себѣ всякаго рода политическія пружины для того, чтобы комбинировать государственную силу, предупреждать законодательное неблагоразуміе, обезпечивая въ то же время свободный путь для нововведеній, но такъ, что всякое нововведеніе можетъ осуществиться не прежде, какъ по тщательномъ изученіи предмета... Совершенно ошибочно думать, что лорды, образуя постоянный и независимый корпусъ, не подлежатъ по этому самому никакой отвѣтственности. Напротивъ, я думаю, что нѣтъ во всей странѣ корпуса болѣе отвѣтственнаго. Это единственный важный государственный корпусъ, держащій власть не иначе, какъ на условіи добраго поведенія. Весьма немногіе промахи, даже при отсутствіи всякаго притязанія противодѣйствовать народной волѣ, могутъ подвергнуть опасности положеніе лордовъ. Въ 1832 году, защищая гнилыя мѣстечки, они отдѣлились отъ народа въ борьбѣ, которая была столько же борьбой въ интересѣ собственности, сколько и власти; они тогда сильно повредили себѣ, и имъ нужно было много времени, чтобы поправить свое положеніе. Теперь они поправили его, и изъ рѣчей, которыя мы слышали въ прошлую ночь, мы можемъ заключать, что они пользуются большою популярностію. Но они глубоко сознаютъ ту истину, что съ успѣхомъ противодѣйствовать палатѣ общинъ могутъ они только въ одномъ смыслѣ: именно въ томъ, чтобы дать

Digitized by Google

время для болѣе рѣшительнаго и болѣе зрѣлаго проявленія національной воли. Они знаютъ, что въ этомъ состоитъ вся ихъ власть, и что коль скоро народная воля выразится несомнѣнно и съ полною ясностію, тогда нужно безотлагательно повиноваться ей.» Высказавшись относительно пункта, вызвавшаго конституціонный вопросъ, ораторъ продолжаетъ: «Настоящій случай служитъ превосходною иллюстраціей практическаго механизма нашей англійской конституціи. Палата общинъ непрерывно растетъ въ силѣ и движется впередъ: объ этомъ нечего сожалѣть, этому такъ и слѣдуетъ быть, но это не должно оставаться безъ противовѣсія. Равновѣсіе должно быть сохранено, если должна быть сохранена конституція, если должна быть сохранена смѣшанная форма правленія. Многое измѣнилось и многое должно еще измѣниться. Но должна ли перемѣна происходить только въ одномъ направленіи абсолютной власти, сосредоточенной въ общинахъ, или перемѣна должна касаться и лордовъ, для того чтобъ они могли сохранять свое относительное положеніе?.. Лорды, въ настоящее время, являются хранителями національныхъ интересовъ, и все ихъ дѣло заключается въ томъ, чтобы сторожить эти интересы. Въ настоящемъ случаѣ они вѣрно сослужили свою службу. Они ударили тревогу и пробудили націю, которая остановила васъ въ вашемъ опасномъ эрратическомъ бѣгѣ. Если эта задержка беззаконна, такъ почему же не аппеллируете вы къ судьѣ за дверьми парламента? Но вы знаете, что судья подтвердитъ рѣшеніе палаты лордовъ, и окажется, что палата лордовъ дѣйствительно представляетъ теперь націю, между тѣмъ какъ палата общинъ представляла только министерское большинство *(слушайте, слушайте!)* весьма двусмысленнаго свойства. *(Смѣхъ.)*»

Резолюціи, предложенныя главою кабинета, были приняты, и конституціонный вопросъ былъ благополучно улаженъ. Самъ г. Гледстонъ, протестовавшій довольно сильно противъ рѣшенія лордовъ, удовлетворился однако этими резолюціями, принялъ часть государственнаго дохода, возвращеннаго лордами казнѣ, и даже отказался поддерживать четвертую, болѣе энергическую резолюцію, предложенную либеральнымъ представителемъ Мерилебона, лордомъ Фермоемъ. По случаю возвысившихся требованій со стороны военнаго министерства для китайской войны канцлеръ казначейства долженъ былъ внести въ палату дополнительный бюджетъ, которымъ ассигнуется на эту войну 3.800.000 фунтовъ стерл. Г. Гледстонъ предложилъ, для покрытія этой суммы, возвысить налогъ на спиртъ, который долженъ дать около половины этой суммы; остальную же, большую половину, онъ нашелъ возможнымъ покрыть посредствомъ разныхъ балансовъ своего бюджета.

Digitized by Google

Вообще, можно сказать, перипетіи европейской политики много ослабили нынѣшній кабинетъ лорда Пальмерстона. Между главными членами его должны были возникнуть довольно напряженныя отношенія. По случаю конституціоннаго вопроса, возникшаго между обѣими палатами, какъ въ коммиссіи, разбиравшей этотъ вопросъ, такъ и въ парламентскихъ преніяхъ, вызванныхъ имъ, сторону г. Гледстона дѣятельно поддерживалъ лордъ Джонъ Россель. Хотя г. Гледстонъ не вышелъ изъ кабинета, потому что въ настоящее время едвали бы кто-нибудь другой рѣшился взять въ свои руки финансы страны; однако не думаютъ, чтобъ онъ согласился оставаться на занимаемомъ посту по минованіи крайней необходимости. Въ послѣднее время, къ г. Гледстону примкнули манчестерскіе реформеры, которые готовы уже привѣтствовать въ немъ своего вождя. Но, несмотря на сближеніе, въ нѣкоторыхъ экономическихъ видахъ, между представителемъ Оксфордскаго университета и г. Брайтомъ есть еще большое различіе, и едвали могли бы они долго идти однимъ путемъ. Экономическая свобода есть великое начало, и нельзя никакими предлогами отдалять ея полное торжество; она преодолѣваетъ всѣ препятствія, и поскольку партіи дѣйствуютъ въ чистомъ интересѣ этой свободы, они правы, и успѣхъ ихъ несомнѣненъ. Но все ли то требуется экономическою свободой, что выставляютъ манчестерскіе реформеры на своемъ знамени? Даже агитація въ пользу преобразованій финансовой системы, съ цѣлію замѣнить косвенные налоги прямыми, вовсе не вытекаетъ изъ требованій экономической свободы. Она требуетъ только того, чтобъ интересъ фиска не соединялся ни съ какими покровительственными и поощрительными видами; что же касается до превосходства той или другой системы налоговъ, то вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшаемъ абсолютно въ пользу одной; требуется лишь правильное равновѣсіе между ними и вообще желательно, чтобы какъ прямые, такъ и косвенные налоги возрастали съ меньшею быстротою чѣмъ общее благосостояніе страны.

Но къ сожалѣнію, въ настоящее время государственные расходы вездѣ возрастаютъ въ необыкновенной пропорціи. Причиной тому смутное положеніе европейскихъ дѣлъ. Всѣ вооружаются и затрачиваютъ силы самымъ непроизводительнымъ образомъ. Французская политика была недавно предметомъ рѣзкихъ обсужденій въ англійскомъ парламентѣ. Г. Кинглекъ поднялъ снова вопросъ о присоединеніи Савоіи къ Франціи и объ отношеніи этой послѣдней къ Италіи. Г. Кинглекъ зорко слѣдитъ за этою политикой; онъ знаетъ источники, изъ которыхъ получаетъ очень интересныя свѣдѣнія. Онъ первый извѣстилъ парламентъ

Digitized by Google

о тайномъ договорѣ, заключенномъ между Франціей и Сардиніей относительно присоединенія Савоіи и Ниццы. Теперь, въ засѣданіи 12-го іюля, онъ высказался съ большею энергіей противъ французской политики и сообщилъ между прочимъ очень характеристическое свѣдѣніе объ одной подробности виллафранкскихъ переговоровъ, оставававшееся доселѣ тайной для публики. «Всѣмъ извѣстное дѣло, говорилъ г. Кинглекъ, что французское правительство, съ 1857 года, постоянно старалось внушить принцу Прусскому мысль захватить нѣкоторые изъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, а Франціи въ награду за то, что она допуститъ это сдѣлать, уступить рейнскія провинціи. Повидимому, императоръ питалъ еще эти надежды, когда недавно отправлялся въ Баденъ на свиданіе съ принцемъ-регентомъ. Но тамъ онъ встрѣтилъ великое и, надобно надѣяться, непобѣдимое препятствіе, именно —честнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, едвали бы принцъ могъ поступить иначе, какъ согласно съ своимъ почтеннымъ и прямодушнымъ характеромъ. Къ тому же принцъ зналъ фактъ, который я хочу теперь сообщить палатѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ въ его достовѣрности,—именно то, что императоръ Французовъ, при второмъ свиданіи съ императоромъ австрійскимъ въ Виллафранкѣ, предлагалъ ему возвратить Ломбардію подъ условіемъ, чтобъ Австрія не мѣшала ему дѣйствовать на Рейнѣ.

Фактъ этотъ поразилъ палату. На другой день нѣкоторые изъ членовъ возобновили этотъ разговоръ и потребовали отъ министра иностранныхъ дѣлъ объясненія. Лордъ Джонъ Россель сказалъ, что онъ не получалъ никакого офиціяльнаго извѣстія относительно предложенія, сдѣланнаго императоромъ Французовъ въ Виллафранкѣ, но что однако до него доходили еще прежде смутные слухи объ этой исторіи.

«По всей восточной границѣ Франціи, продолжалъ г. Кинглекъ, работаютъ французскіе агитаторы. Очень недавно сообщено мнѣ письмо отъ одного джентльмена, заслуживающаго полнаго довѣрія и уваженія; имя его я считаю неудобнымъ назвать публично, но охотно сообщу его каждому джентльмену частнымъ образомъ. Онъ живетъ въ одномъ изъ государствъ, угрожаемыхъ со стороны Франціи, и въ письмѣ своемъ сообщаетъ разговоръ, происходившій у него съ однимъ изъ тѣхъ французскихъ эмиссаровъ, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ.—Нѣтъ ни одного государства, говорилъ ему этотъ эмиссаръ, — котораго Франція не держала бы въ своихъ рукахъ, нѣтъ государства, не имѣющаго какого-нибудь внутренняго вопроса, которымъ Франція не могла бы воспользоваться отличнымъ образомъ для своихъ цѣлей.

Digitized by Google

Въ Пруссіи—Данія и мелкія нѣмецкія государства; въ Австріи.—Венгрія; въ Россіи—крѣпостное право; въ Англіи... (Здѣсь ораторъ остановился, но раздались голоса, требовавшія, чтобъ онъ продолжалъ.) Палата удивляется, что я пріостановился; но французскій эмиссаръ, указывая, на чемъ французское правительство можетъ основать свои надежды въ Англіи, назвалъ имя одного почтеннаго члена этой палаты, который теперь отсутствуетъ и не можетъ защитить себя *(голоса: имя! имя!)* и потому, по всей справедливости, я не могу назвать его по имени. (Всѣ поняли, что рѣчь шла о г. Брайтѣ.) Впрочемъ, я не считаю нужнымъ увѣрять, что французскій эмиссаръ вовсе не хотѣлъ сказать, чтобъ этотъ джентльменъ былъ замѣшанъ въ какой-нибудь заговоръ или въ какую-нибудь дурную интригу; онъ хотѣлъ сказать только то, что императоръ Французовъ изъ политики этого почтеннаго члена черпаетъ для себя надежды и ободренія. Еще разъ спрашиваю я, почему Европа находится теперь въ такомъ тревожномъ состояніи? Вотъ отвѣтъ на это: положеніе дѣлъ внутри Франціи таково, что для ея властителя стало совершенною необходимостію отвлекать вниманіе своего народа отъ внутреннихъ дѣлъ и обращать его на внѣшнія. Г. Прево-Парадель осужденъ на тюремное заключеніе за то, что написалъ брошюру, которая въ другихъ странахъ показалась бы весьма умѣренною, и мѣсто, за которое онъ между прочимъ осужденъ, высказываетъ взглядъ, раздѣляемый, безъ сомнѣнія, многими Французами. «Франція, говоритъ г. Прево-Парадель, походитъ на человѣка, который стоитъ у окна и до такой степени углубленъ въ то, что происходитъ на улицѣ, что становится неспособенъ замѣчать происходящее въ собственномъ домѣ.» И чтобы поддерживать во Франціи такое положеніе дѣлъ, вслѣдствіе котораго Французъ за подобныя слова можетъ быть судимъ и приговариваемъ къ наказанію, для этого надобно безпрерывно тревожить Европу войнами, военными слухами и жалкими присоединеніями то тамъ, то тутъ. Внѣшняя политика Франціи превратилась теперь въ цѣпь мелкихъ интригъ и заговоровъ. Франція находится въ безпрерывномъ ожиданіи какой-нибудь внѣшней войны, сама не зная съ кѣмъ. Напрасно думаютъ, что императоръ Французовъ, въ качествѣ какого-то провидѣнія, управляетъ судьбами Европы... Хотя и собственная наша внѣшняя политика находится теперь въ какомъ-то лабиринтѣ, но въ этомъ лабиринтѣ есть по крайней мѣрѣ нить, и нить эта дана въ тѣхъ утѣшительныхъ словахъ, которыя благородный секретарь иностранныхъ дѣлъ сказалъ 6 марта: — Мы желаемъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ Франціей, но если возни-

Digitized by Google

кнутъ политическія вопросы, то мы, смотря по обстоятельствамъ, должны быть готовы дѣйствовать въ союзѣ и съ другими державами.—Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается для насъ здравая политика на будущее время.»

Вопросъ о присоединеніи Савоіи и Ниццы еще не совсѣмъ оконченъ. Дѣло теперь стало за европейскою конференціей, которая должна утвердить присоединеніе и согласить 92 статью вѣнскаго трактата со 2-ю статьею туринскаго, то-есть рѣшить вопросъ о нейтральности двухъ савойскихъ провинцій, прилегающихъ къ Швейцаріи. Европейскія державы еще не изъявили офиціальнаго согласія на конференцію; но ея продолжаетъ требовать Швейцарія, которая не можетъ успокоиться, пока вопросъ этотъ не будетъ рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ, пока не будетъ прирѣзана къ ней нѣкоторая часть нейтральной территоріи, непосредственно прилегающая къ Женевскому озеру.

Что̀ касается до Германіи, то предполагаемые замыслы французской политики произвели наконецъ свое естественное дѣйствіе; они послужили къ сближенію между Австріей и Пруссіей, которыя долго колебались, не зная какъ подать другъ другу руку. 7 іюля между императоромъ австрійскимъ и принцемъ-регентомъ прусскимъ происходило свиданіе въ Теплицѣ. Трудно еще теперь судить о результатахъ этого свиданія, но надобно думать, что обѣ главныя германскія державы постарались пріискать какой-нибудь средній терминъ, чтобы поладить между собою по крайней мѣрѣ на время, въ виду общей опасности.

Другая, сосѣдняя съ Франціей страна, нейтральная Бельгія воспользовалась 29 годовщиною своей независимости (21 іюля), чтобъ общественными праздниками и адресами королю сдѣлать передъ лицомъ Европы торжественную манифестацію во имя этой дорого-купленной независимости, во имя своихъ свободныхъ учрежденій и высокаго развитія своей промышленности, которою она обязана своей свободѣ. Адресы исполнены выраженіями этого чувства и того убѣжденія, что независимость Бельгіи есть дѣло цѣлой Европы. Въ нихъ ясно отражается то тревожное положеніе, въ которомъ находится теперь европейская политика. «Съ тѣхъ поръ какъ Бельгія завоевала свою независимость, сказано въ адресѣ брабантскаго провинціяльнаго совѣта, она показывала себя всегда достойною того мѣста, которое занято ею посреди народовъ. Торжественные трактаты освятили ея права: ей нечего опасаться ненавистнаго покушенія на свою независимость, она должна считать невозможною самую мысль подобнаго покушенія.»

Digitized by Google

«Государь, сказано еще яснѣе въ антверпенскомъ адресѣ, когда событія великой важности спѣшатъ одно за другимъ въ Европѣ, и когда передъ Европой возникаютъ самыя грозныя задачи, наступила для насъ минута заявить нашу непоколебимую вѣру въ независимость страны, нашу полную безусловную преданность всѣмъ нашимъ льготамъ. Нація провозглашаетъ передъ цѣлою Европой, что она гордится своими учрежденіями и своимъ королемъ, что она хочетъ сохранить ихъ во что бы то ни стало, и что она заранѣе протестуетъ противъ всякаго покушенія на ея независимость. Бельгія, величіе которой не измѣряется ея тѣсными предѣлами, заслужила уваженіе Европы и можетъ не страшиться подобной опасности. Всеобщій крикъ негодованія призоветъ кару всего образованнаго міра на того, кто покусился бы на нашу независимость.» «Пусть восклицанія, раздающіяся изъ всѣхъ слоевъ нашего народа, раздаются далеко за нашими предѣлами, сказано въ адресѣ западной Фландріи, и пусть докажутъ они иностранцамъ, что ни угрозами, ни обольщеніями не поколеблется наша преданность нашей династіи, нашимъ свободнымъ учрежденіямъ. Доказать передъ лицомъ цѣлаго міра, что уваженіе вашего народа есть самый вѣрный оплотъ нашей династіи, что въ часъ опасности мы всѣ, безъ различія партій, соберемся вокругъ трона, подъ знаменемъ нашей національности,—вотъ, государь, священное значеніе этого дня. Мы хотимъ только, чтобы подъ сѣнью конституціонной монархіи, этого общаго нашего палладіума, мы продолжали, какъ прежде, въ собственныхъ нашихъ нѣдрахъ, въ нашемъ единеніи, составляющемъ нашу силу, черпать ту энергію, которая развила у насъ въ столь высокой степени всѣ отрасли общественнаго благосостоянія.»

Бельгійскіе праздники 21-го іюля, какъ описываютъ ихъ, дѣйствительно были очень торжественны; но лучшимъ украшеніемъ ихъ было то, что въ этотъ торжественный день впервые приведена была въ исполненіе мѣра, рѣшенная законодательною властію страны, мѣра, отмѣняющая одно изъ самыхъ грубыхъ экономическихъ стѣсненій—внутреннія таможни, взимавшія пошлины съ товаровъ, ввозимыхъ въ черту городовъ, такъ-называемые *octrois*. Народъ, съ громкими изъявленіями радости, торжествовалъ эту важную экономическую реформу. «Пусть бы тѣ, говоритъ по этому случаю *L'indépendance Belge*, которые три мѣсяца тому назадъ утверждали, что мелкіе потребители немного выиграютъ вслѣдствіе отмѣны таможенныхъ заставъ, пусть бы они посмотрѣли на народныя манифестаціи, которыя происходили въ эту ночь, и посреди которыхъ были сняты рѣшотки, отдѣлявшія предмѣстія отъ столицы: они бы узнали тогда, что объ этомъ

Digitized by Google

думаютъ тѣ, въ чью пользу совершена эта реформа. Вся ночь на 21 іюля была непрерывнымъ пѣніемъ веселья и торжества.»

Мы уже видѣли, какое настроеніе приняло теперь общественное мнѣніе въ Англіи. Коммиссія, назначенная для изученія вопроса объ укрѣпленіи Лондона и береговъ, окончила свой трудъ. Корпусъ волонтеровъ продолжаетъ расти, и уже теперь составляетъ силу, которою Англія можетъ по справедливости гордиться. Волонтеровъ считается теперь уже 130.000. Нѣсколько недѣль тому назадъ газеты были наполнены описаніями смотра, произведеннаго королевой въ Гайдъ-Паркѣ двадцати тысячному корпусу волонтеровъ, и стрѣльбы въ цѣль, которая была торжественно открыта самою королевой. Понятенъ энтузіазмъ, съ какимъ Англичане говорятъ объ этой силѣ, которая сама собою возникла въ тревожное время изъ свободной земли. Но еще интереснѣе отзывы иностранцевъ объ этихъ импровизованныхъ воинахъ. Всѣ эти отзывы исполнены похвалъ и удивленія. Французскіе офицеры, присутствовавшіе на смотру, должны были сознаться, что это войско, сформировавшееся въ нѣсколько мѣсяцевъ не только безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ со стороны правительства, но и безъ всякаго вызова съ его стороны, по собственному побужденію и собственными средствами, ничѣмъ не уступаетъ регулярной, хорошо дисциплинированной арміи. Благодаря этой самородной силѣ, которая, въ случаѣ опасности, легко можетъ утроиться и учетвериться, Англія можетъ свободно распоряжаться всѣми своими регулярными войсками въ случаѣ европейской войны. Одинъ изъ французскихъ корреспондентовъ особенно былъ удивленъ внезапнымъ превращеніемъ клерковъ изъ Сити, казавшихся совершенными антиподами воиновъ, въ отличныхъ солдатъ, которые какъ будто никогда не выпускали ружья изъ рукъ.

Офиціяльные французскіе органы сваливаютъ всю отвѣтственность за тревожное состояніе Европы на *старыя партіи*. Недавно, въ полуофиціяльной газетѣ *Constitutionnel*, напечатана статья, въ которой опасенія, распространяемыя въ Европѣ французскою политикой, приписываются происканъ этихъ партій, сохранившихъ воспоминанія о прошедшемъ и не утратившихъ надежды на будущее. Статья эта вызвала въ самой французской журналистикѣ, особенно въ *Journal des Débats*, очень остроумные ироническіе комментаріи. Франція дѣйствительно чувствуетъ себя теперь въ неловкомъ положеніи, и лишь только рѣшительнымъ поворотомъ въ другую сторону могла бы она освободиться отъ этой неловкости. Правду говорятъ, что присоединеніе Савоіи и Ниццы гораздо болѣе ослабило нежели укрѣпило вліяніе Франціи въ Европѣ; что же касается до предпола-

Digitized by Google

гаемыхъ маневровъ со стороны *старыхъ партій*, то всѣ ихъ усилія возстановить свое значеніе были бы безплодны, еслибы французское правительство нашло возможнымъ отнять у нихъ то, что составляетъ крѣпкую силу ихъ доводовъ и справедливость ихъ оппозиціи. Но г. Бильйо, нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ, иначе смотритъ на дѣло. Онъ считаетъ опасными тѣ лица и тѣ стремленія, которыя не желаютъ выходить изъ предѣловъ смысла и справедливости. Недавно г-ну Лемари отказано было въ правѣ издавать журналъ, который былъ купленъ имъ за значительную сумму, и отказано именно потому, что, по соображеніямъ г. Бильйо и государственнаго совѣтника г. Лагероньера, которому спеціально поручено завѣдываніе дѣлами журналистики, вокругъ этого изданія должны сгруппироваться лучшіе таланты Франціи: эти лица не позволятъ себѣ никакихъ нелѣпостей и сумазбродствъ, а потому самому и могутъ быть безпокойны и вредны. Замѣчательная тактика! Дѣйствительно люди, ясно и зрѣло сознающіе чего они хотятъ и къ чему стремятся, должны неминуемо пріобрѣсти вліяніе на лучшія части общества, тогда какъ пустозвоны и врали, у которыхъ свиститъ въ головѣ, которые сами не знаютъ что говорятъ, серіознаго значенія пріобрѣсти не могутъ; они могутъ только опозорить и уронить дѣло, которое возьмутся защищать, и всегда оказываются болѣе пригодными для противоположной стороны; сверхъ того, не имѣя ничего опредѣленнаго въ головѣ и обладая очень легкою совѣстью, эти люди очень способны мѣнять цвѣта, и смотря по надобности, защищать то, на что нападали вчера. Самъ г. Бильйо былъ, во времена оны, однимъ изъ такъ-называемыхъ крайнихъ людей; онъ и теперь остается вѣренъ себѣ, дѣйствуя тоже въ крайнемъ смыслѣ. Но жаль, что правительство хочетъ поставить себя такъ, чтобы лучшіе таланты страны, люди сознанія и мысли, могли казаться ему опасными и безпокойными. Трудно отдѣлаться отъ такой оппозиціи. Можно конфисковать брошюры, можно предавать ихъ авторовъ суду, какъ недавно г. Прево Парадоля, написавшаго брошюру *Les anciens partis*, который былъ приговоренъ къ денежной пени въ 3000 франковъ и къ тюремному заключенію на три мѣсяца; можно распоряжаться и безъ суда, посредствомъ предостереженій и запрещеній, но все это не исправитъ общества, въ томъ, что оно считаетъ разумнымъ и справедливымъ, что вызываетъ сочувствіе и защиту со стороны лучшихъ его представителей. Гораздо вѣрнѣе было бы дѣйствовать такъ, чтобъ эти люди не имѣли разумной причины принадлежать къ старымъ партіямъ и составлять враждебную оппозицію господствующему правительству. Точное исполненіе программы, высказанной императоромъ

Digitized by Google

при его вступленіи на престолъ, и обѣщанное имъ завершеніе общественнаго зданія, гораздо вѣрнѣе достигло бы той цѣли, къ которой съ такимъ усиліемъ стремится г. Бильйо. Не довольствуясь собственно политическимъ контролемъ надъ обществомъ, онъ хочетъ вести надъ нимъ и нравственный контроль посредствомъ административнаго механизма. По префектамъ разосланъ недавно циркуляръ, которымъ предписывается, чтобы каждый изъ нихъ въ своемъ департаментѣ тщательно смотрѣлъ за нравственностью газетныхъ фельетоновъ и старался сообщить этой отрасли литературы направленіе доброкачественное. Префектамъ трудно будетъ это дѣлать, развѣ они сами примутся писать фельетоны, романы и повѣсти. Все безнравственное, пошлое и вздорное развивается по необходимости, пользуясь если не прямымъ, то косвеннымъ покровительствомъ, уже потому одному, что на все даровитое, на все мыслящее наложено молчаніе. Если лучшіе таланты страны, если благороднѣйшіе элементы общества осуждены на бездѣйствіе какъ элементы безпокойные и вредные, то этимъ самымъ открывается полный просторъ для людей и мнѣній противоположнаго свойства. Распоряженія префектовъ по части литературы, какъ причина и вмѣстѣ слѣдствіе нравственной апатіи общества, являются также причиной и слѣдствіемъ безнравственнаго направленія литературы, столько возмущающаго душу г. Бильйо.

Около того же времени, когда г. Бильйо выпустилъ вышеупомянутый циркуляръ къ префектамъ, было издано англійскою королевой религіозное воззваніе къ націи, съ увѣщаніемъ соблюдать святыню воскреснаго дня, не предаваться мірскимъ занятіямъ и забавамъ и посвящать этотъ день Богу. Намъ случилось слышать людей, которые сближали этотъ манифестъ королевы съ административными мѣрами, принимаемыми въ интересѣ нравственности во Франціи. Такое сближеніе не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Вопервыхъ, англійская королева не есть только глава государства, но почитается также и представительницей церковнаго начала. Въ Англіи признается такъ называемая учрежденная, національная церковь; но она не исключаетъ и не стѣсняетъ всевозможныхъ вѣроисповѣданій, которыя могутъ быть изъявляемы и распространяемы своими приверженцами совершенно свободно. Всякому образу мыслей предоставлена полнѣйшая свобода высказываться, независимо отъ правительственнаго контроля; всякій можетъ мыслить, говорить и жить какъ хочетъ, и если встрѣтитъ себѣ противодѣйствіе, то не въ префектахъ, не въ министрахъ, а развѣ въ общественномъ мнѣніи. Смотря по силѣ своихъ убѣжденій, по энергіи своего характера, каждый можетъ всту-

Digitized by Google

пать въ явную борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ; борьбу эту никакой констабль запретить не можетъ. Въ то самое время, какъ королева издавала этотъ манифестъ, въ которомъ она только выражала господствующій въ самомъ обществѣ образъ мыслей, въ обѣ палаты парламента поступали съ разныхъ сторонъ петиціи объ отмѣнѣ закона, запрещающаго общественныя увеселенія, торговлю и работы по воскреснымъ днямъ. Никому не запрещается критиковать самымъ рѣшительнымъ образомъ этотъ давній обычай, внесенный въ народную жизнь духомъ протестантизма и вошедшій въ силу закона. Стѣснительнаго въ этомъ законѣ собственно только то, что въ седьмой день недѣли дѣйствительно запираются всѣ лавки (что начинаютъ уже съ полудня въ субботу), прекращается работа во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и на фабрикахъ, закрываются театры и т. п. Но кто не считаетъ грѣхомъ занятіе практическими дѣлами и увеселеніями въ этотъ день, тотъ легко можетъ слѣдовать своимъ наклонностямъ, не опасаясь, что въ окно или въ дверь къ нему заглянетъ администраторъ, ведущій контроль надъ его совѣстью. Человѣкъ, живущій не такъ какъ всѣ живутъ, можетъ потерять въ Англіи уваженіе своихъ сосѣдей; но государству не будетъ ни малѣйшаго дѣла ни до его образа мыслей, ни до его образа жизни, если только онъ не нарушитъ свободы другихъ, не вызоветъ противъ себя законныхъ жалобъ передъ судомъ. Государство знаетъ, что религіозный, нравственный и даже политическій контроль надъ мыслями, чувствами и дѣйствіями людей можетъ вести только живое, самосознательное, самодѣятельное общество, что всякое вмѣшательство съ его стороны было бы не только безуспѣшно, но и равно вредно какъ для общества, религіи и нравственности, такъ и для самаго государства. Великую и плодотворную силу имѣетъ духъ, живущій въ самомъ обществѣ, та внутренняя дисциплина, которая управляетъ умами и побуждаетъ ихъ двигаться въ извѣстномъ направленіи. Не всѣ люди достигаютъ яснаго и полнаго сознанія истинныхъ нормъ человѣческой нравственности; напротивъ, такихъ людей бываетъ всегда немного во всякомъ обществѣ, да и тѣ не всегда могутъ ручаться за себя, не всегда могутъ положиться на свои силы; всякому человѣку нужна нравственная поддержка другихъ людей, и хорошо, когда въ цѣломъ обществѣ живетъ сильный обычай, служащій не внѣшнею полицейскою, а внутреннею нормой для людей, отъ которой однакожъ ничто не помѣшаетъ имъ отступить, если они заслышатъ призывъ высшаго велѣнія.

Въ то время, какъ осуждаются на молчаніе лучшіе таланты и мыслящіе люди Франціи, фирма книгопродавца Дантю безпрерывно вы-

Digitized by Google

пускаетъ въ свѣтъ политическія брошюры, которыя не только не преслѣдуются, но напротивъ пользуются очевиднымъ поощреніемъ, и даже, какъ утверждаютъ свѣдущіе люди, многія изъ этихъ брошюръ пишутся по вдохновенію свыше. Невозможно исчислить этой массы брошюръ, выходящихъ почти ежедневно. Какіе вопросы не затрогиваются въ нихъ! Какія не предлагаются въ нихъ перемѣны! Какіе не забрасываются намеки, какія не проводятся инсинуаціи! Особенно имѣютъ онѣ въ виду Англію, которую эти таинственные публицисты то наивно застращиваютъ, то наивно искушаютъ разными приманками, чтобъ упрочить ея содѣйствіе или бездѣйствіе. Одна изъ послѣднихъ брошюръ, подъ заглавіемъ: *La politique anglaise*, представляетъ съ одной стороны блестящую перспективу величія, торжествъ, успѣховъ, если Англія будетъ держаться союза съ Франціей и идти съ ней рука объ руку по всякому пути, какой вздумается ей избрать; съ другой стороны доказывается, что Франція можетъ легко вступить въ другіе союзы и пойдти съ другою державой по пути торжествъ и славы, оставивъ въ сторонѣ свою прежнюю союзницу, которая вслѣдствіе того потеряетъ все свое значеніе и сдѣлается державой второстепенною. Эти публицисты вздумали даже поднять вопросъ объ Ирландіи. Вышли двѣ брошюры, одна подъ заглавіемъ: *La question irlandaise* (Ирландскій вопросъ), другая, подъ заглавіемъ: *MacMahon roi d'Irlande* (Макъ Магонъ, король ирландскій). Этотъ Макъ-Магонъ, будущій король Ирландіи, есть никто иной какъ извѣстный французскій маршалъ, носящій это шотландское имя, бывшій у насъ въ Крыму и отличавшійся недавно на поляхъ Ломбардіи. Нѣтъ ничего забавнѣе аргументовъ, приводимыхъ этими памфлетистами въ пользу Ирландіи, которая, во многихъ отношеніяхъ, находится безспорно въ лучшемъ положеніи нежели сама Франція. Выходки эти встрѣтили энергическія возраженія въ самой французской литературѣ. Считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько строкъ, сказанныхъ по поводу этихъ брошюръ въ политической хроникѣ журнала *Revue Contemporaine*:

«Если есть какой-нибудь ирландскій вопросъ, то это, конечно, не вопросъ политическій. Тридцать лѣтъ тому назадъ политика дала Ирландіи все, что только могла Ирландія требовать. Ирландецъ пользуется совершенно тѣми же гражданскими и политическими правами, какъ и Англичане, а права эти, кажется, очень обширны, и теперь немного насчитается народовъ, которые обладаютъ такими правами. Личная свобода, свобода совѣсти и религіи, неограниченная свобода печати, свобода завѣщаній, свобода сходокъ и ассоціацій, судъ присяжныхъ, національное представительство; нѣтъ ни одной гарантіи, ни одной выгоды англій-

Digitized by Google

ской конституціи, которою Ирландецъ не пользовался бы вполнѣ и всецѣло. Ирландецъ, католикъ или протестантъ, можетъ занимать всякое государственное мѣсто. Нынѣшній первый министръ королевы Викторіи родомъ Ирландецъ; онъ протестантъ, — это правда,—истый протестантъ, но въ департаментахъ ирландскаго правительства находится много католиковъ. Достаточно раскрыть любой изъ ирландскихъ журналовъ, въ которыхъ правительство королевы часто подвергается поруганію,—достаточно прочесть отчетъ о какомъ-нибудь митингѣ, гдѣ самыя основы англійскаго правительства подвергаются сильнымъ нападеніямъ, гдѣ открыто призывается иноземное вторженіе,—достаточно, чтобъ убѣдиться, какъ свобода мнѣнія уважается въ Ирландіи, даже въ самыхъ крайнихъ излишествахъ. Если Ирландецъ видитъ, что Англичане обнаруживаютъ сочувствіе къ дѣлу, для него ненавистному, то онъ съ полною свободой можетъ поднять свой голосъ въ пользу противоположнаго дѣла; если въ Лондонѣ открыта подписка для Гарибальди и Сицилійцевъ, то граждане Дублина могутъ также свободно подписываться въ пользу папы или короля неаполитанскаго; если имъ не нравится слышать какъ одинъ изъ министровъ королевы восхваляетъ Гарибальди, то они могутъ доставить себѣ удовольствіе сжечь этого Гарибальди in effigie на публичныхъ площадяхъ, какъ они уже и сдѣлали. За бездѣлицу они могутъ точно такимъ же образомъ сжечь чучелу самого министра. А эти господа толкуютъ о тираніи англійскаго правительства въ Ирландіи! Было время, когда такія обвиненія могли имѣть основаніе. Было время, когда исключительные законы тяготѣли надъ Ирландіей, когда католики косвеннымъ образомъ были исключены изъ публичныхъ должностей о-язанностью присяги, которую запрещала имъ совѣсть. Но даже и въ то время Ирландія, хотя менѣе счастливая чѣмъ Англія, пользовалась учрежденіями, которымъ многіе европейскіе народы могли бы позавидовать. Она имѣла судъ присяжныхъ, она имѣла парламентъ, и, хотя члены его не были католики, но католики были въ числѣ избирателей, они составляли большинство ихъ, что̀ конечно не оставалось безъ вліянія на выборы. Сверхъ того, мы желали бы знать, было ли въ этотъ періодъ, то-есть въ XVIII столѣтіе, положеніе протестантовъ во Франціи и во многихъ странахъ материка лучше чѣмъ тогдашнее положеніе ирландскихъ католиковъ? Въ настоящее же время всякое неравенство между католиками и протестантами исчезло какъ на практикѣ, такъ и въ законодательствѣ, и англійское правительство нельзя упрекнуть ни за одинъ актъ несправедливости въ этомъ отношеніи. Правда, въ Ирландіи остается еще одно неравенство, неравенство имущественное, на которое не могутъ

Digitized by Google

имѣть вліяніе ни министры, ни парламентъ: тамъ, какъ и вездѣ, есть богатые и бѣдные. Это уже зависитъ отъ Бога, отъ нравственныхъ и физическихъ условій, среди которыхъ живетъ человѣчество, отъ неравенства силы, отъ различія характера, отъ измѣненія временъ года, отъ случайностей счастія. Но у насъ обыкновенно предпочитаютъ возлагать вину на правительство тамъ, гдѣ оно ничего не можетъ сдѣлать. Мы касаемся здѣсь одной изъ слабыхъ сторонъ нашего народа, слабости обращаться во всѣхъ случаяхъ за помощью къ правительству. Плохъ ли урожай, дорогъ ли хлѣбъ, высоки ли ренты, за все про все должно отвѣчать правительство. Но правительство никакъ не можетъ быть обязано свести дождь съ облакъ небесныхъ, предотвратить градъ, предписать изобильный урожай или регулировать ренты. Обязанность правительства управлять хорошо, то-есть управлять какъ можно менѣе; уважать свободу всякаго лица, пока оно не покушается на свободу другаго; предоставлять индивидуальной дѣятельности ея свободное развитіе. Англійское правительство исполняетъ какъ нельзя лучше эту обязанность въ Ирландіи, и болѣе ничего нельзя требовать отъ него. Говорятъ, что въ Ирландіи есть землевладѣльцы, которые сгоняютъ съ своей земли фермеровъ. А развѣ это не случается каждый день во Франціи? Какъ будетъ жаловаться фермеръ или постоялецъ на то, что нанимаемыя имъ земля или квартира отдается другому фермеру или другому постояльцу, которые предлагаютъ лучшія условія? если даже землевладѣлецъ будетъ слишкомъ сурово пользоваться своимъ правомъ,—что иногда случается столько же во Франціи, сколько въ Ирландіи,—то какъ правительству въ это вмѣшиваться? Можетъ ли правительство вмѣшиваться въ частные контракты, нарушать одно изъ самыхъ необходимыхъ правъ, право собственности, и можетъ ли оно предписывать человѣколюбіе административными мѣрами? Оплакиваютъ ирландскую эмиграцію, но развѣ Ирландцы одни выселяются? Англичане, Нѣмцы, Швейцарцы переселяются также ежедневно. Нѣкоторыя племена имѣютъ особую склонность къ колонизаціи; переселеніе становится необходимостью для народа, который быстро размножается. Вмѣсто того чтобы любознательно разсматривать спицу въ глазу нашего ближняго, не лучше ли намъ заняться бревномъ въ своемъ собственномъ? Прилично ли намъ проповѣдывать свободу тѣмъ, кто ею издавна пользуется, въ то время, какъ мы утратили лучшую долю той, которую имѣли сами, а оставленною намъ долей не знаемъ даже какъ пользоваться?»

Парижскій корреспондентъ газеты *Times*, сообщая объ этихъ брошюрахъ, разказываетъ между прочимъ интересный случай, характеризующій ту правительственную систему, которою могъ

Digitized by Google

бы осчастливить Ирландію французскій маршалъ Макъ-Магонъ. Два или три года тому назадъ, нѣкто по имени Абу—конечно не тотъ, что̀ написалъ брошюру, надѣлавшую столько *шума*,—былъ приговоренъ за какой-то не очень важный проступокъ къ тюремному заключенію и къ полицейскому надзору по выходѣ изъ тюрьмы. Онъ былъ обязанъ жить въ назначенной мѣстности, а въ случаѣ, еслибъ онъ оставилъ ее и совершилъ что̀ называется *rupture du ban*, онъ подвергался новому заключенію въ тюрьму отъ одного года до пяти лѣтъ. Въ случаѣ этой *rupture du ban*, судебный процессъ не считается уже необходимостью; достаточно разъ увидѣть человѣка за предѣлами того мѣста, гдѣ ему назначено жить, для того чтобы прямо подвергнуть его этому наказанію. Абу именно попался въ такое положеніе; онъ отлучился изъ того департамента, куда сосланъ былъ на житье, былъ арестованъ и посаженъ на годъ въ тюрьму. Впрочемъ, согласно съ существующимъ во Франціи закономъ, противъ этого возражать нечего. Но вотъ въ началѣ текущаго мѣсяца истекъ срокъ его тюремнаго заключенія, и по закону его слѣдовало освободить, какъ человѣка, уже потерпѣвшаго наказаніе за свой проступокъ. Онъ дѣйствительно взятъ изъ нансійской тюрьмы, гдѣ сидѣлъ, но не затѣмъ, чтобы возвратиться домой, а затѣмъ, чтобъ отправиться на десять лѣтъ въ Кайенну.

«Ирландскій патріотъ, говоритъ корреспондентъ, могъ бы спросить, какое совершилъ этотъ Абу преступленіе, навлекшее на него столь тяжкую кару? Преступленіе состояло въ слѣдующемъ: префектъ того департамента, гдѣ Абу сидѣлъ въ тюрьмѣ, извѣстился, что онъ употребилъ какое-то оскорбительное выраженіе, говоря объ императорѣ. Никто не можетъ сказать, было ли это обвиненіе основательно или нѣтъ, потому что Абу не былъ за это судимъ. Простой доносъ полицейскаго агента былъ принятъ за достаточное доказательство вины. Но слова, приписываемыя ему, если онъ дѣйствительно ихъ употребилъ, не содержатъ въ себѣ и двадцатой доли того, что̀ высказывается нѣкоторыми ораторами и писателями въ Ирландіи противъ англійскаго правительства. Исторія будетъ не полна, если я не добавлю, что префектъ департамента былъ десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ самымъ крайнимъ республиканцемъ и однимъ изъ коммиссаровъ г. Ледрю-Роллена.»

Впрочемъ, все имѣетъ свою хорошую сторону, и политическое положеніе, въ которомъ находится теперь Франція, не останется безъ своего рода добрыхъ послѣдствій. Общественная мысль, сжатая въ себѣ, становится все зрѣлѣе и все болѣе и болѣе приспособляется къ разумѣнію дѣйствительности. Срав-

Digitized by Google

ните пустую фразеологію либеральныхъ эпохъ Франціи съ тѣмъ исполненнымъ смысла языкомъ, какимъ начинаютъ теперь говорить во Франціи люди различныхъ партій, и посмотрите какъ мало-по-малу всѣ партіи сближаются между собою въ возникающемъ сознаніи истинныхъ потребностей общества. Кстати замѣтить, что французское законодательное сословіе оживляется иногда свободнымъ и сильнымъ словомъ. Хотя члены этой палаты выбираются обыкновенно по назначенію префектовъ, такъ что на скамьяхъ ея сидятъ собственно не представители общества, а представители администраціи, однако случайно поступаютъ въ нее иногда и дѣйствительно выборные люди. Такихъ независимыхъ членовъ немного, три-четыре человѣка, и къ числу ихъ принадлежитъ г. Жюль-Фавръ, знаменитый адвокатъ. По случаю преній о бюджетѣ, онъ недавно высказалъ много полезныхъ истинъ, и голосъ его раздавался свободно, несмотря на всѣ усилія президента замять дѣло или дать другое направленіе рѣчи оратора. Г. Жюль-Фавръ коснулся многаго, онъ говорилъ объ униженномъ положеніи французской мысли и слова, и даже нашелъ случай сказать слово о споліяціи, которой подверглась орлеанская фамилія.

Французскія газеты подробно описывали церемоніялъ похоронъ принца Іеронима, скончавшагося въ началѣ текущаго мѣсяца послѣ непродолжительной болѣзни, и сообщали біографическія свѣдѣнія о покойномъ. Какъ ни полны были эти свѣдѣнія, однако въ нихъ былъ замѣченъ одинъ довольно знаменательный пропускъ. Никто не упомянулъ о томъ, какъ въ 1847 году правительство Лудовика-Филиппа разрѣшило принцу Іерониму жить въ Парижѣ. Говорятъ, было дано приказаніе не упоминать этого факта, хотя пребываніе принца Іеронима въ Парижѣ не мало содѣйствовало тому, что племянникъ его въ послѣдствіи возведенъ былъ на степень президента республики. Принцу не только было дозволено пребываніе въ Парижѣ, но онъ былъ принятъ Лудовикомъ-Филиппомъ въ Сенъ-Клу съ такимъ почетомъ, съ какимъ принимались только коронованныя особы. Этого мало: ему назначена была королемъ ежегодная пенсія въ 150.000 франковъ, и назначеніе это ожидало лишь одобренія палаты депутатовъ, чего не послѣдовало потому только, что февральская революція ниспровергла тогда и тронъ Лудовика-Филиппа, и палату депутатовъ.

Digitized by Google

Сейчасъ только получены газеты съ отчетомъ о засѣданіи палаты общинъ 23 іюля, въ которое лордъ Пальмерстонъ изложилъ причины, заставляющія правительство требовать, чтобъ ему разрѣшенъ былъ кредитъ на 11.000.000 фун. ст. для предположенныхъ укрѣпленій страны. Рѣчь перваго лорда казначейства очень обширна по своему объему и очень сильна по своему содержанію. Изложивъ сначала общія основанія предположеннаго плана, лордъ Пальмерстонъ сказалъ: «Что касается до необходимости этихъ работъ, то всякій, кто только броситъ взглядъ на положеніе Европы, всякій, кто слышитъ и видитъ все происходящее, не можетъ не быть убѣжденъ, что будущее не безопасно. Трудно предвидѣть, гдѣ разразится гроза; но горизонтъ покрытъ облаками, предвѣщающими бурю. Безъ сомнѣнія, палата знаетъ, что я говорю теперь преимущественно о нашемъ сосѣдѣ по ту сторону Британскаго канала; мнѣ нѣтъ надобности маскировать мою мысль. Я говорю не во враждебномъ духѣ, и никто не имѣетъ права оскорбляться заключеніями и соображеніями, не имѣющими другаго источника, кромѣ принципа самообороны. Правда, мы заключили недавно торговый трактатъ съ Франціей. Этотъ трактатъ имѣетъ большую цѣну. Доказано опытомъ, что народы, находящіеся между собою въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ, побуждаемые собственными своими интересами къ сохраненію мира, труднѣе приходятъ во враждебное столкновеніе чѣмъ народы, между которыми такихъ связей нѣтъ. Но все это не можетъ осуществиться вдругъ. Великій народъ, энергія котораго не была до сихъ поръ направлена въ смыслѣ экономическихъ интересовъ, народъ, которому его слава и подвиги сообщили воинственные склонности и вкусы, не можетъ вдругъ отказаться отъ своихъ старыхъ навыковъ и съ перваго раза понять всѣ выгоды и благодѣянія, проистекающія изъ торговыхъ и мирныхъ сношеній... Было бы безумiемъ съ нашей стороны разчитывать на будущія дѣйствія торговаго трактата, когда мы знаемъ, что у насъ есть уязвимые пункты, есть также средства оградить ихъ... Мы видимъ во Франціи армію, состоящую изъ 600.000 человѣкъ; 400.000 находятся подъ ружьемъ, остальные въ отпуску, но черезъ двѣ недѣли могутъ быть всѣ собраны на службу. Армія эта гораздо сильнѣе чѣмъ сколько требуетъ безопасность Франціи. Никакой народъ въ Европѣ не будетъ замышлять нападенія на Францію, если только не будетъ къ тому вызванъ. Никто не питаетъ надежды отнять у Франціи ея владѣнія, и тому пришлось бы плохо, кто напалъ бы на нее, не будучи вынужденъ къ тому ею же самою. Слѣдовательно, можно заключать, что эта армія не составляетъ необходимости для обороны Франціи. Я не хочу сказать, чтобъ эта армія содержалась преднамѣренно

Digitized by Google

съ завоевательными цѣлями. Нѣтъ, я этого не думаю. Но возможностью произвести нападеніе часто внушается желаніе произвести его *(слушайте! слушайте!)*, и вы не можете, вы не должны разчитывать на воздержность и умѣренность сосѣда, обладающаго бо́льшими военными силами чѣмъ вы; вашъ долгъ уравновѣсить ваши оборонительныя средства съ его наступательными средствами...»

Рѣчь эта имѣла силу демонстраціи и произвела большое впечатлѣніе. Телеграмма отъ 30 іюля извѣщаетъ, что англійское правительство получило депешу, которою Франція предлагаетъ Англіи общую политику въ Сиріи и Италіи, на основаніи сохраненія Турціи и невмѣшательства въ Италію. Это что-то похоже на возрожденіе уже оплаканной всѣми *entente cordiale*. Но было бы лучше, еслибы вмѣсто сохраненія Турецкой имперіи въ ея нынѣшнемъ видѣ нашлась какая-нибудь возможность обезпечить иначе положеніе дѣлъ на Востокѣ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Въ послѣднее время нельзя было не замѣтить, что на мусульманскомъ Востокѣ происходитъ или приготовляется какое-то обширное движеніе. Еще недавно исламъ показывалъ признаки жизни только въ пунктахъ своего соприкосновенія съ христіанами, въ Алжирѣ, на Кавказѣ, въ Индіи. Пораженный на всѣхъ этихъ пунктахъ, онъ, повидимому, готовится теперь вступить въ послѣдній бой съ христіанствомъ. Число мусульманскихъ богомольцевъ, посѣщающихъ Мекку, возрастаетъ съ каждымъ годомъ, чему не малымъ пособіемъ служило соперничество между пароходными компаніями, которыя, какъ кажется, пользуются вспомоществованіями своихъ правительствъ всего болѣе для оказанія услугъ народонаселенію Турецкой имперіи, странствующему въ Мекку. Быстрота и дешевизна сообщеній, стоящая милліоновъ христіанскимъ правительствамъ, покровительствуетъ такимъ образомъ мусульманскому фанатизму, и, можно даже сказать, искусственно возбуждаетъ его: значительная часть издержекъ передвиженія хаджіевъ падаетъ на плательщиковъ податей въ тѣхъ христіанскихъ государствахъ, которыя даютъ черезмѣрныя субсидіи пароходнымъ компаніямъ Средиземнаго моря;

Digitized by Google

въ сущности, это—субсидіи, выдаваемыя отчасти въ пользу мусульманскаго движенія. Какъ сильно это движеніе, мы можемъ видѣть на нашихъ крымскихъ Татарахъ, которые всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вздумали нынѣшнею весной переселяться въ Малую Азію. Мы отнюдь не сожалѣемъ объ этомъ переселеніи; крымскіе Татары ничѣмъ не могли такъ угодить Россіи, такъ услужить истиннымъ интересамъ Новороссійскаго края, какъ этимъ рѣшеніемъ, но нельзя не придавать значенія этому движенію, и нельзя не обратить вниманія на слухи, распространенные въ Крыму, что по убѣжденію тамошнихъ Татаръ, въ ихъ содѣйствіи должна скоро оказаться надобность на Востокѣ. Такое же убѣжденіе, говорятъ, раздѣляютъ и мусульманскіе горцы, выселяющіеся съ Кавказа. Центръ, изъ котораго распространяются подобныя убѣжденія, конечно, не Константинополь и не та Блистательная Порта, которая принята теперь въ европейскій международный союзъ: этотъ центръ долженъ находиться гдѣ-нибудь дальше отъ Европы гдѣ-нибудь ближе къ странамъ, породившимъ магометанство. Блистательной Портѣ это движеніе можетъ-быть столько же враждебно, сколько враждебно оно христіянскимъ державамъ; къ тому же оно, очевидно, не ограничивается одною Турціей. Между тѣмъ какъ магометане-сунниты сотнями тысячъ стекаются въ Мекку и, воспламеняясь тамъ религіознымъ фанатизмомъ, составляютъ планы для общаго дѣйствія, магометане-шіиты не менѣе прилежно посѣщаютъ свои святыя мѣста на Евфратѣ, и въ Персіи, повидимому, тоже приготовляется какой-то взрывъ. Персидскій шахъ переѣзжаетъ теперь изъ дворца во дворецъ не для того только, чтобы наслаждаться лѣтомъ; по прямымъ извѣстіямъ изъ Тегерана, помѣщеннымъ въ газетѣ *Кавказъ*, шахъ укрывается отъ секты бабіевъ еще болѣе чѣмъ отъ зноя. Едва только Испанія, поощряемая французскимъ правительствомъ въ своихъ чувствахъ христіянскаго патріотизма, успѣла благополучно покончить распрю съ Марокскимъ султаномъ, какъ въ африканскомъ Триполисѣ начинаются безпорядки, которые могутъ подать поводъ уже къ собственному вмѣшательству Франціи; они угрожаютъ алжирской торговлѣ, которая хотя и не очень дѣятельна въ своихъ операціяхъ, однако же, какъ всѣмъ извѣстно, очень дѣятельно поощряется французскимъ правительствомъ. Есть какая-то таинственная симпатическая связь между мусульманскимъ движеніемъ и воинственными наклонностями той христіянской державы, которая была въ Европѣ старѣйшею и вѣрнѣйшею союзницей мусульманской Турціи. Франціи, видно, судьба постоянно сражаться, постоянно быть вынужденной сражаться, а кому какъ не фаталистическому Востоку всего приличнѣе быть орудіемъ судьбы? И вотъ Франція считаетъ себя теперь

Digitized by Google

вынужденною вмѣшаться не только въ дѣла Триполиса, но и въ дѣла Сиріи, связанной съ Франціей самыми *священными* узами давняго протектората и давнихъ властолюбивыхъ интригъ. Вѣрная своему безкорыстному героизму, Франція забываетъ на время о Триполисѣ и Алжирѣ и спѣшитъ на Ливанскія горы, останавливаемая въ этомъ спѣшномъ стремленіи только необходимостью получить полномочіе отъ главныхъ державъ Европы, требуемое парижскимъ трактатомъ. Дѣло въ томъ, что знаменитая секта Друзовъ, о которой такъ много сказано было блистательныхъ рѣчей во французскихъ палатахъ 40-хъ годовъ, опять принялась за оружіе, и хотя это движеніе теперь, повидимому, уже прекращено мировою сдѣлкой между Маронитами и Друзами, хотя оно очевидно не находится въ тѣсной связи съ упомянутымъ нами общимъ настроеніемъ мусульманъ, но опустошенія, произведенныя Друзами въ горахъ Ливана, послужили, какъ кажется, сигналомъ къ возстанію настоящихъ правовѣрныхъ во всей западной Сиріи, и теперь сирійскіе христіяне имѣютъ дѣло уже не съ сектой Друзовъ, ненавидящей мусульманъ еще болѣе нежели христіянъ, а со всѣми магометанскими фанатиками Сиріи. Кровопролитіе распространилось теперь за тѣсные предѣлы Ливанскихъ горъ; движеніе приняло общій мусульманскій характеръ. Опасность угрожаетъ теперь не однимъ Маронитамъ, а всѣмъ христіянамъ и всѣмъ Европейцамъ, живущимъ въ Сиріи.

Европейское общество всѣхъ вѣроисповѣданій обнаружило, по поводу этихъ событій, истинно-христіянскій духъ сочувствія къ судьбѣ сирійскихъ христіянъ, туземцевъ и Европейцевъ. Повсюду собираются теперь подписки въ пользу пострадавшихъ, и что заслуживаетъ особеннаго упоминанія, одинъ изъ первыхъ голосовъ о подпискѣ былъ поданъ евреями Лондона и Парижа, вслѣдствіе вызова, съ которымъ гг. Монтефіоре и Кремье обратились къ своимъ единовѣрцамъ. «Мы пользуемся христіянскимъ гостепріимствомъ, говорили эти почтенные евреи, мы живемъ среди христіянскаго общества, подъ его либеральными законами; мы обязаны быть человѣколюбивы къ единовѣрцамъ тѣхъ людей, которое показали относительно насъ такое человѣколюбіе.» Если евреи, живущіе въ христіянской Европѣ, настолько освободились отъ того отчужденія, въ которое поставлена вся исторія ихъ племени, если они не хотятъ уже стоять, какъ стояли прежде, особнякомъ среди «языковъ человѣческихъ», то могутъ ли христіяне оставаться чуждыми страданіямъ христіянъ и смотрѣть безучастно на ихъ судьбу? Нѣтъ сомнѣнія, что это невозможно, что въ европейскомъ обществѣ достаточно силъ и для христіянскаго сочувствія, и для энергическаго дѣйствія въ христіянскомъ духѣ на защиту страждущихъ единовѣрцевъ. И дѣйстви-

Digitized by Google

тельно, европейское общество высказывается единодушно. Во всей Европѣ слышенъ теперь одинъ голосъ о ливанскихъ дѣлахъ, голосъ живаго соболѣзнованія бѣдствіямъ, которымъ подверглись сирійскіе христіяне. Всѣ настоятельно требуютъ быстраго прекращенія ужасовъ, отъ которыхъ раздирается сердце каждаго христіянина; всѣ готовы перенести свое сочувствіе на тѣхъ людей, которые поспѣшатъ на помощь несчастнымъ страдальцамъ. Всѣ согласны въ томъ, что одно прекращеніе кровопролитія, даже одно наказаніе виновныхъ теперь недостаточно, что надобно положить конецъ тому порядку дѣлъ, который дѣлаетъ возможными подобныя явленія. Французская высадка на берега Сиріи теперь рѣшена почти окончательно, лишь бы только Франція дѣйствовала не отъ одного своего имени, а въ силу полномочія державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ 1856 года. Никто не протестуетъ противъ дѣятельнаго вмѣшательства въ дѣла Сиріи, и сама Турція, по послѣднимъ извѣстіямъ, изъявила на то свое согласіе. Европа поступила въ этомъ дѣлѣ такъ, что французское правительство не можетъ на этотъ разъ обвинять ее въ недостаткѣ довѣрія къ благородству его намѣреній. Политическія соображенія совершенно замолкли передъ чувствомъ, понятнымъ въ каждомъ христіянскомъ обществѣ. Органы общественнаго мнѣнія Англіи, наиболѣе враждебные французской политикѣ, громко возставали противъ несвоевременнаго благоразумія тѣхъ людей, которые указывали на возможность вредныхъ политическихъ послѣдствій французскаго вмѣшательства. Только газета *Morning Post* говорила уклончиво, pour sauver les apparences, о необходимости вмѣшательства и высказывала надежду, что турецкое правительство само будетъ въ силахъ прекратить безпорядки. Другія газеты, и во главѣ ихъ *Times*, вѣрнѣйшій отголосокъ лондонскаго общественнаго мнѣнія, сильно напали на политику выжиданія и переговоровъ, на политику гамлетизма, какъ выразился *Times*. «Нужно дѣйствовать, а не переписываться; всѣ христіянскія державы должны дѣйствовать единодушно и отложить взаимные счеты»: таковъ былъ до послѣдней минуты общій голосъ въ Англіи и можно сказать во всей Европѣ.

«Нужно дѣйствовать»; таковъ былъ бы и нашъ искренній кликъ, если бы нашъ голосъ могъ имѣть вліяніе на дѣйствіе или бездѣйствіе тѣхъ, кто можетъ дѣйствовать. Но мы живемъ въ скромной столицѣ Востока Европы, среди общества, имѣющаго очень мало вліянія на всемірный ходъ дѣлъ, и пишемъ для этого скромнаго общества. Какъ ни велико наше сочувствіе къ нашимъ братьямъ по вѣрѣ, живущимъ въ Леванте, какъ ни сильна наша скорбь о ихъ бѣдствіяхъ, наше слово сочувствія и горести не можетъ, къ сожалѣнію, имѣть большаго

Digitized by Google

практическаго дѣйствія. Мы не повредимъ успѣху французской экспедиціи, которая въ настоящую минуту, вѣроятно, уже отправилась изъ Тулона, мы ни на каплю не уменьшимъ ни силы французскаго оружія, ни славы, которая несомнѣнно ожидаетъ его на высотахъ Ливана, мы ни на волосъ не ослабимъ убѣжденія, столь нужнаго французскому войску, что оно будетъ сражаться за святое дѣло человѣколюбія, не внесемъ диссонансовъ въ общій строй теперешнихъ чувствъ христіянской Европы, если позволимъ себѣ взглянуть на современную намъ фазу восточнаго вопроса съ той точки зрѣнія, свободной отъ вліянія недавнихъ тяжкихъ впечатлѣній, которая возможна для насъ и для нашей публики, благодаря нашей отдаленности отъ театра событій. Наше общество, для котораго мы пишемъ, не призвано дѣйствовать; намъ нечего опасаться, что мы охладимъ въ немъ жаръ, необходимый для дѣйствія, что заразимъ нашихъ читателей гамлетизмомъ. На насъ не лежитъ нравственнаго долга умалчивать о нашихъ сомнѣніяхъ, воздерживаться отъ анализа чувства, дабы не попрепятствовать ему перейдти въ дѣло; мы не обязаны брать это чувство какъ оно есть, со всѣми его элементами, и вторить ему ради ожидаемыхъ или желаемыхъ результатовъ предстоящаго дѣла. Въ виду общества, котораго голосъ, теперь еще мало слышный, рано или поздно будетъ имѣть надлежащее вліяніе на разрѣшеніе восточнаго вопроса, мы даже обязаны не воздерживаться отъ анализа правительственныхъ чувствованій державы, желавшій взять на себя иниціативу въ дѣйствіяхъ Европы по сирійскимъ дѣламъ, мы обязаны не умалчивать сомнѣній, возбуждаемыхъ этимъ анализомъ, особенно если прямое выраженіе этихъ сомнѣній можетъ содѣйствовать очищенію того христіянскаго чувства человѣколюбія, которое, безъ всякаго сомнѣнія, не менѣе живо въ нашемъ обществѣ, не дѣйствующемъ, нежели въ націи, готовящейся дѣйствовать. Намъ кажется, что ближе всмотрѣться въ подробности и элементы этого дѣла полезно намъ потому, что это должно повести къ очищенію, а слѣдовательно и укрѣпленію въ насъ самихъ христіянскаго чувства человѣколюбія къ нашимъ сграждущимъ братьямъ, подданнымъ Турецкой имперіи.

Чтобы судить о роли, которую играютъ европейскія державы въ дѣлахъ Ливана, надобно припомнить себѣ прежнія событія и участіе въ нихъ Европы. Мы уже упомянули, что Друзовъ нельзя считать за настоящихъ мусульманъ. Эта оригинальная секта примыкаетъ, правда, къ мусульманству; Коранъ пользуется у Друзовъ нѣкоторымъ уваженіемъ; но въ Мекку они не ходятъ, и питаютъ ненависть къ поклонникамъ Магомета за частыя преслѣдованія съ ихъ стороны. Вѣрованія Друзовъ составляютъ смѣсь первобытнаго язычества Ливанскихъ горъ, отличавшагося

Digitized by Google

сладострастными обрядами, съ нѣкоторыми чертами магометанскаго, еврейскаго и даже христіянскаго ученія. Они называютъ себя поклонниками единаго Бога, но вѣрятъ въ его воплощеніе въ Хакимѣ, одномъ изъ фатимитскихъ калифовъ Египта; Хакимъ, по ихъ понятіямъ, скрылся теперь съ лица земли, но нѣкогда явится снова и будетъ царствовать надъ всею землей. Они вѣрятъ въ переселеніе душъ и полагаютъ, что души добрыхъ людей переселяются опять въ людей, а души злыхъ—въ животныхъ: бракъ не имѣетъ у нихъ прочности; они допускаютъ кровосмѣшеніе, хотя и не допускаютъ многоженства; они не признаютъ запрещенія пить вино и ѣдятъ свиное мясо. Религіозное ученіе у нихъ составляетъ тайну для простаго народа; оно извѣстно только посвященнымъ, *оккалямъ*, которые пользуются у народа большимъ уваженіемъ; особенно чтутся посвященные, ведущіе отшельническую жизнь, постящіеся каждый вечеръ, вовсе не вкушающіе мяса. Впрочемъ всѣ *оккали* обязаны жить воздержно, никогда не говорить громко, никогда не ѣсть пищи изъ дома князей или ихъ служителей, потому что, говорятъ они, пища эта упитана потомъ бѣдныхъ людей. Свѣтскою властію *оккали* не пользуются; дѣлами народа управляютъ непосвященные. Нѣкоторые путешественники свидѣтельствуютъ, что у Друзовъ сохранились еще слѣды древняго языческаго поклоненія Адонису, подъ образомъ тельца. Языкъ Друзовъ — арабскій.

Мароніты говорятъ также арабскимъ языкомъ, но священнымъ считается у нихъ языкъ сирскій, котораго впрочемъ они не разумѣютъ за немногими исключеніями. По мнѣнію ученаго историка христіянской церкви Неандера, они потомки секты моноѳелетовъ, признававшей въ Спасителѣ одну волю. Подвергшись преслѣдованію въ предѣлахъ Римской имперіи, секта моноѳелетовъ еще тогда нашла себѣ убѣжище въ горахъ Ливана и Антиливана, куда занесъ ее нѣкто Маронъ; по его-то имени всѣ послѣдователи этой секты называются Маронитами. Во время крестовыхъ походовъ Мароніты присоединились къ римско-католической церкви. Виллермъ Тирскій свидѣтельствуетъ, что въ 1180 году они отреклись отъ ученія Маронова, подчинились латинскому патріарху и сражались подъ знаменами короля Балдуина IV. За гостепріимство, оказанное ими Франкамъ, папы дали ихъ патріарху титулъ патріарха Антіохійскаго, который и доселѣ признается католиками за патріархомъ Маронитовъ. Но всѣ свидѣтельства согласны въ томъ, что подчиненіе папѣ было со стороны Маронитовъ политическою мѣрой, что они имѣли въ виду обезпечить себѣ покровительство папы и французскаго короля противъ ненавистныхъ имъ Друзовъ, Мельхитовъ и Мета-

Digitized by Google

милей (1), а въ сущности они вовсе не католики. Они продолжаютъ поклоняться своему патрону Марону, котораго чтутъ какъ святаго; ихъ духовные вступаютъ въ бракъ (однократный); служба совершается у насъ на древне-сирскомъ языкѣ, за исключеніемъ чтенія Евангелія, происходящаго на арабскомъ языкѣ; причастіе принимается подъ двумя видами. Число духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, у нихъ огромное; еще знаменитый Вольней замѣтилъ, что во всей Италіи нѣтъ столько епископовъ, сколько въ небольшой странѣ Казраванъ, обитаемой Маронитами (она лежитъ по западному склону Ливана на сѣверъ отъ Бейрута). Патріархъ, или по-маронитски *батракъ*, выбирается всѣми епископами; епископовъ выбираетъ народъ епархіи; священниковъ—народъ каждаго прихода.

Французскіе путешественники, вообще доброжелательные къ Маронитамъ, сознаются, что высшее духовенство, которому они совершенно послушны, развиваетъ въ нихъ ненависть къ людямъ, не исповѣдующимъ ихъ «католической», какъ величаютъ они ее, религіи. «Когда Мароните одерживали верхъ, говоритъ Французъ Корансе, бывшій въ этихъ странахъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, то ихъ иго бывало тяжеле нежели всякое другое.» Въ низшемъ духовенствѣ и монашествѣ у Маронитовъ путешественники видѣли много истиннаго благочестія, напоминающаго, какъ говорятъ они, апостольскія времена, но высшее духовенство, по общему свидѣтельству всѣхъ, одержимо самымъ безпокойнымъ духомъ, и огромное вліяніе, которымъ оно пользуется въ своемъ народѣ, было всегда главною причиной безпокойствъ, происходившихъ въ Ливанскихъ горахъ. Подъ этимъ вліяніемъ, во всѣ времена, Мароните показывали самое живое расположеніе къ разнымъ переворотамъ. Не было ничего легче, какъ возбудить ихъ къ возстанію, и потому они всегда были удобнымъ орудіемъ въ рукахъ иностранной политики. Людовикъ XIV пытался съ ихъ помощію подчинить Сирію своему формальному протекторству (1649); Наполеонъ I посылалъ къ нимъ своего секретаря Амедея Жобера изъ С.-Жанъ д'Акры; на нихъ же опиралась сирійская политика Людовика-Филиппа и г. Тьера.

---

(1) Метавилями или Метуэлями называются мусульмане секты шіитовъ, довольно многочисленные въ Ливанскихъ горахъ. Мелькитами называются православные; ихъ немного въ этихъ мѣстахъ; они принадлежатъ къ округу православнаго патріарха Антіохіи, живущаго теперь въ Дамаскѣ; по языку, они отчасти Арабы, отчасти Славяне; какъ вездѣ въ Турціи, они много терпятъ не только отъ Турокъ, но и отъ католиковъ, и отъ Маронитовъ, и отъ своего высшаго духовенства, состоящаго изъ Грековъ, которые даже не трудятся узнать мѣстныя нарѣчія своей паствы. (См. Ritter *Erdkunde*, XVII, I, стр. 196, 755, 801.)

Digitized by Google

Ливанскія племена подпали владычеству Турокъ въ концѣ XVI столѣтія, но даже и послѣ этого времени сохранили въ значительной степени свою независимость. Турки пользовались взаимною враждой этихъ племенъ, но когда удавалось какому-нибудь эмиру возвыситься надъ другими, то турецкое вліяніе тотчасъ же ослабѣвало. Одна эпоха исторіи Ливана особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи. Это—эпоха верховнаго эмира Друзовъ, Фахреддина (1595—1634). Совершенно нейтральный относительно религіозныхъ партій своей страны, этотъ эмиръ показывалъ особенное расположеніе къ христіанамъ. Онъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Европейцами, имѣлъ случай побывать въ Италіи и лично вступить въ связи съ тосканскимъ и неаполитанскимъ дворомъ, ознакомился съ христіанскою цивилизаціей и самъ пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ наукахъ и торговомъ дѣлѣ. Слава Фахреддина распространилась по всей Европѣ; безопасность, которую онъ предоставилъ торговлѣ, привлекла Европейцевъ въ гавани Ливана, преимущественно въ Сайду, древній Сидонъ, гдѣ онъ устроилъ для Европейцевъ три *хана*, или караванъ-сарая (1). По горамъ онъ проложилъ дороги; черезъ рѣки въ Бейрутѣ и Сайдѣ тосканскіе архитекторы построили ему очень красивые мосты, которые и теперь еще цѣлы; онъ первый ввелъ въ Ливанѣ шелководство, составляющее до сихъ поръ главный источникъ богатства этой страны. Маронитамъ онъ дозволилъ свободное отправленіе ихъ богослуженія, разрѣшилъ имъ вездѣ, гдѣ хотятъ они, строить церкви и монастыри, и далъ имъ право звонить въ колокола, право, котораго были лишены христіане въ предѣлахъ турецкаго владычества. Даже послѣ того какъ Фахреддинъ былъ низложенъ Турками, европейская торговля въ Сайдѣ была такъ значительна, что доставляла турецкому правительству ежегодныхъ пошлинъ около 200.000 кронталеровъ. Турки щадили поэтому европейскую торговлю, но съ неистовствомъ преслѣдовали потомковъ Фахреддина и искоренили весь родъ его. Друзы тѣмъ не менѣе не покорялись; чтобы совершенно обезпечить власть свою въ Ливанѣ, Порта поручила пашалыкъ Сайды самому храброму и хитрому, но въ то же время самому жестокому изъ слугъ своихъ, прославившемуся подъ именемъ Джезаръ-паши, то-есть Живодера-паши. Этотъ искатель приключеній успѣлъ покорить Друзовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разорилъ

(1) Эти ханы называются по италіянски campi, по французски les camps, они упоминаются въ повѣствованіяхъ о недавнихъ событіяхъ Сиріи. Замѣтимъ мимоходомъ, что нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ неправильно понимаютъ это слово, говоря о *французскомъ лагерѣ*, тогда какъ французской высадки еще не было, а слѣдовательно не можетъ быть и французскаго лагеря въ этихъ мѣстахъ.

Digitized by Google

Ливанъ. Съ тѣхъ поръ городъ Сайда, древній Сидонъ, превратился въ незначительную деревушку. Между тѣмъ все-таки сохранилось еще верховное эмирство Друзовъ; по искорененіи поколѣнія Фахреддинова, оно перешло въ колѣно Шехабитовъ, которое пользовалось въ горахъ большимъ уваженіемъ; первоначально оно исповѣдывало чистую магометанскую вѣру, но путешественники, посѣщавшіе Ливанъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, высказываютъ мнѣніе, что бо́льшая часть Шехабитовъ втайнѣ приняли крещеніе. Изъ Шехабитовъ особенно замѣчателенъ былъ эмиръ Беширъ, управлявшій Ливаномъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Онъ былъ очень расположенъ къ Англичанамъ и вообще къ Европейцамъ; дѣти его были крещены и воспитаны по-европейски; одна изъ дочерей его вышла замужъ за Друза, но не прежде какъ онъ принялъ христіянскую религію. Въ дворцѣ эмира Бешира были мальчики-рабы изъ негровъ и Грековъ; негровъ онъ воспитывалъ въ магометанской, Грековъ — въ католической вѣрѣ. Самъ онъ не признавался открыто въ христіянствѣ, но держалъ при себѣ духовника, одного священника-Италіянца. Одного маронитскаго епископа, Іоанна Маруна, онъ назначилъ кадіемъ въ Казраванѣ; этотъ епископъ судилъ по Корану, увѣряя Европейцевъ, что право Корана въ сущности не мусульманское, а заимствовано Магометомъ изъ Юстиніанова кодекса. Таковъ хаосъ, господствующій въ понятіяхъ ливанскихъ жителей, но все-таки подобные факты ясно доказываютъ, что ливанскіе Друзы были уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія довольно свободны отъ вражды къ христіянству.

Изъ христіянскихъ миссій на Ливанѣ съ особеннымъ успѣхомъ дѣйствовала протестантская американская миссія. Дѣятельность ея началась въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и усилилась въ 1837 году, когда соединенныя протестантскія церкви Сѣверной Америки выслали въ Бейрутъ 15 миссіонеровъ, которые ревностно принялись за изученіе туземныхъ нарѣчій и за переводъ Священнаго Писанія на арабскій языкъ. Бейрутская американская миссія завела нѣсколько школъ и типографій, какъ въ Бейрутѣ, такъ и въ горахъ, и скоро туземные ученики, получившіе воспитаніе у миссіонеровъ, начали подкрѣплять миссію своими бодрыми силами. Усилія миссіи были направлены не на прозелитизмъ, а на устраненіе препятствій и предубѣжденій, задерживающихъ распространеніе христіянства: христіянскіе врачи были приглашены миссіей, чтобы лѣчить людей всѣхъ вѣроисповѣданій и племенъ безъ различія; по городамъ и селамъ были заведены школы, въ которыхъ учились дѣти разныхъ религій; но главное вниманіе было обращено на распространеніе Священнаго Писанія между Друзами и Маронитами, и это послѣднее обсто-

Digitized by Google

ятельство, повидимому, возбудило наибольшую вражду къ миссіи въ маронитскомъ патріархѣ. Маронитское духовенство испугалось успѣха протестантской миссіи; оно видѣло ея черезвычайную популярность между Друзами, не ослабѣвшую послѣ многихъ испытаній, не потрясенную даже тою страшною ненавистью, которую возымѣли Друзы къ Маронитамъ и вообще къ христіянамъ, вслѣдствіе разныхъ вмѣшательствъ европейской политики въ дѣла Ливана. Друзы, Метавиліи, даже магометане изъ отдаленныхъ частей Сиріи стекались въ школы миссіонеровъ, и Мароніты съ ревностію принялись читать Св. Писаніе, несмотря на запрещеніе своего духовенства. Между Маронитами составились даже тайныя общества для чтенія Библіи; заключались союзы, которыхъ члены давали клятвенное обязательство защищать другъ друга въ случаѣ преслѣдованій за чтеніе Библіи. Тогда маронитскій *батракъ* рѣшился дѣйствовать. Съ помощію денегъ, которыя онъ получалъ изъ христіянской Европы, какъ католической, такъ и протестантской, онъ сталъ вооружать Друзовъ противъ протестантской миссіи и противъ тѣхъ изъ ихъ соплеменниковъ, которые учились у христіянъ; въ то же время, съ помощію тѣхъ же денегъ, онъ добился въ Константинополѣ того, что американской миссіи было приказано закрыть основанное ею высшее училище въ Дейръ-эль-Камарѣ. Таковъ былъ одинъ изъ поводовъ къ волненію, происшедшему между Друзами въ 1841 году.

Но возвратимся къ эмиру Беширу. Онъ былъ человѣкъ алчный до денегъ и къ тому же принужденъ былъ откупаться отъ турецкихъ пашей. Поэтому онъ бралъ съ Друзовъ и Маронитовъ очень тяжкія подати, но все-таки страна чувствовала себя хорошо подъ его управленіемъ, благодаря личной безопасности и отсутствію личныхъ преслѣдованій. Не было никакого сравненія между управленіемъ верховнаго эмира Друзовъ и управленіемъ турецкихъ пашей. Ливанъ, можно сказать, процвѣталъ сравнительно съ сосѣдними областями Турціи. Очень большую важность имѣло, впрочемъ, здѣсь, какъ и вездѣ, болѣе раціональное устройство землевладѣнія. Между тѣмъ какъ почти всѣ равнины Сиріи и Палестины, съ ихъ плодородными землями, были собственностію правительства, ливанскіе горцы владѣли своею землей на правѣ собственности. Жители равнинъ, отъ природы очень богатыхъ, остаются въ бѣдности; бо́льшая часть земель ихъ лежитъ впустѣ. На ливанскихъ горахъ, напротивъ, каждый клочокъ земли обработанъ; въ каждое мѣстечко проведена вода. «Нѣтъ можетъ-быть страны въ Сиріи менѣе удобной для воздѣлыванія нежели многіе округи на Ливанскихъ горахъ, говоритъ путешественникъ Буркгардтъ, но тѣмъ не менѣе они населены очень густо.» И христіяне и мусульмане издавна искали на Ли-

Digitized by Google

ванскихъ горахъ убѣжища отъ преслѣдованія турецкихъ пашей; этимъ объясняется то, что народонаселеніе Ливана такъ возросло. Эмиръ Беширъ, который много поплатился пашамъ, постоянно хлопоталъ о томъ, чтобы находиться въ непосредственномъ подчиненіи Портѣ, но хлопоты его не повели ни къ чему. Это побудило его искать дружбы Мегмета-Али египетскаго и содѣйствовать соединенію Сиріи съ Египтомъ. Извѣстно, что египетскій паша въ продолженіе почти десяти лѣтъ господствовалъ въ Сиріи, и хотя этому господству былъ положенъ конецъ волей Европы, но теперь всѣ согласны въ томъ, что время египетскаго управленія было лучшимъ временемъ для Сиріи. Самъ лордъ Страффордъ де-Редклифъ, такъ хорошо знающій дѣла Востока, высказалъ это недавно въ палатѣ лордовъ, дѣлая запросъ правительству по поводу сирійскихъ дѣлъ. Личная безопасность была вполнѣ обезпечена; разбои прекратились; оружіе было отобрано у ливанскихъ горцевъ. Этому времени обязанъ своимъ процвѣтаніемъ Бейрутъ (древній Беритъ, знаменитый в древности школой своихъ юристовъ, цѣнимый теперь Европейцами за свой умѣренный и здоровый климатъ), и къ этому же времени относится учрежденіе американской миссіи въ Бейрутѣ. Но европейская политика рѣшила, чтобы Сирія принадлежала султану. Англійскія и австрійскія силы выгнали Египтянъ изъ Сиріи въ 1840 году, и Сирія опять подпала безалаберной власти турецкихъ пашей. Эмиръ Беширъ остался вѣренъ Египтянамъ; онъ былъ отвезенъ на островъ Мальту (1). Друзамъ, между которыми было много людей враждебныхъ египетскому господству, Англичане роздали ружья для возстанія противъ Египтянъ, и этими ружьями Друзы скоро воспользовались противъ Маронитовъ.

Мы уже упоминали объ интригахъ маронитскаго патріарха, подавшихъ поводъ къ волненію между Друзами. Египетское господство также оставило по себѣ слѣдъ во взаимныхъ чувствахъ Друзовъ и Маронитовъ. Ибрагимъ-паша, при содѣйствіи эмира Бешира, отобралъ у Друзовъ оружіе, чтобъ обезпечить спокойствіе Ливана. Это было въ 1835 году. Друзы были, разумѣется, озлоблены этою мѣрой, и когда вскорѣ послѣ того вспыхнуло возстаніе противъ Ибрагима-паши въ восточной Сиріи, въ Гаврани, Друзы приняли угрожающее положеніе. Тогда Ибрагимъ-паша вздумалъ сдѣлать диверсію, онъ роздалъ оружіе Маронитамъ и старался возбудить ихъ противъ Друзовъ. Понятно, какую ненависть къ Маронитамъ должна была породить эта мѣра въ Друзахъ, и какое дѣйствіе должна была произвести между Друзами вторичная раздача имъ оружія въ 1840 году Англичанами. Турки тот-

(1) Онъ умеръ въ Брюссѣ, въ 1851 году, девяноста лѣтъ отъ роду.

Digitized by Google

часъ же воспользовались этимъ настроеніемъ; они предложили Друзамъ свою помощь, если Друзы сдѣлаются настоящими мусульманами и заведутъ мусульманскія школы, а школы миссіонеровъ закроютъ. Нѣкоторые шейхи приняли это предложеніе, но за то другіе шейхи отвергли его. Маронитамъ угрожала кровавая месть. Междуусобная война уже начиналась, когда европейскія державы принудили Порту согласиться на мѣры, предназначавшіяся къ замиренію Ливана. Въ 1843 году, съ утвержденія Порты, введено новое устройство, на основаніи котораго Ливанъ раздѣленъ на два намѣстничества (каймаканства) подъ верховною властію Порты. Въ одномъ намѣстничествѣ каймаканъ Маронитъ, выбранный Маронитами а помощникъ его—Друзъ; въ другомъ намѣстничествѣ каймаканъ —Друзъ, выбираемый Друзами, а помощникъ его—Маронитъ. Оба подчинены турецкому пашѣ, живущему въ Сайдѣ. Но и эти хитрости, изобрѣтенныя европейскою дипломатіей, мало помогли Ливану. Турецкіе порядки разорили страну; о личной безопасности нѣтъ уже и помину; плантаціи кофе, каменноугольныя копи, устроенныя Ибрагимомъ-пашей, заброшены; даже шелководство пошло назадъ. Турецкіе паши постоянно слѣдуютъ одной политикѣ: ссорить Друзовъ съ Маронитами, чтобы держать и тѣхъ и другихъ въ своихъ рукахъ. Въ 1845 году вспыхнуло возстаніе Друзовъ противъ Маронитовъ, опустошившее большую часть Ливана; турецкія власти поджигали Друзовъ и открыто приняли ихъ сторону, когда счастіе начинало склоняться на сторону Маронитовъ; турецкія войска разграбили нѣсколько христіанскихъ деревень. Весною 1846 года, Порта нашла нужнымъ еще разъ преобразовать устройство страны; при каймаканахъ учреждены совѣты изъ представителей разныхъ исповѣданій (2 Маронита, 2 Друза, 2 уніата, 2 православныхъ, 1 Метавилій), но и это устройство не оказалось удовлетворительнымъ. Въ 1847 году опять возникли смуты, побудившія европейскую дипломатію къ новымъ примирительнымъ попыткамъ, тоже не достигшимъ цѣли, благодаря безпечности или недобросовѣстности турецкихъ пашей. Въ нынѣшнемъ году, когда вражда достигла небывалыхъ прежде размѣровъ, турецкія власти опять показали самое преступное недоброжелательство къ Маронитамъ. Пока Турки будутъ имѣть вліяніе на дѣла Ливана, нельзя ожидать, чтобы прекратились тамъ междуусобныя войны, чтобы Друзы возвратились къ той терпимости въ религіозныхъ дѣлахъ, которою они всегда выгодно отличались отъ Турокъ.

Съ чьей стороны было сдѣлано въ этотъ разъ первое нападеніе, со стороны ли Друзовъ или со стороны Маронитовъ, нельзя еще сказать на основаніи тѣхъ извѣстій, которыя мы имѣемъ. Извѣстія эти исполнены противорѣчіями; во многихъ французскихъ извѣстіяхъ есть намеки на то, что Марониты первые

Digitized by Google

начали вражду; бейрутскій корреспонденъ *Times* прямо говоритъ, что Маронины сначала были не правы, что у Маронитовъ былъ устроенъ формальный комитетъ для приготовленія ихъ къ войнѣ съ Друзами; турецкое правительство еще въ апрѣлѣ жаловалось на подвозъ оружія къ Маронитамъ изъ Европы, и дѣйствительно при началѣ междуусобія Друзы были вооружены старинными атаганами, а у Маронитовъ были ударныя ружья. Но какъ бы то ни было, достовѣрно одно: вызовъ къ бою шелъ не исключительно со стороны Друзовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Маронины первые взялись за оружіе, бо́льшая часть неистовствъ была произведена не ливанскими Друзами, а пришельцами изъ Гавранна. Главною причиной бѣдствій, обрушившихся на христіанъ Сиріи, было поведеніе турецкихъ властей. Не можетъ быть, кажется, сомнѣнія въ томъ, что Турки и на этотъ разъ не только поощряли, но даже поджигали Друзовъ, что турецкіе солдаты совершенно хладнокровно производили неистовства, нисколько не уступавшія тѣмъ, которыя были совершены Друзами въ пылу ярости, и что Куршидъ-паша, турецкій чиновникъ, оказался самымъ яростнымъ фанатикомъ изъ всѣхъ фанатиковъ Ливана. Съ другой стороны, есть указанія на то, что Друзы считаютъ французскихъ агентовъ виновниками кровопролитія; нѣсколько разъ Друзы обнаруживали свою ненависть именно къ представителямъ Франціи. Такъ напримѣръ въ одной изъ корреспонденцій газеты *Ami de la religion* разказывается случай, что Друзы зажгли одну бумагопрядильную фабрику, принявъ флагъ ея за французскій, но потомъ они узнали, что ошиблись, что флагъ, развѣвавшійся надъ фабрикой, былъ не французскій, а сардинскій, и сами принялись тушить фабрику. Въ той же корреспонденціи сказано, что одинъ іезуитъ былъ убитъ Друзами не какъ іезуитъ, а какъ Французъ. Въ Бейрутѣ два раза была занесена обнаженная сабля надъ головой французскаго консула. *Ami de la religion*, газета, получающая свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ и въ большомъ количествѣ, прямо утверждаетъ, что Друзы, взявшись за оружіе, имѣли цѣлію уничтожить французское вліяніе, и эта газета прибавляетъ, что французское вліяніе можно считать уничтоженнымъ, даже между христіанами, если Франція не подастъ имъ скорой помощи.

Мы не будемъ комментировать всѣхъ этихъ показаній; для этого еще не настало время. Обвиненіе въ поджигательствѣ къ междуусобной войнѣ—не къ возстанію противъ турецкихъ пашей, а къ рѣзнѣ съ сосѣдями—есть тяжкое обвиненіе, даже еслибы оно падало и не на христіанъ и не на Европейцевъ. Мы не находимъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы дѣлать заключеніе о тайныхъ причинахъ кровопролитія, происходящаго теперь въ Сиріи. Мы можемъ говорить объ этомъ кровопролитіи только какъ

Digitized by Google

о фактѣ, въ которомъ отражается общее состояніе Ливана, и судить только объ общихъ причинахъ этого факта. Съ этой общей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія всей новѣйшей исторіи Ливана, мы принуждены придти къ прискорбному для Европейца заключенію, что отвѣтственность за потоки крови, льющейся теперь въ Ливанѣ и его окрестностяхъ, лежитъ далеко не столько на Друзахъ, издавна дававшихъ у себя убѣжище христіянамъ, сколько на христіянскихъ державахъ Европы, навязавшихъ Ливану турецкое владычество, несмотря на то, что вся исторія свидѣтельствовала, какъ оно было пагубно для Ливана.

Кто не знаетъ, какимъ образомъ двадцать лѣтъ тому назадъ составилась знаменитая коалиція четырехъ державъ противъ Франціи, какимъ образомъ произошелъ знаменитый актъ 15-го іюля 1840 года, поразившій Парижъ отчаяніемъ, которое было тѣмъ сильнѣе, что никто въ Парижѣ не зналъ настоящаго повода къ оскорбленію, нанесенному Франціи, а министръ Тьеръ, виновникъ всего этого дѣла, тщательно хранилъ свой секретъ? Никогда, можетъ-быть, предводители конституціонныхъ партій Франціи не вели себя хуже чѣмъ въ 1838 и 1839 годахъ. Гг. Гизо, Берье, Тьеръ, Одилонъ Барро, Гарнье-Пажесъ соединились противъ министерства графа Моле, котораго вина состояла въ томъ, что онъ былъ уже два года министромъ; этого терпѣть было нельзя, это казалось тиранніей. Но когда министерство просилось въ отставку, никто не брался за составленіе кабинета. Король распустилъ палаты, но и новые выборы депутатовъ не поправили дѣла: противъ министерства Моле была сильнѣйшая оппозиція, а новое министерство не составлялось, и нѣсколько времени Франція, еще не республика, а монархія, была управляема провизорнымъ правительствомъ. Вскорѣ послѣ этихъ постыдныхъ исторій, парламентская хитрость доставила г-ну Тьеру президентство въ кабинетѣ. Тогда г-ну Тьеру надобно было придумать что-нибудь новое, дабы упрочить за собой портфель; надобно было обезпечить себя отъ партій, вызвавъ въ большинствѣ націи сочувствіе къ себѣ, и съ этою цѣлью пущенъ былъ въ ходъ наполеонизмъ. Франція занялась перевозкой Наполеонова праха, а французская внѣшняя политика приняла воинственный характеръ. Въ 1839 году состоялось общее европейское соглашеніе по восточнымъ дѣламъ: г. Тьеръ былъ недоволенъ этимъ соглашеніемъ; ему хотѣлось дать дѣлу новый оборотъ, въ исключительномъ интересѣ французскаго вліянія на Востокѣ; онъ послалъ къ Мегмету-Али тайнаго агента, и совѣтовалъ покончить распрю съ султаномъ, не соблюдая обязательствъ относительно пяти европейскихъ державъ, то-есть дѣйствуя безъ ихъ вѣдома. Россія изобличила тогда Францію, и англо-французскій союзъ былъ разорванъ. Актъ 15-го іюля 1840 года

Digitized by Google

былъ подписанъ въ Лондонѣ безъ вѣдома Франціи, и приняты рѣшительныя мѣры къ прекращенію распри между султаномъ и его вассаломъ. Англо-австрійская экспедиція бомбардировала сирійскія гавани, чтобы выгнать оттуда Египтянъ и возвратить Сирію султану. На Мегмета-Али смотрѣли какъ на вѣроломнаго Азіятца; онъ былъ жестоко наказанъ за то, что поддался-было внушеніямъ г. Тьера и сдѣлался-было орудіемъ для утвержденія на Востокѣ вліянія Франціи. Франція была тоже наказана очень строго; въ продолженіе года она не считалась въ ряду великихъ державъ. Былъ наказанъ и г. Тьеръ; сначала онъ настаивалъ на значительныхъ вооруженіяхъ, онъ хотѣлъ поднять перчатку, брошенную Франціи, но Лудовикъ-Филиппъ согласился только на укрѣпленіе Парижа, и скоро г. Тьеръ принужденъ былъ уступить власть г-ну Гизо, призванному возстановить *entente cordiale* между Англіей и Франціей.

Но отъ этой исторіи, вызванной наполеоновскимъ пыломъ г-на Тьера, потерпѣли не только Мегметъ-Али, Лудовикъ-Филиппъ и г. Тьеръ; отъ нея еще болѣе потерпѣла Сирія, невинная во всемъ этомъ дѣлѣ. «Единственнаго благодѣтеля имѣла Сирія, Ибрагима-пашу, писалъ въ 1842 году г. Вильденбрухъ, консулъ Пруссіи, державы, подписавшей актъ 15-го іюля, и его теперь выгнали изъ Сиріи.» Лучшіе города Сиріи были разрушены европейскими эскадрами; страна отдана на произволъ турецкимъ пашамъ; искусственно возбуждена ненависть между Друзами и Маронитами. Не въ правѣ ли мы были сказать, что на европейскихъ державахъ лежитъ отвѣтственность за кровь, которая льется теперь въ Сиріи?

Связи Французовъ съ Сиріей восходятъ къ отдаленнымъ временамъ. Купцы и мореходцы Массиліи продолжали посѣщать Левантъ еще во время Григорія Турскаго, вскорѣ послѣ паденія Римской Имперіи. Франкскіе рыцари въ эпоху крестовыхъ походовъ укрѣпили эту связь, и первымъ иностраннымъ консуломъ въ Сайдѣ былъ французскій консулъ, получившій тамъ право юрисдикціи еще въ XV столѣтіи. Французы и до сихъ поръ продолжаютъ торговать въ Сиріи, но торговля ихъ уже далеко не такъ значительна какъ прежде. Французская политика стремится не столько къ огражденію французскихъ подданныхъ, живущихъ въ Левантѣ, — это было бы совершенно естественно и безукоризненно, — сколько къ распространенію своего вліянія не въ интересѣ своихъ подданныхъ, а просто въ интересѣ власти. Орудіемъ для этихъ стремленій служатъ Мароните; они считаются французскими protégés; между ними распространяютъ мнѣніе, что они должны возлагать всѣ свои надежды на могущественную Францію, что могущественная Франція поддержитъ ихъ, заступится

Digitized by Google

за нихъ, ототоитъ ихъ. Понятно, что такія надежды могутъ вести къ заносчивости со стороны Маронитовъ, питать раздоръ между ними и ихъ сосѣдями. Понятно, что посѣвать раздоръ есть дѣло недостойное христіянской державы, и что Европа не могла сочувствовать такому дѣлу. Понятно также, что Европа обязана охранять свое внутреннее равновѣсіе и не допускать властолюбивыхъ начинаній ни въ какомъ случаѣ, и что эти властолюбивыя начинанія еще болѣе антипатичны, когда лицемѣрно выступаютъ подъ священнымъ именемъ христіянства. Съ этой точки зрѣнія четыре европейскія державы были совершенно правы, когда возстали противъ г-на Тьера и рѣшились обрѣзать французское вліяніе въ Сиріи, не составлявшее никакой потребности для Франціи и только льстившее ея властолюбію. Но правы ли были европейскія державы, когда для этой доброй цѣли онѣ избрали такія средства, отъ которыхъ, какъ не могли не знать онѣ, должна была пострадать Сирія? Развѣ не было средства устроить дѣла Сиріи, не подчиняя ея Портѣ? Еще можно было бы оправдать образъ дѣйствія европейскихъ державъ, еслибы все народонаселеніе Сиріи состояло изъ магометанъ и признавало турецкаго султана своимъ духовнымъ главой. Но насильственно подчинять султану страну, въ которой цѣлая треть народонаселенія исповѣдуетъ христіянство, а нѣкоторые округи населены исключительно христіянами, подчинять такую страну султану силой христіянскаго оружія, это было дѣло вопіющее, дѣло, которое никакъ не могло бы состояться, еслибы державы, подписавшія актъ 15-го іюля 1840 года, не питали взаимно между собой такого же недовѣрія, какое выказали онѣ къ Франціи. Поступивъ такимъ образомъ, европейскія державы избрали путь, недостойный христіянскихъ державъ. Своимъ внутреннимъ разногласіямъ, своей взаимной ревности и зависти онѣ принесли въ жертву христіянъ Сиріи.

Какой же путь предстоитъ Европѣ теперь, чтобы поправить ошибку, сдѣланную въ 1840 году? Общество вездѣ въ Европѣ, конечно, желаетъ, чтобы дѣло, предстоящее теперь Европѣ, было ведено и кончено въ истинномъ христіянскомъ духѣ, чтобы рѣшеніе дѣла было внушено не властолюбіемъ той или другой державы, не взаимнымъ недовѣріемъ ихъ между собой, посрамляющимъ христіянскую цивилизацію, а чистымъ сочувствіемъ къ христіянамъ Сиріи и миролюбивымъ доброжелательствомъ къ людямъ, исповѣдующимъ другія религіи. Что же нужно для того, чтобъ образъ дѣйствія европейскихъ державъ соотвѣтствовалъ этимъ желаніямъ общественнаго мнѣнія?

Прежде всего нужно не терять времени. Никто не знаетъ, что можетъ принести съ собой каждый день бездѣйствія со стороны

Digitized by Google

Европы. Когда христіянъ, выдавшихъ свое оружіе, вырѣзываютъ тысячами, когда старцевъ, не принимавшихъ участія въ войнѣ, рубятъ на части съ звѣрскою яростью, когда на рукахъ матерей крошатъ въ куски грудныхъ младенцевъ, а потомъ обезчещиваютъ этихъ несчастныхъ матерей и, обезчестивъ, въ свою очередь умерщвляютъ, когда половина христіянскаго населенія укрывается въ горныхъ ущеліяхъ отъ яростнаго преслѣдованія и можетъ-быть обречена погибнуть голодною смертію, тогда надобно дѣйствовать, а не совѣщаться, тогда не время соблюдать въ точности всѣ формальности, установленныя парижскимъ трактатомъ (1856 года), который, какъ извѣстно, допускаетъ въ Турціи лишь совокупное дѣйствіе всѣхъ участвовавшихъ въ его подписаніи державъ Европы и не иначе, какъ вслѣдствіе предварительнаго соглашенія ихъ между собой и съ Турціей. Но если не слѣдуетъ останавливаться за этими формальностями, то необходимостію спѣшнаго дѣйствія нельзя пользоваться для какой-нибудь другой цѣли, кромѣ помощи страждущимъ, и всякая примѣсь эгоистическаго чувства, въ чемъ бы оно ни заключалось, въ славолюбіи ли или въ властолюбіи, можетъ только испортить дѣло, показать необходимость соблюденія формальностей, причинить проволочку и отсрочить подачу помощи. Къ сожалѣнію, мы видимъ, что это уже начинаетъ сбываться, вслѣдствіе образа дѣйствій французской полуофиціяльной журналистики.

«Нравственное потрясеніе, произведенное въ Европѣ сирійскими событіями, достигло высшей своей степени: всѣ политическіе интересы исчезаютъ на время передъ интересомъ человѣчества, страстно овладѣвшимъ всею Франціей. Конецъ разсужденіямъ! Надобно дѣйствовать какъ можно скорѣе; вотъ общее чувство, котораго смыслъ такъ благородно поняло правительство императора, и котораго великодушному нетерпѣнію оно спѣшитъ удовлетворить... Отложимъ же всякое политическое преніе; когда сердца понимаютъ другъ друга, преніямъ нѣтъ мѣста.» Такъ говоритъ парижская газета *Patrie*, выражая собой общее настроеніе французской печати. «Перестанемъ разсуждать, отложимъ преніе» — эти воззванія относятся, очевидно, къ Европѣ. Европа не можетъ разсуждать, потому что теперь въ Европѣ заговорилъ языкъ сердецъ; а отсюда прямое заключеніе, что дѣйствовать должна Франція, которой правительство умѣло такъ благородно понять смыслъ общаго чувства, Франція, которая страстно предалась интересу человѣчества, возобладавшему надъ всѣми политическими интересами, а стало-быть вѣроятно и надъ интересами, обезпеченными парижскимъ трактатомъ 1856 года; если можно, то Франція должна дѣйствовать одна; въ виду своей исторіи она даже обязана дѣйствовать

Digitized by Google

отдѣльно отъ Европы. Таковъ приблизительно смыслъ великаго множества статей, появившихся въ французскихъ журналахъ за послѣднія двѣ недѣли, статей, подписанныхъ, впрочемъ, иногда не редакторами, а секретарями редакцій (такъ напримѣръ въ *Journal des Débats*), что̀ указываетъ на небольшое правительственное содѣйствіе распространенію чувства, которое «страстно овладѣло всею Франціей». И не только въ журналахъ, но даже въ законодательномъ сословіи высказывалось безъ обиняковъ желаніе, чтобы Франція дѣйствовала одна, и министры спокойно выслушивали заявленіе такого желанія.

Полуофиціяльная Франція пришла въ совершенное упоеніе отъ мысли о французской гегемоніи въ дѣлахъ Востока, о возстановленіи на Востокѣ французскаго вліянія, о воспріятіи старой нити французской исторіи. «Франція, сказано было въ *Constitutionnel*, къ которой Востокъ обращаетъ свои взоры, очень хорошо знаетъ, что это страна увлеченій героическихъ и великодушныхъ, Франція найдетъ въ своихъ историческихъ преданіяхъ вдохновеніе для иниціативы, которую на нее возлагаетъ ея вѣковое величіе. Императоръ, принимая такимъ образомъ на себя, въ виду настоятельной необходимости, продолженіе нашей исторіи, соединитъ вокругъ этого дѣла, одного изъ тѣхъ дѣлъ, которыя наиболѣе дороги для новѣйшей цивилизаціи, единодушныя симпатіи народовъ и правительствъ.» Упоеніе будущею славой было такъ велико, что восторженные писатели газетныхъ статей стали забывать уже объ интересѣ человѣчества, а равно и о геройскомъ великодушіи Франціи; на первомъ планѣ стояли уже историческія воспоминанія Франціи и ея всемірная слава. Нельзя было читать эти наивныя изліянія національнаго чувства, эти торжественныя варіяціи на императорскую тему, безъ сожалѣнія, что въ Европѣ, среди которой, въ XIX вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, могутъ такъ громко, такъ безцеремонно и вмѣстѣ такъ торжественно заявлять себѣ чувства, чуждыя духу истинно-христіянской цивилизаціи и цѣликомъ заимствованныя отъ древняго Рима. Какія же могло имѣть послѣдствія такое сочувствіе къ страждущимъ христіянамъ, сейчасъ же превращающееся въ мысль о славѣ, о первенствѣ Франціи, кромѣ замедленія дѣла, кромѣ отсрочки экспедиціи до формальнаго подписанія протокола конференціи иностранныхъ посланниковъ въ Парижѣ?

Телеграфическое извѣстіе сообщаетъ намъ, что Франція теперь принуждена совершенно отказаться отъ мысли о гегемоніи. Французскія войска отправятся въ Сирію въ силу конвенціи державъ, подписавшихъ трактатъ 1856 года. Франція будетъ исполнительницей воли Европы; она будетъ дѣйствовать въ совершенномъ согласіи съ Англіей. Весь шумъ былъ надѣланъ по пу-

Digitized by Google

стому. Не историческія преданія, а рѣшенія конференціи будутъ вдохновлять Францію; она не будетъ продолжать на Востокѣ свою исторію; если она будетъ продолжать что-нибудь, то всего вѣроятнѣе она будетъ продолжать исторію Турціи. Телеграммы говорятъ, что совѣщанія конференціи идутъ очень быстро, что всѣ державы содѣйствуютъ ускоренію рѣшенія, но что европейское вмѣшательство будетъ имѣть цѣлію сохраненіе цѣлости Турецкой имперіи.

Цѣлость Турецкой имперіи! Не хуже ли это французскаго властолюбія? Мы позволимъ себѣ отвѣтить прямо: да, это хуже нежели французское властолюбіе. Общее европейское вмѣшательство въ дѣла Ливана, вызванное неимовѣрными неистовствами, которымъ подверглись и можетъ-быть еще подвергнутся христіяне, и имѣющее цѣлію — сохраненіе Турецкой имперіи, благодаря которой всѣ эти неистовства и были, и навѣрное будутъ возможны! Неужели опытъ двадцати лѣтъ не принесетъ Сиріи никакой пользы, неужели несчастные жители ея будутъ обречены опять страдать вслѣдствіе того, что европейскія державы подозрѣваютъ другъ друга въ коварныхъ замыслахъ и не могутъ ни на чемъ сойдтись? Трудно вѣрить, чтобы дѣла находились въ такомъ дурномъ положеніи, и утѣшаемъ себя мыслію, что не истинныя намѣренія великихъ державъ; а только вѣжливость къ турецкому посланнику скрывается въ постановленіи конференціи о цѣлости Турецкой имперіи. Намъ кажется даже, что сохраненіе этого сокровища, слишкомъ долго оберегаемаго Европой, теперь рѣшительно невозможно. Безъ вмѣшательства дѣло не обойдется, а какъ скоро произойдетъ вмѣшательство, то о неприкосновенности Турціи и о цѣлости ея не можетъ быть и рѣчи. Неужели и теперешнія событія не освободятъ наконецъ по крайней мѣрѣ Ливана изъ-подъ власти турецкихъ пашей?

Мы не можемъ не привести здѣсь словъ изъ одного письма, которое недавно было помѣщено въ *Times*. Оно написано человѣкомъ, повидимому, очень знакомымъ съ дѣлами Ливана и нисколько не пристрастнымъ къ христіянскому или полухристіянскому населенію, враждующему съ Друзами. Авторъ письма прямо укоряетъ Маронитовъ, сообщаетъ множество подробностей о ихъ заговорѣ противъ Друзовъ, вообще показываетъ даже нѣкоторое предубѣжденіе противъ Маронитовъ. Но вотъ что говоритъ этотъ самый корреспондентъ о турецкомъ образѣ дѣйствій и о пагубныхъ послѣдствіяхъ турецкаго владычества:

«Ничего не можетъ быть отвратительнѣе поведенія Турокъ въ Дейръ-эль-Камарѣ, и я полагаю, что Куршидъ-паша долженъ быть признанъ умышленнымъ душегубцемъ христіянъ, избіен-

Digitized by Google

ныхъ въ Дейръ-эль-Камарѣ, а равно и въ другихъ мѣстахъ. Онъ архифанатикъ. Онъ былъ нарочно посланъ своимъ правительствомъ, чтобы противодѣйствовать европейскому вліянію на народонаселеніе Ливана; онъ показывалъ неуклонную ревность и постоянную ненависть къ франкамъ или христіянамъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ прибылъ въ Бейрутъ. Порта, когда поднимается негодованіе, отпирается отъ дѣлъ своихъ креатуръ, но правительство, которое можетъ пользоваться службой такихъ людей для своихъ цѣлей и прикидывается ничего не знающимъ, когда они проявляютъ свою безбожную злобу, не имѣетъ права на существованіе. Англія до сихъ поръ защищала Турокъ. Я надѣюсь, что народъ Англіи не позволитъ болѣе своему правительству поддерживать Турокъ. Въ нихъ нѣтъ правдивости; они ни въ чемъ не исполнили обѣщаній, данныхъ ими во время крымской войны. Гдѣ теперь ихъ гатти-гумаюнъ? Въ ихъ природѣ есть что-то влекущее ихъ къ погибели. Они никогда не исправятся; тщетно ожидать этого, и если Англія будетъ опять стараться о томъ, чтобъ отвратить отъ Турціи судьбу ея, послѣ всѣхъ уроковъ, которые получены Англіей, я страшусь, что она навлечетъ на себя гнѣвъ Всемогущаго. Обязанность каждаго Англичанина состоитъ теперь въ томъ, чтобъ удалять свою страну отъ зла, какъ равно его право и его привилегія состоитъ въ томъ, чтобы свободно выражать свои мнѣнія. Если вы думаете, что я правъ, дѣлайте все возможное, чтобы Турки отправились къ чорту. Пусть Россія, или Франція, или кто-нибудь другой ѣстъ Турцію, если угодно,—ничто не можетъ быть хуже самой Турціи.»

Что касается до Ливана, то вся исторія противъ того, чтобъ онъ оставался во власти турецкихъ пашей. Ливанъ составляетъ совершенно отдѣльную область; во всѣхъ отношеніяхъ онъ рѣзко отличается отъ окрестныхъ странъ; онъ и теперь процвѣтаетъ, между тѣмъ какъ другія части Азіятской Турціи бѣдствуютъ; для благосостоянія его ничего болѣе не нужно кромѣ независимости отъ Порты и свободы отъ европейскихъ поджигательствъ къ междуусобіямъ. Христіянство уже дѣлало большіе успѣхи между Друзами; еслибы вражда съ Маронитами не остановила этихъ успѣховъ, то они шли бы быстро впередъ. Самимъ Маронитамъ было на Ливанѣ привольнѣе нежели христіянамъ въ другихъ частяхъ Турціи; Мароніты легко ужились бы съ Друзами. Къ тому же Мароніты сѣвернаго Ливана имѣютъ управленіе совершенно независимое отъ Друзовъ, и слѣдовательно уживаться съ Друзами пришлось бы только незначительному маронитскому населенію южнаго Ливана; въ крайнемъ случаѣ это населеніе могло бы перейдти на сѣверъ, обмѣняться своими землями съ Друзами, о

Digitized by Google

чемъ была уже рѣчь въ предположеніяхъ европейской дипломатіи 1843 года. Неужели европейская дипломатія не найдетъ средствъ предоставить Ливану независимость отъ Турціи и отъ частнаго вмѣшательства отдѣльныхъ державъ Европы? Неужели Европа опять приметъ на себя отвѣтственность за повтореніе такихъ актовъ неистовства, какіе совершились на Ливанѣ нынѣшнимъ лѣтомъ? Неужели англійская политика, отъ которой преимущественно зависитъ разрѣшеніе восточнаго вопроса, и которою одной оно замедляется, не найдетъ возможности оградить Ливанъ отъ европейскаго властолюбія, не отдавая его на жертву Турціи?

Судя по ордену Почетнаго Легіона, посланному къ Абдель-Кадеру, и по нѣкоторымъ другимъ указаніямъ, можно думать, что Франція была бы не прочь сдѣлать Абдель-Кадера правителемъ Сиріи. Абдель-Кадеръ дѣйствовалъ очень благородно во время послѣднихъ смутъ въ Дамаскѣ. Къ издателю арабскаго журнала въ Парижѣ онъ написалъ письмо, показывающее, что онъ очень вѣрно смотритъ на недостатки восточнаго управленія. Императоръ Наполеонъ III надѣется, и конечно не безъ основанія, найдти въ немъ человѣка, преданнаго Франціи. Но тѣмъ не менѣе едвали можно было бы одобрить подчиненіе Ливана Абдель-Кадеру. Каковы бы ни были достоинства бывшаго эмира алжирскаго, христіянскимъ державамъ не прилично и не позволительно отдавать мусульманину власть надъ страной, въ которой живетъ такъ много христіянъ. Другое дѣло было бы, еслибъ Абдель-Кадеръ самъ достигъ этой власти, какъ достигъ ея тридцать лѣтъ тому назадъ египетскій паша: тогда Европа могла бы признать существующій фактъ. Но создавать новую власть надъ христіянами и вручать ее магометанину, это противно и приличію, и нравственности. Ливанъ долженъ быть освобожденъ изъ-подъ турецкой власти не для того, чтобы подпасть власти Абдель-Кадера, хотя бы Абдель-Кадеръ и призналъ надъ собой верховность Европы. Христіяне Ливана уже довольно настрадались; они заслужили того, чтобы сама Европа приняла ихъ подъ свое непосредственное завѣдываніе. Такимъ актомъ Европа лучше всего обезпечитъ Сирію и отъ французскаго властолюбія, которое можетъ найдти пищу для себя въ возвышеніи Абдель-Кадера.

Таковы тѣ желанія, которыя мы позволяемъ себѣ высказать относительно будущаго устройства дѣлъ на Ливанскихъ горахъ. Мы поговоримъ въ послѣдствіи о восточномъ вопросѣ во всемъ его обширномъ значеніи. Рѣзня Друзовъ съ Маронитами была мѣстною вспышкой, за которою, повидимому, долженъ послѣдовать общій пожаръ. Уже теперешнее движеніе въ Сиріи успѣло

Digitized by Google

принять общій мусульманскій характеръ. Уже теперь фанатизмъ мусульманъ направленъ противъ всѣхъ христіянъ и всѣхъ Европейцевъ. Въ числѣ жертвъ, павшихъ въ Дамаскѣ, былъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, голландскій консулъ. Письма изъ Сиріи согласны въ томъ, что всѣмъ христіянамъ угрожаетъ опасность. Европейское вмѣшательство должно будетъ принять значительные размѣры, и тогда не только частный ливанскій вопросъ, но общій вопросъ о Турціи потребуетъ немедленнаго разрѣшенія.

НЕАПОЛЬ И СИЦИЛІЯ.

На Апеннинскомъ полуостровѣ народное движеніе не теряетъ ни важности своей, ни энергіи. Сущность италіянскаго движенія и значеніе личностей, принимающихъ въ немъ участіе, прекрасно опредѣляетъ англійская газета *Times* въ одной изъ передовыхъ статей своихъ отъ 13 іюля: «Два года тому назадъ, италіянское единство казалось чудовищною грезой разстроеннаго воображенія. Оно было тогда въ связи съ тайными обществами, кинжалами и убійствами. Теперь оно такъ быстро перешло изъ области фантазіи въ область дѣйствительности, что общественное мнѣніе едва поспѣваетъ слѣдить за его движеніемъ. Припомнимъ, что все началось только 1-го января 1859 года, что теперь едва миновала годовщина сольферинской битвы, что лишь двѣнадцать мѣсяцевъ отдѣляютъ насъ отъ виллафранкскаго мира, что присоединеніе Ломбардіи, герцогствъ, Тосканы и доброй части Папской области къ Піемонту, совершилось чуть ли не вчера. Шагъ громадный! Мы желали бы остановиться на минуту, осмотрѣться кругомъ и вывести свои заключенія; но намъ не даютъ отдыха. Сицилія пристаетъ къ общей пляскѣ. Трудно рѣшить, чѣмъ особенно привлекаетъ къ себѣ Викторъ-Эммануилъ. Никто не скажетъ, чтобъ онъ весь состоялъ, подобно Синдбадовой скалѣ, изъ цѣльнаго магнита, и чтобы къ нему невольно стремился всякій человѣкъ желѣзнаго сложенія. Онъ храбрый воинъ, онъ показалъ себя способнымъ удержать за собою то, что̀ удается ему пріобрѣсть, и отказаться отъ небольшаго родоваго имѣнія, чтобъ обезпечить себѣ владѣніе большимъ благо-

Digitized by Google

пріобрѣтеннымъ; но онъ не можетъ быть главнымъ предметомъ поклоненія всѣхъ сыновъ Италіи. Династія Савоіи — той самой Савоіи, отъ которой отступилась Италія,—столь же мало имѣетъ право даровать странѣ императоровъ, какъ и Туринъ не можетъ замѣнить собою царственнаго Рима. Не Викторъ-Эммануилъ и не Туринъ, а сама идея италіянскаго единства побудила нынѣ къ движенію спокойныхъ Ломбардцевъ, легкомысленныхъ Тосканцевъ, задавленныхъ тиранніей Римлянъ, безпечныхъ (poco curanti) Неаполитанцевъ, суровыхъ Сицилійцевъ, и заставила ихъ всѣхъ кричать, составлять заговоры, сражаться и стремиться вступить въ подданство Виктору-Эммануилу. Но къ чему же ведетъ все это? Къ тому ли, чтобы Викторъ-Эммануилъ сталъ дѣйствительно императоромъ Италіи, имѣя Римъ своею столицей, Ватиканъ дворцомъ своимъ, а папу придворнымъ духовникомъ? Или все это движеніе допущено и разрѣшено только на время, а когда все доселѣ прочное разшатается и станетъ непрочнымъ, тогда возникнетъ съ задняго плана таинственная сила и совершитъ собственное дѣло въ удобную для того минуту? Г. Кинглекъ говоритъ, что въ Виллафранкѣ императоръ Французовъ предложилъ возвратить Ломбардію австрійскому императору, если только этотъ послѣдній согласится способствовать его видамъ на прирейнскія провинціи. Мы оставляемъ г. Кинглеку отвѣтственность за это показаніе. Тѣмъ не менѣе оно было торжественно высказано въ парламентѣ государственнымъ человѣкомъ серіознаго характера и подтверждается позднѣйшимъ извѣстіемъ, что самъ принцъ-регентъ зналъ объ этомъ предложеніи, когда въ Баденъ-Баденѣ видѣлся онъ съ Лудовикомъ-Наполеономъ. Если это такъ, то намъ понятенъ страхъ, выраженный сэръ-Робертомъ Пилемъ въ палатѣ общинъ, что ходъ событій не такъ прямо ведетъ къ италіянскому единству, какъ это кажется нѣкоторымъ поверхностнымъ и восторженнымъ наблюдателямъ. Сэръ-Робертъ Пиль и г. Кинглекъ набрасываютъ очень непривлекательный образъ этой силы, обходящей всѣхъ кругомъ и искушающей сначала Піемонтъ, чтобы произвести всеобщее смущеніе, потомъ Австрію, обѣщая ей возвратить потерянныя провинціи цѣною матеріяльной обиды для другой стороны, и наконецъ Пруссію, выманивая у нея рейнскія провинціи и обѣщая ей за то подавить всѣ мелкія германскія государства и сдѣлать ее главой Германской имперіи. Предоставляемъ людямъ, высоко поставленнымъ, рѣшить, на сколько справедливо такое описаніе. Но если оно дѣйствительно справедливо, то нельзя будетъ сомнѣваться, что италіянскому *возсоединенію* дано слѣдовать своему теченію лишь для того, чтобы прикрыть имъ разныя предпріятія, развитіе которыхъ теперь ужь не далеко.»

Digitized by Google

Очень понятно равнодушіе виллафранкскаго побѣдителя къ италіянскому движенію, и очень естественно допустить, что онъ намѣренъ воспользоваться этимъ въ сущности враждебнымъ ему явленіемъ для своихъ выгодъ. Что же касается до короля Виктора-Эммануила, то онъ, какъ кажется, искренно сочувствуетъ общеиталіянскому движенію въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему своими дѣйствіями сицилійскій диктаторъ: на мѣсто удаленнаго Лафарины, онъ послалъ къ Гарибальди человѣка совсѣмъ иного образа мыслей, Депретиса, и снабдилъ его изустными инструкціями и собственноручнымъ письмомъ къ диктатору, а когда неаполитанскіе полномочные послы, гг. Манна и Винспиръ (Winspeare), появились наконецъ въ Туринѣ съ предложеніемъ дружескаго союза, король даже удалился изъ столицы на воды въ Винадіо и очень долго не давалъ имъ аудіенціи. Во всякомъ случаѣ, и самого графа Кавура никакъ нельзя винить въ томъ, что онъ не кидается въ объятія къ неаполитанскому правительству (какъ это дѣлаютъ нѣкоторые журналы), и вина его скорѣе въ томъ, что онъ недостаточно энергически отвергаетъ искательство Неаполя и недостаточно искренно держитъ руку Гарибальди, хотя, можетъ-быть, какъ мы замѣтили въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, разладъ между Гарибальди и Кавуромъ только кажущійся, а въ самомъ дѣлѣ они стремятся къ одной цѣли, только разными путями и не всегда понимая одинъ другаго. Говорятъ, что графъ Кавуръ, въ отвѣтъ на заискиванія Неаполя, постановилъ такія условія, на которыя никакъ нельзя было бы согласиться (признаніе конституціи будущимъ неаполитанскимъ парламентомъ, предоставленіе Сициліи устроиться самой, какъ она знаетъ, и т. п.), но правительство неаполитанское согласилось на все безусловно (1). Можно ли повѣрить искренности этого согласія? Не та ли же здѣсь двуличность и уловка, какъ и въ дарованіи либеральныхъ учрежденій неаполитанскому народу? Придетъ удобная минута, малѣйшій перевѣсъ на сторонѣ реакціи, и всѣ эти учрежденія снова должны будутъ бѣжать и прятаться. Мы уже говорили, что извѣстіе о неаполитанской конституціи встрѣчено было въ британской палатѣ общинъ дружнымъ смѣхомъ всѣхъ ея членовъ. Взглядъ англійскаго общества и государственныхъ людей Великобританіи на эту конституцію, а равно и на личность героя италіянскаго движенія, Гарибальди, съ тѣхъ поръ не измѣнился. Лучшимъ выраженіемъ

(1) Говорятъ, что предложены были туринскимъ кабинетомъ и другія условія союза съ Неаполемъ: вступленіе въ министерство Поэріо, Сеттембрини и др.; регентство графа Сиракузскаго на время отсутствія короля Франциска, который отправится въ *увеселительное путешествіе*, и пр.

Digitized by Google

этого взгляда служитъ рѣчь лорда Брума, произнесенная имъ противъ маркиза Норменби въ палатѣ лордовъ, іюля 9-го.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ маркизъ Норменби обвинялъ Гарибальди въ безпорядкахъ, произведенныхъ въ Сициліи ея народонаселеніемъ, и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ выражалъ надежду, что посланникъ *авантюриста*, вѣроятно, не будетъ офиціально принятъ сентджемскимъ кабинетомъ. Защиту Гарибальди приняли на себя, къ общему удовольствію палаты, сами министры, а лордъ Брумъ выразилъ, сверхъ того, нѣкоторое сомнѣніе въ достовѣрности полученныхъ маркизомъ свѣдѣній о дѣлахъ на островѣ. Въ засѣданіи 9 іюля маркизъ Норменби счелъ нужнымъ выразить свое неудовольствіе за то, что подвергнута была сомнѣнію его корреспонденція. На это лордъ Брумъ отвѣчалъ слѣдующею рѣчью: «Я увѣренъ, что благородный другъ мой (лордъ Норменби) и вся палата не подумаютъ, чтобъ я хотѣлъ сколько-нибудь оскорбить моего благороднаго друга. Подъ словомъ: корреспонденція, разумѣются, безъ сомнѣнія, какъ получаемыя, такъ и отправляемыя письма, и когда я выражалъ сомнѣніе въ достовѣрности корреспонденціи моего благороднаго друга, я имѣлъ въ виду только полученныя имъ письма, а никакъ не имъ самимъ писанныя. Объ этихъ послѣднихъ я не могу судить, а достоинство тѣхъ, которыя получены были моимъ благороднымъ другомъ, дѣйствительно стоитъ довольно низко въ моемъ мнѣніи, и ничто сказанное благороднымъ маркизомъ не можетъ поставить его выше. Свѣдѣнія, полученныя мною изъ Флоренціи, діаметрально противоположны свѣдѣніямъ моего благороднаго друга *(одобреніе)*, хотя я и увѣренъ, что онъ столь же мало дастъ значенія моей корреспонденціи, какъ я мало вѣрилъ его письмамъ. Я увѣренъ, что флорентійское правительство не заслуживаетъ упрековъ, расточаемыхъ ему корреспондентами моего благороднаго друга, и что оно совершенно чисто отъ взводимыхъ на него обвиненій. Что же касается до прославленнаго человѣка—менѣе еще прославленнаго, чѣмъ онъ того заслуживаетъ *(слушайте, слушайте!)*—то-есть до генерала Гарибальди, о мнѣ очень пріятно слышать, что благородный маркизъ не ставитъ ему въ личную вину безпорядковъ, совершенныхъ, по его мнѣнію, въ Сициліи во время тамошняго революціоннаго движенія. Я прежде не такъ понялъ моего благороднаго друга и думалъ, что если онъ не совершенно обвиняетъ Гарибальди въ этихъ безпорядкахъ, то все-таки дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за нихъ. Я полагаю, что мой благородный другъ думаетъ, будто бы всякій человѣкъ, пользующійся высшею властью, отвѣчаетъ за все, что совершается во время его диктаторства; но генералъ Гарибальди никакъ не можетъ отвѣчать за все то, что

Digitized by Google

здѣсь упоминалось. *(Слушайте, слушайте!)* Мой благородный другъ находится подъ вліяніемъ того, что государственный секретарь допустилъ въ другой палатѣ возможность существованія этихъ безпорядковъ, и что Гарибальди имѣлъ будто бы нѣчто общее съ ними; но я убѣжденъ, что онъ положительно отрицалъ это *(слушайте, слушайте!)*, и самъ тоже отрицаю, основываясь какъ на его собственномъ авторитетѣ, такъ и на авторитетѣ всѣхъ тѣхъ, кто знаетъ дѣло. *(Слушайте, слушайте!)* Въ исторіи нѣтъ примѣра, который можно было бы поставить на ряду со всеобщимъ сочувствіемъ къ возстанію Сицилійцевъ *(одобренія)*, подъ предводительствомъ Гарибальди, противъ деспотизма, подавлявшаго Сицилію, и его эмиссаровъ, въ лицѣ ли сбировъ или солдатъ, солдатъ,—которые, я увѣренъ, не долго останутся вѣрны своему автократу. Теперь хотятъ навязать конституцію, не Сициліи—о ней не можетъ быть и рѣчи,—а Неаполю: по моему глубокому убѣжденію и пламеннѣйшимъ надеждамъ и желанію, этой конституціи не удастся спасти неаполитанскій деспотизмъ.» *(Одобреніе.)* Послѣ небольшаго возраженія маркиза Норменби, лордъ Брумъ дополнилъ рѣчь свою слѣдующими словами: «Мой благородный другъ говоритъ, что генералъ Гарибальди занялъ свое положеніе въ противность международному праву. Я замѣчу на это одно только: если международное право производитъ постоянное порабощеніе и страданія народа, то чѣмъ скорѣе перестанемъ мы слышать объ этомъ правѣ, тѣмъ лучше.» *Слушайте, слушайте!)* Слова лорда Брума подкрѣпилъ своимъ авторитетомъ и одинъ изъ членовъ министерства, лордъ Водгаузъ, сказавшій, что Гарибальди заслуживаетъ большаго уваженія за великодушіе и умѣренность, имъ обнаруженныя, и что безпорядки, произведенные Сицилійцами, не могутъ никакъ стать наравнѣ съ буйными поступками солдатъ неаполитанскаго короля.

Король Францискъ поставленъ теперь въ самое затруднительное положеніе. Онъ видитъ, что зашелъ очень далеко изъ своего заколдованнаго круга; онъ боится и вернуться назадъ, и идти дальше впередъ. Каждый день приступаютъ къ нему министры и народъ съ новыми требованіями, каждый день король упирается и каждый день бываетъ вынужденъ уступить имъ же самимъ вызванной, непріязненной ему силѣ новаго порядка вещей. Многія изъ новыхъ учрежденій ставятъ въ рѣшительную опасность политическое существованіе Бурбоновъ. Національная гвардія, напримѣръ, силой обстоятельствъ учреждается теперь въ Неаполѣ изъ лицъ, проникнутыхъ ненавистью къ правительству за преслѣдованія, которыхъ они были жертвой, и вліяніемъ своимъ безспорно опасныхъ королевской фамиліи. Дворъ слышитъ воен

Digitized by Google

ные клики, видитъ народное движеніе и экспедиціи, и спрашиваетъ: Гдѣ же польза отъ сдѣланныхъ уступокъ? Народъ, наученный подозрительности долгимъ страданіемъ, не довѣряетъ тому, что̀ уже сдѣлано, и жалуется на то, что̀ еще не сдѣлано. По словамъ неаполитанскаго корреспонтента *Times*, вотъ каково теперь дѣйствительное положеніе дѣлъ въ королевствѣ: «Принятыя мѣры признаются сами по себѣ хорошими и широкими мѣрами; министровъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, считаютъ людьми способными и честными. На де-Мартино, министра иностранныхъ дѣлъ, и на Романо, префекта полиціи (а теперь и министра внутреннихъ дѣлъ), смотрятъ съ уваженіемъ и довѣренностью. Но все-таки надъ всѣмъ господствуетъ одинъ вопросъ: *Изыдетъ ли отсюда благое?*» Вообще правительство сдѣлало все, что̀ только можно было сдѣлать въ короткое время. Полиція совершенно преобразована; производство слѣдствій, кромѣ перваго дознанія на мѣстѣ преступленія, отдѣлено отъ полицейской власти и передано вѣдѣнію власти судебной. Королева-мать удалена изъ королевства. Швейцарская стража въ Портичи замѣнена національнымъ войскомъ. Политическіе преступники выпущены изъ темницъ. Изгнанникамъ дарована амнистія и разрѣшено возвращеніе въ отечество. Многіе изъ нихъ воспользовались этою амнистіей и ѣдутъ въ Неаполь, съ тѣмъ ли, чтобы примириться съ настоящимъ порядкомъ вещей, или чтобы способствовать революціи. Изъ Турина отправились Салуццо, князь далл'Еквиле, Караччіоло, Пизакане, Каррано, Каморотто, герцогъ Санъ-Донато и многіе другіе; Поэріо, до сихъ поръ еще не совсѣмъ оправившійся отъ мукъ десятилѣтняго заключенія, поѣдетъ нѣсколько позже; не отправились еще и другіе неаполитанскіе изгнанники, члены сардинскаго парламента, Манчини, Массари и др.; изъ Флоренціи и Пизы отправились баронъ Белетти, Маріано д'Айала, Паоло Эмиліо Имбріани, зять Поэріо; изъ Болоніи—братья Спавента, Сеттембрини и др.

Нація вздохнула, но свободѣ ея дыханія препятствуютъ сомнѣніе и боязнь за будущее: недовѣріе не уменьшается, а напротивъ еще растетъ. Безпорядковъ, однако, со стороны народа нѣтъ въ городѣ; въ немъ царствуетъ глухое броженіе и выжиданіе грядущихъ событій. Осадное положеніе снято, и въ городѣ спокойно. Но правительство сильно ошибается, если думаетъ, что можетъ успокоить и покорить себѣ народъ притворными ласками и вынужденными уступками. Общее недовольство династіей господствуетъ повсемѣстно, и изъ провинцій доходятъ грозныя вѣсти: въ Торре делль-Анунціата убитое трое полицейскихъ; въ Кастелламаре отъ пяти до шести; въ Салерно два.

Изъ обнародованныхъ актовъ новаго неаполитанскаго прави-

Digitized by Google

тельства видно, что мысль о возстановленіи конституціи 1848 года принадлежитъ не королю, а министерству Спинелли. Король, въ своемъ верховномъ актѣ, предложилъ министерству поспѣшить составленіемъ статута, а министерство, сваливая съ себя эту тяжелую работу, объявило королю, что не зачѣмъ составлять новый статутъ, когда есть готовая законная конституція, хотя и не дѣйствующая. Другими мѣрами новаго правительства, о которыхъ мы отчасти уже упоминали, были слѣдующія: 1) созваніе народнаго парламента къ 10 сентября, а избирательныхъ коллегій къ 19 августа 1860; 2) свобода печати, съ временнымъ подчиненіемъ ея декретамъ 25 мая 1848, 27 марта и 6 ноября 1849; 3) образованіе коммиссій для приготовленія проектовъ избирательнаго закона, закона національной гвардіи, закона административной организаціи, учрежденія государственнаго совѣта, закона объ отвѣтственности министровъ, закона о печати; 4) пересмотръ таможеннаго тарифа, закона о пошлинахъ, составленіе новаго закона о контрабандѣ, вообще облегченіе торговли и т. п. Само собою разумѣется, что національная гвардія, созванная уже теперь въ Неаполѣ, есть только временное, а не окончательное учрежденіе. Іезуиты, самые близкіе люди къ прежнему правительству, изгоняются изъ королевства, и самъ король не можетъ защитить ихъ: «Нужно слушаться министерства!» отвѣчалъ онъ имъ на ихъ жалобы. Но Францискъ еще и далѣе простираетъ свое смиреніе: въ прокламаціяхъ своихъ къ народу, вызванныхъ реакціоннымъ движеніемъ въ Неаполѣ (15 и 16 іюля), онъ торжественно объявляетъ, что онъ еще очень молодъ и неопытенъ, но что онъ будетъ учиться и постарается привыкнуть къ порядкамъ конституціоннаго правленія.

Но главная забота, главная мысль нынѣшнихъ государственныхъ людей Неаполя—союзъ съ Піемонтомъ. Туринскій кабинетъ едва ли поддастся на эту уловку, вся выгода которой достанется не Италіи и не Піемонту, а только Неаполю, да еще Франціи. «Дуализмъ, говоритъ туринскій корреспондентъ *Times*, то-есть образованіе южнаго королевства, номинально союзнаго, а въ сущности необходимо враждебнаго королевству сѣверному, лелѣется не однимъ де-Мартино, но составляетъ чуть ли не любимую мечту скрытнаго, хотя иногда не рѣшительнаго и всегда мудренаго властителя Франціи. При малѣйшей безпечности или нерѣшительности со стороны Италіи, и апатіи со стороны европейскихъ державъ, Франція тотчасъ возьмѣтъ преобладаніе и даже безусловное вліяніе на нижнюю половину Италіи, чѣмъ подвергнется серіозной опасности независимость и самое существованіе сѣвернаго королевства.» Должно надѣяться, что этого не случится, и что гг. Манна и Винспиръ не успѣ-

Digitized by Google

ютъ въ своемъ посольствѣ, хотя имъ и пособляютъ при туринскомъ кабинетѣ разные европейскіе дипломаты.

Не удовлетворяя и не успокоивая либераловъ, новая конституція только раздражаетъ партизановъ прежняго порядка вещей. Камарилья волнуется и интригуетъ; королева-мать управляетъ движеніемъ, и часть войска объявляетъ себя противъ конституціи и въ пользу новаго короля, графа де-Трани; гренадеры ходятъ по улицамъ и предаются разнымъ неистовствамъ, убиваютъ, жгутъ, грабятъ; ихъ едва загоняютъ въ казармы; король не знаетъ, на что рѣшиться, министры подаютъ въ отставку и тѣмъ заставляютъ его принять рѣшительныя мѣры для возстановленія порядка, подвергнуть наказанію виновныхъ, прочесть энергическую рѣчь въ казармахъ, удалить королеву-мать и графа Трани, выдать около сорока паспортовъ членамъ придворной камарильи и, наконецъ, распустить королевскую гвардію, которая расходится при громкихъ крикахъ: «Долой конституцію!» Какъ ни тяжело было королю разстаться съ своими прежними совѣтниками и друзьями, а онъ долженъ былъ отправить ихъ въ изгнаніе, чтобы самому не предпринимать путешествія. Вообще вокругъ короля рѣшительная анархія: съ одной стороны реакціонная партія, столь дорогая сердцу монарха, своими вспышками компрометируетъ его и ставитъ въ весьма затруднительное положеніе; съ другой стороны, возвращающихся политическихъ изгнанниковъ встрѣчаютъ блистательными овиціями, и сами министры дѣлаютъ имъ визиты; наконецъ, въ городѣ открыто приклеиваются къ стѣнамъ и раздаются самыя зажигательныя революціонныя воззванія (между которыми замѣчательно письмо Луиджи Сеттембрини, предлагающаго въ италіянскіе диктаторы на переходное время извѣстнаго Фарини), и король не смѣетъ принять противъ этого какія-либо мѣры. Реакціонное движеніе имѣло весь характеръ заговора. Кромѣ Неаполя, въ Санта Маріи, въ Капуѣ, въ Авеллино, въ Гаэтѣ, раздавались крики: «Да здравствуетъ Марія Терезія!»

Изъ числа наиболѣе преступныхъ членовъ прежней неаполитанской полиціи, подлежавшихъ суду за свои дѣйствія, двое, Кампанья и Меренда, пробрались на французскій пароходъ, отплывшій въ Мальту. Неаполитанскій корреспондетъ, передающій намъ этотъ фактъ, удивляется, какимъ образомъ Франція, затруднявшаяся въ маѣ мѣсяцѣ принять подъ свою защиту жертвъ бурбонской жестокости, не затруднилась въ іюлѣ покровительствовать этимъ людямъ.

Со стороны лучіанскихъ и кіайскихъ лаззарони (Luciani e Chiajese) была сдѣлана безуспѣшная попытка освободить Манетту и его сына.

Digitized by Google

Выпущенные на волю, политическіе преступники разказываютъ ужасы о томъ, какъ съ ними поступали во время ихъ заключенія, не вызваннаго ничѣмъ, кромѣ трусливой подозрительности. Ихъ хватали, не слушая ихъ протестацій, не объясняя имъ причинъ такого насилія; перевозили ихъ изъ города въ городъ безъ всякой видимой надобности; бросали въ сырыя вонючія темницы, кишѣвшія червями и разными гадами; подвергали истязаніямъ и пыткамъ; привязывали руки къ ногамъ и вывертывали тѣло до тѣхъ поръ, пока трещали кости; обливали спящихъ холодною водой и пр. Когда неаполитанскій корреспондентъ газеты *Times* изъявилъ ужасъ при видѣ одного изъ такихъ мучениковъ и содрогаясь выслушалъ почти сказочный разказъ его, ему замѣтилъ одинъ изъ его друзей: «Вы удивляетесь? а я видѣлъ сотни подобныхъ зрѣлищъ!»

Какъ бы то ни было, положеніе дѣлъ въ Неаполѣ ужасно, и посланникъ неаполитанскаго правительства при парижскомъ кабинетѣ г. делла-Грека, нынѣ отправившійся въ Лондонъ, не скрываетъ этого. Говорятъ, будто бы и императоръ Французовъ находитъ, что какъ неаполитанскій Бурбонъ, такъ и римскій первосвященникъ должны покинуть свои сѣдалища. Папа могъ бы поселиться на островѣ Сардиніи и мирно получалъ бы ежегодно отъ европейскихъ католическихъ державъ 10.000.000 фр., изъ коихъ 3.000.000 фр. Франція взяла бы на себя. «Домъ Бурбоновъ, говоритъ одинъ корреспондентъ, выстроенъ изъ картъ,—одного дуновенія зефира было бы довольно, чтобы разрушить его, а теперь свирѣпствуетъ буря!»

Арестованіе Лафарины въ Палермо, о которомъ мы не имѣемъ еще обстоятельныхъ подробностей, начинаетъ разъясняться. Сардинскій уполномоченный коммиссаръ, не ограничиваясь ролью совѣтника, отъ словъ рѣшился перейдти къ дѣйствію, и, недовольный нерасположеніемъ Гарибальди и его новаго министерства Криспи (вступившаго послѣ отставки министерства Торреарса) къ немедленному присоединенію, сталъ вести интриги противъ диктатора и возстановлять Палермитянъ противъ его правительства. Подъ его вліяніемъ и по его наущенію, толпы народа наводнили улицы, сосѣднія съ мѣстопребываніемъ Гарибальди, оглашая воздухъ восклицаніями: «Да здравствуетъ Гарибальди!» и «долой министровъ!» Одинъ изъ министровъ, думавшій было уговорить народъ, былъ освистанъ и чуть не прибитъ. Толпы стремились прямо ко дворцу диктатора, и только самъ же Лафарина, испугавшись послѣдствій, могъ убѣдить ихъ разойдтись и послать къ Гарибальди депутацію съ просительнымъ адресомъ о смѣщеніи министровъ. Диктаторъ былъ очень раздраженъ этимъ событіемъ и потребовалъ списка министровъ, которыми народъ

Digitized by Google

думалъ замѣнить кабинетъ Криспи. Списокъ былъ составленъ и поданъ, но не заслужилъ одобренія диктатора. Составили новый списокъ, и Гарибальди на этотъ разъ уступилъ передъ народною волей; новое министерство изъ друзей Лафарины и присоединенія заняло портфели. Криспи остался домашнимъ совѣтникомъ Гарибальди. Сардинскій комиссаръ торжествовалъ, думалъ управлять судьбою всего острова и строилъ новые ковы. Но диктаторъ, уступивъ желанію народа, не хотѣлъ быть игрушкой дипломатическаго представителя туринскаго кабинета, и призвавъ къ себѣ Лафарину, вѣжливо посовѣтовалъ ему оставить островъ. Лафарина отвѣчалъ положительнымъ отказомъ, удалился, и въ ту же ночь (съ 7 на 8 іюля), по повелѣнію Гарибальди, былъ арестованъ, причемъ ему не дали ни съ кѣмъ видѣться, не позволили написать ни къ кому, и былъ тотчасъ же свезенъ на пароходъ для отправленія въ Туринъ.

Изъ этого видно, что со стороны Гарибальди была тутъ обыкновенная и очень понятная мѣра предосторожности противъ возможнаго раздвоенія власти, и что, изгоняя Лафарину, который изъ посланника обратился въ заговорщика, диктаторъ не дѣлалъ еще дѣйствительнаго разрыва съ сардинскимъ правительствомъ, хотя и прямо выразилъ тѣмъ свое нерасположеніе къ немедленному присоединенію. Это нерасположеніе выразилось еще и во вторичной отставкѣ министерства аннексіонистовъ, и въ статьѣ *Офиціяльнаго Журнала*, торжественно объявляющей, что только въ Венеціи остановится Гарибальди и подыметъ вопросъ объ италіянской организаціи; это нерасположеніе выразилось также и въ томъ, что диктаторъ, если вѣрить слухамъ, запретилъ помѣщеніе въ *Офиціяльномъ Журналѣ* адресовъ 350 общинъ, просившихъ о немедленномъ присоединеніи.

Графъ Кавуръ, хотя лично и очень былъ раздраженъ противъ Гарибальди,—такъ какъ Лафарина принадлежитъ къ ближайшимъ друзьямъ Кавура,—однако, понимая очень хорошо силу времени и высокое значеніе сицилійскаго диктатора въ настоящемъ италіянскомъ движеніи, рѣшился на уступку, и въ Сицилію посланъ былъ, какъ мы сказали, г. Депретисъ съ инструкціями и собственноручнымъ письмомъ короля.

Между тѣмъ подкрѣпленія идутъ своимъ чередомъ. 2-го іюля, на пароходахъ *Вашингтонъ*, *Кальяри* и *Орегонъ*, отправилась въ Сицилію третья экспедиція, экспедиція полковника Козенца, съ 3.500 волонтеровъ, которая уже теперь въ Сициліи и принимаетъ участіе въ воинскихъ дѣйствіяхъ. На томъ самомъ пароходѣ, гдѣ былъ Депретисъ, отправилось тоже много волонтеровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ формируется для Гарибальди отрядъ Италіянцевъ и Американцевъ, который будетъ носить имя Ва-

Digitized by Google

шингтонскаго отряда. Неаполитанскій пароходъ *Быстрый* (Velocе), называвшійся прежде *Сицилійская Независимость* и захваченный въ 1849 году неаполитанскимъ крейсеромъ, добровольно передался на сторону Гарибальди; онъ названъ теперь *Желаннымъ* (Benvenuto) и дѣятельно крейсеруетъ въ водахъ острова; имъ взяты уже два небольшіе неаполитанскіе парохода, *Эльба* и *Герцогъ Калабрскій*, на которыхъ найдены были значительныя суммы, около 100.000 дукатовъ; диктаторъ тотчасъ же объявилъ, что частная собственность будетъ вся возвращена по принадлежности.

О займѣ Бертани нѣтъ еще новыхъ извѣстій. Посланникъ Гарибальди въ Парижѣ, Санъ-Катальдо, былъ неофиціяльно принятъ принцемъ Наполеономъ. Другъ диктатора и замѣчательный по уму и образованію человѣкъ, Ла-Маза, посланъ во Францію, Германію и Англію сбирать деньги и волонтеровъ, а также и объяснять Европѣ истинную цѣль всей дѣятельности Гарибальди, заключающуюся въ томъ, чтобъ освободить всю Италію и предоставить ей самой политически устроиться на началахъ конституціонной монархіи и на мѣстномъ самоуправленіи (1). *Morning Post* увѣряетъ, что сардинское правительство согласилось всячески склонять Гарибальди на шестимѣсячное перемиріе съ Неаполитанцами.

По послѣднимъ извѣстіямъ, неаполитанскія войска очистили Мессину (городъ) и сосредоточились въ цитадели. Медичи занялъ Мелаццо (въ виду Мессины) и требовалъ подкрѣпленій. Гарибальди, для избавленія войска отъ труднаго и болѣе продолжительнаго сухопутнаго похода по гористой мѣстности, а также и для сбереженія времени, посадилъ на суда до 5000 волонтеровъ, и самъ отправился съ ними для соединенія съ Медичи, оставивъ г. Сиртори намѣстникомъ своимъ въ Палермо. При Мелаццо, 26 іюля, или нѣсколько ранѣе, произошла битва, и гарибальдійцы, говоритъ телеграмма, понесли большія потери, причемъ самъ диктаторъ былъ раненъ въ ногу. Депеша не говоритъ, кто остался побѣдителемъ. Начальникомъ мессинскаго неаполитанскаго гарнизона былъ генералъ Клари; авангардомъ командовалъ полковникъ Боско, уже сражавшійся съ Гарибальди въ стѣнахъ Палермо. По другой телеграммѣ изъ Неаполя (отъ 30 іюля) черезъ Парижъ, между Гарибальди и Клари заключена военная конвенція на слѣдующихъ условіяхъ: 1) неаполитанскія войска остаются въ фортахъ Сиракузъ, Агосты и Мессины; 2) самые города доступны равно гарибальдійцамъ и королевскимъ войскамъ; 3) плаваніе около береговъ Сициліи и по мессинскому

(1) См. ниже, статью Маттеуччи.

Digitized by Google

проливу объявляется свободнымъ для всѣхъ флаговъ; 4) суда, подъ какимъ бы флагомъ ни были, пользуются одинакими правами. Трудно рѣшить, чѣмъ вызвана эта конвенція: вліяніемъ ли дипломатіи, или желаніемъ диктатора не тратить времени и войска на безплодныя битвы, а организовать болѣе сильную армію и предпринять болѣе серіозное дѣло. Впрочемъ, и самому извѣстію о конвенціи нельзя вполнѣ довѣриться, такъ какъ оно идетъ изъ Неаполя. Замѣчательно, что въ самое почти время, какъ вспомогательный отрядъ Гарибальди садился на суда, въ Неаполѣ происходили безпорядки 15 и 16 числа, и общій голосъ былъ, что диктаторъ высадится на континентѣ; его даже готовы были встрѣтить, и революція вспыхнула бы въ королевствѣ непремѣнно. Но благопріятная минута была упущена....

Сицилійскій корреспондентъ газеты *Times* въ письмахъ своихъ, изъ Алія отъ 29 іюня и изъ Кальтанизетты отъ 3, 6 и 8 іюля сообщаетъ подробности объ экспедиціи Тюрра, о которой упомянули мы въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Полковникъ, а потомъ генералъ-адъютантъ и генералъ-инспекторъ, Тюрръ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было сформированіе первой дивизіи, командовалъ одною только среднею колонной экспедиціи. Всѣхъ же колоннъ было три: одна (вѣроятно подъ начальствомъ Медичи) слѣдовала берегомъ моря къ Мессинѣ; вторая (подъ начальствомъ Тюрра) проникала внутрь страны, въ Катанію, черезъ Кальтанизетту; третья направилась къ югу, на Джирдженти, съ тѣмъ чтобы потомъ присоединиться ко второй колоннѣ. Цѣль экспедиціи была вмѣстѣ и военною и политическою: диверсія на Мессину, пріученіе солдатъ къ походу, формированіе войскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ организація внутреннихъ политическихъ центровъ страны, испытаніе духа населенія, поддержаніе связи между столицей и областями, — вотъ что было тутъ мыслью и желаніемъ диктатора. «Гарибальди, говоритъ корреспондентъ, не зная самъ покоя, торопилъ скорѣйшимъ выступленіемъ, увѣренный, что солдатъ не нуждается во многомъ, если только проникнутъ хорошимъ настроеніемъ духа. Гарибальди терпѣть не можетъ тѣхъ, кто допускаетъ невозможности. Кромѣ того, что онъ не любитъ терять время, главная вещь, по его мнѣнію, начало всякаго дѣла. Ступай съ тѣмъ, что успѣешь захватить съ собою, а объ остальномъ позаботишься въ дорогѣ. Таково его правило, подкрѣпленное еще и соображеніемъ о необходимости спасти солдатъ отъ праздной жизни (ozio) въ Палермо.»

По мѣрѣ удаленія отъ Палермо, волонтеры все менѣе и менѣе оглядывались назадъ; имъ понравился походъ въ роскошной и живописной странѣ; ихъ вездѣ прекрасно принимали, и скоро всѣ

Digitized by Google

стали смотрѣть ужь не назадъ, а только впередъ. Первою станціей колонны былъ городъ Мизильмери: здѣсь пріемъ былъ холоденъ, продовольствіе и помѣщеніе не приготовлено, жители напуганы предстоявшими наборами. Но трехъ дней стоянки было достаточно, чтобы перемѣнить эти холодныя отношенія на самыя дружескія, и уже въ Виллафраге пріемъ былъ несравненно радушнѣе, постой и продовольствіе заранѣе приготовлено. Но за то въ Виллафраге опасно занемогъ генералъ Тюрръ, такъ что даже долженъ былъ оставить колонну и вернуться въ Палермо. Страдая отъ раны, полученной имъ на равнинахъ Ломбардіи, Тюрръ послѣдовалъ первому призыву Гарибальди, первымъ ступилъ на почву Сициліи, первымъ былъ во всѣхъ сраженіяхъ, дѣятельно помогалъ диктатору въ предпринятой имъ организаціи арміи, былъ его правою рукой въ этомъ отношеніи, не отступалъ ни на шагъ отъ того, что считалъ своею священною обязанностью, и сформировалъ первую дивизію въ ущербъ своему здоровью. Солдаты плакали, когда ихъ генерала сажали въ экипажъ, и со слезами на глазахъ слѣдили за нимъ, пока онъ не скрылся изъ глазъ въ направленіи къ Палермо.

Дальнѣйшее слѣдованіе колонны, черезъ Роккапалумбо, Алію, Валлелунгу, Фондако ди Лондро, Реццутано, Санта-Катерину, въ столицу внутренности Сициліи, Кальтанизетту, было рядомъ блистательнѣйшихъ торжествъ и овацій: обильное продовольствіе, угощеніе, національная гвардія съ національнымъ знаменемъ, музыка, цвѣты, которыми буквально засыпали и людей и лошадей, женщины, которыя, въ противность восточному обычаю Сициліи, во множествѣ толпились по улицамъ и по балконамъ, всеобщій неудержимый энтузіазмъ, восторженные крики: «да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ Италія!»—вотъ что встрѣчала на пути своемъ экспедиціонная колонна, при которой слѣдовалъ и Александръ Дюма (съ своею собственною палаткой) въ качествѣ *исторіографа* и *перваго повара* (grand-cuisinier) главнаго штаба колонны.

Природа страны восхитительна, *божественна*, по словамъ корреспондента: непрерывный рядъ великолѣпныхъ и цвѣтущихъ долинъ, обрамленныхъ высокими горами; свѣтлые ручьи и рѣки; зеленые пригорки, чудный воздухъ, роскошная растительность; кактусы, алоэ, виноградникъ, миндальныя деревья, съ цвѣтами, которыхъ не выраститъ никакая теплица, розы и олеандры въ полномъ цвѣту, не кустами, а цѣлыми деревьями; и среди живописной мѣстности, какъ орлиныя гнѣзда, бѣлѣются въ рощахъ и садахъ города и села. Богатство почвы изумительное, и корреспондентъ невольно понялъ, что Сицилія могла быть названа житницей Рима. Вообще провинція представляетъ рѣзкую про-

Digitized by Google

тивоположность по довольству жителей со столицей, ея окрестностями и большими приморскими городами. «Въ Мизильмери, говоритъ корреспондентъ, 11.000 жителей, а дома немного чѣмъ лучше хижинъ, грязны и лишены всѣхъ удобствъ; пища груба и недостаточна. Въ Виллафратѣ съ 3000 жит. уже замѣтно лучше, а въ Роккапалумбо, гдѣ всего 1800 жит., нашлось для всѣхъ прекрасное помѣщеніе, сытная и вкусная пища и все, чего только можно было пожелать. Народонаселеніе провинцій не только дѣятельнѣе, способнѣе на трудъ и богаче, но даже просвѣщеннѣе. Покинувъ Мизильмери, мы напримѣръ, не встрѣчали болѣе почти ни одного нищаго: сословіе это, искусственный продуктъ дурнаго управленія, очень мало извѣстно во внутренности острова.»

При выступленіи изъ Реццутано, всѣ были поражены одною изъ великолѣпнѣйшихъ панорамъ на всемъ земномъ шарѣ. «Трудно было сперва остановить взоръ свой въ какомъ-либо одномъ направленіи посреди цѣлаго моря горныхъ возвышенностей; наконецъ взоры всѣхъ устремились на востокъ, гдѣ высилась гигантская масса горы Этны, далеко воздымавшаяся надъ всѣми прочими горами и величаво выказывавшая свои шероховатые бока, правильно перехваченные снѣговыми поясами. Мы были въ 3000 ф. надъ уровнемъ моря. По срединѣ мѣстности подымались горы Мадонія на 5000 и на 6000 ф. надъ уровнемъ моря: вдали на заднемъ планѣ воздымался огнедышащій гигантъ; направо красовались двѣ другія высокія горы, также отдѣлявшіяся отъ прочихъ, но только какъ бы скошенныя и покрытыя колокольнями и башнями: то были Кальтанизетта и замокъ Джіованни, называемый въ народѣ *пупомъ* Сициліи.»

Кальтанизетта отстоитъ на равномъ разстояніи отъ Палермо, Катаніи и Джирженти. Несмотря на прежнюю репутацію Кальтанизетты, какъ города консервативнаго, пріемъ колонны былъ здѣсь самый радушный, самый пламенный; у входа въ городъ сооружена была тріумфальная арка; все народонаселеніе, мущины и женщины, высыпали навстрѣчу войску; цвѣтовъ была цѣлая туча; городскія власти, національная гвардія были въ полномъ составѣ, съ музыкой и знаменами; обѣдъ, угощеніе, вечеромъ балъ. Что̀ касается до другой своей репутаціи, какъ города, въ высшей степени исполненнаго предразсудковъ, то Кальтанизетта выдержала въ этомъ отношеніи свой характеръ и угостила отрядъ гарибальдійцевъ процессіей безобразной, но за то чудотворной статуи патрона своего, Св. Михаила, процессіей, представлявшей оригинальную смѣсь язычества и христіянской набожности.

Удивляясь богатству сицилійской почвы и справедливо находя,

Digitized by Google

что жители внутреннихъ провинцій богаче и вообще лучше жителей прибрежныхъ странъ, корреспондентъ сознается, однако, что и внутренность острова далеко не находится въ томъ цвѣтущемъ положеніи, въ какомъ бы она могла быть, благодаря своимъ природнымъ богатствамъ. Если и уцѣлѣло нѣкоторое довольство во внутреннихъ областяхъ Сициліи, то именно потому, что до нихъ не такъ легко достигала рука Бурбоновъ. Тѣмъ не менѣе, вы не найдете на островѣ ни путей сообщенія, ни какаго другаго слѣда цивилизующаго прогресса: «Плодоноснѣйшая изъ всѣхъ почти странъ въ мірѣ, страна, наполнившая три послѣдовательные историческіе періода блескомъ своей цивилизаціи, теперь чуть ли не самая отсталая изъ всѣхъ странъ Европы и едва населена тѣмъ числомъ жителей, какое нѣкогда заключалъ въ стѣнахъ своихъ одинъ городъ Палермо.» Нравственное состояніе самого народа еще ужаснѣе, и оно лучше всего опредѣляетъ истинный характеръ неаполитанскаго управленія. Управленіе это, по словамъ корреспондента, было преступленіемъ противъ всего человѣческаго рода. «Другіе деспоты убивали только тѣло человѣка и разрушали одно благосостояніе своихъ подданныхъ: неаполитанскіе же убивали духъ и развращали понятія цѣлаго народа, отъ природы склоннаго къ добру и развитію. Черезъ нѣсколько лѣтъ хорошаго правленія внѣшнее благосостояніе страны легко можетъ быть возстановлено; но много лѣтъ пройдетъ, прежде чѣмъ изгладятся слѣды униженія и рабства, и снова подымется народный характеръ. Къ счастію для Сицилійцевъ, у нихъ есть сила, которой не можетъ превозмочь никакое злое ухищреніе; сила эта—горячій темпераментъ сицилійской крови, сдѣлавшій невозможнымъ для этого народа постоянный застой и омертвеніе. По временамъ этотъ темпераментъ энергически прорывался. Но именно на этихъ-то энергическихъ порывахъ и замѣтны болѣе всего слѣды неаполитанскаго управленія. Самымъ сильнымъ средствомъ противъ возможной самобытности народа служила нищета, невѣжество, развращеніе нравственнаго духа, ужасъ — словомъ, ванъ-амбурговъ рецептъ укрощенія дикихъ звѣрей.» Голодъ стоялъ первымъ въ спискѣ, и несмотря на все природное богатство страны, несмотря на освобожденіе крестьянъ (1811), масса недостаточныхъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ была доведена почти до нищеты и до полной зависимости отъ фермеровъ. Этому способствовали остатки феодализма, нигдѣ столь не сильные какъ въ Сициліи и всячески поощряемые правительствомъ. Въ рукахъ древней аристократіи скопились почти всѣ земли, между 1600 дворянами распредѣлены цѣлые $^2/_3$ поземельной собственности; остальная $^1/_3$ принадлежитъ духовенству и монашествующимъ орденамъ. Собственно земле-

Digitized by Google

дѣльцы раздѣляются въ Сициліи на *agricoli*, имѣющихъ нѣкоторый капиталъ и *простыхъ работниковъ*, жувущихъ изо дня въ день, безо всякаго обезпеченія въ будущемъ. Недостатокъ дорогъ въ Сициліи обратился почти въ пословицу. Правительство не только вовсе не заботилось само о путяхъ сообщенія, но и противодѣйствовало всякой иниціативѣ со стороны общества, хотя и взимало большіе дорожные сборы. «Обыкновенною системой въ этомъ отношеніи была та самая, которая господствуетъ въ Турціи. Общины подавали просьбу, что онѣ желали бы имѣть у себя дорогу, и что онѣ готовы заплатить деньги и провести дорогу на свой счетъ. Неизмѣннымъ отвѣтомъ на эту просьбу было приказаніе собрать деньги. Потомъ правительство присылало инженеровъ, которые брали деньги, разставляли вѣхи, сочиняли планы—а затѣмъ ничего ужь не слышно было ни одорогахъ, ни о деньгахъ.» Для того, чтобы держать въ рукахъ народонаселеніе острова, неаполитанское правительство не гнушалось браться за самыя грязныя аферы и спекулировать сицилійскимъ хлѣбомъ, закупая его на мѣстѣ черезъ своихъ агентовъ по дешевымъ цѣнамъ и перепродавая его тѣмъ же Сицилійцамъ, уже по цѣнѣ, значительно высшей. Высокій тарифъ изгналъ съ острова дешевые иностранные товары, а мѣстная промышленность, разными мѣрами, была совсѣмъ задавлена и принесена въ жертву неаполитанской промышленности. Нищіе наводнили Сицилію, и монастыри, имъ естественно покровительствующіе, были всячески поощряемы правительствомъ. «Каждый день монастыри и общества благотворительности раздаютъ своимъ бѣднымъ хлѣбъ и варево, поощряя праздность и нищенство. Путешественники, которые удивляются множеству нищихъ въ Сициліи и ихъ неотвязчивости, не должны забывать, что пауперизмъ поставленъ тамъ на степень государственнаго учрежденія, что нищенство — единственное конституціонное право, оставленное Сицилійцамъ.» Нищенство и невѣжество обыкновенно идутъ рука объ руку, взаимно поддерживаясь одно другимъ. Дѣятельнѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ орудіемъ неаполитанскаго правительства въ этихъ видахъ было сицилійское духовенство, проникнутое патріотизмомъ, но въ то же время и исполненное страшныхъ предразсудковъ. Духовенство острова почти совершенно независимо отъ римскаго первосвященника, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно отторгнуто, изолировано отъ всякаго сообщенія съ цивилизованнымъ міромъ и совершенно невѣжественно. Все образованіе находится тѣмъ не менѣе въ рукахъ духовенства, и непроходимое невѣжество вмѣстѣ съ неограниченнымъ суевѣріемъ господствуютъ поэтому во всѣхъ классахъ обществъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ. Правительство, съ своей стороны, тщательно устраняло все, что

Digitized by Google

только могло бы сколько-нибудь разсѣять этотъ мракъ. Самыя первыя начала общественнаго устройства чужды Сицилійцамъ, которые привыкли къ тому, чтобы правительство все дѣлало за нихъ (или, вѣрнѣе, ничего не дѣлало), сами не способны ни на какое дѣло и даже не понимаютъ возможности самостоятельной дѣятельности. Предупреждая взрывы народнаго неудовольствія и истощеннаго дурнымъ управленіемъ терпѣнія, правительство покрыло островъ сѣтью шпіонствъ и гнуснѣйшей въ мірѣ полиціи. «Однимъ словомъ, говоритъ корреспондентъ, неаполитанское правительство словно выпустило на Сицилію всѣхъ злыхъ духовъ изъ ковчега Пандоры, и нужно только удивляться не ярости такъ долго притѣсняемаго народа, а его умѣренности, такъ какъ поведеніе Сицилійцевъ, за весьма небольшими исключеніями, было, съ самой первой минуты возстанія, рѣшительно образцовымъ.»

Эта глубокая ненависть служитъ уже, безъ сомнѣнія, надежнымъ ручательствомъ, что народный духъ Сицилійцевъ можетъ быть только временно *подавленъ*, но не *задавленъ* совершенно и навсегда, и что родовыя особенности племени, все еще живыя, но только смолкшія на время передъ напоромъ внѣшняго насилія, рано или поздо проложатъ себѣ широкую и открытую дорогу и дадутъ характеръ всей послѣдующей исторіи острова. Но что же это за племенныя особенности, почему онѣ такъ живучи и въ чемъ заключается ихъ отличительный характеръ? На эти вопросы тотъ же корреспондентъ отвѣчаетъ разсужденіемъ, можетъ-быть парадоксальнымъ, но очень оригинальнымъ и остроумнымъ: пуская въ ходъ и физіологію и филологію, онъ пробуетъ доказать одноплеменность туземныхъ обитателей Сициліи съ Арабами. Читатели наши не безъ интереса, вѣроятно, прочтутъ это разсужденіе, которое мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ:

«Въ смѣшанныхъ народностяхъ любопытно слѣдить за тѣмъ, какъ отдѣльные элементы, изъ которыхъ онѣ сложены, борятся между собою до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не станетъ преобладать надъ другими и не сообщитъ своего собственнаго характера цѣлому народу. Такое преобладаніе не бываетъ непремѣннымъ результатомъ ни численнаго превосходства, ни преимуществъ господствующаго племени, и можно скорѣе допустить здѣсь какое-то органическое соотвѣтствіе элементъ съ климатомъ и почвой, подобно тому, какъ при одной и той же обстановкѣ, одно дерево или растеніе принимается свободнѣе и пышнѣе, чѣмъ другое. Сицилія представляетъ тому одинъ изъ разительнѣйшихъ примѣровъ. Ни по одной другой странѣ не проходило столько различныхъ народностей. Не говоря уже о доисторическихъ племенахъ, оставившихъ слѣды своего существованія въ пещерахъ, изсѣченныхъ въ известковыхъ горахъ, Сицилію наводняли

Digitized by Google

Греки, Римляне, Византійцы, Сарацины, Норманы, Испанцы, Неаполитанцы. Почти всѣ они оставили слѣды свои только изъ камня—Греки своими разрушенными храмами, Римляне слабыми остатки мощенныхъ дорогъ, Византійцы квадратными церквами съ куполами и мозаикой, Норманы своими башнями, Испанцы монастырями, Неаполитанцы тюрьмами и крѣпостями. Кромѣ того, они дали острову по нѣскольку словъ изъ своихъ нарѣчій и нѣсколько характеристическихъ учрежденій,—Норманы феодализмъ, Испанцы титулы и монашествующіе ордена, Неаполитанцы шпіоновъ и разбойниковъ. Но всмотритесь въ смуглую наружность Сицилійца, въ рѣзкія черты его лица, обратите вниманіе на малый ростъ его, вслушайтесь въ его суровый горловой выговоръ, замѣтьте выразительность его жестовъ, изучите его обычаи и нравъ, и все это невольно напомнитъ вамъ, подобно иглистой грушѣ и алоэ, сосѣдство Африки и Сарациновъ. Только два кроткія столѣтія продолжалось ихъ господство; многіе изъ проходившихъ по острову покинули его послѣ норманскаго завоеванія; лицемѣрные монахи и идіотическіе короли дѣлали все, что только было въ ихъ власти, чтобъ извести это живучее племя; и вотъ искаженное, униженное, подавленное, забитое, оно все еще существуетъ и на всемъ народѣ запечатлѣваетъ свой характеръ, не боясь ни тюремъ, ни огня, ни меча. Каждый шагъ вашъ напоминаетъ вамъ это племя; больше чѣмъ половина городовъ сохранили свои арабскія имена, хотя и переиначенныя нѣсколько, Марсала, Калатафими, Алькамо, Кальтанизетта и др. Всякій фермеръ или мало-мальски достаточный человѣкъ въ городахъ и селахъ любитъ выѣзжать на своей кобылицѣ съ ружьемъ у сѣдла, точь-въ-точь такъ, какъ и на Востокѣ; погонщикъ муловъ, сопровождающій транспортъ съ сѣрой, погоняетъ своихъ животныхъ весьма извѣстнымъ «Бзъ!» погонщикаословъ въ Египтѣ. Сицилiецъ такой же искусникъ въ сладостяхъ и такъ же любитъ ихъ, какъ и его африканскіе соплеменники, и не одно еще сохранилось у него кушанье, которое слѣдуетъ ѣсть только подъ фиговымъ деревомъ или подъ дикою смоковницей (сикоморомъ). Когда вы встрѣтите Сицилiянку на улицѣ, она такъ же поспѣшно закроетъ себѣ лицо, какъ и восточная женщина, а можетъ-быть и еще поспѣшнѣе; такую же ведетъ она здѣсь домашнюю, запертую жизнь, какъ и на Востокѣ. Въ Сицилiи встрѣтите вы въ то же почтеніе передъ происхожденіемъ и родословною кровью, какъ и между Арабами, ту же крѣпость рода, готовую на ссору и полагающую побѣду въ томъ, чтобы сказать послѣднее слово или нанести послѣдній ударъ. Та же здѣсь слабость къ формѣ и внѣшностямъ, та же преувеличенная учтивость, та же склонность къ бурнымъ демонстраціямъ. Но за то — увы! — множество

Digitized by Google

иностранныхъ ногъ, торопливыхъ, непосѣдныхъ, какъ бы обутыхъ въ дорожные сапоги, потоптало въ землю прежнее гостепріимство, рыцарство, промышленную изобрѣтательность, артистическій вкусъ, склонность къ наукамъ и искусствамъ, доказательства чего разсѣяны по многимъ странамъ Востока и Запада.»

Выводы корреспондента объ арабскомъ происхожденіи Сицилійцевъ нѣсколько фантастичны, филологическія сближенія очень блѣдны и основаны только на звукѣ *бз* и на горловомъ произношеніи языка, ни въ чемъ другомъ нисколько не похожаго на арабскій; первобытное населеніе острова и преобладаніе въ немъ греческихъ колоній, не только до подчиненія его владычеству Аглабидовъ и потомъ Фатимитовъ (827 и слѣд.), но и до самаго норманскаго завоеванія (1058), корреспонденгъ оставилъ почти безъ вниманія.

Кальтанизетская провинція, расположенная въ самомъ, такъ сказать, сердцѣ страны, сохранила, по словамъ корреспондента, гораздо болѣе характеристическихъ особенностей, которыя въ приморскихъ городахъ, отъ частыхъ сношеній съ иностранцами, значительно сгладились. Кальтанизетская аристократія богата и вліятельна; никто изъ ея членовъ не заѣзжалъ далѣе Палермо, а бо́льшая часть не доѣзжала даже и до этого города. Всѣ они, за весьма рѣдкими исключеніями, либеральны, правда, по своему: Неаполитанцевъ ненавидятъ они какъ и всѣ, но они тоже любятъ свои дукаты. Между этою ненавистью и этою любовію возгорается борьба при всякомъ критическомъ обстоятельствѣ, и любовь всегда одолѣваетъ. «Ни что̀ не могло бы быть легче, напримѣръ, разказываетъ корреспондентъ, какъ отрѣзать двѣ королевскія колонны, слѣдовавшія по весьма дурной дорогѣ, отъ Джирдженти и Кальтанизетты на Мессину, и многія изъ общинъ были ужь готовы и всѣ мѣры приняты, какъ вдругъ изъ Кальтанизетты пришелъ приказъ остановить движеніе: колонны могли возвратиться, сжечь нѣсколько домовъ и отнять нѣсколько монетъ.»

Источникомъ богатства кальтанизетской аристократіи служатъ неистощимыя сѣрныя копи, снабжающія всю Европу этимъ металлоидомъ. Добываніе сѣры на мѣстѣ необыкновенно просто, легко и дешево; этому способствуютъ крѣпкіе пласты туфа, гипса и нористаго известняка, почти не требующіе постороннихъ сводообразныхъ поддержекъ, а также и отсутствіе подземныхъ водъ, всегда мѣшающихъ рудокопнымъ работамъ. За то доставка сѣры въ приморскіе города, производимая насчетъ самихъ владѣльцевъ, обходится, по отсутствію путей сообщенія, очень дорого. Тѣмъ не менѣе производство это чрезвычайно выгодно, и акціи общества въ самыя критическія минуты не продавались менѣе какъ на 15 или 16% выше нарицательной цѣны. Эти богатства, дающія гро-

Digitized by Google

мадное вліяніе мѣстной аристократіи и скопляющія всю массу провинціяльной власти въ ея рукахъ, даютъ особый оттѣнокъ и политическому характеру этой области. Во главѣ управленія всегда стоитъ особенно богатый владѣтельный родъ (1), и не разъ кальтанизетская аристократія со своими приверженцами выступала противъ революціоннаго движенія (the clique) въ городѣ. «Настоящій случай, говоритъ корреспондентъ составляетъ исключеніе, какъ и вообще онъ исключителенъ для всей Италіи. Но мы посмотримъ, что станется съ этимъ движеніемъ, когда придетъ время для жертвъ.»

Г. МАТТЕУЧИ О ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦІИ ВЪ ИТАЛІИ.

Въ первой іюльской книжкѣ *Revue des deux Mondes*, одинъ изъ извѣстныхъ италіянскихъ патріотовъ, г. Маттеучи, высказалъ въ интересной статейкѣ свое мнѣніе о необходимости административной децентрализаціи въ будущемъ устройствѣ соединенной Италіи. Считаемъ не лишнимъ привести въ дополненіе къ очерку текущихъ дѣлъ въ Италіи, эту статейку, имѣющую общій интересъ.

«Съ той минуты, когда такъ измѣнилось положеніе Италіи, въ ней возникло множество вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ самая будущность ея, и мы необходимо должны изучить и опредѣлить ихъ, на сколько это возможно сдѣлать въ томъ круговоротѣ, въ которомъ мы живемъ теперь. Постановить эти вопросы, которыми заняты впрочемъ многіе умы, лежитъ на обязанности тѣхъ, кто любитъ свое отечество, кто вѣритъ въ силу общественнаго мнѣнія, кто не хочетъ, чтобы главнѣйшія условія нашего возрожденія были искажаемы и дурно понимаемы. Я тоже питаю себя одною только мыслію, стремлюсь къ одной цѣли—помогать общему дѣлу, раскрывая истину передъ тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, съ которымъ всякое правительство необходимо должно теперь сообразоваться. Многіе скажутъ, а многіе ужь и говорятъ намъ, что Италіи нужно теперь только дѣйствовать, и что прежде чѣмъ основывать учрежденія и издавать законы, надобно образовать націю и поставить ее на ноги. Я не отрицаю нѣкоторой доли справедливости въ этомъ взглядѣ на вещи, я согласенъ, что, несмо-

---

(1) Теперь этою привилегіей пользуется семейство герцовъ Сапъ-Копальдо, владѣющихъ копями того же имени.

Digitized by Google

тря на совѣты благоразумія, трудно бываетъ остановиться въ шествіи, такъ счастливо и такъ блистательно начатомъ. Средства обороны и финансы становятся въ подобныхъ обстоятельствахъ главнымъ предметомъ общественной дѣятельности. Но не менѣе справедливо и то, что было бы чрезвычайною неосторожностію пренебречь немедленною организаціей гражданскаго быта, которая одна только способна упрочить за нами благодѣянія свободы и независимости.

«До сихъ поръ, подъ вліяніемъ одной заботы о защитѣ или завоеваніи себѣ независимости, господствующею у насъ идеей была идея возсоединенія. Но остережемся, чтобы соединенія не смѣшать съ централизаціей и не установить образа правленія, который противорѣчилъ бы всѣмъ нашимъ преданіямъ, всѣмъ вкусамъ нашимъ и инстинктамъ. Единство во внѣшней и внутренней политикѣ, въ организаціи войска, дѣйствительно необходимо, въ видахъ безопасности всего государства и какъ гарантія независимости народа. Внѣ всякаго спора лежатъ и тѣ основные законы, тѣ принципы права, которыми управляется всякая страна, всякій гражданинъ, всякая старинная и новая область. Опаснымъ возсоединеніемъ, или, точнѣе, опасною централизаціей была бы та, которая подчинила бы себѣ собственно администрацію страны, ея благотворительныя учрежденія, ея народное просвѣщеніе во всѣхъ его видахъ.

«Подумайте хорошенько; большой административный центръ самъ собою предполагаетъ уже средоточіе народонаселенія и богатства, однимъ словомъ, большую столицу. Достаточно имѣть самое поверхностное понятіе объ Италіи, чтобъ убѣдиться въ томъ, что у насъ такая столица могла бы возникнуть только въ ущербъ мѣстной жизни, создавшей себѣ въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ множество небольшихъ отдѣльныхъ центровъ. Большая столица и административная централизація, необходимо связанныя между собою тонкими узами, убили бы современемъ всякое различіе во взглядахъ, въ привычкахъ и самомъ трудѣ,—различіе, равно замѣтное во всѣхъ классахъ общества и имѣющее въ Италіи такой рѣзкій характеръ. Политическая система, основанная на уничтоженіи этихъ различій, на желаніи отлить въ одну форму всѣ племена полуострова, не только лишила бы народъ издавна пріобрѣтенныхъ имъ силъ, полезныхъ его духовному и матеріяльному прогрессу, но заставила бы даже эти силы измѣнить свой характеръ и принять новое направленіе въ средѣ, имъ неблагопріятной.

«Административная централизація имѣла бы собственно для насъ еще и другія непріятныя послѣдствія. Такая система можетъ существовать только при огромномъ сословіи чиновниковъ, живу-

Digitized by Google

щихъ на счетъ государства и вносящихъ въ управленіе дѣлами весьма узкіе взгляды, или вѣрнѣе, узкія правила, при которыхъ нѣтъ ужъ надобности во взглядахъ и идеяхъ, да еще медленную, безжизненную и всегда очень слабо освѣщенную рутину. Никто не сомнѣвается теперь, что тѣ самые, которыхъ такъ соблазняютъ государственныя должности, были бы безконечно полезнѣе для величія и свободы своего отечества, еслибы составили себѣ въ торговомъ мірѣ, въ промышленности, въ сферѣ наукъ, искусствъ или словесности, независимое существованіе, достойное свободнаго гражданина. Извѣстно, что чиновники поглащаютъ огромныя денежныя средства, которыя были бы несравненно полезнѣе во всякомъ другомъ мѣстѣ, и которыхъ можно было бы даже вовсе не собирать въ видѣ налога на народъ (1). Величайшимъ государственнымъ открытіемъ нашего времени было упрощеніе административнаго механизма, а равно болѣе легкое и экономическое собираніе налоговъ. Уменьшеніе государственныхъ должностей, необходимое послѣдствіе децентрализаціи, служитъ однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ уменьшенію непроизводительныхъ расходовъ государства. Въ предметахъ для занятія не могло бы быть недостатка этимъ лицамъ, прозябающимъ теперь въ ничтожныхъ и темныхъ должностяхъ. Во всякомъ случаѣ, облегчая себя отъ безплодныхъ тратъ, государство могло бы облегчать и самый переходъ уступкой земель, весьма удобною въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи, какъ то въ Сардиніи, въ Мареммахъ (2), гдѣ много еще обширныхъ пространствъ, требующихъ только ума и свободныхъ рукъ. Всѣ бы тутъ выиграли, и государство, которое сдѣлало бы значительную экономію, и народное богатство, и новые землевладѣльцы изъ чиновниковъ. Я могъ бы указать на многихъ значительныхъ собственниковъ въ окрестностяхъ Пизы, нынѣшнее богатство которыхъ началось съ крошечныхъ клочковъ земли, уступленныхъ имъ, подъ извѣстными условіями, правительствомъ Леопольда I. Вопросъ этотъ стоилъ бы серіознаго вниманія со стороны нашихъ государственныхъ людей.

Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить, что большой административный центръ и большая столица притягиваютъ къ себѣ множество лицъ, расточающихъ въ роскоши огромныя состоянія. Я нисколько не ополчаюсь противъ большихъ столицъ тамъ, гдѣ онѣ уже существуютъ. Уже по одному тому, что онѣ образовались и даже процвѣтаютъ, слѣдуетъ допустить, что ихъ существованіе имѣетъ

---

(1) И несмотря на огромную цифру административныхъ расходовъ, чиновники рѣдко бываютъ обезпечены въ самомъ ихъ существованіи.

Прим. г Маттеучи.

(2) Приморская область Тосканы.

Digitized by Google

разумную причину, и что выгоды, съ ними сопряженныя, смягчаютъ или превосходятъ собою ихъ невыгоды. Въ Италіи не то: подобная столица убила бы бо́льшую часть городовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ такія же права стать этою столицей. Отстраняя образованіе одного изъ такихъ центровъ, мы остаемся вѣрными нашимъ преданіямъ, вкусамъ и интересамъ, хорошо понятымъ; мы удерживаемъ множество лицъ отъ растраты ихъ существованія на пустое и безплодное волненіе; мы повсемѣстно способствуемъ равному и одновременному развитію просвѣщенія, земледѣлія, промышленности и торговли, которыя могутъ много пострадать отъ истощенія народныхъ силъ столицею.

«Я здѣсь кратко высказываю нѣсколько мыслей, и главный смыслъ ихъ—децентрализація, децентрализація во всѣхъ видахъ и прежде всего въ администраціи, которая тогда бы дѣйствовала безъ компликацій, безъ потери времени, свободно и съ малыми средствами. Я не говорю о томъ, что̀ возможно въ другихъ странахъ, но я увѣренъ, что всѣ мои просвѣщенные сограждане, всѣ люди, засѣдающіе теперь въ національномъ парламентѣ, не задумываясь ни минуты, согласятся, что во всѣхъ провинціяхъ Ломбардіи, Піемонта, Тосканы и Эмиліи было бы возможно устроить мѣстные совѣты, подъ какимъ бы то ни было именемъ, которые управляли бы сами собою, съ пользой для государства, и представляли бы всѣ нужныя для того гарантіи. До сихъ поръ мы видѣли въ дѣйствіи двѣ системы, противоположныя повидимому, но съ одними и тѣми же пороками на самомъ дѣлѣ: или большое административное сосредоточеніе, или распаденіе государства на множество мелкихъ центровъ, неспособныхъ къ самоуправленію и которымъ безъ видимой опасности нельзя довѣрить полную свободу. По моему мнѣнію, децентрализація, хорошо понятая, находится между этихъ двухъ крайностей. Въ странѣ, подобной Италіи, гдѣ мѣстная жизнь всегда была такъ сильна, и не утратила своего значенія еще и до сихъ поръ, легко себѣ представить существованіе множества административныхъ центровъ, второстепенныхъ, но все-таки важныхъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ бы такъ-сказать свое собственное управленіе. Если я не ошибаюсь, то вмѣстѣ съ распространеніемъ началъ либеральнаго образа правленія, для государства не было бы никакой опасности вручить безъ ограниченій всю администрацію провинціи совѣту, избранному народомъ. Новая система правленія, которую я себѣ представляю, не была бы ни административнымъ центромъ большаго государства, ни слабою властію слишкомъ маленькой мѣстности, а была бы правленіемъ людей образованныхъ, независимыхъ, уважаемыхъ всею страной, и которые, слѣдовательно, имѣли бы полное право дѣйствовать свободно и заправлять самыми нужнѣйшими дѣлами провинціи, какъ то: поли-

Digitized by Google

ціей, благотворительными учрежденіями, народнымъ просвѣщеніемъ и техническимъ образованіемъ, путями сообщенія, публичными зданіями, собираніемъ податей и проч. Всѣ эти вѣтви администраціи были бы вручены безъ вознагражденія цѣлому представительству людей спеціяльно-способныхъ.

«Я знаю заранѣе, какое возраженіе сдѣлаютъ люди, привыкшіе къ административной рутинѣ: они скажутъ, что мѣстныя власти, когда имъ предоставлялось слишкомъ много свободы дѣйствія, дѣлали только безумныя траты и входили въ разорительныя предпріятія, дѣйствуя подъ вліяніемъ мѣстной вражды и мѣстнаго честолюбія.

«Благодаря Бога, мы имѣемъ въ настоящее время могущественное средство противъ этихъ злоупотребленій - свободу со всѣми изъ нея проистекающими учрежденіями. Повторяю, въ главныхъ городахъ Италіи есть или скоро будутъ журналы, литературные кружки, общества сельскаго хозяйства и политической экономіи, школы искусствъ и ремеслъ, выставки промышленности и проч. При такихъ элементахъ, можетъ ли быть опасность въ томъ, что вся мѣстная администрація будетъ находиться въ рукахъ лицъ, избранныхъ провинціей? Напротивъ ясно, что провинціяльная власть соединитъ всѣ условія умной и хорошей администраціи.

«Я не представляю никакого проекта, тѣмъ болѣе я не требую быстраго измѣненія всей нашей административной системы; я прошу только моихъ согражданъ и товарищей по парламенту принять эти мысли къ соображенію и имѣть ихъ постоянно передъ глазами при составленіи органическихъ законовъ государства. Не трудно, впрочемъ, придумать гарантіи противъ злоупотребленій этой системы. Выборъ старшаго правителя между избранными изъ народа могъ бы быть предоставленъ королю. Вмѣсто губернатора и нынѣшняго намѣстника можно было бы назначить чиновника, который былъ бы обязанъ отдавать отчетъ правительству обо всѣхъ дѣйствіяхъ провинціяльной власти, наблюдать, чтобъ эти дѣйствія не противорѣчили никогда основному закону; онъ былъ бы облеченъ нѣкоторымъ правомъ *veto* въ отношеніи новыхъ налоговъ. Если я не ошибаюсь, эта система повлекла бы за собою много благодѣяній; почти всѣ должности, уступленныя государствомъ провинціяльной власти, были бы возвозмездны; дѣла провинціи, совершенно переданныя жителямъ провинціи, шли бы лучше, или по крайней мѣрѣ исполнялись бы скорѣе и съ меньшими издержками; своевременность и справедливость административныхъ мѣръ легче были бы поняты обществомъ; система эта была бы въ то же время открытою школой администраторовъ и государственныхъ людей. Однимъ словомъ, эта система удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ свободнаго образа правленія, то-есть да-

Digitized by Google

етъ обществу возможную свободу, упрощаетъ правительственный механизмъ, дѣлая его менѣе дорогимъ, и, заставляетъ всѣхъ гражданъ, смотря по степени ихъ образованія и способностей, принимать участіе въ новомъ порядкѣ вещей.

«Я прошу позволенія прибавить нѣсколько общихъ взглядовъ, на весь составъ нашей организаціи. Даже при самомъ широкомъ развитіи самоуправленія, въ главѣ правительства должны были бы стоять: государственный совѣтъ, обязанный приготовлять законы и постановленія, и извѣстное число министровъ соотвѣтственно различнымъ категоріямъ общихъ интересовъ; кромѣ того, король могъ бы удостоивать титуломъ государственнаго министра достойныхъ политиковъ, которые отличились важными услугами, оказанными государству, и къ которымъ, въ важныхъ случаяхъ, король могъ бы обращаться за совѣтомъ: это пришлось бы на долю политикѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Что̀ касается до торговли, промышленности, публичныхъ работъ и просвѣщенія, то они могли бы управляться совѣтомъ, составленнымъ изъ спеціялистовъ, пользующихся извѣстностію, и которые не отказали бы въ безвозмездномъ участіи. Народное просвѣщеніе должно быть предметомъ особеннаго вниманія и получить новое устройство. Часть преподаванія досталась бы, какъ я уже сказалъ, провинціяльной администраціи. Тѣмъ не менѣе нужна была бы высшая власть, обязанная наблюдать за исполненіемъ законовъ и общественныхъ постановленій и управлять ходомъ высшаго образованія и постановленная во главѣ университетскаго сословія. Какая была бы эта власть, и откуда бы она происходила? Всѣ университеты государства, то-есть всѣ профессора этихъ университетовъ, составили бы избирательную коллегію, обязанную составить листъ кандидатовъ, изъ которыхъ король избралъ бы *великаго ректора* народнаго просвѣщенія. Что̀ же касается до назначенія профессоровъ, оно тоже производилось бы королемъ по представленію великаго ректора, которому списки представлялись бы особыми отдѣленіями ученаго института, основаннаго по образцу Италіянскаго Общества, графа Лорньйа, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Общества Сорока, причемъ введены были бы въ уставъ этого Общества только незначительныя измѣненія. Члены Италіянскаго Общества наукъ собирались бы одинъ разъ въ годъ въ одномъ изъ главныхъ городовъ государства, и во время этого собранія, великій ректоръ представлялъ бы имъ списокъ вакантныхъ профессорскихъ мѣстъ, а они предлагали бы кандидатовъ. Я съ намѣреніемъ ни слова не говорю объ искусствахъ въ этой избирательной организаціи для народнаго просвѣщенія; нынче признано, что въ этомъ отношеніи правительство ничего не можетъ сдѣлать: все его вмѣшательство должно ограничиться предоставленіемъ королю оцѣнки произведеній высшаго достоинства.

Digitized by Google

«Я могъ бы продолжать свой разборъ и представить другія значительныя выгоды, которыя нашло бы государство, сбросивъ съ себя многія работы и предоставивъ ихъ свободной инціативѣ гражданъ, мѣстнымъ и личнымъ интересамъ. Особенно это ясно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о промышленныхъ предпріятіяхъ и о публичныхъ работахъ. Весьма сомнительно, чтобы государство могло находить пользу, оставивъ за собою разработку минъ, большихъ фермъ, желѣзныхъ дорогъ, вмѣсто того чтобы предоставить это частной промышленности. Однимъ словомъ, я желаю, какъ видите, чтобъ администрація и общественные интересы были совершенно децентрализованы.

«Но, скажутъ, наступила ли минута замѣнить этою системой повсемѣстной свободы административную организацію, которую неограниченное правительство оставило послѣ себя въ разныхъ провинціяхъ? Пока новое гоеударство еще едва сформировывается, пока оно должно еще вынести столько борьбы, чтобъ окончательно основать національное устройство, не опасно ли вступить на дорогу, которая можетъ привести къ распаденію государства на мелкія республики? Это возраженіе представляется само собою, и я уже объ немъ упоминалъ. Я отвѣчу, что свобода скорѣе всего приводитъ къ дѣйствительной силѣ и единству истинному и искреннему. Провинціи первыя поймутъ необходимость удержать за собою управленіе своими собственными дѣлами, предоставивъ королю и парламенту управленіе всѣмъ тѣмъ, что обезпечиваетъ независимость государства и народную конституцію. Если мы хотимъ основать что-нибудь крѣпкое и прочное, охраненное отъ реакцій, къ которымъ всегда такъ склонны южные народы по миновапіи минуты опасности, мы должны нынѣ же показать, что мы способны принять всѣ условія образа правленія, дѣйствительно-либеральнаго, что наша окончательная организація должна быть основана не на порабощеніи силъ и духа различныхъ племенъ полуострова, но на полномъ и свободномъ развитіи этихъ самыхъ силъ и этого самаго духа.

«Нечего бояться, что самоуправленіе можетъ воскресить маленькія провинціяльныя и городскія республики. Начать съ того, что, мечтая о республикѣ, желаютъ обыкновенно республики всеобщей, то-есть совершеннаго низверженія всей нашей нынѣшней политической системы. Провинціи, которыя свободно управляются и которымъ предоставленъ свободный выборъ своихъ мѣстныхъ чиновниковъ, основанный на избирательномъ законѣ, не могутъ завладѣть правами главныхъ властей государства; онѣ не будутъ республиками, но составятъ массу силъ свободныхъ и разумныхъ, сгруппированныхъ вокругъ парламента и короля, какъ вокругъ живаго и славнаго символа всей націи. Допуская возможность

Digitized by Google

возрожденія средневѣковой Италіи въ половинѣ XIX вѣка, нужно предполагать, что мы идемъ противъ всѣхъ новѣйшихъ идей, что мы не понимаемъ великихъ интересовъ времени, что опытъ прошедшаго и предвѣстія будущаго не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на наши мнѣнія и поступки. Всѣ событія въ Центральной Италіи, послѣ виллафранкскаго мира, представляютъ, напротивъ того, совсѣмъ другое зрѣлище и служатъ доказательствомъ благоразумія, такъ же какъ и гарантіей успѣха.

«Съ другой стороны, должны ли мы бояться внѣшнихъ вліяній, которыя старались бы повредить нашему политическому устройству? Главною выгодой въ настоящее время служитъ намъ то, что вся Европа смотритъ на все происходящее въ Италіи, какъ на дѣло, касающееся лично однихъ Италіянцевъ. Принципъ невмѣшательства насъ обезпечиваетъ. Итакъ, нѣтъ серіознаго повода думать, что политическія международныя соображенія могутъ вредить нашему внутреннему развитію. Мы думаемъ, напротивъ, что общее мнѣніе намъ благопріятствуетъ и ободряетъ насъ приступить къ началу этого долгаго и труднаго дѣла, которое состоитъ въ организаціи государства, сложеннаго изъ разныхъ провинцій, въ которыхъ должно непремѣнно сохранить свойственный имъ духъ, такъ какъ сила и величіе націи нисколько не могутъ отъ того пострадать. Важные результаты, пріобрѣтенные нами въ продолженіе послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ, суть плодъ терпѣнія, храбрости, твердости Италіянцевъ и помощи нашихъ союзниковъ. Тѣ же условія обезпечиваютъ намъ и будущее. Въ парламентѣ, въ муниципальныхъ совѣтахъ, въ печати, всякій изъ насъ, по мѣрѣ своего вліянія, долженъ исполнять одну обязанность—помогать правительству и подкрѣплять его въ устройствѣ государства Виктора-Эммануила, которое есть ядро нашей національности. Останемся же вѣрны этому направленію, не забывая, что въ странѣ, подобной Италіи, гдѣ столько различныхъ интересовъ, главная задача для разрѣшенія есть умѣнье согласить высшія права народа съ свободнымъ развитіемъ вкусовъ, нравовъ и духа различныхъ племенъ, составляющихъ полуостровъ. Въ этомъ наша сила, въ этомъ наше будущее.»

Digitized by Google

ГРАЖДАНСКІЯ ПРАВА ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ РОССІИ

По дѣйствовавшимъ законамъ, между русскими подданными и иностранцами было существенное различіе въ правахъ по имуществу. Иностранцы, хотя бы принадлежали къ дворянству иностранному и состояли въ русской службѣ, не въ правѣ были пріобрѣтать дворянское имѣніе въ Россіи, если не пріобрѣли правъ русскаго дворянства службой или пожалованіемъ. Даже земли ненаселенныя могли они пріобрѣтать или брать во владѣніе только въ городахъ, а не внѣ городовъ; исключеніе изъ этого правила допускалось только для нѣкоторыхъ мѣстностей, и для поощренія нѣкоторыхъ видовъ промышленности. Иностранцамъ разрѣшалось записываться временно въ ремесленные цехи, наниматься въ работы и въ услуженіе; но, не принявъ русскаго подданства, иностранецъ не имѣлъ права записываться въ гильдію, производить всякую оптовую или розничную торговлю, участвовать въ биржевыхъ дѣлахъ, и входить въ обязательства и договоры съ казною. Только тѣмъ изъ нихъ, которые желали заняться въ Россіи фабричною промышленностію съ устройствомъ собственныхъ фабрикъ и заводовъ, дозволялось записываться въ гильдію на 10 лѣтъ и на этотъ срокъ покупать себѣ земляные участки не болѣе 300 десятинъ въ уѣздахъ, для устройства заведеній; но по истеченіи 10 лѣтъ они обязывались или вступить въ русское подданство, или продать землю съ заведеніемъ лицу, имѣющему право владѣть ими. Свободную торговлю, безъ записки въ гильдію, иностранцы могли производить лишь нѣкоторыми товарами, какъ-то: скотомъ, лошадьми, машинами, фабричными аппаратами и химическими издѣліями, при собственныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ эти издѣлія производятся. Сверхъ того художникамъ разрѣшалось продавать собственныя произведенія по части изящныхъ искусствъ. Болѣе обширныя права торговли предоставлены были иностраннымъ гостямъ (то-есть купцамъ, для оптоваго торга вступающимъ въ неполное гражданство приморскаго или пограничнаго мѣста) и, вообще, заѣзжимъ иностраннымъ купцамъ, занимающимся оптовымъ торгомъ въ Россіи; но этотъ торгъ оптомъ могли они производить только съ русскими купцами первыхъ двухъ гильдій и торгующими крестьянами, но никакъ не съ иностранцами, находящимися въ Россіи. Иностраннымъ гостямъ разрѣшалось пріобрѣтать домы во всѣхъ городахъ Россійской

Digitized by Google

имперіи, также заводить и содержать, съ высочайшаго разрѣшенія, всякія фабрики и мануфактуры.

Всѣ эти ограниченія, главнѣйше основанныя на указѣ 1807 года, изданномъ подъ вліяніемъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, отмѣнены высочайшимъ указомъ отъ 7 іюня текущаго года. При усовершенствованіи путей сообщенія и при быстромъ развитіи международныхъ сношеній, ограниченія эти признаны уже несоотвѣтствующими потребностямъ времени, тѣмъ болѣе, что въ главнѣйшихъ иностранныхъ государствахъ всѣмъ иностранцамъ, въ томъ числѣ и русскимъ подданнымъ, предоставляется заниматься коммерческими дѣлами на правахъ, одинаковыхъ съ мѣстными жителями. Вслѣдствіе того, для преуспѣянія торговли, земледѣлія и промышленности въ Россіи и для развитія народнаго богатства, при содѣйствіи иностранныхъ капиталовъ, мнѣніемъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ, дозволено иностранцамъ вступать во всѣ купеческія гильдіи наравнѣ съ русскими подданными и пользоваться всѣми правами русскаго купечества. Жилища и магазины иностранцевъ со всѣми принадлежащими землями охраняются покровительствомъ общихъ законовъ. Къ обыску ихъ домовъ и къ разсмотрѣнію торговыхъ книгъ приступать велѣно на основаніи тѣхъ же правилъ, какія постановлены для русскихъ подданныхъ одного съ ними сословія. Иностранцамъ вообще разрѣшается свободно пріобрѣтать всѣми возможными для русскихъ подданныхъ способами всякаго рода недвижимыя и движимыя имущества, слѣдовательно дворянскимъ имѣніемъ могутъ владѣть только иностранцы, получившіе право русскаго потомственнаго дворянства. По довѣренности владѣльцевъ населенныхъ имѣній, иностранцы, кромѣ евреевъ, могутъ управлять такими имѣніями на правѣ прикащиковъ, могутъ нанимать и содержать въ арендѣ, поссессіи и по всякимъ законнымъ обязательствамъ, недвижимыя населенныя и не населенныя имущества, съ соблюденіемъ лишь тѣхъ условій и ограниченій, какія установлены для русскихъ подданныхъ.

Новый законъ уравниваетъ иностранцевъ съ русскими подданными въ правахъ на пріобрѣтеніе имуществъ. Несмотря на то, едвали можно съ полною увѣренностію утверждать, что положеніе русскихъ подданныхъ въ этомъ отношеніи совершенно одинаково съ положеніемъ иностранцевъ. Иностранецъ, въ качествѣ заѣзжаго человѣка, проживая въ Россіи, можетъ не принадлежать ни къ какому сословію, и пользуется въ качествѣ иностранца всѣми правами, которыя предоставляетъ ему новый законъ; правда, если онъ занимается торговыми дѣлами, то обязанъ приписаться къ купечеству; но купечество есть не сословіе, а временное состояніе торгующаго человѣка; права купечества не переходятъ

Digitized by Google

отъ родителей къ дѣтямъ, а зависятъ отъ вноса опредѣленной пошлины съ капитала или отъ принадлежности нѣкоторыхъ членовъ къ семейству лица торгующаго, покуда это лицо считается въ купеческомъ званіи. Напротивъ, русскій подданный непремѣнно долженъ принадлежать къ тому или другому государственному сословію, или по рожденію или по припискѣ; всякій, чье сословіе неизвѣстно, еще не опредѣлилось, обязанъ избрать себѣ родъ жизни, то-есть приписаться къ одному изъ податныхъ сословій; сословія неподатныя, пользуются какъ извѣстно, обширными правами въ пріобрѣтеніи собственности; но права податныхъ сословій въ этомъ отношеніи ограничены. Такъ напримѣръ, мѣщане и свободные сельскіе обыватели имѣютъ право владѣть въ городахъ домами, цѣной не выше 7.500 р.; въ противномъ случаѣ обязаны приписываться къ купечеству или брать торговыя свидѣтельства. (541, 657 ст. IX т. Св. Зак.) Приведенныя статьи относятся исключительно къ поименованнымъ въ нихъ сословіямъ; слѣдовательно иностранецъ, не принадлежащій ни къ одному изъ русскихъ сословій, едва ли не въ правѣ будетъ думать, что дѣйствіе этихъ статей къ нему не относится, ибо новый законъ не упоминаетъ о примѣненіи къ иностранцамъ *сословныхъ* ограниченій, кромѣ ограниченія въ правѣ владѣть населеннымъ недвижимымъ имѣніемъ. Въ такомъ случаѣ положеніе иностранца, относительно правъ на пріобрѣтеніе недвижимой собственности, будетъ выгоднѣе, чѣмъ положеніе русскихъ подданныхъ, принадлежащихъ къ податнымъ сословіямъ. Все зависитъ, конечно, отъ болѣе или менѣе обширнаго толкованія словъ новаго закона: «иностранцамъ разрѣшается пріобрѣтать *всѣми возможными для русскихъ подданныхъ способами* всякаго рода недвижимыя и движимыя имущества»; впрочемъ, сословныя ограниченія правъ гражданскихъ едвали входятъ въ составъ понятія о способахъ пріобрѣтенія собственности.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Присланныя изъ Шуи отъ неизвѣстнаго 5 р. с. на построеніе православныхъ церквей въ Турціи и изъ Кирсанова отъ г. полковника М. Козловскаго 5 р. с. въ пользу задунайскихъ *юго*-восточныхъ Славянъ переданы Алексѣю Николаевичу Бахметеву, для отправленія по принадлежности.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

О ГРАМОТНОСТИ.

Вопросъ о распространеніи грамотности всегда былъ, хотя по весьма разнымъ отношеніямъ, вопросомъ живаго интереса въ нашемъ обществѣ. Въ послѣднее время занялись имъ еще съ бо́льшимъ вниманіемъ. Много было высказано мнѣній, почему грамотность слабо развивается. Одни утверждали, что простой народъ не охотно учится грамотѣ. Другіе полагали, что распространенію грамотности въ народѣ мѣшаютъ тѣ власти, которыя имѣютъ ближайшее вліяніе на поселянъ. Иные указывали на недостатокъ учителей, на ихъ плохое образованіе, на негодность методъ, какъ на причины, препятствующія успѣху. Намъ кажется, что всего важнѣе здѣсь два обстоятельства: вопервыхъ, самый порядокъ устройства школъ и ихъ управленія, и вовторыхъ, недостатокъ вещественныхъ средствъ.

Низшія сельскія училища состоятъ въ завѣдываніи или министерства народнаго просвѣщенія, или епархіальнаго начальства. Для устройства тѣхъ и другихъ опредѣлены особыя правила. Постановленія объ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, существовавшія доселѣ, конечно скорѣе мѣшали, чѣмъ помогали развитію просвѣщенія въ народѣ. По силѣ тѣхъ постановленій, школы грамотности не могли иначе открываться и закрываться, какъ съ разрѣшенія учебнаго начальства, и состояли въ непосредственномъ завѣдываніи штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ. Учители въ школахъ допускались опредѣленныхъ званій и достоинствъ; обученіе производилось по программамъ; о ходѣ обученія возлагалась обязанность на учащихъ подавать разные отчеты и вѣдомости. Всякій, кто пожелалъ бы завести такую школу, разумѣется, долженъ былъ выполнять всѣ эти правила; всякая другая, не согласная съ правилами организація школы уже была бы нелегальна. Но безъ какой-нибудь кровной нужды, на дѣйствіе нелегальное естественно никто не хотѣлъ рѣшаться, а выполнять всѣ установленныя формальности было и затрудни-

Digitized by Google

тельно, и непріятно. Вообще не только поселяне, но и помѣщики, какъ извѣстно, весьма не охотно вступаютъ въ сношенія со всякими уѣздными властями, а здѣсь за свои собственныя пожертвованія надо было подвергнуться начальственному вліянію и различной и многосложной отчетности, тогда какъ переучить ребятъ грамотѣ дѣло не очень мудреное. Вотъ главная основная причина, почему весьма рѣдкіе помѣщики предпринимали учрежденіе крестьянскихъ школъ. Въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ владѣлецъ не жалѣлъ ни хлопотъ, ни издержекъ на постройку училища, на содержаніе учителей, на покупку учебныхъ принадлежностей и проч., но не жилъ самъ, ученіе не шло часто отъ продѣлокъ управляющихъ, прикащиковъ и старостъ, скучающихъ отчетностію и смотрителями, какъ лишнею обузой. Обыкновенно доносилось владѣльцу: желающихъ учиться нѣтъ; двери краснваго училищнаго домика запирались навсегда, а между тѣмъ, гдѣ-нибудь въ лачужкѣ, на концѣ селенія, какая-нибудь грамотная старуха втихомолку долбила ребятишкамъ *арцы азра* и получала по четвертаку съ головы на выучку. Какова выходила выучка,— спрашивать нечего, но потребность учиться все-таки очевидна.

У поселянъ свободныхъ вѣдомствъ желаніе заводить училища этого рода встрѣчалось еще рѣже. Съ заведеніемъ училища прибавилось бы, кромѣ многихъ бывшихъ, еще новое начальство, не говоря уже о новыхъ расходахъ. Вѣдь и до сихъ поръ крестьянинъ, особенно должностной, и въ штатномъ смотрителѣ видитъ, и иногда не безъ основанія, не лишенную сильнаго вліянія власть.

Безъ сомнѣнія такой порядокъ не могъ оставаться долѣе. Министерство народнаго просвѣщенія озаботилось нынѣ преобразованіемъ законовъ относительно низшихъ и среднихъ школъ. Составленъ проектъ новаго устава, открывающій возможность заводить училища безъ прежнихъ формальностей. Одна вѣсть о новомъ направленіи законодательства тотчасъ вызвала многихъ дѣятелей на труды благодѣтельные, и въ городахъ уже предпринимается заводить воскресныя школы. Но образованію сельскихъ жителей пока еще не данъ желаемый ходъ. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ подѣйствуютъ на успѣшность этого хода правила, изложенныя въ проектѣ новаго устава.

Въ §§ 8 и 11 дозволяется какъ частнымъ лицамъ, такъ и городскимъ и сельскимъ обществамъ, открывать и закрывать школы грамотности, не испрашивая на то разрѣшенія, а заявляя только ближайшему училищному начальству. Это освобожденіе отъ прежнихъ формальностей при заведеніи школъ принесетъ величайшую пользу. Но и проектъ новаго устава отмѣняетъ регламентацію только относительно открытія и закрытія школъ грамотности, оставляя

Digitized by Google

довольно много регламентаціи по другимъ частямъ устройства сельскихъ школъ. Такъ въ § 6 значится: «учить писать и четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики, а также заводить съ этою цѣлію школы грамотности имѣетъ право всякій, не подвергаясь особому испытанію.» Стало быть, примѣняясь къ точному смыслу § 6, въ школѣ грамотности нельзя объяснять дѣтямъ именованныя числа и дроби, нельзя ознакомить ихъ хотя съ нѣкоторыми правилами отечественнаго языка, съ нѣкоторыми понятіями о человѣкѣ и природѣ, не дозволяется показать, хотя сколько-нибудь, черченіе и рисованіе, такъ полезные не только всякому мастеровому, но и крестьянину; и все такое стѣсненіе истекаетъ единственно изъ того, что учредитель школы, или общество, ее учреждающее, или учитель, въ ней преподающій, не подвергнуты ученому испытанію. Но еслибы даже безграмотный мужикъ или купецъ возымѣлъ благое намѣреніе завести училище и удѣлить на него часть своихъ прибытковъ, то, по всей справедливости, слѣдовало бы, кажется, присудить ему за то награду, а не мѣшать правилами, подобными правилу, установленному въ § 6. О степени знанія учащихъ и объ ограниченіи предметовъ обученія по мѣркѣ того знанія тоже, кажется, забота совершенно лишняя. Иногда непатентованный преподаватель смышленѣе патентованнаго; здѣсь главную силу имѣетъ не патентъ, а выборъ и наблюденіе учредителей школы. Неспособнаго учителя, хоть бы онъ былъ геттингенскій докторъ, никто держать не станетъ; даромъ денегъ не дастъ самый необразованный учредитель школы. А потому было бы благодѣтельно регламентацію § 6 не дѣлать обязательною, допустивъ въ школахъ грамотности тѣ предметы преподаванія, какіе будутъ доступны по средствамъ учредителей и признаны по ихъ усмотрѣнію для жителей той мѣстности полезными.

Въ § 7 наставленіе дѣтей въ истинахъ вѣры присвоивается мѣстнымъ сельскимъ священникамъ, даже съ указаніемъ, что они должны дѣлать. Но если на бѣду приходскій попъ не захочетъ заняться преподаваніемъ, или потребуетъ вознагражденія, превышающаго его труды? Приневолить его нельзя и не справедливо; тогда, или въ школѣ не было бы обученія Закону Божію, или школу пришлось бы закрыть. Кажется, здѣсь нужно ограниченіе въ томъ только смыслѣ, чтобы преподаватель имѣлъ удостовѣренныя мѣстомъ его образованія доказательства въ знаніи того, чему учить берется. Здѣсь патентъ имѣетъ свое разумное примѣненіе, потому что преподаватель, не учившійся богословію спеціально, можетъ развить въ головѣ ребенка не точныя понятія, а завѣдывающему школой прослѣдить это вовсе не такъ легко, какъ замѣтить худое чтеніе, писаніе, счита-

ніе и т. п.

Digitized by Google

Затѣмъ § 10 возлагаетъ на вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія общій за школами надзоръ въ слѣдующихъ формахъ: «Училищное начальство (§ 12) при обозрѣніи училищъ имѣетъ право производить испытаніе дѣтямъ, при чемъ даетъ учителямъ полезные совѣты и наставленія, и въ случаѣ нужды служитъ посредникомъ между ими и родителями.» Кто же это училищное начальство? Опять неотразимый штатный смотритель, хотя и переименованный въ инспекторы. Но если непремѣнно нуженъ надзоръ за школами грамотности, если нужна повѣрка обученія въ нихъ, то неужели директоръ училищъ не могъ бы послать одинъ разъ въ годъ какое-либо довѣренное лицо, хотя изъ учителей гимназіи, узнать, что̀ дѣлается въ школахъ грамотности, избавивъ эти школы отъ безполезнаго и часто вреднаго вліянія штатныхъ смотрителей? Въ такомъ случаѣ производство экзаменовъ слѣдовало бы, кажется, вмѣнить посылаемому въ обязанность, а не предоставлять право, какъ сказано въ § 12, дѣлать ихъ или не дѣлать. Намъ кажется, впрочемъ, что такіе ревизоры едвали нужны. Пусть народъ учится чему хочетъ и чему можетъ, только лишь бы учился, потому что только при этихъ условіяхъ могутъ развиваться умы и дарованія, которыми у насъ и простой народъ не обдѣленъ отъ природы. Другое право, даваемое по § 12 училищному начальству, право служить посредниками между учителемъ и родителями, поражаетъ своею неясностію. Въ чемъ же можетъ быть нужно такое посредничество? Развѣ предположить какія-нибудь ссоры, вражду у учителя съ родителями? Здѣсь, кажется, забыто, что при школѣ есть либо лицо, завѣдывающее школой ближе училищнаго начальства, либо общество съ его властями; что въ случаѣ указанныхъ происшествій этимъ лицамъ и властямъ, заинтересованнымъ вполнѣ дѣломъ образованія дѣтей и коротко знающимъ обѣ стороны, подлежитъ разбирательство, а никакъ не штатному смотрителю, пріѣзжающему на полчаса въ селеніе.

По § 15, «училищное начальство имѣетъ обязанность, по сношеніи съ мѣстною полиціей, воспрещать первоначальное (а дальнѣйшее воспрещать не имѣетъ обязанности?) обученіе дѣтей въ школахъ такимъ лицамъ, которые пріобрѣли невыгодную о себѣ извѣстность порочною жизнію или доказанною на дѣлѣ неспособностію обучать.»

Это постановленіе уже даетъ полный произволъ *штатнымъ* надъ участію школьныхъ учителей. За малѣйшую провинность въ высокопочитаніи къ своей особѣ смотритель, при содѣйствіи становаго, потуритъ учителя съ мѣста. Это возможно, потому что, по смыслу постановленія, извѣстность о порочности учителя или дознаніе о его неспособности принадлежатъ штатному смотрителю; а вѣроятно общій духъ приказнаго чина не могъ обойдти

Digitized by Google

и штатныхъ смотрителей, людей большею частію безъ средствъ и состоянія. Очень легко и имъ соблазниться и разчитывать на нѣкоторыя дружескія изъявленія со стороны учителей, нанимаемыхъ въ школы по добровольному договору. Но каково тому, кто хлопоталъ, искалъ, нанялъ учителя, дорожитъ имъ, какъ исправнымъ исполнителемъ своей обязанности, и вдругъ ни съ того, ни съ сего, безъ вѣдома и согласія хозяина, становой приставъ, по настоянію штатнаго, гонитъ этого учителя вонъ. Очевидно, что хорошій преподаватель не пойдетъ въ школу грамотности при такихъ усиліяхъ, а если согласится, то съ такимъ усиленіемъ содержанія, чтобы было чѣмъ позавтракать съ приказными. Постановленіе, о которомъ мы говоримъ, имѣетъ всѣ вредныя стороны и, какъ намъ кажется, не достигнетъ никакой доброй цѣли.

Если въ немъ выразилась заботливость учебнаго вѣдомства о пользахъ училища, учащихся и содержателей, то это совершенно напрасно. Если учитель пороченъ или не способенъ, его выгонятъ прежде, чѣмъ смотритель узнаетъ о его порочности и неспособности. Не предполагать даже этой распорядительности въ завѣдывающихъ училищемъ, значитъ ихъ самихъ считать малолѣтными, подлежащими опекѣ, а подобныя мнѣнія о комъ бы то ни было и подобныя опеки пора бы отставить. Неужели и до сихъ поръ непремѣнно должно наблюдать, чтобы кучеръ у меня былъ не безрукій, конторщикъ не слѣпой, или не глухонѣмой дьячокъ въ приходской церкви? А порочный и не способный учитель едва ли не то же самое. Кажется, сужденіе о годности или негодности учителя должно составлять прямое непосредственное и неотъемлемое право того, кто завелъ школу и о ней заботится. Другое дѣло—очевидная безнравственность, лишающая права учить дѣтей чему бы то ни было. Человѣкъ, совершившій преступленіе или важный проступокъ и подвергающійся за то наказанію, хотя бы и исправительному, не можетъ оставаться учителемъ; но для этого нужно законное дознаніе и законное постановленіе приговора судебнымъ или судебно-полицейскимъ порядкомъ.

Изъ сказаннаго видно, что проектомъ новаго устава сдѣланъ шагъ и очень важный, къ развитію народнаго образованія, но на второмъ шагу, котораго надо было ожидать, вышла запинка. Школы грамотности разрѣшены безусловно, а образованіе въ нихъ стѣснено въ узкую рамку. Выходъ изъ этой рамки тѣмъ же проектомъ устава въ § 19 указанъ только вотъ какой: «въ тѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ школы грамотности не удовлетворяютъ потребностямъ мѣстнаго населенія, учреждаются низшія народныя училища», что по § 28 разрѣшается частнымъ лицамъ и обществамъ, «съ

Digitized by Google

обязанностію во всемъ подчиняться правиламъ, въ уставѣ заключающимся». Въ § 20 опредѣлены предметы преподаванія; этихъ предметовъ почти было бы достаточно для удовлетворительнаго развитія головы простолюдина, еслибы не были забыты хотя элементарныя свѣдѣнія изъ исторіи и географіи. Кажется, чего же бы лучше? На дѣлѣ же оказывается, что легче вельблюду войдти въ игольныя уши, чѣмъ школѣ грамотности преобразиться въ низшее народное училище. Правила, которымъ учредители обязаны подчиняться, такъ многочисленны, многосложны и подробны, что взять на себя такую тягость съ пожертвованіемъ собственныхъ капиталовъ, вѣрно ни одного храбреца не выищется. Кромѣ ограниченія предметовъ преподаванія, въ уставѣ опредѣляется: (§ 21) число учащихъ; (§§ 23 и 24) продолженіе курса; (§ 25) продолженіе времени ежедневныхъ занятій и число часовъ въ недѣлю для каждаго предмета; (§ 26) замѣщеніе одного преподавателя другимъ на случай законнаго отсутствія; (§ 28) испрашиваніе разрѣшенія начальствъ на открытіе и (§ 30) на закрытіе училища по причинамъ, особенно уважительнымъ; (§ 29) размѣръ жалованья; (§ 31) лѣта дѣтей для вступленія въ училище; (§ 33) ученое достоинство учителя; (§ 36) указаніе, чѣмъ руководствоваться учителю, и что̀ дѣлать, (§ 37) подробная отчетность; (§ 38) время и форма экзаменовъ и виды наградъ за успѣхи; (§ 39) книги, по которымъ учить должно; (§ 41) непремѣнное назначеніе блюстителя училища; (§ 49) веденіе инвентаря училищныхъ принадлежностей и повѣрка ихъ. Вся эта регламентація разумна и справедлива, если училище устраивается самимъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія и на счетъ суммъ министерства. Тогда вѣдомство есть полный хозяинъ училища и, безъ сомнѣнія, должно дать принимающимъ у него служебныя обязанности точныя въ тѣхъ обязанностяхъ указанія и въ правѣ требовать точнаго исполненія данныхъ указаній; способъ организаціи училища тоже вполнѣ долженъ зависѣть отъ усмотрѣнія вѣдомства. Но за чѣмъ же стѣснять какою бы ни было регламентаціей и подчинять всякимъ властямъ общество и частное лицо, когда они на собственные капиталы, по усердію къ общей пользѣ, заводятъ какія бы то ни было училища? Вреда отъ того, при наблюденіи лишь за нераспространеніемъ вредныхъ свѣдѣній, никакого нѣтъ и быть не можетъ, а польза можетъ быть огромная. Съ полною достовѣрностію можно сказать, что министерство народнаго просвѣщенія далеко не будетъ имѣть такихъ огромныхъ капиталовъ, чтобы завести народныя училища вездѣ, гдѣ въ этомъ настоитъ надобность, слѣдовательно необходимо всѣми мѣрами поощрять къ тому общества и частныя лица и устранять всякія стѣсненія. Что̀ же касается до содѣйствія, на-

Digitized by Google

примѣръ назначеннаго въ § 13 или какого другаго, то и въ немъ не представляется существенной надобности. Кто захочетъ завести училище, не хуже штатнаго смотрителя придумаетъ, что нужно.

Весьма жаль, что при составленіи проекта устава о низшихъ училищахъ выпущено изъ виду одно очень важное обстоятельство. На содержаніе училищъ прежде всего нужны деньги, а между тѣмъ обученіе въ школахъ и училищахъ *должно быть безплатно*. Потому, кромѣ стѣснительной регламентаціи еще оказывается большое затрудненіе въ средствахъ. Въ селеніяхъ владѣльческихъ богатый помѣщикъ можетъ дать нѣсколько сотъ или тысячу рублей въ годъ на училище; собственники имѣній меньшаго размѣра не въ состояніи. Если устроить особую школу для пяти-шести крестьянскихъ дѣтей, ихъ обученіе обошлось бы непомѣрно дорого. Хорошо, если сосѣди захотятъ принять участіе въ издержкахъ съ тѣмъ, чтобъ и ихъ крестьянъ дѣти тутъ же обучались. Да развѣ легко достичь этого? То сосѣди живутъ въ другомъ мѣстѣ, то селенія разбросаны на дальнее разстояніе. Отнести расходы по школѣ на самихъ крестьянъ помѣщичьихъ или другихъ вѣдомствъ еще труднѣе. Добровольнаго вызова на эти расходы ожидать нельзя, потому что крестьянинъ, у котораго вовсе нѣтъ дѣтей, или они еще малы, или уросли, не сочтетъ себя обязаннымъ платить что-нибудь для пользы чужихъ семействъ. Если ввести вносъ обязательный, то образуется новый налогъ, которымъ неминуемо поссоришь простолюдина съ грамотою. Стало-быть организація сельскихъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и по новому уставу не совсѣмъ примѣнима къ быту и средствамъ той среды, для которой эти школы предназначены.

Взглянемъ теперь на народныя училища другаго вѣдомства.

Училища, подвѣдомыя епархіальному начальству, носятъ названіе «домашнихъ приходскихъ». Заводить ихъ дано право всѣмъ священникамъ, съ обязанностію доставлять также нѣкоторыя свѣдѣнія своему начальству, но здѣсь нѣтъ такихъ многочисленныхъ и сложныхъ формальностей. Учредитель, надзиратель, законоучитель, наставникъ соединены здѣсь въ одномъ лицѣ,—въ лицѣ священника. Какъ бы ни были дурны методы семинарскаго образованія, какъ бы ни плохо обучались деревенскіе священники, все-таки знанія ихъ для безграмотныхъ крестьянскихъ дѣтей очень достаточны. Что же касается до поведенія священниковъ, то оно по силѣ ихъ главныхъ, несравненно болѣе важныхъ обязанностей, всегда менѣе сомнительно, чѣмъ поведеніе лица, назначаемаго только въ деревенскіе учителя. Безспорно есть исключенія, къ сожалѣнію, очень рѣзкія, да худаго свойства попъ и не станетъ

Digitized by Google

хлопотать о заведеніи школы. До новыхъ ли ему заботъ, когда въ своихъ прямыхъ обязанностяхъ онъ неисправенъ? Другое удобство то, что кромѣ священника въ приходѣ находятся постоянно причетники. Изъ нихъ нерѣдко можетъ найдтись хорошій помощникъ священнику. Въ вещественномъ отношеніи приходскія училища имѣютъ ту выгоду, что могутъ помѣщаться, гдѣ есть, въ церковныхъ принадлежностяхъ, а гдѣ церковныхъ принадлежностей нѣтъ, въ домахъ самыхъ учредителей (1). Села относительно почти всегда многолюднѣе деревень, а приходы составлены такъ, что въ нихъ приписываются селенія къ селу или погосту ближайшія. Всѣ эти условія даютъ въ дѣйствительности домашнимъ приходскимъ училищамъ перевѣсъ передъ прочими, да и вообще мнѣніе, между прочимъ высказанное въ литературѣ, о томъ, что образованіе простаго народа полезнѣе ввѣрить попеченію духовенства, весьма справедливо. Однакожъ, отъ доброй воли священника зависитъ только половина успѣха; другая опредѣляется и здѣсь неминуемымъ условіемъ — средствами осуществить проявленіе доброй воли. Священникамъ дано право заводить училища, но строго наблюдается основное правило: за обученіе не брать никакой платы, а для учениковъ нужны книги, перья, бумага, доски впроч. Нашъ простой народъ любитъ читать и по славянски и по русски,—потому книги нужны и той и другой печати, а спросите, что̀ стоитъ псалтирь или часовникъ, безъ которыхъ обойдтись нельзя, потому что крестьянинъ считаетъ ихъ главными пособіями для своего просвѣщенія. Извѣстно также, какъ ограничены во многихъ приходахъ суммы, коими дозволено пользоваться училищамъ изъ церковныхъ доходовъ. Вслѣдствіе этого священникъ, кромѣ труда и попеченій, долженъ удѣлять на училище часть денегъ, обезпечивающихъ его существованіе. Но такихъ пожертвованій ни отъ священника, ни отъ кого бы то ни было требовать несправедливо, а потому и домашнія приходскія училища не получили у насъ того развитія, какого бы можно было ожидать отъ соревнованія духовенства, при устраненіи вещественныхъ затрудненій. Я вовсе не разумѣю однакожъ, чтобы нужно было опредѣлить закономъ какую-нибудь плату за обученіе дѣтей въ школахъ: это никуда не годится. Какъ дурно и безуспѣшно заставлять

(1) Намъ кажется, что можно было бы дозволить (что̀ впрочемъ кое-гдѣ и дѣлается, особенно на югѣ Россіи) обученіе въ трапезахъ самыхъ церквей, гдѣ церкви топятся зимой. Трапеза могла бы отдѣляться отъ придѣловъ ширмами, которыя можно было бы убирать въ воскресные дни, когда въ церкви бываетъ за обѣдней много народа. Уваженіе къ церкви отъ этого не пострадаетъ, а увеличится; школа будетъ стоять выше въ глазахъ народа, и устранится главное препятствіе къ заведенію у насъ народныхъ школъ—недостатокъ помѣщенія. *Ред.*

Digitized by Google

учиться противъ воли,—такъ же нераціонально чѣмъ бы то ни было стѣснять хотя сколько-нибудь охоту къ грамотѣ; взносъ и небольшой суммы, особенно у кого не одинъ ребенокъ, для бѣднаго крестьянина всегда обременителенъ, а бѣдныхъ вездѣ больше, чѣмъ богатыхъ. Я веду рѣчь къ тому, что нужно искать средствъ не у поселянъ и не у духовенства, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. На содѣйствіе однихъ помѣщиковъ въ будущемъ разчитывать много нельзя. Но неужели во всѣхъ слояхъ нашего общества такъ мало сочувствія къ доброму дѣлу просвѣтить бѣднаго, что не проявится желанія—не одними словами поддержать и усилить сельскія школы? Это тѣмъ легче, что ежегодные расходы на каждую школу, недоступные одному, да еще такому небогатому лицу, какъ священникъ, весьма не велики (1).

Укажу для примѣра на одно домашнее приходское училище со всѣми подробностями его организаціи, ходомъ обученія, успѣхами, неудачами и ежегодными издержками. Для лучшаго уразумѣнія значенія этаго училища и ближайшей цѣли его учрежденія скажу нѣсколько словъ и о мѣстности, гдѣ оно существуетъ.

Въ восточной части Богородскаго уѣзда (Московской губерніи) протянулась длинною полосой многочисленная группа селеній всякихъ вѣдомствъ, извѣстная по народному названію подъ именемъ *Гуслицъ*. Эта мѣстность не значится ни на географическихъ картахъ, ни въ учебныхъ и ученыхъ землеописаніяхъ, однакожь составляетъ огромную общину, крѣпко сплотненную, въ родѣ братства, и рѣзко отличающуюся своими вѣрованіями, нравами, занятіями и образомъ жизни. Члены этой общины раскольники. Извѣстна ихъ упрямая привязанность къ ихъ вѣрованіямъ. Но нужно вспомнить, что эта привязанность могла образоваться только при знаніи и изученіи того, во что вѣруешь. Кажется, по-

(1) Это прямая обязанность благотворительныхъ обществъ, и нѣтъ сомнѣнія, что благотворительныя общества не будутъ уклоняться отъ этой обязанности и найдутъ средства для исполненія ея. У насъ уже учреждаются общества для распространенія въ народѣ полезныхъ книгъ и знаній. Эти общества поспѣшатъ, вѣроятно, объявить, что всякій священникъ, имѣющій домашнюю приходскую школу, можетъ получать по уменьшенной цѣнѣ нужное количество книгъ для чтенія, прописей и бумаги. Такъ какъ духовное начальство уже начало озабочиваться о дешевизнѣ священныхъ книгъ и азбукъ, и такъ какъ эти пособія, по закону покупаемыя на церковныя деньги, становятся теперь доступны средствамъ сельскихъ церквей, то съ облегченіемъ способовъ пріобрѣтенія книгъ для чтенія, прописей и бумаги, ожидаемымъ нами отъ частныхъ обществъ, и съ дозволеніемъ учить дѣтей въ церквахъ устранились бы главнѣйшія затрудненія, препятствовавшія учрежденію у насъ домашнихъ приходскихъ школъ. *Ред.*

Digitized by Google

требность такого знанія присуща всему Русскому народу, да едва ли не цѣлому человѣчеству. А чтобы достичь знанія, надо или самому читать, или слушать, какъ читаютъ другіе. Здѣсь грамотность является необходимымъ орудіемъ. Потому раскольники большею частію грамотѣи, а тѣмъ изъ нихъ, кому не далась грамота, передаютъ ученіе секты живымъ голосомъ начетчики. Такая хотя ложно направленная, но значительная развитость, служила раскольникамъ могучимъ средствомъ дѣйствовать на умы и православныхъ поселянъ, коснѣющихъ въ невѣжествѣ, но усердно желающихъ просвѣтиться ученіемъ вѣры. Расколъ постепенно распространялся, распространяя и грамотность. А такъ какъ въ послѣдствіи потребность въ знаніи грамоты стала ощущаться поселянами уже и не по одному религіозному побужденію, то раскольники воспользовались и этою потребностію: прилежно распространяли грамотность, вводя черезъ нее и свое ученіе. Такимъ образомъ расколъ постепенно обнялъ почти всю половину уѣзда по ту сторону Богородска. Нравственное положеніе жителей другой половины уѣзда, конечно, было извѣстно всякому, знавшему тотъ край, но безъ сомнѣнія гораздо лучше знали его мѣстные священники. Чтобъ укрѣпить и осуществить въ поселянахъ возникавшее желаніе учиться, а съ тѣмъ вмѣстѣ, внушеніемъ правилъ истинной вѣры, удержать напоръ развивающагося раскола, священникъ Петропавловскаго погоста, отецъ Колычевъ, предпринялъ въ 1839 году завести домашнее приходское училище. Приходъ Петропавловскаго погоста одною стороной версты на четыре не доходитъ до города, а другою отстоитъ отъ него верстъ на двѣнадцать и заключаетъ, по изстари принятому способу счисленія, до 1800 муж. пола душъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ разныхъ вѣдомствъ. Въ 1840 году получено формальное разрѣшеніе, и 1-го ноября школа открыта въ домѣ основателя. Учениковъ набралось уже 28 человѣкъ, а съ наступленіемъ 1841 года прибыло еще 8 человѣкъ. Не трудно понять, каково было усердіе добраго священника къ доброму дѣлу, когда онъ, несмотря на весьма скромные размѣры своего жилища, не поколебался стѣснить себя помѣщеніемъ училища, хотя у самого было порядочное семейство. Въ обученіи дѣтей большую долю онъ взялъ на себя, но такъ какъ занятія его по приходу были многочисленны и требовали частыхъ и иногда долговременныхъ отлучекъ, то преподаваніе нѣкоторыхъ, менѣе важныхъ предметовъ онъ поручилъ дьячку и пономарю. Дьяконъ способнымъ не оказался. Однакожь, видно и помощники не сильно были проникнуты идеей прогресса. За свой трудъ они брали съ священника, изъ его собственныхъ денегъ, по 100 р.

Digitized by Google

асс. въ годъ, каждый. Выносить отцу Колычеву на однихъ плечахъ своихъ предпринятое имъ дѣло безъ сомнѣнія было тяжело; за то его усердіе привлекло общее сочувствіе. Къ приходу погоста принадлежитъ мое имѣніе съ сотней душъ крестьянъ, гдѣ я проводилъ обыкновенно лѣто. И мнѣ надо было по силамъ помочь священнику. Въ 1841 году выстроенъ мною на церковной землѣ домъ и отданъ въ собственность училища. Дѣло пошло хорошо. Число учениковъ прибавлялось. Дьячокъ былъ старателенъ, священникъ положилъ ему въ годъ 150 р. асс. Пономаря отставили. Въ 1849 году на бѣду дьячокъ умеръ. Надо было взять сторонняго помощника. По разрѣшенію начальства назначенъ въ учителя семинаристъ. Тутъ еще не было бы большаго горя, потому что подъ надзоромъ и руководствомъ такого начальника, какъ отецъ Колычевъ, человѣкъ мало-мальски способный принесъ бы пользу, но новому помощнику надо было дать жалованья 60 р. сер. въ годъ, да прокормить его. По положенію о домашнихъ приходскихъ училищахъ на отопленіе и починку помѣщенія и на покупку учебныхъ книгъ употребляется церковная сумма. Но книги, нужныя для чтенія, прописи, бумагу, перья и проч. священникъ долженъ былъ покупать на свои деньги. Возвышеніе жалованья учителю и его содержаніе значительно увеличивало эти издержки. К. П. Н., у котораго въ Петропавловскомъ приходѣ тоже есть имѣніе, опредѣлилъ отпускать изъ вотчинной своей конторы въ счетъ жалованья семинаристу ежегодно по 100 р. асс.; продовольствіе ему стало доставляться отъ меня. Опять дѣло пошло своимъ чередомъ. Между тѣмъ стали поступать кой-какія пожертвованія; средства церковныя усилились. Разумный учредитель училища умѣлъ беречь копѣйку на черный день тѣмъ болѣе, что зданіе школы начало приходить въ ветхость. Въ 1854 г. старый домъ совершенно передѣланъ заново, изъ 16 аршиннаго выросъ въ 18 аршинъ, поднялся на каменный этажъ и накрылся желѣзною крышею. Какъ и откуда взялось все это, говорить я не считаю себя въ правѣ. Довольно замѣтить, какъ неутомимо преслѣдовалъ мысль свою священникъ Колычевъ. И теперь живетъ училище въ новомъ домѣ, и разливаетъ свѣтъ образованія между жителями не только того прихода, но и другихъ сосѣднихъ селеній. Произошла только одна перемѣна, и къ лучшему: сынъ отца Колычева, кончившій курсъ въ семинаріи, до опредѣленія въ священники, взялъ на себя обязанность помогать отцу и, разумѣется, безъ всякаго отъ кого бы то ни было возмездія. Преподаваніе въ Петропавловской школѣ заведено не сложное, не мудреное; всѣ дѣти учатся читать по-русски и по-славянски, писать по-русски, выкладывать на счетахъ; заповѣди, символъ вѣры

Digitized by Google

и разныя молитвы выучиваютъ на память; объясненіе же заповѣдей, священной исторіи и прочаго дѣлается имъ живымъ голосомъ. Писать и читать цифры должны умѣть всѣ, пѣть молитвы тоже; но до изученія четырехъ правилъ ариѳметики достигаютъ только способные, а еще болѣе способные учатся дробямъ и именованнымъ числамъ; немногимъ передаются понятія о квадратахъ, кубахъ и пропорціяхъ. Конечно, такой курсъ не дѣлаетъ поселянъ учеными; но если взять во вниманіе, что учащихся было: въ 1841 году однихъ мальчиковъ 36; въ 1842 мальчиковъ 43, дѣвочекъ, 4, въ 1843 мал. 46, дѣв. 7; въ 1844 мал. 44, дѣв. 5; въ 1845 мал. 30, дѣв. 5; въ 1846 мал. 57, дѣв. 27; въ 1847 мал. 26, дѣв. 7; въ 1848 мал. 24, дѣв. 5; въ 1849 мал. 28, дѣв. 4; въ 1850 мал. 19, дѣв. 5; въ 1851 мал. 71, дѣв. 15; въ 1852 мал. 68, дѣв. 7; въ 1853 мал. 62, дѣв. 15; въ 1854 мал. 73, дѣв. 20, въ 1855 мал. 56, дѣв. 24; въ 1856 мал. 61, дѣв. 28; въ 1857 мал. 58, дѣв. 25; въ 1858 мал. 54, дѣв. 25; въ 1859 мал. 58, дѣв. 22; въ 1860 году мальчиковъ 81, дѣвочекъ 23; итого въ теченіи 20 лѣтъ мальчиковъ 995 и дѣвочекъ 273; то вѣрно никто не скажетъ, чтобы Петропавловская школа не внесла своей посильной доли въ капиталъ общественной пользы. Замѣчательно, что съ 1851 г. число дѣвочекъ увеличилось вдругъ втрое и возрастало постепенно. Опытъ, въ 1856 году выяснившійся лучше всѣхъ толкованій, доказалъ народу, что обучать дочерей грамотѣ такъ же важно, какъ и сыновей. Не нужно, думаю, объяснять, что помѣщенный здѣсь учетъ учившихся сдѣланъ не по слухамъ. Хотя цифры взяты не изъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія; но онѣ тѣ самыя, которыя выведены изъ подлинныхъ списковъ училища и показаны въ отчетахъ церковному начальству, слѣдовательно это цифры точныя, а съ тѣмъ вмѣстѣ, если угодно, и офиціяльныя. Заходя въ школу, когда случалось быть не далеко, я имѣлъ возможность видѣть и порядокъ обученія, и степень способности дѣтей усваивать передаваемыя свѣдѣнія. Правда, что ни тѣмъ, ни другимъ похвалиться нельзя; и существующая метода, и учебныя книги для дѣтей далеко неудовлетворительны. Съ другой стороны и дѣти крестьянскія не такъ понятливы, какъ дѣти семействъ, гдѣ училось цѣлое поколѣніе. Еще замѣчается одно постоянное и общее явленіе: дѣвочки относительно всѣ понятливѣе мальчиковъ, и успѣваютъ несравненно лучше, такъ что если раздѣлить всѣхъ учащихся, по возрасту и по времени поступленія, на разряды, то во всякомъ разрядѣ первыми были бы дѣвочки. Чтобъ убѣдиться въ вѣрности этого заключенія, я пробовалъ толковать что-нибудь незнакомое тѣмъ и другимъ; почти всегда оказывалось, что дѣвочки поймутъ первыя. Въ особенности пишутъ онѣ гораздо лучше мальчиковъ, послѣдніе видно по природѣ неуклю-

Digitized by Google

кѣе. Въ отношеніи желанія учиться, крестьянскихъ дѣтей вообще укорить нельзя. Часто повторяемое мнѣніе, что русскій человѣкъ лѣнивъ по своей натурѣ, къ этому случаю не пригодно. Не должно однакожь думать, что всѣ ученики одинаково прилежны и ходятъ въ школу по своей волѣ. Ихъ посылаютъ отцы и матери и, смотря по надобности, строго наблюдаютъ, чтобы дѣти не прогуливали класовъ. Нерѣдко, впрочемъ, встрѣчаются примѣры замѣчательной склонности учиться; въ прошломъ году явился въ школу мальчикъ изъ чужаго прихода, одинъ. Отецъ, какъ узнали потомъ, не пускалъ было его въ училище, разчитывая засадить за шпуль; ребенокъ ушелъ почти насильно. За то и въ ученьи показалъ онъ необыкновенную способность; въ три-четыре дня выучилъ азбуку и на складахъ догналъ тѣхъ, которые долбили ихъ съ мѣсяцъ. Какъ выраженіе общей наклонности къ образованію можетъ служить слѣдующій, позднѣйшій фактъ: въ Обуховской подгородной слободѣ, принадлежащей также къ Петропавловскому приходу, на недавно заведенной фабрикѣ работаетъ до сотни ребятишекъ изъ разныхъ селеній. Въ свободное отъ занятій время имъ совершенно нечего дѣлать, а домой ходить многимъ далеко. Отецъ Колычевъ, узнавъ, что между ними есть грамотные, попробовалъ спросить прочихъ, не хочетъ ли кто изъ нихъ тоже учиться грамотѣ? Охотниковъ выискалось только трое или четверо. Онъ роздалъ имъ азбуки и поручилъ ихъ руководству и попеченію грамотниковъ. Къ концу мѣсяца обучилось другъ отъ друга уже 28 мальчиковъ. Надо было нарочно посылать для нихъ за азбуками. Разумѣется, учить ихъ писать въ помѣщеніяхъ фабрики невозможно.

Развивать и поддерживать въ крестьянскихъ дѣтяхъ охоту къ ученію, кажется, можно тѣми же средствами, какъ во всякихъ другихъ; плетка и здѣсь не годится. Нужно пробудить соревнованіе и умѣть вѣрно цѣнить усилія каждаго. Основатель Петропавловскаго училища вѣрно понимаетъ эту важную обязанность наставника. Кромѣ предварительныхъ экзаменовъ учреждены два, quasi-публичные, къ декабрѣ и въ концѣ іюня. Послѣ декабрьскаго экзамена дѣти отдыхаютъ всѣ святки, а лѣтомъ гуляютъ или, лучше сказать, помогаютъ старшимъ въ полевыхъ работахъ до половины сентября. На испытанія приглашаются разные чины и власти. Здѣсь это не пустая формальность, не надобность показать передъ высшими свои заслуги, потому что начальниковъ относительно начальника школы не бываетъ. Присутствіе на экзаменѣ всякаго сторонняго лица, по понятію дѣтей, очень важнаго, приноситъ пользу имъ самимъ. Каждый ученикъ заранѣе думаетъ какъ бы получше отвѣчать и показать свои знанія и успѣхи. Для бо́льшаго усиленія этихъ желаній, отличив-

Digitized by Google

шіеся награждаются книгами и похвальными листами; но такъ какъ подобныя награды не могутъ служить видимыми для всѣхъ знаками отличія, то тотчасъ послѣ экзамена раздаются лучшимъ ученикамъ картузы, а ученицамъ платки и ленты. Это само-по-себѣ ничтожное средство оказалось очень дѣйствительнымъ. Ребенокъ, надѣвъ заслуженный нарядъ, смотритъ иначе; онъ сознаетъ свое достоинство, дорожитъ имъ, стыдится шалить, дѣлается какъ-то степеннѣе, и на него уже всѣ смотрятъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Для мальчиковъ даже составилось особое названіе: *картузники*. Забавно смотрѣть какъ какой-нибудь картузникъ, приходя въ церковь, бережетъ чтобы не помять и не запачкать своего картуза. Народъ въ церкви кладетъ шапки и шляпы обыкновенно куда-нибудь къ сторонѣ въ кучу; картузникъ держитъ свою непремѣнно въ рукахъ.

Мелкія подробности, переданныя мною здѣсь объ учрежденіи и организаціи Петропавловскаго училища, иным покажутся можетъ-быть не любопытными и мелочными. Но мнѣ кажется, что для дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія неминуемо нужны положительныя данныя, описанія точныя и полныя. Чтобъ идти впередъ нужно знать откуда пойдешь; потому пусть о всякой такой школѣ, кто знаетъ и можетъ, передастъ въ общую извѣстность подробныя свѣдѣнія; тогда составилась бы сколько-нибудь удовлетворительная статистика народной образованности.

Объяснимся примѣромъ. По хозяйственнымъ свѣдѣніямъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ Богородскаго уѣзда видно, что на 16.448 душъ мужескаго пола, показанныхъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, съ отмѣткой о степени развитія грамотности, причитается грамотныхъ 2.417 человѣкъ однихъ мущинъ. Сюда не вошло при собираніи свѣдѣній, какъ съ достовѣрностію полагать должно, весьма значительное число грамотныхъ раскольниковъ, которые обыкновенно скрываютъ отъ всякихъ своихъ начальствъ свое знаніе. Но уже означенное въ свѣдѣніяхъ отношеніе числа грамотныхъ крестьянъ къ числу неграмотныхъ показываетъ, что обученіе грамотѣ въ той мѣстности составляетъ не случайныя и не отдѣльныя явленія, почему и приводитъ къ заключенію, что тамъ есть или были училища тѣхъ или другихъ видовъ и разрядовъ, а о нихъ въ офиціяльныхъ, публикуемыхъ отчетахъ, пожалуй, ничего и не значится.

Теперь спросимъ, годятся ли для дальнѣйшаго развитія народнаго образованія въ Богородскомъ уѣздѣ тѣ пріемы, какіе нужны въ такой мѣстности, гдѣ никто не знаетъ грамотѣ? Думаю нѣтъ. Кто умѣетъ читать, того учить читать, кажется, нечего.

Извѣстія о заведеніи и существованіи сельскихъ училищъ показали бы также, что образованіе народа не вездѣ одинаково

Digitized by Google

остается, какъ иные думаютъ, въ плачевномъ состояніи, что есть на Руси дѣятели, которые, какъ священникъ Колычевъ, отдаютъ весь свой свободный трудъ и часто послѣднюю копѣйку на святое дѣло просвѣщенія; что эти жертвы не остаются безплодными, а вѣрно и разумно достигаютъ цѣли своей. Можетъ-быть, такихъ дѣятелей отыскалось бы и не мало.

Простота организаціи домашнихъ приходскихъ училищъ, несложность установленныхъ для того формальностей, которыя и еще бы можно сократить, назначеніе училищъ для жителей не одного вѣдомства или не одного селенія, чѣмъ облегчается пріобрѣтеніе самыхъ средствъ къ содержанію, наконецъ маловажность денежныхъ пособій, для того потребныхъ, и многія другія удобства заставляютъ въ настоящее время предпочесть этотъ путь образованія народа всѣмъ прочимъ. Въ покровительствѣ и содѣйствіи высшаго духовнаго начальства сомнѣваться, конечно, нечего. Еслибы составилось, предположимъ, какое-нибудь общество, или другое учрежденіе съ цѣлію распространенія грамотности, — не такое, какихъ было до сихъ поръ нѣсколько, и гдѣ все еще спорятъ, и до сихъ поръ не рѣшено, религіозное, техническое или гуманное образованіе нужно дать народу, — нѣтъ, а общество съ желаніемъ не разсуждать только, но и дѣлать, то, кажется, всего полезнѣе было бы, *не мудрствуя лукаво*, прежде всего обратиться къ сельскимъ священникамъ, просить ихъ о заведеніи училищъ, какъ они сумѣютъ, и предложить нужныя пособія какъ для устройства, гдѣ нѣтъ, помѣщеній, такъ и для прочихъ училищныхъ надобностей. Во многихъ случаяхъ участіе въ этихъ расходахъ не откажутся принять и тѣ изъ прихожанъ, которые по достатку своему могутъ удѣлить какую-нибудь сумму на пользу общую. Нужно только положить, какъ видно изъ сказаннаго выше, доброе начало. Безъ сомнѣнія, не всѣ пастыри церковные вызовутся на безмездный трудъ. Знаю это изъ собственнаго опыта: въ двухъ другихъ приходахъ мнѣ хотѣлось построить дома для школъ и снабжать ихъ чѣмъ нужно; согласія не послѣдовало. Но пусть въ трети приходовъ по губерніи изъявятъ желаніе имѣть училища,—и грамотность сдѣлала бы успѣхъ громадный.

Далѣе трудъ сподвижниковъ просвѣщенія, составляющихъ предполагаемое общество, долженъ быть преимущественно обращенъ, на правильное употребленіе суммъ, на возможно дешевое и удобное устройство училищъ. А за тѣмъ ограничиться пока нѣкоторымъ наблюденіемъ за ходомъ самаго обученія и за неліпепріятнымъ распредѣленіемъ наградъ учащимся (1).

(1) Намъ кажется, что отъ благотворительныхъ обществъ нельзя ожидать

Digitized by Google

Кстати укажу на двѣ помѣхи къ возможно лучшему успѣху грамотности. Въ сельскіе священники принято почему-то опредѣлять худшихъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ. Другая помѣха: помощниковъ священникамъ, если способныхъ изъ причта не окажется, назначаютъ непремѣнно изъ семинаристовъ. Если попадется кончившій курсъ студентъ, онъ смотритъ на свою обязанность, какъ на переходное положеніе, какъ на средство не остаться безъ дѣла до полученія постояннаго мѣста. Если же и хорошо примется за занятія по училищу, то кидаетъ ихъ при

удовлетворительнаго содѣйствія низшему народному просвѣщенію. Благотворительныя общества, еслибъ ихъ даже образовалось болѣе сотни на всю Россію, едва ли возьмутся за устройство училищъ грамотности въ приходахъ; они могутъ помогать этимъ училищамъ присылкой книгъ, матеріяловъ и т. п., но ни заводить училищъ, ни наблюдать за ними они не будутъ въ состояніи. Съ другой стороны нельзя разчитывать и на одни частныя пожертвованія прихожанъ. Намъ кажется, что при настоящемъ положеніи дѣлъ государство должно принять на себя извѣстную долю издержекъ. Государство содержитъ у насъ среднія и высшія учебныя заведенія; пока этотъ порядокъ существуетъ, до тѣхъ поръ справедливость требуетъ, чтобы низшія училища, предназначенныя для классовъ народа, наиболѣе обремененныхъ казенными податями, не были лишаемы казеннаго пособія. Мы не думаемъ впрочемъ, чтобъ учрежденіе многихъ тысячъ казенныхъ низшихъ училищъ было возможно; для этого не достанетъ средствъ надзора, еслибъ и достало денежныхъ средствъ казны. Но мы полагаемъ, что казна должна участвовать въ матеріяльныхъ издержкахъ на заведеніе низшихъ сельскихъ школъ въ равной долѣ съ жертвователями. Можетъ быть объявлено, что если частные жертвователи или частныя благотворительныя общества даютъ на школу одинъ рубль, то другой рубль даетъ съ своей стороны государство. Кромѣ того, намъ кажется, что нельзя требовать отъ священниковъ совершенно безвозмезднаго преподаванія, а такъ какъ при множествѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, платимыхъ у насъ крестьянами, нельзя ожидать, чтобъ они платили за обученіе своихъ дѣтей деньги, достаточныя для вознагражденія за трудъ преподаванія, то и въ этомъ отношеніи государство обязано принять на себя нѣкоторую тягость. Мы предоставляемъ себѣ поговорить въ послѣдствіи объ этомъ важномъ вопросѣ, а теперь только замѣтимъ, что какъ для успѣховъ народнаго просвѣщенія, такъ и для улучшенія быта нашего сельскаго духовенства было бы очень полезно опредѣлить священникамъ и ихъ помощникамъ изъ священно-и церковно-служителей пожизненную пенсію, соразмѣрно съ числомъ обученныхъ ими крестьянскихъ дѣтей. Еслибы напримѣръ всякому священнику, обучившему 500 дѣтей, было назначено пенсіи по 50 р., и всякому помощнику священника—по 25 р., и еслибъ эта пенсія увеличивалась потомъ за каждыхъ 100 человѣкъ дѣтей по 6 р. для священника и по 3 р. для его помощника, то издержки казны были бы не значительны, а на бытъ сельскаго духовенства и сельскаго населенія эта мѣра оказала бы самое благодѣтельное вліяніе. Экзамены могли бы производиться въ уѣздномъ городѣ, въ присутствіи благочинныхъ и помѣщиковъ уѣзда; дѣтей, выдержавшихъ экзаменъ, можно было бы освободить отъ такъ-называемыхъ исправительныхъ тѣлесныхъ наказаній, а самые лучшіе изъ этихъ учениковъ могли бы быть принимаемы въ высшія народныя училища на казенный или общественный счетъ для продолженія своего образованія. *Ред.*

Digitized by Google

первой возможности. Иногда присылаютъ семинариста, не кончившаго курсъ; такой студентъ естественно не можетъ быть хорошимъ наставникомъ, когда не былъ хорошимъ ученикомъ. Кажется было бы очень полезно имѣть позволеніе опредѣлять въ домашніе приходскія училища, по выбору и усмотрѣнію священниковъ, помощниками ихъ людей всякаго званія. Иной, и при небогатомъ учительскомъ содержаніи, былъ бы радъ на всю жизнь остаться при своей должности.

Нужно ли объяснять, принесла ли грамотность пользу жителямъ Петропавловскаго прихода? Думаю, это было бы больше, чѣмъ лишнее. Достаточно сказать, въ успокоеніе боящихся грамотности простаго народа, что въ моемъ имѣніи, въ теченіи двадцати лѣтъ, какъ я имъ владѣю, не случилось *ни одного* преступленія, не было *ни одного* уголовнаго слѣдствія, которое бы относилось къ крестьянамъ моего селенія. А въ доказательство того, какъ велика и крѣпка сила образованія, приведу тотъ разительный фактъ, что расколъ сосѣднихъ жителей не могъ проникнуть въ селенія Петропавловскаго прихода; знаніе грамотѣ и свѣтлыя понятія о законѣ Божіемъ не даютъ расколу никакого хода. Что же сталось бы съ расколами при повсемѣстномъ болѣе широкомъ развитіи образованія?

В. Высотскій.

НОВЫЙ УСТАВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Къ числу отрадныхъ преобразованій, которымъ въ послѣдніе годы подверглись многія вѣтви общественнаго образованія въ нашемъ отечествѣ, принадлежитъ и новое устройство, данное императорской академіи художествъ. Новый ея уставъ болѣе соотвѣтствуетъ строгимъ современнымъ требованіямъ относительно художественнаго образованія воспитывающихся въ этомъ заведеніи юношей, и потому былъ встрѣченъ всеобщимъ сочувствіемъ. Изъ реформъ, которымъ нынѣ подверглась академія художествъ, безъ сомнѣнія, самая замѣчательная есть введеніе, или лучше

Digitized by Google

сказать возстановленіе въ болѣе обширныхъ размѣрахъ отмѣненнаго лѣтъ двадцать тому назадъ преподаванія вспомогательныхъ наукъ, столь необходимыхъ для полнаго образованія художниковъ. Въ этомъ нельзя не видѣть новаго торжества науки надъ предразсудками людей, которые не хотѣли согласиться, что образованіе нужно и художнику. Что ни одинъ изъ художниковъ, сколь бы даровитъ онъ ни былъ, не внесетъ ни одного новаго элемента въ искусство или не возпроизведетъ съ новымъ содержаніемъ давно завѣщанныхъ идей, если не обладаетъ глубокимъ и разносторонним образованіемъ, было у насъ совершенно забыто, хотя наши меценаты и наши чиновные художники и имѣли передъ глазами такихъ современныхъ дѣятелей, каковы: Корнеліусъ, Поль Деларошъ, Каульбахъ, Раухъ и др. По привычкѣ къ рутинѣ, наше академическое художество шло давно проложенною избитою дорогой, довольствовалось гладкою техникой и, главное, не задавало себѣ трудныхъ задачъ, да и не смотрѣло въ даль... Не удивительно, если, въ этомъ состояніи самодовольства и самообольщенія, мы не сдѣлали не только блестящихъ успѣховъ въ серіозныхъ родахъ искусства, но даже, въ общихъ результатахъ, отстали отъ современнаго искусства на Западѣ. Новое начальство академіи художествъ, проникнутое убѣжденіемъ въ необходимости многочисленныхъ улучшеній во внутреннемъ ея устройствѣ, поняло, что лишь двумя средствами можно возвести это заведеніе на уровень съ современными требованіями: оно усилило требованія при преподаваніи самаго искусства и при испытаніяхъ на разныя академическія степени, и ввело курсъ вспомогательныхъ наукъ, имѣющій въ виду общее и спеціальное образованіе художниковъ. Результаты новаго устава академіи художествъ, безъ сомнѣнія, не могутъ обнаружиться на произведеніяхъ художниковъ, нынѣ оканчивающихъ свое образованіе, но, вѣроятно, они не замедлятъ проявиться.

Но каждый уставъ подлежитъ дальнѣйшему развитію, а потому позволительно желать, чтобъ и академія художествъ не остановилась на теперешнемъ преобразованіи ея. Намъ кажется, что уставъ каждаго учебнаго заведенія долженъ не только соотвѣтствовать современнымъ требованіямъ, но даже предвидѣть и будущія. Рамка его должна отличаться такою эластичностью, чтобы въ нее съ легкостью могли войдти даже тѣ измѣненія, которыя связаны съ весьма затруднительными у насъ финансовыми, то-есть штатными измѣненіями, каковы напримѣръ, учрежденіе новой каѳедры, увеличеніе числа преподавателей по каѳедрѣ уже существующей и т. п. Новый уставъ академіи художествъ вводитъ преподаваніе вспомогательныхъ наукъ, но, вѣроятно вслѣдствіе новости дѣла, вслѣдствіе невозможности ра-

Digitized by Google

зомъ достигнуть всего того, что̀ желательно, программа этихъ наукъ не отличается ни тою полнотой, которая приличествуетъ заведенію, стоящему во главѣ всѣхъ подобнаго рода учрежденій въ Россіи, ни даже тою, которой образованная публика имѣетъ полное право отъ него требовать. Кромѣ того, она не примѣнена спеціяльно къ потребностямъ художниковъ, посвящающихъ себя различнымъ вѣтвямъ искусства.

Въ числѣ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи художествъ, первая, по своему значенію въ образованіи художниковъ, есть *исторія изящныхъ искусствъ*, и тѣсно соединенныя съ нею *эстетика* и *археологія*, но, къ сожалѣнію, эта каѳедра остается и единственною, внесенною въ новый уставъ. Она поручена одному преподавателю, и эти три науки преподаются во второмъ и третьемъ (высшемъ) отдѣленіи. Слушаніе этихъ лекцій обязательно для всѣхъ художниковъ. Вотъ все, что̀ сказано объ этой каѳедрѣ въ новомъ уставѣ.

Преподаваніе трехъ довольно различныхъ одна отъ другой наукъ, соединенное въ одномъ лицѣ, едвали можетъ быть согласно на практикѣ съ теперешнимъ значеніемъ и объемомъ этихъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое различіе будетъ проведено между исторіей изящныхъ искусствъ и археологіей? Если вторая есть извѣстная подъ этимъ именемъ весьма обширная наука, то на сколько и въ какомъ объемѣ необходима она для художниковъ, и если необходима, то какимъ образомъ въ состояніи взять на себя ея преподаваніе лицо, въ то же время излагающее въ двухъ отдѣленіяхъ эстетику и исторію изящныхъ искусствъ? Не должно ли разумѣть подъ этимъ названіемъ въ новомъ уставѣ одну *археологію искусства*, для которой напримѣръ Отфридъ Мюллеръ и Отто издали свои учебники, одинъ античнаго, другой — средневѣковаго искусства? Такая неопредѣленность и неточность выраженія въ программѣ наукъ академіи художествъ должна непремѣнно отразиться и въ направленіи самого курса. На всѣ эти вопросы уставъ не даетъ отвѣта.

Одинъ и тотъ же преподаватель (которому, какъ я уже замѣтилъ, поручено изложеніе археологіи) излагаетъ эстетику и исторію изящныхъ искусствъ. Нельзя не порадоваться этому соединенію въ одномъ лицѣ обязанности преподавать теорію искусства и въ то же время прилагать въ историческомъ обзорѣ искусства теоретическія воззрѣнія къ славнѣйшимъ произведеніямъ искусства прошлыхъ временъ. Такимъ образомъ академія художествъ счастливо избѣгла разладицы, которая могла бы произойдти, еслибъ изложеніе этихъ двухъ наукъ было ввѣрено двумъ лицамъ, изъ которыхъ одинъ, напримѣръ, по своимъ эстети-

Digitized by Google

ческимъ убѣжденіямъ, могъ бы принадлежать къ давно устарѣлой школѣ, а другой держался бы болѣе современныхъ воззрѣній, или наоборотъ. Преподаваніе этихъ двухъ, тѣсно между собою связанныхъ наукъ, соединенное въ одномъ лицѣ, должно наложить на все воззрѣніе на искусство, какъ прошлое, такъ и современное, печать строгаго единства и гармоніи. Но что возможно въ небольшомъ приготовительномъ заведеніи, гдѣ науки, необходимыя для образованія художниковъ, преподаются только въ высшемъ отдѣленіи, то едвали исполнимо въ такомъ обширномъ учрежденіи, какова академія художествъ. Одинъ и тотъ же преподаватель, въ двухъ отдѣленіяхъ уже читающій, въ сложности, не менѣе четырехъ разъ въ недѣлю, археологію, обязанъ непремѣнно посвятить въ каждомъ отдѣленіи двѣ, если не три лекціи въ недѣлю исторіи искусства, предмету весьма обширному, если онъ желаетъ его пройдти въ два года, что почти невозможно, и сверхъ всего наконецъ двѣ лекціи въ недѣлю эстетикѣ. Не забудемъ, что на нашемъ языкѣ не существуетъ ни учебниковъ, ни другихъ какихъ-либо сочиненій, которыя могли бы служить пособіемъ при слушаніи лекцій этихъ трехъ наукъ, и что преподаватель долженъ самъ создать для своихъ лекцій терминологію, которой у насъ тоже нѣтъ и которая весьма развита на Западѣ во всѣхъ вѣтвяхъ искусства. При всѣхъ этихъ затрудненіяхъ преподаваніе исторіи искусства, эстетики и археологіи однимъ лицомъ, безъ сомнѣнія, возлагаетъ на это лицо крайне тяжелую, едвали исполнимую обязанность, въ особенности, если имѣется въ виду прочное образованіе художниковъ и добросовѣстное исполненіе устава со стороны преподавателей, что, конечно выше всякаго сомнѣнія.

Далѣе если изложеніе эстетики или философіи изящныхъ искусствъ, и преимущественно философіи архитектуры, скульптуры и живописи, въ высшей степени необходимо для всѣхъ художниковъ, то едва ли преподаваніе этой науки можетъ имѣть полезные результаты для учениковъ втораго отдѣленія академіи художествъ (первое отдѣленіе есть низшее или приготовительное, въ которомъ изъ наукъ преподается только Законъ Божій, русскій языкъ и основанія математики). Ученики, поступающіе во второе отдѣленіе, лишены еще приготовительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ не только для слушанія съ пользой, но даже для пониманія лекцій эстетики: они не знакомы еще съ главнѣйшими фактами географіи и политической исторіи, а имъ уже предписано погружаться въ философію изящнаго. Но что главное, они совершенно еще не знакомы съ важнѣйшими фактами исторіи искусствъ; не знаютъ, какое мѣсто занимаютъ въ искусствѣ Лаокоонъ и Аполлонъ Бельведерскій, и между тѣмъ должны выслушивать параллели между этими произведеніями и

Digitized by Google

скульптурами Фидія, имъ тоже неизвѣстными. Ученику первоначально должно быть дано полное фактическое знаніе, и только послѣ усвоенія его онъ будетъ въ состояніи перейдти къ общимъ законамъ изящнаго. Еще не знакомя его съ теоріей изящнаго, преподаватель исторіи искусства, долженъ провести передъ нимъ въ исторической послѣдовательности знаменитѣйшія произведенія искусства, анализируя напримѣръ Лаокоона и Аполлона Бельведерскаго или Страшный Судъ Микель-Анджело, и постепенно приготовить его къ знакомству съ философіей искусства. Иначе эстетика превратитъ молодаго человѣка, не знакомаго съ фактами, и слѣдовательно не опирающагося на нихъ, въ пустаго фразера, явленіе, къ сожалѣнію, и безъ того у насъ слишкомъ обыкновенное.

Я не стану говорить о мѣстѣ, которое занимаетъ въ научномъ образованіи художника исторія искусства. Если вообще образованнымъ человѣкомъ называется тотъ, кто, въ числѣ другихъ своихъ свѣдѣній, обладаетъ непремѣнно и знаніемъ прошлыхъ судебъ человѣчества, то не ясно ли, что и каждый художникъ долженъ быть коротко знакомъ съ судьбами искусства, которому посвящена вся его жизнь? Важность вліянія этой науки даже на общее образованіе признана у насъ недавно введеніемъ ея въ университетское преподаваніе. Сколь отраденъ этотъ фактъ, столь же грустенъ другой: бо́льшая часть нашихъ художниковъ, вслѣдствіе тяжелыхъ оковъ, лежавшихъ прежде на преподаваніи въ академіи художествъ, рѣшительно не знакомы съ исторіей искусства. Грустно подумать, что для многихъ нашихъ историческихъ живописцевъ (а это класъ художниковъ, долженствующій принадлежать къ самымъ образованнымъ), глубочайшія созданія христіанскаго искусства въ Италіи, лежащія нѣсколько въ сторонѣ отъ общихъ дорогъ, — terra incognita. Но еще грустнѣе то обстоятельство, что многіе художники даже не желаютъ убѣдиться въ необходимости обширныхъ свѣдѣній въ исторіи искусства. Вѣроятно, сладко пребывать въ состояніи невѣдѣнія.

Новый уставъ академіи художествъ достойно оцѣнилъ важность этой науки въ научномъ образованіи художниковъ. Она обязательна для всѣхъ художниковъ и излагается во второмъ и третьемъ отдѣленіяхъ. Усмотрѣнію преподавателя, вѣроятно, предоставлено излагать всю науку въ краткихъ очеркахъ, въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ, во второмъ отдѣленіи, а въ пространномъ видѣ въ третьемъ отдѣленіи. Но успѣшное слушаніе лекцій исторіи искусства, даже въ видѣ очерковъ, обусловливается предварительными свѣдѣніями изъ политической географіи и всеобщей исторіи, а, какъ мы видѣли выше, изложеніе этихъ двухъ послѣднихъ наукъ начинается только со втораго же от-

Digitized by Google

дѣленія. Первоначальное преподаваніе ихъ полезно было бы перенести въ первое отдѣленіе, что вѣроятно не произошло бы въ уронъ художественному образованію и совершенно согласовалось бы съ возрастомъ находящихся въ этомъ отдѣленіи юношей. Одновременное занятіе науками, изъ которыхъ одна служитъ подготовленіемъ для пониманія и слушанія другой, невозможно.

Я сказалъ уже, что программа преподаванія вспомогательныхъ наукъ въ академіи художествъ не довольно развита и не примѣнена спеціяльно къ потребностямъ художниковъ, посвящающихъ себѣ различнымъ вѣтвямъ искусства. Въ самомъ дѣлѣ, академія художествъ не приготовительное заведеніе; напротивъ, вслѣдствіе данныхъ ей правъ, это есть заведеніе высшаго рода, въ которомъ получаютъ окончательное и высшее образованіе не только художники, занимающіеся живописью, но и архитекторы, ваятели, граверы и медальеры. Она соединяетъ въ себѣ все, что преподается въ Берлинѣ въ двухъ королевскихъ академіяхъ: въ Kunst-Academie и Bau-Academie. Первое заведеніе основано для спеціяльнаго образованія скульпторовъ и живописцевъ, второе —для архитекторовъ. Сообразуясь съ этимъ спеціяльнымъ назначеніемъ, исторія искусства преподается въ этихъ двухъ берлинскихъ академіяхъ согласно съ потребностями учащагося въ нихъ юношества. Архитекторъ можетъ довольствоваться общими свѣдѣніями изъ исторіи живописи, а живописецъ изъ исторіи архитектуры, но каждый изъ нихъ обязанъ обладать спеціяльными свѣдѣніями въ исторіи своего искусства. Вотъ почему въ берлинской архитектурной академіи эта наука всегда излагается спеціялистомъ-архитекторомъ, а въ академіи живописи преподаватель обращаетъ преимущественное вниманіе на тѣ ея части, на которыхъ сосредоточенъ интересъ его спеціяльныхъ слушателей. Онъ входитъ въ тонкій анализъ идеи, композиціи, колорита, исполненія и т. д. каждаго замѣчательнаго произведенія живописи, и всѣ его замѣчанія съ живѣйшимъ любопытствомъ принимаются его слушателями. Профессоръ исторіи архитектуры точно также основательно характеризуетъ стиль различнѣйшихъ славныхъ построекъ, и его слушатели-спеціялисты никогда не потребуютъ отъ него столь же подробныхъ характеристикъ произведеній живописи, какія предлагаетъ преподаватель исторіи искусства въ академіи скульптуры и живописи. Исторія искусства столь обширна, что преподаватель можетъ читать ее съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія: онъ можетъ развивать или ея философскій элементъ, или обращать главное вниманіе на ея культурно-историческое содержаніе, или выбирать чисто археологическіе вопросы или, если онъ архитекторъ, упирать преимущественно на вполнѣ ему знакомую исторію архитектуры, а если живописецъ или страст-

Digitized by Google

ный любитель живописи, то на исторію живописи. Такъ какъ по новому уставу академіи художествъ слушаніе лекцій исторіи искусства равно обязательно для всѣхъ художниковъ, то преподавателю ея, если онъ даже не впадетъ въ одну изъ выше названныхъ крайностей, и будетъ держаться того стройнаго распредѣленія разнообразнаго матеріяла этой науки, безъ перевѣса одной части надъ другою, котораго образецъ представилъ Куглеръ въ своемъ учебникѣ, все-таки будетъ трудно удовлетворить потребностямъ своихъ разнохарактерныхъ слушателей, соединенныхъ въ его аудиторіи, и, главное, требованіямъ знатоковъ-спеціялистовъ, заявляемымъ во имя той высокой степени развитія, на которой находится въ настоящее время эта наука. Въ самомъ дѣлѣ послѣдніе имѣютъ право требовать, чтобы художникъ-архитекторъ, окончившій свое воспитаніе въ академіи художествъ, обладалъ въ исторіи архитектуры совершенно иными свѣдѣніями, чѣмъ художникъ живописецъ, и наоборотъ. Какъ одинъ долженъ быть основательно знакомъ со всѣми памятниками, напримѣръ, магометанской или византійской архитектуры и знать, въ какія времена, въ какихъ странахъ и на какихъ памятникахъ обнаружилось вліяніе той или другой системы архитектуры, и можетъ удовольствоваться общими свѣдѣніями о характерѣ и главныхъ дѣятеляхъ сіенской или венеціянской школы живописи, такъ и наоборотъ, если только преподаваніе исторіи искусства въ академіи художествъ должно соотвѣтствовать высокому значенію этого заведенія. Польза означенныхъ спеціяльныхъ курсовъ въ академіи художествъ очевидна.

Одна изъ причинъ неразвитаго состоянія современнаго русскаго искусства есть, безъ сомнѣнія, его незнакомство съ современнымъ европейскимъ искусствомъ. Какія его цѣли, его главныя стремленія? Какія новыя стороны въ человѣческомъ духѣ развиваетъ оно? А между тѣмъ короткое знакомство съ современнымъ искусствомъ на Западѣ открыло бы русскому искусству новые пути, указало бы на совершенно новыя задачи, познакомило бы съ новымъ пониманіемъ завѣщанныхъ идей, даже было бы въ высшей степени любопытно для нашихъ художниковъ просто съ технической стороны. На академіи художествъ лежитъ непремѣнная обязанность ввести въ кругъ преподаванія спеціяльный курсъ исторіи современнаго искусства, тѣмъ болѣе, что она составляетъ отдѣльное характеристическое цѣлое, и въ этомъ видѣ излагается уже много лѣтъ въ Берлинскомъ университетѣ. Художнику нельзя довольствоваться однимъ знаніемъ прошлаго, сколь бы прочно ни было это знаніе и сколь бы велико ни было это прошлое. Это поведетъ къ архаическимъ реставраціямъ, столько же гибельнымъ въ литературѣ и искусствѣ, какъ и въ политикѣ.

Digitized by Google

Скажу еще нѣсколько словъ о наукѣ, которая введена въ Берлинскую академію художествъ, и которую можно было бы съ большою пользой ввести у насъ: я разумѣю *исторію костюма*, въ томъ смыслѣ, какъ означаетъ эту науку профессоръ Вейссъ. Важность ея съ перваго взгляда понятна каждому мыслящему художнику. Это не есть одна простая исторія внѣшнихъ измѣненій покроя человѣческой одежды, но исторія религіозныхъ и общественныхъ учрежденій, народныхъ обрядовъ и обычаевъ, домашней жизни и ея предметовъ, устройства морскаго и сухопутнаго войска, изукрашенія храмовъ, дворцовъ, частныхъ жилищъ и т. д. Изъ одного этого исчисленія предметовъ, входящихъ въ ея составъ, скульпторъ и живописецъ поймутъ, что въ ней одной найдутъ они прочныя указанія на правильную обстановку для своихъ произведеній. Изученіе ея должно устранить многочисленныя ошибки, въ которыя такъ легко и часто впадаютъ, напримѣръ, историческіе живописцы, и вмѣстѣ оживить историческую живопись, обогативъ ее характеристическими подробностями. Возразятъ, пожалуй, что изложеніе исторіи костюма въ академіи художествъ можетъ быть слито съ каѳедрой политической исторіи. Но преподаватель послѣдней, преподающій вмѣстѣ и географію, имѣетъ столько занятій въ двухъ отдѣленіяхъ, что едва ли успѣетъ удѣлить безконечно разнообразнымъ деталямъ исторіи костюма частицу назначеннаго ему времени. Не долженъ ли онъ познакомить своихъ слушателей съ физическою и политическою характеристикой земнаго шара, съ политическимъ, религіознымъ и умственнымъ развитіемъ человѣческаго рода, съ судьбами главнѣйшихъ его дѣятелей? Скажутъ еще, что у насъ въ настоящее время нѣтъ лица, способнаго занять предлагаемую каѳедру. Но уставъ долженъ предвидѣть возможность его появленія. Оно можетъ явиться черезъ два года, черезъ пять лѣтъ. Еслибъ каѳедра внесена была въ уставъ, то въ комъ-нибудь непремѣнно родилась бы мысль приготовить себя къ ней. А теперь кандидатъ на эту каѳедру долженъ будетъ много хлопотать объ ея открытіи, и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ долгое время ожидать.

Въ московскомъ училищѣ ваянія и живописи, гдѣ преподаваніе вспомогательныхъ наукъ введено ранѣе, чѣмъ въ академіи художествъ въ Петербургѣ, учреждена и каѳедра миѳологіи. И эта наука, столь необходимая для правильнаго воспроизведенія типовъ античныхъ боговъ живописцами и скульпторами, совершенно отсутствуетъ въ новомъ уставѣ. Но если въ московскомъ училищѣ въ программу наукъ внесена была только одна миѳологія, то это происходитъ отъ неполнаго воззрѣнія на искусство. Правда, что въ классическомъ мірѣ главною, а въ новѣйшемъ искусствѣ со временъ эпохи возрожденія (Renaissance) одною изъ

Digitized by Google

главныхъ темъ искусства были вѣрованія, боги и герои античнаго міра. Но содержаніе самыхъ вдохновенныхъ и глубокихъ созданій новаго искусства заимствовано изъ нашихъ вѣрованій, изъ сказаній ветхозавѣтныхъ, событій евангельскихъ и легендъ о житіяхъ святыхъ. Поэтому ясно, что академія художествъ должна расширить рамку этой каѳедры, и за античною миѳологіей должно слѣдовать изложеніе христіянской иконографіи. Послѣдняя, благодаря трудамъ новѣйшихъ ученыхъ, является уже какъ наука; излагаемая съ постояннымъ поясненіемъ знаменитѣйшихъ произведеній съ этой точки зрѣнія Никколо Пизано, Джіотто, Микель-Анджело, Мурильйо, она полна безконечнаго интереса для каждаго живописца и скульптора.

Новый уставъ академіи художествъ вводитъ преподаваніе русскаго языка и словесности, но въ немъ отсутствуетъ преподаваніе одного или двухъ иностранныхъ языковъ и исторіи европейской словесности вообще. Можно согласиться, что не слѣдуетъ *требовать* отъ художника, чтобъ онъ учился новымъ языкамъ; но съ другой стороны нельзя отрицать и того, что знаніе одного или двухъ изъ главныхъ европейскихъ языковъ необходимо каждому художнику по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, у насъ нѣтъ книгъ по части искусства, писанныхъ порусски, или переведенныхъ на русскій языкъ, съ которыми долженъ быть знакомъ каждый художникъ. На русскомъ языкѣ нѣтъ ни одной порядочной эстетики, нѣтъ Вазари, нѣтъ сочиненій Куглера, Шнаазе, Ваагена. Русская художественная литература, это — tabula rasa. Вовторыхъ, художники не только расширяютъ свой умственный горизонтъ, но даже черпаютъ свои лучшія вдохновенія изъ великихъ писателей всѣхъ временъ, а сколько у насъ переведено послѣднихъ? Еслибы въ академіи художествъ, для желающихъ, преподавался нѣмецкій или французскій языкъ, то они могли бы познакомиться отчасти со всемірною литературою. При затруднительныхъ обстоятельствахъ большей части учениковъ академіи художествъ понятны причины ихъ неразвитости. Каѳедра исторіи европейской литературы могла бы отчасти пособить этому пробѣлу: хорошій преподаватель могъ бы собственными переводами и извлеченіями изъ иностранныхъ писателей познакомить своихъ слушателей съ великими умственными дѣятелями прошлыхъ временъ. Наконецъ, третья причина: по окончаніи курса, достойнѣйшіе ученики академіи художествъ, на счетъ правительства, отправляются за границу: можно вообразить себѣ, какова тамъ участь молодыхъ людей, осужденныхъ разыгривать роль глухо-нѣмыхъ, которые не въ состояніи понять замѣчаній или наставленій великихъ современныхъ европейскихъ художниковъ.

Digitized by Google

Я не касаюсь художественнаго образованія академій художествъ: его направленіе, различныя методы преподаванія искусства, не излагаются въ уставѣ, не могутъ быть его дѣломъ, но судятся по результатамъ. До насъ даже не дошло эхо споровъ, поднятыхъ на Западѣ по вопросу о пользѣ существованія академій художествъ вообще... Но если допустить существованіе этихъ заведеній, то нельзя не пожелать, чтобъ и они шли на ряду съ современнымъ направленіемъ искусства а не продолжали отжившихъ преданій...

К. Герцъ.

ОТЪ ФЛОРЕНЦІИ ДО ВЕНЕЦІИ.

Большое затрудненіе добраться изъ Флоренціи до Венеціи. На пути въ Карльсбадъ изъ Ливорно, мы хотѣли ѣхать на Венецію, Вѣну и Прагу; но доѣхать до Венеціи оказалось не совсѣмъ легкимъ дѣломъ. Въ прежнее время, во времена granduca, и благодаря его преданности австрійскому правительству, эта дорога была очень проѣзжая; корреспонденція тосканскихъ дилижансовъ съ австрійскимъ маль-постомъ была постоянная; и изъ Флоренціи ѣздили въ Венецію, на Болонью, Феррару и Падую, въ 30 часовъ и безъ всякихъ хлопотъ. Теперь, когда послѣ кампаніи 1859 года, Австрія отодвинулась отъ Италіи, а освобожденныя Эмилія и Тоскана притягиваются болѣе и болѣе къ Турину, національному центру Италіи, нежели къ Вѣнѣ, pium desiderium ex-granduc'овъ, кодиновъ и ихъ приверженцевъ, теперь почти нѣтъ никакихъ сношеній между центральной Италіей и Австріей. Въ доказательство моихъ словъ могу привести то, что телеграфическая депеша изъ Венеціи во Флоренцію стоитъ 19 съ чѣмъ-то франковъ, тогда какъ изъ Флоренціи въ Москву она стоитъ 24 франка (за 20 словъ). Страннаго въ этомъ ничего нѣтъ, когда подумаешь, что депеша, отправленная изъ Венеціи, чтобы дойдти до Флоренціи, должна идти на Миланъ, Алессандрію, Піаченцу, Парму, Модену и Болонью. Намъ совѣтовали ѣхать на Ливорно, Геную; оттуда черезъ Миланъ. Австрійское правительство, съ цѣлію должно быть уменьшить число пріѣзжающихъ въ Венецію, дозволило только двумъ поѣздамъ на

Digitized by Google

границѣ Ломбардіи брать путешественниковъ, пріѣхавшихъ изъ Милана; остальные, отправляясь изъ Милана, останавливаются въ Дезенцано. Мы рѣшились ѣхать другимъ путемъ, который представляетъ то удобство, что хотя по немъ въ Венецію пріѣзжаете болѣе чѣмъ въ 48 часовъ, но за то можно ночевать два раза въ дорогѣ.

Въ четвергъ, $^{9}/_{21}$ іюня, въ 5 часовъ утра, мы сѣли въ вагоны лукской желѣзной дороги и въ полтора часа были уже въ Пистоѣ, гдѣ насъ ожидалъ веттуринъ съ коляской, уже запряженною. Отъ Пистои начинаются Апеннины. Проѣхавъ версты двѣ отъ города, вы въѣзжаете въ горы, и несмотря на пять маленькихъ лошаденокъ, которыя были впряжены въ нашу легкую коляску, и которыхъ веттуринъ, не щадя рукъ, угощалъ бичомъ довольно часто, мы тащились шагомъ. Солнце припекало порядкомъ, несмотря на ранній часъ. По мѣрѣ того, какъ мы поднимались выше и выше, открывавшаяся со всѣхъ сторонъ панорама расширялась болѣе и болѣе. Дорога идетъ зигзагомъ, по склону горы, и каждый разъ, на поворотѣ, Пистоя снова показывалась, но въ меньшемъ объемѣ и въ большей рамкѣ. Окружающія горы покрыты роскошною зеленью; на первомъ планѣ, за ними выдвигались ихъ собраты болѣе высокіе, но зато лысыя вершины ихъ выказывали сѣрыя и желтоватыя скалы. Грунтъ земли приводитъ въ отчаяніе инженеровъ, которые проводятъ желѣзную дорогу отъ Болоньи до Пистои (1). Въ большей части тоннелей, а ихъ много, земля обсыпается, и необходимо строить галлереи со сводами изъ кирпича.

Наконецъ, Пистоя и тосканская равнина скрылись совершенно, и горы обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Нигдѣ не встрѣчаешь такого разнообразія видовъ, какъ въ горахъ: на каждомъ шагу открывается вамъ то новая долина между двухъ вершинъ, которыя вы издали принимали за одну сплошную массу; то домъ выступитъ изъ-за поворота: то наконецъ, то же самое мѣсто, на которое вы сейчасъ смотрѣли, показывается съ другой стороны, и совершенно иначе. А какое разнообразіе освѣщенія: то лучъ солнца скользитъ, дробясь по листьямъ деревьевъ, стоящихъ на уступахъ, какъ на громадной лѣстницѣ, то замираетъ, какъ будто впивается въ зеленое поле кукурузы въ котловинѣ: то отпрыгиваетъ и весело отражается отъ желтоватой скалы. Да и не перечислишь никогда всего разнообразія.

Часовъ около 11 мы остановились у какого-то несчастнаго домика.

— Что такое? спросилъ я у веттурина.

---

(1) Говорятъ она будетъ готова черезъ три года.

Digitized by Google

— Ничего, вотъ я отпрягу среднюю лошадь, отвѣчалъ онъ.

Впереди было запряжено три лошади, а въ дышлѣ двѣ. Дѣйствительно, средняя изъ переднихъ трехъ не только совсѣмъ не везла, но даже и мѣшала другимъ дѣлать свое дѣло. Скоро отпрягли сего коня, и снова веттуринъ забралъ въ лѣвую руку свои четыре вожжи, а правой заработалъ бичомъ, и мы покатились гораздо скорѣе.

— Какъ зовутъ это мѣсто, гдѣ мы останавливались? спросилъ я веттурина.

— Какое мѣсто, eccelenza?

— Да то, гдѣ вы оставили лошадь.

— Да его никакъ не зовутъ. Это просто ферма Джіузеппа, больше ничего; названія нѣтъ никакого.

Несмотря на отсутствіе имени, эта ферма имѣла нѣкоторое значеніе. Отъ нея дорога совершенно мѣняется, и до самой Болоньи нѣтъ ниодного возвышенія на дорогѣ. Вокругъ громоздятся горы, подходя иногда своими обрывами очень близко; но шоссе огибаетъ ихъ и отъ Поретты (1) идетъ постоянно по берегу рѣчки Рено, слѣдя за всѣми ея извилинами. Эта рѣчка, какъ и тѣ рѣчки и потоки, которые мнѣ случалось видѣть на Корнишѣ, изобилуетъ болѣе камнемъ и готовымъ щебнемъ для желѣзныхъ дорогъ и шоссе, чѣмъ водой. Мѣстами нѣтъ ни капли воды; но ширина ея весьма значительная. Говорятъ, весной и когда бываютъ продолжительные дожди, ничтожный Рено превращается въ яростную рѣку, которая уноситъ все, что встрѣчаетъ на своемъ пути.

Въ пять часовъ вечера мы въѣхали въ ворота Hôtel Brun, въ Болоньѣ. Оставалось около трехъ часовъ свѣта, мы взяли коляску и поѣхали смотрѣть столицу Романьи. Городъ не красивъ и грязноватъ, такъ что даже въ Италіи, гдѣ чистота рѣдко встрѣчается, и гдѣ къ грязи привыкаетъ глазъ, Болонья изумляетъ неопрятностію. Успѣли видѣть мы довольно много. Обошли Campo Santo, San Petro, San Petronio, но главнаго не видали, драгоцѣнности Болоньи, *Св. Цециліи* Рафаэля. Мнѣ кажется виной въ томъ чичероне, котораго мы взяли. Еслибы мы поѣхали безъ всякаго вожатаго, то навѣрно добились бы, что намъ отворятъ Academia delle belle arti, гдѣ хранится эта картина; но мы повѣрили чичероне, что успѣемъ, прокатились въ Campo-Santo, когда же возвратились, было уже поздно.

---

(1) Поретта первый городокъ Папской области. До присоединенія Эмиліи версты за три до Поретты была таможня; теперь остался только домъ и родъ сарая, въ который въѣзжали экипажи для осмотра. Таможни же больше не существуетъ.

Digitized by Google

На другой день, съ первымъ поѣздомъ отправились мы въ Парму; оттуда съ веттуриномъ въ Мантую. До австрійской границы все окружающее носитъ тотъ же характеръ, какъ Тоскана. Въ Пармѣ и Гвасталлѣ, гдѣ мы перемѣнили лошадей, точно такъ же какъ во всѣхъ деревняхъ и фермахъ, черезъ которыя мы проѣзжали, всюду на стѣнахъ прилѣплены портреты съ словами: «Viva Vittorio Emmanuele nostro eletto re!» (1) Разница состояла въ томъ, что слова эти были иногда помѣщены подъ портретомъ, иногда же особо; иной портретъ раскрашенъ, иной нѣтъ; часто только одна лента черезъ плечо, на королевскомъ мундирѣ выведена тремя сардинскими цвѣтами, а зачастую юный художникъ не пожалѣлъ краски, такъ что и мундиръ, и даже окружающія облака обхвачены громадною лентой. Всюду видѣлись знакомые бюсты, савойскій крестъ, трехцвѣтное знамя, которое иной разъ осѣняло какой-нибудь скромный кабачокъ въ Апеннинахъ, точно такъ же какъ развѣвалось надъ домами Пармы и Модены. Ближе къ границѣ, все это еще чаще попадается на глаза. Должно-быть авторамъ этихъ постоянныхъ манифестацій до сихъ поръ еще не вѣрится, что они могутъ безнаказанно выражать такъ открыто свои политическія убѣжденія, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ австрійскими пушками. Наконецъ мы подъѣхали къ пограничной таможнѣ. По разказамъ Итальянцевъ, я приготовился къ самому строгому осмотру. Говорили, что большею частію таможенные смотрятъ даже карманы, и даже разсматриваютъ очень подробно во что̀ обернуты вещи: нѣтъ ли прокламацій Гарибальди, запрещенныхъ журналовъ и тому подобныхъ вредныхъ для правительства вещей. Къ моему крайнему удивленію, насъ очень скоро пропустили; записали наши паспорты, багажъ даже не безпокоили; въ пять минутъ все было окончено, и съ чрезвычайною учтивостію намъ пожелали счастливаго пути. Я началъ думать что все, что̀ мнѣ говорили Итальянцы про проклятыхъ Тедесковъ, не совсѣмъ вѣрно. Дѣйствительно, дорога шла совершенно по такимъ же полямъ, какъ до границы; ни малѣйшаго признака бѣдности, оставленныхъ полей, пустыхъ домовъ, о которыхъ мнѣ столько говорили. Но самая дорога была пустыннѣе; до По, отъ границы, мы встрѣтили только двѣ пустыя телѣги, а это верстъ десять; впрочемъ это можетъ быть чистая случайность. Деревень намъ не попалось ни одной; за то шоссе было протянуто прямою линіей, обсажено деревьями, и имѣло такой приличный видъ, что пари можно было подержать, что проводилъ его Нѣмецъ, и онымъ остался какъ самъ, такъ и высшій начальникъ, совершенно доволенъ. Близь

(1) Да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ, избранный король нашъ!

Digitized by Google

По, прямая линія шоссе перерывается, надо ѣхать объѣздомъ, еще не укатаннымъ. Причиной тому воздвигаемое укрѣпленіе поперекъ шоссе по самому берегу рѣки. До полсотни рабочихъ возили кирпичъ съ барокъ въ тачкахъ, съ сотню копали землю на довольно большомъ пространствѣ. Съ того мѣста, гдѣ остановилась наша коляска, въ ожиданіи порома, который какъ на зло, былъ на той сторонѣ, открывалась вся окружающая мѣстность. По сю сторону рѣки безконечно тянулись по равнинѣ поля пшеницы и кукурузы, съ насаженными по межамъ деревьями, перемѣшанными виноградною лозой, которая отъ одного къ другому тянулась безконечною зеленою гирляндой; нѣсколько разбросанныхъ домовъ выглядывали изъ земли своими черепичными крышами. По ту сторону то же самое, только вдали синѣлись Альпы. Быстро несся По съ своею мутною, желтоватою водою въ песчаныхъ берегахъ. Все это было красиво, но не доставало чего-то, безъ чего особенно такой видъ производитъ тяжелое, грустное впечатлѣніе, не доставало—оживленія. Этотъ недостатокъ такъ странно встрѣтить въ Италіи, въ которой напротивъ видишь за частую ужь слишкомъ много оживленія всюду, гдѣ столпится съ десятокъ человѣкъ. Здѣсь совсѣмъ не то. Несмотря на 150 человѣкъ рабочихъ, на поромъ, медленно ползшій къ тому берегу, нагруженный людьми и телѣгами, на человѣкъ съ пятокъ крестьянъ, которые такъ же какъ и мы ожидали порома,—все было мертвенно тихо. Я подошелъ къ кучкѣ крестьянъ, они о чемъ-то тихо разговаривали, при моемъ появленіи они замолчали, и недовѣрчиво на меня посмотрѣли, я отошелъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда стоялъ австрійскій солдатъ на часахъ у полосатой будки (темножелтое съ чернымъ), и задумчиво смотрѣлъ на насъ. За будкой сидѣлъ на травѣ другой, и покуривалъ изъ маленькой трубочки. Отъ нечего дѣлать, я подошелъ къ нему и попросилъ огня закурить папироску. Солдатъ очень учтиво всталъ, и ни за что не хотѣлъ давать огня изъ своей трубки; но съ помощью кивера зажегъ спичку. Я поблагодарилъ, и чтобы сказать что-нибудь, спросилъ его, какой онъ націи. Онъ оказался Нѣмцемъ, и мы заговорили по-нѣмецки, чѣмъ онъ повидимому былъ очень доволенъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ и часовой, въ коротенькомъ парусинномъ сюртукѣ и синихъ панталонахъ, въ обтяжку, съ отдѣлкой изъ желтаго снурка, какъ прежде носили наши лейбъ-гусары; на ногахъ были ботинки. Поговоривъ о погодѣ, о дорогѣ и прочихъ тому подобныхъ вещахъ, я спросилъ его, вся ли австрійская пѣхота имѣетъ такіе красивые панталоны.

— O! nein, mein Herr! это особенная привилегія венгерской пѣхоты. Она одна имѣетъ право на такіе панталоны, и одна ихъ только и носитъ.

Digitized by Google

Опять подумалъ я, еще другое предубѣжденіе, разсѣянное. Всюду говорятъ и пишутъ, что австрійское правительство отняло всякія права и привилегіи у Венгріи. Венгрія, говорятъ, волнуется, и отношенія между нею и правительствомъ такъ натянуты, что не будучи пророкомъ, можно предсказать, что не сегодня, завтра тамъ будетъ что-нибудь, и что на этотъ разъ по всему вѣроятію, русскіе штыки не помогутъ раздавить Венгрію. Оказывается, что все это вздоръ. Венгрія довольна, счастлива, совершенно удовлетворена сохраненіемъ этой высокой привилегіи носить панталоны въ національномъ вкусѣ, и съ сердечною благодарностію высылаетъ своихъ сыновъ помогать благодѣтельному правительству при введеніи нѣмецкаго порядка, спокойствія и тишины между строптивыми Италіянцами, которые позволяютъ себѣ думать о независимости, и не хотятъ понять того счастія, что о нихъ заботится укомплектованный государственный совѣтъ, предназначенный навѣрно современемъ приготовить имъ какую-нибудь привилегію, если они будутъ умны, будутъ хорошо себя вести, и ихъ нѣмецкіе гувернеры дадутъ имъ хорошія отмѣтки о поведеніи. По всей справедливости Италіянцы не могутъ надѣяться, что имъ удастся сразу отличиться наравнѣ съ Венгерцами. Венгрія хотя не такъ давно пользуется благодѣяніями потери своей самостоятельности; но за то такъ давно пріютила у себя нѣмецкую бюрократію, что ей принадлежитъ тамъ поправу первое мѣсто. Но я оптимистъ, и, какъ блаженной памяти докторъ Панглоссъ, думаю, что все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, а потому и надѣюсь, что укомплектованный государственный совѣтъ, котораго задача—соединить возможную автономію съ полною централизаціей, въ скоромъ времени введетъ какую-нибудь значительную реформу, то-есть отличитъ какимъ-нибудь снурочкомъ, или формой сюртуковъ и панталонъ, Италіянцевъ въ войскахъ его императорскаго величества, императора австрійскаго. И тогда, о чудо! моему воображенію представляется картина счастія небываалаго въ италіянскихъ его величества провинціяхъ; потекутъ рѣки меда и млека, и послѣдній контадинъ будетъ отъ избытка чувства по-нѣмецки возносить къ Богу, въ рукахъ котораго, какъ извѣстно, сердца царей, гимнъ благодарности, написанный какимъ-нибудь гофъ-штатсъ-ратъ-генералъ-оберъ-инспекторомъ фонъ-музикъ, съ приличнымъ изображеніемъ императорскаго герба, и напечатанный въ Staatsbuchdruckerei in Wien.

Поромъ медленно шелъ. Кромѣ нашей коляски, на поромѣ стояла телѣга, запряженная осломъ, тачка съ хворостомъ, на которой сидѣлъ исхудалый ея хозяинъ и вожакъ вмѣстѣ, оселъ на веревкѣ, за которую его держалъ босоногій мальчикъ, да человѣкъ

Digitized by Google

съ десять крестьянъ. Вотъ, подумалъ я, пойдетъ разговоръ, смѣхъ. Не тутъ-то было; ни слова не было слышно. Угрюмо смотрѣли крестьяне; а если и перекидывались словечкомъ другъ съ другомъ, то какъ-то нехотя, тоскливо и шепотомъ. На той сторонѣ стояла такая же полосатая будка съ обыкновеннымъ своимъ дополненіемъ, часовымъ, принадлежавшимъ къ венгерской, привилегированной пѣхотѣ. Уныло смотрѣла дорога, вытянутая по линейкѣ; еще грустнѣе было все окружающее. Набѣжали тучи, поднялся довольно сильный вѣтеръ, и закапалъ дождикъ. Сердце сжалось, какъ передъ грустнымъ предчувствіемъ, и грустно стало на душѣ. Задумался я о нѣмецкихъ порядкахъ, о мертвящей формальности, и отъ Австріи перешелъ далѣе и далѣе... Я также занялся разрѣшеніемъ того вопроса, отъ чего въ характерѣ у Нѣмцевъ уживаются такія совершенныя противоположности: чтеніе Шиллера, какой-то золотушный лиризмъ при видѣ нерваго пригорка, у котораго остановится нѣмецкая чета, идущая погулять in's Grüne, съ тѣмъ узкимъ позитивизмомъ, которымъ отличается нѣмецкая вседневная жизнь. Кажется, Нѣмецъ, надѣвая свой новый сюртукъ, и взявъ подъ руку свою Frau Gemahlin, чтобы погулять послѣ дневныхъ трудовъ,— вмѣстѣ съ тѣмъ надѣваетъ свой лиризмъ, свои приторныя восклицанія, всѣ идеальныя побрякушки, которыя, во время своей дневной работы, онъ положилъ въ коммодъ, заперъ, и ключъ отъ ящика отдалъ на храненіе своей Маргаритѣ или Гертрудѣ. И въ то время когда весь его арсеналъ условнаго лиризма покоился, онъ думалъ только о своемъ дѣлѣ тѣломъ и душой. Веселиться, думать о постороннемъ можно послѣ. Случалось ли вамъ присутствовать, когда Нѣмцы восхищаются картиной, видомъ, статуей,—мнѣ кажется, нѣтъ ничего, что бы могло такъ разстроить нервы, какъ подобное зрѣлище. Въ Венеціи мнѣ случилось это несчастіе. Я стоялъ передъ великолѣпною картиной Тиціана: *Успеніе Богородицы*, въ академіи delle belle Arti. Въ залѣ никого не было. Вдругъ ввалилось нѣмецкое семейство, которое въ то же утро отравило мнѣ своимъ присутствіемъ песчаный берегъ Лидо. Семейство состояло изъ сѣдовласаго, румянаго папеньки, полной, малиново-красной маменьки, съ наивно-кокетливою улыбкой на ея сорокапяти-лѣтнихъ устахъ, трехъ дѣвицъ въ круглыхъ шляпахъ (mousquetaire) и двухъ ребятъ, золотушно бѣлыхъ, съ таковыми же власами. Я съ ужасомъ посмотрѣлъ на нихъ; но они въ припадкѣ восхищенія меня не замѣтили, и въ припрыжку подлетѣли къ картинѣ:

— Ach, das muss Titian sein, защебетали писклявo дѣвы, и всѣ возможныя междометія полились рѣкой, при чемъ происходили какія-то странныя ужимки, глаза прищурились, расширялись,

Digitized by Google

ротъ также принималъ самыя разнообразныя очертанія. Одинъ изъ мальчиковъ воспользовался минутой семейнаго восторга, угостилъ своего братца толчкомъ. Должно быть это была повѣрка старыхъ счетовъ. Мальчикъ разревѣлся. Вслѣдствіе сего глава семейства сталъ разбирать семейную распрю. Прочіе члены тоже отложили восторгъ до болѣе удобнаго времени и внимательно слѣдили за ходомъ дѣла. Наконецъ приговоръ былъ произнесенъ торжественно, при чемъ папенька сказалъ краткую назидательную рѣчь, въ которой пятнадцать разъ было повторено междометіе: фуй. Всѣ слушали съ приличною обстоятельству физіономіей. По окончаніи, всхлипываніе восторга, пискъ восхищенія снова полился. Меня морозъ по кожѣ подралъ, я убѣжалъ; а благочестивое семейство перемѣстилось, по указанію *Herr Papa*, на другой пунктъ, съ котораго снова начало восторгаться. А какъ Нѣмцы произносятъ французскія слова въ своей нѣмецкой рѣчи! Мнѣ всегда это напоминаетъ нашего Нѣмца гувернера въ школѣ, который всегда грозилъ, что пойдетъ жаловаться директору, жившему внизу, въ однихъ и тѣхъ же постоянно выраженіяхъ: Wenn ich werde *en bas* gehen, dass wird nicht *en vain* sein. Этотъ способъ выраженія считается элегантнымъ, и многіе Нѣмцы злоупотребляютъ имъ до омерзѣнія.

Но къ дѣлу. Проѣхали мы верстъ пятнадцать, даже больше, я думаю, и объѣхали, по неукатанному объѣзду, три земляныхъ укрѣпленія, изъ которыхъ среднее не было еще окончено, другія же два были уже вооружены, и наконецъ добрались до Минчіо, на островѣ, котораго находится Мантуя. Шоссе обрывалось на самомъ берегу озера (1). По прямой линіи до города оставалось съ версту. Годъ тому назадъ, шоссе шло по плотинѣ отъ мѣста, гдѣ оно теперь поворачиваетъ влѣво, прямою линіей до города. Послѣ сольферинскаго сраженія, это шоссе и еще другое взорвали по всему протяженію и уничтожили всякое сообщеніе. Слѣды стараго пути еще замѣтны, какъ на этомъ, такъ и на противоположномъ берегу. Оставлено только два пути, чтобы добраться до Мантуи: искусственная насыпь, перерѣзанная тройнымъ рядомъ укрѣпленій, и натуральная полоса земли, которая связываетъ Мантую съ твердою землей или правильнѣе сказать съ окружающимъ болотомъ. Станція Веронской желѣзной дороги находится у послѣдняго пути, мы же были у перваго, такъ что намъ приходилось ѣхать верстъ пять по берегу Минчіо, потомъ проѣхать по Мантуѣ, и снова огибать Минчіо, до станціи. Нѣтъ ничего грустнѣе береговъ этого озера, образуемаго рѣкой Минчіо. Такая пустошь; ни деревьевъ, ни полей,

(1) Минчіо вокругъ Мантуи образуетъ довольно обширное озеро.

Digitized by Google

ни фермъ, ничего нѣтъ верстъ на пять кругомъ (1)! Уныло, пусто, и даже сама Мантуя, освѣщенная заходящимъ солнцемъ, какъ она ни смотрѣлась въ гладкой поверхности озера, но мало оживляла картину. Барабанъ трещалъ гдѣ-то безъ умолку въ городѣ, и эта трескотня долетала до насъ; не думаю, чтобы подобная музыка могла придать прелесть какому-нибудь виду.

Проѣхавъ какими-то извилинами черезъ два ряда земляныхъ укрѣпленій, украшенныхъ палисадами и пушками, разставленными въ разныхъ направленіяхъ, наконецъ, перебравшись черезъ два подъемныхъ моста, мы въѣхали въ ворота, каменной стѣны сажени въ четыре шириной. Здѣсь насъ остановили, и человѣкъ пять солдатъ обступили нашу коляску. Вокругъ же, мнѣ кажется, былъ цѣлый батальйонъ. И въ самыхъ воротахъ, и на гауптвахтахъ *до* и *по*, солдатъ было пропасть. Нѣчто въ родѣ офицера потребовало наши паспорты. Я вручилъ ихъ. Офицеръ тотчасъ куда-то скрылся, и мы остались въ ожиданіи. Я началъ разсматривать солдатъ. Караулъ состоялъ изъ венгерской пѣхоты: кромѣ того расхаживало нѣсколько солдатъ въ зеленыхъ мундирахъ съ малиновою выпушкой, съ ружьями за плечами. Это городская (urbana) гвардія, военно-полицейское учрежденіе во всѣхъ италіянскихъ городахъ, принадлежащихъ Австріи. По закону, она должна состоять изъ однихъ Италіянцевъ; но въ ней на половину Нѣмцы и всякій сбродъ. Послышался какой-то крикъ изъ-за воротъ, на него кто-то отвѣчалъ около насъ, коляска тронулась и, проѣхавъ нѣсколько шаговъ, остановилась у одного дома направо отъ городскихъ воротъ; налѣво была гауптвахта, съ двумя пушками, которыхъ жерла были обращены вдоль по улицѣ, разстилавшейся передъ нами. Опять ожиданіе. Съ козелъ, гдѣ я сидѣлъ, я видѣлъ очень хорошо, какъ два барина въ мундирахъ писали, посматривая на наши паспорты. Потомъ эти несчастные паспорты ушли въ другую комнату, и исчезли. Я начиналъ терять терпѣніе. Было уже шесть часовъ, послѣдній поѣздъ въ Верону отправляется въ семь; по разнымъ причинамъ, мнѣ никакъ не хотѣлось остаться ночевать въ Мантуѣ. Это очень легко могло случиться, потому что до станціи желѣзной дороги оставалось верстъ пять; а тутъ, повидимому, намѣрены были такъ близко съ нами познакомиться, что на это требовалось болѣе времени, чѣмъ то, которымъ мы могли располагать. Видя одного изъ стоявшихъ около коляски военныхъ съ какими-то отличіями, то-есть съ шитьемъ на воротникѣ и рукавахъ, я обратился къ нему съ рѣчью, смыслъ которой былъ, что мы-де мирные

(1) Въ прошломъ году послѣдніе дома и мельницы на Минчіо, которые были въ районѣ Мантуи, были сломаны по приказанію австрійскаго правительства.

Digitized by Google

путешественники, зла первокласной крѣпости Мантуѣ не желаемъ, спѣшимъ въ Верону, а черезъ Мантую намѣрены только проѣхать и то какъ можно скорѣе, посему просимъ покорнѣйше благодѣтельное австрійское начальство отпустить насъ скорѣе и перестать перекидывать наши паспорты отъ одного военнаго къ другому и изъ одной комнаты въ другую. Рѣчь подѣйствовала, а можетъ-быть и обрядъ съ паспортами былъ покончень. Какой-то офицеръ вынесъ ихъ, подозвалъ одного изъ солдатъ городской гвардіи и вручилъ ихъ ему съ наставленіемъ, которое онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать тихомолкомъ. Солдатъ поправилъ ружье за лѣвымъ плечомъ, взлѣзъ къ кучеру и усѣлся около него. По истинѣ я такой чести не ожидалъ. Коляска покатилась.— А мои паспорты? закричалъ я офицеру.

— Вы получите ихъ отъ коменданта, прокричалъ онъ мнѣ вслѣдъ.

«Отъ коменданта», подумалъ я, и какое-то непріятное чувство вдругъ залѣзло въ меня. Богъ знаетъ, отчего я вспомнилъ исторію побѣга несчастнаго Орсини изъ мантуанской крѣпости, которую я еще въ Россіи читалъ въ *Revue des deux Mondes*. Слово комендантъ звучало такъ непріятно въ ушахъ, что я какъ ни смотрѣлъ на чинно-гулявшихъ австрійскихъ солдатъ, на офицеровъ, которые сидѣли, развалясь передъ кофейнями, мнѣ все мерещилось: казематы, тюремные корридоры, звукъ ключей, цѣпей, все это тускло освѣщенное факелами. Странное впечатлѣніе производятъ улицы Мантуи. Кромѣ военныхъ никого не видать; да и военные-то всѣ такъ смотрятъ хорошо выправленными, что отъ нихъ такъ и вѣетъ казарменною атмосферой. Все такъ тихо, такъ прилично, такъ вяло, такъ скучно, что невольно себя спросишь: да что, наконецъ, это люди, или автоматы?

Подъѣхавъ къ какому-то зданію, которое составляло уголъ площади, мы остановились, и нашъ вооруженный вожатый пригласилъ меня сойдти и послѣдовать за нимъ; пройдя по довольно длинному корридору, мы вошли въ комнату, раздѣленную рѣшоткой на нѣсколько клѣтокъ. Это смотрѣло канцеляріей. Повидимому то былъ часъ отдыха, потому что за столами было много пустыхъ мѣстъ; только двое, одѣтыхъ по военному, въ картузахъ, что-то бѣгло писали за однимъ столомъ. Къ старшему изъ нихъ подошелъ сопровождавшій меня солдатъ и отдалъ паспортъ. Они пошептались. Солдатъ ушелъ, а чиновникъ началъ пристально разсматривать паспортъ. Я далъ себѣ слово быть терпѣливымъ и стоялъ молча передъ нимъ. Наконецъ чиновникъ обратился ко мнѣ съ вопросами:

— Вы Русскій?

— Да.

Digitized by Google

— Изъ какой части Россіи?

— Изъ Москвы, да позвольте, прибавилъ я,—это все вѣдь написано въ моемъ паспортѣ, который у васъ въ рукахъ. Зачѣмъ же вы меня спрашиваете?

— Не совсѣмъ хорошо написано, я съ трудомъ могъ разобрать.

— Вы говорите по-нѣмецки? спросилъ я.

— Да, я Нѣмецъ.

— Ну такъ вотъ на этой сторонѣ, сказалъ я, указывая ему,—написано по-нѣмецки. Запишите пожалуста поскорѣй, потому что я спѣшу.

Нѣмецъ усѣлся, и усердно сталъ скрипѣть перомъ.

— Вы ѣдете въ Верону? спросилъ онъ по-нѣмецки.

— Да.

— Вы говорите по-нѣмецки, wie angenehm! Зачѣмъ вы ѣдете въ Верону?

— Такъ.

— Долго намѣрены тамъ оставаться?

— Право не знаю, отвѣчалъ я съ возможною наивностью.

Нѣмецъ приподнялъ голову и пристально на меня посмотрѣлъ. Прошло нѣсколько минутъ молчанія, и слышенъ было только скрипъ двухъ перьевъ. Товарищъ моего собѣсѣдника ни разу не приподнялъ головы и все писалъ, какъ будто вокругъ него ничего не происходило. Я посмотрѣлъ на часы: оставалось ровно полчаса до отправленія послѣдняго поѣзда. Не шутя, мы могли остаться въ Мантуѣ. Я обратился съ подобною же рѣчью, какъ у воротъ, къ моему любознательному Нѣмцу, указывая ему на часы.

— Ваши идутъ немного впередъ, отвѣчалъ онъ, пріятно улыбаясь;—не безпокойтесь, успѣете; я сейчасъ кончу. А скажите пожалуста, прибавилъ онъ какъ будто къ слову,—отчего это вы такъ спѣшите въ Верону?

— Такъ, очень нужно, отвѣчалъ я, насилу удерживаясь, чтобы не разсмѣяться.

— Что жь у васъ тамъ знакомые, друзья? или такъ, времени нѣтъ, всѣ дни разсчитаны для вашего путешествія?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, и чтобы перемѣнить разговоръ, спросилъ:—а что можно здѣсь закурить папироску?

— О! да, теперь здѣсь нѣтъ присутствія. Хотите огня?

— Не безпокойтесь, у меня все съ собою,—и я сталъ закуривать, слѣдя за Нѣмцемъ. Онъ раза два подозрительно посмотрѣлъ на меня; наконецъ, какъ будто придумалъ что-то такое, схватилъ толстую книгу, формы нашихъ канцелярскихъ алфавитовъ и, перелистывая, что-то внимательно прочитывалъ, посма-

Digitized by Google

гривал на меня. Мнѣ пришло въ голову, ну какъ онъ въ сей книгѣ прочтетъ, что вотъ какой-нибудь изъ заклятыхъ враговъ австрійскаго правительства похожъ на меня. Ихъ такъ много, что сходство очень возможно. Возьмутъ меня, раба Божія, — тамъ объяснящся потомъ; притомъ представители Россіи — лица очень любезныя, но, къ несчастію, такъ серіозно занятыя, что не имѣютъ, должно-быть, времени заняться своими соотечественниками. Мнѣ случилось видѣть столько примѣровъ за границей, что обращаться въ иное посольство можно развѣ только in articulo mortis. Во всѣхъ другихъ случаяхъ васъ только запутаютъ; а то и такъ отойдешь, увидавъ съ самаго начала, что нельзя никакого толку добраться, а уже подавно чести видѣться съ глазу на глазъ съ начальникомъ и самому объяснить свое дѣло. Впрочемъ, это лучше еще, когда убѣдишься въ началѣ, что такая попытка ни къ чему не поведетъ. Сбережено время, и крови не столько испортится. Кстати бы уже разказать, какъ одинъ великій посолъ, кажется, необычайный (extraordinaire), въ точности не знаю всего титула, распекалъ одного молодаго человѣка, что тотъ потерялъ свой паспортъ и осмѣлился его о томъ безпокоить. Подробности этого свиданія очень интересны и полны драматизма, но это насъ поведетъ слишкомъ далеко, не дай Богъ куда. Поскорѣе прибавлю въ очистку совѣсти, что есть исключенія, которыя намъ случалось даже видѣть, а теперь возвратимтесь къ моему усатому *офицеру*. Чтеніе въ фоліантѣ повидимому нисколько не удовлетворило его; онъ, кажется, даже со вздохомъ затворилъ свою книгу, и, собравъ наши паспорты съ другими бумагами, всталъ, и пошелъ въ другую комнату. Я успокоился и началъ думать, что несмотря на всѣ преграды австрійской полиціи, мнѣ наконецъ удастся добраться въ тотъ же день въ Верону. А день-то пятница; ну, какъ этотъ пользующійся на Руси дурною репутаціей день сыграетъ со мной шутку, и я засяду въ Мантуѣ? Въ Венецію пріѣдешь только завтра къ вечеру и хлопотъ-то сколько будетъ! а тамъ ждутъ... Просто зло начинало разбирать; рыжіе усы *герз-официра* все не показывались; а другой съ такимъ убійственнымъ хладнокровіемъ пописывалъ, что мнѣ даже противно стало смотрѣть на него; я отвернулся.

Наконецъ наши паспорты, сопровождаемые рыжими усами, показались въ дверяхъ.

— Ну, наконецъ отпустите вы меня? спросилъ я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Еще минуту, и вы совсѣмъ свободны, проговорилъ Нѣмецъ, вынимая большой листъ бѣлой бумаги. — Вы будете такъ добры отвѣтить мнѣ на нѣкоторые вопросы, и все кончено.

Digitized by Google

— Пожалуста поскорѣй, отвѣчалъ я, — право мы опоздаемъ. Да какіе же вопросы? вы, кажется, все у меня спросили, что надо. Что жь еще?

— О! не все, улыбаясь отвѣчалъ Нѣмецъ.

Батюшки! что за улыбка! Это было выраженіе довольства, сердечнаго спокойствія отъ исполненія священнаго долга службы и присяги, невозмутимаго состоянія души и какой-то наивной, сухой тупости. Мнѣ бы хотѣлось однимъ словомъ очертить эту улыбку, да нѣтъ! развѣ назвать ее бюрократическою? Другаго слова не нахожу.

— Какой вы вѣры? спросилъ Нѣмецъ.

— Желалъ бы я знать зачѣмъ это вамъ? спросилъ я невольно.

— Это такъ ужь принято.

— Принято, а, это дѣло другое. Греко-россійской.

— Который вамъ годъ?

— Ну это уже нескромно, прибавилъ я къ исчисленію своихъ годовъ.

— А вашей супругѣ и сестрицѣ который годъ?

— Ну, позвольте, кто жь спрашиваетъ женскіе года?

Нѣмецъ расхохотался. Эта выходка ему понравилась. Мнѣ самому понравилось, что въ канцеляріи коменданта Мантуи есть люди, которые смѣются. Впрочемъ, я думаю это случается не часто.

— Ну, я эту статью пропущу, добродушно сказалъ Нѣмецъ,— куда вы ѣдете?

— Я уже вамъ сказалъ, въ Верону.

— Тамъ долго останетесь?

— Нѣтъ, только переночуемъ.

— А оттуда, куда вы ѣдете?

— Въ Венецію!

— Въ Венецію? повторилъ Нѣмецъ и задумался: — что жь долго тамъ останетесь? спросилъ онъ, пристально смотря на меня.

— Право, не знаю... какъ успѣемъ осмотрѣть городъ, отвѣчалъ я.

— Ну, значитъ вы еще дальше ѣдете.

— Да! въ Карльсбадъ.

— Что же вы прежде мнѣ этого не сказали? съ живостью вставая, сказалъ Нѣмецъ.

— Оттого, что вы меня не спрашивали, отвѣчалъ я.

— Вотъ ваши паспорты, возьмите, вотъ они всѣ. Сказали бы вы прежде, такъ давно бы дѣло кончилось, а то все, Верона, Верона,—и онъ покачалъ головой.

Я собралъ паспорты, и уложилъ ихъ въ карманъ, а смѣхъ

Digitized by Google

такъ и разбиралъ меня, когда я смотрѣлъ на радующееся лицо моего Нѣмца. Какія все рѣдкія явленія встрѣчаешь въ путешествіяхъ! Инквизиторы съ улыбающимися лицами. Просто, еслибы самъ не видѣлъ, такъ не повѣрилъ бы. Чтобы сказать что-нибудь, я спросилъ:

— А сколько я долженъ заплатить за прописку паспорта?

— О! ничего. Это gratis.

— Какъ! это удовольствіе даромъ?

— Совершенно.

Мы раскланялись, и я побѣжалъ къ коляскѣ. Опять потянулись улицы съ солдатами и офицерами въ бѣлыхъ туникахъ. Форма ихъ фуражекъ напоминаетъ французскіе кепи, но они какъ-то выше и шире, что̀ далеко не красиво. Впрочемъ, въ саксонской арміи еще болѣе сумѣли испортить одну изъ красивѣйшихъ французскихъ формъ. Солдаты въ Саксоніи носятъ, вмѣсто фуражки, bonnet de police; только къ нему пришитъ козырекъ. Изъ красиваго вышло что-то весьма неуклюжее. На этотъ счетъ ужь Нѣмецъ молодецъ. Свое, самобытное у него совсѣмъ не дурно; но какъ только онъ вздумаетъ подражать, онъ непремѣнно что-нибудь прибавитъ, и дѣло выйдетъ дрянь дрянью. Однакожь надо замѣтить, что даже въ Англіи я не встрѣчалъ такой опрятности, даже элегантности въ солдатской одеждѣ, какъ у Австрійцевъ. И народъ большею частію молодцы, особенно между Венгерцами. Офицеры, по правдѣ сказать, на видъ хуже солдатъ. Впрочемъ, то же можно сказать и про Пруссію и Баварію. Это довольно даже странное явленіе, а по истинѣ такъ; зачастую въ Германіи, смотря на солдата на часахъ у гауптвахты и на офицера, важно расхаживающаго около, невольно подумаешь, что для виду—я нисколько не вхожу въ разборъ ихъ внутренняго осносительнаго достоинства.— имъ бы слѣдовало помѣняться своими мѣстами.

Опять ворота, и мы снова остановились; я уже сталъ вынимать паспорты. Нѣтъ, оказалось, что остановка произошла отъ роты солдатъ, которая прходила черезъ улицу. Я опять посмотрѣлъ,— народъ молодцы, и форма эта, которую мнѣ столько разъ случалось видѣть на маленькихъ театрахъ Генуи и Флоренціи въ каррикатурномъ видѣ, совсѣмъ не дурна, даже красива. Прошелъ еще взводъ егерей въ престранныхъ шляпахъ. Высокія трехугольныя, съ перьями; на походѣ, перья снимаются, и на шляпу надѣвается клеенчатый чахолъ. Видъ странный, а не дурно.

Проѣхали крытый мостъ, съ правой стороны котораго мельницы, наконецъ опять два ряда земляныхъ укрѣпленій, палисадъ, пушекъ, подъемныхъ мостовъ,—и ѣдешь все такими извилинами. Наконецъ очутились мы въ полѣ.

Digitized by Google

Люди компетентные въ Италіи говорятъ, что Мантуя далеко не такая сильная крѣпость, какъ въ этомъ были увѣрены во время войны перваго Наполеона. Теперь, съ нарѣзными пушками и канонирскими лодками, она далеко не имѣетъ такого значенія, какъ прежде. До какой степени это справедливо, не знаю; но Австрійцы ставятъ Мантую наравнѣ съ Вероной, которая съ своими трехъярусными укрѣпленіями всѣми признается за одну изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ мірѣ. Для Австріи Мантуя имѣетъ еще значеніе большаго склада политическихъ преступниковъ. Въ этомъ отношеніи климатъ болотистой мѣстности, окружающей Мантую, много помогаетъ быстрому рѣшенію многихъ военно-судныхъ дѣлъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ.

Мы подъѣхали къ станціи желѣзной дороги, и оказалось, что намъ еще остается 20 минутъ времени. Взявъ билеты и сдавъ вещи, надо было разсчитываться съ веттуриномъ. Это вещь не легкая. Большею частію ихъ берутъ при короткихъ дистанціяхъ на часы, то-есть если въ столько-то часовъ доставитъ, то дается такая-то сумма, если же скорѣе, то плата возвышается. При этомъ необходимо взять себѣ за правило въ Италіи: всякое условіе, хоть бы оно было на 30 верстъ, дѣлать письменно и тщательно отмѣтить время отправленія. Хотя все это у меня было подробно написано, подписано и даже скрѣплено подписью содержателя отеля въ Пармѣ, однако вышло недоразумѣніе. Пармезанскій веттурино въ Гвасталлѣ сдалъ насъ другому, условіе наше было прочитано въ Гвасталлѣ новымъ и имъ подписано. Къ несчастію въ этомъ важномъ актѣ было написано доставить въ Мантую, а не на мантуанскую станцію желѣзной дороги. Отъ станціи же до города считается 2 мили слишкомъ, почти 3. Пармезанскому веттурину я говорилъ, чтобы написать: на станцію. Онъ увѣрилъ, что это все равно, и спора не будетъ; этотъ же предъявилъ претензію. Нечего дѣлать, надо было полъ-маренго отдать. Кстати, наполеондоры вокругъ Мантуи, а также и въ Пармѣ и Моденѣ, называются маренго. Довольно странное названіе, и я удивляюсь, какъ до сихъ поръ австрійское правительство не запретитъ употребленія такого не лестнаго для себя воспоминанія.

Въ Верону мы пріѣхали около 9 часовъ вечера. Было уже темно. У воротъ, какъ водится, у насъ отобрали паспорты и выдали контрамарки, съ которыми изъ отеля спеціяльно для сего имѣющійся человѣкъ ходитъ брать паспорты обратно въ управленіе коменданта. Мы подумали, что этимъ дѣло ограничится. Не тутъ-то было; въ воротахъ потребовали осмотрѣть весь нашъ багажъ: нѣтъ ли-де у насъ военной контрабанды. Вотъ ужь такихъ вещей я даже и не слыхивалъ. Да, позвольте, что же составляетъ

Digitized by Google

военную контрабанду? спросилъ я у чиновника. Чиновникъ на меня посмотрѣлъ съ удивленіемъ и потомъ сказалъ: пожалуйте ключи отъ вашихъ ящиковъ. Какъ на бѣду, Богъ ихъ знаетъ, гдѣ были эти ключи. Какъ мы ни шарили, никакъ не могли найдти. Перспектива была ужасная. Напившись только кофею въ Пармѣ въ 9 часовъ утра, и съ тѣхъ поръ, кромѣ разговоровъ съ австрійскими чиновниками, не вкушая ничего, мы съ ужасомъ видѣли удаленіе нашего ужина, необходимость котораго была очень ощутительна, и даже просто приближеніе голодной смерти. Человѣкъ голодный готовъ на все.

— Ключи мы потеряли, удержите багажъ у себя, мы завтра ѣдемъ, значитъ намъ довольно этихъ двухъ мѣшковъ, которые осмотрите; а насъ, ради Бога, пустите скорѣй поужинать, сказалъ я съ воплемъ отчаянія.

Хладнокровный чиновникъ вошелъ на гауптвахту и скоро вернулся съ тремя другими. Они пошептались немного, смотря на насъ, и махнули рукой. Мы съ шумомъ проѣхали подъ сводами воротъ. Слѣдовательно, даже и между австрійскими чиновниками есть души, сострадательныя къ страждущему человѣчеству.

Верона мнѣ показалась гораздо оживленнѣе, чѣмъ Мантуя, и—рѣдкое явленіе—я насчиталъ на дорогѣ отъ городскихъ воротъ, до гостиницы de la Tour de Londres, шесть человѣкъ одѣтыхъ въ партикулярномъ платьѣ. Процентъ, если вы хотите, ничтожный, относительно военнаго населенія, встрѣчающагося въ такомъ изобиліи; но все какъ-то утѣшительно видѣть, что есть люди, которые изъяты отъ удовольствія носить мундиръ, не имѣютъ никакой офиціяльной обязанности, не составляютъ никакой части, какъ бы мала она ни была, правительства, и живутъ такъ-себѣ. Въ Мантуѣ мнѣ не случилось видѣть такихъ яко бы свободныхъ лицъ, даже блузъ я не видалъ. Здѣсь ихъ было много, такъ что я пересталъ считать. *Лондонская башня* оказалась гостиницей не хуже многихъ другихъ, второклассныхъ въ Италіи. Намъ дали даже чаю, который очень можно было пить. Въ видѣ разговора, я спросилъ у хозяина: нельзя ли завтра осмотрѣть крѣпость? Хозяинъ такъ испугался этого вопроса, что, вмѣсто отвѣта, сталъ сначала озираться кругомъ, а потомъ заговорилъ, что отъ Местре до Венеціи желѣзная дорога идетъ непрерывнымъ мостомъ длиною 4 мили, что по обѣимъ сторонамъ лагуна, берега едва виднѣются, а напротивъ Венеція какъ будто выходитъ изъ моря, и что эта картина чрезвычайно любопытна.

— Вы не отвѣчаете на мой вопросъ?—Я повторилъ:—Можно ли видѣть веронскую крѣпость, и можете ли вы выхлопотать мнѣ позволеніе отъ коменданта, или тамъ отъ кого это слѣдуетъ?

Digitized by Google

— Синьйоръ, если вы позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ, отвѣчалъ онъ снова робко озираясь,—я вижу, вы спѣшите, и эти дамы желаютъ поскорѣй увидать la bella Venezia, такъ лучше и не спрашивайте видѣть крѣпость. Позволеніе врядъ ли дадутъ; а разспросы пойдутъ такіе, что вамъ будетъ непріятно... оттого, что это васъ задержитъ, поспѣшно прибавилъ онъ.

Я поблагодарилъ за совѣтъ, и мы рѣшили ѣхать завтра съ первымъ же поѣздомъ въ Венецію. Желая осмотрѣть древній римскій амфитеатръ, который выходитъ одною изъ своихъ сторонъ на самую площадь, и который считается первымъ послѣ римскаго Колизея, мы этимъ чуть не опоздали на желѣзную дорогу. Едва имѣли мы время войдти въ вагонъ, какъ поѣздъ двинулся, а нашъ багажъ остался на станціи, и только поздно вечеромъ прислали намъ его въ Венецію.

Въ вагонѣ, къ величайшему удивленію, мы нашли одного знакомаго Венеціянца G**. Кромѣ его и насъ никого не было въ отдѣленіи. Разговоръ сдѣлался весьма откровеннымъ. G** разспрашивалъ о Флоренціи, о празднествахъ въ честь короля во время его пребыванія, о Гарибальди, о сицилійскихъ эмигрантахъ, которыхъ еще недавно было такъ много во Флоренціи; наконецъ о флорентинскихъ сплетняхъ, о кодинахъ и проч. А мы жаждали знать подробности о мѣрахъ кротости гг. Тогенбурга и К°, о состояніи умовъ въ Венеціи и о впечатлѣніи, которое тамъ произвела баснословная экспедиція Гарибальди. Кстати, можетъ-быть, инымъ читателямъ *Русскаго Вѣстника* не извѣстно значеніе слова *кодино* (1). Codino отъ cauda, coda, хвостъ,—значитъ приверженецъ стараго австрійскаго порядка, заклятый противникъ италіянскаго единства. Кодины величаютъ себя легитимистами, особенно во Флоренціи. Тамъ они составляютъ малочисленную партію, сильную только силою своихъ убѣжденій и преданностію бывшему granduca. Эта партія состоитъ единственно изъ лицъ, которыя или по службѣ, или такъ, были близки великогерцогскому двору. Слушать ихъ иногда весьма интересно. Въ ихъ кружкахъ распускаются и принимаются за непреложную истину самые нелѣпые слухи обо всѣхъ лицахъ, которыя теперь стоятъ во главѣ національнаго движенія въ Италіи. Меня всегда очень занимало слушать ихъ, а особенно во время пребыванія короля во Флоренціи. Высадка Гарибальди въ Сициліи сначала смѣшила ихъ, и нѣсколько разъ между ними ходили слухи, что

(1) Слово кодино употребляется во всей Италіи. Оно произошло во времена первой французской революціи, и имъ тогда назывались аристократы, потому что носили прическу съ хвостомъ. Съ тѣхъ поръ это названіе сохранилось.

Digitized by Google

Гарибальди схваченъ и отвезенъ въ Неаполь. Успѣхъ его сначала встрѣтилъ въ нихъ совершенное невѣріе; но потомъ, когда сомнѣніе было уже невозможно, не было достаточно сильнаго слова, которымъ они бы не клеймили въ своихъ разговорахъ этого разбойника, нарушителя всѣхъ правъ. При этомъ всегда прибавлялось: какъ Европа позволяетъ такого рода поступки? Все это нисколько не мѣшаетъ кодинамъ быть очень порядочными людьми. Малочисленность ихъ партіи дѣлаетъ всѣ ихъ собранія и разговоры не только не опасными для настоящаго порядка вещей, но скорѣе забавными. Сначала я никакъ не могъ понять, почему либералы такъ ненавидятъ кодиновъ. Болѣе близкое знакомство открыло мнѣ причину этой ненависти. Всякій кодино не только приверженецъ стараго порядка вещей, но также преданъ душой и тѣломъ Австріи, и вѣруетъ, что безъ прямаго и первенствующаго вліянія вѣнскаго кабинета въ Италіи нѣтъ для нея счастія, спокойствія и благоденствія. Сольферино для кодина несчастіе, горе, которое онъ сильно чувствуетъ, и мечтаетъ только о томъ, какъ силой обстоятельствъ и дѣйствіемъ уклончивой вѣнской политики возвратится блаженное время, когда снова Австрійцы будутъ распоряжаться всѣмъ и всѣми въ Италіи. Очень понятно, что всякій Италіянецъ, любящій сколько-нибудь свое отечество, смотритъ съ негодованіемъ на людей, которыхъ всѣ желанія направлены къ возвращенію иностраннаго ига. Счастье кодиновъ, что они такъ малочисленны и такъ ничтожны; это одно спасаетъ ихъ и даетъ имъ свободу открыто высказывать свою преданность Вѣнѣ. На нихъ смотрятъ и смѣются. Будь они многочисленнѣе и дѣятельнѣе, врядъ ли можно было бы предотвратить столкновеніе между ними и большинствомъ. Какъ бы либерально ни было правительство, какъ бы ни была полна терпимости господствующая партія, опирающаяся на сильное большинство, не думаю, чтобъ она снесла сосѣдство дѣятельной партіи, которую почти можно упрекнуть въ измѣнѣ отечеству. Повторяю, ничтожество охраняетъ кодиновъ. Они ничего не дѣлаютъ, сидятъ смирно и только; собравшись вечеромъ, за чашкой чаю, бранятъ настоящее, плачутъ по прошедшемъ, и строютъ испанскіе замки о будущемъ. Вся оппозиція состоитъ въ томъ: не бывать у властей на балахъ и вечерахъ. Чтобъ окончить портретъ кодина, надо прибавить, что онъ ярый поборникъ клерикализма, и спокойное обладаніе его святѣйшества, съ помощію австрійскихъ или французскихъ штыковъ, всѣмъ наслѣдіемъ св. Петра есть первый догматъ вѣры кодина.

Странная вещь: во Флоренціи самыя жаркія кодины—двѣ иностранки, и что̀ страннѣе, двѣ Англичанки. Видно, лордъ Норменби, уѣзжая, оставилъ своихъ представителей.

Digitized by Google

Но къ дѣлу. Объ этихъ двухъ дамахъ говорили мы съ G**, и мой разказъ о любви ихъ къ Австрійцамъ привелъ его въ такое ожесточеніе, что онъ началъ разказывать о дѣйствіяхъ австрійскаго правительства въ Венеціи. Не думаю, чтобы все мною слышанное можно было написать здѣсь; во всякомъ случаѣ трудно передать то выраженіе, съ которымъ G** говорилъ о несчастіяхъ своей обожаемой родины. Слезы были на глазахъ, голосъ дрожалъ, и когда, увлеченный, онъ схватывалъ меня за руку, прибавляя: «скажите сами, ну можно ли это вынести?»—по чести, невозможно было не быть тронуту. А нельзя обвинить G** въ увлеченіи. Онъ не молодъ, старшему его сыну уже минуло 19 лѣтъ. Пора ни на чемъ не основанныхъ увлеченій для него давно прошла. Стало-быть это истина. Я зналъ уже почти все, что онъ мнѣ разказывалъ, за исключеніемъ самыхъ свѣжихъ фактовъ и нѣкоторыхъ подробностей. Я былъ знакомъ во Флоренціи съ венеціянскими эмигрантами, которые въ постоянной перепискѣ съ родиной; впрочемъ, достаточно получать *Nazione*, чтобы, по ежедневнымъ корреспонденціямъ изъ Венеціи, имѣть возможность судить, что австрійское владычество доживаетъ свои послѣдніе дни въ Венеціянской области. Тѣмъ не менѣе интересно было слышать все это на мѣстѣ отъ очевидца.

Въ нѣсколькихъ словахъ я постараюсь передать все сказанное G**. Повидимому, настоящая задача австрійской политики въ Венеціянской области состоитъ въ томъ, чтобы выжать какъ можно болѣе денегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ всякими средствами добиться возстанія, пока еще помощь извнѣ далека. При 150 тысячахъ (1) войска на мѣстѣ, преждевременное возстаніе, не поддержанное извнѣ, послужило бы только въ пользу Австріи. Она тогда поступитъ съ Венеціей какъ съ покоренною страной; обложитъ еще высшими налогами, военными контрибуціями взбунтовавшіеся города и села, и будетъ имѣть причину ссылать еще больше народа въ Петервардейнъ, Іозефштадтъ, Темешваръ, Терезіенштадтъ и другія тому подобныя успокоительныя мѣста. Венеціянцы очень хорошо понимаютъ, что безъ оружія, безъ организаціи, они ничего не могутъ сдѣлать противъ 150-тысячной арміи, опирающейся на первоклассныя крѣпости, снабженныя всѣмъ. Они терпѣливо сносятъ все и ждутъ, какъ они выражаются, чтобы пришелъ ихъ чередъ, когда Гарибальди окончитъ южныя дѣла. Допустятъ ли до этого, будетъ ли соблюденъ въ отношеніи ихъ, какъ въ отношеніи Сициліянцевъ, принципъ невмѣшательства, покажетъ будущее,

(1) Увѣряютъ, что войскъ болѣе чѣмъ 200.000 всего, и что только въ одномъ четвероугольникѣ, то-есть между Мантуей и Вероной, Пескіерой и Пичигетоне, болѣе 100.000; но это врядъ ли вѣрно.

Digitized by Google

но во всякомъ случаѣ, будущее не отдаленное, потому что это положеніе рѣшительно продолжаться не можетъ.

G** высчитывалъ мнѣ, что съ своего имѣнія подъ Тревизой онъ платитъ налогами всякаго рода немного болѣе 100% чистаго дохода. И такъ живутъ всѣ землевладѣльцы. Они живутъ въ настоящее время всѣ въ капиталъ; живутъ бѣдно, даже самые богатые, лишая себя во всемъ, но терпѣливо ждутъ.

— А ваши депутаты наконецъ въ государственномъ совѣтѣ, что же они не похлопочутъ объ облегченіи вашего положенія? сказалъ я.

— Наши депутаты! возразилъ G**.—Это вѣдь кукольная комедія. Вопервыхъ, они оба страшные кодины. Вовторыхъ, я удивляюсь, какъ они приняли эти мѣста. Разсужденіе въ совѣтѣ происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ, котораго они оба не понимаютъ. Передъ собраніемъ голосовъ, одинъ изъ секретарей дѣлаетъ имъ краткій переводъ сказаннаго, и они вотируютъ. Вы понимаете, каковы должны быть люди, которые согласились играть такую жалкую роль. Сидѣть, слушать, чего не понимаешь, и потомъ подписываться тамъ, гдѣ укажутъ. Не правда ли, удивительно, какъ такихъ отыскали?

Я чуть-чуть было не сказалъ: нисколько не удивительно; но спохватился и не сказалъ ни слова. Что жь въ самомъ дѣлѣ удивительнаго, что въ коллегіяльныхъ учрежденіяхъ есть люди, которые слушаютъ, не понимаютъ, и подписываются, гдѣ имъ укажутъ? Можно представить такіе примѣры, гдѣ извиненія даже нѣтъ въ непониманіи языка; по крайней мѣрѣ, мнѣ о такихъ случаяхъ приходилось въ былое время часто слышать, а иногда приходилось и видѣть подобные случаи.

Придирки австрійскаго правительства доходятъ до смѣшнаго. Изъ многихъ фактовъ, доказывающихъ это, я выберу одинъ, тѣмъ болѣе что онъ касается одного русскаго барина, который давно живетъ въ Италіи и у котораго въ Венеціи нѣсколько домовъ. Надо сперва сказать, что благодѣтельное нѣмецкое правленіе часто производитъ домовые обыски. Присутствіе хозяина не считается при томъ необходимостію, и когда вздумается начальству, то по назначенію полиція, въ одну прекрасную ночь (это всегда, въ видахъ должно-быть поэтической обстановки, дѣлается ночью— охъ, ужь эти Нѣмцы! все у нихъ romantisch), окружаетъ домъ, взламываетъ комоды, сундуки, шкапы, столы, копается, и если отыщетъ что-нибудь противозаконное, какъ-то: нумеръ какой-нибудь запрещенной газеты, пистолетъ, шпагу, портретъ Гарибальди, письмо изъ Турина съ подозрительными выраженіями, то все это забирается, а хозяина, если онъ на лицо, арестуютъ.

Digitized by Google

Если онъ не докажетъ ясно, какъ солнце, что всѣ эти вещи самаго невиннаго свойства, его препроводятъ въ forte San Giorgio, (около Венеціи): это первый привалъ и вмѣстѣ депо италіянскихъ политическихъ преступниковъ. Оттуда они уже распредѣляются по крѣпостямъ имперіи. Съ препровожденіемъ въ Санъ-Джіорджіо, человѣкъ совершенно пропадаетъ съ лица земли; ни родственники, ни друзья, ничего о немъ не знаютъ, и не имѣютъ права снабдить узника ни деньгами, ни бѣльемъ, ни книгами, ничѣмъ. Нѣмцы извѣстны какъ строгіе блюстители законовъ. Должно-быть по этому, или можетъ-быть по тому, что заражено немного демократизмомъ, австрійское правительство, въ своей заботливости объ арестантахъ, уравняло ихъ совершенно. Вѣдь между ними есть и бѣдные: какъ же пріятно будетъ имъ знать, что вотъ богатый арестантъ и ѣстъ лучше, и спитъ лучше, и читать у него есть что; тогда какъ у нихъ этого ничего нѣтъ, и они должны довольствоваться самою скудною порціей, спать почти на деревѣ и утѣшать себя размышленіями о неудобствѣ думать иначе, какъ правительство. Руководствуясь этою философскою истиною, что человѣкъ при несчастіи спокойнѣе, когда видитъ другихъ въ такомъ же положеніи и столько же несчастными, правительство провозгласило между арестантами полное равенство и строго его соблюдаетъ.

Но возвратимся къ нашему Русскому. Однажды г. Тогенбургу захотѣлось узнать что̀ у этого Русскаго въ домѣ, въ которомъ онъ живетъ обыкновенно въ Венеціи. Хозяинъ съ семействомъ былъ въ Парижѣ; это еще болѣе подстрекнуло любопытство г. Тогенбурга. Было приказано сдѣлать обыскъ, и въ ту же ночь весь домъ нашего соотечественника былъ осмотрѣнъ до малѣйшей подробности. Какъ ни рылись сбиры, ничего не нашли, кромѣ коротенькаго, дѣтскаго ружья. Но и этого было достаточно, любознательность была вознаграждена, ружье было отобрано. Хозяинъ дома, узнавъ объ этой нескромности австрійской полиціи, написалъ г. Тогенбургу письмо, въ которомъ объявилъ ему, что конфискованное ружье принадлежитъ его малолѣтнему сыну, который стрѣляетъ изъ него голубей, значитъ вещь невинная и не могущая подвергнуть опасности цѣлость Австрійской имперіи; посему проситъ начальство возвратить ему эту игрушку. Г. Тогенбургъ отвѣчалъ, что очень былъ бы счастливъ удовлетворить просьбѣ отца, но законъ неумолимъ. Онъ запрещаетъ существованіе огнестрѣльнаго оружія въ Венеціанской области у мирныхъ жителей. Дозволено оно только служащимъ въ арміи его величества. И потому, по чувству долга, онъ находитъ себя въ непріятной обязанности отказать. Я во всемъ

Digitized by Google

этомъ всего болѣе цѣню чувство долга справедливаго начальника.

По разказамъ G**, въ настоящее время, то-есть за послѣднюю зиму, до 500 человѣкъ арестовано въ Венеціянской области, но арестаціи не прекращаются, а учащаются. Всѣ эти арестанты— люди образованные, богатые, изъ высшаго и средняго сословій. Двольно быть адвокатомъ, медикомъ или дворяниномъ и достаточнымъ человѣкомъ, чтобы знать, что за полученное вами письмо изъ свободной Италіи, или за письмо, туда посланное, или за слово подслушанное, васъ возьмутъ и продержатъ долго. Простой народъ также берутъ, но обыкновенно, продержавъ съ недѣлю, или угостивъ палками, отпускаютъ. Недавно арестовали гондольера у G** за то, что тотъ, возвращаясь вечеромъ на гондолѣ, насвистывалъ польку изъ миланскихъ пѣсень, которая признана опасною для общественнаго спокойствія съ тѣхъ поръ, какъ ее стали играть веюду въ свободной Италіи. Его продержали три дня, и отпустили; я его самъ разспрашивалъ: не было приличнаго, полицейскаго внушенія. Увѣряетъ, что не было. Можетъ-быть и правда.

За Виченцой, на одной изъ слѣдующихъ станцій, къ намъ посадили въ вагонъ какого-то высокаго, пожилаго человѣка, съ маленькимъ бѣлымъ крестикомъ на черной лентѣ въ петлицѣ. Посмотрѣвъ на него, G** тотчасъ указалъ мнѣ на него глазами, и приложилъ палецъ ко рту. Я понялъ; и разговоръ отъ Венеціи, Гарибальди и полиціи, перешелъ къ театру, оперѣ и музыкѣ. Одна изъ моихъ дамъ не выдержала и стала бранить австрійскую полицію, припоминая, какъ въ Мантуѣ насъ долго держали и проч. G** не на шутку испугался и сталъ разсматривать виды изъ окошка. Высокій же баринъ вдругъ закрылъ глаза и притворился спящимъ. Это было такъ неожиданно, что нельзя было не понять, къ какому разряду людей онъ принадлежалъ. Я пріостановилъ рвеніе моихъ барынь, потому что къ бѣдному G** могли придраться и пожалуй арестовать за то, что онъ разговаривалъ въ вагонѣ съ людьми, которые такъ искренно выражались о полиціи; мы сказали еще нѣсколько словъ о томъ, какъ гадко и скверно быть шпіономъ, и снова начали толковать о неопасныхъ вещахъ. Пожилой баринъ съ крестомъ не замедлилъ проснуться и уже болѣе не засыпалъ, а напротивъ все старался вмѣшиваться въ разговоръ и любезничалъ на пропалую.

Въ Венеціи такихъ господъ пропасть; ихъ встрѣчаешь всюду въ публичныхъ мѣстахъ; есть такіе, которые сами начинаютъ бранить Австрію въ разговорѣ; выдаютъ себя за приверженцевъ

Digitized by Google

Гарибальди, даже за посланныхъ отъ него, и тѣмъ ловятъ. Но Венеціянцы такъ привыкли къ пріемамъ австрійской полиціи, что ихъ трудно поймать; они осторожны до крайности и всѣхъ таковыхъ шпіоновъ мигомъ узнаютъ и тотчасъ укажутъ всѣмъ.

Дѣйствительно, хозяинъ Лондонской Башни былъ правъ. Рѣдко можно вообразить себѣ что-нибудь великолѣпнѣе картины, которая мало-по-малу открывается на дорогѣ отъ Местре до Венеціи. Дорога идетъ по віадуку на кирпичныхъ аркахъ, по самой лагунѣ. Справа лагуна расширяется, и виднѣется уже Адріатика. Налѣво берега отступаютъ болѣе и болѣе, тонутъ и сливаются съ очертаніемъ далеко виднѣющихся горъ. Впереди Венеція съ своими церквами, дворцами и островами выплываетъ изъ моря. Не вѣришь глазамъ, когда видишь эту группу домовъ и церковныхъ куполовъ, все яснѣе и яснѣе обрисовывающуюся, и выходящую прямо изъ воды. Прибавьте къ этому освѣщеніе яркаго италіянскаго солнца, безоблачное, синее небо и гладкую, зеркальную поверхность водъ, лодки, ежеминутно встрѣчающіяся по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, въ нѣсколькихъ отъ нея шагахъ; невольно думаешь, что это сонъ, какое-то очарованіе, миражъ, который сейчасъ разлетится, и что машина увлекаетъ васъ во что-то невѣдомое, не человѣческое, волшебное. Описать Венецію невозможно; надо ее видѣть. Всякое описаніе выйдетъ или выпиской изъ любаго *Handbuch für Reisende*, или восторженною маніловщиной, непонятнымъ и скучнымъ пасосомъ для того, кто самъ не былъ въ Венеціи. Я столько читалъ и слышалъ о Венеціи, что былъ совершенно увѣренъ, что найду все точно такъ, какъ я себѣ прежде воображалъ; и потому занятый мыслію увидать на мѣстѣ ненависть Италіянцевъ къ ихъ притѣснителямъ, я былъ далекъ отъ мысли восхищаться и удивляться; но видѣнное превосходитъ все, что можно вообразить, и я просто замеръ, въ окошкѣ нашего вагона.

Кн. Д. Д—кій.

Digitized by Google

ИЗЪ САМАРЫ.

Проѣзжая въ концѣ мая на пароходѣ отъ Твери до Самары, я замѣтилъ въ числѣ пассажировъ до десятка людей, рѣзко отличающихся по своему наряду отъ прочихъ: поповскія шляпы, какія-то куртки, или короткія полукафтанья, и узкіе штаны; самая наружность ихъ,—волосы, похожіе на ленъ, бритыя бороды, особый, нерусскій отпечатокъ въ лицахъ, — все это невольно бросалось въ глаза. Эти люди были уполномоченные отъ разныхъ сельскихъ обществъ изъ остзейскаго края, посланные осмотрѣть и выбрать земли въ Самарской губерніи, для переселенія. Всѣ они помѣщались на палубѣ, постоянно толковали между собою на никому неизвѣстномъ языкѣ; только одинъ изъ нихъ, почтенной наружности старикъ, говорилъ по-русски и по-нѣмецки, довольно, впрочемъ, плохо. Во всю дорогу ни одинъ изъ нихъ не напился пьянъ, даже въ пищѣ они были умѣренны, пробавляясь большею частію рыбой и сыромъ, которые они взяли съ собою еще изъ дома. Всю дорогу они интересовались мѣстностію и любовались невиданнымъ ими зрѣлищемъ огромной рѣки. Волга, какъ нарочно, была въ полномъ разливѣ, вода только что начала убывать, слѣдовательно зрѣлище было чудное. Въ особенности ихъ поражало то, что по выѣздѣ ихъ изъ Петербурга, даже изъ Твери повсюду лѣса еще были голы, а на Волгѣ около Нижняго Новгорода уже покрыты зеленью, которая становились все ярче и ярче по мѣрѣ движенія парохода. Всякая рѣка, впадающая въ Волгу, обращала на себя ихъ вниманіе. Когда мы были на устьѣ Камы, то старикъ-переводчикъ спросилъ меня: «Что это такое?»—Рѣка Кама, отвѣчалъ я. «Большая рѣка?»—Такая же какъ эта, сказалъ я. Затѣмъ мой пріятель Чухонецъ выразилъ только изумленіе и уже весь обратился въ зрѣніе.

Само собою разумѣется, что въ разспросахъ ихъ самую важную статью составляла Самарская губернія. Они говорили, что намѣрены поселиться тамъ на свободныхъ земляхъ, что не прочь бы даже купить себѣ земли. Когда мы уже проѣхали Симбирскъ, разъ я замѣтилъ, что всѣ они, собравшись въ кучкѣ, сидѣли на палубѣ, и между ними тотъ старикъ что-то показывалъ имъ и толковалъ. Это невольно заставило меня подойдти, и я увидѣлъ, что старикъ держалъ въ рукахъ маленькую карту Европы, величиной въ почтовый листъ бумаги, и силился по ней объяснить мѣстность

Digitized by Google

Чухонцамъ. Онъ засыпалъ меня вопросами, гдѣ Самара, какъ велика Самарская губернія, какія въ ней рѣки, есть ли лѣсъ, каковы земли? и т. п. Всего этого объяснить не было ни какой возможности по такой маленькой картѣ, гдѣ даже и Самары не было, и Волга была едва замѣтна. Вѣроятно, карта попала къ нимъ изъ какого-нибудь грошоваго нѣмецкаго учебника. Тогда я на листѣ бумагѣ, на память, начертилъ имъ карандашомъ одну Самарскую губернію въ большомъ видѣ, съ обозначеніемъ всѣхъ главныхъ рѣкъ и городовъ, съ раздѣленіемъ уѣздовъ, и могъ имъ хоть что-нибудь объяснить. По пріѣздѣ въ Самару, я нѣсколько разъ видѣлъ ихъ на улицахъ, гдѣ они цѣлою толпою занимались *хожденіемъ по ихъ дѣлу*, оказавшемуся сверхъ ихъ ожиданій довольно многосложнымъ. Имъ приходилось ходить то въ палату государственныхъ имуществъ, то къ управляющему, то къ совѣтнику, то къ чиновнику, командированному изъ министерства для наблюденія за сельскимъ хозяйствомъ въ юговосточной Россіи (живущему въ имѣніи графини Паниной, въ селѣ Рожествинѣ, напротивъ Самары), и все это по нѣскольку разъ. Разочарованій ими испытано не мало, сколько можно судить изъ ихъ объясненій съ начальствующими лицами, при которыхъ иногда мнѣ случалось бывать.

Начать съ того, что въ продажѣ имъ земли отказано наотрѣзъ, а сказано, что землю отведутъ имъ изъ участковъ, назначенныхъ для переселенцевъ, которую они могутъ предварительно осмотрѣть. «А если мы займемъ землю и потомъ она намъ не понравится, можемъ ли мы ее продать и перейдти на новую?» Имъ сказали, что этого нельзя, что они будутъ обязаны жить на землѣ, которую имъ отведутъ, и гдѣ они будутъ зачислены. «Стало-быть мы потеряемъ свободу?» говорили безтолковые Чухонцы: «по крайней мѣрѣ, дайте намъ льготы отъ податей и рекрутства.» На всѣ эти наивныя требованія имъ отвѣчали только, что иначе нельзя, что привилегіи и льготы даются только колонистамъ иностраннымъ и крестьянамъ, переселяемымъ по распоряженію правительства, а они русскіе подданные и переселяются по собственному желанію. Въ послѣдствіи я узналъ, что мои знакомые выбрали себѣ землю въ Новоузенскомъ уѣздѣ, въ сосѣдствѣ съ своими земляками, поселившимися тамъ въ прошломъ году и основавшими деревню Лифляндку.

Не знаю, какъ смотрятъ на это въ Москвѣ, а въ Остзейскихъ губерніяхъ помѣщики не совсѣмъ довольны, такъ что сюда пріѣхали два тамошніе барона съ порученіемъ узнать о причинахъ переселенія ихъ крестьянъ въ Самарскую губернію. Вѣроятно, остзейскіе помѣщики хлопочутъ въ Петербургѣ о томъ, чтобы задержать начинающееся переселеніе. Мы же, самарскіе

Digitized by Google

жители, не можемъ не желать, чтобы переселеніе шло своимъ чередомъ, и чтобы постепенно устранялись обстоятельства, затрудняющія его. Изъ того, что теперь у насъ въ глазахъ, можно догадаться, какъ скоро заселились бы наши пустыни, еслибы была возможность пріобрѣтать землю въ собственность, или по крайней мѣрѣ въ долгосрочное владѣніе (напримѣръ на 99 лѣтъ).

Александръ Самойловъ.

Самара
14-го іюля 1860 года.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Не найдете ли вы возможнымъ помѣстить въ вашемъ журналѣ нижеслѣдующія бѣглыя замѣтки на помѣщенную въ № 43 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* статью, подъ заглавіемъ: *Современная эпоха, письма къ сестрѣ* Ѳ. Р — го. Сами посудите, не должна ли она вызвать пламенныхъ выраженій благодарности со стороны *прекрасныхъ читательницъ*, какъ называютъ насъ снисходительные фельетонисты, когда, въ припадкѣ состраданія къ нашему невѣжеству и обращаясь къ намъ, они считаютъ долгомъ перемѣнить серіозный тонъ своего повѣствованія, и говорить съ нами какимъ-то особеннымъ языкомъ, напоминающимъ любезность прежнихъ вѣковъ, когда женщинъ считали, пожалуй, богинями, и чѣмъ угодно, только не мыслящими, разумными существами.

Г. Ѳ. Р — й открываетъ тремя письмами къ сестрѣ цѣлый курсъ современной политики, приспособленной къ женскому пониманію, или, говоря яснѣе, къ женскому *тупоумію*, и снисходительно берется популяризировать для насъ современные вопросы, посредствомъ давно отжившей методы, той самой методы, по который авторъ *Печатной правды* популяризировалъ крестьянскій вопросъ для православныхъ мужичковъ, съ помощію прибаутокъ и народныхъ поговорокъ. Эта метода состоитъ въ стараніи примѣниться къ понятіямъ толпы, въ которой проповѣдникъ долгомъ считаетъ видѣть собраніе идіотовъ. Такъ поступаетъ г. Ѳ. Р — й, сжалившійся надъ участью бѣдныхъ женщинъ. По его понятію, намъ недоступенъ языкъ современныхъ періодическихъ изданій, а между тѣмъ мы алчемъ знать что такое *тори, виги, фритредеры* и т. п., умираемъ отъ любопытства познакомиться съ личностью императрицы Евгеніи, королевы

Digitized by Google

Викторіи, и вотъ, поддѣлываясь подъ невинный лепетъ младенца, г. Ѳ. Р—й такъ, напримѣръ, толкуетъ вопросъ, затронутый брошюрой: *Папа и конгрессъ*. «Согласись сама, пишетъ онъ своей сестрѣ, уже *замужней женщинѣ*, согласись сама, еслибъ интересующійся тобою молодой человѣкъ сказалъ маменькѣ, что повязанный на тебѣ платочекъ только портитъ твою шейку, что такую старую и полинялую тряпку не слѣдовало бы носить, маменька вѣрно не нашла бы это замѣчаніе неумѣстнымъ, но она же назвала бы безумцемъ всякаго, кто бы предложилъ сдернуть съ твоей шеи этотъ платокъ, такъ чтобы часть его осталась у него въ рукахъ, а другая, крошечная, на тебѣ.» Не правда ли, какое тонкое, остроумное толкованіе римскаго вопроса! какъ ясенъ становится онъ бѣднымъ, безсмысленнымъ младенцамъ-женщинамъ, благодаря этому прелестному уподобленію, этому полинялому платочку, шейкѣ, маменькѣ, молодому человѣку, всей этой невинной басенкѣ? И неужели еще ни одинъ женскій голосъ не возвысился, чтобы выразить г. Ѳ. Р—му нашу благодарность за принятый имъ на себя трудъ толковать намъ, посредствомъ такихъ остроумныхъ аллегорій, недоступныя для насъ тонкости европейской дипломатіи? Онъ простираетъ свою доброту до того, что указываетъ намъ, какія изъ ежедневныхъ русскихъ газетъ заслуживаютъ наше вниманіе, какія не заслуживаютъ; вѣдь, безъ этихъ попечительныхъ указаній, чего добраго, русскія читательницы не умѣли бы отличить хорошей газеты отъ дурной!

Письма г. Ѳ. Р—го живо напоминали мнѣ одного моего знакомаго, проникнутаго такимъ же снисходительнымъ чувствомъ въ отношеніи къ нашему полу, какъ и г. Р—й. Бывало, когда въ присутствіи дамъ ему случалось заговорить объ абсолютной пустотѣ въ небесныхъ пространствахъ (это была любимая его тема),—онъ вдругъ, замѣтивъ ихъ присутствіе, прерывалъ свои глубокомысленныя изреченія и, любезно обращаясь къ дамамъ, говорилъ имъ съ улыбкой: «извините, mesdames, что я говорю о такихъ скучныхъ для васъ предметахъ, давайте лучше разсуждать о *розахъ*.» Впрочемъ не одинъ этотъ господинъ полагаетъ, что съ женщиной *неучтиво* говорить о серіозныхъ предметахъ и въ серіозномъ тонѣ. Увы! многіе раздѣляютъ это мнѣніе. Неужели же въ глазахъ своихъ современниковъ, русская женщина всегда была, есть и будетъ пустое, безсмысленное существо, способное только наряжаться, кокетничать, сплетничать, вздыхать надъ романами и задумываться надъ бантиками? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ женщинъ мыслящихъ, готовыхъ къ умственному развитію, сочувствующихъ современнымъ интересамъ? неужели на впечатлительной женской натурѣ нисколь-

Digitized by Google

ко не отразилось благодѣтельное вліяніе того горячаго протеста, который слышится теперь во всѣхъ концахъ нашей родины, противъ нравственной испорченности и пустоты общества? Какъ знать? быть-можетъ, въ то самое время, когда блестящій, саркастическій мужской умъ, увлекаясь одною отрицательною стороной протеста, негодуетъ, гонитъ, преслѣдуетъ, ломаетъ старое и еще не рѣшается ничего созидать, быть-можетъ, въ тайной глубинѣ женской души, посреди пробудившихся сомнѣній, тихо зрѣютъ свѣтлыя убѣжденія, возстаетъ чистый, строгій идеалъ, готовится новая дѣятельность. Женщина, по природѣ своей, не можетъ остановиться на одномъ отрицаніи; укажите ей на недугъ, и первымъ движеніемъ души ея будетъ искать средство къ его исцѣленію; укажите ей на зло, и она инстинктивно станетъ искать, какъ замѣнить его добромъ; ей нуженъ нравственный идеалъ, въ который она хочетъ вѣровать, къ которому бы она могла стремиться всѣми силами чуткой, пробудившейся души. Правда, женщину съ колыбели обрекаютъ у насъ на пустоту, боятся для нея умственнаго развитія, какъ чумы, обращаются съ ней какъ съ ребенкомъ, и между тѣмъ, господа, несмотря на все это, оглянитесь, и вы встрѣтите много мыслящихъ существованій, много скромныхъ подвиговъ женской любви; не ищите ихъ ни на Невскомъ проспектѣ, посреди тѣхъ двухсмысленныхъ личностей, которыя такъ завладѣли вашимъ вниманіемъ, что вы готовы забыть, что есть и другаго рода женщины на свѣтѣ, не ищите ихъ въ такъ-называемомъ *свѣтѣ*, гдѣ все обрекаетъ женщину на пустоту: вы найдете ее только въ недоступной, для скептическаго и равнодушнаго взгляда, семейной святынѣ; какъ ни безнравственно наше общество, какъ ни плачевно наше воспитаніе, все же вы встрѣтите много женщинъ, которыхъ душа открыта для всѣхъ благородныхъ и чистыхъ впечатлѣній, которыхъ умъ готовъ вступить на путь умственнаго, серіознаго развитія, но не басенками, господа, не снисходительнымъ лепетомъ, не гордымъ сожалѣніемъ о нашемъ невѣжествѣ удастся вамъ повести насъ по этому пути. Говорите съ нами общечеловѣческимъ языкомъ; мы поймемъ его лучше чѣмъ толкованія о полинялыхъ платочкахъ, потому что все-таки мы не такія идіотки, какими бы дѣйствительно стали, если-бы были приговорены проходить курсъ современныхъ вопросовъ по методѣ г. Ѳ. Р—го, противъ которой я возстала не отъ своего только лица, но отъ лица многихъ женщинъ, возмущенныхъ заботливостію о насъ автора *Писемъ къ сестрѣ*.

А. Р.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДѢЛЪ И ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛИТИКА.

Засѣданіе 23 іюля въ палатѣ общинъ британскаго парламента было событіемъ европейской важности. Оно пришлось почти въ самую годовщину сольферинской битвы, происходившей 24 іюля. Это была своего рода битва, своего рода побѣда. Рѣчь, которою первенствующій министръ сопровождалъ внесенныя имъ въ парламентъ резолюціи объ укрѣпленіяхъ, должна была имѣть дѣйствіе могущественнаго заклинанія. Слова, въ этомъ случаѣ, имѣли необыкновенную силу, и положеніе европейскихъ дѣлъ за одинъ день сильно измѣнилось. Начинаетъ сбываться все то, что̀ общественное мнѣніе и политическіе люди Англіи предсказывали французскому правительству въ то самое время, когда оно считало себя на верху успѣха и славы. Савоія и Ницца начинаютъ мстить за себя; нити интригъ перепутались, пружины ловко придуманныхъ махинацій лопаются или производятъ обратное дѣйствіе. Таинственная мгла облаковъ разсѣялась, и то, что̀ считало себя или наивно считалось другими за Провидѣніе, управляющее ходомъ всемірныхъ событій, оказывается само не болѣе какъ игрушкою случая; могущественный рокъ оборвался, и теперь жалостливо и смиренно озирается вокругъ, на кого бы опереться. Мнимое величіе исчезло, и французское правительство почувствовало теперь свое дѣйствительное положеніе. Громъ побѣдъ, зуавы и тюрко, офиціяльная журналистика, съ ея пышными фразами, назидательные циркуляры г. Бильйо, все это, и многое другое въ этомъ родѣ, оказывается недостаточнымъ. Это тѣмъ хуже,

Digitized by Google

что сама Франція, кажется, начинаетъ чувствовать свое положеніе и перестаетъ обольщать себя вышесказанными титулами на величіе и славу. Правительство 2 декабря, послѣ столькихъ подвиговъ славы во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ, послѣ перестроеннаго Парижа и присоединенной Савоіи, находится теперь въ положеніи очень неловкомъ; оно чувствуетъ свою слабость и ищетъ опоры; еще одинъ неблагоразумный шагъ, и оно можетъ очутиться въ такомъ же униженномъ положеніи, въ такомъ же разобщеніи и безсиліи, какъ нѣкогда правительство Лудовика-Филиппа.

Что было въ Европѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ? Германія была исполнена броженія; между Пруссіей и Австріей былъ полный разрывъ; правительства мелкихъ государствъ пугливо жались другъ къ другу, томимыя чувствомъ самосохраненія; все разлагалось, все смотрѣло другъ на друга съ недовѣріемъ и ревностію; старыя преданія, закоренѣлые порядки, либеральныя учрежденія, національное чувство, старые счеты и новыя стремленія, все хаотически смѣшивалось, все представляло собою начало возникающей внутренней борьбы, которой исхода нельзя было предвидѣть. Чѣмъ болѣе смутъ и броженія было съ этой стороны, тѣмъ могущественнѣе казалось сосѣднее государство. Священный союзъ давно уже расторгнутъ, а италіянскій вопросъ ослабилъ связи между Австріей и Англіей, которая явно благопріятствовала дѣлу независимости и единству Италіи. Австрія чувствовала себя ближе къ недавнему врагу своему чѣмъ къ Англіи, и готова была par dépit жить и дѣйствовать въ дружбѣ съ Франціей; высказывались даже опасенія, чтобы между обѣими имперіями не образовался тѣсный союзъ, столько же противуестественный, сколько и враждебный благосостоянію и прогрессу Европы. Европа была разъединена, и Франція, казалось, располагала ея судьбами, потому что отъ ея присоединенія къ той или другой сторонѣ, отъ союза ея съ тою или другою державой, могло зависѣть политическое равновѣсіе Европы. Союзъ ея съ Англіей слабѣлъ все болѣе и болѣе, и наконецъ, съ присоединеніемъ піемонтскихъ провинцій, исчезло между обѣими западными державами ихъ сердечное согласіе, и политическія стремленія ихъ сильно разрознились. Франція должна была отказаться отъ своихъ видовъ на устройство Италіи посредствомъ конфедераціи привительствъ; она должна была согласиться на присоединеніе средней Италіи къ Піемонту, вознаградивъ себя однако Савоіей и Ниццой; она должна была отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ дальнѣйшій ходъ италіянскаго дѣла въ Сициліи и Неаполѣ, хотя, какъ ходятъ смутные слухи, она будто бы ужь заключила съ Піемонтомъ новое

Digitized by Google

тайное условіе, по которому, въ случаѣ соединенія всей Италіи подъ скипетромъ савойской династіи, Франція должна пріобрѣсти острова Сардинію и Эльбу, и даже будто бы Геную. Властолюбивыя затѣи, замышляемыя подъ личиной безкорыстныхъ идей, произвели наконецъ свое дѣйствіе. Мысль о Рейнѣ заставила Германію забыть на время свои внутреннія распри. За баденскимъ свиданіемъ вскорѣ послѣдовало свиданіе теплицкое, которое, конечно, не было въ планахъ императора Французовъ, когда онъ изъявлялъ желаніе лично объясниться съ принцемъ прусскимъ. До сихъ поръ еще неизвѣстны въ точности результаты свиданія между императоромъ австрійскимъ и принцемъ регентомъ. Очень вѣроятно, что на этомъ свиданіи не рѣшены какія-либо опредѣленныя мѣры, но, какъ кажется, главы обѣихъ великихъ державъ Германіи, разстались между собою самымъ дружескимъ образомъ; дипломаты обѣихъ сторонъ, какъ сказываютъ, были очень довольны другъ другомъ, и графъ Ретбергъ, несмотря на все свое дипломатическое самообладаніе, едва могъ скрывать свою радость. Обѣ державы нашли возможность дѣйствовать заодно въ случаѣ опасности со стороны Франціи и этого уже достаточно, чтобъ уничтожить здѣсь всякое вліяніе этой державы. Отношеніе вдругъ измѣнилось, и Франція мгновенно утратила то обаяніе могущества, съ которымъ возвышалась она надъ Германіей, изнемогавшей въ разладѣ своихъ внутреннихъ стремленій.

Италія съ недовѣріемъ смотритъ на французскую политику, и каждый новый шагъ, совершаемый единствомъ Италіи, становится проигрышемъ Франціи. Гарибальди, представляющій въ своемъ лицѣ инстинкты Италіи, стремящейся къ національному единству и независимости, самымъ недвусмысленнымъ образомъ протестуетъ противъ французскаго преобладанія и выражаетъ антипатію къ этой силѣ, прикрывающей себя личиной великодушныхъ идей. Мыслящіе люди всѣхъ странъ очень хорошо понимаютъ что значатъ эти идеи, и въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ дѣйствительности; они очень хорошо понимаютъ, что сила исторіи, что дѣйствительная сила вещей можетъ давать благопріятный оборотъ всякому движенію, можетъ извлекать добрыя послѣдствія изъ всякаго дѣйствія, но они не смѣшиваютъ источниковъ этого движенія съ тою силой, которая овладѣваетъ имъ и направляетъ къ цѣлямъ, чуждымъ этихъ источниковъ. Если, послѣ пожара, возникаютъ новыя, лучшія постройки, то никто однако не доходитъ до того, чтобы благословлять поджигателей. Можетъ-быть, вслѣдствіе страшнаго кровопролитія, котораго сценой была недавно Сирія, образуется тамъ лучшій порядокъ вещей, но никому не придетъ въ голову выражать сочувствіе

Digitized by Google

дикимъ виновникамъ этихъ ужасовъ. Народы и отдѣльные люди должны быть готовы ко всякимъ катастрофамъ, ко всякимъ движеніямъ, какъ бы ни казались они случайны, или какъ бы ни были презрѣнны и мутны ихъ источники; ходъ движеній и ихъ послѣдствія опредѣляются тою средой, гдѣ они разыгрываются, тѣми элементами, на которыя они простираются, тѣми началами, которыя ими овладѣваютъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Франція не могла желать и не желала, чтобъ образовалось сильное италіянское государство; во всякомъ случаѣ, подобное желаніе было бы безплодно, еслибы, неожиданно для всей Европы, дѣла въ Италіи не оказались, *post actum*, вполнѣ созрѣвшими для образованія могущественнаго политическаго единства. Франціи нужно было заявить свою силу, ей нужно было унизить Австрію, а не содѣйствовать организаціи сильной и свободной Италіи; Франція была готова обратно отдать Австріи завоеванныя области, чтобы пріобрѣсти ея покорное содѣйствіе для другихъ своихъ цѣлей; Виллафранкскій миръ давалъ Италіи положеніе чуть ли не хуже того, изъ котораго она старалась вырваться. Но возбужденное движеніе продолжало свое дѣло, и встрѣченные имъ элементы поражаютъ теперь неожиданностью явленій. Движеніе совершается не только независимо отъ той руки, которая повидимому первая возбудила его, но и вопреки ей; несмотря на всѣ ея старанія остановить его, или дать ему другой оборотъ, оно неудержимо, и ходъ его уже зависитъ отъ другихъ причинъ.

Наконецъ оказалось, что торговый трактатъ, заключенный съ Англіей, не служитъ достаточнымъ обезпеченіемъ союза съ этою державой. Французская политика слишкомъ много разчитывала на манчестерскую школу. Французская политика была убѣждена, что теорія мира во что бы то ни стало, проповѣдуемая г. Брайтомъ и его единомышленниками, пріобрѣла большую силу надъ умами въ Англіи и можетъ властвовать надъ общественнымъ мнѣніемъ. Офиціяльные органы французскаго правительства вдругъ превратились въ рьяныхъ приверженцевъ манчестерскаго ученія и принялись наперерывъ высказывать свое сочувствіе г. Брайту. Но все это не пошло въ прокъ. Никогда еще быть-можетъ не было такъ сильно противодѣйствіе въ общественномъ мнѣніи противъ манчестерской школы, какъ въ настоящее время. Все, и дурное и хорошее, и нелѣпое и здравое, подверглось общему осужденію. Самое дѣло внутреннихъ реформъ пріостановилось на время, покинутое общественнымъ мнѣніемъ, которое поглощено теперь другими интересами. Торговый договоръ, еще такъ недавно сосредоточивавшій въ себѣ столько добрыхъ ожиданій, такъ занимавшій цѣлую страну, упалъ

Digitized by Google

въ цѣнѣ далеко ниже своей дѣйствительной стоимости. Когда лордъ Пальмерстонъ, въ засѣданіи 23 числа, коснулся этого трактата, въ палатѣ раздался смѣхъ, и первому министру пришлось доказывать, что трактатъ этотъ въ сущности все-таки имѣетъ большое значеніе и цѣнность, что смѣяться надъ нимъ не слѣдуетъ, хотя это значеніе и эта цѣнность могутъ обнаружиться лишь съ теченіемъ времени. Итакъ, несмотря на всѣ уступки, дѣланныя Франціею для сохраненія добраго согласія съ Англіей, несмотря на этотъ торговый трактатъ, который былъ брошенъ ей какъ кость, чтобъ она могла заняться имъ и ослабить на время свой докучный контроль надъ европейскими дѣлами, доброе согласіе исчезло и замѣнилось отношеніями самыми напряженными. Несмотря на неисчислимыя обоюдныя выгоды тѣснаго союза между Франціей и Англіей, оказалось, что малѣйшаго повода будетъ достаточно для того, чтобы поставить ихъ одну противъ другой. Безъ всякаго сомнѣнія, частной войны между Франціей и Англіей ни въ какомъ случаѣ ожидать не возможно; вопросъ заключается только въ томъ, какъ опредѣлились бы отношенія между этими двумя державами въ случаѣ какой-либо европейской войны. Вооруженія, производимыя Англіей, предпринимаемыя ею укрѣпленія для защиты ея доковъ имѣютъ дѣйствительною цѣлью не столько предупредить вторженіе, которое ьо всякомъ случаѣ было бы безумiемъ, сколько обезпечить могущество и совершенно независимый образъ дѣйствій Англіи, на случай всеобщей войны. Сильное укрѣпленіе доковъ, въ которыхъ заключается корень морской силы Англіи, дастъ ей возможность свободнѣе располагать своими военными силами, какъ сухопутными, такъ и морскими. Если приморскія мѣста будутъ въ состояніи сами обороняться отъ всякаго нападенія, то значительная тяжесть этой обороны будетъ снята съ военныхъ кораблей, которые вслѣдствіе того будутъ свободнѣе для наступательныхъ дѣйствій; сила ихъ, и безъ того громадная, значительно увеличится вслѣдствіе этой свободы. Къ концу текущаго года, Англія будетъ имѣть 60 однихъ линейныхъ пароходныхъ кораблей; эта громадная сила, которая будетъ возрастать еще съ каждымъ годомъ, пріобрѣтетъ новое значеніе, когда съ нея будетъ снята обуза сторожить и оберегать тѣ самыя мѣста, гдѣ вырабатывается эта сила, гдѣ строятся эти корабли, гдѣ хранятся самыя матеріялы для этихъ построекъ. Съ другой стороны, не будетъ надобности сосредоточивать въ опасныхъ мѣстахъ значительныя сухопутныя силы; возводимыя укрѣпленія дадутъ возможность защищать эти мѣста, при помощи меньшаго количества живыхъ силъ. Корпуса волонтеровъ съ своей стороны дадутъ возможность свободно распоряжаться линейною арміей и

Digitized by Google

направлять, куда понадобится, значительныя части ея. При огромномъ флотѣ, при предполагаемой системѣ укрѣпленій, при организаціи волонтеровъ, Англія, безъ большихъ усилій, была бы въ состояніи высадить на театръ войны значительную армію.

Очень естественно, что всѣ эти мѣры національной обороны, принимаемыя Англіей, наконецъ это послѣднее рѣшеніе относительно береговыхъ укрѣпленій, которыя должны стоить отъ 11 до 12 милліоновъ фунт. стерл., все это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія, а рѣчь лорда Пальмерстона, 23 іюля, которою онъ сопровождалъ внесеніе этой послѣдней мѣры въ парламентъ, должна была имѣть всю силу политическаго событія. Народъ, подобный англійскому, не будетъ бросать напрасно огромныя суммы; каждый шиллингъ будетъ употребленъ въ дѣло, и каждый шиллингъ будетъ ощутительнымъ элементомъ того могущества, котораго развитіе было вызвано обстоятельствами. Вооруженія Франціи имѣли своимъ непосредственнымъ результатомъ вооруженія Англіи. Кончилось тѣмъ, что можно было предвидѣть въ началѣ: возвысился общій уровень военныхъ силъ, но въ этой борьбѣ приготовленій, въ этомъ состязаніи вооруженій и сбора силъ, страна, обладающая большею свободою и бо́льшимъ богатствомъ, должна будетъ пріобрѣсти значительный перевѣсъ. При всѣхъ усиліяхъ, французское правительство не можетъ, безъ окончательнаго подрыва всѣхъ силъ страны, продолжать эту гонку; въ немъ, весьма естественно, должно возникнуть побужденіе снова сблизиться съ своею соперницей и возстановить, по возможности, прежнія дружелюбныя отношенія. Но шагъ уже сдѣланъ и прошлаго воротить нельзя. Затраченныя суммы не могутъ быть возвращены, выстроенные корабли не будутъ брошены, начатыя работы не будутъ остановлены, и патріотическій духъ, овладѣвшій цѣлою страной и организовавшій внутреннюю силу самообороны, есть фактъ, который нельзя возвратить въ небытіе.

Мы приводили въ послѣдней книжкѣ нашего журнала тѣ мѣста изъ рѣчи лорда Пальмерстона, которыя имѣютъ силу демонстраціи относительно Франціи. Одиннадцать милліоновъ, которыхъ требуетъ правительство для осуществленія составленнаго коммиссіей плана укрѣпленій, не увеличатъ собою консолидированнаго долга, а составятъ *аннуитеты* (annuities), которые должны быть погашены въ теченіе тридцати лѣтъ. Правительство руководствовалось въ настоящемъ случаѣ тѣмъ важнымъ началомъ, которое утвердилось въ англійской финансовой системѣ: не обременять потомство долгами предковъ. То, что называется *аннуитетами* есть долгъ, который въ опредѣленный срокъ погашается постепенно вмѣстѣ съ уплатою процента. Для настоящихъ по-

Digitized by Google

колѣній, такого рода долгъ обременителенъ, потому что ежегодно, вмѣстѣ съ процентомъ, уплачивается и доля капитала, но за то, по истеченіи опредѣленнаго срока, страна окончательно освобождается отъ бремени долга. Съ другой стороны, правительство получаетъ разомъ сумму, необходимую для осуществленія своихъ плановъ, и надѣется окончить дѣло въ два-три года. На первый годъ потребуется не болѣе двухъ милліоновъ, которыхъ, вмѣстѣ съ суммой, уже прежде ассигнованною въ бюджетѣ на этотъ предметъ, будетъ достаточно для усиленія работъ. При тѣхъ средствахъ, какими обладаетъ всякаго рода механическое производство въ Англіи, работы должны пойдти съ необыкновенною быстротой. Не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ новыя укрѣпленія Портсмута, Плимута и другихъ мѣстъ, послужатъ достаточнымъ возмездіемъ за Шербургъ. Правда, съ экономической точки зрѣнія, всѣ эти суммы, назначаемыя на укрѣпленія или на постройку военныхъ кораблей, будутъ потрачены непроизводительнымъ образомъ; нельзя не пожалѣть о нихъ какъ о чистомъ проигрышѣ, какъ о невозвратной растратѣ народнаго капитала. Какое могущественное дѣйствіе могли бы произвести эти суммы на развитіе благосостоянія, еслибъ онѣ пошли на питаніе производительнаго труда! Но во всѣхъ ли отношеніяхъ эти траты можно назвать невозвратными? Точно ли эти деньги—брошенныя деньги? Когда коммиссія работала надъ своимъ планомъ, она обращалась за совѣтомъ къ одному изъ первыхъ знатоковъ финансоваго дѣла въ Англіи, къ авторитету всѣми признанному, лорду Оверстону, который возведенъ въ перы изъ торговыхъ людей, который изучилъ на практикѣ всю организацію коммерческихъ интересовъ, и обладая несмѣтнымъ богатствомъ, господствовалъ надъ биржей. Лордъ Оверстонъ, отозвался, что даже тѣнь опасности, которой можетъ подвергнуться Лондонъ, подѣйствовала бы самымъ бѣдственнымъ образомъ на всю торговлю и промышленность, на весь кредитъ Англіи. Очень естественно, что когда устранится и самая тѣнь опасности, когда Англія будетъ въ состояніи располагать своими средствами и дѣйствовать вблизи и вдали, не опасаясь за берега свои, не основывая своей безопасности на добромъ расположеніи сосѣда или на благопріятныхъ случайностяхъ, тогда, вмѣстѣ съ безопасностью и увѣренностью, возвысится и самая производительность всѣхъ отраслей экономической жизни.

Мы извѣщали также, что вскорѣ послѣ засѣданія 23 іюля, англійское правительство получило отъ г. де-Тувенела депешу съ выраженіемъ желанія дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Англіей какъ по итальянскому, такъ и по турецкому вопросамъ. Дѣло не ограничилось офиціальнымъ объясненіемъ; вскорѣ послѣдовали дружескія и задушевныя бесѣды. Самъ императоръ

Digitized by Google

высказалъ свои чувствованія въ письмѣ къ графу Персиньи, французскому посланнику при Сентъ-Джемскомъ дворѣ и дозволилъ ему дать этому письму гласность. Оно появилось сначала въ *Times* и *Morning Chronicle*, а потомъ разошлось по всѣмъ газетамъ міра. Не ограничиваясь этимъ, императоръ Наполеонъ спѣшилъ высказаться въ частныхъ письмахъ къ нѣкоторымъ изъ лицъ, составляющихъ нынѣшнее правительство Англіи. Письма эти не получили гласности, и намъ остается познакомиться ближе только съ интереснымъ содержаніемъ письма императора къ его посланнику.

«Любезный Персиньи,—такъ начинаетъ императоръ свое письмо отъ 29 іюля, спустя шесть дней послѣ многознаменательныхъ преній въ англійской палатѣ общинъ,—благодаря недовѣрію, которое сѣялось повсюду послѣ италіянской войны, дѣла, какъ мнѣ кажется, очень запутались, и я пишу къ вамъ въ надеждѣ, что чистосердечный и откровенный разговоръ съ лордомъ Пальмерстономъ поможетъ этому злу. Лордъ Пальмерстонъ знаетъ меня, и онъ повѣритъ моему слову. Вы можете сказать ему отъ меня самымъ положительнымъ образомъ, что послѣ виллафранкскаго мира у меня была только одна мысль, одна цѣль—начать новую эру миру и жить въ добромъ согласіи со всѣми сосѣдями, а главное съ Англіей. Я отказался было отъ Савоіи и Ниццы, и лишь чрезмѣрное увеличеніе Піемонта побудило меня снова желать присоединенія къ Франціи этихъ чисто-французскихъ провинцій.»

Недовѣріе дѣйствительно распространилось повсюду послѣ италіянской войны, и европейскія дѣла крайне запутались. Но что было виной тому? Откуда взялось это недовѣріе и отчего запутались дѣла? Зачѣмъ помощь, оказанная Піемонту, выдавалась за безкорыстное дѣйствіе идеи, между тѣмъ какъ былъ заключенъ тайный трактатъ о Савоіи и Ниццѣ? Одинъ народъ не оказываетъ другому идеальныхъ услугъ: это фактъ природы и исторіи; зачѣмъ же было пускать въ свѣтъ или поддерживать понятія, противорѣчащія дѣйствительности? Императоръ Французовъ отказался отъ Савоіи и Ниццы, выговоренныхъ въ тайномъ трактатѣ, но онъ отказался потому, что главное условіе трактата было не выполнено, война, предпринятая по дѣлу Піемонта, была прекращена, безъ согласія Піемонта, и Венеціянская область осталась за Австріей. Присоединеніе Тосканы и Эмиліи къ Піемонту, присоединеніе, происшедшее по собственному побужденію этихъ областей, безъ всякаго содѣйствія со стороны французскаго оружія, не могло придать ужасающихъ размѣровъ королевству Виктора-Эмануила и оправдать энергическія заботы

Digitized by Google

Франціи объ огражденіи своей территоріи и объ округленіи своихъ границъ со стороны этого королевства. Къ тому же Савоію и Ниццу никакъ нельзя назвать чисто-французскими провинціями, особенно Ниццу, гдѣ народъ говоритъ по итальянски, и гдѣ до сихъ поръ французская полиція должна прибѣгать къ энергическимъ мѣрамъ для убѣжденія жителей въ почестяхъ и выгодахъ французскаго гражданства. Присоединеніе этихъ провинцій было главною виной повсемѣстнаго недовѣрія; оно-то, какъ извѣстно, возмутило доброе согласіе, въ которомъ императоръ Французовъ желаетъ жить со всѣми сосѣдями, и преимущественно съ Англіей.

«Но, возразятъ мнѣ, вы хотите мира, а безъ мѣры увеличиваете военныя силы Франціи. *Я рѣшительно отрицаю это утвержденіе.* Моя армія и мой флотъ не представляютъ ничего угрожающаго *для* кого бы то ни было. Мои пароходныя морскія силы еще далеко недостаточны даже для удовлетворенія нашихъ потребностей, и цифра пароходныхъ кораблей еще далеко не равняется числу парусныхъ судовъ, которыя считались необходимыми во времена Людовика-Филиппа. Я имѣю 400.000 человѣкъ подъ ружьемъ, но вычтите изъ этой цифры 60.000 человѣкъ въ Алжиріи, 6000 въ Римѣ, 8000 въ Китаѣ, 20.000 жандармовъ, больныхъ, новобранцевъ, и вы увидите то, что есть на самомъ дѣлѣ, именно то, что въ строю у меня менѣе людей чѣмъ было въ предыдущее царствованіе. Единственнымъ увеличеніемъ силъ было образованіе императорской гвардіи. Впрочемъ, какъ мира, я желаю также организовать силы страны возможно лучшимъ образомъ: если иностранцы въ послѣднихъ войнахъ видѣли только блестящую сторону, то я видѣлъ вблизи стороны недостаточныя, и хочу исправить ихъ. Вотъ все, и затѣмъ я съ самой Виллафранки ничего не дѣлалъ, ничего не думалъ, что могло бы встревожить кого-нибудь. Когда Лавалеттъ отправился въ Константинополь, данныя ему мною инструкціи ограничивались только слѣдующимъ: «Употребите всѣ старанія, чтобы поддержать *status quo*; интересъ Франціи требуетъ, чтобы Турція жила какъ можно долѣе.»

Новая эра мира была обѣщана уже давно. Она была обѣщана еще въ самомъ началѣ второй имперіи, въ знаменитой бордоской рѣчи, и однако дѣйствительныхъ признаковъ этой эры не замѣчаетъ никто. Можетъ-быть Европа была бы спокойнѣе, если бы менѣе говорили ей объ этой эрѣ мира, по крайней мѣрѣ дѣло было бы яснѣе, не было бы тѣхъ смутныхъ и неопредѣленныхъ опасеній, которыя часто гораздо хуже несомнѣнной извѣстности, какъ бы ни была она непріятна. Къ тому же Европа знаетъ внутреннее положеніе Французской имперіи, видитъ, что

Digitized by Google

она основана чисто на военномъ началѣ и не замѣчаетъ внутри Франціи залоговъ новаго, нормальнаго порядка вещей; господство диктатуры продолжается въ ней попрежнему, и не предвидится ему конца. Европа, а можетъ-быть и сама Франція, не могутъ не замѣтить нѣкоторыхъ противорѣчій во французской политикѣ. Глава могущественнаго государства, котораго политика должна быть ясна и опредѣленна, куда бы ни клонилась она, увѣряетъ теперь, что онъ ни дѣломъ, ни даже мыслію не виноватъ въ тѣхъ опасеніяхъ, которыя почему-то овладѣли Европой.

Императоръ приводитъ даже то, что было сказано имъ г. де-Лавалетту, когда тотъ отправлялся въ Константинополь. Ему поручено пуще всего блюсти нынѣшнее положеніе Турціи, сохраненіе котораго требуется интересомъ Франціи. Это очень успокоительно относительно частныхъ видовъ французской политики; это свидѣтельствуетъ, что Франція въ этомъ случаѣ согласна съ большинствомъ великихъ европейскихъ государствъ, и самъ лордъ Пальмерстонъ не сказалъ ничего сильнѣе для огражденія Турціи. Около того времени, когда письмо императора появилось въ газетахъ, въ нижней палатѣ происходилъ оживленный разговоръ между первымъ министромъ и г. Брайтомъ объ этой же самой Турціи. Г. Брайтъ находилъ,—и очень справедливо,—что никакія усилія не могутъ спасти это мертвое тѣло отъ разрушенія, и присовокупилъ, что европейскимъ державамъ, вмѣсто безплодной траты силъ для поддержанія Турціи, было бы лучше заблаговременно озаботиться распредѣленіемъ ея наслѣдства. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ на это увѣреніемъ, что положеніе Турціи вовсе не такъ безнадежно, что ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не произошло столько перемѣнъ къ лучшему, какъ въ Турціи съ восшествія на престолъ нынѣшняго султана; что она и теперь была бы способна къ значительному прогрессу, еслибы только не своекорыстное вмѣшательство другихъ державъ въ ея дѣла. Лордъ Пальмерстонъ ссылается на свою государственную опытность, онъ опирается на данныя, почерпаемыя имъ изъ источниковъ, не всѣмъ доступныхъ; онъ ловко отдѣлываетъ г. Брайта. Но едвали общественное мнѣніе будетъ въ этомъ случаѣ на сторонѣ министра; несмотря на весь авторитетъ свой, едвали онъ увѣритъ кого-нибудь, что Турція способна къ самостоятельному существованію, и что она обладаетъ внутренними источниками жизни и развитія. Можетъ-быть онъ и правъ утверждая, что паденіе Турціи должно сопровождаться страшными потрясеніями, что бѣдствія, къ которымъ оно можетъ подать поводъ, будутъ еще ужаснѣе чѣмъ всѣ тѣ злоупотребленія, всѣ тѣ кровавыя катастрофы, которыя случаются теперь

Digitized by Google

подъ управленіемъ блистательной Порты. Можно понять эту боязливую осторожность относительно турецкаго вопроса; можно, понять побужденія этого крайняго консерватизма, смотрящаго сквозь пальцы на настоящія бѣдствія изъ опасенія еще бо́льшихъ золъ; но никакъ нельзя понять, чтобы государство, въ которое всѣ другія державы могутъ проникать своими частными и корыстными интересами, чтобы государство, основанное на алькоранѣ, на варварской исключительности и нетерпимости магометанства, чтобы это государство могло жить и процвѣтать многія лѣта, какъ думаетъ лордъ Пальмерстонъ,—и чтобы стоило употреблять всѣ старанія и усилія для поддержанія того *statu quo*, которое представляетъ теперь Турція, какъ пишетъ императоръ Наполеонъ III своему посланнику въ Лондонѣ. Никто не можетъ сомнѣваться въ основательности свѣдѣній лорда Пальмерстона относительно турецкихъ дѣлъ; но есть авторитеты не менѣе сильные, которые свидѣтельствуютъ противное. Въ то самое время, когда глава кабинета объяснялся вышесказаннымъ образомъ въ нижней палатѣ, лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, которому положеніе Турціи должно быть извѣстно не менѣе, и даже немного болѣе, чѣмъ лорду Пальмерстону, велъ совсѣмъ иную рѣчь въ верхней палатѣ. Изъ словъ этого знаменитаго дипломата, дѣятельность котораго преимущественно была посвящена устройству дѣлъ на Востокѣ и поддержанію Турціи, можно скорѣе заключать, что Турція дѣйствительно находится въ безнадежномъ положеніи. А въ *Times* не замедлила появиться руководящая статья, которая служитъ прямымъ отвѣтомъ на апологію Турціи, высказанную лордомъ Пальмерстономъ, и ничего не можетъ быть сильнѣе этого отвѣта, который, какъ надобно думать, отражаетъ въ себѣ общественное мнѣніе. Въ этой статьѣ доказывается вся невозможность сохранить Турцію въ ея настоящемъ видѣ, и все безуміе усилій поддержать ея существованіе. Возвратимся однако къ письму императора Французовъ.

«Но вотъ совершаются убійства въ Сиріи, и уже пишутъ, что я радуюсь новому случаю начать маленькую войну или разыграть новую роль. Право, мнѣ почти совсѣмъ отказываютъ въ здравомъ смыслѣ. Если я немедленно предложилъ отправить туда войска, такъ это потому, что я раздѣляю чувствованія народа, поставившаго меня въ главѣ своей, что извѣстія изъ Сиріи переполнили меня негодованіемъ. Тѣмъ не менѣе первою мыслію моею было условиться съ Англіею. Какой другой интересъ, кромѣ интереса человѣчества, побудилъ бы меня посылать войска въ эту страну? Или обладаніе ею можетъ увеличить мои силы? Или я не сознаю, что Алжирія, несмотря на свои выгоды въ будущемъ, служитъ только къ ослаб-

Digitized by Google

ленію Франціи, которая, въ продолженіи тридцати лѣтъ, давала ей лучшія силы свои какъ кровью, такъ и золотомъ. Я сказалъ въ 1852 году, въ Бордо, и мнѣніе мое осталось то же самое, что мнѣ предстоитъ совершить великія завоеванія въ самой Франціи. Ея внутренняя организація, ея нравственное развитіе, умноженіе ея богатствъ—всему этому предстоитъ еще неизмѣримый путь. Тутъ для моего честолюбія открывается довольно обширное поприще, достаточное для его удовлетворенія.»

Можно думать, что эти послѣднія слова должны были произвести не совсѣмъ благопріятное дѣйствіе на общественное мнѣніе. Какія европейскія державы мѣшали до сихъ подъ французскому правительству совершать тѣ великія завоеванія внутри Франціи, о которыхъ говорится здѣсь? А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы нравственное развитіе Франціи, чтобы раскрытіе внутреннихъ силъ ея, совершили большіе успѣхи съ 1852 года. Можно сказать, что вся внутренняя жизнь этой страны пріостановлена, и ея геній могъ бы быть изображенъ символически не иначе какъ съ опущеннымъ факеломъ, подобно геніямъ надгробныхъ памятниковъ. Франція дошла до того, что ея литература, ея наука, самые источники ея мысли, находятся подъ надзоромъ полиціи. Страшный матеріализмъ и апатія овладѣли умами какъ можетъ-быть никогда прежде. Много ли, въ продолженіи всего этого періода времени, представила умственная и общественная жизнь Франціи сколько-нибудь замѣчательнаго? А если что и являлось, то случайно и робко, будто незваный гость на чужомъ пиру. Гдѣ начатки этой новой внутренней организаціи? Вездѣ чувствуется одно томительное переходное состояніе. Биржевая игра, фальшивый кредитъ, искусственное занятіе рабочихъ рукъ, напоминающее раздачу хлѣба во времена Римской имперіи, вотъ что до сихъ поръ представляетъ внутренняя организація Франціи, между тѣмъ какъ внѣшняя политика, войны и вооруженія поглащаютъ безплодно силы страны, и государственный долгъ ея растетъ непрерывно и непомѣрно. Самое лучшее, что было сдѣлано въ экономическомъ быту Франціи, есть освобожденіе ея отъ запретительной системы, которое совершилось въ нынѣшнемъ году, благодаря торговому трактату съ Англіей; но и это произошло болѣе по внѣшнимъ побужденіямъ, изъ постороннихъ видовъ, какъ будто нехотя, да и самая сила этого трактата, уже на первыхъ порахъ, вездѣ подверглась сомнѣнію.

Императоръ далѣе желаетъ показать въ своемъ письмѣ, что онъ всячески старался согласовать свою политику съ англійскою, и только вслѣдствіе рѣшительной невозможности отказывался иногда идти однимъ путемъ съ ней. «Мнѣ трудно было дѣйствовать заодно съ Англіей относительно центральной Ита-

Digitized by Google

ліи, потому что я заручился виллафранкскимъ миромъ; что же касается до южной Италіи, то я свободенъ отъ обязательства и ничего лучшаго не желаю, какъ дѣйствовать согласно съ Англіей по этому пункту, равно какъ и по другимъ; но пусть, ради Бога, знаменитыя лица, стоящія во главѣ англійскаго правительства, отбросятъ всякую мелкую ревность и всякое незаслуженное недовѣріе.»

Дѣйствительно лица, стоящія во главѣ англійскаго правительства, могутъ быть довольны этою смиренною исповѣдью могущественнаго сосѣда, этимъ *pater peccavi*, какъ замѣчаетъ одна нѣмецкая газета, наконецъ этими обѣщаніями впредь не отступать ни на шагъ отъ ихъ политики. Но, принявъ къ свѣдѣнію эти обѣщанія, они, какъ увидимъ ниже, не отложили въ сторону ни мелкой ревности, ни несправедливаго недовѣрія. Императоръ продолжаетъ: «Объяснимся же добросовѣстно, какъ честные люди, какими мы себя считаемъ, а не какъ разбойники, которые хотятъ обмануть другъ друга. Вотъ вкратцѣ сущность моей мысли. Я желаю, чтобъ Италія умиротворилась какимъ бы то ни было образомъ, но безъ иностраннаго вмѣшательства, и чтобы мои войска могли оставить Римъ безопасно для папы. Я очень желалъ бы также не быть въ необходимости предпринимать сирійскую экспедицію, и во всякомъ случаѣ я желалъ бы предпринять ее не одинъ, вопервыхъ потому, что это потребуетъ большихъ издержекъ, вовторыхъ изъ опасенія, чтобъ этимъ вмѣшательствомъ не возбудить восточнаго вопроса; а съ другой стороны я не вижу возможности противиться общественному мнѣнію моей страны, которая никогда не пойметъ, чтобы могли оставаться безнаказанными не только избіеніе христіанъ, но сожженіе нашихъ консулатовъ, растерзаніе нашего знамени, и расхищеніе монастырей, находившихся подъ нашимъ покровительствомъ.»

Программа очень удовлетворительная, противъ которой едва ли что могутъ возразить государственные люди Англіи, въ виду которыхъ она писана, хотя по поводу этой программы упоминается объ одномъ обстоятельствѣ, очень мало извѣстномъ Европѣ, именно объ общественномъ мнѣніи во Франціи, по внушенію котораго должно дѣйствовать ея правительство. До сихъ поръ думали наоборотъ, что общественное мнѣніе тамъ получаетъ внушенія отъ правительства или, лучше сказать, создается трудами министерства внутреннихъ дѣлъ и его агентовъ. Но во всякомъ случаѣ программа удовлетворительна, и нѣтъ сомнѣнія, что императоръ Наполеонъ III искренно желаетъ держаться союза съ Англіей.

Тѣмъ не менѣе, надобно сознаться, письмо императора Французовъ не произвело большаго дѣйствія и не сопровождалось зна-

Digitized by Google

чительными результатами. Въ газетахъ встрѣтили его довольно равнодушно и даже не очень много толковали о немъ, а въ палатѣ общинъ, какъ нарочно, вслѣдъ за его появленіемъ, въ засѣданіи 2-го августа, громаднымъ большинствомъ, почти единогласно, принятъ былъ проектъ объ укрѣпленіяхъ. Это было очень сильно и, какъ сказываютъ, произвело грустное впечатлѣніе по другую сторону Канала.

Дѣйствительно, внѣшній видъ европейскихъ дѣлъ чрезвычайно измѣнился въ самое короткое время. Въ то время, когда пришло въ Европу первое извѣстіе о сирійскихъ событіяхъ, Франція, казалось, стояла во главѣ ея и готовилась немедленно дѣйствовать какъ первенствующая держава, по собственному побужденію и плану. Теперь она дѣйствительно отправляетъ свои войска въ Сирію, но является уже съ инымъ характеромъ. Теперь она ограничивается ролью простой исполнительницы рѣшеній Европы, и будетъ дѣйствовать по данной программѣ.

Дѣло шло такъ: правительство султана поспѣшило протестовать противъ кровавыхъ смутъ, происходившихъ въ Сиріи, а равно и противъ посторонняго вмѣшательства въ его дѣла. Оно вызывалось само умиротворить страну и подвергнуть справедливой карѣ виновныхъ. Султанъ писалъ и къ императору Французовъ, и къ королевѣ Викторіи. Но наконецъ устроились конференціи великихъ державъ въ Парижѣ съ допущеніемъ въ нихъ Турціи, и дѣлу былъ данъ почти такой видъ, какъ будто эти совѣщанія устроились по собственному желанію Порты. Первый протоколъ этихъ конференцій именно начинается съ того, что его императорское величество султанъ, желая пресѣчь быстрыми и рѣшительными мѣрами пролитіе крови въ Сиріи и засвидѣтельствовать свою твердую рѣшимость обезпечить порядокъ и спокойствіе между народами, находящимися подъ его властію, принялъ предложенное ему содѣйствіе великихъ державъ. Представители этихъ державъ, вмѣстѣ съ представителемъ Турціи, постановили отправить въ Сирію корпусъ европейскихъ войскъ, котораго численность можетъ доходить до 12 тысячъ человѣкъ. Половину этого числа соглашается выставить императоръ Французовъ. Главнокомандующій этою экспедиціей долженъ немедленно войдти въ сношенія съ чрезвычайнымъ комиссаромъ Порты, отправленнымъ въ Сирію (Фуадъ-пашой), чтобы согласовать требуемыя обстоятельствами мѣры. Сверхъ того европейскія державы обѣщаютъ выслать морскія силы, достаточныя для содѣйствія успѣху общихъ усилій къ возстановленію спокойствія въ прибрежныхъ мѣстахъ Сиріи. Срокъ занятія Сиріи европейскими войсками полагается не болѣе шести мѣсяцевъ, въ убѣжденіи, что срокъ этотъ достаточенъ для достиженія предположенной цѣли, а

Digitized by Google

Порта, съ своей стороны, обязывается продовольствовать все это время экспедиціонныя войска. Второй протоколъ опредѣляетъ характеръ содѣйствія, оказываемаго Блистательной Портѣ. Уполномоченные объявляютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что договаривающіяся державы не имѣютъ и не будутъ имѣть въ виду, при исполненіи своихъ обязательствъ, никакой территоріяльной выгоды, никакого исключительнаго вліянія, никакой коммерческой привилегіи, которая не могла бы быть распространена на подданныхъ всѣхъ другихъ державъ. Но несмотря на консервативный духъ этихъ протоколовъ, уполномоченные европейскихъ державъ не могли не заявить справедливыхъ требованій относительно серіозныхъ реформъ, лежащихъ на обязанности турецкаго правительства. «Уполномоченные, сказано въ протоколѣ, припоминая акты, обнародованные его величествомъ султаномъ, высокое значеніе которыхъ было заявлено 9 статьею трактата 30 марта, 1856 года, не могутъ удержаться, чтобы не выразить какую цѣну дворы ихъ придаютъ тому, чтобы согласно съ торжественными обѣщаніями Блистательной Порты, были приняты серіозныя административныя мѣры для улучшенія участи христіянскихъ жителей Турецкой имперіи всѣхъ исповѣданій.»

Этотъ важный пунктъ протокола международной конференціи выражаетъ въ сущности то же самое, что такъ недавно и такъ убѣдительно князь Горчаковъ представлялъ на видъ турецкому правительству. Порта должна совершить тѣ реформы, которыя были обѣщаны ею и которыя признаны Европой за необходимыя. Но неизбѣжно возвращается старый вопросъ: хотя бы Порта и искренно желала этихъ реформъ, въ силахъ ли она однако совершить ихъ? Не будетъ ли необходимъ постоянный надзоръ Европы? И какъ согласить съ нимъ самостоятельность этой имперіи, какъ оградить ее отъ разнородныхъ посторонникъ интересовъ, которые сталкиваются на ея почвѣ?

Одна изъ самыхъ важныхъ комплікацій турецкаго вопроса состоитъ въ томъ, что христіянскія народонаселенія, обитающія въ Турціи, принадлежатъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, которыя здѣсь, въ этой атмосферѣ фанатизма, при общей грубости нравовъ, ненавидятъ другъ друга столько же, сколько и господствующее могометанство. Соперничества европейскихъ вліяній могутъ только усиливать и ожесточать междуусобную вражду христіянскихъ вѣроисповѣданій. Такъ, въ Сиріи, Марониты, причисляющіе себя къ латинской церкви, отличались всегда большою нетерпимостью относительно православныхъ. Еще путешественникъ Бурхардъ разказывалъ много поразительныхъ примѣровъ этой нетерпимости. И вотъ, недавно, въ англійской палатѣ перовъ, лордъ Шафтесбери, поднялъ вопросъ о религіозной свободѣ въ

Digitized by Google

Турціи. Онъ изъявляетъ желаніе, чтобы войска, отправляемыя въ Сирію, были употреблены единственно только на умиротвореніе страны, и чтобы военныя власти отнюдь не вмѣшивались въ религіозныя и гражданскія дѣла обитателей Турціи. Онъ находитъ, что дѣятельность французскихъ агентовъ, съ давнихъ поръ, значительно развилась въ нѣкоторыхъ частяхъ Турціи. Онъ указываетъ преимущественно на антагонизмъ между католиками и православными, и ссылаясь на показанія старожиловъ сирійскихъ, утверждаетъ, что французскіе агенты открыто увѣряютъ, что если члены греческой церкви перейдутъ въ латинскую, то они будутъ пользоваться покровительствомъ императора Французовъ. Лордъ Шафтесбери припомнилъ при этомъ замѣчательный фактъ, происшедшій на островѣ Кандіи, гдѣ 40.000 человѣкъ обратились въ латинство: тогда открыто высказывалось, что это обращеніе было слѣдствіемъ французской агитаціи. По мнѣнію лорда Шафтесбери, обѣщанія французскаго покровительства получатъ теперь новую силу, въ виду шести тысячъ французскихъ войскъ.

Впрочемъ, развѣ только одни внѣшніе виды могутъ еще способствовать католическому прозелитизму въ настоящее время, когда папскій престолъ, составляющій главную отличительную принадлежность католицизма, являетъ изъ себя такую жалкую фигуру. Недавно папа Пій IX бросалъ слабою рукою перуны отлученія на своихъ враговъ; потомъ въ своей аллокуціи проклиналъ Гарибальди, какъ исчадіе ада; теперь шлетъ онъ къ антіохійскому (то-есть маронитскому) патріарху и епископамъ Ливана грамоту для изъявленія своего соболѣзнованія, по случаю бѣдствій, постигшихъ христіянъ въ Сиріи. Справедливо гдѣ-то замѣчено, что его святѣйшество, чертя эту грамоту, не такъ живо чувствовалъ отдаленныя бѣдствія христіянъ Востока, какъ непріятность собственнаго положенія. Письмо его къ паствѣ, посѣщенной страшными бѣдствіями, наполнено сѣтованіями и жалобами на италіянскихъ возмутителей и на англійскій парламентъ, «гдѣ, какъ онъ выражается, восхваляютъ человѣка (то-есть Гарибальди), который, презирая всякое право и всякую справедливость, старается повсюду поколебать религію и государство.» «Да содѣлаетъ вѣчный Богъ, въ десницѣ котораго находятся сердца царей, восклицаетъ папа, чтобы могущественнѣйшіе государи христіянскіе воспламенились ревностію подавить усилія невѣрныхъ, дабы невѣрные не воодушевились и не устремились съ большею силой на гибель христіянскаго имени. Да поймутъ, наконецъ, эти самые государи также и то, какая важная, или лучше сказать, какая крайняя опасность угрожаетъ цѣлому обществу, если они не соединятъ своихъ вліяній и своихъ силъ для укрощенія здѣсь, въ Европѣ, дерзости

Digitized by Google

злыхъ, для сокрушенія попытокъ этихъ людей, которые, какъ бы одержимые новымъ бѣшенствомъ, только и помышляютъ, только и стараются о томъ, чтобы погасить всякое религіозное чувствованіе въ душахъ, ниспровергнуть всѣ права божескія и человѣческія, и уничтожая всякое понятіе о справедливомъ и несправеливомъ, сдѣлать изъ человѣческаго общества вертепъ бѣшеныхъ звѣрей.» Эти грозныя слова, сказанныя въ назиданіе маронитскаго патріарха и сирійскихъ христіянъ, очевидно направлены противъ Гарибальди, графа Кавура, короля Виктора-Эммануила, противъ національнаго чувства, овладѣвшаго Италіей, противъ стремленій независимости и свободы, противъ великихъ реформъ, измѣняющихъ человѣческое общество и приближающихъ устройство его къ требованіямъ христіянской справедливости. Если дѣло религіи дѣйствительно страдаетъ, то виной тому, конечно, не эти стремленія, а тотъ духъ, изъ котораго вытекаютъ папскія сѣтованія, жалобы и проклятія. Напрасно римскій первосвященникъ, считающій себя намѣстникомъ Христа, ожидаетъ торжества для религіи отъ соединенныхъ усилій правительствъ и молитъ объ этомъ Бога. Зачѣмъ такой косвенный путь? Отчего бы ему не молить Бога прямо о томъ, чтобы дѣло истины, справедливости и любви, то-есть дѣло христіянства, не нуждалось во внѣшнихъ пособіяхъ, которыя иногда могутъ быть ему болѣе враждебны чѣмъ открытая вражда? Отчего онъ не молитъ, чтобъ это дѣло держалось и шло своею внутреннею силой, въ которой только и можетъ заключаться его торжество?

Вмѣшательство въ турецкія дѣла не ограничивается впрочемъ одною военною экспедиціей. Положено составить международную коммиссію, которая займется разсмотрѣніемъ мѣръ для лучшаго устройства Сиріи. Отъ англійскаго правительства назначенъ въ эту коммиссію лордъ Доффериновъ, членъ палаты перовъ, молодой человѣкъ, хорошо, какъ говорятъ, знакомый съ восточными дѣлами. Но задача этой коммиссіи строго ограничена лишь одною Сиріей; она не будетъ входить въ устройство дѣлъ другихъ областей Турціи, которыя продолжаетъ обозрѣвать великій визирь, Мегметъ Киприсли-паша.

А между тѣмъ, по многимъ извѣстіямъ кровавое возстаніе готово вспыхнуть въ разныхъ частяхъ Турецкой имперіи. Опасаются даже, что экспедиціонный корпусъ, отправляемый Европой въ Сирію, только сильнѣе возбудитъ мусульманскій духъ и ускоритъ взрывъ. Даже папа, посреди своихъ сѣтованій на богомерзкіе замыслы Гарибальди, довольно вѣрно замѣтилъ, что магометанскій фанатизмъ и ненависть къ христіянамъ должны были усилиться «вслѣдствіе мысли о раз-

Digitized by Google

дѣ Оттоманской имперіи, такъ часто повторявшейся въ послѣднее время въ журналахъ.» Несмотря на всѣ старанія, едва ли удастся залѣчить этотъ турецкій вопросъ новыми паліативами: такъ много повсюду горючихъ матеріяловъ, такъ много разнородныхъ элементовъ, которыхъ нельзя разсчитать, не только подчинить какому-нибудь контролю. Мы отлагаемъ до слѣдующей книжки обзоръ тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ теперь восточный вопросъ. Была между прочимъ высказана мысль о федеральномъ устройствѣ разнородныхъ частей Турецкой имперіи. Мысль о федеральномъ устройствѣ развивается теперь и въ Австріи. При сообщеніи относящихся сюда фактовъ, мы постараемся разсмотрѣть ихъ съ этой точки зрѣнія.

Только что полученная телеграмма извѣщаетъ насъ о смерти черногорскаго князя Даніила, отъ пули какого-то Черногорца, по имени Кадича. Депеша ничего не сообщаетъ о поводахъ къ этому убійству.

Заключимъ эту статью извѣстіемъ о торжествѣ правительственной партіи въ англійскомъ парламентѣ, по вопросу объ отмѣнѣ протекціонной пошлины съ привозной бумаги. Дѣло было очень серіозное, и оппозиція, въ палатѣ общинъ, собрала всѣ свои силы, чтобы дать на этомъ пунктѣ битву. Съ своей стороны правительство приняло также не менѣе рѣшительныя мѣры. У лорда Пальмерстона собиралась вся либеральная партія; первый министръ сильною рѣчью убѣждалъ членовъ держаться какъ можно дружнѣе. 6-го іюля произошла эта битва; правительство, какъ мы сказали, одержало побѣду. Изъ всѣхъ членовъ кабинета эта побѣда преимущественно была торжествомъ для г. Гледстона. Когда лорды отвергли отмѣну акциза на бумагу, остался еще вопросъ о протекціонной пошлинѣ съ иностранной бумаги. Канцлеръ казначейства составилъ новый билль, которымъ отмѣняется протекціонный излишекъ пошлины съ иностранной бумаги, и иностранная бумага такимъ образомъ становится въ положеніе свободной конкурренціи съ внутреннимъ производствомъ. Канцлеръ казначейства опирался главнымъ образомъ на обязательство, заключающееся въ торговомъ договорѣ съ Франціей. *Поправка* г. Пуллера, имѣвшая цѣлію убить этотъ билль, была отвергнута большинствомъ 30 голосовъ. Вслѣдъ затѣмъ, канцлеръ казначейства предложилъ распространить эту отмѣну протекціонной пошлины на бумагу, привозимую не изъ одной только Франціи, но изъ всѣхъ прочихъ странъ безъ различія, и снова побѣда осталась на сторонѣ министерства. Вмѣстѣ съ г. Гледстономъ торжествовало въ этомъ дѣлѣ новую маленькую побѣду—начало свободной торговли. Съ отмѣной протекціонной пошлины съ бумаги падаетъ послѣдній

Digitized by Google

остатокъ протекціонизма. Хотя акцизъ на бумагу остался въ прежней силѣ, но облегченный ввозъ иностранной бумаги непремѣнно долженъ понизить ея цѣну, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ускорить въ послѣдствіи отмѣну самаго акциза, лежащаго на этомъ производствѣ.

СИЦИЛІЙСКІЯ ДѢЛА.

Провозглашеніе конституціи въ Неаполѣ послужило новою компликаціей въ дѣлѣ италіянскаго освобожденія. Общественное мнѣніе въ Европѣ, или, вѣрнѣе, при европейскихъ дворахъ, нѣсколько поколебалось: глядя сквозь пальцы и даже съ нѣкоторымъ сочувствіемъ на борьбу гарибальдійцевъ противъ деспотизма, многіе дворы считали своею обязанностію глядѣть уже гораздо строже на продолженіе этой борьбы противъ *конституціоннаго монарха*. Послѣ неудачнаго посольства де-Мартино (до конституціи) послѣдовало болѣе серіозное посольство г. делла-Грека (уже въ то время, какъ Гарибальди былъ вблизи Мессины). Англію и Францію просили *подъйствовать* на Гарибальди и вынудить у него шестимѣсячное перемиріе. Англія отвѣчала на это предложеніе категорическимъ отказомъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Италіи. Франція же колебалась. Мы знаемъ, что мыслію Лудовика-Наполеона въ италіянскомъ вопросѣ была конфедерація правительствъ, дававшая полный просторъ нравственному преобладанію Франціи на Полуостровѣ. Въ ея интересахъ, значитъ, было поддержать тронъ Бурбоновъ въ Италіи; къ тому представлялся удобный случай кажущимся выступленіемъ неаполитанскаго правительства на путь реформъ, уже давно указанный ему тюльерійскимъ и сентъ-джемскимъ кабинетами; и вотъ Франція начала было колебаться, хотя повелитель ея произносилъ разныя, не то шутливыя, не то энергическія рѣчи. «Императоръ Наполеонъ, по словамъ газеты *Times* (отъ 30 іюля), государь съ головы до ногъ, не могъ равнодушно видѣть возстаніе народа и низверженіе престола; онъ не могъ съ удовольствіемъ видѣть будущаго разширенія владѣній Виктора-Эммануила. Возвысивъ свой военный геній и увеличивъ еще болѣе власть свою прошлогоднею италіянскою войной, онъ сталъ теперь совершеннымъ консерваторомъ, и ему все равно, подъ какимъ бы скипетромъ Италіянцы ни управлялись, габсбургскимъ или бурбонскимъ, лишь бы они молчали и были покорны.»

Digitized by Google

Съ другой стороны, сардинское правительство было поставлено въ очень затруднительное положеніе нежданнымъ-негаданнымъ либерализмомъ неаполитанскаго правительства, и чрезвычайнымъ посольствомъ гг. Манны и Винспира къ туринскому двору. Посланники эти соглашались, какъ мы говорили, на всѣ самыя неограниченныя требованія Сардиніи; они, говорятъ, вызывались даже на условія, превосходившія самыя смѣлыя ожиданія противной партіи, предлагая, напримѣръ, обмѣнять двадцати тысячный неаполитанскій корпусъ на таковый же сардинскій, или въ случаѣ надобности выслать въ Сардинію противъ Австріи вспомогательный отрядъ въ 50.000 человѣкъ. Графъ Кавуръ, казалось, склонялся уже на такой выгодный союзъ. Дипломатія, всегда склонная къ примирительнымъ средствамъ, поддерживала его въ этомъ намѣреніи; французская партія торжествовала; близорукая журналистика, увѣровавшая въ искренность реформы короля Франциска, и до сихъ поръ энергически защищающая его *quand même*, удивлялась нерѣшительности гр. Кавура, пристать тотчасъ же къ Неаполю, думала видѣть въ этой нерѣшительности будущія бѣдствія Италіи, и самого министра обвиняла за нее въ недостаткѣ патріотизма. Самъ рыцарскій Викторъ-Эммануилъ какъ будто побоялся за послѣдствія континентальныхъ замысловъ Гарибальди и, уступая окружавшимъ его вліяніямъ, написалъ къ диктатору письмо, гдѣ убѣждалъ его (довольно слабо, должно сознаться) не переносить войны на континентъ, и ограничить свою дѣятельность устройствомъ дѣлъ на островѣ. Письмо это отвезъ къ Гарибальди адъютантъ короля, г. Литта-Мадиньяни. Но Гарибальди остался непреклоненъ. Онъ арестовалъ и выслалъ Лафарину, почти вытребовалъ себѣ Депретиса, которому и поручилъ продиктаторство, то-есть верховную, гражданскую администрацію острова (Сиртори былъ только временнымъ намѣстникомъ диктатора); присоединился, какъ мы сказали, къ корпусу Медичи при Мелаццо, одержалъ надъ Неаполитанцами блистательную побѣду, бывшую результатомъ упорной и стоившей многихъ потерь битвы, побѣдоносно вступилъ въ Мессину при общемъ энтузіазмѣ ея жителей, и въ отвѣтѣ своемъ на письмо короля (съ тѣмъ же г. Литта), въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ замѣтилъ, что онъ очень уважаетъ совѣты его величества, но что интересы всей Италіи не позволяютъ ему на этотъ разъ послѣдовать этимъ совѣтамъ; народы зовутъ Гарибальди, и онъ повинуется ихъ зову. И точно, соединяя слово съ дѣломъ, Гарибальди заключилъ съ побѣжденными военную конвенцію, обезпечившую плаваніе по Мессинскому проливу, и самъ съ главными силами направился къ континенту; первая высадка гарибальдійцевъ произведена уже, какъ пишутъ, въ Калабріи, подъ начальствомъ капитана Стокко, занявшаго отрядомъ своимъ королевскій фортъ Сциллу.

Digitized by Google

Во всемъ этомъ Гарибальди обнаружилъ не только непоколебимый патріотизмъ, но и замѣчательный военный геній, замѣчательныя стратегическія способности. Диверсія на Мелаццо и Мессину относится къ числу удачнѣйшихъ дѣлъ военнаго искусства. Быстрое и почти чудесное занятіе Палермо вслѣдъ за калатафимской побѣдою не вскружило головы *герою Италіи*; онъ не бросился тотчасъ же за новыми (быть-можетъ еще сомнительными) побѣдами; съ ничтожною горстью храбрецовъ своихъ не рисковалъ новыми встрѣчами съ несравненно многочисленнѣйшимъ непріятелемъ, зная очень хорошо, что малѣйшая удача на сторонѣ Неаполитанцевъ необходимо ободритъ королевскихъ солдатъ, уронитъ духъ Сицилійцевъ и тѣмъ повредитъ предпріятію. Гарибальди счелъ за лучшее осмотрѣться, упрочить власть свою на островѣ, организовать армію, выждать новыя и довольно значительныя подкрѣпленія, пріучить войска къ походу и тогда уже предпринять серіозныя дѣйствія. Необыкновенно искуснымъ маневромъ стянулъ онъ къ Мелаццо слѣдовавшія въ разныхъ направленіяхъ внутрь острова колонны, въ томъ числѣ и колонну генерала Тюрра (1), перешедшую изъ Кальтанизетты черезъ Кастро-Джіованни въ Катанію; общею массой силъ своихъ произвелъ на королевцевъ нападеніе и одержалъ, какъ мы сказали, блистательную надъ ними побѣду. Послѣ мелацкой битвы Гарибальди нечего было дѣлать на островѣ, и мы были правы, когда въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* объясняли конвенцію, заключенную съ генераломъ Клари, въ смыслѣ серіозныхъ намѣреній диктатора на континентъ. Неаполитанскій тайный революціонный комитетъ далъ знать Гарибальди, что все уже готово въ Неаполѣ къ низверженію царствующей династіи, и герои Италіи ждутъ теперь со дня на день въ столицѣ бывшаго королевства Обѣихъ Сицилій.

Къ высокому патріотизму и тонкимъ стратегическимъ соображеніямъ Гарибальди присоединяетъ еще замѣчательныя способности администратора и геройскую храбрость простаго воина. Овладѣвъ Палермо, генералъ остановился, но не успокоился: прежде, чѣмъ продолжать военныя операціи, ему предстояло совершить еще очень многое, согласить политическіе раздоры, частное соперничество, подавить незначительную, но не безсильную неаполитанскую партію, странѣ, совершенно разстроенной и подавленной, дать либеральное устройство, не раждая безпорядковъ и не потворствуя безначалію. Гарибальди, несмотря на

(1) Вслѣдствіе очень серіозной болѣзни, Тюрръ оставилъ колонну тотчасъ почти по ея выступленіи, оставилъ даже и островъ, провелъ нѣкоторое время въ Туринѣ, былъ во Франціи, и теперь возвращается въ Сицилію.

Digitized by Google

совсѣмъ иную подготовку, несмотря на главный характеръ своей дѣятельности, чисто военной, совершилъ все это въ очень-скорое время, и совершилъ не одною силой своего имени, но и силой своего генія, своей проницательности, своего необыкновеннаго такта. Онъ впадалъ, безъ сомнѣнія, въ ошибки, но очень легко исправлялъ ихъ, и теперь Сицилія организована, духъ народа поднятъ, порядокъ упроченъ, и страна приготовлена къ принятію либеральныхъ началъ самоуправленія. А это было дѣломъ не легкимъ, потому что Гарибальди, по словамъ газеты *Times* (1), засталъ на островѣ народонаселеніе, хотя и расположенное въ его пользу, но дѣтски капризное, съ узкимъ умственнымъ горизонтомъ, съ испорченною, благодаря неаполитанскому правительству, нравственностію, не способное къ самоуправленію и какой бы то ни было иниціативѣ. Депретису остается только поддерживать тотъ порядокъ, основа котораго положена была калатафимскимъ побѣдителемъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что въ Сициліи провозглашенъ продиктаторомъ сардинскій статутъ.

Гарибальди переноситъ теперь войну на континентъ. Все кратковременное пребываніе его на островѣ ознаменовано рядомъ блистательныхъ, почти чудесныхъ побѣдъ и замѣчательныхъ политическихъ и административныхъ мѣръ. Почти непосредственно послѣдовавшій за общимъ возстаніемъ Сицилійцевъ, которое, какъ извѣстно, вызвано было нападеніемъ королевскихъ войскъ на монастырь Гандіо (5 апрѣля), весь походъ Гарибальди кажется эпопеей или какимъ-то рыцарскимъ романомъ, и самое крупное событіе въ этомъ романѣ—блистательная побѣда при Мелаццо. «Эта битва, по словамъ сицилійскаго корреспондента газеты *Times*, должна быть отнесена къ числу тѣхъ рѣдкихъ битвъ, гдѣ блескъ великой побѣды по правиламъ новѣйшаго искусства, чудеснымъ образомъ сочетается съ эпизодами героическихъ битвъ древности.» Въ мелацкой битвѣ Гарибальди развернулъ необыкновенныя тактическія способности, при чемъ, не отступая ни на шагъ отъ предположеннаго плана, умѣлъ воспользоваться всѣми ошибками непріятеля и обратить ихъ въ свою пользу. «Ни одинъ полководецъ нашего времени, говоритъ *Times*, въ такой степени не соединяетъ въ себѣ высокаго духа отважности, способной рождать великія предпріятія, съ тѣмъ глубокимъ соображеніемъ, которое ведетъ ихъ къ успѣху.» Подробности этой битвы, продолжавшейся цѣлыхъ четырнадцать часовъ, обстоятельно переданныя намъ сицилійскимъ корреспондентомъ *Times* (2), такъ интересны, что мы въ свою очередь намѣрены представить,

(1) Отъ 4 августа.
(2) Отъ іюля 24, 26 и 29 изъ Мелаццо и Мессины.

Digitized by Google

слѣдуя разказу этого корреспондента, очеркъ мелацскаго сраженія.

Мы уже говорили о стратегической важности диверсіи на Мелаццо. Въ направленіи, данномъ различнымъ колоннамъ гарибальдійцевъ, виденъ былъ со стороны Гарибальди строго обдуманный, серіозный планъ. Тѣмъ не менѣе мелацская битва вызвана была самими королевцами. Очистивъ почти всѣ другіе пункты острова и стянувъ всѣ свои силы въ Мессину, они видимо желали вознаградить свои прежнія потери, дѣйствуя сосредоточенною массою войскъ. Генералъ Медичи, слѣдуя съ своею колонною въ 2.500 человѣкъ берегомъ моря къ Мелаццо, и занявъ позицію при Мири, вовремя узналъ (благодаря народной полиціи самихъ жителей), что противъ него выслана вдвое сильнѣйшая колонна подъ предводительствомъ храбраго и непреклоннаго Боско. Неаполитанцы имѣли намѣреніе отбросить Медичи въ море и уничтожить прикрываемую имъ Барчелону, какъ главное пребываніе революціоннаго комитета мессинской провинціи. Но цѣли они не достигли: Боско былъ отбитъ (17 числа) и поставленъ въ необходимость просить помощи. Но генералъ Клари не могъ подать эту помощь своему товарищу, потому что на Мессину изъ Катаніи сдѣлана была демонстрація бывшею колонною генерала Тюрра. Гарибальди, узнавъ о происходившемъ, принялъ одно изъ тѣхъ вдохновенныхъ рѣшеній, которыя болѣе всего говорятъ въ пользу его генія: желая нанести непріятелю неожиданный ударъ, онъ сѣлъ на британскій пароходъ *Городъ Абердинъ* и сопровождаемый своимъ штабомъ и отрядомъ войскъ въ 1.200 чел., 19 числа высадился въ Патти, откуда немедленно пошелъ на Мири. Появленіе вспомогательнаго отряда, а въ особенности присутствіе самого Гарибальди, дало всему дѣлу совершенно иной характеръ, обративъ частную битву въ генеральное сраженіе. Неаполитанцы сосредоточили тогда свои силы на полуостровѣ, образуемомъ мелацскимъ берегомъ, на оконечности котораго стоитъ цитадель Мелаццо, напоминающая собою и выдавшимся въ море утесомъ, Гибралтаръ. Позиція, занятая Неаполитанцами у самаго перешейка полуострова, очень сильная по естественному своему положенію, служила съ тѣмъ вмѣстѣ самымъ надежнымъ прикрытіемъ непріятельской арміи; вся мѣстность передъ фронтомъ Неаполитанцевъ была покрыта густыми рощами и садами виноградника, оливковыхъ и разныхъ другихъ фруктовыхъ деревьевъ, а также густымъ тростникомъ. Неаполитанцы унизали батареями стѣны и заборы садовъ, а въ садахъ и кустарникахъ разсыпали стрѣлковъ.

Лѣвымъ крыломъ арміи Гарибальди командовалъ 20 числа, то-есть въ день битвы, полковникъ Маланкини, центромъ Медичи,

Digitized by Google

правымъ крыломъ, состоявшимъ изъ Сицилійцевъ, командовалъ полковникъ Фабрици, занимавшій мѣстечко Арели, съ тѣмъ чтобы не допускать движенія Неаполитанцевъ изъ Джессо на Мелаццо; во второй линіи и въ резервѣ были войска, пришедшія съ Гарибальди, и войска экспедиціи Козенца.

Дѣло открылось на лѣвомъ флангѣ, направленными на него выстрѣлами неаполитанской артиллеріи, которой положеніе морскаго берега давало возможность дѣйствовать на этотъ пунктъ успѣшнѣе чѣмъ на всякій другой. Въ то время какъ лѣвое крыло, не имѣя артиллеріи, старалось выдержать сколько возможно неравный бой, войска центра тронулись и повели сами аттаку на непріятеля. Но выбить его изъ его естественныхъ прикрытій было дѣломъ не легкимъ. «Невидимый для взоровъ непріятель удобно дѣйствовалъ своими штуцерами на аттакующихъ, вырывая у нихъ ряды за рядами и оставаясь самъ совершенно невредимымъ. Часто камышъ былъ такъ густъ, что невидно было даже клубовъ дыма, и гарибальдійцамъ было ужасно трудно дѣйствовать противъ этого призрачнаго и недоступнаго непріятеля. Всякое общее распоряженіе стало невозможнымъ: солдаты, почти не видя другъ друга, могли дѣйствовать только порознь. Большія потери, наносимыя непріятельскими выстрѣлами, и необходимость воспрепятствовать какому-либо фланговому движенію, которое легко могли исполнить Неаполитанцы, почти не давъ себя замѣтить, истощили резервы Гарибальди. Тѣмъ не менѣе гарибальдійцы, ободренные присутствіемъ самого генерала, подвигались все впередъ и впередъ, несмотря ни на какія препятствія. Но тутъ пришла вѣсть, что лѣвый флангъ не можетъ долѣе держаться противъ превосходныхъ силъ непріятеля, и что всей линіи грозитъ обходное движеніе. Тогда Гарибальди взялъ послѣдніе остатки резерва, то-есть батальйонъ сѣверныхъ Италіянцевъ и Палермитянъ подъ начальствомъ подполковника Дюнна и поспѣшилъ на лѣвый флангъ, остановить аттаку Неаполитанцевъ. Его присутствіе ободрило войско, и гарибальдійцы сами пошли противъ непріятельскихъ батарей; очень скоро одно изъ орудій было взято и съ торжествомъ увезено съ укрѣпленной стѣны. Въ эту самую минуту раздались крики: «кавалерія, кавалерія» и произошло общее смятеніе. Напрасны были старанія Гарибальди и другихъ офицеровъ: молодыя войска, изъ которыхъ состояло лѣвое крыло, въ испугѣ бросились къ садовымъ заборамъ и, разступившись, дали дорогу небольшой дружинѣ храбрыхъ егерей, которые кинулись въ аттаку, чтобы снова овладѣть орудіемъ. Всадники быстро неслись, рубя направо и налѣво. Но торжество ихъ было непродолжительно; пѣхота Гарибальди скоро оправилась отъ перваго испуга, и встрѣ-

Digitized by Google

тивъ конницу перекрестнымъ огнемъ, выбила почти всѣхъ изъ сѣдла. Ротмистръ, унтеръ-офицеръ и рядовой хотѣли ускользнуть, и успѣли бы въ этомъ непремѣнно, еслибы не остановилъ ихъ лично самъ Гарибальди. Онъ бросился на средину дороги и, выхвативъ саблю (такъ какъ револьверы оставлены были имъ въ чушкахъ сѣдла въ то время, какъ онъ спѣшивался), напалъ на ротмистра. При генералѣ былъ только капитанъ Миссори, изъ отряда колонновожатыхъ, тоже пѣшкомъ, но съ револьверомъ въ рукѣ. Первымъ выстрѣломъ онъ ранилъ подъ ротмистромъ лошадь, которая упала на ноги. Гарибальди схватилъ лошадь за уздцы и предложилъ ротмистру сдаться. Въ отвѣтъ на это ротмистръ замахнулся саблей на Гарибальди: ударъ былъ отраженъ, и самъ ротмистръ поверженъ мертвый на землю. Въ это время капитанъ Миссори вторымъ выстрѣломъ убилъ сержанта, третьимъ ранилъ лошадь рядоваго и, когда этотъ послѣдній не хотѣлъ сдаться, онъ убилъ наповалъ и его четвертымъ выстрѣломъ изъ револьвера.» Этотъ блистательный эпизодъ даетъ редакціи газеты *Times* поводъ сравнить Гарибальди по личной отвагѣ съ паладинами древнихъ временъ. Но суровая поэзія ручной схватки Гарибальди и Миссори съ тремя неаполитанскими всадниками, напоминаетъ намъ еще живѣе безпощадные поединки, возпроизведенные Шекспиромъ въ его историческихъ драмахъ.

Тѣмъ временемъ, несмотря на зной дня и съ утра не принимая пищи, альпійскіе стрѣлки безстрашно подвигались все впередъ и оттѣсняли непріятеля къ перешейку полуострова, гдѣ и завязалась самая отчаянная, самая упорная рукопашная битва. Много пало здѣсь храбрыхъ, въ томъ числѣ майоръ Маліавини. Генералъ Козенцъ раненъ былъ въ шею вязанною картечью, а подъ Медичи была убита лошадь. «Чтобы выбить непріятеля изъ укрѣпленій, рота генуэзскихъ стрѣлковъ была послана въ обходъ позиціи. Тростникъ былъ такъ частъ, что едва можно было слѣдовать по одиночкѣ, между тѣмъ какъ повсюду здѣсь разсыпаны были неаполитанскіе стрѣлки. Не помня себя отъ ярости, Генуэзцы искали встрѣтиться съ непріятелемъ, окружавшимъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и воинъ за воиномъ падали рядами, не успѣвая даже пустить въ дѣло свои превосходные штуцера. Единодушнымъ крикомъ потребовали Генуэзцы аттаки, и капитанъ напрасно старался удержать ихъ. Общимъ порывомъ рота смяла тростникъ и почти наткнулась на стѣну съ амбразурами, откуда они были встрѣчены залпомъ. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, Генуэзцы искали какого-нибудь прохода черезъ стѣну и почти уже настигли Неаполитанцевъ, когда тѣ, слѣдуя своей обычной тактикѣ и избѣгая аттаки штыкомъ, оставили укрѣпленія и отступили. Рота Генуэзцевъ изъ 85 чел. потеряла 32.

Digitized by Google

Общее движеніе впередъ облегчено было взятіемъ этой позиціи. За мостомъ, который велъ къ горжѣ, открывается ровное мѣсто съ моремъ по правую сторону и съ садами по лѣвую. За этимъ ровнымъ мѣстомъ начинается рядъ домовъ, служащихъ какъ бы преддверіемъ города. Здѣсь употреблены были Неаполитанцами послѣднія усилія, чтобъ удержаться: занимая дома, укрываясь за широкими судами, встащенными на взморье, и прикрытые, какъ полевою артиллеріей, такъ и крѣпостными орудіями цитадели, они нѣкоторое время удерживали натискъ гарибальдійцевъ. Но обходное движеніе одной колонны черезъ садъ на ихъ лѣвое крыло и прибытіе къ западному берегу пароходнаго фрегата *Тюкери* (бывшаго *Veloce* и потомъ *Бенвенуто*) измѣнили дѣло. Гарибальди увидѣлъ приближеніе парохода, бросился на взморье, сѣлъ въ лодку и присталъ къ пароходу. Его появленіе на палубѣ оживило все. Нѣсколько хорошо направленныхъ дальнихъ выстрѣловъ съ фрегата, ружейный огонь колоннъ, обошедшихъ лѣвое крыло непріятеля, и жаркая аттака въ штыки съ фронта уничтожили послѣднее сопротивленіе Неаполитанцевъ и заставили ихъ искать спасенія въ цидатели; Неаполитанцы оставили на полѣ битвы двѣ пушки, которыя вмѣстѣ съ тремя прежде взятыми составили всего пять орудій.»

Эта побѣда стоила однако Гарибальди дорого: изъ 5000 убито и ранено было 750; раны, впрочемъ, большею частію легкія. Потеря непріятеля должна быть гораздо меньше, вслѣдствіе его необыкновенно выгодной позиціи.

Отряду Боско, который заперся въ цидатели, предложено было сдаться на капитуляцію, выйдти изъ крѣпости, оставивъ тамъ лошадей, орудія и снаряды. Предложеніе было отвергнуто, и Гарибальди принялъ намѣреніе силою принудить войско къ сдачѣ. Неаполитанцамъ приходилось плохо; телеграммы перелетали изъ Мелаццо въ Мессину, изъ Мессины въ Неаполь, испрашивая разрѣшенія на капитуляцію. Наконецъ 24 числа прибыли 4 неаполитанскіе фрегата, и полковникъ генеральнаго штаба Анезапо былъ уполномоченъ вступить въ переговоры. Гарибальди не отступилъ отъ своихъ требованій и заставилъ отрядъ полковника Боско выступить изъ цитадели на тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя были уже предложены ему. Выступленіе Неаполитанцевъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ, не совсѣмъ благовидныхъ постунковъ: несмотря на капитуляцію, королевскія войска, уходя изъ крѣпости, заклепали нѣсколько орудій и хотѣли было взорвать на воздухъ укрѣпленія, но по счастію приготовленныя для этого мины были во время замѣчены.

50 орудій, 139 лошадей, 100.000 снарядовъ были матеріальнымъ результатомъ мелацской побѣды. Затѣмъ послѣдовала из-

Digitized by Google

вѣстная читателю конвенція, ограничившая число неаполитанскихъ войскъ въ Сициліи незначительными гарнизонами трехъ (теперь двухъ только) цитаделей, установившая свободное плаваніе вокругъ всего острова и развязавшая руки Гарибальди для новыхъ подвиговъ на континентѣ.

Вступленіе Гарибальди послѣ мелацской битвы въ Мессину превосходитъ восторгомъ жителей все доселѣ бывшее на островѣ: народъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ его какъ давно жданнаго освободителя; всѣ сердца бились за человѣка, который самъ живетъ и чувствуетъ жизнью и чувствомъ массъ. «Всѣ видѣли въ немъ, говоритъ корреспондентъ, человѣка, который ихъ понимаетъ, любитъ ихъ, несмотря на ихъ слабости и недостатки, и посвятилъ всю жизнь свою на ихъ освобожденіе.» Мессина совершенно преобразовалась: мрачное отчаяніе и гробовая апатія замѣнились шумными восторгами и порывами патріотизма. «Два мѣсяца тому назадъ я оставилъ городъ мертвымъ, говоритъ корреспондентъ,— и теперь засталъ его живымъ.»

Послѣ мелацской битвы и конвенціи, Гарибальди, не теряя ни минуты, посадилъ свои войска на множество мелкихъ судовъ (числомъ до 300, говорятъ) и направился, какъ мы сказали, къ континенту.

Невольно повинуясь силѣ вещей, внѣшнія препятствія разступаются и даютъ широкій ходъ событіямъ. Несмотря на всю уступчивость неаполитанскаго двора и его представителей, гг. Манны и Винспира, посольство этихъ господъ не удалось, и они удаляются со сцены. Мало того, при извѣстіи, что генералъ Ламорисьеръ предложилъ королю Франциску ввести въ его владѣнія папскія войска для защиты королевства отъ гарибальдійцевъ, сардинское правительство вышло наконецъ изъ страдательнаго положенія; рѣшительно объявивъ, что оно не потерпитъ посторонняго вмѣшательства и что, въ случаѣ успѣха попытки Ламорисьера, немедленно займетъ своими войсками Папскую Область. Даже великій виллафранкскій миротворецъ, встревоженный демонстраціей лорда Пальмерстона въ англійскомъ парламентѣ, поспѣшилъ, между прочимъ, увѣрить британскую націю, посредствомъ письма къ г. Персиньи, что, онъ, согласно съ политикой сентъ-джемскаго кабинета, будетъ держаться въ италіянскомъ вопросѣ принципа невмѣшательства.

Въ то же время, въ Генуѣ, агентъ и правая рука Гарибальди, г. Бертани, приготовилъ было другую экспедицію въ Марію и Умбрію. Но бывшій диктаторъ Эмиліи и нынѣшній сардинскій министръ внутреннихъ дѣлъ г. Фарини, тотъ самый, кого манифестъ Сеттембрини прочитъ въ южно-италіянскіе диктаторы, пріѣхавъ въ городъ, успѣлъ отговорить Бертани (но оконча-

Digitized by Google

тельно ли?) отъ этого предпріятія, которое легко могло бы, по словамъ Фарини, повредить дѣлу Гарибальди, такъ какъ на Римъ нужно идти только ужь изъ Неаполя. Этотъ же Фарини ѣдетъ, говорятъ, въ Неаполь для того, чтобы, въ случаѣ оставленія столицы королемъ Франциской, принять управленіе въ свои руки на правахъ Депретиса въ Сициліи, то-есть на правахъ продиктатора.

А бѣгство короля изъ Неаполя дѣйствительно становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Король, какъ главный виновникъ настоящей борьбы, такъ какъ его деспотическое правленіе, по справедливому замѣчанію Джона Лемуана въ *Journal des Débats*, было истинно революціоннымъ элементомъ въ Европѣ, а противное движеніе служитъ наоборотъ, какъ бы естественною реставраціей, король не можетъ долго держаться въ Неаполѣ. Онъ чуждъ народу, такъ же точно, какъ народъ чуждъ ему, а силы держать его въ повиновеніи король теперь уже не имѣетъ. Король Франциск и борется, если хотите, но онъ продолжаетъ еще бороться за старое, противъ того порядка вещей, который вызванъ его же собственною добровольною уступкой. Министры дѣлаютъ все, что могутъ, но ихъ добросовѣстныя усилія не ведутъ ни къ чему, встрѣчая, съ одной стороны, очень часто упорство короля, а съ другой, недовѣріе общества, нетерпѣливо ожидающаго новыхъ лицъ и новыхъ событій. Городъ наполненъ гарибальдійцами, фаринистами, мадзинистами, вернувшимися изгнанниками, освобожденными политическими арестантами (1). Все это знать не хочетъ ни короля, ни его правительства, шумно провозглашаетъ Гарибальди при всякомъ удобномъ случаѣ и ждетъ его съ постоянно возрастающимъ нетерпѣніемъ. 19 іюля, какъ день рожденія сицилійскаго диктатора, было торжественно отпраздновано всѣмъ населеніемъ Неаполя; городъ былъ иллюминованъ, въ томъ числѣ и дома министровъ и самого папскаго нунція, хотя они и прикрыли праздничное освѣщеніе домовъ своихъ другимъ предлогомъ — учрежденіемъ національной гвардіи и установленіемъ новаго порядка вещей. Первое появленіе національной гвардіи на улицахъ города встрѣчено было необыкновеннымъ восторгомъ, въ кото-

(1) Неаполитанскому корреспонденту газеты *Times* удалось видѣть казематы, въ которыхъ томились эти несчастные, и онъ описываетъ ихъ какъ страшныя конуры безъ воздуха и свѣта, сырыя и зловонныя, пригодныя для какого-нибудь звѣря, а не для человѣка; жестокость эта тѣмъ менѣе извинительна со стороны христіянскаго и очень набожнаго правительства, что въ казематы сажались люди безъ суда, безъ приговора, ни въ чемъ часто невиновные и ни въ чемъ не обвиняемые, по одной только подозрительности полиціи.

Digitized by Google

ромъ, впрочемъ, нисколько не было видно благодарности къ правительству, несмотря даже на очень удачное измѣненіе въ его составѣ, причемъ г. Либеріо Романо сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, г. Антоніо Ланцилли министромъ юстиціи, г. Сакки префектомъ полиціи.

ПРІЕМЪ СТУДЕНТОВЪ ВЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Въ настоящую минуту производятся въ Московскомъ университетѣ пріемные экзамены на основаніи новыхъ правилъ, значительно отступающихъ отъ прежняго обычая. Испытанія идутъ, сколько намъ извѣстно, довольно стройно, благодаря опыту прошлаго года, когда, по ходатайству Московскаго университета, были допущены нѣкоторыя существенныя видоизмѣненія въ прежнемъ порядкѣ вступительныхъ испытаній. Многія изъ этихъ видоизмѣненій вошли въ новыя правила, и такимъ образомъ распространены на всѣ русскіе университеты, кромѣ привилегированныхъ университетовъ Дерптскаго и Гельсингфорскаго, которымъ вообще дано право жить своею особою жизнію и дѣлать измѣненія въ своей организаціи согласно съ собственными своими потребностями и условіями, а не по общему плану. Другія видоизмѣненія, допущенныя въ Москвѣ въ прошломъ году, отчасти устранены, отчасти переработаны въ новыхъ правилахъ; сверхъ того, новыя правила заключаютъ въ себѣ нѣсколько мѣръ совершенно новыхъ, могущихъ имѣть большое вліяніе не только на отношеніе гимназій къ университетамъ, но и вообще на дальнѣйшій ходъ учебной части въ Россіи. Мы считаемъ своевременнымъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ очень важномъ пунктѣ вопроса о пріемѣ студентовъ въ университетъ, именно о пріемѣ гимназистовъ безъ экзамена и по такъ-называемому сокращенному испытанію.

Начнемъ съ общеизвѣстной и всѣми признаваемой истины, что нововведенія хороши только тогда, когда ими устраняется какой-нибудь существенный, очевидный недостатокъ прежняго устройства. Разумный консерватизмъ состоитъ въ томъ, чтобы съ одной стороны ничего не ломать безъ крайней нужды, а съ другой стороны, не поддерживать внѣшними искусственными средствами ничего такого, что само собою ломается и требуетъ серіознаго исправленія. Какой-нибудь проектъ, выработанный въ кабинетѣ

Digitized by Google

или канцеляріи, можетъ имѣть очень привлекательную наружность, можетъ обѣщать очень много хорошаго, можетъ даже приводить своихъ авторовъ въ восторгъ; онъ можетъ быть совершенно чистъ отъ противорѣчій и несообразностей, которыя довольно часто встрѣчаются въ проектахъ, составляемыхъ подъ вліяніемъ увлеченій теоретическими соображеніями; онъ можетъ быть такъ осмотрительно выработанъ, что въ немъ, какъ говорится, нельзя поддѣть ни булавочной головки, и тѣмъ не менѣе онъ можетъ оказать очень мало благотворнаго вліянія на живую дѣйствительность вслѣдствіе той упругости, которою отличается всякая дѣйствительная жизнь. Поэтому-то разумный консерватизмъ такъ дорожитъ частными и мѣстными постепенными преобразованіями, вызываемыми голосомъ самой жизни, и чувствуетъ такую антипатію къ уставамъ, систематически предписывающимъ новыя формы и новыя нормы для всѣхъ проявленій общественной или государственной жизни въ какой-нибудь отдѣльной сферѣ. Тѣмъ менѣе можно ожидать успѣха отъ общихъ, все исчерпывающихъ или по крайней мѣрѣ желающихъ все исчерпать постановленій, чѣмъ обширнѣйшій кругъ имѣютъ эти постановленія, чѣмъ больше страна, для которой они предназначаются. Россія однообразна, говорятъ всѣ почти въ одинъ голосъ, но мы готовы подозрѣвать, не опирается ли это мнѣніе лишь на недостаточное знакомство съ Россіей. Что касается до насъ, то намъ кажется, что Россія очень разнообразна, во всѣхъ отношеніяхъ, а если идетъ рѣчь о народномъ просвѣщеніи, то, по нашему мнѣнію, нельзя даже оспаривать тотъ фактъ, что уровень просвѣщенія въ разныхъ краяхъ Россіи очень не одинаковъ. Есть центры, около которыхъ, вслѣдствіе разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, народное просвѣщеніе развивалось успѣшнѣе нежели вдали отъ этихъ центровъ. Москва была несомнѣнно однимъ изъ такихъ центровъ, и это имѣло несомнѣнное вліяніе на учебныя заведенія Москвы и ея ближайшихъ окрестностей. Въ послѣднія десять лѣтъ многія изъ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ московскому учебному округу, исчезли. Недавно одинъ изъ нашихъ друзей имѣлъ случай объѣхать почти всѣ подмосковныя губерніи; онъ былъ пораженъ тѣмъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ Московскому университету, которое онъ замѣтилъ въ отзывахъ разныхъ лицъ въ подмосковныхъ губерніяхъ, но, говоритъ онъ, нигдѣ уже не тайна, что Московскій университетъ теперь далеко не то, что̀ былъ прежде. Это измѣненіе къ худшему произошло однакоже не вслѣдствіе какого-нибудь кореннаго измѣненія въ общественномъ бытѣ Москвы и окрестныхъ губерній. Москва вовсе не падаетъ; напротивъ, ея значеніе, какъ экономическое, такъ и умственное, съ каждымъ годомъ растетъ и не-

Digitized by Google

сомнѣнно будетъ расти. Было бы странно думать, что центральная Великороссія отживаетъ свой вѣкъ, когда очевидно, что она обновляется и расширяетъ свою дѣятельность. Поэтому нѣтъ причины ожидать, что учебныя заведенія Москвы пребудутъ въ теперешнемъ своемъ состояніи; если казенныя заведенія не усовершенствуются, то могутъ возникнуть частныя заведенія, которыя будутъ находиться въ болѣе тѣсной связи съ жизнію общества и менѣе подлежать приливу и отливу благопріятныхъ обстоятельствъ; если университетъ будетъ дѣйствовать вяло, то литература можетъ развить усиленную энергію. Но какъ бы то ни было, вѣрно то, что умственная жизнь Москвы не пойдетъ назадъ: это невозможно, если Россіи предстоитъ будущность. А когда такъ, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что не должно подводить Москву и ея учебныя учрежденія подъ одинъ уровень съ остальными частями Россіи, что не должно, напримѣръ, искусственно понижать уровень московскаго студенчества, соображаясь съ состояніемъ самыхъ неустроенныхъ гимназій въ отдаленныхъ краяхъ имперіи? Къ чему могла бы повести такая нивеллировка, какъ не къ упадку и Московскаго университета, и гимназій, какъ московскихъ, такъ и подмосковныхъ?

Если мѣстныя обстоятельства благопріятны Московскому университету, то надобно, кажется намъ, желать, чтобы Московскій университетъ могъ пользоваться ими. Если въ Москвѣ есть средства разборчивѣе набирать студентовъ нежели въ другихъ университетскихъ городахъ Россіи, то благоразуміе требуетъ не препятствовать этой разборчивости, не противодѣйствовать тому, чтобъ уровень образованія московскихъ студентовъ стоялъ на той степени, которая возможна въ Москвѣ, чтобы Московскій университетъ не наполнялся людьми, вносящими въ него элементы, отъ которыхъ онъ былъ и можетъ еще быть свободенъ. Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ желательнымъ, чтобы пріемъ студентовъ въ Московскій университетъ не былъ подчиненъ одной нормѣ, общей для всѣхъ университетовъ Россіи, а производился на основаніи правилъ, указываемыхъ *мѣстными* обстоятельствами. Все значеніе университета зависитъ отъ личнаго состава его, то-есть отъ выбора профессоровъ и студентовъ. Мы не говоримъ теперь о выборѣ профессоровъ. Это вопросъ сложный и трудный, требующій тщательной обработки и издавна составляющій предметъ нашихъ размышленій, которыми мы не замедлимъ подѣлиться съ публикой. Теперь мы намѣрены вести рѣчь о выборѣ студентовъ, то-есть о пріемѣ въ число студентовъ, и не можемъ не высказаться противъ крайне-ошибочнаго мнѣнія, будто бы для университета все равно кѣмъ ни наполняются его аудиторіи. Такое мнѣніе могло

Digitized by Google

возникнуть изъ самаго поверхностнаго, изъ самаго формальнаго взгляда на университетъ, изъ взгляда, отвергающаго живое взаимнодѣйствіе между преподавателями и слушателями. Взглядъ этотъ превращаетъ профессора въ машину, студента въ куклу; это взглядъ механическій, мертвящій. Г. Ржевскій, въ статьѣ, которая напечатана нами въ № 12 *Русскаго Вѣстника*, очень хорошо показалъ несостоятельность этого взгляда въ педагогическомъ отношеніи. Мы съ своей стороны прибавимъ, что въ живой дѣйствительности не только направленіе преподаванія, но и направленіе всей ученой дѣятельности профессоровъ во многомъ зависитъ отъ умственнаго и нравственнаго состоянія студентовъ, что корпусъ профессоровъ не можетъ сохранить свое достоинство, когда духъ студенчества искажается и падаетъ. Выборъ студентовъ есть великое дѣло для благосостоянія университета, и если Московскому университету суждено подняться, онъ долженъ получить средства для энергическаго вліянія на это условіе своего благосостоянія.

Въ литературѣ много было говорено о правѣ гимназій давать своимъ ученикамъ аттестаты для поступленія въ университетъ безъ экзамена. Мы долго воздерживались отъ дѣятельнаго участія въ этомъ спорѣ. Мы не высказывались рѣшительно, потому что хотѣли собрать больше данныхъ. Безпристрастное, продолжительное наблюденіе привело насъ наконецъ къ убѣжденію, что это право гимназій есть пагуба и для гимназій, и для университета, и что оно особенно пагубно для университета Московскаго. Право поступленія безъ экзамена въ Московскій университетъ было даваемо въ послѣднія двадцать лѣтъ воспитанникамъ нѣкоторыхъ гимназій. Въ московскомъ округѣ оно было распространяемо съ большою осмотрительностію, и притомъ въ видѣ временной мѣры; лишь недавно получили его всѣ гимназіи московскаго округа, такъ недавно, что эта мѣра уже не относится къ хорошему старому времени. Начальство округа, полагаясь на свой бдительный надзоръ за гимназіями, было увѣрено, что не поставитъ этого права за гимназіей, которая не была бы вполнѣ достойна этого отличія. Можетъ-быть тутъ былъ излишекъ самоувѣренности, но во всякомъ случаѣ на это отличіе смотрѣли какъ на награду, а не какъ на право, принадлежащее каждой гимназіи московскаго округа только потому, что она принадлежитъ къ московскому округу. За гимназіями другихъ округовъ это право не признавалось до нынѣшняго года. Такимъ образомъ, съ этой стороны, благосостояніе Московскаго университета до нынѣшняго года было поставлено въ зависимость только отъ благосостоянія гимназій московскаго округа. Распространеніе этого права на всѣ гимназіи, сколько ихъ ни есть въ Россіи

Digitized by Google

должно произвести совершенную нивеллировку въ студенчествѣ всѣхъ русскихъ университетовъ, и легко понять, что всего болѣзненнѣе отзовется оно на университетѣ Московскомъ. Какое же дѣйствіе произведетъ это право на гимназіи? Нѣтъ сомнѣнія, что оно затруднитъ положеніе частныхъ пансіоновъ въ губерніяхъ и стѣснитъ домашнее воспитаніе. Если увеличится число гимназистовъ, то это будетъ въ ущербъ частнаго воспитанія. Но чѣмъ слабѣе будетъ конкурренція частнаго воспитанія, тѣмъ менѣе будутъ имѣть гимназіи побужденій заботиться о своемъ благоустройствѣ. Надзоръ со стороны округа не можетъ быть такъ бдителенъ, чтобы замѣнить собой благодѣтельное вліяніе конкурренціи. Частный пансіонъ, находящійся въ одномъ городѣ съ гимназіей, будетъ гораздо полезнѣе для гимназіи нежели всѣ возможныя ревизіи, объѣзды и повѣрки баловъ со стороны попечителя, его канцеляріи и инспектора казенныхъ училищъ. Но еще болѣе конкурренціи частныхъ пансіоновъ можетъ оживлять гимназію та проба ея педагогической дѣятельности, которая производилась прежде на пріемныхъ экзаменахъ въ русскихъ университетахъ. Ежегодно подвергаясь этой пробѣ, гимназіи никакъ не могли вести свое дѣло кое-какъ и разчитывать на авось. Еслибы случилось хоть однажды, что ученики какой-нибудь гимназіи не выдержали бы пріемнаго экзамена въ университетахъ Россіи, то общаго вопля родителей было бы достаточно для того, чтобы вынудить необходимыя улучшенія. Мы далеки отъ мысли низко цѣнить труды учительскаго сословія, а равно и отъ желанія ставить это почтенное сословіе въ зависимость отъ профессоровъ университета; мы напротивъ ничего такъ не желаемъ, какъ самостоятельности учительскаго сословія. Но человѣческія дѣла не могутъ идти успѣшно безъ отвѣтственности и контроля, и усыпленіе легко овладѣваетъ всякимъ человѣкомъ и всякимъ человѣческимъ учрежденіемъ, когда силы человѣка или учрежденія не возбуждаются отвѣтственностію и контролемъ. Мы твердо убѣждены въ томъ, что право гимназистовъ на вступленіе въ университетъ безъ экзамена, ставя частныя учебныя заведенія въ невозможность конкуррировать съ гимназіями и освобождая гимназіи отъ самой естественной и нисколько не стѣснительной для нихъ повѣрки ихъ дѣйствій, будетъ имѣть слѣдствіемъ безпечность гимназій, безпечность, которая отзовется на всемъ русскомъ просвѣщеніи, потому что наряду съ гимназіями, пользующимися такою привилегіей, можетъ почти невозможно существовать частнымъ учебнымъ заведеніямъ, нигдѣ въ Россіи, кромѣ развѣ столицъ и очень большихъ городовъ.

Чтобы не брать примѣровъ изъ близкой намъ среды, мы укажемъ на страну, съ которою никому не можетъ быть стыдно

Digitized by Google

сравненіе. Мы хотимъ говорить о Шотландіи и не о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Шотландіи, а о шотландскихъ университетахъ, издавна пользовавшихся хорошею и, можно даже сказать, громкою извѣстностію. Система, тамъ господствующая, во многомъ сходна съ нашею системой и рѣзко отличается отъ системы, принятой въ англійскихъ университетахъ. Между тѣмъ какъ въ Англіи университетская жизнь основана на такъ-называемомъ туторствѣ (tutoring system), и профессорскія лекціи составляютъ лишь второстепенное пособіе для университетскаго ученія, въ шотландскихъ университетахъ на первомъ планѣ стоятъ лекціи, вслѣдствіе чего шотландскую систему Англичане зовутъ лекціонною системой (lecturing system). Въ Оксфордѣ и Кембриджѣ каждый студентъ находится подъ наблюденіемъ одного изъ туторовъ; этотъ туторъ обязанъ слѣдить за его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, за его занятіями и образомъ жизни. Такая строгая опека можетъ показаться для поверхностнаго взгляда чѣмъ-то страннымъ, несообразнымъ съ духомъ новаго времени и теперешнимъ англійскимъ бытомъ. Французскіе писатели дѣйствительно находятъ въ туторствѣ остатки средневѣковой грубости, но Англичане тѣмъ не менѣе очень дорожатъ туторствомъ, Англичане, которые такъ любятъ свободу и такъ высоко цѣнятъ ее. Если самобытность лица есть характеръ англійской націи, то англійскіе университеты, безспорно, не мало содѣйствовали и теперь содѣйствуютъ полнѣйшему раскрытію этого національнаго характера. Англичане не терпятъ либеральничанія тамъ, гдѣ оно не на мѣстѣ, гдѣ въ немъ можетъ заключаться только фальшь; англійскіе университеты стараются о томъ, чтобы сдѣлать студентовъ самостоятельными людьми, а не о томъ, чтобъ объявить ихъ самостоятельными людьми и предоставить ихъ самимъ себѣ, лишивъ ихъ помощи и опоры, въ которой они нуждаются именно для пріобрѣтенія самостоятельности. Англійскіе университеты — не только учебныя, но еще болѣе воспитательныя заведенія. Молодой человѣкъ привыкаетъ въ нихъ къ самостоятельному труду подъ надзоромъ людей зрѣлыхъ и опытныхъ, избираемыхъ въ туторы. Благодаря туторству, ошибки и увлеченія, неизбѣжныя при юношеской неопытности, могутъ быть поправляемы, безъ растраты силъ и времени. Самостоятельныя занятія науками идутъ, не хромая, и знанія пріобрѣтаются методически, безъ скачковъ и блужданій по окольнымъ путямъ; студенты пользуются тою помощію, которая драгоцѣннѣе всего въ ихъ возрастѣ,—постоянными совѣтами людей доброжелательныхъ и коротко знакомыхъ съ познаніями и личнымъ характеромъ каждаго изъ нихъ; молодые люди трудятся, развиваются и созрѣваютъ подъ строгою дисциплиной, не подъ тою внѣшнею, полицейскою дисциплиной, которая въ

Digitized by Google

сущности противоположна истинной дисциплинѣ и исключаетъ ее собой, а подъ дисциплиной, сдерживающею человѣка и сосредоточивающею его силы, укрѣпляющею его умъ и его волю, пріучающею его серіозно браться за каждое дѣло, дѣлающею его способнымъ стоять на своихъ ногахъ и ходить безъ помочей, не оступаясь. Ни одна страна не можетъ поравняться съ Англіей въ дисциплинѣ, которая держится въ англійскомъ обществѣ сама собою и составляетъ основу англійской свободы; нигдѣ университетское образованіе не проникнуто въ такой степени живительнымъ духомъ этой такъ-сказать внутренней дисциплины, какъ въ Англіи. Этотъ духъ, закаляющій англійское университетское юношество, выработанъ всею англійскою жизнію, всею англійскою исторіей; его нельзя ввести въ другую страну никакимъ уставомъ; все достоинство уставовъ можетъ заключаться только въ томъ, чтобъ они не препятствовали развиваться задаткамъ этого духа, гдѣ они есть. Русскіе университеты долго еще будутъ страдать послѣдствіями формальной дисциплины, обращенной только наружу и оставляющей совершенный хаосъ внутри, который не можетъ не проступать по временамъ и наружу, и потому нельзя не радоваться извѣстію, чтопри Кембриджскомъ университетѣ предполагается учредить особую коллегію для русскихъ студентовъ; нельзя не ожидать отъ этой коллегіи самыхъ благихъ плодовъ для русскаго образованія. Говорятъ, что православная церковь уже заложена въ Кембриджѣ, и что значительныя суммы для устройства коллегіи уже собраны по подпискѣ; если это дѣло состоится, то высшіе классы русскаго общества будутъ имѣть такія средства для серіознаго образованія, какихъ нельзя найти нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Но какъ ни высоки достоинства англійскаго университетскаго образованія, оно имѣетъ важные недостатки. Недостатки эти заключаются не въ томъ, что профессоры въ Англіи читаютъ мало лекцій (на этотъ недостатокъ обыкновенно указываютъ, когда сравниваютъ англійскіе университеты съ нѣмецкими), а преимущественно въ томъ, что англійское университетское образованіе очень дорого и потому было бы почти недоступно для недостаточныхъ людей безъ существованія множество стипендій. Этотъ недостатокъ находится въ тѣсной связи съ системой туторства, и едвали можетъ быть устраненъ при существованіи этой системы, а между тѣмъ съ другой стороны на системѣ туторства основано все устройство старыхъ англійскихъ университетовъ, и отъ нея зависитъ ихъ великое педагогическое значеніе. Дороговизна высшаго образованія есть, кажется, такая принадлежность Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ, отъ которой едвали имъ будетъ возможно когда-нибудь освободиться. Совершенную противоположность Оксфорду и Кембриджу составляютъ въ этомъ отношеніи уни-

Digitized by Google

верситеты шотландскіе. Вмѣсто тамошней дороговизны, мы встрѣчаемся здѣсь съ такою дешевизной, которая поражаетъ насъ удивленіемъ. Въ шотландскихъ университетахъ не мало студентовъ, истрачивающихъ менѣе 100 р. въ годъ; есть и такіе, которые, будучи студентами, живутъ работой своихъ рукъ; они нанимаются у мастеровыхъ и обязываются работать не десять часовъ въ день, какъ обыкновенные рабочіе, а пять часовъ; получая за этотъ половинный трудъ половинное жалованье, они находятъ возможность быть студентами, напримѣръ, Эдинбургскаго университета и посвящаютъ наукамъ свободное отъ работы время. Разумѣется, что тутъ о туторствѣ не можетъ быть рѣчи, и все образованіе пріобрѣтается исключительно черезъ слушаніе лекцій. Мы уже сказали, что въ шотландскихъ университетахъ развилась такъ-называемая лекціонная система, *lecturing system*. Студенты предоставлены самимъ себѣ; ихъ университетскія занятія заключаются преимущественно въ пассивномъ слушаніи лекцій. Принимаются они въ университетъ мало-приготовленные; никто не слѣдитъ за ихъ познаніями, за ихъ развитіемъ, за тѣмъ, какъ они употребляютъ свое время. Они пользуются совершенною самостоятельностію, но за то и не достигаютъ настоящей самостоятельности. Они должны сами заботиться о себѣ, но такъ какъ они еще не умѣютъ заботиться о себѣ какъ слѣдуетъ, то нерѣдко имъ приходится дѣлать промахи, заниматься не тѣмъ, чѣмъ нужно, и упускать необходимое. Прослушавъ цѣлый рядъ профессорскихъ курсовъ, они иногда не знаютъ самыхъ простыхъ вещей и выходятъ изъ университета безъ основательнаго образованія. Много разъ замѣчательнѣйшіе изъ шотландскихъ профессоровъ указывали на это зло, говорили о вредныхъ послѣдствіяхъ дурнаго приготовленія къ университету и пассивнаго слушанія университетскихъ лекцій, но дѣло шло по прежнему, и общественное мнѣніе, которое въ Великобританіи значитъ все, не обращало вниманія на эти почтенные голоса. Духъ шотландскаго студентства падалъ. Студенты, не имѣя необходимыхъ элементарныхъ свѣдѣній, не могли съ успѣхомъ заниматься науками, и все болѣе и болѣе отставали отъ занятій. Университетъ не связывалъ ихъ въ одно цѣлое; они жили врознь, безъ живительнаго взаимнодѣйствія; ихъ нельзя уже было назвать *cives reipublicae*, гражданами академическаго государства; они проводили годы своего студенчества какъ граждане того города, гдѣ они жили, перемѣшанные съ обывателями и неотличимые отъ нихъ. Нельзя сказать, какъ долго продолжалось бы это состояніе шотландскихъ университетовъ, приносившее студентамъ мало пользы и почти вовсе не дѣйствовавшее на выработку ихъ ума и характера, еслибы не заставило Шотландію встрепенуться обсто-

Digitized by Google

ятельство, повидимому очень незначительное, но на практикѣ оказавшееся очень важнымъ и очень благодѣтельнымъ для всей будущности шотландскихъ университетовъ. Шотландцы издавна привыкли посылать своихъ дѣтей на службу въ Индію; эта служба была однимъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія многихъ семействъ Шотландіи, страны, крайне-бѣдной отъ природы. Дипломы шотландскихъ университетовъ признавались достаточнымъ ручательствомъ въ способности молодыхъ людей къ службѣ; Шотландцы очень гордились этимъ значеніемъ дипломовъ, очень дорожили имъ и видѣли въ немъ важное право шотландскихъ университетовъ. Казалось, что это право поднимаетъ университеты, привлекаетъ къ нимъ юношество, составляетъ главное условіе ихъ существованія. Но вотъ года три тому назадъ остъ-индская компанія нашла нужнымъ учредить экзаминаціонную коммиссію, въ которой всѣ молодые люди, кандидаты для индійской службы, должны были подвергаться испытанію. Коммиссія эта засѣдала въ Лондонѣ и начала экзаменовать шотландскихъ студентовъ. Такъ какъ дѣло было въ Англіи, то само собой разумѣется, что коммиссія требовала основательнаго классическаго образованія и очень строго экзаменовала изъ древнихъ языковъ. Въ первый же годъ почти всѣ шотландскіе студенты провалились на экзаменѣ. Тогда поднялся въ Шотландіи общій вопль негодованія, — негодованія не на коммиссію, а на шотландскіе университеты. Во всей Шотландіи только и было рѣчи, что о необходимости университетской реформы; мгновенно явилась готовность оцѣнить голоса, раздававшіеся прежде безъ результата среди равнодушнаго общества, и парламентъ, который имѣетъ мудрый обычай предпринимать только реформы, настоятельно требуемыя общественнымъ мнѣніемъ, на другой же годъ преобразовалъ университетское законодательство Шотландіи. Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ новомъ законодательствѣ. Мы только хотѣли указать на примѣръ Шотландіи въ подтвержденіе мысли, что даже благопріятно поставленныя учрежденія могутъ долго оставаться безъ необходимыхъ улучшеній, а иногда и идти назадъ, если нѣтъ сильнаго побужденія къ бодрой дѣятельности и своевременному принятію нужныхъ мѣръ. Русскія гимназіи, конечно, не оскорбятся тѣмъ, что мы сравнимъ ихъ съ шотландскими университетами. Какъ благотворно подѣйствовала на шотландскіе университеты лондонская экзаминаціонная коммиссія остъ-индской компаніи, такъ, по нашему мнѣнію, благотворно должно подѣйствовать и на русскія гимназіи подчиненіе гимназистовъ испытанію при поступленіи въ университеты. Хорошимъ гимназіямъ эта мѣра должна быть желательна; она выставитъ достоинства этихъ заведеній и въ глазахъ публики, и въ глазахъ

Digitized by Google

начальства; репутація заведенія будетъ основываться не на неопредѣленномъ говорѣ публики, не на говорливости и ловкости лицъ, служащихъ въ гимназіи, не на поддержаніи внѣшняго порядка или внѣшняго блеска, а на несомнѣнныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о внутреннемъ достоинствѣ заведенія. Положеніе плохихъ гимназій будетъ не пріятно; имъ будетъ не ловко и передъ публикой, и передъ начальствомъ, которое узнаетъ о ихъ недостаткахъ, но и плохія гимназіи тотчасъ же выиграютъ, потому что будутъ принуждены серіозно взяться за дѣло и поспѣшить устраненіемъ причинъ своей слабости. Спать въ тихомолку или идти назадъ, показывая видъ, что идешь впередъ, будетъ неудобно. И хорошія и дурныя гимназіи будутъ застрахованы отъ безпечнаго самодовольства.

Само собой разумѣется, что настаивая на подчиненіи гимназій повѣркѣ ихъ дѣйствій посредствомъ пріемнаго экзамена, и утверждая, что эта повѣрка составляетъ крайнюю необходимость и самое существенное условіе благосостоянія гимназій, мы не отрицаемъ необходимости оградить ихъ отъ произвола университетскихъ экзаминаторовъ. Мы не станемъ ссылаться на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ Москвѣ вовсе не слышно о какихъ-нибудь противозаконныхъ дѣйствіяхъ или злоупотребленіяхъ со стороны университетскихъ экзаминаторовъ. Не скрывая ни отъ себя ни отъ публики теперешняго состоянія Московскаго университета, считая своею обязанностію говорить во всеуслышаніе о необходимости серіозныхъ улучшеній въ Московскомъ университетѣ, мы не можемъ не засвидѣтельствовать съ другой стороны, что несмотря на всѣ ошибки, которыя могли встрѣчаться при вступительныхъ испытаніяхъ, добросовѣстность университетскихъ экзаминаторовъ давно уже не подвергалась нималѣйшему сомнѣнію. Но тѣмъ не менѣе было бы неблагоразумно отрицать, что производство пріемныхъ экзаменовъ должно быть окружено гарантіями. Намъ очень пріятно замѣтить, что новое устройство экзаминаціонной коммиссіи и новый распорядокъ экзаменовъ заключаютъ въ себѣ значительныя гарантіи противъ произвола. Экзаминаціонная коммиссія состоитъ лишь на одну треть изъ профессоровъ университета; остальныя двѣ трети ея представляютъ собой московскія гимназіи. Она подраздѣляется на семь отдѣленій для семи группъ предметовъ: 1) для закона Божія, 2) для русскаго и славянскаго языковъ, 3) для исторіи и географіи, 4) для математики и физики, 5) для древнихъ языковъ, 6) для нѣмецкаго языка, 7) для французскаго языка. Отдѣленіе закона Божія состоитъ изъ трехъ членовъ (профессора богословія и двухъ законоучителей). Остальныя отдѣленія раздѣляются каждое на два стола, по три члена въ каждомъ (преподаватель

Digitized by Google

университета и два учителя). Экзаменующіеся распредѣляются между двумя столами въ самый день экзамена; намъ кажется, что было бы полезно производить это распредѣленіе по жребію, дабы совершенно оградить экзаменъ отъ предварительныхъ ходатайствъ и соглашеній. Отмѣтки ставятся членами каждаго стола съ общаго согласія; на случай разногласія предполагается, что испытаніе должно быть повторено въ присутствіи всѣхъ шести членовъ обоихъ столовъ, и отмѣтка назначена большинствомъ голосовъ; на случай равнаго раздѣленія голосовъ предполагается, что долженъ быть приглашенъ предсѣдатель общаго собранія экзаминаціонной коммиссіи. Тотъ же самый порядокъ предполагается и на случай жалобы экзаменующагося. Такимъ образомъ экзаминаторы поставлены въ положеніе, значительно ограничивающее ихъ произволъ. По языкамъ, русскому, древнимъ и новымъ иностраннымъ, произволъ экзаминаторовъ еще болѣе стѣсненъ тѣмъ, что новыя правила предписываютъ письменное испытаніе въ языкахъ. Это предписаніе несомнѣнно составляетъ важный шагъ впередъ противъ прежняго порядка: письменное испытаніе уравниваетъ положеніе экзаменующихся; робкій и смѣлый, привыкшій и непривыкшій къ публичнымъ экзаменамъ, стоятъ при письменномъ испытаніи наравнѣ; письменный отвѣтъ есть документъ, ограждающій экзаменующагося отъ несправедливости, а экзаминатора отъ несправедливыхъ обвиненій въ излишней строгости или излишней снисходительности. Но дабы всѣ эти очевидныя достоинства письменнаго испытанія оправдались на дѣлѣ, необходимо строгое соблюденіе нѣкоторыхъ формальностей, повидимому мелочныхъ и придирчивыхъ, но въ сущности очень важныхъ. Необходимо, чтобы при письменномъ испытаніи экзаменующіеся были размѣщены такъ, какъ принято въ тѣхъ странахъ, гдѣ письменныя испытанія производятся издавна. Въ Кембриджѣ, напримѣръ, экзаменующихся сажаютъ за отдѣльные столики, которые размѣщаются въ экзаменаціонной комнатѣ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго; величина столиковъ и разстояніе между ними въ точности опредѣлены правилами, строго соблюдаемыми; экзаменующіеся разсаживаются по столикамъ по жребію; никто изъ нихъ не имѣетъ права встать съ мѣста, пока не подалъ отвѣта; если кто встанетъ съ мѣста, обязанъ выйдти и подвергается письменному испытанію уже на другой день. Намъ случалось слышать возраженія, что подобныя правила слишкомъ мелочны и отзываются педантизмомъ, что они оскорбительны для молодыхъ людей и не достойны университета. Мы скажемъ на это, что въ Англіи, гдѣ личность человѣка пользуется такимъ уваженіемъ, думаютъ иначе; молодые люди не оскорбляются этимъ правиломъ, какъ при-

Digitized by Google

сные не оскорбляются тѣмъ, что ихъ запираютъ на ключъ и не позволяютъ никому говорить съ ними. Если вникнуть въ дѣло, то окажется, что и съ достоинствомъ университета согласнѣе эта повидимому педантская формалистика нежели порядокъ, вводящій молодыхъ людей въ искушеніе, которому подпасть очень извинительно, хотя тѣмъ не менѣе безнравственно. Коль скоро мы вводимъ письменныя испытанія, необходимо принять мѣры, чтобъ они производились серіозно, чтобы внѣшній порядокъ, соблюдаемый при нихъ, не заключалъ въ себѣ поводовъ къ соблазну, а подавать поводъ къ соблазну, конечно, всего менѣе согласно съ достоинствомъ университета. Письменное испытаніе, производимое какъ слѣдуетъ, есть самая безупречная форма испытанія. Наше мнѣніе таково, что не изъ однихъ языковъ, а изо всѣхъ предметовъ было бы полезно производить письменное испытаніе; изустный экзаменъ долженъ служить только дополненіемъ письменнаго, въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда по письменному отвѣту нельзя составить себѣ сужденія о познаніяхъ экзаменующагося. Но всякое дѣло имѣетъ свои условія, и письменное испытаніе не можетъ оправдать себя, если не соблюдаются необходимыя формальности, требуемыя свойствомъ письменнаго экзамена.

Возвратимся къ гимназистамъ. Теперь лучшіе ученики гимназій получаютъ отъ гимназій аттестатъ, по которому они поступаютъ въ университетъ безъ испытанія. Университетъ обязанъ принять ихъ въ число студентовъ; онъ не имѣетъ права отказать въ студенчествѣ даже такому молодому человѣку, который въ прошеніи о принятіи въ университетъ собственноручно напишетъ, что представляетъ *отестатъ* о восьмилѣтнемъ обученіи въ гимназіи и *свидетельство мещанскаго* общества объ увольненіи. Этотъ случай не составляетъ невозможности, а если онъ возможенъ, то что слѣдуетъ изъ того?... Правомъ поступленія въ университетъ безъ испытанія пользуются только лучшіе изъ воспитанниковъ гимназій; слабѣйшіе, но удостоеные аттестата объ окончаніи курса, пользуются передъ воспитанниками частныхъ учебныхъ заведеній и передъ молодыми людьми, воспитывавшимися дома, тѣмъ преимуществомъ, что подвергаются не полному испытанію изо всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, а сокращенному испытанію изъ немногихъ предметовъ, смотря по тому, на какой факультетъ они поступаютъ. Избирающіе математическій факультетъ освобождаются, напримѣръ, отъ экзамена изъ латинскаго языка; избирающіе остальные факультеты освобождаются отъ экзамена изъ математики. Такимъ образомъ вносится въ пріемный экзаменъ нѣчто въ родѣ факультетскаго раздѣленія. Мы опасаемся, чтобы право на сокращенный экзаменъ

Digitized by Google

не поощряло учениковъ высшихъ классовъ гимназій къ пренебреженію тѣми предметами, въ которыхъ они не дѣлаютъ успѣховъ, но которые, по общему убѣжденію образованныхъ народовъ, составляютъ существенную часть гимназическаго курса. Мальчикъ, плохо учащійся математикѣ, будетъ утѣшать себя, уже начиная съ IV класса гимназіи, тѣмъ, что не поступитъ на математическій факультетъ. Но можно ли желать, чтобы тринадцатилѣтніе мальчики выбирали для себя факультетъ? Не заключается ли одно изъ главныхъ достоинствъ гимназическаго образованія въ томъ, что оно старается равномѣрно развивать всѣ способности воспитанника и воздерживаетъ его отъ избранія спеціяльности до того возраста, когда дѣйствительно опредѣлятся его наклонности? Каково будетъ положеніе молодаго человѣка, который, имѣя отъ роду тринадцать лѣтъ, предназначилъ себя къ математикѣ, а достигнувъ шестнадцатилѣтняго возраста, замѣтитъ свою ошибку? Намъ кажется, что если обще-человѣческое образованіе должно составлять основное начало устройства гимназій, то и пріемный экзаменъ въ университетъ долженъ быть основанъ на томъ же началѣ. Главное преимущество новыхъ правилъ для полнаго испытанія передъ прежнимъ порядкомъ вступительныхъ экзаменовъ безспорно состоитъ въ томъ, что новыми правилами установлена одна экзаминаціонная коммиссія для испытанія всѣхъ вступающихъ въ университетъ. Прежде вступительный экзаменъ производился по факультетамъ; это придавало ему факультетскій характеръ. По новымъ правиламъ, всѣ поступающіе подвергаются одному и тому же испытанію. Нѣтъ сомнѣнія, что это измѣненіе принесетъ добрые плоды и возвыситъ уровень общаго образованія между нашими студентами, что̀ составляетъ весьма существенную потребность. Но мы позволимъ себѣ высказать сомнѣніе, вызываемое въ насъ сокращенными испытаніями. Мы опасаемся, чтобы сокращенныя испытанія не повели къ результатамъ, прямо противоположнымъ тому, чего старались достигнуть новыя правила учрежденіемъ общей экзаминаціонной коммиссіи и отмѣной прежнихъ экзаменовъ по факультетамъ. Какъ эта послѣдняя мѣра кажется намъ несомнѣнно полезною, такъ сомнительны, по нашему понятію, послѣдствія права гимназистовъ на поступленіе въ университетъ или вовсе безъ экзамена или по сокращенному испытанію.

Опечатка.

Въ нѣсколькихъ экземплярахъ № 13 въ стихотвореніи Н. Н. Страхова стр. 192, стихъ 7 снизу ошибочно напечатанъ такъ:

Для взора вѣщаго свѣта

Слѣдуетъ быть:

Для взора вѣщаго поэта

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ *РУССКАГО ВѢСТНИКА*.

Брюссель, 5-го августа 1860 г.

Я только что возвратился въ Бельгію изъ своего экономическаго путешествія; по моему предположенію, оно должно был окончиться въ два мѣсяца, но радушное гостепріимство и сочувствіе, встрѣченныя мною въ Россіи, продлили его слишкомъ пять мѣсяцевъ. Позвольте мнѣ, при этомъ случаѣ, засвидѣтельствовать мою искреннюю благодарность просвѣщенной публикѣ, которая удостоила меня своей благосклонности. Я зналъ уже, что политическая экономія пользуется уваженіемъ въ Россіи, но не ожидалъ никакъ, чтобъ она распространена была до такой степени. Въ этомъ отношеніи—говорю безъ лести —воспитаніе образованныхъ классовъ у васъ не только гораздо полнѣе чѣмъ во Франціи, гдѣ политической экономіи нѣтъ въ программѣ университетскаго преподаванія, но даже полнѣе чѣмъ въ Бельгіи. Нельзя не замѣтить, что науки имѣютъ одинаковую участь со всѣми произведеніями человѣческой дѣятельности. Онѣ создаются и распространяются по мѣрѣ того какъ чувствуется въ нихъ потребность, и сообразно съ спросомъ, возбуждаемымъ этою потребностію. И ужь конечно, въ эту минуту, нѣтъ въ Европѣ страны, гдѣ бы потребность политической экономіи чувствовалась такъ сильно, какъ въ Россіи. Вамъ предстоитъ провести значительную часть вашего населенія изъ крѣпостнаго состоянія къ свободѣ труда; вамъ предстоитъ совершить разныя административныя и судебныя реформы вамъ предстоитъ, наконецъ, установить на твердомъ основаніи вашу монетную систему, устроить кредитныя установленія, чтобъ они соотвѣтствовали потребностямъ производства, притомъ преобразовать систему налоговъ. Однимъ словомъ, Россія похожа на мануфактуру, которая отстала отъ своихъ

Digitized by Google

конкуррентовъ, и которой необходимо возобновить свои инструменты. Очевидно, что начальники такой мануфактуры должны почувствовать потребность въ пособіи людей спеціяльныхъ, должны обратиться къ механикамъ для совершенія дѣла, отъ котораго зависитъ все ихъ состояніе, и что въ случаѣ нужды они даже сами должны приняться за изученіе механики. Не то ли же самое предстоитъ народу, постановленія котораго вступили на путь преобразованій? Не нужны ли ему помощь и содѣйствіе людей, которые посвятили себя спеціяльному изученію общества, и не нужно ли ему приняться немедленно за тщательное изученіе соціяльнаго механизма?

Все это очень хорошо поняли высшіе классы въ Россіи, и вотъ чему я обязанъ, что, несмотря на слабыя дарованія мои, какъ ученаго и оратора, я нашелъ въ Москвѣ, въ С.-Петербургѣ и въ Одессѣ столько внимательныхъ и благосклонныхъ слушателей. Несмотря на всѣ затрудненія, неразлучныя со всякимъ преобразованіемъ экономическаго и административнаго механизма въ обществѣ, я по всему видѣнному мной ожидаю благихъ результатовъ. Возьмите на удачу во Франціи десять человѣкъ, получившихъ нѣкоторое образованіе, разберите ихъ, и конечно найдете, что девять изъ десяти принимаютъ за основныя истины необходимость централизаціи и правительственнаго пособія во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Сдѣлайте то же самое въ Россіи, даже устранивъ людей, получившихъ хорошее экономическое образованіе, и я увѣренъ, что вы получите обратную пропорцію, и что черезмѣрная администрація, иначе соціялизмъ, уничтожающій всякую свободу индивидуальной дѣятельности, не найдетъ себѣ и одного сторонника изъ десяти человѣкъ. Повторяю, что я сужу по своему личному опыту. Я проѣхалъ Россію отъ Финскаго залива до Чернаго моря, посѣтилъ и степи, и большіе города, и вездѣ слышалъ выраженіе однихъ и тѣхъ же убѣжденій, однихъ и тѣхъ же желаній; вездѣ высказывалась потребность дѣятельности, нигдѣ не изъявлялось желаніе, чтобы за все про все отвѣчала центральна администрація. Тутъ желаютъ права исправлять улицу, не испрашивая на то разрѣшенія за двѣ тысячи верстъ; тамъ желаютъ свободно и безпрепятственно мѣнять зерновой хлѣбъ на желѣзо, на сахаръ или чай, производимые по болѣе дешевой цѣнѣ, откуда бы они ни привозились; однимъ словомъ, вездѣ желаютъ частицы того драгоцѣннаго товара, важность котораго такъ вѣрно оцѣнилъ Монтескье, сказавшій, что цвѣтущее состояніе страны зависитъ не отъ плодородія ея, а отъ того количества свободы, которою пользуются ея обитатели.

По возвращеніи въ Бельгію, я нашелъ у насъ народъ въ волненіи

Digitized by Google

вслѣдствіе возобновленія *аннексіонизма*. Вы знаете, что присоединеніе Савоіи и Ниццы возбудило аппетитъ нашихъ южныхъ сосѣдей, и съ нѣкотораго времени толпа производителей брошюръ, съ г. Луи-Журданомъ во главѣ, громко требуютъ *естественныхъ границъ*, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ. Возникли даже два новые журнала: *Le Propagateur du Nord et du Pas de Calais* въ Лиллѣ и *L'Espérance* въ Женевѣ, съ спеціальною цѣлію доказать намъ всю выгоду присоединенія къ Франціи. А такъ какъ брошюры и журналы не печатаются во Франціи безъ разрѣшенія правительства, то эти изданія имѣли свою важность и потревожили наше правительство. Въ рѣчи, произнесенной въ Гентѣ нѣсколько недѣль тому назадъ, король намекнулъ на опасенія, составлявшія предметъ общей тревоги. Тотчасъ же, со всѣхъ концовъ государства, были отправлены къ нему адресы отъ провинціяльныхъ и общинныхъ совѣтовъ, и рѣшено было воспользоваться 29-ою годовщиной его вступленія на престолъ, чтобы выразить громогласно общественное желаніе поддержать національность. Манифестація эта произошла дѣйствительно; она была такъ жива и сильна, что невозможно было ничего пожелать болѣе. Я знаю, что вообще не должно слишкомъ много полагаться на манифестаціи такого рода; я помню, и слышалъ самъ, какъ въ Парижѣ національные гвардейцы кричали разъ за разомъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ императоръ!» Но нашъ народъ по природѣ своей очень холоденъ; онъ и вообще не щедръ на демонстраціи, а особенно фламандская часть его, такъ что на его демонстраціи можно положиться до нѣкоторой степени.

Какъ вамъ извѣстно, Бельгія состоитъ изъ двухъ элементовъ, совершенно различныхъ, изъ населенія фламандскаго, принадлежащаго къ германскому племени и говорящаго однимъ языкомъ съ нашими сосѣдями-Голландцами (съ нѣкоторыми измѣненіями въ правописаніи и произношеніи), и изъ населенія валлонскаго, принадлежащаго къ романскому племени. Фламандцы, въ числѣ почти $2^1/_2$ милліоновъ, занимаютъ восточную часть государства, обѣ Фландріи, Антверпенъ и бо́льшую часть Брабанта. Валлонцы, въ числѣ 2.100.000, занимаютъ провинціи Литтихъ, Лимбургъ, Геннегау, Намуръ и Люксембургъ. Фламандцы во всѣ времена были враждебны Франціи, и присоединеніе встрѣчаетъ у нихъ рѣшительное сопротивленіе во всѣхъ классахъ народа безъ различія. Прежде всего это дѣло чувства. Не совсѣмъ то мы замѣчаемъ въ валлонской части населенія. Тамъ присоединеніе къ Франціи нѣкогда пользовалось популярностію; во время первой французской республики оно совершилось при громкомъ одобре-

Digitized by Google

нія народа, и то же бы самое было въ 1830 году, еслибы не воспротивилась тому Европа. Но въ послѣднія 30 лѣтъ и въ этомъ отношеніи произошла большая перемѣна. Средніе классы крѣпко привязались къ конституціонному правленію, и, какъ кажется, Франція потеряла свою популярность даже въ низшихъ классахъ, хотя имя Наполеона еще сохранило тамъ нѣкоторое обаяніе. Въ Геннегау, гдѣ торговыя дѣла производятся преимущественно съ Франціей, куда эта провинція отправляетъ ежегодно до трехъ милліоновъ тоннъ каменнаго угля, промышленные интересы побуждаютъ жителей къ присоединенію, которое бы уничтожило таможенную преграду, стѣсняющую ихъ ежеминутно. Оттого-то на эту провинцію и направили свои баттареи пропагандисты присоединенія. Впрочемъ, надобно сказать къ чести населенія Геннегау, оно поняло, повидимому, что выгоды, которыя оно пріобрѣтетъ отъ уничтоженія таможенъ между Франціею и Геннегау, недостаточно вознаградятъ за утрату политической свободы, и оно, съ живостію, ему свойственной, присоединилось къ манифестаціи 21-го іюля.

Во всѣхъ отношеніяхъ присоединеніе къ Франціи было бы для Бельгіи дѣломъ самымъ невыгоднымъ. Съ точки зрѣнія политической и нравственной, мы бы потеряли отъ этого свободу трибуны и печати. Безъ сомнѣнія, нельзя сказать, что мы уже извлекли слишкомъ много пользы для себя изъ этихъ плодотворныхъ правъ. Относительно развитія печати, ассоціацій и митинговъ, мы далеко еще отстали отъ Англіи. Но мы на столько же оставили за собою Францію въ этомъ отношеніи. Журналы, свободные отъ всякихъ политическихъ и фискальныхъ стѣсненій, значительно размножились. За 10 или 12 франковъ въ годъ, въ Бельгіи, можно имѣть ежедневную газету, порядочно издаваемую и сообщающую достовѣрныя извѣстія, а изъ этого видно, что низшіе классы читаютъ здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ во Франціи. Съ другой стороны, *кружки* и *общества*, открывающіеся ежедневно безъ всякаго разрѣшенія, сильно содѣйствуютъ, въ соединеніи съ дешевою печатью, распространенію общественнаго образованія. Поэтому, присоединеніе, которое бы лишило насъ свободы печати и ассоціацій, совершенно задержало бы умственное и нравственное развитіе нашего народонаселенія.

Наши матеріяльные интересы выиграли бы также немного. Правда, мы пріобрѣли бы обширный рынокъ, куда до сихъ поръ не допускались наши мануфактурныя произведенія, вслѣдствіе запретительной системы; можетъ-быть этотъ рынокъ будетъ еще закрытъ для насъ нѣкоторое время, потому что французское правительство не расположено повидимому доставить намъ тѣ же выгоды, которыя оно упрочило за Англіей. Переговоры

Digitized by Google

объ этомъ остановились и нисколько не двигаются впередъ. Но, съ другой стороны, мы бы вступили въ коммерческую общину, постановленія которой, несмотря на торговый договоръ съ Англіей, долго еще останутся менѣе либеральными чѣмъ наши. Лучше ли за то будутъ управлять нами? Сомнительно. Извѣстно, что достоинство и дѣятельность администраціи въ дѣйствительности не всегда возрастаютъ съ разширеніемъ государства. Другое неудобство состоитъ въ томъ, что наша администрація, въ которую войдетъ въ большомъ количествѣ французскій элементъ, нисколько не улучшится; публичныя должности будутъ исправляться не лучше, а платить за нихъ мы будемъ гораздо дороже. Французское правительство ежегодно требуетъ отъ населенія въ 36.205.000 человѣкъ, сумму въ 1.825.000.000 фр. или по 50.42 фр. налога на душу, между тѣмъ какъ въ Бельгіи правительство требуетъ только 149.188.000 фр. отъ населенія въ 4.623.000 человѣкъ или по 32.27 фр. налога на душу. Стало-быть, присоединеніе увеличило бы общественныя повинности на цѣлую треть, а если принять въ соображеніе богатство нашей страны и превосходство ея потребленія, то дѣйствительное увеличеніе повинностей будетъ на цѣлую половину. Замѣтьте притомъ, что это увеличеніе нашихъ повинностей не доставитъ намъ никакихъ излишнихъ удобствъ. Нѣтъ, оно просто заставитъ насъ уплачивать проценты за долгъ, который вдвое болѣе нашего. Сумма французскаго долга, по словамъ г. Горна (1), простирается до 9.113.000.000 фр., между тѣмъ какъ сумма нашего не превышаетъ 599.700.000; другими словами, каждый Французъ долженъ среднимъ числомъ государственнымъ кредиторамъ 250 фр., тогда какъ долгъ, лежащій на каждомъ Бельгійцѣ, не превышаетъ 130 фр. Къ этому надо прибавить, что французскій долгъ возрастаетъ безпрерывно, что онъ, въ теченіе 10 лѣтъ, увеличился на три милліарда, между тѣмъ какъ нашъ, благодаря Бога, идетъ впередъ несравненно медленнѣе.

Итакъ вы видите, что присоединеніе было бы для Бельгіи дѣломъ невыгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и наше населеніе понимаетъ это все яснѣе и яснѣе. Въ 1830 году присоединеніе къ Франціи встрѣтило бы очень мало сопротивленія въ фламандскихъ провинціяхъ и было бы принято съ восторгомъ въ провинціяхъ валлонскихъ. Въ 1860 году оно встрѣтило бы энергическое сопротивленіе въ провинціяхъ фламандскихъ и нашло бы немногихъ и нерѣшительныхъ партизановъ между образованными классами валлонскихъ провинцій. Еслибы наше правительство, вмѣсто того чтобы такъ часто влачиться по финансовой и

(1) Annuaire du crédit ublic pour 1860.

Digitized by Google

административной колеѣ Франціи, старалось преимущественно подражать Англіи, еслибы, напримѣръ, оно имѣло мужество отказаться отъ несправедливой и отяготительной системы конскрипціи, и замѣнить ее англійскою системой добровольной вербовки, еслибъ оно уничтожило налогъ на соль, задерживающій успѣхи нашего земледѣлія, и падающій всею тяжестію своею на бѣдные классы, еслибъ оно понизило нашъ таможенный тарифъ, то чувство національности развилось бы еще болѣе, высказалось бы еще сильнѣе, и тогда конечно было бы такъ же трудно, такъ же невозможно присоединить къ Франціи Бельгію, какъ и графства Кентское и Соссекское.

Уничтоженіе внутреннихъ пошлинъ весьма удачно совпало съ празднованіемъ 29-й годовщины вступленія на престолъ короля. Это уничтоженіе преградъ, стѣснявшихъ еще 78 общинъ и почти треть населенія, произвело настоящій взрывъ восторга. Внутреннія пошлины были въ высшей степени стѣснительны для массъ. Не простирали ли чиновники строгости своей до того, что взимали акцизъ съ куска говядины, назначеннаго на похлебку работника? Къ несчастію система, принятая въ замѣнъ внутреннихъ пошлинъ, заключаетъ въ себѣ существенный недостатокъ: она разлагаетъ на деревни часть расходовъ, идущихъ на спеціяльныя потребности однихъ городовъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность закона, который г. Фреръ-Орбанъ, министръ финансовъ, успѣлъ провести въ палатахъ. Наши 78 общинъ, гдѣ платились внутреннія пошлины получали отъ этого налога ежегодный доходъ въ 10.876.000 фр. Эту сумму слѣдовало пріискать изъ другихъ источниковъ, если не возможно было нисколько уменьшить общинные расходы. Проще всего было пополнить дефицитъ увеличеніемъ прямыхъ и мѣстныхъ налоговъ, какъ то дѣлается въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Но эти налоги пали бы преимущественно на городскую буржуазію, составляющую господствующій классъ въ законодательномъ собраніи и главную опору либеральной партіи, глава которой г. Фреръ-Орбанъ. Значитъ, они бы приняты были очень дурно. Что же вслѣдствіе этого сдѣлалъ г. Фреръ-Орбанъ? Вмѣсто того чтобы сумму, необходимую для пополненія дефицита, происшедшаго отъ уничтоженія внутреннихъ пошлинъ, замѣнить прямыми налогами, падающими на одни города, онъ испросилъ у палаты разрѣшеніе увеличить косвенные налоги, падающіе на все государство. Онъ составилъ *общинный фондъ* слѣдующимъ образомъ:

1-е. Изъ чистаго почтоваго дохода	1.500.000 фр.
2-е. Изъ трехъ четвертей чистаго дохода съ налога на кофе	2.000.000 —
3-е. Изъ 810.000 фр. прибавочнаго налога на вино . . .	810.000 —
4-е. Изъ 700.000 фр. на производство сахару	700.000 —

Digitized by Google

5-е. Изъ 2.840.000 фр. прибавочнаго акциза на джинъ, обложенный налогомъ отъ 1 ф. 50 с. до 2 ф. 45 с. на гектолитръ	2.840.000 —
6-е. Изъ 50.000 фр. прибавочныхъ пошлинъ на иностранныя водки	50.000 —
7-е. Изъ 6.100.000 фр. добытыхъ удвоеніемъ акциза на пиво, который съ 2 фр. 6 сант. на гектолитръ возвышенъ до 4 фр.	6.100.000 —
Всего .	14.000.000 —

Такимъ образомъ общинный фондъ будетъ состоять изъ 14 милліоновъ, взимаемыхъ со всѣхъ жителей вообще. Потомъ эта сумма будетъ распредѣлена между различными общинами государства, чтобы дать имъ возможность покрыть ихъ мѣстные расходы. Еслибъ это распредѣленіе производилось справедливымъ образомъ, то-есть по оцѣнкѣ каждой части, приблизительно доставленной каждою общиной въ общинный фондъ, то можно бы пожаловаться только на сложность проекта г. Фреръ-Орбана, и по крайней мѣрѣ справедливость бы не пострадала. Къ несчастію, дѣло выходитъ иначе. Министръ заглушаетъ въ себѣ великій принципъ справедливости передъ необходимостью упрочить за городами, гдѣ платились внутреннія пошлины, сумму, равную налогамъ, которые ихъ заставили уничтожить. На этомъ основаніи онъ опредѣляетъ на 78 общинъ 11.600.000 фр. (включая въ то число суммы, необходимыя для вознагражденія уволенныхъ чиновниковъ и пр.), или около $^3/_4$ общиннаго фонда, хотя эти общины имѣютъ только 1.200.000 жителей, тогда какъ 2.446 общинъ, между которыми распредѣлена будетъ послѣдняя четверть, имѣютъ 3.400.000 жителей. Безъ сомнѣнія, 1.200.000 городскихъ жителей участвуютъ въ налогахъ, которые идутъ на составленіе общиннаго фонда, въ пропорціи болѣе сильной, чѣмъ цифра ихъ населенія, но разница эта далеко не оправдываетъ распредѣленія, произведеннаго министромъ. Исчислено, напримѣръ, что городъ Брюссель, долженъ бы получить на этомъ основаніи около милліона или $^1/_{14}$ общиннаго фонда, тогда какъ онъ получитъ изъ него 3 милліона. Относительно Литтиха, гдѣ родился и избранъ министръ финансовъ, несоразмѣрность еще значительнѣе. Такимъ образомъ это будетъ настоящая подать, которую должны уплачивать жители всего государства извѣстному числу городовъ, чтобы помогать имъ въ ихъ мѣстныхъ расходахъ. Конечно, нельзя себѣ и вообразить что-нибудь несправедливѣе.

Со всѣмъ тѣмъ этотъ проектъ, приносящій въ жертву интересы деревень интересамъ небольшаго числа городовъ, политическихъ центровъ либерализма, былъ принятъ сильнымъ большинствомъ въ палатахъ и возбудилъ весьма слабую оппозицію со стороны тѣхъ, чьи интересы были принесены въ жертву. Что же это доказываетъ? Это доказываетъ, вопервыхъ, общую непо-

Digitized by Google

пулярность внутреннихъ пошлинъ и тѣхъ расходовъ и стѣсненій, которымъ онѣ подвергали поселянъ столько же, сколько и горожанъ, вовторыхъ — отсутствіе экономическихъ понятій въ нашей странѣ, особенно въ деревняхъ. Нѣкоторые католическіе представители протестовали, но такъ какъ ихъ недостаточно поддержали тѣ, за интересы которыхъ они вступились, то ихъ безъ труда заставило замолчать огромное большинство, руководимое министромъ. Впрочемъ, какъ кажется, самое это большинство не совсѣмъ было убѣждено въ справедливости своего рѣшенія: оно постановило, что по истеченіи четырехъ лѣтъ принятый проектъ можетъ подвергнуться пересмотру и перемѣнамъ, если окажется неудовлетворительнымъ на опытѣ.

Конечно, внутреннія пошлины не что иное, какъ остатокъ варварства и уничтоженіе ихъ должно возбудить общую радость, но надо признаться, что способъ, принятый для прекращенія ихъ, нисколько не лучше и никакъ не дастъ иностранцу высокаго понятія о политической нравственности и экономическихъ понятіяхъ нашей страны. Тѣмъ не менѣе уничтоженіе пошлинъ, при совпаденіи своемъ съ 29-ю годовщиной воцаренія нашего короля, произвело самое счастливое впечатлѣніе и удвоило восторгъ народный; но это благо только временное, а легко можетъ быть, что распредѣленіе, очевидно несправедливое, общиннаго фонда, возбудивъ къ городамъ ненависть деревень, произведетъ зло продолжительное, потому что ничто благое не можетъ имѣть источникомъ своимъ несправедливость.

Таковы были два великія событія, которыя занимали страну нашу въ послѣднее время. Я прибавлю къ этому, пожалуй, еще маленькій крестовый походъ свекло-сахарныхъ фабрикантовъ для поддержанія ихъ покровительственныхъ правъ, которыя уничтожилъ проектъ министра. Благодаря вліянію, которымъ они пользуются въ палатахъ, эти господа успѣли поддержать свою привилегію, самымъ яснымъ результатомъ которой будетъ искусственное повышеніе цѣны на сахаръ для увеличенія дохода владѣльцевъ земель, на которыхъ воздѣлывается свекловица. Это большая неудача для приверженцевъ свободной торговли. Вотъ другая, которую потерпѣли приверженцы свободы преподаванія. Правительство устроило на обширныхъ и цѣнныхъ основаніяхъ воспитаніе земледѣльческое. Оно учредило въ каждой изъ нашихъ провинцій земледѣльческія школы, въ которыхъ не доставало только... учениковъ, а между тѣмъ вычислено было, что въ одной изъ этихъ школъ въ Шиме, каждый воспитанникъ, получающій дипломъ, обойдется государству въ 16 тыс. фр. Не правда ли, что такіе земледѣльцы не много дороги? отъ того и кончили тѣмъ, что закрыли эти школы, за исключеніемъ одной, въ Туру, гдѣ воспитанники, получающіе дипломъ, обойдутся государству без-

Digitized by Google

дѣлицу — по 2.700 фр. за человѣка. Въ настоящую же минуту утверждено основаніе (все-таки на счетъ государства) высшаго земледѣльческаго института, несмотря на горячія, хотя и безполезныя возраженія малаго числа противниковъ правительственнаго вмѣшательства въ дѣло воспитанія.

Въ заключеніе посылаю вамъ постановленіе общиннаго совѣта города Брюгге, имѣющее цѣлію прекращеніе пьянства.

«Ст. 1. Если кто-нибудь будетъ найденъ или встрѣченъ на улицахъ, площадяхъ, гуляньяхъ, въ публичныхъ зданіяхъ, трактирахъ, шинкахъ, лавкахъ, питейныхъ магазинахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ въ состояніи опьяненія, которое бы могло повести къ безпорядку, непристойности и опасности какъ для него самого, такъ и для другихъ, то таковый будетъ немедленно задержанъ и отведенъ на его счетъ, смотря по обстоятельствамъ, или въ его домъ, или въ полицейское управленіе, гдѣ и останется до тѣхъ поръ, пока не придетъ въ полное сознаніе. На его счетъ будетъ составленъ протоколъ и переданъ немедленно въ коллегію бургомистра и эшевеновъ.

«Ст. 2. Въ силу этой статьи, и если только не будетъ доказано виновнымъ, что опьяненіе его было чисто невольное и случайное, онъ будетъ отведенъ передъ судъ обыкновенной полиціи, и наказанъ, смотря по важности обстоятельствъ, или пеней отъ трехъ до 15 фр., или тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 до 5 дней, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, не исключая другихъ взысканій, которыя могутъ быть основаны на его дѣйствіяхъ. Сверхъ того онъ будетъ осужденъ на судебныя издержки, независимо отъ расходовъ, которые повлечетъ за собою его арестъ, перевозъ и заключеніе. Присуждая къ пенѣ и расходамъ, судья опредѣлитъ добавочное тюремное заключеніе и срокъ его, сообразно съ распоряженіями 41 ст. закона 21 марта 1859 г.

«Означенное распоряженіе имѣетъ силу, если даже виновный и не былъ предварительно арестованъ.

«Ст. 3. Всякій содержатель шинка или иной продавецъ напитковъ, который продастъ или доставитъ инымъ способомъ опьяняющіе напитки виновному, когда уже ясно, что онъ пьянъ, будетъ почитаемъ его сообщникомъ, и подверженъ, смотря по важности случая, тѣмъ же наказаніямъ.»

Прочія общины, говорятъ, намѣрены послѣдовать примѣру Брюгге. Можетъ-быть такое запрещеніе и будетъ дѣйствительно. Я сомнѣваюсь однакоже, чтобы муниципальныя постановленія достаточны были для исправленія отъ такого порока. Еслибы въ самомъ дѣлѣ они были достаточны, то излѣченіе совершалось бы слишкомъ легко! Надо сдѣлать еще-что-нибудь. Надо сѣять образованіе полною рукой, создать въ работающемъ классѣ мнѣніе, враждебное пьянству, по примѣру того, какъ совершилось

Digitized by Google

это въ высшихъ классахъ. Не болѣе тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда еще въ нашихъ высшихъ и среднихъ классахъ считалось достоинствомъ пить много, пить до крайности. Теперь пьянство почитается между нами порокомъ самымъ унизительнымъ, и никто уже не тщеславится способностію своею поглащать болѣе или менѣе значительное количество крѣпкихъ напитковъ. Вотъ прогрессъ, происходящій отъ воспитанія. Итакъ, если хотятъ, чтобы такой же прогрессъ совершился между низшими классами, то надо прибѣгнуть къ такому же средству, надо лучше образовать ихъ умъ и дать имъ болѣе совершенныя нравственныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ. Тогда они устыдятся порока, который низводитъ человѣка на степень животнаго, и излѣчатся гораздо лучше и радикальнѣе, сами собою, чѣмъ при помощи полицейскихъ мѣръ.

Г. де-Молинари.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Различныя потребности, разжигаемыя недостаткомъ нормальнаго удовлетворенія, достигаютъ крайностей, вредныхъ для самого человѣка. Всѣ эти крайности еще болѣе искажаются и преувеличиваются вліяніемъ тщеславія, составляющаго искаженіе основнаго чувства человѣческой природы, чувства собственнаго достоинства.

Экономическая дѣятельность и законодательство. Современникъ 1859 г., февраль, стр. 348.

Тупицынъ. Къ водворенію на землѣ вѣчной правды можно достигнуть только однимъ административнымъ путемъ.

Крикуновъ. Какимъ образомъ?

Тупицынъ. Написать объ этомъ проектъ и предписать потомъ—его исполнить

Экономистъ, сцена изъ современной жизни. *Отеч. Зап.* 1859 года, апрѣль, стр. 61.

Крестьянскій и другіе вопросы нашей общественной и государственной жизни, сдѣлавшіеся наконецъ предметомъ гласнаго обсужденія, вызвали въ нашей литературѣ много статей политико-экономическаго содержанія, хотя застали у насъ весьма ограни-

Digitized by Google

ченное число людей, спеціально посвятившихъ себя политической экономіи. Не удивительно, особенно если принять въ соображеніе геніальную способность русской натуры съ одинаковою легкостію командовать арміей и управлять юстиціей, писать фельетоны и рѣшать вѣковые вопросы науки, не удивительно, говоримъ, что послѣ долгаго молчанія, за рѣшеніе нашихъ общественныхъ вопросовъ взялись прежде другихъ многіе изъ такихъ господъ, у которыхъ ничто въ головѣ не мѣшало развиться вѣрованію въ глубокую мудрость собственныхъ фантазій, которымъ ничто не мѣшало считать оригинальнымъ давно извѣстное, истертое и брошенное, для которыхъ лучшимъ признакомъ современности и послѣдняго рѣшенія науки служитъ еще не испарившійся запахъ типографскихъ чернилъ.

Но —

...der Berg ist heute zaubertoll,
Und wenn ein Irrlicht Euch die Wege weisen soll,
So müsst ihr's so genau nicht nehmen.

Нельзя однакоже не удивляться возможности появленія ошибочныхъ и недостаточныхъ сужденій въ такой формѣ, какую имѣютъ помѣщенныя въ *Современникѣ* статьи г. Чернышевскаго по вопросу объ общинномъ землевладѣніи. Какъ общую характеристику всѣхъ этихъ статей, мы рѣшились представить на судъ общественнаго мнѣнія разборъ статьи г. Чернышевскаго: «Экономическая дѣятельность и законодательство». Отношеніе этихъ двухъ отправленій общественной жизни составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современной науки,—вопросъ, хотя и совершенно рѣшенный по принципу, но далеко еще не вполнѣ уясненный въ подробностяхъ, несмотря на всю свою насущную, жизненную важность. Печатая нашу статью въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, читатели котораго коротко знакомы съ этимъ вопросомъ въ его современной формѣ, мы можемъ освободить себя отъ обязанности обстоятельно излагать его. Мы только напомнимъ сущность теоріи экономистовъ. Государство облагаетъ экономическую дѣятельность народа податями, но должно имѣть при этомъ въ виду финансовыя потребности, а не покровительство тѣмъ или другимъ отраслямъ промышленности; подати же должны быть употребляемы для охраненія свободы общества и лицъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ посягательствъ. Раціональное вмѣшательство государства въ частныя дѣла должно имѣть главнымъ образомъ лишь отрицательный характеръ. Государство запрещаетъ каждому изъ своихъ подданныхъ мѣшать свободѣ согражданъ и нарушать ихъ права. Въ то же время государство устраняетъ всѣ тѣ стѣсненія и монополіи, которыя были внесены въ жизнь самимъ же государствомъ въ различныя фазы его развитія,

Digitized by Google

и отмѣна которыхъ составляетъ рядъ благодѣтельныхъ реформъ, лежащихъ на обязанности законодательства, понимающаго свое назначеніе. Въ этихъ реформахъ заключается великая, многоплодная дѣятельность, которая тѣмъ не менѣе въ сущности есть только устраненіе того, что̀ стѣсняетъ жизнь, а не положительное развитіе жизни. Въ этомъ состоитъ сущность теоріи невмѣшательства, выражаемая, но не вполнѣ, девизомъ: laissez faire, laissez passer. Посмотримъ же какъ третируетъ эту теорію нашъ soi-disant представитель современной науки, какъ онъ третируетъ ее, а съ нею вмѣстѣ и всѣхъ *бѣдняжекъ, узколобыхъ послѣдователей отсталой науки*, признающей принципъ свободы въ экономической дѣятельности частныхъ лицъ.

Г. Чернышевскій освобождаетъ себя отъ труда приводить подлинныя слова своихъ *узколобыхъ* противниковъ; онъ излагаетъ ихъ теорію отъ себя, своими словами, придаетъ ей тотъ смыслъ, какой ему угодно, и потомъ глумится надъ этимъ смысломъ. Нѣкоторыя положенія онъ искажаетъ, другія вырываетъ изъ связи системы; изъ тѣхъ и другихъ дѣлаетъ выводы, совершенно безсмысленные и безумные, и караетъ за эти выводы теорію невмѣшательства. Онъ начинаетъ свой разборъ теоріи невмѣшательства съ правила, что «экономической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ должна быть предоставлена совершенная свобода». Чтобы показать, какъ онъ выражается, *нелѣпую невозможность этого правила*, г. Чернышевскій беретъ въ примѣръ человѣка, который свою экономическую дѣятельность желаетъ обратить на торговлю стекломъ, въ то время какъ другое лицо законтрактовало уже у фабриканта все, что̀ ни выдѣлаетъ его фабрика. Ну что̀ же, скажетъ читатель, предоставьте этому господину полную свободу исполнить свое желаніе всякими законными средствами, а если естественныя причины, лежащія въ самой натурѣ свободной экономической дѣятельности, рѣшительно не дозволятъ его желаніямъ осуществиться, предоставьте ему свободу поискать другаго дѣла: laissez faire, laissez passer. Но г. Чернышевскій хочетъ, чтобы читатели *Современника* иначе разсуждали: по его мнѣнію, изъ этого правила слѣдуетъ, что государство обязано принять дѣятельныя мѣры, чтобы желаніе мое завести торговлю стекломъ непремѣнно осуществилось, что государство обязано тѣми или другими средствами доставить мнѣ возможность открыть лавку стеклянной посуды! Наши читатели, вѣроятно, такъ озадачены этимъ неожиданнымъ выводомъ, что навѣрное скажутъ намъ: пожалуста объясните, что̀ же это такое наконецъ, за кого же принимаетъ публику г. Чернышевскій? или, если онъ говоритъ это не шутя, то какимъ процессомъ у него самого могло родиться подобное умозаключеніе? Мы всячески старались извинить г. Чернышев-

Digitized by Google

скаго въ нашихъ глазахъ. Всегда лучше предполагать меньшую вину, и потому мы пришли къ догадкѣ, что г. Чернышевскій впалъ въ то, что̀ называется паралогизмомъ, въ неумышленную фальшь умозаключенія: вѣдь это во всякомъ случаѣ извинительнѣе, нежели намѣренно кормить почтенную публику грязью софизмовъ. Паралогизмъ г. Чернышевскаго возникъ очень просто,—вслѣдствіе неяснаго пониманія слова *свобода*. Человѣкъ, неопытный по части мышленія и привыкшій къ поспѣшнымъ заключеніямъ, можетъ самымъ невиннымъ образомъ придти къ силлогизму въ родѣ слѣдующаго: «Государство предоставило мнѣ свободу строить себѣ домъ, слѣдовательно оно обязано доставить мнѣ и возможность его выстроить; иначе его позволеніе будетъ совершенно безплодно: у меня средствъ нѣтъ, нужда мнѣ большая въ его позволеніи! Уже если ты позволяешь, такъ дай и возможность воспользоваться твоимъ позволеніемъ.» Бездарные Французики (какъ выражается г. Чернышевскій), въ родѣ Бастіа, достаточно уяснили намъ смыслъ этихъ паралогизмовъ. Но все-таки мы хотѣли бы думать, что это паралогизмы, не болѣе. Мы совершенно простили бы ихъ г. Чернышевскому и приписали бы ихъ нетвердости его въ элементарныхъ понятіяхъ, еслибъ онъ выдавалъ все это за продукты своего мышленія. Но онъ утверждаетъ, что это естественные выводы изъ теоріи невмѣшательства; онъ прикидывается увѣреннымъ, что всѣ экономисты принуждены принять ихъ, и съ поспѣшностію, уже менѣе невинною, приходитъ тотчасъ же къ заключенію, что стало-быть *они сами не знаютъ, что̀ говорятъ, что у нихъ нѣтъ прочнаго образа мыслей*. Поэтому, *онъ не только не обращаетъ, но и не имѣетъ права обращать ровно никакого вниманія на ихъ мнѣнія*.

Послѣ этой грозы, г. Чернышевскій приступаетъ къ разбору втораго положенія теоріи невмѣшательства: «Общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій». Прежде всего онъ старается успокоить читателя. «Вы не думайте, говоритъ онъ, что я поступлю съ вами коварно, что я стану придавать вашей теоріи смыслъ, котораго она не имѣла въ вашемъ умѣ». Послушайте же, чѣмъ угощаетъ г. Чернышевскій своихъ читателей на слѣдующихъ за этими увѣреніями страницахъ (319—321). Положеніе: «Общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій», онъ пополняетъ отъ имени экономистовъ слѣдующею прибавкой: «Кромѣ стѣсненій, дѣйствительно нужныхъ для огражденія порядка и для избѣжанія другихъ болѣе непріятныхъ стѣсненій.» Г. Чернышевскій вѣрнѣе выразилъ бы сущность дѣла и освободилъ бы себя отъ многихъ разглагольствій, еслибъ изложилъ эту прибавку такъ: «Кромѣ стѣсненій,

Digitized by Google

дѣйствительно нужныхъ для огражденія правъ другихъ лицъ.» Но ему нужна была формула, допускающая нелѣпое толкованіе, и онъ навязываетъ всѣмъ экономистамъ крайне-нелѣпую прибавку о стѣсненіяхъ, допускаемыхъ для избѣжанія другихъ, болѣе непріятныхъ стѣсненій. Пользуясь этою самодѣльною прибавкой, онъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ самое положеніе, и для уясненія послѣдствій, къ которымъ ведетъ теорія невмѣшательства, избираетъ слѣдующіе примѣры:

1) Общество, руководясь теоріей невмѣшательства, можетъ постановить правиломъ, *чтобы люди по улицамъ не могли ходить* (не ходили?) *иначе, какъ заложивъ руки за спину.*

2) Общество можетъ узаконить отрѣзываніе указательнаго пальца.

3) Общество можетъ повелѣть выкалывать одинъ глазъ.

Всѣ эти стѣсненія, говоритъ г. Чернышевскій, могутъ быть предписаны для устраненія другихъ, болѣе непріятныхъ стѣсненій,—замѣтьте, экономической дѣятельности. Всѣ они оправдываются теоріей невмѣшательства. Г. Чернышевскій, какъ видите, остался вѣренъ своему обѣщанію; онъ не хочетъ придавать этой теоріи смыслъ, котораго она не имѣла въ умѣ своихъ послѣдователей.

Вотъ еще одна изъ остроумныхъ притчъ, которыми любитъ изъясняться г. Чернышевскій. Одинъ изъ членовъ общества идетъ по улицѣ, входитъ въ чужой огородъ, беретъ заступъ, и не говоря никому ни слова, начинаетъ копать землю; разумѣется, его принимаютъ за помѣшаннаго и арестуютъ. Онъ и г. Чернышевскій въ крайнемъ негодованіи, протестуютъ противъ такого *стѣсненія экономической дѣятельности*, и требуютъ, чтобъ общество нашло для нихъ средство заниматься огородничествомъ, чтобъ оно устроило имъ общественный огородъ, *въ которомъ бы каждый работалъ, когда захочетъ и сколько хочетъ*, или не воспрещало ихъ экономической дѣятельности упражняться на чужихъ огородахъ, также когда и сколько имъ пожелается. Г. Чернышевскій не предлагаетъ средства, которое многими предлагалось въ подобномъ случаѣ: отнять у тѣхъ, кто имѣетъ, и отдать тѣмъ, у кого нѣтъ. Г. Чернышевскій не хочетъ идти такъ далеко; онъ даже вовсе не врагъ политической экономіи. Ему только не хочется допустить, что политическая экономія имѣетъ дѣло съ человѣческими обществами, въ которыхъ по крайней мѣрѣ большинство находится въ здравомъ умѣ; вѣроятно, изъ чрезмѣрнаго уваженія къ этой наукѣ, онъ предполагаетъ въ ней всеобщую примѣнимость, примѣнимость даже къ обществамъ звѣрей и сумашедшихъ. Но онъ недоволенъ тѣмъ, что *узколобые* послѣдователи теоріи невмѣшательства страшно упрямы

Digitized by Google

и непослѣдовательны: *для людей* у нихъ и laissez faire, и laissez passer, а чуть коснется дѣло до такихъ господъ, какихъ приводитъ въ примѣръ г. Чернышевскій, они безъ обиняковъ говорятъ: посадите ихъ на цѣпь! Ну какая же тутъ правда и послѣдовательность? За то и вся *теорія ихъ разлетается въ пыль* (стр. 321). Ужь не пыль-то ли и намѣренъ былъ г. Чернышевскій бросить въ глаза своимъ читателямъ въ этомъ отдѣлѣ своихъ изслѣдованій? Иначе мы не можемъ объяснить процессъ его умозаключеній; здѣсь ужь нельзя предположить безсознательной фальши въ умозаключеніи. Протремъ же глаза, и посмотримъ, что̀ будетъ дальше.

Послѣдователи теоріи невмѣшательства говорятъ: «Государство существуетъ *для* огражденія безопасности отдѣльныхъ лицъ и *для* отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію индивидуальной дѣятельности.» Что̀ должно разумѣть здѣсь подъ именемъ государства, о какихъ стѣсненіяхъ и о какихъ мѣрахъ государственной власти здѣсь можетъ идти рѣчь, до этого г. Чернышевскому нѣтъ дѣла; требуется доказать, что и это положеніе не выдерживаетъ тонкой ученой критики, и г. Чернышевскій начинаетъ свою ученую операцію. Вотъ на выдержку его умозаключенія:

№ 1) Воровствомъ занимаются обыкновенно люди, дошедшіе до нищеты; государство обязано хранить общественную безопасность: слѣдовательно, оно обязано озаботиться, чтобы никто не доходилъ до нищеты, чтобы каждый гражданинъ былъ собственникомъ.

№ 2) Безопасность нарушается преступленіями. Расточительность служитъ одною изъ причинъ преступленій. Государство обязано принимать мѣры *для* отстраненія фактовъ, вредныхъ *для* безопасности. Слѣдовательно, государство обязано принимать всѣ мѣры *для* прекращенія расточительности, *для* уменьшенія числа людей, имѣющихъ возможность сорить деньгами, *для* прекращенія чванства именами, и притомъ, въ силу теоріи отсталыхъ экономистовъ, оно обязано принимать *всѣ какія бы то ни было мѣры, благоразумныя и глупыя, человѣчныя и безчеловѣчныя*, не соображаясь съ правами здраваго смысла и человѣческой личности.

Какъ видите, у г. Чернышевскаго цѣль оправдываетъ средства. Правило это легло у него основой всѣхъ умозаключеній, да едва ли не было руководящимъ и *для* всѣхъ статей объ общинномъ владѣніи.

Общинное начало благодѣтельно.

Цѣль оправдываетъ средства.

Слѣдовательно, г. Чернышевскій имѣетъ полное право употреб-

Digitized by Google

лять всѣ средства, какія бы они ни были, для доставленія торжества этому началу. Софизмы, извращеніе чужихъ мыслей, все дозволено. Но допустимъ даже, что вѣра въ общинное начало освятила для г. Чернышевскаго всѣ эти средства; все же, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ нимъ, не мѣшало бы подумать, нуждается ли защита общиннаго начала въ такихъ средствахъ, достигаютъ ли они своей цѣли? Ложь и софизмы не потому только дурны, что безнравственны, но уже и потому, что они никогда не достигаютъ своей цѣли, по крайней мѣрѣ въ вопросахъ науки.

Сбившись выше на понятіи о свободѣ, г. Чернышевскій перепутываетъ понятія: *общество* и *государство*, и самъ потомъ радуется, что поймалъ читателя въ этой путаницѣ. Вы согласились съ нимъ, довѣрчивый читатель, что общество нравственно обязано принимать на себя заботу о дѣлахъ такихъ людей, которые сами не могутъ охранять свои интересы; вы не успѣли еще изъявить ваше одобреніе этимъ безспорнымъ истинамъ, какъ г. Чернышевскій кричитъ вамъ: вы согласились, что дважды два четыре, ну такъ я же вамъ докажу, что дважды три семь, что дважды четыре—стеариновая свѣчка, что общество обязано оказывать защиту всякому, чьи интересы пострадали бы безъ вмѣшательства общества, что если я заключилъ невыгодный для меня контрактъ, то общество можетъ объявить этотъ контрактъ недѣйствительнымъ. Но даже и этого мало: г. Чернышевскому опять наскучаетъ слово: *общество*; онъ снова преспокойно замѣщаетъ его словомъ: *государство*, и вотъ у него теорія невмѣшательства обязываетъ государство исправлять общество, притомъ, не забывайте, всѣми средствами: человѣчными и безчеловѣчными, благоразумными и самыми безсмысленными, какія только придутъ въ голову тѣмъ господамъ, которымъ экономисты будто бы поручаютъ постоянную опеку надъ человѣческимъ обществомъ, состоящимъ по мнѣнію г. Чернышевскаго, какъ мы видѣли, изъ дикихъ звѣрей, помѣшанныхъ и идіотовъ. Послѣ всего этого г. Чернышевскій восклицаетъ: «*Въ странномъ видѣ излагается теорія невмѣшательства! Къ ней прилагаются объясненія, прямо ей противорѣчащія.*» Но кто, гдѣ, когда излагалъ подобнымъ образомъ эту теорію, г. Чернышевскій умалчиваетъ; молчитъ объ этомъ и вся литература политической экономіи, если не включать сюда такихъ объяснителей этой теоріи, какъ авторъ *des idées napoléoniennes*.

Но возвратимся къ примѣрамъ, которые избралъ г. Чернышевскій для опроверженія теоріи невмѣшательства, и въ доказательство того, что сама эта теорія необходимо ведетъ къ признанію государственнаго вмѣшательства не только въ экономическую, но и во всякую дѣятельность частныхъ лицъ. Изъ этихъ примѣровъ

Digitized by Google

г. Чернышевскій вывелъ заключеніе, что государство должно дать всѣмъ гражданамъ не только возможность, но и средства къ безбѣдной жизни, что оно должно прекратить расточительность, что оно обязано оказывать защиту каждому, чьи интересы пострадали бы безъ его вмѣшательства, *и при томъ, какія бы ни предприняло государство мѣры для достиженія этихъ цѣлей, оно останется въ предѣлахъ своей власти, если мы будемъ принимать теорію, поставляющую исключительнымъ долгомъ правительства заботу объ одной безопасности.* Москва, вишь, виновата! Да кто же вамъ давалъ право, г. Чернышевскій, самому присочинять дополненія теоріи, которыя никогда и въ голову не приходили ея послѣдователямъ? Вѣдь отъ вашихъ статей еще не сгинетъ вся литература политической экономіи; если вы не знаете, то всякій образованный человѣкъ долженъ знать, что послѣдователи теоріи невмѣшательства не физіократы, и что кодексъ ихъ не *code de la nature* аббата Марли. Еслибы г. Чернышевскій, при всей слабости своего мышленія, при всей недостаточности своихъ познаній, добросовѣстно желалъ объяснить себѣ и другимъ этотъ жизненный для цѣлаго міра вопросъ, онъ долженъ бы былъ по крайней мѣрѣ взять на себя трудъ заглянуть въ Смита, или еще ближе, въ Бастіа, особенно непріязненнаго г. Чернышевскому, но тамъ не найдется ничего, что хоть сколько-нибудь могло бы оправдать выводы, дѣлаемые г. Чернышевскимъ, сражающимся съ созданными собственною фантазіей мельницами. Говорить ли о томъ, что человѣку, предъявляющему претензіи на современность своихъ понятій, слѣдовало бы справиться, какая разница между обществомъ и государствомъ, разница, сознаніе которой дѣйствительно составляетъ одно изъ важнѣйшихъ завоеваній современной науки, какъ справедливо замѣчаетъ Риль въ своей *Naturgeschichte des Volkes* (т. II, стр. 4), разница, о которой Адамъ Смитъ дѣйствительно не имѣлъ еще яснаго понятія, когда къ числу признаваемыхъ имъ обязанностей государства, внѣшней защитѣ и правосудію внутри, онъ присовокуплялъ еще заботу (и то только заботу, а не всѣ безразличныя мѣры) о такихъ общеполезныхъ учрежденіяхъ, которыя не доступны средствамъ отдѣльныхъ лицъ (1). Г. Чернышевскій не въ состояніи былъ даже подумать, какое множество вопросовъ необходимо еще разрѣшить, прежде нежели дѣлать, въ приведенныхъ имъ примѣрахъ, тѣ заключенія, которыя онъ вытянулъ изъ нихъ всѣми исчисляемыми въ логикѣ орудіями фальшивыхъ умозаключеній.

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы судить, какъ г. Чернышев-

(1) *Wealth of the Nations.* V. Ch. 1, 2.

Digitized by Google

скій понимаетъ мнѣнія экономистовъ. Мы полагаемъ, что недоразумѣніе его можно характеризовать въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: По его мнѣнію, правило: laissez faire, laissez passer, значитъ: предоставьте всѣмъ явленіямъ общественной жизни (изъ приведенныхъ имъ примѣровъ видно, что онъ не ограничивается одною экономическою сферой) развиваться, безъ всякаго вмѣшательства государственной власти, изъ того statu quo, въ которомъ находится общество въ моментъ явившагося сознанія этого правила. Въ то же время, по странной непослѣдовательности понятій, условно допускаемое *содѣйствіе* государства успѣхамъ тѣхъ цѣлей, которыя не могутъ быть достигнуты средствами отдѣльныхъ лицъ и частныхъ обществъ, г. Чернышевскій понимаетъ какъ *обязательство непосредственнаго осуществленія* этихъ цѣлей всѣми средствами государственной силы. Нужно ли объяснять, какъ превратно подобное толкованіе? Изъ любаго руководства политической экономіи легко убѣдиться, что девизъ: laissez faire, laissez passer, выражаетъ только запрещеніе вмѣшиваться *силѣ* въ то, что̀ можетъ быть создано одною *свободою*, и нисколько не заключаетъ въ себѣ запрещенія этой *силѣ* уничтожать то, что̀ создано *силой* во вредъ *свободѣ*. Мы не только имѣемъ право, но даже обязаны, чтобы не предполагать худшаго, предположить, что г. Чернышевскій и не заглядывалъ никогда въ сочиненія писателей, о которыхъ онъ позволяетъ себѣ отзываться съ такимъ презрѣніемъ. Иначе, какъ же могъ онъ забыть слова Бастіа: «Ne nous accusez donc pas quand nous disons *laissez faire;* car nous n'entendons pas dire par là: laissez faire les hommes, alors même qu'ils font le mal. Nous entendons dire étudiez les lois providentielles, admirez-les et laissez les agir. Dégagez les obstacles qu'elles rencontrent dans les abus de la force et de la ruse, et vous verrez s'accomplir au sein de l'humanité cette double manifestation du progrès: l'égalisation dans l'amélioration» (1)?

Еще легче убѣдиться, что, по теоріи экономистовъ, содѣйствіе государственной силы какимъ бы то ни было цѣлямъ въ сферѣ свободной дѣятельности общества должно заключаться только въ уничтоженіи всѣхъ препятствій, созданныхъ силой и не даю-

(1) «Не обвиняйте же насъ, когда мы говоримъ: laissez faire. Говоря: «предоставляйте людямъ свободу», мы никакъ не хотимъ сказать: «предоставляйте людямъ свободу дѣлать зло.» Мы хотимъ сказать: Изучайте законы, установленные Провидѣніемъ, удивляйтесь этимъ законамъ и не мѣшайте ихъ дѣйствію. Освободите ихъ отъ препятствій, которыя они встрѣчаютъ въ злоупотребленіяхъ силы и хитрости, и вы увидите двоякое проявленіе прогресса въ средѣ человѣчества: уравненіе въ совершенствованіи.» *Harm. écon.* p. 512.

Digitized by Google

щихъ этой дѣятельности совершать нормально свои отправленія. Напрасно г. Чернышевскій старается всемірно-человѣческія основы этой теоріи вдавить въ узенькую рамку реакціи средневѣковымъ регламентаціямъ. Ея идея есть идея свободы. Эпоха ея возникновенія есть эпоха сознанія, что общество человѣческое не стадо барановъ, которому отвѣшивается полезная доля свободы, и которое дубиной погоняется по пути прогресса (см. *Les idées napoléoniennes)*, что общественная жизнь управляется такими же вѣчными законами, какъ жизнь цѣлой вселенной. Не мѣсто здѣсь объяснять, какимъ путемъ, сквозь какія препятствія, пробивалась эта идея, и какъ мало-по-малу воплощалась въ научное сознаніе. Ея значеніе, ея тѣсная связь съ идеей свободы, ясно сознаны уже въ XVII столѣтіи, въ прекрасномъ выраженіи Буагильбера: il n'y avait qu'à laisser faire la nature et la liberté qui est le commissionaire de cette même nature (1). Несмотря на такое давнишнее сознаніе идеи свободы и гармоніи экономическихъ отправленій общественной жизни, полное развитіе этой идеи долго замедлялось неяснымъ пониманіемъ идеи государства. Давно ли было время, когда государство обоготворялось какъ единственное конкретное проявленіе всей полноты человѣческаго духа? Еще не всѣ мы успѣли выработаться изъ этого страшнаго промаха германскаго философа. (Недаромъ его и назвали королевско-прусскимъ философомъ!) Но время это миновало: «Каждая эпоха, говоритъ Риль, вырабатываетъ нѣсколько великихъ истинъ, нѣсколько общихъ идей, съ помощію которыхъ создаетъ свой собственный міръ. Такою идеей можно назвать для нашей эпохи богатое по послѣдствіямъ сознаніе, что *гражданское общество* нисколько не совпадаетъ съ *обществомъ политическимъ*, что понятіе *общества*, въ тѣсномъ смыслѣ, и часто въ обыкновенномъ употребленіи смѣшиваемое съ нимъ понятіе *государства*, существенно различаются между собою. Эманципація идеи общества отъ деспотизма идеи государства составляетъ неотъемлемую заслугу нашего времени.»

Но мы отвлеклись отъ нашего разбора. Посмотримъ теперь, какими доводами и средствами г. Чернышевскій имѣетъ претензію опровергнуть теорію своихъ *узколобыхъ* противниковъ. Мы уже видѣли, что для доказательства ея неосновательности, приведена была несообразность выводовъ, которые будто бы вытекаютъ изъ самаго существа этой теоріи. Теперь разсмотримъ тѣ практическія послѣдствія, которыя г. Чернышевскому угодно

(1) «Стоило только предоставить дѣло самой природѣ и свободѣ, которая есть повѣренный природы.»

Digitized by Google

приписывать этой теоріи и приводить въ доказательство ея недостаточности, несовременности и вреда для народнаго блага.

Главное практическое неудобство г. Чернышевскій находитъ въ томъ, что она, *ограничивая дѣятельность государственной власти однѣми заботами о безопасности, ослабляетъ инициативу частной дѣятельности въ этомъ отношеніи*, и все количество правительственной силы и административнаго вмѣшательства переноситъ на одинъ пунктъ. Тутъ ужь выходитъ, изволите видѣть, такая непріятность: у государства силы-то больно много («количество ея зависитъ не отъ теоріи, а отъ нравовъ народныхъ, а теорія указуетъ только, куда ее приложить»), а дѣвать ее некуда, вотъ оно и придумываетъ, на чемъ бы этакъ злость сорвать! Тутъ ужь, разумѣется, какое житье, какая свобода! А намъ еще кричатъ: laissez faire. Чѣмъ бы развлекать государство, подсовывать ему кучу разныхъ дѣлъ, навязывать ему побольше занятій и какъ-нибудь угомонить его, придумали разграничивать дѣло государства отъ дѣла общества, стѣснять, напримѣръ, инициативу народа въ дѣлахъ судебныхъ, инициативу, которая и безъ того хила! Теперь посмотрите: «какой-нибудь величайшій негодяй, вредящій десяткамъ людей, подсмѣивается надъ ихъ негодованіемъ, пока не попадется въ руки полиціи какимъ-нибудь неловкимъ поступкомъ», да и тутъ еще станутъ тянуть дѣло, судить, а онъ еще, пожалуй, уйдетъ! То ли дѣло, когда весь народъ одушевленъ заботой о своей безопасности, *когда не подавлена и безъ того хилая инициатива частной дѣятельности въ полицейскомъ, административномъ и судебномъ отношеніи*? Примѣрно сказать, что̀ за расправа была хоть бы у насъ у Растопчинскаго балкона! Быстро, безъ всякихъ крючковъ и проволочекъ, и должно-быть по сущей справедливости: вѣдь гласъ народа—гласъ Божій! Это только мы, хилые люди Стараго Свѣта, не цѣнимъ такой полицейской, административной и судебной дѣятельности du peuple souverain. То ли дѣло въ Новомъ Свѣтѣ! Чувствуете ли вы, какъ сохранилась тамъ инициатива *частной* дѣятельности, какъ громко раздается тамъ черезъ XVIII вѣковъ голосъ народа-судьи: «распни, распни его!»

Но, впрочемъ, объ этомъ не для чего намъ распространяться, такъ какъ идеи эти не составляютъ оригинальной собственности г. Чернышевскаго. Его геній заблагоразсудилъ обогатить науку новыми, совершенно оригинальными взглядами. Какая, напримѣръ, великая мысль изложена на стр. 329—332! Понимаете ли вы, *отсталые, узколобые экономисты, питающіеся одною ветхою дребеденью чужихъ мыслей*, не вкусившіе божескаго наслажденія творить, творить хотя бы даже самую страшную чепуху, понимаете ли вы, что здѣсь, на двухъ страницахъ, положены основы цѣлой,

Digitized by Google

совершенно новой науки: *статики правительственной силы*? Вы, привыкшіе питаться чужою дребеденью, ловите скорѣе геніяльную мысль и стройте новое зданіе. Вотъ вамъ его основы: *Фактическая сила правительства надъ обществомъ опредѣляется правами общества и его потребностями*, слѣдовательно величина ея въ данное время есть нѣчто опредѣленное, не зависящее отъ теорій, *которыя могутъ измѣнять только направленіе этой силы*. Слѣдовательно, отношеніе человѣка къ силѣ правительства ничѣмъ не отличается отъ отношенія человѣка къ любой физической силѣ, данной въ опредѣленномъ размѣрѣ. Къ опредѣленной такимъ образомъ силѣ можно смѣло приложить всѣ законы механики; но г. Чернышевскій не входитъ въ эти подробности; онъ ограничивается пока только однимъ примѣромъ приложенія этихъ законовъ. Извѣстно, что на сколько бы слагающихъ вы ни раздѣлили данную силу, величина ея, равная величинѣ равнодѣйствующей всѣхъ этихъ слагающихъ, остается неизмѣнною, и слѣдовательно чѣмъ на меньшее число слагающихъ будетъ раздѣлена сила, тѣмъ больше будетъ дѣйствіе въ каждой изъ нихъ. Поэтому, ограничивая все дѣйствіе правительственной силы *одною судебною, административною и полицейскою дѣятельностію*, теорія невмѣшательства слишкомъ сосредоточиваетъ ее на одномъ предметѣ, и тѣмъ нарушаетъ общественный балансъ! Отсюда-то всѣ бѣдствія, которыя вы видите въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ: подавленіе личности, замѣненіе законнаго порядка произвольными мѣрами и т. д.! Неправда ли, какъ это ново и самобытно? Мы не говоримъ уже о томъ, какая геніяльная смѣлость нужна для того, чтобы подмѣнить выраженія и вмѣсто государства заговорить о правительствѣ. Кто не знаетъ, что теорія невмѣшательства говоритъ не о правительствѣ, а о государствѣ, что она далека отъ намѣренія отождествлять государство съ правительствомъ, то-есть съ администраціей, и предоставлять администраціи, напримѣръ, судебную дѣятельность? О томъ, что г. Чернышевскій постоянно смѣшиваетъ эти два выраженія: *правительство* и *государство*, несмотря на очевидную простоту и совершенную популярность этого различія, — объ этомъ намъ еще придется говорить. Но что̀ значитъ этотъ невинный и простодушный подлогъ, передъ блистательною отвагой совѣта, подаваемаго г. Чернышевскимъ человѣческому обществу? Г-ну Чернышевскому, чудится, что передъ обществомъ стоитъ великій богатырь-завоеватель, у котораго зудитъ въ рукахъ отъ богатырской силы. Общество въ страхѣ и трепетѣ, да и какъ не быть въ страхѣ? Вѣдь сила богатыря — сила чисто-физическая. Общество трепещетъ передъ этою силой и готово боготворить ее, какъ древніе люди боготворили раз-

Digitized by Google

ныя силы природы. Общество трепещетъ и падаетъ ницъ; только одинъ г. Чернышевскій не потерялъ присутствія духа и даже хлопочетъ, о свободѣ. «Общество, покоряйся, вопіетъ онъ, если хочешь свободы.» Преисполненный отваги, г. Чернышевскій дерзаетъ приблизиться и къ богатырю, и подать ему мудрый совѣтъ: «*Гни*, говоритъ онъ, *не на ту сторону, на которую и безъ того искривленъ предметъ, а на ту, отъ которой онъ уклонился*». Зачѣмъ же непремѣнно гнуть-то? Ему бы напротивъ попросить богатыря не гнуть деревца, а дать ему самому выпрямиться. Г. Чернышевскій серіозно увѣренъ, что всѣ насильственныя мѣры реакціоннаго движенія послѣ 1848 года произошли отъ недогадливости правительствъ послѣдовать его совѣту.

Въ подтвержденіе новоизобрѣтенной статики правительственной силы, г. Чернышевскій ссылается на примѣръ Англіи, въ которой правительство будто бы оставило за собой гораздо больше власти нежели правительства материка Европы. Онъ заключаетъ это между прочимъ изъ того, что въ Англіи существуетъ налогъ въ пользу бѣдныхъ, основанный, по мнѣнію г. Чернышевскаго, на томъ принципѣ, что *государство должно давать средства къ жизни каждому изъ своихъ членовъ*. Вообще г. Чернышевскій слишкомъ ужь нѣженъ къ Англіи. Яростно нападая на *узколобыхъ Французиковъ*, онъ не подозрѣваетъ того, что нѣтъ англійской или французской политической экономіи, что наука эта одна вездѣ, и что *узколобые Французики* говорятъ въ сущности то же самое, что̀ и широколобые Англичане, которымъ почему-то г. Чернышевскій началъ ужь черезмѣрно льстить. Г. Чернышевскій ссылается между прочимъ на Джона Стюарта Милля и готовъ выдать этого замѣчательнаго мыслителя за нѣчто въ родѣ соціалиста *in spe*. Никого, кто сколько-нибудь знакомъ съ направленіемъ Джона Стюарта Милля, не ослѣпитъ приводимая г. Чернышевскимъ тирада изъ его *Principles*, въ подтвержденіе его, будто бы, соціалистическаго направленія. Все, что̀ Милль говоритъ въ этой тирадѣ, относится только къ тѣмъ формамъ ассоціаціи или даже общины, которыя могутъ развиваться *свободно* среди самаго общества, безъ всякаго участія со стороны государства.

Чтобъ избѣгнуть повтореній, мы этимъ ограничимъ разборъ доводовъ, представленныхъ г. Чернышевскимъ въ опроверженіе теоріи невмѣшательства, такъ какъ эти доводы обозначатся сами собою при разборѣ собственнаго взгляда г. Чернышевскаго на отношенія экономической дѣятельности и законодательства, къ чему мы и перейдемъ теперь. Начнемъ со взгляда г. Чернышевскаго вообще на задачу государства и цѣль правительственной дѣятельности. Не долго разсуждая, г. Чернышевскій говоритъ, что, по его мнѣнію, государство существуетъ только для

Digitized by Google

блага частныхъ лицъ, точь-въ-точь какъ объ этомъ думаетъ и знаменитый авторъ *des idées napoléoniennes*, пользовавшійся, какъ извѣстно, большимъ сочувствіемъ извѣстнаго поборника идеи *организаціи труда;* отсюда-то, никакъ не изъ Милля, г. Чернышевскій и черпаетъ цѣликомъ свои глубокомысленные взгляды, разводя ихъ въ мутной водицѣ своихъ разглагольствій, конечно, вслѣдствіе своего невыгоднаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ читателей. Но авторитеты, изъ которыхъ черпаетъ г. Чернышевскій, кажется, и не подозрѣваютъ, что они ровно ничего не сказали своимъ опредѣленіемъ. Кто же когда сомнѣвался въ томъ, что государство существуетъ не для вреда частнымъ лицамъ? Такое опредѣленіе нисколько не разъясняетъ намъ значенія государства въ жизни человѣческихъ обществъ; оно оставляетъ наше понятіе о государствѣ также неопредѣленнымъ какъ и прежде; оно годно развѣ только для того, чтобы не стѣснять произвола говорить объ этихъ предметахъ все, что̀ заблагоразсудится. Но не довѣряя въ вопросахъ науки ничьимъ вдохновеннымъ импровизаціямъ, мы будемъ лучше держаться анализа дѣйствительной жизни. Правительство можетъ быть хорошо и дурно, существовать на благо или во вредъ народа, но въ томъ и другомъ случаѣ оно не перестаетъ быть правительствомъ; сущность его, въ томъ и другомъ случаѣ, есть *сила*. Государственная сила исполняетъ свое назначеніе, когда служитъ къ освобожденію человѣческой жизни отъ всякаго рода тираній. Освобожденіе это достигается сообщеніемъ, посредствомъ государственной силы, незыблемаго существованія порядку, основанному на законѣ. Безъ сомнѣнія, государственное устройство всѣхъ народовъ далеко еще отъ осуществленія такого опредѣленія; но въ наукѣ мы не можемъ уже возвратиться вспять къ старымъ, несостоятельнымъ взглядамъ, отказавшись отъ началъ, которыя въ политической области имѣютъ такое же значеніе, какъ христіянская нравственность въ жизни отдѣльныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, ясное пониманіе существеннаго значенія государства затемняется болѣе или менѣе обширною сферою административной дѣятельности, частію насильственно присвоиваемой себѣ правительствами, частію возлагаемой на нихъ самимъ обществомъ, по неразвитости, недостатку органовъ, по апатіи или испорченности. Впрочемъ нельзя отвергать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполненіе правительствомъ отправленій, составляющихъ собственно предметъ свободной дѣятельности самого общества, можетъ быть весьма удобно, если при этомъ приняты мѣры, обезпечивающія отъ насилія. Въ этихъ случаяхъ общество пользуется правительственнымъ механизмомъ, какъ готовымъ средствомъ для выгоднаго,

Digitized by Google

скораго и вѣрнаго достиженія своей цѣли, но необходимо различать въ строгости эту дѣятельность отъ той, которая принадлежитъ собственно правительству, и вообще, какъ замѣчаетъ Милль, «прежде нежели принимать на себя подобное дѣло, правительство должно каждый разъ обсудить, нѣтъ ли основательнаго вѣроятія, что предпріятіе можетъ исполниться и безъ его вмѣшательства свободною дѣтельностію самого общества.» Такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы разсуждать съ авторомъ *des idées napoléoniennes*, когда народу можно дать свободу, мы скажемъ, что только тотъ народъ достоинъ свободы и можетъ быть свободнымъ, который не унижаетъ своего правительства до служенія чему-нибудь, кромѣ неуклоннаго охраненія права, какъ единственнаго условія истинной свободы. Ограничивая такимъ образомъ сферу правительственной дѣятельности, мы нисколько не думаемъ устранять то естественное вліяніе, которое законы могутъ имѣть на экономическія отправленія общества, и рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ г. Чернышевскій могъ вообразить себѣ, что послѣдователи теоріи невмѣшательства отрицаютъ неизбѣжность этого вліянія. Нѣсколько страницъ наполнены у него доказательствами бо́льшаго или меньшаго вліянія административныхъ мѣръ и всякой перемѣны въ юридическихъ отношеніяхъ на отношенія экономическія. Кто же, когда, сомнѣвался въ этомъ? Но безъ сомнѣнія, никому, кромѣ г. Чернышевскаго, не приходило въ голову видѣть въ этомъ вліяніи *инициативу со стороны государства въ экономической сферѣ*. Только совершеннымъ презрѣніемъ къ публикѣ, основаннымъ на томъ побужденіи, которое мы привели въ эпиграфѣ нашей статьи изъ словъ самого г. Чернышевскаго, можно объяснить себѣ это разглагольствіе на нѣсколькихъ страницахъ, какъ о чемъ-то никому неизвѣстномъ, о фактѣ, который у каждаго передъ глазами. И добро бы еще г. Чернышевскій ограничился примѣрами тѣсной связи вопросовъ юридическихъ и экономическихъ, и разсуждалъ о томъ, какимъ путемъ могутъ и должны быть согласованы требованія, основанныя на положительномъ законодательствѣ, съ требованіями абсолютнаго права; объ этомъ можно бы дѣйствительно сказать еще много новаго и идущаго къ дѣлу;—но какимъ образомъ г. Чернышевскій рѣшился приводить въ доказательство неизбѣжности правительственной инициативы въ экономической дѣятельности—случаи, въ которыхъ оно дѣйствуетъ какъ частное лицо (казенные подряды, поставки и т. п.), этого мы рѣшительно не постигаемъ. Не мало удивляемся мы также глубокомыслію разсужденія о томъ, что *государство безпрекословно пользуется правомъ присвоивать себѣ посредствомъ налога такую часть имущества, какую почтетъ удобнымъ* (стр. 341). Къ такому убѣжде-

Digitized by Google

нію г. Чернышевскій приходитъ посредствомъ слѣдующаго разсужденія: государство имѣетъ право обложить мою землю податью, слѣдовательно, оно имѣетъ безпрекословное право и капитализировать этотъ налогъ, и соотвѣтственную часть имущества присвоить себѣ! Легко и скоро! Но мы принадлежимъ къ «отсталой» школѣ послѣдователей теоріи laissez faire, laissez passer, и лучше отстанемъ отъ г. Чернышевскаго: скачокъ не по нашимъ силамъ.

И благо мы пріудержались вовремя; увлекшись примѣромъ г. Чернышевскаго, мы едва не перескочили черезъ одно замѣчательное мѣсто (стр. 330): «Экономическая сторона частной дѣятельности никакъ не можетъ не находиться въ огромной зависимости отъ правительства. Есть другой фактъ, прямымъ образомъ устанавливающій эту зависимость. Никто еще никогда не сомнѣвался въ неизбѣжной связи идеи государства съ идеей налоговъ и податей. Формы государственной власти могутъ быть чрезвычайно различны, составъ бюджета также, но всегда и вездѣ государственная власть имѣла въ своемъ распоряженіи бюджетъ, вездѣ она опредѣляла налоги и подати, вездѣ опредѣляла предметы ихъ расходованія. Въ этомъ отношеніи *все равно, неограниченный ли монархъ или конституціонный парламентъ, или соединеніе всего народа называется государственною властію.*» Какъ вамъ нравится это? Притомъ не забудьте, что слово *государство* употребляется только въ теченіи доказательства, а въ самомъ положеніи, которое доказывается, дѣло идетъ *о правительствѣ.* («Экономическая сторона частной дѣятельности не можетъ не находиться *въ огромной зависимости отъ правительства.*») Неужели г. Чернышевскій, несмотря на всю легкость свою въ далеко уносящихъ прыжкахъ, ни на шагъ не подвинулся впередъ отъ знаменитой формулы Лудовика XIV? Неужели нужно объяснять ему, что парламентъ органъ не правительства, а государства, что одна изъ существеннѣйшихъ принадлежностей государства есть право установлять налоги и подати, что только тѣ причины, о которыхъ толковалъ еще старикъ la Boetie, да тѣ, о которыхъ мы выше упомянули, приводятъ народы къ смѣшенію понятій государства и правительства? Намъ пришлось бы писать много, еслибы мы признали своею обязанностію излагать здѣсь всю азбуку государственной науки; для читателей, которыхъ мы предполагаемъ для нашей статьи, это будетъ совершенно излишне, а г. Чернышевскій, мы думаемъ, избѣгнулъ бы такихъ кровавыхъ промаховъ, еслибы, не заходя далеко, прочелъ со вниманіемъ и должнымъ уваженіемъ хоть статью г. Каченовскаго въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1856 и 1857 года: *Очеркъ исторіи политическихъ наукъ.*

Digitized by Google

Не слѣдуетъ забывать, что г. Чернышевскій въ статьѣ своей, какъ онъ самъ объявляетъ (стр. 315 и 316), имѣетъ въ виду *не отдѣльные практическіе случаи*, не изображеніе горькой дѣйствительности, *а самый принципъ, законное начало*, по которому не только дѣйствуетъ, но и должна дѣйствовать государственная власть. По мнѣнію его, *всѣ имущественныя отношенія частныхъ лицъ будутъ зависѣть, какъ всегда зависѣли, отъ этой власти* (!). И эта зависимость—не печальный фактъ торжества грубаго насилія, отъ котораго должна избавить насъ истинная цивилизація, а вѣчный неизбѣжный законъ, который съ успѣхами ея долженъ болѣе и болѣе развертываться въ примѣненіи! Впрочемъ мы обязаны прибавить, что признаніе этого убійственнаго принципа за непремѣнный законъ природы человѣческаго общества страшно только для насъ, «бѣдняжекъ, послѣдователей отсталой школы»; для г-на же Чернышевскаго это вовсе не такъ опасно. Онъ во всякое время можетъ передѣлать этотъ законъ, какъ ему понадобится, для согласованія его *съ благомъ индивидуальной личности*. Вѣдь это только экономисты отсталой школы считаютъ *невозможнымъ и вреднымъ передѣлывать натуру вещей*, а для г. Чернышевскаго это самое обыкновенное дѣло. По мнѣнію его, въ этомъ и заключается вся экономическая дѣятельность человѣка. Приведя примѣры того, какъ человѣкъ, для удовлетворенія своихъ потребностей, пользуется законами природы, натурой вещей, онъ заключаетъ, что пахать землю, строить жилище, улучшать породы домашнихъ животныхъ,—все это значитъ передѣлывать натуру вещей! Терпѣніе, многотерпѣливый читатель, приготовьтесь услышать еще и не такія вещи. Времена чудесъ миновали: бумага лежитъ спокойно, перо не вырывается изъ рукъ, стѣны не вопіютъ, и г. Чернышевскій спокойно пишетъ: «Для каждой сферы общественной жизни существуютъ свои особенные законы: *есть правила, опредѣляющія семейную жизнь, есть правила для развитія умственной жизни, и пр.* Каждая изъ этихъ сферъ жизни имѣетъ свои особенные законы, *устанавливаемые разсудкомъ, зависящіе отъ воли общества, измѣняющіеся сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ*: какъ же не имѣть такихъ законовъ самой важной изъ всѣхъ дѣятельностей, какъ не имѣть ихъ экономическому производству? Еслибъ она не имѣла ихъ, этимъ нарушился бы основный принципъ существованія общества, который одно и то же съ существованіемъ этихъ законовъ. Мы видѣли, что *для каждой дѣятельности не только должны существовать законы, но именно должны существовать спеціяльные законы, относящіеся только къ ней и не касающіеся другихъ дѣятельностей.*» Какъ видите, вся эта мудрость основана на игрѣ словъ, или лучше сказать, на

Digitized by Google

смѣшеніи двухъ значеній одного и того же слова: *законъ* (въ томъ смыслѣ, какъ это слово употребляется въ физикѣ), какъ выраженіе самаго существа предмета и образа проявленія его природы, и *законъ* (въ смыслѣ положительнаго законодательства), какъ опредѣленіе юридической стороны какой-либо дѣятельности. Г. Чернышевскій, кажется, и не подозрѣваетъ, что только эта сторона подлежитъ опредѣленіямъ государственной власти, что только формулированіе *права* во всѣхъ сферахъ общественной жизни составляетъ задачу законодательства. А между тѣмъ только при этомъ ограниченіи, только при сохраненіи совершеннаго невмѣшательства въ законы природы человѣческаго общества, возможна, свобода общества и отдѣльной личности, и въ сознаніи этой-то истины и заключается весь смыслъ выраженія: laissez faire, laissez passer.

Мы едва было не пропустили глубокомысленныхъ разсужденій г. Чернышевскаго о томъ, въ какомъ направленіи должно производиться вліяніе государства на распредѣленіе имущества въ обществѣ *для принесенія людямъ наибольшей выгоды.* Предполагая, что эта выгода составляетъ единственную и непосредственную цѣль законодательства, г. Чернышевскій разсуждаетъ такимъ образомъ:

«Предполагаемъ, что существуетъ десять человѣкъ, имѣющихъ каждый по 50 руб. дохода, предположимъ, что есть дѣло, дающее 800 руб. дохода; спрашивается, лучше ли будетъ сдѣлать участниками всѣхъ десятерыхъ, или поручить его одному? Если поручить одному, онъ выиграетъ чрезвычайно много, но выиграетъ онъ одинъ; если сдѣлать участниками всѣхъ десятерыхъ, состояніе каждаго улучшится вдвое. Положимъ, что мы еще не можемъ изъ этого рѣшить, который способъ лучше, и поручили все дѣло одному. Но вотъ встрѣчается опять подобное дѣло: если мы поручимъ его одному тому, кому поручали прежнее дѣло, его положеніе улучшится менѣе нежели вдвое (онъ имѣлъ 550 руб., теперь будетъ имѣть 1050 руб.). если же поручить дѣло остальнымъ девяти, состояніе каждаго изъ нихъ улучшится болѣе чѣмъ вдвое (каждый имѣлъ по 50, теперь будетъ имѣть по 105 ½ р.). Ясно, что лучше дать девятерымъ слишкомъ вдвое, нежели дать одному менѣе нежели чѣмъ вдвое; ясно, значитъ, что и въ первый разъ полезнѣе было бы призвать къ участію всѣхъ десятерыхъ, а не сосредоточивать выгоду на одномъ.»

Примѣръ этотъ, какъ легко усмотрѣть, можно примѣнить непосредственно только къ распоряженіямъ частнаго лица, и притомъ не промышленника, а благотворителя, напримѣръ, для раздачи работъ въ какой-нибудь богадѣльнѣ или рабочемъ домѣ. Чтобы примѣнить его къ государству, необходимо признать правительство не распорядителемъ только, но и собственникомъ находящихся въ его распоряженіи средствъ. Мы видѣли, что г. Чернышевскій не находитъ въ этомъ никакого затрудненія. Но,

Digitized by Google

кромѣ этого, необходимо предположить, что этотъ собственникъ нѣчто въ родѣ какого-нибудь благотворительнаго ордена, каждое предпріятіе котораго не имѣетъ само въ себѣ никакой самостоятельной цѣли, для котораго нѣтъ заботы, успѣшно или неуспѣшно, выгодно или убыточно идетъ его дѣло, лишь бы досталась возможно бо́льшая выгода трудящимся за нимъ. Въ какой мѣрѣ такое предположеніе соотвѣтствуетъ понятію государства, предлагаемъ рѣшить самому г-ну Чернышевскому. Мы же думаемъ, что двухъ дѣлъ нельзя смѣшивать въ одно, по русской пословицѣ: «дружба дружбой, а служба службой». Благотворительность можетъ составлять весьма почтенную отрасль общественной дѣятельности, она можетъ производиться съ помощію правительственнаго механизма, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить руководящею цѣлію въ какомъ бы то ни было экономическомъ дѣлѣ, особенно если оно предпринимается правительствомъ, потому что правительство само по себѣ ничего не имѣетъ и не можетъ имѣть, потому что оно не болѣе какъ довѣренный распорядитель общественныхъ средствъ, обязанный прежде всего соблюдать въ нихъ всевозможную экономію. Противное этому пониманіе государства и характера экономическихъ отправленій правительственной власти могло явиться только вслѣдствіе фальшиваго взгляда на нихъ, возникшаго въ свою очередь изъ ложнаго пониманія самой науки политической экономіи, изъ такъ-называемаго практическаго направленія ея. Кажется, еще въ сороковыхъ годахъ, критикъ *Современника*, разбирая появившійся тогда *Опытъ о народномъ богатствѣ* г. Бутовскаго, высказалъ взглядъ на политическую экономію, какъ на науку, которой главное назначеніе состоитъ въ открытіи средствъ для облегченія страданій человѣчества, для уничтоженія нищеты и для развитія матеріяльнаго благосостоянія, и выразилъ свое сочувствіе философскимъ началамъ, въ основаніе которыхъ положена мысль о *единствѣ идеи права съ идеей пользы*. Такой взглядъ на науку политической экономіи сильно напоминаетъ намъ ея старинное камеральное опредѣленіе (см. Roscher, *Handb.* der N. O. § 19); основой его былъ взглядъ на народъ, какъ на дойную корову, которую необходимо и выгодно кормить и холить, для того чтобъ она не бодалась и давала побольше молока. Разница только въ томъ, что эта старинная гнусность передѣлана въ новомъ опредѣленіи на современные демократическіе нравы. «Въ старинныхъ добродушно-филантропическихъ мечтаніяхъ», говоритъ г. Юліанъ Шмидтъ въ своей *Исторіи нѣмецкой литературы*, «идеаломъ являлся мудрый монархъ, объѣзжающій инкогнито, подобно калифу багдадскому, свое государство, наказывающій богатыхъ тирановъ и покровительствующій несчастной добродѣтели; теперь, при

Digitized by Google

болѣе конкретномъ и матеріяльномъ взглядѣ на вещи, упованіе возложилось на механическое устройство государства, и въ немъ ожидали спасенія отъ всѣхъ бѣдъ и страданій человѣческаго общества.» Но черезъ эту перемѣну, ученія эти не перестали быть такою же ложью, какою они были во времена Горнековъ и Шредеровъ. Долго ли еще будутъ угощать насъ своими заботливыми и чувствительными наставленіями эти политическіе Беквели человѣческой породы, долго ли будутъ они своимъ плаксивымъ крикомъ и аханьями заглушать вѣчный голосъ, изъ развалинъ всѣхъ ихъ построеній взывающій намъ: *только правда и истина освободятъ васъ!* Зачѣмъ вы придумываете особыя науки для открытія какихъ-то средствъ помочь страждущему человѣчеству, и тщательно избѣгаете единственнаго, дѣйствительнаго средства спасти его?

Брось свои иносказанья и гипотезы пустыя!
На проклятые вопросы дай отвѣты намъ прямые.
Отчего подъ ношей крестной, весь въ крови, влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный встрѣченъ почестью и славой?

Вглядитесь ближе во всѣ придуманныя вами средства, и вы сами убѣдитесь, что все то, что̀ есть дѣйствительнаго въ нихъ, сводится на одинъ и тотъ же простой и единственно-истинный принципъ *свободы и права*, а все остальное ложь и обманъ, облегченіе на минуту и новая цѣпь на сотни лѣтъ. Мы сказали уже, что рѣшительно отвергаемъ такъ-называемое практическое направленіе въ политической экономіи. Исторія политической экономіи и экономическаго развитія государствъ представляетъ безчисленное множество примѣровъ, какъ трудно различать явленія собственно-экономическія отъ тѣхъ, которыя обусловлены вліяніемъ посторонніхъ причинъ, какъ легко принять за свободный экономическій законъ то, что̀ составляетъ только слѣдствіе вмѣшательства насильственныхъ распоряженій власти. И нельзя отрицать, что власть имѣетъ большое искушеніе примѣнять къ *дѣлу*, во имя народнаго блага, всѣ эти кажущіеся законы экономической жизни, искушеніе, тѣмъ болѣе извинительное, что оно опирается на авторитетъ самой науки политической экономіи въ ея, такъ-называемомъ, *практическомъ* направленіи. Но, да проститъ насъ г. Чернышевскій и всѣ его единомышленники, всѣ maxima et minima міра сего,—эти средства, эти воображаемые *законы*, на которыхъ они основываются, кажутся намъ только безполезными побрякушками, заглушающими (съ цѣлію и безъ цѣли) одинъ вѣчный законъ, вопіющій намъ изъ всей экономической науки: свободы! свободы! свободы! Это тотъ вѣчно-истинный трюизмъ, который читаемъ мы во всѣхъ добросовѣст-

Digitized by Google

ныхъ изслѣдованіяхъ и вѣрно-представленныхъ явленіяхъ экономической жизни. Это—и больше ничего. Ничего для тѣхъ, кто ищетъ «на проклятые вопросы прямыхъ отвѣтовъ». Но для тѣхъ, чей умъ подкупленъ слабонервнымъ упованіемъ на всемогущество власти и, что еще хуже, подавленъ внушеніями минуты и личныхъ интересовъ,—для тѣхъ экономическая наука, какъ перламутръ подъ извѣстнымъ угломъ, ирризируетъ безчисленнымъ множествомъ радужныхъ обѣщаній.

При этомъ направленіи, приписывающемъ какому-либо экономическому факту болѣе значенія и силы, чѣмъ сколько онъ имѣетъ, часто случается, что противная сторона, увлекаясь тѣмъ же заблужденіемъ, приписываетъ тому же факту и то зло, въ которомъ онъ нисколько не виноватъ. Какъ на одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ этого, мы укажемъ только на тѣ обвиненія, которыя возводимы было на право собственности многими писателями, искавшими въ политической экономіи средствъ для облегченія страданій народа. Но начало свободной собственности не было осуществлено съ строгою послѣдовательностію еще ни въ одномъ государствѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Джонъ Стюартъ Милль. Первоначальное распредѣленіе ея, и вообще общественныхъ отношеній, совершилось почти вездѣ подъ вліяніемъ силы, и слѣды этого сохранились до настоящаго времени. Собственностію дѣлались часто многія такія вещи, которыя вовсе не могутъ быть предметомъ собственности (1). Къ такимъ предметамъ въ нѣкоторой степени принадлежитъ именно земля.

Сознаніе, или, вѣрнѣе сказать, инстинктивное чувство существеннаго различія между поземельною и движимою собственностію, замѣтно въ первобытныхъ учрежденіяхъ всѣхъ народовъ; оно проявляется то въ формѣ общиннаго владѣнія, то въ формѣ различныхъ ограниченій и повинностей, возлагаемыхъ на поземельную собственность. Выставляя это на видъ, Вильгельмъ Рошеръ не находитъ другаго оправданія для права поземельной собственности кромѣ общей пользы. «*Каждому очевидно*, говоритъ онъ, *исключительное право собственности на произведенія собственнаго труда и бережливости; напротивъ того присвоеніе первоначальныхъ, неразрушимыхъ силъ природы основывается собственно не на правѣ, а на видахъ общей пользы*» (2). Ту же мысль и то же оправданіе находимъ мы у Ад. Смита, Рикардо, Макъ-Коллоха, Сеніора, Сея; всѣ они не находятъ другаго основанія для права поземельной собственности, кромѣ необходимости и общей пользы. Не менѣе очевидно и то, что право

(1) См. *Principles* II, Ch. I, 3.

(2) Grundlag. d. N. O. § 88.

Digitized by Google

собственности коллективной единицы на какой-либо предметъ, означаетъ не что иное, какъ право извлекать возможно-бо́льшую пользу изъ этого предмета, и право равномѣрнаго участія въ этой пользѣ всѣхъ членовъ коллективной единицы. Владѣніе сообща или передѣлъ земли можетъ быть прямымъ нарушеніемъ первой части этого права, присвоеніе части земли въ собственность одного лица можетъ быть въ прямой ущербъ права другихъ. Изъ этого очевидна вся несостоятельность *общиннаго владѣнія*, которое впрочемъ и является только на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія, какъ первое, отдаленный намекъ на истинное опредѣленіе права *общинной собственности* (1).

Предложенное Гоббесомъ оправданіе поземельной собственности, какъ факта, признаннаго государственною властью, или закономъ, какъ выражается Монтескье, объясняетъ только происхожденіе и существованіе поземельной собственности, какъ положительнаго права. Столько же мало примѣнимо къ разъясненію поземельныхъ отношеній объясненіе права собственности выраженнымъ или только подразумѣваемымъ соглашеніемъ, какъ предлагалъ Гуго Гротъ. Такое соглашеніе можно допустить развѣ только при свободномъ распредѣленіи поземельнаго владѣнія въ данный моментъ, но имъ никакъ нельзя объяснять переходъ владѣнія въ собственность, подъ вліяніемъ принудительной власти. Да и въ первомъ случаѣ, объясненіе это можно допустить только съ тѣмъ ограниченіемъ, на которое указываетъ Джонъ Стюартъ Милль, говоря, что причины, могущія служить оправданіемъ поземельной собственности съ экономической точки зрѣнія, имѣютъ значеніе только при предположеніи, что собственникъ земли и ея воздѣлыватель одно и то же лицо (2).

Экономическое объясненіе права собственности, производящее его изъ права каждаго человѣка на произведенія своего труда, примѣнимо непосредственно только къ тому, что̀ можетъ быть произведено трудомъ человѣка. Но по теоріи Рикардо, стоящей твердо, несмотря на всѣ возраженія, поземельная рента составляетъ именно ту часть поземельнаго дохода, которая нисколько не зависитъ отъ труда или капитала землевладѣльца, и образуется вслѣдствіе естественныхъ условій и гражданственнаго развитія страны. Слѣдовательно, если человѣкъ имѣетъ право собственности только на произведенія собственнаго труда, то нѣтъ причины, чтобы поземельная рента, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самая земля, приносящая эту ренту, непремѣнно были предметами частной собственности. Чтобъ избѣжать этого безпристрастнаго приго-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1858 года № 17, статья: *Русская сельская община*.

(2) *Principles*, I, p. 26, §

Digitized by Google

вора экономической науки, нужно или отказаться отъ единственнаго удовлетворительнаго объясненія права собственности, или отъ теоріи поземельной ренты Рикардо. Къ послѣднему средству и прибѣгали нѣкоторые экономисты въ борьбѣ противъ коммунистическихъ и соціялистическихъ теорій. Такъ поступили Каре, Бастіа, Банфильдъ и нѣкоторые другіе. Каре думаетъ опровергнуть законъ Рикардо, приводя въ примѣръ случаи, которые только показываютъ, что культура начинается обыкновенно съ земель, не только могущихъ дать наибольшій доходъ по своему плодородію, но и дѣйствительно дающихъ наибольшій доходъ при употребленіи наименьшаго капитала (1). Бастіа хочетъ видѣть въ поземельной рентѣ не болѣе какъ процентъ съ капитала, употребленнаго на улучшеніе почвы. Онъ впалъ, по мнѣнію нашему, въ ошибку, не обративъ достаточно вниманія на особенности земли въ ряду прочихъ даровыхъ силъ природы; въ цѣнѣ хлѣба дѣствительно не заключается платы за даровыя силы природы; она для земель, наименѣе производительныхъ,—плата за трудъ, капиталъ, рискъ, для земель же, дающихъ чистую ренту, кромѣ того,—плата, какъ выражается самъ Бастіа, не за peine prise, а за peine épargnée; но дѣло въ томъ, что экономическая основа права собственности, какъ послѣдствія права на трудъ, не можетъ служить полнымъ объясненіемъ права поземельной собственности. «Гармоничны только законные интересы». Наконецъ, Банфильдъ (2) видитъ противорѣчіе закону Рикардо въ случаяхъ, когда дешевизна хлѣба вмѣстѣ съ увеличившимся требованіемъ на другія высшія произведенія сельскаго хозяйства, какъ напримѣръ мясо, молоко, овощи и т. п., даетъ возможность употреблять въ дѣло такія земли, которыя прежде, при высшей цѣнѣ хлѣба, лежали впустѣ. Но всѣ эти примѣры вполнѣ объясняются теоріей Рикардо, и могутъ служить не опроверженіемъ, а скорѣе подтвержденіемъ ея очевидной и несомнѣнной истины.

Мы дозволили себѣ это длинное отступленіе отъ нашего непосредственнаго предмета, потому что вопросъ о допущеніи или недопущеніи общинной поземельной собственности лучше всего можетъ показать характеръ послѣдствій защищаемаго г. Чернышевскимъ начала *единства права и пользы*. Допустите только смѣшеніе пользы и права, и вы должны будете допустить, что государство, въ интересахъ общей пользы должно вводить частную поземельную собственность законодательными мѣрами даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ у насъ, при существованіи общиннаго

(1) См. *The past, the present and the future*, Ch. I.
(2) *Organisation of industry*, p. 48 и слѣд.

Digitized by Google

землевладѣнія, право ведетъ къ общинной собственности; вы должны будете допустить вообще вмѣшательство государства въ экономическую дѣятельность частныхъ лицъ.

Но пора возвратиться къ нашему автору. Мы оставили его за указаніемъ, какъ правительство должно благотворительствовать на счетъ вѣрноподданническихъ кармановъ. Послѣ этого г. Чернышевскій опредѣляетъ, по скольку оно должно брать изъ каждаго кармана, для того чтобы «выгоды общественной жизни распредѣлялись между членами общества какъ можно равномѣрнѣе, а убытки ложились на тѣхъ, кто легче можетъ вынести ихъ». Выходя изъ предположенія, что правительство имѣетъ право брать съ богатаго и бѣднаго въ какой ему угодно пропорціи, г. Чернышевскій заключаетъ, что, по справедливости, оно должно брать пропорціонально доходамъ того и другаго. Нужно ли говорить, что это такъ же много значитъ, какъ и сентенція, что государство существуетъ для общаго блага, даже еще менѣе, потому что здѣсь нужно еще предварительно объяснить, для какихъ издержекъ назначается налогъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ доходъ, и мало ли еще чего? Г. Чернышевскій съ презрѣніемъ отзывается о Гарнье, а между тѣмъ у этого же Гарнье онъ могъ бы найдти безконечно разумнѣйшую формулу для общей характеристики размѣра государственныхъ налоговъ. «Налогъ, говоритъ Гарнье, не долженъ превосходить премію застрахованія, то-есть опредѣленную долю необходимыхъ расходовъ на обезпеченіе личности и собственности гражданина.» И здѣсь, если хотите, сказано не много, но все же по крайней мѣрѣ въ этой формулѣ заключается хотя намекъ на ту великую мысль, въ осуществленіи которой единственная надежда на освобожденіе обществъ отъ несправедливой раскладки налоговъ и отъ фискальныхъ пріемовъ ихъ взиманія.

Но послѣдуемъ снова за нашимъ авторомъ. Г. Чернышевскій убѣжденъ, что «необходимость законовъ возникаетъ изъ несоразмѣрности человѣческихъ потребностей съ средствами удовлетворенія», или, другими словами, что цѣль законодательства—возможно равномѣрное распредѣленіе скудной добычи между двуногими животными единственной фамиліи порядка Mammalia erecta. Изъ такого взгляда на значеніе законодательства естественно слѣдуетъ, что когда дѣлежъ совершится съ соблюденіемъ общей пользы, тогда задача законодательства будетъ выполнена, оно сдѣлается ненужнымъ, и тогда только думаетъ г. Чернышевскій наступитъ пора для осуществленія теоріи, проповѣдующей свободу экономической дѣятельности.

Тогда, тогда... впрочемъ, тогда люди вѣроятно и не замѣтятъ этой радости среди пресыщенія счастіемъ и радостями въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мечтаетъ медвѣдь въ сказкѣ Музеуса.

Digitized by Google

«Тогда, говоритъ г. Чернышевскій, возникнутъ для общественной жизни совершенно новыя условія, и между прочимъ прекратится нужда въ существовавшихъ законахъ для экономической дѣятельности. Трудъ изъ тяжелой необходимости обратится въ легкое и пріятное удовлетвореніе физіологической потребности, какъ нынѣ возвышается до такой степени умственная работа въ людяхъ просвѣщенныхъ: какъ вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому-нибудь принужденію, а просто потому, что это для васъ занимательно, и что было бы для васъ скучно не посвящать чтенію каждый день извѣстное время, такъ нѣкогда наши потомки будутъ заниматься матеріальнымъ трудомъ. Тогда, конечно, производство цѣнностей точно также обойдется безъ всякихъ законовъ, какъ теперь обходится безъ нихъ прогулка, ѣда, игра въ карты и другіе способы пріятнаго препровожденія времени. Каждая пробужденная потребность будетъ удовлетворяться досыта, и все-таки останется за потребленіемъ излишекъ средствъ удовлетворенія; тогда, конечно, никто не будетъ спорить и ссориться за эти средства, и распредѣленіе ихъ вообще будетъ обходиться безъ всякихъ особенныхъ законовъ, какъ нынѣ обходится безъ особенныхъ законовъ пользованіе водами океана: плыви, кто хочетъ—мѣста всѣмъ достанетъ.»

Жаль, что г. Чернышевскій не добавилъ къ этому пророчеству сдѣланнаго однимъ мыслителемъ обѣщанія, что и вода-то въ океанѣ изъ горько-соленой (какова она пребудетъ все время, пока будутъ существовать ученія экономистовъ и здравый смыслъ въ человѣчествѣ) превратится во вкусный лимонадъ, въ Сибири будутъ расти апельсины, и пр.; все это послѣдуетъ тотчасъ, какъ только человѣчество промѣняетъ здравый смыслъ на ученія *новаго міра*. Но г. Чернышевскій надѣется, что человѣчество не долго будетъ раздумывать объ этомъ обмѣнѣ,—*сто или полтораста лѣтъ*; за двѣсти г. Чернышевскій уже не ручается. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ручаться? можно ли предпочесть нескончаемый трудъ и борьбу, которые остаются у экономистовъ въперспективѣ, сладкой игрѣ d'une passion papillonne, d'une passion cabaliste, etc? Въ этомъ отношеніи, г. Чернышевскій рѣшительно идетъ впереди своего вѣка: статьи, которыми онъ наполняетъ *Современникъ*, которыя онъ украшаетъ такими громкими названіями, носятъ яркій отпечатокъ вдохновенія d'une passion papillonne. По законамъ ея, какъ извѣстно, каждый долженъ развлекаться (отнюдь не трудиться), развлекаться всевозможными дѣлами, но каждымъ дѣломъ—не болѣе двухъ часовъ въ день. Что-то будетъ тогда, лѣтъ черезъ полтораста, когда всѣ послѣдуютъ примѣру г. Чернышевскаго! Каково будетъ критикамъ! Имъ-то ужь вѣрно будетъ не до развлеченія: нѣтъ тяжелѣе труда, какъ распутывать произвольныя, ни на чемъ не основанныя фантазіи. Здѣсь рѣшительно лопнетъ всякое терпѣніе. Сознаемся, что и наше почти уже истощается, и потому спѣшимъ закончить нашу статью, указавъ только наиболѣе выдающіяся идеи нашего автора. Какъ образецъ *дѣльныхъ законовъ*, непосредственно входящихъ въ область экономической дѣятельности, г. Чернышев-

Digitized by Google

скій приводитъ правило, по которому запрещено въ питейныхъ заведеніяхъ принимать въ залогъ вещи. Нужно ли доказывать всю безплодность этого правила? А между тѣмъ г. Чернышевскій, основываясь на томъ, что «*подобныхъ законовъ, которые заслуживаютъ въ настоящее время имени дѣльныхъ* (!), *можно набрать множество примѣровъ*», заключаетъ, что вмѣшательство правительства въ экономическую дѣятельность частныхъ лицъ необходимо. Вмѣшательство это считаетъ г. Чернышевскій въ особенности необходимымъ для обузданія конкуренціи, которой онъ приписываетъ всѣ бѣдствія общественной жизни нашего времени и обѣщаетъ, что *со временемъ конкуренціи не будетъ!* «*Гдѣ нѣтъ закона*», кричитъ г. Чернышевскій, *тамъ произволъ!*» «Къ водворенію вѣчной правды», кричитъ г. Зупицынъ, «можно достигнуть только однимъ административнымъ путемъ, нужно написать объ этомъ проектъ и предписать этомъ его исполнить!» «Политическая наука, говоритъ намъ свободный голосъ истины, должна состоять въ распознаніи того, что должно, или что не должно входить въ вѣдомство государства; при этомъ не должно упускать изъ виду, что государство должно дѣйствовать всегда черезъ посредство силы. Оно принуждаетъ принимать оказываемыя имъ услуги, оно также принуждаетъ общество отплачивать ему услугами въ формѣ контрибуцій. Вопросъ получаетъ слѣдовательно такой видъ: чего люди могутъ силой требовать другъ отъ друга? На это можно отвѣчать: только справедливости. Я не имѣю права вынуждать другаго силой религіознымъ, милосерднымъ, образованнымъ, трудолюбивымъ, но я имѣю право принудить его быть справедливымъ; это дѣло законной защиты. Но въ обществѣ лицъ не можетъ существовать никакого права, которое не предсуществовало бы въ самихъ лицахъ. Итакъ, если употребленіе личной силы можетъ быть оправдано только въ случаѣ законной защиты, ао признавая, что правительственное дѣйствіе обнаруживается всегда посредствомъ силы, мы необходимо заключаемъ, что дѣйствіе это должно существенно ограничиваться только сохраненіемъ порядка, безопасности и справедливости. Всякое правительственное дѣйствіе внѣ этихъ предѣловъ будетъ нарушеніемъ правъ совѣсти, разумѣнія, труда, словомъ человѣческой свободы» (1).

Довольно. Повторять и разбирать избитыя разглагольствія о пользѣ общиннаго землевладѣнія мы не станемъ, также какъ и глубокомысленныя изреченія на всѣ буквы латинскаго алфавита.

---

(1) Bastiat, *Harmonies économiques*, p. 17.

Digitized by Google

Мы не успѣли еще отправить по назначенію эту статью, какъ получили февральскую книжку *Современника*, съ началомъ перевода сочиненія Милля, украшеннымъ примѣчаніями г-на Чернышевскаго. Отъ всей души мы привѣтствовали вѣсть объ этомъ трудѣ и напередъ благодарили за него г. Чернышевскаго. Но мы никакъ не ожидали, что будемъ одолжены ему не одною, а двумя, даже тремя благодарностями. Первая,—мы ужь сказали,—за переводъ хорошей книги. Вторая—за нѣсколько часовъ самаго веселаго расположенія духа. Мы давно уже не хохотали такъ отъ души, давно съ того времени, какъ видѣли *Заколдованнаго Принца* и читали велемудраго Даумера-магометанина. Только въ этомъ мудромъ толкователѣ гуманнаго направленія der Esel Ochsen und Kalbs-Propheten, находимъ мы нѣчто подобное несравненной комической важности, съ которою г. Чернышевскій, можетъ-быть внемля жалобамъ покойнаго *Веселъчака*, «что земля наша велика и обильна, а смѣху въ ней нѣтъ», рѣшился потѣшить русскую публику въ своихъ примѣчаніяхъ къ Миллю. Наконецъ третья, самая большая признательность наша г. Чернышевскому, должна быть за его дѣйствительно-неоцѣнимую заслугу предъ русскою публикой: въ упоеніи самоувѣренности онъ первый рѣшился высказать, съ самою наивною откровенностію, тотъ знаменитый *современный* взглядъ на экономическіе вопросы, котораго представительство въ русской литературѣ взялъ на себя *Современникъ*. Эта заслуга неоцѣнима не только въ ученомъ, но даже и въ экономическомъ отношеніи. Все пустословіе и вся ребяческая несостоятельность этого пресловутаго взгляда обнаружены Чернышевскимъ съ такою откровенностію, что дальнѣйшее опроверженіе его становится совершенно излишнимъ: экономія времени критиковъ, экономія времени читателей, да можетъ-быть и у самого г. Чернышевскаго откроются наконецъ глаза, и онъ употребитъ на что-нибудь лучшее свою дѣятельность. Одно мы боимся: что, если онъ, въ припадкѣ самоотверженія, вздумаетъ дать русской публикѣ послѣдній рѣшительный урокъ и по слѣдамъ Даумера, вдругъ пересѣдлаетъ изъ политико-экономическаго ислама въ таковой же католицизмъ? Дай Богъ, чтобъ этого не было. Но по пословицѣ: *на Бога надѣйся, а самъ не плошай*, мы постараемся, по мѣрѣ силъ нашихъ, предупредить это жертвоприношеніе, сдѣлавъ его ненужнымъ. Въ своемъ предисловіи къ переводу Милля, г. Чернышевскій говоритъ, что *Современникъ*, «будучи въ русской литературѣ представителемъ взгляда на экономическіе вопросы, во многомъ отличающагося отъ теоріи французскихъ такъ-называемыхъ экономистовъ, часто чувствовалъ недостатокъ на русскомъ языкѣ трактатовъ о политической экономіи, излагающихъ науку въ духѣ

Digitized by Google

теоріи, раздѣляемой *Современникомъ*, и потому, чтобы помочь этому недостатку, рѣшился перевести книгу Милля и прибавить къ ней замѣчанія.» Послѣ этихъ словъ, читатель вполнѣ убѣжденъ, что Милль—отъявленный врагъ «такъ-называемыхъ экономистовъ», и что взглядъ *Современника* опирается на его систему. Каково же изумленіе его, когда чрезъ нѣсколько строкъ, г. Чернышевскій объявляетъ ему, что система *Современника* далеко не система Милля, «*мыслителя, ищущаго только истины, сочиненія котораго признаны всѣми экономистами за лучшее, самое вѣрное и глубокомысленное изложеніе теоріи, основанной Адамомъ Смитомъ*»! Къ чему же было, имѣя намѣреніе пополнить въ русской литературѣ недостатокъ сочиненій о политической экономіи въ духѣ системы, представляемой *Современникомъ*, избивать для этого Милля? Или «умыселъ другой тутъ былъ», и *Современнику*, чтобы, по примѣру Руссо, entraîner sans violence à persuader sans convaincre, нужно было только почтенное имя Джона Стюарта Милля, для того чтобы подъ авторитетомъ его имени провести въ русскую публику давно осмѣянную дребедень? Въ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ г. Чернышевскаго, Милль представляется не только не глубокомысленнымъ и добросовѣстнымъ писателемъ, какъ признаютъ его всѣ экономисты и какъ приласкалъ его въ предисловіи и самъ г. Чернышевскій, а совершеннымъ идіотомъ, который не можетъ различить двухъ смысловъ одного слова, который не въ состояніи отдѣлаться отъ простодушія меркантильной системы, и наконецъ онъ представляется лицемѣромъ или по крайней мѣрѣ схоластикомъ, когорый въ своемъ изслѣдованіи дозволяетъ себѣ то, что, по мнѣнію г. Чернышевскаго, значитъ *приступать къ наукѣ съ намѣреніями не приличными для науки, дѣлать ее служительницей не истины, а личныхъ нашихъ желаній или гипотезъ*, за что и получаетъ онъ отъ г. Чернышевскаго родительское наставленіе: «это-де не годится.» Да чего же лучшаго и ожидать отъ писателя, который, помянувъ, что въ цивилизованныхъ обществахъ есть классы, находящіеся въ состояніи столь же незавидномъ какъ дикари, тотчасъ же не впалъ въ припадокъ бѣшенства и съ пѣной у рта не понесъ чепухи? Не явное ли это доказательство «равнодушія къ факту, ставшему повсюду главнымъ двигателемъ исторіи»? Не явное ли это доказательство, что, по мнѣнію такого равнодушнаго господина, фактъ этотъ «не важенъ, не занимателенъ и не стоитъ, видно, чтобъ и говорить о немъ»? Вотъ вамъ и глубокомысленный, по общему мнѣнію, писатель, ищущій только истины! Да онъ еще лучшій изъ экономистовъ смитовской школы. Каковы же остальные! Но перестанемъ сердиться, читатель; лучше посмѣемся; вѣдь мы присутствуемъ при самомъ комическомъ процессѣ самоуничтоженія безобразныхъ претензій. «Das Komische

Digitized by Google

говорятъ Нѣмцы, ist die Auflösung des Hässlichen, in dem es sich selbst vernichtet»: въ комическомъ разрѣшается отвратительное, уничтожая само себя. Полюбуемтесь же, какъ потѣетъ г. Чернышевскій надъ книгой Милля, вертитъ ее и такъ и сякъ: ничего не выходитъ. А между тѣмъ, дѣло вѣдь не шуточное: нужно представить по крайней мѣрѣ какое-нибудь оправданіе, почему же система Милля, несмотря на то, что она признается всѣми и глубокомысленною и добросовѣстною, все-таки не система *Современника*? Да что долго надъ этимъ ломать голову? вѣдь, по опредѣленію *Современника* (въ разборѣ книги г. Бутовскаго), политическая экономія есть наука, занимающіяся изысканіемъ средствъ къ устраненію нищеты и всѣхъ общественныхъ страданій (замѣтьте, какое нѣжное сердце имѣетъ *Современникъ*), а по опредѣленію Милля, она—наука о богатствѣ. Чего же больше? Не явное ли это доказательство, что Милль поставляетъ цѣлію политической экономіи «изысканіе объ увеличеніи числа богачей, людей, превосходящихъ массу своихъ согражданъ количествомъ имущества, или объ увеличеніи богатства каждаго изъ этихъ людей, то-есть объ увеличеніи размѣра разницы между его имуществомъ и состояніемъ массы»? Вотъ она-то ахиллова пята Смитовской школы. Благо, что она открыта наконецъ, г. Чернышевскій мещетъ въ нее однимъ духомъ пять страницъ замѣчаній. Меркнетъ передъ взоромъ нашимъ свѣтлый образъ *мыслителя, ищущаго только истины;* между нимъ и нами вырастаютъ какія-то сумрачныя тѣни, и сквозь ихъ смутныя, туманныя линіи, г. Чернышевскій указываетъ намъ отвратительное ожирѣвшее чудовище, служителя мамоны, влекущее науку на служеніе *не истины, а личныхъ своихъ желаній и гипотезъ.* Но не пугайтесь, читатель; эти смутныя тѣни—порожденіе невѣжества; при первомъ свободномъ дуновеніи здраваго смысла онѣ исчезнутъ, оставивъ своимъ слѣдомъ, въ доказательство своего ничтожества, одно только ничего не опредѣляющее опредѣленіе, что «политическая экономія есть наука о матеріяльномъ благосостояніи человѣка, на сколько оно зависитъ отъ вещей и *положеній*(!), производимыхъ трудомъ.» Какихъ читателей предполагалъ г. Чернышевскій для своихъ замѣчаній, если онъ могъ думать, что они примутъ за серіозное *дополненіе науки* обвиненіе Милля и всей Смитовской школы въ томъ, что они принимаютъ предметомъ политической экономіи богатство, въ *разговорномъ* смыслѣ этого слова? Мы даже не можемъ повѣрить, чтобы г. Чернышевскій самъ приписывалъ какое-нибудь значеніе подобному обвиненію. Ссылаемся на его собственныя слова. Онъ говоритъ (ст. 39), что «задача науки искать условій, при которыхъ увеличивается количество полезныхъ вещей, принадлежащихъ людямъ». По простому здравому смыслу,

Digitized by Google

это увеличеніе называется на всѣхъ языкахъ обогащеніемъ, а само увеличенное количество вещей—богатствомъ относительно прежняго количества, все равно былъ ли въ немъ недостатокъ или избытокъ. Для политической экономіи это совершенно безразлично, и слово *богатство* ни въ какомъ случаѣ не можетъ послужить къ превращенію ея въ науку, трактующую объ увеличеніи богатства однихъ богачей; по крайней мѣрѣ эта опасность не существуетъ для экономической школы съ девизомъ: laissez faire, laissez passer, такъ какъ, по ученію этой школы, распредѣленіе богатствъ должно происходить не по началу такъ или иначе понимаемой *пользы*, а единственно по началу *права*. Опасеніе г. Чернышевскаго можетъ относиться только къ ученію той школы, въ основаніи которой лежитъ отрицаніе самостоятельныхъ интересовъ *права*, и потому мы бы совѣтовали г. Чернышевскому приберечь это опасеніе для соображенія послѣдователей *Современника*, которому, по убѣжденію въ единствѣ *пользы и права*, постоянно предстоитъ искушеніе считать свою *пользу* за *право*, а потому дѣлать и науку—*служительницей не истины, а личныхъ своихъ желаній и гипотезъ*. Милля же обвинять въ этомъ не годится.

Второе обвиненіе, придуманное г. Чернышевскимъ на Джона Стюарта Милля, еще куріознѣе. Во введеніи своемъ Милль довольно обстоятельно объясняетъ ложность меркантильной системы, а вѣдь, по русской пословицѣ: «у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.» Посредствомъ такого несложнаго аппарата умозаключеній г. Чернышевскій добываетъ еще цѣлыхъ четыре страницы дополненій, долженствующихъ обогатить (мы употребляемъ это слово въ его самомъ простонародномъ смыслѣ) науку *Современника*, и обвиняетъ Милля въ томъ, что онъ потому-де такъ много и говоритъ о меркантильной системѣ, потому такъ *и торопится поразить эту нельпость*, что самъ еще *не окончательно отдѣлался отъ заблужденія*, и что *вся Смитовская школа страдаетъ меркантильнымъ недугомъ, засѣвшимъ въ ея костяхъ!* Какъ видите, г. Чернышевскій въ попыхахъ придумыванія замѣчаній и обвиненій, не замѣтилъ самой простой причины, заставившей Милля распространяться о меркантильной системѣ. Намѣреніе Милля было написать, какъ онъ самъ говоритъ, книгу сколько возможно популярную; какъ же ему было не войдти въ подробное разъясненіе ошибочности той теоріи, которая, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ и до тѣхъ поръ пока будутъ существовать деньги, составляла, составляетъ и будетъ составлять сущность непосредственнаго взгляда каждаго простаго человѣка на богатство? Selon le gros bon sens, мы всѣ меркантилисты, такъ же точно, какъ въ астрономіи всѣ мы естественные птоломеисты, хотя ни кому ни-

Digitized by Google

когда не приходило на мысль обвинять какого-нибудь автора популярной астрономіи въ пустомъ «словоизверженіи» и въ пристрастіи къ Птоломеевой системѣ за то, что онъ пускается въ объясненіе ложности представленія, что земля средоточіе вселенной, и что солнце вокругъ земли ходитъ. Именно *разговорное* значеніе слова: *богатство*, и слѣдовало устранить въ самомъ началѣ трактата о богатствѣ.

Скажемъ теперь два слова объ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ, которыми г. Чернышевскій увѣковѣчилъ свое имя на страницахъ перевода творенія Джона Стюарта Милля. На стр. 69 Милль, ссылаясь на Сея, говоритъ, что мы создаемъ и употребляемъ не самые предметы, а только полезности. Не будь здѣсь несчастнаго имени Сея, г. Чернышевскій миновалъ бы спокойно это мѣсто и не нашелъ бы въ немъ ровно ничего, къ чему бы можно было придраться. Но Милль упомянулъ о Сеѣ, сослался на его ненавистное мнѣніе, — кончено! смерть имъ обоимъ: примѣчанія сыплются одно за другимъ, такъ что бѣдный Милль въ страхѣ съеживается на полстраницы. Г. Чернышевскій гремитъ: «Милль нарушаетъ строгую точность терминологіи. Надобно было сказать: не предметы, а матерія, составляющая предметы. Предметы мы создаемъ. Предметомъ называется часть матеріи, принявшая извѣстную форму и качества. Точно также мы и разрушаемъ предметы. Трудъ, давая желѣзу пропитаться кислородомъ, превращаетъ желѣзо въ сталь.» На слѣдующей страницѣ: «Опять та же неточность. Сами предметы могутъ быть потребляемы, самыя частицы матеріи потребляются.» На той же страницѣ: «Нѣтъ, эти выраженія неправильны: мы производимъ и потребляемъ не только полезности, а самые предметы, и надобно сказать, что *производить полезности мы можемъ не иначе, какъ производя предметъ, потреблять не иначе, какъ только потребляя предметъ.*» Что это такое? что было съ вами, г. Чернышевскій, когда вы рѣшились въ 1860 году представить русской публикѣ это непостижимое «словоизверженіе», въ которомъ каждая фраза или совершенное непониманіе автора, или непростительная ошибка противъ смысла и натуры вещей, вызванная претензіей учить другихъ тому, чего мы сами не знаемъ? Да извинитъ насъ г. Чернышевскій за строгость сужденія. Кто же нибудь обязанъ высказать его, не дожидаясь, пока намъ скажутъ, что мы еще «не дозрѣли», не доросли для того, чтобы самимъ защищать свой здравый смыслъ. Г. Чернышевскій началъ съ того, что не понялъ, что Милль и Сей слово «предметъ» употребляютъ чисто въ объективномъ смыслѣ. А г. Чернышевскій понимаетъ это слово въ субъективномъ смыслѣ, вслѣдствіе этого и говоритъ, что «*предметы мы создаемъ.*» Но развѣ растеніе, дерево, кусокъ руды, не предметы? Вы можете назвать

Digitized by Google

ихъ предметами и въ томъ и въ другомъ смыслѣ, и если г. Чернышевскому угодно признать законность объективнаго смысла, то онъ будетъ имѣть оправданіе и для своего, субъективнаго: какъ *предметы внѣшняго міра*, и растеніе, и руда созданы природой; какъ *предметы нашего сознанія*, они созданы нами, хотя созданіе это и ограничивается только обособленіемъ этихъ предметовъ, матеріяльнымъ или мысленнымъ. Итакъ выраженіе г. Чернышевскаго: *мы создаемъ предметы*, можно еще кое-какъ оправдать. Но какой смыслъ прикажете дать выраженію: *предметомъ называется часть матеріи, принявшая извѣстную форму и качества?* Самъ же г. Чернышевскій обвиняетъ Милля и Сея въ томъ, что у нихъ *фальшивое понятіе о качествахъ матеріи, какъ о чемъ-то различномъ отъ матеріи*, и преспокойно говоритъ о матеріи, принимающей извѣстныя качества! О чемъ думалъ г. Чернышевскій, говоря, что *производить полезность мы можемъ не иначе, какъ производя предметъ* и т. д.? неужели водовозъ производитъ воду, перевозя ее отъ рѣки въ городъ? или вода не предметъ, и трудъ водовоза не сообщаетъ ей полезности? Вѣдь не возможно же довольствоваться и здѣсь узенькимъ представленіемъ, какъ въ выраженіи: *мы создаемъ предметы*. Откуда наконецъ взялъ г. Чернышевскій, будтобы *желѣзо, какъ желѣзо, какъ особый предметъ, не существуетъ въ природѣ?* Чтобы знать, что это вовсе не такъ, далеко не нужно быть такимъ многостороннимъ, глубокимъ ученымъ, какимъ имѣетъ претензію быть г. Чернышевскій: стоило только имѣть въ рукахъ *Исторію земной коры* г. С. Куторги, а еслибы г. Чернышевскій поставилъ себѣ за правило, прежде нежели говорить о предметѣ, основательно узнать его, то изъ элементарной минералогіи Бедана могъ бы легко почерпнуть свѣдѣніе, что чистое желѣзо находится не только, какъ говоритъ г. Куторга, въ однихъ аэролитахъ, но и въ эрратическихъ камняхъ, а въ небольшемъ количествѣ—въ каменномъ углѣ и въ другихъ слояхъ. Но все это еще не такъ куріозно, какъ замѣчательное открытіе г. Чернышевскаго, что *трудъ, давая желѣзу пропитаться кислородомъ, превращаетъ желѣзо въ сталь!* Здѣсь ненужно было читать и книгу г. Куторги, чтобы не сказать такой страшной безсмыслицы; стоило подумать только, что желѣзо, пропитываясь кислородомъ, превращается не въ сталь, а въ ржавчину. Неужели русская публика не заслуживаетъ даже и того, чтобы хоть немножко подумать о томъ, чѣмъ мы намѣрены угощать ее?

С. Цвѣтъ.

Саратовъ.
23 апрѣля 1860 г.

Digitized by Google

МЫСЛИ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ ПАСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ ВЪ РОССІИ.

Свободное движеніе народа по желѣзнымъ дорогамъ, безъ предъявленія паспортовъ, особенно между двумя столицами, гдѣ все-таки болѣе скрывается людей подозрительныхъ, кажется, доказало возможность отмѣнить стѣснительную систему паспортовъ. Торговыя, промышленныя, фабричныя и хозяйственныя отношенія обывателей болѣе или менѣе направлены въ извѣстную сторону; во всѣхъ мѣстахъ, куда эти надобности ихъ призываютъ, они имѣютъ болѣе или менѣе прочныя знакомства и связи, скрѣпляемыя общими интересами. Слѣдовательно, человѣку, привыкшему хотя бы въ противоположный край Россіи, по интересамъ, состоящимъ въ связи съ его обычнымъ занятіемъ, есть почти всегда возможность доказать свою личность. Только человѣкъ съ преступными видами затруднится представить поручителей, потому что лица, съ которыми онъ состоитъ въ сношеніяхъ, не захотятъ заявить себя поручителями, такъ какъ сознающій ихъ интересъ принадлежитъ къ области тайныхъ козней противъ общества.

Но бываютъ случаи, когда необходимо имѣть при себѣ доказательство своей личности. Съ человѣкомъ, отправляющимся на дальній путь по пространному нашему государству, мало ли что можетъ случиться? Самыя торговыя дѣла, подряды, внезапная необходимость отправиться за границу, могутъ требовать формальнаго заявленія личности. На эти случаи необходимо имѣть при себѣ неопровержимый документъ, доказывающій личность предъявителя, но никакой нѣтъ надобности требовать, чтобъ отлучающійся, во что бы ни стало, запасался паспортомъ, куда бы онъ далѣе 30 верстъ отъ своего жительства ни отправлялся. Предоставьте каждому обезопасить себя какъ онъ знаетъ; а полиціи дозвольте требовать документы, за недоказанностію личности, въ тѣхъ только случаяхъ, когда лицо навлекаетъ на себя подозрѣніе въ преступленіи.

Мы съ особеннымъ любопытствомъ прочитали напечатанное въ 144 и 146 нумерахъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* извѣстіе о трудахъ коммиссіи для пересмотра устава о паспортахъ и съ большимъ удовольствіемъ встрѣтили въ послѣднемъ изъ этихъ нумеровъ приписку, въ которой коммиссія дѣлаетъ вызовъ на воз-

Digitized by Google

раженія, обѣщая воспользоваться указаніями людей, спеціяльно знающихъ разсматриваемый предметъ. Это подаетъ намъ надежду, что коммиссія готова принять въ основаніе своихъ положеній болѣе либеральныя начала, и что тѣсная рамка, въ которую она заключила свои предположенія, можетъ быть расширена.

Каждый членъ податнаго общества, постановляетъ коммиссія, подлежащій платежу податей и повинностей и желающій отлучиться изъ общества болѣе чѣмъ на одинъ годъ, входитъ съ нимъ въ соглашеніе, сколько онъ долженъ ежегодно платить на покрытіе податей и повинностей. Отлучающіеся на годъ и менѣе получаютъ паспорты только на то время, за которое ими уже уплачены подати и другіе сборы. Паспорты выдаются двухъ разрядовъ: а) для лицъ, подлежащихъ рекрутской повинности, и б) для лицъ свободныхъ отъ этой повинности. Разряды эти отличаются форматомъ, цвѣтомъ бумаги или другими внѣшними признаками. Лица податныхъ сословій, не обязанныя платежомъ податей и отправленіемъ повинностей, а равно лица не податныхъ сословій и женскаго пола, могутъ вездѣ проживать и переѣзжать съ мѣста на мѣсто безъ паспортовъ; но для предоставленія имъ возможности къ удостовѣренію своей личности и въ видахъ отстраненія недоразумѣній насчетъ ихъ настоящаго званія, установляются особые срочные и безсрочные билеты, какъ на жительство, такъ и на отлучки. Никто не долженъ подъ страхомъ опредѣленнаго взысканія держать у себя въ домѣ, въ работѣ или въ услуженіи, податное лицо, на паспортѣ котораго нѣтъ штемпеля казначейства объ уплатѣ податей и повинностей за текущій годъ или полугодіе. Полиція равнымъ образомъ имѣетъ за этимъ наблюденіе.

Изъ этого видно, что паспорты не только не отмѣняются, но число паспортовъ разныхъ видовъ еще увеличивается, и что для полученія паспорта лицо, обязанное платить подати, должно войдти въ соглашеніе съ обществомъ, которое для этого всякій разъ должно собираться. Это сопряжено для общества съ безпрестанною тревогой, а для отлучающагося съ весьма тяжкими, хотя не гласными, тратами: нужно будетъ подарить писарю, чтобы созвалъ сходъ, нужно угостить стариковъ, чтобы склонить ихъ на возможно выгодное соглашеніе. Наконецъ для домовладѣльцевъ, для лицъ, принимающихъ людей въ услуженіе и въ работы, и для полиціи увеличиваются хлопоты: теперь достаточно паспорта, и никому нѣтъ дѣла до податей; тогда лица, принимающія людей въ услуженіе, и полиціи обязаны будутъ слѣдить, заплачены ли подати, приложены ли штемпеля, и такъ далѣе.

Далѣе, коммиссія постановляетъ, что отлучающіеся члены об-

Digitized by Google

щества, имѣющіе отъ роду болѣе шестидесяти и менѣе шестнадцати лѣтъ, а также подвергшіеся увѣчью, препятствующему имъ снискивать пропитаніе своими трудами, освобождаются вовсе отъ платежа податей. Но при этомъ не выражено, освобождаются ли эти лица обществами или правительствомъ. Освобожденіе такихъ лицъ отъ платежа податей на счетъ правительства было бы сопряжено съ такою путаницей въ счетахъ, что невозможно предполагать, чтобы въ намѣреніи коммиссіи было ввести такой порядокъ, или, лучше сказать, такой непорядокъ въ нашу финансовую систему. Очевидно, что освобождаетъ ихъ общество. Но при такомъ освобожденіи всѣхъ этихъ лицъ отъ платежа податей подразумѣвается принятіе платежа обществами на свой счетъ. Тутъ раждается своего рода путаница въ счетѣ общественныхъ суммъ; неопредѣленность суммы, которая будетъ подлежать сложенію, и неодновременность отлучекъ потребуютъ безпрестанныхъ дополнительныхъ раскладокъ для пополненія суммъ общаго сбора новыми раскладками на остающихся членовъ общества. Этотъ способъ упрощенія паспортной системы, имѣющій на своей сторонѣ плѣнительную наружность филантропическаго начала, въ самомъ своемъ основаніи совершенно несправедливъ. Шестидесятилѣтніе старики, дѣти моложе шестнадцати лѣтъ, увѣчные, могутъ принадлежать семействамъ достаточнымъ и даже богатымъ, которыя въ состояніи уплачивать за нихъ подати. За что же плату податей съ такихъ лицъ слагать на обязанность людей, терпящихъ нужду? Въ этомъ случаѣ надо предоставить обществамъ право опредѣлять, кого освобождать отъ податей и кто долженъ платить самъ, какъ это и теперь уже исполняется. Надо отдать справедливость крестьянамъ, что они всегда безропотно освобождаютъ отъ податей лицъ, дѣйствительно того заслуживающихъ.

Объяснивъ неудобства принятыхъ коммиссіей началъ для упрощенія паспортной системы, мы приступаемъ къ изложенію нашихъ мыслей по этому предмету. Но предварительно считаемъ нужнымъ сказать, что существующее въ настоящее время разнообразіе въ способахъ отправленія повинностей чрезвычайно затрудняетъ дѣло. Такъ напримѣръ жеребьевая система отбыванія рекрутской повинности, имѣющая столько очевидныхъ преимуществъ (1) передъ очередною, могла бы быть распространена на всѣ сословія, безъ исключенія. Натуральныя повинности необходимо было бы обратить въ денежный сборъ; это уравняло бы не только крестьянъ разныхъ волостей и уѣздовъ, но могло бы

(1) Объ этомъ предметѣ мы намѣреваемся въ скоромъ времени поговорить особо.

Digitized by Google

уравнять отправленіе этихъ повинностей между всѣми сословіями имперіи, безъ исключенія. Содержаніе въ исправности путей сообщенія, охраненіе внутренней и внѣшней безопасности государства и пр[illegible]авно необходимы для всѣхъ сословій, населяю-
[illegible]авнительное участіе всѣхъ въ этой обязанности
[illegible]во.
[illegible] изложенію предполагаемаго нами способа от-
[illegible] паспортной системы.
271 [illegible]ѣ, что въ каждомъ обществѣ (1), которое обязано
[illegible] и повинностей, ежегодно будутъ собираться,
[illegible]іями [illegible]ремя, молодые люди, достигшіе шестнадцати-
[illegible]ъ этому же времени соберется полный сходъ
домохозяевъ. [illegible]ти молодые люди запишутся въ особую *послужную книгу* (2) въ слѣдующемъ порядкѣ: имя, отчество, фамилія; время и мѣсто рожденія и крещенія, собственноручно вписываемыя священникомъ изъ метрическихъ книгъ; мѣсто осѣдлости; грамотенъ или нѣтъ; гдѣ и чему именно обучался, и если подвергался испытанію, то когда и откуда выданъ аттестатъ; и наконецъ, какое знаетъ ремесло. Сперва запишутся всѣ молодые люди одного селенія, по порядку дворовъ; потомъ другаго, въ томъ же порядкѣ и т. д.

Послужная книга устанавливается съ цѣлію выдачи желающимъ такихъ *безсрочныхъ пропускныхъ видовъ*, которые, въ случаѣ нужды, могли бы служить на всѣ встрѣчающіяся въ жизни надобности. Каждое лицо, внесенное въ эту книгу, имѣетъ право получить безсрочный пропускной видъ, въ который вписываются всѣ свѣдѣнія, помѣщенныя въ послужной книгѣ; сверхъ того, въ пропускномъ видѣ оставляются пробѣлы для отмѣтки послѣдующихъ перемѣнъ и для дополненій. Этотъ видъ, подписанный мѣстнымъ сословнымъ управленіемъ, можетъ служить документомъ при вступленіи въ бракъ внѣ своего прихода, и тогда священникъ, совершающій обрядъ, обязанъ собственноручно внести въ пропускной видъ, на комъ предъявитель женился, и объ этомъ дать знать мѣстному волостному правленію, для отмѣтки въ послужной книгѣ. Такимъ же точно образомъ могутъ вноситься въ этотъ

---

(1) Мѣщане—въ своемъ городѣ; государственные крестьяне—въ волостяхъ, которыя составляютъ по закону отдѣльный рекрутскій участокъ и, съ предполагаемымъ упраздненіемъ сельскихъ управленій, будутъ составлять особый участокъ по всѣмъ интересамъ общества; удѣльные крестьяне—въ своихъ рекрутскихъ участкахъ.

(2) Названіе *послужной книги* непріятно напоминаетъ формулярные служебные списки чиновниковъ; но мы не могли придумать другаго болѣе свойственнаго названія. Впрочемъ дѣло не въ названіи и книгу эту можно будетъ назвать какъ угодно.

Digitized by Google

щее рожденныя внѣ своего прихода дѣти, и исключаться умершіе, съ увѣдомленіемъ каждый разъ подлежащихъ волостныхъ правленій. Но полученіе подобныхъ безсрочныхъ пропускныхъ видовъ отнюдь не должно быть обязательнымъ, ибо каждому предоставляется доказывать и охранять свою личность и заботиться о доказательствахъ законности или незаконности рожденныхъ дѣтей по своему усмотрѣнію, подвергаясь однако, въ свою очередь, тѣмъ неудобствамъ, которыя можетъ вызвать, при извѣстныхъ обстоятельствахъ недостатокъ доказательствъ своей личности.

Копіи съ этихъ книгъ представляются въ *губернскія сословныя управленія* (1), которыя наблюдаютъ, чтобы подлинныя книги постоянно на мѣстахъ повѣрялись, дополнялись, и всѣ происходящія перемѣны немедленно отмѣчались, и заботятся, чтобъ о каждой перемѣнѣ и о каждомъ дополненіи тотчасъ же доносилось для такой же отмѣтки въ копіяхъ съ этихъ книгъ, хранящихся въ губернскихъ сословныхъ управленіяхъ.

За тѣмъ всѣ эти молодые люди, принадлежащіе къ одному рекрутскому участку, а на первый разъ и всѣ тѣ, которые старѣе 16 лѣтъ, и моложе возраста, освобождающаго отъ рекрутской повинности, и не брали еще жеребьевъ, берутъ (за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые изъяты отъ рекрутства по послугамъ или другимъ законнымъ правамъ) жеребьи въ порядкѣ, указанномъ законами. Но при этомъ, для каждаго возраста приготовляется особо, по числу молодыхъ людей, нужное число нумеровъ, такъ что нумера жеребьевъ, для каждаго призываемаго возраста, будутъ свои.

По порядку вынутыхъ нумеровъ, всѣ молодые люди записываются въ особые, для каждаго возраста, жеребьевые списки, и нумера эти выставляются въ послужной книгѣ противъ каждаго изъ призванныхъ молодыхъ людей. Въ этой книгѣ означается, кто изъ молодыхъ людей, по послугамъ или другимъ законнымъ правамъ, изъятъ отъ призыва, съ объясненіемъ причины.

Въ настоящее время, при вынутіи жеребьевъ, отличаются многорабочія отъ двойниковыхъ семействъ (2); такъ какъ пер-

---

(1) Подъ наименованіемъ *губернскихъ сословныхъ управленій* мы разумѣемъ казенныя палаты для мѣщанъ и помѣщичьихъ крестьянъ, палаты государственныхъ имуществъ для государственныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій; удѣльныя конторы (учрежденныя впрочемъ и въ уѣздныхъ городахъ) для удѣльныхъ крестьянъ, и пр.

(2) Уст. рекр., ст. 911 и 912, т. IV Св. Зак. гр. Одиночки, не имѣющіе домохозяйства или промышленности, обычной въ участкѣ, причисляются къ первому разряду и сдаются вмѣстѣ съ молодыми людьми многорабочихъ се-

Digitized by Google

выя предпочтительно передъ послѣдними должны исполнять рекрутскую повинность, то молодымъ людямъ изъ многорабочихъ семействъ даются нумера особыя отъ двойниковъ (1). При предполагаемомъ же нами способѣ, жеребьи даются только по возрастамъ, не различая ни семейнаго положенія, ни физическихъ качествъ призванныхъ къ жеребью молодыхъ людей. Это происходитъ отъ того, что при нашемъ способѣ, жеребья даются молодымъ людямъ не во время набора, а за нѣсколько лѣтъ впередъ, такъ что въ промежутокъ времени, отъ дачи жеребьевъ до сдачи рекрута, можетъ измѣниться семейное положеніе (составъ семейства).

Но это нисколько не уменьшаетъ достоинства предлагаемаго нами способа. Мы увѣрены, что, напротивъ, въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, когда еще далеко до набора, вынутіе жеребьевъ будетъ производиться гораздо правильнѣе, и много устранится злоупотребленій; съ другой стороны, отцы молодыхъ людей, получившихъ заблаговременно близкіе нумера, не станутъ женить такихъ сыновей, тотчасъ по вступленіи въ узаконенный для того возрастъ, и будутъ выжидать результата набора, отъ чего уменьшится въ селеніяхъ число солдатокъ, которыя распутною своею жизнію растлѣваютъ нравственность молодаго поколѣнія.

Распредѣленіе молодыхъ людей, получившихъ жеребьи въ 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ, на разряды: а) многорабочихъ и б) двойниковъ, можетъ быть сдѣлано весьма удобно, по объявленіи набора. Тогда по семейнымъ спискамъ легко отдѣлить многорабочихъ въ особый списокъ, съ сохраненіемъ нумеровъ, доставшихся каждому при вынутіи жеребья; причемъ молодые люди, принадлежащіе къ многорабочимъ семействамъ, будутъ поставлены между собою въ томъ же послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ они были записаны при вынутіи жеребьевъ; а двойники будутъ включены въ другой списокъ, съ своими нумерами, въ такомъ же послѣдовательномъ между собою порядкѣ.

Тутъ мѣсто упомянуть, что сроки, назначаемые обыкновенно

мействъ. Въ противномъ случаѣ, они освобождаются отъ призыва. Двойниками называются такія семейства, въ которыхъ два работника.

(1) Въ извѣстіи о трудахъ коммиссіи совершенно превратно объяснено различіе отправленія рекрутской повинности по жеребьевому порядку между многорабочими семействами и одиночками и двойниками. Различіе состоитъ не въ призываемыхъ къ жеребью возрастахъ,—возрасты для обоихъ разрядовъ одни и тѣ же,—а въ послѣдовательности отдачи въ рекруты. Двойники сдаются только за недостаткомъ молодыхъ людей изъ многорабочихъ семействъ, что при обыкновенныхъ и даже при усиленныхъ наборахъ весьма рѣдко случается.

Digitized by Google

для исполненія рекрутскихъ наборовъ, чрезвычайно коротки. Въ одинъ мѣсяцъ исполнить все то, что̀ по наборамъ требуется, совершенно невозможно, и хотя каждый разъ наборы исполнялись въ опредѣленный срокъ и даже ранѣе, что̀ ставилось въ особенную заслугу исполнителей, и потому лица, поставленныя во главѣ разныхъ сословныхъ управленій, употребляли другъ передъ другомъ всѣ усилія, чтобы кончить наборъ прежде срока, но при поспѣшности, съ которою наборы производились, были всегда недосмотры и неправильныя отдачи, такъ что послѣ наборовъ обыкновенно начинался рядъ дѣлъ о неправильныхъ отдачахъ, и несправедливо отданные рекруты возвращались потомъ, послѣ многолѣтней и весьма сложной переписки, въ теченіе пяти и болѣе послѣдующихъ лѣтъ.

Мы не видимъ необходимости ограничивать срокъ исполненія рекрутскаго набора однимъ мѣсяцемъ, и намъ кажется, что такая поспѣшность можетъ быть нужна развѣ только въ томъ случаѣ, когда отечеству угрожаетъ опасность. Обыкновенные же наборы могутъ быть совершаемы въ три и даже четыре мѣсяца; тогда наборы будутъ производиться несравненно правильнѣе.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію, какимъ образомъ наборъ можетъ быть исполненъ безъ созыва въ рекрутскіе участки людей, по возрастамъ своимъ подлежащихъ рекрутству.

По полученіи манифеста о наборѣ, въ которомъ объявится, между прочимъ, въ какой срокъ (трехъ или четырехъ мѣсячный наборъ долженъ быть исполненъ, и что желающіе исполнить рекрутскую повинность въ своихъ рекрутскихъ участкахъ обязаны явиться въ свои общества *въ теченіе перваго мѣсяца со дня подписанія манифеста о наборѣ*, всѣ молодые люди отъ двадцати до тридцати-пяти-лѣтняго возраста, отлучившіеся изъ общества, не желающіе или затрудняющіеся прибыть для исполненія этой повинности, въ свои рекрутскіе участки, въ опредѣленное время, обязаны тотчасъ же, и не позже семи дней по полученіи въ мѣстныхъ уѣздныхъ присутствіяхъ манифеста о наборѣ, явиться въ ближайшую городскую полицію и представить свой видъ или, предъявивъ за недостаткомъ вида, свою личность, объявить нумеръ своего жеребья. Не исполнившіе этого требованія подвергаются взысканіямъ, опредѣленнымъ за укрывательство.

Городскія полиціи записываютъ немедленно всѣхъ явившихся людей, и по разсмотрѣніи представленныхъ видовъ, немедленно отпускаютъ, съ обратною выдачей видовъ, тѣхъ изъ нихъ, которые представятъ зачетныя рекрутскія квитанціи, а также у которыхъ въ видахъ означено, что предъявитель рекрутству не под-

Digitized by Google

лежитъ (1). Затѣмъ у всѣхъ прочихъ, явившихся для исполненія рекрутской повинности, полиціи удерживаютъ предъявленные виды или, со словъ людей, являющихся безъ видовъ, записываютъ тѣ же самыя свѣдѣнія, которыя помѣщены въ послужной книгѣ, и сверхъ того адресы настоящаго жительства. Полиціи выдаютъ всѣмъ явившимся лицамъ удостовѣренія въ своевременной явкѣ, въ теченіе первыхъ семи дней, въ полицію и, въ самый день явки, увѣдомляютъ подлежащія губернскія сословныя управленія о мѣстопребываніи всѣхъ людей, записанныхъ въ теченіе каждаго дня.

Всѣ записанныя лица, подлежащія отправленію рекрутской повинности въ объявленный наборъ или, по предшедшимъ наборамъ, подлежащіе представленію для свидѣтельствованія въ годности, тотчасъ же представляются въ мѣстныя рекрутскія присутствія для предварительнаго освидѣтельствованія въ годности къ военной службѣ. Оказавшимся неспособными возвращаются предъявленные виды съ надписью, что предъявитель въ объявленный наборъ рекрутству не подлежитъ; тѣмъ же, которые явились безъ видовъ, выдаются особыя о томъ же свидѣтельства.

Рекрутскія присутствія обо всѣхъ людяхъ, представленныхъ къ освидѣтельствованію, съ первою почтой сообщаютъ въ подлежащія губернскія сословныя управленія о результатѣ освидѣтельствованія съ тѣмъ, чтобы сіи управленія могли безошибочно опредѣлить, какіе нумера жеребьевъ, въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ, подлежатъ сдачѣ въ рекруты и, въ случаѣ истощенія нумеровъ многорабочихъ семействъ, могли назначить къ сдачѣ двойниковъ. По полученіи отъ губернскихъ сословныхъ управленій извѣщеній о лицахъ, подлежащихъ къ сдачѣ въ рекруты, эти лица, состоявшія до того времени подъ наблюденіемъ полиціи, немедленно, по новомъ освидѣтельствованіи, сдаются въ рекруты.

По полученіи въ рекрутскомъ участкѣ манифеста о наборѣ, мѣстныя сословныя управленія тотчасъ же представляютъ въ таковыя же губернскія управленія именные списки лицамъ, подлежащимъ рекрутству и находящимся въ отлучкѣ, съ объясненіемъ перемѣнъ въ семейномъ составѣ и съ означеніемъ, по показаніямъ односемьянъ, мѣста пребыванія отлучившихся.

Губернскія сословныя управленія, на основаніи этихъ свѣдѣній, еще до полученія донесеній отъ полицій и рекрутскихъ присутствій, сообщаютъ въ подлежащія городскія и земскія полиціи о лицахъ, которыя должны быть представлены въ рекрутскія присутствія. По полученіи же отъ полицій списковъ людей, нахо-

(1) См. выше о порядкѣ веденія послужной книги.

Digitized by Google

дящихся въ отлучкѣ, равно извѣщеній отъ рекрутскихъ присутствій о результатѣ освидѣтельствованія, губернскія сословныя управленія распоряжаются подобнымъ же порядкомъ относительно тѣхъ лицъ, мѣстопребываніе которыхъ волостными правленіями было показано не вѣрно, а также о замѣнѣ, по сношенію съ мѣстными сословными управленіями, тѣхъ отсутствующихъ людей, которые, по свидѣтельству рекрутскихъ присутствій, оказались къ службѣ негодными; вмѣстѣ съ тѣмъ они даютъ знать о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ мѣстнымъ сословнымъ управленіямъ, для соотвѣтственнаго распоряженія, отмѣтки въ послужныхъ книгахъ и семейныхъ и жеребьевыхъ рекрутскихъ спискахъ и для объявленія односемьянамъ отлучившихся.

Такъ какъ при этомъ порядкѣ невозможно, въ положенный срокъ, сдать именно то число рекрутъ, какое по исчисленію, въ каждый наборъ, будетъ назначено, потому что послѣдніе, по порядку нумеровъ, люди могутъ быть въ отлучкѣ, и, пока сообщеніе о сдачѣ ихъ дойдетъ въ подлежащее рекрутское присутствіе, они могутъ сдѣлаться неспособными, по увѣчьямъ, или умереть,—и слѣдовательно встрѣтится необходимость замѣнить ихъ другими, тоже, быть-можетъ, отлучившимися, то надлежитъ постановить правиломъ, что въ срокъ, назначенный манифестомъ о наборѣ, должно быть сдано не менѣе 90% всѣхъ рекрутъ, требующихся съ каждаго участка; остальные рекруты, 10 человѣкъ на сто, могутъ быть сданы въ слѣдующіе, по окончаніи опредѣленнаго для набора срока, два мѣсяца.

Уѣздныя рекрутскія присутствія закрываются по окончательной сдачѣ всѣхъ рекрутъ, требующихся съ уѣзда. Это необходимо установить потому, что отсылка рекрутъ, съ запасными, для освидѣтельствованія ихъ въ годности, въ губернскія рекрутскія присутствія обходится весьма дорого и вообще сопряжена съ большими неудобствами.

Съ такими облегченіями сдача рекрутъ по жеребьямъ будетъ исполняться безъ всякаго затрудненія. Опасенія, что при отсутствіи паспортовъ будетъ много скрывающихся отъ рекрутства, не основательны. Наказаніе, постигающее скрывающихся отъ этой повинности, чрезвычайно тяжко; по статьѣ 969 Устава рекрутскаго, скрывающійся отъ своего жеребья есть *непремѣнный рекрутъ*, даже до 36 лѣтняго возраста; онъ лишается правъ изъятія, наказывается тѣлесно и получаетъ отставку не иначе какъ по правиламъ о штрафованныхъ нижнихъ военныхъ чинахъ. Въ виду такой грустной перспективы, миновать которую въ теченіи 16-ти лѣтъ весьма трудно, едва ли много людей станутъ скрываться. Наконецъ, если это необходимо, въ чемъ впрочемъ мы сомнѣваемся, можно установить правиломъ, чтобы чрезъ мѣ-

Digitized by Google

сяцъ по объявленіи набора до совершеннаго его окончанія, всѣ отлучившіеся изъ своихъ жительствъ имѣли при себѣ установляемые безсрочные пропускные виды, предоставя заботу о снабженіи себя такими видами лицамъ, пребывающимъ въ отлучкѣ. Въ теченіи одного мѣсяца всѣ успѣютъ получить виды, съ помощію которыхъ повѣрка возможна. Все это только съ виду представляется труднымъ; въ дѣйствительности же будетъ легко, потому что отлучающіеся въ дальнія стороны, для собственнаго спокойствія, будутъ запасаться пропускными видами, которые не требуютъ возобновленія и представляютъ вообще большія удобства для отлучающихся.

Обратимся теперь къ мѣрамъ обезпеченія платежа податей, при отсутствіи паспортовъ.

Мы не станемъ доказывать, что работники въ семействахъ суть главные источники средствъ къ жизни и къ платежу податей. Чѣмъ болѣе работниковъ въ семействѣ, тѣмъ оно въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ къ довольству. Это истина всѣмъ извѣстная. Поэтому, выражаемое многими крестьянами желаніе дѣлать раскладку податей не по числу душъ, а по числу работниковъ, очень естественно. Если подобный способъ раскладки податей не введенъ въ дѣйствіе, то причиной тому служитъ укоренившійся между крестьянами обычай дѣлить землю, по числу душъ, отъ ревизіи до ревизіи; обычай, завѣщанный предками, и отступить отъ котораго крестьяне не рѣшаются.

Изъ этого однако можно заключить, что небольшая надбавка податей на работниковъ не встрѣтитъ никакого затрудненія; напротивъ, она будетъ, въ большей части случаевъ, вполнѣ справедлива, потому что излишекъ, налагаемый на работниковъ, можетъ облегчить тѣ семейства, которыя бѣдны работниками, а богаты, какъ говорятъ крестьяне, «ѣдоками», и потому мало имѣютъ средствъ къ платежу податей.

Предоставить крестьянскимъ обществамъ право опредѣлять произвольно размѣръ надбавки на работниковъ было бы неудобно, потому что ежегодныя измѣненія и неравномѣрность накладныхъ платежей, которые непремѣнно будутъ при этомъ случаться, чрезвычайно затруднятъ платежъ податей по мѣстамъ жительства, который долженъ замѣнить нынѣшній обязательный платежъ податей по мѣстамъ причисленія.

Поспѣшаемъ заявить, что все сказанное нами въ этой статьѣ относится преимущественно до крестьянскихъ обществъ. Бытъ мѣщанъ и существующіе между ними обычаи, при отправленіи повинностей, намъ мало знакомы, и мы не рѣшаемся писать разсужденіе объ удобопримѣняемости того или другаго способа раскладки податей между мѣщанами. Однако, не разъ намъ слу-

Digitized by Google

чалось слышать жалобы мѣщанъ на тягость общественной раскладки, въ силу которой не рѣдко бѣднякъ облагается тройною податью, безъ права аппелляціи.

Крестьянскія общества, если и налагаютъ на семейства платежъ податей, за одну или двѣ лишнія души, оставшіяся на обществѣ (выморочныя), то предоставляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ пользованіе землей, которою надѣлены эти души. Поэтому было бы удобнѣе и безобиднѣе установить правиломъ, что работникъ долженъ платить, кромѣ сборовъ, положенныхъ закономъ, и мірскихъ сборовъ по послѣдней раскладкѣ, въ которой онъ самъ участвовалъ, по одному рублю серебромъ въ пользу общества, къ которому принадлежитъ. Такая надбавка вполнѣ обезпечитъ общество въ отношеніи бездоимочной уплаты лежащихъ на немъ податей и повинностей. Уплачивая сборы въ этомъ размѣрѣ, по платежнымъ книжкамъ за все число душъ, состоящее въ семействѣ, а по отдѣленіямъ платежныхъ книжекъ (1) за то число душъ, которое въ этихъ отдѣленіяхъ книжекъ означено, въ ближайшія по мѣсту пребыванія уѣздныя казначейства, и въ такомъ же точно порядкѣ хлѣбный сборъ, для образованія запасовъ продовольствія (переложенный на деньги, по цѣнамъ нѣсколько выше среднихъ), отсутствующіе крестьяне отлучкой своей едва ли могутъ обременить общества, къ составу которыхъ принадлежатъ.

Производя раскладку податей и повинностей по обыкновенному способу, то-есть какъ будто всѣ крестьяне находятся на лицо, и не принимая въ разчетъ тѣхъ излишковъ, которые должны поступить отъ отлучившихся работниковъ, по одному рублю съ каждаго, общества будутъ имѣть полную возможность облегчить малорабочія нуждающіяся семейства на счетъ тѣхъ излишковъ, которые поступятъ отъ наличныхъ работниковъ, также по одному рублю съ каждаго; сверхъ того, изъ остатковъ отъ этихъ денегъ и изъ излишковъ, которые поступятъ съ работниковъ отсутствующихъ, образуется современемъ значительный мірской капиталъ, которымъ крестьяне могутъ располагать въ поль-

(1) Крестьянамъ государственнымъ и удѣльнымъ выдаются платежныя книжки, въ которыхъ означены оклады всѣхъ сборовъ, какъ денежныхъ, такъ и хлѣбныхъ. Въ эти же книжки вносятся сборщиками платежи, по мѣрѣ ихъ поступленія. Глава крестьянскаго семейства, или членъ онаго, отлучаясь, обыкновенно принимаетъ на себя уплату части податей, предоставляя прочимъ членамъ своего семейства заплатить остальную часть. Поэтому весьма удобно установить отдѣленія семейныхъ платежныхъ книжекъ, въ которыя можно заносить окладъ, принятый на себя отлучающимися, предоставляя, впрочемъ, ему уплачивать по этой книжкѣ и болѣе, въ зачетъ семейству.

Digitized by Google

зу разныхъ хозяйственныхъ устройствъ, и изъ котораго, въ случаѣ надобности, можно будетъ пополнять непредвидѣнные недочеты въ податяхъ.

Само собою разумѣется, что излишки, принадлежащіе обществамъ и поступающіе въ разныя казначейства, зачитаются обществамъ, по сношенію тѣхъ казначействъ, куда они поступили, съ мѣстными казначействами, которыя на столько принимаютъ меньше отъ сборщиковъ; а сборщики сдаютъ оставшіяся у нихъ на рукахъ деньги въ общественный мірской капиталъ. Деньги, поступающія въ казначейства за разныя общества въ хлѣбный запасный капиталъ, также переводятся въ мѣстныя казначейства посредствомъ трансферта и сдаются въ подлежащія общества.

Такой порядокъ взысканія податей, по мѣстамъ пребыванія, будетъ вполнѣ удовлетворителенъ, если принять строгія мѣры противъ отсутствующихъ неплательщиковъ. Въ этомъ отношеніи, мы полагали бы установить слѣдующія правила. Крестьянинъ, не уплатившій податей въ теченіе двухъ лѣтъ, или допустившій на себѣ какую бы ни было недоимку въ теченіе трехъ лѣтъ сряду или, наконецъ, хотя и не послѣдовательно, допустившій въ теченіе пяти лѣтъ недоимку, павшую на общество, можетъ быть лишенъ права, по приговору общества, на отлучку изъ общества въ теченіе отъ двухъ до пяти лѣтъ, и въ это время отдается подъ надзоръ мѣстнаго сельскаго начальства, которое обязывается принять мѣры къ пополненію суммы, затраченной обществомъ на уплату за него податей, употребленіемъ виновнаго на общественныя работы или инымъ способомъ. Если отлучившійся, вслѣдствіе приговора общества, не явится къ мѣсту причисленія, то онъ требуется и доставляется по пересылкѣ, въ видѣ арестанта; а въ случаѣ неизвѣстности его пребыванія дѣлается розыскъ обыкновеннымъ порядкомъ. По высылкѣ его, тѣмъ или другимъ способомъ, общество присуждаетъ его къ наказанію, которое, въ случаѣ накопленія недоимки болѣе двухъ-годоваго оклада, можетъ состоять въ сдачѣ, въ зачетъ за общество, въ рекруты, если онъ годенъ, и нѣтъ другихъ препятствующихъ причинъ; въ случаѣ же негодности, виновный ссылается въ Сибирь на водвореніе.

Такое тяжкое наказаніе необходимо; оно одно въ состояніи удержать нерадивыхъ и безпечныхъ крестьянъ,—которыхъ впрочемъ немного, — отъ уклончивости въ исправномъ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей. Впрочемъ, обществамъ, отвѣтствующимъ за исправное поступленіе въ казну податей круговымъ ручательствомъ, должно предоставить право дѣлать при этомъ такія снисхожденія, какія они заблагоразсудятъ.

Digitized by Google

Намъ остается прибавить къ мыслямъ, выраженнымъ въ этой статьѣ, два замѣчанія: одно, касающееся гербоваго сбора, другое, относящееся до уѣздныхъ казначействъ.

Мы предположили установить плату работниками въ пользу обществъ, по одному рублю серебромъ. Размѣръ этотъ принятъ нами въ увѣренности, что онъ не будетъ обременителенъ, хотя впрочемъ мы не стоимъ именно за него. Но насъ руководила еще другая мысль. Принимая въ основаніе, что въ настоящее время паспортный гербовый сборъ оплачивается преимущественно работниками, и что, при существующемъ порядкѣ, крестьянамъ-работникамъ паспорты обходятся ежегодно около пятидесяти копѣекъ съ души (1), мы полагаемъ, что если правительство признаетъ необходимымъ не отступаться отъ дохода, выручаемаго за паспорты, то половина предполагаемаго сбора, то-есть по 50 к. съ работника, могла бы поступать въ казну, въ замѣнъ гербоваго сбора; а другая въ пользу общества; этой послѣдней было бы еще слишкомъ достаточно на покрытіе случайныхъ дефицитовъ въ податяхъ и на составленіе мірскихъ капиталовъ. Мы это говоримъ изъ опасенія, чтобы вопросъ о паспортахъ, при разсмотрѣніи его съ финансовой точки зрѣнія, не встрѣтилъ сопротивленія.

Предположеніе наше, съ другой стороны, не мало усложнитъ мы въ этомъ откровенно сознаемся, переписку и отчетность въ уѣздныхъ казначействахъ, которыя для того необходимо не только усилить счетчиками, но обезпечить хорошимъ содержаніемъ. Увеличеніе состава и содержанія чиновниковъ казначействъ на счетъ всѣхъ сословій, для которыхъ учрежденія эти созданы, не составитъ народу никакого разчета. Мѣра эта необходима даже теперь, когда еще не введена плата сборовъ по мѣстамъ пребыванія; въ томъ, конечно, убѣжденъ всякій, имѣющій дѣло съ казначействами. Надо удивляться, какъ Богъ хранитъ огромныя суммы, которыя бываютъ у нихъ въ оборотѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, служа въ частномъ предпріятіи, нашъ уѣздный казначей, завѣдывающій такими огромными суммами, получалъ бы вчетверо или впятеро болѣе того, что онъ получаетъ теперь. Ужели въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ, есть люди, которые думаютъ, что эфемерныя преимущества коронной службы могутъ привлекать бѣдныхъ, но способныхъ и честныхъ людей, въ должности, которыя не даютъ средствъ для жизни?

26 іюля 1860 г. Уфа. К. Бухъ.

---

(1) За полугодовые плакатные паспорты (Уст. о пасп. ст. 187) взыскивается восемьдесять пять коп., за годовые 1 р. 45 к.; если половина работниковъ отлучаются на годъ, другіе на полгода и на кратчайшіе сроки, то нашъ разчетъ будетъ приблизительно вѣренъ.

Digitized by Google

ПРОГУЛКА ВЪ НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ (1).

(Посвящается В. И. Водовозову.)

II.

Тверь, іюня 28 и 29 1860 г.

Зайдемте въ публичную библіотеку. Мѣсто выбрано для нея очень удачно, на углу площади и главной улицы, въ первомъ этажѣ, входъ съ улицы. Шинельная, за ней большая комната, уставленная шкапами, тутъ же устроена выставка продажныхъ книгъ; слѣдующая комната—читальная зала; она очень не велика, и судя по числу читателей, которые съ каждымъ днемъ хоть понемногу, но прибываютъ, можно предвидѣть, что скоро придется увеличить библіотеку еще на одну комнату. Въ читальной лежатъ на столѣ всѣ газеты и главнѣйшіе изъ журналовъ, въ числѣ которыхъ есть и спеціяльные. Въ шкапахъ первой комнаты помѣщается 3320 книгъ, въ томъ числѣ 1190 французскихъ. Честь основанія библіотеки и постоянныхъ заботъ о ней принадлежатъ графу Баранову. Почетнымъ попечителемъ библіотеки г. Головинскимъ пожертвовано 3000 руб.; ржевскимъ купцомъ г. Образцовымъ 1000 руб. (2); вотъ основной капиталъ библіотеки. Съ составомъ ея можно познакомиться изъ печатнаго каталога: изъ него видно, что библіотекой пріобрѣтены преимущественно новѣйшія изданія духовнаго содержанія и по части естественныхъ наукъ, правовѣдѣнія, политической экономіи, исторіи и путешествій; отдѣлъ словесности заключаетъ въ себѣ произведенія всѣхъ лучшихъ, преимущественно современныхъ, русскихъ авторовъ; за тѣмъ слѣдуютъ французскія книги; въ книгахъ на другихъ языкахъ не представляется еще потребность (3).

Мы давно уже привыкли къ газетнымъ и журнальнымъ статейкамъ, въ которыхъ, въ былые и давніе годы, громко возвѣщали о просвѣщенныхъ градоначальникахъ, ревнителяхъ образованія, основателяхъ мѣстныхъ публичныхъ библіотекъ, и что же осталось отъ этихъ библіотекъ? Статейка въ вѣдомостяхъ, да

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 13.

(2) При обратномъ проѣздѣ черезъ Тверь въ концѣ іюля мы узнали, что на дняхъ пожертвовалъ на библіотеку г. Савинъ, осташковскій голова, 500 р.

(3) Списки книгъ, вновь пріобрѣтаемыхъ, печатаются отдѣльными листами ежемѣсячно.

Digitized by Google

два-три шкапа съ разорванными и разрозненными томами; причины подобныхъ, столь грустныхъ событій въ исторіи нашихъ губернскихъ книгохранилищъ надо искать въ нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, въ неудачномъ планѣ при основаніи библіотеки, въ неумѣньи удовлетворить потребности общества, въ неумѣньи вызвать эту потребность... Тверской библіотекѣ, кажется, не предстоитъ такая грустная судьба, какая выпала, напримѣръ, на долю вятской, владимірской и нѣкоторыхъ другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ правилъ тверской библіотеки видно, что входъ въ нее безплатный; каждый приходящій можетъ пользоваться всѣми журналами и находящимися въ ней книгами; за отпускъ на домъ книгъ, новыхъ и старыхъ журналовъ, вносится 10 руб. за весь годъ, за мѣсяцъ 1 руб. 25 коп.; за отпускъ журналовъ и книгъ, спустя три мѣсяца, по ихъ полученіи, за полгода 5 руб., за мѣсяцъ 60 коп. *Для бѣдныхъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, для бѣдныхъ чиновниковъ, канцелярскихъ служителей, наконецъ для мѣщанъ абонементъ 30 коп. въ мѣсяцъ.* Всѣ лица этихъ сословій не вносятъ даже залога пяти рублей, взимаемыхъ съ остальныхъ лицъ; библіотека довольствуется предъявленіемъ съ ихъ стороны поручительства, со стороны начальства, либо извѣстныхъ лицъ, впрочемъ безъ всякихъ стѣснительныхъ формальностей. Все это чрезвычайно важно, дѣлаетъ большую честь основателямъ библіотеки и служитъ надежнымъ ручательствомъ, что читатели всегда найдутся, и что число ихъ будетъ возрастать. А между тѣмъ, узнаемъ о числѣ приходящихъ. Со дня открытія библіотеки, съ 11 мая, записывается число приходящихъ читателей. Изъ этихъ списковъ видно, что ежедневно, среднимъ числомъ, читаетъ въ библіотекѣ 25 и 30 человѣкъ; наименьшее число было — 11, наибольшее — 50 (1). Всѣхъ подпищиковъ на домъ было 196; изъ нихъ: генераловъ 1, штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 10 (2), юнкеровъ 3, духовныхъ 2, помѣщиковъ 4, дамъ 6, купцовъ 7 (изъ нихъ только трое тверскихъ), мѣщанъ 2 (оба не здѣшніе), студентовъ 2, семинаристъ 1, учениковъ гимназіи 4.

Всѣ эти цифры далеко еще не представляютъ отрадныхъ результатовъ, но кто знаетъ провинціяльный бытъ и губернское

---

(1) Библіотека открыта ежедневно съ 9 часовъ утра до 2-хъ пополудни, и съ 6 до 9 часовъ вечера; въ воскресные и табельные дни отъ 12 до 6 часовъ пополудни. Безсмѣнный дежурный въ библіотекѣ получаетъ въ годъ 300 руб. жалованья, что не вполнѣ соотвѣтствуетъ его довольно скучной и утомительной службѣ.

(2) Въ Твери стоитъ всегда нѣсколько полковъ, и мы не сомнѣваемся, что съ приходомъ на зимнія квартиры число читателей изъ военныхъ увеличится.

Digitized by Google

общество, тотъ не подивится этимъ цифрамъ, напротивъ, съ надеждой на будущій прогрессъ помирится съ ними, когда узнаетъ, что тверская библіотека насчитываетъ болѣе 150 человѣкъ читателей изъ чиновниковъ; это для начала довольно.

«Что вы хотите отъ насъ, сказалъ намъ одинъ изъ священниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе о ничтожномъ числѣ читателей изъ духовныхъ; въ нашемъ городѣ дѣйствительно десятка три церквей наберется, слѣдовательно довольно и духовенства; я не стану укорять его въ невѣжествѣ, но скажу, что между нами есть еще чрезвычайно странный предразсудокъ: какъ молъ я, духовное лицо, зайду въ библіотеку; вѣдь это мѣсто *публичное*, какъ еще взглянутъ на это другіе читатели? Короче сказать, если нѣкоторымъ и приходитъ мысль зайдти прочитать газету или журналъ, то его удерживаетъ какой-то ложный стыдъ.»

Ну, а тверскіе купцы, что жь бы имъ почитать? Или трехъ *выборныхъ* изъ трехъ сотъ человѣкъ купцовъ совершенно достаточно? Надо думать, что покамѣсть довольно. И здѣшніе купчики, замѣтилъ намъ одинъ изъ знакомыхъ, не болѣе какъ *русскіе* купчики: домъ, лавки, загроможденные товарами; жирныя лошади, жирныя жены, жирные обѣды, безплодныя пожертвованія на вещи и зданія, не приносящія существенной пользы; пышный обѣдъ, стоющій десятки тысячъ, ради именитаго гостя; трактиръ и кутежъ въ *вольномъ домѣ*, на какой-нибудь нижегородской, либо другой ярмаркѣ, вдали отъ зоркаго взгляда жены и коллекціи сродственницъ, — вотъ все, что составляетъ насущныя ихъ потребности, Все что можетъ ожидать отъ нихъ библіотека—это пожертвованія деньгами, и то если найдется сановникъ, господинъ *съ значеніемъ*, вызовъ котораго на *добровольныя* пожертвованія принятъ будетъ ими (какъ всегда это и принимается) за приказаніе. Итакъ можно еще ожидать денегъ изъ туго-набитыхъ кармановъ этихъ подвижниковъ пищеваренія, но читателей изъ ихъ рядовъ мы дождемся не скоро.

Въ кучѣ газетъ, разложенныхъ по столамъ читальной залы, мы обратили вниманіе на мѣстныя *Тверскія Вѣдомости*. Въ городѣ, гдѣ такъ успѣшно основана публичная библіотека, гдѣ видны мѣры къ развитію просвѣщенія, можно и отъ мѣстной газеты требовать какихъ-либо улучшеній; но нѣтъ, она не только не выдѣляется изъ общаго ряда нашихъ губернскихъ вѣдомостей, большею частію негодныхъ на обертку, но даже хуже многихъ изъ нихъ. Изъ просмотрѣнныхъ нами нумеровъ, мы не нашли почти ни одной статьи, имѣющей хоть мѣстный интересъ, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ-трехъ статей Р. Н. Н—на, да статей о Калязинѣ и Калязинскомъ уѣздѣ (перепечатка изъ *Московскихъ Вѣдомостей*); попадаются вирши, впро-

Digitized by Google

чемъ 1853, 1854 годовъ, то-есть тѣхъ временъ и событій, которыя вдохновляли многихъ безвѣстныхъ піитовъ; за тѣмъ (въ неофиціяльномъ дѣлѣ) слѣдуютъ перепечатки изъ газетъ и журналовъ; причемъ выборъ статей показываетъ, что редакція не хочетъ, либо не имѣетъ возможности (послѣднее вѣрнѣе) слѣдить за журналами и газетами. Раскроемъ наудачу, ну хоть 1857 годъ: *Нѣсколько словъ о ночникахъ*, *Предохраненіе картинъ отъ мухъ*, *Предохраненіе*—или нѣтъ, виноватъ, *Приготовленіе сальныхъ свѣчей*, *Болѣзнь молочницы*, *Леченіе водяной болѣзни лимонами* (что особенно полезно для крестьянъ, жителей дальнихъ деревень; не на ихъ ли огородахъ предполагается отыскивать лимоны?), *Стеклянная полива или жидкое стекло, его польза и приложенія*; въ статьяхъ совѣтуется для сохраненія отъ пожаровъ покрывать дома стекломъ и пр. въ такомъ же родѣ.

Любопытно было бы знать, задавала ли себѣ вопросъ редакція *Тверскихъ* и подобныхъ ей вѣдомостей; для кого и для чего она перепечатываетъ столь назидательныя вещи? Нашелся ли хоть одинъ человѣкъ, воспользовавшійся чѣмъ-нибудь изъ напечатаннаго въ издаваемой ими газетѣ, что-нибудь *вычитавшій* изъ ея неофиціяльнаго отдѣла (1)? А между-тѣмъ, и наши губернскія вѣдомости могли быть органомъ своеобразнымъ, полнымъ мѣстнаго интереса; вѣдь какая-нибудь Тверь не на Чукотскомъ носу, вѣдь и въ ней, и въ ея губерніи найдутся священники, учителя, помѣщики, купцы (найдутся?), которые бы присылали незатѣйливыя статейки историческія, этнографическія, промышленныя, хозяйственныя и пр.

Что же нужно для этого? Выборъ въ редакторы человѣка свѣдущаго; назначеніе ему приличнаго содержанія; освобожденіе его отъ другихъ служебныхъ обязанностей; болѣе или менѣе удовлетворительная плата сотрудникамъ за доставленныя статьи... Вѣдь одна *честь* напечатанія статьи, не только въ столбцахъ *Тверскихъ вѣдомостей*, но и въ другомъ журналѣ,—болѣе приличномъ по содержанію и формѣ,—едвали кого соблазнитъ въ настоящее время (2). Наконецъ, надо освободить газету отъ того нескончаемаго ряда просмотровъ и всевозможныхъ

---

(1) До какой степени интересна тверская газета можно судить изъ того, что мы не нашли въ редакціи и въ губернскомъ правленіи ни одного года до 1845 г. (а газета издается съ 1838 года). Ужь *не зачитали ли* эти годы любознательные сторожа?

(2) *Псковскія Вѣдомости* объявляли въ нынѣшнемъ году (№ 22, 23, 24), что они будутъ платить за помѣщаемыя въ нихъ статьи отъ 19-ти до 25-ти рублей сереб. съ печатнаго листа. Любопытно знать, многія ли изъ губернскихъ вѣдомостей послѣдуютъ этому благому примѣру?

Digitized by Google

мѣстныхъ опекъ, которымъ она неминуемо подвергается—вовсе не по закону, а по простому обычаю, если только приметъ какой-нибудь литературный оттѣнокъ.

Зачитавшись *Тверскими Вѣдомостями*, мы едва не забыли заглянуть въ семинарскую библіотеку; а заглянуть въ нее стóитъ и поглядѣть въ ней есть на что̀... Книгохранилище это болѣе полувѣка находится въ среднемъ ярусѣ соборной колокольни; гдѣ прежде была церковь Ивана Предтечи. Въ нее ведетъ узкая, обившаяся лѣстница, внизу васъ обдаетъ какой-то сильный, непріятный запахъ; наверху заскрипѣла желѣзная дверь на ржавыхъ петляхъ... Входите, вотъ толстая рѣшотка, за которою должны семинаристы скромно выжидать, когда просимая книга, либо рукопись будетъ имъ выдана... Въ большой, круглой, никогда не топленой комнатѣ, съ двумя рѣшотчатыми окнами—пахнетъ сыростью... книги и рукописи предоставлены дѣйствіямъ стихій всѣхъ временъ года. Вы съ сожалѣніемъ смотрите и на эти старинные, временъ Ѳеофилакта Лопатинскаго, шкапы, и на помѣщенное въ нихъ сокровище; а есть дѣйствительно сокровища: печатныя книги временъ Михаила Ѳедоровича, старинныя рукописи и акты, семинарскія лекціи съ истлѣвшими, либо обгрызенными углами (матеріалъ для исторіи семинарскаго быта, а вѣдь когда-нибудь и о немъ мы прочтемъ правдивое и печатное слово?). Глядя на груды этихъ замасленныхъ, мелко-исписанныхъ тетрадокъ, я какъ бы видѣлъ предъ собой цѣлыя поколѣнія учившихся, цѣлыя фаланги отцовъ ректоровъ, инспекторовъ, добрыхъ наставниковъ, свѣже-промоченныя лозы; въ шелестѣ переворачиваемыхъ листовъ слышались вопли, плачъ, моленія о пощадѣ... Все это вѣдь исчезло? Остались только однѣ тетради, безмолвныя свидѣтельницы старинныхъ поученій и наставленій.

Впрочемъ и до этихъ свидѣтельницъ мы должны были дотрогиваться крайне осторожно; почтенный библіотекарь весьма вѣжливо бралъ у насъ изъ рукъ рукопись, объяснялъ, что ни прочесть, ни сдѣлать изъ нея выписки, и ужь, разумѣется, взять къ себѣ на домъ, хотя бы и за поручительствомъ лица, насъ сопровождавшаго,—онъ никакъ не можетъ дозволить, безъ особыхъ формальныхъ разрѣшеній... И мы вполнѣ вѣримъ г. библіотекарю; болѣе того, мы даже опасаемся, чтобы настоящія строки не вызвали противъ него строгое замѣчаніе: по какому праву онъ впустилъ въ библіотеку любопытнаго, не отнесшись къ ближайшему начальнику особою бумагой, за такимъ-то №, отъ такого-то числа? а тотъ долженъ былъ бы *ходатайствовать* у высшаго, а высшій за новымъ нумеромъ писать... Но позвольте, вотъ съ нижней полки шкапа, изъ-за толстаго фоліянта, высовы-

Digitized by Google

вается какая-то исписанная тетрадь. Мы получили дозволеніе заглянуть въ нее. Это рукопись въ листъ, на сѣрой, замасленой бумагѣ, въ двѣнадцать полулистовъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ и предисловіемъ:

«*Каталогъ біографическій тверскихъ архіереевъ*. Благочестивому читателю по Господѣ радоватися. Церковь торжествующая, аще и свободна суща всякаго премѣненія, ибо безконечна и совершенно вѣчна есть; обаче, по свидѣтельству Священнаго Писанія, имѣетъ своя воины написаны въ книзѣ живота.

«Много паче церковь воюющая, различнымъ премѣнамъ подлежащая имѣти должна, и имѣетъ, да подвизающіи за ню добрѣ написаны бываютъ въ книзѣ воинствы Ея.

«Тѣмъ намѣреніемъ и азъ, благочестивый читателю, списахъ сей каталогъ преосвященныхъ архіереевъ тверскихъ, дабы добродѣтели святыхъ мужей не окончалися съ жизнію нашею, но распространялися бы до самыхъ позднѣйшихъ потомковъ, и да прочитающіе подвиги ихъ, воспоминающе, ублажаютъ, и себѣ нѣкую пользу воспріемлютъ. Аще же гдѣ погрѣшихъ, разсужденію святыя церкве, вручаюся любви твоей, благочестивый читателю, временныхъ и вѣчныхъ благъ желатель греческой школы учитель Иванъ Евдокимовъ. Іуліа 30. 1757 года. Тверь.»

Это предисловіе характеризуетъ все сочиненіе Евдокимова: оно состоитъ изъ небольшихъ біографическихъ замѣчаній о каждомъ изъ архіереевъ съ начала тверской эпархіи до второй половины XVIII вѣка; но половина рукописи занята біографіей Ѳеофилакта Лопатинскаго (умеръ 1741 г.). Евдокимовъ былъ человѣкъ, облагодѣтельствованный Лопатинскимъ, человѣкъ ему преданный, и вся біографія, имъ составленная, есть слово похвальное, слово о страданіяхъ этой жертвы не столько тиранніи Бирона, сколько честолюбивыхъ замысловъ Ѳеофана Прокоповича.

Сочиненіе Евдокимова намъ было извѣстно только по краткой ссылкѣ митрополита Евгенія (*Слов. дух. писателей* 1827 ч., 2, стр. 328); какъ онъ, такъ и Бантышъ-Каменскій при составленіи краткой біографіи Лопатинскаго не воспользовались драгоцѣнными подробностями разказа Евдокимова (1). Разказъ этотъ не былъ напечатанъ, но онъ весьма важенъ, какъ для біографіи Лопатинскаго, такъ и для ближайшаго знакомства съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, къ которому Евдокимовъ, какъ видно, вмѣстѣ съ другими лицами тогдашняго духовенства, чувствовалъ непримиримую ненависть. Видѣнная нами рукопись писана рукой Евдо-

(1) Еще страннѣе, что упустилъ изъ виду этотъ источникъ протоіерей Косьма Чередѣевъ при изданіи въ свѣтъ біографій тверскихъ іерарховъ. 1859 г., стр. 103—112.

Digitized by Google

кимова; рукой другаго современника сдѣланы на поляхъ замѣчанія: показано число пытокъ, которымъ былъ подвергнутъ Ѳеофилактъ и проч.

Имѣя копію съ этого интереснаго историческаго документа отъ Р. Н. Н—на, мы предоставляемъ себѣ въ другой разъ подробнѣе поговорить и о страдальцѣ Лопатинскомъ и о его жизнеописателѣ; теперь же и некогда, пора выбираться изъ Твери и тверскихъ библіотекъ; пароходъ свиститъ, надо ѣхать; на обратномъ пути заглянемъ еще разъ въ Тверь-городокъ — Москвы уголокъ (1).

Калязинъ, часъ пополуночи.

Я оставилъ Тверь въ 8 часовъ утра... На палубѣ сидѣли и лежали въ разныхъ положеніяхъ мужички, мѣщане, купчики, бабы, монахини.... Служители бѣгали изъ конца въ конецъ съ чайниками кипяточка и чая. Солнышко начинало припекать; на пароходѣ было тихо, лишь на одной изъ скамеекъ ораторствовалъ чиновникъ изъ семинаристовъ:

«Вѣдь вотъ-съ и по книгамъ видно, и изъ путешествій читаемъ, какъ за-границей пекутся о всемъ, что̀ служитъ къ развитію промышленности, торговли, образованія... Будь у нихъ такая рѣчка-съ Волга, шутка сказать, вѣдь рѣчка хоть куда-съ, да они бъ ее въ золотую рамку вставили, а у насъ?.. Вотъ и пароходовъ годъ отъ году прибываетъ, вѣдь въ десять съ небольшимъ лѣтъ изъ 5 судовъ пароходныхъ составилось болѣе 300, вѣдь флотъ, какъ есть флотъ, а позаботились ли о томъ, какъ и почемъ ходить этому флоту? что̀ сдѣлали для фарватера Волги? Вотъ какъ метается нашъ пароходъ отъ берега къ другому, да пока онъ добѣжитъ до Ниж-

(1) Объ этомъ уголкѣ писано и печатано довольно много. Укажу на нѣкоторыя, мнѣ извѣстныя описанія: *Военно-статистическое обозрѣніе Тверской губерніи*, сост. Усларъ и фонъ-Минстеръ Спб. 184⁹ г. Программа довольно обширна, собственно о Твери, см. стр. 248—260. Планъ Твери изданъ военнымъ топографическомъ депо. «Тверь» въ *Словарѣ* Щекатова 1801 г. т. 81 стр. 138—155. *Межевое описаніе Тверской губерніи*. Спб. 1855. 1 т. *Описаніе Тверской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи* Преображенскаго. Спб. 1854, 1 т. О монастыряхъ и церквахъ Тверской епархіи писано было очень много: *Историческая записка о Ниловой пустынѣ*, I т. *О селѣ Никулинѣ-Городищѣ*. 1852 г. I. т. *О Троицкой церкви въ Твери*. Тверь. 1851. I т. *О древней церкви въ селѣ Куталинѣ Тверскаго уѣзда*. Тверь. 1851. I т. *Описаніе Тверскаго Желтиковскаго монастыря* арх. Платона. Тверь. 1852. *Описаніе Троицкаго Калязина монастыря*. 1853. *Орщинъ монастырь, сказаніе о найденныхъ древностяхъ*. 1847. М. *О Вознесенской церкви въ городѣ Торжкѣ. Кратк. описан. Рождеств. Дѣвичьяго монастыря въ Твери*, сост. Драницынъ М. 1852. *Монастырь дѣвич. Воскресенской церкви въ г. Торжкѣ*. Тверь 1853. *Историческая записка о Тверскомъ Николаевско-Малицкомъ монастырѣ*. Тверь 1855.; о томъ же монастырѣ другое описаніе изд. Виноградскимъ. Тверь I. 1859. и проч.

Digitized by Google

няго, такъ, благодаря этимъ извилистымъ прогулкамъ, сдѣлаетъ не 1000, а 3000 верстъ!.. Разказываютъ, Богъ вѣсть правда ли, что какая-то компанія вздумала было приняться за расчистку одной части линіи (давно ужь это было); дѣло пошло скоро и хорошо, какъ вдругъ провѣдали о томъ, да и шлютъ запросъ къ береговому начальству; какъ молъ вы безъ сношеній, предписаній и инструкцій допустили эту расчистку, это ваше дѣло, у васъ есть люди, отпускаются и средства... Ну, а какъ велики эти средства, и много ли народу для пользованія ими, можете судить по этимъ мелямъ и камнямъ, да по крику парня, что стоитъ на носу.»

На носу парохода дѣйствительно стоялъ парень въ рубахѣ, съ шестомъ въ рукахъ; онъ флегматически опускалъ его въ воду справа и слѣва и сиплымъ голосомъ оглашалъ береговыя окрестности: «четыре!» «пять!» «пять съ половиной!» «четыре съ половиной!» «три съ половиной!» «три!» Всѣ эти цифры, столь громко возвѣщаемыя, означали футы, и лишь только число ихъ доходило до $3^1/_2$, пароходъ, пыхтя и сопя, какъ горячій конь, уменьшалъ свой бѣгъ; при двухъ съ половиной футахъ глубины онъ долженъ былъ сѣсть на мель.

— Ну и случается это?

— Какъ не бывать, отвѣчалъ мѣщанинъ, набожно крестившійся на виднѣвшуюся вдали церковь,—бываетъ, да только что благополучно сойдетъ съ мели заднимъ ходомъ, ну, а коли его нѣтъ, такъ и якоремъ завознымъ сволокутъ, задержка бываетъ не малая, а случаемъ бываетъ и то: набѣжитъ на камень, да такъ себѣ дно и раскроитъ, и капитана винить нельзя, на всякій вѣдь часъ не напасешься. А опричь мелей, да камней, случаются препятствія отъ барокъ да плотовъ; послѣдній разъ, какъ довелось мнѣ ѣхать, этакъ подъ вечеръ, пароходъ сталъ на ночлегъ, сверху гнали плоты, вдругъ оторвись одинъ, да такъ прямо и летитъ на пароходъ; всѣ какъ были на немъ, такъ и ахнули, да спасибо рабочій одинъ съ парохода бросился въ лодку, да на плотъ, перерубилъ топоромъ связи, бревна такъ и расплылись вокругъ парохода... Такъ вѣдь лѣсопромышленникъ подалъ жалобу на компанію пароходную—лѣсъ молъ разогнанъ...

Справа и слѣва вновь показались церкви, и разкащикъ, вмѣстѣ со всѣми бывшими на пароходѣ бородками, зипунами и армяками, скинули фуражки и стали креститься.

По обоимъ берегамъ Волги вообще церквей чрезвычайно много, всѣ каменныя, красивой постройки; остается сзади одна церковь, а ужь впереди показывается другая.

— Скажите, пожалуста, спросилъ я священника съ магистерскимъ крестомъ,—всѣ эти церкви древнія; много въ нихъ старинныхъ образовъ, вещей? Можетъ-быть есть книги и рукописи?

Digitized by Google

— Церкви дѣйствительно старинныя, но мнѣ очень хорошо извѣстно, что книги старинныя попадаются здѣсь весьма рѣдко, а рукописей положительно нѣтъ. На этотъ счетъ невѣжество наше выше всякаго описанія.

— А вѣдь дивные виды по Волгѣ, вмѣшался студентъ, подошедшій къ намъ при послѣднихъ словахъ;—эти нескончаемые луга, обрывы и камни съ другой стороны, отмели, лѣсъ, овраги, длинныя деревни, боязливо отодвинувшіяся отъ береговъ Волги, страшась ея разлива; церкви, монастыри, посады, а далѣе города—воля ваша, все это вмѣстѣ чрезвычайно привлекательно; наконецъ пароходы, барки, бурлаки съ бичевой, плоты нескончаемые еще болѣе оживляютъ матушку Волгу; вѣдь чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и лучше она! Помнится мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Павловскѣ, показывали громадную картину рѣки Миссисипи; картина, при звукахъ музыки, двигалась, и передъ толпами любопытныхъ зрителей текла роскошная рѣка съ ея великолѣпною обстановкой. Обстановка Волги, разумѣется, не можетъ сравниться съ американскою природой,—но кто не согласится, что картина, подобная той, о которой я говорю, но картина не чуждой намъ Миссисипи, а родной матушки Волги привлекла бы не мало зрителей? только надо составить картину умно: опустить всѣ мѣста незамѣчательныя, передать на полотнѣ мѣста живописныя; города, села, церкви, лѣса, овраги, пароходы въ ходу, пароходъ на мели; громадныя барки, черепашьимъ ходомъ подвигающіяся вверхъ заводными якорями и табуномъ лошадей, которыя накручиваютъ канатъ и проч. и проч. А вотъ увидите, пройдутъ десятки лѣтъ, обтянется Волга фабриками, заводами, селами свободныхъ хлѣбопашцевъ и промышленниковъ, и мысль представить нашу красавицу въ громаднѣйшей, безконечной картинѣ придетъ кому-нибудь въ голову.

— Не пойдете ли въ Калязинъ, прервалъ рѣчь восторженнаго студента учитель уѣзднаго училища, подходя ко мнѣ;—пароходъ сейчасъ станетъ у Сергіевска на ночлегъ, а Калязинъ всего отсюда пять или шесть верстъ.

Черезъ полчаса мы шли не берегомъ Волги, а *прямикомъ*, дорогой на Калязинъ. По бокамъ колосилась рожь, Богъ далъ годъ урожайный; вдали раздавались пѣсни, изъ-за рощи показался хоръ дѣвушекъ всѣ въ ситцевыхъ платьяхъ, цвѣтныхъ платкахъ,—они шли изъ деревни въ деревню, празднуя *Петровки*; а вотъ и деревня: на главномъ перекресткѣ стоитъ пять-шесть парней, въ сапогахъ, цвѣтныхъ рубахахъ и жилетахъ; у нѣкоторыхъ видны стальныя цѣпочки. Все это народъ промышленный, знающій Питеръ и Москву вдоль и поперекъ; одинъ подыгрываетъ на балалайкѣ, другой на гармоникѣ, третій подсвистываетъ—всѣ

Digitized by Google

утомлен... они только-что кончили отплясывать самаго жаркаго трепака...

— Вотъ вы спрашиваете, говоритъ между прочимъ мой чичероне (1), — почему мы, уѣздные учителя, все жалуемся на недостатокъ содержанія; оно, конечно, въ настоящее время значительно увеличено, говорю значительно относительно прежняго жалованья, но и эта прибавка, давая средство къ жизни, далеко еще не даетъ возможности слѣдить за наукой, выписывать одинъ-два журнала, покупать книги... Почему мы не работаемъ сами въ журналахъ, не пишемъ?.. Да вѣдь не всякому Богъ далъ таланъ для этого, да притомъ, положимъ я напишу, и напишу что-нибудь порядочное... Такъ его и напечатаютъ? Какъ не такъ! Пошлешь въ редакцію, а тамъ тоже нужна протекція. Извѣстное имя, либо рекомендація какого-нибудь генерала въ литературѣ, такъ и читать не будутъ, прямо въ типографію шлютъ, а безъ протекціи литературнаго вельможи, проваляется рукопись въ кучѣ *неудобныхъ*...

— Да откуда вы это слышали, ничего подобнаго не бываетъ.

— Чаго не бываетъ? заговорилъ мужичокъ, выравниваясь съ нами; онъ пріѣхалъ на пароходѣ и шелъ къ себѣ въ деревню: —воровства што-ль не бываетъ? не, воровства здѣсь довольно! На дняхъ еще, сказывалъ мнѣ землякъ, задавили здѣсь сторожа церковнаго въ уѣздѣ, изъ ундеровъ отставныхъ; такъ думали поживиться, да два рубля и вынули...

Была полночь, когда мы вошли въ Калязинъ по громаднымъ камнямъ, которые громоздятся на берегу, вмѣсто тротуара. Вотъ высокій соборъ, освѣщенный луной; пыльная, неровная площадь, иногда затопляемая Волгой, подымающеюся изъ-за крутаго берега; деревянныя лавчонки, нѣсколько каменныхъ домовъ... Пусто, грязно; изъ боковыхъ переулковъ раздается лай стаи псовъ и дворняшекъ.

Какимъ-то ссыльнымъ городомъ показался мнѣ Калязинъ; этотъ лай,—Богъ знаетъ по какому-то сочетанію идей,—напомнилъ мнѣ читанное о Березовѣ, мѣстѣ ссылки нѣсколькихъ замѣчательныхъ русскихъ людей. «Въ этомъ отдаленномъ городкѣ, по словамъ Миллера, собаки громадными, голодными стаями съ утра до вечера бродятъ межъ домовъ, поднимая страшный вой, и только надо, чтобъ одна стая завыла, то другая завыть не упуститъ.»

---

(1) Учитель калязинскаго уѣзднаго училища. Имъ издана въ прошломъ году *Русская азбука*, хорошо приспособленная къ легчайшему изученію учениковъ. Авторъ объясняетъ въ предисловіи, какимъ образомъ учитель долженъ облегчить дитя при знакомствѣ его съ азбукой и спасти отъ тѣхъ безсмысленныхъ упражненій, какія считались необходимыми при прежнихъ методахъ обученія.

Digitized by Google

«Неужели еще въ этомъ городкѣ, думалъ я о Калязинѣ, можно заниматься чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ питья, ѣды, сна и преферанса? А между тѣмъ здѣсь живетъ и трудится въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ замѣчательный русскій писатель, И. С. Б—нъ.

«Иванъ Степановичъ дома? спросилъ мой чичероне, постучавъ въ окно подвальнаго этажа небольшаго домика; вверху растворилось окно, и самъ хозяинъ, оторванный не отъ постели, а отъ книгъ и письма, радушно пригласилъ меня зайдти къ нему побесѣдовать...

Солнце уже поднялось довольно высоко, а я все еще слушалъ увлекательные разказы И. С. Б. Онъ много говорилъ любопытнаго о бытѣ своего сословія, о своихъ трудахъ и розысканіяхъ, о городѣ и его жителяхъ и проч. и проч. Незамѣтно насталъ часъ, когда пароходъ изъ Сергіевска долженъ былъ прибѣжать въ Калязинъ; И. С. Б. проводилъ меня до пристани, разказывая по дорогѣ о замѣчательностяхъ городскихъ церквей и мѣстныхъ древностяхъ; обо всемъ этомъ имъ не разъ печатались изслѣдованія въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и другихъ журналахъ. На пристани мы простились.

— Что ваше благородіе, вы у Ивана Степеновича въ гостяхъ были? спросилъ меня сторожъ пристани, отставной морякъ-боцманъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Добрѣйшей души человѣкъ, продолжалъ старикъ,—по всему городу извѣстны-съ по добротѣ своей; всякому готовъ все сдѣлать, за то и уваженіе къ нимъ немалое. Опять же насчетъ ума коли говорить, такъ во всей имперіи другаго не сыщешь; это ужь вѣрно, не извольте въ томъ безпокоиться: я недавно здѣсь живу, а много про Ивана Степановича прослышавши хорошаго; ему бы не здѣсь, да не промежъ бородъ-то быть.

Угличъ, 30 іюня.

Все рушится и валится въ этомъ старинномъ, извѣстномъ городѣ... Вотъ домикъ, высокій, обнесенный каменною оградой, съ черепичною крышей, толстѣйшими стѣнами, рѣшотчатыми окнами; въ нихъ уцѣлѣли обломки слюды, встарину замѣнявшей стекло. Этотъ домикъ вы вѣрно знаете, или по крайней мѣрѣ не разъ видѣли на рисункахъ? Это домъ царевича Дмитрія Ивановича. Часовой у крыльца звякнулъ «на караулъ.» Онъ оберегаетъ старину? Нѣтъ, не старину, а походную церковь Угличскаго ополченія, которая временно помѣщается въ домѣ. Старина же сохраняется, но довольно странно: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ ея соборниковъ, богатый крестьянинъ, сдѣлалъ каменную ограду

Digitized by Google

вокругъ дома (для чего?), возобновилъ крыльцо по новому направленію, намалевалъ внутри по стѣнамъ разные портреты. Мы любовались этою намалевкою сквозь стеклянныя двери. Въ нижнемъ этажѣ дворца царевича, работники-каменьщики изъ ближайшихъ мѣстъ, кладутъ на храненіе лопаты, кирки, запираютъ тачки, носилки, кадки съ известкою.

— Скажи пожалуста, можно войдти внутрь дома?

— Да ключъ отъ двери, ваше благородіе, отвѣчалъ часовой,— у Х., а онъ живетъ въ городѣ, да не знаю, застанете ли его дома.

Вспомнилъ я прошлогоднюю прогулку по французскимъ провинціямъ. Куда ни пріѣдешь во Франціи, въ какой ни зайдешь музеумъ, библіотеку, общественное зданіе—вездѣ найдешь какого-нибудь gardien съ ключами, съ подробными свѣдѣніями о томъ, что ввѣрено его храненію, съ полною готовностью за какихъ-нибудь 10 су показать и разказать вамъ о всѣхъ достопримѣчательностяхъ. У насъ же—но нѣтъ, позвольте—и у насъ находятся люди, которые и въ уединенномъ Угличѣ блеснутъ передъ вами богатствомъ историческихъ свѣдѣній. Поищемъ этихъ людей, хотя въ городскомъ саду. Онъ не великъ, запущенъ, грязенъ, кое-гдѣ видны гроты, обломанныя бесѣдки—все это слѣды послѣдняго городничаго, заботившагося о городскомъ общественномъ гульбищѣ; нынѣ страшно заглянуть въ эти гроты, и вы, осторожно обходя ихъ, прямо идете въ палатку: это ресторанъ.

Въ немъ, какъ и ожидалъ, я нашелъ трехъ-четырехъ молодыхъ людей; одинъ былъ провіантскій или комиссаріатскій чиновникъ, командированный для закупки какихъ-то матеріяловъ, другой юнкеръ, третій штатскій. На столѣ виднѣлось нѣсколько опорожненныхъ бутылокъ: это разгулялся комиссаріатскій; бесѣда была шумная. По поводу вопроса моего о ключѣ отъ дома царевича, разговоръ принялъ ученое направленіе.

— А вѣдь садъ-то этотъ временъ царевича Димитрія! положительно замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Такъ отчего-жь деревья такія тонкія? скептически возразилъ другой.

— Какъ отъ чего; надо думать, что и почва скудна, и корни, сплетаясь одинъ съ другимъ, мѣшаютъ расти этой частой рощѣ.

Коммиссаріатскому возразилъ юнкеръ, что едвали здѣсь былъ садъ при Димитріи, что съ его времени прошло *четыреста лѣтъ*. Возникъ горячій споръ; на столѣ явилась новая бутылка, красныя лица диспутантовъ засвѣтились новымъ румянцемъ; комиссаріатскій помахивалъ хлыстомъ... Страшась, чтобъ историческій диспутъ не принялъ исхода болѣе трагическаго нежели споръ 19-го марта о Варягахъ и Жмуди, я поспѣшилъ въ храмъ мѣстнаго просвѣщенія—въ угличское уѣздное училище.

Digitized by Google

Я думалъ, что встрѣчу грязь, запустѣніе, лачугу. Напротивъ, всѣ классы были вычищены, стѣны выбѣлены, покрыты ландкартами, рисунками животныхъ, чертежами; въ простѣнкахъ висятъ портреты, далеко впрочемъ не прихотливой работы.

— Откуда у васъ такое множество этихъ портретовъ?

— Да что прикажете дѣлать, въ прежнее время, у какого-нибудь помѣщика очутится завалявшійся портретъ, либо дворовый артистъ для пробы красокъ намалюетъ его, а баринъ и шлетъ въ губернію, не надо ли молъ для уѣзднаго училища портрета? У насъ не сочтутъ нужнымъ спросить, пришлютъ, да 40 рублей и вычтутъ. А средства училища самыя ничтожныя, да и тѣми, бывало, трудненько располагать. Какъ теперь помню, пріѣхалъ сюда новый смотритель; видитъ, известка обвалилась, печки дымятъ, заслонокъ нѣтъ, сырость, холодъ, грязь; домъ старый, Богъ знаетъ съ какого времени не исправлявшійся. Смотритель туда, сюда; сталъ ѣздить по городскимъ жителямъ, да помѣщикамъ: порадѣйте, да пожертвуйте на училище! Собралъ, наконецъ, 500 рублей. Ну, радость; теперь-то все можно исправить, пишетъ о томъ директору, непосредственному своему начальнику. Тотъ отвѣчаетъ, что деньги эти надо записать, во избѣжаніе отвѣтственности, въ шнуровую книгу, въ приходъ. Нечего дѣлать, записалъ; да цѣлый годъ и переписывался съ властями, испрашивая разрѣшенія употребить эти деньги; печки тѣмъ временемъ валятся, ученики мерзнутъ; въ классахъ, что въ хлѣву, заниматься нельзя. Одолѣваетъ насъ этотъ формализмъ, эта переписка. Велико ли учрежденіе—уѣздное училище, а посмотрите, вотъ цѣлый шкапъ его архива съ 1787 года.

«Въ мѣстныхъ же жителяхъ участіе и пособіе для училища вызвать не легко; дѣлаешь экзамены—нѣчто, въ родѣ торжественнаго акта, разсылаешь пригласительные билеты; вотъ получаетъ, напримѣръ, *особа* билетъ. Какъ-молъ смѣетъ смотритель присылать ко мнѣ билетъ, а отчего самъ не явится съ приглашеніемъ, да я его, да онъ у меня... а въ билетѣ приглашеніе не отъ смотрителя, а отъ всего *уѣзднаго училища*. Ну-съ, а теперь насчетъ статеекъ въ газетахъ; вздумай-ка ихъ напечатать,—да такую бѣду наживешь, что просто житья не будетъ. Училище, какъ видите, имѣетъ очень хорошенькую библіотеку (дѣйствительно, въ ней до 1240 томовъ), получаются журналы; смотритель попытался за самую ничтожную плату, въ пользу училища отпускать книги на домъ, жителей много, стоятъ постоянно полки—и что жъ? до сихъ поръ два подпищика! Въ началѣ 1859 года зашла за однимъ обѣдомъ рѣчь объ основаніи женской гимназіи; купчики рѣшительно уперлись: «еще дочки наши да племянницы выучатся записки писать офицерамъ.» А онѣ и безъ за-

Digitized by Google

писокъ... да что и говорить, въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Угличъ, вы встрѣтите чуть не на каждой улицѣ *вольную* дѣвушку; изучая нравы мѣстныхъ жителей, и не находя болѣе пріятныхъ занятій, офицеры, какъ сами видите, цѣлые вечера съ ними прогуливаются.»

Впрочемъ разкащикъ нашъ, кажется, былъ немного строгъ къ своимъ землякамъ и землячкамъ; по крайней мѣрѣ и въ Угличѣ мы нашли заведеніе, на которое взглянули съ полнымъ удовольствіемъ; это богадѣльня *для* престарѣлыхъ женщинъ, основанная В. А. Пивоваровымъ. Богадѣльня на 20 кроватей помѣщается въ нижнемъ этажѣ отличнаго каменнаго дома, вверху живетъ самъ основатель съ женой; оба дѣятельно занимаются своимъ учрежденіемъ. Старушки всѣ одѣты весьма опрятно; кровати, посуда, бѣлье, шкапы *для* платья, мебель, помѣщеніе, все вообще замѣчательно чисто, удобно и хорошо; у дома разбитъ тѣнистый садикъ съ множествомъ цвѣтовъ. При всемъ этомъ, призрѣваемыя, пока не привыкли къ этой обстановкѣ и къ заведеннымъ порядкамъ, были положительно недовольны; мало того, онѣ бѣгали изъ богадѣльни: такъ трудно было имъ помириться съ употребленіемъ носоваго платка, съ строгими требованіями опрятности, отвыкнуть отъ бродяжничества и попрошайства милостыни.

Меня увѣряли, что почтенный старецъ, В. А. Пивоваровъ, хочетъ основать пріютъ *для* пріема незаконнорожденныхъ младенцевъ, которыхъ много погибаетъ зачастую отъ убійствъ матерями, наконецъ женскую гимназію; говорятъ, что основатель богадѣльни жалѣетъ, что мысль о гимназіи не пришла ему прежде въ голову; да тогда о нихъ и вопроса не было поднято ни въ литературѣ, ни въ обществѣ.

А куда бы не дурно было основаніе подобной гимназіи? Можетъ-быть число *гуляющихъ* Угличанокъ уменьшилось бы; при распространеніи также мужскихъ училищъ распространилась бы и грамотность.

Въ настоящемъ, напримѣръ, годѣ, въ Угличскомъ уѣздномъ училищѣ было 63 ученика; въ 1-мъ приходскомъ—62, во 2-мъ—43. Окончило курсъ въ уѣздномъ училищѣ съ аттестатами—12; цифра большая, потому что нѣжные родители обыкновенно берутъ дѣтей своихъ изъ 4-го, 3-го, не рѣдко 1-го класса, находя, что умнѣе отца сыну не годится быть, что къ торговлѣ и прочимъ занятіямъ онъ долженъ привыкать съ-измальства, и сынъ владѣетъ грамотой, въ родѣ половаго, который меня просилъ передать въ Рыбинскѣ слѣдующую незапечатанную записку; она показалась намъ столь интересна, что мы не удержались отъ соблазна списать ее:

Digitized by Google

«Милай братецъ Вадимъ дмитречь посылаю вамъ пачпорътъ и уведомъляю васъ Слава Богу все живы и здаровы кланиемся и цѣлуемъ заачно Петруши писемъ мнѣ чтопъ вы чересъ полъгода выслали аброкъ желаемъ душичьки вамъ шастны и благополучны и прошу тебе види пожалусто веди поукуратнѣ богъ дасъ будемъ вольные тогда денешки нужны будутъ. я живу на прежнемъ мѣстѣ. напиши нинадумаешъ ехать въ питръ-буръ-хъ то, нужно заехать къ тятинькѣ и взеть благословенее остаюсь любящай твой братъ Василей. 1860 г. Іюня 30 чи.»

Все рушится и валится, сказали мы, начиная нашу замѣтку объ Угличѣ. Дѣйствительно, нигдѣ я не видалъ (за исключеніемъ впрочемъ Гжатска) такъ много развалинъ, какъ въ Угличѣ. По мѣрѣ того, какъ возвышался сосѣдній городъ Рыбинскъ, Углич постепенно терялъ и торговое, и промышленное значеніе; множество церквей въ запустѣніи, число жителей уменьшается, дома разваливаются; два-три корпуса нѣкогда обширнаго гостинаго двора представляютъ кучу кирпича и мусора; остальные корпуса поддерживаются бревнами. Одинъ изъ корпусовъ развалился недавно. Губернскій архитекторъ давнымъ-давно пророчествовалъ: «повалются, братцы, лавки, передавятъ они васъ, перепортятъ товаръ.» Но въ надеждѣ на *авось*, на незыблемый русскій *авось*, купцы подставляли новыя подпорки; наконецъ, въ одинъ, дѣйствительно прекрасный вечеръ—ибо купцы всѣ позаперли лавки и ушли домой—весь корпусъ рухнулъ, перепортилъ товаръ, громомъ и громаднымъ столбомъ пыли возвѣстилъ о своемъ паденіи. «А вѣдь и вправмь, подпорки-то не выдержали, говорили въ недоумѣніи Угличане, вѣдь рухнуло; а съ чего бы и рушиться? вѣдь ужь кои вѣки стоитъ!» (1)

Рыбинскъ, 1 и 2 іюля.

— Не пожалуете ли въ театръ? спросилъ меня корридорный въ гостиницѣ, обязательно обчищая платье.

— Развѣ къ вамъ кто-нибудь изъ хорошихъ актеровъ пріѣхалъ?

— Какъ же-съ; Степановъ здѣсь, что при трагедіи состоятъ въ Петербургѣ; здѣсь нонѣ ярманка, такъ они пріѣхадши; удовольствіе не малое доставляютъ.

---

(1) Кромѣ отдѣльныхъ статей и статеекъ (напр. у Щекатова, ч. VI, стр. 539) о городѣ Угличѣ написана была цѣлая книга: *Исторія города Углича* сочиненная Угличскаго уѣзднаго училища учителемъ историческихъ наукъ, Ѳедоромъ Киссель. Ярославль, 8°, 1844 г. Это витіеватая компиляція по Карамзину и другимъ извѣстнымъ источникамъ, впрочемъ книга не безполезная при знакомствѣ съ достопамятностями Углича.

Digitized by Google

Рыбинскій театръ не болѣе какъ деревянный, довольно большой балаганъ; впрочемъ сидѣть въ немъ, въ лѣтнюю пору, можно. Когда я вошелъ, ложи были пусты, только въ верхней галлереѣ да въ креслахъ сидѣло съ полсотни купчиковъ и мѣщанъ. Шла одна изъ ужаснѣйшихъ трагедій: *Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій;* станъ мятежниковъ, прощеніе и приговоръ, тайный заговоръ, предсказаніе, ядъ, и прочіе и прочіе ужасы возвѣщались афишкой, напечатанною (кстати замѣтимъ) въ частной рыбинской типографіи Левикова и К°. Мы давно знаемъ *драматическаго артиста* петербургскаго театра г. Степанова; въ Петербургѣ онъ еще сдерживаетъ себя, страшась свистковъ зрителей, свистковъ-критиковъ; но въ Рыбинскѣ онъ даетъ полный просторъ своему таланту: артистъ не игралъ, а выкрикивалъ и безъ него уже безобразную роль Прокопія Ляпунова. Скажемъ прямо: трудно представить себѣ что-нибудь оглушительнѣе крика г. Степанова на провинціяльной сценѣ; онъ неистовствуетъ, рветъ волосы, бьетъ себя въ грудь, машетъ руками, дѣлаетъ самые страшные жесты.

— Послѣдній разъ, замѣтилъ мнѣ сосѣдъ мѣщанинъ, увидавъ съ какимъ участіемъ слѣжу я за игрой г. Степанова,—онъ тоже игралъ-съ трагедію; какъ гаркнутъ, такъ отъ подъѣзда лошади купца М. такъ и шарахнулись, чуть-было кучера не сшибли... Отъ души играютъ, опять же и лошади породистыя, славныя.

Мы убѣждены, что заѣзжіе артисты, подобные г. Степанову, наносятъ большой вредъ провинціяльнымъ актерамъ. Между ними, хотя рѣдко, но попадаются люди не безъ дарованій; при хорошихъ примѣрахъ, дарованія эти могли бы развиться, а тутъ пріѣзжаетъ какой-нибудь петербургскій Степановъ, ему первыя роли, ему большая плата, онъ реветъ благимъ матомъ, и провинціяльный актеръ смотритъ на него, какъ на авторитетъ, учится, беретъ съ него примѣръ.

А вѣдь на петербургской сценѣ есть нѣсколько артистовъ, подобныхъ г. Степанову. И это главный театръ въ необъятной Россіи! Съ заведеніемъ частныхъ театровъ въ столицѣ, съ водвореніемъ конкурренціи, съ увеличеніемъ жалованья артистамъ и платья драматическимъ авторамъ, театры русскіе освободились бы и отъ бездарныхъ актеровъ, и отъ поставщиковъ плохихъ водевилей.

Рыбинскъ представляетъ довольно привлекательный видъ города, живописнаго по мѣстоположенію, на крутомъ берегу Волги, богатаго по постройкамъ, люднаго, по причинѣ сотни тысячъ работниковъ-бурлаковъ, стекающихся сюда на баркахъ со всѣхъ низовыхъ городовъ.

Бурлаки, лоцмана, прикащики и разные промышленники тол-

Digitized by Google

пятся на площади у гостинаго двора; купцы стоятъ, толкуютъ и спорятъ на перекресткѣ отдѣльнымъ кружкомъ.

— Да чтобъ имъ не собираться въ биржѣ? или нѣтъ у васъ биржи?

— Какъ не быть! Вонъ на берегу каменный домъ, это биржа для купцовъ, а подлѣ для лоцмановъ и бурлаковъ. Оба дома-то, продолжалъ торговецъ,—выстроены давнымъ давно, а народъ все собирается на площади. Потому, первое—привычка, а второе—то, что нашъ братъ купецъ, коли ведетъ какое дѣло, такъ одинъ на одинъ, а не въ компаніи, въ трактирѣ, *за парой* чая; супротивъ же другихъ норовятъ какъ бы надуть, да перебить барышъ у другаго, а не то, чтобы въ соглашеніе входить; такъ биржа-то выходитъ ему и не нужна... Одначе, прежній городничій хотѣлъ было пріучить купечество къ биржевымъ сходкамъ; «вы, господа, говоритъ онъ, поступайте, какъ поступаютъ въ образованныхъ государствахъ!» А они собрались опять на улицѣ. — Городничій выслалъ пожарныхъ съ метлами, стали мести; пыль столбомъ, такъ и слѣпитъ очи.—Что за оказія?—А это, господа-купцы, васъ городничій приглашаетъ въ биржевой домъ. Не захотѣли ссориться, городничій-то былъ человѣкъ хорошій; пошли на биржу; разъ собрались тамъ; въ другой — опять высыпали на площадь, сызнова приказано *замести* ихъ въ биржу; побился, побился городничій, насчетъ образованія купцовъ, да такъ и бросилъ.

Недалеко отъ биржи, близь волжскаго перевоза, содержитъ овощную лавку 3-й гильдіи купецъ Н. Д. Ульяновъ, рыбинскій поэтъ-самоучка (1).

Мы далеки отъ того, чтобы, подобно блаженной памяти патріоту П. И. Свиньину, восторгаться передъ каждымъ самоучкой, пѣть панегирики богатой русской натурѣ, способной выбиться изъ-подъ гнета самыхъ тяжкихъ обстоятельствъ и горькой нужды, напротивъ, съ уваженіемъ пожимая руку самоучкѣ, мы слушаемъ и смотримъ на него съ глубокимъ и искреннимъ сожалѣніемъ: природа надѣлила этого человѣка, думаемъ мы, и умомъ, и способностями, и жаждой образованія. Какихъ усилій стоило ему мало-мальски выдѣлиться изъ невѣжественной толпы, сколько силъ и времени потрачено, а будь у насъ средства къ образованію доступнѣе, не было бы этой траты времени, силъ, здоровья, не было бы и неполнаго, либо неправильнаго развитія...

Н. Д. Ульяновъ родился въ 1818 году въ Рыбинскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Золотуха-Подсельная; отецъ его былъ умный и толковый государственный крестьянинъ; жилъ безъ большаго до,

(1) *Сочиненія* Ульянова, въ частяхъ, съ 16 картинами. Спб. 1856 г. 8 д.

Digitized by Google

статка, но и безъ нужды, впрочемъ отдать сына въ училище не находилъ нужнымъ; сельскій дьячокъ открылъ Ульянову свѣтъ науки, *Псалтырь* была первая книга, имъ прочтенная; онъ самъ говоритъ:

Подъ сельской кровлею рожденный
Со скромнымъ званьемъ мужичка,
Въ премудрость книжну посвященный
Усердьемъ сельскаго дьячка:
Борясь съ враждебною судьбою,
Съ трудомъ, съ житейскою нуждою... и т. д.

Шестнадцати лѣтъ Николай Дмитріевичъ поступилъ сидѣльцемъ въ лавку рыбинскаго купца, здѣсь изрѣдка удосуживался читать церковныя книги; съ 1837 года онъ поселился прикащикомъ въ Петербургѣ, и, не получивъ никакого образованія, чуждый всякаго направленія въ дѣлѣ собственнаго просвѣщенія, съ одною жаждой его, онъ сталъ читать безъ разбору, что попадалось подъ руку, но читать много и постоянно. Такимъ образомъ первыя книги, имъ прочтенныя, были: *Духъ ученія Платона; Духъ сочиненій І. Златоуста;* сказка *Бова Королевичъ; Еруслань Лазаревичъ; Тысяча и одна ночь; Торжество Св. Евангелія; Путь ко спасенію; Хромой Бѣсъ; Неистовый Роландъ; Влюбленный Роландъ; Путешествіе Кука; Царство мертвыхъ* и т. п. Н. Д. Ульяновъ пристрастился къ чтенію и умственнымъ занятіямъ: они, по его собственнымъ словамъ, спасли его отъ пьянства, отъ разврата пороковъ, присущихъ нашему купечеству. Мало того, чтенію книгъ обязанъ Н. Д. Ульяновъ честнымъ взглядомъ на жизнь, на долгъ каждаго человѣка. Грамматика однако не далась ему; онъ прямо говоритъ, что пишетъ съ ошибками, но пишетъ гладко и толково, какъ стихами, такъ и прозой, и въ томъ и въ другомъ не выдерживая строгой критики. Г. Ульяновъ, торгуя сахаромъ, чаемъ, табакомъ и прочимъ мелочнымъ товаромъ, имѣетъ изрядную библіотеку русскихъ романовъ и журналовъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ; онъ даетъ читать за извѣстную плату, но читателей, разумѣется, немного, и онъ едва выручаетъ 100 рублей въ годъ...

Въ Рыбинскѣ есть лавка книгъ для продажи Холмушина, но выборъ книгъ въ ней не затѣйливъ: первое мѣсто занимаютъ произведенія Рафаила Зотова съ К°. На мѣстѣ ярмарки (1) (она всегда здѣсь продолжается отъ Петровокъ дня четыре), мы на-

(1) Ярмарочный гостиный деревянный дворъ давно уже обветшалъ и грозитъ паденіемъ; лѣтъ пятнадцать тому назадъ, подана было купечествомъ просьба о перестройкѣ, составлены планы, сдѣланы смѣты.. Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ, и когда вышло недавно разрѣшеніе, кирпичъ поднялся вдвое въ цѣнѣ. Нужны новыя смѣты, новыя представленія и т. д.

Digitized by Google

шли четыре-пять книжныхъ лавочекъ; интереснаго въ нихъ немного; книги духовнаго содержанія, учебники, сказки и романы; груды лубочныхъ картинъ новѣйшаго издѣлія (старинныхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ въ продажѣ); изъ нихъ мы выбрали довольно характеристическую картинку: *Петръ Великій беретъ отъ князя Меншикова Екатерину*. Эта сдача съ рукъ на руки красавицы Марты происходитъ за обѣденнымъ столомъ; на немъ и подлѣ него бездна бутылокъ, Меншиковъ сидитъ не совсѣмъ съ довольнымъ видомъ, Петръ вскочилъ: правая рука жметъ руку Меншикова, лѣвая указываетъ на служанку-фаворитку; та въ русскомъ платьѣ откидываетъ длинный вуаль, кругомъ въ разныхъ позахъ четыре женскія фигуры и проч. (Рисов. Уткинъ. Литогр. издат. Логиновъ). На одномъ прилавкѣ мы нашли довольно большое собраніе старинныхъ кошельковъ, четокъ, монетъ, запястьевъ и другихъ мелкихъ вещей; но все это довольно дорого, доказательство, что цѣнность старинныхъ вещей дѣлается извѣстною, а число покупателей возрастаетъ; такъ напримѣръ, за цѣлковый 1741 г. (экземпляръ очень хорошій) съ изображеніемъ императора Ивана Антоновича, съ насъ запросили 6 рубл. и едва, едва отдали за 4 рубля. Какъ въ здѣшнихъ лавкахъ, такъ и въ единственной лавочкѣ въ Тверскомъ гостиномъ дворѣ, намъ удалось пріобрѣсть нѣсколько Петровскихъ и Елисаветинскихъ изданій, какъ напр. *Книга уставъ воінскій*. Въ листъ изд. 1719 г.; *Уставъ морской* изд. 1720 г. съ русскимъ и голландскимъ текстами; *Морской пошлинный регламентъ*, изд. 1731 года; *Алфавитъ духовный*, изд. 1751 г.; *Экстрактъ Саваріева лексикона о комерціи*, пер. Волчкова, изд. 1747 г. съ пышнымъ посвященіемъ Елисаветѣ Петровнѣ; *Нѣкоторыя проповѣди*, изданіе 1740 годовъ; изъ рукописей: *Крюковыя пѣвчія старинныя ноты*, *Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго*, Списокъ уставцемъ 1725 года; *Исторія о стрѣлецкомъ бунтѣ*, старинная рукопись въ 4 д. и проч.

Изданія первой половины XVIII вѣка напоминаютъ намъ о большомъ трудѣ П. П. Пекарскаго: *Библіографія книгъ Петровскаго времени;* мы съ нетерпѣніемъ ждемъ напечатанія этого сочиненія, и увѣрены, что было бы чрезвычайно полезно какъ для русской исторіи вообще, такъ для исторіи русскаго просвѣщенія въ особенности, еслибы составители историческихъ монографій объ XVIII вѣкѣ, взяли на себя трудъ исподволь разсмотрѣть отдѣльно все напечатанное въ царствованіе Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны, Ивана Антоновича, Елисаветы Петровны, Петра Ѳедоровича до Екатерины II, съ царствованіемъ которой начинается совершенно новый періодъ въ русской исторіи и исторіи русской литературы. Подобная работа при без-

Digitized by Google

спорной пользѣ своей не такъ трудна, какъ кажется, по крайней мѣрѣ несравненно легче составленія библіографіи книгъ Петровскаго времени; сколько, напримѣръ, намъ извѣстно изъ Сопикова и другихъ старинныхъ и позднѣйшихъ каталоговъ, въ царствованіе Елисаветы Петровны вышло въ свѣтъ русской гражданской печати не болѣе 1000 сочиненій и переводовъ, что весьма немного для двадцати лѣтъ и для эпохи основанія Московскаго университета (1).

Ярославль, 7-го іюля.

Пароходъ общества *Самолетъ* быстро подвезъ меня къ красивому и чистому Ярославлю... Сколько замѣчательныхъ лицъ представилось въ моемъ умѣ, при этомъ имени: Бирон, проведшій здѣсь двадцать лѣтъ въ ссылкѣ; Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій (Ростовъ нынѣ въ Ярославской губерніи) разстриженный въ 1764 году; А. П. Мельгуновъ, человѣкъ знаменитый въ исторіи Ярославля, который ему очень многимъ обязанъ, членъ масонскихъ ложъ, освободитель дѣтей Антона Ульриха... обо всѣхъ ихъ, вѣроятно, удается собрать кой-какія свѣдѣнія (2).

Указъ о возвращеніи Бирона изъ Сибири публикованъ 17 января 1742 года, наканунѣ ссылки Миниха, Остермана и другихъ въ концѣ марта мѣсяца, 1742 года, онъ прибылъ съ женой, дѣтьми пасторомъ и слугами въ Ярославль. Ему дозволено было писать письма, чѣмъ онъ и поспѣшилъ воспользоваться. Бывшій правитель Россіи написалъ къ Елисаветѣ льстивую и лживую записку оправдывая себя въ назначеніи наслѣдникомъ престола Иванъ Антоновича (3). Съ переѣздомъ въ Ярославль, здоровье Бирона поправилось; изъ двѣнадцати гнойныхъ ранъ, покрывавшихъ его тѣло, бо́льшая часть закрылась; онъ имѣлъ возможность пользоваться изъ Москвы лѣкарствами.

Бирон съ женой и тремя дѣтьми, какъ видно изъ депеши саксонскаго резидента Пецольда, отъ 5-го ноября 1742 года, помѣщался на новомъ мѣстѣ своей ссылки въ скверномъ деревянномъ домишкѣ. Вмѣстѣ съ нимъ жили 40 человѣкъ караульныхъ солдатъ; они спали съ герцогомъ въ однихъ комнатахъ, и до того

(1) О Рыбинскѣ см. статьи въ *Отечественныхъ Запискахъ* Свиньина 1838 № 78 и 79; также *Описаніе города Рыбинска* Тюменева, изд. 1837 г. и Спб. и друг.

(2) Въ Ярославлѣ же была заточена Марина Мнишекъ; въ Ярославлѣ скончался въ 1681 году Никонъ, патріархъ московскій. Ярославль славенъ Волковымъ, Дмитревскимъ и многими другими именами.

(3) Записка эта напечатана Бюшингомъ, переведена и на русскій языкъ См. *Царствованіе Елисаветы Петровны*, глав. IX. въ *Русскомъ Словѣ* 1859, № 6.

Digitized by Google

обходились дерзко, что тотъ находился вынужденнымъ надѣлять ихъ пищей, питьемъ, дарить деньгами, чтобы только ихъ умилостивить; такимъ образомъ у него выходило на солдатъ ежедневно до 16 рублей, ничего не оставалось на собственное обзаведеніе, и, по свидѣтельству Пецольда, ни на комъ изъ семьи Бирона не оставалось цѣльной сорочки.

Не только освобожденію, но и облегченію ссылки Бирона, дѣятельно противились князья А. М. Черкасскій и Н. Ю. Трубецкой; тотъ и другой руководствовались своими расчетами; но стараніями Лестока, положеніе Бирона было значительно облегчено въ концѣ перваго же года его ярославской жизни. Здѣсь осѣтилъ его самъ Лестокъ, сообщивъ пріятную вѣсть, что государыня назначила ему 5000 рублей ежегоднаго содержанія, а братьевъ же и зятя освободила совершенно...

Съ этого времени жизнь Бирона потекла спокойно; ярославскій воевода, Бобрищевъ-Пушкинъ, былъ къ нему ласковъ, принималъ его у себя, не мѣшалъ ему забавляться лошадьми, собаками, охотой: все это составляло сферу жизни изгнанника Бирона. Выѣздъ ему на охоту, говоритъ мѣстное преданіе, былъ разрѣшенъ только на десять верстъ отъ города; домъ, имъ занимаемый, какъ видно выше, былъ деревянный; но, безъ сомнѣнія, это было только первоначальное помѣщеніе Бирона; въ послѣдствіи его перевели въ каменный, старинный двухъ-этажный домъ на берегу, не далеко отъ главнаго волжскаго перевоза.

Въ 1761 году Бирон возвращенъ въ Петербургъ, и въ опустѣломъ домѣ устроили *острогъ*, самое приличное употребленіе для жилища могучаго злодѣя; въ 1820-хъ годахъ, изъ кирпичей обветшалаго острога, сложили на томъ же мѣстѣ 1-ю полицейскую часть. Я осмотрѣлъ это зданіе; изъ-за обвалившейся по угламъ извести видны старинные толстые, длинные, прекрасно обожженные кирпичи, но домъ за старостью обреченъ на сломку и передѣлку.

Въ Ярославлѣ указываютъ на другой домъ, также будто бы бывшій мѣстомъ жительства Бирона; это домъ г. Карновича, на углу Дворянской улицы; нижній этажъ дома очень древенъ, не служилъ ли онъ фундаментомъ тому деревянному домику, въ которомъ водворенъ былъ Биронъ первое время по пріѣздѣ изъ Сибири?

Наклонности и характеръ ссыльнаго герцога скоро проявились въ уединенномъ Ярославлѣ. Недалеко отъ его дома находилась и до сихъ поръ находится Старо-Надѣинская церковь (постр. въ 1620 году); колокола на ней чрезвычайно звонки, отличной голландской отливки, что̀ видно изъ голландскихъ надписей. Звонъ колоколовъ безпокоилъ его сіятельство; Биронъ нѣсколько разъ

Digitized by Google

такъ разказывалъ намъ старикъ-священникъ со словъ покойной старухи бабушки своей, просилъ пономаря и приказывалъ ему не такъ усердно отзванивать, что-де ему спать нельзя, пономарь не выполнялъ, да и не могъ выполнить ни просьбы, ни приказаній сосѣда. Тогда тотъ поднялся на *остроумную* проѣлку: рѣшился проучить безпокойнаго звонаря; ради праздника герцогъ призвалъ его къ себѣ во дворъ для угощенія, приказалъ раздѣть до нага и вымазать всего сметаной, затѣмъ собственноручно спустилъ собакъ своей отборной псарни и съ сердечнымъ наслажденіемъ любовался на корчи звонаря, въ ужасѣ метавшагося подъ языками лизавшихъ его собакъ.

Но ни сметана, ни собаки не помогли; колокола Старо-Надѣинской церкви звонятъ и гудятъ какъ встарь, такъ и теперь, звонко и громко.

Для присмотра надъ Бирономъ, въ силу высочайшаго указа, выбраны были изъ ярославскихъ жителей трое достойнѣйшихъ дворянъ-попечителей. Это были: князь Шайдаковъ, Филатьевъ и Петръ Петровичъ Меркуровъ. Биронъ, такъ разказывалъ намъ А. Н. Меркуровъ, внукъ одного изъ попечителей, въ особенности былъ друженъ съ княземъ Шайдаковымъ; главная причина дружбы состояла въ томъ, что Шайдаковъ былъ записной охотникъ и большой знатокъ въ собакахъ; Биронъ между прочими подарками далъ Шайдакову драгоцѣнныя вещи: ружье *Розу*, полученное имъ, въ свою очередь, отъ императрицы Анны Ивановны, пару пистолетовъ и табакерку; эти вещи, по семейнымъ связямъ съ Шайдаковыми, перешли въ родъ Меркуровыхъ. «Помнится мнѣ, говорилъ А. Н. Меркуровъ, что гдѣ-то и когда-то я читалъ печатную замѣтку о бироновскомъ ружьѣ *Роза*; что же касается до моего дѣда, то онъ былъ сынъ архангельскаго воеводы Петра Ивановича Меркурова. Петръ Петровичъ былъ человѣкъ богатый и вѣдалъ при Биронѣ казначейскою частію. Въ моемъ семейномъ архивѣ въ Романо-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, сельцѣ Алексѣевскомъ (у Богоявленскаго острова), между другими бумагами (о постройкѣ напримѣръ Петромъ флота на воронежской верфи, гдѣ завѣдывалъ дѣлами бригадиръ Меркуровъ), хранится рукопись въ 4 д. Въ нее вписывалъ за нѣсколько лѣтъ попечитель Бирона приходъ и расходъ денегъ, отпускавшихся на содержаніе герцога (1), кромѣ того уцѣлѣли письма приставовъ-попечителей; онѣ знакомятъ болѣе или менѣе съ этими личностями.»

Любопытно, что Биронъ, по словамъ А. Н. Меркурова, подарилъ его дѣду двухъ прекрасныхъ неаполитанскихъ жеребцовъ,

(1) При свиданіи нашемъ въ Москвѣ, Арестъ Николаевичъ Меркуровъ былъ такъ добръ, что обѣщалъ намъ доставить эту любопытную рукопись.

Digitized by Google

которые еще въ то время стоили 300 рублей. Отъ нихъ пошла прекрасная порода лошадей, которыя были долго извѣстны въ Ярославской губерніи.

Слушая преданія о Биронѣ, мы долгомъ почли заглянуть въ городской архивъ, не уцѣлѣло ли тамъ какого документа? Въ то время, когда вы будете просматривать наши замѣтки, мы на досугѣ покопаемся въ старинныхъ описяхъ и дѣлахъ.

М. С — кій.

ОТЪ ВЕНЕЦІИ ДО КАРЛЬСБАДА (1).

Съ перваго шага васъ поражаетъ въ Венеціи отсутствіе уличнаго шума; тишина, прерываемая изрѣдка крикомъ гондольеровъ при встрѣчѣ гондолъ, и таинственный, грустный плескъ воды на лѣстницахъ старинныхъ дворцовъ. На желѣзной дорогѣ, по окончаніи скучной, но все той же комедіи съ паспортами, вы садитесь въ гондолу, и прямо вступаете въ главную улицу Венеціи, Canale Grande. Пока наша гондола скользила по водѣ, гондольеры называли намъ дворцы, мимо которыхъ мы плыли. И какія имена: Conaro, Pisani, Foscari (въ немъ теперь казармы), Mocenigo, Manin! Все это исторія, все это такъ знакомо цѣлому міру. А теперь всѣ эти имена, которыя напоминаютъ прежнее величіе знаменитой республики, только грусть наводятъ, и даже зло разбираетъ, когда увидишь на балконѣ Palazzo Foscari различныя части туалета австрійскихъ солдатъ, развѣшенныя для провѣтриванія, или просушки, какъ намъ посчастливилось это видѣть. А Піальто съ своею смѣлою аркой, а выходъ изъ Canale Grande къ таможнѣ съ видомъ на St-a Maria della Salute, на портъ, на дальній Mego,—это такое очарованіе, для описанія котораго требуется болѣе искусное, чѣмъ мое, перо. Отказываюсь говорить про bella Venezia, и только позволю себѣ разказать то, что̀ слышалъ и видѣлъ между обоими классами ея обитателей.

Въ 12 часовъ мы пріѣхали въ Hôtel de l'Europe, а черезъ полчаса, въ сопровожденіи проводника, отправились въ гондолѣ осматривать Венецію. До обѣда мы успѣли побывать во дворцѣ дожей, спуститься въ казематы Совѣта Десяти, пройдти по Ponte dei Sospiri. Проводникъ, показывая въ помѣщеніи дожа единственное мѣсто,

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 14.

Digitized by Google

гдѣ ему позволялось имѣть свой гербъ, прибавилъ шепотомъ озираясь кругомъ: «и теперь здѣсь гербъ настоящаго дожа.» Дѣйствительно, двухглавый австрійскій орелъ красовался на мѣстѣ, украшенномъ прежде гербами избранниковъ народа. Не знаю почему, передъ нимъ поставлена древняя географическая карта, которая своею рамой на подставкахъ немного маскируетъ это непріятное напоминаніе. Ежели это случайность, нельзя не найдти ее весьма остроумною. Мы потребовали, чтобы намъ показали знаменитые piombi. Но увы! они болѣе не существуютъ. Въ передѣлкѣ, которая произошла во дворцѣ дожей, для приготовленія его къ принятію эрцгерцога Максимиліана, piombi были превращены въ комнаты для дворцовыхъ служителей. Нельзя не подивиться этому варварству и неуваженію къ остаткамъ старины. Это мнѣ напомнило, что на островѣ Ste Marguerite, противъ Канна, недавно заново очистили и обѣлили стѣны каземата, въ которомъ такъ долго прожилъ знаменитый узникъ, желѣзная маска. Когда я былъ тамъ въ февралѣ сего года, солдатъ, который былъ моимъ вожатымъ, съ самодовольствіемъ выставилъ заботливость императорскаго французскаго правительства, которое не хотѣло оставить мѣсто заточенія такого извѣстнаго лица въ прежнемъ историческомъ безпорядкѣ. Оба поступка равно похвальны; но тѣмъ не менѣе жаль piombовъ.

Выходя изъ собора Св. Марка, мы встрѣтились съ G***, который насъ ожидалъ подъ аркадами Piazza di San Marco.

— Я только что былъ у васъ; но вы уже уѣхали, сказалъ онъ и вмѣстѣ объявилъ пріятную новость, что ему обѣщали непремѣнно доставить оставленный нами въ Веронѣ багажъ сегодня же вечеромъ.

Я просилъ G*** показать кофейную, которой содержатель имѣлъ непріятности съ австрійскою полиціей по поводу журналовъ, на которые полиція заставила его подписаться. Дѣло доходило до того, что содержателю былъ предоставленъ выборъ или закрыть свое заведеніе, или получать одобренные начальствомъ журналы. Не обошлось и безъ того, что хозяина съ сыномъ продержали дней 10 въ тюрьмѣ. Эта кофейная находится напротивъ собора на противоположномъ концѣ площади. Гуляя подъ арками, я зашелъ къ Флоріяну (единственная кондитерская на площади, посѣщаемая Венеціянцами), и мимоходомъ посмотрѣлъ *Иллюстрацію*. Случайно, только что я развернулъ, я напалъ на картинку, представляющую свиданіе Гарибальди съ генераломъ Ланца. Надъ головой Гарибальди, былъ сдѣланъ карандашемъ вѣнчикъ со звѣздой въ серединѣ. Я показалъ G***. Онъ улыбнулся сначала, а потомъ прибавилъ:—Попадется это кому-нибудь изъ Австрійцевъ, достанется хозяину кондитерской.

Digitized by Google

— Неужто это можетъ быть сочтено за преступленіе? спросилъ я.

— Еще бы! есть люди, которые уже пострадали за меньшее. G*** обѣщался заказать на завтра обѣдъ въ ресторанѣ S. Gallo, и мы разстались; мнѣ хотѣлось до вечера осмотрѣть нѣсколько церквей.

— Какъ же мы увидимся вечеромъ? спросилъ я его прощаясь. — Вы ходите на Piazza?

— Да, сегодня суббота, значитъ военной музыки не будетъ, отвѣчалъ онъ:—такъ мнѣ можно; непремѣнно приду.

Надо сказать, что въ тѣ дни, когда военная музыка играетъ на площади Св. Марка, ни одинъ Венеціянецъ ни за что̀ туда не покажется. Не такъ давно, все италіянское общество во время музыки гуляло въ Jardini (1). Остроумный г. Тогенбургъ догадался и велѣлъ поставить два золоченые двухглавые орла надъ воротами Jardini, и въ томъ же духѣ украсилъ рѣшотку, выходящую къ каналу. Послѣ такого украшенія никто изъ Венеціянцевъ не вышелъ въ садъ; но тѣмъ не менѣе это ихъ не привлекло на площадь Св. Марка, къ слушанію военной музыки. Во время музыки, они теперь гуляютъ по Piazzetta, и только по окончаніи концерта переходятъ на площадь.

Я успѣлъ осмотрѣть до обѣда только четыре церкви: S. Giovanni e Paolo; S. Maria dei Frari, S. Maria della Salute, и церковь іезуитовъ, замѣчательную по своей оригинальной отдѣлкѣ; инкрустаціи зеленаго и бѣлаго мрамора на стѣнахъ и колоннахъ сдѣланы такъ отчетливо, что даже вблизи кажется, будто стѣны обтянуты шелковою матеріей. Особенно замѣчательна каѳедра. Я ничего не говорю о памятникахъ, картинахъ, убранствѣ и богатствѣ этихъ церквей; это столько разъ было описано, что, какъ я уже сказалъ, любой *гидъ* полнѣе и лучше меня все это разкажетъ. Притомъ послѣ великолѣпнаго описанія Венеціи Жоржъ-Сандомъ, грѣшно нашему брату и думать объ этомъ.

Пообѣдавъ, мы отправились въ гондолѣ гулять по Canale Grande. Въ прежнія времена, лѣтомъ часовъ около 7, весь каналъ былъ запруженъ гондолами Все венеціянское общество, обыкновенно, каждый вечеръ посвящало часъ и болѣе времени гулянью въ гондолѣ по каналу; потомъ всѣ отправлялись на площадь Св. Марка, гдѣ вокругъ столиковъ въ кофейныхъ проводили весь остатокъ вечера до полуночи и позже. Тамъ молодые люди переходили отъ одного кружка къ другому, что̀ считается за визитъ, за посѣщеніе, точно какъ во Флоренціи, въ *каши-*

(1) Jardini—маленькій садикъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Piazzetta.

Digitized by Google

нахъ (или, какъ Флорентинцы произносятъ, *хаммнахъ*). Веселіе этого гулянья прежняго времени по каналу и сидѣнія на площади было велико, какъ говорятъ. Я этого не видалъ. Во время проѣзда по каналу, мы удостоились счастія увидать г. Тогенбурга, фельдмаршаловъ Туна и Нюжента, и потомъ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ австрійскихъ. Достовѣрно, что всѣмъ имъ высшее начальство вмѣнило въ обязанность посѣщать ежедневно въ извѣстный часъ Canale Grande, въ гондолахъ, съ женами и дѣтьми, потомъ просидѣть опредѣленное начальствомъ время на площади Св. Марка. Говорятъ, гг. чиновники этимъ очень тяготятся; одно чувство исполненія долга службы поддерживаетъ ихъ. Если къ этому прибавить двѣ-три гондолы съ Англичанками, то вотъ все, что̀ мы видѣли на каналѣ. Впрочемъ о нихъ нечего и упоминать; англійское семейство — необходимое дополненіе ко всякому мѣсту въ Италіи и Швейцаріи. Безъ этого нельзя обойдтись. Во Флоренціи я четыре раза былъ въ галлереѣ Питти и пять въ Офиціяхъ, и ни разу мнѣ не случилось быть лишену удовольствія видѣть по крайней мѣрѣ два англійскія семейства. Впрочемъ, они далеко не такъ карикатурны, какъ ихъ представляетъ французская литература; надо отдать справедливость, что если дѣлить путешественниковъ на группы по національности, то англійская группа самая многочисленная, вмѣстѣ самая респектабельная, самая gentlemanlike. Это чувство собственнаго достоинства, которое не покидаетъ Англичанъ ни на глетчерахъ Швейцаріи, ни въ галлереяхъ и церквахъ Италіи, и надъ которымъ принято за правило смѣяться, по истинѣ гораздо лучше навязчивости Французовъ, многословнаго и шумнаго очарованія Нѣмцевъ и мелкаго тщеславія нашихъ Русскихъ. Гдѣ бы вы ни встрѣтились съ Англичаниномъ, хоть бы въ какомъ-нибудь швейцарскомъ кабачкѣ, куда васъ загонитъ неожиданный дождь, вы можете быть увѣрены, что онъ не позволитъ себѣ ничего неприличнаго; этого нельзя сказать ни про Французовъ, ни про Нѣмцевъ, ни даже про насъ Русскихъ. Ихъ укоряютъ въ необщительности, въ холодности, я этого особенно не замѣчалъ. Когда въ прошломъ году изъ Бельгіи я ѣхалъ въ Англію, мнѣ столько объ этомъ наговорили, что первое время, въ Лондонѣ, бывало, чтобы спросить на улицѣ, куда, какъ пройдти, я иначе не обращался, какъ къ полисменамъ. Но проживъ съ полгода въ Англіи, я убѣдился, что на континентѣ клевещутъ на Англичанъ и не знаютъ ихъ.

Итакъ, я могъ убѣдиться вполнѣ, что Венеціянцы никуда не показываются, гдѣ могутъ встрѣтиться съ ненавистными имъ Австрійцами и всѣмъ, что̀ къ нимъ принадлежитъ. Ни одного

Digitized by Google

изъ нихъ не было на каналѣ. Въ это время, если какому-нибудь Венеціянцу необходимо проѣхать по Корсо, онъ тщательно объѣзжаетъ маленькими каналами, и дѣлаетъ какой-угодно кругъ, чтобы не участвовать хоть на нѣсколько минутъ въ гуляньѣ своихъ притѣснителей. Впрочемъ справедливость требуетъ упомянуть, что одна Венеціянка была на Корсо; это графиня Бальби, и даже съ австрійскими офицерами въ своей гондолѣ. Но графиня Бальби страшная *кодинка*, и такихъ, какъ она, къ счастію, очень мало въ Венеціи.

Около часа катались мы отъ Ріальто до Цѣпнаго моста и обратно, и все тѣ же лица попадались. Оставалось еще нѣсколько времени до полной темноты; мы этимъ воспользовались, и велѣли ѣхать въ лагуну. Когда мы очутились вдали отъ домовъ, я началъ разспрашивать нашихъ гондольеровъ о томъ, что они думаютъ о Гарибальди и Сициліи. Сначала signori Верро e Giorgio отвѣчали очень уклончиво, и только перемигивались между собою. Когда же я имъ объяснилъ, что я изъ свободной Италіи, видѣлъ короля во Флоренціи, — они совсѣмъ перемѣнились въ обращеніи. Беппо, смуглый, высокій, съ маленькою бородкой, снялъ шапку и обратился ко мнѣ.

— Вы оттуда eccelenza, ну скажите, что nostro re, что povero vecchio (1) Giuseppe. Что они, милые, дѣлаютъ? Мы здѣсь мало о нихъ знаемъ.

— Какой вашъ король? возразилъ я:—у васъ императоръ, который живетъ въ Вѣнѣ; а Vittorio—тотъ король свободныхъ Италіянцевъ по ту сторону Гарда и По.

Беппо серіозно разходился и съ такимъ жаромъ началъ мнѣ разказывать осаду Венеціи, и какъ они сдались только потому, что не было ни пороху, ничего, и что Венеціи грозилъ голодъ, такъ что я сталъ сожалѣть о своей шуткѣ. При своей оживленной рѣчи, онъ весломъ такъ судорожно работалъ, и притомъ все смотря на меня, что я такъ и ждалъ, что онъ задѣнетъ о сваи, мимо которыхъ мы ѣхали.

— Говорятъ, что мы не хотимъ, прибавилъ онъ,—Венеція доказала, что она хочетъ; но безъ помощи, насъ эти поганые Остріаки раздавятъ. Видите ли, — и онъ сталъ показывать рукой,—вотъ фортъ по ту сторону желѣзной дороги, направо отъ станціи, вотъ тамъ другой; на Лидо сдѣлали также *фортецuу*

(1) Выраженіе povero vecchio въ Венеціи употребляется простонародьемъ въ видѣ любезности, дружескаго обращенія. Nostro re — нашъ король. Giuseppe — Іосифъ Гарибальди.

Digitized by Google

Только тронься мы, они насъ и городъ весь въ пыль обратятъ.

— Тамъ въ Италіи говорятъ, сказалъ я,—что вы всѣ республиканцы, и если освободитесь, то объявите республику, а короля не примете.

— Per Dio! съ жаромъ возразилъ Беппо: — это все Тедески проклятые распускаютъ такіе слухи. Не вѣрьте, не вѣрьте. Начнись только что-нибудь поближе къ намъ, насъ теперь ужь не удержутъ, мы сумѣемъ показать, что и мы per l'Italia e per la Croce (1).

Невозможно передать чувство ненависти, съ которымъ Беппо говорилъ про Австрійцевъ. Это такое ожесточеніе, такая ярость, которой нельзя себѣ представить. И Беппо не исключеніе; всѣ, отъ патриція до послѣдняго работника, раздѣляютъ эти чувства. Грустно становится, когда подумаешь, сколько человѣческой крови прольется, пожалуй, въ скоромъ времени въ этомъ очаровательномъ уголкѣ Италіи.

Когда мы уже подъѣхали къ Піаццеттѣ — прежде чѣмъ намъ выходить,—Беппо остановилъ меня и сказалъ мнѣ шепотомъ:

— Garibaldi, signor, primo uomo del mondo (2), мы его знаемъ, онъ насъ не забудетъ, мы его ждемъ; но теперь надо... и онъ приложилъ палецъ къ губамъ,—скоро, скоро вы увидите,—и онъ махнулъ рукой.

У Флоріана мы нашли G***. Занявъ мѣсто у одного изъ столиковъ на площади, мы просидѣли съ часъ, толкуя и болтая. Площадь Св. Марка восхитительна вечеромъ. Яркое освѣщеніе, куча народа, сидящаго и гуляющаго, даетъ этой площади оригинальный и оживленный видъ. Нѣсколько пѣвцовъ и музыкантовъ пѣли и играли, переходя отъ одной кофейной къ другой. Пропасть мелкихъ торговцевъ навязывали всѣмъ, и особенно иностранцамъ свой товаръ, разныя вещи, сдѣланныя изъ раковинъ, миніатюрныя гондолы, бусы и всякую дрянь. Но признаться, что-то грустное, тяжелое висѣло надъ собранною публикой. Не слышно было ни смѣху, ни шуму, ни громкаго разговора. Все было какъ-то тихо, натянуто, принужденно. Насупротивъ Флоріана, Café militaire, гдѣ однако сидѣло множество офицеровъ, также смотрѣлъ уныло и бездушно. Положеніе австрійскихъ офицеровъ въ Италіи невыносимое; далѣе общества своихъ товарищей они не могутъ сдѣлать шагу. Куда бы они ни показались, всѣ отъ нихъ бѣгутъ какъ отъ зачумленныхъ. Стоитъ войдти офицеру въ кафе,—сейчасъ вокругъ него образуется пустота, и черезъ нѣсколько

(1) За Италію и за Крестъ (Піемонтъ).

(2) Гарибальди, синьйоръ, первый человѣкъ въ мірѣ.

Digitized by Google

времени всѣ уйдутъ изъ комнаты. И нѣтъ возможности измѣнить это. Мнѣ говорили послѣ въ Вѣнѣ, что нѣтъ почти офицера, который, прожившій въ Италіи съ полгода, не просилъ бы перевода или отпуска. Многіе Италіянцы и съ G*** сказывали мнѣ, что они душевно сожалѣютъ объ этой несчастной молодежи. Достаточно Италіянцу принять въ свой домъ какого-нибудь Австрійца, военнаго или статскаго, все равно,—какъ отъ него тотчасъ откажутся всѣ знакомые, даже родные, и его самого подвергнутъ остракизму.

Со всѣми возможными предосторожностями, и нѣсколько разъ осмотрѣвшись вокругъ себя, G*** объявилъ намъ, что военная музыка даетъ серенаду фельдмаршалу Туну, который живетъ на Canale Grande, по тому случаю, что завтра его именины.—А завтра, вы знаете, какой день, спросилъ онъ,—завтра Иванов день, 24 іюня, день сраженія подъ Сольферино; эти дураки Австрійцы празднуютъ именины своихъ генераловъ. Нашли когда серенады давать. Около васъ также будетъ серенада, потому что Ньюженгъ, который живетъ почти у самой Europa, также Инъ.

По правдѣ сказать, день сольферинскаго сраженія не совсѣмъ удачный выборъ, чтобы праздновать именины генерала австрійской службы.

— Мы вотъ что приготовляемъ, прибавилъ G***, еще съ большими предосторожностями, — завтра около семи часовъ вечера, если только не будетъ грозы, какъ всегда бываетъ въ этотъ день,—мы всѣ поѣдемъ на Корсо; это будетъ манифестація. Если же вздумаютъ послать музыку на Каналъ, то мы всѣ проѣдемъ на Піацетту и тамъ будемъ гулять. Такъ не забудьте, и распорядитесь и вашею гондолой.

— Что же Тоггенбургъ скажетъ, не увидавъ всей Венеціи завтра на Корсо? спросилъ я смѣясь.

— Что же онъ можетъ сказать? Мы не выходимъ изъ легальности. Никто намъ не можетъ запретить гулять, гдѣ угодно. Но онъ навѣрно что-нибудь сдѣлаетъ.

Мы разстались у дверей нашего отеля, до котораго онъ насъ проводилъ. Проходя подъ арками площади, на противоположномъ концѣ отъ собора Св. Марка, я замѣтилъ гауптвахту, устроенную передъ однимъ домомъ, выходящимъ на переулокъ, который идетъ параллельно площади; она меня удивила тѣмъ, что часовые и солдаты были отдѣлены отъ переулка. Я спросилъ отъ чего эта рѣшотка? G*** мнѣ объяснилъ, что не такъ давно, во время карнавала, маски зарѣзали кинжалами часовыхъ и весь караулъ, овладѣли оружіемъ, и нѣкоторое время вся площадь была въ рукахъ бунтовщиковъ. Бунтъ былъ усмиренъ, и съ

Digitized by Google

тѣхъ поръ эта плотка защищаетъ отъ внезапнаго нападе
довольно значительный караулъ.

На другой день, въ воскресенье, все утро бѣгалъ по город
утромъ рано купался на Лидо, въ морѣ. Прежде тамъ были о
хорошія купальни; но въ прошломъ году, австрійское нача
ство, боясь холеры, приказало сломать это зданіе, которое
ходилось въ районѣ укрѣпленій на Лидо. Съ тѣхъ поръ по
лены только на лѣто временные бараки, крытые парусиной.
раздѣваются, и оттуда надо идти шаговъ двадцать до мор
весьма легкомъ костюмѣ. Жарко было чрезвычайно; тѣмъ не
я съ ранняго утра до самаго обѣда продержалъ моихъ гондольер
Беппи Джіорджіо; но они, послѣ вчерашняго разговора, возы
ко мнѣ такую симпатію, что, несмотря на усталость и жаръ, нос
такой прогулки, какъ на Лидо, ни за что не хотѣли, чтоб
взялъ другую гондолу, и даже оскорбились, когда я настаи
прибавляя, что имъ все-таки заплатятъ за цѣлый день.

Къ бѣду G*** зашелъ за нами, и мы отправились въ рестор
S. Gdo. Мы были пріятно удивлены, найдя столъ накрыт
по-руски, то-есть съ закуской. Но всего пріятнѣе было вст
тить черный, ржаной хлѣбъ. Этого давно не случалось
имѣть и мы такъ обрадовались черному хлѣбу, что и ска
нельзя. Вмѣстѣ съ лѣнивыми щами со сметаной, явился сам
зяинъ, неся блюдо каши, и объяснилъ на довольно чистом
скомъ зыкѣ, что сожалѣетъ, что обѣдъ не заказали ран
онъ не успѣлъ сдѣлать всего, что ему хотѣлось. Мы благод
и разбранились такъ, что и забыли G***, который ничего не п
малъ въ этомъ разговорѣ на невѣдомомъ языкѣ. Потомъ б
кулебяк. Вообще обѣдъ былъ нѣкоторымъ образомъ: «имен
сердца»

Хозяинъ S. Gallo жилъ долго въ Россіи и тамъ научился рус
кухнѣ. Онъ былъ дворецкимъ или курьеромъ у князя Репни
Рекомендую его моимъ соотечественникамъ, которые зах
найдутъ у него (онъ меня весьма убѣдительно увѣрялъ) соле
огурцы и даже квасъ, вещь невѣдомую за границей.

Манифестація въ память Сольферино не совсѣмъ удалась дожд
помѣшалъ ея полному успѣху; тѣмъ не менѣе было много гон
долъ на Корсо. Между ними отличалась одна; въ ней сидѣла од
Англичанка съ букетомъ въ рукахъ. Букетъ представлялъ т
ряда цвѣтовъ: бѣлый, красный и зеленый (1). Венеціянцы в
даже и тѣ, которые съ ней не были знакомы, скромно клани
ей; а она махала букетомъ каждому балкону, на которомъ бы
Италіянцы. Я зашелъ къ G*** и нашелъ у него довольно мно

(1) Цвѣта сардинскіе.

Digitized by Google

ленное общество родныхъ и друз Предметомъ разговора
ли аресты, сдѣланные въ ночь съ боты на воскресенье въ
енцѣ. Восемь молодыхъ людей изъ лихъ фамилій были взяты;
счастію, трое какъ-то успѣли бѣ и скрыться; но пять
ли въ рукахъ полиціи. Всего олѣе раздражалъ всѣхъ
стъ графини Кальви, сдѣланный у же ночь, также въ Ви-
цѣ. Графиня—молодая женщина дати-двухъ лѣтъ; она сама
ила полугодоваго ребенка. Авс ская полиція оказала ве-
душіе, не раздѣлила матери съ нкомъ, и взяла обоихъ. Но
за причина этихъ арестовъ? Все общество намѣрено было
нить панихиду по Италіянцамъ итымъ годъ тому назадъ;
ина эта была достаточна, что лишить свободы девять че-
къ. Нельзя не понять, посл того, ненависти Венеціян-
къ Австрійцамъ.

сѣлъ около кузины G*** на б нѣ, и мы смотрѣли на Корсо.
ней была бѣлая шляпка съ з ыми лентами и съпучкомъ
къ розановъ. Я спросилъ ее:

- Вы не боитесь, что вамъ жетъ достаться за ти три
а?

- Пускай себѣ, отвѣчала она, въ день Сольферино рѣшно
ящей Италіянкѣ показать безъ этихъ дорогихъ трехъ
овъ.

елочная, дѣятельная, постоян и неутомимая оппозиція, кото-
теперь оказываютъ Венеція передъ военно-полицейскимъ
рійскимъ начальствомъ,—эт уловимая оппозиція привоитъ
бѣшенство Австрійцевъ, кото е пытаются прекратить свой
что не можетъ подлежать сил оттого постоянные аресты по
начительнымъ поводамъ, не ведливые, жестокіе аресы,
орые еще болѣе возстановл ъ общественное мнѣніе пр-
ь нихъ; кромѣ того, такая ятельная оппозиція, заним
, направляя ихъ постоянно одной цѣли, даетъ болѣе одно
ности, силы и единства пар патріотовъ, пріучаетъ ихъ к
оторой дисциплинѣ, къ сов ному дѣйствію. Я нашелъ, что
еція современемъ будетъ зана благодарностію Австріи.
какъ не Австрія произвел Венеціи соединеніе аристо-
ии съ народомъ, этихъ дв классовъ, которые такъ долго
ли въ явномъ и въ скрытом тагонизмѣ? Припоминая исторію
нціянской республики, уд ешься, какъ скоро, подъ влады-
твомъ Австріи, исчезъ анта измъ между патриціями и наро-
ъ, антагонизмъ, существовай такъ долго и причинившій столь-
вреда. Въ случаѣ освобо нія отъ нѣмецкаго владычества,
мирной, свободной атмо рѣ разовьются быстро и сово-
пно силы общественныя, енныя тяжелымъ опытомъ пяти-
сятилѣтняго порабощенія.

Digitized by Google

Вечеромъ мы уже ладывались, такъ какъ на завтра рано утромъ должны были ѣхать изъ Венеціи. Въ это время гондольеры, собравшіеся съ балкономъ отеля, начали распѣвать хоромъ. Тенора были много плоховаты; но басы отличны. Одна изъ моихъ барышенъ за фортепіяно, и сыграла миланскую польку: Daghela ati un passo; какъ только услыхали эту запрещенную музыку, гондольеры стали апплодировать, и кричать buona musica, buonissima.

Насъ это забавляло; потомъ, желая прекратить это пѣніе, я позвалъ съ балкона одного изъ поющихъ, чтобъ ему дать что-нибудь. Вошелъ молодецъ, и я ему вручилъ монету. Онъ сталъ благодарить; я пріостановилъ порывъ благодарности, говоря ему: «Да вы посмотрите, что это за монета!» Монета была піемонтская, съ портретомъ короля. Только что разсмотрѣлъ молодецъ, какъ тотчасъ бросился бѣжать къ товарищамъ. Мы всѣ пошли на балконъ смотрѣть, что будетъ. Гондольеръ выбѣжалъ, и съ самаго крыльца закричалъ товарищамъ: Ecco il ritratto del nostro re. И тотчасъ всѣ подхватили: Dela avanti un passo.

G*** черезъ нѣсколько минутъ вошелъ къ намъ съ разспросами, что такое у васъ. «Помилуйте, во все горло, хоромъ поютъ миланскую польку, какъ въ день сольферинскаго сраженія. Да ихъ сегодня же всѣхъ возьмутъ, и, пожалуй, передерутъ. Я поѣхалъ въ гондолѣ въ Піаццеты, и не вѣрилъ своимъ ушамъ.»

Дѣйствительно G*** былъ правъ; этимъ бѣднымъ людямъ много достаться, и мы тотчасъ стали ихъ унимать. Но это было не легко. Молодцы такъ разходились, что чуть не запѣли королевскій маршъ. Однако гдѣ все утихло. Примѣръ гондольеровъ такъ оказался заразительнымъ, что G*** захотѣлъ пѣть канцону своего сочиненія. Счастье, или можетъ-быть имена двухъ фельдмаршаловъ расположили пріязненно Австріи къ нему, и это прошло даромъ **: въ другое время ему за это не миновать бы Forte S. Giorgio.

На завтра, въ 7 часовъ утра, мы были на станціи желѣзной дороги. Беппо уже на пристани, прощаясь, отвелъ меня въ сторону, и на ухо сказалъ: «Пріѣзжайте черезъ полгода, я васъ покатаю въ нашей гондолѣ, и тогда будетъ окрашена въ три цвѣта. Вы понимаете? До свиданія,» прибавилъ онъ и сбѣжалъ по лѣстницѣ.

Дай-то Богъ, подумалъ я, вѣрно желалъ бы, чтобы твои надежды сбылись.

Венеція—порто-франко, и потому, при выѣздѣ багажъ осматриваютъ, и даже насъ предупредили, что очень строго. Благодаря однако заступничеству G*** и двумъ-тремъ гульденамъ, дѣло обо-

Digitized by Google

шлось очень скоро. Когда скучная исторія билетовъ, багажа, паспортовъ кончилась, мы усѣлись въ вагонъ; а я ходилъ съ G*** по платформѣ.

— Вы знаете, сказалъ онъ,—въ эту ночь двѣнадцать человѣкъ арестованы въ Падуѣ.

— Почему же?

— Опять все то же Сольферино, также какъ и въ Виченцѣ. Между ними одинъ мой родственникъ. Скажите это во Флоренціи кодинамъ, когда они при васъ начнутъ восхвалять Австрію. Вы пробыли здѣсь два дня, и при васъ взяли двадцать одного человѣка, изъ которыхъ только трое могли спастись.

Не только что кодинамъ, подумалъ я, но мнѣ бы хотѣлось прокричать всему свѣту объ этихъ постоянныхъ, произвольныхъ арестахъ. Неужели еще помѣшаютъ и въ этотъ разъ освобожденію Венеціи?

Зазвенѣлъ послѣдній колокольчикъ, мы простились, и снова понеслись по лагунѣ. Видъ былъ такъ же великолѣпенъ, солнце такъ же блестѣло на безоблачномъ небѣ, какъ и третьяго дня. Однако грустно какъ-то было при невольной мысли, что ожидаетъ Венецію въ близкомъ будущемъ. Освободится ли Венеція, и какъ? Вопросъ, который необходимо долженъ рѣшиться скоро. Австрія при своихъ финансахъ не можетъ долго поддерживать такую значительную военную силу, которая тѣмъ не менѣе ей едва достаточна, чтобы сохранить спокойствіе въ италіянскихъ ея владѣніяхъ; а Венеція физически не можетъ долго выносить эту постоянную пытку. Говорили одно время, что Австрія почти согласна на выкупъ Венеціи. Не вѣрю я этому соображенію. Оно слишкомъ благоразумно.

Въ Казарсу мы пріѣхали въ 11 часовъ. Почтовая карета ожидала насъ на станціи; мы тотчасъ пересѣли и отправились на почтовыхъ до Набрезины, второй станціи на вѣнской желѣзной дорогѣ отъ Тріеста. До маленькой крѣпости Palma Nuova, мы на всей дорогѣ встрѣчали поминутно австрійскіе зарядные ящики, которые тянулись почти безпрерывными обозами. До Monfalcone, послѣдней станціи къ Набрезинѣ, дорога идетъ равниной, которая своей культурой и видомъ совершенно похожа на ломбардскую равнину: тѣ же почти поля кукурузы и пшеницы, окаймленныя безконечною гирляндой виноградной лозы. Отъ Монфальконе пейзажъ мѣняется, начинаются обнаженныя каменныя горы, по поверхности которыхъ разбросаны еще довольно крупныя каменья. Адріатическое море и Тріестъ виднѣются вдали, мѣстами дорога подходитъ близко къ морю. Самый характеръ селъ и деревень измѣняется, и не слышишь больше звучнаго венеціянскаго діалекта, чаще случается услыхать нѣмецкій языкъ, и вывѣски написаны уже

Digitized by Google

на немъ. Видъ на заливъ Тріеста великолѣпенъ, особенно когда дорога сворачиваетъ въ горы; та мѣстность, которую обнимаешь глазомъ, удивляетъ своими контрастами. Вправо, вдали, Тріестъ у берега синяго моря, оживленнаго парусами, бѣлѣющимися на горизонтѣ. За нимъ, на той сторонѣ залива, берега лѣсисты, и самыя окрестности города полны растительности. Передъ глазами на первомъ планѣ сжимаются голыя, каменистыя горы, кое-какія жалкія мелкія деревья разсыпаны между каменьями; окрестность пустынна и грустна. Налѣво смѣлый, красивый віадукъ перекинутъ между двумя горами. Но вотъ мы повернули еще лѣвѣе, море скрылось за горою, еще верстъ на пять, и за віадукомъ виднѣются уже желтыя дома Набрезины.

Вѣно-тріестская желѣзная дорога одно изъ великолѣпнѣйшихъ сооруженій всего міра. Особенно замѣчателенъ переѣздъ черезъ Земмерингъ и потомъ, когда съ него спускаешься, быстрый переходъ отъ горъ къ богатой Дунайской равнинѣ. Эта дорога была такъ вѣрно и изящно описана покойникомъ Кудрявцевымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, что мнѣ не остается сказать ничего болѣе. Одно только, что всѣ Нѣмцы такъ восхищаются и хвалятся переѣздомъ черезъ Земмерингъ, что это отнимаетъ много у него цѣны. Въ сущности я нахожу дорогу отъ Экзетера до Плимута въ Девонширѣ, въ Англіи, несравненно живописнѣе. Одинъ Ivy Bridge стóитъ того, чтобы нарочно съѣздить на него посмотрѣть.

Въ Вѣну мы пріѣхали во вторникъ, въ шесть часовъ вечера. Несмотря на усталость послѣ 36-часоваго путешествія, я тотчасъ отправился гулять по городу и зашелъ въ Volksgarten послушать Штрауса. Этотъ садъ не можетъ сравниться съ нашимъ московскимъ Эрмитажемъ. Грязно, и притомъ это не садъ, а садикъ. Отгороженное мѣсто, гдѣ даетъ концерты Штраусъ, могло бы все помѣститься на эспланадѣ Эрмитажа. Офицеровъ пропасть, и гусарскіе такъ похожи на нашихъ формой мундировъ, что я даже съ удовольствіемъ на нихъ смотрѣлъ. Посидѣвъ немного у Штрауса, я пошелъ въ Hofburgtheater; давали *Заговоръ Фіеско*. Народу въ театрѣ было пропасть и жара нестерпимая. Исполненіе этой великолѣпной драмы Шиллера, по моему, было ниже всякой критики. Фіеско и графиня Дорія были до того натянуты, ненатуральны и манерны, что изъ рукъ вонъ. Надо отдать справедливость, что у Нѣмцевъ постановка піесъ всегда весьма тщательна. Я уже это замѣтилъ прежде въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Кельнѣ и Бременѣ, годъ тому назадъ; то же самое можно сказать и про постановку *Заговора Фіеско*. Послѣдній актъ, несмотря на слишкомъ малую сцену, былъ слаженъ отлично въ отношеніи декорацій, постановки и движеній народа и воиновъ. На другой день я началъ съ Мадонны Рафаэля и Св. Стефана, и потомъ ѣздилъ по городу.

Digitized by Google

Вообще Вѣна производитъ странное впечатлѣніе. Она смотритъ какимъ-то недостроеннымъ, недоконченнымъ городомъ. Имѣя почти около самаго центра города пустыри, она расплылась своими предмѣстьями очень широко.

Дорога отъ Вѣны до Праги идетъ сначала по историческимъ мѣстамъ: Лобау, Ваграмъ, имена такія извѣстныя, что объяснять не надо. Выѣхавъ въ шесть часовъ вечера изъ Вѣны, мы пріѣхали на другой день въ Прагу въ шесть часовъ утра; тамъ насъ ожидала почтовая карета, и мы, позавтракавъ, тотчасъ уѣхали въ Карльсбадъ. Пустыннѣе и скучнѣе нѣтъ дороги, мнѣ кажется, какъ между Прагой и Карльсбадомъ. Виды очень похожи на наши русскіе. Округленные холмы тянутся безпрерывно, покрытые рощами и обширными полями ржи и яроваго. Къ сѣверу холмы принимали размѣры болѣе значительные. Хлѣба еще были зелены; а въ Италіи во многихъ мѣстахъ уже начинали жать пшеницу.

Въ Вѣнѣ и на дорогѣ до самаго Карльсбада, кого ни спросишь, будь это почтальйонъ, почтмейстеръ или какой-нибудь баринъ, всякій безъ всякихъ оговорокъ, какъ въ Венеціи, жалуется на правительство. Бумажныя деньги затрудняютъ жителей повсемѣстно. Неудовольствіе, ропотъ, недовѣріе къ правительству и его политикѣ, встрѣчаешь всюду. Я пробовалъ нѣсколько разъ заговорить объ Италіи, Венеціи; почти всѣ Австрійцы выказывали скорѣе сочувствіе дѣлу освобожденія Италіи нежели желаніе сохранить италіянскія владѣнія австрійской коронѣ. Въ Богеміи нищета, чрезмѣрно возвышенные налоги, приводятъ въ отчаяніе народъ. На этотъ счетъ всѣ свидѣтельства единодушны и единогласны. А правительство глухо ко всему этому, вооружаетъ, укомплектовываетъ войска, усиливаетъ и снабжаетъ всѣмъ крѣпости. Ей Богу, я ничего не понимаю! Да я думаю, врядъ ли кто пойметъ причину такого ослѣпленія.

Въ Карльсбадъ мы пріѣхали поздно вечеромъ. Ужь вее спало въ мирномъ городкѣ. Насилу добудились мы въ Goldener Schild, и насилу пустили насъ, несмотря на то, что наши нумера ждали насъ уже два дня. И вѣдь не поздно было; но въ Карльсбадѣ, куда пріѣзжаютъ поправлять здоровье со всѣхъ концовъ міра, живутъ не по-италіянски. Въ девять часовъ вечера уже все спитъ.

Кн. Д. Д — ой.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ СКАЧКИ 1860 ГОДА.

Что такое скачки? зрѣлище ли для публики, какъ фейерверкъ, вольтижоры цирка, травля зайцевъ? или онѣ имѣютъ интересъ высшій, значеніе серіозное? Нельзя думать, чтобы скачки были только зрѣлищемъ, хотя бы и съ благою цѣлію доставить публикѣ, какъ въ театрѣ, эстетическое наслажденіе,—въ нихъ эстетическаго слишкомъ мало. А между тѣмъ правительства всей Европы поощряютъ скачки, выписываютъ скаковыхъ лошадей, назначаютъ большіе призы, короче сказать, смотрятъ на скачки какъ на дѣло серіозное. Что же такое скачки, на что онѣ нужны?... Вопросъ этотъ въ нашей публикѣ повторяется очень часто. Всѣ мы понимаемъ значеніе рысистыхъ бѣговъ; знаемъ, что лошадь, выигравшая на бѣгу призъ, цѣнится дорого, покупается въ заводъ; и потомство ея продается съ выгодой; стало-быть рысистые бѣги—дѣло хозяйства, а такъ какъ на бѣгу узнается лошадь, то бѣги дѣло полезное. Но какая польза изъ того, что какой-нибудь *Сатурнъ*, *Маньификъ*, или *Эскобаръ* выигрываетъ на скачкахъ много призовъ? Онъ никому не нуженъ, его никто не купитъ, кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ скаковыхъ лошадей и разводятъ ихъ для скачки; а такихъ покупщиковъ только 6, 7 человѣкъ въ Россіи. Что же мы, всѣ остальные заводчики, станемъ дѣлать съ *Маньификомъ* и *Сатурномъ*, или хотя бы съ ихъ потомствомъ? Скакать на нихъ, выигрывать призы?—но самый большой призъ не превышаетъ двухъ тысячъ рублей. А какъ получить его? окупятъ ли призы расходы на содержаніе завода англійскихъ лошадей?.. Конечно нѣтъ; мы по своимъ (рысистымъ) заводамъ знаемъ, что нельзя разводить лошадей собственно для призовъ, и не понимаемъ, что побуждаетъ гг. заводчичовъ кровныхъ англійскихъ лошадей разводить своихъ скакуновъ! Можетъ-быть гдѣ-нибудь въ Англіи, во Франціи они и нужны, а у насъ ихъ никому, право, и даромъ не надо. Если скачки, такъ же какъ и бѣги, считать испытаніемъ лошадей, то на что нужно это испытаніе, когда ни перваго, ни втораго, ни третьяго скакуна никто не купитъ?.. Такъ думаетъ и говоритъ большинство нашей публики; другая, значительная масса ея ничего не думаетъ, и считаетъ скачки модным увеселеніемъ, англоманіею, англійскимъ шикомъ, какъ травлю крысъ, бой пѣтуховъ и всякій англійскій *спортъ*, который хорошъ только на своей почвѣ, а пересаженный на другую, становится карикатурою.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, всѣ эти замѣчанія справедливы. Кровныя лошади никому у насъ не нужны и скачки для насъ — увеселеніе, зрѣлище. Цѣль скачекъ, испытаніе лошадей, безплодна; призы не могутъ окупить издержекъ на содержаніе кровныхъ лошадей, сбыта имъ нѣтъ... Можно подумать, что заводчики разводятъ ихъ только по безкорыстному убѣжденію въ ихъ превосходствѣ для улучшенія другихъ породъ, или изъ патріотизма,— желая сохранить для потомства кладъ... Отвѣтовъ на все это нашлось бы слишкомъ много, и хотя разъясненіе дѣла о скачкахъ, бѣгахъ, рысакахъ, англійскихъ скакунахъ и проч. предметъ очень важный для русскаго коннозаводства; но понятно, что вопросъ этотъ не можетъ помѣститься въ рамкѣ статьи о московскихъ скачкахъ. Согласившись, что скачки, вмѣстѣ съ бѣгами, полезны какъ испытаніе лошадей и породъ ихъ, можно нѣсколько понять и важность значенія ихъ для коннозаводства, слѣдовательно можно даже и писать о нихъ, не подвергаясь непріятности прослыть писателемъ о разныхъ увеселительныхъ зрѣлищахъ.

Нынѣшнія московскія скачки были особенно замѣчательны въ скаковой хроникѣ; на скачки явилось семь казенныхъ лошадей, выбранныхъ въ обширныхъ заводахъ Чесменскомъ и Хрѣновскомъ, и происходящихъ отъ знаменитыхъ производителей—*Вантромпа* и *Женераль-Шассе*. Назадъ тому около 20-ти лѣтъ казенныя лошади скакали съ лошадьми частныхъ заводчиковъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, но тогда онѣ были прямо выписаны изъ Англіи, а Англія не легко отпускаетъ отъ себя хорошихъ молодыхъ лошадей. Теперь же лошади разведены у насъ, въ нашихъ казенныхъ заводахъ, отъ лошадей, за которыхъ казна платила по 12 и 15-ти тысячъ рублей серебромъ. Съ ними должны были состязаться лошади нашихъ заводчиковъ, происходящія большею частію вовсе не отъ знаменитыхъ жеребцовъ и матокъ. Поэтому скачки представляли много любопытнаго.

Кромѣ казенныхъ, къ нынѣшнимъ скачкамъ приведено нѣсколько лошадей изъ Англіи, тоже происходящихъ отъ извѣстныхъ производителей—отъ *Стоквиля*, *Аларма*, *Козака* и проч. Такимъ образомъ интересъ долженъ былъ увеличиться; но по какому-то рѣдкому стеченію обстоятельствъ интересъ былъ много уменьшенъ тѣмъ, что именно въ нынѣшнемъ году, какъ нарочно, всѣ лучшія наши лошади, за самымъ малымъ исключеніемъ, сошли съ скаковаго круга и поступили въ заводъ. Иныя были испорчены приготовленіемъ (выдержкой), другія по болѣзни и по разнымъ другимъ причинамъ; соперничество съ казенными и съ англійскими лошадьми должно было ослабѣть значительно.

Digitized by Google

Скачки начались 10-го іюля, въ воскресенье, при боль стеченіи народа.

Первый день скачекъ.

1) Призъ управленія государственнаго коннозаводства д ребцовъ и кобылъ 4-хъ лѣтъ, 1100 р., изъ коихъ второй 200 р. Дистанція 3 версты. Вѣсъ на жереб. 3 п. 20 ф., 3 п. 15 ф. (1)

Записаны:

1. Н. М. Пашкова, вор. коб. *Дафне*, отъ *Юріеля* и *Десдемон* Гецъ.
2. И. П. Петровскаго, гнѣд. коб. *Кокетка*, отъ *Козака* и *Аріе вертуля*). Ѣздокъ Паршиковъ.
3. Кн. П. В. Голицына, сѣр. коб. *Леди-Сара*, отъ *Сквайера* и *Л* Ѣзд. Доккери.
4. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. ж. *Нобль*, отъ *Йомъ-Аргуса* и *Но* Фордъ.
5. А. А. Мосолова, гн. жер. *Каптенъ-Кандидъ*, отъ *Ратника* и *Ра* Оксвиль.
6. Госуд. Чесменскаго завода, рыж. съ черн. пятнами коб. *Же Женераль-Шассе* и *Героини*, дочери *Генріада* и *Амы*.—Варсобинъ.

Нобль, прославившійся прошлаго года въ трехъ-лѣтнем растѣ, пришелъ и теперь первымъ, очень легко; вторым *тенъ-Кандидъ*; потомъ *Женева*, *Кокетка* и *Дафне*; *Ле* осталась за флагомъ; скакали 3 минуты 52 секунды.

2) Призъ 600 руб. (Н. М. Пашкова 500 руб. и Ав. Ал. С пина 100 р.), данный съ 1858 года на 10 лѣтъ, для лошад лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи, выписанныхъ изъ Англіи и др странъ, всѣхъ породъ. Дистанція 2 вер. 133 саж.

Записаны:

1. А. А. Марка, рыж. коб. *Травіата*, отъ *Стоквиля* и *Плош.*—О
2. Н. М. Пашкова, темно-гнѣд. жер. *Дженераль*, отъ *Юріеля* и *Ю* Гецъ.
3. П. П. Воейкова, гн. коб. *Щеголиха*, отъ *Вайнота* и *Индюшк*
4. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. коб. *Рояль-Принесссъ* отъ *Флагзмана* и *Р*

Призъ этотъ, такъ-называемый Пашковскій, считается са важнымъ, и лошадь, выигравшая его,—лучшимъ трехлѣтком по крайней мѣрѣ однимъ изъ лучшихъ.

Травіата куплена г. Маркомъ въ Англіи, за больш и молва о ея скачкѣ въ Тулѣ распространилась въ сл

(1) Подробности условій призовъ смотри въ афишахъ скачекъ.

Digitized by Google

ѣ. Она оправдала молву,—выиграла легко, далеко опере-
остальныхъ лошадей; только *Щеголиха* г. Воейкова пришла
я въ 5-ти, 6-ти саженяхъ. Скакали 2 м. 55 сек. (1).
Призъ общества *для продажныхъ* лошадей 300 руб. сер.
щія 2 вер. 100 саж. Вѣсъ на жер. 3-хъ лѣтъ 2 п. 35 ф.
тъ 3 п. 16 ф., 5-ти лѣтъ 3 п. 26 ф., 6-ти лѣтъ 3 п. 32 ф.,
и старѣе 3 п. 36 ф., на коб. 4 ф. менѣе.

Записаны:

А. Мосолова, гн. жер. *Калямбуръ* отъ *Гевріада* и *Загадки* 6 л., цѣна
вѣсъ 3 п. 17 ф.—Оксвиль.
И. Карачарова, гн. коб. *Армада*, отъ *Браво* и *Аталанты*, 5 лѣтъ,
0 р., вѣсъ 3 п. 12 ф.—Вудъ.
П. Воейкова, гн. коб. *Весталка*, отъ *Коронтакоса* и *Импрувмента*,
400 р., вѣсъ 3 п 2 ф.—Робертъ.
П. В. Голицына, рыж. коб. *Минута*, отъ *Голантуса* и *Мери*, 5 л.,
, вѣсъ 3 п. 7 ф.—Доккери.

ли, какъ должно думать, худшія изъ лошадей, но скакали
100 саж. только 3 мин. Первою пришла *Армада*, второю
уръ, потомъ *Весталка*. *Минута*, по болѣзни ногъ, на пер-
верстѣ упала и сильно убила ѣздока.

2-й день скачекъ, 13 іюля.

ризъ управленія государственнаго коннозаводства для жер.
не моложе 4 лѣтъ 1,000 р., изъ коихъ второй лошади
дистанція 2 вер.

Записаны:

. Пашкова, гн. жер. *Бельково*, отъ *Айтуріеля* и *Діаны*, 6 л.—Гецъ.
. Петровскаго, гн. коб. *Лапша*, отъ *Гранита* и *Лизы*, 4 лѣтъ.—
съ.
Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Нобль*, отъ *Йонгъ-Аргуса* и *Нарбонъ*, 4
ордъ.
И. И. Воронцова-Дашкова, гн. коб. *Форгетминотъ*, отъ *Гришона* и
4 л.—Диксонъ.
ударственнаго Чесменскаго завода, кар. коб. *Вижьонъ*, отъ *Ван-*
и *Фишъ-Фокъ*, 4. л.—Варсобинъ.

ка эта была очень интересна: скакалъ *Нобль* и *Лапша*,
вившіяся прошлаго года, казенная прекрасная лошадь
ъ и приведенная изъ Англіи *Форгетминотъ*. *Вижьонъ* вы-
легко, за нею близко пришла *Лапша*, съ которою горячо
а *Форгетминотъ*, уступившая ей однако на лошадь; а *Нобль*,
ъ поръ не побѣжденный, пришелъ четвертымъ, въ 5, 6
а *Форгетминотъ*. Скакали 2 м. 30 сек.

Ravviata, на основаніи условій приза, продана съ ауціоннаго торга
ѣ скачки за 1425 р.

Digitized by Google

2) Призъ общества для жер. и коб. 3 лѣтъ, 300 р., дистанція 1½ вер., вѣсъ на жер. 3 п. 14 ф., на коб. 3 п. 10 ф.

Записаны:

1. И. П. Петровскаго, темно-рыж. жер. *Моментъ*, отъ *Фарентоша* и *Минервы*.—Паршиковъ.
2. А. А. Мосолова, гн. жер. *Волонтеръ*, отъ *Лондона* и *Свѣтланы*.—Оксиль.
3. П. П. Воейкова, гн. жер. *Кондукторъ*, отъ *Непира* и *Стразы*.—Роберть.

Моментъ, сынъ извѣстной въ свое время *Минервы*, блистательно оправдалъ свое происхожденіе; онъ такъ далеко оставилъ за собою *Волонтера* и *Кондуктора*, что ѣздокъ еще отъ флажной бесѣдки началъ его сдерживать и прискакалъ не большимъ галопомъ. Скак. 1 м. 57 сек.

3) Призъ общества для жер. и коб. не моложе 4 лѣтъ 300 р. дистанція 2 вер. 100 саж., ѣздоки *русскіе*, выигравшему изъ нихъ выдается изъ общества листъ и 15 р.

Записаны:

1. Н. М. Пашкова, рыж. коб. *Сюрпрайсъ*, отъ *Юріеля* и *Сиріи*, 4 л.—Гладковъ.
2. И. П. Петровскаго, гн. жер. *Здравствуй*, отъ *Ловца* и *Зинаиды*, 4 л.—Марьинъ.
3. Н. Я. Трегубова, рыж. коб. *Жиньже*, отъ *Женераль-Шассе* и *Крали*, 4 л.—Погребъ.
4. А. А. Мосолова, гн. коб. *Супплементъ*, отъ *Рубини* и *Газеты*.—Константиновъ.

Почти также легко, какъ *Моментъ*, выигралъ *Здравствуй*, за нимъ, далеко сзади, пришли *Сюрпрайсъ* и потомъ *Супплементъ*; *Жиньже*, отъ *Женераль-Шассе*, остался еще дальше, почти на полверсты. Г. Трегубовъ, говорятъ, запрягалъ ее на пристяжку и несмотря на это не побоялся записать ее вмѣстѣ съ хорошими и хорошо выдержанными лошадьми. Скакали 2 м. 48 сек.

3-й день скачекъ, 15 іюля.

1) Императорскій призъ для жер. и коб. не моложе 4 лѣтъ 2.000 р. изъ коихъ второй лошади 300 р., дистанція 4 вер. 100 саж. Лошадь, выигравшая призъ управленія государственнаго коннозаводства въ Тулѣ или Москвѣ, въ теченіи года несетъ лишняго вѣса 5 ф. Лошади, въ теченіи года скакавшія, но нигдѣ не выигравшія и не пришедшія вторыми, несутъ 5 ф. менѣе.

Записаны:

1. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. коб. *Клара*, отъ *Чантиклира* и матери *Клариссы*, 4 л.—Фордъ.
2. И. П. Петровскаго, сѣр. жер. *Вѣщій*, отъ *Сигнала* и *Вѣсти*, 6 л., несетъ лишняго вѣса 5 ф.—Гецъ.
3. Государственнаго Чесменскаго зав., т.-гн. коб. *Венжонсъ*, отъ *Вентромпа* и *Матильды*, 5 л.—Варсобинъ.

Digitized by Google

Венжонсъ поскакала впереди, за нею *Вѣщій*, потомъ *Клара*; у главной бесѣдки *Клара* обошла *Вѣщаго*, ѣздокъ ея употреблялъ всѣ побудительныя средства, но *Клара* могла только приблизиться на лошадь къ *Венжонсъ*, которая скакала легко, безъ принужденія. *Клара* приведена изъ Англіи прошлаго года, обскакала лучшихъ нашихъ трехлѣтокъ, поэтому *Венжонсъ* должно считать первокласною лошадью. Скакали 5 м. 30 сек.

2) Призъ управленія государственнаго коннозаводства для кровныхъ жер. и коб. 3 лѣтъ 1.000 р., изъ коихъ второй лошади 200 р., дистанція 2 вер.

Записаны:

1. И. П. Петровскаго, гн. коб. *Эхъ-ма*, отъ *Аларма* и *Эпиры*.—Паршиковъ.
2. А. А. Марка, вор. коб. *Смуглянка*, отъ *Конфессора* и *Корнукопіи*.—Оксвиль.

Эхъ-ма, лошадь съ довольно страннымъ названіемъ, приведена изъ Англіи, *Смуглянка* тоже. *Эхъ-ма*, небольшая лошадка, быстро пошла впереди и пришла впереди, на поводьяхъ, тогда какъ *Смуглянку* понуждали сильно. Скакали 2 м. 35 сек.

3) Призъ общества для жер. и коб. не моложе 3 лѣтъ 800 р., изъ коихъ второй лошади 200 р., дистанція 2 вер.

Записаны:

1. И. П. Петровскаго, гн. жер. *Ливень*, отъ *Генріада* и *Любы*, 4 л.—Паршиковъ.
2. К. И. Карачарова, гн. коб. *Предестине*, отъ *Сквайера* и *Рулетъ* 4 л.—Вудъ.
3. П. П. Воейкова, гн. жер. *Бостонъ*, отъ *Вайнота* и *Бодрой*, 6 л.—Робертъ.
4. Кн. Н. В. Голицына, гн. коб. *Альма*, отъ *Голантуса* и *Альвы*, 6 л.—Бильтонъ.
5. А. А. Мосолова, гн. жер. *Каптенъ-Кандидъ*, отъ *Ратника* и *Рапиры*, 4 л.—Оксвилъ.
6. Госуд. Чесменскаго завода, рыж. коб. *Женева*, отъ *Женераль-Шассе* и *Героини*, 4 л.—Эльвайнсъ.

Ливень легко обошелъ остальныхъ лошадей и былъ уже саженяхъ въ пятнадцати отъ выигрышнаго столба; за нимъ скакала *Предестине*; ѣздокъ ея, употребивъ и хлыстъ, и поводья, подошелъ на полъ-лошади къ Паршикову, который, съ горяча, тоже ударилъ *Ливня*; *Ливень* кинулся въ сторону, и Вудъ успѣлъ доскакать въ это время до выигрышнаго столба, опередивъ *Ливня* на шею, то-есть аршина на полтора; за ними пришли: *Альма*, *Каптенъ-Кандидъ* и *Женева*; *Бостонъ* захромалъ и остановился далеко. *Альма* очень рѣзвая лошадь; за нее всѣ держали пари, она нѣсколько разъ закидывалась, заносила ѣздока и отставала; иначе, вѣроятно, призъ достался бы ей. Скакали 3 м. 55 сек.

Digitized by Google

4-й день скачекъ, 17 іюля.

1) Призъ управленія государственнаго коннозаводства для жер. 4, 5, 6, 7 лѣтъ и коб. 4 и 5 лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи, и для жер. и коб. заграничныхъ, не моложе 4 лѣтъ 1.100 р., изъ коихъ второй лошади 200 р., дистанція 4 вер.

Записаны:

1. И. П. Петровскаго, кар. коб. *Свѣтлина*, отъ *Фарентоша* и *Свѣтланы*, 4 л.—Паршиковъ.
2. Ѳ. Ѳ. Мосолова, гн. жер. *Мастеръ*, отъ *Генріада* и *Мелодіи*, 4 л.—Оксвиль.
3. П. П. Воейкова, гн. жер. *Концертъ*, отъ *Непира* и *Куницы*, 6 л.—Робертъ.
4. Госуд. Чесменскаго завода, кар. жер. *Венисонъ*, отъ *Вантромпа* и *Нарсесоса*, 4 л.—Варсобинъ.
5. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Нобль*, отъ *Іонгъ-Аргуса* и *Нарбонн*, 4 л.—Фордъ.

Венисонъ выигралъ легко, за нимъ въ нѣсколькихъ саженяхъ пришелъ *Нобль* и *Свѣтлина* и далеко сзади *Мастеръ* и *Концертъ*. Скакали 5 м. 20 сек.

2) Призъ общества, учрежденный въ память признательности свѣтлѣйшему князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, 1.000 р., изъ коихъ второй лошади 200 р., для жер. и коб. не моложе 4 лѣтъ, дистанція 6 вер.; лошади, рожденныя въ Англіи, допускаются.

Записаны:

1. И. П. Петровскаго, сѣр. жер. *Вѣступь*, отъ *Сигнала* и *Вѣсти*; 5 л.—Паршиковъ.
2. Ѳ. Ѳ. Мосолова, гн. коб. *Бозіо*, отъ *Генріада* и *Жизель*, 4 л.—Оксвиль.
3. Госуд. Чесменскаго завода, рыж. жер. *Джентельменъ*, отъ *Женераль-Шассе* и *Леди*, 5 л.—Варсобинъ.

Бо́льшая часть охотниковъ до закладовъ держала пари за *Джентльмена*, какъ за сына *Женераль-Шассе*; кромѣ того, по своему росту и складу, онъ обѣщалъ много силы. Но Паршиковъ, не боясь этого, пошелъ впередъ, проскакалъ 6 верстъ, постепенно прибавлялъ ходу и выигралъ очень легко, оставивъ *Джентльмена* на корпусъ; *Бозіо* пришла далеко сзади. Скакали 8 м. 50 сек.

3) Подписка (продіусъ) на 10 лѣтъ (съ 1853 года). Къ сему выдается 600 р. (отъ кн. П. В. и А. В. Голицыныхъ, Д. А. Столыпина и Н. М. Пашкова, по 150 р. отъ каждаго). Скакать въ 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ, въ 4-й день московскихъ скачекъ. Подписка по 75 р., неустойки 25 р. Дистанція 1½ версты.

Digitized by Google

Записаны:

. Н. М. Пашкова гн. жер. *Баронъ*, отъ *Юріеля* и *Десдемоны*.—Ѣзд. Гецъ.
Кн. П. В. Голицына, сѣр. коб. *Миссъ-Джулія* отъ *Сквайера* и *Мери*.—
тонъ.
Кн. Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Форестеръ* отъ *Флагзмана* и *Ферены*.—
дъ.

Баронъ выигралъ легко; *Миссъ-Джулія* и *Форестеръ* прискакали
нимъ саженяхъ въ трехъ при сильныхъ побужденіяхъ. Ска-
2 м. 3 сек.

5-й день скачекъ 20-го іюля.

Призъ общества для коб. 3-хъ лѣтъ 500 р., съ подпиской
0 р. Неустойки половина за годъ впередъ при записке ло-
ей во время іюньскихъ засѣданій общества; остальныя деньги
ятся наканунѣ скачки. Дистанція 2 версты 100 саж. (10
ицковъ).

Записаны:

А. А. Марка рыж. коб. *Травіата*, отъ *Стоквиля* и *Плошь* (несетъ лиш-
вѣса 7 ф.).—Оксвиль.
Кн. П. В. Голицына, карак. *Артлесъ* отъ *Сквайера* и *Альвы*.—Бильтонъ.
Его же, сѣр. *Миссъ-Джулія* отъ *Сквайера* и *Мери*.—Эльвайнсъ.
И. П. Петровскаго, гн. *Губительница* отъ *Фаренттоша* и *Гитары*.—
чевъ.
П. П. Воейкова, гн. *Щеголиха* отъ *Вайнота* и *Индюстри*.—Герисонъ.

равіата и въ этотъ разъ выиграла легко, несмотря на то,
два ѣздока кн. Голицына думали замучить ее, для чего одинъ
ихъ долго скакалъ съ нею рядомъ и горячилъ ее (1). За
атою опять пришла *Щеголиха*, потомъ *Артлесъ*, *Миссъ*
лія и *Губительница*. Скакали 2 м. 50 сек.

Призъ 1000 р. стипельчезъ (А. И. Кошелева 200 р., А. А.
а 150 р., Г. А. Черткова, В. А. Алсуфьева, Ѳ. В. Караба-
А. А. Полторацкаго, А. В. Шереметева, А. Л. Верещагина
0 р. отъ каждаго и К. В. Короткова 50 р.), данный съ 1860
на 5 лѣтъ для лошадей всѣхъ лѣтъ и породъ на *скачку съ*
пствіями. Дистанція 4 вер. 100 саж., на которой препят-
6 живыхъ заборовъ, вышиной въ $4^1/_2$ фута каждый, и двѣ
ы шириной каждая по 14-ти футовъ. Записка наканунѣ
и, съ подпиской по 25 руб. съ лошади. Второй лошади изъ
250 руб. и своя подписка; прочія подписныя деньги при-
няются къ призу первой лошади. Если явится на скачку
только лошадь, то скачки нѣтъ, и призъ присоединяется къ
у слѣдующаго года.

---

(1) Притомъ же она несла 7 ф. лишняго вѣса.

Digitized by Google

Записаны:

1. И. И. Сонъ, гн. коб. *Маджикъ* отъ *Мельборна* и *Прескрипшенъ*, 9 лѣтъ.—Эльвайнсъ.
2. Гр. И. И. Воронцова-Дашкова, гн. коб. *Лекибардъ*, отъ *Чантиклира* и *Пентификсъ*, мать *Блюбонетъ*, 7 лѣтъ.—Дей.
3. П. П. Воейкова, гн. мер. *Артистъ* отъ *Вайнота* и *Армиды*, 6 лѣтъ.—Цыгановъ.
4. Его же гн. жер. *Концертъ* отъ *Непира* и *Куницы*, 6 л.—Герисонъ.

Скачка эта была очень интересна, какъ новость для московскихъ зрителей, но вмѣстѣ и довольно опасна, потому что къ ней не были достаточно приготовлены ни ѣздоки, ни лошади. Лошади г. Воейкова падали въ ровъ; Дей на *Лекибардѣ* упалъ, перепрыгивая черезъ заборъ, потому что у сѣдла оборвалось стремя; *Артистъ* г. Воейкова вовсе не поскакалъ на второй кругъ,—короче сказать, скачка была не блистательная, хотя двѣ лошади, *Лекибардъ* и *Маджикъ*, очень хороши и легко преодолѣвали всѣ препятствія. *Лекибардъ* выиграла легко, за ней прискакала въ 8-ми или 10-ти саженяхъ *Маджикъ* и далеко сзади,—*Концертъ*. Герисонъ на *Концертѣ* упалъ съ лошадью въ ровъ и переломилъ себѣ ключицу. Скакали 6 м. 15 сек.

6-й день скачекъ 22-го іюля.

1) Призъ управленія государственнаго коннозаводства для жереб. и коб. не моложе 4-хъ л., 1200 р., изъ которыхъ второй лошади 200 р. Дистанція 6 верстъ.

Записаны:

1. И. П. Петровскаго, сѣр. жер. *Вѣщій* отъ *Сигнала* и *Вѣсти*, 6-ти лѣтъ—Паршиковъ.
2. Кн. П. В. Голицына, гн. коб. *Альма* отъ *Голантуса* и *Альбы*, 6 лѣтъ.—Эливайнсъ.
3. Государственнаго Чесменскаго завода, гн. жер. *Велосипедъ* отъ *Вотромпа* и *Матильды*, 4-хъ лѣтъ.—Эливайнсъ.

Появленіе *Вѣщаго* на скачку въ 6 верстъ, послѣ его проигрыша на 4-хъ верстахъ, многимъ показалось довольно странными тѣмъ болѣе, что теперь противъ него былъ сынъ *Вантромпа* и быстрая *Альма*. Только ѣздокъ на *Вѣщемъ* былъ другой,—самъ ѣздокъ, Паршиковъ, которому лошадь была коротко знакома. *Вѣщій* и поскакалъ совершенно иначе; онъ шелъ впереди, быстро весело и горячо, тогда какъ въ первый разъ скакалъ вяло, опустивъ голову. Противъ общаго ожиданія, онъ выигралъ необыкновенно легко, на поводьяхъ; сынъ *Вантромпа* остался за нимъ въ 10-15 шагахъ, несмотря на хлысты и шпоры. *Альма* едва успѣла войдти во флагъ, то-есть пройдти флажную бесѣдку. Ска-

Digitized by Google

ли 8 м. 9 сек., то-есть на 41 секунду быстрѣе скачки *Вѣ-*
ина,—разница огромная.

2) Призъ общества для жер. и коб. 3-хъ лѣтъ, 500 р., съ под-
ской по 25 р. Неустойки половина, за годъ впередъ, при за-
кѣ лошадей; остальныя деньги взносятся наканунѣ скачки.
танція 2 вер. 100 саж. (15 подпищиковъ).

Записаны:

Н. П. Петровскаго, гн. жер. *Хватъ*, отъ *Гранита* и *Хетуры*.—Парши

Кн. Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Форестеръ*, отъ *Флагзмана* и *Фероны*.—
ъ.

ватъ считается въ нынѣшнемъ году первымъ трехлѣткомъ;
улѣ онъ выигралъ пашковскій призъ и легко обскакалъ *Тра-*
. Теперь же ему пришлось скакать съ однимъ изъ худшихъ
лѣтковъ. Скачка была однако довольно любопытна, тѣмъ, что
ъ, идя тихимъ шагомъ, все дальше и дальше уходилъ отъ
стера, такъ что Паршиковъ, чтобы не оставить его за фла-
, долженъ былъ почти остановить *Хвата* еще на половинѣ
. Это была скачка замѣчательной лошади съ плохою; ска-
конечно очень тихо,—3 м. 4 сек.

Призъ, учрежденный обществомъ въ честь почетнаго члена
го, Дм. Петр. Воейкова, 800 р., изъ которыхъ второй лошади
р., для жер. и коб., не моложе 4-хъ лѣтъ. Дистанція 4
ты.

Записаны:

Н. П. Петровскаго рыж. жер. *Лодарь*, отъ *Сигнала* и *Лоттереи*, 5 лѣтъ.—
иковъ.

П. П. Воейкова, гн. жер. *Сигналъ*, отъ *Антика* и *Стразы*, 6 л.—Эль-
ъ.

К. И. Карачарова, гн. коб. *Предестине*, отъ *Сквайера* и *Рулетъ*, 4 л.—

. А. Мосолова, гн. жер. *Каламбуръ*, отъ *Генріада* и *Загадки*, 6 л.
4 ф. лишн. вѣса).—Горбуновъ.

Госуд. Чесменскаго завода, рыж. жер. *Джентльменъ*, отъ *Женераль-*
и *Леди*, 5 л.—Варсобинъ.

жентльменъ, проигравшій *Вѣстуну*, выигралъ у этихъ лоша-
довольно легко. Близко за нимъ пришли *Лодарь* и потомъ
естине, горячо оспаривавшіе другъ у друга второе мѣсто
орыя деньги; дальше были *Каламбуръ* и *Сигналъ*. Скакали
12 сек.

Digitized by Google

7-й день скачекъ, 24-го іюля.

1) Призъ Ивана Алексѣевича Яковлева 1.500 р., для лошадей трехъ лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи и за границей. Вѣсъ на жер. 3 п. 20 ф., на коб. 3 п. 16 ф. Дистанція 2 вер. 133 саж. Записка по 150 р. съ лошади за годъ впередъ; неустойки 100 р. наканунѣ скачки; если же неустойка будетъ объявлена наканунѣ перваго дня скачекъ, то платится только 75 р. Число записываемыхъ и скачущихъ лошадей одного владѣльца не ограничивается (16 подпищиковъ).

Записаны:

1. А. А. Марка, рыж. коб. *Травіата*, отъ *Стокевиля* и *Плошь*.—Оксвиль.
2. И. П. Петровскаго, т.-рыж. жер. *Моментъ*, отъ *Фаренгоша* и *Минерва*.—Паршиковъ.
3. Его же, гн. жер. *Айда-Кара-ла-лапъ*, отъ *Фаренгоша* и *Алфея*.—Кузмичевъ.
4. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Нимродъ*, отъ *Флаизмана* и *Нарбонъ*.—Фордъ.

Скачка эта была интересна вдвойнѣ; вопервыхъ *интересна* въ буквальномъ смыслѣ, потому что призъ г. Яковлева изъ 1.500 р. возвысился въ нынѣшнемъ году слишкомъ до *трехъ тысячъ*; вовторыхъ, съ *Травіатою* долженъ былъ скакать *Моментъ*, который такъ блистательно выигралъ на прошлой недѣлѣ. Ожидали борьбы. Дѣйствительно, къ концу круга одинъ *Моментъ* шелъ за *Травіатою* въ двухъ-трехъ шагахъ, остальныя лошади были далеко и едва успѣли войдти во флагъ. Передъ выигрышнымъ столбомъ началась борьба, открытая со стороны Паршикова, который нѣсколько разъ ударилъ *Момента*, но тайная со стороны Оксвиля; онъ держалъ руки смирно, *Травіата* скакала, казалось свободно; но бока ея были въ крови отъ шпоръ... Она пришла впереди *Момента* болѣе нежели на лошадь. Скакали 2 м. 53 сек.

2) Призъ 900 р. (г. Ладыженскаго 300 р., гг. Столыпиныхъ, Воейкова, кн. Салтыкова и Дирина по 100 р. отъ каждаго), данный съ 1854 года, на 10 лѣтъ, для лошадей 4-хъ лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи. Подписка по 50 р., неустойки 15 р. наканунѣ скачки. Вторая лошадь получаетъ изъ приза 100 р., а третья свою подписку. Дистанція 4 вер. (23 подпищика).

Записаны:

1. Ѳ. Ѳ. Мосолова, гн. коб. *Бозіо*, отъ *Генріада* и *Жизель*.—Оксвиль.
2. Н. М. Пашкова, вор. жер. *Отелло*, отъ *Юріеля* и *Олимпъ-Бранчъ*.—Гецъ.
3. Кн. Д. П. Салтыкова, гн. жер. *Нобль*, отъ *Іонъ-Аргуса* и *Нарбонъ*.—Фордъ.

Digitized by Google

Нобль выигралъ легко; за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ пришла *Бозіо*, и потомъ *Отелло*, который былъ очень утомленъ. Скакали 5 м. 31 сек.

3) Призъ общества 300 р. для лошадей всѣхъ лѣтъ, не пришедшихъ первыми въ Москвѣ на скачкахъ 1860 года. Дистанція 2 версты 100 саж.

Записаны:

1. И. П. Петровскаго, гн. коб. *Лапша*, отъ *Гранита* и *Лизы*, 4 л.—Паршиковъ.
2. Кн. Голицина, гн. коб. *Альма*, отъ *Голантуса* и *Альвы*, 6 л.—Вудъ.

Этимъ призомъ кончились московскія скачки; онъ достался г. Петровскому. *Лапша* прискакала на поводьяхъ; *Альма*, несмотря на понужденія, отстала отъ нея на полкорпуса. Скакали 2 м. 47 сек.

Такъ кончились московскія скачки, обѣщавшія охотникамъ и спортсменамъ много любопытнаго и разные важные выводы. Между тѣмъ на нихъ не могли выказаться вполнѣ ни казенныя лошади, ни приведенныя изъ Англіи. Дѣтямъ *Вантромпа* и *Генераль-Шассе* пришлось состязаться только съ второкласными нашими лошадьми, потому что первокласныя въ нынѣшнемъ году не явились на скачки; не было: *Белладоны*, *Баллады*, *Страуса*, *Капкана*, *Цапли* и *Вѣщуна*, которые всегда легко обскакивали нынѣшнихъ лошадей. Двѣ лошади, приведенныя изъ Англіи, *Эхъ-ма* и *Смуглянка*, скакали вмѣстѣ, и только *Травіата* успѣла выказать себя, можно сказать, вполнѣ. Петербургскія скачки, которыя начнутся 14 августа, едвали опредѣлятъ полнѣе достоинство казенныхъ, англійскихъ и нашихъ лошадей, потому что лошади пойдутъ туда все тѣ же, и скачки въ Петербургѣ будутъ только продолженіемъ московскихъ. Остается ждать будущаго года.

А. В—въ.

27-го іюля.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

СИРІЙСКІЯ ДѢЛА.

Никогда, можетъ-быть, международныя затрудненія не чувствовались такъ сильно, никогда политическія задачи не являлись съ такою настоятельностію, какъ теперь. Около Италіи и Турціи группируются теперь всѣ европейскіе интересы. Не нынче, завтра получимъ мы извѣстіе объ окончательномъ торжествѣ Гарибальди въ Неаполѣ; нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что часы и минуты бурбонской династіи сочтены въ этомъ королевствѣ. Но всѣ съ опасеніемъ и тревогой спрашиваютъ, что будетъ далѣе? Италіянское національное движеніе не остановится на соединеніи бывшаго королевства Обѣихъ Сицилій съ королевствомъ Виктора Эммануила, тѣмъ болѣе что между этими обоими королевствами лежатъ области, еще принадлежащія папскому престолу. А тамъ Венеція, а тамъ Австрія, а тамъ Германія и Франція. Австрія уже дѣлаетъ приготовленія къ борьбѣ и грозно предостерегаетъ пьемонтское правительство, которое, въ свою очередь, спѣшитъ приготовленіями, насильно увлекаемое неудержимымъ потокомъ событій. Пока все это совершается на Западѣ, восточный вопросъ служитъ крестомъ для дипломатіи, для общественнаго мнѣнія, для публицистовъ. Необходимость придти къ какому-нибудь рѣшенію чувствуется всѣми съ особенною силой. Самые робкіе умы и наиболѣе замѣшанные въ этомъ вопросѣ интересы сознаютъ, что дѣло не можетъ оставаться въ прежнемъ видѣ, и что пора дипломатическихъ отсрочекъ и палліативныхъ мѣръ приближается къ концу. Сирійскія событія послужили печальнымъ доказательствомъ настоятельности совѣтовъ, которые предлагались нашимъ правительствомъ Европѣ. Даже въ англійскомъ парламентѣ должны были отдать справедливость по-

Digitized by Google

литикѣ русскаго кабинета и пожалѣть, что представленія князя Горчакова были слишкомъ легко приняты Европой. Напрасно лордъ Пальмерстонъ старается прикрыть наготу Турціи, напрасно усиливаетъ онъ тонъ, говоря о страшныхъ трудностяхъ, препятствующихъ удовлетворительному рѣшенію этого вопроса, общественное мнѣніе въ Англіи все болѣе и болѣе высказывается противъ Турціи. Въ журналахъ появляются статьи и корреспонденціи, изобличающія съ крайнею рѣзкостью безысходное положеніе дѣлъ въ этой несчастной странѣ или, лучше сказать, въ цѣлыхъ странахъ, въ цѣлыхъ народностяхъ, сжатыхъ и сдавленныхъ, подъ владычествомъ варварскаго племени, лишеннаго всякой будущности и духа жизни. Недавно сэръ-Чарльзъ Непиръ, посреди парламента, и стало-былъ передъ лицомъ цѣлаго міра, горько сѣтовалъ, что рокъ велѣлъ ему быть орудіемъ политики, которая принесла теперь такіе горькіе плоды; покоритель Сенъ-Жанъ д'Акра, сокрушившій въ Сиріи могущество Ибрагимъ-паши, готовъ чувствовать себя почти виновникомъ тѣхъ ужасныхъ событій, которыя совершились теперь въ этой странѣ. Въ самомъ дѣлѣ, краткое время владычества Ибрагимъ-паши въ Сиріи было счастливою эпохой для тамошнихъ христіянъ. Онъ наложилъ сильную и безпощадную руку на буйныя и изувѣрныя племена. Въ городахъ устроилъ онъ общинные совѣты, въ которыхъ принимали участіе христіяне, и вообще христіяне были не только уравнены въ правахъ съ магометанами, но даже получили надъ ними нѣкоторыя преимущества. Магометане, не находившіеся на службѣ, не имѣли права носить оружіе; между тѣмъ какъ Европейцы, проживавшіе въ Сиріи, имѣли это право, да и туземные христіяне легко получали дозволеніе носить оружіе. Впрочемъ, по свидѣтельству путешественниковъ, въ странѣ возстановилась такая безопасность, что не было надобности прибѣгать къ оружію; путешественники могли разъѣзжать по Ливану не только безъ всякаго конвоя или безъ проводниковъ, но даже безъ прислуги; этого мало, увлекаемые духомъ радикальныхъ реформъ, которыя совершалъ Ибрагимъ-паша, его чиновники и агенты доводили можетъ-быть до излишества презрѣніе къ мѣстнымъ обычаямъ, къ племеннымъ и религіознымъ мусульманскимъ предразсудкамъ, а потому, какъ свидѣтельствуютъ путешественники того времени, тогда же еще скопилось много ожесточенной вражды къ христіянскому имени. Англичанинъ Монро, описывавшій хорошія дѣйствія реформъ Ибрагимъ-паши, призывавшій христіянскихъ миссіонеровъ пользоваться этимъ благопріятнымъ временемъ, замѣчаетъ однако, что съ покоренія Сиріи, тамъ начала господствовать страшная напряженность, и что магометане съ

Digitized by Google

озлобленіемъ ожидали уже тогда минуты возмездія. Какъ бы то ни было, цвѣтущее время Сиріи миновалось, когда пало тамъ, въ 1840 году, владычество Ибрагимъ-паши. Вотъ почему сэръ-Чарльзъ Непиръ съ сожалѣніемъ и даже въ негодованіемъ вспомнилъ теперь о томъ, что онъ былъ орудіемъ этого дѣла. Лордъ Пальмерстонъ, въ рукахъ котораго находилась тогда политика Англіи, главный виновникъ того положенія, въ какомъ остается до сихъ поръ восточный вопросъ, оказался однако нераскаяннымъ грѣшникомъ; онъ старался утѣшить храбраго адмирала и доказать, что одержанныя имъ побѣды и трактатъ, заключенный съ египетскимъ пашой были дѣломъ напротивъ весьма полезнымъ. Дѣйствительно, по наружности, порядокъ, установленный въ Сиріи, по изгнаніи оттуда Ибрагимъ-паши, можетъ показаться весьма удовлетворительнымъ. Друзамъ и Маронитамъ предоставлено управляться собственными старшинами, независимо другъ отъ друга, и только подъ верховнымъ надзоромъ турецкаго правительства или намѣстника султана. Но послѣствія свидѣтельствуютъ, какъ не проченъ былъ этотъ порядокъ. Въ сирійскихъ народонаселеніяхъ, не только языческихъ и магометанскихъ, но и христіянскихъ, возбуждено столько нетерпимости и фанатизма, столько вражды и ревности, что столкновенія между ними стали неизбѣжны, а турецкія власти, какъ мы видимъ, всего менѣе могутъ способствовать къ умиротворенію страстей. Положеніе дѣлъ въ Сиріи совсѣмъ иное чѣмъ въ Сербіи или въ Молдо-Валлахіи. Тутъ народонаселенія однородныя, сплошь христіянскія, они имѣютъ собственное, правильно организованное правительство, обладаютъ собственными средствами защиты и внутренней безопасности; турецкія власти не имѣютъ права вмѣшиваться въ ихъ дѣла и не имѣютъ надобности наблюдать за ними; отношеніе къ султану имѣетъ характеръ вассальства строго опредѣленнаго, обезпеченнаго Европой и во многихъ отношеніяхъ только номинальнаго. Не таково было положеніе кайманановъ ливанскихъ. Тамъ Друзы и Мароніты перемѣшаны между собою, и единственнымъ хранителемъ порядка и безопасности является тамъ турецкій паша съ турецкими войсками, безсильный для добра, но могущественный органъ всякаго зла. Не будь въ Сиріи Куршидъ-паши и Ахметъ-паши, событія могли быть не дошли бы до такой крайности; турецкія власти не только способствовали грабежу и убійству, а даже были главными ихъ виновниками. Всѣ свѣдѣнія о сирійскихъ дѣлахъ подтверждаютъ, что главная причина тѣхъ размѣровъ, какіе приняли сирійскія побоища, заключалась въ турецкихъ властяхъ, такъ что сами Друзы нерѣдко являлись защитниками и охранителями христіянъ отъ магометанскихъ изувѣровъ. Съ другой

Digitized by Google

стороны, христіянскія племена, какъ мы уже замѣчали, исполнены здѣсь сами духомъ страшной нетерпимости, и лордъ Пальмерстонъ свидѣтельствовалъ въ парламентѣ, что зачинщиками были не Друзы, а Марониты.

Одинъ миссіонеръ писалъ недавно изъ Дамаска, въ *Revue des Deux Mondes*, о томъ фанатизмѣ, который развивался и поддерживался въ городѣ Захле, такъ страшно пострадавшемъ среди послѣднихъ смутъ. «Нетерпимость, пишетъ онъ,—имѣла здѣсь свою главную квартиру. Съ нѣкоторыхъ поръ, Захле вышелъ изъ-подъ власти турецкаго правительства и образовалъ изъ себя нѣчто въ родѣ теократической республики, подъ управленіемъ отцовъ іезуитовъ. Не только протестантскіе миссіонеры были оттуда неоднократно изгоняемы самымъ грубымъ образомъ, но даже Греки, живущіе и владѣющіе тамъ съ незапамятныхъ поръ собственностью, не могли перестроить свою церковь, возобновить свою школу.» Корреспондентъ разказываетъ, какъ іезуиты выгнали оттуда православнаго епископа Меѳодія, который остановился тамъ переночевать. Мусульманскій путешественникъ, который проѣзжалъ черезъ городъ не задолго до послѣднихъ событій, долженъ былъ слѣзть съ лошади и пройдти городъ пѣшкомъ, какъ принуждены бывали дѣлать христіяне въ Дамаскѣ до Ибрагимъ-паши. «Захліоты, пишетъ миссіонеръ,—бывъ въ продолженіи многихъ лѣтъ бичомъ другихъ христіянъ, даже католическихъ, вовлекли тѣмъ не менѣе всѣхъ въ ссору съ Друзами. Война началась, но вмѣсто того, чтобы помочь своимъ единовѣрцамъ, они заперлись въ свои стѣны.» Маронитамъ, въ послѣднюю войну ихъ съ Друзами, много повредило то, что они въ настоящее время лишены всякой политической организаціи. Прежде племена эти представляли видъ нѣкотораго аристократическаго устройства; судъ и расправу чинили землевладѣльцы, которые пользовались всеобщимъ уваженіемъ; они были защитниками и вождями. Но съ теченіемъ времени духовенство подорвало вліяніе эмировъ, не умѣвъ создать ничего въ замѣнъ, и Марониты остались безъ вождей и безъ всякой политической организаціи. Интересныя подробности объ этомъ предметѣ сообщалъ недавно въ письмѣ, появившемся во французскихъ журналахъ, г. Ленорманъ, долго жившій въ тѣхъ мѣстахъ.

Утвержденіемъ лорда Пальмерстона, что зачинщиками были Марониты, вызвано было новое объясненіе въ палатѣ общинъ; одному изъ членовъ г. Монселу показалось это страннымъ. Изъявляя опасеніе, чтобы такое важное показаніе, сдѣланное англійскимъ первенствующимъ министромъ, не подало повода думать, что англійское правительство въ этомъ случаѣ хочетъ держать сторону Друзовъ, онъ утверждалъ противное и находилъ, что сирій-

Digitized by Google

ская трагедія чисто была слѣдствіемъ религіознаго фанатизма Турокъ. «Какъ бы ни желалъ благородный лордъ, говорилъ г. Монселъ,—поддержать тронъ султана, надобно однако надѣяться, что онъ не хочетъ, во что бы то ни стало, охранять систему, при которой возможны подобные ужасы. Съ чувствомъ прискорбія я вспоминаю теперь объ участіи, которое принималъ я въ 1855 и въ 1856 годахъ, вмѣстѣ съ большинствомъ палаты, въ парламентскихъ усиліяхъ поддержать Турцію. Я вижу теперь, что національный характеръ Турокъ неисправимъ.» Г. Монселъ заключилъ выраженіемъ надежды, что лордъ Пальмерстонъ, проповѣдующій принципъ національности въ одной части Европы, не захочетъ попирать его въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Турокъ угнетаетъ христіянина. Лордъ Пальмерстонъ началъ отвѣтъ свой шуткой, говоря, что высокопочтенный джентльменъ разсудилъ за благо перенести раздоръ между Друзами и Маронитами въ палату общинъ. Но скоро тонъ его принялъ серіозный характеръ. Раздѣлить царство Османовъ? Но какой же державѣ предоставить обладаніе Сиріей? Конечно не Англіи,—а интересы Англіи, равно какъ и общіе интересы Европы, продолжалъ лордъ Пальмерстонъ,—не потерпятъ, чтобы другія державы дѣлили между собою Турцію. «Не изъ пристрастія къ турецкой породѣ желаю я, говорилъ онъ, сохраненія этой имперіи. Всякій, кто хоть сколько-нибудь посвящалъ вниманіе этому предмету, не можетъ не понять, что Турцію нельзя раздѣлить безъ всеобщей европейской войны.» Лордъ Пальмерстонъ опровергаетъ мнѣніе, будто бы Друзы и Мароніты находились подъ властію турецкаго паши напротивъ, всѣ эти прискорбныя столкновенія племенъ имѣли всегда своею причиною слабость турецкой власти въ Сиріи, хотя нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что турецкія власти въ Сиріи, равно какъ и турецкіе солдаты, вели себя, въ послѣднихъ событіяхъ самымъ позорнымъ и отвратительнымъ образомъ. «Но почему я назвалъ Маронитовъ зачинщиками,—этой темы касаюсь я очень неохотно. За нѣсколько мѣсяцевъ, до начатія непріязненныхъ дѣйствій между Маронитами и Друзами, война эта уже предсказывалась турецкими христіянами.» «Извѣстно, продолжалъ лордъ Пальмерстонъ, что Мароніты получили во множествѣ европейское оружіе, не извѣстно впрочемъ откуда. Когда лордъ Коулей, въ бесѣдѣ съ г. Тувенелемъ, коснулся этого предмета, послѣдній со своей стороны выразился, что и по его мнѣнію Мароніты были возбуждены къ нападенію своимъ духовенствомъ. Но это, заключилъ лордъ Пальмерстонъ, нисколько не оправдываетъ Друзовъ въ совершенныхъ ими ужасныхъ дѣлахъ.»

Въ *Times* отъ 20 августа напечатаны интересныя донесенія англійскихъ агентовъ, составляющія полную картину сирійскихъ

Digitized by Google

убійствъ. Первая и самая обширная есть донесеніе г. Грама лорду Доффорину, уполномоченному коммиссару по сирійскимъ дѣламъ, который побывалъ уже въ Сиріи, возвратился въ Константинополь, и теперь снова отправился въ Бейрутъ. Г. Грамъ былъ очевидцемъ событій и, по его собственнымъ словамъ, никто изъ Европейцевъ, бывшихъ въ Сиріи, не имѣлъ случая такъ близко слѣдить за ними, какъ онъ. Онъ прямо говоритъ, что Друзы были зачинщиками. Но вотъ какъ онъ разказываетъ дѣло: Въ одномъ монастырѣ, на полпути между Бейрутомъ и Дейръ-эль-Каммаромъ, еще въ началѣ мая мѣсяца, былъ найденъ убитый монахъ. Подозрѣнія, весьма естественно, пали на Друзовъ, потому, говоритъ г. Грамъ, что никакой христіянинъ не рѣшился бы наложить руку на монаха. Мароните въ возмездіе убили перваго попавшагося Друза. За тѣмъ два христіянина были убиты Друзами, а родственники убитыхъ, въ свою очередь, умертвили двухъ Друзовъ, по закону кровомщенія.

Извѣстная старая исторія, испоконъ вѣка повторяющаяся между племенами Востока. Но почему въ настоящее время приняла она такіе страшные размѣры? То, что разказываетъ г. Грамъ, случаи кровомщенія, безъ сомнѣнія, происходили въ горахъ и пустыняхъ Ливана, но почему теперь повели они къ такой ожесточенной войнѣ между Друзами и Маронитами, которые, несмотря на религіозныя различія и на неизбѣжные случаи кровомщенія, уживались однако вмѣстѣ, часто въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ? Безъ всякаго сомнѣнія, въ сирійскихъ населеніяхъ скопилось, вслѣдствіе разныхъ причинъ, много горючаго матеріяла, который воспламенился при первой искрѣ. Съ одной стороны христіяне могли стать самонадѣяннѣе, разчитывая на поддержку и участіе Европы; съ другой, мусульманскія части народонаселенія могли быть увлечены чувствомъ природнаго ихъ фанатизма, опасеніями и местью.

Газета *Times* отправила въ Сирію особаго корреспондента, который прислалъ уже изъ Бейрута, отъ 8 августа, письмо, появившееся въ послѣднемъ № этой газеты. Онъ много хлопоталъ, чтобы разузнать истинныя причины этой плачевной исторіи. «Трудъ этотъ былъ бы легокъ, говоритъ онъ, во всякой другой странѣ, только не на Востокѣ. Здѣсь мы находимся въ странѣ басни. Лишь только путешественникъ поставитъ ногу на здѣшній берегъ, онъ очутится посреди призраковъ... Вымыселъ, или лучше, ложь возведена здѣсь въ систему и обезображиваетъ всѣ обыкновенныя случайности ежедневной жизни. Я говорилъ съ Европейцемъ, жившимъ долго въ Ливанѣ. Онъ сказывалъ мнѣ, что Друзы были зачинщиками, а Мароните старались только организоваться такъ, чтобъ одержать надъ ними верхъ; но на

Digitized by Google

другой день этотъ же самый авторитетъ утверждалъ, что Марониты начали войну, хотя, будто бы по трусости, они не могли выдержать бой, несмотря на свой численный перевѣсъ. Одинъ Турокъ, занимающій высокій административный постъ, увѣрялъ, что монсиньйоръ Тобія, епископъ бейрутскій, дѣйствовалъ въ интересѣ Франціи и замышлялъ отложеніе Сиріи, въ доказательство чего приводились какія-то два письма. Другой Турокъ, занимающій еще болѣе важный постъ, извѣщалъ меня, что епископъ Тобіа самымъ рѣшительнымъ образомъ противодѣйствовалъ французскому вліянію, что эти письма не что иное какъ подлогъ какого-то Друза, и что наконецъ турецкое правительство имѣетъ обильныя доказательства совершенной преданности епископа, ибо онъ извѣщалъ правительство о заговорахъ и происках противъ владычества султана въ Сиріи. Консулы и подданные иностранныхъ державъ, всѣ самыхъ различныхъ мнѣній о причинѣ возникшей вражды между Друзами и Маронитами. Даже сами Турки противорѣчатъ другъ другу, хотя они рѣдко берутъ на себя трудъ высказать какое-нибудь мнѣніе. Члены каждаго вѣроисповѣданія имѣютъ свои особыя воззрѣнія.» Корреспондентъ рѣшительно затрудняется добиться какихъ-нибудь положительныхъ доказательствъ по этому дѣлу. Но, сообразивъ различныя мнѣнія, повѣряя ихъ фактами, и выводя изъ нихъ средній результатъ, онъ высказываетъ слѣдующее: «Турецкое правительство всегда было недовольно тѣмъ устройствомъ Сиріи, которое было создано европейскою дипломатіей по изгнаніи оттуда Ибрагимъ-паши; учрежденіе двухъ каймакановъ, одного для Друзовъ, другаго для Маронитовъ, значительно ослабило власть Порты. Паши, зная это, надѣялись выслужиться, вооружая одно племя противъ другаго, одну религію противъ другой въ видахъ ихъ взаимнаго разрушенія. Политика, имѣющая своимъ девизомъ *divide et impera* и находящая приверженцевъ и въ Европѣ, есть единственная политика понятная и сподручная турецкому уму. Франція всегда была противъ системы двухъ каймакановъ, установленныхъ въ 1840 году четырьмя великими державами.» По разказу корреспондента, французскіе агенты распространяли въ христіянскомъ народонаселеніи мысль о томъ, что Ливанъ долженъ находиться подъ властію одного правителя и притомъ христіянина. Особенно указываетъ онъ на г. Эдмонда де-Лессепса, который былъ французскимъ консуломъ въ Дамаскѣ два или три года тому назадъ. Г. де-Лессепсъ всячески старался распространить здѣсь вліяніе Франціи, возбуждая надежды Маронитовъ на ея покровительство, такъ что Марониты не хотѣли вовсе знать турецкихъ властей. Общество, носящее названіе *туземной христіянской ассоціаціи*, получило въ послѣднее

Digitized by Google

время новое обширное развитіе подъ предсѣдательствомъ епископа Тобіи. Общество это обвиняютъ, не представляя впрочемъ положительныхъ доказательствъ, въ томъ, что оно запасалось оружіемъ и амуниціей для раздачи между Маронитами. Четыре члена этого маронитскаго комитета, въ Бейрутѣ, скрылись изъ Сиріи. Турецкія власти обвиняются въ томъ, что они извѣстили Друзовъ о маронитскомъ заговорѣ противъ нихъ, и въ томъ, что они снабжали ихъ оружіемъ и амуниціей изъ константинопольскаго арсенала. «Не мудрено, продолжаетъ корреспондентъ, что при такомъ положеніи дѣлъ, когда соперничествующія племена и религіи приведены во взаимное раздраженіе и возбуждены политическими европейскими интригами, не мудрено, что долженъ былъ произойдти взрывъ, и что взрывъ этотъ принялъ небывалые размѣры, покрывъ страну огнемъ и кровію. Но нельзя ни на минуту допустить мысль, чтобы люди, замышлявшіе какіе-либо планы, воображали, что слѣдствіемъ ихъ будетъ произшествіе, поразившее негодованіемъ и ужасомъ весь христіянскій міръ. Боже сохрани, чтобы какая-либо политика, или какое-либо вѣроисповѣданіе могли навлечь на себя такую страшную отвѣтственность! Но пора теперь людямъ узнать, что если революціи не дѣлаются à l'eau de rose, то равно племенныя и религіозныя антипатіи не могутъ быть возбуждаемы безнаказанно.»

Вотъ какимъ образомъ началась война между Маронитами и Друзами по справкамъ и розыскамъ корреспондента газеты *Times:* «Въ продолженіе нѣкотораго времени совершались убійства и обиды между двумя племенами; но такого рода случаи такъ обыкновенны, что могли быть считаемы за нормальное общественное положеніе въ Ливанѣ. Въ началѣ этого года Марониты производили вооруженныя прогулки, promenades militaires, во владѣніяхъ Друзовъ, похваляясь въ скоромъ времени изгнать Друзовъ или истребить ихъ. Мусульмане засылали просить мира. Въ Бейтъ-мари они отдавали даже своихъ дѣтей знакомымъ Маронитамъ въ видѣ аманатовъ; но они были отправлены назадъ съ вѣстію, что война неизбѣжна. Восьмнадцать Друзовъ вышли вслѣдствіе этого изъ Бейтъ-мари; ихъ проводили выстрѣлами; они стали отвѣчать, но были побѣждены. Въ послѣдствіи возвратились они съ подкрѣпленіемъ, и уже одержали верхъ. «Вотъ говоритъ корреспондентъ, самое вѣрное, какого могъ я добиться, показаніе о началѣ этого дѣла.»

Такъ или иначе, несомнѣнно только то, что главная причина зла заключается въ самомъ устройствѣ Сиріи. Турецкій паша съ незначительными средствами, безъ опредѣленныхъ обязанностей, не неся на себѣ должной отвѣтственности, пріѣзжающій сюда только покормиться, можетъ дѣйствовать только интригами и усили-

Digitized by Google

вать смуты. Въ *Times*, отъ 16 августа, въ руководящей статьѣ, высказано очень много сильнаго противъ Турціи и противъ политики, которой слѣдовало англійское правительство. «Сирія, сказано въ этой статьѣ, нуждается въ правительствѣ достаточно сильномъ для того, чтобы справляться съ варварскими племенами Горы и Пустыни, и противодѣйствовать фанатизму, который составляетъ природное свойство тамошней почвы. Теперь всякаго должна поразить мысль, что еслибы мы оставили Мегмета-Али управлять Сиріей, не произошло бы всѣхъ этихъ ужасовъ... Всѣ попытки управлять Сиріей черезъ Порту, и охранять христіанъ отъ ихъ многочисленныхъ враговъ, требуя чтобы султанъ посылалъ туда хорошихъ правителей, будутъ дѣло пустымъ. Турецкіе администраторы покупаютъ должности и вознаграждаютъ себя продажей всего, что только можно продать, начиная отъ подчиненныхъ административныхъ мѣстъ до судебныхъ рѣшеній, отъ контрактовъ до человѣческой жизни. Это неисправимая система неисправимаго правительства, дѣйствующаго надъ неисправимыми племенами. Всего болѣе поражаетъ насъ старый знакомый типъ этихъ новыхъ ужасовъ; избіеніе младенцевъ—это древнее событіе—повторилось теперь во многихъ городахъ Сиріи. Все тамъ такъ, какъ было за двѣ тысячи лѣтъ назадъ. Если необходимо сохранить преданіе о турецкаго верховенства (suzerainty) въ Сиріи, то вмѣсто присылаемыхъ сюда изъ Константинополя пашей кормиться, въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ, съ тѣмъ чтобы потомъ уступить мѣсто другимъ, столь же голоднымъ и столь же неразборчивымъ правителямъ, необходимо поставить здѣсь безсмѣннаго намѣстника. Европейскія державы, если только онѣ дѣйствительно движимы заботами о религіи и человѣчествѣ, должны убѣдить султана уступить кому-либо управленіе Сиріей, такимъ образомъ, какъ уступлено управленіе Египтомъ, если позволятъ обстоятельства. Это будетъ полезнѣе для финансовъ, и для прочности Турецкой имперіи чѣмъ притязаніе управлять Сиріей, существующимъ теперь способомъ. Международное право, заключающее въ себѣ великіе интересы человѣчества, дозволяетъ и предписываетъ вмѣшательство съ этою цѣлію...»

Повидимому Франція была бы не прочь, какъ мы уже замѣчали, сдѣлать такимъ намѣстникомъ въ Сиріи Абдель-Кадеру, который дѣйствительно велъ себя хорошо въ Дамаскѣ во время побоища. Но французскіе публицисты находятъ, что Абдель-Кадеру достаточно отдать только Дамаскъ, а остальную Сирію предоставить какой-либо изъ европейскихъ державъ. Впрочемъ, предвидя затрудненія, съ которыми неизбѣжно была бы соединена эта передача, Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, писавшій недавно объ этомъ предметѣ

Digitized by Google

Journal des Débats, предлагаетъ новый, довольно странный планъ— занять Сирію войсками нейтральныхъ европейскихъ державъ какъ Швейцарія и Бельгія, или вообще второстепенныхъ государствъ. Мысль эта отличается по крайней мѣрѣ оригинальностію.

При первыхъ извѣстіяхъ изъ Сиріи, въ одной изъ прошедшихъ книжекъ *Русскаго Вѣстника* мы представили читателямъ характеристику этой страны, основываясь на самыхъ достовѣрныхъ источникахъ. Мы видѣли, что отношенія между Друзами и Маронитами не заключали въ себѣ необходимости кровавыхъ раздоровъ; племена эти могли уживаться мирно между собою, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыхъ частяхъ Ливана они живутъ отдѣльно и не имѣютъ повода къ столкновеніямъ. Ни въ одной странѣ, подлежащей турецкому владычеству, не было столько благосостоянія и довольства, какъ тамъ. Европейская торговля, промышленность и цивилизація безпрерывно пролагали тамъ пути, люди всѣхъ европейскихъ націй селились тамъ и основывали разныя промышленныя предпріятія. Благодѣянія христіянской цивилизаціи отзывались и на Друзахъ Ливана, которые много разнятся отъ своихъ дикихъ соплеменниковъ изъ Гавранa. Даже во время этой послѣдней войны, исполненной столькихъ ужасныхъ дѣлъ, самыя ужасныя были совершены не ливанскими Друзами, а гавранскими и другими дикарями, приходившими къ нимъ на подмогу, да еще турецкими баши-бузуками. Не будь Турокъ, и не будь также никакихъ посторонніхъ возбужденій, надъ христіянскими народонаселеніями Ливана не разразилось бы теперь столько бѣдствій. Всего лучше было бы, конечно, вовсе уничтожить преданіе турецкаго владычества въ этихъ мѣстахъ... И географическая конфигурація страны, и исторія показываютъ, что обитатели этихъ мѣстъ могутъ жить и управляться отдѣльными общинами, составляя болѣе или менѣе прочно организованное цѣлое. Такъ жили здѣсь въ древнія времена Финикіяне, которые составляли федерацію отдѣльныхъ общинъ, и успѣли достигнуть высокой степени благосостоянія, богатства и цивилизаціи; такъ жили и теперешнія племена и могли бы жить, еслибы надъ ними не тяготѣла роковая необходимость поддерживать собою существованіе Турецкой имперіи. Пользуясь донесеніемъ англійскихъ агентовъ, мы считаемъ не лишнимъ представить читателямъ краткій очеркъ печальныхъ событій, совершившихся въ Сиріи, о которыхъ такъ много было сказано въ отрывочныхъ и сбивчивыхъ, и часто противорѣчивыхъ разказахъ.

Война во всей своей ярости открылась 28 мая. Ввечеру этого дня изъ Бейрута можно было видѣть пожаръ тридцати двухъ селеній, и къ утру 29 мая нѣкоторые изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Ливана представляли собою или развалины, или необи-

Digitized by Google

таемыя жилища. Друзы находились уже въ сорока минутахъ пути отъ Бейрута. Куршидъ-паша вышелъ съ своимъ войскомъ изъ города подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы пресѣчь войну,—и оставался спокойнымъ зрителемъ пожара, грабежа и убійствъ въ селеніи Хададѣ. Впрочемъ турецкіе солдаты, какъ сообщаетъ г. Грамъ, не оставались безъ дѣла; они стрѣляли въ бѣжавшихъ христіанъ. 29 мая Друзы напали на Гасбею, значительный городокъ подъ горою Гермонъ. Въ этихъ мѣстахъ особеннымъ уваженіемъ пользовался одинъ эмиръ изъ фамиліи Шехабовъ; хотя онъ былъ мусульманинъ, но дамасскій паша не терпѣлъ его за уваженіе и власть, которыми онъ пользовался. Ахметъ-паша отправилъ туда съ войскомъ Отманъ-бека. Онъ убѣдилъ христіанъ, что присланъ для ихъ защиты, и обѣщалъ имъ ее, если они отдадутъ ему оружіе, грозя имъ въ противномъ случаѣ неудовольствіемъ правительства. Онъ собралъ христіанъ въ сераѣ, а оружіе ихъ подъ слабымъ прикрытіемъ отправилъ изъ города, будто бы въ Дамаскъ, такъ что Друзы немедленно завладѣли имъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія отъ солдатъ. Христіане, собранные въ сераѣ, провели тамъ нѣсколько дней при всевозможныхъ лишеніяхъ и въ большомъ страхѣ, который усилился, когда они увидѣли приготовленія къ отъѣзду губернатора и къ выступленію войска; они поняли обманъ и бросились на внѣшній дворъ серая. Тогда, по данному сигналу, ворота растворились, ворвались Друзы, и началась рѣзня. Турецкіе солдаты помогали убійцамъ. Пока тѣ убивали мущинъ, Турки производили неистовства надъ женщинами. Г. Грамъ самъ видѣлъ ихъ какъ на оставшихся въ живыхъ, такъ и на мертвыхъ, и свидѣтельствуетъ о систематической жестокости, съ которою они относились. 10, 12, 14 глубокихъ ранъ на одномъ тѣлѣ были не рѣдкость. Только 40 или 50 человѣкъ успѣли спастись изъ серая, и то большею частію только потому, что были сочтены за мертвыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ достигли Бейрута, и одежда ихъ была буквально пропитана кровію отъ тѣлъ, между которыми они лежали притаившись. Женщинъ, говоритъ г. Грамъ, Друзы не убивали и даже не оскорбляли. Это предоставляли они Туркамъ и мусульманамъ. Четырехъ-и пяти-лѣтнія дѣти терзались на части передъ глазами матерей, а если онѣ слишкомъ крѣпко держали ихъ, то убивались на груди ихъ. 6-го іюня не осталось уже почти ни одного мужскаго обитателя изъ многолюднаго и цвѣтущаго народонаселенія подъ горою Гермономъ, потому что въ этотъ же самый день и въ другомъ тамошнемъ городѣ Рашеѣ, христіане были такимъ же точно образомъ избиты. Грамъ разказываетъ извѣстный уже изъ газетъ подвигъ сестры одного изъ главныхъ вождей Друзовъ, которая спасла многихъ

Digitized by Google

ристіянъ и сама проводила ихъ до Сидона, гдѣ приняли ихъ анлійскіе корабли. Замѣчательно, что Друзы убили въ Гасбеѣ эмиа Шехаба, со всѣмъ его семействомъ и домочадцами, несморя на то, что всѣ они были мусульмане; замѣчательно это поому, что Друзы вообще не касались мусульманъ, не только занимающихъ такое почетное положеніе какъ эмиръ Шехабъ, но и амыхъ мелкихъ бѣдняковъ. Въ этомъ случаѣ, очевидно, они ступили съ разрѣшенія, или, лучше сказать, по желанію дамасаго паши, который былъ въ личной непріязни съ эмиромъ Iехабомъ.

Около того же времени, 1-го іюня, баши-бузуки и другіе мульмане осадили Сидонъ. Всякій христіянинъ, выходившій изъ рода, подвергался опасности: мущина или ребенокъ мужеаго пола былъ убиваемъ, женщина подвергалась гнусному корбленію. За баши-бузуками послѣдовали Друзы, которые рабили монастырь близь Сидона и перебили монаховъ. Нѣолько прежде того толпы христіянъ, спасавшіяся изъ горныхъ еній, на пути въ Бейрутъ, были перерѣзаны Друзами и башизуками.

3-го іюня произведено было первое нападеніе на Дейръ-эльмаръ, прежнюю столицу Ливана. На этотъ разъ христіяне ѣли отбиться и, благодаря усиліямъ американскаго миссіоа г. Берда, вожди Друзовъ согласились пощадить жизнь жией, и только ограбили городъ. Вслѣдъ за тѣмъ былъ ограбленъ жженъ городъ Захле. Здѣсь, вмѣстѣ съ ливанскими Друзами, дѣйовали дикіе Друзы изъ Гаврана и другіе кочевые Арабы, къ орымъ присоединились Курды отъ Дамаска и Метавилы отъ ьбека, почуявъ кровь и добычу. Европейскіе консулы въ Бейѣ, узнавъ о грозѣ, подступавшей къ этому цвѣтущему городу, тойчиво требовали, чтобы паши вышли наконецъ изъ своего дѣйствія и приняли какія-нибудь мѣры для спасенія Захле ля отвращенія опасности. Куршидъ-паша дѣйствительно поъ туда отрядъ своихъ войскъ, но это послужило только къ ели обреченнаго на жертву города. Едва только ливанскіе зы, остававшіеся въ бездѣйствіи послѣ дейръ-эль-камарскаго а, увидѣли движеніе турецкихъ войскъ, какъ тотчасъ же няли свой военный кликъ и, предводимые однимъ изъ своихъ вныхъ шейховъ, числящимся въ турецкой службѣ въ качеѣ бека, ударили на Захле. 19-го іюня, къ городу подступивраждебныя силы, съ одной стороны толпища степняковъ, другой — оттоманскія войска и ливанскіе Друзы. Христіяне тѣшили очистить городъ и, взобравшись на крутую гору съ тѣмъ, ъ обойдти ливанскихъ Друзовъ и напасть на нихъ съ тылу. прежде чѣмъ они успѣли достигнуть горы, обѣ враждебныя

Digitized by Google

силы соединились и со всѣхъ концовъ заполнили горо
оставшіеся въ немъ погибли, въ томъ числѣ два францу
зариста. Турецкія войска дѣйствовали здѣсь совершенно
и даже стрѣляли по городу изъ взятой ими съ собою пу
бужденные грабежомъ и убійствомъ, Друзы, не задол
тѣмъ пощадившіе жителей Дейръ-эль-Камара, снова
теперь на этотъ городъ. Губернаторъ имѣлъ здѣсь
женіи отрядъ изъ 400 человѣкъ, который могъ легко уве
гимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 300 человѣкъ и наход
далеко; онъ поступилъ точно такъ же какъ Отманъ-бекъ
Онъ убѣдилъ жителей сдать ему оружіе, снести во
свои драгоцѣнности и помѣстилъ въ немъ бо́льшую
родонаселенія. Утромъ, 21-го іюня, Друзы собра
города. Одинъ изъ ихъ вождей прибылъ въ сера
тайные переговоры съ губернаторомъ, послѣ котор
были отворены, въ нихъ ворвались Друзы и начали,
біи солдатъ, избіеніе несчастныхъ. Повторилось то
исходило въ Гасбеѣ, только еще въ бо́льшихъ ра
тѣми изъ жителей, которые находились внѣ сера,
было не лучше, а тѣ, которые переправились черезъ
дѣялись спастись въ мѣстечкѣ Бледдинѣ, гдѣ стоя
солдаты, были побиты ими. Уцѣлѣвшіе отъ избіенія с
резъ канавы. «Я слышалъ, говоритъ г. Грамъ, живой
всей этой сценѣ отъ женщинъ, прибывшихъ отту
рутъ; онѣ разказывали мнѣ, какъ передъ ихъ глаз
рублены въ куски мужья, отцы, братья и сыновья
стараясь спасти жизнь, онѣ были повергаемы на
ребенокъ выхватывался изъ рукъ матери, и изруб
бросались ей въ лицо; какъ подвергались онѣ нас
рецкихъ солдатъ; какъ на пути ихъ къ морю,
у нихъ все, что̀ онѣ успѣли захватить съ собою.
этомъ сказать, что въ Дейръ-эль-Камарѣ было м
гатыхъ, жившихъ въ хорошо-выстроенныхъ и уд
людей, получившихъ воспитаніе и привыкшихъ
теперь принужденныхъ просить подаянія.» Число
одинъ этотъ день въ Дейръ-эль-Камарѣ г. Грамъ
1.000 до 1.200 лицъ мужескаго пола. Друзы
родъ. «Дымъ, облачнымъ столбомъ, проходилъ
говоритъ г. Грамъ, и извѣщалъ насъ о совершен
я самъ могу свидѣтельствовать, что всѣ разска
ствіи не слишкомъ преувеличены; еще до
проѣхалъ бо́льшую часть открытой страны,
эль-Камарѣ, нѣсколько дней спустя послѣ избіенія:
почти ни одного дома, улицы были наполнены труп

Digitized by Google

ренными. Путь мой лежалъ черезъ городъ; на нѣкоторыхъ
ъ лошадь моя не могла ступать, потому что онѣ буквально
авалены тѣлами... Посреди этого позорища смерти, кото-
ставило бы всякаго содрогнуться, нѣсколько Друзовъ та-
зъ жилищъ остатки добычи, смѣясь и шутя между собою.
илъ мой ужасъ, возбужденный такимъ звѣрскимъ поведе-
главному вождю Друзовъ и настаивалъ, чтобъ они пре-
илѣ тѣла убитыхъ. Онъ засмѣялся и спросилъ меня: за-
Въ Бейрутѣ ужасъ и негодованіе были неизобразимы.
привыкли мы къ подобнымъ ужасамъ, продолжаетъ
ъ, но это превосходило все и обнаруживало со стороны
акое вѣроломство, какое европейскіе государственные
очтутъ совершенно невѣроятнымъ въ лицѣ, занимающемъ
положеніе правителя обширной провинціи.»
ня, въ Бейрутъ пришли тревожныя извѣстія изъ Сидона.
нова окружили этотъ городъ, а муфтій въ мечети, и даже
дѣ, проповѣдывалъ смерть христіянамъ. Вооруженныхъ
впустили на ночлегъ въ городъ, а мусульмане, запасшись
рода оружіемъ, провели ночь въ мечети, готовые ежеч
присоединиться къ Друзамъ, когда бы тѣ начали рѣзню.
частію, два англійскіе и два французскіе корабля успѣли
придти сюда изъ Бейрута, и кровопролитіе было пре-
ено. Командиры этихъ кораблей потребовали отъ сидон-
убернатора отчета, зачѣмъ онъ обезоружилъ христіянъ;
ѣчалъ, что долженъ былъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, по
смутнаго времени. Но обезоруживъ христіянъ, онъ доз-
Друзамъ и мусульманамъ войдти въ городъ и оставаться
оружіемъ. На офиціяльный запросъ, такъ ли это было,
отпирался, но сказалъ, что впредь онъ будетъ отбирать
канъ отъ той, такъ и отъ другой стороны; но когда по-
ли, чтобъ онъ далъ письменное обязательство въ этомъ,
азался, говоря, что не имѣетъ достаточно силъ воспре-
ать Друзамъ войдти въ Сидонъ съ оружіемъ. Даже въ
христіяне не чувствовали себя безопасными; многіе
ли уѣхать въ Александрію; городъ былъ спасенъ только
ря присутствію европейскихъ кораблей, въ томъ числѣ
го русскаго фрегата *Илья Муромецъ*. Европейскіе кон-
отерявъ всякое довѣріе къ Куршидъ-пашѣ, рѣшились сами
ь съ враждебными Друзами, убѣждая ихъ прекратить
шее кровопролитіе. Вожди дали уклончивый отвѣтъ, изъ
о можно было видѣть, что не они были главными двига-
войны. Паша, узнавъ объ этихъ переговорахъ, испугался,
его вѣроломство не была открыто, и настоялъ на заключеніи
Это было кстати, потому что въ это время замышлялось

Digitized by Google

нападеніе на Казраванъ, страну обитаемую одними Маронитами, куда паша собирался уже послать свои войска «для сохраненія порядка и для защиты христіянъ». Итакъ послѣдовало офиціяльное провозглашеніе мира въ Ливанѣ, на томъ условіи, чтобы христіяне предали забвенію прошедшее. «Паша, пишетъ г. Грамъ, разыгралъ фарсъ, собравъ для заключенія мира представителей обѣихъ сторонъ въ равномъ числѣ. Бѣдный, несчастный народъ! Предать забвенію прошлое! Сколько тысячъ людей лишены хлѣба и крова! Шестьдесятъ городовъ и селеній въ Ливанѣ погибли въ пламени, и эта цвѣтущая гора превратилась въ черную пустыню. Сказываютъ, что 75.000 человѣкъ остались безъ крова. Число это покажется огромнымъ, но можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ опустѣніи Ливана, если я скажу, что одинъ англійскій военный корабль доставилъ въ Бейрутъ отъ Сидона и отъ рѣки Дамура до 2.300 выходцевъ, изъ которыхъ 2.100 были только женщины и дѣти женскаго пола. Всѣ только и смотрятъ какъ бы бѣжать отсюда. Бѣдный народъ находится въ паническомъ страхѣ; еслибъ только всѣ они имѣли возможность убраться отсюда, едва ли бы кто-нибудь изъ христіянъ остался долѣе часа подъ турецкимъ правительствомъ. Но здѣсь обнаружилась еще другаго рода ужасная тираннія, обнаружился замыселъ до конца истребить христіанскія племена. Эти бѣдные люди, которые за нѣсколько времени желали оставить Дамаскъ и другіе города изъ опасенія за свою жизнь, не отпускались пашами, которые отказывали имъ въ паспортѣ, хотя они не имѣли на то ни малѣйшаго права, потому что всѣмъ подданнымъ Отоманской имперіи предоставлена полная свобода движенія.»

По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Грамомъ, число убитыхъ въ Ливанѣ простиралось до 4000 человѣкъ мужескаго пола.

Когда повидимому все уже было кончено въ Ливанѣ, и въ Европу дошло торжественное извѣстіе о заключеніи мира между Маронитами и Друзами, произошло новое страшное избіеніе христіянъ въ Дамаскѣ, гдѣ уже дѣйствовали не Друзы, а одни мусульмане. Мусульманъ въ этомъ городѣ считается до 130.000, а христіянъ не болѣе 15.000. Къ первымъ присоединились еще во время побоища Курды и Арабы, пришедшіе изъ пустыни. Взрывъ произошелъ 9 іюля. «Европа, пишетъ въ офиціяльномъ донесеніи лорду Джону Росселю англійскій консулъ Брантъ, изумится при извѣстіи, что христіянское общество подверглось нападенію, что третья часть мужскаго народонаселенія его погибла, не оказавъ почти никакой попытки къ сопротивленію, между тѣмъ какъ со стороны властей сдѣланы были слишкомъ ничтожныя усилія предовратить или остановить эти ужасныя дѣйствія. Изумленіе это не уменьшится оттого, когда будетъ сказано, что все это

Digitized by Google

случилось безъ всякаго вызова со стороны христіанъ, въ мирное время, не вслѣдствіе вторженія какихъ-либо враждебныхъ племенъ, но согражданами, возбужденными только фанатическою ненавистью къ христіанамъ и страстью къ грабежу.» Консулъ свидѣтельствуетъ, что лучшая часть народонаселенія употребляла повидимому свое вліяніе и силу для сохраненія спокойствія; пришельцы и люди изъ селеній и равнинъ были замѣшаны тутъ въ небольшомъ количествѣ, а главными дѣятелями зла была многочисленная часть дурно-расположеннаго народонаселенія Дамаска. Военная сила была не велика; но еслибы паша захотѣлъ распорядиться какъ слѣдуетъ, то ея было бы достаточно для предупрежденія бѣдствій. Важныя подозрѣнія, говоритъ консулъ, падаютъ на пашу, хотя консулъ съ своей стороны не рѣшается опредѣлить, былъ ли его образъ дѣйствій слѣдствіемъ трусости или измѣны. «Христіянскій кварталъ, пишетъ г. Брантъ, былъ зажженъ 9 іюля, и онъ еще горѣлъ въ ночь 15 числа; всѣ церкви и монастыри были ограблены и потомъ подожжены; нѣкоторые изъ нихъ обладали большимъ количествомъ серебряныхъ украшеній и церковныхъ сосудовъ; богаче всѣхъ былъ греческій патріархатъ; всѣ эти драгоцѣнности не были однако преданы на расхищеніе, но были вынесены оттуда солдатами. Алжирцы эмира Абдель-Кадера спасли изъ развалинъ многія сотни людей, прежде чѣмъ паша подумалъ сдѣлать это. Онъ не подумалъ даже убрать или схоронить тѣла, пока я не приставъ къ нему съ убѣжденіемъ, чтобъ онъ сдѣлалъ это для предотвращенія заразы, но если онъ и приказывалъ что-нибудь сдѣлать, то все это было такъ ничтожно, что не могло принести никакой пользы. Онъ обѣщалъ, по моему совѣту, поставить стражу у городскихъ воротъ и не впускать въ городъ пришлецовъ; но распорядился этимъ уже поздно, и то самымъ недѣйствительнымъ образомъ. Въ то время какъ христіянскій кварталъ былъ преданъ расхищенію, ни еврейскій кварталъ, ни Мейданъ, откуда грабители сыпались роями, не подвергались никакой опасности, — дѣло странное, требующее слѣдствія и разъясненія. Я знаю куда обратиться за разъясненіемъ, когда наступитъ время слѣдствія. Но слѣдователи должны быть вооружены силой и быть въ состояніи защитить свидѣтелей.» Въ заключеніе своего донесенія, консулъ проситъ вспоможенія для 200 несчастныхъ, которыхъ онъ спасъ и пріютилъ у себя въ домѣ. По показанію капитана Пентера, доносившаго изъ Бейрута о дамасскомъ бѣдствіи вице-адмиралу Мартину, потеря, вслѣдствіе пожара и грабежа, простирается до 1.200.000 фунт. стерл.; число всѣхъ убитыхъ, по соображенію консула Бранта, простирается отъ 3.000 до 5.000 человѣкъ.

Digitized by Google

Наконецъ прибылъ въ Дамаскъ, 28-го іюля, судья и каратель, Фуадъ-паша, въ сопровожденіи 3000 войска. Спокойствіе возстановилось, и султанскій фирманъ былъ прочтенъ. «Два черезъ два по прибытіи, пишетъ сирійскій корреспондентъ газеты *Times*, Фуадъ-паша получилъ изъ Константинополя депешу, извѣщавшую о предположенной экспедиціи французскихъ войскъ. Онъ тотчасъ же выпустилъ прокламаціи, которыя были розданы во всѣхъ городахъ и по всему морскому берегу, извѣщавшія, что французскія войска идутъ съ согласія султана; сдѣлано это было изъ опасенія, чтобы при возбужденномъ состояніи, въ которомъ находились мусульмане, вѣсть о христіянской экспедиціи не вызвала фанатиковъ на новыя избіенія. Въ Дамаскѣ фанатики хвалились даже, что съ помощію Друзовъ, Курдовъ и Арабовъ они въ состояніи будутъ защититься отъ султана и его союзниковъ.» Фуадъ-паша не тотчасъ началъ слѣдствіе, а прежде вызвалъ къ себѣ два новые батальйона изъ Бейрута. Наконецъ, 3-го августа, Фуадъ-паша созвалъ городской совѣтъ и сказалъ слѣдующее его членамъ: «Вы совершили три дѣла: нарушили законъ религіи, попрали ногами гражданскій законъ имперіи, привели султана и его министровъ въ такое положеніе, что они не знаютъ какъ выпутаться изъ него. Слушайте же, чтобы каждый изъ васъ доставилъ мнѣ списокъ виновныхъ, какъ руководителей, такъ и исполнителей этого дѣла; каждаго изъ васъ, кто не достанетъ мнѣ такого списка, я буду считать однимъ изъ виновниковъ побоища. Теперь ступайте!» Къ 4-му іюля 400 человѣкъ было арестовано, а по письмамъ, полученнымъ въ Бейрутѣ 7 числа, уже до 1800 человѣкъ находились въ тюрьмахъ. Куршидъ-паша, отправившійся, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Константинополь былъ отправленъ обратно въ Бейрутъ, для произведенія надъ нимъ суда. Ахметъ-паша лишенъ своего званія, арестованъ и находится подъ слѣдствіемъ.

Впрочемъ самое тяжкое обвиненіе, противъ турецкихъ властей въ Дамаскѣ и мусульманской части народонаселенія этого города сдѣлано однимъ магометанскимъ *джентльменомъ*, письмо котораго сообщаетъ корреспондентъ газеты *Times*. Этотъ почтенный магометанинъ говоритъ съ величайшимъ негодованіемъ объ ужасахъ, происходившихъ въ Дамаскѣ. По его показаніямъ, главными виновниками были власти и члены городскаго совѣта: это былъ заговоръ въ полномъ смыслѣ слова. Съ умысломъ были набраны отъявленные негодяи изъ черни, которымъ была поручена полицейская охрана христіянскаго квартала, и они-то, при первомъ сигналѣ, начали избіеніе и грабежъ. Въ грабежѣ, по показаніямъ автора этого письма, участвовали самыя вліятельныя лица и члены совѣта, переодѣвшись въ простонародный костюмъ;

Digitized by Google

даже старыя бабы, пишетъ онъ, тащили изъ христіянскихъ домовъ, что̀ попадалось имъ подъ-руку. Онъ призываетъ кару возмездія на виновниковъ. И вотъ день кары наступилъ: посмотримъ, что̀ послѣдуетъ. Къ счастію, іерусалимскій паша былъ добросовѣстнѣе своихъ товарищей, и туда, слава Богу, не достигли бѣдствія, поразившія Сирію.

Пусть виновныхъ постигнетъ должная кара,—это дѣло возможное и не трудное. Но какія мѣры будутъ окончательно приняты для предотвращенія подобныхъ бѣдствій? Какое устройство получитъ Сирія? Въ какую фазу вступитъ вопросъ о существованіи самой Турціи? Одна ли Сирія заслуживаетъ вниманіе и заботы со стороны европейскихъ державъ? Страны, составляющія Европейскую Турцію, находятся также въ критическомъ положеніи. Полуварварская система управленія, разстройство финансовъ, отсутствіе всякаго правильнаго законодательства, служатъ достаточными причинами опасенія, если даже и не брать въ расчетъ мусульманскаго фанатизма. Нѣтъ однако признаковъ, чтобы въ настоящее время турецкій вопросъ подвинулся къ своему рѣшенію, развѣ случится что-либо непредвидѣнное. Вопросъ этотъ постараются обойдти, какъ столько разъ обходили прежде. Да и не возможно ожидать, чтобы дипломатія взяла на себя какія-либо рѣшительныя мѣры. Слѣпой фактъ измѣняется слѣпымъ фактомъ. Событія приготовляются во мракѣ, внѣ контроля сознанія; фактъ и сознаніе—двѣ независимыя области, никакъ не замѣняющія одна другую, и даже не всегда одна другой соотвѣтствующія.

АВСТРІЙСКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ.

Мы говорили въ № 10 *Русскаго Вѣстника* о преобразованіи австрійскаго государственнаго совѣта и объ открытіи его засѣданій. Съ тѣхъ поръ эта корпорація пріобрѣтала все болѣе и болѣе права на вниманіе; интересъ, возбуждаемый преніями общаго собранія совѣта и трудами его комитетовъ, особенно бюджетнаго комитета, постоянно возрастаетъ. Въ Австріи всѣ, даже прежніе недоброжелатели этого учрежденія, согласны въ томъ, что ходъ дѣла въ преобразованномъ государственномъ совѣтѣ будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на судьбы имперіи,—а что на материкѣ Европы не связано въ судьбами Австрійской имперіи? Поэтому вся Европа, можно сказать, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ

Digitized by Google

ожидаетъ окончанія трудовъ бюджетнаго комитета, которое должно послѣдовать на дняхъ и которое раскроетъ въ главныхъ чертахъ направленіе, принятое большинствомъ этого комитета, состоящаго изъ замѣчательныхъ политическихъ людей Австріи. Намъ кажется теперь своевременнымъ сдѣлать обзоръ того, что происходило въ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ со дня его открытія, 31-го мая, до настоящей минуты.

Изъ партій, которыя до сихъ поръ уже достаточно обрисовались въ этомъ собраніи, первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ такъ-называемой консервативной или аристократической партіи. Ядро этой партіи составляютъ венгерскіе члены, она считаетъ въ своихъ рядахъ самыхъ даровитыхъ и самыхъ независимыхъ членовъ государственнаго совѣта и дѣйствуетъ съ согласіемъ, поразительнымъ въ собраніи, такъ недавно составившемся, и притомъ составившемся изъ такихъ разнородныхъ элементовъ. Этой партіи государственный совѣтъ обязанъ тѣмъ значеніемъ, которое онъ получилъ въ глазахъ всей Европы. Благородный и откровенный, умѣренный и въ то же время непоколебимо-твердый образъ дѣйствій соединившихся аристократовъ Австрійской имперіи заслуживаетъ самаго почетнаго отзыва. Какъ ни превратно направленіе, которое избрала Австрія послѣ вѣнскаго конгресса, какъ ни велико разложеніе, которому она подверглась вслѣдствіе того, что ея внутренняя политика сознательно шла наперекоръ всему живому, всему имѣющему будущность, и искала себѣ поддержки въ отжившихъ свой вѣкъ учрежденіяхъ и въ надеждѣ на безсиліе жизни и могущество коварства и лжи, но все-таки въ Австріи есть историческая почва, есть великіе слѣды исторической жизни, а это очень много значитъ для ея будущаго. Стоя на твердой почвѣ историческаго права и въ то же время признавая духъ и требованія новаго времени, члены государственнаго совѣта, принадлежащіе къ такъ-называемой консервативной партіи, могли найдти ту должную мѣру для своихъ дѣйствій, которой мы къ сожалѣнію не замѣчаемъ у членовъ такъ-называемой либеральной партіи, запутавшейся въ неопредѣленныхъ стремленіяхъ и въ сочувствіяхъ, очень часто вовсе не либеральныхъ. Консервативная партія поставила себя очень вѣрно: она не умаляетъ, но и не преувеличиваетъ значенія государственнаго совѣта; она охраняетъ государственный совѣтъ отъ превращенія въ какое-нибудь правительственное учрежденіе, какихъ, по словамъ г. Майлата, и такъ уже слишкомъ много въ Австріи, но съ другой стороны она не позволяетъ себѣ смотрѣть на государственный совѣтъ какъ на представительное собраніе и не забываетъ, что государственный совѣтъ *не имѣетъ права* заступать собой націю. Противники консервативной партіи, называю-

Digitized by Google

щіе себя либералами, далеко не такъ послѣдовательны. Изъ слабости къ своимъ любимымъ теоріямъ, изъ нетерпѣливаго желанія видѣть ихъ осуществленіе, они не прочь сегодня превысить свою власть и дѣйствовать въ качествѣ представительной палаты, а завтра стѣснять свободу дѣйствій государственнаго совѣта ссылками на волю императора.

Такъ напримѣръ въ преніяхъ по поводу проекта закона о поземельныхъ книгахъ, консервативное большинство держалось того мнѣнія, что этотъ законъ долженъ подлежать разсмотрѣнію будущихъ провинціяльныхъ сеймовъ, и что поэтому государственный совѣтъ не долженъ высказывать о немъ окончательнаго сужденія. За этимъ мнѣніемъ, открыто выраженнымъ, очевидно скрывалось убѣжденіе, что государственный совѣтъ не долженъ браться за разсмотрѣніе отдѣльныхъ законовъ, пока не будетъ рѣшенъ общій главный вопросъ о конституціи и объ отношеніи органовъ центральной власти къ органамъ самоуправленія отдѣльныхъ земель монархіи. Многіе члены государственнаго совѣта вступили въ это собраніе, руководимые сознаніемъ, что на нихъ лежитъ долгъ подать коронѣ чистосердечный совѣтъ въ настоящее трудное время; но они далеки отъ намѣренія воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ, чтобы захватить въ свои руки власть, принадлежащую, по ихъ убѣжденію, съ одной стороны законнымъ представителямъ цѣлой націи, а съ другой стороны законнымъ представителямъ отдѣльныхъ частей имперіи; консервативные члены государственнаго совѣта не хотятъ предварять ни тѣхъ, ни другихъ въ ихъ будущей дѣятельности; хотя они и принадлежатъ націи и высказываютъ ея желанія и потребности, но не считаютъ и не имѣютъ права считать себя ея представителями. Такой строго-юридическій и чисто-либеральный взглядъ на значеніе государственнаго совѣта не нравится такъ-называемымъ либераламъ, и они сильно возставали противъ консерваторовъ по закону о поземельныхъ книгахъ. «Когда императоръ требуетъ нашего мнѣнія, говорили они, то, значитъ, мы имѣемъ право подать его. Мы не имѣемъ права ссылаться на будущіе сеймы, мы не имѣемъ права отказывать императору въ совѣтѣ.» Имъ отвѣчали на это, что если императоръ созвалъ государственный совѣтъ, то изъ этого уже слѣдуетъ, что государственный совѣтъ долженъ откровенно высказывать свое мнѣніе обо всемъ, а слѣдовательно и о своемъ положеніи въ государствѣ, но и этотъ доводъ оказался не убѣдительнымъ, и пренія о проектѣ упомянутаго нами закона заняли цѣлыхъ два засѣданія. Они не касались существа дѣла и вертѣлись только на томъ, слѣдуетъ ли разсматривать законъ о поземельныхъ книгахъ, или отложить его разсмотрѣніе до окончанія главнаго дѣла, порученнаго государственному совѣту, то-

Digitized by Google

есть дѣла о бюджетѣ, которое должно дать поводъ къ преніямъ о коренныхъ пунктахъ австрійскаго государственнаго устройства. «Мы не отказываемся, говорили консерваторы, отъ исполненія нашего долга передъ императоромъ; мы готовы высказывать ему наше мнѣніе о всѣхъ вопросахъ, которые ему было угодно ввѣрить нашему разсмотрѣнію; но именно эта готовность должна побудить насъ заняться прежде всего самымъ важнымъ изъ предложенныхъ намъ дѣлъ, дѣломъ о бюджетѣ, и не терять покамѣсть нашихъ силъ на пренія о предметахъ второстепенной важности.»

Этотъ маленькій эпизодъ о поземельныхъ книгахъ можетъ уже показать, на чьей сторонѣ настоящій либерализмъ, на сторонѣ ли такъ-называемыхъ консерваторовъ или на сторонѣ членовъ, называющихъ себя либералами. Намъ кажется, что эти названія слѣдовало бы обмѣнять и консерваторовъ называть либералами, а такъ-называемые либералы, по нашему мнѣнію, всего болѣе заслуживаютъ названія централизаторовъ, съ прибавкой, пожалуй, что они централизаторы просвѣщенные, éclairés. Большинство государственнаго совѣта имѣло множество причинъ уклоняться отъ преній по вопросу о поземельныхъ книгахъ. Одна изъ важнѣйшихъ заключается между прочимъ въ томъ, что при этихъ преніяхъ невозможно избѣжать горячаго вопроса о національностяхъ, а касаться этого вопроса теперь не разчетъ австрійскому государственному совѣту. Этотъ вопросъ неизбѣжно возбудилъ бы страсти, какъ показало уже засѣданіе 8-го іюня, а теперь государственному совѣту всего болѣе слѣдуетъ заботиться о единодушіи, безъ котораго общій вопросъ о бюджетѣ и будущемъ политическомъ устройствѣ Австріи вовсе не можетъ быть разрѣшенъ. Поэтому было совершенно благоразумно, что большинство членовъ совѣта положило не касаться сущности проекта закона о поземельныхъ книгахъ и избрать комитетъ изъ семи членовъ для предварительнаго изученія этого проекта.

Комитетъ этотъ былъ избранъ, но въ числѣ 7 членовъ былъ венгерскій членъ, графъ Баркоцъ, и онъ не поладилъ съ большинствомъ комитета. Товарищи его опредѣлили приступить къ законодательному разсмотрѣнію проекта по параграфамъ, въ исполненіе высочайшей воли. Графъ Баркоцъ, увѣренный, что проектъ не будетъ принятъ въ общемъ собраніи совѣта, и что разсматривать его по параграфамъ значитъ терять драгоцѣнное время, рѣшился сложить съ себя званіе члена комитета. Въ засѣданіи 21-го іюня онъ объяснилъ свои мотивы. «Проектъ закона о поземельныхъ книгахъ, говорилъ онъ, стремится къ однообразію администраціи, но административное однообразіе уже теперь есть главное препятствіе къ тому политическому един-

Digitized by Google

ству монархіи, которое благодѣтельно для всѣхъ насъ, котораго искренно желаетъ и къ которому стремится каждый патріотъ. А въ будущемъ административное однообразіе будетъ еще бо́льшимъ препятствіемъ къ достиженію этой цѣли. Такова первая причина моего выхода изъ комитета. Вовторыхъ, я вижу въ этомъ проектѣ болѣзненное произведеніе теоретическихъ взглядовъ и той формалистики, которая съ нѣкоторыхъ поръ роскошно разрослась во всѣхъ вѣтвяхъ государственнаго управленія. Далѣе я нахожу, что совѣщанія объ этомъ проектѣ закона всего лучше могутъ происходить въ будущихъ представительныхъ сеймахъ отдѣльныхъ частей монархіи... Я отнюдь не врагъ нѣмецкаго элемента; никто въ Европѣ лучше Венгерцевъ не цѣнитъ и не чувствуетъ живѣе безконечно великихъ заслугъ нѣмецкой націи, высокихъ достоинствъ нѣмецкой литературы, нѣмецкой науки и нѣмецкаго искусства; въ политическомъ отношеніи мы тоже сочувствуемъ Нѣмцамъ, совершившимъ великіе успѣхи на конституціонномъ поприщѣ и умѣвшимъ достигнуть чрезвычайныхъ результатовъ на поприщѣ экономическомъ. Я принадлежу поэтому къ самымъ воодушевленнымъ почитателямъ нѣмецкаго элемента. Но здѣсь дѣло идетъ о другомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ мы видимъ, что нѣмецкій элементъ представляли у насъ собой полчища чиновниковъ, которые вводили нѣмецкій языкъ вездѣ, въ кадастрѣ, въ поземельныхъ книгахъ, во всѣхъ отрасляхъ администраціи. Эти операціи стоили милліоновъ, и онѣ оскорбили венгерскую націю; онѣ не могли не оскорбить ея, потому что производились съ обычнымъ неограниченнымъ произволомъ. Антипатія и отвращеніе, проявившіяся по этому поводу, не имѣютъ никакого отношенія къ нѣмецкому элементу; они относятся лишь къ тому, что̀ появилось въ Венгріи вслѣдъ за чиновниками, къ гнету матеріяльному и умственному, къ произволу во всѣхъ его видахъ. И эта антипатія не будетъ ослабѣвать; она будетъ усиливаться съ каждымъ годомъ.» Бюрократическіе либералы были крайне-озлоблены рѣчью графа Баркоца, и все засѣданіе 21-го іюня было наполнено преніями, къ которымъ подала поводъ его рѣчь. Кончилось дѣло тѣмъ, что все-таки государственный совѣтъ настоялъ на своемъ и не приступилъ къ разсмотрѣнію сущности вопроса о поземельныхъ книгахъ. Въ комитетъ семи членовъ былъ выбранъ новый членъ на мѣсто графа Баркоца, и комитету предоставленъ произволъ дѣлать покамѣсть что̀ ему угодно съ проектомъ закона о поземельныхъ книгахъ.

Другой проектъ закона, предложенный на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, относится къ дѣлопроизводству по мировымъ сдѣлкамъ (Vergleichs-Verfahren); онъ также порученъ особому комитету изъ семи членовъ. Измѣненія въ проектѣ сдѣланы

Digitized by Google

незначительныя; одно изъ нихъ имѣетъ цѣ о указать на провизорный характеръ этого закона и на пос бность въ общемъ конкурсномъ уставѣ. Замѣтимъ кстати, чт встрійскіе юристы, по поводу сужденій объ этомъ проектѣ обенно выставляли достоинства ганноверскаго устава о кон рсахъ и мировыхъ сдѣлкахъ. Этотъ уставъ отличается ясностію и краткостію; онъ заслуживаетъ вниманія и русскихъ юристовъ, которые будутъ заниматься вопросомъ о конкурсахъ, безспорно стоящимъ у насъ на очереди.

Но оба эти закона имѣютъ совершенно второстепенное значеніе сравнительно съ вопросомъ о бюджетѣ. Эрцгерцогъ Райнеръ, президентъ совѣта, въ рѣчи, которою онъ открылъ засѣданія, указалъ на этотъ вопросъ какъ на первокласный вопросъ; отъ счастливаго разрѣшенія его, сказалъ эрцгерцогъ, зависитъ будущность Австріи. На этомъ вопросѣ сосредоточилось все вниманіе государственнаго совѣта; на немъ сосредоточивается весь интересъ европейской публики, слѣдящей за трудами австрійскаго государственнаго совѣта. Онъ былъ главнымъ предметомъ сужденій и на предварительныхъ частныхъ совѣщаніяхъ, которыя устроены членами государственнаго совѣта для облегченія и лучшаго направленія хода преній. Эти предварительныя совѣщанія происходятъ въ двухъ мѣстахъ. Либералы, то-есть меньшинство, собираются въ частномъ домѣ одного изъ членовъ своего кружка; большинство, то-есть аристократы, наняли для своихъ собраній отель Муншъ. Уже на этихъ совѣщаніяхъ, разсуждая о предстоящемъ разсмотрѣніи бюджета, партія большинства пришла къ заключенію, что бюджетъ нельзя разсматривать въ полномъ собраніи совѣта, что его надобно разсматривать въ комитетѣ избранномъ изъ среды совѣта и на столько многочисленномъ, чтобы разныя мнѣнія и разныя имперскія страны имѣли въ немъ своихъ представителей, но что этотъ комитетъ долженъ быть менѣе многочисленъ нежели государственный совѣтъ, заключающій въ полномъ своемъ составѣ около 60 членовъ. Тутъ встрѣтилось препятствіе въ регламентѣ, который предписываетъ, чтобы комитеты совѣта состояли не болѣе какъ изъ семи членовъ. Регламентъ этотъ составленъ министерствомъ и предписанъ къ исполненію. При составленіи его была, кажется, мысль ограничить свободу дѣйствій государственнаго совѣта; предполагалось даже придать этому регламенту характеръ священной неприкосновенности и требовать отъ членовъ совѣта присяги въ вѣрности регламенту. Но эта странная мысль была оставлена; присяги регламенту не было; государственный совѣтъ устранилъ стѣсненія, которыми замышляли затруднить ему его дѣло, въ ущербъ той цѣли, для которой именно онъ былъ созванъ. Коль скоро всѣ члены собрались въ Вѣнѣ,

Digitized by Google

правительство яви уступчивость и стало въ доброжелательныя отношенія къ новс ганизованной корпораціи. Поэтому, прежде всего должно был казаться въ государственномъ совѣтѣ желаніе освободиться ъ стѣснительныхъ пунктовъ регламента и просить императора о ихъ отмѣнѣ. Эта просьба была естественна, но большинство государственнаго совѣта показало по этому вопросу большое благоразуміе. Помня примѣръ Вѣнскаго сейма 1848 года, который потерялъ лучшее время на пренія о порядкѣ своихъ занятій, большинство государственнаго совѣта согласилось удовольствоваться фактическимъ измѣненіемъ во взглядѣ правительства на регламентъ и приступить прямо къ существеннымъ своимъ занятіямъ, предоставляя себѣ просить императора объ отмѣнѣ той или другой статьи въ регламентѣ каждый разъ, какъ въ томъ окажется настоятельная надобность. На этомъ основаніи члены, собирающіеся въ отелѣ Мунш, условились между собою поддерживать предложеніе о томъ, чтобы при выборѣ бюджетнаго комитета было дозволено государственному совѣту отступить отъ регламента и выбрать комитетъ не изъ семи членовъ, а изъ 21 члена. Это предложеніе было сдѣлано въ засѣданіи 4-го іюня графомъ Кламъ-Мартиницемъ, богемскимъ членомъ, въ превосходной рѣчи, которая затронула общее состояніе Австріи и была первымъ примѣромъ того тона, въ которомъ намѣрены были говорить члены государственнаго совѣта. Графу Кламу возражали нѣмецкіе члены, гг. Герингеръ, Гартигъ и Лихтенфельсъ; его поддерживалъ г. Майлатъ, графъ Баркоцъ, графъ Ангращъ, графъ Ностицъ, епископъ Коризмичъ (Венгрія), князь Гуэрспергъ и др. Пренія касались многихъ принципіальныхъ вопросовъ и въ особенности вопроса о децентрализаціи. «Если, сказалъ г. Майлатъ, самое дорогое правительство бываетъ то, которое управляетъ недовольными, то самымъ выгоднымъ и дешевымъ должно быть то правительство, которое производитъ довольство и встрѣчаетъ сочувствіе въ массахъ подданныхъ, а для этого необходимо примѣняться къ разнообразію потребностей. Бюджетный комитетъ только тогда достигнетъ цѣли, когда будетъ выраженіемъ всѣхъ частей имперіи, всѣхъ оттѣнковъ мнѣнія.» Собраніе приняло значительнымъ большинствомъ предложеніе графа Клама, и эрцгерцогъ объявилъ, что представитъ о томъ императору. Монаршее соизволеніе послѣдовало въ тотъ же день, и 6-го числа былъ избранъ бюджетный комитетъ изъ 21-го члена. Наибольшее число голосовъ получилъ г. Краинскій; графъ Меркандинъ избранъ предсѣдателемъ комитета.

Пренія, происходящія въ комитетахъ австрійскаго государственнаго совѣта, не публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Газеты сообщаютъ только слухи о ходѣ дѣлъ, слухи, иногда неоснова-

Digitized by Google

тельные и вызывающіе протесты со стороны членовъ. Но тѣмъ не менѣе достовѣрно, что съ самыхъ первыхъ засѣданій своихъ бюджетный комитетъ вступилъ на широкій путь преній объ австрійской правительственной системѣ. Комитетъ положилъ въ основу своихъ работъ ту мысль, что по вопросу о бюджетѣ государственный совѣтъ имѣетъ передъ собой двойную задачу: обсудить бюджетъ на 1861 годъ и установить общія основы государственнаго хозяйства. Тщательное разсмотрѣніе подробностей бюджета было поручено отдѣльнымъ коммисіямъ, но комитетъ высказалъ мнѣніе, что мелкими сокращеніями штатовъ нельзя достигнуть цѣли, тѣмъ болѣе что само правительство уже заботилось о возможной бережливости. Задача совѣта состоитъ не въ одномъ только изученіи подробностей бюджета, а въ пріисканіи общихъ средствъ, которыя дали бы Австріи возможность продолжать свое существованіе.

Частныя коммиссіи бюджетнаго комитета начали свои занятія съ половины іюня и работали по мѣрѣ того, какъ министерство доставляло имъ отдѣлы бюджета. Къ началу августа работы коммиссій были окончены, и дѣло поступило въ общее собраніе бюджетнаго комитета. Между тѣмъ печать и общество приняли живое участіе въ дѣлѣ реформы. Появилось множество брошюръ, трактующихъ болѣе или менѣе удачно о потребностяхъ Австріи, и надобно сказать, что общій духъ если не всѣхъ этихъ брошюръ, то по крайней мѣрѣ большинства ихъ удовлетворителенъ. Особеннаго упоминанія заслуживаетъ брошюра *Palingenesis* (возрожденіе), или, какъ сказано въ ней, записка о правительственныхъ реформахъ Австріи, служащая къ разрѣшенію вопроса о томъ, какъ можно согласить начало государственнаго единства съ требованіями самоуправленія и возстановить равновѣсіе въ государственномъ хозяйствѣ. «Уже въ 1851 году, говоритъ авторъ, императоръ возложилъ на министровъ порученіе обсудить мѣры, необходимыя для возстановленія равновѣсія между доходами и расходами государства. Но поручченіе это было понято неправильно, и потому исполненіе его не имѣло желаемаго успѣха. Не прикасаясь къ цѣлой системѣ, старались скаредничать въ необходимыхъ расходахъ, обрѣзывали ту или другую статью, но не предвидѣли, что экспансивная сила исполинскаго административнаго тѣла будетъ оказывать непреодолимыя сопротивленія притязаніямъ бережливости.» Что касается до политическаго устройства, то авторъ брошюры предполагаетъ провинціяльные сеймы и общій имперскій сеймъ. Взглядъ его на государственный совѣтъ виденъ изъ приводимыхъ имъ словъ Гнейста, что государственный совѣтъ, устроенный въ томъ родѣ какъ австрійскій, есть уже по своему составу необхо-

Digitized by Google

дшое ядро верхней палаты. Предполагается стало-быть, что государственный совѣтъ превратится въ верхнюю палату, а коль скоро будетъ верхняя палата, то нельзя не быть и нижней палатѣ, то-есть имперскому сейму (Reichstag).

Что дѣла примутъ такой или приблизительно такой ходъ, можно заключать и по внутреннимъ обстоятельствамъ Австріи, и по ея внѣшнимъ отношеніямъ. Французская политика, клонящаяся къ разъединенію Германіи, произвела, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, совершенно обратное дѣйствіе и сблизила Пруссію съ Австріей, а необходимымъ слѣдствіемъ этого долженствовало быть сближеніе австрійской внутренней политики съ тѣми либеральными началами, которымъ слѣдуетъ теперь правительство принца-регента. Этою необходимостію объясняется тотъ неожиданный шагъ австрійскаго правительства, который былъ сдѣланъ такъ-сказать наканунѣ теплицкаго свиданія. Никто не только въ вѣнскомъ обществѣ, но даже никто изъ членовъ государственнаго совѣта не зналъ о содержаніи императорскаго рескрипта на имя эрцгерцога Райнера отъ 17 іюля, прежде нежели этотъ рескриптъ былъ прочтенъ въ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта 19-го іюля. Вотъ слова этого рескрипта:

«Любезный братъ, эрцгерцогъ Райнеръ! Я положилъ впредь установлять не иначе какъ съ согласія моего усиленнаго государственнаго совѣта введеніе новыхъ пошлинъ и налоговъ, возвышеніе существующихъ сборовъ по части прямыхъ налоговъ, налога на потребленіе и пошлины съ актовъ, документовъ и должностныхъ дѣйствій, наконецъ заключеніе новыхъ займовъ, и предоставить себѣ отступленіе отъ этого правила лишь въ случаѣ военной опасности, если, во вниманіи къ обстоятельствамъ, я не опредѣлю созвать государственный совѣтъ въ чрезвычайное собраніе.»

Засѣданіе государственнаго совѣта 19-го іюля продолжалось лишь нѣсколько минутъ. По прочтеніи вышеприведеннаго рескрипта, эрцгерцогъ-президентъ сказалъ: «Въ убѣжденіи, что сообщеніе о таковомъ высочайшемъ довѣріи не подаетъ повода къ совѣщаніямъ, я объявляю сегодняшнее засѣданіе закрытымъ. Но я убѣжденъ, что всѣ вы, господа, соединитесь со мной въ кликѣ: да здравствуетъ его величество императоръ!» Собраніе отвѣтило троекратнымъ восклицаніемъ, и государственный совѣтъ разошелся, неожиданно ставъ политическою властію въ государствѣ наряду съ короной. Учрежденный, какъ совѣщательное собраніе, онъ становится теперь законодательнымъ собраніемъ по части финансовъ. Патентъ 5-го марта возложилъ на совѣтъ троякую обязанность: вопервыхъ, разсматривать бюд-

Digitized by Google

жетъ, вовторыхъ обсуждать проекты законовъ, и втретьихъ
давать мнѣнія о постановленіяхъ и просьбахъ будущихъ ч
ныхъ сеймовъ. Теперь государственный совѣтъ станов
по первому пункту собраніемъ, ограничивающимъ власть
ны, сохраняя по остальнымъ двумъ пунктамъ значеніе
щательнаго собранія. Но уже то право, которое теперь
ставлено ему, даетъ совершенно иной видъ всѣмъ дѣйст
его и совершенно измѣняетъ положеніе его, относительно
стерства и администраціи. «Вся финансовая система
говоритъ *Times*, поставлена теперь подъ контроль собран
торое будетъ отправлять обязанности палаты общинъ.
дѣйствительно можно сказать это: хотя усиленный государ
ный совѣтъ еще не палата общинъ, но онъ есть корп
имѣющая большой вѣсъ, заключающая въ себѣ нѣсколь
чательныхъ и высокопоставленныхъ людей, и если онъ
нитъ долгъ, онъ можетъ сдѣлать Австрію монархіей, въ
будутъ господствовать свобода и законъ. Въ этомъ со
составленномъ изъ аристократовъ, епископовъ и земле
цевъ, будутъ, вѣроятно, происходить такія же энерг
пренія, какія когда-либо были слышаны въ Вестминстер
Австріи, вслѣдствіе дурнаго хода дѣлъ, люди сдѣлались
чувствительны и раздражительны, а опасенія за гибе
ціи наполнили тревогой сердца всѣхъ. Разныя племена
быть смотрятъ косо другъ на друга, но люди всѣ
менъ и всѣхъ исповѣданій соединятся въ воплѣ против
говъ, конфискующихъ всѣ плоды труда, противъ конс
омрачающей каждое семейство, противъ церковной систем
вающей духъ, и противъ бюрократіи, которая умѣетъ
ливать и искажать даже самую природу. Государствен
вѣту предстоитъ работа; но когда онъ совершитъ ее,
будетъ стоять въ Европѣ какъ совершенно новое госу
и уповательно займетъ то мѣсто, которое будетъ слу
шимъ обезпеченіемъ всеобщаго спокойствія.»

Естественно, что австрійское правительство еще
рѣшается идти по новому для него пути. Недавно, на
оно запретило чиновникамъ принимать участіе въ пе
обсужденіи политическихъ вопросовъ, на томъ основ
литература, повидимому, сговорилась навязывать пр
ству конституціонныя идеи, отъ которыхъ оно совершен
бодно. Австрійскіе министры или, по крайней мѣрѣ, н
изъ нихъ издаютъ циркуляры, увѣряющіе, что прави
отнюдь не намѣрено идти далѣе августовской пр
и, допуская частные сеймы, отнюдь не намѣрено в
стрію къ конституціонному устройству. Журналамъ

Digitized by Google

престанныя затрудненія въ обсужденіи мнѣній, высказываемыхъ въ бюджетномъ комитетѣ государственнаго совѣта. Но всѣ циркуляры и собственныя увѣренія въ своей твердости не мѣняютъ положенія дѣлъ, и молчаніе журналистики имѣетъ своимъ послѣдствіемъ только то, что, съ одной стороны, значеніе государственнаго совѣта увеличивается, а съ другой стороны распространяются въ обществѣ слухи, которые усиливаютъ волненіе. Вѣнская журналистика представляетъ собою нѣмецкій элементъ, который въ Австріи преданъ началу централизаціи и слѣпо враждебенъ направленію, преобладающему въ государственномъ совѣтѣ. Стѣсняя вѣнскую журналистику, правительство такимъ образомъ содѣйствуетъ большинству государственнаго совѣта и облегчаетъ ему его дѣло. Неудержимый [illegible] увлекаетъ австрійское правительство на тотъ путь, который одинъ можетъ спасти Австрію. Полгода тому назадъ никто не могъ и думать о томъ, чтобъ австрійское правительство приняло программу преобразованія Австріи, составленную барономъ Этвешемъ, а теперь эта программа [illegible] близка къ своему осуществленію, и защитники ея не [illegible] жалуются на стѣсненія со стороны властей, сколько ея [illegible]ники, такъ-называемые либералы, настаивающіе на необходимости централизаціи. Въ бюджетномъ комитетѣ, графъ Се[illegible] съ согласія венгерскихъ и чешскихъ членовъ, предложилъ программу, которая, судя по всѣмъ извѣстіямъ, совершенно одна съ программой барона Этвеша, и огромное большинство членовъ бюджетнаго комитета (по нѣкоторымъ извѣстіямъ, [illegible]отивъ 3) приняло эту программу; она встрѣчаетъ сопротивленіе только между Нѣмцами; всѣ другіе, какъ аристократы, [illegible] епископы, примкнули теперь къ венгерскимъ членамъ; [illegible]словились просить для другихъ земель имперіи того, что [illegible]риваютъ себѣ Венгерцы.

[illegible]ность программы барона Этвеша состоитъ въ томъ, чтобы [illegible]ство центральнаго управленія ограничивалось иностран[illegible]дѣлами, военными силами, финансами и таможеннымъ сбо[illegible]и чтобы все остальное было предоставлено, относительно [illegible], венгерскому сейму. Такое разграниченіе вѣдомствъ, по [illegible] барона Этвеша, примирило бы потребность единства, [illegible]емую въ Австріи всѣми благоразумными людьми, съ по[illegible]стями мѣстной автономіи, опирающимися на исторію [illegible]и и на всю совокупность мѣстныхъ и племенныхъ осо[illegible]стей этого королевства. Вся внутренняя администрація, [illegible]стиція и всѣ учрежденія народнаго просвѣщенія и духов[illegible]дѣлъ должны быть въ Венгріи самостоятельны и независимы отъ Вѣны. Во всѣхъ этихъ частяхъ должно быть возстано-

Digitized by Google

влено право, имѣвшее силу до 1848 года, не съ тѣмъ однакожь, чтобы Венгрія возвратилась къ прежнему положенію дѣлъ, а съ тѣмъ, чтобы реформы, необходимость которыхъ признается всѣми, были введены законнымъ порядкомъ. Содержаніе этой программы, по мысли барона Этвеша, не должно имѣть форму уступки, произвольно дѣлаемой вѣнскимъ правительствомъ, а форму постановленія, принятаго на венгерскомъ сеймѣ и утвержденнаго королемъ-императоромъ; баронъ Этвешъ настаиваетъ на томъ, чтобы была соблюдена историческая и юридическая непрерывность между старымъ и новымъ порядкомъ, и чтобы все время между 1848 и 1860 годомъ разсматривалось только какъ междуцарствіе, въ продолженіи котораго дѣйствіе законныхъ властей было пріостановлено чрезвычайными событіями этихъ лѣтъ. Порицатели этой программы рѣшительно не правы, когда видятъ въ ней возстановленіе прежняго порядка, и когда главнымъ мотивомъ ея считаютъ или по крайней мѣрѣ провозглашаютъ желаніе возвратиться къ феодальнымъ порядкамъ и господству аристократіи и духовенства. Въ такихъ симпатіяхъ къ отжившей старинѣ нельзя упрекать барона Этвеша, а всеобщее сочувствіе, которое выказываютъ теперь венгерскіе журналы, самые либеральные, равно какъ и самые демократическіе, программѣ графа Сецена, достаточно свидѣтельствуетъ, что и эта программа свободна отъ ретроградныхъ тенденцій. Венгерская журналистика стала относительно государственнаго совѣта въ положеніе очень оригинальное. Мы уже говорили, что многіе изъ лучшихъ людей Венгріи отказались отъ участія въ этомъ собраніи. Въ другихъ провинціяхъ также не ожидали многаго отъ государственнаго совѣта, преобразованнаго патентомъ 5 марта, и патентъ этотъ былъ встрѣченъ всеобщею апатіей. Но когда совѣтъ, наконецъ, составился, и открылись его засѣданія, когда послышался въ немъ такой голосъ какого никогда еще не слыхивали въ Вѣнѣ, голосъ воздержанно непреклоннаго и откровеннаго либерализма, тогда общественное мнѣніе измѣнилось,—измѣнилось вездѣ, кромѣ Венгріи. Даже англійскія газеты отзывались одобрительно о преніяхъ государственнаго совѣта, а журналистика въ Пештѣ хранила упорное молчаніе и какъ бы не хотѣла знать, что въ Вѣнѣ созванъ усиленный государственный совѣтъ. Нельзя было не видѣть въ этомъ молчаніи систематическаго плана; можно было догадываться, что была какая-нибудь причина, побуждавшая къ этому образу дѣйствій, но нельзя было не признать, что Венгерцы несправедливы къ австрійскому государственному совѣту. Знаменитый Венгерецъ, г. Шомшичъ, самъ отказавшійся отъ званія члена въ государственномъ совѣтѣ, счелъ однакоже нужнымъ написать изъ

Digitized by Google

Карльсбада, гдѣ онъ находился для лѣченія, письмо къ издателю одного пештскаго журнала (Pesthi Hirnöck) и выразить ему свое сожалѣніе о такомъ образѣ дѣйствій венгерской печати. Но какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что венгерскіе члены государственнаго совѣта приняли программу барона Этвеша, тотчасъ же развязался языкъ у пештскихъ газетъ, и онѣ заговорили съ сочувствіемъ объ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ. Какъ видно, въ Венгріи не вполнѣ довѣряли тѣмъ лицамъ, которыя согласились засѣдать въ государственномъ совѣтѣ; ихъ подозрѣвали въ недостаткѣ твердости съ одной стороны и въ излишнемъ аристократизмѣ съ другой стороны. Съ 1848 года, либеральная партія получила въ Венгріи рѣшительный перевѣсъ. Магнаты жили въ дружбѣ съ ней, но они не имѣли случая доказать на дѣлѣ, что ихъ взгляды измѣнились, и что они отказались отъ исключительнаго аристократизма и феодальныхъ предразсудковъ. Отсюда это недовѣріе, которое позволяло смотрѣть на графовъ Аппони, Андрашъ, Сецена, Сегени какъ на отщепенцевъ. Но совѣщанія, происходившія въ бюджетномъ комитетѣ, показали, что это недовѣріе было неосновательно, что магнаты, вступившіе въ государственный совѣтъ, остались вѣрны и Венгріи, и либеральному направленію, и съ тѣхъ поръ, какъ мы сказали, Венгерцы стали иначе смотрѣть на австрійскій государственный совѣтъ.

Уже это одно служитъ достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что программа графа Сецена не есть стратагема, придуманная съ намѣреніемъ возстановить въ Венгріи старинные порядки. Подобныя обвиненія высказываются теперь только Нѣмцами, и нельзя сомнѣваться, что они несправедливы. Венгерская партія, дѣйствующая теперь согласно и въ Вѣнѣ, и въ Пештѣ, желаетъ возстановленія венгерскаго сейма очевидно только съ тѣмъ, чтобы сохранить самостоятельность венгерскаго законодательства и облечь реформы законнымъ харектеромъ сеймовыхъ постановленій. Она не хочетъ, чтобы реформы имѣли видъ случайныхъ, произвольныхъ мѣръ вѣнскаго правительства; она настаиваетъ на томъ, чтобъ онѣ были не *октроированы*, а утверждены законными властями, венгерскимъ королемъ-императоромъ и венгерскимъ сеймомъ. Теперь оказывается, что таково было намѣреніе венгерскихъ членовъ совѣта уже съ самыхъ первыхъ засѣданій его; только этимъ объясняется упорное сопротивленіе ихъ тому, чтобы проекты законовъ о поземельныхъ книгахъ и мировыхъ сдѣлкахъ были обсуждаемы въ государственномъ совѣтѣ: эти законы относятся къ такимъ вѣдомствамъ, которыя, по программѣ барона Этвеша, не должны подлежать центральной вѣнской власти. Бюджетъ, напротивъ того, есть дѣло центральной власти; онъ подлежитъ разсмотрѣнію ея органовъ, и вотъ почему

Digitized by Google

государственный совѣтъ тотчасъ же принялся за его разсмотрѣніе. Равнымъ образомъ государственный совѣтъ принялъ съ благодарностію расширеніе своихъ правъ, дарованное рескриптомъ 17-го іюля; въ центральномъ законодательствѣ, по его мнѣнію, можетъ быть допущено *октроированіе*, потому что въ центральномъ законодательствѣ нѣтъ тѣхъ историческихъ основъ конституціоннаго права, которыя имѣетъ и о которыхъ не хочетъ забыть Венгрія. Въ Вѣнѣ расширеніе правъ государственнаго совѣта принимается какъ монаршая милость; въ Пештѣ на возстановленіе существовавшихъ правъ не хотятъ смотрѣть какъ на милость. Вотъ, если мы не ошибаемся, ключъ къ объясненію того образа дѣйствій, которому слѣдуютъ венгерскіе члены австрійскаго государственнаго совѣта.

Программа венгерскихъ членовъ изложена въ запискѣ, составленной графомъ Сеценомъ и еще не обнародованной. *Ostdeutsche Post* говоритъ, что этотъ документъ написанъ превосходно, и что его обнародованіе произведетъ огромное впечатлѣніе во всей имперіи. Въ государственномъ совѣтѣ записка графа Сеченя имѣла большой успѣхъ; по словамъ *Ostdeutsche Post*, многіе члены совѣта, высказавшіеся въ первыхъ засѣданіяхъ совершенно въ другомъ духѣ, теперь примкнули къ венгерской партіи. Но почти всѣ нѣмецкія газеты встрѣтили эту программу враждебно и говорятъ, что принятіе ея поведетъ къ распаденію Австріи. Главный аргументъ ихъ состоитъ въ томъ, что центральная власть, то-есть императоръ въ соединеніи съ будущимъ парламентомъ, должна имѣть гораздо болѣе обширный кругъ дѣйствія нежели какой предоставляетъ ей программа барона Этвеша, что она должна простираться и на юстицію, и на вѣдомство народнаго просвѣщенія. Въ Австріи, говорятъ они, должно быть одно законодательство; этого требуетъ будто бы и духъ времени, и интересъ отдѣльныхъ областей. Эти централизаторы, желающіе внести единообразіе въ область права и въ отправленіе юстиціи, совсѣмъ забываютъ, что политическое единство очень можетъ существовать и дѣйствительно существуетъ напримѣръ въ Великобританіи при разнообразіи мѣстныхъ правъ. Шотландія и Ирландія посылаютъ своихъ членовъ въ парламентъ Соединеннаго Королевства и тѣмъ не менѣе сохраняютъ свое историческое законодательство, да и въ самой Англіи господствуютъ разные законы, въ Уэльсѣ есть свое право, въ графствѣ Кентскомъ свое, и это нисколько не мѣшаетъ ни политическому единству, ни могуществу Великобританіи; это только содѣйствуетъ тому, что каждая часть Соединеннаго Королевства живетъ по законамъ, къ которымъ она привыкла, и которые пользуются въ ней популярностію. Если же въ дѣлѣ юстиціи нѣтъ никакой надобности въ централизаціи, а

Digitized by Google

напротивъ, централизація только разрушаетъ живую связь между обществомъ и его законами, то въ духовныхъ дѣлахъ и народномъ просвѣщеніи еще менѣе можетъ чувствоваться потребность въ однообразіи. За всѣми этими нѣмецкими возгласами о духѣ времени, объ эпохѣ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, сближающей людей, очевидно скрываются виды на національное преобладаніе, и нельзя удивляться тому, что этимъ мнимо-либеральнымъ доводамъ противодѣйствуютъ изо всѣхъ силъ приверженцы равноправности народностей и самобытности главныхъ составныхъ частей Австріи, такъ-называемыхъ коронныхъ земель ея. Австрія состоитъ изъ такого множества враждебныхъ элементовъ, что трудно вѣрить въ возможность примиренія ихъ, но если Австріи суждено существовать, то спасти ее отъ распаденія можетъ только устройство, основанное на началахъ, за которыя стоитъ теперь большинство членовъ аветрійскаго государственнаго совѣта.

Общія собранія бюджетнаго комитета начались съ 6-го августа. Отдѣльныя комиссіи излагали свои доклады по разнымъ частямъ бюджета. Публика, ожидавшая, что бюджетный комитетъ покажетъ враждебность къ правительству, совершенно ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ. Въ бюджетѣ двора и иностранныхъ дѣлъ не предложено никакихъ сокращеній; на бюджетъ арміи сдѣлано нѣсколько замѣчаній, но въ комитетѣ не настаивали на сокращеніи этой части государственныхъ расходовъ, а къ бюджету морскихъ силъ даже прибавили милліонъ гульденовъ противъ того, что было назначено правительствомъ. Все это показываетъ, что въ комитетѣ нѣтъ ни тѣни зложелательства къ Австріи или враждебнаго чувства къ австрійской династіи, что онъ желаетъ не распаденія Австріи, а изысканія средствъ противъ ея распаденія. Эти средства комитетъ находитъ въ широкомъ развитіи самоуправленія коронныхъ земель, въ ограниченіи централизаціи тою областію, гдѣ она нужна и полезна, и въ устраненіи ея изъ тѣхъ сферъ, гдѣ она причиняетъ вредъ, возбуждая неудовольствіе подданныхъ, замедляя успѣхи благосостоянія и противодѣйствуя самобытному проявленію живыхъ силъ общества. Въ развитіи самоуправленія комитетъ находитъ единственное средство разомъ возстановить равновѣсіе между государственными доходами и расходами и устранить дефицитъ, который въ 1860 году доходитъ до 80-ти слишкомъ милліоновъ гульденовъ и при всѣхъ усиліяхъ правительства, при всѣхъ заботахъ его о бережливости, послѣ трудовъ множества комиссій, долженъ былъ составлять, по разчету бюджета, не менѣе 40 милліоновъ въ 1861 финансовомъ году.

Не разъ была высказана мысль, что финансы составляютъ

Digitized by Google

естественное ограниченіе власти всякаго правительства и полагаютъ предѣлъ развитію всякой противоестественной правительственной системы. Самое неограниченное правительство бываетъ ограничено финансовыми средствами своей страны; несостоятельность всякой противоестественной системы должна рано или поздно оказаться на финансахъ, а финансовое разстройство волею-неволею приводитъ къ необходимости отказаться отъ противоестественной системы, какъ бы она ни была привлекательна. Поэтому-то мы видимъ въ исторіи, что серіозныя политическія улучшенія по большей части начинаются съ финансовъ и вызываются финансовыми затрудненіями. Изъ этого замѣтимъ кстати, можно заключить объ ошибочности мнѣнія будто бы финансовые вопросы слишкомъ сухи для большинства образованной публики и могутъ интересовать только спеціалистовъ и техниковъ. Въ финансовыхъ вопросахъ безспорно нѣтъ поэзіи: всѣ они—чистѣйшая проза, но отъ нихъ зависятъ высшіе интересы человѣческой жизни, потому что отъ нихъ зависитъ все политическое устройство каждой страны, а потому обыкновенно и случается, что политическія стремленія не выходятъ изъ области поэзіи, если не бываютъ основаны на короткомъ знакомствѣ съ прозаическими финансовыми вопросами. Можно сказать наоборотъ, что политическая зрѣлость общества измѣряется интересомъ, который оно принимаетъ въ финансовыхъ вопросахъ своей страны, а вѣроятность успѣха всеобщей политической реформы—ея необходимою связью съ финансовыми потребностями того государства, гдѣ такая всеобщая реформа происходитъ. Поговорку *a Jove principium* въ сферѣ политики можно перевести такъ: дѣло начинается съ финансовъ. Что въ Австріи дѣло начинается теперь съ финансовъ, въ этомъ нельзя не видѣть сильнаго ручательства за серіозность того, что теперь тамъ происходитъ.

Телеграмма, полученная сейчасъ, извѣщаетъ, что австрійское правительство намѣрено предупредить пренія государственнаго совѣта обнародованіемъ важныхъ политическихъ мѣръ. Еще прежде сообщали изъ Вѣны, что венгерскіе члены государственнаго совѣта намѣрены выйдти изъ совѣта, если программа ихъ не будетъ одобрена правительствомъ. На этотъ случай Венгрія готова оказать вѣнскому правительству сильное сопротивленіе, которое начнется отказомъ въ платежѣ податей. Между тѣмъ въ Пештѣ господствуетъ волненіе; г. Бенедекъ, генералъ-губернаторъ Венгріи, говорятъ, не видитъ средствъ сдерживать его и проснтся въ отставку. Дѣла дошли до крайняго напряженія, и на дняхъ можно ожидать очень важныхъ извѣстій изъ Вѣны и Пешта.

Digitized by Google

ВЫСАДКА ВЪ КАЛАБРІЮ.

послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, говоря о высадкѣ
льдійцевъ въ Калабрію, мы сдѣлали нѣсколько мелкихъ
къ, неизбѣжныхъ при передачѣ извѣстій на основаніи
ъ телеграммъ или слишкомъ поспѣшныхъ корреспонденцій:
апримѣръ мы сказали, что первая высадка гарибальдійцевъ
ла была подъ начальствомъ Стокки, тогда какъ ею управ-
айоръ Миссори, тотъ самый, который, подъ Мелаццо, уча-
ъ въ битвѣ Гарибальди съ неаполитанскими кавалери-
сверхъ того первымъ занятымъ на калабрійскомъ берегу
мъ была не Сцилла, а другая крѣпость на косѣ ди-Пеццо
di Pezzo). Теперь мы получили самыя обстоятельныя и
ныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ калабрійской высадкѣ
рвыхъ ея успѣхахъ, въ спеціяльныхъ корреспонденціяхъ
Times. Письма спеціяльнаго южно-италіянскаго корреспон-
этой газеты имѣютъ, по нашему мнѣнію, всю силу и зна-
политическаго авторитета. Ни разу ни одно изъ сообщен-
имъ извѣстій не было опровергнуто другими досто-
ми извѣстіями; слова его, напротивъ, всегда объясняли
ковывали истинный смыслъ событій. Почти неотлучно
сь при штабѣ диктатора, корреспондентъ знаетъ, не только
есть, но и то, что будетъ, и еще ни одно изъ ожиданій
люченій его не оказывалось неосновательнымъ или лож-
Онъ отлично понимаетъ духъ всѣхъ предпріятій Гарибальди,
лично понимаетъ и его самого, его личный характеръ, его
ва и способности.

на за италіянское единство и независимость, говоритъ онъ
прочимъ, въ письмѣ своемъ отъ 30 іюля изъ Мессины,
ла въ новую фазу. Я самъ, находясь тутъ, на мѣстѣ всѣхъ
событій, нисколько не сомнѣваясь ни въ силѣ народныхъ
ій, ни въ геніи Гарибальди, думаю подчасъ, что я грежу,—
удесенъ этотъ процессъ воскрешенія цѣлаго народа. Я могу
ть это только съ алоэ, которое всю жизнь свою смиренно
ся по землѣ, а когда придетъ пора, вдругъ выпускаетъ изъ
ы своихъ колючихъ листьевъ длинный и могучій стебель;
ну ночь стебель этотъ распускается въ великолѣпный цвѣ-
и наполняетъ весь окружающій воздухъ сильнымъ арома-
Когда корабль за кораблемъ, нагруженные десантомъ, от-
ли отъ Палермо и скрывались за мысомъ Зафарано, всѣ

Digitized by Google

предвидѣли въ этомъ будущую упорную борьбу подъ стѣнами Мессины. А тутъ ужь дѣло шло не о крутыхъ, но за то открытыхъ высотахъ Калатафими и не о баррикадахъ Палермо: тутъ пришлось бы встрѣтить непріятеля подъ сотней чугунныхъ жерлъ въ сильно защищенной и хорошо снабженной крѣпости. Одинъ только Гарибальди смѣялся надъ всѣми нашими опасеніями: «Пускай они идутъ, говорилъ онъ, куда хотятъ; тѣмъ лучше, встрѣтимся съ ними въ Сициліи; не надобно будетъ далеко искать ихъ.» Такъ отвѣчалъ онъ на нашъ ропотъ противъ его чрезмѣрнаго, какъ намъ казалось, великодушія, и отвѣтъ свой всегда сопровождалъ тою неизмѣнною улыбкой, противъ которой не могутъ устоять самые враги его.»

Послѣ мелацкой побѣды всѣ боялись бомбардированія Мессины, и генералъ Клари принялъ дѣйствительно всѣ нужныя для этого мѣры, извѣстивъ иностранныхъ консуловъ, чтобъ они выбрались изъ города, и иностранные корабли, чтобъ они вышли изъ гавани. Но изъ Неаполя вдругъ пришелъ приказъ не только не начинать никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, а даже очистить городъ и самые форты, если это будетъ нужно; генералъ Клари получилъ, сверхъ того, строгій выговоръ за воинственныя намѣренія, съ замѣчаніемъ, что онъ очень дурно служитъ своему правительству. «Положеніе неаполитанскихъ генераловъ очень теперь не завидно, замѣчаетъ корреспондентъ. Они должны удержать напоръ революціоннаго потока и въ то же время не прибѣгать ни къ одной изъ тѣхъ мѣръ, которыя внушено имъ было прежде считать дѣйствительными. Они привыкли глядѣть на бомбардировку, какъ на единственное средство противъ революціи, а теперь имъ говорятъ, что неаполитанское правительство питаетъ отвращеніе къ подобному лѣченію. Чтобы развивать въ солдатахъ вкусъ къ сраженіямъ, они поощряли въ нихъ хищническія наклонности,—теперь имъ говорятъ, что войско существуетъ для защиты частной собственности, а не для разоренія ея. Они привыкли смотрѣть на трехцвѣтное знамя съ непритворнымъ гнѣвомъ, а на патріотовъ Италіи, какъ на окаяннѣйшихъ негодяевъ на всемъ земномъ шарѣ,—теперь они должны сражаться подъ этимъ самымъ знаменемъ и присутствовать при переговорахъ своего правительства о дружескомъ и покровительственномъ союзѣ съ Викторомъ-Эммануиломъ!»

Утромъ 31 іюля четыре парохода *Городъ Абердинъ*, *Орионъ*, *Медея* и *Франклинъ* высадили у мыса Маяка (Faro), при самомъ входѣ въ Мессинскій проливъ, 1600 человѣкъ бригады Сакки изъ Палермо и привезли оттуда очень много орудій и артиллерійскихъ снарядовъ. «Крайности сходятся, и Гарибальди принялъ, кажется, за правило эту поговорку, говоритъ корреспондентъ.

Digitized by Google

Видя почти совершенную невозможность, при томъ войскѣ, которымъ онъ командуетъ, хранить во всемъ глубокую тайну, обыкновенно признаваемую за необходимое условіе военныхъ успѣховъ, Гарибальди принялъ діаметрально противоположную систему и дѣлаетъ все открыто, при дневномъ свѣтѣ. Онъ заранѣе объявляетъ о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, утомляетъ воображеніе тревожнымъ ожиданіемъ и потомъ дѣлаетъ именно то самое, что̀ объявлялъ, но только тогда, когда наименѣе того ожидаютъ. Эта необыкновенная смѣлость и дѣйствительное отсутствіе всякой тайны не разъ смущали его враговъ. Такъ и 31 числа: цѣлая флотилія неаполитанскихъ пароходовъ, изъ Мессины, Реджіо, Вилла Санъ-Джіованни и Сциллы, крейсеровала у входа въ проливъ и присутствовала, не болѣе какъ въ 400 саженяхъ, при всемъ процессѣ высадки и разгрузки. Она могла слѣдить за каждымъ высаживаемымъ солдатомъ, за каждымъ выгружаемымъ орудіемъ, могла видѣть калибръ орудій, разчислить ихъ порядокъ, счесть пирамиды ядеръ и бомбъ. Все совершалось при полномъ дневномъ свѣтѣ. Можно было видѣть и самого Гарибальди (присутствовавшаго при высадкѣ), слѣдить за его движеніями, догадываться о его распоряженіяхъ. Можно было и по многимъ другимъ признакамъ узнать очень достовѣрно, для чего привезены сюда всѣ эти пушки. Нѣсколько сотъ работниковъ таскали землю, пѣшки съ пескомъ, брусья, доски и такъ распоряжались со всѣми этими матеріялами, что и слѣпой даже догадался бы, что здѣсь воздвигаются баттареи. Слѣдя за этими работами, Неаполитанцы легко могли понять, что Гарибальди строитъ укрѣпленіе, чтобы командовать надъ проливомъ и прервать сообщенія между Неаполемъ и пунктами острова, гдѣ еще оставались Неаполитанцы. Чтобы понять всю важность командованія Мессинскимъ проливомъ, продолжаетъ корреспондентъ, нужно припомнить, что Неаполь и Гаэта единственный базисъ военныхъ операцій Неаполитанцевъ, что на южномъ и восточныхъ берегахъ континента нѣтъ ни одного порта, который дѣствительно заслуживалъ бы это названіе, и что дороги въ Калабріи и черезъ Апеннины еще хуже, чѣмъ въ Сициліи. Всѣ сообщенія между Неаполемъ и юговосточною стороной совершаются моремъ и большею частію черезъ проливъ. Если мы успѣемъ укрѣпиться у Маяка, мы тѣмъ самымъ такъ будто перекинемъ мостъ черезъ каналъ, отдѣляющій насъ отъ континента и пріобрѣтемъ базисъ, опираясь на который мы свободно можемъ пристать къ любому пункту на южномъ или восточномъ берегахъ. Укрѣпленіе этой позиціи, вмѣсто осады и взятія Мессины, принадлежитъ къ числу тѣхъ геніяльныхъ вдохновеній Гарибальди, которыми такъ богата сицилійская экспеди-

Digitized by Google

ція. Когда проливъ будетъ защищенъ, въ мессинскихъ фортахъ и безъ того нельзя будетъ держаться. Изъ Неаполя дѣйствительно было приказаніе очистить всѣ форты, если Гарибальди будетъ настаивать; но Гарибальди не настаивалъ: пускай себѣ безвредные гарнизоны занимаютъ лучше нѣкоторые пункты Сицилія чѣмъ усилятъ собою континентальную неаполитанскую армію.»

Высадка въ Калабрію была подготовлена народнымъ движеніемъ страны. «Какъ только заслышали въ Калабріи о намѣреніи Гарибальди перенесть войну на материкъ, тотчасъ комитеты всѣхъ городовъ страны послали въ Аспромонте своихъ уполномоченныхъ, чтобы согласиться въ образѣ дѣйствій. Единодушнымъ рѣшеніемъ положено было послать къ Гарибальди депутацію съ просьбой сдѣлать для остальной части Неаполитанскаго королевства то, что онъ сдѣлалъ для Сициліи.» 31 іюля депутація эта изъ 40 человѣкъ представлялась Гарибальди. Представители калабрійскихъ городовъ высказали диктатору полную готовность народа слѣдовать за нимъ и просили только оружія. «Гарибальди въ отвѣтѣ своемъ депутаціи выразилъ всю радость свою, что новый членъ великаго италіянскаго семейства ставится подъ общее знамя великой и сильной Италіи, независимой отъ иностранцевъ, свободной отъ притѣснителей. Диктаторъ обѣщалъ скоро быть въ Калабріи и прислать оружіе еще прежде своего прибытія. Въ одинъ голосъ спросили депутаты—*когда*? Въ отвѣтъ на это Гарибальди улыбнулся и повторилъ слово: «скоро», которое возбудило восторженныя рукоплесканія всѣхъ присутствовавшихъ.»

Въ то же утро диктаторъ привѣтствовалъ офицеровъ только что вступившей тогда въ городъ катанской колонны, которая искусною диверсіей своею на Мессину лишила генерала Боско просимой имъ генерала Клари въ битвѣ при Мелаццо помощи (1). Всѣ офицеры эти принадлежали къ первой, марсальской экспедиціи Гарибальди и были особенно дороги его сердцу. «Во все время сицилійской кампаніи, разказываетъ корреспондентъ, я во второй разъ видѣлъ диктатора такъ глубоко тронутымъ. Въ первый разъ это было тогда, когда освобожденные изъ палермской цитадели плѣнники, окруженные своими семействами, пришли благодарить своего избавителя. Диктатору не достало тогда его природнаго краснорѣчія, и онъ былъ безмолвенъ, такъ же точно, какъ и 31 числа. Онъ обводилъ взорами хорошо знакомыя ему лица людей

(1) Боско жаловался даже въ Неаполѣ на то, что ему не оказали условленной между обоими начальниками помощи, и Клари требовали за это къ отвѣту.

Digitized by Google

такъ дружно, съ такою вѣрой и отвагой отвѣчавшихъ на его призывъ, и опять переглядывалъ, какъ бы припоминая, что нѣкоторыхъ не достаетъ здѣсь, что они легли на скатахъ Калатафими, или въ развалинахъ Палермо. Наконецъ уже, бросивъ на нихъ долгій взглядъ любви изъ глубокихъ глазъ своихъ, столь полныхъ души, онъ сказалъ имъ:

« Мои старые вѣрные товарищи! ваше присутствіе волнуетъ меня и лишаетъ способности выразить вамъ всю мою радость, что я вижу васъ... Васъ было мало, а мы сдѣлали много; теперь же насъ будетъ много, чтобы сдѣлать уже очень немногое. Изъ участниковъ первой экспедиціи нѣкоторые еще не офицеры, и ихъ здѣсь нѣтъ съ вами: привѣтствуйте ихъ отъ меня и скажите имъ, что съ такими людьми, какъ мои товарищи по первой экспедиціи, нѣтъ ничего невозможнаго. Низкій, низкій имъ отъ меня поклонъ! »

Военная конвенція, какъ послѣдствіе мелацской битвы, была заключена съ генераломъ Клари не самимъ Гарибальди, а генераломъ Медичи, который собственно и былъ начальникомъ гарибальдійскихъ войскъ при Мелаццо. Гарибальди былъ въ резервѣ и появлялся, какъ всегда онъ дѣлаетъ въ битвахъ, всюду, гдѣ требовалась скорая помощь, одушевляя солдатъ своимъ присутствіемъ и исправляя ошибки военачальниковъ. Вообще, по словамъ корреспондента, Гарибальди, въ своихъ геніяльныхъ распоряженіяхъ, указываетъ только главныя начала, предоставляя исполненіе подробностей усердію и догадливости частныхъ начальниковъ. По вышеупомянутой конвенціи, Неаполитанцы удержали за собою крѣпости Мессины, Сиракузъ и Агосты. 1-го августа послѣдовало свиданіе генерала Клари съ диктаторомъ, результатомъ котораго было очищеніе фортовъ Агосты и Сиракузъ.

1-го же августа, мессинскій банкъ далъ знать Гарибальди, что онъ имѣетъ 250.000 дукатовъ (слишкомъ 300.000 рублей сер.) къ его услугамъ, но что еще 400.000 дукатовъ Неаполитанцы взяли изъ банка. Вслѣдствіе этого посланъ былъ въ Неаполь чиновникъ, чтобы взять обратно эту сумму. Деньги банка прислись какъ нельзя болѣе кстати; деньги уходятъ у сицилійскаго правительства несравненно скорѣе чѣмъ прибываютъ. Иностранный заемъ Бертани не удался: онъ только по добровольной подпискѣ собралъ нѣсколько милліоновъ франковъ (около пяти) и отвезъ ихъ диктатору (1). Къ финансовымъ трудностямъ правительства Гарибальди присоединяется еще и то обстоятель-

(1) Александръ Дюма тоже привезъ (послѣ мелацской битвы) оружіе и снегъ.

Digitized by Google

ство, что подати и налоги сбираются съ жителей острова съ необыкновенною трудностью. Нѣкоторые налоги прежняго правительства, самые прибыльные, но ненавистные для народа (какъ напримѣръ, мельничная такса), нужно было отмѣнить; другіе же, въ томъ числѣ и поземельные сборы (самые значительные въ бюджетѣ), выплачивались очень туго. «Идея свободы равняется въ мнѣніи низшихъ классовъ всего человѣческаго рода, отсутствію всякихъ податей и сборовъ, справедливо замѣчаетъ корреспондентъ. Въ Сициліи, говоритъ онъ, и высшіе классы готовы, кажется, раздѣлять этотъ взглядъ.»

Съ Маяка, на мысѣ того же имени, открывается, по словамъ корреспондента, превосходный видъ на проливъ. «Почти прямо черезъ проливъ скала и городъ Сцилла, тутъ же Торре-ди-Кавалло съ каменною баттареей. Внизу тянется по берегу единственная колесная дорога Калабріи. Нѣсколько влѣво отъ Лошадиной Башни (Torre di Cavallo) развертывается на полугорѣ довольно обширная площадка — Лагерь (il Campo), такъ называемая потому, что во время занятія Французами Неаполя они устроили здѣсь укрѣпленный лагерь, изъ котораго грозили Сициліи высадкой. Этотъ лагерь можетъ служить отличною точкою опоры военныхъ операцій въ Калабріи. Нѣсколько миль далѣе виднѣется селеніе Кормителло, а на мысѣ Пеццо (Punta di Pezzo) за Кормителло расположена другая батарея.»

6-го августа, Гарибальди подписалъ слѣдующую прокламацію *къ народонаселенію неаполитанскаго континента* (мы заимствуемъ ее изъ письма генуэзскаго корреспондента *Indépendance Belge*):

«Противодѣйствіе иностранцевъ, заинтересованныхъ въ нашемъ униженіи, и внутренніе раздоры не давали до сихъ поръ Италіи времени организоваться.

«Нынѣ Провидѣніе положило, кажется, предѣлъ нашимъ несчастіямъ... Примѣрное единодушіе всѣхъ областей, побѣды, всюду слѣдующія за оружіемъ сыновъ свободы, доказываютъ, что страданія этого отечества геніевъ приходятъ къ концу.

«Остается еще одинъ шагъ!.. Но онъ не пугаетъ меня. Если сравнить слабыя средства, которыя довели горсть храбрецовъ до Мессинскаго пролива, съ огромными средствами, которыми мы теперь располагаемъ, то нельзя не видѣть, что предпріятіе наше совсѣмъ не трудно.

«Мнѣ хотѣлось бы, однако, избѣжать пролитія крови между Италіянцами, и вотъ почему я обращаюсь къ вамъ, сыны неаполитанскаго континента!

«Я успѣлъ оцѣнить вашу храбрость и достоинства и не хочу вновь подвергать ихъ испытанію. Пускай кровь наша прольется вмѣстѣ на трупы враговъ Италіи... но миръ да будетъ между нами!

Digitized by Google

«Я протягиваю къ вамъ руку, которая никогда не служила тиранамъ, но которая загрубѣла на службѣ народамъ: прими ее, о великодушное неаполитанское населеніе!.. Я прошу васъ позволить мнѣ создать Италію, не жертвуя дѣтьми ея, и служить ей съ вами, или умереть за нее.

«Мессина, 6 августа 1860.

«Дж. Гарибальди.»

Въ тотъ же день начаты были дѣятельныя приготовленія къ высадкѣ въ Калабрію. На низкомъ, песчаномъ полуостровѣ, ко*торый* заканчивается мысомъ Маяка, находятся два озера соленой воды. Узкимъ, но довольно глубокимъ каналомъ, ихъ со*единили* съ моремъ, и черезъ это образовалась очень хорошая естественная бухта для кораблей небольшаго размѣра. Въ нея*то приготовлены* были суда для калабрійскаго десанта: 20 большихъ барокъ, могущихъ вмѣстить въ себѣ каждая 20 лошадей и отъ 80 до 100 человѣкъ; около 150 мелкихъ рыбачьихъ судовъ, каждое на 10 и на 20 человѣкъ; сверхъ того, для высадки должны были служить и три парохода—*Городъ Абердинъ*, *Калабрія* и *Герцогъ Альба* (два послѣдніе взяты были, какъ извѣстно, пароходомъ *Тюкери*, бывшимъ *Велоче*): на нихъ могло помѣститься 5.000 человѣкъ десанту.

Прежде чѣмъ приступить къ высадкѣ, нужно было предварительно рѣшить, на какой именно пунктъ повести ее. Колебались между фортами Фіумара и Сцилла. Майоръ Миссори ѣздилъ на берегъ и осматривалъ фортъ Сциллу. «Фортъ этотъ, говоритъ корреспондентъ *Times*, изсѣченный, такъ-сказать, на отдѣльномъ утесѣ, соединенъ съ городомъ посредствомъ подъемнаго моста, перекинутаго черезъ пропасть. Возлѣ форта находится церковь, напротивъ—открытое мѣсто для рынка. Отъ одного изъ угловъ этого рынка узкій переходъ ведетъ къ мосту. До сихъ поръ одинъ часовой стоялъ у моста, а другой у воротъ; гарнизонъ состоялъ всего изъ 30 человѣкъ. Теперь, въ ожиданіи, вѣроятно, событій, гарнизонъ доведенъ былъ до 120 человѣкъ, караулъ содержался у церкви и двое часовыхъ стерегли переходъ къ мосту.

«Майоръ Миссори, продолжаетъ корреспонденгъ, составилъ слѣдующій планъ завладѣнія фортомъ: Около ста человѣкъ, одѣтыхъ по-крестьянски и вооруженныхъ револьверами, должны были высадиться по пяти и шести человѣкъ на берегъ и потомъ соединиться въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ. Соединившись, они должны были двинуться утромъ, когда опущенъ мостъ, смѣшаться въ толпу передъ церковью. По данному знаку, часовыхъ должно было снять и одной части отряда овладѣть

Digitized by Google

мостомъ, а другой — не допускать солдатъ подать помощь ихъ товарищамъ.

«Но планъ этотъ, несмотря на свои достоинства, не былъ принятъ между прочимъ и потому, что высадку десанта, по занятіи форта, пришлось бы произвести днемъ, въ виду неаполитанскихъ крейсеровъ, тогда какъ аттака на Фіумару могла быть произведена ночью и немедленно сопровождаться высадкой болѣе значительныхъ силъ гарибальдійцевъ. Рѣшено было поэтому произвести аттаку на Фіумару, и для исполненія предпріятія избранъ былъ Миссори.»

Съ этой минуты разказъ корреспондента о высадкѣ въ Калабріи представляетъ самый высокій драматическій интересъ:

«Майору Миссори дали отрядъ въ 40 колонновожатыхъ, большею частію людей молодыхъ и испытанныхъ, 100 человѣкъ изъ бригады Сакки и около 50 человѣкъ, выбранныхъ изъ разныхъ корпусовъ подъ начальствомъ полковника Лефлота. Барки съ этимъ десантомъ должны были переплыть проливъ прямо къ Фіумарѣ; люди снабжены были лѣстницами и всѣмъ нужнымъ для шгурма. Три пушечныхъ выстрѣла, въ случаѣ успѣха, должны были послужить сигналомъ для начатія главной высадки. Дивизія Козенца (правой руки Гарибальди) должна была быть наготовѣ. Около 2.000 человѣкъ должны были быть посажены на три парохода; остальные должны были быть готовы сѣсть на барки, изъ которыхъ перевезены были бы пушки и лошади, и которые были бы буксированы пароходами. Высадивъ своихъ людей, пароходы отправились бы за новымъ десантомъ.

«Начало было довольно успѣшно. 32 барки съ первымъ, такъ сказать, пробнымъ десантомъ въ данную минуту отправились при весьма благопріятныхъ условіяхъ. Ночь была темна и неаполитанскіе пароходы далеко. Еще три барки вышли нѣсколько позже, будучи задержаны нагрузкой снарядовъ. Полчаса прошли въ ожиданіи событій. Глубокая тишина господствовала всюду. Всѣ надѣялись, все шло хорошо... какъ вдругъ пушечный выстрѣлъ и за нимъ ружейный огонь разсѣялъ иллюзіи, и надежда уступила мѣсто страху и тревогѣ. То была тяжелая минута. Шумъ веселъ вывелъ насъ изъ оцѣпенѣнія. Всѣ бросились въ бухтѣ, куда скоро, одна вслѣдъ за другою, собрались всѣ 32 барки. Экипажъ ихъ говорилъ, что онѣ благополучно высадили своихъ людей, и что тревога поднялась уже тогда, когда онѣ отплывали. Вслѣдъ за тѣмъ прибыли и запоздавшія три барки, но съ десантомъ; пушечный выстрѣлъ, возвѣстившій тревогу, раздался прежде чѣмъ онѣ успѣли высадить своихъ людей. Тревога распространилась, должно-быть, далеко, потому что эти три барки пытались пристать во многихъ другихъ мѣстахъ, но

Digitized by Google

каждый разъ должны были удалиться, заслышавъ барабанный бой на берегу.

«Томительные часы ночи миновали, и все-таки не было условленныхъ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ. Ужь передъ утромъ пущены были съ берега двѣ ракеты. Какъ только разсвѣло, всѣ трубки были наведены на мѣсто высадки. Около десяти часовъ замѣчена была на берегу рота пѣхоты, эскадронъ уланъ и два орудія, которыя бросались во всѣ стороны, какъ бы ища кого-то, кто, по ихъ мнѣнію, долженъ бы быть тутъ непремѣнно...

«Проведя безсонную ночь, всѣ искали мѣста, чтобъ отдохнуть немного. Самъ генералъ сошелъ въ каюту, и старая зала *Абердина* наполнилась живописными группами. Въ одномъ углу торчала длинная тощая фигура Козенца, у котораго на шеѣ видны еще слѣды мелацской раны; возлѣ него были его неразлучныя очки, а на немъ мундиръ бригаднаго генерала піемонтской арміи. Въ другомъ углу растянулся начальникъ штаба Гарибальди, генералъ Сиртори. Тутъ же виднѣлась и сѣдая голова Гузмароли, вѣрнаго товарища Гарибальди, какъ на островѣ Капрерѣ и въ Ломбардіи, такъ и въ Римѣ и Сициліи. Множество было и другихъ, совершенно незнакомыхъ лицъ, привлеченныхъ блескомъ предстоявшей высадки въ Калабрію: Италіянцевъ и не-Италіянцевъ, солдатъ и не-солдатъ, священниковъ, монаховъ, публицистовъ, журнальныхъ корреспондентовъ, артистовъ, саперовъ, минеровъ, навигаторовъ, кочегаровъ, механиковъ... были даже двѣ дамы. Берегъ усыпанъ былъ солдатами, которые ѣли, пили, спали, курили, бродили, говорили, смѣялись, спорили; офицеры, запыхавшись, шныряли между ними; артиллерія окаймляла бухту. Въ отдаленіи неаполитанскій пароходъ, съ любопытствомъ слѣдившій за нашими движеніями. Картина, достойная кисти лучшихъ художниковъ.»

Лишь около полудня получено было извѣстіе, что высадившійся отрядъ находился въ безопасности у Сант'-Анджело, въ горахъ. На другой день, 10-го августа, войска, находившіяся на пароходахъ, высажены были на берегъ, и самъ Гарибальди перенесъ свою главную квартиру въ башню Маяка, помѣстившись въ маленькой комнатѣ сторожа. Въ ночь съ 10 на 11 сдѣланы были наконецъ три вѣщіе пушечные выстрѣла, въ равныхъ промежуткахъ времени одинъ отъ другаго, и пущено нѣсколько ракетъ. Днемъ 11-го замѣтны были сильныя неаполитанскія подкрѣпленія, слѣдовавшія къ Фимарѣ. 12-го, утромъ неаполитанскіе корабли обстрѣливали часть берега и преимущественно мысъ Пеццо, батареей или фортомъ котораго овладѣли, безъ сомнѣнія, гарибальдійцы и мѣстные инсургенты, присоединившіеся къ десантному отряду.

Главная высадка была такимъ образомъ немного отдалена.

Digitized by Google

Гарибальди успѣлъ сдѣлать нѣсколько рейсовъ вдоль береговъ Сициліи, видѣться съ Бертани, отложить высадку приготовленныхъ имъ войскъ въ Папской области и осмотрѣть лично берега неаполитанскаго материка. 16-го августа Гарибальди, послѣ довольно продолжительнаго отсутствія, посѣтилъ Палермо, про который онъ могъ, по словамъ одной туринской газеты, сказать: *Мой добрый городъ Палермо*, подобно тому, какъ Генрихъ IV говорилъ: *Мой добрый городъ Парижъ* (Ma bonne ville de Paris). Восторгъ былъ неизобразимый, безумный. Въ Палермо начались было волненія партій, опять была манифестація противъ Криспи; но при видѣ Гарибальди все смирилось, все сгладилось, потухло, все слилось въ одномъ кликѣ, въ одномъ чувствѣ, въ одной страсти — въ поклоненіи человѣку, который для нихъ не великій полководецъ, не избавитель только, а само Провидѣніе.

На континентѣ между тѣмъ возстаніе слѣдовало за возстаніемъ. Поднялось движеніе въ Фоджіи, столицѣ Капитанаты, неаполитанской адріатической провинціи, близь Пульи, при чемъ двѣ бригады перешли на сторону гарибальдійцевъ. Въ Потенцѣ, главномъ городѣ Базиликаты, Гарибальди объявленъ диктаторомъ. Возсталъ также Беневентъ.

Прологомъ къ высадкѣ главныхъ силъ гарибальдійцевъ была отважная попытка парохода *Тюкери* овладѣть 90-пушечнымъ винтовымъ неаполитанскимъ пароходомъ *Монарка*. Нападеніе сдѣлано было въ Кастелламаре при полномъ составѣ всей королевской флотиліи и было ведено такъ искусно, что многіе подозрѣвали присутствіе на пароходѣ самого Гарибальди. Предпріятіе не удалось только за недостаткомъ большихъ пилъ, чтобы перепилить якорныя цѣпи. *Тюкери* былъ открытъ и спасся только благодаря быстрому и ловкому лавированію между французскими, англійскими и другими судами.

О порядкѣ и подробностяхъ главной гарибальдійской высадки мы знаемъ еще очень немного: 14 числа возвратившіяся войска вновь направлены были по разнымъ дорогамъ для сосредоточенія въ пунктахъ, съ которыхъ должна была быть произведена главная высадка въ Калабрію; высадка, судя по приготовленіямъ, грозила разомъ южному, восточному и западному берегамъ Калабріи; но казалось, что главная высадка произведена будетъ на западный берегъ, и все вниманіе Неаполитанцевъ было обращено именно туда, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, главная экспедиція приведена была на южный и восточный берега; въ Джіардини (близь Таормины), откуда должна была тронуться экспедиція, посланы были и прибыли въ ночь съ 17 на 18 число на двухъ пароходахъ 6.000 человѣкъ, приготовленные было докторомъ

Бертани для высадки въ Папскую Область; вся экспедиція вышла въ море 19 августа, въ семь часовъ вечера. На континентѣ блистательный успѣхъ сопровождаетъ Гарибальди; число всѣхъ войскъ его въ Калабріи достигаетъ 8.000; очень важный, стратегическій пунктъ, городъ Реджіо взятъ гарибальдійцами, и начато уже наступательное движеніе на сѣверѣ.

Столица бывшаго королевства Обѣихъ-Сицилій нетерпѣливо ждетъ освободителя Италіи. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ королевства царствуетъ смятеніе и ужасъ. Сами министры растерялись и, вопреки прежней своей системѣ, прибѣгли, въ виду тайно-разрастающагося революціоннаго движенія, къ двумъ весьма непопулярнымъ и совершенно безполезнымъ мѣрамъ: министерскими декретами они запретили всѣ журналы, за исключеніемъ только одного, требуя отъ нихъ политическихъ залоговъ, и объявили городъ въ осадномъ положеніи. Всѣ журналисты подали сообща протестъ противъ постигшаго ихъ распоряженія, а осадное положеніе держится почти только на бумагѣ. Сверхъ того, по послѣдне-полученной телеграммѣ, въ Неаполѣ сбирался въ чрезвычайное засѣданіе весь генералитетъ обращался къ королю съ просьбою оставить столицу: но Францискъ II отвѣчалъ, что онъ станетъ во главѣ войска и до послѣдняго солдата, до послѣдней капли крови будетъ защищать права свои (1).

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ТАТАРЪ И ЧЕРКЕССКИХЪ НОГАЙЦЕВЪ.

Одесскій Вѣстникъ и многія другія газеты, какъ русскія, такъ иностранныя, напримѣръ *Allgemeine Zeitung*, сообщаютъ свѣдѣнія о переселеніи Татаръ изъ Крыма въ Турцію. По Константинополю разгуливаютъ огромными толпами Черкесы, которымъ въ іюнѣ мѣсяцѣ было временно позволено пребываніе въ столицѣ порты. Ихъ не пускали прежде въ Константинополь и отправляли тотчасъ же въ Азію. Но съ іюня мѣсяца турецкіе пароходы заняты перевозкой войскъ въ Сирію, и Черкесовъ пришлось выпустить

---

1) Но есть уже телеграмма, по которой король уложилъ свои пожитки и готовъ уѣхать изъ Неаполя, вслѣдъ за изгнаннымъ имъ по требованію министерства дядею своимъ, графомъ Аквилою.

Digitized by Google

на берегъ въ Стамбулѣ; это произвело не малый страхъ между жителями, боящимися такихъ гостей. Черкесы эти, какъ надобно полагать, судя по извѣстіямъ № 140 *Петербургскихъ Вѣдомостей*, кавказскіе Ногайцы. Часть изъ нихъ, по распоряженіямъ турецкаго правительства, должна быть поселена во внутренности Сиріи, другая въ Ангорской провинціи. Съ іюня же въ Константинополѣ появились (*Allgemeine Zeitung* № 170) многіе старшины крымскихъ Татаръ для того, чтобы вступить въ переговоры съ правительствомъ насчетъ переселенія ихъ единоземцевъ, и Порта изъявила согласіе на принятіе 300,000 переселенцевъ кромѣ тѣхъ, которые пришли прежде. Въ концѣ іюня в Константинополь прибыли значительныя передовыя партіи этих выходцевъ изъ Крыма (не многіе изъ нихъ прошли через Одессу). *Одесскій Вѣстникъ*, напечатавшій особую статью об этомъ предметѣ, съ цѣлію показать вредъ этого переселенія дл судьбы земледѣлія въ Крыму, сообщилъ было еще и о том что переселеніе, если не совершенно еще прекратилось, т вскорѣ прекратится. Но письмо изъ Симферополя, отъ 2-го іюл въ № 174 *Сѣверной Пчелы*, ясно указывало на противное. П письму этому—дряхлые старики давно не припомнятъ ни такихъ роскошныхъ травъ, ни такихъ чудныхъ хлѣбовъ, какими ознаменовался 1860 годъ, но совершенный недостатокъ рабочихъ рукъ лишилъ хозяевъ возможности сдѣлать запасы корма на многіе годы. Что же касается Татаръ, то они почти не заготовляли сѣна для своего скота: тѣ изъ нихъ, кто не успѣлъ продать свой озимый хлѣбъ на корню, спѣшили убирать его и выбираться. Самъ *Одесскій Вѣстникъ* сообщилъ въ № 85, письмо изъ Керчи отъ 26 іюля, увѣдомляющее, что въ этотъ день ушелъ изъ Керчи пароходъ *Веста*, съ 900-ми кавказскихъ переселенцевъ, т Татары не перестаютъ сбывать за что ни попало свое имущество и по уборкѣ хлѣба, надѣются тронуться за границу. Авто письма прибавляетъ: «Мнѣ положительно извѣстно, что 22 душъ Татаръ Ѳеодосійскаго уѣзда и Керчи съ окрестностя ждутъ только выдачи имъ паспортовъ для переселенія.» Наконецъ, по позднѣйшимъ извѣстіямъ (*Сѣверная Пчела*, № 17 августа 8), выселеніе крымскихъ Татаръ и кавказскихъ горцев въ турецкіе предѣлы продолжается, и крымскіе Татары селятся въ Европейской Турціи, въ Добруджѣ, а кавказскіе горцы в Малой Азіи. Поговариваютъ, что въ замѣнъ этого, между добруджскими Болгарами явилась мысль о переселеніи въ Крымъ.

Во всякомъ случаѣ, переселеніе Татаръ изъ Крыма принадлежитъ къ событіямъ, почти совершившимся, и неминуемы временныя и мѣстныя невыгоды, уже происходящія или имѣющія произойдти вслѣдствіе выселенія значительной часги крымскаго населенія.

Digitized by Google

Вопросъ въ томъ только, каковы будутъ въ послѣдствіи результаты дѣла и не окупятся ли временныя и мѣстныя невыгоды постоянными и общими выгодами. Желѣзныя дороги и уничтоженіе крѣпостнаго быта ставятъ на очередь вопросъ о колонизаціи. Сѣверныя племена Россіи должны будутъ по необходимости устремиться къ югу. Это передвиженіе легко предвидѣть. Тогда не откроется ли Крыму новая будущность вслѣдствіе выселенія Татаръ? Но для этого необходимо, чтобы законодательство устранило тѣ затрудненія, которыя встрѣчаетъ у насъ передвиженіе народонаселенія въ паспортной системѣ, въ прикрѣпленіи податныхъ къ обществамъ и въ круговой порукѣ. Въ устраненіи этихъ затрудненій заключается, по нашему мнѣнію, условіе будущаго благосостоянія Крыма, а не въ противодѣйствіи переселенію Татаръ. Задерживать на нашей почвѣ племя, которое не хочетъ жить съ нами и будетъ только въ тягость намъ, значило бы хлопотать о томъ, что̀ и невозможно и невыгодно.

Замѣтка.

Въ № 179 *Петербургскихъ Вѣдомостей* напечатано слѣдующее:

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* сообщается «извѣстіе, что при кембриджскомъ университетѣ, въ Англіи, предполагается учредить особую коллегію для русскихъ студентовъ. Нельзя не ожидать отъ этой коллегіи самыхъ-благихъ плодовъ для русскаго образованія. Устройство кембриджскаго университета, вѣроятно, окажетъ сильное вліяніе на внутреннюю жизнь нашихъ университетовъ, вовсе не въ такой степени чуждыхъ этому устройству, какъ это обыкновенно думаютъ. Говорятъ, что православная церковь уже заложена въ Кембриджѣ, и что значительныя суммы для устройства коллегіи уже собраны по подпискѣ. Если это дѣло состоится, то богатые классы русскаго общества будутъ имѣть такія средства для серіознаго образованія, какихъ нельзя найдти нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.»

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы не говорили и не могли сказать многаго, что̀ отмѣчено въ этомъ извѣстіи вносными знаками *и слѣдовательно* приписывается *Русскому Вѣстнику*. Мы никогда нигдѣ не говорили, что русскіе университеты «вовсе не въ такой степени чужды кембриджскому устройству, какъ это обыкновенно думаютъ»; мы не брались предсказывать, что «устройство Кембриджскаго университета окажетъ сильное вліяніе на внутреннюю жизнь нашихъ университетовъ». Мы не имѣли никакого основанія говорить что-либо подобное. Наши университеты устроены по образцу германскихъ университетовъ; въ теперешнемъ своемъ состояніи они совершенно чужды кембриджскому устройству; они чужды ему даже гораздо болѣе нежели германскіе университеты, наши образцы, отъ которыхъ мы удалились именно въ томъ, что̀ у нихъ есть общаго съ англійскими университетами.

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и К°

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 185[illegible] Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьи[illegible] штатахъ Сверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ Стоу. Перев[illegible] съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

УЗКІЙ ПУТЬ. Романъ въ двухъ частяхъ. соч. Криницкаг[illegible] 1858. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Ж[illegible] ской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи вой[illegible] за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 18[illegible] Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. ак[illegible] демика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Ру[illegible] М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

РАЗБОРЪ КОМЕДІИ ГРАФА СОЛЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ» Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БІОГРАФЪ-ОРІЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 5[illegible] съ пер. 75 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Евгенія Туръ. Выпускъ I. На Рус[illegible] Выпускъ II. Ошибка. Выпускъ III. Заколдованный кругъ и [illegible] сестры. Выпускъ IV. Старушка. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. [illegible]

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. О трактатахъ. [illegible] проф. М. Капустинъ. М. 1859. Ц. 1 руб. сер.

ОБРАЗЦЫ или МАНЕРЫ оконныхъ рамъ, двупольныхъ и [illegible] польныхъ дверей, растворовъ, паркетовъ, глухихъ и ре[illegible] тыхъ заборовъ, воротъ, деревянныхъ зонтиковъ и колон[illegible] изданные для плотниковъ и столяровъ, полезные также для [illegible] владѣльцевъ, при выборѣ означенныхъ предметовъ, дѣлаем[illegible] безъ пособія архитектора. М. 1860. Цѣна тетради, состоя[illegible] изъ 165 рисункахъ, помѣщенныхъ на 12-ти листахъ, 1 р. сер. [illegible] пер. 1 р. 30 к. сер.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПОДАТНЫХЪ СОСЛОВІЯХЪ И КРУГОВОЙ ПОРУКѢ.

(По поводу вопроса о паспортахъ.)

отношенію къ податямъ, всѣ вообще состоянія въ госу-
вѣ раздѣляются—какъ говоритъ 4-я статья устава о пода-
—на податныя и неподатныя. Податными называются тѣ
янія, которыя подлежатъ подушной, оброчной или другимъ,
амѣняющимъ податямъ; неподатныя тѣ, которыя отъ всѣхъ
ей свободны. На этомъ основаніи къ числу первыхъ при-
жатъ купцы, мѣщане и цеховые ремесленники въ городахъ,
арственные, удѣльные и владѣльческіе крестьяне въ селахъ;
слу вторыхъ, дворяне, духовенство христіянскихъ исповѣ-
, штатные духовные вѣръ мухамеданской и ламайской, по-
е граждане, лица, служащія въ государственной службѣ,
вные нижніе чины и нѣкоторые другіе лица и классы лицъ,
собымъ привилегіямъ. На обязанности исключительно од-
податныхъ состояній лежатъ, кромѣ денежныхъ податей, и
натуральныя повинности, въ томъ числѣ и рекрутская по-
ость. Для обезпеченія правильности въ отбываніи всѣхъ этихъ
нностей, податные приписаны къ обществамъ, въ обще-
ъ учреждена круговая порука и для отлучающихся введены
орты, а отъ выходящихъ изъ общества требуется увольни-
ное свидѣтельство отъ общества.

кимъ образомъ для податныхъ принадлежность къ своему
ству есть тягость. Напротивъ, для неподатныхъ принадле-
ъ къ обществу есть право, свободное передвиженіе ихъ
ста на мѣсто не сопряжено ни съ какими препятствіями,
сто паспортовъ неподатнымъ выдаются безсрочные виды,
тельствующіе о ихъ личности и званіи. Такъ какъ система
очныхъ видовъ во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе
мы срочныхъ паспортовъ, и слѣдовательно вопросъ о пас-
ихъ есть собственно вопросъ о замѣнѣ паспортовъ безсроч-

Digitized by Google

ными пожизненными видами, то разрѣшеніе этого вопроса состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ разрѣшеніемъ вопроса о податныхъ сословіяхъ и о круговой норукѣ, установленной между ними въ видахъ обезпеченія интересовъ государства. Мы намѣрены высказать по этому послѣднему вопросу нѣсколько мыслей, въ надеждѣ, что онѣ будутъ пригодны при разрѣшеніи вопроса о паспортахъ.

I.

Купечество наше раздѣляется на три гильдіи: первую, вторую и третью. Различіе гильдій заключается, какъ говоритъ законъ, въ количествѣ объявленныхъ капиталовъ, въ количествѣ гильдейской пошлины, въ гильдейскихъ преимуществахъ и правахъ по торговлѣ. Вступленіе въ гильдіи дозволяется всѣмъ русскимъ подданнымъ свободнаго состоянія, но податныя состоянія могутъ записываться въ гильдіи, лишь получивъ увольненіе отъ своихъ обществъ. Впрочемъ вступленіе въ гильдіи для одной только торговли дозволяется и безъ увольненія отъ общества, но въ такомъ случаѣ лицо, заплатившее гильдейскія подати, не пользуется личными правами купца, и оставаясь въ прежнемъ званіи, отбываетъ всѣ повинности по оному.

Купецъ первой гильдіи, обязанный предъявить при записки въ гильдію капиталъ въ 15 тысячъ рублей, платитъ гильдейскихъ податей, разныхъ повинностей на устройство путей сообщенія, на городскія, земскія и другія нужды, за паспортъ и разныхъ расходовъ по званію, до 900 рублей въ годъ. Заплативъ эти деньги, онъ можетъ производить оптовой, какъ внутренній, такъ и заграничный торгъ, вступать въ подряды и поставки, какъ съ казной, такъ и съ частными лицами, и производить банкирскія дѣла повсемѣстно и на всякія суммы; розничный же торгъ онъ, какъ и купцы остальныхъ двухъ гильдій, можетъ производить только изъ трехъ лавокъ, состоящихъ въ томъ городѣ, гдѣ онъ записанъ, или въ его уѣздѣ. Пробывъ двѣнадцать лѣтъ въ этой гильдіи, купецъ, если онъ христіянинъ, а также и дѣти его, могутъ вступать въ гражданскую службу на правахъ личныхъ дворянъ, а въ военную на правахъ кольнопредѣляющихся. Купцы первой гильдіи и ихъ семейства избавлены отъ тѣлеснаго наказанія и не несутъ рекрутской и никакихъ другихъ натуральныхъ повинностей, кромѣ службы въ высшихъ городскихъ должностяхъ по выбору городскаго общества и кромѣ постойной повинности.

Купецъ второй гильдіи, обязанный объявить капиталъ въ шесть тысячъ рублей, платитъ гильдейскихъ податей и всѣхъ другихъ повинностей около 380 рублей въ годъ. Онъ можетъ производить

Digitized by Google

внутреннюю оптовую торговлю на всякія суммы, заграничную же только на сумму до 90 тысячъ рублей, и то съ ограниченіемъ, чтобы не было адресуемо ему изъ-за границы и отправляемо имъ за границу въ одномъ транспортѣ товаровъ болѣе какъ на 15 тысячъ рублей; можетъ вступать въ договоры и обязательства какъ съ частными лицами, такъ и съ казной, въ суммѣ по одному контракту до 15 тысячъ рублей. Пробывъ двѣнадцать лѣтъ во второй гильдіи, купецъ и его дѣти могутъ быть приняты въ военную службу на правахъ вольноопредѣляющихся, но въ гражданскую принимать ихъ воспрещено. Подобно купцу первой гильдіи, и купецъ второй гильдіи избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія, не несетъ рекрутской и никакихъ другихъ натуральныхъ повинностей.

Купецъ третьей гильдіи, обязанный объявить капиталъ въ 2.400 рублей, платитъ гильдейскихъ податей и всѣхъ другихъ повинностей съ расходами на полученіе документовъ, въ столицахъ, губернскихъ и портовыхъ городахъ, отъ 100 до 115 рублей, въ прочихъ городахъ около 70 рублей въ годъ; кромѣ того какъ въ тѣхъ, такъ и другихъ городахъ купецъ третьей гильдіи, какъ равно и купцы высшихъ двухъ гильдій, если имѣютъ лавки и въ нихъ сидѣльцевъ не изъ купцовъ, должны брать ежегодно по одному прикащичьему свидѣтельству для старшаго прикащика въ каждой лавкѣ, платя за эти свидѣтельства въ годъ, за каждое по 15 рублей. Купецъ третьей гильдіи можетъ производить въ городѣ, гдѣ онъ записанъ, и въ уѣздѣ его, розничную торговлю, изъ трехъ открытыхъ лавокъ, имѣть всякаго рода фабрики и заводы, дѣлать закупку отечественныхъ произведеній повсемѣстно, безъ ограниченія въ суммѣ, и доставлять ихъ къ пристанямъ, ярмаркамъ и базарамъ; входить въ казенные подряды и поставки, а также и заключать по торговлѣ частные контракты на сумму до 5.000 рублей по одному контракту; производить вывозъ, по всей Европейской сухопутной границѣ, всякаго рода тарифомъ не запрещенныхъ товаровъ, на сумму до 36 тысячъ рублей въ годъ, но привозъ товаровъ изъ-за границы ему воспрещенъ. Купецъ третьей гильдіи свободенъ отъ рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей, кромѣ службы по городу и постойной повинности, но не избавленъ отъ тѣлесныхъ наказаній.

Мы не будемъ говорить объ освобожденіи купцовъ первыхъ двухъ гильдій, ихъ дѣтей и другихъ семьянъ, отъ тѣлесныхъ наказаній, между тѣмъ какъ лица всѣхъ другихъ податныхъ состояній, приговариваются къ этимъ наказаніямъ. Мы не будемъ говорить о допущеніи къ государственной службѣ сыновей купцовъ первой гильдіи, тогда какъ люди образованные и способные изъ другихъ податныхъ состояній не имѣютъ права служить государству. Съ нашей спеціяльной точки зрѣнія скажемъ только, что если при-

Digitized by Google

нять все наше купечество за одно цѣлое, счесть выгоды, какія оно получаетъ отъ своихъ торговыхъ оборотовъ, и оцѣнить его гильдейскія преимущества, то, конечно, нельзя будетъ сказать, чтобы платимыя имъ подати были для него отяготительны. Но переходя отъ цѣлаго сословія къ отдѣльнымъ его членамъ, мы уже не можемъ не сказать, что распредѣленіе податей до чрезвычайности не равномѣрно по отношенію къ капиталамъ плательщиковъ. Человѣкъ, у котораго нѣтъ никакихъ другихъ средствъ къ пропитанію семейства, кромѣ лавчонки, сбывающей въ годъ на полторы или на двѣ тысячи рублей товаровъ, быть-можетъ въ долгъ взятыхъ, человѣкъ, который нуждается въ запискѣ въ гильдію потому только, что ему нужно заключить съ кѣмъ-либо контрактъ по торговлѣ въ суммѣ немного выше 1200 рублей,—что не-купцу не дозволяется,—наконецъ, человѣкъ, который не занимается никакою торговлей и не имѣетъ никакого имущества, но записывается въ гильдію для того только, чтобъ избавить свое семейство отъ обязанности отбывать рекрутскую повинность,—платитъ въ годъ податей и повинностей по третьей гильдіи отъ 5 до 115 рублей, и столько же платитъ купецъ, который изъ трехъ богатыхъ лавокъ сбываетъ въ годъ на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ тысячъ рублей товаровъ, имѣетъ большія фабрики и разныя заведенія, производитъ значительную оптовую торговлю, и сверхъ того отпускаетъ ежегодно черезъ сухопутныя границы товаровъ на 36 тысячъ рублей. Человѣкъ, которому нужно выписать изъ-за границы незначительную партію товаровъ или заключить съ кѣмъ-либо контрактъ, въ суммѣ свыше 6.00 рублей, долженъ заплатить по второй гильдіи податей и повинностей до 380 рублей; то же самое платитъ капиталистъ, обороты котораго, ограниченные закономъ по заграничной торговлѣ, простираются до 90 тысячъ рублей, а по внутренней свободной для него на всякія суммы, на сотни тысячъ и милліоны. Торговецъ, который вздумаетъ выписать изъ-за границы партію товаровъ на сумму выше 15 тысячъ рублей, или заключить съ кѣмъ-либо контрактъ на сумму бо́льшую этой, долженъ заплатить гильдейскихъ повинностей до 900 рублей,—и то заплатитъ милліонеръ, обороты котораго, по всѣмъ родамъ торговли, простираются на нѣсколько милліоновъ рублей. Бѣдный, который не всегда можетъ заработать столько, сколько необходимо для самыхъ первыхъ, самыхъ неизбѣжныхъ потребностей его семейства, платитъ за свои полторы тысячи рублей годоваго оборота 115 рублей, слѣдовательно 7½ % съ рубля,—милліонеръ за 10 милліоновъ рублей оборота своей торговли платитъ 900 рублей, слѣдовательно менѣе одной сотой процента съ рубля оборота.

Переходимъ къ другимъ податнымъ состояніямъ. Мѣщане и це-

Digitized by Google

ховые платятъ у насъ подушной подати и накладныхъ на устройство путей сообщенія по 2 руб. 38 коп. съ души мужескаго пола. Такъ какъ по 23, 24, 25 статьямъ устава о податяхъ плата подушной подати производится не за работниковъ только и притомъ не отъ каждаго лица отдѣльно, но всею общиной въ совокупности за все число душъ, по ревизіи въ ней записанныхъ, и такъ какъ число дѣтей, больныхъ, калѣкъ, стариковъ, послѣ ревизій умершихъ или по другимъ случаямъ изъ общины выбывшихъ лицъ, едва ли не будетъ вдвое болѣе числа мущинъ, къ работѣ способныхъ, то въ сложности каждому человѣку, къ работѣ способному, приходится платить подати за три души, слѣдовательно по 7 р. 14 к. Эта подать увеличивается, смотря по времени и мѣсту, на 80% и болѣе, иногда даже на 150% сборами на земскія, постойныя, подводныя, дорожныя и многія другія повинности. Сборы эти тѣмъ болѣе чувствительны для людей бѣдныхъ, что въ обычаѣ нашихъ обществъ разлагать ихъ не по доходамъ съ имуществъ и промысловъ, но по душамъ. Если же при этихъ раскладкахъ и дѣлаются снисхожденія тѣмъ бѣднякамъ, у которыхъ семейства состоятъ не изъ работниковъ, а изъ нахлѣбниковъ, то эти снисхожденія незначительны, такъ что не рѣдко глава семейства, у котораго нѣтъ никакихъ другихъ средствъ для снисканія пропитанія себѣ и своему семейству, кромѣ пары собственныхъ, и то можетъ-быть не всегда здоровыхъ, рукъ, и у котораго на хлѣбахъ пять-шесть душъ дѣтей или немощныхъ стариковъ, платитъ въ годъ податей и разныхъ сборовъ отъ 10 до 15 руб., тогда какъ трудами своими онъ въ состояніи выработать лишь нѣсколько десятковъ рублей въ годъ, и то только тогда, когда здоровъ и сумѣетъ всегда находить себѣ работу.

Впрочемъ нельзя строго обвинять мѣщанскія общества за то, что они не освобождаютъ вовсе или по крайней мѣрѣ въ значительной степени неимущихъ своихъ однообщниковъ отъ тяжести государственныхъ и общинныхъ налоговъ. Можетъ ли, лишенный всякаго образованія, мѣщанинъ, выручающій при усиленномъ личномъ трудѣ изъ своихъ промысловъ и имущества какую-нибудь сотню-другую рублей дохода, придти къ тому убѣжденію, что подати должны быть разлагаемы не по душамъ, а по доходамъ, тогда какъ онъ видитъ, что образованный богачъ, доходы котораго простираются на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, не платитъ никому никакихъ податей, кромѣ дани своимъ прихотямъ? Но и независимо отъ того, мѣщанскія общества не много могутъ сдѣлать въ пользу неимущихъ своихъ сочленовъ. Богачей среди нихъ нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что каждый разжившійся мѣщанинъ спѣшитъ выйдти въ купеческое сословіе: это ему необходимо, если онъ, разжившись, задумаетъ расширить свою торговлю, а еще болѣе побуждаетъ его къ тому жела-

Digitized by Google

ніе избавить семью свою отъ рекрутской и всѣхъ другихъ натуральныхъ повинностей. Но если среди мѣщанскихъ обществъ нѣтъ богачей, то во многихъ изъ нихъ найдется не малое число такихъ ревизскихъ душъ, которыя не только не въ состояніи платить какіе-либо налоги, но и должны были бы сами кормиться на счетъ обществъ, еслибы только законы о пресѣченіи нищенства соблюдались строго; во всѣхъ обществахъ, найдется около половины такихъ мѣщанъ, которые добываютъ себѣ пропитаніе службой или поденною работой; изъ остальныхъ наибольшая часть такихъ, состояніе которыхъ не превышаетъ двухъ, трехъ сотъ рублей, и лишь самое незначительное число бываетъ съ состояніемъ, доходящимъ до тысячи рублей капитала. Поэтому, еслибы которое-либо изъ подобныхъ мѣщанскихъ обществъ вздумало разложить всѣ подати, сборы и натуральныя повинности исключительно на доходы съ имущества своихъ членовъ, то налоги не только поглотили бы всѣ эти доходы, но непремѣнно стали бы поглащать ежегодно и часть самыхъ капиталовъ, и результатъ былъ бы тотъ, что всѣ члены общества обратились бы въ батраковъ и поденщиковъ.

Если къ податямъ и повинностямъ, какія платятъ безкапитальные мѣщане, присоединить то, что они приплачиваютъ лишняго за предметы для нихъ совершенно необходимые, но подверженные регаліямъ, акцизамъ или пошлинамъ, то окажется, что слуга, получающій въ годъ отъ 40 до 60 рублей жалованья, или поденщикъ-чернорабочій, съ трудомъ зарабатывающій отъ 50 до 80 рублей въ годъ, платитъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ отъ 20 до 25 рублей, то-есть отъ 25 до 40% съ своихъ заработковъ (1). Въ тѣхъ изъ нашихъ городовъ, въ которыхъ городскія управленія стремятся достигнуть справедливаго распредѣленія квартирной и другихъ падающихъ на домохозяевъ повинностей, есть обычай исключать изъ доходовъ, какіе получаютъ домохозяева отъ своихъ домовъ, всѣ расходы, необходимые на ремонтъ зданій, и за тѣмъ уже на чистый доходъ раскладывать повинности. Если справедливость требуетъ того, чтобы та часть доходовъ отъ имуществъ, которая истрачивается на ихъ ремонтированіе, была освобождаема отъ налоговъ, то конечно не менѣе того справедливость требуетъ, чтобы была освобождаема отъ налоговъ та часть заработковъ рабочаго, которую онъ истрачиваетъ на поддержаніе своей жизни и жизни членовъ своего семейства. Это справедливо уже и по тому одному, что въ этомъ классѣ жизнь составляетъ тотъ капиталъ, то имущество

(1) Въ Англіи, по наиболѣе-достовѣрнымъ изслѣдованіямъ, люди съ небольшимъ достаткомъ отдаютъ публичной власти 11%, а люди достаточные 16% своего дохода въ качествѣ всякаго рода прямыхъ и косвенныхъ налоговъ.

Digitized by Google

рабочаго, съ котораго онъ получаетъ свой доходъ въ видѣ заработной платы. Если мы положимъ, что для семейства, состоящаго изъ одного работника, одной работницы, одного старика или одной старухи и двухъ малютокъ-дѣтей, нужно въ годъ: на наемъ сколько-нибудь сносной квартиры 12 руб., на покупку 60 пудъ ржаной муки, по 40 коп. за пудъ, 24 рубля, на приварокъ, какъ-то: соль, крупу, капусту, зелень, сало, постное масло, и на говядину, въ одни лишь воскресные дни и большіе праздники, 20 руб., для религіозныхъ требъ 2 рубля, и на одежду всему семейству 30 рублей, а всего 100 рублей, то всякій согласится, что этого слишкомъ немного для семейства, состоящаго и изъ меньшаго числа душъ. Заработать же поденною работой такое семейство, если члены его не знаютъ никакого ремесла,—а такихъ большинство между безкапитальными мѣщанами,—едва ли можетъ, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, болѣе ста рублей въ годъ. Съ какихъ же доходовъ, спрашиваемъ мы, платитъ это семейство государственныя и общественныя повинности? чѣмъ изворачивается оно въ случаѣ недостатка работы, семейныхъ несчастій, болѣзни своего кормильца?

Государственные крестьяне платятъ подушной подати и накладныхъ на устройство путей сообщенія по 95 коп., оброчныхъ, за состоящую въ ихъ надѣлѣ казенную землю, отъ 2 руб. 30 коп. до 3 руб. съ души мужескаго пола въ годъ. Кромѣ того, они наравнѣ съ другими податными состояніями участвуютъ въ складкѣ суммъ на земскія повинности, отбываютъ натуральныя повинности, какъ-то рекрутскую, подводную, постойную, дорожную и другія.

Положеніе государственныхъ крестьянъ, въ этомъ отношеніи несравненно лучше положенія мѣщанъ и цеховыхъ. Денежныя и натуральныя повинности, какія отбываютъ крестьяне, считая въ числѣ повинностей и оброкъ, платимый ими за землю, не больше тѣхъ, какія отбываютъ мѣщане, а между тѣмъ крестьяне пользуются такимъ количествомъ казенныхъ земель, какое они за цѣну отбываемыхъ ими повинностей не всегда могли бы получить отъ частныхъ лицъ. Но въ частности распредѣленіе повинностей и общины далеко неравномѣрно по отношенію къ выгодамъ, получаемымъ каждою общиной отъ казенныхъ земель и угодій. Такъ въ одной общинѣ, гдѣ земля богатый черноземъ, гдѣ община находится вблизи лучшаго порта и имѣетъ земли по 15 десятинъ на душу, платятъ оброка и подушной подати по 3½ руб. съ души, что составитъ по 23 коп. съ десятины; въ другой, гдѣ нѣтъ тѣхъ выгодъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, гдѣ земля гораздо менѣе производительна, и надѣлъ ея едва доходитъ до 4 десятинъ на душу, крестьяне платятъ подати и оброка по 1 руб. съ души, или по 1 руб. съ десятины.

Digitized by Google

II.

Экономисты учатъ, что государственные налоги должны бы распредѣляемы на гражданъ пропорціонально пользѣ, какую при носятъ каждому гражданину тѣ учрежденія, на содержаніе кото рыхъ истрачиваются суммы, собираемыя посредствомъ этих налоговъ, и что потребность въ учрежденіяхъ, которыя бы проч но ограждали честь и безопасность государства извнѣ, его спо койствіе внутри, и способствовали развитію нравственнаго и матеріяльнаго благосостоянія народа, чувствуется каждымъ гра жданиномъ въ той степени, въ какой онъ обладаетъ матеріяльны благами жизни. Эти два незамысловатыя, но тѣмъ не менѣе спр ведливыя положенія, вмѣстѣ съ нравственно-религіознымъ пр виломъ, по которому имущій долженъ пособлять неимущем думаемъ, могутъ убѣдить всякаго, кто только въ состояніи убѣ даться справедливостью, что государственныя и земскія тягост должны быть распредѣляемы на гражданъ не по числу душъ семействѣ, но по количеству его средствъ, и что отъ соразм наго участія въ несеніи этихъ тягостей никто не имѣетъ пр уклоняться. Мы думаемъ, мы даже увѣрены, что и собствен здраво-понятыя выгоды зажиточныхъ гражданъ требуютъ то чтобъ они не только не старались уклоняться отъ соразмѣр съ своими средствами участія въ несеніи государственныхъ и щественныхъ тягостей, чтобъ они не только не старались с долю тягостей взваливать на плечи бѣдняка, но чтобы, напрот они охотно брали на себя посильную часть изъ его ноши. Т такъ думаемъ потому, что если человѣкъ, семья котораго не об печена въ насущномъ хлѣбѣ, въ первыхъ потребностяхъ жи не можетъ заботиться ни о чемъ иномъ, какъ только о томъ, что добыть пропитаніе, чтобъ отстранить матеріяльныя нужды своей семьи,—если человѣкъ, угнетенный нуждой, не можетъ з титься объ удовлетвореніи своего честолюбія, если у него ни средствъ, ни охоты для того, чтобы выдвинуться впередъ мас заслужить ея уваженіе и пріобрѣсть на нее вліяніе; если, у тенный недостатками, онъ самъ старается стать въ тѣни, гд ему не мѣшали въ его заботахъ о насущномъ хлѣбѣ призыв къ участію въ общественныхъ дѣлахъ: то человѣкъ, м ріяльныя нужды котораго удовлетворены, который не поставл въ необходимость думать о томъ, чѣмъ накормитъ и во что од нетъ завтра свою семью, словомъ, человѣкъ зажиточный, е

Digitized by Google

ко онъ не разб... ...вственнымъ параличомъ, не можетъ не
вовать потребно ти выдвинуться изъ среды согражданъ,
на виду общества, добиться почтенія, любви и уваженія
своихъ однообщниковъ, пріобрѣсти голосъ въ обществен-
совѣтахъ и вл...ніе на дѣла общины. А достигнуть всего
достаточный гражданинъ можетъ тѣмъ скорѣе и тѣмъ удач-
ѣмъ болѣе онъ будетъ радѣть о пользахъ общества и чѣмъ
ую долю изъ лежащихъ на обществѣ тягостей онъ при-
на себя.

ибы только было возможно опредѣлить съ точностью и безъ
омъ большихъ затрудненій, безъ вмѣшательства публичной
въ частныя дѣла гражданъ, вмѣшательства, не могущаго
совершенно безвреднымъ и тогда, когда оно случается не
и производится черезъ людей совершенно добросовѣст-
еслибы было возможно, говоримъ, опредѣлить, съ соблю-
ъ этихъ условій, количество доходовъ, получаемыхъ, ка-
ы то ни было путями, каждымъ гражданиномъ отдѣльно и
въ совокупности, то было бы всего справедливѣе замѣ-
одатью съ доходовъ не только личныя подати, но и всѣ
ные налоги, собираемые посредствомъ регалій, акцизовъ
ливъ, потому что и косвенные налоги, которые можно бы
азвать податью съ расходовъ, въ противоположность по-
ъ доходовъ, и которые главною своею тяжестію падаютъ
венно на предметы потребленія, болѣе или менѣе необ-
е для каждаго человѣка, въ конечномъ своемъ резуль-
ыплачиваются не пропорціонально суммѣ средствъ граж-
, а пропорціонально числу душъ, составляющихъ его
тво, и вся разница между этими налогами и личною
ю, впрочемъ разница довольно значительная, состоитъ
въ томъ, что человѣкъ, отказавшись отъ употребленія того
угаго продукта, подверженнаго регаліямъ, пошлинамъ или
мъ, избѣгаетъ уплаты налога, которымъ обложенъ этотъ
тъ. Но такъ какъ едва ли когда-нибудь будетъ возможно
нуть этого, а въ близкомъ будущемъ достигнуть такого
ьнаго распредѣленія налоговъ сообразно доходамъ каждаго
нина, очевидно, невозможно, то для настоящаго времени
ся только пожелать, чтобы были отмѣнены по крайней мѣрѣ
іскія и подушныя подати, и земскія повинности, платимыя
у душъ, какъ налоги, наиболѣе неравномѣрно падающіе на
, и притомъ падающіе наиболѣе тягостно на людей бѣд-
Этого желать и надѣяться мы тѣмъ болѣе въ правѣ, что эти
ы обсуждаются уже въ числѣ другихъ финансовыхъ во-
ъ въ коммиссіяхъ, правительствомъ для того учрежден-
Успѣшное окончаніе податною коммиссіей возложенныхъ

Digitized by Google

на нее работъ есть, по нашему мнѣнію, самая настоятельная потребность всего нашего государственнаго быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимое условіе для успѣшнаго окончанія трудовъ паспортной коммиссіи.

При нынѣшнихъ нуждахъ государства, когда если и можно благоразумною бережливостію сократить расходы по иным отраслямъ государственнаго управленія, то для необходимаго улучшенія другихъ потребуется значительно увеличить расходы, так что въ итогѣ государственнаго бюджета необходимо окажется не уменьшеніе, а увеличеніе расходовъ,—при нынѣшних нуждахъ государства, говоримъ, только та финансовая реформа можетъ быть признана вполнѣ удовлетворительною, которая вмѣстѣ съ облегченіемъ тягостей, лежащихъ на народѣ, доставитъ государственнымъ финансамъ виды на неотяготительное для гражданъ увеличеніе государственныхъ доходовъ противъ того, сколько получалось до реформы. Необходимо также имѣть въ виду, что налогъ, какъ бы онъ ни былъ справедливъ по принципу, как бы онъ ни былъ разуменъ по теоріи, можетъ оказаться тягостным для народа и невыгоднымъ для казны, если взиманіе его сопряжено съ важными затрудненіями. Такъ, напримѣръ, если и нельзя отвергать того, что наиболѣе справедливый способъ распредѣленія налоговъ есть равномѣрное распредѣленіе ихъ по дѣйствительнымъ доходамъ всѣхъ гражданъ, то нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что для того чтобы знать, сколько каждый гражданинъ получилъ въ извѣстный періодъ времени доходовъ своего труда, имущества и промысловъ, необходимо было бы требовать отъ всѣхъ гражданъ, чтобъ они давали финансовымъ чиновникамъ подробный отчетъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ, а для наблюденія за правильностію этихъ отчетовъ было бы надобно имѣть множество совершенно неподкупныхъ и дѣятельныхъ надсмотрщиковъ, которымъ также необходимо предоставить проникать во всѣ дѣла, во всѣ предпріятія каждаго гражданина, слѣдить за каждымъ его шагомъ, словомъ сказать, было бы надобно дать казеннымъ чиновникамъ право имѣть такой надзоръ за дѣйствіями гражданъ по ихъ частнымъ дѣламъ, который можетъ отнять у гражданина всякую самостоятельность и поставитъ всѣ его экономическія соображенія въ зависимость отъ сборщика податей. Но такая зависимость гражданъ отъ чиновниковъ была бы для нихъ отяготительна, и казна не много бы могла имѣть выгоды, потому что расходы на собираніе податей и недобросовѣстность сборщиковъ поглотили бы значительную ихъ часть. Поэтому надобно не отказаться отъ мысли о замѣнѣ всѣхъ налоговъ одною податью съ дохода.

Статьи, съ которыхъ, по мнѣнію нашему, можетъ быть со-

Digitized by Google

раема подать безъ большихъ затрудненій для казны и для пла-
тельщиковъ, суть: торговля, фабричная и заводская промышлен-
ность, ремесленные и другіе мелочные промыслы, капиталы, со-
стоящіе въ обращеніи изъ процентовъ, и наконецъ недвижимыя
имущества. Личный трудъ рабочаго человѣка и личный наемъ
должны быть, по нашему мнѣнію, освобождены отъ налоговъ.

Мы не знаемъ въ точности, какъ велики суммы, собираемыя у
насъ посредствомъ гильдейскихъ и подушныхъ податей, и еще
менѣе того, что̀ мы знаемъ о суммѣ доходовъ, собираемыхъ госу-
дарственнымъ казначействомъ посредствомъ гильдейской и лич-
ныхъ податей, знаемъ мы, да едва ли и кто другой знаетъ
какъ велики доходы, извлекаемые торговцами отъ торговли,
промышленниками отъ промысловъ и собственниками отъ недви-
жимыхъ имуществъ и капиталовъ; но по нѣкоторымъ, доступнымъ
намъ соображеніямъ, мы полагаемъ, что отъ двухъ до трехъ
процентовъ съ рубля доходовъ въ пользу казны, и отъ одного до
двухъ процентовъ въ пользу губернскихъ и мѣстныхъ общин-
ныхъ казенъ достаточно для того, чтобы съ значительнымъ из-
ткомъ возмѣстить всѣ доходы, собираемые казной и община-
ми, посредствомъ гильдейской и личныхъ податей.

Говоря это, мы не думаемъ утверждать, что сумма теперешнихъ
гильдейскихъ и подушныхъ податей и повинностей можетъ и дол-
жна быть распредѣляема во всякомъ случаѣ по доходамъ, дѣйстви-
тельно извлекаемымъ плательщиками податей изъ своихъ торго-
выхъ оборотовъ, промысловъ, недвижимыхъ имуществъ и капита-
ловъ. Напротивъ, во многихъ случаяхъ это совершенно невозможно,
необходимо будетъ взимать подать лишь по доходамъ, прибли-
зительно опредѣленнымъ. Такъ напримѣръ мелочная торговля,
относительно къ затраченнымъ въ нее капиталамъ, доставляетъ
большіе барыши, но торговцы этого разряда рѣдко гдѣ ведутъ
какіе-либо счеты по своей торговлѣ, и потому чаще всего не знаютъ
сами ни суммы своихъ торговыхъ оборотовъ, ни количества до-
ходовъ, получаемыхъ ими отъ торговли, слѣдовательно и не мо-
гутъ быть облагаемы податью ни по доходамъ, ни даже по сум-
мѣ своихъ торговыхъ оборотовъ. Единственный способъ для об-
ложенія ихъ податьми, это патентный сборъ, разчитанный на раз-
ные, примѣняясь къ видамъ торговли. То же самое слѣдуетъ
сказать и о мелочныхъ промышленникахъ и ремесленникахъ.
Торговцы розничные и оптовые ведутъ счеты по своей торговлѣ
вообще довольно аккуратно, такъ что не можетъ предстоять нака-
кого затрудненія въ дознаніи суммы торговыхъ оборотовъ, произве-
денныхъ въ извѣстный періодъ времени тѣмъ или другимъ тор-
говцемъ. Для этого было бы достаточно, чтобы каждый такой
торговецъ былъ обязанъ, по истеченіи каждаго своего торговаго

Digitized by Google

года, объявлять надлежащему мѣсту или агенту о сумм
торговыхъ оборотовъ, и чтобы, въ случаѣ сомнѣнія, это
имѣло право требовать къ повѣркѣ передъ судомъ его
книги. Неотяготительность налога, значительный штра
гаемый по суду на того торговца, который, для избѣжанія
какой-либо части слѣдующихъ съ него податей, пред
но вздумалъ бы вести неправильно свои торговыя
опубликованіе его имени, могли бы служить ручатель
томъ, что это случалось бы лишь какъ рѣдкое исклю
опредѣлить съ точностію количество выгодъ, пріобр
въ данное время отъ торговли, не всегда можетъ и с
вецъ, и уже по этому одному, не говоря о возможныхъ
недобросовѣстности торговцевъ, нельзя полагаться на
какія бы сообщали торговцы установленнымъ мѣстам
цамъ; подробная же повѣрка всѣхъ купеческихъ
операцій была бы невыносимымъ для торговыхъ люд
тельствомъ въ ихъ дѣла и была бы крайне затруднител
самихъ ревизующихъ. Поэтому подать съ торговли, как
ной, такъ и оптовой, а также съ фабричной и заводской
ности, можетъ быть опредѣлена только приблизительно
оборотовъ. Розничная торговля, какъ извѣстно, даетъ
бо́льшіе барыши съ затраченныхъ въ нее капиталовъ
торговля оптовая. Средній барышъ въ розничной торг
но считать не менѣе 10, въ оптовой не болѣе 6%
оборотовъ. Сообразно съ этою разностію выгодъ до
опредѣляема и подать на обороты. Далѣе, распредѣле
на недвижимыя имущества по доходамъ, дѣйствительно
извлекаемымъ, было бы также слишкомъ затруднит
значительной части имуществъ и совершенно невоз
дать на эти имущества можетъ быть опредѣляема не
по суммѣ доходовъ (rente), какіе получаются или мог
получаемы владѣльцами отъ сдачи своихъ имуществ
такомъ условіи, чтобъ имущества эти были ремонтирует
арендаторовъ. Что́ касается наконецъ до акціонерны
и вообще такихъ товариществъ, которыя обязаны
отчитываться значительному числу своихъ участни
лярно дѣлить между ими пріобрѣтаемыя выгоды,
годъ, извлекаемыхъ этими товариществами изъ
не можетъ быть тайной, а потому и не можетъ бы
затрудненія въ обложеніи ихъ податьми по доход
тельно извлекаемымъ ими изъ ихъ предпріятій.

Но имѣя въ виду уже отчасти упомянутую
извести черезъ чиновниковъ оцѣнку имуществъ, опред
ство доходовъ, какіе съ какого имущества могутъ быть

Digitized by Google

ѣлить, какого разряда патенты долженъ брать, по роду
торговли, промысловъ или ремеслъ, каждый мелочной
ецъ, промышленникъ или ремесленникъ, мы полагаемъ,
сѣ эти обязанности и, наконецъ, сборъ всѣхъ вообще
хъ налоговъ должны лежать не на казенныхъ, а на мѣ-
ъ общинныхъ учрежденіяхъ. На первый разъ достаточно
бы возложить на обязанность мѣстныхъ обществъ пла-
бщей суммы теперешнихъ гильдейскихъ и подушныхъ по-
съ предоставленіемъ каждому обществу права расклады-
ту сумму на своихъ членовъ на основаніяхъ, подобныхъ
нымъ нами, при надлежащемъ, законами опредѣленномъ
казенныхъ чиновниковъ, которые при этомъ должны
чиваться ролью блюстителей закона и интересовъ казны,
къ не являться полновластными распорядителями судебъ
ъ.

системѣ, по которой государственные и земскіе налоги
дѣлялись бы не по душамъ, а по доходамъ и имуществу,
имость круговой поруки однообщниковъ, а слѣдовательно
имость податнаго человѣка отъ общины въ его передви-
съ одного мѣста на другое, сама собою уничтожится.
о держится на подушномъ окладѣ, и съ переложеніемъ
имущества сдѣлается не нужнымъ (1). А кто, въ настоя-
ремя, не сознаетъ, что эта зависимость свободнаго че-
отъ общины, зависимость, совершенно теперь не-
ая, есть одна изъ наиболѣе-важныхъ причинъ, мѣша-
успѣшному ходу развитія народнаго благосостоянія?
только вспомнить, какъ не легко бѣдному человѣку
паспортъ, какъ не легко и не дешево обходится ему
твовать съ нимъ по кварталамъ, частямъ и полиціямъ,
ваясь и временемъ и четвертаками за явку паспортовъ,
которая, если и имѣетъ какой результатъ, такъ только
ю перелагаетъ четвертаки изъ кармана рабочаго въ чу-
маны; стоитъ вспомнить только, съ какими страшными
еніями сопряжено теперь перечисленіе изъ одного обще-
другое; стоитъ только вспомнить все это человѣку, из-
ему такія неудобства собственнымъ опытомъ, или видѣв-
на другихъ, чтобы пожелать отъ всей души приближе-
минуты, когда свобода передвиженія каждаго гражда-

(1) Земская повинность можетъ быть отправляема и безъ круговой поруки, что показываетъ примѣръ всѣхъ европейскихъ государствъ, а потому мы не считаемъ нужнымъ говорить о рекрутской повинности. Наша паспортная система, основанная на круговой порукѣ, условливается лишь существованіемъ у насъ подушныхъ окладовъ.

Digitized by Google

нина могла бы быть ограничиваема только властію суда, за преступленія или по гражданскимъ искамъ. Но кромѣ этого, такъ-сказать, непосредственнаго облегченія бремени, лежащаго на бѣднѣйшихъ классахъ людей, такая система можетъ представить еще одну важную выгоду. Зажиточные граждане, которые теперь, не платя вовсе податей, или платя разъ навсегда опредѣленную подать (каковы: гильдейская и всѣ личныя подати), равнодушны къ интересамъ казны, всѣ эти зажиточные граждане, убѣдившись на дѣлѣ, что размѣры податей, какія они обязаны будутъ платить, вполнѣ зависятъ отъ суммы денегъ, истрачиваемыхъ на государственныя и земскія нужды, по необходимости придутъ къ тому убѣжденію, что ихъ личные интересы тѣсно связаны съ интересами казны и земства; а отъ этого, какъ извѣстно, можно ожидать самыхъ отрадныхъ послѣдствій для народнаго благосостоянія.

И. Сальниковъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Лѣтописи русской литературы и древности, издаваемыя Николаемъ Тихонравовымъ. Москва, 1859. Книжки 1—4.

По отношенію къ отечественной словесности, *Лѣтописи русской литературы и древности* имѣютъ такое же значеніе, какимъ пользуются, относительно нѣмецкой литературы, журналъ Гаупта, *Zeitschrift für deutsches Alterthum*, а относительно романской и англійской—журналъ Эберта, *Jahrbuch für romanische und englische Literatur*. Если изданіе г. Тихонравова не пользуется соотвѣтственнымъ его достоинству успѣхомъ, то этотъ печальный фактъ свидѣтельствуетъ только, что для русской литературы не наступила еще пора серіозныхъ спеціяльныхъ журналовъ. Даже бѣглый обзоръ четырехъ вышедшихъ книжекъ убѣдитъ каждаго, что всѣ три отдѣла *Лѣтописей* наполняются статьями дѣльными, и что въ нихъ вовсе нѣтъ такъ-называемаго балласта. Отдѣлъ «изслѣдованій» заключаетъ въ себѣ самостоятельные труды многихъ нашихъ ученыхъ, преимущественно г. Буслаева; отдѣлъ «матеріяловъ» даетъ любопытнѣйшіе памятники древне-русской литературы, народной и письменной, и наконецъ отдѣлъ, означенный скромнымъ именемъ «смѣси библіографіи», предлагаетъ критическія статьи, которыя также

носятъ характеръ самостоятельныхъ ученыхъ изслѣдованій. Въ изданіи участвуютъ многіе ученые, и давно пользующіеся справедливою извѣстностію: гг. Буслаевъ, С. Соловьевъ, И. Забѣлинъ, Герцъ, Н. Поповъ, Иловайскій, Ундольскій, и вновь выходящіе съ достойнымъ ручательствомъ въ своихъ талантахъ и знаніяхъ, гг. Котляревскій, И. Некрасовъ, Дювернуа и другіе. Кажется, есть все, отъ чего зависитъ внутренняя цѣнность періодическаго изданія, и что должно было бы упрочить за нимъ успѣхъ. Обвиненіе въ запоздаломъ выходѣ книжекъ справедливо, но въ приложеніи къ спеціяльно-ученому журналу—маловажно. Аккуратность не есть необходимое условіе въ журналѣ, чуждомъ «политическаго обозрѣнія», «хроники внутреннихъ событій» и «бѣлетристики», этой оброчной статьи, налагаемой на издателя большинствомъ подпищиковъ: при отсутствіи положительныхъ качествъ, пунктуально-своевременное появленіе нумеровъ не повыситъ его ни на волосъ. Наконецъ, нельзя назвать *Лѣтописи* и спеціяльнымъ изданіемъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова: русская литература, какъ и вообще русская исторія, предметъ болѣе или менѣе общій; сочувствіе къ ней измѣряется не одною нуждой «легкаго чтенія, къ увеселенію служащаго», но и потребностію ознакомиться съ ея историческимъ ходомъ, съ ея прошедшимъ и современнымъ состояніемъ. Сколько притомъ людей, занимающихся русскою словесностію по обязанности, не безъ одного дилеттантизма! Каждый изъ нихъ, отъ профессора до учителя, нашелъ бы въ *Лѣтописяхъ* много полезнаго и любопытнаго какъ для самого себя, такъ и для своего преподаванія. Къ сожалѣнію, надобно сознаться, что для успѣха самыхъ полезныхъ изданій и теперь еще необходимо прибѣгать къ внѣшнимъ пособіямъ; что и теперь еще наука рѣдко пользуется преимуществомъ свободно захватывать добровольное вниманіе, а принуждена искать опоры въ понудительныхъ мѣрахъ; что распространенію ея иногда всего менѣе способствуетъ внутреннее ученіе, а всего болѣе какіе-нибудь сюрпризы, лотерейные выигрыши.

Лѣтописи въ особенности занимаются древне-русскою словесностію по крайней мѣрѣ бо́льшая часть статей, напечатанныхъ въ первыхъ четырехъ книжкахъ, посвящена старинныхъ литературнымъ памятникамъ. Кто ясно представляетъ себѣ современное состояніе исторіи русской словесности, какъ науки, тотъ нисколько не удивитъ такое предпочтеніе, выказываемое редакціей. Литература новаго періода нашей исторіи, если считать ее отъ Петра, служила давнишнимъ и любимымъ предметомъ разысканій. Въ ней уже не мало утвержденныхъ положеній, которыя, при дальнѣйшей ея разработкѣ, могутъ болѣе и

Digitized by Google

болѣе выясняться, но отъ которыхъ она не откажется, какъ отъ ложныхъ. Другое дѣло въ древней нашей словесности. Здѣсь требуется и пересмотръ извѣстнаго, и открытіе неизвѣстнаго. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа литературныхъ фактовъ строится самая о нихъ наука, въ которой много еще пробѣловъ, односторонностей взглядовъ и ложныхъ положеній. Прежнія занятія оставили неприкосновенными самые видные ея пункты. Народная поэзія долго разсматривалась безъ всякой мысли о послѣдовательномъ ея развитіи, о выраженіи въ ней существенныхъ интересовъ народнаго быта: все вниманіе обращаемо было на перечетъ поэтическихъ и стилистическихъ ея особенностей (которыя большею частію не имѣли значенія особенностей) и на дѣленіе ихъ по родамъ и видамъ (которое даже не выдерживало логическихъ требованій). О вліяніи византійскомъ говорилось голословно, безъ сличенія памятниковъ нашей словесности съ памятниками южно-славянскими и греческими. Что̀ касается до вліянія польскаго, то о немъ или вовсе не упоминалось, или упоминалось вскользь, какъ будто оно существовало въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Г. Пыпинъ первый ступилъ на эту еще нетронутую почву. Его *Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ* открылъ новую область литературныхъ произведеній, безъ которыхъ систематическое изложеніе исторіи словесности было бы очень неполно.

Особенное значеніе и вмѣстѣ важная заслуга *Лѣтописей* состоитъ въ двухъ предметахъ: 1) въ помѣщеніи такихъ матеріаловъ, которые не только пополняютъ численное богатство древнихъ русскихъ литературныхъ произведеній, но и даютъ поводъ къ надлежащей разработкѣ исторіи русской словесности; 2) въ помѣщеніи такихъ изслѣдованій, которыя служатъ данными для разработки. Съ этихъ точекъ зрѣнія мы и будемъ разсматривать вышедшія книжки журнала.

Начнемъ съ того, что *Лѣтописи вводятъ исторію русской словесности въ надлежащія границы:* выборъ «матеріяловъ» указываетъ, какіе именно памятники слова относятся къ литературнымъ, а «изслѣдованія» означаютъ, какія именно стороны этихъ памятниковъ подлежатъ историко-литературному изученію. При разборѣ *Православнаго Собесѣдника* на 1858 годъ, по поводу помѣщенныхъ въ немъ духовныхъ словъ и поученій, г. Буслаевъ говоритъ слѣдующее:

«Отдавая полную справедливость этому обширному отдѣлу нашей древней письменности въ высокомъ его значеніи для исторіи церкви и христіанскаго просвѣщенія, мы думаемъ, что собственно въ литературномъ отношеніи должны заслуживать вниманія только тѣ изъ словъ древне-русской письменности, которыя или характеризуютъ народный бытъ эпохи, или

Digitized by Google

нія воззрѣнія, въ которыхъ религіозныя убѣжденія принимаютъ художественную форму извѣстнаго направленія или стиля своего времени. При этихъ условіяхъ, все витіеватое и напыщенное, всякая излишняя сентиментальность, всякое многословіе и плодовитость, разбавленная выписками изъ византійскихъ источниковъ и распространеніями или варіяціями одной и той же мысли,—все это, при посредствѣ строгой филологической и эстетической критики, должно быть изъято изъ области собственно такъ-называемой исторіи литературы. Только тогда мы будемъ имѣть настоящую исторію русской *народной* литературы, какую имѣютъ Нѣмцы, Французы и Англичане, уже не станемъ выдавать за великіе образцы древне-русской литературной дѣятельности витіеватыя и многословныя передѣлки чужихъ фразъ. Тогда же эта наука, опредѣленная въ своихъ границахъ, не будетъ уже случайнымъ сборникомъ разныхъ назидательныхъ статей по части политической и церковной исторіи древней Руси, какъ обыкновенно разумѣютъ исторію русской литературы теперь.» (Книжка 1, «Смѣсь и библіографія», стр. 93—94.)

Поставляемъ на видъ эти слова, какъ примѣръ разумнаго ограниченія науки. Они очищаютъ исторію русской словесности отъ чуждыхъ элементовъ, и съ этимъ вмѣстѣ стягиваютъ въ ея сферу собственное ея достояніе. Г. Буслаевъ сортируетъ произведенія духовнаго краснорѣчія: только тѣ изъ нихъ допускаютъ имъ въ литературную область, которыя или характеризуютъ *народный* бытъ эпохи (согласно тому положенію, что «литература есть выраженіе общества»), или излагаютъ такія воззрѣнія, которыхъ религіозныя убѣжденія приняли художественную форму извѣстнаго направленія или стиля своего времени (согласно тому положенію, что содержаніе литературныхъ произведеній должно быть облечено въ болѣе или менѣе изящную форму). Указавъ на одинъ изъ положительныхъ предметовъ исторіи русской словесности, критикъ, подъ видомъ упрека современному пониманію науки, угрожающему обратить ее въ сборникъ разнородныхъ познаній, указываетъ, что должно быть изъ нея *исключено*: въ ней не должны имѣть мѣста «ни политическая, ни церковная исторія Руси».

Если съ одной стороны, для надлежащаго ограниченія науки, необходимо стѣснить ея объемъ, отсѣкая отъ него захваты чуждаго, то, съ другой стороны, слѣдуетъ водворить ее въ точныхъ предѣлахъ посредствомъ расширенія, возвращая неправильно у отнятое или наполняя ея пробѣлы изслѣдованіемъ новооткрытыхъ памятниковъ.

Древняя русская литература, говоритъ г. Тихонравовъ, при внимательномъ и подробномъ изученіи, не представляетъ того безотраднаго безобразія, которому обрекли ее невольно люди, ограничившіе себя безплоднымъ направленіемъ религіозному направленію ея, и внѣ произведеній церковной словесности не искавшіе пищи своему изслѣдованію. Какъ ни тяжелы были оковы вериги, наложенныя церковно-византійскою письменностію на нашу, не могла же народная фантазія сдержаться тѣми монотонными поуче-

Digitized by Google

ніями, которыми награждала ее Византія, не могла же удовольствоваться этою офиціальною литературой. Односторонности и сухости ея съ давних поръ противодѣйствовали апокрифическія произведенія свѣтскаго, повѣствательнаго, легендарнаго характера, переходившія часто изъ той же Византіи. Въ XVI вѣкѣ къ нимъ присоединились литературныя произведенія латинскаго запада.»

Апокрифы, или книги отреченныя (то-есть запрещенныя) — своего рода новооткрытая земля въ пространствахъ отечественной словесности. Г. Пыпинъ сдѣлалъ краткій обзоръ этого литературнаго отдѣла въ статьѣ: «Древняя русская литература» (*Отеч. Зап.* 1857, № XI). Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ журналахъ стали печататься апокрифическія сказанія. *Лѣтописи* помѣстили «*Цідаріусъ*», появившійся у насъ въ XVI вѣкѣ. Предисловіе г. Пыпинова объясняетъ значеніе его вообще и въ русской литературѣ въ особенности.

Несмотря на всю свою важность, собственно-духовная словесность составляла исключительную область, которая имѣла въ виду одну сторону народной жизни, хотя и самую существенную — религіозную. Но у народа, при возбужденной охотѣ къ чтенію, являются другія внутреннія потребности, для удовлетворенія которыхъ недостаточно одного и того же матеріала. Умъ и фантазія естественно стремятся къ движенію, къ многообразному развитію. Любознательность требуетъ новой пищи, внѣ положительныхъ догматовъ и нравственныхъ предписаній. Она хочетъ выйдти изъ одного, строго-очерченнаго круга, чтобы познакомиться съ предметами другихъ наукъ: астрономіи, физики, географіи, исторіи человѣчества, исторіи естественной. У простолюдиновъ были пѣсни и сказки, соотвѣтствующія интересамъ ихъ мысли, настроенію ихъ творческой способности. Люди грамотные, кромѣ произведеній народной словесности, имѣвшихъ эстетическое ихъ чувство, имѣли потребность въ такихъ книгахъ, которыя возбуждаютъ умственную пытливость и питаютъ съ этимъ тѣшатъ воображеніе поэтическими вымыслами. Но какъ пытливость устремлялась преимущественно на вопросы вѣры, то понятно, что литературныя произведенія тѣмъ больше могли выиграть, чѣмъ больше имѣли характеръ легендарный, то-есть излагались въ формѣ священныхъ вымышленныхъ разсказовъ и преданій. Такими повѣствованіями, отвѣчавшими современному состоянію образованія, были апокрифы.

Понятно, почему духовенство преслѣдовало и должно было преслѣдовать отреченныя книги: оно сознавало вредъ, наносимый ими и вѣроученію, и просвѣщенію. Въ апокрифахъ положительныя богословскія понятія затемнялись ложными толками, разказамъ священной исторіи примѣшивались вымышленныя подробности, вмѣсто истинныхъ научныхъ свѣдѣній выступали

Digitized by Google

фантастическія представленія. Отсюда между людьми грамотными развивалось «двоевѣріе», въ которомъ христіянскія убѣжденія были перепутаны съ языческими вѣрованіями, и которое исходило къ народу, а отъ него поступало опять въ книжный оборотъ съ новыми элементами, въ болѣе усложненномъ видѣ. Вотъ почему, начиная съ XIII и до XVIII вѣка, духовная власть не переставала обличать ложныя, «богоотметныя» сказанія; и какъ еще «слово на соборъ архангела Михаила», приписываемое Филаретомъ, авторомъ «*Исторіи Русской Церкви*», митрополиту Кириллу II, запрещало читать отреченныя книги, которыя обращаютъ съ праваго пути, такъ *Духовный Регламентъ* (1720) предписываетъ духовенству строго смотрѣть за исторіями, противными православному ученію, разказывающими то, чего не было, достойными смѣху за свое «бездѣльное» содержаніе.

Но это двоевѣріе, противное правому ученію вообще и ученію правой вѣры въ частности, дало многіе элементы поэтическому творчеству. Если исторія русской церкви, наравнѣ съ исторіей русскаго просвѣщенія, находятъ достаточныя причины осуждать его; то исторія поэзіи, имѣющей свою собственную область, состоящей на особыхъ правахъ и условіяхъ, видитъ въ апокрифахъ такія произведенія, которыми оживлялся однообразный токъ исключительной литературы. Они поставляли и своеобразно разрѣшали религіозные вопросы; распространяли вымышленными подробностями краткій и сухой историческій разказъ; обращали любознательность на другія отрасли знаній, не на одну догматику; да и въ сферѣ одного и того же знанія давали утвержденнымъ понятіямъ извѣстный просторъ и движеніе. Но высшій интересъ ихъ—поэтическій, возбуждавшій фантазію и чувство читателя. Въ нихъ много художественныхъ образовъ, и они весьма часто проникнуты искреннимъ одушевленіемъ, хотя это одушевленіе выходило изъ источниковъ, признаваемыхъ за мутные. Чтобъ ясно представить себѣ, какъ и почему вымышленныя сказанія нравились грамотнымъ людямъ, достаточно привести одинъ примѣръ. Священная исторія говоритъ о жизни первыхъ человѣковъ лишь то, что находитъ въ книгѣ *Бытія*. Но любопытательность не довольствуется библейскимъ повѣствованіемъ: она желала бы развѣдать многія обстоятельства въ судьбѣ Адама и Евы, особенно послѣ изгнанія ихъ изъ рая. Это естественное желаніе выражено въ такъ-называемомъ |*Разговорѣ о Адамовыхъ чтяхъ, како жили* (*Лѣтоп.*, книжка 3): «Пришло мнѣ на мысль говорить неизвѣстный сочинитель «Разговора») помянуть вкратцѣ житіе прадѣда нашего Адама, какое онъ имѣлъ по изгнаніи изъ рая за свое преступленіе. Не малая диковина подумать, какъ онъ сводъ свой заводилъ—хоромное строеніе, хлѣбную пашню, рыб-

Digitized by Google

ную ловлю, сѣнные покосы и прочее! Сталъ онъ избу строить, гдѣ бревна сметаны и не сѣчены. Чѣмъ сѣчь? топоромъ? но топоръ не кованъ, и топорище не сдѣлано. Ахъ, бѣда! прежде избы надобно кузницу строить, а желѣзо изъ земли не выкопано, да и копать нечѣмъ, уголья не жжены, да и жечь не умѣетъ. Лѣсъ стоитъ еще на корню: что тутъ завесть въ началѣ — желѣзные заводы, или рубку лѣсовъ? Пашню ли копать, или сош бороны дѣлать? плотники не рождены, кузнецы не зачаты, проче мастера еще на свѣтъ не поспѣли и хитрецы не вышли. Ахъ любезный нашъ праотецъ! Сколько слезъ ты пролилъ о своем несчастіи! сколькими плачевными гласами наполнилъ воздухъ и горькомъ житіи! Чрево пищи проситъ, а пища не сѣяна. Ур Божіимъ повелѣніемъ рожь растетъ, но еще не жата: рвать и ее съ корнемъ, того бѣдный не знаетъ. Сорветъ колосъ, сорвет другой: надобно молотить, а какъ молотить — и не слыхивал Обмолотивши, надобно молоть, а какъ молоть? гдѣ жернова? гд огонь? гдѣ квашня? гдѣ мутовка? и печь не складена. Тутъ и надобно жить, да не тужить. Дождь съ неба пошелъ, надобн укрыться; стужа стала, надобно одѣться: кафтанъ не шитъ, шу не кроена. А ножницы да игла гдѣ? того и не бывало. Безс нечное слово о томъ, да пора кончить: видно намъ безъ власт Божіей ничего не сдѣлать.

«Разговоръ» только перечисляетъ вопросы, естественно возн кавшіе въ умѣ любознательнаго человѣка. Отвѣтъ на нихъ одн и тотъ же: «видно намъ безъ власти Божіей ничего не сдѣлат Другими словами: все сдѣлалъ, всему научилъ первыхъ люд Богъ. Но могло бы выйдти и другое, болѣе обстоятельное рѣш ніе: могъ бы, напримѣръ, какой-нибудь книжникъ, сообраз своему таланту и образованію, разказать, какъ прародители нам предоставленные собственнымъ силамъ, хотя и постоянно на зираемые Провидѣніемъ, переходили отъ однихъ изобрѣтеній к другимъ; какъ они мало-по-малу выпутывались изъ началь безпомощности и достигали извѣстныхъ обезпеченій жизни; п потомъ они и дѣти ихъ съ своими семействами составили свое рода общину, нуждавшуюся въ какихъ-нибудь постановлени Передъ читателемъ раскрылось бы наглядно возникновеніе гра данскаго общества, по внѣшней и внутренней потребности чел вѣческой природы. Это была бы любопытная картина первобы наго характера связей и отношеній между людьми, изъ котор въ послѣдствіи развивается характеръ высшихъ степеней гра данскаго быта; это была бы своего рода философія исторіи, вы женная въ повѣствовательной формѣ. Достоинство рѣшенія, ко нечно, соотвѣтствовало бы состоянію времени, въ которое он явилось, и личнымъ качествамъ автора. При благопріятныхъ у

Digitized by Google

ихъ, въ эпоху развитой образованности, и при высокой степени удожественнаго таланта, предполагаемый разказъ могъ бы имѣть акой же несомнѣнный, общій для всѣхъ возрастовъ интересъ, акой имѣетъ знаменитый романъ: *Робинзонъ Крузо*.

И дѣйствительно, опыты означеннаго рѣшенія предложены нѣолькими апокрифическими сказаніями о судьбѣ Адама, до и послѣ го паденія. Сюда относятся: «Изъ сколькихъ частей созданъ амъ», «О главѣ Адамовой», «О имени Адамовомъ», «О нареченіи ъ именъ не только животнымъ, но и ангеламъ», «Адамовъ завѣтъ», ѳова молитва», «О погребеніи Авеля» и другія. (*Описаніе рукоп. м. музея*, стр. 510, 546, 566, 725.) Сюда же относится духовный родный стихъ: «Адамовъ плачъ». Какимъ образомъ апокрифичее сказаніе объясняетъ нареченіе перваго человѣка Адамомъ? м этого имени, говоритъ онъ, Богъ повелѣлъ ангеламъ взять на востокѣ, *д* на западѣ, *м* на югѣ и *ъ* на сѣверѣ. Объясненіе своемъ родѣ замысловатое и удовлетворительное для людей ѣстнаго образованія. Кто научилъ Адама погребсти убитаго еля, тѣло котораго, по апокрифу, лежало нетлѣннымъ тридть лѣтъ? Его научила птичка, закопавшая другую мертвую ичку въ песокъ (*Лѣт.*, кн. I, смѣсь, стр. 151). Всѣ подобные дѣльные разказы, по мнѣнію г. Буслаева, суть эпизоды обрной средневѣковой поэмы о началѣ міра и судьбѣ первыхъ дей. («Повѣсть о Горѣ-Злочастіи» *Русскій Вѣстникъ* 1856 14.)

По отношенію къ исторіи образованія, книги, получившія наніе отреченныхъ, замѣчательны тѣмъ, что даютъ знать о предгахъ, которыми интересовались грамотные люди въ ту или угую эпоху. Конечно, напрасны были бы попытки искать въ ихъ книгахъ безукоризненнаго соотвѣтствія наукѣ; однакожь любви къ наукѣ, изъ желанія узнать что-либо новое, неизтное, а не изъ другихъ побужденій, онѣ списывались и чились. По нимъ видно то, хотя и небольшое, движеніе, которое ершалось въ мысли читающаго класса; по нимъ видно, что огіе изъ грамотныхъ предковъ нашихъ не обрекали себя на той, а, напротивъ, съ жадностью любопытствомъ встрѣчали иныя научныя новости. Максимъ Грекъ счелъ даже своею обяностію противодѣйствовать увлеченію. Онъ указывалъ нащую точку зрѣнія на то, что̀ *Стоглавъ* именовалъ «составами гудростями еретическими». Какъ христіянинъ и вмѣстѣ ученый, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на отреченныя книги: долгу христіянина, онъ ревностно оберегалъ чистоту правовія; по долгу ученаго, твердо стоялъ за неприкосновенность ки. Отсюда его полемика, имѣвшая цѣлію дать торжество вѣрѣ ъ суевѣріемъ, просвѣщенію надъ невѣжествомъ.

Digitized by Google

Чтобы какимъ-нибудь примѣромъ пояснить интересъ отреченныхъ книгъ относительно исторіи образованія, сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ на альманахи, осуждаемые *Домостроемъ* и *Стоглавомъ*. Альманахи, то-есть календари, явившіеся впервые у Аравитянъ (самое слово *альманахъ* — арабское), содержали въ себѣ, по суевѣрной наклонности тогдашняго времени, кромѣ астрологическихъ и метеорологическихъ наблюденій, предсказанія разныхъ событій. *Луцидарій* (Elucidarius, просвѣтитель) принялъ въ себя многое изъ этого источника, какъ доказывается слѣдующимъ мѣстомъ о свойствахъ планетъ и звѣздъ, и ихъ вліяніи на свойства людей: «Какая планета ближе къ душѣ человѣка *(долженствующаго явиться въ свѣтъ)*, отъ той онъ и пріемлетъ рожденіе. Однѣ планеты и звѣзды — студенаго естества, другія влажнаго, третьи сухаго: тѣ же самыя естества получаетъ отъ звѣздъ и человѣкъ. Человѣкъ студенаго и сухаго естества бываетъ молчаливъ и невѣренъ; человѣкъ естества студенаго и влажнаго—разговорчивъ и скоро высказывается; человѣкъ сухаго и горячаго естества — дерзокъ, храбръ, влюбчивъ и непостоянъ въ любви. И потому планета Марсъ, будучи горячаго и сухаго естества, производитъ брани и нестроенія,» и пр.

Понятія объ астрономіи, выродившейся въ астрологію, не были чужды нашимъ предкамъ и до XVI в., то-есть до времени появленія у насъ альманаховъ. Еще въ XIV в., подъ именемъ апокрифовъ и суевѣрій, упоминаются: *Звѣздочетье*, *Остроломія*, *Родопочитанье* (ученіе о родѣ, то-есть о судьбѣ). Существовали также календари, или мѣсяцословы, какъ видно изъ списка запрещенныхъ книгъ: *Громникъ*, или *Громовникъ* (время, когда бываетъ громъ), *Молніянникъ* (время, когда бываетъ молнія?), *Коляникъ*. На концѣ одного списка *Синодальной Библіи* (1499 г.) помѣщенъ мѣсяцословъ, въ которомъ, сверхъ означенія, когда солнце вступаетъ въ знакъ зодіака, находятся другія замѣтки, напримѣръ о времени бросанія крови. Это означеніе не соотвѣтствуетъ ли, въ индексѣ апокрифическихъ сказаній, «Зодѣю» или «Зодію»? Въ томъ же мѣсяцословѣ, послѣ таблицы лунныхъ круговъ, упомянутъ «*Шестокрылъ*» (хронологическія таблицы Гуревъ въ числѣ шести), тоже показанный *Стоглавомъ* въ числѣ еретическихъ писаній. Жидовствующіе, въ Новгородѣ, имѣли свой *Шестокрылъ*, расположенный по 19-ти-лѣтнимъ, лунными періодамъ. Архіепископъ новгородскій Геннадій такъ писалъ о немъ ростовскому архіепископу Іоасафу: «Жидовствующіе научили *Шестокрылъ* и прельщаютъ тѣмъ христіянство, думая что знаменіе съ небесъ сводятъ; но это не ими составлено. *Шестокрылъ* взятъ отъ астрономіи, какъ капля отъ моря.» (Отъ. *рукоп. Синод. Библ.*, кн. I, стр. 160—162.) Можетъ-быть, статья

Digitized by Google

одного и того же памятника, напримѣръ календаря, вошли въ списокъ апокрифовъ, какъ разныя книги: указаніе солнечныхъ и лунныхъ затмѣній произвело «стѣнямъ знаменье» или, по выраженію Геннадія, «сведеніе знаменій съ небесъ»; замѣтки о времени, когда бываетъ гроза (громъ и молнія), породили *Громникъ* и *Молніяникъ*; о *Зодіи* сказано выше. Можетъ-быть также, что статьи, взятыя изъ календаря и пополненныя другими замѣтками, писались особыми списками и такимъ образомъ получали видъ отдѣльныхъ книгъ.

Въ XVI вѣкѣ астрологическія понятія у насъ усиливаются: ихъ распространяютъ иностранцы, преимущественно посредствомъ альманаховъ, имѣвшихъ въ то время большое значеніе на западѣ Европы. Пятнадцатый вѣкъ въ Италіи былъ временемъ суевѣрной привязанности къ астрологіи. Тогда думали, что все въ мірѣ, отъ судьбы царствъ до судьбы человѣка, управляется движеніемъ и вліяніемъ небесныхъ свѣтилъ. Франція раздѣляла это увлеченіе. Максимъ Грекъ, личный свидѣтель господства астрологіи, во время своего пребыванія въ Италіи, пишетъ въ одномъ посланіи: «есть нѣкоторые, совершенно погибшіе, въ безбожіе совершенно вдавшіеся; сколько въ италійскихъ училищахъ и въ Галліи болятъ этимъ недугомъ» (то-есть вѣрой въ астрологію)! Онъ же говоритъ, что альманахи ежегодно въ великомъ множествѣ списываются въ Венеціи и вездѣ въ Италіи на торжищахъ продаются народу.

Между иноземцами, распространявшими у насъ въ XVI в. астрологическое ученіе, извѣстенъ Николай Нѣмчинъ. Г. Строевъ думаетъ, что подъ этимъ именемъ предки наши разумѣли Николая Коперника, такъ какъ общепринятая нынѣ система міра казалась имъ богопротивною ересью (*Предисл. къ Опис. рукоп. гр. Толстаго*, стр. L и LI). Едва ли справедливо такое предположеніе: вопервыхъ, ученый Максимъ Грекъ очень хорошо понималъ различіе между астрологіей и астрономіей, и новыя открытія послѣдней не могъ смѣшивать съ богопротивными ересями; вовторыхъ, твореніе Коперника, излагающее новую систему міра (De revolutionibus orbium coelestium), явилось въ 1543 г., тогда какъ полемика Максима Грека противъ астрологіи относится къ двадцатымъ годамъ XVI столѣтія. Поэтому остается неизвѣстнымъ, кто именно былъ Николай Нѣмчинъ: готъ ли самый папскій легатъ Николай Шомбергъ или Шенбергъ (Nicolaus de Allemania), «родомъ Нѣмчинъ, а вѣрою латинянинъ», который долго жилъ въ Россіи и котораго богословскія мнѣнія подвергались также критикѣ со стороны Максима Грека, или какое-либо другое лицо. Вѣрно только то, что, живучи въ Россіи, онъ успѣшно передавалъ нѣкоторымъ Русскимъ

Digitized by Google

астрологическую науку, которой, между прочими, поддались: Мисюрь Мунехинъ, дьякъ великаго князя, бывшій псковскимъ намѣстникомъ, боярин Ѳедоръ Ивановичъ Карповъ, какой-то Георгій, по мнѣнію г. Тихонравова Георгій Ивановичъ Токмаковъ, переводчикъ *Луцидаріуса*, и какой-то игуменъ. Къ первому изъ нихъ Николай Нѣмчинъ писалъ, что въ 7032 г. отъ созданія міра (1524 по Р. Х.) будетъ несомнѣнное премѣненіе всѣмъ странамъ и царствамъ, областямъ и градамъ, обычаямъ и достоинствамъ, скотамъ и бѣлугамъ морскимъ и всѣмъ земнородным, ибо въ то лѣто не узрится солнце (*Русскій расколъ старообрядства*, Щапова, стр. 158). Другое посланіе къ тому же дьяку отъ инока псковскаго Елеазарова монастыря, Филоѳея, напротивъ, опровергаетъ вѣру въ могущество небесныхъ свѣтилъ.

Но преимущественно ратовалъ противъ Нѣмчина Максимъ Грекъ, основательно различавшій астрологію «естественную» или астрономическую, занятіе которою, какъ дѣльною наукой онъ не воспрещаетъ, и «предсказательную», или собственно астрологію, которую онъ называетъ «художествомъ звѣздозрительнымъ», «прелестью звѣздочетною». Понятія его объ этомъ предметѣ, изложенныя во многихъ словахъ и посланіяхъ, показываютъ, что онъ былъ знакомъ и съ исторіей науки, и съ современнымъ ея состояніемъ, и съ ея содержаніемъ. Такъ онъ называетъ астрологію преданіями «халдейскими», указывая тѣмъ, что это знаніе возникло въ Халдеѣ, почему древніе давали астрологамъ имя «Халдеевъ». Къ Халдеямъ присоединяетъ онъ Италіянцевъ и Нѣмцевъ «прегордыхъ», такъ какъ у этихъ народовъ въ его время астрологія пользовалась особымъ почетомъ. Одно изъ важнѣйшихъ астрологическихъ дѣйствій — составленіе гороскопа означено у Максима двумя словами: «родозрительное упражненіе», то-есть начертаніе судьбы (рода) человѣка по времени его рожденія. Ложныя предсказанія и намѣренные обманы подвигали правительства на строгія мѣры противъ астрологовъ или «математиковъ» (такъ называли ихъ за производимыя ими вычисленія): поэтому, въ одномъ посланіи, Максимъ замѣчаетъ, что цари гражданскимъ закономъ запрещали учить «математикѣ», и эту науку отдѣляетъ отъ «геометріи», преподаваніе которой не возбранялось. Но съ другой стороны, многія владѣтельныя особы безусловно вѣрили во вліяніе планетъ и звѣздъ, держали при себѣ *астрономовъ*, постоянно имъ покровительствовали, и Максимъ Грекъ приводитъ въ примѣръ миланскаго герцога Лудовика Мора, какъ онъ, обольщенный предсказаніями астролога Амвросія Розады, возмечталъ о всемірномъ владычествѣ, произвелъ движеніе въ Италіи, но принужденъ былъ бѣ-

Digitized by Google

жать къ императору Максимиліану и потомъ умеръ во Франціи въ темницѣ. Боярин Карповъ ссылался на отцовъ церкви, изучавшихъ астрологію: Максимъ Грекъ отвѣчаетъ, что это изученіе относится къ первому періоду ихъ образованія; когда же отцы достигли высшаго вѣдѣнія истины, тогда презрѣли не только астрологію, какъ науку лживую, набивающую умъ множествомъ неправыхъ мыслей, но и другія лишнія знанія.

Въ полемикѣ съ Нѣмчиномъ, Максимъ Грекъ противополагаетъ астрологіи религіозное и просвѣщенное ученіе. Астрологія (такъ разсуждаетъ онъ) признаетъ неизбѣжность звѣздной силы, которая ничѣмъ не разнится отъ слѣпой судьбы и ведетъ къ фатализму. Христіянскій разумъ допустить этого не можетъ: онъ ставитъ во главу угла божественное законоположеніе, промыслъ; всѣ событія объясняетъ не звѣздными перемѣнами, а дѣйствіемъ свободной воли человѣка, его добродѣтельнымъ произволеніемъ или злобнымъ самовластіемъ. Астрологи говорятъ: все зависитъ отъ планетъ; онѣ направляютъ нашу жизнь къ добру или злу, къ счастію или несчастію; рожденіемъ и нареченною при рожденіи судьбой опредѣляется наша земная доля. Колесо счастія приводится въ движеніе звѣздами: однихъ возводитъ оно на высоту почестей и власти, другихъ повергаетъ въ крайнія бѣды и безчестіе. Все даютъ звѣзды: богатство и убожество, славу и безславіе, санъ и позоръ. Максимъ Грекъ опровергаетъ эти положенія догматами богословскими. Еслибы дѣла творились по звѣздному «обношенію», то они, слѣдовательно, творились бы по необходимости, безъ всякаго участія и сознанія человѣка, не были бы ни добрыми, ни злыми, не заслуживали бы ни похвалы, ни осужденія. Богъ, сотворившій звѣзды и давшій имъ такое могущество надъ порочными явленіями въ мірѣ, оказался бы виновникомъ зла. Нѣтъ, возвышеніе людей и царствъ служитъ наградой благу, ихъ паденіе—наказаніемъ за грѣхи. Три предмета подвигаютъ человѣка на недоброе: страсти, бѣсы и злое изволеніе; три предмета подвигаютъ его на доброе: естественныя сѣмена, святыя силы и благое изволеніе. Не колесомъ счастія, а родѣтелемъ всяческихъ, Саулъ приведенъ былъ къ Самуилу; не астрологическимъ предвидѣніемъ, а доблественнымъ мудрованіемъ, Сципіонъ совершилъ великія дѣла; не наблюденіемъ планетъ и временъ, а силой души, искусствомъ восначальника и благородствомъ нрава, Юлій Цезарь одержалъ верхъ надъ Галлами. Дмитрій Донской, погубившій воинство Мамая, развѣ дѣйствовалъ по звѣзднымъ гаданіямъ? Онъ вооружился и побѣдилъ божественною вѣрой.

Въ одномъ изъ посланій Максима Грека, лживость астрологическихъ предсказаній обнаруживается тѣмъ, что они обѣщали

Digitized by Google

Константинополю только 626 лѣтъ существованія, тогда какъ этотъ городъ, при однихъ христіянскихъ государяхъ, стоялъ 1150 лѣтъ, а съ присоединеніемъ дальнѣйшаго времени, по взятіи его Турками, всѣхъ лѣтъ его выходитъ 1214. Въ писаніи Нѣмчина *О началѣ Турковъ*, предрекается сокрушеніе турецкаго владычества въ Константинополѣ дѣйствіемъ планетъ, возстановленіе Софійскаго собора, преобразованіе царства. Максимъ Грекъ сопоставляетъ это писаніе съ одною альманачною (астрологическою) книгой, назначавшею второй всемірный потопъ въ опредѣленное время и чрезъ то надѣлавшею много шуму, который кончился ничѣмъ. Когда тотъ же Нѣмчинъ подвергся какому-то внезапному несчастію, Максимъ Грекъ беретъ несчастный случай въ обличеніе лживой науки. Повинуясь звѣздамъ, писалъ онъ Нѣмчину, ты спѣшилъ возвѣстить преставленіе міра, и не могъ предречь разореніе твоего житія, угадать твое собственное безчастіе.

Этимъ прекращаемъ наши замѣтки, собранныя преимущественно изъ самыхъ сочиненій Максима Грека, которыя печатаются въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, начиная съ февральской его книги 1859 г., и изъ превосходнаго ихъ обзора въ третьей книгѣ *Описанія Славянскихъ рукописей Синодальной Библіотеки*. Ими можно судить о значеніи такъ-называемыхъ запрещенныхъ или еретическихъ книгъ для исторіи русскаго образованія. Какъ ни скудны матеріялы, касательно развитія у насъ астрологіи въ XVI вѣкѣ, какъ ни нелѣпы, пожалуй, понятія, изъ нея вытекавшія или съ нею связанныя, но все же они, вмѣстѣ съ серіознымъ ихъ отверженіемъ въ трудахъ Максима Грека, займутъ надлежащее мѣсто на страницахъ будущей исторіи астрономіи въ Россіи.

Возвращаемся къ содержанію *Лѣтописей*. Кромѣ апокрифовъ онѣ сообщили читателямъ другіе, не менѣе любопытные памятники древне-русской словесности—повѣсти, сказанія и легенды *Объ Аполлонѣ, королѣ тирскомъ*, *О пренія живота со смертію*, *О Саввѣ Грудцынѣ*, *Объ индійскомъ царствѣ*, *О пришествіи турческаго царя Василія подъ градъ Вавилонъ*, *О милосердомъ купцѣ*, *О Ѳедорѣ Жидовинѣ*, *Повѣсть града Іерусалима*, и другія. Дѣло редакціи не ограничилось помѣщеніемъ такихъ произведеній, которыя, по ея взгляду, составляютъ прямую собственность литературы: она занимается ихъ исторіею. Важнѣйшій пунктъ историко-литературнаго изслѣдованія заключается въ разложеніи памятника на составныя части, при чемъ должны быть указаны какъ его начальный видъ, такъ и вошедшіе въ него, съ теченіемъ времени, разнообразные элементы. Вліяніе однихъ словесныхъ произведеній на другія, ихъ взаимнодѣй-

Digitized by Google

ствіе есть предметъ первой важности. Особенно важна *обоюдная зависимость народной и письменной литературы*, остававшаяся внѣ ученыхъ наблюденій почти до настоящаго времени. Теперь раскрыто, что въ отреченныхъ книгахъ много общихъ пунктовъ съ представленіями народной мысли и фантазіи. Если образы апокрифовъ переходили въ народныя пѣсни и сказки, то и апокрифы одолжены пѣснямъ и сказкамъ многими художественными элементами. Такъ на нѣкоторыхъ духовныхъ пѣсняхъ, или стихахъ (о Голубиной книгѣ, о Георгіи храбромъ, о Ѳедорѣ Тиронѣ и др.), видимо вліяніе ложныхъ сказаній; и наоборотъ: *Слово отъ видѣнія Апостола Павла*, напечатанное въ августовской книжкѣ *Православнаго Собесѣдника* на 1858 г., образно представляющее слова апостола Павла о совоздыханіи и соболѣзнованіи всей твари человѣку (1), находитъ частію свой источникъ въ народномъ стихѣ: *Плачь земли*. Равнымъ образомъ, существовало взаимнодѣйствіе между произведеніями народнаго творчества и письменными повѣстями. Послѣднія переплетались съ первыми, или даже становились простонародными разказами. Такъ италіянскій романъ XIII—XIV вѣковъ превратился въ русскую сказку о *Бовѣ Королевичѣ*, которая вмѣстѣ съ другими, извнѣ пришедшими повѣстями: о *Петрѣ златыхъ ключахъ*, о *царицѣ Адольфѣ Западійскомъ*, сдѣлались достояніемъ лубочныхъ изданій. Простонародныя преданія, въ свою очередь, подвергались вліянію чуждыхъ намъ разказовъ: въ былинахъ явился совершенно обрусѣвшій *Полканъ-богатырь*.

Тщательныя разысканія не только нападаютъ на слѣды прямой зависимости изустной литературы отъ письменной, и наоборотъ, но могутъ открывать и *посредствующіе, переходные члены въ исторіи этой зависимости*. Примѣръ такого перехода г. Буслаевъ видитъ въ *Повѣсти града Іерусалима* (книжка 3). По его мнѣнію, она предлагаетъ первообразъ народнаго стиха о *Голубиной книгѣ*, источниками которой послужили большею частію апокрифическія сказанія, и преимущественно *Бесѣда трехъ святителей*. Не доставало, говоритъ онъ, переходнаго, средняго термина между этими источниками и самымъ стихомъ: *Повѣсть града Іерусалима* составляетъ именно этотъ любопытный переходъ.

Другая задача исторіи литературы — *разсмотрѣть послѣдовательные списки одного и того же словеснаго памятника, которые вмѣстѣ съ тѣмъ бываютъ нерѣдко и разными редакціями, представляющими значительные варіанты внѣшніе и внутренніе.*

(1) Вся тварь съ нами совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ даже до нынѣ. Посл. къ Римл. VIII, 22. (*Правосл. Соб.* 1858, августъ, стр. 599—604.)

Digitized by Google

Чѣмъ долговременнѣе обращалось какое-либо сочиненіе въ кругу читателей и чѣмъ обширнѣе былъ этотъ кругъ, тѣмъ больше текстъ его подвергался преобразованіямъ. Поэтому отступленія отъ подлинника въ позднѣйшихъ спискахъ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ старинныхъ. Основное содержаніе оставалось неприкосновеннымъ, но переводчикъ или переписчикъ, по неизбѣжному стремленію претворять заимствованное въ свое собственное, безсознательно и ненамѣренно, не подчиняясь извѣстному воззрѣнію и не имѣя въ виду особой цѣли, какъ это дѣлается въ новой литературѣ, прибавлялъ отъ себя кой-какія замѣтки, въ которыхъ обозначаются новыя черты быта и новыя понятія. Соотвѣтственно такому закону претворенія, списки разныхъ эпохъ представляютъ особенное направленіе каждой, служатъ болѣе или менѣе виднымъ ея отраженіемъ. Эти списки, по отношенію ихъ къ другимъ въ хронологическомъ порядкѣ, то же, что современныя сочиненія новой литературы, выходящія изъ типографскихъ станковъ, тѣсно связанныя съ эпохой ихъ появленія, которая отражается въ нихъ, какъ въ зеркалѣ. Если въ новолитературныхъ явленіяхъ изслѣдователь показываетъ ихъ внутреннюю зависимость отъ времени, въ которое они возникли, то этотъ же самый методъ прилагается и къ варіантамъ древнелитературнаго памятника: варіанты, внесенные въ текстъ въ то или другое время, свидѣтельствуютъ нѣкоторымъ образомъ о характерѣ этого времени. Примѣры всего лучше объясняютъ сказанное. Памятникъ апокрифической литературы XIV вѣка: *Хожденіе Богородицы по мукамъ ада*, въ разныхъ своихъ редакціяхъ выводитъ не одни и тѣ же преступленія мучимыхъ: новыя редакціи имѣютъ дѣло съ новыми, современными имъ грѣшниками, слѣдовательно отражаютъ въ себѣ господствующіе недостатки эпохи. Въ параллель этимъ редакціямъ мы можемъ поставить сатирическія произведенія русской литературы, въ разныя времена написанныя: позднѣйшіе молчатъ о многихъ недостаткахъ, бывшихъ предметомъ прежней сатиры, и вооружаются противъ новыхъ, имъ современныхъ, которыхъ не вѣдала сатира предшествовавшихъ эпохъ. Другой примѣръ даетъ переводная *Сказаніе объ Акирѣ премудромъ* (XV вѣка). Уже въ старинной ея редакціи, несмотря на всю близость къ подлиннику, служители фараона названы *тивунами*. Позднѣйшіе списки заключаютъ въ себѣ гораздо больше примѣненій къ русской жизни: Акиръ учитъ грамотѣ «русской»; освободившись изъ заключенія, идетъ «бриться въ банѣ»; дружина его называется «отроками»; фараона окружаютъ «посадники», и т. д. А въ одномъ спискѣ XVII вѣка Акиръ и ближайшія къ нему лица получили даже значеніе угодниковъ Божіихъ. (*Древняя русская литература*, г. Пыпина, *Отеч.*

Digitized by Google

Зап. 1857, № XI; его же *Очеркъ исторіи рус. пов. и сказокъ; Вступительная лекція* г. Тихонравова, *Московскія Вѣдомости* 1859, № 232.)

За изслѣдованіемъ отдѣльнаго литературнаго памятника, которое разлагаетъ его на составные элементы, опредѣляетъ какъ начальный видъ, такъ и послѣдующія измѣненія, показываетъ взаимнодѣйствіе между нимъ и другими памятниками, слѣдуетъ высшая работа—*распредѣленіе однородныхъ словесныхъ произведеній по направленіямъ, которыя соотвѣтствуютъ моментамъ историческаго развитія рода.* Превосходнымъ образцомъ такой работы служитъ статья г. Буслаева: *Смоленская легенда о Св. Меркуріи* (кн. 3). Небольшая изъ нея выписка познакомитъ читателя какъ съ самыми требованіями историко-литературнаго ученія, такъ и съ результатами, отсюда добываемыми. Результаты относятся къ характеру легендарныхъ произведеній, составнымъ ихъ элементамъ и относительному достоинству каждаго изъ нихъ для науки.

«Въ изученіи духовныхъ повѣствованій надобно отличать три важнѣйшія эпохи: вопервыхъ, эпоху самаго событія или лица, послужившихъ предметомъ повѣствованія; вовторыхъ, время когда составились народныя преданія объ этомъ предметѣ; и наконецъ эпоху литературной обработки и потомъ переработки преданія.

«Самый фактъ не составляетъ предмета исторіи литературы. Она имѣетъ дѣло только съ двумя послѣдними эпохами повѣствованія. Помощію историко-филологической и эстетической критики довольно легко и почти безошибочно можно отдѣлить народныя преданія и безыскусственные разказы о витіеватыхъ передѣлокъ, вставокъ и всякаго многословія нашихъ старинныхъ книжниковъ. Само собою разумѣется, что народный элементъ сказанія или легенды не только несравненно важнѣе всѣхъ риторическихъ передѣлокъ, но и по преимуществу онъ одинъ составляетъ то существенное достояніе литературы, въ которомъ выражается жизнь народа. Книжная передѣлка витіеватаго свойства даетъ понятіе только о степени развитія грамотнаго просвѣщенія въ извѣстную эпоху, о личныхъ взглядахъ и пристрастіяхъ автора; между тѣмъ какъ народное сказаніе или, по крайней мѣрѣ, народныя преданія, вошедшія въ книжныя передѣлки, ставятъ изслѣдователя лицомъ къ лицу въ прямыя отношенія съ вѣрованіями, убѣжденіями и взрѣніями всего народа. Эти преданія и сказанія, хотя бы и не во всемъ основанныя на дѣйствительно-происходившемъ историческомъ событіи, все должны быть разсматриваемы, какъ историческій фактъ, потому что они служатъ выраженіемъ духовной жизни народа въ извѣстную эпоху и въ извѣстной мѣстности.

«Въ исторіи нашей литературы обыкновенно принято опредѣлять время составленія житія или какого другаго духовнаго повѣствованія тою эпохой, когда эти произведенія получили литературную обработку трудами извѣстнаго, поименованнаго автора. Конечно, это хронологическое указаніе очень важно для опредѣленія послѣдней изъ трехъ принятыхъ нами эпохъ. Но гораздо труднѣе опредѣлить хронологію второй эпохи, то-есть времени, когда составились народныя преданія, вошедшія въ повѣствованіе. Иныя преданія многими вѣками могли предшествовать историческому существованію са-

Digitized by Google

маго предмета народныхъ сказаній. Таковъ именно миѳическій элем
многихъ преданій. Другія сказанія, по своему, очевидно вымышлен
фантастическому характеру, могли составиться только спустя много
даже спустя цѣлое столѣтіе послѣ дѣйствительнаго существованія того
котораго они касаются. Другія же, хотя и баснословныя, могли проис
одновременно съ историческою эпохой лицъ и событій, о которыхъ
ствуется, какъ напримѣръ и въ наше время въ народѣ возникаютъ р
ныя басни и эпическіе разказы о текущихъ событіяхъ. Такимъ обр
народныя преданія, вошедшія въ легенды, точно такъ же состоятъ
ченіе многихъ лѣтъ, даже цѣлыхъ столѣтій, какъ и народныя пѣ
вообще эпизоды народнаго эпоса.

«Важнѣйшимъ переходнымъ пунктомъ между народнымъ преданіем
литературною передѣлкой служитъ составленіе похвалы святому
пѣній въ честь его. И похвала, и эти стихи обыкновенно отличаю
же риторическимъ характеромъ, какой замѣчается и въ литерату
давнія сказанія.

«Со времени составленія пѣснопѣнія сказаніе получаетъ въ глазах
высшее значеніе, освящается авторитетомъ церкви, и изъ области
го эпоса переходитъ къ духовной лирикѣ, сопровождаемой церковно
кой или пѣніемъ. Такимъ образомъ за *эпическимъ* періодомъ народн
данія наступаетъ новый періодъ, *лирическій*, въ пѣснопѣніяхъ или с
и *прозаическій*, въ литературной отдѣлкѣ преданія.

По этой выпискѣ легко видѣть, что сочувствіе автора гл
ше, почти исключительно, клонится на сторону народнаго эле
въ памятникахъ литературы, что для него единственно
то, въ чемъ выражается жизнь народа, въ чемъ отраз
вѣрованія, убѣжденія и воззрѣнія народа. Отсюда само соб
крывается, какимъ сочувствіемъ нашего ученаго должна
ваться литература собственно-народная, чуждая всякихъ
ныхъ вліяній (1). Г. Буслаевъ посвятилъ ей двѣ статьи:
словіе къ русскимъ народнымъ пѣснямъ, собраннымъ г. К
кинымъ (книжка 2), и *Русская поэзія XI и начала XII вѣк*
ка I). Первая часть *Предисловія* обличаетъ односторонн
оретическихъ воззрѣній на народную поэзію; вторая при
историко-литературныя, указанныя нами понятія автора
рическимъ пѣснямъ и духовнымъ стихамъ, сличаетъ пос
съ апокрифами, разлагаетъ ихъ на составные элементы,
ясняетъ, какъ одно и то же лицо, воспѣваемое стихомъ,
мало различные образы, въ силу преобладанія того или
элемента, или въ силу примѣненія стиха къ національно
Въ статьѣ: *Русская поэзія начала XI и начала XII вѣка*, и
смотрѣнія *Слова о Полку Игоревѣ*, дѣлаются выводы, как
сительно этого памятника, такъ и относительно предш
вавшаго ему состоянія историческаго эпоса на Руси. К

(1) Мы надѣемся поговорить о дѣйствительномъ значеніи сочу
народной литературѣ и о тѣхъ ошибочныхъ заключеніяхъ, къ которы
можетъ подавать поводъ. *А. Г.*

Digitized by Google

выводы стоятъ въ срединѣ между твердыми заключеніями и
доподобными догадками: въ нихъ нѣтъ еще характера не-
ѣнности, потому что они даютъ поводъ къ возраженіямъ, но
я назвать ихъ и чистыми гипотезами, потому что они имѣ-
за собою много достовѣрности. Самъ авторъ сознается, что
го опытѣ кое-что, можетъ-быть, и не выдержитъ строгой
ки. Важнѣйшій фактъ, извлекаемый изъ *Слова о Полку*
ѣвѣ, для русской поэзіи XI вѣка, есть тотъ, что поэзія эта,
дши изъ своихъ первобытныхъ миѳическихъ основъ, яв-
но носитъ на себѣ характеръ уже историческій. Какъ по-
ское сказаніе о дѣйствительномъ событіи, *Слово* представ-
двѣ стороны: историческую и поэтическую. Въ поэтиче-
различаются двѣ части: то, что̀ принадлежитъ его автору,
что̀ внесено имъ въ пѣснь изъ прежнихъ поэтическихъ пре-

Прежнія поэтическія преданія являются въ *Словѣ*, какъ
ыя словеса», какъ «замышленія Бояна», Святославова пѣсно-
а. Къ старымъ словесамъ относятся, вопервыхъ, краткіе наме-
языческія вѣрованія, которыми указывается отношеніе исто-
кой поэзіи къ миѳическому эпосу, и которые могли принад-
ь или самому автору *Слова*, или войдти въ его пѣснь изъ
леній Бояна. Вовторыхъ, къ нимъ относятся собственно
мышленія, то-есть тѣ мѣста, которыя заимствованы у пѣв-
вѣка, и между которыми самъ авторъ *Слова* указываетъ
рипѣвки, имѣющія характеръ притчи или пословицы. Г. Бу-
ь приписываетъ Бояну еще три другія. Основываясь на
данныхъ, г. Буслаевъ дозволяетъ себѣ предположить, что
о *Слова о Полку Игоревѣ* именно въ XI вѣкѣ, возникла
ь историческая поэзія, смѣнившая миѳическій и богатырскій
и имѣвшая предметомъ княжескіе подвиги; что, кромѣ Бо-
ществовали, можетъ-быть, и другіе пѣвцы, которыхъ не
пѣснопѣнія, но и самыя имена для насъ утрачены. Чтобы
чить съ содержаніемъ *Лѣтописей* по народной словесности,
мъ еще на *Сказаніе о нѣкоемъ славномъ богатырѣ Уру-*
Залазаревичѣ, составлявшее часть сборника повѣстей
вѣка), который принадлежалъ нѣкогда Каріону Истомину,
іяхъ Стиха о Голубиной книгѣ, напечатанный по руко-
графа Уварова, XVII и XVIII вѣка, и на *Заговоры на ору-*
взятые изъ рукописи 1769—74 г.

А. Галаховъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Digitized by Google

ПРОГУЛКА ВЪ НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ (1).

(Посвящается В. И. Водовозову.)

III.

Ярославль, отъ 3 до 7 іюля, 1860 г.

«Безграмотность и невѣжество обитаютъ въ Ярославлѣ», сказалъ мнѣ одинъ изъ достопочтенныхъ обитателей города; я не повѣрилъ, гдѣ молъ безграмотность: въ *Путеводителѣ по Ярославской губерніи*, прямо сказано, что въ городѣ находится четырнадцать разнородныхъ училищъ, начиная отъ лицея и кончая училищемъ дѣтей канцелярскихъ служителей! Въ размышленіи о Ярославлѣ и ярославской безграмотности я, съ разрѣшенія Н. П. М., отравился въ архивъ губернскаго правленія. Путь лежалъ по громадной Ильинской площади, окаймленной каменными, преимущественно казенными зданіями да церквами, обстановку эту одинъ изъ описателей Ярославля назвалъ *великолѣпною*, и ради ея всю площадь отнесъ къ числу красивѣйшихъ площадей въ Россіи; впрочемъ, красоты въ ней немного. Представьте себѣ неправильный пустырь, очищенный пожарами и губернаторскою властію (А. П. Мельгунова) отъ лавокъ и торговыхъ заведеній, пустырь, кой гдѣ вымощенный по краямъ, въ срединѣ же представляющій весной и осенью великолѣпный бассейнъ для озера, зимой хранилище непроходимаго снѣга, а лѣтомъ песчаную пыльную степь. Всѣ эти недостатки до того присущи площади, что военный человѣкъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ бы о неудобствѣ сдѣлать даже изъ этого пустыря мѣсто для развода и т. п. упражненій; негодованіе его возросло бы до высшей степени, еслибы внимательно присмотрѣвшись къ тумбамъ передъ присутственными мѣстами, онъ отличилъ среди ихъ нѣсколько пушекъ, безславно вкопанныхъ въ землю, вмѣсто столбовъ; впрочемъ, орудія смерти должны преклониться передъ храмомъ Ѳемиды. Впереди какой-то монументъ. Это бронзовая колонна на мраморномъ пьедесталѣ, верхъ увѣнчанъ географическою сферой и вызолоченнымъ двуглавымъ орломъ.

— Чей это памятникъ? спросилъ я проходившаго мѣщанина, повидимому подрядчика; онъ съ жаромъ что-то говорилъ проважавшимъ его работникамъ.

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № № 13 и 15.

Digitized by Google

Богъ его вѣсть чей онъ, надо быть кому-нибудь да по-
ленъ, отвѣчалъ мѣщанинъ, небрежно вскинувъ глазами на
рафическую сферу и на орла, дѣйствительно, Богъ знаетъ
его туда взмостившагося.

А вы не здѣшній?

Нѣтъ-съ, здѣшній, да только что годовъ семь какъ живу
, а то все въ Питерѣ жилъ-съ; а вы поищите, чай надпись
на быть.

сторонамъ пьедестала видны какія-то блѣдныя черты, мѣ-
ля винтиковъ, буквъ никакихъ.

Должно-быть мальчишки баловались, да повыдергивали ли-
замѣтилъ Питерецъ, обходя со мной памятникъ и забывъ
нуту рабочихъ:—надо бы часоваго поставить, а то у насъ
тотъ счетъ сызмала народъ вороватый: либо напакоститъ,
украдетъ; да оно, пожалуй, и караулить скоро нечего бу-
вотъ внизу камни-то какъ поразъѣхались, а бока вѣдь только
бтянуты тонкими дощечками мраморными; глядите, какъ по
ь-то поотстало; либо отвалится доска, либо украдутъ.

Безпремѣнно украдутъ, серіозно замѣтилъ одинъ изъ ка-
иковъ. Группа удалилась, говоръ замолкъ; я глянулъ кру-
нѣтъ прохожаго для новаго вопроса, направо изъ-за собора
околенъ стыдливо выглядываетъ лицей, едва-едва замѣтный.
карманѣ случилось: *Обозрѣніе 50-лѣтняго существованія
овскаго лицея*, брошюра одного изъ здѣшнихъ профессоровъ;
аю ее перелистывать, наконецъ читаю:

юбенно замѣчательно въ лѣтописяхъ Демидовскаго училища
тіе въ 1829 году, сооруженнаго на Ильинской площади,
родѣ Ярославлѣ, на иждивеніе благороднаго ярославскаго
ства, памятника Павлу Григорьевичу Демидову.» По четы-
сторонамъ памятника изображено (надо бы сказать *было
жено*) слѣдующее: на западной: «Ярославское дворянство
Григорьевичу Демидову»; на восточной: «Покровителю про-
нія и основателю Демидовскаго высшаго наукъ училища»;
верной, бронзовый вызолоченный гербъ фамиліи Демидо-
на южной: «1824 г.»

о не почтитъ чувствомъ истиннаго благоговѣнія, воскли-
исторіографъ лицея, памятникъ этотъ, свидѣтельствующій
имъ поколѣніямъ о благородномъ чувствѣ ярославскаго
ства къ тому, кто пожертвовалъ значительную часть сво-
стоянія для воспитанія его юнаго поколѣнія и, наконецъ,
му, который удостоенъ такого знаменитаго знака отличія,
нутаго рвеніемъ и усердіемъ его согражданъ?» (1)

---

(1) въ текущемъ столѣтіи, недалеко отъ лицея, въ оврагѣ, стоялъ камен-

Digitized by Google

Честь и слава этимъ согражданамъ, ихъ рвенію и въ особенности ихъ усердію, съ которымъ они пекутся о сохраненіи воздвигнутаго ими монумента; глядя на него, кто не помянетъ этихъ согражданъ словомъ...

Въ затрудненіи подобрать это слово, я вошелъ въ архивъ. Онъ помѣщается въ нижнемъ этажѣ, за толстыми стѣнами и рѣшетками екатерининскаго зданія; архивъ занимаетъ нѣсколько комнатъ; достопочтенный старецъ услужливо предложилъ мнѣ ворохи старыхъ бумагъ, впрочемъ не старѣе екатерининскаго времени.

Не находя ничего о Биронѣ, я обратился съ вопросомъ къ старику, не случалось ли ему что-нибудь найдти о немъ, ежедневно перекапывая эту груду бумагъ.

— Да онъ кто такой былъ?

Я ему отвѣтилъ.

— Нѣтъ, такого Бирона не знаю, не слыхалъ, былъ у насъ въ архивѣ NN, а передъ нимъ NN, да я годовъ съ тридцать здѣсь, а Бирона не зналъ.

Я замѣтилъ, что Биронъ не могъ служить въ архивѣ, поясняя его званіе и причину пребыванія въ Ярославлѣ.

— Развѣ что можетъ-быть до меня что̀ было, отвѣчалъ въ раздумьи старикъ,—а то не слыхалъ, да оно, знаете, какъ занятъ своимъ дѣломъ, такъ насчетъ всего этого и въ интересъ не входишь. Я въ 1794 году только родился, однакожь старину помню, какъ за мѣсто нынѣшнихъ будочниковъ по улицамъ караулили посадскіе, это помню, а о Бироновѣ... нѣтъ, о такомъ впервой и слышу.

Старичокъ потащилъ охапку бумагъ съ полки на полку, только крестикъ Св. Анны 3-й ст. въ петлицѣ, качаясь вправо и влѣво, показывалъ, съ какимъ усердіемъ выполнялъ свое дѣло почтенный архиваріусъ.

Въ страшномъ пожарѣ 1768 года, какъ значится въ журналѣ сего года, за подписью Аѳанасія Хрустова и Ивана Толбузина, сгорѣлъ весь архивъ до послѣдней бумаги; если что̀ уцѣлѣло, такъ нѣкоторыя описи дѣлъ съ 1713 года, и то потому, что не случились на это время внѣ архива. Мы внимательно просмотрѣли эти связки, особенно интереснаго ничего нѣтъ; впрочемъ для обращика сдѣлаемъ двѣ-три выписки:

«1732 г. мѣсяцъ сентябрь: Дѣло по челобитью лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка отставнаго солдата Якова Мартьянова и

ный пирамидальный памятникъ въ честь основателя города, но въ 1830 годахъ разобранъ, по волѣ императора Николая I, какъ не соотвѣтствующій своему назначенію (*Путевод.*, стр. 208).

Digitized by Google

крестьянъ Семена да Александра Ивановыхъ дѣтей, въ бою ими
въ увѣчьи дворовыхъ его людей, и объ осмотрѣ битья на нихъ
наковъ; на 10 листахъ. Посылка чинена, точію въ домѣ не сы-
каны и за тѣмъ не рѣшено.

«13 сентября: Дѣло по челобитью Волской волости вдовы Де-
евщиной на крестьянина Кондратьева, въ бою смертномъ и въ
вѣчьѣ и впротчемъ; на 5 листахъ. За показаннымъ крестьяни-
мъ посылка чинена, точію въ домѣ не сысканъ и затѣмъ оное
рѣшено.

«1737 г. ноября 9: Дѣло по челобитью помѣщика порутчика
ексѣя Яковлева сына Шубина на жену его Анну Лукину, въ
сильномъ завладѣніи пахотною землею и сѣнными покосами и
ь осмотрѣ того скошеннаго сѣна; на 2 листахъ. По сему чело-
ью, производства по дѣламъ не значится.

1746 г. октября 8: Дѣло по челобитью помѣщика Ахматова о
ску крестьянина его Григорьева, и о учиненіи съ нимъ за не-
лушаніе по законамъ; на 18 лист. За несысканіемъ онаго
стьянина, рѣшенія по дѣлу его не значится.

1749 г. октября 25: По челобитью помѣщицы Ивановой о сы-
ослушныхъ ее крестьянъ и о учиненіи по законамъ. Сысканы
опрашиваемы были, токмо рѣшительнаго опредѣленія по дѣ-
ъ не значится; на 18 лист.

1749 г. ноября 4: По челобитью прапорщицы Дѣевой о сыску
ослушныхъ ее крестьянъ и о учиненіи съ ними по законамъ.
нехожденіемъ ее, оные сысканы не были; на 16 листахъ.

1751 г. марта 11: По челобитью гвардіи отставнаго капенар-
а Григорія Кафтырева въ пріѣздѣ въ домъ его вотчины майора
ма Малыгина прикащика Василья Иванова со многолюдствомъ,
ь увозѣ имъ прикащикомъ господскихъ и крестьянскихъ по-
ковъ и человѣка его Матвѣя Гурьянова, да крестьянина Гав-
а Степанова съ женами и съ дѣтьми.

1755 г. декабря 3: Дѣло, по доношенію сотскаго Семенова, о
ываніи попомъ Иваномъ *слова и дѣла*; на 34 л.» и т. д.

остойно замѣчанія, что всѣ эти оголовки, которыя мы выпи-
и безъ всякаго выбора, принадлежатъ дѣламъ нерѣшеннымъ;
ѣшенныхъ дѣлъ вообще была бездна, какъ значится по опи-
ь, да и рѣшать-то всѣ дѣла было невозможно, именно потому,
встарь сутяжничество въ здѣшнихъ мѣстахъ было развито не-
брно; на этомъ поприщѣ преимущественно отличались помѣ-
и Пошехонскаго уѣзда, бо́льшая часть которыхъ были жало-
ые *лейб*ъ-кампанцы; роды ихъ и до сихъ поръ владѣютъ мно-
и мѣстами Пошехонскаго уѣзда.

звѣстно, что годовщина восшествія на престолъ Елисаветы,
ноября 1742 года, была ознаменована пожалованіемъ пре-

Digitized by Google

ображенскихъ гренадеръ людьми и землями въ вѣчное потомственное владѣніе. Гренштейну подарено 1.000 человѣкъ мужескаго пола; Зотову 682 чел.; семи сержантамъ, каждому отъ 46[illegible] до 560 чел.; шесть вице-сержантовъ получили по 500 чел.; да подпрапорщика по 90 душъ; между двѣнадцатью капралами раздѣлены 480 душъ; двѣнадцать вице-капраловъ получили на каждаго по 35 душъ; двѣсти пятьдесятъ восемь рядовыхъ преображенцевъ, герои 25 ноября, получили каждый по 29 душъ. Земля отдѣлялось каждому соотвѣтственно числу подаренныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, прибавилось 300 новыхъ помѣщиковъ (изъ числа гренадеръ до пожалованія только немногіе были душевладѣльцами) и 14.000 душъ мужескаго пола, съ ихъ семьями раздарены въ вѣчное владѣніе новымъ помѣщикамъ. (См. *Собр. Зак.*, т. XI, № 8666; въ этомъ указѣ напечатанъ и списокъ лейбъ-кампанцевъ.) Многіе изъ помѣщиковъ послѣдняго разбора, то-есть изъ тѣхъ, которые получили по 29—35 душъ, поселились въ Ярославской губерніи и преимущественно въ пошехонскомъ углу ея. Пошехонскій помѣщикъ до сихъ поръ зачастую именуется лейбъ-кампанцемъ (1). Въ здѣшнемъ архивѣ сохранилось (вѣроятно изъ вымершихъ фамилій) нѣсколько грамотъ, жалованныхъ гренадерамъ на потомственное владѣніе. Всѣ онѣ писаны на громадныхъ листахъ синими чернилами съ золотомъ; при грамотахъ большія печати въ жестянкахъ на шелковыхъ шнуркахъ. Кромѣ грамотъ сохранилось и нѣсколько патентовъ, на чины преображенскимъ героямъ изъ экспедиціи 25 ноября 1741 года; патенты напечатаны на небольшихъ листахъ толстой, сильно провощенной бумаги, въ рамкѣ, на которой изображены съ правой стороны женщина въ латныхъ доспѣхахъ съ указательнымъ перстомъ, показующимъ на небо, а съ лѣвой рыцарь въ уборѣ, съ опущеннымъ мечомъ; вверху и внизу: барабаны, знамена, трубы, рожки и пр. Патенты печатались всѣ по одной формѣ, почему достаточно взглянуть на одинъ экземпляръ.

«Божіею милостію мы Елисаветъ Первая,

«Императрица и Самодержица Всероссійская

«И прочая, И прочая, И прочая.

«Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Мы Григорья Ажевникова, которой Намъ лейбгвардіи въ Преображенскомъ полку

(1) Разказываютъ, что встарь словомъ *Пошехонецъ* съ соединялось [illegible] о человѣкѣ грубомъ и невѣжественномъ, какими и были пресловутые *лейбъ-кампанцы*.

Digitized by Google

церомъ служилъ: для особливо оказанной его ъ Намъ и к
й Имперіи, при благополучномъ Нашемъ на родительскій
наслѣдный Престолъ, съ помощію Всевышняго вступленія,
ужбѣ ревности и прилѣжности, Нашей Лейбкомпаніи въ вице-
лы (которой чинъ равно съ Капитаномъ Порутчикомъ со-
ь и старшинствомъ считатся имѣетъ), минувшаго седмь
четыредесять перваго года, Декабря тридесять перваго дня,
лостивѣйше пожаловали и учредили, якоже Мы силою сего
мъ и учреждаемъ, повелѣваемъ всѣмъ нашимъ его Григорья
никова, за нашего Лейбкомпаніи Вице Капрала надлежащимъ
ѣмъ признавать и почитать: Напротивъ чего и Мы надѣемся,
гъ въ томъ ему пожалованномъ отъ Насъ новомъ чинѣ,
ѣрно и прилѣжно поступать будетъ, какъ то вѣрному рабу
брому солдату надлежитъ. Во свидѣтельство же сего Мы
ѣбственною Нашею рукою подписали, и Государственною
ю печатью укрѣпить повелѣли: (Приписано) Данъ в Санктъ-
е Бургѣ лѣта 1743. марта 23 дня. Елисавет» (1).

зу патента приложена печать, вытиснутая на бѣлой бумагѣ
леенная сургучемъ; на оборотѣ: «при запечатаніи в коле-
юстранныхъ дѣлъ № 85».

Скажите, пожалуста, спросилъ я архиваріуса, снявъ копію
ента и начиная рыться въ кучѣ бумагъ,—почему всѣ эти
1768, 69, 70 годовъ брошены въ безпорядкѣ, въ то время
се остальное въ порядкѣ?

Ихъ будутъ жечь скоро, ужь и разрѣшеніе получено, такъ
ерія́лецъ-то для сожженія и приготовили.

Не знаю какъ теперь, замѣтилъ на это мой спутникъ,—но
разрѣшеніе на эти ауто-да-фе выходили послѣ ориги-
й переписки. Какъ сами видите, архивъ загроможденъ дѣ-
новыя вязки поступаютъ время отъ времени и еще больше
ождаютъ полки. За недостаткомъ мѣста, начальство дѣлало,
овенно куда слѣдуетъ, представленіе о необходимости про-
ли сжечь нѣкоторыя связки; на это выходилъ запросъ: нѣтъ
о интереснаго, либо нужнаго въ этихъ бумагахъ? Прика-
ись составить коммиссію изъ мѣстныхъ чиновниковъ, раз-
ть эти бумаги и донести о результатѣ. Въ результатѣ былъ
, что ни важнаго, ни интереснаго въ бумагахъ ничего не
но. Резолюція: жжечь бумаги, либо продать съ вѣсу. И
винить чиновниковъ: первое, они имѣютъ множество сво-
ужебныхъ обязанностей, отъ которыхъ оторваться имъ

(1) очень часто въ подписяхъ государыни, какъ и въ настоящемъ случаѣ, русскаго *в*, французское *w*; оно писалось съ небольшимъ росчеркомъ другой росчеркъ большой дѣлался послѣ *т*.

Digitized by Google

нельзя, а тутъ совершенно безкорыстно должны они перекопать нѣсколько пудовъ бумаги, на одну разборку которыхъ потребовалось бы нѣсколько недѣль; второе и то, что чиновники, не стряхивая архивной пыли и подписывая бумагу о томъ, что въ обреченныхъ на сожженіе дѣлахъ нѣтъ ничего интереснаго, либо нужнаго, подписываютъ совершенно искренно: въ этой рухляди *для нихъ* нѣтъ ничего достойнаго вниманія. А отсюда нравоученіе: всякій трудъ долженъ вознаграждаться, на всякій трудъ должен посылаться человѣкъ свѣдущій, спеціялистъ въ томъ дѣлѣ, на которое его посылаютъ, и тогда и будетъ оно исполнено и на одной бумагѣ.

Бумагъ, относящихся до Бирона, либо до Арсенія Мацѣевича, митрополита ростовскаго, намъ положительно не попалось ни одной: либо сгорѣли, либо расхищены *учеными путешественниками* (предположеніе, сообщенное намъ старикомъ-священникомъ), либо наконецъ тлѣютъ въ какой-нибудь кипѣ бумагъ, въ ожидающей своей очереди быть брошенною въ огонь. О Бирон какъ о ссыльномъ, не могло быть большой переписки, но Мацѣевичъ заявилъ свое пребываніе въ ростовско-ярославской митрополіи большою и долговременною дѣятельностію; перемѣщенный въ здѣшнюю эпархію изъ Сибири, въ 1742 году, онъ прибылъ ею 20 лѣтъ, и низложенъ въ 1763 году. Ему обязана своимъ переселеніемъ изъ Ростова ярославская семинарія въ 17 году; въ этомъ заведеніи, въ его еще время, воспитывалось 500 человѣкъ; Арсеній отмѣнилъ (неизвѣстно почему) обычай, на основаніи котораго въ недѣлю православія каждогодно ярославская церковь за вечерней соборнѣ совершала паннихиды ярославскимъ удѣльнымъ князьямъ... При немъ, въ 1744 г 20 февраля, въ ярославскомъ соборѣ случился пожаръ. Сторо по окончаніи богослуженія, погасивъ свѣчи, сложили огарки ящикъ, стоявшій близъ раки чудотворцевъ, и заперли собо Огарки, такъ разказываетъ протоіерей Троицкій (*Ист. Яр* стр. 77), худо утушенные, загорѣлись и вспыхнули; плам нулось стоявшей надъ ракою деревянной сѣни; дошло до са раки, и, къ безутѣшной горести всѣхъ истинныхъ чадъ пра славной церкви, св. мощи князей Василія и Константина, поч вавшія открыто 243 года, сгорѣли. По резолюціи Арсенія, без печный ключарь лишенъ за это священства. Со строгостію митрополитъ соединялъ умъ ученый и просвѣщенный, отличал набожностью и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Объ обвин судѣ и осужденіи, постигшихъ его въ 1763 году, сохранилось нѣ сколько преданій,—одно изъ нихъ относится до его смерти.

«Гдѣ умеръ Арсеній, разказывалъ намъ старикъ-іеромонахъ положительно неизвѣстно,—одни говорятъ, что онъ скончался

Digitized by Google

1779 г.) и погребенъ въ Ревелѣ, при церкви Св. Николая; въ Сибири же многіе вѣрятъ, что страдалецъ опочилъ на пути изъ Нерчинскаго Успенскаго монастыря въ Селенгинскій Троицкій, и въ городѣ Верхнеудинскѣ, при тамошней кладбищенской церкви, до сихъ поръ указываютъ его могилу; какъ бы то ни было, но приставъ его, офицеръ, обращался съ нимъ крайне грубо; Арсеній, истомленный долговременными страданіями, слегъ наконецъ на смертный одръ и попросилъ позвать священника для исполненія послѣдняго долга; Арсеній лежалъ въ сермягѣ арестанта, на соломѣ, въ тѣсной кельѣ темницы. Приставу привели священника: «ступайте исповѣдуйте и причастите государственнаго преступника». Священникъ пошелъ, но, нѣсколько минутъ спустя, выбѣжалъ въ смущеніи: «Вы мнѣ говорили, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ приставу, что надо причастить преступника, а предо мной, на колѣняхъ, стоитъ архипастырь въ полномъ облаченіи и въ саккосѣ! Это не преступникъ!»

Приставъ былъ изумленъ видѣніемъ; когда онъ вошелъ самъ съ священникомъ, видѣніе исчезло; предъ ними лежалъ страдалецъ и прерывающимся голосомъ просилъ исповѣди и причастія. «Сынъ мой, сказалъ онъ трепещущему духовнику, передъ тобой не митрополитъ, а недостойный рабъ Арсеній, идущій отдать Господу Богу отчетъ въ своей жизни. Видѣнное же тобой чудо есть знаменіе Господне, неизреченной милости: это значитъ, что душа моя скоро отлетитъ отъ скорбнаго тѣла». Духовникъ причастилъ его, и вмѣстѣ съ смущеннымъ приставомъ испросилъ благословенія страдальца...

Съ воспоминаніемъ объ Арсеніи и его заботахъ объ образованіи ярославскаго юношества, отправился я въ Демидовскій лицей. Онъ основанъ 6-го іюня 1803 года... Просвѣщенный основатель его родился... впрочемъ, ни объ немъ, ни о событіяхъ, сопровождавшихъ основаніе лицея, мы не станемъ компилировать извѣстій; они находятся въ *Museum Demidoff*, Moscou, 1807, préface, pages VII—XI, въ *Словѣ* профессора Покровскаго на смерть П. Г. Демидова, 10-го ноября 1821 года; въ краткомъ обозрѣніи важнѣйшихъ происшествій, случившихся въ двадцатипятилѣтіе демидовскаго, училища 1830 года; наконецъ въ обстоятельной брошюрѣ: *Обозрѣніе пятидесяти-лѣтняго существованія Демидовскаго лицея*, 1853 г. Ярославль.

Авторъ брошюры весьма обстоятельно перечисляетъ всѣ мѣры и заботы, которыя вызываетъ на себя лицей въ періодъ своего существованія до 1845 года.

Несмотря однако на всѣ попеченія и заботы о лицеѣ, онъ, по словамъ его же исторіографа, не приходилъ въ цвѣтущее состо-

Digitized by Google

яніе. До новаго измѣненія его въ 1845, дѣятельность заведенія все болѣе и болѣе упадала. Видимыя причины сего упадка авторъ брошюры находитъ въ слѣдующемъ: 1) разнообразныя науки, преподаваемыя въ лицеѣ, не были подчинены единой цѣли, не было спеціяльнаго образованія. 2) Близость Московскаго университета и другихъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній вызывала дворянъ ко всевозможнымъ усиліямъ отдать своихъ дѣтей туда, ибо тамъ они получали по окончаніи курса права, которыя не могъ предоставить лицей. 3) Даже случайныя обстоятельства много вредили состоянію заведенія, профессора часто выбывали, такъ что каѳедра политической экономіи и финансовъ—важнѣйшихъ изъ камеральныхъ наукъ—оставалась вакантною съ 1837 до 1846 года. Вслѣдствіе всего этого, вмѣсто 100 студентовъ, бывшихъ налицо въ 1835 году, черезъ 10 лѣтъ, въ 1845, мы уже встрѣчаемъ здѣсь 35! Эти цифры краснорѣчиво говорятъ объ упадкѣ лицея! Періодъ времени до 1845 года самъ историкъ лицея называетъ болѣзненнымъ состояніемъ: больной начинаетъ выздоравливать (впрочемъ плохо) съ 1845 года; въ это время обновленъ порядокъ вещей въ лицеѣ. Главною цѣлью для него постановлено: распространеніе основательныхъ свѣдѣній по части камеральныхъ наукъ, въ связи съ отечественнымъ законовѣдѣніемъ (понятно?). *Сообразно* съ этимъ назначеніемъ лицейскаго образованія, въ курсы его вошли слѣдующіе предметы: богословіе, церковная исторія, русская словесность, чистая математика, языки: нѣмецкій, французскій; физика, химія, зоологія, ботаника, минералогія, энциклопедія законовѣдѣнія, сельское хозяйство, технологія, лѣсоводство, землемѣріе, политическая экономія, статистика, наука о торговлѣ, законы казеннаго управленія, финансы, политическая ариѳметика, бухгалтерія, государственные законы и учрежденія государственнаго благоустройства и благочинія, гражданскіе и уголовные законы съ ихъ судопроизводствомъ, наконецъ фронтовая выправка.

Такимъ образомъ воспитанникъ Демидовскаго лицея долженъ былъ осадить въ три года 29 предметовъ! Какова должна быть голова, которая въ состояніи переварить весь этотъ винегретъ? Каковы должны быть всеобъемлющія способности, чтобы, кончая лекцію о богословіи, студентъ могъ съ должнымъ вниманіемъ выслушать лекцію политической экономіи? И чѣмъ же вѣнчается все это? Александровскій лицеистъ получаетъ по выходѣ IX, даже IX классъ; студентъ университета—X классъ; кадетъ-чинъ прапорщика гвардіи, либо поручика арміи, не кончившій же курса—XIV классъ; воспитанникъ же Демидовскаго лицея, одолѣвъ 29 предметовъ, получаетъ XIV-й классъ, и только избранные, съ медалями, достигаютъ XII-го класса!

Digitized by Google

Съ любопытствомъ обошли мы зданіе лицея; оно очень красиво, даже роскошно, и, по ничтожному числу студентовъ, въ немъ чрезвычайно просторно; кабинеты физическій, технологическій, сельскаго хозяйства, минералогическій, зоологическій, очень не велики, да и средствами для своего пополненія они располагаютъ небольшими; кромѣ библіотеки и физическаго кабинета, на которые отпускается по 285 руб., на остальные выдается по 100 рублей. Вообще, все содержаніе лицея обходится 16.373 руб. Шесть профессоровъ должны вмѣщать въ себѣ массу человѣческихъ познаній и быть ихъпроводниками для лицеистовъ.

«А эти послѣдніе смотрятъ, говорилъ намъ одинъ изъ служащихъ, да и мы сами невольно смотримъ на лицей, какъ на лазейку; не приняли юношу въ Московскій университетъ, прямо въ лицей. Побылъ годъ и маршъ, впрочемъ не въ Москву, тамъ уже входъ заперли, такъ въ Петербургъ. Преобразованіе лицеиста въ студента дѣлается быстро; весьма не многіе кончаютъ курсъ и полнѣ и хорошо; нынѣшній годъ кончили два брата, прекрасные молодые люди, оба получили медали, оба идутъ продолжать учиться въ университетъ; ну, а еслибы не было въ нихъ столько энергіи и характера, куда дѣться? Послѣ трехгодичныхъ усилій, идти въ здѣшнія присутственныя мѣста? карьера не завидная! И начальство очень хорошо видѣло, что лицей нашъ безцвѣтенъ, не имѣетъ ни характера, ни значенія, ни цѣли, при современномъ состояніи его средствъ и устава; мало того, въ Москвѣ одному изъ извѣстныхъ профессоровъ поручено составить проектъ преобразованія; проектъ, какъ слышно, уже составленъ, за достоинства его ручается имя составителя, да нездѣлицы нѣтъ, чтобы привести его въ исполненіе, — денегъ! не достаетъ, помимо этого, кой-чего другаго; да не тратя времени, пойдемте посмотримъ нашу библіотеку — она очень недурна...

Библіотека дѣйствительно богата роскошными изданіями и классическими книгами; она въ большемъ порядкѣ и украшается драгоцѣннымъ подаркомъ М. С. Щепкина: прекрасно выполненнымъ портретомъ Ѳ. Г. Волкова.

Книги наводятъ меня на мысль перечислить хоть часть того, что было печатано объ Ярославлѣ и Ярославской губерніи, и что намъ болѣе или менѣе извѣстно. Исторія губернскаго города Ярославля весьма отчетливо составлена И. Д. Троицкимъ. 1853 года, Ярославль 8 д. *Обозрѣніе пятидесяти-лѣтняго существованія Демидовскаго лицея*,—напечатано въ 1853 году. — *Хронологическій указатель іерарховъ ростовскія и ярославскія пастыи отъ преждженія ея.* Спб. 1859 г. — Въ этомъ перечнѣ, кромѣ Мацѣевича, вызываетъ наше вниманіе Досиѳей 2-й, епископъ ростовскій съ 1710 года; онъ былъ вызванъ на эту каѳедру изъ архи-

Digitized by Google

мандритовъ Новоспасскаго монастыря; правилъ семь лѣтъ и именемъ Демида замученъ на Красной площади, въ Москвѣ, марта 1718 года. Въ алтарѣ соборнаго храма въ Ростовѣ нятся въ серебряныхъ ковчегахъ части мощей ростовскихъ тителей, благовѣрныхъ князей ярославскихъ и Св. Лазаря твородневнаго; кромѣ того сотня частицъ другихъ угодни Божіихъ; всѣ эти частицы собраны были стараніемъ архи скопа Досиѳея въ 1717 году, почти наканунѣ постиг его пытокъ и лютой казни. Этотъ-то архіепископъ, прои себя какъ человѣкъ съ необыкновенной фантазіей. Онъ ренъ былъ способностью слагать цѣлыя поэмы; такъ напри весьма живописно рисовалъ передъ простодушною царицей дотьей Ѳедоровной, какъ отецъ ея Ѳедоръ Лопухинъ за свои тяжкія глубоко сидитъ въ аду, какъ постепенно, ради стательства у алтаря Всевышняго чудотворцевъ, Лопухинъ ходитъ изъ ада по плечи, черезъ годъ по поясъ, черезъ гол колѣна и т. д. (1). Нынѣшній архіепископъ ярославскій переведенъ на эту каѳедру въ 1854 году по шестнадцати-лѣт управленіи иркутскою паствой; архіепископу Нилу принадле извѣстное сочиненіе: *Буддизмъ, разсматриваемый въ отно къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири*, Спб. 1859 другіе труды.

Что же касается до статей и книгъ объ Ярославлѣ, то жемъ на статью о немъ въ словарѣ Щекатова (ч. VII, стр. 3 396). Далѣе: *Военно-статистическое описаніе Ярославской г ніи*, состав. Воронцевъ-Вельяминовъ. Спб. 1751 г.—*Топогр ское описаніе Ярославской губерніи* 1803 г.—*Статистическое о ніе Ярославской губерніи*, Карла Германа.—*Великій князь Яро I-й на берегахъ Волги, или повѣствованіе о построеніи города славля*, соч. П. Львова. 1820 г. — *Очеркъ церквей города славля*, статья С. Серебреникова, въ *Яросл. Губ. Вѣдом.* года, № 14. Вообще въ здѣшней мѣстной газетѣ, 1843, 1850, 1851, 1853 и другихъ годовъ, помѣщено много любопыт статей о монастыряхъ и церквахъ Ярославля, объ уѣздныхъ родахъ Ярославской губерніи и проч. С. Н. Серебреников

(1) Въ первомъ письмѣ нашемъ (*Русск. Вѣстн.*, № 13) мы сдѣлали весьма видныхъ ошибокъ: стр. 6, строка 13: Иннокентій тверской—чит. деонъ (Криновскій) тсковской; строка 15: Ректоръ относился и проч.— Тогдашній архіерей казанскій Лука Конашевичъ относился и проч. 23: Григорія и Платона—чит. Гавріила и Платона; стр. 7, строка 5: Иннокентій скончался по дорогѣ въ Тверь — чит. Гедеонъ скончался на дор Псковъ. — Указаніемъ ошибокъ мы обязаны архимандриту Желтик Тверской обители, отцу Платону, которому и заявляемъ нашу призна ность.

Digitized by Google

ельно трудится надъ исторіей своего края и, судя по его пе-
тнымъ трудамъ, большой знатокъ ярославской старины. Бо́ль-
я часть историческихъ статей объ Ярославлѣ, въ здѣшнихъ
омостяхъ, принадлежитъ С. Н. Серебренникову, г. Трехлѣтову,
Н. Никольскому и И. Д. Троицкому. Послѣдняго мы видѣли
истѣйшіе фоліанты рукописныхъ изслѣдованій о здѣшнемъ
ѣ. Вотъ его труды: Исторія *всѣхъ* ярославскихъ церквей,
приложеніями любопытныхъ грамотъ и другихъ подлин-
къ документовъ, надписи колоколовъ; ярославская епар-
въ статистическомъ, этнографическомъ и историческомъ
ошеніяхъ; біографіи ярославскихъ архипастырей. По словамъ
І. Троицкагоу, него много собрано любопытнаго объ Арсеніи Ма-
вичѣ, и вообще до 800 листовъ занято трудами, имѣющими въ
у только Ярославль и Ярославскую губернію. Сколько людей
лится у насъ по городамъ на поприщахъ историческихъ и этно-
фическихъ разысканій, и какъ мало исходу имѣютъ они для
довъ своихъ, какъ рѣдко встрѣчаютъ поощренія, какъ рѣдко
ширяется для нихъ поле работъ, дается возможность рабо-
ь!..

рославль, кромѣ исторіи, написанной И. Д. Троицкимъ, имѣетъ
неводитель по Ярославской губерніи, составленный Ѳ. Н.
ольскимъ. Ярославль. 1859 г., 8 д., стр. 380. Путеводитель
ъ имѣетъ недостатки, которые мы не станемъ здѣсь указы-
ь (единственный недостатокъ, что онъ сшитъ на живую нитку);
для начала, для перваго изданія онъ весьма удовлетворите-
ъ и программа его обширна: авторъ представляетъ истори-
кій очеркъ Ярославской губерніи, обозрѣваетъ физическую
графію, статистику, города и уѣзды, наконецъ прилагаетъ
ожный указатель по главнѣйшимъ трактамъ. Самое заглавіе
хъ книгъ для насъ дорого потому, что даетъ слабую надежду,
мы когда-нибудь да увидимъ *путеводителя* по всѣмъ гу-
ніямъ... Какъ бы хорошо было, еслибы у насъ явилось изданіе
рода *Guide classique du voyageur en France et en Belgique*, par
bard, выдержавшій болѣе *тридцати изданій!* Всякому путеше-
ннику онъ очень хорошо извѣстенъ; извѣстно также то, съ
имъ тактомъ и умомъ онъ составленъ. Помилуй Богъ, зачѣмъ
намъ такого рода изданія? Есть у насъ путешественники и
ешественницы—въ Павловскъ, въ Петергофъ, наконецъ на
ормъ въ глушь, въ деревню; такъ всѣ эти путешественники
ждаются въ *путеводителяхъ*....

Но если не для путешественниковъ, которые у насъ на Руси
шкомъ своеобразны и въ книгахъ рѣдко нуждаются, то для
го читающаго, хотя бы и не странствующаго русскаго люда,

Digitized by Google

изданіе, подобное Ришардовскому *гиду*, только въ большихъ ра мѣрахъ, было бы чрезвычайно полезно; оно служило бы настол ною книгой; оно было бы ручнымъ словаремъ о Россіи въ ея ист рическомъ, статистическомъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Въ 1858 году, не помню вслѣдствіе какихъ обстоятельст составлено было много *путеводителей* по сѣвернымъ и сѣвер восточнымъ губерніямъ; многіе изъ этихъ трудовъ (большин были напечатаны, но въ тридцати, сорока, не болѣе, экземпляр такъ что съ перваго же дня изданія сдѣлались библіографичес рѣдкостью. Что за секретъ? А если нѣтъ секрета, что за стро ность со стороны тѣхъ вѣдомствъ, изъ среды которыхъ изна чены были составители подобныхъ путеводителей? или тру были такъ плохи, что страшились ихъ печатать въ больш числѣ экземпляровъ?..

Ярославль между другими городами издавна отличается больш развитостью; въ немъ всегда находились люди пишущіе, занима щіеся историческими изслѣдованіями и вообще литературными р ботами; еще въ 1784 году здѣсь заведена была типографія; пер книга, вышедшая изъ нея, была: *Сокращенная Псалтирь бл женнаго Августина*, переложенная стихами. 1785 г. (У Со кова, если не ошибаюсь, не означено это изданіе.) (1) Въ сл дующемъ году сталъ выходить въ Ярославлѣ журналъ: *Уеди ный Пошехонецъ*; онъ издавался два года, 1786 и 1787 г. (Яросла 8 д.). Въ журналѣ этомъ помѣщалось довольно много замѣчате ныхъ и любопытныхъ статей; въ немъ, между прочимъ, при малъ участіе тогдашній архіепископъ ярославскій Арсеній рещагинъ; мысль же изданія и руководство его принадле знаменитому А. П. Мельгунову (2).

Еще въ недавнее время литературное направленіе Яросла выразилось изданіемъ *Ярославскаго Литературнаго Сборника*. 8 стр. 179 и 180. Изданіе продолжалось два года 1849 и 1850 вышли двѣ книги.

Ярославскій Сборникъ, говорили издатели, ни въ чемъ не п тиворѣчитъ своему названію; онъ истинно ярославскій, чуж иногороднаго въ немъ ничего нѣтъ. Всѣ статьи принадле *особамъ*, живущимъ въ городѣ Ярославлѣ, или Ярославской бернiи; мѣстомъ печатанія его была ярославская типогра

---

(1) Еще въ 1731 году былъ выгравированъ на мѣди на фабрикѣ З пезнова въ Ярославлѣ видъ города Ярославля; онъ хранится въ зд статистическомъ комитетѣ; въ Петербургѣ я его видѣлъ въ библіотекѣ А деміи Наукъ. Что бы кому-нибудь изъ Ярославцевъ издать его вновь

(2) У Сопикова: *Уединенный Пошехонецъ*, на 1786 г. Ярославль, 8 д., т. № 3869.

Digitized by Google

ке бумага куплена съ фабрики князя Гагарина, находящейся Ярославскомъ уѣздѣ.

Несмотря на такой, слишкомъ уже яркій мѣстный колоритъ, аніе не нашло, какъ кажется, большаго сочувствія и прекра-ось на двухъ выпускахъ, а жаль, потому что уже въ этихъ жкахъ есть статьи любопытныя: «Письма Екатерины II къ ьгунову»; статьи С. Н. Серебреникова: «Изслѣдованіе объ осно-и Ярославля»; «О разореніяхъ города Углича» (обѣ статьи съ гинами); «Екатерина II въ Ярославской губерніи. Пожарскій и инъ въ Ярославлѣ, наконецъ любопытный очеркъ его же: Г. Волковъ»; къ сожалѣнію, въ этой статьѣ, составленной по атнымъ источникамъ, почти нѣтъ ни новыхъ преданій, ни вменныхъ документовъ (1). Весьма интересна также статья клѣтова: «Свободные обычаи села Давыдкова». Кромѣ назван-ъ статей, въ *Ярославскомъ Сборникѣ* помѣщена была повѣсть, олько стихотвореній Ю. Жадовской, и пр. (2).

странно, что Ярославль не только не имѣетъ публичной биб-еки, но даже не обзавелся порядочною книжною лавкой; по ней мѣрѣ *книжный магазинъ* Щепетилова, изъ котораго отпу-ются книги на домъ, очень и очень не завиденъ; это лавка ыхъ галантерейныхъ товаровъ, обоевъ, игрушекъ, съ нѣ-ькими полками, отведенными подъ сотни двѣ-три книгъ; логъ этой коллекціи книгъ, громко названной библіотекой, чатанъ въ 1851 году.

ы слышали однако, что при здѣшнемъ клубѣ устраивается ичная библіотека, что собраны для этого 2000 рублей, вы-ъ *директоръ* библіотеки или дежурный чиновникъ, отведены ре комнаты, скупаются книги... Затрудненіе довольно боль-было отъ одного достопочтеннаго ученаго, который за-нялся между двумя заглавіями: *уставъ* и *правила* ярослав-й библіотеки; наконецъ послѣ многихъ размышленій, про-кавшихся нѣсколько недѣль, заключилъ, что частное учрежде-не имѣетъ права составлять *уставы*, что въ этомъ выражается е-то поползновеніе на власть чуждую и проч.; однимъ сло-ъ, ученый мужъ провидѣлъ въ словѣ *уставъ* что-то опасное гражданскаго спокойствія Ярославля, и въ мѣстной газетѣ ся не уставъ, а скромныя *правила* для желающихъ пользо-ься сокровищами новаго книгохранилища (3)...

---

1) Въ Николо-Надѣинской церкви, сосѣдней бывшему Биронову дому, юстасъ вырѣзанъ Ѳ. Г. Волковымъ—основателемъ русскаго театра.

2) Достойно замѣчанія, что первый списокъ *Слова о Полку Игоревомъ* ценъ въ ризницѣ архіерейскаго дома.

3) Не знаемъ, каковы будутъ эти сокровища, но изъ частныхъ ярослав-хъ хранилищъ поистинѣ богата библіотека Евгенія Ивановича Якушкина;

Digitized by Google

Однако довольно возиться съ книгами и говорить о книгахъ; выйду на бульваръ, прогуляемся... Подъ тѣнью хорошо разросшихся липъ гуляетъ нѣсколько чиновниковъ, въ боковой аллеѣ прохаживаются нѣсколько *гулящихъ* Ярославокъ въ платочкахъ; тѣ, которыя въ шляпкахъ, отправились на Нижегородскую ярмарку... вотъ канцелярист, робко оглядываясь по сторонамъ, подходитъ къ красавицѣ.... слѣва поэтически блеститъ сквозь листья, за барьеромъ, зеркальная поверхность... огромной лужи; любознательный путешественникъ спрашиваетъ: «ловятъ ли здѣсь рыбу?»

— Какая жь рыба туточка, отвѣчаетъ проходящая баба,—это какъ есть лужа; мѣсто больно низко, такъ лужа-лужей и стоитъ на улицѣ, а чай и пересохнетъ когда-нибудь...

Справа бесѣдка, впереди бѣлѣется небольшое каменное зданіе—это ярославскій театръ; но артисты въ настоящее время разбрелись по ярмаркамъ, ярмарочнымъ театрамъ, трактирамъ и другимъ заведеніямъ. Вотъ, за бульваромъ, громадное зданіе: гостиница Ярославль; оно устроено на петербургскій манеръ—парадная лѣстница, швейцаръ, большая обѣденная зала, офиціанты, большія цѣны на все... одно что въ ней провинціальнаго—это нечистота нумеровъ, а чисто народнаго—необыкновенная населенность постели извѣстными животными; о нихъ, какъ извѣстно, много писано русскими путешественниками, со временъ незапамятныхъ...

— Послушай, братецъ, говоритъ путешественникъ, со страхомъ и трепетомъ приготовляясь лечь спать, и пригласивъ для объясненія корридорнаго:—есть клопы и блохи?

— Помилуйте, какъ можно-съ! успокоительно отвѣчаетъ тотъ:—у насъ вѣдь хозяинъ купецъ извѣстный, и въ Питерѣ, и въ Москвѣ жили-съ; насчетъ чистоты всегда порядокъ требуетъ; уж будьте покойны.

Черезъ часъ спокойствіе нарушается; вы вскакиваете: подушка, одѣяло, постель, все покрыто самыми разноколиберными насѣкомыми...

Спать нельзя. Я сѣлъ къ окну и сталъ писать письмо; со двора слышится говоръ кучеровъ, извощиковъ; тарантасы, брички въѣзжаютъ и выѣзжаютъ со двора; вотъ какой-то армякъ возится у телѣги, монотонно тянетъ пѣсню, Богъ знаетъ какъ за-

---

мы нашли въ ней много и много интереснаго; много библіографическихъ рѣдкостей, отличное собраніе русскихъ старинныхъ журналовъ, альманаховъ, древнихъ лубочныхъ картинъ, портретовъ русскихъ героевъ и замѣчательныхъ людей, живописный прекрасный портретъ Н. И. Новикова (былъ онъ напечатанъ), наконецъ собранія любопытнѣйшихъ рукописей.

Digitized by Google

летѣвшую въ Ярославль, Богъ знаетъ кѣмъ и о чемъ сложенную...

— Послушай, братъ, вѣдь я не могъ ни на минуту прилечь; клопы да блохи одолѣли меня. Вѣдь ни на что̀ не похоже!.. Берете полтора рубля за нумеръ, и такая мерзость!

— Неужли, клопы-съ? заботливо и съ удивленіемъ спрашиваетъ корридорный, какъ бы впервые слыша подобное интересное извѣстіе.—Кажись, не должны бы быть. Вотъ, насчетъ блохъ, это вѣрно, на томъ не постоимъ—есть-съ, потому, изволите знать, время жаркое, какъ же имъ и не быть? А вотъ клопы... У насъ хозяинъ человѣкъ извѣстный... богатый... Не должны бы быть...

Оставивъ корридорнаго въ раздумьи по поводу осадившихъ его голову вопросовъ, я поспѣшилъ на пароходъ, въ Кострому.

Кострома, 7—10 іюля 1860.

Пароходъ прибѣжалъ въ Кострому вечеромъ. Еще издали городъ плѣнилъ меня прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Каменныя зданія его, прекрасный соборъ, зеленѣющій скатъ *Муравьевки* (такъ называется высокая набережная, устроенная бывшимъ губернаторомъ Муравьевымъ), красивое зданіе гимназіи на горѣ, на другомъ концѣ города громадная постройка Григоровской женской гимназіи, далѣе Ипатіевскій монастырь, все это вмѣстѣ, при заходящемъ солнцѣ, при движеніи судовъ и пароходовъ по волгѣ, при отраженіи города въ зеркальной поверхности широкой рѣки, составляетъ картину, достойную кисти лучшихъ живописцевъ. А на лѣвомъ берегу—деревни, зеленѣющія рощи, высокіе крутые холмы; на одномъ изъ нихъ, противъ самаго города, ресторанъ, нѣсколько бесѣдокъ.

Переодѣвшись, я поспѣшилъ въ городской садъ, разбитый у бывшаго кремля, нынѣшней площадки, украшенной величественнымъ соборомъ.

Въ саду никого, кромѣ канцелярскихъ чиновниковъ, и тѣ плегся на любимѣйшее мѣсто гулянки, на бульваръ, идущій къ регу. Дѣтей Марса я почти не встрѣчалъ ни въ Ярославлѣ, ни Костромѣ, всѣ они заняты своимъ дѣломъ внѣ городовъ.

Колоколъ гудитъ. Костромичи и Костромитянки стекаются въ соборъ ко всенощной службѣ; у входа нѣсколько монахинь съ кружечками.

— Не хотите ли зайдти въ семинарію? спросилъ насъ чиновникъ.

Какъ не зайдти? кстати она отперта. При входѣ, насъ обдало какою пылью; то служка мелъ опорожнившіеся классы. Досчатая, плохая дверь и небольшая деревянная лѣстница вели на

верхъ. Полы не крашены, кривые, штукатурка на стѣнахъ обвалилась, стѣны надъ скамейками вычернены и насалены затылками семинаристовъ. Классы состоятъ изъ узкихъ покоевъ, по бокамъ въ два ряда скамьи, въ концѣ комнаты каѳедра, въ углахъ громадныя, безобразныя печи, въ окнахъ ветхія рамы.

— По скольку человѣкъ сидитъ въ этихъ небольшихъ комнатахъ?

— Да неравно, отвѣчалъ послушникъ:—человѣкъ шестьдесятъ, восемьдесятъ, а иной годъ и сотня наберется.

— Гдѣ жь, скажите пожалуста, помѣщаются они? Вѣдь здѣсь много-много что человѣкъ тридцать, либо сорокъ можетъ сѣсть.

— Ништо, помѣщаются! положительно замѣтилъ служка:—сто лятъ, такъ и больше помѣстятся, теплѣй сидѣть-то поближе другъ къ дружкѣ.

— Ну, и карцеръ есть?

— Какъ не быть, часомъ кто проштрафится, такъ чтобъ было куда посадить.

Заговорившись съ спутникомъ своимъ, я и забылъ заглянуть въ карцеръ.

— Вы, вѣроятно, думаете, что нынѣшняя семинарія то же, что была встарь, говорилъ между прочимъ мой чичероне:—я самъ воспитывался въ семинаріи, *самъ себѣ* вынесъ живѣйшія и не совсѣмъ отрадныя воспоминанія о семинарскомъ образованіи; разумѣется, интересуюсь нынѣшнимъ состояніемъ семинаріи. Не знаю, какъ въ другихъ, но у насъ уже почти забыли, забыли грубость и кулачную расправу наставниковъ, семинаристы сдѣлались свободнѣе, развязнѣе, живѣе; съ ними и поговорить можно, да они и сами не дичатся общества... Кромѣ этого движенія впередъ, много имѣетъ вліянія на улучшеніе нашей семинаріи ректоръ, человѣкъ уважаемый и образованный.

Мы пришли на паперть соборную. Стѣны раскрашены. Направо отъ лѣстницы, громаднѣйшая старинная картина страшнаго суда: въ адскомъ пламени гибнутъ всевозможные грѣшники, на каждомъ ярлычокъ съ надписью, за что обреченъ онъ страдать; живопись, какъ кажется, подновлена. Впрочемъ, о живописи я не скажу ни слова; о немъ смотри два изданія *Описанія* протоіерея *Арсеньева*, 1829 и 1837 года; наконецъ, очень-подробное *Историческое описаніе Костромскаго Успенскаго каѳедральнаго собора*, съ хорошимъ рисункомъ собора, составленное его священникомъ, П. Островскимъ. (Москва 1855 г., стр. [illegible].

— Позвольте узнать, батюшка, обратился я къ стоявшему на паперти священнику:—можно мнѣ будетъ завтра зайдти въ семинарію, во время классовъ?

— Отчего жь? я думаю можно, да что вамъ тамъ любопытно?

Digitized by Google

рочемъ, хотите, я васъ проведу къ ректору? съ нимъ и пере-
рите.

веденный священникомъ къ ректору, я повторилъ просьбу,
вивъ, что слышалъ уже, что костромская семинарія въ ходѣ
зованія обновилась, и тѣмъ интереснѣе зайдти въ нее.

Не все хорошо въ современномъ воспитаніи, очень лю-
замѣтилъ мнѣ ректоръ:—много было хорошаго въ прежней
ѣ, многое бы не мѣшало сохранить изъ прежняго... Да что
интересуетъ въ семинаріи? Я, право, не знаю... Завтра
никъ, классовъ не будетъ.

Такъ будьте столь добры, позвольте послѣ завтра.

А послѣ завтра... да я, право, не знаю... вѣдь у нихъ те-
уроковъ нѣтъ... теперь у нихъ экзамены.

бъяснилъ, что тѣмъ интереснѣе, тѣмъ скорѣе можно по-
миться съ степенью развитости семинаристовъ.

Да-съ, однако... но нѣтъ... разрѣшить я все-таки не имѣю
... надо обратиться къ преосвященному. Семинарія заведе-
крытое, туда посторонніе не могутъ... а вы, милости
, заходите ко мнѣ послѣ.

Заша воля, отвѣчалъ я, раскланиваясь съ любезнымъ и
емымъ ректоромъ; отказа я не ожидалъ и былъ пораженъ
емъ, совершенно новымъ (по крайней мѣрѣ для меня,—ви-
въ томъ), что семинарія заведеніе закрытое, запертое,
упное ни чуждому взгляду, ни...

какъ же служка, служка, а? Какъ онъ рѣшился впустить
ъ сію храмину *тайнаго* образованія 300—400 юношей,
ихъ пастырей? Какъ онъ не выждалъ отношенія на-
ва за № такимъ-то, отвѣта начальства опять-таки за №,
тавленія и ходатайства за новымъ №, цѣлой кипы пе-
и о разрѣшеніи гг. N N лицезрѣть а обтертыя и облупив-
стѣны, некрашеные полы да грязныя комнаты?..

цѣлію разсѣяться отъ непріятныхъ впечатлѣній и непріят-
бъясненія, я отправился на лѣвый берегъ Волги. На кру-
скатѣ высокаго холма, покрытаго зеленѣющими кустами и
ями, стоитъ ресторанъ, недавно открытый, раскидано нѣ-
ю бесѣдокъ. Сюда костромская знать ѣздитъ гулять, ды-
чистымъ воздухомъ, любоваться прекраснымъ видомъ на
ь. По Волгѣ тянутся суда. Вотъ, отъ берега отдѣлился
гребцы въ красныхъ рубахахъ, въ высокихъ съ цвѣтами
хъ, мѣрно ударяютъ веслами, Волга-матушка не шелохнет-
оль ея далеко и далеко понеслось звучное пѣніе гребцовъ
о и говоритъ, что пѣсня та была: «Внизъ по матушкѣ по
» Въ яликѣ сидѣло семейство одного изъ городскихъ са-
ковъ. Слава Богу, хоть не за зеленымъ сукномъ и не пре-
исомъ тратятъ эти чудные вечера...

Digitized by Google

— Ну, не только вечера, поспѣшилъ замѣтить мой спутникъ:— а и ночи, даже, какъ вы говорите, чудныя ночи, сплошь да рядомъ козыряютъ. Вотъ, напримѣръ, за садикомъ, на верхушкѣ горы домикъ... онъ пустъ, но рѣдкая недѣля проходитъ безъ посѣтителей. Всѣ эти господа, люди именитые, стекаются сюда не восхищаться заходящимъ солнцемъ, либо прелестями картинъ, а опорожнить дюжины двѣ-три бутылокъ, да перевести изъ кармана въ карманъ пачки бумажекъ. Здѣсь любятъ повеселиться.

За домикомъ небольшая церковь, подлѣ него деревенское кладбище; я вошелъ за обвалившійся заборъ; небольшія насыпи прикрытыя кой-гдѣ камышками, дерномъ, кустами, обломками деревянныхъ крестовъ, двумя вѣтками, накрестъ сложенными тянутся направо и налѣво, спускаются по горѣ, все это могилы земледѣльцевъ-тружениковъ; потомъ и кровью оросили они эту землю, и она приняла ихъ на отдыхъ отъ честной, трудовой жизни...

— Отсюда, замѣтилъ чичероне,—прекраснѣйшій видъ! Господа помѣщики да чиновники, какъ пораспарятся за картами да за вином, такъ и выйдутъ изъ домика сюда освѣжиться и отдохнуть въ *объятіяхъ природы*... У другаго имѣніе-то пораззорено, по долгу, какъ въ шелку, а, какъ человѣкъ образованный, страстно преданъ! Въ картишки ночи дуется, да продувается, сидя здѣсь на могилкѣ какого-нибудь Сидора да Пахома...

На другой день, съ восходомъ солнца, мы были снова за Волгой, бродили по полямъ, холмамъ, по песчаной отмели лѣваго берега Волги, зашли наконецъ въ деревню отдохнуть и напиться молока.

Деревня раскинулась на большое пространство, кой-гдѣ стояли избушки порядочныя, кой-гдѣ виднѣлись совершенныя лачуги; въ общемъ же видѣ, все это представляло безотрадную картину бѣдности, бѣдности тѣмъ болѣе странной, что почти подъ окнами течетъ кормилица милліоновъ народа, а за ней красуется губернскій городъ. Недоумѣніе мое тотчасъ изчезло, когда я узналъ, что деревня принадлежитъ нѣсколькимъ помѣщикамъ, не бо-тымъ, а за такими душевладѣльцами, какъ извѣстно, жить гораздо труднѣе, нежели за богатымъ.

Мы едва достали молока и улеглись подъ стогомъ сѣна. На лугу рѣзвились дѣти, передъ нами стояла хозяйка, загорѣлая, работящая баба, босикомъ, въ послѣднемъ періодѣ беременности.

— Что, батюшка, говорила хозяйка на наши вопросы,—барынъ-то нашъ человѣкъ небогатый, опять же семейство большое—шестеро дѣтей, такъ оброкъ-то дюжій наваленъ... По сту рублей (ассигнаціями) съ тягла, да еще барщинку справляй, да пятьдесятъ яицъ, да холста....

Digitized by Google

— Однако и пьянство мѣшаетъ вашему достатку?

— Вѣстимо, тоже и пьянство прибыли не даетъ, а въ раззоренье вгоняетъ; пьютъ, да и какъ не пить? достатковъ большихъ нѣтъ, а ужь малое и не берегутъ, того и гляди, замѣтятъ достаточекъ—тяготы прибавятъ... А вонъ, въ нашей же деревнѣ, господинъ Мях.... вонъ что дворы-то новые стоятъ, это его крестьяне, семьдесятъ пять рублей (ассигнац.) всего оброку, да барщины вовсе нѣтути, и достатки у крестьянъ, и пьютъ меньше!

Верстахъ въ трехъ за деревней и рядомъ съ колосящимися полями стоитъ барское село. Господъ нѣтъ, они въ отлучкѣ, или имѣніе въ опекѣ; при въѣздѣ въ село, двѣ каменныя, полуразвалившіяся пирамиды (то барская затѣя), домъ запертъ, ставни закрыты, на селѣ ни малѣйшаго движенія. Мы вошли въ садъ.

Люблю я гулять по запущенному саду: тѣнистыя аллеи не расчищены, не подстрижены, не въ парадной формѣ, дорожки заросли густою травой, тамъ и сямъ видны развалины бесѣдокъ, полусгнившія скамьи, далѣе заброшенныя оранжереи, съ выбитыми стеклами и полуразобранными стѣнами.

Сколько поэтическихъ и непоэтическихъ думъ наводятъ на каждаго эти слѣды запущенія и разрушенія; какъ живо рисуется передъ вами помѣщичій бытъ добраго стараго времени! Вспоминаешь о безвинномъ убиваніи времени, о толпахъ праздная дворовая штата, о коллекціи приживалокъ, о сытныхъ нескончаемыхъ обѣдахъ и ужинахъ, о деревенскихъ банкетахъ, о дѣтяхъ Марса, герояхъ тѣхъ банкетовъ и плѣнителяхъ сердецъ помѣщичьихъ дочекъ, о патріархальныхъ распоряженіяхъ владѣльца...

Но вотъ повѣяло свѣжимъ, живительнымъ, отраднымъ воздухомъ, и, отвращая взглядъ отъ старца, изможденнаго бѣдностію и трудами, мы съ удовольствіемъ ласкаемъ розовыхъ малютокъ... Счастливцы!—для васъ настаетъ заря прекраснаго будущаго!..

— Мальчикъ, придержи, голубчикъ, собакъ! закричалъ мой спутникъ, выведенный изъ терпѣнія лаемъ дворняшекъ.

— Дай копѣечку, такъ придержу! бойко отвѣтилъ тотъ.

— Ого! молодое поколѣніе ужь съ этихъ лѣтъ требуетъ вознагражденія за трудъ! сказалъ чичероне, отворяя ворота.

Было 11 часовъ утра, когда мы, переплывъ Волгу, стали подходить къ Ипатьевской обители; близь моста, брошеннаго черезъ рѣку Кострому, стоитъ сумашедшій домъ.

Случившійся у воротъ солдатъ объяснилъ, что въ домъ войдти нельзя, что сумашедшихъ одиннадцать человѣкъ, содержатъ ихъ въ чистотѣ и хорошо, помѣщаются они въ 2 этажѣ, а внизу отдѣленіе арестантовъ.

— Что же, лѣчитъ кто-нибудь сумашедшихъ?

— Коли кто заболѣетъ, такъ докторъ пріѣзжаетъ пользовать

Digitized by Google

а чтобы насчетъ разсудка... такъ этого лѣченія нѣту... А случается, какъ посидитъ годъ, два, такъ и отойдетъ самъ отъ сумашествія... Крестьянинъ одинъ три года сидѣлъ, вѣдь отсидѣлся-таки отъ болѣзни, пришелъ въ себя, его и выпустили.

Зной непомѣрный. Въ монастырѣ ни души. На дворѣ сложены груды камня, кирпичу, извести, глины; вправо стоитъ двухъэтажный домъ, то терема царя Михаила. Крышка снята, окна вынуты, домъ этотъ реставрируютъ, по высочайшему повелѣнію; передѣлка идетъ живо, и при чисткѣ стѣнъ найдены слѣды старинныхъ оконъ, дверей, закладенныхъ при позднѣйшихъ перестройкахъ; всѣ остатки старины будутъ реставрированы.

Посреди двора стоитъ каменный столбъ; на четырехъ граняхъ его прибиты мѣдныя доски, на нихъ изображена лѣтопись замѣчательныхъ событій въ исторіи монастыря; подобные памятники чрезвычайно полезны, давая возможность каждому грамотному богомольцу-простолюдину ознакомиться съ исторіей посѣщенной имъ обители (1).

Отыскивая проводника, который могъ бы показать намъ ризницу и прочія достопримѣчательности, мы увидѣли монаха, вышедшаго на дворъ.

Мы стали спрашивать о памятникахъ старины, монахъ отвѣчалъ неохотно; онъ видимо былъ утомленъ продолжительнымъ сномъ; вдругъ лицо его оживилось: «Смотри-ка, смотри, закричалъ онъ другому отшельнику, шедшему по корридору,—а вотъ пришла; и съ дѣтками пришла, повторялъ онъ радостно, указывая на цицарку-курицу съ цыплятами:—и гдѣ она пропадала? Ви-ка хлѣба, покормимъ!»

Почтенные отцы занялись кормленіемъ; къ намъ между тѣмъ подошелъ отецъ-ризничій, въ рукахъ его гремѣла связка большихъ ключей.

Исполняя нашу просьбу, отецъ-ризничій показалъ всѣ достопримѣчательности собора, *Годуновскія рукописныя Евангелія* начала XVII вѣка, въ высшей степени замѣчательныя по виньякамъ и письму (эти рукописи съ особеннымъ любопытствомъ разсматривала Государыня Императрица при высочайшемъ посѣщеніи своемъ монастыря въ 1858 году), многія рукописи, благососуды, вклады, старинные образа, царское мѣсто, и пр. всѣ имѣющія подробныя печатныя описанія.

Ризница впрочемъ относительно очень бѣдна; она не разъ была обкрадена при разныхъ смутныхъ обстоятельствахъ; 1764 г.

(1) О Ипатьевскомъ монастырѣ вышло нѣсколько книгъ: намъ извѣстно П. Свиньина, въ *Отеч. Зап.* 1820 г. № 1; за тѣмъ книга, вышедшая въ 1[illegible] М.; наконецъ *Историческое описаніе*, соч. Діева. М. 1858 г.

Digitized by Google

сть учрежденіе штатовъ, причинилъ монастырю гораздо боль-
олъ, нежели всѣ гибельные пожары и нашествія непріяте-
до этого злополучнаго для него года, онъ владѣлъ домами
ѣихъ столицахъ, въ Ярославлѣ, Костромѣ, Новгородѣ... Въ
всѣхъ русскихъ монастырей, Ипатьевская обитель была одна
огатѣйшихъ; за ней считалось до 12.000 душъ крестьянъ,
ать восемь селъ принадлежало монастырю, а деревень и уго-
ыло неисчислимое множество; всѣ онѣ были раскиданы въ
ахъ провинціяхъ... Екатерина II нашла нужнымъ освобо-
иноковъ отъ тягостныхъ заботъ и попеченій о тлѣнныхъ,
ахъ благахъ, предоставя имъ совершенную свободу прово-
время въ постѣ и молитвѣ.

Благодаривъ ризничаго, мы пошли отыскивать отца-казна-
чтобы купить описаніе монастыря. Въ длинномъ корри-
тянутся направо и налѣво братскія кельи; куда ни заходи-
, и братія, и служки-келейники безмятежно спали, то былъ
ъ послѣ утреннихъ трудовъ, выполненіе давнишняго завѣта
міра Мономаха: «спанье есть отъ Бога присуждено полудне,
чинъ опочиваетъ, и звѣрь, и птици, и человѣци!»

обенно хорошо сохранились въ Ипатьевской обители ко-
ьня съ живописными стѣнами и Годуновскимъ колоколомъ
окая стѣна, возобновленная при царѣ Алексѣѣ; въ этой
поддерживается деревянная галлерея, прямыя и косвен-
бойницы, всходы въ башни и проч. Какъ извѣстно, подоб-
стѣнъ уже не найдти въ другихъ монастыряхъ, галлерей
нигдѣ нѣтъ...

мирной обители, мы пошли въ библіотеку публичную. Она
на очень недавно, отставнымъ инженернымъ офицеромъ,
ранцемъ, служившимъ еще при Бетанкурѣ въ 1820 годахъ,
ѣ съ А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ).

бліотека заведена очень недавно, стоила владѣльцу до 4000
, заключаетъ въ себѣ до 1500 сочиненій русскихъ и фран-
ихъ (1), всѣ новѣйшія періодическія изданія, собраніе нотъ;
библіотекѣ же фотографическое заведеніе, для снятія пор-
въ.

писавшіеся на чтеніе книгъ платятъ умѣренныя цѣны и
уются разными правами: такъ, напримѣръ, могутъ получать
еты по уменьшенной цѣнѣ и т. п.

бонировавшихся всего 35 человѣкъ! Учредитель библіо-
разчитывалъ на Ярославль и Кострому, два города, столь
о расположенные другъ отъ друга, и долженъ разочаро-

(1) Каталогъ напечатанъ въ 1859 г. 8 д. Въ тип. Вольфа. Спб.

Digitized by Google

ваться въ надеждахъ своихъ. «Заведите у себя собраніе нотъ, у васъ будутъ абонироваться многія дамы,» говорили нѣкоторыя аристократки; ноты выписаны по дамскимъ выборамъ, но ни одна изъ нихъ не пользуется ими; а между тѣмъ какой-нибудь романъ Поль-де-Кока, даже въ безобразномъ русскомъ переводѣ, требуется довольно часто. «Чѣмъ руководствуется публика костромская при выборѣ книгъ, рѣшить трудно, говорилъ намъ библіотекарь,—*Фрегатъ Паллада* долго лежалъ у меня, его почти никто не спрашивалъ, вдругъ прочитала одна аристократка мѣстная, и на *Палладу* явилось много требованій, ради *особы*, прочитавшей (а не вслѣдствіе прекраснаго разказа); на *Палладу* настала мода, и я долженъ былъ выписать другой экземпляръ...»

При посѣщеніи гимназіи, зданія очень краснваго и хорошаго содержимаго, я былъ пораженъ расположеніемъ комнатъ; актовая зала очень велика, квартиры начальства (судя по инспекторской) громадны, а классы (бездѣлица!) скромно тѣснятся въ небольшомъ корридорчикѣ, и занимаютъ самую незначительную долю громаднаго зданія. Наши строители общественныхъ заведеній, въ этомъ случаѣ, дѣйствовали вовсе не по заграничнымъ образцамъ: тамъ простота, наибольшія удобства, полное соотвѣтствіе той цѣли, для которой строится зданіе; у насъ же спервоначалу внѣшность, блескъ, парадная лѣстница, актовая зала, квартиры начальниковъ, а тамъ и тѣ помѣщенія, ради которыхъ возводится зданіе.

Но такъ дѣйствовали встарь, нынѣ и этотъ недостатокъ сглаживается; въ самомъ дѣлѣ, зайдите въ строящееся зданіе костромской женской гимназіи, и вы увидите противное; этотъ пространный домъ воздвигнутъ на берегу Волги, состоитъ изъ двухъ большихъ каменныхъ корпусовъ... Основатель гимназіи, А. Григоровъ, какъ намъ говорили, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанникъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ; до милліона у него, 1000 десятинъ земли, 240 душъ крестьянъ пожертвовалъ просвѣщеннымъ основателемъ костромской женской гимназіи; онъ самъ лично надзираетъ за работами, и употребляетъ на средства, чтобъ учрежденіе, которое вѣроятно обезсмертитъ его имя, было блестящее во всѣхъ отношеніяхъ. Правда, строитель не чуждъ и роскоши; такъ напримѣръ актовая зала въ два свѣта съ колоннами, хоть бы и не для Костромы; квартиры директрисы и двухъ начальницъ довольно велики; за то каждый изъ шести классовъ просторенъ, свѣтелъ, высокъ, о пяти оконъ въ каждомъ изъ нихъ; въ верхнемъ этажѣ обширная спальня въ 30 оконъ. Изъ дортуара входъ въ церковь, подъ ней будетъ классъ для воскресной школы; вся постройка ка-

Digitized by Google

двигается, какъ мы слышали, изъ самыхъ лучшихъ матерія ловъ при гимназіи разводится садъ, устраиваются всѣ хозяйственныя постройки и принадлежности, берегъ Волги обтянется каменною одеждой, и передъ гимназіей на берегу разобьется другой садъ, съ фонтанами и цвѣтниками...

Зданіе постояннаго костромскаго театра почему-то заперто, и спектакли разыгрываются въ гарнизонномъ манежѣ за городомъ. Вечеромъ 10 іюня, я рѣшился ѣхать въ Нижній, но на афишкѣ заманчиво объявлялось, что настоящій спектакль будетъ послѣднимъ, и я отправился на утреннюю репетицію, чтобы хоть по ней имѣть понятіе о костромской труппѣ.

Нечего и говорить, что во времена Волкова костромская труппа (если только она могла быть) была не хуже нынѣшней. Главная примадонна, лѣтъ тридцати пяти, красуется въ кринолинѣ необъятныхъ размѣровъ; едва ли Волга въ своемъ весеннемъ разливѣ такъ широка, какъ широкъ ея костюмъ... Другая среди монологовъ возилась съ щепками, какіе-то юноши, состоявшіе въ роляхъ первыхъ любовниковъ и героевъ, кривлялись, стучали ногами, взмахивали руками; заѣзжій актеръ, имя котораго красовалось большими буквами на афишкѣ — *геніяльничалъ*, то-есть вовсе не игралъ, считая для себя унизительнымъ играть, какъ слѣдуетъ, на репетиціи. Вообще надо замѣтить, что только бездарные актеры, да неспособные любители, появившіеся на сценахъ такъ-называемыхъ *благородныхъ спектаклей*, пренебрегаютъ репетиціями, истинный же талантъ почти всегда одинаково играетъ и на репетиціи, и на спектаклѣ...

Полюбовавшись на залу костромскаго дворянскаго собранія и выслушавши отъ старика-сторожа, отставнаго унтеръ-офицера, длинную повѣсть о томъ, какъ удалось ему, лѣтъ десять тому назадъ, получить изъ четырехъ сыновей-кантонистовъ одного для поддержки себя на старости лѣтъ, я поспѣшилъ на пароходъ, прощаясь съ чистенькою и красивою Костромой, съ ея прямыми улицами, прекраснымъ памятникомъ Сусанину, наконецъ съ Григоровскою женскою гизназіей... Одинъ видъ этого заведенія заставилъ меня забыть семинарію (1).

Плесъ. Два часа ночи, 11-го іюля.

Заштатный, небольшой Плесъ-городокъ, куда прибѣжалъ нашъ пароходъ на ночлегъ, жмется между рѣкой и высокою, крутою горой. Мѣстоположеніе города чрезвычайно оригинально: пред-

(1) О Костромѣ см. описаніе въ *Словарѣ* Щекатова, т. III, стр. 773—783.—*Взглядъ на исторію Костромы*, соч. князя Козловскаго. М. 1840.—Статья Арсеньева, въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1820 г., № 2.—*Исторія костромской іерархіи*, Красовскаго.—*Кострома*, брошюра 1858 г.—*Описаніе костромскаго*

Digitized by Google

ставьте себѣ узкую площадку со стороны рѣки, обшитую ненадежною деревянною набережной, съ противоположной же стороны опирающеюся на гору; на этомъ лоскуткѣ земли набросаны какъ грибы, двухъ-этажные и одно-этажные деревянные домики каменныхъ между ними не много. Весной и осенью городъ подмываетъ снизу Волгой, сверху горы дождевые потоки; зимой его заноситъ непроходимыми глыбами снѣга, такъ что ѣзда въ городѣ прерывается на нѣсколько недѣль, и только лѣтомъ стихіи оставляютъ его въ покоѣ; а между тѣмъ, поднявшись на гору, куда рѣшились взобраться два-три домика да городской соборъ, вы видите передъ собой обширный лугъ, прекрасное мѣсто для города.

— Почему жь вы въ самомъ дѣлѣ тамъ не строитесь?

— Первое дѣло потому, что привычки этой нѣтъ, отвѣчаетъ мужикъ, лишенный ногъ отъ простуды,—изстари строятся внизу, не хотятъ и перебираться наверхъ; второе же то, что здѣсь у пристани ближе, хлѣбъ нагружаютъ на суда, сгружаютъ съ барокъ, опять же проѣзжающіе на судахъ останавливаются въ городѣ... А неудобства и впрямь много; здѣсь внизу, напримѣръ, сажень земли 30 рублей а вверху 15 копѣекъ.

Въ трактирѣ, у лавокъ городскихъ гудитъ шарманка; я зашелъ съ мужичкомъ, проковылявшимъ за мной на костыляхъ; усѣлись пить чай. Мужичокъ разказалъ, что есть у нихъ въ городѣ деревень лѣтъ двадцати, по фамиліи Плугинъ, сынъ простаго кузнеца, смышлена бойкій и смышленый паренекъ любовался пароходами, наконецъ рѣшился сдѣлать самъ маленькій пароходикъ... Не читая никогда ничего о пароходахъ, не имѣя совѣтниковъ и руководителей, онъ послѣ долгаго усидчиваго труда сдѣлалъ маленькій пароходъ съ переднимъ и заднимъ ходомъ, съ свисткомъ, рулемъ, съ мельчайшими и необходимѣйшими частями паровыхъ судна. Въ Кинешмѣ на выставкѣ сельскихъ произведеній, въ особомъ бассейнѣ, къ величайшему восторгу всѣхъ посѣтителей, пароходикъ этотъ ходилъ... Молодой мастеръ получилъ награду и изъ Петербурга сдѣланъ былъ запросъ, гдѣ воспитывался, кто и чему былъ обученъ Плугинъ-*механикъ*?

— Народъ-то у насъ на всѣ руки гораздъ, вмѣшался половой, да только что не у всѣхъ руки-то вольны заниматься тѣмъ, что

Крестовоздвиженскаго дѣвичьяго монастыря, 1835 г.—*Военно-статистическое обозрѣніе Костромской губерніи*, соч. Воронцова-Вельяминова, 18[illegible] Спб.—*Императоръ Александръ II въ костромской сторонѣ*. Сост. И. Аѣ[illegible]никовъ, печатано въ его же типографіи, въ Костромѣ. 1859 г.—Записки ([illegible] любопытныя) о костромскомъ ополченіи въ *Вѣстникѣ Европы* въ 181[illegible] № 6.—*Извѣстія о костромскомъ Богоявленскомъ монастырѣ*. Спб. 183[illegible] и проч.

Digitized by Google

любо, а у него и вовсе связаны. Вотъ хоша бы у нашего барина, вѣдь сколько народу — до 4.000 наберется, сынокъ ихъ старшій, въ университетѣ воспитывался, отъ чахотки умиралъ. «Папашенька, говоритъ, я не умру спокойно, пока вы не обѣщаете отпустить на волю хоть однихъ дворовыхъ людей!» Отецъ значитъ обѣщалъ, а умеръ сынокъ, пересталъ жалѣть о немъ, сталъ *жалѣть* людей, отпущать ихъ не хочется, а дворовыхъ по вотчинамъ до двухъ сотъ наберется.

Нижній-Новгородъ, 12-го іюля.

Въ четыре часа утра, пароходъ далеко оставилъ за собой Плесъ-городокъ. По мѣрѣ того какъ солнце подымалось все выше и выше, мужички, прикащики, солдаты, монахи, бабы, торговцы—пассажиры третьяго класса—стали потягиваться на скамейкахъ, подъ скамейками, на полу; всѣ подымались, одинъ за однимъ, съ неприхотливаго ложа. Изъ каютъ выползать стали запачканныя лица второклассниковъ; то были купцы, помѣщики, чиновники, два три учителя губернскихъ гимназій, офицеръ, ѣдущій въ отпускъ, и др.

На одной изъ скамеекъ, послѣ утренняго чая, усѣлось двое: одинъ, какъ кажется, помѣщикъ, другой, какъ оказалось, учитель исторіи изъ какой-то гимназіи, ѣдущій въ Симбирскъ.

Оживленный разговоръ шелъ о современномъ направленіи литературы, о политикѣ, о поэзіи и тому подобной матеріи.

— Вотъ вѣдь у насъ пошла теперь мода, говоритъ помѣщикъ,— а историческія монографіи; какъ ни любопытны нѣкоторыя изъ нихъ, а нельзя не замѣтить, что въ большей части изъ нихъ не остается, что называется, того... *взгляда*... все это компиляціи, группировка фактовъ — и всѣ онѣ мертвы, ибо не оживлены *взглядомъ*... То ли дѣло...

— Нѣтъ-съ, позвольте, замѣчаетъ учитель,—что такое *взглядъ*, что вы называете *взглядомъ*?

Помѣщикъ пускается въ длинное объясненіе (онъ много читалъ), начинаетъ толковать о Маколеѣ, переходитъ (Богъ знаетъ о какому сочетанію идей), къ Карамзину, Полевому и др.

— Все такъ, возражаетъ собесѣдникъ, да всѣ эти господа не дугъ къ дѣлу, когда рѣчь касается журнальныхъ историческихъ монографій, а тѣмъ болѣе изъ русской исторіи XVIII вѣка. тотъ столь интересный періодъ нашей исторіи до сихъ поръ не вызывалъ вниманія русскихъ писателей. Не хотѣли или не могли они имъ заняться—это все равно. Какъ бы то ни было, ни одно царствованіе съ эпохи преобразователя Россіи, у насъ неизвѣстно, ни одно событіе не разъяснено надлежащимъ образомъ; все, что прежде печаталось на русскомъ языкѣ о вре-

Digitized by Google

менахъ Анны, Елисаветѣ, Петрѣ III, Екатеринѣ II — все это, почти все, были громкія фразы, все были *взгляды*. Неуж же и теперь наши писатели должны разбавлять свои изслѣд нія разсужденіями, *взглядами*? Помилуйте, да пусть они т тельно отыскиваютъ факты, факты, до сихъ поръ не поя явиться въ печати; пусть эти факты группируются въ сам разказъ, пусть этотъ разказъ будетъ исполненъ одной иде и вѣрьте, что безъ фразъ пышныхъ, безъ высказанныхъ авто взглядовъ—въ самой связи его разказа, въ подборѣ данныхъ томъ впечатлѣніи, которое производитъ его разказъ на ч теля—выразится *взглядъ* автора... Охъ, ужь мнѣ эти *взгля* доводится мнѣ много говорить о нихъ съ учениками, иной ни тается фразъ изъ учебника, и пошелъ отвѣчать взглядами, и ими гораздо легче щеголять чѣмъ фактами...

— Ну ужь хороши и факты въ нашихъ журнальныхъ ком фіяхъ! замѣтилъ противникъ: — каждый изъ всѣхъ силъ стар что-нибудь выкопать почернѣе, погрязнѣе?.. Не односторон ли это, не полное ли отсутствіе *взгляда*?..

— Опять вы со взглядами! оставимте ихъ: вспомните то что настоящія журнальныя монографіи — не *болѣе какъ* о въ односторонности ихъ авторовъ нельзя обвинять; они бе одинъ эпизодъ, одну черту; одно лицо знакомятъ на столь сколько позволяютъ рамки очерка... Вы говорите, что они капываютъ грязь; да вѣдь у насъ такъ много писали, кри пѣли объ одной сторонѣ, что, право, пора взглянуть и на дру Нѣтъ, не въ отсутствіи взгляда, не въ односторонности нуж винять нашихъ писателей о XVIII вѣкѣ; если въ чемъ упрекнуть ихъ, то...

— Вы въ Костромѣ, кажется, сѣли на пароходъ? спр меня священникъ, усаживаясь подлѣ и обязательно прик меня зонтикомъ:

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Какъ вамъ нравится Кострома?

Замѣтивъ, что бесѣдующіе о литературѣ отправились по ю ту, и что слушать некого, я вступилъ въ бесѣду съ сосѣ передалъ свои костромскія впечатлѣнія, наконецъ съ упре замѣтилъ, что ректоръ не пустилъ меня въ семинарію; это болѣе странно, что онъ, какъ говорятъ, очень умный челов

— Да, потому-то онъ и не пустилъ васъ, отвѣчалъ с никъ,—что умный человѣкъ... Ему хорошо извѣстно, въ к положеніи находятся наши семинаріи; несмотря на всѣ по улучшенія—хвастать-то вѣдь нечѣмъ! Старое зло не так уничтожается; такъ напримѣръ, знаете ли вы какъ назна учителя въ семинаріи? Кончившимъ курсъ и выдержавшимъ

Digitized by Google

ы назначали предметы для преподаванія, безъ спроса — ъ ли онъ этотъ предметъ, желаетъ ли его преподавать, ъ ли къ нему способности? Такимъ образомъ, сплошь да ь, математикъ ѣхалъ преподавать богословіе, богословъ — грію, учитель исторіи-русскую граматику и т. д. Что жь того выходило? Профессора смотрѣли (а пожалуй многіе ихъ поръ смотрятъ) на свое дѣло съ отвращеніемъ, вовсе нимаются, мало того, зачастую не знаютъ предмета... , придетъ посторонній въ семинарію, онъ всѣхъ перекон- ь; не знающій и не приготовившійся профессоръ не ста- итать передъ посѣтителемъ лекціи, а станетъ спрашивать ка, ученикъ будетъ путать, врать... Нечего и говорить, что о въ настоящее время улучшается, но старыя прорѣхи не коро зачиниваются, и умный ректоръ, разумѣется, не хо- чтобъ этими прорѣхами любовался взглядъ незнакомца... о, какъ солнце-то припекать начинаетъ,—отправимтесь въ .

Михаилъ Се—вскій.

НА ПУТИ ПО ИТАЛІИ.

елившись на нѣсколько времени въ Ниццѣ, я сначала не куда дѣваться отъ скуки. «Одна природа, думалъ я, не зтворитъ вполнѣ человѣка, а тутъ только и есть, что при- Знакомыхъ нѣтъ, труппа еще не пріѣхала, даже *café* по- наго не встрѣтишь: какіе-то темные, словно у насъ на Руси ибудь въ уѣздномъ городѣ. Мнѣ уже жаль стало провин- ыхъ городовъ Франціи съ ихъ неизмѣннымъ, хотя подчасъ ьма плохенькимъ театромъ, съ *café chantant*, вѣчно пляшу- гризетками и горничными. Вскорѣ однако меня выручила отека Висконти. Мнѣ рѣдко случалось встрѣчать въ неболь- городахъ Франціи и даже Германіи что-нибудь подобное. ставьте себѣ: нѣсколько тысячъ томовъ въ кабинетѣ для , для продажи всѣ французскія, италіянскія, англійскія, даже орыя русскія новости, газетъ на четырехъ языкахъ множе- въ томъ числѣ три или четыре русскихъ. Однако нельзя се читать, да читать, и потому я благодарилъ судьбу, по- мившую меня съ нѣсколькими Италіянцами, съ которыми но было поговорить о ихъ надеждахъ на будущее. Нако- , прошелъ мѣсяцъ, другой, и городокъ нашъ оживился, а

Digitized by Google

скукѣ не стало мѣста. Когда я пріѣхалъ въ Ниццу, никто не вѣрилъ въ уступку Ниццы Франціи. Только два главные журна вели упорный споръ, но на нихъ никто не обращалъ вниман несмотря на то, что частенько между ними доходило чуть не брани. Правительство играло какую-то ужь слишкомъ пассив роль, карабинеры (не французскіе, а особый родъ піемонтски въ альмавивахъ и треугольныхъ шляпахъ, смирные и безмолв какъ бараны), прохаживаясь съ обычною флегмой по город обращали вниманія ни на того, кто кричалъ: *vive Napoleon* на того, кто изъявлялъ сочувствіе королю. Но вотъ появилась газетахъ рѣчь императора, и страсти вспыхнули. Въ первое послѣ нея воскресенье, были назначены двѣ первыя маніф ціи: одна по утру, другая днемъ. Онѣ были не слишкомъ мн численны. Гораздо значительнѣе показались мнѣ послѣдую Онѣ обыкновенно начинались на Корсо и потомъ направля по всѣмъ узкимъ, населеннѣйшимъ улицамъ. Впереди несли з за которымъ шло человѣкъ пять молодыхъ людей, громко шихъ народные гимны. Часто повторяемыя слова: «Italia какъ-то могуче и свободно вылетали изъ ихъ груди. За тянулась нескончаемая процессія. Сознаюсь, я не могъ ус противъ обаянія, которымъ были исполнены эти манифеста слѣдилъ за ними по цѣлымъ часамъ. Часто гдѣ-нибудь, въ вергомъ этажѣ, изъ окна показывалась женская головка, а за и рука, привѣтно махавшая платкомъ. Тутъ всѣ останавливал громко раздавалось безпрестанно повторяемое: *evviva, evviva* совъ въ одиннадцать всѣ расходились по домамъ. Однажды, с такой процессіи, рѣшился я пройдтись куда-нибудь поле чувствуя, что не скоро засну. Въ одной изъ отдаленнѣйш улицъ, обратило на себя мое вниманіе пѣніе нѣсколькихъ муж голосовъ. Я подошелъ къ нимъ и долго слушалъ ихъ. Всего лѣе поразило меня какое-то воззваніе, пропѣтое ими. На вопр что они пѣли, они подали мнѣ измятую, запачканную бумаж которой были напечатаны стихи, сочиненные, какъ говорятъ, человѣкомъ, безъ котораго теперь ничего не творится въ Я говорю о Гарибальди. Стихи эти называются: *Il giuram d'Italia, Parole di Garibaldi.* Я прошу васъ представить себ пѣтыми на родинѣ этого великаго человѣка, въ самый крити для нея моментъ, подъ безграничнымъ сводомъ усѣяннаго зв неба, въ зимній вечеръ Ниццы, когда пробираетъ васъ мале дрожь, придающая вамъ нѣсколько лихорадочное состояніе первая строфа этихъ стиховъ, характеризующая самого а если справедливо, что авторъ песни самъ Гарибальди, удругихъ показалось бы хвастовствомъ, то въ его устахъ истина.

Digitized by Google

Là nel cuor dell Italia giurando
Garibaldi ci strinse le mani
E correndo dai monti su i piani
Sprona all'armi provincie e città.

имъ, въ сердцѣ Италіи, произнеся клятву, Гарибальди по-
намъ руки и, стремясь съ горъ въ долины, увлекаетъ къ
ю провинціи и города.»

горѣ, мнѣ удалось увидѣть въ Италіи и самого Гарибальди.
пробылъ въ Ниццѣ не долго. Манифестаціи повторялись чаще
ще. Два французскіе фрегата, появившіеся на виллафранк-
рейдѣ, не остановили ихъ. Не прошло и двухъ дней послѣ
прибытія, какъ во французскомъ театрѣ была манифестація,
ше кончившаяся весьма дурно. Французскій консулъ посы-
въ раекъ матросовъ съ прибывшихъ кораблей и велѣлъ имъ
ть: «Vive Napoléon! vive l'Empereur!» Противная партія
слаба; голосъ ея былъ заглушаемъ голосомъ большинства,
ившаго изъ Французовъ. Наконецъ они стали требовать, чтобъ
ы пропѣли гимнъ, сочиненный однимъ изъ редакторовъ
: «Les voeux des Niçois». Актеры изъявили согласіе, объ-
впрочемъ, что предварительно слѣдуетъ получить разрѣ-
начальства «Il n'y a point d'autorité ici! nous sommes chez
произнесъ одинъ изъ присутствовавшихъ. Не успѣлъ окон-
онъ этихъ словъ, какъ вошелъ піемонтскій офицеръ съ
гой карабинеровъ. Въ то же время изъ райка спустились
узскіе матросы. Одинъ изъ нихъ, самый маленькій, при-
къ длиннѣйшему изъ карабинеровъ и, принявъ позу, въ
ую становятся люди, собирающіеся фехтовать, кричалъ:
, grande asperge, viens!» Это не помѣшало однако карави-
ъ свести кого слѣдовало въ полицію. Можно себѣ предста-
негодованіе матросовъ, и еслибы не ихъ офицеры, то не обо-
, бы безъ драки, которая могла бы имѣть плохія послѣд-
тѣмъ болѣе что у главнаго зачинщика нашли кинжалъ и
леты. На другой день только и рѣчи было, что объ исто-
театрѣ. *L'Avenir* при этомъ осмѣлился наговорить дерзо-
всей піемонтской арміи. Это, конечно, не осталось безъ на-
я. Пробираясь вечеромъ, по одной изъ главныхъ улицъ,
, я замѣтилъ необыкновенное стеченіе народа. На вопросъ
мѣ отвѣчали, что офицеры всего гарнизона вызываютъ ре-
ра газеты *Avenir* на дуэль, и дѣйствительно ее назна-
на другой же день. Въ назначенный часъ противники отпра-
ь къ границѣ Франціи. Тутъ редакторъ, отставной воен-
Французъ, предложилъ перейдти черезъ мостъ, чтобы стрѣ-
ся въ Франціи. Ему отказали, зная, что таможенные отни-
пистолеты. Послѣ долгихъ колебаній, обидчикъ рѣшился

Digitized by Google

наконецъ печатно извиниться передъ Піемонтцами. Офицера на-
родъ встрѣтилъ у входа въ городъ и просто несъ его на рукахъ.
Вечеромъ, въ одиннадцать часовъ, рѣшено было устроить ему
серенаду. Я отправился туда съ своимъ знакомымъ, полковни-
комъ національной гвардіи, который, какъ живо помню, разъ-
зывая объ участи, готовившейся его родинѣ, проливалъ гор-
кія слезы. Чтобы понять вполнѣ великія событія, соверша-
щіяся въ настоящее время въ Италіи, слѣдуетъ познакомит-
хоть съ однимъ изъ такихъ людей, каковъ былъ мой знакомец.
Пользуясь независимымъ положеніемъ и происходя изъ арис-
кратической фамиліи, онъ, тѣмъ не менѣе, находился въ сам-
дружественныхъ отношеніяхъ къ своему товарищу по службѣ, по-
ному. Послѣдняго я также не забуду, какъ еще не забуду од-
кучера, ежедневно пріѣзжавшаго покалякать съ однимъ изъ л-
кеевъ нашего отеля. Смуглый, высокій ростомъ, съ окладис-
чудною бородой, онъ могъ служить лучшимъ типомъ Италі-
Онъ принималъ участіе въ защитѣ Венеціи, гдѣ родился; по-
въ венгерской войнѣ; изгнанный изъ Франціи, онъ выжидал-
Ниццѣ случая снова употребить въ дѣло свою руку. Для з-
шихъ его онъ служилъ газетой, а когда въ Ниццу вошли Фр-
цузы, онъ оставилъ своихъ лошадей, и я частенько видѣлъ ег-
другими во главѣ манифестацій. Теперь, конечно, онъ въ Си-
ліи. Но возвращаюсь къ серенадѣ. Передъ окномъ офицера
бралась толпа, появилась музыка. Проиграли въ честь его
ціональный гимнъ, что-то пропѣли, потомъ вызвали его са-
Онъ появился, снялъ фуражку, произнесъ, запинаясь, нѣско-
словъ и удалился, чувствуя неловкость своего положенія.
другой день Французы посмѣивались надъ всею исторіей, р-
зывая, какъ поддѣли Италіянцевъ. Редакторъ газеты *Avenir*
залъ въ извиненіи не: «je fais excuse», а: «je demande exc-
что̀ означаетъ совсѣмъ другое.

Но вотъ уже приблизился роковой день. Вечеромъ, нака-
дня выборовъ, собралась передъ окнами Піетри толпа нар-
Выйдя на балконъ, онъ кричалъ имъ: vive la France, vive l'E-
reur, mes enfants; а они вторили ему. Не правда ли, очень и-
ресно? На другой день, выйдя рано утромъ на улицу, я за-
тилъ, какъ изъ Франціи, изъ-за Вара, тянулся народъ—все вы-
рать государя для Ниццы. Могъ бы разказать десятки анек-
товъ объ этихъ выборахъ и къ этому прибавить кое-какія
ныя о свистѣ, съ которымъ были приняты французскія
при вступленіи въ Ниццу, о стычкахъ на улицѣ, иногда ко-
шихся довольно плачевно, и т. д. Интеризу это, быть-можетъ, бы-
разказано уже раньше, и поръ песни с оставимъ Ниццу, и-
[illegible]ую свой характер хвастовствомъ, т вмѣстѣ въ Италію.
истина.

Живописна и интересна la Corniche, черезъ которую привелось мнѣ ѣхать въ Геную, великолѣпенъ самый этотъ городъ, особенно, когда смотришь на него съ моря. Но все это извѣстно, и потому попрошу читателя перенестись со мною прямо во Флоренцію. Тамъ видѣлъ я короля. Представьте себѣ человѣка рыжаго, толстаго, небольшаго роста, съ вздернутымъ носомъ, и вы составите себѣ понятіе о Викторѣ-Эммануилѣ. Въ окнахъ многихъ магазиновъ, во Флоренціи, вывѣшена картинка, изображающая его въ трехъ различныхъ костюмахъ, съ слѣдующими надписями: re italiano, il primo soldato italiano, il caporale-zuavo. Всего болѣе идетъ къ его лицу зуавскій костюмъ. Кромѣ портрета короля, вездѣ встрѣчается портретъ Риказоли. Онъ стоитъ прямо какъ столбъ, упираясь одною рукой на столъ; внизу подпись изъ Данта:

Sta come torre fermo, chè non crolla
Giammai la cima per soffiar di vento (1).

Не знаю города, который былъ бы въ настоящую минуту пріятнѣе Флоренціи для жительства; настроеніе умовъ, мѣстоположеніе, климатъ, искусство—все влечетъ сюда. Впрочемъ Флоренція издавна носитъ названіе итальянскихъ Аѳинъ, и имя это въ наше время принадлежитъ ей тѣмъ болѣе по праву, что въ ней до сихъ поръ процвѣтаетъ знаменитый кабинетъ для чтенія *Vieusseux*. Дѣйствительно, гдѣ нѣтъ духовной пищи, будь природа Богъ знаетъ какъ прекрасна, человѣкъ мыслящій едва ли оселится.

Я конечно посѣщалъ замѣчательный кабинетъ г. Віёссё и дивился изобилію собранныхъ въ немъ журналовъ и книгъ. При семъ томъ, предпочитаю сообщить о немъ выписку изъ недавно-вышедшей во Франціи книги Монье: *L'Italie est-elle la terre des morts?*

«Если вы желаете увидѣть цѣлую генерацію поэтовъ и литераторовъ, въ обществѣ съ эмигрантами и изгнанниками, пишетъ онъ, то перенесемтесь въ центръ города, на площадь Santa Trinita, во дворецъ Буондельмонти. Тамъ войдемте. Въ первомъ этажѣ, во время оно находилась типографія, изъ которой вышло столько замѣчательныхъ ученыхъ и литературныхъ произведеній, что они одни могли бы прославить Италію. Не знаю, существуетъ ли до сихъ поръ эта типографія (2): но еслибы вы спросили во время оно, кто ее основалъ, вамъ бы назвали Петра Віёссё. Подымитесь въ первый этажъ, и вы очутитесь въ библіотекѣ для чтенія, какой я не видывалъ нигдѣ: клубы Швейцаріи и Германіи могли бы дать о ней понятіе, но они доступны лишь избраннымъ, тогда какъ кабинетъ Віёссё открытъ для всѣхъ. Вы входите туда, какъ въ свою квартиру, прогуливаетесь по ряду комнатъ

(1) Стоитъ твердо какъ башня, которой верхушка никогда не сокрушится отъ дуновеній вѣтра.

(2) Существуетъ, такъ какъ я былъ въ ней мѣсяца три тому назадъ.

Digitized by Google

наполненныхъ книгами, садитесь къ столамъ, покрытымъ журналами: тутъ найдете вы журналы на всѣхъ языкахъ: одна маленькая Женева доставляетъ три изданія: *Женевскую Библіотеку*, *Обозрѣніе* и *Газету*. Найдя во Флоренціи коллекцію періодическихъ изданій болѣе полную чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Парижѣ, вы спросите, кто собралъ ее? Отвѣтъ будетъ опять: Петръ Віёссё.

«Войдемте въ послѣдній этажъ, тутъ контора журнала. Опять книги, столы, покрытые журналами, связки писемъ, манускрипты, корректурные листы, всѣ принадлежности конторы журнала. Тутъ-то возникли и поддерживались въ теченіи сорока лѣтъ самыя серіозные журналы полуострова. На одной изъ стѣнъ этого кабинета висятъ портреты первыхъ Итальянцевъ нашего времени: тутъ ихъ изображенія, здѣсь же всѣ они обывали лично, и многіе являются еще сюда попрежнему. Разъ или въ недѣлю эта контора превращается въ гостиную, гдѣ лучшіе люди сканы принимаютъ знаменитыхъ иностранцевъ: здѣсь Фениморъ Куб былъ представленъ Никколини. Кто разказалъ бы исторію этого мѣста исходившія въ немъ въ теченіи 40 лѣтъ парламентскія или академическія засѣданія, тотъ представилъ бы весьма интересную страницу исторіи диковинъ. Когда бы вы ни пришли въ эту контору, вы застанете тамъ рика съ сѣдою бородой, съ глазами, покраснѣвшими отъ труда; онъ предательствуетъ въ этихъ ученыхъ собраніяхъ, занимается редакціей зрѣніи, которыя онъ же основалъ, или трудится съ перомъ въ мой рукѣ; спросите имя этого старика, и вамъ опять назовутъ Петра всё... Чтобы найдти нѣчто подобное ему во Франціи, слѣдуетъ соединить въ одно: г-жу Рекамье, г-жу Телоръ и г-на Бюлоза.»

Уже по этой выпискѣ, мнѣ кажется, можно составить нѣкоторое понятіе о книгѣ г. Марка Монье. Обращаю на нее вниманіе читателей. Авторъ ея человѣкъ весьма образованный, знающій хорошо не одну Италію и потому обладающій данными для сравненія. Онъ лично знакомъ съ Кавуромъ и лучшими писателями Италіи. При томъ, онъ успѣлъ обозрѣть въ своей книгѣ умственную жизнь всего полуострова въ послѣднее время, и даже италіянская литература въ этомъ отношеніи не представляетъ ничего подобнаго его труду. Чтобы вполнѣ узнать и полюбить новѣйшую Флоренцію не съ одной только внѣшней стороны, слѣдуетъ познакомиться съ отдѣлами книги г. Монье о Флорентинцахъ. Довольно вспомнить Фалангу Віёссё, состоявшую изъ Маміани, Гверацци, Монганелли, Томазео, Никколини, Леопарди, чтобы понять значеніе Флоренціи новѣйшаго времени для всей Италіи.

Изъ Флоренціи я отправился въ Римъ,—до Сіены по желѣзной дорогѣ, далѣе въ дилижансѣ. Погода была дождливая, дорога предстояла скучная, кучера бьютъ лошадей, какъ у насъ на Руси, и меня снова ужь начала разбирать скука. Къ счастію, противъ меня расположился человѣкъ, который сильно возбудилъ мое любопытство. Кто бы онъ былъ? спрашивалъ я себя. Одѣтый довольно неопрятно, въ пальто въ накидку, куритъ весьма дурную сигару и безпрестанно сплевывавшій, онъ

Digitized by Google

же имѣлъ видъ человѣка, не совсѣмъ обыкновеннаго. Тонкія черты лица, маленькіе, хитренькіе, бойкіе глаза, все это вызывало на попытку познакомиться съ нимъ. Разговоръ долго не клеился. Наконецъ, не помню по какому-то случаю, онъ замѣтилъ, что служилъ въ зуавахъ и участвовалъ въ африканскихъ походахъ. «А въ итальянскомъ походѣ вы не были?»—«Нѣтъ, былъ, и знаю всѣхъ, Фанти, Гарибальди и т. д. Императоръ послалъ меня въ Тоскану, я сформировалъ тамъ полкъ, а наградили какого-то барича. Можете себѣ представить, что это не совсѣмъ пріятно. Я написалъ Фанти рѣзкое письмо; онъ извинился тѣмъ, что баричъ, поступая на службу, покинулъ свой château. Я не привыкъ переносить обиды, вышелъ въ отставку и послалъ ихъ всѣхъ къ чорту. Я Корсиканецъ, у насъ вендетта еще во всей силѣ, и поверьте, попадись мнѣ гдѣ-нибудь этотъ Фанти, я бы убилъ его на мѣстѣ. Да и пустой народъ эти Итальянцы. Имъ бы только воевать въ кафе.»—«Куда же вы ѣдете?» спросилъ я. «Въ Римъ, зачѣмъ?—скажу, когда переѣдемъ границу.» Оказалось, что онъ ѣхалъ для поступленія въ армію Ламорисьера. «Значитъ, вы очень преданы папѣ?».. спросилъ я.—«Какъ вамъ сказать? такъ себѣ; я прошусь къ Ламорисьеру потому, что война моя страсть и мое ремесло. Будучи въ зуавахъ, я сошелся съ приверженцами Консидерана, изучилъ его взгляды, и въ 1848 году принималъ участіе въ журналахъ, раздѣлявшихъ его мнѣнія. Потомъ вышелъ въ отставку, посѣщалъ лекціи въ Туринѣ, занимался медициной, исторіей, однимъ словомъ всѣмъ возможнымъ. Вдругъ началась война. Я все бросилъ и поступилъ къ Вилльямсу—славный генералъ и человѣкъ очень набожный. Разомъ далъ мнѣ два чина, прекрасное дѣло. Потомъ я просился къ Англичанамъ въ Индію, къ Испанцамъ въ Африку, и вотъ снова въ дорогѣ—ѣду къ Ламорисьеру?»—«Да значитъ, вамъ все равно, за что вы деретесь? значитъ, у васъ нѣтъ убѣжденія?»—«Ну да, нѣтъ. Послушайте: что вамъ такъ кажется, а въ войскахъ папы право не менѣе людей съ убѣжденіемъ чѣмъ между Сардинцами. Но этихъ-то людей вообще немного, мое же дѣло ремесло, вотъ и все тутъ. Большихъ капиталовъ нѣтъ, а запасъ подъ старость будетъ.»

Въ Римѣ меня просто преслѣдовали католическіе священники. ВесьЛіонъ присутствовалъ при table d'hôte въ гостинницѣ, въ которой я остановился. Конечно, рѣчь шла преимущественно о reliques и reliquaires. Тутъ я научился многому и похохоталъ довольно. Трудно представить себѣ, какъ велика ихъ преданность папѣ и ненависть къ Наполеону, котораго они не называютъ иначе императоромъ. Одинъ изъ нихъ разказалъ мнѣ разговоръ послѣдняго съ Вельйо. Императоръ требовалъ, чтобы Вельйо не печаталъ папской буллы въ *Univers*. Въ свѣтскихъ дѣлахъ вы

Digitized by Google

имѣете надо мною власть, въ духовныхъ же нисколько, и пот
я ее напечатаю. «Mais savez-vous, qu'avec des gens comme v
on ferait tous pendre?» «Vous pouvez me faire pendre, отвѣт
Вельйо, mais n'oubliez pas que la corde cassera dans vos mai
Вечеромъ булла появилась, и, какъ извѣстно, журналъ былъ
прещенъ.

Изъ Рима я поѣхалъ снова черезъ Флоренцію въ Болонь
потомъ въ Миланъ и Венецію. Кто не видѣлъ Флоренці
горъ, по которымъ пролегаютъ дороги въ Романью, тот
имѣетъ никакого понятія о томъ, какъ живописно разбр
на она. На полдорогѣ есть пунктъ, съ котораго видишь
ясной погодѣ Средиземное и Адріатическое моря, а ра
Альпы. Почти всю дорогу мнѣ привелось ѣхать съ вра
Піемонта. Они не довѣряютъ современнымъ событіям
основаніи вынесенныхъ изъ исторіи убѣжденій. Замѣчате
какъ сильны историческія преданія въ Италіи. До сихъ поръ
ряду съ Дантомъ и Рафаэлемъ вы встрѣтите память о каком
будь мѣстномъ второстепенномъ героѣ, и часто между прост
народомъ. Такъ, въ одной изъ отдаленныхъ долинъ Апеннинъ, я
дѣлъ въ небольшой остеріи на ряду съ бюстомъ Гарибальди, бю
Castraccio Castracani, прославившагося въ первой четверти
столѣтія. Замѣчательно, что на одни и тѣ же преданія часто опи
ются убѣжденія и Гарибальди, который, какъ извѣстно, бл
говѣетъ передъ прошедшимъ Италіи, и какого-нибудь реак
нера. Однимъ этимъ объясняется развитіе историческихъ
довъ въ Италіи. Чтобы дать читателямъ возможность соста
себѣ понятіе о степени энергіи, съ которою Италіянцы з
маются своею исторіей, обращу опять вниманіе на вышеу
нутую книгу Монье. «Французы, прибавляетъ онъ, обвин
Италіянцевъ, что они слишкомъ много занимаются своею и
ріей, не знаютъ сами, что̀ говорятъ. Это укоръ выскочки, как
неидущій къ странѣ, имѣющей тридцать вѣковъ славы. Ист
Италіи еще не написана, и собирающіе матеріялы для этой и
ріи приготовляютъ второй періодъ возрожденія, которымъ
кресится и досоздастся прошедшее.» Изъ Рима до самой
Болоньи, я ѣхалъ съ богатымъ Тосканцемъ, полнымъ самаго с
наго негодованія на установившійся порядокъ. Онъ увѣрялъ
контръ-революція неизбѣжна, что баронъ Риказоли принялъ
рону Піемонта, единственно съ цѣлію поправить свои дѣла.
человѣкъ безсовѣстный, готовъ на все. Куда онъ дѣвалъ
золота, которое нашелъ въ казнѣ? Увѣряетъ, что переслалъ
чекана въ Англію? За чѣмъ назначилъ министромъ фина
учителя дѣтей своихъ, Біанки? Дольфи ставилъ ему хлѣбъ, и
тому посредствомъ его онъ успѣлъ обработать всѣхъ хлѣ

Digitized by Google

Выборы происходили нисколько не лучше чѣмъ въ Ниццѣ.
ı. Заслуга, которую оказалъ Тосканѣ Риказоли, только тогда
вится вполнѣ понятна, когда поговоришь съ людьми, по-
ими моему незнакомцу. Въ Болоньѣ я посѣтилъ Campo
по которому водилъ меня мальчикъ, приставленный къ
Интересно наблюдать кладбища у различныхъ народовъ.
рманіи кладбище—садъ, въ Италіи—музей. Тутъ стоитъ
ъ изъ мрамора, подающій деньги бѣднымъ; здѣсь—часовня,
рой священникъ, также изъ мрамора, молится передъ
ымъ образомъ за душу усопшей; тутъ наконецъ обсту-
ѣти ложе умирающей матери. «А это что?» спросила дама,
пая со мной, указывая на вѣнокъ, висѣвшій на стѣнѣ.—«Уго
» сказалъ мальчикъ. Замѣтивъ, какъ подѣйствовало это
а незнакомку, я спросилъ, кто былъ Уго Басси?—«Свя-
къ, его Австрійцы разстрѣляли, вотъ тутъ напротивъ, за
) онъ призывалъ народъ къ возстанію, ему тутъ будетъ
й монументъ,» былъ отвѣтъ.—«Infami, infami», произнесла
вымъ голосомъ женщина. Это послужило поводомъ къ раз-
, въ которомъ обнаружилось, что мальчикъ думаетъ лишь
бѣ любимому королю, котораго имѣлъ счастіе водить по
Santo. По дорогѣ изъ Болоньи въ Миланъ я сходился
съ людьми, глубоко преданными новому порядку вещей.
общили мнѣ, что король въ Пармѣ, и что сами они ѣдутъ
е на иллюминацію. По дорогѣ на всѣхъ холмахъ были
ы огни. На одной изъ станцій раздалось громкое: *evviva!*
о привѣтствіе генералу Чіальдини, вышедшему на мин-
ъ вагона. Въ Пармѣ иллюминація была дѣйствительно вели-
пна. Въ окошкахъ многихъ домовъ красовались транспа-
е портреты Гарибальди, Фарини, Кавура, короля. Тутъ
браженъ солдатомъ, тамъ скачетъ на конѣ, здѣсь стоитъ
нный своими приверженцами. По всему городу направля-
роцессіи. Большимъ подражали малые: цѣлыя ватаги ихъ,
дкѣ, со знаменами, ходили по городу и пѣли пѣсни. Сколько
я удовольствія было написано на всѣхъ лицахъ! Король
ъ театрѣ, куда я впрочемъ не пошелъ. Неожиданнаго празд-
, котораго я былъ свидѣтелемъ въ Пармѣ, не забуду ни-
Въ дни первой молодости, богатой грезами, можетъ-быть
случалось, читатель, замечтавшись, вообразить фантасти-
, ночную прогулку съ студентами-товарищами, куда-то
въ лѣсъ. Вы долго блуждали, заходили въ болото, падали
ившись, долго и тщетно искали пристанища. Вдругъ гла-
ашимъ является домъ, освѣщенный огнями; вы входите, и
ете на балъ. Пробравшись, вы смѣшиваетесь съ остальь-
остями; дамы восхищены вашимъ неожиданнымъ приходомъ

Digitized by Google

васъ и друзей вашихъ всѣ ласкаютъ; беззаботные, молодые, преданы одному веселью. Гуляя по Пармѣ съ своими оживленны любезными незнакомцами, я думалъ, что переживаю одну из добныхъ грезъ молодости. Если такъ чувствовалъ я, иностран каково же было Итальянцамъ? Желая сохранить въ памяти П въ томъ волшебномъ видѣ, въ какомъ явилась она мнѣ ч ченіи проведенныхъ въ ней двухъ часовъ, я въ ту же ночь от вился далѣе, и днемъ уже былъ въ Ломбардіи. На одной станцій ко мнѣ сѣли два весьма не нарядно одѣтые челов Кто бы это были? подумалъ я, и завелъ съ ними разго Оказалось, что они оба мясники изъ Вальтеллины и вмѣст Гарибальди побѣждали Австрійцевъ. Я сталъ разспраши ихъ на счетъ несчастной женитьбы Гарибальди. Они ин зали, что баронъ имъ знакомъ. Незаконнорожденная до вышла за Гарибальди, имѣя любовникомъ одного граф же они теперь? спросилъ я. Старикъ живетъ еще въ К гдѣ на него впрочемъ никто не смотритъ, былъ отвѣтъ. О уѣхали въ Парижъ, а графъ «stilettato» (1),, съ видимымъ удо ствіемъ, замѣтилъ разкащикъ. «Кѣмъ же?» «Однимъ изъ со Гарибальди.» Долго разказывалъ онъ мнѣ потомъ, какъ дѣл валъ у нихъ Гарибальди. «Мы почти не стрѣляли, прибав онъ, а все шли на рукопашный бой.»

Въ Миланѣ только и рѣчи было, что объ удавшейся экс ціи Гарибальди въ Сициліи. Въ Брешіи мнѣ вздумалось спр содержателя гостиницы, гдѣ бы достать фіакръ? «А я вам часъ велю заложить, сказалъ онъ. Гарибальди, заложи-ка шадь.»—Что вы сказали? Гарибальди? «Да, это нашъ г Когда всѣ бѣжали за Гарибальди, онъ также ушелъ, такъ мы такъ и называемъ.» Забавно мнѣ было потомъ смотрѣть на маленькаго косолапаго возницу, носившаго такое громкое им

Н. Лыкинъ.

---

(1) Убитъ кинжаломъ.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ И ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ.

ролевство Обѣихъ Сицилій исчезло какъ призракъ, бурбон-
династія въ Неаполѣ пала, король Францискъ удалился
зету, Гарибальди вступилъ въ Неаполь безъ битвы, безъ
рѣла, и уже изъявляетъ намѣреніе провозгласить единство
ін,— horribile dictu!,—съ высоты Квиринала, въ самомъ серд-
Италіи, въ Римѣ, гдѣ стоятъ французскія войска, оберегаю-
апу и свидѣтельствующія о невмѣшательствѣ Франціи въ
Италіи. А между тѣмъ, въ папскихъ провинціяхъ, въ Мар-
и Умбріи, вспыхнули возстанія, несмотря на наемныя дру-
и энергическія угрозы генерала Ламорисьера; сардинскія
а поспѣшили вступить въ эти провинціи, отдѣляющія се-
италіянское королевство отъ южнаго, то-есть отъ бывшаго
левства Обѣихъ Сицилій; папскія дружины разбиты; города
ія и Умбрія заняты піемонтскими войсками. Анкона осаждена
оря и суши. Французскій посланникъ выѣхалъ изъ Турина,
ломатическія сношенія между обѣими странами, повидимому,
аны, между тѣмъ какъ лордъ Льяноверъ съ порученіями
англійскаго правительства прибылъ въ Неаполь для перего-
въ съ диктаторомъ Обѣихъ Сицилій, въ рукахъ котораго
едоточились силы движенія.

ытія слѣдуютъ одно за другимъ съ поразительною быст-
й, но нельзя сказать, чтобы все въ этихъ событіяхъ пора-
неожиданностію. Еще прежде чѣмъ Гарибальди высадился
алабрію, уже никто не могъ сомнѣваться въ паденіи Неапо-
скаго королевства и въ успѣхахъ національнаго движенія.
еніе бурбонской династіи совершилось дѣйствительно съ
зительною быстротой и съ изумительною легкостію; это
рое могущество рушилось само собою, не оказавъ и тѣни

Digitized by Google

жизненнаго сопротивленія, безъ борьбы, почти безъ выстрѣла. Не всѣ давно уже чувствовали, что дни его были сочтены, и въ Европѣ давно уже предсказывали неаполитанскому правительству ожидавшую его участь. Дѣйствительно, все совершается съ необыкновенною энергіей и какъ-будто само собою, и въ то же время, все совершается какъ-будто по программѣ, все идетъ какъ будто по писанному. Сила національнаго движенія так овладѣла Италіей, что нѣтъ движенія, нѣтъ страсти, которая не повиновалась бы ему, не служила бы ему органомъ, или, по крайней мѣрѣ, не содѣйствовала ему, хотя бы только сторонней поневолѣ. Даже Мадзини, взявшій себѣ лозунгомъ великія слова «Богъ и народъ», протестуя противъ недовѣрія, оказаннаго ему сардинскимъ правительствомъ, которое помѣшало ему и слѣдовать примѣру Гарибальди и снарядить дружины волонтеровъ для высадки въ Римскую область, даже Мадзини отказывается отъ всѣхъ своихъ политическихъ видовъ и изъявляетъ только одно желаніе—видѣть Италію соединенною и независимою.

Но всѣ невольно спрашиваютъ, что же будетъ далѣе? Дѣйствительно ли Италія въ состояніи будетъ организоваться въ одно великое и цѣльное политическое тѣло, дѣйствительно ли это національное движеніе возникаетъ изъ глубокихъ источниковъ, или это только мгновенная вспышка, которая погаснетъ или которую погасятъ, и эфемерное единство подвергнется новому и, можетъ быть, худшему разложенію? Не будетъ ли все это, спрашиваютъ многіе, только перемѣной династій, и вмѣсто Бурбоновъ не водворится ли въ Неаполѣ бонапартовская отрасль въ лицѣ Мюрата? Не даромъ, говорятъ, среди грома всѣхъ этихъ событій слышался, правда очень тихо и даже робко, голосъ претендента; не даромъ, говорятъ, появилось въ газетахъ письмо принца Мюрата, успокоивающее Италію въ томъ, что онъ не имѣетъ никакихъ властолюбивыхъ замысловъ, и въ томъ также, что онъ откажется послѣдовать призыву Италіи, если призывъ будетъ сдѣланъ. Правда, въ *Монитерѣ* было объявлено по поводу этого письма, что всякое предположеніе о возстановленіи мюратовской династіи въ Неаполѣ совершенно чуждо политикѣ императора; но, несмотря на то, современная политическая литература обогатилась еще однимъ памфлетомъ,—памфлетомъ мюратистскимъ, только что вышедшимъ въ Парижѣ,—въ Парижѣ, который въ недавнихъ поръ, вопреки жалобамъ на стѣсненія печати, превратился въ неистощимую лабораторію политическихъ брошюръ, касающихся всего на свѣтѣ, рѣшающихъ всѣ вопросы, перекраивающихъ карту Европы, созидающихъ и разрушающихъ государства. Тѣмъ не менѣе, никто въ Италіи не будетъ теперь

Digitized by Google

слушать безъ негодованія или смѣха о какихъ-либо притязаніяхъ, возлагающихъ надежды на нынѣшнее національное движеніе, овладѣвшее этою страной. Итальянское движеніе крѣпко увѣрено въ себѣ и не сомнѣвается въ возможности единой Италіи. Оно можетъ-быть даже слишкомъ увѣрено въ своихъ силахъ. Оно распространяетъ свои вѣтви за предѣлы Италіи и будитъ сочувственные себѣ элементы въ другихъ мѣстахъ; оно, какъ думаютъ, связано круговою порукой съ національными движеніями, которыя начинаются или готовятся въ самой Австріи и даже Турціи — этихъ двухъ больныхъ организмахъ въ Европѣ. Уже давно было говорено, что Гарибальди, окончивъ свое дѣло въ южной и средней Италіи, ударитъ прямо на Австрію, но не въ Венеціи, а прежде въ Венгріи, гдѣ, будто, все уже готово къ возстанію. Не даромъ, говорятъ, въ его штабѣ такъ много венгерскихъ офицеровъ, не даромъ Венгерцы Тюрръ и Тюкери такъ близки къ нему и играютъ такую значительную роль въ италіянскомъ движеніи, не даромъ также самъ Кошутъ появился въ Италіи. Говорятъ также, что между Венгерцами и Славянами, равно какъ и Румынами, возникло соглашеніе, что прежнія соперничества и антипатіи умолкли, и разнородные элементы нашли общую почву и возможность дѣйствовать за одно, что будто габсбургской династіи грозитъ такая же участь, какая постигла бурбонскую въ Неаполѣ, и что будто съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ неожиданно и какъ бы самъ собою разрѣшиться восточный вопросъ...

Но что̀ будетъ, то будетъ, а теперь спрашивается: чѣмъ кончится римскій вопросъ? Серіозно ли Франція прервала свои дипломатическія сношенія съ Піемонтомъ? Будетъ ли Франція, во что̀ бы то ни стало, гарантировать за папой такъ-называемую патримонію Св. Петра, то-есть Римъ, съ непосредственно-прилегающею къ нему территоріей, съ Чивита-Веккіей и Витербо? И если піемонтское правительство, которое не задумалось ввести свои войска въ Умбрію, дѣйствительно намѣрено уважить патримонію Св. Петра, то будетъ ли оно въ силахъ совладѣть съ національнымъ движеніемъ, которое, переходя отъ торжества къ торжеству, и все болѣе и болѣе увлекаясь своею растущею силой, не можетъ не чувствовать, что истиннымъ центромъ единой Италіи можетъ быть только Римъ? А между тѣмъ французское правительство не только не выводитъ своихъ войскъ изъ Рима, но напротивъ, шлетъ туда еще новыя для усиленія гарнизона, и снова поручаетъ начальство надъ нимъ генералу Гойону. Нѣтъ, какъ надобно ожидать столкновенія между возникающею Италіей и Франціей...

28 августа, съ обычнымъ церемоніяломъ, закрылись засѣданія

Digitized by Google

англійскаго парламента, уже довольно впрочемъ опустѣвшаго въ обѣихъ палатахъ еще до формальнаго закрытія засѣданій. Въ королевской рѣчи, произнесенной, по порученію, лордомъ-канцлеромъ, изъявлена надежда на сохраненіе европейскаго мира. «Ея величество надѣется, сказалъ лордъ-канцлеръ, что нѣтъ опасности, грозящей европейскому миру. Правда, событія значительной важности происходятъ въ Италіи; но если никакія иностранныя державы не вмѣшаются въ нихъ, и если Италіянцамъ предоставлено будетъ самимъ устроить свое дѣло, спокойствіе другихъ государствъ не будетъ нарушено.» Комментируя королевскую рѣчь, газета *Times* замѣчаетъ: «Ея величество надѣется что европейскій миръ не будетъ нарушенъ, но тутъ же дѣлаетъ оговорку, прибавляя частицу *если*. Если никакая иностранная держава не вмѣшается въ италіянскія дѣла, спокойствіе другихъ государствъ не будетъ нарушено. Кстати, Италіянцамъ, будетъ по крайней мѣрѣ утѣшительно, что, благодаря правиламъ грамматики, они признаны этими словами за государство.» Какъ то ни было, дѣйствительно, до сихъ поръ италіянскія дѣла совершаются безъ явнаго вмѣшательства европейскихъ державъ. Австрія не позволила себѣ противодѣйствовать италіянскому движенію ни въ Сициліи, ни даже въ Неаполѣ; она выноситъ невыносимое, она обѣщаетъ сохранить свое хладнокровіе даже и теперь, когда піемонтскія войска вступили во владѣнія папы. Но она судорожно держитъ Венецію, и готовится къ рѣшительному бою, если италіянское движеніе коснется ея владѣній. А неужели это движеніе легко удержится въ самомъ сильномъ разгарѣ своемъ и оставитъ Венецію въ обладаніи Австріи? Въ Англіи, и даже въ самой Германіи, совѣтуютъ австрійскому правительству отступиться отъ Венеціи, передать ее Италіи и, отказываясь отъ тревожнаго и изнурительнаго обладанія страной, которая ускользаетъ изъ рукъ, поправить выгодною сдѣлкой свои страшно-разстроенные финансы. Но до сихъ поръ не видно, чтобы совѣтъ этотъ имѣлъ успѣхъ. Не только въ Австріи, но и въ Германіи высказывается съ другой стороны убѣжденіе, что отказаться отъ Венеціи Австрія не можетъ безъ значительнаго ущерба и безъ великой опасности, и что даже для всей Германіи вопросъ этотъ есть вопросъ жизненный. Въ обладаніи Венеціей видятъ, между прочимъ, закрѣпу австрійскаго, а чрезъ то и германскаго могущества. Отказаться отъ крѣпостей знаменитаго четвероугольника, отказаться отъ Венеціи, этой царицы Адріатики, не значитъ ли это, говорятъ защитники австрійскаго обладанія въ Италіи, обнажить все адріатическое побережье, на которомъ основано значеніе Австріи какъ морской державы, на которомъ также основана связь Германіи съ Средиземнымъ моремъ,—не значитъ

Digitized by Google

ли это быть въ готовности отказаться рано или поздно отъ Тріеста и Далмаціи? Гдѣ положить здѣсь предѣлъ движенію? И Тріестъ, и восточный берегъ Адріатики были всегда въ тѣсной связи съ Венеціей и до сихъ поръ сильно италіянизированы. Такъ говоритъ въ Германіи партія, желающая сохраненія сильной и притомъ германской Австріи. Дѣйствительно, нельзя сказать, чтобы вопросъ этотъ не заключалъ въ себѣ для Германіи жизненной важности, но съ другой стороны правда и то, что до сихъ поръ и сила Австріи, и политическое значеніе Германіи вообще были чѣмъ-то очень искусственнымъ и покоились на основахъ очень непрочныхъ. Германія должна искать болѣе существенныхъ условій для своей политической организаціи; ей предстоитъ еще провѣрить свои національные инстинкты, вывести ихъ изъ безплодныхъ и изнурительныхъ направленій, сосредоточить ихъ въ должныхъ предѣлахъ, гдѣ они могутъ служить основою дѣйствительному, а не фантастическому могуществу Германіи. Весь вопросъ теперь состоитъ въ томъ, какъ осуществятся стремленія Германіи къ политическому единству? Такъ называемое Національное Германское Общество (*Nationalverein*), въ послѣднемъ засѣданіи своемъ въ Кобургѣ, послѣ многихъ совѣщаній, приняло основою своей программы федеративное единство Германіи; но, вмѣсто сейма, который представляетъ собою только коалицію правительствъ, оно требуетъ учрежденія общей центральной власти и обще-германскаго парламента. Центральная исполнительная власть должна имѣть въ своихъ рукахъ управленіе всею военною частію Союза и всею внѣшнею политикой. Національное Общество считаетъ необходимымъ немедленное существленіе такого единства, не ожидая, могутъ ли приступить къ нему германскія области Австріи. Оно обращается преимущественно къ Пруссіи и взываетъ къ патріотическому чувству народонаселенія всѣхъ германскихъ государствъ, предоставляя обытіямъ и времени рѣшить, въ какой мѣрѣ Австрія можетъ ыть членомъ германскаго единства. Относительно текущей политики Національное Общество постановило слѣдующіе четыре унктa: 1) первый долгъ германской политики охранять неприкосновенность союзной территоріи во всемъ ея протяженіи; 2) политика германская не обязана, въ случаѣ войны между Австріей и таліей за обладаніе Венеціей, принимать сторону Австріи; 3) ъ другой стороны, германская политика обязана противиться съ еличайшею энергіей всякому вмѣшательству, которое, въ случаѣ такой войны, можетъ дать новую силу завоевательнымъ стреленіямъ Франціи и подвергнуть опасности интересы и независимое національное развитіе Германіи; 4) въ равной мѣрѣ долгъ стинно-германской политики требуетъ блюсти, чтобы въ этой

Digitized by Google

войнѣ не было употреблено во зло германское оружіе для новаго порабощенія италіянскаго народа, который поднимается теперь неполненный энтузіазма.

Въ Англіи, сочувствіе италіянскому движенію растетъ, можно сказать, съ каждымъ днёмъ и не ограничивается одною нравственною поддержкой. Имя Гарибальди пріобрѣло тамъ громадную популярность. Денежныя и всякаго рода матеріяльныя пособія безпрерывно посылаются въ Италію. Комитетъ, состоящій изъ дамъ высшихъ круговъ общества, заготовляетъ въ пользу всѣ нужные припасы для больныхъ и раненыхъ сподвижника италіянскаго героя, который недавно въ восторженномъ письмѣ изъявлялъ комитету живую признательность за себя и за своихъ. Капитанъ Стайльсъ и другіе агенты вербуютъ въ самой Англіи волонтеровъ для Гарибальди, и уже довольно значительные отряды, вооруженные, съ обильными запасами всякаго рода, и съ пушками, отправляются изъ Лондона, изъ Ливерпула, изъ Гулля. Большею частію, это люди изъ зажиточныхъ семействъ, и не числятся въ спискахъ волонтеровъ Англіи. Важно то, что они идутъ не съ пустыми руками, и не только сами не будутъ въ тягость скуднымъ финансамъ, которыми располагаетъ италіянское движеніе, а напротивъ усилятъ его средства. Вопросъ объ этой вербовкѣ волонтеровъ для Гарибальди былъ поднятъ нѣсколько недѣль тому назадъ въ парламентѣ. Нѣкоторые изъ членовъ спрашивали у правительства, почему оно дозволяетъ, противность международному праву, эту вербовку въ Англіи между тѣмъ какъ оно же, не задолго передъ тѣмъ, находило дозволительнымъ вербовать волонтеровъ для папы въ Ирландіи. Но правительство въ Англіи не можетъ воспрепятствовать своимъ подданнымъ отправляться куда имъ вздумается; оно не можетъ стѣснять ихъ свободу, контролировать ихъ замыслы, предупреждать ихъ намѣренія, предугадывать ихъ дѣйствія. Его вмѣшательство его въ этомъ случаѣ можетъ ограничиваться только тѣмъ, чтобъ офиціяльнымъ образомъ не допускать отправки объявленной вербовки. Только этого не допускало оно въ Ирландіи; но и тамъ точно также не могло оно воспрепятствовать отправленію цѣлыхъ дружинъ подъ знамена Ламорисьера, не можетъ воспрепятствовать отправленію волонтеровъ всякаго рода изъ портовъ самой Англіи. Бѣдные Ирландцы плохо удаются на службѣ папы, подъ знаменами генерала Ламорисьера, они бѣжали оттуда цѣлыми толпами обратно въ свою Ирландію —и не вслѣдствіе какихъ-либо мѣръ правительства, а благодаря разказамъ этихъ блудныхъ сыновъ, возвратившихся на родину, охладилось усердіе ирландскихъ католиковъ отстаивать въ Италіи свѣтскую власть папы. Англійскіе охотники, отправля-

Digitized by Google

еся на подмогу вождю итальянскаго движенія, зовутся *экскурсіо-тами;* вербовщики приглашаютъ желающихъ прогуляться въ лію, и охотники съ боевыми запасами отправляются на прогулку, жетъ-быть посмотрѣть изверженіе Этны», какъ выразился лордъ ьмерстонъ. Впрочемъ, сколько бы молодыхъ бойцевъ ни от-вилось изъ Англіи *для экскурсіи* въ Италію, это не произве-ъ никакого ущерба въ рядахъ той самородной арміи, кото-образовалась *для* обороны самой Англіи, и растетъ безпре-но. Теперь, въ этой арміи волонтеровъ, числится уже болѣе .000 человѣкъ. Нельзя надивиться этой самоорганизующей ѣ, которою бываетъ одаренъ свободный народъ. Всѣ эти пуса волонтеровъ состоятъ главнымъ образомъ изъ моло-ъ людей высшихъ и среднихъ классовъ. Это не сплошная са, а живыя индивидуальныя силы, которыя сами собою со-паются, сбираются, организуются въ батальйоны, полки и пуса, сами избираютъ изъ своей среды офицеровъ, добро-но подвергаются нешуточнымъ тягостямъ службы и дисци-ны, жертвуютъ своимъ временемъ и средствами. Ревностные ители этого необыкновеннаго патріотическаго дѣла, и въ числѣ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ, лордъ Элько, хлопо-ъ въ послѣднее время о томъ, какъ облегчить участіе въ ъ дѣлѣ *для* людей изъ рабочихъ классовъ, которые также ютъ участвовать въ національной оборонѣ, но не могутъ олагать всѣми необходимыми для того матеріальными сред-ми. Задача состояла въ томъ, чтобъ облегченія и пособія волонтеровъ изъ рабочихъ не были оскорбительны для ихъ отическаго чувства, и чтобы въ этой арміи волонтеровъ они были поставлены въ особое положеніе, которое заставляло ихъ чувствовать себя какъ отдѣльный классъ въ ея рядахъ. кажется, дѣло улаживается успѣшно, и численная сила во-теровъ значительно прибудетъ и съ этой стороны. Англійскіе налы съ гордостію говорятъ о своихъ волонтерахъ и со всѣми робностями описываютъ безпрерывно происходящіе смотры от-ныхъ дружинъ въ разныхъ частяхъ Англіи и Шотландіи. Гово-ъ Англіи и Шотландіи, потому что хотя народонаселеніе Ирлан-изъявляло также желаніе составить свое ополченіе, но пра-льство не сочло возможнымъ дать оружіе народонаселенію, рое до сихъ поръ глубоко раздѣлено религіей и племенными патіями на враждебныя стороны, и безъ того слишкомъ склон-къ вооруженнымъ схваткамъ между собою. Недавно волонтеры ашира, того самаго графства, гдѣ стоитъ Манчестеръ, тотъ естеръ, отъ котораго прозвалась цѣлая школа, проповѣдующая ъ во что бы то ни стало и имѣющая въ главѣ своей г. Брай-недавно эти ланкастерскіе волонтеры въ числѣ 11.000 слиш-

Digitized by Google

комъ человѣкъ собирались въ великолѣпномъ паркѣ древняго Нозлейскаго замка, принадлежащаго графу Дерби, который присутствовалъ при этомъ смотрѣ и угощалъ потомъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ гостей съ радушіемъ старыхъ временъ. Стеченіе публики было несмѣтное; около 200.000 человѣкъ собрались въ Нозлейскомъ паркѣ полюбоваться зрѣлищемъ стройныхъ эволюцій этого самороднаго войска. Иностранные корреспонденты описываютъ съ восторгомъ этотъ смотръ и съ удивленіемъ говорятъ о строгомъ порядкѣ, который самъ собою соблюдался не только въ рядахъ волонтеровъ, но и въ толпахъ этой несмѣтной массы людей, собравшихся на зрѣлище. Въ числѣ зрителей былъ и тринадцатилѣтній сынъ Гарибальди, который воспитывается въ одномъ изъ учебныхъ заведеній Англіи. Онъ былъ замѣченъ, и графиня Дерби поспѣшила пригласить его въ свою ложу, гдѣ онъ былъ предметомъ живаго и сочувственнаго вниманія.

Въ англійскихъ газетахъ, и особенно въ *Times*, было высказано много рѣзкихъ укоровъ членамъ парламента за истекшую безплодную сессію. Журналистика, служа органомъ общественнаго мнѣнія, не считаетъ нужнымъ пріискивать мягкія выраженія для своихъ отзывовъ о членахъ правительства и законодательнаго страны. Восхваленія считаются излишними, а порицанія, для слишкомъ рѣзкія и слишкомъ придирчивыя, считаются во всякомъ случаѣ болѣе полезными. Пусть другіе указываютъ на наши достоинства, а намъ самимъ, будетъ ли то отдѣльный человѣкъ или цѣлый народъ, и приличнѣе и полезнѣе обращать вниманіе на свои недостатки и даже преувеличивать ихъ въ интересѣ собственнаго улучшенія. Минувшая законодательная сессія англійскаго парламента дѣйствительно не была обильна положительными результатами, новыми законами, новыми реформами, и это тѣмъ обидительнѣе теперь по ея заключеніи, чѣмъ болѣе возбуждала ожиданій при своемъ открытіи. Избирательная реформа, которая должна была произвести такое существенное измѣненіе во внутреннемъ политическомъ устройствѣ страны, послѣ многихъ прѣній была отложена; были отложены и другіе, болѣе или менѣе важные законы, также послѣ продолжительныхъ преній, не увѣнчавшихся положительными результатами. Но важны не одни положительные результаты; бываютъ также важны результаты и отрицательные. Кто-то справедливо замѣтилъ, говоря о минувшихъ засѣданіяхъ англійскаго парламента, что заслуга можетъ быть и въ томъ только, что̀ *сдѣлано*, а также и въ томъ, что̀ *не сдѣлано*, что̀ пріостановлено *для* большей зрѣлости. Избирательная реформа отсрочена, но блистательныя пренія, возбужденныя ею въ парламентѣ, не останутся безъ пользы; всѣ элементы для

Digitized by Google

были взвѣшены и оцѣнены, что̀ не можетъ остаться безъ вліянія на будущее рѣшеніе этого важнаго вопроса. Законъ о банкротствѣ, который также остановился на полу-пути, не замедлитъ возвратиться, и безъ сомнѣнія возвратится въ видѣ болѣе обдуманномъ и упрощенномъ. Скороспѣлыя рѣшенія приносятъ сомнительную пользу, а вредъ причиняютъ несомнѣнный. Дѣло не въ томъ, чтобы рѣшить какъ-нибудь, а въ томъ, чтобы рѣшить удовлетворительно; дѣло не въ томъ, чтобы потѣшить себя улучшеніемъ снаружи, производя смуту и порчу внутри, а въ томъ, чтобы положить начало дѣйствительному улучшенію. Минувшая парламентская сессія была не слишкомъ прогрессивна во внутреннемъ законодательствѣ; результаты ограничиваются только тѣми важными экономическими измѣненіями, которыя сопряжены съ торговымъ трактатомъ, и другими далеко не такъ важными, но тѣмъ не менѣе дѣйствительными законодательными мѣрами. Но много ли, мало ли было сдѣлано, все сдѣланное было дѣйствительнымъ шагомъ впередъ и составляетъ положительную прибыль въ суммѣ народнаго благосостоянія, не причинивъ ему ни въ чемъ ни малѣйшаго ущерба. Впрочемъ, не парламентъ былъ виноватъ за скудость своей законодательной дѣятельности, еслибы дѣйствительно слѣдовало упрекнуть ее въ скудости. Кромѣ внутренняго законодательства, есть еще другая область, интересующая общественное мнѣніе и требующая вниманія народныхъ представителей великой державы,—область международныхъ отношеній, вопросы мира и войны. А едва ли когда-либо положеніе Европы возбуждало болѣе вниманія, болѣе интересовъ и опасеній, болѣе надеждъ и тревогъ, какъ въ настоящее время. Въ англійскомъ парламентѣ, какъ главномъ представительствѣ общественнаго мнѣнія и общественныхъ интересовъ, не могли не отзываться вопросы внѣшней политики. Они-то стѣснили внутреннюю законодательную дѣятельность; они-то отняли и время, и вниманіе, и интересъ у внутреннихъ реформъ. Но за то, кто можетъ сказать, что-бы засѣданія англійскаго парламента были безплодны относительно европейскихъ вопросовъ? Эти засѣданія имѣли огромное вліяніе на дѣла Европы, они были предметомъ всеобщаго и напряженнаго вниманія. Парламентъ представляетъ собою общественное мнѣніе Англіи, а сама Англія въ свою очередь служитъ представительницей общественнаго мнѣнія всей остальной Европы, потому что теперь только въ Англіи общественное мнѣніе пользуется полною свободой и составляетъ дѣйствительную силу. Всѣ интересы и мнѣнія, возбуждаемые политическими вопросами, отозвались въ преніяхъ англійскаго парламента,—все, начиная отъ Брайтовскаго: *пропадай Савоія!* до Кинглековскихъ изобличеній, начиная отъ протестацій со стороны ирландскихъ чле-

Digitized by Google

новъ противъ италіянскаго движенія и въ пользу свѣтской власти папы или въ защиту неаполитанскаго Бурбона, до... до рѣчей лорда Джона Росселя и самого *премьера*, привѣтствовавшихъ возстаніе и возрожденіе Италіи, превозносившихъ вождя національнаго движенія какъ великаго героя новыхъ временъ. Принципъ невмѣшательства, перипетіи въ отношеніяхъ къ Франціи, другія международныя связи, Германія и Востокъ, оборонительныя вооруженія Англіи, поразившія Европу своею громадностію и энергіей, возрастающая сила англійскаго вліянія,—все это заявлялось, обсуждалось и рѣшалось, и минувшая сессія останется одною изъ самыхъ замѣчательныхъ въ лѣтописяхъ англійскаго парламента.

Около того времени, когда приходили къ концу парламентскія засѣданія, и на послѣднемъ изъ нихъ г. Кинглекъ договаривалъ свои изобличенія, доказывая, что въ сирійскомъ дѣлѣ будто бы главнымъ образомъ замѣшана рука Франціи,—повелитель этой страны, съ своею супругой и наслѣдникомъ, предпринялъ торжественное путешествіе на югъ имперіи, чтобы собрать дань народнаго энтузіазма и вступить лично во владѣніе новоприобрѣтенными отъ Піемонта провинціями. Офиціальныя изъявленія народнаго энтузіазма со стороны чиновниковъ и журнальныхъ корреспондентовъ превышаютъ, если можно, все, что въ подобныхъ случаяхъ происходило прежде во Франціи. Никакія фигуры не кажутся слишкомъ смѣлыми. Самое солнце должно было участвовать въ изъявленіи энтузіазма, «какъ ловкій передворецъ», по ловкому выраженію корреспондента одной изъ полуофиціальныхъ газетъ. Одинъ изъ ораторовъ, при встрѣчѣ императора, въ порывѣ увлеченія провозгласилъ его прямымъ наслѣдникомъ не только Наполеона, но и Карла Великаго, и наслѣдникомъ не только по генію, но даже и по крови. Шумъ торжества, сопровождающій императорское путешествіе, слился съ громомъ рѣчей, которыя въ то же самое время произносились по всей Франціи различными сановниками имперіи въ генеральныхъ совѣтахъ, гдѣ они предсѣдательствуютъ. Всѣ эти сановники принадлежали во времена къ самымъ разнороднымъ партіямъ, къ легитимистамъ, орлеанистамъ и республиканцамъ, и теперь всѣ они въ равной степени и въ одинаковомъ смыслѣ выражали свои чувствованія, превознося миролюбивую политику императора, благоденствіе, величіе и славу Франціи. «Было бы клеветою, сказано по этому случаю въ *Times*, сравнивать способнаго и бодраго императора Французовъ съ заклейменными исторіею римскими цезарями, но его придворные, его префекты, его сенаторы и журналисты безпрерывно напоминаютъ собою времена, изображенныя Ювеналомъ. Столбцы *Монитера* наполняются теперь адрессами на имя императора

Digitized by Google

епартаментскихъ генеральныхъ совѣтовъ... Каждый изъ
провинціяльныхъ и муниципальныхъ говоруновъ во Фран-
лужитъ органомъ внушеній со стороны министерства
енныхъ дѣлъ. Частнымъ лицамъ и массѣ народонаселенія
ывается даже въ удовольствіи своеобразно изъявлять свою
нность. Журналы получаютъ наставленія отъ министровъ
тъ частнаго секретаря, префекты—признанные органы пра-
льства, краснорѣчивые президенты генеральныхъ совѣтовъ—
иновники. Даже меры, изліянія которыхъ привѣтствуютъ и
авляютъ императорское шествіе, посажены властями на
ны, которыхъ чувствованія они такъ охотно берутся изъ-
ь.... Монотонность въ рѣчахъ разнородныхъ ораторовъ,
гъ-быть, всего лучше объясняется общимъ источникомъ ихъ
іазма. Императоръ вознесъ славу Франціи на безпримѣрную
ту; онъ внушаетъ Европѣ соединенное чувство довѣрія и
а; онъ покровитель промышленности или освободитель тор-
, смотря по особымъ интересамъ департамента; сверхъ всего,
алители превозносятъ его умѣренность и геній. Не такъ
восхвалять достоинство особы, не находящейся въ связи
бличными дѣлами, и потому императрица должно-быть очень
ена, слыша поминутно изъ устъ префектовъ и меровъ одно
же, — именно то, что она «ангелъ прелести и доброты».
ресу наслѣднаго принца можетъ быть только сказано, что
ція чувствуетъ пламенную любовь къ отпрыску обожаемой
тіи, которой она такъ глубоко предана въ продолженіи по-
ихъ восьми или девяти лѣтъ.»

своемъ путешествіи, императоръ достигалъ береговъ Же-
аго озера. Правительство Швейцарской республики отказа-
однако выслать депутатовъ для привѣтствія властителя вели-
ѣдней державы. Отношенія между Швейцаріею и Фран-
ще далеко не уладились. Швейцарія не считаетъ вопроса
ле и Фосиньи дѣломъ конченнымъ. Впрочемъ, не одна
арія, но и Европа еще только ожидаетъ его окончатель-
ѣшенія. «Предположенныя конференціи по поводу присо-
нія Савоіи и Ниццы къ Франціи, сказано въ королевской рѣчи,
ившей засѣданія англійскаго парламента, еще не собра-
. Но ея величество увѣрена, что вслѣдствіе какихъ бы то
о переговоровъ, будутъ сдѣланы удовлетворительныя рас-
енія для того, чтобъ обезпечить, согласно духу и буквѣ
го трактата 1815 года, нейтральность и независимость
арской конфедераціи. Всѣ державы, участвовавшія въ вѣн-
трактатѣ, придавали этой нейтральности и независимости
ю важность, и въ настоящее время онѣ не менѣе чѣмъ
ажны для общихъ интересовъ Европы.» Намекъ на трак-

Digitized by Google

татъ 1815 года въ королевской рѣчи произвелъ во Франціи чре
вычайно непріятное впечатлѣніе, что̀ французская журналисти
и поспѣшила заявить.

Какъ бы то ни было, за миролюбивое направленіе француз
ской политики ручается одинъ изъ ближайшихъ друзей импера
тора, одинъ изъ лучшихъ его сановниковъ, служащій самы
усернымъ посредникомъ между дворами парижскимъ и лонд
скимъ, графъ Персиньи. Посланникъ императора Французов
Лондонѣ пріѣзжалъ во Францію открыть засѣданія генеральн
совѣта своего департамента; онъ также произнесъ рѣчь, и
ли не самую обширную изъ всѣхъ, которыми огласилась в
время Франція, рѣчь, столько же разчитанную для Франціи, сколь
и для Англіи. Графъ Персиньи говорилъ съ своимъ обычны
искусствомъ, настаивая на томъ, что между Франціею и Англ
не можетъ быть никакихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ, что м
жду обѣими націями и обоими правительствами не прерывае
самое искреннее согласіе, несмотря на возгласы недоброжел
тельныхъ людей и партій. Онъ утверждаетъ, что политика им
ратора остается вѣрною провозглашенному имъ въ Бордо начал
и что имперія, по прежнему, значитъ не что иное какъ мир
Она значитъ это именно въ томъ смыслѣ, что императоръ, вст
пивъ въ обладаніе Франціей, не имѣлъ и не имѣетъ въ виду пр
должать преданія первой имперіи, или мстить за нее. Это дру
гими словами значитъ, что императоръ Французовъ всегда ж
лалъ и постоянно желаетъ оставаться въ тѣсномъ союзѣ съ Ан
гліей. Г. де-Персиньи заключаетъ свою рѣчь увѣреніемъ, ч
теперь наконецъ дѣйствительно наступаетъ новая эра, эра мир
и что Франція будетъ отнынѣ исключительно занята интересо
своего развитія и благосостоянія. Тѣмъ не менѣе, искус
рѣчь г. де-Персиньи не произвела большаго впечатлѣнія
Европу; Европа выслушала ее очень равнодушно, безъ рукоп
сканій, которыми сопровождалось ея произнесеніе въ совѣт
Journal des Dèbats, да еще въ нѣкоторыхъ сколько-нибудь
висимыхъ органахъ французской журналистики, кое-какъ
щихъ свое существованіе, выразились даже сѣтованія, что
персникъ императора, говорившій такъ много обо всемъ,
шій такъ много успокоительныхъ и утѣшительныхъ слов
имѣющей наступить эпохѣ мира и благоденствія, не нашел
чего сказать о свободѣ, которой ожидаетъ Франція.

Впрочемъ, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ
ситъ старая поговорка. Императоръ Французовъ желаетъ откр
для своей страны и для Европы эру мира,—желаніе доброе,
сомнѣнія искреннее, но можетъ ли онъ поручиться за обст
тельства, можетъ ли онъ заранѣе быть увѣренъ въ испол

Digitized by Google

хъ миролюбивыхъ желаній? Человѣку и за самого себя ру-
ся трудно, а какъ ручаться за цѣлую Европу, особенно въ
оящее время?

ранцузскія войска уже высадились въ Бейрутѣ. А въ Дамаскѣ
ъ-паша, безъ пощады, сотнями вѣшаетъ, разстрѣливаетъ,
сажаетъ на колъ, и тысячами ссылаетъ на каторгу и отдаетъ
олдаты убійцъ и грабителей (хороши будутъ солдаты!) Надъ
гупными пашами дѣятельно производится слѣдствіе, и быв-
дамасскаго губернатора Ахмета уже постигла кара право-
. Онъ разстрѣлянъ съ нѣкоторыми изъ своихъ подчиненныхъ,
но и тѣ два турецкіе полковника, которые такъ вѣроломно
ли христіянъ въ Гасбеѣ и Дейръ-эль-Каммарѣ. Куршидъ-пашу,
сомнѣнія, ожидаетъ такая же участь. Мы подождемъ болѣе
хъ и подробныхъ извѣстій, чтобы представить читателямъ
теристику настоящаго положенія дѣлъ въ Сиріи. Но какъ бы
ли справедливы эти кровавыя возмездія, они не воротятъ
ннаго, да едва ли могутъ и послужить обезпеченіемъ на бу-
е время. Вопросъ о самомъ существованіи Турецкой имперіи
озвратится. Но вопросъ этотъ рѣшится, конечно, не въ Сиріи.
цкій вопросъ есть, по преимуществу, вопросъ славянскій, и
связанъ съ австрійскимъ вопросомъ. Права этихъ націо-
остей, живучихъ и крѣпкихъ, хотя и подавленныхъ, забытыхъ
ей, но теперь напоминающихъ о себѣ, начинаютъ уже мало-
му обращать на себя вниманіе общественнаго мнѣнія и пра-
ьствъ Европы. Что и какъ выйдетъ изъ этого хаоса, нельзя
ть ничего даже гадательно; но какой-нибудь конецъ должно
ѣть это броженіе, какой-нибудь порядокъ долженъ же выйд-
ъ этого хаоса.

не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей на одну
есную статью, которая появилась мѣсяца два тому назадъ,
самое время, когда Россія снова подняла вопросъ о хри-
скихъ національностяхъ, населяющихъ Европейскую Тур-
Мы разумѣемъ статью г. Сенъ-Маркъ-Жирардена: *La question
nt en 1860*, помѣщенную въ журналѣ *Correspondant*. Г.
Маркъ-Жирарденъ отдаетъ должную справедливость русской
икѣ на Востокѣ, и, что еще замѣчательнѣе, является адво-
ъ за единовѣрныя и соплеменныя намъ народности. «Хри-
ская національность Востока, говоритъ онъ, должна быть
а всякому христіянскому сердцу и всякой независимой душѣ.
на Востокѣ укрѣпила народность. Народность поддержала
.. Говорятъ о трудностяхъ, сопряженныхъ съ наслѣдіемъ
и. но у Турціи есть свои наслѣдники, они живутъ на самой
очвѣ, которую она захватила и раззорила: это всѣ христіян-
народонаселенія: Греки, Болгаре, Славяне, Албанцы, Армяне,

Digitized by Google

у которыхъ не могла она отнять вѣры и народности.» За доброе слово и за сочувствіе мы можемъ извинить французскому публицисту его неточности. Говоря о наслѣдникахъ Турціи и исчисляя христіянскія племена, живущія на захваченной ею почвѣ, онъ отдѣляетъ Болгаръ отъ Славянъ и смотритъ на нихъ какъ на двѣ особыя народности, не подозрѣвая, что Болгаре относятся къ Славянамъ какъ дубъ или береза къ дереву. Французскіе публицисты, впрочемъ, пріобрѣли привилегію изъявлять и симпатію и антипатію тому, что бываетъ имъ мало извѣстно, а иногда и вовсе неизвѣстно; тѣмъ не менѣе, намъ пріятно было встрѣтить въ католической странѣ, и притомъ въ журналѣ, который главнымъ образомъ отличается католическимъ направленіемъ, хотя и весьма либеральнымъ, слово глубокаго уваженія о восточной церкви, къ которой преимущественно принадлежатъ христіянскія народности Турціи.

«Мы мало удивляемся, говоритъ г. Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, что христіянской вѣры, сохранившейся на Востокѣ, несмотря на турецкія преслѣдованія. Католическая церковь Запада великолѣпна со своимъ верховнымъ главой, съ своими, вездѣ зависящими отъ своей главы епископами, съ своими конгрегаціями, которыя являются вмѣстѣ и организмами живущими особою жизнію, и членами постоянными церкви: но, наконецъ, наша церковь организована искусно и сильно; она также терпѣла бѣдствія, но уже въ продолженіи четырехъ сотъ лѣтъ она не знаетъ ни гнета, ни гоненій. Ея жизнь есть законъ Провидѣнія, она не является чудомъ Бога: но греческая церковь, кто поддерживалъ ее, кто укрѣплялъ ее, кто возбуждалъ ея жизнь? Сколько внѣшнихъ причинъ смерти и гибели! Нищета, гоненія, искушенія: она жила однако. Вѣра каждаго вѣрующаго, вѣра подъ игомъ угнетенія, вѣра въ мученіяхъ,—вотъ что составляло связь восточной церкви; вотъ что замѣнило силу организаціи и іерархіи. «Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою»: вотъ божественная причина силы и прочности римско-католической церкви. «Гдѣ соберутся двое или трое во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ»: вотъ божественная причина силы и прочности восточной церкви. Христіяне Востока оставались собранными во имя Христа, и Христосъ пребывалъ посреди ихъ: Христомъ сохранили они свою особую народность. Кто осмѣлится покушаться на гибель того, что спасено Богомъ разрушать то, что Онъ устроилъ? Парижскій трактатъ призналъ существованіе восточныхъ христіянъ: они составляютъ государство. Конечно, на основаніи дипломатическаго права, это христіянское государство содержится въ государствѣ мусульманскомъ, но обладаетъ собственною не гибнущею, ибо христіянскою, жизнію.»

Нѣтъ сомнѣнія, что христіянскимъ племенамъ Турціи, какъ и вообще всѣмъ этимъ народностямъ, раздробленнымъ и разрозненъ-

Digitized by Google

нымъ, близкимъ къ намъ по происхожденію и языку, живущимъ между предѣлами нашего отечества и остальною Европой, нѣтъ сомнѣнія, что имъ суждена будущность, и что рано или поздно должна же здѣсь найдтись формула, примиряющая законныя притязанія каждой живучей особенности на самостоятельное существованіе съ потребностію общаго единства.

Великій визирь Мегметъ-Киприсли-паша еще не возвратился изъ своего объѣзда. Несмотря на его добрыя намѣренія, на восхваляемую образованность, замѣчательную въ турецкомъ сановникѣ, никто не ожидаетъ удовлетворительныхъ и прочныхъ результатовъ отъ производимой имъ ревизіи. Говорятъ, Киприсли-паша нужнѣе теперь въ самомъ Константинополѣ, между тѣмъ какъ ревизіонная поѣздка его длится гораздо болѣе чѣмъ предполагалось, и походитъ на проволочку въ не терпящемъ отлагательства дѣлѣ.

Теперь постараемся познакомить нашихъ читателей съ подробностями положенія дѣлъ въ Австріи, гдѣ все рѣшительнѣе и явственнѣе поднимается вопросъ о народностяхъ, а затѣмъ представимъ характеристическія подробности, относящіяся къ послѣдней фазѣ италіянскаго движенія.

ВЕНГЕРСКІЙ ВОПРОСЪ.

Повидимому, ни одна война въ исторіи Европы не была чрезвычайно такими великими послѣдствіями, какъ двухмѣсячная война 1859 года между Франціей и Австріей. Быстро прекращенная Франціей не столько вслѣдствіе истощенія ея силъ или по какой-нибо внѣшней необходимости, сколько вслѣдствіе сокровенныхъ разчетовъ побѣдителя, война 1859 года съ неимовѣрною быстротой породила изъ себя цѣлый рядъ событій, тяжеловѣсныхъ для всего будущаго Европы и неожиданныхъ для самого побѣдителя. Раны европейскаго политическаго тѣла, которыя были залѣчиваемы тщательнымъ употребленіемъ палліативныхъ средствъ, раскрылись и зіяютъ, ожидая или радикальнаго врачеванія или радикальнаго кризиса, если самой натурѣ суждено произвести реакцію. Франція, повидимому побѣдительница и при Сольферино и въ Виллафранкѣ, оставшись при одной славѣ побѣдъ; съ тѣхъ поръ какъ она наградила свой героизмъ въ *войнѣ за идею* расширеніемъ своихъ предѣловъ, обаяніе ея могущества начало исчезать, и

Digitized by Google

теперешнее значеніе Франціи далеко не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ значеніемъ, которое она имѣла до послѣдней побѣдоносной войны. Франція стоитъ теперь одна, или почти одна въ Европѣ, и принуждена уже переносить униженіе и въ Лондонѣ, и даже въ Теплицѣ. Но если завоевательныя стремленія оказались Ахиллесовою пятой Франціи, причиной неожиданнаго поворота событій въ ущербъ ея международному положенію, то великодушная пощада, дарованная ею Австріи, еще болѣе обнажила Ахиллесову пяту великой дунайской имперіи, а воздержность въ симпатизированіи съ національнымъ движеніемъ Италіи и готовность покровительствовать страждущимъ италіянскимъ династіямъ не остановили ни италіянскаго движенія, ни паденія династій. Вслѣдъ за лотарингскою династіей подпала удару Немезиды династія Бурбоновъ, и грозныя волны уже подрываютъ подножіе ватиканскаго престола папы, какъ свѣтскаго государя. Но чтобы вслѣдъ за Римомъ задрожала Венеція, для этого тріумфаторъ Гарибальди, имѣющій въ Венгерцахъ лучшихъ своихъ помощниковъ, не преминетъ, вѣроятно, вспомнить о Фіуме, адріатическомъ портѣ бывшей венгерской «Короны». Еще до прибытія Кошута въ Италію, нельзя было не видѣть, что италіянское движеніе стоитъ въ связи съ венгерскимъ движеніемъ, и что развязка всего этого дѣла должна совершиться разомъ въ Римѣ и въ Вѣнѣ. Венгерское движеніе возрастаетъ, несмотря на господствующую теперь въ Вѣнѣ уступчивость, прокламаціи венгро-кроатскаго соединеннаго революціоннаго комитета распространяются изъ Варашдина по городамъ и селамъ Венгріи въ несмѣтномъ количествѣ, совѣтуя хранить спокойствіе и вѣрность Фердинанду V, королю Венгріи. Есть несомнѣнные признаки, что Венгерцы, наученные недавнимъ горькимъ опытомъ, повсюду набираютъ себѣ союзниковъ. Они дѣйствуютъ и въ лагерѣ Гарибальди, на западѣ, и среди своихъ восточныхъ сосѣдей. Въ Букарестѣ выходитъ мадьярская газета; мадьярскіе актеры собираютъ рукоплесканія на тамошней сценѣ; въ началѣ іюля Букарестъ видѣлъ большое празднество, на которомъ Венгерцы братались съ Румынами; графъ Телеки, въ Трансильваніи успокоилъ тамошнихъ Румыновъ насчетъ замысловъ венгерской партіи, и они принимаютъ съ царскими почестями барона Этвеша, который въ настоящую минуту путешествуетъ въ этой странѣ. Кошутъ и Клапка намѣрены, говорятъ, посѣтить Букарестъ, чтобы быть вблизи Венгріи, а въ Фокшанахъ уже прежде жили венгерскіе эмигранты въ значительномъ числѣ. Что касается до Галиціи, то всѣмъ извѣстно старинное взаимное сочувствіе, располагающее ее въ пользу Венгерцевъ. Новая венгерская политика, основанная на признаніи славянской народности, еще болѣе сблизитъ Галицію съ Венгріей, и съ другой стороны встрѣтитъ сочувствіе въ Серб-

скомъ княжествѣ, которое соединено тѣсными узами съ австрійскими Сербами. А далеко ли отъ Бѣлграда до Тернова, древней столицы Болгарскаго царства, и отъ Фіуме до Черной-горы, Герцеговины и Босніи? Но если австрійскій вопросъ о національностяхъ никакъ не можетъ быть отдѣленъ отъ вопроса о національностяхъ въ Турціи и вообще отъ восточнаго вопроса, то еще очевиднѣе, что онъ не можетъ быть отдѣленъ отъ германскаго національнаго вопроса... Нельзя будетъ удивляться, если Европа скоро будетъ въ огнѣ вслѣдствіе двухмѣсячной войны 1859 года.

Въ Австріи эта кратковременная война произвела самыя большія чудеса. Мы не станемъ говорить о временахъ болѣе отдаленныхъ, но вѣдь не далѣе какъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія Австрія вела четыре великія войны съ Франціей; французскія арміи, подъ предводительствомъ величайшаго военнаго генія новыхъ временъ, одерживали побѣду за побѣдой; побѣдитель два раза предписывалъ Австріи миръ изъ ея столицы, и каждый мирный трактатъ велъ за собой для Австріи потерю какой-нибудь провинціи. Почти невѣроятно, какъ это дѣлалось тогда, но Австрія умѣла вставать послѣ каждаго пораженія. Въ эту неимовѣрно-тяжкую эпоху она болѣе нежели когда-нибо оправдала свой старинный эпитетъ: Austria felix, «счастливая Австрія». Обрѣзанная со всѣхъ концовъ, побѣжденная повсюду, она оставалась великою европейскою державой и дѣятельно участвовала въ низложеніи Наполеона. То ли мы видимъ теперь? Куда теперь дѣвалось это историческое австрійское счастіе? Едва началась война, едва непріятель занялъ одну изъ многочисленныхъ провинцій великой имперіи, какъ силы ея были уже совершенно истощены. Можно было еще видѣть австрійское счастіе въ поспѣшномъ и неожиданномъ рѣшеніи побѣдителя дароать ей выгодный миръ, но тотчасъ же оказалось, что и это счатіе шло не съ легкой руки. Послѣ виллафранкскаго мира пооженіе Австріи становилось все хуже и хуже; она не только е оправлялась, но съ каждымъ днемъ, можно сказать, принуждена была все болѣе и болѣе трепетать новой войны. Финансы ея разстраивались, всеобщее недовольство распространялось ь провинціяхъ, и офиціяльные акты свидѣтельствуютъ, что оно же коснулось солдатъ и даже офицеровъ. Теперь нѣтъ человѣка въ Австріи, который бы не сознавалъ, что Австрія не можетъ существовать, не перемѣнивъ основъ своего существованія. акъ силенъ былъ ударъ, нанесенный Австріи кратковременною ойной 1859 года, несмотря на то, что она окончилась сравнительно очень выгоднымъ виллафранкскимъ миромъ.

Разгадка этого удивительнаго явленія заключается въ томъ,

Digitized by Google

что войны Австріи съ старшимъ Наполеономъ имѣли характе
отечественныхъ войнъ, а на послѣднюю войну большинст
подданныхъ Австріи смотрѣло какъ на чужое для себя д
Тогда подданные Австріи были преданы своей династіи и о
но шли на бой за императора и страну: теперь подданные
казывали отчасти равнодушіе, отчасти злорадство; война была
дена не націей, а правительствомъ. Но, что̀ еще хуже, и
болѣе объясняетъ упадокъ силъ Австріи, правительство до
было развертывать свои военныя силы противъ внутреннихъ
говъ даже болѣе чѣмъ противъ внѣшнихъ. Еще до войны
года внутренняя оборона поглащала бо́льшую часть воен
и финансовыхъ силъ Австріи; это положеніе осталось въ с
послѣ того, какъ внѣшняя война окончилась скорымъ м
Съ Франціей былъ заключенъ миръ, но въ дѣлѣ внутренн
роны самая отдаленная перспектива не показывала вид
миръ; не предвидѣлось конца изнурительнымъ усиліямъ австр
го правительства, тратившимся на то, чтобы поддерживать сис
враждебную всѣмъ интересамъ подданныхъ. Эта такъ-сказать
таенная междуусобная война, происходящая въ нѣдрахъ госуд
и поглащающая всѣ его силы, продолжается вотъ уже двѣна
лѣтъ, и въ этой-то потаенной внутренней войнѣ заключ
разгадка того, что силы австрійскаго правительства вдр
совершенно истощились. Въ двѣнадцатилѣтній промежутокъ
мени, дѣла дошли до такого положенія, что враждебная напр
ность между правительствомъ и націей обратилась въ привы
націи, и правительства. Австрійскимъ подданнымъ стала почт
понятна возможность смотрѣть на дѣло Австріи какъ на
дѣло, а правительство потеряло способность довѣрять
Австріи дѣло Австріи. Деморализація проникла въ самое с
государственной жизни; начался такой процессъ разложен
тораго повидимому никакая сила и никакая хитрость у
остановитъ. Война 1859 года только ускорила развитіе
процесса, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что и безъ этой
Австрія должна была придти въ непродолжительномъ в
къ тому же безпомощному положенію, въ которомъ она
находится.

Разгадку этого положенія, еще не бывалаго въ исторіи А
тоже найдти не трудно. Нынѣшній австрійскій императо
бралъ, какъ извѣстно, своимъ девизомъ прекрасную фразу
bus unitis, соединенными силами. Этотъ новой девизъ
замѣнить собой прежнее правило австрійской политики
et impera, разъединяй и властвуй, правило злое, которому
ко же домъ Габсбурговъ обязанъ почти всѣми успѣхами
шестисотлѣтней исторіи. Но, такъ какъ на свѣтѣ нѣтъ добр
зла и зла безъ добра, то подлежитъ большому сомнѣнію,

Digitized by Google

ьше ли хорошихъ послѣдствій, имѣло злое правило: *divide et era*, чѣмъ добрый повидимому девизъ: *viribus unitis*. Повидиу, что могло быть лучше этой замѣны? На дѣлѣ же новый деъ уничтожалъ самостоятельность составныхъ частей Австріи да какъ старое правило, хотя съ коварными замыслами, но -таки терпѣло эту самостоятельность. До 1848 года, австрій- императоры охраняли отдѣльность областей своей имперіи; дуя старинному преданію, они короновались не только въ ѣ, но и въ Пресбургѣ и Миланѣ; они любили видѣть источъ своей силы въ томъ, что, кромѣ императорской короны, агали на свое чело *желѣзную* корону Милана и *святую* коу Венгерскаго королевства. Въ этомъ преданіи заключалась ая система, и этой системѣ Австрія была обязана своею си-

Австрія хранила въ себѣ сѣмена децентрализаціи, и хотя дѣйствовала въ этомъ смыслѣ макіавеллистически, но она ла ловко лавировать и была въ состояніи подавлять недовольі однѣхъ провинцій силами другихъ земель своихъ. Къ Венавстрійскіе императоры были особенно снисходительны и вна искали въ ней опору на случай колебанія другихъ коронъ земель.

сторія дома Габсбурговъ показываетъ, что дѣйствительно главі опорой его могущества была всегда Венгрія. Рудольфъ Габсгъ былъ обязанъ венгерскому оружію императорскимъ престоъ. Венгріи же обязана Марія Терезія возстановленіемъ своихъ ѣдственныхъ правъ. Вѣрность Венгріи поддерживала Австрію ея войнахъ съ Наполеономъ; значительная часть военныхъ изжекъ этого времени была покрываема средствами, которыми бодный венгерскій сеймъ щедро снабжалъ правительство грійскаго императора. По пространству, Венгрія занимаетъ овину всей Австрійской имперіи; по числу жителей, Венгрія гавляетъ третью часть ея. Уже эти цифры показываютъ, какъ на Венгрія для Австріи, но на ряду съ этими цифрами надовзять въ разчетъ политическій бытъ Венгріи, который ставнѣ всякаго сравненія съ другими частями имперіи и ривалъ тѣ силы, которыя Венгрія приносила на служеніе сбургамъ. Австрійскіе императоры очень хорошо знали это. Вла-я почти неограниченно въ другихъ областяхъ, они щадили герскія вольности и оставляли за Венгріей привилегированположеніе, чтобы тѣмъ тверже сидѣть на тронѣ другихъ ель своего составнаго государства. Венгрія жила отдѣльною нію и была одною изъ самыхъ свободныхъ странъ на матеѣ Европы. Переѣзжая въ двухъ шагахъ отъ Вѣны венгерю границу, путешественникъ вступалъ какъ бы въ особо ударство. Онъ встрѣчалъ на пути венгерскую таможню, гдѣ тилъ пошлину за австрійскіе товары, и затѣмъ могъ спо-

Digitized by Google

койно положить паспорты въ свой карманъ и быть увѣренъ, у него нигдѣ ихъ не спросятъ. Онъ могъ чувствовать себя свободной землѣ и вездѣ находилъ или слѣды или зарод быта, сроднаго скорѣе быту Англіи, нежели всему тому, что видѣлъ въ странахъ, сосѣднихъ Венгріи. Венгерцы очень го лись такою особностію, и какъ ни велики были уродливости политическаго устройства, какія преграды ни поставляла стрія его дальнѣйшему развитію, нельзя сказать, чтобъ он извлекали значительной пользы для своего благосостоянія этой особности. Положеніе венгерскихъ дѣлъ было таково, нигдѣ ничего нельзя было улучшать, но сохранять было мож Венгерцы поневолѣ сдѣлались самымъ консервативнымъ наро въ Европѣ. Они упорно держались своихъ старинныхъ льг тѣмъ болѣе дорожили ими, что изъ всѣхъ подданныхъ дом бурговъ они одни пользовались серіозными политическими вами. Правда, что ихъ патріотизмъ и ихъ національное сам біе приняли, среди этихъ обстоятельствъ, направленіе искл тельное и неестественное; всѣ ихъ усилія клонились къ чтобъ оставаться привилегированною страной въ Австрій имперіи; они не хотѣли ничего знать о другихъ подданныхъ стрійскаго императора и не хотѣли допустить даже мысли, бы другія области имперіи поравнялись съ Венгріей: но они ствительно были привилегированными подданными габсб скаго дома, дѣйствительно пользовались значительными пол ческими правами и потому дѣйствительно были вѣрны Габс гамъ, а Габсбурги находили въ нихъ твердую опору. Пра *divide et impera* обращалось въ пользу Венгріи. А такъ какъ вый девизъ: *viribus unitis* повелъ за собой нарушеніе древ правъ Венгріи, то онъ не могъ не возстановить ея противъ об ленной Австріи, не могъ не поколебать ея вѣрности къ Габсбурговъ.

Венгерское государственное устройство есть одно изъ ста шихъ въ Европѣ. Первыми начатками своими оно восходит девятому вѣку, къ тому времени, когда мадьярское племя за вало и подѣлило между собой тучную страну по обоимъ б гамъ Тисы. Положеніе побѣдителей, отношеніе короля къ нымъ вождямъ, права, которыя они себѣ выговорили, и нео димое съ военной точки зрѣнія могущество короля, все было очень сходно съ тѣмъ, что было въ Англіи въ эпоху манскаго завоеванія. Дальнѣйшая исторія этихъ двухъ ст также представляетъ нѣкоторые пункты сходства. Какъ въ глія, такъ и въ Венгріи короли мало-по-малу допускали бѣжденныхъ къ пользованію правами побѣдителей; какъ т такъ и въ Венгріи короли успѣли усилить свою власть, и зуясь условіями своего положенія, и какъ тамъ, такъ и въ Вен

Digitized by Google

ничение власти королей могло произойдти лишь на томъ
вiи, что сильные люди явились заступниками правъ всей
и. Золотая Булла Венгріи была подписана только семью
ми позднѣе подписанія англійской Великой Хартіи (1), и
етъ быть сравниваема съ основнымъ актомъ англійскаго
тическаго устройства безъ тѣхъ натяжекъ, которыя нужны
цамъ, когда они сравниваютъ съ Великою Хартіей Англіи свою
ую Золотую Буллу 1356 года, натяжекъ, которыя ведутъ только
ому, чтобы представить въ комическомъ видѣ эту буллу Свя-
ной Римской имперіи, заботящуюся исключительно о пра-
курфирстовъ и объ этикетѣ избранія. Въ Венгріи уже во
то время, когда корону Св. Стефана носили его потомки
)—1301), мы видимъ дѣятельное участіе сейма въ венгерской
ріи, участіе, распространявшееся не только на законода-
ныя и финансовыя, но и на духовныя дѣла. Тяжкія войны съ
ами, отъ которыхъ Венгрія спасала западную Европу, какъ
Русь спасала ее отъ наплыва Монголовъ и другихъ азіят-
ь кочевниковъ, побудили венгерскій сеймъ предложить ко-
Св. Стефана Фердинанду Габсбургскому (1526), но прежде
ли Фердинандъ I надѣлъ на себя эту корону, онъ долженъ
присягнуть, что будетъ сохранять права и привилегіи вен-
кой націи, и эту присягу повторяли всѣ его преемники изъ
Габсбурговъ, за единственнымъ исключеніемъ Іосифа II и
ца Іосифа, которые не короновались въ Венгріи, и кото-
имена не вписаны въ книгу венгерскихъ королей. Цар-
ваніе императоровъ, не короновавшихся въ Пресбургѣ,
ается въ Венгріи междуцарствіемъ. Іосифъ II, тотъ самый,
Марія-Терезія, явившись на знаменитомъ пресбургскомъ
ѣ, держала на своихъ рукахъ, задумалъ было ниспровергнуть
ерское политическое устройство, но ранняя смерть его пред-
тила вспышку всеобщаго мятежа, а его преемникъ, Лео-
дъ, поспѣшилъ заключить съ націей торжественный дого-
на сеймѣ 1790—1791 года, договоръ, который оставался
лѣ до реформъ, предложенныхъ сеймомъ и утвержденныхъ
ператоромъ Фердинандомъ въ мартѣ 1848 года. Францъ-Іосифъ
ратился къ политикѣ Іосифа II относительно Венгріи. Пода-
венгерское возстаніе, онъ взялъ дѣло реформы въ свои
, и ввѣрилъ его исключительному вѣдѣнію своихъ министровъ,
давшихъ ему сдѣлать изъ Австріи могущественное централи-
ное государство по французскому образцу. Такъ-называемое
ожденіе Австрійской имперіи (Oesterreichs Neubau, Oesterreichs
estaltung), обнявшее собой и Венгрію, было производимо
кими экспериментаторами безъ соучастія венгерскаго сейма.

Великая Хартія подписана въ 1215 году, Золотая Булла въ 1222.

Digitized by Google

Теперь наступила историческая минута, которая произнесетъ судъ надъ этими политическими экспериментами, и дальнѣйшій ходъ дѣлъ покажетъ, къ чему поведетъ этотъ судъ.

Чтобъ облегчить нашимъ читателямъ пониманіе того, что теперь происходитъ или имѣетъ происходить въ Венгріи, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о венгерскомъ устройствѣ, какъ оно было до 1848 года, и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произвела въ немъ новая правительственная система Франца Іосифа.

Политическое дѣленіе Венгріи составляли графства, или комитаты, которыхъ числомъ было пятьдесятъ два. Въ каждомъ графствѣ была своя комитатская конгрегація, или провинціальное собраніе, состоявшее изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ дворянъ графства. Подобно четвертнымъ засѣданіямъ англійскихъ мировыхъ судей, эти комитатскія конгрегаціи собирались по четыре раза въ годъ, но такъ какъ онѣ состояли изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ дворянъ, жившихъ въ графствѣ, то характеръ ихъ долженъ былъ значительно отличаться отъ характера англійскихъ четвертныхъ засѣданій, въ которыхъ участвуютъ только мировые судьи, то-есть отборные члены сельскаго *джентри* въ каждомъ графствѣ. Въ Венгріи не было двухъ существенныхъ условій англійскаго самоуправленія: вопервыхъ, не было уравненія сословій, которое одно даетъ мѣстному самоуправленію общій земскій характеръ; вовторыхъ, участіе въ комитатскихъ конгрегаціяхъ не было ограничено никакими правилами, которыя бы обезпечивали удовлетворительность личнаго состава конгрегацій и полный предѣлъ ихъ многолюдности. Число дворянъ въ Венгріи очень велико; крестьяне составляютъ тамъ приблизительно не болѣе двухъ третей всего населенія. Это обстоятельство имѣло очень большое политическое значеніе, потому что кругъ людей, пользовавшихся политическими правами, былъ обширенъ; но съ другой стороны многолюдность конгрегацій, принадлежность всѣхъ членовъ къ дворянскому сословію и слѣдовательно совершенная замкнутость состава ихъ отъ одного только рожденія, дѣлали ихъ очень неудобными и неудовлетворительными органами самоуправленія. Собраніе, такимъ образомъ составленное, не могло непосредственно управлять дѣлами комитата; оно могло только постановлять разныя опредѣленія, а для приведенія ихъ въ исполненіе были нужны особыя лица. Поэтому конгрегація, въ своихъ ежемѣсячныхъ собраніяхъ, вела общій надзоръ за дѣлами графства, распредѣляла подати, которыхъ цифра была назначаема сеймомъ, наблюдала за публичными работами и т. д., но для непосредственнаго отправленія юстиціи и администраціи она выбирала изъ своей среды нѣсколько лицъ, которымъ и поручалась вся исполни-

Digitized by Google

...ная часть. Такимъ образомъ явилась служба по выборамъ, ...сѣми послѣдствіями сословной выборной службы. Всѣ мѣ...е чиновники и судьи избирались конгрегаціей, обыкновенно ...рехлѣтній срокъ, и такимъ образомъ были поставлены въ ...симое положеніе относительно вліятельныхъ людей комитата. ...ной самостоятельности эти лица имѣть не могли, а равно ...огли они смотрѣть на свою службу иначе какъ на времен... занятіе; секретари ихъ, или дьяки, занимавшіеся своимъ ...мъ постоянно и имѣвшіе возможность пріобрѣсти въ немъ ...ность, легко захватывали въ свои руки ту долю власти, ...рую оставляли выборнымъ чиновникамъ вліятельныя лица ...тата, заправлявшія выборами. Настоящаго корпоративнаго ...ктера не было ни у конгрегаціи, имѣвшей сословный харак..., ни у выборныхъ чиновниковъ, находившихся въ двойной ...имости отъ своихъ дьяковъ и отъ своихъ избирателей. Се...ое самоуправленіе, клонящееся къ выгодамъ всего земства, ...этомъ порядкѣ было невозможно. Вся сила этого устрой... заключалась въ способности оказывать сопротивленіе про...ьнымъ притязаніямъ правительства. Такъ какъ всѣ предпи... шли черезъ конгрегацію и приводились въ исполненіе вы...ыми конгрегаціи, то не было никакой возможности настоять ...сполненіи какого-нибудь предписанія, не одобреннаго сей... или противорѣчащаго постановленіямъ сейма. Такія пред...нія, по обычаю, издавна установившемуся, конгрегаціи имѣли ...о «класть почтительно на полку» (буквальный переводъ ...ерскаго выраженія).

...ждый комитатъ посылалъ двухъ депутатовъ въ сеймъ и ...ъ право давать имъ инструкцію, право, котораго англійское ...юдательство благоразумно не предоставляетъ избирателямъ. ...у тѣмъ какъ въ Англіи каждый членъ парламента дѣйствуетъ ...стоятельно, называется не представителемъ графства или ..., а членомъ за графство или бургъ, и имѣетъ право пода... свободно свой голосъ на основаніи своихъ убѣжденій о благѣ ... страны, венгерскіе депутаты были связаны своими инструк... и могли говорить только отъ лица своихъ избирателей, ...отъ имени всего королевства. Въ силу такого положенія сво...оба депутата каждаго графства имѣли на сеймѣ одинъ только ...съ, и если случалось несогласіе между ними, то голосъ ихъ ...лся недѣйствительнымъ. Этою же зависимостію положенія ...татовъ объясняется, что избирателямъ было предоставлено ... отзывать своихъ депутатовъ въ случаѣ неудовольствія ...хъ образъ дѣйствій. Такимъ образомъ, члены сейма были ... также лишены самостоятельности и иниціативы, какъ и ...рные чиновники мѣстнаго управленія комитата.

Digitized by Google

Депутаты комитатовъ, вмѣстѣ съ депутатами королевскихъ городовъ и духовенства, составляли нижнюю палату, или *нижній столъ* сейма, собиравшагося въ Пресбургѣ. Верхняя палата, или *верхній столъ*, состояла изъ магнатовъ и прелатовъ. Главное значеніе сейма заключалось въ томъ, что онъ былъ хранителемъ вольностей Венгріи; въ этомъ отношеніи онъ былъ непобѣдимъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ былъ поставленъ въ стѣсненное положеніе. Какъ устройство комитатовъ придавало конгрегаціямъ и всему комитатскому самоуправленію характеръ искусственнаго и крайняго консерватизма, такъ и политическое положеніе сейма вело по необходимости къ тому, что въ венгерскомъ законодательствѣ господствовала противоестественная, напряженная неподвижность. Сеймъ постановлялъ законы; право утвердить или отвергнуть ихъ, естественно, принадлежало королю-императору, а министерство, подававшее императору совѣты, находилось въ Вѣнѣ и было внѣ всякаго вліянія со стороны сейма. Какъ бы велико ни было несогласіе между министерствомъ и сеймомъ, министерство — такъ-называвшаяся венгерская канцелярія — сохраняло свою власть. Императоръ не могъ ввести ничего новаго безъ согласія сейма; сеймъ не могъ ничего сдѣлать безъ согласія императора, а такъ какъ совѣтники императора, въ случаѣ самаго сильнаго разногласія съ сеймомъ, оставались на своихъ мѣстахъ въ венгерской канцеляріи, то случалось очень рѣдко, чтобъ императорское правительство и сеймъ были согласны, а потому и новые законы почти никогда не проходили, и все изъ вѣка въ вѣкъ оставалось по старому.

Кроатія (Хорватія) и Славонія составляли нераздѣльную часть Венгерской Короны и пользовались такими же льготами какъ Венгрія. Кроатія, кромѣ того, сама выбирала своего бана. Трансильванія была первоначально тоже нераздѣльною принадлежностію Венгерской Короны, но отдѣлилась отъ нея, когда престолъ Венгріи перешелъ къ Габсбургамъ. По окончательномъ изгнаніи Турокъ изъ Седмиградскаго княжества, императоры не допустили возстановленія прежнихъ тѣсныхъ связей его съ Венгріей. Между тѣмъ какъ кроатскіе и славонскіе депутаты засѣдали на сеймѣ въ Пресбургѣ, Трансильванія имѣла свой отдѣльный сеймъ. Впрочемъ Трансильванія почти не отличалась отъ Венгріи въ политическомъ отношеніи, и изъ всѣхъ областей, соединенныхъ съ Короной, только Военная Граница была лишена политическихъ льготъ. Граничары были первоначально не что иное какъ австрійскіе линейные казаки; ихъ обязанность состояла въ защитѣ границы; съ этою цѣлію они были подчинены военной организаціи и были поставлены въ прямую зависимость отъ Вѣны. Это устройство имѣло смыслъ, когда угрожала опасность со стороны

Digitized by Google

роны Турокъ, но, какъ извѣстно, эта опасность уже давнымъ-давно исчезла, и теперь австрійская Граница, съ ея военнымъ устройствомъ, гнетущимъ гражданскій бытъ и экономическую дѣятельность жителей, составляетъ анахронизмъ, поддерживаемый австрійскимъ правительствомъ лишь изъ желанія имѣть какъ можно болѣе войска. Область Граничаровъ едва ли не самая отсталая въ цѣлой Австріи. Граничары извѣстны своею дикою грубостію, и въ этой дурной славѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Весь бытъ ихъ основанъ на самой противоестественной системѣ. Понятно, что они занимались исключительно войной, когда надобно было защищаться отъ Турокъ: тогда военное дѣло было живою потребностію; поле войны было по необходимости единственнымъ поприщемъ, на которомъ могли проявляться ихъ природныя силы, и мы знаемъ, что ихъ силы нерѣдко проявлялись въ блистательныхъ подвигахъ отваги. Они не марали тогда своего славянскаго имени, какъ мараютъ его теперь, благодаря жестокосердому австрійскому эгоизму, который доселѣ обрекаетъ ихъ на исключительно-военный бытъ, несмотря на то, что имъ ужь не съ кѣмъ воевать, что поля ихъ уже не поле войны и требуютъ отъ нихъ искусствъ мира. Для того чтобъ имѣть *больше* войска, Австрія оставляла эту вопіющую фальшь и упорно отказывала въ своемъ согласіи на постоянныя представленія венгерскаго сейма о дарованіи Граничарамъ гражданскихъ правъ. Военная Граница есть одно изъ немногихъ политическихъ учрежденій Австріи, которыя пережили 1848 годъ, и до сихъ поръ еще несчастные Граничары прозябаютъ подъ закономъ противоестественнаго соціализма, благодаря которому ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ себѣ; все ихъ племя поставлено въ невозможность жить человѣческою гражданскою жизнію и обречено на искусственно-поддерживаемое варварство.

Таково было политическое состояніе Венгріи и соединенныхъ съ нею странъ, когда Австрія вступила въ роковой 1848 годъ. Венгрія свято хранила вѣрность Габсбургскому дѣлу среди всеобщаго революціоннаго волненія. Вѣна строила баррикады; итальянскія провинціи были въ открытомъ возстаніи; въ Галиціи лилась кровь; Богемія и даже нѣмецкія наслѣдственныя земли показывали враждебное настроеніе: одна только Венгрія стояла твердо на почвѣ закона и законнымъ путемъ испрашивала реформъ и уступокъ. Уступки эти не были сдѣланы. Распадающаяся Австрія, противъ всякаго ожиданія, пережила бурю. Она обязана этимъ героической рѣшительности князя Шварценберга, министра, который заслужилъ бы имя человѣка геніальнаго и великаго, еслибы совершилъ свой подвигъ менѣе странными средствами. Уступить Венгріи значило бы предварительно согласиться на то, чтобъ и другія коронныя земли Австріи

Digitized by Google

получили современемъ тѣ же права, значило бы рѣш
на то, на что только теперь рѣшается Австрія, только те
когда по всему вѣроятію ходъ событій скажетъ ей роковое: «с
комъ поздно». Въ 1848 году было настоящее время для с
шенія реформъ законнымъ порядкомъ; тогда эти необход
реформы не встрѣтили бы тѣхъ непреодолимыхъ повидимому
ностей, которыя онѣ встрѣтятъ теперь, по истеченіи злопо
двѣнадцати лѣтъ той внутренней скрытой междуусобной в
о которой мы говорили выше. Но Австрія упустила счасл
минуту. Она вступила тогда на путь реформъ, но на путь пр
положный всей предшествовавшей исторіи Австріи, на путь
трализующаго и нивеллирующаго цезаризма по француз
образцу. Революція была подавлена, и вслѣдъ за тѣмъ нач
нещадная ломка всего завѣщаннаго и выработаннаго ис
ломка, ничуть не лучше той, которую могла бы произвес
мая ослѣпленная, самая надменная революція. Все стар
смести австрійскіе теоретики, чтобъ очистить поле для с
политическихъ экспериментовъ, все, что только показывало
знаки самостоятельной исторической жизни. Вмѣстѣ съ ист
ческими правами и учрежденіями подверглись преслѣдова
самыя національности. Австрійское государство сдѣлалос
кою-то лабораторіей, въ которой приготовлялись растворы
довъ. Вмѣсто того чтобы блюсти законъ, ограждать права
данныхъ, охранять между ними миръ, государство пріостанавл
дѣйствіе закона и ставило на его мѣсто несмѣтное множество
нистративныхъ распоряженій; оно не признавало ни одного
твердымъ, возбуждало вражду между народностями. Все это
лось для достиженія утопической цѣли, овладѣвшей умами вѣк
политиковъ, все это дѣлалось для соединенія Австрійской им
въ одно могущественное, какъ они говорили, тѣло и для подчи
всѣхъ народностей цивилизующему нѣмецкому духу. Опытъ
смѣлый и колоссальный, но онъ только послужилъ колос
нымъ доказательствомъ того, какъ опасны опыты въ дѣлѣ
тики. Вмѣсто могущества, онъ принесъ Австріи слабость, т
слабость, какой она еще никогда не знавала; вмѣсто торже
нѣмецкаго элемента, онъ породилъ вражду ко всему нѣмецк
такую ожесточенную вражду, что она сдѣлалась теперь глав
шимъ препятствіемъ къ продолженію существованія Австрій
имперіи.

Но возвратимся къ Венгріи. Собственноручнымъ письмомъ
послѣдняго числа декабря 1851 года, Францъ-Іосифъ поло
основаніе новой централизаціонной системы управленія сво
владѣніями. Древнее политическое раздѣленіе Венгріи был
брошено, какъ несообразное съ этою системой. Слѣдуя
ру французской революціи, не потерпѣвшей существов

историческихъ провинцій Франціи и переломавшей страну на департаменты, обновленная Австрія признала нужнымъ перекроить Венгрію по вѣнскимъ выкройкамъ. Бо́льшая часть Венгріи составила одно намѣстничество и была раздѣлена на пять округовъ, при разграниченіи которыхъ не было обращено вниманія ни на историческое раздѣленіе страны, ни на національность жителей. Значительная область, отрѣзанная отъ Венгріи, образовала отдѣльную «коронную землю» подъ именемъ Сербской Войводины, потому что политическія соображенія совпали на этотъ разъ съ признаніемъ національности. Въ этихъ же видахъ адріатическое побережье, съ незапамятныхъ временъ принадлежавшее Венгріи, раздѣлено между Кроатіей и Славоніей. Трансильванія сдѣлана также особою провинціей. Въ каждой коронной землѣ былъ поставленъ во главѣ управленія губераторъ, или намѣстникъ, и ему предоставлена была такая громная власть, что онъ являлся начальникомъ не только чиовниковъ и учрежденій, подчиненныхъ ему, но цѣлой провинціи и всѣхъ ея жителей. Въ Венгріи такое положеніе губернатора было нѣчто небывалое и непонятное. Венгерцы привыкли смотрѣть на своего короля какъ на главу націи, но не считали даже его начальникомъ всѣхъ Венгерцевъ вмѣстѣ и каждаго порознь. Теперь они очутились подъ начальствомъ разныхъ генераловъ фельдмаршалъ-лейтенантовъ, которыхъ безъ ихъ вѣдома присылало къ нимъ вѣнское министерство, и эти подчиненные вѣнскаго министерства получили надъ ними болѣе власти нежели сколько имѣлъ прежде самъ король Венгріи. Но еще чувствительнѣе всѣмъ и каждому было то, что для поддержанія этой огромной власти въ странѣ, привыкшей къ своимъ политическимъ правамъ, надобно было совершенно уничтожить мѣстное самоуправленіе, до чрезмѣрности размножить чиновничество и снабдить это чиновничество полновластіемъ при исполненіи воли начальства. Система сосредоточенія власти въ однѣхъ рукахъ распространилась такимъ образомъ на самыхъ мелкихъ чиновниковъ, которые, находясь въ совершенной зависимости отъ своихъ начальниковъ, были господами страны. Къ довершенію всего, большинство этихъ чиновниковъ было взято изъ Нѣмцевъ, не знающихъ ни языка, ни обычаевъ населенія, отданнаго на ихъ произволъ, и не связанныхъ никакими общими интересами съ мѣстными обывателями. При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что для охраненія арміи чиновниковъ понадобилась еще другая армія жандармовъ. Когда Венгрія управлялась сама собой, полиція каждаго комитата была въ рукахъ комитатскихъ чиновниковъ, выбранныхъ изъ среды мѣстныхъ жителей и лично заинтересованныхъ въ охраненіи мира и порядка. Эта мѣстная полиція была уничтожена, когда Венгрія была объявлена въ военномъ поло-

Digitized by Google

женіи; охраненіе спокойствія было поручено военнымъ властямъ. Но такой порядокъ не могъ оставаться въ силѣ долгое время. Военные суды надобно было когда-нибудь замѣнить гражданскими судами, военныхъ командировъ и военную полицію—гражданскими властями и гражданскою полиціей. Тогда оказалось нужнымъ учредить корпусъ жандармовъ, стоившій Австріи громадныхъ издержекъ и продлившій на дѣлѣ военное положеніе подъ личиной мирнаго гражданскаго устройства. Такъ какъ жандармовъ было все-таки меньше чѣмъ сколько было солдатъ, то пришлось дать каждому рядовому жандарму почти столько же правъ, сколько было предоставлено военнымъ командирамъ во время военнаго положенія. Каждый жандармъ получилъ право арестовать кого бы то ни было по подозрѣнію, а для того чтобы жандармы дѣятельно пользовались этимъ правомъ, существованію котораго не будутъ вѣрить будущія поколѣнія, было постановлено, что за каждаго арестованнаго жандармъ получаетъ награду отъ 4 до 60 гульденовъ, смотря по наказанію, къ которому будетъ приговоренъ арестованный. Такимъ образомъ жандармы, кромѣ жалованья, получаютъ въ обновленной Австріи еще сдѣльныя деньги, и эта комбинированная система вознагражденія за службу, заимствованная у ремесленнаго промысла, не замедлила, конечно, принести тѣ плоды, которыхъ отъ нея ожидали. Офиціальныя данныя, обнародованныя самимъ австрійскимъ правительствомъ, показываютъ, что въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ сравнительно очень спокойнаго времени (отъ 1-го ноября 1856 до 31-го января 1857 года) было произведено 341.990 арестовъ и обвиненій со стороны жандармеріи въ Австрійской имперіи, а такъ какъ жандармы учреждены уже слишкомъ шесть лѣтъ тому назадъ, то можно полагать, что всѣхъ арестовъ и обвиненій было произведено за это время *не менѣе восьми съ половиной милліоновъ*. Вотъ до какихъ чудовищныхъ послѣдствій довела политика, не хотящая знать исторіи и твердо идущая къ однажды заданной фантастической цѣли! Послѣ того мудрено ли, что силы Австріи наконецъ окончательно истощились, и что сохраненіе единства имперіи, къ которому стремились вѣнскіе теоретики, сдѣлалось теперь гораздо труднѣе чѣмъ до 1848 года, когда еще не начинались ихъ политическіе эксперименты?

За политическими преобразованіями должны были послѣдовать судебныя. Все древнее венгерское законодательство и всѣ старинныя судилища Венгріи были снесены стремительнымъ органомъ реформы. Введенъ австрійскій кодексъ, составленный во времена Маріи-Терезіи и очень мало извѣстный даже венгерскимъ адвокатамъ, не только публикѣ; учреждены новые суды, которыхъ члены подлежатъ увольненію по волѣ вѣнскаго правительства и состоятъ по большей части изъ Нѣмцевъ. Дѣла, начавшіяся до

Digitized by Google

указа 29 ноября 1852 года, позволено рѣшать по старымъ законамъ Венгріи, но новые судьи не знаютъ старыхъ законовъ. Хаосъ, происшедшій отсюда, еще увеличивается безпрестанными измѣненіями въ судопроизводствѣ. Вѣнскіе теоретики, какъ мы уже не однократно замѣчали, имѣютъ страсть производить опыты. Они считаютъ себя гораздо выше публики и потому не спрашиваютъ ея мнѣнія. Исторію они презираютъ. Они смотрятъ въ будущее, въ великое будущее Австріи. Но такъ какъ само это великое будущее оказывается теперь призракомъ, то очень естественно, что всѣ попытки теоретиковъ идти, какъ говорятъ они, твердымъ шагомъ къ этому великому будущему, оказывались неудачными на опытѣ. За уставомъ, вводившимся въ видѣ опыта, являлся другой уставъ, тоже вводившійся въ видѣ опыта, за другимъ третій и т. д. По части судопроизводства было такъ много уставовъ и измѣненій въ уставахъ, что, по офиціальному свидѣтельству вѣнскихъ адвокатовъ, теперь никто не знаетъ дѣйствующихъ правилъ, и судья едва прочитываетъ новыходящія распоряженія министерства. Мѣсяца три тому назадъ вѣнская камера адвокатовъ вошла къ австрійскому министру юстиціи, графу Надашдю, съ офиціальнымъ представленіемъ, которое произвело большое впечатлѣніе. Подвергнувъ безпощадной критикѣ уставъ уголовнаго судопроизводства, изданный министромъ юстиціи Краусомъ, предшественникомъ графа Надашдя, камера адвокатовъ прямо порицаетъ нынѣшняго министра за то, что онъ беретъ на себя неблагодарный трудъ вычинивать этотъ негодный уставъ мелкими заплатками, которыя еще болѣе затрудняютъ дѣло судей и адвокатовъ. Вѣнскіе адвокаты открыто высказываются противъ половинныхъ мѣръ, многописанія и пренебреженія практическимъ опытомъ; они указываютъ министру на пагубныя послѣдствія теперешней путаницы для народной нравственности и для достоинства судьи. Они заключаютъ свое представленіе просьбой, чтобы министръ лучше совсѣмъ воздержался отъ новыхъ мѣръ, если нельзя ему сдѣлать что-нибудь дѣйствительно полезное и цѣльное: «эти хлопоты, говоритъ они, клонящіяся къ тому, чтобы какъ-нибудь и на нѣсколько дней поддержать порядокъ, оказывающійся несостоятельнымъ, причиняютъ только безконечное колебаніе и нараждаютъ апатію въ сословіи судей и адвокатовъ и неудовольствіе въ публикѣ; раны раздражаются, а не залѣчиваются; дѣло запутывается, не приводится въ порядокъ; законы не изучаются, ихъ едва прочитываютъ, и никто ихъ не уважаетъ.» Вѣнскіе адвокаты рекомендуютъ для уголовнаго процесса австрійскій уставъ 1850 года (министра Шмерлинга), для гражданскаго процесса—новый нюверскій уставъ. Въ австрійскихъ газетахъ было высказано

Digitized by Google

единодушное сочувствіе представленію вѣнской камеры адвокатовъ и единодушное порицаніе порядка, при которомъ, вслѣдствіе канцелярской и кабинетной изобрѣтательности, число формъ гражданскаго процесса возрасло до невѣроятной цифры 16, читай *шестнадцати*. Но если въ Вѣнѣ такъ велико недовольство этими порядками, то каково же должно быть недовольство Венгріи, привыкшей жить подъ своими національными законами и гордиться своими національными судьями? Въ другихъ странахъ Австріи эпоха возрожденія измѣнила многое и оставила нетронутыми нѣкоторыя постановленія, крайне стѣснительныя для общества и удобныя лишь для администраціи, отдѣляющей свое дѣло отъ дѣла общества. Таково напримѣръ правило, что дѣло, выигранное во всѣхъ инстанціяхъ суда, зависитъ еще отъ произвола министра внутреннихъ дѣлъ, потому что судебныя рѣшенія публикуются не иначе какъ съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ и не имѣютъ законной силы до своего опубликованія. Но въ другихъ частяхъ Австріи это постановленіе и другія подобныя ему были уже въ силѣ до 1848 года: публика могла желать или ожидать ихъ отмѣны и жаловаться на то, что отмѣна не состоялась, несмотря на наступившую эпоху возрожденія и обновленія Австріи. Въ Венгріи же такого рода стѣснительныя постановленія никогда не существовали; они были введены въ Венгріи для однообразія съ другими провинціями, для утвержденія австрійскаго государственнаго единства. Какое же чувство должно было возбуждаться въ венгерскихъ сердцахъ къ обновленной Австріи, когда австрійское единство нуждалось въ такихъ средствахъ для своего осуществленія?

Посмотримъ теперь на финансы. До 1848 года Венгрія жила подъ самымъ дешевымъ изъ всѣхъ правительствъ Европы, безъ исключеніемъ развѣ Швейцаріи, которая могла спорить съ Венгріей въ отношеніи дешевизны своей администраціи. Доходы Венгріи составляли около 15 милліоновъ рублей серебромъ, и изъ этой суммы только двѣ трети, то есть, около 10 милліоновъ шло на венгерскія издержки, а около 5 милліоновъ поступало въ казну императора. То, что собственно называется администраціей обходилось, благодаря самоуправленію, менѣе чѣмъ въ 2 милліона рублей; такъ что администрація стоила около 15 копѣекъ съ души венгерскихъ подданныхъ. Бо́льшая часть издержекъ шла на 17 полковъ пѣхоты и 12 полковъ гусаръ, которые Венгрія выставляла на службу императору. Таможенная система была стѣснительна, но къ чести Венгріи должно сказать, что еще на сеймѣ 1809 года было высказано одобреніе началу свободной торговли. Вѣнское правительство по-

Digitized by Google

нно противилось реформамъ венгерскаго тарифа, и дѣла авались по старому до 1850 года, когда таможенная граница ду Венгріей и другими землями Австріи была уничтожена, и грія вмѣстѣ съ ними была подчинена общему австрійскому фу, преобразовавшемуся правда въ 1851 году изъ запрети-наго въ покровительственный, но еще далекому отъ призна-благодѣтельнаго начала свободной торговли. Венгрія могла впрочемъ выиграть отъ таможеннаго соединенія съ Австріей; могла бы найдти на югѣ обширный сбытъ для своихъ земле-ьческихъ продуктовъ и получать оттуда мануфактурныя про-еденія по выгоднымъ цѣнамъ. Но и тутъ замѣшалась хитрая итика вѣнской школы унитаріевъ. Дабы содѣйствовать сбли-нію Венгріи съ нѣмецкими землями, вѣнское правительство ралось направить венгерскую торговлю на сѣверъ, и съ этою пію затрудняло сношенія Венгріи съ югомъ. Желѣзныя до-и строились сообразно съ этими видами, и сообразно съ ими же видами ничего не дѣлалось для улучшенія порта въ уме и для облегченія сообщеній между нимъ и Пештомъ. Рѣ-вшись такимъ образомъ гнуть экономическую жизнь Венгріи ту сторону, на которую указывали централизаціонные виды манизирующей политики, вѣнскіе министры облагали эконо-ческую жизнь Венгріи все бо́льшими и бо́льшими податями. 1848 году подати Австрійской имперіи составляли 120 мил-ионовъ гульденовъ; теперь они дошли до 280 милліоновъ, и тя Венгрію щадили въ Вѣнѣ болѣе нежели Богемію и италіи-скія провинціи, но возвышеніе налоговъ все-таки всего сильнѣе вствовалось въ Венгріи, потому что съ 1848 года по настоящее емя они почти *учетверились*. Трудно перечислить всѣ виды нало-въ, которые приду ывала въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ изобрѣ-тельность австрійскихъ министровъ. Сначала введенъ былъ на-гъ на доходы, потомъ явилась табачная монополія, какъ пода-къ политики, скрѣпляющій связи Венгріи съ Австріей; за тѣмъ ѣдовалъ акцизъ съ вина и спирта; далѣе подушная подать, слыханная въ Венгріи, наконецъ еще налоги на дома, на до-ги и мосты и, какъ вѣнецъ всего, государственная лоттерея, прежденіе, дающее государству монополію на азартную игру, торую законъ вездѣ преслѣдуетъ между частными лицами. Въ бавокъ, многія изъ этихъ податей взимались не иначе какъ звон-ою монетой, которая ходила съ большимъ лажемъ, и взыски-лись не въ опредѣленные сроки, а когда чиновники находили я себя удобнымъ требовать ихъ взноса. При громадной вели-инѣ податей это правило необходимо, потому что надобно ользоваться минутой, когда плательщики имѣютъ въ своихъ ру-ахъ деньги. Но съ другой стороны предоставленіе такого про-

Digitized by Google

извола чиновникамъ подавало поводъ къ безчисленнымъ придиркамъ и вымогательствомъ. Венгерскіе помѣщики почти не получали дохода съ своихъ имѣній; они жили по большей части тѣми деньгами, которыя приходились на ихъ долю въ вознагражденіе за выкупъ крестьянскихъ земель, но и эти деньги выдавались помѣщикамъ бумажками, тогда какъ подати, какъ мы сказали, взыскивались по большей части звонкою монетой. Словомъ, нельзя придумать признаковъ недоброжелательства болѣе явственныхъ и разительныхъ, чѣмъ тѣ, которые видѣла венгерская нація въ дѣйствіяхъ вѣнскаго правительства.

Таково было состояніе Венгріи лѣтомъ прошлаго года. Ни одинъ наблюдатель, конечно, не могъ не удивляться тому, что Венгрія смотрѣла спокойно на національное движеніе Италіи. Она не тронулась во время италіянской войны. Она даже ничѣмъ не явила о своемъ недовольствѣ; она не жаловалась, она молчала. Но вслѣдъ за окончаніемъ италіянской войны произошла совершенная и самая неожиданная перемѣна. Если, нельзя было не удивляться наружному спокойствію Венгріи въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ, если при поверхностномъ взглядѣ на Венгрію нельзя было не подумать, что это страна совершенно подавленная и покорившаяся своей судьбѣ, то тѣмъ болѣе удивительно неожиданное превращеніе, которое совершилось съ Венгріей въ продолженіи двѣнадцати мѣсяцевъ, отъ іюля 1859 года до іюля 1860 года. Какимъ образомъ объяснить, что страна, показавшая нынѣшнимъ лѣтомъ такую силу пассивнаго сопротивленія, такую непоколебимую вѣру въ свое будущее, такое небывалое прежде единодушіе въ своихъ ожиданіяхъ и требованіяхъ, могла такъ долго оставаться спокойною и покидимому совершенно подчиняться ходу дѣлъ, противъ котораго она теперь протестуетъ какъ одинъ человѣкъ? Намъ кажется, есть много объясненій и того обманчиваго усыпленія и этого внезапнаго пробужденія Венгріи. Прежде всего надобно имѣть въ виду, что Венгрія, благодаря своей продолжительной политической жизни, считала въ средѣ своей значительное число людей, имѣющихъ политическую опытность и умѣющихъ вѣрно судить о возможности или невозможности того или другаго политическаго предпріятія. Политическій смыслъ настолько распространенъ въ среднихъ и высшихъ классахъ венгерскаго общества, что Венгрія не могла не обладать искусствомъ выжиданія, этимъ великимъ орудіемъ успѣха на политическомъ поприщѣ. А выжиданіе на этотъ разъ было необходимо по многимъ причинамъ. Наполеоновская поговорка: *война питаетъ войну*, отчасти справедлива и относительно той внутренней потаенной войны между правительствомъ и народомъ, которая происходила въ Австріи. Военное положеніе, жандармы, разливъ бюрократіи, все это с

Digitized by Google

a longue должно было истощить силы Австріи, но внови все го должно было усилить средства австрійскаго правительства, было бы не разчетливо возставать противъ этой системы, не авъ ей совершить свой естественный циклъ, который не могъ е привести ея къ совершенной несостоятельности. Но возста- ать противъ этой системы было не только неразчетливо, пока силы встріи еще не успѣли истощиться; возставать было и невозможно въ енгріи, прежде нежели произошло примиреніе ея политическихъ артій, и прежде нежели враждебныя національности, живущія въ редѣлахъ старинной Венгерской Короны, возымѣли наклонность къ заимному сближенію для совокупнаго отпора притязаніямъ вѣнской рманизирующей централизаціи. Нужно было продолжительное йствіе новой австрійской системы, чтобы расчистилась почва, на оторой возможно это сближеніе. Взаимная національная нена- сть была сильно возбуждена событіями 1848 года и многочи- енными ошибками тогдашнихъ венгерскихъ вождей. Возстанов- ніе Австріи было дѣломъ этой взаимной ненависти, и подавить у взаимную ненависть могла только сильнѣйшая ненависть къ му, что выходило изъ Вѣны. Славяне, поддержавшіе подав- ій габсбургскій тронъ, должны были испытать цѣлый рядъ йствій, внушенныхъ презрѣніемъ къ славянской народности, и должны были увидѣть, что и обновленная Австрія ставила ъ, спасителей всѣхъ, ниже Венгерцевъ, своихъ враговъ. На- бно было Славянамъ пережить все это, чтобъ они могли быть мадьярское зло и подать руку прежнимъ своимъ угнета- лямъ. Событія показали между тѣмъ, что Венгрія безсильна отивъ Австріи, если имѣетъ противъ себя Славянъ, а потому ководители венгерской оппозиціи должны были выжидать мед- ленныхъ успѣховъ процесса примиренія Венгріи съ Славянами. аконецъ, нельзя отрицать и того, что венгерское движеніе на- дится въ очевидной связи съ италіянскимъ движеніемъ. Если обытія, теперь происходящія, совершаются какъ бы по велѣнію кой-то невидимой силы, то все заставляетъ думать, что эта не- димая сила отнюдь не принадлежитъ къ области чудеснаго, что ть хорошо разчитанный планъ въ теперешнемъ народномъ движе- и. Все идетъ словно по маслу, со стройностію и легкостію, какой це никогда не имѣли народныя движенія. Можно ли полагать, что о простой случай?

Первый поводъ къ волненіямъ въ Венгріи подало впрочемъ само встрійское правительство. 15-го іюля 1859 года, тотчасъ же окончаніи войны, императоръ издалъ прокламацію, въ кото- й объявлялъ своимъ народамъ, что господствовавшая доселѣ Австріи провизорная форма правленія будетъ въ скоромъ вре- ни замѣнена постоянными законами, и что при составленіи

Digitized by Google

этихъ законовъ будутъ приняты во вниманіе законныя желанія народовъ Австрійской имперіи. Эта прокламація возбудила надежды, и отъ новыхъ законовъ всѣ ожидали децентрализаціи. Венгрія въ особенности должна была смотрѣть въ этомъ смыслѣ на обѣщанныя реформы. Она переносила существовавшій въ ней порядокъ какъ нѣчто временное, переходное, но отъ постоянныхъ законовъ она считала себя въ правѣ требовать, чтобъ они были издаваемы въ законной формѣ, то-есть съ согласія венгерскаго сейма. Для Венгріи не могло быть и рѣчи о постоянныхъ законахъ безъ возстановленія сейма. Само австрійское правительство признавало это, и всѣ указы императора Франца-Іосифа начинались словами: «Императоръ временно повелѣваетъ». Но несмотря на то, австрійскій кабинетъ рѣшился предпринять изданіе постоянныхъ законовъ для всей имперіи, не возстановляя венгерскаго сейма, такъ что все новое законодательство должно было истекать изъ полноты власти императора. Для предварительнаго разсмотрѣнія законовъ были учреждены комиссіи довѣренныхъ лицъ, *Vertrauensmänner*, назначавшихся правительствомъ. Между тѣмъ какъ въ другихъ австрійскихъ земляхъ эти комиссіи собирались и обсуждали проектъ закона объ устройствѣ общинъ, въ Венгріи нельзя было найдти довѣренныхъ лицъ, которые согласились бы взять на себя обсужденіе этого закона. Лица, которыхъ правительство имѣло въ виду, объявили, что право разсматривать проекты постоянныхъ законовъ принадлежитъ исключительно сейму. Такимъ образомъ не оставалось ничего болѣе какъ издавать законы, не подвергая ихъ предварительному обсужденію. Этимъ порядкомъ былъ дѣйствительно изданъ чрезвычайно важный законъ о протестантахъ. Онъ явился 1 сентября 1859 года въ видѣ императорскаго патента и послужилъ первымъ поводомъ ко всеобщему волненію въ Венгріи.

Надобно сказать, что въ Венгріи протестанты издавна пользовались религіозною свободой. Протестантизмъ сдѣлалъ тамъ первоначально огромные успѣхи. При Фердинандѣ I, было только три фамиліи магнатовъ, которыя исповѣдывали католицизмъ; все дворянство и значительная часть народа были протестантскаго вѣроисповѣданія. Но уже Фердинандъ I ввелъ въ Венгрію іезуитовъ, и ихъ появленіе повело за собой извѣстныя послѣдствія. Протестанты нѣсколько разъ прибѣгали къ оружію въ защиту начала, которое еще въ XVI вѣкѣ было провозглашено въ седмиградскомъ сеймѣ,—начала, что никто не подлежитъ преслѣдованію за свои религіозныя убѣжденія. Такъ при Рудольфѣ князь Стефанъ Бочкай велъ съ императорскими войсками войну, окончившуюся въ 1606 году вѣнскимъ миромъ, который составляетъ основаніе правъ венгерскаго протестантизма. Католи-

Digitized by Google

кому духовенству и іезуитамъ удалось однакожь одержать верхъ
ри Фердинандѣ III. Тридцать фамилій магнатовъ перешли тогда
ь католицизмъ и явились исполнителями плановъ Леопольда I,
ювившихся къ искорененію протестантизма въ Венгріи. Въ
слѣ этихъ фамилій была фамилія Эстергази, которая обязана
оимъ громаднымъ богатствомъ милостямъ императоровъ, награ-
давшихъ ея членовъ за вѣрную службу дѣлу католицизма.
рочемъ не Венгрія произвела самаго жестокаго преслѣдова-
ля венгерскихъ протестантовъ: самымъ злобнымъ гонителемъ
отестантизма, какого только знала Венгрія, былъ Италіянецъ
раффа. По его доносамъ и слѣдствіямъ Леопольдъ I четверто-
ъ венгерскихъ дворянъ-протестантовъ. Но что особенно ха-
ктеризуетъ Венгрію, главнымъ защитникомъ протестантовъ
лся въ это время набожный католикъ Францъ Ракоцъ, князь
миградскій. Два раза Трансильванія вела войну, сначала съ
рдинандомъ III, потомъ съ Леопольдомъ I и его преемникомъ
сифомъ I. Первая изъ этихъ войнъ окончилась линцскимъ миромъ
45 года; вторая, девятилѣтняя, знаменитымъ Сатмарскимъ ми-
мъ. Этими мирными трактами были утверждены права проте-
антовъ. Но и послѣ того императоры не всегда соблюдали
ку трактатовъ, хотя и признавали ихъ на словахъ. Преслѣдова-
протестантовъ продолжались даже при Маріи-Терезіи: проте-
анты подвергались многимъ тяжкимъ и невѣроятнымъ стѣсне-
мъ; они должны были соблюдать католическіе праздники, имъ
позволяли строить новыя церкви и т. п. Но внутреннее управ-
леніе церковными дѣлами всегда принадлежало самимъ протe-
антамъ, и правительство никогда не вмѣшивалось въ дѣла ихъ
вѣсти, ограничиваясь верховнымъ надзоромъ, такъ-называе-
мъ *jus supremae inspectionis regiae*.

Церковное устройство, бывшее въ силѣ у венгерскихъ проте-
антовъ до 1848 года, установлено протестантскимъ синодомъ,
бравшимся въ 1790 и 1791 годахъ, при императорѣ Лео-
льдѣ II. Оно опирается на мирные трактаты 1606 и 1645 года
слѣдовательно принадлежитъ не только къ внутреннему австрій-
ому, но и къ международному праву, а потому не удивительно,
о венгерскіе протестанты не считаютъ за императоромъ Фран-
мъ-Іосифомъ права измѣнять это устройство безъ ихъ вѣдома.
авныя черты его состоятъ въ слѣдующемъ:

Каждый приходъ самъ выбираетъ своего пастора и свѣтскаго
спектора, или попечителя прихода. Кромѣ того, въ каждомъ
иходѣ есть совѣтъ старшинъ, также избираемыхъ прихожа-
ми. Этотъ совѣтъ называется *пресбитеріумомъ*, или *consilium*
um. Въ соединеніи съ остальными прихожанами, этотъ со-
тъ образуетъ собою такъ-называемый *конвентъ* прихода.

Digitized by Google

Нѣсколько приходовъ составляютъ округъ, или *сеніорать*, во главѣ котораго стоятъ *сеніоръ* изъ пасторовъ и свѣтскій инспекторъ *сеніората*.

Изъ нѣсколькихъ *сеніоратовъ* слагается *суперинтендентство*. Въ суперинтендентствѣ есть также свой духовный предстоятель суперинтендентъ, и свѣтскій предстоятель, инспекторъ, или попечитель суперинтендентства. Въ судебныхъ дѣлахъ сеніоратъ составляетъ первую инстанцію, суперинтендентство — вторую. Суперинтенденствъ въ Венгріи четыре для аугсбургскаго исповѣданія, и четыре для гельветическаго.

Протестанты аугсбургскаго исповѣданія имѣютъ, кромѣ того, во главѣ своей свѣтскаго генералъ-инспектора, который избирается голосами отъ всѣхъ приходовъ и предсѣдательствуетъ на генеральномъ конвентѣ всѣхъ четырехъ суперинтендентствъ аугсбургскаго исповѣданія. Этотъ генеральный конвентъ есть аппеляціонный судъ въ церковныхъ дѣлахъ и имѣетъ право высшаго управленія всѣми церковными дѣлами. Но законодательная власть принадлежитъ, какъ у протестантовъ аугсбургскаго исповѣданія, такъ и у реформатовъ исключительно синоду, то-есть общему съѣзду представителей церкви.

Таково было устройство обѣихъ протестантскихъ церквей до 1850 года. Оно было отмѣнено эдиктомъ Гайнау. Всѣ суперинтенденты аугсбургскаго исповѣданія были уволены, а на ихъ мѣсто и на мѣсто инспекторовъ назначены новыя лица, по усмотрѣнію фельдмаршала. Кромѣ того, были измѣнены границы суперинтендентствъ, сообразно съ границами военныхъ округовъ. Протестанты обоихъ вѣроисповѣданій подверглись несчетнымъ стѣсненіямъ, которыя описывать было бы слишкомъ долго. Эти стѣсненія были тѣмъ болѣе чувствительны протестантамъ Венгріи, что ни въ одной католической странѣ протестанты не могли такъ привыкнуть къ религіозной свободѣ, какъ въ Венгріи, гдѣ въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ права ихъ были строго соблюдаемы, и католическое духовенство уживалось съ ними въ мирѣ. Протестанты утѣшали себя тѣмъ, что распоряженія фельдмаршала Гайнау были временныя, что они были вызваны военными соображеніями, и что съ минованіемъ надобности они будутъ отмѣнены, а протестантской церкви двухъ исповѣданій будетъ возвращена прежняя, на трактатахъ основанная свобода.

Императорскій патентъ 1-го сентября 1859 года разсѣялъ эти надежды. Онъ показалъ протестантамъ, что императоръ признаетъ своимъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ графомъ Туномъ, исповѣдующимъ католицизмъ, право составлять законы, касающіеся внутренняго устройства протестантской церкви, не только въ другихъ частяхъ имперіи, но и въ Венгріи. Но-

Digitized by Google

ъ 1-го сентября былъ изданъ для всей имперіи; было пред-
ано, чтобы приходы собрались и объявили, подчиняются ли
патенту. Только цѣной этого подчиненія могли они освобо-
ся отъ тягостнаго дѣйствія эдикта фельдмаршала Гайнау, и
брѣсти право на то, чтобы ихъ пасторы и учителя полу-
жалованье изъ государственной казны.

тентъ 1-го сентября давалъ протестантамъ множество правъ,
рыхъ они были лишены, съ тѣхъ поръ какъ эдиктъ Гайнау
лся для нихъ церковнымъ закономъ. Патенту 1-го сентября
зя отказать въ нѣкоторомъ либерализмѣ, если смотрѣть на
какъ на общій законъ для всѣхъ протестантовъ Австрій-
имперіи; въ другихъ коронныхъ земляхъ онъ даровалъ про-
нтамъ права, которыхъ они не имѣли, но онъ произво-
совершенное преобразованіе въ устройствѣ венгерской
естантской церкви. Вмѣсто пресбитеріяльнаго управленія
вводилъ консисторіяльное управленіе; онъ усиливалъ влія-
уховенства на дѣла церкви и стѣснялъ значеніе свѣтскихъ
овныхъ властей и прихожанъ; возвышая такимъ образомъ ду-
ство и ставя его въ антагонизмъ съ мірянами, онъ съ дру-
тороны подчинялъ духовенство государственной власти. Онъ
чалъ пасторамъ казенное жалованье и требовалъ, чтобы каж-
уховное лицо и каждый церковный сановникъ были утвер-
ны правительствомъ. Наконецъ, если бы этотъ патентъ возы-
силу закона, онъ былъ бы прецедентомъ для дальнѣй-
законодательныхъ мѣръ австрійскаго правительства по ду-
мъ дѣламъ; венгерская протестантская церковь, подчинив-
патенту 1-го сентября, тѣмъ самымъ отреклась бы отъ пра-
конодательства, которое ей издавна принадлежало. Поэтому
десятая часть протестантскаго народонаселенія Венгріи под-
лась патенту; большинство предпочло оставаться подъ гне-
эдикта Гайнау, выжидая лучшаго будущаго.

такимъ результатамъ дѣло пришло послѣ продолжительной
бы. На словахъ правительство предоставляло протестантамъ
му примкнуть или не примыкать къ патенту 1-го сентября. Но
мные чиновники не могли воздержать свое усердіе и стали
нимать мѣры къ побужденію протестантовъ воспользоваться
ршею милостью. Начались преслѣдованія и аресты, подъ
предлогомъ, что сопротивленіе патенту есть дѣло партіи,
ка немногихъ зачинщиковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вѣнское
ительство смотрѣло довольно благосклонно на эти проявле-
иновничьяго усердія. Оно дозволяло начинать процессы
въ людей, позволявшихъ себѣ высказываться противъ па-
на приходскихъ и окружныхъ конвентахъ. Первый изъ
ентовъ, собравшійся по обнародованіи патента, былъ въ Кеш-

Digitized by Google

маркѣ, 27 сентября. На этомъ конвентѣ единогласно постановили, что патентъ противорѣчитъ мирнымъ трактатамъ вѣнскому и линцскому и закону 1790 года, и опредѣлили просить императора о созваніи синода. На единодушіе этого рѣшенія имѣло сильное вліяніе рѣчь г. Жедени, и г. Жедени, съ быстротой, необыкновенною въ австрійскихъ судахъ, былъ тотчасъ же приговоренъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, потерѣ титула надворнаго совѣтника и пенсіона въ 4000 гульденовъ, которымъ онъ пользовался за свою службу. За тѣмъ открытъ процессъ *monstre* противъ 130 человѣкъ изъ числа лицъ, собравшихся въ Кешмаркѣ; ихъ всѣхъ потянули по плохимъ осеннимъ дорогамъ въ Кашау къ суду, и многіе изъ нихъ приговорены къ наказаніямъ, которыя назначаются лишь закоренѣлымъ преступникамъ, нечувствительнымъ къ простому тюремному заключенію: такъ напримѣръ профессоръ Палькеви былъ приговоренъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію съ лишеніемъ пищи по одному разу въ недѣлю. Кешмаркская исторія повторилась и въ другихъ мѣстахъ Венгріи, и лишь послѣ восьмимѣсячныхъ опытовъ этого рода, правительство убѣдилось, что протестантское движеніе не есть интрига немногихъ зачинщиковъ, и 15-го мая нынѣшняго года императоръ далъ наконецъ генералу Бенедеку, генералъ-губернатору Венгріи, рескриптъ, разрѣшающій протестантамъ, не подчинившимся патенту 1-го сентября, церковныя сходки и избраніе церковныхъ властей на основаніи прежнихъ законовъ Венгріи.

Вопросъ о патентѣ былъ, какъ мы сказали, поводомъ къ всеобщему волненію въ Венгріи. Съ прошлаго сентября, при всякомъ самомъ ничтожномъ случаѣ, проявлялся опозиціонный духъ націи, и каждая мѣра полиціи вызывала въ обществѣ реакцію, заставлявшую правительство сожалѣть, что мѣра эта была принята. Запрещали собраніе въ одномъ мѣстѣ, и тотчасъ же гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ сходилось еще болѣе многолюдное собраніе. На видъ въ этихъ манифестаціяхъ было много дѣтскаго, но въ сущности онѣ имѣли очень серіозное значеніе, потому что цѣлію ихъ было показать правительству, до какой степени стало единодушно венгерское общество. На невинныхъ мелочахъ, каковы напримѣръ ношеніе венгерскаго платья, пѣніе національной пѣсни *Созатъ*, служеніе панихидъ по графѣ Сечени, или по студентѣ, который былъ застрѣленъ пештскою полиціей,—на этихъ невинныхъ мелочахъ австрійское правительство должно было видѣть, что вся Венгрія принимаетъ участіе въ манифестаціяхъ, направленныхъ противъ Австріи, и отъ участія въ этихъ манифестаціяхъ не уклоняются и тѣ люди, которые прежде считались наиболѣе преданными австрійскому правительству и служили ему противъ своей страны въ 1848 и 1849 годахъ.

Digitized by Google

нтателямъ нашимъ извѣстно, что австрійское правительство
нецъ убѣдилось въ серіозности положенія дѣлъ и рѣшилось
ерiозныя уступки. Въ скоромъ времени обстоятельства дол-
показать намъ, къ чему поведутъ эти уступки, дѣлаемыя,
а уже наступилъ одиннадцатый часъ. Не думая предварять
тія, мы позволимъ себѣ высказать заключеніе, которое само
й представляется какъ результатъ прошедшей исторіи странъ,
щихъ около дунайскаго бассейна.

и страны населены народами, разнохарактерными по языку, нра-
и историческимъ воспоминаніямъ, народами, которые такъ пе-
шаны между собой, что не можетъ быть серіозной мысли о
раздѣльной политической жизни. Соединеніе ихъ въ одно по-
ческое цѣлое составляетъ историческую необходимость, осно-
ую и на самой ихъ разнохарактерности, и на географиче-
ь условіяхъ мѣстности, ими обитаемой. Въ то же время су-
вованіе сильнаго государства въ этихъ мѣстахъ есть необ-
ая потребность европейскаго равновѣсія. Но для того чтобы
ти разнородные элементы могли уживаться въ одномъ госу-
вѣ, необходима совершенная децентрализація этого госу-
ва, не исключающая впрочемъ сильнаго политическаго един-

Это единственный путь, на которомъ Австрія можетъ вы-
ть свое историческое назначеніе и достигнуть прежняго
о могущества. Общественное мнѣніе, по скольку оно могло
ываться, давно уже указывало на него во всѣхъ углахъ Ав-
ской имперіи. Но вѣнское правительство оставалось глухо
имъ голосамъ и тратило всѣ силы имперіи на производство
рализаціонныхъ опытовъ, которые истощали австрійскіе фи-
ы и раздражали подданныхъ противъ правительства. Теперь
раженіе дошло до крайнихъ своихъ предѣловъ, а между тѣмъ
кое законодательство, въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ, ус-
разрушить почти всѣ элементы децентрализаціи, сохранявъ-
, какъ наслѣдіе исторіи, въ прежнемъ австрійскомъ государ-
номъ устройствѣ. Теперь уже нѣтъ старой Австріи, кото-
не трудно было бы преобразовать согласно требованіямъ
ю времени; теперь преобразованію подлежитъ уже не старая
рія, а Австрія обновленная, представляющая собой противо-
ный полюсъ того, что̀ требуется теперешними обстоятель-
ми. Въ 1848 или 1849 году была бы возможна реформа, опи-
лася на существующій порядокъ; въ 1860 году нужна ко-
ая реформа, которая должна состоять и въ возвращеніи къ
ней исторіи, отъ которой новая Австрія оторвалась, и въ удо-
бореніи настоятельнымъ требованіямъ новаго времени. Теперь
бно считаться и съ историческими правами, и съ національ-
ми внутри имперіи, и съ самою централизаціей, которая

Digitized by Google

составляетъ существующій фактъ государственнаго устройства надобно, кромѣ того, устроиться такъ, чтобы привести къ доброму исходу и разрѣшеніе вопросовъ италіянскаго, и восточнаго, и ряду съ которыми не замедлитъ явиться и вопросъ о германскомъ единствѣ, уже теперь сильно агитируемый, и не могущій не возникнуть съ новою силой, когда Италіянцы достигнутъ политическаго единства, и примѣръ ихъ будетъ возбуждать нѣмецкія патріотическія чувства. Со всѣми этими вопросами Австрія должна будетъ управиться среди небывалаго прежде раздраженія большей части своихъ подданныхъ. Если коренныя реформы суть самое тяжкое испытаніе для государства даже при благопріятныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствахъ, то какъ надѣяться на счастливый исходъ коренныхъ реформъ въ государствѣ, котораго всѣ члены болѣютъ, и которое имѣетъ столько горючихъ элементовъ въ сосѣдствѣ? Внѣшнія дѣла требуютъ, чтобъ Австрія содержала большую армію; бюджетный комитетъ австрійскаго государственнаго совѣта не нашелъ возможнымъ сократить расходы на австрійскія военныя силы, а между тѣмъ нельзя не видѣть, что равновѣсіе между государственными доходами и расходами все-таки не можетъ быть возстановлено безъ сокращенія военнаго бюджета. Если же будутъ уменьшены военныя силы, то не поведетъ ли это къ ослабленію Австріи и внѣ и внутри, не ободритъ ли это ея многочисленныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и не нарушитъ ли это европейскаго равновѣсія? Съ другой стороны, если австрійское правительство будетъ содержать по прежнему громадную армію, то когда будетъ конецъ хроническому австрійскому дефициту, и въ чемъ найдутъ австрійскія коронныя земли гарантію противъ возвращенія централизаціонной системы?

Весь этотъ рой сомнѣній, которыя сами собой представляются при взглядѣ на теперешнее положеніе Австріи, возбуждаетъ сильное опасеніе за успѣшность австрійскихъ реформъ и за продолжительность существованія Австрійской имперіи. Но если Австріи суждено распасться, какіе элементы завѣщаетъ она будущей дунайской конфедераціи? Мы говоримъ: конфедераціи, потому что никакая другая политическая форма невозможна въ этихъ странахъ. Своеобразность отдѣльныхъ группъ и необходимость политическаго единства, эти два коренныя требованія, возникшія изъ мѣстныхъ обстоятельствъ, могутъ быть примирены только конфедеративнымъ устройствомъ, въ родѣ того, на которое указываетъ баронъ Этвешъ въ книгѣ, не разъ уже упомянувшейся на страницахъ *Русскаго Вѣстника: Die Garantieen der Macht und Einheit Oesterreichs* (Lpz. 1859). Нельзя отрицать, что конфедеративное государство, уважающее историческую и

Digitized by Google

нальную своеобразность своихъ частей, и на столько единое
и сильное, чтобы давать имъ полную защиту отъ властолю-
бія сосѣдей, нельзя отрицать, говоримъ, что такое федеративное
государство было бы благодѣтельнымъ явленіемъ для централь-
ной Европы, что оно могло бы обезпечить европейское равно-
вѣсіе и имѣло бы великую притягательную силу, не имѣя ни по-
нужденій, ни возможности дѣйствовать властолюбиво. Западные
славяне заняли бы въ этой дунайской конфедераціи то мѣсто, на кото-
рое они имѣютъ всѣ права, и которое обезпечило бы имъ возмож-
ность національной жизни. Нѣмецкіе элементы Австріи, выдѣлив-
шись изъ теперешняго политическаго соединенія своего съ разно-
племеннымъ населеніемъ нижняго Дуная, могли бы тѣснѣе при-
мкнуть къ остальной Германіи, и Германія, нашедши наконецъ свое
національное единство, можетъ-быть успокоилась бы отъ тревож-
ныхъ порывовъ къ захватамъ, которые, въ продолженіи цѣлаго по-
ловины тысячелѣтія, отвлекали ее отъ устройства ея собственныхъ
дѣлъ. Такова блистательная перспектива, которая является те-
перь воображенію многихъ политическихъ людей въ Европѣ... Но
нельзя не видѣть, что и къ ея осуществленію представляются
многія препятствія, не легко преодолимыя. Теперь нѣмецкій эле-
ментъ соединяетъ народы Австріи подъ своимъ политическимъ
предводительствомъ. Если онъ будетъ элиминированъ, то что
займетъ на его мѣсто? что будетъ соединять Мадьяровъ, Румыновъ,
славянъ, которые и сами раздѣлены на нарѣчія, почти не пони-
мающія другъ друга? Прежде въ Венгріи былъ одинъ общій по-
литическій языкъ—латинскій. На немъ совѣщались въ венгерскомъ
сеймѣ, онъ употреблялся въ дѣлопроизводствѣ. Пятьдесятъ лѣтъ
тому назадъ, даже дамы говорили въ Венгріи по-латыни. Этотъ
остатокъ средневѣковой старины имѣлъ очень большое значеніе
въ томъ отношеніи, что благодаря всеобщему употребленію ла-
тинскаго языка, ни одинъ изъ живыхъ языковъ этихъ странъ не
господствовалъ надъ другими. Это, повидимому, малозначительное
обстоятельство устраняло вражду или, по крайней мѣрѣ, соперни-
чество народностей. Но это средство соглашенія народностей,
удобное въ свое время, теперь, при дальнѣйшемъ развитіи народ-
ной жизни, сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ. Политическимъ
языкомъ въ наше время можетъ быть только живой языкъ, и
слѣдовательно общимъ политическимъ языкомъ дунайскаго кон-
федеративнаго государства, языкомъ его правительства, его общаго
сейма, наконецъ его высшаго общества долженъ быть какой-ни-
будь изъ живыхъ языковъ, говоримыхъ племенами, живущими на
немъ. Но какой языкъ достигнетъ этой чести? Согласятся ли
славяне и Румыны, чтобъ этимъ общимъ политическимъ языкомъ
былъ мадьярскій языкъ? Еслибъ они и хотѣли того, то они не мо-

Digitized by Google

гутъ, потому что мадьярскій языкъ имъ неизвѣстенъ. Точно такъ славянскія нарѣчія не знакомы Мадьярамъ и Румынамъ, да и между Славянами, живущими на Дунаѣ, едва ли возможно соглашеніе насчетъ нарѣчія, которому должно быть отдано предпочтеніе. Болгаринъ и Чехъ могутъ разговаривать между собой развѣ только по-русски.

Исторія не допустила доселѣ, чтобъ изъ народовъ, живущихъ вдоль по нижнему теченію Дуная, сложился одинъ народъ, который соединилъ бы ихъ въ себѣ какъ свои элементы. Всѣ дунайскія народности показали неимовѣрную живучесть, сопротивлявшуюся сліянію, несмотря на продолжительную совмѣстную жизнь этой пестрой помѣси племенъ. Что они должны и впредь жить вмѣстѣ, составлять одно государство, или одну тѣсную федерацію, это не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, но до сихъ поръ видна одна только прочная связующая сила, могущая служить основаніемъ политическаго единства въ этихъ странахъ: эта сила есть единство экономическихъ интересовъ, обусловленное географическими данными дунайскаго бассейна. Чѣмъ свободнѣе будетъ развиваться экономическая жизнь этихъ странъ, тѣмъ прочнѣе будетъ ихъ единство, тѣмъ слабѣе будетъ антагонизмъ народностей, тѣмъ справедливѣе установится фактическое первенство какой-нибудь одной изъ нихъ. Мы имѣемъ всѣ права думать, что на этомъ пути первенство должно достаться на долю славянскаго племени.

Великія потрясенія неизбѣжны въ этихъ странахъ. Сила исторической необходимости, до сихъ поръ поддерживавшая Австрію, должна или сохранить Австрію, преобразивъ ее, или замѣнить Австрію другою политическою формаціей. И въ томъ и въ другомъ случаѣ несомнѣнно, что наши соплеменники Словяне, выиграютъ отъ новаго хода дѣлъ. Венгрія стоитъ теперь на первомъ планѣ, какъ ближайшая внутренняя противница Австріи, но Венгрія не можетъ восторжествовать, не допустивъ Славянъ къ участію въ своемъ торжествѣ.

ИТАЛІЯНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Второй актъ италіянскаго движенія конченъ. Гарибальди въ Неаполѣ. Движеніе его отъ Реджіо на Козенцу и Салерно въ Неаполь было какимъ-то торжественнымъ шествіемъ. Народонаселеніе встрѣчало его съ восторгомъ и вооруженными толпами присоединялось къ его арміи; неаполитанскія войска таяли на пути его, или бро-

Digitized by Google

ружіе и разсѣявшись по домамъ, или же переходя на сторону
атора *Обѣихъ Сицилій* цѣлыми бригадами и дивизіями. Король
илъ тронъ свой тайкомъ. Вскорѣ послѣ своей несчастной
итуціи, предвидя успѣхи Гарибальди и замѣчая непріязнен-
движеніе въ цѣломъ народонаселеніи, Франциск ъ могъ еще
добровольно отречься отъ престола и предоставить народу
ать себѣ достойнѣйшаго правителя: но на это у него не
ло духу. Онъ могъ еще и защищаться до послѣдней ми-
и если пасть, то пасть на полѣ битвы, но и на это онъ не
лся, и заблаговременно отправилъ изъ Неаполя всѣ свои драго-
сти. Вообще въ столицѣ и во всемъ королевствѣ, до прибытія
альди, царствовалъ совершеннѣйшій хаосъ. Вслѣдъ за высад-
ктатора, кромѣ обѣихъ Калабрій, Капитаната, Базиликаты и
спыхнуло возстаніе и въ сѣверныхъ провинціяхъ Неаполя, въ
щахъ. Войска, посылаемыя для подавленія этихъ возстаній,
вались идти подъ разными пустыми предлогами; генералы и
ры отдавали королю свои шпаги, отказываясь командовать въ
противъ италіянскихъ патріотовъ, и сажаемы были за это
докъ С.-Эльмо. Дядя короля, графъ Аквила, сильно выдви-
вперед ъ либерализмъ свой, высылается изъ Неаполя, и
аетъ теперь себѣ домъ въ Парижѣ. Другой дядя, графъ
узскій, пишетъ къ королю письмо, въ которомъ убѣждаетъ
ступить волѣ народа и отречься отъ престола, а самъ ѣдетъ
ственнику своему, королю Виктору-Эммануилу въ Туринъ,
о и принимаютъ съ подобающими почестями. Самые жаркіе
рженцы стараго порядка вещей становятся его злѣйшими
и: изворачивая пословицу и какъ бы утверждая, что «лежа-
о и бить», дѣлаютъ volte face и протягиваютъ руку новымъ
ь и новому порядку. Бывшій министръ финансовъ, генералъ
анте, самый заклятой врагъ свободы и дѣятельнѣйшій слуга
ей системы, старается самъ совратить войска, такъ недавно
авшія подъ его командой, съ пути долга и присяги: онъ пи-
съ нимъ воззваніе, гдѣ говоритъ, что былъ слѣпъ и теперь
лъ, что онъ былъ вѣрнымъ защитникомъ короля, пока Прови-
терпѣло раздѣленную Италію, но что теперь его патріо-
его покорность волѣ Провидѣнія повелѣваютъ ему, *подъ
омъ стать измѣнникомъ*, покориться рѣшенію самого Бога.
о примѣровъ низости представляетъ собою исторія, гово-
по этому поводу *Indépendance Belge*; особенно много вѣро-
а видѣли мы въ послѣднія десять лѣтъ; но, кажется, ни-
ичего еще не было подобнаго тому, что совершается
въ Неаполѣ.» Напротивъ того, люди искренно и добро-
но преданные монархіи и династіи, но которыхъ она пре-
ала за либеральный образъ мыслей, являются теперь, въ тя-

Digitized by Google

желую для династіи минуту, почти единственными защитниками престола. Боско, напримѣръ, котораго, несмотря на его блестящія способности, все время держали въ малыхъ чинахъ, одинъ борется за всѣхъ. Другая личность, болѣе извѣстная, генералъ Уллоа, защитникъ Венеціи, всю жизнь свою проведшій въ ссылкѣ, посвящаетъ погибающей династіи и способности свои, и силы, и самую жизнь.

«Паденіе неаполитанскаго королевства очень поучительно, говоритъ *Revue des deux Mondes*, въ своей послѣдней хроникѣ. Неразумная и напряженная политика покойнаго неаполитанскаго короля уже совершила это разложеніе, которое теперь обнаруживается. Односторонняя, до крайности напряженная политика всегда приводитъ къ этому результату. Она раздѣляетъ подавляемый ею народъ на двѣ части: съ одной стороны стоятъ безусловные и рабски преданные приверженцы и чиновники, а съ другой равнодушная масса, осужденная оставаться равнодушною къ интересамъ своей страны, масса, составляющая столько же безмолвную, сколько и опытную оппозицію, предающуюся только своимъ подавленнымъ страстямъ. Пока какой-нибудь случай не выброситъ правительственную машину изъ колеи, льстецы провозглашаютъ великія силы и эгоистическіе интересы (если, замѣчаетъ въ скобкахъ французскій публицистъ, позволено намъ будетъ употребить это выраженіе, употребленное недавно императоромъ въ одной изъ его рѣчей, но только въ дополненіе къ эгоистическимъ интересамъ скажемъ еще: интересы слѣпые); они утѣшаютъ себя сохраненіемъ мнимаго порядка. Эти до крайности натянутыя правительственныя системы не замѣчаютъ, что съ теченіемъ времени онѣ истребляютъ всѣ силы народа. Онѣ подрываютъ силы тѣснаго круга своихъ агентовъ, отучая ихъ отъ правильной и законной борьбы, разслабляя ихъ обманчивымъ довѣріемъ въ свое всемогущество, и безпрерывно подвергая ихъ возрастающей слишкомъ пренебрегаемой непопулярности. Эти системы губятъ съ тѣмъ вмѣстѣ и далѣе отстоящія силы, оставляя ихъ въ политическомъ бездѣйствіи и не давая имъ возможности ознакомиться съ практическими условіями правительства, не допуская лучшихъ людей, которыми могло бы воспользоваться правительство, къ обрѣтать законный авторитетъ, вездѣ составляющій достояніе патріотизма, соединеннаго съ талантомъ, и подвергая исключенныхъ такимъ образомъ людей всѣмъ искушеніямъ ненависти и мести... Поздно дѣлать уступки только тогда, когда уже нѣтъ всякое сопротивленіе. Правительства, о которыхъ говоримъ мы теперь, убѣждаются въ этомъ только тогда, когда они уже не въ состояніи оказывать никакого сопротивленія, и когда они не могутъ ожидать спасенія ни отъ какихъ уступокъ. Размышля

Digitized by Google

отомъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что правитель-
могутъ обновляться и укрѣпляться только въ томъ случаѣ,
система ихъ такова, что сама показываетъ имъ не-
имость реформъ и пользу уступокъ. Способность улучше-
реформъ должна быть слѣдствіемъ политическаго обычая.
этой системы остается только жестокій выборъ между дес-
змомъ и резолюціей. Часто ли бываетъ, чтобы люди силы
ю соглашались на уступки? Часто ли бываетъ, чтобы
лиженные склоняли ихъ къ тому своими совѣтами? Бы-
ли когда, чтобы поклонники ихъ минувшей силы оста-
сь вѣрны имъ въ смутныя времена? Напротивъ, не они
прежде всѣхъ оставляли ихъ и бѣжали, когда билъ ро-
й часъ ихъ паденія? Тогда-то открывается, какъ теперь
Неаполѣ, во всей своей безобразной наготѣ, дѣло разру-
ія, произведенное деспотизмомъ. Ничего не остается: ни
инистраціи, ни арміи, ни флота, ни націи. Всѣ посредству-
я силы между народомъ и правительствомъ подавлены, па-
изованы, уничтожены; невозможна никакая сдѣлка, никакое
ашеніе. Правительство не находитъ себѣ агентовъ съ ка-
ь-нибудь авторитетомъ, потому что народъ не признаетъ
никакихъ другихъ вождей, кромѣ возбужденныхъ органовъ
собственныхъ страстей. Нѣтъ твердой опоры, отличающей
ества, исполненныя жизненной силы, нѣтъ свободнаго довѣ-
почтенныя сомнѣнія становятся препятствіемъ, изъ добрыхъ
ѣреній раждаются только трудности, доблесть обнаружи-
ъ только грустную немощь. Что касается до насъ, то при
ѣ этого разрушенія, происходящаго въ Неаполѣ, ничто не изум-
ъ насъ, ни нерѣшительность короля подъ тяжестію доставшей-
ему власти, ни сомнѣнія его совѣсти, которая, по выраженію
ва II, сама зложелательствуетъ ему, ни непостоянство иа-
итанскаго народа, этой демократіи лаззарони, на которой
юйный король думалъ основать свой деспотизмъ какъ на непо-
ебимой основѣ. Насъ не удивляетъ также измѣна флота и арміи,
вшихся безъ вождей, не удивляетъ слабость конституціон-
министерства, хотя его члены умны, честны и одушевлены
ыми лучшими намѣреніями. Эти люди не имѣютъ никакого
нія на лица и на вещи, и повинуются только чувству долга,
аясь, безъ всякой надежды на успѣхъ, склонить Піемонтъ къ
держанію неаполитанской автономіи, очищенной свободными
ежденіями.» Эти слова *Revue des deux Mondes* вызвали особую
тью въ газетѣ *Constitutionnel*, гдѣ стараются всѣми способами
ектики доказать, что эта характеристика самымъ приличнымъ
разомъ прилагается къ іюльской монархіи. Можетъ-быть и

Digitized by Google

такъ, но публицистъ, пишущій въ *Revue des deux Mondes*, очевидно мѣтилъ не на Францію Лудовика-Филиппа... Впрочемъ, возвратимся къ Неаполю.

Сосѣднія государства смотрятъ на Неаполь, какъ на городъ, не имѣющій ни властей, ни правленія: сардинское правительство высаживаетъ въ столицу своихъ берсальеровъ, у которыхъ происходитъ столкновеніе съ неаполитанскими солдатами за что піемонтскій кабинетъ, нисколько не церемонясь, требуетъ удовлетворенія и получаетъ его. Національная гвардія хранитъ въ городѣ порядокъ, но не обнаруживаетъ ни малѣйшаго сочувствія къ династіи. Начальникъ національной гвардіи Искителли и комендантъ Кутрофіано возбуждаютъ неудовольствіе какъ національной гвардіи, такъ и самого министерства; королю предлагаютъ дать имъ отставку; король сначала не соглашается, тогда всѣ министры подаютъ въ отставку, и король обращается къ братьямъ Уллоа; но имъ не удается составить новое министерство, и прежніе министры остаются при своихъ портфеляхъ, а генералы Искителла и Кутрофіано смѣняются господами Де Соже и Вилья. Затѣмъ король обратился къ министерству с предложеніемъ составить меморандумъ о положеніи дѣлъ въ Неаполѣ. Отвѣтомъ на это былъ коллективный со стороны министерства и всего генералитета совѣтъ королю оставить королевство. Францискъ не согласился. Тогда предложены были ему два плана обороны: встрѣтить непріятеля между Салерно и Б черой, или очистить Неаполь и дать сраженіе близъ Капуи. Остановились на послѣднемъ, потому что сама Гаэта и позиція близъ Капуи гораздо вѣрнѣе и сильнѣе, какъ въ стратегическомъ, так и въ тактическомъ отношеніи. Король оставилъ Неаполь. Перед отбытіемъ своимъ, онъ пытался было отправить свой флотъ въ Тріестъ и отдать его во власть австрійскому императору; но министерство воспротивилось этому, а всѣ адмиралы, штабъ и обер офицеры флота объявили, что они въ такомъ случаѣ вынуждены будутъ ослушаться короля, такъ какъ флотъ принадлежитъ Ав стріи вовсе не намѣренъ (1). Такимъ образомъ флотъ сохранил до Гарибальди. Капую и Гаэту, какъ мы знаемъ изъ послѣдн телеграммъ, столь же мало защищали, какъ Неаполь и Салерно король, какъ сообщено телеграфомъ, уже отправился въ Испан Министерство, однако, оставалось при своихъ постахъ до сам послѣдней минуты. 7-го сентября, Гарибальди, къ торжествен встрѣчѣ котораго Неаполь открыто готовился за нѣсколько дн

(1) Телеграфъ сообщаетъ извѣстіе, будто въ Неаполѣ найдено (в вступленіи Гарибальди письменное повелѣніе короля бомбардировать г и выпустить каторжниковъ на волю.

Digitized by Google

ѣхалъ въ столицу Обѣихъ Сицилій. Вся власть теперь въ его
ахъ; всѣ средства страны, ея армія и флотъ покорны его волѣ,
орая, какъ всегда, рѣши тельна и въ то же время благоразумна.
часъ по вступленіи въ городъ, онъ установилъ правленіе, и
иберіо Романо удержалъ въ новомъ кабинетѣ свой портфель
истра внутреннихъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько дней отдыха и
ходимой организаціи войска и гражданскаго порядка, Гари-
ди намѣренъ идти далѣе, и только съ высоты Квиринальс-
о холма обѣщаетъ провозгласить дѣйствительное приложеніе
божденныхъ областей къ Сардинскому королевству.

енераломъ Ламорисьеромъ овладѣваетъ нѣкоторое сомнѣніе
воей непобѣдимости; онъ поглядываетъ на крѣпости; онъ
оленъ австрійскими укрѣпленіями Анконы, велитъ ихъ
дѣлать, потомъ измѣняетъ мнѣніе и оставляетъ крѣпость
она была. Затѣмъ онъ стягиваетъ свои разноязычныя и
не дружелюбныя между собою орды къ Анконѣ, причемъ
а Урбино, Пезаро, Фано, Монтефельтро, остаются почти
гарнизона. Въ нихъ вспыхиваетъ возстаніе, и революціон-
движеніе поддерживается волонтерскими отрядами генерала
ли, того самаго Розелли, подъ начальствомъ котораго Га-
льди былъ въ 1848 году при осадѣ Рима. Новое событіе
енной важности ставитъ Ламорисьера между двухъ огней:
уса сардинской арміи переступаютъ границу Папской об-
. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, повидимому и французское
ительство нѣсколько потеряло голову; оно не знаетъ, какъ ему
съ папой, съ Римомъ и съ своими обязательствами. Импе-
ръ Французовъ обѣщалъ Англіи дѣйствовать сообща съ
до послѣдней возможности держась на Апеннинскомъ полу-
овѣ принципа невмѣшательства. Въ этомъ духѣ французс-
правительство и направляло до сихъ поръ свою италіян-
политику, стараясь въ то же время, черезъ обязанный ему
ъ бы зависящій отъ него Піемонтъ, сохранять свое тайное
ніе и преобладаніе въ дѣлахъ Италіи: подъ его вліяніемъ
инское правительство приняло нѣсколько мѣръ, которыя не-
но поразили италіянскихъ патріотовъ и показались многимъ
бы противодѣйствіемъ генералу Гарибальди.

инистерство графа Кавура, съ самаго дня марсальской высадки,
лось держаться политики выжиданія, подъ рукой сочувствуя
ти помогая предпріятію Гарибальди. Недавніямѣры министер-
противъ открытаго набирнія волонтеровъ въ Генуѣ, про-
волонтеровъ Никотеры, равно какъ и высадка берсальеровъ
аполѣ, главнѣйшимъ образомъ приняты были подъ вліяніемъ
пузскаго привительства. Иные, впрочемъ, думаютъ, будто
послѣднихъ дѣйствіяхъ министерства участвовала немного

Digitized by Google

и *jalousie de métier*, будто Кавуру было нѣсколько досадно, что не онъ управляетъ италіянскимъ движеніемъ, что не он стоитъ во главѣ его.... Какъ бы то ни было, сардинским правительствомъ принято было нѣсколько мѣръ, повидимо репрессивныхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Фарини, т самый Фарини, котораго прочили въ южно-италіянскіе ди торы, циркуляромъ своимъ воспретилъ производить наборы во теровъ для сицилійскаго диктатора, вслѣдствіе чего докторъ Б тани оставилъ Геную. Другой циркуляръ министра Фарини зывалъ волонтеровъ въ сардинскую службу; впрочемъ, движе лонтеровъ въ Сицилію не прекратилось и правительство ди этому не препятствовало. Въ Тосканѣ, при участіи самого гу тора Риказоли, баронъ Никотера собралъ отрядъ волонтеров спедиціи противъ Папской области: сардинское правительст противилось этой экспедиціи; баронъ Никотера два раза бы жаемъ подъ арестъ и два раза освобождаемъ; Замбіанки, ни никъ первой экспедиціи въ Церковную область, и до сих находится въ заключеніи во Флоренціи; въ Генуѣ было даже ст новеніе между волонтерами и войскомъ; изъ Ливорно экспед почти силой была отправлена въ Сицилію. Впрочемъ, и Гарибальди, понимая опасность преждевременной высадки дѣльности дѣйствій, встрѣтивъ ночью ливорнскую экспед самъ отвелъ ее къ острову Сицилін. Наконецъ, какъ выше сказано, въ Неаполѣ высаженъ былъ отрядъ берсальеровъ, ч въ случаѣ отреченія Франциска, упрочить сардинское вли королевствѣ; но Франциск держался (хотя и бездѣйственно послѣдней минуты, и предпріятіе не удалось (1). Притомъ, и зя придавать этому предпріятію серіознаго значенія. Сар ское правительство измѣнило свою политику, или попрост шилось наконецъ снять съ себя маску, вызвавъ охлажд французскаго правительства и энергическій протестъ Пр и Россіи. Ожидая съ часу на часъ вступленія Гарибальд Папскую область, сардинское правительство рѣшилось по диктатору: два корпуса Чіальдини и Фанти перешли г цу; Фарини отправился туда управлять общимъ движен самъ король приметъ начальство надъ войскомъ. Папское вительство совсѣмъ растерялось: самъ папа возлагалъ на

(1) Самъ Гарибальди, впрочемъ, по вступленіи своемъ въ Неаполь лилъ другому отряду берсальеровъ, бывшему еще на судахъ, высад въ городъ, хотя въ то же время арестовалъ, за превышеніе власти, рыхъ членовъ комитета присоединенія, слишкомъ далеко зашедшихъ п емъ усердіи къ сардинскому правительству. Съ другой стороны, Гар назначилъ командира сардинской эскадры, Персано, начальникомъ неаполитанскаго флота.

Digitized by Google

Ламорисьера, а кардиналъ Антонелли не давалъ ему ни де-
ь, ни свободы дѣйствій. Теперь правительство святѣйшаго
невольно чувствуетъ, что пробили его послѣдніе часы. Сар-
ское правительство, для введенія войскъ въ Папскую область,
ользовалось пустымъ предлогомъ, что римское правительство
аспускаетъ иностранной арміи, содержаніе которой противо-
итъ будто бы принципу невмѣшательства, а кардиналъ
нелли оправдывается тѣмъ, что иностранныя дружины были
аны папскимъ правительствомъ, по совѣту Франціи и Австріи.
ныя дѣйствія уже открылись: 1.600 плѣнныхъ находится въ
къ Піемонтцевъ, Перуджія взята съ боя.

пулярность Гарибальди растетъ безпрерывно. Онъ могуще-
но поднялъ италіянское движеніе; онъ стоитъ во главѣ его,
увлеченъ имъ, онъ весь преданъ ему. Боялись, чтобы
бальди не поддался вліянію другихъ агитаторовъ, — бо-
такого вліянія выставлена была даже какъ одна изъ при-
дѣятельнаго вмѣшательства сардинскаго правительства
таліянское движеніе. Но вліяніе Мадзини, на которое бо-
сего указывала туринская офиціяльная журналистика, ока-
ь призрачнымъ: самъ агитаторъ, въ нѣсколькихъ печат-
письмахъ своихъ, рѣзко разграничиваетъ свой образъ
твій съ образомъ дѣйствій калатафимскаго побѣдителя. У
ини и у Гарибальди одна общая мысль—освободить Италію;
тѣмъ пути ихъ расходятся далеко, и Гарибальди, нисколько
ражая съ Мадзини, вовсе не слѣдуетъ его совѣтамъ. Не
з призрачно и вліяніе другихъ лицъ на Гарибальди. Правда,
акъ нельзя болѣе коротокъ съ своими приближенными. Лю-
ихъ и преданность къ нему превосходитъ минутами всякое
аженіе. Но нѣтъ человѣка по словамъ одного изъ коррес-
ентовъ газеты *Times*, съ которымъ онъ дѣлилъ бы свою
ную власть; нѣтъ человѣка, который былъ бы допущенъ
ый тайникъ его мыслей. Одно только сердце его рас-
для всѣхъ. Умомъ своимъ владѣетъ онъ одинъ, безраз-
но, и воля его не терпитъ ни сомнѣній, ни противорѣчій. До
до времени онъ молчитъ и охотно выслушиваетъ замѣчанія
ты; потомъ, взвѣсивъ все имъ слышанное, и подвергнувъ
мнѣнія собственной критикѣ и соображенію, Гарибальди
настанетъ минута для дѣйствія, какъ будто осѣнясь вдох-
немъ, начинаетъ дѣлать свои распоряженія, одно другаго
ательнѣе по смѣлости и глубинѣ соображенія, тихимъ и
ѣнымъ голосомъ отдавая свои приказанія, которыя, слѣдуя
умительной быстротѣ одно вслѣдъ за другимъ, хватаются
бы на лету и исполняются безпрекословно, имѣя весь харак-
изреченія судьбы и не допуская разсужденій.

Digitized by Google

Въ частной жизни Гарибальди добродушенъ, простъ, обходите-
ленъ, любезенъ. Даже въ настоящую кампанію его были м
нуты, когда онъ весь отдавался друзьямъ, отдохновенію, весе-
лымъ и задушевнымъ бесѣдамъ, воспоминаніямъ прошлаго, музык
пѣнію, литературѣ. Спеціяльный корреспондентъ газеты Т
разказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что въ самую жарк
пору военныхъ приготовленій въ Фаро (Маякѣ), онъ застал
однажды Гарибальди въ самомъ поэтическомъ настроеніи ду
генералъ, поздоровавшись съ своимъ англійскимъ гостемъ, пр
декламировалъ ему извѣстную *Пѣснь Смерти* (Carme della M
италіянскаго поэта Уго Фосколо (1776—1827), и за завтракомъ,
состоявшимъ изъ чашки кофе и нѣсколькихъ сухарей, очень се-
ріозно бесѣдовалъ о преимуществѣ бѣлыхъ и вольныхъ стих
(versi sciolti) передъ риѳмованными. Другой корреспондентъ той
же газеты передаетъ интересный разказъ объ одномъ днѣ исто-
рый проведенъ былъ диктаторомъ въ тишинѣ дружескаго кр
16-го августа, Гарибальди посѣтилъ Палермо. Въ это время
уже было готово къ повторенію высадки гарибальдійцевъ
континентъ въ широкихъ размѣрахъ, и 17 числа Гарибальди
правился въ Мессину отдать послѣднія приказанія. Перез
этотъ имѣлъ весь характеръ увеселительной поѣздки. На п
ходѣ *Амазонка* собрались люди самые близкіе Гарибальди,
разлучные спутники и товарищи всѣхъ его экспедицій и п
вратностей его судьбы. Тутъ былъ, между другими, и Ант
Векки, литераторъ, не разъ дававшій убѣжище Гарибальди
своей виллѣ Спинола, близь Генуи. За нѣсколько дней пер
тѣмъ, онъ сопутствовалъ Гарибальди въ его плаваніи вдоль
рега континента и вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Апельсинномъ
ливѣ (golfo degli Aranci), на сѣверо-восточномъ берегу остр
Сардиніи, гдѣ приготовлена была экспедиція на Папскую обл
но направленная диктаторомъ на островъ Сицилію. На пр
дѣ было тоже нѣсколько дамъ. Гарибальди съ довольнымъ
селымъ и счастливымъ видомъ переходилъ отъ одной группы
другой, находя для каждаго какое-нибудь любезное привѣт
какъ истинный знатокъ, онъ съ большимъ удовольствіемъ с
шалъ игру и пѣніе одной изъ дамъ, высказывалъ присутст
нимъ сожалѣніе, что Италія не имѣетъ еще одной общей
ціональной пѣсни, въ родѣ *Marseillaise* или *God save the Q*
и, наконецъ, самъ пропѣлъ глубокимъ и мягкимъ голосомъ
нію, которой хоромъ вторили всѣ, кто только зналъ ее. В
Италія обращается къ дѣтямъ своимъ между прочимъ съ
словами:

«Via, togletemi dal capo
La corona delle spine;

Digitized by Google

Che una volta almen sul crine
Splenda il serto del valor.
Son l'Italia e son risorta,
Le catene ho tutte infrante,
Sorgerò come gigante,
Al richiamo dell' onor.
Fui signora delle genti;
Poi fui schiava e piansi tanto;
Per piu secoli di pianto
Questo di compenso arrà.
Tutti all' armi, o figli miei!
Tutti uniti in una schiera!
Benedetta la bandiera
Che à pugnar li condurrà!
Dal Cenicio alla Sicilia,
A noi splenda libertà (1).»

этотъ день Гарибальди посѣтилъ свой милый островъ Ка-
, близь острова Магдалины, у входа въ проливъ Бони-
, отдѣляющій Сардинію отъ Корсики. Взобравшись на кру-
тесъ, диктаторъ внезапно окруженъ былъ со всѣхъ сто-
вѣрноподданными своими — стадами овецъ и коровъ. Онъ
ъ спутниковъ по своимъ необширнымъ владѣніямъ, бро-
всюду, всѣмъ любовался, все расхваливалъ и всему радо-
какъ ребенокъ. Взглянувъ на островокъ насупротивъ Ка-
, Гарибальди убѣждалъ Векки промѣнять на него свою ге-
зую виллу и мечталъ о томъ, какъ они устроятъ между со-
воздушную корреспонденцію изъ окна въ окно и пр. При-
ая по этому поводу Аристида, Фабриція, Цинцинната, кор-
идентъ *Times* восторженно восклицаетъ, что ни въ древ-
ни въ новомъ мірѣ не было и нѣтъ такого простаго, без-
тнаго и добродушнаго героя, какъ Гарибальди.
отсутствіе диктатора было нѣсколько непріятныхъ столкно-
въ Мессинѣ. Со стороны запертаго въ цитадели неаполи-
го гарнизона было желаніе попытаться бомбардировать
, были вооруженныя вылазки, кончавшіяся, впрочемъ, не-
тельными перестрѣлками. Еще непріятнѣе былъ случай съ
ъ французскимъ пароходомъ: какое-то неаполитанское во-
судно, прикрывшись французскимъ флагомъ, спокойно и

(1) Далеко сбросьте съ головы моей вѣнецъ терновый: пусть хоть разъ
ется на челѣ моемъ вѣнокъ доблести. Я Италія, я воскресла; цѣпи
; гигантомъ поднимусь я на зовъ чести. Я была царицей на-
; потомъ была рабой и стенала долго; но послѣ стольнихъ вѣковъ сте-
ластаетъ время возмездія. Всѣ къ оружію, сыны мои! соединитесь въ
ъ строй! Благословенно знамя, которое поведетъ васъ на брань.
льповъ до Сициліи блещетъ намъ свобода.

Digitized by Google

безопасно подошло къ Фаро, гдѣ продолжались еще рабо
и вдругъ повернувшись бортомъ къ берегу, дало залпъ
своихъ орудій. Выстрѣлы съ береговыхъ батарей, впроч
скоро принудили его удалиться; но черезъ нѣсколько
мени приблизилось еще военное судно подъ французскимъ
гомъ: подъ вліяніемъ досады за первый обманъ и не жела
ваться въ новую ловушку, гарибальдійцы открыли огонь по
раблю, который однако оказался дѣйствительно французск
ошибку открыли только послѣ выстрѣла. Г. Депретисъ, узнав
этомъ несчастномъ случаѣ, поспѣшилъ объяснить дѣло фран
скимъ властямъ и самъ предложилъ удовлетвореніе за невол
оскорбленіе дружескаго флага. Финансовое положеніе прем
тора очень затруднительно. Недавно министерство гра
вура прислало г. Депретису 500.000 франковъ вспомоще
ванія; но эта сумма совершенно ничтожна въ сравнен
огромными нуждами новаго правительства. Въ послѣднее в
продиктаторъ заключилъ, какъ мы говорили, внутренній заем
68.000.000 фр. по 5% съ 95. Вѣроятно теперь, когда власть Г
бальди такъ значительно расширилась, когда онъ повелѣваетъ
лами всей южной Италіи, кредитъ для него наконецъ откро
и доктору Бертани, который былъ недавно въ Сициліи и в
встрѣчаемъ былъ восторженными восклицаніями народа и в
ными почестями со стороны волонтеровъ (не смотря на
гражданское платье), удастся наконецъ заключить какой-ни
серіозный внѣшній заемъ. Между тѣмъ новое сицилійское
вительство встрѣчаетъ на пути своемъ не одни только ф
совыя затрудненія. Нѣсколько уже разъ, со времени всту
нія Гарибальди въ Палермо, приходилось посылать отряды в
теровъ внутрь Сициліи для подавленія безпорядковъ. Въ
цатыхъ числахъ августа крестьяне Монтемаджіоре напали
мѣстныя власти и духовенство, при чемъ, по словамъ турин
корреспонденціи французской газеты *Presse*, священникъ и
надцать дворянъ были убиты. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, ни
нельзя винить италіянское движеніе: всѣ подобные безпор
впрочемъ очень рѣдкіе, легко объясняются грубымъ нев
ствомъ народной массы, которое, въ свою очередь, порож
давнимъ деспотизмомъ.

О главной высадкѣ гарибальдійцевъ 19 августа, подъ пр
дительствомъ самого диктатора, у мѣстечка Спартивенто, м
димъ слѣдующія подробности у спеціальнаго корреспонден
теты *Times:*

Все было готово къ отплытію (отъ Джіардини); войско
было посажено на корабли, какъ вдругъ на пароходѣ *Фран*

Digitized by Google

открылась течь. Людей нужно было снова высадить на берегъ и отыскать попорченное мѣсто. Была ночь, и матросы колебались кинуться въ воду. Гарибальди объявилъ, что онъ самъ найдетъ это мѣсто. Тогда 20 человѣкъ мгновенно кинулись въ воду. Но поиски были тщетны и пришлось положиться на однѣ только помпы. Кое-какъ выкачали воду, но не всю. Это, однако, не остановило Гарибальди: онъ снова посадилъ войска на пароходъ, напомнивъ имъ, что не такъ давно они еще и не на такихъ судахъ совершали свои экспедиціи, и оба парохода, *Франклинъ* и *Торино*, тронулись. «*Торино*, тяжело нагруженный двумя тысячами человѣкъ и множествомъ снарядовъ, не выдержалъ и разбился о берегъ. Тѣмъ не менѣе высадка началась въ небольшой бухтѣ къ западу отъ мыса Спартивенто. И признака Неаполитанцевъ не было замѣтно на берегу; высадка совершилась какъ нельзя благопріятнѣе. Но за то надежда, что облегченный отъ десанта пароходъ удержится на поверхности, не осуществилась: *Торино* до половины погрузился въ воду. *Франклинъ* около шести часовъ силился спасти его, но безуспѣшно, и Гарибальди приказалъ *Франклину* вернуться въ Мессину.» На пути своемъ, только обойдя мысъ Арми, этотъ пароходъ встрѣтился съ двумя неаполитанскими фрегатами, спѣшившими въ направленіи къ Мессинѣ. *Франклинъ* поднялъ свой американскій флагъ, прошелъ мимо и благополучно прибылъ въ Мессину. Неаполитанцы были обмануты, совершенно какъ подъ Палермо. Они сосредоточили свои силы отъ Реджіо берегомъ моря вверхъ по мыссамъ Пеццо, Торри-ди-Кавалло, Сциллѣ, Баньярѣ, Пальми и до Монтелеоне, гдѣ, какъ видно, готовили они самое серіозное сопротивленіе. Они послали 1800 человѣкъ въ поиски за двумя стами гарибальдійцевъ, оставивъ прочую часть берега безъ защиты. Они кажется и не воображали, чтобы можно было окружить островъ и не переплывать пролива. Даже насчетъ самаго Реджіо они были такъ покойны, что оставили для его защиты всего только восемь ротъ, въ томъ числѣ четыре стрѣлковыя.»

Въ ночь, на 20 число, сигнальные огни на высотахъ вокругъ Мелито, возвѣстили обоимъ берегамъ пролива, что Гарибальди высадился. 20 числа Гарибальди былъ уже подъ Реджіо; городъ занятъ былъ 1500 чел. національной гвардіи, которая готова была соединиться съ диктаторомъ; 700 чел. королевскаго гарнизона находились внѣ черты города, жители котораго настаивали на томъ, чтобы войска вышли изъ города, и чтобы сохранена была такимъ образомъ частная собственность и безопасность гражданъ. 21 числа, какъ только можно было замѣтить, «*дѣло* началось подъ Реджіо, дивизія Козенца, согласно предписаніямъ диктатора, сѣла на суда у Фаро при полномъ днев-

Digitized by Google

номъ свѣтѣ, въ виду четырехъ неаполитанскихъ крейсеровъ, намѣренія высадиться на континентъ. Неаполитанскіе пароход приблизились тогда къ форту Фіумара, въ направленіи къ ко рому плыла экспедиція, и открыли по ней огонь, поддержан огнемъ фортовъ Фіумары, Сциллы и Пеццо. Тогда, въ пер разъ открыли свой огонь и баттареи Фаро. Въ то же врем бригада дивизіи Тюрра, сѣвъ на пароходы *Англійская Коро Франклинъ* и *Сидни Голлъ* (1), готова была къ отплытію: большой неаполитанскій фрегатъ подошелъ къ самой бухтѣ совершенно загородилъ выходъ изъ нея.

Высадивъ отрядъ свой (въ 5000 чел.), Гарибальди тотчас послалъ отыскивать тѣхъ 200 человѣкъ, которые первые прист къ калабрійскому берегу и которые, какъ казалось корресп денту, овладѣли будто бы фортомъ у мыса Пеццо. Ихъ отыс въ трехъ часахъ пути отъ мѣста высадки, близъ Аспром Когда въ началѣ августа, эта пробная, передовая высадка г вилась къ отплытію, руководителемъ ея вызвался быть кал рійскій дворянинъ, баронъ де-Муссолино, обѣщавшій и про никовъ, и инженеровъ, и артиллеристовъ. Но первою же нуж чей экспедиціи было одно то, что высадка произведена была на той рѣкѣ (fiumara), которая протекаетъ у самой крѣпости Ве ней Рѣки (Alta Fiumara), а на другой, нѣсколько пониже. В водниковъ не оказалось на мѣстѣ высадки; послали отыск ихъ направо и налѣво; посланные наткнулись на неаполитан патруль, завязалась перестрѣлка, поднялась общая тревога отряду пришлось искать убѣжища въ горахъ. Часть его на вилась вверхъ по теченію рѣки и достигла уединенной фер *Кашина де-Фарестани*, на одномъ изъ скатовъ Высокой Г (Monte Alto), между Санта-Эфимія и Санъ-Стефано, куда стек всѣ остальные, за исключеніемъ, впрочемъ, пяти человѣкъ, ко рые, вѣроятно, заблудились и попали въ руки Неаполитан Отсюда отрядъ гарибальдійскій пробовалъ предпринять ка нибудь движеніе, чтобы только выйдти изъ томительнаго б дѣйствія и доходилъ до Баньяры; но увидѣлъ полную невозм ность дѣйствовать, не имѣя никакой точки опоры, и снова спр въ своей *фермѣ* (cascina), гдѣ окрестные жители снабжали г бальдійцевъ всѣмъ нужнымъ.

Неаполитанская колонна въ 1.800 чел., долго и тщетно ис шая этотъ первый калабрійскій отрядъ гарибальдійцевъ, нап наконецъ, на его слѣдъ и приблизилась къ Аспромонте; но н ковать его въ горахъ не рѣшилась. Волонтеры отступили по

(1) *Торино*, кажется, захваченъ былъ Неаполитанцами прежде чѣм роходъ *Карлъ-Альбертъ* успѣлъ спасти его, и сожженъ ими.

Digitized by Google

къ Санъ-Лоренцо, на южномъ склонѣ Аспромонте, въ окрестностяхъ Мелито. Не желая обременять небольшое населеніе мѣстечка (въ 3000 жит.) своимъ содержаніемъ, они посылали отъ себя партіи въ разныхъ направленіяхъ для фуражировки, и одна изъ такихъ партій случайно подошла къ аванпостамъ главнаго отряда гарибальдійцевъ. Тотчасъ же дано было знать въ Санъ-Лоренцо: но волонтеры Миссори, какъ ни спѣшили, успѣли присоединиться къ диктатору только подъ Реджіо, когда ужь началась битва.

«Если, говоритъ корреспондентъ, неудача первой попытки взять фортъ Фіумару обезкуражила маленькій отрядъ волонтеровъ, то, съ другой стороны, ихъ высадка, повсемѣстныя приготовленія Гарибальди, рекогносцировка отряда на Баньяру, столько же (если не болѣе) обезкуражили и Неаполитанцевъ: имъ казалось, еще за долго передъ тѣмъ какъ диктаторъ высадился въ Мелито, что гарибальдійцы высаживаются и въ Каннителло (влѣво отъ Реджіо), и въ Біанки, и въ Джераче Бовелина (на восточномъ берегу) и др., а когда высадка произведена ужь была въ самомъ дѣлѣ, Неаполитанцевъ тутъ-то и не случилось, чтобъ ей воспрепятствовать.»

Не теряя времени, Гарибальди изъ Мелито, черезъ Баньяру, отправился берегомъ моря, прямо къ Реджіо. «Онъ раздѣлилъ свои силы на три колонны. Реджіо, какъ и всѣ города, выстроенные на бухтахъ, имѣетъ продолговатую форму, хотя и захватываетъ окружающіе холмы, которые надъ нимъ господствуютъ. Прежде всего, поэтому, надо было овладѣть высшими пунктами города и холмами. Главная аттака, подъ предводительствомъ самого Гарибальди, поведена была именно въ этомъ направленіи, въ то время какъ Биксіо дѣйствовалъ на центрѣ позиціи Неаполитанцевъ, у рѣки передъ городомъ, прямо на ведущій къ Реджіо черезъ рѣку мостъ, а лѣвое крыло держалось берега. Рѣшено и было у Неаполитанцевъ не сражаться очень упорно, или они были обезкуражены какимъ-либо другимъ обстоятельствомъ— только они очень скоро подались въ центрѣ и на правомъ флангѣ. Только на лѣвомъ сдѣлана была ими попытка серіознаго сопротивленія. Подоспѣвшій на помощь Гарибальди занялъ съ нѣсколькими солдатами одну изъ фермъ (cascine) противъ неаполитанской позиціи, пока подошло подкрѣпленіе для аттаки холоднымъ оружіемъ. При первомъ же натискѣ, Неаполитанцы уступили, и колонна гарибальдійцевъ вошла въ городъ, гоня передъ собою королевцевъ, которые въ страхѣ бѣжали на противоположный конецъ Реджіо. Между тѣмъ Биксіо, съ своей стороны, проходилъ по главной улицѣ на площадь собора (Piazza di Duomo) и отрѣзывалъ отступленіе Неаполитанцамъ, бѣжавшимъ ему

Digitized by Google

здѣсь невообразимою роскошью; стволы оливковыхъ деревьевъ выше здѣсь чѣмъ въ Генуэзской области, или на холмахъ Фраскатти и Тиволи. Природныя богатства страны по истинѣ безпредѣльны, и народъ живетъ очень хорошо, несмотря на старанія правительства заглушить всѣ источники народнаго благосостоянія. За то торговля и промышленность въ такомъ упадкѣ, что въ народѣ совсѣмъ нѣтъ серебряной монеты. Мы должны были отказаться отъ всякихъ покупокъ и издержекъ, потому что не могли получать сдачи на *наполеондоры*, ни даже на неаполитанскіе піастры.»

Подробности о дальнѣйшемъ движеніи Гарибальди на Неаполь, за неимѣніемъ въ настоящую минуту подъ руками обстоятельныхъ объ этомъ движеніи корреспонденцій, отлагаемъ до слѣдующей книжки, а теперь заключимъ нашу статью двумя фактами, не лишенными значенія. Сардинскій министръ Фарини, въ засѣданіи коммиссіи государственнаго совѣта, произнесъ рѣчь о будущемъ устройствѣ соединенія Италіи, и въ рѣчи этой развилъ ту же идею о децентрализаціи, которую защищалъ и г. Маттеучи (1). Это единомысліе передовыхъ людей италіянскаго возрожденія, это видимое отвращеніе ихъ отъ бюрократизма и рутинной администраціи, не можетъ не порадовать всякаго, кто не равнодушенъ къ будущимъ судьбамъ Апеннинскаго полуострова. Съ другой стороны, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ Венеціи замѣтно сильное революціонное движеніе, которому, между прочимъ, данъ былъ толчокъ секвестровкою имущества лицъ, отлучившихся изъ имперіи безъ разрѣшенія правительства. Если при этомъ приметъ серіозный характеръ и венгерское движеніе то Австріи, должно думать, придется плохо противъ соединенныхъ силъ свободной, независимой и восторженной Италіи...

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, № 13.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

РУССКОМУ ВѢСТНИКУ

1860 ГОДЪ

ТОМЪ II.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1860.

Digitized by Google

здѣсь невообразимою роскошью; стволы оливковыхъ деревьев выше здѣсь чѣмъ въ Генуэзской области, или на холмахъ Фра катти и Тиволи. Природныя богатства страны по истинѣ безпр дѣльны, и народъ живетъ очень хорошо, несмотря на старан правительства заглушить всѣ источники народнаго благосостоян За то торговля и промышленность въ такомъ упадкѣ, что въ н родѣ совсѣмъ нѣтъ серебряной монеты. Мы должны были отк заться отъ всякихъ покупокъ и издержекъ, потому что не мог получать сдачи на *наполеондоры*, ни даже на неаполитанск піастры.»

Подробности о дальнѣйшемъ движеніи Гарибальди на Не поль, за неимѣніемъ въ настоящую минуту подъ руками обст тельныхъ объ этомъ движеніи корреспонденцій, отлагаемъ слѣдующей книжки, а теперь заключимъ нашу статью ду фактами, не лишенными значенія. Сардинскій министръ Ф ни, въ засѣданіи коммиссіи государственнаго совѣта, произн рѣчь о будущемъ устройствѣ соединенія Италіи, и въ рѣчи эт развилъ ту же идею о децентрализаціи, которую защищалъ г. Маттеучи (1). Это единомысліе передовыхъ людей италіянск возрожденія, это видимое отвращеніе ихъ отъ бюрократизм рутинной администраціи, не можетъ не порадовать всякаго, н не равнодушенъ къ будущимъ судьбамъ Апеннинскаго пол острова. Съ другой стороны, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ В неціи замѣтно сильное революціонное движеніе, которому, м жду прочимъ, данъ былъ толчокъ секвестровкою имущества ли отлучившихся изъ имперіи безъ разрѣшенія правительства. Е при этомъ приметъ серіозный характеръ и венгерское движ то Австріи, должно думать, придется плохо противъ соедин ныхъ силъ свободной, независимой и восторженной Италіи...

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, № 13.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

РУССКОМУ ВѢСТНИКУ

1860 ГОДЪ

ТОМЪ II.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1860.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Ком узаконенное число экземпляровъ. Москва, 15-го іюля 1860 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ*.

Digitized by Google

ЛЮБОВЬ МИСТЕРА ГИЛЬФИЛЯ

ПОВѢСТЬ ДЖОРДЖА ЭЛІОТА (1)

ГЛАВА I.

Когда, тридцать лѣтъ тому назадъ, умеръ старый мистеръ ьфиль, весь Шеппертонъ искренно оплакивалъ его; и еслибы ой и каѳедра не были обтянуты чернымъ сукномъ, по рас-женію его племянника и главнаго наслѣдника, прихожане ремѣнно бы сложились, для того чтобы не былъ упущенъ ъ знакъ уваженія къ его памяти. Всѣ фермеры облеклись черную бумазею, и мистрисъ Дженингсъ, съ Верби, верглась строжайшему порицанію за то, что въ первое воскресенье послѣ смерти мистера Гильфиля явилась въ ковь въ розовыхъ лентахъ и зеленой шали. Конечно, мистрисъ Энингсъ была новопріѣзжая и горожанка, а потому и ожидать нея нельзя было, чтобъ она имѣла ясное понятіе о томъ прилично и что̀ неприлично; но, какъ справедливо замѣтила въ голоса мистрисъ Гиггинсъ, выходя изъ церкви и обращаясь мистрисъ Парротъ, мужъ ея родился въ приходѣ, и могъ бы шить ей лучшія правила. Недостаточная готовность облекаться

1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 9, приложенія, повѣсть *Амосъ Бартонъ*, того автора.

Digitized by Google

въ черное при первомъ удобномъ случаѣ, или слишкомъ большая поспѣшность сбросить съ себя трауръ, свидѣтельствовали, по мнѣнію мистрисъ Гиггинсъ, о непростительномъ легкомыслія и нравственной закоснѣлости.

— Есть люди, продолжала она, — которые никакъ не могутъ разстаться съ цвѣтными своими нарядами, но въ *моемъ* семействѣ этого никогда не дѣлалось. Повѣрите ли, мистрисъ Парротъ со дня моей свадьбы до смерти мистера Гиггинса, чему въ Сретеніе будетъ девять лѣтъ, мнѣ не случалось двухъ лѣтъ сряду ходить не въ траурѣ.

Мистрисъ Парротъ вздохнула.

— Да, отвѣтила она, съ полнымъ сознаніемъ своей несостоятельности въ этомъ отношеніи: — не во всякомъ семействѣ было столько смертныхъ случаевъ, какъ въ вашемъ, мистрисъ Гиггинсъ.

Мистрисъ Гиггинсъ, вдова почтенныхъ лѣтъ и не безъ состоянія, съ нѣкоторымъ самодовольствомъ согласилась съ мистрисъ Парротъ и подумала, что по всей вѣроятности мистрисъ Дингингсъ принадлежитъ къ семейству, въ которомъ и понятія не имѣютъ о томъ, что̀ такое порядочныя и приличныя похороны.

Даже замарашка мистрисъ Фрипъ, очень рѣдко посѣщавшая церковь, выпросила у мистрисъ Гакитъ лоскутокъ стараго чернаго крепа, и приколовъ этотъ знакъ сердечнаго сокрушенія къ своей безобразной шляпенкѣ, явилась въ церковь на похороны. Со стороны мистрисъ Фрипъ, это изъявленіе почтенія къ памяти мистера Гильфиля не имѣло ни малѣйшаго богословскаго значенія. Причиной его былъ случай, приключившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и не побѣдившій, должно признаться, равнодушія закоснѣлой старухи ко всякимъ религіознымъ истинамъ. Мистрисъ Фрипъ держала у себя піявокъ, и такъ была извѣстна своимъ нравственнымъ вліяніемъ на этихъ своевольныхъ тварей и своимъ умѣньемъ заставлять ихъ приниматься при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, что хотя ея собственныхъ піявокъ рѣдко употребляли по подозрѣнію, что онѣ вялы и слабы, но сама ее всегда призывали, чтобы приставлять болѣе бодрыхъ кровопійцъ, исходившихъ изъ аптеки мистера Пильгрима, и когда (что̀ случалось весьма часто) кто-нибудь изъ больныхъ сего искуснаго мужа страдалъ отъ воспаленія. Такимъ образомъ, мистрисъ Фрипъ, кромѣ своей земельки, приносившей ей, по разчетамъ сосѣдей, никакъ не меньше полу-кроны въ недѣлю, имѣла, благодаря своему искусству, еще другіе доходы,— какіе именно, это никому не было извѣстно,—но очень порядочные, по общему сужденію. Сверхъ того, она вела бойкую торговлю медеицами и пряниками, искушая ими юныхъ сластолюбцевъ, раз-

Digitized by Google

явшихся у ея прилавка. И, несмотря на всѣ эти очевидные источники доходовъ, безстыдная старуха постоянно жаловалась на свою бѣдность и выпрашивала всякую дрянь у мистрисъ Гакитъ, которая хотя и говорила про нее, что она лжетъ за двухъ и называла ее старою скрягой и язычницей, а въ душѣ все-таки благоволила къ старой своей сосѣдкѣ.

— Вотъ опять эта старая жидовка идетъ ко мнѣ за чайными листьями, каждый разъ говорила мистрисъ Гакитъ; — а я, дура, отдаю ихъ ей, хотя они нужны для Салли, которая употребляетъ ихъ для метенья половъ.

Эту-то мистрисъ Фрипъ мистеръ Гильфиль, въ одинъ теплый воскресный вечеръ, когда онъ возвращался послѣ службы изъ Неблея, верхомъ, въ высокихъ сапогахъ со шпорами, засталъ сидѣвшею въ сухой канавѣ не вдалекѣ отъ своего коттеджа, рядомъ съ огромною свиньей, которая съ довѣріемъ истинной дружбы положила ей голову на колѣни, и соннымъ хрюканьемъ, отъ времени до времени, выражала ей свое удовольствіе.

— Какъ, мистрисъ Фрипъ, сказалъ мистеръ Гильфиль, — я не зналъ, что у васъ есть такая чудная свинья! У васъ къ Рождеству будутъ отличные окорока.

— Что вы! Богъ съ вами! Мнѣ ее два года тому назадъ далъ сынъ мой, и мы съ тѣхъ поръ не разстаемся съ нею. Да у меня никогда на нее рука не поднимется, хотя бы мнѣ свинаго сала всю жизнь не пришлось отвѣдать.

— Что вы! да она совсѣмъ объѣстъ васъ. Слыханное ли дѣло дѣло держать свинью и прока отъ нея не ждать!

— О, она сама выкапываетъ себѣ кой-какіе корешки, и неужто мнѣ жалѣть ей крохъ и помоевъ? Мы съ нею питаемся чѣмъ Богъ послалъ. Куда я, туда и она; она хрюкаетъ, когда я говорю съ нею; ни дать, ни взять, разумный человѣкъ.

Мистеръ Гильфиль расхохотался, и простился съ мистрисъ Фрипъ, не спросивъ, надо признаться, отчего она не была въ церкви, и не сдѣлавъ ни малѣйшаго усилія разсѣять мракъ, царствовавшій въ ея душѣ. Но на другой день онъ приказалъ слугѣ своему Давиду отнести ей большой кусокъ ветчины и сказать ей, что пасторъ непремѣнно хочетъ, чтобъ она еще разъ отвѣдала хорошаго свинаго сала. И когда мистеръ Гильфиль умеръ, старушка Фрипъ выразила ему свою благодарность и свое уваженіе тѣмъ незатѣйливымъ и ненакладнымъ для себя образомъ, о которомъ я говорилъ выше.

Я чувствую, что въ читателяхъ моихъ уже зародилось подозрѣніе, что викарій не слишкомъ блисталъ исполненіемъ болѣе духовныхъ своихъ обязанностей, и въ самомъ дѣлѣ въ этомъ отношеніи я могу сказать о немъ только то, что обязанности

Digitized by Google

эти онъ исправлялъ всегда не мѣшкатно. У него была цѣлая кипа коротенькихъ проповѣдей, съ оборванными и пожелтѣвшими краями, и каждое воскресенье онъ, безъ разбора и не обращая вниманія на содержаніе, бралъ двѣ изъ нихъ, и прочитавъ одну утромъ въ Шеппертонѣ, садился на лошадь и спѣшилъ въ Неблей, гдѣ онъ отправлялъ службу въ крошечной живописной церкви, устланной разноцвѣтными камнями, по которымъ нѣкогда раздавались мѣрные шаги воинственныхъ монаховъ, гдѣ по высокимъ стѣнамъ висѣли старинныя лы надъ блѣдными изображеніями двѣнадцати апостоловъ, и мраморные рыцари и ихъ жены съ отбитыми носами занимали большую часть свободнаго мѣста. Здѣсь, въ припадкѣ свойственной ем разсѣянности, мистеръ Гильфиль забывалъ иногда снять шлюф прежде чѣмъ надѣть столу, и только тогда замѣчалъ это, когда всходя на анвонъ, начиналъ чувствовать, какъ что-то стран цѣплялось за подолъ его одежды. Но неблейскимъ фермерам и въ голову не приходило критиковать своего пастора. Онъ стал для нихъ такимъ же необходимымъ условіемъ жизни, какъ рыно шоссейныя заставы и грязные банковые билеты; къ тому же он былъ викарій, и по этому права его на ихъ уваженіе никогда не приходили въ непріятное столкновеніе съ его правами на их карманы. Нѣкоторые изъ нихъ, не пользовавшіеся роскошью крытаго фургона, пообѣдали получасомъ раньше, то-есть въ дв надцать часовъ, чтобъ успѣть къ двумъ часамъ по грязнымъ дорогамъ добраться до церкви и занять свое мѣсто въ то врем когда мистеръ Ольдинпортъ и леди Фелисія, для которыхъ неблейская церковь была чѣмъ-то въ родѣ фамильнаго храма, пр бирались посреди поклоновъ и присѣданій фермеровъ, къ своей отдѣльной скамьѣ, съ рѣзными стѣнками и балдахиномъ, ра пространяя на пути своемъ нѣжный запахъ фіялокъ и розъ, пр падавшій даромъ для грубаго обонянія присутствующихъ.

Жены и дѣти фермеровъ усаживались на темныя дубовы скамьи, но мужья обыкновенно избирали болѣе почетныя мѣста занимали отдѣльныя сѣдалища подъ которымъ либо изъ двѣнадцат апостоловъ, гдѣ, какъ только кончалось пѣніе, молитвы и отвѣты, и наступало пріятное однообразіе проповѣди, можно было видѣт и слышать, какъ почтенный отецъ семейства погружался в сладкую дремоту, изъ которой онъ неминуемо пробуждался пр звукахъ заключительнаго славословія. И потомъ они опять по тѣмъ же грязнымъ дорогамъ отправлялись домой съ пріятны сознаніемъ, что исполнили свой долгъ, и ощущая, быть-можетъ больше пользы отъ этой простой дани, принесенной тому, что они почитали хорошимъ и душеспасительнымъ чѣмъ, многіе изъ мудрствующихъ посѣтителей церкви въ нынѣшнее время.

Digitized by Google

Мистеръ Гильфиль также въ послѣдніе годы своей жизни сталъ вращаться домой тотчасъ же послѣ службы: онъ пересталъ воскресеньямъ обѣдать въ Неблейскомъ аббатствѣ, по той чинѣ, что разссорился, и не на шутку разссорился съ ми-ромъ Ольдинпортомъ, дядей и предшественникомъ того мис-а Ольдинпорта, который процвѣталъ во времена преподобнаго са Бартона. И нельзя было не пожалѣть объ этой ссорѣ, омнивъ, сколько пріятныхъ часовъ, въ молодости своей, эти человѣка провели, охотившись вмѣстѣ; въ тѣ давніе дни многіе бители охоты завидовали мистеру Ольдинпорту въ томъ, что такъ ладно жилъ съ своимъ викаріемъ. «Послѣ жены нѣтъ кого, кто бы могъ быть для васъ такимъ божескимъ наказа-мъ какъ пасторъ, который сидитъ у васъ подъ носомъ на шей землѣ,» часто говаривалъ сэръ-Джасперъ Ситвелъ.

По всей вѣроятности, первоначальный поводъ къ ссорѣ былъ ый незначительный; но природа одарила мистера Гильфиля нь ѣдкимъ язычкомъ, и насмѣшки его отличались тою живо-ю и оригинальностью, которой совершенно были лишены его повѣди; и такъ какъ нравственная сторона мистера Ольдин-та представляла много слабыхъ сторонъ, то колкія замѣчанія тора нанесли ему вѣроятно нѣсколько такихъ глубокихъ ъ, какія трудно было простить. Таковъ былъ по край-мѣрѣ отчетъ, данный объ этомъ дѣлѣ мистеромъ Гакитомъ, орый зналъ о немъ столько же, сколько и всякое постороннее о. Недѣлю послѣ ссоры, возсѣдая распорядителемъ за обѣ-ъ, который ежегодно давался обществомъ преслѣдованія воров-а и разбоя, въ гостиницѣ *Ольдинпортскій гербъ*, онъ не мало собствовалъ къ оживленію обѣда, объявивъ во всеуслышаніе, пасторъ отлично отдѣлалъ мистера Ольдинпорта. Открытіе о или тѣхъ, которые угнали коровку мистера Паррота, врядъ ли ло бы болѣе пріятною новостью для шеппертонскихъ фермеръ: мистеръ Ольдинпортъ, какъ землевладѣлецъ, былъ у нихъ самомъ дурномъ счету; несмотря на то, что цѣны очень упали, не сбавилъ арендной платы, и остался совершенно равно-ненъ къ разнымъ статейкамъ въ провинціяльныхъ газетахъ, щавшимъ о томъ, что такой-то виконтъ или баронъ отка-ся отъ десятой части своихъ доходовъ. Дѣло въ томъ, что теръ Ольдинпортъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія возсѣдать парламентѣ, а былъ движимъ сильнымъ желаніемъ пріобрѣ-и улучшать свое, и безъ того, хорошее состояніе. Поэтому шеппертонскихъ фермеровъ было истиннымъ удовольствіемъ ать, что пасторъ ѣдко издѣвался надъ благотворительностью итаго джентльмена, походящею на благотворительность того

Digitized by Google

человѣка, который укралъ гуся, а потроха роздалъ нищимъ. Нужно замѣтить, что относительно развитія Шеппертонъ далеко опередилъ Неблей; онъ имѣлъ и торныя дороги, и общественное мнѣніе, между тѣмъ какъ въ первобытномъ Неблеѣ тѣ люди и колеса ихъ фургоновъ двигались по самымъ глубокимъ колеямъ и рытвинамъ, и на землевладѣльца роптали только какъ на необходимое и неотвратимое зло, подобное дождливой погодѣ, простудѣ и докучливымъ комарамъ.

Итакъ, въ Шеппертонѣ, этотъ разрывъ съ мистеромъ Олдпортомъ не только не повредилъ пастору, но еще далъ новую силу доброму согласію, которое всегда царствовало между имъ и всѣми остальными его прихожанами, начиная съ того поколѣнія, котораго онъ крестилъ дѣтей лѣтъ двадцать пять тому назадъ и кончая тѣмъ многообѣщающимъ поколѣніемъ, представителемъ котораго могъ служить маленькій Томми Бондъ, промѣнявшій недавно блузу и шаровары на строгую простоту цѣльнаго костюма изъ рубчатаго плиса, сшитаго въ обтяжку и украшеннаго плоскими пуговицами. Томми былъ мальчикъ независимаго духа, не признававшій никакихъ властей, и горячо любившій волчка и калесики, которыми онъ имѣлъ привычку набивать и растягивать карманы своихъ кожаныхъ панталонъ.

Однажды, забавляясь на дорожкѣ сада своимъ волчкомъ, онъ увидалъ, что пасторъ прямо идетъ на него, въ то самое мгновеніе, когда волчокъ начиналъ великолѣпно гудѣть; Томми, не думавшись, во все горло закричалъ: «Посторонитесь! Не видите что ли волчокъ?» Съ того дня «плисовая куртка» сталъ любимцемъ мистера Гильфиля, который ничего такъ не любилъ какъ дразнить его и приводить его въ недоумѣніе вопросами, дававшими Томми самое жалкое понятіе о его умственныхъ способностяхъ.

— А что, плисовая куртка, доили ли сегодня гусей?

— Доили гусей! Развѣ доятъ гусей? Экій пустякъ вы говорите!

— Неужто же ихъ не доятъ? А чѣмъ же питаются гусенята?

Томми никогда не размышлялъ объ этомъ предметѣ, и поэтому не удостоивалъ своего собесѣдника отвѣтомъ, принималъ презрительно-равнодушный видъ и тщательно начиналъ заводить свой волчокъ.

— А, я вижу, ты не знаешь, чѣмъ питаются гусенята? А видѣлъ ли ты, какъ вчера съ неба падали леденцы? (Здѣсь Томми навострилъ уши.) Попали они и въ мой карманъ. Посмотрите-ка, правду ли я говорю или нѣтъ.

И Томми, не затрудняясь невѣроятностію источника, спѣшилъ освидѣтельствовать его пріятные плоды: онъ имѣлъ сама причины вѣрить, что засунуть руку въ карманъ пастора бываетъ

Digitized by Google

ень пріятно и полезно. Мистеръ Гильфиль называлъ этотъ
ианъ свой чудотворнымъ, — оттого что, любилъ онъ говорить
имъ, всѣ пенсы, которыя онъ опускалъ въ него, немедленно
ращались въ пряники, леденцы и другія сласти. И вслѣдствіе
о маленькая Бесси Парротъ, бѣлокурая толстушка, всегда
ла похвальную откровенность встрѣчать его вопросомъ: «А
у васъ сегодня въ калманѣ?»

По всему этому вы можете себѣ представить, что на кре-
нныхъ обѣдахъ пасторъ не былъ лишнимъ гостемъ. Ферме-
въ особенности любили его общество, оттого что онъ не
ько могъ, покуривая свою трубочку, пестрить разговоръ о
ходскихъ дѣлахъ разными остроумными шутками и прибаут-
, но былъ къ тому же знатокъ въ лошадяхъ и рогатомъ
тѣ. У него были пастбищные луга миляхъ въ пяти отъ его
а, онъ держалъ на нихъ скотъ и нанималъ управляющаго,
въ сущности все дѣло дѣлалъ самъ; и подъ конецъ жизни,
да уже онъ былъ не въ силахъ охотиться, у него не было
ьшаго удовольствія какъ ѣздить на свой лугъ, заниматься по-
кой и продажей скота. Слушая, какъ онъ разсуждаетъ объ
осительныхъ достоинствахъ разныхъ породъ рогатаго скота,
о послѣднемъ распоряженіи суда о какомъ-нибудь нищемъ,
ерхностный наблюдатель не замѣтилъ бы большой разницы, ме-
пасторомъ и его деревенскими прихожанами, кромѣ развѣ тол-
ого, что первый былъ поостроумнѣе; онъ подлаживался къ ихъ
ку и выговору, чтобы быть вполнѣ понятымъ ими, и употреблялъ
е тѣ же, не совсѣмъ правильные обороты и выраженія, ко-
ые были въ ходу въ Шеппертонѣ. Тѣмъ не менѣе, сами фер-
ы очень хорошо сознавали разницу между собой и пасторомъ,
е теряли уваженія къ нему, несмотря на его простое обра-
ie и шутливый разговоръ. Мистрисъ Парротъ тщательно рас-
вляла передникъ и ленты чепца какъ только показывался из-
пасторъ, низко присѣдала передъ нимъ, и въ Рождество
да имѣла наготовѣ жирную индѣйку, которая посылалась
съ «ея почтеніемъ». И во время самыхъ веселыхъ, пересы-
ныхъ сплетнями разговоровъ съ мистеромъ Гильфилемъ, мо-
было замѣтить, что и мущины и женщины наблюдали за со-
, и никогда не были равнодушны къ его мнѣнію о нихъ.

о же уваженіе встрѣчалъ онъ и при исполненіи чисто духов-
ъ своихъ обязанностей. Польза крещенія тѣсно слилась въ
къ шеппертонскихъ жителей съ личностью мистера Гиль-
я; метафизическое различіе между человѣкомъ и саномъ
о чуждо уму добрыхъ шеппертонскихъ прихожанъ. Когда
теръ Гильфиль былъ боленъ, миссъ Селина Парротъ на цѣлый
яцъ отложила свою свадьбу, чтобы только не быть обвѣнчан-
о Богъ вѣсть кѣмъ и какъ.

Digitized by Google

— Славную мы нынче утромъ слышали проповѣдь, почти ка-
дый разъ замѣчали прихожане, выслушавъ одну изъ старых
пожелтѣвшихъ рѣчей, пріятную имъ именно потому, что сл
шали они ее въ двадцатый разъ: на умы этой степени разви
повторенія дѣйствуютъ гораздо сильнѣе неожиданности и но
зны, и обороты рѣчи, подобно напѣвамъ, не скоро прио
таютъ.

Проповѣди мистера Гильфиля, какъ вы можете себѣ предста
не имѣли никакого особеннаго направленія; я долженъ созна
что они даже не очень сильно затрогивали совѣсть: вспом
что мистрисъ Паттенъ, тридцать лѣтъ внимательно слуша
ихъ, была несказанно оскорблена и возмущена, когда
Бартонъ намекнулъ ей, что она грѣшница и нуждается в
лосердіи Божіемъ; но, съ другой стороны, онѣ были удобо
ны, развивая почти исключительно то простое предложе
человѣкъ, поступающій хорошо, найдетъ себѣ награду; что
но значило поступать дурно, объяснялось въ отдѣльных
вѣдяхъ о лжи, злословіи, гнѣвѣ, лѣности и т. п.; а хорош
ступать значило придерживаться честности, правдивости,
тости, трудолюбія и другихъ не затѣйливыхъ, будничныхъ
бродѣтелей, не имѣющихъ ничего общаго съ тонкостями бо
словскаго ученія. Мистриссъ Паттенъ понимала, что если сы
ея будутъ водянисты, она поплатится за это на томъ свѣтѣ и
кажется, проповѣдь о злословіи вовсе не такъ была для нея ка
Мистрисъ Гакитъ осталась очень довольна проповѣью о
ности, гдѣ говорилось о невѣрныхъ вѣсахъ и лживомъ
что стало для нея особенно ясно вслѣдствіе недавней ссоры
лавочникомъ; но незамѣтно было, чтобы на нее очень сил
дѣйствовала проповѣдь о гнѣвѣ.

Но заподозрить чистоту ученія мистера Гильфиля, поро
что-нибудь въ его пріемахъ или способѣ выражаться, никогда
приходило въ голову его шеппертонскихъ прихожанъ, т
самыхъ прихожанъ, которые, лѣтъ десять или пятнадцать
стя, выказали такую требовательность относительно мист
Бартона. Но въ это время, они успѣли вкусить опасный пл
древа познанія—нововведеніе, открывающее, какъ извѣстно,
дямъ глаза, но не всегда пріятнымъ для нихъ образомъ. Т
же критиковать проповѣдь значило почти то же, что
дать на самую религію. Племянникъ мистера Гакита, мис
Томъ-Стоксъ, бойкій городской юноша, привелъ однажды
ужасъ своихъ почтенныхъ родственниковъ, объявивъ, что он
можетъ написать проповѣдь не хуже проповѣдей мистера Ги
филя; вслѣдствіе чего, мистеръ Гакитъ, желая совершен
устыдить дерзкаго юношу, предложилъ ему золотой, е

Digitized by Google

нъ исполнить то, чѣмъ хвастался. Проповѣдь, однако, была аписана; и хотя никто не хотѣлъ допустить, чтобъ она сколь-нибудь была похожа на проповѣди мистера Гильфиля, она ѣмъ не менѣе такъ была похожа на проповѣдь вообще, имѣя и кстъ, и три отдѣла, и заключительное поученіе, начинающее-словами: «А теперь, братія мои», что̀ золотой, хотя онъ не лъ выданъ изъ приличія, въ послѣдствіи очутился въ карманѣ лодаго человѣка, и его проповѣдь была признана въ его от-тствіе «мастерскою штукой».

Конечно, преподобный мистеръ Пикардъ, изъ диссентеровъ, проповѣди, произнесенной имъ въ Рогерби, о бѣдственномъ ложеніи Новаго Сіона, выстроеннаго при избыткѣ вѣры и достаткѣ капитала, выходцами изъ первоначальнаго Сіона, ъявилъ, что онъ живетъ въ приходѣ, гдѣ пастырь «шествуетъ во акѣ»; и во время службы онъ молился объ оглашенныхъ и не освѣщенныхъ свѣтомъ истины, намекая на прихожанъ мисте-Гильфиля. Но мнѣ и говорить нечего, съ какимъ отвращеніемъ негодованіемъ эти прихожане смотрѣли на мистера Пикарда. И не только шеппертонскимъ фермерамъ было пріятно обще-во мистера Гильфиля, онъ былъ желаннымъ гостемъ во мно-къ изъ лучшихъ домовъ того края. Старый сэръ-Джасперъ Сит-ль былъ бы радъ видѣть его у себя каждую недѣлю; и еслибы видѣли, какъ мистеръ Гильфиль велъ къ столу леди Ситвелъ, и слышали съ какою старомодною, но тѣмъ не менѣе изящною безностію онъ говорилъ съ ней, вы бы заключили, что онъ да-нибудь жилъ въ обществѣ другаго рода чѣмъ то, которое ъ могъ найдти въ Шеппертонѣ, и что его безцеремонные пріи и разговоры спустя рукава не что̀ иное какъ слѣды непо-ды на старомъ мраморномъ памятникѣ, дозволяющіе еще кой-различить нѣжность и красоту первоначальнаго цвѣта. Но лѣтами эти выѣзды стали въ тягость старому джентльмену, его рѣдко можно было найдти гдѣ-нибудь, кромѣ какъ въ пре-ахъ его прихода, чаще всего у собственнаго камина, съ бокой въ зубахъ и стаканомъ джина съ водой подлѣ.

дѣсь я замѣчаю, что подвергаюсь опасности возстановить отивъ себя всѣхъ своихъ прекрасныхъ читательницъ, и со-шенно подавить въ нихъ всякое желаніе узнать подробно-о любви мистера Гильфиля. Джинъ съ водой! Фи! вы можетъ-ть захотите послѣ этого, чтобы мы заинтересовались рома-мъ производителя сальныхъ свѣчъ, въ головѣ кото[illegible]го образъ любленной сливается съ мыслію о топленомъ салѣ и фити-ъ.

Но, во-первыхъ, многоуважаемыя читательницы, позвольте вамъ тить, что джинъ съ водой, подобно тучности, плѣшивой

Digitized by Google

головѣ и подагрѣ, вовсе не исключаетъ самаго романическаго и
этическаго прошедшаго, точно такъ же какъ и накладки, котор
вы, быть-можетъ, когда-нибудь надѣнете, не будутъ знать, ч
у васъ никогда не было роскошной косы. Увы! мы, жалкія смер
ные, часто бываемъ ничѣмъ не лучше древеснаго пепла, в
и слѣда не остается той свѣжей, сочной зелени, нѣкогда
шей зеленую вѣтвь; но, глядя на него, мы знаемъ, что и
когда-то кипѣла молодая жизненная сила. Мнѣ, по крайней мѣ
рѣдко случалось видѣть согбеннаго старика или смор
рушку безъ того, чтобы передъ моимъ духовнымъ окон
стала картина тогопрошедшаго, которому они принадлежа
недоконченная повѣсть свѣжихъ щекъ и блестящихъ глаз
жется мнѣ иногда незначащею и незанимательною въ сра
съ тою длинною драмой, полною надеждъ и страсти, ко
дошедшею до своей развязки и оставившею бѣдную душ
пыльныя и мрачныя подмостки театра, съ разсѣянными
мимъ въ безпорядкѣ напоминаніями о прежнемъ ихъ бл
красотѣ.

Вовторыхъ, позвольте мнѣ васъ увѣрить, что мистеръ Гил
потреблялъ сей неблаговидный напитокъ самымъ
нымъ образомъ. Носъ его не былъ красенъ, бѣлые волосы
ляли его лицо. Пилъ онъ джинъ, я полагаю, вѣроятно пот
что онъ былъ дешевъ; и здѣсь я нечаянно наткнулся на
слабость викарія, о которой, еслибъ я хотѣлъ его выста
самомъ выгодномъ свѣтѣ, я быть-можетъ умолчалъ бы.
мнѣнно было, что съ лѣтами мистеру Гильфилю станови
труднѣе и труднѣе выпускать изъ рукъ денежки,—как
жался мистеръ Гакитъ, — хотя наклонность эта прояв
больше въ стремленіи уменьшить собственные расходы
томъ, чтобъ отказывать въ помощи людямъ нуждавшимся. Са
себѣ говорилъ онъ, какъ бы въ извиненіе, что копитъ
для племянника, единственнаго сына сестры, которая, за
ніемъ одного только существа, была главною привязанно
жизни. Мое маленькое состояніе, думалъ онъ, поможетъ
биться въ жизни, и онъ когда-нибудь съ молодою
пріѣдетъ на могилку старика дяди. Для его семейнаго
быть-можетъ будетъ къ лучшему, что я жизнь свою
одиноко.

— Итакъ мистеръ Гильфиль былъ холостякъ?

Вы б
вѣроятно дошли до этого заключенія, если
глянули въ его столовую, гдѣ голые столы, неуклюжія, с
жесткія кресла, изодранный турецкій коверъ, вѣчно
ный табакомъ, гласилъ, казалось, о жизни не женатой.
натѣ не было ничего такого, ни портрета, ни слѣда

Digitized by Google

лія, ни изящной, не нужной бездѣлушки, которыя могли бы ергнуть это заключеніе. Здѣсь-то мистеръ Гильфиль про- свои вечера, почти всегда наединѣ съ своимъ старымъ мъ Понто, который лежалъ передъ каминомъ у ногъ его, съ морду лапами, и только изрѣдка поднималъ ее, чтобы юбно взглянуть на своего хозяина. Но въ домѣ была а, гласившая другое чѣмъ эта мрачная столовая,—ком- куда никто не входилъ, кромѣ мистера Гильфиля и старой ицы Марты, составлявшей съ мужемъ своимъ Давидомъ, икомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грумомъ, всю прислугу Ставни въ этой комнатѣ были всегда затворены, кромѣ раза въ три мѣсяца, когда Марта входила въ нее, вымести въ ней пыль и впустить въ нее свѣжій воздухъ. егда спрашивала ключъ отъ нея у мистера Гильфиля, ко- запиралъ его въ своей конторкѣ, и, покончивъ свое дѣло, дала ему этотъ ключь.

ательную картину озарялъ дневный свѣтъ, когда Марта ала тяжелыя занавѣси и открывала глубокое окно съ го- имъ переплетомъ. На маленькомъ туалетномъ столикѣ сто- рошенькое зеркало въ рѣзной золоченой рамѣ; въ придѣ- хъ къ нему подсвѣчникахъ еще стояли низенькія восковыя и на ручкѣ одного изъ этихъ подсвѣчниковъ висѣлъ чер ружевной платочекъ; полинялая подушка для булавокъ, кнутыми въ нее заржавѣвшими булавками, флаконъ для , и большой зеленый вѣеръ лежали на столѣ; а на коммодѣ, зеркала, стояла рабочая корзинка, съ недоконченнымъ, вшимъ отъ времени, дѣтскимъ чепчикомъ. Два платья, забытаго покроя, висѣли у дверей, и пара миніатюрныхъ ихъ туфель, съ почернѣвшимъ серебрянымъ шитьемъ, сто- лѣ кровати. Два или три акварельные вида Неаполя укра- стѣны, а надъ каминомъ висѣли двѣ миніатюры въ овальн- рамкахъ: одна изъ нихъ представляла молодаго человѣка вадцати семи, съ здоровымъ цвѣтомъ лица, свѣжими, пол- тубами и яснымъ открытымъ взглядомъ. На другой—была авлена дѣвушка, не старше вѣроятно восемнадцати лѣтъ, кими чертами, блѣднымъ южнымъ цвѣтомъ лица, и боль- черными глазами. Молодой человѣкъ былъ напудренъ; тем- олосы дѣвушки были зачесаны назадъ, и крошечный че- съ ярко-малиновымъ бантомъ, казалось, чуть держался на енькой головкѣ—кокетливый уборъ, но въ глазахъ можно прочесть больше грусти чѣмъ кокетства.

этихъ-то вещей Марта сметала пыль, четыре раза въ годъ, о времени, когда она была еще цвѣтущею молодою дѣвуш- а теперь, въ это послѣднее десятилѣтіе жизни мистера Гиль-

Digitized by Google

филя, ей уже несомнѣнно было за пятьдесятъ лѣтъ. Такова была запертая комната въ домѣ мистера Гильфиля: словно наглядный образъ того тайнаго уголка въ его сердцѣ, гдѣ онъ давно схоронилъ всѣ надежды и горе своей молодости, всю поэзію своей жизни.

Не много, кромѣ Марты, было людей въ приходѣ, которые бы сохранили ясное воспоминаніе о женѣ мистера Гильфиля, или бы вообще знали о ней что-нибудь, кромѣ того, что въ церкви надъ пасторскою скамьей была мраморная плита съ латинской надписью въ память ея. Тѣ изъ прихожанъ, которые помнили ее не были одарены умѣньемъ краснорѣчиво излагать свои мысли и отъ нихъ вы не узнали бы ничего, кромѣ того, что «мистрисъ Гильфиль была иностранка, съ такими глазами, что вы не повѣрите, и голосомъ, отъ котораго васъ бросало то въ жаръ, то въ холодъ, когда она пѣла въ церкви.» Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи была мистрисъ Паттенъ, которая, благодаря своей отличной памяти и страсти разказывать была драгоцѣннымъ хранилищемъ грустныхъ преданій Шеппертона. Мистеръ Гакитъ, поселившійся въ Шеппертонѣ только десять лѣтъ послѣ смерти мистрисъ Гильфиль, часто предлагалъ старые вопросы мистрисъ Паттенъ, для того чтобы получать отъ нея старые отвѣты, имѣвшіе для него ту же прелесть, какую для болѣе-образованныхъ людей имѣютъ отрывки изъ любимой книги, изъ давно-знакомой комедіи.

— Такъ вы хорошо помните то воскресенье, когда мистрисъ Гильфиль въ первый разъ явилась въ церкви, мистрисъ Паттенъ?

— Еще бы! День былъ чудесный; въ самомъ началѣ сѣновала мистеръ Тарбетъ читалъ проповѣдь въ этотъ день, а мистеръ Гильфиль сидѣлъ съ женой на своей скамьѣ. Я какъ теперь вижу его, какъ онъ велъ ее подъ руку: голова ея доходила немного выше его локтя; сама она такая была блѣдная, а глаза у нея были черные-пречерные, но глядѣла она ими какъ-то странно, какъ-то разсѣянно въ даль.

— И вѣрно на ней было вѣнчальное платье? спрашивалъ мистеръ Гакитъ.

— Самый простой нарядъ: бѣлая шляпа, подвязанная подъ подбородкомъ, и прозрачное бѣлое кисейное платье. Но вы и представить себѣ не можете каковъ въ тѣ дни былъ мистеръ Гильфиль! Къ тому времени, когда вы пріѣхали въ Шеппертонъ, онъ уже совершенно измѣнился. У него были тогда румяныя щеки и такіе блестящіе, смѣющіеся глаза, что весело было на него смотрѣть. Въ то воскресенье, казалось, онъ не помнилъ себя отъ радости, но, не знаю почему, я уже тогда имѣла предчувствіе, что не долго ему радоваться. Иностранцы—не надеж-

Digitized by Google

ный народъ, мистеръ Гакитъ: я путешествовала съ своими господами, и насмотрѣлась на ихъ мерзкую пищу и дурацкую жизнь.

— Мистрисъ Гильфиль была Италіянка, не правда ли?

— Я полагаю, что такъ, но не знаю навѣрное. Съ мистеромъ Гильфилемъ никто никогда не смѣ лъговорить о ней, а всѣ другіе ничего не знали кто она такая. Но должно-быть она съ самаго дѣтства юспотывалась въ Англіи, оттого что на нашемъ языкѣ говорила она ехужева съ и меня. У этихъ Италіянокъ всегда отличные голоса, когда мистрисъ Гильфиль пѣла, нельзя было не заслушаться. Онъ привезъ ее однажды ко мнѣ вечеркомъ и говоритъ мнѣ воимъ веселымъ, добродушнымъ голосомъ:—А вотъ, мистрисъ Паттенъ, я вамъ привезъ жену, чтобъ она отвѣдала лучшаго чаю всемъ Шеппертонѣ; а вы покажите ей вашу молочню и сыры, потомъ она вамъ что-нибудь споетъ. И она пѣла у меня, а лось ея то, казалось, наполнялъ всю комнату, то звучалъ тихо и жно, и такъ и хваталъ за сердце.

— И ужь послѣ того вы не слыхали ея?

— Да, она ужь и тогда была больна, а черезъ нѣсколько мѣсяевъ и умерла. И всего-то она прожила въ приходѣ не болѣе угода. Она не весело смотрѣла въ тотъ вечеръ; я видѣла, что мало нужды до молочни и сыровъ, и что она разсматриваетъ е только для того, чтобъ угодить мужу. А ужь онъ—я и скать не умѣю, какъ онъ былъ въ нее влюбленъ! не насмотрится, налюбуется на нее, радъ бы на рукахъ ее носить, чтобы ько не дать ей бывало сдѣлать лишняго шага. Смерть ея чуть убила его, хотя онъ много бралъ на себя, не переставалъ ъѣзжать по приходу и исполнялъ всѣ свои обязанности. Но ъ превратился въ тѣнь, и въ большихъ его глазахъ было столько сти и отчаянія, что вы бы не узнали его.

— Онъ не взялъ за ней состоянія?

— Нѣтъ. Все состояніе мистера Гильфиля перешло ему отъ ери. Съ этой стороны были и деньги и связи; жаль, что онъ ъ женился: съ его наружностью и состояніемъ ему нигдѣ не ю бы отказа, и теперь бы вокругъ него играли внуки. А же такъ любитъ дѣтей.

Такимъ образомъ мистрисъ Паттенъ обыкновенно заключала й разказъ о женѣ пастора, о которой, какъ вы замѣчаете, она знала ьма мало. Ясно было, что сообщительная старушка ничего нала о жизни мистрисъ Гильфиль до ея пріѣзда въ Шеппертъ, и что ей не были извѣстны подробности о любви мистера ьфиля.

Но я, любезный читатель, такъ же болтливъ, какъ мистрисъ

Digitized by Google

Паттенъ, а свѣдѣній имѣю гораздо больше, и если вамъ люб
пытно узнать еще что-нибудь о романѣ мистера Гильфила, вз
стóитъ только перенестись воображеніемъ въ конецъ прошл
столѣтія и удостоить вашего вниманія слѣдующую главу.

ГЛАВА II.

Наступаетъ вечеръ 21-го іюня 1788 года. День бы
знойный и ясный, и солнце еще далеко не сѣло. Но его лу
пробиваясь сквозь густую листву высокихъ вязовъ пари
ряютъ свою жгучесть, и не мѣшаютъ двумъ дамамъ вын
изъ дому свои подушки и работы, и усѣсться на лугу пе
фасадомъ Чеверельскаго замка. Мягкая трава пригибается по
подъ легкими шагами младшей изъ двухъ дамъ, которую, по
высокому ея росту и нѣжному складу, съ перваго взгляда мо
было бы принять за ребенка. Она идетъ впереди съ подушк
и кладетъ ихъ на свое любимое мѣсто, у самаго спуска, по
купой лавровъ, откуда дамы эти могутъ видѣть солнечные лу
играющіе между водяными лиліями, а сами могутъ быть ви
изъ оконъ столовой. Она разложила подушки, а теперь об
рачивается, и даетъ вамъ случай вполнѣ разсмотрѣть ея ли
обращенное къ медленно-подвигавшейся старшей дамѣ. Вы
тотчасъ же поражаютъ ея большіе черные глаза, напомин
щіе своею безстрастною, невинною красотой глаза ми
вы не съ разу обращаете вниманіе на совершенное отсут
румянца на ея молодыхъ щекахъ, и на южный, желтоватый ко
ритъ ея нѣжнаго лица и шеи, выглядывающей изъ-за чер
кружевной косыночки, не допускающей слишкомъ близкаго см
ненія между ея бѣлымъ кисейнымъ платьемъ и цвѣтомъ ея ко
Ея большіе глаза кажутся еще поразительнѣе отъ того, что ге
ея волосы зачесаны назадъ, подъ крошечный чепецъ, съ кр
малиновымъ бантомъ съ одной стороны, надѣтый на самую в
хушку ея головки.

Другая дама ни въ чемъ не похожа на черноглазую дѣвуш
Она высока ростомъ, и кажется еще выше отъ того, что ея
пудренные волосы зачесаны кверху на высокій тупей, и у
крыты кружевами и лентами. Ей около пятидесяти лѣтъ,
цвѣтъ ея лица еще свѣжъ и блещетъ колоритомъ нѣж
блондинки; ея гордыя, презрительныя губы, и нѣсколько вз
нутая назадъ голова, придаютъ ея лицу выраженіе надмен
которому не противорѣчатъ ея холодные, сѣрые глаза. Косы

Digitized by Google

унутая подъ низкій воротъ ея узкаго голубаго корсажа,
лнѣ обозначаетъ величественныя очертанія ея стройнаго стана,
лядя, какъ она плавно выступаетъ по лугу, невольно прихо-
о на умъ, что это одна изъ величественныхъ дамъ Рей-
ьдса, которая вздумала выйдти изъ своей рамки, чтобы по-
пать вечернею прохладой.

— Положите подушки ниже, Катерина; здѣсь слишкомъ много
нца, еще издали воскликнула она повелительнымъ го-
омъ.

Катерина исполнила ея приказаніе, и онѣ усѣлись, составляя
себя два яркія пятна, красное и голубое съ бѣлымъ на зе-
омъ фонѣ лавровъ и луга, которыя на картинѣ были бы отъ
о не менѣе красивы, что сердце одной изъ этихъ женщинъ
ю нѣсколько холодно, а сердце другой очень грустно.

ѣ прелестную картину представилъ бы въ этотъ вечеръ Че-
ельскій замокъ, еслибы случился тутъ какой-нибудь ан-
скій Ватo, чтобъ изобразить его на полотнѣ: домъ изъ
аго камня въ старинномъ стилѣ, съ своими готическими
ами, пропускающими сквозь свои разноцвѣтныя стекла зо-
ые солнечные лучи, и огромный букъ, закрывающій до по-
ины боковую башню и разбивающій своими темными вѣтвями
шкомъ строгую симметрію фасада; широкая дорожка, усы-
ная пескомъ, ведущая направо къ пруду вдоль ряда высо-
ъ сосенъ, налѣво вьющаяся середи зеленыхъ пригорковъ, по-
тыхъ группами деревьевъ, гдѣ красный стволъ шотландской
и горитъ на яркой зелени липъ и акацій; широкій прудъ,
которому лѣниво плаваютъ два лебедя, засунувъ одну лапу
крыло, и гдѣ открытыя водяныя лиліи спокойно глядятъ на
кающіе ихъ солнечные лучи; лугъ съ своею нѣжною, бар-
ною зеленью, отлого спускающійся къ болѣе грубой и
ной травѣ парка, отъ которой незамѣтно отдѣляетъ ее ма-
ькій ручеекъ, вытекающій изъ пруда и исчезающій подъ ка-
нымъ мостикомъ, ведущимъ въ паркъ; и на этомъ лугу двѣ
ы, которыхъ роль въ ландшафтѣ живописецъ, избравшій себѣ
одное мѣсто для общаго обзора картины, обозначилъ бы
мя-тремя красными, бѣлыми и голубыми точками.

Но изъ большихъ готическихъ оконъ столовой онѣ были видны
ѣе, и представлялись глазамъ трехъ джентльменовъ, допи-
шихъ послѣ обѣда свое вино двумя миловидными женщинами,
ыми каждому изъ трехъ по весьма различнымъ причинамъ. Эти
человѣка составляли группу, на которую стоило взглянуть
нимательнѣе; но, при входѣ въ эту столовую, каждаго бы,
ятно, сильнѣе поразила сама комната, до такой степени
тая, что красотой своихъ размѣровъ она производила впе-

Digitized by Google

чатлѣніе готическаго собора. Простая ковровая дорожка, ведущая отъ однихъ дверей къ другимъ, довольно истертый коверъ, разостланный подъ столомъ, и буфетъ въ углубленіи стѣны, не на минуту не отвлекали взгляда отъ высокихъ сводовъ потолка, съ его богатыми украшеніями, желтовато-бѣлаго, мягкаго цвѣта, кой-гдѣ отѣненнаго золотомъ. Съ одной стороны этого высокій потолокъ былъ поддержанъ столбами и арками, за которыми болѣе низкій потолокъ, миніатюрная копія большаго, покрывалъ квадратный выступъ, составлявшій съ своими тремя остроконечными окнами середину фасада дома. Комната болѣе была похожа на изящную архитектурную модель чѣмъ на столовую; и маленькій столъ съ сидѣвшими вокругъ него людьми производилъ болѣе впечатлѣніе странной, не значащей случайности, нежели чего-нибудь стоящаго въ связи съ первоначальнымъ назначеніемъ комнаты.

Но кто внимательнѣе вглядѣлся бы въ этихъ людей, тотъ не нашелъ бы ихъ незначащими; старшій изъ нихъ, читавшій вслухъ отчетъ о послѣднихъ многозначительныхъ событіяхъ во Франціи и обращавшійся отъ времени до времени съ какимъ-нибудь замѣчаніемъ къ своимъ молодымъ слушателямъ, былъ отличнымъ образчикомъ англійскаго джентльмена того почтеннаго времени, когда процвѣтали кафтаны и пудра. Его темные глаза быстро глядѣли изъ-подъ навислыхъ и густыхъ сѣдыхъ бровей, но всякое подозрѣніе въ строгости, возбуждаемое этимъ проницательнымъ взглядомъ и орлинымъ носомъ, исчезало при взглядѣ на добродушныя очертанія его рта, сохранившаго всѣ свои зубы и всю свою выразительность на зло шестидесяти годамъ. Лобъ, начиная съ бровей, нѣсколько подавался назадъ и острая форма его головы становилась еще замѣтнѣе отъ его прически: напудренные волосы всѣ были зачесаны назадъ и заплетены въ косу. Онъ сидѣлъ на маленькомъ жесткомъ стулѣ, не представлявшемъ ни малѣйшей возможности развалиться на немъ и выказывавшемъ необыкновенную прямизну его стана. Одинъ словомъ, сэръ-Кристоферъ Чеверель былъ великолѣпный старикъ въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, кто войдетъ въ гостиную Чеверельскаго замка, гдѣ портретъ его во весь ростъ, писанный съ него, когда ему было пятьдесятъ лѣтъ, виситъ рядомъ съ портретомъ его жены, величественной дамы, усѣвшейся на [illegible].

Глядя на сэръ-Кристофера, вамъ невольно пришло бы на голову пожелать, чтобъ у него былъ взрослый сынъ и наслѣдникъ; но быть-можетъ вы бы не захотѣли, чтобъ оказался имъ вотъ тотъ молодой человѣкъ, сидѣвшій по правую руку отъ баронета, и выигрывавшій его очертаніемъ лба и носа. Еслибъ этотъ молодой человѣкъ не былъ самъ такъ изященъ отъ головы до ногъ, то [illegible]

Digitized by Google

непремѣнно замѣтили по изяществу его костюма. Но ершенства его гибкаго, стройнаго стана были такъ поразиьны, что никто, кромѣ портнаго, не замѣтилъ бы совершенствъ бархатнаго кафтана; его маленькія бѣлыя руки, съ своими кими пальцами и голубыми жилками, совершенно затмевали соту его кружевныхъ манжетъ. Лицо его, однако, не было ятно, и трудно сказать почему. Ничего не могло быть нѣжнѣе та его лица, свѣжесть котораго была еще поразительнѣе въ вленіи съ его напудренными волосами, ничего не могло быть жнѣе его синихъ, томныхъ вѣкъ, придававшихъ что-то лѣнивое ажению его карихъ глазъ; ничто не могло быть тоньше и це очертанія его прозрачныхъ ноздрей и верхней губы. гъ-можетъ, подбородокъ былъ бы слишкомъ коротокъ для укоризненнаго профиля, но этотъ недостатокъ только болѣе авалъ нѣжность и тонкость его лица, и шелъ къ общему его хатеру. Невозможно было не согласиться, что лицо это необыкноно красиво; и однако, для большей части мущинъ и женщинъ, было лишено всякой прелести. Женщинамъ не нравились а, которые, казалось, сами лѣниво требовали ѳиміама лести, сто того чтобы расточать его; а мущины, особенно же если не отличались стройностью и красотой, чувствовали сильпобужденіе назвать этого Антиноя въ пудрѣ «пошлымъ нтикомъ.» Я подозрѣваю, что преподобный Менардъ Гильь, сидѣвшій противъ него за столомъ, совершенно раздѣлялъ мнѣніе, хотя въ его собственномъ складѣ и профилѣ не было его такого, что бы могло развить въ немъ особенное недоброательство къ красотѣ другихъ. Его свѣжее, открытое лицо и йные члены были такіе, какихъ лучше не нужно для жизаго обихода, и, по мнѣнію мистера Бетса, шотландскаго саника, гораздо бы больше пришлись къ военному мундиру, ь «птичій» носъ и нѣжный складъ капитана Вибрау, нетря на то, что этотъ молодой джентльменъ, какъ племянникъ ареченный наслѣдникъ сэръ-Кристофера, имѣлъ сильнѣйшее ю на уваженіе садовника и, что ни говори, былъ также не женъ природой. Но увы! въ желаніяхъ своихъ люди отлится необыкновеннымъ упорствомъ; и человѣка, который желаетъ сника, не утѣшитъ самая великолѣпная морковь. Мистеръ Гильъ вовсе не былъ чувствителенъ къ мнѣнію мистера Бетса, но ъ очень чувствителенъ къ мнѣнію о себѣ другой особы, коя вовсе не раздѣляла пристрастія къ нему мистера Бетса.

то была эта другая особа не трудно было бы отгадать, еслибъ тить вниманіе на взглядъ, какимъ мистеръ Гильфиль проълъ молодую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, когда она прошла угу съ подушками. Капитанъ Вибрау смотрѣлъ въ ту же

Digitized by Google

сторону, но на его красивомъ лицѣ не выражалось рѣшительно ничего.

— А, сказалъ сэръ-Кристоферъ, оторвавъ на минуту глаза отъ газеты, — вотъ гдѣ усѣлись наши дамы! Позвоните, Антони, и прикажите подать кофе; мы присоединимся къ нимъ, и попросимъ обезьянку Тину спѣть намъ что-нибудь.

Кофе не замедлилъ появиться, но противъ обыкновенія внесъ его не лакей, а старый дворецкій, въ потертомъ, но тщательно вычищенномъ черномъ кафтанѣ.

— Извините, сэръ-Кристоферъ, сказалъ онъ, поставивъ кофейникъ на столъ,—вдова Гартопъ здѣсь; она плачетъ и проситъ позволенія поговорить съ вашею милостью.

— Я уже далъ Маркгему, всѣ нужныя приказанія насчетъ вдовы Гартопъ, рѣзкимъ, рѣшительнымъ голосомъ отвѣтилъ сэръ-Кристоферъ.—Мнѣ не зачѣмъ говорить съ нею.

— Ваша милость, смиреннымъ голосомъ продолжалъ дворецкій,—бѣдная женщина совершенно убита, и говоритъ, что не будетъ въ состояніи ни спать, ни ѣсть, пока не поговоритъ съ вашею милостью, и проситъ васъ простить ей за то, что она позволила себѣ безпокоить васъ въ такое время. Она такъ и заливается слезами.

— Знаю, знаю; слезы товаръ не покупной. Хорошо, проведите ее въ библіотеку.

Покончивъ съ кофеемъ, молодые люди вышли въ отворенныя двери и направились къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли дамы; а сэръ-Кристоферъ отправился въ библіотеку, сопровождаемый Рутландомъ, его любимою гончею собакой, которая во время обѣда сидя на своемъ обычномъ мѣстѣ, по правую руку барона, отличалась своею вѣжливостью и любезностью; но какъ только принимали скатерть, она исчезала подъ столъ, находя вѣроятно что графины и рюмки составляютъ слабость человѣческую, которую можно простить, но нельзя одобрить.

Библіотека находилась въ трехъ шагахъ отъ столовой, въ другую сторону устланнаго коврами корридора. Выступающее окно находилось въ тѣни большаго бука, и отъ этого, а также отъ плоскаго потолка, покрытаго тяжелою рѣзьбой, и отъ темныхъ цвѣта книгъ, покрывавшихъ стѣны, комната казалась нѣсколько мрачною, особенно же если войдти въ нее изъ столовой съ ея воздушными сводами и сѣтью бѣлыхъ, кой-гдѣ отѣненныхъ золотомъ, украшеній. Когда сэръ-Кристоферъ отворилъ дверь, то болѣе яркаго свѣта упалъ на женщину въ глубокомъ трауре, которая стояла посереди комнаты и глубоко присѣла передъ нимъ. Она была цвѣтущая женщина лѣтъ около сорока, съ глазами красными отъ слезъ, которыя вѣроятно поглотилъ платокъ, принявшій видъ сыраго комка въ ея рукѣ.

Digitized by Google

— Здравствуйте, мистрисъ Гартонъ, сказалъ сэръ-Кристоферъ, щелкнувъ пальцемъ по крышкѣ своей золотой табакерки; — что вы имѣете мнѣ сказать? Маркгемъ уже вѣроятно увѣдомилъ васъ, когда вамъ нужно будетъ оставить ферму.

— Да, сударь, за этимъ я и пришла. Я смѣю надѣяться, что ваша милость передумаете и не выгоните меня съ бѣдными моими дѣтьми изъ фермы, за которую мужъ мой всегда платилъ исправно и въ срокъ.

— Пустяки! что вы выиграете, желалъ бы я знать, оставаясь на фермѣ и утратя на нее все, что оставилъ вамъ вашъ мужъ, вмѣсто того чтобы продать скотъ и всѣ ваши запасы, и поселиться въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ, гдѣ вы можете сберечь свои денежки. Всѣмъ живущимъ на моихъ земляхъ извѣстно, что я никогда не позволяю вдовамъ оставаться на фермахъ, которыми управляли ихъ мужья.

— Ахъ, сэръ-Кристоферъ, вникните, ваша честь, въ мое положеніе, когда я продамъ и сѣно, и хлѣбъ, и всю живность, заплачу долги и обзаведусь новымъ хозяйствомъ, у меня развѣ останется столько, чтобы мнѣ съ дѣтьми не умереть съ голоду? И какъ же мнѣ тогда воспитать своихъ мальчиковъ и отдать ихъ въ ученіе? Придется имъ быть поденщиками, а отецъ ихъ былъ, можно сказать, примѣрнымъ фермеромъ: пшеницу никогда не мололъ какъ прямо съ поля, а всегда бывало напередъ уберетъ ее въ кирды, соломы никогда не продавалъ съ фермы, и ничего такого. У кого хотите спросите, худаго про него никто не скажетъ. «Бесси, говорилъ онъ мнѣ, Бесси»,—это были послѣднія его слова,—«не запускай фермы, если сэръ-Кристоферъ позволитъ тебѣ остаться въ ней.»

— Полно, полно, сказалъ сэръ-Кристоферъ, воспользовавшись минутой, когда рыданія прервали рѣчь мистрисъ Гартонъ,—выслушайте меня и постарайтесь понять, что я вамъ говорю. Вы столько же въ состояніи управлять фермой, какъ ваша лучшая дойная корова. Вы должны будете взять къ себѣ свѣдущаго по хозяйству человѣка, а онъ или дочиста обберетъ васъ, или уговоритъ васъ *пойдти* за него.

— О, сударь, не такая я женщина! за мной этого никогда не водилось.

— Не удивительно! Вамъ еще никогда не случалось быть вдовой. У женщинъ всегда много блажи въ головѣ, а ужь особенно въ ту пору, когда имъ придется надѣть вдовій чепецъ. Ну, разсудите же сами: если вы останетесь на фермѣ, черезъ два-три года хозяйство придетъ въ упадокъ, деньги всѣ уйдутъ у васъ сквозь пальцы, и хорошо еще если за вами не будетъ недоимокъ; или, быть-можетъ, вы выйдете замужъ за какимъ-нибудь негодяемъ, который васъ и вашихъ дѣтей будетъ бить и притѣснять

Digitized by Google

— Я знаю толкъ въ хозяйствѣ, сэръ-Кристоферъ; съ малолѣтства, можно сказать, меня пріучали къ этому дѣлу. Тетка отца моего мужа завѣдывала фермой двадцать лѣтъ и отказала свой капиталъ всѣмъ своимъ внучатнымъ племянникамъ и племянницамъ, въ томъ числѣ и моему мужу, которымъ тогда была беременна его мать.

— Должно-быть она была двѣнадцати вершковъ роста, косая съ могучими руками, гренадеръ въ юпкѣ. Не такая красивая вдовушка какъ вы, мистрисъ Гартопъ.

— Никогда я не слыхала, сударь, чтобъ она была коса, а знаю я, что еслибъ она захотѣла, такъ могла бы и не разъ выйдти замужъ, и не за такихъ людей, которые бы только искали ея богатства.

— Да, да, всѣ вы это воображаете. Всякій, кто только взглянетъ на васъ, ужь непремѣнно желаетъ на васъ жениться, и даже былъ бы очень радъ, еслибъ у васъ еще вдвое больше было дѣтей, и вдвое меньше денегъ. Но нечего тутъ разсуждать и плакать. Я знаю, что я дѣлаю, и не измѣню своего рѣшенія. Я совѣтую вамъ думать теперь только о томъ, какъ бы вамъ повыгоднѣе сбыть всю вашу движимость да высмотрѣть себѣ мѣстечко, куда бы вамъ переселиться, когда придетъ срокъ оставить ферму. А теперь ступайте къ мистрисъ Беллами, и скажите ей, чтобъ она собрала для васъ чай.

Мистрисъ Гартопъ, понявъ по рѣшительному тону сэръ-Кристофера, что просьбы ея ни къ чему не поведутъ, низко присѣла передъ нимъ и удалилась, а баронетъ сѣлъ за свой письменный столъ въ углубленіи окна, и написалъ слѣдующую записку:

«Мистеръ Маркгемъ, не хлопочите объ отдачѣ внаймы Краутфутскаго коттеджа; я хочу поселить въ немъ вдову Гартопъ, когда она оставитъ ферму. Если вы будете здѣсь въ субботу утромъ, я поѣду съ вами, чтобы распорядиться насчетъ поправокъ; нужно также будетъ прирѣзать полосу земли къ огороду, чтобъ она могла держать корову и свиней. Преданный вамъ

Кристоферъ Чеверель.»

Ославъ письмо, сэръ-Кристоферъ вышелъ въ садъ, чтобы присоединиться къ обществу на лугу. Но на лугу нашелъ онъ однѣ покинутыя подушки, и отправился къ восточному фасаду дома, гдѣ большая стеклянная дверь залы открывалась на длинную перспективу свѣжихъ луговъ и деревьевъ, которыя оканчивались въ отдаленіи готическими воротами. Стеклянная дверь была отворена, и войдя въ нея, сэръ-Кристоферъ нашелъ тѣхъ, кого искалъ, занятыхъ разсматриваніемъ недоконченнаго потолка. Потолокъ здѣсь былъ въ томъ же легкомъ, готическомъ

Digitized by Google

стилѣ, какъ и въ столовой, но отдѣлки еще болѣе тонкой; узоры его было точно окаменѣвшее кружево на полѣ самаго нѣжнаго и разнообразнаго колера. Около четверти потолка не было еще раскрашено, и подъ этою частію его находились лѣса и весь снарядъ живописца; вся же остальная комната была пуста и какъ-то успокоительно обхватывала своими чистыми очертаніями входившаго въ нее.

— Франческо сталъ нѣсколько поисправнѣе послѣдніе дни, сказалъ сэръ-Кристоферъ.—Я не видывалъ такого лѣниваго человѣка: я право начинаю думать, что онъ спитъ стоя, съ кистью въ рукѣ. Но я буду торопить его, а не то лѣса не будутъ прибраны къ пріѣзду невѣсты: вы видите, Антони, я ожидаю, что вы военныя дѣйствія поведете быстро, и заставите крѣпость скоро сдаться.

— О, сэръ-Кристоферъ! дѣло извѣстное, что осада изо всѣхъ военныхъ дѣйствій самое трудное и скучное, сказалъ капитанъ Вибра, съ улыбкою, говорившею совершенно иное.

— Но только не тогда, когда за стѣнами его есть предатель, въ груди нѣжнаго сердца; и вы найдете этого предателя, если только мать Беатрисы, кромѣ красоты своей, передала ей и свою нѣжность.

— Какъ вы думаете, сэръ-Кристоферъ, сказала леди Чеверель, которой, казалось, эти воспоминанія мужа не совсѣмъ были пріятны,—не хорошо ли было бы повѣсить «Сивилу» Гверчино надъ тою дверью. Она не довольно на виду въ моемъ кабинетѣ.

— Безподобно, душа моя, отвѣтилъ сэръ-Кристоферъ съ самою нѣжною вѣжливостію; — если вамъ не жаль разстаться съ симъ украшеніемъ вашей комнаты, оно будетъ совершенно на мѣстѣ здѣсь. Наши портреты, писанные сэръ-Джошуа Рейнольдсомъ, будутъ висѣть противъ окна, а «Преображеніе» на этой стѣнѣ. Вы видите, Антони, что мы на стѣнахъ не оставляемъ почетныхъ мѣстъ для васъ и вашей жены. Мы ваши портреты поставимъ лицомъ къ стѣнѣ въ галлереѣ, а вы современемъ намъ отстите тѣмъ же.

Пока шелъ этотъ разговоръ, мистеръ Гильфиль подошелъ къ Катеринѣ и сказалъ ей:

— Видъ изъ этого окна мнѣ особенно нравится.

Она ничего не отвѣчала, и видя, что глаза ея наполняются слезами, онъ прибавилъ:

— Не пройдтись ли намъ немного? Сэръ-Кристоферъ и леди Чеверель чѣмъ-то, кажется, занялись.

Катерина молча изъявила свое согласіе, и они свернули на песчаную дорожку, которая извивалась между высокими деревьями и зелеными лужайками, и вела въ обширный огороженный цвѣт-

Digitized by Google

никъ. Оба они молчали: Менардъ Гильфиль зналъ, что мысли Катерины далеки отъ него, а она давно привыкла не стѣсняться его присутствіемъ.

Они дошли до цвѣтника и машинально завернули въ калитку, открывавшую взгляду такую роскошь всевозможныхъ красокъ, что онѣ какъ огонь поражали глазъ, особенно послѣ тѣнистой зелени сада. Къ полнотѣ впечатлѣнія способствовало еще то, что грунтъ чуть замѣтно спускался отъ калитки и потомъ опять поднимался къ противоположному концу, гдѣ стояла оранжерея. Цвѣты горѣли во всемъ блескѣ вечерняго освѣщенія, вербены и геліотропы распространяли свое нѣжное благоуханіе въ тихомъ воздухѣ. Вся картина производила впечатлѣніе блестящаго привѣтника, гдѣ все ликовало и радовалось, гдѣ горе не могло себѣ найти сочувствія. Это же самое почувствовала Катерина. Она двигалась между клумбами, и синими, и золотыми, и красными, и весь этотъ блескъ, вся эта красота, такъ тяжело подѣйствовали на нее, что чувство ея одиночества съ такою силой овладѣло ею, что слезы, до тѣхъ поръ тихо катившіяся по ея блѣднымъ щекамъ, теперь хлынули изъ ея глазъ, и она громко зарыдала. И, однако, рядомъ съ ея сердцемъ, билось любящее сердце, страдавшее за нее, ни на минуту не забывавшее, что она несчастна и что оно безсильно помочь ей. Но она была раздражена мыслію, что его желанія не согласуются съ ея желаніями, что онъ болѣе жалѣетъ о безразсудствѣ ихъ нежели о томъ, что имъ не суждено осуществиться, и потому не могла находить утѣшенія въ его сочувствіи. Катерина, подобно всѣмъ намъ, съ досадой отворачивалась отъ сочувствія, въ которомъ подозрѣвала тѣнь осужденія, какъ ребенокъ отворачивается отъ сластей, подозрѣвая въ нихъ скрытое лѣкарство.

— Милая Катерина, я слышу голоса, сказалъ мистеръ Гильфиль;—они кажется идутъ сюда.

Она тотчасъ же побѣдила себя,—видно было, что она привыкла скрывать свое волненіе,—и быстро побѣжала къ другому концу сада, гдѣ, казалось, занялась составленіемъ букета. Скоро затѣмъ въ цвѣтникъ вошли леди Чеверель, опираясь на руку капитана Вибрау, а за ней сэръ-Кристоферъ. Они остановились передъ рядомъ гераній у самаго входа, и къ тому времени Катерина возвратилась съ моховою, не совсѣмъ еще распустившеюся розой въ рукѣ.

— Вотъ, *padroncello*, сказала она, подходя къ сэръ-Кристоферу —вотъ, вамъ роза въ вашу петличку.

— А, черноглазая обезьянка, сказалъ онъ, нѣжно погладивъ ее по головѣ, — вы опять убѣжали съ Менардомъ, чтобы помучить его или заставить его еще немножко больше влюбиться въ васъ.

Digitized by Google

Пойдемъ; пойдемъ, я хочу, чтобы вы мнѣ спѣли *Ho perduto*, прежде чѣмъ мы засядемъ за пикетъ. Антони уѣзжаетъ завтра, и вы должны своимъ пѣніемъ привести его въ должное настроеніе, чтобъ онъ въ Батѣ не ударилъ лицомъ въ грязь.

Онъ положилъ ея маленькую руку на свою руку, и позвавъ леди Чеверель, направился къ дому.

Все общество вошло въ гостиную, которая съ своимъ выступающимъ окномъ и плоскимъ, украшеннымъ рѣзьбой и гербами потолкомъ соотвѣтствовала библіотекѣ на противоположномъ концѣ дома; но отсутствіе тѣнистаго дерева передъ окномъ и блескъ красокъ и золотыхъ рамъ портретовъ, которыми были обвѣшаны стѣны, придавали комнатѣ болѣе веселый видъ. Здѣсь висѣлъ портретъ сэръ-Антони Чевереля, возстановившаго въ царствованіе Карла II блескъ своего стариннаго рода, пришедшаго нѣсколько въ упадокъ послѣ краткаго сіянія того Шевреля, который прибылъ въ Англію съ Завоевателемъ. Величественный видъ имѣлъ этотъ сэръ-Антони, упершій одну руку въ бокъ и выставившій красивую ногу съ видимымъ намѣреніемъ удивить своимъ современниковъ и потомство. Вы могли бы снять съ него великолѣпный парикъ, красный плащъ перекинутый за плечо, и у него не убавилось бы ни на каплю величія. И сумѣлъ онъ также выбрать себѣ подругу жизни: взгляните на леди Антони Чеверель, висящую противъ него, на ея темно-золотистые волосы, окаймляющіе ея кроткое, задумчивое лицо, и падающіе двумя роскошными буклями на ея нѣжную шею, которая отдѣляется отъ ея бѣлаго атласнаго платья только болѣе мягкою бѣлизной своею, и согласитесь, что она ему совершенная пара.

Въ этой комнатѣ пили чай, и здѣсь каждый вечеръ, какъ только часы на башнѣ били девять, сэръ-Кристоферъ и леди Чеверель садились за пикетъ до конца десятаго часа, когда мистеръ Гильфиль начиналъ читать молитвы для всѣхъ, собиравшихся въ часовнѣ, домашнихъ.

Но теперь до девяти часовъ еще было далеко, и Катерина должна была сѣсть за клавикорды и спѣть сэръ-Кристоферу его любимыя аріи изъ *Орфея*, оперы, которую счастливые отцы наши имѣли случай часто слышать на лондонской сценѣ. Случилось въ этотъ вечеръ, что чувства, выраженныя въ двухъ аріяхъ: *Che farò senza Euridice?* и *Ho perduto il bel sembiante*, гдѣ Орфей изливаетъ, въ дивныхъ звукахъ, всю свою тоску по возлюбленной, совершенно пришлись къ душевному настроенію Катерины. Но волненіе ея, вмѣсто того чтобы препятствовать ея пѣнію, придало ему новую силу.

Она пѣла такъ, какъ никогда не пѣла; въ пѣніи былъ самый лучшій талантъ ея; въ пѣніи, вѣроятно, заключалось все

Digitized by Google

преимущество ея надъ аристократическою красавицей, къ которой Антони ѣхалъ свататься; и ея любовь, ея ревность, ея гордость, ея бунтъ противъ судьбы, страстнымъ потокомъ излились изъ ея стѣсненной груди. У нея былъ рѣдкій контральто, и леди Чеверель, большая любительница музыки, тщательно наблюдала и тѣмъ, чтобъ она не пѣла черезъ силу.

— Безподобно, Катерина, сказала леди Чеверель, когда замолкли послѣдніе, дивно-сладкіе звуки аріи. — Вы эту арію спѣли необыкновенно хорошо. Повторите ее.

Она повторила ее, и затѣмъ спѣла *Ho perduto*, которую сэръ-Кристоферъ также заставилъ ее повторить, несмотря на то, что уже пробило девять часовъ.

— Ай-да искусная черноглазая обезьянка, сказалъ онъ, когда она кончила.—Ну теперь придвиньте намъ столъ для пикета.

Катерина придвинула столъ и достала карты; потомъ съ свойственною ей дѣтскою быстротой движенія, она бросилась на колѣни передъ сэръ-Кристоферомъ и обняла его колѣни. Онъ нагнулся къ ней, погладилъ ее по щекѣ и улыбнулся.

— На что это похоже, Катерина? сказала леди Чеверель: — когда вы отвыкнете, отъ этихъ комедіантскихъ выходокъ?

Она вскочила на ноги, подошла къ клавикордамъ, убрала ноты и видя, что баронетъ и его жена занялись пикетомъ, ускользнула въ дверь.

Пока она пѣла, капитанъ Вибрау стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, не вдалекѣ отъ клавикордъ, а капеланъ развалился на софѣ въ другомъ концѣ комнаты. Они теперь оба взялись за книги. Мистеръ Гильфиль выбралъ послѣдній нумеръ *Журнала для джентльменовъ;* капитанъ Вибрау расположился на оттоманѣ близъ дверей и открылъ *Фоблаза*. Совершенное молчаніе воцарилось въ комнатѣ, гдѣ за десять минутъ передъ тѣмъ раздавались страстные звуки молодаго голоса Катерины.

Она быстро прошла по скудно-освѣщеннымъ коридорамъ, поднялась по широкой лѣстницѣ и очутилась въ галлереѣ, тянувшейся вдоль всего восточнаго фасада дома, куда она обыкновенно отправлялась, когда желала быть одна. Луна свѣтила въ окна и обливала въ странную свѣтло-тѣнь разнородные предметы, расположенные вдоль длинныхъ стѣнъ: здѣсь стояли и греческія статуи, и бюсты римскихъ императоровъ; низкіе шкапы, наполненные всевозможными рѣдкостями: тропическими птицами и большими причудливыми раковинами, стариннымъ оружіемъ и обращиками латъ, римскими лампами и миніатюрными моделями греческихъ храмовъ; а надъ всѣмъ этимъ красовались старинные, фамильные портреты—маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, составлявшихъ когда-то надежду фамиліи Чеверелей, съ гладко выстриженными

Digitized by Google

головками, съ крѣпко-накрахмаленными воротничками,—увядшихъ ледей, съ рудиментарными чертами и высоко-развитыми головными уборами,—храбрыхъ, бородатыхъ джентльменовъ, съ высокими губами и высокими плечами.

Здѣсь, въ дождливые дни, сэръ-Кристоферъ, вмѣсто прогулки, прохаживался съ своею супругой, и здѣсь стоялъ бильярдъ; но вечеромъ никто не заходилъ сюда, кромѣ Катерины и иногда еще одного человѣка.

Она ходила взадъ и впередъ, и ея блѣдное лицо, бѣлое платье, воздушная поступь, придавали ей скорѣе видъ призрака чѣмъ живаго существа.

Она остановилась наконецъ передъ широкимъ окномъ надъ портикомъ, и заглядѣлась на длинную перспективу луговъ и деревьевъ, озаренныхъ печально-таинственнымъ свѣтомъ луны.

Вдругъ что-то теплое, душистое, нахнуло на нее, чья-то рука тихо обняла ее и завладѣла ея пальчиками. Катерина вздрогнула будто отъ электрическаго удара, и замерла на одно долгое мгновеніе; потомъ она оттолкнула руку, обнявшую ее, обернулась, и подняла на наклонившееся къ ней лицо глаза, исполненные нѣжности и упрека: безстрастность лани исчезла изъ нихъ, и въ этомъ взглядѣ обнаружилась вся основа существа бѣдной Катерины, ея страстная любовь и страстная ревность.

— Отчего ты отталкиваешь меня, Тина? полушепотомъ сказалъ капитанъ Вибрау: — неужели ты сердишься на меня за ою же горькую долю? Неужели ты хочешь, чтобъ я противился дядѣ, столько сдѣлавшему для насъ обоихъ, въ самомъ дорогомъ его сердцу желаніи? Ты знаешь, что у меня есть обязанности, передъ которыми должны замолкнуть наши чувства.

— Да, да, сказала Катерина, отворачиваясь отъ него и нетерпѣливо топнувъ ножкой,—не повторяйте мнѣ того, что я уже давно знаю.

Но внутренній голосъ, который она напрасно старалась заглушить, безпрестанно повторялъ ей:—Зачѣмъ же заставилъ онъ меня полюбить его, зачѣмъ убѣждалъ онъ меня, что любитъ меня, если онъ зналъ, что онъ не въ состояніи ничѣмъ для меня пожертвовать? А любовь на это отвѣчала: — Онъ увлекался минутнымъ чувствомъ, также точно, какъ и ты, Катерина; а теперь ты должна ему помочь въ исполненіи долга. Но голосъ возражалъ:—Для него все это шутка. Ему вовсе не трудно отказаться отъ тебя. Онъ скоро полюбитъ эту красавицу, и забудетъ твое блѣдное, грустное личико.

Такимъ образомъ любовь, негодованіе и ревность боролись въ той молодой душѣ.

Digitized by Google

— Къ тому же, Тина, продолжалъ капитанъ Вибрау самымъ мягкимъ и заискивающимъ голосомъ, — врядъ ли мнѣ это дѣло удастся. Миссъ Эсперъ, вѣроятно уже любитъ кого-нибудь; а ты знаешь, что я буду очень радъ встрѣтить неудачу. Я возвращусь горемычнымъ холостякомъ, и найду тебя быть-можетъ замужемъ за красивымъ капеланомъ, который по уши влюбленъ въ тебя. Сэръ-Кристоферъ уже давно рѣшилъ въ своемъ умѣ, что Гильфиль долженъ на тебѣ жениться.

— Зачѣмъ вы все это говорите? У васъ нѣтъ ни капли чувства. Оставьте меня.

— Разстанемся друзьями, Тина. Все это можетъ пройти. Очень можетъ статься, что мнѣ не суждено никогда жениться. Эти сердцебіенія могутъ очень скоро свести меня въ могилу, и ты тогда будешь имѣть удовольствіе знать, что я никогда не буду ничьимъ мужемъ. Кто знаетъ, что можетъ случиться? Быть-можетъ, я стану на свои ноги прежде чѣмъ попадусь въ брачныя сѣти, и буду тогда воленъ жениться на моей маленькой птичкѣ. Зачѣмъ намъ отчаиваться прежде времени?

— Вамъ легко говорить, вы ничего не чувствуете. Мнѣ горько и тяжело теперь, я не думаю о томъ, что можетъ случиться послѣ. Но вамъ дѣла нѣтъ до моего горя.

— Нѣтъ дѣла, Тина? нѣжно сказалъ Антони, и опять обнялъ ее рукой и притянулъ къ себѣ. Этотъ голосъ, эта рука, были всевластны надъ бѣдною Тиной. Негодованіе и горе, воспоминаніе о прошедшемъ и предчувствія будущаго, все исчезло, все было забыто въ блаженствѣ той минуты, когда Антони прижалъ свои губы къ ея губамъ.

«Бѣдная Тина, подумалъ капитанъ Вибрау: какъ бы она была счастлива, еслибъ я женился на ней. Но у нея сумасбродная головка.»

Въ эту минуту громкій звукъ колокола пробудилъ Катерину изъ краткаго, сладостнаго забытья. Это былъ призывъ къ вечерней молитвѣ въ часовнѣ, и она поспѣшила туда, а капитанъ Вибрау медленнымъ шагомъ послѣдовалъ за ней.

Живописную картину представляло это семейство, собравшееся на молитву въ маленькой часовнѣ, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ двухъ-трехъ восковыхъ свѣчъ. У налоя стоялъ мистеръ Гильфиль, и лицо его было нѣсколько важнѣе чѣмъ обыкновенно.

По правую руку отъ него, на красныхъ бархатныхъ подушкахъ, стояли на колѣняхъ хозяинъ и хозяйка дома, величественные въ своей старческой красотѣ. По лѣвую виднѣлись молодыя лица Антони и Катерины, во всей поразительной противоположности своего колорита: онъ, съ своимъ классическимъ профилемъ и нѣжнымъ цвѣтомъ; она—черноглазая и темная, какъ ис-

Digitized by Google

тинное дитя юга. Далѣе, на красныхъ коврахъ, стояли, преклонивъ колѣна, слуги: женщины подъ предводительствомъ мистрисъ Беллами, опрятной старой домоправительницы, въ чепцѣ и передникѣ снѣжной бѣлизны, и мистрисъ Шарпъ, разряженной камеристки леди Чеверель, съ лицомъ нѣсколько кислымъ; мущины—подъ предводительствомъ мистера Беллами, дворецкаго, и мистера Уарена, почтеннаго камердинера сэръ-Кристофера.

Мистеръ Гильфиль обыкновенно читалъ нѣсколько отрывковъ изъ вечернихъ молитвъ, кончавшихся простымъ прошеніемъ: «Просвѣти мракъ нашъ.»

За тѣмъ всѣ поднялись, и слуги вышли, раскланявшись и присѣвъ въ дверяхъ. Семейство возвратилось въ гостинную, всѣ пожелали другъ другу покойной ночи и разошлись, и спокойный сонъ вскорѣ объялъ всѣхъ, за исключеніемъ двухъ. Катерина долго плакала и, заснувъ наконецъ отъ утомленія, какъ ребенокъ еще долго рыдала во снѣ. Менардъ Гильфиль заснулъ еще позже, и все думалъ о томъ: вѣрно она теперь плачетъ.

Капитанъ Вибрау, отпустивъ своего камердинера въ одиннадцать часовъ, скоро погрузился въ сладкій сонъ; его правильное лицо, какъ красивый камей, отдѣлялось отъ бѣлой подушки.

ГЛАВА III.

Предыдущая глава дала проницательному читателю достаточное понятіе о томъ, что происходило въ Чеверельскомъ замкѣ, лѣтомъ 1788 года. Въ это лѣто, какъ извѣстно, великая французская нація находилась въ страстномъ броженіи, не предвѣщавшемъ ничего добраго. И въ душѣ нашей маленькой Катерины также происходила ужасная борьба. Бѣдная птичка начинала метаться и биться въ желѣзной клѣткѣ неумолимой судьбы, и очевидна была опасность, что если продлится эта борьба, то бѣдное трепещущее сердце не вынесетъ долѣе.

Но если, какъ я надѣюсь, ваше участіе нѣсколько возбуждено къ Катеринѣ и ея друзьямъ въ Чеверельскомъ замкѣ, то вы вѣроятно спрашиваете себя, какъ попала она сюда. Какими судьбами это нѣжное дитя юга, съ лицомъ, краснорѣчиво говорящимъ вамъ о темносинемъ небѣ, оливковыхъ рощахъ, таинственно освѣщенныхъ мадонахъ, очутилось въ этомъ величественномъ замкѣ, подлѣ гордой бѣлокурой леди Чеверель, словно яркій колибри, сидящій въ паркѣ, на вѣткѣ вяза, рядомъ съ великолѣп-

Digitized by Google

нѣйшимъ бѣлымъ голубемъ? И говорила она къ тому же по англійски совершенно чисто, и молилась по протестантскому обряду. Ее вѣроятно привезли въ Англію въ самомъ раннемъ дѣтствѣ? Именно такъ.

Во время послѣдняго путешествія по Италіи сэръ-Кристоферъ и его жены, за пятнадцать лѣтъ до начала нашего разказа, они долго жили въ Миланѣ, гдѣ сэръ-Кристоферъ, который страстно любилъ готическую архитектуру и задумалъ превратить свой незатѣйливый деревенскій домъ въ образецъ готическаго замка, ревностно принялся изучать всѣ подробности этого мраморнаго чуда, собора. Здѣсь леди Чеверель, какъ во всѣхъ другихъ итальянскихъ городахъ, гдѣ ей случалось жить довольно долго, взяла себѣ учителя пѣнія: въ то время она не только любила и понимала музыку, но и была одарена прекраснымъ сопрано. Въ тѣ дни, и самые богатые люди употребляли переписанныя ноты, и много людей, не походившихъ ни въ чемъ другомъ на Жанъ Жака, походили на него въ томъ, что снискивали себѣ пропитаніе «à copier la musique à tant la page.» Леди Чеверель понадобился перепищикъ, и маэстро Албани вызвался прислать ей знакомаго ему *poveraccio*, отличавшагося четкостью и правильностью своего почерка. Къ несчастію, говорилъ маэстро Антоніо, этотъ *poveraccio* не всегда совершенно въ своемъ умѣ, вслѣдствіе чего дѣло его шло иногда довольно медленно; но прекрасная синьйора сдѣлаетъ доброе дѣло, если дастъ занятіе бѣдному Сарти.

На другое утро, мистрисъ Шарпъ, въ то время цвѣтущая и видная женщина лѣтъ тридцати-трехъ, вошла къ своей госпожѣ и сказала ей:

— Извините, миледи, въ передней стоитъ какой-то оборванный, нечистоплотный человѣкъ, и говоритъ, что его прислалъ къ вашей милости учитель пѣнія. Но я полагаю, что вы не захотите его видѣть. Онъ, вѣроятно, просто нищій.

— Нѣтъ, нѣтъ, приведите его сейчасъ сюда.

Мистрисъ Шарпъ удалилась, пробормотавъ что-то про «блохъ и хуже того.» Она вовсе не была охотницей до прекрасной Италіи и ея обитателей, и несмотря на глубокое свое уваженіе къ сэръ-Кристоферу и своей госпожѣ, не могла иногда удержаться, чтобы не подивиться непостижимой прихоти своихъ господъ, покинувшихъ родной край, чтобы толкаться между «папистами, въ странѣ, гдѣ и бѣлья порядочно не умѣютъ вымыть и гдѣ отъ всѣхъ людей такъ и несетъ чеснокомъ».

Тѣмъ не менѣе, минуту спустя, она ввела въ комнату не высокаго худаго человѣка, съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ, безпокойнымъ блуждающимъ взглядомъ, который застѣнчиво, почти въ ногахъ

Digitized by Google

поклонился леди Чеверель, что̀ придавало ему видъ человѣка, долго просидѣвшаго въ одиночномъ заключеніи. И однако, сквозь весь этотъ упадокъ и грязь проглядывали слѣды чего-то молодаго и нѣкогда красиваго. Леди Чеверель, вовсе не сантиментальная и даже не очень чувствительная, была добра и любила расточать милости свои подобно богинѣ, благосклонно глядящей на колѣнъ и слѣпыхъ, поклоняющихся ей и взывающихъ къ ней. Она почувствовала состраданіе къ бѣдному Сарти, показавшемуся ей какимъ-то жалкимъ остаткомъ чего-то болѣе блестящаго; она ласково заговорила съ нимъ, объяснила ему, какія оперныя аріи она желаетъ имѣть переписанными, и его, казалось, согрѣли лучи ея голубыхъ глазъ, и когда онъ удалился съ тетрадями нотъ подъ мышкой, поклонъ его, хотя все такой же почтительный, былъ менѣе робокъ.

Лѣтъ десять, по крайней мѣрѣ, Сарти не видалъ ничего столь блестящаго, величественнаго и прекраснаго какъ леди Чеверль: то время давно прошло, когда онъ выступалъ на подмосткахъ, въ бархатѣ и перьяхъ, блестящимъ первымъ теноромъ одной короткой зимы. Увы! онъ совершенно лишился голоса на слѣдующую зиму, и съ тѣхъ поръ немногимъ былъ лучше надтреснувшей скрыпки, годной только на растопку печи. Подобно большей части италіянскихъ пѣвцовъ онъ мало зналъ самъ, чтобъ учить другихъ, и не будь у его красиваго почерка, онъ и его молодая, безпомощная жена; могли бы умереть съ голода. Послѣ рожденія его третьяго ребенка, свирѣпствовавшая въ городѣ горячка выбрала себѣ въ жертвы болѣзненную мать и двухъ старшихъ дѣтей, и заразила самого Сарти; онъ всталъ съ одра болѣзни разслабленный умомъ и тѣломъ, и съ четырехъ-мѣсячною, чуть дышавшею малюткой на рукахъ. Онъ жилъ надъ овощною лавкой; лавку эту содержала женщина, которая не отличалась кротостію нрава, и своимъ ростомъ и громкимъ голосомъ могла отвѣчать за мущину; но она сама была мать, и вслѣдствіе того сжалилась надъ бѣднымъ желтымъ, черноглазенькимъ *bambinetto*, и ухаживала за нимъ и за больнымъ его отцомъ. Здѣсь-то продолжалъ онъ жить, кой-какъ перебиваясь, благодаря маэстро Альбани, который доставлялъ ему работу. Вся жизнь его, казалось, заключалась въ этомъ ребенкѣ: онъ няньчился съ нимъ, игралъ съ нимъ, живя съ нимъ одинъ въ своемъ маленькомъ чуланчикѣ, и только тогда просилъ хозяйку дома присмотрѣть за его малюткой, когда ему случалось отлучиться изъ дому чтобы взять или отнести работу. Посѣтители лавочки часто могли видѣть маленькую Катерину, какъ сиживала она на кучѣ гороха и копалась въ ней, или подобно котенку, для совершенной безопасности, была опущена въ глубокую корзину.

Digitized by Google

Иногда, однако, Сарти оставлялъ свою малютку съ покровительницей другаго рода. Онъ былъ очень богомоленъ, и три раза въ недѣлю отправлялся въ соборъ, и всегда бралъ Катерину съ собой. Здѣсь, когда высокое утреннее солнце обогрѣвало мріады блещущихъ зубцовъ снаружи и боролось съ массивною мглою внутри, тѣнь человѣка съ ребенкомъ на рукахъ пробиралась къ маленькой мишурной мадоннѣ, висѣвшей въ отдаленномъ уголку близъ хора. Посереди всѣхъ величественныхъ красотъ этого великолѣпнаго собора, бѣдный Сарти обращался къ этому символу божественнаго милосердія, словно ребенокъ, окруженный чудесами природой, и не видящій ни синяго неба, ни снѣжныхъ горъ, а съ бьющимся сердцемъ слѣдящій за какимъ-нибудь легкимъ перышкомъ или мотылькомъ, находящимся въ ту минуту въ уровнѣ съ его глазомъ. Здѣсь-то, Сарти, посадивъ подлѣ себя Катерину на каменныя плиты, молился и возносился духомъ; и если случалась ему надобность зайдти куда-нибудь по близости, онъ оставлялъ ее здѣсь, передъ мадонной, и дѣвочка сидѣла совершенно смирно, улыбаясь, и какъ птичка щебеча сама съ собой. Когда Сарти возвращался, онъ всегда находилъ, что Благословенная въ женахъ сберегла его малютку.

Сарти такъ хорошо и скоро исполнилъ дѣло, заказанное ему леди Чеверель, что она опять отослала его съ кипой нотъ. Но теперь прошла недѣля, прошла другая, и Сарти не являлся и не отсылалъ ввѣренныхъ ему нотъ. Леди Чеверель уже собиралась послать Уарена отыскать его по адресу, оставленному имъ, какъ въ одно утро, когда она готовилась выѣхать, слуга принесъ ей маленькій клочокъ бумаги, оставленный для нея зеленщикомъ, приходившимъ съ своею корзиной. На бумажкѣ были написаны на италіянскомъ языкѣ только три строчки дрожащею, неѣрною рукой:

«Не сжалится ли, *Eccelentissima*, Христа ради, надъ умирающимъ человѣкомъ, и не посѣтитъ ли его?»

Леди Чеверель узнала почеркъ Сарти. Она тотчасъ же сѣла въ экипажъ, дала италіянскому кучеру адресъ Сарти, и приказала ему везти ее туда. Экипажъ остановился въ узкой и грязной улицѣ, противъ овощной лавочки, и широкій обращикъ женщины средняго пола тотчасъ же появился въ дверяхъ, къ великому ужасу мистрисъ Шарпъ, всегда отзывавшейся объ этой женщинѣ съ большимъ слѣдствіи съ отвращеніемъ, смѣшаннымъ съ негодованіемъ. *La Pazzini* (такъ звали лавочницу) впрочемъ улыбалась и приседала теперь очень любезно, и леди Чеверель, плохо понимавшая миланское нарѣчіе, поспѣшила окончить разговоръ съ нею, попросивъ ее провести къ синьйору Сарти. *La Pazzini* повела

Digitized by Google

наверхъ по узкой темной лѣстницѣ, и отворила дверь, въ ко-
рую попросила ее войдти. Прямо противъ двери, на низкой
сткой постели, лежалъ Сарти. Глаза его были открыты, но онъ
сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, когда они вошли.
У ногъ его, на постели, сидѣла крошечная дѣвочка, лѣтъ, ка-
ось, около трехъ; холщевый неуклюжій чепецъ покрывалъ ея
ленькую головку, ножки ея были обуты въ кожаные сапожки,
ъ которыми виднѣлись ея худенькія желтыя икры; блузочка,
ѣдѣланная изъ чего-то бывшаго прежде шелковою матеріей,
ершала весь ея костюмъ. Ея черные большіе глаза, на ея
тенькомъ личикѣ, дѣлали впечатлѣніе двухъ драгоцѣнныхъ
ней, вставленныхъ въ вырѣзанную изъ пожелтѣвшей слоновой
ти каррикатурную головку. Она держала пустую стклянку и
авлялась тѣмъ, что то закупоривала, то откупоривала ее.
а Pazzini подошла къ кровати и сказала:—*Ecco la nobilissima
ora!* но вслѣдъ за тѣмъ громко воскликнула:—Пресвятая Бо-
одица! онъ умеръ!
а, бѣднякъ умеръ. Письмо его не дошло вовремя, и онъ не
ѣлъ исполнить своего намѣренія, и попросить богатую англій-
ю леди не оставить его маленькой Катерины. Мысль эта не
ідала его слабой головы, съ тѣхъ поръ какъ онъ почувство-
ъ, что болѣзнь его опасна. Она была богата, она была добра,
непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для бѣдной сиротки. И по-
ту онъ рѣшился послать этотъ клочокъ бумаги, благодаря
рому не выговоренная еще его просьба была исполнена.
Чеверель дала хозяйкѣ денегъ на похороны, и увезла Кате-
у, съ намѣреніемъ посовѣтоваться съ сэръ-Кристоферомъ на
ъ того, что съ нею дѣлать. Даже мистрисъ Шарпъ такъ
а тронута картиной, которую она увидѣла, когда ее позвали,
ы снести Катерину въ экипажъ, что прослезилась, хотя
вовсе не была подвержена этого рода слабости: она поста-
л себѣ за правило не дозволять себѣ плакать, оттого что
ы, какъ извѣстно, очень вредны для глазъ.
озвращаясь въ гостинницу, леди Чеверель перебрала въ сво-
умѣ разные планы относительно Катерины, и наконецъ одинъ
нихъ одержалъ верхъ надъ всѣми другими,—почему бы имъ
о ребенка не увезти съ собою въ Англію и не воспитать у
? Она уже была замужемъ двѣнадцать лѣтъ, и однако въ Че-
льскомъ замкѣ не раздавалось дѣтскихъ голосовъ, а эти звуки
вили и освѣжили бы старый домъ. Къ тому же, не богo-
ное ли дѣло обратить эту маленькую папистку въ добрую
естантку, и привить по возможности англійскій плодъ къ
у италіянскому деревцу.
ръ-Кристоферу этотъ планъ очень понравился. Онъ любилъ

Digitized by Google

дѣтей и тотчасъ же пристрастился къ черноглазой обезьянѣ — прозвище, которое онъ давалъ ей, въ продолженіи всей ея короткой жизни. Но ни ему, ни леди Чеверель и въ голову не приходило взять ее вмѣсто дочери, возвести ее до себя. Такая романическая мысль не представлялась ихъ знатному уму. Нѣтъ! ребенокъ будетъ воспитанъ въ Чеверельскомъ замкѣ, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи быть полезнымъ въ домѣ, то-есть разматывать шерсть, вести счеты, читать вслухъ, словомъ всячески замѣнять благодѣтельницѣ своей очки, когда глаза ея начнутъ ослабѣвать.

Итакъ, мистрисъ Шарпъ было поручено замѣнить холщевый чепецъ, сапожки и шелковую юпочку болѣе приличною одеждой. И теперь, странно сказать, маленькая Катерина, тридцати-мѣсячное существованіе которой, казалось бы, далеко не было красно, впервые испытала, что̀ такое сознательное горе. «Невѣдѣніе, сказалъ Аяксъ, есть зло безъ боли»; а также, полагаю я, и грѣхъ, если судить по веселымъ лицамъ, соединеннымъ съ ней. Во всякомъ случаѣ чистоплотность часто бываетъ добромъ съ болью, какъ можетъ засвидѣтельствовать всякій, чье лицо подвергалось безжалостному тренію руки съ золотымъ кольцомъ на третьемъ пальцѣ. Если ты, читатель, не испыталъ этой пытки, я не могу требовать отъ тебя, чтобы ты составилъ себѣ хоть приблизительное понятіе о томъ, что̀ приходилось Катеринѣ выносить отъ совершенно-новой для нея расточительности мистрисъ Шарпъ на воду и мыло. По счастію, это чистилище скоро слилось въ ея маленькой головкѣ съ немедленнымъ переходомъ въ блаженную обитель — диванъ въ кабинетѣ леди Чеверель, гдѣ находились и игрушки, и собачка покорнаго нрава, безропотно переносившая маленькія мученія, и гдѣ, въ довершеніе, сэръ-Кристоферъ сажалъ ее иногда на одно колѣно и заставлялъ ее прыгать.

ГЛАВА IV.

Три мѣсяца послѣ этого важнаго въ жизни Катерины событія, а именно, позднею осенью 1763 года, изъ трубъ Чеверельскаго замка такъ и валилъ дымъ, и вся прислуга дома съ волненіемъ ожидала возвращенія своихъ господъ послѣ двухлѣтняго отсутствія. Сильно было удивленіе мистрисъ Беллами, экономки, когда мистеръ Уаренъ высадилъ изъ кареты черноглазаго ребенка, и сильно въ мистрисъ Шарпъ было сознаніе своего пре-

Digitized by Google

восходства въ опытности и знаніи свѣта, когда она вечеромъ, въ комнатѣ экономки, за теплымъ стаканомъ грога, передавала собравшимся вокругъ нея, равнымъ ей по чину членамъ прислуги, какимъ образомъ Катерина попала къ нимъ въ домъ.

Уютная то была комната и пріятно въ ней было собираться въ холодный ноябрьскій вечеръ. Глубокій, обширный каминъ, съ горѣвшими посереди его огромными полѣньями, съ милліонами искръ, летѣвшихъ въ темную трубу, уже одинъ представлялъ собою живописную картину; надъ нимъ красовалась надпись, тонко вырѣзанная старинными готическими буквами, на широкой деревянной доскѣ, вставленной въ стѣну: «Бойся Бога и чти царя». А за обществомъ, образовавшимъ полумѣсяцъ вокругъ пылающаго огня, что̀ за глубокое пространство въ таинственномъ полусвѣтѣ, гдѣ воображенію былъ просторъ разыграться! Въ самой глубинѣ комнаты, что̀ за высокій богатырскій столъ, на рѣзныхъ массивныхъ ножкахъ! а вдоль стѣнъ, какія шкапы и полки, говорящіе уму о безконечныхъ запасахъ абрикосоваго варенья и другихъ хозяйственныхъ прелестей! Двѣ-три картины неизвѣстно какъ попали сюда, и составляютъ пріятныя темныя пятна на сѣрыхъ стѣнахъ. Высоко надъ скрипящею, тяжелою дверью виситъ что-то такое, что̀ при сильномъ воображеніи и при сильной вѣрѣ можно было принять за кающуюся Магдалину; а гораздо ниже виситъ подобіе шляпы и перьевъ, съ отрывками фрезы, изображавшее, если вѣрить мистрисъ Беллами, сэръ-Франсисса Бекона, который изобрѣлъ порохъ, и, по ея мнѣнію, напрасно занимался такимъ дѣломъ.

Но въ этотъ вечеръ никто не вспоминаетъ о великомъ веруламскомъ мыслителѣ, и всѣ, кажется, того мнѣнія, что давно умершій и похороненный философъ гораздо менѣе интересенъ чѣмъ живой садовникъ, который занимаетъ видное мѣсто въ полукругѣ у камина. Мистеръ Бетсъ, обычный вечерній посѣтитель этой комнаты, предпочиталъ дружескій разговоръ за стаканомъ грога своему одинокому креслу въ своемъ очаровательномъ, крытомъ соломой коттеджѣ, на островкѣ, гдѣ нельзя было услыхать никакихъ звуковъ кромѣ крика грачей и дикихъ гусей: звуки поэтическіе, безъ сомнѣнія, но не располагающіе къ веселью.

Наружность мистера Бетса была очень замѣчательна въ своемъ родѣ. Онъ былъ здоровенный мущина, лѣтъ около сорока, и, глядя на него, вы бы сказали, что природа вѣрно очень торопилась, окрашивая его лицо, и не успѣла позаботиться о тѣняхъ; ибо все то, что̀ было видно надъ его галстухомъ, было покрыто одною безразличною красною краской; когда онъ находился отъ васъ въ нѣкоторомъ разстояніи, вамъ приходилось отгадывать, гдѣ именно въ пространствѣ между его носомъ и под-

Digitized by Google

бородкомъ находился его ротъ. Но, разсмотрѣнныя вблизи, губы его имѣли даже что-то совершенно особенное; и эта особенность, я полагаю, имѣла нѣкоторое вліяніе на его выговоръ, странности котораго нельзя было объяснить однимъ его сѣвернымъ происхожденіемъ. Кромѣ того, мистеръ Бетсъ отличался отъ большинства смертныхъ постояннымъ морганьемъ глазъ, и это, соединенное съ румянымъ цвѣтомъ его лица, и привычкой свѣшивать голову на бокъ, а на ходу покачивать ее со стороны на сторону, придавало ему видъ Бахуса въ синемъ передникѣ, поставленнаго, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ Олимпа, въ грустную необходимость собственноручно возлѣлывать свои лозы. Но, также точно, какъ обжоры часто бываютъ худы и блѣдны, люди воздержные часто бываютъ чрезчуръ румяны; и мистеръ Бетсъ, могу васъ увѣрить, былъ человѣкъ воздержный, хотя, конечно, въ дружеской компаніи онъ былъ не прочь выпить стаканчикъ-другой.

— Экая притча! замѣтилъ мистеръ Бетсъ, когда мистрисъ Шарпъ кончила свой разказъ: — не ожидалъ я отъ сэръ-Кристофера и нашей леди, что они привезутъ къ себѣ въ домъ Богъ вѣсть какого ребенка. Вспомните мое слово, доживемъ ли мы до этого или нѣтъ, а кончитъ эта дѣвочка дурно. У первыхъ моихъ господъ былъ Французъ лакей; онъ кралъ и шелковые чулки, и рубашки, и кольца, и все, что̀ ни попадалось ему подъ руку, и наконецъ стянулъ шкатулку съ деньгами и бѣжалъ. Всѣ иностранцы таковы: это у нихъ въ крови.

— Позвольте, сказала мистрисъ Шарпъ, съ спокойнымъ сознаніемъ, что собесѣдникъ ея далеко отсталъ отъ нея въ либеральности взглядовъ и понятій: — я не стану защищать иностранцевъ; я не хуже кого другаго знаю, что̀ это за народъ и всегда скажу, что они тѣ же язычники, да и кушанья свои они готовятъ на такомъ мерзкомъ маслѣ, что порядочномучеловѣку гадко и въ ротъ взять. Но, несмотря на все это, и на то, что всѣ заботы о ребенкѣ во время дороги пали на меня, я не могу не сказать, что миледи и сэръ-Кристоферъ хорошо сдѣлали, что призрѣли невиннаго ребенка, который правой своей руки не можетъ отличить отъ лѣвой, и привезли его сюда, гдѣ онъ научится говорить полюдски и будетъ воспитанъ въ нашей религіи. Сэръ-Кристоферъ, Богъ вѣсть почему, спитъ и бредитъ объ этихъ чужестранныхъ церквахъ; а по мнѣ, такъ стыдно и грѣшно даже и войдти въ нихъ и взглянуть на картины, которыми обвѣшаны тамъ стѣны...

— А придется вамъ, однако еще повозиться съ иностранцами, сказалъ мистеръ Уаренъ, который любилъ подразнить садовника — сэръ-Кристоферъ нанялъ нѣсколько италіянскихъ работниковъ чтобы помогать при передѣлкахъ въ домѣ.

Digitized by Google

— При передѣлкахъ! съ испугомъ воскликнула мистрисъ Беллами. — Какихъ передѣлкахъ?

— А развѣ вы не знаете, сказалъ мистеръ Уаренъ,—что сэръ-Кристоферъ хочетъ совершенно перестроить старый замокъ? За нами ѣдутъ портфели, биткомъ набитые рисунками и планами. Весь домъ будетъ выложенъ камнемъ въ готическомъ стилѣ, понимаете, въ родѣ нашихъ церквей; а потолки будутъ такіе, какихъ вамъ и въ жизнь свою не приходилось видѣть. Сэръ-Кристоферъ только и занимался этимъ въ чужихъ краяхъ.

— Боже милосердый! воскликнула мистрисъ Беллами: — насъ совсѣмъ задушатъ известью, работники будутъ строить куры служанкамъ! Безпорядку не будетъ конца!

— Правда ваша, мистрисъ Беллами, сказалъ мистеръ Бетсъ.— А все-таки я не могу не сказать, что готическій стиль очень не дуренъ, и нельзя не подивиться, какъ похожи эти каменные листья, ананасы и розы на настоящіе. Сэръ-Кристоферъ, я увѣренъ, сумѣетъ украсить замокъ, и ужь тогда другаго такого помѣстья не сыщешь во всей странѣ,—съ такими оранжереями, такимъ цвѣтникомъ и паркомъ.

— А по мнѣ, домъ не можетъ быть лучше теперешняго, будь онъ хоть разготическій, сказала мистрисъ Беллами: — я здѣсь уже четырнадцать лѣтъ завѣдываю всѣмъ хозяйствомъ. Но что на это говоритъ леди Чеверель?

— Леди Чеверель никогда не станетъ прекословить сэръ-Кристоферу, сказалъ мистеръ Беллами, которому не нравился вольнодумный тонъ разговора. — Сэръ-Кристоферъ что задумалъ, то и сдѣлаетъ. И онъ на это имѣетъ полное право. У него есть деньги, и онъ всегда ими распоряжался какъ джентльменъ. Допейте-ка свой стаканъ мистеръ Бетсъ и выпьемте за здоровье нашихъ господъ, а потомъ вы намъ что-нибудь споете. Сэръ-Кристоферъ и миледи не каждый вечеръ возвращаются изъ Италіи.

Противъ этого, конечно, ничего нельзя было сказать, и тостъ былъ тотчасъ же провозглашенъ; но мистеръ Бетсъ, находя вѣроятно, что пѣніе его не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ этому обстоятельству, не обратилъ вниманія на вторую часть предложенія мистера Беллами. Поэтому мистрисъ Шарпъ, сказавшая однажды, что она вовсе не думаетъ выйдти замужъ за мистера Бетса, хотя онъ «обстоятельный, здоровый человѣкъ, котораго каждой женщинѣ было бы лестно подцѣнить», повторила просьбу мистера Беллами.

— Что жь, мистеръ Бетсъ, спойте же намъ *Жена Роя*. Мнѣ пріятнѣе будетъ послушать эту славную старинную пѣсню чѣмъ всѣ эти италіянскіе переливы.

Мистеръ Бетсъ не устоялъ противъ такого любезнаго пригла-

Digitized by Google

шенія: онъ засунулъ руки въ карманы, прислонился къ спинѣ своего стула, закинулъ голову такимъ образомъ, что глаза его прямо глядѣли въ зенитъ, и тонкимъ *staccato* спѣлъ всю пѣсню, именуемую: *Жена Роя изъ Альдивалоки*. Голосъ этой пѣсни, конечно, можно было бы обвинить въ нѣкоторой монотонности, но для присутствовавшихъ эта монотонность была главнымъ достоинствомъ пѣсни, помогая имъ подтягивать припѣвъ. Не мѣшало ихъ удовольствію также то, что единственная подробность относительно *Жены Роя* была та, что она «надула» его, хотя чѣмъ и какъ—это оставалось неизвѣстно до конца.

Пѣніемъ мистера Бетса заключилось вечернее дружеское засѣданіе, и общество скоро затѣмъ разошлось; мистрисъ Беллами въ эту ночь вѣроятно видѣла во снѣ известь и мусоръ, сыпавшіеся на ея варенья, и влюбленныхъ служанокъ, забывающихъ свои обязанности; а мистрисъ Шарпъ—пріятное житье въ коттеджѣ мистера Бетса, на свободѣ, посереди цѣлыхъ горъ овощей и фруктовъ.

Катерина скоро побѣдила всѣ предубѣжденія противъ ея чужестраннаго происхожденія, да и какія предубѣжденія могутъ устоять противъ безпомощности и дѣтскаго лепета? Она вскорѣ стала любимицей цѣлаго дома, и, благодаря ей, любимая гончая собака сэръ-Кристофера, канарейка мистрисъ Беллами и необыкновенныя куры мистера Бетса много утратили своего значенія въ домѣ. И вслѣдствіе этого, сколько разнообразныхъ удовольствій выпадало на долю маленькой Катерины въ продолженіи одного долгаго лѣтняго дня! Вырвавшись изъ доброжелательныхъ, но нѣсколько жестокихъ рукъ мистрисъ Шарпъ, она отправлялась въ кабинетъ леди Чеверель, гдѣ царствовало важное величіе, но гдѣ, за то, такъ лестно было сидѣть на колѣняхъ сэръ-Кристофера; онъ игралъ съ ней и бралъ ее иногда съ собой въ конюшню, гдѣ Катерина скоро привыкла безъ слезъ слышать лай привязанныхъ собакъ и говорить съ отважнымъ видомъ, но прижимаясь къ ногѣ сэръ-Кристофера «онѣ не тронутъ Тину». Затѣмъ мистрисъ Беллами отправлялась бывало, собирать розовые листья розъ, и Тина бѣжитъ за нею, и счастлива, если она ей позволитъ нести горсточку въ своемъ передникѣ; и еще счастливѣе, если ей удастся попасть подъ душистый дождь листьевъ, когда ихъ высыпали на простыни для сушки. Другое, часто повторявшееся удовольствіе ея было совершать съ мистеромъ Бетсомъ путешествіе по фруктовымъ садамъ и оранжереямъ, гдѣ желѣзная ручка невольно протягивалась къ высоко-висѣвшимъ надъ ней сокровищамъ, и никогда не возвращалась домой пустая. Въ

Digitized by Google

спокойномъ досугѣ этой однообразной деревенской жизни, всегда находился кто-нибудь, кому нечего было другаго дѣлать, какъ заниматься Тиной. Южная птичка нашла на сѣверѣ теплое и мягкое гнѣздышко, любовь и ласки. Природная нѣжность и чувствительность ребенка должны были при этой обстановкѣ перейдти въ совершенную неспособность бороться съ трудностями жизни, тѣмъ болѣе что съ самаго дѣтства въ ней проявлялась какая-то необузданность при всякомъ сколько-нибудь рѣзкомъ или строгомъ обращеніи съ нею. Пяти лѣтъ она за какое-то непріятное запрещеніе отмстила мистрисъ Шарпъ тѣмъ, что вылила чернильницу въ ея рабочій ящикъ, и однажды, когда леди Чеверель, видя, что она съ любовію слизываетъ краску съ лица своей куклы, отняла ее у ней, злодѣйка тотчасъ же взлѣзла на стулъ и сбросила на полъ вазу, стоявшую на столѣ. Это былъ впрочемъ единственный случай, когда вспыльчивость ея одержала верхъ надъ обычною робостью въ присутствіи леди Чеверель, которая своимъ, всегда ровнымъ, нѣсколько холоднымъ обращеніемъ съ ней, пріобрѣла надъ ней большую власть.

Мистеръ Уаренъ сказалъ правду: вскорѣ счастливое однообразіе Чеверельскаго замка уступило мѣсто суетѣ и шуму. Тяжелые возы съ камнями изъ сосѣдней каменоломни изрыли дороги парка, бѣлая пыль покрыла зеленый дворъ, и мирный домъ огласился звукомъ топоровъ и пилъ. Въ продолженіи слѣдующихъ десяти лѣтъ сэръ-Кристоферъ былъ единственно занятъ архитектурнымъ преобразованіемъ своего стариннаго семейнаго жилища; слѣдуя единственно внушеніямъ своего вкуса, онъ опередилъ общую реакцію противъ безтолковаго подражанія греческому стилю, въ пользу возстановленія готическаго, которою обозначился конецъ восьмнадцатаго столѣтія. Настойчивость, съ которою онъ стремился къ своей цѣли, возбуждала не малое презрѣніе къ нему со стороны его сосѣдей, не понимавшихъ другой страсти, кромѣ охоты, и удивлявшихся тому, какъ человѣкъ съ такимъ именемъ и состояніемъ могъ до того сбиться съ толку, чтобы купиться на вина и держать всего двухъ старыхъ каретныхъ лошадей да одну верховую, ради какой-то непонятной затѣи. Жены ихъ не находили очень предосудительными его дурныя вина и плохихъ лошадей, но краснорѣчиво выражали свое сожалѣніе о леди Чеверель, которая была поставлена въ грустную необходимость жить только въ трехъ комнатахъ, посреди шума, грязи, въ дурномъ воздухѣ, отъ котораго непремѣнно должно было пострадать ея здоровье. Это было все равно, что̀ имѣть мужа, страдающаго одышкой. Отчего сэръ Кристоферъ не нанялъ для нея дома въ Батѣ или, если ему уже такъ хотѣлось непремѣнно присматривать за работниками, гдѣ-нибудь въ окрестно-

Digitized by Google

стяхъ замка? Сожалѣнія эти были потрачены совершенно даромъ. леди Чеверель, хотя и не раздѣляла архитектурной страсти сэръ-Кристофера, имѣла однако такое строгое понятіе объ обязанностяхъ жены, и такое глубокое уваженіе къ сэръ-Кристоферу, то никакъ не тяготилась своею покорностію. Что же касается сэръ-Кристофера, то онъ былъ совершенно равнодушенъ ко всякимъ осужденіямъ. «Упорный причудникъ», называли его сосѣди. Но, видѣвшій Чеверельскій замокъ такъ, какъ сэръ-Кристоферъ завѣщалъ его своимъ наслѣдникамъ, я признаю искру генія въ этой настойчивости, съ которою онъ, не жалѣя трудовъ, отказывая себѣ во всемъ, привелъ къ концу свое намѣреніе; и проходя черезъ эти комнаты съ ихъ великолѣпными потолками и старинною мебелью, говорящія о томъ, что всѣ лишнія деньги были уже истрачены, когда наступила очередь позаботиться о комфортѣ, я чувствовалъ, что этого стараго англійскаго барона оживлялъ духъ, умѣющій отличить искусство отъ роскоши и безкорыстно покланяющійся красотѣ.

Пока такимъ образомъ превращался и украшался Чеверельскій замокъ, росла, выбѣгивалась и хорошѣла также и Катерина. Положительною красотой она не отличалась, но какая-то воздушная нѣжность, соединенная съ ея большими черными трогательными глазами, и голосомъ, говорившимъ сердцу, придавали ей особенную, неизъяснимую прелесть. Но развитіе Катерины не было, какъ превращенія въ замкѣ, плодомъ систематическихъ и заботливыхъ трудовъ. Она росла, какъ растутъ дикія фіялки; садовникъ радъ видѣть ихъ въ своемъ саду, но не печется и не заботится о нихъ. Леди Чеверель выучила ее читать и писать, и заставляла ее учить наизустъ катехизисъ; по ея желанію, мистеръ Уарренъ давалъ ребенку уроки ариѳметики, а мистрисъ Шарпъ пріучала ее къ разнымъ рукодѣліямъ. Но долго не было и мысли о томъ, чтобы дать ей болѣе тщательное воспитаніе. Я увѣренъ, что до самой смерти своей Катерина воображала, что земля стоитъ на мѣстѣ, а солнце и звѣзды вращаются вокругъ нея. Что касается до этого, то, вѣроятно, то же самое думала и Елена, и Дидона, и Десдемона, и Джюліетта; а потому, я надѣюсь, вы не найдете, что изъ-за этого моя Катерина недостойна быть героинею повѣсти. Я долженъ признаться, что, за однимъ только исключеніемъ, небо не наградило ея никакими особенными дарованіями. Но за то она умѣла любить, и въ этой способности, я увѣренъ, самая свѣдущая въ астрономіи дама не могла бы сравниться съ ней. Хотя она была сирота и воспитанница, но эта драгоцѣнная способность находила себѣ богатую пищу въ Чеверельскомъ замкѣ, и Катеринѣ представлялось гораздо болѣе случаевъ любить чѣмъ многимъ молодымъ леди и джентльменамъ, воспи-

Digitized by Google

мъ нѣжными родными и окруженнымъ попеченіями и за-
и. Первое мѣсто въ ея дѣтскомъ сердцѣ занималъ, полагаю
ъ-Кристоферъ; маленькія дѣвочки обыкновенно привязыва-
къ самому изящному въ домѣ джентльмену, тѣмъ болѣе что
ѣдко приходится вмѣшиваться въ дисциплину. За баронет-
слѣдовала Доркасъ, веселая, краснощекая дѣвушка, помощ-
мистрисъ Шарпъ въ дѣтской, игравшая такимъ образомъ
варенья въ ложкѣ ревеня. Грустный то былъ день для Ка-
ы, когда Доркасъ вышла замужъ за кучера, и съ гордымъ
овольствіемъ отправилась въ городокъ Слопетеръ управлять
деніемъ». Маленькій рабочій ящикъ съ надписью: «кого
о, того дарю», присланный ей отъ Доркасъ, хранился ме-
окровищами Катерины десять лѣтъ спустя.

лючительное дарованіе, о которомъ я сказывалъ выше, было,—
адываете?—ея способность къ музыкѣ. Когда леди Чеверель
ые замѣтила, что у Катерины не только замѣчательный слухъ,
замѣчательный голосъ, это открытіе очень обрадовало и ее,
ь-Кристофора. Музыкальное воспитаніе ея очень заняло
Леди Чеверель посвящала ему много времени, и успѣхи
были такъ неожиданно-быстры, что леди Чеверель почла
имъ взять для нея италіянскаго учителя пѣнія, который
й годъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, пріѣзжалъ въ замокъ. Это
данное дарованіе очень измѣнило положеніе Катерины.
первыхъ годовъ, когда съ дѣвочками играютъ какъ съ
ми, настаетъ время, когда становится не такъ ясно, на что
огутъ быть годны, особенно же если онѣ, какъ Катерина,
ѣщаютъ быть особенно блестящими или красивыми; и не
гельно, что въ этотъ интересный періодъ никто не дѣлалъ
нныхъ плановъ насчетъ ея будущности. Но теперь ея
голосъ крѣпче привязалъ къ ней леди Чеверель, страстно
вшую музыку, и поставилъ ее на другую ногу въ домѣ.
по-малу на нее привыкли смотрѣть какъ на настоящаго члена
ства, и слуги поняли, что миссъ Сарти, какъ бы то ни было,
но быть барыней.

Оно такъ и слѣдуетъ, говорилъ мистеръ Бетсъ;—не на то
создана, чтобы самой себѣ зарабатывать насущный хлѣбъ.
нѣжна словно персикъ; куда ей трудиться и мыкаться по
!

задолго до того времени, о которомъ мы говоримъ, новая
наступила въ жизни Тины, благодаря прибытію въ домъ
молодаго товарища чѣмъ всѣ тѣ, которыми она была окру-
Ей не было еще восьми лѣтъ, когда питомецъ сэръ-Кри-
ра, Менардъ Гильфиль, мальчикъ пятнадцати лѣтъ, началъ

Digitized by Google

проводить каникулы въ Чеверельскомъ замкѣ. Менардъ былъ добродушный мальчикъ, сохранившій страсть ко всѣмъ тѣмъ дѣтскимъ забавамъ, на которыя молодые джентльмены обыкновенно смотрятъ свысока. Онъ много занимался также уженьемъ и столярнымъ ремесломъ, почитая его однимъ изъ самыхъ благородныхъ искусствъ, а не изъ какихъ-нибудь низкихъ, практическихъ цѣлей. И во всѣхъ этихъ забавахъ, для него было наслажденіемъ имѣть при себѣ маленькую Катерину, играть съ нею, отвѣчать на ея наивные вопросы и видѣть какъ она всюду слѣдуетъ за нимъ, точно маленькая левретка за большимъ сетеромъ. Каждый разъ, когда Менардъ возвращался въ свою школу, происходило трогательное прощаніе.

— Ты не забудешь меня, Тина? Ты будешь вспоминать обо мнѣ, когда меня не будетъ здѣсь? Я оставляю тебѣ всѣ вѣрки, которыя мы сучили, а ты, смотри, береги мою морскую синюю. Поцѣлуй же меня хорошенько и скажи, что не забудешь меня.

Съ лѣтами, когда Менардъ изъ школы перешелъ въ университетъ, и изъ тоненькаго мальчика превратился въ стройнаго высокаго юношу, его отношенія къ Катеринѣ необходимо должны были нѣсколько измѣниться, хотя по прежнему они оставались дружескими и короткими. У Менарда эта дѣтская привязанность незамѣтно перешла въ страстную любовь. Первая любовь всегда бываетъ сильна, особенно тогда, когда она имѣетъ свое начало въ дружбѣ дѣтскихъ лѣтъ, когда страсть сливается съ привычкой, съ давнею привязанностью. Любовь Менарда была такого рода, что только бы ему видѣть Катерину, онъ съ радостію согласился бы принять отъ нея всякія мученія, и предпочелъ бы ихъ самымъ заманчивымъ удовольствіямъ вдали отъ нея. Видно уже такова участь высокихъ, широкоплечихъ силачей, начиная съ Самсона до нашихъ временъ. Что же касается Тины,—плутовка очень хорошо видѣла, что она вполнѣ поработила Менарда; онъ былъ единственный человѣкъ на свѣтѣ, съ которымъ она могла дѣлать все, что хотѣла; и мнѣ нечего прибавлять, что то былъ вѣрный признакъ ея равнодушія къ нему: страстная женщина любитъ не иначе какъ съ трепетомъ и страхомъ.

Менардъ Гильфиль не обманывалъ себя насчетъ чувства къ нему Катерины; но его не покидала надежда, что когда-нибудь она привяжется къ нему на столько, что не будетъ отвергать его любви. Онъ терпѣливо ждалъ того дня, когда ему можно будетъ смѣло сказать: «Катерина, я люблю тебя!» Онъ могъ бы, какъ видите, довольствоваться очень малымъ, какъ всѣ люди, не придающіе своей личности большаго значенія, не выставляющіе своего драгоцѣннаго я, на каждомъ шагу, на показъ. Онъ воображалъ (очень ошибочно, какъ всегда влюбленные), что онъ

Digitized by Google

много выигралъ, когда ему пришлось совершенно поселиться въ Чеверельскомъ замкѣ, въ качествѣ домашняго капелана и пастора сосѣдняго прихода; онъ судилъ по себѣ и думалъ, что привычка и дружескія отношенія—лучшій путь къ любви. Сэръ-Кристоферу было пріятно во многихъ отношеніяхъ помѣстить Менарда капеланомъ въ своемъ домѣ. Ему нравилось архаическое достоинство этого домашняго чина; онъ любилъ общество молодаго человѣка, и думалъ, что Менардъ, съ своимъ маленькимъ состояніемъ, можетъ прожить очень счастливо и спокойно въ его домѣ, не убивая себя занятіями, пользуясь полною свободой, пока не очистится комбермурское куратство и онъ навѣки не поселится въ сосѣдствѣ замка. «И женится, тогда на Катеринѣ», также скоро началъ мечтать сэръ-Кристоферъ; хотя добрый баронетъ вовсе не былъ прозорливъ относительно того, что могло ему быть непріятно или противно его намѣреніямъ и надеждамъ, онъ очень скоро замѣчалъ то, что согласовалось съ его видами, онъ отгадалъ чувство Менарда и заставилъ его признаться въ нихъ. Онъ тотчасъ же порѣшилъ въ своемъ умѣ, что и Катерина раздѣляетъ эти чувства, или раздѣлитъ когда будетъ постарше. Но въ то время она была такъ молода, что нельзя было ничего порѣшить.

Между тѣмъ обстоятельства сложились такимъ образомъ, что хотя намѣренія и планы сэръ-Кристофера остались тѣ же, Менарду Гильфилю пришлось убѣдиться, что не только сердце Катерины никогда, по всей вѣроятности, не будетъ принадлежать ему, но что оно уже совершенно отдалось другому; и всѣ его надежды обратились въ горькую тревогу.

Раза два, во время дѣтства Катерины, въ замокъ пріѣзжалъ другой мальчикъ, моложе Менарда, кудрявый, нарядный красавчикъ, на котораго Катерина смотрѣла тогда съ робкимъ восторгомъ. Это былъ Антони Вибрау, сынъ младшей сестры сэръ-Кристофера и объявленный наслѣдникъ Чеверельскаго замка. Баронетъ не пожалѣлъ денегъ, стѣснилъ себя даже въ исполненіи своихъ архитектурныхъ замысловъ, чтобы, помимо прямыхъ наслѣдниковъ, утвердить свои владѣнія за этимъ мальчикомъ; и побудила его къ этому, долженъ я признаться, жестокая ссора съ старшею сестрой: способность прощать не была въ числѣ добродѣтелей сэръ-Кристофера. Наконецъ, послѣсмерти матери Антони, когда онъ самъ уже былъ взрослый молодой человѣкъ, съ чиномъ капитана, онъ сталъ проводить все свободное время въ Чеверельскомъ замкѣ. Катеринѣ было тогда шестнадцать лѣтъ, и нечего мнѣ тратить много словъ, чтобъ объяснить вамъ то, что, какъ видите, было очень естественно.

Въ Чеверельскомъ замкѣ не много принимали гостей, и капи-

Digitized by Google

тану Вибрау гораздо было бы скучнѣе, еслибы не было тамъ Катерины. Пріятно было заниматься ею, бросать ей нѣжные взгляды, и видѣть какъ она затрепещетъ отъ радости, вспыхнетъ, и робко взглянетъ на него своими большими, черными глазами, если онъ похвалитъ ея пѣніе или скажетъ ей ласковое слов Пріятно также было отбить ее у этого длинноногаго капеллана. Какой праздный мущина можетъ противустать искушенію очаровать женщину и затмить другаго мущину, особенно если ему совершенно ясно, что у него нѣтъ дурныхъ намѣреній, если онъ увѣренъ, что въ самомъ короткомъ времени опять все придетъ въ порядокъ? Однако, къ концу восьмнадцати мѣсяцев которые капитанъ Вибрау почти сполна провелъ въ домѣ дя онъ вдругъ увидѣлъ что дѣла подвинулись гораздо далѣе чѣ онъ ожидалъ. Нѣжные взгляды повлекли за собой нѣжныя сло а нѣжныя слова вызвали такіе краснорѣчивые взгляды, что невозможно было не идти впередъ *crescendo*. Видѣть себя предметомъ обожанія милой, черноглазой, нѣжной, невинной дѣвушки весьма пріятно, и было бы даже жестоко отвѣчать на эти чувства совершенною холодностію.

Вы, можетъ-быть, думаете, что капитанъ Вибрау, ухаживавшій за Катериной безъ всякаго намѣренія жениться на ней, былъ человѣкъ развращенный и безъ правилъ? Вовсе нѣтъ. Онъ былъ одаренъ большимъ хладнокровіемъ, рѣдко увлекался и всегда зналъ, что дѣлаетъ; а слабая, нѣжная Катарина скорѣе могла подѣйствовать на воображеніе чѣмъ на чувственную сторону человѣка. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ очень нѣжно расположенъ къ ней и вѣроятно полюбилъ бы ее, еслибы только былъ въ состояніи полюбить кого бы то ни было. Но природа не одарила его этою способностью. Она даровала ему прямой носъ, бѣлыя руки, нѣжнѣйшій цвѣтъ лица и немалую дозу спокойнаго самодовольства; но, какъ бы для того, чтобъ оградить это тонкое издѣліе свое отъ всякихъ опасностей, она позаботилась о томъ, чтобъ онъ не былъ подверженъ никакимъ страстямъ. Въ дѣтствѣ, въ молодости, онъ всегда велъ себя отлично; сэръ-Кристоферъ и леди Чеверель почитали его примѣрнымъ племянникомъ, самымъ удовлетворительнымъ наслѣдникомъ, почтительнымъ къ нимъ, разсудительнымъ, и, что всего важнѣе, всегда повинующимся чувству долга. Капитанъ Вибрау всегда поступалъ самымъ пріятнымъ и удобнымъ для себя образомъ изъ чувства долга. Онъ одѣвался великолѣпно, потому что онъ былъ обязанъ къ тому своимъ положеніемъ; изъ чувства же долга онъ покорялся непреклонной волѣ сэръ-Кристофера, бороться противъ которой было бы утомительно и безполезно; онъ былъ слабаго сложенія, и изъ того же чувства долга, онъ берегся и возился съ собой. Одно только

Digitized by Google

емъ, его здоровье, безпокоило и огорчало его друзей; и вслѣдствіе этого баронетъ очень желалъ пораньше женить племянника, тѣмъ болѣе что ему представлялась партія, которая во всѣхъ отношеніяхъ утѣшила бы сэръ-Кристофера. Антони вилъ миссъ Эшеръ, единственную дочь предмета первой юбви сэръ-Кристофера, измѣнившаго ему, увы! для другаго баронета,—и плѣнился ея красотой. Отецъ миссъ Эшеръ умеръ едавно и оставилъ ей очень порядочное состояніе. Если, что сьма вѣроятно, Антони успѣлъ бы тронуть ея сердце, то ничто е могло бы такъ обрадовать сэръ-Кристофера и успокоить его нетъ того, что его наслѣдство не попадетъ въ ненавистныя му руки. Антони уже былъ очень хорошо принятъ у леди Эшеръ, акъ племянникъ стариннаго друга; почему бы ему не съѣздить въ атъ, гдѣ она жила съ дочерью, сблизиться съ ними и попыать счастіе?

Сэръ-Кристоферъ сообщилъ свои желанія племяннику, котоый тотчасъ же изъявилъ свое согласіе сообразоваться съ ими—изъ чувства долга. Онъ нѣжно извѣстилъ Катерину объ ой жертвѣ, требуемой отъ нихъ обоихъ непреодолимымъ вствомъ долга; и три дня спустя произошла та прощальная цена, при которой вы присутствовали въ галлереѣ, наканунѣ ъѣзда капитана Вибрау.

ГЛАВА V.

Неумолимо-мѣрный бой часоваго маятника болѣзненно сжимаетъ рдце, изнывающее подъ гнетомъ страшнаго ожиданія. Также чно дѣйствуетъ на него и однообразный ходъ величественго механизма природы. Весенніе цвѣты уступаютъ мѣсто волнующимся темнымъ травамъ, между которыми тепло краснѣетъ авель; волнующіяся травы исчезаютъ, и луга, какъ яркіе изумруды, лежатъ между рамками цвѣтущихъ изгородей; бѣлѣющіе лосья начинаютъ поникать къ землѣ своими полновѣсными гоовками; жнецы мелькаютъ между ними, и скоро связанные юпы всѣ свезены съ поля; затѣмъ плугъ снова переворачиетъ темную землю, готовя ее къ принятію вновь вымолоченго сѣмени. И эти переходы изъ одной красоты въ другую, подобные переливамъ мелодіи для счастливыхъ сердецъ, измѣряютъ для многихъ другихъ приближеніе ожидаемыхъ бѣдствій, какъ приближаются, для нихъ ту минуту, когда тѣнь страха уступитъ мѣсто дѣйствительности отчаянія.

Digitized by Google

Съ какою жестокою быстротой прошло для Катерины лѣто 1798 года! Никогда, казалось ей, такъ быстро не отцвѣтали розаны, такъ скоро не начинали краснѣть ягоды на старой рябинѣ, все такъ и стремилось къ осени, когда должно было разразиться надъ ней несчастіе, когда ей придется видѣть, какъ все вниманіе, вся нѣжность Антони будутъ обращены на другую.

Еще до конца іюля, Антони писалъ, что «леди Эшеръ и ея дочь, желая отдохнуть отъ жара и суеты Бата, ѣдутъ въ его помѣстье Фарлей и зовутъ его съ собой». Изъ писемъ его было видно, что онъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ обѣими дамами и о соперникѣ не было и помина, и сэръ-Кристоферъ становился все веселѣе и веселѣе. Наконецъ, въ концѣ августа, пришло извѣстіе, что предложеніе капитана Вибрау было принято, и послѣ многихъ писемъ, полныхъ любезностей и обоюдныхъ поздравленій, было рѣшено, что леди Эшеръ и ея дочь пріѣдутъ въ сентябрѣ въ Чеверельскій замокъ, чтобы Беатрисъ могла познакомиться съ новыми родственниками, а старики могли переговорить о дѣлахъ. Капитанъ Вибрау долженъ былъ остаться до тѣхъ поръ въ Фарлеѣ, и пріѣхать вмѣстѣ съ дамами.

Между тѣмъ всѣ жители Чеверельскаго замка были заняты приготовленіями къ пріѣзду гостей. Сэръ-Кристоферъ проводилъ дни въ совѣщаніяхъ съ управляющимъ и стряпчимъ, суетился, торопилъ Франческо. Мистеру Гильфилю было поручено добыть дамскую лошадь: миссъ Эшеръ отлично ѣздила верхомъ. Леди Чеверель приходилось много разъѣзжать по знакомымъ, разсылать приглашенія. Дернъ, дорожки и клумбы мистера Бетса находились всегда на такой степени совершенства, что онъ для сада ничего необыкновеннаго не могъ сдѣлать, кромѣ развѣ только покричать лишній разъ на своихъ помощниковъ, что̀ и не было имъ упущено.

Къ счастію для Катерины, у нея тоже было свое дѣло, помогавшее ей проводить долгіе тяжелые дни. Она кончала подушку для креселъ, не доставшую еще къ собранію вышитыхъ подушекъ въ гостиной,—плодъ многолѣтней работы леди Чеверель и единственная чѣмъ-нибудь замѣчательная мебель въ домѣ. Надъ этимъ вышиваніемъ она сидѣла съ холодными губами и замиравшимъ сердцемъ, и благодарила Бога за то, что это нагостное ощущеніе въ продолженіе дня противодѣйствовало той необходимой потребности выплакаться, которая возвращалась къ ней съ темною ночью. Болѣе всего боялась она за себя, когда подходилъ къ ней сэръ-Кристоферъ. Баронетъ былъ бодрѣе чѣмъ когда-либо, и ему казалось, что всѣ должны ликовать и радоваться съ нимъ. Добрый сэръ-Кристоферъ! Онъ столько въ жизни своей встрѣтилъ удачъ, что не мудрено, если онъ не много

Digitized by Google

лся; особенно же теперь, когда и послѣдній его замыселъ
чался такимъ скорымъ успѣхомъ, когда онъ могъ мечтать о
ѣ, надѣяться увидѣть его стройнымъ юношей, съ пушкомъ на
ней губѣ. Почему бы нѣтъ? Въ шестьдесятъ лѣтъ человѣкъ
молодой человѣкъ.

ръ-Кристоферъ всегда съ какою-нибудь шуткой подходилъ
атеринѣ.

омните же, обезьянка, что намъ надобно щегольнуть голос-
; вы вѣдь минстрель нашего замка. И принарядиться надо:
ьице надо хорошенькое, ленточку новую. Не слѣдуетъ и птичкѣ
ей ходить замарашкой.» Или: «Теперь за вами очередь, Тина.
будьте доброю дѣвочкой, не жеманьтесь и не важничайте. Я
амъ вамъ мучить моего Менарда.»

такія минуты трудно было Катеринѣ не расплакаться; труд-
й было улыбаться, когда старый баронетъ гладилъ ее по
вѣ и ласково глядѣлъ ей въ глаза. Разговоръ и присутствіе
Чеверель были менѣе тягостны для нея: леди Чеверель го-
о хладнокровнѣе радовалась этому семейному событію; къ тому
й не совсѣмъ было пріятно то, что сэръ-Кристоферъ такъ ра-
ся предстоящему свиданію съ леди Эшеръ, сохранившейся
го памяти нѣжною шестнадцатилѣтнею красавицей, которой
клялся въ вѣчной любви. Леди Чеверель скорѣе бы умерла
созналась бы въ этомъ, но она въ душѣ питала надежду, что
разочаруется въ леди Эшеръ и даже устыдится своей прежъ-
страсти къ ней.

продолженіе этихъ дней, мистеръ Гильфиль наблюдалъ за
риной съ чувствами, весьма различными. Страданія ея тер-
его сердце; но онъ радовался за нее, что любовь,
рая никогда бы не могла повести къ добру, не будетъ на-
ть себѣ пищи въ несбыточныхъ надеждахъ. И удиви-
но ли, что онъ говорилъ себѣ: «Быть-можетъ, со временемъ,
рина перестанетъ тосковать по этой бездушной куклѣ, и
а...»

аконецъ наступилъ давно ожидаемый день. Яркое солнце освѣ-
о пожелтѣвшія липы, когда карета леди Эшеръ подкатила къ
ѣзду. Катерина, сидѣвшая въ своей комнатѣ за работой,
хала стукъ колесъ и поднявшійся потомъ въ домѣ говоръ и
ъ. Вспомнивъ, что леди Чеверель просила ее пораньше
ти въ гостиную, она поспѣшно одѣлась и съ удовольствіемъ
ствовала, что она бодра и спокойна. Мысль, что Антони
омѣ, желаніе видѣть миссъ Эшеръ и показать, что и она не-
на, всѣ эти чувства вызвали румянецъ на ея блѣдныя щеки
юмогли ей заняться своимъ туалетомъ. Вечеромъ непре-
но попросятъ ее пѣть, и она будетъ пѣть очень хорошо.

Digitized by Google

Миссъ Эшеръ увидитъ, что ею нельзя совершенно пренебрегать. И, занятая этими мыслями, она надѣла свое сѣрое шелковое платье и малиновую ленту съ такою заботливостію, какъ будто она сама была невѣста; не забыла она также круглыхъ жемчужныхъ серегъ, которыя подарила ей леди Чеверель, по желанію сэръ-Крестофера, который находилъ, что у Тины прехорошенькія ушки.

Въ гостиной она уже застала сэръ-Кристофера и леди Чеверель, разговаривавшихъ съ мистеромъ Гильфилемъ, и разсказывавшихъ ему, какъ хороша миссъ Эшеръ, но какъ мало она похожа на мать.

— Эге! сказалъ сэръ-Кристоферъ, когда увидалъ Катерину — что̀ вы скажете, Менардъ? Видали ли вы когда-нибудь Тину такою нарядною и хорошенькою? Это платье, если я не ошибаюсь, выкроено изъ старой юпки леди Чеверель. Не много и нужно, чтобъ одѣть мою обезьянку.

Леди Чеверель, успѣвшая уже удостовѣриться въ своемъ превосходствѣ надъ леди Эшеръ, была въ отличномъ расположеніи духа, и ласково улыбнулась Катеринѣ, а на Катерину сошло какое-то самообладаніе и равнодушіе, которое приходитъ иногда, будто приливъ морской, между припадками страсти. Она удалилась къ фортепіяно и занялась своими нотами, не безъ чувства удовольствія, что наружность ея произвела пріятное впечатлѣніе: она думала о томъ, что будетъ въ состояніи совершенно спокойно заговорить съ капитаномъ Вибрау, когда онъ войдетъ въ комнату. Но когда она услыхала его шаги, когда пахнуло на нее знакомымъ запахомъ розъ, сердце ея замерло, и она очнулась только тогда, когда онъ уже стоялъ подлѣ нея, и, взявъ руку ея, говорилъ своимъ спокойно-лѣнивымъ тономъ:

— Ну какъ вы поживаете, Катерина? Вы пополнѣли и похорошѣли.

Она покраснѣла отъ негодованія на то, что онъ можетъ говорить съ нею и смотрѣть на нее съ такою совершеннѣйшею небрежностію. Увы! онъ былъ влюбленъ въ другую, и гдѣ жь было ей вспомнить свое прежнее чувство къ ней? Но она тутъ же поняла свое безразсудство. Развѣ онъ могъ выказать тутъ свое настоящее чувство? Эта внутренняя борьба продлила для нея тѣ немногія мгновенія, которыя прошли, пока опять не отворилась дверь и взоры всѣхъ не обратились на двухъ входившихъ дамъ.

Дочь казалась еще красивѣе и величественнѣе по сравненію съ матерью, полною, невысокою женщиной, которая нѣкогда блистала непрочною красотой блондинки, съ ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица, но неправильными чертами и расположеніемъ къ полнотѣ. Миссъ Эшеръ была высока ростомъ и сложена граціозно и стройно

Digitized by Google

хотя нѣсколько массивно; въ каждомъ движеніи ея была видна спокойная увѣренность въ себѣ; ея темные волосы, нетронутые пудрой, роскошными локонами падали вокругъ ея лица и лежали на ея бѣлыхъ плечахъ. Яркій и вмѣстѣ нѣжный румянецъ ея щекъ и чистое очертаніе ея прямаго носа производили впечатлѣніе ослѣпительной красоты, несмотря на самые обыкновенные каріе глаза, узкій лобъ, и можетъ-быть слишкомъ тонкія губы. Она была въ траурѣ, и ея круглыя руки, обнаженныя до локтя, казались еще бѣлѣе отъ сравненія съ ея чернымъ креповымъ платьемъ. Первое впечатлѣніе красоты ея было поразительно, и когда она съ любезною улыбкой остановилась передъ Катериной, съ которою леди Чеверель знакомила ее, бѣдняжка только тогда вполнѣ сознала все безразсудство своей мечты.

— Мы въ восторгѣ отъ вашего помѣстья, сэръ-Кристоферъ, сказала леди Эшеръ, стараясь принять величественный видъ, что̀ вовсе не удавалось ей: —я увѣрена, что племянникъ вашъ былъ пораженъ безпорядкомъ въ нашемъ Фарлеѣ. Бѣдный сэръ-Джонъ вовсе не заботился о томъ, чтобы поддерживать домъ и садъ. Я часто говорила ему объ этомъ, но онъ отвѣчалъ: «Вздоръ! какое дѣло моимъ друзьямъ, что мои потолки закопчены, лишь бы только я былъ въ состояніи угостить ихъ хорошимъ обѣдомъ и напоить хорошимъ виномъ.» Онъ былъ такой гостепріимный, сэръ-Джонъ.

— Мнѣ особенно понравился видъ на домъ изъ парка, какъ только мы проѣхали мостъ, довольно поспѣшно вступилась миссъ Эшеръ, какъ бы боясь, что мать ея скажетъ что-нибудь лишнее;— мы тѣмъ болѣе были поражены, что Антони ничего намъ не хотѣлъ описать напередъ. Онъ хотѣлъ удивить насъ, и это вполнѣ удалось ему. Я очень желаю пройдтись съ вами по замку, сэръ-Кристоферъ, и услышать отъ васъ всю исторію вашихъ архитектурныхъ замысловъ, на которые, какъ сказалъ мнѣ Антони, вы положили столько труда и времени.

— Не совѣтую вамъ, душа моя, наводить старика на разказы о старинѣ, сказалъ баронетъ;—я надѣюсь, что вы найдете себѣ у насъ занятіе болѣе пріятное чѣмъ разбирать мои старые рисунки и планы. Другъ нашъ, мистеръ Гильфиль, отыскалъ для васъ отличную лошадь, и вы можете прогуливаться по окрестностямъ сколько вашей душѣ будетъ угодно. Мы знаемъ отъ Антони, что вы отличная наѣздница.

Миссъ Эшеръ обратилась къ мистеру Гильфилю съ самою обворожительною своею улыбкой и выразила ему благодарность съ изысканною любезностію особы, желающей очаровать собою и увѣренною въ успѣхѣ.

— Не благодарите меня, сказалъ мистеръ Гильфиль,—прежде чѣмъ не испробуете лошадь. Леди Сара Линтеръ ѣздила на ней

Digitized by Google

послѣдніе два года; но вкусъ одной дамы можетъ не согласоваться со вкусомъ другой насчетъ лошадей чуть ли не больше чѣмъ насчетъ всего другаго.

Пока шелъ этотъ разговоръ, капитанъ Вибрау сталъ, прислонившись къ камину и довольствуясь отвѣчать лѣнивою улыбкой на взгляды, которые миссъ Эшеръ постоянно обращала на него, когда говорила. «Какъ она любитъ его,» подумала Катерина. Но ей было отрадно видѣть, что Антони, казалось, скорѣе дозволялъ любить себя чѣмъ любилъ самъ. Ей показалось также, что онъ блѣднѣе и вялѣе обыкновеннаго. «Еслибъ онъ не очень любилъ ее, еслибъ онъ хоть иногда вспоминалъ о прошломъ съ сожалѣніемъ, я пожалуй помирилась бы съ нимъ, и стала бы радоваться радости сэръ-Кристофера.»

Во время обѣда, одно не значащее обстоятельство утвердило ее въ этихъ мысляхъ. Когда на столъ поставили дессертъ, передъ капитаномъ Вибрау очутилось блюдо желе; почувствовавъ желаніе полакомиться самъ, онъ сперва подалъ блюдо миссъ Эшеръ: она покраснѣла и сказала нѣсколько рѣзкимъ тономъ:

— Неужели вы до сихъ поръ не узнали, что я не ѣмъ желе?

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ капитанъ Вибрау, котораго слухъ не былъ довольно тонокъ, чтобы почувствовать разницу полутона.—А я воображалъ, что вы любите его. Мнѣ помнится, что въ Фарлеѣ каждый день подавали желе.

— Нельзя сказать, чтобы вы обращали большое вниманіе на то, что̀ я люблю или не люблю.

— Я слишкомъ занятъ отрадною мыслію, что вы любите меня, былъ офиціяльный, совершенно спокойный отвѣтъ.

Никто, кромѣ Катерины, не замѣтилъ этой маленькой сцены. Сэръ-Кристоферъ слушалъ съ вѣжливымъ вниманіемъ разсказы леди Эшеръ о послѣднемъ своемъ поварѣ, который соусы готовилъ мастерски, и по этой причинѣ нравился сэръ-Джону. «Онъ былъ такой взыскательный насчетъ соусовъ, сэръ-Джонъ, и поваръ оставался у насъ въ домѣ шесть лѣтъ, хотя онъ предурно пекъ пироги и дѣлалъ пуддинги.» Леди Чеверель и мистеръ Гильфиль улыбались гончей собакѣ, Руперту, который, просунувъ свою большую голову подъ руку сэръ-Кристофера, внимательно осматривалъ всѣ блюда на столѣ, обнюхавъ сперва тарелку своего хозяина.

Когда дамы перешли въ гостинную, леди Эшеръ принялась подробно излагать леди Чеверель свои убѣжденія насчетъ того, что не слѣдуетъ людей хоронить безъ бѣлья въ одной шерстяной одеждѣ.

— Конечно, нельзя обойдтись безъ шерстянаго платья, потому что такъ заведено; но это вовсе не мѣшаетъ подъ низъ надѣть бѣлье.

Digitized by Google

Я всегда говорила: «еслибы сэръ-Джонъ скончался завтра, я бы похоронила его въ бѣльѣ.» Я такъ и сдѣлала. Совѣтую и вамъ сдѣлать то же самое, если вамъ придется хоронить сэръ-Кристофера. Вы никогда не видали сэръ-Джона, леди Чеверель. Онъ былъ высокій, плотный мущина; у него былъ точно такой же носъ, какъ у Беатрисы; и вы не повѣрите, какой онъ былъ взыскательный насчетъ бѣлья!

Миссъ Эшеръ между тѣмъ усѣлась подлѣ Катерины, и сказала ей съ тою снисходительною любезностію, говорившею казалось: «Я право вовсе не горда, хотя бы я и имѣла на то причины.»

— Антони говорилъ мнѣ про ваше пѣніе. Я надѣюсь, что мы васъ услышимъ сегодня вечеромъ.

— Да, тихо и серіозно отвѣтила Катерина;—я всегда пою, когда пожелаютъ.

— Какъ вы счастливы и какъ я вамъ завидую! Вообразите себѣ, у меня вовсе нѣтъ слуха; я не могу напѣть самую простую мелодію, а между тѣмъ я такъ люблю музыку! Не несчастье ли это? Но за то мнѣ предстоитъ здѣсь истинное наслажденіе; капитанъ Вибрау говоритъ, что вы каждый день сколько-нибудь поете.

— Удивительно, если у васъ нѣтъ слуха, что вы любите музыку, совершенно просто отвѣтила Катерина, не сознавая сама, что сказала колкость.

— О, увѣряю васъ, я обожаю ее; да и Антони такъ любитъ ее! Я бы все отдала, чтобъ умѣть пѣть или играть, хотя онъ говоритъ, что онъ радъ тому, что я не пою, оттого что это не идетъ къ понятію, которое онъ себѣ составилъ обо мнѣ. Какой родъ музыки предпочитаете вы?

— Я люблю всякую хорошую музыку.

— А любите вы также ѣздить верхомъ?

— Нѣтъ; я никогда не ѣзжу верхомъ. Мнѣ было бы страшно сѣсть на лошадь.

— Вы бы скоро привыкли. Я никогда не была боязлива. Антони гораздо больше боится за меня чѣмъ я сама за себя, и съ тѣхъ поръ, какъ я ѣзжу съ нимъ, я принуждена быть гораздо осторожнѣе: онъ такъ пугливъ за меня.

Катерина ничего не отвѣчала, но подумала про себя: «Я бы желала, чтобъ она оставила меня въ покоѣ и не говорила со мною. Ей только хочется выказать передо мною свое добродушіе и поговорить объ Антони.»

А миссъ Эшеръ думала про себя: «Эта миссъ Сарти, кажется, простовата. Не даромъ же она музыкантша. Но она лучше собой чѣмъ я ожидала. Антони сказалъ мнѣ, что она не хороша собой.»

Къ счастію, въ эту минуту леди Эшеръ заставила дочь обра-

Digitized by Google

тить вниманіе на вышитыя подушки, и миссъ Эшеръ встала, дошла къ другому дивану, и между ней и леди Чеверель завязался оживленный разговоръ о разныхъ родахъ вышиванія; мать видя, что теперь ей трудно будетъ вставить свое слово, пересѣла къ Катеринѣ.

— Я слышала, что вы превосходно поете, было. разумѣется первое ея замѣчаніе.—Всѣ Италіянцы поютъ необыкновенно хорошо. Какъ только я вышла замужъ, сэръ-Джонъ повезъ меня въ Италію, и мы были въ Венеціи, гдѣ всѣ, вы знаете, разъѣзжаютъ въ гондолахъ. Вы, какъ я вижу, не пудрите себѣ волосъ. Беатриса также, хотя многіе думаютъ, что пудра очень бы шла ей. У нея необыкновенно густые волосы, не правда ли? Прежняя наша горничная причесывала ее гораздо лучше этой, но представьте себѣ, она носила чулки Беатрисы передъ тѣмъ какъ отдавать ихъ въ мытье, и послѣ этого, вы понимаете, мы не могли держать ее у себя, не такъ ли?

Катерина приняла этотъ вопросъ за реторическую фигуру и нашла излишнимъ отвѣчать; но леди Эшеръ повторила: «не такъ ли?» точно согласіе Тины было необходимо для спокойствія ея души. Услышавъ наконецъ слабое: «нѣтъ,» она продолжала:

— Съ горничными такъ много хлопотъ, а Беатриса такъ взыскательна, что вы не повѣрите. Я часто говорю ей: «Душа моя ты не найдешь совершенства.» Самое это платье, что на ней теперь надѣто,—оно конечно теперь сидитъ отлично,—было передѣлано не знаю сколько разъ. Но она точный сэръ-Джонъ: вы не повѣрите какъ на него трудно было угодить. А что леди Чеверель, взыскательна она?

— Да. Но мистрисъ Шарпъ уже двадцатый годъ въ домѣ.

— Я очень желала бы, чтобы Грифинъ прожила у насъ такъ долго. Но я боюсь, что намъ придется разстаться съ ней: здоровье ея очень слабо. А она къ тому же черезчуръ упряма: не слушается меня, не хочетъ пить декоктъ изъ горькихъ травъ. У нея тоже нездоровый видъ. Совѣтую вамъ пить ромашку утромъ натощакъ. Беатриса такъ здорова и крѣпка, что никогда не принимаетъ лѣкарствъ; но еслибъ у меня было двадцать болѣзненныхъ дочерей, я всѣхъ бы ихъ заставляла пить ромашку. Ничто такъ не укрѣпляетъ, какъ ромашка. Обѣщайтесь же мнѣ по утрамъ пить ромашку.

— Благодарю васъ; я вовсе не больна, отвѣчала Катерина,— я всегда была худа и блѣдна.

Леди Эшеръ продолжала убѣждать ее въ необыкновенныхъ цѣлебныхъ свойствахъ ромашки, и не переставала болтать до самаго появленія джентльменовъ. Тутъ она снова напала на сэръ-Кристофера, который, казалось, понялъ, что ради поэзіи горько

Digitized by Google

ше было бы ему не встрѣчаться съ предметомъ первой
ви по прошествіи сорока лѣтъ.
апитанъ Вибрау, разумѣется, подошелъ къ мистрисъ Эшеръ,
истеръ Гильфиль старался избавить Катерину отъ непріят-
положенія сидѣть молча въ сторонѣ, подсѣвши къ ней и
нявшись ей разказывать, какъ одинъ изъ его пріятелей упалъ
омъ съ лошади и переломилъ себѣ руку, хотя онъ очень ясно
ылъ, что она почти не слушаетъ его и смотритъ въ другую
рону. Одно изъ мученій ревности въ томъ именно и состоитъ,
она никакъ не можетъ свести глазъ съ предмета, раздража-
аго ее.
сѣ были довольны, когда сэръ-Кристоферъ, чтобы чѣмъ-
удь прервать разговоръ свой съ леди Эшеръ, обратился къ
ѣ съ словами:
— Что жь, Тина, развѣ вы намъ ничего не споете сегодня,
жде чѣмъ мы засядемъ за карты? Вы, кажется, играете въ
ты, леди Эшеръ? прибавилъ онъ, спохватившись.
— Какже! Мой бѣдный, дорогой сэръ-Джонъ, бывало, каждый
еръ садился за вистъ.
Катерина тотчасъ же сѣла за клавикорды, и съ восхищеніемъ
дѣла, что какъ только начала она пѣть, капитанъ Вибрау ото-
лъ отъ невѣсты и сталъ на свое старое мѣсто у клавикордъ.
придало новую силу ея голосу; и когда она замѣтила, что
ссъ Эшеръ вскорѣ послѣдовала за нимъ, видимо стараясь
дать лицу своему выраженіе восторга, ея заключительная
cura нисколько не пострадала отъ того, что маленькое тор-
ствующее презрѣніе оживило ея душу.
— Голосъ вашъ сталъ еще свѣжѣе и сильнѣе, Катерина, ска-
ъ капитанъ Вибрау, когда она кончила. — Это не то, что пи-
ивое пѣніе миссъ Гибертъ, которымъ мы восхищались въ
рлеѣ, неправда ли, Беатриса?
— Еще бы! Какъ вы счастливы миссъ Сарти... Катерина... вы
ъ позволите васъ называть Катериной?.. Мнѣ столько говорилъ
о васъ Антони, что я смотрю на васъ какъ на старинную
акомую. Вы не разсердитесь, если я васъ буду звать Кате-
ной?
— Ничуть, меня всѣ зовутъ Катериной, или просто Тиной.
— Не лѣнитесь, обезьянка, спойте намъ еще что-нибудь, съ
угаго конца комнаты закричалъ сэръ-Кристоферъ. — Мы еще
леко не насытились музыкой.
Катерина охотно исполнила его желаніе: пока она пѣла, она
ла царицей комнаты, и миссъ Эшеръ оставалось только
ражать притворный восторгъ и удивленіе. Увы! вы видите
го творила ревность въ этой бѣдной молодой душѣ. Катерина

Digitized by Google

эта невинная птичка, любящая и боязливая, поняла, что̀ значитъ ненавидѣть и торжествовать надъ врагомъ.

Когда пѣніе кончилось, сэръ-Кристоферъ и леди Чеверель сѣли за вистъ съ леди Эшеръ и мистеромъ Гильфилемъ, а Катерина усѣлась подлѣ баронета, какъ бы для того чтобы слѣдить за игрой: она не хотѣла стѣснять своимъ присутствіемъ жениха и невѣсту. Сперва она находилась еще подъ впечатлѣніемъ своего минутнаго торжества, и ее поддерживала гордость; но глаза ея невольно устремлялись въ тотъ уголъ комнаты, гдѣ капитанъ Вибрау усѣлся подлѣ миссъ Эшеръ и оперся рукой на спинку стула, въ позѣ самой приличной для жениха. Томительное чувство овладѣло Катериной. Она видѣла, почти не глядя, какъ онъ взялъ руку своей невѣсты, чтобы разсмотрѣть ея браслетъ; головы ихъ склонялись все ближе и ближе другъ къ другу, кудри ея касались его щеки, онъ поднялъ ея руку къ своимъ губамъ... Катерина чувствовала, какъ вспыхнули ея щеки; она не могла высидѣть долѣе. Она встала прошлась по комнатѣ, какъ бы ища чего-то и наконецъ скользнула въ дверь.

Въ корридорѣ она взяла свѣчу, быстро устремилась въ свою комнату, и заперла за собою дверь.

«О, это свыше силъ моихъ, это свыше силъ моихъ!» громко воскликнуло бѣдное дитя, ломая себѣ руки, и прижимая ихъ къ пылающему лбу.

Потомъ она быстро принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

«И я должна это видѣть, должна это терпѣть, сколько, сколько еще дней!»

Она чувствовала потребность что-нибудь изорвать, измять въ своихъ рукахъ. На столѣ лежала кисейная косынка; она схватила ее и изорвала въ мелкіе кусочки, пока ходила по комнатѣ, и потомъ сжала ихъ въ твердые комки въ своей рукѣ.

«А Антони, думала она: ему дѣла нѣтъ до того, что я должна чувствовать глядя на это. О, для него ничего не значитъ забыть все прошлое! Какъ онъ говорилъ, что любитъ меня, пожалъ руку мою въ своихъ рукахъ, по цѣлымъ часамъ глядѣлъ мнѣ въ глаза!..»

«О, это жестоко, это жестоко!» опять громко вскрикнула она, когда всѣ эти сладкія мгновенія опять предстали предъ ней. И слезы хлынули изъ ея глазъ, она бросилась на колѣни передъ своею кроватью, опустила голову и горько зарыдала.

Она сама не знала, какъ долго она провела въ этомъ положеніи, когда раздался колоколъ къ вечерней молитвѣ, и она вспомнила, что леди Чеверель можетъ хватиться ея и послать за ней. Она встала и начала поспѣшно раздѣваться, чтобы ей не было

Digitized by Google

ѕе никакой возможности сойдти внизъ. Не успѣла она еще
плести волосы и накинуть ночное платье, какъ раздался го-
ъ мистрисъ Шарпъ, которая постучалась въ дверь.
- Миссъ Тина, кричала она,—леди Чеверель спрашиваетъ, не
ьны ли вы?
атерина отперла дверь и сказала:
- Благодарю васъ, милая мистрисъ Шарпъ; скажите, прошу
, леди Чеверель, что у меня очень разболѣлась голова.
- Такъ отчего же, скажите на милость, вы еще не лежите въ
тели, а стоите раздѣтыя и дрожите отъ холода? На что это
оже? Садитесь, я вамъ причешу волосы, а потомъ уложу и
утаю васъ хорошенько.
- Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ; я сейчасъ лягу сама. Доброй
и, милая Шарпочка; не ворчите на меня; я будуу мница и сей-
ъ лягу спать.

Катерина расцѣловала своего стараго друга, но отъ мистрисъ
рпъ не легко было отдѣлаться; она непремѣнно хотѣла соб-
енноручно уложить свою питомицу, и унесла съ собой
чу, безъ которой бѣдной дѣвочкѣ стало еще тоскливѣе на
шѣ.

Но сердце ея такъ билось, она такъ была взволнована, что не
ла долго вылежать въ постели; ей было пріятнѣе дрожать и
ѣнуть. Въ комнатѣ было довольно свѣтло: высоко въ небѣ
на мелькала между торопливо бѣжавшими тучами. Катерина от-
нула занавѣсь окна, приложила лобъ къ холодному стеклу, и
смотрѣлась на деревья и луга.

Какъ мраченъ и печаленъ лунный свѣтъ, когда холодный, же-
кій вѣтеръ лишаетъ его нѣжности и спокойствія! Деревьямъ хо-
лось бы кажется отдохнуть, а ихъ то и дѣло безпокоятъ эти
видимые толчки, зябнущая трава пригибается съ сочувствен-
мъ холодомъ, и ивы у пруда какъ-то безпомощно и жалобно
остираютъ свои бѣлѣющія вѣтви. Но картина эта пріятна Кате-
инѣ по самой своей мрачности: въ ней есть чувство жалости.
го не то, что жестокое, безпощадное счастіе влюбленныхъ,
здѣвающееся надъ горемъ.

Она крѣпче прижала голову къ стеклу, и слезы обильнѣе хлы-
ули изъ ея глазъ. Она рада была этимъ слезамъ: она сама пу-
лась той бѣшеной страсти, которая наполняла ея душу пока
аза ея были сухи. Какъ скрыть эти чувства, какимъ образомъ
держать себя?

Она вспомнила о сэръ-Кристоферѣ: какъ онъ былъ добръ къ
ей, и съ какою радостію ожидалъ онъ свадьбы Антони! И не-
могря на это, она могла питать въ своемъ сердцѣ такія ужасныя
увства!

Digitized by Google

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! шептала она сквозь слезы.—Боже, сжалься надо мной!

Такимъ образомъ провела Тина долге часы этой холодной ночи; наконецъ силы измѣнили ей, она опять бросилась въ постель, и заснула тяжелымъ сномъ.

Пока это бѣдное сердечко билось, и страдало, и погибало въ неровной борьбѣ, все въ природѣ шло своимъ неизмѣннымъ, безпощаднымъ, величественнымъ порядкомъ. Звѣзды стремились по своимъ вѣчнымъ путямъ; солнце проливало свой яркій свѣтъ на народы и страны по другую сторону быстро движущейся земли; корабли разсѣкали темныя морскія волны; смерть своею холодною рукой безъ разбора касалась своихъ жертвъ: что значила наша маленькая Тина, что значили ея страданія въ этомъ величественномъ, безконечномъ движеніи? Они исчезали въ немъ, какъ исчезаютъ эти малѣйшіе центры жизни, трепещущей въ каждой каплѣ воды; они были также никѣмъ не замѣчены какъ біеніе тоски въ груди этой птички, которая спустилась къ своему гнѣздышку съ добытымъ кормкомъ, и нашла свое гнѣздышко разореннымъ и пустымъ.

ГЛАВА VI.

На слѣдующее утро, когда вошедшая въ комнату Марта пробудила Катерину отъ тяжелаго сна, солнце свѣтило, вѣтеръ утихъ, и мучительные часы прошлой ночи казались ей чѣмъ-то недѣйствительнымъ, пригрезившимся ей, несмотря на ощущаемое ею утомленіе и боль въ глазахъ. Она встала и принялась одѣваться съ какимъ-то страннымъ ощущеніемъ совершеннаго душевнаго онѣмѣнія; ей казалось, что уже ничто на свѣтѣ не заставитъ ее заплакать; и она даже чувствовала нѣкоторую потребность поскорѣе сойдти внизъ, быть не одной, чтобъ чѣмъ-нибудь избавиться отъ этой тягостной безчувственности.

Рѣдкій человѣкъ не чувствуетъ стыда и раскаянія въ своихъ грѣхахъ и сумазбродствахъ, когда ясное утреннее солнце глядитъ ему въ лицо, какъ бы пытаясь отвратить его отъ суетнаго пути, съ котораго онъ уже много разъ, но напрасно, старался сойдти, и Тина горько раскаивалась въ своемъ вчерашнемъ безуміи. Сегодня она постарается быть доброю, и когда она стала на колѣни, чтобы прочитать свою короткую молитву, ту самую молитву, которую она выучила наизусть еще десятилѣтнимъ ребенкомъ, она прибавила:—О Боже! дай мнѣ силы перенести все это.

Digitized by Google

Въ этотъ день, казалось, молитва эта была услышана: послѣ завтрака капитанъ Вибрау и миссъ Эшеръ предприняли далекую прогулку верхомъ, и Катерина провела утро спокойно. Вечеромъ, къ обѣду, были гости; потомъ, Катерину заставили пѣть, но леди Чеверель, вспомнивъ, что она нездорова, рано отослала ее въ ея комнату, гдѣ она скоро погрузилась въ глубокій сонъ. Для страданія, также какъ и для наслажденія, душа и тѣло должны возобновлять свои силы.

Но на слѣдующій день пошелъ дождь, и всѣ принуждены были сидѣть дома. Было рѣшено, что сэръ-Кристоферъ употребитъ этотъ день нато, чтобы проводить гостей по всему дому, разказать имъ всю исторію архитектурныхъ преобразованій, показать имъ картины и семейные портреты. Все общество, за исключеніемъ мистера Гильфиля, было въ гостиной, когда предложеніе это было сдѣлано; и когда миссъ Эшеръ поднялась съ своего мѣста, она взглянула на капитана Вибрау, видимо ожидая, что онъ послѣдуетъ за ней; но онъ остался въ своемъ креслѣ у камина и углубился въ газету, которую до тѣхъ поръ разсѣянно держалъ въ рукахъ.

— Вы не пойдете съ нами, Антони? сказала леди Чеверель, замѣтивъ вопросительный взглядъ миссъ Эшеръ.

— Нѣтъ, если вы позволите, отвѣчалъ онъ, вставая съ своего мѣста и отворяя дверь.—Мнѣ что-то не здоровится сегодня, и я боюсь холодныхъ комнатъ и сквознаго вѣтра.

Миссъ Эшеръ вспыхнула, но ни слова не сказала, и вышла изъ комнаты съ леди Чеверель.

Катерина сидѣла за своею работой въ углубленіи окна. Она въ первый разъ теперь оставалась наединѣ съ Антони; она даже думала прежде, что онъ избѣгаетъ ея. Но теперь онъ вѣрно захотѣлъ поговорить съ ней, сказать ей ласковое слово. И точно онъ всталъ съ своего мѣста и усѣлся на оттоманѣ противъ нея.

— Ну что, Тина, какъ же вы поживали все это время?

И слова эти и голосъ, которымъ они были сказаны, были обидой для нея. Голосъ такъ мало былъ похожъ на прежній его голосъ, слова были такія холодныя и пошлыя. Она отвѣчала съ нѣкоторою горечью:

— Я удивляюсь, что вы объ этомъ спрашиваете. Я полагаю, что вамъ это совершенно все равно.

— Не слишкомъ же ласково встрѣчаете вы меня послѣ такой долгой разлуки.

— Не знаю, почему вы ожидали отъ меня ласковой встрѣчи.

Капитанъ Вибрау замолчалъ. Онъ очень желалъ избѣгнуть намековъ и объясненій, но вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ быть въ хоро-

Digitized by Google

шихъ отношеніяхъ съ Катериной. Онъ очень радъ былъ бы о
ласкать ее, дѣлать ей подарковъ, убѣдить ее, что о
отлично поступилъ съ ней. Но эти женщины такое
заніе! Нѣтъ никакого средства заставить ихъ смотрѣть на
разумно.

— Я надѣялся Тина, сказалъ онъ наконецъ,—что вы одоб
мое поведеніе, вмѣсто того чтобы сердиться на меня. Неуж
вы не видите, что все устроилось къ лучшему для всѣхъ
къ лучшему для вашего счастія.

— О пожалуста не ухаживайте для моего счастія за
Эшеръ! отвѣтила Тина.

Въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату вошла
Эшеръ, чтобы взять свой, лежавшій на клавикордахъ, ри
Она зорко взглянула на раскраснѣвшуюся Катерину, и
презрительно сказавъ капитану Вибрау:—Если вы такъ бо
холода, я удивляюсь, что вы выбрали себѣ мѣсто у окна,—
часъ же вышла изъ комнаты.

Женихъ ея, казалось, не очень смутился, и послѣ корот
молчанія взялъ стулъ, придвинулъ его къ Катеринѣ, и сказ
взявъ ее за руку.—Полно, Тина, улыбнитесь мнѣ и будемъ
ями. Я всегда буду вашимъ другомъ.

— Благодарю васъ, сказала Катерина, освобождая свою
—Вы очень великодушны. Но отойдите отъ меня, сдѣлайте
лость, Миссъ Эшеръ можетъ опять войдти въ комнату.

— Чортъ ее возьми миссъ Эшеръ! сказалъ Антони, под
чатлѣніемъ навѣянныхъ ему, близостью Катерины, воспомин
Онъ обнялъ рукой ея станъ, и притянулъ ее къ себѣ. Тр
было губамъ ихъ не встрѣтиться послѣ этого, но въ слѣд
щее же мгновеніе она вырвалась изъ его рукъ, и съ возмущ
нымъ сердцемъ, со слезами на глазахъ, выбѣжала изъ комна

ГЛАВА VII.

Катерина вырвалась изъ объятій Антони, съ отчаяннымъ
леемъ человѣка, сохранившаго ровно на столько самосо
чтобы чувствовать, что его удушитъ чадъ угля, если он
будетъ имѣть силъ вырваться на свѣжій воздухъ; но когда
очутилась въ своей маленькой комнаткѣ, голова ея еще
кружилась отъ этого минутнаго возвращенія къ прошлому,
еще такъ была взволнована внезапною нѣжностью Антони,
не могла отдать себѣ яснаго отчета въ своихъ впечатлѣ

Digitized by Google

ъяснить себѣ, горьки ли они, или сладки. Какъ будто чудо со-ошлось въ маленькомъ мірѣ ея чувствованія,—утренняя дым-смутныхъ возможностей уступила мѣсто яснымъ и рѣзкимъ еркамъ безнадежной извѣстности.

Она чувствовала потребность быстраго движенія. Ей необхо-мо было пройдтись, несмотря на дождь. По счатію, свѣтло-го-бое пятно на небѣ, между тучами, подавало надежду, что по-да намѣрена разгуляться.

«Пойду я на островъ, подумала про себя Катерина, и от-су я мистеру Бетсу шарфъ, который я связала для него, а если ди Чеверель спроситъ зачѣмъ я вышла въ такую погоду, ужь я йду что сказать.» Въ дверяхъ прихожей она встрѣтила Руперта, сположившагося на коврикѣ съ твердымъ намѣреніемъ осчастли-ть своимъ обществомъ перваго человѣка достаточно чувствитель-го, чтобы предпринять прогулку въ это утро. Когда онъ по-жилъ ей на руку свою косматую морду, и съ убѣдительнымъ аснорѣчіемъ принялся махать хвостомъ, и наконецъ отъ из-лтка чувствъ положилъ ей лапы на плечи и облизалъ ей лицо, ходившееся именно въ уровень съ его мордой, Катерина была ъ души благодарна ему за его ласки. Животныя такіе пріятные узья: они не дѣлаютъ вопросовъ, не осуждаютъ, не требуютъ ъясненій.

«Островъ» находился въ отдаленной части парка, и былъ окру-енъ ручейкомъ, вытекающимъ изъ пруда. Конечно, по дождливому ю, Катерина не могла бы выбрать менѣе удобнаго мѣста для про-лки. Дорога шла по лѣсу, и хотя дождь скоро совершенно прекра-лся, съ деревьевъ не переставало лить на нее. Но она нашла менно то успокоеніе, котораго искала, пробираясь по мокрымъ рогамъ съ зонтикомъ, слишкомъ тяжелымъ для ея маленькой уки. Эта утомительная прогулка была для нея, что день, про-денный на охотѣ, былъ для мистера Гильфиля, который также е рѣдко долженъ былъ бороться съ *своими* припадками ревно-ти и тоски, и имѣлъ мудрую привычку прибѣгать въ такихъ лучаяхъ къ невинному опіуму природы—физическому утом-енію.

Когда Катерина дошла до краснваго деревяннаго мостика, инственнаго хода на островъ для всякихъ, кромѣ лапчатыхъ огъ, солнце одержало верхъ надъ тучами; оно свѣтило сквозь твн высокихъ вязовъ, образовавшихъ глубокое гнѣздо для ко-джа садовника, превращало капли въ алмазы, и побуждало стурціи, покрывающія стѣны, снова приподнять свои огнен-ія головки. Грачи перекликались другъ съ другомъ, вѣроятно ходя, въ согласіи съ людьми, обильный источникъ для разго-ра въ перемѣнахъ погоды. Мшистая трава, покрытая разными

Digitized by Google

полуболотистыми растеніями, доказывала, что гнѣздо мистера Бетса было сыро и въ хорошую погоду; но Мистеръ Бетсъ придерживался того мнѣнія, что маленькая наружная сырость не можетъ повредить человѣку, принявшему внутрь должное противоядіе, именно стаканчикъ рома съ водой.

Катерина любила это гнѣздо. Каждый уголокъ его, каждый звукъ, раздававшійся въ немъ, были ей знакомы и памятны, съ тѣхъ еще поръ какъ мистеръ Бетсъ на рукахъ приносилъ ее сюда, и она передразнивала грачей, засматриваясь на зеленыхъ лягушекъ, выглядывавшихъ изъ сырой травы, и кормила бѣлыхъ пушистыхъ куръ садовника. Теперь этотъ уголокъ казался ей милѣе чѣмъ когда-либо; онъ былъ такъ далекъ отъ миссъ Эшеръ ея блестящей красоты и самодовольной любезности. Она думала что мистеръ Бетсъ не вернулся еще къ обѣду, и хотѣла усѣсться въ его комнаткѣ, чтобы дожидаться его.

Но она ошиблась. Мистеръ Бетсъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, покрывъ лицо носовымъ платкомъ, — самое приличное, въ дурную погоду, препровожденіе времени между завтракомъ и обѣдомъ. Пробужденный неистовымъ лаемъ привязаннаго бульдога, онъ еще издали увидалъ маленькую свою любимицу, и встрѣтилъ ее въ дверяхъ, казавшихся, также какъ и весь коттеджъ, слишкомъ низкими въ сравненіи съ его ростомъ. Бульдогъ, между тѣмъ, уволенный отъ строгости своей оффиціальной роли, вступилъ съ Рупертомъ въ дружескій обмѣнъ идей.

Мистеръ Бетсъ успѣлъ посѣдѣть со времени нашего знакомства съ нимъ, но держался по прежнему прямо, и лицо его было, если возможно, еще краснѣе; оно рѣзко отдѣлялось отъ его синяго галстука и бѣлаго, какъ снѣгъ, передника.

— Что это вы, миссъ Тина, воскликнулъ онъ, — какъ это вы добрались до меня въ такую погоду? Развѣ вы гусенокъ, чтобы шлепать лапками по такой грязи? Но я радъ, очень радъ васъ видѣть. Эсѳирь, закричалъ онъ горбатой своей стряпухѣ,—возьмите зонтикъ миссъ Тины и высушите его. Войдите, войдите миссъ Тина, сядьте къ огню, погрѣйте сѳбѣ ножки, да выпейте чего-нибудь тепленькаго.

Мистеръ Бетсъ ввелъ ее въ маленькую гостиную, нагибаясь чтобы пройдти въ низкія двери, поправилъ подушку кресла и придвинулъ его къ самому огню.

— Благодарю васъ, дядя Бетсъ (Катерина сохранила свои дѣтскія прозвища для друзей своихъ, а садовникъ принадлежалъ къ числу ихъ):—не такъ близко къ огню, я шла скоро и согрѣлась.

— Да, но башмаки ваши тонки и совсѣмъ промокли. Вамъ надо положить ноги на рѣшетку камина. Ну, ужь и ножки, нечего сказать! не больше столовой ложки. Удивляюсь какъ вы

Digitized by Google

ихъ умудряетесь ходить и стоять. Но чѣмъ бы васъ напоить, бы согрѣть васъ хорошенько? Что скажите вы о капелькѣ теп- винца?

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ ничего не нужно, я недавно ракала, сказала Катерина, доставая шарфъ изъ своего глубо- кармана: въ тѣ дни карманы были очень помѣстительны.— ляните, дядя Бетсъ, вотъ зачѣмъ я пришла къ вамъ. Я сама вала его для васъ. Вы должны носить его зимой, а прежній ъ, красный, отдать старому Бруксу.

— Красота, миссъ Тина, да и только. И вы сами трудились ъ этимъ для меня! Утѣшили же вы старика! Я буду носить и всѣмъ буду хвастаться, что вы сами вязали его для меня. полосы, бѣлыя и синія, прелесть какъ красивы.

— Да, этотъ шарфъ больше будетъ идти къ цвѣту вашего да чѣмъ вашъ старый, красный. Я увѣрена, что мистрисъ арпъ еще сильнѣе влюбится въ васъ, когда увидитъ васъ въ мъ шарфѣ.

— Цвѣтъ моего лица! да вы смѣетесь надо мной, плутовка! Но гати о цвѣтѣ лица: что за чудный румянецъ на щекахъ на- й невѣсты! Клянусь честью, я такой красавицы не видывалъ. какъ она мастерски ѣздитъ верхомъ! Мистрисъ Шарпъ бщалась поставить меня за дверь, когда господа будутъ ходить изъ гостиной въ столовую къ обѣду, чтобъ я могъ ими разсмотрѣть невѣсту. Мистрисъ Шарпъ говоритъ, что она ити лучше нашей леди, когда она была молода, и я полагаю, не много въ нашемъ краю найдется барынь, которыя могли бы авняться съ ней.

— Да, миссъ Эшеръ очень хороша собой, чуть слышно про- ворила Катерина, снова начиная чувствовать свое ничтожество, идѣвъ какое впечатлѣніе производитъ на всѣхъ миссъ Эшеръ. — Нужно надѣяться, что она къ тому же и добра, и будетъ рошею племянницей для нашихъ господъ. Мистрисъ Грифинъ, ничная ея, говоритъ, что насчетъ платьевъ и всякихъ наря- въ на нее очень трудно угодить. Но она еще молода; все это ойдетъ, когда у нея будутъ мужъ, дѣти и разныя заботы. ръ-Кристоферъ ликуетъ и радуется. На дняхъ еще онъ гово- лъ мнѣ: «Что жь, Бетсъ, говоритъ, какъ вамъ нравится ваша дущая госпожа?» А я ему: — Да! говорю, ваша милость, кихъ писанныхъ красавицъ не на каждомъ шагу встрѣтишь; поздравляю капитана съ такою супругой, и желаю ему нажить ней много дѣтей, а вашей милости дожить до тѣхъ поръ, ка они подростутъ. Мистеръ Уаренъ говоритъ, что сэръ- истоферъ только и думаетъ о томъ, какъ бы сыграть свадьбу, что вѣроятно ее сыграютъ до конца осени.

Digitized by Google

Пока болталъ такимъ образомъ мистеръ Бетсъ, Катерина чувствовала, что сердце ея все больше и больше сжимается.—Да, сказала она, поднимаясь съ своего мѣста:—сэръ-Кристоферъ ни о чемъ другомъ не думаетъ. Но мнѣ нужно идти домой, дядя Бетсъ; леди Чеверель можетъ хватиться меня, да и вамъ пора обѣдать.

— Нѣтъ, объ обѣдѣ моемъ не безпокойтесь; но я не стану васъ удерживать, если вы думаете, что леди Чеверель будетъ не довольна, хотя я еще мало поблагодарилъ васъ за этотъ чудесный шарфъ. Я на него насмотрѣться не могу. Но вы что-то блѣдны сегодня, миссъ Тина, здоровы ли вы? не простудились ли вы, гуляя по этой сырости?

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила Тина, спѣша изъ дому, и взявъ свой зонтикъ изъ кухни:—прощайте, дядя Бетсъ.

Она позвала Руперта и направилась къ замку, а добрый садовникъ долго глядѣлъ ей вслѣдъ, засунувъ руки въ карманы и задумчиво покачивая головой.

— Она съ каждымъ днемъ становится нѣжнѣе и блѣднѣе, сказалъ онъ вполовину про себя, вполовину обращаясь къ Эсенри. —Я не удивляюсь, если она завянетъ какъ тѣ цикламены, которые я недавно пересадилъ. Я вспоминаю о нихъ, глядя на нее: она такая же бѣленькая, слабенькая и нѣжная, какъ и они.

Бѣдняжка возвращалась домой, не жаждя больше свѣжаго, сыраго воздуха, какъ противодѣйствія внутреннему волненію, но ощущая такой холодъ въ сердцѣ, что она содрагалась отъ каждаго свѣжаго вѣтерка. Золотые лучи солнца пробивались сквозь мокрую листву, птицы радостно чирикали, и голоса ихъ, такъ же какъ и воздухъ, казалось, очистились послѣ проливнаго дождя; но Катерина двигалась между всѣми этими красотами, какъ бѣдная раненая ливретка, съ трудомъ ползущая по мягкой травѣ, которая стала жестка для нея. Слова мистера Бетса о радости сэръ-Кристофера, о красотѣ миссъ Эшеръ, о близости свадьбы, какъ бы обдали ее холодною водой, пробудили ее изъ неясной дремоты и заставили ее взглянуть въ глаза дѣйствительности. Таковы всѣ впечатлительныя натуры: для нихъ слова имѣютъ значеніе фактовъ и всевластны надъ ихъ слезами и улыбками, даже если онѣ имъ и не совсѣмъ вѣрятъ. Катерина возвратилась въ свою комнату, убитая по прежнему и болѣе чѣмъ когда-либо возмущенная противъ Антони. Его обращеніе съ ней утромъ было новымъ для нея оскорбленіемъ. Вынудить у нея выраженіе нѣжности въ такую минуту, когда она была въ полномъ правѣ ожидать слова раскаянія, сожалѣнія, сочувствія, значило издѣваться надъ ея горемъ, ни во что не ставить ее самое и ея чувство.

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

Въ этотъ вечеръ миссъ Эшеръ еще надменнѣе и величественнѣе обыкновеннаго закидывала свою хорошенькую головку, и своимъ холоднымъ взглядомъ слѣдила за всѣми движеніями Катерины. Было ясно, что готовилась гроза. Капитанъ Вибрау ни на что, казалось, не хотѣлъ обращать вниманіе, и видя, что невѣста его чуть отвѣчаетъ ему, на зло ей, болѣе обыкновеннаго, сталъ заниматься Катериной. Мистеръ Гильфиль уговорилъ ее сыграть съ нимъ партію въ шашки; леди Эшеръ и сэръ-Кристоферъ усѣлись за пикетъ; миссъ Эшеръ съ большимъ оживленіемъ о чемъ-то разговаривала съ леди Чеверель, и Антони, предоставленный такимъ образомъ самому себѣ, подошелъ къ стулу Тины, оперся на спинку его и сталъ слѣдить за игрой. Тина, еще находившаяся подъ впечатлѣніемъ утреннихъ воспоминаній, почувствовала, что ея блѣдныя щеки начинаютъ горѣть; наконецъ она сказала нетерпѣливо:

— Отойдите отъ меня, сдѣлайте милость.

Миссъ Эшеръ сидѣла противъ нихъ, и видѣла какъ Катерина покраснѣла, какъ она что-то нетерпѣливо проговорила, вслѣдствіе чего капитанъ Вибрау удалился отъ стола. И не она одна это замѣтила: еще другой человѣкъ съ напряженіемъ слѣдилъ за каждымъ измѣненіемъ въ лицѣ Катерины, и видѣлъ къ тому же, что и миссъ Эшеръ наблюдала за ней. Этотъ человѣкъ былъ мистеръ Гильфиль, и ему стало еще страшнѣе за Катерину.

На другое утро, несмотря на ясную погоду, миссъ Эшеръ отказалась отъ прогулки верхомъ, и леди Чеверель, замѣчая, что что-то не ладилось между ею и Антони, позаботилась о томъ, чтобъ они остались наединѣ въ гостиной. Миссъ Эшеръ усѣлась на диванъ у камина, и съ ревностнымъ прилежаніемъ принялась за какое-то красивое шитье. Капитанъ Вибрау сидѣлъ противъ нея съ газетой въ рукахъ, и съ искусственно-развязнымъ видомъ читалъ ей отрывки изъ разныхъ статей, не подавая вида, что замѣчаетъ презрительное молчаніе, съ которымъ она продолжала быстро дѣйствовать иглой. Наконецъ почерпнувъ изъ газеты все, что было возможно, онъ положилъ ее на столъ, и миссъ Эшеръ тогда сказала:

— Вы, кажется, очень близки съ миссъ Сарти?

— Съ Тиной? Еще бы! Вѣдь вы знаете, что она всегда была

Digitized by Google

любимицей всѣхъ въ домѣ, и мы всегда были, съ ней какъ братъ съ сестрой.

— Сестры, обыкновенно, не краснѣютъ до ушей, когда къ нимъ подходятъ братья.

— Развѣ она краснѣетъ? Я этого не замѣчалъ. Но эта крошка такъ застѣнчива.

— Напрасно вы хитрите, капитанъ Вибрау. Я убѣждена, что между вами были какія-нибудь нѣжныя отношенія. Миссъ Сарти, въ своемъ положеніи, никогда бы не позволила себѣ говорить съ вами такъ вспыльчиво, еслибы вы не дали ей на это права.

— Полноте, милая Беатриса, разсудите сами: статочное ли это дѣло, чтобъ я влюбился въ бѣдную Тину? Что въ ней можетъ возбудить такого рода чувство? Она ребенокъ, а не женщина. На нее нельзя смотрѣть иначе, какъ на маленькую дѣвочку, которую можно баловать, съ которою весело играть.

— Позвольте спросить, въ какую игру играли вы вчера утромъ, когда я неожиданно вошла и застала ее съ пылающими щеками и дрожащими руками?

— Вчера утромъ? Да, я припоминаю. Вы знаете, что я всегда дразню ее Гильфилемъ, который по уши влюбленъ въ нее, и она приходитъ тогда въ ярость, быть-можетъ оттого, что она не равнодушна къ нему. Они выросли вмѣстѣ, и одно изъ любимыхъ желаній сэръ-Кристофера—отдать ее за него.

— Капитанъ Вибрау, вы говорите не правду. Мистеръ Гильфиль былъ тутъ не при чемъ, когда она покраснѣла вчера вечеромъ и прогнала васъ отъ себя. Совѣтую вамъ быть откровеннымъ. Если вы начинаете раскаиваться въ своемъ выборѣ, не стѣсняйтесь, прошу васъ. Я охотно уступлю мѣсто прелестной миссъ Сарти. Поймите, что въ отношеніи ко мнѣ вы совершенно свободны. Я отказываюсь отъ всякихъ правъ на сердце человѣка, который не стыдится обманывать меня.

Сказавъ это, она встала и величественно направилась къ дверямъ, но Антони загородилъ ей дорогу и взялъ ее за руку.

— Милая, дорогая Беатриса, не горячитесь; не судите меня такъ строго. Сядьте сюда, дорогая моя,—и онъ привелъ ее къ дивану и сѣлъ подлѣ нея, не выпуская руки ея. Миссъ Эшеръ вовсе была не прочь возвратиться и выслушать его объясненія но она, попрежнему, холодно и гордо смотрѣла на него.

— Неужели вы не довѣряете мнѣ, Беатриса? Неужели вы не можетете повѣрить мнѣ, хотябъ и были обстоятельства, которыя я не могу вамъ объяснить?

— Я не допускаю, чтобы могли быть такія обстоятельства. Порядочный человѣкъ никогда не поставитъ себя въ такія обстоятельства, которыя бы онъ не могъ объяснить своей невѣстѣ. Онъ

Digitized by Google

не станетъ просить ее *вѣрить*, что онъ поступаетъ хорошо, но докажетъ ей это на дѣлѣ. Позвольте мнѣ встать, сэръ.

Но онъ обнялъ рукою ея станъ и удержалъ ее.

— Полно, милая Беатриса, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ:—неужели вы не понимаете, что есть вещи, о которыхъ мущинѣ не слѣдуетъ говорить, тайны, которыя онъ обязанъ хранить не для себя, а ради другихъ? Все, что касается меня, я готовъ разказать вамъ, но не требуйте, чтобъ я открывалъ вамъ чужія тайны. Неужели вы и теперь меня не понимаете?

— Если вы ухаживаете за женщиной, отвѣчала миссъ Эшеръ съ презрѣніемъ,—такъ это конечно ея тайна, которую вы обязаны хранить. Но что попустому тратить слова, капитанъ Вибрау? Ясно какъ день, что между вами и миссъ Сарти существуютъ какія-то странныя отношенія, которыя нельзя назвать просто дружескими. Вы не хотите объяснить мнѣ ихъ, и я нахожу, что мы больше ничего не имѣемъ другъ другу сказать.

— Чортъ побери, Беатриса! вы сведете меня съ ума. Виноватъ ли человѣкъ, если въ него влюбится дѣвушка? Такіе случаи бываютъ на каждомъ шагу, но мущины не разглашаютъ ихъ. Всѣ дѣвушки способны на такія минутныя увлеченія, особенно если онѣ мало видятъ людей, и лучшее средство излѣчить ихъ—не обращать на это вниманія. Если вы могли полюбить меня, вы не должны удивляться, что и другіе раздѣляютъ вашъ вкусъ; это должно, напротивъ, дать вамъ о нихъ хорошее мнѣніе.

— Должна ли я понять изъ вашихъ словъ, что миссъ Сарти влюбилась въ васъ, хотя вы никогда не ухаживали за ней?

— Не заставляйте меня говорить это, душа моя. Не довольно ли вамъ того сознанія, что я васъ люблю, что я весь принадлежу вамъ? О, прекрасная моя повелительница! вы чувствуете свою силу, и нарочно мучаете меня, терзаете мое бѣдное сердце. Но не будьте слишкомъ жестоки: вамъ извѣстно, что въ моемъ сердцѣ, кромѣ любви, таится еще другая болѣзнь, и такія сцены заставляютъ его страшно биться.

— Но вы должны мнѣ отвѣчать хоть на одинъ вопросъ, сказала миссъ Эшеръ, начиная нѣсколько смягчаться:—существовала ли, существуетъ ли съ вашей стороны любовь къ миссъ Сарти? Мнѣ дѣла нѣтъ до ея чувствъ, но я имѣю право требовать отчета въ вашихъ чувствахъ къ ней.

— Я очень люблю Тину; кто бы не полюбилъ этой милой, доброй крошки? Но такая любовь, какъ вы воображаете, никогда мнѣ не приходила въ голову. Такихъ женщинъ, какъ Тина, любишь какъ братъ, но не имъ отдаешь все свое сердце.

Нѣжный взглядъ, поцѣлуй, запечатлѣнный на ея бѣлой рукѣ, служили краснорѣчивымъ поясненіемъ его словъ. Миссъ Эшеръ

Digitized by Google

была побѣждена. Такъ трудно было предположить, чтобъ Антони могъ полюбить эту блѣдную, незначащую дѣвочку,—такъ легко было представить себѣ, что онъ обожаетъ блестящую миссъ Эшеръ! Самолюбію ея даже начинала улыбаться мысль, что другія женщины вздыхаютъ по ея красавцу-жениху; съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, никто не могъ сравниться. Бѣдная миссъ Сартн! но она вѣрно скоро забудетъ его.

Капитанъ Вибрау видѣлъ, что она сдается.—Мы не станемъ больше говорить объ этомъ, дорогая моя, не правда ли? Я увѣренъ, что вы будете щадить Тину, и будете ласковы къ ней, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Но не хотите ли вы теперь поѣздить верхомъ? Взгляните, какая чудная погода! Позвольте мнѣ велѣть подать лошадей. Мнѣ необходимо подышать свѣжимъ воздухомъ. Такъ поцѣлуйте же меня въ знакъ того, что прощаете мнѣ, и скажите, что вы поѣдете со мной.

Миссъ Эшеръ исполнила обѣ эти просьбы, и пошла готовиться къ прогулкѣ, въ то время, какъ женихъ ея отдавалъ приказанія на счетъ лошадей.

ГЛАВА IX.

Между тѣмъ мистеръ Гильфиль, не имѣвшій съ вчерашняго вечера ни минуты покоя, съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы леди Чеверель и леди Эшеръ поѣхали кататься, надѣясь, что онъ тогда застанетъ Катерину одну въ кабинетѣ у леди Чеверель. Дождавшись, чтобъ отъѣхалъ экипажъ, онъ взошелъ на верхъ и постучался въ дверь.

— Войдите„ сказалъ свѣжій, мягкій голосъ, всегда заставлявшій сердце его биться, какъ журчанье ручейка томимое жаждой сердце.

Онъ вошелъ, и нашелъ Катерину стоявшую посереди комнаты въ нѣкоторомъ смущеніи; она вздохнула свободнѣе, когда увидѣла Менарда, но въ слѣдующее же мгновеніе почувствовала досаду на него за то, что онъ прервалъ ея размышленія и испугалъ ее.

— А, это вы Менардъ! вы вѣрно хотите говорить съ леди Чеверель?

— Нѣтъ, Катерина, отвѣчалъ онъ грустно,—я хочу поговорить съ вами. Мнѣ необходимо сказать вамъ кое-что. Позволите ли вы мнѣ посидѣть съ вами съ полчаса?

— Да, мой милый, старый наставникъ, сказала Катерина, съ видомъ утомленія опускаясь въ кресла.—Въ чемъ же дѣло?

Digitized by Google

Мистеръ Гильфиль усѣлся противъ нея, и сказалъ:—Я надѣюсь, милая Катерина, что васъ не обидятъ мои слова. Меня побуждаетъ говорить съ вами не иное какое-либо чувство, а только искреннее участіе къ вамъ и душевное безпокойство о васъ. О прочемъ я умалчиваю. Вы знаете, что вы для меня дороже всего на свѣтѣ; но я не хочу навязывать вамъ чувство, на которое вы не можете отвѣчать. Я буду говорить съ вами какъ братъ, какъ тотъ старый Менардъ, который десять лѣтъ тому назадъ носилъ васъ на рукахъ. Вы не подумаете, я надѣюсь, что я хочу говорить о предметѣ, тягостномъ для васъ, изъ какой-нибудь низкой, эгоистической цѣли?

— Нѣтъ; я знаю, что вы очень добры, разсѣянно сказала Катерина.

— То, что я видѣлъ вчера, продолжалъ мистеръ Гильфиль слегка краснѣя, и нерѣшительно:—возбудило во мнѣ опасеніе,—простите мнѣ Катерина, если я ошибаюсь,—что капитанъ Вибрау позволяетъ себѣ до сихъ поръ играть вашимъ сердцемъ, обращаться съ вами не такъ, какъ слѣдуетъ объявленному жениху другой дѣвушки.

— Что вы этимъ хотите сказать, Менардъ? сказала Катерина, вспыхнувъ и дрожа отъ волненія.—Хотите вы сказать, что я поощряла его ухаживать за мной... Какое право имѣете вы предполагать это? Что вы видѣли вчера? На что вы намекаете?

— Не сердитесь, Катерина. Я не подозрѣваю васъ ни въ чемъ дурномъ. Я подозрѣваю только, что этотъ негодяй старается подержать въ васъ чувство, которое не только пагубно для спокойствія вашего духа, но можетъ повлечь за собой много дурнаго и для другихъ. Я хотѣлъ предупредить васъ, что миссъ Ушеръ зорко слѣдитъ за всѣмъ тѣмъ, что происходитъ между вами и капитаномъ Вибрау, и я увѣренъ, что она начинаетъ ревновать его къ вамъ. Будьте осторожны, Бога ради, Катерина, и старайтесь обращаться съ нимъ вѣжливо, но равнодушно. Вы видите теперь, я увѣренъ, что онъ не стоитъ вашего чувства къ нему. Каждое лишнее біеніе его сердца тревожитъ его болѣе всѣхъ мученій, которымъ онъ подвергъ васъ.

— Не говорите о немъ такимъ образомъ, Менардъ, страстно воскликнула Катерина.—Онъ не то, что вы думаете. Онъ думалъ обо мнѣ; онъ любилъ меня; онъ только покорился волѣ дяди.

— Разумѣется! Я знаю, что онъ всегда, по самымъ добродѣтельнымъ причинамъ, дѣлаетъ все то, что ему самому пріятно и полезно.

Мистеръ Гильфиль замолчалъ. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ горячиться и можетъ этимъ испортить все дѣло.

Digitized by Google

— Я не стану высказывать моего мнѣнія о немъ, продолжалъ онъ потомъ спокойно и ласково. — Но любилъ ли онъ васъ или нѣтъ, его теперешнія отношенія къ миссъ Эшеръ такого рода, что ваша любовь къ нему можетъ повредить не вамъ одной. Поймите меня, я не ожидаю, чтобы вы разлюбили его разомъ, въ одну ночь. Время, разлука и чувство долга—единственныя лѣкарства. Еслибъ я не боялся, что сэръ-Кристоферъ и леди Чеверель удивятся и будутъ недовольны, я бы попросилъ ихъ отпустить васъ на время къ моей сестрѣ. Она и мужъ ея добрые люди, и вы были бы у нихъ какъ дома. Но теперь именно нельзя этого безъ особенной какой-нибудь причины; и я больше всего боюсь возбудить подозрѣнія сэръ-Кристофера на счетъ вашихъ чувствъ и того, что было прежде. Вы согласны со мной, Тина?

Онъ опять замолчалъ, но Катерина ничего не отвѣчала ему. Она отвернулась отъ него, и со слезами на глазахъ смотрѣла въ окно. Онъ всталъ, ближе подошелъ къ ней и сказалъ, протягивая ей руку.

— Простите мнѣ, Катерина; я боюсь, что я огорчилъ васъ, и меня мучила мысль, что вы не замѣчаете, какъ часто глаза миссъ Эшеръ обращены на васъ. Помните, умоляю васъ, что спокойствіе цѣлаго семейства зависитъ отъ вашего умѣнья владѣть собой, отъ силы вашего духа. Скажите мнѣ только, что вы прощаете мнѣ, и я сейчасъ уйду.

— Милый, добрый Менардъ, сказала она сквозь слезы, и протягивая ему свою маленькую ручку,—не вамъ, а мнѣ приходится просить у васъ прощеніе. Но я измучилась. Я не знаю, что и дѣлать. Прощайте.

Онъ нагнулся къ ней, поцѣловалъ маленькую ручку и вышелъ изъ комнаты.

— Негодяй! сквозь зубы проговорилъ онъ, когда дверь затворилась за нимъ.—Не будь сэръ-Кристофера, чего бы я не далъ чтобы раздавить этого негоднаго червяка!

ГЛАВА X.

Въ этотъ вечеръ капитанъ Вибрау, послѣ длинной прогулки съ невѣстой, возвратился въ свою комнату, и съ видомъ сильнаго утомленія опустился въ кресла передъ зеркаломъ. Онъ испугался, увидѣвъ, что дорогое его сердцу лицо блѣднѣе и разстроеннѣе обыкновеннаго, и съ безпокойствомъ пощупалъ себѣ сперва пульсъ, а потомъ приложилъ руку къ сердцу.

Digitized by Google

«Я поставленъ въ чертовски-непріятное положеніе,—думалъ онъ, развалившись въ креслахъ и не сводя глазъ съ зеркала,—между двумя ревнивыми женщинами горячими и вспыльчивыми. И суждено же мнѣ такое наказаніе при моемъ здоровьѣ. Я радъ бы все бросить и бѣжать въ какую-нибудь теплую страну, хоть въ Индію, гдѣ лѣность и сонливость не дозволяютъ женщинамъ быть ревнивыми. А здѣсь хороша, нечего сказать, моя жизнь! Я ничего не дѣлаю пріятнаго для себя, всячески стараюсь дѣлать пріятное другимъ, и вся моя награда—разъяренные взгляды изъ женскихъ глазъ, и цѣлые потоки брани изъ ихъ милыхъ устъ. Если Беатрисѣ приключится еще одинъ припадокъ ревности—а Тина такъ безразсудна, что по всему вѣроятію приключится,—она весь домъ способна поставить вверхъ дномъ. А всякая остановка въ этой свадьбѣ, особенно же такая, можетъ совершенно сразить дядю. Я ни за что на свѣтѣ не желалъ бы причинить ему это огорченіе. Да и нужно же человѣку, когда-нибудь жениться, я не могъ выбрать себѣ невѣсты лучше Беатрисы. Она необыкновенно хороша собой, и я въ самомъ дѣлѣ очень люблю ее; она, конечно, не отличается большою кротостью, но я ни въ чемъ не буду перечить ей, и это не будетъ меня касаться. Какъ я буду радъ, когда эта свадьба будетъ дѣломъ покончennымъ! Вся эта суета мнѣ страшно надоѣла. Да и чувствую я себя хуже это время. Эта исторія о Тинѣ сегодня утромъ совершенно разстроила меня. Бѣдная Тиночка! Экая она дурочка, что сердечко свое такъ крѣпко отдала мнѣ. Но она могла бы быть разсудительнѣе. Еслибъ она только поняла, что я желаю ей добра, и стала бы смотрѣть на меня, какъ на друга! Но женщины на это не способны. Беатриса очень добра; я увѣренъ, что она была бы тогда ласкова къ бѣдняжкѣ. Какъ хорошо было бы, еслибъ Тина полюбила Гильфиля, хотя бы съ досады на меня! Онъ былъ бы отличнымъ мужемъ, и я отъ души порадовался бы счастію этой крошки. Еслибъ обстоятельства мои были другія, я, конечно бы, самъ женился на ней; но объ этомъ и думать было нельзя при моихъ отношеніяхъ къ сэръ-Кристоферу. Я полагаю, что дядя могъ бы уговорить ее пойдти за Гильфиля; я знаю, что она не въ состояніи противиться его желаніямъ. А какъ только они будутъ перевѣнчаны,—она такая любящая птичка, что скоро забудетъ обо мнѣ и души въ немъ не будетъ чаять. Для ея счастія, конечно, нужно желать, чтобы свадьба эта поскорѣе устроилась. Охъ! счастливы тѣ, въ кого не влюбляются женщины. Іоди, потомъ раздѣлывайся!»

Тутъ, онъ нѣсколько повернулъ голову, чтобы съ другой точки зрѣнія полюбоваться своимъ лицомъ. Ясно было, что «il dono infelice della belleza» причина всѣхъ его бѣдствій, и эта мысль есте-

Digitized by Google

ственно повлекла за собой ту, что пора ему позвать камер-динера.

Въ продолженіи слѣдующихъ дней, однако, все шло такъ и-рошо, въ домѣ было такъ тихо, что капитанъ Вибрау и мистеръ Гильфиль вздохнули свободнѣе. Минуты отдыха нужны ли всего въ природѣ: даже въ тѣ ночи, когда бушуетъ самый ря-яренный вѣтеръ, на мгновеніе воцаряется тишина, прежде чи вѣтеръ опять начнетъ съ трескомъ ломать вѣтви, неистово бил въ окна, со свистомъ врываться въ малѣйшія скважины.

Миссъ Эшеръ была въ отличномъ расположеніи духа; ка-танъ Вибрау не отходилъ отъ нея, и очень былъ осторо-въ своемъ обращеніи съ Катериной, къ которой миссъ Эше была необыкновенно внимательна. Погода стояла отлич утромъ приходилось ѣздить верхомъ, вечеромъ принимать г стей. Совѣщанія въ библіотекѣ между леди Эшеръ и сэръ-Кр стоферомъ кончились, казалось, къ общему удовольствію, и бы рѣшено, что недѣли черезъ двѣ леди Эшеръ и ея дочь простя съ Чеверельскимъ замкомъ и возвратятся къ себѣ въ Фар чтобы дѣятельно заняться тамъ приготовленіями къ свадьбѣ. Б ронетъ съ каждымъ днемъ казался счастливѣе. Привыкнувъ см трѣть на людей, входившихъ въ его планы, въ пріятномъ свѣ который бросали на будущее его сильная воля и крѣпкая у ренность, онъ видѣлъ только настоящія прелести и надеж будущихъ семейныхъ добродѣтелей въ миссъ Эшеръ,—тѣмъ бо лѣе что быстрота ея взгляда и вкусъ въ оцѣнкѣ наружнаго им щества составляли дѣйствительную основу для симпатіи между ею и сэръ-Кристоферомъ. Леди Чеверель никогда не увлекалась ничѣмъ и никѣмъ, и какъ всѣ женщины не была очень очень снисх дительна въ сужденіяхъ о своихъ сестрахъ, и потому она была болѣе умѣреннаго мнѣнія о достоинствахъ миссъ Эшеръ. Он подозрѣвала, что прекрасная Беатриса своенравна и властол-бива, и сама являя въ себѣ примѣръ покорной супруги, она с неодобреніемъ замѣчала, что Беатриса принимаетъ очень част повелительный тонъ въ разговорахъ съ Антони. Гордая женщина научившаяся покорности, всю свою гордость обращаетъ на то чтобы довести до совершенства эту покорность, и съ строгим порицаніемъ, свысока, смотритъ на всякія женскія притязан Впрочемъ, леди Чеверель только въ душѣ своей позволяла себ произносить эти осужденія, и, что можетъ даже показаться невѣ роятнымъ, имѣла довольно власти надъ собой, чтобы не трево-жить своими сомнѣніями миръ души сэръ-Кристофера.

А Катерина? Какъ проводила она эти ясные осенніе дни, когда всѣ радовались, и даже солнце, казалось, улыбалось счастію всего семейства? Для нея перемѣна въ обращеніи миссъ Эшеръ была

Digitized by Google

непонятна. Эти вниманія, эти взгляды, полные состраданія, эта любезная предупредительность, терзали Катерину, которая съ трудомъ противилась желанію отвергнуть ихъ съ негодованіемъ. Должно быть, думала она, Антони просилъ ее быть ласковою съ бѣдною Тиной. Еще обида! Онъ могъ бы понять, что самое присутствіе миссъ Эшеръ было мучительно для ней, что улыбки миссъ Эшеръ терзаютъ ее, что ласковыя слова миссъ Эшеръ какъ ядовитыя укушенія воспламеняютъ ее до бѣшенства. Антони! онъ видимо раскаивается въ своемъ невольномъ порывѣ нѣжности къ ней въ то памятное утро. Онъ удаляется отъ нея, онъ холоденъ и вѣжливъ съ нею, чтобъ успокоить Беатрису, и Беатриса можетъ теперь любезно улыбаться: она увѣрена въ полной преданности Антони. Но что дѣлать! все это было необходимо, и ей оставалось только покориться. Но все же онъ поступилъ съ ней жестоко, о! какъ жестоко! Она никогда не была бы способна заставить его столько страдать. Возбудить въ ней такую любовь къ себѣ, говорить ей такія нѣжныя слова, такъ ласкать ее,—и потомъ вести себя такъ, какъ будто никогда ничего подобнаго не бывало! Онъ заставилъ ее выпить ядъ, который казался ей такимъ сладкимъ, пока она пила его, и теперь ядъ этотъ смѣшался съ ея кровью и она погибала въ страданіяхъ.

Съ этою сдержанною въ груди бурей, бѣдная дѣвочка каждый вечеръ возвращалась въ свою комнату, и здѣсь только давала ей разразиться. Здѣсь она сквозь рыданія, громкимъ шепотомъ изливала все, что у него было на душѣ, ломала себѣ руки, даже лежала на холодномъ жесткомъ полу, призывая смерть, и находя наконецъ успокоеніе въ тяжеломъ снѣ, изъ котораго она пробуждалась въ какомъ-то нравственномъ онѣмѣніи, помогавшемъ ей кой-какъ прожить длинный день.

Изумительно, какъ долго можетъ молодое, слабое существо бороться съ тайнымъ горемъ, и не являть на себѣ никакихъ слѣдовъ этой безпрерывной пытки, кромѣ какъ только для истинно-любящаго глаза. Самая нѣжность сложенія Катерины, ея обычная блѣдность, ея всегда тихіе и застѣнчивые пріемы, дѣлали менѣе замѣтными признаки утомленія и страданія. А ея пѣніе — единственная сторона ея, въ которой она проявляла еще дѣятельность — не утратило ни капли своей силы. Она сама удивлялась тому, что какія бы чувствованія ни стѣсняли ея сердца, какъ бы ни терзали ея равнодушіе Антони, вниманія миссъ Эшеръ, она всегда находила успокоеніе въ пѣніи. Эти глубокія чудныя звуки, которые изливались прямо изъ ея сердца, казалось, уносили съ собой ея горе, ея негодованіе, ея безумную страсть.

Поэтому леди Чеверель не замѣчала никакой особенной перемѣны въ Катеринѣ, и только одинъ мистеръ Гильфиль съ

Digitized by Google

тоской и безпокойствомъ замѣчалъ лихорадочный румянецъ, горѣвшій иногда на ея щекахъ, темныя тѣни подъ ея глазами, и странный, разсѣянный взглядъ, неестественный блескъ милыхъ ему глазъ.

Но, увы! дѣйствіе этихъ тревожныхъ ночей не ограничивалось одними этими легкими наружными перемѣнами.

ГЛАВА XI.

На слѣдующее воскресенье, утро было дождливое; было рѣшено, что семейство не поѣдетъ, какъ обыкновенно, въ Бомбермурскую церковь, но что мистеръ Гильфиль отправитъ утреннюю службу въ часовнѣ.

Въ назначенный часъ Катерина сошла въ гостиную; но она такъ была блѣдна и разстроенна, что леди Чеверель съ безпокойствомъ освѣдомилась о ея здоровьѣ, и узнавъ, что у ней сильно болитъ голова, рѣшила, что Катерина не должна идти въ часовню, и тутъ же уложила ее на диванѣ у камина, прикрыла ее и вложила ей въ руки томъ проповѣдей Тилотсона, на случай если она почувствуетъ себя лучше и будетъ въ силахъ заняться назидательнымъ чтеніемъ.

Проповѣди добраго архіепископа могутъ быть отличнымъ лекарствомъ для страждущей души, но эти лѣкарства не пригодились по болѣзни Тины. Она сидѣла съ открытою на колѣняхъ книгой, и съ глазами, обращенными на портретъ прелестной леди Чеверель, жены славнаго сэръ-Антони. Она глядѣла на портретъ, не думая о немъ, и бѣлокурая красавица казалось смотрѣла на нее съ этою доброжелательною безсознательностію, съ этимъ кроткимъ удивленіемъ, съ какимъ счастливыя и самообладающія женщины смотрятъ на своихъ взволнованныхъ и слабыхъ сестеръ.

Катерина думала о близкомъ будущемъ, о предстоявшей свадьбѣ, обо всемъ томъ, что ей придется перенести въ продолженіи слѣдующихъ мѣсяцевъ. О, еслибъ я могла заболѣть и умереть въ тѣхъ поръ! думала она.—Когда человѣкъ очень боленъ, ничто уже его не тревожитъ и не заботитъ. Бѣдная Патти Ричардсъ казалась такою счастливою, когда умирала. Она уже не думала о своемъ женихѣ: она ни о чемъ не жалѣла; ей нравился только запахъ цвѣтовъ, которые я приносила ей. О, еслибъ я могла только полюбить что-нибудь, могла думать о чемъ-нибудь другомъ! Еслибъ я только могла избавиться отъ этихъ ужасныхъ чувствъ, я бы помирилась съ своимъ несчастіемъ; я не стала бы роптать, я всячески

Digitized by Google

гаралась угождать леди Чеверель и сэръ-Кристоферу. Но когда
дитъ на меня это бѣшенство, я не знаю что̀ дѣлать. Я все
ваю и только чувствую, что голова моя кружится и сердце
бьется; я способна тогда сдѣлать что-нибудь ужасное.
о, кромѣ меня, я увѣрена, не испытывалъ такихъ чувствъ.
должно быть очень дурно. Но Бѣгъ сжалится надо мной.
знаетъ, какъ мнѣ тяжело и горько.
ъ такихъ размышленіяхъ провела Тина время, пока не услы-
голосовъ въ корридорѣ; приподнявшись, она замѣтила, что
овѣди Тилотсона лежатъ на полу. Только что успѣла она под-
ихъ и расправить измявшіеся листки, какъ въ комнату во-
леди Эшеръ, Беатриса и капитанъ Вибрау, всѣ съ тою бо-
гію и веселостію, которая обыкновенно распространяется
ицахъ людей по окончаніи проповѣди.
ди Эшеръ тотчасъ же подошла къ Катеринѣ, и усѣлась по-
нея. Полчаса спокойной дремоты очень освѣжили ее, и при-
новую силу ея языку.
Что̀, милая миссъ Сарти, какъ вы теперь себя чувствуе-
Немного лучше, кажется. Я убѣждена, что вамъ нужно
ко спокойствіе. Эти головныя боли происходятъ ни отъ чего
аго, какъ отъ слабости. Вамъ не надобно утомляться, и вы
ѣменно должны пить горькія травы. Когда я была вашихъ
, то точно также страдала головными болями, и старый докторъ
онъ бывало говорилъ моей матери: «сударыня, у вашей до-
, кромѣ слабости, нѣтъ никакой болѣзни.» Онъ такой былъ
ительный, этотъ докторъ Самсонъ. Но какъ жаль, что вы
слыхали сегодняшней проповѣди. Прекрасная проповѣдь!
геръ Гильфиль говорилъ о десяти дѣвахъ, мудрыхъ и
дивыхъ, и все это объяснялъ намъ. Какой пріятный
дой человѣкъ, этотъ мистеръ Гильфиль! Такой тихій и
й, и такъ хорошо играетъ въ вистъ. Я бы желала
манить его къ себѣ въ Фарлей. Какъ бы полюбилъ его
йный сэръ-Джонъ! Онъ такой веселый и добронравный
артами, а мой сэръ-Джонъ былъ такой охотникъ до нихъ,
-Джонъ. А нашъ куратъ такой раздражительный человѣкъ;
всегда сердится, когда проигрываетъ. По моему, пасторъ не
онъ слишкомъ заботиться о деньгахъ, какъ вы полагаете?
ите же, какъ вы думаете?
Ахъ, леди Эшеръ, вступилась Беатриса съ презрительною
кой,—не утомляйте бѣдной Катерины такими скучными во-
ми. У васъ, кажется, все еще болитъ голова, милая Кате-
прибавила она съ видомъ большаго участія, обращаясь къ
инѣ: — возьмите мой флаконъ съ душистымъ спиртомъ и
ьте его себѣ. Онъ, быть-можетъ, освѣжитъ васъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчала Катерина, — я не хочу отнимать его у васъ.

— Увѣряю васъ, милая моя, онъ мнѣ вовсе не нуженъ; вы непремѣнно должны взять его, продолжала убѣждать ее миссъ Эшеръ, протягивая ей флаконъ.

Тина покраснѣла, съ нетерпѣніемъ оттолкнула флаконъ, и сказала: — Благодарю васъ; я никогда не употребляю этого. Я не люблю духовъ.

Миссъ Эшеръ положила флаконъ въ карманъ молча, но съ удивленіемъ и неудовольствіемъ во взглядѣ, и капитанъ Вибрау на лицѣ котораго выразился нѣкоторый испугъ, поспѣшно сказалъ: — Посмотрите, Беатриса, погода совершенно разгулялась. Мы успѣемъ прогуляться до завтрака. Надѣньте шляпу и мантилью, и походимъ по саду.

— Да, милая моя, не худо пройдтись, сказала леди Эшеръ, — я пойду посмотрѣть, не расхаживаетъ ли сэръ-Кристоферъ по галлереи.

Какъ только дверь затворилась за двумя дамами, капитанъ Вибрау, стоявшій спиной къ камину, обратился къ Катеринѣ, и сказалъ ей тономъ строгаго наставника: — Милая Катерина, постарайтесь поболѣе сдерживать себя, и не давать такой воли своимъ чувствамъ. Вы просто невѣжливы съ миссъ Эшеръ; я вижу, что она удивлена и обижена. Подумайте только, какъ странно ей должно казаться ваше поведеніе. Она будетъ любопытываться причины этихъ вспышекъ. Повѣрьте, милая Тина, прибавилъ онъ, подходя къ ней, и стараясь взять ея руку: — я для васъ же самихъ желаю, чтобы вы вѣжливо отвѣчали на ея вниманіе. Она очень хорошо расположена къ вамъ, и я былъ бы счастливъ видѣть васъ друзьями.

Катерина уже и то находилась въ такомъ состояніи болѣзненнаго раздраженія, что самое невинное слово капитана Вибрау заставило бы ее страдать, какъ жужжаніе самой маленькой мошки заставляетъ страдать тяжело-больнаго. Но этотъ благосклонно-увѣщательный тонъ былъ совершенно невыносимъ. Онъ такъ былъ виноватъ передъ нею, а говорилъ съ нею теперь, какъ снисходительный наставникъ. Это было новое оскорбленіе. Его увѣренія въ дружбѣ были самою обидною дерзостью.

Катерина вырвала изъ рукъ его свою руку, и сказала съ негодованіемъ: — Оставьте меня, капитанъ Вибрау; я вамъ, кажется, ничего не дѣлаю.

— Катерина, отчего вы такъ раздражительны, такъ несправедливы? Я за васъ дрожу и безпокоюсь. Миссъ Эшеръ уже замѣтила ваше странное обращеніе съ нею и со мной, и это

Digitized by Google

ставитъ меня въ очень непріятное положеніе. Что могу я сказать ей?

— Что сказать? съ волненіемъ и горечью проговорила Катерина, вставая съ своего мѣста и направляясь къ дверямъ: — а скажите, что я глупая дѣвчонка, что я влюбилась въ васъ, и ревную васъ къ ней; но что вы никогда не имѣли ко мнѣ другаго чувства, кромѣ жалости, не показывали мнѣ ничего, кромѣ дружбы. Скажите это ей, и она еще больше полюбитъ васъ.

Тина произнесла это какъ самую горькую насмѣшку, какую она только могла себѣ представить, не подозрѣвая, что насмѣшка эта горька именно по своей истинѣ. Несмотря на все ея негодованіе, все ея бѣшенство, всю ея ревность, въ душѣ ея еще не совсѣмъ исчезла вѣра въ Антони; она все еще надѣялась, что въ сердцѣ его скрывается больше любви къ ней чѣмъ онъ показываетъ; ей въ голову не приходило подозрѣвать его въ такой винѣ противъ себя, которая всякой женщинѣ обиднѣе даже невѣрности. И она произнесла эти язвительныя слова потому только, что въ эту минуту не находила достаточно-сильнаго выраженія своему негодованію.

Пока она стояла такимъ образомъ посереди комнаты, дрожа отъ волненія и съ поблѣднѣвшими губами, дверь отворилась, и въ ней показалась миссъ Эшеръ, величественная и прелестная какъ всегда. На устахъ ея играла та улыбка, съ которою обыкновенно являются въ комнату молодыя особы, убѣжденныя, что появленіе ихъ самое пріятное событіе; но въ слѣдующее же мгновеніе она взглянула на Катерину съ изумленіемъ, а на жениха своего съ недовѣріемъ и неудовольствіемъ. Лицо капитана Вибрау выражало сильное утомленіе и досаду.

— Быть-можетъ, вамъ некогда идти гулять со мной, капитанъ Вибрау, я пойду одна.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ждалъ васъ, отвѣчалъ онъ, спѣша къ ней и подавая ей руку.

Они вышли изъ комнаты, не взглянувъ на бѣдную Катерину, которая все еще стояла посереди комнаты, уничтоженная и пристыженная. Какъ горько она теперь раскаивалась въ своей необдуманной вспышкѣ!

ГЛАВА XII.

— Любопытно было бы знать, что теперь воспослѣдуетъ въ вашей драмѣ съ миссъ Сарти? сказала миссъ Эшеръ капитану Вибрау, когда они вышли въ садъ.—Я бы очень желала имѣть понятіе о томъ, что будетъ дальше.

Digitized by Google

Капитанъ Вибрау молчалъ. Онъ былъ не въ духѣ, онъ былъ утомленъ, и ему очень хотѣлось совершеннымъ молчаніемъ отразить нападенія разсерженной красавицы. «Чортъ побери, думалъ онъ про себя, отбивайся теперь отъ другой!» И онъ мрачно уперъ глаза въ горизонтъ, и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ его звала Беатриса, нахмурилъ брови.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ совершеннаго молчанія, она продолжала еще болѣе надменнымъ тономъ.

— Надѣюсь, вы понимаете, капитанъ Вибрау, что я жду отъ васъ объясненія.

— Я не могу вамъ дать другаго объясненія, милая Беатриса, сказалъ онъ наконецъ, дѣлая усиліе надъ собой,—кромѣ того, которое вы уже слышали отъ меня. Я надѣялся, что мы уже не возвратимся больше къ этому разговору.

— Но объясненіе ваше далеко не удовлетворительно. Я должна вамъ сказать, что обращеніе съ вами миссъ Сарти очень странно при вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ. А со мной она просто дерзка. Я, конечно, не останусь въ этомъ домѣ при такихъ обстоятельствахъ; мать моя объяснитъ причины сэръ-Кристоферу.

— Беатриса, сказалъ капитанъ Вибрау, неудовольствіе котораго уступило теперь мѣсто тревогѣ,—умоляю васъ быть терпѣливою и снисходительною. Я понимаю, что все это вамъ непріятно, но я увѣренъ, что вы не захотите повредить бѣдной Катеринѣ и навлечь на нее гнѣвъ дяди. Вспомните, какъ она одинока и безпомощна.

— Всѣ эти отговорки очень ловки, но я не дамъ себя обмануть ими. Миссъ Сарти никогда бы не посмѣла обращаться такимъ образомъ съ вами, еслибы вы не ухаживали за ней, если она не имѣла причины думать, что вы любили ее. Она, вѣроятно, смотритъ на ваши отношенія ко мнѣ, какъ на измѣну себѣ. Я вамъ очень благодарна за то, что вы сдѣлали меня соперницей миссъ Сарти. Вы обманули меня, капитанъ Вибрау.

— Беатриса, клянусь вамъ, что Катерина для меня не что иное, какъ добрая дѣвочка, къ которой я привыкъ. Я радъ былъ бы сейчасъ обвѣнчать ее съ Гильфилемъ, и это кажется достаточное доказательство того, что я не влюбленъ въ нее. Что же касается прошлаго, я быть-можетъ дѣйствительно немного занимался ею, а она придала слишкомъ большое значеніе самому обыкновенному вниманію. Развѣ это не можетъ со всякимъ случиться?

— Она не позволяла бы себѣ тогда такихъ дерзкихъ выходокъ. Что она говорила вамъ сегодня утромъ? Отчего она была такъ взволнована и блѣдна?

— Почемъ я знаю? Я ей сказалъ, что она не ведетъ себя какъ слѣдуетъ, а она по обыкновенію своему вспылила: она только кажется тихонькою, а въ самомъ дѣлѣ она ужасно горяча.

Digitized by Google

Но нужно же, чтобы кто-нибудь ей объяснилъ, что поведеніе
вершенно неприлично и непростительно. Я удивляюсь,
это леди Чеверель не замѣчаетъ ея невѣжливыхъ отвѣтовъ
ризовъ.

Прошу васъ, Беатриса, не намекайте на это тетушкѣ. Вы,
тно, уже замѣтили, какія у нея чопорныя понятія. Ей и въ
у никогда не приходило, чтобы дѣвушка могла влюбиться
ловѣка, который не посватался къ ней.

Въ такомъ случаѣ, я сама объяснюсь съ миссъ Сарти. Для
пользы необходимо, чтобы кто-нибудь сказалъ ей правду.

Нѣтъ, душа моя, изъ этого не произойдетъ ничего хоро-
. Вы не знаете Катерины. Самое лучшее было бы для васъ
зможности не обращать на нее вниманія. Все это скоро за-
гся. Я увѣренъ, что она вскорѣ выйдетъ замужъ за Гиль-
и вся эта блажь вылетитъ изъ ея головы. Боже мой!
стучитъ мое сердце! Это проклятое біеніе все усили-
ся.

къ кончился этотъ разговоръ, или по крайней мѣрѣ та часть
которая относилась къ Катеринѣ; но капитанъ Вибрау не
лъ этого разговора: онъ рѣшился во что бы то ни стало
ти изъ этого непріятнаго положенія, и на другой же день,
вшись наединѣ съ сэръ-Кристоферомъ, приступилъ къ дѣлу.
зговоръ шелъ, по обыкновенію, о предстоящемъ великомъ
тіи.

Кстати, сказалъ Антони, съ самымъ беззаботнымъ видомъ
аживая по комнатѣ: — когда же вы намѣрены сыграть
бу Гильфиля и Катерины? Во мнѣ теперь развилось со-
гвіе ко всѣмъ влюбленнымъ. Почему бы скорѣе не осчаст-
гь бѣднаго Менарда? Я полагаю, онъ уже объяснился съ
й.

Гмъ! сказалъ сэръ-Кристоферъ:—я думалъ это дѣло отло-
до смерти стараго Кричлея; этотъ бѣднякъ долго не про-
гъ, и тогда бы Менардъ могъ въ одно время вступить
бракъ, и въ должность. Но впрочемъ, изъ-за этого нечего
ь. Они могутъ жить въ замкѣ. Обезьянкѣ нашей, дѣйстви-
но, пора замужъ. Уморительно будетъ видѣть ее степенною
ью семейства, съ крохотнымъ ребенкомъ на рукахъ.

По моему, такого рода дѣла никогда не должно отклады-
И если у васъ есть какія-нибудь виды насчетъ устройства
дности Катерины, я съ истиннымъ удовольствіемъ исполню
ши желанія.

Милый мой Антони, эта мысль дѣлаетъ вамъ честь. Но у
ода есть свое состояніе, и я его довольно знаю; онъ пред-
тъ не быть обязаннымъ никому. Но теперь, какъ вы меня

Digitized by Google

навели на эту мысль, я начинаю себя упрекать за то, что прежде объ этомъ не подумалъ. Я такъ былъ занятъ вами, злодѣй и Беатрисой, что совершенно забылъ о моемъ бѣдномъ Менардѣ. Онъ же старше васъ: ему уже давно пора обзавестись семействомъ.

Сэръ-Кристоферъ замолчалъ, глубокомысленно поднесъ щепотку табаку къ носу, и потомъ прибавилъ почти про себя:

— Да, да! Мы разомъ покончимъ всѣ наши семейныя дѣла.

Во время прогулки съ миссъ Эшеръ, капитанъ Вибрау исподтишкомъ сообщилъ ей, что сэръ-Кристоферъ желаетъ какъ можно скорѣе устроить свадьбу между Гильфилемъ и Катериной, и что онъ съ своей стороны очень будетъ радъ видѣть это дѣло покоченнымъ. Счастье Тины было очень дорого ему, и онъ ничего лучшаго не могъ бы пожелать ей.

Сэръ-Кристоферъ любилъ немедленно приводить въ исполненіе свои замыслы. Онъ рѣшалъ скоро и такъ же скоро дѣйствовалъ. Вставая послѣ завтрака изъ-за стола, онъ сказалъ мистеру Гильфилю:

— Приходите ко мнѣ въ библіотеку, Менардъ. Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

— Менардъ, другъ мой, началъ онъ, какъ только они усѣлись съ лицомъ сіяющимъ при мысли о неожиданной радости, которую онъ готовилъ своему собесѣднику.—Почему бы намъ, до конца этой осени, не устроить счастье четырехъ сердецъ вмѣсто двухъ, а? А? повторилъ онъ, хлопая по крышкѣ табатерки и съ улыбкой подмигивая Менарду.

— Я не знаю, понялъ ли я васъ, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Гильфиль чувствуя самъ, что блѣднѣетъ.

— Не знаете, злодѣй, поняли ли вы меня? А кто, послѣ Антеи мнѣ ближе и дороже всѣхъ? Вы уже давно повѣрили мнѣ свою тайну, и никакихъ признаній мнѣ уже теперь не нужно. Тина теперь въ лѣтахъ и будетъ отличною вамъ женой. Ректорскій домъ не очистился еще для васъ, но что за дѣло? Я и Антея будемъ счастливы имѣть васъ при себѣ. Намъ слишкомъ было бы трудно разомъ разстаться съ нашею милою пѣвчею птичкой.

Мистеръ Гильфиль находился въ большомъ затрудненіи. Онъ боялся навлечь подозрѣнія сэръ-Кристофера на настоящее чувство Катерины, и однако онъ долженъ былъ въ отвѣтѣ своемъ основываться на этомъ чувствѣ.

— Не думайте, сэръ, проговорилъ онъ наконецъ съ усиліемъ —чтобъ я не чувствовалъ и не цѣнилъ вашей доброты ко мнѣ, чтобъ я не былъ вамъ благодаренъ за ваши отеческія попеченія о моемъ счастьѣ; но я боюсь, что чувства ко мнѣ Катерины не такого рода, чтобъ я могъ видѣть ею моею женой.

— Спрашивали вы ее объ этомъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ. Но такого рода дѣла часто узнаются очень хорошо
езъ разспросовъ.

— Вздоръ и пустяки! Обезьянка *должна* васъ полюбить. Развѣ
не были первымъ ея другомъ? Я помню, какъ она, бывало,
ивается плачетъ, когда вы обрѣжете себѣ палецъ. Къ тому
она сама давно привыкла къ мысли, что вы ея женихъ. Я
да въ этомъ духѣ говорилъ ей о васъ. Я былъ убѣжденъ
вы уже давно это дѣло порѣшили между собой; то же самое
алъ и Антони. Антони полагаетъ, что она влюблена въ васъ,
него молодые глаза, онъ долженъ знать толкъ въ этомъ дѣлѣ.
говорилъ мнѣ объ этомъ сегодня утромъ, и очень утѣшилъ
я дружескимъ участіемъ, которое онъ принимаетъ въ васъ и
ѣ.

ровь; и притомъ больше чѣмъ нужно, хлынула въ лицо мистера
ьфиля; онъ стиснулъ зубы, крѣпко сжалъ кулаки, силясь сдер-
ь порывъ негодованія. Сэръ-Кристоферъ замѣтилъ его вол-
ie, но приписалъ его возбужденной въ немъ надеждѣ насчетъ
ствъ Катерины.

— Вы слишкомъ скромны, Менардъ, продолжалъ онъ.—Чело-
, которому, какъ вамъ, не почемъ перескочить черезъ самый
окій заборъ, не слѣдуетъ такъ падать духомъ. Если вы сами
ѣшаетесь переговорить съ нею, предоставьте это дѣло мнѣ.

— Сэръ-Кристоферъ, убѣдительно сказалъ бѣдный Менардъ,
сли вы въ самомъ дѣлѣ хотите оказать мнѣ благодѣяніе, не
минайте теперь объ этомъ предметѣ Катеринѣ. Я боюсь, что
ое предложеніе, сдѣланное не вовремя, совершенно удалитъ
отъ меня.

ротиворѣчіе всегда сердило сэръ-Кристофера.

— Что заставляетъ васъ это думать? продолжалъ онъ нѣсколько
ко:—какія причины можете вы привести мнѣ, кромѣ того ни
чемъ не основаннаго предположенія, что она васъ не довольно
битъ?

— Никакихъ, кромѣ моего личнаго убѣжденія, что я не до-
ьно дорогъ ей, чтобъ она согласилась быть моею женой.

— Въ такомъ случаѣ я нахожу, что причина эта совершенно
остаточная. Я рѣдко ошибаюсь въ своихъ сужденіяхъ о лю-
ъ, и убѣжденъ, что Тина совершенно свыклась съ мыслію
вы будете ея мужемъ. Повторяю вамъ, предоставьте мнѣ
дѣло, и будьте убѣждены, что мое вмѣшательство не повре-
ъ ему.

Мистеръ Гильфиль, боясь сказать что-нибудь лишнее и вмѣстѣ
тѣмъ страшась послѣдствій этого рѣшенія сэръ-Кристофера,
шелъ изъ библіотеки съ душой, переполненною негодованія
отивъ капитана Вибрау и отчаянія за себя и за Катерину.

Digitized by Google

Что̀ подумаетъ она о немъ? Она можетъ предположить, что сэръ-Кристоферъ дѣйствуетъ съ его вѣдома и согласія. Онъ, вѣроятно, не будетъ имѣть случая переговорить съ нею наединѣ; онъ напишетъ ей и отнесетъ записку въ ея комнату въ то время, когда она будетъ одѣваться къ обѣду. Нѣтъ, это ее взволнуетъ, и ей будетъ тяжело высидѣть за обѣдомъ и скрыть свои чувства. Онъ подождетъ до вечера. Послѣ вечернихъ молитвъ, онъ подойдетъ къ ней, чтобы проститься съ нею и, незамѣченный никѣмъ, вручилъ ей записку. Она отнесла ее въ свою комнату, нѣсколько удивленная, и прочла слѣдующее:

«Милая Катерина, не подозрѣвайте меня, если сэръ-Кристоферъ станетъ говорить вамъ о нашей свадьбѣ. Я сдѣлалъ все что̀ могъ, чтобъ убѣдить его не тревожить васъ этимъ предметомъ и настоялъ бы на своемъ, еслибы не боялся дать поводъ къ вопросамъ, на которые я не могъ бы отвѣчать, не причинивъ вамъ новыя огорченія. Пишу я это вамъ, чтобы приготовить васъ къ разговору съ сэръ-Кристоферомъ и чтобъ еще разъ повторить вамъ (но надѣюсь вы не сомнѣваетесь въ этомъ), что чувства ваши священны для меня. Я скорѣе соглашусь отказаться отъ любимой мечты моей жизни чѣмъ доставить вамъ одну лишнюю горькую минуту.

«Никто иной какъ капитанъ Вибрау побудилъ сэръ-Кристофера взяться за это дѣло въ такую минуту. Я говорю вамъ это, чтобы вы могли скрыть свои чувства, если услышите это отъ сэръ-Кристофера. Вы видите теперь, что̀ за подлое сердце бьется въ его груди. Полагайтесь всегда на меня, дорогая моя Катерина — что̀ бы ни случилось въ послѣдствіи — какъ на преданнаго вамъ друга и брата.

«Менардъ Гильфиль.»

Катерина была такъ поражена и уязвлена тѣмъ, что она узнала о капитанѣ Вибрау, что не могла думать объ угрожавшей ей опасности, о томъ, что̀ спроситъ у нея сэръ-Кристоферъ и что она ему отвѣтитъ. Ей было не до страха: она не думала о будущемъ, настоящее горе поглощало ее всю.

И Антони могъ это сдѣлать! Объяснить этотъ послѣдній поступокъ его нельзя было ничѣмъ, кромѣ какъ самымъ грубымъ неуваженіемъ къ ея чувству, самою неблагородною неделикатностью въ отношеніи къ ней, на которую онъ рѣшился ради своего удобства, и во избѣжаніе дальнѣйшихъ объясненій съ миссъ Эшеръ. Нѣтъ это было хуже. Онъ съ умысломъ, безъ всякой пользы для себя мучилъ и терзалъ ее. Онъ хотѣлъ доказать ей свое презрѣніе, заставить ее почувствовать до какой степени она была безразсудна, вообразивъ, что онъ когда-либо могъ любить ее.

Digitized by Google

Послѣднія капли вѣры и нѣжности, воображала она, изсякли перь въ ея душѣ; въ ней осталась только одна жестокая, жгучая ненависть. Ей уже нечего было долѣе скрывать свою ненависть ъ болѣзни повредить ему; онъ игралъ ея чувствомъ, какъ-скаъ Менардъ; онъ издѣвался надъ ней; а теперь онъ поступилъ ней такъ жестоко, такъ низко! Она имѣла достаточныя приины ненавидѣть его; ненависть, наполнявшая ея душу, не каалась уже ей такимъ грѣшнымъ чувствомъ, какъ прежде.

Пока мысли эти съ мучительною быстротой проносились въ головѣ, она не пролила ни одной слезы. Она не могла стоять мѣстѣ, и крѣпко стиснувъ руки, съ огнемъ въ блуждающемъ глядѣ, быстрыми шагами ходила взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Еслибъ я только могла поговорить съ нимъ, шептала она, сказать ему, какъ онъ отвратителенъ мнѣ!

Потомъ, какъ бы пораженная внезапною мыслію, она вынула ъ кармана ключъ, отперла выложенный мѣдью ящикъ, гдѣ анились ея маленькія сокровища, и достала изъ него крочную миніатюру. Ее окружалъ узкій золотой обводокъ съ идѣланнымъ къ нему кольцомъ, назначеннымъ вѣроятно для почки; на другой сторонѣ, подъ стекломъ, виднѣлись двѣ пряди лосъ, одна темная, другая свѣтлая, связанныя причудливымъ ломъ. То былъ тайный подарокъ Антони, полученный ею годъ му назадъ, портретъ, заказанный имъ нарочно для нея. Въ пролженіе послѣдняго мѣсяца, она не брала его въ руки: прошедшее и безъ того довольно живо припоминалось ей. Но теперь а съ яростію стиснула его въ рукѣ, и изо всей силы швырнула о на полъ.

Раздавитъ ли она его теперь ногой, уничтожитъ ли она до слѣдняго слѣда это жестокое, лживое лицо?

Ахъ, нѣтъ! Она бросилась было къ тому мѣсту, гдѣ упалъ портетъ; но когда она увидѣла это лучшее сокровище свое, которое она такъ любила, такъ часто покрывала горячими поцѣями и слезами, такъ часто вечеромъ клала подъ подушки, и съ воргомъ разсматривала на другое утро—когда она увидѣла, что отъ портретъ, все, что̀ осталось ей отъ прошлаго счастія, летъ на полу, натреснувшій, съ разбитымъ стекломъ, разсыпавшимися волосами, въ ея чувствованіяхъ совершился переворотъ: рдце ея смягчилось, и она залилась слезами.

Взгляните, съ какимъ стараніемъ собираетъ она теперь всѣ частицы своего сокровища, поднимаетъ всѣ до послѣдней волосинки и кладываетъ ихъ на мѣсто,—съ какою грустью она разсматриваетъ женщину, обезобразившую милыя ей черты! Увы! теперь нѣтъ стекла, которое бы могло защитить и портретъ, и волосы; но взгляните, какъ бережно она завертываетъ его въ мягкую

Digitized by Google

бумагу, и опять запираетъ въ ящикъ. Бѣдное, бѣдное дитя! Дай-то Богъ, чтобы всегда воздерживающее чувство являлось прежде невозвратнаго дѣйствія!

Она нѣсколько поуспокоилась и принялась перечитывать письмо Менарда. Она прочла его два или три раза, не отдавая себѣ отчета въ его содержаніи; голова ея была какъ въ туманѣ послѣ страстнаго волненія послѣдняго часа, и она съ трудомъ могла заставить себя вникнуть въ смыслъ письма. Но когда она наконецъ поняла какого рода ей предстоитъ свиданіе съ баронетомъ, она испугалась. Мысль разсердить сэръ-Кристофера внушала всѣмъ въ домѣ такой страхъ, до такой степени пугала ее, что ей казалось невозможнымъ противиться его желанію. Онъ воображалъ, что она любитъ Менарда; онъ всегда намекалъ ей на это. Какимъ образомъ теперь сказать ему, что онъ ошибался, и что отвѣтить ему, если онъ спроситъ, не любитъ ли она кого-нибудь другаго? Даже въ воображеніи ей невозможно было представить себѣ, чтобы сэръ-Кристоферъ могъ взглянуть на нее сердито. Онъ всегда былъ такъ добръ къ ней! Потомъ она начала думать о томъ, какъ она огорчитъ его, и эгоистическій страхъ уступилъ мѣсто страху опечалить любимаго человѣка. Слезы ея лились, но она теперь оплакивала не свои несчастія вмѣстѣ съ сочувствіемъ и любовью къ сэръ-Кристоферу, въ ея душѣ пробудилось также чувство благодарности къ мистеру Гильфилю за его неизмѣнное великодушіе и нѣжность.

— Милый, добрый Менардъ! Какъ я виновата передъ нимъ! Еслибъ я только могла полюбить его — но я никогда не буду въ состояніи ни о чемъ думать, ничего любить. Сердце мое разбито.

ГЛАВА VIII.

На другое утро настала эта ужасная для Катерины минута. Она сидѣла въ кабинетѣ леди Чеверель, слабая и утомленная страданіями прошлой ночи, и переписывала какіе-то благотворительные списки, когда въ комнату вошла леди Чеверель, и сказала:

— Тина, сэръ-Кристоферъ хочетъ поговорить съ вами; ступайте къ нему въ библіотеку.

Она сошла внизъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Какъ только она вошла въ комнату, сэръ-Кристоферъ, сидѣвшій у окна, обратился къ ней съ словами:

— Садитесь-ка сюда ко мнѣ, обезьянка; мнѣ нужно кой о чемъ переговорить съ вами.

Digitized by Google

Катерина взяла скамейку и усѣлась у ногъ баронета. Ей такимъ образомъ легче было скрыть отъ него свое лицо. Она обняла рукой его ногу, и прижала щеку къ его колѣну.

— Вы, кажется, сегодня не въ духѣ, Тина. Что съ вами, моя обезьянка?

— Ничего, *padroncello*, у меня только все болитъ голова.

— Бѣдная обезьянка! Послушайте, не полегче ли будетъ вашей головкѣ, если я обѣщаю вамъ милаго и добраго мужа, хорошенькое подвѣнечное платьице, а со временемъ собственный домикъ, гдѣ вы будете молодою хозяйкой и будете иногда принимать и угощать своего *padroncello*?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу выходить замужъ. Я бы желала всегда оставаться у васъ.

— Вздоръ и пустяки, дурочка. Я скоро стану несноснымъ старикомъ, а дѣти Антони овладѣютъ всѣмъ домомъ и будутъ надоѣдать вамъ. Вамъ нуженъ человѣкъ, который любилъ бы васъ больше всего на свѣтѣ, и нужны собственныя дѣти, чтобы было вамъ кого лелѣять и любить. Я не потерплю, чтобъ изъ васъ вышла сморщенная, старая дѣва. Я ненавижу старыхъ дѣвъ. Я не могу безъ отвращенія смотрѣть на эту Шарпъ. Черноглазая моя обезьянка не на то создана. А тутъ же подъ рукой Менардъ Гильфиль, отличнѣйшій, золотой человѣкъ, и любитъ онъ васъ больше самого себя. И вы тоже любите его, глупенькая обезьянка, и нечего говорить вздоръ будто вы не хотите за него замужъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, *padroncello*, не говорите этого; я никакъ не могу выйдти за него замужъ.

— Почему не можете, дурочка? Вы сами не понимаете своихъ чувствъ. Полно, всѣмъ ясно, что вы любите его. Леди Чеверель всегда говорила мнѣ, что вы влюблены въ него, она видѣла какъ вы распоряжаетесь бѣднымъ Менардомъ, и Антони думаетъ то же самое. Отчего вы забрали себѣ въ голову, что вы не хотите за него замужъ?

Слезы и рыданія не дали теперь Катеринѣ отвѣчать. Сэръ-Кристоферъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ:

— Полно, полно, Тина, вы вѣрно больны сегодня. Ступайте отдохните, милая крошка. Вы на все взглянете иначе, когда будете здоровы. Подумайте о томъ, что я сказалъ вамъ, и помните, что послѣ женитьбы Антони, мнѣ ничего такъ не хочется, какъ соединить васъ съ Менардомъ. Но вы не огорчайте меня причудами и капризами, и всѣми этими вздорами. — Эти послѣднія слова онъ сказалъ довольно строго, но тотчасъ же прибавилъ болѣе нѣжнымъ тономъ: — А теперь полно плакать, утрите свои черные глазки, милая моя обезьянка. Ступайте, лягте въ свою постельку, и постарайтесь заснуть.

Digitized by Google

Катерина скользнула со скамейки къ ногамъ сэръ-Кристофера, схватила его руку, покрыла ее поцѣлуями и слезами, и потомъ убѣжала изъ комнаты.

Капитанъ Вибрау еще до вечера узналъ отъ дяди, чѣмъ кончился его разговоръ съ Тиной. «Еслибъ я могъ толкомъ переговорить съ ней, думалъ онъ, — я быть-можетъ убѣдилъ бы ее быть разсудительнѣе. Но въ домѣ нѣтъ средствъ сказать ей два слова такъ, чтобы насъ не прервали, и если я встрѣчу ее въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, это ни какъ не скроется отъ Беатрисы.» Наконецъ онъ рѣшился откровенно обратиться къ миссъ Эшеръ, сказать ей, что желаетъ хорошенько переговорить съ Катериной, чтобъ убѣдить ее не отвергать руки Гильфиля и не отказываться отъ вѣрнаго счастія. Онъ былъ очень доволенъ этимъ благоразумнымъ и благородно-откровеннымъ планомъ, и въ тотъ же вечеръ сообщилъ его миссъ Эшеръ, и получилъ отъ нея полное согласіе. «Пусть, думала она, Антони выскажетъ правду этой миссъ Сарти. Онъ показываетъ необыкновенное терпѣніе и снисхожденіе въ своемъ обращеніи съ нею.»

Тина весь этотъ день не выходила изъ своей комнаты, и леди Чеверель, которой сэръ-Кристоферъ сообщилъ всѣ подробности своего разговора съ Тиной, ухаживала за нею какъ за больною. Ея нѣжная заботливость была такъ тягостна для Катерины, ей такъ было неловко отвѣчать на вниманія и ласки, которыя, чувствовала она, были слѣдствіемъ недоразумѣнія, что на другой день она сдѣлала усиліе надъ собой и сошла внизъ къ завтраку, хотя всѣ жилы ея бились и голова ея горѣла. Тяжело было отвѣчать на разспросы о здоровьѣ, но тяжелѣ было сидѣть одной въ своей комнатѣ. Она пугалась собственныхъ чувствъ; она пугалась силы и ясности, съ которою картины прошлаго и будущаго представлялись ея воображенію. Но, къ тому же, еще одно чувство заставляло ее желать быть внизу и двигаться по комнатамъ. Она надѣялась найдти случай поговорить наединѣ съ капитаномъ Вибрау, высказать ему все то, что̀ накопилось у нея на душѣ. Случай этотъ представился самымъ неожиданнымъ для нея образомъ.

Леди Чеверель попросила ее принести изъ ея кабинета какіе-то узоры для вышиванія, и какъ только она вышла изъ гостиной, капитанъ Вибрау послѣдовалъ за ней, и встрѣтилъ ее, когда она сходила съ лѣстницы.

— Катерина, сказалъ онъ, останавливая ее за руку, когда она, не глядя на него, спѣшила пройдти мимо, — не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе быть сегодня въ двѣнадцать часовъ въ Гречевнѣ? Мнѣ нужно поговорить съ вами; мы будемъ тамъ одни. Я не могу говорить съ вами въ домѣ.

Digitized by Google

Къ удивленію его, на лицѣ ея выразилась радость, и она коротко и рѣшительно отвѣчала: «да», потомъ освободила руку свою, и сбѣжала съ лѣстницы.

Въ это утро миссъ Эшеръ, собиравшаяся перещеголять леди Чеверель своимъ вышиваніемъ, была занята разматываньемъ шелковъ, и леди Эшеръ была осуждена на скучную роль мотовильни. Леди Чеверель сидѣла за работой, и Катерина, видя, что она никому больше не нужна, пошла въ кабинетъ и сѣла за клавикорды. Ей казалось, что могучіе аккорды, величественные протяжные звуки, помогутъ ей провести томительныя минуты, остававшіяся еще до двѣнадцати часовъ. *Мессія* Генделя стоялъ раскрытый на хорѣ: *Подобно овцамъ, всѣ мы*, и Катерина тотчасъ же погрузилась въ мощныя сплетенія этой великолѣпной фуги. Въ самыя счастливыя свои минуты она не могла бы сыграть ее такъ хорошо: борьба въ душѣ ея была въ ладу съ борьбой потрясающихъ сердце звуковъ.

Но въ половину одиннадцатаго, она были прервана леди Чеверель, которая вошла въ комнату и сказала:

— Тина, не сойдете ли вы въ гостиную, помотать шелкъ съ миссъ Эшеръ? Мы съ леди Эшеръ собираемся поѣхать покататься.

Катерина сошла внизъ, раздумывая про себя, какъ ей выбраться изъ гостиной, чтобы вовремя попасть въ Грачевню. Ничто на свѣтѣ не будетъ въ силахъ удержать ее, лишить ее этой послѣдней быть-можетъ отрадной минуты, когда ей можно будетъ излить всю свою душу. Послѣ этого она покорится, будетъ молчать и все сносить.

Но она не успѣла усѣсться и взять мотокъ желтаго шелка, какъ миссъ Эшеръ любезно улыбнулась ей и сказала:

— Я знаю, что на сегодняшнее утро у васъ назначено свиданіе съ капитаномъ Вибрау. Не стѣсняйтесь мною, пожалуста.

«Такъ онъ говорилъ съ нею обо мнѣ,» подумала Катерина, и руки ея, державшія мотокъ, задрожали.

— Держать эти мотки очень скучно, продолжала миссъ Эшеръ тѣмъ же любезнымъ тономъ, — я вамъ очень благодарна, увѣряю васъ.

— Напрасно вы благодарите, отвѣчала Катерина, не въ силахъ долѣе превозмогать свое раздраженіе, — я дѣлаю это только по желанію леди Чеверель.

Настала, наконецъ, для миссъ Эшеръ удобная минута прочесть Катеринѣ назидательную проповѣдь о неприличіи ея поведенія. Съ непріятнымъ чувствомъ, скрывавшимся подъ видомъ сожалѣнія, она сказала ей:

— Миссъ Сарти, мнѣ очень жаль за васъ, что вы не умѣете

Digitized by Google

лучше владѣть собою. Давая такую волю своимъ неизвинительнымъ чувствамъ, вы унижаете себя; да, вы очень унижаете себя.

— Какія неизвинительныя чувства? спросила Катерина, опуская руки и прямо глядя въ глаза миссъ Эшеръ.

— Не мнѣ объяснять вамъ ихъ. Вы должны понять, о чемъ я говорю. Вамъ бы слѣдовало призвать на помощь чувство долга и свою гордость. Вы очень огорчаете капитана Вибрау своимъ неумѣніемъ владѣть собою.

— Онъ вамъ сказалъ это?

— Да, конечно. Ему очень непріятно, что вы такъ враждебно смотрите на меня. Онъ очень желаетъ, чтобы вы сблизились со мной. Увѣряю васъ, что мы оба самымъ дружескимъ образомъ расположены къ вамъ, и отъ души жалѣемъ, что вы продолжаете питать такія чувства.

— Я вамъ очень благодарна, язвительно отвѣтила Катерина.— Въ какихъ же чувствахъ обвиняетъ онъ меня?

Раздраженіе миссъ Эшеръ усиливалось. Въ сердцѣ ея все еще таилось подозрѣніе, что капитанъ Вибрау обманулъ ее насчетъ своихъ чувствъ и отношеній къ Катеринѣ, и она рѣшилась во что бы то ни стало, узнать истину. Она не прочь была къ тому же проучить и уколоть Катерину.

— Я не люблю распространяться о такихъ вещахъ, миссъ Сарти. Скажу вамъ только, что я не понимаю, какъ женщина можетъ позволить себѣ питать страсть къ человѣку, который не подалъ ей къ тому ни малѣйшаго повода, какъ извѣстно мнѣ отъ капитана Вибрау.

— Онъ вамъ сказалъ это? точно сказалъ? внятно и тихо спросила Катерина, вставая съ своего мѣста.

— Да, онъ сказалъ мнѣ это. Онъ былъ обязанъ сказать мнѣ это послѣ всѣхъ вашихъ странныхъ выходокъ.

Катерина, ни слова не говоря, повернулась и быстро вышла изъ комнаты.

Она молча, безъ оглядки, побѣжала въ галлерею. Нельзя было узнать кроткой Катерины въ этомъ блѣдномъ, разстроенномъ разъяренномъ существѣ. Солнце освѣщало галлерею, отсвѣчивалось на старинныхъ латахъ, на полированныхъ рукоятках мечей. Да, въ галлереи было много смертоносныхъ оружій. В томъ ящикѣ лежитъ кинжалъ; она хорошо знала это, и прям бросилась къ нему, открыла его, и кинжалъ опустила въ свой карманъ. Три минуты спустя, она уже была въ саду, и по пес чанымъ извилистымъ дорожкамъ спѣшила въ отдаленную Грачевню. Она не чувствовала дождя завялыхъ листьевъ, которы сыпались на нее, она не чувствовала земли подъ своими ногам Рука ея въ карманѣ сжимаетъ рукоятку кинжала, до половины вышедшаго изъ ножонъ.

Digitized by Google

Она достигла Грачевни, ее обняла тѣнь густыхъ вѣтвей. Сердце ея то неистово билось, то замирало въ ея груди. Черезъ минуту онъ будетъ здѣсь, подойдетъ къ ней съ своею лживою улыбкой, не подозрѣвая, что ей извѣстна вся его подлость, и она вонзитъ этотъ кинжалъ въ его грудь.

Бѣдное дитя! бѣдное дитя! она, которая, бывало, со слезами просила пустить пойманную рыбку обратно въ воду,—она, которая не въ состояніи была задавить муху, теперь въ бѣшенствѣ своей страсти думаетъ, что можетъ убить человѣка, одно слово, одинъ взглядъ котораго поражаетъ изнеможеніемъ ея нервы.

Но что же это такое лежитъ на дорогѣ, посереди сырыхъ листьевъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея?

Боже мой! это онъ — онъ лежитъ безъ движенія, шляпа свалилась съ его головы. Онъ вѣрно занемогъ, упалъ безъ чувствъ. Рука ея выпускаетъ кинжалъ, и она бросается къ нему. Глаза его открыты, но онъ не видитъ ея. Она опускается на колѣни, поднимаетъ милую ей голову, цѣлуетъ этотъ блѣдный, холодный лобъ.

— Антони, Антони! скажи мнѣ хоть слово — это я, это Тина! Боже, онъ умеръ!

ГЛАВА XIV.

— Да, Менардъ, говорилъ сэръ-Кристоферъ, весело болтая съ мистеромъ Гильфилемъ въ библіотекѣ, — это въ самомъ дѣлѣ замѣчательно: никогда въ жизни, мнѣ не случалось задумать плана и не привести его въ исполненіе. Я планы свои обдумываю хорошо, и никогда, ни на шагъ не отступаю отъ нихъ,—вотъ въ чемъ вся штука. Непреклонная воля, вотъ все мое волшебство. И послѣ удовольствія начертать себѣ замысловатый планъ, ничего нѣтъ лучше на свѣтѣ какъ видѣть его осуществленнымъ. Этотъ годъ будетъ самымъ счастливымъ въ моей жизни, исключая конечно 93-й, когда я вступилъ во владѣніе замкомъ и женился на Генріеттѣ. Старый домъ наконецъ отдѣланъ совсѣмъ; женитьба Антони,—самая задушевная моя забота,—устроилась совершенно по моему желанію; надѣюсь, скоро и вамъ придется заказывать вѣнчальное колечко для маленькой ручки нашей Тины. Не качайте головой съ такимъ грустнымъ видомъ, я уже говорилъ вамъ, что почти всѣ мои пророчества сбываются. Но вотъ, кажется, пробило четверть перваго; пора мнѣ съѣздить въ Гай-Эшъ переговорить съ Маркгемомъ насчетъ

Digitized by Google

рубки лѣса. Старые мои дубы поплачутъ объ этой свадьбѣ, но чтожъ...

Вдругъ дверь растворилась, и Катерина, блѣдная какъ смерть, съ глазами, помутившимися отъ ужаса, вбѣжала и кинулась на шею къ сэръ-Кристоферу.

— Антони... Грачевня... онъ умеръ... въ Грачевнѣ... проговорила она задыхаясь, и безъ чувствъ упала на полъ.

Въ одно мгновеніе, сэръ-Кристоферъ выбѣжалъ изъ комнаты, и мистеръ Гильфиль нагнулся надъ Катериной, чтобы приподнять ее. Когда онъ взялъ ее на руки, онъ почувствовалъ что-то твердое и тяжелое у нея въ карманѣ. Что̀ бъ это могло быть? Какъ бы ей не ушибиться... Онъ отнесъ ее на диванъ, отыскалъ ея карманъ и вынулъ оттуда кинжалъ.

Менардъ вздрогнулъ. Неужели она помышляла о самоубійствѣ? Или... или... Имъ вдругъ овладѣло ужасное подозрѣніе. «Онъ умеръ... въ Грачевнѣ...» Онъ вознегодовалъ самъ на себя за мысль, заставившую его вынуть кинжалъ изъ ножонъ. Нѣтъ! не было на немъ слѣдовъ крови, и Менардъ готовъ былъ поцѣловать острое лезвіе за это доказательство его невинности. Онъ спряталъ кинжалъ къ себѣ въ карманъ, съ тѣмъ чтобы отнести его какъ можно скорѣе, на обычное, извѣстное ему мѣсто въ галлереѣ. Однако, для чего же Катерина взяла этотъ кинжалъ? Что̀ произошло въ Грачевнѣ? Не въ бреду ли она говорила?

Онъ боялся позвонить, боялся позвать кого-нибудь къ ней на помощь. Мало ли что̀ она могла сказать, очнувшись отъ обморока? Можетъ-быть возобновится бредъ... Онъ не могъ рѣшиться оставить Катерину, а между тѣмъ невольно упрекалъ себя за то, что не послѣдовалъ за сэръ-Кристоферомъ, чтобы дознаться истины. Все это въ одно мгновеніе промелькнуло въ его умѣ, но это мгновеніе показалось ему такъ безконечно долгимъ, что тотчасъ же потомъ онъ съ ужасомъ спохватился, что слѣдовало бы ему чѣмъ-нибудь помочь Катеринѣ, какъ-нибудь привести ее въ память. Къ счастію, на столѣ у сэръ-Кристофера стоялъ полный графинъ. Онъ попробуетъ сперва спрыснуть ее холодною водой, можетъ-быть она очнется и безъ посторонней помощи.

Между тѣмъ, сэръ-Кристоферъ, не переводя духу спѣшилъ въ Грачевню; лицо его, еще недавно сіявшее такимъ безмятежнымъ спокойствіемъ, теперь помрачилось неяснымъ страхомъ.

Громкій, тревожный лай Руперта, побѣжавшаго за нимъ, поразилъ мистера Бетса, въ это самое время возвращавшагося домой; онъ поспѣшно пошелъ по направленію звука, и у самаго входа въ Грачевню встрѣтился съ баронетомъ. Ему достаточно было взглянуть на сэръ-Кристофера. Мистеръ Бетсъ, не сказавъ ни

Digitized by Google

слова, пошелъ рядомъ съ нимъ, между тѣмъ какъ Рупертъ кинулся впередъ среди сухихъ листьевъ, обнюхивая землю. Не прошло минуты, какъ его порывистый лай возвѣстилъ имъ, что онъ нашелъ что-то; и тотчасъ же потомъ онъ вернулся къ нимъ, перескочивъ черезъ высокую засаженную насыпь. Они свернули въ сторону, чтобы взобраться на эту насыпь; Рупертъ все бѣжалъ передъ ними, указывая имъ дорогу. Шумное, нестройное карканье грачей, самый шелестъ сухихъ листьевъ подъ ихъ ногами, казались баронету какими-то зловѣщими звуками.

Наконецъ они взошли на насыпь и стали спускаться внизъ. Сэръ-Кристоферъ видитъ что-то темное, среди желтыхъ листьевъ, покрывающихъ нижнюю дорожку. Невольный трепетъ пробѣгаетъ по его могучимъ членамъ. Рупертъ подбѣгаетъ къ нему и лижетъ его дрожащую руку, какъ бы желая пріободрить его а потомъ опять бросается обнюхивать тѣло.

Да, это тѣло... тѣло Антони.

Вотъ его бѣлая рука съ бриллiантовымъ перстнемъ, судорожно сжимающая горсть пожелтѣвшихъ листьевъ. Глаза полуоткрыты, они не чувствуютъ лучей солнца, прямо падающихъ, на нихъ сквозь кусты.

Но можетъ-быть онъ только въ безпамятствѣ, можетъ-быть съ нимъ сдѣлалось дурно. Сэръ-Кристоферъ сталъ на колѣни, развязалъ галстукъ, разстегнулъ жилетъ и приложилъ руку къ сердцу. Можетъ-быть онъ въ обморокѣ; невозможно, невозможно, чтобъ это была смерть. Нѣтъ, прочь эту страшную мысль!

— Бѣгите, Бетсъ, бѣгите за помощью, мы отнесемъ его въ нашъ коттеджъ. Отправьте кого-нибудь въ замокъ, увѣдомить мистера Гильфиля и Уаррена. Пусть они тотчасъ же пошлютъ за докторомъ Гартомъ, и осторожно предупредятъ миледи и миссъ Эшеръ, что Антони боленъ.

Мистеръ Бетсъ поспѣшилъ домой, и баронетъ остался одинъ; онъ все еще стоялъ на колѣняхъ возлѣ тѣла племянника. Молодые, гибкіе члены, свѣжія щеки, нѣжныя губы, гладкія бѣлыя руки, все было холодно, все оцѣпенѣло; лицо старика нагнулось надъ тѣломъ въ безмолвномъ отчаяніи; его старыя, жилистыя руки трепетно искали какого-нибудь признака, что жизнь еще не улетѣла безвозвратно.

Рупертъ стоялъ тутъ же, какъ вѣрный сторожъ; онъ лизалъ руки, то у мертваго, то у живаго, вдругъ кидался вслѣдъ за мистеромъ Бетсомъ, какъ бы для того, чтобы привести его поскорѣе, то тотчасъ же потомъ возвращался на прежнее мѣсто, чувствуя себя не въ силахъ покинуть своего господина въ минуту горя.

Digitized by Google

ГЛАВА XV.

Странная бываетъ минута, когда, въ первый разъ, стоишь надъ человѣкомъ, лежащимъ безъ чувствъ, и видишь, какъ первый проблескъ сознанія озаряетъ безжизненныя черты, подобно лучу солнца на горныхъ вершинахъ, спавшихъ въ пасмурной мглѣ. Легкій трепетъ и оцѣпенѣвшіе глаза опять покрылись мглой; на мгновеніе отражается въ нихъ только полусознаніе младенца, потомъ, съ судорожнымъ движеніемъ, они раскрываются совсѣмъ и начинаютъ *смотрѣть;* они видятъ *настоящее*, но оно является имъ какими-то чуждыми письменами; еще нѣтъ истолкователя — памяти.

Трепетная радость наполнила сердце мистера Гильфиля, когда эта перемѣна промелькнула на лицѣ Катерины. Онъ нагнулся надъ нею, стараясь согрѣть въ своихъ рукахъ ея холодныя руки; онъ смотрѣлъ на нее съ нѣжнымъ состраданіемъ, когда она открыла глаза и устремила на него изумленный взоръ. Ему пришло въ голову, что онъ можетъ найдти вина въ столовой. Онъ вышелъ изъ комнаты, и взглядъ Катерины обратился къ окну и упалъ на кресло сэръ-Кристофера. Вотъ звено, за которомъ порвалась цѣпь ея сознанія, и всѣ происшествія этого утра стали мало-по-малу возникать въ ея памяти, не ясно и непослѣдовательно, какъ плохо запомнѣнный сонъ, когда возвратился Менардъ съ рюмкой вина. Онъ приподнялъ ее, и она выпила глотокъ; но все еще она молчала, напрасно стараясь сказать свои воспоминанія; между тѣмъ дверь растворилась, и на порогѣ показался мистеръ Уарренъ, съ лицомъ, предвѣщавшимъ что-то страшное. Мистеръ Гильфиль, боясь, чтобъ онъ не сталъ говорить въ присутствіи Катерины, пошелъ къ нему навстрѣчу, приложивъ палецъ къ губамъ и вывелъ его въ столовую, по ту сторону корридора.

Катерина, нѣсколько оживленная возбуждающимъ дѣйствіемъ вина, стала ясно припоминать все, что̀ произошло въ Гренвичѣ. Тамъ лежалъ Антони, бездыханный; она прибѣжала сюда, чтобы позвать сэръ-Кристофера; ей нужно пойдти посмотрѣть, что̀ они съ нимъ дѣлаютъ, можетъ-быть онъ еще не умеръ, можетъ-быть онъ лежалъ безъ чувствъ; вѣдь люди иногда падаютъ безъ чувствъ. Пока мистеръ Гильфиль совѣтовался съ Уарреномъ, какимъ образомъ сообщить печальную вѣсть леди

Digitized by Google

ерель и миссъ Эшеръ, а въ душѣ рвался вернуться къ Кате-
ѣ, бѣдная дѣвушка слабымъ шагомъ добрела до главнаго
а, который остался открытъ. Силы ея стали возвращаться
ь только она подышала свѣжимъ воздухомъ, а вмѣстѣ съ си-
проснулась вся живость прежнихъ впечатлѣній, прежнее
реодолимое желаніе вернуться въ Грачевню, къ Антони. Она
все быстрѣе и быстрѣе, и, наконецъ, найдя искусственную
въ своей страстной тревогѣ, пустилась бѣжать.
о вотъ она слышитъ тяжелые шаги, и на деревянномъ мо-
ѣ, подъ тѣнью поблекшихъ деревъ, видитъ людей не-
ихъ что-то. Вотъ она встрѣтилась съ ними лицомъ къ лицу.
они уже не лежитъ въ Грачевнѣ; они несутъ его на выхва-
ной наскоро двери, а вотъ за нимъ идетъ сэръ-Кристоферъ;
нутыя губы, смертельная блѣдность, выраженіе какого-то
едоточеннаго страданія въ глазахъ, все въ немъ высказы-
ъ съ трудомъ подавленное горе сильной натуры. Видъ этого
, на которомъ Катеринѣ никогда еще не случалось подмѣ-
слѣдовъ душевной муки, пробудилъ въ ней порывъ новаго
тва, на минуту заглушившаго всѣ прочія. Она тихо прибли-
сь къ нему, молча взяла его руку и пошла рядомъ съ нимъ.
-Кристоферъ не имѣлъ духу отослать ее, и такъ она
а вмѣстѣ съ печальною процессіей до коттеджа мистера
а, и тамъ присѣла молча, не сводя глазъ съ Антони, выжи-
не очнется ли онъ?
а еще не замѣтила, что кинжалъ исчезъ изъ ея кармана;
аже не подумала о немъ. При видѣ Антони, лежавшаго безъ
и, безъ движенія, непривычныя для нея чувства гнѣва и не-
сти мигомъ разсѣялись; въ ея душѣ осталась одна прежняя,
ая любовь.
внѣшнее настроеніе взяло свое; единственное воспоминаніе,
нное для нея съ этими потускнѣвшими, мутными глазами,
то, что они когда-то смотрѣли на нее съ любовью. Она
ла всѣ оскорбленія, забыла муки ревности, забыла всю его
окость и всю свою жажду мести, какъ изгнанникъ за-
етъ бурный переѣздъ, отдѣляющій его отъ родимаго
ка, забываетъ грустную страну, въ которой онъ остался
окимъ.

ГЛАВА XVI.

де до наступленія вечера исчезла всякая надежда. Докторъ
ъ тотчасъ же объявилъ, что все кончено. Тѣло Антони пере-
и въ замокъ, и всѣ узнали какое надъ ними разразилось горе.

Digitized by Google

Докторъ Гэртъ распрашивалъ Катерину; она отвѣчала только, что нашла Антони, неподвижно лежавшимъ въ Грачевнѣ. Никого, конечно, кромѣ мистера Гильфиля, не могло поразить, что она именно случилась тутъ. Послѣ этого краткаго отвѣта она уже не прерывала молчанія. Она все сидѣла въ углу кухни садовника, отрицательно качала головой, когда Менардъ сталъ ее упрашивать вернуться съ нимъ домой, и, повидимому, не въ состояніи была думать ни о чемъ, кромѣ возможности, что Антони очнется. Но когда наконецъ тѣло понесли въ замокъ, она встала и опять пошла рядомъ съ сэръ-Кристоферомъ, такъ тихо, что даже докторъ Гэртъ не возражалъ противъ ея присутствія.

Рѣшили положить тѣло въ библіотеку до завтра когда долженъ пріѣхать коронеръ производить слѣдствіе. Когда наконецъ заперли дверь, Катерина машинально завернула въ галлерею, чтобъ отправиться наверхъ, въ свою комнату, единственное мѣсто, гдѣ она могла спокойно предаваться своему горю. Въ первый разъ случилось ей проходить по галлереѣ послѣ той ужасной минуты; вся эта обстановка пробудила въ ней полууснувшія воспоминанія. Желѣзная броня уже не сверкала на утреннемъ солнцѣ: она висѣла, мрачная и темная, надъ шкапомъ, изъ котораго она вынула кинжалъ. Да! теперь ей припомнилось все! и душевныя муки, и преступленіе! Но гдѣ же теперь кинжалъ? Она ощупала карманъ: кинжала тамъ не было. Неужели пригрезилось это ей все? Она отворила шкапъ; кинжала нѣтъ. Увы! все это не могло быть мечтой; она точно виновата и преступна. Но гдѣ же однако кинжалъ? Неужели онъ могъ выпасть у нея изъ кармана? Ей послышались шаги на лѣстницѣ, и она опрометью бросилась въ свою комнату, и тамъ, упавъ на колѣни передъ кроватью и спрятавъ лицо отъ докучнаго свѣта, старалась припомнить всѣ обстоятельства, всѣ волненія сегодняшняго утра.

Все съ новою ясностію возникло передъ нею; все, что сдѣлалъ Антони, все, что она перечувствовала въ продолженіи столькихъ мѣсяцевъ съ самаго того іюньскаго вечера, когда у нихъ былъ разговоръ въ галлереѣ. Она припомнила всѣ бурные порывы страсти, свою ревность, свою ненависть къ миссъ Эшеръ, свое желаніе отмстить Антони. О, сколько вины легло у ней на совѣсти! Она всему причиной; она довела его этихъ поступковъ и рѣчей, которыя такъ раздражили ее; наконецъ, если онъ и виноватъ передъ нею, чѣмъ же онъ хотѣла отплатить ему? Она такъ преступна, что не можетъ надѣяться на прощеніе. Ей бы хотѣлось признаться во всемъ, чтобъ ее наказали; ей хотѣлось бы пасть на колѣни передъ всѣми, передъ самой миссъ Эшеръ. Сэръ-Кристоферъ наверно

Digitized by Google

ее бы отослалъ; онъ не захотѣлъ бы имѣть ее на своихъ глазахъ, еслибъ онъузналъ все; но ей легче бы было видѣть его гнѣвъ и перенести заслуженное наказаніе, чѣмъ попрежнему принимать его ласки, храня на душѣ ужасную тайну. Но за то, если сэръ-Кристофферъ узнаетъ все, это еще усилитъ его горе; онъ станетъ еще несчастнѣе прежняго. Нѣтъ! ей невозможно признаться; вѣдь ей пришлось бы обвинять Антони. Но ей нельзя оставаться въ замкѣ; она должна бѣжать, ей невозможно выносить взгляда сэръ-Кристофера, видѣть всѣ эти вещи, напоминающія ей объ Антони и объ ея преступленіи. Можетъ-быть она скоро умретъ; она чувствуетъ такую слабость! Не можетъ-быть, чтобы въ ней осталось много жизни. Она уйдетъ куда-нибудь, будетъ жить бѣдно и смиренно, и молить Бога, чтобъ Онъ простилъ ея согрѣшенія и далъ ей скорѣе умереть.

Бѣдное дитя и не подумало о самоубійствѣ. Лишь только остыла первая вспышка гнѣва, вернулась вся ея природная нѣжность и добость; она могла только любить и тосковать. По неопытности своей, она не могла вполнѣ сообразить всѣ послѣдствія своего побѣга изъ замка; она не предвидѣла всего ужаса и тревоги, сопряженныхъ съ неминуемыми поисками.

«Они подумаютъ, что я умерла, говорила она себѣ и мало-помалу меня забудутъ. И Менардъ скоро утѣшится и полюбитъ другую.»

Ея размышленія были прерваны легкимъ шумомъ у двери; къ ней стучалась мистрисъ Беллами. Ее прислалъ мистеръ Гильфиль, узнать о здоровьи миссъ Сарти и принесть ей кушанья и вина.

— Нездоровый у васъ видъ, душа моя, сказала старая экономка— вы такъ и трясетесь, какъ въ лихорадкѣ. Послушайтесь меня, ляжте въ постель. Я пришлю Марту, нагрѣть ваши простыни и затопить каминъ. А вотъ, посмотрите какой славный аррорутъ съ направленный виномъ. Кушайте, кушайте, васъ это согрѣетъ. А мнѣ опять нужно идти внизъ, некогда мнѣ здѣсь оставаться. Тамъ только тамъ дѣла! Миссъ Эшеръ все въ истерикахъ, а горничная ея слегла въ постель; она такая жалкая, слабая; то и дѣло требуютъ мистрисъ Шарпъ. Но я вамъ пришлю Марту, а вы разбѣньтесь-ка, да прилягте. Будьте умницей, поберегите себя.

— Благодарю васъ, добрая мамочка, сказала Тина, цѣлуя сморщенную щеку старухи. Я съѣмъ аррорутъ, а вы больше обо мнѣ не безпокойтесь сегодня вечеромъ. Мнѣ будетъ очень хорошо, когда Марта затопитъ каминъ. Скажите мистеру Гильфилю, что мнѣ лучше. Я сейчасъ лягу; такъ вы уже не приходите ко мнѣ: можетъ-быть я засну.

— Хорошо, хорошо, берегите себя, будьте умницей; дай Богъ вамъ спокойно заснуть.

Digitized by Google

Катерина проглотила аррорутъ, пока Марта разводила огонь; ей хотѣлось подкрѣпить себя на дорогу, и она оставила въ своей комнатѣ блюдо съ сухарями, чтобы спрятать ихъ въ себѣ въ карманъ. Она была поглощена мыслію какъ бы уйдти изъ замка, и перебирала въ головѣ всѣ средства, какія представляла ей кратковременная опытность.

Уже стемнѣло; ей придется ждать да разсвѣта, потому что слишкомъ страшно отправиться въ путь въ темнотѣ; но ей непремѣнно нужно уйдти прежде чѣмъ кто-нибудь проснется въ домѣ. Она знала, что будутъ сидѣть въ библіотекѣ надъ тѣломъ Антони, но надѣялась пробраться въ садъ черезъ маленькую дверь гостиной, по другую сторону дома.

Она приготовила бурнусъ, шляпку и вуаль; потомъ зажгла свѣчу и вынула изъ бюро разбитый портретъ, завернутый въ бумагу. Она завернула его вмѣстѣ съ двумя записочками Антони, набросанными карандашомъ и спрятала къ себѣ на грудь. Тутъ же былъ фарфоровый ящичекъ, подарокъ Доркасъ, рядомъ съ нимъ жемчужныя сережки, и шелковый кошелекъ съ пятнадцатью семи-шиллинговыми монетками, которыя сэръ-Кристоферъ дарилъ ей каждый годъ въ день ея рожденія, съ самыхъ тѣхъ поръ какъ взялъ ее въ домъ. Брать ли ей съ собою серги и кошелекъ?

Тяжело было бы ей разстаться съ ними; они какъ будто сохраняли на себѣ отпечатокъ отеческой нѣжности сэръ-Кристофера. Ей бы хотѣлось, чтобъ ихъ вмѣстѣ съ нею положили въ гробъ. Она надѣла кругленькія сережки и положила въ карманъ кошелекъ съ фарфоровымъ ящичкомъ. У нея былъ другой кошелекъ съ деньгами; она высыпала ихъ и стала пересчитывать семи-шиллинговыя монеты она ни за что не хотѣла издержать. Оказалось, что у нея, кромѣ того, есть еще гинея и восемь шиллинговъ,-чего же больше!

Она присѣла, въ ожиданіи разсвѣта, боясь лечь въ постель, чтобы слишкомъ не заспаться. Еслибы только она могла еще разъ увидѣть Антони, поцѣловать его холодный лобъ! Но это невозможно. Она не достойна этого утѣшенія. Она должна бѣжать отъ него, бѣжать отъ сэръ-Кристофера, отъ леди Чатерель, отъ Менарда, отъ всѣхъ, кто былъ такъ добръ къ ней, не подозрѣвая ея вины.

ГЛАВА XVII.

На другое утро, почти первою мыслію мистрисъ Шарпъ была забота о Катеринѣ, которую ей не удалось навѣстить наканунѣ, несмотря на то, что, отчасти по истинной привязанности, отчасти по сознанію своей собственной важности, она неохотно

чала ее заботамъ мистрисъ Беллами. Въ половинѣ осьмаго она авилась въ комнату Тины съ благимъ намѣреніемъ присовѣть ей строгую діэту, напоить какимъ слѣдуетъ лѣкарствомъ и жить на цѣлый день въ постель. Но, отворивъ дверь, она увиѣ, что постель пуста и даже не помята. Очевидно, Тина и ожилась. Что̀ бъ это значило? Неужели она просидѣла всю на пролетъ, а теперь вышла въ садъ? Бѣдняжка! Немудрено, вчерашнія происшествія совершенно разстроили ей; каково ыло найдти тѣло капитана, можетъ-быть она совсѣмъ лиширазсудка.... Мистрисъ Шарпъ съ безпокойствомъ заглянула въпъ, гдѣ обыкновенно хранились бурнусъи шляпка Тины, ихъ не о тамъ, значитъ, у ней достало разсудка одѣться потеплѣе. все же добрая женщина сильно встревожилась и поспѣшила истеру Гильфилю, который сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

- Мистеръ Гильфиль, сказала она, затворивъ за собой дверь. еня что-то безпокоитъ миссъ Сарти.

- Что такое? воскликнулъ бѣдный Менардъ, и въ головѣ его кнула мысль, что Катерина какъ-нибудь проговорилась наъ кинжала.

- Ея нѣтъ въ ея комнатѣ; кровать даже не помята; ни солопа, шляпки я не нашла.

ъ минуту мистеръ Гильфиль не былъ въ состояніи выгово- слова. Онъ былъ убѣжденъ, что все кончено: Катерина жила на себя руки. На лицѣ его вдругъ выразилось такое яніе, что мистрисъ Шарпъ сама испугалась дѣйствія свословъ.

- О, сэръ, мнѣ, право, тяжело васъ такъ огорчать и безпо- ть, но я рѣшительно не знала къ кому еще обратиться.

- Нѣтъ, нѣтъ, вы очень хорошо сдѣлали.

амое отчаяніе придало ему силы. Теперь, какъ все кончено, оставалось только страдать, терпѣть, и помогать другимъ сить горе. Онъ продолжалъ болѣе твердымъ голосомъ.

- Ни слова никому обо всемъ этомъ. Мы не должны тревоъ леди Чеверель и сэръ-Кристофера. Можетъ-быть, миссъ ли просто вышла погулять. Она была страшно разстроена а, и немудрено, что волненіе не дало ей заснуть. Пройдите хоньку по всѣмъ комнатамъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли ея омѣ. А я пойду поискать ее въ саду.

нъ сошелъ внизъ и, чтобы никого не встревожить въ домѣ, авился прямо на Островъ за мистеромъ Бетсомъ, котораго онъ рѣ и встрѣтилъ. Ему онъ повѣрилъ свои опасенія насчетъ ерины, объясняя ихъ тѣмъ, что вчерашнее событіе повидимому но разстроило ее и даже подѣйствовало на ея умъ; онъ поилъ садовника послать людей отыскивать ее въ саду и въ

Digitized by Google

паркѣ, и освѣдомиться о ней во всѣхъ сторожкахъ; если же всѣ эти поиски ни къ чему не поведутъ, нужно будетъ немедленно спустить пруды.

— Боже упаси отъ такого несчастія, Бетсъ, но намъ же самимъ будетъ спокойнѣе, когда мы обыщемъ всѣ мѣста.

— Положитесь на меня, положитесь на меня, мистеръ Гильфиль. Эхъ! да я бы согласился пойдти въ поденщики на всю остальную свою жизнь, только бы не случилось съ нею ничего дурнаго.

Добрый садовникъ печально пошелъ въ конюшню, чтобы послать верховыхъ по всѣмъ направленіямъ въ паркѣ.

Второю мыслію мистера Гильфиля было обыскать Грачевню: можетъ быть ее опять потянуло къ тому мѣсту, гдѣ умеръ капитанъ Вибрау. Онъ поспѣшно обошелъ всѣ насыпи, заглянулъ за каждое толстое дерево, прослѣдилъ всѣ изгибы дорожекъ. Собственно говоря, онъ едвали надѣялся отыскать ее здѣсь, но эта возможность удаляла на время страшную, неотвязную мысль, что тѣло Катерины найдется въ водѣ. Обойдя всю Грачевню, онъ торопливо пошелъ вдоль рѣчки, окаймлявшей садъ съ одной стороны; рѣчка почти вездѣ обросла деревьями; въ одномъ мѣстѣ она становилась вдругъ гораздо шире и глубже обыкновеннаго; вѣроятнѣе было, что Катерина направилась скорѣе сюда чѣмъ къ пруду. Онъ спѣшилъ впередъ, напрягая зрѣніе; безпрестанно мерещилось ему то, чего онъ такъ боялся увидѣть.

Вотъ что-то бѣлѣется за этимъ кустомъ. Колѣни подкашиваются у него. Ему кажется, что онъ различаетъ ея платье, прицѣпившееся къ вѣткѣ, ея милое лицо опрокинутое навзничь. О, Боже, дай силы вынести ниспосланное тобою испытаніе! Вотъ онъ почти дошелъ до куста, и бѣлый предметъ зашевелился. Это водяная птица, которая распустила свои бѣлыя крылья, улетая съ громкимъ крикомъ. Онъ самъ не знаетъ, отрадно ли ему или грустно, что онъ не нашелъ ея здѣсь. Мысль, что ея уже нѣтъ въ живыхъ, все лежитъ тяжелымъ камнемъ у него на душѣ.

Когда онъ дошелъ до большаго пруда, передъ фасадомъ замка онъ увидѣлъ людей, столпившихся около него и приготовлявшихся къ страшному обыску, который долженъ былъ замѣнить неясный ужасъ опредѣленнымъ горемъ; старикъ-садовникъ, мучимый неизвѣстностію, не могъ дождаться, чтобъ испробовали всѣ другія средства отыскать Катерину. Прудъ уже не смѣялся, сверкая среди водяныхъ лилій. Его темныя воды смотрѣли какъ-то жестоко неподвижно, какъ будто бы въ ихъ холодной глубинѣ навѣки сокрылись погибшія радости и надежды бѣднаго Менарда.

Въ его головѣ толпились мысли о томъ, какъ отзовется это несчастіе на другихъ. Всѣ окна и ставни въ фасадѣ замка были

Digitized by Google

закрыты, сэръ-Кристоферъ врядъ ли могъ замѣтить что̀ происходило передъ домомъ; но мистеръ Гильфиль зналъ, что не долго можно будетъ отъ него скрывать отсутствіе Катерины. Скоро пріѣдетъ Коронеръ производить слѣдствіе, за нею пошлютъ, чтобы разспросить ее; и тогда необходимо будетъ объявить все баронету.

ГЛАВА XVIII.

Часовъ въ двѣнадцать, когда всѣ поиски оказались тщетными и коронера ожидали съ минуту на минуту, Мистеръ Гильфиль не могъ долѣе откладывать тягостнаго разговора съ сэръ-Кристоферомъ; баронетъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ узнать о новомъ несчастіи, постигшемъ его домъ; оставалось только по возможности приготовить его къ тому.

Сэръ-Кристоферъ сидѣлъ въ своей уборной; дневной свѣтъ едва пробивался сквозь темныя, опущенныя занавѣси оконъ. Мистеру Гильфилю въ первый разъ приходилось видѣть его въ это утро, и онъ былъ пораженъ, до какой степени бодрый старикъ постарѣлъ и опустился за одну ночь. Морщины на лбу и на щекахъ какъ-то глубже обозначились, цвѣтъ лица потускнѣлъ, вѣки распухли; самые глаза, недавно такъ быстро и проницательно глядѣвшія на все окружающее, теперь были безжизненны, неподвижны, какъ будто бы въ нихъ отражалось одно прошлое.

Онъ протянулъ руку Менарду, который молча пожалъ ее и молча сѣлъ подлѣ старика. Сердце сэръ-Кристофера какъ-то смягчилось отъ этого безмолвнаго сочувствія. Слезы выступили у него въ глазахъ, и готовы были покатиться по щекамъ крупными каплями. Первыя его слезы, съ тѣхъ поръ какъ онъ возмужалъ, были пролиты надъ Антони.

Менардъ чувствовалъ, что языкъ у него прилипъ къ гортани. Онъ не былъ въ силахъ самъ начать разговоръ: онъ рѣшился ждать, чтобы сэръ-Кристоферъ самъ промолвилъ что-нибудь, что̀ бы дало ему поводъ сообщитить грустную вѣсть.

Наконецъ баронетъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и проговорилъ:

— Я очень слабъ, Менардъ, да подкрѣпитъ меня Господь! Я не полагалъ, чтобы меня что-либо могло такъ сразить. Да, я всѣ свои надежды возложилъ на этого мальчика. Можетъ-быть, я виноватъ передъ сестрой; мнѣ бы слѣдовало простить ее. Она недавно схоронила одного изъ своихъ сыновей. Я былъ слишкомъ гордъ и упоренъ...

Digitized by Google

— Да, сказалъ Менардъ,—только горе можетъ насъ научить смиренію и покорности; затѣмъ можетъ-быть Богъ и ниспосылаетъ намъ такія тяжкія испытанія. Вотъ сегодня намъ новая забота...

— Тина? тревожно проговорилъ сэръ-Кристоферъ.—Неужели Тина больна?

— Я очень безпокоюсь о ней. Она вчера была страшно взволнована... а съ ея слабымъ здоровьемъ... я, право, не знаю, каковы могутъ послѣдствія такого ужаснаго потрясенія.

— Бѣдняжка!... Неужели она въ бреду?

— Одинъ Богъ вѣдаетъ что̀ съ нею. Мы не можемъ отыскать ее. Мистрисъ Шарпъ сегодня утромъ вошла въ ея комнату и нашла ее пустою. Шляпка и мантилья ея исчезли. Мы вездѣ искали ее, и въ домѣ, и въ саду, и въ паркѣ, и... въ водѣ. Никто ее не видалъ съ тѣхъ поръ какъ Марта развела у нея огонь, вчера вечеромъ, часовъ въ семь.

Пока говорилъ мистеръ Гильфиль, въ глазахъ сэръ-Кристофера, устремленныхъ на него, опять блеснуло что-то похожее на прежнюю проницательность; внезапно, какъ будто бы при новой, мучительной мысли, его взволнованное лицо еще болѣе помрачилось. Когда Гильфиль замолчалъ, онъ положилъ руку къ нему на плечо и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Менардъ, неужели бѣдняжка любила Антони?

— Да...

Менардъ остановился въ нерѣшительности; въ немъ боролось опасеніе еще больше огорчить сэръ-Кристофера съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, избавить Катерину отъ несправедливаго попрека. Глаза сэръ-Кристофера все еще вопросительно были устремлены на него, а онъ невольно потупился, стараясь найдти выраженія, которыя могли бы нѣсколько смягчить жестокую истину.

— Вы не должны несправедливо осуждать Катерину, проговорилъ онъ наконецъ.—Ради ея, я принужденъ сказать вамъ то, что̀ въ иномъ случаѣ я бы никогда не рѣшился выговорить. Капитанъ Вибрау овладѣлъ ея сердцемъ, оказывая ей вниманіе, отъ котораго ему бы слѣдовало воздерживаться. Прежде еще чѣмъ зашла рѣчь о его бракѣ съ миссъ Эшеръ, онъ увѣрялъ Катерину въ своей любви.

Сэръ-Кристоферъ выпустилъ руку Менарда и отвернулся отъ него. Онъ молчалъ нѣсколько минутъ, повидимому стараясь превозмочь свое волненіе.

— Мнѣ нужно тотчасъ же поговорить съ Генріэттой, сказалъ онъ наконецъ, и въ голосѣ его зазвучала прежняя рѣшительность: —она все должна узнать; но отъ всѣхъ другихъ мы по возможности скроемъ истину. Милый мой, продолжалъ онъ болѣе мяг-

Digitized by Google

кимъ тономъ,—на вашу долю пало самое тяжкое испытаніе. Но, можетъ-быть, мы еще найдемъ ее; мы не должны отчаиваться; мы еще не имѣли времени принять надлежащія мѣры. Бѣдное мое дитя! Прости мнѣ, Господи! Я воображалъ, что знаю и вижу все, а между тѣмъ былъ слѣпъ и глухъ.

ГЛАВА XIX.

Наконецъ тяжелая недѣля дотянулась до конца. На основаніи произведеннаго слѣдствія, присяжные коронера произнесли приговоръ: скоропостижная смерть. Докторъ Гартъ, которому извѣстно было положеніе здоровья капитана Вибрау, приписывалъ ее давней болѣзни въ сердцѣ, прибавляя однако, что, вѣроятно, ее ускорило какое-нибудь необычайное волненіе. Одной миссъ Эшеръ былъ извѣстенъ поводъ, по которому капитанъ Вибрау отправился въ Грачевню, но она ни разу не произнесла имени Катерины, и вообще отъ нея старались удалять всѣ печальныя подробности слѣдствія. Мистеръ Гильфиль же и сэръ-Кристоферъ не безъ основанія предполагали, что причиной волненія было какое-нибудь свиданіе, назначенное Катеринѣ.

Всѣ поиски по ней были напрасны, да и не мудрено; всѣ руководились предположеніемъ, что она наложила на себя руки. Никто и не замѣтилъ отсутствіе бездѣлицъ, которыя она вынула изъ своего бюро; никто и не зналъ о существованіи портрета или о томъ, что она сохранила всѣ монетки, подаренныя ей въ дни рожденія; не могло также показаться страннымъ, что въ этотъ день на ней были надѣты жемчужныя сережки.

Всѣ думали, что она ушла, ничего не взявши съ собою, и такимъ образомъ не могла уйдти далеко; къ тому же, при ея тревожномъ, напряженномъ настроеніи, всего вѣроятнѣе было, что она такъ или иначе положила конецъ своей жизни. Нѣсколько разъ обходили одни и тѣ же мѣста, мили за три или четыре вокругъ замка, осмотрѣли каждый прудъ, каждую лужу по сосѣдству.

Иногда Менарду приходило въ голову, что смерть сама настигла ее вслѣдствіе холода и изнеможенія. Каждый день онъ бродилъ по сосѣднимъ лѣсамъ, разбрасывая кучи сухихъ листьевъ, какъ бы надѣясь найдти подъ ними ея безжизненное тѣло. Потомъ имъ овладѣвала другая, страшная мысль, и онъ опять, день за днемъ, осматривалъ всѣ пустыя комнаты въ домѣ, заглядывая въ каждый чуланъ, за каждый шкапъ, мучимый страхомъ, что

Digitized by Google

онъ найдетъ ее гдѣ-нибудь съ безумiемъ во взглядѣ, открытомъ но не распознающемъ ничего.

Но наконецъ прошли эти пять безконечныхъ дней; возвращались кареты возвращались черезъ паркъ. Когда они выѣзжали изъ замка, шелъ крупный дождь; но теперь небо расчистилось и солнечный лучъ заигралъ на мокрыхъ кустарникахъ, окаймлявшихъ дорогу. Этотъ лучъ падалъ прямо на лицо всадника, медленно подвигавшагося по дорогѣ; въ немъ мистеръ Гильфиль тотчасъ же узналъ (несмотря на нѣсколько поубавившееся дородство) Даніила Нотта, бывшаго кучера, женившагося лѣтъ десять тому назадъ на краснощекой Доркасъ.

Всякое новое обстоятельство пробуждало одну и ту же мысль въ умѣ мистера Гильфиля; лишь только взглядъ его упалъ на знакомое лицо Нотта, онъ спросилъ себя: «не пріѣхалъ ли онъ сообщить что-нибудь на счетъ Катерины?» Потомъ онъ вспомнилъ, что Катерина очень любила Доркасъ, что она всегда посылала ей какой-нибудь подарокъ, съ Ноттомъ, когда ему случалось заѣхать въ замокъ. Не могло ли статься, что Тина отправилась къ Доркасъ? Но сердце опять замерло у него при мысли, что вѣроятно Ноттъ пріѣхалъ только потому, что услыхалъ о смерти капитана Вибрау и захотѣлъ узнать, какъ его старый господинъ перенесъ этотъ ударъ.

Какъ только карета доѣхала до дому, онъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ и началъ тревожно шагать взадъ и впередъ по комнатѣ, и желая сойдти внизъ поговорить съ Ноттомъ, и боясь разрушить послѣднюю, слабую свою надежду. Всякій, взглянувъ на это лицо, обыкновенно дышавшее такимъ спокойнымъ добродушіемъ, увидѣлъ бы, что послѣдняя недѣля оставила на немъ тяжелые слѣды. Днемъ онъ все ходилъ или разъѣзжалъ верхомъ, отыскивая Катерину, или распоряжаясь поисками другихъ. По ночамъ онъ не смыкалъ глазъ, развѣ лишь иногда случалось ему впасть въ легкую дремоту, въ которой ему мерещилось, что онъ нашелъ Катерину мертвую, послѣ чего онъ просыпался, вздрагивая, и намѣсто страшнаго сна встрѣчалъ ту же неотвязчивую мысль, что точно все кончено, что точно онъ больше ея не увидитъ. Его свѣтлые сѣрые глаза ввалились и потускнѣли; полныя, беззаботныя губы какъ-то напряженно сжались; лобъ, прежде гладкій и открытый, болѣзненно сморщился. Онъ лишился не только предмета недавней страсти, онъ лишился существа, съ которымъ связаны были всѣ любящія силы его души; такъ ручеекъ, у котораго мы играли, и цвѣты, которые мы собирали въ дѣтствѣ, навѣки остаются связаны въ нашей душѣ съ чувствомъ прекраснаго. Для него слово *любовь* не значило ничего иного, кромѣ любви къ Катеринѣ. Въ

Digitized by Google

продолженіи многихъ лѣтъ, мысль о ней не покидала его, проникала и озаряла для него все, какъ воздухъ и свѣтъ, а теперь, когда онъ потерялъ ее, ему казалось, что исчезла для него возможность какого бы то ни было наслажденія: небо, земля, ежедневная прогулка, ежедневный разговоръ могли остаться, а то, что̀ придавало имъ прелесть и отраду, погибло навсегда.

Но вотъ ему послышались шаги по корридору, и кто-то постучался къ нему въ дверь. Голосъ его дрожалъ, когда онъ проговорилъ: «войдите», и новая внезапная вспышка надежды почти болью отозвалась въ его сердцѣ, когда онъ увидѣлъ Уаррена, а за нимъ Данiила Нотта.

— Вотъ пришелъ Ноттъ, сэръ, съ извѣстіями о миссъ Сарти. Я разсудилъ, что лучше провести его прямо къ вамъ.

Мистеръ Гильфиль не вытерпѣлъ, чтобы не схватить руку стараго кучера и крѣпко пожать ее; но онъ не былъ въ силахъ выговорить ни слова, и только рукой указалъ ему на стулъ; между тѣмъ какъ Уарренъ молча вышелъ изъ комнаты.

Онъ впился глазами въ круглое, добродушное лицо Данiила, онъ прислушивался къ его тоненькому, пискливому голоску, съ такимъ же напряженнымъ, торжественнымъ ожиданіемъ, какъ будто бы передъ нимъ предсталъ грозный вѣстникъ изъ царства тѣней.

— Меня, сэръ, прислала Доркасъ; но мы ничего не знали о томъ, что̀ случилось въ замкѣ. Она такъ тревожится о миссъ Сарти, что сегодня упросила меня осѣдлать моего *Воробья*, бросить пашню, и поѣхать сюда доложить обо всемъ сэръ-Кристоферу да миледи. Вы, можетъ-быть, слышали, сэръ, мы уже не содержимъ трактира въ Слоппетерѣ; дядя мой умеръ года три тому назадъ и оставилъ мнѣ наслѣдство. Онъ служилъ прикащикомъ у сквайра Рембля, знаете, у котораго большія такія фермы. Мы наняли маленькую ферму, акровъ въ сорокъ или около, потому что моей Доркасъ наскучилъ трактиръ, когда пошли у насъ дѣти. Право, премилое мѣстечко, сэръ; и водопой для скота въ двухъ шагахъ.

— Ради Бога, сказалъ Менардъ,—разкажите мнѣ про миссъ Сарти; я покамѣсть не въ силахъ говорить ни о чемъ другомъ.

— Такъ вотъ же, сэръ, сказалъ Ноттъ, нѣсколько перепуганный горячностію молодаго пастора:—она пріѣхала къ намъ въ извощичьей телѣжкѣ, въ середу вечеромъ, часу уже въ десятомъ; Доркасъ выбѣжала на крыльцо, когда услышала, что телѣжка остановилась передъ нашимъ домомъ, и миссъ Сарти бросилась обнимать Доркасъ, и говоритъ: «Возьмите меня къ себѣ, Доркасъ, возьмите меня къ себѣ!» и словно въ обморокъ упала. А Доркасъ меня зоветъ, кричитъ: «Даннель!» я выбѣжалъ и внесъ

Digitized by Google

въ комнату молодую леди; черезъ нѣсколько минутъ она очнулась и раскрыла глаза, и Доркасъ дала ей выпить ложечку рому съ водой; у насъ славный ромъ, онъ остался у насъ еще отъ трактира, и Доркасъ никому не даетъ его пить. Она говоритъ, что бережетъ его про болѣзнь; а мнѣ кажется, что жаль пить хорошій ромъ, когда нѣтъ ни аппетита, ни вкуса; ужь все равно, лѣкарства глотать. Ну, Доркасъ уложила ее въ постель, и съ тѣхъ поръ она и не вставала; все лежитъ, точно одурѣлая, и не вымолвитъ слова; ничего не ѣстъ, и насилу иногда женѣ удастся уговорить ее проглотить что-нибудь. Мы не могли придумать, отчего это она ушла изъ замка, и Доркасъ уже стала бояться, что что̀-нибудь да не такъ. А сегодня утромъ она не вытерпѣла, непремѣнно захотѣла, чтобъ я отправился сюда разузнать, въ чемъ дѣло. Я проѣхалъ двадцать миль на своемъ Воробьѣ, который все думаетъ, что онъ на пашнѣ, и послѣ каждыхъ тридцати шаговъ все хочетъ завернуть назадъ, какъ будто бы онъ покончилъ борозду. Трудненько мнѣ съ нимъ приходилось, сэръ, могу сказать!

— Да наградитъ васъ Господь за то, что вы пріѣхали, Нотть! сказалъ мистеръ Гильфиль, опять пожимая руку стараго кучера.— Теперь подите внизъ, покушайте чего-нибудь, да отдохните. Вы переночуете здѣсь; скоро я приду къ вамъ разузнать, какая ближайшая дорога въ вашу ферму. Я тотчасъ же отправлюсь туда, какъ только переговорю съ сэръ-Кистоферомъ.

Часъ спустя, мистеръ Гильфиль скакалъ на доброй лошади по дорогѣ къ грязной деревенькѣ, миль около пяти за Слоппетеромъ. Опять ему показалось радостнымъ сіяніе вечерняго солнца, опять ему стало весело смотрѣть, какъ мимо него пролетаютъ деревья и кусты, чувствовать подъ собою ровный галопъ вороной Китти, и вдыхать свѣжій вѣтерокъ, прямо дующій ему въ лицо.

Катерина не умерла; онъ нашелъ ее; сила его любви и нѣжности велика; она должна возвратить ей жизнь и счастіе. Послѣ этой недѣли мрачнаго отчаянія, внезапно пробудившаяся надежда уносила его далеко за предѣлы обычныхъ мечтаній. Катерина наконецъ полюбитъ его, она будетъ его женой. Они прошли черезъ всѣ эти муки и испытанія для того только, чтобъ она могла узнать всю глубину его любви. Какъ онъ будетъ ее беречь, какъ онъ будетъ любоваться своею милою птичкой, съ ласковыми, робкими глазами, какъ онъ будетъ вслушиваться въ ея сладкія пѣсни! Она прильнетъ къ нему, ея измученное сердечко отдохнетъ у его груди. Въ любви сильнаго и вѣрнаго человѣка всегда есть оттѣнокъ любви материнской; въ душѣ его сохранился запасъ той покровительствующей нѣжности, которая нѣкогда сіяла на него изъ глазъ его матери.

Digitized by Google

Уже вечерѣло, когда онъ доѣхалъ до деревушки Калламе, и спросилъ у какого-то работника, возвращавшагося домой, дорогу къ Данiилу Нотту; ему сказали, что онъ живетъ рядомъ съ церковью, возвышавшею на небольшомъ пригоркѣ свою неуклюжую колокольню, обвитую плющомъ. Такимъ образомъ, онъ безъ труда нашелъ *красивое* жилище, о которомъ съ такимъ восторгомъ отзывался Данiилъ; изъ двери велъ скотный домъ, наполненный отличнымъ удобренiемъ и не отдѣленный отъ жилища никакими загородками; хозяинъ былъ врагъ пустыхъ и безполезныхъ украшенiй.

Лишь только мистеръ Гильфиль подошелъ къ воротамъ, какъ его завидѣлъ бѣлокурый мальчикъ, лѣтъ девяти, преждевременно облеченный въ *toga virilis*, то-есть въ толстую, суровую блузу; онъ выбѣжалъ навстрѣчу къ необычайному гостю. Вскорѣ и Доркасъ показалась у дверей; розы на ея щекахъ нисколько не поблѣднѣли отъ сравненiя съ четырьмя парами румяныхъ щечекъ, выглядывавшихъ изъ-за нея, и даже съ толстѣйшимъ малюткой, котораго она держала на рукахъ и который сосалъ корку хлѣба, прехладнокровно вытаращивъ глаза.

— Мистеръ Гильфиль, не правда ли? сказала Доркасъ, низко ему кланяясь, между тѣмъ какъ онъ осторожно пробирался по сырой соломѣ, привязавъ свою лошадь у воротъ.

— Да, Доркасъ; вы едва-едва меня узнаете. Какова миссъ Сарти?

— Все въ одномъ положенiи, сэръ; Даннелъ вамъ вѣрно разказалъ. Вѣдь вы пріѣхали изъ замка? какъ это вы успѣли такъ скоро?

— Да, онъ прибылъ въ замокъ во второмъ часу, а я отправился тотчасъ же, какъ только переговорилъ съ нимъ. Но вѣдь ей не хуже, не правда ли?

— Никакой нѣтъ перемѣны, сэръ; ни къ лучшему, ни къ худшему. Да не угодно ли вамъ будетъ войдти, сэръ? Она все лежитъ, не шевелясь, и ничего не замѣчаетъ, точно ребенокъ двухъ-недѣльный; на меня она смотритъ такими страшными глазами, какъ будто бы меня не узнаетъ. О, скажите мнѣ, мистеръ Гильфиль, что это значитъ? Какъ это она ушла изъ замка? Что дѣлаютъ сэръ-Кристоферъ и миледи?

— Они въ большомъ горѣ, Доркасъ. Капитанъ Вибрау, знаете, племянникъ сэръ-Кристофера, умеръ скоропостижно. Миссъ Сарти нашла его мертвымъ въ саду; я боюсь, что этотъ испугъ подѣйствовалъ на ея голову.

— Боже милосердый! Этотъ красивый молодой джентльменъ, про котораго всѣ говорили, что онъ будетъ наслѣдникомъ. Я его помню маленькимъ, когда онъ пріѣзжалъ погостить въ

Digitized by Google

замокъ. Да, истинное горе для баронета и миледи! А бѣдная миссъ Тина,—она нашла его мертвымъ? О, Боже мой, Боже мой!

Доркасъ между тѣмъ провела гостя въ парадную кухню, премилую комнату, какъ обыкновенно бываютъ кухни въ фермахъ, гдѣ нѣтъ особой гостиной; огонь отражался на блестящемъ ряду жестяныхъ тарелокъ и кастрюль; тщательно вылощенные столы были такъ чисты, что такъ и хотѣлось ихъ погладить; въ одномъ углу стоялъ ящикъ съ солью, въ другомъ треугольное кресло; стѣны были уставлены заготовленнымъ въ прокъ саломъ, а потолокъ украшался висѣвшими окороками.

— Садитесь, сэръ, сдѣлайте милость, сказала Доркасъ, придвигая треугольное кресло:—да извольте выкушать что-нибудь, послѣ длиннаго переѣзда. Бекки, возьмите малютку.

Бекки, толстая, краснорукая дѣвушка, вышла изъ задней кухни и принялась нянчить малютку, который, по врожденному ли хладнокровію или по избытку жира, очень спокойно согласился перейдти изъ рукъ въ руки,

— Чѣмъ же я могу попотчивать васъ, сэръ? Не угодно ли вамъ ветчины, или чаю, или, можетъ-быть, вамъ угодно будетъ выкушать стаканчикъ рому съ водой? Я знаю, что у насъ нѣтъ такихъ кушаній, къ которымъ вы привыкли, но все, что только есть въ домѣ, будетъ къ вашимъ услугамъ, и я за честь почту васъ чѣмъ-нибудь угостить.

— Благодарю васъ, Доркасъ: я не могу ни ѣсть, ни пить. Я ничуть не голоденъ и не усталъ. Поговоримъ о Тинѣ: неужели она ничего вамъ не сказала?

— Ничего, сэръ. Послѣ первыхъ словъ: «Милая Доркасъ, говоритъ, возьмите меня къ себѣ», она упала въ обморокъ и уже не открывала рта. Я иногда уговорю ее скушать какой-нибудь кусочекъ и выпить капельку, но она ни на что не обращаетъ вниманія. Иногда я къ ней приводила Бесси (тутъ Доркасъ посадила къ себѣ на колѣни кудрявую, трехлѣтнюю дѣвочку, которая давно уже вертѣла въ рукахъ уголъ передника матери, вытаращивъ глаза на гостя), думала, не займется ли она ребенкомъ, вѣдь это бываетъ съ больными. Мы набрали въ огородѣ осеннихъ крокусовъ, и Бесси натаскала ихъ къ ней на постель. Я помнила, что миссъ Тина, когда была маленькая, очень любила цвѣточки. Но она смотрѣла на Бесси и на цвѣты точно какъ будто бы она и не видала ихъ. У меня сердце разрывается, когда я посмотрю на ея глаза; они какъ будто бы стали больше, и она смотритъ точно такъ же, какъ мой бѣдный малютка, который зачахъ и умеръ прошлаго года онъ такъ исхудалъ, что ручки у него стали совсѣмъ прозрачныя. Но я надѣюсь, сэръ, что когда она васъ увидитъ, то вспомнитъ про замокъ, и, можетъ-быть, очнется немножко.

Digitized by Google

Менардъ самъ отчасти питалъ эту надежду; но слова Доркасъ опять обдали холодомъ его сердце, въ которомъ недавно пробудилось столько радости при извѣстіи, что Катерина жива. Теперь ему невольно навязывалась мысль, что не хватитъ у нея силъ и нравственныхъ и тѣлесныхъ, чтобъ оправиться послѣ страшнаго потрясенія, что нѣжная ея жизнь надломлена невозвратно.

— Подите, Доркасъ, узнайте, какова она; но не говорите ей, что я здѣсь. Можетъ-быть лучше будетъ, если я ей не покажусь до завтрашняго утра, хотя для меня очень тяжело провести еще ночь, не видавши ея.

Доркасъ поставила на полъ маленькую Бесси и вышла изъ комнаты. Остальныя три малютки, въ томъ числѣ молодой Даніилъ въ своей сермяжной блузѣ, стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мистера Гильфиля и украдкой поглядывали на него; робость ихъ еще увеличилась, когда ушла мать. Менардъ взялъ ручку Бесси и, притянувъ ее къ себѣ, усадилъ ее на колѣни. Малютка отряхнула свои свѣтлые кудряшки, взглянула ему прямо въ лицо и спросила, картавя:

— Такъ ты пріѣхалъ къ чужой леди? Ты заставишь ее говорить? Что ты съ нею сдѣлаешь? Поцѣлуешь ее?

— А ты любишь, чтобы тебя цѣловали, Бесси?

— Нѣтъ, отвѣчала Бесси рѣшительно, и наперед потупила головку, готовясь къ отчаянному сопротивленію.

— У насъ два щенка, сказалъ маленькій Даніилъ, ободренный любезнымъ обхожденіемъ гостя съ маленькою Бесси.—Показать ихъ вамъ? Одинъ съ бѣлыми пятнами.

— Какже, покажите.

Даніилъ выбѣжалъ изъ комнаты, и немного спустя, вернулся съ двумя слѣпыми щеночками, за которыми, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, прибѣжала и мать, повидимому весьма нѣжная; начиналась трогательная семейная сцена, когда Доркасъ возвратилась и сказала:

— Въ ней ровно никакой нѣтъ перемѣны. Мнѣ кажется, что намъ нечего дожидаться завтрашняго дня, сэръ. Она лежитъ тихо, какъ всегда. Я внесла двѣ свѣчи къ ней въ комнату, чтобъ она могла хорошенько разглядѣть васъ. Надѣюсь, сэръ, что вы не взыщете насчетъ помѣщенія, и зато, что я на нее надѣла мой чепчикъ.

Мистеръ Гильфиль молча кивнулъ головой, и пошелъ вслѣдъ за Доркасъ. Взобравшись на лѣстницу, она отворила первую же дверь; шаги ихъ почти не звучали по устланному полу. Пестрыя занавѣски кровати были задернуты у изголовья, и Доркасъ поставила свѣчки съ этой стороны такъ, чтобы лучи ихъ не падали въ глаза Катеринѣ. Раскрывъ дверь, Доркасъ шепнула:

Digitized by Google

— Не лучше ли, сэръ, мнѣ оставить васъ однихъ съ нею?

Мистеръ Гильфиль сдѣлалъ знакъ согласія, и приблизился къ кровати. Катерина лежала, съ глазами обращенными въ противоположную сторону, и, казалось, не замѣтила, что кто-то вошелъ въ комнату. Глаза ея, какъ говорила Доркасъ, казались еще больше прежнихъ, оттого можетъ-быть, что лицо похудѣло и поблѣднѣло, а всѣ волосы были запрятаны подъ толстый чепцомъ. Маленькія ручки, лежавшія недвижно на одѣялѣ, стали худы до прозрачности. Она казалась еще моложе чѣмъ была, и человѣкъ, взглянувшій въ первый разъ на это миніатюрное личико и эти крошечныя ручки, могъ бы подумать, что они принадлежатъ двѣнадцати-лѣтней дѣвочкѣ, близкой къ избавленію отъ будущихъ, а не прошедшихъ горестей.

Какъ мистеръ Гильфиль подошелъ и сталъ противъ нея, свѣтъ прямо падалъ ему на лицо. Легкое выраженіе испуга промелькнуло на лицѣ Катерины; она внимательно посмотрѣла на него нѣсколько минутъ, потомъ сдѣлала движеніе рукой, какъ бы для того чтобы подозвать его поближе, и прошептала:

— Менардъ!

Онъ сѣлъ на кровать и нагнулся къ ней. Она шепнула опять

— Менардъ, вы видѣли книжалъ?

Онъ послѣдовалъ первому своему движенію и отвѣчалъ ей откровенно; въ послѣдствіи онъ увидѣлъ, что хорошо сдѣлалъ.

— Да, сказалъ онъ тихо,—я нашелъ его въ вашемъ карманѣ и опять отнесъ въ галлерею.

Онъ взялъ ея ручку и молча держалъ ее, выжидая, что она скажетъ? Сердце его такъ переполнилось благодарностью за то, что она узнала его, что онъ едва могъ удержаться отъ рыданій. Мало-по-малу глаза Тины стали спокойнѣе, взглядъ ихъ сдѣлался менѣе напряженъ. Слезы медленно выступали на нихъ и наконецъ крупными каплями покатились по ея щекамъ; видно было, что онѣ облегчаютъ ея душу; за ними послѣдовали тяжелыя рыданія, и такимъ образомъ она лежала цѣлый часъ, не говоря ни слова, но чувствуя, что растаяла ледяная кора, сжимавшая ей сердце.

Какъ драгоцѣнны были эти слезы для бѣднаго Менарда, котораго такъ долго преслѣдовалъ образъ Тины, глядѣвшей на него сухимъ и жгучимъ взглядомъ сумашествія!

Мало-по-малу рыданія утихли, она стала дышать спокойнѣе, и тихо лежала, закрывъ глаза. Менардъ терпѣливо сидѣлъ подлѣ нея, не замѣчая какъ проходитъ время, не обращая вниманія на старинные часы, громко стучавшіе въ сѣняхъ. Но часу въ шестомъ Доркасъ не вытерпѣла, и вошла на цыпочкахъ, чтобъ увидѣть наконецъ дѣйствіе, произведенное появленіемъ мистера

Digitized by Google

Гильфиля. Не трогаясь съ мѣста, онъ шепнулъ ей, чтобъ она подала ему новыхъ свѣчъ, велѣла бы кому-нибудь присмотрѣть за его лошадью, а сама бы легла спать. Онъ же просидитъ ночь надъ Катериной—въ ней произошла большая перемѣна.

Немного спустя, губы Тины зашевелились:

— Менардъ! шепнула она опять; онъ нагнулся къ ней, и она продолжала:—Такъ вы знаете, какая я грѣшная, злая? Вы знаете, что я хотѣла сдѣлать этимъ кинжаломъ?

— Вы хотѣли себя убить, Тина?

Она тихо покачала головой, и потомъ молчала въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, наконецъ, взглянувъ на него какъ-то странно-торжественно, прошептала:

— Убить *его*.

— Тина, дорогая, безцѣнная моя Тина, вы бы этого не сдѣлали никогда: Господь видѣлъ всю вашу душу. Ему извѣстно, что вы неспособны добровольно причинить вредъ какому бы то ни было живому созданію. Онъ охраняетъ своихъ дѣтей и не допуститъ ихъ совершить поступокъ, противъ котораго возмутилась бы собственная ихъ душа. Въ вашемъ сердцѣ только на мгновеніе промелькнула гнѣвная мысль, и Онъ вамъ прощаетъ ее.

Она опять впала въ глубокое молчаніе, продолжавшееся почти до самой полночи. Видно было, что усталому, изнеможенному ея уму трудно было прослѣдить какую бы то ни было мысль. Наконецъ она опять заговорила шопотомъ, въ отвѣтъ на послѣднія слова Менарда:

— Да, во мнѣ такъ долго таились дурныя чувства! Я такъ сердилась, я такъ ненавидѣла миссъ Эшеръ, я и подумать не могла о чужомъ горѣ, потому что сама такъ страдала. Меня всю охватили дурныя страсти; я самое грѣшное созданіе въ мірѣ.

— Нѣтъ, Тина, многіе точно такъ же грѣшны, какъ вы. И меня часто осаждаютъ грѣшныя чувства, часто мнѣ приходитъ искушеніе дурно поступить; но я сильнѣе васъ тѣломъ, я лучше умѣю скрыть свои чувства, лучше умѣю противиться имъ. Они не берутъ верхъ надо мной. Вы видѣли маленькихъ птичекъ, когда онѣ еще очень молоды и только что начинаютъ летать: какъ всѣ ихъ перышки ощетинятся, когда онѣ разсердятся или испугаются чего-нибудь! Онѣ никакой не имѣютъ власти надъ собой, и могутъ упасть съ высоты отъ одного страха. Вы были похожи на такую птичку. Тоска и горе такъ овладѣли вами, что вы сами не знали, что дѣлали.

Ему не хотѣлось говорить долго, чтобы не утомить ея, не отяготить ея головки слишкомъ многими мыслями. Казалось, ей нужны были длинные промежутки молчанія прежде чѣмъ она могла сосредоточить свои чувства и выразить ихъ словами.

Digitized by Google

— Но если я *хотѣла* это сдѣлать, проговорила она потомъ,— не все ли это равно какъ еслибъ я уже совершила преступленіе?

— Нѣтъ, моя Тина, отвѣчалъ Менардъ тихо, съ намѣренною разстановкой,—намъ иногда хочется совершить дурное дѣло, на которое, собственно, мы вовсе не способны, точно также какъ у насъ бываютъ и хорошія намѣренія, которыя мы не въ силахъ осуществить. Мысли наши не рѣдко бываютъ хуже насъ самихъ, точно также какъ онѣ часто бываютъ и лучше насъ. А Господь видитъ насъ вполнѣ; Онъ не судитъ насъ, какъ наши ближніе по отдѣльнымъ чувствамъ и поступкамъ. Мы постоянно не справедливы другъ къ другу, постоянно ставимъ другъ друга или слишкомъ низко или слишкомъ высоко, потому именно, что видимъ и слышимъ только отдѣльныя дѣйствія и слова. Мы не можемъ окинуть взглядомъ всю душу нашего ближняго. Но Богу извѣстно, что вы неспособны совершить это преступленіе.

Катерина молча покачала головой. Минуту спустя она сказала:

— Я не знаю сама... мнѣ казалось, что я вижу его, что онъ ко мнѣ подходитъ, и... и я все-таки хотѣла его убить.

— Но когда вы увидѣли его, что̀ тогда сталось съ вами, Тина?

— Я увидѣла, что онъ лежитъ на землѣ и подумала, что съ нимъ дурно. Я сама не знаю, что̀ со мною сталось, я все забыла въ эту минуту. Я стала на колѣни подлѣ него, заговорила съ нимъ, а онъ... онъ не пошевельнулся, глаза у него были неподвижны и я стала думать, что онъ умеръ.

— И съ тѣхъ поръ не возвращался вашъ гнѣвъ?

— О нѣтъ, нѣтъ! Я сама хуже всѣхъ на свѣтѣ; я сама виновата во всемъ.

— Нѣтъ, моя Тина, вина не вся на вашей сторонѣ; *онъ* былъ виноватъ; *онъ* былъ первою причиной всему. Онъ дурно съ вами поступилъ; вслѣдствіе этого и вы стали къ нему питать дурное чувство, но вы извинительнѣе его. Я грѣшнѣе чѣмъ вы, Тина, я часто съ озлобленіемъ смотрѣлъ на капитана Вибрау, и еслибъ онъ меня такъ раздражалъ и оскорблялъ какъ васъ, я можетъ-быть сдѣлалъ бы что-нибудь хуже.

— О нѣтъ, онъ не былъ такъ виноватъ, онъ не зналъ, до какой степени мнѣ тяжело. Да могъ ли онъ меня любить какъ я его любила? И могъ ли онъ жениться на такой бѣдной дѣвочкѣ какъ я?

Менардъ на это не отвѣчалъ, и опять настало молчаніе, пока Тина не сказала:

— А къ тому же, я всѣхъ обманывала. Никто не зналъ, какая я дурная. *Padroncello* и не подозрѣвалъ ничего; онъ меня называлъ своею добренькою обезьянкой... А еслибъ онъ зналъ все, что̀ бъ онъ подумалъ обо мнѣ?

Digitized by Google

— Милая Тина, у всѣхъ насъ есть тайные грѣхи, и если мы оглянемся на нихъ, мы не станемъ жестоко осуждать ближнихъ. Самъ сэръ-Кристоферъ почувствовалъ, когда разразилось надъ нимъ это горе, что онъ былъ слишкомъ настойчивъ и упрямъ.

Такимъ образомъ, въ прерывистыхъ признаніяхъ и успокоительныхъ отвѣтахъ проходили часы, отъ темной ночи до холоднаго разсвѣта, и отъ разсвѣта до первыхъ лучей зари. Мистеру Гильфилю казалось, что въ эту долгую ночь, узы, связывавшіе его навсегда съ Катериной получили какую-то новую силу, были освящены чѣмъ-то свыше. Такъ бываетъ во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ, основанныхъ на глубокомъ, истинномъ сочувствіи: каждый новый день радости или горя становится новымъ источникомъ, новымъ освященіемъ любви, питающейся не только надеждами, но и воспоминаніями, любви, для которой постоянное повтореніе—не скука, а потребность, для которой одинокая радость равняется страданію.

Запѣли пѣтухи; заскрипѣли ворота; на дворѣ послышался какой-то топотъ, и Доркасъ стала пошевеливаться въ своей комнатѣ. Эти звуки повидимому встревожили Катерину; она съ безпокойствомъ взглянула на мистера Гильфиля, и спросила:

— Менардъ, вы уходите?

— Нѣтъ, я останусь здѣсь въ Калламѣ, пока вы не оправитесь, и тамъ мы уѣдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не возвращусь въ замокъ! Я буду жить одна и зарабатывать себѣ хлѣбъ...

— Хорошо, дорогая Тина, вы будете дѣлать то, что вамъ покажется лучше. Но покуда мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы хоть немножко заснули. Постарайтесь успокоиться, а тамъ, Богъ дастъ, вы почувствуете себя лучше, и вамъ можно будетъ посидѣть на кровати. Господь сохранилъ вашу жизнь, несмотря на все это горе; грѣшно не пользоваться Его дарами. Милая Тина, вы себя будете беречь, неправда ли? Маленькая Бесси какъ-то разъ приносила вамъ цвѣточковъ, вы тогда и не посмотрѣли на нее. Но въ другой разъ вы ее приласкаете, не такъ ли?

— Я постараюсь, смиренно прошептала Тина и закрыла глаза.

Когда солнце поднялось на горизонтѣ, разсѣивая утреннія тучи, и золотя своими лучами маленькое, рѣшетчатое окошко, Катерина уже спала крѣпкимъ сномъ. Менардъ тихо высвободилъ свою руку изъ ея руки, обрадовалъ Доркасъ добрыми вѣстями, и отправился въ сосѣднюю гостиницу, внутренно благодаря Бога за то, что Тина по крайней мѣрѣ пришла въ себя. Повидимому, появленіе его отчасти прервало цѣпь мучившихъ ее воспоминаній, и навело ее на откровенное изліяніе, которое могло

Digitized by Google

означать начало благодѣтельнаго переворота. Но тѣло ея такъ ослабѣло, душа такъ истомилась, что требовалась крайняя заботливость и осторожность. Первымъ его дѣломъ было увѣдомить обо всемъ сэръ-Кристофера и леди Чеверель; потомъ письмомъ же пригласить сюда свою сестру, которой онъ намѣревался поручить Катерину. Онъ зналъ, что ей не годится покуда возвращаться въ замокъ, даже еслибъ она могла на это охотно согласиться; тамъ каждый предметъ долженъ былъ снова растравлять душевную ея рану. Если же она останется нѣсколько времени съ его кроткою, доброю сестрой, которая живетъ такъ тихо и мирно, у которой такой миленькій, веселенькій мальчикъ, Тина, можетъ-быть, опять привяжется къ жизни, и современемъ, хоть отчасти, оправится отъ страшнаго потрясенія, пошатнувшаго ея нравственныя и тѣлесныя силы. Написавъ оба письма и на скоро позавтракавъ, онъ опять сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ Слоппетеръ, чтобы тамъ отдать ихъ на почту и сыскать доктора, которому онъ могъ бы ввѣрить нѣжное здоровье Катерины.

ГЛАВА XX

Меньше недѣли спустя, Катерину уговорили отправиться въ путь, въ удобной каретѣ, подъ покровительствомъ мистера Гильфиля и его сестры, мистрисъ Геронъ. Ласковые голубые глаза послѣдней, ея кроткія манеры, успокоительно дѣйствовали на бѣдное, измученное дитя, тѣмъ болѣе, что мистрисъ Геронъ принимала съ нею тонъ сестринскаго равенства, совершенно новый для нея. Величественныя манеры леди Чеверель, при всей ея добротѣ, всегда держали Тину въ нѣкоторомъ принужденіи, а теперь ей отрадно было имѣть подлѣ себя такую милую молодую женщину, ухаживающую за нею съ нѣжностью старшей сестры и говорящую кроткимъ и ласковымъ голосомъ.

Менардъ почти негодовалъ на себя за то, что чувствовалъ себя такъ счастливымъ покуда не миновала еще опасность, висѣвшая надъ жизнію Тины; но новое для него наслажденіе заботится о ней ежечасно, охранять ее, не разставаться съ нею по цѣлымъ днямъ, такъ поглощало его, что не оставляло мѣста для страха или сожалѣній.

На третій день, карета остановилась у воротъ фоксгомскаго пасторскаго дома; на ступеняхъ крыльца стоялъ самъ преподобный Артуръ Геронъ, обрадованный пріѣздомъ своей Люси, и держалъ за руку широкоплечаго, бѣлокураго мальчика лѣтъ пяти, который усердно пощелкивалъ своимъ крошечнымъ бичомъ.

Digitized by Google

Нигдѣ нельзя было увидѣть лужайки, болѣе гладко подкошенной, дорожекъ чище выметенныхъ, навѣса живописнѣе опутаннаго вьющимися растеніями, чѣмъ здѣсь, въ жилищѣ фоксгомскаго пастора, расположенномъ среди березъ и каштановъ, на полускатѣ горы, на которой возвышалась церковь; внизу виднѣлась деревня, разсыпанная среди полей и луговъ, съ зелеными изгородями и раскидистыми деревьями, еще избавленная отъ благодѣяній улучшенной методы хозяйства.

Весело топился каминъ въ большой гостиной, и весело свѣтился огонь въ маленькой розовой спальнѣ, назначенной для Катерины, потому что изъ оконъ этой комнаты не было видно кладбища, а передъ ними рисовался хорошенькій коттеджъ, съ ульями, собранными въ кучку, мирно пасущимися коровами, со всею веселою суетой здоровой полевой работы. Мистрисъ Геронъ, съ тонкимъ чутьемъ впечатлительной души, написала мужу, чтобъ онъ приготовилъ эту комнату для Катерины. Добродушныя пестрыя куры, терпѣливо отыскивающія себѣ зернышка хлѣба, иногда благодѣтельнѣе дѣйствуютъ на измученное сердце чѣмъ роща съ соловьями; есть что-то невыразимо успокоительное въ незатѣйливой веселости хохлатыхъ цыплятъ, избалованныхъ дворняшекъ и терпѣливыхъ рабочихъ лошадокъ, съ наслажденіемъ пьющихъ изъ какой-нибудь лужи.

Не мудрено, что мистеръ Гильфиль надѣялся, что Катерина отдохнетъ душой въ этомъ уголкѣ, исполненномъ комфорта, безъ тѣни пышности, могущей сколько-нибудь ей напомнить Чеверельскій замокъ; здѣсь она можетъ мало-по-малу стряхнуть съ себя давящій гнетъ воспоминаній и оправиться отъ слабости и изнеможенія, которыя въ ней были признаками душевнаго недуга. Слѣдующею его заботой было помѣняться на время занятіями съ куратомъ мистера Герона, чтобъ имѣть возможность остаться при Катеринѣ и слѣдить за постепеннымъ ея выздоровленіемъ. Казалось, она рада была видѣть его подлѣ себя, каждый день съ нетерпѣніемъ ждала его прихода, и хотя немного говорила съ нимъ, но чувствовала себя счастливѣе, когда онъ сидѣлъ рядомъ съ нею и держалъ ея тоненькую, слабенькую ручку въ своей мощной рукѣ. Но Освальдъ, Оззи тожь, широкоплечій мальчикъ, былъ можетъ-быть самымъ полезнымъ для нея товарищемъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми чертами лица дяди, онъ наслѣдовалъ и дядину раннюю страсть къ домашнему звѣринцу и очень настоятельно требовалъ сочувствія Тины къ своимъ морскимъ свинкамъ, бѣлкамъ и суркамъ. Были минуты, когда, играя съ нимъ, она припоминала собственное свое беззаботное дѣтство, и вообще часы, проведенные въ комнатѣ маленькаго Оззи, проходили для ней довольно скоро.

Digitized by Google

Мистрисъ Геронъ не занималась музыкой; у нея не было даже инструмента, но мистеръ Гильфиль уже позаботился о томъ, чтобы достать клавикорды; онъ поставилъ ихъ въ гостиную и распорядился, чтобъ они постоянно были открыты, надѣясь, что какъ-нибудь проснется въ Катеринѣ прежняя любовь къ музыкѣ, и невольно привлечетъ ее къ клавишамъ. Но прошла почти вся зима, и не сбылось его ожиданіе. Катерина, конечно, оправилась нѣсколько, но въ ней осталось то же томное равнодушіе ко всему окружающему; ласковая, благодарная улыбка, добродушная покорность прихотямъ Освальда, и минутное вниманіе къ тому, что происходило вокругъ нея—вотъ все, чего могли добиться отъ нея. Изрѣдка она бралась за какую-нибудь женскую работу, но слабенькіе ея пальчики почти тотчасъ же опускались сами собой и она опять впадала въ молчаливую задумчивость.

Наконецъ настала перемѣна. Былъ одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ февральскихъ дней, когда въ теплыхъ лучахъ солнца уже виденъ намекъ на приближающуюся весну. Менардъ гулялъ по саду съ нею и съ Освальдомъ и показывалъ имъ первые подснѣжники; послѣ прогулки она легла отдохнуть на диванъ. Оззи вертѣлся по комнатѣ, полусознательно отыскивая какое-нибудь запрещенное удовольствіе: случайно ему попались клавикорды, и онъ ручкой своего бича ударилъ по низкой, басовой нотѣ.

Звукъ этотъ потрясъ Катерину подобно электрическому толчку; ей казалось, что новая душа вселяется въ нее, что въ ней пробуждается новая жизнь, болѣе глубокая и полная. Она оглянулась вокругъ, встала съ дивана, и подошла къ клавикордамъ. Минуту спустя, ея пальцы пробѣгали по клавишамъ съ прежнею мягкостью и силой, ея душа потонула въ своей стихіи, гармоніи звуковъ, какъ водяная лилія, увядавшая на землѣ, опять распускается и оживаетъ, лишь только обмокнутъ ее въ родную струю.

Менардъ поблагодарилъ Господа. Въ Катеринѣ пробудилась дѣятельная сила, она должна была произвести переворотъ въ ея недугѣ.

Вскорѣ мягкія, густыя ноты голоса смѣшались съ болѣе рѣзкимъ звукомъ инструмента, и мало-по-малу пѣніе взяло верхъ надъ клавикордами. Маленькій Оззи стоялъ посереди комнаты, раскрывъ ротъ и растопыривъ ножки; на него почти навелъ ужасъ такая неожиданная способность со стороны «Тинъ-Тинъ», въ которой онъ привыкъ видѣть ничего болѣе, какъ товарища не очень даже смышленнаго, и во многихъ отношеніяхъ сильно нуждавшагося въ его совѣтахъ и опытности. Волшебница, вылетѣвшая вдругъ изъ молочнаго кувшина, не могла бы больше удивить его.

Катерина выбрала ту же самую арію изъ *Орфея*, которую она

Digitized by Google

пѣла въ послѣдній разъ, много мѣсяцевъ тому назадъ, при самомъ началѣ своего горя. То была любимая арія сэръ-Кристофера, и звуки ея какъ будто переносили Катерину въ то время, когда жизнь ея весело и беззаботно текла въ Чеверельскомъ замкѣ. Воспоминаніе о долгихъ ясныхъ дняхъ дѣтства и отрочества взяло верхъ надъ краткимъ промежуткомъ горя и вины.

Она остановилась и залилась слезами; то были первыя ея слезы съ тѣхъ поръ, какъ она поселилась въ Фоксгомѣ. Менардъ не утерпѣлъ; онъ тихо подошелъ къ ней, обнялъ ея станъ и нагнулся, чтобы поцѣловать ее въ головку; она прижалась къ нему, и обвила руками его шею.

Нѣжному, слабому цвѣточку нужна была какая-нибудь опора. Сердце, вновь проснувшееся для музыки, проснулось и для любви.

ГЛАВА XXI.

Тридцатаго мая, 1790 г., жителямъ сосѣднихъ деревень, собравшимся около фоксгомской церкви, представлялась очень красивая картина. Зеленая травка, унизанная росой, весело сверкала на солнцѣ; въ воздухѣ раздавалось чиликанье птичекъ и жужжаніе пчелъ, густолиственные каштаны, усыпанные цвѣтами, и бѣлѣющіе кусты боярышника какъ будто тѣснились вокругъ, чтобъ узнать отчего такъ радостно звонятъ церковные колокола, когда Менардъ Гильфиль съ лицомъ, сіявшимъ отъ счастія, показался у стариннаго готическаго входа, ведя подъ руку Тину. Ея личико все еще было блѣдно, на немъ лежалъ какой-то оттѣнокъ грусти, какъ у человѣка, который въ послѣдній разъ пируетъ съ друзьями, и знаетъ, что скоро ему придется распроститься съ ними. Но ея маленькая ручка такъ радостно опиралась на руку Менарда, столько робкой любви сіяло въ ея глазахъ въ отвѣтъ на его взглядъ!

За молодою не слѣдовало длинной вереницы подругъ; шла только хорошенькая мистрисъ Геронъ, опиравшаяся на руку красиваго, черноволосаго молодаго человѣка, котораго до сихъ поръ никто не видалъ въ Фоксгомѣ; подлѣ нея шелъ маленькій Оззи, обрадованный не столько новымъ бархатнымъ своимъ платьицемъ, сколько мыслію, что онъ играетъ важную роль шафера Тинъ-Тинъ.

Позади всѣхъ шла пара, на которую поселяне смотрѣли еще съ бо́льшимъ любопытствомъ чѣмъ на молодыхъ; красивый старый джентльменъ, съ быстрымъ проницательнымъ взглядомъ, на-

Digitized by Google

водившимъ невольный ужасъ на всѣхъ присутствующихъ шалуновъ, и величественная леди, въ голубыхъ съ бѣлымъ робронахъ, навѣрное походившая на самое королеву Шарлотту.

— Да, вотъ это точно картинка, говорилъ мистеръ Форъ, истый страффордширскій патріархъ, опираясь на свою палку и держа голову на бокъ, съ видомъ человѣка мало надѣющагося на новое поколѣніе, но не хотящаго однако лишить его своихъ совѣтовъ и замѣчаній. «Нынѣшняя-то молодежь, совсѣмъ уже не то... на видъ-то бойка, да прочности нѣтъ никакой; ни одинъ изъ нихъ не подержится такъ, какъ сэръ-Крис'феръ.»

— Бьюсь объ закладъ, сказалъ другой старикъ, — что этотъ молодецъ, что̀ ведетъ подъ руку жену нашего пастора, сынъ сэръ-Крис'фера; онъ на него и похожъ.

— Ну, и останетесь въ дуракахъ. У сэръ-Крис'фера никогда и не было сына. А это говорятъ, племянникъ, которому достанутся всѣ помѣстья. Кучеръ ихъ стоялъ въ гостинницѣ *Бѣлаго Коня* и сказывалъ мнѣ, что былъ другой племянникъ, да какой еще молодецъ и красавецъ! да умеръ вдругъ ни съ того ни съ сего; такъ сэръ-Крис'феръ и пріискалъ себѣ новаго наслѣдника.

У входа церкви стоялъ мистеръ Бетсъ, въ новехонькомъ кастанѣ, готовый привѣтствовать молодыхъ. Онъ нарочно пріѣхалъ изъ Чевереля, чтобы полюбоваться на счастье миссъ Тины, и былъ бы въ совершенномъ восторгѣ, еслибъ его не смущала незначительность букетовъ въ сравненіи съ тѣми, какихъ можно было бы нарвать въ чеверельскихъ садахъ.

— Да благословитъ васъ Богъ, да пошлетъ Онъ вамъ всякое счастіе, дрожащимъ голосомъ проговорилъ добрый садовникъ.

— Благодарю васъ, *дядя* Бетсъ; не забывайте Тины, сказалъ нѣжный, мягкій голосъ, въ послѣдній разъ ласкавшій слухъ мистера Бетса.

Обычное свадебное путешествіе ихъ были не продолжительно и они скоро очутились въ Шеппертонѣ, куда мистеръ Гильфилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ назначенъ викаріемъ. Получилъ онъ это скромное мѣстечко по ходатайству друга, имѣвшаго какія-то права на благодарность семейства Ольдинпортовъ: сэръ-Кристоферъ раздѣлялъ радость Менарда, что онъ могъ поселиться съ Катериной вдали отъ Чеверельскаго замка. Ея здоровье все было очень слабо, и всѣ были согласны въ томъ, что страшно было бы заставить ее возвратиться въ тѣ мѣста, гдѣ она столько страдала. Года черезъ два-три, къ тому времени когда не стало бы стараго мистера Кричлея, ректора Комбермурскаго, и Катерина по всей вѣроятности была бы счастливою матерью, Менардъ могъ бы переселиться въ Комбермуръ, и Тина не почувствовала бы ничего кромѣ радости, когда

Digitized by Google

бы увидѣла, что новая «черноглазая обезьянка», бѣгаетъ по галлереямъ и саду замка. Счастливая мать не страшится никакихъ воспоминаній,—всѣ призраки прошедшаго исчезли при первой улыбки ея малютки.

Въ этихъ надеждахъ, и въ наслажденіи робкою нѣжностью Катерины, мистеръ Гильфиль провелъ нѣсколько блаженныхъ мѣсяцевъ. Она нуждалась въ его любви, жила ею. Ея постоянно томный и утомленный видъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ ея слабаго здоровья, и когда явилась надежда, что она будетъ матерью, всѣ друзья ея порадовались и стали надѣяться всего лучшаго для нея.

Но нѣжное растеніе было слишкомъ сильно помято жизнію, и уже не имѣло силы дать распуститься новому цвѣтку.

Тина умерла, и любовь Менарда Гильфиля вмѣстѣ съ нею сошла въ могилу.

Заключеніе.

Я передалъ вамъ въ точности все, что̀ зналъ о любви мистера Гильфиля, этой любви, освѣтившей его жизнь за много, много лѣтъ до того времени, когда онъ дряхлый, сѣдой и одинокій, сидѣлъ, задумавшись у огня, въ своемъ шеппертонскомъ домикѣ. Густые темные кудри, страстная любовь, глубокое сердечное горе, какъ ни далеки они кажутся отъ рѣдкихъ бѣлыхъ волосъ, равнодушнаго довольства, безстрастнаго спокойствія старости,—все это не что иное какъ нѣсколько бодрыхъ шаговъ по одному и тому же длинному жизненному пути; такъ точно цвѣтущія италіянскія долины, сладкозвучное *addio* дѣвушекъ ихъ, все это часть того же дневнаго переѣзда, переносящаго васъ на другую сторону горы гдѣ вы очутитесь посреди мрачныхъ утесовъ и гортанныхъ голосовъ Швейцаріи. Для тѣхъ, кто только зналъ сѣдаго викарія, нетерпѣливо разъѣзжавшаго на своей старой, сивой клячѣ, трудно было бы повѣрить, что онъ же былъ тотъ самый Менардъ Гильфиль, который, съ сердцемъ, переполненнымъ нѣжностію и страстію, что есть духу скакалъ на ворономъ конѣ въ Калламъ, или, что этотъ старый острякъ, съ букомическими вкусами, съ разчетливыми привычками, извѣдалъ нѣкогда всѣ тайны преданной любви, боролся съ ея мученіями, насладился ея радостями. И въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Гильфиль тѣхъ послѣднихъ шеппертонскихъ дней былъ подверженъ многимъ странностямъ, слабостямъ, которыхъ никто бы не сталъ подозрѣвать въ простомъ, любящемъ Менардѣ. Но съ людьми случается то же, что съ деревьями: если вы отсѣчете лучшія ихъ вѣтви, куда стремится весь молодой жизненный сокъ ихъ, раны

Digitized by Google

заживутъ современемъ, но на мѣстѣ ихъ явится какой-нибудь грубый некрасивый наростъ; и то, чему слѣдовало бы быть высокимъ, вѣтвистымъ деревомъ, обратится въ уродливый, смѣшной пень. Много раздражающихъ недостатковъ, непріятныхъ странностей развиваются вслѣдствіе тяжкаго горя, сдавившаго и исказившаго природу именно въ то время, когда она распускалась во всей своей красотѣ; промахи, ошибки, которые мы такъ строго осуждаемъ, часто не что иное, какъ нетвердая поступь человѣка, который лишился лучшаго своего члена.

Итакъ, старому нашему другу, хотя онъ во многомъ походилъ на узловатый изуродованный дубъ, отъ природы было назначено быть величественнымъ деревомъ. Сердце его было здорово, умъ свѣтелъ, и въ старикѣ, который набивалъ свои карманы пряниками для дѣтей, который отдѣлывалъ своимъ колкимъ словомъ дурные поступки богача и внушалъ къ себѣ самое глубокое уваженіе своимъ прихожанамъ, можно было найдти всѣ основныя черты того благороднаго, прямаго и нѣжнаго юноши, излившаго всѣ самыя лучшія, самыя свѣжія силы своей души въ первой и единственной любви — любви къ Тинѣ.

Конецъ.

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и К°

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ПАПСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Генриха Вызинскаго. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РАЗБОРЪ КОМЕДІИ ГРАФА СОЛЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ». Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БІОГРАФЪ-ОРІЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

УЗКІЙ ПУТЬ. Романъ въ двухъ частяхъ. соч. Криницкаго. М. 1858. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Евгенія Туръ. Выпускъ I. На Рубежѣ. Выпускъ II. Ошибка. Выпускъ III. Заколдованный кругъ и Двѣ сестры. Выпускъ IV. Старушка. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. О трактатахъ. Издалъ проф. М. Капустинъ. М. 1859. Ц. 1 руб. сер.

ОБРАЗЦЫ или **МАНЕРЫ** оконныхъ рамъ, двупольныхъ и однопольныхъ дверей, растворовъ, паркетовъ, глухихъ и рѣшетчатыхъ заборовъ, воротъ, деревянныхъ зонтиковъ и колодцевъ, изданные для плотниковъ и столяровъ, полезные также для домовладѣльцевъ, при выборѣ означенныхъ предметовъ, дѣлаемыхъ безъ пособія архитектора. М. 1860. Цѣна тетради, состоящей изъ 165 рисунках, помѣщенныхъ на 12-ти листахъ, 1 р. сер.; съ пер. 1 р. 30 к. сер.

Digitized by Google

ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ къ постройкѣ фабричныхъ и жилыхъ строеній и къ составленію для нихъ проектовъ и смѣтъ. Составленное А. Р. Съ 8-ю таблицами чертежей. М. 1859. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАТОЛОГІЯ, основанная на теоріи ячеекъ (Целлулярная Патологія) Рудольфа Вирхова. Ч. I и II. М. 1859. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ОСНОВАНІЯ КЛИМАТОЛОГІИ, или популярное изложеніе научныхъ свѣдѣній, относящихся къ теченію временъ года и измѣненіямъ погоды. Соч. І. Ж. Гузо. Переводъ съ французскаго. М. 1859. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

УРОСКОПІЯ. Руководство къ изслѣдованію почечнаго отдѣленія, помощію химіи и микроскопа, въ приложеніи къ распознаванію болѣзней. Доктора С. Смирнова. М. 1853. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА для путешественника. М. 1858. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ЗА ГРАНИЦЕЮ. М. 1858. Ц. 75 коп., съ перес. 1 руб.

СОВѢТЪ МАТЕРЯМЪ. Сочин. К. Ѳ. Фонъ-Дейчь. Изд. 2-е. М. 1859. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 2 руб.

MEMENTO MORI! Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. сер.

СТИХОТВОРЕНІЯ Ѳ. Б. МИЛЛЕРА. Кн. I. М. 1860. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ КРАСОВА. Изд. П. Шейна. М. 1859. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. сер.

ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ ВАНИ, подмосковнаго мужичка. Съ 31 литогр. картинками. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПОДВИГИ ДѢТСКАГО МИЛОСЕРДІЯ. Повѣсть. Перев. съ Англ. Софьи Рединъ. М. 1859. Ц. 25 коп.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ СОЧЕЛЬНИКЪ. Повѣсть каноника Шмидта. Перев. Софьи Р. М. 1859. Ц. 25 коп.

Гг. книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ

1860

ІЮЛЬ. КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I.—ПРІОБРѢТЕНІЕ СОБСТВЕННОСТИ И ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ КНИГИ. I—V. . . . . К. П. ПОБѢДОНОСЦ
II.—ФАЛЬШИВЫЙ АККОРДЪ. Повѣсть. I—XII. ИДЫ БЕРГЕНЪ.
III.—ГОНЪ-КОНГЪ. I—III. . . . . А. В. ВЬШЕСЛАВЦЕ
IV.—УГОЛОВНОЕ ПРАВО ВО ФРАНЦІИ. (Изъ *Law Magazine and Law Review.*)
V.—ОСВОБОЖДЕНІЕ ЦАРИЦЫ ЕВДОКІИ ѲЕДОРОВНЫ. . . . . Г. В. ЕСИПОВА.
VI.—КОМЕТА. Стихотвореніе. . . . . Н. Н. СТРАХОВА.
VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (*См. на оборотѣ.*)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Любовь мистера Гильфиля. Повѣсть Джорджа Эліота. I—IV.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°.

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ

1860

ІЮЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I.—ПРІОБРѢТЕНІЕ СОБСТВЕННОСТИ И ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ КНИГИ. VI—IX (Окончаніе). К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА.

II.—СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ КОННОЗАВОДСТВА ВЪ РОССІИ. . . . . Л. ИВАНОВА.

III.—О ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. I—II. . . . . Ф. ГОЛОВАЧОВА.

IV.—ВЪ ОЖИДАНІИ ЛУЧШАГО. Романъ. Часть первая. I—III. . . . . В. КРЕСТОВСКАГО.

V.—ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ. Статья Г. Г. Льюиса.

VI.—«ЖАРКО СОХНУЩЕЙ ЗЕМЛѢ». Стихотвореніе. . . . . Вс. В. КРЕСТОВСКАГО.

VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (*См. на оборотѣ.*)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Любовь мистера Гильфиля. Повѣсть Джорджа Эліота. V—XII.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°.

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ

1860

АВГУСТЪ. КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I.—РАЗКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ. I.—III. С. М. СОЛОВЬЕВА.

II.—ВЪ ОЖИДАНІИ ЛУЧШАГО. Романъ. Часть первая. IV—VI. (Продолженіе). . . . . В. КРЕСТОВСКАГО.

III.—О ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. III—IV. (Окончаніе). . . . . Г. Ф. ГОЛОВАЧОВА.

IV.—АНГЛІЙСКІЕ СУДЫ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. I. . . . . М. И. ЗАРУДНАГО.

V.—ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ. II. Статья Г. Г. Льюса.

VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ:

«Въ тиши моей жизни ничтожной». . . . Н. Н. СТРАХОВА.

Штиль. (Изъ Гёте). . . . . Ѳ. Э. РОМЕРА.

VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (*См. на оборотѣ.*)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Любовь мистера Гильфиля. Повѣсть Джорджа Эліота. (Окончаніе.)

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°.

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ

1860

АВГУСТЪ. КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I.—О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ УСТРОЙСТВѢ ЧЕРКЕССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ, НАСЕЛЯЮЩИХЪ СѢВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГЪ ЧЕРНАГО МОРЯ. . . . . Н. КАРЛГОФА.

II.—ПИСЬМА О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ ВО ФРАНЦІИ. IX. Департаменты Марны, Верхней-Марны и Обы. (Прежняя провинція Шампань.). . . . . ЕВГЕНІЯ БОНМЕРА.

III.—ОДИНЪ ИЗЪ МАГИКОВЪ XVIII ВѢКА. . М. Н. ЛОНГИНОВА.

IV.—АНГЛІЙСКІЕ СУДЫ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. II—III. . . . . М. И. ЗАРУДНАГО.

V.—ВЪ ОЖИДАНІИ ЛУЧШАГО. Романъ. Часть вторая. I—IV. (Продолженіе). . . . . В. КРЕСТОВСКАГО

VI.—ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ. III. Статья. Г. Г. Льюиса.

VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (*См. на оборотѣ.*)

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

О податныхъ сословіяхъ и круговой порукѣ. По поводу вопроса о паспортахъ. И САЛЬНИКОВА.

Исторія русской литературы. *Лѣтописи русской литературы и древности*. А. Д. ГАЛАХОВА.

Прогулка въ Нижній-Новгородъ. III. М. СЕ—ВСКАГО.

На пути въ Италію. Н. П. ЛЫЖИНА.

Политическое обозрѣніе и замѣтки:

I. Послѣднія событія и общее положеніе дѣлъ.

II. Венгерскій вопросъ.

III. Италіянское движеніе.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1860 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К°, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ г. Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ.

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цѣна съ пересылкою во всѣ мѣста Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союза 22 талера 5 грошей 5 пфенниговъ.

Печатать позволяется.

Сентября 10-го. Цензоръ *Гиляровъ-Платоновъ*.

Цензоръ *А. Петровъ*.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

Form 410

Digitized by Google

APR 2 5 1927

CoLibrì
COVER BOOK SYSTEM

Digitized by Google

Digitized by Google